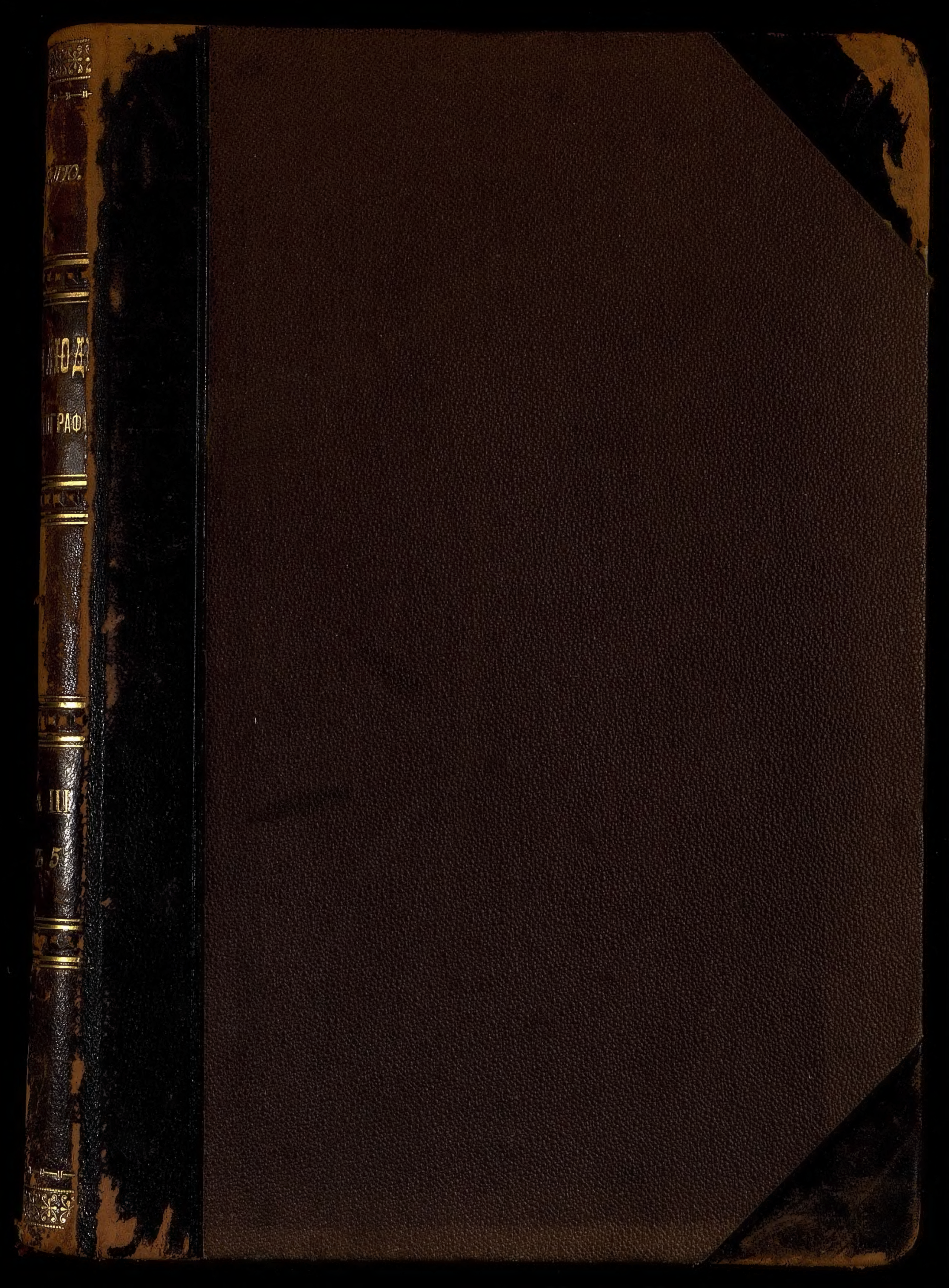
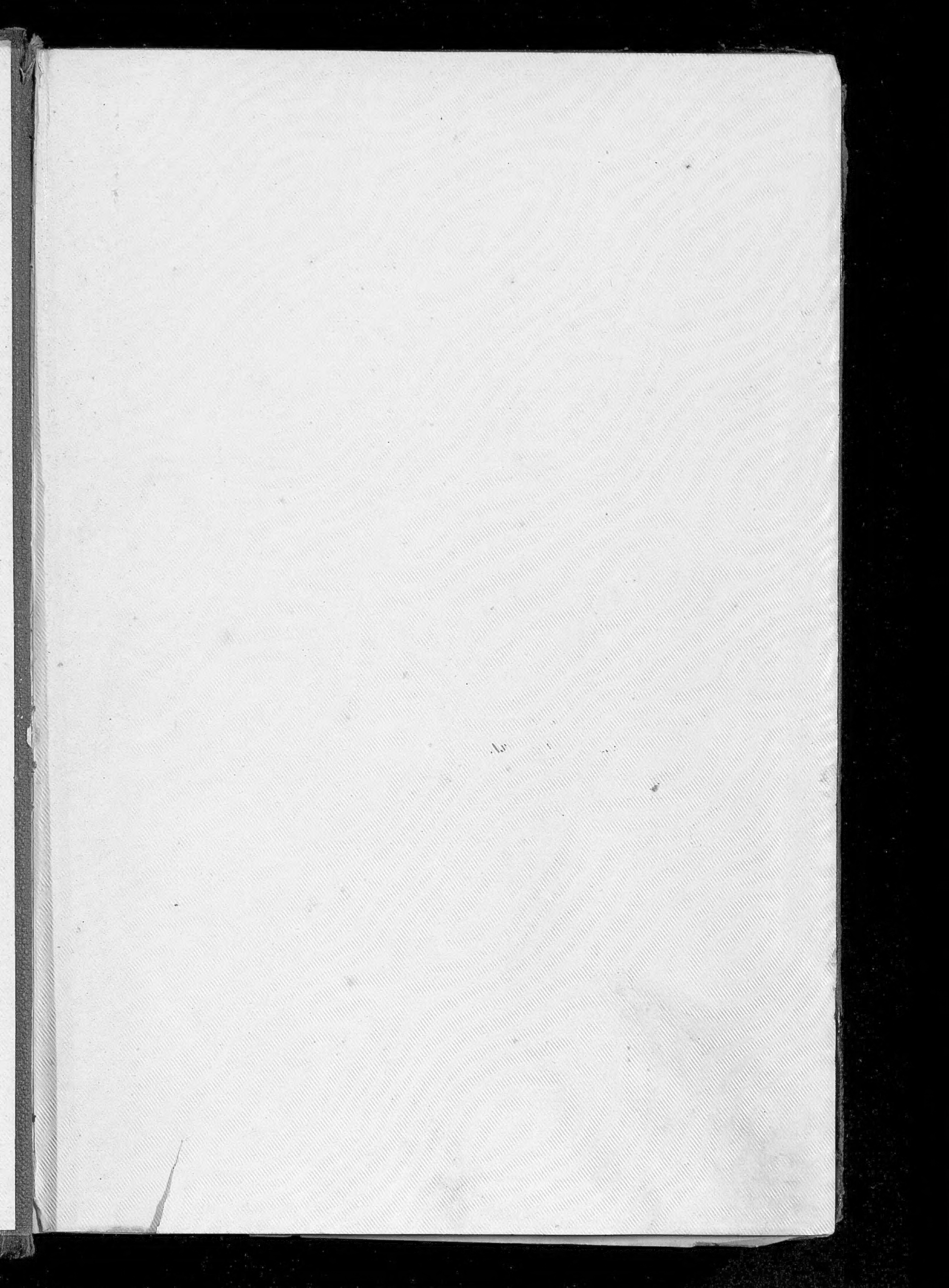




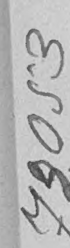
ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

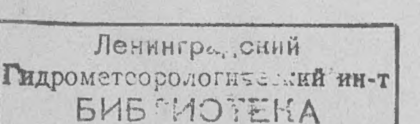
Томъ V.

Сѣверо-Атлантическій океанъ.— Бельгія.— Великое герцогство Люксембургское.— Нидерланды.— Данія.— Скандинавскій полуостровъ: Норвегія и Швеція.— Острова европейскаго Ледовитаго океана.— Европейская Россія.



Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова**,

дѣйствительнаго члена Императорскаго Географическаго Общества.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза».
Большая Подъяческая, 39.

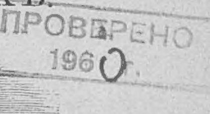
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

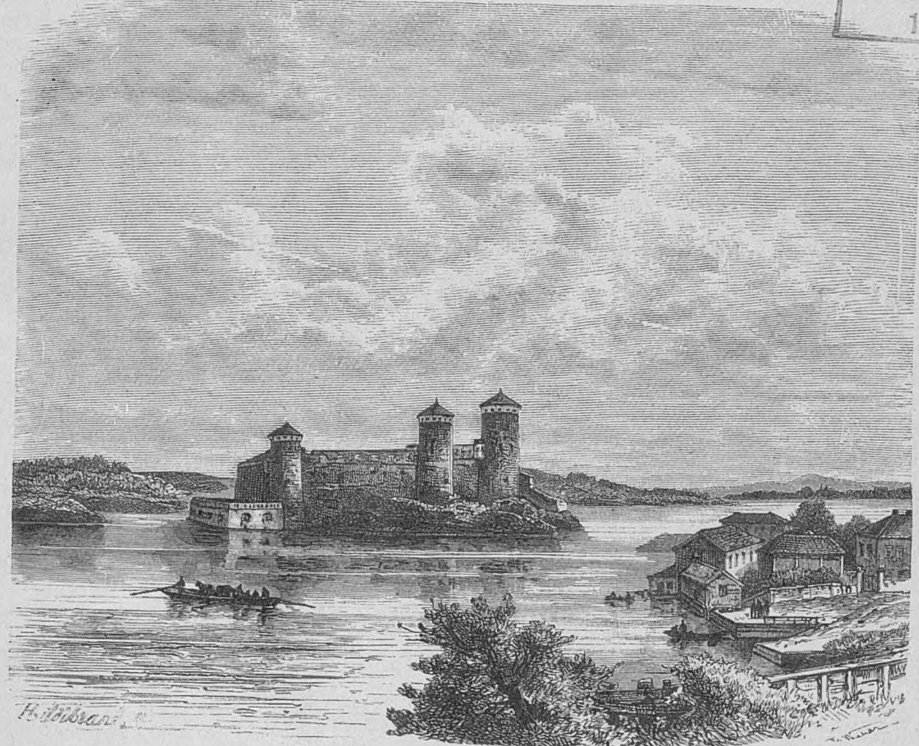
ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.





КНИГА ТРЕТЬЯ.

ТОМЪ 5.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей С. П. Зыкова,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза» и К°.

Большая Подъяческая, № 39.

1898.

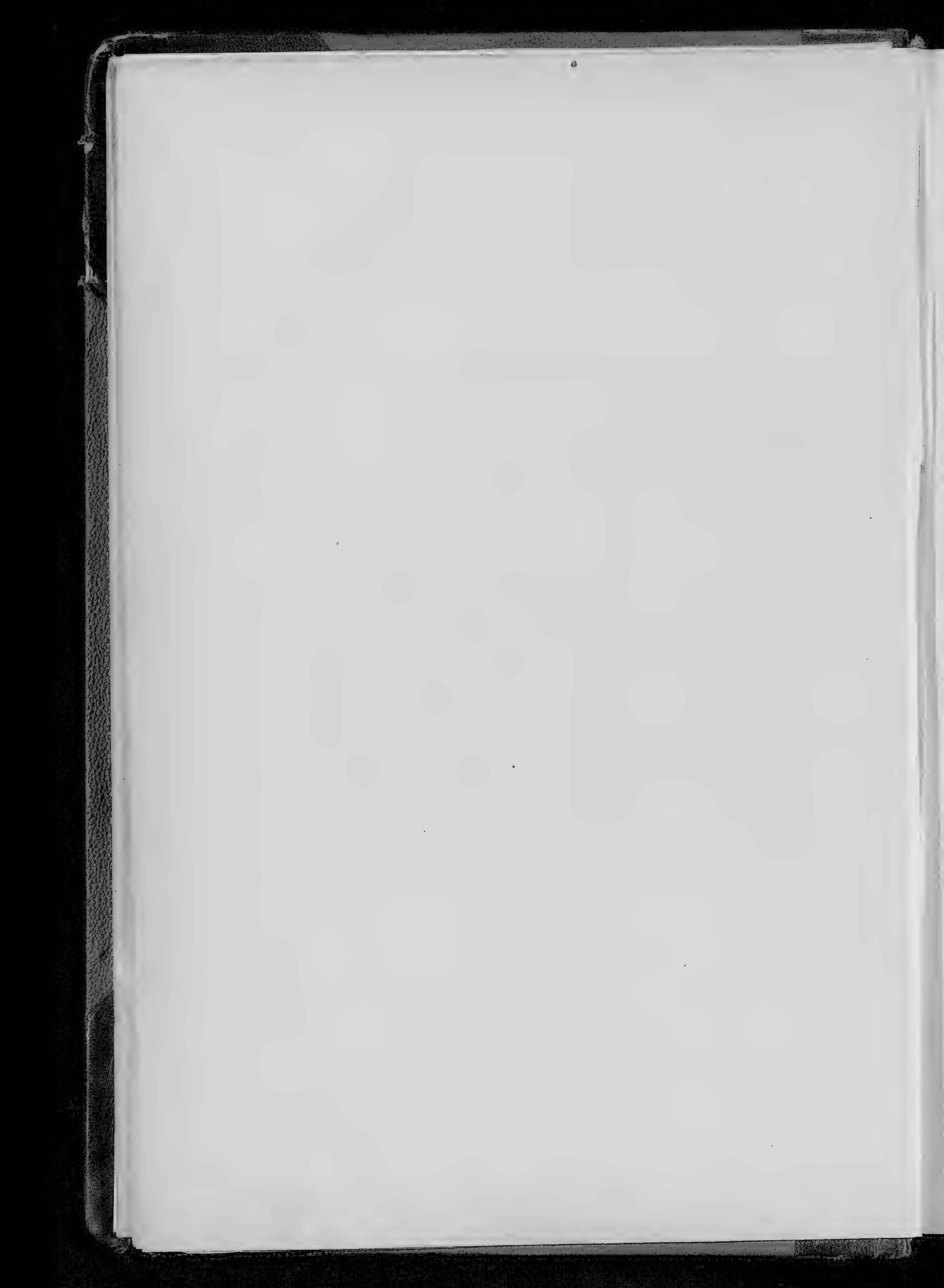
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 іюня 1898 г

Типографія Высочайше Утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяч., 39

Предисловіе къ V-му тому.

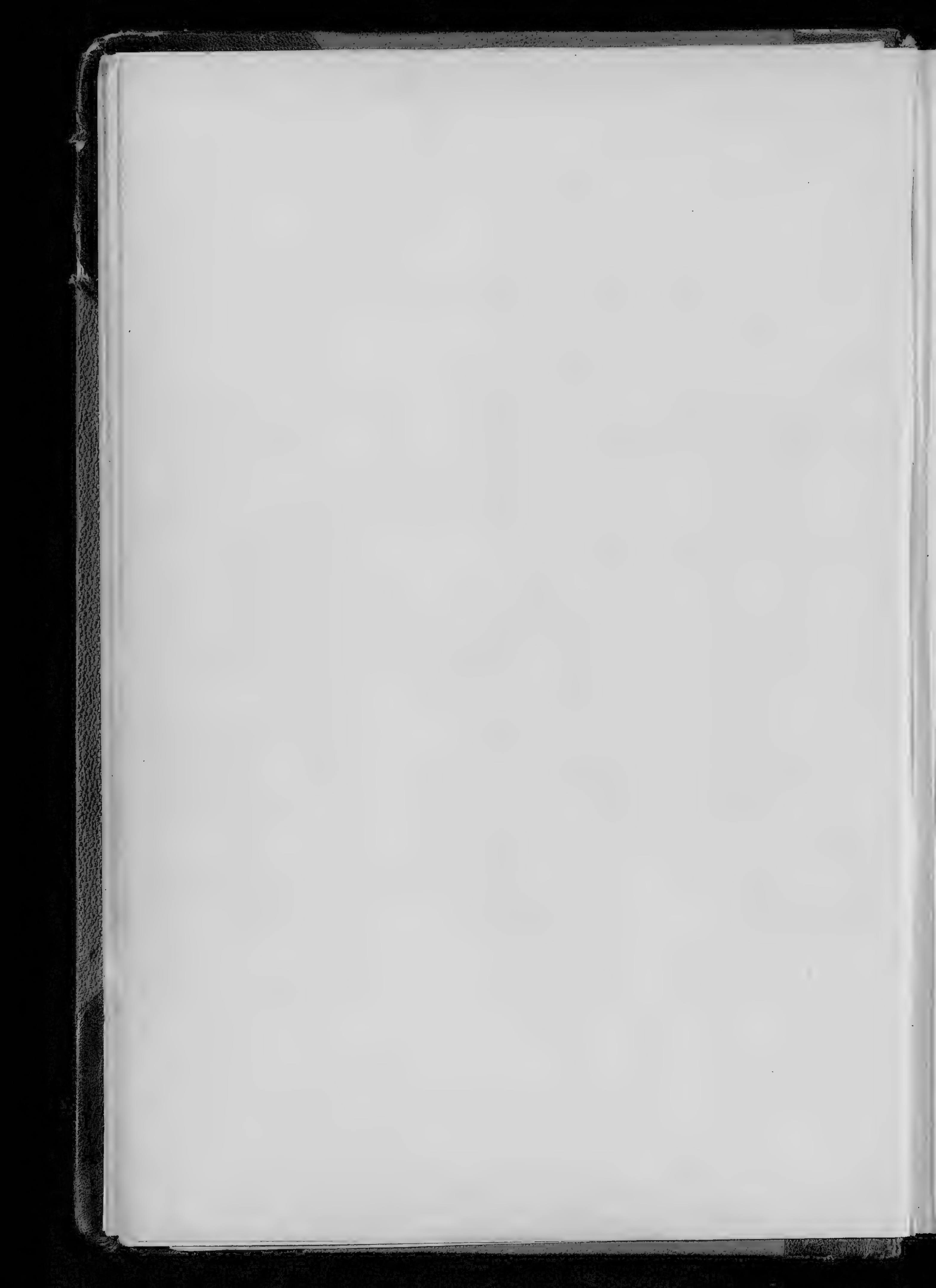
При первомъ изданіи настоящаго тома редакція не нашла возможнымъ ограничиться исключительно только буквальнымъ переводомъ оригинала. Она дала массу свѣдѣній какъ болѣе новыхъ, такъ и болѣе достовѣрныхъ по всѣмъ отраслямъ какъ географіи России, такъ и ея статистики.

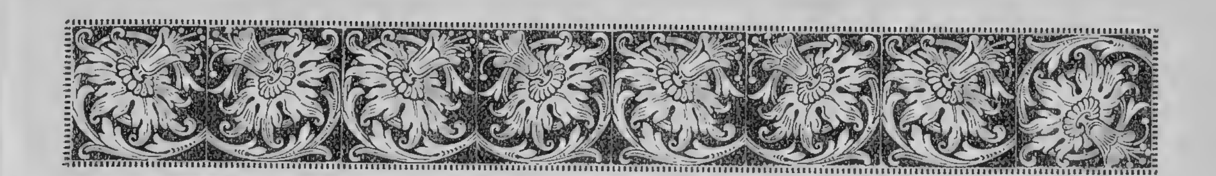
Нынѣ прошло уже слишкомъ много со времени перваго изданія какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ, а между тѣмъ новаго изданія въ Парижѣ этого тома не сдѣлано, да если бы это и было, то редакція, подобно тому, какъ она сдѣлала это при первомъ изданіи, не считала бы себя въ правѣ ограничиться только переводомъ, упустивъ изъ виду отечественные матеріалы, имѣющіе первостепенную важность и непоколебимый авторитетъ. Эти добавленія тѣмъ болѣе цѣнны, что нынѣ редакція имѣетъ возможность воспользоваться самыми новѣйшими свѣдѣніями, почерпнувъ ихъ, помимо массы разныхъ другихъ источниковъ, изъ двухъ капитальныхъ изданій, полныхъ самаго живаго научнаго интереса «Народная перепись 1897 года» и «Производительныя силы Россіи».



Оглавленіе третьей книги.

Томъ V.





Глава I

Сѣверо-Атлантическій океанъ.

I.

Воды, омывающія, на сѣверо-западѣ и сѣверѣ Европы, Нидерланды, Британскіе острова, Ферерскій архипелагъ, Исландію, Данію, Скандинавію, Шпицбергенъ, образуютъ заливы и моря мало открытые; вся эта часть Атлантическаго океана есть лишь боковой бассейнъ, второстепенная котловина, гораздо меньшая по размѣрамъ и глубинѣ, чѣмъ обширная южная Атлантика, извивающаяся между двумя континентами — Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Сѣверныя моря Европы, гдѣ, по свидѣтельству геологіи, материки неоднократно исчезали въ морскихъ пучинахъ и снова выступали изъ-подъ жидкой массы, покрываютъ пространства, которыя земля и вода постоянно оспаривали другъ у друга въ теченіе неизмѣримо-длинныхъ цикловъ жизни нашей планеты: острова, архипелаги, песчаныя мели, широкіе подводные пороги дѣлятъ бездны сѣверной Атлантики на множество второстепенныхъ бассейновъ, и, въ сосѣдствѣ съ Европой, пространства, составляющія дно Ламанша, Исландскаго канала, Сѣвернаго и Балтійскаго морей, могутъ быть разсматриваемы какъ принадлежащія геологически къ твердой землѣ: это не что иное, какъ затопленныя морскими водами равнины.

Если уже на материкахъ трудно распознавать границы естественныхъ областей, потому что переходы между смежными странами относительно рельефа почвы и климата совершаются по большей части постепенно, нечувствительно, то на океанѣ совершенно невозможно провести идеальныя линіи раздѣла. Не говоря уже о томъ, что перемѣны временъ года и чередованіе вѣтровъ происходятъ болѣе свободно на гладкой поверхности морей, самая жидкая масса постоянно перемѣщается отъ дѣйствія бурь, приливовъ и отливовъ, теченій и противутеченій, поверхностныхъ и глубокихъ, или нижнихъ; кромѣ того, между водами происходитъ непрерывный обмѣнъ температуръ и различныхъ физическихъ условій. Вслѣдствіе этого, вообще говоря, можно только приблизительно обозначить раздѣльныя пространства между океаническими областями.

Однако, подводныя изслѣдованія, произведенныя, при помощи промѣровъ морскаго дна, съ половины нынѣшняго столѣтія, дали возможность опредѣлить переходные пояса между различными бассейнами океана. Часть сѣверной Атлантики, которую можно бы было назвать Скандинаво-британскимъ океаномъ, отдѣлена отъ американскихъ водъ пучинами глубиною больше 4.000 метровъ (около четырехъ верстъ): въ этомъ мѣстѣ проходитъ ровъ или каналъ, вырытый между двумя континентальными массами. Боковая долина этой пропасти, открывающаяся напротивъ Нью-Фаундлендской мели, направляется на востокъ къ серединѣ Атлантическаго океана, навстрѣчу другому глубокому бассейну, который простирается на западъ отъ Бискайскаго залива и Пиренейскаго полуострова; между этими двумя впадинами лежитъ порогъ, соединяющій плато Азорскихъ острововъ съ подводными плоскогорьями европейскихъ морей. Въ своей совокупности Атлантика, омывающая сѣверъ Европы, имѣетъ небольшую относительно глубину, такъ что если бы морское дно поднялось на сотню метровъ, то восточные ея заливы: Балтика, Сѣверное море, каналъ св. Георгія, Ламаншъ, почти совсѣмъ исчезли бы. Кромѣ плоской возвышенности, служащей фундаментомъ для Британскихъ острововъ, въ сѣверной Атлантикѣ разсѣяны и другія подводныя плоскогорья менѣе обширныя, именно плоскогорья о. Роккаль (Rockall), Ферерскихъ острововъ, Исландіи, Янъ-Майена. Отъ Шотландіи до Гренландіи

тянется подводный перешеекъ, рельефъ котораго еще не измѣренъ вполнѣ, но который покрытъ слоемъ воды толщиною менѣе 700 метровъ даже въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, между Оркадскими островами и мелью Ферёрскихъ острововъ; между этими послѣдними островами и Исландіей порогъ лежитъ, среднимъ числомъ, на разстояніи 500 метровъ отъ поверхности моря; на основаніи одного промѣра, сдѣланнаго по срединѣ пролива, отдѣляющаго Исландію отъ Гренландіи, полагаютъ, что и эта часть порога погружена на такую же глубину, то-есть около 500 метровъ. Камни, вынутые Валличемъ [1]) со дна моря, позволяютъ думать, что перешеекъ, соединяющій Исландію съ Ферёрскими островами, вулканическаго происхожденія, и что подземныя силы содѣйствовали раздѣленію водъ сѣвернаго Атлантическаго океана на два отдѣльные бассейна. Что касается Роккальскаго подводнаго плато, то оно соединено съ Гебридскими островами порогомъ, лежащимъ на разстояніи около 1.500 метровъ отъ поверхности моря. Средняя глубина всего восточнаго бассейна, который простирается отъ Исландіи до Норвегіи и который Монъ (Mohn) предлагаетъ назвать Норвежскимъ моремъ [2]), тоже равна 1.500 метрамъ, то-есть составляетъ около трети приблизительной толщины океаническихъ водъ на земномъ шарѣ. Впрочемъ, въ центрѣ этого моря найдена глубина въ 3.405 метровъ.

Въ прежнее время многіе географы, основываясь на нѣкоторыхъ обманчивыхъ признакахъ, считали вѣроятнымъ мнѣніе, что глубина сѣвернаго Атлантическаго океана постепенно уменьшается по направленію къ полюсу; но изслѣдованія шведской полярной экспедиціи 1868 года доказали ошибочность этой предвзятой идеи. Въ разстояніи около 300 километровъ къ западу отъ Шпицбергена лотъ досталъ дно только на глубинѣ 4.836 метровъ, такъ что даже такая гора, какъ Монбланъ, будучи брошена въ эту бездну, не доставала бы своей верхушкой поверхности воды. Измѣреніе, сдѣланное далѣе на сѣверѣ, въ морѣ, носящемъ имя Парри, дало глубину 2.000 метровъ. Уже въ 1818 году знаменитый полярный мореплаватель Скоресби опускалъ лотъ между Шпицбергеномъ и Янъ-Майеномъ, и не нашелъ дна на глубинѣ 2.150 метровъ. Изъ этого видно, что со стороны сѣвера такъ же, какъ и въ южномъ направленіи, европейская Атлантика ограничена глубокими пучинами. Полярные льды, которые, въ формѣ сплошныхъ ледяныхъ пространствъ и плавающихъ горъ, проникаютъ болѣе или менѣе далеко на югъ, также составляютъ для людей Европы естественную демаркаціонную линію. Замѣчательно, что дно океана представляетъ въ своемъ рельефѣ много сходства съ очертаніями сосѣднихъ континентовъ. Если бы нынѣшній уровень моря понизился на 2.000 метр., такъ чтобы обнаружилась форма морскаго ложа, то мы увидѣли бы между Европой и Гренландіей два новые, выступившіе изъ-подъ воды, полуострова, направляющіеся къ югу, на подобіе Скандинавіи, Иберіи, Италіи, Греціи. Если бы затѣмъ исчезъ еще слой жидкой массы толщиною въ 2.000 метровъ, то на востокѣ отъ Нью-Фаудленскаго моря появился бы поверхъ волнъ обширный полуостровъ, съ многочисленными второстепенными развѣтвленіями, продолжающійся тоже по направленію къ югу; наконецъ, порогъ, раздѣляющій двѣ океаническія пучины, западную и восточную, образовалъ бы перешеекъ, соединяющій сѣверныя земли съ огромнымъ полуостровомъ, орьентированнымъ опять-таки по направленію съ сѣвера на югъ и протянувшимся до Азорскихъ острововъ или еще далѣе. По словамъ древнихъ легендъ, которыя нѣкогда собирались составителями морскихъ картъ какъ достовѣрные факты, одинъ изъ этихъ погрузившихся въ море полуострововъ, контуры которыхъ теперь можно прослѣдить только при помощи батометра, былъ еще видимъ подъ волнами, когда первые мореплаватели отважились проникнуть въ эти воды. Эта исчезнувшая земля носила даже особое названіе: она была извѣстна подъ именемъ «потопленной земли Бусса». По мнѣнію Делиля и нѣкоторыхъ географовъ прошлаго столѣтія, въ этомъ мѣстѣ находился островъ Финляндія (Finlandia), открытый въ концѣ четырнадцатаго столѣтія братьями Зено (венеціанцами) и съ той поры тщетно отыскиваемый мореплавателями.

Движенія, совершающіяся въ массѣ водъ сѣверной Атлантики, имѣютъ, какъ и движенія всѣхъ другихъ морей, сложное происхожденіе; но они отличаются своей амплитудой и разнообразіемъ своихъ уклоненій отъ нормальнаго хода. Нигдѣ эти явленія океана не изслѣдованы болѣе тщательно и подробно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ они не перепутываются такимъ страннымъ образомъ, какъ въ сѣверной Атлантикѣ. Многіе вопросы остаются еще неразъясненными въ изученіи этихъ движеній жидкой массы, ибо одного знакомства съ поверхностными теченіями моря далеко недостаточно; нужно, кромѣ того, прослѣдить мысленно всѣ скрытыя отъ взоровъ нижнія противотеченія, нужно наблюдать измѣнчивую температуру и соленость водъ по всей ихъ толщинѣ.

Благодаря его суточной періодичности, нормальный ходъ приливовъ и отливовъ въ моряхъ и заливахъ сѣверной Европы гораздо лучше извѣстенъ, чѣмъ нормальный порядокъ морскихъ теченій. Большая приливная волна, которая распространяется съ юга на сѣверъ въ

---

[1]) „North Atlantic Sea-bed“.
[2]) „Petermann's Mittheilungen“, январь 1878 г.

центральной долинѣ Атлантическаго океана, ударяясь въ одинаковый часъ о противолежащіе берега Стараго и Новаго Свѣта, дѣлится естественно на три отдѣльныя волны, когда достигнетъ перекрестка проливовъ на юго-западѣ отъ Британскихъ острововъ. Главная волна продолжаетъ направляться къ сѣверу, вдоль западныхъ береговъ Ирландіи, тогда какъ двѣ второстепенныя волны проникаютъ— одна въ проливъ св. Георгія, другая въ каналъ Ламаншъ. Но приливная волна, огибающая Ирландію на западѣ, тоже находитъ другія морскія ворота: она проникаетъ, черезъ сѣверный проливъ въ море между Англіей и Ирландіей и встрѣчается съ волной, вступающей черезъ южныя ворота. Вокругъ Великобританіи столкновеніе приливовъ происходитъ подобнымъ же образомъ: приливная волна, которая, обойдя вокругъ Шотландіи, распространяется съ сѣвера на югъ вдоль восточныхъ береговъ Англіи, сталкивается, въ сосѣдствѣ съ проливомъ Па-де-Кале, съ волною, идущею гораздо болѣе короткимъ путемъ, именно—чрезъ каналъ Ламаншъ. Впрочемъ, этотъ порядокъ встрѣчи приливныхъ волнъ постоянно видоизмѣняется, смотря по положенію луны и солнца относительно земли, силѣ и направленію вѣтровъ, безконечнымъ измѣненіямъ состоянія атмосферы; такъ что ходъ столкновенія приливныхъ волнъ можно изобразить лишь въ общихъ чертахъ— можно, такъ сказать, дать только среднюю его величину. Англійскіе гидрографы, Уэвель, Эри, Бичи, Скоттъ-Россель и другіе, начертали на морскихъ картахъ такъ называемыя «изорахическія» или «котидальныя» линіи для англійскихъ морей, то-есть кривыя, образуемыя послѣдовательно, часъ за часомъ, приливными волнами, при распространеніи ихъ вокругъ Британскихъ острововъ. Эти линіи далеко не параллельны между собою: всѣ неровности морскаго ложа и береговъ производятъ неправильности или уклоненія въ ходѣ прилива и, слѣдовательно, въ начертаніи изорахическихъ кривыхъ. Чѣмъ глубже воды, тѣмъ быстрѣе распространяется приливная волна; каждый выступъ дна, каждое съуженіе береговъ замедляетъ движеніе ея пропорціонально силѣ тренія, и такимъ образомъ можно приблизительно угадать, по разстоянію котидальныхъ линій, какъ велика толщина слоя воды на морскомъ ложѣ въ данномъ мѣстѣ. Что касается амплитуды прилива, то она бываетъ весьма различна. Въ заливахъ, куда разомъ проникаютъ двѣ, даже три приливныя волны, идущія съ разныхъ точекъ горизонта, какъ, напримѣръ, въ Бристольскомъ каналѣ, приливъ поднимается до высоты 15 и даже 18 метровъ; черезъ каждые шесть часовъ обширныя пространства морскихъ береговъ попеременно покрываются водой и снова обнажаются. Въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на юго-восточныхъ берегахъ Ирландіи или передъ англійскимъ мысомъ Портлендъ, приливъ одной волны совпадаетъ съ отливомъ другой волны, идущей въ обратномъ направленіи, вслѣдствіе чего противоположныя движенія жидкой массы нейтрализуются, волны интерферируются, и поверхность воды испытываетъ лишь незначительныя колебанія. Кромѣ того, мѣстная географія указываетъ множество кажущихся неправильностей въ поворотѣ, скорости распространенія и высотѣ прилива.

За предѣлами подводнаго плоскогорья, на которомъ стоятъ Британскіе острова, значительная глубина морей позволяетъ волнамъ распространяться съ большею скоростью, и потому изорахическія линіи, означающія ихъ поступательное движеніе изъ часа въ часъ, раздѣлены тамъ гораздо большими промежутками; но вокругъ острововъ и архипелаговъ происходятъ точно такія же явленія бифуркаціи, затѣмъ встрѣчи и пересѣченія приливныхъ волнъ. Въ этихъ мѣстахъ, то-есть вокругъ острововъ, два повышенія жидкой массы тоже соединяются, налегаютъ одно на другое, удваивая высоту приливной волны, тогда какъ въ другихъ водахъ приливъ и отливъ взаимно уничтожаются, оставляя поверхность моря всегда на одномъ и томъ же уровнѣ. Сильныя теченія проходятъ черезъ проливы, когда воды по бокамъ ихъ стоятъ на различной высотѣ, и многія морскія ущелья на Шетландскихъ, Фарёрскихъ, Лофоденскихъ островахъ опасны для рыболовныхъ судовъ, по причинѣ быстроты временныхъ рѣкъ, которыя попемѣнно несутся по той и другой сторонѣ пролива, словно черезъ огромный шлюзъ, и образуютъ страшные водовороты, ударяясь о другія теченія, съ которыми онѣ приходятъ въ равновѣсіе. Такія же явленія представляютъ приливы на берегахъ Англіи. Наука гидрографовъ только съ большимъ трудомъ успѣла распутать сѣть приливныхъ кривыхъ, взаимно пересѣкающихся по всѣмъ направленіямъ, и самые опытные моряки могутъ лишь приблизительно, въ общихъ чертахъ, узнавать въ этихъ водахъ часъ, продолжительность, направленіе и всѣ явленія прилива и отлива, которые видоизмѣняются до безконечности и нормальный ходъ которыхъ постоянно нарушается слѣдующими одинъ за другимъ вѣтрами. Мысы англійскаго Корнваллиса, Лендсэндъ (Land's End), Лизардъ, такъ же, какъ острова Сплли и островки, которые выступаютъ далеко въ море между Ламаншемъ и Бристольскимъ каналомъ, возвышаются среди водъ, постоянно волнуемыхъ приливомъ и отливомъ, равно какъ бурями и теченіями, идущими съ открытаго моря. Береговые утесы сверху постепенно разрушаются атмосферными дѣятелями, дождями, вѣтромъ, солнцемъ, снизу подтачиваются приливомъ, вслѣдствіе чего по временамъ происходятъ обвалы—громадныя ка-

менныя глыбы отрываются и образуютъ у основанія утесовъ груды страннаго вида. Изъ нѣкоторыхъ этого рода подводныхъ камней, у мыса Лендсэндъ, въ Корнваллисѣ, народное воображеніе создало «Вооруженныхъ рыцарей» (armed knights), защищающихъ континентъ: они цѣлыя столѣтія выдерживаютъ разрушительное дѣйствіе морскихъ водъ, но въ концѣ концовъ уступаютъ, въ свою очередь, и ихъ черная масса погружается въ волны океана.

Подобно приливамъ, общія теченія, пробѣгающія европейскую Атлантику, идутъ съ юга и юго-запада. Въ своей совокупности, поверхностныя воды океана, на толщинѣ нѣсколькихъ сотъ и даже тысячи слишкомъ метровъ, движутся несомнѣнно съ юго-запада на сѣверо-востокъ и съ юга на сѣверъ, отъ Бермудскихъ и Азорскихъ острововъ къ Британскимъ островамъ, къ Исландіи, Скандинавіи и архипелагу Шпицбергенъ, доказательствомъ чего служатъ растенія и сѣмена тропическаго происхожденія, переносимыя теченіемъ на берега сѣверной Европы и полярныхъ острововъ, равно какъ различные предметы человѣческаго искусства, сохранившіе еще признаки, указывающіе на мѣсто ихъ производства; но трудно сказать, въ какой мѣрѣ обширный потокъ, занимающій всю ширину сѣверной Атлантики, составляетъ продолженіе такъ называемаго гольфстрема, или «заливнаго теченія», выходящаго изъ Мексиканскаго залива черезъ Багамскій каналъ. По мнѣнію Карпентера [1]), Финдлея и другихъ физиковъ, этотъ исполинскій потокъ мы должны разсматривать, главнымъ образомъ, какъ результатъ общаго перемѣщенія теплыхъ водъ жаркаго пояса, идущаго навстрѣчу холоднымъ водамъ полярнаго моря. Это предположеніе само собой представляется уму, ибо Флоридскій проливъ слишкомъ узокъ для того, чтобы давать проходъ могучему потоку, который разстилается отъ края до края между Скандинавіей, Исландіей, Нью-Фаундленскою мелью, на пространствѣ по меньшей мѣрѣ 4 милліоновъ квадр. километровъ, и присутствіе котораго обнаружено даже на глубинѣ 1.500 метровъ подъ поверхностью моря. Разные ученые, сообразно своимъ теоріямъ, исчисляютъ количество воды, протекающей въ Багамскомъ гольфстремѣ въ секунду времени, различно—отъ 3 милліардовъ [2]) до 500.000 куб. метровъ [3]); между тѣмъ, приблизительныя измѣренія, сдѣланныя моряками, не имѣвшими въ виду поддерживать ту или другую гипотезу, указываютъ, для нормальнаго дебита, жидкую массу около 40 милліоновъ куб. метровъ, такъ что, слѣдовательно, потребовалось бы не менѣе десяти лѣтъ для того, чтобы эта соленая рѣка могла

[1]) Lecture at the Royal Institution, „Nature", 10 march 1870.
[2]) James Croll, „Philosophical Magazine", february 1870.
[3]) Findlay, „Journal of the Geographical Society", 1853.

наполнить все пространство, гдѣ нынѣ движутся теплыя воды. При томъ гидрографы, изслѣдовавшіе море вокругъ Бермудскихъ острововъ, убѣдились, что гольфстремъ дѣлится, на широтѣ Соединенныхъ Штатовъ, на множество частныхъ потоковъ, раздѣленныхъ полосами болѣе холодной воды и постепенно теряющихся въ большомъ общемъ теченіи Атлантическаго океана. Изъ этого видно, что, строго говоря, названіе «гольфстремъ» не можетъ быть употребляемо, какъ это дѣлается въ обыкновенномъ языкѣ, для обозначенія огромной поверхности теплой воды, протекающей по сѣверной части Атлантики.

Скорость этого теплаго теченія до сихъ поръ еще не опредѣлена съ точностью; это зависитъ оттого, что оно движется очень медленно, и потому его невозможно различить среди разнообразныхъ движеній жидкой массы, производимыхъ вѣтромъ на поверхности океана. Адмиралъ Ирмингеръ приписываетъ ему среднюю скорость не болѣе 5 километровъ въ сутки, тогда какъ капитанъ Отто нашелъ, для того же періода времени,—по крайней мѣрѣ на берегахъ Норвегіи,—гораздо болѣе значительную скорость, именно около 20 километровъ [1]). По Финдлею, этому теченію нужно отъ одного года до двухъ лѣтъ, чтобы пройти путь изъ Флориды въ Европу, тогда какъ по Петерману для этого достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ. И дѣйствительно, въ 1823 году, во время пребыванія генерала Сабина въ Гаммерфестѣ, тамъ были пойманы въ морѣ боченки съ пальмовымъ масломъ съ корабля, погибшаго въ предъидущемъ году у мыса Лопецъ, на берегахъ Африки, близъ экватора: эти боченки должны были менѣе чѣмъ въ годъ два раза переплыть черезъ Атлантическій океанъ. Выловленныя въ разныхъ областяхъ моря плавающія бутылки съ письмами находящихся въ опасности мореплавателей позволяютъ опредѣлить приблизительно въ шесть мѣсяцевъ время, необходимое для перемѣщенія водъ отъ одного до другаго берега сѣвернаго океана.

Но если общее теченіе европейской Атлантики невидимо мореплавателямъ по скорости движенія его водъ, то оно ясно обнаруживается своею высокою температурой: наблюденія, сдѣланныя сотнями тысячъ и прославившія между гидрографами имена Мори, Андрау, Валлича, Бухана, Ирмингера, Инглефильда, Мона, дали возможность даже составить точную карту этого теченія на каждый мѣсяцъ и начертить его измѣнчивыя границы. Лѣтомъ, когда контуры его, вслѣдствіе борьбы съ полярнымъ теченіемъ, наиболѣе неправильны, оно сильно изгибается подъ напоромъ холодныхъ водъ, выходящихъ изъ Баффинова залива; но, миновавъ эту полярную рѣку, которая на глубинѣ, въ нижнихъ

[1]) „Mittheilungen von Petermann", 1873, 1878.

слояхъ жидкой массы, продолжаетъ течь на югъ, южный потокъ опять принимаетъ свое прежнее направленіе къ сѣверо-западу, при чемъ обнаруживающія его изотермическія линіи

Скалы „Вооруженныхъ рыцарей" у мыса Лендсэндъ въ Корнваллисѣ.

не уклоняются отъ своего нормальнаго пути. Южное теченіе ударяется о западные берега Исландіи и идетъ вдоль побережья, обращеннаго на сѣверъ; но тутъ оно встрѣчаетъ второй полярный токъ, который ударяется о восточные мысы Исландіи и даже поворачиваетъ вдоль южнаго берега острова. Въ этой области океана теплыя воды, подверженныя огромному давленію, должны снова изгибаться, уклоняться отъ своего первоначальнаго направленія къ сѣверо-западу. Полярное холодное теченіе не погружается тотчасъ же подъ поверхностные слои, чтобы образовать для южныхъ водъ ложе, движущееся въ обратномъ направленіи; оно долго

борется за преобладаніе, и два теченія дѣлятся на параллельныя полосы, движущіяся одна возлѣ другой по противуположнымъ направленіямъ. По наблюденіямъ адмирала Ирмингера, все пространство моря, заключающееся между Исландіей и Шотландіей, пересѣкается этими полосами, попеременно теплыми и холодными, принадлежащими къ двумъ противуположнымъ теченіямъ. Лордъ Дюфферинъ, отправившійся въ іюнѣ 1856 года изъ Сторновая, на Гебридскихъ островахъ, въ Рейкіавикъ, въ Исландіи, измѣрялъ, во время плаванія, температуру поверхностнаго слоя воды черезъ каждые два часа, всего 90 разъ, и констатировалъ не менѣе 44 измѣненій, отъ 1 до 5 градусовъ, тогда какъ въ мѣстѣ отправленія и въ мѣстѣ назначенія термометръ, погруженный въ море, показывалъ одинаково 8°, 89 [1]). На днѣ морскомъ встрѣчаются рядомъ предметы, происходящіе съ острова Янъ-Майенъ и съ Антильскихъ острововъ. Увлекаемыя небольшими частными теченіями полярнаго происхожденія, плавающія льдины, хотя менѣе многочисленныя на югѣ отъ сплошнаго ледянаго пространства, нежели у береговъ Гренландіи, спускаются гораздо далѣе въ этихъ холодныхъ водахъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ сѣверной Атлантики. Въ 1822 г. Скоресби, плавая на востокѣ отъ Исландіи, встрѣтилъ огромное количество отдѣльныхъ льдинъ, двигавшихся въ южномъ направленіи; сэръ Джемсъ Клеркъ Россъ видѣлъ ихъ даже на юго-востокѣ отъ Ферерскихъ острововъ.

Пройдя черезъ полярное теченіе, нормальное направленіе котораго, какъ кажется, идетъ отъ острова Янъ-Майенъ къ берегамъ Фрисландіи, океаническая рѣка, называемая гольфстремомъ, продолжаетъ течь къ сѣверо-востоку, параллельно берегамъ Скандинавіи, затѣмъ она огибаетъ этотъ полуостровъ на сѣверѣ, направляясь къ Новой Землѣ. Но въ то время, какъ главная масса ея водъ слѣдуетъ вдоль континента, второстепенная вѣтвь, задерживаемая подводнымъ порогомъ, который тянется отъ Медвѣжьяго острова до архипелага Шпицбергенъ, поворачиваетъ къ сѣверу подъ 75° с. ш. и направляется,—по крайней мѣрѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ: іюля, августа и сентября, когда море свободно отъ льда,—на сѣверъ, параллельно западнымъ берегамъ Шпицбергена, потомъ, обойдя вокругъ острововъ, слѣдуетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и, наконецъ, мало-по-малу теряется въ полярномъ морѣ. Средняя температура этой вѣтви теплаго теченія 4° стоградуснаго термометра [1]).

На западѣ отъ Шпицбергена и отъ подводнаго порога, отдѣляющаго этотъ архипелагъ отъ Скандинавіи, средняя глубина океана гораздо больше, чѣмъ на востокѣ, въ моряхъ, окружающихъ Новую Землю: промѣры морскаго дна, сдѣланные д-ромъ Бессельсомъ, обнаружили незначительныя глубины между этимъ большимъ островомъ и восточнымъ Шпицбергеномъ. Причину этого контраста въ подводномъ рельефѣ, вѣроятно, слѣдуетъ искать въ борьбѣ теченій. Между тѣмъ какъ на западѣ относительно теплыя воды одерживаютъ верхъ и отклоняютъ полосы пловучаго льда къ другимъ областямъ моря, на востокѣ преобладаютъ холодные токи, движущіеся со скоростью 15 километровъ, такъ что лодка, управляемая нѣсколькими сильными гребцами, съ трудомъ можетъ держаться противъ нихъ [1]); эти теченія увлекаютъ на югъ массы ледяныхъ глыбъ съ ихъ грузомъ камней, которые лѣтомъ падаютъ на дно въ мѣстѣ прикосновенія съ южною вѣтвью атлантическихъ водъ. Обширная мель, которая тянется на сѣверо-западъ отъ Медвѣжьяго острова, есть, вѣроятно, огромная подводная морена, въ родѣ Нью-Фаундлендской мели [2]). Но за этими грудами камней полярное теченіе продолжается до болѣе теплыхъ водъ, текущихъ съ юга, и врѣзывается въ нихъ длинными косами холодной воды, въ родѣ тѣхъ, которыя мореплаватели встрѣчаютъ въ области моря, лежащей къ востоку отъ Исландіи.

Итакъ, мы видимъ, что прилегающая къ Европѣ часть Атлантическаго океана въ своей совокупности довольно точно ограничена формой морскаго ложа, общимъ движеніемъ водъ и метеорологическими условіями; по крайней мѣрѣ лѣтніе мѣсяцы европейскія моря почти цѣликомъ бываютъ заняты волной тропической Атлантики. Зимою, правда, теплое теченіе, хотя гораздо болѣе правильное въ своемъ движеніи, чѣмъ въ холодное время года, оттѣсняется далеко къ югу на всемъ протяженіи океана: на сѣверѣ отъ Янъ-Майена и Медвѣжьяго острова вода холоднѣе точки замерзанія, и почти вся поверхность моря покрыта льдами; но, тѣмъ не менѣе, средняя температура европейской Атлантики все-таки гораздо выше, чѣмъ должна бы быть по широтамъ, подъ которыми лежитъ эта область океана. Въ среднемъ выводѣ разность между наибольшею и наименьшею степенью тепла, между температурой іюля и января, составляетъ всего только 5 градусовъ. Во всемъ морскомъ бассейнѣ, заключенномъ между Шотландіей и Норвегіей, Исландіей и Шпицбергеномъ, поверхностныя воды на одинъ, два и даже три градуса теплѣе окружающаго воздуха; только въ лѣтніе мѣсяцы отношеніе это измѣняется: температура атмосферы тогда бываетъ нѣсколько выше; море освѣжаетъ климатъ, тогда какъ обыкновенно, въ другія времена года, оно дѣлаетъ его теплѣе [2]).

[1]) La Tour du Pin, „Annales hydrographiques“, 4° trimestre 1873.

[2]) Von Freeden, „Mittheilungen von Petermann“, VI, 1869.

[1]) Lamont, Masquaray, «Bulletin de la Société de Geographie», oct. 1872.

[2]) „Mittheilungen von Petermann“, IV, 1870.

[3]) H. Mohn, „Mittheilungen von Petermann“, XI, 1876.

Общее вліяніе, оказываемое большимъ южнымъ теченіемъ на климатъ всего европейскаго континента, и преимущественно на климатъ странъ, омываемыхъ его водами, такъ значительно, что безъ этого теченія Британскіе острова и Скандинавія были бы необитаемыми пустынями; подобно Лабрадору, эти земли оставались бы мѣстопребываніемъ дикихъ животныхъ, и развѣ только по берегамъ защищенныхъ бухточекъ могли бы жить какіе-нибудь маленькіе народцы; только южное теченіе, въ соединеніи съ юго-западными вѣтрами, дало возможность англійскому народу возникнуть и достигнуть той степени развитія, на которой мы его видимъ теперь; слѣдовательно, это теченіе имѣетъ капитальную важность въ современной исторіи человѣчества.

Уклоненіе изотермическихъ линій отъ нормальнаго направленія, производимое въ сѣверной Атлантикѣ воздушными и морскими токами, есть замѣчательнѣйшее явленіе этого рода, какое только было наблюдаемо на поверхности земнаго шара: значеніе географическихъ широтъ для мѣстнаго климата, повидимому, совершенно уничтожается во многихъ мѣстахъ, и средняя температура возрастаетъ не отъ сѣвера къ югу, какъ обыкновенно, а наоборотъ—отъ юга къ сѣверу. Это происходитъ оттого, что южное теченіе увлекаетъ за собой тепло тропиковъ и выдѣляетъ его въ областяхъ сѣверной Европы; такимъ образомъ, климатъ, приносимый движущеюся жидкою массою съ юга, такъ сказать, покрываетъ собою нормальный климатъ страны. Между тѣмъ какъ по срединѣ сѣверной Атлантики, подъ 50° сѣверной широты, воды океана даже въ январѣ мѣсяцѣ имѣютъ температуру свыше 12 градусовъ Ц., въ Силезіи и въ Россіи, подъ тою же широтой, термометръ иногда падаетъ до 30 и даже до 35 градусовъ ниже точки замерзанія. На западныхъ берегахъ Ирландіи, гдѣ миртъ цвѣтетъ, какъ на берегахъ Средиземнаго моря, зимняя температура выше, чѣмъ въ Неаполѣ или Аѳинахъ. Въ Великобританіи сѣверная оконечность Шотландіи, омываемая водами, идущими съ юга, пользуется въ январѣ мѣсяцѣ болѣе теплымъ воздухомъ, чѣмъ Лондонъ и другіе города южной Англіи: обыкновенные законы климата дѣйствуютъ, такъ сказать, въ обратномъ порядкѣ. Зимы Исландіи, этого «острова льдовъ», менѣе суровы, чѣмъ зимы Даніи. Наконецъ, средняя температура моря, наблюдаемая въ январѣ на станціи Фругольмъ, близъ Сѣвернаго мыса (Нордъ-Капъ) Скандинавіи, подъ широтой, гдѣ зимой солнце остается подъ горизонтомъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, равна 3,27°, то-есть на 3 градуса выше, чѣмъ въ городѣ Веве, на берегу Женевскаго озера, и на 2 градуса выше, чѣмъ въ Венеціи, на берегу Адріатики. На островѣ Треско, одномъ изъ главныхъ острововъ архипелага Силли или Сорлингенскаго, пальмы и другія тропическія растенія могутъ рости подъ открытымъ небомъ въ садахъ, хотя Азорскіе острова, лежащіе на 10 слишкомъ градусовъ по широтѣ ближе къ экватору, находятся еще внѣ географической области пальмовыхъ деревьевъ [1]). Путешественникъ, который отправился бы въ январѣ изъ Филадельфіи на Сѣверный мысъ Европы, лежащій 3.500 километрами ближе къ полюсу, оставался бы постоянно подъ одною и тою же изотермическою широтою, отъ 2 до 3 градусовъ; но если бы онъ поѣхалъ прямо на сѣверъ, въ Баффиновъ заливъ, то нашелъ бы подъ тою же параллелью, на которой лежитъ крайняя оконечность Скандинавіи, среднюю температуру — 25 градусовъ. Общее количество теплоты, выдѣляемой водами Атлантическаго океана, такъ велико, что оно даетъ всему сѣверо-западу Европы столь высокую зимнюю температуру, какой безъ него эта часть земнаго шара не имѣла бы даже въ лѣтніе мѣсяцы

Благодаря двумъ движущимся одно надъ другимъ теченіямъ: морскихъ водъ и воздушнаго океана, которыя прикасаются къ сѣверо-западнымъ берегамъ континента, эти берега являются, такъ сказать, главною лабораторіей европейскаго климата, областью, черезъ которую преимущественно вступаютъ въ нашу часть свѣта большія бури; кривая циклоновъ, начинающаяся на Антильскомъ морѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, идетъ черезъ Атлантическій океанъ поверхъ теплаго морскаго теченія и развертывается надъ Европой, проходя черезъ Британскіе острова. Нигдѣ сравнительное изученіе барометрическихъ волнъ не имѣетъ болѣе важнаго значенія, какъ на европейскихъ берегахъ сѣверной Атлантики: метеорологи должны обращать взоры преимущественно къ этой области, чтобы быть въ состояніи предсказывать вѣроятное состояніе погоды въ ближайшемъ будущемъ. Западные вѣтры, дующіе на берегахъ западной Европы въ продолженіе большей части года, служатъ источникомъ дождя для наиболѣе значительнаго пространства европейскаго континента и вызываютъ тамъ къ жизни множество рѣкъ: атмосфера водяныхъ паровъ, омывающая Европу до центра Россіи, беретъ начало и распространяется, главнымъ образомъ, съ поверхности сѣверной Атлантики. Правда, влажность воздуха постепенно уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ скопленія водъ: вдали отъ морей мы не видимъ уже густыхъ тумановъ, столь часто наблюдаемыхъ у береговъ Англіи; можетъ быть, это и были тѣ выдыханія или «легкія» моря, которыя, не будучи ни воздухомъ, ни водой, ни землей, состояли изъ смѣшенія стихій и задерживали плаваніе кораблей, какъ утверждалъ Пиѳеасъ, родившійся подъ яснымъ не-

[1]) Oscar Drude, „Mittheilungen von Petermann", 1878.

бомъ, близъ лазурныхъ водъ Средиземнаго моря. Какъ на примѣръ этой области тумановъ, можно указать на пространства моря, которыя тянутся къ сѣверу и западу отъ Исландіи. Въ 1868 году члены нѣмецкой полярной экспедиціи нашли въ этихъ сѣверныхъ водахъ туманы, продолжавшіеся, среднимъ числомъ, по восьми часовъ въ сутки и дотого густые, что съ одного конца корабля невозможно было различить другаго конца; въ продолженіе всего іюня мѣсяца они не видали ни разу синевы неба. Но зато атмосфера, окружающая эти моря, обыкновенно находится въ спокойномъ состояніи; сильныя бури тамъ рѣдки, хотя по причинѣ низкой температуры воздуха онѣ иногда кажутся болѣе сильными, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Большею частью эти бури непродолжительны и всегда смѣняются совершеннымъ штилемъ [1]).

Температура поверхностныхъ водъ океана дала возможность метеорологамъ опредѣлить съ точностью внѣшнія границы теплаго теченія, идущаго по сѣверной Атлантикѣ; точно также, посредствомъ измѣреній температуры на глубинахъ, успѣли узнать нормальную толщину этого теченія въ различныхъ моряхъ, изслѣдованныхъ научнымъ образомъ. Но эти трудныя и дорогостоющія измѣренія, понятно, могли быть сдѣланы пока только на незначительномъ протяженіи океана. Еще недавно почти всѣ наши познанія по этому предмету ограничивались результатами, полученными Уилліамъ Томсономъ и Карпентеромъ, при содѣйствіи другихъ ученыхъ, входившихъ въ составъ экспедицій, совершенныхъ въ 1868 и 1869 годахъ на корабляхъ «Lightning» и «Porcupine». Послѣ того въ тѣхъ водахъ произведены были новыя изслѣдованія, подъ руководствомъ шведскихъ и норвежскихъ ученыхъ, и метеорологъ Монъ, объѣхавшій въ 1877 году на кораблѣ «Vöringen» почти все Норвежское море, получилъ возможность составить изотермическую карту моря, на основаніи какъ собственныхъ измѣреній, такъ и изслѣдованій своихъ предшественниковъ [2]).

Такъ какъ наблюденія производились въ теплое время года, когда поверхностныя воды нагрѣваются исключительно лучами лѣтняго солнца, то температура поверхности океана, наблюдаемая до сихъ поръ учеными, всегда оказывалась высокою и уменьшалась довольно быстро въ болѣе низкихъ слояхъ, до глубины около 100 метровъ. Зимою, когда поверхность моря охлаждается, мы, разумѣется, увидѣли бы обратное явленіе: температура воды въ это время года должна возрастать до слоя нормальной теплоты, показывающаго среднюю годовую температуру и находящагося по меньшей мѣрѣ на глубинѣ около ста метровъ. На этой глубинѣ прекращаются вліянія мѣстныхъ временъ года, и лотъ или батометръ погружается въ морскія пучины, температура которыхъ не измѣняется отъ быстрыхъ перемѣнъ временъ года. Ниже этого верхняго пояса, измѣняющагося съ временами года, термометръ показываетъ постоянное уменьшеніе теплоты; послѣдовательные слои воды становятся все холоднѣе, безъ всякихъ скачковъ возврата къ теплу; самая низкая температура свойственна дну, но нигдѣ она не была найдена на точкѣ замерзанія, которая для морской воды съ среднею соленостью равна—3,67° Ц. [1]). Такимъ образомъ термометрическіе промѣры Томсона и его спутниковъ окончательно опровергли гипотезу сэра Джемса Росса, утверждавшаго, что кривая, имѣющая постоянную температуру 4° Ц.,—которая ошибочно считалась температурой точки наибольшей плотности,—занимаетъ дно океана отъ одного полюса до другаго.

Въ сѣверной Атлантикѣ, какъ и во всѣхъ другихъ моряхъ, теплота воды уменьшается отъ поверхности къ дну морскаго ложа, но уменьшается не равномѣрно: между тѣмъ какъ въ иныхъ слояхъ уменьшеніе измѣряется лишь десятыми долями градуса на цѣлыя сотни метровъ толщины, оно вдругъ достигаетъ нѣсколькихъ градусовъ въ жидкихъ массахъ, находящихся подъ этими слоями. Эти значительные скачки въ послѣдовательномъ пониженіи температуры моря можно объяснить только встрѣчей массъ воды различнаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, въ той области Атлантическаго океана, которая заключается между Ирландіей и островомъ Роккаль, вода охлаждается медленно на глубинахъ отъ 100 до 1.000 метровъ; она вся принадлежитъ къ движущейся теплой массѣ, идущей изъ тропическихъ морей. Но на глубинахъ отъ 1.000 до 1.500 и до 2.000 метровъ пониженіе температуры идетъ гораздо быстрѣе, причину чего, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ искать въ притокѣ холодной воды полярныхъ морей, медленно текущей въ обратномъ направленіи съ верхними водами, болѣе теплыми. Наконецъ, ниже 2.000 метровъ до самаго дна уменьшеніе теплоты опять совершается постепенно, посредствомъ нечувствительныхъ переходовъ. Въ самомъ глубокомъ мѣстѣ, куда ученые, принадлежавшіе къ составу экспедиціи корабля «Porcupine», опускали лотъ и термометры, на глубинѣ 4.455 метровъ они нашли температуру 1,65°; но это мѣсто лежитъ уже за предѣлами собственно такъ называемой сѣверной Атлантики, какъ разъ на западѣ отъ французской Бретани.

Изслѣдованіе температуры воды на различ-

[1]) Von Freeden, „Mittheilungen von Petermann", IV, 1869.
[2]) „Mittheilungen von Petermann", янв. 1878.

[1]) Despretz, „Recherches sur le maximum de densité des dissolutions aqueuse".

ныхъ глубинахъ моря показало, что два бассейна сѣверной части Атлантическаго океана, раздѣленные подводнымъ порогомъ, идущимъ отъ Шотландіи къ Исландіи, рѣзко различаются между собою. На западѣ отъ этого порога океанъ наполненъ до самаго дна водой, температура которой нигдѣ не понижается до нуля, тогда какъ на востокѣ теплая вода встрѣчается только на поверхности и лежитъ на слояхъ жидкой массы очень холодныхъ и менѣе соленыхъ.

Въ широкомъ проливѣ между Ферёрскими и Шетландскими островами промѣры морскаго дна ясно обнаружили существованіе на глубинѣ массы холодной воды, движущейся подъ верхними, болѣе теплыми слоями моря, и ученымъ удалось даже опредѣлить приблизительно берега этой исполинской подводной рѣки. По обѣ стороны этой области холодныхъ водъ температура моря понижается почти въ такой же пропорціи, какъ и въ сосѣднихъ мѣстахъ океана; на глубинѣ около 1.500 метровъ термометръ показываетъ еще около 5 градусовъ Цельзія, тогда какъ въ холодномъ поясѣ эта 5-ти-градусная температура встрѣчается уже на глубинѣ 350 метровъ, а на разстояніи 600 метровъ отъ поверхности термометръ падаетъ до нуля: среднимъ числомъ, разность между температурой водъ холоднаго пояса и температурой окружающихъ морей равна 7° стоградуснаго термометра. Эта движущаяся масса холодной воды, судя по ея направленію, составляетъ продолженіе полярнаго теченія, которое проходитъ на востокѣ отъ Шпицбергена и Медвѣжьяго острова, затѣмъ спускается внизъ подъ болѣе теплые слои и течетъ на глубинахъ. Дойдя до порога, соединяющаго мель Ферёрскаго архипелага съ Гебридскими островами, поясъ холодной воды вдругъ оканчивается: различныя промѣрочныя станціи, устроенныя въ этой области моря, дали результаты, не оставляющіе никакого сомнѣнія относительно прекращенія слоя студеной воды. Однако, холодное теченіе поднимается въ этомъ мѣстѣ немного выше порога, и могло бы пройти черезъ него, если бы не встрѣчало идущаго навстрѣчу тока болѣе теплой воды; не будучи въ состояніи одолѣть это препятствіе, холодныя воды принуждены течь обратно съ верхнимъ теченіемъ, которое увлекаетъ ихъ за собой, и которое онѣ, взамѣнъ того, сильно охлаждаютъ, такъ что оно превращается въ тонкій поверхностный слой [1]. Моінъ начертилъ приблизительно, — насколько это было возможно на основаніи сдѣланныхъ до сихъ поръ изслѣдованій, — контуры моря холодныхъ водъ, покрытыхъ на поверхности тонкимъ слоемъ теплой воды, текущей изъ тропическихъ областей океана. Границы этого моря, означаемыя изотермой нуля, почти совпадаютъ съ границей глубинъ отъ 500 до 700 метровъ на востокѣ отъ Ферёрскихъ острововъ и Исландіи и выступаютъ на югѣ въ видѣ длиннаго полуострова въ проливъ Lightning (названный такъ въ честь корабля того же имени), то-есть въ глубокій ровъ, отдѣляющій Ферёрскіе острова отъ Шетландскихъ. Порогъ мелей вездѣ служитъ предѣломъ контуровъ холоднаго моря.

Анализъ морскихъ солей также даетъ средство изслѣдованія, — очень деликатное, впрочемъ, — для того, чтобы слѣдить за океаническими водами въ ихъ обширныхъ круговоротахъ. При помощи этого средства физики убѣдились, что соленость собственно такъ называемой сѣверной Атлантики значительно превосходитъ среднюю соленость всего океана, и эту разницу они, естественно, приписываютъ испаренію, происходящему въ тропическихъ моряхъ на поверхности теченій, идущихъ по направленію къ сѣверу. Во всѣхъ областяхъ океана, гдѣ замѣтно движеніе тропическаго теченія, воды его всегда можно узнать по большей пропорціи солей, тогда какъ присутствіе полярнаго теченія тотчасъ же обнаруживается меньшей соленостью воды. По Форхгаммеру («Philosophical Transactions», 1865), средняя соленость океана: 33,404 на 1.000.

Средняя соленость сѣверной Атлантики:

Тропическое теченіе: между Шотландіей и Нью-Фаундлендомъ—35,946 на 1.000; между Исландіей и Лабрадоромъ—35,301 на 1.000; между Норвегіей и Шпицбергеномъ—35,347 на 1.000.

Полярно етеченіе на сѣверѣ Шпицбергена—33,623 на 1.000.

II.

Новѣйшія научныя изслѣдованія въ водахъ сѣверной Атлантики не только разрушили гипотезу сэра Джемса Росса относительно предполагаемой однообразной температуры на днѣ океана, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно опровергли теорію Эдварда Форбса (Edward Forbes), утверждавшаго, что въ глубинахъ моря не существуетъ никакой животной жизни [1]. И прежде имѣлись въ изобиліи доказательства противнаго: натуралисты и мореплаватели находили много животныхъ формъ ниже границъ, начертанныхъ для нихъ англійскимъ ученымъ; однако, свидѣтельство этихъ изслѣдованій не было принято съ должнымъ вниманіемъ: нужны были удачныя ученыя экспедиціи кораблей «Lightning» и «Porcupine», чтобы находки, сдѣланныя ранѣе въ пучинахъ моря Россомъ, Валличемъ, Сарсомъ, Флимингъ-Дженкиномъ, Мильнъ-Эдвардсомъ, были признаны окончательно пріобрѣтенными для науки фактами. Во всѣхъ своихъ станціяхъ для производства промѣровъ въ

[1] Mohn, „Mittheilungen von Petermann", I, 1878.

[1] „The Natural History of the European Seas".

окрестностяхъ острововъ Шетландскихъ, Гебридскихъ, Ферёрскихъ, Роккаль, такъ же, какъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ сѣверной Атлантики, Карпентеръ, Уивилль Томсонъ, Гуинъ Джеффризъ (Gwyn Jeffreys) нашли морское ложе покрытымъ животными организмами. Точно также въ большихъ впадинахъ окружающаго Шпицбергенъ моря Торрель открылъ огромное множество организмовъ, которые при томъ по богатству и разнообразію формъ превосходятъ морскую фауну скандинавскихъ береговъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ дно моря буквально кишитъ животными всякаго рода, представляя изъ себя, такъ сказать, нѣчто въ родѣ похлебки. Даже самое низкое мѣсто Ледовитаго океана, до котораго опускался лотъ, на глубинѣ около 5.000 метровъ, имѣетъ фауну, состоящую изъ многочисленныхъ видовъ животныхъ. Эти изслѣдованія морскаго ложа мало увеличили число рыбъ, извѣстныхъ естествоиспытателямъ; но зато музеи обогатились многими новыми иглокожими, между которыми встрѣчаются чрезвычайно любопытные и очень красивые экземпляры. Одинъ Томсонъ описалъ 250 видовъ моллюсковъ, доселѣ неизвѣстныхъ. Что же касается границъ морской флоры, то онѣ остались тѣ же, какими были извѣстны и ранѣе: ниже 100 метровъ отъ поверхности океана водоросли становятся рѣдки, а на глубинѣ 350 метровъ онѣ исчезаютъ совершенно [1]).

Богатство фауны въ сѣверныхъ моряхъ Европы тѣмъ значительнѣе, что воды ихъ притекаютъ изъ областей, отличныхъ по климату. Между тѣмъ какъ теплое теченіе, составляющее верхніе слои, приноситъ съ собою южныхъ животныхъ, противуположное ему полярное теченіе увлекаетъ рыбъ и другихъ живыхъ существъ сѣвернаго происхожденія; такъ, напримѣръ, въ «холодномъ поясѣ» канала Ферёрскихъ острововъ почти всѣ иглокожія принадлежатъ къ тѣмъ же видамъ, какъ и животныя этого рода, свойственныя водамъ Скандинавіи и Гренландіи [2]). Но хотя европейскія моря гораздо лучше изучены, чѣмъ моря другихъ частей свѣта, каждое изслѣдованіе приводитъ еще къ открытію новыхъ организмовъ, прежде неизвѣстныхъ наукѣ.

О богатствѣ органическаго міра въ сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ можно составить понятіе по геологическимъ формаціямъ, которыя непрерывно образуются на днѣ моря, благодаря могучему развитію этой животной жизни. Въ морской области, которая простирается между Норвегіей, Исландіей и Ферёрскими островами, дно моря, на глубинѣ 2.000 метровъ и болѣе, вездѣ покрыто сѣроватою известковою глиной, состоящею, главнымъ образомъ, изъ остатковъ одного вида фораминиферъ, называемаго натуралистами biloculina. Этотъ организмъ играетъ въ Норвежскомъ морѣ такую же роль, какъ видъ globigerina въ водахъ Гренландіи; онъ также образуетъ мѣловые пласты, даже быстрѣе, чѣмъ многодырочникъ западныхъ морей: глина, вынутая со дна, скоро превращается въ твердый камень [1]). Изучая эти новыя формаціи, постоянно отлагающіяся на днѣ Атлантическаго океана, Томсонъ и Карпентеръ уподобили ихъ мѣлу и даже высказали гипотезу, что такъ называемый мѣловой періодъ продолжался безъ перерыва и продолжается до настоящаго времени на днѣ сѣверныхъ морей. Въ самомъ дѣлѣ, мѣлъ, образующійся нынѣ въ этихъ водахъ, до такой степени похожъ на мѣлъ береговыхъ утесовъ Англіи, что самому искусному микрографу не всегда легко различить ихъ; онъ содержитъ также большое число формъ, тождественныхъ ископаемымъ древняго мѣла (19 фораминиферъ на 110, по Руперту Джонсу), и различные виды представляютъ одинъ и тотъ же типъ: они, какъ кажется, мало-по-малу видоизмѣнялись въ теченіе вѣковъ. Химическіе анализы Форхгаммера, подтвержденные впослѣдствіи англійскими изслѣдователями, доказали, что самая богатая известковыми веществами часть океана есть именно область сѣверной Атлантики, заключающаяся между Ирландіей и Нью-Фаундлендомъ: мискроскопическія животныя находятъ тамъ въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ элементы, которые они переработываютъ въ слои скалы, гдѣ иногда оказывается до 60.000 известковыхъ оболочекъ на каждый квадр. сантиметръ [2]). Въ нѣкоторыхъ заливахъ Атлантическаго океана, какъ, напримѣръ, въ Каттегатѣ и Балтійскомъ морѣ, пропорція извести еще значительнѣе. Разрушеніе береговыхъ утесовъ постоянно доставляетъ морю матеріалъ для образованія новыхъ формацій. По Форхгаммеру («Philosophical Transactions», за 1865 г.), содержаніе извести въ морской водѣ представляетъ слѣдующія числа:

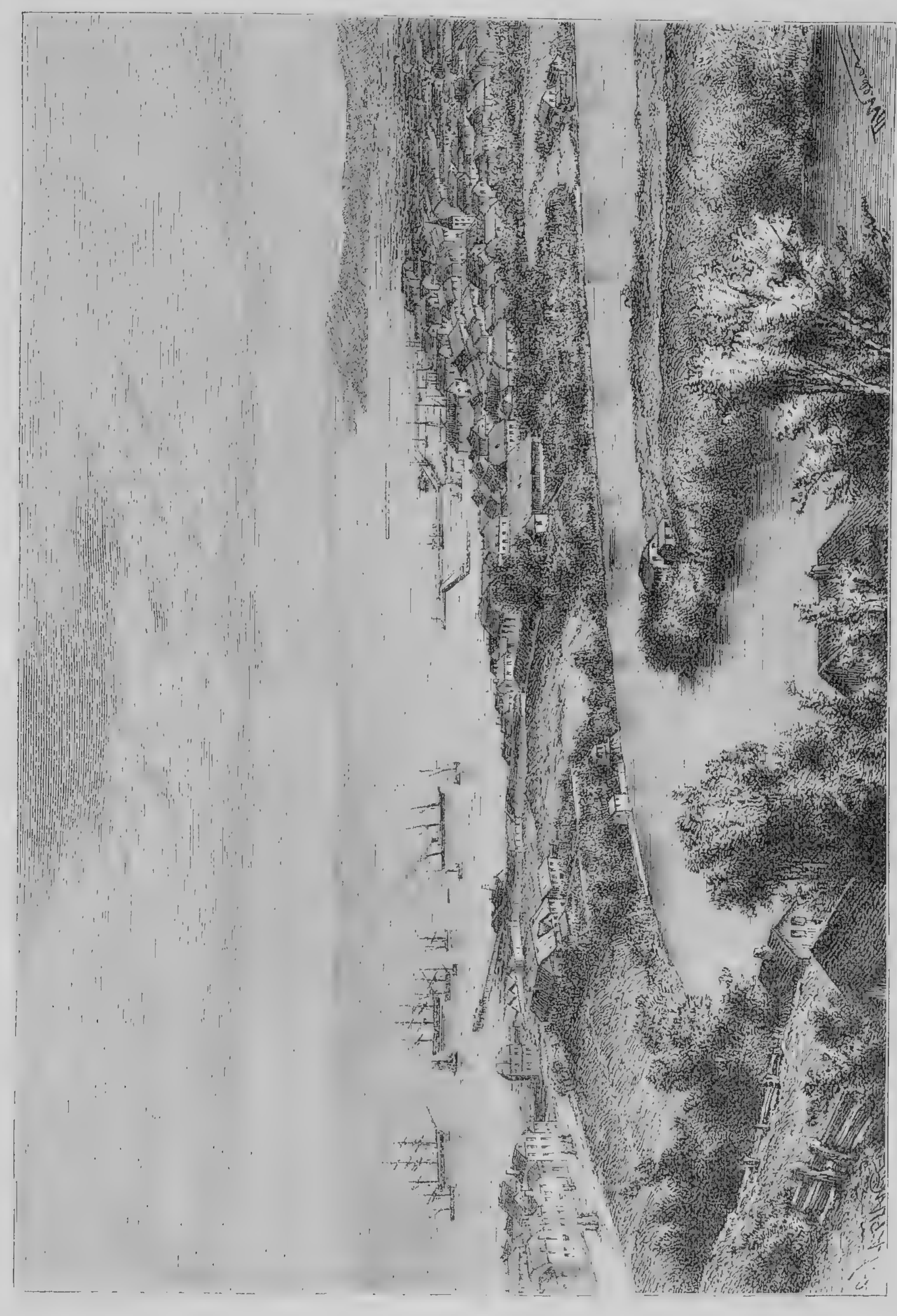
Средній процентъ для всего океана—2,96 на 1.000; въ сѣверной Атлантикѣ между 30° и 53° широты—3,07 на 1.000: въ Каттегатѣ—3,29 на 1.000, въ Балтійскомъ морѣ—3,59 на 1.000.

Въ теченіе послѣднихъ десяти столѣтій дѣятельность человѣка могла до нѣкоторой степени видоизмѣнить морскую фауну сѣверной Атлантики. Сначала бискайскіе рыболовы истребили видъ кита, посѣщавшій ихъ воды. Впослѣдствіи настоящій китъ, котораго встрѣчали противъ европейскихъ береговъ во всѣхъ моряхъ сѣвера, былъ безпощадно преслѣдуемъ

[1]) Wyville Thomson, „Depths of the sea", p. 45.
[2]) Wyville Thomson, „Depthe of the sea", p. 43.

[1]) Sars,—Broch, „Bulletin de la Société de Géographie", mais 1877.
[2]) Mantell,—Wyville Thompson, „Depths of the sea" p. 477.

басками и другими моряками; съ начала восемнадцатаго столѣтія китопромышленники, гоняясь за своею добычей, принуждены были забираться все далѣе и далѣе по окраинѣ пло-



Видъ Дронтгейма въ Норвегіи.

вучихъ льдовъ полярнаго океана; плавая по морямъ, куда удалился этотъ великанъ животнаго царства, Скоресби собралъ богатый запасъ наблюденій, благодаря которому книга его («An account of the Arctic Regions», 1820 г.) представляетъ одно изъ самыхъ полезныхъ пособій при изученіи Ледовитаго моря. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ежегодно убивали, среднимъ числомъ, тысячу слишкомъ китовъ въ моряхъ, окружающихъ Шпицбергенъ; въ 1814 году въ этихъ водахъ было поймано 1.437 китовъ; но съ той поры исполинское животное съ каждымъ годомъ встрѣчалось все рѣже и рѣже, а въ 1840 году оно исчезло совершенно.

Чтобы настичь свою добычу, китоловы должны теперь подвергаться такимъ же опасностямъ, какъ и изслѣдователи полярныхъ путей. Въ настоящее время ловля кита почти оставлена въ сѣверной Атлантикѣ. Китопромышленники не ищутъ уже этихъ гигантовъ моря; что же касается громадныхъ роркваловъ (гренландскій китъ), то количество получаемаго отъ нихъ жира не настолько значительно, чтобы ловля ихъ могла быть выгодна; до сихъ поръ ихъ употребляли только для фабрикаціи гуано, или удобренія. Моржъ, нѣкогда столь обыкновенный, что норманны, не покидая водъ Скандинавіи, находили, чѣмъ платить свою «лепту св. Петра», въ видѣ клыковъ этого животнаго, замѣнявшихъ слоновую кость, въ наши дни встрѣчается только въ полярныхъ моряхъ. Прежде число моржей, населявшихъ островъ Магдалины, доходило, по приблизительному исчисленію, до 70.000 или 80.000 головъ, теперь же они тамъ такъ малочисленны, что не стоитъ труда охотиться за ними; но китоловныя суда все-еще преслѣдуютъ черную морскую свинью (delphinus globiceps, Grindehval), и моряки съ Ферёрскихъ острововъ одни убиваютъ ежегодно болѣе 1.200 экземпляровъ этого морскаго млекопитающаго, принадлежащаго къ семейству плотоядныхъ китовъ [1]).

Рыболовы охотятся также за гакаломъ (scimmus borealis; haakjäring, hakal), большой акулой, которая плаваетъ одиноко въ глубинахъ сѣвернаго океана и которую они убиваютъ ради ея печени; на однихъ только берегахъ Исландіи ежегодно убивается около 23.000 акулъ этого вида. Особенно значительна охота на тюленей, которые, въ числѣ пяти видовъ, населяютъ берега Исландіи, Янъ-Майена, Шпицбергена и, кромѣ того, иногда попадаются въ полярныхъ моряхъ, унесенные на пловучихъ льдахъ, гонимыхъ вѣтрами и теченіями. Количество тюленей, ежегодно убиваемыхъ на водахъ, простирающихся отъ Скандинавіи до Гренландіи, исчисляется приблизительно въ тысячу штукъ [2]). Современная промышленность, постоянно расширяющая размѣры своего производства, требуетъ все большій и большій запасъ жировъ и шкуръ, и потому морскіе рыболовы продолжаютъ свою кровавую охоту за китообразными и ластоногими съ возрастающимъ ожесточеніемъ. Но такъ какъ въ природѣ все связано одно съ другимъ, и совокупность организмовъ образуетъ безконечную цѣпь, отъ чудовищныхъ китообразныхъ до незамѣтныхъ для простаго глаза многодырочниковъ, то понятно, что всякое нарушеніе прежняго равновѣсія въ одной изъ частей морской фауны должно произвести общее перемѣщеніе во всѣхъ другихъ частяхъ этого живаго міра до самыхъ элементарныхъ, имѣющихъ простѣйшую организацію, существъ.

Что касается морскихъ рыбъ, которыя преслѣдуются рыболовами въ сосѣдствѣ береговъ и на меляхъ, то имъ, кажется, до сихъ поръ еще не грозитъ опасность быть истребленными человѣкомъ: такъ громадна масса ихъ яицъ или икры; при томъ, количество рыбы, умерщвляемой моряками, ничтожно въ сравненіи съ страшнымъ побоищемъ, которое происходитъ въ нѣдрахъ моря между враждебными видами. Извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ треска для питанія человѣка; однако, нѣтъ причины опасаться, что рыболовы береговъ Исландіи, о. Роккаль, Ферёрскихъ острововъ и Доггербанка, въ Сѣверномъ морѣ, а также двадцать тысячъ норвежцевъ и лапландцевъ, преслѣдующіе ее вокругъ Лофоденскихъ острововъ, уменьшатъ породу этой рыбы: она только не всегда появляется стаями въ однѣхъ и тѣхъ же водахъ, и потому недавно, до проведенія электрическихъ телеграфовъ, моряки часто теряли на поиски ея многіе дни и даже недѣли. Между тѣмъ какъ большинство рыбъ между прочимъ, лосось, осетръ, корюшка (Salmo eperlanus), покидаютъ глубины моря и отправляются класть яйца въ рѣки и вдоль морскихъ береговъ, треска, какъ это открылъ Сарсъ, знаменитый норвежскій натуралистъ, мечетъ икру среди моря, и зародыши ея развиваются вдали отъ береговъ. Такимъ образомъ, какъ бы ни было велико истребленіе мелюзги и большой рыбы въ сосѣдствѣ морскаго прибрежья, оно не наноситъ вреда огромнымъ лабораторіямъ, гдѣ обновляется самая порода.

Сельди, которыхъ ежегодно вылавливаютъ на однихъ только берегахъ Норвегіи по меньшей мѣрѣ триста милліоновъ штукъ, имѣютъ еще болѣе важное значеніе въ исторіи экономическаго быта народовъ, чѣмъ треска: извѣстно, какъ много способствовала эта рыба общему благосостоянію Голландіи и ея могуществу среди европейскихъ націй. Рыболовы часто думали, что эта рыба перестала размножаться въ океанѣ; но на самомъ дѣлѣ стаи сельдей только переходятъ съ одного мѣста на другое, и каждый годъ онѣ появляются то тутъ, то тамъ такими же, какъ всегда, густыми массами, дѣлая море, такъ сказать, живымъ, и въ сопровожденіи многочисленныхъ вереницъ гонящихся за ними хищныхъ животныхъ: «кажется, говоритъ Мишле, какъ будто огромный островъ поднялся на поверхность воды, и цѣлый континентъ готовъ выступить изъ нѣдръ моря [1])». Въ первые два вѣка текущаго тысячелѣтія сельдь появлялась преимущественно въ восточной части Балтійскаго моря; затѣмъ, до половины шестнадцатаго столѣтія, она направлялась предпочтительно къ берегамъ Сканіи,

[1]) Irminger, „Notes sur les pêches du Danemark, des iles Färöer". etc.

[2]) Ch. Grad, „Esquisse physique des îles Spitzbergen".

[1]) Мишле, „La mer".

послѣ того главныя станціи для лова сельдей были сосредоточены въ Сѣверномъ морѣ, вдоль береговъ Шотландіи и Норвегіи; наконецъ, въ теченіе восемнадцатаго столѣтія, сельди появились въ большомъ числѣ на берегахъ западной Швеціи, въ Каттегатѣ. Эти неожиданныя переселенія сельдей имѣли иногда слѣдствіемъ общую нужду и голодуху между рыбаками покинутаго рыбой прибрежья. Несмотря на всѣ эти перемѣщенія, сельдь не принадлежитъ къ странствующимъ рыбамъ, совершающимъ ежегодныя путешествія, какъ полагали прежде; она живетъ въ глубокихъ океаническихъ долинахъ, откуда поднимается къ берегамъ для метанія икры, изъ которой тамъ, подъ вліяніемъ теплоты, развиваются зародыши. Натуралисты открыли также, что эта рыба не можетъ жить въ водахъ, температура которыхъ менѣе трехъ съ половиной градусовъ стоградуснаго термометра [1]); поэтому, когда рыболовы вступятъ въ жидкій слой болѣе холодный, они знаютъ заранѣе, что не найдутъ тутъ сельдей. Свѣдущіе люди могутъ узнать вдали отъ мѣстъ лова, къ какой именно разновидности принадлежатъ данныя сельди—пойманы ли онѣ у береговъ Норвегіи или у береговъ Шотландіи, въ Балтійскомъ или въ Сѣверномъ морѣ.

Эта послѣдняя часть сѣвернаго Атлантическаго океана, нѣчто въ родѣ залива, заключеннаго между Скандинавіей и Великобританіей, но сообщающагося съ другими морями черезъ Ламаншъ и черезъ Зундъ, чрезвычайно богата животною жизнью, и одна изъ ея областей совершенно справедливо названа «Мелью рыболововъ» (Fishers' Bank): на этой мели рыба играетъ миріадами, и рыболовныя суда приходятъ сюда ловить живую треску для рынковъ Лондона и другихъ большихъ городовъ сѣверной Европы. По справедливому замѣчанію Мебіуса [2]), дно Сѣвернаго моря гораздо болѣе производительно для человѣка, чѣмъ обширныя песчаныя пространства, составляющія на югѣ часть его прибрежья. Среднимъ числомъ, на эти мели ходитъ каждый годъ около 900 рыболовныхъ шлюпокъ, изъ которыхъ 650 принадлежатъ англійскимъ судохозяевамъ, и ежегодный уловъ рыбы въ этомъ мѣстѣ исчисляютъ въ 75.000 тоннъ; съ одной изъ мелей, называемой Доггербанкъ, или «Лугерной банкой» [по имени судна лугеръ [3])], получается лучшій сортъ трески. Сѣверное море, покрывающее тонкимъ слоемъ воды плоскую возвышенность, на которой стоятъ Британскіе острова, представляетъ такія превосходныя мѣста для ловли рыбы именно по причинѣ незначительной его глубины и потому, что ложе его нигдѣ не усѣяно подводными скалами и камнями; единственные сопротивляющіеся предметы, на которые иногда наталкиваются рыболовные снаряды,—это устричныя мели. Эти моллюски открытаго моря не очень вкусны; гораздо болѣе цѣнятся прибрежныя устрицы, особенно устрицы съ береговъ Франціи и Англіи, откармливаемыя въ Бельгіи въ особо устроенныхъ «паркахъ» и извѣстныя подъ именемъ остендскихъ. Попытки разведенія устрицъ на нѣмецкихъ берегахъ Сѣвернаго моря въ большинствѣ случаевъ не увѣнчались успѣхомъ. Кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на плоскихъ берегахъ Ганновера и въ сосѣдствѣ острововъ Сильтъ, Амрумъ и Ферь, гдѣ насчитываютъ около 5 милліоновъ устрицъ, распредѣленныхъ на 47 меляхъ, въ другихъ мѣстахъ германскаго побережья не удалось развести этого моллюска; это объясняется тѣмъ, что мягкая тина, покрывающая дно нѣмецкихъ береговъ, не представляетъ устрицамъ достаточной точки опоры; по разсказамъ мореплавателей, устричныя мели на островахъ Фрисландіи существуютъ только съ начала прошлаго столѣтія [1]). Вообще говоря, животные виды на этихъ берегахъ немногочисленны, по причинѣ крайняго однообразія морскаго дна; но зато большая часть этихъ видовъ представлены огромными количествами особей, благодаря обилію пищи, доставляемой имъ морскими водорослями, которыхъ насчитываютъ до ста пятидесяти видовъ [2]), и всякаго рода нечистотами, приносимыми рѣками, впадающими въ это море. Нужно считать сотнями милліоновъ ракушки, гребенки (Pecten) и другія раковины, которыхъ собираютъ каждый годъ на морскихъ пескахъ Шлезвигъ-Голштейна, для приготовленія извести или для удобренія полей. Разнообразіе видовъ, животныхъ и растительныхъ, дѣйствительно, велико, относительно поверхности, только въ одной части Сѣвернаго моря, именно вокругъ скалъ Гельголанда. Тутъ разнообразію формъ морскаго рельефа соотвѣтствуетъ разнообразіе населяющихъ его организмовъ.

Сѣверное море, превосходящее по пространству Британскіе острова, ограничено со стороны сѣверной Атлантики крутымъ обрывомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Kimmer, и рѣзко отличается своею малою глубиной отъ сосѣдняго океана, который свободно катитъ свои могучія волны по направленію къ полюсу. Почти вездѣ лотъ достигаетъ дна, пройдя жидкій слой не болѣе какъ въ 50 метровъ толщины. Большія пучины этого моря, на востокѣ отъ Шотландіи, не превышаютъ по глубинѣ 100 и 120 метровъ. Въ южной его области самое глубокое мѣсто, въ разстояніи 5 километровъ къ югу отъ Гельголанда, имѣетъ всего только 56 метровъ глубины: это—слой воды, почти равный высотѣ

[1]) А. Бекъ, ванъ-Бенеденъ и др.
[2]) „Das Thierleben am Boden der Ost-und- Nord-See".
[3]) А не „Собачьею мелью", какъ ее означали на старыхъ картахъ.

[1]) „Expedition... der Pommerania" въ 1871 году.
[2]) Престель, „Boden von Ostfriesland".

скалы, господствующей надъ этою областью моря. Въ цѣломъ дно Сѣвернаго моря походитъ на такъ называемые Watten его береговъ, гдѣ бассейны тянутся на необозримое пространство, пересѣкаемые по всѣмъ направленіямъ рвами, вырытыми въ пескахъ теченіями или борьбой приливовъ, и которые можно сравнить съ руками медузъ, развѣтвляющимися до безконечности. Все ложе Сѣвернаго моря представляетъ одну огромную мель, раздѣленную на множество второстепенныхъ отмелей. Очевидно, эти равнины моря, гдѣ весь естественный рельефъ исчезъ подъ слоями песка и ила, обязаны своимъ замѣчательнымъ однообразіемъ какому-либо общему явленію, дѣйствующему одновременно на обширныхъ пространствахъ. Большинство геологовъ полагаетъ, что Сѣверное море было въ ледяную эпоху заливомъ, гдѣ плавали, гонимыя теченіями, длинныя вереницы льдинъ, оторвавшихся и упавшихъ въ воду съ глетчеровъ Скандинавіи, Исландіи, Великобританіи [1]. Эти плавающія ледяныя массы, постоянно обновлявшіяся въ замкнутомъ заливѣ, оставляли въ немъ камни и всякаго рода обломки, которыми онѣ были нагружены; остатки горъ и плоскогорій, размельченные до безконечности, сдѣлались, такимъ образомъ, морскимъ дномъ. Этотъ процессъ засыпанія Сѣвернаго моря продолжается и до настоящаго времени; теперь, правда, не прибиваетъ къ берегамъ Фрисландіи пловучихъ льдовъ, какъ это было въ ледяномъ періодѣ, но полярное теченіе, мало ощутительное въ этомъ обширномъ заливѣ, приноситъ туда пемзу, извергаемую вулканами Исландіи и Янъ-Майена [2]. Слѣдовательно, мы видимъ и до сихъ поръ то же самое явленіе, хотя несравненно менѣе важное по геологическимъ его результатамъ. При этомъ возникаетъ вопросъ: какъ могло случиться, что въ то время, какъ Сѣверное море мало-по-малу мелѣло, вслѣдствіе отложенія наносовъ, на сѣверо-западѣ его ровъ, называемый Скагерракомъ, сохранялъ свою глубину отъ 300 до 500 и даже до 800 метровъ вдоль береговъ южной Норвегіи? Причиной этого были, вѣроятно, ледники, наполнявшіе нѣкогда этотъ глубокій ровъ, древній, погрузившійся въ воду фіордъ, въ которомъ соединяются многіе другіе второстепенные фіорды; соединенныя массы ледяныхъ рѣкъ уже за предѣлами этой впадины вступали въ большое полярное теченіе, которое увлекало отдѣлявшіяся отъ нихъ льдины далѣе на югъ и разсѣивало содержавшіеся въ этихъ льдинахъ обломки по дну моря.

III.

Балтійское море, къ которому примыкаетъ, въ формѣ рукава, этотъ глубокій ровъ или каналъ, называемый Скагерракомъ, представляетъ, какъ и Нѣмецкое море, заливъ сѣверной Атлантики; но оно отличается отъ этого океана какъ составомъ, такъ и явленіями своихъ водъ. Названіе «Балтійское» или «Балтика», — вѣроятно, литовскаго происхожденія, какъ и названіе острова Балтіа, о которомъ упоминаетъ Плиній,—есть, какъ говорятъ, синонимъ «Бѣлаго моря», и дано ему, будто бы, за его короткія и бурливыя волны, покрытыя бѣлѣющеюся пѣной. Что касается нѣмцевъ, то они встарину, когда южные берега этого внутренняго или средиземнаго моря были заняты славянами, называли его «Восточнымъ моремъ» (Ostsee), и это наименованіе, вѣрное по отношенію къ Даніи и Швеціи, осталось, въ концѣ концовъ, за всѣмъ морскимъ бассейномъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это «Восточное море» можетъ быть разсматриваемо какъ притокъ Атлантическаго океана, ибо оно даетъ ему гораздо больше воды, чѣмъ сколько само получаетъ отъ него. Нева, Нѣманъ, Висла, Одеръ и двѣсти пятьдесятъ другихъ рѣкъ, большихъ и малыхъ, которыя вливаются въ Балтійское море, приносятъ ему жидкую массу, значительно превосходящую по объему ту массу, которую оно теряетъ путемъ испаренія. Количество приносимой этими рѣками воды до сихъ поръ еще не было измѣрено непосредственно; но, судя по среднему количеству дождевой и снѣжной воды, выпадающей въ продолженіе года въ бассейнѣ Балтики, можно принять нормальное увеличеніе этого внутренняго моря равнымъ двѣнадцати тысячамъ кубическихъ метровъ въ секунду. Весь этотъ избытокъ долженъ утекать въ Атлантическій океанъ черезъ Зундъ и въ особенности черезъ проливъ Большой Бельтъ, ибо уровень Балтики не выше уровня Сѣвернаго моря, какъ полагали недавно: точныя измѣренія, произведенныя на оконечностяхъ Эйдерскаго канала, доказали, что въ обыкновенное время поверхности этихъ двухъ морей лежатъ на совершенно одинаковой высотѣ [1]. Слѣдовательно, излишнія воды Балтики должны искать выхода къ Сѣверному морю, и, дѣйствительно, въ Зундѣ существуетъ поверхностное теченіе, направляющееся обыкновенно отъ Копенгагена и Гельзингера къ Каттегату, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сѣверные вѣтры нейтрализуютъ это теченіе или даже сообщаютъ ему обратное направленіе. По наблюденіямъ Форхгаммера и Просиліуса [2], ходъ поверхностнаго теченія въ Зундѣ оказался слѣдующій въ продолженіе 134 дней:

Изъ Балтики въ Сѣверное море—86 дней, изъ Сѣвернаго моря въ Балтику—24 дня, равновѣсіе—24 дня.

Въ Большомъ Бельтѣ, главномъ соедини-

[1] Ramsay, „Physical Geology and Geography of Great Britain“, p. 157.
[2] „Annales hydrographiques“, 4-me trimestre 1873.

[1] Ант. фонъ-Этцель, „Die Ostsee und ihre Küstenländer“.
[2] „Philosophical Transactions“, 1865.

тельномъ каналѣ между двумя морскими бассейнами, ходъ теченія, направляющагося изъ Балтики въ Нѣмецкое море, отличается гораздо большею правильностью, чѣмъ въ Зундѣ [1]).

Рыбная ловля въ Зундѣ у Эльзенера.

Тѣмъ не менѣе, морскія рѣки, вытекающія изъ Балтійскаго моря, не занимаютъ всей глубины ложа, представляемаго имъ проливами. Такъ же, какъ въ Дарданеллахъ и въ Босфорѣ, нижнее теченіе воды болѣе соленой и, слѣдовательно, болѣе тяжелой движется въ противоположномъ направленіи съ верхнимъ токомъ воды относительно прѣсной и легкой, и разливается далеко въ бассейнѣ Балтики. Если бы эта скрытая рѣка, текущая изъ Атлантики, не поддерживала солености Балтійскаго моря, то

[1]) „Expedition der Pommerania“, 1871; — C. Ackermann, „Beiträge zur Geographie der Ostsees“.

это послѣднее, принимающее въ себя лишь прѣсноводные притоки, въ нѣсколько столѣтій утратило бы всю содержащуюся въ немъ соль; оно превратилось бы въ широкую рѣку, имѣющую видъ залива Атлантическаго океана, но не составляющую одну изъ его частей. Химическій анализъ воды, почерпнутой на различныхъ глубинахъ Балтики, подтвердилъ существованіе этихъ нижнихъ контръ-теченій, идущихъ черезъ Большой Бельтъ и Зундъ и постоянно обновляющихъ соленость шведскаго моря: пропорціи соли, содержащейся въ водахъ поверхности и въ водахъ нижнихъ слоевъ, всегда разнятся на нѣсколько тысячныхъ. По изслѣдованіямъ Мейера, Мебіуса, Карстена, Гензена, оказалось, что въ Большомъ Бельтѣ верхнее теченіе малосоленой воды имѣетъ 18 метровъ въ толщину, и что ниже масса соленой воды, текущей изъ океана, образуетъ слой толщиною около 50 метровъ [1]). Впрочемъ, гидравлическія работы, предпринятыя въ Копенгагенскомъ портѣ и въ Зундѣ, доставили инженерамъ возможность измѣрить непосредственно нижнее соленое противотеченіе. Часто замѣчали, что когда два парусныя судна разной величины пытаются подняться по Зунду, плывя противъ верхняго теченія, образующаго въ этомъ проливѣ гораздо болѣе тонкій слой, чѣмъ въ Большомъ Бельтѣ, то большое судно имѣетъ въ этой борьбѣ съ теченіемъ огромное преимущество надъ малымъ, благодаря тому, что оно сидитъ глубоко въ водѣ и, слѣдовательно, достигаетъ нижняго противотеченія, которое и помогаетъ его движенію. Весной, во время таянія льдовъ, тоже ощущается дѣйствіе соленыхъ водъ: будучи нѣсколькими градусами теплѣе поверхностнаго теченія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжелѣе по причинѣ содержащейся въ нихъ примѣси морской соли, эти воды быстро расплавляютъ нижнюю часть льдинъ, и, благодаря имъ, явленіе таянія льда совершается въ очень короткій промежутокъ времени. Чтобы объяснить исчезновеніе, почти внезапное, льдовъ, рыболовы утверждаютъ, что ледъ массами погружается въ воду и медленно таетъ на самомъ днѣ моря.

Хотя нижнее противотеченіе, идущее изъ Атлантическаго океана, постоянно обновляетъ соленость внутреннихъ водъ, какъ это неоднократно наблюдали на германскихъ берегахъ до острова Рюгена [2]), однако, заливы, наиболѣе отдаленные отъ входа въ Балтійское море, получаютъ лишь весьма незначительную пропорцію солей: отъ Скагеррака до отдаленныхъ бухтъ Ботніи и Финляндіи волны Балтики становятся все менѣе и менѣе солеными. Тогда какъ соленость Сѣвернаго моря, хотя уже ослабляемая большимъ количествомъ прѣсной воды, приносимой его притоками—Маасомъ, Рейномъ, Везеромъ, Эльбой, очень мало уступаетъ средней солености океана, нормальная пропорція солей на цѣлую половину меньше при входѣ въ Балтику, въ Каттегатѣ, въ Большомъ Бельтѣ и Зундѣ, по крайней мѣрѣ на поверхности воды. Около середины этого внутренняго моря, у юго-восточныхъ береговъ Швеціи, соленость составляетъ уже шесть тысячныхъ, а въ крайнихъ заливахъ, близъ Петербурга, Умео, Торнео, поверхностная вода почти прѣсная. По Форхгаммеру [1]), средняя соленость океана 34,404 на 1.000; средняя соленость Сѣвернаго моря 32,823 на 1.000; средняя соленость Каттегата и Зунда 16,230 на 1.000; средняя соленость Балтійскаго моря 4.331 на 1.000; средняя соленость Кронштадтскаго рейда 0,610 на 1.000.

Даже въ окрестностяхъ Стокгольма, во внѣшнихъ бухтахъ, прибрежные жители могутъ пить, безъ всякаго вреда для здоровья, чуть солоноватую воду моря; но когда восточные вѣтры долго дуютъ и гонятъ воду изъ открытаго моря въ лабиринтъ стокгольмскихъ каналовъ, даже въ Меларскомъ озерѣ вода пріобрѣтаетъ соленый вкусъ. Вообще, смотря по направленію вѣтровъ и обилію рѣкъ, впадающихъ въ Балтику, соленость ея водъ постоянно измѣняется даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ; однако, она никогда не бываетъ настолько значительна, чтобы прибрежные жители могли извлекать соль изъ морской воды. Во время Крымской войны жители Финляндіи и Эстляндіи, лишенные запаса соли, обыкновенно привозимаго имъ на судахъ изъ южной Европы, приходили просить соли на англійскіе и французскіе военные корабли, рискуя быть задержанными въ качествѣ плѣнныхъ [2]).

Балтика отличается также отъ Нѣмецкаго моря и отъ сѣверной Атлантики большими разностями ея температуры по временамъ года; въ этомъ отношеніи она больше походитъ на прѣсноводныя озера сѣверной Европы, чѣмъ на открытое море, омывающее западную и сѣверную стороны Скандинавіи. Между тѣмъ какъ берега Норвегіи и Лапландіи, даже за Сѣвернымъ мысомъ (Нордъ-Капъ), въ самые большіе холода, среди зимы, никогда не окаймляются ни одною льдинкой, вся поверхность Ботническаго и Финскаго заливовъ покрывается ледяною корой: меньшая соленость водъ, малая ихъ глубина, наконецъ, дѣйствіе холодныхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, которыхъ холмы Финляндіи и Россіи не въ состояніи задерживать,—таковы причины этого замерзанія значительной части Балтійскаго моря. Два названные залива остаются подо

[1]) „Expedition der Pommerania", 1871.
[2]) Мейеръ, „Untersuchungen über physicalische Verhältnisse des westlichen Theiles der Ostsee. Ein Beitrag zur Physik des Meeres".

[1]) „Philosophical Transactions", 1865.
[2]) Ant. von Etzel, „Die Ostsee und ihre Küstenländer".

льдомъ, среднимъ числомъ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ въ году, съ ноября до апрѣля; но и германскіе берега главнаго моря тоже бываютъ обрамлены ледянымъ поясомъ на довольно большомъ протяженіи отъ береговой линіи; незамерзающія воды въ центрѣ морскаго бассейна усѣяны зимой плавающимъ льдомъ, да и входные каналы остаются закрытыми для судоходства, по причинѣ множества льдинъ, которыя, будучи увлекаемы теченіями, движутся тамъ длинными вереницами. Средняя продолжительность замерзанія варьируетъ отъ 32 дней въ Любекскомъ портѣ до 233 дней въ портѣ Торнео.

Въ нѣкоторые годы, отличавшіеся особенно суровою зимой, Балтійское море замерзало даже все сплошь, и по его поверхности временно прокладывались санные торговые пути. Въ теченіе тринадцатаго, четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій по меньшей мѣрѣ разъ десять ледяной покровъ простирался сплошною равниной отъ береговъ Лапландіи; острова Даніи были соединены со всѣхъ сторонъ съ твердою землей, и даже за предѣлами Балтики Ютландія соединялась посредствомъ ледянаго моста съ Норвегіей. Купеческіе караваны ѣздили по льду изъ Швеціи и Даніи въ Любекъ, въ Ростокъ, въ Штральзундъ, въ Гданскъ (Данцигъ); по краямъ этихъ санныхъ дорогъ были даже устроены гостинницы для проѣзжающихъ и товарныхъ обозовъ, и ярмарки происходили среди ледяной равнины. Волки перебѣгали по льду изъ лѣсовъ Норвегіи въ равнины Ютландіи. Въ 1658 году даже арміи смѣло шествовали по замерзшему морю и давали другъ другу сраженія на его ледяной поверхности. Въ этомъ году Фридрихъ III, король датскій, необдуманно объявилъ войну Швеціи, и король послѣдней, Карлъ-Густавъ, воевавшій въ то время въ Польшѣ, тотчасъ же двинулся съ своимъ войскомъ къ предѣламъ Даніи; онъ сталъ лагеремъ на берегу Малаго Бельта съ двадцатитысячною арміей и, испробовавъ крѣпость льда, пустилъ по морю конницу, артиллерію и весь военный обозъ. Разбивъ непріятеля, пытавшагося преградить ему доступъ на островъ Фіонію (Fyen), онъ отправился далѣе по льдамъ изъ Большаго Бельта черезъ острова Лаландъ и Фальстеръ, достигъ острова Зеландіи и продиктовалъ миръ въ Копенгагенѣ. Но въ 1809 г. и сама Швеція, въ свою очередь, подверглась нападенію русскихъ войскъ, которыя, подъ предводительствомъ Барклая-де-Толли, перешли по льду Балтійское море въ самомъ узкомъ мѣстѣ Ботническаго залива, тамъ, гдѣ находится архипелагъ Кваркенъ. Въ послѣднія четыре столѣтія случаи замерзанія Балтики на большомъ пространствѣ бывали рѣже, чѣмъ въ прежнее время. Вообще суровость зимнихъ холодовъ нѣсколько уменьшилась для всего бассейна этого моря,—фактъ, противорѣчащій гипотезѣ Адемара (Adhémar), по которой, будто бы, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія, сѣверное полушаріе постепенно охлаждается [1].

Въ Балтійскомъ морѣ путешественникъ не увидитъ плавающихъ ледяныхъ горъ, какъ въ полярныхъ моряхъ; но тамъ и сямъ глыбы льда, оторвавшіяся отъ берега, возвышаются метра на четыре и на пять надъ горизонтомъ воды и даютъ нѣкоторое, хотя и весьма слабое, понятіе о громадныхъ ледяныхъ массахъ, движущихся по волнамъ на югѣ отъ Шпицбергена и Гренландіи. Эти глыбы, подобно льдинамъ ледяныхъ эпохъ, иногда несутъ на себѣ камни и другіе обломки: онѣ продолжаютъ, только въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, тотъ переносъ эрратическихъ камней, который, какъ мы знаемъ, имѣлъ столь важное значеніе въ геологической исторіи Скандинавскаго полуострова, Финляндіи и Германіи. Научные мемуары приводятъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ перемѣщеніи скалъ, уносимыхъ ледоходомъ съ сѣвера на югъ: видали даже огромныя глыбы гранита, переносимыя льдомъ съ финляндскаго берега на островъ Гохландъ [2]). Прибрежные льды двоякимъ путемъ получаютъ свой грузъ каменныхъ обломковъ—или отъ дѣйствія оттепели, когда береговыя скалы трескаются и раскалываются, или вслѣдствіе сильныхъ холодовъ, отъ которыхъ ледъ пріобрѣтаетъ бо̀льшую толщину и, захватывая верхушки подводныхъ камней, вырываетъ ихъ со дна моря. Кромѣ того, въ мелководныхъ областяхъ Балтики встрѣчаются мѣста, гдѣ ледъ образуется сначала на днѣ, прежде чѣмъ замерзнетъ поверхность моря. На сѣверѣ отъ города Гельзингера есть небольшая песчаная мель, гдѣ при наступленіи зимы рыбаки вдругъ видятъ себя окруженными льдинами, которыя поднимаются со дна и въ которыхъ содержатся еще куски водорослей, оторванные отъ мели [3]); явленіе это очень часто наблюдали также на Аландскихъ островахъ.

Законъ уменьшенія температуръ съ увеличеніемъ глубины, наблюдаемый въ Атлантическомъ океанѣ, преобладаетъ также и въ водахъ Балтики, по крайней мѣрѣ въ лѣтніе мѣсяцы; но переходъ отъ градуса къ градусу совершается тамъ гораздо быстрѣе, такъ какъ это внутреннее море испытываетъ лишь въ очень слабой степени вліяніе теченія, повышающаго температуру воды сѣверныхъ морей. Нижніе слои имѣютъ различную температуру, какъ и нижніе слои океана, и, вообще говоря, очень близки къ точкѣ замерзанія; такимъ образомъ лотъ, достигающій дна на глубинѣ 100 и 200 метровъ, проходитъ на очень короткомъ разстояніи жидкіе слои, представляющіе раз-

[1]) „Révolutions de la mer".
[2]) Von Baer; Forchhammer; Anton v. Etzel, „Die Ostsee".
[3]) „Philosophical Transactions" за 1865 годъ, статья Форхгаммера.

ность температуръ, равную по меньшей мѣрѣ 10 градусамъ. Балтійское море нигдѣ не имѣетъ такой глубины, какъ Скагерракъ. Между Копенгагеномъ и Борнгольмомъ лотъ ни въ одномъ мѣстѣ не достигаетъ даже 60 метровъ глубины; къ востоку отъ Борнгольма и подъ тою же широтой онъ опускается до 120 метр., но среднимъ числомъ только до 80 метровъ, и подводныя мели, какова, напримѣръ, банка Штольпе (Stolpe-Bank), покрытая лишь слоемъ воды отъ 14 до 18 метровъ толщиною, высоко поднимаются надъ уровнемъ дна. Далѣе на сѣверѣ, тамъ, гдѣ Балтика представляетъ наибольшее протяженіе между берегами, глубина возрастаетъ пропорціонально увеличенію поверхности. Къ востоку отъ Готланда, самая низкая впадина, найденная въ морскомъ ложѣ экспедиціею, совершенною на суднѣ «Померанія» въ 1871 году, имѣетъ 230 фут.; но въ узкомъ каналѣ, отдѣляющемъ островокъ Готска-Санде отъ скалъ Уто, противъ фіордовъ Стокгольма, лотъ опускается на 323 метра: это наибольшая извѣстная до сихъ поръ глубина Балтійскаго моря. Порогъ около 40 метр. высотой ограничиваетъ центральный бассейнъ, къ сѣверу отъ Стокгольма; но далѣе находятся еще двѣ пропасти глубиной слишкомъ 200 метр.: одна между Аландскимъ архипелагомъ и приморскимъ городкомъ Эрегрундъ, другая—въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ берегомъ, между городами Гернезандъ и Умео [1]). Но какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ порты имѣютъ, вообще говоря, незначительную естественную глубину и могутъ принимать лишь суда, сидящія въ водѣ не глубже 5 или 6 метровъ. Однако Балтика, въ цѣломъ, глубже Сѣвернаго моря въ собственномъ смыслѣ: ложе ея, такъ сказать, не было выровнено и представляетъ еще многочисленныя неровности, возвышенія и углубленія. Въ этомъ отношеніи оно походитъ на дно прѣсноводныхъ озеръ, разсѣянныхъ во множествѣ по смежнымъ областямъ твердой земли—на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Финляндіи. Размѣры Балтійскаго моря:

Поверхность 358.000 кв. километр.; средняя глубина, по Мейеру, 63 метра; приблизительный объемъ жидкой массы 22.554 кубич. километровъ.

Въ Балтійскомъ морѣ не бываетъ замѣтныхъ приливовъ и отливовъ, свойственныхъ океану и открыто сообщающимся съ нимъ морямъ. На югѣ отъ проливовъ, ведущихъ въ этотъ морской бассейнъ, моряки не имѣютъ надобности принимать во вниманіе приливъ, хотя физики могутъ констатировать существованіе его въ портахъ Мекленбурга и Помераніи и нашли, что высота его доходитъ до нѣсколькихъ миллиметровъ: такъ, въ Висмарскомъ портѣ разность между высотой прилива и отлива исчисляется въ 9 сантиметровъ; далѣе въ восточномъ направленіи эта разность постоянно уменьшается до того, что, наконецъ, она ускользаетъ отъ самыхъ искусныхъ наблюдателей. Но что значатъ эти ничтожныя колебанія высоты воды вслѣдствіе прилива и отлива въ сравненіи съ измѣненіями морскаго уровня, производимыми дѣйствіемъ атмосферныхъ теченій? Сильные и продолжительные западные вѣтры иногда понижаютъ воду въ Кильскомъ портѣ на 1,20 и даже на 1,50 метр. [1]). На низменныхъ берегахъ Балтики береговая линія перемѣщается на многія сотни метровъ, смотря по направленію вѣтра.

Какъ во всѣхъ замкнутыхъ бассейнахъ, колебанія воздушнаго моря сообщаютъ жидкой массѣ Балтики большія качанія, сходныя съ поднятіемъ и паденіемъ ртути въ чашечкѣ барометра: это—внезапная прибыль и убыль воды, подобная той, какую мы замѣчаемъ на озерахъ Женевскомъ и Нефшательскомъ, гдѣ она извѣстна подъ именемъ «seiches». Шультенъ первый далъ объясненіе этого явленія, указавъ на совпаденіе его съ движеніями барометра. Высота этихъ волнъ тѣмъ больше, чѣмъ слабѣе давленіе атмосферы: нерѣдко она достигаетъ цѣлаго метра и болѣе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда прибыль воды поддерживается правильными вѣтрами или теченіями, образующимися вслѣдствіе различія уровней, разность колебанія между высокими и низкими водами гораздо значительнѣе. Всего чаще вода повышается въ Балтикѣ весной и осенью, въ эпоху перемѣны временъ года; но это явленіе иногда происходитъ также и зимой, подъ слоями льда, который отъ напора поднимающихся водъ изгибается въ видѣ свода или трескается съ страшнымъ шумомъ. Кромѣ того, въ водахъ Балтики бываютъ иногда, — впрочемъ черезъ очень отдаленные промежутки времени,—другія движенія, отличныя отъ сейчасъ упомянутыхъ и до сихъ поръ еще не объясненныя. Разсказываютъ, что иногда, при ясной погодѣ, море вдругъ начинаетъ бушевать, сильно вздувается и заливаетъ берега на большое пространство: такъ, напримѣръ, въ 1779 году оно совершенно затопило городъ Леба, въ восточной Помераніи, поднявшись на 5 метровъ выше своего средняго уровня. Мѣстные жители называютъ эти внезапныя повышенія морскаго уровня Seebären (морскіе медвѣди), вѣроятно, не по причинѣ рева, которымъ сопровождается прибыль воды, а скорѣе потому, что это явленіе Bären имѣетъ нѣкоторое сходство съ такъ называемымъ баромъ, наблюдаемымъ въ морскихъ лиманахъ. Въ другіе разы замѣчали обратное явленіе: море вдругъ, безъ всякой видимой

[1]) C. Ackermann, „Beiträge zur physischen Geographie der Ostsee“.

[1]) Мебіусъ, „Das Thierleben am Boden der deutschen Ost-und-Nord See“.

причины, отступало на большое разстояніе вдоль низменныхъ береговъ [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ недавнія геологическія эпохи Балтика значительно измѣнила свою форму, и наблюденія, сдѣланныя на ея берегахъ, показали, что это измѣненіе продолжается и въ текущемъ періодѣ. Въ своей совокупности шведское море занимаетъ длинную долину, параллельную скандинавскому плоскогорью; но выходъ этой долины, ея ворота, посредствомъ которыхъ она сообщается съ океаномъ, перемѣнили мѣсто. Проливы Зундъ, Большой и Малый Бельтъ открылись черезъ скалы, которыя нѣкогда составляли сплошную землю; во многихъ мѣстахъ этихъ морскихъ проходовъ противоположные берега соотвѣтствуютъ одинъ другому, такъ что, очевидно, они были прорваны напоромъ водъ. Кромѣ того, морскія отложенія, оставленныя во внутренней Швеціи, доказываютъ, что Балтика сообщалась непосредственно съ Каттегатомъ черезъ большія озера Венернъ и Веттернъ, соединенныя нынѣ Гетеборгскимъ каналомъ. Натуралистъ Ловенъ выловилъ въ этихъ озерахъ, на значительныхъ глубинахъ, различные арктическіе виды морскихъ ракообразныхъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ къ фаунѣ Ледовитаго океана, а другіе къ фаунѣ Ботническаго залива [2]). Присутствіе этихъ животныхъ доказываетъ, что въ ледяномъ періодѣ эти озера сообщались съ Балтійскимъ моремъ: въ то время это были не прѣсноводныя озера, а обширные проливы, наполненные соленою водой и извивавшіеся отъ одного моря къ другому. Вслѣдствіе поднятія Скандинавскаго полуострова, которое продолжается и въ наши дни, эти проливы превратились въ замкнутые бассейны, и мало-по-малу вода, непрерывно питаемая дождями и ручьями, утратила всю свою соленость. Большая часть животныхъ погибли, но нѣкоторыя успѣли акклиматизоваться, и эти-то выжившіе виды и находятъ теперь въ самыхъ глубокихъ водахъ шведскихъ озеръ [3]).

Балтика—одно изъ самыхъ бѣдныхъ морей по числу животныхъ видовъ: смѣшеніе прѣсной и соленой воды и большая разность годовыхъ температуръ неблагопріятны развитію въ этомъ бассейнѣ органической жизни. По Нильсону, морскихъ рыбъ въ этомъ морѣ не наберется и тридцати различныхъ видовъ, а изъ ластоногихъ и китообразныхъ тамъ водятся только пять видовъ тюленей и дельфиновъ, ибо киты и другія большія морскія животныя, которыхъ иногда встрѣчаютъ у береговъ Сканіи и даже сѣвернѣе, попадаютъ туда случайно, какъ заблудившіеся путешественники. Всѣ виды морскихъ рыбъ и китообразныхъ, живущіе въ водахъ Балтики, находятся, равнымъ образомъ, въ Сѣверномъ морѣ: это просто эмигранты, а не коренные жители. Единственныя различія, замѣченныя до сихъ поръ между животными Скандинавскаго моря и представителями фауны сосѣдняго океана, суть простыя видоизмѣненія, происшедшія отъ различія среды: переселяясь изъ болѣе теплыхъ и болѣе соленыхъ водъ Каттегата въ холодныя и почти прѣсныя воды Финскаго и Ботническаго заливовъ, нѣкоторые виды, естественно, должны были нѣсколько измѣниться, чтобы приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ своего новаго отечества; это измѣненіе состояло преимущественно въ уменьшеніи величины животныхъ: такъ, напримѣръ, съѣдобная ракушка, длина которой въ Кильской бухтѣ, среднимъ числомъ, отъ 8 до 9 сантиметровъ, имѣетъ на берегахъ Готланда только 3 или 4 сантиметра въ длину, и раковина ея сдѣлалась такъ тонка, что разрушается почти тотчасъ же послѣ смерти моллюска. Однако, эти слабыя видоизмѣненія недостаточны для того, чтобы оправдать созданіе спеціально балтійскихъ типовъ, какъ это пытаются сдѣлать скандинавскіе натуралисты; изъ морскихъ рыбъ, кажется, всего болѣе имѣетъ право считаться дѣйствительно балтійскимъ видомъ одна порода трески, очень цѣнимая за ея вкусное мясо,—именно gadus callarius или balticus. Хотя виды, переселившіеся изъ Каттегата въ Балтику, немногочисленны, но зато тѣ изъ нихъ, которымъ среда благопріятна, размножаются тамъ въ огромномъ количествѣ особей. О плодовитости этихъ видовъ можно составить понятіе по тому факту, что въ Кильской бухтѣ рыбаки налавливали до 240.000 сельдей въ день, и что у каждой сельди было въ желудкѣ по меньшей мѣрѣ десять тысячъ маленькихъ ракообразныхъ, называемыхъ tamora longicornis; слѣдовательно, въ періодъ лова, который продолжается около трехъ недѣль, болѣе 50 милліардовъ раковъ tamora были съѣдены однимъ видомъ животнаго въ одной бухтѣ Балтики [1]). Фіордъ Одензе, которымъ воды Каттегата врѣзываются въ сѣверный берегъ острова Фіоніи, посѣщается такою массой превосходной трески, что, за недостаткомъ сбыта, эту рыбу употребляютъ иногда вмѣсто навоза для удобренія полей, продавая ее крестьянамъ, которые платятъ отъ 2 до 3 франковъ за полную телѣгу [2]). Вообще богатство животной жизни въ Балтикѣ такъ велико, что нужно считать милліардами милліоновъ организмы, кишащіе въ каждой малѣйшей бухточкѣ этого моря.

Такой же точно контрастъ, какой замѣчается между свободнымъ моремъ и моремъ, запертымъ датскими островами, существуетъ и между двумя бассейнами Балтики—западнымъ и восточнымъ. На западѣ отъ острова Рюгена, на берегахъ Мекленбурга и Любека, морскія растенія

[1]) „Globus", № 22, 1872.
[2]) Мемуары шведской академіи наукъ за 1861 г.
[3]) Loven;—Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara".

[1]) Мёбіусъ, „Expedition der Pommerania", 1871.
[2]) Ирмигеръ, „Notice sur les pêches du Danemark". „Revue maritime et coloniale", sept. 1863.

и животныя представляютъ множество разновидностей, не встрѣчающихся на берегахъ Штеттинскаго залива [1]). Въ цѣломъ, восточный бассейнъ Балтики гораздо менѣе населенъ, чѣмъ ея западныя воды, что объясняется болѣе холодною и рѣзче измѣняющеюся температурой этого бассейна, а также солоноватымъ свойствомъ его жидкой массы, которая непригодна ни для прѣсноводныхъ, ни для морскихъ животныхъ: приспособиться къ этой неблагопріятной средѣ, очевидно, могли только тѣ организмы, которые могутъ безъ вреда для себя выносить крайности тепла и холода, и которыхъ Мёбіусъ, на основаніи этого, предлагаетъ называть эвритермами. Такъ, въ этой водяной области найдено только 69 видовъ безпозвоночныхъ животныхъ, что составитъ около трети фауны морей, омывающихъ датскіе острова. Вездѣ, гдѣ вода становится годною для питья, морская фауна исчезаетъ. Въ Ботническомъ и Финскомъ заливахъ моллюски всѣ безъ исключенія прѣсноводные, да и рыбы, которыя встрѣчаются тамъ, въ числѣ двадцати различныхъ породъ, также похожи на виды, населяющіе озера Финляндіи и Швеціи. Такимъ образомъ Балтика представляетъ любопытный примѣръ моря, имѣющаго двѣ различныя фауны: одну—океаническую, другую—озерную. Дѣйствительно, это море имѣетъ двоякій характеръ: по своимъ большимъ бассейнамъ, западному и южному, оно—морской заливъ; по своимъ оконечностямъ, сѣверной и восточной, оно состоитъ изъ открытыхъ озеръ, похожихъ, по ихъ явленіямъ и продуктамъ, на воды окружающаго материка.

Глава II

Бельгія.

I.

На сѣверѣ отъ пролива, гдѣ соединяются приливныя теченія, обогнувшія Великобританію, Сѣверное море окаймлено, на протяженіи всего только 67 километровъ, территоріею, извѣстною подъ именемъ Бельгіи. Это королевство, лежащее всею своею площадью на водоскатѣ рѣкъ Шельды, Мааса и Рейна, есть одно изъ самыхъ маленькихъ государствъ Европы, и, какъ независимая держава, оно существуетъ недавно (съ 1830 года). Оно заключено въ слишкомъ узкіе предѣлы, чтобы могло гордо разсчитывать на свои собственныя силы въ столкновеніяхъ народовъ; незначительные размѣры занимаемой имъ области, которая составляетъ только около 4.500-й части поверхности суши (точнѣе: 4.541-ю часть поверхности суши, по Бему и Вагнеру, и 17.314-ю часть общей поверхности земнаго шара), давали бы ему полное право требовать для себя привилегіи нейтралитета, если бы даже могущественные сосѣди его сами не признали нужнымъ оставить ему самостоятельное существованіе въ интересѣ европейскаго общественнаго порядка. Но, будучи столь бѣдною пространствомъ, Бельгія отличается между всѣми странами Европы многими характеристическими особенностями и даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, занимаетъ среди нихъ первое мѣсто. Подобно тому, какъ въ каменистыхъ массахъ часть камня остается съ своимъ особеннымъ строеніемъ между частицами, группирующимися вокругъ равносильныхъ центровъ кристаллизаціи, Бельгія, присвоиваемая одновременно Франціей, Германіей, Англіей, Голландіей, принадлежавшая въ продолженіе многихъ вѣковъ иноземнымъ господамъ: испанцамъ, австрійцамъ, французамъ, голландцамъ, сохранила, тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ превратности своей политической судьбы, самобытное существованіе, признанное нынѣ оффиціально другими европейскими державами. Очень богатая сама по себѣ, она сдѣлалась по преимуществу страной проѣзда для людей и провоза для товаровъ: ни одна область Западной Европы не имѣетъ, пропорціонально своему пространству, равной важности, какъ посредница въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Бельгія есть, такъ сказать, обширный перекрестокъ; населеніе сгруппировано тамъ въ гораздо большемъ числѣ, для одной и той же площади, чѣмъ въ большей части странъ Стараго и Новаго Свѣта: ни одно изъ государствъ Европы не имѣетъ такъ много жителей на квадратный километръ; во многимъ сельскихъ округахъ Бельгіи люди гуще скучены, чѣмъ въ русскихъ городахъ. Богатства, скрытыя въ нѣдрахъ земли, такъ же, какъ удобства торговаго обмѣна, помогли этому столь многочисленному населенію найти средства къ существованію на томъ тѣсномъ пространствѣ, которое оно занимаетъ. По нѣкоторымъ отраслямъ мануфактур-

[1]) Möbius, „Expedition der Pommerania", 1871.

ной промышленности, равно какъ по своей внѣшней торговлѣ, Бельгія, относительно числа своихъ жителей, есть первая страна Европы; въ этомъ отношеніи она превзошла даже Англію. Наконецъ, какъ ни мала ея территорія, эта страна, считающая между своими городами Люттихъ, (Льежъ), Куртре, Гентъ, Брюгге, можетъ претендовать на нѣкоторыя изъ самыхъ блестящихъ страницъ исторіи.

Пространство и народонаселеніе Бельгіи:
29.456 кв. километр.; въ 1840 г.—4.073.150 душъ; въ 1880 г.—5.520.069 душъ; въ 1890 г. — 6.069.320 душъ; среднее число жителей на 1 кв. километръ: 212.

Отъ равнинъ морскаго прибрежья, гдѣ нѣкоторыя поля, обведенныя плотинами, лежатъ ниже средняго уровня морскихъ водъ, почва Бельгіи постепенно повышается по направленію къ востоку и юго-востоку до нагорья, называемаго Арденнами и составляющаго общій хребетъ всей бельгійской территоріи и Люксембурга, такъ же, какъ части сѣверной Франціи.

Арденнскія высоты, кульминаціонная точка которыхъ поднимается на 700 метровъ, состоятъ изъ древнѣйшихъ горныхъ породъ Бельгіи, шиферовъ и кварцитовъ, образующихъ центральное ядро, вокругъ которыхъ отлагались слоистыя осадочныя формаціи страны. Гораздо болѣе возвышенное въ предъидущія геологическія эпохи, Арденнское плоскогорье представляетъ нынѣ большую развалину, которая, вслѣдствіе трещинъ, обваловъ, разрушительнаго дѣйствія водъ, распалась на нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ, и постоянно понижалась въ теченіе вѣковъ. Однако, незначительная высота Арденнскихъ холмовъ, свойство ихъ каменныхъ породъ, отсутствіе растительной земли—придаютъ этой области Бельгіи особый отпечатокъ, рѣзко отличающій ее отъ всей остальной части страны. Юго-восточный уголъ королевства, который тянется отъ Франціи до Германіи, отъ береговыхъ утесовъ Мааса до береговъ Весдры, заключая въ себѣ горную массу или цѣпь Готъ-Фань (Hautes Fagnes, по-нѣмецки Hohe Fenn) или Арденны въ собственномъ смыслѣ, представляетъ какъ бы отдѣльный мірокъ, совершенно отличный отъ низменной Бельгіи, столь замѣчательной богатствомъ воздѣланныхъ земель, многочисленностью городовъ, густотой населенія. Высоты между Мозелемъ и Маасомъ имѣютъ вообще печальный видъ; если исключить нѣсколько поросшихъ травою долинъ, гдѣ развѣтвляются по всѣмъ направленіямъ оросительныя канавки, да ущелья, гдѣ воды пруда приводятъ въ движеніе мельничныя колеса и толчеи, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь только мелкій лѣсокъ изъ буковъ, дубовъ, березъ, сосновые лѣса, ланды, изъ которыхъ тамъ и сямъ выглядываютъ верхушки скалъ, тощія пажити, гдѣ папоротники и кусты можжевельника перемѣшаны съ дерномъ скатовъ, тогда какъ на днѣ лощинъ тростникъ и мохъ растутъ по краямъ торфяныхъ болотъ. Впрочемъ, въ эти послѣдніе годы предпринятое съ успѣхомъ насажденіе деревъ измѣнило физіономію страны: въ нѣкоторыхъ частяхъ Арденновъ снова появились настоящіе лѣса, придающіе мѣстности такой же видъ, какой она имѣла полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, въ тѣ времена, когда дремучіе лѣса тянулись отъ береговъ Уазы до береговъ Рейна.

На холмахъ самой дикой области слой растительной земли имѣетъ едва нѣсколько сантиметровъ толщины, и во многихъ мѣстахъ лежитъ на голомъ камнѣ; маленькія деревца едва могутъ прикрѣпить въ этой тонкой почвѣ свои ползучіе корни; въ иныхъ мѣстахъ скала, покрытая вязкой водонепроницаемой массой, образовавшейся изъ разложенія глинистаго сланца [1], задерживаетъ дождевыя воды на поверхности, и послѣднія разстилаются болотистыми лужами въ углубленіяхъ камня. Человѣческія жилища очень рѣдки въ этой непріютной мѣстности; встрѣчающіеся кое-гдѣ, среди вересковыхъ пространствъ или лѣсовъ, домишки построенные изъ кирпича или камня и крытые шиферомъ или соломой, всѣ имѣютъ такой невзрачный видъ, что рядомъ съ ними самая убогая итальянская лачуга показалась бы памятникомъ архитектурнаго искусства. Самое прозвище «Парижъ въ Арденнахъ», данное въ насмѣшку городу Бастонь (Bastogne), свидѣтельствуетъ о бѣдности городковъ и мѣстечекъ этого пустыннаго края. Рѣдкое населеніе Арденновъ, защищенное противъ иноземнаго нашествія своимъ уединеннымъ положеніемъ, такъ же, какъ и своею бѣдностью, могло долго сохранять свои старинные нравы и обычаи. Культъ богини Ардонны (Arduinna), которую смѣшивали съ Діаной, держался гораздо дольше въ области нагорья, чѣмъ въ сосѣднихъ равнинахъ; послѣдніе жертвенники этой богини были низвергнуты лишь въ седьмомъ столѣтіи [2], въ ту эпоху, когда, по преданію, св. Губертъ встрѣтилъ въ Арденнскомъ лѣсу оленя, несшаго на головѣ, между рогами, сіяющій крестъ [3]. Однако, жители равнины, которые нѣкогда перемѣнили, добровольно или по принужденію, свои религіозныя вѣрованія, нравы и обычаи, обновляютъ постепенно и самую почву. Въ окрестностяхъ городовъ, по окраинамъ Арденнскихъ горъ, можно убѣдиться, какъ велика потребность труда въ Бельгіи, по тому усердію, съ какимъ утилизируются рессурсы, на которые въ другомъ мѣстѣ никто бы не обратилъ вниманія. При помощи извести, разбрасываемой по полямъ, земледѣльцы стараются оживить безплод-

[1]) J. C. Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique“.
[2]) Alph. Leroy, „Patria Belgica“. III.
[3]) Alfred Maury, „Grandes forêts de la Gaule“, p. 161,

ную землю; тамъ, гдѣ почва состоитъ изъ голой скалы, каменоломы добываютъ изъ нея известь, шиферъ, строевой камень, руду, пластическую глину; малѣйшій ручеекъ запруженъ плотинами разсѣянныхъ по берегамъ его мельницъ и заводовъ.

На южномъ склонѣ Арденнскихъ горъ, одинъ лотарингскій округъ, юрскіе пласты котораго продолжаются далеко внутрь Франціи и Люксембурга, политически принадлежитъ еще къ территоріи Бельгіи: это часть бассейновъ рѣкъ Семуа (Semoy) и Шіера (Chiers); но этотъ «Маленькій Провансъ», хорошо защищенный съ сѣверной стороны горною массой Фань или Фенъ, имѣетъ незначительное протяженіе. Сѣверный скатъ Арденновъ, напротивъ, занимаетъ значительную часть Бельгіи: известковыя и сланцевыя породы этой области, средняя высота которой около 275 метровъ, тянутся отъ границъ Франціи до предѣловъ Германіи и образуютъ очень неровное плоскогорье, пересѣченное глубокими долинами: лѣса, растущіе на сланцевыхъ формаціяхъ, чередуются тамъ съ прекрасными нивами известковыхъ косогоровъ и зеленѣющими лугами сырыхъ лощинъ. Въ цѣломъ, вся эта область, по ея виду, такъ же, какъ и по высотѣ, можетъ быть разсматриваема, какъ внѣшній уступъ Арденновъ. Между рѣками Самброй и Маасомъ она извѣстна подъ именемъ Фань (Fagne); между Маасомъ и Уртой ее называютъ Кондрозъ (Condroz),—старинное галльское имя, принадлежавшее храброй націи кондрузовъ; далѣе на югѣ, вокругъ города Маршъ, мѣстность носитъ названіе Фаменъ (Famenne), данное ей, какъ полагаютъ, по имени народца пеманновъ (Pemannes) или феманновъ [1]); наконецъ, прекрасныя пастбища, раскинутыя между Маасомъ и Ведрой, пользуются обширною извѣстностью подъ именемъ области Гервъ (Herve). Геологи и агрономы называютъ эту полосу кондрузскою областью, по имени мѣстности Кондрозъ, которая составляетъ важнѣйшую ея часть.

Самбра и Маасъ своимъ теченіемъ приблизительно указываютъ границу гористой страны. На сѣверѣ отъ этихъ рѣкъ начинается средняя Бельгія, слегка волнистая плоская возвышенность, постепенно наклоняющаяся къ морю и орошаемая многочисленными рѣками и рѣчками, которыя извиваются въ широкихъ, но не глубокихъ долинахъ. Лѣса, ручьи, пологіе косогоры, мельницы, зданія съ башенками—придаютъ привлекательный видъ пейзажамъ этой средней полосы; но, къ сожалѣнію, рельефъ края слишкомъ малъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ во многихъ мѣстахъ обезображенъ кучами вульгарныхъ построекъ и безпорядочно разбросанными культурными землями. Въ этой части территоріи самая живописная мѣстность—та, которая продолжается на западъ до границъ Франціи. Въ области Турне (Tournaisis), или Дорникъ, огромные дубы, вязы и другія деревья, окаймляющія дороги и каналы двойными, тройными и даже семерными рядами, наконецъ, холмы, которые, по причинѣ ихъ уединенности, кажутся болѣе величественными, чѣмъ они есть въ дѣйствительности,—все это сообщаетъ странѣ характеръ истинной красоты. Всѣ области средней Бельгіи: на востокѣ Гесбе (Hesbaye), въ центрѣ Брабантъ, на югѣ и юго-западѣ Гено (Hainaut), или Геннегау, и Турне, покрыты иловатымъ слоемъ, кое-гдѣ перемѣшаннымъ съ мелкимъ камнемъ и пескомъ, которые были перенесены сюда съ гористыхъ плато Арденнской цѣпи наводненіями, имѣвшими мѣсто въ четвертичную эпоху; наносные камни или, какъ ихъ называютъ, «камни изъ нагорныхъ болотъ» (pierres de fagnes), наполняютъ тамъ толстыми слоями ближайшія къ нагорью долины; затѣмъ количество ихъ постепенно уменьшается въ сѣверномъ и западномъ направленіи, по мѣрѣ удаленія отъ исходной точки. Этотъ илъ, сходный съ лессомъ рейнской долины и извѣстный у бельгійскихъ геологовъ подъ общимъ наименованіемъ гесбейскаго ила, закрываетъ всѣ болѣе древнія формаціи подпочвы: сланцы и порфиры, конгломераты, песчаники и известняки, и тѣ каменноугольныя породы, которыя наполняютъ длинную впадину, идущую отъ Люттихскаго бассейна до бассейна Монса и французской Фландріи; каменный уголь въ собственномъ смыслѣ составляетъ въ этихъ породахъ около сороковой части.

На поверхности горныя породы каменноугольной формаціи довольно ровны, но подземныя изслѣдованія геологовъ показали, что дно каменноугольной впадины очень неровное и что около Намюра оно приподнимается до поверхности нынѣшней почвы: въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе вывѣтриванія и размыванія, всѣ верхніе слои исчезли, и самые нижніе каменноугольные пласты, тѣ, которые даютъ такъ называемый «тощій уголь, горящій короткимъ пламенемъ», касаются теперь земной поверхности. По обѣ стороны этого порога, каменноугольная формація наклонена на востокъ къ Люттиху, на западъ къ Монсу, такъ что образуетъ два бассейна съ противоположнымъ скатомъ, глубина которыхъ постепенно увеличивается въ направленіи этихъ двухъ городовъ: по приблизительному исчисленію, глубина эта достигаетъ 2.370 метровъ ниже уровня моря близъ Буссю, на западѣ отъ Монса [1]). Подъ городомъ Люттихомъ она, кажется, менѣе значительна. Въ гагенаускомъ бассейнѣ такъ на-

---

[1]) Charles Piot, „Les Pagi de la Belgique";—Emil Tandel, „Рукописныя замѣтки".

[1]) M. Mourlon;—Cornet, „Patria Belgica", t. I, p. 134, 206 etc.

зываемый «жирный» уголь начинаетъ попадаться только близъ Шарлеруа; «длиннопламенные», угли, употребляемые преимущественно для приготовленія свѣтильнаго газа и извѣстные въ просторѣчіи подъ именемъ «charbon Flenu», находятся лишь въ окрестностяхъ Монса, между верхними слоями бассейна. Различные слои, средняя толщина которыхъ отъ полуметра до одного метра, очень многочисленны: въ мѣстности Боринажъ, на югѣ отъ города Монса, такихъ слоевъ извѣстно отъ 130 до 160, и изъ нихъ двѣ трети годны къ разработкѣ; въ Люттихской провинціи существуетъ около пятидесяти подобныхъ пластовъ, которые могутъ быть съ выгодой разрабатываемы [1]). Но чтобы добраться до этихъ залежей и добывать изъ нихъ уголь, поддерживая при этомъ прочность горныхъ породъ, составляющихъ «стѣны» и «крышу» копи, нужно выполнить громадный трудъ—нужно вывести цѣлую систему подземныхъ галлерей, похожихъ на улицы городовъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ. На западѣ отъ Монса, около французской границы, «мертвыя породы», покрывающія каменный уголь, имѣютъ слишкомъ 300 метровъ толщины и заключаютъ въ себѣ неисчерпаемые резервуары воды и слои сыпучихъ песковъ, которые при разработкѣ нужно бы было пройти, чтобы добраться до производительныхъ жилъ. «Эти работы по устройству каменноугольныхъ копей, говоритъ Корне, по справедливости должны считаться самыми грандіозными, какія когда-либо были предпринимаемы горнымъ искусствомъ». Ископаемая фауна, находимая въ каменноугольной области Бельгіи, не особенно богата, но остатки растительности въ ней очень многочисленны; всего явственнѣе сохранились остатки папоротниковъ, каламитовъ, лепидендроновъ, сигилляріи.

Вслѣдствіе боковаго сжиманія или сдавливанія, примѣры котораго довольно часты въ расположеніи земныхъ пластовъ, верхніе слои шарлеруаскаго бассейна были многократно изогнуты самымъ страннымъ образомъ: подъ городомъ Шарлеруа они согнуты 22 раза и занимаютъ въ ширину только 6.600 метровъ, вмѣсто одиннадцати съ половиной километровъ, которые они покрывали бы, если бы остались горизонтальными [2]). Эта низменная область, по которой протекаетъ рѣка Самбра, и еще болѣе та, гдѣ нѣкогда текли воды рѣки Гепъ, замѣненной нынѣ каналомъ, были до мѣловаго періода одною изъ самыхъ гористыхъ странъ земнаго шара. Эта страна была пересѣкаема горами, которыя колоссальностью и высотой не уступали нынѣшнимъ Альпамъ, и которыя тянулись отъ береговъ Ламанша до бассейна рѣки Реръ, господствуя надъ мѣстностями, составляющими теперь южную Бельгію. Огромные взбросы пластовъ, встрѣчающіеся въ каменноугольныхъ породахъ, свидѣтельствуютъ о громадности геологическихъ переворотовъ, совершившихся въ этой части Европы. Взбросъ при Буссю заставилъ опуститься пласты съ высоты около 2.200 метровъ; на югѣ, другой взбросъ передвинулъ формаціи съ юга на сѣверъ, перенесъ ихъ на пространствѣ 10 километровъ и приподнялъ ихъ на высоту по меньшей мѣрѣ 5.000 метровъ надъ уровнемъ, который они занимаютъ въ настоящее время [1]).

Исторія разсказываетъ намъ, какъ велика была стратегическая важность, въ столкновеніяхъ народовъ, этихъ равнинъ средней Бельгіи, которыя покрыты грунтомъ, подвергавшимся въ теченіе вѣковъ столь сильнымъ геологическимъ переворотамъ, и которыя теперь сдѣлались такими богатыми посредствомъ земледѣлія и промышленности. Географія объясняетъ естественную судьбу этой страны, какъ большой дороги народовъ: здѣсь до открытія искусственныхъ путей сообщенія простирались первыя легкодоступныя поля и деревни между бассейнами Мааса и Рейна и бассейномъ Сены, соединеннымъ посредствомъ Орлеанскаго перешейка съ долиной Луары; теченіе Уазы и Шельды, такъ сказать, направляло къ равнинамъ шедшія населенія, которыя, слѣдуя этимъ путемъ, избѣгали, съ одной стороны, крутыхъ скалъ Арденнскихъ горъ, съ другой—неудобныхъ для прохода болотистыхъ пространствъ морскаго прибрежья. Эта область, хотя мало возвышенная, составляетъ, однако, естественный водораздѣльный хребетъ между двумя рѣчными бассейнами, и при проходѣ черезъ нее нигдѣ не встрѣтишь на пути многоводныхъ рѣкъ: единственныя естественныя препятствія, которыя тамъ нужно переходить,—это простые ручьи; выбитыя дороги въ этой мѣстности болѣе опасны, чѣмъ долины. Кромѣ того, на этой дорогѣ во всѣ времена легко можно было найти продовольствіе, благодаря естественному плодородію края. Всѣ эти выгоды, которыя прежде имѣли гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ въ наши дни, дѣлали среднюю Бельгію, такъ же, какъ и французскую Фландрію, одною изъ тѣхъ территорій, которыя особенно часто служили театромъ военныхъ дѣйствій и оспаривались другъ у друга враждебными арміями. Отъ Куртре до Жемапа, Флёрюса и Ватерлоо—сколько кровопролитныхъ битвъ происходило въ этой области, начиная со временъ истребленія храбрыхъ нервовъ (Nervii) легіонами Цезаря, и сколько крѣпостей было построено въ сосѣдствѣ политическихъ границъ для того, чтобы восполнить недостатокъ естественныхъ границъ! Въ обширныхъ равнинахъ, прости-

[1]) R. Malherbe;—Dewalque, „Bulletin de l'Académie de Belgique", 1875 г.
[2]) Amedée Burat, „Géologie de la France".

[1]) Cornet et Briart, „Sur le relief du sol en Belgique après les temps paléozoïques".

рающихся на югъ и на востокъ отъ Брюсселя, самая архитектура домовъ на фермахъ напоминаетъ, что этотъ край, отличающійся замѣчательнымъ земледѣльческимъ богатствомъ, часто подвергался непріятельскому нашествію. Жилища, низкія и массивныя, открываются окнами на внутренній дворъ и сообщаются съ внѣшнимъ міромъ только посредствомъ воротъ, на верху которыхъ обыкновенно стоитъ четыреугольная башня [1]).

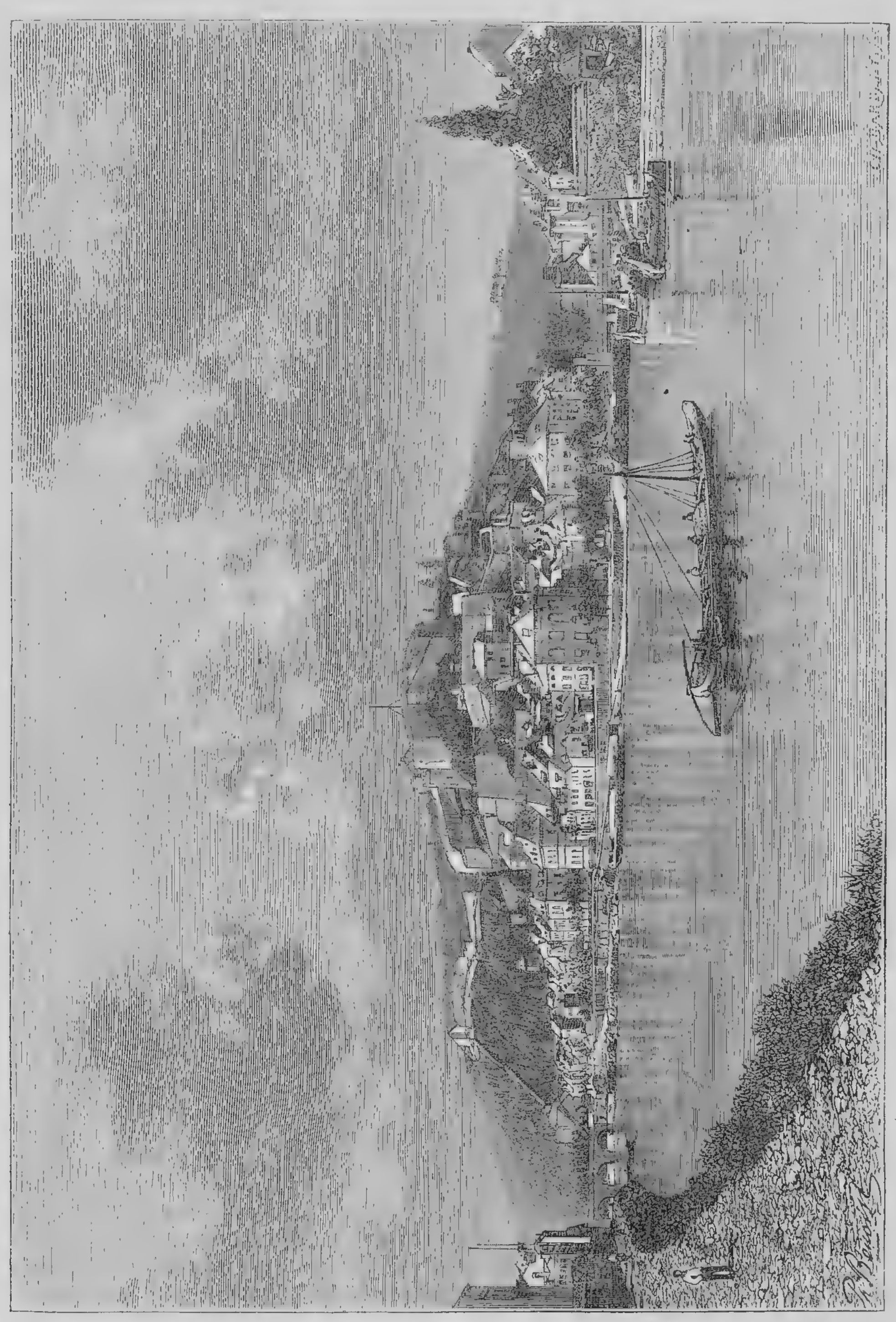
Миновавъ область гесбейскаго ила, мы вступаемъ въ страну, гдѣ поверхностная почва, состоящая изъ песку, имѣетъ несомнѣнно океаническое происхожденіе. Эта страна, извѣстная подъ именемъ Кампины (la Campine, т. е. campagne) или брабантской Кампаньи (Campania brabantica), обнимаетъ большую часть сѣверо-восточной Бельгіи. Уже на окраинахъ ея обширныя пространства, имѣвшія нѣкогда такой же пустынный видъ, какъ и внутренняя Кампина, такъ сильно измѣнились подъ вліяніемъ земледѣлія, что теперь ихъ смѣло можно причислить къ сосѣдней области Гесбе: такова, напримѣръ, мѣстность Гагеландъ (Hageland, Pays des Haies), на сѣверо-западѣ отъ Брабанта, гдѣ безплодные пески и кустарникъ давно замѣнились цвѣтущими нивами. Въ самой Кампинѣ, средняя высота которой надъ уровнемъ моря около 75 метровъ, поверхность ландовъ усѣяна оазисами плодородныхъ полей, и число такихъ оазисовъ постоянно увеличивается. Во многихъ мѣстахъ находятъ глину на глубинѣ менѣе метра, такъ что земледѣльцы могутъ безъ большаго труда доставать ее на поверхность и смѣшивать съ пескомъ для полученія хорошей пахатной почвы. Но прежній видъ Кампины еще долго сохранится въ самыхъ песчаныхъ ея частяхъ. Въ этихъ мѣстностяхъ возвышаются песчаные бугры, совершенно сходные съ дюнами прибрежья Сѣвернаго моря, съ тою только разницей, что первые состоятъ изъ болѣе крупнаго песку и содержатъ маленькіе отрывки наносныхъ формацій [2]). Кампинскія дюны покрыты тѣми же видами растеній, какъ и прибрежныя; хотя песчаныя горки Кампины удалены на большое разстояніе отъ нынѣшняго берега моря, онѣ еще не утратили своей подвижности: вѣтеръ и теперь перемѣщаетъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ не закрѣпленъ деревьями; какъ на примѣръ подобнаго перемѣщенія, можно указать на дюны Беверлоо, гдѣ происходятъ большіе маневры войскъ. Между рядами песчаныхъ бугровъ почва покрыта верескомъ, тимьяномъ, душистыми губоцвѣтными растеніями, и кое гдѣ усѣяна лужами. Дождевая вода, падающая на эти пустынныя мѣстности, насыщается дубильнымъ веществомъ, содержащимся въ верескѣ, и, проникая въ подпочву, склеиваетъ песчинки и образуетъ изъ нихъ плотный туфъ красноватаго цвѣта, совершенно похожій на аліосъ (alios, родъ желѣзняка) ландовъ Гаскони и Ютландіи; туфъ этотъ тоже содержитъ во многихъ мѣстахъ желѣзо, которое можно добывать какъ руду. Есть причины думать, что нѣкоторыя части Кампины нѣкогда были гораздо болѣе обработаны, чѣмъ въ половинѣ текущаго столѣтія, до обширныхъ работъ, предпринятыхъ съ цѣлью пріобрѣтенія этой пустынной области для земледѣльческой промышленности. Подъ поверхностнымъ слоемъ почвы находили поваленныя высокоствольныя деревья, оружіе, остатки строеній. Извѣстно, что въ средніе вѣка большія аббатства были окружены обширными пространствами воздѣланныхъ земель; но во время войнъ шестнадцатаго столѣтія населеніе принуждено было бѣжать изъ деревень въ города, какъ въ болѣе безопасныя мѣста, и дикія растенія снова завладѣли почвой [1]).

Сосѣдняя съ Кампиной провинція, Фландрія, составляетъ и въ геологическомъ отношеніи непосредственное ея продолженіе. Поверхностные слои почвы въ этой провинціи также состоятъ изъ песковъ морскаго происхожденія, а ниже слѣдуютъ, на большой глубинѣ, относительно недавнія формаціи, какъ это обнаружилось при буреніи артезіанскаго колодца въ Остенде. Буровой снарядъ встрѣтилъ, на глубинѣ 300 метровъ, подъ мѣловыми слоями, грунтъ, принадлежащій, какъ полагаютъ, къ силурійской формаціи [2]): только на такой большой глубинѣ находятся здѣсь твердые континентальные пласты, которые въ Арденнахъ залегаютъ на высотѣ 600 слишкомъ метровъ надъ уровнемъ моря. Работы по возведенію укрѣпленій въ Антверпенѣ (Anvers) тоже дали возможность изслѣдовать часть этого древняго морскаго дна, обнаживъ большія третичныя отложенія, которыя содержатъ тысячами кости китовъ и тюленей, пресмыкающихся, рыбъ и птицъ, словомъ — цѣлую исчезнувшую фауну. Неплодородные пески Фландріи давали бы очень плохіе урожаи, если бы жители не догадались извлечь на поверхность глинистую подпочву; этимъ способомъ они превратили свою землю, отъ природы безплодную, въ плодоноснѣйшія поля; они создали изъ песчаной пустыни «эту прекрасную Фландрію, лучшее графство во всемъ христіанскомъ мірѣ», какъ говаривалъ одинъ изъ ея сыновъ, великій географъ Ортелій. Край ихъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ можетъ сдѣлаться, благодаря труду, и самая Кампина въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Впрочемъ, песчаныя земли Фландріи во многихъ мѣстахъ, особенно въ сосѣдствѣ съ морскимъ прибрежь-

[1]) Ванъ-Беммель, „Patria Belgica", I.
[2]) Alph. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".

[1]) Эм. де-Лавеле, „Patria Belgica", t. I, p. 511.
[2]) Мишель Мурлонъ, „Patria Belgica", t. I, p. 180.

емъ, продолжаются пространствами, которыя прежде были покрыты торфомъ, но которыя плугъ земледѣльца такъ же преобразилъ, какъ и безплодные пески. Такъ, напримѣръ, мѣстность Весъ (Waes) нѣкогда представляла одно огромное болото: и теперь еще видны тамъ и сямъ остатки прежнихъ торфяниковъ, а широкія канавы, прокопанныя между полями, еще до краевъ наполнены водой; но жирная земля въ этихъ мѣстахъ сама по себѣ очень плодородна, и трудолюбивые фламандцы съумѣли расчистить ее и превратили топкія болота въ настоящій садъ. Поля, обнесенныя изгородью, обсаженныя высокими деревьями, по большей части разбиты правильными четыреугольниками; въ каждомъ хуторѣ стоитъ домикъ, скромный по наружности, но чистенькій, удобно устроенный, украшенный цвѣтниками, окружен-



Сліяніе Мааса съ Самброю у Намюра.

ный овинами и сараями. Деревень здѣсь мало; издали кажется, что вся мѣстность сплошь покрыта лѣсами, такъ какъ всѣ постройки спрятались въ зелени.

Внутреннія озера (по мѣстному moeres), образовавшіяся вслѣдствіе скопленія водъ у восточнаго основанія пояса дюнъ, были осушены человѣкомъ, какъ и болота области Весъ, и превращены въ польдеры, подобные голландскимъ, хотя и менѣе обширные. И здѣсь, какъ въ Голландіи, поверхность почвы лежитъ ниже средняго уровня моря; и здѣсь обработанныя земли защищены отъ вторженія рѣкъ и приливовъ высокими и крѣпкими плотинами; и здѣсь поля разрѣзаны правильно на прямоугольные островки каналами, по которымъ земледѣльцы плаваютъ на своихъ маленькихъ лодкахъ; почти всѣ названія мѣстъ напоминаютъ прежнее полужидкое состояніе здѣшней почвы [1]). Прежде этотъ край имѣлъ очень нездоровый климатъ, такъ что въ здоровыхъ мѣстностяхъ внутренней Бельгіи съ ужасомъ говорили объ «ипрской или эйперской смерти» (mort d'Ypres). Равнина эта еще не вполнѣ ассенирована растительностью, и болотные міазмы, поднимающіеся лѣтомъ изъ лощинъ, значительно увеличиваютъ смертность въ городахъ западной Фландріи [2]); но въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этою нездоровою областью находятся главныя санитарныя станціи Бельгіи, города съ морскими купальнями, привлекающіе массу посѣтителей въ лѣтнее время.

Поясъ приморскихъ дюнъ, составляющій внѣшній оплотъ страны со стороны моря, такъ малъ по своему протяженію, такъ узокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ невысокъ, что теперешніе размѣры его кажутся ничтожными въ сравненіи съ прежними песчаными буграми Кампины: общая площадь этого пояса исчисляется нынѣ только въ 374 гектара. Сравненіе старинныхъ картъ съ новѣйшими документами вполнѣ подтверждаетъ распространенное въ народѣ преданіе о постепенномъ уменьшеніи кордона дюнъ. Въ послѣдніе десять вѣковъ этотъ естественный оборонительный валъ несомнѣнно убавился въ толщину; въ то же время онъ былъ прорванъ во многихъ мѣстахъ напоромъ водъ, и эти опустошительныя нашествія моря заставили прибрежныхъ жителей искать убѣжища въ сосѣднихъ государствахъ [3]); выселившіеся отсюда фламандцы основали многочисленныя колоніи въ Германіи и даже въ Трансильваніи, гдѣ ихъ потомки извѣстны теперь подъ именемъ саксонцевъ. Такъ, въ 1334 году сильною бурей было разрушено нѣсколько городовъ на морскомъ берегу, между прочимъ, Скарфутъ, и въ сосѣдствѣ возникшаго впослѣдствіи на его мѣстѣ города Бланкенберге (Blankenberghe, т. е. «Бѣлыя горы») теперь не существуетъ уже ни одной изъ тѣхъ дюнъ, отъ которыхъ онъ получилъ свое имя, и которыя фигурируютъ въ его гербѣ [1]). Еще недавно, въ 1877 году, большая часть песчаныхъ бугровъ, которые возвышались между Остенде и Маріакерке, была снесена въ море во время бури. Въ давнія времена дюны, гонимыя волнами моря, могли безпрепятственно распространяться внутрь материка по равнинѣ и по болотамъ, простиравшимся вдоль ихъ восточнаго основанія, но со времени заселенія края имъ пришлось вести борьбу съ человѣкомъ, который упорно защищаетъ расчищенныя имъ съ такими усиліями культурныя земли отъ губительнаго вторженія сыпучихъ песковъ. Очутившись, такимъ образомъ, между двухъ противоположныхъ силъ, между слѣпымъ моремъ съ одной стороны и сознательнымъ трудомъ земледѣльца съ другой, поясъ песчаныхъ холмовъ естественно долженъ былъ уменьшаться изъ вѣка въ вѣкъ, и теперь, для того, чтобы оградить территорію, которую прежде защищали эти бугры, нужно строить съ большими издержками плотины и жете. Не разумнѣе ли было бы заботливо сохранять то, что еще уцѣлѣло отъ прежнихъ дюнъ, и укрѣпить ихъ насажденіями тростниковъ и осинъ? Безъ этого воды моря могутъ опять завоевать территорію, которую онѣ нѣкогда покрывали.

Приводимъ высоты нѣкоторыхъ пунктовъ Бельгіи: Баракъ-Мишель (Арденны)—689 метр. Средн. высота области Кондрозъ—225 метр. Монъ-Триниге (близъ Турне)—146 метр. Пелленбергъ (близъ Лувена)—101 метр. Дюны, средняя высота,—отъ 10 до 12 метр. Арлонъ—444 метр. Ставелотъ—280 метр. Шарлеруа—100 метр. Люттихъ—60 метр. Брюссель—15 метр. Гентъ—5 метр. Греневдикъ, близъ Сенъ-Жиль-Весъ—0,77 метр.

Бельгія занимаетъ такое ограниченное пространство, что ни одна большая рѣка не принадлежитъ ей на всемъ своемъ теченіи отъ истока до устья; но она захватываетъ бассейны двухъ рѣкъ, текущихъ къ иностраннымъ большимъ рѣкамъ: французская рѣка Уаза беретъ начало въ Бельгіи, недалеко отъ Шиме; точно также рѣка Сюръ или Зауеръ, маленькій притокъ нѣмецкаго Мозеля, а черезъ него и Рейна, выходитъ изъ ущелій бельгійскихъ Арденновъ и затѣмъ протекаетъ извилистой линіей черезъ великое герцогство Люксембургское, гдѣ она является главною рѣкой. Рѣки Маасъ и Шельда, которыя уносятъ въ море почти весь избытокъ дождевыхъ водъ, выпадающихъ въ Бельгіи, въ общихъ чертахъ похожи другъ на друга напра-

[1]) Joossens, „Bulletin de la société belge de géographie", 3,1877.

[2]) Meynne, „Topographie médicale de la Belgique".

[3]) Emile de Borchgrave, „Essai historique sur les colonies belges".

[1]) Bortier, „Le littoral de la Flandre au neuvième et au dix-neuvième siècle".

вленіемъ и извилинами своего теченія; равнымъ образомъ замѣчается нѣкоторый параллелизмъ между главными долинами низменности: это происходитъ оттого, что ложе ихъ было какъ-бы заранѣе начертано формой рельефа, наклономъ почвы и расположеніемъ желобовъ или бороздъ, образовавшихся вслѣдствіе изгиба или разрыва верхнихъ пластовъ, и въ которыхъ должны были течь воды [1]). Выходя изъ предѣловъ французской территоріи, Маасъ и Шельда текутъ въ сѣверномъ направленіи; затѣмъ, по соединеніи съ главнымъ западнымъ притокомъ, обѣ рѣки вдругъ поворачиваютъ на сѣверо-востокъ и слѣдуютъ по долинѣ, открывающейся на продолженіи той, изъ которой вышелъ ихъ притокъ: такъ, Маасъ какъ будто продолжаетъ собою Самбру, а Шельда становится нижнимъ теченіемъ рѣки Лисъ. Наконецъ, прежде, чѣмъ покинуть бельгійскую территорію и вступить на почву Голландіи, обѣ названныя главныя рѣки снова принимаютъ свое нормальное направленіе съ юга на сѣверъ, и потомъ каждая изъ нихъ изгибается къ западу, приближаясь къ морю. Кромѣ того, Маасъ и Шельда представляютъ сходство еще въ томъ отношеніи, что наибольшее количество воды онѣ получаютъ съ восточной стороны, какъ того требуетъ общій скатъ мѣстности, наклоненной по направленію отъ Арденновъ къ океану.

Но самое это сходство дѣлаетъ еще болѣе поразительнымъ контрастъ, представляемый двумя важнѣйшими рѣками Бельгіи въ другихъ отношеніяхъ. Маасъ (Meuse по-французски, Mouse по-валлонски, Maes, Maas по-фламандски и голландски,) наиболѣе многоводный изъ этихъ двухъ потоковъ,—хотя бассейнъ его обнимаетъ не самую значительную часть территоріи государства,—можно назвать почти горною рѣкой, въ сравненіи съ тихой Шельдой. На пространствѣ отъ Мезьера до Намюра, Маасъ, вступающій въ Бельгію на высотѣ около 100 метровъ, идетъ прямо черезъ Арденны, вмѣсто того, чтобы обогнуть ихъ на западѣ, какъ это, повидимому, указывалъ ему наклонъ почвы. Шиферныя или кварцевыя скалы, разрѣзанныя въ видѣ высокихъ мысовъ, поднимаются метровъ на 50 и даже на 100 надъ поверхностью теченія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ береговъ виденъ верхній край арденнскихъ плато, возвышающихся метровъ на 300 надъ уровнемъ этихъ береговъ. Города и деревни, тѣснящіеся на узкомъ берегу рѣки, лѣпятся своими предмѣстьями вверхъ по скату сосѣднихъ утесовъ; древніе замки, теперь развалины, замѣненныя въ иныхъ мѣстахъ новѣйшими укрѣпленіями, высятся на вершинахъ крутыхъ скалъ, которыя своими странными, неправильными формами еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе, производимое дикимъ видомъ горныхъ ущелій [1]). Андре Дюмонъ, а за нимъ и другіе геологи пришли къ тому заключенію, что въ значительной части пролома въ массѣ Арденновъ Маасъ воспользовался существовавшимъ тутъ взбросомъ почвы, такъ какъ стѣны утесовъ по ту и другую сторону рѣки не соотвѣтствуютъ между собою, и мѣстами встрѣчаются даже формаціи, принадлежащія къ разнымъ геологическимъ эпохамъ: такъ, напримѣръ, близъ развалинъ замка Пуальвашъ, противъ каменноугольныхъ сланцевъ на другомъ берегу находимъ известняки той же формаціи [2]). Но если разсѣлины плоскогорья облегчили проходъ рѣки, то вся ея долина, очевидно, не могла образоваться иначе, какъ постепеннымъ поднятіемъ страны: каждая извилина все болѣе углублялась по мѣрѣ того, какъ поднимались ея берега.

Известковыя части горныхъ породъ, пересѣкаемыхъ Маасомъ и его притоками въ Арденнахъ и Кондрозѣ, изрѣзаны во многихъ мѣстахъ трещинами, гдѣ воды дождей или ручьевъ исчезаютъ подъ землей, послѣ чего снова выходятъ на поверхность на значительномъ разстояніи, или въ той же самой долинѣ, или въ другой. Слои водо-непроницаемой глины, наполняющіе очень многія впадины въ самой низкой области Арденновъ, образуютъ естественныя запруды; вода, задерживаемая этими препятствіями, должна искать себѣ другаго выхода и вытекаетъ черезъ трещины холмовъ, называемыя въ краѣ «aiguigeois» или «chantoirs». Самая большая изъ этихъ трещинъ—знаменитый гротъ Ганъ, въ который низвергается Лесса, одинъ изъ восточныхъ притоковъ Мааса. Прежде эта рѣка (Лесса) огибала скалу на поверхности земли, да и нынѣ еще, при большихъ разливахъ, нѣкоторая часть ея водъ утекаетъ черезъ этотъ поверхностный каналъ; но нормальное ложе было пробито теченіемъ рѣки въ самой внутренности камня. Рѣка, называемая Ломмъ (Lhomme), также проходила бы вся подъ южною частью города Рошфоръ, если бы не преградили входъ въ подземный каналъ, чтобы заставить ее течь по старому руслу. Подобно большей части известковыхъ пещеръ, гроты Ганъ и Рошфорскій состоятъ изъ галлерей и залъ разной величины, украшенныхъ бѣлыми или сѣроватыми сталактитами, въ которыхъ воображеніе можетъ представлять себѣ самые фантастическіе предметы, отъ кружевъ фей до статуй и храмовъ боговъ. Эти гроты и другія пещеры,—менѣе обширныя, но еще болѣе любопытныя, потому что онѣ менѣе измѣнены рукой человѣка,—способствуютъ, вмѣстѣ съ высокими утесами и живописно раскинутыми лѣсами и пастбищами, справедливо заслуженной славѣ этихъ глубокихъ долинъ бассейна бельгійскаго Мааса. Извилистая Семуа (Semoy), окаймленная на сѣ-

[1]) J. C. Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique".

[1]) J. C. Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique".

[2]) E. Dupont, „Patria belgica", I.

верѣ отлогими скатами тріаса, на югѣ крутыми склонами юрскихъ формацій; Лесса (la Lesse), текущая между высокихъ скалъ, изрытыхъ по бокамъ пещерами; Урта (l'Ourthe), посѣщаемая лѣтомъ многочисленною публикой изъ Люттиха, и ея притокъ Амблева (Amblève), богатый водопадами, скалами, старинными за́мками; Весдра (Vesdre), то скрывающаяся, то появляющаяся передъ взорами путешественниковъ, уносимымъ поѣздами желѣзныхъ дорогъ, — всѣ эти рѣки, такъ же, какъ и самый Маасъ, славятся своими прекрасными ущельями и живописными берегами. Въ двухъ мѣстахъ Весдра исчезаетъ и течетъ подземными галлереями, разъ между Лимбургомъ и Вервье, другой—близъ Пепинстера [1].

Подобно Сенѣ, такъ хорошо изслѣдованной Бельграномъ, Маасъ нѣкогда былъ могучею рѣкой, въ родѣ Миссисипи. Боковыя террасы, илъ и галька, оставленные на древнихъ берегахъ, высокіе гроты береговыхъ утесовъ, наполненные нѣсколькими лежащими одинъ на другомъ слоями рѣчныхъ насосовъ, доказываютъ, что въ четвертичные вѣка Маасъ достигалъ высоты, превосходившей метровъ на 60 средній уровень нынѣшнихъ водъ, и что рѣка имѣла отъ 7 до 8 километровъ въ ширину выше Динанскаго ущелья, гдѣ нынѣ разстояніе между берегами не болѣе 60 метровъ [2]. Даже въ текущемъ геологическомъ періодѣ Маасъ, какъ кажется, уменьшился въ объемѣ: многія указанія, разсѣянныя въ старинныхъ хроникахъ, свидѣтельствуютъ, что лѣтъ четыреста или пятьсотъ тому назадъ эта рѣка была значительно многоводнѣе, чѣмъ въ наши дни [3]; только цѣной огромныхъ суммъ, посредствомъ устройства нѣсколькихъ запрудъ со шлюзами, инженерамъ удалось въ новѣйшее время дать канализованному Маасу глубину 2 метра 10 сантиметровъ, достаточную для плаванія маленькихъ пароходовъ; теперь установленъ правильный судоходный путь отъ Седана до Люттиха по ложу Мааса, затѣмъ по боковому каналу, проведенному отъ Люттиха до Маастрихта [4]. Маасъ при выходѣ изъ предѣловъ Бельгіи, на высотѣ 25 метровъ, представляетъ почти двадцатую часть того Рейна, на встрѣчу которому текутъ его воды, и съ которымъ онъ соединяется, чтобы сообщить ему свое имя.

Длина Мааса до сліянія съ Рейномъ или Валомъ: 790 километровъ; длина Мааса въ Бельгіи 194 километровъ. Среднее количество протекающей воды: при входѣ Мааса въ Бельгію (по Гильери) 40 куб. метр. въ сек.; у Люттиха 65 куб. метр. въ сек.; при выходѣ изъ Бельгіи 90 куб. метр. въ сек.

[1] J. C. Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique".
[2] „Annales des travaux publics de Belgique", III, 1845.
[3] E. Dupont, „Patria Belgica", t. I, p. 56 и suiv.
[4] Emil Tandel, „Рукописныя замѣтки".

Шельда (Schelde по-фламандски, l'Escault по-французски) заключаетъ въ своемъ бассейнѣ большую часть Бельгіи, то-есть почти всю область равнинъ. По выходѣ изъ Франціи, эта рѣка все время течетъ по ровной мѣстности, исключая развѣ окрестностей Турне, гдѣ она омываетъ основаніе незначительныхъ холмовъ. Тамъ средній ея уровень находится на высотѣ всего какихъ-нибудь 16 метровъ; поэтому Шельду нетрудно было преобразовать въ большой судоходный каналъ, раздѣливъ ее на шесть бассейновъ разной длины. Впрочемъ, не успѣла еще рѣка пробѣжать половины своего пути по бельгійской территоріи, какъ уже теченіе ея усиливается отливомъ. У города Гента, гдѣ Шельда принимаетъ въ себя притокъ Лисъ (Lys), берущій свое начало тоже во Франціи, воды ея встрѣчаются съ морскимъ приливомъ, который достигаетъ въ этомъ мѣстѣ 1 метра 19 сантиметр. средней высоты и продолжается болѣе четырехъ часовъ [1]; приливная волна распространялась бы еще гораздо выше по рѣкѣ, особенно во время засухи, если бы движеніе ея не было задерживаемо шлюзами. Ниже Гента, Шельда, чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ болѣе принимаетъ характеръ морскаго лимана. Прѣсная вода составляетъ, среднимъ числомъ, только около стодвадцатой части въ жидкой массѣ, наполняющей Зеландскій рукавъ моря, называемый западной Шельдой [2]; во́ды рѣки утрачиваютъ соленость только въ небольшомъ разстояніи ниже Антверпена. На югѣ отъ этого города приливъ поднимается не только вверхъ по Рупелю, главному притоку Шельды, но даже и по тремъ образующимъ его рѣчкамъ — по Нетѣ (Nethe) до Ліера, по Дилѣ (Dyle) до Мехельна, по Сеннѣ (Senne) до Вильворде, отстоящаго на 11 километровъ отъ Брюсселя. Хотя эти три потока представляютъ собою избытокъ всей жидкой массы, падающей изъ атмосферы на пятую часть пространства Бельгіи,—они имѣютъ видъ большихъ ручьевъ до тѣхъ поръ, пока не усиливаются приливной волной; Рупель, образующійся изъ ихъ соединенія, обязанъ морю своей шириной, глубиной и режимомъ своихъ водъ: это скорѣе морской каналъ, чѣмъ прѣсноводная рѣка. Въ прежнее время сельди поднимались вверхъ по Рупелю огромными стаями, и прибрежные жители ловили эту рыбу массами для удобренія своихъ полей [3], а тюлени и теперь еще иногда появляются въ водахъ Антверпена.

Во всей низменной части Бельгіи различные потоки такъ хорошо канализованы и соединены одинъ съ другимъ посредствомъ судоходныхъ путей, естественныхъ и искусственныхъ, что среди этой водной сѣти теперь невозможно распознать прежнее теченіе водъ: каналы,

[1] Stessels, „Port d'Anvers".
[2] Alph. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".
[3] Van Beneden, «Patria Belgica», t. I.

рѣчки и ручьи сдѣлались дотого похожими, что ихъ легко смѣшать. По изслѣдованіямъ Вифкена (Vifquain) и другихъ гидрографовъ, Шельда, Лисъ, Диле, Дендра, которыя нынѣ изливаются въ море черезъ одно и то же устье, впадали прежде въ разные морскіе бассейны и обязаны своимъ соединеніемъ труду человѣка. Рѣка Лієва (Lieve), соединяющаяся теперь съ Шельдой и Лисъ въ городѣ Гентѣ, прежде была, какъ кажется, рукавомъ этой послѣдней, который потомъ отдѣлился отъ главной рѣки [1]). Вообще сѣть естественныхъ потоковъ и искусственныхъ каналовъ въ этой области до такой степени перепутана, что самый ученый географъ-историкъ не въ состояніи оріентироваться въ этомъ хаосѣ водъ; можно сказать, вмѣстѣ съ Альфонсомъ Бельперомъ, что, благодаря многочисленнымъ каналамъ страны, рѣка Лисъ течетъ по всѣмъ направленіямъ, продолжаясь до Брюгге и Остенде, хотя оффиціально теченіе ея оканчивается въ Гентѣ. Этотъ послѣдній городъ, опасаясь наводненій отъ разлива протекающихъ черезъ него рѣкъ Шельды и Лисъ, не переставалъ, въ продолженіе почти тысячи лѣтъ, рыть водоотводные каналы къ нижней Шельдѣ, чтобы избавиться отъ излишка водъ, а голландцы, владѣющіе заливомъ, куда впадаетъ эта рѣка, нерѣдко заваливали эти предохранительные рвы, вслѣдствіе чего гентцы принуждены были рыть въ другихъ пунктахъ, увеличивая такимъ образомъ лабиринтъ каналовъ. Точно также главный лиманъ Шельды слѣдовалъ прежде совсѣмъ другому направленію; въ историческія времена онъ не переставалъ наклоняться къ западу. Нѣкогда Гонтъ, или западная Шельда, сдѣлавшаяся нынѣ главнымъ торговымъ путемъ Антверпена и всей Бельгіи, была простымъ протокомъ, очень мелкимъ, доказательствомъ чего служитъ тотъ фактъ, что въ 1058 году цѣлыя процессіи, странствовавшія изъ деревни въ деревню, направлялись вдоль фландрскаго берега и безъ труда переходили на островъ Вальхеренъ [2]). Если вѣрить средневѣковымъ хроникамъ, въ 1173 г. дюны во Фландріи и на Вальхеренѣ были на большомъ протяженіи снесены вѣтромъ, и черезъ образовавшееся въ этомъ мѣстѣ широкое отверстіе воды моря получили доступъ въ Шельду [3]); этотъ новый лиманъ вначалѣ носилъ названіе «Доллартъ» (то-есть «Бѣшеный»), подобно заливу Фрисландіи, въ который впадаетъ рѣка Эмсъ [4]). До этого вторженія морскихъ водъ западная Шельда соединялась съ Маасомъ черезъ рукавъ восточной Шельды, проходя въ сосѣдствѣ Бергенъ-опъ-Цоома и Толена; въ 1867 году этотъ проливъ былъ уже такъ узокъ, что черезъ него можно было перекинуть желѣзнодорожный путеводъ, а теперь онъ окончательно засорился пескомъ.

Когда морскія воды могли свободно входить въ Шельду, вся нижняя часть ея, отъ Антверпена до устья въ собственномъ смыслѣ, имѣла скорѣе видъ залива, нежели рѣки. Теченіе ея легко перемѣщалось среди тинистаго побережья, смотря по напору приливовъ и бурныхъ вѣтровъ; въ часъ прилива вода разливалась на необозримое пространство по такъ называемымъ шорренамъ (schorrens), которые опять показывались въ періодъ отлива, пересѣкаемые по всѣмъ направленіямъ каналами съ измѣнчивымъ ложемъ. Даже выше Антверпена Шельда, усиленная приливной волною, была настолько широкою рѣкой, что непріятельскіе флоты могли сражаться на ней, точно на морѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1302 г. мехельнскіе корабельщики, воевавшіе съ герцогомъ Брабантскимъ, были разбиты войсками этого государя на обширной водяной площади, находившейся при сліяніи Рупеля, въ мѣстности, которая въ наши дни почти вся занята гингенскими польдерами. Среди аллювіальныхъ земель возвышались doncken, искусственные холмики, подобные голландскимъ terpen.

Но, начиная съ одиннадцатаго столѣтія, прибрежные жители стали обводить плотинами эти затопляемыя приливомъ пространства и превращать ихъ въ культурныя земли; въ двѣнадцатомъ вѣкѣ хроники уже опредѣленно говорятъ объ устройствѣ плотинъ на шорренахъ Шельды; подъ 1124 годомъ упоминается о польдерѣ Лилло, ниже Антверпена [1]). Эмиль де-Лавеле исчисляетъ въ 50.000 гектаровъ земледѣльческую площадь, которою увеличилась Бельгія съ тринадцатаго столѣтія посредствомъ обведенія польдеровъ плотинами; съ 1815 года пріобрѣтеніе этимъ путемъ новыхъ земель превышаетъ 8.000 гектаровъ, и культурная территорія можетъ еще много увеличиться, такъ какъ лиманъ Шельды, отъ Флессингена до Бургта, выше Антверпена, обнимаетъ, смотря по высотѣ прилива, отъ 22.352 до 33,612 гектар. [2]). Но осуществленіе какого-либо общаго плана по преобразованію этихъ періодически заливаемыхъ водою земель въ пахатныя поля, защищенныя плотинами, сдѣлалось очень затруднительнымъ по причинѣ раздѣленія территоріи между двумя независимыми государствами, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои спеціальные интересы и собственный корпусъ инженеровъ, слѣдующій своимъ особеннымъ традиціямъ. Нынѣшнія завоеванія земледѣлія въ этой области составляютъ частію лишь возвратъ пространствъ, присоединенныхъ къ твердой землѣ

[1]) Du Fief, „Patria Belgica", II.
[2]) Alph. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".
[3]) Stessels, „Le Port d'Anvers".
[4]) Карта Фландріи, составл. Меркаторомъ; — Wauwermanns, „Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers", t. 1, 5 fasc. 1877.

[1]) Куммеръ, „Annales des traveaux publics de Belgique", II, 1874.
[2]) Стессельсъ, „Le port d'Anvers".

въ прежнія времена, начиная съ половины шестнадцатаго столѣтія. Осада Антверпена герцогомъ пармскимъ Александромъ Фарнезе, продолжавшаяся съ 1583 по 1585 годъ,—осада, которая была однимъ изъ крупныхъ военныхъ фактовъ въ исторіи Нидерландовъ, — имѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма важное значеніе для физической географіи страны; физіономія края совершенно измѣнилась, и до сихъ поръ еще можно видѣть слѣды этого великаго событія въ равнинахъ Антверпенской области: нѣкоторые изъ прежнихъ польдеровъ Заафтингена, простиравшіеся къ сѣверу отъ Гульста, на голландской территоріи, остаются и понынѣ подъ водой, равно какъ и другія пространства, затопленныя еще въ 1542 году, во время сильной бури. Взамѣнъ того, болота, осушенныя и защищенныя плотинами по распоряженію пармскаго герцога, и теперь еще принадлежатъ къ плодоноснѣйшимъ мѣстностямъ Бельгіи: къ этой эпохѣ относится преобразованіе большей части области Весъ въ цвѣтущій садъ [1]). При концѣ осады поверхность затопленныхъ польдеровъ превышала 300 кв. километровъ; выше Антверпена берега Рупеля были покрыты водой почти до самаго Мехельна; ниже—почти всѣ земли, которыя прибрежные жители успѣли оградить плотинами, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія, были снова отданы во власть моря, однѣ—осажденными, которые хотѣли этимъ средствомъ заставить удалиться непріятельскія войска, другія—осаждающими, которымъ нужно было открыть проходъ своимъ кораблямъ. Самыя ожесточенныя и кровопролитныя битвы происходили на узкой земляной насыпи, соединявшей фортъ св. Іакова съ фортомъ св. Креста, и обладаніе которою составляло для обѣихъ воюющихъ армій вопросъ жизни или смерти. Часто траншеи, уже выведенныя для разрыва насыпей, наполнялись трупами убитыхъ воиновъ.

Длина теченія Шельды, отъ истока до Антверпена—332 километр.; длина теченія ея въ Бельгіи—212 километр.; средній дебитъ этой рѣки при входѣ ея въ Бельгію—57(?) кубич. метр. въ секунду; въ устьѣ, по Бельперу—200(?) кубич. метр. въ секунду.

Еще болѣе значительныя перемѣны,—сравнительно съ перемѣнами, произведенными на берегахъ Шельды,—совершены были трудомъ человѣка въ бассейнѣ Изера (Yser или Ijzere) и другихъ рѣчекъ, впадающихъ непосредственно въ Сѣверное море. При устьяхъ этихъ маленькихъ потоковъ древнія бухты совершенно исчезли отъ дѣйствія постепенно отлагавшихся морскихъ наносовъ; торговые порты превратились въ земледѣльческія селенія, и бассейны, въ которыхъ плавали большіе купеческіе корабли, смѣнились польдерами, гдѣ теперь можно встрѣтить только паромы да крестьянскіе челноки, снующіе по водоотводнымъ рвамъ и канавамъ. Въ 1116 году портъ Ломбардзидъ былъ совершенно засыпанъ пескомъ во время сильной бури, вслѣдствіе чего принуждены были открыть «Новый портъ» (Nieuport, Nieuwport), который, благодаря теченію рѣки Изеръ, сохранился до сего дня. Брюгге—тоже одинъ изъ этихъ покинутыхъ портовъ: прежде здѣсь корабли могли легко подниматься съ приливомъ, что̀, вѣроятно, и было причиной основанія города въ этомъ мѣстѣ. Впослѣдствіи большія суда должны были останавливаться въ городкѣ Дамме, куда иногда заразъ, въ одинъ приливъ, входило по 100 и по 150 судовъ. Такъ какъ отложеніе наносовъ и обмелѣніе водъ продолжалось непрерывно, то главный портъ основался гораздо ниже на лиманѣ Цвинъ, тамъ, гдѣ въ 1213 году происходила страшная морская битва при Слюйсѣ (Sluis, l'Ecluse, т. е. шлюзъ) между флотомъ Филиппа-Августа, состоявшимъ изъ 200 парусныхъ судовъ, и союзными флотами фламандцевъ и англичанъ. Въ свою очередь, и рейдъ Слюйса постепенно обмелѣлъ, такъ что въ наши дни даже маленькія шлюпки въ нѣсколько тоннъ вмѣстимости съ трудомъ поднимаются до пограничной голландской деревни. Колоссальныя плотины Слюйса, о которыхъ говоритъ Дантъ въ своей «Божественной комедіи» [1]), сдѣлались безполезны какъ оплотъ противъ вторженій моря; послѣднее само отступаетъ отъ береговъ, и заливъ Цвинъ, еще столь обширный въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, какъ показываетъ карта его, оставленная живописцемъ Петромъ Пурбусомъ въ ратушѣ города Брюгге, представляетъ въ настоящее время лишь незначительный вырѣзокъ въ линіи побережья, который инженеры предлагаютъ совсѣмъ завалить. Голландское мѣстечко Слюйсъ, съ его грозными укрѣпленіями, которымъ теперь нечего болѣе защищать, бельгійскій городокъ Дамме, съ его прекрасными муниципальными зданіями, почти покинутыми, наконецъ, и самый городъ Брюгге (Bruges), съ его пустынными улицами, свидѣтельствуютъ своимъ видомъ о важныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ географіи страны. Правда, «сѣверная Венеція», какъ называли въ старину Брюгге, была снова соединена съ моремъ посредствомъ канала, глубиною болѣе четырехъ съ половиною метровъ, впадающаго въ Остендскій портъ, но прежняя кипучая торговая жизнь не вернулась.

Въ то время, какъ воды морской поверхности приносятъ песокъ, изъ котораго образуются прибрежныя дюны, и илъ, который постепенно засариваетъ лиманы, нижніе слои жидкой массы не перестаютъ подтачивать подводное основаніе береговъ. Куски торфа, гдѣ находятъ дубовые

[1]) Мотлей, „Исторія Нидерландовъ".

[1]) „Inferno", XV, 4—6.

листья, лѣсные орѣхи и даже сѣмена дрока, равно какъ другіе обломки, происходящіе отъ погрузившихся въ море земель, каждый день выбрасываются волной на низкій песчаный берегъ, свидѣтельствуя о процессѣ размыванія, совершающемся въ глубинахъ моря. На берегу, около деревни Гейстъ (морскія купальни), между остатками нынѣ живущихъ въ Сѣверномъ морѣ видовъ моллюсковъ, иногда встрѣчается ископаемая раковина эоценовыхъ формацій, cardita planicosta [1]). Достовѣрно извѣстно, что побережье бельгійской Фландріи уже въ историческую эпоху отступило передъ надвигающимся моремъ внутрь материка, по крайней мѣрѣ, къ востоку отъ Ньюпорта: доказательства, собранныя Антуаномъ и Альфонсомъ Бельперъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи [2]). Городъ Остенде формой своего берега тоже указываетъ на слѣды разрушительнаго дѣйствія морскихъ волнъ въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій: морская плотина, на которой стояла старая цитадель, выступаетъ метровъ на двѣсти изъ-за общаго профиля побережья; пространство, на которомъ она была построена, сохранилось на прежнемъ мѣстѣ, тогда какъ по обѣ стороны его низкій песчаный берегъ долженъ былъ отступить передъ водами моря. Въ цѣломъ, побережье Бельгіи, въ томъ видѣ, какой оно приняло съ той поры, какъ заливы его засорились, отличается замѣчательною правильностью: оно почти прямолинейно; но чтобы защитить его отъ нападеній моря, принуждены были построить во многихъ мѣстахъ плотины, слѣдующія непрерывнымъ рядомъ вдоль берега. Въ Европѣ мало найдется морскихъ береговъ, которые приходилось бы укрѣплять при помощи сооруженій, подобныхъ, по громадности размѣровъ, дамбамъ и перемычкамъ, которыми усажены берега въ сосѣдствѣ городка Бланкенберге и селенія Гейстъ, и которые замѣнили собою древнюю плотину, извѣстную подъ именемъ «Плотины графа Жана». Все это побережье очень бѣдно раковинами, по причинѣ недостатка скалъ и подводныхъ камней, гдѣ онѣ могли бы прикрѣпляться: изъ общаго числа извѣстныхъ намъ видовъ моллюсковъ (около 9.000) въ пескахъ морскаго берега Бельгіи найдено было только 158 различныхъ видовъ [3]). Многочисленныя банки изъ мелкаго песку, чернаго или сѣроватаго, расположены параллельно берегу и кое-гдѣ возвышаются въ видѣ такъ называемыхъ поллертовъ (pollaerts), очень опасныхъ для мореплавателей, потому что во время отлива глубина на меляхъ не превышаетъ 3 метровъ; приливъ, средняя высота котораго около 4 метровъ, недостаточенъ для того, чтобы суда большаго водоизмѣщенія могли безопасно плавать среди этихъ скрытыхъ подъ водой камней.

[1]) Э. Дюпонъ, „Patria Belgica", I, p. 38.
[2]) „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".
[3]) Нистъ, „Patria Belgica", I, p. 392.

По своему положенію между океаническимъ поясомъ западной Европы и равнинами сѣверной Германіи, равно какъ по контрасту своихъ низменныхъ областей съ южными нагорьями, составляющими крайній выступъ скалистыхъ высотъ европейскаго континента, Бельгія принадлежитъ къ тремъ различнымъ климатамъ: на западѣ, температура временъ года и метеорологическія явленія тѣ же самыя, какъ во Франціи и Англіи на обоихъ берегахъ Па-де-Кале; на востокѣ, въ сосѣдствѣ съ Германіей, климатъ имѣетъ болѣе континентальный характеръ, — зимы холоднѣе, чѣмъ въ предъидущей полосѣ; на юго-востокѣ, въ области Арденнскаго плоскогорья, средняя температура всего года ниже, и мѣстные климаты болѣе разнятся между собою по причинѣ различія экспозицій (расположенія мѣстности относительно странъ свѣта, вѣтровъ и т. д.). Лѣтомъ вся низменная Бельгія, отъ Фюрна до Моресне, имѣетъ одинаковый климатъ: одни и тѣ же культурныя растенія созрѣваютъ тамъ въ одно и то же время; но зимой восточныя равнины часто бываютъ покрыты снѣгомъ, тогда какъ на западѣ, въ сосѣдствѣ съ атлантическимъ прибрежьемъ, снѣжные хлопья тотчасъ же таютъ, какъ только упадутъ на землю. Наконецъ, среднюю разность между температурой равнинъ Брабанта и Фландріи и нагорьемъ Готъ-Фанъ (Hautes Fagnes) можно считать равною 3 градусамъ. Эта разность въ 3 градуса между основаніемъ и вершинами Арденновъ равняется разности, которую путешественникъ наблюдаетъ, отправляясь съ береговъ Бельгіи къ берегамъ южной Норвегіи [1]). Средняя климата низменной Бельгіи очень близко подходитъ къ климату Брюсселя, лежащаго въ центральной области страны: это, впрочемъ, одинъ изъ городовъ міра, гдѣ метеорологическія явленія, благодаря трудамъ знаменитаго Кетле, были наилучше изучены [2]). Средняя температура Брюсселя немногимъ ниже средней температуры Парижа: изъ наблюденій, обнимающихъ періодъ времени въ 1833 по 1872 годъ, вычислено, что средняя температура года въ первомъ изъ этихъ городовъ равна 9°,24; средняя температура весны: 9°,13; лѣта: 17°,36; осени: 10°,27; зимы: 2°,87 [3]). Но крайности тепла и холода въ бельгійской столицѣ значительнѣе: въ январѣ и февралѣ различныхъ годовъ констатированы измѣненія температуры, достигав-

[1]) J. C. Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique"; „Patria Belgica, t. I.
[2]) Ad. Quetelet, „Météorologie de la Belgique, comparée à celle du globe".
[3]) Ernest Quetelet, „Bulletins de l'Académie de Belgique". 1875.

шія 32°,3 и даже 34°,8 [1]); разность между среднею температурой іюля и среднею температурой января равна 16 градусамъ; слѣдовательно, она четырьмя градусами больше, чѣмъ въ Англіи, шестью градусами меньше, чѣмъ въ центральной Германіи. Подобно тому, какъ это мы видимъ во всей западной Европѣ, воздушныя теченія, идущія съ запада и юго-запада, несутъ тепло, тогда какъ вѣтры, дующіе съ сѣвера и сѣверо-востока, охлаждаютъ атмосферу. Теплые или жаркіе вѣтры дуютъ всего чаще, даже во всѣ времена года; въ среднемъ выводѣ, вѣтры, дующіе изъ четверти горизонта, заключающейся между 15 градусами къ сѣверу и 75 градусами къ югу отъ истиннаго запада, одни уравновѣшиваютъ вѣтры, исходящіе изъ трехъ другихъ четвертей. Наблюденія показали, что сила атмосферныхъ теченій больше зимой, нежели лѣтомъ, больше днемъ, нежели ночью. Распространяясь отъ запада къ востоку, средній вѣтеръ Бельгіи принимаетъ направленіе все болѣе и болѣе косвенное въ отношеніи меридіана: когда онъ дуетъ съ юга въ Остенде и Гентѣ, онъ уже надъ Брюсселемъ уклоняется отъ этого направленія и дуетъ съ юго-запада; для городовъ же, лежащихъ близъ германской границы, этотъ вѣтеръ становится почти западнымъ [2]).

Такъ какъ въ Бельгіи преобладаютъ влажные вѣтры, дующіе съ Сѣвернаго моря и съ Атлантическаго океана, то воздухъ тамъ постоянно наполненъ водяными парами, и въ зимніе мѣсяцы очень часто бываютъ туманы. Въ Брюсселѣ средняя влажность воздуха: въ іюнѣ 75%, въ декабрѣ 93%. Количество дождевой воды, падающей на страну, значительно; будучи меньше количества, изливающагося на скаты Альпъ и Пиренеевъ, оно, несомнѣнно, превышаетъ жидкій столбъ, измѣряемый дождемѣрами въ равнинахъ Франціи. Почти вся западная полоса Бельгіи орошается въ продолженіе года 70 или 80 сантиметрами дождя, тогда какъ къ востоку отъ рѣки Маасъ количество дождевой воды возрастаетъ съ повышеніемъ рельефа почвы.

Средняя высота слоя дождей, выпадающаго въ теченіе года:

Гентъ—0,777 метр. (16 лѣтъ наблюд.); Брюссель—0,712 метр. (30 лѣтъ наблюд.); Лувенъ—0,721 метр. (13 лѣтъ наблюд.); Люттихъ—0,750 метр. (7 лѣтъ наблюд.); Ставелотъ—1,029 метр. (3 года наблюденій).

По всей Бельгіи дождливые дни очень часты; но число ихъ значительно разнится по годамъ: такъ, напримѣръ, въ Брюсселѣ въ 1857 году такихъ дней было только 154, а въ 1860 году ихъ насчитали 244; точно также количество выпадающей изъ атмосферы воды въ нѣкоторые годы бываетъ вдвое больше, чѣмъ въ другіе. Какъ бы то ни было, жители никогда не могутъ разсчитывать на рядъ ясныхъ дней; въ среднемъ выводѣ число безоблачныхъ дней не превышаетъ 12 въ годъ. По наблюденіямъ Ад. Кетле, въ Брюсселѣ, среднимъ числомъ, дождливыхъ дней бываетъ 197, туманныхъ 60, дней со снѣгомъ 25, дней съ градомъ 10 [1]). Сентябрь всегда самый тихій и самый ясный мѣсяцъ въ году.

II.

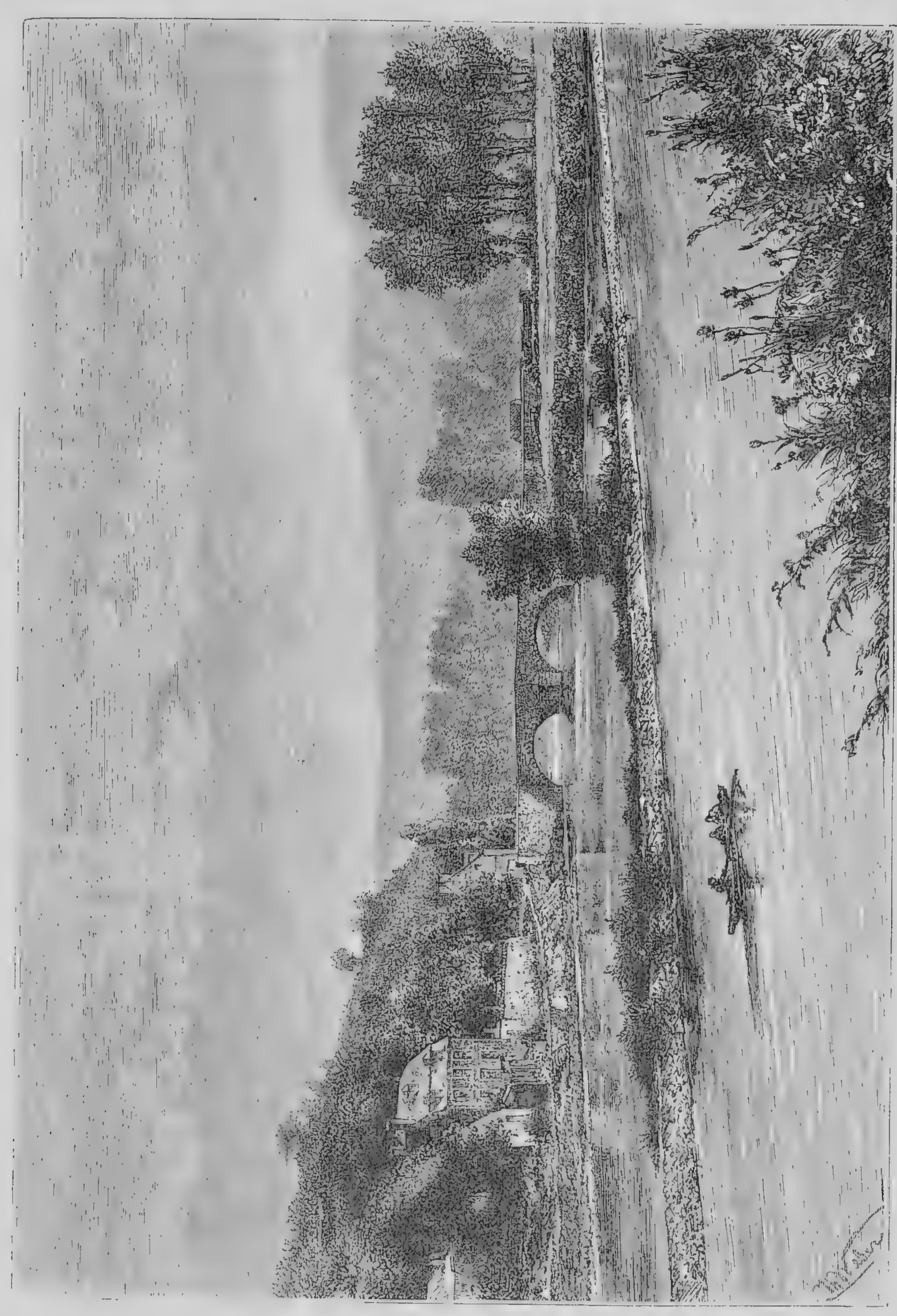
Такъ какъ Бельгія лежитъ подъ однимъ небомъ съ Галліей и Германіей, то и органическій міръ ея, естественно, долженъ былъ состоять, вообще говоря, изъ растеній и животныхъ той же самой породы; въ сравненіи съ сосѣдними странами, она представляетъ въ этомъ отношеніи лишь незначительныя различія или, вѣрнѣе сказать, простые переходы отъ флоры къ флорѣ и отъ фауны къ фаунѣ. Однако, нѣкоторые виды находятъ здѣсь свою границу отъ дѣйствія климата. Такъ, напримѣръ, каштановое дерево, которое не переходитъ за предѣлы поясовъ, гдѣ средняя температура января достигаетъ по малой мѣрѣ двухъ градусовъ, неизвѣстно въ Арденнахъ и очень рѣдко встрѣчается во Фландріи, гдѣ плоды его съ трудомъ созрѣваютъ. Маисъ, требующій жары лѣтомъ, не удается въ мѣстностяхъ сыраго морскаго прибрежья, но отлично родится на южномъ склонѣ Арденнскихъ горъ. Наконецъ, виноградъ, который хорошо выноситъ зимніе холода, не можетъ произрастать по недостатку необходимой для него теплоты въ лѣтніе мѣсяцы, и потому бельгійскія равнины не производятъ винограднаго вина; виноградники существуютъ только на берегахъ рѣки Маасъ [2]).

Подобно тому, какъ во Франціи и Германіи, виды животнаго царства стали и въ Бельгіи менѣе многочисленны, вслѣдствіе разработки почвы для цѣлей земледѣлія и истребленія древнихъ лѣсовъ. Изъ большихъ млекопитающихъ, лось, первобытный быкъ (bos urus), зубръ исчезли изъ этой страны уже съ первыхъ временъ историческаго періода; бурый медвѣдь, который жилъ еще въ лѣсахъ Геннегау въ двѣнадцатомъ столѣтіи нашей эры, давно уже пересталъ бродить даже въ самыхъ уединенныхъ уголкахъ Арденновъ. Рысь тоже принадлежитъ къ числу животныхъ, порода которыхъ вывелась въ краѣ въ теченіе послѣднихъ двадцати столѣтій. Млекопитающее средней величины, бобръ, долго выдерживалъ противъ цивилизованнаго человѣка борьбу за существованіе, но и онъ, наконецъ, палъ; точно также и ежу, который теперь нахо-

[1]) Ad. Quetelet, „Météorologie de la Belgique, comparée à celle du globe".
[2]) Ad. Quetelet, „Météorologie de la Belgique".

[1]) Ad. Quetelet, „Météorologie de la Belgique, comparée à celle du globe".
[2]) J. C. Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique".

дитъ убѣжище въ худо содержимыхъ изгородяхъ, грозитъ истребленіе въ близкомъ будущемъ. Взамѣнъ вымершихъ видовъ Бельгія пріобрѣла двухъ грызуновъ—черную крысу и пасюка, пришедшихъ несмѣтными колоніями, первая послѣ крестовыхъ походовъ, послѣдній—въ прошломъ столѣтіи. Эти новые пришельцы едва-ли не страшнѣе для земледѣлія, чѣмъ были нѣкогда медвѣдь и рысь [1]).



Входъ въ долину Лесса.

Само собою разумѣется, что древняя фауна страны всего лучше могла сохраниться въ Арденнахъ, благодаря дикому характеру мѣстности и уединеннымъ пустынямъ, которыя человѣкъ еще оставляетъ тамъ. Косуля до сихъ поръ часто встрѣчается въ этой части Бельгіи. Олень, нѣкогда столь распространенный во всей странѣ, попадается еще въ нѣкоторыхъ лѣсахъ Люксембурга, особенно въ окрестностяхъ Сенъ-Гюбера, легендарнаго города охотниковъ; впро-

[1]) Sélys-Longchamps, „Patria Belgica" t. I.

чемъ, если эта порода животныхъ еще не истреблена окончательно, то этимъ она обязана нѣкоторымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, которые держатъ оленей въ своихъ паркахъ для собственной охоты. Дикій кабанъ или вепрь, болѣе обыкновенный, нежели олень, живетъ также въ арденнскихъ лѣсахъ, откуда дѣлаетъ набѣги, очень опасные для сельскихъ хозяевъ, въ Кондрозъ и до самыхъ воротъ Люттиха; онъ не истребленъ даже въ области между рѣками Самброй и Маасомъ. Волкъ, за голову котораго назначена премія, лисица, куница, ласочка, каменная куница или бѣлодушка, хорекъ, барсукъ, дикая кошка, бѣлка, заяцъ, кроликъ и разные мелкіе грызуны также принадлежатъ къ нынѣшней фаунѣ Бельгіи, равно какъ рѣчная выдра, которая еще ловитъ рыбу въ Семуа, самой рыбной рѣкѣ Бельгіи [1]). На необработанныхъ плато водятся куропатки и рябчики. Еще не всѣ животныя, обитающія на бельгійской территоріи, одѣлись въ ливрею слугъ человѣка. По словамъ Гузо (Houzeau), послѣдній слѣдъ рыцарскаго искусства соколиной охоты сохранился въ Арендонкѣ, гдѣ и до сихъ поръ приручаютъ соколовъ для ловли дичи.

Извѣстно, какое важное значеніе пріобрѣли, въ области археологіи, открытыя въ Бельгіи древнія пещеры съ костями ископаемыхъ животныхъ; но драгоцѣнные остатки, найденные въ этой странѣ, принадлежатъ не однимъ только животнымъ, порода которыхъ погибла: между разбросанными по дну пещеръ костями встрѣчаются также кости людей, жившихъ здѣсь въ доисторическія времена. Такіе гроты, какъ гротъ Гойе, въ которомъ найдено не менѣе ста пятидесяти «пещерныхъ медвѣдей», конечно, очень любопытны; но несравненно большій интересъ представляетъ пещера Энжисъ, близъ Люттиха, гдѣ Шмерлингъ нашелъ, въ 1833 г., человѣческій черепъ, лежавшій вмѣстѣ съ костями носороговъ, слоновъ и другихъ большихъ животныхъ, нынѣ исчезнувшихъ. Эта счастливая находка подтвердила открытіе ископаемаго человѣка, сдѣланное Турналемъ, изъ Нарбонна, въ 1828 году; она доказала несомнѣннымъ образомъ, что человѣкъ былъ современникомъ всѣхъ этихъ исполинскихъ толстокожихъ первобытнаго міра, что онъ велъ борьбу изъ-за обладанія пещерами, служившими ему убѣжищемъ, съ медвѣдями разныхъ породъ, съ гіенами, львами и другими свирѣпыми хищниками. Доказательства, представленныя Шмерлингомъ, были неопровержимы; однако, рутина долго еще сохраняла въ школахъ противоположную теорію, пока, наконецъ, открытія, сдѣланныя въ долинѣ Соммы, не установили окончательно истины.

Древнѣйшимъ обитателемъ бельгійской территоріи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать того человѣка, которому принадлежалъ грубо изсѣченный кремень, найденный въ Месвенской траншеѣ, близъ Намюра. Этотъ современникъ мамонтовъ и носороговъ имѣлъ, конечно, самую простую, первобытную промышленность, какъ и люди той же эпохи, обитавшіе въ долинахъ Соммы, Сены, Темзы. Онъ жилъ преимущественно на равнинахъ; однако, остатки его встрѣчаются также въ нѣкоторыхъ пещерахъ холмовъ [1]).

Очаровательная долина рѣки Лессы, соединяющаяся съ долиной Мааса немного выше города Динана, до недавняго времени рѣдко посѣщалась туристами, несмотря на горделивый видъ утесовъ, которые надъ нею господствуютъ, и пропастей, въ которыхъ кружится кристаллическая вода горнаго потока. Но въ 1864 году она вдругъ пріобрѣла громкую извѣстность, когда геологъ Дюпонъ открылъ часть ея обширныхъ доисторическихъ сокровищъ. Близъ деревни Фюрфозъ, стѣны скалъ, возвышающихся надъ рѣкой Лессой, изрыты многочисленными пещерами, между которыми замѣчательна такъ называемая «Чортова дыра» (le trou des Nutons); народное суевѣріе, можетъ быть, питаемое какимъ-нибудь смутнымъ преданіемъ, считаетъ ее жилищемъ нечистыхъ духовъ, называемыхъ по-мѣстному nutons и sotais. Эти пещеры и служили убѣжищемъ туземнымъ жителямъ въ эпоху, извѣстную подъ именемъ каменнаго вѣка. Троглодиты береговъ Лессы знали употребленіе огня, который они добывали посредствомъ удара кремня о кусокъ колчедана. Живя исключительно звѣриной ловлей, они не имѣли ни одного домашняго животнаго; даже собаки у нихъ не было. Будучи очень плотоядными, они употребляли въ пищу по меньшей мѣрѣ сорокъ восемь различныхъ видовъ животныхъ, остатки которыхъ найдены въ гротахъ. Были ли они людоѣды? По мнѣнію г. Дюпона, нѣтъ достаточнаго основанія отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно; однако найденныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ человѣческія кости, расколотыя и носящія отпечатокъ зубовъ, заставляютъ думать, что по крайней мѣрѣ обитатели пещеры Шово (Chauvaux) питались человѣческимъ мясомъ, подобно многимъ племенамъ современныхъ имъ европейцевъ. Дикіе троглодиты очень любили наряды, судя по многочисленнымъ ожерельямъ изъ раковинъ и просверленныхъ зубовъ, найденнымъ на днѣ гротовъ, по красной краскѣ, которую они, можетъ быть, употребляли для раскрашиванія лица и тѣла, и по обдѣланнымъ костямъ, которымъ археологи дали названіе

[1]) J. C. Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique".

[1]) G. de Mortillet, „Рукописныя замѣтки".

«предводительскихъ жезловъ». Нѣкоторыя изъ этихъ костей носятъ знаки грубыхъ рисунковъ. Эти доисторическіе обитатели края вели уже значительную торговлю, ибо они должны были добывать издалека бо́льшую часть матеріаловъ, въ которыхъ они нуждались для своей промышленности. Такъ, кремень, котораго нѣтъ ни въ Кондрозѣ, ни въ области, заключающейся между Самброй и Маасомъ, они, вѣроятно, доставали или изъ окрестностей Маастрихта, или съ южной оконечности Шампаньи. Ископаемыя раковины, которыя они употребляли, были приносимы съ Реймской горы; полипники, тоже ископаемые, получались изъ мѣстностей около Вузье (Vouziers), гагатъ—съ границъ Лотарингіи; наконецъ, шиферъ добывался изъ скалъ Фюме. Всѣ эти обломки различнаго происхожденія покрываютъ полъ пещеръ, которыя, нужно замѣтить, содержались съ крайнею небрежностью. Разлагавшіеся остатки пищи, а также сырость, просачивавшаяся сквозь стѣны, безъ сомнѣнія, дѣлали эти первобытныя жилища очень вредными для здоровья; и дѣйствительно, человѣческія кости, находимыя въ пещерахъ, носятъ на себѣ явные слѣды англійской болѣзни [1]). Вообще говоря, эти пещерные люди были маленькіе: ростъ ихъ не превышалъ 140 сантиметровъ.

Три послѣдовательные уровня долины Мааса соотвѣтствуютъ тремъ ступенямъ цивилизаціи троглодитовъ. Когда эта рѣка имѣла нѣсколько километровъ въ ширину и воды ея доходили до входа верхнихъ гротовъ, каковы, напримѣръ, гроты Магритъ и Нолетъ, гдѣ въ то время укрывался человѣкъ, послѣдній долженъ былъ вести борьбу съ мамонтомъ, носорогомъ, львомъ, пещернымъ медвѣдемъ, пещерной гіеной. Впослѣдствіи, когда понизившійся Маасъ омывалъ входъ пещеръ втораго яруса, человѣку уже не нужно было бороться съ этими страшными врагами; въ тогдашнихъ его жилищахъ находятъ только остатки животныхъ, которыя до сихъ поръ водятся въ Европѣ, но переселились въ другія страны, какъ-то: остатки сѣвернаго оленя, серны, каменнаго барана. Наконецъ, на нижнемъ уровнѣ долины, нѣкогда обитаемые гроты содержатъ лишь кости домашнихъ животныхъ или дикихъ звѣрей, породы которыхъ донынѣ существуютъ въ краѣ.

Въ эту послѣднюю эпоху уже начались иноземныя нашествія въ Бельгію; мы находимся въ періодѣ шлифованнаго камня, тогда какъ въ пещерахъ двухъ верхнихъ уровней долины Мааса всѣ инструменты и оружіе сдѣланы изъ расколотаго или грубо отесаннаго камня, изъ кости или оленьяго рога. Къ этому періоду полированнаго камня, вѣроятно, относятся и знаменитыя могилы грота Фронталь (trou du Frontal), названнаго такъ по лобной кости человѣка, которая была тамъ открыта однимъ изъ первыхъ ударовъ заступа. Эта пещера была обитаема въ эпоху сѣвернаго оленя и, по всей вѣроятности, служила кладбищемъ, такъ какъ въ ней нашли кости шестнадцати человѣческихъ скелетовъ и, кромѣ того, множество различныхъ вещей, положенныхъ подлѣ умершихъ.

Въ тѣ времена, когда жители страны хоронили своихъ покойниковъ въ гротѣ Фронталь, раса была уже сильно смѣшанная; между костями, найденными въ этомъ пещерномъ кладбищѣ, ученые признали три различные типа [1]). Однако, главный типъ отличается удлиненнымъ черепомъ, съ рѣзко выдающимися дугами бровей, и «фюрфозскій человѣкъ» имѣлъ еще многочисленныхъ представителей въ странѣ [2]). Смѣшанное населеніе вѣка шлифованнаго камня состояло уже изъ земледѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ. У него были уже домашнія животныя, заводы для приготовленія глиняной посуды, мастерскія для выдѣлки оружія. Въ окрестностяхъ города Монса, близъ деревни Спиеннъ, обширное пространство земли усѣяно кремнями, частію обдѣланными, въ такомъ большомъ числѣ, что мѣстные жители прозвали это пространство «полемъ голышей» (Camp des cayaux). Это, очевидно, остатки обширной мастерской топоровъ и другихъ орудій, для фабрикаціи которыхъ матеріалъ добывался на мѣстѣ, изъ подлежащихъ пластовъ мѣловой формаціи; подпочва оказалась изрытою по всѣмъ направленіямъ шахтами и галлереями [3]). Большая часть кремневыхъ орудій, находимыхъ на поверхности земли во Фландріи, вышла, безъ сомнѣнія, изъ этой геннегауской мастерской, гдѣ, впрочемъ, топоры, какъ кажется, фабриковались только вчернѣ, въ неотдѣланномъ видѣ. По всей вѣроятности, люди этого вѣка должны были выдержать ударъ германскихъ нашествій, предшествовавшихъ эпохѣ завоеванія края римскими легіонами. Что касается культа долменовъ (друидическихъ памятниковъ надъ могилами), то онъ, повидимому, мало былъ распространенъ въ этой странѣ, такъ какъ камни этого рода рѣдко встрѣчаются на бельгійской территоріи; для погребенія усопшихъ обыкновенно употреблялись естественныя пещеры. Могильные курганы считались прежде сотнями на водораздѣльной возвышенности между Тирлемономъ, Тонгромъ и Маастрихтомъ, но всѣ они были срыты [4]). Сложенные въ кучу камни, которые,

[1]) E. Dupont, „L'homme pendant l'âge de la pierre".

[1]) E. Dupont, „Patria Belgica", t. I, 346

[2]) De Quatrefages, „L'Espèce humaine".

[3]) Cornet et Briart, „Bulletin de l'Académie de Belgique", t. XXV, p. 126, 1868.

[4]) Bauduin, „Рукописныя замѣтки".

можетъ быть, были посвящены, въ германскую эпоху, Брингильдѣ, воинственной Валькиріи, сдѣлались, въ народной рѣчи, «камнями Брунегильды», австразійской королевы, возвеличенной воображеніемъ людей [1]).

По замѣчательному совпаденію, контрастъ, существующій въ общемъ видѣ природы между юго-восточной Бельгіей, то-есть холмистою частью страны, и сѣверною и западною полосой, то-есть областью равнинъ, воспроизводится и въ характерѣ самыхъ населеній, валлоновъ и фламандцевъ: между этими двумя этнографическими элементами замѣчается рѣзкая противоположность. Линія, проведенная изъ Сентъ-Омера въ Маастрихтъ, черезъ среднюю Бельгію, указываетъ почти точнымъ образомъ сѣверо-западную границу валлонскаго языка, тогда какъ другая линія, направляющаяся отъ Маастрихта къ Мецу, означаетъ, съ гораздо меньшею правильностью, восточный предѣлъ той же рѣчи. Вершина угла этой глоттологической области, лежащая подъ 50° 50′ сѣверной широты, есть крайній сѣверный пунктъ, гдѣ говорятъ языкомъ, принадлежащимъ къ латинской семьѣ. За предѣлами этой области одержали верхъ германскія нарѣчія: на востокѣ говорятъ верхне-нѣмецкимъ (hoch-deutsch) и нижне - нѣмецкимъ (platt-deutsch), на сѣверѣ и западѣ голландскимъ діалектомъ.

Статистика, составленная, подъ руководствомъ Вандеркиндере, во всѣхъ школахъ Бельгіи, и обнимающая свыше 60.000 дѣтей, доказала, что весь сѣверъ страны есть область бѣлокураго типа: провинція Антверпенъ, Лимбургъ, двѣ Фландріи и сѣверъ Брабанта составляютъ по преимуществу поясъ голубыхъ глазъ и свѣтлыхъ волосъ. Линія, указывающая границу языковъ фламандскаго и валлонскаго, образуетъ приблизительно демаркаціонную черту между двумя типами. Раздѣленіе между блондинами и брюнетами здѣсь гораздо яснѣе, чѣмъ въ Германіи, гдѣ смѣшанная группа значительнѣе.

По общепринятому мнѣнію, валлоны—народъ галльскаго происхожденія, тогда какъ фламандцы должны быть признаны потомками германцевъ. Въ основѣ этого мнѣнія есть, конечно, доля истины; но не подлежитъ сомнѣнію, что смѣшеніе племенъ посредствомъ браковъ было во всѣ времена весьма значительно въ этихъ краяхъ, столь часто подвергавшихся иноземнымъ нашествіямъ и постоянно посѣщаемыхъ торговымъ людомъ изъ всѣхъ частей Европы. При томъ же туземные жители, населявшіе страну въ эпоху, предшествовавшую вторженіямъ арійскихъ народовъ, безъ сомнѣнія, доставили своимъ потомствомъ одинъ изъ важнѣйшихъ этнографическихъ элементовъ нынѣшней Бельгіи. Не говоря уже о «фюрфозскомъ человѣкѣ» (l'homme de Furfooz), антропологи указываютъ во всѣхъ частяхъ бельгійской территоріи родовыя группы и даже цѣлыя населенія, типъ которыхъ никоимъ образомъ не можетъ быть пріуроченъ къ типу галловъ или арійскихъ германцевъ. Въ долинѣ Мааса и въ провинціи Геннегау (Hainaut) часто можно встрѣтить женщинъ съ желтоватой кожей, съ черными волосами и глазами, съ узкимъ и выдающимся лбомъ, съ широкимъ лицомъ, очень низкаго роста, такъ что, глядя на этихъ существъ страннаго вида, невозможно отдѣлаться отъ мысли, что находишься въ присутствіи людей другой породы. Процентное отношеніе типовъ въ Бельгіи: блондины составляютъ 42,29%, брюнеты 27,50%.

Во многихъ сельскихъ общинахъ западной Фландріи, на югъ отъ Диксмуда, бѣдняки, единственный промыселъ которыхъ—приготовленіе метелъ и вѣниковъ, живутъ въ шалашахъ и въ логовищахъ, вырытыхъ въ землѣ. На территоріи восточной Фландріи эти «лѣсные люди», Boschkerlen, еще гораздо многочисленнѣе. Въ Зеле, гдѣ они извѣстны подъ именемъ Burjongs или «работниковъ на фермахъ», они по большей части служатъ разносчиками и говорятъ особымъ жаргономъ, совершенно отличнымъ отъ мѣстнаго нарѣчія [1]).

Гюйтенсъ указываетъ въ гентской Фландріи многіе роды или группы населенія, которыя также разнятся отъ другихъ жителей края и отличаются менѣе высокимъ ростомъ, большею частью черными волосами, темно-карими глазами, болѣе живымъ и веселымъ характеромъ, меньшею методичностью и послѣдовательностью въ поступкахъ. Но, какъ показываютъ таблицы народной переписи, типъ брюнета встрѣчается во всей Бельгіи, не только въ Люттихской области, гдѣ онъ представляетъ около половины общаго числа жителей, но также и на фламандской территоріи, гдѣ этотъ типъ составляетъ треть или четверть населенія [2]).

Почти всѣ антропологи усматриваютъ въ этомъ смугломъ элементѣ долю вліянія, которая должна быть приписана прямому потомству древнѣйшихъ, до-арійскихъ племенъ страны. Этотъ элементъ, во всѣхъ отношеніяхъ сходный съ тѣмъ, который мы находимъ въ сосѣдней Франціи подъ именемъ галльскаго типа, и который многими писателями приписывается лигурамъ, объясняетъ большое число людей съ округленною головой и малорослыхъ, которые встрѣчаются въ обѣихъ Фландріяхъ. Но было бы ошибочно приписывать образованіе этого

[1]) Simrock, „Mythologie"; Vanderkindere, „Recherches sur l'enthologie de la Belgique".

[1]) Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".
[2]) Ruelens, „Congrés géographique d'Anvers".

типа этническому вліянію испанцевъ, которые нѣкогда жили и господствовали въ странѣ, составляющей нынѣшнюю Бельгію [1]). Нельзя, конечно, отрицать этого вліянія, о которомъ свидѣтельствуютъ многія доселѣ сохранившіяся родовыя имена или фамиліи, но оно было сильно преувеличено нѣкоторыми писателями.

Что касается по большей части галльскаго происхожденія валлоновъ, то-есть «галловъ»—ибо таково значеніе въ германскихъ языкахъ слова валлонъ,—то оспаривать его могутъ только писатели съ предвзятыми идеями. Бельгійскіе народцы, о которыхъ говорятъ древніе авторы, носятъ галльскія имена, и отъ границъ Франціи до нынѣшней Голландіи мы находимъ множество городовъ съ галльскимъ названіемъ [2]), каковы, напримѣръ, Намюръ, Динанъ, Корторіакумъ (Cortoriacum, нынѣ Куртре), Лугдунумъ (Lugdunum), Новіомагусъ (Noviomagus, нынѣ Нимвегенъ). Римское завоеваніе сдѣлало въ бельгійской землѣ то же, что и въ остальной Галліи—оно ввело латинскій языкъ, который, постепенно измѣняясь въ теченіе вѣковъ, превратился въ валлонскій посредствомъ процесса, аналогичнаго тому, которымъ образовались языки итальянскій, провансальскій, французскій. Многочисленные колонисты германской расы, поселившіеся среди валлоновъ въ бассейнѣ Мааса, стояли на болѣе низкой степени цивилизаціи, и потому, естественно, должны были принять языкъ туземнаго населенія. Однако, вліяніе ихъ оставило по себѣ замѣтные слѣды въ діалектахъ, преобладающихъ около границы. Люттихское нарѣчіе,—самое богатое изъ валлонскихъ нарѣчій по своей литературѣ и наиболѣе разработанное, безъ сомнѣнія, по причинѣ важности города, гдѣ имъ говорятъ, — усвоило множество германскихъ словъ, даже нѣкоторые грамматическіе обороты нѣмецкаго происхожденія и отличается сильными придыханіями. Нарѣчія намюрское, монское, турнезійское ближе подходятъ къ діалектамъ, употребляемымъ во Франціи; послѣднее, то-есть турнезійское, мало разнится отъ валансьенскаго нарѣчія [rouchi de Valenciennes] [3]). Всего менѣе нѣмецкій языкъ имѣлъ вліянія на валлонскій діалектъ, какъ кажется, въ провинціи Геннегау, гдѣ число иммигрантовъ германскаго племени въ продолженіе всего средневѣковаго періода было весьма незначительно [4]).

По физическимъ качествамъ валлона легко отличить отъ его соотечественника-фламандца. Первый имѣетъ гораздо болѣе костлявую фигуру, болѣе сильные члены, болѣе угловатое тѣло; мясистыя части у него менѣе развиты; онъ рѣдко имѣетъ свѣжій и румяный цвѣтъ лица, какой такъ часто встрѣчаешь между германцами, жителями равнинъ; вообще онъ не можетъ похвалиться ни красотой, ни стройностью формъ. Между валлонами больше встрѣчается рослыхъ мужчинъ, чѣмъ между жителями Фландріи: при наборахъ средній ростъ конскриптовъ всегда оказывается самый высокій въ провинціяхъ съ населеніемъ галльскаго типа, въ Намюрѣ и Люксембургѣ. Валлоны имѣютъ еще то преимущество надъ фламандцами, что они вообще долговѣчнѣе ихъ и менѣе подвержены болѣзнямъ. Такъ, между тѣмъ, какъ въ обѣихъ Фландріяхъ и въ провинціи Антверпенъ насчитываютъ 90 смертныхъ случаевъ на 100 рожденій, въ четырехъ валлонскихъ провинціяхъ, Геннегау, Намюрѣ, Люттихѣ и Люксембургѣ, число этихъ случаевъ не превышаетъ 70. Чему приписать эту относительную долговѣчность валлоновъ—вліянію ли расы или скорѣе сравнительно большему матеріальному довольству и болѣе благопріятнымъ санитарнымъ условіямъ? Они пользуются болѣе значительнымъ благосостояніемъ, живутъ въ болѣе возвышенныхъ и болѣе здоровыхъ мѣстностяхъ и сгруппированы менѣе скученными населеніями; въ этомъ, можетъ быть, и заключается причина большей продолжительности жизни [1]). Въ средніе вѣка фламандцы,—которымъ, впрочемъ, благопріятствовало географическое положеніе ихъ страны, столь выгодное для торговли и промышленности,—вообще говоря, превосходили, если не люттихцевъ, то, по крайней мѣрѣ, другихъ валлоновъ, не только богатствомъ, но также дѣйствительною цивилизаціей и практикой свободы. Большіе перевороты, театромъ которыхъ была Бельгія, и медленныя преобразованія, совершившіяся въ массѣ народа, постепенно перемѣстили центръ могущества. Въ наши дни валлоны стоятъ выше фламандцевъ по промышленной дѣятельности и степени образованія, но фламандцы сохранили свое превосходство въ области изящныхъ искусствъ: это они въ особенности даютъ странѣ ея живописцевъ и музыкантовъ. Что касается числа бельгійцевъ, говорящихъ французскимъ языкомъ, то оно меньше числа фламандцевъ; но многія валлонскія колоніи разсѣяны за предѣлами бельгійской территоріи, въ большихъ городахъ Голландіи и Прирейнской Германіи, гдѣ хвалятъ ихъ трудолюбіе, настойчивость и честность. Характеръ люттихцевъ въ частности отличается чѣмъ-то южнымъ: веселостью, увлеченіемъ, присутствіемъ духа, любовью къ шуткамъ.

Фламандцы, которые въ низменной равнинѣ превосходятъ численностью потомковъ коренныхъ жителей края, суть «чужеземцы», «бѣглецы», какъ показываетъ ихъ саксонское имя, Fläminger или Vlaminger [1]), если не признать

[1]) Sélys-Longchamps, „Patria Belgica“, I.
[2]) Grandgagnage, „Mémoire s ur les anciens noms de lieux de la Belgique orientale“.
[3]) Adolp. Leroy, „Patria Belgica“, III.
[4]) Beddoc. Vanderkindere, etc.

[1]) Guillard;—Bertillon;—Meynne, etc.

болѣе правдоподобнымъ толкованіе Мейра, который, въ своей хроникѣ Фландріи, производитъ это названіе отъ слова vlae, болота [1]), такъ что, слѣдовательно, по этой этимологіи, «фламандцы» значитъ «жители болотъ». Они тѣмъ легче могли поселиться въ западныхъ областяхъ страны, что эти области въ то время были еще почти необитаемы. По сю сторону цѣпи дюнъ простирались обширныя болота и озера, образовавшіяся вслѣдствіе разлива рѣкъ, затѣмъ почти вся остальная часть края, занимаемая нынѣ Фландріей, провинціей Антверпенъ и Лимбургомъ, представляла пустынную и безплодную песчаную равнину. Наконецъ, земли, на которыхъ поселилось большинство колонистовъ германскаго племени, были отдѣлены отъ валлонскихъ областей широкимъ поясомъ лѣсовъ, извѣстныхъ въ древности подъ именемъ Silva carbonaria, и который на юго-востокѣ соединялся съ Арденнами. Въ Брабантѣ, гдѣ существуютъ еще значительные остатки этого большаго древняго лѣса, всѣ деревни, лежащія къ востоку отъ этихъ лѣсовъ остались валлонскими, тогда какъ деревни, разсѣянныя на западной ихъ сторонѣ, населены фламандцами [1]). Но тамъ, гдѣ колонисты находились въ соприкосновеніи съ островами романизованнаго населенія, различіе расъ долго сохранялось. Такъ, въ средніе вѣка жителей округа pagus mempiscus или «земли менапіевъ» (Menapii), говорившихъ французскимъ языкомъ, часто противопоставляли фламандцамъ, населявшимъ окрестныя мѣстности [2]).

Со временъ римской эпохи, германцы толпами приходятъ на равнины Бельгіи. Какъ показываютъ окончанія названій населенныхъ мѣстъ и многочисленныя историческія свидѣтельства, большое число этихъ чужеземцевъ были франки: племена или роды этого германскаго союза и доставили главный элементъ для образованія фламандской народности. Однако, самое имя фламанцевъ должно быть приписано саксонскимъ эмигрантамъ, которые заселили преимущественно морское прибрежье, съ той поры долго называвшееся по имени ихъ «саксонскимъ» (littus saxonicum). Эти иммигранты, вѣроятно, состояли въ очень близкомъ племенномъ родствѣ съ англо-саксами, заселившими Англію, судя по окончаніямъ muth, mude, которыя они давали устьямъ своихъ рѣкъ, и ham, которое получили многія изъ ихъ деревень. Можетъ быть, какъ думаютъ нѣкоторые историки, эти поселенцы приходили также моремъ, слѣдуя вдоль береговъ Фрисландіи и Голландіи. Въ пользу этой гипотезы говоритъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что вліяніе западныхъ фризовъ, поселившихся въ Зеландіи, распространялось далеко по всему бельгійскому прибрежью.

[1]) Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".
[2]) Alph. Wauters, „Revue trimestrielle", janvier 1867.

Во всей этой области мы находимъ черты нравовъ, сходныя съ чертами, наблюдаемыми въ сѣверной Голландіи, а одинъ изъ средневѣковыхъ историковъ даже прямо называетъ городъ Остенде фризскимъ портомъ. Къ этимъ первымъ иммигрантамъ саксонскаго происхожденія впослѣдствіи присоединились другіе поселенцы, насильно водворенные въ краѣ Карломъ Великимъ, вслѣдствіе его большихъ войнъ. Существованіе этихъ саксонцевъ во Фландріи даетъ, можетъ быть, ключь къ объясненію происхожденія имени Sachsen (саксы или саксонцы), которое носили фламандскіе колонисты, поселившіеся въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ Трансильваніи, и которое тамъ до нынѣ носятъ ихъ потомки. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть этихъ переселенцевъ, уходившихъ преимущественно съ морскаго прибрежья, болѣе другихъ частей страны подверженнаго бѣдствіямъ наводненій, были саксонскаго происхожденія. Большія переселенія фламандцевъ не слѣдуетъ приписывать склонности къ перемѣнѣ мѣста жительства или страсти къ приключеніямъ; напротивъ, эти переселенія всегда вынуждались суровой необходимостью; фламандецъ по природѣ большой домосѣдъ, онъ очень привязанъ къ родной землѣ: «Oost, west, 't huis best» (на востокѣ хорошо, на западѣ хорошо, а у насъ лучше), говоритъ одна изъ его народныхъ пословицъ. Кромѣ того, войны, часто опустошавшія край, заставляли многихъ жителей браться за ремесло солдатъ и идти, въ качествѣ наемниковъ, на службу къ тому, кто больше платилъ. Точно также роты брабантцевъ (Brabançons) и валлонскіе полки странствовали по Европѣ въ качествѣ наемнаго войска иностранныхъ королей.

Чистокровные фламандцы, какъ и валлоны, представляютъ совершенно особенный типъ. У нихъ свѣтлые глаза, бѣлокурые или свѣтлорусые волосы; цвѣтъ лица отличается необыкновенною свѣжестью, и кровь легко приливаетъ къ кожѣ при малѣйшемъ проявленіи гнѣва. Контуры лица часто неопредѣленны, особенно у женщины, и рано обезображиваются: красота, зависящая отъ блеска кожи, обилія крови, пріятность взгляда—иногда смѣняется почти внезапно одутловатостью, угреватостью и уродливостью. Старинныя картины, къ которымъ всегда полезно обращаться для сравнительнаго изученія типовъ, указываютъ на одну черту, свойственную лицамъ фламанцевъ и сѣверогерманцевъ — раздѣленіе подбородка и щеки тонкою бороздкою [1]), что придаетъ физіономіи выраженіе благоразумія и смѣтливости. Что касается роста фламандцевъ, то общее мнѣніе въ этомъ отношеніи расходится съ показаніями статистики. Народное выраженіе: «рослые фламандцы» не оправдывается дѣйствительностью,

[1]) Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".

такъ какъ въ настоящее время, изъ всѣхъ бельгійскихъ провинцій, именно во Фландріяхъ: восточной и западной, встрѣчается наибольшее число малорослыхъ людей. Правда, что средняя величина роста выходитъ сравнительно малая отъ вліянія на нее людей смуглаго типа, которые представляютъ собою потомство древняго населенія края. Фламандцы бѣлокураго германскаго типа — самые высокіе между жителями низменной части Бельгіи; особенно многочисленны люди высокаго роста на морскихъ берегахъ, тамъ, гдѣ преобладаетъ саксонскій элементъ.

Фламандскій языкъ, древній dietsch, извѣстный нѣкогда валлонамъ подъ именемъ thiois, есть нарѣчіе нижне-нѣмецкаго (platt deutsch), такъ же, какъ голландскій и фризскій. По мнѣнію Мюлленгофа [1]), онъ сохранилъ первоначальный характеръ франкскаго языка и, слѣдовательно, болѣе приближается къ арійскому корню, чѣмъ верхне-нѣмецкій (hoch-deutsch), принятый теперь самими франками въ собственно такъ называемой Германіи. Фламандцы, жители Кампины, или брабантской Кампаньи, и въ особенности жители окрестностей Турнгута, гдѣ франкская иммиграція продолжалась долѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ Бельгіи, всего лучше сохранили свои старинные нравы, обычаи, суевѣрія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорятъ самымъ чистымъ фламандскимъ языкомъ. Впрочемъ, различіе нарѣчій и говоровъ, понятно, весьма велико, ибо, смотря по кантонамъ, мы находимъ тамъ корни франкскіе, саксонскіе, даже фризскіе и, наконецъ, многочисленные элементы, заимствованные изъ языковъ валлонскаго и французскаго.

Съ двѣнадцатаго столѣтія thiois сдѣлался письменнымъ языкомъ, и пѣсни, сказки и былины начали постепенно установлять его правописаніе. Въ эпоху развитія общинныхъ вольностей фламандская литература тоже достигла цвѣтущаго состоянія, но потомъ, во время бургундскаго господства, она превратилась въ пустую, безсодержательную реторику. Во время войнъ за освобожденіе отъ испанскаго владычества она имѣла своего великаго писателя, Марникса де-Сентъ-Альдегонда; затѣмъ, сдѣлавшись опять языкомъ побѣжденныхъ, подъ властью испанцевъ и потомъ австрійцевъ, она все болѣе и болѣе нисходила на степень областнаго нарѣчія, простонароднаго языка, и писатели все болѣе и болѣе стали пренебрегать фламандскою рѣчью. Въ 1803 году Наполеонъ I издалъ декретъ, повелѣвавшій, чтобы всѣ оффиціальные акты, публикуемые въ департаментахъ бывшихъ австрійскихъ Нидерландовъ, гдѣ сохранился мѣстный языкъ, были впредь составляемы на французскомъ языкѣ, а въ 1812 году императоръ приказалъ, въ видахъ облегченія работы цензуры, чтобы всякое фламандское періодическое изданіе сопровождалось французскимъ переводомъ. Когда Бельгія, по рѣшенію вѣнскаго конгресса, была соединена съ Голландіей, нидерландскій языкъ, въ свою очередь, пользовался, какъ языкъ новыхъ властителей, значительными привилегіями, въ ущербъ правамъ фламандцевъ, нарѣчіе которыхъ значительно разнится отъ чистаго голландскаго, какъ и правамъ самихъ валлоновъ; во Фландріяхъ такъ же, какъ и въ восточныхъ провинціяхъ, подписывались петиціи противъ употребленія нидерландскаго языка, внушенныя, впрочемъ, въ большой мѣрѣ чувствомъ религіозной ненависти. Революція 1830 года повела за собою новыя перемѣны, и французскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ на всемъ пространствѣ Бельгійскаго королевства. Въ то время, впрочемъ, еще не знали, что фламандскій элементъ имѣетъ столь важное численное значеніе, и результаты народной переписи, обнаружившей истинное процентное отношеніе языковъ въ странѣ, удивили самихъ фламандцевъ: по этой переписи оказалось, что изъ семи бельгійцевъ четверо говорятъ фламандскимъ нарѣчіемъ (thios или die sch).

Съ той поры численное отношеніе языковъ измѣнилось, какъ видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы:

Фламандцевъ насчитывалось: въ 1830 году—1.860.000; въ 1846 г.—2.471.250; въ 1876 году—2.659.900.

Валлоновъ насчитывалось: въ 1830 году—1.360.000; въ 1846 г.—1.827.140; въ 1876 году—2.256.850.

Въ переписи 1890 г., говорящихъ фламандскимъ нарѣчіемъ оказалось 45,2 %, говорящихъ французскимъ языкомъ 40,9 %, говорящихъ обоими языками 11,5 %; остальные говорили или только по-нѣмецки (0,54 %), или, кромѣ того, еще по-французски или по-фламандски.

На границѣ языковъ нѣкоторыя селенія, можетъ быть, офранцузились, вслѣдствіе частыхъ перемѣщеній населенія. И дѣйствительно, указываютъ въ провинціи Лимбургъ одну деревню, по имени Heure-le-Tiesche (то есть le Thiois), которая съ прошлаго столѣтія перестала быть фламандскою. Точно также Коминъ и нѣкоторыя другія общины, прежде фламандскія, принадлежатъ теперь къ области французскаго языка [1]). Но французская рѣчь одерживаетъ верхъ надъ германскою [2]) не столько непосредственнымъ завоеваніемъ территоріи, сколько медленнымъ распространеніемъ, особенно въ

[1]) Müllenhof, „Einleitung zu den Denkmälern deutscher Prosa und Poesie".

[1]) Ch. Grangagnage, „Bulletin de l'Institut archéologique liégeois".

[2]) Kaoux, „Mémoires sur l'origine des langues flamandes et wallones", mémoires de l'Académie, V, 1826. — Scheler, „Patria Belgica", III.

городахъ. Обязательное употребленіе французскаго языка въ законодательныхъ палатахъ и совѣщательныхъ собраніяхъ, во всѣхъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, равно какъ и въ арміи, способствуетъ, можетъ быть, въ извѣстной мѣрѣ, распространенію его въ краѣ; но всего болѣе онъ обязанъ своими успѣхами добровольному употребленію его въ группахъ ученыхъ, литературныхъ, промышленныхъ, коммерческихъ. Французская рѣчь въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ фламандская, служитъ языкомъ цивилизаціи въ нынѣшней Бельгіи. Около двухъ третей періодическихъ изданій печатаются на французскомъ языкѣ, и эта часть прессы имѣетъ наибольшій кругъ читателей. Что касается книгъ, то вліяніе французскаго языка, благодаря сосѣдству Парижа, сдѣлалось еще болѣе преобладающимъ: въ этомъ отношеніи нѣтъ ни одного бельгійскаго города, который бы, такъ сказать, не офранцузился. Въ литературномъ отношеніи Брюссель теперь почти совершенно французскій городъ, хотя еще въ концѣ прошлаго столѣтія оффиціальныя бумаги писались тамъ по-фламандски. А между тѣмъ этотъ городъ находится среди области германскаго языка; только въ кварталѣ Мароль валлонскіе рабочіе были въ прошломъ настолько многочисленны, что создали особый жаргонъ, принадлежащій къ обоимъ главнымъ языкамъ, какъ по словамъ, такъ и по грамматической конструкціи.

Хотя французскій языкъ съ каждымъ годомъ дѣлаетъ новые успѣхи, какъ преобладающій языкъ въ Бельгіи, — фламандскій діалектъ выигралъ, если можно такъ выразиться, въ силѣ сцѣпленія, въ достоинствѣ, со времени его литературнаго возрожденія въ послѣднія тридцать лѣтъ. Въ 1840 году ежедневныхъ газетъ во всемъ королевствѣ было: французскихъ 28, фламандскихъ ни одной, а въ 1874 г. первыхъ выходило 54, послѣднихъ 14. Въ настоящее время фламандская литература имѣетъ многочисленныхъ писателей, и Генрихъ Консьенсъ, главный романистъ Бельгіи, писалъ на этомъ языкѣ; фламандскіе поэты и ораторы сдѣлались популярными; во всѣхъ частяхъ страны основались сотни обществъ, поставившихъ себѣ задачей поощрять изученіе и усовершенствованіе національнаго языка. Замѣчательно, что соединеніе нидерландскаго и фламандскаго въ одинъ языкъ, которое не могло быть достигнуто подъ властью голландскаго правительства, совершилось само собой со времени оффиціальнаго раздѣленія двухъ народовъ: чего не могла сдѣлать государственная власть, то осуществлено свободною волей гражданъ. Несмотря на оппозицію одной партіи, съ ужасомъ отвергавшей всякій союзъ по языку съ «еретиками» голландцами, нидерландское правописаніе было окончательно принято въ 1864 году для фламандскаго языка, и частые лингвистическіе конгрессы, собирающіеся то на сѣверной, то на южной сторонѣ таможенной границы, содѣйствуютъ исчезновенію всякихъ мѣстныхъ различій. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ настоящее время въ Нидерландахъ, принимая ихъ въ обширномъ смыслѣ, то-есть въ Бельгіи и Голландіи, существуетъ одинъ германскій языкъ, которымъ говорятъ болѣе шести милліоновъ человѣкъ.

III.

Въ наши дни центры населенія въ Бельгіи скучены преимущественно на равнинахъ, въ той узкой полосѣ, гдѣ во времена римскаго владычества было только два города въ собственномъ смыслѣ: Turnacum (нынѣ Турне) и Atuatuca Tungrorum [нынѣ Тонгръ] [1]; третій, существовавшій тогда въ этой области городъ, Bagacum (нынѣ Баве), находится теперь на французской территоріи. Во многихъ округахъ низменной Бельгіи городскія группы болѣе многочисленны, чѣмъ деревни въ большей части европейскихъ государствъ, и притомъ эти группы отличаются сильно развитою общинною индивидуальностью: это были самостоятельные города, въ родѣ городовъ древней Греціи, республиканскихъ городовъ Италіи или вольныхъ городовъ германской Ганзы. Послѣ продолжительной борьбы національностей и сословій, слѣды которой ясно видны въ романѣ «Похожденія лисы» [2]), нѣкогда очень популярномъ во Фландріи, бельгійскіе города, прочно устроившіеся въ организованныя коммуны или общины, завоевали себѣ независимое существованіе, и каждый изъ нихъ получилъ свою особенную физіономію: подобно городамъ сѣверной Франціи, города Брабанта и валлонскаго Люттиха, вольныя муниципіи бельгійскихъ Фландрій, сопротивлявшіяся съ такою смѣлостью и энергіей епископамъ, баронамъ и королямъ, могутъ, наравнѣ съ Флоренціей и Венгріей, претендовать на значительную долю вліянія въ томъ движеніи, изъ котораго вышелъ современный западно - европейскій міръ.

Происхожденіе городскихъ общинъ (коммунъ) въ Бельгіи, какъ и во Франціи, было естественнымъ слѣдствіемъ перемѣщенія соціально-экономическихъ интересовъ. Изъ деревни, гдѣ господствовалъ помѣщикъ, центръ тяжести постепенно передвигался къ городу, гдѣ соединялись торговые люди, гдѣ работали цехи ремесленниковъ. Уже въ 779 году Карлъ Великій, предчувствуя опасность, которую ассоціаціи людей труда могли причинить верховной власти, нашелъ нужнымъ воспретить всякій союзъ, всякій клятвенный «сговоръ» (conjura-

[1]) Piot, „Patria Belgica", II; — Ernest Desjardins. „Géographie de la Gaule".
[2]) Willems; — Vendevelde; — Oetker, etc.

tion) между крѣпостными Фландріи (Fleandreland), округа «Мемписка» (pagus mempiscus) и другихъ прилегающихъ къ морю мѣстностей. клятвенными обѣщаніями насчетъ денежной складчины, предназначенной для оказанія пособія въ случаѣ кораблекрушенія или пожа-

Рынокъ и башня въ Брюгге.

«Никому не дозволяется—такъ гласилъ относящійся сюда указъ—приносить присягу, посредствомъ которой обыкновенно соединяются въ гильдіи...; никто не долженъ связывать себя ра...» [1]. Несмотря на эти запрещенія и преслѣдованія, «опасныя» гильдіи, содержавшія

[1]) Vandenpeereboom, „Patria Belgica", t. II.

въ зародышѣ свободу общинъ, успѣли сохраниться, окрѣпнуть и создать мало-по-малу промышленную дѣятельность городовъ. Когда городскія общины появляются въ первый разъ въ исторіи,—что случилось въ одиннадцатомъ столѣтіи,—войны, конвенціи, трактаты способствовали тамъ и сямъ, въ извѣстной мѣрѣ, ихъ возникновенію; но главною, такъ сказать, внутреннею, причиною этого переворота все-таки было постоянно возраставшее вліяніе ассоціацій ремесленныхъ и торговыхъ, цеховъ и гильдій.

Однако, первоначальная городская община, организовавшаяся какъ оплотъ противъ феодальнаго порядка, и сама въ сущности была основана на чисто-феодальныхъ началахъ; представители муниципальной власти, головы (меры или бургомистры) и члены городскаго совѣта, всегда избирались изъ именитыхъ или, какъ ихъ называли, «родовитыхъ» фамилій (lignages или «linages, Geslachten), подобно тому, какъ въ имперскихъ городахъ Германіи важнѣйшія мѣста въ городскомъ управленіи были предоставлены членамъ знатныхъ родовъ (Geschlechter). Эти высокородныя особы однѣ управляли городомъ, и доступъ къ власти былъ строго воспрещенъ не только рабочимъ, но также и мѣщанамъ, даже самымъ богатымъ [1]). Слѣдствіемъ этого были постоянные раздоры между «мелкотой» и «знатью» каждаго города, между патриціями и простыми мѣщанами,—раздоры въ родѣ тѣхъ, какіе происходили въ Нюрнбергѣ, во Флоренціи между «жирными» и «тощими» гражданами. Ремесленныя корпораціи часто возставали и пользовались каждою войною, внутреннею и внѣшнею, чтобы предъявить свои права на участіе въ городскомъ управленіи. При каждомъ пораженіи они подвергались жестокимъ карамъ: такъ, напримѣръ, послѣ одного усмиреннаго бунта полторы тысячи ткачей и другихъ мастеровыхъ изъ города Ипра или Эйперна были колесованы, обезглавлены или повѣшены безъ суда. Лѣтописцы разсказываютъ съ нѣкоторою гордостью, чтобы прославить могущество господствующаго класса, что города Фландріи иногда походили на лѣса—такъ многочисленны были висѣлицы на площадяхъ и улицахъ [2]). Несмотря на пораженія и казни, гильдіи и цехи мелкихъ обывателей въ концѣ-концовъ заставили патриціевъ дать имъ мѣсто въ совѣтѣ городовъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи и особенно въ первой половинѣ четырнадцатаго мы видимъ учрежденіе почти во всѣхъ городскихъ общинахъ большаго совѣта («large conseil»), гдѣ «націи» (nations), то-есть уполномоченные, депутаты или выборные (consaux, jurés) отъ ремесленныхъ корпорацій, засѣдали на-ряду съ эшевенами и именитыми гражданами (нотаблями) и совѣщались, на равныхъ съ ними правахъ, о «важныхъ» дѣлахъ («affaires majeures») города. Въ Брюсселѣ, въ Лувенѣ и въ другихъ городахъ Брабанта «націи» имѣли своего особеннаго бургомистра, отличнаго отъ головы «родовитыхъ гражданъ» (lignages). Въ славномъ городѣ Люттихѣ, гдѣ граждане съ давнихъ поръ носили титулъ «господъ», и гдѣ жилище гражданина считалось священнымъ и неприкосновеннымъ, торжество мелкаго мѣщанства было гораздо болѣе полное: въ силу англёрскаго мирнаго договора, заключеннаго въ 1313 году, было постановлено, что никто изъ люттихскихъ гражданъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію, не можетъ сдѣлаться городскимъ головой (бургомистромъ) или членомъ муниципальнаго совѣта, если не принадлежитъ къ корпораціи котораго-либо изъ двадцати пяти цеховъ [1]); всѣ были избирателями, какъ мастера, такъ и простые рабочіе; даже ремесленные ученики — примѣръ очень рѣдкій въ Европѣ того времени—имѣли право подавать голосъ на выборахъ.

Въ этомъ мрачномъ хаосѣ феодальнаго міра, господа жили въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ, но гдѣ не было «ни одного клочка земли безъ господина», гдѣ всякая власть считалась исходящею свыше чрезъ посредство папы, императора или короля,—для бельгійскихъ городовъ было большой побѣдой сдѣлаться равными баронамъ, пріобрѣсти феодальную личность, добиться чести вступать въ непосредственныя сношенія съ государями. Съ этого времени начинается новый порядокъ вещей, ибо независимость городовъ вышла снизу, изъ глубокой массы народа. Судя по отдѣльнымъ элементамъ новаго общества фламандскаго и валлонскаго, такого, какимъ оно пыталось организоваться и какимъ мы видимъ его преимущественно въ Гентѣ, подъ руководствомъ Якова ванъ-Артевельде, диктатора Фландріи, можно заключить, что оно стремилось образовать большую лигу или союзъ самостоятельныхъ городовъ, которые бы, въ свою очередь, состояли изъ вольныхъ ремесленныхъ корпорацій: братство (frairie) каждой группы трудящихся—такова была первоначальная частичка или молекула этого новаго общества. Каждая ассоціація, мастеровыхъ ли или гражданъ, была полнымъ соціальнымъ организмомъ или союзомъ, который представлялъ въ миніатюрѣ совокупность государства, который имѣлъ многосложный характеръ религіозной общины, трибунала для сужденія преступленій и проступковъ, торговаго синдиката для защиты общихъ интересовъ и даже общества для устройства народныхъ празднествъ [2]). Впрочемъ, нужно замѣтить, что цехи налагали на всѣхъ своихъ чле-

[1]) Borgnet, „Bulletin de l'Académie", 2 série, t. XXVII.
[2]) Vaudeupeereboom, „Patria Belgica", II.

[1]) Мишле, „Histoire de France", t. XV.
[2]) Cellier, „Une commune flamande", „Recherches sur les institutions de la ville de Valenciennes"

новъ очень суровую дисциплину: не только военный костюмъ, но даже рабочая одежда были строго опредѣлены уставомъ, и въ извѣстные сроки производились осмотры, чтобы удостовѣриться, въ исправности ли у членовъ братства оружіе, военное облаченіе и обыкновенная одежда. Во всѣхъ актахъ своей жизни отдѣльный гражданинъ долженъ былъ сообразоваться съ правилами и требованіями корпораціи, къ которой онъ принадлежалъ [1]). И теперь еще во многихъ мѣстахъ сохранились слѣды этого средневѣковаго порядка вещей. Такъ, напримѣръ, жители Гента раздѣлены на «десятки» (decades) и носятъ костюмъ шестнадцатаго столѣтія, съ брыжами на шеѣ и съ алебардой въ рукахъ; они созываются въ торжественныхъ случаяхъ, когда нужно устроить торжественный «выходъ» въ парадныхъ костюмахъ, или для того, чтобы привѣтствовать возвращеніе какого-нибудь знаменитаго соотечественника, или для того, чтобы отпраздновать годовщину какого-нибудь великаго подвига предковъ [2]).

Городская община, составленная изъ мѣщанскихъ ассоціацій и ремесленныхъ корпорацій, образовала высшую соціальную группу, и, когда колоколъ ратуши призывалъ гражданъ къ оружію, всѣ единодушно должны были идти биться съ врагомъ. Часто этимъ врагомъ было войско другаго соперничествующаго города; но общая опасность скоро убѣдила города въ необходимости союза или федераціи. Первое практическое осуществленіе этой мысли мы видимъ уже въ 1312 году, когда, въ силу такъ называемой кортенбергской хартіи, восемнадцать городовъ и слободъ («franchises») Брабанта соединились съ нѣкоторыми изъ вассаловъ Іоанна II и составили, вмѣстѣ съ ними, нѣчто въ родѣ законодательнаго собранія. Въ 1334 году былъ заключенъ договоръ о федераціи между жителями Брабанта; этимъ договоромъ было постановлено, что торговля между двумя провинціями будетъ освобождена отъ всякихъ пошлинъ и стѣсненій, что денежные знаки будутъ одни и тѣ же и что большіе города: Брюссель, Антверпенъ, Лувенъ, Гентъ, Брюгге, Эйпернъ, будутъ посылать три раза въ годъ депутатовъ въ совѣщательное собраніе, гдѣ будутъ засѣдать также представители графа Фландрскаго и герцога Брабантскаго, и которое должно быть созываемо поочередно въ Гентѣ, въ Брюсселѣ и въ Алостѣ. Уже въ предыдущемъ столѣтіи главныя корпораціи фламандскихъ городовъ образовали международную гильдію, такъ называемую «Лондонскую Ганзу», въ которой купечество семнадцати бельгійскихъ городовъ соединилось съ торговымъ сословіемъ Англіи [3]). Правда, статуты этой Ганзы были далеко не демократическіе.

[1]) Henri Hymans, „Patria Belgica“, III.
[2]) Эрнестъ Дежарденъ, „Рукописныя замѣтки“.
[3]) Ernest van Bruyssel, „Patria Belgica“, II.

Такъ, напримѣръ, красильщики, «которые собственноручно красятъ и у которыхъ синіе ногти» («ki tienent de leurs mains meismes et ki ont les ongles bleus»), котельники, «которые дѣлаютъ котлы и продаютъ ихъ на улицахъ» («ki afaitent les caudieres et ki vont criant aval les rues»), всѣ тѣ, которые занимались розничною торговлей, не могли быть членами этого коммерческаго союза или братства [1]).

Хотя форма новаго общества, выработывавшагося въ городахъ Бельгіи, не могла вполнѣ осуществиться на дѣлѣ, и хотя благосостояніе гражданъ было постоянно подвержено безчисленнымъ опасностямъ, тѣмъ не менѣе успѣхи всякаго рода, достигнутые въ этомъ уголкѣ Европы, возвысили его въ средніе вѣка на степень одного изъ центровъ цивилизаціи. Даже въ нѣкоторыхъ деревняхъ возникли гильдіи и цехи, подобные городскимъ, и эти сельскія ассоціаціи, гордившіяся своими «Keures» или грамотами, подтверждавшими ихъ права, какъ нельзя болѣе оправдывали это завоеваніе превосходною обработкой своихъ земель. Фландрскіе крестьяне сдѣлались, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія, наставниками другихъ народовъ сѣверной Европы: благодаря трудолюбивымъ фламандскимъ колонистамъ, которые были приглашаемы самими государями, маленькія Фландріи основывались повсюду, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Даніи. Ремесленный классъ фламандскихъ и брабантскихъ городовъ, не довольствуясь пріобрѣтеніемъ богатствъ старыми способами, старался создать новыя отрасли промышленности, и, подъ вліяніемъ возраставшаго разнообразія производствъ, число ремесленныхъ корпорацій или цеховъ постоянно увеличивалось. Городъ Брюгге, стоявшій одно время во главѣ мануфактурной промышленности во всемъ свѣтѣ, имѣлъ въ пятнадцатомъ столѣтіи восемьдесятъ ремесленныхъ корпорацій; почти столько же было ихъ и въ Гентѣ, гдѣ одни ткачи составляли двадцать семь ассоціацій, изъ которыхъ каждая занималась производствомъ особеннаго рода тканей. Въ Брюсселѣ существовало около пятидесяти цеховъ, сгруппированныхъ въ девять «націй»; въ Турне—болѣе сорока, въ Люттихѣ и Эйпернѣ—болѣе тридцати въ каждомъ. Что касается успѣховъ фламандскихъ общинъ въ сферѣ духовной жизни, въ трудахъ мысли, то эти успѣхи засвидѣтельствованы тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое получилъ ихъ языкъ въ современной литературѣ, и большимъ числомъ ученыхъ, которое она дала Голландіи въ эпоху преслѣдованій.

Всего нагляднѣе свидѣтельствуютъ о прежнемъ процвѣтаніи фламандскихъ общинъ ихъ общественныя зданія. Большая часть храмовъ, построенныхъ въ ту эпоху, остались недокон-

[1]) Wandenpeereboom, „Patria Belgica“, II.

ченными; но гражданскіе памятники архитектуры, воздвигнутые, впрочемъ, по болѣе обширному плану и богаче украшенные внутри, были почти всѣ закончены вполнѣ, и нынѣшнимъ архитекторамъ остается только поправлять или реставрировать поврежденныя временемъ части зданія. Различныя корпораціи имѣли каждая свой общественный или такъ называемый «Гильдейскій» домъ, который былъ тѣмъ усерднѣе украшаемъ, что члены братства сами жили въ домахъ очень убогаго вида. Особенно гостиные дворы и крытые рынки, поражающіе своими колоссальными размѣрами, свидѣтельствуютъ о солидномъ богатствѣ гражданъ, которые могли сооружать подобныя каменныя громады. Городскія ратуши или думы имѣютъ величественный видъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаются блескомъ архитектурнаго украшенія: этими зданіями граждане выражали въ одно и то же время и свою гордость, внушаемую сознаніемъ того, что они принадлежатъ къ городскому обществу, и сыновнюю радость, которую они испытывали, украшая внѣшній видъ своего роднаго города. Каждый городъ считалъ за честь построить свой муниципальный дворецъ по оригинальному, исключительно ему принадлежащему, плану; за исключеніемъ общаго сходства, зависящаго отъ архитектурнаго стиля эпохи, все въ этихъ зданіяхъ разнообразно и самобытно; они не были, какъ большая часть общественныхъ зданій, воздвигаемыхъ городами нашего времени, банальною копіею какого-нибудь столичнаго памятника архитектуры, рабски принятаго за образецъ: иная ратуша, какъ, напримѣръ, лувенская, походитъ на огромный ларчикъ для драгоцѣнностей; другая, какъ, напримѣръ, брюссельская, замѣчательна въ особенности изяществомъ своего стройнаго, сквознаго шпица; нѣкоторыя отличались живописнымъ видомъ или благородною простотой фасада. Почти во всѣхъ этихъ муниципальныхъ дворцахъ платформа, съ которой представители общественнаго управленія держали рѣчь къ народу, разнится мѣстоположеніемъ и формой: въ нѣкоторыхъ городахъ это—площадка, устроенная въ видѣ выступа на фасадѣ зданія, въ другихъ—балконъ или мраморное крыльцо. Сторожевая башня или каланча (beffroi, Belfried, Belfroot), символъ независимости города, или стоитъ отдѣльно, какъ въ Гентѣ, или возвышается надъ гостинымъ дворомъ, какъ въ Брюгге, или господствуетъ надъ ратушей, какъ въ Алостѣ, и помѣщена или на одномъ изъ угловъ, или по серединѣ фасада. Нѣкоторыя изъ нихъ похожи на башню, другія—на колокольню: оригинальный характеръ города высказывается преимущественно въ этомъ памятникѣ, въ «тайникѣ» котораго хранились хартіи мѣстнаго права, и откуда раздавался звонъ большаго вѣчеваго колокола, когда нужно было праздновать рѣшительную побѣду или отвратить общую опасность.

Эти общественныя зданія и площади, гдѣ они стоятъ, были главною ареной народныхъ празднествъ, до которыхъ бельгійцы во всѣ времена были большіе охотники. Здѣсь происходили тѣ торжественныя процессіи, которыя изображены на старинныхъ картинахъ, хранящихся въ музеяхъ; здѣсь приносились «присяги», раздавались награды отличившимся стрѣлкамъ изъ лука, пѣвцамъ или стихотворцамъ, ибо фламандскія общины, подобно городамъ древней Греціи, устраивали также литературныя празднества: депутаціи отъ другихъ городовъ пріѣзжали на тріумфальныхъ колесницахъ или ладьяхъ, и граждане торжественной процессіей выходили имъ навстрѣчу. Однако эти литературныя празднества мало-по-малу выродились въ состязанія «риторовъ» и рифмоплетовъ. Въ эпоху упадка, когда города имѣли уже только видъ свободы, блескъ народныхъ празднествъ, обиліе рѣчей, многословіе и пустозвонство были именно разсчитаны на то, чтобы заставить гражданъ забыть, что они прежде были сами себѣ господа.

Цвѣтущее состояніе фламандскихъ городовъ скоро смѣнилось періодомъ упадка, и произошло это большею частію по винѣ самихъ общинъ. Когда имъ грозила опасность, онѣ хорошо понимали пользу федераціи и соединялись для дружнаго дѣйствія противъ общаго врага; но, по возстановленіи внѣшняго мира, между ними опять начинались внутренніе раздоры. Брюгге и Гентъ, какъ слишкомъ близкіе сосѣди, всегда были готовы затѣять междоусобную войну: завистливое соперничество раздѣляло эти два города и побуждало ихъ дѣлать другъ другу всевозможный вредъ посредствомъ силы или хитрости. Такъ, въ 1379 году, гентцы вооруженною рукой завалили каналъ для морскаго судоходства, который жители Брюгге рыли въ направленіи къ Дейнце [1]). По уставамъ городскихъ братствъ, купцы одного города, если отправлялись цѣлымъ обществомъ въ сосѣдній городъ, обязаны были идти хорошо вооруженными, дабы могли, въ случаѣ надобности, защитить честь своего города и своей корпораціи, и тѣ, которые не исполняли этого правила, должны были платить штрафъ [2]). При малѣйшей тревогѣ граждане хватались за оружіе, вступали въ бой между собою. Даже дѣти отъ десяти до четырнадцати лѣтъ соединялись въ военныя роты: въ 1488 году двѣ такія дѣтскія банды завязали битву на улицахъ Брюгге, и пять мальчиковъ остались мертвые на мостовой. Строгость уставовъ, обезпечивавшихъ монополію различнымъ цехамъ и дѣлавшихъ ихъ

[1]) „Annales des travaux publics de la Bélgique“, 1843

[2]) L. Cellier, „Une commune flamande“.

враждебными другъ другу, тоже способствовала въ большой мѣрѣ несчастіямъ городовъ и ослабленію ихъ патріотической энергіи. Въ Турне, напримѣръ, были цехи «разносчиковъ масла», «разносчиковъ углей», «разносчиковъ мануфактурныхъ товаровъ», и горе тому, кого встрѣчали несущимъ товаръ, предназначенный, по регламенту, не для его плечъ [1]). Такъ же или почти такъ же было во всѣхъ фламандскихъ общинахъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Брюгге существовала корпорація «краненкиндеровъ» (Kraanenkinder, т.-е. дѣти «крана»), которые одни имѣли право цѣдить вино изъ бочекъ: въ высокоторжественные дни они еще носили свой традиціонный мундиръ [2]).

Герцоги бургундскіе, которыхъ соблазняло богатство фламандскихъ городовъ, воспользовались ихъ междоусобіями и сдѣлались господами страны. Промышленность городовъ служила имъ къ увеличенію блеска ихъ двора; граждане же были угнетены, система высокихъ налоговъ, покровительственныхъ пошлинъ, герцогскихъ повелѣній или ордонансовъ замѣнила самоуправленіе коммунъ,—и упадокъ начался. Попытки возмущенія противъ этого ига были жестоко усмиряемы, и герцоги не упускали ни одного случая унизить города въ ихъ гордости. Въ 1468 году Люттихъ былъ почти уничтоженъ, около сорока тысячъ его жителей были перебиты, и колодезь на главной площади, называвшійся «le perron», который считался палладіумомъ города, символомъ его муниципальныхъ вольностей, былъ разрушенъ; въ предъидущемъ году Карлъ Смѣлый отнялъ у гентскихъ работниковъ ихъ знамена и велѣлъ развѣсить ихъ на сводахъ церквей въ отдаленныхъ городахъ, какъ трофеи своей побѣды надъ народомъ. Императоръ Карлъ Пятый, самъ гентскій уроженецъ, отмѣнилъ вольности Гента, осудилъ наиболѣе энергичныхъ гражданъ на казнь и изгнаніе, подчинилъ жителей суровымъ регламентамъ и приказалъ снять съ городской башни большой вѣчевой колоколъ, называвшійся «Роландомъ» и представлявшій собою какъ бы гласъ города. Когда писатель Яковъ Майеръ напечаталъ свою «Исторію Фландріи», въ 1538 году, Карлъ V разрѣшилъ изданіе этой книги только подъ условіемъ, чтобы въ ней ничего не говорилось о привилегіяхъ городовъ (d'ombettre l'insertion des privilèges d'aulcunes villes»). Грамоты или luyster Брабанта были заперты въ одной изъ башенъ Брюсселя, и граждане увидѣли ихъ опять только тогда, когда это зданіе было разрушено непріятельскими бомбами во время осады города войсками Людовика XIV [3]).

Въ царствованіе преемника Карла V, Филиппа II, религіозныя войны сопровождались великими бѣдствіями, разореніемъ края, и безмолвіе террора воцарилось въ нѣкогда вольныхъ и богатыхъ городахъ. Даже литературныя собранія, или такъ называемыя «палаты реторики» (chambres de rhétorique), навлекли на себя подозрѣніе властей; свирѣпый герцогъ Альба велѣлъ повѣсить большое число гражданъ, принимавшихъ участіе въ этихъ литературныхъ состязаніяхъ, и бургомистръ ванъ-Страленъ, главный организаторъ празднества, устроеннаго въ 1561 году въ Антверпенѣ, погибъ на эшафотѣ [1]). Промышленность пришла въ упадокъ, города обѣднѣли и опустѣли, даже цвѣтущія селенія были покинуты жителями; во многихъ мѣстахъ страна приняла видъ безлюдной пустыни. Сильное эмиграціонное движеніе направилось къ сѣвернымъ провинціямъ Нидерландовъ; число бельгійцевъ, переселившихся въ Голландію, опредѣляютъ въ сто тысячъ душъ [2]). Прискорбнѣе всего было то, что эти добровольные изгнанники были именно самые энергичные люди,—тѣ люди, которымъ нація обязана была своею интеллектуальною жизнью и самодѣятельностью; вмѣстѣ съ ними Бельгія, такъ сказать, лишилась своихъ жизненныхъ соковъ. Эта эмиграція еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ войны, рѣзня и казни, была причиной нравственнаго ослабленія страны въ послѣдующіе вѣка. Вандеркиндере даже высказываетъ предположеніе,—не настаивая, впрочемъ, на его безусловной вѣрности,—что уменьшеніе средняго роста у фламандцевъ было, можетъ быть, косвеннымъ слѣдствіемъ происходившаго въ ту эпоху выселенія массами, такъ какъ, по его словамъ, покидали родину, главнымъ образомъ, жители саксонской расы [3]).

Бельгійскія коммуны вновь пріобрѣли нѣкоторую автономію; однако, муниципальные совѣты назначаются нынѣ ограниченной подачей голосовъ, и бургомистръ уже не избранникъ своихъ согражданъ. Совѣты эти въ дѣйствительности—маленькія буржуазныя олигархіи, масса же народа не получила своихъ прежнихъ вольностей. Но какъ ни велико было политическое несчастіе страны, старый муниципальный духъ сохранился въ ней съ замѣчательною силою до нашихъ дней и обнаруживается особенно рельефно во время храмовыхъ и мѣстныхъ праздниковъ въ честь святаго, покровителя города. На этихъ патрональныхъ праздникахъ и «кермессахъ» религіозныя процессіи, военные кортежи, театральныя представленія, народныя игры и пляски перемѣшиваются различнымъ образомъ, какъ въ средніе вѣка, такъ что сово-

---

[1]) Фридрихъ Этцеръ, „Belgische Studien".
[2]) Эмиль Тандель, „Рукописныя замѣтки".
[3]) Ch. Potvin, „Patria Belgica" III.

[1]) Stecher, „Histoire de la litterature flamande", „Patria Belgica", III.
[2]) De-Smet, „Histoire de la Belgique", II, 15;—Gaillard, „De l'enfluence exercée par la Belgique sur les Provinces-Unies", „Mémoires publiés par l'Académie de Belgique". t. VI, 1853.
[3]) „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".

купность церемоній сохраняетъ въ каждомъ городѣ оригинальный видъ. Въ Кортрейкѣ или Куртре, въ Фюрнесѣ, символическія процессіи напоминаютъ средневѣковыя духовныя мистеріи; въ Шателе и въ другихъ городахъ провинціи Геннегау крестные ходы имѣютъ двоякій характеръ—религіозный и военный; въ Тимеонѣ, близъ Госселиса, въ Геннегау, какъ говорятъ, существуютъ еще процессіи съ пляской. Наконецъ, многія старинныя городскія общины: Монсъ, Атъ, Турне, или Дорникъ, Мехельнъ, Антверпенъ, Гентъ, подобно коммунамъ французской Фландріи, напримѣръ, городу Дуэ, считаютъ долгомъ устраивать во время мѣстныхъ праздниковъ такъ называемыя «кавалькады», гдѣ историческія сцены, перемѣшанныя съ аллегоріями, наглядно разсказываютъ исторію города.

Въ двухъ принадлежащихъ къ Бельгіи кускахъ бассейновъ Уазы и Сюры или Зауера, притока Рейна, нѣтъ ни одного бельгійскаго города: но въ бассейнахъ извилистой Семуа и Шера, которые соединяются съ Маасомъ во французскомъ департаментѣ Арденновъ, мы находимъ нѣсколько городковъ и мѣстечекъ. Только одинъ изъ этихъ населенныхъ пунктовъ имѣетъ свыше 5.000 жителей—это Арлонъ (Arlon), нѣкогда римская деревня Orolaunum vicus, а нынѣ главный городъ провинціи Люксембургъ; онъ построенъ амфитеатромъ на высотѣ болѣе 400 метровъ, на плоской возвышенности, по которой свободно разгуливаютъ сѣверные вѣтры, и не заключаетъ въ себѣ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ римскихъ древностей, хранящихся въ мѣстномъ музеѣ; но онъ замѣчателенъ большимъ числомъ и превосходной организацiей своихъ общественныхъ школъ; между прочимъ, здѣсь существуетъ прекрасно устроенный музей учебныхъ пособій. Неподалеку отъ французской границы встрѣчаемъ маленькій городокъ Виртонъ (Virton), хорошо защищенный отъ холодныхъ вѣтровъ; это бельгійская Ницца. Бульонъ (Bouillon), другое мѣстечко, носящее названіе города, лежитъ въ долинѣ Семуа, недалеко отъ того мѣста, гдѣ эта рѣка, образуя безчисленныя излучины, вступаетъ на французскую территорію; дома этого городка скромно группируются у подножія высокаго выступа горы, на которомъ стоитъ древняя крѣпость, прославленная извѣстнымъ Годфридомъ Бульонскимъ и другими знаменитыми воителями.

Выйдя изъ предѣловъ Франціи, на сѣверѣ отъ Живе, Маасъ скоро встрѣчаетъ на своемъ пути бельгійскій городъ Динанъ (Dinant), тѣсно построенный на узкой полосѣ между правымъ берегомъ этой рѣки и отвѣсными утесами, на вершинѣ которыхъ высятся стѣны бывшей крѣпости, нынѣ покинутой. Послѣ страшнаго погрома, совершеннаго по приказанію герцога Филиппа Бургундскаго, котораго такъ несправедливо прозвали «Добрымъ», этотъ городъ пришелъ въ упадокъ, и съ той поры не могъ уже вполнѣ подняться до прежняго цвѣтущаго состоянія. Динанъ не славится болѣе, какъ въ средніе вѣка, своими издѣліями изъ мѣди, извѣстными съ двѣнадцатаго столѣтія подъ названіемъ dinanderies; теперь изъ произведеній его промышленности наибольшею извѣстностью пользуются такъ называемые couques, пряники, приготовляемые особеннымъ способомъ и украшенные изображеніемъ людей, процессій, пейзажей и даже сценъ изъ повседневной жизни. Динанъ, одинъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Бельгіи, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, главный центръ экскурсій для любителей прогулокъ въ верхнюю долину Мааса и въ долину Лессы, которая поднимается на юго-востокѣ въ самое сердце Арденновъ. Городки Сине (Ciney), «столица» Кондроза, Маршъ (Marche), «столица» Фаменны, Бастонь (Bastogne l'Ardennaise) построены на плоскогорьяхъ этой мало населенной области. Городъ Сенъ-Гюберъ (Saint-Hubert), черезъ который проходитъ одна изъ самыхъ оживленныхъ въ древности дорогъ горной группы Арденновъ, прославился въ особенности своими охотами. Встарину здѣсь былъ обычай праздновать 3 ноября, день ангела рыцаря-епископа, отъ котораго городъ получилъ свое имя, большою псовою охотою. На этотъ праздникъ собиралось множество охотниковъ въ сопровожденіи многочисленныхъ своръ: прежде чѣмъ отправиться въ лѣсъ, они присутствовали на литургіи. Аббатство получало первинки дичи, убитой въ этотъ день, и десятую часть дичи, убиваемой въ продолженіе цѣлаго года. Монахи, сами большіе любители охоты, разводили особую породу собакъ и должны были ежегодно посылать по шести паръ ихъ въ подарокъ французскому королю; теперь эта порода существуетъ лишь въ очень маломъ числѣ представителей, и то только въ одной Англіи [1]).

Ниже Динана и Бувиня (Bouvignes), скромнаго городка, который нѣкогда былъ соперникомъ Динана, Маасъ не встрѣчаетъ на своемъ пути ни одного города до Намюра (Namur), построеннаго на обоихъ берегахъ Самбры, у подошвы крутаго мыса, господствующаго надъ сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ. Мѣстоположеніе Намюра (въ древности Namurcum) очень выгодно въ стратегическомъ отношеніи, и потому онъ уже во времена римлянъ былъ важнымъ оборонительнымъ пунктомъ; сильная крѣпость, занимающая весь уголъ мыса, замѣнила, съ конца прошлаго столѣтія, стоявшій тамъ нѣкогда укрѣпленный замокъ графовъ Намюрскихъ. Исторія разсказываетъ о многочисленныхъ кровопролитныхъ битвахъ между арміями, которыя оспаривали другъ у друга обла-

[1]) Ernest Parent, „Patria Belgica", I.

даніе этимъ военнымъ опорнымъ пунктомъ. Еще въ 1815 году, послѣ сраженія при Ватерлоо, арьергардъ французской арміи задержалъ здѣсь войска союзниковъ. Осады, бомбардированія, пожары, которымъ такъ часто подвергался этотъ городъ, уничтожили почти всѣ его древнія зданія: городская башня (beffroi) и монастырь св. Альбина, превращенный нынѣ въ зданіе судебныхъ учрежденій,—единственные средневѣковые памятники, которые еще сохранились въ столицѣ провинціи Намюръ. Въ каѳедральномъ соборѣ, сооруженіе котораго относится уже къ новому времени (онъ былъ освященъ въ 1772 г.), заслуживаетъ вниманія гробница Донъ-Жуана Австрійскаго, побѣдителя при Лепанто, скончавшагося въ 1578 году въ сосѣднемъ лагерѣ. Изъ замѣчательныхъ уроженцевъ Намюра назовемъ филолога Оноре Шаве (Honoré Chavée). Промышленность города довольно дѣятельна; онъ производитъ стеклянныя издѣлія, ножевый товаръ, кожу, химическіе продукты, имѣетъ большіе металлургическіе заводы. Обработка желѣза практикуется въ краѣ по меньшей мѣрѣ двѣ тысячи лѣтъ, доказательствомъ чего служатъ открытые въ окрестностяхъ города слѣды древнихъ плавильныхъ печей и ямы, содержавшія куски расплавленной руды.

Средняя долина Самбры, благодаря ея богатству каменнымъ углемъ, превосходитъ Намюръ числомъ и важностью своихъ фабрикъ и заводовъ. Главный пунктъ этой промышленной области, произведенія которой расходятся по всему свѣту,—городъ Шарлеруа (Charleroi), названный такъ въ честь Карла II, короля испанскаго, лѣтъ двѣсти тому назадъ; до того времени онъ былъ простою деревней и назывался Шарнуа. Знаменитый Вобанъ окружилъ его крѣпостною оградой, которая много разъ подвергалась непріятельской осадѣ, и которую теперь замѣнили площади, бульвары, большія современныя зданія. Главный памятникъ строительнаго искусства, какъ и подобаетъ такому дѣятельному промышленному городу, каковъ Шарлеруа, представляющій собою центръ металлургической промышленности въ Нидерландахъ,—это громадное зданіе желѣзнодорожной станціи, гдѣ останавливаются поѣзды, нагруженные каменнымъ углемъ и желѣзною рудой. Шарлеруа продолжается въ долинѣ Самбры многочисленными городками и мѣстечками, составляющими отдѣльныя общины, и образуетъ какъ-бы одинъ обширный городъ: таковы на югѣ и юго-востокѣ — Марсинель (Marcinelle) и Кулье (Couillet); на востокѣ—Монтиньи-на-Самбрѣ (Montigny sur Sambre), Шателе (Châtelet), Шателино (Châtelineau); на сѣверо-востокѣ—Жилли (Gilly), Рансаръ (Ransart), Курсель (Courselles); на сѣверѣ—Лоделинсаръ (Lodelinsart), Жюме (Jumet), Госсели (Gosselics); на сѣверо-западѣ—Ру-ле-Шарлеруа (Roux lez-Charlroi); на западѣ и юго-западѣ — Дампреми (Dampremy), Маршіеннъ-о-Понъ (Marchienne au Pont), Монсо-сюръ-Самбръ (Monceau-sur-Sambre), Монъ-сюръ-Маршіеннъ (Mont-sur-Marchienne), Тюэнъ (Thuin), лежащій выше въ долинѣ Самбры, находится уже внѣ Шарлеруа; это отдѣльная группа фабрикъ, такъ же, какъ и старинный городокъ Фонтенъ-Левекъ (Fontaine l'Evêque), лежащій западнѣе, на плато, раздѣляющемъ бассейны рѣкъ Самбры, Гены и Сенны. На территоріи общинъ, составляющихъ агломерацію Шарлеруа, путешественникъ только и видитъ что фабричныя заведенія, съ вѣчно дымящимися трубами, высокія доменныя печи, желѣзодѣлательные и чугунолитейные заводы, стеклянныя фабрики, заводы химическихъ продуктовъ; повсюду горизонтъ ограниченъ грудами шлаковъ, которыя образуютъ цѣлыя горы.

Желѣзное производство въ провинціи Генегау въ 1893 году: чугуна—259.510 тоннъ; желѣза—337.180 тоннъ.

Нѣсколько желѣзныхъ дорогъ пересѣкаютъ въ этой каменноугольной области главную рельсовую линію, идущую изъ Люттиха въ Парижъ; кромѣ того, каналъ, по которому постоянно движутся длинныя вереницы нагруженныхъ судовъ, соединяетъ теченіе Самбры съ сѣтью судоходныхъ путей низменной Бельгіи. На югѣ, въ сосѣдствѣ съ французскою границей, встрѣчаемъ городки Маріембургъ (Mariembourg), Филиппвиль (Philippville), Шиме (Chimey), часто упоминаемые въ исторіи войнъ и политическихъ трактатовъ. Къ сѣверу отъ Шарлеруа находятся знаменитыя поля битвъ при Флёрюсѣ (Fleurus) и Линьи (Ligny). Часть равнины около Флёрюса покрыта бѣловатымъ налетомъ (эффлоресценціей), сѣрнокислымъ баритомъ, который въ послѣдніе годы стали разрабатывать въ большихъ размѣрахъ; къ сожалѣнію, этотъ порошокъ, какъ кажется, употребляютъ не только для разныхъ дозволенныхъ закономъ производствъ, но также для фальсификаціи многочисленныхъ продуктовъ и товаровъ: безсовѣстные спекуляторы примѣшиваютъ его даже къ крупчатой мукѣ.

Ниже сліянія Самбры и Мааса, послѣдняя изъ этихъ рѣкъ течетъ длинными извилинами между живописными склонами горъ, усѣянныхъ старыми развалинами и новыми замками. На правомъ берегу прежде всего встрѣчаемъ городъ Анденнъ (Andenne), гдѣ есть фабрики (бумажныя, фаянсовыя) и въ окрестностяхъ каменоломни. Далѣе слѣдуетъ городъ Гюи (Huy), лежащій на томъ же берегу, у подножія крѣпости, теперь безполезной, но имѣющей живописный видъ. Гюи—одинъ изъ старинныхъ городовъ валлонской земли; прежде въ немъ было семнадцать монастырей, въ одномъ изъ которыхъ находилась гробница Петра Пустынника, проповѣдника перваго крестоваго

похода. Къ сѣверу отъ большой общины Сенъ-Жоржъ-на-Маасѣ (Saint Georges-sur-Meuse) и деревни Энжисъ (Engis), замѣчательной своими каменоломнями и прославившейся въ ученомъ мірѣ драгоцѣнными доисторическими остатками, найденными въ ея пещерахъ, берега Мааса усѣяны фабриками и деревнями рабочихъ: мы уже вступили въ промышленную область Льежа, или Люттиха (Lüttich, Liége, Luik).

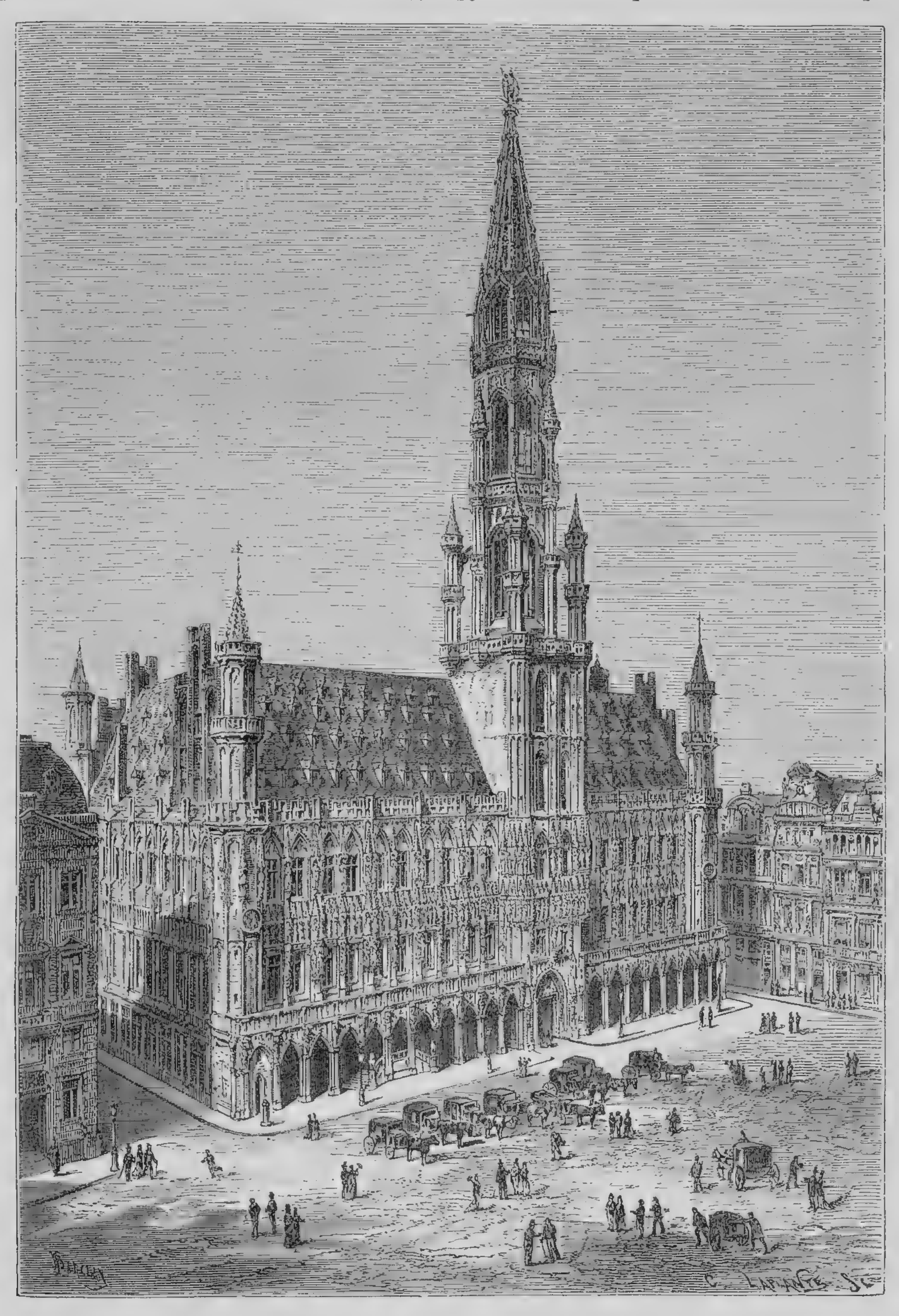
Эта столица валлонской Бельгіи расположена на обоихъ берегахъ Мааса, ниже впаденія въ него рѣки Урты; на западѣ возвышается продолговатый холмъ, на вершинѣ котораго стоитъ цитадель, и откуда открывается прекрасный видъ, когда горизонтъ не затемненъ дымомъ, поднимающимся изъ безчисленныхъ фабричныхъ трубъ. Городъ продолжается далеко своими фабричными предмѣстьями, разсѣянными въ долинѣ и по скатамъ холмовъ, и покрываетъ своими строеніями большой островъ, образуемый Маасомъ и однимъ изъ его канализованныхъ рукавовъ. Нѣсколько мостовъ соединяютъ берега рѣки; одинъ изъ нихъ, «мостъ Арокъ» (Pont des Arches), который нѣсколько разъ перестраивали, стоитъ, по преданію, на мѣстѣ главнаго моста, «Souverain pont», сооруженнаго паладиномъ Ожье Датчаниномъ. Льежъ—одинъ изъ тѣхъ городовъ, имя которыхъ, повторяемое поэтами цикла Карла Великаго, такъ же, какъ лѣтописцами и историками, пріобрѣло громкую извѣстность во всей Европѣ. Едва-ли найдется въ германской и романской Европѣ такая деревня, гдѣ не знали бы двуязычнаго «Люттихскаго альманаха» Матвѣя Ленсберга.

Центръ Льежа расположенъ недалеко отъ моста Арокъ. Въ этой части города, на площади ратуши, стоитъ колонна, окруженная фигурами трехъ грацій на мѣстѣ древняго колодца «Перронъ» (le Perron), который былъ символомъ мѣстныхъ вольностей для гражданъ стараго республиканскаго города. Недалеко оттуда находится бывшій дворецъ князей-епископовъ, въ которомъ теперь помѣщаются судебныя учрежденія, архивы, присутственныя мѣста: это—обширное зданіе, господствующее надъ площадью Сенъ-Ламберъ, получившей свое названіе отъ стоявшаго тутъ прежде великолѣпнаго собора св. Ламберта, на который каждый житель Льежа, богатый и бѣдный, долженъ былъ завѣщать, умирая, какую-нибудь сумму, хотя бы копѣйку, и который былъ разрушенъ во время первой французской революціи. Университетъ, основанный въ 1817 году нидерландскимъ правительствомъ, вмѣсто прежней іезуитской коллегіи, заключаетъ въ себѣ драгоцѣнную библіотеку, нумизматическій музей, многочисленныя коллекціи предметовъ естественной исторіи, анатомическихъ препаратовъ, физическій кабинетъ, химическую лабораторію. Съ университетомъ соединены школа искусствъ и мануфактуръ, горное училище, нормальная школа (педагогическій институтъ). Въ 1892—93 г. въ университетѣ числилось 960 студентовъ и въ принадлежащихъ къ нему техническихъ заведеніяхъ 300 слушателей. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ университетскимъ зданіемъ помѣщается музыкальная консерваторія, откуда вышли многіе воспитанники, сдѣлавшіеся знаменитыми. Академія художествъ также посѣщается большимъ числомъ учащихся. Льежскій археологическій институтъ обладаетъ замѣчательнымъ музеемъ древностей. Передъ фасадомъ университета стоитъ статуя великаго геолога Андрея Дюмона, а на театральной площади поставленъ памятникъ другому льежскому уроженцу, композитору Гретри. Льежъ соорудилъ также монументъ Карлу Великому, такъ какъ онъ—одинъ изъ городовъ, считающихъ себя мѣстомъ рожденія легендарнаго императора. Многочисленныя церкви высоко поднимаются надъ домами своими колокольнями и куполами. Самая любопытная изъ нихъ въ историческомъ отношеніи—церковь св. Мартина, построенная на углу выступа горы, господствующей надъ городомъ съ восточной стороны; высокая башня ея замѣнила прежнюю башню, куда укрылись патриціи во время народнаго возстанія въ 1312 году, и гдѣ они были сожжены живыми разъяренною толпой. Въ этомъ храмѣ въ 1246 году былъ впервые установленъ праздникъ Тѣла Господня, сдѣлавшійся съ той поры однимъ изъ важнѣйшихъ торжествъ католической церкви.

По сказанію мѣстныхъ хроникъ, залежи и употребленіе каменнаго угля были открыты, въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, однимъ кузнецомъ по имени Гуллосъ (Houllos), отъ фамиліи котораго, нѣсколько видоизмѣненной, и произошло, какъ полагаютъ, французское названіе этого минеральнаго топлива (la houille). Каково бы ни было достоинство этой этимологіи [по мнѣнію А. Шелера [1]), слово houille происходитъ отъ нѣмецкаго Scholle, глыба, комъ земли], она во всякомъ случаѣ доказываетъ, что въ льежскомъ краѣ съ очень давняго времени пользовались ископаемымъ углемъ. Каменный уголь, пласты котораго разрабатываются въ окрестностяхъ Льежа и даже подъ теченіемъ Мааса и подъ нѣкоторыми кварталами города, составляетъ необходимый матеріалъ многочисленныхъ фабрикъ, возвышающихся, въ видѣ громадныхъ закоптѣлыхъ зданій съ вѣчно дымящимися трубами, въ самомъ городѣ и въ его предмѣстьяхъ и пригородахъ. Въ 1890 году въ Льежской провинціи разрабатывались 93 копи, которыя всѣ вмѣстѣ дали 5.056.430 тоннъ угля, цѣнностью около 71 милліона фран-

[1]) „Dictionnaire d'étymologie française", par A. Scheler;—„Patria Belgica" III.

ковъ. Главная отрасль мануфактурной промышленности Льежа—оружіе, выдѣлка котораго производится большею частію на дому: ору-



Площадь ратуши въ Брюсселѣ.

жейные мастера обыкновенно имѣютъ кузницу и мастерскую въ сосѣдствѣ съ своимъ скромнымъ жилищемъ; [1]) здѣсь всѣ куютъ, вездѣ видны пылающіе горны, цѣлыя улицы окрашены въ огненный цвѣтъ отъ блеска пламени ружейныхъ мастерскихъ. Во многихъ странахъ, особенно во Франціи, почти всѣ охотничьи ружья льежской фабрикаціи. Бельгійское правительство имѣетъ въ Льежѣ, съ 1802 года, пушечный литейный заводъ и съ 1840 года фаб-

[1]) Baudun, „рукописныя замѣтки".

рику военнаго оружія, заказчиками которыхъ были по очереди почти всѣ государства Европы. Въ 1894 году было выдѣлано 465.490 ружей, 388.450 револьверовъ, 25.560 паръ кавалерійскихъ пистолетовъ, 2.515 карманныхъ пистолетовъ и 157.748 штукъ разнаго другаго оружія. Величайшее промышленное заведеніе Бельгіи и одно изъ важнѣйшихъ въ свѣтѣ—это фабрика, которую Джонъ Коккериль и Вильгельмъ I, король нидерландскій, основали, въ 1817 году, въ мѣстечкѣ Серенъ (Seraing), въ нѣсколькихъ километрахъ выше Льежа, на правомъ берегу Мааса, въ бывшемъ лѣтнемъ дворцѣ льежскихъ князей-епископовъ. Подобно Крезо и заводу Круппа, серенская фабрика, принадлежащая нынѣ акціонерному обществу, представляетъ цѣлый городъ амбаровъ, доменныхъ печей, литейныхъ заведеній и мастерскихъ, гдѣ на пространствѣ 108 гектаровъ работаютъ около 11.000 мастеровыхъ (рудокоповъ, литейщиковъ и проч.) и сотни паровыхъ машинъ, потребляющія ежегодно около 6 милліоновъ центнеровъ топлива. Съ 1822 года, эпохи, когда Серенъ сдѣлалъ свою первую машину для парохода, и до 1835 года, когда былъ приготовленъ первый локомотивъ, эта громадная фабрика поставила на всемірный рынокъ, въ видѣ разнаго рода паровыхъ двигателей, силу, равную нѣсколькимъ милліонамъ паровыхъ лошадей; серенскіе сталедѣлательные заводы могутъ прокатывать до 365 тоннъ рельсовъ въ одинъ день. Техническое училище въ Серенѣ имѣетъ болѣе 200 воспитанниковъ. Общая цѣнность годоваго производства серенской фабрики простирается до 45 милліоновъ франковъ. Выше на Маасѣ находится огромная стеклянная фабрика Валь-Санъ-Ламберъ—одно изъ важнѣйшихъ заведеній этого рода на континентѣ Европы; Жемеппъ (Jemeppe), лежащій на лѣвомъ берегу рѣки, противъ Серена, въ дѣйствительности есть лишь предмѣстье этого послѣдняго; лежащіе ближе къ Льежу Склессенъ и мѣстечко Угре (Ougrée, угорское), получившее это названіе, какъ говорятъ, отъ поселившейся здѣсь нѣкогда венгерской колоніи [1]), замѣчательны своими обширными металлургическими заводами. На юго-востокѣ отъ города, при сліяніи рѣкъ Урты и Вездры, находимъ дѣятельное фабричное мѣстечко Шене (Chênée), съ важными цинколитейными заводами, принадлежащими обществу «Vielle Montagne». На западѣ лежитъ большое предмѣстье Ансъ (Ans), окруженное каменноугольными копями. Населеніе Льежа, вмѣстѣ съ подгородными мѣстечками и селеніями, расположенными вокругъ него въ десятиверстномъ районѣ, простирается до 250.000 душъ.

Металлургическое производство провинціи Льежъ представляло въ 1893 году слѣдующія цифры: сыраго желѣза 293.200 тоннъ; стали—170.943 тон.; цинка—82.700 тон.; цинка въ листахъ—26.800 тон.; серебра—33.000 килограммъ.

Въ верхней долинѣ Урты и въ долинѣ ея значительнаго притока Амблевы безплодіе каменистой почвы и недостатокъ удобныхъ сообщеній помѣшали возрастанію городовъ и деревень. Самая значительная группа населенія въ этой мѣстности—Ставелотъ (Stavelot, Stabuletum, Stablum), лежащій близъ нѣмецкой границы. Княжество Ставелотъ, происхожденіе котораго относится къ седьмому вѣку, сохраняло свою независимость до конца прошлаго столѣтія; оно было леномъ Германской имперіи, и одинъ изъ его округовъ, Мальмеди, сдѣлался съ 1815 года прусскою территоріей. Ставелотское аббатство обладало многими драгоцѣнными книгами, которыя теперь разсѣяны по большимъ библіотекамъ европейскихъ государствъ. Долина рѣки Вездры, поставленная въ болѣе благопріятныя условія сравнительно съ долиной Амблевы, какъ естественный путь между Ахеномъ и Льежемъ, достигла важнаго значенія, какъ промышленный край. Проѣзжая изъ нѣмецкаго города въ валлонскій, путешественникъ вездѣ встрѣчаетъ по дорогѣ фабрики и заводы. Однако, знаменитѣйшій историческій бургъ этого края, расположенный на скалѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ германскою границей, представляетъ теперь однѣ развалины: это древній Лимбургъ (Limbourg, Lindburg), нѣкогда могущественный, сильно укрѣпленный городъ и столица герцогства того же имени. Но именно богатства его и стратегическая важность его мѣстоположенія и были причиной того, что онъ часто подвергался нападеніямъ враговъ; Лимбургъ былъ нѣсколько разъ опустошаемъ непріятельскими войсками, затѣмъ окончательно разрушенъ въ 1675 и 1701 годахъ арміями Людовика XIV. Новый городъ, не феодальный, а мануфактурный, выстроился у подошвы холма, на которомъ стоялъ старый, и находится уже внѣ предѣловъ провинціи, получившей отъ него названіе.

Маленькій ручей Жилеппъ, берущій начало на югѣ отъ Лимбурга, въ области лѣсистыхъ холмовъ, бѣжитъ по живописной долинѣ, гдѣ недавно построена огромная запруда, увѣнчанная колоссальною фигурой льва. Эта массивная каменная стѣна, въ 48 метр. высоты и 235 метр. длины между двумя холмами, имѣетъ не менѣе 66 метр. ширины при основаніи. Она можетъ задерживать болѣе 12 милліардовъ кубич. метровъ воды, то-есть все количество, приносимое Жилеппомъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ, и узенькій ручеекъ, нормальный водостокъ котораго не превышаетъ 730 литровъ въ секунду, превращается тогда въ озеро, поверхность котораго равна нѣсколькимъ квадратнымъ километрамъ. Назначеніе этого искус-

[1]) Goblet d'Alviella, „Patria Belgica", III.

ственнаго озера—задерживать зимніе и весенніе разливы и доставлять фабрикамъ и заводамъ бассейна Вездры питательную воду, необходимую имъ во время лѣтнихъ засухъ. Эти промышленныя заведенія, поднявшія такъ высоко экономическое значеніе Вервье, Дизона, Энсиваля,—по большей части суконныя фабрики. Ткацкая промышленность была извѣстна въ краѣ же съ двѣнадцатаго столѣтія, но она возвысила Вервье (Verviers) на степень одного изъ важнѣйшихъ въ свѣтѣ фабричныхъ центровъ только послѣ промышленнаго упадка Фландріи; около половины восемнадцатаго столѣтія фабрикація суконъ окончательно перешла изъ западной Бельгіи въ восточную: цеховая организація ремеслъ, составлявшая нѣкогда политическую силу обѣихъ Фландрій, сдѣлалась, въ концѣ концовъ, причиной ихъ обѣдненія, задерживая всякій прогрессъ, всякое обновленіе, замыкая мастеровъ въ непереходимый кругъ рутинныхъ способовъ производства. Главные произведенія вервьетской промышленности—сукна, драпъ, фланель, казимиръ, легкія шерстяныя матеріи, а также шерстяная пряжа, большая часть которой вывозится въ Англію. Сукна, употребляемыя для арміи и извѣстныя подъ именемь «солдатскихъ», отправляются преимущественно въ Италію и восточныя страны. Крашеная шерсть привозится въ Вервье по большей части изъ сѣверной Франціи. Съ 1872 года производство въ округѣ Вездры уменьшилось почти на половину. Скрипачъ Вьстанъ былъ уроженецъ Вервье.

Небольшая долина, ручей которой впадаетъ въ рѣку Вездру у Пепинстера, ниже Вервье, замѣчательна не столько своими фабриками, сколько минеральными водами. Здѣсь находится городъ Спа (Spa), который въ прошломъ столѣтіи былъ самымъ знаменитымъ и моднымъ мѣстомъ водъ въ Европѣ, и который, послѣ продолжительнаго періода упадка, нынѣ снова привлекаетъ тысячи больныхъ. Что касается праздныхъ посѣтителей, пріѣзжающихъ просто для развлеченія, то число ихъ сильно убавилось съ той поры, какъ запрещены азартныя игры, и на долю города остались только дозволенные закономъ роды промышленности, каковы эксплоатація минеральныхъ водъ, рѣзьба и раскрашиваніе разныхъ вещицъ изъ дерева, (гостей ежегодно бываетъ отъ 11 до 12 тысячъ). Минеральные источники, именно желѣзистые, чрезвычайно многочисленны въ этой мѣстности, почва которой содержитъ желѣзную руду въ большихъ количествахъ. Тѣнистыя аллеи, рощи, маленькія живописныя долины, которыми окруженъ Спа, дѣлаютъ этотъ городъ пріятнымъ мѣстопребываніемъ; холера никогда не проникала въ эту долину, хотя всѣ окрестные города испытали на себѣ страшное дѣйствіе этого бича. Другой городокъ съ минеральными водами, Шодфонтенъ (Chaudfontaine, Calida de Fontana), лежащій на берегу Вездры, въ 10 километрахъ отъ Льежа, тоже представляетъ для любителей загородныхъ прогулокъ много прелестныхъ пайзажей. Въ лѣтнее время жители Льежа толпой отправляются на эти термы.

По выходѣ изъ провинціи Льежъ, Маасъ продолжаетъ извиваться между безчисленными фабриками и деревнями, населенными рабочими. Вмѣстѣ съ тѣмъ это одна изъ интереснѣйшихъ областей сѣверной Европы по историческимъ воспоминаніямъ. На правомъ берегу рѣки находится мѣстечко Жюпиль (Jupille), гдѣ часто проживалъ Карлъ Великій, и гдѣ умеръ Пепинъ Геристальскій. На другомъ берегу стоитъ Герсталь (Геристаль), сдѣлавшійся нынѣ однимъ изъ фабричныхъ предмѣстій Льежа: здѣсь родился Пепинъ Короткій; здѣсь же Карлъ Лысый и Людовикъ Нѣмецкій заключили между собою въ 870 году договоръ о раздѣлѣ Лотарингіи, то-есть земель между Маасомъ и Рейномъ. Далѣе первая изъ этихъ рѣкъ протекаетъ по голландской территоріи, въ энклавѣ Маастрихта, затѣмъ снова омываетъ своимъ лѣвымъ берегомъ территорію Бельгіи: въ этомъ мѣстѣ находится старинный городокъ Маасейкъ (Mazijk, Macseyck), родина знаменитыхъ живописцевъ братьевъ ванъ-Эйкъ, которымъ здѣсь поставленъ памятникъ.

Къ сѣверо-западу отъ Льежа, въ долинѣ р. Гееръ, притока Мааса, лежитъ городъ, еще ранѣе прославившійся въ лѣтописяхъ Бельгіи: это Тонгръ или Тонгеръ (Tongres, Tongern, въ древности Atuatuca Tungrorum), древняя крѣпостца, castellum, адуатуковъ [называвшихся въ послѣдствіи тонграми] [1]), народца, который кимвры оставили позади себя во время нашествія на Галлію, и который, спустя полтораста лѣтъ, былъ перебитъ или проданъ въ неволю, по приказанію Юлія Цезаря. Въ сосѣдствѣ съ городомъ возвышаются два могильные кургана неизвѣстной эпохи. Кромѣ того, уцѣлѣла часть колоссальнаго городскаго вала, построеннаго изъ кремня и цемента: это древнѣйшая оборонительная стѣна Бельгіи; мѣстные жители обыкновенно называютъ ее «плотиной», Zeedyk [2]). Честь быть главнымъ городомъ бельгійской провинціи Лимбургъ, послѣ отдѣленія этой области отъ Голландіи, казалось бы, слѣдовало предоставить Тонгру, какъ старѣйшему изъ городовъ; однако, выборъ палъ на Гассельтъ, бывшій въ то время простымъ мѣстечкомъ, но занимающій болѣе центральное и выгодное положеніе относительно совокупности округа. Гассельтъ (Hasselt), хотя лежащій въ небольшомъ разстояніи отъ Мааса, находится уже въ бассейнѣ Шельды, на маленькой рѣчкѣ Демеръ. Соперники Гассельта по важности, Сенъ-Тронъ

[1]) Эрнестъ Дежарденъ, „Géographie de la Gaule romaine", t. II.

[2]) Бодюэнъ, „рукописныя замѣтки".

*

(Saint-Trond, по-фламандски Sint-Truyden, въ средніе вѣка Fanum Sancti Trudonis), и Тирлемонъ (Tirlemont), или Тиненъ (Thienen, Thenae), орошаются ручьями, принадлежащими къ тому же бассейну. Первый изъ этихъ городовъ, Тирлемонъ, имѣетъ, какъ и всѣ вообще большія коммуны Фландріи, свою сторожевую башню (beffroi), символъ его прежней независимости, а сосѣдній съ нимъ бургъ Лео (Léau), одинъ изъ «мертвыхъ» городовъ Бельгіи, сохранилъ свою городскую ратушу и древнюю церковь, чудо красоты и оригинальности. Тирлемонъ походитъ на многія изъ фламандскихъ городскихъ общинъ не только своею образцовою чистотой, но также своею тишиной и запустѣніемъ, такъ какъ онъ давно утратилъ свое прежнее промышленное значеніе. Его стѣны, имѣющія 2 часа пути въ окружности, обнимаютъ площадь слишкомъ обширную для нынѣшняго города, населеніе котораго не достигаетъ 20.000 душъ, и потому нѣкоторые изъ старыхъ кварталовъ замѣнены уже садами и воздѣланными полями. Село Ланденъ, лежащее между Тирлемономъ и Сенъ-Трономъ, по нѣсколько южнѣе, напоминаетъ Пепина Ланденскаго, палатнаго мера (majordomus) Клотара II и основателя карловингскаго могущества, который здѣсь умеръ и погребенъ (640 г.); въ настоящее время чрезъ эту деревню проходятъ пять желѣзныхъ дорогъ, и это обстоятельство придало ей нѣкоторую важность въ экономическомъ отношеніи. Въ сосѣдствѣ съ Ланденомъ находится другая деревня Нервинденъ (Neerwinden), получившая извѣстность въ исторіи по двумъ происходившимъ здѣсь сраженіямъ, раздѣленнымъ столѣтнимъ промежуткомъ, въ 1693 и въ 1793 годахъ, съ различнымъ результатомъ для французовъ, которые въ первой изъ этихъ битвъ одержали побѣду, а во второй понесли пораженіе. Нервинденъ лежитъ на естественномъ стратегическомъ пути изъ Брюсселя въ Льежъ и изъ Монса въ Маастрихтъ.

Бельгійскія коммуны бассейна Мааса, съ населеніемъ не менѣе 5.000 душъ (по переписи 31-го декабря 1890 года):

Провинція Люксембургъ. Арлонъ—8.030 жит.

Провинція Намюръ. Намюръ—30.090 жителей; Анденнъ—7.075; Динанъ—7.050 жителей.

Провинція Геннегау. Округъ Шарлеруа: Жюме — 24.000 жителей; Жилли — 20.450; Шарлеруа—22.000; Монтиньи на Самбрѣ—15.480; Маршіеннъ-о-Понъ — 15.160; Курсель—12.650; Шателе—11.180; Марсинель—11.190; Шателино—10.190; Госсели—9.120; Дампреми — 8.940; Ру-ле-Шарлеруа — 8.430; Кулье—8.330; Монъ-сюръ-Маршіенъ—6.750; Лоделинсаръ—7.000; Монсо на Самбрѣ—6.685; Рансаръ—6.750. Тумъ—6.000; Фонтенъ-Левекъ—5.250 жителей.

Провинція Льежъ. Льежскій округъ: Льежъ (Люттихъ)—158.900 жителей; Серенъ—36.445 (1895 г.); Герсталь—13.880; Угре—10.240; Гривенье—9.570; Жемеппъ-ле-Льежъ—7.000; Ансъ—6.875; Шене—7.040. Вервье—50.000; Гюй—14.000; Дизонъ—13.220; Спа—8.135; Сенъ-Жоржъ на Маасѣ—6.000; Энсиваль-ле-Вервье—6.500 жителей.

Провинція Лимбургъ. Тонгръ—8.820 жителей (1894 г.).

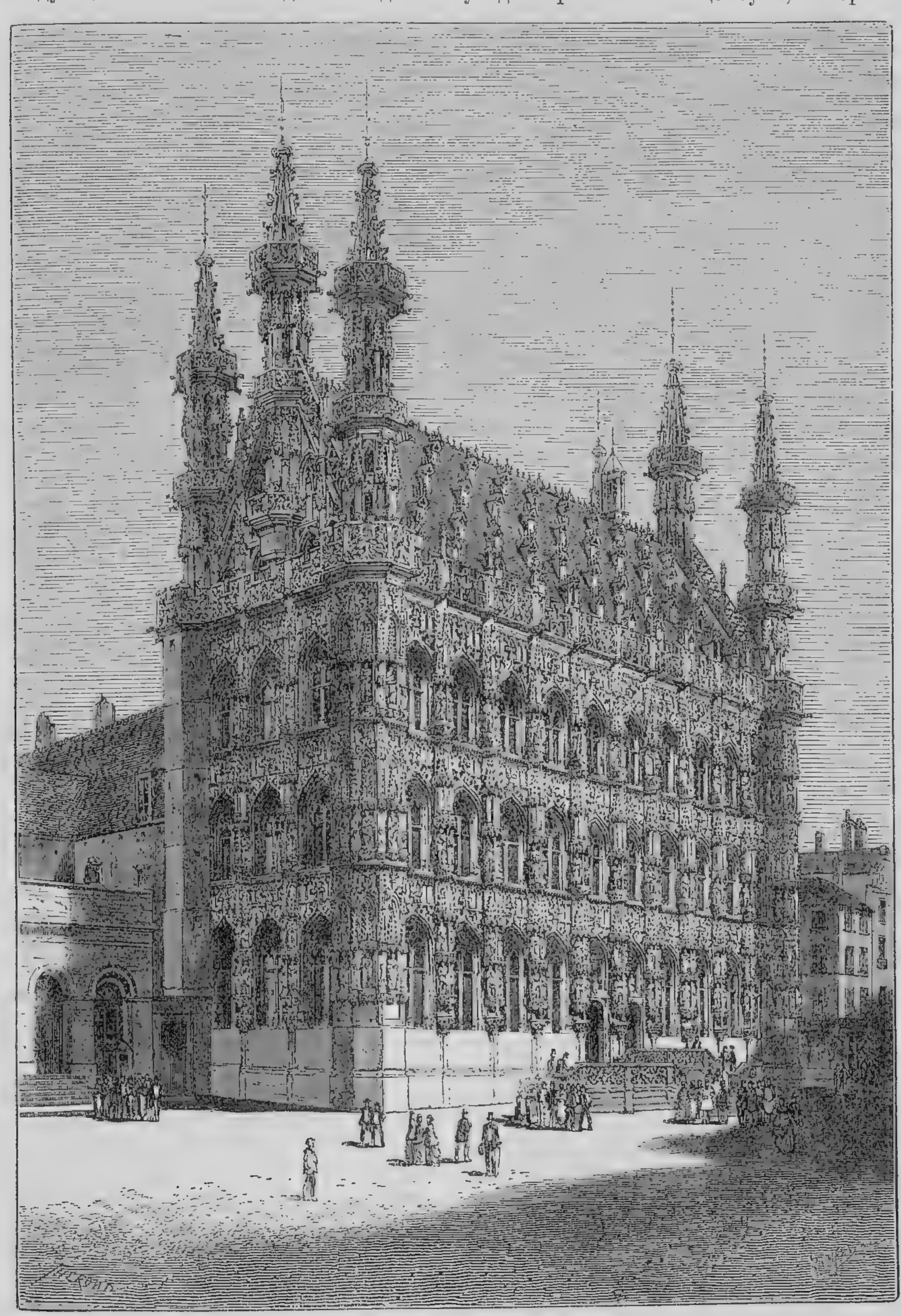
Городъ Дистъ (Diest, Distemium), лежащій къ западу отъ Гассельта и на той же рѣкѣ, ниже впаденія въ нее Большой Геты, текущей отъ Тирлемона, замѣчателенъ какъ крѣпость, защищающая страну со стороны Голландіи. Изъ промышленныхъ его заведеній заслуживаютъ вниманія многочисленные винокуренные и пивоваренные заводы; особенно славятся многіе приготовляемые па этихъ заводахъ сорты пива, между прочимъ, такъ называемое «гильдейское пиво», gilden bier, которые пьютъ на праздникахъ нѣкоторыхъ корпорацій. Ниже лежитъ городокъ Сихемъ (Sichem), съ старинными круглыми башнями, окруженный лугами и рощами и тоже извѣстный своими пивоваренными заводами. Теченіе рѣки Демеръ отдѣляетъ холмы Гагеланда отъ песковъ Кампины, по которымъ тамъ и сямъ разсѣяны сосновые лѣски.

Ниже Эршота рѣка брабантской Кампаньи или Кампины соединяется съ р. Диле, которая передъ тѣмъ пробѣгаетъ равнины области Гесбе. Эта послѣдняя рѣка беретъ начало на югѣ отъ Вавра и проходитъ черезъ знаменитый Лувенъ [Louvain, по-фламандски Leuven или Loven] [1]), который нѣкогда былъ столицей Брабанта и однимъ изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Бельгіи. Въ 1360 году въ этомъ городѣ, по словамъ Юстуса Липсіуса, насчитывалось отъ трехъ до четырехъ тысячъ фабрикъ и мастерскихъ для тканья суконъ, а населеніе его, вѣроятно, простиралось до 100.000 душъ [2]). Масса ремесленнаго люда въ ту цвѣтущую эпоху Лувена была такъ велика, что введено было правило каждый будничный день звонить въ большой колоколъ въ продолженіе получаса до закрытія мастерскихъ, съ цѣлью предупредить прохожихъ, чтобы они остерегались толпы мастеровыхъ, наводнявшихъ улицы по окончаніи дневной работы. Кромѣ суконнаго производства, въ Лувенѣ существовали и другія отрасли промышленности, изъ которыхъ назовемъ, какъ важнѣйшія, выдѣлку кожъ и фабрикацію военнаго оружія, преимущественно оборонительнаго, шлемовъ, латъ и щитовъ; купцы его ввозили изъ-за границы большое количество меду, который употреблялся на приготовленіе напитка того же имени. Къ промышленной важности Лувена

[1]) Loo по-фламандски значитъ лѣсистая возвышенность, Veen — болото, и, вѣроятно, отъ этихъ словъ и произошло названіе города—Loven. Прим. перев.

[2]) Ромбергъ, „Patria Belgica“, III.

присоединилась еще научная, со времени основанія его знаменитой высшей школы. Курсы Лувенскаго университета открыты въ 1426 г., и съ слѣдующаго столѣтія онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Европѣ по числу учащейся молодежи (въ то время онъ насчитывалъ у себя болѣе 6.000 студентовъ); особенно славился медицинскій факультетъ. Но около конца шестнадцатаго столѣтія умственная жизнь почти совершенно погасла въ Лувенѣ, какъ и въ другихъ частяхъ Бельгіи. Къ общимъ причинамъ упадка прибавилась еще чума, которая похитила пятьдесятъ тысячъ жителей и всѣхъ профессоровъ медицины, исключая одного [1]). Одна-



Лувенская ратуша.

[1]) Victor Desgnin, „Patria Belgica“, III.

ко, Лувенскій университетъ продолжалъ существовать по имени, не оказывая никакого вліянія на успѣхи наукъ; наконецъ, онъ былъ закрытъ во время французской революціи. Возстановленный въ 1817 году королемъ Вильгельмомъ нидерландскимъ, онъ снова былъ упраздненъ въ 1830 году, затѣмъ съ 1836 года замѣнилъ вольный католическій университетъ, основанный за два года передъ тѣмъ въ Мехельнѣ. Располагая обширными фондами, пожертвованными нѣкоторыми богатыми фамиліями, это высшее учебное заведеніе привлекаетъ большее число слушателей, чѣмъ другіе бельгійскіе университеты; оно является представителемъ духа церкви противъ Брюсселя, защищающаго дѣло свободной науки. Въ 1892—93 году въ Лувенскомъ университетѣ числилось 1.645 студентовъ, считая въ томъ числѣ воспитанниковъ существующихъ при немъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній: горнаго и мануфактурнаго училища, школы гражданскихъ инженеровъ и богословскаго факультета или духовной академіи.

Городъ прошлаго,—хотя и нынѣ онъ имѣетъ много весьма важныхъ промышленныхъ заведеній, каковы пивоваренные заводы, паровыя мукомольныя мельницы, крахмальныя фабрики,—Лувенъ самымъ видомъ своихъ площадей и улицъ свидѣтельствуетъ о своемъ упадкѣ сравнительно съ прежнимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Окруженный кольцеобразнымъ бульваромъ или валомъ, превращеннымъ нынѣ въ прекрасное гульбище, онъ не покрываетъ уже всего пространства, на которомъ былъ раскинутъ прежде; добрая часть этого пространства занята теперь садами и огородами, полями и пастбищами; обширныя площади почти пустынны, за исключеніемъ мѣстъ, прилегающихъ къ центру пересѣченія главныхъ улицъ. Городская ратуша, оконченная постройкой въ 1448 г.,—одинъ изъ прекраснѣйшихъ готическихъ памятниковъ Бельгіи, а по богатству и изяществу наружныхъ рѣзныхъ и скульптурныхъ украшеній безспорно превосходитъ всѣ подобныя зданія: этотъ chef-d'oeuvre строительнаго искусства, исполненный по плану Матвѣя Лайенса, «мастера каменщичьяго цеха», сравнивали съ великолѣпною ракой, съ громаднымъ ларчикомъ для храненія драгоцѣнныхъ вещей. Зданіе бывшаго гостинаго двора, построенное въ 1317 г., какъ складъ товаровъ для гильдіи суконщиковъ, а въ 1679 г. уступленное подъ университетъ, заключаетъ публичную библіотеку; церкви, особенно готическая церковь апостола Петра, отличающаяся благороднымъ стилемъ, обладаютъ многими замѣчательными произведеніями искусства: картинами, статуями, рѣзьбой по дереву. Если смотрѣть съ горы Цезаря,—холма, на которомъ находятся развалины замка герцоговъ Брабантскихъ,—Лувенъ, съ его многочисленными высокими зданіями, поднимающимися надъ массою домовъ, имѣетъ еще видъ большаго города.

Мехельнъ (по-фламандски Mechelen), или Малинъ (Malines), лежащій тоже на рѣкѣ Дилѣ, но ниже впаденія въ нее Демера, походитъ на Лувенъ какъ исторіей, такъ и внѣшнимъ видомъ. Это—тоже городъ, пришедшій въ упадокъ, утратившій большую часть своей промышленности; во время своего процвѣтанія онъ насчитывалъ между своими рабочими однихъ ткачей болѣе двѣнадцати тысячъ и снабжалъ всѣ Нидерланды металлическими издѣліями, котлами и колоколами; его позолоченная кожа, изъ которой дѣлали обои, находила обширный сбытъ и вывозилась даже въ отдаленныя страны; точно также мехельнскія кружева, «point de Malines», которыя отличаются отъ другихъ кружевъ гладкою нитью вокругъ цвѣтовъ, высоко цѣнились во всей Европѣ. Въ наши дни нѣсколько женскихъ мастерскихъ плетутъ еще «malines» въ томъ самомъ городѣ, который сообщилъ свое имя этому роду кружевъ; введенная въ Мехельнѣ фабрикація обоевъ производитъ прекрасные «гобелены»; но всего этого еще недостаточно, чтобы сдѣлать городъ промышленнымъ центромъ, и улицы старыхъ кварталовъ остаются пустынными. Только новый кварталъ, построенный подлѣ громаднаго зданія вокзала, имѣетъ довольно оживленный видъ, такъ какъ Мехельнъ долгое время былъ, вмѣсто Брюсселя, центральною станціею бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и поѣзды перекрещиваются здѣсь почти непрерывно. Благодаря своей рѣкѣ, усиливаемой морскимъ приливомъ, и судоходному каналу, соединяющему его съ Лувеномъ, Мехельнъ служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пристанью, которая посѣщается большимъ числомъ судовъ. Въ четырнадцатомъ столѣтіи онъ имѣлъ даже значительныя верфи для судостроенія [1]).

Несмотря на эти торговыя выгоды своего мѣстоположенія, Мехельнъ есть одинъ изъ городовъ, страдающихъ особенно сильнымъ развитіемъ пауперизма; число бѣдныхъ иногда равнялось въ немъ трети всего населенія. Такъ, напримѣръ, въ 1857 году, при 31.136 жителяхъ, бѣдныхъ, получавшихъ вспомоществованіе, постоянное или временное, было 9.969 (39% въ 1877 г.). Эта масса голодающихъ пролетаріевъ живетъ не собственнымъ трудомъ, а подаяніями общественной и частной благотворительности, которая, какъ извѣстно, можетъ только поддерживать существованіе нищеты, но не уменьшать ее. Несмотря, однако, на бѣдность большаго числа жителей, широкія, правильныя улицы и старинные дома, съ выступающими этажами и щипцами въ формѣ лѣстницы, своимъ опрятнымъ видомъ вполнѣ оправдываютъ эпитетъ «чи-

[1]) Ernest van Bruyssel, „Patria Belgica", II.

стенькій» (Malines la Propre), которымъ изстари пользовался Мехельнъ. Соперничество городовъ было причиной того, что въ среднie вѣка его наградили еще другимъ, совершенно незаслуженнымъ, прозвищемъ «города дураковъ»: «Gaudet Mechlinia stultis»—такова была обычная поговорка студентовъ Лувенскаго университета, когда рѣчь заходила объ этомъ городѣ. Мехельнъ служитъ резиденціей кардинала архіепископа со временъ короля Филиппа II, учредившаго здѣсь архіепископскую каѳедру, и потому можетъ считаться церковною столицею Бельгіи. Каѳедральный соборъ его, постройка котораго продолжалась съ XIII по XV ст., есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ готическихъ храмовъ сѣверной Европы; но башня этого собора, отличающаяся колоссальными размѣрами и совершенно непропорціональная остальному зданію, осталась недоконченною; однако, она выведена до высоты почти 98 метровъ. Внутренность храма, украшенная превосходными картинами, поражаетъ своимъ грандіознымъ видомъ. Самое драгоцѣнное изъ произведеній искусства, которыми обладаетъ Мехельнъ, находится въ другой церкви—въ церкви Богоматери. Это—картина Рубенса, изображающая «Чудесный ловъ рыбы» и нарисованная для корпораціи рыбаковъ.

Двѣ рѣки: Большая и Малая Нета (Neethe), которыя, послѣ своего сліянія въ одинъ потокъ, соединяются съ Диле и Сенной и образуютъ Рупель, орошаютъ сѣверо-востокъ Бельгіи, наименѣе населенную часть Кампины. Однако, и въ этой области есть нѣсколько важныхъ городскихъ общинъ. Таковъ въ сосѣдствѣ съ голландскою границей городъ Турнгутъ (Turnhout, Taxandria), имѣющій суконныя фабрики и ведущій довольно обширную торговлю съ Нидерландами; таковъ, далѣе, городъ Ліеръ (Ledi, по-фламандски Lier, по-французски Lierre), при сліяніи Большой и Малой Неты, который тоже имѣетъ многочисленныя промышленныя заведенія, пивоваренные и свеклосахарные заводы, прядильни, ситцевыя, шелковыя, кружевныя фабрики, и гдѣ есть готическая церковь пятнадцатаго столѣтія, принадлежащая къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ церковной архитектуры въ Бельгіи. Гораздо менѣе значительны Герентальсъ (Herenthals), называемый «столицей Кампины» и лежащій на половинѣ дороги изъ Турнгута въ Ліеръ, и Моль (Moll), похожій скорѣе на большое мѣстечко, чѣмъ на городъ. По близости находится большая община Гель (Gheel), единственная въ свѣтѣ по существующимъ въ ней колоніямъ сумасшедшихъ, живущихъ на волѣ въ семьяхъ земледѣльцевъ. Въ 1286 году въ Гелѣ была основана больница для умалишенныхъ; но уже съ незапамятныхъ временъ сюда приводили сумасшедшихъ, чтобы дать имъ возможность прикоснуться къ мощамъ св. Димфны, покровительницы безумныхъ. Медицинскій надзоръ за этими колоніями, гдѣ живетъ около 1.500 душевнобольныхъ, порученъ четыремъ докторамъ [1]).

Маленькая рѣка Сенна (Senne), менѣе обильная, нежели Диль и Нета, заключаетъ гораздо болѣе многочисленное населеніе въ своемъ бассейнѣ: здѣсь мы находимъ Брюссель, сдѣлавшійся столицей королевства, и многіе другіе важные города, расположенные въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Сенефъ (Seneffe), близъ истоковъ рѣчки Сеннеты, напоминаетъ многочисленныя сраженія; Нивель (Nivelles), который вначалѣ былъ просто монастыремъ среди лѣсовъ, представляетъ теперь довольно значительный промышленный пунктъ, занимающійся преимущественно производствомъ вагоновъ; съ начала тринадцатаго столѣтія здѣсь выдѣлывали тонкое полотно, фабрикація котораго перешла впослѣдствіи въ Валансьенъ. Въ Нивелѣ есть замѣчательная церковь, построенная въ романскомъ стилѣ, и монастырь той же эпохи: здѣсь былъ ленъ Монморанси-Нивель, принадлежавшій Жану де-Нивель и отнятый у него за измѣну его отцомъ и королемъ Людовикомъ IX [2]). Суаньи (Soignies), на верхнемъ теченіи Сенны, также обладаетъ романскою церковью двѣнадцатаго столѣтія, которая замѣчательна какъ древнѣйшій и наиболѣе почитаемый храмъ этого края. Изъ трехъ городковъ, носящихъ имя Бренъ: Бренъ-ле-Контъ (Braine-le-Comte), Бренъ-л'Алле (Braine-l'Alleud), Бренъ-ле-Шато (Braine-le-Château), послѣдній сохранилъ одинъ интересный остатокъ старины — вертящійся позорный столбъ (pilori), окруженный высокими липами. Городъ Галь (Hal), лежащій ниже сліянія Сенны и Сеннеты, славится во всей Бельгіи своей святыней (чудотворной иконой Божіей Матери), привлекающей массу богомольцевъ; его старинная готическая церковь богато украшена мраморомъ, бронзой, золотомъ и серебромъ. На половинѣ дороги изъ этого города въ Брюссель находится небольшая община Руисбрукъ (Ruysbroeck), гдѣ родился знаменитый путешественникъ Вильгельмъ Руисбрукъ или Рубруквисъ (Rubruquis), котораго Людовикъ IX посылалъ въ Среднюю Азію, и который посѣтилъ Каракорумъ. Верхній бассейнъ Сенны есть одна изъ тѣхъ частей Бельгіи, гдѣ каменоломни разработываются самымъ дѣятельнымъ образомъ: каменоломни окрестностей Суаньи и Экоссинъ-д'Энгіенъ поставляютъ такъ называемый «малый» или «фландрскій» гранитъ, каменноугольный известнякъ, отличающійся большою твердостью; каменоломни Квенаста, между городами Бренъ-ле-Контъ и Галь, открыты въ массѣ порфира, пробившаго

1) Рамонъ-де-ла-Сагра, «Voyage en Hollande et en Belgique»;—Жюль-Дюваль, «Gheel».

2) Эрнестъ Дежарденъ, «рукописныя замѣтки».

пласты силурійской формаціи. Этотъ порфиръ, болѣе или менѣе окрашенный въ зеленый цвѣтъ отъ примѣси хлорита (зеленый талькъ), даетъ самый прочный матеріалъ для мощенія, какой только извѣстенъ до сихъ поръ въ Западной Европѣ [1]), и при томъ поверхность его не дѣлается полированною отъ тренія вслѣдствіе ѣзды, какъ это бываетъ съ базальтовою мостовой; его употребляютъ для мощенія улицъ и большихъ дорогъ не только въ Бельгіи, но и въ другихъ странахъ: несмотря на огромныя издержки перевозки, Парижъ ввозитъ этотъ камень милліонами плитъ. Обломки этой горной породы превращаются, при помощи особенныхъ, нарочно для этой цѣли устроенныхъ, снарядовъ, въ макадамъ (битый камень) и въ балластъ для желѣзныхъ дорогъ. 1877 году эксплоатація квенастскихъ каменоломенъ дала слѣдующіе результаты: большихъ выровненныхъ кусковъ камня добыто 258.616 тоннъ; плитъ для мощенія — 17.373.500 штукъ [2]).

На неровномъ плато, которое простирается къ востоку отъ Галя и Сенъ-Пьера, между долиной Диля, находится поле битвы при Ватерлоо, получившее такую громкую извѣстность въ новѣйшей исторіи Европы: можно безъ преувеличенія сказать, что въ нашей части свѣта ни одно изъ прославившихся мѣстъ сраженій не описывалось такъ часто историками и не привлекаетъ такъ много туристовъ, какъ Ватерлоо. Каждый пунктъ на этомъ театрѣ кровавый борьбы сдѣлался знаменитымъ: за́мокъ Гомонъ или Гугомонъ, подвергавшійся бѣшеной атакѣ и оказывавшій отчаянное сопротивленіе во все продолженіе битвы; кладбище Планшнуа, могилы котораго были покрыты массами труповъ; гостинница Бель-Альянсъ, ферма Ге-Сентъ, деревня Монъ-Сенъ-Жанъ. Роковая дорога въ лощинѣ, гдѣ рѣшилась участь дня, не существуетъ болѣе; она замѣнена тропинкой вровень съ полями.

Брюссель (Brussel по-фламандски, Bruxelles по-французски), столица Бельгіи, занимаетъ совершенно центральное положеніе въ государствѣ, на самой границѣ двухъ языковъ, по срединѣ между областью равнинъ и областью холмовъ, въ томъ пунктѣ, гдѣ, такъ сказать, уравновѣшиваются всѣ народности страны. Вначалѣ это былъ, какъ говорятъ, за́мокъ, построенный на одномъ болотистомъ островѣ (Broeksele) Сенны; но въ половинѣ одиннадцатаго вѣка онъ уже является настоящимъ городомъ, окруженнымъ валомъ и стѣнами, и при томъ одною изъ торговыхъ станцій между Фландріей и Рейномъ. Спустя столѣтіе, онъ сдѣлался резиденціей герцоговъ Брабантскихъ и съ той поры всегда былъ мѣстопребываніемъ владѣтельныхъ князей, намѣстниковъ или королей. Теперь Брюссель принадлежитъ къ числу большихъ городовъ Европы, ибо хотя пятиугольникъ собственно такъ называемаго города, ограниченный широкимъ кольцеобразнымъ бульваромъ, не заключаетъ въ своихъ стѣнахъ даже 200.000 жителей, но вся агломерація бельгійской столицы, съ ея предмѣстьями: Иссель, Эттербекъ, Сенъ-Жоссъ-тенъ-Нодъ, Шербекъ, Лакенъ, Кекельбергъ, Моленбекъ-Сенъ-Жанъ, Андерлехтъ, Сенъ-Жиль, насчитываетъ не менѣе 500.000 населенія. Брюссель постоянно разростается, выдѣляя изъ себя новые кварталы вдоль большихъ дорогъ, постепенно приближающіеся къ внѣшнимъ мѣстечкамъ, къ Укль, Оверисше, и ко многимъ другимъ деревнямъ кантоновъ Асше, Иссель, Моленбекъ, Сенъ-Жоссъ, Вильворде. Лѣса, сады окрестностей мало-по-малу замыкаются кругами домовъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ столица Бельгіи есть также одинъ изъ главныхъ городовъ Европы: благодаря ея центральному положенію между Франціей, Англіей и Германіей, она часто избирается какъ мѣсто собранія для международныхъ конгрессовъ.

Брюссель можетъ указать на многіе памятники архитектуры, достойные обширнаго и красиваго города. Въ самомъ центрѣ, на большой площади, возвышается зданіе, составляющее красу и гордость столицы, — городская ратуша, съ высокою изящною башней (выс. 113$^3/_4$ метр.), которую зодчій почему-то помѣстилъ, вопреки требованіямъ симметріи, не на срединѣ крыши, и которая увѣнчана на верхушкѣ бронзовою фигурой Михаила Архангела. Въ пятнадцатомъ столѣтіи,—можетъ быть, даже до восемнадцатаго, — башня и угольныя башенки ратуши, которыя по большей части не были возстановлены во время реставрированія этого памятника готической архитектуры, были сплошь покрыты листами золота; эта позолота, по мнѣнію Мельсенса, предохранила зданіе отъ разрушенія во время большихъ грозъ предшествовавшихъ вѣковъ. Напротивъ ратуши стоитъ замѣчательное готическое зданіе, искусно реставрированное, «Домъ короля», гдѣ Эгмонтъ и Горнъ провели свою послѣднюю ночь. Церковь св. Гудулы, каѳедральный соборъ Брюсселя, представляетъ готическій нефъ тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій, испорченный пристроенными къ нему капеллами позднѣйшаго времени, которыя часто починялись и передѣлывались. Прекрасныя цвѣтныя оконницы шестнадцатаго столѣтія, изображающія знаменитыхъ современниковъ, богато украшенныя стекла новѣйшей эпохи, статуи, поставленныя на гробницахъ, великолѣпная каѳедра, рѣзные орнаменты которой заключаютъ въ себѣ цѣлый курсъ зоологіи для слушателей проповѣди,—все это ожи-

1) Cornet, „Mines et Carrières“, „Patria Belgica“, I.
2) Emile Tandel, „рукописныя замѣтки“.

вляетъ внутренность храма, ансамбль которой отличается нѣсколько холодною правильностью. Двѣ недоконченныя башни собора, постройка которыхъ относится къ концу пятнадцатаго столѣтія, придаютъ зданію величественный видъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ, эти башни должны были служить боковыми подпорами центральному шпицу, который строители храма предполагали воздвигнуть надъ фронтономъ фасада. Зданіе парламента, или Palais National (построенное Маріей-Терезіей и называвшееся прежде Palais des états généraux), отстроено заново послѣ пожара 1883 г. Королевскій дворецъ не представляютъ ничего замѣчательнаго, кромѣ произведеній искусства, которыми украшены его апартаменты. Новое зданіе судебныхъ установленій, съ длинными колоннадами, поражаетъ громадностью своихъ размѣровъ; оно больше собора апостола Петра въ Римѣ и доминируетъ надъ городомъ, какъ гигантскій акрополь. Что касается биржи, то это—одно изъ тѣхъ вульгарныхъ новѣйшихъ зданій, которыхъ такъ много въ большихъ городахъ и въ которыхъ архитектурная красота замѣнена обиліемъ и вычурностью украшеній.

Брюссель имѣетъ рѣдкія сокровища въ своихъ музеяхъ и картинныхъ галлереяхъ. Обширное зданіе промышленности, «Palais de l'Industrie», гдѣ собраны драгоцѣннѣйшія коллекціи, заключаетъ въ себѣ, кромѣ музея моделей, музей естественной исторіи и залы, наполненныя предметами до-историческаго происхожденія и достойными страны, которая такъ много содѣйствовала новѣйшимъ открытіямъ въ области антропологіи; далѣе, богатую библіотеку, содержащую свыше 300.000 томовъ книгъ и 23.000 рукописей, между которыми есть чрезвычайно рѣдкіе и дорогіе экземпляры, собранные герцогами Бургундскими (такъ называемая bibliothèque de Bourgogne); и, наконецъ, картинную галлерею, содержащую около 600 картинъ старинныхъ мастеровъ, главнымъ образомъ фламандскихъ и голландскихъ: здѣсь можно видѣть произведенія Рубенса, преимущественно портреты, картины Іорденса, ванъ-Дейка, Филиппа Шампань, двѣ доски знаменитаго «Мистическаго агнца» братьевъ ванъ-Эйкъ; здѣсь же всего лучше можно изучать творенія Гаспара Крайера. Картинная галлерея герцога Аремберга, посвященная почти исключительно произведеніямъ голландской живописи и такъ называемыхъ малыхъ фламандскихъ мастеровъ, составлена изъ отборныхъ полотенъ. Музей новѣйшей живописи (musée moderne) тоже драгоцѣнная галлерея, такъ какъ нынѣшняя школа бельгійскихъ художниковъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной живописи; произведенія одного изъ представителей этой школы, Антона Вирца, сами по себѣ составляютъ цѣлый музей (musée Viertz). Что касается древностей и предметовъ средневѣковой эпохи, издѣлій изъ слоновой кости, обоевъ, оружія, скульптурныхъ произведеній, рѣзьбы и т. п., то городъ помѣстилъ ихъ въ живописной башнѣ Гальскихъ воротъ, которая теперь изолирована между двумя аллеями одного бульвара. Въ этомъ музеѣ древностей находится, между многими любопытными эпиграфическими памятниками, знаменитый милліарій (мильный камень) изъ Тонгра, важность котораго для опредѣленія разстояній на римскихъ дорогахъ долины Рейна и Бельгіи давно уже оцѣнена учеными [1]).

Столица Бельгіи, родина Андрея Везаля, ванъ-Гельмонта, Филиппа Шампань, ванъ-деръ-Мейлена, Дюкенуа, естественно, сдѣлалась мѣстопребываніемъ главныхъ ученыхъ обществъ и различныхъ академій. Такъ, въ послѣднее время здѣсь основалось географическое общество; кромѣ того возникло общество, имѣющее спеціальную цѣль—изслѣдованіе Африки и состоящее подъ предсѣдательствомъ самого короля: это высокое покровительство, быть можетъ, сдѣлало болѣе, чѣмъ любовь къ наукѣ, чтобы обезпечить народившемуся обществу значительный бюджетъ, ибо въ Европѣ другія общества, болѣе древнія, поставившія себѣ ту же самую задачу, далеко не такъ богаты. Бюджетъ бельгійскаго общества для изслѣдованія Африки 1-го января 1878 года представлялъ слѣдующія цифры: общій приходъ—437.275 франковъ; членскіе взносы и годовой доходъ—113.250 франковъ.

Брюссельская обсерваторія, существующая съ 1830 года и превосходно устроенная, оказала весьма важныя услуги наукѣ, благодаря ея знаменитому директору Кетле, который стоялъ во главѣ научнаго изслѣдованія, имѣвшаго цѣлью записывать повторенія періодическихъ явленій природы. Брюссельскій университетъ, открытый въ 1834 году, обязанъ своимъ основаніемъ инниціативѣ частныхъ лицъ и не зависитъ ни отъ государства, ни отъ церкви (число студентовъ въ 1890—91 г.: 1.577). Политехникумъ, учрежденный въ 1873 г., имѣлъ въ 1890—91 г. 115 слушателей. Между учебными заведеніями Брюсселя не послѣднее мѣсто занимаетъ музыкальная консерваторія, превосходно устроенная и едва-ли не лучшая въ свѣтѣ по достигаемымъ ею замѣчательнымъ результатамъ въ отношеніи музыкальнаго образованія, которое она даетъ своимъ воспитанникамъ. Вообще, Брюссель, по своимъ концертамъ, по своимъ обществамъ пѣнія и инструментальной музыки можетъ быть безъ преувеличенія названъ одною изъ европейскихъ столицъ искусства. Парки, тѣнистые бульвары и аллеи и многочисленные сады, между которыми первое мѣсто занимаетъ ботаническій, много способствуютъ украшенію и ассенизаціи города. Два главные

[1]) Эрнестъ Дежарденъ, „рукописныя замѣтки".

парка, Лекенскій на сѣверѣ и Камбрскій (le bois de la Cambre) на югѣ, тоже могутъ быть названы ботаническими садами, потому что въ нихъ, рядомъ съ мѣстными растеніями, насажены различныя породы иноземныхъ деревъ; первый изъ этихъ парковъ имѣетъ богатѣйшую въ Европѣ коллекцію пальмъ. Близъ Лекенскаго парка находится кладбище, служащее мѣстомъ погребенія для брюссельской знати и усѣянное богатыми надгробными памятниками: здѣсь похоронена знаменитая пѣвица Малибранъ.

Благодаря многолюдству Брюсселя и важности его центральнаго положенія для транзита, торговая дѣятельность его постоянно увеличивается, и товарное движеніе, какъ и пассажирское, на станціяхъ его четырехъ желѣзныхъ дорогъ весьма значительно. Кромѣ того, онъ ведетъ обширныя торговыя сношенія съ другими городами Бельгіи по водянымъ путямъ. Его можно даже считать приморскимъ портомъ, такъ какъ онъ имѣетъ непосредственное сообщеніе съ Сѣвернымъ моремъ, не чрезъ Сенну, которая теперь превратилась въ сточную канаву и застроена домами, а чрезъ каналъ Виллебрукъ, который соединяется съ Рупелемъ въ небольшомъ разстояніи выше впаденія этой рѣки въ Шельду. Въ 1891 году въ брюссельскомъ портѣ было въ приходѣ 146 морскихъ судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 21.278 тоннамъ. Въ пятнадцатомъ столѣтіи, когда Сенна была гораздо шире и глубже, чѣмъ нынѣ, на ней существовало очень дѣятельное судоходство [1]; вся торговля Брюсселя и сѣверной части провинціи Геннегау производилась исключительно по этой рѣкѣ. Бюджетъ города Брюсселя въ 1893 г. представлялъ слѣдующія цифры: доходы—29.447.663 франка; расходы—29.310.436 фр.; проценты по городскому долгу (около 290 милл.)—8.800.000 франковъ.

Значительнѣйшія общины бассейна Шельды, въ Лимбургѣ и Брабантѣ:

Лимбургъ. Гассельтъ—13.000 жител. Сенъ-Тронъ (Сентъ-Труйденъ)—13.000 жителей.

Брабантъ. Брюссель—194.505 жител. (31 декабря 1896 г.). Моленбекъ-Сенъ-Жанъ—54.278 жител. Шербекъ—60.178 жител. Иссель—54.385 жител. Сенъ-Жиль—48.156 жител. Сенъ-Жоссъ-тенъ-Нодъ—31.133 жител. Андерлехтъ—40.012 жител. Лекенъ—28.826 жител. Эттербекъ—17.735 жител. Лувенъ (Левенъ)—40.625 жител. Тирлемонъ (Тиненъ)—16.865 жител. Нивель—10.640 жител. Уккль—14.840 жител. Галь—10.440 жител. Вильворде (Вильворденъ)—12.260 жител. Дистъ—8.530 жител. Вавръ—7.920 жител. Асше (Assche lez-Bruxelles)—7.063 жител. Бренъ-Лалле—7.000 жител. Оверисше—5.500 жител. Эршотъ (Арсхотъ)—6.235 жител.

Бассейнъ рѣки Дендры или Дендера, слѣдующій за бассейномъ Сенны въ западномъ направленіи, тоже очень густо населенъ; но въ немъ нѣтъ ни значительныхъ городовъ, ни главныхъ административныхъ пунктовъ провинціальнаго управленія. Атъ (Ath)—торговый городъ, близъ котораго находится замокъ княжескаго рода де-Линь, съ великолѣпною картинною галлереей; Лезъ (Leuze), на половинѣ дороги изъ Ата въ Дорникъ, фабрикуетъ шелковыя матеріи; Лессинъ (Lessines), гдѣ Дендра принимаетъ въ себя ручей, текущій изъ Эльзеля, превосходитъ даже Квенастъ по важности своихъ порфировыхъ каменоломенъ (на всѣхъ лессинскихъ каменоломняхъ ежегодно добывается плитъ для мощенія и мелкаго камня около 60.000 тоннъ). Граммонъ или Гертсбергенъ (Grammont, Gertsbergen) славится своими черными кружевами; Ниновъ (Ninove) имѣетъ мануфактуры нитокъ, бумажныхъ матерій, перчатокъ; Алостъ (Alost, по-фламандски Аальстъ) служитъ складочнымъ мѣстомъ для торговли хмѣлемъ, производимымъ окрестными деревнями; въ историческомъ отношеніи этотъ городъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ былъ столицей императорской Фландріи, а также тѣмъ, что въ немъ была основана Мертенсомъ, въ 1473 году, первая въ Бельгіи типографія. Термондъ (Termonde) лежитъ, какъ показываетъ его фламандское имя, Дендермонде (Dendermonde), то-есть «устье Дендера» или Дендры, при сліяніи этой рѣки съ Шельдой, и, благодаря этому положенію въ низменной мѣстности, которую, въ случаѣ надобности, легко затопить, онъ могъ въ 1667 году заставить Людовика XIV снять предпринятую имъ осаду города. Онъ до сихъ поръ сохранилъ свои укрѣпленія, и въ случаѣ вторженія непріятеля въ предѣлы Бельгіи будетъ служить первымъ оборонительнымъ постомъ впереди Антверпенской крѣпости. Главный промыселъ этого города—льноводство, фабрикація полотенъ, канатное и маслобойное производство. На югѣ отъ Термонда находится сельская община Лебеке.

Монсъ (Mons Hannoniae, Montes), главный городъ провинціи Геннегау, построенный недалеко отъ французской границы, на скатахъ холма, возвышающагося по срединѣ Геннегау, то-есть бассейна рѣки Генъ (Haine или Haisne), еще недавно былъ окруженъ поясомъ укрѣпленій, которому онъ, безъ сомнѣнія, и обязанъ тѣмъ, что такъ мало измѣнился въ теченіе нынѣшняго столѣтія,—въ то время, когда край, котораго онъ служитъ средоточіемъ, постепенно получилъ важное промышленное значеніе, и когда населеніе этого края быстро увеличивалось массами пришельцевъ изъ другихъ мѣстъ, привлекаемыми обширнымъ развитіемъ горной промышленности. Городъ точно остановился въ своемъ ростѣ, окаменѣлъ, тогда какъ огромныя скопленія рабочаго люда покрывали его окрестности новыми городскими общинами, въ осо-

[1] „Annales des travaux publics de Belgique", III, 1845.

бенности на западѣ и юго-западѣ. Подобно Шарлеруаскому округу, округъ Монса есть, такъ сказать, громадный, разбросанный на большомъ пространствѣ городъ, главные центры котораго составляютъ группы домовъ и фабричныхъ заведеній, сообщившихъ свое имя различнымъ общинамъ, каковы: Кюэмъ, Жемаппъ, Кареньонъ, Сенъ-Гисленъ, Буссю близъ Монса (Boussu-lez-Mons), Горню, Вамъ-анъ-Борнажъ, Патюражъ, Фрамери, Дуръ, ла-Бувери. Причиной того, что такое большое число жителей устремились къ бассейну Гены, были его каменноугольныя копи, богатѣйшія во всей Бельгіи; но участь этихъ рудокоповъ, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ участь земледѣльцевъ, зависитъ отъ колебаній торговли, и часто они гибнутъ изъ десяти одинъ отъ нужды, причиняемой пониженіемъ цѣнъ на рынкѣ. Каменноугольныя залежи области Геннегау начали разрабатываться, кажется, не ранѣе первой половины четырнадцатаго столѣтія, то-есть слишкомъ сто лѣтъ спустя послѣ открытія копей въ окрестностяхъ Льежа, но эти залежи скоро получили болѣе важное значеніе, чѣмъ льежскія: начиная съ половины шестнадцатаго столѣтія, каналы Монса были постоянно запружены барками, нагруженными земляным углемъ, и во времена Людовика XIV пласты, разрабатывавшіеся до 70 метровъ глубины, были обслѣдованы отъ Маримонта до Кьеврена, на пространствѣ около 40 километр. въ длину и 10 километр. въ ширину. Въ настоящее время рудокопы знаютъ въ Монскомъ каменноугольномъ бассейнѣ 156 слоевъ, жилъ и жилокъ; но многія изъ этихъ мѣсторожденій угля слишкомъ тонки, чтобы ихъ можно было утилизировать. Залежей, которыя теперь разрабатываются, только 80, и онѣ раздѣлены на четыре яруса, которые различаются между собою качествомъ минеральнаго топлива. Количество угля, добываемаго ежегодно въ шахтахъ Монса и Борнажа (такъ называется камменноугольный округъ, прилегающій къ французской границѣ) и перевозимаго по каналу изъ Монса въ Конде и по его развѣтвленіямъ, идущимъ къ Турне или Дорнику и къ долинѣ Дендера, нужно считать милліонами тоннъ.

Главный городъ провинціи Геннегау не имѣетъ того вульгарнаго вида, какой свойственъ большей части горнозаводскихъ городовъ. Каѳедральный соборъ св. Вальтруды (S-te-Waudru), построенный на вершинѣ горы, отъ которой Монсъ и получилъ свое названіе (Mons—по-латыни гора), представляетъ прекрасное зданіе готическаго стиля, къ сожалѣнію, нѣсколько обезображенное позднѣйшими пристройками и лишившееся башни, самое основаніе которой обратилось уже въ безформенную груду развалинъ. Недалеко отъ церкви, на высшей точкѣ горы, стоитъ сторожевая башня, замѣнившая, по преданію, римскую башню, сооруженіе которой приписываютъ Юлію Цезарю. Площадь передъ городскою ратушей тоже отличается оригинальнымъ характеромъ; въ пятидесятыхъ годахъ на ней поставленъ памятникъ композитору Орландо ди-Лассо (Roland de Lattre), родившемуся здѣсь въ 1530 г. Монсъ напоминаетъ многіе замѣчательные факты военной исторіи. Онъ часто подвергался осадѣ, и въ окрестностяхъ его происходили многія памятныя битвы. Впрочемъ, деревня Мальпляке, къ юго-востоку отъ города, многими принимается ошибочно за мѣсто большаго сраженія 1709 года: эта кровопролитная битва происходила въ предѣлахъ Франціи, на разстояніи 16 километровъ къ юго-западу отъ бельгійскаго Мальпляке. На западѣ отъ Монса находится Жемаппъ (Jemappes), гдѣ французы, подъ предводительствомъ Дюмурье, одержали блистательную побѣду въ 1792 году.

Между Монсомъ и Шарлеруа важнѣйшіе центры каменноугольнаго бассейна—Лувьеръ (la Louvière) и живописный городокъ Биншъ (Binche), къ западу отъ котораго, въ замкѣ д'Эстинъ, король Дагоберъ долгое время имѣлъ свою резиденцію; Андерлю, Морланвельцъ, Карньеръ, Гуденгъ-Эмери и Гуденгъ-Гены тоже принадлежатъ къ многолюднымъ общинамъ этой области; по другую сторону Монса, въ направленіи къ Турне, находится Перувельцъ (Peruwelz), очень промышленная община, такъ же, какъ Бодуръ (Baudour), лежащій на сѣверо-западѣ, недалеко отъ истоковъ Дендера. Въ копи Бернисаръ, къ ю.-в. отъ Перувельца, нашли 23 скелета игуанодона; одно изъ этихъ чудовищъ выставлено въ брюссельскомъ музеѣ.

Турне, или Дорникъ (Tournay, Tournai, Doornik), самый почтенный городъ Бельгіи по своей древности (Civitas Nerviorum, Tornacum), превосходитъ главный городъ провинціи Геннегау и по числу жителей. Основанный могущественнымъ и воинственнымъ народомъ, нервами (Nervii), бывшій затѣмъ галло-римскимъ городомъ и мѣстопребываніемъ первыхъ вождей франко-салійскаго государства, меровингскихъ королей, Дорникъ во всѣ времена сохранялъ важное значеніе, которое давало ему его счастливое положеніе на обоихъ берегахъ большой судоходной рѣки, Шельды, въ точкѣ соединенія многихъ естественныхъ торговыхъ путей. У широкихъ набережныхъ этого города всегда тѣснятся многочисленныя суда, нагруженныя по большей части каменнымъ углемъ; желѣзныя дороги, сходящіяся въ Турне, соединяются въ пышномъ вокзалѣ. Каѳедральный соборъ, колоссальное зданіе въ романскомъ стилѣ, построенъ почти весь во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка; хоры его, сдѣланные въ готическомъ стилѣ, относятся къ началу четырнадцатаго столѣтія. Эта церковь, увѣнчанная пятью башнями,—откуда и произошло прозвище «пятибашенный городъ», ville aux choncq clotiers, даваемое Дорнику, — есть, безспорно, замѣчательнѣйшій и оригинальнѣйшій архитектурный памятникъ

средневѣковой эпохи, какой только существуетъ въ Бельгіи: между тысячами капителей его колоннъ и колоннокъ не найдется двухъ подобныхъ,—до такой степени скульпторы слѣдовали каждый своей фантазіи; школа ваянія, существовавшая въ этомъ городѣ въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, была тогда лучшею въ Европѣ. Городская башня (beffroi) Дорника, недавно реставрированная, замѣчательна, какъ древнѣйшій памятникъ этого рода въ Бельгіи: сооруженіе ея относится къ концу двѣнадцатаго столѣтія (1190 г.); кромѣ того, здѣсь есть два частные дома той же эпохи, составляющіе большую рѣдкость: извѣстно, какъ мало частныхъ зданій уцѣлѣло отъ пожаровъ и всякаго рода опустошеній, которымъ подвергались европейскіе города со времени средневѣковаго періода. На Большой площади стоитъ памятникъ принцессѣ д'Эспинуа, которая въ 1581 году защищала городъ противъ Александра Пармскаго. Въ церкви св. Брисы, построенной въ XII столѣтіи, погребенъ Хильдерикъ. Главная мѣстная промышленность—фабрикація вязаныхъ издѣлій и такъ называемыхъ брюссельскихъ ковровъ; эта промышленность завѣщана нынѣшнему городу средневѣковымъ Дорникомъ, но она прошла через длинный періодъ упадка, и способы производства, такъ же, какъ и самыя произведенія, должны были часто видоизмѣняться, сообразно капризамъ моды и конкурренціи соперничествующихъ городовъ. Большая часть ковровъ и вязаныхъ издѣлій ткутся на дому, вслѣдствіе чего ремесленникъ пользуется большей независимостью въ своей работѣ. Въ торговомъ мірѣ Турне славится еще произведеніями своихъ плодовыхъ садовъ: почва его окрестностей, глубокая и состоящая изъ смѣси глины съ известью, очень благопріятна для воздѣлыванія грушъ и другихъ деревъ того же семейства. Многія разновидности «дессертныхъ фруктовъ» созданы въ самомъ краѣ. Наконецъ, отсюда вывозится много извести, которую ломаютъ на окружающихъ городъ холмахъ.

Значительнѣйшія общины бассейна Шельды, въ провинціи Геннегау, съ населеніемъ свыше 5.000 жителей:

Турне или Дорникъ—35.760 жит. (1895 г.); Монсъ—25.240; Кареньонъ—14.360; Вамъ-въ Борнажѣ—13.775; Жемаппъ—12.000; Патюражъ—10.740; Фрамери—10.820; Дуръ—10.605; Буссю-ле-Монсъ—9.705; Горню—8.855; Кюэмъ (Cuesmes)—8.370; Ла-Бувери—6.200; Ла-Лувьеръ—14.260; Атъ—9.870; Перувельцъ—8.270; Биншъ (Беншъ)—10.105; Бренъ-ле-Контъ—8.790; Лессинъ—8.225; Лёзъ—5.840; Морланвельцъ—7.000; Бодуръ—5.650; Гуденъ-Эмери—6.820; Карньеръ—6.000; Эллезель—5.385; Андерлю—6.340; Экоссинъ-д'Энгьенъ—6.085; Гуденгъ-Геньи—6.033; Суаньи—9.245 жителей.

Оденардъ или Уденардъ (Audenarde, Oudenarde), лежащій тоже на Шельдѣ, между Дорникомъ и Гентомъ, давно утратилъ то важное значеніе, которое онъ нѣкогда имѣлъ между городскими общинами Фландріи; по числу жителей онъ теперь уступаетъ даже Сенъ-Ренѐ (St. Renaix) или Ронсу (Ronsse), новому фабричному городу, построенному на югѣ, среди удаленныхъ отъ рѣки равнинъ, которыя уже поднимаются тамъ въ видѣ небольшихъ возвышенностей. Но Оденардъ сохранилъ еще много старинныхъ зданій, свидѣтельствующихъ о прежней его славѣ и цвѣтущемъ состояніи: такова, напримѣръ, городская ратуша, готическое зданіе шестнадцатаго вѣка, съ высокою башнею и обширною залою, украшенною великолѣпными рѣзными дверями въ стилѣ эпохи возрожденія. Замѣчательны также двѣ церкви, частію романскаго стиля, построенныя одна въ двѣнадцатомъ, а другая въ тринадцатомъ столѣтіи; оденардскіе стрѣлки, славившіеся своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ лука и получавшіе много призовъ на состязаніяхъ во время народныхъ праздниковъ, часто приносили въ эти храмы для освященія добытые ими трофеи. Городъ утратилъ ковровую промышленность, которая составляла источникъ его благосостоянія въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, и которою въ то время занимались отъ 12.000 до 14.000 ремесленниковъ [1]). Въ настоящее время онъ имѣетъ коекакія промышленныя заведенія—кожевенные заводы, химическія, цикорныя, канатныя фабрики и пр. Вокругъ Оденарда, затопленныя земли напоминаютъ неоднократныя осады, выдержанныя этимъ городомъ, и наводненія, которыя гораздо лучше защищали его отъ враговъ, чѣмъ крѣпостныя стѣны.

Рѣка Лейсъ или Лисъ (Lys), впадающая въ Шельду въ городѣ Гентѣ, при своемъ вступленіи въ предѣлы Бельгіи омываетъ набережныя нѣсколькихъ многолюдныхъ городовъ. Во-первыхъ, она дѣлитъ пограничное мѣстечко Коминъ (Comines, Comineum), бывшій городъ и крѣпость, на двѣ половины—французскую, расположенную на правомъ берегу, и бельгійскую, занимающую лѣвый берегъ; затѣмъ она протекаетъ мимо Вервика (Wervicq)—древне-римская станція Viroviacum—и его табачныхъ фабрикъ, гдѣ запасаются товаромъ контрабандисты; далѣе проходитъ передъ Мененомъ (Meenen, Menin), фабричнымъ и торговымъ городомъ, который встарину, лѣтъ двѣсти тому назадъ, славился своими многочисленными пивоваренными заводами. Городъ Куртре или Кортрейкъ (Courtrai, Kortryk, Cortoriacum), который мы встрѣчаемъ ниже на берегахъ той же рѣки, важенъ, какъ главный рынокъ для большой части западной Фландріи: окрестныя деревни производятъ ленъ превосходнаго качества, изъ котораго прежде здѣсь выдѣлывали прекрасное тонкое полотно, поль-

[1]) Пипшаръ, „Patria Belgica", III.

зовавшееся обширною извѣстностью. Столовое бѣлье, приготовляемое въ Кортрейкѣ, до сихъ поръ высоко цѣнится, и сбытъ его постоянно возрастаетъ; но лучшіе сорта льна, воздѣлываемаго въ окрестностяхъ этого города, теперь скупаются англичанами, въ самой же Бельгіи прядутъ ленъ только низшаго достоинства. Кромѣ того, въ Кортрейкѣ существуетъ значительное кружевное производство, которымъ занимается нѣсколько тысячъ кружевницъ. Кортрейкъ, древній и знаменитый городъ, обладаетъ прекрасною ратушей, которой недавними реставраціями придали тотъ видъ, какой она имѣла въ шестнадцатомъ столѣтіи. Недалеко отъ муниципальнаго зданія, по другую сторону неправильной площади, стоитъ главная городская башня (beffroi), небольшихъ размѣровъ, но очень живописно поднимающаяся надъ окружающими ее строеніями. Готическая церковь св. Мартина, памятникъ тринадцатаго вѣка, съ красивыми цвѣтными стеклами, тоже доминируетъ своимъ высокимъ нефомъ надъ домами города; во внутренности ея заслуживаетъ вниманія картина ванъ-Дейка. Близъ Кортрейка находится поле битвы, гдѣ корпораціи фламандскихъ ремесленниковъ одержали въ 1302 году рѣшительную побѣду надъ французскими рыцарями Филиппа Красиваго, и гдѣ побѣдители подобрали послѣ сраженія нѣсколько сотъ золотыхъ шпоръ.

Ниже Менена и до самаго Гента—Куртре, единственный важный городъ на рѣкѣ Лейсъ или Лисъ; всѣ многолюдныя городскія общины находятся внутри страны, далеко отъ болотистыхъ береговъ этой рѣки. Одна изъ этихъ общинъ, Мускронъ (Mouscron), лежитъ къ югу отъ Куртре, близъ французской границы. На западъ отъ р. Лейсъ, главныя общины суть: Ингельмюнстеръ, гдѣ фабрикуются обои, извѣстные подъ именемъ «гобеленовскихъ», Изегемъ, Мейлебеке, Румбеке, Рулеръ или Русселеръ, Морследе, Ардуа, Тильтъ, Руйселедъ, Со[illegible]ргемъ, Эльтре. Эти общины замѣчательны въ особенности богатствомъ окружающихъ культурныхъ земель, производящихъ ленъ, табакъ, макъ, разнаго рода хлѣбъ. Рулеръ, кромѣ того, — одинъ изъ важнѣйшихъ рынковъ Бельгіи по торговлѣ полотнянымъ товаромъ. Къ востоку отъ р. Лейсъ, самыя значительныя группы населенія — Крунсгаутемъ, Вегеремъ, Гарлебеке.

Гентъ (по-фламандски Gent, по-французски Gand, по-латыни Gandavum), главный городъ провинціи восточной Фландріи, нѣкогда одинъ изъ многолюднѣйшихъ городовъ Европы, занимаетъ чрезвычайно выгодное географическое положеніе, благодаря чему онъ могъ оправляться отъ всѣхъ постигавшихъ его бѣдствій. Расположенный при сліяніи Шельды, Лейса и рѣчекъ Ливе и Мере, городъ этотъ служитъ естественнымъ складочнымъ мѣстомъ для произведеній этихъ верхнихъ долинъ. Кромѣ того, Гентъ находится въ углу, гдѣ Шельда, уже усиливаемая морскимъ приливомъ, наиболѣе приближается къ морю, прежде чѣмъ сдѣлать поворотъ направо, къ востоку, и гентцы съ давняго времени воспользовались этою близостью океана для своихъ выгодъ, прорывъ каналы, которые, съ одной стороны, служили имъ для спуска лишней воды при разливахъ Шельды и Лейса, а съ другой—давали ихъ городу возможность вести непосредственныя торговыя сношенія съ заграничными рынками, при помощи мелкихъ судовъ. Къ водянымъ путямъ, представляемымъ рѣками и каналами, присоединились сухопутныя дороги и рельсовые пути: въ настоящее время ни въ одномъ изъ городовъ Бельгіи не сходится такъ много желѣзныхъ дорогъ, какъ въ Гентѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что столица восточной Фландріи сдѣлалась третьимъ городомъ королевства по количеству населенія, которое увеличивается съ каждымъ годомъ; по степени же развитія промышленности и торговли она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду бельгійскихъ городовъ. Вѣроятно, нынѣшнее число ея жителей не меньше того, которое она имѣла въ ту эпоху, когда ея коммунальное могущество еще не было сломлено. Гентъ, несомнѣнно, былъ въ то время важнѣйшимъ и многолюднѣйшимъ городомъ Бельгіи: подобно тому, какъ въ Лувенѣ, ремесленники и работники были здѣсь такъ многочисленны, что въ тотъ часъ, когда звонилъ большой колоколъ, призывавшій ихъ на работу или отдыхъ, обыватели спѣшили укрываться въ своихъ домахъ, чтобы дать пройти огромной и стремительной волнѣ рабочаго люда. Однако, этотъ фактъ, дающій понятіе о тогдашнихъ нравахъ, не доказываетъ еще, чтобы въ Гентѣ было, какъ это часто утверждалось, до восьмидесяти тысячъ гражданъ, способныхъ носить оружіе: старинные планы и достовѣрныя историческія свидѣтельства показываютъ, что пространство, занимаемое городомъ, никогда не было обширнѣе, чѣмъ въ наши дни. Что касается знаменитой фразы императора Карла V: «Je mettrai votre Paris dans mon gant», то это не болѣе, какъ игра словъ, и по злой ироніи судьбы, гентецъ, гордо кинувшій эту фразу своему сопернику, Франциску I, есть именно одинъ изъ тѣхъ людей, которые всего болѣе способствовали упадку благороднаго города.

Гентъ, по справедливости, можетъ назваться одною изъ «сѣверныхъ Венецій», благодаря безчисленнымъ каналамъ и рѣчнымъ рукавамъ, разрѣзывающимъ его на множество кварталовъ неравной величины: онъ состоитъ изъ 26 островковъ, соединенныхъ сотней мостовъ, которые, вмѣстѣ съ набережными, тихими водами и снующими по нимъ пузатыми ладьями, придаютъ городу почти голландскую физіономію. Но исто-

рическія воспоминанія дѣлаютъ Гентъ оригинальнымъ городомъ: передъ высокою четыреугольною сторожевою башнею или «бельфридомъ» (Belfried, Belfroot, beffroi), съ ея многочисленными колоколами, призывавшими нѣкогда гентцевъ на вѣче или къ оружію, въ залахъ богато украшеннаго зданія городской ратуши, или на Базарной площади, гдѣ съ 1863 г. стоитъ бронзовая статуя Якова ванъ-Артевельде, великаго диктатора Фландріи, передъ городскими воротами Рабо, съ ихъ массивными башнями,—вездѣ припоминаются дни прежняго величія города. Муниципальныя зданія, историческіе дома, площади гдѣ происходили многолюдныя народныя собранія — вотъ что представляетъ Гентъ наиболѣе любопытнаго историку. Но художника прежде всего привлекаетъ каѳедральный соборъ св. Бавона, готическое зданіе тяжелыхъ размѣровъ, но поражающее блескомъ внутренняго убранства; хоры и многочисленныя капеллы его—настоящія святилища искусства: здѣсь много превосходныхъ картинъ, между которыми особенно замѣчательны картины Рубенса и «Мистическій агнецъ» братьевъ Губерта и Яна ванъ-Эйкъ, одно изъ капитальныхъ произведеній живописи, одно изъ тѣхъ произведеній, которыя, несмотря на искаженія и реставраціи, все-еще сохранили свою первоначальную красоту. Къ сожалѣнію, въ гентскомъ соборѣ осталась только средняя часть этой знаменитой картины; двѣ створки ея, изображающія Адама и Еву, находятся нынѣ въ брюссельскомъ музеѣ, шесть другихъ — въ берлинскомъ, такъ что цѣлое этой религіозно-эпической поэмы, резюмирующей, на одной страницѣ чудной живописи, всѣ мистическія вѣрованія пятнадцатаго столѣтія, теперь можно видѣть только благодаря копіямъ.

Метрополія Фландріи до сихъ поръ еще имѣетъ право на названіе города искусствъ: ея академія художествъ посѣщается сотнями воспитанниковъ и обладаетъ богатымъ музеемъ, составленнымъ по большей части изъ картинъ бывшихъ монастырей, упраздненныхъ во время первой французской революціи; въ высшемъ техническомъ училищѣ (école d'industrie) бываетъ до 800 воспитанниковъ. Старѣйшее изъ бельгійскихъ періодическихъ изданій, «Gazette van Gent» («Гентская Газета»), основанная въ 1667 году, понынѣ выходитъ въ этомъ городѣ. Въ Гентѣ же находится и государственный университетъ фламандской области Бельгіи; по числу учащейся молодежи онъ уступаетъ вольнымъ университетамъ Брюсселя и Лувена, но съ нимъ соединены два высшія спеціальныя учебныя заведенія: училище гражданскихъ инженеровъ (école du génie civil) и школа искусствъ и мануфактуръ (école des arts et manufactures). Въ 1891—92 году въ Гентскомъ университетѣ числилось—543 студента. Публичная библіотека, помѣщающаяся въ бывшемъ монастырѣ Бодело, есть одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ. Въ Гентѣ находятся двѣ значительнѣйшія изъ существующихъ въ Бельгіи «béguinages» [1]), или общины незамужнихъ женщинъ, произнесшихъ временный обѣтъ. Бегинки вначалѣ живутъ въ общей обители; но по достиженіи двадцативосьмилѣтняго или тридцатилѣтняго возраста онѣ могутъ поселиться, вмѣстѣ съ одною или нѣсколькими подругами, въ одномъ изъ отдѣльныхъ домиковъ общины. Главный гентскій бегинажъ (Beggynhof), основанный въ 1234 году, переведенъ въ предмѣстье Сентъ-Аманъ: это настоящій городокъ, гдѣ около семисотъ женщинъ, посвятившихъ себя религіозной жизни и дѣламъ милосердія, соединены въ одно общество подъ управленіемъ нѣсколькихъ патеровъ. Желающая поступить въ общину должна представить удостовѣреніе относительно имѣнія ею небольшаго дохода и дать обязательство въ томъ, что сама будетъ зарабатывать себѣ средства къ существованію; но такъ какъ расходы членовъ общины очень невелики, благодаря жизни сообща, то бегинки могутъ продавать кружева и другія работы иглой, которыя онѣ дѣлаютъ, дешевле, чѣмъ вольныя мастерицы Гента. Знаменитый смирительный домъ Гента, образцовая тюрьма, гдѣ содержится болѣе 2.000 заключенныхъ, тоже представляетъ огромную фабрику (производство холста для войска) и дѣлаетъ конкурренцію мѣстной промышленности, которая оказывается недостаточною для утилизированія всѣхъ рабочихъ рукъ. Число бѣдныхъ въ Гентѣ очень велико: иногда доходило до того, что пятая часть городскаго населенія зависѣла, въ отношеніи своего существованія, отъ общественной и частной благотворительности.

Между промышленными заведеніями столицы Фландріи первое мѣсто, по размѣрамъ производства, занимаютъ фабрики полотняныхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ матерій [2]); одна изъ прядильныхъ фабрикъ,—та, которая построена на берегу Лейса,—принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ заведеній этого рода въ Европѣ; вечеромъ, куда ни посмотришь, вездѣ видишь ярко освѣщенныя окна фабрикъ и заводовъ. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ прядильной промышленности Гента, приводимъ цифры, относящіяся къ 1893 году: бумагопрядильни—600.000 веретенъ; льнопрядильни — 200.000 веретенъ.

Кромѣ прядильныхъ мануфактуръ, здѣсь есть ситценабойныя фабрики, кожевенныя, свекло-

---

[1]) Названіе béguinage, beggynhof произошло, какъ полагаютъ, отъ to beg, молиться, или отъ св. Бегги, или отъ имени люттихскаго священника le Bégue.

Прим. перев.

[2]) Въ прежнее время фабрикація полотняныхъ и шерстяныхъ тканей достигала въ Гентѣ колоссальныхъ размѣровъ; такъ, въ 1400 г. здѣсь насчитывали 40.000 ткачей, которые могли выставить изъ своего цеха 18.000 годныхъ къ войнѣ мужчинъ. Прим. перев.

сахарные заводы и т. д. Вообще Гентъ съ гордостью величаетъ себя «бельгійскимъ Манчестеромъ», но ему нужно бы было имѣть «Ливерпуль» болѣе близкій, чѣмъ Антверпенъ: отсюда постоянныя усилія его торговаго класса устроить удобное сообщеніе съ голландскимъ портомъ Тернейценъ. И усилія эти не были напрасны; старый каналъ, имѣвшій прежде только 4,20 метр. глубины, былъ значительно углубленъ, и теперь число проходящихъ по этому водяному пути судовъ съ грузами лѣснаго товара, льна, каменнаго угля увеличивается съ каждымъ годомъ; онъ сдѣлался доступнымъ даже для большихъ судовъ, имѣющихъ до 6 метровъ водоуглубленія, и однажды купеческій корабль въ 633 тонны вмѣстимости свободно вошелъ въ доки Гента, который нынѣ возвысился на степень третьяго порта Бельгіи.

Движеніе судоходства въ Гентскомъ портѣ:

Въ 1841 г. въ приходѣ было 241 судно, вмѣстимостью 30.102 тоннъ; въ 1891 г.: въ приходѣ—1.013 судовъ (въ томъ числѣ 901 пароходъ) въ 496.828 тоннъ; въ отходѣ—1.011 судовъ въ 494.744 тоннъ.

Новый бассейнъ, на сѣверо-восточной сторонѣ города, можетъ вмѣстить до 400 судовъ. Кромѣ мануфактуръ и морской торговли, Гентъ имѣетъ еще одну спеціальную отрасль промышленности—культуру декоративныхъ растеній. Онъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Брюссель и другіе бельгійскіе города, заслуживаетъ названія «города цвѣтовъ». Его ботаническій садъ (planentium)—одинъ изъ лучшихъ въ Бельгіи; его цвѣточныя выставки—верхъ совершенства въ своемъ родѣ; пройтись по его цвѣточному рынку или по оранжереямъ его садоводовъ и любителей садоводства — истинное наслажденіе. Въ Гентѣ насчитывается 80 крупныхъ цвѣточныхъ торговцевъ и свыше 400 оранжерей.

Промышленный капиталъ гентскихъ садоводовъ (болѣе 400 теплицъ) 75.000.000 франк. Ежегодный вывозъ цвѣтовъ и растеній простирается на сумму около 10.000.000 франковъ.

Весь Гентскій округъ и прибрежныя равнины Шельды вплоть до самаго Антверпена усѣяны многолюдными городскими общинами. На югѣ, Ледебергъ (Ledeberg), при Шельдѣ и въ точкѣ соединенія нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, есть лишь передовое предмѣстье Гента, такъ же, какъ и мѣстечко Монъ-Сентъ-Аманъ (Mont-Saint-Amand, по-фламандски Sint-Amands-Berg); на сѣверо-западѣ, Экло (Eecloo), лежащій на едва замѣтномъ водораздѣльномъ хребтѣ, отдѣляющемъ среднюю Шельду отъ океана,—промышленный городокъ; Сомергемъ, Эвергемъ, Калькенъ—земледѣльческіе центры; Веттеренъ, на правомъ берегу Шельды, съ королевскимъ пороховымъ заводомъ, славится своимъ превосходнымъ крѣпкимъ пивомъ, называющимся uitzet; Локеренъ, къ сѣверу отъ Шельды, — мануфактурный городъ, съ большими бѣлильными фабриками, такъ же, какъ сосѣднія общины Зеле и Мербеке близъ Локерена (Morbeke-lez-Lokeren); Стекене, близъ голландской границы, служитъ складочнымъ мѣстомъ для торговли между долиной Шельды и зеландскимъ портомъ Гульстъ; Весмюнстеръ—одна изъ богатыхъ городскихъ общинъ плодородной области Весъ (Waes), главнымъ рынкомъ которой можно считать Санъ-Николасъ-Весъ; Беверенъ-Весъ производитъ кружева въ большомъ количествѣ; Бомъ (Boom), на Рупелѣ и при выходѣ канала Виллебрукъ, служитъ складочнымъ мѣстомъ для судоходства между Брюсселемъ и Антверпеномъ и, кромѣ того, извѣстенъ своими кирпичными заводами, самыми значительными въ Бельгіи; мѣстечко Гамме близъ Термонда (Hamme-lez-Termonde), лежащее къ сѣверу отъ Термонда или Дендермонда, числомъ жителей превосходитъ городъ, отъ котораго оно получило вторую половину своего имени; городокъ Тамизъ (по-фламандски Темпше), на лѣвомъ берегу Шельды, съ прядильными фабриками (пенька и джутъ), важенъ какъ мѣсто провоза товаровъ; между этимъ городомъ и Борнгемомъ находится послѣдній путеводъ на главной бельгійской рѣкѣ. Ниже Тамиза, Рупельмонде, съ многолюднымъ пригородомъ Базеле, расположенъ, какъ показываетъ самое имя его (monde по-фламандски—устье), при сліяніи Руппеля и Шельды. Этотъ городокъ, окруженный кирпичными заводами, замѣчателенъ, какъ родина знаменитаго Кремера, который подъ латинскимъ именемъ Меркатора, издалъ въ 1559 году карту съ параллельными меридіанами, столь полезную географамъ и безусловно-необходимую морякамъ [1]). Къ счастію для прогресса человѣчества, Меркаторъ, обвиненный въ ереси въ 1544 году, успѣлъ избѣгнуть ожидавшей его смерти на кострѣ. Рупельмонде недавно воздвигъ ему памятникъ.

Антверпенъ (Antwerpen, отъ aen t'Werf, на верфи; по-французски Anvers, по-испански Amberes), второй городъ Бельгіи по числу жителей, первый по торговлѣ, важнѣйшій приморскій портъ и единственная большая крѣпость королевства, существуетъ по меньшей мѣрѣ тысячу двѣсти лѣтъ; но въ ту эпоху, когда имя его въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ страны, онъ далеко не обладалъ тѣми выгодными условіями для торговыхъ сношеній, какія представляетъ въ наши дни. Онъ находился тогда, правда, у оконечности лимана, къ которому текли Шельда и два ея притока, Большой и Малый Шейнъ (Schyn), въ то время болѣе многоводные, чѣмъ нынѣ [2]); но лиманъ, куда изливались эти рѣчныя воды,

---

[1]) Фон-Ремдонкъ „Gérard Mercator, sa vie et ses oeuvres".

[2]) Вувермапъ, „Notes sur les variations de l'Escaut au seizième siècle". „Bullet. de la Soc. de Géograp. d'Anvers", fasc. 2.

не открывался прямо въ океанъ: только въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія проливъ Гонта или восточной Шельды сдѣлался удобнымъ для судоходства, вслѣдствіе чего незначительное мѣстечко Антверпенъ, затерянное до той поры внутри материка, превратилось въ приморскій городъ. Окружающій его край былъ покрытъ болотами, еще не осушенными и не преобразованными посредствомъ обработки почвы. Наконецъ, заливъ Цвайнъ, оконечность котораго занимаетъ городъ Брюгге, былъ гораздо выгоднѣе расположенъ для внѣшней торговли, чѣмъ лиманъ Шельды, и естественно, что тамъ именно, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ самою промышленною областью Фландріи, долженъ былъ установиться главный потокъ торговыхъ сношеній. Въ 1444 году въ Антверпенѣ было не болѣе четырехъ купцовъ, и весь его коммерческій флотъ состоялъ изъ шести мелкихъ судовъ, годныхъ лишь для рѣчнаго плаванія; но по мѣрѣ того, какъ мелѣлъ Цвайнъ, лиманъ соперничествующаго города Антверпена пріобрѣталъ все болѣе важное значеніе. Однако, этотъ городъ поднялся на степень большаго рынка только съ той эпохи, когда португальцы, проложившіе прямой морской путь въ Индію, основали здѣсь свою факторію: это случилось въ 1503 году. Купцы другихъ европейскихъ націй послѣдовали примѣру португальцевъ, и въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія Антверпенъ достигъ высшей степени процвѣтанія: въ то время иногда въ одинъ приливъ въ его гавань входила цѣлая сотня купеческихъ кораблей; болѣе тысячи иностранныхъ торговыхъ домовъ имѣли въ немъ свои конторы. «Въ ту эпоху, говоритъ Гишарденъ, не было, за исключеніемъ Парижа, ни одного города по сю сторону горъ, который бы могъ сравниться съ нимъ (Антверпеномъ) богатствомъ и могуществомъ». Это цвѣтущее состояніе вдругъ прекратилось вслѣдствіе войнъ, побоищъ, моровой язвы, и лучшіе граждане бѣжали изъ города, чтобы не попасть въ руки трибуналовъ инквизиціи. Населеніе Антверпена, простиравшееся въ 1568 году до 125.000 душъ, уменьшилось въ половинѣ слѣдующаго столѣтія до пятидесяти тысячъ душъ. Голландцы, владѣвшіе устьемъ Шельды, изъ зависти все болѣе и болѣе затрудняли судоходство по нему, пока, наконецъ, входъ въ эту рѣку былъ окончательно запертъ постановленіями Вестфальскаго мирнаго трактата. Съ этого времени торговля Антверпена перешла къ Амстердаму [1]). Однако географическое положеніе бельгійскаго города на большой рѣкѣ въ 10 метровъ глубиною такъ счастливо, что торговля его, естественно, пользовалась всѣми благопріятными политическими обстоятельствами, чтобы снова подняться. Теперь Антверпенъ многолюднѣе, дѣятельнѣе, богаче, чѣмъ онъ былъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, и пока образованіе песчаныхъ мелей, измѣненіе фарватера, или какая-нибудь другая естественная причина въ томъ же родѣ, или, наконецъ, война съ Голландіей, не закроютъ проходъ судамъ,—участіе Антверпена въ общемъ движеніи европейской жизни, вѣроятно, будетъ постоянно увеличиваться. Засореніе фарватера иломъ приняло съ половины нынѣшняго столѣтія такіе большіе размѣры, что инженеры предложили замѣнить естественную Шельду искусственною рѣкой (въ 7 метровъ глубиною), которая, проходя исключительно по бельгійской территоріи, впадала бы въ рейдъ, Гейстъ. Но неминуемымъ слѣдствіемъ прорытія этого канала было бы то, что Антверпенъ долженъ бы былъ уступить Брюгге свое первенство между торговыми рынками Бельгіи, и такимъ образомъ колесо фортуны еще разъ повернулось бы не въ его пользу [1]).

Старый городъ занимаетъ вдоль праваго берега Шельды пространство около 2 километровъ, ограниченное на сѣверѣ бассейнами или доками, запруженными купеческими судами всѣхъ націй, на югѣ—желѣзнодорожною станціею, построенною на мѣстѣ недавно срытой цитадели. Городской валъ, окружавшій Антверпенъ въ эпоху памятныхъ осадъ 1814 и 1832 годовъ, давно срытъ и замѣненъ прекрасными бульварами. Вслѣдствіе этого, новые кварталы могли безпрепятственно разростаться въ прежнемъ городскомъ округѣ (banlieue) и теперь расположены на пространствѣ гораздо болѣе значительномъ, чѣмъ то, какое занимаетъ старый городъ, хотя населеніе не наполнило еще обширнаго полукруга, образуемаго стѣнами нынѣшней городской ограды: большія предмѣстья, Боргергутъ и Берхемъ, составляющія отдѣльныя общины, раскинулись на просторѣ въ предѣлахъ этого полукруга. Центральная часть города донынѣ сохранила свои неправильныя улицы, свои неровныя площади, тогда какъ кварталы новѣйшей постройки перерѣзаны широкими аллеями и заключаютъ многочисленные сады, великолѣпный паркъ—одинъ изъ лучшихъ и живописнѣйшихъ внутреннихъ городскихъ парковъ въ Европѣ,—прекрасный зоологическій садъ, прославившійся въ свѣтѣ замѣчательными успѣхами, получаемыми тамъ въ отношеніи сохраненія и размноженія множества рѣдкихъ породъ птицъ, краснаго звѣря и другихъ животныхъ. Антверпенъ очень богатъ статуями и памятниками. Онъ воздвигъ монументъ въ честь древнихъ бельговъ, такъ храбро драв-

[1]) Gaillard, „Mémoires de l'Académie de Belgique", t. VI, 1853 г.

[1]) Van Alstein;—Bauduin, „Débordements et envasement de l'Escaut", journal d'Anvers, 1872.

шихся съ легіонами Цезаря; кромѣ того, площади его украшены бронзовыми или мраморными изображеніями Рубенса, Теньера, ванъ-

Каѳедральный соборъ въ Антверпенѣ.

Дейка и другихъ его гражданъ, прославившихся въ мірѣ искусства. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ сыновъ Антверпена, Авраамъ Ортельсъ, еще ожидаетъ себѣ памятника; а между тѣмъ этотъ географъ своею книгою «Theatrum mundi» наиболѣе способствовалъ, послѣ Страбона, распространенію свѣдѣній о земномъ шарѣ; изданіемъ своихъ картъ,—лучшихъ, какія въ то время существовали, — Ортельсъ, по справедливому замѣчанію Увермана, «столько же сдѣлалъ для успѣховъ ге-

графіи, сколько Христофоръ Колумбъ своими открытіями» [1]). Въ Антверпенѣ же была выгравирована въ первый разъ вполнѣ извѣстная таблица Пейтингера: эта гравюра 1598 года исполнена съ изумительнымъ искусствомъ [2]).

Антверпенъ можетъ похвалиться многими прекрасными памятниками архитектуры. Таковы: биржа, вновь выстроенная въ 1869 году въ томъ же пышномъ готическомъ стилѣ, какъ и прежнее зданіе, истребленное пожаромъ 1858 г.: городская ратуша, въ стилѣ возрожденія, главная зала которой украшена историческими картинами огромныхъ размѣровъ; домà средневѣковыхъ цеховъ и гильдій; многочисленныя церкви, богатыя замѣчательными произведеніями живописи. Въ одной изъ нихъ, именно въ церкви св. Іакова, находится гробница Рубенса, помѣщенная подъ картиной, на которой великій художникъ представилъ, подъ именемъ святыхъ, самого себя и все свое семейство. Главное украшеніе Антверпена составляетъ его каѳедральный соборъ Богоматери, начатый постройкой въ четырнадцатомъ, а оконченный (не вполнѣ) въ шестнадцатомъ столѣтіи; это самый красивый и самый грандіозный храмъ въ Бельгіи. Къ сожалѣнію, онъ заключенъ въ очень тѣсномъ пространствѣ, между домами, окружающими его съ трехъ сторонъ, да и фасадъ его съ главнымъ порталомъ, украшеннымъ скульптурными работами, выходитъ на маленькую площадь, гдѣ находится старый колодезь съ навѣсомъ въ формѣ купола изъ кованныхъ желѣзныхъ прутьевъ, сдѣланнымъ, какъ полагаютъ, извѣстнымъ живописцемъ Квентиномъ Матсисомъ. Чудный ажурный шпиль колокольни вздымается на высоту 123 метр.; на колокольнѣ 40 колоколовъ, изъ которыхъ самый большой вѣситъ 160 центнеровъ. Внутренность храма поражаетъ простотой и величіемъ; но слава его — въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ и особенно въ картинахъ Рубенса, котораго нигдѣ, за исключеніемъ развѣ Мадрида, нельзя лучше изучить, чѣмъ въ Антверпенѣ: великій художникъ является здѣсь во всемъ блескѣ своего могучаго таланта, соединяя силу чувства и возвышенность мысли съ изумительною легкостью исполненія [3]). Антверпенскій соборъ обладаетъ извѣстнѣйшими изъ его мастерскихъ произведеній, каковы: «Снятіе Спасителя со Креста», «Распятіе на Крестѣ», «Успеніе Божіей Матери», тогда какъ «Поклоненіе волхвовъ», «Прободеніе голени», «Христосъ въ ясляхъ», «Причащеніе св. Франциска Ассизскаго» находятся въ музеѣ. Этотъ музей, богатѣйшій во всей Бельгіи, содержитъ, кромѣ того, драгоцѣнныя творенія Яна ванъ-Эйка, Квентина Метсиса, ванъ-Дейка, Іорданса, Рюисдаля, всѣхъ фламандскихъ мастеровъ, и картины многихъ неизвѣстныхъ художниковъ, самая анонимность которыхъ служитъ доказательствомъ общаго увлеченія, которое сообщало нѣкогда, въ этомъ уголкѣ Фландріи, такой яркій блескъ живописи. Впрочемъ, искусства всегда были въ почетѣ въ этомъ коммерческомъ городѣ, который гордится тѣмъ, что въ стѣнахъ его жили Рубенсъ, ванъ-Дейкъ, Теньеръ и др. При музеѣ существуетъ академія художествъ, которая смѣнила собою старую академію св. Луки, основанную уже въ половинѣ пятнадцатаго вѣка. Число воспитанниковъ этой академіи постоянно возрастаетъ; такъ, въ 1841 году оно равнялось 443, въ 1850 г.—1.060, въ 1860 г.—1.274, въ 1881 г.—1.792.

Какъ приморскій торговый городъ, Антверпенъ получилъ чрезвычайно важное значеніе съ половины текущаго столѣтія: движеніе судоходства въ его портѣ, считая по количеству вмѣстимости приходящихъ и отходящихъ судовъ, увосьмерилось въ три послѣднія десятилѣтія; теперь тоннажъ его порта равняется тоннажу двухъ другихъ главныхъ портовъ континента Европы—Гамбурга и Марсели.

Движеніе судоходства и торговли въ Антверпенскомъ портѣ: въ 1891 г. было въ приходѣ: морскихъ судовъ, — 4.461 (въ томъ числѣ 3.773 парохода), вмѣстимостью 4.693.238 тоннъ; рѣчныхъ судовъ—28.448, вмѣстимостью 3.071.577 тоннъ.

Торговое движеніе въ 1888 г.:

	Милл. килог.	Цѣнность въ милл. франк.
Ввозъ (общяя торг.) . .	3.513	1.295
Вывозъ (спеціальн. торг.)	1.331	465
Транзитъ для вывоза . .	389	324

Морское судоходство бельгійскаго прибрежья производится на девять десятыхъ черезъ Антверпенскій портъ, и торговый обмѣнъ этого порта представляетъ болѣе трети коммерческихъ оборотовъ всего королевства. Перечислить товары и продукты, которые нагружаются на суда въ Антверпенѣ, и которые выгружаются на набережныя и въ склады этого города, значило бы поименовать все, что служитъ къ удовлетворенію потребностей бельгійцевъ и доставленію матеріала для ихъ промышленности,—все, что производятъ ихъ поля и фабрики. Многочисленныя линіи пароходнаго сообщенія, соединяющія Антверпенъ не только съ другими европейскими портами, но также съ дальними заморскими краями, имѣютъ свою точку отправленія въ докахъ Шельды. Когда потокъ эмиграціи изъ Европы въ Новый Свѣтъ принимаетъ значительные размѣры, порядочная доля этого эмиграціоннаго движенія направляется черезъ Антверпенъ; такъ, въ 1881 году, изъ Антвер-

---

1) Wauwermans, „Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers", fasc. 3, 1877.

2) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

3) Eugène Fromentin, „Les maitres d'autrefois";—Taine, „De la philosophie de l'art dans les Pays Bas" —Montégut, „Les Pays-Bas, impressions de voyage et d'art".

пенскаго порта отплыло въ Америку 47.525, въ 1890 г. 38.670 переселенцевъ. Внутренніе бассейны или доки, расположенные въ сѣверной части города, близъ Сѣверной цитадели, занимаютъ площадь въ 40 гектаровъ; глубина ихъ отъ 20 до 21 фута, а при большомъ приливѣ до 22 футовъ. Кромѣ того, сама Шельда, обведенная правильными набережными на протяженіи 4 верстъ, служитъ рейдомъ и гаванью для сотенъ судовъ. Замѣчательно, что городъ, посѣщаемый ежегодно многими тысячами судовъ всѣхъ націй, всевозможной величины и формы, самъ обладаетъ, въ лицѣ своихъ судохозяевъ, сравнительно очень скромною коммерческою флотиліею: въ 1892 году эта флотилія состояла всего только изъ 46 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 68.856 тоннамъ. Что касается спеціальной промышленности Антверпена, то она относится почти исключительно къ предметамъ морскаго судоходства, каковы: постройка, починка, нагрузка, снаряженіе судовъ, содержаніе экипажей и такелажа; однако она обнимаетъ также сахаро-рафинадное производство (26 заводовъ) и нѣкоторыя наслѣдственныя ремесла, для которыхъ Антверпенъ, повидимому, не представляетъ никакихъ особенно выгодныхъ условій. Такъ, напримѣръ, обдѣлка алмазовъ въ формѣ «розы» составляетъ спеціальность антверпенскихъ ювелировъ, которые особенно славятся своимъ искусствомъ вставлять граненые алмазы въ оправу.

Рѣдко бываетъ, чтобы укрѣпленные пункты были, вмѣстѣ съ тѣмъ, торговыми городами; но въ Бельгіи Антверпенъ есть именно такой городъ, который, благодаря своему географическому положенію, можетъ быть въ одно и то же время главнымъ приморскимъ портомъ и важнѣйшею крѣпостью государства. Удобства, представляемыя низменнымъ грунтомъ окрестностей для искусственныхъ наводненій въ видахъ обороны, выгодный операціонный базисъ, даваемый лиманомъ, схожденіе всѣхъ естественныхъ путей страны къ этому стратегическому пункту—все это заставило военныхъ инженеровъ избрать Антверпенъ главнымъ оборонительнымъ мѣстомъ королевства. Но въ наши дни удобства нападенія увеличились въ огромной степени, благодаря орудіямъ дальняго боя и циркумваллаціоннымъ желѣзнымъ дорогамъ: чтобы защищаться съ успѣхомъ, Антверпену уже недостаточно его крѣпостныхъ стѣнъ и отдѣльныхъ фортовъ, которыми онъ окруженъ по обѣ стороны рѣки на протяженіи 30 километровъ въ окружности; теперь его оборонительная линія дополняется новыми укрѣпленіями на Рупелѣ и Нижней Шельдѣ.

Между фортами, расположенными вдоль рѣки ниже Антверпена, самые интересные въ историческомъ отношеніи—форты Маріи и св. Филиппа, построенные въ 1584 году герцогомъ Пармскимъ: между этими-то двумя крѣпкими точками опоры были воздвигнуты эстакады и мостъ, которые окончательно отрѣзали антверпенцевъ отъ ихъ союзниковъ, зеландцевъ, вслѣдствіе чего городъ принужденъ былъ сдаться осаждающимъ.

Общины восточной и западной Фландріи и провинціи Антверпенъ, въ бассейнѣ Шельды, съ населеніемъ свыше 5.000 жителей:

Восточная Фландрія: Гентъ—(31 дек. 1896 г.) 159 218 жителей; Сенъ-Николасъ—28.230 жителей; Алостъ (Альстъ)—25.750 жителей; Локеренъ — 20.000 жителей; Рене (Ронсъ) — 16.910 жителей; Зеле—12.286 жителей; Гаммелезъ-Термондъ—12.040 жителей; Веттеренъ—13.080 жителей; Экло—11.640 жителей; Тамизъ (Темише) — 11.305 жителей; Ледебергъ — 12.360 жителей; Граммонъ (Герстбергенъ)—10.890 жителей; Термондъ (Дендермонде)—9.610 жителей; Беверенъ-Весъ—8.000 жителей; Стекене—7.425 жителей; Эльтре (Альтре)—7.020 жителей; Ниннове—6.870 жителей; Монъ-Сентъ-Амандъ(Сентъ-Амандсъ-Бергъ)—11.095 жителей; Эвергемъ—7.000 жителей; Весмюнстеръ—5.755 жителей; Круйсгаутемъ—5.590 жителей; Сомергемъ—5.755 жителей; Оденардъ (Уденардъ) —6.140 жителей; Лебъбеке—6.575 жителей; Калькенъ—5.380 жителей; Базеле—5.725 жителей; Мербеке-лезъ-Локеренъ (Moerbeke-lez-Lokeren)—5.150 жителей.

Западная Фландрія: Кортрейкъ (Куртре)—30.385 жителей; Рулеръ (Раусселаръ)—20.340 жителей; Мененъ—13.710 жителей; Тильтъ—9.998 жителей; Мускронъ—13.765 жителей. Мейлебеке—9.035 жит.; Изегемъ—9.965 жит.; Верегемъ (Варегемъ)—7.630 жителей; Вервикъ—7.880 жителей; Рупселадъ—7.000 жителей; Ардуа — 6.145 жителей; Морследе — 6.485 жителей; Румбеке—5.660 жителей; Ингельмюнстеръ—6.225 жителей; Гарлебеке—6.480 жителей; Вевельгемъ—5.300 жителей.

Провинція Антверпенъ: Антверпенъ (Anvers) (31 дек. 1896 г.) — 267.902 жителей; Боргергутъ—29.250 жителей; Берхемъ—9.805 жителей; Ліеръ—20.135 жителей; Турнгутъ (Торнгаутъ)—19.350 жителей; Бомъ—13.890 жителей; Гель—12.030 жителей; Моль —6.310 жителей; Виллебрукъ—9.008 жителей; Гейстъ-опъ-денъ-Бергъ—5.310 жителей; Борнгемъ—5.200 жителей; Дуффель—5.155 жителей; Герентальсъ—5.000 жителей.

Городъ Брюгге (по-фламандски Brugge, по-французски Bruges), столица одной изъ Фландрій, хотя пришелъ въ сильный упадокъ сравнительно съ прежнимъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, но и до сихъ поръ остается самымъ многолюднымъ городомъ западнаго склона Бельгіи. Такъ же, какъ Гентъ и Антверпенъ, и даже гораздо раньше этихъ двухъ городовъ, Брюгге

былъ могущественнѣйшимъ фламандскимъ городомъ и однимъ изъ важнѣйшихъ рынковъ Европы; имя его фигурируетъ въ древнѣйшихъ испанскихъ описаніяхъ береговъ океана. Доки его въ ту блестящую эпоху его исторіи были запружены купеческими кораблями всѣхъ націй; негоціанты двадцати иностранныхъ государствъ имѣли въ немъ свои конторы. Ганзейскій Союзъ и лондонское купечество устроили здѣсь свои товарные склады. Въ этомъ городѣ, какъ говорятъ, были основаны первыя страховыя общества; здѣсь же капиталисты изобрѣли первые способы выигрышнаго займа,—открытіе, дѣлающее менѣе чести древнему фламандскому городу. «Биржи», гдѣ собираются въ торговыхъ городахъ всѣ дѣловые люди, также свидѣтельствуютъ о той огромной важности, которую имѣлъ нѣкогда Брюгге, какъ центръ торговаго обмѣна, ибо эти заведенія получили такое названіе отъ дома богатаго купца ванъ-денъ-Бурзена, украшеннаго гербомъ съ изображеніемъ трехъ туго набитыхъ деньгами кошельковъ (Beurse, Börse, Bourse), передъ которымъ, т. е. домомъ, негоціанты сходились потолковать о своихъ покупкахъ и продажахъ; но если Брюгге далъ собраніямъ коммерсантовъ имя, которое они носятъ до сихъ поръ, то Антверпену принадлежитъ честь постройки перваго зданія, спеціально предназначеннаго для этихъ собраній. Исключая Италіи, ни одинъ городъ тогдашней Европы не могъ, въ отношеніи совершенства произведеній нѣкоторыхъ ремеслъ, поспорить съ Брюгге, гдѣ ткались прекраснѣйшія матеріи, гдѣ выдѣлывались богатѣйшія драгоцѣнности и ювелирныя работы. Брюггенцы не безъ гордости припоминаютъ тотъ фактъ изъ исторіи своего города, что когда, въ 1301 году, Жанна Наваррская, супруга Филиппа Красиваго, совершала тріумфальный въѣздъ въ Брюгге, она съ досадой замѣтила, что не ее одну можно назвать королевой. Всѣ эти купеческія жены и дочери, которыя вышли ей навстрѣчу, и изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, многія блистали поразительною красотою,—качество, которымъ всегда славились брюггенскія женщины [1],—были также царицы по изяществу и богатству своихъ нарядовъ. Картины Мемлинга или Гемлинга, по справедливому замѣчанію одного критика, еще лучше, чѣмъ старинныя хроники, доказываютъ, какъ велика была въ Брюгге роскошь нарядовъ въ эпоху его процвѣтанія. Задолго до венеціанцевъ и не придавая этимъ костюмамъ такой важности въ видахъ достиженія яркости колорита, какую имъ придавали художники венеціанской школы, Мемлингъ, копируя просто пышныя узорчатыя платья дамъ, которыхъ онъ видѣлъ вокругъ себя, воспроизвелъ въ своихъ картинахъ блестящія матеріи, которымъ могли бы позавидовать Тиціанъ, Веронезъ и Рубенсъ [1]).

Соперничество Антверпена и Гента, внѣшнія войны, внутреннія революціи, утрата мѣстныхъ вольностей и самоуправленія, отнятыхъ герцогами Бургундскими, которые въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія сдѣлали этотъ фламандскій городъ своею резиденціей,—всѣ эти причины объясняютъ отчасти упадокъ Брюгге; но онъ, безъ сомнѣнія, оправился бы отъ постигшихъ его бѣдствій, какъ это было съ Антверпеномъ, если бы сама природа не дѣйствовала противъ него, засаривая лиманъ Цвейна. Правда, естественный фарватеръ былъ замѣненъ искусственнымъ, и городъ, соединенный посредствомъ другихъ каналовъ со всею судоходною сѣтью Бельгіи, вступилъ, кромѣ того, въ прямое сообщеніе съ Остендскимъ портомъ, посредствомъ водянаго пути въ 4,7 метра глубины, отъ котораго идутъ вѣтви къ Слюису, Бланкенберге, Ньюпорту. Брюгге, слѣдовательно, не переставалъ быть приморскимъ городомъ, и въ его докахъ нерѣдко можно увидѣть пароходы въ 300 тоннъ вмѣстимости, нагруженные англійскимъ каменнымъ углемъ; въ 1873 году одинъ корабль въ 480 тоннъ, имѣющій болѣе $4^1/_2$ метровъ водоуглубленія, поднялся по каналу до самаго города, чтобы выложить на брюггенскія набережныя свой грузъ, состоявшій изъ сурѣпнаго сѣмени. Но что значатъ эти коммерческія выгоды въ сравненіи съ выгодами, которыя даетъ Шельда антверпенскимъ негоціантамъ? Нынѣшній Брюгге далеко не наполняетъ пространства, которое заключалось внутри старыхъ городскихъ стѣнъ, замѣненныхъ теперь бульварами. Случается даже, что населеніе его уменьшается отъ одной переписи до другой, тогда какъ во всей странѣ, взятой въ совокупности, оно быстро возрастаетъ; такъ, въ 1846 году въ Брюгге насчитывали 49.803 жителя, а по переписи 31 декабря 1890 года оказалось только 47.497 жителей. Всего печальнѣе то, что нищета, этотъ соціальный недугъ, который существуетъ во всей Бельгіи, гнететъ брюггенцевъ еще болѣе, чѣмъ жителей другихъ городовъ: число людей, зависящихъ въ отношеніи пропитанія отъ общественной благотворительности, часто равнялось здѣсь числу гражданъ, живущихъ постоянно своимъ трудомъ; кружевная промышленность, которою занимается большинство бѣдныхъ брюггенскихъ женщинъ, далеко не достаточна для ихъ содержанія. Впрочемъ, даже во времена своего процвѣтанія, гордый и блестящій городъ, бывшій однимъ изъ центровъ всемірной торговли, имѣлъ въ составѣ своего многолюднаго населенія больше бездольныхъ бѣдняковъ, чѣмъ богатыхъ и зажиточныхъ обывателей. Рядомъ съ пышными

[1]) .... Formosis Brugga puellis gaudet (Брюгге богатъ красивыми дѣвицами), гласитъ средневѣковая пословица.

[1]) E. Montégut, „Les Pays-Bas, impressions de voyage et d'art".

зданіями, свидѣтельствующими о роскоши и тщеславіи тогдашняго купечества, мы видимъ невзрачные низенькіе домики, гдѣ жилъ нѣкогда бѣдный людъ [1]).

Тишина, царствующая на большей части широкихъ, но пустынныхъ улицъ Брюгге, еще болѣе усиливаетъ своимъ контрастомъ впечатлѣніе, производимое на путешественника массивными, богато разукрашенными старинными памятниками архитектуры: гуляя по городу, который до сей поры вполнѣ сохранилъ свою средневѣковую физіономію, даже въ костюмахъ жителей, можно подумать, что идешь по заламъ какого-нибудь музея древностей. Всѣ замѣчательныя зданія скучены на тѣсномъ пространствѣ, около центральной части города: здѣсь возвышается надъ крытымъ рынкомъ или гостинымъ дворомъ (суконные и мясные ряды), построеннымъ въ 1364 г., колоссальная городская башня (beffroi), слегка наклоненная, съ превосходными курантами, лучшими въ Европѣ; здѣсь же находятся: каѳедральный соборъ, тяжелое готическое зданіе XIII вѣка; церковь Богоматери, гдѣ особенно обращаютъ вниманіе фигура Мадонны, изваянная рѣзцомъ Микель-Анджело, и великолѣпныя гробницы Карла Смѣлаго и его дочери, Маріи Бургундской; капелла «Св. Крови», привлекающая массы богомольцевъ [2]); ратуша, гдѣ графы Фландрскіе (статуи которыхъ, въ числѣ 48, украшаютъ фасадъ зданія) должны были произносить клятву о соблюденіи привилегій Брюггенской коммуны; зданіе судебныхъ учрежденій, съ великолѣпнымъ колоссальнымъ каминомъ, мастерскимъ произведеніемъ въ стилѣ возрожденія; академія художествъ, гдѣ въ числѣ картинъ есть нѣсколько произведеній кисти Яна ванъ-Эйка и Мемлинга, чрезвычайно интересныхъ. Госпиталь св. Іоанна, существующій уже слишкомъ пятьсотъ лѣтъ,—наиболѣе посѣщаемый памятникъ Брюгге, потому что здѣсь можно видѣть много старинныхъ картинъ, между прочимъ, капитальныя произведенія Мемлинга, его украшенія къ ракѣ св. Урсулы и его «Бракъ св. Екатерины». На площадяхъ воздвигнуты монументы людямъ, составлявшимъ славу Брюгге, между прочимъ, знаменитому математику Симону Стевину, родившемуся въ этомъ городѣ въ 1548 году. Извѣстные современные ученые Мильнъ-Эдвардсъ и Поттеръ—тоже брюггенцы по рожденію.

Прежній портъ Брюгге, Дамме (Damme), представляетъ теперь скорѣе деревню, чѣмъ городъ, хотя онъ еще сохранилъ изъ своего славнаго прошлаго ратушу и красивую городскую башню. Слюйсъ (Sluis, то-есть «Шлюзъ»), гдѣ соединяются потоки стараго Цвейна и ручей, текущій изъ многолюднаго мѣстечка Мальдегемъ, также пришелъ въ упадокъ и принадлежитъ нынѣ Голландіи. Нынѣшній портъ западной Фландріи лежитъ не на лиманѣ, а на берегу самаго океана; это—Остенде (Ostende).

Этотъ городъ, прославившійся, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, трехлѣтней осадой, которую онъ выдержалъ противъ испанцевъ, есть второй, по важности, портъ Бельгіи; онъ даже бывалъ первымъ ея портомъ въ разныя эпохи, когда война, блокада или трактаты запирали устье Шельды; такъ, напримѣръ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за революціей 1830 года, Остенде временно замѣнялъ Антверпенъ, главный портъ на Шельдѣ, который тогда былъ еще занятъ голландскими войсками. Но съ той поры, какъ миръ возвратилъ антверпенскому рынку его естественную роль, Остенде снизошелъ на степень маленькой гавани, которою пользовались только рыболовныя суда, и которая служила кромѣ того, мѣстомъ перехода между континентомъ и Англіей. Въ настоящее время движеніе судовъ въ этомъ портѣ составляетъ лишь десятую или одиннадцатую долю судоходства Антверпена. Торговыя сношенія Остенде ведутся почти исключительно съ Великобританіей и чрезъ посредство англійскихъ судовъ, преимущественно пароходовъ, совершающихъ правильные рейсы (въ 1894 году въ этомъ портѣ было въ приходѣ 1.500 судовъ, вмѣстимостью 974.405 тоннъ).

Собственная флотилія Остенде, принадлежащая бельгійскимъ судохозяевамъ, весьма незначительна и состоитъ всего изъ какого-нибудь десятка судовъ. Недавно, благодаря конкурренціи Флессингена, Остендскій портъ потерялъ почти треть пассажирскаго движенія между Англіей и материкомъ Европы.

Та же конкурренція лишила его значительной доли его международной транзитной торговли. Размѣры рыбной ловли (треска и пр.) тоже уменьшились въ Остенде противъ прежняго времени. Въ 1876 году здѣсь насчитывали только 139 рыболовныхъ судовъ, принадлежащихъ по большей части судостроителямъ, парусникамъ, канатчикамъ, поставщикамъ всякаго рода, которые принимали участіе въ постройкѣ или оснасткѣ этихъ шлюпокъ. Очень рѣдко бываетъ, чтобы судохозяинъ имѣлъ свой пай въ предпріятіи, а экипажъ никогда не участвуетъ въ барышахъ [1]). Остендскіе моряки занимаются также разведеніемъ и откармливаніемъ устрицъ, за которыми они ѣздятъ на берега Англіи, въ Кольчестеръ, Гарвичъ, Гретъ-Ярмутъ, и омаровъ, которыхъ они привозятъ изъ Норвегіи и кормятъ въ садкахъ, куда проникаетъ морской приливъ. Наконецъ, разведеніе кроликовъ приняло такіе обширные раз-

---

[1]) Ванъ-Беммель, „Patria Belgica", I.

[2]) Капелла „Св. Крови"—маленькая красивая церковь, XII и XV ст., великолѣпно реставрированная, въ которой хранятся нѣсколько капель крови Спасителя. Прим. перев.

[1]) Ванъ-Бенеденъ, „Patria Belgica", I.

мѣры въ краѣ, что Остенде отправляетъ ихъ милліонами на лондонскій рынокъ. Но главный источникъ заработковъ и доходовъ для остендскаго населенія составляютъ иностранцы и иногородные жители, которые пріѣзжаютъ сюда каждое лѣто, въ числѣ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ, прогуливаться по набережнымъ и купаться въ морѣ. Морскія купальни въ Бланкенберге (Blankenberghe) и Гейстѣ, деревняхъ, лежащихъ на томъ же берегу, также привлекаютъ множество посѣтителей.

Въ маленькомъ бассейнѣ рѣки Изеръ самый многолюдный городъ—Эйпернъ или Эйперенъ (по-фламандски Ijpern, Ijperen, по-французски Ypers), окруженный старыми стѣнами, которыя теперь обращены въ гульбища. По преданію, въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ, этотъ городъ, имѣвшій важное торговое значеніе, какъ центръ обширной ткацкой промышленности, насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ до 200.000 жителей. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно то, что встарину онъ былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ наши дни: стоитъ взглянуть на его великолѣпный гостиный дворъ, самое обширное и величественное изъ всѣхъ зданій этого рода, какія только существуютъ въ Бельгіи, чтобы убѣдиться, что Эйпернъ былъ въ то время однимъ изъ главныхъ городовъ Фландріи; по размѣрамъ этого зданія можно судить, какъ велика была масса торговцевъ, для которой понадобилось воздвигнуть такую громаду [1]). Въ настоящее время главный источникъ заработковъ для женскаго населенія Эйперна составляетъ плетенье кружевъ,—промыселъ, къ которому прибѣгаютъ почти всѣ обѣднѣвшіе города Фландріи. Недавно предпринятъ колоссальный трудъ украшенія историческими картинами громаднаго зданія бывшаго гостинаго двора, служащаго нынѣ ратушей. Изъ другихъ зданій Эйперна замѣчателенъ готическій соборъ, гдѣ находится могила Янсеніуса или Янсена (основателя секты янсенистовъ), на которой положенъ простой камень, безъ всякой надписи.

Поперинге (Poperinghe), близъ французской границы,—довольно оживленный городокъ, хорошо извѣстный пивоварамъ по причинѣ производимаго имъ въ большомъ количествѣ хмѣля. Осткампъ, Турутъ, Вингене, Лангемаркъ, Стаденъ, Свевезеле и Лихтервельде—имѣютъ нѣкоторое значеніе какъ рынки для продуктовъ земледѣлія; но, взятый въ цѣломъ, этотъ уголокъ Бельгіи представляетъ собраніе «мертвыхъ городовъ»; это въ то же время—область болотныхъ лихорадокъ. Вайнендальскій замокъ, гдѣ Христіанъ де-Труа слагалъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи свои поэмы, теперь обращенъ въ заводъ, гдѣ не видно ни малѣйшаго слѣда той роскоши, которою щеголялъ дворъ графовъ Фландрскихъ, имѣвшихъ здѣсь свою резиденцію. Диксмудъ или Диксмуйденъ (Dixmude, Dixmuyden), хорошенькій городокъ, былъ, вѣроятно, приморскимъ портомъ [1]), теперь же лежитъ внутри материка, на берегу р. Изера; въ одной изъ церквей его замѣчателенъ амвонъ великолѣпной рѣзной работы. Фюрнъ (Furnes, по-фламандски Venrne), лежащій при каналахъ, въ полумилѣ отъ моря, не болѣе, какъ многолюдное мѣстечко; даже Ньюпортъ или Нивпортъ (Nieuport) похожъ скорѣе на мѣстечко, чѣмъ на городъ. Освобожденный отъ старыхъ укрѣпленій, которыя стѣсняли его и дѣлали однимъ изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ бельгійскаго прибрежья, Ньюпортъ, повидимому, имѣетъ всѣ выгоды, которыя могли бы возвратить ему его прежнее цвѣтущее состояніе, привлекая къ его порту морскую торговлю: у него есть собственная, хотя и небольшая рѣка, продолжающаяся до самаго моря посредствомъ судоходнаго фарватера, у него есть каналы и желѣзныя дороги; а между тѣмъ онъ не принимаетъ почти никакого участія въ торговыхъ сношеніяхъ Бельгіи съ иностранными рынками; онъ имѣетъ лишь небольшое число рыболовныхъ судовъ, и въ разстояніи 3 километровъ отъ него, на песчаномъ берегу моря, нарождается новый Ньюпортъ, купальный (Nieuport-Bains). Главное, чего недостаетъ старому Ньюпорту,—это большаго судоходнаго канала, который соединялъ бы непосредственно теченіе Лейса съ теченіемъ Изера черезъ р. Эйперле (Yperlée) и давалъ возможность доставлять прямо изъ провинціи Геннегау въ западную Фландрію каменный уголь для фабричной промышленности и известку для земледѣлія. Этотъ каналъ, который былъ предложенъ еще Вобаномъ, и до сихъ поръ не прорытъ, несмотря на то, что онъ безусловно необходимъ для пополненія сѣти главныхъ путей сообщенія Бельгіи. Въ настоящее время суда, идущія изъ Монса въ Эйпернъ, принуждены дѣлать большой обходъ на сѣверъ черезъ Гентъ и Брюгге, и хотя плаваніе по прямому пути могло бы быть совершено въ нѣсколько недѣль, оно обыкновенно продолжается отъ двухъ до пяти мѣсяцевъ [2]).

Область Фюрнъ или Ферне—самая плодородная часть Бельгіи, такъ что встарину ее называли «тукомъ Фландріи». Роскошные луга, покрывающіе большое пространство земли въ мѣстности Ферне-Амбахтъ, благопріятствуютъ развитію скотоводства, давая великолѣпный, сочный кормъ скоту: на одномъ гектарѣ этихъ луговъ легко можно, въ одинъ лѣтній сезонъ, откормить на убой двухъ быковъ, оставляя ихъ день и ночь въ полѣ [3]). Молодыя лошади, вос-

[1]) Ванъ-Беммель, „Patria Belgica“, I.

[1]) Бельпеpъ, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark“.

[2]) Бюше, „Canal de jonction de la Lys à l'Yperlée“.

[3]) Э. де-Лавеле. „Patria Belgica“, I.

питываемыя въ этой области, покупаются англійскими и французскими торговцами по средней цѣнѣ отъ 750 до 800 франковъ.

Общины западнаго склона Бельгіи, съ населеніемъ не менѣе 5.000 душъ:

Брюгге—50.338 ж. (31 дек. 1896 г.), Остенде—27.230, Эйпернъ (Ипръ)—17.000, Поперинге — 11.110, Турутъ — 9.605, Мальдегемъ—9.010, Вингене—8.120, Лангемаркъ—7.040, Лихтервельде—7.040, Осткампъ—5.940, Стаденъ—5.430, Свевезеле—5.140 жит.

IV.

Хотя нѣкоторые города бельгійской территоріи въ послѣднія три столѣтія уменьшились въ отношеніи количества населенія и хотя гористая область Арденновъ можетъ прокармливать лишь небольшое число жителей, Бельгія, тѣмъ не менѣе, занимаетъ, по густотѣ или сплоченности населенія на данномъ пространствѣ, первое мѣсто между государствами Европы. Если бы вся земля была пропорціонально такъ же плотно населена, какъ Бельгія, то на ней насчитывалось бы слишкомъ двадцать пять миллiардовъ людей, то-есть въ семнадцать или восемнадцать разъ больше, чѣмъ сколько ихъ существуетъ теперь.

Исчисляя приблизительно населеніе разсматриваемой страны на основаніи числа мужчинъ, способныхъ носить оружіе, приводимаго у Юлія Цезаря въ его «Комментаріяхъ», мы находимъ, что вся территорія, извѣстная нынѣ подъ именемъ Бельгіи, заключала въ своихъ предѣлахъ около пяти сотъ тысячъ душъ, что составляетъ почти одну восьмую теперешней цифры населенія [1]; но послѣ того, какъ римскій завоеватель прошелъ со своими легіонами по бельгійской Галліи, этотъ край превратился почти въ пустыню. Съ той эпохи въ движеніи народонаселенія происходили постоянныя колебанія въ ту или другую сторону, и ростъ его то усиливался, то замедлялся или пріостанавливался, смотря по альтернативамъ войнъ и мира, обильныхъ жатвъ и неурожаевъ. Въ настоящее время оно постоянно возрастаетъ, соразмѣрно развитію торговли и мѣстной производительности. Въ продолженіе полустолѣтія, протекшаго со времени отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, число бельгійцевъ не переставало увеличиваться, исключая роковаго 1847 года, когда «острый голодъ», «famine aiguë», постигшій обѣ Фландріи, увеличилъ число смертныхъ случаевъ и уменьшилъ число рожденій.

Въ этихъ западныхъ провинціяхъ королевства общая убыль народонаселенія въ теченіе трехъ лѣтъ, предшествовавшихъ революціонному періоду 1848 года, составляла около 53.000 душъ. Съ 1830 года это былъ единственный шагъ назадъ въ нормальномъ движеніи бельгійскаго народонаселенія: въ послѣднія сорокъ восемь лѣтъ около милліона восьми сотъ тысячъ душъ прибавилось къ числу бельгійцевъ, что составляетъ около половины числа жителей, оказавшагося по первой народной переписи. И это значительное увеличеніе населенія совершилось единственно вслѣдствіе естественнаго прироста самого народа, то-есть вслѣдствіе избытка числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, и вслѣдствіе увеличенія средней продолжительности жизни [1]), ибо число иностранцевъ, поселяющихся въ краѣ на постоянное жительство, относительно весьма невелико. Въ 1890 г. во всей Бельгіи насчитывалось 161.438 иностранцевъ, въ томъ числѣ: голландцевъ — 56.306, французовъ — 45.430, нѣмцевъ—47.338, англичанъ—4.523, другихъ національностей—7.841.

Прежде густота населенія дѣлала битву жизни очень трудною въ бельгійскихъ городахъ, и потому чужеземцы не осмѣливались увеличивать собою число участниковъ въ этой борьбѣ за существованіе; теперь притягательная сила большихъ городовъ привлекаетъ ихъ въ постоянно возрастающемъ числѣ; очень многочисленны также уроженцы страны, которые, утомившись продолжительными усиліями завоевать себѣ обезпеченный кусокъ хлѣба, отправляются искать счастья на чужбинѣ, преимущественно во Франціи. Однако, взятый въ совокупности, бельгійскій народъ, какъ показываетъ статистика, отличается большою привязанностью къ родной землѣ и домосѣдствомъ: болѣе трети обитателей страны родятся, живутъ и умираютъ въ одной и той же общинѣ: въ десятилѣтіе съ 1856 по 1866 г. пропорція этого неподвижнаго населенія даже немного возрасла, если только въ статистическіе документы не вкралась какая-нибудь ошибка: бельгійцы, родившіеся въ общинѣ своего постояннаго мѣстопребыванія, въ 1856 г. составляли 69,1%, а въ 1866 г. 69,4%; послѣ того она уменьшилась (въ 1880 г.—67,2%). Въ Бельгіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, значительное эмиграціонное движеніе увлекаетъ деревенскихъ жителей къ городамъ, къ окружающимъ ихъ предмѣстьямъ и къ областямъ каменноугольнаго производства.

Возрастаніе народонаселенія въ Бельгіи съ 1840 по 1882 г.:

Округа: Шарлеруа—165,70 проц., Брюссель — 95,71 проц., Льежъ — 87,53 проц., Вервье—64,62 проц., Монсъ—49,22 проц.

Города теперь заключаютъ въ себѣ уже болѣе четверти жителей Бельгіи, и эта пропорція возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Въ чисто-земледѣльческихъ округахъ народонаселеніе

---

[1]) Ch. Piot, „Patria Belgica“, II.

[1]) Бертильонъ, „Dictionnaire des sciences médicales“, ст. „Belgique“.

остается почти неподвижнымъ, и даже въ последнія тридцать пять лѣтъ оно уменьшилось въ трехъ округахъ: Оденардскомъ, Тильтскомъ и Атскомъ.

Сравнительно съ другими европейскими націями, бельгійцы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ отношеніи продолжительности жизни и благопріятныхъ гигіеническихъ условій. Въ періодъ съ 1841 по 1866 г. одинъ родившійся приходился, въ Бельгіи, ежегодно на 33 жителя, а умиралъ только одинъ изъ 45 жителей. Средняя продолжительность жизни составляетъ отъ 40 до 41 года и болѣе 50 годовъ для тѣхъ, кто пережилъ первыя пять лѣтъ: это почти такая же продолжительность жизни, какъ и во Франціи. Однако, въ этомъ отношеніи и въ Бельгіи замѣчается большая разница, не только между городами и деревнями,—послѣднія, разумѣется, оказываются гораздо болѣе здоровымъ мѣстопребываніемъ, какъ это видно изъ того, что одинъ смертный случай въ бельгійскихъ городахъ приходится, среднимъ числомъ, на 36,4 жителей, а въ деревняхъ только на 44,8 жителей,—но также и между различными провинціями. Карта, на которой смертность различныхъ областей Бельгіи обозначена болѣе или менѣе густыми красками, совершенно соотвѣтствуетъ гипсометрической картѣ этого государства: возвышенныя области, то-есть валлонскія провинціи, населены людьми сравнительно наиболѣе долговѣчными; въ низменныхъ мѣстностяхъ фламандской земли средняя жизнь короче; наконецъ, промежуточная страна, представляющая область холмовъ посредственной высоты, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, область посредственной здоровости, занимающая середину между двумя прежде названными частями Бельгіи [1]. Восточная и западная Фландрія, гдѣ жители наиболѣе скучены на данномъ пространствѣ, суть провинціи, гдѣ они умираютъ всего скорѣе, и гдѣ годовой приростъ населенія относительно наименѣе значителенъ. Между Намюрскою областью (le Namurois) и Фландріями разность средней жизни достигаетъ огромной пропорціи: она составляетъ больше четверти, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей смертность и процентное увеличеніе народонаселенія въ различныхъ провинціяхъ королевства:

	Годовой процентъ умирающихъ. 1 житель на	Процентное увеличеніе населенія съ 1830 по 1881 г.
Западная Фландрія.	39,6	13,73 проц.
Восточная „ .	43	18,70 „
Брабантъ. . . .	43,1	75,37 „
Антверпенъ . .	43,4	64,95 „
Лимбургъ . . .	45	31,70 „
Люттихъ	46,1	77 „
Геннегау	48	59,42 „
Люксембургъ .	50	30 „
Намюръ . . .	54,4	50,92 „

[1]) Meynne, „Topographie médicale de la Belgique“; „Patria Belgica“, II. — Bertillon, „Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales“.

Всѣ статистическія вѣдомости общинъ и больницъ свидѣтельствуютъ объ этомъ жизненномъ превосходствѣ валлоновъ сравнительно съ населеніями германской расы. Чахотка, этотъ бичъ, который похищаетъ около одной пятой бельгійскаго народа и который свирѣпствуетъ въ городахъ западной Бельгіи съ большею силой, чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ Европы, производитъ свои опустошенія преимущественно между фламандцами [1]); ихъ сравнительно чаще поражаютъ рахитизмъ, различные недуги, раковидныя болѣзни, умопомѣшательство; между ними оказывается гораздо больше, чѣмъ между валлонами, неспособныхъ къ военной службѣ; они даже во чревѣ матери подвергаются относительно наибольшей опасности смерти. Чѣмъ объяснить эту противоположность между фламандцами и валлонами? Слѣдуетъ ли смотрѣть на нее просто какъ на слѣдствіе различія чистоты воздуха на возвышенностяхъ и въ низменныхъ равнинахъ, или мы должны предположить здѣсь какое-нибудь неизвѣстное намъ вліяніе, происходящее отъ племеннаго различія? Одинъ изслѣдователь, Мейнъ (Me nne), полагаетъ, что менѣе благопріятное санитарное состояніе фламандскихъ провинцій есть слѣдствіе нищеты рабочаго класса: ничтожная, сравнительно, заработная плата—такова, по его мнѣнію, истинная причина рахитизма и большой смертности въ краѣ. Можетъ быть, въ этомъ печальномъ явленіи слѣдуетъ также видѣть дѣйствіе «историческихъ и нравственныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ населеніе этихъ провинцій утратило часть своей энергіи и самодѣятельности».

Какъ бы то ни было, увеличеніе производительности почвы позволило добывать средства для содержанія постоянно возрастающаго населенія. Большинство шести слишкомъ милліоновъ людей, населяющихъ эту страну, далеко не пользуется обезпеченнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ; питаніе ихъ весьма недостаточно, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться, что такая маленькая территорія можетъ прокармливать, даже скудно, столь многочисленныя массы народа.

Разсматриваемая въ своей совокупности, Бельгія между всѣми странами Европы имѣетъ наиболѣе производительную почву, при равенствѣ поверхности: здѣсь земледѣлецъ заставляетъ землю родить продукты въ относительно наибольшемъ количествѣ; здѣсь онъ съумѣлъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо, превратить пространства, отъ природы безплодныя, въ необычайно плодородныя поля, дающія обильные урожаи.

Земледѣльческія области бельгійской территоріи совпадаютъ съ ея геологическими областями. Древнія формаціи Арденнскихъ горъ,

[1]) Meynne; — Bertillon; — Janssens; — Lombard.

составляющихъ общій хребетъ страны, суть также тѣ мѣстности, гдѣ почва эксплоатируется наиболѣе примитивнымъ способомъ. Болѣе четверти поверхности покрыто тамъ еще пустырями, поросшими верескомъ и мелкимъ кустарникомъ. Другая часть Арденновъ, не раздѣленная на правильныя поля, обработывается только черезъ каждыя десять, двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ, и способъ обработки состоитъ въ томъ, что каждый разъ предварительно выжигаютъ траву, для того, чтобы удобрить почву при помощи золы, остающейся послѣ сгорѣвшаго растительнаго покрова. Рядомъ съ этими новинами, «sarts», существуютъ поля, воздѣлываемыя лишь въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ годовъ и затѣмъ оставляемыя подъ паромъ въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, такого же періода времени. Во многихъ мѣстахъ поземельная собственность составляетъ нераздѣльное владѣніе всей общины, какъ у славянскихъ народовъ восточной Европы, и домашнія животныя пасутся вмѣстѣ на общинномъ выгонѣ. Въ области Кондрозъ, менѣе возвышенной и болѣе новаго геологическаго образованія, чѣмъ Арденны, общинное землевладѣніе уже не встрѣчается, и поземельная собственность вездѣ раздѣлена; необработанныя пространства здѣсь рѣдки, но значительная часть земледѣльческой территоріи, треть или четверть, остается каждый годъ подъ паромъ. У подошвы возвышенностей, область, покрытая слоемъ такъ называемаго «гесбейскаго ила», уже не знаетъ отдыха; земледѣліе находится здѣсь уже на очень высокой степени развитія, и почва, повсюду дренированная и глубоко распаханная, производитъ, при господствующей системѣ плодоперемѣннаго полеводства, каждый годъ различные роды хлѣбныхъ растеній. Наконецъ, песчаная область, обнимающая болѣе половины низменной Бельгіи, заключаетъ еще, правда, обширныя пространства ландовъ и лѣсовъ, особенно въ Кампинѣ или Брабантской Кампаньѣ; но въ этой же полосѣ находится Фландрія, земля, наилучше обработанная изъ всѣхъ бельгійскихъ провинцій,—земля, которую заступъ превратилъ въ громадный садъ, дающій не одинъ, а два урожая въ годъ. Замѣчательно, что Фландрія, теперь богатѣйшій край Бельгіи, была отъ природы одна изъ самыхъ безплодныхъ мѣстностей: эта территорія есть лишь западное продолженіе Кампины и всей той области песковъ, которая, по другую сторону Рейна, образуетъ «гестъ» (Geest) Ганновера и ланды Люнебурга. Однако, какъ замѣчаетъ Э. Лавеле, когда хотятъ указать плодородный край, то называютъ «обильно производящія поля», «тучныя земли» Фландріи. Никто, конечно, не станетъ оспаривать вѣрности этихъ выраженій, никто не найдетъ ихъ преувеличенными, такъ какъ дѣйствительно въ этомъ краѣ неутомимый трудъ человѣка далъ землѣ все, чего ей недоставало, сдѣлалъ, при помощи искусственнаго удобренія, плодоносною почву, отъ природы тощую и песчаную. Въ наши дни фламандское земледѣліе можетъ служить образцомъ по обилію и разнообразію его произведеній; область Весъ съ полнымъ правомъ могла помѣстить въ своемъ гербѣ золотую рѣпу. Но зато сколько нужно расходовъ, чтобы улучшать почву и постоянно поддерживать ее во всей ея производительной энергіи! Вычислено, что фламандскій земледѣлецъ каждый годъ издерживаетъ среднимъ числомъ отъ 80 до 100 франковъ на гектаръ для покупки навоза: такихъ значительныхъ затратъ на удобреніе земли не дѣлаютъ ни въ Ломбардіи, ни въ Англіи [1]). Фламандскій способъ культуры мало-помалу распространяется и въ сосѣдней Кампинѣ. Въ этой послѣдней области для пріобрѣтенія культурной земли обыкновенно поступаютъ такъ: сначала на пескахъ разводятъ сосновыя насажденія, затѣмъ лѣсные работники расчищаютъ маленькій уголокъ земли, заводятъ немного скота; расчищенная просѣка, покрытая пашнями, постепенно принимаетъ все бо́льшие размѣры, и такимъ образомъ новый клочокъ Кампаньи присоединяется къ земледѣльческой Фландріи. Около половины текущаго столѣтія поросшія верескомъ пустоши продавались, среднимъ числомъ, франковъ по десяти за гектаръ; въ настоящее время цѣна ихъ вездѣ возвысилась по меньшей мѣрѣ въ десять разъ. Площадь необработанныхъ земель Бельгіи уравновѣшивается площадью полей, на которыхъ получаютъ по два урожая въ годъ: принимая въ разсчетъ эти земли, дающія двойную жатву, можно считать поверхность производительной почвы въ Бельгіи равною пространству всей территоріи, именно около 3 милліоновъ гектаровъ.

Посвященная земледѣлію площадь почвы въ 1880 г. составляла 2.215.533 гектара. Изъ этого количества различныя культуры занимали слѣдующія площади:

Хлѣбныя растенія — 933.664 гектар.; бобовыя—33.093 гект.; промышленныя растенія—79.272 гект.; картофель — 199.357 гект.; кормовыя травы — 217.941 гект.; луга и пастбища—351.155 гект.; виноградники—206; фруктовые сады—37.948; огороды—39.723 гектаровъ. Совокупность земледѣльческаго производства: 1.650.976.000 франк.

Нигдѣ въ другихъ странахъ не встрѣтишь въ одной межѣ такого обширнаго пространства производительныхъ земель, представляющихъ такой огромный капиталъ, ибо сумму, которую представляютъ собою культурныя земли Бельгіи, нужно считать по меньшей мѣрѣ въ 15 миліардовъ франковъ. Цѣнность земли и величина арендной платы постоянно и быстро возра-

[1]) Э. де-Лавеле, „Patria Belgica", t. I.

стали: въ 1856 году гектаръ продавался, среднимъ числомъ, по 3.171 франк.; въ 1866 году средняя цѣна его была уже 4.173 франка; то-есть поднялась почти на цѣлую треть; съ той поры произошло дальнѣйшее повышеніе цѣнъ; земельные участки дорожаютъ съ каждымъ годомъ. По различнымъ областямъ или полосамъ, цѣнность земель въ Бельгіи представляла въ 1866 году слѣдующія цифры (по Лавеле):

	Средняя продажная цѣна. за гект.	Средняя арендная плата. за гект.	Населеніе на кажд. 100 гектарахъ.
Поясъ польдеровъ . . .	4.438 фр.	125 фр.	109 жит.
Фландріи	5.087 „	112 „	274 „
Поясъ плодороднаго гесбейскаго ила	5.540 „	127 „	202 „
Кампина	4.203 „	126 „	127 „
Кондрозъ	3.233 „	83 „	136 „
Арденны	1.736 „	55 „	39 „

Въ равнинахъ Бельгіи роды культуры чрезвычайно разнообразны, такъ какъ тамъ большинство крестьянъ, кромѣ питательныхъ и кормовыхъ злаковъ, воздѣлываютъ еще и промышленныя растенія. Разнообразіе формъ и цвѣтовъ, которое представляютъ различныя культурныя растенія, покрывающія поля, придаютъ странѣ видъ сада. Однако, каждая область имѣетъ какой-либо главный родъ культуры: польдеры производятъ преимущественно кормовыя травы, а изъ хлѣбныхъ злаковъ — ячмень; во Фландріяхъ и въ Кампинѣ обыкновенный продуктъ пахатныхъ полей — рожь; въ области Гесбе, гдѣ почва состоитъ изъ плодороднаго ила, преобладающій родъ хлѣба — пшеница. Гористыя области тоже имѣютъ свои спеціальныя отрасли хлѣбопашества: въ Кондрозѣ сѣютъ полбу, въ Арденнахъ—овесъ и въ особенности ячмень; наконецъ, въ юго-восточномъ углу Бельгіи, въ томъ, хорошо защищенномъ отъ холодныхъ вѣтровъ, бассейнѣ, гдѣ течетъ рѣка Семуа и который прозвали «Малымъ Провансомъ», пшеница и фруктовыя деревья составляютъ главный доходъ сельскаго населенія; въ урожайные годы большое количество плодовъ употребляется на производство крѣпкихъ напитковъ.

Бельгія, богатѣйшая страна Европы по относительному пространству ея пахатныхъ земель, занимаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое мѣсто между европейскими государствами по относительнымъ размѣрамъ производства хлѣбныхъ злаковъ и другихъ мучнистыхъ растеній; такъ, въ 1876 г. площадь пахатныхъ земель составляла:

Въ Бельгіи — 66,1 проц.; во Франціи — 59 проц.; въ Англіи—54,4 проц.

Культура хлѣбныхъ злаковъ и другихъ мучнистыхъ растеній: въ Бельгіи — 48,5 проц.; во Франціи—34,7 проц.; въ Англіи—21,3 проц.

Промышленныя растенія, сахарная свекла, ленъ, рапсъ, табакъ,—по процентному отношенію культуры которыхъ Бельгія тоже занимаетъ первое мѣсто въ ряду государствъ Западной Европы—пріобрѣтаютъ съ каждымъ годомъ все болѣе важное значеніе въ земледѣльческой экономіи страны, но не въ ущербъ, однако, производству хлѣбныхъ злаковъ, благодаря расчисткѣ подъ пашни пустошей и увеличенію производительности полей, достигаемому при такъ называемой «интенсивной» системѣ хозяйства.

Культура промышленныхъ растеній: въ Бельгіи—4,3 проц.; во Франціи—1,8 процент.; въ Англіи—0,2 проц.

Что касается виноградниковъ, то они отступили въ Бельгіи, такъ же, какъ во Франціи и въ Германіи, далѣе на югъ, съ тѣхъ поръ, какъ легкость сообщеній дала возможность привозить, съ небольшими издержками, виноградныя вина изъ странъ, которыя производятъ ихъ въ значительныхъ количествахъ и высшаго качества. Виноградники можно встрѣтить въ Бельгіи только въ долинѣ Мааса, на обращенныхъ на полдень и защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ склонахъ холмовъ, въ окрестностяхъ Льежа, Гюй, Динана; но бельгійскіе виноградари рѣдко получаютъ напитокъ дѣйствительно пріятный на вкусъ: вино изъ долины Мааса сильно отзывается землей, что приписываютъ листамъ сланца, которыми работники покрываютъ почву, чтобы получить усиленное отраженіе лучей солнца [1]).

Бельгія, вмѣстѣ съ ея сосѣдкой, Голландіей, по справедливости можетъ быть названа обѣтованною землей садоводства и огородничества. Ни въ какой другой странѣ Европы сады и огороды не занимаютъ, относительно, столь значительнаго пространства, какъ въ Бельгіи, гдѣ они составляютъ около одной сороковой всей территоріи.

Площадь земель подъ огородами:

Въ Бельгіи — 2,3 проц.; во Франціи — 1,0 проц.; въ Англіи [2])—0,1 проц.

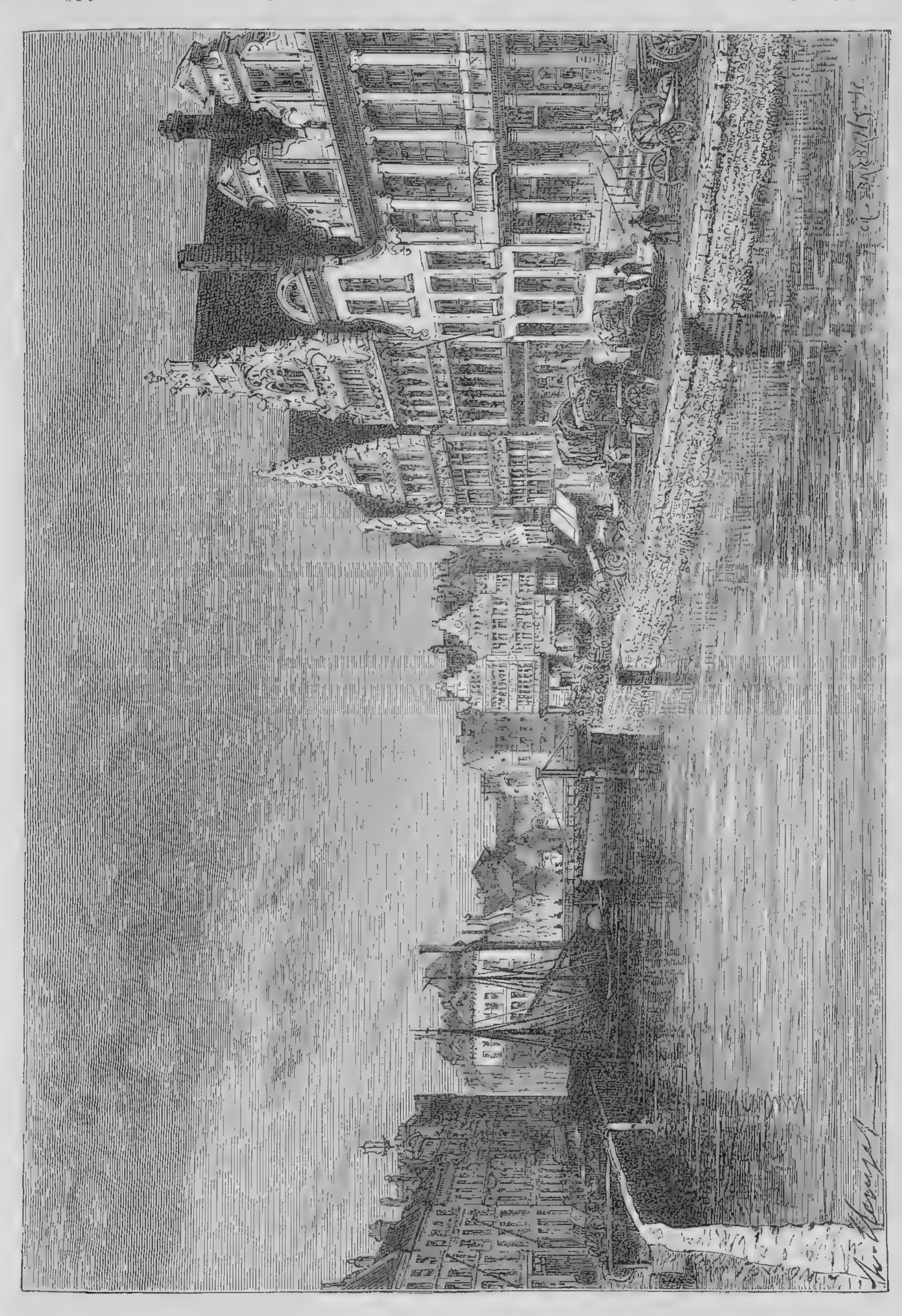
Кромѣ того, обширныя поля, причисляемыя къ пахатнымъ землямъ, по справедливости могли бы быть помѣщены въ число огородовъ по причинѣ ихъ способа культуры и ихъ произведеній. Свойство почвы, обиліе воды, огромное количество удобреній, доставляемое промышленными городами, крайняя раздробленность землевладѣнія и въ особенности сосѣдство большихъ рынковъ, гдѣ сбытъ продуктовъ всегда обезпеченъ, — все способствуетъ развитію въ Бельгіи огородничества и садоводства: какъ пахатныя поля мало-по-малу захватываютъ пастбища и выгоны, также точно, и даже быстрѣе, огороды и сады распространяются по полямъ. Многія разновидности овощей были получены

---

[1]) E. de Laveleye, „Patria Belgica", t. I.

[2]) „Statistique internationale de l'agriculture", 1876.

бельгійскими огородниками: между прочимъ, можно указать на «брюссельскую» капусту, которая теперь разведена во всей Европѣ. Бельгійскіе фруктовые сады производятъ многіе сорты плодовъ, отличающіеся какими-либо особенными качествами — необыкновенною сочностью, пріятностью вкуса или ароматомъ; одинъ Лондонъ каждый годъ ввозитъ этихъ плодовъ на нѣсколько милліоновъ.



Хлѣбная набережная въ Гентѣ.

Съ шестнадцатаго столѣтія фламандцы прославились своею любовью къ цвѣтоводству; какъ для всѣхъ другихъ своихъ промышленностей, они основали общества для культуры рѣдкихъ растеній, и каждый праздникъ въ честь св. Доротеи былъ для ихъ союза или «братства» (confrérie) случаемъ устраивать выставки самыхъ красивыхъ цвѣтовъ. Въ наши дни цвѣточныя ассоціаціи тоже очень многочисленны; но и

помимо этихъ обществъ, одна частная промышленность создала въ Бельгіи превосходныя оранжереи, которыя считаются богатѣйшими въ Европѣ по обилію и разнообразію рѣдкихъ растеній; въ Гентѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ, вообще во всѣхъ большихъ городахъ королевства существуютъ парки и зимніе сады, гдѣ можно видѣть экзотическія деревья, кусты и растенія, привезенные изъ самыхъ отдаленныхъ странъ земнаго шара. У одного извѣстнаго садовода въ оранжереяхъ насчитывается до тысячи двухсотъ различныхъ видовъ орхидей; чтобы собрать эту богатую коллекцію представителей семейства ятрышниковыхъ, онъ долженъ былъ путешествовать многіе годы по разнымъ странамъ тропической Америки, содержать въ дальнихъ, заморскихъ краяхъ большое число спеціалистовъ-ботаниковъ, изслѣдованія которыхъ принесли огромную пользу наукѣ. Въ настоящее время бельгійскіе садовники отправляютъ свои цвѣты не только въ Англію, во Францію, въ Германію, въ Россію, вообще во всѣ европейскія государства, но также въ Новый Свѣтъ и даже въ тѣ самыя страны, откуда были вывезены ихъ туземныя растенія. Впрочемъ, культура цвѣтовъ не есть въ Бельгіи простая промышленность, существующая ради удовлетворенія роскоши; напротивъ, цвѣты составляютъ почти необходимую принадлежность въ бельгійскихъ домахъ: во многихъ скромныхъ жилищахъ, куда воздухъ съ трудомъ проникаетъ, да и то воздухъ, насыщенный всѣми зловоніями улицы, каждое окно уставлено цвѣтами, въ которыхъ алый или голубой цвѣтъ вѣнчиковъ пріятно перемѣшивается съ зеленью листьевъ.

Въ Бельгіи, по крайней мѣрѣ въ низменной ея части, въ области равнинъ, земля до крайности раздроблена, и, благодаря упорному труду владѣющихъ кусочками ея, она производитъ тѣмъ больше, чѣмъ на меньшіе участки раздѣлена. По свѣдѣніямъ, приводимымъ Лавеле [1]), въ 1876 году дѣленіе поземельной собственности въ Бельгіи было слѣдующее:

Число земельныхъ участковъ — 6.447.237; средняя величина участка — 45 аровъ; число землевладѣльцевъ — 1.131.112; средняя величина имѣній—2,60 гектар.

Въ 1881 году число участковъ — 6.471.615; средняя площадь одного участка—$45^1/_2$ аровъ.

Въ восточной Фландріи земледѣлецъ, обрабатывая клочокъ земли, среднимъ числомъ, немного менѣе гектара, прокармливаетъ почти столько же душъ, какъ и англійскій работникъ, располагающій втрое бо̀льшимъ участкомъ. Даже въ Кампинѣ, гдѣ значительное пространство покрыто еще пустошами, поросшими верескомъ и кустарникомъ, имѣнія вообще невелики: едва наберется десятка три такихъ имѣній, гдѣ земли около 100 гектаровъ; обыкновенная же величина ихъ отъ 10 до 30 гектар. Земледѣльческія машины, которыя, казалось бы, должны быть особенно распространены въ такой прекрасно обработанной странѣ, какова Бельгія, встрѣчаются тамъ, напротивъ, довольно рѣдко: заступъ—вотъ орудіе, которымъ создано богатство Фландріи, такъ же, какъ богатство Ломбардіи. Но, по злой ироніи судьбы, именно въ тѣхъ областяхъ Бельгіи, гдѣ почва всего лучше воздѣлана, земленашцы зарабатываютъ всего менѣе, питаются всего хуже. Вообще, земледѣльческое населеніе ѣстъ только ржаной хлѣбъ, или хлѣбъ изъ смѣси пшеницы съ рожью, картофель, кое-какія овощи, а пьетъ только снятое молоко и кофе съ цикоріемъ; мясо и пиво появляются на столѣ земледѣльца только по праздникамъ.

Средняя заработная плата сельскаго работника въ 1873 году [1]):

Во Фландріяхъ—отъ 1 фр. 20 сант. до 1 фр. 50 сантимовъ; въ Гесбе — 2 франка; въ Арденнахъ—отъ $2^1/_2$ до 3 франковъ.

Въ Арденнахъ, гдѣ заработная плата вдвое выше, съѣстные припасы тоже дешевле. Такимъ образомъ, на самой бѣдной почвѣ работникъ пользуется наибольшимъ довольствомъ.

Бельгія имѣетъ гораздо больше лошадей, чѣмъ сколько можно бы было ожидать найти въ странѣ, гдѣ земледѣльцы для обработки почвы употребляютъ преимущественно заступъ; это объясняется тѣмъ, что эти животныя здѣсь почти необходимы для перевозки сельскохозяйственныхъ произведеній и для работъ промышленности. Для этой цѣли въ Бельгіи употребляютъ преимущественно большихъ лошадей фламандской породы, которыя, какъ ломовыя животныя, высоко цѣнятся даже англичанами, несмотря на то, что въ Англіи есть свои лошадиныя породы, отличающіяся замѣчательною силой. Въ средніе вѣка рыцари, облачавшіеся въ тяжелые боевые доспѣхи, самыхъ сильныхъ ратныхъ коней обыкновенно покупали во Фландріи, Брабантѣ и Геннегау. Что касается арденнской породы лошадей, чистокровныхъ представителей которой теперь очень мало, то она принадлежитъ къ лучшимъ европейскимъ породамъ по своей необыкновенной выносливости: говорятъ, что во время похода Наполеона I въ Россію арденнскія лошади, вмѣстѣ съ маленькими бретонскими лошадками, гораздо лучше другихъ породъ переносили всѣ трудности и лишенія отступленія [2]).

Ослы и мулы очень немногочисленны въ Бельгіи (всего около одиннадцати или двѣнадцати тысячъ головъ) и встрѣчаются только въ смежныхъ съ Франціей общинахъ, гдѣ ихъ употребляютъ для перевозки сельскохозяйствен-

[1]) E. de Laveleye, „Patria Belgica", t. I, p. 506.

[1]) E. de Laveleye.
[2]) Leyder, „Patria Belgica", t. I.

ныхъ продуктовъ между двумя сосѣдними странами. Но быки и коровы имѣютъ весьма важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ Бельгіи, даже болѣе важное, чѣмъ лошади. Они пасутся на роскошныхъ лугахъ низменной части страны и на горныхъ пастбищахъ холмовъ. Бельгійскія породы рогатаго скота представляютъ такое же рѣзкое различіе между собою, какое замѣчается между породами лошадей: въ Арденнахъ не рѣдкость встрѣтить коровъ, живой вѣсъ которыхъ не превышаетъ 150 килограммовъ, тогда какъ коровы равнины имѣютъ вчетверо большій вѣсъ. По Лейдеру, годовое производство говядины въ Бельгіи (1873 г.) равняется 46.000.000 килограммовъ, что составитъ слишкомъ 9 килограммовъ на каждаго жителя. Крупный рогатый скотъ утилизируется бельгійцами только для полученія молока и навоза: его употребляютъ исключительно для перевозки тяжестей. Производство молока въ Бельгіи (1873 г.): 3.693.000 литровъ въ день, 1.350.000.000 литровъ въ годъ. Область Герве, очень неровное плато, простирающееся между рѣками Весдрой и Маасомъ, есть одна изъ богатѣйшихъ странъ по количеству рогатаго скота: это одно обширное пастбище, поросшее прекрасной травой и вездѣ обсаженное тѣнистыми плодовыми деревьями. Въ этой области дѣлаютъ отличные сыры и масло, не уступающее по достоинству кампинскому.

Что касается овцеводства, то размѣры его въ Бельгіи, такъ же, какъ въ Германіи и въ большей части другихъ европейскихъ государствъ, уменьшаются съ каждымъ десятилѣтіемъ, по мѣрѣ того, какъ съуживается площадь необработанныхъ земель, служащихъ выгономъ. Впрочемъ, эта страна никогда не производила тонкихъ сортовъ шерсти; руно туземныхъ овецъ годится лишь для выдѣлки обыкновенныхъ шерстяныхъ тканей. Годовое производство овечьей шерсти въ Бельгіи, по Лейдеру, простирается до 1.200.000 килограммовъ. Раздробленность земли на мелкіе участки, постоянно увеличивающаяся, тоже способствовала уменьшенію количества овецъ въ краѣ; но, взамѣнъ того, эта же самая раздробленность землевладѣнія имѣла слѣдствіемъ увеличеніе числа козъ, которыя сдѣлались домашнимъ животнымъ пролетарія. Годовое производство козьяго молока въ Бельгіи, по Лейдеру, составляетъ около 45.000.000 литровъ. Число свиней также постоянно возрастаетъ на мелкихъ фермахъ Бельгіи, и порода ихъ значительно усовершенствована въ послѣдніе тридцать—сорокъ лѣтъ. Годовое производство свиного мяса въ этой странѣ Лейдеръ опредѣляетъ въ 25.000.000 килограммовъ. Фламандцы, кромѣ того, разводятъ много кроликовъ и куръ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей число домашнихъ животныхъ въ Бельгіи.

Въ 1866 г. насчитывалось:

Лошадей . . .	283.163	(въ сред.,	6	на	100	ж.).
Коровъ и быковъ .	1.242.445	„ „	26	„	„	„
Овецъ и барановъ	586.097	„ „	12	„	„	„
Козъ	197.138	„ „	4	„	„	„
Свиней . . .	632.301	„ „	13	„	„	„
Кроликовъ	878.000	„ „	18	„	„	„
Куръ	4.410.000	„ „	90	„	„	„

По переписи 1880 г., оказалось: лошадей — 271.974 (5 на 100 жит.), крупнаго рогатаго скота—1.382.815 головъ (25 головъ на 100 жит.), овецъ—365.400, свиней—646.375.

Число пчелиныхъ ульевъ уменьшается, по причинѣ расчистки подъ пашни большаго количества пустошей въ Арденнахъ и Кампинѣ; однако доходъ отъ 140.000 ульевъ, оказавшихся въ странѣ по переписи 1866 года, составлялъ около 2 милліоновъ франковъ.

Промышленность Бельгіи, такъ же, какъ и ея земледѣліе, есть одна изъ самыхъ дѣятельныхъ въ Европѣ; нѣкоторые изъ ея округовъ усѣяны городами и деревнями, образующими безконечныя скопленія фабрикъ и заводовъ. Развитію промышленной дѣятельности благопріятствовали не только традиціи труда, способы производства, завѣщанные прошлымъ, центральное положеніе страны среди другихъ государствъ Европы и удобные пути сообщенія, облегчающіе вывозъ произведеній, но также и то обстоятельство, что Бельгія обладаетъ богатыми залежами каменнаго угля, составляющаго главную пищу современныхъ фабрикъ. Люттихская область, и особенно округи Шарлеруа и Монсъ въ провинціи Геннегау, заключаютъ въ себѣ наибольшую долю этихъ подземныхъ богатствъ, которыя ставятъ Бельгію на четвертую или пятую степень между странами, производящими каменный уголь. Въ 1895 году добыча ископаемаго угля въ Бельгіи составляла: 20.451.000 тоннъ, цѣнностью около 193.357.000 франк.

Съ 1830 года количество минеральнаго топлива, извлекаемаго изъ бельгійскихъ каменноугольныхъ копей, болѣе чѣмъ ушестерилось, и теперь рыночная цѣна добываемаго въ Бельгіи угля, около четверти котораго вывозится во Францію, доходитъ, въ сложности, до огромной суммы 340 милліоновъ франковъ въ годы усиленной торговой дѣятельности, какимъ былъ, напримѣръ, 1873 годъ.

Добыча каменнаго угля въ Бельгіи: въ 1830 году—2.513.000 тоннъ; въ 1840 году—4.000.000 тоннъ; въ 1850 году—5.800.000 тоннъ; въ 1860 году—9.600.000 тоннъ; въ 1873 году—13.778.000 тоннъ; въ 1892 году—19.583.000 тоннъ; въ 1895 году—20.451.000 тоннъ.

Но тѣ годы, въ которые размѣры производства уменьшаются, гибельны для многочисленныхъ рабочихъ, скученныхъ вокругъ каменно-

угольныхъ копей и не знающихъ никакого другаго ремесла, кромѣ того, къ которому они были пріучены съ дѣтства. Впрочемъ, каменноугольный промыселъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ практикуется, во всякое время способствуетъ физическому и нравственному обѣднѣнію и вырожденію людской породы. Еще въ 1877 году четверть работниковъ, занятыхъ въ шахтахъ, состояла изъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и многіе изъ этихъ несчастныхъ имѣли не болѣе десяти лѣтъ отъ роду; на открытомъ воздухѣ около трети употребляемыхъ рабочихъ «рукъ» были руки женщинъ и дѣтей. По новому закону, вступившему въ дѣйствіе съ 1 августа 1878 года, запрещено заставлять работать въ подземныхъ копяхъ и каменоломняхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, не достигшихъ, соотвѣтственно, двѣнадцатилѣтняго и тринадцатилѣтняго возраста; но этотъ законъ не распространялся на дѣтей обоего пола, которые уже ранѣе были наняты владѣльцами копей или каменоломень. Среднимъ числомъ, въ Бельгіи ежегодно погибаетъ отъ несчастныхъ случаевъ всякаго рода 227 человѣкъ каменноугольныхъ рабочихъ [1]). Конкурренція нѣмецкихъ каменноугольныхъ копей бассейна рѣки Руръ объясняетъ отчасти страданія, тяготѣющія нынѣ надъ населеніемъ Боринажа и другихъ каменноугольныхъ областей Бельгіи. Пласты каменнаго угля, открытые въ Вестфаліи, оказались болѣе мощными и ближе лежащими къ поверхности земли, чѣмъ бельгійскія залежи провинцій Люттиха и Геннегау, а потому и разрабатывать ихъ легче До недавняго времени боялись употреблять этотъ нѣмецкій уголь для надобностей флота, подозрѣвая въ немъ способность къ самовозгоранію. Но опытъ показалъ, что эти опасенія были преувеличены: теперь какъ военныя, такъ и купеческія суда, безбоязненно употребляютъ вестфальскій уголь, который вывозится также во всѣ сосѣднія государства и проникаетъ даже въ Бельгію, гдѣ онъ оспариваетъ покупателей у минеральнаго топлива, поставляемаго копями Монса и Шарлеруа [2]).

Почва Бельгіи, разрытая на значительной части ея протяженія рудокопами и каменоломами, даетъ, кромѣ ископаемаго угля, порфиръ и мраморъ, фландрскій или «малый» гранитъ, песчаникъ, шиферъ, кремень, фосфориты, известь и пластическую глину всякаго рода (въ 1891 году всѣхъ каменоломень въ Бельгіи было 1.666, съ 25.717 рабочими, а общая цѣнность ихъ производства равнялась 37.800.000 франк.); далѣе, сѣрный колчеданъ, употребляемый на приготовленіе сѣрной кислоты, цинковую руду, добываемую въ разныхъ мѣстахъ королевства и преимущественно въ Моресне, на германской границѣ; но самые важные между бельгійскими рудниками—желѣзные, которые и доставляютъ сидерургическимъ заводамъ часть нужной имъ руды.

Желѣзные рудники въ Бельгіи дали:

Въ 1865 г.—1.018.231 тоннъ руды, цѣнностью въ 9.829.516 франк.; въ 1881 г.—223.412 тоннъ руды, цѣнностью въ 1.813.000 фр.; въ 1891 г.—202.204 тоннъ руды, цѣнностью около 1.172.000 франк.

Число рабочихъ на горныхъ промыслахъ:

	1865 г.	1891 г.
Каменноугольныя копи . .	82.368	118.983
Каменоломни	20.459	25.717
Рудники	11.813	1.527

Въ настоящее время Люксембургъ—единственная провинція, гдѣ есть еще въ значительномъ количествѣ годныя къ разработкѣ желѣзныя руды [1]); въ другихъ же частяхъ Бельгіи рудныя мѣсторожденія уже истощились.

Обработка желѣза на древесномъ углѣ почти совершенно вывелась въ Бельгіи. Теперь этотъ способъ употребляется только на нѣкоторыхъ заводахъ Намюрской провинціи, для извѣстныхъ спеціальныхъ продуктовъ; вся же масса стали, желѣза и чугуна выдѣлывается нынѣ на каменномъ углѣ. Число сидерургическихъ заводовъ въ 1891 г.: доменныхъ печей въ дѣйствіи—28; желѣзодѣлательныхъ заводовъ—64.

Цѣнность производства желѣза составляла: въ 1850 г.—31.000.000 фр.; въ 1860 г.—81.075.000 фр.; въ 1870 г.—149.000.000 фр.; въ 1871 г.—245.600.000 фр.; въ 1880 г.—96.956.000 фр. (вмѣстѣ со сталью); въ 1891 г.—111.000.000 франк.

Производство стали въ 1891 г.: 206.305 тоннъ, цѣнн. 29.111.000 франк.

Вообще, металлургическое производство составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей бельгійской промышленности; но, какъ видно изъ сейчасъ приведенной сравнительной таблицы, оно подвержено въ разные годы значительнымъ колебаніямъ, которыя сопровождаются гибельными послѣдствіями для рабочаго класса. То же самое можно сказать о фабрикаціи машинъ и оружія, которое сосредоточено въ Люттихѣ и его окрестностяхъ, о производствѣ стекла, главные заводы котораго сгруппированы вокругъ Шарлеруа. Производство бельгійскихъ стеклянныхъ заводовъ въ 1891 г. представляло цѣнность около 55,4 милліоновъ франк. Бельгія отправляетъ оконныя стекла во всѣ почти страны земнаго шара, даже въ Китай и на острова Океаніи; но главными покупателями этого продукта бельгійской промышленности являются Великобританія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Въ послѣднее время конкурренція съ дру-

[1]) Vischers, „Patria Belgica", t. II.
[2]) Emile Tandel, „рукописныя замѣтки".

[1]) Ch. Clément, „Constitution géologique et richesse minéral du Luxembourg".

гими странами, производящими стекло, сдѣлалась затруднительна, вслѣдствіе чего многіе изъ бельгійскихъ стеклянныхъ заводовъ принуждены были прекратить свою дѣятельность. Между главными отраслями промышленности Бельгіи одна изъ самыхъ правильныхъ—производство цинка, размѣры и цѣнность котораго увеличиваются съ каждымъ годомъ, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Производство цинка было:

Въ 1850 г.—22.246 тоннъ, цѣнностью 9.814.000 франк.; въ 1860 г. — 45.457 тоннъ, цѣнностью 24.555.000 франк.; въ 1870 г.—65.000 тоннъ, цѣнностью 30.846.000 франк.; въ 1881 г.—95.194 тоннъ, цѣнностью 38.413.000 франк.; въ 1891 г.—85.999 тоннъ, цѣнностью 18.271.000 франк.

Что касается мануфактурной промышленности, то въ Бельгіи существуютъ, во-первыхъ, различные роды ткацкой промышленности, и нѣкоторые изъ нихъ представлены многочисленными и обширными фабриками. Правда, фабрики шелковыхъ матерій, которыми нынѣ обладаетъ эта страна, не могутъ сравниться по важности съ тѣми мануфактурами, которыя такъ много способствовали созданію торговой славы Антверпена въ шестнадцатомъ столѣтіи, а ингельмюнстерскіе и мехельнскіе ковры не цѣнятся теперь такъ высоко, какъ нѣкогда цѣнились оденардскіе; но производство шерстяныхъ, бумажныхъ и полотняныхъ тканей получило значительное развитіе со времени отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Суконныя фабрики перерабатываютъ нынѣ количество шерсти, почти вдесятеро превосходящее тѣ количества сырого матеріала, которыя онѣ потребляли лѣтъ тридцать тому назадъ, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Среднее количество шерсти, перерабатываемой въ Бельгіи: въ 1840 г.—2.913 тоннъ, цѣнностью около 11.653.000 франк.; въ 1880 г.—43.287 тоннъ, цѣнностью около 100.000.000 франковъ.

Вывозъ шерстяныхъ тканей: въ 1874 г.—2.046 тоннъ; въ 1882 г.—3.079 тоннъ.

Въ настоящее время бельгійская шерстяная промышленность переработываетъ ежегодно свыше 60 милліон. килограм. шерсти и производитъ тканей на сумму 150 милл. франк.

Городъ Вервье, главный центръ бельгійской суконной промышленности, сдѣлался соперникомъ Эльбёфа и Седана. Фабрикація бумажныхъ матерій въ началѣ должна была перенести въ Бельгіи сильный кризисъ, когда рынки Голландіи вдругъ были заперты для ея произведеній, и въ первое десятилѣтіе послѣ отдѣленія Бельгійскаго королевства отъ Нидерландовъ число веретенъ и ткацкихъ станковъ оставалось почти неизмѣннымъ; но съ той эпохи это число удвоилось, и, пропорціонально своему протяженію, Бельгія въ настоящее время имѣетъ хлопчатобумажныхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ не меньше, чѣмъ Франція и Германія, хотя она не можетъ конкуррировать ни съ Нормандіей, ни съ Эльзасомъ въ отношеніи тонкости пряжи и тканей: она занимается почти исключительно производствомъ обыкновенныхъ сортовъ бумажной пряжи и бумажныхъ матерій. Общее количество веретенъ для пряденія хлопка было въ Бельгіи: въ 1830 году—400.000, въ 1840 году—420.000, нынѣ около—800.000; цѣнность производимыхъ бумажныхъ тканей и пряжи—около 150 милліон. франк. Что касается льноткацкой или полотняной промышленности, то существованію ея одно время грозила серьезная опасность, именно въ періодъ переходнаго состоянія, когда бельгійскіе полотняные фабриканты, чтобы выдержать конкурренцію Великобританіи, замѣнили ручной трудъ механическимъ производствомъ. Дѣло шло о насущномъ хлѣбѣ 350.000 рабочихъ, огромное большинство которыхъ, около 300.000 человѣкъ, приходилось на долю восточной и западной Фландріи, и легко понять, какою дорогою цѣной, въ смыслѣ лишенія множества семей главнаго источника пропитанія, было куплено это экономическое преобразованіе, если мы припомнимъ, что фламандскія провинціи не имѣютъ никакихъ минеральныхъ богатствъ, что землевладѣніе раздроблено тамъ до послѣдней крайности и что ткацкое ремесло составляетъ для этого края единственную промышленность въ собственномъ смыслѣ. Огромное число фламандскихъ ткачей, и при томъ, можетъ быть, самые лучшіе, ушли изъ Бельгіи во Францію и поступили на фабрики въ Сѣверномъ департаментѣ. Ручное пряденіе льна, такъ же, какъ и пеньки, почти совершенно исчезло въ обѣихъ Фландріяхъ; оно сохранилось только для нѣкоторыхъ простыхъ тканей домашняго обихода и для особаго рода нитей, употребляемыхъ для плетенья кружевъ. Вотъ нѣкоторыя цифры, показывающія развитіе полотнянаго производства въ Бельгіи съ 1834 года.

Бельгійскія льнопрядильни въ 1834 г.—47.000 веретенъ; въ 1873 г.—220.000; прядильни льна, пеньки и джута въ 1881 г.—306.000 веретенъ.

Льноткацкая промышленность занимаетъ около 350.000 лицъ.

Кружевная промышленность, которая, съ конца четырнадцатаго столѣтія, даетъ занятіе десяткамъ тысячъ бельгійскихъ работницъ, ускользаетъ пока еще, въ значительной части, отъ примѣненія механическихъ способовъ производства, и въ настоящее время около 150.000 женщинъ занимаются этимъ промысломъ, временно или постоянно. Выдѣлка кружевъ, бумажныхъ и шелковыхъ, бѣлыхъ и черныхъ, значительно усовершенствована въ отношеніи разнообразія формъ и красоты узора; но сколько нужды и горя изображаютъ собою эти изящныя,

тонкія вышиванья и плетенья! Вознагражденіе за эту работу самое ничтожное. Ни одинъ классъ общества не представляетъ такого поразительнаго физическаго упадка, какъ классъ кружевницъ. Эта промышленность, особенно въ ремесленныхъ школахъ, губительно дѣйствуетъ на здоровье мастерицъ, ведетъ къ истощенію тѣлесныхъ и душевныхъ силъ многихъ тысячъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя впослѣдствіи дѣлаются хилымъ, болѣзненнымъ корнемъ новыхъ рабочихъ поколѣній [1]).

Цѣнность кружевнаго производства: въ 1846 году — 50.000.000 франк.; въ 1873 году— 100.000.000 франк. [2]).

Напротивъ, плетенье соломы, «промыселъ домашній, а не фабричный», служитъ источникомъ увеличенія благосостоянія въ томъ округѣ Бельгіи, гдѣ оно практикуется. Мѣловой грунтъ бассейна, по которому протекаетъ рѣка Жеккеръ или Жеръ, близъ Маастрихта, сообщаетъ соломѣ большую крѣпость, гибкость и замѣчательную бѣлизну. Бельгійская плетеная солома высоко цѣнится въ торговлѣ; ей предпочитаютъ только итальянскую солому для фабрикаціи дамскихъ шляпъ. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ общинахъ помянутаго округа почти всѣ жители занимаются приготовленіемъ и плетеньемъ соломы. Цѣнность выдѣлываемой въ бассейнѣ Жеккера плетеной соломы составляетъ (по Э. Лавеле) отъ 6 до 7 милліоновъ франковъ въ годъ.

Въ Бельгіи, какъ и въ другихъ государствахъ Европы, крупная фабричная промышленность постепенно завладѣваетъ также производствомъ предметовъ продовольствія, въ ущербъ мелкой промышленности, и обширныя фабричныя заведенія, паровыя мукомольныя мельницы, фабрики сухарей и печенья, свеклосахарные и рафинадные заводы, пивоваренные, винокуренные и водочные заводы и т. д. все болѣе и болѣе устраняютъ мелкихъ производителей одиночныхъ ремесленниковъ или промышленниковъ, и ввергаютъ ихъ въ пролетаріатъ. Для приблизительнаго опредѣленія захватовъ крупной централизующей промышленности мѣриломъ можетъ служить постепенное увеличеніе числа машинъ всякаго рода. Первый введенный въ Бельгіи паровой снарядъ былъ установленъ въ 1723 году, по системѣ Ньюкомена, для выкачиванія воды изъ одной каменноугольной копи въ окрестностяхъ Люттиха. Въ 1800 году во всей бельгійской землѣ насчитывали только 27 паровыхъ машинъ; но послѣ 1830 года число ихъ скоро перешло за тысячу и не переставало возрастать съ каждымъ годомъ; въ то же время увеличивалась и средняя сила каждаго снаряда [3]). Въ настоящее время паровые двигатели въ Бельгіи представляютъ собою по меньшей мѣрѣ силу, равную силѣ тринадцати милліоновъ людей, такъ что сила дѣйствующаго нынѣ пара въ десять разъ превосходитъ силу всего рабочаго класса страны.

[1]) D-r Meynne, „Patria Belgica", II.

[2]) Romberg, „Patria Belgica", III.

[3]) „Annales des travaux publics de Belgique", 1843.

Число паровыхъ машинъ въ Бельгіи было: въ 1838 г. (сила 25.000 лошадей)—1.044; въ 1850 г.—2.250; въ 1860 г.—4.961; въ 1870 г.— 9.294.

Въ 1891 году: паровыхъ котловъ—18.630; двигателей—18.304 въ 397.120 лошадиныхъ силъ.

Но въ то время, какъ машины работаютъ, часто случается, что люди остаются безъ работы. Промышленные кризисы, продолжающіеся по цѣлымъ сезонамъ и даже по цѣлымъ годамъ, предаютъ рабочихъ десятками тысячъ въ жертву нищеты, голода и болѣзней, которыя являются ихъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. О крайней бѣдности значительной части населенія можно судить по тому факту, что половину домовъ принуждены были освободить отъ налога, по той причинѣ, что наемная плата ихъ оцѣнивалась менѣе 42 франковъ. Нужно, однако, прибавить, что фискъ часто довольствуется, при собираніи этого рода статистическихъ данныхъ, фиктивными заявленіями, которыя гораздо ниже дѣйствительной наемной платы.

Число домовъ, освобожденныхъ отъ налога въ 1868 г.—468.000 изъ 965.000.

На 1.000 домовъ въ 1856 году: 782 имѣющихъ одно только нижнее жилье въ уровень съ землей; 183 въ одинъ этажъ; 35 въ два и болѣе этажей [1]).

Внѣшнія торговыя сношенія бельгійскихъ городовъ увеличились въ такой же пропорціи, какъ и ихъ промышленность. Впрочемъ, они всегда были значительны, съ самаго начала исторической эпохи. Уже во времена римскаго владычества земли менапіевъ (Menapii) вели очень дѣятельную торговлю съ Италіей тканями, солью, гусями, свининой; правда, бо́льшая часть этихъ торговыхъ сношеній, — можетъ быть, самая значительная,—приходилась на долю прирейнскихъ менапіевъ, населявшихъ области, которыя нынѣ извѣстны подъ именемъ Рейнской Пруссіи и великаго герцогства Люксембургскаго [2]). Извѣстно также, какъ обширна и дѣятельна была отпускная торговля во времена процвѣтанія фламандской промышленности, въ продолженіе вѣковъ, предшествовавшихъ религіознымъ войнамъ. Но, въ сравненіи съ нынѣшнимъ коммерческимъ движеніемъ Бельгіи, торговый обмѣнъ прежнихъ эпохъ, даже самыхъ цвѣтущихъ, является совершенно ничтожнымъ. Ни въ одной странѣ земнаго шара, исключая развѣ странъ недавно колонизованныхъ, каковы Австралія и Новая Зеландія, привозъ и вывозъ товаровъ не возрасталъ съ

[1]) Бертильонъ, „Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales".

[2]) Эрнестъ Дежарденъ, „рукописныя замѣтки".

бо́льшею быстротой, чѣмъ въ Бельгіи: со времени объявленія этого государства самостоятельнымъ королевствомъ, независимымъ отъ Голландіи, цѣнность его торговаго обмѣна увеличилась болѣе нежели въ двадцать разъ. Около шести миллиардовъ,—больше чѣмъ цѣнность заграничной торговли иной обширной имперіи, напримѣръ, Австро-Венгріи, — такова общая сумма, до которой въ наши дни поднимается совокупность торговыхъ оборотовъ Бельгіи по привозу и отпуску: одна спеціальная торговля превышаетъ три миллиарда. Если цѣнность внѣшняго торговаго обмѣна раздѣлить на цифру народонаселенія, то на каждаго жителя Бельгіи приходится по 600 франковъ, безъ транзита, и по 1.000 франковъ, считая стоимость товаровъ и продуктовъ, провозимыхъ черезъ страну отъ границы до границы. Между европейскими государствами Бельгія, по размѣрамъ заграничной торговли, занимаетъ—четвертое мѣсто, уступая въ этомъ отношеніи только Англіи, Франціи и Германіи.

Генеральная торговля Бельгіи: 1831 г.—202.600.000 фр.; 1840 г.—429.900.000 фр.; 1850 г. — 912.500.000 фр.; въ 1860 г.—1.801.400.000 фр.; 1870 г.—3.282.000.000 фр.; 1882 г. — 5.415.500.000 фр.; въ 1891 г. — 5.966.600.000 франковъ.

Всего значительнѣе торговыя сношенія Бельгіи съ Франціей, какъ показываетъ слѣдующая сравнительная таблица:

Спеціальная торговля Бельгіи съ различными націями въ 1895 г. (въ милліонахъ франковъ):

Франція: ввозъ—299,9, вывозъ—284,2; Германія: ввозъ—199,2, вывозъ—310,8; Англія: ввозъ — 193,1, вывозъ — 266,7; Голландія: ввозъ—174,6, вывозъ—165.

Преобладающая роль Франціи во внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ Бельгіи объясняется тѣмъ, что граница послѣдней со стороны Французской республики имѣетъ сравнительно наибольшее протяженіе, а также тѣмъ, что Парижъ служитъ коммерческимъ центромъ, къ которому сходятся всѣ бельгійскія желѣзнодорожныя линіи—изъ Льежа, изъ Брюсселя, изъ Остенде. Но если принять въ разсчетъ долю транзитнаго движенія въ общей заграничной торговлѣ Бельгіи, то оказывается, что Германія нѣсколько превосходитъ Францію, потому что бельгійская территорія служитъ естественнымъ посредникомъ для торговыхъ сношеній нѣмецкихъ государствъ съ Англіей.

Генеральная торговля въ 1882 г.: между Бельгіей и Франціей — 1.231.733.000 франк.; между Бельгіей и Германіей — 1.268.482.000 франковъ.

Главные товары, провозимые черезъ Бельгію,—шерсть и ткани всякаго рода, тогда какъ между продуктами, получаемыми изъ-за границы, первое мѣсто по количеству занимаетъ зерновой хлѣбъ, ввозимый для потребленія въ самой странѣ. Не будучи въ состояніи производить пищу, необходимую для прокормленія своего чрезмѣрно увеличившагося населенія, Бельгія принуждена покупать на заграничныхъ рынкахъ хлѣбнаго товара ежегодно на большую сумму (такъ, напримѣръ, въ 1895 году было ввезено иностраннаго хлѣба въ зернѣ и мукѣ на 287 милліоновъ франковъ), который она обмѣниваетъ преимущественно на каменный уголь и коксъ, желѣзо, пряжу и ткани изъ льна, пеньки и шерсти.

Главные товары, вывезенные изъ Бельгіи за границу въ 1895 году (въ милліонахъ фр.):

Пряжа льняная, шерстяная—109,2; каменный уголь—95,1; ленъ—49,7; ткани шерстяныя, бумажныя, льняныя—67,4; желѣзо всякаго рода — 58,4; издѣлія изъ желѣза—46,4; кожи—76,1; машины и т. п.—61,8; камень—27,8; стекло —51; хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ—72,8; сахаръ—48,1.

Главная часть бельгійской внѣшней торговли, около двухъ третей, производится черезъ сухопутныя границы; такъ, въ 1876 году сухопутная торговля составляла 64,9%, морская 35,1% совокупности коммерческаго обмѣна. Остальная треть почти вся сосредоточивается въ Антверпенскомъ портѣ, который представляетъ собою не только главный приморскій рынокъ Бельгіи, но въ то же время, благодаря транзиту,—одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ для всей центральной Европы. Однако, главная доля товаровъ, сложенныхъ въ амбарахъ и магазинахъ Антверпена, перевозится не бельгійскими судами; они не получаютъ даже и десятой части: Англія овладѣла почти двумя третями морской торговли Бельгіи; такъ, въ 1876 году, доля Бельгіи въ общемъ количествѣ грузовъ ея собственной морской торговли составляла всего только 7,1%, тогда какъ доля Англіи въ общемъ количествѣ грузовъ морской торговли Бельгіи равнялась 63,9%.

За нѣкоторыми исключеніями, бельгійскіе крупные промышленники не отправляютъ за границу произведеній своихъ фабрикъ и заводовъ за собственный счетъ: при отсутствіи прямыхъ сношеній съ иностранными рынками, они принуждены ждать, пока явятся посредники и заберутъ ихъ товары. Точно также бельгійскіе экспедиторы обращаются къ иностраннымъ судохозяевамъ, къ англійскимъ, скандинавскимъ, нѣмецкимъ, даже къ итальянскимъ, и при посредствѣ ихъ доставляютъ свои грузы въ мѣста назначенія: фламандцы, которые были главными наставниками голландцевъ въ искусствѣ мореплаванія, теперь почти не имѣютъ собственнаго торговаго флота, причину чего, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ искать въ ошибочныхъ фискальныхъ мѣропріятіяхъ, такъ какъ въ Бельгіи нѣтъ недостатка ни въ желѣзѣ для обшивки судовъ, ни въ пенькѣ для оснастки ихъ, ни въ рабочихъ для судостроенія. Въ послѣднія десяти-

лѣтія бельгійскій коммерческій флотъ, правда, нѣсколько увеличился въ отношеніи общей его вмѣстимости или количества грузовъ, которое онъ въ состояніи принять, но зато число судовъ уменьшилось почти на двѣ трети. Что касается рыболовныхъ судовъ, то они образуютъ нынѣ флотилію немного болѣе многочисленную, чѣмъ въ половинѣ текущаго столѣтія, хотя ловъ сельдей совершенно оставленъ бельгійскими рыболовами съ 1863 года; въ этотъ годъ онъ далъ только 2.150 килограммовъ рыбы, то-есть немного больше двухъ тоннъ.

Торговый флотъ Бельгіи: въ 1846 году: 140 парусныхъ судовъ и 3 парохода, съ общей вмѣстимостью въ 27.176 тоннъ. Въ 1896 г.: 5 парусныхъ судовъ и 54 парохода, съ общей вмѣстимостью въ 87.213 тоннъ. Рыболовная флотилія: въ 1846 году—210 судовъ, вмѣстимостью 5.958 тоннъ, съ 1.251 человѣкомъ экипажа; въ 1876г.—259 судовъ, вмѣстимостью 8.621 тоннъ, съ 1.590 человѣкъ экипажа; въ 1896 г.—366 судовъ, вмѣстимостью 9.379 тоннъ.

Если перевозка грузовъ, отправляемыхъ изъ Бельгіи моремъ, производится главнымъ образомъ при помощи англійскихъ купеческихъ кораблей, то и морская торговля этой страны съ Англіей далеко превосходитъ по важности коммерческія сношенія ея съ другими приморскими государствами. Больше половины судовъ, приходящихъ въ бельгійскіе порты или выходящихъ изъ этихъ портовъ, служатъ для цѣлей торговаго обмѣна между Бельгіей и Великобританіей. Движеніе морскаго судоходства очень дѣятельно также съ Скандинавіей, Россіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, республиками Лаплаты; но оно, сравнительно, маловажно съ Франціей и Голландіей: это объясняется тѣмъ, что торговыя сношенія съ этими двумя странами производятся почти исключительно чрезъ сухопутныя границы. Страны, ведущія морскія торговыя сношенія съ Бельгіей въ размѣрѣ свыше 100.000 тоннъ вмѣстимости судовъ, располагались въ 1881 г. въ слѣдующемъ порядкѣ:

Англія—7.026 судов., вмѣстим. 3.180.682 тон. Соединенные Штаты — 857 судовъ, вмѣстимостью 1.136.257 тоннъ. Россія 564 судовъ, вмѣстимостью 428.738 тоннъ. Швеція и Норвегія—825 судовъ, вмѣстимостью 240.129 тон. Германія— 509 судовъ, вмѣстимостью 332.555 тоннъ. Ріо-де-Лаплата — 151 судно, вмѣстимостью 213.791 тоннъ. Франція—408 судовъ, вмѣстимостью 179.251 тоннъ.

Правильная служба пара все болѣе и болѣе вытѣсняетъ медленное и менѣе вѣрное парусное судоходство: больше половины судовъ, двѣ трети количества грузовъ, слишкомъ три четверти цѣнности перевозимыхъ товаровъ — такова доля пароходства во внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ бельгійскихъ портовъ.

Громадность внутренней торговли Бельгіи ускользаетъ отъ всякой статистики, но о размѣрахъ ея можно, до нѣкоторой степени, судить по значительному развитію, которое получила въ этой странѣ система путей сообщенія. Товары, нагружаемые съ купеческихъ кораблей на набережныя Антверпена и Остенде, могутъ быть перевозимы оттуда на рѣчныхъ судахъ въ различные пункты королевства — въ Брюгге или въ Кортрейкъ, въ Дорникъ или въ Монсъ, въ Брюссель или въ Шарлеруа, въ Гассельтъ или въ Льежъ. Перевозка грузовъ по бельгійскимъ рѣкамъ и каналамъ по малой мѣрѣ въ три раза превосходитъ товарное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ: она исчисляется приблизительно въ 300 милліоновъ тоннъ, приведенныхъ къ разстоянію одного километра. Однако каналы и естественные водяные пути еще не урегулированы такимъ образомъ, чтобы фарватеръ ихъ представлялъ судамъ вездѣ одинаковую глубину, или, по крайней мѣрѣ, глубину, правильно уменьшающуюся по направленію отъ моря къ внутренней части страны: въ среднемъ выводѣ, эти водяные пути доступны судамъ, сидящимъ въ водѣ на полтора или два метра; но между ними есть и такіе, глубина которыхъ всего одинъ метръ или даже и того менѣе. Кромѣ того, нѣкоторые необходимые водяные пути до сихъ поръ еще не проведены, какъ, напримѣръ, путь, который долженъ бы былъ соединять непосредственно Самбру и Шельду, Шарлеруа и Монсъ, черезъ каменноугольную область, или каналъ отъ рѣки Лисъ или Лейсъ въ Ньюпортъ, черезъ Эйпернъ и Эйзеръ. Длина внутреннихъ водяныхъ путей въ Бельгіи: рѣки—1.206 километровъ, каналы—1.000 километровъ.

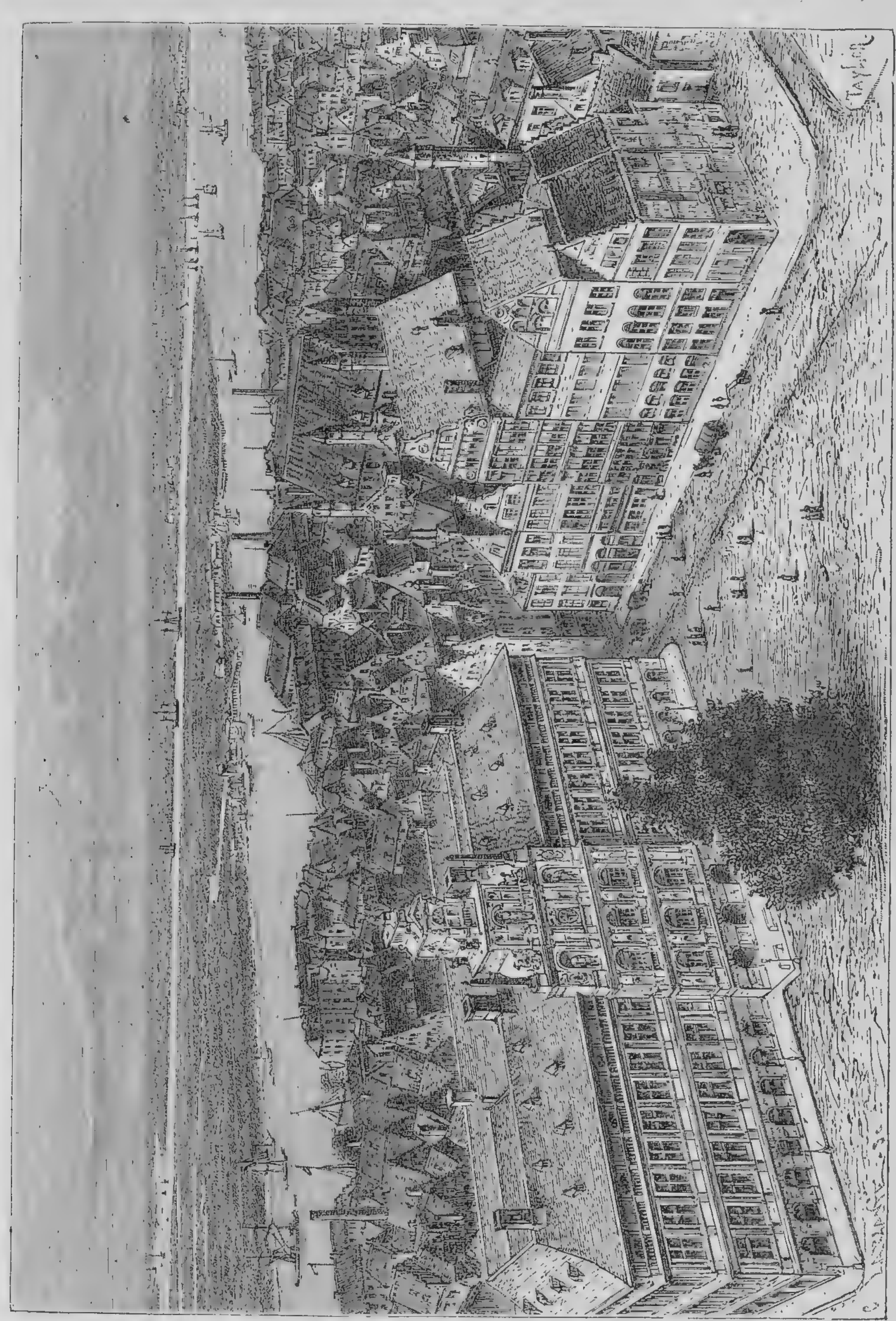
Относительно искусственныхъ водяныхъ путей нужно, однако, замѣтить, что Бельгія не имѣетъ системы каналовъ, достойной страны, гдѣ уже въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія существовалъ, между Брюсселемъ и моремъ, каналъ большихъ размѣровъ и снабженный шлюзами [1]).

Что касается обыкновенныхъ дорогъ и рельсовыхъ путей, то Бельгія долгое время имѣла, сравнительно, лучшую въ цѣломъ свѣтѣ сѣть удобныхъ путей сообщенія, да и теперь еще она занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ между различными государствами земнаго шара. За исключеніемъ только горной группы Арденновъ и Кондроза, всѣ мѣстечки, всѣ деревни соединены между собой колесными дорогами, которыя дѣлятся на государственныя, провинціальныя и проселочныя. Общее протяженіе государственныхъ и областныхъ дорогъ въ 1891 году исчислялось въ 9.080 километровъ. Нѣкоторыя римскія дороги существуютъ еще донынѣ и отчасти не переставали быть употребляемыми: таковы двѣ «шос-

[1]) „Annales des travaux publics de Belgique“, 1843.

сейныя дороги Брунегильды», которыя, выходя изъ такъ называемаго «семидорожья» (septemvium) въ Баве [1]), оканчиваются одна—въ Маастрихтѣ, пересѣкая такимъ образомъ всю Бельтеряется близъ Ашъ, недалеко отъ Брюсселя [1]).

На западѣ отъ Мааса сѣть бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ есть одна изъ тѣхъ, которыя



Площадь Ратуши въ Антверпенѣ.

гію съ юго-запада на сѣверо-востокъ, другая—въ Монсѣ, и оттуда направляется на сѣверъ и

особенно бросаются въ глаза на картѣ Европы по большому числу взаимно пересѣкающихся линій. И не только рельсовые пути въ Бельгіи

[1]) Эрнестъ Дежарденъ, „Notice sur les monuments épigraphiques de Bavai et du musée de Douai".

[1]) „Annales des travaux publics de Belgique" 1843.

многочисленнѣе, чѣмъ въ большей части другихъ государствъ, но и движеніе на нихъ оживленнѣе: поѣзды на большихъ дорогахъ, вообще говоря, ходятъ чаще и возятъ болѣе значительное количество пассажировъ и товаровъ сравнительно съ рельсовыми путями другихъ государствъ. Если бы весь подвижной составъ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ расположить въ одинъ поѣздъ, то онъ занялъ бы, на всемъ ея протяженіи, линію, идущую изъ Остенде въ Кёльнъ черезъ Гентъ, Брюссель и Льежъ. Длина этого поѣзда была бы не менѣе 325 килом.

Длина желѣзныхъ дорогъ Бельгіи (1895 г.): 5.683 километровъ.

Перевезено пассажировъ (1892 года) — 88.226.000; грузовъ 45.015.000 тоннъ.

Больше половины бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ государству или состоитъ подъ его управленіемъ: плата за проѣздъ пассажировъ и перевозку товаровъ на этихъ линіяхъ сравнительно дешевле, нежели во всякой другой странѣ Европы, и, благодаря этому обстоятельству, пассажирское и товарное движеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговая дѣятельность Бельгіи, значительно увеличились. Между тѣмъ какъ во Франціи, среднимъ числомъ, каждый житель дѣлаетъ въ годъ только три поѣздки по желѣзной дорогѣ, въ Бельгіи на каждаго жителя приходится вдвое большее число такихъ поѣздокъ. Но движеніе почтовой и телеграфной корреспонденціи не соотвѣтствуетъ движенію желѣзныхъ дорогъ; бельгіецъ, вообще говоря, пишетъ меньше, чѣмъ французъ, хотя количество писемъ и другихъ отправленій, пересылаемыхъ по почтѣ, равно какъ и телеграммъ, представляетъ значительное увеличеніе съ каждымъ десятилѣтіемъ.

Движеніе почтовой и телеграфной корреспонденціи въ Бельгіи.

	1840 г.	1860 г.	1870 г.
Письма (закрытыя)	10.894.536	23.960.846	45.082.531
Періодическія изданія	8 739 000	26.358.020	46.871.539
Другія печатн. отправленія	2.965.000	6 668.452	18.125.198
Телегр. (безъ транзита)	—	175.415	1.850.564

	1882 г.	1896 г.
Письма (закрытыя)	81.629.310	110.566.990
Періодическія изданія	88.675.000	101.513.576
Другія печатн. отправ	46.497.000	91.274.339
Телегр. (безъ транзита)	3.425.948	5.574 851

Длина телеграфныхъ линій—7.435 километровъ.

Относительная малочисленность почтовой корреспонденціи въ Бельгіи, безъ сомнѣнія, должна быть приписана слишкомъ слабому развитію народнаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, эта страна, въ отношеніи развитія литературы и науки и распространенія просвѣщенія въ массѣ народа, стоитъ на болѣе низкой степени сравнительно съ тѣмъ мѣстомъ, которое она занимаетъ въ области торговли и промышленности. Казалось бы, Брюссель, какъ общій центръ той части Европы, которая обнимаетъ Англію, Францію и Германію, долженъ быть въ то же время для этихъ странъ естественнымъ средоточіемъ научныхъ трудовъ; но этого нѣтъ. Ни одна часть Европы не можетъ быть названа болѣе населенною и болѣе дѣятельною въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ Бельгія, но зато между европейскими странами мало найдется такихъ, съ которыми она могла бы равняться по развитію умственной дѣятельности. До недавняго времени даже самое элементарное образованіе болѣе хромало въ Бельгіи, чѣмъ въ сосѣднихъ государствахъ. Еще въ половинѣ текущаго столѣтія насчитывалось не больше половины жителей, осилившихъ азбуку; теперь школы заведены во всѣхъ общинахъ, и число неумѣющихъ читать и писать составляетъ только четверть населенія (по переписи 1890 г., грамотныхъ оказалось 74,96%).

Но уровень преподаванія, вообще говоря, очень невысокъ въ начальныхъ школахъ коммунальныхъ, «adoptées» (частныхъ, получающихъ пособіе отъ общины), или вольныхъ свѣтскихъ или духовныхъ, и многіе воспитанники выходятъ изъ этихъ заведеній, не научившись даже читать бѣгло. Общее число учащихся въ бельгійскихъ школахъ не достигаетъ еще одной восьмой народонаселенія, тогда какъ оно составляетъ уже одну шестую въ Вюртембергѣ, въ Саксоніи и въ другихъ странахъ, гдѣ народное образованіе въ большомъ почетѣ.

Въ 1895 г. въ Бельгіи было 6.335 начальныхъ школъ, съ 720.191 учащихся.

По числу учащихся въ начальныхъ школахъ на 1.000 душъ населенія различныя провинціи Бельгіи располагались въ 1878 г. въ слѣдующемъ порядкѣ:

Люксембургъ—158; Намюръ—150; Геннегау—133; Лимбургъ—133; Антверпенъ—122; Западная Фландрія—121; Восточная Фландрія—119; Брабантъ—115; Люттихъ—107.

До недавняго времени фламандцы стояли далеко позади валлоновъ въ дѣлѣ начальнаго образованія, и въ наши дни фламандскій элементъ еще уступаетъ въ этомъ отношеніи валлонскому, но онъ замѣтно поднялся въ періодъ жизни послѣдняго поколѣнія. Если валлонскія провинціи возвысились на первую степень по числу дѣтей, посѣщающихъ элементарныя школы, то зато одна валлонская область занимаетъ въ этомъ отношеніи послѣднее мѣсто.

Для средняго образованія въ Бельгіи существуетъ около 200 учебныхъ заведеній, содержимыхъ или на счетъ государства, или на счетъ духовнаго вѣдомства, или на счетъ общинъ, или, наконецъ, частными лицами. Число вос-

питанниковъ, посѣщающихъ учебныя заведенія, управляемыя духовенствомъ, превышаетъ число воспитанниковъ, получающихъ образованіе въ свѣтскихъ школахъ.

Въ 1895 г. королевскихъ атенеевъ и коллежей было 35, съ 7.505 учащихся; среднихъ школъ: мужскихъ—88, съ 15.417 учащихся; женскихъ—40, съ 6.937 учащихся; кромѣ того, нормальныхъ школъ: среднихъ—4, съ 138 учащихся, и начальныхъ—53, съ 2.996 учащихся.

Любовь къ ассоціаціи, составляющая характеристическую черту фламандскихъ населеній, перешедшая, такъ сказать, въ ихъ кровь и плоть, могла бы приносить имъ большую пользу въ дѣлѣ поднятія народнаго образованія и облегчать ихъ успѣхи въ пріобрѣтеніи знаній всякаго рода. Благодаря этой способности къ соединенію въ общества или союзы, школы для взрослыхъ,—которыя, впрочемъ, получаютъ, въ случаѣ недостаточности собственныхъ средствъ, субсидіи изъ государственной казны,—очень размножились въ послѣднее время въ обѣихъ Фландріяхъ, гораздо больше, нежели въ валлонскихъ областяхъ: во многихъ общинахъ больше одной десятой части жителей сгруппированы въ этихъ школахъ, которыя, впрочемъ, не всегда имѣютъ единственною цѣлью ученіе. Въ городахъ и большихъ мѣстечкахъ всѣ граждане принадлежатъ къ различнымъ группамъ, соединившимся для защиты интересовъ партіи, для какихъ-либо промышленныхъ или торговыхъ предпріятій, для общественныхъ дѣлъ, или, наконецъ, для общественныхъ увеселеній; многіе обыватели навѣрно затруднились бы даже перечислить вдругъ всѣ кружки, въ которыхъ они состоятъ членами. Нынѣшнія общества не имѣютъ, правда, той важности и крѣпкой связи, какими отличались корпораціи въ средніе вѣка, когда онѣ составляли городъ въ городѣ и когда члены ихъ должны были всецѣло посвящать себя общему дѣлу, бывшему цѣлью союза; но зато современныя ассоціаціи имѣютъ ту выгоду, что онѣ оставляютъ гораздо больше простора личности и не замыкаютъ ся въ тѣсныя рамки формулъ и обрядовъ. Въ Бельгіи нѣтъ такого города, гдѣ бы не насчитывалось нѣсколько сотенъ ассоціацій, клубовъ политическихъ, ученыхъ, артистическихъ, обществъ голубятниковъ, которыя отправляютъ выводимыхъ ими голубей въ дальнія странствованія [такъ, напримѣръ, въ маѣ 1878 года число бельгійскихъ голубей, отправленныхъ по желѣзнымъ дорогамъ во Францію, въ Италію и другія страны, простиралось до 123.000] [1]. Ни одна страна въ мірѣ, пропорціонально пространству и населенію, не равняется съ Бельгіей по числу музыкальныхъ обществъ; во время народныхъ праздниковъ иной бельгійскій городъ одинъ можетъ выставить тысячи пѣвцовъ: улицы бываютъ сплошь запружены кортежами членовъ обществъ, украшенныхъ своими значками.

[1]) Bauduin, „рукописныя замѣтки".

Понятно, что общественныя увеселенія играютъ далеко не маловажную роль во всѣхъ этихъ ассоціаціяхъ, которыя безпрестанно образуются и преобразуются на всемъ пространствѣ Бельгійскаго королевства, и преимущественно въ западныхъ его провинціяхъ. Въ предвидѣніи большихъ или мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ работники и работницы промышленныхъ и фабричныхъ городовъ соединяются въ компаніи по десяти—двадцати паръ, во главѣ которыхъ стоитъ «капитанъ», полновластный распорядитель церемоній: онъ выбираетъ помѣщеніе для танцевъ, организуетъ празднество, принимаетъ на себя обязанность руководить общею защитой въ случаѣ споровъ. Нужны цѣлые мѣсяцы, иногда цѣлые годы бережливости, чтобы сколотить по грошамъ сумму, необходимую для устройства проектированнаго праздника, и какъ часто болѣзнь, безработица, или стачка разомъ разрушали эту долго лелѣянную надежду повеселиться! Но вмѣсто старыхъ, разстроившихся, основываются новыя общества, и въ случаяхъ къ шумнымъ увеселеніямъ недостатка никогда не бываетъ [1]). Ни въ какой странѣ міра таверны, трактиры, бальныя залы, кофейни не открываютъ такъ широко своихъ дверей прохожимъ, не привлекаютъ такъ много посѣтителей, какъ въ Бельгіи. Въ Брюсселѣ и его предмѣстьяхъ существуетъ около девяти тысячъ питейныхъ заведеній, то-есть по одному на сорокъ человѣкъ, и такъ какъ содержатель кабака—обыкновенно главный жилецъ дома, гдѣ онъ нанимаетъ квартиру для своего заведенія, и въ силу этого пользуется правомъ избирателя, то оказывается, что изъ всѣхъ классовъ общества классъ питейныхъ торговцевъ имѣетъ наиболѣе многочисленное представительство въ политическомъ отношеніи; онъ составляетъ весьма значительную часть совокупности избирателей. Обыкновенный расходъ посредственнаго любителя крѣпкихъ напитковъ нельзя считать менѣе 180 франк. въ годъ, а мелкія издержки на сладкое вино и табакъ всегда удвоиваютъ сумму, отнимаемую у хозяйства. Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ обитатели Бельгіи обращаютъ въ дымъ наибольшее количество табаку; они превосходятъ въ этомъ отношеніи даже своихъ сосѣдей, голландцевъ и нѣмцевъ, какъ показываетъ слѣдующая сравнительная таблица:

Потребленіе курительнаго табаку въ 1880 г. (количество килограммовъ, приходящееся на 100 жителей):

Бельгія—250; Нидерланды—200; Герма-

[1]) Oetker, „Belgische Studien, Vereinsleben und Schaubelustigungen".

пія—150; Норвегія—100; Франція—80; Англія—62; Италія—57; Швеція—34.

V.

Бельгія, конституціонная парламентарная монархія, главными чертами своего политическаго и административнаго устройства походитъ на другія континентальныя государства Европы, имѣющія такую же форму правленія. Граждане въ этомъ королевствѣ сгруппированы въ общины, разсматриваемыя какъ «политическія и гражданскія лица», а эти общины, въ свою очередь, соединены въ провинціи или области, имѣющія также своихъ избирателей, свои собственные органы власти. Наконецъ, государство, состоящее изъ провинцій, есть единое политическое тѣло, управляемое законодательною властью, сосредоточенною въ рукахъ выборныхъ націи, исполнительною властью, представляемою особою короля, и судебною властью.

Нынѣшнія главныя административныя дѣленія страны, въ числѣ девяти, приблизительно соотвѣтствуютъ прежнимъ феодальнымъ округамъ, нѣсколько измѣненнымъ въ ихъ очертаніяхъ первою французскою революціей; но бывшіе департаменты получили имя провинцій, и географическое названіе ихъ тоже было измѣнено, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Административное дѣленіе Бельгіи, старое и новое:

Департаменты: Лейсы, Шельды, Двухъ Нетъ, Дейле, Нижняго Мааса, Урты, Жемаппъ, Самбры и Мааса, Лѣсной.

Провинціи: Западная Фландрія, Восточная Фландрія, Антверпенъ, Брабантъ, Лимбургъ, Люттихъ (Льежъ), Геннегау, Намюръ, Люксембургъ.

Что касается общинъ, то число ихъ мѣняется въ разные годы по усмотрѣнію законодательной власти. По переписи 31-го декабря 1881г. насчитывалось 2.584 общины, имѣвшихъ въ среднемъ населеніе въ 2137 душъ. Но 453 общины имѣли, каждая, менѣе 500 жителей, 765 общинъ—менѣе 1.000 и свыше 500 жителей; указываютъ даже одну общину,—именно общину Цетеней, недалеко отъ Фюрнеса, въ Западной Фландріи,—гдѣ всего только 25 индивидуумовъ образуютъ отдѣльную политическую группу. Хотя бельгійскія общины, вообще говоря, вдвое больше, чѣмъ французскія, такъ какъ среднее населеніе ихъ въ два раза превышаетъ среднее населеніе послѣднихъ, но, тѣмъ не менѣе, раздробленность общинъ въ Бельгіи такъ велика, что самостоятельная жизнь для большей части этихъ политическихъ группъ оказывается на дѣлѣ почти невозможною: несмотря на всѣ гарантіи независимости самоуправленія, которыя за ними обезпечиваетъ конституція, мелкія общины необходимо зависятъ отъ центральной власти.

Представителемъ спеціальныхъ интересовъ каждой общины служитъ общинный совѣтъ, члены котораго выбираются черезъ каждые три года въ половинномъ составѣ; число ихъ колеблется, смотря по цифрѣ населенія коммуны, между 7 и 31. Они рѣшаютъ, въ общемъ засѣданіи, всѣ дѣла, спеціально касающіяся общины, но по дѣламъ, предлагаемымъ на ихъ обсужденіе высшею властію, могутъ только высказать свое мнѣніе. Вообще говоря, кругъ ихъ дѣйствія обширнѣе, чѣмъ кругъ вѣдѣнія французскихъ муниципальныхъ совѣтовъ. Между тѣмъ какъ во Франціи рѣшенія общиннаго собранія, сами собой вступающія въ законную силу, то-есть не требующія предварительнаго утвержденія со стороны административной власти, являются очень рѣдкимъ исключеніемъ, въ Бельгіи они, напротивъ, составляютъ общее правило [1]. Но бельгійскій бургомистръ не почитается представителемъ общины передъ государствомъ; онъ получаетъ свое полномочіе непосредственно отъ исполнительной власти такъ же, какъ и его помощники или эшевены, число которыхъ бываетъ различно, отъ двухъ до пяти, смотря по важности общины, и которые, вмѣстѣ съ нимъ, образуютъ общинную управу. Король назначаетъ бургомистра и эшевеновъ на шестилѣтній срокъ изъ среды общиннаго совѣта; но онъ можетъ также выбрать своего представителя внѣ совѣта, между простыми избирателями, и въ этомъ случаѣ бургомистръ пріобрѣтаетъ право предсѣдательствовать въ совѣтѣ, въ составъ котораго онъ не входитъ, и подаетъ голосъ наравнѣ съ другими членами.

Провинціи имѣютъ подобное же устройство, только немного болѣе сложное. Провинціальные совѣты, состоящіе изъ депутатовъ или гласныхъ, выбираемыхъ также самими гражданами, занимаются исключительно обсужденіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ, касающихся данной провинціи, и законъ окружилъ эти учрежденія цѣлымъ рядомъ ограниченій, направленнымъ къ тому, чтобы отнять у нихъ всякую возможность организоваться въ собраніе политическаго характера. Такъ, онъ объявляетъ полномочіе провинціальнаго совѣтника несовмѣстимымъ съ полномочіемъ сенатора или депутата палаты представителей, такъ что лицо, выбранное въ члены провинціальнаго совѣта, не можетъ быть въ то же время членомъ законодательнаго собранія; далѣе, онъ воспрещаетъ провинціальнымъ совѣтамъ дѣлать какія-либо воззванія къ жителямъ безъ разрѣшенія губернатора; предоставляетъ послѣднему власть закрывать во всякое время, по своему усмотрѣнію, чрезвы-

---

[1] Emile Flourens, „Organisation judiciaire et administrative de la France et de la Belgique“.

чайныя собранія совѣта и ограничиваетъ продолжительность обыкновенныхъ или очередныхъ собраній четырехнедѣльнымъ срокомъ. Однако представительство провинціальныхъ интересовъ никогда не прерывается, такъ какъ члены совѣта назначаютъ изъ своей среды постоянную коммисію, состоящую изъ шести членовъ, выбираемыхъ на четыре года и обновляемую на половину черезъ каждые два года. Коммисія эта, въ которой предсѣдательствуетъ губернаторъ провинціи, замѣняетъ совѣтъ въ промежуткахъ между его собраніями.

Двѣ палаты законодательнаго собранія: сенатъ и палата представителей, въ принципѣ, такъ же, какъ муниципальные и провинціальные совѣты, являются органами, исходящими отъ народной власти; но число гражданъ, участвующихъ въ избраніи ихъ членовъ, болѣе ограничено. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ Бельгіи подача голоса на выборахъ не есть право, даже въ отношеніи коммунальнаго или общиннаго представительства; это привилегія денегъ. По закону 1871 года, правомъ участія въ выборахъ пользуются только лица, платящія налоговъ не меньше 10 франковъ; но въ тѣхъ общинахъ, гдѣ нѣтъ 25 избирателей, платящихъ требуемую избирательнымъ цензомъ сумму налога, списокъ избирателей пополняется внесеніемъ въ него жителей, платящихъ наибольшую послѣ установленной нормы сумму податей. Кромѣ того, вдовы, платящія 10 франковъ налога, могутъ передавать принадлежащія имъ избирательныя права сыну или зятю, если, однако, послѣдніе удовлетворяютъ другимъ требуемымъ для избирателя условіямъ. Для провинціальныхъ выборовъ, т. е. для выборовъ членовъ провинціальныхъ совѣтовъ, цензъ удвоенъ; нужно платить налога не менѣе 20 франковъ, вслѣдствіе чего численный составъ избирателей уменьшается почти на половину. Что касается выборовъ въ законодательное собраніе, то по закону 1893 г. правомъ голоса на нихъ пользуются всѣ бельгійцы, достигшіе 25 лѣтъ отъ роду и прожившіе въ той же общинѣ не менѣе года. Кромѣ того, одинъ добавочный голосъ присвоенъ: 1) гражданамъ, достигшимъ 35 лѣтъ, женатымъ или вдовымъ, имѣющимъ законное потомство и платящимъ не менѣе 5 фр. прямыхъ налоговъ; 2) гражданамъ, достигшимъ 25 лѣтъ и владѣющимъ недвижимымъ имуществомъ цѣнностью не менѣе 2.000 фр., или получающимъ ренту не менѣе 100 фр. Два добавочныхъ голоса присвоено гражданамъ, достигшимъ 25 лѣтъ отъ роду и имѣющимъ дипломъ высшаго учебнаго заведенія, или исполняющимъ или исполнявшимъ общественную должность, занимающимъ или занимавшимъ мѣсто, для занятія котораго требуется высшее образованіе.

На основаніи закона 1878 г., страна раздѣлена на 40 избирательныхъ округовъ. Члены палаты представителей (по одному на каждые 40.000 жителей) назначаются на четыре года, но половина изъ нихъ подлежитъ вторичному избранію черезъ каждые два года, тогда какъ личный составъ членовъ сената, выбираемыхъ на восьмилѣтній срокъ, долженъ быть обновляемъ на половину послѣ каждыхъ четырехъ сессій. Депутаты палаты представителей получаютъ жалованье въ размѣрѣ 4.000 фр. въ годъ. Ихъ спеціальная прерогатива состоитъ въ томъ, что они первые вотируютъ всякій законъ, относящійся или къ финансамъ государства, или къ призыву на службу контингента арміи; далѣе, имъ принадлежитъ право назначать членовъ счетной палаты и привлекать министровъ къ отвѣтственности за ихъ дѣйствія. Законъ воспрещаетъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ званія члена законодательнаго собранія съ какою бы то ни было должностью, оплачиваемою государствомъ; лицо, бывшее членомъ палаты представителей или сената, можетъ занять какую-либо общественную должность, съ которою соединено полученіе жалованья, не ранѣе, какъ по прошествіи года со дня прекращенія депутатскаго или сенаторскаго полномочія. Депутатъ или сенаторъ, награжденный «гражданскимъ» орденомъ Леопольда, подвергается вторичному избранію. Въ системѣ равновѣсія государственныхъ властей сенатъ представляетъ собою охранительный элементъ. Онъ состоитъ изъ половиннаго противъ нижней палаты числа членовъ. Изъ этихъ членовъ 27 избираются провинціальными совѣтами, независимо отъ какого бы то ни было ценза; остальные выбираются непосредственно между гражданами, имѣющими не менѣе сорока лѣтъ отъ роду и платящими не менѣе 1.200 франковъ прямыхъ налоговъ, или владѣющихъ недвижимостью, дающею не менѣе 12.000 фр. кадастроваго дохода; сенаторы не получаютъ ни жалованья, ни вознагражденія. Наслѣдникъ престола—сенаторъ по праву.

Король, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ государь новаго африканскаго государства, Конго, является представителемъ страны въ отношеніи обнародованія законовъ и изданія декретовъ. Его право veto безусловно; его особа неприкосновенна. Онъ начальствуетъ, въ качествѣ главнокомандующаго, надъ всѣми военными силами націи, назначаетъ министровъ и распускаетъ палаты, призывая избирателей къ выборамъ новыхъ делегатовъ. Годовое содержаніе ему (liste civile) опредѣлено въ 3.500.000 франковъ; кромѣ того, онъ пользуется многими національными дворцами, содержимыми на счетъ liste civile. Министровъ, изъ которыхъ ни одинъ не носитъ титула президента совѣта министровъ, хотя силой вещей всякое министерство, взятое въ совокупности, имѣетъ своего главу,—семь, именно: министръ юстиціи, министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ иностран-

ныхъ дѣлъ, военный, министръ финансовъ, министръ общественныхъ работъ и министръ народнаго просвѣщенія. Король можетъ, по своему усмотрѣнію, увеличивать число отдѣльныхъ министерствъ; палаты не въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, кромѣ того только, что онѣ вотируютъ штаты вновь учрежденнаго министерства. Законопроекты, вносимые правительствомъ на обсужденіе законодательнаго собранія, разрабатываются въ подлежащихъ министерствахъ или спеціальными коммисіями. Тайный королевскій совѣтъ, который государь созываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, состоитъ изъ «государственныхъ министровъ» (ministres d'Etat).

Судебная часть организована почти такъ же, какъ во Франціи. Судьи въ Бельгіи тоже несмѣняемы. Представители магистратуры низшей степени назначаются правительствомъ, тогда какъ совѣтники апелляціонныхъ судовъ и кассаціоннаго суда, назначаемые также королемъ, должны быть выбираемы изъ списка кандидатовъ, представленнаго самими этими судами высшихъ инстанцій и провинціальными совѣтами или сенатомъ. Всѣ дѣла о преступленіяхъ уголовныхъ, политическихъ и государственныхъ и о проступкахъ противъ законовъ о печати рѣшаются съ участіемъ присяжныхъ, которые произносятъ вердиктъ о фактѣ преступнаго дѣянія и о виновности подсудимаго. Въ судебномъ отношеніи Бельгія раздѣлена на три округа (districts) апелляціонныхъ судовъ или судебныхъ палатъ, обнимающіе вмѣстѣ 26 округовъ (arrondissements) первой инстанціи и 204 кантона (округи мировой юстиціи), отличные отъ административныхъ округовъ и кантоновъ и притомъ очень неравные по пространству и числу жителей. Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе судебныхъ округовъ по провинціямъ:

Апелляціонные суды.	Провинціи, входящія въ кругъ ихъ вѣдомства.	Округи.	Кантоны.	Общины.
Брюссель .	Антверпенъ ...... Брабантъ .... Геннегау	9	72	929
Гентъ.....	Фландрія западная. Фландрія восточн..	7	62	547
Льежъ	Льежъ.. .... Лимбургъ .... Намюръ.......... Люксембургъ	10	71	1.108
	Итого.	26	205	2.584

Въ Бельгіи обученіе дѣтей необязательно; требуется только, чтобы каждая община имѣла начальную школу, чтобы для школы отводилось приличное помѣщеніе, и чтобы всѣ бѣдныя дѣти были освобождаемы отъ платы за ученіе, когда о томъ просятъ ихъ родители. Наставникъ начальной школы назначается коммунальнымъ совѣтомъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуется правомъ отрѣшенія его отъ должности и опредѣляетъ ему годовой окладъ жалованья; съ 1876 года наименьшая норма этого оклада опредѣлена въ 1.000 франковъ, но онъ мѣняется, смотря по важности общинъ. Программа уроковъ всегда носила на себѣ слѣды того значительнаго вліянія, которое пріобрѣло духовенство въ странѣ со времени революціи 1830 года; преподаваніе религіи и нравственности, признанное важнѣйшимъ элементомъ школьнаго обученія, ведется подъ руководствомъ духовныхъ лицъ; лица эти могутъ, кромѣ того, инспектировать школы на тѣхъ же правахъ, какъ и провинціальные или кантональные инспекторы, назначаемые королемъ. Кромѣ катехизиса, которымъ начинается и оканчивается каждый классный день, программа элементарнаго образованія обнимаетъ чтеніе, письмо, такъ называемыя начальныя основанія французскаго, фламандскаго или нѣмецкаго языка, смотря по рѣчи, употребляемой жителями данной общины, наконецъ, четыре дѣйствія ариѳметики и установленную закономъ систему мѣръ и вѣсовъ. Для приготовленія наставниковъ и преподавателей начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній существуютъ нормальныя школы или учительскіе институты и семинаріи, основанные частію духовенствомъ, частію правительствомъ. Въ противоположность двумъ государственнымъ университетамъ и вольному брюссельскому университету, духовенство заправляетъ исключительно Лувенскимъ университетомъ; оно содержитъ также коллегіи (collèges patronnés), многія изъ тѣхъ спеціальныхъ техническихъ и артистическихъ учебныхъ заведеній, которыми такъ изобилуетъ эта страна, и воспитываетъ учителей и учительницъ въ своихъ собственныхъ нормальныхъ школахъ. Кромѣ того, оно принимаетъ участіе въ выдачѣ профессорскихъ дипломовъ, такъ какъ экзаменаціонныя коммисіи (jurys «combinés»), засѣдающія въ университетскихъ городахъ, состоятъ изъ членовъ, назначаемыхъ въ равномъ числѣ государствомъ и вольными университетами. Враждебныя партіи, представленныя въ этихъ смѣшанныхъ коммисіяхъ, стараются всячески облегчить испытаніе воспитанникамъ своихъ друзей, слѣдствіемъ чего является пониженіе уровня научнаго образованія; экзаменаторы дѣлаются все менѣе и менѣе строгими, чтобы открыть своимъ протеже широкую дорогу къ высшимъ карьерамъ, и потому кандидаты все болѣе и болѣе страдаютъ недостаткомъ основательной научной подготовки.

Изъ сейчасъ сказаннаго нами видно, какъ прочно и могущественно положеніе церкви въ Бельгіи. По духу и буквѣ конституціи, выработанной національнымъ собраніемъ, между членами котораго было тринадцать аббатовъ, церковь совершенно независима отъ государства, и даже, до нѣкоторой степени, государство

есть ея данникъ. Ватиканъ назначаетъ по своему усмотрѣнію архіепископа и епископовъ, а епархіальные архіереи, въ свою очередь, опредѣляютъ настоятелей церквей, помимо всякаго участія государства, которому остается одна забота—платить жалованье независящимъ отъ него служителямъ церкви. Епархій въ Бельгіи шесть: архіепископство Мехельнское, епископство Брюггенское, Гентское, Люттихское, Намюрское, Дорникское, которыя всѣ вмѣстѣ заключаютъ 184 благочинія или деканства, 230 настоятельствъ или главныхъ приходовъ и 5.635 церковныхъ подраздѣленій. Въ настоящее время въ Бельгіи насчитывается около 6.000 священнослужителей; сверхъ того, многія сотни молодыхъ людей приготовляются къ духовному сану въ богословскомъ факультетѣ Лувенскаго университета, въ епархіальныхъ семинаріяхъ Мехельна, Брюгге, Гента, Люттиха, Намюра, Дорника и во многихъ другихъ менѣе важныхъ духовныхъ семинаріяхъ. Монастыри мужскіе и женскіе существуютъ во всѣхъ частяхъ королевства, преимущественно въ обѣихъ Фландріяхъ, и населеніе этихъ религіозныхъ общинъ не перестаетъ увеличиваться, какъ видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ.

Мужскія общины: въ 1846 г.—137 монастырей и 2.051 монахъ; въ 1880 г.—213 монастырей и 4.120 монаховъ. Женскія общины: въ 1846 г.—642 монастыря и 9.917 монахинь; въ 1880 г.—1.346 монастырей и 21.242 монахини.

Отношеніе числа монашествующихъ къ числу міранъ: въ 1846 г.—27,6 на 10.000; въ 1856 г.—32,3 на 10.000; въ 1880 г.—44,7 на 10.000.

Въ настоящее время общее число лицъ духовнаго званія, священниковъ и монаховъ, мужчинъ и женщинъ, никакъ не менѣе 30.000. Протестанты и евреи немногочисленны въ Бельгіи: первыхъ насчитываютъ около 15.000; послѣднихъ около 3.000; но люди, совершенно отпавшіе отъ церкви и отвергающіе церковные обряды при крещеніи, бракѣ и погребеніи, насчитываются тысячами во всѣхъ большихъ городахъ королевства.

Въ силу дипломатическихъ конвенцій, и особенно въ силу постановленій лондонской конференціи 1831 года, Бельгія, слишкомъ маленькая для того, чтобы быть въ состояніи бороться съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, пользуется выгодами «вѣчнаго нейтралитета»; несмотря на то, она тоже имѣетъ постоянную армію, и даже армію, относительно говоря, значительную. По штатамъ военнаго времени, національныя боевыя силы состоятъ изъ 140.000 дѣйствующаго и 30.000 резервнаго войска; въ 1870—71 гг., во время франко-прусской войны, въ Бельгіи было подъ ружьемъ до 83.000 человѣкъ. Во время общаго мира среднее число солдатъ на дѣйствительной службѣ должно быть не менѣе 45.000 челов. Армія набирается посредствомъ конскрипціи. Молодые люди, достигшіе опредѣленнаго возраста и внесенные въ рекрутскіе списки для образованія требуемаго контингента, призываются къ вынутію жребія, за исключеніемъ тѣхъ, которые предназначаютъ себя къ духовному званію или къ педагогической дѣятельности. Освобожденіе, окончательное или временное, по неспособности или на основаніи льготъ, тотчасъ же уменьшаетъ на одну четверть число конскриптовъ: только четверть вынимающихъ жребій попадаетъ окончательно въ годовой контингентъ и поступаетъ въ ряды арміи на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, смотря по категоріямъ. Оффиціально срокъ службы полагается восьмилѣтній.

Среднее годовое число призываемыхъ къ жеребьевкѣ молодыхъ людей (въ періодъ съ 1878 по 1883 г.):—49.267; изъ этого числа: освобожденныхъ окончательно—3.288; освобожденныхъ временно—7.957, непризванныхъ подъ знамена—25.757.

Однако, личное исполненіе воинской повинности въ Бельгіи необязательно: законъ дозволяетъ всякому молодому человѣку, назначенному жребіемъ къ несенію этой повинности, замѣнить себя другимъ лицомъ, замѣстителемъ, доставленнымъ военною администраціей за сумму 1.600 франковъ; но желающій воспользоваться этимъ правомъ, долженъ внести въ кассу военнаго вѣдомства 200 франковъ въ январѣ мѣсяцѣ того года, когда ему предстоитъ вынимать жребій.

Допущеніе замѣстительства имѣетъ то слѣдствіе, что армія набирается исключительно между бѣдными, по крайней мѣрѣ нижніе чины, ибо бо́льшая часть офицеровъ выходятъ изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній—изъ военнаго училища (école militaire), основаннаго въ 1834 году, или изъ юнкерскаго училища, учрежденнаго въ Гассельтѣ. Военная академія (école de guerre), образцовое заведеніе, существующее съ 1872 года, каждый годъ принимаетъ извѣстное число субалтернъ-офицеровъ разнаго рода оружія, подпоручиковъ, поручиковъ и капитановъ, которые желаютъ приготовиться къ занятію должности штабныхъ офицеровъ въ военное время. Жалованье военнымъ очень мало увеличено съ 1830 года, хотя цѣнность денегъ съ той эпохи уменьшилась на половину. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что число желающихъ увеличить собою ряды арміи, въ качествѣ вольноопредѣляющихся, очень невелико, тѣмъ болѣе, что со времени революціи 1830 года бельгійскія войска, занимающія безусловно нейтральное положеніе во всѣхъ европейскихъ войнахъ, ни разу не бывали въ дѣлѣ, если не считать тѣхъ случаевъ, когда имъ приходится употреблять оружіе про-

тивъ своихъ же соотечественниковъ, бельгійцевъ, во время стачекъ рабочихъ. Всякій военный, имѣющій болѣе 55 лѣтъ отъ роду и прослужившій не менѣе 40 лѣтъ, пользуется правомъ на полученіе пенсіи въ размѣрѣ 150 франковъ, увеличиваемой 12 сантимами за каждый день нахожденія на дѣйствительной службѣ; раненые солдаты тоже имѣютъ право на пенсію, такъ же, какъ вдовы и молодые сироты военныхъ, умершихъ на службѣ государству.

Территорія королевства раздѣлена въ военномъ отношеніи на два главные округа и на девять провинціальныхъ управленій (commandements), съ перемѣннымъ числомъ комендантовъ или воинскихъ начальниковъ.

Военно-административное дѣленіе Бельгіи:

Военные округи: первый—Брюссель; второй—Антверпенъ.

Провинціальныя управленія: Брабантъ, Геннегау, Лимбургъ, Люттихъ, Люксембургъ, Намюръ, Антверпенъ, Фландрія западная, Фландрія восточная.

Военныя силы, состоящія изъ 19 полковъ пѣхоты, 8 полковъ кавалеріи, 7 полковъ артиллеріи, одного полка инженеровъ и различныхъ спеціальныхъ частей, сгруппированы въ бригады и дивизіи, естественные центры которыхъ—большіе города и крѣпости. Единственныя крѣпости, оставшіяся въ Бельгіи, суть: Антверпенъ, съ его укрѣпленнымъ лагеремъ и фортами на нижней Шельдѣ, Тендермондомъ, Дистомъ, и форты Льежа и Намюра. Кромѣ того, въ Беверло, въ Кампинѣ, близъ голландской границы, устроенъ учебный лагерь для маневровъ, въ родѣ французскаго лагеря въ Шалонѣ-на-Марнѣ. По различнымъ родамъ войска бельгійская армія распредѣлена слѣдующимъ образомъ:

Пѣхота—4 дивизіи, 9 бригадъ; кавалерія—2 дивизіи, 4 бригады; артиллерія—4 бригады.

Численный составъ арміи въ 1897 г.:

По мирному положенію: 3.426 офицеровъ, 47.876 нижнихъ чиновъ; кромѣ того, гражданская гвардія (garde civique)—42.827 челов.

По штатамъ военнаго времени: 3.742 офиц., 135.656 нижнихъ чиновъ, около 90.000 чел. гражданской гвардіи.

Часть государственнаго бюджета, употребляемая въ Бельгіи ежегодно на содержаніе военныхъ силъ, въ среднемъ, превышаетъ 40 милліоновъ франковъ; со времени революціи 1830 года общая сумма расходовъ на этотъ предметъ составляетъ уже около 2 милліардовъ, не считая сложныхъ процентовъ.

Что касается состоянія финансовъ, то Бельгія принадлежитъ къ числу наименѣе обремененныхъ долгами государствъ Европы. Правда, это маленькое королевство, подражая всѣмъ другимъ державамъ, надѣлало немало долговъ, вызванныхъ исключительно недостаточностью обыкновенныхъ рессурсовъ на покрытіе издержекъ по содержанію войска, и отъ времени до времени равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ должно быть возстановляемо при помощи займовъ; однако, доходы часто превышали расходы. Годовой бюджетъ Бельгіи, пропорціонально численности народонаселенія, гораздо скромнѣе бюджетовъ Франціи, Англіи, Голландіи.

Бюджетъ Бельгіи на 1897 годъ:

Приходъ—386.923.178 франк.; расходъ—387.469.575 фр.; государственный долгъ къ 1 января 1897 г.—2.308.497.322 фр.; проценты, погашеніе и другіе расходы по долгу (1897 г.)—87.007.718 франковъ.

Пропорціональная доля бюджета на каждаго жителя въ 1876 году:

Бельгія, годовой расходъ—56 фр.; долгъ—218 фр.; проценты по долгу—12 фр.; Нидерланды, годовой расходъ—63 фр.; долгъ—52[illegible] фран.; проценты по долгу—15 фр.; Англія, годовой расходъ—59 фр.; долгъ—585 фр.; проценты по долгу—20 фр.; Франція, годовой расходъ—72 фр.; долгъ—474 фр.; проценты по долгу—32 франка.

Наибольшая часть расходуемыхъ денегъ употребляется въ Бельгіи на общественныя работы, преимущественно на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Такъ, въ 1880 г. на общественныя работы было израсходовано 93.834.48[illegible] франка, и изъ этого числа 65.184.928 франк. на постройку рельсовыхъ путей. Расходы на этотъ предметъ покрываются, и даже съ избыткомъ, поступленіями: такъ, напримѣръ, въ томъ же 1880 году дорожныя пошлины и другіе доходы по вѣдомству общественныхъ работъ составляли около 132 милліоновъ франк. въ томъ числѣ 109 милліоновъ отъ желѣзныхъ дорогъ.

Бюджетъ провинцій и бюджетъ общинъ тоже находятся, вообще говоря, въ удовлетворительномъ состояніи.

Годовой доходъ общинъ (включая сюда и города), по послѣднему, произведенному въ 1880 г. подсчету, составляетъ 207,7 милліон. (въ томъ числѣ 115 милліон. чрезвычайныхъ доходовъ), при расходѣ въ 170,2 милліон. (въ томъ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ—80,3 милл.); долгъ общинъ въ совокупности простирается до 596 милліоновъ.

Доходы провинцій въ 1890 г.—13,1 милл.; расходы—11,3 милліон.; долгъ—23,6 милліоновъ.

Кромѣ того, бельгійскія коммуны богаче, чѣмъ государство, какъ земельные собственники. Между тѣмъ какъ государство владѣетъ только 40.000 гектаровъ земли, недвижимое имущество общинъ обнимаетъ еще, въ сложности, около 272.000 гектаровъ земель, застроенныхъ и незастроенныхъ. Однако, въ Бельгіи, какъ и вездѣ въ другихъ странахъ, богатые капиталисты стараются захватить въ

свои руки эти общинныя земли, и многія маленькія коммуны не устояли въ борьбѣ. Къ выгодамъ положенія бельгійскихъ городовъ слѣдуетъ отнести также свободу торговли, которою они нынѣ пользуются. До 1860 года, когда были отмѣнены внутреннія таможенныя пошлины въ городскихъ общинахъ Бельгіи, каждый городъ составлялъ какъ-бы маленькое государство, создавшее себѣ при помощи сборовъ за привозимые продукты и товары, обособленное существованіе и свои собственные интересы, противоположные интересамъ другихъ городовъ: каждая внутренняя таможенная застава имѣла цѣлью не только доставлять рессурсы муниципальной казнѣ, но также оказывать покровительство «коммунальному труду» противъ труда окружающихъ городовъ. Сборъ на заставахъ съ привозныхъ продуктовъ давалъ, въ среднемъ выводѣ, отъ 11 до 12 милліоновъ франковъ въ годъ; теперь доля косвенныхъ налоговъ, поступающая въ пользу общинъ, взамѣнъ отмѣненной заставной пошлины, постоянно возрастаетъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ общественнаго благосостоянія: въ 1880 году она составляла около 26 милліоновъ франковъ [1]). Можно съ увѣренностью предсказать, что когда націи будущей Европы сгруппируются въ болѣе тѣсный союзъ, бельгійцы будутъ въ числѣ народовъ, которые принесутъ въ эту новую европейскую семью наибольшую долю богатствъ.

Слѣдующій списокъ показываетъ административное дѣленіе Бельгіи.

Провинціи.	Главные города.	Пространство въ гектарахъ	Число общинъ въ 1881 г.	Число жителей 31 декабря 1896 г.	Километрическое население въ тотъ же день.
Фландрія западная	Брюгге	323 449	250	781.261	241
Фландрія восточная	Гентъ	299.787	297	1 002.300	334
Антверпенъ	Антверпенъ	283 311	152	784.975	272
Лимбургъ	Гассельтъ	241.315	206	234.210	97
Брабантъ	Брюссель	328.323	341	1 212.686	369
Геннегау	Монсъ	372.291	436	1 110.345	295
Намюръ	Намюръ	366.104	352	346.492	95
Люттихъ (Льежъ)	Люттихъ (Льежъ)	289.310	339	817.473	282
Люксембургъ	Арлонъ	441.704	211	216.144	49
Бельгія	Брюссель	2 945.594	2.584	6.495 886	220

Глава III

Великое герцогство Люксембургское.

Это маленькое государство, расположенное въ формѣ удлиненнаго треугольника, занимаетъ восточный склонъ горной цѣпи Арденновъ; отдѣленное отъ Бельгіи, отъ Франціи и отъ Эльзасъ-Лотарингіи чисто-условною демаркаціонною линіею, оно имѣетъ естественныя границы только со стороны прирейнской Пруссіи, гдѣ долина рѣки Уръ продолжается на югъ долиною рѣки Сюръ или Зуръ и теченіемъ Мозеля. Какъ сама Бельгія, Люксембургъ есть нейтральная территорія между сосѣдними большими государствами; но тогда какъ Бельгія получила привилегію нейтралитета послѣ того, какъ она была одною изъ странъ, составлявшихъ предметъ ожесточеннаго спора, и браннымъ полемъ Европы, Люксембургъ, напротивъ того, рѣдко подвергался нашествію большихъ армій: этотъ гористый и въ прежнее время покрытый лѣсами край, пересѣкаемый извилистыми рѣками, бѣгущими между крутыхъ, скалистыхъ береговъ, уже по самому свойству своей мѣстности, не могъ привлекать завоевателей, и даже когда онъ мѣнялъ владѣтеля, — что случалось довольно часто, — то большею частію переходилъ изъ рукъ въ руки просто какъ феодальный удѣлъ или какъ составная часть сосѣднихъ провинцій. Однако, даже подъ властью иностранныхъ правительствъ, Люксембургъ сохранялъ во всѣ времена свои обычаи и политическія учрежденія; жители его всегда составляли группу отличную отъ окружающихъ населеній. Всего дѣятельнѣе были ихъ торговыя сношенія, и всего чаще они вели борьбу съ своими сосѣдями, жителями бывшаго архіепископства Трирскаго, обитающими, какъ и они, въ бассейнѣ Мозеля и родственными имъ по происхожденію и языку. Въ настоящее время ве-

[1]) Henri Maréchal, „Journal des Economistes“, février 1878.

ликое герцогство Люксембургское составляетъ самостоятельное государство, подъ общею гарантіей европейскихъ державъ.

По характеру своего рельефа и по свойству своихъ горныхъ породъ, страна, составляющая нынѣ великое герцогство Люксембургское, походитъ на бельгійскій Люксембургъ: но та часть ея территоріи, которая, по своимъ физическимъ условіямъ, находится въ естественной связи съ Лотарингіей, имѣетъ, сравнительно съ остальною частью, гораздо болѣе обширное протяженіе. Эта лотарингская область, извѣстная въ краѣ подъ названіемъ «хорошей земли» (Гутландъ), занимаетъ южную часть страны, на склонѣ Арденновъ или Эслинга (Oesling, Eisling), который соединяетъ западную цѣпь Люксембурга съ горами прирейнскаго Эйфеля [1]). Эти двѣ области рѣзко различаются между собой какъ по геологическому составу, общему виду мѣстности, климату, роду культуры, такъ и по нравамъ жителей. Плоскія возвышенности и холмы сѣверной части принадлежатъ къ древнѣйшимъ или палеозойскимъ образованіямъ; во многихъ мѣстахъ девонская формація выступаетъ на поверхность, пробивая тонкій слой растительной земли. Гутландъ обнимаетъ рядъ горныхъ породъ, расположенныхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, отъ пестраго песчаника до оолитовыхъ формацій; террасы и долины этой области покрыты глинами, наноснымъ гравіемъ, а также аллювіемъ новѣйшаго происхожденія. Мѣсторожденія каменнаго угля, которыя такъ высоко подняли промышленное значеніе сосѣднихъ областей въ Бельгіи и въ прирейнской Пруссіи, не существуютъ въ Люксембургѣ. Близъ Сирка, Мондорфскій артезіанскій колодезь, дающій струю соленой воды изъ тріасовыхъ горныхъ породъ, пробуравленъ до глубины 730 метровъ, до девонскихъ формацій, но буровой снарядъ не нашелъ никакого слѣда каменноугольныхъ пластовъ. Средняя высота Люксембурга—300 метровъ; высшая точка Эслинга, Гревельсъ—552 метра; высшая точка Гутланда, Дифферданжъ — 401 метръ; низшая точка, при выходѣ Мозеля, близъ Вассербиллига [2])—132 метра.

Великое герцогство Люксембургское почти все лежитъ въ бассейнѣ Мозеля, и въ общихъ чертахъ измѣнчивыя границы, которыя оно имѣло въ историческія времена, довольно точно совпадали съ предѣлами бассейна рѣки Сюръ [3]), которая изливается въ Мозель немного выше нѣмецкой деревни Игель, замѣчательной остатками древности (римская колонна). Единственная часть территоріи, находящаяся на другомъ скатѣ горъ, наклонена на юго-западъ къ рѣкѣ Шіеръ, а черезъ эту рѣку и къ французскому Маасу. Большинство долинъ Люксембурга глубоко врѣзываются въ почву между скалистыхъ береговъ или крутыхъ скатовъ: благодаря этимъ рѣзкимъ разницамъ уровня, страна, хотя въ дѣйствительности гораздо менѣе возвышенная, нежели гористыя области въ собственномъ смыслѣ, богаче живописными и даже грандіозными пейзажами, чѣмъ многія страны, превосходящія ее по высотѣ. Многія рѣчныя ущелья до такой степени узки и глубоки, что легко можно переговариваться съ одного берега на другой, не замѣчая черезъ кустарникъ, покрывающій скаты, воды, которая бѣжитъ на днѣ разсѣлины. Близъ хорошенькой деревеньки Віанденъ рѣка Уръ течетъ въ ущельѣ, вырытомъ на глубинѣ 200 метровъ ниже поверхности плато [1]). Древнія озера всѣ были опорожнены вытекавшими изъ нихъ рѣчками и ручьями; что касается искусственныхъ прудовъ, нѣкогда весьма многочисленныхъ въ Люксембургѣ (такъ же, какъ въ сосѣдней Лотарингіи, гдѣ ихъ до сихъ поръ очень много), то почти всѣ они были осушены и превращены въ луга и пахатныя поля. Земледѣльческая территорія такимъ образомъ значительно увеличилась, но, какъ кажется, не безъ вреда для земледѣлія. Во многихъ мѣстахъ луга, лишенные достаточнаго количества влажности, сдѣлались пастбищами или безплодными залежами; пропорція дождей, какъ говорятъ, уменьшилась въ краѣ; климатъ въ цѣломъ сдѣлался суше; словомъ, мы видимъ здѣсь явленіе, аналогичное тому, которое произошло въ Богеміи со времени осушенія Filze по верхнему теченію Молдавы.

Такъ же, какъ на западномъ склонѣ Арденнскихъ горъ, климатъ на скатахъ, обращенныхъ къ великому герцогству, перемѣнчивый и холодный: съ этой стороны горной цѣпи средняя температура немного ниже, чѣмъ на противоположныхъ склонахъ, по причинѣ болѣе значительнаго удаленія отъ моря, а также потому, что мѣстность открыта сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ. Климатъ отличается болѣе рѣзкими крайностями тепла и холода въ городѣ Люксембургѣ, чѣмъ на западѣ Арденновъ, подъ одною и тою же изотермическою линіей; средняя разность между самымъ холоднымъ и самымъ теплымъ мѣсяцами на цѣлыхъ четыре градуса превышаетъ ту же разность, наблюдаемую въ Брюсселѣ. Въ Нижнемъ Люксембургѣ средняя температура января: 1° Ц.; средняя температура іюля: 19° Ц.

Нормальная влажность страны немного меньше нормальной влажности Бельгіи, причину чего слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что общая покатость Люксембурга обращена къ сухимъ континентальнымъ вѣтрамъ. Ручьи

---

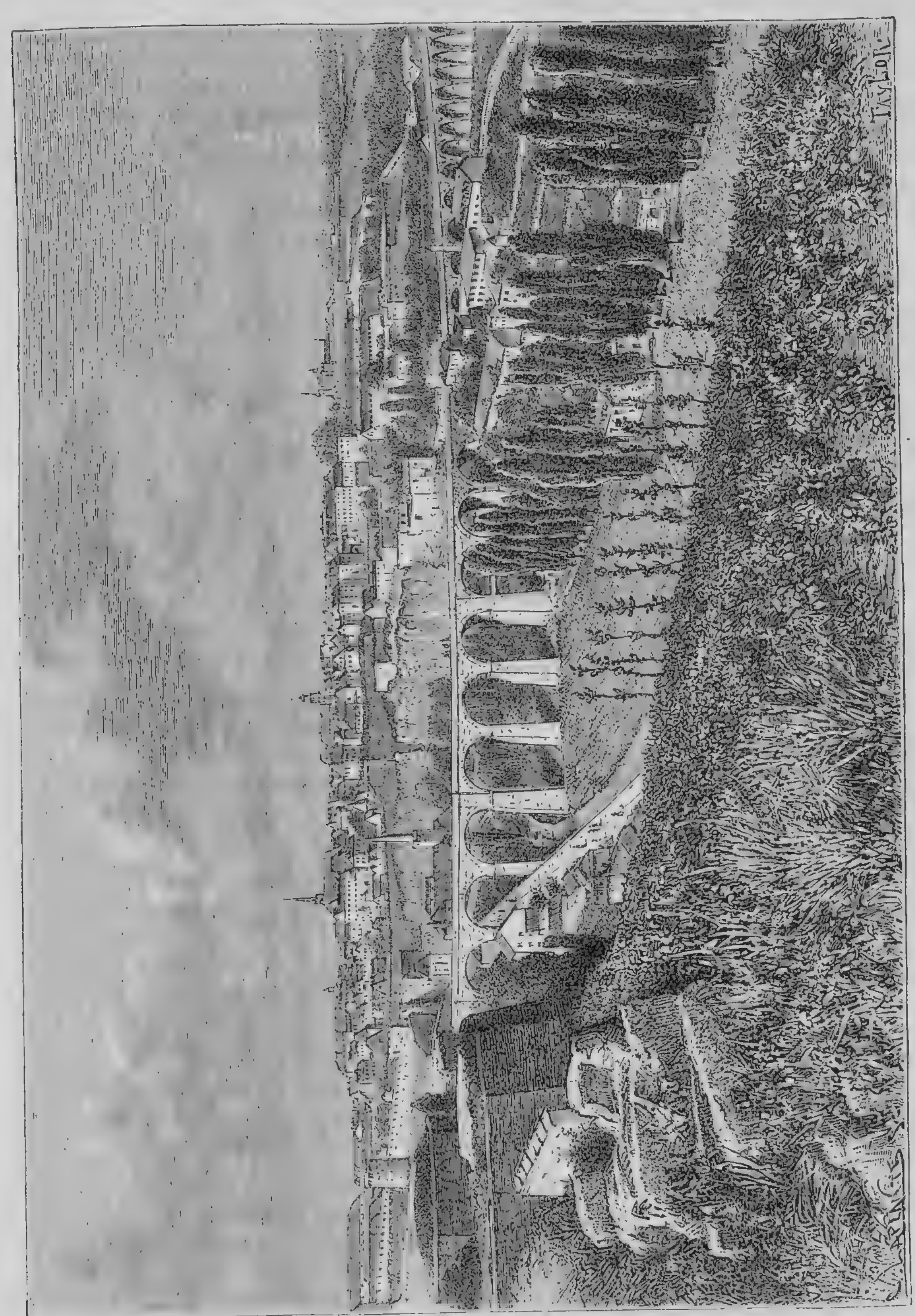
[1]) N. Wies, „Guide de la carte géologique du grand-duché de Luxembourg“.

[2]) Wies, „Guide de la carte géologique du grand duché de Luxembourg“.

[3]) J. G. Kohl, „Der Rhein“, 2-ter Band.

[1]) J. C. Houzeau, „Essai d'une geographie physique de la Belgique“.

и рѣки, извивающіеся въ глубокихъ долинахъ, несутъ незначительное количество воды, и даже рѣка Сюръ, самый многоводный потокъ края, судоходна только до Эхтернаха, лежащаго въ



Видъ Люксембурга съ форта Дюмуленъ.

небольшомъ разстояніи отъ мѣста впаденія ея въ Мозель. Небо, освѣщающее бассейнъ Сюра, яснѣе и прозрачнѣе неба западной Бельгіи; оно лучше пропускаетъ теплоту, какъ въ лѣтніе дни, когда она принимается земною поверхностью, такъ и въ зимнія ночи, когда она теряется лучеиспусканіемъ въ воздушныя пространства. Различія климата между Бельгіей и Люксембургомъ, измѣряемыя посредствомъ физическихъ инструментовъ, кажутся маловажными, но въ дѣйствительности, переходя съ одного склона на другой, мы замѣчаемъ, что видъ природы совершенно измѣнился. Гутландъ во многихъ мѣстахъ покрытъ фруктовыми деревьями и ви-

пограничниками; нѣкоторые изъ его продуктовъ винодѣлія, въ особенности продукты, получаемые въ деревнѣ Вормельданге, лежащей на лѣвомъ берегу Мозеля, причисляются къ хорошимъ европейскимъ винамъ [1]); плоды его также славятся своимъ превосходнымъ качествомъ. Что касается лѣсовъ, которые прежде тянулись по всей странѣ, то они большею частію исчезли, или замѣнены мелкимъ молодымъ лѣсомъ. Самый обширный изъ сохранившихся лѣсовъ—Грюнвальдъ, который тянется на сѣверо-востокъ отъ главнаго города великаго герцогства и площадь котораго превышаетъ 2.500 гектар.

Пространство Люксембурга: 2.587 кв. клм.; народонаселеніе 2 декабря 1895 г.: 217.583 душп; среднее число жит. на 1 кв. килом.:84ж.

Находки сосудовъ и орудій, не только подъ аллювіями новѣйшаго происхожденія, но даже подъ глинами лесса [2]), доказываютъ большую древность человѣка въ этой странѣ; но, кто бы ни были древніе обитатели, нынѣшнее населеніе великаго герцогства Люксембургскаго почти сплошь германское, не только по происхожденію, но и по языку. Переселенія, происходившія здѣсь въ противоположномъ направленіи, въ эпоху распаденія Западной Римской имперіи, конечно, примѣшали къ туземной расѣ весьма различные этнографическіе элементы; но полагаютъ, что франкская колонизація имѣла преобладающее значеніе: мѣстная географія до сихъ поръ свидѣтельствуетъ объ этомъ большимъ числомъ деревень, которыя носятъ нѣмецкое названіе, оканчивающееся на ingen или на ange въ офранцуженной рѣчи. Только въ нѣкоторыхъ населенныхъ пунктахъ на бельгійской и лотарингской границахъ обыкновенный языкъ—французскій или валлонскій; тѣмъ не менѣе, оффиціальные документы составляются на обоихъ языкахъ, а въ судебныхъ учрежденіяхъ и въ совѣщательныхъ собраніяхъ употребляется обыкновенно французскій. «Вельшскій» (французскій) языкъ тѣмъ легче сдѣлался цивилизованною рѣчью края, что временное эмиграціонное движеніе увлекаетъ молодыхъ люксембуржцевъ преимущественно во Францію; ихъ насчитываютъ на французской территоріи около 25.000 человѣкъ, что составляетъ почти восьмую часть всего населенія великаго герцогства [3]). Парижъ всегда былъ городомъ, къ которому направляются почти всѣ эмигранты, родившіеся на берегахъ Сюры и Альцетты.

Города въ этихъ долинахъ немногочисленны, и даже важнѣйшіе изъ нихъ, исключая столицы, представляютъ въ дѣйствительности большія мѣстечки, длинныя улицы которыхъ тянутся на далекое пространство въ узкихъ лощинахъ, гдѣ бѣгутъ рѣки [1]). Населеніе, очень густое сравнительно съ площадью культурной территоріи, живетъ почти все въ этихъ мѣстечкахъ и деревняхъ, частію скрытыхъ въ зелени фруктовыхъ садовъ и наполненныхъ разнаго рода фабричными заведеніями: ткацкими мануфактурами, фаянсовыми фабриками, металлургическими, кожевенными, сахарными, пивоваренными заводами. Изъ этихъ деревень особенно быстро поднялась въ послѣдніе годы Эшъ-на-Альцеттѣ, благодаря богатымъ желѣзнымъ рудникамъ, которые находятся въ сосѣдствѣ, вдоль французской границы, и которые доставляютъ ежегодно болѣе 500.000 тоннъ превосходной руды [2]). Кромѣ того, въ Люксембургѣ есть и другіе рудники, а также различныя каменоломни, гдѣ ломаютъ строительный камень, гипсъ, который можно обдѣлывать на станкѣ, какъ алебастръ, смолистые сланцы, изъ которыхъ приготовляютъ хорошій цементъ.

Производство желѣзной руды въ Люксембургѣ въ 1894 г.: 3.958.280 тоннъ.

Производство желѣза не въ дѣлѣ въ 1894 году: 679.817 тоннъ.

Люксембургъ, единственный городъ страны, заслуживающій этого названія, лежитъ въ южной части государства, въ точкѣ пересѣченія желѣзнодорожныхъ линій, проходящихъ черезъ территорію великаго герцогства. Его хорошо защищенное самою природой мѣстоположеніе, на плато, обрѣзанномъ вертикально съ трехъ сторонъ и возвышающемся на 64 метра надъ уровнемъ ложа Альцетты и ея притока Петрюсъ или Петерсбахъ, облегчило задачу Вобана и другихъ инженеровъ, которые сдѣлали Люксембургъ одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Европы; галлереи, пробитыя прямо въ скалѣ, и многоэтажные казематы, гдѣ могли бы помѣститься цѣлыя арміи, до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о могуществѣ этой первоклассной твердыни. Въ силу соглашенія великихъ державъ, принятаго ихъ представителями на лондонской конференціи 1867 года, Люксембургская крѣпость была упразднена, по причинѣ нахожденія ея въ нейтральной территоріи, и занимавшій ее до того времени прусскій гарнизонъ удалился; но укрѣпленія были такъ обширны, скалы были изрѣзаны такимъ множествомъ ходовъ и амбразуръ, что городъ до сихъ поръ сохранилъ отчасти видъ крѣпости. Бывшіе редуты, нынѣ доступные гуляющей публикѣ, сдѣлались лучшими наблюдательными пунктами для созерцанія чудной картины нижняго города съ его многочисленными фабриками, извилистой рѣки, береговыхъ утесовъ, луговъ и садовъ. Число жителей въ городѣ въ 1895 г.—19.909.

Великое герцогство Люксембургское есть конституціонная монархія, наслѣдственная въ

[1]) Emile Tandel, „рукописныя замѣтки".
[2]) N. Wies, „Guide de la carte géologique du grand-duché de Luxembourg".
[3]) Emile Tandel, „рукописныя замѣтки".

[1]) J. G. Kohl, „Der Rhein", 2-ter Band.
[2]) Ch. Clénemt, „Constitution géologique et richesse minérale du Luxembourg".

мужскомъ потомствѣ Нассаускаго дома. Во главѣ правительства стоятъ государственный министръ, завѣдующій внѣшними дипломатическими сношеніями, и три главные директора, (финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ); кромѣ того, существуетъ государственный совѣтъ, состоящій изъ 15 членовъ. Палата депутатовъ состоитъ изъ 45 членовъ, выбираемыхъ кантонами. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ граждане, платящіе не менѣе 15 франковъ прямыхъ налоговъ; депутаты выбираются посредствомъ прямой подачи голосовъ на шесть лѣтъ, при чемъ черезъ каждые три года половина членовъ законодательнаго собранія выбываетъ и замѣняется новыми выборными. Каждая коммуна имѣетъ свой общинный совѣтъ, члены котораго выбираются избирателями, пользующимися привилегіей подачи голоса; но бургомистръ назначается и отрѣшается отъ должности великимъ герцогомъ, который имѣетъ право выбрать его и внѣ муниципальнаго совѣта. Войско состоитъ изъ роты жандармовъ—2 офицера и 135 нижнихъ чиновъ,—и роты волонтеровъ—6 офицеровъ и отъ 140 до 170 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ [illegible] музыкантовъ). Однако, государственные расходы еще довольно значительны, если принять въ соображеніе число жителей, и общественный долгъ, сдѣланный большею частью для постройки желѣзныхъ дорогъ, представляетъ около 2-хъ лѣтъ суммы доходовъ маленькой націи.

Бюджетъ Люксембурга на 1897 годъ: приходъ—11.056.100 фр.; расходъ 9.910.550 фр.; liste civile (содержаніе великому герцогу)—[illegible]0.000 франковъ; государственный долгъ—[illegible].000.000 франковъ.

Съ 1881 г. введено всеобщее и обязательное обученіе. Учебныя заведенія имѣются слѣдующія: мужское и женское нормальныя училища для приготовленія учителей и учительницъ), гимназія (въ Дикирхѣ), прогимназія (въ Эхтернахѣ), земледѣльческое училище (въ Эттельбрюкѣ), атеней и духовная семинарія (въ Люксембургѣ), и 746 народныхъ школъ. Молодые люди, желающіе пройти курсъ высшаго образованія, учатся за границей, обыкновенно одинъ годъ въ Бельгіи, одинъ во Франціи и одинъ въ Германіи, и, по возвращеніи на родину, сдаютъ экзаменъ въ Люксембургѣ, передъ спеціальною коммисіей [1]).

Почти всѣ жители великаго герцогства исповѣдуютъ римско-католическую религію, и люксембургская епархія зависитъ непосредственно отъ Рима. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ церемоній религіознаго культа напоминаютъ средніе вѣка. Такъ, напримѣръ, во вторникъ Пятидесятницы по улицамъ Эхтернаха и теперь еще каждый годъ ходитъ процессія плясуновъ, отъ моста черезъ рѣку Сюръ до церкви, и дѣлается это, какъ говорятъ, въ видахъ заклинанія пляски св. Витта, которая, если вѣрить мѣстному преданію, была очень распространена въ краѣ около восьмаго столѣтія; въ 1867 г. въ этой оригинальной процессіи участвовало до 15.000 плясуновъ, пришедшихъ большею частью изъ Германіи. Богомольцы, образуя цѣпь при помощи платковъ, скачутъ три шага впередъ и два назадъ. Хотя музыка возбуждаетъ ихъ къ пляскѣ, тѣмъ не менѣе очень многіе изъ участниковъ процессіи падаютъ отъ изнеможенія и подбираются жителями деревни. По прибытіи въ церковь, толпа обходитъ съ пляской вокругъ алтаря, и каждый изъ пилигриммовъ кладетъ на него свое приношеніе [1]).

Люксембургское великое герцогство, составлявшее до 1867 г. часть Германскаго Союза, и теперь еще принадлежитъ къ нѣмецкому цольферейну (таможенному союзу) въ отношеніи внѣшнихъ торговыхъ сношеній, и Пруссія имѣетъ право представлять своихъ кандидатовъ на должности директора и главнаго контролера таможенъ, которые до сихъ поръ всегда были назначаемы изъ прусскихъ подданныхъ. Главная желѣзная дорога также состоитъ подъ управленіемъ нѣмецкой коммисіи, имѣющей пребываніе въ Страсбургѣ. Длина желѣзныхъ дорогъ (1897 г.): 434 километра; длина телеграфныхъ линій (1896 г.): 713 километровъ.

Великое герцогство дѣлится на три округа: Люксембургскій, Дикирхенскій и Гревенмахерскій, которые подраздѣляются на двѣнадцать кантоновъ, заключающихъ всѣ вмѣстѣ 131 общину. Въ каждомъ кантонѣ имѣется мировой судья. Затѣмъ существуютъ два суда первой инстанціи: одинъ въ Дихирхѣ, другой — въ Люксембургѣ; въ послѣднемъ городѣ собирается также и высшая судебная палата. Въ случаяхъ принесенія кассаціонной жалобы, этотъ трибуналъ обращается въ ревизіонный судъ, который и рѣшаетъ дѣло въ послѣдней инстанціи. Суда присяжныхъ въ Люксембургѣ не существуетъ. Ассизный судъ, состоящій изъ шести судей, постановляетъ обвинительные приговоры, въ уголовныхъ дѣлахъ, большинствомъ по меньшей мѣрѣ четырехъ голосовъ противъ двухъ.

Слѣдующій списокъ показываетъ административное дѣленіе великаго герцогства Люксембургскаго:

Округи.	Кантоны.	Округи.	Кантоны.	Округи.	Кантоны.
Люксембургъ.	Люксембургъ.	Дикирхъ.	Дикирхъ.	Гревенмахеръ.	Гревенмахеръ.
„	Каппель.	„	Клерво.	„	Эхтернахъ.
„	Эшъ-на-Альцеттѣ.	„	Реданжъ (Редингенъ).		Ремихъ.
„	Мершъ.	„	Віанденъ.		
			Вильтцъ		

[1]) Emile Tandel, „рукописныя замѣтки“.

[1]) Adalbert Daniel, „Deutschland“; — Emil Tandel, „рукописныя замѣтки“.

Глава IV

Нидерланды.

I.

Нидерланды (Nederland), или Голландія, какъ обыкновенно называютъ эту страну за границей, есть одно изъ самыхъ маленькихъ государствъ Европы по величинѣ территоріи и числу жителей. Превосходя нѣсколько, въ отношеніи протяженія, Бельгію, эту другую половину бывшихъ Нидерландовъ, которая послѣ революціи 1830 года сдѣлалась самостоятельнымъ королевствомъ, Голландія не можетъ соперничать со своею сосѣдкой ни по густотѣ населенія, ни по дѣятельности мануфактурной промышленности, ни даже по размѣрамъ и цѣнности торговаго обмѣна; но въ другихъ отношеніяхъ Голландія, какъ ни скромно мѣсто, занимаемое ею на картѣ Европы, есть, тѣмъ не менѣе, одна изъ первыхъ странъ міра. Нигдѣ человѣкъ не выказалъ такой неустрашимой энергіи и настойчивости въ постоянной борьбѣ съ природой, нигдѣ не успѣлъ онъ такъ хорошо дисциплинировать природу и заставить ее служить себѣ, какъ въ этой узкой полосѣ европейскаго приморья. Нигдѣ страшныя естественныя бѣдствія не грозили бы съ такою неотразимою силой, какъ въ Голландіи, если бы жители этой страны не научились отвращать повидимому неизбѣжную опасность съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, съ такимъ поразительнымъ спокойствіемъ духа. Разсматриваемый въ общей его исторіи, голландскій народъ больше, чѣмъ всякій другой, заслуживаетъ имени великаго. Можно сказать, что онъ съумѣлъ восторжествовать надъ самою судьбой; все было завоевано имъ у моря и на морѣ, даже почва, на которой онъ живетъ. Въ борьбѣ съ другими людьми голландцы также много разъ давали доказательства героизма; нельзя безъ удивленія смотрѣть на этотъ крошечный уголокъ земли, жители котораго, тогда въ числѣ только одного милліона, съумѣли освободиться изъ-подъ власти имперіи, обнимавшей треть извѣстнаго міра. Основавъ свою независимость, они отваживались мѣряться силами съ самыми большими государствами Европы, посылали свои корабли во всѣ моря, управляли въ дальнихъ континентахъ цѣлымъ міромъ разсѣянныхъ колоній, въ сравненіи съ которыми ихъ собственное отечество было почти незамѣтной территоріей. Голландія можетъ претендовать на славу еще болѣе высокую: она была долгое время убѣжищемъ свободной мысли, и писатели, освободившіеся отъ рутины, пріѣзжали въ ея города печатать сочиненія, которыя въ другихъ странахъ были бы сожжены рукой палача.

Въ наши дни Голландія, не отличающаяся уже отъ сосѣднихъ государствъ привилегіей болѣе свободныхъ учрежденій, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что представляетъ замѣчательную оригинальность какъ въ обычаяхъ ея населенія и внѣшнемъ видѣ городовъ, такъ и въ оборонительныхъ сооруженіяхъ, воздвигнутыхъ противъ рѣкъ и океана. Голландцы не торопятся, какъ многія другія націи, сообразоваться съ законами моды; они остались тѣмъ, чѣмъ были, сохранивъ старые нравы и даже, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, старинные костюмы. Въ Европѣ нѣтъ страны болѣе любопытной для изученія, чѣмъ Голландія, именно по причинѣ контраста, который тамъ представляетъ эта старомодная внѣшность съ движеніемъ современныхъ идей.

Пространство Голландіи, по послѣднему кадастру, исполненному съ 1879 по 1889 г.,—32.538,27 квадр. километровъ (не считая Зюйдерзе, песчаныхъ мелей, Wadden, и нидерландской части Долларта, составляющихъ вмѣстѣ около 5.350 кв. килом.). Народонаселеніе, по послѣдней переписи (31 декабря 1889 г.),—4.511.415 душъ, въ среднемъ—137 жит. на 1 кв. километръ; народонаселеніе, по исчисленію 31 декабря 1896 г.—4.928.658 душъ.

На первый взглядъ нидерландская территорія кажется просто западнымъ продолженіемъ низменной Германіи; глядя на карту Голландіи, можно подумать, что это край безъ естественныхъ границъ, отдѣленный отъ сосѣдней имперіи только благодаря случаю или капризу; но въ дѣйствительности проходъ изъ одной страны въ другую былъ въ прежнее время довольно затруднителенъ, кромѣ какъ вдоль по теченію Рейна, и Голландія была совершенно обособлена отъ Германіи, даже больше обособлена, чѣмъ если бы границу между ними образовала какая-нибудь цѣпь горъ. Такъ же, какъ все побережье Ганновера, Ольденбурга, Бременской области, Шлезвигъ-Голштейна, Голландія противопоставляла завоевателю непреодолимую естественную преграду въ видѣ болотъ и топей, черезъ которыя невозможно было пробраться безъ опытнаго проводника; но въ сравненіи съ западными фризами и дит-

марсенами голландцы имѣли, для сохраненія своей независимости, еще то важное преимущество, что обитаемая ими территорія болѣе обширна, болѣе сплочена, доступна съ меньшаго числа сторонъ, благодаря положенію, которое она занимаетъ въ углу европейскаго континента. На восточныхъ своихъ предѣлахъ Голландія защищена больше, чѣмъ на половинѣ ея длины, теченіемъ Эмса, который продолжается заливомъ Доллартъ. Правда, эта рѣка течетъ въ нѣкоторомъ разстояніи къ востоку отъ политической границы, но воды Эмса не представляютъ серьезнаго препятствія для сообщеній и не могли въ былыя времена задерживать ходъ армій: главное препятствіе составляютъ безконечныя торфяныя болота, которыя тянутся на западъ отъ Эмса и которыя до настоящей минуты въ большей части своего протяженія остаются пустыней. Извѣстно, что римляне, чтобы имѣть возможность переходить черезъ эти обширныя равнины, гдѣ губчатая, зыбкая почва трясется подъ ногами, грозя разверзнуться и поглотить путника, принуждены были строить «длинные мосты» (pontes longi), т. е. деревянную настилку (изъ дубовыхъ досокъ) длиною въ нѣсколько миль, остатки которой теперь находятъ на глубинѣ двухъ метровъ подъ слоемъ постоянно растущаго торфа.

Внутри этого пояса болотъ, почти необитаемыхъ, обширныя пространства, поросшія верескомъ, увеличиваютъ во многихъ мѣстахъ протяженіе пустынной области, тогда какъ Рейнъ и Маасъ, развѣтвляясь на многочисленные рукава, дѣлаютъ сообщенія по сухому пути совершенно невозможными. Въ этихъ низменныхъ равнинахъ, отъ которыхъ вся страна получила свое названіе Nederland, или „Низкая земля", прежде «низовая земля» [1]), нынѣшнія рѣки, гдѣ, по крайней мѣрѣ, можно на лодкахъ и паромахъ переправляться съ одного берега на другой, представляютъ, сравнительно, самое малое препятствіе для сообщенія: старые мелководные рукава и затоки, маленькія озера, разсѣянныя по равнинамъ, извилистыя болота, рвы или каналы неравной ширины, разсѣкающіе край на безчисленное множество правильныхъ геометрическихъ фигуръ, образуютъ, въ своей совокупности, лабиринтъ, пробраться черезъ который можетъ только туземный житель, хорошо знакомый съ мѣстностью; даже въ виду городовъ и деревень, обрисовывающихся на горизонтѣ своими башнями и колокольнями, иностранецъ заблудился бы здѣсь среди бѣлаго дня. Эта-то до чрезвычайности запутанная сѣть ложныхъ рѣкъ, рвовъ и каналовъ и составляетъ естественную защиту Голландіи, и часто случалось во время войнъ, что осажденные города принуждали осаждающихъ къ поспѣшному отступленію, прорвавъ окрестныя плотины и затопивъ непріятельскій лагерь. Кромѣ того, территорія Нидерландовъ, такъ легко наводняемая, была въ прежнія времена окружена сплошнымъ поясомъ лѣсной растительности. На югѣ лѣса Кампины, соединявшіеся съ арденнскими лѣсами, на востокѣ другіе лѣса, составлявшіе продолженіе обширнаго Герцинскаго лѣса, отдѣляли Голландію отъ Галліи и отъ земель германцевъ; на западѣ и на сѣверѣ поясъ лѣсовъ шелъ вдоль морскаго прибрежья и служилъ преградой распространенію подвижныхъ песковъ дюнъ внутрь страны; по западному берегу озера Флево тоже тянулись громадные густые лѣса, называвшіеся Бадагуэнскими. Отъ всѣхъ этихъ лѣсовъ уцѣлѣли лишь незначительные остатки, которые, однако, и теперь еще составляютъ красу окрестностей Гаги и Гарлема. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, одному изъ этихъ древнихъ лѣсовъ Голландія и обязана своимъ названіемъ Гольтландъ [Houtland] [1]). Это названіе, происхожденіе котораго относится, повидимому, къ десятому столѣтію, примѣнялось сначала только къ «лѣсной землѣ», гдѣ тогда находился городъ Дордрехтъ; но впослѣдствіи его распространили на берега Мааса, затѣмъ на всѣ части Фрисландіи, которыми постепенно овладѣли голландскіе графы; въ настоящее время оно употребляется оффиціально только для обозначенія двухъ изъ провинцій Нидерландскаго королевства. Что касается смысла «впалая земля» (holt land), который придавали имени Голландіи, то онъ какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ бы положенію этой низменной области, которой постоянно грозитъ наводненіе отъ морскаго прилива и отъ разлива рѣкъ; но это объясненіе не оправдывается историческими документами.

Хотя Голландія страна очень низменная, хотя совокупность ея территоріи, лежащей выше морскаго уровня, имѣетъ всего только 45 или 46 метровъ [2]) высоты надъ поверхностью океана, она, тѣмъ не менѣе, хвалится, что и у нея есть настоящія горы, кромѣ песчаныхъ бугровъ или дюнъ, окаймляющихъ ея прибрежье; она имѣетъ скалы и холмы, имѣетъ даже такъ называемыя «горы», въ южной части Лимбурга, принадлежащей геологически къ другой области, отличной отъ Нидерландовъ въ собственномъ смыслѣ. Въ этой узкой полосѣ земли, которая врѣзывается на югѣ клиномъ между Бельгіей съ западной стороны и прирейнскою Пруссіей съ восточной, продолжаются цѣпи высотъ, заключающія различныя древнія формаціи, отъ каменноугольныхъ пластовъ до мѣловыхъ горныхъ породъ. Подъ кряжами, которые поднимаются до 160 и даже до 200 съ лишнимъ ме-

[1]) A. Schelen, „Patria Belgica", III.

[1]) Lubach, „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 4 vol. 1863.

[2]) Leopoldt, „Mittlere Höhe Europa's".

тровъ высоты, близъ Гульпена, Фаальса и Фокемона (Фалькенбурга), тянутся слои каменноугольнаго бассейна, залежи котораго разрабатываются правительствомъ. Далѣе на сѣверѣ подъ ровнымъ грунтомъ новѣйшихъ образованій буровые снаряды обнаружили существованіе другаго каменноугольнаго бассейна, который тянется въ ширину на значительное пространство и который изслѣдованъ до глубины 284 метровъ; но еще сомнѣваются въ экономической важности этого большаго запаса минеральнаго топлива [1]).

На западѣ отъ Мааса Голландія владѣетъ, совмѣстно съ Бельгіей, одною «горою», менѣе высокою, чѣмъ горы нѣмецкой границы, но гораздо болѣе извѣстною: это — знаменитый Синтъ - Питерсбергъ или «гора св. Петра», поднимающаяся тотчасъ за Маастрихтомъ, съ южной стороны, и пробитая множествомъ естественныхъ шахтъ и цѣлымъ лабиринтомъ искусственныхъ подземныхъ галлерей. Она состоитъ изъ двухъ ярусовъ мѣловой формаціи, изъ которыхъ нижній былъ разрытъ во всѣхъ направленіяхъ, тогда какъ верхній остался, точно крыша надъ корпусомъ громаднаго зданія [2]). Если внѣшній видъ горы не поражаетъ ни рѣзкостью формъ и контуровъ, ни крутизной скатовъ, то внутренность ея скалъ возбуждаетъ удивленіе колоссальными размѣрами каменоломень, которыя трудъ человѣка вырылъ тамъ во времена историческія и доисторическія. Галлереи этого исполинскаго подземелья, самыя обширныя въ Европѣ, тянутся, на пространствѣ слишкомъ 200 квадр. килом., изъ Голландіи въ Бельгію, почти до самаго Люттиха, сообщаясь, съ одной стороны, съ долиною Мааса, съ другой — съ долиной р. Гееръ. Въ этой горѣ насчитываютъ слишкомъ 16.000 подземныхъ аллей, и новыя улицы, площади, переулки открываются каждый годъ въ мѣловой массѣ, матеріалы которой употребляются, смотря по степени ихъ нѣжности и твердости, или на скульптурныя работы, или на постройку домовъ, подстѣнковъ у мостовъ и жете, или, наконецъ, на удобреніе земли. Особенно въ зимнее время, когда наступаетъ перерывъ въ полевыхъ работахъ, каменоломни постоянно бываютъ наполнены толпой рабочихъ, и многочисленныя барки перевозятъ плиту изъ Маастрихта во всѣ города низменной полосы Нидерландовъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ камнѣ и мергелѣ. Во время войнъ и революцій каменоломни С.-Питерсберга, слишкомъ обширныя для того, чтобы можно было подвергнуть ихъ правильной осадѣ, и имѣющія слишкомъ много отверстій для того, чтобы можно было задушить находящихся тамъ людей дымомъ, служили мѣстомъ убѣжища для цѣлыхъ населеній; въ этихъ подземельяхъ не разъ происходили кровопролитныя битвы. Въ 1815 году здѣсь укрылось множество бѣглецовъ, и между ними Бори-де-Сенъ-Венсенъ, который воспользовался своимъ невольнымъ пребываніемъ въ этомъ подземномъ мірѣ для того, чтобы изучить и описать его. Впрочемъ, гораздо ранѣе изслѣдованій этого ученаго, подземелья горы святаго Петра были уже извѣстны всѣмъ геологамъ по причинѣ найденныхъ тамъ ископаемыхъ всякаго рода, отъ микроскопическихъ животныхъ до огромныхъ черепахъ и до исполинскаго крокодила, называемаго mosasaurus, которые составляютъ теперь славу музеевъ. Другія доисторическія каменоломни найдены въ холмахъ праваго берега Мааса, на берегахъ рѣчки Гель или Галоппъ, и тамъ тоже подземныя галлереи идутъ на протяженіи нѣсколькихъ километровъ [1]).

На сѣверѣ отъ холмовъ нидерландскаго Лимбурга, поверхность почвы, принадлежащая, по времени образованія, къ третичнымъ и послѣтретичнымъ эпохамъ, представляетъ гораздо меньше неровностей; однако, она не имѣетъ однообразія морскаго дна, недавно покинутаго водами. Опрокидыванія и взбросы глубокихъ слоевъ земной коры обнаруживаются на поверхности холмами и волнообразными возвышеніями почвы, которымъ контрастъ низменныхъ равнинъ и водъ придаетъ живописный видъ. Такъ, одна цѣпь высотъ тянется на узкомъ полуостровѣ, раздѣляющемъ, у Нимвегена, теченіе Рейна. Даже въ рейнской дельтѣ, между Исселемъ и главнымъ рукавомъ рѣки, на сѣверѣ отъ Арнгема, возвышаются холмы, называемые Велювскими, — длинныя гряды, которыя въ сосѣдствѣ Арнгема и другихъ городовъ украшены рощами, садами, лугами, въ другихъ же мѣстахъ вездѣ покрыты верескомъ: это страна пчелъ по преимуществу; одно мѣстечко области Велюве, Фенендаль, сдѣлалось для Голландіи главнымъ рынкомъ по торговлѣ ульями и ихъ продуктами. Кромѣ того, эта область усѣяна древними дюнами, песокъ которыхъ, прикрѣпленный насажденіями, покрылся растительностью, и которыя въ иныхъ мѣстахъ образуютъ настоящія цѣпи холмовъ. Есть также нѣсколько странствующихъ песчаныхъ горокъ: близъ Оттерло, одна гряда подвижныхъ дюнъ покрывала недавно пространство больше 4.000 гектаровъ, и малѣйшее обнаженіе почвы имѣло слѣдствіемъ перемѣщеніе песковъ въ восточномъ направленіи, подъ вліяніемъ господствующаго западнаго вѣтра [2]). Въ прежнее время существовало особое должностное лицо, такъ называемый «графъ песковъ» (zand-graaf), на обязанности котораго лежало принятіе мѣръ предосторожности противъ этого бича; но услуги

[1]) „Bulletin de la Société belge de Géographie", № 6, 1877.
[2]) Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique".

[1]) Bauduin, „рукописныя замѣтки".
[2]) E. de Laveley, „Neerlande, Etudes d'économie rurale".

его оказались излишними съ той поры, какъ дюны были прикрѣплены насажденіями сосенъ и елей. Почва Нидерландовъ принимаетъ совершенную горизонтальность только въ низменной области болотъ и польдеровъ, которую воды высокаго прилива могли бы затопить, если бы плотины, защищающія ее со стороны моря, были вдругъ прорваны напоромъ волнъ. Но даже и на этихъ низменныхъ земляхъ встрѣчаются кое-гдѣ островные бугры: таковы Амерсфортскія высоты въ провинціи Утрехтъ, Голландскіе холмы близъ Амстердама, Замковый пригородъ посреди города Лейдена и «горы», на которыхъ построенъ городъ Бергенъ-опъ-Зомъ.

Эрратическіе камни, песокъ, илъ, принесенные плавающими льдинами и потоками воды, въ весьма значительной мѣрѣ способствовали образованію этихъ возвышеній почвы Голландіи: всѣ крупные каменные обломки, покрывающіе поверхность территоріи на пространствѣ отъ Гронингена до Тильбурга, суть отрывки горъ, разрушенныхъ атмосферными дѣятелями. Измельченныя скалы переносились въ Голландію изъ нѣсколькихъ центровъ разсѣянія. Черезъ долину Мааса прибыли кварцы и песчаники Арденновъ, которые встрѣчаются даже въ окрестностяхъ Герцогенбуша. Потоки Рейна принесли, между другими каменными обломками и землистыми частицами, гравій съ волкановъ Семигорья (Зибенгебирге). Равнины провинціи Дренты и Оверисселя, нѣкоторыя части провинціи Гронингена, Фрисландіи и даже потопленныя земли, отдѣлявшія прежде Зюйдерзе отъ океана, островокъ Уркъ и даже Тексель, покрыты обломками скандинавскаго происхожденія. По справедливому замѣчанію геолога Старинга, Карлъ XII, король шведскій, могъ бы предъявить притязаніе на территорію Нидерландовъ, какъ на обломокъ Норвегіи, съ такимъ же правомъ, съ какимъ впослѣдствіи Наполеонъ I требовалъ ее себѣ, какъ землю, образовавшуюся изъ наносовъ Рейна. На общихъ границахъ трехъ главныхъ аллювіальныхъ областей перемѣшаны песокъ и щебень различнаго происхожденія, такъ какъ потоки не переставали въ теченіе вѣковъ перемѣщаться вправо и влѣво. Волнообразныя возвышенія и пониженія почвы, образуемыя этими наносными формаціями, большею частію параллельны между собою; такъ, въ области Велюве, между Арнгемомъ и Вагенингеномъ, возвышенія почвы тянутся по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, а долины, раздѣляющія ихъ, вырыты въ видѣ бороздъ съ двойнымъ скатомъ, гдѣ ручьи, выходя съ общаго водораздѣльнаго хребта, текутъ въ противоположномъ направленіи: одни на юго-западъ—къ Рейну, другіе на сѣверо-востокъ—къ Исселю.

Главныя высоты Нидерландовъ (не считая прибрежныхъ дюнъ): Бешейльбергъ, или Убахсбергъ, близъ бельгійской границы — 210 метр.; Фальсербергъ, близъ Фальса, на западѣ отъ Ахена — 198 метр.; Сиббербергъ, близъ Фокемона или Фалькенбурга — 150 метр.; Синтъ-Питерсбергъ, близъ Маастрихта —123 метра; Имбошъ, близъ Дирена, на западѣ отъ Исселя—110 метр.; Геттенгейфель, близъ Геренберга — 105 метровъ; Виссельшебошъ, близъ Апельдорна — 103 метра; Мервійкъ, близъ Нимвегена — 97 метр.; Рувенбергъ, близъ Дирена, на западѣ отъ Исселя — 85 метр.; Лардергогте, близъ Нордена, въ Гойландѣ—32 м.; Амерсфортербергъ (Утрехтъ)—20 метр.

Эрратическіе камни, разсѣянные на поверхности земли и среди наносныхъ песковъ, значительно уменьшились съ начала историческихъ временъ. Въ древности большіе камни служили матеріаломъ для сооруженія грубыхъ надгробныхъ памятниковъ, а впослѣдствіи они постоянно употреблялись, смотря по ихъ размѣрамъ и химическому составу, на постройку зданій, на каменную настилку дорогъ, на добываніе извести. Несмотря на то, количество этихъ обломковъ скалъ было такъ велико, что и теперь еще ихъ находятъ во множествѣ при всякой раскопкѣ земли: прежде, когда происхожденіе этихъ валуновъ еще не было объясняемо въ школахъ нидерландскимъ крестьянамъ, послѣдніе думали, что камни сами собой растутъ въ окружающемъ ихъ пескѣ[1]). Холмы и ланды этихъ областей вездѣ отличаются отъ дюнъ морскаго прибрежья тѣмъ, что песокъ первыхъ крупнѣе и заключаетъ въ себѣ кристаллическіе камешки; кромѣ того, тамъ всегда находятъ на нѣкоторой глубинѣ слой аліоса, подобнаго аліосу французскихъ ландовъ и происходящаго также отъ разложенія вереска, который растетъ въ изобиліи на этихъ мало плодородныхъ земляхъ; аліосъ часто содержитъ желѣзо, но ни въ одной части Голландіи руда эта не встрѣчается въ пропорціи настолько значительной, чтобы ее выгодно было разрабатывать.

Тѣ области Нидерландовъ, грунтъ которыхъ исчезъ до наступленія текущей эпохи подъ обломками разрушенныхъ атмосферными дѣятелями горныхъ породъ, покрыты торфомъ на большихъ пространствахъ. Въ южной Фрисландіи и въ провинціи Гронингенъ есть торфяныя болота, занимающія тысячи гектаровъ; въ провинціи Дренте, гдѣ они образуютъ голландскую границу со стороны Германіи, эти массы обуглившихся растеній тянутся на территоріи еще гораздо болѣе обширной; въ провинціяхъ Оверисселъ и Гельдернъ также встрѣчаются весьма значительныя торфяныя равнины; область сѣвернаго Брабанта, извѣстная подъ именемъ Пель, нѣкогда представляла одинъ огромный трясущійся подъ ногами лугъ,

---

[1]) Staring, „Voormaals en Thans", p. 93.

окруженный на большой части его протяженія сухими песчаными ландами Кампины (Kempen). Въ прежнее время поверхность торфяниковъ была еще несравненно обширнѣе во всей восточной Голландіи: моховыя болота, которыя мы видимъ тамъ теперь,—это только остатки прежнихъ болотистыхъ пространствъ; рѣки, протекающія черезъ этотъ край, маленькія долины, выходящія на краяхъ плоской возвышенности, дороги, проведенныя отъ одной деревни до другой, и въ особенности каналы, перерѣзывающіе страну, позволили земледѣльцу аттаковать торфяное болото разомъ на тысячѣ пунктахъ и раздѣлить его на безчисленное множество кусковъ, которые съ каждымъ годомъ уменьшаются въ размѣрахъ.

Стволы деревьевъ, дубовъ, березъ и сосенъ, находимые во множествѣ въ глубокихъ слояхъ торфа, доказываютъ, что поверхность этихъ странъ, гдѣ въ наши дни нормальная растительность состоитъ изъ мховъ и вересковъ, была нѣкогда покрыта большими лѣсами. Доски, составлявшія настилку древнихъ «длинныхъ мостовъ» (pontes longi) и извлекаемыя теперь изъ торфа, напоминаютъ въ одно и то же время и о работѣ римлянъ, и о лѣсахъ, покрывавшихъ страну, ибо бревна, необходимыя для подобныхъ сооруженій, не могли быть привозимы издалека: ихъ, очевидно, срубали въ самомъ краѣ. Однако, всѣ эти древніе лѣса Голландіи уже не существовали въ началѣ прошлаго столѣтія, когда сдѣланы были первыя попытки разведенія лѣса въ нѣкоторыхъ обширныхъ имѣніяхъ провинціи Сѣверный Брабантъ. Въ области Гельдернъ къ новымъ насажденіямъ приступили только въ эпоху французскаго владычества, и еще позднѣе принялись за разведеніе древесной растительности на ландахъ, въ провинціяхъ Оверпссель и Дренте [1]). Сосны, остатки которыхъ находятъ въ такомъ огромномъ количествѣ въ торфяныхъ болотахъ края, не принадлежали уже, въ историческія времена, къ нормальной флорѣ Голландіи, и даже не безъ труда удалось акклиматизировать ихъ до такой степени, чтобы онѣ образовали цѣлые лѣса. Изъ этого видно, что со времени исчезновенія древнихъ лѣсовъ, поглощенныхъ торфяными болотами, въ климатѣ страны произошли существенныя перемѣны, такъ какъ растенія, нѣкогда туземныя, сдѣлались чужеземными.

Нерѣдко случалось, отъ неосторожности ли рабочихъ, или отъ какой-нибудь другой причины, что торфяныя болота загорались, и этотъ болотный пожаръ иногда продолжался по нѣскольку недѣль, прежде чѣмъ успѣвали остановить распространеніе его, окопавъ канавами все горящее пространство. Одно озеро, находящееся во Фрисландіи, недалеко отъ Зюйдерзе, занимаетъ, по преданію, мѣсто сгорѣвшаго торфяника. Разсказываютъ также, что въ 1593 году, въ эпоху войнъ противъ Испаніи, голландцы подожгли одно шоссе, построенное непріятелемъ черезъ болота, и тѣмъ преградили ему путь [1]). Встарину единственный способъ приготовить новину подъ пашни, употреблявшійся въ Голландіи, такъ же, какъ и въ сѣверной Германіи, состоялъ въ томъ, что послѣ періодовъ засухи зажигали торфяныя болота и затѣмъ на образовавшійся пепелъ сѣяли гречу; да и теперь еще не совсѣмъ оставленъ этотъ варварскій способъ, при которомъ улетучиваются безъ пользы почти всѣ питательныя соли почвы и въ добавокъ распространяются на цѣлыя страны тучи ѣдкаго дыма. Однако, съ шестнадцатаго столѣтія голландцы придумали болѣе разумный способъ обработки торфяниковъ, выкопавъ судоходные каналы, которые развѣтвляются на безчисленное множество маленькихъ каналовъ въ самыхъ заводахъ, гдѣ добывается торфъ: благодаря этимъ каналамъ, крестьяне легко могутъ очищать почву отъ всякаго слоя растительности, покрывающаго ея поверхность, примѣшивать къ грунту необходимыя удобренія и засѣвать его тѣмъ или другимъ хлѣбнымъ растеніемъ. При этомъ способѣ ничего не теряется: большая копь подъ открытымъ небомъ разрабатывается дочиста. Уже въ 1858 году геологъ Старингъ исчислялъ слишкомъ въ 200 милліоновъ франковъ цѣнность всего топлива, содержащагося въ торфяномъ болотѣ, площадь котораго около 20.000 гектаровъ, а средняя глубина не менѣе одного метра. Съ того времени цѣна торфа не переставала возрастать, тогда какъ запасы его значительно убавились: ежегодный приростъ торфяниковъ далеко недостаточенъ для того, чтобы пополнять убыль, происходящую отъ разработки ихъ человѣкомъ.

Можно съ большою вѣроятностью предсказать, что черезъ нѣсколько поколѣній торфъ возвышенныхъ ландовъ, все болѣе и болѣе дѣятельно утилизируемый промышленностью, исчезнетъ совершенно изъ Голландіи. Добыча торфа въ Нидерландахъ въ 1864 году, т.-е. въ послѣднемъ году, когда былъ взимаемъ акцизъ съ этого топлива, простиралась до 42.000.000 тоннъ [2]). Болота области Пель, которыя еще недавно тянулись на 50 километровъ въ длину и на 15 километровъ въ ширину, теперь уменьшились уже на три четверти своего протяженія [3]).

Съ распространеніемъ земледѣлія постепенно сглаживаются контрасты между различными областями, точно такъ же, какъ населенія сближаются и смѣшиваются между собою, утрачивая мало-по-малу то, что было слишкомъ свое-

[1]) Staring, „Voormaals en Thans".

[1]) Alph. Esquiros, „La Neerlande et la vie hollandaise".
[2]) Kuyper, „Рукописныя замѣтки".
[3]) Rijkeus, „Aardrijkskunde van Nederland".

образнаго въ ихъ отличительныхъ характерахъ.

Если «возвышенныя» торфяныя болота (hooge veenen) быстро уменьшаются въ размѣрахъ, то «низменные» торфяники (lage veenen) морскаго прибрежья съуживаются гораздо медленнѣе подъ усиліями земледѣльцевъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они даже сдѣлались настоящимъ геологическимъ слоемъ, составляющимъ отнынѣ нераздѣльную часть земной оболочки. Подъ дюнами морскаго берега тянутся слои торфа, превратившіеся, вслѣдствіе испытываемаго ими сверху давленія, въ твердыя массы; въ другихъ мѣстахъ ихъ находятъ на разныхъ глубинахъ подъ слоями глины или подъ грунтомъ, съ давнихъ поръ преобразованнымъ въ пахатныя поля; промѣры глубины моря обнаружили ихъ также подъ дномъ мор-

Торфяники въ окрестностяхъ Дортрехта.

скимъ въ сосѣдствѣ береговъ. Дно озеръ Фрисландіи и другихъ восточныхъ провинцій почти вездѣ состоитъ изъ торфа; наполняющая эти озерные бассейны вода, насыщенная дубильнымъ веществомъ, имѣетъ фіолетовый, даже черноватый оттѣнокъ, составляющій яркій контрастъ съ зеленью прибрежныхъ камышей и луговъ [1]). Въ подобной области большая часть почвы состоитъ изъ губчатыхъ массъ, которыя поднимаются и опускаются съ наводненіями; луга, поддерживаемые скрытыми водами, трясутся подъ ногами,—какъ говоритъ одна мѣстная пословица, het land leeft, «земля живетъ». Плавающіе острова, состоящіе изъ растительныхъ остатковъ, встрѣчаются во множествѣ на озерахъ, и иногда эти острова путешествуютъ отъ одного берега къ другому, гонимые сильнымъ вѣтромъ. Даже въ историческія времена, послѣ того, какъ очертанія озеръ и болотъ Голландіи почти установились, нерѣдко бывали примѣры странствующихъ земель, подъ именемъ drijftillen въ Фрисландіи и rietzoden въ Голландіи. Такъ, въ 1509 году одинъ плавающій лугъ, на которомъ паслось нѣсколько коровъ, былъ перенесенъ вѣтромъ съ одного края залива Доллартъ къ противоположному берегу; онъ остановился на Рейндерландѣ, въ провинціи Гронингенъ, при чемъ ни съ однимъ изъ животныхъ не случилось никакого несчастія во время этой странной переправы [2]). Крестьяне завладѣваютъ плавающими лугами и разрѣзываютъ ихъ на плоты, которые они потомъ, въ періодъ разлива водъ, переводятъ въ лужи, гдѣ нужно поднять почву. Инженеры также пользуются этими drijftillen для большихъ гидравлическихъ сооруженій. Такъ, ящики цвольшединскихъ жете, которыя вдаются почти на 6.000 метровъ въ Зюйдерзее, были наполнены плавучимъ дерномъ, извлеченнымъ изъ сосѣднихъ озеръ Ваннерперфенъ; раздѣливъ эти острова на площадки въ 15 метровъ длины и 2 метра ширины, четыре человѣка помѣщались на этотъ губчатый плотъ и отводили его въ жете, гдѣ онъ былъ тотчасъ же потопляемъ, нагруженный большими камнями [3]). Но очень многія изъ торфяныхъ озеръ уже давно опорожнены, и бывшее дно ихъ покрыто слоемъ высохшихъ растеній, которыя огородники употребляютъ какъ удобреніе, глубоко раскапывая почву для устройства своихъ огородовъ. Такъ, напримѣръ, у самыхъ воротъ Амстердама, бывшее глубокое торфяное озеро или болото, Димермеръ или Ватерграфсмеръ, очищенное въ три года, съ 1626 по 1629, образуетъ теперь котловину, лежащую на 4 съ половиною метра ниже уровня залива

[1]) H. Havard, „La Hollande pittoresque; les Frontières menacées“.

[2]) G. A. Venema, „Veranderingen welke onze Zeekusten hebben ondergaan“.

[3]) E. de Laveleye, „Neerlande, Etudes d'économie rurale“.

Ій; плотина, уставленная водокачальными насосами, защищаетъ эту древнюю лагуну отъ напора сосѣдняго моря [1]).

Низменныя торфяныя болота, въ которыхъ средняя толщина торфа 4 метра въ собственн такъ называемой Голландіи и только 2 метра на западѣ отъ Зюйдерзее, заключаютъ не т же самыя породы деревъ, какія встрѣчаютс въ возвышенныхъ торфяникахъ. Въ первых находятъ много орѣшника, дерева, въ наш дни рѣдкаго въ краѣ; стволы ивы, берез ясени, которыхъ не содержатъ другіе торф ники, часто встрѣчаются въ прибрежныхъ то фяныхъ болотахъ, тогда какъ сосны въ послѣ нихъ отсутствуютъ. Замѣчательно, что, вслѣ ствіе сотрясенія поверхностныхъ слоевъ то фяныхъ болотъ, поглощенные древесные ств лы мало-по-малу поднимаются; растенія на тѣмъ мѣстомъ, гдѣ скрыто поваленное дере начинаютъ постепенно чахнуть, затѣмъ вдру изъ-подъ земли высовывается самое дерев точно крокодилъ, вылѣзающій изъ тины, и тог его можно безъ труда извлечь изъ почвы [2]). Кромѣ того, въ подвижной почвѣ торфянико были открыты въ большомъ числѣ останки животныхъ, а также предметы, сдѣланные рук человѣка, и всѣ музеи Голландіи имѣютъ эт любопытные остатки прошлаго. Раковины, н ходимыя цѣлыми грудами въ слояхъ обугли шихся мховъ, всѣ принадлежатъ къ прѣсн воднымъ видамъ,—доказательство, что море н принимало никакого участія въ образовані торфяниковъ. Однако, такъ многочисленны бы ли колебанія почвы въ приморской полосѣ Н дерландовъ, что простая канава, выкопанн въ болотѣ до глубины менѣе 2 метровъ, прох дитъ иногда черезъ семь различныхъ слоев въ бельгійскомъ торфяникѣ, находящемся бли Гемпса, и на который много походятъ низменныя торфяныя болота (lage veenen) Голландіи, четыре пласта торфа, уже образовавшагося или образующагося, чередуются съ однимъ рѣчнымъ слоемъ и двумя слоями, содержащими морскихъ раковинъ [3]). Большая часть торфяныхъ болотъ прибрежья были заливаемы морскими водами и до такой степени пропитались ими, что прибрежные жители долгое время имѣли обыкновеніе сжигать торфъ, съ цѣлью извлеченія изъ него соли [4]). Зеландцы отказались отъ этого промысла только въ послѣднія столѣтія, когда убѣдились въ невозможности выдерживать конкурренцію съ морскими торговцами, начавшими привозить соль изъ Франціи, Португаліи и Испаніи

[1]) Staring, „Voormaals en Thans“.

[2]) Staring, „Voormaals en Thans“.

[3]) Henry Debray, „Etude géologique et archéologique de quelques tourbières de littoral flamand“, цитируемый г. Э. Дежарденомъ въ „рукописной замѣткѣ“.

[4]) A. de Laveleye, „Affaissement du sol et envasement des fleuves“.

II.

Соленость нѣкоторыхъ торфяныхъ болотъ морскаго прибрежья есть одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о чередованіи прѣсныхъ и соленыхъ водъ на почвѣ низменной Голландіи. Раскопки и буренія почвы, сдѣланныя въ разныхъ частяхъ территоріи, повѣствуютъ о непрерывной борьбѣ, которая продолжается изъ вѣка въ вѣкъ между землей и океаномъ изъ-за обладанія этою спорною областью въ послѣдніе геологическіе періоды. Одинъ колодезь, выкопанный въ Горинхемѣ, на берегу Мааса, до глубины 120 метровъ, проходитъ вездѣ черезъ слои, наполненные морскими раковинами и составляющіе рѣзкій контрастъ съ верхними пластами, гдѣ встрѣчаются остатки наземныхъ и прѣсноводныхъ животныхъ [1]). Точно также, при копаніи доковъ въ Амстердамѣ, открыли подъ твердою землей древніе берега, гдѣ раковины морскихъ видовъ, принадлежащихъ къ текущей геологической эпохѣ, находятся въ значительномъ количествѣ и гдѣ разсѣяны также останки сѣвшихъ на мель или выброшенныхъ на берегъ китовъ; одинъ изъ пластовъ, которые тянутся подъ столицей Голландіи, до такой степени изобилуетъ маленькими организмами морскаго происхожденія, что ему дали особое названіе: глина съ діатомеями [2]). Въ городѣ Утрехтѣ при буреніи на одной изъ площадей артезіанскаго колодца были обнаружены несомнѣнные признаки пребыванія нѣкогда морскихъ водъ въ этой мѣстности, находящейся нынѣ на разстояніи 55 километровъ по прямой линіи отъ берега моря. На глубинѣ 134 метровъ подъ поверхностью земли, пройдя передъ тѣмъ слой глины, толщиною около 40 метровъ, образовавшійся изъ рѣчныхъ наносовъ, буровой снарядъ вступилъ въ раковистые пласты, гдѣ встрѣчаются исключительно виды, принадлежащіе къ нынѣшней морской фаунѣ; затѣмъ на глубинѣ отъ 164 до 169 метровъ земныя и прѣсноводныя раковины перемѣшаны съ морскими моллюсками, что произошло, по мнѣнію Гартинга, оттого, что берегъ моря доходилъ тогда до этого уровня: слѣдовательно, съ той эпохи почва этой части Голландіи понизилась на 169 метровъ. Ниже, до глубины 219 метровъ, морскія раковины все еще тождественны съ раковинами нынѣшнихъ морей; но подъ этимъ слоемъ онѣ смѣшаны съ болѣе древними видами. Вѣроятно, на этой глубинѣ начинается пліоценовая формація, аналогичная съ песчаными отложеніями Бельгіи, которымъ Дюмонъ далъ названіе «скальдизійской системы» [3]).

[1]) Staring, „Voormaals en Thans".

[2]) Harting, „De Bodem onder Amsterdam, Verhandelingen van het Instituut van Wetenschappen", 1852

[3]) Письмо фанъ-Клемейдека къ Девальку, сообщенное Карломъ фанъ-Уффордъ.

Въ наши дни человѣкъ, поселившійся на этой почвѣ въ прочныхъ и постоянныхъ жилищахъ, закрѣпилъ плотинами контуры твердой земли, на которой расположены его дома, поля и огороды; но если бы силы природы были предоставлены самимъ себѣ, то вся область низменной Голландіи тотчасъ же сдѣлалась бы неопредѣленною землею, которую воды моря оспаривали бы у рѣчныхъ наносовъ. Правда, океанъ, поднимая пески со своихъ отмелей, самъ воздвигаетъ валъ дюнъ на берегахъ и такимъ образомъ установляетъ свои собственные предѣлы; но эти подвижные песчаные бугры засариваютъ русло рѣкъ и заставляютъ ихъ разливаться по сторонамъ, въ видѣ озеръ или болотъ. Въ случаѣ увеличенія напора этихъ внутреннихъ водъ, песчаный береговой кордонъ можетъ быть прорванъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, смотря по объему выступившей изъ береговъ воды и по силѣ и направленію вѣтровъ, помогающихъ жидкой массѣ искать себѣ новаго выхода. Тамъ, гдѣ широкіе лиманы не проникаютъ далеко внутрь материка, разрывы, образовавшіеся въ системѣ дюнъ, постепенно замыкаются сами собой; рѣки, задерживаемыя въ своемъ теченіи грудами песку, снова превращаются въ озера и затѣмъ, найдя себѣ выходъ, опять изливаются въ море, въ видѣ временныхъ потоковъ; земля и воды смѣшиваются въ однообразную массу: вода становится тиной, а земля—жидкостью. Во многихъ мѣстахъ можно опредѣлить, каковы были нѣкогда размѣры бассейновъ солоноватой воды, которые поясъ дюнъ задерживалъ внутри материка, какъ гафы Балтійскаго моря: залежи глины и слои раковинъ, встрѣчаемые въ разстояніи 5 метровъ подъ поверхностью почвы, показываютъ даже прежнюю глубину этихъ лимановъ. Находимыя тамъ раковины не принадлежатъ къ фаунѣ открытаго моря, но онѣ тождественны съ видами моллюсковъ, водящихся въ зеландскихъ лиманахъ и въ Зейдерзее [1]).

Почва низменной Голландіи, которую поочередно покрывали воды моря и рѣкъ, сохранила, по крайней мѣрѣ по виду, горизонтальность жидкой поверхности. Въ этихъ равнинахъ, какъ на океанѣ, поверхность земли до такой степени ровная, что кривизна планеты отчетливо обнаруживается: плывя, напримѣръ, по большому сѣверо-голландскому каналу, замѣчаешь остроконечныя крыши мельницъ Заандама и Заандійка задолго до того времени, когда сдѣлаются видимыми кольцеобразныя галлереи и дома, находящіеся при основаніи этихъ крышъ; большія, окруженныя деревьями фермы, которыя видны издалека, когда проѣзжаешь по низменной Фрисландіи, походятъ на острова зелени. Почва имѣетъ нечувствительный скатъ, и пересѣкающія эту горизонтальную равнину

[1]) Staring, „Voormaals en Thans".

рѣки, сдерживаемыя нынѣ крѣпкими плотинами, могли бы течь безпрепятственно по всѣмъ направленіямъ, если бы прибрежные жители захотѣли дать имъ истокъ въ правую или въ лѣвую сторону: можно сказать, что вся низменная область Голландіи составляетъ ихъ естественное ложе: нѣтъ ни одной мѣстности на этихъ равнинахъ, гдѣ бы не проходили когда-нибудь проточныя воды. Поэтому было бы очень трудно прослѣдить всѣ уклоненія отъ первоначальнаго направленія, всѣ блужданія голландскихъ рѣкъ: эти потоки, такъ сказать, странствовали по всѣмъ областямъ территоріи. Даже на островѣ Уркъ, лежащемъ теперь по срединѣ залива Зюйдерзее, нашли признаки древняго теченія какого-то рукава Рейна или Исселя: прѣсноводныя инфузоріи, открытыя въ торфяникахъ острова, подъ слоемъ аллювіальной глины, служатъ доказательствомъ, что тутъ нѣкогда проходила рѣка, поглощенная волнами залива, вмѣстѣ съ равнинами, которыя она орошала[1]).

Въ началѣ историческаго періода, Рейнъ, Rhenus bicornis (двурогій) Виргилія, вступающій въ предѣлы Голландіи на высотѣ отъ 15 до 18 метровъ, смотря по объему его водъ, дѣлился, какъ и въ наши дни, на двѣ главныя вѣтви; но древніе писатели говорятъ также о болѣе многочисленныхъ развѣтвленіяхъ. Главный рукавъ, именно лѣвый, извѣстенъ былъ въ древности подъ именемъ Геліуса или Ваала, которое онъ носитъ до сихъ поръ, и такъ же, какъ въ наше время, онъ соединялся тогда съ Маасомъ и вмѣстѣ съ этою рѣкой изливался въ море черезъ широкое устье. Плиній, Тацитъ и другіе древніе писатели упоминаютъ еще объ одномъ рукавѣ, который сохранялъ свое имя до самаго моря, и подъ которымъ они, какъ полагаютъ, подразумѣвали лейденскій «Старый Рейнъ». Что касается того рукава Рейна, который впадалъ въ озеро Флево, то должны ли мы видѣть въ немъ, по общепринятому, со времени Клювье, мнѣнію, «Старый Иссель», Oude Ijssel, соединенный съ Большимъ Рейномъ, выше Арнгема, посредствомъ искусственнаго канала, вырытаго по приказанію Друза, отца Германика и Клавдія, или этотъ fossa Drusiana (Друзовъ каналъ) нужно искать въ какой-либо другой части Нидерландовъ? Несомнѣнно то, что вся равнина, по которой нынѣ течетъ рукавъ Рейна, принимаемый за древній каналъ, представляетъ широкую аллювіальную равнину, образовавшуюся изъ рейнскихъ наносовъ, окаймленную на западѣ правильными склонами плоскогорья Велюве и поднимающуюся на востокѣ пологимъ скатомъ къ землямъ, которыя, среднимъ числомъ, возвышаются на 12 метровъ надъ уровнемъ рѣки. Нигдѣ не видно никакого признака откосовъ перекопа (купюра), который, натурально, долженъ бы быть довольно узкимъ для рва этой глубины, и при томъ многочисленные ручьи, даже рѣки, спускающіеся къ Исселю, соединяются, на той и другой сторонѣ, съ этою рѣкой не посредствомъ рѣзкихъ сліяній, но посредствомъ ложъ нормальной формы, красиво изогнутыхъ въ направленіи долины. Если каналъ былъ вырытъ въ той части дельты, гдѣ его отыскиваютъ, то онъ только прошелъ черезъ древніе рейнскіе наносы, какъ это доказываютъ самое свойство почвы и видъ земель. Точно также Старый Иссель, текущій параллельно Большому Рейну, отъ Везельскихъ равнинъ до Десборга, есть, повидимому, не что иное, какъ старое русло Рейна: здѣсь, вѣроятно, проходила эта рѣка, прежде чѣмъ теченіе ея уклонилось влѣво, къ низменной Голландіи и къ Маасу. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, каналъ Друза, который вырылъ этотъ искусственный путь для того, чтобы пробраться со своимъ флотомъ въ Сѣверное море, соединялъ рейнскую вѣтвь Исселя, тогда еще существовавшую, съ теченіемъ Дрентенскаго Фехта, ибо эта рѣка, въ то время гораздо болѣе развитая, чѣмъ въ наши дни, изливалась прямо въ заливы Фрисландіи черезъ старый морской рукавъ Миддельзее, который и теперь еще можно безъ труда распознать между двумя древними островами Вестерго и Эстерго [1]).

Даже въ очень недавнюю эпоху мѣсто бифуркаціи Рейна передвинулось, отчасти благодаря вмѣшательству человѣка. Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія эта рѣка дѣлилась на двѣ вѣтви на нѣмецкой территоріи, у форта, называемаго Шенкеншанцъ; но такъ какъ южная вѣтвь рѣки съ каждымъ годомъ увеличивалась въ ущербъ сѣверной, то, для возстановленія равновѣсія, принуждены были прорыть, въ 10 километрахъ ниже, уже на голландской землѣ, водоотводный каналъ между большимъ рукавомъ, или Вааломъ, и малымъ рукавомъ, или Нижнимъ Рейномъ. Этотъ каналъ былъ прокопанъ выше деревни Паннерденъ; но такъ какъ и послѣ того Ваалъ продолжалъ получать, въ періодъ разлива, слишкомъ большое количество воды, то потребовались новыя работы, при помощи которыхъ и была урегулирована точнымъ образомъ жидкая масса, слѣдуемая на долю каждой изъ двухъ вѣтвей рѣки, раздѣленныхъ длинною каменною плотиною. Ваалъ получилъ двѣ трети рейнской воды, а остальная треть была направлена въ Паннерденскій каналъ, который сохраняетъ названіе Рейна, не будучи настоящею рѣкой. Кромѣ того, старое сѣверное русло было запружено, ниже укрѣпленія Шенкеншанцъ, невысокой плотиною, позволяющею водамъ изливаться туда, какъ только онѣ поднимутся на 2 метра выше средняго

[1]) Alph. Esquiros, „Le Néerlande et la vie hollandaise“.

[1]) Arends, „Physikalische Geschichte der Nord-See-Küsten“; Belpaire, „Plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark“; Staring, „Voormaals en Thans“.

уровня. Другіе резервуары для спуска воды, устроенные за деревней Паннерденъ, даютъ возможность регулировать воды разлива и поддерживать въ обоихъ руслахъ нормальную пропорцію, опредѣленную конвенціей 1771 года.

Заандамскія мельницы.

Нижній Рейнъ (Neder Rijn), уносящій такимъ образомъ треть рейнскихъ водъ, сохраняетъ эту массу жидкости только на протяженіи какихъ-нибудь 10 километровъ. Близъ деревни Вестервотъ, къ востоку отъ Арнгема, онъ дѣлится на два рукава, относительная доля которыхъ также была регулирована въ восемнадцатомъ столѣтіи такимъ образомъ, что одну треть всего объема воды получилъ правый рукавъ, а двѣ другія трети—главный потокъ, который на этотъ разъ сохраняетъ названіе Рейна. Выдѣляющаяся изъ него вѣтвь извѣстна подъ именемъ Гельдернскаго Исселя, извили-

стыя воды котораго изливаются на Зюйдерзее посредствомъ дельты, соединенной многочисленными каналами съ устьемъ Фехта. Что касается Нижняго Рейна, то онъ течетъ прямо на западъ; но этотъ рукавъ удерживаетъ всѣ свои воды только въ меженное время или при среднемъ уровнѣ, ибо въ періодъ разлива многочисленные водоспуски, устроенные въ Вагенингенѣ, ниже холмовъ Велюве, отбрасываютъ часть излишней воды въ ложе Эма и черезъ эту рѣку въ заливъ Зюйдерзее, тогда какъ другая часть уходитъ въ Ваалъ черезъ шлюзы, открываемые въ плотинахъ около города Кулемборга.

Но уже выше этого города, при городкѣ Вейкъ-бей-Дуурстеде, Рейнъ теряетъ свое имя и принимаетъ другое, именно Лекъ. Потокъ, сохраняющій имя великой рѣки, получаетъ свои воды только черезъ шлюзы, устроенные въ боковой плотинѣ рѣки и запираемые по желанію: это такъ называемый «Кривой» или «Извилистый» Рейнъ (Kromme Rijn), который проходитъ черезъ городъ Утрехтъ; онъ развѣтвляется на многочисленные каналы съ едва замѣтнымъ теченіемъ, вслѣдствіе котораго ихъ можно, пожалуй, называть рѣками: таковы, между прочимъ, Утрехтскій Фехтъ и Амстель, на берегу которой стоитъ главный городъ Голландіи. На западѣ отъ Утрехта, Рейнъ, превратившійся также въ каналъ съ очень медленнымъ теченіемъ, но сохранившій, по крайней мѣрѣ, видъ рѣки своими многочисленными извилинами, течетъ прямо къ морю. Въ римскую эпоху эта часть Рейна разливалась по сторонамъ, вслѣдствіе чего образовались скопленія стоячей воды или болота; на это указываетъ тотъ фактъ, что римлянинъ Корбулонъ, чтобы дать занятіе своимъ солдатамъ, велѣлъ выкопать отъ Рейна къ Маасу, параллельно морю, водоотводный каналъ, какъ полагаютъ тотъ самый, который впослѣдствіи носилъ названіе Oude Vliet или «Старый потокъ», и который проходилъ черезъ Дельфтъ и Маасслюйсъ [1]). Но этотъ каналъ скоро засорился; уже около тысячи лѣтъ тому назадъ [2]) ослабленная волна лейденскаго Рейна не въ состояніи была болѣе пробивать линію дюнъ, которая тянется по берегу океана на западъ отъ Катвейка, и наибольшая часть водъ этой рѣки разливалась по бокамъ, образуя болота, которыя, распространяясь все далѣе и далѣе, должны были рано или поздно соединиться въ одно внутреннее море съ Гарлемскимъ озеромъ. Чтобы осушить и ассенизировать почву, въ 1571 году открыли водамъ Рейна выходъ черезъ дюны; но пески снова скопились большими грудами и заперли устье. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно въ 1806 году, инженеру Конраду удалось выкопать старому Рейну прочное русло, гарантированное отъ нашествій моря, такъ же, какъ и отъ вторженій песковъ, колоссальными шлюзами, которые еще недавно считались однимъ изъ тріумфовъ человѣческаго искусства. Шлюзы эти запираются при высокомъ приливѣ, и только въ часы отлива пропускаютъ воды Рейна, называемаго также «висѣличнымъ потокомъ» (Galge Water). Общій стокъ воды въ старомъ Рейнѣ, измѣренный по количеству ея, выпускаемому черезъ шлюзы, равнялся 1.243.100.000 куб. метрамъ въ продолженіе восьми лѣтъ: это составляетъ менѣе 4 метровъ въ секунду, слѣдовательно менѣе пятисотой части объема водъ, протекающихъ въ ложѣ Рейна.

Расходъ воды въ Рейнѣ въ секунду времени:

Въ періодъ мелководья—1.000 до 1.200 куб. метровъ; въ періодъ средняго стоянія—1.975 кубич. метровъ (по Маршалю); въ періодъ разлива [1])—8.000 до 10.000 куб. метровъ.

Рукавъ Лекъ—искусственнаго происхожденія, по крайней мѣрѣ въ большей части своего протяженія; полагаютъ, что это каналъ, вырытый, по приказанію Цивилиса, въ 71 году нашей эры, и посредствомъ котораго главный потокъ средняго Рейна былъ отброшенъ въ лѣвую сторону [2]). Съ того времени Лекъ, бѣгущій по аллювіальной землѣ, много разъ мѣнялъ свое теченіе, развертывая свои излучины по правой и по лѣвой сторонѣ отъ стараго разрѣза; кромѣ того, шлюзы спускаютъ часть его водъ въ Ваалъ, и онъ сообщается съ многочисленными каналами, которые прежде были естественными потоками. Потокъ, извѣстный подъ именемъ Голландскаго Исселя (Hollandsche Ijssel), извивающійся въ равнинахъ около города Гуда, на сѣверо-востокѣ отъ Роттердама, сохранилъ видъ древней рѣки; однако онъ течетъ попеременно, то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, спускаясь къ роттердамскому «Маасу», или самъ получая воду изъ этой рѣки, смотря по колебаніямъ прилива и отлива. Голландскій Иссель служитъ также для двоякой цѣли, смотря по временамъ года: въ зимніе мѣсяцы онъ принимаетъ въ себя излишнюю воду съ прибрежныхъ луговъ, а въ лѣтнюю пору онъ орошаетъ эти самые луга посредствомъ системы ирригаціонныхъ канавокъ [3]).

Ниже бифуркаціи у селенія Паннерденъ, Ваалъ, то-есть истинный Рейнъ, удерживаетъ теперь всю массу своихъ водъ. Еще недавно значительная часть его теченія изливалась въ Маасъ черезъ узкій перешеекъ, на которомъ стоитъ крѣпость св. Андрея, или Синтъ-Андрисъ; но съ 1856 года ложе обѣихъ рѣкъ урегулировано крѣпкими запрудами: прежній ис-

[1]) Cluvier, Ernest Desjardins, „Géographie de la Gaule romaine".
[2]) Staring, „Voormaals en Thans".

[1]) Kuyper, „рукописныя замѣтки".
[2]) Ernest Desjardins, „Géographie de la Gaule romaine".
[3]) A. Lavertujon. „Bulletin de la Société de Géographie", oct. 1872.

токъ замѣненъ простымъ судоходнымъ каналомъ, и Ваалъ, сохраняя свою рѣчную индивидуальность, продолжаетъ течь до Вудрихема, гдѣ онъ принимаетъ въ себя Маасъ, жидкая масса котораго, среднимъ числомъ, въ десять разъ менѣе обильна; въ римскую эпоху эта рѣка продолжала свое теченіе въ западномъ направленіи, слѣдуя приблизительно по ложу, занимаемому нынѣ Oude Maasje, то-есть «Старымъ Маасомъ», затѣмъ, пройдя равнины, превратившіяся впослѣдствіи въ затопленныя пространства Бисбоша, она изливалась въ рейнскій лиманъ. На западѣ отъ нынѣшней точки соединенія, имя Мааса опять появляется во многихъ мѣстахъ на картахъ и въ народной рѣчи. Такъ рукавъ, проходящій между Роттердамомъ и островомъ Иссельмонде, называется «Маасомъ», да и лиманъ, омывающій сѣверный берегъ острова Форна, тоже извѣстенъ у моряковъ подъ именемъ «Мааса»; но на самомъ дѣлѣ почти вся вода Мааса, смѣшанная съ водой Ваала, соединяется съ морскою волной въ каналахъ Бисбоша, въ заливѣ Голландше-Дипъ и Гарингфлитъ. Въ Роттердамѣ смѣшанная вода Лека, Ваала и Мааса еще годна для питья; она принимаетъ немного солоноватый вкусъ только въ періодъ морскаго прилива, который гонитъ рѣчныя воды назадъ, внутрь страны, верстъ на сто вверхъ отъ устья [1]. Что касается Гарингфлита и большихъ лимановъ Зеландіи, которымъ дали названіе «устьевъ Мааса», то это не что иное, какъ рукава моря или проливы: къ рѣкамъ они принадлежатъ только по имени.

Однако, если роттердамскій «Маасъ» давно уже пересталъ быть Маасомъ, и лейденскій «Рейнъ» пересталъ быть Рейномъ, то эти имена, тѣмъ не менѣе, имѣютъ большую важность съ исторической точки зрѣнія; ибо они служатъ лучшимъ доказательствомъ перемѣщенія, которому подверглось теченіе этихъ рѣкъ съ той поры, какъ цивилизованный человѣкъ водворился въ этой странѣ. Рейнъ и Маасъ, такъ же, какъ Шельда, постоянно уклонялись въ лѣвую сторону и обнаруживаютъ стремленіе удаляться все болѣе и болѣе къ югу, хотя вращательное движеніе земли по направленію отъ запада къ востоку имѣетъ слѣдствіемъ, для большей части потоковъ сѣвернаго полушарія, постепенное уклоненіе въ правую сторону отъ ихъ первоначальнаго теченія. Рѣки Голландіи перемѣстились въ направленіи прямо противоположномъ ихъ нормальному движенію: Рейнъ и Маасъ текутъ съ юга на сѣверъ, по направленію общей покатости континента, во всей гористой области своего бассейна; но, вступивъ въ предѣлы подвижныхъ земель Нидерландовъ, они тотчасъ же сворачиваютъ съ своего естественнаго пути. Весьма вѣроятно, что

[1]) Kuyper, „рукописныя замѣтки“.

въ отдаленные вѣка, предшествовавшіе исторической эпохѣ, двѣ названныя рѣки продолжали течь прямо на сѣверъ, по равнинамъ, открывающимся между невысокими плато провинціи Гельдернъ, но затѣмъ съ незапамятныхъ временъ эти древнія ложа были ими покинуты, и обѣ рѣки все болѣе и болѣе отступали къ западу: теперь онѣ начинаютъ отклоняться въ юго-западномъ направленіи.

Причины этого анормальнаго уклоненія рѣкъ Голландіи заключаются въ неравномѣрности морскаго прилива. На пространствѣ отъ входа въ заливъ Зюйдерзее до входа въ Антверпенскій Гонтъ, разность между уровнемъ прилива и отлива постепенно увеличивается: въ то время, какъ на берегахъ Текселя вода моря поднимается и опускается только на 75 сантиметровъ выше и ниже средняго горизонта, въ устьяхъ Шельды приливъ превышаетъ это среднее стояніе жидкой массы по высотѣ, а отливъ по глубинѣ на 2 метра 36 сантиметровъ; слѣдовательно, разность между наибольшимъ и наименьшимъ уровнемъ водъ болѣе, чѣмъ утроилась. Такъ, въ часы отлива, море, омывающее берега Голландіи въ собственномъ смыслѣ, остается болѣе высокимъ, чѣмъ на берегахъ Зеландіи, и, слѣдовательно, скатъ рѣкъ къ югу становится болѣе сильнымъ; рѣки въ это время имѣютъ стремленіе подтачивать свой берегъ, и съ этой именно стороны лиманы постоянно углубляются. Въ часы прилива море вздымается выше на южныхъ берегахъ Нидерландовъ, но движеніе водъ измѣняется: вмѣсто того, чтобы направляться къ открытому морю, онѣ проникаютъ въ рѣчныя устья, и стремительность ихъ тѣмъ больше, чѣмъ круче ихъ скатъ. А такъ какъ самая крутая покатость—съ южной стороны, то тамъ, разумѣется, потоки отличаются наибольшею силой движенія и тамъ же образуются самые глубокіе фарватеры [1]). До тѣхъ поръ, пока берега рѣкъ и составляющихъ ихъ продолженіе лимановъ не будутъ окончательно укрѣплены высокими, неприступными для водъ, плотинами, плотины южныхъ береговъ постоянно будутъ наиболѣе подвержены захватамъ моря.

Океанъ поочередно является «покровителемъ и врагомъ» Голландіи—Protector et hostis—какъ гласитъ надпись на одной старинной зеландской медали [2]): онъ защищаетъ ее во время войны, носитъ ея корабли, приноситъ на ея берега плодородный аллювій, но онъ же грозитъ ей постояннымъ подтачиваніемъ и размываніемъ береговъ и страшными наводненіями.

Лѣтописи борьбы, которую выдерживаютъ голландцы противъ водъ моря и рѣкъ, ведутся

[1]) Alph. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu' au Danemark“.

[2]) Meyners d'Estrey, Danemark, „Explorateur“, № 63, t. III.

аккуратно только начиная съ эпохи, обнимающей небольшое число столѣтій; но уже съ самыхъ первыхъ временъ батавской исторіи народныя преданія и хроники повѣствуютъ объ этой неустанной борьбѣ: нашествія моря, захваты человѣка въ области болотистыхъ пространствъ морскаго прибрежья—таковы альтернативы, отъ которыхъ зависѣло самое существованіе націи. Придерживаясь только такихъ событій, достовѣрность которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія, можно насчитать сотни случаевъ вторженія моря въ предѣлы материка. Въ 839 г. сильная буря нагнала воду изъ моря во всѣ низменныя мѣстности Фрисландіи и разрушила около 2.500 человѣческихъ жилищъ; двадцать лѣтъ спустя, Рейнъ опустошилъ свои берега и вырылъ себѣ новое устье. Въ продолженіе одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій наводненія становятся до такой степени часты, что прибрежные жители, изъ опасенія быть потопленными вмѣстѣ съ землей, на которой они обитали, принуждены были спасаться бѣгствомъ и искать убѣжища у своихъ сосѣдей и у чужихъ народовъ. Въ 1170 году, во время страшнаго прилива въ праздникъ всѣхъ святыхъ, начинается разрушеніе перешейка, соединявшаго полуостровъ Голландію съ Фрисландіей, на сѣверѣ отъ озера Флево. Въ слѣдующемъ столѣтіи дѣло разрушенія было окончено: озеро превратилось въ Зюйдерзее или «Южное море», Флиландъ и Тершеллингъ были раздѣлены совершенно и образовали двѣ самостоятельныя земли, благодаря безразсуднымъ работамъ канализаціи, предпринятымъ во владѣніяхъ одного аббатства [1]), и отъ разрушеннаго прибрежья остались только острова и островки, непрерывно подтачиваемые морскою волной. Въ теченіе этого тринадцатаго столѣтія, самаго страшнаго вѣка въ исторіи Голландіи, лѣтописцы насчитываютъ не менѣе тридцати пяти большихъ наводненій, и, по словамъ ихъ, во время этихъ ужасающихъ катастрофъ, цѣлыя населенія исчезали съ лица земли: въ 1221, въ 1230, въ 1242, въ 1277, въ 1287 годахъ море каждый разъ поглощало, будто бы, отъ сорока тысячъ до ста тысячъ жителей; одно изъ наводненій, во время котораго открылся заливъ Доллартъ, разрушило, въ прибрежныхъ равнинахъ Эмса, городъ Торумъ и около пятидесяти деревень, тогда какъ на сѣверѣ Фрисландіи оно образовало заливъ Лауверзее и потопило обитаемыя земли, отъ которыхъ остался только островокъ Ширмонникогъ, узкая полоса берега, заключенная между дюной и плотиной. Въ четырнадцатомъ столѣтіи, именно въ 1377 г., зеландская Фландрія была совершенно залита, при чемъ городъ Питъ исчезъ съ лица земли, такъ же, какъ девятнадцать другихъ мѣстечекъ и селеній, изъ которыхъ только одно, Бирфлитъ, снова поднялось впослѣдствіи. Заливъ Зюйдерзее, постоянно расширявшійся и углублявшійся вслѣдствіе вторженій моря, скоро сдѣлался доступнымъ для большихъ купеческихъ кораблей, которые стали посѣщать порты Энкгуйзенскій и Амстердамскій, тогда какъ внутри материка мало-по-малу разростались, вслѣдствіе размыванія ихъ болотистыхъ береговъ, маленькія озера, которыя впослѣдствіи соединились и образовали Гарлемское море. Въ 1421 году необыкновенно высокій приливъ 19 ноября, извѣстный подъ именемъ «прилива св. Елизаветы», образуетъ другое внутреннее море—море «Бисбоша» или «Лѣса тростниковъ», въ которомъ потонуло семьдесятъ двѣ деревни: послѣ отступленія этого прилива, на мѣстѣ обработанныхъ полей и группъ человѣческихъ жилищъ остался только архипелагъ болотистыхъ острововъ. Катастрофа 1421 года, безспорно,—самая ужасная изъ всѣхъ бѣдствій, имѣвшихъ мѣсто на берегахъ Голландіи въ теченіе послѣднихъ пяти столѣтій; но бури 157[illegible], 1665, 1717, 1774 годовъ тоже отличались страшною силой, и каждая изъ нихъ потопила тысячи людей, прорвала исполинскія плотины, разрушила множество населенныхъ мѣстъ и причинила неисчислимый вредъ земледѣлію и торговлѣ. Во время одного изъ этихъ ураганов былъ потопленъ городъ Роммерсвааль съ окрестными деревнями; во время другаго провалились польдеры Зафтингена; однажды, тоже во время большаго наводненія, исчезли подъ водой земли крайняго западнаго острова Зеландіи, съ двумя многолюдными деревнями: эта мѣстность извѣстна была подъ именемъ Зутеланда или «Соленой земли» [1]). Названіе Бевеландъ, данное двумъ южнымъ островамъ Зеландіи, означаетъ, какъ говорятъ, «трясущуюся землю» и обязано своимъ происхожденіемъ ударамъ волнъ наводненія о вѣчно дрожащіе берега.

Даже въ настоящемъ столѣтіи многіе польдеры, съ давнихъ поръ завоеванные для земледѣлія, были превращены внезапными наводненіями въ озера. Въ 1825 году, вся южная часть полуострова Голландіи, извѣстная обыкновенно подъ именемъ Ватерланда или «водяной земли», была залита на пространствѣ отъ Заандама до Алькмара; сорокъ селеній, можетъ быть, богатѣйшихъ во всемъ свѣтѣ, были потоплены, тысячи людей утонули; десять тысячъ коровъ, сто тысячъ овецъ и барановъ погибли въ волнахъ, и когда удалось, наконецъ, исправить прорванный поясъ дюнъ и удалить воду изъ затопленной территоріи, органическіе остатки всякаго рода, подвергшіеся гніенію въ жидкой грязи, распространили заразу по всей странѣ. Острова Вирингенъ и Тершеллингъ были въ значитель-

[1]) Teding van Berkhout, „De Landaanwinning op de Frische Wadden".

[1]) Smallegange;—Muyt;—von Hoff;—Ant. Belpaire etc.

ной части опустошены. Что касается Шокланда, обломка острова, который некогда простирался отъ устьевъ Исселя до средины Зюйдерзее, то онъ совсѣмъ исчезъ съ лица земли. Этотъ островъ послѣ наводненія вышелъ изъ нѣдръ моря очень умаленный, затѣмъ онъ еще нѣсколько разъ былъ опустошаемъ бурями, вслѣдствіе чего принуждены были совсѣмъ покинуть его, такъ какъ содержаніе огромныхъ, дорогостоющихъ плотинъ оказалось не подъ силу небольшому числу жителей, составлявшему населеніе острова. Эти жители были переселены на счетъ казны въ различныя колоніи континента, преимущественно въ Кампенъ, въ дельтѣ Исселя. Между Шокландомъ и островомъ Уркъ, въ одномъ мѣстѣ залива, при низкомъ стояніи воды, показываются остатки каменной стѣны, которые прибрежные жители называютъ «кладбищемъ»; по преданію, тамъ покоится какой-то древній потопленный городъ. Островъ Уркъ, высокіе бугры котораго поднимаются метровъ на 10 выше водъ прилива, не подвергается опасности быть разрушеннымъ; но нельзя сказать того же про островъ Маркенъ, на который невозможно смотрѣть безъ ужаса, когда на морѣ разыграется непогода. Островъ этотъ можно сравнить съ кораблемъ, который въ тихую погоду защищенъ отъ волнъ бортомъ въ метръ высоты, но который совершенно заливается волнами моря въ бурное зимнее время. Жители Маркена принуждены переправляться на лодкахъ между семью искусственными горками, на которыхъ они построили свои деревушки; кладбище занимаетъ восьмой островокъ, куда похоронныя процессіи тоже перевозятся на баркахъ. Но въ то время, какъ выступившимъ на поверхность водъ землямъ грозитъ опасность снова быть поглощенными волнами, въ морскомъ ложѣ образуются новыя земли: многочисленныя песчаныя мели появились въ Зюйдерзее на мѣстѣ прежнихъ впадинъ, и фарватеры многихъ гаваней совершенно засорены иломъ и пескомъ; даже Амстердамскій портъ, вслѣдствіе постояннаго накопленія морскихъ наносовъ, сдѣлался бы недоступнымъ для судоходства, если бы обширныя землечерпальныя работы не поддерживали въ надлежащей глубинѣ его фарватеръ.

Извѣстно, какимъ образомъ голландцы успѣли защитить свои берега противъ внезапныхъ вторженій океана; но опасность рѣчныхъ наводненій не менѣе велика, чѣмъ опасность нашествій моря, и прибрежные жители не могутъ обезпечить себя отъ этихъ наводненій тѣми же средствами. Въ часы морскаго прилива и въ періодъ разлива самихъ рѣкъ рѣчныя суда проходятъ вровень съ поверхностью плотины, гораздо выше уровня полей, и когда сѣверо-западный вѣтеръ задуетъ съ большою силой, жители Віанена, лежащаго къ югу отъ Утрехта, видятъ, какъ воды Лека вздымаются на пять съ половиной метровъ выше уровня мостовой ихъ улицъ [1]). Одинъ или нѣсколько рядовъ плотинъ и водокачальныя машины достаточны для защиты низменныхъ прибрежныхъ польдеровъ отъ спокойныхъ водъ; но что дѣлать противъ вскрытія рѣкъ, противъ ледохода и весеннихъ наводненій? Во время зимнихъ холодовъ Рейнъ и Маасъ покрываются сплошною ледяною корой: что дѣлать въ тотъ моментъ, когда этотъ твердый покровъ вдругъ разбивается, и груды льдинъ, уже оторвавшихся, начинаютъ ударяться съ страшною силой о ледяныя массы, еще не сломавшіяся, и о берега? Верхнія воды, задерживаемыя образовавшимся внизу затором, скопляются въ видѣ озеръ, и своими льдинами, точно таранами, бьютъ береговыя плотины: эти послѣднія, въ концѣ концовъ, рушатся подъ напоромъ водъ и льдовъ, и прибрежныя равнины заливаются водой.

Кромѣ размыванія, производимаго водами прилива, кромѣ бурь, ледохода и разлива рѣкъ, существуетъ еще, какъ говорятъ нѣкоторые геологи [2]), другая причина разрушенія береговъ Голландіи, дѣйствующая медленно, но съ неумолимою силою. Причина эта заключается будто бы въ постепенномъ осѣданіи почвы. И дѣйствительно, множество фактовъ, собранныхъ историками и географами, доказываютъ, что во многихъ мѣстахъ голландскаго прибрежья происходитъ пониженіе уровня земель. Извѣстно, что почти на всемъ протяженіи нидерландскихъ береговъ встрѣчаются слои торфа, лежащіе на одинъ или нѣсколько метровъ ниже уровня моря, а между тѣмъ эти прѣсноводныя геологическія образованія могли возникнуть и развиваться не иначе, какъ на почвѣ, находившейся надъ поверхностью водъ. Многочисленныя торфяныя болота, смежныя съ морскимъ берегомъ, лежатъ слишкомъ глубоко, чтобы разработка ихъ могла быть выгодна, и нѣкоторые изъ ихъ пластовъ продолжаются подъ береговыми дюнами, въ видѣ непрерывнаго слоя, далеко въ область водъ. При каждой бурѣ волны выбрасываютъ большое количество торфа озернаго происхожденія на берега острова Валхерена [3]). Точно также въ сосѣдствѣ острова Текселя находятся на днѣ морскомъ остатки подводнаго лѣса, состоящаго изъ высокоствольныхъ деревъ, въ вѣтвяхъ которыхъ часто запутываются рыболовныя сѣти [4]). Во многихъ мѣстахъ открыты различные предметы человѣческаго искусства, погребенные въ торфѣ, самая поверхность котораго лежитъ ниже уровня океана: въ голландскихъ музеяхъ хранятся гробницы, жертвенники, сосуды, орудія всякаго

---

[1]) Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

[2]) Elie de Beaumont; — A. de Laveleye.

[3]) A. de Laveleye, „Affaissement du sol et envasement des fleuves“.

[4]) Alph. Esquiros, „La Néerlande et la vie hollandaise“.

рода, свидѣтельствующіе о древнемъ пребываніи цивилизованныхъ людей въ этихъ мѣстностяхъ, покрытыхъ нынѣ водами моря [1]).

Близъ Домбурга, маленькой деревни съ морскими купальнями, на островѣ Валхеренѣ, стоялъ въ старину храмъ, фундаментъ котораго, покоящійся на торфяной почвѣ, находится теперь ниже морскаго уровня. Остатки этого зданія были открыты въ 1647 году. Въ то время восточные и сѣверо-восточные вѣтры дули съ большою силой въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду и отбросили воды моря въ періодъ отлива гораздо далѣе къ западу, чѣмъ обыкновенно. Увѣдомленные рыбаками, должностныя лица Домбурга отправились осмотрѣть остатки поглощеннаго моремъ храма, и, по ихъ распоряженію, были вынуты рѣзныя и скульптурныя украшенія, надписи, сосуды, камни, на которыхъ было вырѣзано имя мѣстной богини Негаленніи, изображенной подъ видомъ сидящей женщины, держащей плоды въ рукахъ и имѣющей по лѣвую сторону корзинку съ такими же плодами, а по правую—собаку. Впослѣдствіи въ другихъ частяхъ западнаго берега Валхерена, были найдены приношенія, посвященныя этой богинѣ [2]). Полагаютъ, что эпохой, когда домбургскій храмъ пересталъ быть доступнымъ по причинѣ нашествій моря, слѣдуетъ считать конецъ третьяго вѣка нашей эры [3]). Но существованіе храма доказываетъ, что въ то время въ краѣ существовали человѣческія жилища. Для того, чтобы этотъ островъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Валхерена, могъ быть обитаемою землей въ эпоху завоеванія страны римлянами, поверхность его должна была возвышаться надъ уровнемъ моря даже въ періодъ самыхъ высокихъ, равноденственныхъ приливовъ, если только все морское прибрежье не было тогда занято широкимъ валомъ сплошныхъ дюнъ. Но въ ту эпоху, по разсказамъ римскихъ писателей, берегъ Нидерландовъ былъ, какъ и въ наши дни, изсѣченъ многочисленными лиманами. Слѣдовательно, торфяной слой, то-есть древняя почва, находящаяся теперь ниже уровня самыхъ низкихъ приливовъ, лежала тогда выше уровня поднимающейся приливной волны. По вычисленію А. де-Лавеле, которое, впрочемъ, кажется, сильно грѣшитъ преувеличеніемъ, пониженіе уровня почвы на голландскихъ берегахъ составляло отъ 8 до 10 метровъ. Самое существованіе плотинъ, защищающихъ островъ Валхеренъ со стороны моря, служитъ доказательствомъ совершившагося осѣданія почвы. Если бы не эти высокія плотины, Зеландія была бы вся потоплена океаномъ; но возможно ли было воздвигнуть подобныя сооруженія среди моря? Необходимо, слѣдовательно, допустить, что въ предшествовавшую эпоху уровень земель былъ выше, чѣмъ нынѣ, и что тогдашніе жители находили твердую почву для постройки своихъ плотинъ [1]). Впрочемъ, описаніе земли мориновъ (Morini) и менаціевъ (Menapii), какое даетъ намъ Юлій Цезарь, не позволяетъ видѣть въ этихъ странахъ область, уже тогда защищенную противъ вторженій моря плотинами, подобными тѣмъ, которыя воздвигнуты тамъ въ настоящее время: римскій завоеватель говоритъ только о лѣсахъ и болотахъ.

Указывали также, въ доказательство пониженія уровня голландской почвы, на остатки одной постройки,—вѣроятно, римской,—которые можно было хорошо разсмотрѣть въ 1520 г., во время одного очень сильнаго отлива. Эти развалины, находившіяся на сѣверо-востокѣ отъ Катвика, среди моря, въ разстояніи одного километра отъ берега, признали,—совершенно ошибочно, такъ сказать, изъ археологическаго патріотизма,—за башню, которую Калигула велѣлъ воздвигнуть на берегу океана въ память мнимой побѣды, одержанной будто бы надъ бриттами: отсюда и названіе Arx Britannica или Huis te Britten, которымъ окрестили эти остатки старины, нынѣ исчезнувшіе. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія стѣны этой постройки имѣли еще около 3 метровъ высоты; въ 1552 г., когда ихъ опять видѣли, онѣ возвышались надъ уровнемъ морскаго дна уже только на 60 сантиметровъ; наконецъ, въ 1752 году, при исключительно низкомъ стояніи воды, зависѣвшемъ отъ сильнаго отлива, фундаментъ древняго зданія показался въ третій разъ, но уже видны были только однѣ сваи. Моряки разсказываютъ, что въ тѣхъ же самыхъ водахъ, но только двумя или тремя километрами далѣе въ морѣ и на глубинѣ восемнадцати или двадцати метровъ, существуютъ другія развалины, Toren van Calla, окруженныя ископаемыми деревьями, отъ которыхъ будто бы доставали иногда обломки вѣтвей, черные и твердые, какъ у чернаго дерева [2]).

Этимъ примѣрамъ осѣданія почвы можно противупоставить факты, свидѣтельствующіе о неизмѣнности уровня, въ продолженіе историческихъ вѣковъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ нидерландскаго прибрежья. Такъ, геологъ Старингъ указываетъ на древніе морскіе берега, которые были отдѣлены отъ океана наносами и дюнами, и которые теперь лежатъ на совершенно одинаковомъ уровнѣ съ современнымъ берегомъ. По мнѣнію этого ученаго, нѣтъ положительныхъ доказательствъ общаго опусканія морскихъ береговъ Голландіи въ историческую эпоху: всѣ пониженія уровня почвы, на которыя указываютъ, должны быть разсматриваемы

[1]) Debast, „Recueil d'antiquités romaines et gauloises“.
[2]) Ernest Desjardins, „Géographie de la Gaule romaine“.
[3]) Smallegange, „Chronyk van Zeeland“;—A. de Laveleye, „Affaissement du sol et envasement des fleuves“.

[1]) A. de Laveleye, „Affaissement du sol et envasement des fleuves“.
[2]) Alphonse Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark“.

какъ слѣдствіе мѣстнаго осѣданія высохшаго торфа и грязи. Онъ признаетъ, что прибрежные польдеры обыкновенно осѣдаютъ послѣ обведенія ихъ плотинами, и даже приводитъ, въ видѣ примѣра, польдеръ Біильмермеръ, уровень котораго понизился на полметра въ теченіе двадцати пяти лѣтъ; но болѣе совершенное дренированіе почвы, тяжесть домовъ и каменной пастилки дорогъ, безпрестанный проходъ скота—такова, по его мнѣнію, причина этого явленія, аналогичнаго съ постепеннымъ уменьшеніемъ объема сжимаемой губки. На берегахъ залива Доллартъ замѣчено, что древніе польдеры, завоеванные для земледѣлія съ шестнадцатаго столѣтія, имѣютъ уровень на 2 метра ниже уровня земель, недавно пріобрѣтенныхъ въ области этого лимана; но на фрисландскихъ берегахъ Сѣвернаго моря, такъ же, какъ на восточной сторонѣ Зюйдерзее, въ провинціяхъ Гельдернъ и Оверисссль, поля, обвеванныя плотинами съ восьмаго столѣтія, тоесть въ три или четыре раза ранѣе, чѣмъ польдеры Долларта, лежатъ, однако, не ниже этихъ послѣднихъ въ отношеніи морскаго уровня; напротивъ, есть много древнихъ польдеровъ, осѣданіе которыхъ не превышаетъ одного метра [1]). Можно бы было указать также на польдеры въ окрестностяхъ Энкгуйзена, какъ на примѣръ замедленія и окончательнаго прекращенія въ пониженіи уровня почвы: въ періодъ съ 1452 по 1616 годъ почва опустилась на 1 метръ 525 сантиметровъ, что составитъ около одного сантиметра въ годъ; въ 1732 году, слѣдовательно спустя 116 лѣтъ, осѣданіе земли, втрое меньшее по величинѣ, не достигало даже одного сантиметра въ три года [2]); съ той поры не было замѣчено дальнѣйшаго осѣданія почвы. Точно также, если водокачальныя мельницы, установленныя въ 1608 году вокругъ польдеровъ Вириигерварда, оказались недостаточными въ 1731 г., и если потребовалось воздвигать второй ярусъ мельницъ, то дѣйствіе этихъ послѣднихъ, начиная съ прошлаго столѣтія, вполнѣ достаточно.

Итакъ, постепенное осѣданіе глубокихъ пластовъ, поддерживающихъ поверхностныя земли Голландіи, не можетъ еще считаться безусловно доказаннымъ. Безъ сомнѣнія, фактъ этого осѣданія не имѣлъ бы ничего страннаго, такъ какъ вообще геологія есть не что иное, какъ исторія поднятій и опусканій различныхъ частей твердой оболочки нашей планеты. Поверхность земнаго шара находится въ постоянномъ колебательномъ состояніи: волны этого колебательнаго движенія распространяются, какъ волны моря, отъ одной оконечности континентовъ до другой; но эти волны слишкомъ медленны въ нашихъ глазахъ, и цѣлыя тысячелѣтія могутъ пройти такъ, что мы не замѣтимъ никакой перемѣны въ уровнѣ береговъ материка. Такъ и въ Голландіи длинный рядъ вѣковъ, называемый геологическимъ періодомъ, обнаруживаетъ намъ большія измѣненія уровня въ глубокихъ слояхъ; но историческія времена еще слишкомъ коротки для того, чтобы можно было съ достовѣрностью опредѣлить движеніе пластовъ, лежащихъ подъ слоемъ торфа и растительной земли. Голландію сравнивали съ судномъ, которое дало течь и мало-по-малу погружается въ воду подъ ногами экипажа, но, можетъ быть, нисходящее движеніе ограничивается поверхностнымъ грунтомъ, и всей странѣ, взятой въ совокупности, вовсе не угрожаетъ опасность пойти ко дну.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что разрушительное дѣйствіе морскихъ волнъ, бури, наводненія рѣкъ потопили многія мѣстности Голландіи, и обширныя области прибрежья были поглощены моремъ, все равно, какъ будто бы вдругъ понизился ихъ уровень: послѣдствія были тѣ же самыя, какъ если бы почва сама осѣла и погрузилась на дно моря. Достаточно прослѣдить взглядомъ профиль нидерландскаго берега, чтобы понять, какъ велико было дѣло разрушенія. Нормальная форма всего морскаго берега, простирающагося отъ мыса Грисиезъ до стрѣлки Скагенъ, состоитъ изъ ряда красивыхъ кривыхъ, попеременно выпуклыхъ и вогнутыхъ, смотря по направленію омывающей ихъ приливной волны. Но на берегахъ Голландіи эти правильныя кривыя два раза прерываются—на югѣ лиманами Шельды и Рейна, на сѣверѣ заливомъ Зюйдерзее и воротами и проливомъ Ваддевъ. Такимъ образомъ, приморскій фасъ страны раздѣленъ на три отличныя одна отъ другой части—Зеландію, Голландію и Фрисландію, представляющія формою своихъ береговъ замѣчательный контрастъ и въ то же время нѣкоторое уравновѣшеніе или соотвѣтствіе. Въ центрѣ находится длинный берегъ полуострова Голландіи, слегка изогнутый къ востоку въ сѣверной своей части, а по бокамъ лежатъ: съ одной стороны—архипелагъ Зеландіи и рейнской дельты, всѣ земли которой расположены перпендикулярно къ древнему берегу, съ другой—длинная цѣпь островныхъ дюнъ, прерываемая черезъ извѣстные промежутки морскими воротами, и которая тянется, какъ внѣшнее прибрежье, параллельно континентальному берегу.

Контрастъ этотъ легко объясняется. Три большія рѣки, которыя выливаются въ море, пройдя передъ тѣмъ южныя провинціи Нидерландовъ, представляютъ приливнымъ волнамъ широкія устья, вслѣдствіе чего попеременное движеніе прилива и отлива происходитъ перпендикулярно къ линіи береговъ и при томъ тѣмъ съ большей силой, что воды прилива,

[1]) Staring, „Voormaals en Thans".
[2]) L'Epie, „Natuurlyke gesteldheid van Noord-Holland".

стѣсненныя въ относительно узкомъ, похожемъ на заливъ, пространствѣ на сѣверѣ отъ Па-де-Кале, должны, естественно, вздыматься выше въ этой области моря. Всѣ наносы, отлагаемые отливомъ, всѣ остатки организмовъ, фораминиферъ и діатомей, живущихъ въ мутной водѣ, весь песокъ, приносимый приливомъ, располагаются въ томъ же самомъ направленіи, какъ и теченіе рѣкъ, а потому и острова принимаютъ форму удлиненную по направленію отъ востока къ западу. Въ сѣверной части Нидерландовъ нѣтъ большихъ рѣкъ, открывающихся со стороны моря широкими лиманами. Приливныя теченія, прорвавъ внѣшній валъ дюнъ, не встрѣчаютъ заливовъ, по которымъ бы имъ нужно было подниматься: они разливаются вправо и влѣво по пескамъ и покрытымъ тиной пространствамъ, такъ называемымъ wadden (по-нѣмецки Watten). Если бы берегъ полуострова Голландіи въ собственномъ смыслѣ уступилъ напору жидкой массы въ нѣкоторыхъ слабыхъ мѣстахъ, то онъ тотчасъ же принялъ бы видъ фрисландскихъ островов; древнія озера, разстилавшіяся широкою скатертью подъ защитою дюнъ, и изъ которыхъ сдѣланы были польдеры, превратились бы въ wadden съ неопредѣленными берегами.

Дюны занимаютъ на берегахъ Голландіи и на островахъ Фрисландіи гораздо болѣе значительное пространство, чѣмъ на прибрежьѣ Бельгіи, и достигаютъ большей высоты: въ окрестностяхъ Гарлема и Алькмара встрѣчаются дюны, откосы которыхъ возвышаются надъ окружающей равниной метровъ на 60 и которыя имѣютъ видъ настоящихъ холмовъ: съ вершины песчанаго бугра Блинкертъ-Дуинъ, находящагося на западѣ отъ Гарлема, можно окинуть взоромъ почти всю историческую Голландію до города Амстердама.

Высота дюнъ въ Голландіи: Гарлемская дюна Блинкертъ—60 метровъ. Дюны Шорль—59 м. Дюны Бергенъ 49 метровъ. Дюны Вельзенъ—48 метровъ. Дюны Гаги 17 метровъ. Гекъ ванъ-Голландъ—10 метровъ.

Подобно тому, какъ на французскихъ берегахъ Гаскони, песчаныя горки въ Нидерландахъ воздвигаются дующимъ съ моря вѣтромъ, и иногда онѣ переходятъ во внутреннія равнины; но по большей части эти горки прикрѣплены самою природой посредствомъ стеблей растеній. При томъ же, въ сѣверномъ климатѣ влажность остается гораздо дольше въ пескѣ, на поверхности дюнъ, и легкія песчаныя частицы, которыя вѣтеръ легко уносилъ бы, если бы сухость воздуха уничтожала связь между ними, склеиваются въ толстые слои, которые обваливаются массами, вмѣсто того, чтобы обращаться въ облака пыли. Дюны въ Голландіи покрываются даже мшистою растительностью, которая расползается въ видѣ зеленыхъ и желтыхъ площадокъ, составляющихъ яркій контрастъ съ бѣлою поверхностью песчаныхъ горокъ: мохъ самъ по себѣ могъ бы задерживать движеніе дюнъ, если бы кролики не рыли своихъ норъ въ пескѣ и если бы люди не прокладывали дорогъ черезъ песчаные бугры. Земледѣльцы и инженеры съ давнихъ поръ даже срываютъ дюны дочиста, или для того, чтобы примѣшивать песокъ ихъ къ почвѣ воздѣлываемой равнины, или для того, чтобы строить искусственные островки среди болотъ, чтобы дѣлать насыпи подъ фундаментъ зданій или шлюзовъ, чтобы нагружать балластомъ корабли; во многихъ мѣстахъ даже нашли выгоднымъ, для облегченія перевозки песку, выкопать временные каналы, которые проведены до самаго основанія разрабатываемой дюны и которые опять засыпаютъ мусоромъ, когда песчаный бугоръ исчезнетъ [1]), но при этомъ никогда не трогаютъ внѣшняго ряда горокъ, который пришлось бы замѣнить дорогостоющими плотинами, если бы онъ былъ уничтоженъ неблагоразумными работами или наводненіемъ: такъ, однажды, около половины нынѣшняго столѣтія, во время сильной бури, море грозило прорвать кордонъ дюнъ на югѣ Голландіи и опустошить окрестности Дельфта и Гаги [2]). Въ то время, какъ на прибрежной полосѣ французскихъ ландовъ дюны, не засаженныя деревьями и сопровождаемыя разрушительною волною прилива, распространялись все далѣе внутрь материка, проходя, среднимъ числомъ, по 20 метровъ въ годъ или по 2 километра во сто лѣтъ, песчаные холмы Голландіи, даже тѣ, которыхъ почва не укрѣплена растительностью, составляютъ самый надежный оплотъ противъ вторженія моря. Если морской берегъ Нидерландовъ не переставалъ отступать къ востоку, то главною причиной этого явленія слѣдуетъ считать не передвиженіе дюнъ, а размываніе ихъ западнаго основанія теченіями и приливомъ. Такъ, въ періодъ съ 1843 по 1863 годъ, то-есть въ продолженіе двадцати одного года, берегъ полуострова Голландіи былъ размытъ водами моря на 31 метръ въ ширину [3]).

Хотя защищенная въ большой части своей береговой линіи отъ вторженій моря, территорія, извѣстная нынѣ подъ именемъ низменной Голландіи, была, тѣмъ не менѣе, необитаемой почти на всемъ ея протяженіи. Торфяники, болота, пловучіе острова, тинистые берега и обширные лѣса, покрывавшіе выступившія изъ-подъ воды пространства,—такова была страна, которую нужно было осушить и ассенизировать, защитить отъ наводненій, отвоевать у рѣкъ и моря. Надъ этой сырой землей, разстилается не менѣе мокрое небо, вѣчно пасмурное, обложенное облаками, съ возду-

---

[1]) Pictet de Sergy, „Notes sur le Nord-Hollande“; E. de Laveleye, „La Néerlande“.

[2]) Staring, „Voormaals en Thans“.

[3]) Staring, „Voormaals en Thans“.

хомъ, постоянно наполненнымъ водяными парами, которые то ползаютъ въ видѣ тумана, то падаютъ въ видѣ дождя, во всякое время года и преимущественно при западныхъ вѣтрахъ, которые всего чаще дуютъ въ этой странѣ. Среднее количество дождевой воды, выпадающей въ Голландіи въ продолженіе года, составляетъ слой въ 0.680 метр. толщины; по временамъ года количество это распредѣляется слѣдующимъ образомъ: весной—0.148 метр.; лѣтомъ—0,230 метр.; осенью—0,174 метр.; зимой—0,127 метровъ.

Фрисландскіе и зеландскіе типы.

Направленіе вѣтровъ въ Утрехтѣ, съ 1849 по 1864 г.: западные вѣтры: (отъ Ю.-В. къ

В.-С.-В.) 37 разъ—восточные вѣтры: (отъ С.-З. къ В.-Ю.-В) 18 разъ—сѣверные вѣтры: (отъ С.-В. къ С.-С.-З.) 21 разъ—южные вѣтры: (отъ Ю.-З. къ Ю.-Ю.-В.) 24 раза.

Средняя температура довольно высокая, благодаря теплой атмосферѣ туманнаго океана, омывающаго берега страны, и даже въ январѣ, самомъ холодномъ мѣсяцѣ, термометръ обыкновенно держится выше точки замерзанія. Исключая Фрисландіи и восточной части Нидерландовъ, гдѣ климатъ имѣетъ нѣсколько континентальный характеръ въ сравненіи съ климатомъ Роттердама и Гаги, внутреннія воды рѣдко бываютъ покрыты толстымъ слоемъ льда въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду: гулянья, ночныя кермессы, состязанія на конькахъ далеко не такъ часты въ Голландіи, какъ это можно бы было подумать, видя въ музеяхъ множество картинъ, изображающихъ эти зимнія забавы.

Средняя температура временъ года:

	Весна.	Лѣто.	Осень.	Зима.
Гага. . . .	10°,63 Ц.	18°,63 Ц.	11°,77 Ц.	3°,46 Ц.
Амстердамъ.	9°	18°	10°,67	2°,57
Арнгемъ . . .	9°	16°,8 (іюль 17°,6)	9°,6	1°,6 (янв. 0°,6 Ц.)

Но если средняя температура года довольно равномѣрна, то какъ быстры и внезапны перемѣны погоды въ одинъ и тотъ же день, смотря по направленію вѣтровъ и облаковъ! Какъ только солнце скроется въ туманѣ, по всей природѣ словно пробѣжитъ дрожь; вѣтеръ гнетъ верхушки деревьевъ и бороздитъ поверхность воды; море ударяется о берега своими бурливыми волнами, если, впрочемъ, безконечная сѣроватая равнина не погружена и сама въ туманъ, ибо океанъ, омывающій Голландію, часто является угрюмымъ и мрачнымъ, безъ всякаго отблеска: это именно то «тяжелое, неповоротливое море», о которомъ говоритъ Тацитъ, сравнивая его въ мысляхъ съ игривыми, сверкающими волнами Тирренскаго моря.

III.

Хотя Голландія занимаетъ болѣе обширное пространство, чѣмъ ея сосѣдка, Бельгія, но растительное и животное ея царства бѣднѣе видами сравнительно съ бельгійской флорой и фауной. Причину этого слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, искать въ относительно меньшемъ разнообразіи почвы и климата, которое представляетъ первая изъ этихъ странъ; будучи болѣе однообразною въ своихъ явленіяхъ, природа, понятно, должна была явиться болѣе однообразною и въ своихъ произведеніяхъ. Нидерландская территорія не заключаетъ въ себѣ областей, которыя бы соотвѣтствовали Арденнамъ, Кондрозу, землѣ Гервъ, люксембургскому «маленькому Провансу»; но, подобно Бельгіи, она имѣетъ свою Кампанью или Кампину и сверхъ того обширныя ланды въ провинціяхъ Дренте и Оверисселѣ; ея глинистыя земли напоминаютъ бельгійскую область Гесбе, а ея польдеры, ея осушенныя озера составляютъ продолженіе западной Фландріи, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Ни одна изъ этихъ естественныхъ областей не сохранила лѣсовъ, которыми онѣ встарину были покрыты; теперь въ Голландіи есть мѣстности, гдѣ не увидишь даже разсѣянныхъ рощицъ. Виды дикихъ животныхъ погибли въ одно время съ исчезновеніемъ большихъ деревьевъ. Когда выпускали воду изъ Гарлемскаго озера, то на днѣ нашли скелетъ лося [1]). Послѣдній волкъ и послѣдній кабанъ были убиты уже около ста лѣтъ тому назадъ; въ ту эпоху лань уже давно вывелась; въ 1825 году, во время необыкновенно большаго наводненія, показался послѣдній бобръ, чучело котораго теперь хранится въ музеѣ города Цволле [2]). Даже въ морскихъ водахъ, омывающихъ Голландію, число животныхъ замѣтно уменьшилось. Въ прежнее время осетръ и лосось составляли источникъ богатства для рыболововъ Зюйдерзее; но затѣмъ обѣ эти рыбы, безпощадно преслѣдуемыя, были совершенно прогнаны изъ залива.

Нынѣшнее населеніе Нидерландовъ сохранило еще въ своей наружности очевидные слѣды расы, предшествовавшей нашествіямъ германскихъ народовъ. Въ провинціи Дренте, такъ же, какъ въ провинціи Гельдернъ и Оверисcель, существуетъ типъ смуглыхъ людей, съ матовой кожею, рѣзко отличающеюся отъ ослѣпительной бѣлизны фризскаго цвѣта лица; голова у этихъ людей болѣе широкая, ростъ менѣе высокій, туловище болѣе плечистое. Мертвыя тѣла, погребенныя на Зафтингенскомъ кладбищѣ, которое было затоплено во время наводненія 1542 года, замѣчательны своими черепами, несоразмѣрно широкими въ сравненіи съ длиной [3]): контрастъ полный между этимъ короткоголовымъ типомъ (брахицефалы) и типомъ фризовъ, наиболѣе длинноголовыхъ (долихоцефалы) представителей германскаго племени. Доисторическія расы оставили послѣ себя многочисленные слѣды въ южной полосѣ Нидерландовъ. Кремни, обтесанные и шлифованные, встрѣчаются въ огромныхъ количествахъ въ окрестностяхъ Маастрихта и Рурмонда [4]).

Первобытные памятники, подобные тѣмъ, которые существовали въ такомъ множествѣ въ Скандинавіи и сѣверо-западной Германіи, встрѣчаются также въ Нидерландахъ, особенно въ провинціи Дренте, гдѣ они извѣстны

[1]) Staring, „Voormaals en Thans“.
[2]) Alph. Esquiros, „La Néerlande et la vie hollandaise“.
[3]) A. Kenna, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, t. XII, 1878.
[4]) Bauduin, „рукописныя замѣтки“.

подъ именемъ hunnebedden, то-есть «ложъ гунновъ», или, можетъ быть, «ложъ мертвыхъ». Это, въ самомъ дѣлѣ, древнія могилы; оружіе, разнаго рода орудія, украшенія, глиняныя издѣлія, собранныя подъ долменами и крытыми ходами этихъ hunnebedden, были помѣщены въ музеяхъ; но человѣческія кости, найденныя вмѣстѣ съ этими произведеніями искусства, не были оцѣнены такъ, какъ оцѣнили бы ихъ изслѣдователи нашего времени: не сохранилось никакихъ остатковъ этихъ костей, которые могли бы быть изслѣдованы современными антропологами. Поэтому намъ неизвѣстно, къ какой расѣ принадлежали первобытные обитатели страны, хотя, разсуждая по аналогіи, можно предполагать, что эта раса состояла изъ людей смуглыхъ, короткоголовыхъ, средняго роста, подобныхъ тѣмъ, скелеты которыхъ были найдены подъ Riesengräber въ сѣверо-западной Германіи и подъ Steenhamne въ Скандинавіи [1]): въ такомъ случаѣ жители смуглаго типа, которыхъ мы находимъ нынѣ въ провинціи Дренте, должны быть разсматриваемы какъ потомки этого первоначальнаго населенія. Самое замѣчательное изъ существующихъ въ Голландіи древнихъ кладбищъ— это крытая аллея, сдѣланная изъ нагроможденныхъ другъ на друга большихъ камней и похожая формой на верхній щитъ исполинской черепахи: она возвышается среди голой ланды, недалеко отъ деревни Тейнарло, на сѣверо-востокѣ отъ города Ассена. Въ самомъ Ольдензаалѣ, древнемъ городѣ салійскихъ франковъ, тоже есть подобное «ложе мертвыхъ», расположенное въ тѣни большихъ деревьевъ и башни одной средневѣковой церкви. Кромѣ того, въ ландахъ встрѣчаются какія-то огромные круглыя ямы, совершенно правильныя и имѣющія болѣе 300 метровъ въ окружности, которыя, какъ полагаютъ, служили становищами, гдѣ могла помѣститься цѣлая толпа людей, укрытая отъ непріятельскихъ взоровъ [2]).

Въ сосѣдствѣ съ моремъ, преимущественно въ собственной Фрисландіи и провинціи Гронингенъ, можно видѣть другія произведенія рукъ человѣческихъ, относящіяся къ неизвѣстной эпохѣ: это terpen или wierden, искусственныя горки, которыя древніе обитатели края воздвигали для того, чтобы переселяться на нихъ, со своими домашними животными, во время наводненій. Каковы бы ни были раса и происхожденіе первыхъ туземцевъ, постройка этихъ искусственныхъ бугровъ была для нихъ вопросомъ жизни и смерти, и, конечно, всѣ обладатели страны слѣдовали одни за другими на этихъ островахъ, служившихъ убѣжищемъ: до тѣхъ поръ, пока вся территорія не была обведена непрерывнымъ рядомъ

[1]) Lubach, „De Anthropologie van Nederland“.

[2]) H. Havard, „La Hollande pittoresque. Les frontières menacées“.

плотинъ, островки terpen, часто подвергавшіеся нападенію бурныхъ волнъ, были единственными обитаемыми мѣстами въ краѣ. Между находимыми на этихъ горкахъ остатками произведеній человѣческаго искусства, принадлежащими къ различнымъ эпохамъ, начиная отъ временъ торговли съ Карѳагеномъ, особенно замѣчательны маленькія костяныя трубки, предшествовавшія эпохѣ появленія въ Европѣ табаку: можетъ быть, эти трубки употреблялись фризами или ихъ предшественниками для куренія конопли или какихъ-нибудь другихъ листьевъ съ одуряющимъ запахомъ [1]). Прежде terpen были гораздо многочисленнѣе; но фрисландскіе земледѣльцы съумѣли оцѣнить важность удобренія, которое представляла глина этихъ горокъ, смѣшанная съ навозомъ, съ остатками всякаго рода и съ иломъ, приносимымъ морскими водами въ окрестные рвы. Вездѣ принялись копать эти древнія насыпи и разбрасывать получаемую отсюда землю по полямъ, чтобы такимъ образомъ обновить плодородіе почвы: иная горка, распроданная по мелочамъ, принесла чистой прибыли отъ сорока до пятидесяти тысячъ франковъ [2]).

Народцы, поселившіеся въ странѣ со времени сооруженія древнихъ могилъ (hunnebedden) и искусственныхъ холмовъ (terpen), всѣ принадлежатъ къ германскому племени, но не къ однѣмъ и тѣмъ же національнымъ группамъ. Фризы, которыхъ мы уже съ первыхъ вѣковъ исторіи застаемъ въ сѣверной части Нидерландовъ и которые, смѣшавшись болѣе или менѣе съ другими этнографическими элементами, до сихъ поръ населяютъ эту область, долѣе всѣхъ другихъ обитателей Голландіи сохранили свою независимость. Феодальный порядокъ не могъ утвердиться въ ихъ землѣ. «Фризы — гласятъ ихъ древніе законы—останутся вольными до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ будетъ дуть изъ облаковъ». Они занимали прежде все прибрежье, окаймляющее на югѣ Нѣмецкое море; рѣка или проливъ, теперь уже исчезнувшій, который отдѣлялъ озеро Флево отъ океана, принадлежалъ имъ на всемъ его протяженіи, а въ южномъ направленіи они подвинулись до лимана Рейна; въ восьмомъ столѣтіи поселенія ихъ простирались до самаго Цвейна, близъ Брюгге, на границахъ Бельгіи; но пребываніе ихъ въ тѣхъ мѣстахъ продолжалось только нѣсколько десятковъ лѣтъ, послѣ чего они были оттѣснены на сѣверъ Голландіи. Впрочемъ, большая часть избытка силы фризовъ расходовалась за предѣлами собственной страны: смѣшиваясь съ англо-саксами, они вторгались, вмѣстѣ съ этими послѣдними, въ Великобританію. Эти завоеватели, безъ сомнѣнія, не могли бы выдержать

[1]) Леуварденскій музей; — H. Havard, „Les frontières menacées“.

[2]) E. de Laveleye, „La Néerlande, Études d'économie rurale“.

*

борьбу съ кореннымъ населеніемъ Британскихъ острововъ, если бы они не привлекали постоянно съ континента новыхъ подкрѣпленій, состоявшихъ изъ различныхъ племенъ, фризскихъ, франкскихъ или ютскихъ. По мнѣнію многихъ англійскихъ этнологовъ, графство Кентъ было заселено преимущественно фризами [1]).

Жители фризской метрополіи долгое время составляли между собой союзъ или федерацію для общей защиты противъ другихъ германскихъ народцевъ: каждый годъ делегаты «семи приморскихъ земель» Фрисландіи собирались близъ Ауриха, на территоріи нынѣшней провинціи Ганноверъ, для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ; каждая изъ этихъ областей имѣла самостоятельное управленіе: главный начальникъ, выбираемый народомъ, долженъ былъ приносить присягу на вѣрность основнымъ законамъ государства передъ должностными лицами, назначаемыми посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Кто бы ни былъ иностранный государь, которому Фрисландія принадлежала номинально, народъ всегда оставался самымъ республиканскимъ изъ всѣхъ европейскихъ націй [2]): только въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія онъ принужденъ былъ, наконецъ, признать,— и на этотъ разъ уже не для формы только,—господина, котораго ему навязалъ императоръ Германіи. Весьма вѣроятно, что Фрисландія сдѣлалась бы политическимъ центромъ страны, получившей впослѣдствіи названіе Нидерландовъ, если бы внезапное образованіе залива Зюйдерзее не разрѣзало край на два куска, почти совершенно уединивъ наиболѣе значительную часть этой провинціи. Фризская территорія, оставшаяся на западной сторонѣ Зюйдерзее, сдѣлалась мало-по-малу голландскою землей, и фризское населеніе постепенно слилось со своими сосѣдями, голландцами, подобно тому, какъ, по другую сторону пролива, кентскіе фризы перестали отличаться отъ англо-саксонскаго населенія. Центръ могущества перемѣстился съ лимана Эмса къ устьямъ Мааса и Рейна. Въ наибольшей чистотѣ фризское племя сохранилось въ западной Фрисландіи, на востокъ отъ Зюйдерзее. Мужчины этой области отличаются высокимъ ростомъ, и вообще они болѣе стройны, чѣмъ другіе голландцы; плечи у нихъ немного узки, носъ длинный, окладъ лица овальный и продолговатый, часто нижняя челюсть немного подается назадъ. Они имѣютъ голубые или сѣрые глаза, желтые, бѣлокурые или свѣтлорусые волосы, рѣдкую бѣлизну кожи. Женщины поражаютъ блескомъ свѣжести и красоты и отличаются величественнымъ видомъ. Эти почти чистокровные фризы теперь говорятъ уже только по-голландски; употребленіе стараго языка, или, какъ его называютъ, «мужицкаго фризскаго языка», сохранилось лишь въ деревняхъ внутренней части края, хотя и тамъ всѣ отлично понимаютъ и говорятъ по-нидерландски. Впрочемъ, различныя общества фризскихъ патріотовъ заботятся о сохраненіи употребленія и чистоты стариннаго національнаго языка.

На югъ отъ Фрисландіи въ собственномъ смыслѣ, страна, простирающаяся отъ восточныхъ береговъ Исселя до долины Рейна, носила нѣкогда названіе земли гамовъ, гамавовъ или хамавовъ; въ послѣднее время римскаго владычества она составляла часть земли салійцевъ. Рядомъ съ этою націей франковъ, которой суждено было, послѣ крушенія римской имперіи, играть столь важную роль въ исторіи міра, жили другіе народы того же корня. Тамъ-то, по берегу Исселя или Салы, былъ установленъ извѣстный салическій законъ: Салегеймъ и Виндогеймъ, о которыхъ упоминается въ самомъ текстѣ этого знаменитаго историческаго памятника, сдѣлались деревнями Залькъ и Виндесгеймъ, которыя лежатъ недалеко отъ Цволле, въ нижней долинѣ Исселя; Ольдензааль, который въ средніе вѣка долгое время носилъ названіе Salia Vetus и который, какъ говорятъ, былъ главнымъ городомъ салійскихъ франковъ, находится гораздо далѣе на востокѣ, близъ нѣмецкой границы. Въ эпоху завоевательнаго переселенія франковъ другія народности заняли ихъ мѣсто, или, вѣрнѣе сказать, смѣшались съ тѣми изъ нихъ, которые остались въ краѣ. Ученые, старающіеся отыскать слѣды древнихъ салическихъ учрежденій, должны изучать въ особенности старинныя грамоты и обычаи Фландріи и низменной равнины Рейна [1]).

Въ послѣдніе годы четырнадцатаго столѣтія появляются саксы или саксонцы, имя которыхъ, впрочемъ, примѣнялось также ко многимъ другимъ, союзнымъ или побѣжденнымъ, племенамъ. Въ восьмомъ столѣтіи они занимали южную часть провинціи Гронингенъ, далѣе провинціи Дренте, Оверіссель, прежнюю страну салійцевъ: франкская земля сдѣлалась саксонскою. Многочисленныя деревни, названіе которыхъ оканчивается на goo (нѣмецкое Gau, волость), свидѣтельствуютъ о группировкѣ различныхъ національностей, фризской, саксонской, франкской, въ земледѣльческія общины или кланы, составлявшіе нѣчто въ родѣ большихъ семей, имѣвшихъ каждая своихъ особыхъ судей и управлявшихся собственными законами. Франки, которые передвинулись къ югу, покрыли своими поселеніями всю полуденную Голландію. Естественная безплодность песчаной области дюнъ и ландовъ, гдѣ они обитали, и частыя наводненія, опустошавшія плодородныя земли равнины, часть которой тоже была захвачена

---

[1]) Lubach, „De Antropologie von Nederland".
[2]) Lothrop Motley, „Histoire de la fondation de la république des Provinces-Unies".

[1]) Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique".

ими, побуждали часто переселяться и занимать силой сосѣднія территоріи: «Hoog van moed,— Klein van goed,— Een zwaard in de hand,— Is't wapen van Gelderland» (сильный отвагой,— бѣдный деньгами,—съ мечемъ въ рукѣ,—вотъ гербъ Гельдерланда), говоритъ одна пословица, распространенная въ провинціи Гельдернъ. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ именемъ франковъ понимали народности весьма различныя по происхожденію, между прочимъ, и батавовъ, пришедшихъ изъ Гессена, которые поселились на аллювіальномъ островѣ, заключающемся между рукавами Рейна, Лекомъ и Вааломъ, и который до сихъ поръ еще носитъ названіе Бетуве (Betuwe, по Мотлею, отъ словъ bet auw, «хорошій лугъ»). Здѣсь именно мы должны искать географическій центръ Голландіи, и не безъ причины имя народца, занимавшаго этотъ уголокъ Нидерландовъ, было перенесено въ классическомъ языкѣ на всю голландскую націю. Что касается зеландцевъ или Zeeuwen, этихъ потомковъ древнихъ менапіевъ морскаго прибрежья, фризскихъ завоевателей, пиратовъ саксонскаго происхожденія, то они долгое время смотрѣли на себя какъ на особый народъ; отдѣленные отъ континентальныхъ голландцевъ, они естественно пріобрѣли отличительныя черты, приспособляясь къ окружающей ихъ средѣ. Они замѣчательны въ особенности высокимъ ростомъ, большею живостью походки и манеръ сравнительно съ другими голландцами, кротостью взгляда, мягкостью произношенія [1]). Наконецъ, сильная галльская раса, отъ которой произошли валлоны въ сосѣдней Бельгіи, вѣроятно, существовала также въ голландскомъ Лимбургѣ и Брабантѣ. Когда изъ Зеландіи или изъ Голландіи въ тѣсномъ смыслѣ въѣзжаешь въ Брабантъ, то тотчасъ же бросается въ глаза контрастъ между жителями этихъ провинцій. Мужчины болѣе рослы, болѣе бѣлокуры, съ болѣе краснымъ цвѣтомъ лица, женщины болѣе сильны и менѣе стройны. Раса отличается болѣе сангвиническимъ, болѣе пылкимъ характеромъ, менѣе регулярна и менѣе методична въ своихъ привычкахъ. При томъ же различію племени соотвѣтствуетъ и разница религіи. Огромное большинство брабантцевъ и лимбуржцевъ исповѣдуютъ римско-католическую вѣру.

Большая часть историковъ согласны между собой относительно того факта, что въ общихъ чертахъ границы различныхъ народностей, населяющихъ Нидерланды, совпадаютъ съ предѣлами геологическихъ формацій. Смѣшанныя племена нижне-германскихъ колонистовъ обитаютъ на низменныхъ земляхъ лимановъ и рейнской дельты; голландцы саксонскаго происхожденія населяютъ мѣстности, покрытыя наносными песками, тогда какъ фризы занимаютъ аллювіальныя страны: различнымъ формаціямъ соотвѣтствуютъ различные роды культуры и способы обработки почвы, и населенія, естественно, сгруппировались сообразно своимъ нравамъ, склонностямъ и своему природному генію; точно также и породы домашнихъ животныхъ, употребляемыя жителями для сельскихъ работъ, различны, измѣняясь отъ области песковъ до области польдеровъ [1]). Двѣ провинціи, гдѣ населеніе наиболѣе смѣшанное, суть именно тѣ области, которыя носятъ спеціально имя Голландіи: въ этихъ провинціяхъ находятся главные города страны, и въ нихъ же совершились важнѣйшія событія національной исторіи.

Острова залива Зюйдерзсе, Уркъ и Маркенъ, остатки болѣе обширныхъ, исчезнувшихъ земель, заключаютъ населеніе, которое ученые считаютъ очень древнимъ и которое отличается отъ жителей сосѣдняго прибрежья не только нравами, но также и формой черепа [2]). Такое же различіе представляли и обитатели острова Схокланда, теперь покинутаго. Уркъ интересенъ, какъ одна изъ тѣхъ земель, которыя физіологи приводятъ въ примѣръ безвредности браковъ между близкими родственниками. Очень рѣдко случается, чтобы житель острова женился на чужей женщинѣ. Здѣсь всѣ родня между собой; всѣ семьи породнились посредствомъ брачныхъ союзовъ, всѣ жители похожи другъ на друга ростомъ, чертами лица, цвѣтомъ глазъ и волосъ. Несмотря на то, жители Урка не только не представляютъ ни малѣйшихъ признаковъ вырожденія, но, напротивъ, они замѣчательны силой, стройнымъ тѣлосложеніемъ, широкостью въ плечахъ. Женщины—настоящія красавицы, но у нихъ есть что-то мужское въ манерахъ. Болѣзни рѣдки между туземцами, за исключеніемъ, впрочемъ, оспы, потому что мѣстные приверженцы старины всѣми силами воспротивились введенію оспопрививанія. Число жителей Урка постоянно возрастаетъ; оно увеличилось болѣе чѣмъ въ восемь разъ съ половины семнадцатаго столѣтія, и каждый годъ много молодыхъ людей, которыхъ островъ не можетъ уже прокормить, отправляются искать счастья на чужбинѣ.

Въ продолженіе войны за независимость и въ первыя времена, слѣдовавшія за основаніемъ Соединенныхъ провинцій, населеніе Голландской республики увеличилось большимъ числомъ иммигрантовъ, пришедшихъ изъ Бельгіи, и между этими переселенцами, безъ сомнѣнія, находились нѣкоторые изъ лучшихъ ея граждан ибо это были люди, бѣжавшіе изъ побѣжденнаго отечества, чтобы остаться вольными. Имъ-то, можетъ быть, Голландія и обязана своимъ

[1]) H. Havard, „La Hollande pittoresque, Le coeur du pays“.

[1]) Staring, „Voormaals en Thans“, p. 34.

[2]) Lubach, „De Antropologie van Nederland“.

торжествомъ, и если впослѣдствіи она сдѣлалась, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, первой націей въ Европѣ, то этимъ она также была обязана отчасти знаніямъ и нравственному достоинству этихъ иностранцевъ, пришедшихъ просить у нея убѣжища. Легко понять, какое важное историческое значеніе долженъ былъ имѣть для страны этотъ народъ иммигрантовъ, въ рядахъ котораго встрѣчались такіе люди, какъ Филиппъ де-Марниксъ, Гейнзіусъ, Іордансъ, Францъ Гальсъ, Эльзевиръ, Исаакъ Лемеръ, полководцы, дипломаты, поэты, живописцы, ученые и мореплаватели [1]. Послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, другіе изгнанники за вѣру явились толпой искать пріюта въ Голландіи; эти новые переселенцы, вышедшіе изъ болѣе далекой страны, чѣмъ бельгійскіе бѣглецы, прибыли изъ Франціи, преимущественно изъ западной и южной ея частей, принеся, съ своимъ собственнымъ геніемъ, новыя промышленности, другія торговыя связи: въ теченіе долгаго времени между городами Голландіи и селеніями Севеннскихъ горъ существовали непосредственныя торговыя сношенія по обмѣну земледѣльческихъ продуктовъ и мануфактурныхъ товаровъ. И теперь еще голландцы французскаго происхожденія, принадлежащіе по большей части къ такъ называемой «валлонской» протестантской церкви, довольно многочисленны, чтобы поддерживать между собой нѣкоторую связь и употребленіе роднаго языка. Благодаря своему образованію, они пользуются значительнымъ вліяніемъ въ краѣ; но въ этомъ отношеніи ихъ, вѣроятно, опередили другіе потомки иммигрантовъ, послѣдователи Моисеева закона, огромное большинство которыхъ ведетъ свой родъ отъ нѣмецкихъ евреевъ, поселившихся въ Голландіи. Испанскіе или португальскіе евреи, гораздо менѣе многочисленные, составляютъ какъ-бы аристократію между своими единовѣрцами. До начала нынѣшняго столѣтія эти выходцы съ Пиренейскаго полуострова говорили въ своихъ семействахъ испанскимъ или португальскимъ языкомъ; въ синагогѣ они молились попеременно — по-португальски и по-еврейски [2].

Разсматриваемые не въ безконечномъ разнообразіи отдѣльныхъ личностей, но въ той совокупности, которая называется народомъ, голландцы имѣютъ больше правъ на уваженіе, чѣмъ всѣ другія націи. Каждый народъ долженъ былъ съ большими усиліями завоевывать свое существованіе, ведя борьбу въ одно и то же время съ природой и съ своими сосѣдями; но ни одному народу не приходилось, какъ это пришлось нидерландской націи, создавать самую землю, на которой онъ живетъ. Чтобы совершить подобный трудъ, нужна была могучая сила воли, и нужна была постоянно, каждую минуту; первый отважный шагъ нужно было поддерживать непобѣдимою настойчивостью. Сильные въ предпріимчивости, еще болѣе твердые въ сопротивленіи, въ преслѣдованіи задуманной цѣли, голландцы, можетъ быть, изъ европейцевъ наиболѣе отличаются естественною простотой, потому что историческая жизнь ихъ была самая дѣятельная сравнительно съ жизнью другихъ народовъ. Не торопясь давать обѣщанія, они всегда держатъ свое слово, даже больше того, на что оно позволяло надѣяться; они не кидаются легкомысленно ни на какое предпріятіе, но когда ими принято рѣшеніе, то они не останавливаются до тѣхъ поръ, пока не побѣдятъ судьбу; они долго думаютъ, но, разъ рѣшившись на что-нибудь, принимаются за дѣло съ неутомимой энергіей и безъ всякой задней мысли. Голландцы отличаются рѣдкимъ здравымъ смысломъ: только благодаря этому качеству, они могли такъ успѣшно вести борьбу съ океаномъ. Самый обыкновенный ихъ недостатокъ это рутина, привязанность къ издавна усвоеннымъ привычкамъ; какъ людямъ медлительнымъ и методическимъ, привыкшимъ къ настойчивому труду, имъ трудно обновляться, измѣнять свои взгляды, наложить руку на старинный обычай. Они не угрюмы, не печальны какими они часто кажутся: они только молчаливы и серьезны; они менѣе разговорчивы, нежели бельгіецъ, рѣже смѣются, чѣмъ онъ. Но который изъ этихъ двухъ народовъ болѣе счастливъ? Безъ всякаго сомнѣнія, тотъ, который кажется менѣе счастливымъ [1]). Однако, когда голландцы веселятся, то веселятся отъ всей души; они всецѣло предаются радости и шумному удовольствію. Глядя на ихъ веселые народные праздники, невольно вспоминаешь картины Ванъ-Остаде, Теньеровъ, Броуверовъ, Стеновъ и многихъ другихъ голландскихъ мастеровъ.

Голландская добродѣтель, которая всего болѣе бросается въ глаза иностранцу,—это изысканная чистоплотность жителей. Самыя убогія жилища содержатся въ Голландіи съ такою заботливостью, какой напрасно стали бы искать въ пышныхъ палаццо Южной Европы; чистить, мыть, прибирать — таково каждый день и въ продолженіе цѣлыхъ часовъ главное занятіе голландскихъ женщинъ на всемъ пространствѣ нидерландской территоріи. Правда, что въ этомъ сыромъ климатѣ, на этой полузатопленной землѣ, съ которой подымаются опасныя испаренія или міазмы, необходимо поддерживать крайнюю опрятность въ домахъ и удалять изъ нихъ все, что могло бы увеличить естественную нездоровость страны; но многіе наблюдатели справедливо замѣтили, что голланд-

[1]) Gaillard, „Mémoires de l'Académie de Belgique", t. VI, 1853.

[2]) Alph. Esquiros, „Néerlande et la vie hollandaise".

[1]) Ramon de la Sagra, „Vyage en Hollande et en Bélgique".

цы утрировали свою національную добродѣтель до такой степени, что она нерѣдко переходитъ у нихъ въ порокъ. Особенно въ провинціи Сѣверной Голландіи эта страсть къ чистотѣ можетъ превратиться въ манію; иныя жилища, гдѣ самый взыскательный глазъ не откроетъ ни пылинки, гдѣ все блеститъ, точно въ ларчикѣ съ драгоцѣнностями, были бы необитаемы для всякаго другаго человѣка, кромѣ туземцевъ, а въ парадныя комнаты они вступаютъ всегда съ нѣкоторою торжественностью. Хлѣвы для скота голландцы держатъ въ такой чистотѣ, какъ салоны, и коровы не могутъ даже свободно располагать своимъ хвостомъ, который обыкновенно привязывается къ потолку, изъ опасенія, чтобы неблаговоспитанныя животныя не запачкали своего лоснящагося платья. Нѣкоторыя деревни расположены въ цѣломъ съ такою мелочною правильностью, что при видѣ ихъ невольно задаешь себѣ вопросъ, не игрушка ли это, сдѣланная на удивленіе глупцамъ. Истиннаго искусства не ищите въ этихъ чистенькихъ жилищахъ, гдѣ все устроено и расположено по самой педантической рутинѣ; сама природа должна сообразоваться съ методическимъ вкусомъ домовладѣльца, и во многихъ садахъ деревья не только подстригаются, но еще и раскрашиваются въ разные цвѣта [1]). Вообще, голландцы, хотя и прославились въ исторіи искусства тѣмъ, что у нихъ возникла одна изъ великихъ школъ живописи, не могутъ похвалиться артистическимъ чутьемъ и вкусомъ. Города ихъ имѣютъ оригинальный отпечатокъ; ладьи, снующія по улицамъ, мосты, поднимающіеся и опускающіеся надъ каналами, деревья, свѣсившіяся надъ водой,—всё эти характеристическія черты голландскаго города производятъ пріятное впечатлѣніе; красные кирпичные дома, фасады которыхъ выглядываютъ изъ-за зелени садовъ, имѣютъ оригинальный видъ, но эти дома далеко нельзя назвать красивыми, и вычурныя украшенія, которыми они изобилуютъ, только безобразятъ ихъ.

Въ многихъ частяхъ Нидерландовъ національная оригинальность проявляется еще въ сохраненіи старинныхъ костюмовъ. У самыхъ воротъ Гаги путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ моряковъ и рыболововъ, старыхъ и малыхъ, одѣтыхъ однообразно въ длинные плащи изъ синяго сукна, обутыхъ въ тяжелые деревянные башмаки (сабо) безукоризненной бѣлизны. Въ Зеландіи, крестьяне, болѣе щеголеватые въ одеждѣ, до сихъ поръ носятъ короткіе штаны, пристегиваемые къ поясу серебряными пряжками; ихъ красный жилетъ, вышитый узорами разныхъ цвѣтовъ, смотря по религіи, исповѣдуемой поселяниномъ, застегивается на двадцать большихъ филиграновыхъ

[1]) Pictet de Sergy, „Lettres sur la Nord-Hollande“.

пуговицъ; черная бархатная куртка своей простотой составляетъ рѣзкій контрастъ съ остальнымъ костюмомъ [1]). Женщины, хранительницы нравовъ, всего лучше сохранили старинные костюмы и украшенія въ большей части голландскихъ провинцій. Еще недавно жительницы мѣстечка Гинделопенъ, лежащаго на восточномъ берегу залива Зюйдерзее, славились необыкновеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ своихъ нарядовъ, видоизмѣнявшихся до безконечности, смотря по возрасту и общественному положенію тѣхъ, которыя ихъ носили, и полагаютъ, что эти мѣстныя моды были наслѣдіемъ длиннаго ряда предковъ. Во всѣхъ провинціяхъ Нидерландовъ до сихъ поръ можно увидѣть тамъ и сямъ слѣды костюмовъ, установленныхъ нѣкогда силой преданія. Такъ, напримѣръ, въ городахъ и теперь еще почти всѣ служанки носятъ ситцевыя платья съ фіолетовыми цвѣтками или полосками.

Фризскія женщины и голландки въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть жительницы провинцій Сѣверной и Южной Голландіи, особенную важность придаютъ традиціонной модѣ своего головнаго убора. Въ деревняхъ очень многія крестьянки носятъ не только дорогія серьги, но еще золотыя бляхи на вискахъ, или даже драгоцѣнныя украшенія, покрывающія лобъ, булавки, грозно торчащія по бокамъ головы, спирали, обрамляющія щеки, такъ что, подъ чепцомъ изъ тонкихъ кружевъ, весь этотъ головной уборъ блеститъ точно золотая каска. Нѣкоторые изъ головныхъ уборовъ имѣютъ очень странный видъ; другіе, напротивъ, довольно изящны и увеличиваютъ красоту лица. Женщины Фрисландіи, гордыя и серьезныя, имѣютъ очень внушительную мину подъ этою золотою діадемой. Крестьянки, безъ сомнѣнія, давно перестали бы носить эти тяжелые головные уборы, если бы послѣдніе не имѣли въ ихъ глазахъ большой цѣны, какъ дорогая вещь: «если бы какая-нибудь поселянка отказалась отъ ношенія такого убора, то люди, пожалуй, приняли бы это скорѣе за признакъ бѣдности, чѣмъ за доказательство хорошаго вкуса [2])»; видъ блестящаго шлема и его украшеній издали возвѣщаетъ женихамъ и соперницамъ, какимъ количествомъ «бочекъ золота» обладаетъ молодая наслѣдница, являющаяся во всемъ блескѣ своихъ нарядовъ. Однако, бѣдныя дѣвушки очень легко могутъ подражать богатымъ крестьянкамъ, украшая себя фальшивыми драгоцѣнностями, для того чтобы мѣстная мода, причина преждевременной плѣшивости, не утратила постепенно своего господства въ пользу общей моды, которая позволяетъ безпрепятственно рости волосамъ и даже преувеличивать пышность шевелюры.

[1]) Ch. de Coster et Adolf Dillens, „Tour du Monde“, XXVIII, 1874.

[2]) Théophile Gautier, „Loin de Paris“.

Различными своеобразными обычаями, такъ же, какъ сохраненіемъ отчасти старинной національной одежды, голландскій народъ свидѣтельствуетъ о своей самобытности и стойкости. Онъ остается самимъ собою въ томъ движеніи торговли и науки, которое мало-по-малу разрушаетъ политическія перегородки между государствами. Замѣчено, что съ 1866 года контрастъ сдѣлался больше по обѣ стороны границы, раздѣляющей Голландію и Германію. До этой эпохи ганноверцы и голландцы, имѣя сходные нравы и обычаи, говоря почти одинаковымъ языкомъ, жили бокъ-о-бокъ, какъ добрые друзья; но вдругъ съ востока явились къ самой голландской границѣ нѣмецкіе чиновники, говорящіе другимъ нарѣчіемъ, навязывающіе другіе порядки — и національныя различія сразу обнаружились въ болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ, чѣмъ въ какой они проявлялись прежде [1]). Это недовѣрчивое отчужденіе голландцевъ отъ своихъ сосѣдей—явленіе не новое въ исторіи; не разъ случалось въ послѣдніе три вѣка, что они принуждены были, такъ сказать, сосредоточиваться въ самихъ себѣ, въ виду угрожавшей имъ со всѣхъ сторонъ опасности. Ихъ національная индивидуальность окрѣпла отъ этого, но это продолжительное усиліе принесло также свою долю вреда голландскому народу. Принужденная долгое время держаться особнякомъ отъ остальной Европы, чтобы тѣмъ вѣрнѣе сохранить свою независимость, Голландія въ концѣ концовъ пріобрѣла недостатки, которые всегда бываютъ слѣдствіемъ изолированности. Она перестала жить міровою жизнью, утратила гибкость ума и остановилась, до извѣстной степени, въ идеяхъ и обычаяхъ прошлаго. Занимая нѣкогда первое мѣсто въ ряду европейскихъ націй, она дала опередить себя во многихъ отношеніяхъ своимъ сосѣдямъ. Что́ бы ни говорила извѣстная пословица, современная Голландія не достаточно имѣла исторіи; она слишкомъ замкнулась въ своей тѣсной области, которую она, впрочемъ, съумѣла великолѣпно устроить.

IV.

Обратное завоеваніе почвы, захваченной моремъ, и преобразованіе болотъ въ культурныя земли—такова была, въ самомъ дѣлѣ, главная задача нидерландскаго народа. Географы пытались опредѣлить пространство земель, которыя море похитило у Голландіи съ начала историческихъ временъ; но относящіеся сюда факты слишкомъ мало извѣстны для того, чтобы подобныя вычисленія могли имѣть цѣну, хотя бы даже приблизительную. Считая только съ начала тринадцатаго столѣтія, то-есть съ эпохи, съ которой физическіе перевороты, совершавшіеся въ странѣ, уже извѣстны въ общихъ чертахъ, можно съ большею увѣренностью пускаться въ область предположеній: площадь земель, захваченныхъ моремъ въ этотъ короткій геологическій періодъ, обнимающій около семи сотъ лѣтъ, исчисляютъ приблизительно равною отъ одной пятой до одной седьмой общей поверхности Нидерландовъ.

Земли Голландіи, поглощенныя моремъ во время наводненій: тринадцатаго столѣтія — 3.080 кв. километровъ; четырнадцатаго—330; пятнадцатаго — 825; шестнадцатаго — 550; семнадцатаго—275; восемнадцатаго—55; размыто морскаго берега въ продолженіе шести столѣтій—935 кв. километр.; итого [1]) — 6.050 кв. километровъ.

Но если неутомимый океанъ дѣлаетъ завоеванія на твердой землѣ, то человѣческое искусство, не убоявшееся принять борьбу съ грозной стихіей, уже вернуло больше половины этого затопленнаго водой пространства. Исторія не разсказываетъ объ этомъ длинномъ, многовѣковомъ трудѣ, потому что онъ ведется медленно и терпѣливо: онъ не поражаетъ воображенія, какъ внезапныя нападенія моря, которыя иногда въ одинъ день уничтожаютъ работу цѣлаго столѣтія, но человѣкъ не устаетъ, не падаетъ духомъ; онъ снова принимается за дѣло послѣ каждой катастрофы, вооруженный вспомогательными средствами, которыя даетъ ему наука.

Говорятъ, что первыя плотины для защиты отъ моря были воздвигнуты въ девятомъ столѣтіи норманнами на островахъ Зеландіи [2]); но всѣ оградительные валы, построенные на морскомъ берегу до большихъ бурь пятнадцатаго столѣтія, были снесены волнами. Дѣло отвоеванія у океана захваченныхъ имъ земель приняло значительные размѣры только въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, то-есть съ наступленіемъ періода республиканской свободы. Индивидуальная иниціатива, развившаяся подъ вліяніемъ сознанія національнаго величія, побудила гражданъ предпринять колоссальныя работы, подобными которымъ не могла похвалиться никакая другая страна. Уже въ 1270 г. одно озеро, Миддельзе, было обведено плотинами, а въ 1533 году взялись за озеро Зейпъ, близъ Алькмара, чтобы осушить его площадь, равную 5.600 гектарамъ [3]). Въ началѣ семнадцатаго столѣтія озеро Бемстеръ, въ провинціи Сѣверной Голландіи, также было окружено плотинами и преобразовано въ луга. Затѣмъ, все на томъ же полуостровѣ, озера Пурмеръ,

[1]) H. Havard, „La Hollande pittoresque; Les frontières menacées“.

[1]) Arends, „Physische Geschichte der Nord-See Küsten“.

[2]) I. G. Houzeau, „Essai d'une géographie physique de la Belgique“.

[3]) Staring, „Voormaals en Thans“.

Гуговаардъ, Шермеръ и нѣкоторыя другія тоже, въ свою очередь, были превращены въ твердую землю и покрылись пашнями и лугами. На островахъ Зеландіи, на берегахъ Фрисландіи обширныя пространства береговой полосы прибавились къ сосѣднимъ равнинамъ. Голландцы той славной эпохи, работы которыхъ можно безъ преувеличенія сравнить съ грандіознѣйшими предпріятіями, исполненными въ новѣйшія времена, сдѣлались учителями въ гидравлическомъ искусствѣ, такъ что къ нимъ стали обращаться со всѣхъ сторонъ съ предложеніемъ быть руководителями въ устройствѣ сооруженій для защиты береговъ отъ вторженія водъ. Многочисленныя «маленькія Фландріи» или «маленькія Голландіи» были завоеваны ими на болотахъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи; колоссальное дѣло, совершенное въ ихъ собственномъ отечествѣ, служило образцомъ другимъ работамъ того же рода во всей Западной Европѣ. Правда, въ восемнадцатомъ столѣтіи голландцы, менѣе ревностные въ отношеніи политической свободы, чѣмъ они были въ первое время своей національной независимости, занимались также менѣе дѣятельно и вопросомъ расширенія своей территоріи на счетъ моря: но въ XIX столѣтіи, начало котораго ознаменовалось регулированіемъ устья Рейна и осушеніемъ окружающихъ болотъ, предпріятія по обратному завоеванію потопленныхъ земель были ведены съ необыкновенной энергіей. Въ пятьдесятъ лѣтъ, съ 1815 до 1865 года, пространство въ 45.000 гектаровъ съ лишнимъ, то есть территорія, равная квадрату, каждая сторона котораго около 21 километра, была обратно отвоевана у водъ. Благодаря сѣти плотинъ, раздѣляющихъ всѣ земли, присоединенныя въ видѣ правильныхъ геометрическихъ фигуръ, можно было съ математическою точностью вычислить площадь польдеровъ, присоединенныхъ съ начала шестнадцатаго столѣтія къ равнинамъ Голландіи: все пространство почвы, которымъ снова овладѣли голландскіе земледѣльцы, простирается до 380.000 гектаровъ. По исчисленію геолога Старинга, обратное завоеваніе земель у моря въ Нидерландахъ, на сѣверъ отъ рѣки Маасъ, представляло слѣдующія цифры:

До 1540 года — 18.971 гект.; съ 1540 до 1566 г. (война за независимость)—16.186 гект., въ годъ—621 гект.; съ 1566 до 1584 г. (смерть Вильгельма Оранскаго)—317 гект., въ годъ—17 гект.; съ 1584 до 1609 г. (двѣнадцатилѣтнее перемиріе) — 11.617 гект., въ годъ — 464 гектаровъ; съ 1609 до 1648 г. (Вестфальскій миръ) — 31.686 гект., въ годъ—813 гект.; съ 1648 до 1672 г. (война съ Людовикомъ XIV)—4.688 гект., въ годъ—195 гект.; съ 1672 до 1748 г. (конецъ войны за австрійское наслѣдство)—6.384 гект., въ годъ—84 гект.; съ 1748 до 1795 г. (нашествіе французовъ) — 14.668 гектаровъ, въ годъ — 312 гект.; съ 1795 до 1815 г. (французское господство)—7.908 гект., въ годъ — 395 гект.; съ 1815 до 1875 г.—57.807 гект., въ годъ—963 гект.

Если работы и впредь будутъ продолжаемы въ такихъ же размѣрахъ, какъ съ начала нынѣшняго столѣтія, если обширные проекты инженеровъ будутъ приведены въ исполненіе, то можно съ увѣренностью предсказать, что еще до конца жизни третьяго поколѣнія пріобрѣтеніе земли во владѣніяхъ океана уравновѣситъ, и даже съ избыткомъ, захваты морскихъ водъ въ предѣлахъ материка. Что касается цѣнности вновь пріобрѣтенныхъ земель, то она много превышаетъ цѣнность потерянной въ прежнее время почвы: считая по 1.500 франковъ за гектаръ, общая стоимость отвоеванныхъ у моря до 1875 г. пространствъ простирается до 406.700.000 франковъ. Въ настоящее время поверхность Голландіи, по вычисленію Старинга, увеличивается, среднимъ числомъ, на 3 гектара въ сутки. Такимъ образомъ пространство страны, такъ же, какъ и населеніе, возрастаетъ съ каждымъ годомъ [1]).

Впрочемъ, нужно сказать, что во многихъ мѣстахъ сама природа помогаетъ человѣку и подготовляетъ дѣло реставраціи континента. Вдоль побережья, гдѣ воды прилива разливаются по отмелямъ, напримѣръ, въ такъ называемыхъ wadden, отдѣляющихъ фрисландскіе острова отъ материка, морскіе наносы, смѣшанные съ миріадами маленькихъ животныхъ, возвышаютъ мало-по-малу тинистые берега; вскорѣ эти берега обнажаются уже въ часъ половинной высоты прилива, и птицы несмѣтными стаями садятся на эти отмели, чтобы клевать раковины, оставленныя отливомъ. Тинистая поверхность, всегда мокрая, даже въ періодъ отлива, блеститъ на солнцѣ: отсюда и названіе blick, которое обыкновенно даютъ этимъ пространствамъ. Новая земля, хотя представляющая уже элементы плодородія, не считается еще, однако, вполнѣ «созрѣвшею»; чтобы обвести ее плотинами, ждутъ, пока слой ила достигнетъ значительной высоты и соляныя растенія смѣнятся какими-нибудь болотными и луговыми травами. Окрѣпшія тинистыя пространства, извѣстныя, смотря по нарѣчіямъ, подъ именемъ шорреновъ (Schorren) или квельдеровъ (kwelder), представляютъ отличный кормъ для мелкаго рогатаго скота, и съ этой поры цѣнность ихъ становится уже настолько значительна, что земледѣлецъ находитъ выгоднымъ приняться за обведеніе ихъ плотинами [2]): по образному языку многихъ коммунальныхъ гербовъ, съ этого времени пучки колосьевъ могутъ вырости изъ спиралей

---

[1]) Staring, „Voormaals en Thans“; E. de Laveleye, „Revue des Deux Mondes“, 1 avril 1864.

[2]) A. de Laveleye, „Affaissemet du sol et envasement des fleuves“; Emile de Laveleye, „La Néerlande“.

раковины [1]); въ продолженіе сорока или пятидесяти лѣтъ подъ-рядъ новыя земли даютъ великолѣпные урожаи безъ всякаго удобренія. Во многихъ мѣстахъ два острова, удаленные нѣкогда одинъ отъ другаго, соединяются посредствомъ своихъ шорреновъ или квельдеровъ, и тогда двухъ поперечныхъ плотинъ достаточно для того, чтобы соединить ихъ въ одну землю. Такъ, въ 1807 году десятка два роттердамскихъ негоціантовъ составили компанію съ цѣлью превратить въ культурныя земли весь рукавъ моря, отдѣлявшій Восточный Бевеландъ отъ Южнаго. Начиная съ двѣнадцатаго столѣтія воздѣлываемая поверхность острововъ Зеландіи увеличилась этимъ путемъ по меньшей мѣрѣ на 100.000 гектаровъ [2]).

Главныя плотины, долженствующія выдерживать напоръ бурныхъ волнъ, представляютъ крѣпкіе оплоты, гдѣ жители, для устраненія постоянно грозящей опасности, собрали всевозможные элементы сопротивленія. Огромныя внѣшнія сваи, соединенныя посредствомъ толстыхъ дубовыхъ досокъ съ другимъ рядомъ свай, расположеннымъ позади перваго, обложены фашинами и циновками, о которыя разбивается морской валъ, и всѣ деревянныя части скрыты подъ желѣзною оправой изъ гвоздей съ плоскими шляпками, для того чтобы моллюски не могли прицѣпляться къ бревнамъ и доскамъ. Эти эстакады поддерживаются грудой большихъ гранитныхъ камней, привезенныхъ съ большими издержками изъ ландовъ провинціи Дренте или даже изъ Норвегіи; среднимъ числомъ, плотина имѣетъ отъ 8 до 10 метровъ въ вышину и отъ 50 до 100 метровъ въ ширину. Въ иныхъ мѣстахъ, особенно въ новѣйшихъ сооруженіяхъ, возводимыхъ подъ руководствомъ коронныхъ инженеровъ, монументальныя жете замѣнены насыпями изъ песку, которыя поддерживаются сваями и платформами изъ фашинъ. Камни теперь употребляются только для защиты основанія насыпей. Одно изъ главныхъ техническихъ достоинствъ колоссальныхъ гидравлическихъ сооруженій Голландіи состоитъ въ томъ, что они были выполнены въ самыхъ трудныхъ условіяхъ и съ матеріалами дурнаго качества. Въ большей части европейскихъ странъ подпочва, на которую опираются фундаменты построекъ, достаточно крѣпка; почти вездѣ это твердая скала, и для постройки быковъ и плотинъ обыкновенно употребляются камни или песчаникъ. Совсѣмъ не то въ низменныхъ частяхъ Голландіи: тамъ сколько ни рой землю, все будешь находить мягкій, полужидкій грунтъ, и оттого тамъ всякій фундаментъ нужно ставить на сваяхъ и фашинахъ; насыпи, служащія опорой для зданій и желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, сами, такъ сказать, плаваютъ на топкой почвѣ [1]). Близъ Шидама, при постройкѣ желѣзной дороги, принуждены были въ продолженіе цѣлаго года высыпать по двадцати пяти вагоновъ песку въ день, пока вязкій грунтъ не окрѣпъ настолько, что можно было приступить къ укладкѣ рельсовъ.

Огромные расходы по содержанію въ исправности плотинъ несетъ синдикатъ землевладѣльцевъ; но иногда случается, что доходы съ обведенныхъ плотинами земель оказываются недостаточными на покрытіе этихъ расходовъ: тогда польдеры объявляются «въ бѣдственномъ положеніи», и государство должно помогать мѣстнымъ жителямъ въ защитѣ ихъ полей и домовъ отъ наводненій. Въ тѣхъ частяхъ побережья, гдѣ теченія идутъ вдоль берега, разрывая морское дно, содержаніе плотинъ обходится очень дорого, такъ какъ въ этомъ случаѣ нужно пытаться уничтожить силу теченія посредствомъ перемычекъ, или дамбъ, выведенныхъ перпендикулярно къ берегу; но часто всѣ эти усилія оказываются безуспѣшными, прокапываніе дна теченіемъ продолжается, и плотина, подтачиваемая при основаніи, того и гляди обрушится разомъ въ глубокую воду: тамъ, гдѣ находились поля и жилища, вдругъ образуется огромный провалъ. Чтобы предупредить катострофу, передъ опасными мѣстами погружаютъ въ воду такъ называемые Zinkstukken, обширные плоты изъ тростника и переплетенныхъ древесныхъ вѣтвей, нагруженные камнемъ: эти искусственныя банки, имѣющія иногда до 100 метровъ въ ширину, отклоняютъ глубокое теченіе и тѣмъ предохраняютъ берегъ отъ разрушенія [2]). Но когда, несмотря на всѣ оградительныя сооруженія, провалъ все-таки образуется, то почти всегда успѣвали заблаговременно построить вторую плотину, и воды, вторгнувшіяся въ польдеры, остаются запертыми въ промежуточномъ пространствѣ, гдѣ долгое время расходуется ихъ разъѣдающая сила. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія общую длину главныхъ плотинъ Голландіи, не считая безчисленныхъ контръ-плотинъ и боковыхъ плотинъ, исчисляли въ 2.500 километровъ. Издержки сооруженія этихъ приморскихъ оплотовъ простирались до 280 милліоновъ франковъ [3]). Что касается старыхъ плотинъ, которыя, вслѣдствіе завоеванія новыхъ польдеровъ на прибрежной полосѣ, остались далеко внутри материка и сдѣлались безполезными, то главный матеріалъ ихъ, глину, употребляютъ въ видѣ удобренія, примѣшивая ее къ песчанымъ или слишкомъ жирнымъ почвамъ; земледѣльцы раскапываютъ эти плотины, какъ упомянутые выше терпены, и

---

1) Meyners d'Estrey, „Explorateur", № 63, t. III.
2) Staring, „Voormaals en Thrans".

---

1) Croisette-Desnoyers, „Notice sur les travaux publics en Hollande".
2) H. Havard, „La Hollande pittoresque. Le cœur du pays".
3) Arends;—Belpaire, „Plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".

такимъ образомъ обновляютъ плодородіе своихъ полей.

Изъ всѣхъ областей нидерландской территоріи самыхъ обширныхъ и самыхъ дорогихъ сооруженій для защиты отъ моря потребовалъ архипелагъ Зеландіи. Подобно гранатовому яблоку, каждая ячейка котораго содержитъ зернышко, совокупность острововъ, образующихъ эту область, состоитъ изъ множества перегородокъ многоугольной формы, и каждая изъ этихъ перегородокъ заключаетъ отдѣльный польдеръ, покрытый зеленѣющими лугами и полями. Путешественникъ, проѣзжающій архипелагъ по лиманамъ и каналамъ, можетъ подумать, что онъ плыветъ по широкимъ оборонительнымъ рвамъ между линіями укрѣпленій; онъ проходитъ мимо всѣхъ острововъ, отъ Тернейзена и Роттердама, ни разу не видя ихъ внутренней части, скрытой отъ взоровъ высокою оградою изъ плотинъ [1]). Понятно удивленіе, испытываемое жителями внутреннихъ волнистыхъ областей страны, когда они впервые пускаются въ этотъ лабиринтъ болотистыхъ острововъ, съ такимъ трудомъ защищаемыхъ отъ нападенія морскихъ волнъ: Zeelant geen lant;—Ik houdet metten heykant (Зеландія— это не земля; я больше люблю твердую почву), говорятъ брабантцы. Гербъ Зеландіи превосходно обрисовываетъ физическое состояніе страны, въ то же время, какъ и нравственную энергію ея жителей: онъ изображаетъ льва, борющагося противъ волнъ, въ которыя онъ на половину погруженъ. Подъ этимъ гербомъ написанъ слѣдующій девизъ, еще болѣе прекрасный, чѣмъ девизъ города Парижа: Luctor et emergo (борюсь и выплываю).

Плотина, которая защищаетъ на западѣ островъ Валхеренъ противъ вторженія морскихъ волнъ, замыкая брешь въ цѣпи дюнъ, есть, безспорно, чудо строительнаго искусства и, можетъ быть, самое важное изъ сооруженій, воздвигнутыхъ голландскими инженерами. Часто можно услышать замѣчаніе, что эта плотина, называемая Весткапельской, по имени деревни, находящейся у ея внутренняго основанія, могла бы быть построена съ меньшими издержками, если бы она была отлита изъ бронзы или обшита серебряной броней. Построенная за нѣсколько столѣтій до нашей эпохи, можетъ быть, въ девятомъ вѣкѣ, она была много разъ прорываема во время сильныхъ бурь на морѣ; еще въ 1808 году она уступила напору волнъ, и весь островъ покрылся на нѣкоторое время водой, такъ что по улицамъ его городовъ и деревень жители плавали на лодкахъ. Послѣ этой катастрофы, Весткапельская плотина была перестроена еще выше и крѣпче, но по прежнему профилю, отличному отъ профиля, который нынѣшніе инженеры предпочитаютъ для новыхъ плотинъ. Имѣя въ длину только 3.800 метровъ, плотина, о которой мы говоримъ, поднимается на 7 слишкомъ метровъ надъ среднимъ уровнемъ моря, представляя волнамъ скатъ длиною болѣе 90 метровъ, очень мало наклоненный къ горизонту и на которомъ вода тихо разливается. Кромѣ того, эстакада, составленная изъ одиннадцати параллельныхъ рядовъ свай, соединенныхъ посредствомъ поперечныхъ свай и балокъ, защищаетъ всю внѣшнюю часть откоса. Самая эстакада защищена каменнымъ бутомъ, а выше ея откосъ обложенъ двойной настилкой изъ кирпича и камня. Еще выше обломки базальтовыхъ колоннъ, привезенные съ Семигорья (Зибенгебирге), защищаютъ скатъ плотины въ томъ мѣстѣ, гдѣ ударяются бурныя волны, а на остальной части плотины, до самой вершины, лежитъ толстый слой глины. По гребню плотины, имѣющему 12 метровъ въ ширину, проведена служебная желѣзная дорога, параллельно которой идетъ обыкновенная колесная дорога [1]).

Но плотины, какъ бы ни были колоссальны ихъ размѣры, не принесли бы никакой пользы, если бы низменныя земли, окончательно отдѣленныя отъ моря въ наибольшей его высотѣ, бывающей въ періоды прилива, не были въ то же время освобождаемы отъ накопляющейся въ нихъ болотистой воды. Между тѣмъ эти земли находятся по большей части ниже средняго уровня морскихъ водъ: въ области прибрежья нѣтъ ни одного польдера, который бы не былъ отмѣченъ инженерами-гидравликами какъ лежащій ниже A. P., то-есть идеальной плоскости, продолжающей черезъ всю страну средній уровень залива Ій въ амстердамскомъ портѣ (Amsterdamsch Peil): есть даже одинъ польдеръ, именно польдеръ Зюйдпласъ, близъ Гуда, поверхность котораго лежитъ на 5,61 метр. ниже нуля мареографа. Пока еще польдеры не осѣли, что совершалось постепенно, вслѣдствіе высыханія торфянаго покрова, земледѣльцы могли удалить съ полей излишекъ воды, открывая, въ часы отлива, шлюзы, устроенные въ толщѣ плотинъ; но мало-по-малу осѣданіе почвы заставило прибрежныхъ жителей употреблять для этой цѣли искусственныя средства болѣе сложныя, именно водокачальныя мельницы. Въ началѣ тринадцатаго столѣтія, какъ говорятъ, были введены во Фландріяхъ и оттуда въ Голландіи первыя вѣтряныя мельницы, сдѣланныя по образцу тѣхъ, которыя крестоносцы видѣли на Востокѣ: но съ той эпохи сколько разнообразныхъ формъ принимали эти живописныя постройки, отъ бревенчатаго помоста до настоящаго архитектурнаго памятника, укрывающаго красивые домики подъ своею высокою кругообразной галлереей! Около 1850 года

---

[1]) Edmondo de Amicis, „Olanda“.

[1]) Croisette-Desnoyers, „Notice sur les travaux publics en Hollande“.

въ Голландіи насчитывали до 9.000 вѣтряныхъ мельницъ, работавшихъ надъ выкачиваніемъ воды съ польдеровъ; но теперь тысячи этихъ мельницъ служатъ уже другимъ промышленнымъ цѣлямъ: паровыя водокачалки, рѣдкія въ ту эпоху, устроены нынѣ повсемѣстно въ большомъ числѣ и позволяютъ достигать большей правильности въ содержаніи и воздѣлываніи полей. Одной такой паровой мельницы достаточно для сотенъ гектаровъ земли, потому что годовое испареніе почти уравновѣшиваетъ годовое количество дождя; излишекъ атмосферной воды, выпадающей въ продолженіе зимы, испаряется въ теченіе весны и лѣта, какъ показываютъ слѣдующіе результаты наблюденій [1]):

Среднее выпаденіе атмосферной влаги и испареніе въ Голландіи:

	Лѣтомъ.	Зимой.	За весь годъ.
Атмосф. осадки	0,266 метр.	0,371 метр.	0,637 метра.
Испареніе.....	0,403 »	0,170 »	0,573 »

Иногда всѣ польдеры въ окрестностяхъ Лейдена бываютъ покрыты водой на необозримое пространство въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, февраля и марта, и нѣтъ никакой возможности удалить эту воду до тѣхъ поръ, пока не понизится уровень рѣкъ.

Самое названіе польдеръ, даваемое обведеннымъ плотинами и ассенированнымъ землямъ, напоминаетъ болотистое состояніе, въ которомъ находились передъ тѣмъ очень многія изъ такихъ вновь пріобрѣтенныхъ пространствъ, такъ какъ слово poel, отъ котораго произошло это названіе, означаетъ «болото» или «лужу». Въ прежнее время большая часть осушенныхъ озеръ оставляли слѣды своего существованія въ видѣ стоячихъ водъ, которыя и послѣ осушенія наполняли еще самую глубокую часть впадины, служившей озернымъ бассейномъ. Въ иныхъ мѣстахъ болота были слишкомъ обширны и имѣли слишкомъ неопредѣленные берега, чтобы можно было сразу предпринять ихъ осушеніе; въ этомъ случаѣ прибрежные крестьяне начинали работу завоеванія земли по всей окружности стоячихъ водъ, и по причинѣ правильнаго наклона ложа вышло то, что во многихъ мѣстахъ гряды почвы, поднятой надъ поверхностью воды, расположены въ видѣ сходящихся лучей, напоминая своей формой форму нѣкоторыхъ кристаллизующихся веществъ. Рядомъ со старыми польдерами, медленно растущими, изъ году въ годъ, отъ прибавленія маленькихъ кусковъ земли, простыхъ островковъ, разстилаются обширныя поля, осушенныя сразу и, такъ сказать, насильственно всемогущимъ дѣйствіемъ пара. Взглядъ, брошенный на карту, тотчасъ же показываетъ разницу способовъ осушки: здѣсь—мы видимъ контуры, совпадающіе съ кривыми уровня, рвы, слѣдующіе по легкой наклонности почвы, полосы земли, постепенно понижающіяся и съуживающіяся по направленію къ центру болотъ; тамъ—передъ нами гладкія, какъ скатерть, поля, гдѣ всѣ линіи пересѣкаются подъ прямыми углами, рвы, дороги и борозды. Какъ на замѣчательный примѣръ этого контраста, можно указать на лежащій къ югу отъ Амстердама Зюйдерпольдеръ, сѣверная часть котораго осушена очень недавно. Система кольматажа, практикуемая въ Италіи съ такимъ успѣхомъ, мало находитъ подражателей въ Голландіи, гдѣ она, впрочемъ, могла бы быть примѣнена лишь въ немногихъ мѣстахъ, по отсутствію достаточнаго ската для спуска рѣчныхъ водъ. Кромѣ того, во́ды Мааса и Рейна, хотя содержащія осадокъ (по Старингу, среднимъ числомъ, 2 твердыя части на 10.000 частей воды), однако гораздо менѣе богаты иломъ, чѣмъ По и другія итальянскія рѣки, которымъ впадающіе въ нихъ потоки приносятъ растительную почву и размельченные каменные обломки съ горъ. Тѣмъ не менѣе, голландцамъ, которые занимаютъ столь низменную территорію, и у которыхъ еще такъ много болотъ, могущихъ быть преобразованными въ культурныя земли, слѣдовало бы найти средство задерживать на пути тѣ 18 милліоновъ кубич. метровъ плодотворныхъ наносовъ, которые Рейнъ, Маасъ, Шельда каждый годъ безполезно теряютъ въ морѣ [1]). Вопросъ этотъ имѣетъ жизненный интересъ для страны.

Изъ всѣхъ предпріятій непосредственнаго осушенія, какія были выполнены до сихъ поръ въ Голландіи и вообще въ цѣломъ мірѣ, самымъ грандіознымъ, по справедливости, считается осушеніе такъ называемаго Гарлемскаго моря. Постоянное расширеніе этого громаднаго озера было одной изъ величайшихъ опасностей для существованія Нидерландовъ. Съ 1506 до 1840 года среднее увеличеніе его поверхности составляло слишкомъ 4.400 гектаровъ въ столѣтіе, или 44 гектара въ годъ; во время бурь оно не разъ соединялось временно съ заливомъ Зюйдерзее, такъ что всему полуострову Сѣверной Голландіи грозила опасность быть оторваннымъ отъ континента или сохранить съ нимъ связь лишь посредствомъ узкой косы дюнъ. Наконецъ, въ 1840 году, рѣшились предпринять гигантскую работу осушенія озера, передъ которою боязливо отступали около двухсотъ лѣтъ; послѣ шести поколѣній, проектъ инженера Легватера, такъ долго считавшійся утопіей, былъ признанъ осуществимымъ, и первая водокачальная машина, поднимавшая разомъ, своими одиннадцатью насосами, 66 тоннъ воды, была названа по имени того геніальнаго человѣка, который съ 1841 года обѣщалъ успѣшно довести до конца одну изъ замѣчатель-

[1]) G. Simons, A. Greve, „Verhandeling over de Stoombemaling van Polders en Droogmakerijen“.

[1]) Staring, „Bodem van Nederland“.

нѣйшихъ работъ, которыми гордится нашъ вѣкъ. Площадь озера превышала 180 квадр. километровъ, средняя глубина его была 4 метра, и въ теченіе трехъ лѣтъ съ тремя мѣсяцами, пока продолжались работы, водокачальныя машины должны были вылить въ море, черезъ вырытый вокругъ озера каналъ, 925 милліоновъ кубич. метровъ воды, то-есть всю жидкую массу озера, увеличенную инфильтраціонными и дождевыми водами. Продажа осушенныхъ такимъ образомъ земель не вознаградила тотчасъ же за всѣ издержки по исполненію колоссальнаго предпріятія; но если правительство потеряло нѣсколько милліоновъ на продажѣ земель, то сама страна много обогатилась доходами съ этихъ полей, завоеванныхъ въ области водъ. Съ 1843 года цѣна гектара бывшаго озернаго дна учетверилась, и годовые доходы отъ высу-

Зеландскій видъ въ окрестностяхъ Мидльбурга

шеннаго моря представляютъ уже четверть первоначальныхъ расходовъ. Издержки осушенія Гарлемскаго озера составляли 24.000.000 франк.; отъ продажи осушенныхъ земель выручено 20.000.000 франк., годовой доходъ съ этихъ земель простирается до 6.000.000 франк. Многочисленныя жилища, разсѣянныя вдоль каналовъ, образуютъ одну изъ богатѣйшихъ общинъ провинціи Сѣверной Голландіи, а главное село, Гофдорпъ, лежащее въ центрѣ гарлемскихъ польдеровъ, въ точкѣ пересѣченія ихъ большихъ дорогъ и главныхъ каналовъ, все болѣе и болѣе принимаетъ видъ города. Но почва, еще сырая и наполненная органическими остатками, не совершенно ассенизирована: дно бывшаго озера представляетъ еще одну изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстностей Голландіи [1]).

Овладѣвъ для земледѣлія ложемъ внутреннихъ водъ, голландскіе инженеры не задумываются производить аттаки на самое дно моря; они начали обратное завоеваніе ваддеповъ (wadden), то-есть топкихъ тинистыхъ пространствъ, выступающихъ изъ-подъ воды во время отлива, которыя простираются между континентомъ и фрисландскими островами. Непрерывная плотина, длиною около 10 километровъ, соединяетъ теперь прибрежье Фрисландіи съ берегомъ острова Амеландъ, и такимъ образомъ возстановленъ перешеекъ, существовавшій въ этомъ мѣстѣ до половины двѣнадцатаго столѣтія. Эта главная или магистральная плотина должна служить береговъ отлагающимся пескамъ, которые будутъ замкнуты другими плотинами, имѣющими быть построенными последовательно на западной сторонѣ до острова Тершеллингъ; такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, проливъ будетъ превращенъ въ культурныя земли: по первоначальному проекту предполагается завоевать только площадь въ 30.000 гектаровъ, но впослѣдствіи все пространство отъ залива Доллартъ до залива Зюйдерзее сдѣлается твердою землей. Долгое время это предпріятіе могло казаться слишкомъ смѣлымъ, и бури, подвижные пески, теченія на ваддепахъ создали много непредвидѣнныхъ затрудненій; но, несмотря на то, начатое дѣло продолжается непрерывно, и пріобрѣтенный опытъ облегчаетъ задачу инженеровъ [2]).

Другая подобная работа, осушеніе архипелага Бисбошъ, до сихъ поръ еще не была предпринимаема по общему плану; она пока производится лишь отрывочно и въ незначительныхъ размѣрахъ. Однако, голландская нація, вѣроятно, не захочетъ долѣе терпѣть послѣдствія обиды, нанесенной моремъ въ 1421 году. Она располагаетъ достаточными рессурсами для того, чтобы обратно завоевать во всемъ объемѣ территорію утраченную ею въ ту эпоху: послѣ преобразованія Гарлемскаго моря въ польдеры, соединеніе всѣхъ острововъ архипелага Бисбошъ въ одну землю, пригодную для воздѣлыванія и заселенія, не представляетъ ничего такого, что могло бы испугать инженеровъ, тѣмъ болѣе, что это дѣло уже совершенно подготовлено многочисленными предварительными работами. Большой мостъ Мурдійкъ, устроенный черезъ лиманъ Голландшъ-Дипъ, ниже архипелага Бисбошъ, можетъ служить, вмѣстѣ съ дамбами, которыми онъ продолжается, превосходной точкой опоры для сооруженія плотинъ, а ложе рѣки Новой Мерведе (Nieuwe Merwede), соединяющей рейнскій рукавъ Ваалъ съ сейчасъ названнымъ лиманомъ, и теченіе которой регулировано и углублено, представляетъ каналъ истеченія достаточно широкій, чтобы принять воду рѣкъ, которыя должны быть уничтожены при осушеніи Бисбоша. Многіе безполезные потоки уже засыпаны; бассейны наводненія, гдѣ воды прогуливались безъ опредѣленнаго направленія, замѣнены правильными каналами, содержимыми въ большомъ порядкѣ; медленно текущія, извилистыя рѣчки, блуждавшія среди камышей, сдѣлались по большей части правильными притоками Новой Мерведе. Когда шестьдесятъ острововъ Бисбоша будутъ ограждены сѣтью плотинъ отъ повторенія наводненій, тогда не можетъ быть никакихъ препятствій къ тому, чтобы этотъ архипелагъ, занимающій около 150 квадр. километровъ и теперь почти необитаемый, но очень богатый покосами и порослями ивы, заселился, какъ сосѣднія съ нимъ страны, и чтобы на немъ возродились тѣ семьдесятъ двѣ цвѣтущія деревни, которыя исчезли съ лица земли въ страшную ночь св. Елизаветы. Черезъ эти равнины Бисбоша, когда онѣ будутъ осушены, безъ сомнѣнія, пройдетъ прямая желѣзная дорога изъ Роттердама въ Кельнъ: этотъ путь необходимъ, какъ средство обезпечить нидерландскому порту слѣдуемую ему долю въ торговлѣ съ Германіей. [1])

Въ настоящее время Голландія приготовляетъ новое предпріятіе, которое превзойдетъ все, что было сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Мы говоримъ о проектѣ осушенія большей части залива Зюйдерзее,—проектѣ, который нынѣ встрѣчаетъ общее одобреніе, и возможность осуществленія котораго вполнѣ доказана наблюденіями геологовъ и гидравликовъ. Посредствомъ этого присоединенія къ континенту Голландія сразу завоевала бы обратно цѣлую треть территоріи, которую она потеряла, по милости наводненій и бурь, въ средніе вѣка, и даже то, что было извѣстно подъ именемъ озера Флево въ первыя времена батавской исторіи, перестало бы существовать.

Въ продолженіе пяти сотъ лѣтъ съ лишнимъ

1) H. C. Lombard, „Traité de climatologie medicale“.

2) Teding van Berkhout, „De Landaanwinning op de Friesche Wadden“.

1) Nieuenwhuijs, „рукописныя замѣтки“.

послѣ образованія этого залива никому не приходила мысль отвоевать у океана земли, захваченныя «Южнымъ моремъ» (Zuider—южный, Zee—море); только въ 1849 г. инженеръ ванъ-Диггеленъ предложилъ полное осушеніе Зюйдерзее посредствомъ постройки плотины, которая заперла бы проливы, соединяющіе заливъ съ моремъ [1]). Но въ то время отступили передъ громадностью работы и передъ опасностью измѣнять порядокъ проходовъ и теченій; кромѣ того, свойство почвы, скрытой подъ водами залива, не было достаточно извѣстно для того, чтобы можно было съ увѣренностью сказать, будетъ ли предпріятіе полезно съ точки зрѣнія земледѣлія. Проектъ, повидимому, былъ оставленъ, и прошло пятнадцать лѣтъ прежде, чѣмъ новый планъ осушенія былъ окончательно выработанъ и одобренъ; но на этотъ разъ уже не имѣли въ виду опорожнить все море: инженеры ограничивались въ своихъ предложеніяхъ преобразованіемъ въ твердую землю лишь полуденной части Зюйдерзее, къ югу отъ устьевъ Исселя. Хотя сильно уменьшенная, сравнительно съ прежнимъ проектомъ, территорія, которую предположено обратно отвоевать, обнимаетъ не менѣе 195.670 гектаровъ, и если ей суждено сдѣлаться двѣнадцатой провинціей королевства, то эта провинція будетъ, во всякомъ случаѣ, не самая малая по протяженію. На первый взглядъ казалось бы болѣе естественнымъ запереть заливъ въ самой узкой его части, то-есть между городами Энкгуйзенъ и Ставоренъ. Въ этомъ мѣстѣ ширина Зюйдерзее не превышаетъ 15 километровъ, тогда какъ, по нынѣшнему проекту, плотина, замыкающая предположенную къ осушенію часть залива, будетъ имѣть не менѣе 41 километра въ длину; но дѣло въ томъ, что въ Ставоренскомъ проливѣ, который образуетъ входныя ворота въ Зюйдерзее, воды, гораздо болѣе глубокія и очищаемыя болѣе быстрыми теченіями, покрываютъ песчаный грунтъ, имѣющій малую цѣнность въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Кромѣ того, инженеры боялись, такъ сказать, запереть врага въ крѣпости, воздвигнувъ замыкающую плотину ниже устьевъ Исселя [2]). Правда, что лѣтомъ эта рѣка изливаетъ въ заливъ незначительное количество воды, не больше 200 куб. метровъ въ секунду; но во время зимнихъ разливовъ объемъ протекающей въ Исселѣ воды увеличивается иногда въ двадцать разъ: масса прѣсной воды, приносимой этой рѣкой и другими маленькими притоками Зюйдерзее, такъ велика, что она, вмѣстѣ съ дождями, уменьшаетъ соленость залива больше чѣмъ на двѣ трети, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ [1]):

Средняя соленость Зюйдерзее—10.651 на 1.000; средняя соленость Сѣвернаго моря (Шевенингенъ)—32.417 на 1.000.

Понятно, что для удаленія съ осушенныхъ польдеровъ этого огромнаго количества воды потребовался бы весьма значительный аппаратъ плотинъ и водокачальныхъ машинъ. Но тутъ было бы только увеличеніе издержекъ, главная же опасность произошла бы отъ необходимаго удлиненія теченія Исселя и, вслѣдствіе того, возвышенія ложа выше устья; по причинѣ уменьшенія ската, уровень среднихъ водъ повысился бы на полтора метра въ Девентерѣ и на два слишкомъ метра въ Кампенѣ. Низменныя равнины, съ такимъ трудомъ защищенныя противъ водъ, подвергались бы еще большой опасности, чѣмъ онѣ подвергаются въ настоящее время [2]).

По планамъ, одобреннымъ гидрографическою коммисіею, судоходный каналъ, устроенный внутри будущихъ польдеровъ, соединялъ бы амстердамскій портъ съ Энкгуйзенскимъ бассейномъ; маленькія гавани Монниккендамъ, Эдамъ, Горнъ также сохранили бы, при посредствѣ каналовъ въ четыре съ половиной метра глубиною, свободное сообщеніе съ моремъ, и какъ разъ по срединѣ нынѣшняго «моря», въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится островокъ Уркъ, предположено вырыть главный бассейнъ (boezemmeer) всей области залива; для этой цѣли даже воспользовались бы твердымъ грунтомъ острова, чтобы оперѣть на него шлюзы предполагаемаго порта, впрочемъ, очень некрасивые по внѣшнему виду. Изъ всѣхъ приморскихъ городовъ, стоящихъ на нынѣшнихъ берегахъ Зюйдерзее, городъ Гардервійкъ былъ бы единственный, судоходствомъ котораго пришлось бы совершенно пожертвовать.

Такъ какъ средняя глубина южной части Зюйдерзее около трехъ съ половиной метровъ, то паровыя машины должны будутъ выкачать объемъ воды, равный приблизительно семи миллiардамъ кубическихъ метровъ, не считая 1.500 милліоновъ кубическихъ метровъ, которые ежегодно изливаются въ бассейнъ въ видѣ дождей: такимъ образомъ жидкая масса, которую въ этомъ случаѣ придется перелить въ океанъ, будетъ вдесятеро превосходить количество воды, выкаченной изъ бывшаго Гарлемскаго моря. Чтобы осушить въ два года почву будущей провинціи, водокачальныя машины должны дѣйствовать съ такой силой, чтобы выбрасывать въ море каждую секунду около 300 кубич. метровъ воды, то-есть въ шесть разъ больше, чѣмъ сколько катитъ Сена, въ

---

[1]) „De Zuiderzee, de Friesche Wadden en de Lauwerzee, hare bedijking en droogmaking“.

[2]) Beijerinck, „Prœve van een Ontweerp tot afsluiting van een gedeelte der Zuiderzee“.

[1]) Alph. Belpaire, „De la plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark“.

[2]) Kuyper, „Die Trockenlegung der Zuiderzee“, „Mitth. von Petermann“, 1876.

лѣтнее время, подъ мостами Парижа. Затѣмъ, послѣ работы насосовъ, долженствующихъ опорожнить озеро, и работы землечерпательныхъ машинъ, которыя выроютъ каналы и внутренніе порты, наступитъ громадный трудъ приспособленія почвы посредствомъ устройства дорогъ и выкапыванія рвовъ и канавъ всякой величины. Сдѣлавъ разсчетъ на основаніи работъ того же рода, произведенныхъ на польдерахъ меньшихъ размѣровъ, нашли, что сѣть дорогъ въ проектированной для осушенія части Зюйдерзее будетъ заключать въ себѣ слишкомъ 4.000 километровъ дорогъ и тропинокъ и около 44.000 кил. каналовъ и рвовъ; всѣ фашины, какія производитъ Голландія, нужно бы было употреблять въ продолженіе восьми лѣтъ на работы по обведенію вновь пріобрѣтенныхъ польдеровъ плотинами [1]). Не удивительно поэтому, что общая сумма расходовъ на приспособленіе осушеннаго дна Зюйдерзее для цѣлей земледѣлія исчисляется въ 400 слишкомъ милліоновъ франковъ, считая въ томъ числѣ проценты на затраченный капиталъ. Слѣдовательно, каждый гектаръ этой новой земли обойдется приблизительно въ 2.000 франковъ,—сумма гораздо меньшая обыкновенной цѣны хорошихъ голландскихъ земель; между тѣмъ четыре пятыхъ морскаго дна, которое предполагаютъ осушить, покрыты превосходною глинистою почвой; одна пятая состоитъ изъ песковъ, которые могутъ быть сдѣланы плодородными при помощи удобреній.

Каналы, вырытые внутри материка для морскаго судоходства, также принадлежатъ къ числу общественныхъ работъ, которыми Голландія по справедливости можетъ гордиться. Уже въ 1819 году городъ Амстердамъ, которому баръ Пампуса и другія банки Зюйдерзее грозили окончательнымъ отдѣленіемъ отъ моря, былъ соединенъ съ глубокимъ проходомъ Гельдера, на сѣверной оконечности полуострова Голландіи, посредствомъ судоходнаго канала, на который въ то время смотрѣли какъ на одно изъ грандіозныхъ предпріятій нашего столѣтія. Но спустя пятьдесятъ лѣтъ амстердамскіе негоціанты стали болѣе требовательными. Сѣверо-голландскій каналъ, пересѣкающій полуостровъ наискось, имѣетъ ту невыгоду, что онъ слишкомъ длиненъ: общее протяженіе его не менѣе 84 километровъ; при томъ наполняющая его прѣсноватая вода зимой замерзаетъ и иногда бываетъ покрыта льдомъ по цѣлымъ недѣлямъ. Кромѣ того, въ одной части проходимаго имъ пространства, въ Петтенѣ, можно опасаться вторженія моря, потому что въ этомъ мѣстѣ цѣпь дюнъ была прорвана, и размыванія береговъ морскимъ теченіемъ не могли ничѣмъ остановить, кромѣ постройки длиннаго ряда перпендикулярныхъ къ береговой линіи плотинъ, содержаніе которыхъ обходится очень дорого. Съ начала семнадцатаго столѣтія до первыхъ годовъ девятнадцатаго отступленіе морскаго берега Петтенской бреши составляло 1.750 метровъ [1]). Главная причина уменьшенія судоходства по каналу Сѣверной Голландіи та, что онъ недостаточно глубокъ и широкъ: ширина его на поверхности 37,67 метр., на днѣ 9,42 метр., глубина 5,66 метр. Чтобы дать доступъ большимъ кораблямъ, какихъ требуетъ въ наши дни атлантическая торговля, необходимо было открыть другой путь для торговыхъ сношеній Амстердама, и выборъ инженеровъ, естественно, остановился на кратчайшей дорогѣ: нужно было прорыть узкій перешеекъ, называемый Holland op zijn smalst (самое узкое мѣсто Голландіи), чтобы привести въ сообщеніе заливъ Ій и Вейкермеръ съ Сѣвернымъ моремъ. Прорытіе этого канала предлагалось уже въ 16.. году, но только въ 1858 году голландское правительство дало концессію на сооруженіе его англо-нидерландской компаніи. Надѣялись, что издержки по исполненію этого предпріятія вознаградятся, въ значительной части, продажею осушенныхъ земель по берегамъ канала; и дѣйствительно, польдеры Вейкермера продавались до 4.450 франковъ за гектаръ [2]), а въ окрестностяхъ Амстердама земли подъ строенія, гдѣ, можетъ быть, возникнутъ новыя предмѣстья и города,—были проданы по гораздо болѣе высокимъ цѣнамъ. Но расходы на устройство канала превысили первоначальную смѣту: когда этотъ судоходный путь будетъ вполнѣ оконченъ, со всѣми его портами, молами, второстепенными каналами, онъ будетъ стоить накакъ не менѣе 100 милліоновъ франковъ.

Чтобы выполнить планъ осушенія низменныхъ пространствъ, черезъ которыя проходитъ каналъ, пришлось отдѣлить заливъ Ій отъ Зюйдерзее посредствомъ шиллингвудской запруды и группы колоссальныхъ шлюзовъ, построенныхъ на сваяхъ; въ то же время оказалось необходимымъ снабдить эти шлюзы водокачальными машинами, поднимающими до 33 куб. метровъ воды въ секунду, для того чтобы поддерживать на опредѣленной высотѣ, то-есть на 50 сантиметровъ ниже упомянутой плоскости А. Р. (Amsterdamsch Peil), уровень воды въ бывшемъ амстердамскомъ рейдѣ, превращенномъ нынѣ въ озеро. Среднимъ числомъ, каждый день около двухъ сотъ судовъ проходятъ между портомъ и Зюйдерзее; но это все каботажныя суда небольшаго водоизмѣщенія. Порогъ морскихъ воротъ лежитъ всего только на 4 метра ниже средняго уровня залива Ій,

---

1) Kuyper, „Die Trockenlegung der Zuiderzee", „Mittheilungen von Petermann", 1876.

1) Staring, „Voormaals en Thans".

2) George Herelle, „Revue des Deux Mondes", 15 ноября 1875 г.

тогда какъ каналъ, прорытый къ открытому морю, имѣетъ 7,70 метр. глубины; при проведеніи его через цѣпь дюнъ, пришлось копать землю до глубины 16 слишкомъ метровъ. Вотъ размѣры этого канала:

Длина главнаго канала—23.700 метр.; второстепенные каналы—21.600 метр.; ширина канала на поверхности—63 метр.; ширина канала на днѣ ложа—27 метр.; объемъ вынутой земли—11.245.000 куб. метр.

Выходные шлюзы, помѣщенные въ разстояніи одного километра отъ моря, рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ теперь строится городъ Іймюйденъ, представляютъ, такъ же, какъ шлюзы Шеллингвуда, замѣчательные памятники современнаго строительнаго искусства: главный шлюзный бассейнъ имѣетъ не менѣе 160 метровъ въ длину; но ширина его всего только 18 метровъ, что, можетъ быть, окажется недостаточнымъ уже въ близкомъ будущемъ [1]). Что касается порта, устраиваемаго въ открытомъ морѣ, при помощи двухъ криволинейныхъ жете длиною болѣе 1.500 метровъ, то онъ обнимаетъ пространство въ 120 гектаровъ, около половины котораго можетъ быть утилизировано для якорной стоянки судовъ. Жете испытываютъ на себѣ всю ярость морскихъ волнъ, и изъ нихъ сѣверное, въ которое прямо ударяется сѣверо-западный валъ, уже порядкомъ пострадало, такъ что принуждены были защитить его каменнымъ бутомъ и глыбами бетона вѣсомъ въ ?? тоннъ. Эти колоссальные молы,— дотого длинные, что въ этой странѣ тумановъ они кажутся островками, возвышающимися среди бушующаго моря,—принадлежатъ, безспорно, къ грандіознѣйшимъ произведеніямъ гидравлики.

Такимъ образомъ, Амстердамъ обзавелся глубокимъ морскимъ каналомъ. Роттердамъ тоже захотѣлъ, и не безъ основанія, устроить себѣ болѣе удобное сообщеніе съ моремъ. Ближайшія къ порту устья лимана были большею частію занесены пескомъ, такъ что городу грожала опасность совершенно потерять свою торговлю. Устье, называемое «Новымъ Маасомъ», находящееся близъ Бріеля, было въ 1691 году настолько широко и глубоко, что въ немъ могъ собраться флотъ Вильгельма III, когда послѣдній, избранный англійскимъ парламентомъ, былъ призванъ въ Великобританію; но теперь тамъ, въ періодъ отлива, на барѣ бываетъ не болѣе 2-хъ метровъ воды, и потому даже шлюпки не отваживаются проходить черезъ этотъ баръ. Рукавъ лимана, называемый Шеуръ, который проходитъ сѣвернѣе, передъ Маасслюйсомъ, также все болѣе и болѣе мелѣетъ при входѣ, и въ настоящее время только мелкія суда могутъ проникать въ него. Большія суда принуждены дѣлать длинный обходъ черезъ южные лиманы, чтобы достигнуть Роттердама. Бо́льшая часть судовъ выбираютъ устья Гарингфлита, чтобы войти въ Роттердамскій Маасъ черезъ каналъ Фоорне, вырытый въ 1827 году, на островѣ того же имени, къ востоку отъ Бріеля; но этотъ каналъ, имѣющій только 5,60 метровъ глубины, не можетъ принимать большія суда, да и самый баръ Гарингфлита окруженъ опасными мелями. Суда большаго водоизмѣщенія принуждены искать входа еще южнѣе; они должны проходить черезъ Бруверсгафенскія «ворота» (zeegat), затѣмъ слѣдовать по Гревелингенскому фарватеру и проникать въ заливъ Голландшъ-Дипъ, чтобы попасть въ Роттердамскій портъ черезъ воды Дортрехта. Понятно, что при существованіи подобныхъ обходовъ по дорогамъ, усѣяннымъ опасностями, Роттердамъ рискуетъ потерять свою обширную морскую торговлю, и что необходимо заблаговременно подумать о средствахъ къ устраненію этихъ неблагопріятныхъ условій.

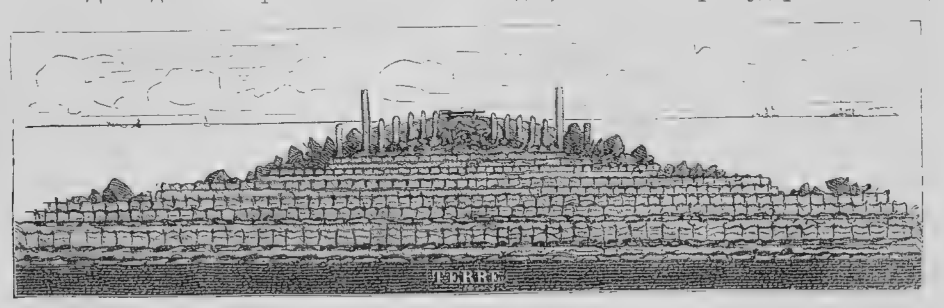
Сначала полагали, что достаточно будетъ сдѣлать перекопъ, длиною около 5 километровъ, черезъ дюны мыска, называемаго, по причинѣ его формы, «Клиномъ Голландіи» (Hoek van Holland), и даже ограничились прорытіемъ рва въ 200 метровъ шириною, разсчитывая, что воды рукава Шеуръ, отнынѣ отдѣленныя искусственною запрудой отъ ихъ прежняго устья, постепенно углубятъ и расширятъ этотъ каналъ. Дѣйствительно, ложе канала представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 10 и даже 13 метровъ глубины, а ширина его мало-по-малу увеличилась до 900 метровъ. Боковыя плотины продолжаются въ морѣ молами, сдѣланными изъ фашинныхъ платформъ, покрытыхъ каменнымъ бутомъ; эти молы идутъ далеко въ открытое море, но не на равныя разстоянія. Южный молъ останавливается въ разстояніи 1850 метровъ отъ берега; сѣверный же, долженствующій выдерживать напоръ сѣверо-западныхъ штормовъ и защищать входъ въ портъ, будетъ продолженъ до разстоянія 2.000 метровъ. Новое устье Роттердамскаго Мааса не оказало большому судоходству всѣхъ услугъ, которыхъ отъ него ожидали. До 1876 года оно непрерывно углублялось, но затѣмъ опять начало мелѣть: въ концѣ этого года оно имѣло уже только 5,15 метровъ глубины, то-есть меньше, чѣмъ каналъ Фоорне [1]), и съ этого времени засореніе ложа пескомъ продолжалось.

Выпрямленіе устья Мааса составляетъ лишь незначительную часть обширнаго плана, который преслѣдуютъ голландскіе инженеры. Вопросъ идетъ о совершенномъ преобразованіи архипелага Зеландіи, для чего предполагаютъ уничтожить всѣ безполезные лиманы, чтобы

[1]) Croisette-Desnoyers, „Notice sur les travaux publics en Hollande".

[1]) „Preussisches Handelsarchiv", 21 сент. 1877 г.

присоединить къ твердой землѣ всѣ осушенныя ложа. Въ этомъ древнемъ лабиринтѣ водъ намѣрены оставить только три входные лимана: Роттердамскій Маасъ, Антверпенскую Шельду и Брувергсгафенскія «ворота», продолжающіяся по направленію къ Рейну проходами или проливами Гревелингенъ, Краммеръ, Фолькракъ и заливомъ Голландшъ-Дипъ [1]). Эти великіе проекты, когда они осуществятся, дадутъ голландцамъ въ одно и то же время новыя культурныя земли и судоходные каналы, болѣе глубокіе и болѣе надежные. Чѣмъ сдѣлаются современемъ рукава моря и проливы въ Зеландскомъ архипелагѣ—объ этомъ можно судить по смѣлости, съ которою проведена желѣзная дорога надъ заливомъ Голландшъ-Дипъ, имѣющимъ въ этомъ мѣстѣ 2.547 метровъ ширины. Самый мостъ, продолжающійся длинными дамбами, имѣетъ 1.465 метровъ протяженія; онъ построенъ о 14 пролетахъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ 105 метровъ разстоянія между осями быковъ. До недавняго времени это былъ самый большой путеводъ въ континентальной Европѣ; теперь онъ превзойденъ Сызранскимъ мостомъ, на Волгѣ. Монреальскій мостъ на рѣкѣ св. Лаврентія, въ Сѣверной Америкѣ, и мостъ черезъ заливъ или фіордъ рѣки Тэй (firth of Tay), въ Шотландіи, тоже длиннѣе, но пролеты ихъ уже, чѣмъ у моста черезъ Голландшъ-Дипъ. Въ самой Голландіи, Кулемборгскій мостъ, проведенный черезъ Лекъ по одной аркѣ длиною 150 метровъ, до недавняго времени былъ замѣчателенъ, какъ мостъ, представлявшій самый длинный изъ существующихъ пролетовъ: теперь онъ уступаетъ въ этомъ отношеніи мосту, перекинутому черезъ Миссисипи у города Санъ-Луи, и особенно мосту черезъ заливъ Фортъ, въ Шотландіи.



Разрѣзъ плотины въ Ижмуйденскомъ портѣ.

V.

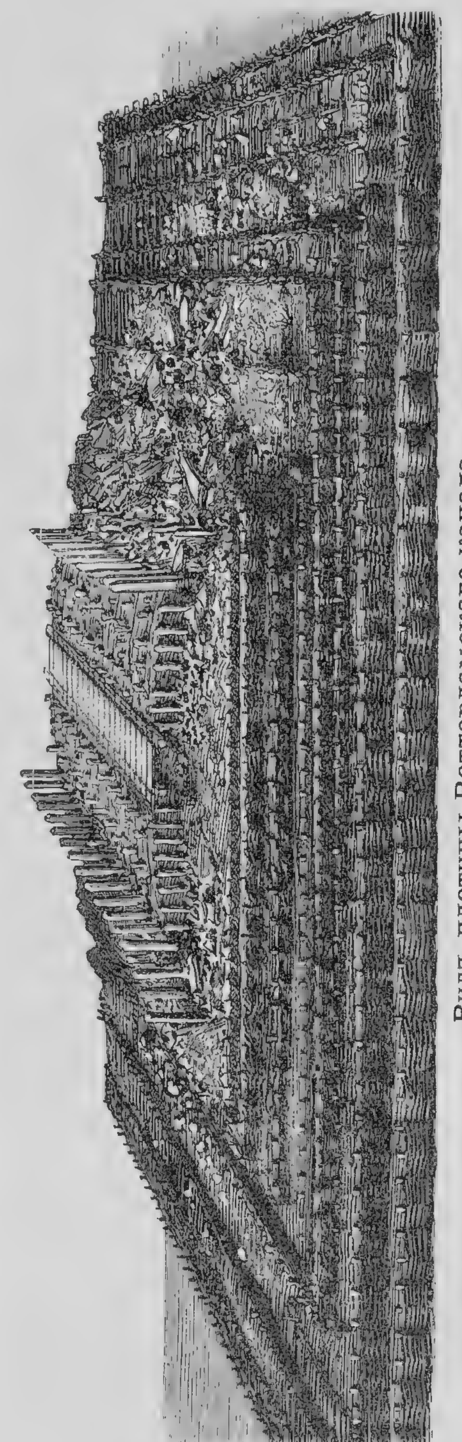
Городовъ въ Голландіи гораздо меньше, чѣмъ въ Бельгіи, не только потому, что общее населеніе перваго изъ этихъ государствъ малочисленнѣе, но и потому еще, что образъ жизни голландцевъ и бельгійцевъ различенъ. Въ Бельгіи фабричная и горнозаводская промышленность имѣетъ большую относительную важность и заставляетъ рабочій классъ группироваться въ многолюдныя общины; въ Голландіи, напротивъ, преобладаетъ земледѣльческій трудъ и во многихъ провинціяхъ почти все населеніе разсѣяно по деревнямъ, поселкамъ и отдѣльнымъ фермамъ.

Маастрихтъ, крѣпость, защищавшая южныя границы Нидерландовъ, но нынѣ упраздненная, лежитъ, такъ сказать, на бельгійской территоріи: онъ занимаетъ узкую полосу земли на лѣвомъ берегу Мааса, который своими извилистыми водами служитъ, выше и ниже этого города, общей границей двумъ половинамъ Лимбурга: бельгійской и нидерландской; прекрасный мостъ соединяетъ городъ съ предмѣстьемъ Війкъ, лежащимъ на правомъ берегу рѣки. Во время распаденія Нидерландовъ въ обширномъ смыслѣ на два государства, Голландія, войска которой удержались въ цитадели Маастрихта, хотѣла во что бы то ни стало сохранить за собой этотъ важный стратегическій пунктъ, прославившійся какъ мѣсто переходa черезъ Маасъ: самое названіе его, Mosae trajectum (переправа черезъ Маасъ), произошло отъ мѣстоположенія, которое онъ занимаетъ и которое часто, во время войнъ, было оспариваемо другъ у друга враждующими арміями; особенно памятна осада 1579 года, стоившая столькихъ усилій, столькихъ безуспѣшныхъ приступовъ и кончившаяся тріумфальнымъ вступленіемъ герцога пармскаго Александра Фарнезе, котораго несли на рукахъ его ветераны, шествуя по улицамъ, где валялись тѣла восьми тысячъ павшихъ защитниковъ города [1])! Исторія Маастрихта часто сливается съ военною исторіей Франціи, черезъ осады, которыя долженъ былъ выдерживать этотъ городъ, то аттакуемый, то защищаемый французскими войсками. Окруженный съ трехъ сторонъ бельгійскими владѣніями, Маастрихтъ связанъ съ Франціей также языкомъ большей части его жителей: французская рѣчь больше распростра-

[1]) Caland, „Etude sur l'effet de marées dans la partie maritime des fleuves".—Croisette-Desnoyers, „Notice sur les travaux publics en Hollande".

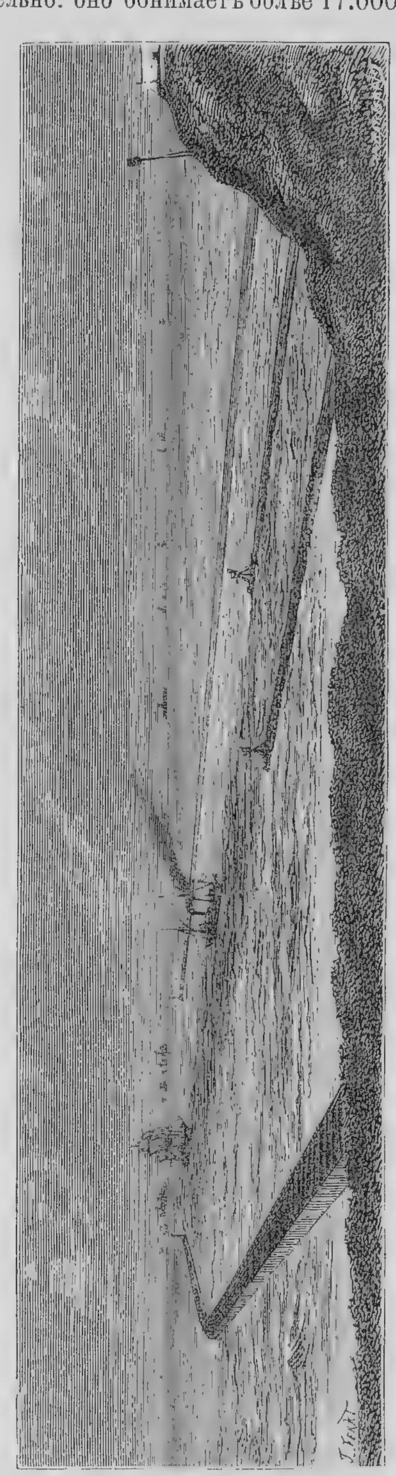
[1]) Lothrop Motley, „Histoire de la fondation de la république des Provinces Unies".

нена въ Маастрихтѣ, нежели голландская, несмотря на то, что послѣдняя составляетъ оффиціальный діалектъ края; что касается простонароднаго нарѣчія, то это —нижне-нѣмецкій



Видъ плотины Роттердамскаго канала

жаргонъ, котораго нидерландцы не понимаютъ. Промышленность въ Маастрихтѣ очень дѣятельна, особенно фабрикація стекла, глиняной посуды, обоевъ, матерій, сигаръ, крѣпкихъ напитковъ (винокуренные и пивоваренные заводы). Движеніе судоходства по Маасу и Южно-Виллемсвартскому каналу, соединяющему Маастрихтъ съ Герцогенбушемъ, весьма значительно: оно обнимаетъ болѣе 17.000 мелкихъ



Выходъ въ море изъ Амстердамскаго канала.

рѣчныхъ судовъ, общая вмѣстимость которыхъ превышаетъ милліонъ тоннъ.

Если городъ Маастрихтъ обладаетъ чудной папертью тринадцатаго вѣка, украшающею боковой фасадъ одной изъ его церквей, то Рур-

*

мондъ (Roermond, то-есть «Устье Рура»), лежащій на правомъ берегу Мааса, при впаденіи въ него рѣки Руръ, съ гордостью показываетъ въ своихъ стѣнахъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ религіозныхъ памятниковъ романо-византійскаго искусства, монастырскую церковь, которая была начата постройкой въ первые годы тринадцатаго столѣтія, а окончена въ готическомъ періодѣ. Выросшій постепенно вокругъ древняго аббатства. Рурмондъ и въ наши дни является католическимъ городомъ, изобилующимъ церквами и часовнями, да и промышленность его состоитъ большею частію въ фабрикаціи священныхъ предметовъ. Что касается Венло, лежащаго ниже, тоже на правомъ берегу Мааса и близъ прусской границы, то этотъ городъ, гдѣ были изобрѣтены бомбы, обязанъ пріобрѣтенною имъ въ исторіи славою своей прежней стратегической важности и многочисленнымъ осадамъ, которыя онъ выдержалъ; въ настоящее время онъ важенъ какъ центръ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ и какъ торговый городъ, ведущій обширную транзитную торговлю; его рынки для продажи скота привлекаютъ много народу. Къ юго-западу, близъ бельгійской границы, большое мѣстечко Вертъ служитъ складочнымъ пункомъ для земледѣльческихъ произведеній, вокругъ котораго воздѣланныя земли мало-по-малу распространяются по бывшимъ пустынямъ голландской Кампаньи. Городъ Керкраде имѣетъ свой маленькій каменноугольный бассейнъ; города Ситтардъ, Герленъ, Фенрай замѣчательны какъ мѣстные хлѣбные рынки.

Вся область, которая простирается на западъ отъ Лимбурга, между бельгійскою территоріей и нижнимъ теченіемъ Мааса, также представляетъ земледѣльческую страну, гдѣ во многихъ большихъ общинахъ значительная часть населенія разсѣяна по окрестнымъ деревнямъ; но промышленные успѣхи этого края превосходятъ всѣ успѣхи того же рода, достигнутые въ другихъ голландскихъ провинціяхъ. Гельмондъ, лежащій, подобно Верту, въ сосѣдствѣ съ землями Кампины, былъ прежде большимъ селомъ, а нынѣ превратился въ промышленный городъ; сосѣди его, города Уденъ, Фегель, Гемартъ, Шійндель, имѣютъ полотняныя и бумагопрядильныя фабрики; Бокстель важенъ какъ пунктъ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ; Тильбургъ, больше половины населенія котораго живетъ еще въ окрестныхъ деревняхъ, получилъ съ половины нынѣшняго столѣтія чрезвычайно важное значеніе какъ главный центръ шерстяной мануфактурной промышленности въ Голландіи: здѣсь выдѣлываютъ всевозможныя шерстяныя матеріи, отъ самыхъ тонкихъ суконъ до самыхъ грубыхъ тканей (въ 1895 г. въ этомъ городѣ насчитывалось болѣе 300 фабрикъ). Населеніе Тильбурга почти утроилось съ 1860 года, и теперь эта городская община болѣе многолюдна, нежели главный городъ Сѣвернаго Брабанта, Герцогенбушъ или Гертогенбошъ ('s Bosch, den Bosch, по-французски Bois-le-Duc), получившій это названіе отъ великолѣпнаго парка, гдѣ герцоги Брабантскіе имѣли роскошный охотничій замокъ, отъ котораго теперь не осталось никакихъ слѣдовъ. Этотъ городъ, многочисленныя фабрики котораго—суконныя, полотняныя, ножевыя—разсылали нѣкогда свои произведенія по всей христіанской Европѣ, прославился въ особенности своими укрѣпленіями, нынѣ упраздненными, которыя много разъ подвергались осадѣ; такъ, напримѣръ, въ 1585 году, пораженіе, нанесенное здѣсь голландцамъ, рѣшило участь Антверпена. Въ наши дни Герцогенбушъ наполненъ фабриками и заводами всякаго рода; привозъ сырыхъ матеріаловъ для этихъ фабричныхъ заведеній производится въ такомъ большомъ количествѣ, что движеніе судоходства въ портѣ проходящей черезъ городъ канализованной рѣки не уступаетъ, по размѣрамъ, движенію судовъ во многихъ очень оживленныхъ приморскихъ портахъ. Къ востоку отъ Герцогенбуша, на берегу Мааса, находится городъ Гравъ, тоже старинная крѣпость, прославленная геройскою защитой Шамильи, въ 1674 году. На юго-западѣ, промышленный и торговый городъ Бреда, построенный, какъ и Герцогенбушъ, въ низменной и нездоровой мѣстности, также былъ однимъ изъ тѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ Голландіи, имя которыхъ всего чаще повторялось въ военной исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій; здѣсь былъ подписанъ въ 1565 году такъ называемый «компромиссъ дворянъ», бывшій первымъ сигналомъ къ сопротивленію противъ испанскаго режима. Въ замкѣ этого города—прекрасное зданіе въ итальянскомъ стилѣ эпохи возрожденія—теперь помѣщается военное училище. Городъ Бергенъ-опъ-Зоомъ, бывшая крѣпость, упраздненная въ 1867 году, построенъ знаменитымъ Кегорномъ на возвышенности, господствующей надъ потокомъ Зоомъ, недалеко отъ рукава моря, бывшаго нѣкогда лиманомъ Шельды, и такъ же, какъ Герцогенбушъ и Бреда, часто подвергался осадамъ, часто дѣлался добычей непріятеля. Особенно памятна осада этой крѣпости въ 1747 году французскимъ генераломъ Левендалемъ, о которой говорятъ, будто бы она окончилась избіеніемъ гарнизона и большей части жителей, хотя это не подтверждается никакими положительными доказательствами [1]). Бергенъ-опъ-Зоомъ, лишившійся судоходства, которое прежде производилось по обоимъ лиманамъ Шельды, утратилъ почти всю свою морскую торговлю; сосѣдній заливъ усѣянъ нынѣ песчаными мелями, а желѣзнодорожная насыпь служитъ точкой опоры для новаго

[1]) H. Havard, „La Hollande pittoresque. Le cœur du pays“

скопленія наносовъ; вслѣдствіе этого, городъ замѣнилъ потерянное судоходство другимъ промысломъ—разведеніемъ устрицъ (производство устрицъ въ паркахъ Бергенъ опъ-Зоома въ 1873 г.:—500.000 шт.; въ 1874 г.:—2.500.000 штукъ).

Кромѣ упомянутыхъ выше городовъ, многія другія важныя городскія общины разсѣяны среди низменныхъ земель провинціи Сѣверный Брабантъ; таковы: Остергоутъ, Севенбергенъ, Стенбергенъ, Розендаль, Эттенъ - энъ - Леръ, Принзенгаге, окруженный садами, Гертруйденбергъ, гдѣ строятся рѣчныя суда. Къ востоку отъ этого послѣдняго города, по берегамъ «Стараго Мааса», вдоль такъ называемаго Лангстрата или «Длинной дороги», идетъ рядъ деревень, большею частію богатыхъ и цвѣтущихъ: жители этихъ селеній, хорошіе хлѣбопашцы, занимаются также садоводствомъ и огородничествомъ, и производимая ими малина расходится по всей Голландіи. Главная ихъ мануфактурная промышленность—сапожное и башмачное производства. Мѣстечко Лоонъ-опъ-Зандъ, лежащее на южной сторонѣ «Длинной дороги», тоже населено большею частью сапожниками и башмачниками.

Голландская Фландрія, расположенная вдоль южной стороны лимана восточной Шельды, не имѣетъ ни одного значительнаго города; это объясняется тѣмъ, что населеніе предпочло группироваться на твердой почвѣ Брабанта.

Общины провинцій Лимбурга и Сѣвернаго Брабанта, съ населеніемъ свыше 5.000 душъ:

Лимбургъ: Маастрихтъ—33.834 жит. (31 декабря 1896 г.); Рурмондъ (Rœrmond)—11.088; Венло—11.330; Вертъ—7.970; Керкрадъ—[illegible].240; Венрай—5.440; Ситтардъ—5.285 жит.

Сѣверный Брабантъ: Тильбургъ—37.546 жит.; Герцогенбушъ—29.584; Бреда—25.168; Бергенъ-опъ-Зоомъ—13.030; Остергоудъ—10.425; Розендаль—11.200; Гельмондъ—9.030; Стенбергенъ—6.760; Принзенгаге—6.650; Лоонъ-опъ-Зандъ—6.940; Зевенбергенъ—6.530; Эттенъ-энъ-Леръ—5.820; Уденъ—5.710, Бокстель — 6.080; Вегель — 5.840; Шійндель — [illegible].385; Оссъ—5.800 жителей.

Городъ Гульстъ, имѣвшій нѣкогда цвѣтущую торговлю, когда онъ находился въ непосредственномъ сообщеніи съ моремъ, утратилъ всю свою важность съ 1648 года, по милости Мюнстерскаго трактата (Вестфальскій миръ), содержавшаго постановленіе о закрытіи входа въ Шельду; Гульстскій портъ былъ покинутъ, и каналъ, соединявшій городъ съ моремъ, мало-по-малу засорился. вслѣдствіе накопленія ила. Біерфлитъ, который тоже принадлежалъ прежде къ числу дѣятельныхъ торговыхъ мѣстъ, имѣетъ въ наши дни лишь незначительную морскую промышленность, хотя нѣкогда этотъ городъ былъ, если не родиной, то, по крайней мѣрѣ, мѣстопребываніемъ одного изъ главныхъ основателей голландскаго могущества, Гиллиса Бейкельсзоона, изобрѣтателя способа соленія и укладки сельдей. Единственный ведущій торговлю портъ на этомъ берегу—Нейзенъ или Тернейзенъ, гдѣ оканчивается Гентскій каналъ: это передовой портъ главнаго фламандскаго города, и всѣ успѣхи. промышленные и торговые, метрополіи бельгійскихъ Фландрій приносятъ пользу и этому нидерландскому городу.

Движеніе судоходства въ Тернейзенскомъ портѣ въ 1894 г.: всего въ приходѣ и отходѣ—469 судовъ, вмѣстимостью 1.093.723 куб. метр. Моряки голландской Фландріи занимаются ловлей устрицъ и въ особенности ловлей ракушекъ; они употребляютъ для этого промысла около 200 судовъ.

На островахъ Зеландіи мы находимъ болѣе многолюдные города, нежели въ голландской Фландріи. Правда, Роммерсвааль (Reymerzwale), городъ, лежавшій напротивъ Бергенъ-опъ-Зоома, былъ поглощенъ моремъ, но его замѣнили другіе города. Гусъ (Хусъ), называемый также Тергусъ, главный городъ острова Южный Бевеландъ, есть центръ прекрасно обработанной земледѣльческой области, славящейся во всемъ свѣтѣ; недалеко отъ этого города, на каналѣ, проведенномъ отъ него къ морю, находятся польдеры имѣнія Вильгельминадорнъ, возбуждающіе удивленіе всѣхъ агрономовъ [1]). Миддельбургъ, главный городъ острова Валхеренъ и всей провинціи Зеландіи, лежитъ по серединѣ острова, на большомъ судоходномъ каналѣ, который разрѣзываетъ Валхеренъ на двѣ части; въ наши дни это далеко не тотъ цвѣтущій городъ, какимъ онъ былъ въ то время, когда велъ прямыя торговыя сношенія съ Испаніей и Италіей. Миддельбургъ, вмѣстѣ съ своимъ сосѣдомъ, городкомъ Веере, есть одна изъ рѣдкихъ общинъ Голландіи, которыя могутъ, послѣ бельгійскихъ общинъ, похвастать своею ратушей; прекрасное муниципальное зданіе Миддельбурга, высоко поднимающееся надъ домами своею четыреугольною каланчою, окруженною по бокамъ башенками, представляетъ памятникъ готическаго стиля, дополненнаго стилемъ эпохи возрожденія; угловой балконъ, украшенный великолѣпною рѣзьбой, выдѣляется изъ фасада въ видѣ выступа надъ площадью. Этотъ городъ замѣчателенъ въ исторіи науки тѣмъ, что здѣсь былъ изобрѣтенъ Захаріей Янсеномъ, въ 1590 году, микроскопъ, и здѣсь же, около 1618 года, Гансъ Липперсгей сдѣлалъ капитальное открытіе зрительныхъ трубъ, послужившее исходною точкой новой эры въ области астрономическихъ изслѣдованій. Въ Миддельбургѣ же имѣетъ пребываніе зеландское общество наукъ, обладающее любопытнымъ музеемъ.

[1]) E. de Laveleye, „La Néerlande, Études d'économie rurale".

Хотя Миддельбургъ состоитъ въ свободномъ сообщеніи посредствомъ широкихъ и глубокихъ каналовъ съ обоими лиманами западной Шельды и Верскаго канала, но большія суда не поднимаются до его великолѣпнаго бассейна; для этихъ судовъ недавно созданъ новый портъ—Флиссингенскій. Городъ Флиссингенъ (по-голландски Vlissingen), родина знаменитаго адмирала де-Рюйтера и одинъ изъ первыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ страны, освободившихся отъ испанскаго гарнизона, въ послѣднее время сдѣлался очень честолюбивымъ; граждане его даже поговариваютъ самоувѣренно о томъ, что рано или поздно имъ удастся отнять у Антверпенскаго порта монополію торговаго судоходства по рѣкѣ Шельдѣ и лишить его того важнаго значенія, которымъ онъ пользуется теперь, какъ одно изъ складочныхъ мѣстъ европейской торговли. И дѣйствительно, Флиссингенъ имѣетъ ту выгоду, что онъ расположенъ у самаго устья лимана, и такимъ образомъ является первымъ пунктомъ на пути судовъ, направляющихся къ главному порту Бельгіи; кромѣ того, его рейдъ, хорошо защищенный и доступный при всякомъ вѣтрѣ, никогда не бываетъ запертъ или загроможденъ льдами, тогда какъ почти каждую зиму плавающія льдины затрудняютъ проходъ судамъ, поднимающимся вверхъ по Шельдѣ къ Антверпену. Слѣдовательно, Флиссингенъ имѣетъ основаніе разсчитывать на блестящую будущность: развѣ деревня Весткапель, находящаяся въ небольшомъ разстояніи къ сѣверо-западу отъ этого города, не удостоилась нѣкогда, вмѣстѣ съ Дамме, портомъ города Брюгге, чести давать флотамъ сѣверной Европы «морскіе законы», впрочемъ, скопированные большею частію съ хартій острова Олерона [1])? Въ случаѣ войны, стоящій въ Флиссингенѣ флотъ, вспомоществуемый фортами, командующими надъ обоими берегами лимана, могъ бы блокировать Шельду; но чтобы получить возможность соперничать въ мирное время съ трудолюбивымъ бельгійскимъ городомъ Антверпеномъ, Флиссингенъ принужденъ былъ завести у себя огромную систему необходимыхъ для этой цѣли сооруженій: не только онъ долженъ былъ связать себя съ континентомъ посредствомъ желѣзной дороги, которая проходитъ черезъ воды, пески и грязи проливовъ, но ему еще нужно было выкопать доки, построить верфи, товарные склады, установить въ водѣ волноразбиватели, защитить рейдъ отъ бурь. Все это обустройство будетъ окончено въ скоромъ времени; но затѣмъ необходимо осуществить дѣло еще болѣе трудное, именно—измѣнить коммерческія привычки и заставить судоходство свернуть въ сторону съ его обычнаго пути. Однако, усилія зеландскаго города не были напрасны, и его пароходы, рейсы которыхъ распредѣлены соотвѣтственно съ порядкомъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ Голландіи и Германіи, уже завоевали значительную долю перевозки пассажировъ и товаровъ между континентомъ и Англіей: каждый день паровой пакетботъ совершаетъ рейсъ между островомъ Валхеренъ и англійскимъ портомъ Квинборо, лежащимъ близъ Ширнеса, на южномъ берегу залива Темзы. Движеніе торговаго судоходства въ Флиссингенскомъ портѣ въ 1874 году, до установленія правильныхъ рейсовъ англійскихъ пароходовъ: 82 судна въ 31.250 тоннъ; въ 1881 году: въ приходѣ—390 судовъ, вмѣстимостью 322.852 тон.; въ отходѣ—388 судовъ, вмѣстимостью 322.688 тоннъ.

Но географическое положеніе Флиссингена, такъ же, какъ и положеніе большей части городовъ Зеландіи, самой нездоровой провинціи Нидерландскаго королевства, представляетъ одну невыгодную сторону: это его климатъ, сырой, туманный, насыщенный міазмами, который доставилъ ему въ эпоху наполеоновскихъ войнъ столь печальную извѣстность; вся десантная армія, съ помощью которой Англія разсчитывала овладѣть Антверпеномъ, сдѣлалась жертвой такъ-называемой «флиссингенской лихорадки».

Главный городъ острова Шувенъ, Зирикзе, пришелъ въ упадокъ, хотя и теперь еще посѣщается моряками и купцами; изъ сохранившихся въ немъ памятниковъ старины замѣчательны величественная колокольня, церковь которой уже исчезла, и высокая четыреугольная башня древнихъ городскихъ воротъ, окруженная по угламъ башенками. Въ эпоху своего процвѣтанія, то-есть до того времени, когда его смѣнилъ новый торговый центръ, Миддельбургъ, Зирикзе имѣлъ въ своемъ портѣ до 350 большихъ судовъ, и промышленники, занимавшіеся ловомъ сельдей и трески, собирались здѣсь массами; въ этомъ же городѣ преимущественно вербовались, во время войны за независимость, страшныя банды «морскихъ гезовъ» [1]). Закрытіе Бергенъ-опъ-Зоомскаго канала, между двумя лиманами, называемыми устьями Шельды, нанесло смертельный ударъ торговлѣ Зирикзе.

Общины провинціи Зеландіи, имѣющія свыше 5.000 жителей:

Миддельбургъ—18.000 жит.; Флиссингенъ—16.000 жит.; Нейзенъ (Тернейзенъ)—6.265 жит.; Зирикзе—8.000 жит.; Гусъ (Хусъ—6.570 жителей.

Бруверсгавенъ, находящійся на сѣверномъ берегу острова Шувенъ, получилъ въ послѣднее время нѣкоторую важность, какъ передовой портъ городовъ, лежащихъ по нижнему теченію Мааса.

---

[1]) Defaqz, „Partia Belgica", II.

[1]) H. Havard, „La Hollande pittoresque, Le cœur du pays".

На сѣверѣ отъ этой рѣки, отдѣляющей отъ Гельдерна и Голландіи въ тѣсномъ смыслѣ три южныя провинціи Нидерландскаго королевства, находимъ только одинъ значительный городъ на возвышенностяхъ узкаго полуострова, образуемаго теченіемъ Мааса и Рейна: это Нимвегенъ (Nijmegen по-голландски), древній гальскій Noviomagus, господствующій надъ лѣвымъ берегомъ Ваала. Этотъ гордый городъ, созерцающій съ высоты своихъ «семи холмовъ» обширный горизонтъ полей, продолжающійся даже за восточные предѣлы Голландіи, есть одна изъ тѣхъ нидерландскихъ общинъ, которыя считаютъ себя въ правѣ хвалиться особенно славнымъ прошлымъ. Сначала онъ былъ римскою станціей, затѣмъ сдѣлался одною изъ резиденцій Карла Великаго; и теперь еще здѣсь можно видѣть кое-какіе остатки отъ той эпохи, абсиду и, можетъ быть, баптистерій (крестильница) карловингскаго дворца. Въ эпоху Ганзы Нимвегенъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ торговыхъ городовъ этого союза, и во всѣ времена граждане его очень ревниво охраняли свои права и свою свободу. На однихъ изъ городскихъ воротъ Нимвегена красовалась слѣдующая надпись, которую такъ мало людей достойны повторять: Melius est bellicosa libertas quam servitus pacifica (лучше воинственная свобода, нежели мирное рабство).

Въ 1678 и 1679 годахъ въ Нимвегенѣ произошло событіе, имѣвшее очень важное значеніе въ системѣ политическаго равновѣсія Европы: въ одной изъ залъ нимвегенской городской ратуши были подписаны между Франціей, Испаніей, Германскою имперіей и Соединенными Провинціями (такъ называлась Голландская республика) различные трактаты, которыми, между прочимъ, было освящено присоединеніе Франшъ-Конте и южной Фландріи къ Франціи. Въ наши дни Нимвегенъ, старыя укрѣпленія котораго срыты, получаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе въ международной торговлѣ Германіи и Нидерландовъ, такъ что иногда у его набережныхъ можно видѣть до тридцати пароходовъ, выгружающихся или нагружающихся. Если бы выкопали большой судоходный каналъ между сосѣднею деревней, Доденвардомъ и Амстердамомъ, то Нимвегенъ очутился бы на вершинѣ истинной рейнской дельты: онъ образовалъ бы собою верхній уголъ треугольника, два другіе угла котораго занимаютъ Амстердамъ и Роттердамъ. Въ сосѣдствѣ съ Нимвегеномъ находятся многолюдныя общины (Эльстъ, Беммель), съ многочисленными кирпичными заводами.

Спускаясь внизъ по теченію Ваала, на западъ отъ Нимвегена, мы встрѣчаемъ только два довольно важные города—старинный торговый городъ Тиль и Горинхемъ, или Горкумъ; оба они лежатъ на правомъ берегу рѣки, которая, послѣ соединенія ея съ Маасомъ, принимаетъ имя Мерведе и смѣшивается съ водами морскихъ лимановъ. Горинхемъ, складочный пунктъ для земледѣльческихъ произведеній, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ главныхъ рынковъ Нидерландовъ по торговлѣ скотомъ (движеніе судоходства на горинхемскихъ шлюзахъ въ 1874 году: 7.296 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 424.900 тоннамъ). Городъ Слидрехтъ, имѣющій судостроительныя верфи, лежитъ ниже, на сѣверной сторонѣ архипелага Бисбошъ. Общимъ портомъ для двухъ рѣкъ, Мааса и Ваала, служитъ городъ Дордрехтъ (Дортрехтъ) или Дортъ, построенный при рѣкѣ Мерведе, «среди перекрестка рѣкъ» [1]), доступныхъ большимъ судамъ: желѣзная дорога изъ Антверпена въ Роттердамъ пересѣкаетъ здѣсь Маасъ. Дордрехтъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Голландіи; онъ былъ также самый богатый изъ ея городовъ до 1421 года, когда страшное наводненіе опустошило всѣ окружающія поля и превратило всю окрестную мѣстность въ архипелагъ острововъ и песчаныхъ мелей. Несмотря на это бѣдствіе, Дордрехтъ остался, благодаря своему счастливому торговому положенію, однимъ изъ главныхъ городовъ страны; при томъ же онъ пользовался огромною привилегіей: онъ былъ обязательнымъ «мѣстомъ остановки» для всѣхъ, кто ввозилъ товары по Маасу или Рейну; еще не далѣе, какъ въ первые годы семнадцатаго столѣтія, онъ не задумывался предъявлять это странное право къ негоціантамъ Роттердама [2]). Одинъ изъ самыхъ горячихъ борцовъ въ войнѣ за освобожденіе страны отъ испанскаго владычества, этотъ городъ удостоился чести увидѣть въ своихъ стѣнахъ, въ 1572 году, первое національное собраніе вольныхъ штатовъ Голландіи; здѣсь же собрался, въ 1618 году, знаменитый протестантскій синодъ или духовный соборъ, на которомъ восторжествовало противъ арминіанъ, не безъ поддержки со стороны свѣтской власти, ученіе кальвинистовъ о предопредѣленіи, но который въ политическомъ отношеніи имѣлъ тотъ результатъ, что республиканская партія была принесена въ жертву возвышенію Нассаускаго дома; въ Дортрехтѣ, въ 1674 году, Вильгельмъ III былъ провозглашенъ наслѣдственнымъ штатгальтеромъ (stathouder), генералиссимусомъ, генералъ-адмираломъ, и сдѣлался фактически королемъ, не принимая царскаго титула. Два брата де-Виттъ, Янъ и Корнелій, убитые оранжистами, были дортрехтскіе уроженцы. Этотъ городъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ политической и церковной исторіи Голландіи, пріобрѣлъ въ то же время славное имя и въ исторіи искусства: здѣсь родились извѣстные живописцы: Кюйпъ, Фердинандъ Боль, Шалькеръ, Ари Шефферъ.

[1]) Du Pays, „Itinéraire de la Hollande“.
[2]) H. Havard, „La Hollande pittoresque, Le coeur du pays“.

Торговля Дортрехта значительна: каналы и доки его усѣяны ладьями, барками, лихтерами, рыболовными флиботами, пароходами. Большіе плоты лѣса, сплавляемые длинными вереницами по Рейну отъ Шварцвальда,—впрочемъ, нынѣ несравненно менѣе многочисленные, нежели въ прежнее время,—останавливаются почти всѣ въ Дортрехтѣ: здѣсь ихъ разбираютъ, и бревна развозятся по сосѣднимъ лѣсопильнымъ заводамъ, гдѣ ихъ распиливаютъ на доски и балки; сюда же привозятся руды изъ Испаніи, предназначенныя для крупповскихъ заводовъ въ Эссенѣ. Движеніе судоходства въ Дортрехтскомъ портѣ въ 1892 году: въ приходѣ—268 судовъ въ 421.000 кубич. метр.; въ отходѣ—63 судна въ 51.000 кубич. метровъ вмѣстимости. Банковыя и банкирскія операціи достигли въ Дортрехтѣ обширнаго развитія, и теперь тамъ насчитываютъ много крупныхъ капиталистовъ.

Главный городъ провинціи Гельдернъ, Арнгемъ, занимаетъ на Лекѣ, или сѣверномъ рукавѣ Рейна, положеніе аналогичное съ положе- Нимвегена на Ваалѣ, южномъ каналѣ той же рѣки; сверхъ того, Арнгемъ имѣетъ ту выгоду, что онъ расположенъ близъ мѣста бифуркаціи Исселя; онъ лучше господствовалъ бы надъ тремя вѣтвями рѣчной дельты, если бы Лекъ и Иссель были въ лѣтнее время достаточно многоводны для того, чтобы судоходство могло производиться по этимъ рѣкамъ безъ перерывовъ. Арнгемъ, о которомъ одно четверостишіе, обратившееся въ пословицу, говоритъ какъ о «самомъ веселомъ» изъ городовъ Голландіи, есть, безспорно, одинъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ Нидерландскаго королевства. Онъ построенъ пологимъ скатомъ на склонѣ песчаныхъ холмовъ, спускающихся къ правому берегу Рейна; широкая рѣка, черезъ которую проведенъ мостъ на плашкотахъ, ударяется, у самыхъ воротъ города, объ основаніе лѣсистой горы, усѣянной хорошенькими сельскими домиками, и, описавъ обширную излучину, исчезаетъ вдали между деревьями. Съ вершины круглыхъ горокъ, возвышающихся надъ амфитеатромъ города, можно окинуть взоромъ на далекое пространство слегка волнистое плато, продолжающееся въ сѣверномъ направленіи и усѣянное лѣсами, лугами, садами, изящными виллами, утопающими въ зелени. Большое число этихъ прекрасныхъ сельскихъ жилищъ, такъ же, какъ и великолѣпныхъ отелей, украшающихъ улицы города, принадлежатъ богатымъ негоціантамъ изъ Амстердама, изъ Роттердама, изъ Батавіи, которые, удалившись отъ дѣлъ, пріѣхали искать въ этой прелестной, живописной мѣстности жизни, въ одно и то же время спокойной и роскошной. Изъ всѣхъ городовъ Голландіи Арнгемъ представляетъ наибольшее увеличеніе населенія съ половины текущаго столѣтія: число жителей его болѣе чѣмъ удвоилось въ періодъ съ 1850 по 1880 г.; теперь это—седьмой городъ королевства.

Внизъ отъ Арнгема рѣка не встрѣчаетъ на своемъ пути ни одного значительнаго города до Роттердама. Самыя многолюдныя общины въ этой части ея теченія—города Ренкумъ и Вагенингенъ на правомъ и Куленборгъ, или Куйленбургъ, на лѣвомъ берегу. Ниже, на островѣ Иссельмонде, находится городъ Риддеркеркъ, имѣющій кораблестроительныя верфи и полотняныя фабрики. Роттердамъ, или «Плотина Ротты», названный такъ по имени рѣки, которая соединяется здѣсь съ каналами Мааса, есть главный торговый городъ въ области общихъ устьевъ Рейна и Мааса; если бы желѣзныя дороги не давали другихъ выходовъ къ морю городамъ рейнскаго бассейна, то Роттердамъ былъ бы единственнымъ приморскимъ складочнымъ мѣстомъ западной Германіи. Да и теперь это одинъ изъ важнѣйшихъ приморскихъ торговыхъ пунктовъ для этой части Германской имперіи, а для самой Голландіи онъ представляетъ, послѣ утраты Антверпена, портъ, гдѣ общее движеніе торговаго обмѣна съ иностранными рынками можетъ совершаться съ наибольшею легкостью и удобствомъ; населеніе въ этомъ городѣ возрастаетъ быстрѣе, нежели въ столицѣ. Роттердамъ имѣетъ даже то преимущество надъ Амстердамомъ, что онъ находится, черезъ посредство лимановъ, въ болѣе прямомъ сообщеніи съ открытымъ моремъ. Роттердамъ ввозитъ преимущественно колоніальные продукты и, въ замѣнъ того, отправляетъ за границу произведенія мѣстной земледѣльческой промышленности, скотъ для продовольствія Лондона и вообще всѣ грузные товары, привозимые по каналамъ и рѣкамъ. Свыше 8.000 морскихъ судовъ, общая вмѣстимость которыхъ отъ 3 до 4 милліоновъ тоннъ—таково годовое движеніе судоходства въ Роттердамскомъ портѣ; двѣ трети морской торговли всей страны сосредоточивается передъ набережными рѣкъ «Мааса» и Ротты. Но въ этомъ большимъ портѣ Голландіи, такъ же, какъ въ важнѣйшемъ портовомъ городѣ Бельгіи, львиная доля судоходства принадлежитъ Англіи: около двухъ третей судовъ, бросающихъ якорь въ водахъ Роттердама, приходятъ подъ британскимъ флагомъ. Что касается непосредственныхъ торговыхъ сношеній Франціи съ устьями Мааса, то они едва существуютъ; часто бываетъ такъ, что въ Роттердамскомъ портѣ не увидишь ни одного французскаго судна. По количеству перевозимыхъ грузовъ за англійскими судами слѣдуютъ суда, приходящія изъ Россіи, изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, изъ Германіи. Съ 1869 года Роттердамъ ведетъ довольно значительную торговлю съ Конго; одна нидерландская торговая компанія имѣла 44 конторы въ этой части Африки и привозила оттуда въ Европу пальмовое масло, каучукъ, ко-

паловую камедь, кофе, хлопокъ и другіе тропическіе продукты; съ тѣхъ поръ какъ Конго сдѣлалось государствомъ, торговля эта частію перемѣстилась. Въ совокупности морскаго судоходства Роттердама пароходы представляютъ почти двѣ трети числа судовъ и три четверти количества грузовъ.

Роттердамъ, окруженный нѣкогда укрѣпленіями, рвы которыхъ, превращенные въ судоходные каналы, существуютъ до сихъ поръ, имѣетъ правильную форму равносторонняго треугольника, главнымъ основаніемъ котораго служатъ прекрасныя набережныя, идущія вдоль берега Мааса. Этотъ треугольникъ разрѣзанъ на двѣ равныя части желѣзною дорогою, переѣзжающею рѣку по смѣло задуманному мосту въ четырехъ пролетахъ и проходящею въ видѣ путевода надъ городомъ и его каналами. Для завершенія правильности, ближайшая къ Маасу часть Роттердама образуетъ въ большомъ треугольникѣ города треугольникъ, вдвое меньшій предъидущаго по высотѣ и который разрѣзанъ широкими каналами на многочисленные острова, соединенные одни съ другими посредствомъ подъемныхъ мостовъ; въ этой части города вдоль набережныхъ тянутся непрерывный рядъ купеческихъ кораблей, выгружающихъ свои товары передъ самыми воротами складовъ.

Обороты внѣшней торговли въ Роттердамѣ въ 1895 г.:

Ввезено разныхъ товаровъ — 5.755.646 т.; вывезено — 2.535.299 тоннъ.

Общая вмѣстимость пришедшихъ въ портъ морскихъ судовъ въ 1894 г. — 10.657.000 куб. метр.; вмѣстимость вышедшихъ изъ порта судовъ — 4.719.000 куб. метр.

Торговый флотъ Роттердама въ концѣ 1894 года насчитывалъ 139 кораблей въ 356.074 тонны.

Если внѣшнія очертанія Роттердама отличаются большою геометрическою правильностью, то старинные дома его, подобныхъ которымъ, кажется, нѣтъ ни въ какомъ другомъ городѣ Голландіи, поражаютъ своею неуклюжею, уродливою архитектурой, страннымъ видомъ своихъ фасадовъ, висящихъ надъ улицей и оканчивающихся разрѣзными фронтонами. Впрочемъ, Роттердамъ не можетъ похвастать замѣчательными зданіями. Музей его, потерявшій во время пожара 1864 года слишкомъ 300 картинъ и тысячи гравюръ, заключаетъ еще многія прекрасныя произведенія старинныхъ и новѣйшихъ живописцевъ, но ни одного капитальнаго творенія. Бронзовая статуя, воздвигнутая Эразму Роттердамскому на площади Большаго рынка, напоминаетъ, что этотъ знаменитый гуманистъ родился здѣсь въ 1467 г.

Противъ Роттердама, на островѣ Иссельмонде, находится промышленный пригородъ Шарлуа; ниже, обширный торговый городъ продолжается, на правомъ берегу «Мааса», прекрасными кварталами Виллемскаде и большими доками, позади которыхъ раскинутъ прелестный общественный паркъ. Дельфсгавенъ, или «портъ Дельфта», и городъ Скидамъ (Schiedam), построенный, какъ показываетъ его имя, на плотинѣ одного протока, называемаго Ски, считаются, въ административномъ отношеніи, самостоятельными общинами; но въ дѣйствительности эти общины, такъ же, какъ Кралингенъ, лежащій на лѣвомъ берегу «Мааса», составляютъ промышленные пригороды, гдѣ находятся пивоваренные и сахаро-рафинадные заводы и кораблестроительныя верфи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это — передовые порты Роттердама. Движеніе судоходства въ Скидамскомъ портѣ въ 1881 г.: въ приходѣ — 351 судно, вмѣстим. 91.162 тонны; въ отходѣ — 294 судна, вмѣстим. 78.021 тонна. Скидамъ, вокругъ котораго разсѣяны сотни вѣтряныхъ мельницъ, то и дѣло машущихъ своими длинными крыльями, есть главный центръ фабрикаціи можжевеловки и другихъ крѣпкихъ напитковъ (въ 1896 году свыше 350 водочныхъ заводовъ), и количество получаемой барды такъ велико, что его хватаетъ на прокормленіе больше чѣмъ 40.000 головъ рогатаго скота.

Городъ Влардингенъ, лежащій ниже, на томъ же берегу, и замѣтный издалека по высокимъ башнямъ его церквей и цѣлому лѣсу мачтъ стоящихъ въ немъ судовъ, населенъ преимущественно моряками; четверть его жителей состоитъ изъ рыбаковъ, и двѣ трети общаго количества большихъ рыболовныхъ судовъ, которымъ обладаетъ Голландія, принадлежатъ судохозяевамъ Влардингена и Маасслюйса (названіе это означаетъ «шлюзъ на Маасѣ»), лежащаго нѣсколько западнѣе, тоже на правомъ берегу Мааса. Эти два города служатъ мѣстопребываніемъ корпораціи рыбаковъ, занимающихся ловомъ сельдей, и потому здѣсь сохраняются традиціи ремесла, которое доставило Голландіи главную долю ея благосостоянія. Движеніе судоходства въ Влардингенскомъ портѣ въ 1881 году: 184 судна, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 35.320 тоннамъ; рыболовная флотилія этого порта состояла изъ 66 судовъ, называемыхъ loggers и hoekers. На томъ рукавѣ Мааса, отчасти искусственномъ, по которому должны будутъ слѣдовать большіе купеческіе корабли, не выстроился еще ни одинъ городъ ниже Маасслюйса; но на лѣвомъ берегу южнаго рукава, нынѣ покинутаго, на островѣ Воорнъ, находится старинная крѣпость Бріель или Бриль, бывшая прежде передовымъ портомъ Роттердама и защищавшая входъ въ лиманъ. Въ исторіи Бріель, родина адмирала Тромпъ, замѣчателенъ, какъ первый городъ, который былъ завоеванъ гезами у испанцевъ, въ 1572 году. Между различными общинами острововъ южной Голландіи самая мно-

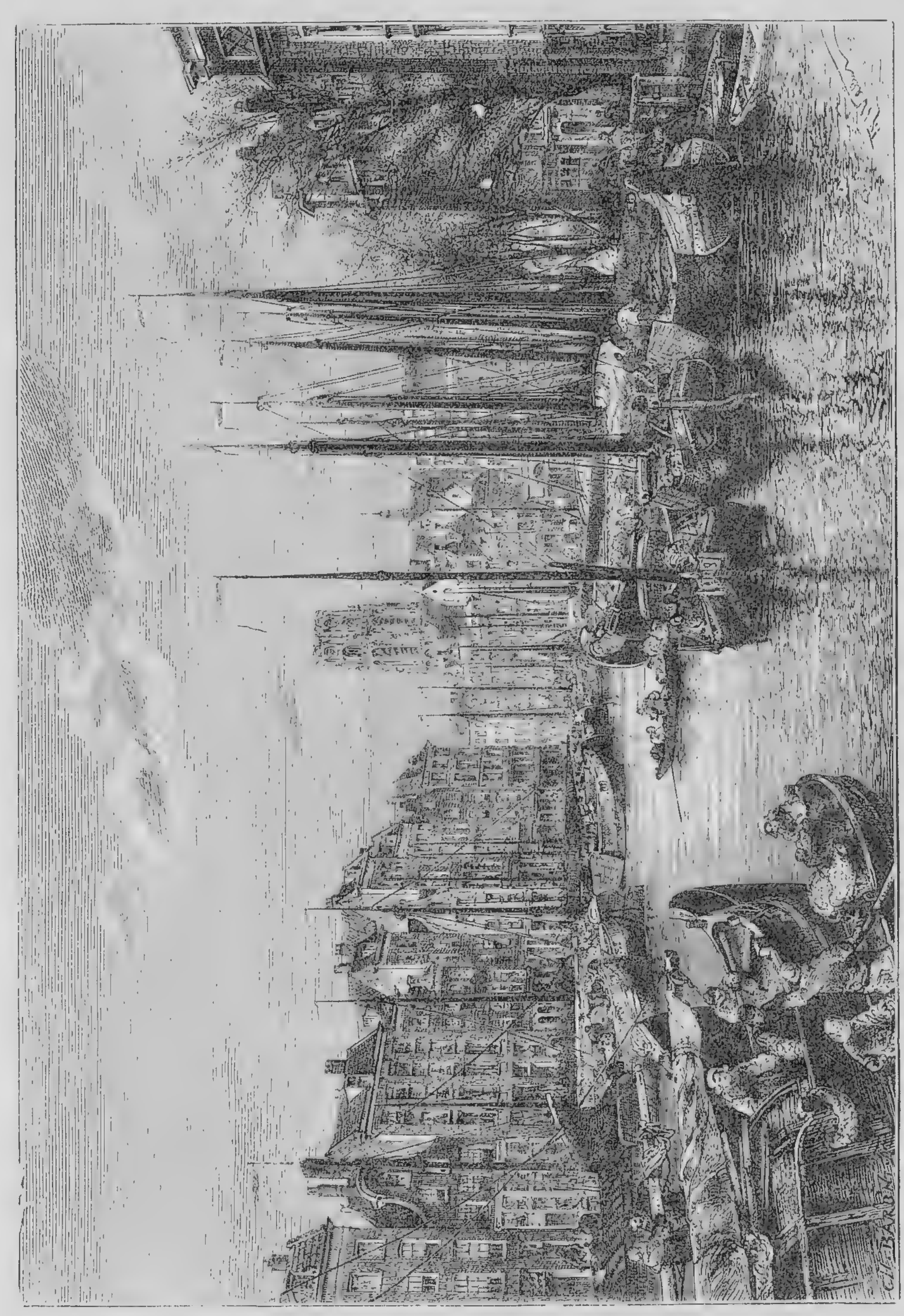
голюдная — Старый Бейерландъ (Oud Beijerland), на островѣ того же имени.

Городъ Дельфтъ, промежуточная станція между Роттердамомъ и Гагой, лежитъ среди равнины, въ 12 километрахъ отъ Мааса; суда его имѣютъ сообщеніе съ портомъ Дельфсгавенъ (съ 1886 года соединеннымъ съ Роттердамомъ), также какъ и съ другими городами Голландіи, посредствомъ канализованной рѣки Ски. Дельфтъ не ведетъ торговли, исключая торговли коровьимъ масломъ и сыромъ, но промышленность его немаловажна; однако, фаянсовая посуда, которую онъ фабрикуетъ, уже не можетъ сравняться съ стариннымъ фаянсомъ, расписаннымъ японскою живописью, который прежде составлялъ его славу и который такъ высоко цѣнится любителями; но Дельфтъ имѣетъ въ своихъ стѣнахъ политехническую школу, гдѣ получаютъ образованіе инженеры-гидрографы, на которыхъ лежитъ обязанность защищать территорію Голландіи противъ нападеній моря и наводненій рѣкъ. Въ исторіи Дельфтъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ этомъ городѣ былъ умерщвленъ Вильгельмъ Молчаливый, въ 1584 году; мраморная гробница его, а также гробницы всѣхъ членовъ Оранскаго дома, занимаютъ центръ «новой церкви». Въ томъ же зданіи погребенъ знаменитый Гуго Гроцій, который былъ дельфтскій уроженецъ, такъ же, какъ великій пенсіонарій Гейнзіусъ, естествоиспытатель Левенгукъ и живописецъ Миревельдтъ. Дельфтъ, который почти можно разсматривать какъ предмѣстье Гааги и который сообщается съ столицей посредствомъ канала, шоссе, паровой и конной желѣзныхъ дорогъ, обладаетъ половиною арсенала королевства, именно тою, гдѣ выдѣлываются пушечные лафеты и артиллерійскія повозки. Между этими двумя городами, но гораздо ближе къ Гаагѣ, встрѣчаемъ деревню Рисвикъ, гдѣ былъ подписанъ, въ 1697 году, мирный трактатъ между Франціей, съ одной стороны, и съ другой—Нидерландами, Германіей, Испаніей и Англіей.

Гага, «Графская роща» — ибо таковъ буквальный смыслъ голландскаго названія 'sGraven-hage ('sHage, ten Haag, по-франц. la Haye, по-лат. Haga comitis) — есть одинъ изъ тѣхъ большихъ городовъ, которые обязаны своимъ многолюдствомъ и важнымъ значеніемъ не географическому положенію. Вблизи голландской столицы нѣтъ ни одной судоходной рѣки; въ сосѣдствѣ ея не существуетъ порта, да при томъ она отдѣлена отъ моря поясомъ дюнъ; она возникла по капризу, или, вѣрнѣе сказать, она обязана своимъ происхожденіемъ обширному лѣсу, находившемуся въ сосѣдствѣ съ ея мѣстоположеніемъ, и который постоянно привлекалъ владѣтелей края къ построенному въ этомъ мѣстѣ охотничьему павильону. Мало-помалу вокругъ этого охотничьяго замка графовъ голландскихъ сгруппировалось многочисленное населеніе, и съ той поры, какъ сходящіяся здѣсь изъ разныхъ пунктовъ страны дороги сдѣлали изъ этой резиденціи торговый центръ, если не для промышленности, то, по крайней мѣрѣ, для мѣстнаго потребленія, она стала быстро расти и увеличиваться: движеніе пассажировъ и товаровъ безъ труда уклоняется въ этомъ направленіи. Въ настоящее время Гага—третій городъ Нидерландскаго королевства по числу жителей; она уступаетъ въ этомъ отношеніи только двумъ приморскимъ городамъ—Амстердаму и Роттердаму.

Взятая въ цѣломъ, и безъ предмѣстій, которыя постепенно распространятся по сосѣднимъ полямъ, Гаага имѣетъ форму четыреугольника, ограниченнаго каналами. Но городъ не имѣетъ внутри того вида, какой свойственъ другимъ городамъ равнины: каналы въ немъ рѣдки, исключая мѣстностей, прилегающихъ къ желѣзнымъ дорогамъ, и улицы не представляютъ, какъ въ Амстердамѣ, простыхъ набережныхъ, соединенныхъ черезъ нѣкоторые промежутки мостами. Большіе судоходные каналы идутъ по окраинамъ города, а главный бассейнъ, находящійся въ центрѣ Гааги, былъ выкопанъ не для стоянки судовъ: это большой прудъ, отражающій въ своихъ черныхъ водахъ мрачныя стѣны дворца верхней палаты, деревья бывшей дюны Війверберґъ, преобразованной въ прекрасное гульбище, и букетъ зелени, покрывающей искусственный островъ. Какъ мѣстопребываніе большаго числа высшихъ государственныхъ сановниковъ, знатныхъ дворянъ, разбогатѣвшихъ негоціантовъ, Гаага отличается отъ большей части промышленныхъ городовъ обширностью своихъ элегантныхъ кварталовъ; дома этихъ аристократическихъ улицъ, построенные безъ архитектурныхъ претензій, безъ вычурныхъ наружныхъ украшеній, замѣчательны по своему внутреннему убранству, соединяющему въ себѣ роскошь съ комфортомъ; они устроены такъ, что въ обиліи получаютъ свѣтъ и воздухъ, украшены зеленью и цвѣтами, окружены садами, а лѣса, которые тянутся на сѣверной, сѣверовосточной и западной сторонѣ города, служатъ имъ паркомъ. Небольшой лѣсъ, носящій спеціально названіе «рощи», составляетъ славу города своими великолѣпными деревьями, такъ же, какъ великолѣпная аллея, ведущая по прямой линіи къ Скевенингенскому берегу; но во многихъ мѣстахъ эта аллея уже превращена въ бульваръ выстроенными на ней отелями, ресторанами и виллами; теперь стараются поправить вредъ причиненный этому лѣсу, расширяя послѣдній посредствомъ насажденій деревъ на «бѣлыхъ» дюнахъ, окаймляющихъ морской берегъ на сѣверѣ и на югѣ отъ Скевенингена (Scheveningen). Эта длинная деревня, противъ которой въ открытомъ морѣ происходило въ 1673 году нерѣшительное сраженіе между гол-

ландскими кораблями, подъ начальствомъ адмирала Рюйтера, и союзными флотами Франціи и Англіи, составляетъ въ дѣйствительности часть столицы, для которой она служитъ ры-



Старый Роттердамскій портъ.

бацкимъ предмѣстьемъ или селомъ, а въ лѣтнее время — мѣстомъ дачной жизни и купанья въ морѣ. Непрерывное движеніе людей и экипажей направляется отъ города къ морю и отъ моря къ городу. Во времена наибольшаго процвѣтанія ловли сельдей главнымъ промысломъ жителей Скевенингена было соленіе и укладка рыбы, да и теперь еще его базарная площадь часто бываетъ запружена телѣжками, нагруженными селедками. Въ наши дни годовой ловъ даетъ здѣсь, среднимъ числомъ, отъ 15 до 20 милліоновъ сельдей. Курьезное зрѣлище представляютъ, въ зимнее время, рыболовныя суда, «флиботы» или pinken, стоящія на якорѣ

на морскомъ берегу. Эти пузатые флиботы, въ числѣ двухъ сотъ слишкомъ, почти всѣ одинаковой величины, украшенные одинаковыми рисунками, расположены въ два ряда у подножія дюны и образуютъ нѣчто въ родѣ улицы, которая теряется вдали въ туманѣ. Въ періодъ отлива они отстоятъ на сто или на двѣсти метровъ отъ линіи морскихъ водъ, и ихъ якоря, на половину погруженные въ песокъ, остаются на сушѣ, гораздо выше уровня волнъ. По берегу тамъ и сямъ разсѣяны лужи соленой воды; несмотря на то, сотни моряковъ безпрестанно приходятъ и уходятъ, закидывая сѣти въ море, для собиранія лежащихъ на днѣ раковинъ, которыя употребляются въ краѣ на приготовленіе извести; фуры, запряженныя лошадьми, постоянно проѣзжаютъ по твердому песку; посѣтители толпой прогуливаются по дюнѣ, чтобы поглядѣть на постоянно мѣняющуюся картину группъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, мѣрно подвигающихся то впередъ, то взадъ, сообразно движенію приливной волны. Часто предлагали вырыть въ Скевенингенѣ искусственную гавань и такимъ образомъ сдѣлать изъ этой деревни, служащей нынѣ мѣстомъ рыбной ловли и морскихъ купаній, передовой коммерческій портъ для столицы. Если проектъ этотъ осуществится, онъ будетъ имѣть важныя послѣдствія для Шевенингена и Гаги; но тогда измѣнится, конечно, и видъ столицы и ея предмѣстья, и нѣкоторые кварталы Гаги утратятъ физіономію соннаго города.

Въ Гагѣ нѣтъ памятниковъ, замѣчательныхъ въ архитектурномъ отношеніи: дворцы ея болѣе любопытны по историческимъ воспоминаніямъ, чѣмъ по изяществу артитектуры или великолѣпію аппартаментовъ. Передъ зданіями Бинненгофа, гдѣ собираются обѣ палаты парламента, показываютъ мѣсто эшафота, на который долженъ былъ взойти Барнвельдтъ, осужденный на казнь по проискамъ штатгальтера Морица Нассаускаго, побуждаемаго низкою завистью. Неподалеку оттуда, въ Гевангенпортѣ, находится мѣсто, гдѣ по подстрекательству другаго штатгальтера, Вильгельма III, были изорваны въ клочки Янъ и Корнелій де-Виттъ. Но если городъ бѣденъ красивыми зданіями, зато въ немъ есть свои музеи и коллекціи. Дворецъ Mauritshuis, названный такъ потому, что его построилъ принцъ Морицъ, есть мѣсто поклоненія для художниковъ, куда они входятъ съ величайшимъ благоговѣніемъ, потому что тамъ, среди множества драгоцѣнныхъ картинъ голландскихъ живописцевъ, находятся «Урокъ анатоміи» и «Симеонъ во храмѣ» Рембрандта и «Быкъ» Павла Поттера; портретъ этого живописца, сдѣланный за нѣсколько дней до его смерти Ванъ-деръ-Хельстомъ, помѣщенъ также въ музеѣ. Въ небольшой, но образцовой коллекціи Steengracht, есть также замѣчательныя произведенія голландскихъ мастеровъ. Въ Лѣсномъ Домѣ, королевской резиденціи, расположенной въ паркѣ, также есть цѣнныя картины; но великолѣпная коллекція, принадлежавшая королю Вильгельму II, была продана его дѣтьми въ 1850 г., и голландцы испытали униженіе видѣть, какъ лучшія картины этой галлереи были увезены въ иностранные музеи. Этнографическая коллекція и коллекція рѣдкостей, кабинетъ монетъ, медалей и камней музей, устроенный графомъ Меерманномъ и барономъ Вестрпненомъ, національная библіотека—очень богаты драгоцѣнными предметами произведеніями изъ слоновой кости и картинами, первопечатными (напечатанными до 1550 г.) книгами и рукописями. Гага, обладающая такимъ множествомъ картинъ, не имѣетъ въ числѣ своихъ сыновъ ни одного знаменитаго живописца, но она замѣчательна какъ родина математика Гюйгенса.

Рукавъ Рейна, протекающій въ пятнадцати километрахъ къ сѣверу отъ Гаги, проходитъ черезъ городъ Утрехтъ, представляющій также одну изъ столицъ королевства, такъ какъ по своему университету онъ является оплотомъ протестантскаго православія въ Голландіи кромѣ того, онъ служитъ мѣстопребываніемъ католическаго архіепископства въ королевствѣ, а также архіепископства старо-католиковъ янсенистовъ, значеніе которыхъ, какъ религіозной секты, въ недавнее время нѣсколько усилилось вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Въ историческомъ отношеніи Утрехтъ также пользуется нѣкоторымъ первенствомъ между большими городами страны, потому что въ немъ въ 1579 году заключенъ былъ утрехтскій союзъ, въ силу котораго нидерландскія провинціи соединились въ федеральную республику; здѣсь же собирались генеральные штаты, пока они не были переведены въ Гагу. Въ 1712 году Утрехтъ избранъ былъ мѣстомъ съѣзда уполномоченныхъ, которые должны были подписать мирный трактъ между Франціей, Испаніей, Англіей и Голландіей. Утрехтъ, древній Trajectus ad Rhenum, имѣвшій уже во времена римлянъ значеніе станціоннаго и торговаго города, нынѣ составляетъ главный желѣзнодорожный узелъ Голландіи: въ немъ сходятся желѣзныя дороги изъ Амстердама, Гаги, Роттердама, Маастрихта, Арнгема и Гронингена, и соединяются множествомъ каналовъ, питаемыхъ Рейномъ и оттокомъ его Вехтомъ. По числу жителей Утрехтъ четвертый городъ Нидерландовъ (95.000 жит.). Онъ окруженъ фруктовыми садами и ведетъ большую торговлю зерномъ и скотомъ; его мануфактурная промышленность весьма разнообразна.

Движеніе судоходства по главному каналу Утрехта въ 1882 г.: 24.900 судовъ, съ грузами товаровъ около 366.000 тоннъ.

Городъ имѣетъ форму неправильнаго четырехугольника, окруженнаго каналомъ, который

былъ когда-то крѣпостнымъ рвомъ и сохраняетъ еще крутыя извилины, обтекавшія вокругъ бастіоновъ; стѣны замѣнены деревьями, группами кустарниковъ и цвѣтниками, а съ восточной стороны почти на километръ тянется прекрасный бульваръ Майль (Maliebaan), образуемый шестью рядами высокихъ липъ. Внутри городъ перерѣзанъ множествомъ судоходныхъ каналовъ, берега которыхъ большею частью такъ высоки, что улицы переходятъ черезъ каналы по постояннымъ мостамъ, а магазины и склады расположены подъ верхними набережными, вдоль медленно текущей воды. Развалины собора, на половину разрушеннаго ураганомъ въ 1674 году, и сосѣдній монастырь представляютъ еще самые значительные остатки готическаго искусства въ Голландіи. Но эти остатки реставрированы безъ вкуса и сохраняютъ только красоты деталей. Съ высокой башни, возвышающейся на сто слишкомъ метровъ надъ площадью, видна почти вся историческая мѣстность Нидерландовъ отъ Герцогенбуша до Зюдерзее, и отъ устьевъ Мааса до холмовъ Арнгема.

Кромѣ своего университета, одного изъ четырехъ въ королевствѣ, Утрехтъ имѣетъ еще одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній Голландіи—ветеринарный институтъ. Военно-медицинская академія переведена недавно въ Амстердамъ. Въ Утрехтѣ находится монетный дворъ Нидерландовъ и всѣхъ ихъ колоній. Въ городѣ этомъ имѣются важныя научныя коллекціи, цѣнная библіотека, метеорологическая обсерваторія, на которой, подъ руководствомъ Бюисъ-Баллота, были произведены работы, много способствовавшія прогрессу науки. Въ музеѣ городской ратуши и въ домѣ, гдѣ родился Адріанъ Флоранъ или Боеръ, сдѣлавшійся впослѣдствіи папою подъ именемъ Адріана VI,—есть нѣсколько картинъ, но гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать на родинѣ Пеленбурга, Гонтгорста, Бота и Гондекетера. Одну изъ достопримѣчательностей Утрехта составляетъ кварталъ янсенистовъ—нѣчто въ родѣ бегинскаго монастыря, гдѣ вѣрные группируются вокругъ своей церкви. Къ востоку отъ Утрехта, въ большой сельской общинѣ Цейстъ, находится другое братство, именно община моравскихъ братьевъ,—единственная существующая въ Голландіи. Кромѣ того, въ Утрехтѣ и его окрестностяхъ имѣютъ своихъ представителей меннониты, ремонтраны, сепаратисты и всѣ религіозныя секты Нидерландовъ.

Городъ Гуда, называемый также Теръ-Гувъ, есть одинъ изъ торговыхъ центровъ внутренней Голландіи, благодаря своему положенію на перекресткѣ простыхъ и желѣзныхъ дорогъ изъ Утрехта, Роттердама и Гаги, и на каналѣ, соединяющемъ Рейнъ съ Маасомъ посредствомъ рѣки Гувъ и голландскаго Исселя. Онъ извѣстенъ въ промышленности своими кирпичами и трубками, которыя фабрикуются изъ глины, добываемой со дна Исселя, а также превосходными сырами, которые приготовляются окрестными поселянами. «Большая церковь» въ Гудѣ прославилась своими оконницами, сдѣланными большею частію братьями Кработъ, художниками шестнадцатаго вѣка.

Къ западу отъ Утрехта, «Старый Рейнъ», до впаденія своего въ море, протекаетъ только чрезъ одинъ большой городъ—Лейденъ. Воды Рейна развѣтвляются на множество каналовъ, изъ которыхъ одни пересѣкаютъ этотъ городъ во всѣхъ направленіяхъ, а другіе окружаютъ большой четырехсторонникъ Лейдена, сохраняя вездѣ, какъ и въ Утрехтѣ, извилистую форму, придаваемую выступами бастіоновъ, которые теперь срыты и замѣнены публичными садами. Лейденъ одинъ изъ древнихъ городовъ Голландіи; это былъ Lugdunum Batavorum или Батавійскій Ліонъ, Лейтенъ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ мѣстѣ естественно должна была возникнуть станція уже въ первое время заселенія страны, потому что среди низменной равнины здѣсь возвышается холмъ въ 16 метровъ вышины, представляющій вѣрное убѣжище отъ водъ. Фундаменты, находимые на этомъ холмикѣ, представляютъ древнѣйшіе остатки города; здѣсь стояла оборонительная цитадель, перестроенная впослѣдствіи подъ именемъ Бурга; вокругъ него группируются дома, и возвышающаяся на немъ еще теперь старая башня составляетъ геометрическій центръ города.

Во время славной войны за независимость, Лейденъ былъ однимъ изъ городовъ, которые подавали высокій примѣръ стойкости. Осажденный въ первый разъ въ 1573 году, онъ скоро затѣмъ освободился, но въ 1574 году былъ снова обложенъ, и его немногочисленные защитники твердо рѣшились исполнить свой долгъ. Къ концу осады жители питались листьями съ деревьевъ и травой, росшей на улицахъ. «Вотъ моя шпага; вы можете раздѣлить между собою мое тѣло», такъ говорилъ бургомистръ Ванъ-деръ Верфъ возмутившимся гражданамъ; «ѣшьте меня, но я не сдамъ крѣпости». И дѣйствительно—онъ не сдалъ ее. Бурный вѣтеръ пригналъ голландскій флотъ къ самому Лейдену чрезъ разорванныя плотины, и городъ былъ освобожденъ послѣ ста тридцати одного дня осады. Въ вознагражденіе понесенныхъ страданій, говорятъ, республика установила въ Лейденѣ ежегодную десятидневную ярмарку, свободную отъ всякихъ налоговъ, и дала ему университетъ, основанный въ самый разгаръ національной борьбы. Эта школа вскорѣ сдѣлалась одною изъ знаменитыхъ въ Европѣ. Въ тѣ времена, когда въ этомъ университетѣ слѣдовали другъ за другомъ Липсе, Скалигеръ, Сомазій, Гроцій, Фоссій, Гейнзіусъ, Бургавъ, въ немъ считалось до 2.000 студентовъ, стекавшихся изъ всѣхъ частей Европы. Въ настоящее

время главная лейденская школа, хотя находится въ относительномъ упадкѣ, однако является еще однимъ изъ важнѣйшихъ высшихъ учебныхъ заведеній Голландіи. Въ Лейденскомъ университетѣ теперь около 750 студентовъ; библіотека его содержитъ 14.000 рукописей, въ томъ числѣ много уникомъ; эта и другія драгоцѣнныя коллекціи дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ любопытныхъ заведеній въ Европѣ. Впрочемъ, преподаванію часто вредила рутина: еще недавно нѣкоторые курсы читались на латинскомъ языкѣ. Въ 1876 году онъ торжественно праздновалъ третій столѣтній юбилей своего существованія.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ Лейденъ былъ цвѣтущимъ городомъ; послѣ упадка бельгійскихъ провинцій, этотъ голландскій городъ былъ главнымъ наслѣдникомъ фламандскихъ промысловъ: особенно большаго развитія достигла здѣсь фабрикація тонкихъ шерстяныхъ матерій; съ отмѣною нантскаго эдикта здѣсь поселилось много французскихъ протестантовъ, принесшихъ съ собою свои ремесла. Но войны и въ особенности конкурренція Германіи и Англіи привели въ упадокъ большую часть мануфактуръ Лейдена, и городъ обезлюдѣлъ; въ счастливыя времена въ немъ было, говорятъ, вдвое больше жителей, чѣмъ теперь; въ его каналахъ и бассейнахъ не кишатъ суда, какъ въ Утрехтѣ и Гаарлемѣ, улицы его мало оживлены, площади почти пусты; впрочемъ, фабрикація суконъ и шерстяныхъ одѣялъ еще значительна. Въ 1807 году городъ вдругъ уменьшился, вслѣдствіе взрыва судна съ порохомъ, разрушившаго сотни домовъ: мѣсто катастрофы и теперь еще указываютъ военное поле и окружающіе его пустыри. Въ числѣ разрушенныхъ зданій былъ и домъ Эльзевировъ (знаменитые типографщики). Лейденъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ существуетъ наилучшая въ мірѣ система канализаціи для ассенизаціи города и удобренія полей.

Большія коллекціи Лейдена, помѣщающіяся въ отдѣльныхъ зданіяхъ, недавно еще были единственными въ Европѣ, по причинѣ торговой монополіи, которою пользовались голландцы въ Японіи и на Зондскихъ островахъ; и теперь еще нѣкоторые изъ хранящихся въ его музеяхъ предметы—единственные, полученные Западомъ. Этнографическій музей, составленный частію изъ старинной японской коллекціи Зибольда, приводилъ въ изумленіе самихъ японскихъ путешественниковъ; естественно-историческій музей, между прочими богатствами, заключаетъ въ себѣ птицъ, классифицированныхъ знаменитымъ Теммникомъ; въ музеѣ древностей, кромѣ интересной египетской коллекціи и восточныхъ рѣдкостей, есть предметы доисторическаго происхожденія, собранные въ почвѣ самой Голландіи. Въ оранжереяхъ ботаническаго сада, одного изъ самыхъ полныхъ въ Европѣ, цвѣтутъ прекраснѣйшія тропическія растенія. Въ Лейденѣ есть драгоцѣнныя картины, но въ небольшомъ числѣ: онъ, однако, родина Луки Лейденскаго, Герарда Доу, Стена, Метцу, Мьериса, Отто Ванъ-Вена; неподалеку отъ него находится мѣсто рожденія Рембрандта. Дома этихъ живописцевъ исчезли, но зато существуютъ еще жилища нѣсколькихъ прославившихъ Лейденъ ученыхъ. Къ западу отъ города, на дорогѣ въ Катвисъ и къ его морскимъ купаньямъ, въ прекрасномъ паркѣ можно видѣть замокъ Эндегистъ, въ которомъ долго жилъ Декартъ.

Общины провинціи Южной Голландіи, съ населеніемъ свыше 5.000 душъ: Роттердамъ—286.105 жит. (31 дек. 1896 г.); Гравенгагѣ (Гага) — 191.530 жит.; Лейденъ (Лейдъ) — 53.368 жит.; Дортрехтъ (Дортъ)—36.687 жит.; Дельфтъ—32.021 жит.; Скидамъ—26.627 жит.; Гуда—19.805 жит.; Кралингенъ—18.600 жит.; Горинхемъ (Горкумъ)—11.880 жит.; Флаардингенъ (Влардингеръ)—12.620 жит.; Слидрехтъ—9.210 жит.; Шарлуа—8.260 жит.; Риддеркеркъ—8.000 жит.; Катвикъ—6.270 жит.; Удъ-Бейерландъ—5.200 жителей.

Городъ Гаарлемъ, получившій такую извѣстность въ исторіи человѣческаго труда, съ тѣхъ поръ, какъ сосѣднее «море» было совершенно опорожнено, довольно быстро увеличивается по населенію, благодаря обработкѣ нѣкогда затопленной своей территоріи. Бывъ прежде столицею графства Голландіи, онъ является нынѣ административнымъ центромъ провинціи Сѣверной Голландіи, главный городъ которой—Амстердамъ. Во время войны за независимость, въ 1572 году, Гарлемъ подвергался осадѣ, какъ и Лейденъ, и хотя сопротивлялся дольше, но въ концѣ концовъ долженъ былъ сдаться, когда испанцы разбили на Гаарлемскомъ озерѣ вспомогательный голландскій флотъ: гарнизонъ и 2.000 гражданъ были обезглавлены и брошены въ озеро. Но, сдѣлавшись черезъ четыре года снова голландскимъ, городъ скоро оправился отъ постигшихъ его бѣдствій и, подобно Лейдену, воспользовался косвеннымъ образомъ упадкомъ фламандскихъ городовъ, наслѣдуя ихъ промышленность, въ особенности полотняную. Вода и климатъ Гаарлема сообщаютъ холсту большую бѣлизну, и до примѣненія быстраго способа бѣленія холста хлоромъ, ткацье посылалось изъ Силезіи и Ганновера въ Гаарлемъ и затѣмъ снова вывозилось оттуда подъ именемъ «голландскихъ полотенъ».

Гаарлемъ—одинъ изъ тѣхъ нидерландскихъ городовъ, въ которыхъ родилось много знаменитыхъ людей. Въ немъ воздвигнута бронзовая статуя Лоренцу Янсзону «Ризничему» (Coster), который здѣсь считается изобрѣтателемъ книгопечатанія, а въ его «большой» церкви, замѣчательной своимъ органомъ, однимъ

изъ огромнѣйшихъ въ мірѣ, находятся гробницы поэта Бильдердика и инженеровъ Конрада и Брунингса, гидравлическія сооруженія которыхъ еще и теперь защищаютъ Голландію отъ моря и бурь. Гаарлемъ былъ родиной живописцевъ Винантца, Франца Хальса, Ванъ-деръ-Хельста, Адріана Броувера, Корнелія Бега, Филиппа Вувермана, Бергхема, Рюисдаля, и болѣе счастливый, чѣмъ другіе голландскіе города, обладаетъ не только славою этихъ именъ, но и многочисленными картинами многихъ изъ своихъ великихъ художниковъ; въ одномъ бегинскомъ монастырѣ есть даже такія полотна Франца Хальса, которыя не перемѣняли своего мѣста съ тѣхъ поръ, какъ нарисованы. Художникъ, ищущій хорошихъ и осно-

Старый каналъ въ Утрехтѣ.

вательныхъ уроковъ, долженъ доставить себѣ удовольствіе посмотрѣть Франца Хальса именно въ Гарлемѣ [1].

Городъ богатый, имѣющій въ средѣ своего населенія много досужихъ людей, культивирующихъ, науки и искусства, Гарлемъ служитъ мѣстопребываніемъ многихъ ученыхъ обществъ, и въ немъ много всякаго рода коллекцій и библіотекъ. Здѣсь былъ основанъ музей геологическаго и физическаго изслѣдованія Голландіи; здѣсь же находится музей Тейлера, въ которомъ собрано множество любопытныхъ предметовъ, физическихъ аппаратовъ, ископаемыхъ и камней, медалей, книгъ и гравюръ; естественно-историческія сокровища этого музея подробно описаны въ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ. Наконецъ, за стѣнами Гаарлема, въ буковой рощѣ, остаткѣ древнихъ лѣсовъ Голландіи, расположенъ красивый дворецъ, заключающій въ себѣ коллекцію картинъ современныхъ художниковъ и колоніальный музей. Кромѣ того, въ Гаарлемѣ, есть много прекрасныхъ мѣстъ для прогулки; таковы его бульвары, обсаженные деревьями, гдѣ стоятъ еще «Амстердамскія ворота», могучее сооруженіе пятнадцатаго вѣка, его большой лѣсъ, Блюмендааль (долина цвѣтовъ), и окрестные сады, гдѣ издавна ведется культура гіацинтовъ, тюльпановъ, мака и многихъ другихъ цвѣтовъ, которой благопріятствуетъ песчаное свойство почвы; здѣсь-то садовники создали тѣ удивительныя разновидности тюльпановъ, которыя порождали столько спекуляцій въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка, когда одна луковица, называемая «вице-король», продавалась за 25.000 флориновъ, а три луковицы Semperaugustus стоили 30.000 флориновъ. Въ наше время сады эти еще прекраснѣе, чѣмъ въ ту эпоху ажіотажа, но ихъ произведенія, луковицы, сѣмена, цвѣты, плоды и овощи всякаго рода, служатъ лишь предметомъ естественной отпускной торговли: они вывозятся во всѣ части Голландіи, въ Англію, Германію и Россію. Цѣнность тюльпановъ, отправленныхъ изъ Блюмендааля въ 1872 г., составляла 840.000 фр. Гаарлемъ отстоитъ отъ моря только на семь километровъ. Къ западу отъ цѣпи дюнъ, надъ которою возвышается Блюмендааль, расположено селеніе Зандваартъ, посѣщаемое лѣтомъ многочисленными амстердамскими купальщиками.

Будучи втрое населеннѣе Гаги, Амстердамъ есть истинная столица Нидерландовъ, и даже оффиціально носитъ названіе столицы, хотя не служитъ мѣстопребываніемъ правительства. Пока Зюйдерзее былъ удобенъ для мореплаванія, положеніе, занимаемое нынѣ этимъ большимъ городомъ, было необыкновенно счастливо въ торговомъ отношеніи, ибо этотъ уголъ внутренняго моря прилегаетъ къ самой плодородной и многолюдной мѣстности нижней Голландіи; сюда же упирается кратчайшая линія, проведенная отъ устьевъ Мааса и Рейна къ бассейну Зюйдерзее; кромѣ того корабли, находившіе по всему морскому берегу Голландіи не гостепріимные берега, встрѣчали здѣсь естественный портъ, совершенно защищенный отъ волнъ и вѣтра. Но прежде чѣмъ торговля могла воспользоваться этимъ положеніемъ, нужно было, чтобы обширныя болота, въ которыхъ терялся потокъ Амстель, при сліяніи его съ ли... маномъ Ій, были по крайней мѣрѣ отчасти укрѣплены плотинами и на твердой землѣ могли появиться первые дома; и дѣйствительно, только въ началѣ тринадцатаго вѣка среди рыбачьихъ хижинъ на Амстельдамѣ, т. е. «плотинѣ Амстеля», появляется замокъ.

Форма первоначальнаго островка опредѣлила собою форму, которую въ слѣдующіе вѣка долженъ былъ принять возрастающій городъ. Эта форма очень странная, хотя необыкновенно правильная. Вокругъ почти овальнаго ядра древняго города идутъ четыре параллельные канала или Grachten, но не кривыми, а ломаными линіями, и сами, въ свою очередь, окружены наружнымъ каналомъ или Buiten Singel более пяти километровъ длиною, описывающимъ почти полуокружность; онъ омывалъ когда-то укрѣпленія, замѣненныя теперь отчасти лужайками и деревьями. Концентрическіе каналы во всѣхъ своихъ углахъ пересѣкаются поперечными рвами, расходящимися кнаружи въ формѣ вѣтвей вѣера, такъ что городъ раздѣляется на 90 островковъ, соединенныхъ 300 мостовъ, изъ которыхъ нѣкоторые подъемные и поднимаются для пропуска судовъ посредствомъ огромныхъ рычаговъ. Каждая улица служитъ портомъ и каждый домъ, — складочнымъ мѣстомъ. Амстель, нарушающій нѣсколько геометрическую правильность города своими двумя большими излучинами, разливается въ бассейны, гдѣ стоятъ на якорѣ суда малаго водоизмѣщенія, между тѣмъ какъ крупныя суда и морскіе пароходы наполняютъ наружные порты, пересѣченные въ проливѣ Ій высокими плотинами, на которыхъ стоятъ дома. Къ открытому морю отъ города по хордѣ дуги, образуемой наружнымъ каналомъ, тянется рядъ островковъ правильной формы, на которыхъ расположены желѣзнодорожныя станціи и товарные склады. Всѣ эти островки новаго происхожденія и образовались отъ засоренія пролива песками береговыхъ дюнъ.

Впрочемъ, вся почва, на которой стоитъ Амстердамъ, укрѣплена человѣческимъ трудомъ. Илистая подпочва, состоящая большею частью изъ остатковъ мелкихъ животныхъ, политаламій, расползалась бы подъ тяжестью домовъ Амстердама, еслибы большая часть ихъ не были

[1] Эженъ Фромантэнъ, „Les Maîtres d'autrefois".

построены на сваяхъ [1]), такъ что перевернутый городъ представилъ бы удивительное зрѣлище лѣса «безъ вѣтвей и листьевъ» [2]). Эразмъ говорилъ, что онъ знаетъ городъ, жители котораго живутъ, какъ вороны, на вершинахъ деревъ, разумѣя при этомъ Амстердамъ. Одинъ королевскій дворецъ стоитъ на 13.659 сваяхъ. Слишкомъ тяжелыя постройки уже не разъ уходили въ илъ. Амстердамъ—оригинальный городъ, которому нѣтъ подобнаго. Быть можетъ, имѣя въ мысли произведенія его художниковъ, его сравнивали съ Венеціей, какъ будто Венецію можно представить себѣ безъ прозрачности атмосферы, безъ лучезарнаго неба, безъ блеска мраморныхъ дворцовъ. Амстердамъ, при своемъ перемѣнномъ климатѣ, туманахъ, дождяхъ и внезапныхъ проясниваніяхъ,—походитъ только самъ на себя. Однако, несмотря на геометрическую правильность его каналовъ, онъ очень красивъ, когда солнечные лучи блестятъ сквозь вѣтви деревьевъ, разсаженныхъ вдоль набережныхъ, и когда тысячи мачтъ и снастей рисуется на свѣтломъ фонѣ неба. Съ башни королевскаго дворца, въ центрѣ города, виденъ, какъ на ладони, весь Амстердамъ, со всѣми его каналами, бассейнами, запруженными кораблями, проливомъ Ій, зеленѣющими полями, окаймляющими Зюйдерзее и замѣнившими бывшее Гаарлемское море. Прямо подъ ногами у васъ площадь Дамъ, на которую сходятся всѣ главныя улицы города,—это первая насыпь, первая плотина, послужившая точкою опоры для всѣхъ работъ, предпринятыхъ семь вѣковъ тому назадъ для расширенія Амстердама.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ столицѣ Голландіи, которая, впрочемъ, была родиной Адріана и Виллема Ванъ-денъ-Вельде, Кареля дю-Жардена, двоихъ Ванъ-деръ-Нееровъ, Веникса, Ванъ-Гюнзема, національная школа живописи является во всей своей славѣ. Въ королевскомъ дворцѣ есть нѣсколько замѣчательныхъ картинъ; городская ратуша украшена драгоцѣнными картинами Гальса и ванъ-деръ-Гельста, изображающими обѣды и празднества городскихъ корпорацій; но главныя сокровища собраны въ новомъ музеѣ, замѣнившемъ собою мрачное зданіе Trippenhuis, гдѣ прежде помѣщалась картинная галлерея. Знаменитѣйшія полотна здѣсь—это картина Рембрандта, которой дано ошибочное названіе «Ночной Дозоръ», и «Банкетъ Стрѣльцовъ» Ванъ-деръ-Гельста. Въ этомъ же музеѣ можно видѣть одну изъ послѣднихъ и самыхъ жизненныхъ картинъ Рембрандта—«Старшины Суконщиковъ»; вообще здѣсь есть по одной или по нѣскольку картинъ всѣхъ голландскихъ художниковъ и множество портретовъ знаменитыхъ личностей, такъ что изученіе этой галлереи необходимо для историка Голландіи. Музей Ванъ-деръ-Гупъ составляетъ также драгоцѣнную коллекцію картинъ старинныхъ нидерландскихъ художниковъ, а музей Фодоръ заключаетъ въ себѣ замѣчательнѣйшія картины новѣйшихъ живописцевъ. А сколько дорогихъ произведеній еще въ частныхъ коллекціяхъ! Между ними есть одна, владѣльцы которой показываютъ портреты своихъ предковъ, рисованные самою блестящею и самою вѣрною кистью Рембрандта.

Будучи городомъ искусствъ, Амстердамъ есть въ то же время и главный центръ научной жизни въ Голландіи. Въ немъ находятся: одинъ изъ четырехъ университетовъ страны, академія художествъ, нидерландская академія наукъ и многія ученыя общества, какъ, напримѣръ, Felix meritis и археологическое. Въ Амстердамскомъ университетѣ въ 1890 г. было 65 профессоровъ и лекторовъ и 900 студентовъ.

Въ Амстердамѣ недавно основано географическое общество, которое приноситъ наукѣ неоцѣнимыя услуги, такъ какъ только оно одно можетъ обрабатывать всякаго рода голландскіе, малайскіе, яванскіе документы, относящіеся до Зондскаго архипелага. Ботаническій и зоологическій сады отличаются большимъ богатствомъ и пополняются значительными коллекціями, въ которыхъ флора и фауна крайняго Востока имѣютъ лучшихъ представителей. Лабиринтъ домовъ прерывается нѣсколькими публичными садами, изъ которыхъ въ одномъ возвышается стеклянный куполъ дворца промышленности, а другой, Вондельспаркъ, посвященъ памяти поэта Ванъ-денъ-Вонделя; но эти зеленѣющія пространства очень рѣдки и малы для такого многолюднаго города. Амстердамъ—городъ нездоровый (средняя смертность—отъ 33 до 34 человѣкъ на 1.000); въ пересѣкающихъ его во всѣхъ направленіяхъ каналахъ лежитъ, среднимъ числомъ, болѣе метра илу, который извлекается посредствомъ землечерпательныхъ судовъ и продается, какъ удобреніе, окрестнымъ садовникамъ и земледѣльцамъ. Вода этихъ каналовъ была бы почти стоячею и скоро превратилась бы въ вонючую грязь, если бы въ гидравлическую сѣть города не были введены одновременно и воды Ій, и воды Амстеля, при помощи шлюзовъ, регулирующихъ приливъ и отливъ, устроенныхъ книзу отъ биржи и въ другихъ мѣстахъ. До 1853 г. у жителей Амстердама не было чистой воды для домашнихъ нуждъ, и они должны были довольствоваться водою цистернъ; теперь они получаютъ, по подземному водопроводу, приблизительно въ 30 километровъ длины, дождевую воду, падающую на песчаныя дюны, въ которыхъ она и очищается. Однако, несмотря на всѣ улучшенія и успѣхи, какъ частной, такъ и общественной гигіены, несмотря на чрезвычайную опрятность большинства жителей, Амстердамъ былъ бы городомъ, обреченнымъ быстрому обезлю-

[1]) Гартингъ, „De Bodem onder Amsterdam“.

[2]) Альфонсъ Эскиросъ, „La Néerlande et la vie hollandaise“.

денію, если бы находился подъ болѣе теплымъ солнцемъ. Перемежающіяся лихорадки даютъ въ столицѣ Голландіи въ шестьдесятъ разъ больше смертныхъ случаевъ, чѣмъ въ столицѣ Великобританіи [1]), и всѣ холерныя эпидеміи, посѣщавшія Европу, производили въ Амстердамѣ большія опустошенія.

Тѣмъ не менѣе, вопреки неблагопріятнымъ условіямъ въ отношеніи здоровья, населеніе столицы Голландіи не перестаетъ возрастать, благодаря той силѣ притяженія, которою обладаетъ Амстердамъ, какъ центръ торговли и промышленности. Онъ былъ весьма значителенъ уже въ четырнадцатомъ столѣтіи и весьма часто посѣщался моряками Ганзейскаго союза; уже въ ту эпоху онъ служилъ убѣжищемъ для купцовъ, эмигрировавшихъ изъ Фландріи и Брабанта. Революція сдѣлала его свободнымъ городомъ и наслѣдникомъ Антверпена; ставъ убѣжищемъ для всѣхъ преслѣдуемыхъ, для евреевъ, протестантовъ и свободномыслящихъ, онъ возвысился въ семнадцатомъ вѣкѣ до степени перваго города между всѣми торговыми городами Европы. Нынѣ онъ далеко не имѣетъ такого относительнаго значенія, тѣмъ не менѣе, голландцы выказали удивительную настойчивость, удержавъ за своею столицею весьма дѣятельную морскую торговлю, хотя все болѣе и болѣе распространявшееся употребленіе судовъ большаго водоизмѣщенія для навигаціи чрезъ океанъ отнимало, повидимому, у амстердамскихъ судохозяевъ всякую возможность конкурренціи. Зюйдерзее слишкомъ мелокъ для безопаснаго входа судовъ, сидящихъ въ водѣ болѣе, чѣмъ на 4 метра, и кромѣ того, при входѣ въ Ій образовалась еще опасная отмель, банка Пампусъ, такъ что суда, желавшіе пройти въ портъ Амстердама, принуждены были поддерживать себя справа и слѣва лихтерами или «камелями». Извѣстно, что для поддержанія своей морской торговли городъ принужденъ былъ прорыть каналъ въ 84 километра длины черезъ полуостровъ Нордъ-Голландъ, а затѣмъ замѣнить этотъ каналъ, считавшійся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ чудомъ человѣческаго искусства, каналомъ Іймуйденъ. Но и этого недостаточно. Если Амстердамъ, лишенный отнынѣ всякой коммерческой монополіи, не пожелаетъ уступить своего мѣста болѣе удобно расположеннымъ соперникамъ, если не захочетъ, чтобы его окончательно оставилъ за собою Роттердамъ, а впослѣдствіи, быть можетъ, и Флиссингенъ, то ему необходимо имѣть постоянно свободное водяное сообщеніе съ долиною Рейна посредствомъ широкаго и глубокаго канала, который замѣнилъ бы неопредѣленное теченіе Исселя и неглубокіе существующіе нынѣ каналы, которыми теперь по необходимости пользуются въ весьма широкихъ размѣрахъ.

[1]) Г. К. Ломбаръ, „Traité de climatologie médicale“.

Кончено, «Сѣверная Венеція» не перестанетъ упорно бороться, чтобы избѣгнуть участи, уже постигшей бывшую «царицу Адріатическаго моря». Уже съ открытія канала Іймуйденъ торговля Амстердама нѣсколько увеличилась, вслѣдствіе болѣе легкаго доступа, или же вслѣдствіе предпринятыхъ въ городѣ значительныхъ работъ. Это изъ порта Іймуйденъ отплылъ корабль «Виллямъ Баренцъ», который долженъ былъ продолжать въ сѣверныхъ моряхъ изслѣдованія, начатыя такъ славно голландцами семнадцатаго вѣка.

Движеніе мореходства въ Амстердамскомъ портѣ въ 1890 г.: прибыло 1.675, вышло 1.68[illegible] судовъ, вмѣстимостью, вмѣстѣ, 4.200.429 куб. метр. Торговый флотъ Амстердама: 120 судовъ (въ томъ числѣ 76 пароходовъ) въ 141.93[illegible] тонны. Промышленность Амстердама, относящаяся главнымъ образомъ къ морю, состоитъ въ кораблестроеніи, впрочемъ, значительно упавшемъ за послѣдніе годы, и въ фабрикаціи разнаго рода гидравлическихъ машинъ; но мало отраслей промышленности, въ которыхъ онъ не принималъ бы участія: громадныя фабрики заняты рафинировкой вывезеннаго изъ колоній сахара, а большіе пивоваренные и винокуренные заводы производятъ крѣпкіе напитки. Въ предмѣстьяхъ и окрестныхъ деревняхъ, особенно въ древней земледѣльческой, отвоеванной у моря, колоніи Ньеверъ-Амстель, промышленность также очень оживлена. До недавняго времени Амстердамъ былъ единственнымъ городомъ въ мірѣ, гдѣ производилось правильное граненіе алмазовъ, заимствованное у Гента въ пятнадцатомъ столѣтіи; теперь съ нимъ соперничаетъ Парижъ, но амстердамскіе рабочіе, изъ евреевъ португальскаго происхожденія, остались мастерами въ этомъ искусствѣ, которое, впрочемъ, не имѣетъ никакихъ секретовъ и требуетъ только чрезвычайной ловкости руки (въ 1890 г.: 56 граниленъ, въ томъ числѣ нѣсколько съ паровыми машинами). Амстердамскіе евреи, составляющіе почти девятую часть городскаго населенія, также самые дѣятельные посредники въ торговлѣ деньгами, которая получила столь важное значеніе въ этомъ «городѣ милліонеровъ» и сдѣлала его биржу однимъ изъ главныхъ регуляторовъ финансоваго рынка.

Несмотря на разницу, существующую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между португальскими и нѣмецкими евреями, какъ тѣ, такъ и другіе принимаютъ одинаковое участіе въ этомъ дѣловомъ движеніи. Первые изъ нихъ гораздо малочисленнѣе; изъ ихъ среды вышелъ Варухъ Спиноза, котораго, быть можетъ, ни одинъ человѣкъ не превзошелъ въ полнотѣ мысли и возвышенности характера и образа жизни. Въ Гагѣ ему воздвигнута статуя.

Заандамъ, городъ самый близкій къ столицѣ и зависящій отъ нея въ промышленномъ отно-

шенія, расположенъ въ 8-ми километрахъ къ сѣверо-востоку за превращенными нынѣ въ твердую почву землями, гдѣ проходитъ каналъ Ймуйденъ; это главный городъ цѣлаго многолюднаго края, называемаго Заанстрекъ. Заандамъ есть одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ городовъ Европы, благодаря своему расположенію на древнихъ плотинахъ на берегу Зааня. Заандамъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ улицъ въ нѣсколько километровъ длиною, осѣненныхъ липами или вязами и окаймленныхъ маленькими деревянными домиками и вѣтряными мельницами; еще и теперь насчитываютъ около 270 такихъ мельницъ въ этомъ округѣ, хотя ихъ стало гораздо меньше, нежели въ эпоху торговаго періода Заанстрека, когда онъ былъ мѣстомъ склада зерноваго хлѣба и масляничныхъ сѣмянъ для части Западной Европы [1]. Нѣкоторыя изъ этихъ мельницъ имѣютъ монументальные размѣры; онѣ исполняютъ разныя назначенія: однѣ мелютъ зерно, другія пилятъ дерево, накачиваютъ насосомъ воду и осушаютъ почву, выдѣлываютъ бумагу, растираютъ краски, приготовляютъ цементъ, моютъ матеріи и выжимаютъ масло изъ полевой рѣпы. Такъ какъ плотины не могутъ уже помѣстить ихъ, то онѣ распространились по полямъ, и всюду виднѣются ихъ своеобразныя постройки. Высокіе мосты соединяютъ оба берега; сады, украшенные кіосками, покрываютъ крутые берега. Сквозь снасти судовъ и листву массивныхъ деревъ виднѣются зеленые, розовые или пестрые фасады домиковъ. Городъ кажется оживленнымъ только со стороны канала; узкая же улица, идущая по верху плотины, относительно-пуста и уединенна. Въ былое время большія ворота, выходящія на улицу, отворялись только для свадебныхъ или похоронныхъ процессій и потому пріобрѣли имя «мертвыхъ воротъ», т.-е. воротъ, въ которыя никогда не входятъ. Опрятность заандамскихъ улицъ не уступитъ знаменитой деревнѣ Брокъ, расположенной посреди польдеровъ, на сѣверо-востокъ отъ Амстердама, и населенной отчасти оставившими дѣла негоціантами. Любопытные посѣщаютъ въ Заандамѣ покосившуюся хижину, въ которой, по преданію, царь Петръ I провелъ 8 дней въ 1697 году, съ цѣлью научиться ремеслу морскаго плотника. Нынѣ ремесло это пало.

Алькмааръ, расположенный среди бывшихъ озеръ, превратившихся въ богатые польдеры, почти по срединѣ Сѣверо-Голландскаго полуострова, представляетъ собою самый большой рынокъ для сбыта сыровъ: онъ продаетъ ихъ ежегодно отъ четырехъ до пяти милліоновъ килограммовъ. Табачная промышленность здѣсь также въ цвѣтущемъ состояніи.

По сосѣдству съ Алькмааромъ на юго-западѣ, находится родовой замокъ графовъ Эгмонтъ; нѣсколько деревень и, между прочимъ, рыбачья деревня Эгмонтъ-ванъ-Зее напоминаютъ собою значительность владѣній, нѣкогда принадлежавшихъ этой фамиліи. На сѣверо-востокъ отъ Алькмаара лежитъ деревня Бергенъ, гдѣ въ 1799 г. англо-русскія войска, высадившіяся близъ Гельдера, были разбиты французами, подъ предводительствомъ генерала Брюна.

Гельдеръ — главный городъ полуострова, расположенный на берегу моря, подъ защитою мощной, вооруженной редутами и цитаделями, плотины, которая ограждаетъ отъ бурь всю сѣверную оконечность Голландіи. Непрерывный рядъ домовъ и каналъ, прорытый вдоль плотины, соединяютъ Гельдеръ съ Ньюведьепскою гаванью, куда изливается судоходный Амстердамскій каналъ; со времени открытія этого судоходнаго пути въ 1819 году народонаселеніе Гельдера увеличилось въ десять разъ. Ньюведьепъ служитъ гаванью - убѣжищемъ: приливы и отливы, происходящіе между моремъ и Зюйдерзее, касаются въ этомъ мѣстѣ берега и даютъ возможность большимъ кораблямъ становиться у самаго материка. Вѣроятно, вслѣдствіе этого сильнаго теченія Гельдеръ и получилъ свое названіе «Helsdeur», т.-е. адскія ворота. Гавань, расположенная на той сторонѣ полуострова, которая обращена къ Зюйдерзее, составляетъ нѣчто въ родѣ дугообразной улицы, защищенной плотиной отъ моря и песковъ. Прежде она была наполнена кораблями, потому что черезъ нее проходила вся громадная морская торговля Амстердама, избирающая нынѣ другой путь. Тѣмъ не менѣе, Ньюведьепъ будетъ всегда имѣть значеніе какъ для мѣстной торговли, такъ и для временнаго пристанища кораблей, захваченныхъ бурею при входѣ въ Зюйдерзее. Сверхъ того, Ньюведьепъ есть одна изъ стоянокъ нидерландскаго военнаго флота; здѣсь находится морской корпусъ. Входъ въ Гельдеръ, между полуостровомъ и Текселемъ, вполнѣ защищенъ фортами и пловучими батареями, такъ что во время войны никакая эскадра не могла бы форсировать проливъ. Въ 1673 году близъ Гельдера произошла морская битва между флотомъ Рюйтера и союзными эскадрами Франціи и Англіи, и Рюйтеръ остался побѣдителемъ.

Энкуйзенъ расположенъ на берегу Зюйдерзее, въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ заливъ съуживается между полуостровомъ Голландіею и Фрисландіею. Это мертвый городъ. Говорятъ, что нѣкогда онъ имѣлъ 40.000 жителей, въ восемь разъ болѣе, нежели въ настоящее время; тысячи судовъ тѣснились въ его гавани; онъ высылалъ на большую рыбную ловлю до 400 судовъ, сопровождаемыхъ 20-ю военными кораблями, и, когда Баренцъ предпринялъ первую полярную экспедицію, Энкуйзенъ снабдилъ его однимъ изъ своихъ кораблей. Но гавань

[1] Киперъ, „Nederlands Toestand“.

засорилась, городъ обѣднѣлъ, а у гражданъ не хватило энергіи, чтобы возвратить потерянныя преимущества, такъ что теперь у него всего какихъ-нибудь 40 рыболовныхъ барокъ. Энкуйзенъ — родина Поля Поттера.

Медембликъ, на сѣверо-западѣ, и Горнъ, на юго-западѣ, носили въ различныя эпохи титулъ столицы, но теперь также въ упадкѣ. Горнъ имѣлъ до 25.000 жителей и до 450 судовъ для рыбной ловли; его красивые, со скульптурными украшеніями, дома свидѣтельствуютъ и теперь о богатствѣ его судовладѣльцевъ XVII вѣка. Въ Горнѣ родился Корнелій Шутенъ, морякъ, который первый обогнулъ южную оконечность Америки. Два корабля, которыми управляли Шутенъ и Яковъ Ле-Меръ, были снаряжены «австралійскою компаніею» въ Горнѣ. Названіе мыса Горна, которое носитъ самая крайняя оконечность Новаго Свѣта, было дано ей 29-го января 1616 г. капитаномъ и его экипажемъ въ память своего славнаго роднаго города [1]). Въ настоящее время этому морскому городу, который считается родиной мореплавателя Тасмана, угрожаетъ опасность потерять море, потому что, по всѣмъ планамъ осушенія Зюйдерзее, Горнскій заливъ долженъ превратиться въ польдеръ. Въ настоящее время одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза этого города составляетъ сыръ, производимый въ его окрестностяхъ. Тотъ же сыръ, вмѣстѣ съ анчоусами и сельдями, доставили извѣстность городамъ Монникендаму и Эдаму, изъ которыхъ послѣдній расположенъ близъ моря, на половинѣ пути отъ Горна къ Амстердаму. Предмѣстье Эдама, Волендамъ, имѣетъ не менѣе 160 рыболовныхъ судовъ. Вся эта страна, покрытая нѣкогда озерами, превращенными впослѣдствіи въ польдеры, необыкновенно плодородна. Тамъ коровы даютъ молока до 30 литровъ въ день и вполнѣ заслужили данное имъ названіе «ходячихъ молочныхъ фонтановъ».

На юго-востокъ отъ столицы, на берегу Зюйдерзее, расположены малонаселенныя мѣстечки Мюнденъ и Наарденъ. Самыя значительныя общины находятся внутри страны: это—Гильверсумъ, гдѣ прядильныя фабрики перемѣшиваются съ загородными домами; Амерсфоортъ, прежде Эмсфоортъ или «бродъ на р. Эмъ», тоже промышленный городъ, родина Барневельда; и большое мѣстечко Никеркъ, создавшее себѣ гавань на Зюйдерзее. Занесенный песками, портъ Гардервикъ, входившій нѣкогда въ составъ Ганзейскаго союза, и который, впрочемъ, и нынѣ нельзя причислить къ разряду мертвыхъ городовъ, расположенъ далѣе къ востоку, уже на восточномъ берегу залива: это мѣсто, куда собираются люди всѣхъ національностей и языковъ, вербующіеся въ индійскую армію. Гардервикская академія, въ которой учились Бургавъ и Линней, была упразднена.

[1]) I. Г. Коль, „Geschichte der Magellanschtrasse".

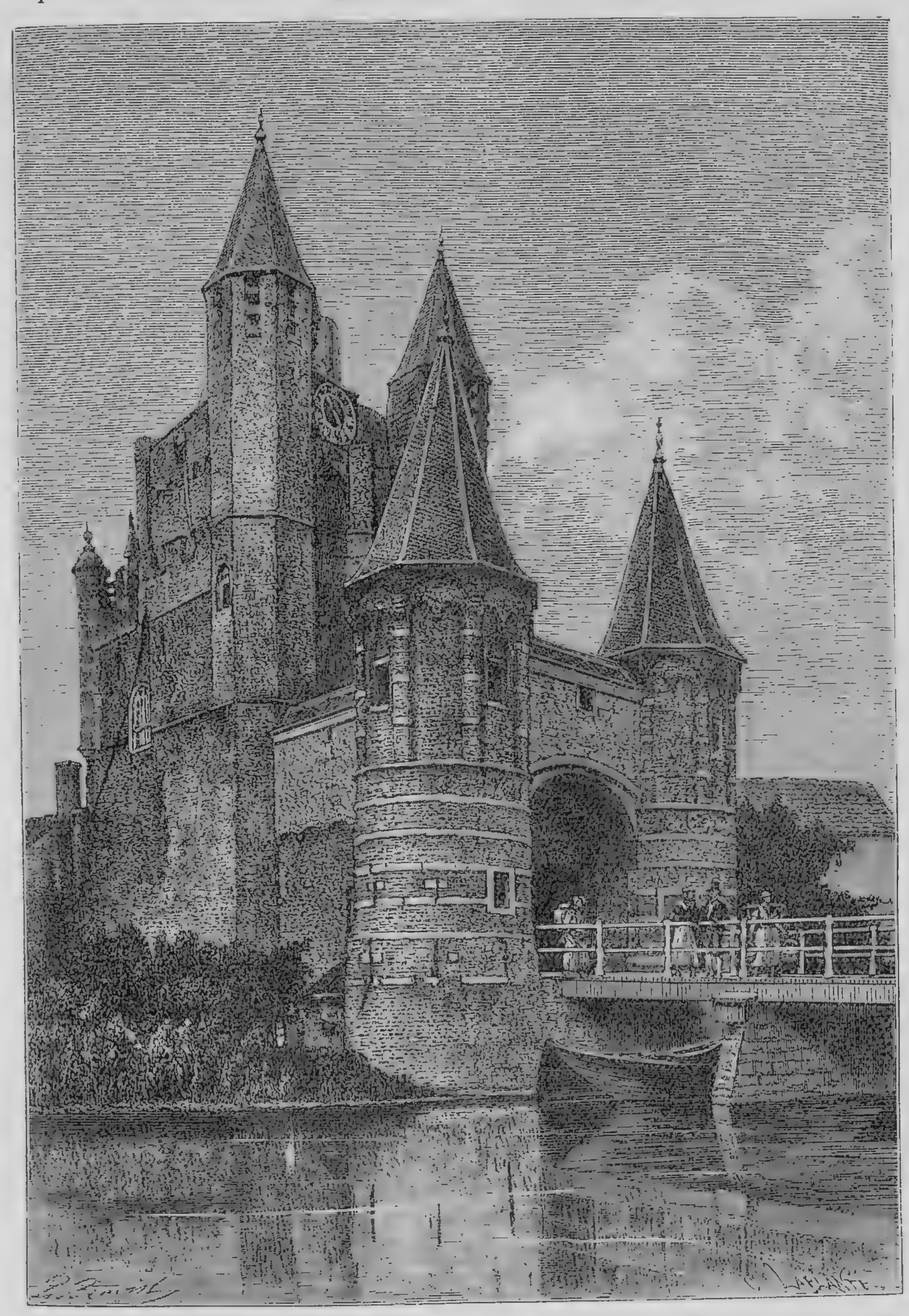
Общины сѣверной Голландіи, съ населеніемъ свыше 5.000 душъ:

Амстердамъ (31 декабря 1896 г.)—494.180 жителей; Гаарлемъ—60.788 жит.; Гельдеръ—25.628 жит.; Гарлеммермеръ—15.300 жит.; Заандамъ—15.000 жит.; Алькмааръ—15.710 жит.; Ньюверамстель—35.116 жит.; Горнъ—11.035 жит.; Гильверсумъ—12.395 жит.; Тексель (островъ)—5.880 жит.; Энкуйзенъ—6.330 жит.; Эдамъ—5.820 жителей.

Иссельскій бассейнъ—восточная вѣтвь рейнской дельты—содержитъ въ себѣ большую часть двухъ восточныхъ провинцій: Гельдера и Оверисселя; но всѣ города ихъ расположены на рѣкѣ, или въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею. Аальтенъ, Винтерсвикъ и Випъ находятся близъ нѣмецкой границы и представляютъ собою большія сельскія общины, имѣющія нѣсколько прядиленъ и ткацкихъ фабрикъ. На западъ отъ Исселя лежитъ Апельдоорнъ, большая деревня съ разбросанными между деревьями домами, получившая въ послѣдніе годы довольно важное значеніе: неподалеку оттуда находится прекрасный королевскій загородный замокъ Лоо, славящійся своими тѣнистыми садами и парками.

Дусборгъ, первый городъ на Исселѣ, находящійся книзу отъ развѣтвленія Рейна, представляетъ собою укрѣпленное мѣсто, съ довольно оживленною торговлей. Зутфенъ, расположенный ниже, также на правомъ берегу Исселя, при впаденіи маленькой рѣчки Беркель значительнѣе Дусборга и интереснѣе по своимъ башнямъ и стариннымъ валамъ. Богатство его вошло въ пословицу. Девентеръ, слѣдующій за Зутфеномъ, пересталъ быть единственнымъ рынкомъ въ округѣ Твенты, но ведетъ еще значительную торговлю и имѣетъ многочисленныя фабрики, между прочимъ, мануфактуру ковровъ. Это одинъ изъ самыхъ живописныхъ городовъ Голландіи: расположенный при соединеніи Исселя съ Шипбеекомъ, онъ вздымаетъ надъ извилистою рѣкою и лугами свои высокія колокольни, башни, остатки стѣнъ, выдержавшихъ упорныя осады, тогда какъ противъ него густыя деревья осѣняютъ лѣвый берегъ рѣки. Цволле, главный городъ провинціи Овериссель, родина Ѳомы Кемпійскаго и живописца Тербурга, не имѣетъ, подобно Девентеру, преимущества стоять на берегу Исселя, но находится въ такомъ близкомъ отъ него разстояніи, что оказалось возможнымъ соединить его съ этою рѣкой, равно какъ и съ рѣкой Вехтъ, посредствомъ глубокаго канала. Городъ, построенный на низкомъ мѣстѣ на берегу Цварте-ватеръ, т. е. черной воды, куда впадаетъ Вехтъ, окрашенный гумусомъ торфяниковъ,—находится, такимъ образомъ, на перекресткѣ судоходныхъ путей; кромѣ того, пять линій

желѣзныхъ дорогъ соединяются на его станціи, обезпечивая ему значительное торговое движеніе. Морская гавань Исселя, Кампенъ, посѣщается множествомъ мелкихъ судовъ, которыя отваживаются на плаваніе по Зюйдерзее, плаваніе болѣе опасное, чѣмъ гдѣ бы то ни было, вслѣдствіе силы западныхъ вѣтровъ. Чтобы доставить судамъ достаточную глубину, пришлось удлиннить оба берега Исселя на три километра въ море посредствомъ моловъ; такимъ образомъ было увеличено болѣе чѣмъ на шесть километровъ и теченіе Цварте-ватера. Въ Кампенѣ есть любопытные памятники старины,—древнія ворота, окруженныя деревь-



Амстердамскія ворота въ Гарлемѣ.

ями и лужайками, двѣ церкви четырнадцатаго столѣтія и ратуша временъ «возрожденія», съ изящнымъ монументальнымъ каминомъ. Огромныя окрестныя деревья, возвышающіяся надъ гладкою, какъ море, равниной, дѣлаютъ издали Кампенъ похожимъ на островъ; но когда говорится объ островѣ Кампенѣ, то имѣется въ виду весь архипелагъ, расположенный въ устьѣ Исселя и составляющій земледѣльческую принадлежность стараго города.

Бассейнъ Вехта, который, не принадлежа прямо къ рейнской системѣ, соединяется въ нижнемъ своемъ теченіи, посредствомъ разныхъ каналовъ, съ дельтой Исселя и заключаетъ въ себѣ малоплодородныя части Оверисселя и Дренты, гдѣ, тѣмъ не менѣе, есть нѣсколько городовъ и даже промышленныхъ центровъ. Таковы: Энщедо, Альмело, Генжело, имѣющіе нѣсколько бумагопрядильныхъ, красильныхъ бѣлильныхъ и другихъ фабрикъ. Благодаря своимъ мануфактурамъ, общины эти далеко превзошли, по своему значенію, сосѣдній городъ, древній Ольдензааль, который, какъ полагаютъ, былъ нѣкогда столицею франковъ салійскихъ. Многочисленныя сельскія общины Оверисселя также густо населены, но разбросаны отдѣльными деревнями на значительномъ пространствѣ, при чемъ ни въ одной изъ этихъ общинъ, каковы: Аверестъ, Дальфсенъ, Гарденбергъ, Геллендоорнъ, Лоннекеръ, Раальтъ, Туббергенъ, Веерсело, Вирденъ и другія менѣе населенныя, нѣтъ агломераціи, которая бы заслуживала названія мѣстечка. Одинъ изъ городовъ провинціи Дренты, прелестный Меппель, находящійся на берегу Цволле, и большая сельская община Гоогевенъ расположены также въ бассейнѣ Вехта.

Внѣ дельты этой рѣки, въ озерной области, расположенной по берегу Зюйдерзее, лежитъ древній укрѣпленный городъ Стенвійкъ, бастіоны котораго теперь обращены въ прекрасные бульвары. Окруженный нѣкогда болотами и ландами, онъ въ настоящее время окаймляется прекрасными воздѣланными пространствами, а въ окрестностяхъ его тянутся знаменитыя земледѣльческія колоніи Фредериксоордъ, Вильгельминасоордъ и Виллемсоордъ, гдѣ сотни семействъ, поселенныхъ здѣсь послѣ голода въ 1816 г., сдѣлались землевладѣльцами. Въ этой же области ландовъ, въ Веенгуйзенѣ и Оммершансѣ, укрѣпленномъ лагерѣ шестнадцатаго столѣтія, были заведены колоніи для сиротъ, нищихъ и осужденныхъ, съ цѣлью исправленія этихъ несчастныхъ земледѣльческимъ трудомъ, т. е. «улучшенія земли при помощи человѣка и человѣка при помощи земли». Но гораздо многочисленнѣе колоніи, основанныя безъ всякой поддержки попечительныхъ обществъ, самими крестьянами, свободный трудъ которыхъ превратилъ ланды въ сады. Самый замѣчательный изъ преобразованныхъ торфяниковъ находится въ большой общинѣ Шотерляндъ—это богатая мѣстность, гдѣ нынѣ возвышается городъ, носящій до сих поръ имя Геереnвеенъ, т. е. «торфяникъ господъ». Первые дома этого города строились в половинѣ шестнадцатаго вѣка. Выбранный мѣстомъ резиденціи штатгальтеровъ, Геереnвеен сдѣлался «Фрисландскою Гаагою», и окрестности прелестнаго владѣнія Оранжвудъ покрылись виллами и парками.

Общины провинцій Утрехтъ, Гельдеръ Дренте и Овериссель, находящіяся въ бассейнах Рейна и Вехта, съ населеніемъ свыше 5.00 душъ:

Провинція Утрехтъ: Утрехтъ (31 дек. 1896 г.) — 96.349 жит. Амерсфоордъ — 15.380 жит. Цейстъ — 6.825 жит.

Провинція Гельдеръ (Gelderland): Арнгемъ—55.074 жит.; Нимвегенъ—38.576 жит.; Зутфенъ—17.800 жит.; Апельдоорнъ—19.275 жит.; Барневельдъ—6.460 жит.; Гардервикъ (Гардевайкъ)—7.300 жит.; Альтенъ—6.580 жит.; Вагенингенъ—6.830 жит.; Эде—11.830 жит.; Реденъ—12.430 жит.; Воорстъ—8.960 жит.; Тіель—9.900 жит.; Винтерсвейкъ—9.325 жит.; Эпе—7.800 жит.; Нейкеркъ—7.430 жит.; Кюленборгъ—6.790 жит.; Брумменъ—6.820 жит.; Дутинхемъ—6.900 жит.; Вишъ—6.080 жит.; Гендрингенъ—5.750 жит.; Бергъ—5.610 жит.; Герде—5.300 жит.; Эльстъ—5.830 жит.; Беммель—5.610 жит.; Ренкумъ—5.240 жит.; Эрмело—5.190 жит.;

Провинція Дренте: Гоогевеенъ—11.600 жит.; Меппель—8.870 жит.

Провинція Овериссель: Цволле—30.165 жит.; Девентеръ — 25.527 жит.; Кампенъ—18.00 жит.; Альмело—8.270 жит.; Стеенвейкъ—5.34 жит.; Стеенвейкервольдъ—6.125 жит.; Гарденбергъ — 9.500 жит.; Генгело — 10.685 жит.; Туббергенъ—6.200 жит.; Авереестъ — 6.550 жит.; Віерденъ—5.830 жит.; Геллендоорнъ—5.790 жит.; Энщеде, съ Лоннекеромъ—15.230 жит.; Раальте—5.650 жит.; Веерсело—5.060 жит.; Дальфсенъ—5.220 жит.

Маленькое селеніе Ставоренъ занимаетъ оконечность Фрисландіи, лежащую противъ Медемблика, въ томъ мѣстѣ, гдѣ съуживается заливъ Зюйдерзее. Это географическое положеніе на одномъ изъ главныхъ угловъ территоріи должно было обезпечить гавани нѣкоторое значеніе, и дѣйствительно Ставоренъ, бывшая столица королевства и самый древній изъ фризскихъ городовъ, былъ въ то же время и богатѣйшимъ городомъ. Моряки его уже съ девятаго вѣка знали путь въ Балтійское море черезъ Зундъ и пользовались тамъ даже свободнымъ проходомъ: единственная дань, которую они должны были платить датскому королю, заключалась въ кускѣ сукна. Ставоренъ входилъ въ составъ Ганзейскаго союза и не боялся воевать съ графами Голландіи и другими могущественными сосѣдями; но песчаные наносы засорили

его гавань, корабли забыли къ нему путь, и Ставоренъ, лишенный всякой торговли, не имѣлъ достаточныхъ средствъ для того, чтобы оправиться отъ опустошившихъ его осадъ и пожаровъ. Съ пятнадцатаго вѣка Ставоренъ сталъ падать. Сѣвернѣе, Гинделоопенъ и Воркумъ представляютъ собою маленькія гавани, куда входятъ только рыбачьи лодки; но городъ Гарлингенъ, находящійся на сѣверо-восточномъ углу Фрисландіи, ведетъ большую торговлю. Здѣсь были вырыты бассейны для пріема большихъ кораблей, приходящихъ изъ Англіи за скотомъ, масломъ, сыромъ, яйцами и другими земледѣльческими произведеніями.

Внутри материка находятся два города: нѣкогда принадлежавшій къ Ганзейскому союзу Больсвардъ и Сникъ; этотъ послѣдній находится близъ бывшаго моря, которое въ настоящее время большею частью обработано; онъ оспаривалъ у Льивардена титулъ фризской столицы.

Франекеръ, главная станція желѣзной дороги, соединяющей Гарлингенъ съ Леуварденомъ, былъ долго университетскимъ городомъ; но, при закрытіи этого учебнаго заведенія въ 1811 году, оно было уже незначительно. Въ окрестностяхъ этого города, находящагося нынѣ въ упадкѣ, родился, въ 1496 г., Менно Симонсъ, основатель секты меннонитовъ, замѣчательной своимъ миролюбіемъ, любовью къ труду, солидарностью членовъ и удивительнымъ благосостояніемъ. Въ странѣ существуютъ еще тысячи меннонитовъ.

Леуварденъ, главный городъ Фрисландіи, носящій титулъ второй резиденціи королевства, есть, въ отношеніи къ числу жителей, одинъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ въ Нидерландахъ: это также одинъ изъ самыхъ большихъ земледѣльческихъ рынковъ, и окрестные поселяне, продавши свои съѣстные припасы, часто запасаются здѣсь золотыми украшеніями, покупая ихъ у многочисленныхъ ювелировъ. Леуварденъ не имѣетъ никакихъ достопримѣчательностей, кромѣ музея древностей, найденныхъ въ окрестныхъ торфяникахъ. Общины вокругъ Леувардена и почти во всей Фрисландіи очень значительны и заключаютъ въ себѣ отъ шести до десяти тысячъ жителей, не сгруппированныхъ въ городѣ или его округѣ, а разсѣянныхъ фермами и селеніями.

Гронингенъ, главный городъ сѣверо-восточной провинціи королевства, есть, на востокѣ отъ Зюйдерзее, одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Нидерландовъ (пятый по числу жителей). Хотя городъ этотъ находится въ 25 километрахъ отъ моря, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ собою портъ, такъ какъ соединяется посредствомъ каналовъ съ заливомъ Долларть, Зюйдерзее и Сѣвернымъ моремъ. Корабли, прежде чѣмъ идти каналомъ Рейтдьеппъ къ городскимъ бассейнамъ, останавливаются на рейдѣ Гронингена, расположенномъ въ лиманѣ Ловерзее, противъ деревни Зуткампъ (движеніе судоходства въ Гронингенскомъ портѣ въ 1892 г.: прибыло 102 груженыхъ морскихъ судна, вмѣстим. 37.000 куб. метр.; вышло 212 судовъ въ 62.000 куб. метр.).

Противъ Ловерзее находится маленькій островъ Ширмонникугъ, который былъ нѣкогда населенъ исключительно моряками, занимавшимися ловлею китовъ. Онъ имѣлъ 70 кораблей въ постоянномъ плаваніи, такъ что изъ 500 человѣкъ, составлявшихъ его мужское населеніе, часто оставалось дома не болѣе тридцати или сорока; теперь торговля его значительно уменьшилась, и жители, сдѣлавшіеся земледѣльцами, увеличиваютъ свои земляные участки посредствомъ плотинъ [1]). Уже съ тринадцатаго вѣка портъ Гронингена былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ по торговлѣ во всей сѣверной Европѣ; его суда, вмѣстѣ съ судами Любека и Бремена, принимали участіе въ крестовыхъ походахъ, въ тринадцатомъ столѣтіи. Гронингенъ велъ торговлю съ островомъ Готландомъ, на Балтійскомъ морѣ, съ Англіей, Швеціей, Голландіей и былъ однимъ изъ городовъ, входившихъ въ составъ Ганзейскаго союза. Въ настоящее время предметы его торговли составляютъ: зерновой хлѣбъ и другія земледѣльческія произведенія, а также лошади и золотыя и серебряныя галантерейныя вещи. Свое благосостояніе, какъ торговый городъ, онъ унаслѣдовалъ и съумѣлъ удержать, но какъ университетскій городъ онъ былъ менѣе счастливъ. Его главная школа, основанная въ 1614 г., имѣла, говорятъ, до 6.000 слушателей; теперь же число ихъ незначительно (въ 1891—92 г. числилось 444 студента).

За исключеніемъ Гронингена и Ассена, маленькаго городка, возведеннаго въ рангъ административнаго центра провинціи Дренте, населеніе общинъ пограничной съ Германіей части Нидерландовъ не группируется въ города и центральныя мѣстечки, а представляетъ разбросанныя группы жилищъ, даже не заслуживающихъ названія деревень. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ маленькихъ городовъ этой мѣстности есть древняя крѣпость Дельфзайль на берегу Долларта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него изливается Гронингенскій каналъ. Портъ этотъ находится противъ Эмдена, съ которымъ и ведетъ довольно значительную торговлю (движеніе судоходства въ Дельфзайлѣ въ 1890 г.: 351 судно, вмѣстимостью 193.000 куб. метр.).

Невдалекѣ отъ Винштотена, другаго пограничнаго торговаго города, находится поле сраженія Гейлигерлее, гдѣ 24-го мая 1568 года произошла первая битва въ войнѣ за независимость, въ которой испанцы были совершенно разбиты, въ память чего воздвигнутъ посреди равнины памятникъ. Въ окрестностяхъ Вин-

[1]) Киперъ, „Notes manuscrites".

шотена на югъ отъ желѣзной дороги, соединяющей его съ Гронингеномъ, находятся самыя замѣчательныя земледѣльческія колоніи, основанныя посреди торфяниковъ. Деревни тамъ состоятъ изъ улицъ въ нѣсколько километровъ длиною, которыя идутъ вдоль канала эксплоатаціи. Такъ двѣ общины Ньеве-Пекеля и Уд-Пекеля тянутся на пространствѣ почти 10 километровъ по берегамъ бывшей рѣчки Пеекель-Аа, превращенной въ настоящее время въ каналъ.

Общины на сѣверо-востокѣ Голландіи, внѣ рейнскаго бассейна, съ населеніемъ свыше 5.000 душъ:

Провинція Дренте: Эмменъ—11.120 жителей; Ассенъ—9.150; Боргеръ—5.860; Одоорнъ—6.260; Смилде—5.170 жителей.

Провинція Фрисландія: Леуварденъ—31.598 жителей; Вестштеллингвертъ—15.000; Опстерландъ—14.530; Тіетверкстерадель — 13.490; Шотерландъ (Геренвенъ)—13.430; Вонсерадеель (Маккумъ)—12.840; Франекеръ—7.145; Вимбритсерадеель — 11.730; Гарлингенъ — 10.200; Менальдумадеель—10.590; Снеекъ—11.470; Ахткарспеленъ — 10.330; Бильдъ—8.880; Оостеллингверфъ—9.020; Смалингерландъ (Драгтенъ)—10.260; Ферведерадеель—8.170; Оостдонгередеель—8.030; Вестдонгерадеель—8.120; Баарадель — 7.880; Дантумадель—7.950; Коллумерландъ—7.330; Гаскерландъ (Журъ)—7.720; Бардерадель — 6.040; Идардерадеель — 5.440; Вольсвардъ — 5.940; Лемстерландъ—5.710 жителей.

Гронингенъ: Гронингенъ — 62.295 жителей; Веендамъ—10.500; Слохтеренъ—9.710; Вильдерванкъ—8.480; Гоогезандъ—8.050; Онстведде—7.950; Виншотенъ—7.060; Дельфзайль—6.580; Ньеве-Пекеля—5.130 жителей.

VI.

Народонаселеніе Нидерландовъ не можетъ сравниться по густотѣ съ населеніемъ Бельгіи или Саксоніи; тѣмъ не менѣе, оно очень значительно по сравненію съ занимаемымъ имъ пространствомъ. Если принять во вниманіе тотъ фактъ, что шестая часть территоріи покрыта водою, что еще большая часть поверхности состоитъ изъ торфяниковъ и такъ называемыхъ «колышущихся луговъ», то становится удивительнымъ, какъ могутъ помѣщаться на столь незначительномъ обитаемомъ пространствѣ Голландіи слишкомъ четыре съ половиной милліона ея населенія. Дренте, провинція голыхъ ландовъ, не имѣетъ и 50-ти человѣкъ жителей на каждый квадратный километръ, въ прочихъ провинціяхъ восточныхъ Нидерландовъ также далеко не приходится въ среднемъ выводѣ по одному человѣку на гектаръ; между тѣмъ какъ въ трехъ провинціяхъ: Утрехтѣ, Сѣверной Голландіи и Южной Голландіи, поверхность которыхъ составляетъ немного больше пятой части всей территоріи, живетъ около двухъ милліоновъ человѣкъ, т. е. двѣ пятыхъ всего населенія Голландіи. Въ этой плотно населенной области, гдѣ приходится болѣе 200 человѣкъ жителей на каждый квадратный километръ, и ежегодное возрастаніе народонаселенія всего значительнѣе, потому что въ ней находится пять главныхъ городовъ королевства: Амстердамъ, Роттердамъ, Гаага, Утрехтъ и Лейденъ. Въ Голландіи такъ же, какъ и во всѣхъ государствахъ Европы, города все болѣе и болѣе увеличиваются на счетъ деревень; они заключили въ своихъ стѣнахъ уже болѣе трети жителей, и если будутъ продолжать возрастать въ такой пропорціи, то скоро половина населенія Голландіи превратится въ горожанъ. Въ однихъ только 12 главныхъ городахъ страны насчитывается свыше 1.000.000 жителей.

Населеніе провинцій Нидерландовъ (по новому кадастру и по послѣдней народной переписи, 1889 г.).

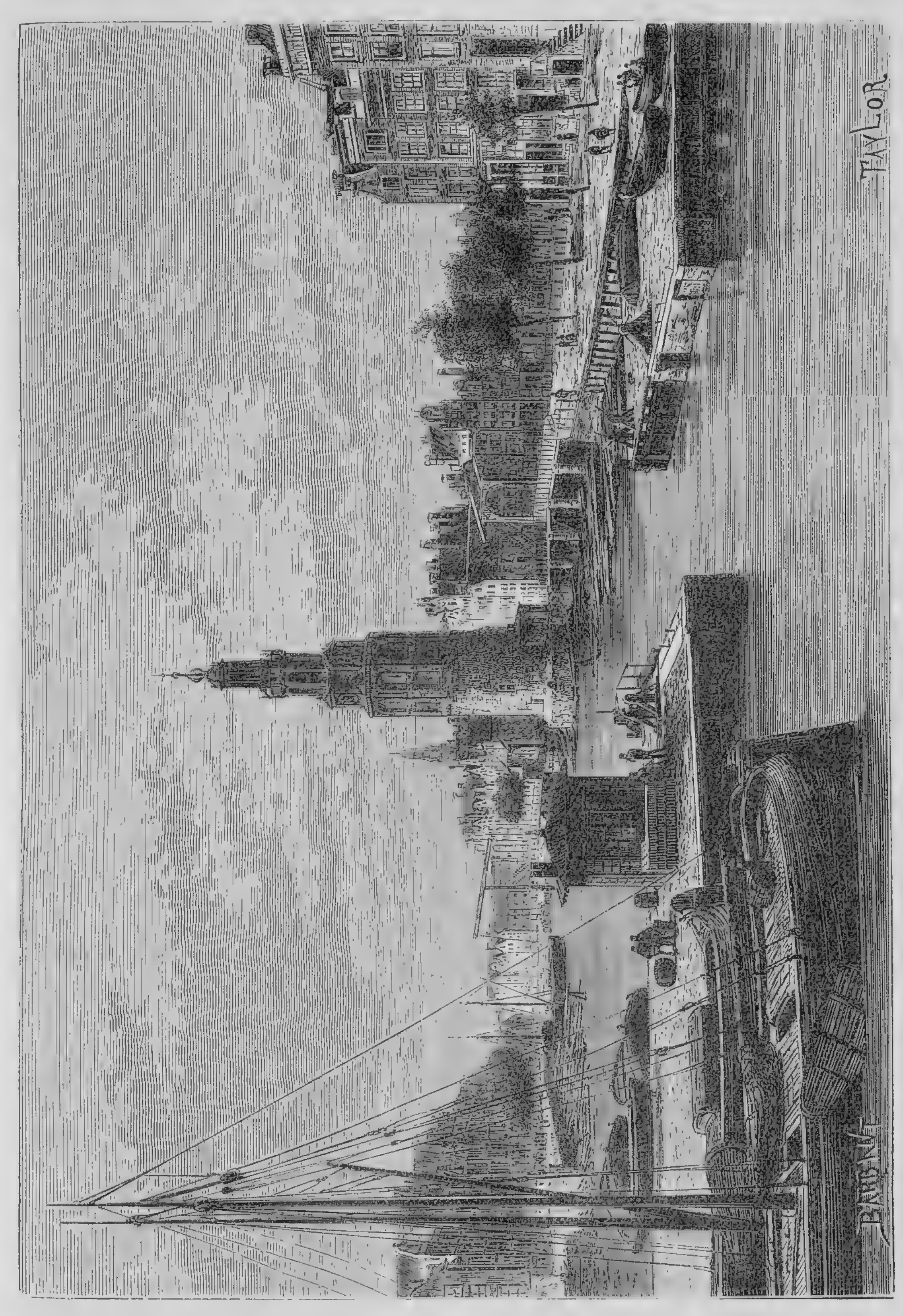
	Пространство.	Населеніе 31 декабря 1889 года.	Среднее число жителей на 1 кв. километръ.
	кв. кил.	жит.	жит.
Гронингенъ	2343,84	272.786	116
Фрисландія	3306,87	335.558	101
Дренте	2652,38	130,704	49
Оверисссель	3319,38	295.445	89
Гельдерландъ	4934,31	512.202	104
Утрехтъ	1384,70	221.007	160
Сѣверная Голландія	2756,33	829.489	301
Южная Голландія	3010,90	949.641	315
Зеландія	1767,23	199.234	113
Сѣверный Брабантъ	4859,73	509.628	104
Лимбургъ	2202,59	255.721	116
Всего	32538,27	4.511.415	137

По исчисленію, цифра народонаселенія 31-го декабря 1896 г. опредѣлилась въ 4.928.658 душъ.

Ежегодное увеличеніе народонаселенія составляетъ болѣе одной сотой и происходитъ почти исключительно отъ перевѣса числа рожденій надъ смертностью. Средняя жизнь однако не очень продолжительна — приблизительно 38 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ [1]), т. е. короче, чѣмъ у норвежцевъ и у другихъ скандинавовъ, у англичанъ, французовъ и бельгійцевъ. Да иначе и быть не можетъ въ странѣ, усѣянной столькими болотами и изрѣзанной каналами, съ мутной водою. Если бы не замѣчательная опрятность жителей и не общее благосостояніе, дающее имъ возможность употреблять хорошую пищу,—смертность между ними была бы еще значительнѣе; и нѣкоторыя прибрежныя страны сдѣлались бы почти необитаемыми, подобно мареммамъ Италіи. Всѣ самыя здоровыя части

[1]) Г. К. Ломбаръ, „Traité de climatologie médicale“

Голландіи удалены отъ моря, и провинція съ наименьшею смертностью есть именно Дрепте, гдѣ такое большое пространство занимаютъ равнины и луга. Самыя же нездоровыя — это



Колькмарктъ въ Амстердамѣ.

низменныя мѣстности по берегамъ морей и устьямъ рѣкъ: двѣ провинціи собственно Голландіи, гдѣ народъ тѣснится въ большихъ городахъ, и острова Зеландіи, окруженные со всѣхъ сторонъ водами лимановъ. Въ этой странѣ морскаго прибрежья и острововъ указываютъ много городовъ со смертностью въ 40 и 50 человѣкъ на тысячу; въ первый годъ жизни смерть уноситъ почти треть дѣтей [1]). Малярія похищаетъ гораздо больше жертвъ въ Нидерландахъ, чѣмъ въ бельгійской Фландріи. Правда, лѣтнія жары рѣдко бываютъ настолько

[1]) „Sterfte, Atlas van Nederland".

сильны, чтобы породить эпидеміи или развить лихорадки злокачественнаго вида, но перемежающіяся лихорадки ослабляютъ организмы и дѣлаютъ ихъ легкою добычею смерти. Лихорадки эти сдѣлались эндемическими во всѣхъ частяхъ Голландіи, гдѣ глинистая подпочва не пропускаетъ воды. Зато случаи чахотки гораздо рѣже въ Голландіи, нежели въ другихъ сѣверныхъ странахъ Европы: Бельгіи, Англіи, Скандинавіи.

Удивительная опрятность голландцевъ проявляется не только въ ихъ жилищахъ, но и на ихъ земледѣльческихъ орудіяхъ и даже на обрабатываемыхъ ими поляхъ. Обозрѣвая съ высоты какой-нибудь плотины или съ колокольни эти ровные прямоугольники польдеровъ, перерѣзанные правильными канавами, соединенные тамъ и сямъ мостами, окаймляемые по сторонамъ дорожками, изумляешься при мысли о громадности положеннаго труда и объ удивительномъ порядкѣ, который человѣкъ съумѣлъ водворить въ нѣкогда безформенной природѣ, гдѣ были перемѣшаны между собою вода и земля. Зеландская Фландрія, острова лимановъ Мааса, провинціи собственно Голландіи, большая часть Утрехта, Гельдера, Оверисселя, Фрисландіи, нѣкогда представлявшіе собою хаосъ озеръ и болотъ, превратились нынѣ въ громадную «сельскую Венецію»[1], гдѣ каждый островокъ культуры былъ поднятъ надъ уровнемъ водныхъ или болотистыхъ пространствъ трудомъ человѣка, подобно тому, какъ были искусственно повышены илистыя отмели, на которыхъ воздвиглись венеціанскіе дворцы. Въ то время, когда началась война за освобожденіе отъ Испаніи, обрабатываемая территорія возставшихъ провинцій составляла, по словамъ Яна Витта, всего только четыре тысячи гектаровъ, а произведеній ея едва хватало для прокормленія самихъ земледѣльцевъ [2]); впрочемъ, свидѣтельство это могло относиться, очевидно, только къ небольшой части нынѣшней Голландіи.

Почва Нидерландовъ не совсѣмъ еще покорена земледѣліемъ: пятая часть ея состоитъ изъ ландовъ и торфяниковъ, а большія илистыя пространства, идущія вдоль внѣшней стороны прибрежья и открывающіяся два раза въ день при морскомъ отливѣ, не пріобрѣтены еще человѣкомъ въ свое владѣніе. Единственно плодородныя отъ природы наносныя земли Нидерландовъ, находящіяся по берегамъ рѣкъ и по близости моря, занимаютъ всего около 1.500.000 гектаровъ, т. е. немного менѣе половины всей территоріи: это область, изъ которой культура распространяется на сосѣднія земли, преобразовывая ихъ постепенно въ плодородныя поля. Во время сѣнокоса владѣльцы бывшихъ торфяниковъ, превращенныхъ въ луга, не находятъ въ странѣ достаточнаго количества косцовъ и принуждены употреблять въ дѣло руки ганноверскихъ эмигрантовъ, которые приходятъ наниматься толпами. Между торфяниками есть и такіе, которые обработаны для производства тростника, и доходъ съ которыхъ равняется доходу съ лучшихъ луговъ; тростникъ этотъ употребляется для выдѣлки цыновокъ, которыя служатъ частью для мѣстнаго потребленія, частью и для вывоза. Тѣмъ не менѣе, надо удивляться, что голландцы такъ усердно занимаются о-воеваніемъ у моря топкихъ илистыхъ пространствъ, которыя приходится ограждать дорого стоющими плотинами, когда есть около 700.000 гектаровъ, которые легко было бы присоединить къ земледѣльческой территоріи, если не культурой въ собственномъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ насажденіемъ деревьевъ. Лѣса занимаютъ въ Голландіи еще очень небольшое пространство, едва покрывая четырнадцатую часть территоріи. Въ 1881 г. въ Дрентѣ было всего только 8.640 гектаровъ, засаженныхъ лѣсомъ, а въ провинціи Гронингенъ не болѣе 1.200 гектаровъ. А между тѣмъ Голландія, одна изъ бѣднѣйшихъ лѣсомъ странъ Европы, болѣе другихъ употребляетъ дерева на свои плотины, сваи, суда, дома, и нигдѣ не требуется столько фашинника для настилки подъ основанія защитныхъ насыпей. Самыя значительныя насажденія, состоящія изъ дуба, бука, ели, сосны, сдѣланы въ ландахъ Велюве, къ западу отъ Исселя, и молодой лѣсъ тамъ заботливо оберегается; но внѣ Гельдерна и Сѣвернаго Брабанта дѣло облѣсѣнія подвигается медленно, ланды расчищаются только для того, чтобы дать пройти плугу, и если земледѣліе завладѣваетъ ими, то это дѣлается скорѣе неутомимымъ трудомъ крестьянина «zandboer», т. е. «воздѣлывателя песковъ», нежели стараніями богатыхъ собственниковъ [1]). Въ южной Голландіи обезлѣсѣніе продолжается.

Большое протяженіе луговъ, которые слишкомъ часто бываютъ покрыты стоячими водами, но не получаютъ достаточно ирригаціонной воды, оставляетъ мало мѣста пахатнымъ полямъ. За исключеніемъ гористыхъ областей, нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ бы пашни занимали меньшую, относительно, площадь. Голландія производитъ мало зерноваго хлѣба, и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ земледѣльцу пшеница почти неизвѣстна. Онъ сѣетъ больше рожь, которая даетъ обыкновенный хлѣбъ деревенскихъ жителей и даже большаго числа горожанъ; картофель, также играющій важную

[1]) Эмиль-де-Левеле, „La Néderlande, Etude d'économie rurale".

[2]) Лотропъ Мотлей, „Histoire de la fondation de la république des Province-Unies des Pays-Bas".

[1]) Эмиль-де-Лавеле, „La Néderlande, Etude d'economie rurale".

роль въ общественномъ продовольствіи, составляетъ одно изъ главныхъ земледѣльческихъ произведеній Голландіи. Культура сурѣпы или кользы (рапсъ) имѣетъ весьма важное значеніе, особенно въ Фрисландіи, гдѣ она была извѣстна еще въ доисторическія времена, такъ какъ стручки этого растенія были найдены подъ однимъ изъ холмовъ, насыпанныхъ первыми обитателями страны надъ затопленными водою равнинами. Ленъ, конопля и табакъ также принадлежатъ къ числу промышленныхъ растеній, воздѣлываемыхъ на плодородныхъ земляхъ Голландіи, а сады на наносной почвѣ производятъ въ изобиліи яблоки, сливы и вишни, очень цѣнимыя на лондонскомъ рынкѣ. Въ садахъ Гаарлема и многихъ другихъ городовъ низменной части страны разводятся цвѣты и кустарники, а также производятся овощи, и плоды другихъ климатовъ, какъ, напримѣръ, винныя ягоды и виноградъ. Но сколько нужно труда, чтобы дать растенію надлежащую почву, пищу и свѣтъ! Голландія есть по преимуществу страна туковъ и «компостовъ»: нигдѣ не умѣютъ такъ хорошо смѣшивать глину, песокъ, степную землю, грязь изъ водосточныхъ каналовъ, жидкія нечистоты городовъ; въ земледѣліи установляется все болѣе и болѣе правильный сѣвооборотъ.

Поверхность земледѣльческой территоріи Голландіи въ 1881 году:

Естественные луга—1.127.560 гектаровъ; искусственные—164.698 гект.; хлѣбныя поля—710.540 гект.; плодовые сады и огороды—32.638 гект.; культуры промышленныхъ растеній—54.167 гект.; лѣса — 223.903 гект.; залежи—17.120 гект.; необработанныя земли—716.720 гектаровъ [1]).

При богатствѣ луговъ, Голландія обладаетъ весьма большимъ количествомъ домашнихъ животныхъ, и нѣкоторыя изъ ея породъ славятся своими достоинствами. Зеландскія лошади, массивныя животныя, которыхъ фермеры пускаютъ въ галопъ на мѣстныхъ скачкахъ, крупнѣе даже фламандскихъ лошадей; онѣ въ большой мѣрѣ участвовали въ созданіи шотландской породы «Clydesdale» и тѣхъ громадныхъ ломовыхъ лошадей, которыхъ держатъ англійскіе пивовары. Съ другой стороны, фризскій островъ Амеландъ выкармливаетъ на своихъ дюнахъ лошадей совершенно другаго рода: сухопарыхъ, ретивыхъ, тонконогихъ, въ которыхъ признаютъ потомковъ андалузскихъ жеребцовъ, приведенныхъ сюда испанцами. Фризскіе вороные рысаки, съ длинною, выгнутою шеей, славятся во всей Голландіи. Гельдерская порода соперничаетъ въ изяществѣ съ лошадьми Ольденбурга и Голштиніи; но кажется, что въ послѣдніе годы она значительно выродилась вслѣдствіе скрещиваній. Голландія вывозитъ ежегодно свыше 10.000 лошадей.

Коровы чистой голландской породы, составляющія гордость и славу скотоводовъ, замѣчательны крупными размѣрами тѣла, относительно малой величиной головы и тонкими рогами; отъ этихъ коровъ произошелъ англійскій скотъ съ короткими рогами—«shorthorns», тогда какъ Шотландскіе эйрширскіе волы обязаны своимъ происхожденіемъ дрентской породѣ. Въ провинціи Сѣверной Голландіи молоко превращаютъ преимущественно въ сыръ, въ Южной же Голландіи и въ Фрисландіи производится больше масло, и всѣмъ извѣстно, какой степени совершенства достигли нидерландцы въ производствѣ этихъ продуктовъ, которые отлично сохраняются на морѣ, и которые по большей части предназначаются для лондонскаго рынка и для морскихъ запасовъ. Громадныя овцы, которыхъ голова и ноги едва виднѣются изъ-за густаго руна, даютъ также молоко, изъ котораго выдѣлываютъ жирный сыръ, очень цѣнимый въ самой Голландіи.

Благодаря своему скоту и его продуктамъ, Нидерланды пользуются относительно гораздо болѣе значительными земледѣльческими доходами, чѣмъ Франція и даже Британскіе острова, хотя ихъ ланды и торфяники значительно уменьшаютъ цѣнность гектара земли. Въ 1860 г. Э. де-Лавелэ оцѣнивалъ земледѣльческій доходъ Нидерландовъ въ полмилліарда франковъ; но съ тѣхъ поръ доходъ этотъ сильно увеличился: относительно хлѣбовъ, по оффиціальной статистикѣ, онъ болѣе чѣмъ удвоился. Цифра въ шесть милліардовъ, до которой доходила тогда стоимость всего земледѣльческаго пространства Голландіи, безъ сомнѣнія, возросла, такъ какъ изъ 100 милліоновъ сбереженій, дѣлаемыхъ каждый годъ голландскими земледѣльцами отъ продажи своихъ произведеній за границу, весьма значительная часть посвящается расширенію полей и улучшенію ихъ обработки [1]).

Вывозъ масла и сыра въ 1882 году:

Масла—36.050 тоннъ, на сумму—60.566.870 франк.; сыра — 28.058 тоннъ, на сумму — 20.622.810 франковъ.

Количество домашнихъ животныхъ въ Голландіи въ 1893 году:

Лошадей—265.400; крупнаго рогатаго скота—1.485.800; овецъ—688.400; козъ—164.500; свиней—571.000.

Цѣнность земледѣльческихъ произведеній Голландіи въ 1880 году:

Растительные продукты—220.000.0000 фр.; молоко, масло, сыръ—170.000.000 франковъ; мясо, скотъ, шерсть—91.000.000; всего—481.000.000 франковъ.

[1]) „Jaarcyfers over 1882 en vorige Jaren“.

[1]) Von Gorinchem, „Aus allen Welttheilen“, oct. 1877.

Въ Голландіи сохранилось еще много слѣдовъ старинной формы общиннаго землевладѣнія. Въ средніе вѣка вся территорія Дренте была нераздѣльною собственностью жителей, и ни одинъ клочекъ ея не могъ быть отчужденъ. Богатые общинники уничтожили нераздѣльность земель въ свою пользу, и теперь старыя «мархіи» быстро исчезаютъ. Въ 1828 г. онѣ занимали еще въ Дрентѣ пространство въ 126.400 гектаровъ, тогда какъ въ 1868 году этотъ порядокъ землевладѣнія примѣнялся уже только къ 33.000 гектаровъ; однако, и послѣ раздѣла, почти вся эта территорія осталась предметомъ общаго пользованія въ отношеніи пастьбы скота. Воздѣланная часть мархіи, извѣстная подъ названіемъ esch, т. е. «землі-кормилицы», представляетъ одно обширное поле, безъ всякихъ пересѣкающихъ дорогъ, такъ что собственники должны всѣ въ одно время пахать, сѣять и жать, чтобы не попортить другъ другу земли или урожая. Хотя состоящее изъ собственниковъ, имѣющихъ каждый свои особые интересы, это общество называется de boer, т. е. «крестьянинъ», какъ будто это одинъ человѣкъ. Впрочемъ, оно составляетъ общину въ общинѣ, самоуправляющуюся и свободно избирающую своихъ делегатовъ. Недавно еще, по трубному сигналу, послѣдніе собирались подъ открытомъ небомъ, подъ тѣнью дубовъ или на лугу [1]).

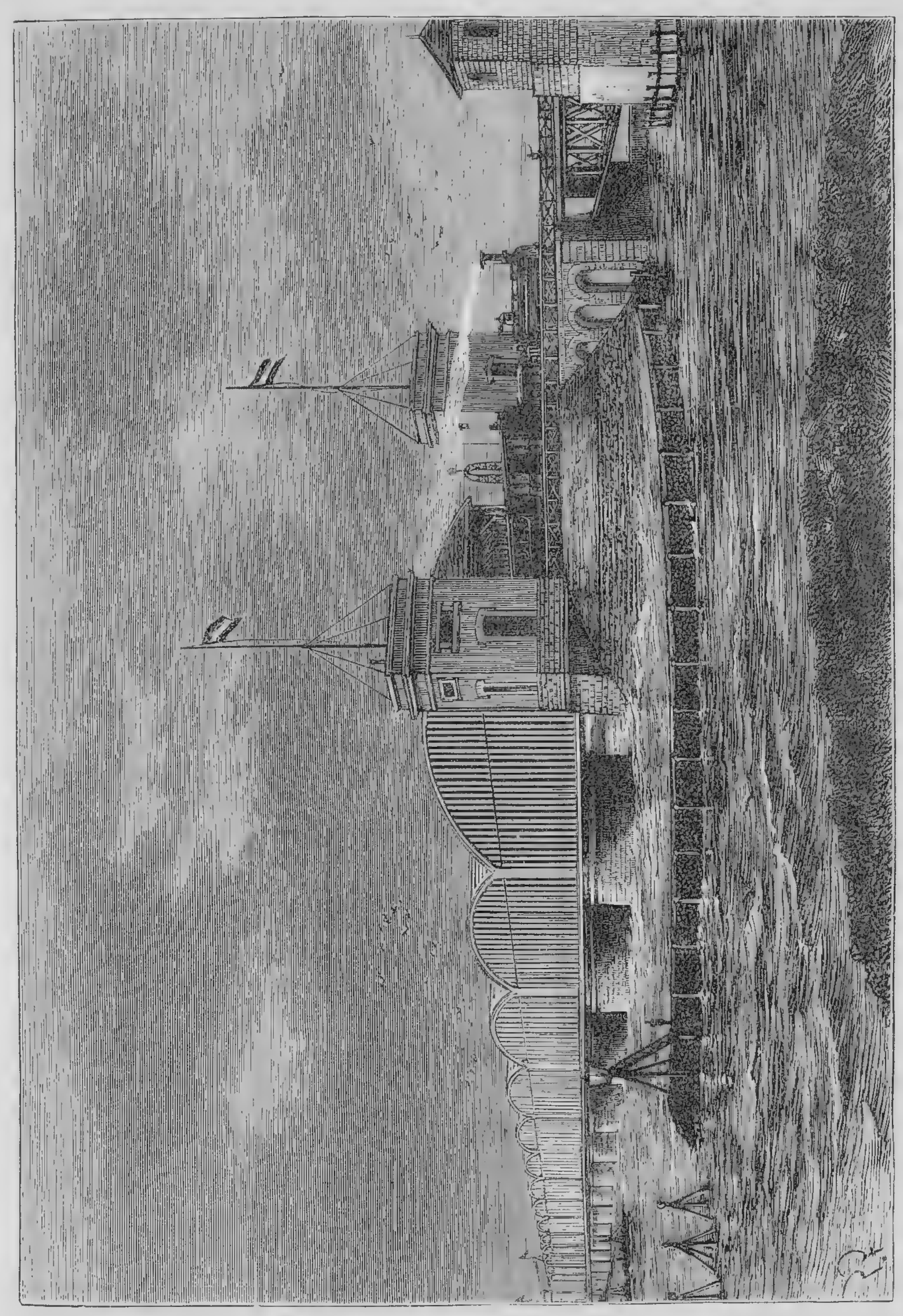
У самыхъ воротъ Амстердама земли Гопланда составляютъ коллективную собственность мѣстныхъ домохозяевъ, и каждый изъ этихъ общинниковъ можетъ содержать на нихъ семь головъ скота. Въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., вокругъ многихъ городовъ Оверисселя, земля составляетъ общую собственность лишь извѣстнаго числа привилегированныхъ наслѣдственныхъ владѣльцевъ. Есть также владѣнія, раздѣленныя на столько равныхъ частей, сколько членовъ въ общинѣ, и части эти переходятъ поочередно отъ одного къ другому, такъ что черезъ извѣстное число лѣтъ всѣ части общей собственности перебываютъ въ пользованіи у каждаго. Всѣ эти различныя формы землевладѣнія близки къ исчезновенію, но есть одна форма, которая, напротивъ, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе: это beklem regt. Въ провинціи Гронингенъ большая часть земель имѣетъ двухъ владѣльцевъ: прежняго хозяина, отдавшаго имѣніе нѣкогда въ аренду, но не могущаго взять его обратно, и фермера, который, платя опредѣленную аренду, можетъ передать имѣніе въ другія руки, не только по наслѣдству, но даже посредствомъ продажи его въ цѣломъ объемѣ или по частямъ. Это совершенно то же, что эмфитеотическія земли древняго римскаго права [2]). Таковъ обычай beklemming'а, который, впрочемъ, разнится по округамъ въ подробностяхъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ традицій и разъясненій юристовъ. Прежде собственники могли отказывать арендатору, по прошествіи десяти лѣтъ, не иначе, какъ давъ ему удовлетвореніе, что мало-помалу сдѣлало фермерство наслѣдственнымъ, и обычай пріобрѣлъ силу закона. Слѣдствіемъ этого было то, что земледѣліе провинціи Гронингенъ стало однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ не только въ Голландіи, но и во всемъ мірѣ. Beklemde meijer практиковалъ посѣвъ рядами и молотилъ зерно машинами гораздо ранѣе англичанъ: онъ не ждетъ, чтобы улучшенія приходили къ нему извнѣ, а примѣняетъ ихъ самъ. Однако, доходы фермеровъ были столь значительны, особенно съ тѣхъ поръ, какъ они стали отправлять свои земледѣльческіе продукты въ большомъ количествѣ на лондонскій рынокъ, что многіе изъ арендаторовъ удалились отъ дѣлъ, чтобы жить рантьерами, отдавая свою землю въ наймы подъ-арендаторамъ, которыхъ они могутъ удалять по желанію. Обрабатывающимъ землю приходится платить посреднику вдвое, для того чтобы послѣдній могъ вносить ренту, назначенную номинальнымъ собственникомъ [1]).

Какъ страна промышленная, Голландія далеко не занимаетъ того положенія, какимъ она пользуется въ качествѣ страны земледѣльческой. Лимбургскія каменноугольныя копи недостаточны для снабженія топливомъ многочисленныхъ заводовъ. Залежей металловъ в ней также нѣтъ. Главныя минеральныя богатства, даваемыя ей почвою,—это эрратическіе камни ландовъ, пески дюнъ и различные роды глины, изъ которой она выдѣлываетъ посуду и твердые звонкіе кирпичи (klinkers), которыми вымощены ея дороги. Тѣмъ не менѣе промышленный трудъ, необходимый для содержанія богатаго голландскаго населенія, значителенъ, о чемъ свидѣтельствуютъ уже многочисленныя разсѣянныя по странѣ вѣтреныя мельницы, употребляемыя для разнаго рода работъ. Крупную промышленность въ Голландіи представляютъ въ особенности бумагопрядильни Твенты, близъ нѣмецкой границы, и суконныя фабрики Тильбурга и другихъ городовъ Сѣвернаго Брабанта. Уже болѣе полустолѣтія какъ Нидерланды, получавшіе до того времени всѣ шерстяныя ткани изъ Англіи, освободили свою шерстяную промышленность отъ этой зависимости, и теперь производство обыкновенныхъ суконъ таково, что удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ и даже даетъ возможность вывоза, преимущественно въ сѣверную Европу, между прочимъ,

[1]) Э. де-Лавеле, „La Néderlande, Etudes d'economie rurale".
[2]) Эрнестъ Дежарденъ, „Notes manuscrites".

[1]) Э. де Лавеле, „La Néderland"; —Гаваръ, „La Hollande pittoresque, Les frontières menacées".

и въ Брюссель, который, хотя и находится по сосѣдству съ Вервье, тѣмъ не менѣе потребляетъ значительное количество голландскихъ шерстяныхъ тканей [1]). Городъ Лейденъ, нѣ-



Мурдійскій мостъ.

когда представлявшій столь значительный центръ фабрикаціи суконъ, снова принялся за одну изъ отраслей своей прежней промышленности, за изготовленіе шерстяныхъ одѣялъ. Что касается Маастрихта, находящагося по сосѣдству съ Льежемъ почти въ предѣлахъ Бельгіи, то онъ участвуетъ въ промышленности сосѣдней страны своими стеклянными и машиностроительными заводами. Въ Шидамѣ и другихъ городахъ Голландіи существуютъ громадные винокуренные заводы, потребляю-

[1]) Альфредъ Мюллендеръ, „Exposition de Philadelphie, Rapport sur l'industrie lainière".

щіе большое количество ячменя, доставляемаго мѣстными земледѣльцами или ввозимаго изъ-за границы. Такъ въ 1882 г. было ввезено ячменя въ Голландію на сумму 20.682.900 франковъ.

Многіе изъ промысловъ Голландіи относятся къ судоходству и рыбной ловлѣ. Извѣстно, что флотъ Голландіи нѣкогда былъ самымъ могущественнымъ въ мірѣ, и сельди составляли одинъ изъ главныхъ, если не самый главный элементъ благосостоянія, а слѣдовательно, славы и политическаго вліянія. «Амстердамъ», говоритъ пословица, «былъ построенъ на хребтѣ селедки». Теперь судостроеніе и рыболовство, хотя и не играютъ столь значительной роли въ національной жизни, какъ прежде, тѣмъ не менѣе занимаютъ большое число рабочихъ, не считая собственно моряковъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, до навигаціоннаго эдикта Кромвеля, изданнаго въ 1652 г., и запрещающаго иностраннымъ судамъ ввозъ колоніальныхъ продуктовъ въ Англію, коммерческій флотъ Нидерландовъ состоялъ изъ 16.000 судовъ, вмѣстимостью въ 900.000 тоннъ, т. е. равнялся флотамъ всѣхъ другихъ народовъ, вмѣстѣ взятымъ. Еще въ 1850 г. онъ занималъ четвертое мѣсто, но съ тѣхъ поръ многія страны превзошли Голландію въ этомъ отношеніи, на что имъ давали право большее протяженіе ихъ береговъ и цифра населенія. Ее опередила даже Норвегія, несмотря на то, что она населена далеко не такъ густо. Теперь главное богатство Голландіи составляетъ земледѣліе, а не морская торговля, какъ прежде.

Во времена своей гордой республиканской свободы Голландія стояла во главѣ всѣхъ народовъ въ отношеніи торговой иниціативы, но съ тѣхъ поръ были періоды, когда ея торговыя сношенія съ заграницею сводились почти къ нулю. Въ прошломъ столѣтіи, дифференціальныя пошлины устранили ея корабли изъ многихъ портовъ; затѣмъ, во время присоединенія ея къ Французской имперіи, она утратила свои колоніи въ Индіи; суда ея гнили въ бассейнахъ Амстердама. Но политическія событія и соперничество иностранныхъ народовъ были не единственною причиною упадка внѣшней торговли Голландіи: ему значительно способствовали также рутина и монополія, данная нѣкоторымъ компаніямъ. Что касается рыбной ловли, то она была убита именно данными ей привилегіями, сопряженными со всякаго рода правилами и ограниченіями. Въ то время, какъ нидерландскіе рыболовы продолжали получать преміи за ловлю и соленіе сельдей согласно съ предписанными формами, англійскіе моряки, свободные отъ всякихъ стѣсненій и кромѣ того находящіеся ближе къ сельдянымъ отмелямъ у береговъ Шотландіи, могли доставлять рыбу по болѣе дешевой цѣнѣ и постепенно завладѣвали рынками. Впрочемъ, въ послѣднее время рыболовство снова поднялось, и возникъ новый промыселъ — разведеніе устрицъ. Искусственныя устричныя мели, заведенныя въ лиманахъ Зеландіи, дали изумительные результаты. Вывозъ соленыхъ сельдей въ 1882 г.: 140.000 бочекъ по 715 штукъ. Общее потребленіе устрицъ въ 1881 г.: 21.843.000 штукъ. Вывозъ въ Англію 10.788.000 штукъ.

Несмотря на относительный упадокъ, внѣшняя торговля Голландіи, принимая во вниманіе цифру народонаселенія, является одною изъ самыхъ дѣятельныхъ въ свѣтѣ; если нидерландскій флотъ уменьшился, то приморскіе города, тѣмъ не менѣе, ведутъ нынѣ болѣе обширную заграничную торговлю, чѣмъ въ самое цвѣтущее время, когда городамъ этимъ принадлежала привилегія транспорта для другихъ націй. Господство монополіи давно кончилось, и транзитная отправка товаровъ производится безъ затрудненій и безъ платежа таможенныхъ пошлинъ. Съ половины нынѣшняго столѣтія общее движеніе торговаго обмѣна, какъ черезъ сухопутныя границы, такъ и въ портахъ Голландіи, болѣе чѣмъ утроилось и выражается теперь по одной только спеціальной торговлѣ почти тремя милліардами гульденовъ.

Спеціальная торговля Нидерландовъ въ 1896 г.: ввозъ — 1.634.900.000 гульденовъ; вывозъ—1.337.400.000 гульденовъ. Доля внѣшней торговли въ 1881 г. на каждаго француза—223 франка; доля внѣшней торговли въ 1881 г. на каждаго голландца—901 франкъ.

Всего больше сношеній у Голландіи, конечно, съ ея старой соперницей Англіей и съ сосѣдками, Германіей и Бельгіей; Франція стояла бы уже послѣ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, если бы не нужно было принимать во вниманіе тотъ фактъ, что значительная часть французскихъ товаровъ идетъ черезъ Бельгію и слѣдовательно причитывается къ торговлѣ съ Бельгіей. Сношенія Голландіи ведутся преимущественно при помощи англійскихъ судовъ, такъ какъ желѣзо для постройки кораблей и каменный уголь для топки пароходовъ въ Англіи дешевле, чѣмъ въ Нидерландахъ. Общее движеніе судоходства по ввозу въ 1882 г.— 11.114.000 тоннъ; общее движеніе судоходства по вывозу—5.331.000 тоннъ.

Отношеніе пароходовъ къ парусным судамъ: по числу судовъ — 67,34 на 100, по тоннажу—81,88 на 100.

Коммерческій флотъ Голландіи 1 января 1896 г.: 612 судовъ, вмѣстимостью въ 835.705 куб. метровъ (въ томъ числѣ 172 парохода въ 555.817 куб. метр.).

Что касается внутренняго судоходства по рѣкамъ, морскимъ рукавамъ и каналамъ, то о немъ съ трудомъ могутъ составить себѣ понятіе въ другихъ странахъ Европы. Каждый го-

родъ нижнихъ Нидерландовъ, даже расположенный совершенно среди суши, является, благодаря своимъ каналамъ, гораздо болѣе значительнымъ центромъ навигаціи, чѣмъ многіе приморскіе города. Такъ, въ бассейнахъ многихъ внутреннихъ городовъ, каковы Гуда, Гаарлемъ, Утрехтъ, за годъ перебываваетъ до 30.000 судовъ. Въ деревняхъ цѣнность перевозокъ водою ускользаетъ отъ всякой статистики, такъ какъ даже нѣкоторыя работы по земледѣлію производятся при помощи лодокъ; водою, напримѣръ, доставляются грязи и тукъ для удобренія полей, торфъ для отопленія жилищъ; водою же ѣздятъ поселяне сами и отправляютъ свои земледѣльческіе продукты. Есть люди, которые даже живутъ на судахъ, подобно тому, какъ въ Китаѣ, какъ напримѣръ, въ общинѣ Цвартслуисъ, близъ Меппена, гдѣ суда служатъ жилищемъ болѣе чѣмъ для четверти населенія. Въ провинціи Гронингенъ есть деревни, жители которыхъ занимаются попеременно то воздѣлываніемъ огородниковъ, то строеніемъ судовъ. Подобно тому какъ въ Англіи фермеры нанимаютъ на значительномъ пространствѣ откосы насыпей и выемокъ желѣзнодорожнаго полотна и превращаютъ ихъ въ искусственные луга, въ Голландіи есть предприниматели, которые арендуютъ на одинъ годъ дѣвственные польдеры края каналовъ во всей Зеландіи и провинціяхъ, окружающихъ Зюйдерзее, и засѣваютъ ихъ льнянымъ сѣменемъ, а затѣмъ во время жатвы отправляютъ по всей странѣ лодки собирать снопы.

Длина главныхъ судоходныхъ каналовъ въ Нидерландахъ въ 1879 г.—3.078 килом.; судоходныхъ рѣкъ въ Нидерландахъ — 1.853 килом.

Почти всѣ каналы обведены плотинами, на столько широкими, что по нимъ всюду могли быть проложены проѣзжія дороги. Мало дорогъ въ Европѣ, которыя были бы удобнѣе и содержались въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ эти голландскія дороги, осѣненныя деревьями, вымощенныя звонкимъ кирпичемъ, постоянно чистыя и безъ выбоинъ. Длина мощеныхъ дорогъ въ Голландіи около 12.000 километровъ. Между тѣмъ до 1817 г. еще не было большой дороги даже между Амстердамомъ и Роттердамомъ черезъ Гагу [1]).

Удовлетворяясь средствами легкаго сообщенія по сѣти озеръ, рѣкъ и каналовъ, голландцы не торопились строить желѣзныя дороги. Въ 1838 г. концессія на постройку желѣзной дороги изъ Амстердама въ Арнгемъ была отвергнута генеральными штатами большинствомъ 46 голосовъ противъ 2, и первая желѣзнодорожная линія, изъ Амстердама въ Гаарлемъ, была разрѣшена лишь въ 1839 г. Еще и теперь по развитію своей желѣзнодорожной сѣти Голландія отстала отъ другихъ странъ Западной Европы. Зато нѣкоторые мосты, какъ, напримѣръ Мурдійскій, построенные надъ рѣками и морскими рукавами, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ сооруженій этого рода въ Европѣ. Но въ нижней Голландіи слишкомъ ноздреватая и дрожащая почва не позволяетъ поѣздамъ идти съ большою скоростью безъ особыхъ предосторожностей, и качаніе вагоновъ около вертикальной оси здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ на твердой почвѣ окружающихъ странъ.

Длина желѣзныхъ дорогъ Голландіи 1 января 1897 г.:—2.686 километровъ. Длина телеграфныхъ линій (государственныхъ) въ 1896 г.—5.695 километровъ. Число переданныхъ телеграммъ 4.621.954.

Нидерландская нація есть одна изъ тѣхъ, у которыхъ благосостояніе наиболѣе распространено въ массѣ народа. Въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ округахъ, собственно въ Голландіи, Фрисландіи, Гронингенѣ, многіе крестьяне представляютъ крупныхъ капиталистовъ, состояніе которыхъ оцѣнивается «бочками золота», т. е. сотнями тысячъ флориновъ. Ихъ серебряная или даже золотая посуда и драгоцѣнныя украшенія ихъ женъ и дочерей служатъ выраженіями ихъ богатства и тщеславія. Есть фермы, на которыхъ даже хлѣвы оказываются роскошными аппартаментами, съ вышитыми занавѣсями на окнахъ, съ вазами, рѣдкими цвѣтами и этажерками для серебряныхъ бездѣлушекъ и дорогаго фарфора. Но зато тѣмъ сильнѣе контрастъ, представляемый пролетаріатомъ большихъ городовъ и колоніями нищихъ.

Нидерланды, одна изъ самыхъ богатыхъ странъ Европы, отличаются также и высокимъ уровнемъ средняго образованія. Старательно учащіеся молодые голландцы стоятъ во главѣ всѣхъ европейцевъ въ знаніи различныхъ языковъ. Они должны знать не только свой собственный языкъ, но также французскій, сдѣлавшійся въ прошломъ столѣтіи вторымъ роднымъ языкомъ для значительнаго числа нидерландцевъ, нѣмецкій, на которомъ говорятъ ихъ сосѣди и который такъ сроденъ ихъ собственному нарѣчію, и англійскій, являющійся языкомъ торговымъ. Молодые люди, посѣщающіе университетъ, должны присоединить къ изученію этихъ четырехъ языковъ еще изученіе двухъ мертвыхъ, латинскаго и греческаго; кромѣ того, сотни изъ нихъ, готовящіеся къ административнымъ должностямъ на Зондскихъ островахъ, или уже пожившіе на этомъ отдаленномъ архипелагѣ, должны знать яванскій и малайскій языки. Поэтому нерѣдкость встрѣтить молодыхъ голландцевъ, съ успѣхомъ изъясняющихся на восьми языкахъ [1]). Знаніе ино-

[1]) Kuyper, „Nederlands Toestand“.

[1]) Лобри де Врёнъ, „De la nécessité d'enseigner l'hygiene aux jeunes gens“.

странныхъ языковъ составляетъ важнѣйшую часть голландскаго образованія. Заѣзжій иностранецъ, разговаривая съ хозяевами дома, пригласившими его въ гости, можетъ подумать, что онъ находится еще на своей родинѣ.

Начальное обученіе не обязательно въ Голландіи; но бѣдные родители, не посылающіе своихъ дѣтей въ школу, тѣмъ самымъ отказываются отъ всякой помощи со стороны общины. Особое общество, называемое обществомъ «Общественнаго Блага» (Tot Nut van't Algemeen), старательно способствуетъ успѣху народнаго образованія. Пропорція дѣтей, сидящихъ на школьныхъ скамьяхъ, составляетъ здѣсь болѣе седьмой части всего населенія. Въ сельскихъ округахъ еще не такъ давно четверть взрослыхъ мужчинъ и треть женщинъ не умѣли ни читать, ни писать, тогда какъ въ провинціи Сѣверной Голландіи, гдѣ находится столица, число совершенно неграмотныхъ составляло только одну четырнадцатую часть населенія. Въ 1870 г. на территоріи Нидерландовъ насчитывалось еще болѣе 100.000 дѣтей, остающихся безъ всякаго образованія. Въ 1890 г. общая средняя неграмотныхъ составляла 6,5%. Около 200.000 дѣтей (1892 г.) посѣщаютъ частныя школы, по большей части конфессіональныя, протестантскія, католическія и еврейскія; общественныя же школы, т. е. содержимыя общинами,—нейтральныя, т. е. безъ преподаванія какой бы то ни было догмы. Точно также стоятъ внѣ вліянія церкви и государственныя среднеучебныя заведенія; молодые люди, которые, по волѣ родителей, должны получить религіозное образованіе, поступаютъ въ спеціальныя коллегіи и семинаріи.

Статистика народнаго просвѣщенія въ Нидерландахъ (1892 г.): Начальныхъ школъ—4.292, съ 659.000 учащихся. Среднихъ учебныхъ заведеній—151, съ 15.405 учащихся. Университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—5, съ 3.075 учащихся.

Если Голландія, нѣкогда первая страна въ Европѣ по своимъ типографіямъ и школамъ, допустила опередить себя другимъ народамъ въ общемъ интеллектуальномъ движеніи человѣчества, то упала ли она относительно, съ точки зрѣнія народной нравственности, съ тѣхъ поръ, какъ общая опасность дала жителямъ страны твердое національное единство? Находится ли нидерландскій народъ еще въ цвѣтѣ молодости? Было бы слишкомъ смѣло высказать объ этомъ какое бы то ни было сужденіе, а потому должно ограничиться лишь указаніемъ причинъ деморализаціи, которыя, впрочемъ, тѣ же, что и у всѣхъ европейскихъ народовъ,—это сильное соціальное неравенство, противоположность роскоши и бѣдности и чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ, въ особенности въ городахъ. Въ 1882 г. потребленіе водки составляло 9,43 литровъ на душу населенія. Еще въ недавнее время голландскій народъ имѣлъ несчастіе разсчитывать не исключительно на свои собственныя средства, а основывать нѣкоторую часть своего финансоваго равновѣсія на эксплоатаціи отдаленныхъ колоній. Надо сознаться, что Голландія была до нѣкоторой степени паразитомъ Явы, а паразитство, каково бы оно ни было, матеріальное или моральное, всегда имѣетъ слѣдствіемъ нравственную порчу индивида.

¹) Киперъ, „Nederlands Toestand".

VII.

По своему политическому устройству Голландія почти не отличается отъ другихъ конституціонно-монархическихъ государствъ Европы. Судебная власть у нея также независима, законодательная власть состоитъ изъ двухъ палатъ, а представителями исполнительной власти являются король, государственный совѣтъ и совѣтъ министровъ.

Когда страна отвоевала свою независимость и заставила принять себя въ число европейскихъ государствъ, въ ней установилось правленіе муниципальное. Города всѣхъ провинцій управлялись каждый своимъ особымъ собраніемъ должностныхъ лицъ, числомъ отъ двадцати до сорока, назначавшихся пожизненно. Это собраніе, называвшееся vroedschap, т. е. «собраніемъ мудрыхъ», само выбирало своихъ членовъ между именитыми гражданами, либо непосредственно, либо представленіемъ двухъ или трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ выбирался штатгальтеромъ, представителемъ Штатовъ. «Мудрые» ежегодно назначали шепеновъ (schepens), функціи которыхъ были преимущественно судебныя, и двухъ или трехъ бургомистровъ, согласно съ мѣстными традиціями [1]). Нынѣ управленіе общинъ построено по одному образцу на всемъ протяженіи королевства. Бургомистръ назначается королемъ на шесть лѣтъ и предсѣдательствуетъ въ муниципальномъ совѣтѣ (gemeenteraad), съ совѣщательнымъ только голосомъ, если онъ не состоитъ выборнымъ членомъ совѣта, и съ голосомъ рѣшающимъ, если онъ является непосредственнымъ уполномоченнымъ своихъ согражданъ; въ то же время онъ можетъ быть и секретаремъ совѣта. Привилегія выбора принадлежитъ богатымъ; голосъ могутъ подавать только тѣ члены общинъ, которые платятъ прямыхъ налоговъ не менѣе 10 флориновъ, а въ нѣкоторыхъ общинахъ даже не менѣе 80 флориновъ. Муниципальные совѣтники назначаются на шесть лѣтъ, но треть ихъ выбываетъ каждые два года; въ общинахъ менѣе чѣмъ въ 3.000 чело-

¹) Метеренъ, цитируемый Лотропомъ Мотлеемъ, „Histoire de la fondation des Provinces-Unies des Pays-Bas".

вѣкъ ихъ должно быть девять, но затѣмъ число ихъ, смотря по городамъ, увеличивается, и въ трехъ главныхъ городахъ доходитъ до тридцати девяти.

Эти совѣтники не получаютъ другаго содержанія, кромѣ jetons de présence. Ими избираются на шесть лѣтъ два, три или четыре помощника или блюстителя закона (mathouders), которые засѣдаютъ вмѣстѣ съ бургомистромъ и помогаютъ ему въ дѣлахъ. Правительство не имѣетъ права распускать совѣты. Для выполненія большихъ общественныхъ работъ двѣ или болѣе общины могутъ, съ согласія высшей власти, соединиться въ синдикатъ.

Вторымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ въ іерархіи національнаго правленія являются провинціальныя собранія (Provinciale Staten). Каждая изъ одиннадцати провинцій Голландіи, раздѣленная на округи, кантоны и коммуны, управляется коммисаромъ, назначаемымъ высочайшей властію и предсѣдательствующимъ въ выборномъ провинціальномъ собраніи съ совѣщательнымъ голосомъ. Коммисару помогаютъ четыре или шесть депутатовъ, назначаемыхъ ихъ коллегами, срокомъ на шесть лѣтъ. Это механизмъ, похожій на механизмъ общинъ, только въ большихъ размѣрахъ. Для избирателей въ провинціальное собраніе цензъ пониженъ: при 40 флоринахъ въ среднемъ, онъ колеблется между 21 и 160 флоринами; кромѣ того, право подавать голосъ принадлежитъ лишь людямъ, имѣющимъ болѣе двадцати пяти лѣтъ, тогда какъ на общинныхъ выборахъ молодые люди подаютъ голосъ уже съ двадцатитрехлѣтняго возраста. Провинціальные уполномоченные выбираются на шесть лѣтъ, и составъ провинціальнаго собранія обновляется на половину каждые три года. Число этихъ уполномоченныхъ въ разныхъ провинціяхъ различно, но не зависитъ прямо отъ количества населенія: провинція Южная Голландія имѣетъ наибольшее число членовъ въ собраніи, а именно 80, тогда какъ у Дренте ихъ всего 35. Делегаты прямаго содержанія не получаютъ, а получаютъ только на путевыя издержки и суточныя во время сессій. Впрочемъ, и работы имъ немного, такъ какъ обѣ сессіи провинціальныхъ собраній продолжаются всего по нѣскольку дней. Во время вакацій веденіе дѣлъ возлагается на коллегію изъ делегатовъ.

Вторая палата, представляющая всю націю, выбирается тѣми же избирателями, какъ и провинціальныя собранія, но только при этомъ на избирательные округа, которыхъ числомъ восемьдесятъ, дѣлится вся территорія, и границы этихъ округовъ не совпадаютъ съ границами провинцій; такимъ образомъ депутаты имѣютъ болѣе общее полномочіе, чѣмъ было бы при выборѣ ихъ избирателями одной какой-нибудь провинціи. Норма населенія для каждаго округа назначена въ 45.000 человѣкъ, а потому каждыя пять лѣтъ производится новое дѣленіе территоріи. Уполномоченные должны имѣть не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду и выбираются на четыре года, но палата обновляется въ своемъ составѣ на половину каждые два года. Содержаніе членамъ, представляющее простое вознагражденіе за потраченное время, равняется 2.000 флориновъ въ годъ, не считая путевыхъ издержекъ. Вторая палата здѣсь, какъ и въ другихъ конституціонныхъ странахъ, обсуждаетъ проекты предложенныхъ ей правительствомъ законовъ, дѣлаетъ въ нихъ поправки по своему усмотрѣнію и можетъ предлагать новые.

Первая палата, составляющая, вмѣстѣ съ собраніемъ депутатовъ, полные генеральные штаты (Staten Generaal), представляетъ не народъ, а провинціи и въ особенности интересы крупной собственности. Всѣ кандидаты должны принадлежать къ группѣ лицъ, платящихъ наибольшую сумму прямыхъ налоговъ,—группѣ, которая составляетъ всего одну трехтысячную часть населенія, и назначающій ихъ избирательный корпусъ состоитъ единственно изъ провинціальныхъ чиновъ. Число членовъ отъ провинцій различно, смотря по цифрѣ населенія: такъ, отъ провинціи Южная Голландія избирается ихъ семь, а отъ провинціи Дренте всего одинъ. Сенаторы остаются въ должности девять лѣтъ и могутъ быть избираемы вновь неопредѣленное число разъ, такъ какъ палата обновляется на треть каждые три года. Первая палата обсуждаетъ законы уже послѣ народнаго собранія и можетъ только отвергнуть или принять ихъ цѣликомъ, безъ права иниціативы. Предсѣдатель ея назначается непосредственно королемъ изъ трехъ членовъ, представленныхъ самою палатою.

Король, въ силу конституціонной фикціи, неотвѣтственный, имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ, чеканить монету, право помилованія, право созывать и распускать палаты; но эти послѣднія королевскія прерогативы могутъ быть осуществляемы только въ извѣстныхъ формахъ и границахъ, напередъ опредѣленныхъ закономъ. Государь назначаетъ статсъ-секретарей (министровъ), число которыхъ, по его желанію, можетъ быть уменьшено или увеличено; съ 1877 года совѣтъ министровъ состоитъ изъ восьми членовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся департаменты: внутреннихъ дѣлъ; общественныхъ работъ; торговли и промышленности; иностранныхъ дѣлъ; юстиціи; финансовъ; военный; морской и колоній. Министры отвѣтственны передъ палатами. При королѣ, кромѣ того, есть еще государственный совѣтъ (Raad van State), въ который онъ самъ непосредственно назначаетъ членовъ, засѣдающихъ подъ его предсѣдательствомъ. Контрольная палата (Rekenkamer) также помогаетъ исполнительной власти какъ въ составленіи,

такъ и въ контролѣ бюджета. На содержаніе королевскаго двора отпускается 800.000 флориновъ; кромѣ того, король пользуется доходами отъ коронныхъ имѣній. Хотя у древнихъ франкскихъ племенъ Голландіи проявляется принципъ салическаго закона, тѣмъ не менѣе, женщины не устранены отъ престолонаслѣдія, но онѣ наслѣдуютъ только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ дѣтей мужескаго пола [1]).

Судебная власть, номинальнымъ главою которой является государь, хотя онъ и не можетъ ни отмѣнять, ни измѣнять рѣшеній, организована приблизительно такъ же, какъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка, подъ императорскимъ режимомъ. Судьи несмѣняемы, за исключеніемъ кантональныхъ, назначаемыхъ королемъ, и другихъ низшихъ судей. Судьи верховнаго суда также назначаются королемъ, но лишь изъ пяти кандидатовъ, представляемыхъ второю палатою на каждую открывающуюся вакансію. Вся страна дѣлится на 106 судебныхъ кантоновъ (Kantongerechten), группирующихся въ 23 округа (Arrondissementsbanken), границы которыхъ со времени закона 1877 г. не совпадаютъ болѣе съ границами провинцій. Судебныхъ палатъ (Gerechtsshoven) пять: въ Амстердамѣ, Арнгемѣ, Герцогенбушѣ (s'Hertogenbosch), Гагѣ и Люварденѣ. Затѣмъ надъ всѣми этими судебными округами стоитъ еще высшій судъ (Hooge Raad). Смертная казнь съ 1870 г. отмѣнена въ Голландіи.

Государственною церковью во время республики была реформатская. Маленькая Голландія, угрожаемая большими государствами, чувствовала тогда необходимость въ національномъ культѣ, и ея религія сливалась съ ея патріотизмомъ. Нынѣ церковь эта совершенно независима, и съ 1870 года управленіе ея имуществами было передано ей во всемъ объемѣ. Большинство голландцевъ принадлежитъ къ реформатскому вѣроисповѣданію, но число лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія составляетъ болѣе трети всего населенія, и въ провинціяхъ Сѣверный Брабантъ и Лимбургъ имѣетъ всегда перевѣсъ при голосованіи, такъ какъ политическая борьба въ этихъ мѣстахъ постоянно принимаетъ характеръ религіознаго соперничества; въ одной провинціи Лимбургъ насчитывается не менѣе 58 монастырей. Однако, число католиковъ, по отношенію къ общему числу населенія, постепенно уменьшается.

Относительное число католиковъ въ Нидерландахъ (на 10.000 жителей):

Въ 1829 г.—3,884; въ 1839 г.—3.819; въ 1859 г.—3.715; въ 1869 г.—3.653; въ 1879 г. (вмѣстѣ съ старо-католиками)—3.602.

Въ іерархическомъ отношеніи католическая Голландія раздѣляется на пять епархій: архіепископство Утрехтское и епископства: Гарлемское, Герцогенбушское, Бредское и Рормондское. Утрехтъ служитъ также архіепископскимъ городомъ старо-католиковъ. Въ большихъ городахъ много евреевъ и различныхъ протестантскихъ сектъ, принужденныхъ нетерпимостью сосѣднихъ государствъ искать себѣ убѣжища въ Голландіи и сохранившихся въ странѣ особыми общинами. Семнадцать валлонскихъ церквей и четыре пресвитеріанскія присоединились къ нидерландскимъ реформатамъ. Представительницею церкви каждой общины является консисторія, состоящая изъ пасторовъ, обязанныхъ говорить проповѣди, старшинъ, назначенныхъ для назидательныхъ посѣщеній, и діаконовъ, которымъ ввѣрено завѣдываніе школами, сиротскими домами и суммами для бѣдныхъ.

Статистика религій въ Голландіи, по послѣдней народной переписи (1889 г.):

Протестантовъ—2.728.870; римско-католиковъ — 1.596.492; старо-католиковъ — 7.6[illegible]; евреевъ—97.274; лицъ другихъ вѣроисповѣданій—81.092.

Въ отношеніи народнаго просвѣщенія страна дѣлится на столько инспекторатовъ, сколько въ ней провинцій, а инспектораты дѣлятся на округи, которыхъ во всей Голландіи 94. Два средне-образовательныя инспектората заключаютъ въ себѣ: одинъ—провинціи Гронингенъ, Дренте, Фрисландію, Оверисcель, Гельдернъ и Лимбургъ, а другой—провинціи Сѣверный Брабантъ, Утрехтъ, Сѣверную Голландію, Южную Голландію и Зеландію. На два же инспектората дѣлится страна и въ отношеніи общественныхъ работъ, производимыхъ подъ руководствомъ waterstaat'a, т.-е. «водянаго министерства», или комитета инженеровъ и ученыхъ, назначеніе котораго состоитъ въ охраненіи страны отъ морскихъ и рѣчныхъ наводненій.

Военная служба въ Голландіи не составляетъ всеобщей повинности. Армія составляется изъ вольноопредѣляющихся и конскриптовъ, набираемыхъ изъ лицъ, которымъ исполнилось двадцать лѣтъ. Номинально рекрута берутся на пять лѣтъ, но въ сущности они служатъ лишь одинъ годъ, а затѣмъ получаютъ отпускъ съ условіемъ являться ежегодно на шестинедѣльныя упражненія до истеченія оффиціальнаго срока службы. Милиція или schutterij дѣлится на два класса: дѣйствующую или первопризывную, къ которой принадлежатъ всѣ годныя къ службѣ лица отъ двадцати-пятилѣтняго до тридцати-четырехлѣтняго возраста, и милицію мѣстную, къ которой принадлежатъ всѣ граждане, имѣющіе отъ тридцати пяти до пятидесяти пяти лѣтъ. Кромѣ того, Нидерланды имѣютъ еще колоніальное войско, состоящее преимущественно изъ туземныхъ волонтеровъ и иностранныхъ наемниковъ.

[1]) Въ 1890 г., послѣ смерти Вильгельма III, на престолъ вступила десятилѣтняя дочь его, королева Вильгельмина, подъ опекой своей матери, королевы-регентши Эммы.

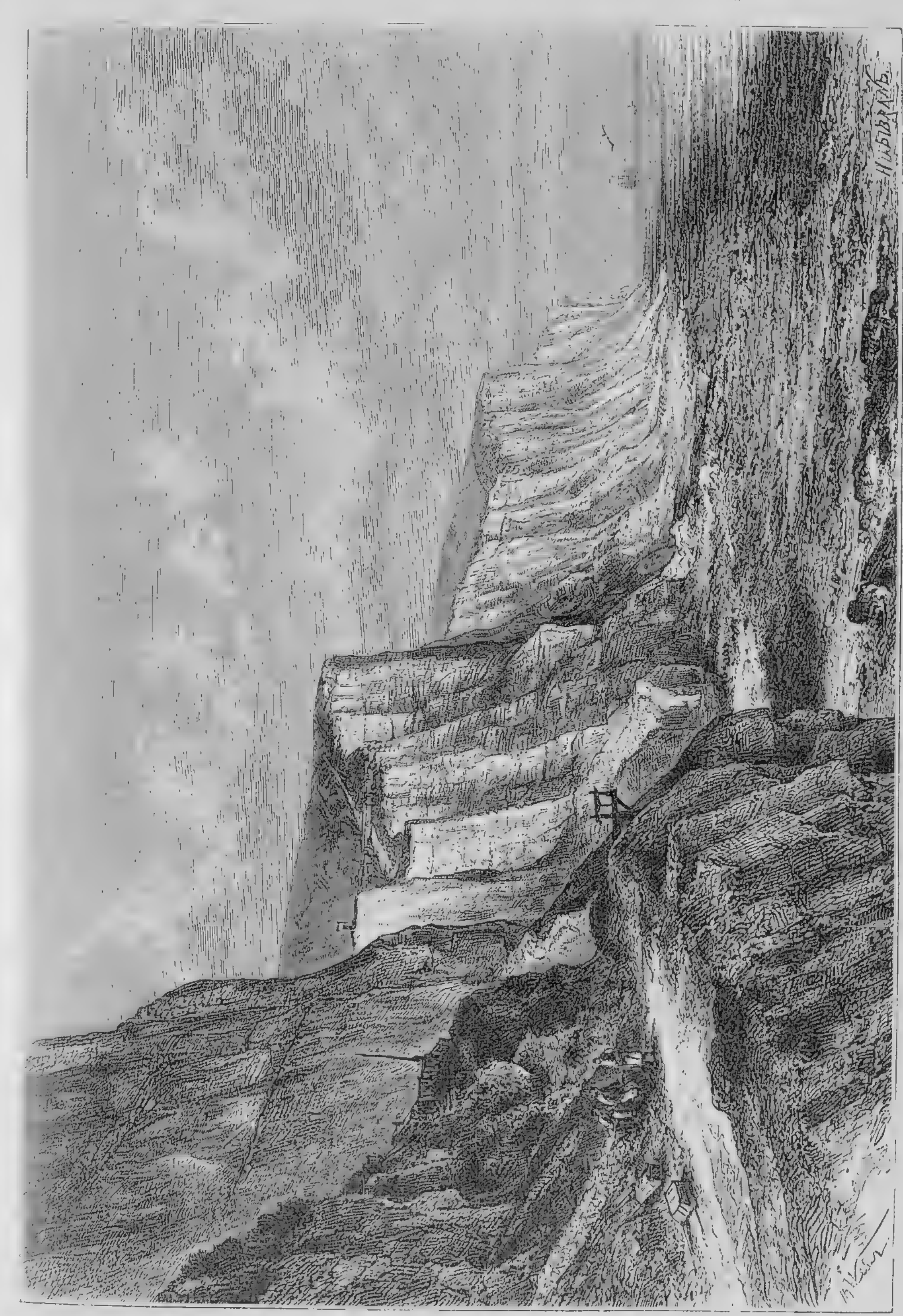
Численный составъ нидерландскихъ военно-сухопутныхъ силъ въ мирное время:

Регулярная армія (1897 г.): 1882 офицеровъ и военныхъ чиновниковъ, 26.972 нижнихъ чиновъ, 5.755 лошадей; милиція—около 45.000 человѣкъ.

По штатамъ военнаго времени—около 3.770 офицеровъ, 190.000 нижнихъ чиновъ, при 120 орудіяхъ.

Колоніальное войско (1894 г.): 35.000 челов. (по большей части туземцевъ) и около 9.000 человѣкъ резерва, милиціи и пр.

Военный флотъ Нидерландовъ, бывшій подъ командой адмираловъ Рюйтера и Тромпа самымъ могущественнымъ въ Европѣ и доставившій Голландіи ея высокое положеніе среди государствъ Европы, нынѣ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Онъ состоитъ (1897 г.) изъ



Скалы къ востоку отъ Дувра.

*

103 судовъ (въ томъ числѣ 13 броненосныхъ или блиндированныхъ, 12 броненосныхъ мониторовъ, 37 миноносцевъ и пр.) въ 104.370 тоннъ и 136.400 индикаторныхъ силъ, съ 755 орудіями и около 7.550 человѣкъ экипажа; кромѣ того, 3 стаціонера, 24 учебныхъ судна и пр. По закону моряки могутъ быть набираемы посредствомъ конскрипціи, но въ дѣйствительности для укомплектованія флотскаго экипажа почти хватаетъ волонтеровъ. Голландскіе военные корабли всего чаще показываются въ Зондскомъ архипелагѣ, такъ какъ тамъ находится центръ колоніальнаго могущества Нидерландовъ.

Пространство и населеніе нидерланскихъ владѣній:

	Пространство. кв. килом.	Населеніе (1895 г.)
Ява и Мадура....	131.523	25.700.964 ж.
Внѣшнія владѣнія (провинц.)......	1.783.955	8.378.219 »
Антильскіе острова	1.130	48 972 »
Суринамъ........	129.100	76 500 »
Всего	2.045.694	34.205.700 ж.

Заморскія владѣнія Нидерландовъ по пространству слишкомъ въ пятьдесятъ разъ превосходятъ свою метрополію, а населеніе ихъ слишкомъ въ семь разъ превышаетъ общее число голландцевъ. На одномъ только островѣ Явѣ, съ о. Мадурой, тѣснится свыше 25 милліоновъ жителей, и важное значеніе Суматры, какъ колоніальнаго владѣнія, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Постоянныя сношенія Амстердама и Роттердама съ ихъ Зондскимъ государствомъ вліяютъ даже на нравы и образъ жизни. Вкусъ къ пряностямъ весьма распространенъ, а рисъ составляетъ весьма существенный элементъ въ питаніи нидерландцевъ. (Потребленіе риса въ Голландіи въ 1872 г.: 51 554.775 килограммовъ, т. е. по 14 килограммовъ на душу населенія). Говорятъ, что даже въ живописи голландцевъ виденъ какъ бы отблескъ яванскаго солнца.

Рабство въ голландскихъ колоніяхъ Западной Индіи отмѣнено съ 1-го іюля 1863 года.

Національный доходъ, доставляемый преимущественно косвенными налогами, простирается до 130 милліоновъ гульденовъ и близко подходитъ къ расходамъ (по бюджету на 1897 г.: приходъ—131,4 милліона, расходъ—138,7 милліоновъ гульд.); но государственный долгъ равняется почти девяти-лѣтнему доходу, и болѣе четверти годоваго бюджета (въ 1897 г. 32 милліона) идетъ на уплату процентовъ; на войско и флотъ идетъ болѣе трети годоваго дохода въ 1897 г.—39,3 милліона). Впрочемъ, бюджетъ метрополіи держался въ равновѣсіи, благодаря субсидіямъ изъ колоніальнаго бюджета, но съ 1877 г. не разсчитываютъ болѣе на эту «дополнительную контрибуцію» или batig slot [1]).

Въ 1865 г. Голландія, по примѣру своей сосѣдки Бельгіи, отмѣнила городскіе сборы съ ввозимыхъ товаровъ (octroi), но зато общины берутъ въ свою пользу четыре пятыхъ личныхъ налоговъ, взимаемыхъ въ ихъ округахъ.

Слѣдующая таблица показываетъ положеніе нидерландскихъ провинцій по пространству и населенію:

Провинціи.	Пространство. кв.кил.	Населеніе по переписи 1889 г.	Главные города.	Ч[illegible] общ[illegible]
Гронингенъ. ..	2.298	272.786	Гронингенъ.	[illegible]
Фрисландія	3.320	335.558	Льюварденъ.	[illegible]
Дренте	2.663	130.704	Ассенъ.....	[illegible]
Овериссель	3 345	295.445	Цволле.....	[illegible]
Гельдеръ (Гельдерландъ) ...	5.081	512.202	Арнгемъ....	[illegible]
Утрехтъ.......	1.384	221.007	Утрехтъ ...	[illegible]
Сѣверная Голландія	2.770	829.489	Гарлемъ....	[illegible]
Южная Голландія	3.022	949 641	С'Гравенхаге.....	[illegible]
Зеландія.......	1.785	199 234	Мидльбургъ.	[illegible]
Сѣверный Брабантъ	5.128	509.628	Герцогенбушъ	[illegible]
Лимбургъ......	1.204	255.721	Маастрихтъ.	[illegible]
Итого	33 000	4 511.415		1.[illegible]70

По исчисленію, цифра народонаселенія Нидерландскаго королевства 31 декабря 1896 г. опредѣлилась въ 4.928.658 душъ.

Глава V

Данія.

I.

Стражъ воротъ Балтики, маленькое государство, которому принадлежатъ Исландія и Фарерскій архипелагъ, и даже въ Новомъ Свѣтѣ—обширныя необитаемыя пространства Гренландіи и три изъ Антильскихъ острововъ, есть не болѣе, какъ историческій обломокъ. Изъ

[1]) Киперъ, „Notes manuscrites".

всѣхъ европейскихъ королевствъ, за исключеніемъ одной только Греціи, Данія—самое маленькое по числу своихъ жителей (при поверхности въ 38.340 квадр. километр., народонаселеніе ея, по переписи 1 февраля 1890 г., состояло изъ 2.172.380 душъ, такъ что, слѣдовательно, въ среднемъ выводѣ, на каждый квадратный километръ приходилось по 57 жителей); да и самая Эллада далеко превосходитъ ее по величинѣ, если принимать въ разсчетъ людей одного и того же племени, связанныхъ единствомъ происхожденія и языка, но живущихъ внѣ оффиціальныхъ предѣловъ страны. Въ то время, какъ греки острововъ Архипелага, Θессаліи, Эпира, Θракіи, Македоніи, Малой Азіи гораздо многочисленнѣе своихъ единоплеменниковъ, населяющихъ собственно Греческое королевство, и могутъ вмѣстѣ съ ними общими силами вести борьбу для осуществленія того, что они называютъ «великой идеей,»—датчане, загнанные въ тѣсное пространство своей земельки, имѣютъ по другую сторону своихъ границъ лишь маленькую группу соотечественниковъ. Эти послѣдніе отнынѣ лишены своей національной самобытности и автономіи, не смотря на постановленія торжественнаго трактата, который Германія считаетъ себя въ правѣ не исполнять. Правда, заинтересованныя населенія не освободили ее отъ лежащаго на ней по отношенію къ нимъ обязательства; но она полагаетъ, что достаточно разрѣшенія, даннаго ей Австріей, соучастницей въ заключеніи этого международнаго договора. Такимъ образомъ, эти двѣ державы раздѣляютъ между собой отвѣтственность за нарушеніе права, доставляющее выгоду одной изъ нихъ.

Простой обломокъ разрушенной волнами береговой земли, которая въ давнія времена соединяла Скандинавію съ Сѣверной Германіей, Данія, по своимъ историческимъ судьбамъ, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ обѣими сосѣдними странами. Она владѣла нѣкогда большимъ протяженіемъ береговъ Балтійскаго моря, даже Эстляндіей. Въ 1397 году она стала во главѣ Скандинавскаго Союза, въ силу договора, извѣстнаго подъ названіемъ Кальмарской уніи, и до 1814 года владѣла Норвегіей; на югѣ Балтики различныя территоріи, сдѣлавшіяся нынѣ нѣмецкими, также принадлежали ей, и еще недавно германскія земли Голштейнъ, южный Шлезвигъ, Лауенбургъ составляли нераздѣльную часть датской монархіи. Ни одна изъ европейскихъ націй не совершила столько завоеваній, какъ датскій народъ, ибо завоеватели, извѣстные подъ именемъ норманновъ, выходили изъ Ютландіи и датскихъ острововъ, такъ же, какъ изъ фьордовъ Норвегіи и Швеціи: они появлялись и водворялись побѣдителями вездѣ—на Британскихъ островахъ, на берегахъ Франціи, на берегахъ Средиземнаго моря и даже на берегахъ Новаго Свѣта, открытаго скандинавами задолго до Колумба. Данія, безъ сомнѣнія, сдѣлалась бы центромъ громадной имперіи, если бы она имѣла больше географическаго сцѣпленія и болѣе обширные размѣры. Но узкій полуостровъ Ютландія, покрытый лѣсами и безплодными ландами, разсѣянные острова Балтики и норвежское прибрежье, совершенно лишенное пригодной для культуры земли, изрѣзанное фьордами на безчисленное множество отдѣльныхъ кусковъ, не имѣли ядра достаточнаго для того, чтобы внѣшнія завоеванія могли сплотиться вокругъ метрополіи; завоеванія эти должны были оставаться безъ всякой связи, разрозненными, какъ тѣ страны, изъ которыхъ выходили дружины смѣлыхъ завоевателей. Датскія земли не имѣли между собой никакого естественнаго единства, если не считать связи черезъ бурный океанъ, омывающій ихъ берега.

Въ прежнія времена у Даніи было, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что она владѣла всѣми воротами Балтики и, такимъ образомъ, господствовала надъ входомъ въ это внутреннее море; отнынѣ эта стратегическая привилегія сдѣлалась призрачной. Зундъ принадлежитъ датчанамъ только однимъ изъ его береговъ; Малый Бельтъ у южнаго его входа занятъ Пруссіей, которая, въ случаѣ надобности, могла бы, менѣе чѣмъ въ двадцать четыре часа, выдвинуть цѣлую армію на сѣверные берега этого пролива. Что касается, наконецъ, Большаго Бельта, широко открытаго между островами Фіоніей и Зеландіей, то онъ можетъ быть обойденъ сухопутными арміями, а военные флоты безъ труда форсировали бы проходъ черезъ него. Такимъ образомъ, датскій народъ заранѣе обреченъ служить цѣлью для посягательствъ сосѣднихъ державъ. Но какова бы ни была судьба, ожидающая его въ будущемъ, нельзя не признать, что онъ представляетъ собою группу людей энергическихъ, имѣющую свои историческія права, свой собственный языкъ, свои традиціи, свои надежды, свой духъ національной солидарности.

II.

Полуостровъ Ютландія (Jylland), такъ же какъ датскій архипелагъ Балтики, принадлежитъ геологически къ двумъ областямъ—къ Германіи и къ Скандинавіи. Вся южная часть полуострова составляетъ продолженіе равнины Сѣверной Германіи, усѣянной безчисленными обломками эрратическихъ камней; но въ самой широкой части Ютландіи тянутся формаціи предшествовавшей эпохи, пласты міоценовые и мѣловые, изъ которыхъ послѣдніе вдаются въ море между городомъ Ааргусъ и фьордомъ Рандесъ, затѣмъ снова появляются на юго-востокѣ, на островѣ Зеландіи, и далѣе, по другую сторону пролива Зундъ, на крайнихъ мысахъ шведской провинціи Сканіи. Эти крѣпкія, сопро-

тивляющіяся разрушительному дѣйствію стихій, каменныя массы послужили точкой опоры землямъ новѣйшаго образованія, которыя возникли послѣ большихъ размывовъ, имѣвшихъ мѣсто при входѣ въ Балтійское море.

На сѣверѣ отъ нѣмецкой границы, общій хребетъ полуострова продолжаетъ идти параллельно восточному берегу, въ менѣе близкомъ разстояніи, чѣмъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ. Рѣки Ютландіи, текущія въ ту и другую сторону—къ Каттегату и къ Сѣверному морю, начинаются отъ водораздѣльной линіи, лежащей ближе къ геометрической оси полуострова, чѣмъ водораздѣлъ проточныхъ водъ Шлезвига; но эти два водоската много разнятся между собой по виду мѣстности и представляютъ такой же контрастъ, какъ и на германской территоріи: западный скатъ имѣетъ однообразную поверхность и понижается полого; восточный круче, менѣе ровенъ, болѣе разнообразенъ; сама почва такъ же рѣзко отличается по обѣ стороны водораздѣла, какъ и морскіе берега, на западѣ очерченные правильно, въ видѣ длинныхъ, едва изгибающихся плоскихъ поясовъ, а на востокѣ изрѣзанные въ видѣ фьордовъ и вдающіеся въ море, въ видѣ выступовъ или мысовъ.

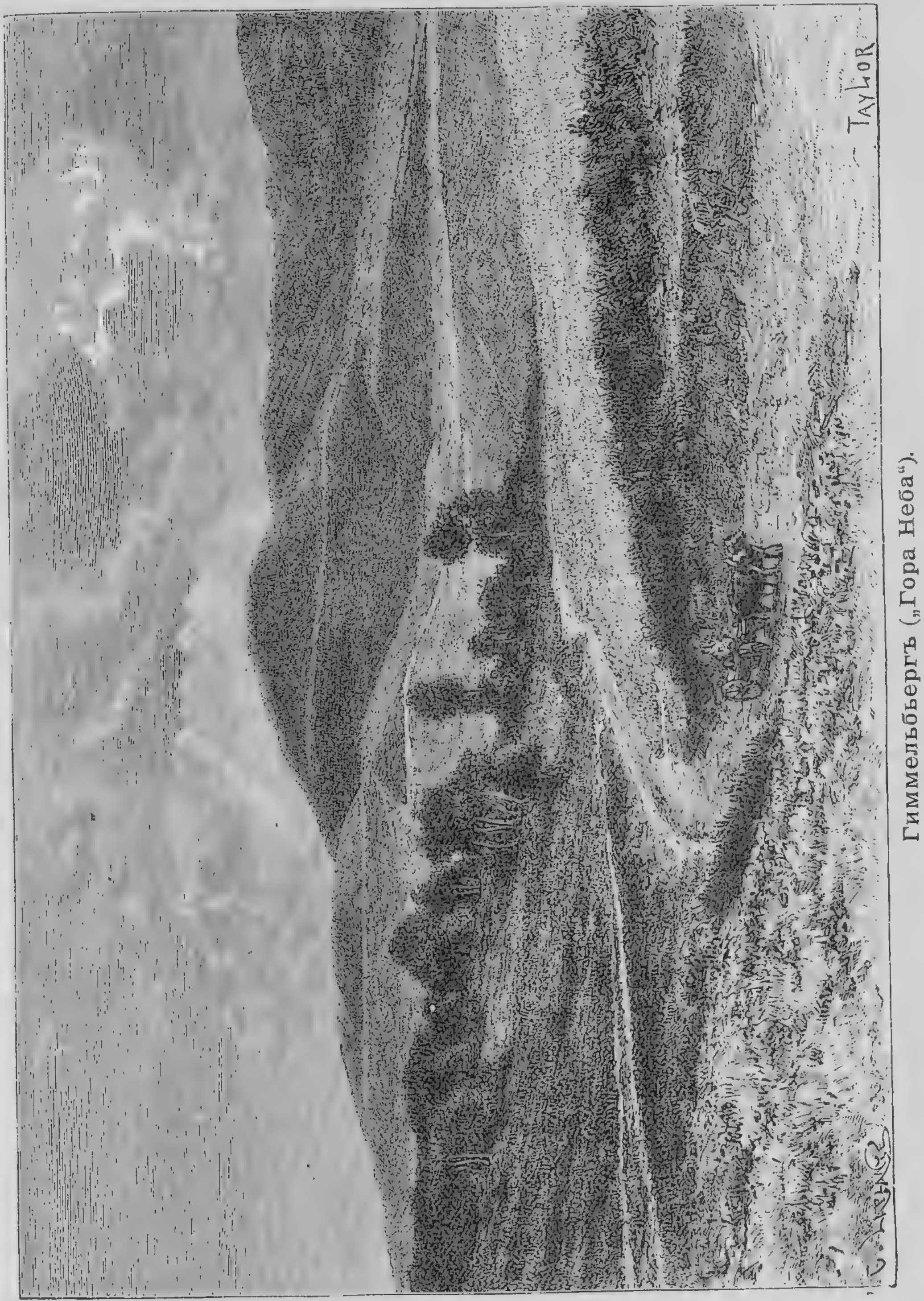
Холмы Ютландской области, обращенные къ Каттегату, принадлежатъ по большей части къ формаціи наносныхъ земель и состоятъ главнымъ образомъ изъ песку, глины, мергеля, происшедшихъ изъ обломковъ гранита, гнейса и мѣла. Валуны и гравій глетчернаго происхожденія покрываютъ тамъ и сямъ болѣе древніе слои. Холмы эти не тянутся вдоль морскаго берега сплошными грядами: они поднимаются отдѣльными группами или цѣпями, въ которыхъ многія вершины достигаютъ болѣе ста метровъ высоты; въ глазахъ жителей низменной равнины эти высоты кажутся настоящими горами. Непосредственно на сѣверѣ отъ германской границы, между Христіансфельдомъ и Кольдингомъ, одна изъ этихъ горныхъ цѣпей, Скамлингсбанке, возвышается на 120 метровъ надъ извилистыми водами Малаго Бельта; другія вершины поднимаются между фьордами Вейле и Горсенсъ; еще болѣе высокія горы господствуютъ, на югѣ, надъ городомъ Аргусъ. Эта область восточныхъ холмовъ очень плодородна, и буковыя деревья находятъ тамъ благопріятную почву: великолѣпные лѣса покрываютъ высоты и спускаются до самаго берега моря.

На западѣ отъ маленькихъ цѣпей холмовъ, окаймляющихъ берега Каттегата, находится самая высокая группа во всей Даніи, и главная вершина ея, гора Эйерсбавснегей, достигаетъ 180 метровъ высоты [1]). Другая вершина, такъ называемая «Гора Неба» или Гиммельбьергъ, поднимающаяся на сѣверо-западѣ, ниже предъидущей на 10 метровъ; но она пользуется большею извѣстностью, благодаря грандіозному виду, который открывается съ верхней террасы горы. Гуденаа, самая многоводная рѣка страны, образуетъ два большихъ озера у южнаго основанія «Горы Неба», а за этими озерами разстилается обширный горизонтъ ландовъ, лѣсовъ, засѣянныхъ полей, озеръ и деревень, ограниченный вдали круговой линіей моря. На сѣверѣ отъ странной вырѣзки Лимфьорда, холмы опять повышаются и образуютъ настоящій кряжъ, называемый «хребтомъ Ютландіи» (Jyske Aas), главная вершина котораго достигаетъ 120 метровъ высоты, и который мало-по-малу понижается по направленію къ остроконечному мысу Скагенъ. Хребетъ Jyske Aas, такъ же какъ и хребетъ всего полуострова, до рѣки Траве, лежитъ гораздо ближе къ внутреннему морю, чѣмъ къ океану. Одна изъ самыхъ высокихъ вершинъ, господствующая надъ городомъ Фредериксгавномъ съ южной стороны, поднимается непосредственно надъ волнами Балтики. На берегу Сѣвернаго моря тоже высится холмъ Бульбьергъ, мѣловой утесъ, совершенно уединенный

Весь западный скатъ Ютландіи, по обѣ стороны заливовъ Лимфьордъ или Ліимфьордъ, нѣкогда представлялъ обширную песчаную степь, слегка наклоненную къ океану, до дюнъ морскаго прибрежья. Культура измѣнила во многихъ мѣстахъ видъ этой равнины, особенно въ сосѣдствѣ ручьевъ; но и теперь еще она является на обширныхъ пространствахъ такою, какою она была до постройки большихъ дорогъ и желѣзныхъ путей сообщенія, до употребленія въ дѣло плуга, искусственныхъ туковъ и введенія меліорацій. Страна эта во всемъ похожа на Geest сѣверной Германіи, на Heiden Дренте и Велюве и напоминаетъ французскія ланды, насколько это позволяютъ различія климата и флоры. Въ Ютландіи, подобно тому, какъ это мы видимъ въ сейчасъ названныхъ мѣстностяхъ, песчаныя земли покрыты крупнымъ верескомъ и другими деревянистыми растеніями, образующими густыя чащи; на земляхъ, не имѣющихъ ската, разсѣяны лужи стоячей воды; на мѣстѣ прежнихъ озеръ и прудовъ мало-по-малу образуются торфяники: какъ и въ гасконскихъ ландахъ, остатки растеній скопляются здѣсь черноватыми слоями подъ песчаными буграми, которые ихъ прикрываютъ; вездѣ, подъ верхними слоями земли, почва, насыщенная дубильнымъ веществомъ, происходящимъ изъ верессковъ, образуетъ твердыя плиты такъ называемаго al (то же самое, что alios французскихъ ландовъ), къ которому примѣшана окись желѣза, во многихъ мѣстахъ въ столь значительной пропорціи, что этотъ желѣзнякъ можно разрабатывать для добыванія желѣзной руды; слои мергеля также встрѣчаются въ нѣкоторыхъ частяхъ почвы ютландскихъ ландовъ и облег-

[1]) Eb. Erslev, „Fœdrelandet,“ 1872.

чаютъ трудъ земледѣльца, желающаго превратить песокъ, съ помощью искусственнаго удобренія, въ пахатную землю. Равнымъ образомъ и дюны ютландскаго прибрежья очень похожи жатъ большое количество известковаго песку, что дѣлаетъ ихъ менѣе подвижными; однако, эти песчаные холмы не разъ вторгались далеко внутрь полуострова, и даже въ ближайшемъ



Гиммельбьергъ („Гора Неба").

на дюны французскихъ береговъ, только онѣ гораздо ниже,—самыя высокія изъ нихъ имѣютъ не болѣе 33 метровъ высоты [1]),—и содер- сосѣдствѣ мыса Скагенъ видна старинная церковная башня, остатокъ зданія, которое было поглощено сыпучими песками, вмѣстѣ съ окружавшимъ его селеніемъ. На южной сторонѣ залива Лимфьордъ событія этого рода, о кото-

[1]) Ed. Ers.er. „рукописныя замѣтки".

рыхъ повѣствуютъ мѣстныя хроники, были гораздо многочисленнѣе, по той причинѣ, что тамъ дюны, болѣе высокія, чѣмъ по другую сторону фьорда, не защищены, какъ въ сѣверной Ютландіи, отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ норвежскимъ мысомъ Линдеснесъ. Подобно тому какъ во Франціи, датчане, чтобы остановить движеніе дюнъ, должны были закрѣплять ихъ посредствомъ насажденія деревьевъ, преимущественно сосенъ; кромѣ того, во многихъ мѣстахъ построены плотины для закрѣпленія морскаго прибрежья.

По очертанію своихъ береговъ западная Ютландія также представляетъ большое сходство съ французскими ландами. На протяженіи около 375 километровъ, ютландское побережье Сѣвернаго моря состоитъ если не изъ одного непрерывнаго прямолинейнаго берега, то изъ ряда плоскихъ, слегка изогнутыхъ береговъ, которые чрезъ извѣстные промежутки опираются о крѣпкія, хорошо сопротивляющіяся точки: отъ одного выступа суши до другаго слѣдующаго каждый берегъ обрисовывается отчетливо въ видѣ геометрической кривой, какъ будто циркуль начертилъ ту линію, гдѣ ударяются волны, идущія съ открытаго моря. Но внутри этихъ правильныхъ стрѣлокъ, образующихъ морское прибрежье, первоначальный берегъ врѣзывается своими неправильными контурами во внутренность материка. Такъ образовались, вдоль Ютландскаго моря, прибрежныя озера, подобныя лагунамъ французскихъ ландовъ: это—также бывшіе морскіе заливы, постепенно превратившіеся, отъ дѣйствія наносовъ внутреннихъ рѣкъ и дождей, въ резервуары прѣсной воды, которые мало-по-малу засариваются, вслѣдствіе отложенія на днѣ ихъ землистыхъ частицъ, приносимыхъ ручьями; всѣ они имѣютъ незначительную глубину, а многіе изъ нихъ даже усѣяны тинистыми мелями, которыя попеременно то выступаютъ наружу, то покрываются водой, смотря по времени года и силѣ вѣтра; судоходные фарватеры, узкія канавы, извивающіяся среди этихъ тинистыхъ мелей, напоминающихъ «крассаты» Аркашонскаго пруда, даютъ доступъ только маленькимъ судамъ. Хотя эти мелкіе прѣсноводные бассейны далеко не похожи на тѣ удлиненные морскіе заливы, которыми изрѣзано скалистое прибрежье Норвегіи и гдѣ лотъ находитъ дно только на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ, туземцы, тѣмъ не менѣе, дали имъ громкое названіе фьордовъ. Одинъ изъ самыхъ большихъ, Рингкьебингъ-фьордъ, поверхность котораго равняется 300 квадратнымъ километрамъ и который отдѣленъ отъ океана длинною косой Клитландетъ (то-есть «Землей Дюнъ») на протяженіи около 40 километровъ, можетъ, однако, принимать только суда, имѣющія менѣе 2 метровъ водоуглубленія; да и то суда, плывущія по узкому выходному каналу, вырытому теченіемъ прилива и отлива, не всегда могутъ переходить черезъ опасный баръ Ниминде-Габъ, который часто перемѣщается на сотни и даже на тысячи метровъ. На сѣверной сторонѣ Рингкьебингъ-фьордъ выдѣляетъ изъ себя мелководные потоки, соединяющіе его съ другимъ подобнымъ фьордомъ, называемымъ Стадиль-фьордъ, который, въ свою очередь, сообщается, посредствомъ цѣлаго лабиринта озеръ и медленно текущихъ ручьевъ, съ третьимъ прудомъ, с Ниссумъ-фьордомъ, отдѣленнымъ отъ Сѣвернаго моря узкою береговою полоскою съ однимъ только отверстіемъ, которое соединяетъ его с моремъ. Эти морскія ворота, не менѣе опасны чѣмъ проходъ Ниминде-Габъ, были встарину поставлены подъ покровительство боговъ: э устье Тора, Торсминде, если только нынѣш нее его названіе не есть,—по другой этимол гіи, менѣе поэтической, но зато болѣе правд подобной, — видоизмѣненное Торскминде, что значитъ «Тресковое устье».

Лимфьордъ представляетъ въ одно и то время озерный и морской бассейнъ, и геологи ческая исторія его не такъ проста, как исторія сосѣднихъ приморскихъ прудов. Онъ тянется чрезъ весь полуостровъ Ю ландіи, отъ западнаго края до восточнаго, состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей, обща поверхность которыхъ равна 1.170 квадрат нымъ километрамъ. На западѣ Лимфьордъ на чинается обширнымъ прудомъ, подобнымъ уп мянутому Рингкьебингъ-фьорду, и такъ же, как этотъ послѣдній, ограниченнымъ со сторон моря узкою песчаною косой, которую потр саютъ волны морскія, и которая во многих мѣстахъ не имѣетъ даже одного километра в ширину. На восточной своей оконечности этот прудъ сообщается, посредствомъ узкаго ка нала, съ лабиринтомъ озеръ, изобилующих рыбой, которые окружаютъ большой остров Морсъ и цѣлый архипелагъ островковъ, за тѣмъ соединяются въ одно внутреннее море, пространствомъ въ 460 квадратныхъ километровъ, отдѣленное отъ Скагеррака только поясомъ дюнъ и развѣтвляющееся далеко к югу многочисленными заливами и бухтами. На востокъ отъ этого центральнаго бассейна Лимфьорда, область озеръ продолжается до пролива Аальборгъ: тамъ начинается узкій и длинный фьордъ, подобный всѣмъ тѣмъ, которые врѣзываются въ восточный берегъ, обращенный къ Балтикѣ, каковы фьорды: Маріагеръ, Рандерсъ, Горсенсъ, Вейле, Кольдингъ, Гадерслевъ и многіе другіе, до Кильской бухты; этотъ восточный фьордъ нигдѣ не имѣетъ болѣе 2 километровъ въ ширину: это—просто судоходный ровъ или каналъ, открывающійся въ море устьемъ въ 3 слишкомъ метра глубиною. Изученіе геологической карты показываетъ, что, разсматриваемый въ цѣломъ, лабиринтъ

внутреннихъ водъ, извѣстный подъ общимъ именемъ Лимфьорда, слѣдуетъ въ своихъ очертаніяхъ контурамъ міоценовой и мѣловой формацій: понятно, что у подножія этихъ пластовъ, болѣе крѣпкихъ, чѣмъ окружающія ихъ наносныя образованія, почва легко могла быть размываема наводненіями.

Береговой поясъ суши, ограничивающій на западѣ бассейнъ Лимфьорда, много разъ былъ прорываемъ волнами моря во время бурь [1]), между прочимъ, въ 1624, въ 1720 и въ 1760 годахъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, именно 28 ноября 1825 года, въ эпоху, когда страшныя наводненія опустошили всѣ низменные берега Сѣвернаго моря и покрыли водой весь голландскій Ватерландъ, отъ Амстердама до Алькмара, внѣшній берегъ Лимфьорда, извѣстный подъ именемъ Гарбоере-Танге, уступилъ напору волнъ, и прудъ пришелъ въ сообщеніе съ моремъ посредствомъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ Nyminde (новое устье), которыя открылись на ютландскомъ прибрежьи [2]). До открытія бреши или протока при Аггерѣ, вся западная часть Лимфьорда была наполнена прѣсною водою; но вторженіе соленыхъ водъ и установленіе теченія отъ одного моря до другаго измѣнили составъ жидкости во всемъ заливѣ: морскія рыбы проникли во множествѣ въ бассейнъ фьорда [3]), и вездѣ содержаніе соли достигло по меньшей мѣрѣ 18 на 1000, судя по тому, что мѣстами образовались даже устричныя мели, благодаря яичкамъ и молодымъ животнымъ, переносимымъ теченіями моря съ запада на востокъ [4]). Это устье, которое было въ первый разъ утилизировано для цѣлей судоходства въ 1834 году, не переставало перемѣщаться и измѣняться въ очертаніяхъ и глубинѣ, сообразно колебаніямъ волнъ и бурь; часто на барѣ бывало не менѣе полуметра воды; нерѣдко также лотъ обнаруживалъ въ томъ же мѣстѣ глубину около трехъ метровъ. Въ 1863 году буря опять прорвала песчаную косу: на югѣ отъ прежняго, Аггерскаго, протока образовалось новое устье, такъ называемый Ренскій каналъ, который постепенно расширялся и углублялся; съ 1875 года порогъ или баръ при Аггерѣ совершенно засорился и обмелѣлъ [5]), тогда какъ рыболовныя и даже значительныя торговыя суда съ большомъ числѣ пользовались новымъ каналомъ (такъ, въ 1876 году черезъ порогъ при Ренѣ вошло въ Лимфьордъ 820 судовъ). Въ цѣломъ все морское прибрежье было отодвинуто почти на два километра къ востоку.

[1]) Ed. Erslev, „Den Danske Stat", 1855—57.

[2]) Chr. Petersen, „Om Aggertangen för od nu". „Danske geografiske Selskab", I, 1817;—Østerbol, „Fra Agger Sogn", въ томъ же сборникѣ, т. II, 1878 г.

[3]) Feddersen, „Danske geografiske Selskab", I, 1877.

[4]) Беръ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", t. V, 1863.

[5]) Chr. Petersen, выше цитированное сочиненіе.

Сѣверная часть датскаго полуострова участвуетъ въ медленномъ восходящемъ движеніи, которое постепенно приподнимаетъ изъ волнъ моря скалистые берега Норвегіи и Швеціи: и въ этомъ отношеніи Ютландія, хотя соединенная съ Германіею посредствомъ кимврскаго перешейка, должна быть причислена къ скандинавскимъ землямъ. Та область полуострова, гдѣ, по всей вѣроятности, находится, такъ сказать, шарниръ качанія между площадью поднятія и площадью осѣданія, проходитъ на сѣверѣ отъ нынѣшней политической границы, почти въ самой широкой части полуострова [1]). Сравниваемый со всею массою Ютландіи, Шлезвигъ (Slesvig по-датски, Schleswig по-нѣмецки) есть не болѣе какъ обломокъ, древніе берега котораго были разрѣзаны на острова и даже мели и оставлены въ морѣ, на большомъ разстояніи отъ теперешняго прибрежья. Между тѣмъ какъ на югѣ отъ линіи раздѣла между поднимающимися и опускающимися пространствами, берега твердой земли превратились въ острова и мели, на сѣверной ея сторонѣ мы, напротивъ, видимъ обратное явленіе: тамъ прежніе острова сдѣлались частью материка; таковы маленькіе полуострова, которые вдаются въ море къ востоку отъ города Аргусъ, и которые на картѣ похожи на плоды, висящіе на вѣтви дерева. На сѣверѣ отъ этихъ полуострововъ, озеро Колиндзундъ напоминаетъ своимъ именемъ, что оно было нѣкогда морскимъ проливомъ или по крайней мѣрѣ заливомъ, а въ окрестности есть много деревень, названіе которыхъ, оканчивающееся на ö (островъ), указываетъ на прежнее ихъ островное положеніе [2]). Нѣкоторые признаки заставляютъ думать, что поднятіе Ютландіи во многихъ мѣстахъ происходило довольно быстро. Нѣкоторыя части сѣвернаго прибрежья оканчиваются крутымъ обрывомъ, въ родѣ утеса отъ 4 до 8 метровъ вышиною, на которомъ обрисовываются, въ видѣ горизонтальныхъ полосъ, различные слои торфа, гораздо болѣе плотнаго и болѣе чернаго, чѣмъ обыкновенный торфъ, и покрытые морскимъ пескомъ. Полагаютъ, что эти слои, очень древняго происхожденія, принадлежатъ къ формаціи, поднятой всей массой надъ поверхностью моря [3]). Но непосредственно къ югу отъ того мѣста, гдѣ начинается тоненькая ножка полуострова, появляются слѣды совершенно другихъ геологическихъ явленій: подводные лѣса, ольховые, березовые, дубовые, и слои торфа, которые нѣкогда росли на прѣсноводныхъ болотахъ, теперь находятся въ глуби-

[1]) Ed. Ersler, „рукописныя замѣтки".

[2]) Forchhammer, „Forhandlinger ind de skandinaviske Naturforskeres Möde i Göteborg", 1839;—O. Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde".

[3]) Alph. Belpaire, „De la Plaine maritime depuis Boulogne jusqu'au Danemark".

нахъ илистыхъ мелей, затопляемыхъ моремъ; расчищая фарватеры землечерпательными машинами, чтобы устроить проходъ судамъ, моряки иногда наталкиваются своими снарядами на поглощенныя морскими водами деревья.

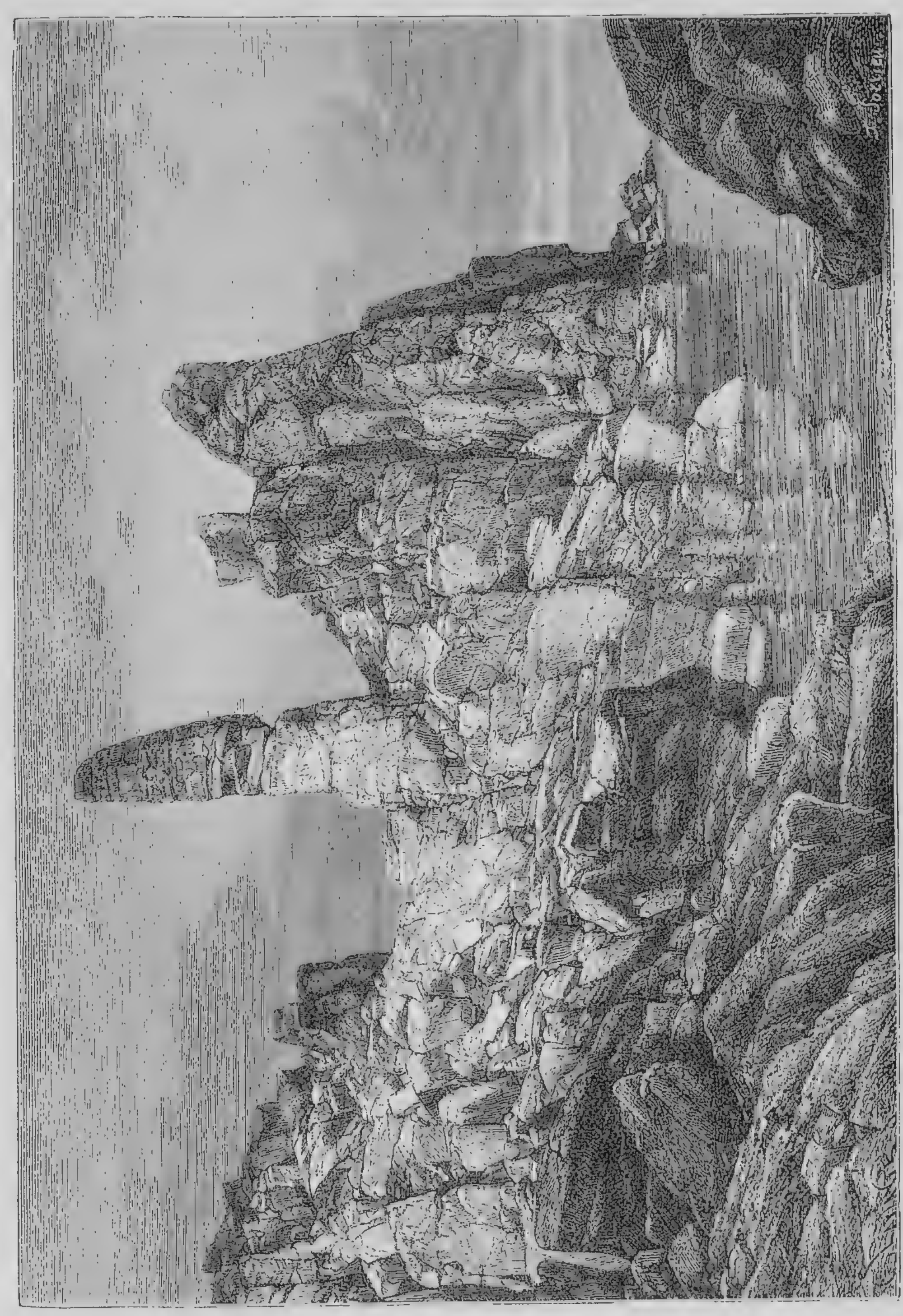
Подобно берегамъ французскихъ ландовъ, берегъ датскихъ ландовъ продолжается очень пологимъ скатомъ подъ поверхностью волнъ, и только километрахъ въ 60 (среднимъ числомъ), когда твердая земля давно уже исчезла изъ поля зрѣнія, находятъ глубины отъ 30 до 40 метровъ. Во многихъ областяхъ этого моря, особенно противъ Блавандсъ-Гука, юго-западнаго выступа Ютландіи, опасныя мели преграждаютъ судамъ подступъ къ берегу. На всей западной окраинѣ этого длиннаго полуострова Ютландіи, который тянется черезъ два градуса широты, не существуетъ ни одной удобной гавани для крупныхъ судовъ. Изъ опасенія быть выброшенными на берегъ западными или сѣверо-западными вѣтрами, мимо плывущія суда стараются держаться какъ можно дальше отъ этого негостепріимнаго берега, особенно отъ страшной Яммеръ-Бухтъ, то-есть «Погибельной бухты», которая развертывается между двумя мысами: Росгаге и Гирсгальсъ. Главнымъ судоходнымъ путемъ между морями Сѣвернымъ и Балтійскимъ служитъ Скагерракъ, въ которомъ нѣтъ никакихъ подводныхъ камней, и который отчасти защищенъ отъ самаго опаснаго вѣтра возвышенными землями южной Норвегіи.

Между островами Балтики островъ Фіонія (по-датски—Fyen) могъ бы быть разсматриваемъ какъ геологическая часть Ютландіи, хотя онъ теперь отдѣленъ отъ нея узкимъ проходомъ Малаго Бельта, наименьшая ширина котораго 650 метровъ, а самый высокій порогъ лежитъ на глубинѣ 8 метровъ. Впрочемъ, Фіонія несомнѣнно была прежде соединена съ туловищемъ полуострова; она состоитъ изъ тѣхъ же наносныхъ формацій, и холмы ея, поросшіе буковымъ лѣсомъ, поднимаются почти на такую же высоту, какъ и холмы восточной Ютландіи; они не менѣе живописны и господствуютъ надъ такимъ же сельскимъ горизонтомъ хорошо орошаемыхъ луговъ, обработанныхъ полей и лѣсковъ. Высоты эти также усѣяны многочисленными эрратическими камнями: одинъ изъ нихъ, такъ называемый Гесселагерскій камень, имѣетъ не менѣе 30 метровъ въ окружности и выдается изъ почвы на 6 метровъ въ вышину. Фіонія, очевидно, не что иное, какъ отрывокъ материка; точно также прилегающіе къ нему съ сѣвера полуострова, окружающіе фьордъ Одензе, а съ юга острова Тасинге, Эре, Лангеландъ, безъ сомнѣнія, составляли нѣкогда одно цѣлое и были разрѣзаны волнами моря; въ пользу этого предположенія говоритъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что всѣ эти земли, нынѣ раздѣленныя водами, стоятъ на одномъ и томъ же подводномъ плато. На картѣ съ трудомъ различаешь проливы, вырытые моремъ между этими островами. По мнѣнію Форхгаммера, эти раздѣльные каналы суть рвы, открытые великимъ «кимврскимъ» наводненіемъ, когда, будто бы, во́ды восточной Балтики, пробивая себѣ проходъ къ западу, отдѣлили континентъ отъ острововъ и отъ Сканіи; но ничто не доказываетъ, чтобы этотъ потопъ имѣлъ мѣсто; образованіе же каналовъ объясняется колебаніями уровня почвы.

На востокъ отъ Большаго Бельта, острова Зеландія, Менъ, Фальстеръ, Лаландъ также составляютъ одну землю, разрѣзанную узкими проливами недавняго геологическаго происхожденія. Бо́льшая часть двухъ первыхъ острововъ, Зеландіи и Мена, принадлежитъ, по своимъ горнымъ породамъ, къ вѣкамъ мѣловаго періода; но на сѣверѣ и на югѣ отъ этой мѣловой полосы, составляющей продолженіе, въ Балтикѣ, ютландскаго пояса той же формаціи, простираются также новѣйшія геологическія образованія, покрытыя каменными обломками, которые были принесены пловучими льдами: эти новыя формаціи образуютъ съ одной стороны сѣверную часть Зеландіи, а съ другой—острова Фальстеръ и Лаландъ. Въ этой геологической группѣ хребетъ еще гораздо больше удаленъ отъ центра страны, чѣмъ въ Ютландіи и въ Шлезвигѣ: мы не находимъ его даже на большомъ островѣ Зеландіи; самыя большія возвышенія почвы, самыя высокія крутизны всего архипелага находятся далѣе на востокѣ—въ окраинахъ маленькаго острова Мена: тамъ одинъ холмъ, окруженный маленькими озерами, Аборребьергъ, поднимается до высоты 150 метровъ, необычайной для Даніи, и невдалекѣ отъ этой горы скала, круто обрывающаяся, господствуетъ еще съ высоты 100 и даже 130 метровъ надъ волнами Балтики. Эти крутыя высоты, называемыя Менсъ-Клинтъ (что значитъ «береговые утесы Мена»), оканчиваются надъ поверхностью водъ вертикальными стѣнами, мѣловыя грани которыхъ, испещренныя параллельными полосами кремня, какъ прибрежныя скалы Нормандіи, отражаютъ далеко лучи полуденнаго солнца; иногда эти блестящія стѣны видны съ моря верстъ за 50 отъ берега. Обвалы каменныхъ массъ придали этимъ обрывистымъ утесамъ самыя странныя формы и очертанія: изогнутые въ складки, мѣстами даже опрокинутые, пласты напоминаютъ тамъ, конечно въ маломъ размѣрѣ, сгибы формацій на Юрѣ и на большихъ Альпахъ [1]). Среди крутыхъ береговыхъ утесовъ тамъ и сямъ открываются узкія долины или овраги, поросшіе буковыми лѣсами, которые спускаются до самаго берега моря. Мореплаватели, отправляющіеся изъ главнаго бассейна Балтики по направленію къ Висмару, Килю или Любеку, часто могутъ различать въ

[1]) Chr. Puggaard, „Möens Geologie“, 151.

одно и то же время бѣлѣющія отвѣсныя стѣны острова Мена и высокіе мысы острова Рюгена, нѣкогда соединенныхъ, а нынѣ раздѣленныхъ проливомъ въ 55 километровъ ширины и 20 метровъ глубины. Есть причины думать, что островъ Менъ, пройдя черезъ періодъ осѣданія или пониженія относительно уровня моря, сталъ затѣмъ снова повышаться и продолжаетъ подниматься до сихъ поръ, хотя и очень медленно.


Утесы Геллигдоммена. Сѣверный берегъ Борнгольма.

Онъ состоитъ въ дѣйствительности изъ семи различныхъ острововъ, проливы между которыми постепенно обмелѣли и высохли; въ 1100 году онъ былъ раздѣленъ на три куска. Одно изъ селеній этого острова, деревня Борре, въ наши дни затерянная на твердой землѣ среди болотъ, стояла въ 1510 году на берегу моря, такъ что флотъ Любека могъ прямо подойти къ ея домамъ и предать ихъ пламени.

Подобно тому, и мѣстечку Стеге, предъ которымъ все больше и больше скопляется наносовъ, грозитъ опасность лишиться своего порта. По вычисленію геолога Пуггарда, поднятіе острова Мена составляетъ, среднимъ числомъ, около 6 сантиметровъ въ сто лѣтъ. Подобно Рюгену, островъ Менъ посѣщается въ лѣтній сезонъ многочисленною публикою, какъ мѣсто отдыха: и дѣйствительно, это—одна изъ самыхъ пріятныхъ лѣтнихъ резиденцій, благодаря его живописнымъ холмамъ и долинамъ, его лѣсамъ и маленькимъ озерамъ, лабиринту проливовъ и островковъ, которые отдѣляютъ его отъ Зеландіи.

Сосѣдній большой островъ, съ которымъ Менъ составлялъ нѣкогда одно цѣлое, также оканчивается на востокѣ мѣловыми утесами, достигающими 40 метровъ высоты; но эти утесы, извѣстные подъ именемъ Стевнсъ-Клинтъ, состоятъ изъ пластовъ, правильно наслоенныхъ, чѣмъ они существенно отличаются отъ разнообразныхъ сгибовъ формацій въ береговыхъ скалахъ Менсъ-Клинтъ. Въ цѣломъ, Зеландія составляетъ продолженіе острова Мена по своей общей покатости; однако, и тамъ во многихъ мѣстахъ встрѣчаются еще кряжи, достигающіе 100 и болѣе метровъ высоты. Обширный заливъ, развѣтвленный на множество извилистыхъ бухтъ и проливовъ, такъ называемый Изефьордъ, врѣзывается далеко въ сѣверную часть Зеландіи и придаетъ ей разнообразіе вида, которое можно сравнить съ разнообразіемъ, какое представляетъ, на другой оконечности этого острова, лабиринтъ каналовъ и подводныхъ камней: берега Зеландіи были, очевидно, какъ и берега Мена, подняты, такъ какъ на нихъ видны бывшія пространства морскаго дна, нынѣ лежащія на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Въ то время, какъ Большой Бельтъ, на западѣ отъ Зеландіи, ясно отдѣляетъ этотъ островъ отъ Фіоніи и Лангеланда, другой проливъ, знаменитый Эрезундъ, или просто Зундъ, составляетъ, на восточной сторонѣ, какъ бы раздѣлительный геологическій ровъ, ибо часть Швеціи, профиль которой обрисовывается на горизонтѣ въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Копенгагена, и которая приближается, противъ Гельсингерскаго замка, до разстоянія всего только 4.100 метровъ, состоитъ изъ палеозойскихъ горныхъ породъ, относящихся, по времени происхожденія, къ гораздо болѣе раннему періоду, чѣмъ формаціи Зеландіи. Маленькіе датскіе острова Каттегата, Самсе, Ангольтъ, Лезе, состоятъ изъ формацій новѣйшаго образованія; но нельзя сказать того же о Борнгольмѣ, лежащемъ среди Балтики, къ юго-востоку отъ южной оконечности Сканіи.

Съ геологической точки зрѣнія островъ этотъ слѣдуетъ считать шведскимъ, потому что онъ состоитъ изъ древнихъ горныхъ породъ, изъ песчаниковъ и сланцевъ, опирающихся на гранитъ; проливъ, отдѣляющій его отъ шведской провинціи Сканіи, имѣетъ всего только 35 километровъ ширины, а наибольшая глубина его не достигаетъ даже 50 метровъ. Тѣмъ не менѣе, однако, Борнгольмъ съ полнымъ основаніемъ долженъ быть признанъ составляющимъ часть Даніи, которая, впрочемъ, нѣкогда обнимала всю южную часть Скандинавскаго полуострова. Въ 1658 году, когда шведы овладѣли тремя провинціями, Сканіей, Галландомъ и Блекингомъ, Борнгольмъ также былъ включенъ въ трактатъ объ уступкѣ этихъ земель и былъ занятъ отрядомъ иностранныхъ солдатъ подъ начальствомъ Принценшельда; но населеніе истребило въ одну ночь всѣхъ завоевателей, за исключеніемъ двѣнадцати человѣкъ, которые находились внѣ крѣпости Гаммергусъ: то была «борнгольмская вечерня».

Изъ всѣхъ острововъ Балтійскаго моря Борнгольмъ отличается наиболѣе правильною геометрическою формой: это—параллелограммъ, имѣющій почти 20 километровъ высоты на 25 километровъ длины въ основаніи и постепенно поднимающійся отлогимъ скатомъ по направленію отъ юга къ сѣверу. Поверхность этого выступающаго изъ-подъ воды гранитнаго плато покрыта лишь тонкимъ слоемъ растительной земли, и въ началѣ его заселенія на немъ не существовало никакой растительности, кромѣ вереска; но впослѣдствіи сдѣланы были въ большихъ размѣрахъ насажденія деревъ, и теперь лѣса тянутся на большомъ пространствѣ въ центрѣ острова, вокругъ главной вершины горы Риттеркнегтенъ, поднимающейся на 132 метра. Овраги, спускающіеся большею частію по прямой линіи къ ближайшему морскому берегу, перерѣзываютъ гранитныя скалы плоскогорья на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; маленькія бухточки, открывающіяся въ береговыхъ утесахъ или въ плоскихъ берегахъ, при выходѣ этихъ плодородныхъ овраговъ, служатъ гаванями судамъ незначительнаго водоуглубленія.

Въ сѣверномъ углу Борнгольма остроконечный мысъ Гаммеренъ почти совершенно отдѣленъ отъ туловища острова низменнымъ перешейкомъ, гдѣ находится очень глубокое озеро, которое жители сосѣдняго мѣстечка Аллинге предполагали, было, превратить въ портъ-убѣжище; но они должны были отказаться отъ своего намѣренія въ виду непобѣдимаго препятствія, которое представляютъ крутые гранитные берега озера. На южной сторонѣ этого прѣсноводнаго бассейна, на крутомъ холмѣ, видны обширныя развалины крѣпости Гаммерсгусъ, гдѣ прежде имѣли пребываніе губернаторы острова, и которыя издали похожи на разрушенный городъ. Одинъ изъ важныхъ маяковъ Балтики, помѣщенный на самомъ мысѣ, освѣщаетъ

теперь окружающія воды, извѣстныя подъ именемъ «Гаммеренскаго моря». Приводимъ величину поверхности и число жителей главныхъ датскихъ острововъ:

	Пространство кв. клм.	Населеніе. Душъ.
Фіонія	3.005	221.084
Лангеландъ	284	19.170
Зеландія	6.988	834.123
Менъ	240	13.544
Фальстеръ	535	32.639
Лаландъ	1.191	67.913
Борнгольмъ	600	38.765

Общая поверхность датскихъ острововъ—13.551 кв. клм.

Населеніе (1 февраля 1890 г.)—1.230.260 душъ.

На сѣверѣ, островки и подводныя скалы Эртгольмене, извѣстные вообще подъ именемъ Христіансе, самаго большаго острова въ маломъ архипелагѣ, также принадлежатъ Даніи и причисляются къ острову Борнгольму. Они составляютъ портъ-убѣжище, который по ночамъ освѣщается маякомъ, однимъ изъ важнѣйшихъ на всемъ Балтійскомъ морѣ.

Общій климатъ полуострова Ютландіи и датскихъ острововъ—морской, то-есть относительно умѣренный, какъ въ сезонъ жаровъ, такъ и въ періодъ холодовъ; однако, острова Балтики имѣютъ болѣе теплый климатъ, чѣмъ внутренняя часть Ютландіи, потому что они пространствомъ меньше этого полуострова и, слѣдовательно, въ большей степени подвергаются морскому вліянію; тѣмъ не менѣе, въ Копенгагенѣ бываетъ около ста морозныхъ дней въ году; но средняя разность между лѣтней и земней температурой всего только 17°; на западномъ берегу Ютландіи она равняется 15°. Средняя температура отдѣльныхъ временъ года и цѣлаго года въ Копенгагенѣ:

Весна: 6,5° Ц.; лѣто: 17,25° Ц.; осень: 9,5° Ц.; зима:—0,5° Ц. Годовая: 8,25° Ц.

По годамъ средняя зимняя температура представляетъ весьма значительныя колебанія, какъ это наглядно доказываетъ состояніе проливовъ, которые иногда остаются круглый годъ открытыми для судоходства, иногда, напротивъ, бываютъ въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ заперты кристаллическими плитами, настолько крѣпкими, что по нимъ можно перевозить путешественниковъ и грузы. Особенно проходъ черезъ Большой Бельтъ представляетъ много затрудненій въ зимнее время, и, когда проливъ запертъ льдами, суда, служащія для перевозки пассажировъ и багажа, нагружаются на сани особеннаго устройства. Начиная съ 1794 года, постоянно отмѣчали точнымъ образомъ продолжительность этого періода перевозки судовъ по льду (Istransport), которая иногда бываетъ необходима только одинъ день и даже того менѣе, но которая въ 1871 году продолжалась цѣлыхъ два мѣсяца, съ 1-го января до 1-го марта [1]). Извѣстно, что въ 1658 г. король шведскій Карлъ X Густавъ прошелъ по льду съ острова Фіоніи на островъ Лангеландъ, потомъ на Лаландъ, съ цѣлою арміей, съ фургонами, съ артиллеріей, съ провіантскимъ обозомъ: король датскій, угрожаемый непріятелемъ, подступавшимъ къ его столицѣ, принужденъ былъ подписать миръ. Господствующій вѣтеръ,—тотъ, который приноситъ съ собою дожди, какъ на полуостровѣ Ютландіи, такъ и на балтійскихъ островахъ,—дуетъ съ западныхъ морей; можно даже сказать, что это атмосферное теченіе способствовало въ нѣкоторой степени,—въ меньшей, однако, чѣмъ недостатокъ хорошихъ гаваней,—тому, что весь полуостровъ Ютландіи и сосѣдній архипелагъ обернулись лицомъ на востокъ: населеніе ихъ сгруппировалось преимущественно на восточныхъ берегахъ. Западное побережье представляетъ поясъ бурныхъ вѣтровъ и низменныхъ длинныхъ береговъ,—поясъ, наиболѣе подверженный разрушительному дѣйствію морскихъ волнъ. Деревья, согнутыя частыми бурями, обращаютъ свои вѣтви къ внутренней части земель, и верхушка у нихъ плоская, какъ будто ее искусственно подстригли ножницами [2]). Даже на восточныхъ берегахъ Ютландіи деревья наклонены въ одну сторону подъ напоромъ господствующаго воздушнаго потока; тѣмъ не менѣе, однако, жители нашли тамъ болѣе удобное, лучше защищенное отъ вѣтровъ, мѣстопребываніе; они могли совершенно безопасно строить города и воздѣлывать поля морскаго прибрежья. На островахъ вѣтры менѣе сильны, и суда обыкновенно держатся восточнаго берега Зеландіи, чтобы избѣгнуть подводныхъ камней, которыми усѣянъ шведскій берегъ, гдѣ также дуютъ западные вѣтры. Въ этой-то области Даніи, на берегу одной бухты острова Зеландіи, обращенной къ востоку, основался самый многолюдный городъ Скандинавіи. Изъ этого видно, что воздушныя теченія имѣли глубокое вліяніе на общую исторію страны.

III.

Растительное и животное царства Ютландіи и датскихъ острововъ мало отличаются отъ флоры и фауны окружающихъ земель Сканіи и Шлезвига: при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, естественно, должны были развиться однѣ и тѣ же формы растительныя и животныя; но люди, населяющіе эту страну, датчане, составляютъ особый народъ, имѣющій свои особенныя традиціи, свой характеръ, свою національную волю. Датчанинъ, хотя онъ германской расы, смотритъ на себя, тѣмъ не ме-

[1]) Chr. Hansen, „Danske Geografiske Selbskab Tidskrift", II, 1878.

[2]) Ed. Erslev, „Den Danske Stat".

ніе, какъ на нѣчто отдѣльное отъ нѣмца по происхожденію, такъ же, какъ и по военнымъ воспоминаніямъ. Онъ отвергаетъ всякую мысль о политическомъ сліяніи съ Германіею и не имѣетъ также желанія смѣшаться со своими сосѣдями, шведами и норвежцами. Скандинавскій союзъ, такой, какого онъ желаетъ, долженъ быть скорѣе федераціею трехъ народовъ, сохраняющихъ каждый свои нравы, законы и всѣ національныя особенности.

Хотя исторія Даніи, въ собственномъ смыслѣ, не восходитъ далѣе тысячи лѣтъ, но остатки всякаго рода, найденные на почвѣ Ютландіи и датскихъ островов, дали возможность ученымъ изслѣдователямъ проникнуть умственнымъ взоромъ далеко за предѣлы историческихъ временъ, до тѣхъ вѣковъ, когда мѣстный климатъ существенно отличался отъ нынѣшнихъ климатическихъ условій этихъ земель. Данія, какъ извѣстно, прославилась въ исторіи науки многочисленными свидѣтельствами первобытныхъ цивилизацій, найденными археологами. Чѣмъ были берега Средиземнаго моря для классической археологіи, тѣмъ же были берега Каттегата и Балтики, хотя и въ меньшей степени, для археологіи доисторической вообще [1]). Остатки первобытнаго, грубаго искусства нашихъ предковъ были тамъ собраны сотнями тысячъ.

Изъ всѣхъ этихъ естественныхъ музеевъ наибольшій интересъ для изслѣдователя представляютъ, можетъ быть, торфяныя болота, гдѣ послѣдовательно обуглились многія поколѣнія лѣсовъ; лежащіе одинъ на другомъ слои деревьевъ позволяютъ опредѣлить приблизительно эпоху, когда жили животныя, остатки которыхъ находятъ среди обуглившихся растительныхъ организмовъ, и люди, которые оставили тамъ свои кремневыя орудія. Лѣсная растительность, покрывающая въ настоящее время моховыя болота, состоитъ изъ буковыхъ деревъ; но подъ этою поверхностною растительностью ярусы поглощенныхъ землею лѣсовъ представлены тремя древесными слоями, совершенно отличными одинъ отъ другаго—слоями соснъ, дубовъ и осинъ. Древнѣйшая флора нижняго слоя торфяника состоитъ изъ мелкихъ, приземистыхъ березъ и другихъ маленькихъ деревьевъ, какія въ наши дни растутъ на югѣ Лапландіи. Изъ этого нужно заключить, что въ ту эпоху климатъ Даніи былъ похожъ на климатъ около - полярнаго пояса; но человѣкъ уже жилъ въ этой странѣ, доказательствомъ чего служатъ разныя орудія изъ кремня, найденныя въ нижнемъ слоѣ торфяныхъ болотъ, рядомъ съ костями сѣверныхъ оленей и лосей [2]). Что касается остатковъ мамонтовъ и другихъ большихъ млекопитающихъ, то они нигдѣ не встрѣчаются въ Даніи, какъ во Франціи и Англіи, въ почвѣ, гдѣ человѣкъ оставилъ слѣды своего искусства [1]).

Извѣстно также, какое важное значеніе получили въ доисторической археологіи груды раковинъ, находимыя тамъ и сямъ на берегахъ Ютландіи и датскихъ островов. Мѣстные жители прежде считали эти груды слоями обломковъ, выброшенныхъ волнами моря; но ученые Ворсэ и Стенструпъ, подробно изслѣдовавшіе эти остатки, признали ихъ за такъ называемыя «мусорныя кучи» и «кухонные отбросы» (affaldsdynger, kjoekkenmoeddinger). Они состоятъ главнымъ образомъ изъ раковинъ устрицъ и другихъ моллюсковъ, равно какъ изъ рыбьихъ костей, но заключаютъ также обглоданныя кости оленей, косуль, свиней, быковъ, бобровъ и собакъ; кромѣ того, найдены еще остатки кошекъ и выдръ. Кости большаго пингвина (Alca impennis), порода котораго существовала еще въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Исландіи и Гренландіи, также встрѣчаются въ датскихъ курганахъ или мусорныхъ кучахъ [2]); но между остатками птицъ до сихъ поръ нигдѣ не замѣтили куриныхъ костей: въ ту эпоху у жителей острововъ не было еще ни одного домашняго животнаго, кромѣ собаки. Нѣкоторыя изъ кучъ кухонныхъ отбросовъ имѣютъ до 300 метровъ въ длину, при ширинѣ отъ 30 до 60 метровъ и вышинѣ до 3 метровъ, слѣдовательно, объемъ ихъ составляетъ многіе десятки тысячъ кубическихъ метровъ, что̀ свидѣтельствуетъ о многочисленности людей, участвовавшихъ въ этихъ трапезахъ, или о большой продолжительности вѣковъ, въ теченіе которыхъ онѣ совершались однимъ и тѣмъ же способомъ. Населенія той эпохи переживали тогда свой каменный вѣкъ, судя по тому обстоятельству, что, между остатками животныхъ, изъ предметовъ человѣческаго искусства, открыты только инструменты и оружіе изъ камня и кости, равно какъ черепки грубой глиняной посуды. Тогдашнія очертанія морскаго прибрежья и соленость морей также, по всей вѣроятности, были совершенно отличны отъ нынѣшнихъ, на что̀ указываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что устрицы, столь обыкновенныя въ ту эпоху въ водахъ, окружающихъ датскій архипелагъ, въ наши дни не могутъ тамъ жить, по причинѣ слишкомъ слабой солености воды [3]). Нѣкоторые изъ костяковъ животныхъ, найденныхъ въ кухонныхъ кучахъ, тоже свидѣтельствуютъ о суровости тогдашняго климата Даніи.

Къ свидѣтельствамъ прошлаго, найденнымъ

---

[1]) Worsaae, „La colonisation de la Russie et du nord scandinave", traduct. Beauvois.

[2]) Steenstrup, «Geognostisk Undersögelse af Skovmoserne".

[1]) Worsaae, выше цитированное сочиненіе.

[2]) Steenstrup, „Videnskabelige Meddelelser for den naturhistoriske Forening", 1855.

[3]) Акад. Бэръ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome IV, 1862.

въ торфяныхъ болотахъ и въ остаткахъ доисторическихъ трапезъ, нужно прибавить древнее оружіе, домашнюю утварь, разныя украшенія, собранныя во множествѣ въ мегалитовыхъ могилахъ различной формы, объ одной, двухъ или нѣсколькихъ камерахъ, которыми усѣяны датскія земли. Между этими памятниками человѣческаго труда самыми древними считаются круглыя могилки и продолговатые могильные курганы. Такъ называемыя усыпальницы исполиновъ (Joettestuer или Steendysser), построенныя съ большимъ искусствомъ, состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, сложенныхъ изъ гранитныхъ камней и покрытыхъ земляною горкой; многія изъ нихъ служили, повидимому, фамильными курганами, потому что въ этихъ могилахъ находятъ, вмѣстѣ съ предметами домашней утвари, оружіемъ и украшеніями, кости животныхъ, домашнихъ и дикихъ, погребенныхъ въ обществѣ покойниковъ. Эти могилы принадлежатъ по большей части къ послѣдней эпохѣ вѣка шлифованнаго камня и къ бронзовому вѣку; тогдашнее населеніе, сдѣлавшееся осѣдлымъ, было уже знакомо со скотоводствомъ и съ элементарными способами земледѣлія. Желѣзо, какъ полагаютъ, окончательно взяло верхъ въ этихъ странахъ только въ концѣ втораго столѣтія, около времени Септима Севера [1]), и къ этой же эпохѣ относятся первыя руническія надписи. Въ нѣкоторыхъ могилахъ были открыты очень любопытные предметы, неизвѣстно—мѣстнаго ли происхожденія, или привезенные изъ другихъ странъ: такова, напримѣръ, чаша, найденная въ Стевнсъ-Клинтѣ, на островѣ Зеландіи, борборъ которой, сдѣланный изъ рѣзнаго серебра, носитъ греческую надпись. На о. Борнгольмѣ желѣзный вѣкъ развивался съ нѣкоторыми особенностями, не встрѣчающимися въ другихъ мѣстахъ. Такъ, на этомъ островѣ найдены тысячи могилъ, называемыхъ Brandpletter: это—ямы, наполненныя угольями, золою и человѣческими костями, вмѣстѣ съ остатками оружія и разныхъ орудій изъ желѣза или бронзы, скрученными огнемъ; одно только Канниксгардское кладбище, близъ Нексе, содержитъ болѣе тысячи двухсотъ подобныхъ могилъ; два другія погребальныя поля заключаютъ ихъ, каждое, по девятисотъ; но самыя новыя по времени могилы расположены большею частію поодиночкѣ. Обычай сожиганія умершихъ имѣлъ слѣдствіемъ истребленіе значительной части богатствъ, похороненныхъ вмѣстѣ съ покойниками.

По мнѣнію филолога Раска и археолога Нильсона [2]), вся Данія, кто бы, впрочемъ, ни были ея обитатели въ разныя эпохи каменнаго вѣка,—была занята во времена, предшествовавшія исторіи, лапландскими племенами. Дальманъ, Эшрихтъ и другіе ученые полагаютъ, напротивъ, что лапландскіе финны проникали на южные полуострова и острова Скандинавіи только группами бродячихъ колонистовъ, дѣлавшихъ свои посѣвы то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ, на выжженной почвѣ торфяныхъ болотъ или лѣсовъ. Во всякомъ случаѣ, можно положительно утверждать, что въ Даніи нѣкогда имѣли пребываніе населенія, совершенно отличныя по происхожденію отъ скандинавскихъ германцевъ, населяющихъ нынѣ эту страну. Сравнительныя изслѣдованія череповъ, произведенныя Зассомъ на кладбищахъ Зеландіи, доказали, что до шестнадцатаго столѣтія порода людей съ очень малою вмѣстимостью черепа удерживалась въ краѣ на-ряду съ большеголовыми жителями фризскаго племени. Эти люди теперь совершенно исчезли [1]). Нѣкоторыя подробности одежды также, повидимому, указываютъ на пребываніе въ краѣ древнихъ кельтскихъ расъ: шляпа съ приподнятой тульей, съ полями, висящими по плечамъ, какую носили, еще въ недавнюю эпоху, крестьянки на островахъ Фіоніи, Эре, Фальстера, представляетъ замѣчательное сходство съ головнымъ уборомъ нормандокъ и антверпенскихъ поселянокъ. Многіе археологи хотѣли на основаніи одинаковости костюма заключить объ единствѣ происхожденія самихъ расъ [2]).

Послѣ большихъ движеній такъ называемаго великаго переселенія народовъ, увлекшаго кимвровъ съ полуострова къ Галліи и Италіи, затѣмъ геруловъ съ острововъ и изъ Херсонеса къ Риму, англовъ, саксовъ, ютовъ—къ Англіи, другое населеніе, повинуясь общему стремленію народовъ къ западу, утвердилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южныхъ острововъ Даніи, на Лаландѣ, Фальстерѣ, Лангеландѣ. Эти новые переселенцы были славяне; народныя преданія и названія мѣстъ свидѣтельствуютъ о пребываніи ихъ въ краѣ [3]). Но главные завоеватели были датчане, древній союзъ скандинавскихъ племенъ и родовъ. Извѣстно, что и послѣ захвата земель, изъ которыхъ образовалась Данія, датчане еще долго продолжали свои завоевательные набѣги въ западномъ направленіи; соперничая съ норвежскими пиратами, они оспаривали въ теченіе многихъ вѣковъ у англосаксовъ обладаніе Великобританіей и у кельтовъ обладаніе Ирландіей.

Вообще говоря, между датчанами преобладаетъ типъ чистаго блондина, съ свѣтлоголубыми глазами, и среднее число людей этого типа у нихъ пропорціонально значительнѣе, чѣмъ у

---

[1]) Engelhardt, „Statuettes romaines et autres objets d'art du premier âge de fer"; —Ernest Desjardins, „Рукописныя замѣтки".

[2]) „Scandinaviska Nordens Urinvånare".

[1]) Schmidt, „Jahrbücher", 1876; —Seligmann, „Behm's Geographisches Jahrbuch", 1876.

[2]) Vanderkindere, „Recherches sur l'Ethnologie de Belgique".

[3]) Schiern, „Om slaviske Stednavne".

нѣмцевъ. Отличаясь болѣе живымъ характеромъ, чѣмъ голландцы, датчане такъ же, какъ эти послѣдніе, терпѣливы, мужественны и сильны. Одаренные въ высокой степени здравымъ смысломъ, они обыкновенно дѣйствуютъ обдуманно, и смотрятъ на нѣмцевъ свысока, называя ихъ безмозглыми и хвастунами[1]); тѣмъ не менѣе, и у нихъ бываютъ свои праздничные дни, во время которыхъ они любятъ забыться: обычныя тишина и молчаливость смѣняются въ эти дни шумомъ и пѣснями. Подъ спокойною, безстрастною наружностью датчанинъ хранитъ пылкую и поэтическую душу: онъ видитъ волны моря, ударяющіяся о берега его родины, и припоминаетъ беззавѣтную удаль и отважныя похожденія своихъ предковъ, которые рыскали по свѣту на своихъ ладьяхъ, носимыхъ по волѣ вѣтровъ. Его литература сохраняетъ ему богатую сокровищницу героическихъ пѣсенъ, которыя молодые люди повторяютъ въ веселыхъ собраніяхъ. Люди науки отличаются силою ума, строгимъ методомъ, ясностью мысли и изложенія. Повсюду въ населеніи развита любовь къ чтенію, и театръ служитъ для него столько же школою литературы, сколько и мѣстомъ развлеченія. «Не для одного только увеселенія!»—гласитъ надпись, начертанная на занавѣсѣ національнаго театра въ Копенгагенѣ.

Датскій языкъ, скандинавскаго происхожденія, но гораздо менѣе чистый, чѣмъ исландскій, сложился въ особый діалектъ около тринадцатаго столѣтія; но на степень литературнаго языка онъ возвысился только въ эпоху реформаціи, въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія: его древнія саги или народныя сказанія принадлежатъ къ скандинавской литературѣ въ собственномъ смыслѣ. Изъ всѣхъ датскихъ нарѣчій, къ которымъ причисляютъ также и борнгольмское, самымъ оригинальнымъ и наиболѣе богатымъ старыми словами считается нарѣчіе, употребляемое въ сѣверной Ютландіи; но не это нарѣчіе взяло верхъ. Зеландскій говоръ получилъ преобладающую важность въ странѣ, благодаря господствующему вліянію столицы, и мало-помалу смѣшался съ самимъ датскимъ языкомъ. Въ разныя эпохи датская рѣчь обогатилась выраженіями, заимствованными изъ языковъ латинскаго, шведскаго, французскаго; но наибольшее количество словъ взято ею изъ нѣмецкаго языка: изъ нижне-нѣмецкаго (Plattdeutsch), во времена торговаго процвѣтанія ганзейскихъ городовъ, и изъ верхне-нѣмецкаго (Hochdeutsch), когда этотъ діалектъ одержалъ перевѣсъ, какъ литературный языкъ Германіи. Въ прежнее время многіе датскіе литераторы, прозаики и поэты, писали на двухъ языкахъ, чтобы сдѣлать доступными свои произведенія не только своимъ соотечественникамъ, датчанамъ и норвежцамъ, но также и нѣмецкой публикѣ, а черезъ ея посредство и остальному міру. Однако, датскій народъ тѣмъ болѣе дорожитъ своею собственною, родною рѣчью, что чувствуетъ опасность, грозящую самому его существованію: онъ горячо привязанъ къ сво- имъ національнымъ преданіямъ, къ своей ста- рой литературѣ, къ своей поэзіи, возросшей и сагахъ и наполненной воспоминаніемъ о слав- ныхъ предкахъ. Со временъ великаго Торваль- сена датское искусство постоянно искало соб- ственныхъ стезей, и даже промышленное искусство: живопись на фарфорѣ, ювелирныя работы, рѣзьба на деревѣ, орнаментировка мебели старается вдохновляться предметами древности находимыми въ родной почвѣ.

IV.

Всѣ важнѣйшіе города Ютландіи располо- жены на берегу или, по крайней мѣрѣ, на по- катости восточнаго моря. Населеніе естествен- но должно было группироваться на этой сто- ронѣ полуострова, которая представляла ему тройную выгоду: земли болѣе хлѣбородныя, га- вани болѣе глубокія, лучше защищенныя отъ вѣтровъ и легче доступныя для судовъ, и, наконецъ, сосѣдство плодородныхъ и населенныхъ острововъ Фіоніи и Зеландіи. Въ давні- времена, когда датчане, жаждавшіе завоеванія и грабежа, устремляли взоры вдаль, къ Англіи и къ другимъ странамъ Западной Европы, они направились въ большомъ числѣ на западно прибрежье, какъ болѣе удобное для ихъ экспе- диціи. Въ ту эпоху городъ Рибе, лежащій близъ нынѣшней границы германскихъ владѣній, былъ весьма важнымъ пунктомъ. Онъ обогащался тогда, между прочимъ, значительною добычею, приносимою изъ дальнихъ странъ въ даръ его священникамъ и монахамъ. Въ настоящее время Рибе съ большимъ трудомъ поддерживаетъ свои сообщенія съ моремъ: изви- листая рѣчка Рибе-Аа, теряющаяся на западѣ въ тинистыхъ пространствахъ морскаго прибрежья, совершенно мелѣетъ и обнажаетъ свое илистое дно при низкомъ стояніи воды въ морѣ, такъ же, какъ и каналъ, прорытый черезъ береговые наносы. Далѣе на сѣверъ, городъ Рингкьебингъ, построенный на берегу большой лагуны того же имени, представляетъ незначительное рыбачье мѣстечко, хотя его и выбрали главнымъ административнымъ пунктомъ самаго обширнаго округа полуострова. Затѣмъ до самаго мыса Скагенъ мы не встрѣчаемъ ни одного города на морскомъ берегу; только маленькія деревушки попадаются тамъ и сямъ среди дюнъ, между прибрежными прудами. Главный пунктъ островной территоріи Ти, которая простирается на западъ отъ Лимфьорда, Тистедъ, или «городъ Ти», стоитъ на берегу этого внутренняго залива; здѣсь родился Мальтбренъ, великій гео-

[1]) I. I. Ampère, „Esquises du Nord“

графъ, котораго изгнало его отечество и который сдѣлался однимъ изъ ученыхъ свѣтилъ Франціи.

На восточномъ берегу Ютландіи первый городъ, который представляется намъ къ сѣверу отъ территоріи, присоединенной къ Германіи, есть Кольдингъ, лежащій у оконечности одного мелководнаго фьорда, и вблизи котораго видны обширныя развалины замка временъ шестнадцатаго столѣтія, разрушеннаго пожаромъ въ 1808 году, когда страна была занята французскими войсками, подъ начальствомъ маршала Бернадота. Кольдингъ менѣе важенъ, чѣмъ слѣдующій за нимъ городъ Фредериція, недавно бывшій крѣпостью, которая командовала проливомъ Малый Бельтъ при сѣверномъ его устьѣ; въ городѣ есть нѣсколько памятниковъ, напоминающихъ о побѣдѣ, которую датчане одержали 6-го іюля 1849 года надъ шлезвигъ-голштейнскою арміей. Далѣе, въ ютландскій берегъ вдается фьордъ Вейле, надъ которымъ возвышаются, съ той и другой стороны, холмы, поросшіе буковымъ лѣсомъ; глубина этого залива уменьшается по направленію отъ востока къ западу съ замѣчательною правильностью, и воды его постепенно исчезаютъ на низменномъ плоскомъ берегу, черезъ который проходитъ узкій каналъ для мелкихъ судовъ: самое названіе Вейле есть синонимъ выступившаго наружу морскаго дна. Городъ Вейле расположенъ на своего рода перешейкѣ изъ закрѣпленныхъ пространствъ почвы, между красиво изгибающейся линіей бухты и болотистыми низменностями, замѣнившими воды высохшаго лимана. Въ небольшомъ разстояніи къ сѣверо-западу отъ Вейле находится древній королевскій бургъ Еллингъ, гдѣ видны еще могильные курганы Горма и Тиры, воздвигнутые около 960 года сыномъ ихъ Гаральдомъ, по прозванью «Синій Зубъ»; между этими горками стоитъ старинная церковь; камни, воздвигнутые въ честь этой королевской четы, украшены любопытными символическими фигурами и руническими надписями, содержаніе которыхъ было разобрано Финнъ-Магнусономъ, Раскомъ и Рафномъ [1]).

Городъ Горсенсъ построенъ, какъ и Вейле, при оконечности фьодра того же имени, тогда какъ Ааргусъ, самый многолюдный городъ Ютландіи, расположенъ на самомъ берегу моря и имѣетъ гавань, хорошо защищенную отъ вѣтровъ. Ааргусъ важенъ какъ центральная станція желѣзныхъ дорогъ Ютландіи и какъ главная пристань для судоходства между полуостровомъ и Копенгагеномъ (торговая флотилія Ааргусскаго порта въ 1890 году: 60 судовъ въ 6.605 тоннъ). Политическое первенство принадлежало нѣкогда городу Виборгу, который находится на берегу озера, недалеко отъ геометрическаго центра Ютландіи: въ этомъ старинномъ городѣ короли всего чаще имѣли свое пребываніе; главная достопримѣчательность его—соборъ, одинъ изъ красивѣйшихъ храмовъ Даніи, недавно перестроенный заново. Далѣе на востокѣ встрѣчаемъ городъ Рандерсъ, имѣющій непосредственное сообщеніе съ моремъ черезъ фьордъ, у оконечности котораго онъ расположенъ; впрочемъ, суда, пройдя баръ, гдѣ глубина воды въ часы отлива менѣе 4 метровъ, должны останавливаться въ небольшомъ разстояніи передъ входомъ въ устье, на глубокой якорной стоянкѣ Удбигой. Рандерсъ, послѣ Гренобля,—одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ фабрикаціи перчатокъ, извѣстныхъ въ торговлѣ подъ названіемъ «шведскихъ».

Городъ Аальборгъ, растянувшійся на большомъ пространствѣ по южному берегу Лимфьорда, черезъ который въ этомъ мѣстѣ построенъ великолѣпный желѣзнодорожный мостъ, ведетъ довольно дѣятельную торговлю (торговая флотилія его въ 1890 г. состояла изъ 112 судовъ, въ 6.016 тоннъ); но баръ при входѣ въ заливъ такъ мелокъ, что проходить черезъ него могутъ только небольшія суда; вообще крайне необходимо было бы имѣть большой коммерческій портъ и безопасную гавань близъ сѣверной оконечности полуострова, между двумя бурными морями, Скагерракомъ и Каттегатомъ. Эта оконечность Ютландіи одна изъ самыхъ опасныхъ на обоихъ берегахъ въ дурную погоду: со стороны Скагеррака берегъ во многихъ мѣстахъ бываетъ усѣянъ выброшенными волною обломками разбившихся кораблей; между островомъ Лезе и мысомъ Скагенъ каждый годъ погибаетъ по меньшей мѣрѣ отъ тридцати до сорока судовъ, на сорокъ или пятьдесятъ тысячъ судовъ, проходящихъ черезъ проливъ; въ одну только бурю, свирѣпствовавшую въ ноябрѣ 1876 года, тридцать девять судовъ сѣли на мель въ Вейле; прибрежнымъ жителямъ часто приходится во время бурь отдавать себя на волю разъяренныхъ волнъ, чтобы спасти потерпѣвшихъ кораблекрушеніе [1]). Портъ Фредериксгавнъ, выкопанный на югѣ бухты, вокругъ которой изгибается восточный берегъ оконечности Скагенъ, совершенно недостаточенъ какъ убѣжище для судовъ во время бури, и потому пришли къ мысли увеличить его и дополнить якорною стоянкой рыбачьихъ островковъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Гиртсгольмене: эта гавань, гдѣ глубина воды значительна, оставалась бы круглый годъ открытою для движенія торговыхъ судовъ. Городокъ Скагенъ, состоящій изъ нѣсколькихъ группъ домовъ, защищенныхъ дюнами, замѣчателенъ какъ самое важное во всей Даніи мѣсто рыбной ловли. Мерланъ, треска, палтусъ, камбала и другая рыба ловится тамъ во мно-

[1]) „Memoires de la Société des Antiquaires du Nord“. 1845—49.

[1]) Ed. Erslev, „Den Danske Stat“.

жествѣ; вслѣдствіе этого, Скагенъ, какъ и сосѣдній городъ Фредериксгавнъ, постоянно посѣщаются живорыбными судами, которыя приходятъ туда за грузомъ живой рыбы и доставляютъ ее на рынки Копенгагена и другихъ датскихъ городовъ [1]).

На островѣ Фіенъ, или Фіонія, находится одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Даніи, Оденсе, «городъ, посвященный Одину». Онъ былъ основанъ ранѣе той эпохи, когда появился первый каменный домъ среди рыбачьихъ хижинъ, на мѣстѣ которыхъ теперь красуются дворцы Копенгагена; соборъ его заключаетъ нѣсколько гробницъ древнихъ королей; кромѣ того, онъ замѣчателенъ какъ мѣсто рожденія извѣстнаго поэта и увлекательнаго разсказчика Андерсена, происходящаго изъ очень бѣднаго семейства, подобно большей части великихъ писателей Даніи. Главный городъ обширнаго сада, образуемаго островомъ Фіонія, окруженный прекрасно обработанными полями, Оденсе есть въ то же время центръ промышленности и торговли, хотя онъ расположенъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря и сообщается съ нимъ только посредствомъ неглубокаго канала, куда не могутъ даже проникать суда, имѣющія 3 метра водоуглубленія. Впрочемъ, благодаря дорогѣ, пересѣкающей островъ, Оденсе дополняется на западѣ портами Миддельфартъ и Стрибъ, при проливѣ Малый Бельтъ, а на востокѣ — съ укрѣпленнымъ портомъ Ниборгъ, при проливѣ Большой Бельтъ. На южномъ берегу Фіоніи, напротивъ маленькаго острова Тасинге, лежитъ городокъ Свенборгъ, гдѣ находятся кораблестроительныя верфи; онъ служитъ сборнымъ пунтомъ для судоходства и рынкомъ для жителей острововъ Тасинге, Эре, Лангеландъ. Этотъ послѣдній островъ замѣчателенъ какъ родина братьевъ Эрстедъ, физика и юриста; филологъ Раскъ былъ сынъ бѣднаго крестьянина, жившаго на о. Фіоніи. Городъ Свенборгъ расположенъ въ одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей Даніи. Со всѣхъ окрестныхъ холмовъ взорамъ наблюдателя представляются восхитительные пейзажи. Самый высокій холмъ на островѣ Тасинге, называемый Брегнинге, имѣетъ всего только 81 метръ высоты; но съ вершины его вы видите у себя подъ ногами, точно на картѣ, обширное пространство въ 6.500 квадр. километровъ: буковые лѣса, воздѣланныя поля и рукава моря, усѣянные многочисленными судами [2]).

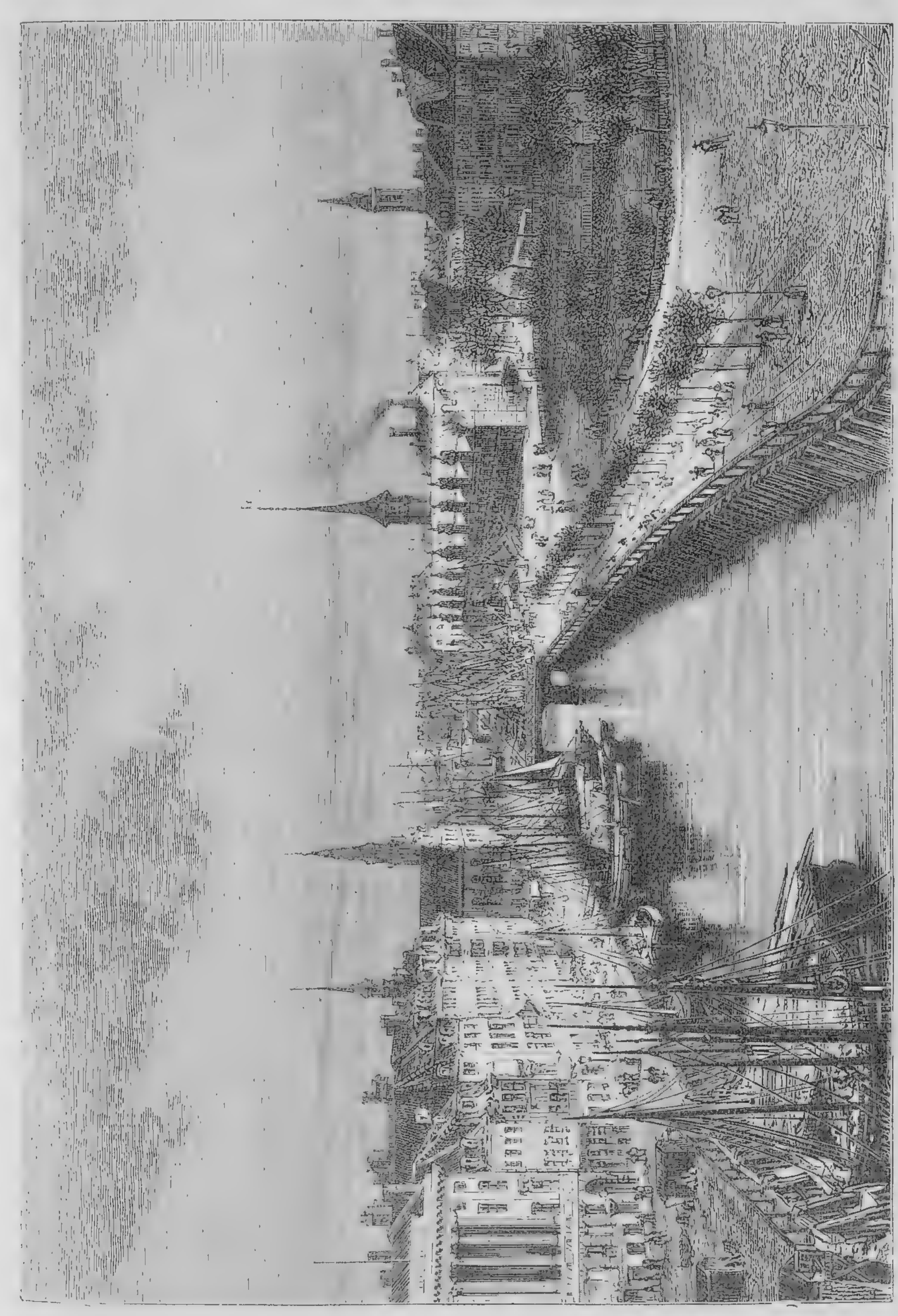
Главный городъ острова Зеландіи и столица государства, Копенгагенъ (по-датски Kjöbenhavn, что значитъ «Купеческая гавань»), заключаетъ въ себѣ восьмую часть населенія всего Датскаго королевства: всѣ датскіе города, вмѣстѣ взятые, не имѣютъ въ своихъ стѣнахъ столько жителей, какъ метрополія, расположенная на берегу одного изъ проливовъ, соединяющихъ Сѣверное море съ Балтійскимъ. Очевидно, Копенгагенъ по величинѣ больше, чѣмъ то, казалось бы, дозволяла политическая роль главнаго города маленькаго, пришедшаго въ упадокъ королевства: это объясняется тѣмъ, что онъ имѣетъ особенное значеніе не какъ датская столица, а какъ европейскій городъ, принадлежащій, такъ сказать, всѣмъ сѣвернымъ націямъ нашего континента.

Географическое положеніе Копенгагена, какъ и положеніе Константинополя, представляетъ двойную выгоду: тамъ перекрещиваются пути изъ одного моря въ другое и дорога, иногда твердая въ зимнее время, которая соединяетъ два полуострова. Товары и путешественники, направляющіеся изъ Балтики въ воды Великобританіи, изъ Германіи и Ютландіи въ порты Швеціи, должны проходить черезъ одинъ и тотъ же пунктъ. Каналъ и мостъ, такъ сказать, пересѣкаются подъ прямымъ угломъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Копенгагенъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ городъ возвеличился, сдѣлался могущественнымъ центромъ чрезъ торговлю. Правда, Эрезундъ или Зундъ — не единственный проливъ, посредствомъ котораго Балтика соединяется съ Нѣмецкимъ моремъ и который составляетъ продолженіе Каттегата; но онъ самый удобный для судоходства и въ дѣйствительности его можно считать единственнымъ каналомъ. Малый Бельтъ, лежащій въ сторонѣ отъ естественнаго пути судовъ, есть какъ-бы извилистая рѣка, которая, повидимому, сливается съ фьордомъ, врѣзывающимся въ берегъ Ютландіи. Большой Бельтъ, достаточно широкій и глубокій, чтобы дать проходъ цѣлымъ флотамъ, усѣянъ во многихъ мѣстахъ подводными камнями и песчаными мелями, и когда судоходство производилось только при помощи веселъ или парусовъ, суда должны были опасаться, въ этомъ длинномъ и извилистомъ проливѣ, частой перемѣны вѣтровъ и теченій. Зундъ, напротивъ, представляетъ каналъ, открывающійся по прямой линіи отъ одного моря до другаго, и гдѣ проходъ затрудняется только небольшимъ числомъ острововъ и подводныхъ скалъ. Суда, подталкиваемыя вѣтромъ и волной, часто могутъ входить изъ одного моря въ другое, не имѣя надобности мѣнять расположенія парусовъ. Западный вѣтеръ, который обыкновенно дуетъ въ этихъ водныхъ областяхъ, не болѣе затрудняетъ плаваніе при входѣ въ Балтійское средиземное море, чѣмъ при выходѣ изъ него; только чтобы избѣгнуть его, по временамъ, сильныхъ ударовъ, моряки должны стараться придерживаться защищеннаго отъ штормовъ и шкваловъ берега Зеландіи; но именно вдоль этого-то берега воды моря имѣютъ наибольшую глубину и наименѣе усѣяны под-

[1]) Irminger, „Notice sur les pêches du Danemark"; „Revue maritime et coloniale", sept. 1863.

[2]) Ed. Erslev, „Lærebog i den almindelige Geografi".

водными камнями и мелями. Слѣдовательно, городъ, построенный властителями страны, чтобы командовать судоходствомъ по проливу, естественно долженъ былъ возникнуть на за-



Копенгагенъ, каналъ Слотсъ. Видъ съ замка Христіанборгъ.

падномъ берегу Зунда: такимъ образомъ, теченіе воды и дуновеніе вѣтра напередъ назначили этому островному прибрежью торговое и политическое преобладаніе.

Что касается въ частности мѣста берега, гдѣ долженъ былъ построиться Константинополь балтійскаго пролива, то на первый взглядъ казалось бы всего естественнѣе было выбрать для этой цѣли мѣстоположеніе, занимаемое городомъ Гельзингеромъ [1]), такъ какъ тамъ открываются ворота въ собственномъ смыслѣ, ве-

[1]) Ed. Erslev, „Den Danske Stat“;—J. K. Kohl, „Die geographische Lage der Hauptstädte Europa's“.

*

дущія въ проливъ, и море, заключенное между двумя берегами, съуживается до того, что имѣетъ видъ рѣки. И дѣйствительно, стратегическое положеніе Гельзингера всегда было чрезвычайно важно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтеніе артиллеріи дало датчанамъ возможность командовать всею шириною этого морскаго прохода. Тѣмъ не менѣе, мѣстоположеніе Копенгагена имѣло то преимущество передъ Гельзингеромъ, что оно представляло торговлѣ безопасный рейдъ, обширный естественный портъ: брешь, открытая между большимъ островомъ Зеландіей и островкомъ Амагеръ, должна была привлекать суда, и послѣднія не преминули воспользоваться этимъ удобнымъ проходомъ, какъ только торговыя сношенія между двумя сосѣдними морями приняли правильный ходъ. Когда основанное въ этомъ мѣстѣ поселеніе упоминается въ первый разъ въ исторіи, въ 1043 году, оно не имѣетъ другаго имени, кромѣ Hafn, или «гавани», какъ будто это была гавань по преимуществу; около 1200 года лѣтописецъ Даніи, Саксонъ Грамматикъ (Saxo Grammaticus), называетъ его Portus Mercatorum, то-есть «Купеческимъ портомъ»; это наименованіе сохранилось за нимъ и до нашихъ дней. Даже съ военной точки зрѣнія Копенгагенъ занимаетъ столь же важное положеніе, какъ и Гельзингеръ, ибо фарватеръ судовъ идетъ именно вдоль его рейда и продолжается на югъ къ Балтійскому морю Дрогденскимъ проходомъ, между островами Амагеръ и Сальтгольмъ: мели и подводные камни дѣлаютъ недоступною большимъ судамъ ту часть Зунда, которая простирается на востокъ къ шведскимъ берегамъ. Такимъ образомъ форты Копенгагена, такъ же, какъ и укрѣпленія Гельзингера, господствуютъ надъ проливомъ, по которому должны проходить изъ одного моря въ другое суда, торговыя или военныя, дружественныя или непріятельскія. Политическое главенство Копенгагена послѣ того, какъ этотъ городъ избрали королевскою резиденціей, было легко завоевано; вскорѣ тамъ сосредоточились живыя силы государства; отсюда должна была впредь исходить всякая иниціатива Даніи, вся ея государственная дѣятельность; здѣсь же внѣшніе враги должны были пытаться нанести рѣшительный ударъ, чтобы овладѣть всею страной. По своему географическому положенію, Копенгагенъ есть центръ всего полукруга, который развертывается отъ мыса Скагенъ до острова Борнгольма; но его притягательная сила простирается далеко за предѣлы этой области, и часто Копенгагенъ, самый многолюдный городъ всей Скандинавіи, стремился сдѣлаться ея общей столицей, какъ былъ таковою Роскильде въ продолженіе цѣлой трети столѣтія, въ царствованіе королевы Маргариты и ея преемниковъ. Сканія долгое время оставалась датскою землей, а Норвегія только съ 1815 г. перестала быть политически соединенной съ Даніей. Однако, хотя Копенгагенъ пользуется превосходнымъ географическимъ положеніемъ въ торговомъ отношеніи, но, какъ столица государства, онъ не окруженъ землями, имѣющими достаточно сцѣпленія для того, чтобы онъ могъ сохранит свое могущество среди главныхъ городовъ сѣверной Европы. Въ самомъ дѣлѣ, что значит маленькій датскій архипелагъ въ сравнені с тѣми обширными равнинами, на которых сгруппировались, съ одной стороны, нѣмецкі населенія, съ другой—сѣверные славяне, и ко торыя съ теченіемъ времени образовали дв имперіи—Германію и Россію? Рядомъ съ этим могущественными государствами Данія не мо жетъ болѣе разсчитывать на свои собственны силы, и теперь соперничество ея сосѣдей сл житъ для нея лучшимъ шансомъ спасенія; спасеніе это очень ненадежно, и малѣйшее п литическое потрясеніе можетъ быть утили ровано для удовлетворенія завоевательны поползновеній того или другаго сосѣда. Копе гагенъ и Зундъ были бы, безъ сомнѣнія, др гоцѣнною добычей для завоевателя. Пет Великій называлъ основанный имъ на бер гахъ Невы городъ «окномъ, прорубленны въ Европу;» не могъ ли бы Копенгагенъ с латься дверью, отворенною въ остальной мі Къ счастью, два соперника, равные силой, да три, считая Великобританію, не спускав глазъ съ этого лакомаго куска.

Столица Даніи построена, такъ сказать, проливѣ, между островами Зеландія и Амаге Подвижныя илистыя мели были завоеваны морѣ посредствомъ земляныхъ насыпей; остро сохранившіе понынѣ прежнее названіе holm были соединены съ берегомъ; но вокругъ г ваней, военной и купеческой, многіе каналы придаютъ городу чисто голландскую физіономію. Часто опустошаемый пожарами, Копенгагенъ въ большей части имѣетъ видъ новаго города, и поясъ городскихъ стѣнъ и рвовъ, окружавшій его со стороны твердой земли, почти весь уничтоженъ, чтобы дать возможность строить новые кварталы въ прилегающей полосѣ, особенно на сѣверной и западной сторонахъ, по направленію къ Фредериксбергу; но цитадель и форты, построенные на берегу моря, отдѣляютъ городъ въ собственномъ смыслѣ отъ морскаго прибрежья, и даже въ самомъ морѣ стоятъ уединенные форты, воздвигнутые на искусственныхъ островкахъ. Эти укрѣпленія, эти грозныя крѣпостныя орудія напоминаютъ достославное сопротивленіе города, когда флотъ Нельсона пришелъ, въ 1801 году, аттаковать и уничтожить датскія военныя суда, стоявшія на рейдѣ. Шесть лѣтъ спустя, среди полнаго мира, англичане, какъ извѣстно, опять явились нежданно-негаданно, чтобы бомбардировать Копенгагенъ, жечь его зданія, захватить его флотъ.

Построенный изъ камня и кирпича, окрашенныхъ въ сѣрый цвѣтъ, Копенгагенъ—довольно красивый и богатый городъ, располагающій значительнымъ бюджетомъ. Въ немъ есть нѣсколько любопытныхъ памятниковъ и общественныхъ зданій, гдѣ собраны сокровища, драгоцѣнныя для ученыхъ и художниковъ. Вблизи порта, осьмиугольная площадь Амаліенборгъ, украшенная бронзовой конной статуей короля Фридриха V, окружена дворцами, составляющими обыкновенную резиденцію королевской фамиліи, а эти дворцы, въ свою очередь, окружены садами и парками. Дворецъ Христіансборгъ, гдѣ все еще происходятъ оффиціальные пріемы государя и гдѣ теперь собираются также обѣ палаты парламента, заключаетъ, между прочимъ, картинную галлерею, драгоцѣнную въ особенности собранными въ ней произведеніями живописи голландскихъ мастеровъ, а также богатой коллекціей картинъ датской школы. Недалеко отъ этого дворца помѣщается королевская библіотека, содержащая около полумилліона томовъ и до 17.000 рукописей. Университетъ, основанный уже четыре столѣтія тому назадъ и посѣщаемый нынѣ лишкомъ тысячею (около 1.200) студентовъ, также имѣетъ обширную библіотеку, заключающую около 250.000 томовъ, между которыми есть неоцѣненно дорогія сочиненія, какъ, напримѣръ, собраніе исландскихъ сагъ, состоящее изъ 2.000 манускриптовъ. Во дворцѣ наслѣднаго принца помѣщается превосходный музей сѣверныхъ древностей, основанный Ніерупомъ и въ особенности Томсеномъ: вмѣстѣ съ стокгольмской коллекціей древностей, это самый полный кабинетъ этого рода во всемъ свѣтѣ,—кабинетъ, долго служившій образцомъ; въ немъ собрано болѣе 40.000 предметовъ, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ, что они наглядно разсказываютъ нравы и образъ жизни людей, которые обитали послѣдовательно на почвѣ Даніи въ теченіе вѣковъ, предшествовавшихъ исторіи. Въ томъ же зданіи находится великолѣпный музей сравнительной этнографіи, созданный также стараніями Томсена. Замокъ Розенборгъ, дворецъ семнадцатаго столѣтія, подымающійся, среди окружающаго его сада, огромной квадратной массой съ высокими башнями по бокамъ, заключаетъ въ своихъ аппартаментахъ коллекціи предметовъ всякаго рода,—можетъ быть, менѣе богатыя, чѣмъ коллекціи дрезденской «Зеленой кладовой», но превосходно распредѣленныя по эпохамъ знаменитымъ Ворсеэ; одна изъ залъ содержитъ обширное собраніе венеціанскаго хрусталя. Въ другомъ замкѣ, Шарлоттенборгѣ, помѣщается академія художествъ. Что касается астрономической обсерваторіи, то это самое почтенное изъ всѣхъ заведеній этого рода, существующихъ въ Европѣ: краеугольный камень ея былъ положенъ въ 1637 году, полстолѣтія спустя послѣ того, какъ извѣстный Тихо-Браге воздвигъ на островѣ Гвенъ «Замокъ неба», нынѣ разрушенный. Недалеко отъ биржи, которая увѣнчана колокольней страннаго вида, сдѣланной изъ четырехъ переплетающихся драконовъ, бросается въ глаза громадная кенотафія въ египетскомъ стилѣ, посвященная памяти Торвальдсена и заключающая всю его мастерскую и различныя его коллекціи; въ центрѣ зданія, на обширномъ дворѣ, стоитъ гробница знаменитаго ваятеля, окруженная многочисленными статуями его работы. Каѳедральный соборъ также украшенъ нѣсколькими произведеніями рѣзца этого скульптора, славнѣйшаго изъ уроженцевъ датской столицы. Въ Копенгагенѣ существуетъ много ученыхъ обществъ; самое важное изъ нихъ—общество сѣверныхъ антикваріевъ; въ 1876 году основано географическое общество, насчитывающее теперь въ своей средѣ около тысячи членовъ.

Крупная промышленность Даніи сосредоточена главнымъ образомъ въ Копенгагенѣ и его предмѣстьяхъ: чугунолитейные и желѣзодѣлательные заводы, рафинадные заводы, прядильныя и ткацкія мануфактуры, фарфоровыя и фаянсовыя фабрики и, наконецъ, всякаго рода фабричныя заведенія, гдѣ приготовляются предметы оснастки и продовольствія судовъ, покрываютъ обширныя пространства земли въ сосѣдствѣ порта и во многихъ другихъ кварталахъ. Болѣе половины торговыхъ оборотовъ всего государства совершается на рынкѣ столицы, и хотя Копенгагенъ владѣетъ только четвертью торговаго флота, принадлежащаго Даніи, но болѣе чѣмъ половина судоходства королевства производится чрезъ его портъ. Купеческій флотъ Копенгагена состоитъ (1893 г.) изъ 460 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ 120.492 регистров. тоннъ, въ томъ числѣ 196 пароходовъ. Движеніе судоходства въ Копенгагенскомъ портѣ въ 1893 году представляло слѣдующія цифры:

По внутренней торговлѣ: въ приходѣ—5.882 судна, съ грузомъ, въ сложности, 192.155 тоннъ; въ отходѣ—6.237 судовъ, съ грузомъ въ 249.080 тоннъ. По внѣшней торговлѣ: въ приходѣ—11.302 судна, съ грузомъ въ 1.001.815 тоннъ; въ отходѣ—11.378 судовъ, съ грузомъ въ 260.528 тоннъ.

Значительная часть сырыхъ произведеній страны отправляется за границу изъ этого города, и сюда же привозится въ склады большая часть иностранныхъ мануфактурныхъ произведеній. Что касается цѣнности этой торговли, то она значительно превышаетъ половину цѣнности всего торговаго обмѣна королевства, ибо копенгагенскіе негоціанты получаютъ почти всѣ болѣе цѣнные товары, и всѣ главныя линіи пароходства имѣютъ свои пристани въ портѣ столицы: четыре пятыхъ коммерческаго пароваго флота Даніи принадлежатъ копенгаген-

скимъ судовладѣльцамъ. Столица Даніи выбрана мѣстомъ пребыванія компаніи сѣверныхъ телеграфовъ, которая владѣетъ почти 8.000 километровъ телеграфной проволоки, идущей отъ Англіи и Франціи до Японіи черезъ всю Европейскую Россію и Сибирь. Прилегающій съ южной стороны островъ Амагеръ можетъ быть названъ садомъ столицы, благодаря трудолюбію живущихъ на немъ земледѣльцевъ, предки которыхъ переселились изъ сѣверной Голландіи въ 1514 году; эти нидерландскіе колонисты, занимающіеся огородничествомъ и передающіе свой промыселъ изъ рода въ родъ, носятъ еще отчасти старинный національный костюмъ, да и въ языкѣ ихъ встрѣчаются кое-какіе слѣды голландской рѣчи. Другой сосѣдній островъ, называемый Сальтгольмъ, также можетъ быть разсматриваемъ какъ часть Копенгагена, хотя онъ отдѣленъ отъ города Дрогденскимъ проливомъ. Островъ этотъ очень низменный: поверхность его такъ мало поднимается надъ моремъ, что издали пасущійся на травѣ скотъ кажется бродящимъ по водѣ; тѣмъ не менѣе, на островѣ существуютъ большія ломки известковаго камня.

Идя вдоль западнаго берега Зунда на сѣверъ отъ Копенгагена, мы увидимъ, среди очаровательной мѣстности, рядъ загородныхъ домовъ, садовъ, парковъ, слѣдующихъ одни за другими вплоть до морскихъ купаленъ Клампенборгъ и до Іегерсборгскихъ лѣсовъ; но самые обширные лѣса тянутся внутри Зеландіи, гдѣ также выстроились и самые красивые замки. Самый значительный изъ этихъ замковъ, Фредериксборгъ, расположенный близъ мѣстечка Гиллередъ, представляетъ пышный памятникъ, высокія башни котораго отражаются въ зеркальной поверхности сосѣдняго озера. Желѣзная дорога изъ Копенгагена въ Гельзингеръ описываетъ большую дугу къ западу, чтобы пройти мимо этого датскаго Версаля, построеннаго въ семнадцатомъ вѣкѣ королемъ Христіаномъ IV, а также мимо замка Фреденсборгъ, лѣтней резиденціи двора, построенной въ началѣ прошлаго столѣтія королемъ Фридрихомъ V. Этотъ дворецъ славится въ особенности великолѣпными деревьями, растущими въ его паркѣ, и многочисленными статуями, изваянными скульпторомъ Видевельтомъ, предшественникомъ Торвальдсена.

Замокъ Кронборгъ, громадная четыреугольная масса, усаженная башенками и маленькими колокольнями, горделиво высится на косѣ, которая выступаетъ изъ линіи берега въ самомъ узкомъ мѣстѣ Зунда, какъ бы для того, чтобы соединить лежащіе другъ противъ друга датскій Гельзингеръ и шведскій Гельзингборгъ. Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія это зданіе замѣнило замокъ Эрекрогъ, который былъ построенъ на мѣстѣ еще болѣе древняго сооруженія, называвшагося Флиндерборгомъ; народное преданіе гласитъ, что въ подземельяхъ національный богатырь Ольгеръ Датчанинъ (Holger Danske) уже много вѣковъ покоится глубокимъ сномъ, ожидая, чтобы пробудиться, дня, когда отечество, въ виду грозящей бѣды, будетъ нуждаться въ его могучей рукѣ. Замокъ этотъ замѣчателенъ еще какъ резиденція Гамлета, и поэзія, больше чѣмъ исторія, доставила ему всемірную извѣстность. Съ высоты его террасъ взоръ тщетно отыскиваетъ тотъ «страшный утесъ», о которомъ говоритъ Шекспиръ: событія, о которыхъ разсказываетъ великій англійскій поэтъ, не имѣли мѣста въ дѣйствительности, но посѣтитель, тѣмъ не менѣе, присутствуетъ при нихъ мыслью, и ему кажется, что ухо его слышитъ, какъ въ залахъ замка звучатъ иныя изъ тѣхъ великихъ словъ, которыя никогда не забудутся.

Теченіе Зунда проходитъ передъ самымъ Гельзингеромъ, и здѣсь именно находится мѣсто естественнаго соединенія двухъ морей, Сѣвернаго и Балтійскаго. Короли Даніи позаботились укрѣпить эту важную позицію съ тою цѣлію, чтобы взимать пошлину съ проходящихъ судовъ. Еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія всѣ торговыя націи безпрекословно соглашались платить эту дань, и суда, вступая въ проливъ, должны были останавливаться передъ жерлами гельзингерскихъ пушекъ. Наконецъ, въ 1855 г. Соединенные Штаты первые отказались давать этотъ унизительный поборъ, а въ 1857 году заключена была выкупная конвенція, отмѣнившая окончательно зундскую пошлину, при чемъ Даніи опредѣлено было вознагражденіе въ суммѣ 87.345.000 франковъ, уплата которой разложена между шестнадцатью націями, пропорціонально размѣрамъ ихъ торговли. Въ наши дни Гельзингерскій рейдъ не загроможденъ кораблями, какъ это было во времена существованія зундской пошлины; но и теперь ежегодно около 50.000 судовъ проходятъ мимо его набережныхъ, и этотъ маленькій портъ все еще посѣщается, какъ продовольственный рынокъ: каждый годъ отъ четырехъ до шести тысячъ судовъ останавливаются въ немъ, чтобы запастись свѣжею провизіей (въ 1893 г. было въ приходѣ 624 судна въ 47.850 тоннъ).

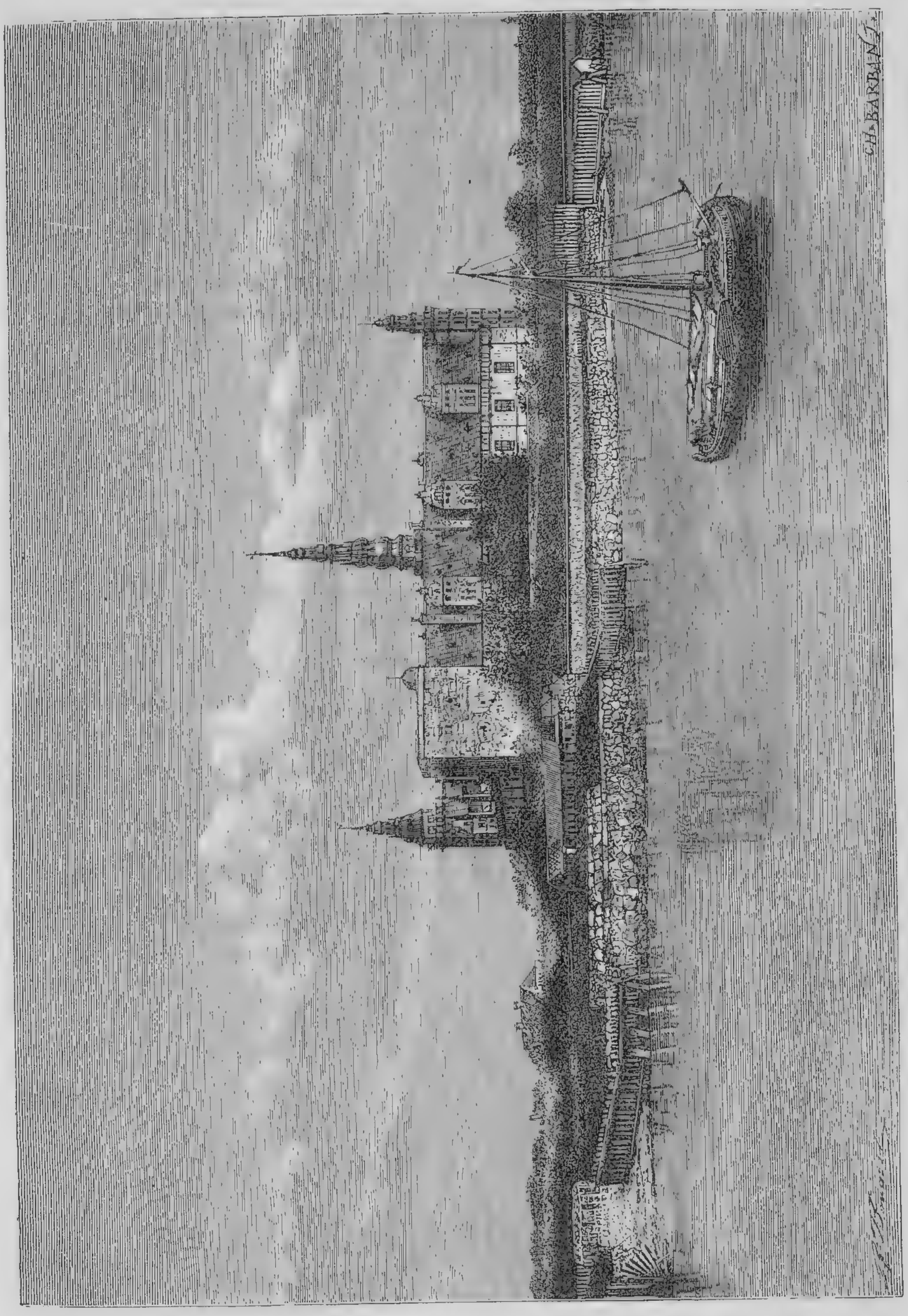
Собственный торговый флотъ Гельзингера состоитъ (1893 г.) изъ 208 судовъ.

Роскильде, который прежде, до Копенгагена, былъ столицею государства и самымъ многолюднымъ городомъ Даніи, долженъ былъ постепенно утратить свою важность съ тѣхъ поръ, какъ маленькія ладьи, на которыхъ плавали древніе датчане, были замѣнены судами большихъ размѣровъ: фьордъ, у южной оконечности котораго расположенъ Роскильде, усѣянъ песчаными мелями, и только плоскодонныя барки могутъ подниматься по этому мелководному заливу до самаго города.

Переставъ быть политическою столицей ко-

ролевства, Роскильде еще долго послѣ того былъ духовною метрополіей Даніи; онъ наполнился церквами и монастырями, и теперь еще соборъ его, построенный въ концѣ одиннадца-

Даніи. Мѣстность, окружающая г. Роскильде, есть, вмѣстѣ съ окрестностями Гельзингера, классическая область древней датской исторіи, еще перемѣшанной со сказочнымъ элементомъ.



Замокъ Кронборгъ. Видъ съ Зунда.

таго столѣтія Гаральдомъ, по прозванію «Синій Зубъ», по справедливости считается прекраснѣйшимъ храмовъ во всей странѣ. Соборъ этотъ можно назвать датскимъ Сенъ-Дени, такъ какъ въ немъ похоронены очень многіе изъ государей

Въ самомъ Роскильде существуютъ священные источники, отъ которыхъ городъ и получилъ свое названіе.

Только два города Зеландіи находятся внутри острова, далеко отъ морскаго берега: Со-

ре, замѣчательный своею главною школою, наслѣдницею древняго аббатства, которое прославилъ лѣтописецъ Саксонъ-Грамматикъ, и Слагельсе, обогатившійся земледѣльческою промышленностью окрестныхъ деревень. Всѣ другіе города этого острова обязаны пріобрѣтеннымъ ими болѣе или менѣе важнымъ значеніемъ своей морской торговлѣ. Калундборгъ, на сѣверо-западѣ Зеландіи, служилъ прежде передовымъ портомъ Копенгагена для пассажировъ изъ Ютландіи; Корсеръ, охраняющій входъ во внутреннюю лагуну того же имени, имѣющую форму кратера, важенъ какъ пристань для пароходовъ, совершающихъ рейсы черезъ Большой Бельтъ; Кьеге, на востокѣ, Нестведъ, Фордингборгъ, на югѣ тоже имѣютъ значеніе, какъ внѣшнія гавани Копенгагена на окружности острова. На островѣ Фальстеръ есть хорошо защищенный отъ вѣтровъ портъ, называемый Никьебингъ, а островъ Лаландъ отправляетъ мѣстные продукты, скотъ и хлѣбъ, черезъ портовый городъ Наксковъ и его фьордъ, сплошь усѣянный островками.

Главный городъ Борнгольма, Ренне, лежитъ близъ юго-западнаго угла острова. Важнѣйшіе промыслы его жителей — часовое и гончарное мастерство. Въ этомъ городѣ путешественникъ не встрѣтитъ тѣхъ достопримѣчательностей, которыя бросаются въ глаза во многихъ мѣстечкахъ острова, именно уединенныхъ колоколенъ, служащихъ сторожевыми башнями, и гранитныхъ церквей, построенныхъ въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ: четыре изъ этихъ древнихъ храмовъ имѣютъ круглую форму.

Города Даніи съ населеніемъ (въ 1890 году) свыше 5.000 душъ:

Копенгагенъ съ предмѣстьями—408.000 жителей; Зеландія (по исчисленію 1895 года)—335.000 жит.; Оденсе (Фіонія)—30.268 жит.; Аргусъ (Ютландія)—33.308 ж.; Аальборгъ—19.503 жит.; Рандерсъ—16.617 жителей; Горсенсъ—17.290 жит.; Гельзингеръ—11.082 ж.; Фредериція (Ютландія)—10.042 жителей; Виборгъ—8.000 жит.; Свенборгъ (Фіонія)—8.755 жит.; Вейле (Ютландія) — 8.000 жит.; Кольдингъ — 9.658 жит.; Слагельсе (Зеландія) - 6.816 жит.; Роскильде—6.974 ж.; Ренне (Борнгольмъ) — 8.281 жителей; Ниборгъ (Фіонія)—6.050 жит.

V.

Съ начала текущаго столѣтія населеніе нынѣшней Даніи болѣе чѣмъ удвоилось: съ 929.000 цифра его поднялась до 2 слишкомъ милліоновъ душъ. Еще не очень густое, пропорціонально поверхности территоріи, оно не перестаетъ возрастать, такъ какъ рождаемость превышаетъ смертность, среднимъ числомъ, на двѣ пятыхъ. Избытокъ населенія въ Даніи, какъ и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, устремляется преимущественно въ города: въ періодъ съ 1840 по 1878 г., число городскихъ жителей возрасло на 90 процентовъ, тогда какъ сельское населеніе увеличилось только на 43 процента. Съ половины настоящаго столѣтія, эмиграціонное движеніе въ Новый Свѣтъ также приняло довольно значительные размѣры: иногда въ одинъ годъ болѣе 10.000 лицъ покидали родину, чтобы отправиться за океанъ,—пропорція эмигрантовъ весьма значительная для одного изъ самыхъ маленькихъ государствъ Европы. Въ періодъ съ 1869 до 1876 года изъ Даніи эмигрировало 32.935 лицъ. Что касается иммигрантовъ, то они переселяются главнымъ образомъ изъ бывшихъ датскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Германіи.

Земледѣліе, которымъ непосредственно существуетъ три-пятыхъ датскаго населенія, находится въ цвѣтущемъ состояніи, хотя болѣе трети страны состоитъ еще изъ песчаныхъ пространствъ, болотъ, необработанныхъ земель или залежей. Все пространство страны составляетъ (1888 г.) 3.836.109 гектаровъ. Изъ этой площади было засѣяно: пшеницей—48.5[illegible] гект.; рожью—280.920 гектаровъ; ячменемъ 298.061 гект.; овсомъ—426.076 гект.; гречей 22.655 гект.; стручковыми—17.276 гектаровъ; смѣсью пшеницы и ржи—135.221 гект.; картофелемъ—52.263 гект.; рѣпой и т. п.—52.9[illegible] гект.; льномъ, коноплей, хмѣлемъ и пр.—21.7[illegible] гектаровъ.

Кромѣ того, занимали (гектаровъ): луга и залежи — 1.508.929; сады — 28.286; лѣса — 226.840; болота, пустоши и т. д. — 592.39[illegible]; застроенныя мѣста, дороги, воды—86.578.

Средняя годовая цѣнность (1887—1891 г.) сбора хлѣбовъ и сѣна составляла 290 милліоновъ кронъ (крона=1 фр. 39 сантим. 52 коп.).

Своимъ цвѣтущимъ состояніемъ датская земледѣльческая промышленность обязана всего болѣе отмѣнѣ ввозной пошлины на зерновой хлѣбъ въ Англіи. Какъ только британскіе рынки, самые важные во всемъ свѣтѣ, открылись для датскихъ хлѣботорговцевъ, цѣны на хлѣбный товаръ тотчасъ же поднялись во всѣхъ земледѣльческихъ округахъ Ютландіи и острововъ. Въ то же время другія произведенія почвы, прямыя или косвенныя, увеличились въ цѣнѣ, и изъ всѣхъ датскихъ портовъ установилось правильное движеніе по вывозу за границу овощей, фруктовъ, коровьяго масла, скота. Особенно большіе успѣхи скотоводство сдѣлало въ Ютландіи, гдѣ имѣются превосходныя породы рогатаго скота: крупныя коровы изъ области Ти очень цѣнятся и даютъ много молока; въ травянистыхъ равнинахъ низменныхъ мѣстностей откармливаніе животныхъ на убой производится очень быстро. Количество домашнихъ животныхъ въ Даніи (1893 г.):

Лошадей — 411.000; быковъ и коровъ —

1.696.000; овецъ и козъ—1.272.000; свиней—829.000 ульевъ—126.000.

Пропорціонально своему пространству и населенію, Данія изъ всѣхъ европейскихъ государствъ имѣетъ наибольшее количество крупнаго рогатаго скота, и если нѣкоторыя страны превосходятъ ее по числу овецъ и свиней, то она все-таки должна быть причислена къ землямъ, наиболѣе богатымъ животными и этихъ двухъ видовъ.

Въ Даніи есть очень большія помѣстья; еще недавно многія имѣнія пользовались привилегированнымъ положеніемъ, именно вотчины бароновъ, графовъ или наслѣдственныхъ сеньоровъ, средній налогъ съ которыхъ, исчисляемый въ тоннахъ хлѣба, представлялъ поземельный сборъ съ 35 гектаровъ превосходнѣйшихъ земель. Въ настоящее время эти привилегіи уже отмѣнены; но обычай классифицировать земли по величинѣ налога въ тоннахъ хлѣба сохранился по сей день, и даже крестьяне дѣлятся на три класса: первый классъ составляютъ тѣ крестьяне-собственники, довольно богатые по большей части, земля которыхъ обложена налогомъ въ размѣрѣ болѣе одной тонны хлѣба, такъ называемые gaardmaend; ко второму классу принадлежатъ жихари, имѣющіе только домъ съ усадебною землей и платящіе налога менѣе одной тонны хлѣба, huusmaend; наконецъ, третій классъ состоитъ изъ людей, живущихъ у другихъ, или батраковъ, inderster. Можно сказать, что средняя и мелкая земельная собственность составляютъ правило; въ 1885 году въ Даніи считалось:

Крупныхъ имѣній (свыше 12 тоннъ хлѣба)—1.954; среднихъ имѣній (отъ 12 до 1 тонны зимняго хлѣба) – 71.678; мелкихъ имѣній (ниже одной тонны)—150.260.

Большинство датскихъ крестьянъ живетъ въ полномъ довольствѣ; дома у нихъ удобные, свѣтлые и просторные, снабженные солидною мебелью, украшенные съ нѣкоторою роскошью. По оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, совокупность богатствъ Даніи исчисляется въ суммѣ отъ 6 до 7 съ половиной милліардовъ франковъ, что составитъ отъ 3.000 до 3.750 франк. на каждаго жителя, и ежегодное приращеніе національнаго имущества равняется, въ среднемъ выводѣ, 120 милліонамъ. Ни въ одной странѣ сберегательныя кассы не имѣютъ, пропорціонально, больше капиталовъ, чѣмъ въ Даніи: судя по статистикѣ этихъ учрежденій, датчане самый бережливый народъ въ Европѣ; между тѣмъ какъ среднее сбереженіе англичанина равно 54 франк., оно составляетъ болѣе 160 франк. на каждаго жителя Даніи. Въ то же время эта страна единственная во всей континентальной Европѣ, гдѣ за нуждающимся признается право на общественную помощь, и гдѣ установлены спеціальные налоги для оказанія пособія бѣднымъ; но доходы, доставляемые этими налогами, употребляются только въ городахъ, особенно въ Копенгагенѣ; въ деревняхъ же благосостояніе распространено во всей массѣ населенія. Въ Даніи и въ другихъ скандинавскихъ странахъ передовыя политическія партіи состоятъ преимущественно изъ крестьянъ, тогда какъ во Франціи и въ остальной Европѣ сельское населеніе является, вообще говоря, болѣе отсталымъ, чѣмъ жители городовъ. Сознавая очень хорошо свои права, датскіе крестьяне жалуются всего болѣе на неравномѣрное распредѣленіе тягостей государственнаго бюджета.

Рыбная ловля не способствуетъ этому общему экономическому благосостоянію страны въ той мѣрѣ, какъ можно было бы ожидать, имѣя въ виду большое протяженіе ея морскихъ береговъ и обиліе животной жизни въ моряхъ, омывающихъ эти берега. Жители острововъ и восточной Ютландіи находятъ въ земледѣліи болѣе легкое и болѣе вѣрное средство существованія, чѣмъ какое могъ бы дать имъ рыболовный промыселъ, зависящій отъ разныхъ случайностей; они не хотятъ подвергаться опасности, чтобы добыть продуктъ, который имъ нужно бы продать по низкой цѣнѣ; молодые люди прибрежья предпочитаютъ наниматься на корабли, предпринимающіе дальнія плаванія, гдѣ они могутъ разсчитывать на болѣе вѣрный и правильный заработокъ [1]). Однако, и этотъ промыселъ не въ пренебреженіи, особенно вдоль западныхъ береговъ, гдѣ мало-плодородная земля не даетъ хлѣбопашцу достаточнаго дохода. При томъ же воды у этихъ береговъ очень богаты рыбой. Въ Нимминде-Габъ, то-есть при устьѣ фьорда Рингкьебингъ, въ 1862 году было наловлено слишкомъ 700.000 мерлановъ и около 25.000 штукъ трески. Въ окрестностяхъ мыса Скагенъ, на низменныхъ берегахъ Лимфьорда, на рѣкѣ Гуденъ и фьордѣ Рандерсъ, равно какъ на берегахъ Бельта, рыболовство также очень дѣятельно; борнгольмскіе моряки ловятъ много сельдей и лососей, которыхъ они отвозятъ въ Свинемюнде, откуда рыба эта отправляется въ Берлинъ, Вѣну и Парижъ. Въ Миддельфартѣ, на островѣ Фіоніи, существуетъ съ 1693 года корпорація рыбаковъ, которые въ зимнее время занимаются охотой на мангаковъ, или морскихъ свиней (Delphinus phocaena), отъ которыхъ они собираютъ жиръ: годовой уловъ тысячи этихъ морскихъ млекопитающихъ даетъ миддельфартскимъ рыболовамъ достаточные для существованія барыши [2]).

Данія не принадлежитъ къ числу странъ крупной фабричной промышленности: за исключеніемъ Копенгагена и нѣкоторыхъ городовъ Фіоніи и Ютландіи, во всемъ краѣ нѣтъ почти никакихъ

[1]) Irminger, „Notice sur les Pêches du Danemark"; „Revue maritime et coloniale", sept. 1863.

[2]) Irminger, „Notice sur les Pêches du Danemark".

фабричныхъ заведеній, кромѣ фабрикъ грубыхъ суконъ и винокуренныхъ и водочныхъ заводовъ; главная причина тому—недостатокъ каменноугольныхъ копей и движущей силы воды. Въ тѣхъ рѣдкихъ округахъ датскихъ островов, гдѣ какой-нибудь ручей течетъ по наклонному скату, какъ напримѣръ, въ Фредериксверкѣ, при выходѣ изъ озера Арре, берега потока усѣяны заводами. Но датчане посредствомъ дѣятельной торговли получаютъ изъ другихъ странъ всѣ потребные имъ мануфактурные предметы. Пропорціонально числу своихъ жителей, Данія производитъ болѣе значительный торговый обмѣнъ съ другими государствами, чѣмъ Франція. Въ продолженіе десяти лѣтъ, протекшихъ съ 1866 по 1875 годъ, внѣшняя торговля страны увеличилась почти на половину; но приращеніе относится главнымъ образомъ къ привозу. Общая цѣнность заграничнаго торговаго обмѣна Даніи исчисляется, среднимъ числомъ, въ 550 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ болѣе чѣмъ 300 милліоновъ приходится на долю привозной торговли.

Обороты датской внѣшней торговли въ 1895 году: привозъ — 374.039.000 кронъ; отпускъ—270.894.000 кронъ.

Самое географическое положеніе страны, казалось бы, должно обезпечивать Германіи первое мѣсто между націями, съ которыми Данія ведетъ торговыя сношенія, и, дѣйствительно, до 1875 года большая часть коммерческаго обмѣна производилась съ нѣмецкими портами; но, несмотря на отдаленность, Великобританія, въ концѣ концовъ, опередила своихъ гамбургскихъ, любекскихъ и штеттинскихъ соперниковъ.

Цѣнность торговаго обмѣна Даніи съ иностранными государствами въ 1895 г. (въ милліонахъ кронъ): Великобританія—226; Германія—188; Швеція—69; Норвегія—12,5; Датскія колоніи—8; Россія—43; Нидерланды—10; Франція—8; Соединенные Штаты—12,3.

Впрочемъ, Германія служитъ посредницей почти всѣхъ торговыхъ сношеній Даніи съ континентальной Европой, въ особенности съ Франціей, Бельгіей, Нидерландами и Австро-Венгріей.

Такъ какъ торговое движеніе страны должно производиться почти исключительно моремъ, то понятно, что судоходство играетъ чрезвычайно важную роль въ народномъ хозяйствѣ Даніи: по количеству перевозимыхъ грузовъ оно превышаетъ 2 милліона тоннъ, причемъ большая часть тоннажа приходится на долю паровыхъ судовъ, какъ видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ:

Движеніе судоходства въ датскихъ портахъ въ 1895 г.:

Въ приходѣ: каботажныхъ судовъ—31.438, въ 566.462; (въ т. ч. 15.286 парох. въ 368.597 т.); судовъ дальняго плаванія — 27.760, въ 2.264.559 т. (13.651 парох., 1,610.554 т.).

Въ отходѣ: каботажныхъ судовъ — 32.368, въ 551.886 т. (15.098 парох., 367.319 т.) судовъ дальняго плаванія—27.736, въ 548.290 т. (14.097 парох., 426.915 т.).

Торговый флотъ Даніи въ 1896 г.:

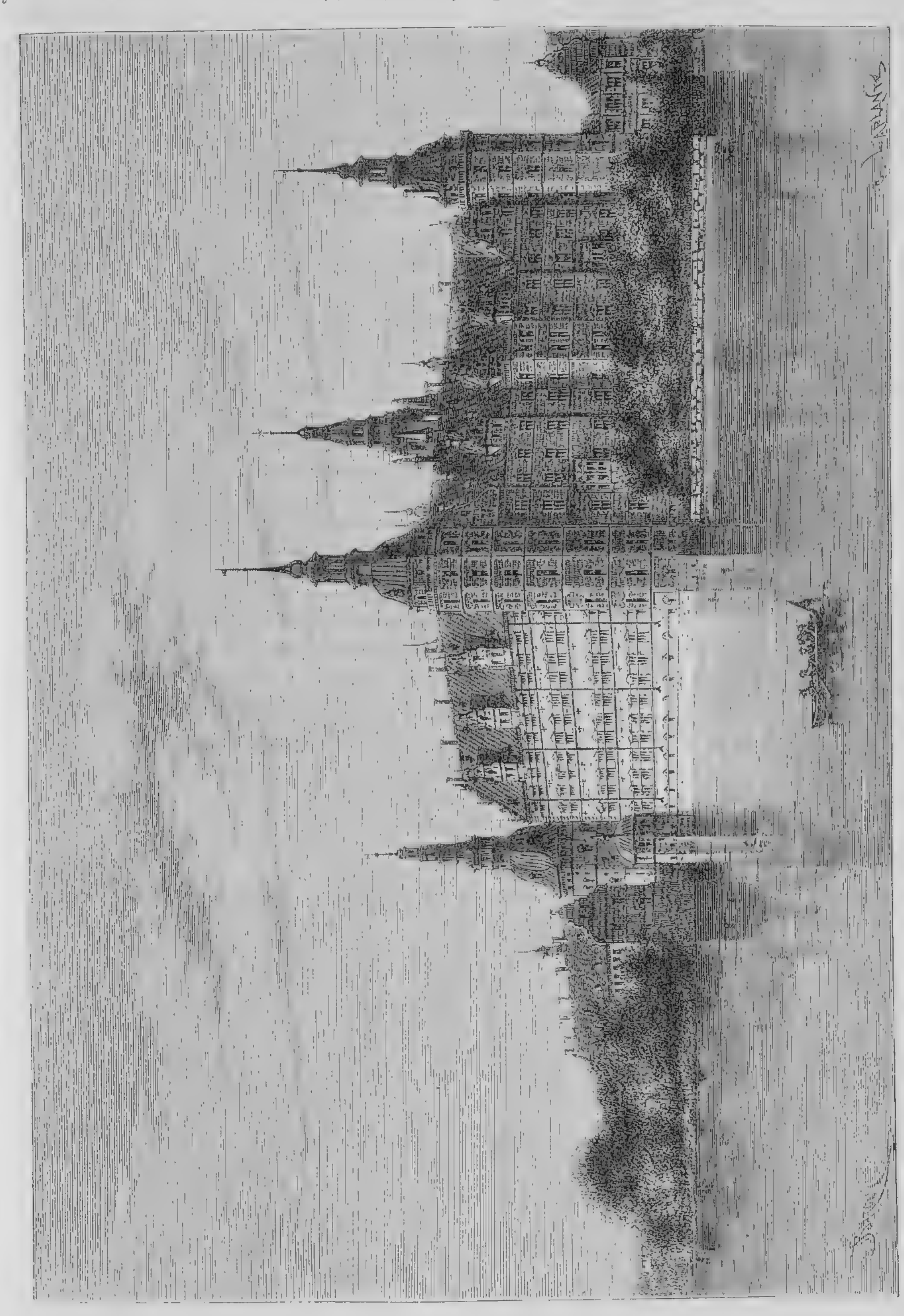
Парусныхъ судовъ—3.168, въ 185.102 тонны, паровыхъ—422, въ 144.931 тонны, всего 3.590 судовъ, въ 330.033 тонны.

Кромѣ того, мелкихъ судовъ (вмѣстимостью въ 4 тонны и меньше): 11.524.

Благодаря проливамъ и многочисленным фьордамъ, водяныя сообщенія въ Даніи вез очень удобны, исключая нѣкоторыхъ част Ютландіи, и на каждомъ островѣ сухопутн дороги соединяютъ всѣ главные порты пр брежья; желѣзныя дороги довольно мног численны въ краѣ, и Копенгагенъ простирает точно исполинскія руки, свои желѣзныя лин ко всѣмъ берегамъ Зеландіи. Общее протяж ніе рельсовыхъ путей Даніи въ концѣ 1896 г. с ставляло 2.309 километровъ. Телеграфная сѣ и движеніе почтовой корреспонденціи возрас въ такой же пропорціи. Общая длина госуда ственныхъ телеграфныхъ линій Даніи 1896 году равнялась 5.394 километрамъ, чис переданныхъ депешъ: внутреннихъ—577.06 международныхъ--1.218.941. Почта: въ 189 переслано (въ тысячахъ): по внутренней ко респонденціи—51.018 писемъ и 61.988 печа ныхъ произведеній и товарныхъ образчиковъ; заграничной корреспонденціи—11.074 писем и 4.126 печатныхъ произведеній и образчико.

Общественное образованіе очень развито въ Даніи, такъ какъ посѣщеніе школъ по закону обязательно для всѣхъ дѣтей отъ семилѣтняго до четырнадцатилѣтняго возраста. Во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ королевства существуютъ гимназіи, школы «латинскія» и точныхъ наукъ, а также спеціальныя учебныя заведенія; во всѣхъ деревняхъ есть начальныя школы, низшія и высшія; кромѣ того, съ половины текущаго столѣтія основано въ разныхъ мѣстахъ болѣе пятидесяти крестьянскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Рядомъ съ образовательными заведеніями, принадлежащими государству, существуетъ семь частныхъ заведеній, также имѣющихъ право выдавать своимъ воспитанникамъ свидѣтельства, дающія имъ доступъ въ университетъ. Съ 1875 года женщины могутъ слушать университетскіе курсы на равныхъ правахъ съ мужчинами и, по выдержаніи экзамена, получать тѣ же дипломы. Нѣтъ сомнѣнія, что, взятая въ цѣломъ, датская нація есть одна изъ тѣхъ націй, которыя занимаютъ высшую ступень въ ряду современныхъ государствъ по среднему образованію и по любви къ чтенію (въ 1888 году въ Даніи выходило 179 газетъ и 260 другихъ періодическихъ изданій; книгъ и брошюръ издано 3.426 томовъ), такъ же, какъ и по матеріальному благосостоянію. Но, по какому-то стран-

ному контрасту, именно между датчанами душевныя страданія и скорби всякаго рода доводятъ до отчаянія наибольшее число людей: нигдѣ, кромѣ, развѣ, Саксоніи, самоубійства не случаются такъ часто, какъ въ Даніи; между



Замокъ Фредериксборгъ.

тѣмъ какъ во Франціи на милліонъ жителей приходится 110 самоубійцъ, въ Даніи число добровольно лишающихъ себя жизни достигаетъ 288 [1]).

[1]) H. C. Lombard, „Traité de climatologie médicale“.

VI.

По датской конституціи, нѣсколько разъ подвергавшейся измѣненіямъ съ 1869 года, всѣ граждане, достигшіе тридцатилѣтняго возраста, имѣющіе не менѣе одного года постоянное жительство въ общинѣ и не получающіе пособія отъ общественной благотворительности, образуютъ собраніе или общество избирателей. Они выбираютъ, сами непосредственно, на трехлѣт-

ній срокъ, членовъ фолькетинга (Folkething), или народнаго собранія, число которыхъ опредѣлено въ 102 для всей монархіи. Выборные члены ландстинга (Landsthing), или верхней палаты, назначаются, въ числѣ 54, на восемь лѣтъ избирательными собраніями, состоящими частію изъ городскихъ и сельскихъ плательщиковъ высшей цифры налоговъ, частію изъ делегатовъ отъ гражданъ. Къ этимъ 54 временнымъ членамъ король прибавляетъ 12 пожизненныхъ, которыхъ онъ выбираетъ между настоящими или бывшими членами законодательнаго собранія. Народные представители и сенаторы, образующіе вмѣстѣ государственный сеймъ или парламентъ, называемый ригсдагомъ (Rigsdag), получаютъ за отправленіе своихъ обязанностей денежное вознагражденіе, какъ тѣ, такъ и другіе въ размѣрѣ около девяти франковъ въ день. Подобно тому, какъ это ведется въ другихъ конституціонныхъ странахъ, государственный бюджетъ, представляемый правительствомъ, прежде всего обсуждается въ палатѣ депутатовъ. Черезъ каждые четыре года ландстингъ выбираетъ изъ своей среды четырехъ судей высшаго суда, Höieste Ret, который одинъ можетъ вѣдать обвиненія, возбужденныя противъ членовъ той или другой палаты.

Исполнительная власть приводится въ дѣйствіе министерствомъ, состоящимъ изъ шести членовъ: министра финансовъ, который въ то же время есть президентъ совѣта министровъ, далѣе министровъ иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, юстиціи и по дѣламъ Исландіи, военнаго и морскаго. По закону, всѣ они несутъ, лично и коллективно, отвѣтственность за свои дѣйствія, и, въ случаѣ признанія судомъ ихъ виновности, они могли бы быть помилованы не иначе, какъ съ согласія фолькетинга. Король долженъ исповѣдывать лютеранскую вѣру, признанную господствующей религіей государства; годовой окладъ на содержаніе его двора (liste civile) опредѣленъ въ 1.400.000 франковъ; на содержаніе наслѣднаго принца отпускается 168.000 франковъ. Судьи 18 трибуналовъ первой инстанціи, или окружныхъ судовъ, назначаются королемъ, такъ же, какъ и судьи двухъ апелляціонныхъ судовъ, или судебныхъ палатъ, изъ которыхъ одна имѣетъ пребываніе въ Копенгагенѣ, а другая въ Виборгѣ (округъ первый обнимаетъ острова, а второй Ютландію). До недавняго времени судебная и административная власть были соединены въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ; только въ 1868 году изданъ законъ объ измѣненіи этого порядка въ близкомъ будущемъ; отнынѣ судебная власть должна быть отдѣлена отъ административной, но это преобразованіе, которое вводится постепенно, еще не окончено.

Гражданское судопроизводство, которое прежде велось письменно, нынѣ производится публично и устно, въ порядкѣ состязательномъ. Адвокаты дѣлятся на три категоріи, и только небольшое число изъ нихъ, именно присяжные повѣренные при высшемъ судѣ, имѣютъ право вести дѣла во всѣ судебныхъ установленіяхъ: въ 1872 году во всемъ королевствѣ такихъ адвокатовъ насчитывали только 11 человѣкъ.

Хотя лютеранская обрядность оффиціально признается религіей государства, въ Даніи существуетъ полная свобода вѣроисповѣданія, и если не считать косвенной поддержки, оказываемой черезъ посредство бюджета, никто не обязанъ принимать какое бы то ни было участіе въ содержаніи культа, къ которому онъ не принадлежитъ. Вѣрующіе даже добились права группироваться и составлять товарищества для основанія приходовъ, называемыхъ «выборными», гдѣ прихожане сами назначаютъ и удовлетворяютъ жалованьемъ священно-и церковнослужителей.

Семь епископовъ королевства, не считая исландскаго архіерея, именно епископы зеландскій, лаландъ-фальстерскій, фіонійскій, рипскій,ааргусскій, виборгскій, аальборгскій, важныя особы, пользующіяся большими привилегіями; но они не имѣютъ доступа въ верхнюю палату. Почти все населеніе Даніи, по церковнымъ спискамъ, причисляется къ лютеранскому вѣроисповѣданію; число диссидентовъ не составляетъ даже сотой части жителей.

Между не-лютеранами большинство составляютъ послѣдователи Моисеева закона; затѣмъ слѣдуютъ анабаптисты и мормоны; римско-католики занимаютъ лишь четвертое мѣсто. По вѣроисповѣданіямъ, датское населеніе въ 18[illegible] году было распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

Лютеранъ—2.149.153; евреевъ—4.080; анабаптистовъ—4.556; ирвингіанъ—2.609; методистовъ и англиканъ—2.438; мормоновъ—9[illegible]; католиковъ—3.647; реформатовъ—1.252; другихъ христіанскихъ сектъ—1.144; безъ положительной религіи—2.148.

По закону о реорганизаціи военныхъ силъ, изданному въ 1867 году, всѣ годные къ военной службѣ датчане, по достиженіи 22-хъ-лѣтняго возраста, обязаны отбывать воинскую повинность, именно должны прослужить восемь лѣтъ въ регулярной арміи, послѣ чего перечисляются въ запасъ, гдѣ также состоятъ восемь лѣтъ. Но въ дѣйствительности они служатъ только въ продолженіе учебнаго періода, варьирующаго отъ четырехъ до девяти мѣсяцевъ, смотря по роду оружія; но нѣкоторое число рекрутъ опять призываются для новыхъ ученій, и каждый годъ солдаты принимаютъ участіе въ маневрахъ, которые продолжаются отъ тридцати до сорока-пяти дней.

Численный составъ сухопутной арміи (1896 г.): на мирномъ положеніи—751 офицеръ, 10.006 нижнихъ чиновъ; по штатамъ

военнаго времени—1.35? офицера, 45.910 пижнихъ чиновъ.

Жители морскаго прибрежья, преимущественно мореходы и рыболовы, набираются, посредствомъ конскрипціи, для службы во флотѣ. Экипажъ военныхъ судовъ въ мирное время состоитъ изъ 4.200 человѣкъ, въ томъ числѣ 226 офицеровъ.

Составъ военнаго флота Даніи (1897 г.): 5 броненосцевъ, 3 блиндированныя батареи, 9 крейсеровъ, 8 канонерокъ, 25 миноносокъ, 12 другихъ судовъ,—всего 62 судна въ 42.802 тонны и 66.640 индикаторныхъ силъ, съ 346 пушками.

Колоніальныя владѣнія Даніи очень обширны. Правда, что двѣ самыя обширныя территоріи, которыя ей принадлежатъ, Исландія и Гренландія, въ большей части ихъ протяженія необитаемы: до сихъ поръ съ трудомъ удалось только проникнуть тамъ и сямъ на окраинахъ безконечныхъ ледяныхъ равнинъ, которыя занимаютъ внутренность Гренландіи; никому неизвѣстно даже, какъ оканчивается этотъ островъ со стороны полюса. Послѣ Исландіи, важнѣйшими владѣніями Даніи можно считать три изъ Малыхъ Антильскихъ острововъ: Св. Креста, Св. Ѳомы и Св. Іоанна, лежащіе въ сѣверо-восточномъ углу Караибскаго моря, при проливахъ, ведущихъ изъ этого средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ. Портъ Св. Ѳомы, на островѣ того же имени,—одинъ изъ главныхъ сборныхъ пунктовъ и центровъ встрѣчи для судовъ.

Владѣнія Даніи:	Пространство квадр. километр.	Населеніе въ 1890 г. Жителей.	Километр. населеніе. Жителей.
Фарерскіе острова.	1.333	12.954	9,7
Исландія. . . .	182.471	72.000	0,7
Гренландія (обитаемая часть). .	88.100	10.516	0,1
Мал. Антильскіе острова. . . .	359	32.786	105

Финансы этого маленькаго государства, владѣнія котораго, однако, занимаютъ столь значительное пространство земнаго шара, находятся въ цвѣтущемъ состояніи, если ихъ сравнивать съ финансовымъ положеніемъ большихъ государствъ. Въ среднемъ, расходы его покрываются доходами, и сумма государственнаго долга значительно уменьшилась въ последніе годы.

Бюджетъ Даніи на 1897—98 гг.: приходъ—66.847.101 крона; расходъ—64.734.189 кронъ.

Состояніе государственнаго долга 31 марта 1896 года: Пассивъ: внутренній долгъ — 132.529.371 кронъ, внѣшній—66.532.500 кр., всего—199.061.871 крона. Активъ (запасной фондъ и проч.)—56.743.282 кроны.

Сдѣлавшись слишкомъ слабой, какъ военная держава, противъ своей южной сосѣдки, Данія перестала дѣлать, какъ было прежде, постоянныя приготовленія къ войнѣ до послѣдней крайности. Большая часть крѣпостей были покинуты или не поддерживаются болѣе съ той заботливостью, какой требуютъ искусственныя укрѣпленія: главные укрѣпленные замки Даніи превратились въ музеи или въ загородные королевскіе дворцы, какъ Розенборгъ и Фредериксборгъ.

Въ административномъ отношеніи королевство дѣлится на восемнадцать областей или губерній (amter), подраздѣляющихся на 136 округовъ или уѣздовъ (herreder):

	Области.	Пространство квадр. килом.	Населеніе по переписи 1 февраля 1890 г. Жителей.
	Копенгагенъ (гор.).	13	312.859
Зеландія и Менъ.	„ (округъ).	1.211	152.706
	Фредериксборгъ. .	1.353	84.684
	Гольбекъ.	1.624	94.235
	Соре.	1.472	88.990
	Престе.	1.669	100.649
Лаландъ и Фальстеръ	Борнгольмъ. . . .	584	38.761
	Марибо . . .	1.660	100.552
Фіонія и сосѣдніе острова . . .	Одензе.	1.765	136.117
	Свенборгъ	1.641	120.707
Ютландія . . .	Гьеррингъ	2.775	110.361
	Тистедъ	1.687	69.407
	Аальборгъ . . .	2.936	104.790
	Виборгъ . . .	3.031	100.777
	Рандерсъ.	2.433	110.444
	Ааргусъ	2.477	157.191
	Вейле	2.336	111.904
	Рингкьебингъ. .	4.527	98.623
	Рибе.	3.043	78.623

По исчисленію, цифра населенія Даніи 1 февраля 1896 г. опредѣлилась въ 2.304.000 душъ.

Глава VI

Скандинавскій полуостровъ, Норвегія и Швеція.

I.

Обширный Скандинавскій полуостровъ заключаетъ два различныхъ государства, хотя управляемыя однимъ и тѣмъ же королемъ и связанныя одно съ другимъ очень тѣсными отношеніями. Норвегія и Швеція, Norge и Sverige, необыкновенно ревниво охраняютъ свою относительную политическую независимость, и даже въ обычаяхъ и образѣ жизни контрастъ между двумя народами ясно обрисовывается. Точно также съ географической точки зрѣнія Норвегія и Швеція составляютъ двѣ естественныя области, рѣзко противоположныя, такъ какъ одна изъ этихъ странъ состоитъ, вообще говоря, изъ плоскихъ возвышенностей и горъ, обращенныхъ крутымъ своимъ скатомъ къ Атлантическому океану, тогда какъ другая представляетъ длинную покатость, постепенно понижающуюся къ внутреннему морю. Но физическій контрастъ и политическое раздѣленіе не мѣшаютъ Норвегіи и Швеціи, или Вестарфольду и Аустарфольду,—какъ ихъ называли въ старину [1]),—образовать одно тѣло, одинъ организмъ, который имѣетъ особенный характеръ, отличный отъ другихъ частей Европы и который нужно изучать въ его совокупности, какъ одно цѣлое. Имя Скандинавіи или острова Скандіи, принадлежавшее прежде только южной оконечности Швеціи, распространилось мало-по-малу на весь полуостровъ, независимо отъ его политическихъ дѣленій, и эта общность наименованія указываетъ, въ самомъ дѣлѣ, что различныя области, омываемыя на западѣ Сѣвернымъ, на востокѣ Балтійскимъ морями, такъ близки, такъ тѣсно связаны между собою, что въ дѣйствительности составляютъ одно географическое недѣлимое. Естественная граница полуострова соединяетъ по прямому направленію сѣверную оконечность Ботническаго залива съ Варангеръ-фьордомъ, на Ледовитомъ океанѣ, и хотя политическіе трактаты изогнули эту раздѣльную линію самымъ неправильнымъ образомъ, почти совершенно отрѣзавъ отъ остальнаго тѣла политической Скандинавіи территорію Финмаркенъ, отошедшую къ Россіи, но подобные предѣлы, начертанные среди пустынныхъ пространствъ, не имѣютъ большой важности, и потому въ географическомъ смыслѣ можн сказать, что Скандинавія примыкаетъ къ гр мадной массѣ Европейской Россіи въ мѣст указанномъ природой.

Даже въ тѣхъ предѣлахъ, которые оставлен ей ея могущественной сосѣдкой, Скандинаві есть одна изъ самыхъ обширныхъ странъ евро пейскаго континента, превосходящая Францію, Германію, Австро-Венгрію и уступающая одно только Россіи по величинѣ территоріи. Благо даря своему положенію—въ одно и то же врем на внутреннемъ морѣ, которое служило сред ствомъ сообщенія съ западной и центрально Европой, и на большомъ внѣшнемъ океанѣ, ко торый открывалъ путь для сношенія съ осталь нымъ міромъ,—Скандинавія естественно должна была пріобрѣсти нѣкоторую важность въ равно вѣсіи націй, и, дѣйствительно, ея отважные сы ны, готы, норманны, варяги, оставили по себ глубокій слѣдъ въ исторіи, какъ мореплаватели и завоеватели. Впослѣдствіи, когда нова Европа уже сформировалась, шведы, владѣтел части восточныхъ и южныхъ береговъ Балтики могли проникать со своими арміями, съ одно стороны, до Вогезскихъ горъ, до французско Юры и до верхняго Дуная, съ другой—до южнорусскихъ степей, прилегающихъ къ Черном морю; но въ эту-то именно эпоху и начался пораженіемъ Карла XII подъ Полтавой, политическій упадокъ ихъ отечества. Затѣмъ шведы еще прежде, чѣмъ утратили всѣ свои владѣнія за предѣлами полуострова, были уже въ опасности на своей собственной почвѣ, на сѣверѣ Балтики: одновременно съ первымъ раздѣломъ Польши Фридрихъ II прусскій подготовлялъ и расчлененіе Швеціи [1]). Въ періодъ войнъ, ознаменовавшихъ начало текущаго столѣтія, быстрые политическіе перевороты въ странѣ, внезапныя перемѣны союзовъ, низверженіе династіи, наконецъ, окончательная утрата всей территоріи на континентѣ, доказали, въ какой широкой мѣрѣ судьба скандинавскихъ государствъ зависитъ отъ ихъ могущественныхъ сосѣдей.

Хотя, такъ сказать, переведенная на югъ теплотой своего приморскаго климата, Швеція представляетъ, однако, взятая въ совокупности, страну слишкомъ холодную, чтобы населеніе ея могло размножаться до того, чтобы сравниться по численности съ населеніемъ государствъ

[1]) G. Haag, „Die Völker um die Ostsee, Baltische Studien", 1878.

[1]) Тайная статья трактата 1764 года въ берлинскомъ государственномъ архивѣ.—A. Geffroy, „Gustave III et la cour de France", t. I, p. 33.

умѣренной Европы; она до сихъ поръ остается почти безлюдной пустыней въ сравненіи съ Германіей или съ центральной Россіей. По числу жителей Швеція и Норвегія, разсматриваемыя, какъ-бы онѣ составляли одну націю, превосходятъ Бельгію только на одну пятую; между тѣмъ пространство, на которомъ разсѣяны скандинавскія населенія, въ двадцать шесть разъ обширнѣе поверхности Бельгійскаго королевства.

Пространство и народонаселеніе Швеціи и Норвегіи:

Норвегія: 325.422 кв. клм.; 2.002.000 душъ (1891 г.). Швеція: 450.574 кв. клм.; 4.784.981 душъ (по переписи 31 декабря 1890 г.).

II.

На Скандинавскомъ полуостровѣ, Норвегія есть страна плоскогорій и горъ, Швеція— страна длинныхъ покатостей и равнинъ. Эти послѣднія, заключающія въ своихъ впадинахъ ея большія озера, простираются отъ глубинъ Каттегата до Финскаго залива и отдѣляютъ отъ континентальнаго полуострова его южный придатокъ, Сканію, низкое плоскогорье, высотой около 150 метровъ, покрытое закругленными холмами, изрытое озерными впадинами. Плато это воспроизводитъ въ Швеціи область озеръ Финляндіи. На западѣ, океанъ врѣзывается своими развѣтвляющимися рукавами въ самое сердце высокихъ нагорій, тогда какъ на востокѣ, озера сливаются по пологому скату во внутреннее море Балтики. Почти вся Норвегія представляетъ полосу гористой территоріи, обращенную своими крутыми склонами къ Атлантическому океану, и на ея снѣговыхъ плоскогорьяхъ подымаются высочайшія вершины Скандинавскаго полуострова; весь Скандинавскій хребетъ сравнивали съ исполинской волной, которая вдругъ окаменѣла въ тотъ моментъ, когда она готова была разбиться о берегъ. Одна треть Норвегіи и только одна двѣнадцатая Швеціи находятся на высотѣ болѣе 600 метровъ [1]).

Скандинавскій массивъ, простирающійся отъ береговъ Варангеръ-фьорда до мыса Линдеснесъ, на протяженіи 1.900 километровъ, далеко не имѣетъ вида цѣпи горъ, какимъ его изображаютъ маленькія карты. Разсматриваемая въ цѣломъ, Норвегія состоитъ изъ отдѣльныхъ плато, высотой 600 до 900 метровъ, на которыхъ горы взгромоздились, какъ на общемъ цоколѣ. Глубокая выемка, образующая проходъ отъ одного склона до другаго, дѣлитъ эти плоскогорья на двѣ отличныя одна отъ другой части: на сѣверѣ группа Кьеленъ, которая тянется отъ Финмаркена до Трондгьемскаго плато; на югѣ—группа Доврефьельдъ и сосѣднія горныя массы. Средняя высота горныхъ вершинъ Норвегіи составляетъ только половину высоты

[1]) Ed. Erslev, „Lærebog i den almindeliger Geografi".

гребней Альпъ, тогда какъ общее основаніе Скандинавской горной системы превосходитъ по ширинѣ на цѣлую треть основаніе Альпійской системы.

Даже на сѣверо-восточной оконечности, во всей области Финмаркенъ, нѣтъ хребта въ собственномъ смыслѣ; вся эта страна, средняя высота которой около 300 метровъ, представляетъ обширную волнистую выпуклость, состоящую изъ палеозойскихъ горныхъ породъ, на которыхъ тамъ и сямъ поднимаются горы, имѣющія, среднимъ числомъ, около 500 метровъ высоты. Самая величественная вершина этой области— гора Расте-кайса, которая высится близъ русской границы, надъ долиной рѣки Тана-Эльфъ: она поднимается слишкомъ на 850 метровъ,— высота, какой не достигаетъ, кромѣ нея, ни одна гора въ восточномъ направленіи, до самаго Уральскаго хребта. Недалеко оттуда, по разсказамъ лапландцевъ, находится конусообразная гора, изъ которой, будто бы, вылетаютъ по временамъ клубы горячихъ паровъ (?) и вокругъ которой снѣгъ быстро таетъ [1]). Хотя общее возвышеніе этой области крайняго сѣвера незначительно, однако мысы, которые выступаютъ въ море, на оконечности каждаго njarg, или зубчатаго полуострова, почти всѣ оканчиваются высокими террасами, круто обрывающимися, и которыя можно бы было принять за фундаменты альпійскихъ вершинъ. Одинъ изъ этихъ мысовъ, Нордъ-Кинъ, или Кинероdденъ, есть самый сѣверный выступъ европейскаго континента; два другіе, невысокій остроконечный мысъ Книвскіароdденъ и высокій Нордъ-Капъ (Сѣверный мысъ), болѣе близкіе къ полюсу на шесть километровъ, принадлежатъ къ гранитному острову Магере [2]), отдѣленному отъ Норвегіи узкимъ морскимъ каналомъ. Нордъ-Капъ,—громадная скала, разрѣзанная трещинами на колоссальные столбы, господствуетъ съ высоты слишкомъ 300 метровъ надъ непрерывнымъ движеніемъ морскихъ волнъ; на восточномъ боку этого грознаго утеса, на половинѣ высоты его крутыхъ стѣнъ, выступаетъ «рогъ», отдѣлившаяся каменная глыба, на которую моряки сигналируютъ при проходѣ. «Сѣверный мысъ» есть одинъ изъ пунктовъ, на которые указываетъ австрійскій мореплаватель Вейпрехтъ, какъ на мѣста наиболѣе удобныя для устройства полярной метеорологической обсерваторіи.

На юго-западѣ отъ Нордъ-Капа, высоты морскаго прибрежья и острововъ слѣдуютъ однѣ за другими, въ видѣ крутыхъ горъ, на довольно близкомъ разстояніи, такъ что издали ихъ можно принять за одну непрерывную цѣпь:

[1]) „Globus", XXXII, № 2.

[2]) Въ правописаніи географическихъ именъ, относящихся къ Норвегіи, мы придерживаемся недавно изданнаго труда Брома „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

здѣсь и начинается собственно такъ называемый Кьеленъ (Kjölen по-норвежски, Kölen по-шведски), или хребетъ сѣверной Скандинавіи. На островѣ Зейландъ, ледяная рѣка, самая сѣверная въ Европѣ, вытекаетъ изъ снѣжныхъ массъ, постоянно наполняющихъ циркъ или котловину, окруженную скалами: а на твердой землѣ, Тальвикскій глетчеръ спускается обыкновенно до берега Альтенъ-фьорда. На южномъ склонѣ той же горной цѣпи, другой ледяной потокъ, подобный глетчерамъ Гренландіи, врѣзывается южнымъ концомъ въ воды Іокель-фьорда [1]): это—единственное мѣсто въ нынѣшней Скандинавіи, гдѣ еще можно видѣть зрѣлище, столь обыкновенное въ предшествовавшую геологическую эпоху,—зрѣлище кусковъ ледяной массы, отламывающихся надъ водой, которая подтачиваетъ ихъ снизу, или отдѣляющихся отъ погрузившагося уже въ воду слоя и снова появляющихся на поверхности, чтобы странствовать по волнамъ. Къ югу отъ этихъ первыхъ ледниковъ, Норвегія представляетъ много другихъ ледяныхъ рѣкъ, въ десять и во сто разъ болѣе обширныхъ, но всѣ онѣ растаиваютъ прежде, чѣмъ достигнутъ моря.

Самыя высокія горы въ сѣверной части хребта Кьеленъ—Кабна-кайса и Саректъ-яэкко, вздымающіяся слишкомъ на 2.000 метровъ; но наиболѣе извѣстна—Сулительма, которая возвышается еще на сѣверѣ отъ полярнаго круга, надъ восточными развѣтвленіями Сальтенъ-фьорда. Это—не уединенный пикъ, но скорѣе группа вершинъ, стоящихъ на общемъ основаніи, которое поднимается почти на 1.500 метровъ и покрыто огромными массами снѣга, гдѣ питаются ледяныя рѣки. Къ югу отъ этого массива вздымается, отдѣленная отъ него глубокимъ озеромъ, гора Сауло, менѣе высокая, нежели главныя вершины Сулительмы, но стоящая одиноко, что придаетъ ей болѣе величественный видъ, и господствующая надъ обширнѣйшею панорамой, ограниченною съ западной и юго-западной стороны громаднымъ плоскогорьемъ, которое покрываетъ, на пространствѣ отъ 600 до 800 кв. километровъ, исполинская ледяная рѣка, извѣстная подъ именемъ «Чернаго Ледника», или Свартизенъ: это—величайшій ледяной потокъ сѣверной Скандинавіи. Къ югу отъ рѣки Вефсенъ, возвышается другое плато, называемое Сторе-Боргефьельдъ, гдѣ также есть большой глетчеръ, площадь котораго исчисляютъ въ 380 кв. километровъ. Въ этой части Кьелена встрѣчаются еще горы въ 1.400 и въ 1.500 метровъ высоты: затѣмъ хребетъ понижается, и въ толщѣ его открываются широкіе проходы между противоположными склонами. Болотистое плоскогорье, соединяющее два озера и черезъ нихъ двѣ долины, которыя спускаются одна къ Трондгьемскому фьорду, другая къ рѣкѣ Индальсъ, едва достигаетъ высоты 450 метровъ. Невдалекѣ отъ этого плато столбовая дорога, самый сѣверный колесный путь черезъ Скандинавскій хребетъ, поднимается на высоту 510 метровъ; въ нѣкоторомъ разстояніи къ югу, по другую сторону горной массы Кьельгоугъ, желѣзная дорога, проведенная изъ Трондгьема въ Сундсваль, пересѣкаетъ Кьеленъ на высо[...] 594 метровъ. Нѣсколько большихъ горъ, меж[...] прочимъ Селентиндъ, мало уступающихъ [...] высотѣ вершинамъ Сулительмы, высятся уед[...]ненно въ этой южной части Кьелена, котор[...] спускается къ Ботническому заливу длинны[...] скатомъ, изборожденнымъ параллельными [...] линіями, верхнія части которыхъ заняты пр[...]долговатыми озерами, похожими на озе[...] итальянскаго склона Альпъ.

Высоты главныхъ горъ сѣвернаго Кьел[...] и Лапландіи:

Расте-кайса—862 метр., Нордъ-Капъ—3[...] метр., вершина о. Зейландъ—942 метр., Су[...]тельма—1.880 метр., Саректъ-яэкко (по Рабо) [...] 2.135 метр., Сауло—1.698 метр., Кьельгоугъ [...] 1.280 метр., Селентиндъ—1.788 метр., Фак[...] фьельдъ—940 метр., Кабна-кайса—2.276 мет[...]

Невысокіе отроги и террасы соединяютъ ра[...]вѣтвленія хребта Кьеленъ съ Тиведеномъ [...] другими холмами, состоящими въ большой час[...] изъ каменныхъ обломковъ, и которые нѣког[...] служили естественной границей между дву[...] половинами Швеціи, носившими названіе Но[р]данъ-скогъ и Суннанъ-скогъ, то-есть «Сѣверны[й] лѣсъ» и «Южный лѣсъ». Что касается разли[ч]ныхъ группъ высотъ, которыя поднимаются [...] южной части Скандинавскаго полуострова и [...] особенности въ провинціи Сканіи, бывшей н[е]когда островомъ, отдѣленнымъ отъ Швеціи ш[и]рокими проливами, то ихъ нужно разсматрива[ть] какъ совершенно отличныя отъ цѣпей норве[ж]скаго хребта, хотя онѣ почти сплошь состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ кристаллическихъ и палеозойскихъ горныхъ породъ, и хотя, во времена ледянаго періода, по нимъ странствовали эрратическіе камни, приносимые льдами съ Кьелена. Однако, базальтовыя скалы образуютъ небольшой массивъ въ Сканіи, и трапы распространились поверхъ осадочныхъ слоевъ въ Вестроготіи. Южныя высоты составляютъ въ совокупности нагорье съ очень неровной поверхностью, высшая точка котораго закругляется въ видѣ куполообразной вершины, километрахъ въ тридцати къ югу отъ озера Веттернъ. Недалеко оттуда возвышается Табергъ, гора съ крутыми стѣнами, которая состоитъ почти цѣликомъ изъ руды магнитнаго желѣзняка, содержащей около трети чистаго металла. Въ южной Швеціи нѣсколько холмовъ, имѣющихъ видъ довольно высокихъ горъ, благодаря ихъ уединенному положенію, возвышаются тамъ и сямъ надъ поверхностью равнинъ морскаго прибрежья: таковъ, напримѣръ, высокій силурійскій мысъ Кулленъ,

[1]) Wiederberg, „Рукописныя замѣтки".

который выдвинулся въ формѣ гарпуна у сѣвернаго входа въ проливъ Зундъ; моряки издали отыскиваютъ глазами этотъ береговой утесъ, который служитъ имъ указателемъ пути, югу отъ озера Венернъ)—298 метр., Биллингъ (между озерами Веттернъ и Венернъ)—273 метр., Мессебергъ (тамъ же)—263 метр., Кулленъ, на сѣверѣ Зунда—198 метр.

Фіерльнфьордъ (Fjaerlnfjord).

поднимая мало-по-малу свою вершину надъ поверхностью волнъ.

Главныя высоты южной Швеціи:

Гальтозенъ, на югѣ отъ Іонкепинга — 326 метр., Табергъ—312 метр., Кинне-кулле (къ

Тогда какъ на востокѣ Южный Кьеленъ, постепенно понижаясь, сливается, наконецъ, съ низменными равнинами Швеціи, на западѣ онъ примыкаетъ къ Трондгьемской плоской возвышенности, средняя высота которой, въ цен-

тральной ея части, около тысячи метровъ и которая незамѣтно наклоняется къ сѣверу и къ югу; желѣзная дорога изъ Христіаніи [1]) въ Трондгьемъ, которая поднимается на югѣ вверхъ по долинѣ рѣки Гломменъ, гдѣ на пути ея лежитъ горнозаводскій городъ Реросъ, переваливаетъ черезъ порогъ всего только на высотѣ 670 метровъ; но на западѣ отъ этого плоскогорья вся остальная часть Норвегіи представляетъ возвышенную страну, ограниченную со стороны моря крутыми скатами. Въ этой-то части Норвегіи находятся самыя большія и высокія вершины Скандинавскаго полуострова и всей Европы къ сѣверу отъ Татры; тамъ же простираются обширнѣйшія снѣжныя поля, или fjeldene [2]), и каждое изъ нихъ окружено ледниками (brae), надъ которыми кое-гдѣ господствуютъ выступы горъ, имѣющіе форму зубьевъ (tind), роговъ (horn), острыхъ скалистыхъ гребней (egg), плоскихъ хребтовъ (kol или nut). Западно-норвежская возвышенность распадается на множество отдѣльныхъ массивовъ, которые могутъ быть классифицируемы различнымъ образомъ, смотря по важности, какую придаютъ географы тѣмъ или другимъ вырѣзкамъ плоскогорья. На сѣверо-востокѣ лежитъ массивъ Довре или Доврефьельдъ (по-французски Dofrines), названіе котораго часто примѣняется ко всему нагорью, и на которомъ, между другими горами въ двѣ слишкомъ тысячи метровъ высоты, высится усѣченная пирамида,—впрочемъ, не особенно величественнаго вида, [3])—горы Снегеттенъ, которая долгое время ошибочно считалась высочайшею вершиною Норвегіи. Ромсдальскія Альпы, горы Лангфьельде слѣдуютъ однѣ за другими на югѣ страны, въ сосѣдствѣ съ фьордами, развѣтвляющимися на сотни рукавовъ. «Горы Гигантовъ», или Іотунфьельде, многочисленныя вершины которыхъ господствуютъ надъ восточными развѣтвленіями Сегнефьорда, вполнѣ заслуживаютъ данное имъ имя, ибо эти остроконечныя вершины самыя высокія горы Скандинавіи, и одна изъ нихъ, Гальдгеппигенъ или Имесфьельдъ, вздымаетъ свои причудливо зазубренные гребни болѣе, чѣмъ на два съ половиной километра надъ уровнемъ Атлантическаго океана. Во всей Европѣ нѣтъ другихъ горъ, откуда взоръ обнималъ бы такой обширный горизонтъ снѣжныхъ равнинъ и суровыхъ скалъ: на необъятномъ пространствѣ нигдѣ не видно зеленѣющей долины, которая бы обнаруживала пребываніе человѣка, нигдѣ не примѣтно даже темныхъ пятенъ, указывающихъ на присутствіе лѣсовъ [4]). Далѣе на западѣ, и уже разрѣзанное съ южной стороны боковыми заливами Согнефьорда, тянется Юстедальское или Іостедальское фирновое поле, величайшее снѣжное плоскогорье Скандинавіи и всей континентальной Европы, ибо это плато, окруженное скалами, до сихъ поръ еще неприступными, занимаетъ простра-ство въ 900 квадр. километровъ, покрытое ск-тертью изъ снѣга ослѣпительной бѣлизны и по всей окружности выдѣляющее изъ себя безчи-сленные ледяные потоки, спускающіеся въ ко-ловины между горъ [1]). На югѣ отъ Гардангер-фьорда, другое большое фирновое плоскогорье, называемое Фольгефонъ, или Фольгефонден, тянется на пространствѣ 280 кв. километров, и даже съ моря, черезъ высокій валъ гористы острововъ, окаймляющихъ прибрежье, ясно видны эти массы снѣга, блистающія среди че-ныхъ утесовъ, въ глубинѣ мрачныхъ алле-образуемыхъ фьордами. Многія другія груп-горъ, менѣе высокія или менѣе посѣщаемы путешественниками, дополняютъ рельефъ ю-ной Норвегіи; сюда принадлежатъ группы Га-дангервидде, Опланде, горы Верхне-Телемар-скія (Ovre-Telemark) и горы Сетерсдаля, к-торыя оканчиваются у безплодной, удлинен- и гладко отшлифованной скалы мыса Линде-несъ.

Различныя высоты южной Норвегіи:

Имесфьельдъ (Исполин. горы)—2.560 ме-. Снегеттенъ (Довре)—2.322 метр. Лодальскау-(Юстедаль)—2.055 метр. Стигфьельдъ(Оплан-) —1.880 метр. Фольгефонъ—1.650 метр. Ром-дальгорнъ (Ромсдальскія Альпы)—1.255 мет.

Хотя лежащее подъ болѣе южною широт-сравнительно съ хребтомъ Кьеленъ, Юстеда-ское плоскогорье и окружающіе его массивы го-раздо богаче фирновыми полями и ледника-обиліемъ которыхъ они, безъ сомнѣнія, обязаны болѣе значительной ширинѣ ихъ основанія, лежащаго отчасти выше границы постоянныхъ снѣговъ, которая въ этой области Норвегіи опоясываетъ горы на высотѣ, среднимъ числомъ, отъ 1.200 до 1.400 метровъ. Юстедальскіе глетчеры въ то же время считаются самыми обширными на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря сосѣдству городовъ Христіаніи, Ставангера, Бергена, Трондгьема, — это ледники наиболѣе извѣстные, и уже съ давнихъ поръ разсказываютъ о ихъ попеременномъ движеніи то впередъ, то назадъ. Въ теченіе восемнадцатаго столѣтія эти ледяныя рѣки не переставали увеличиваться: фермы, обработанныя поля были послѣдовательно захватываемы растущими моренами, и населеніе должно было постепенно отодвигаться передъ наступающими твердыми потоками; на скатахъ окрестныхъ высотъ начали образовываться новые маленькіе глетчеры, и многія горныя вершины,

[1]) Правильнѣе было бы писать Кристіанія, но старинная ороографія этого имени удержалась рядомъ съ новой формой.

[2]) Fjeld по-норвежски; fjäll по-шведски.

[3]) Карлъ Фогтъ, „Путешествіе на сѣверъ".

[4]) Ruith, „Mittheilungen von Petermann", 1876.

[1]) C. de Sexe, „Le névé de Iustedal et ses glaciers". Christiania, 1870.

которыя прежде каждый годъ освобождались на-время отъ своего снѣжнаго покрова, теперь оставались бѣлыми даже въ лѣтніе мѣсяцы. Но съ 1807 года для норвежскихъ ледниковъ началось обратное, отступательное движеніе: нѣкоторые изъ нихъ теперь на 700 и даже на 1.000 метровъ не доходятъ до конца своего прежняго русла въ долинахъ, и морены остаются уединенными среди пастбищъ. Однако, указываютъ также, именно въ южной Норвегіи, ледяныя рѣки, которыя не переставали подвигаться впередъ: таковъ глетчеръ Буэрбре, въ снѣжномъ плато Фольгефонъ, который въ 1871 г. продолжалъ свое поступательное движеніе и нижняя оконечность котораго въ ту пору находилась на высотѣ 377 метровъ [1]). Въ настоящее время многіе изъ ледниковъ Юстедальскаго плоскогорья спускаются ниже 500, 400 и даже 300 метровъ высоты. Два глетчера, стекающіе съ южнаго ската этого нагорья, Бойумбре и Суфеллебре, останавливаются первый—на высотѣ 149 метр., а второй даже только на высотѣ 50 метровъ надъ уровнемъ водъ Фьерльнъ-фьорда, одного изъ рукавовъ Согне-фьорда [2]). Изслѣдовавъ промежутки между полосами грязнаго льда, Давидъ Форбсъ вычислилъ годовое поступательное движеніе одного ледяного потока этой области, которое оказалось равнымъ 51 метру, и на основаніи своихъ наблюденій пришелъ къ тому выводу, что перемѣщеніе норвежскихъ ледниковъ, прерываемое болѣе продолжительною зимою, совершается въ лѣтнее время быстрѣе, чѣмъ движеніе швейцарскихъ глетчеровъ [3]). Такъ, напримѣръ, Бойумскій ледникъ съ 10-го по 19-е іюля 1868 г., то-есть въ теченіе десяти сутокъ, подвинулся впередъ на 5 метровъ 30 сантиметровъ, слѣдовательно, перемѣщался болѣе, чѣмъ на полметра въ сутки.

Хотя фирновыя пространства Норвегіи вообще гораздо обширнѣе фирновыхъ полей Альпійскихъ горъ, но ледники въ собственномъ смыслѣ, встрѣчающіеся на Скандинавскомъ полуостровѣ, не могутъ сравниться по величинѣ съ глетчерами центральной Европы. По вычисленію Форбса, площадь двухъ самыхъ обширныхъ ледниковъ Юстедальскаго плоскогорья, Лодальскаго и Негардскаго, въ семь разъ меньше поверхности Алечскаго глетчера. На первый взглядъ кажется, что должно бы быть наоборотъ, потому что горныя вершины Норвегіи получаютъ болѣе значительное количество снѣга, чѣмъ Швейцарскія Альпы. Причину контраста, который представляютъ размѣры ледяныхъ рѣкъ двухъ сравниваемыхъ странъ, нужно искать въ формѣ горъ. Въ то время, какъ большія Альпы отличаются по большей части пирамидальною формой и вырисовываются на краю горизонта линіями, похожими на зубья пилы, горы Норвегіи представляютъ отрывки плоскогорій, на которыхъ вздымаются тамъ и сямъ уединенныя группы скалъ съ округленными верхушками, которыя скорѣе можно назвать зубцомъ (tind), чѣмъ пикомъ (pig). На Альпахъ впадины между вершинами представляютъ наклонные цирки, соединяющіеся посредствомъ корридоровъ, широкихъ или узкихъ, съ другими бороздами горы и, вообще говоря, имѣющіе только одинъ выходъ, черезъ который и сползаютъ, въ видѣ ледяного потока, снѣга, падающіе на вершины: благодаря общей покатости скалъ, скольженіе снѣжинокъ происходитъ правильно на всемъ склонѣ. Не такъ въ норвежскихъ горахъ: тамъ снѣгъ падаетъ на высокія равнины, очень слабо наклоненныя, или въ глубокія ущелья, открывающіяся, на подобіе трещинъ, въ толщѣ каменистой массы; преобразуясь въ фирнъ и въ ледъ, онъ изливается по всей окружности плоскогорья въ видѣ замерзшихъ каскадовъ, съ невысокими, но широкими уступами,—откуда и произошло названіе brae, которымъ его обозначаютъ; ледники образуются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ масса льдинъ, упавшая съ верхнихъ террасъ, сдавлена въ болѣе узкой долинѣ; онъ остается на высотахъ, гдѣ его поднимаютъ и кружатъ вихри, тогда какъ на днѣ низменныхъ ущелій онъ таетъ, не превращаясь въ глетчеры; понятно, что при такихъ условіяхъ потоки обледенѣлаго, кристаллическаго снѣга могутъ образоваться лишь въ небольшомъ числѣ и на незначительныхъ пространствахъ.

Горы Норвегіи, когда на нихъ смотришь съ моря, поражаютъ своими черными гребнями, своими узкими проходами, наполненными снѣгомъ, своими бѣлѣющими террасами, сливающимися съ облаками или рѣзко выдѣляющимися на голубомъ фонѣ неба. Путешественники, преимущественно англійскіе, съ каждымъ годомъ пріѣзжаютъ все въ большемъ и большемъ числѣ подкрѣпить свои силы въ этой суровой природѣ; но, взятыя въ цѣломъ, Скандинавскія горы уже по своему строенію представляютъ взорамъ наблюдателя пейзажи гораздо болѣе монотонные, чѣмъ Альпы и другія цѣпи европейскихъ горъ. Плоскогорья въ 1.000 и до 1.500 метровъ высоты, которыя въ лѣтніе мѣсяцы частію сбрасываютъ съ себя снѣжный покровъ и которыя, смотря по провинціямъ, носятъ названіе Hede, или степей, и Viddene, или нагорныхъ равнинъ, представляютъ угрюмыя, непривѣтливыя пространства, болѣе печальныя, чѣмъ пустыня. Только снѣжныя высоты, показывающіяся тамъ и сямъ, словно бѣлые шатры, раскинутые на плоской поверхности нагорья, разнообразятъ нѣсколько своимъ видомъ однообразную картину. Въ тѣни большихъ камней и между грудами камешковъ виднѣются бѣлыя, еще нерастаявшія, лужи; земля

[1]) Gritz, „Mittheilungen von Petermann“, X, 1876.
[2]) S. A. Sexe, „Le Glacier de Boium en juillet 1868“.
[3]) Norway and its glaciers visited in the year 1851“.

усѣяна плоскими камнями, оторванными отъ скалъ морозомъ, точно плитами разрушеннаго зданія; у подножія каждаго утеса, каждаго выступа скалы нагромождены кучи каменныхъ обломковъ. Почва состоитъ изъ красноватой и вязкой глины, по которой очень трудно ходить; въ лощинахъ образовались торфяныя болота, топи и трясины, и черныя во́ды лѣниво пробираются изъ одного пруда въ другой, отыскивая скатъ, по которому можно было бы спуститься въ нижнія долины. Растительность представлена только мхами, лишаями да кое-какими низенькими злаками; въ мѣстахъ, хорошо защищенныхъ отъ вѣтровъ, растутъ кусты можжевельника и даже маленькія деревца ивы, но слѣдовъ пребыванія человѣка нигдѣ не увидишь, исключая тѣхъ рѣдкихъ мѣстъ, гдѣ дороги, извиваясь подъ защитой горокъ и обходя многочисленныя болота, переваливаютъ черезъ плато, чтобы соединить два противоположные склона плоской возвышенности.

Но когда мы спустимся внизъ къ основанію горъ, намъ покажется, что мы очутились въ другой природѣ; по крайней мѣрѣ, мы несомнѣнно находимся уже въ другомъ климатѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ человѣка, и жилища его виднѣются среди зелени деревьевъ, подлѣ струящихся водъ. Со стороны моря крутыя стѣны плоскогорья являются во всей ихъ высотѣ; взоръ можетъ прослѣдить ихъ на всемъ вертикальномъ протяженіи, отъ грудъ обвалившагося камня, скрывающихъ основаніе нижнихъ утесовъ, до остроконечныхъ шпицевъ зубчатаго гребня, ограничивающаго плато на верху; тамъ и сямъ снѣжныя вершины выглядываютъ между самыми высокими выступами гребня, или сливаются съ плывущими по небу облаками. Но контрастъ между гладкою поверхностью заливовъ и отражающимися въ ней, какъ въ зеркалѣ, обрывистыми утесами, постоянно измѣняющаяся панорама фьордовъ, высокіе мысы, окруженные подводными скалами, архипелаги островковъ, лабиринтъ проливовъ и рукавовъ моря—вотъ что придаетъ дикую прелесть картинамъ норвежскаго прибрежья. Нигдѣ въ остальной Европѣ, ни даже между длинными полуостровами ирландской области Керри, ни въ шотландскихъ заливахъ или фьордахъ (firths), охраняемыхъ базальтовыми мысами, горы, между которыми извиваются морскія воды, не имѣютъ болѣе грандіознаго и болѣе феерическаго вида. Корабль, проникшій въ темныя аллеи фьордовъ и плывущій между стѣнами крутыхъ, почти отвѣсныхъ скалъ, кажется сверху маленькимъ насѣкомымъ, скользящимъ по дну колодца. Баккефьордъ, врѣзывающійся въ южный берегъ Скандинавскаго полуострова, по направленію отъ сѣвера къ югу, между Ставангеромъ и Линдеснесомъ, есть не что иное, какъ разсѣлина, «трещина почвы», подобная колорадскимъ ущельямъ (cañons). Точно также Лизефьордъ, на востокѣ отъ Ставангера, и большіе длинные заливы, сходящіеся къ Христіансзунду, похожи на прямолинейные рвы, вырытые, въ видѣ пропастей, въ толщѣ скалъ.

Окаймляя, на подобіе бахромы, берегъ Норвегіи, на всемъ его протяженіи, отъ острова Магере до Ставангерскаго фьорда, островныя горы, разбросанныя въ кажущемся безпорядкѣ, расширяютъ среди моря западный скатъ Скандинавскаго хребта. За чертою гористыхъ полуострововъ, которые соединены съ материкомъ лишь узкими перешейками, плавающими въ водахъ фьордовъ, поднимаются другія горы и вершины, образованныя изъ тѣхъ же самыхъ каменныхъ породъ, представляющія такой же точно видъ, только менѣе возвышенныя и погружающія свое основаніе въ болѣе глубокое море; далѣе идутъ другіе, менѣе высокіе, острова, которыми продолжается въ морѣ мысъ, отчасти стоящій подъ водой; еще далѣе слѣдуютъ островки и подводные камни, безчисленныя вырѣзки пространства, усѣяннаго шхерами (skjärgaard). Норвежцы сравниваютъ эти внѣшніе островки съ морскими животными: скалы, торчащія изъ воды у оконечности многихъ большихъ острововъ, извѣстны у нихъ подъ именемъ kalve или «дѣтенышей», какъ молодые киты, всегда слѣдующіе за своею матерью. Даже на Британскихъ островахъ многіе отдѣльно стоящіе въ морѣ утесы до сихъ поръ сохранили названіе calves, оставленное имъ древними скандинавскими завоевателями: такова, напримѣръ, подводная скала Calf, возвышающаяся рядомъ съ южнымъ мысомъ острова Менъ [1]).

Особенно многочисленны прибрежные острова и шхеры въ провинціи Тромсе, на сѣверѣ Норвегіи, гдѣ они раскинуты на болѣе широкомъ пространствѣ морскихъ водъ и содержатъ болѣе высокія горы: во многихъ мѣстахъ настоящій хребетъ страны продолжается даже внѣ материка. Въ самомъ дѣлѣ, хребетъ Кьеленъ въ собственномъ смыслѣ довольно низокъ на востокѣ отъ цѣпи горъ, разрѣзанной на многочисленные отдѣльные куски, которую образуютъ островъ Сеньенъ и архипелаги острововъ Вестеръ-Ааленъ и Лофотенскихъ, и которая направляется на юго-западъ, удаляясь мало-по-малу отъ большой земли, такъ что она обнимаетъ на западѣ широкій заливъ, извѣстный подъ именемъ Вестъ-фьорда. Нѣкоторыя изъ вершинъ этой морской цѣпи переходятъ за 1.000 метровъ, а одна изъ нихъ, гора на Гинде, самомъ большомъ изъ Лофотенскихъ острововъ, поднимается даже на 1.300 метровъ надъ уровнемъ моря. Со времени Форбса, многочисленные путешественники, посѣтившіе эти мѣста, сравнивали зубчатую цѣпь Лофотенскихъ острововъ, вершины кото-

[1]) Mohn, „Mittheilungen von Petermann", VI, 1878.

рой обрисовываются на голубомъ фонѣ неба остроконечными шпицами, съ челюстью акулы. На нѣкоторыхъ изъ самыхъ крутыхъ островковъ гребень до того острый, что по верхушкѣ его нельзя было бы ходить; держаться на этомъ гребнѣ можно бы было не иначе, какъ сидя верхомъ, свѣсивъ ноги на противоположные скаты. Справа и слѣва пейзажи совершенно разные: съ одной стороны вы видите безконечный лабиринтъ островковъ, проливовъ, фьордовъ и горъ, высящихся по окраинѣ материка; съ другой—внѣшніе островки, подводные камни, шхеры и безпредѣльное море. Не менѣе замѣчателенъ контрастъ между скатами, обращенными къ полудню, и скатами, наклоненными къ сѣверу: на одномъ изъ склоновъ, разстилаются прекрасные луга изумрудно-зеленаго цвѣта, испещренные разнообразными цвѣтами; на другомъ—дикія скалы, покрытыя мохомъ, среди котораго тамъ и сямъ виднѣются пучки вереска [1]). Воды вокругъ Лофотенскихъ островковъ, усѣянныя тысячами судовъ во время рыболовнаго сезона, очень опасны, по причинѣ господствующихъ тамъ вѣтровъ и сильныхъ теченій. Извѣстно теченіе Мельстромъ или Меркестромъ, которое несется изъ внѣшняго моря на встрѣчу приливной волнѣ, идущей изъ Вестъ-фьорда, между двумя островами Москенъ и Москенесъ. Водоворотъ, образующійся отъ столкновенія двухъ встрѣчныхъ массъ воды, сдѣлался, благодаря разсказамъ моряковъ, легендарнымъ типомъ всѣхъ океаническихъ «пропастей»; но въ тѣхъ же самыхъ водахъ сѣверной Скандинавіи мореплаватели должны избѣгать и другихъ водоворотовъ, которые не менѣе опасны. На многихъ пунктахъ морскаго прибрежья разность высоты прилива и отлива превышаетъ 4 метра, и преграды, образуемыя скалами, которыя задерживаютъ движеніе приливной волны, причиняютъ значительныя разности уровня воды между двумя сосѣдними бассейнами. Во многихъ частяхъ Лофотенскаго архипелага приливъ, вступая въ узкіе проливы, несется стремительнымъ потокомъ [2]): онъ также очень чувствителенъ въ фьордахъ. Поверхность самыхъ большихъ изъ норвежскихъ островковъ исчисляютъ слѣдующимъ образомъ:

Гинде—2.238 кв. клм.; Сеньенъ—1.666 кв. клм.; Сере—971 кв. клм.; Ланге—886 кв. клм.; Зепландъ—593 кв. клм.; Остъ-Ваге—541 кв. клм.

Къ югу отъ Лофотенскаго архипелага нѣтъ островковъ, которые могли бы сравниться по величинѣ съ Гинде, Сеньеномъ, Сере, Ланге и другими большими островами прибрежья Тромсе; но и тамъ нужно считать сотнями острова, имѣющіе настолько значительное протяженіе,

[1]) Schübeler, „Die Pflanzenvelt Norwegens".
[2]) Widerberg, „рукописныя замѣтки".

что на нихъ могутъ жить цѣлыя семьи рыбаковъ или даже земледѣльцевъ и находятъ достаточныя пастбища для своего скота. Между этими прибрежными островами, которые мореплаватели должны обходить и по которымъ они опредѣляютъ положеніе своего корабля, многіе отличаются странною формой, такъ что ихъ сравниваютъ съ башнями, съ замками; одна скала, тонкая, высокая, постоянно окруженная несмѣтными стаями птицъ, получила названіе Ставенъ, что значитъ «палка великана»; другая, называемая Гестманденъ, похожа на закутаннаго въ плащъ всадника, который вѣчно скачетъ на своемъ конѣ среди бурь и тумановъ. Наиболѣе извѣстный изъ этихъ островковъ причудливой формы, Торгаттенъ, лежащій въ южной части провинціи Нордландъ, представляетъ громадный утесъ, поднимающійся изъ моря на 240 метровъ и пробитый почти на половинѣ высоты гротомъ въ 270 метровъ длины, замѣчательно правильнымъ и параллельнымъ берегу материка. Изъ двухъ его порталовъ одинъ, юго-западный, имѣетъ 66 метровъ, а другой, сѣверо-восточный, 36 метровъ высоты. Путешественники проникаютъ въ эту пещеру, чтобы созерцать, какъ черезъ исполинскій телескопъ, картину моря, усѣяннаго безчисленнымя островами, подводными скалами, шхерами и судами [1]). Это громадное отверстіе, какъ гласитъ легенда, сдѣлано стрѣлой гиганта, окаменѣлый бюстъ котораго и теперь еще виденъ въ нѣсколькихъ километрахъ оттуда [2]).

Острова Норвегіи (по О. І. Броху):

	Поверхность.	Обит. островов.	Населеніе въ концѣ 1875 г.
Острова къ востоку отъ Нордъ-Капа	220 кв. клм.	10	1.500 жит.
Острова отъ Нордъ-Капа до Лофотенскихъ	13.370 „ „	110	58.000 „
Отъ Лофотенск. острововъ до Ставангерск. фьорда	7.820 „ „	845	148.000 „
Другіе острова	490 „ „	195	30.500 „
Вмѣстѣ	21.900 кв. клм.	1.160	238.000 жит.

Всѣ острова норвежскаго прибрежья, со включеніемъ островковъ, лежащихъ у береговъ Скагеррака, и не считая подводныхъ скалъ, омываемыхъ приливною волной, раскинуты на пространствѣ въ 22.000 квадр. километровъ, то-есть занимаютъ около четырнадцатой части поверхности страны; но, благодаря ихъ гаванямъ, доступности ихъ береговъ для судоходства, относительной теплотѣ ихъ климата, благодаря, наконецъ, окружающимъ ихъ мѣстамъ рыбной ловли, они сравнительно гораз-

[1]) Vibe, „Küsten Norwegens, Ergänzungsheft zu den Mittheilungen v. Petermann".
[2]) Xavier Marmier, „Expédition au Spitzberg".

до гуще населены, чѣмъ материкъ, и содержатъ около восьмой части всего числа жителей Норвегіи.

Острова шведскаго прибрежья, относительно, гораздо менѣе многочисленны, нежели острова Норвегіи; во многихъ мѣстахъ, особенно вдоль береговъ Сканіи, поверхность моря на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ совершенно свободна отъ острововъ и подводныхъ скалъ. Но у береговъ Каттегата, въ особенности къ сѣверу отъ города Готеборга, вдоль всего Богуслена, острова, островки, подводные камни образуютъ поясъ шхеръ, похожій на норвежскій skjärgaard, съ тою лишь разницей, что онъ не содержитъ высокихъ горъ и не имѣетъ никакой растительности. Скалы, желтыя и красноватыя, шлифуемыя нѣкогда льдинами, а нынѣ бурными волнами, представляютъ тамъ и сямъ подобіе лежащихъ чудовищъ. На сѣверѣ Кальмарской провинціи, у береговъ Балтики, маленькіе острова во множествѣ разсѣяны по поверхности моря, особенно около устьевъ заливовъ и рѣкъ; но все это низменныя скалы, поднимающіяся среди неглубокихъ водъ: онѣ составляютъ продолженіе шведскихъ равнинъ, тогда какъ прибрежные острова Норвегіи являются внѣшними утесами материковыхъ горныхъ цѣпей. Въ Балтійскомъ морѣ два большіе острова, не считая Борнгольма, также принадлежатъ къ шведской равнинѣ: это—острова Эландъ и Готландъ, расположенные по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, параллельно одинъ другому и оси самой Швеціи. Пространство и населеніе этихъ острововъ (по переписи 31 декабря 1890 г.):

Готландъ (съ сосѣдними островами)—3.153 кв. клм. и 51.337 жит.; Эландъ—1.343 кв. клм. и 38.300 жит.

Эландъ (Öland), состоящій изъ древнихъ известковыхъ породъ, какъ и сосѣдній берегъ материка, повидимому, есть не что иное, какъ внѣшнее прибрежье, еще болѣе правильное, чѣмъ внутренній берегъ; этотъ островъ тянется на 130 километровъ въ длину, и вся южная часть его представляетъ террасу, покрытую безплодными пажитями, которая въ самой возвышенной своей точкѣ поднимается не болѣе какъ на 42 метра надъ уровнемъ моря и усѣяна по всей окружности деревнями, поселками, вѣтряными мельницами. Эта терраса называется alvar, а крутые берега ея, господствующіе надъ богатою равниной морскаго прибрежья, носятъ названіе landborg. Кальмарскій проливъ или зундъ, отдѣляющій островъ Эландъ отъ материка, не имѣетъ даже 3 съ половиною километровъ въ самомъ узкомъ проходѣ, и передъ городомъ Кальмаромъ глубина фарватера не превышаетъ 7 метровъ, тогда какъ на сѣверѣ и на югѣ отъ этого города лотъ находитъ дно, среднимъ числомъ, на глубинѣ около двадцати метровъ. Островъ Готландъ, гораздо болѣе удаленный отъ континента, соединяется съ шведскимъ берегомъ съ юго-западной стороны только посредствомъ обширной мели Гоборгъ и посредствомъ подводнаго полуострова, ограниченныхъ справа и слѣва глубинами въ 50 слишкомъ метровъ. Болѣе обширный, чѣмъ Эландъ, Готландъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выше его, такъ какъ одинъ изъ его холмовъ поднимается на 60 метровъ; на южной оконечности этотъ островъ продолжается маленькимъ островкомъ, носящимъ названіе «Бараньяго» (Фаре), и подводное плоскогорье образуетъ еще далѣе на сѣверѣ низменный островъ Готска-Санденъ.

III.

Подводная орографія береговъ Норвегі представляетъ большое сходство съ внѣшним рельефомъ страны: гдѣ скалы высятся снаруж въ видѣ крутыхъ береговъ, тамъ онѣ и въ мор погружаются внезапными обрывами или пр пастями. Такъ, непосредственно къ югу отъ вы сокихъ Юстедальскихъ террасъ, покрытых фирновыми полями, и у западнаго основан «горъ Гигантовъ» врѣзывается въ матери глубокій заливъ Согнефьордъ, гдѣ при усть, между Вигомъ и Вергольменомъ, лотъ находит дно только на разстояніи 1.244 метровъ от поверхности водъ [1]); разность уровня меж самыми высокими и самыми низкими пунктам въ этой области Скандинавскаго полуостро нужно считать не менѣе 4 километровъ. Ес береговые утесы, которые сразу поднимаются на сотни метровъ въ высоту, въ видѣ вертикальныхъ или даже нависшихъ стѣнъ, и которы служатъ основаніемъ высокимъ, покрытым снѣгомъ, вершинамъ. Такъ, напримѣръ, гора Торснутенъ, лежащая на югъ отъ города Бергена, на берегахъ Гардангеръ-фьорда, достигаетъ слишкомъ 1.600 метровъ высоты, на разстояніи менѣе 4 километровъ отъ берега, и во многихъ мѣстахъ фьорда лотъ не находилъ дна даже на глубинѣ 550 метровъ [2]). Во многихъ бухтахъ Норвегіи водопады льются съ вершины береговыхъ скалъ, мѣстами съ высоты 600 слишкомъ метровъ [3]), и одною цѣльною струей низвергаются прямо въ море, такъ что суда могутъ проходить между утесами и параболою, описываемою въ воздухѣ столбомъ каскада. Когда облака скрываютъ карнизы террасъ, откуда ниспадаетъ потокъ, можно подумать, что жидкая масса льется съ неба [4]). Иногда путе-

---

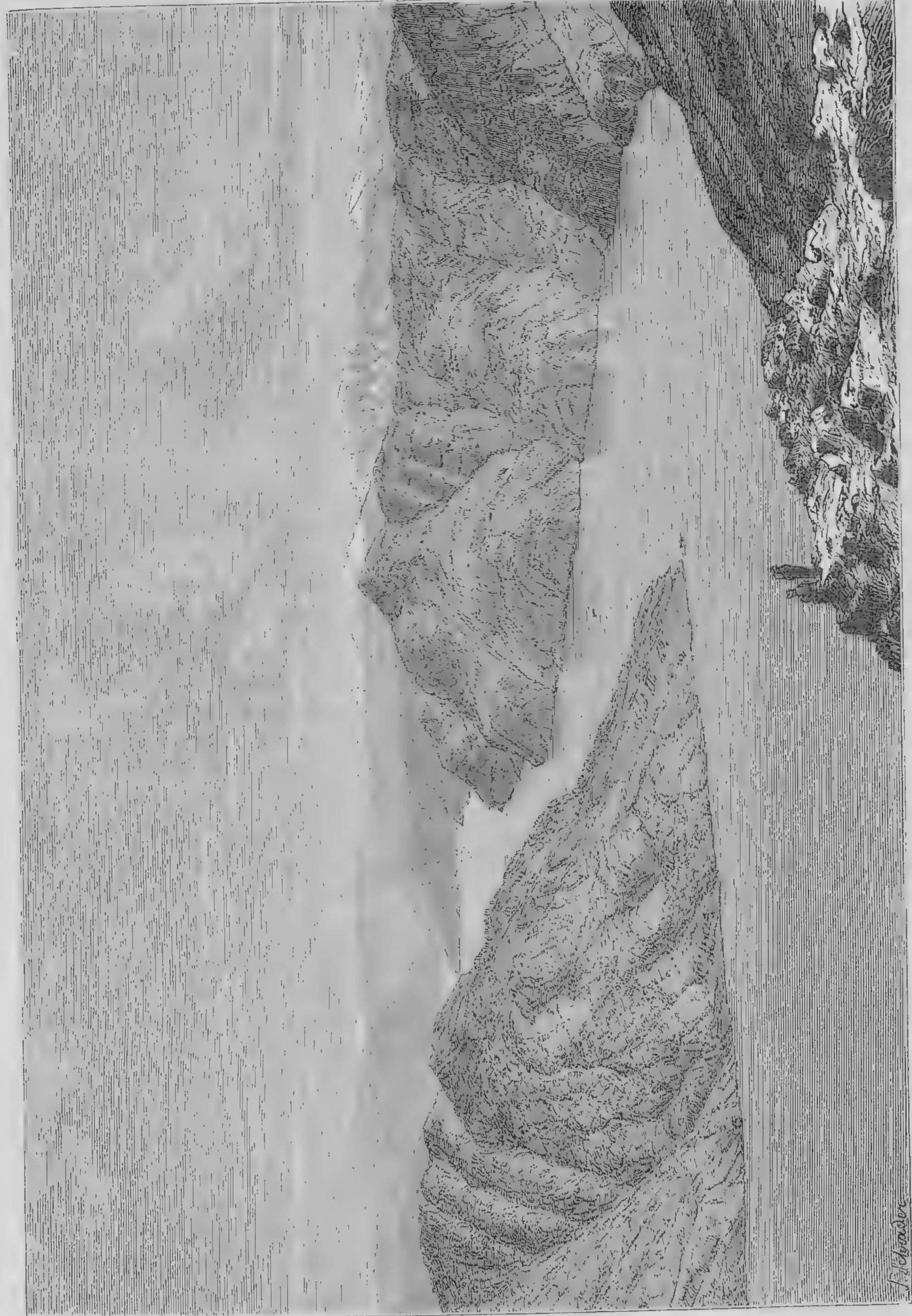
[1]) A. Blytt, „Om Vegetationsforholdene ved Sognefjorden".

[2]) Sexe, „Moerker efter en Iistid i omegnen af Hardangerfjorden".

[3]) A. Blytt, „Om Vegetationsforholdene ved Sognefjorden".

[4]) Ampere, „Esquisses du Nord".

шественникамъ случается присутствовать при оригинальной борьбѣ между бурями и этими, такъ сказать, висящими на воздухѣ ручьями. Внезапные порывы вѣтра разсѣеваютъ водо-



Листеръ-фьордъ. Сѣверная вѣтвь Согне-фьорда. Видъ съ вершины Мольдена.

падъ въ видѣ тумана, поддерживаютъ его въ пространствѣ, или даже заставляютъ его течь обратно въ воздухъ; чело горы покрывается оригинальною серебристою шевелюрою, обра-

зуемой пѣнящимися брызгами каскада [1]). Многіе изъ ручьевъ, падающихъ съ высоты береговыхъ утесовъ, разсыпаются и исчезаютъ въ воздухѣ, превращаемые въ прозрачные пары, потомъ опять собираются въ одинъ потокъ на какомъ-нибудь выступѣ пропасти, чтобы за-

[1]) Sexe, выше цитированное сочиненіе.

тѣмъ еще разъ разсѣяться въ видѣ пара [1]). Зимой и весной съ высокихъ разсѣлинъ въ скалахъ падаютъ на дно долинъ снѣжныя и каменныя лавины, иногда засыпая жилища.

На первый взглядъ норвежскіе фьорды имѣютъ очень неправильный видъ и расположеніе: можно подумать, что морской берегъ разрѣзанъ на безчисленное множество кусковъ какъ-бы по волѣ случая, и что островки, острова, полуострова переплетаются въ видѣ нераспутываемой сѣти. Однако, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи обнаруживается нѣкоторый порядокъ въ этомъ лабиринтѣ водъ и кусковъ суши. Въ сравненія съ подобными имъ шотландскими заливами (firths), скандинавскіе фьорды отличаются гораздо болѣе правильными формами: это происходитъ отъ того, что и вся окружающая ихъ природа представляетъ болѣе простыя черты, чѣмъ природа Шотландіи: хребты Кьсленъ, Доврефьельдъ, Юстедаль не имѣютъ ничего подобнаго живописному безпорядку, характеризующему Грампіанскія горы. Между фьордами Норвегіи очень мало такихъ, которые открываются на море широкими заливами: почти всѣ они сообщаются съ океаномъ посредствомъ узкаго канала, открывающагося между двумя высокими мысами. Противоположные берега фьорда, являющіеся въ формѣ крутаго яра, холмовъ или утесовъ, замѣтно параллельны между собой и продолжаются правильными извилинами. Многіе фьорды, прежде чѣмъ достигнуть моря, дѣлятся на двѣ вѣтви или рукава, охватывая островъ съ вертикальными стѣнами, всѣ выступы которыхъ соотвѣтствуютъ входящимъ кривымъ материка. Другіе (между прочимъ, два наиболѣе извѣстные внутренніе залива, Согнефьордъ и Гардангерфьордъ) развѣтвляются въ обѣ стороны; но большая часть этихъ боковыхъ развѣтвленій соединяется съ главнымъ заливомъ, образуя съ нимъ прямой уголъ, и принимаетъ въ себя съ той и другой стороны другія, болѣе узкія, поперечныя долины или клюзы, впадающія также подъ прямымъ угломъ. Въ совокупности своихъ развѣтвленій, напоминающихъ по формѣ вѣтви дуба, каждый фьордъ состоитъ изъ каналовъ перпендикулярныхъ или, по крайней мѣрѣ, круто, почти подъ прямымъ угломъ, соединяющихся другъ съ другомъ, и общее направленіе этихъ каналовъ совпадаетъ съ направленіемъ глубокихъ вырѣзокъ, раздѣляющихъ горныя массы Норвегіи. Общая архитектура страны повторяется въ углубленіяхъ фьордовъ, такъ же, какъ и въ рельефѣ горъ: каналъ является продолженіемъ долины и составляетъ вмѣстѣ съ нею одну и ту же разсѣлину; другія трещины почвы, отчасти наполненныя водой, отчасти выступившія изъ-подъ воды, пересѣкаютъ первыя, и такимъ образомъ страна дѣлится и подраздѣляется на безчисленное множество отрывковъ неравной величины, четыреугольныхъ, или, по крайней мѣрѣ, правильно обрѣзанныхъ: одни изъ этихъ отрывковъ имѣютъ видъ материка, другіе окружены съ нѣкоторыхъ или со всѣхъ сторонъ водой или образуютъ плоскогорья, полуострова, островныя цѣпи горъ. Способъ, какимъ разломался на куски весь Скандинавскій хребетъ, напоминаетъ растрескиваніе сырой земли, высыхающей на солнцѣ. Геологъ Кьерульфъ [1]) пытался передѣлать карту Норвегіи, указавъ на ней всѣ первоначальныя трещины, превратившіяся впослѣдствіи въ фьорды; правда, можно бы было предположить, что эти трещины суть не что иное, какъ углубленія почвы, размытыя водой, къ которымъ присоединяются съ боковъ другія борозды, вырытыя подъ прямымъ угломъ, по направленію наиболѣе значительной покатости; но какъ объяснить въ этомъ случаѣ тотъ фактъ, что они вообще открываются въ самыхъ твердыхъ горныхъ породахъ, а не въ тѣхъ формаціяхъ, которыя представляютъ наименьшее сопротивленіе? Какъ видѣть простое явленіе размыва въ этихъ трещинахъ, которыя продолжаются правильно черезъ фьорды и горы, на протяженіи сотенъ километровъ? Отъ Мольдефьорда до мыса Линдеснесъ тянется рядъ параллельныхъ трещинъ, по направленію съ сѣвера на югъ; другой рядъ разсѣлинъ соединяется на юго-востокѣ съ фьордомъ Христіанія; наконецъ, другія «черты разрѣза», какъ ихъ называетъ геологъ Кьерульфъ, идутъ параллельно морскому берегу между Мольде и Трондгьемомъ, между Арендалемъ и Христіаніей.

Невозможно вычислить дѣйствительное протяженіе или, какъ говорится, развитіе норвежскаго берега, слѣдуя за всѣми изсѣченіями фьордовъ главныхъ и второстепенныхъ, потому что нужно было бы принять въ расчетъ также всѣ проливы, раздѣляющіе полуострова, острова и островки: одна только длина судоходныхъ естественныхъ каналовъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ превышаетъ длину внѣшней линіи береговъ, то-есть равна почти 20.000 километровъ. Можно сказать, что такимъ образомъ существуетъ на всемъ норвежскомъ прибрежьи своего рода Средиземное море, если не по протяженію водъ, то, по крайней мѣрѣ, по длинѣ морскихъ путей,—и дѣйствительно, внутри кордона внѣшнихъ островковъ происходитъ почти все движеніе каботажнаго судоходства Норвегіи, имѣющаго столь важное значеніе для экономическаго быта страны; очень мало такихъ мѣстъ, гдѣ суда принуждены пускаться въ открытое море, чтобы обойти мысъ, какъ напримѣръ, мысъ Стадтъ, лежащій въ углу норвежскаго полуострова, между Нѣмецкимъ моремъ въ собственномъ смыслѣ и сѣвер-

[1]) E. Cotteau, „Annuaire du Club alpin français", I, 1874.

[1]) „Om skuringsmaerker, glacialformationen og terrasser".

нымъ Атлантическимъ океаномъ. Что касается маленькихъ судовъ, то гребцы могутъ перетаскивать ихъ изъ одного фьорда въ другой по углубленіямъ почвы, которыми фьорды продолжаются черезъ полуострова, и изъ которыхъ многія не имѣютъ даже сотни метровъ высоты, хотя по сторонамъ ихъ поднимаются отвѣсныя стѣны въ тысячу метровъ. Норвежцы называютъ эти «волоки» эйдерами [1]).

Нѣкоторые изъ фьордовъ такъ хорошо защищены отъ бурь и волнъ открытаго моря расположенными у входа въ нихъ островами и уединенными скалами, что прѣсная вода, приносимая ручьями во время таянія снѣговъ, или падающая непосредственно въ видѣ дождя, удерживается на поверхности, образуя слой толщиною въ метръ и болѣе: она плаваетъ на соленой и тяжелой водѣ, наполняющей бассейны фьорда. Эта прѣсная вода такъ чиста, что моряки могутъ черпать ее, чтобы возобновить свои запасы воды, а прибрежныя водоросли, омываемыя ею, мало-по-малу погибаютъ; кое-гдѣ онѣ даже замѣняются прѣсноводными видами, быстро растущими [2]). Зимой, когда притокъ прѣсной воды съ материка въ фьордъ прекращается, равновѣсіе солености опять возстановляется [3]), вслѣдствіе истеченія болѣе легкой воды, которая уходитъ въ океанъ. Въ зимнее время только тѣ изъ фьордовъ сохраняютъ на своей поверхности слой несоленой жидкости, которые принимаютъ въ себя одну или нѣсколько обильныхъ рѣкъ: эти фьорды представляютъ въ одно и то же время морскіе заливы и прѣсноводныя рѣки. Такъ, фьордъ Драмменъ, который получаетъ у самаго города этого же имени могучій потокъ Драммсъ-эльвъ, занимающій по важности второе мѣсто между рѣками Норвегіи, походитъ сначала, по своей правильной ширинѣ, составляющей отъ 2-хъ до 3-хъ километровъ, и по своей значительной глубинѣ, превышающей, среднимъ числомъ, 100 метровъ, на всѣ другіе заливы того же рода; но, дойдя до Свердвикенской тѣснины, онъ вдругъ съуживается до нѣсколькихъ сотъ метровъ и превращается въ рѣку, имѣющую всего только 5 метровъ глубины, и теченіе которой, по наблюденіямъ Кьерульфа, постоянно направляется къ морю во время разлива водъ, со скоростью 15 километровъ въ часъ въ періодъ отлива, и отъ 7 до 9 километровъ—въ періодъ прилива.

Многіе фьорды, прерываемые скалистыми барьерами, были совершенно раздѣлены на независимые одинъ отъ другаго бассейны: въ верхней части заливъ, питаемый тающими снѣгами и ручьями, превратился въ прѣсноводное озеро; въ нижней части онъ сохранилъ соленую воду. Простой истокъ, журчащій среди камней, поддерживаетъ сообщеніе между верхнимъ и нижнимъ резервуарами. Но, кромѣ этихъ естественныхъ запрудъ, уменьшившихъ длину заливовъ и тѣмъ самымъ увеличившихъ область твердой земли, есть много другихъ, которыя не поднимаются до морской поверхности, или, по крайней мѣрѣ, образуетъ лишь цѣпи подводныхъ камней: такъ, напримѣръ, въ Согнефьордѣ морены, отложенныя нѣкогда на днѣ, лежащемъ на тысячу слишкомъ метровъ ниже нынѣшняго уровня морей, поднимаются до 182 и до 54 метровъ отъ поверхности водъ [1]). Большинство фьордовъ частію завалены при устьѣ этими подводными грудами камней, которымъ жители сѣверной Норвегіи дали названіе havbroen или «морскихъ мостовъ» [2]). Фьордъ Христіанія по обѣ стороны окаймленъ замѣчательно правильными валами изъ мелкихъ камней, которые суть не что иное, какъ древнія морены, выдвинутыя за черту материка [3]).

Какъ объяснить происхожденіе естественныхъ запрудъ или плотинъ, слѣдующихъ на нѣкоторомъ разстояніи одна за другой отъ устья фьордовъ до ихъ верхней оконечности? Наблюденія геологовъ позволяютъ отвѣтить съ увѣренностью на этотъ вопросъ. Нѣкоторые изъ этихъ каменныхъ барьеровъ суть пороги между двумя долинами, подобные порогамъ, встрѣчающимся на выступившей изъ-подъ воды твердой землѣ [4]); другіе состоятъ изъ откосовъ, образовавшихся путемъ размыванія; но многіе, очевидно, представляютъ древнія морены, во всемъ похожія на тѣ, которыя были оставлены прежними ледниками въ выступившихъ изъ-подъ воды долинахъ, при основаніи горъ. Да и самые фьорды развѣ не свидѣтельствуютъ о пребываніи въ нихъ древнихъ ледяныхъ потоковъ? Такъ же, какъ заливы (firths) Шотландіи, скандинавскіе фьорды существовали ранѣе ледянаго періода, и именно благодаря наполнявшимъ ихъ огромнымъ массамъ кристаллической воды, они и могли сохраниться въ своей первоначальной формѣ: единственное измѣненіе, которому они подверглись подъ давленіемъ ледяныхъ массъ, состояло въ томъ, что бассейнъ ихъ былъ вырытъ глубже, а стѣнки и ложе этого бассейна были выровнены и отшлифованы движущимися глетчерами. Между тѣмъ, какъ въ климатахъ теплыхъ или менѣе влажныхъ заливы были мало-по-малу засыпаны наносами впадавшихъ въ нихъ рѣ-

[1]) Hartung, „Thal-und Seebildungen", „Zeitschrift für Erdkunde", 1878, № 76.

[2]) A. Blytt, „Om Vegetations-forholdene ved Sognefjorden".

[3]) Карлъ Фогтъ, „Путешествіе на сѣверъ, въ сопровожденіи Гресли, Гассельгорста и Герцена".

[1]) Edmund Helland, „On the fjords, lakes and cirques of Norway and Greenland".

[2]) Hörbye, „Observations sur les phénomènes d'érosion en Norvège".

[3]) Th. Kjerulf, „Om skuringsmaerker, glacialformationen og terrasser".

[4]) Th. Kjerulf, „Die Eiszeit", нѣмецкій переводъ Гартунга.

чекъ и ручьевъ и морскими песками, въ то время, какъ нѣкоторыя области самаго океана, какъ, напримѣръ, Сѣверное море, были почти сплошь завалены каменными обломками и землистыми частицами до 60 или до 100 метровъ отъ поверхности воды, — впадины норвежскихъ фьордовъ постоянно сохраняли одну и ту же глубину; по мѣрѣ отступленія льдовъ, оставлявшихъ тамъ и сямъ слѣды своего пребыванія, въ видѣ фронтальныхъ моренъ, воды вторгнулись въ эти пропасти, изъ которыхъ многія имѣютъ болѣе значительную глубину, чѣмъ окружающія моря.

Но съ той поры, какъ ледяной періодъ, по нынѣ продолжающійся еще въ Гренландіи, окончился для Скандинавіи, протекло неизвѣстное число вѣковъ. Ледники постепенно отступили внутрь фьордовъ, затѣмъ нижняя ихъ оконечность, которую болѣе не омывали волны морскія, поднималась всѣ далѣе и далѣе въ углубленіяхъ, открывающихся на склонахъ горъ. Тогда-то началась для проточныхъ водъ и для моря громадная геологическая работа засыпанія заливовъ. Рѣчныя воды приносятъ землистыя частицы и отлагаютъ ихъ въ видѣ ровныхъ плоскихъ береговъ у подошвы горъ, въ то время какъ море раскладываетъ въ видѣ песчаныхъ или илистыхъ поясовъ всѣ обломки скалъ, которыя оно подтачиваетъ своими волнами. Въ большомъ числѣ фьордовъ этотъ процессъ преобразованія области водъ въ твердую землю сдѣлалъ уже весьма чувствительные успѣхи, и если бы намъ извѣстенъ былъ вѣковой приростъ отложенія наносовъ, то мы могли бы вычислить приблизительно эпоху, въ которую льды покинули впадины фьорда. На всей выпуклости южныхъ норвежскихъ береговъ, которая развертывается между фьордомъ Порсгрундъ и большимъ Ставангерскимъ заливомъ, почти всѣ древнія изсѣченія морскаго прибрежья уже исчезли: отъ нихъ остались только бухточки, маленькія гавани, озера, пруды, болотистые луга. Въ этой области, обращенной къ полуденному солнцу и хорошо защищенной отъ сѣверныхъ вѣтровъ массой плоскогорья, ледники перестали существовать гораздо ранѣе, чѣмъ на западныхъ берегахъ, обращенныхъ къ дождливымъ вѣтрамъ Атлантическаго океана, и этого періода было достаточно, чтобы превратить въ твердую землю почти всѣ древнія вырѣзки берега, о существованіи которыхъ мы узнаемъ изъ геологическихъ изслѣдованій мѣстности. Отъ этихъ засыпанныхъ фьордовъ юга Норвегіи до фьордовъ, еще цѣльныхъ, сѣвернаго прибрежья, гдѣ льды продолжаютъ спускаться почти до самаго моря, можно наблюдать всевозможныя переходныя степени. Норвегія, одна изъ любопытнѣйшихъ странъ земнаго шара по образованію ея плоскихъ возвышенностей и морскихъ береговъ, такъ же, какъ и по происходящимъ въ ней явленіямъ всякаго рода, есть, повидимому, та страна, гдѣ всего скорѣе можетъ быть окончательно рѣшенъ вопросъ относительно продолжительности нынѣшней геологической эпохи. Тамъ каждый ледяной потокъ, еще существующій, каждое древнее ложе ледника разсказываетъ во всѣхъ подробностяхъ исторію перемѣнъ климата въ теченіе періода, слѣдовавшаго за ледяными вѣками; каждый фьордъ представляетъ, такъ сказать, метеорологическій и геологическій аппаратъ, указывающій подводными камнями своихъ древнихъ моренъ, проведенными льдомъ чертами и бороздами своихъ стѣнъ, наносами своихъ ручьевъ всѣ измѣненія, какія совершались въ мѣстной средѣ. Поэтому естественно является вопросъ—нельзя ли путемъ тщательнаго сравненія этихъ явленій опредѣлить продолжительность современнаго періода и дать этому циклу, какъ годамъ и столѣтіямъ, точный смыслъ, который позволилъ бы отвести ему надлежащее мѣсто въ строгой хронологіи. Попытка въ этомъ родѣ была уже сдѣлана геологомъ Теодоромъ Кьерульфомъ въ его изслѣдованіи о проведенныхъ льдами чертахъ на бокахъ скалъ, о глетчерахъ, формаціяхъ и террасахъ Норвегіи [1]).

IV.

На восточномъ скатѣ Скандинавскаго хребта фьордамъ соотвѣтствуютъ озера: пониженіе уровня почвы превратило бы ихъ въ заливы, наполненные соленой водой, точно такъ же, какъ повышеніе его имѣло бы слѣдствіемъ измѣненіе въ прѣсноводныя озера фьордовъ норвежскаго берега. Есть даже множество долинъ, которыя перерѣзываютъ по всей ширинѣ хребетъ Кьеленъ или массивы южной Норвегіи, и дно которыхъ покрыто тамъ и сямъ болотами и маленькими озерами, которыя, повидимому, суть не что иное, какъ остатки древняго пролива, открывавшагося между фьордами двухъ склоновъ. Какъ на примѣръ этихъ длинныхъ болотистыхъ рвовъ, соединяющихъ двѣ противоположныя покатости, указываютъ обыкновенно на ущелье, открывающееся къ югу отъ горныхъ цѣпей Снегеттенъ и Доврефьельдъ. Озеро, называемое Лесьескогенъвандъ и лежащее на высотѣ 623 метровъ, занимаетъ какъ разъ высшую точку прохода, и поверхность его то увеличивается, то уменьшается, смотря по обилію дождей и тающихъ снѣговъ; изъ каждой оконечности этого живописнаго озера, усѣяннаго островками, вытекаетъ рѣка: на сѣверо-западѣ—Раума, впадающая въ Мольде-фьордъ; на юго-востокѣ — Лоугенъ, которая изливается въ Большой Мьезенъ и оттуда въ фьордъ Христіанія. Отступая

[1]) „Om skuringsmaerker, glacialformationen og terrasser", 1871.

внутрь материка, ледники оставили послѣ себя въ этихъ озерахъ, такъ же, какъ и въ фьордахъ, морены, которыя тамъ и сямъ раздѣлили ихъ на особые бассейны, или существованіе которыхъ обнаруживается только мелями или разорванными перешейками, постепенно выровненными на поверхности дѣйствіемъ водъ; поднятыя впослѣдствіи вмѣстѣ съ окружающей ихъ почвой, эти морены имѣютъ видъ террасъ, какъ будто онѣ образовались изъ обыкновеннаго рѣчнаго аллювія. Наносы горныхъ потоковъ подвигаются все далѣе и далѣе въ видѣ постоянно ростущихъ равнинъ, и такъ же, какъ новообразовавшіяся земли фьордовъ, они современемъ дадутъ возможность изслѣдователямъ вычислить продолжительность вѣковъ, протекшихъ съ конца ледянаго періода въ Скандинавіи. Многія изъ этихъ озеръ до сихъ поръ сохранили еще характеръ фьордовъ и большую, чисто-морскую глубину. Англійскій ученый Гелландъ измѣрилъ лѣтомъ болѣе пятидесяти этихъ остатковъ фьордовъ и нашелъ, что въ одномъ изъ нихъ, въ озерѣ Гвенингдальсъ-вандъ, лежащемъ въ Ромсдальскомъ округѣ, глубина достигаетъ 486 метровъ, то-есть дно лежитъ на 432 метра ниже уровня моря [1]).

Но не одни только бассейны озеръ и фьордовъ свидѣтельствуютъ о дѣйствіи древнихъ льдовъ, спускавшихся съ норвежскихъ горъ. Повсюду въ странѣ почва сохранила слѣды прохожденія ледяныхъ массъ, и даже далеко за предѣлами полуострова встрѣчаются во множествѣ доказательства дѣйствія скандинавскихъ ледниковъ. Швеція и Норвегія составляютъ только незначительную часть того огромнаго пространства, по которому разсѣялись льды и камни съ хребтовъ Кьеленъ и Доврефьельдъ. Финляндія, треть Европейской Россіи, вся Сѣверная Германія, Данія лежатъ въ предѣлахъ громадной области, обнимающей 3 или 4 милліона квадратныхъ километровъ, поверхностныя земли которой обязаны своимъ происхожденіемъ въ весьма значительной степени обломкамъ, принесеннымъ нѣкогда съ горъ Скандинавіи и съ восточнаго Кьелена, съ прибавкой обломковъ мѣстныхъ скалъ, захваченныхъ на пути ледяной скатертью. За исключеніемъ очень глубокаго рва, образующаго проливъ Скагеракъ, который, какъ кажется, прежде былъ фьордомъ [2]), прибрежныя моря Скандинавіи, средняя глубина которыхъ столь незначительна въ сравненіи съ теперешней глубиной океана, суть ложа всѣхъ этихъ древнихъ ледниковъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже открыли явные слѣды ихъ ниже нынѣшнихъ береговъ. Полосы, начертанныя движущимися льдами, продолжаются подъ водой въ морѣ: такъ, напримѣръ, въ Карлскронѣ Аксель Эрдманъ прослѣдилъ ихъ до глубины 7 метровъ; ниже эти полосы изглажены дѣйствіемъ воды, или покрыты пескомъ. Для средней глубины морей, окружающихъ Скандинавскій полуостровъ, Отто Крюммель даетъ слѣдующія цифры:

Средняя глубина: Балтики — 67 метровъ; Сѣвернаго моря—89 метровъ; океана—3.432 метра.

Уже болѣе полустолѣтія тому назадъ Эсмаркъ объяснялъ разсѣяніе эрратическихъ камней движеніемъ скандинавскихъ ледниковъ. Во Франціи Шарль Мартенъ былъ первый изъ геологовъ, изложившій теорію древняго распространенія льдовъ по всему скандинавскому сѣверу; съ 1840 года онъ поддерживалъ это мнѣніе, оспариваемое въ то время такими свѣтилами науками, какъ Берцеліусъ и Мурчисонъ, но нынѣ принятое всѣми учеными. Слѣды дѣйствія льдовъ, полосы или черты на скалахъ, полировка боковъ каменныхъ массъ, морены, эрратическіе камни—слишкомъ очевидны, чтобы можно было отрицать ихъ существованіе: нѣтъ такой геологической карты Скандинавіи, гдѣ бы форма холмовъ не свидѣтельствовала о прохожденіи глетчеровъ; нѣтъ мѣстности, гдѣ бы не бросались въ глаза, такъ же, какъ въ швейцарской равнинѣ или на южныхъ берегахъ ломбардскихъ озеръ, такъ называемые «мореническіе пейзажи», столь замѣчательные ихъ пригорками, ихъ каменными плотинами или валами, покрытыми ковромъ зелени, ихъ маленькими озерами и болотами, разсѣянными среди полей. Какъ во всѣхъ странахъ, которыя нѣкогда были покрыты льдами, мы видимъ въ Скандинавіи кучи глетчеровой грязи и эрратическіе камни въ столь большомъ числѣ, что во многихъ мѣстахъ они придаютъ всей странѣ особенную, совершенно своеобразную физіономію; но обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя только тѣ изъ нихъ, которые отличаются громадными размѣрами, странной формой или колебаніемъ ихъ массы, лежащей на узкомъ основаніи. Даже издали путешественникъ, плывущій вдоль южныхъ береговъ Норвегіи, явственно различаетъ по округленной формѣ мысовъ, по «курчавому», напоминающему барашковъ, виду скалъ, по общей физіономіи всей страны, что льды полировали камень, скользя по его гранямъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Во внутренней Швеціи холмы какъ будто срѣзаны ножемъ на нѣкоторой высотѣ: поднявшись по скатамъ ихъ на вершину, мы очутимся на плато почти совершенно гладкомъ, выдающіяся скалы котораго были нѣкогда стерты колоссальной ледяной массой. Выровненная движеніемъ ледниковъ, страна приняла въ высшей степени однообразный, монотонный видъ. Даже столы изъ лавы, раз-

---

[1]) „On the fjords, lakes and cirques in Norway and Greenland".

[2]) Mohn, „Mittheilungen von Petermann", XI. 1876.

лившейся по древнимъ формаціямъ въ сосѣдствѣ съ большими озерами, нѣсколько измѣнили свой наружный видъ съ тѣхъ поръ, какъ льды сгладили ихъ выдающіяся точки и неровности. Въ видѣ примѣра, можно указать на двѣ многоугольныя горныя массы Галлеборгъ, или Галлебергъ, и Гуннеборгъ, или Гуннебергъ, отдѣленныя одна отъ другой узкой долиной или ущельемъ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога изъ Венерсборга въ Іенкепингъ. Едва взберешься по крутизнамъ на вершину той или другой изъ этихъ горъ, какъ взорамъ представляется обширное, слегка бугристое плато, усѣянное эрратическими камнями, между которыми разстилаются болота и озера.

Расходящіяся колеи, начертанныя льдами вокругъ горныхъ массъ, легко различить, во многихъ мѣстахъ даже при взглядѣ на простую карту, такъ что наблюдателю нѣтъ надобности лично осматривать мѣстность. Точно также картографическое изображеніе того или другаго рѣчнаго бассейна совокупностью своихъ чертъ разсказываетъ намъ о различныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ движеніе древнихъ ледниковъ: мы видимъ на картѣ ихъ ложе, ихъ крутые берега, направленіе, по которому они слѣдовали, препятствія, какія они встрѣчали на пути. Острова, цѣлые архипелаги, отчетливо ограниченные окружающими ихъ водами, сохраняютъ еще совершенно явственные знаки рѣзцовъ, которыми была изсѣчена ихъ поверхность. Тѣмъ не менѣе видъ страны иногда вводитъ въ заблужденіе, и было бы ошибочно приписывать, какъ это дѣлаютъ иные изслѣдователи, дѣйствію ледниковъ нѣкоторые параллельные сгибы или складки формацій, которыя были изогнуты дѣйствіемъ боковыхъ давленій. Такъ, напримѣръ, группа островковъ, лежащая въ Христіаніа-фьордѣ, непосредственно на западѣ отъ норвежской столицы, состоитъ изъ земель, которыя всѣ оріентированы съ сѣверо-востока на юго-западъ, всѣ изсѣчены бухточками и отдѣлены одна отъ другой проливами, имѣющими то же самое направленіе; даже хребты этихъ островковъ, фарватеры проходовъ, песчаныя мели, представляютъ параллельное расположеніе. Но древніе глетчеры тутъ, очевидно, не при чемъ, ибо, какъ мы видѣли выше, полосы и борозды, начертанныя движеніемъ ледяныхъ массъ, тянутся въ направленіи перпендикулярномъ ко всѣмъ этимъ параллельнымъ сгибамъ [1]).

Если отнынѣ легко объяснить происхожденіе полосъ, наблюдаемыхъ на скандинавскихъ скалахъ, то гораздо труднѣе отдать себѣ отчетъ въ образованіи такъ называемыхъ азаровъ или озаровъ (åsar — множественное число отъ as), узкихъ насыпей разной высоты, отъ 3 до 60 метровъ, которыя встрѣчаются тысячами въ

[1]) Th. Kjerulf, „Carte géologique"; Albert Heim, „рукописныя замѣтки"

Скандинавіи, въ Финляндіи и въ сѣверной Россіи. Низкія и короткія въ верхнихъ долинахъ, гдѣ онѣ извѣстны подъ именемъ kross-stens-åsar, насыпи эти, вступая въ шведскую равнину, образуютъ параллельные валы, которые тянутся, съ небольшими перерывами, на значительныхъ разстояніяхъ, иногда даже на пространствѣ цѣлаго градуса широты и болѣе. Почти параллельные глетчернымъ чертамъ и бороздамъ, въ направленіи съ сѣвера на югъ и юго-востокъ, съ волнообразными изгибами вправо и влѣво, на подобіе извилинъ рѣки, валы эти принимаютъ въ себя также боковые азары, которые всѣ воспроизводятъ общій типъ ядра (kärn), состоящаго изъ округленныхъ или угловатыхъ камней всякой величины, не-слоистыхъ и покрытыхъ «плащемъ» изъ ила и песку, хорошо промытыхъ и наслоенныхъ водами. Сначала остановились было на мысли, что азары не что иное, какъ морены огромныхъ размѣровъ: но тщетно искали ложе ледниковъ, которое эти валы должны бы были окаймлять по всей ихъ длинѣ; при томъ же и камни ядра здѣсь болѣе округленные, чѣмъ камни боковыхъ моренъ на Альпахъ. На этомъ основаніи, знаменитый шведскій натуралистъ Берцеліусъ отрицалъ даже непосредственную связь причины и слѣдствія между ледниками и азарами [1]).

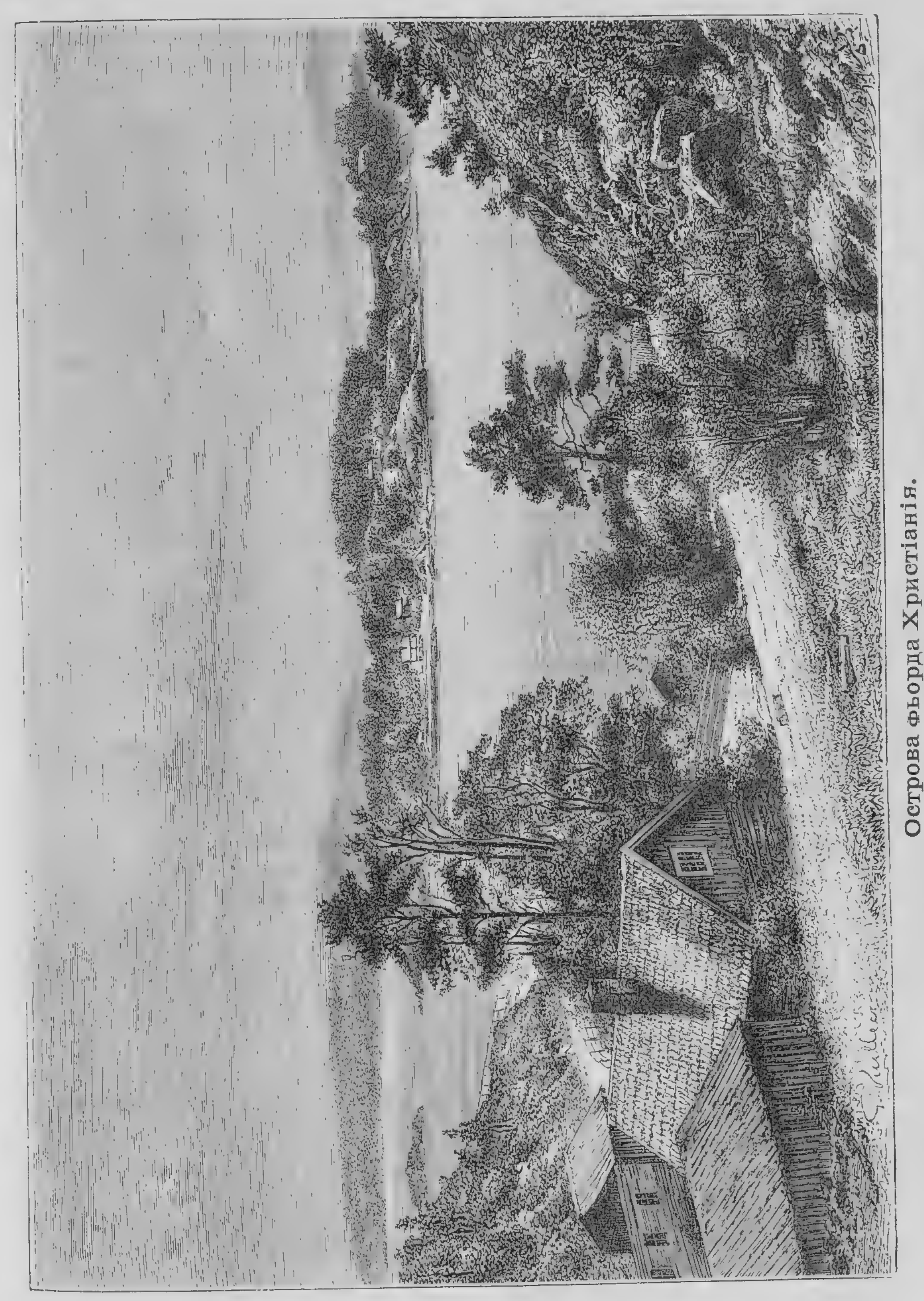
Аксель Эрдманъ приписываетъ образованіе азаровъ дѣйствію морскихъ водъ, которыя, по его мнѣнію, вслѣдствіе измѣненій уровня почвы, передвигали камни моренъ, нанесенные горными потоками [2]). Правда, многіе азары, между прочимъ, тотъ, который находится непосредственно на сѣверѣ отъ Стокгольма, покрыты морскими раковинами тѣхъ же видовъ, какіе водятся и въ нынѣшнемъ Балтійскомъ морѣ; но эти раковистыя отложенія составляютъ лишь поверхностный слой валовъ и образовались въ эпоху временнаго пониженія почвы, имѣвшаго мѣсто уже послѣ ледянаго періода. Двѣ главныя теоріи остаются на лицо: одна, предложенная Тернебомомъ, видитъ въ азарахъ валы изъ обломковъ, обязанные своимъ происхожденіемъ подледниковымъ ручьямъ, какъ подобные же холмы Гренландіи; другая разсматриваетъ ихъ какъ результатъ своего рода раздѣленія труда въ моренахъ дна [3]). Смотря по матеріалу, изъ котораго состоитъ ихъ главная масса, высокіе валы азаровъ извѣстны подъ именемъ зандазаровъ, или «песчаныхъ холмовъ», и рульстеназаровъ, или «галечныхъ холмовъ». Въ нѣкоторыхъ валахъ этого рода встрѣчаются также воронки (åsgropar), круглыя или эллиптическія ямы, имѣющія до 300

[1]) Th. Kjerulf, „Die Eiszeit", нѣмецкій переводъ Гартунга.

[2]) Ch. Martins, „Bull. de la Soc. Géol.", 1845, 1846;— Robert Chambers, „Edinburgh New Philosoph. Journal", 1853;—Axel Erdmann, „Carte géologique de la Suède".

[3]) П. Кропоткинъ, „рукописныя замѣтки".

метровъ и болѣе въ окружности и различную глубину, отъ 3 до 20 метровъ; дно ихъ наполнено глиной, которая нѣкогда была отложена водами, имѣвшими коловратное движеніе [1]). Въ



Острова фьорда Христіанія.

Стремсгольмскомъ азарѣ насчитываютъ 39 такихъ воронокъ на пространствѣ около 140 километровъ [1]). Эти слѣды древнихъ водоворотовъ не служатъ ли, какъ и безчисленные «котлы великановъ», доказательствомъ дѣйствія ручьевъ и рѣчекъ, бѣжавшихъ по ледяной поверхности, и русло которыхъ постоянно перемѣщалось, по причинѣ встрѣчавшихся имъ

[1]) „Geologiska Föreningens i Stockholm Förhandlingar", t. I.

[1]) A. Erdmann, „Exposé des formations quaternaires de la Suède".

препятствій? [1]). Въ Норвегіи, гдѣ скаты возвышенностей гораздо круче, чѣмъ въ Швеціи, и гдѣ, слѣдовательно, ручьи и рѣки имѣли менѣе значительное протяженіе отъ горныхъ цирковъ до моря, азары, извѣстные въ краѣ подъ именемъ raer, не достигли такого развитія, какъ въ сосѣдней странѣ, и валы эти, по Кьерульфу, смѣшались по большей части съ моренами. Норвежское же слово aas примѣняется безразлично ко всякимъ высотамъ, даже къ скалистымъ вершинамъ.

Изъ многочисленныхъ азаровъ Скандинавіи самый извѣстный и чаще другихъ описываемый путешественниками есть та длинная цѣпь, которая, подъ разными названіями, Брункебергсъасъ, Лангазенъ и другими, тянется, на пространствѣ слишкомъ 100 километровъ, отъ балтійскаго поморья, на югѣ отъ Стокгольма, до окрестностей Упсалы. Отъ береговъ моря до озера Веттернъ, близъ Аскерзунда, насчитываютъ не менѣе восьми главныхъ азаровъ, не говоря уже о множествѣ соединяющихся съ ними второстепенныхъ развѣтвленій, и между этими естественными валами есть такіе, которые значительно превосходятъ по длинѣ упомянутую Брункебергскую цѣпь. Отъ береговъ озера Меларенъ или Меларскаго, близъ Энкепинга, можно прослѣдить одинъ изъ этихъ кордоновъ, состоящихъ изъ древней гальки, на протяженіи 300 и 340 километровъ въ сѣверномъ направленіи. Дороги пролегаютъ обыкновенно по хребту азаровъ или идутъ вдоль ихъ откосовъ, чтобы избѣжать болотъ и сырыхъ, топкихъ пространствъ, которыя тянутся по обѣ стороны вала; для переправы черезъ озера, азары, выступающіе надъ поверхностью водъ, служатъ естественными дамбами, до которыхъ путешественникъ легко можетъ добраться съ берега при помощи нѣсколькихъ ударовъ весла. Въ Меларскомъ озерѣ вся западная часть озера, образующая малый бассейнъ, почти совершенно отдѣлена отъ большаго бассейна однимъ изъ подобныхъ валовъ, отличающимся замѣчательною правильностью.

V.

Слои морскихъ наносовъ, залегающихъ на земляхъ, нынѣ выступающихъ изъ-подъ воды, свидѣтельствуютъ о движеніяхъ, которыя колебали почву Скандинавскаго полуострова со временъ ледяного періода. Сначала материкъ опустился или осѣлъ, и уровень моря повысился, относительно береговъ, на 150 и на 200 метровъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на 300 слишкомъ метровъ, какъ это доказываютъ отложенія морскаго происхожденія, съ остатками арктическихъ животныхъ, лежащія на горныхъ породахъ, изборожденныхъ проходившими льдами. Затѣмъ послѣдовало движеніе въ обратномъ направленіи снизу вверхъ, и почва поднялась, выдвинувъ на поверхность земли формаціи, отложенныя въ предшествовавшую эпоху на днѣ моря. Во время этихъ колебаній уровня почвы, рельефъ Скандинавіи долженъ былъ измѣниться, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что очертанія выступившихъ изъ-подъ воды острововъ и полуострововъ не вездѣ походятъ на контуры земель, которыя были поглощены моремъ. Такъ, напримѣръ, обширная силурійская область, которая простиралась, въ первыя времена ледяного періода, вдоль шведскаго берега, непосредственно на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Аландскихъ острововъ, не выступила изъ-подъ воды при вторичномъ появленіи прибрежныхъ равнинъ Балтики. О древнемъ существованіи этой силурійской территоріи напоминаютъ многочисленныя глыбы известняка и песчаника, перенесенныя ледниками или пловучими льдами далеко на югъ, даже до ближайшихъ окрестностей Стокгольма; но всего болѣе напоминаетъ объ ней очень плодородная почва известковаго происхожденія, покрывающая всю часть морскаго прибрежья, заключающуюся между Гефле, Вестерасомъ и Стокгольмомъ. Эта плодоносная земля образовалась вслѣдствіе постояннаго разрушенія пловучими льдами слоевъ известняка, глины и сланцевъ, которые нѣкогда занимали нынѣшнюю морскую область, простирающуюся на востокъ отъ Гефле [1]).

Пониженія и повышенія почвы представляются во многихъ мѣстахъ фактами до того очевидными, что ни одинъ геологъ не могъ отрицать древняго поднятія скандинавскихъ равнинъ; но вѣра въ быстрые, внезапные перевороты на земной поверхности, въ геологическіе катаклизмы, была прежде всеобщая, и всѣ думали, что измѣненія уровня между твердой землей и морями были дѣломъ одного дня и совпадали съ преобразованіемъ всей экономіи нашей планеты. Велико было удивленіе, когда первые наблюдатели заговорили о непрерывномъ перемѣщеніи береговъ, совершающемся чрезвычайно медленно, и знаменитѣйшіе ученые, слѣпо привязанные къ идеямъ, которыя они проповѣдывали и которыя доставили имъ громкую извѣстность, долго отвергали, какъ ересь, новую гипотезу, представленную на ихъ воззрѣніе. Однако уже съ незапамятныхъ временъ крестьяне и рыбаки, жители береговъ Ботническаго залива, знали, по собственному наблюденію, о постепенномъ приращеніи ихъ береговъ и уменьшеніи сосѣднихъ морскихъ водъ; старики показывали разные пункты прибрежья, до которыхъ во

[1]) Törnebohm, „рукописныя замѣтки".

[1]) Axel Erdmann, „Exposé des formation quaternaires de la Suède.

времена ихъ дѣтства доходило море, а внутри материка—плоскіе берега, нѣкогда начертанные волнами. Кромѣ того, названія мѣстностей, болѣе или менѣе континентальное положеніе прежнихъ, нынѣ покинутыхъ портовъ, зданія, построенныя когда-то на берегу и очутившіяся внутри материка, обломки судовъ, найденные вдали отъ моря, наконецъ, письменные памятники и нѣкоторыя мѣста въ народныхъ пѣсняхъ—все это не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ постепеннаго отступленія морскихъ водъ. Первоначальный городъ Лулеа, основанный королемъ Густавомъ-Адольфомъ, какъ будто отодвинулся на нѣсколько километровъ къ западу въ періодъ времени, обнимающій полтора столѣтія: изъ прежняго приморскаго порта онъ превратился въ сельское мѣстечко, удаленное отъ моря, такъ что пришлось выстроить на востокѣ отъ него новый городъ [1]). Въ 1730 году, Цельзій первый счелъ себя въ правѣ, основываясь на сравненіи всѣхъ собранныхъ свидѣтельствъ и замѣченныхъ признаковъ, высказать гипотезу не поднятія почвы Скандинавскаго полуострова, но постепеннаго пониженія уровня Балтійскаго моря, среднимъ числомъ, на величину немного большую одного сантиметра въ годъ. Стокгольмскіе теологи обвинили его въ нечестіи, и даже въ парламентѣ представители двухъ сословій, духовенства и горожанъ, осудили его «гнусное» предположеніе [2]). Однако, замѣтка, высѣченная на камнѣ въ 1731 году Цельзіемъ и Линнеемъ у основанія одного утеса на островѣ Лефгрундъ, недалеко отъ Гафле, обнаружила, тринадцать лѣтъ спустя, разность уровня, исчисленную въ 18 сантиметровъ. Въ 1749 году одинъ путешественникъ, теперь забытый, австріецъ Гелль, также утверждалъ, что поверхность сѣвернаго Атлантическаго океана понижается близъ мыса Нордъ-Капъ, вокругъ острова Маазе [3]).

При настоящемъ состояніи нашихъ знаній, невозможно бы было отвергать во всемъ ея объемѣ гипотезу Цельзія, по которой повышеніе береговъ сѣверной Скандинавіи приписывается пониженію уровня Балтійскаго моря. Теперь извѣстно, что поверхность моря не отличается совершенной, геометрической правильностью, и что воды имѣютъ большую или меньшую высоту въ нѣкоторыхъ областяхъ моря, причину чего нужно искать въ мѣстныхъ притяженіяхъ сосѣднихъ горъ или глубокихъ слоевъ: такъ, въ самой Балтикѣ, точныя тригонометрическія измѣренія показали, что поверхность этого внутренняго моря почти на полметра выше у береговъ Мемеля, чѣмъ у береговъ Киля и Эккернферде [1]). Однако, какъ это утверждалъ уже Лаццаро Моро, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, не море, а земля является стихіей по преимуществу подвижной и измѣнчивой: это земля поднимается и понижается относительно малоподвижнаго уровня океана. Въ 1807 году Леопольдъ фонъ-Бухъ первый ниспровергъ гипотезу Цельзія и провозгласилъ, что вся масса Скандинавскаго полуострова поднимается вѣковымъ движеніемъ надъ поверхностью окружающихъ морей. Съ того времени геологи открыли и изслѣдовали явленія поднятія на многихъ другихъ морскихъ берегахъ, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, и даже на островахъ Океаніи; но изъ всѣхъ странъ земнаго шара Скандинавія все-таки имѣетъ по этому вопросу первенствующее значеніе, такъ какъ въ ней сдѣлано было сравнительно наибольшее число наблюденій надъ движеніями почвы: она есть, такъ сказать, типъ, съ которымъ сравниваются всѣ другія земли, медленно поднимающіяся надъ уровнемъ моря [2]).

Морскіе остатки, свидѣтельствующіе о недавнемъ появленіи скандинавскихъ земель, встрѣчаются въ очень многихъ мѣстахъ полуострова. Такъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ внутри страны были открыты кости китообразныхъ животныхъ. Напримѣръ, въ 1860 году нашли на сѣверо-востокѣ отъ города Варбергъ, близъ озера Везелангенъ, на высотѣ около 20 метровъ, остатки, которые были признаны Лильеборгомъ принадлежавшими одному виду кита (Balaena mysticetus). Слои современныхъ раковинъ идутъ уступами по бокамъ холмовъ или горъ на различныхъ высотахъ, даже до высоты 178 метровъ, недалеко отъ Трондгьема [3]); впрочемъ, нужно замѣтить, что морскія раковины, находимыя на этихъ террасахъ, въ разныхъ ярусахъ, не всѣ принадлежатъ въ точномъ смыслѣ къ одной и той же фаунѣ. Самые верхніе слои состоятъ изъ видовъ арктическаго пояса, родичи которыхъ живутъ еще на берегахъ Шпицбергена; ниже слои этого рода составлены изъ видовъ фауны менѣе холоднаго климата, и наконецъ, вблизи береговъ раковины совершенно такія же, какія и нынѣ водятся въ сосѣднихъ моряхъ. Этими послѣдовательными ярусами раковинъ можно измѣрять постепенное улучшеніе климата страны, въ теченіе всего періода повышенія почвы, который и теперь еще продолжается для Скандинавіи [4]).

Слѣды недавняго поднятія береговъ во многихъ мѣстахъ очень хорошо видны съ моря: острова, мысы носятъ еще на различныхъ вы-

[1]) Leopold von Buch, „Reise durch Norwegen und Lappland“.

[2]) Anton von Etzel, „Die Ostsee“.

[3]) Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

[1]) „Mittheilungen von Petermann“, 1875, S. 229.

[2]) Lyell, „Rise of Land in Sweden, Philosophical Transactions“, 1835.

[3]) Th. Kjerulf; Mohn, „Nyt Magazin for Naturvidenskaberne“, Christiania, 1876.

[4]) Sven Loven, „Mémoires de l'Acad. des Sciences de Suède“; 1839, 1846;—Nilsson, „Les Habitants primitifs de la Scandinavie“.

сотахъ выступившіе изъ-подъ воды поясы древнихъ береговъ. Около Трондгьема прежній высокій берегъ такъ ясно обозначенъ, что изъ города его далеко можно прослѣдить взоромъ по скату горы. Но особенно на прибрежьѣ Финмаркена можно безъ труда различить высокіе берега, покинутые моремъ, такъ какъ тамъ видъ не загороженъ деревьями и кустарникомъ. Надъ Вадсе, прибрежнымъ городкомъ Варангеръ-фьорда, виденъ на бокахъ сосѣдняго плато рядъ слѣдующихъ одинъ за другимъ огромныхъ уступовъ, подобныхъ ступенямъ лѣстницы: это—прежніе, оставленные водами берега, изъ которыхъ одинъ имѣетъ не менѣе 743 метровъ въ ширину и которые покрыты мелкими камнями, совершенно похожими на голыши, устилающіе нынѣшній берегъ, хотя эти камни одѣты мхомъ и слегка изгрызены разрушительнымъ дѣйствіемъ стихій. Тромсе, главный городъ сѣверной провинціи, весь построенъ на поднявшемся пляжѣ, гдѣ находятся цѣлыя залежи раковинъ тѣхъ же видовъ, которые живутъ нынѣ въ сосѣднемъ морѣ. Надъ этимъ поднятымъ берегомъ, который тянется бѣлой полосой по всей окружности островъ и твердой земли, взоръ ясно различаетъ другую террасу, высота которой, относительно первой, измѣняется отъ 4 до 6 метровъ, и гдѣ расположена большая часть рыбачьихъ домиковъ; на этомъ древнемъ берегу морскія раковины также встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Наконецъ, еще выше метровъ на 12, виденъ третій пляжъ, который, впрочемъ, частію покрытъ грудами обломковъ, осыпавшихся съ верхнихъ скалъ.

На шведскихъ берегахъ Балтики восходящее движеніе материка совершается быстрѣе съ сѣверной стороны. Между тѣмъ какъ на сѣверной оконечности Ботническаго залива постепенное поднятіе почвы исчисляется равнымъ 1 метру 60 сантиметрамъ во сто лѣтъ, оно не превышаетъ, напротивъ Аландскихъ островъ, одного метра, а около города Кальмара, какъ полагаютъ, относительный уровень земли и моря не измѣняется. Крайняя южная оконечность Сканіи, которая теперь, быть можетъ, опять поднимается [1]), прежде, повидимому, постепенно погружалась въ волны Балтійскаго моря. Многія улицы городовъ Треллеборга, Истада, Мальме уже исчезли подъ водой; послѣдній изъ этихъ городовъ со времени наблюденій, произведенныхъ Линнеемъ, понизился на полтора метра, и морской берегъ потерялъ, среднимъ числомъ, поясъ земли шириною въ 30 метровъ. Потонувшіе лѣса и слои торфа, находимые въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нынѣшнихъ береговъ, и въ которыхъ попадаются разныя металлическія вещи, привели геологовъ къ заключенію, что общее пониженіе почвы, начиная съ девятаго столѣтія, составляло отъ 4 до 5 метровъ. Основываясь на этихъ явленіяхъ, ученые сравниваютъ Скандинавскій полуостровъ, по крайней мѣрѣ, во всей его восточной части, съ твердою плоскостью, поворачивающеюся какъ-бы на шарнирѣ, который лежитъ въ сосѣдствѣ города Кальмара. Благодаря этому качательному движенію, Ботническій заливъ, по мнѣнію геологовъ, медленно переливается въ южный бассейнъ Балтійскаго моря, и если постепенное поднятіе морскаго дна будетъ продолжаться съ такой же правильностью, какъ съ половины прошлаго столѣтія, то трехъ или четырехъ тысячъ лѣтъ достаточно будетъ, чтобы превратить въ перешеекъ архипелагъ Кваркенскихъ острововъ, лежащій въ сосѣдствѣ съ устьемъ рѣки Умеа, и чтобы сдѣлать прѣсноводное озеро изъ всей сѣверной части этого залива.

Но на берегахъ Норвегіи восходящее движеніе твердой земли далеко не представляетъ такой же правильности, и нигдѣ оно, повидимому, не совершается такъ быстро, какъ въ шведскомъ Норрландѣ; кажется даже, что явленіе поднятія почвы вовсе не имѣло мѣста во многихъ пунктахъ норвежскаго прибрежья, даже на сѣверѣ. Такъ, напримѣръ, островъ Тіэтэ, упоминаемый въ скандинавскихъ сагахъ, является и въ наши дни большимъ низменнымъ островомъ, какимъ онъ былъ въ первыя времена исторіи Норвегіи; по мнѣнію Кейльгау, поднятіе острова Мункгольменъ, близъ города Трондгьемъ, не могло превышать 6 метровъ въ теченіе десяти послѣднихъ столѣтій, ибо сохранившіяся на этомъ островѣ старинныя постройки были, безъ сомнѣнія, воздвигнуты выше уровня моря; наконецъ, одинъ подводный камень въ Трондгьемской бухтѣ, на который пловецъ могъ становиться во время первыхъ викинговъ, находится все-еще на той же глубинѣ подъ водой. Въ Христіаніи, по заключенію Э. Роберта, не произошло ни малѣйшаго повышенія уровня почвы въ послѣднія триста лѣтъ; но другіе наблюдатели, напротивъ, нашли подъемъ, равный 31 сантиметру въ столѣтіе для Мосса и береговъ Кристіаніа-фьорда [1]). Впрочемъ, древніе морскіе берега, которые тянутся уступами по бокамъ горъ норвежскаго прибрежья, какъ кажется, не вездѣ держатся на одной и той же высотѣ. Древній берегъ около г. Трондгьема, по словамъ Кьерульфа, совершенно горизонталенъ; но измѣренія, произведенныя французскимъ изслѣдователемъ Браве, показали, что линіи размыва въ Альтенъ-фьордѣ, близъ Боссекопа, не параллельны между собою, и что скалистыя массы, лежащія около дна заливовъ, были под-

[1]) Axel Erdmann, „Geol. Fõrenis i Stockholm Förhandl.", t. I, p. 93;—Jentzsch, „Physisch-oekonomische Gesellschaft zu Königsberg", 1875, № 2.

[1]) T. Kjerulf, „Stenriget og Ejeldlären".

нимаемы съ наибольшей энергіей [1]). На восточной оконечности фьорда, двѣ лежащія одна надъ другой террасы находятся, соотвѣтственно, на высотахъ 67,4 и 27,7 метровъ надъ уровнемъ моря; но по направленію къ выходу изъ фьорда эти плоскіе берега постепенно понижаются и при устьѣ лежатъ уже только на высотахъ 28,6 и 14,1 метровъ. Такъ же, какъ и въ настоящемъ періодѣ, колебанія, происходившія въ массѣ Скандинавскаго полуострова въ теченіе ледянаго періода, были очень неравномѣрны. Тогда какъ на сѣверномъ скатѣ плоской возвышенности Смаландъ и Вестроготіи глины подводнаго образованія, выступившія въ видѣ береговъ, находятся на высотѣ 200 и даже 230 метровъ надъ уровнемъ нынѣшняго моря, въ южномъ Голландѣ и на южныхъ границахъ плоскогорья Смаландъ онѣ лежатъ гораздо ниже, на высотѣ около 58 метровъ; наконецъ, въ Сканіи мы находимъ ихъ на высотахъ отъ 15 до 30 метровъ [2]).

Періоды поднятія почвы, по всей вѣроятности, нерѣдко смѣнялись болѣе или менѣе продолжительными эпохами покоя, ибо если большая часть террасъ суть ледниковыя морены, выровненныя волнами, и древнія дельты, образовавшіяся изъ аллювія, нанесеннаго рѣками изъ внутренней части страны [3]), то есть между ними и такія, которыя были вырыты водами въ толщѣ скалы. Но подобныя выемки, очевидно, могли быть высѣчены въ твердомъ камнѣ только продолжительною работой водъ въ теченіе значительнаго числа столѣтій: каменные пласты, медленно выступающіе изъ-подъ воды, могли бы быть только слегка, въ слабой степени повреждены или размыты волнами на поверхности [4]). Далѣе, какъ иначе объяснить, если не продолжительной пріостановкой въ восходящемъ движеніи морскаго прибрежья, происхожденіе такъ называемыхъ «котловъ великановъ», или jättegryter, которые высверлены камнями, кружившимися отъ дѣйствія морской волны, до весьма значительной глубины въ нѣкоторыхъ пластахъ гранита или сланца? На западѣ отъ мыса Линдеснесъ, недалеко отъ устья рѣки Спре-эльвъ, одна изъ береговыхъ террасъ, выровненная безпрестанными ударами волнъ, продолжается внутри плотной скалы цѣлымъ рядомъ овальныхъ ямъ, или «котловъ», совершенно правильной формы, просверленныхъ горизонтально въ стѣнѣ, и одинъ изъ этихъ котловъ имѣетъ 5 метровъ глубины. Очевидно, скала должна была долго оставаться на одномъ и томъ же уровнѣ для того, чтобы воды могли окончить эту геологическую работу. Однако, нужно знать, не представляетъ-ли она въ этомъ мѣстѣ слабыхъ точекъ, гдѣ морская волна могла легко проникать и производить свое разрушительное дѣйствіе? По мнѣнію Ляйеля, поднятіе норвежскаго берега обнимаетъ періодъ времени по меньшей мѣрѣ въ 24.000 лѣтъ [1]). Кьерульфъ, напротивъ, полагаетъ, что восходящее движеніе этого берега совершалось гораздо быстрѣе, въ доказательство чего ссылается на многочисленные водопады морскаго прибрежья и большую глубину фьордовъ [2]). Съ конца ледянаго періода ручьи еще не успѣли выровнять своего ложа и заполнить своими наносами глубокія пропасти заливовъ, въ которыя они низвергаются въ видѣ водопадовъ, но сколько вѣковъ нужно, чтобы выровнять русло большой рѣки!

Въ настоящее время между скандинавскими геологами наиболѣе распространенное мнѣніе то, что давленіе внутреннихъ силъ дѣйствуетъ не равномѣрно на всемъ протяженіи полуострова отъ сѣвера къ югу, но что оно проявляется, такъ сказать, волнообразно, оставляя между различными областями повышенія промежуточныя пространства неподвижныя или по крайней мѣрѣ поднимающіяся очень медленно [3]). Но эта теорія может быть окончательно поставлена внѣ всякихъ сомнѣній только посредствомъ точнаго наблюденія и сравненія замѣтокъ, вырѣзанныхъ на камнѣ въ разныхъ частяхъ морскаго прибрежья и на берегу внутреннихъ озеръ. Съ 1852 года наблюдаютъ изо дня въ день средній уровень моря и скандинавской равнины на тринадцати пунктахъ морскаго берега и на берегахъ озеръ Меларъ, Гьельмаренъ, Веттернъ и Венернъ. Благодаря этимъ точнымъ измѣреніямъ, которыя до сихъ поръ, повидимому, констатировали неравномѣрность дѣйствія подъемляющей силы, можно будетъ рано или поздно отдать себѣ отчетъ въ колебаніяхъ почвы и уяснить, въ какой мѣрѣ горы Скандинавіи участвуютъ въ движеніяхъ морскаго цоколя, на которомъ покоится ихъ масса.

Гдѣ искать причину повышеній уровня почвы, впервые замѣченныхъ въ Скандинавіи? Должны ли мы смотрѣть на эти поднятія какъ на мѣстное явленіе, неимѣющее непосредственной связи съ другими колебаніями европейскаго континента, или какъ на фактъ, зависящій отъ общей, планетной жизни земнаго шара? Дѣйствуютъ ли въ этомъ случаѣ одновременно многія причины, то нейтрализируясь взаимно, то соединяясь одна съ другой? При настоящемъ состояніи нашихъ знаній еще невозможно отвѣчать на эти вопросы съ полною увѣренностью.

[1]) Voyage en Scandinavie, à bord de la „Recherche".
[2]) Axel Erdmann, „Exposé des formations quaternaires de la Suède".
[3]) Sexe, „On the Rise of Land in Scandinavia".
[4]) H Mohn, „Strandlinier, i Norge", „Nyt Magazin for Naturvidenskaberne", Christinia. 1876.

[1]) „Antiquity of Man".
[2]) „Om Terrasserne i Norge og deres Betydning for Tidsregningen tilbage til Istiden".
[3]) Axel Erdmann, „Mémoires de l'Académie des Sciences de Suède", 1856.

Оскаръ Пешель [1]) ставилъ вопросъ, не происходятъ ли колебанія почвы Скандинавскаго полуострова отъ измѣненій въ объемѣ, которымъ безпрестанно подвергаются кремнекислыя соединенія, входящія въ составъ горныхъ породъ. Кристаллизуясь, силикаты занимаютъ меньшее противъ прежняго пространство; они сжимаются, и, вслѣдствіе того, вся налегающая на нихъ масса опускается; но подъ вліяніемъ угольной кислоты, выдѣляемой безчисленными организмами, живущими въ морѣ, скалы снова расширяются [2]), и материкъ поднимается. Такимъ образомъ, благодаря безконечно малымъ существамъ, населяющимъ океанъ, земли постепенно выступаютъ изъ-подъ воды.

VI.

Краткость періода, протекшаго со времени ледяной эпохи, есть, вѣроятно, одна изъ главныхъ причинъ того состоянія недоконченности, въ которомъ еще находятся приморскіе скаты этой страны. Главная геологическая работа проточныхъ водъ, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы регулировать, выравнивать скаты, придавая имъ форму параболической кривой на всемъ протяженіи текущей жидкой массы, отъ истока до устья. Различія формацій, по которымъ движется вода, колебанія уровня почвы, тысячи взаимно переплетающихся явленій планетной жизни не позволили еще ни одной рѣкѣ земнаго шара довести до конца эту работу; но нигдѣ неправильность рѣчныхъ руслъ не является столь значительной, какъ въ Скандинавіи: здѣсь эти русла представляютъ рядъ уступовъ, а не правильную кривую, указывающую на продолжительное дѣйствіе текущей воды [3]).

Уже на норвежскихъ плоскогорьяхъ и высокихъ долинахъ, служащихъ проходами между двумя противоположными скатами, какъ мы видѣли выше, пруды и озера довольно многочисленны. Но со стороны сѣвернаго Атлантическаго океана крутые склоны возвышенностей имѣютъ слишкомъ незначительную ширину, чтобы могли удерживать много озеръ въ своихъ гранитныхъ водоемахъ, а озера, которыя разстилаются у подножія приморскихъ горъ, суть не что иное, какъ отрывки, отрѣзанные отъ фьордовъ; на шведской же покатости и на норвежскихъ скатахъ, обращенныхъ къ Каттегату и Скагеръ-Раку, бассейны, наполненные водой, разсѣяны повсемѣстно въ огромномъ множествѣ. Южная Финляндія—единственная страна въ Европѣ, гдѣ озерные бассейны, относительно, еще многочисленнѣе. Поверхность, покрытая озерами, въ Скандинавіи, составляетъ приблизительно тринадцатую часть всего пространства полуострова, именно: озера Швеціи занимаютъ—42.570 кв. клм., т.-е. $^{1}/_{10}$ территоріи; озера Норвегіи занимаютъ 15.230 кв. клм., т.-е. $^{1}/_{20}$ территоріи; озера всего Скандинавскаго полуострова занимаютъ 57.800 кв. клм., т.-е. $^{1}/_{13}$ территоріи.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Швеціи, особенно въ Седерманладѣ, между Стокгольмомъ и Норкепингомъ, озера и пруды занимаютъ столь значительную часть территоріи, что взоръ привыкаетъ встрѣчать ихъ во всѣхъ направленіяхъ: они тамъ такъ обыкновенны, что, по выраженію одного путешественника, «на нихъ обращаешь не болѣе вниманія, чѣмъ на деревья въ лѣсу». «Когда Господь Богъ отдѣлилъ землю отъ воды, гласитъ мѣстная пословица, Онъ забылъ Седерманландъ». Точно также и южная Швеція почти вся осталась въ хаотическомъ состояніи: озерная площадь занимаетъ тамъ болѣе восьмой части территоріи. Большинство озеръ не имѣютъ селеній или домовъ на своихъ берегахъ; только безмолвные лѣса сосенъ, березъ и дубовъ, изъ чащи которыхъ рѣдко раздается пѣніе птицы, отражаютъ свои вѣтви въ водѣ озерныхъ бассейновъ, зеленоватой или окрашенной въ коричневый цвѣтъ отъ примѣси дубильнаго вещества вересковъ; на прибрежныхъ отмеляхъ тянутся обширныя поля камышей, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ каменныя глыбы, обвалившіяся съ сосѣднихъ утесовъ, выставляютъ свои головы надъ гладкою поверхностью озера; ни одинъ парусъ не оживляетъ пустыннаго пространства водъ: лодка, привязанная къ берегу, избушка въ сосѣдней лѣсной прогалинѣ—вотъ все, что напоминаетъ пребываніе человѣка въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что пространство стоячихъ водъ въ Скандинавіи значительно уменьшилось съ начала исторической эпохи, отчасти вслѣдствіе неустанной работы рѣкъ, которыя понизили каменистые пороги и размыли морены и азары, отчасти благодаря труду человѣка, который выкопалъ тамъ и сямъ осушительные каналы и рвы. Остатки древнихъ укрѣпленныхъ оградъ, встрѣчающіеся въ такомъ множествѣ на вершинѣ холмовъ и высокихъ мысовъ, теперь окружены торфяниками, болотами и топкими болотистыми лугами: внимательное изслѣдованіе этихъ низменныхъ земель, находящихся въ періодѣ постепеннаго засыпанія и осушенія, показываетъ, что въ старину они были озерами или судоходными заливами, и кое-гдѣ на нихъ найдены даже остатки лодокъ. Слѣдовательно, укрѣпленныя ограды были, по крайней мѣрѣ отчасти защи-

---

1) „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

2) Bischoff, „Lehrbuch der chemischen und physikalischen Geologie“.

3) Hartung, „Beitrag zur Kenntniss von Thal-und See-bildungen, Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, №№ 4 и 5 за 1878 годъ.

щены водами [1]). Въ странѣ, столь богатой озерами и прудами, первобытнымъ жителямъ всего естественнѣе было селиться на какомъ-нибудь островѣ или полуостровѣ, чтобы обезопасить себя отъ внезапныхъ нападеній: и дѣйствительно, почти всѣ шведскіе города въ началѣ были островными поселеніями.

Самыя большія озера Швеціи тоже представляютъ примѣръ постепеннаго осушенія, происходящаго въ Скандинавіи. Нѣкогда соединенныя между собою, эти озера образовали проливъ между Сѣвернымъ моремъ и Балтійскимъ, доказательствомъ чего служатъ ихъ древніе берега, покрытые ископаемыми остатками животныхъ. Такъ, на южномъ берегу Меларскаго озера и во многихъ другихъ мѣстахъ Скандинавскаго полуострова найдены устрицы, изъ чего нужно заключить, что въ прежнія времена берега страны были омываемы моремъ, содержавшимъ по меньшей мѣрѣ 17 частей соли на 1.000 частей воды [2]). Одинъ изъ островов упомянутаго озера, Бьерке, еще недавно былъ усѣянъ костями морскихъ птицъ, такъ хорошо сохранившимися, какъ будто островъ, еще окруженный морскими водами, только что покинутъ сидѣвшими на гнѣздахъ чайками [3]). Мало того — въ глубинахъ озеръ водятся маленькія животныя океаническаго происхожденія, организмъ которыхъ мало-по-малу приспособился къ прѣсной водѣ, которая постепенно замѣнила собою соленую воду въ озерныхъ резервуарахъ [4]). Даже норвежское озеро Мьезенъ, находящееся нынѣ очень далеко отъ бывшаго морскаго пролива, часть котораго составляли озера Веттернъ и Венернъ, заключаетъ въ своихъ пучинахъ одинъ животный видъ, Mysis relicta, свидѣтельствующій о прежнемъ сообщеніи этого резервуара съ сосѣдними морями, въ то время столь же холодными, какъ въ наши дни Ледовитый океанъ.

Отдѣленные отъ морскихъ водъ перешейками, постепенно расширявшимися, большіе озерные бассейны, которые дѣлятъ Швецію на двѣ отличныя одна отъ другой области, поднялись вмѣстѣ со всей окружающей страной, и теперь уровень ихъ выше уровня моря, хотя ложе большей части этихъ бассейновъ находится еще ниже поверхности Балтики. Венернъ, самое обширное изъ скандинавскихъ озеръ, такъ какъ оно одно заключаетъ въ себѣ десятую часть всѣхъ внутреннихъ водъ Скандинавіи, лежитъ на высотѣ, среднимъ числомъ, немного болѣе 44 метровъ; но въ самыхъ глубокихъ его частяхъ лотъ доставалъ дно только на разстояніи 89 метровъ отъ поверхности. Въ сравненіи съ Женевскимъ озеромъ, Венернъ представляетъ резервуаръ въ два или три раза болѣе значительный по объему содержащейся въ немъ жидкой массы, но онъ въ четыре раза меньше Ладожскаго озера. Озеро Веттернъ, лежащее въ два раза выше, чѣмъ Венернъ, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе значительную глубину: дно его ложа, находящееся, въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, на разстояніи 126 метровъ отъ поверхности, все еще на 38 метровъ ниже уровня окружающихъ морей. Озеро Гьельмаренъ, болѣе близкое къ Балтійскому морю, и уровень котораго только на 23 или 24 метра выше морской поверхности, есть единственное изъ большихъ озеръ древняго пролива, которое не достигаетъ въ своихъ глубинахъ высоты морской плоскости; самыя впалыя части его бассейна имѣютъ только 18 метровъ глубины. Поэтому всю его воду можно бы было перелить въ Меларское озеро, углубивъ соединительный каналъ, и такимъ образомъ пріобрѣсти нѣсколько сотенъ квадр. километровъ твердой земли. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время трудятся надъ тѣмъ, чтобы понизить уровень озера Гьельмаренъ на 2 метра и урегулировать его при помощи запруды, которая дастъ возможность, въ случаѣ надобности, выпускать воду изъ этого резервуара въ количествѣ болѣе 150 куб. метровъ въ секунду; благодаря этимъ работамъ, тысячи гектаровъ земли будутъ навсегда избавлены отъ наводненій [1]).

Что касается Меларскаго озера, то оно еще не отдѣлилось окончательно отъ моря: по одной изъ своихъ оконечностей оно все еще продолжаетъ быть морскимъ заливомъ, и когда восточные вѣтры поддерживаютъ уровень озерныхъ водъ, морское теченіе, извѣстное подъ именемъ uppsjö, приноситъ немного соленой воды въ восточную часть озера. Это внутреннее море, съ его многочисленными проливами, съ его тысячью тремя стами островов, островковъ или рифовъ, должно быть разсматриваемо не какъ одна водная поверхность, но какъ совокупность отдѣльныхъ бассейновъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой собственный уровень, нѣсколько отличный отъ уровня другихъ резервуаровъ. Оно состоитъ въ дѣйствительности изъ четырехъ бассейновъ, расположенныхъ по направленію отъ запада къ востоку, на подобіе ступеней лѣстницы. Верхній уступъ, обнимающій Кьепингскій бассейнъ, лежитъ, среднимъ числомъ, на 74 сантиметра выше уровня Балтійскаго моря; второй бассейнъ, заключающій Вестерасскіе фьорды, находится на высотѣ 60 сантиметровъ; третій, называемый Бьеркфьердъ, имѣетъ среднюю высоту около 45 сантиметр.; наконецъ, восточный бассейнъ,

---

[1]) Axel Erdmann, „Exposé des formatious quaternaires de la Suède".

[2]) Академ. Беръ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de St-Pétersbourg", t. IV, 1862.

[3]) Stolpe, „Revue d'Anthropologie", tome II, № 3, 1873.

[4]) Sven Lovén; — Sars; — Charles Martins.

[1]) Djurklou, „Hjelmaresänknings-fragan i sitt sista Skede"

Риддарфьердъ, который омываетъ городъ Стокгольмъ, среднимъ числомъ, на одинъ футъ, т. е. около 29 сант., выше уровня Балтики [1]). Различные бассейны прежде были отдѣлены одинъ отъ другаго азарами; но напоръ водъ мало-помалу сломалъ эти валы изъ гальки, и лабиринтъ фьордовъ и бухточекъ Маларена соединился въ одно озеро. Рѣчное теченіе, которое мелкія суда не могли бы преодолѣть, и для обхода котораго устроенъ каналъ со шлюзами, постоянно направляется изъ Меларскаго озера къ морю подъ мостами Стокгольма.

Кромѣ озерныхъ бассейновъ южной Швеціи, насчитываютъ еще въ остальной Скандинавіи 35 озеръ, занимающихъ каждое площадь въ 100 слишкомъ квадр. километровъ. Въ числѣ этихъ озеръ есть много такихъ, которыя превосходятъ даже Гьельмаренъ по протяженію: таковы озера, изъ которыхъ вытекаютъ важнѣйшія рѣки, спускающіяся къ Балтійскому морю: Торнео-Трескъ, Лулео-Яуръ, Сторъ-Афванъ, шведское Сторсьö, Сильянъ, «голубой глазъ Далекарліи»; но большая часть этихъ озеръ, удаленныхъ отъ многолюдныхъ мѣстностей, еще не была подробно изслѣдована, и глубина ихъ неизвѣстна. Самое большое озеро Норвегіи, Мьезенъ, есть одинъ изъ наилучше изслѣдованныхъ озерныхъ бассейновъ Европы, благодаря сосѣдству Христіаніи, и глубины его измѣрены точнымъ образомъ: въ самой впалой части резервуара лотъ досталъ дно па глубинѣ 451 метра. Такъ какъ уровень этого озера находится, относительно уровня океана, на высотѣ 121 метра, то, слѣдовательно, самая нижняя часть его ложа лежитъ на 330 метровъ ниже морской поверхности; такимъ образомъ этотъ бассейнъ внутренней воды, древній морской заливъ, защищенный отъ рѣчныхъ наносовъ льдами, которые нѣкогда его наполняли, остался болѣе глубокимъ, чѣмъ сосѣднія моря Сѣверное и Балтійское.

Вотъ важнѣйшія озера Скандинавіи:

	Площадь.	Высота.	Наибольшая глубина.
	кв. клм.	метр.	метр.
Венернъ (Швеція)	5.568	44	90
Веттернъ „	1.899	88,2	126
Меларское „	1.163	0,74	59
Лулео-Яуръ „	907	376	?
Сторъ-Афванъ (Швеція) . .	820	419	?
Торнео-Трескъ „ . .	528	346	?
Сторсьö (Швеція)	500	300	?
Гьельмаренъ „	480	23,5	18
Сильянъ „	556	169	128
Мьезенъ (Норвегія) . . .	364	121	451
Альте-Вандъ „ . . .	269	516	?
Рандсъ-фьоръ „ . .	131	130	?
Тири-фьордъ „ . . .	131	64	281

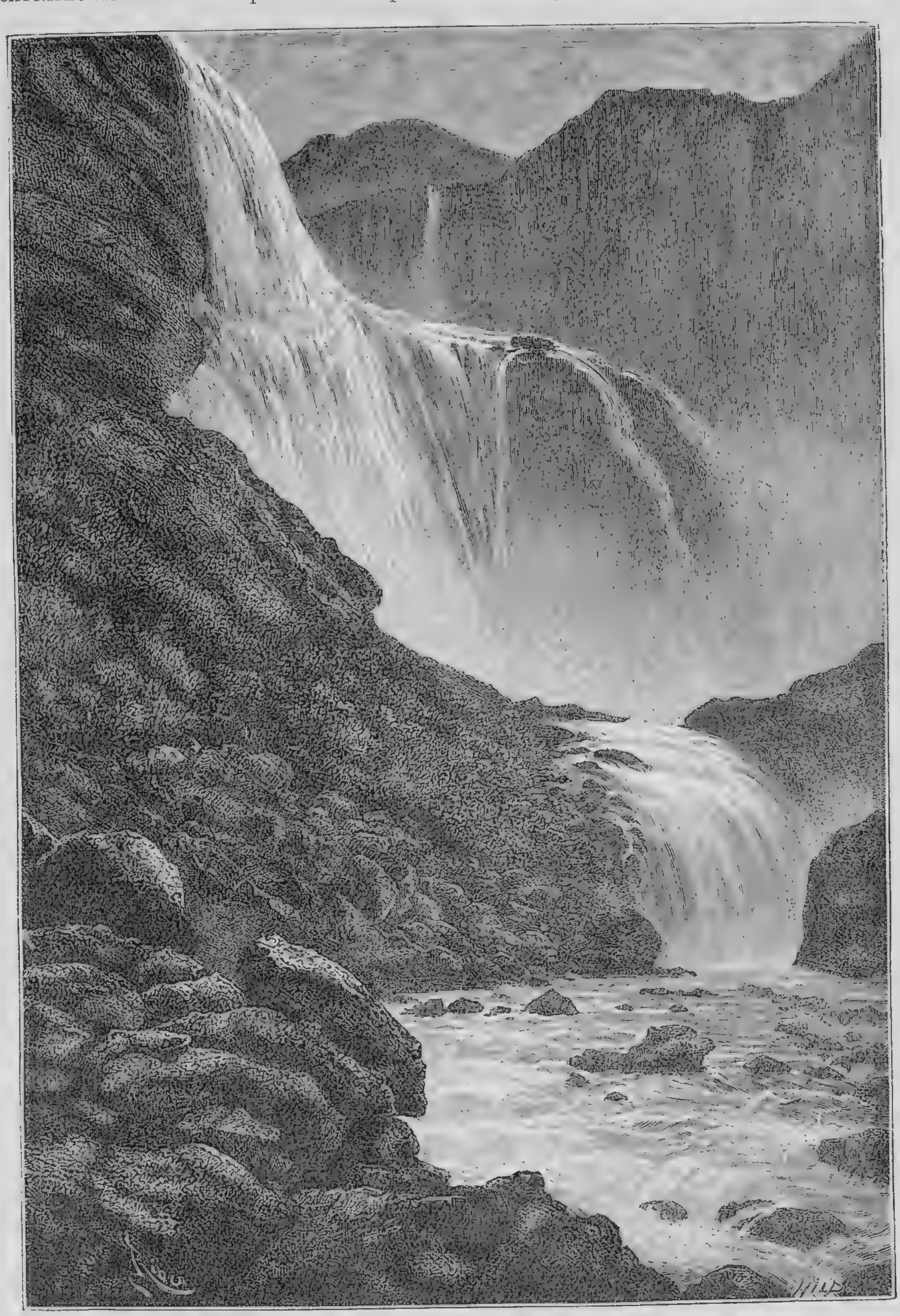
Зимой всѣ скандинавскія озера покрыты ледяной корой, которая держится, въ среднемъ, отъ ста до двухсотъ дней, смотря по географической широтѣ области, въ которой находится озеро, и по суровости зимы; но очень рѣдко случается, чтобы даже мелководные пруды и маленькія озера промерзали до камней ихъ ложа; обыкновенно немного времени спустя послѣ того, какъ образовался первый ледъ, облака приносятъ большое количество снѣга, который защищаетъ нижніе слои воды отъ холода и тѣмъ спасаетъ отъ смерти живущихъ въ озерѣ рыбъ. Отъ морозовъ въ ледяной поверхности открываются тамъ и сямъ длинныя трещины и даютъ доступъ наружному воздуху въ закрытый резервуаръ. Весной дуновеніе теплыхъ вѣтровъ и волненіе жидкой массы разбиваютъ ледяной покровъ, полосы свободной воды или полыньи вьются змѣйками на необозримое пространство, затѣмъ промежуточныя льдины постепенно уменьшаются въ объемѣ, таютъ, и вскорѣ суда смѣло пускаются по волнамъ, сбросившимъ съ себя зимнія оковы.

Скандинавскія озера, эти внутренніе фьорды, отличаются, какъ и внѣшніе фьорды, геометрической правильностью своей оріентировки. Многія изъ нихъ слѣдуютъ одно за другимъ въ одной и той же разсѣлинѣ почвы; другія встрѣчаются или даже пересѣкаются почти подъ прямымъ угломъ. Разсматривая на картѣ совокупность страны, мы ясно увидимъ тѣ «черты надрѣза», о которыхъ говоритъ Кьерульфъ и которыя разрѣзываютъ всю Норвегію на неравныя площадки, такъ что общій видъ напоминаетъ листъ слюды съ неявственными кристаллами. Смотря по пересѣченію этихъ чертъ, озера группируются въ различныя фигуры: такъ, въ юго-западномъ углу Норвегіи они ограничиваютъ треугольныя пространства; въ Телемаркенѣ они образуютъ неправильный многоугольникъ, каждая сторона котораго, то есть направленіе каждаго надрѣза, изображается длиннымъ бассейномъ чистой воды, называемымъ vand (Ниссеръ-вандъ, Фирисъ-вандъ, Бандаксъ-вандъ и пр.).

Рѣки Скандинавіи, питаемыя безчисленными озерами, сами состоятъ по большей части изъ сцѣпленія озеръ всякой величины и формы, то суживающихся между двухъ стѣнъ горной тѣснины, то далеко разливающихся по равнинамъ, въ видѣ бухтъ и побочныхъ озерныхъ бассейновъ. Всѣ рѣчныя русла Швеціи и Норвегіи катятъ количество воды весьма значительное, сравнительно съ поверхностью ихъ бассейна. На Скандинавскомъ полуостровѣ соединены три условія, благопріятствующія поддержанію обильнаго дебита или истеченія водъ: во-первыхъ, на всемъ западномъ скатѣ страны и въ области истоковъ рѣкъ выпадаетъ много дождя; во-вторыхъ, каменистая почва не поз-

[1]) A. Erdmann, „Exposé des formations quaternaires de la Suède“.

воляетъ водѣ просачиваться внутрь земли, и, въ-третьихъ, при сыромъ климатѣ испареніе относительно не велико. Въ сравненіи съ Франціей, Скандинавія, безъ сомнѣнія, изливаетъ въ море, относительно, гораздо бо́льшее количество воды: объ этомъ можно судить по дебиту тѣхъ, еще немногихъ, рѣкъ, которыя уже были измѣрены въ отношеніи объёма протекающей въ нихъ жидкой массы. Однако, на Скандинавскомъ полуостровѣ нѣтъ рѣкъ, которыя по величинѣ могли бы равняться съ Роной или съ Рейномъ; это объясняется тѣмъ, что рельефъ страны не позволилъ развиться большимъ рѣчнымъ бассейнамъ. На одномъ изъ скатовъ, по-



Скьеггедальсфоссенъ, въ Гардангерскомъ округѣ.

токи Норвегіи едва успѣютъ выйти изъ области ледниковъ или фирновыхъ полей, какъ теченіе ихъ уже оканчивается, и они впадаютъ въ фьорды; на другомъ скатѣ, шведскія рѣки, увлекаемыя прямо къ Балтійскому морю наклонностью почвы, не могутъ соединиться въ одинъ рѣчной стволъ. Рѣки, изливающіяся въ Ботническій заливъ, занимаютъ долины почти параллельныя одна другой, наклоненныя къ юго-востоку, сообразно общей покатости страны и въ томъ направленіи, по которому двигались древніе ледники. Въ южной Швеціи проточныя воды расходятся лучеобразно по всѣмъ направленіямъ къ окружающимъ заливамъ; тамъ ни одинъ потокъ, исключая рѣки Гота-эльфъ, не соединяетъ въ своемъ руслѣ въ одно и то же время воды, текущія по равнинѣ и спускающіяся съ горъ.

Самая многоводная рѣка Скандинавіи, Гломменъ, течетъ въ Норвегіи; она изливается въ восточныя воды Христіанія-фьорда, который принимаетъ также рѣку Драмсъ-эльвъ, замѣчательную тѣмъ, что изъ всѣхъ скандинавскихъ потоковъ она наиболѣе измѣнила первоначальную форму своей долины отложеніемъ наносовъ: аллювіальныя земли, которыя отложила эта рѣка, уже заполнили значительную часть большаго озера Тирифьордъ. Рѣка Гота-эльфъ [1]) почти такъ же обильна, благодаря массѣ воды, которую озеро Венернъ получаетъ изъ р. Кларъ-эльфъ и другихъ своихъ притоковъ и которую оно изливаетъ на югъ черезъ истокъ Венерсборгъ; но было время, когда большое озеро Фемундъ, которое теперь вытекаетъ на югъ черезъ рѣку Кларъ-эльфъ и, слѣдовательно, можетъ быть разсматриваемо какъ притокъ пролива Каттегатъ, изливалось на юго-востокъ черезъ Далъ-эльфъ, посылая такимъ образомъ свои воды къ Ботническому заливу; старое русло рѣки, называемое Фемунсгравъ, еще видно на высотѣ одного или двухъ метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ озера [2]). Но если Гота-эльфъ нѣкогда лишилась водъ озера Фемундъ, то, съ другой стороны, она получила всѣ воды Гломмена и, вслѣдствіе того, объемъ ея болѣе, чѣмъ удвоился. У подошвы холма, на которомъ выстроилось мѣстечко Конгсвингеръ, на сѣверо-востокъ отъ Христіаніи, рѣка Гломменъ круто поворачиваетъ на западъ; въ прежнее время она продолжала свое теченіе прямо на юго-востокъ, параллельно озерамъ Акланген и Венернъ. И теперь еще во время большихъ разливовъ часть водъ Гломмена уходитъ черезъ старое русло; удлиненныя озера, сохранившія извилистую форму рѣки, занимаютъ древнюю долину, гдѣ проходитъ желѣзная дорога изъ Христіаніи въ Стокгольмъ. По замѣчательному совпаденію, двѣ большія рѣки, текущія на востокъ отъ Гломмена, подобно послѣднему, были отброшены въ правую сторону и спускаются къ озеру Венернъ по долинамъ, принадлежавшимъ прежде другимъ потокамъ. Одна изъ этихъ рѣкъ, Фрикенъ, нѣкогда впадала въ озеро въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится городъ Карлстадъ; теперь она изливается въ Венернъ километрахъ въ двадцати западнѣе. Другая, Кларъ-эльфъ, занимающая въ наши дни старое ложе Фрикена, текла прежде по узкой долинѣ, наполненной озерами, которая составляетъ точное продолженіе верхней долины въ юго-восточномъ направленіи [1]). Это перемѣщеніе трехъ параллельныхъ рѣкъ въ западномъ направленіи, повидимому, указываетъ на боковой толчокъ, причину котораго, безъ сомнѣнія, нужно искать въ легкомъ колебаніи почвы. Подобнымъ же образомъ Висла, Эльба и Одеръ уклонились въ сторону отъ своихъ первоначальныхъ долинъ.

На сѣверѣ отъ Далъ-эльфа, который поочередно то увеличивался, то уменьшался въ объемѣ подъ вліяніемъ этихъ маленькихъ геологическихъ переворотовъ, столь многочисленныхъ въ Скандинавіи, главныя рѣки Норрланда замѣчательны одинаковостью хода и равенствомъ дебита; въ то же время онѣ почти одинаковы по площади бассейна, по свойству орошаемой ими почвы и по количеству дождевой воды, которое онѣ получаютъ въ продолженіе года: таковы рѣки Люспа, Люнганъ, Индальсъ, Ангерманъ, Умео, Скеллефтео, Питео, Лулео, Каликсъ, Торнео [2]), которыя слѣдуютъ одна за другой по направленію съ юга на сѣверъ, изливая въ Ботническій заливъ жидкую массу, объемъ которой, для всѣхъ ихъ вмѣстѣ, нужно считать равнымъ по меньшей мѣрѣ 2.000 кубич. метровъ въ секунду. Каждая изъ этихъ рѣкъ продолжается далеко въ море своимъ теченіемъ; но такъ какъ волны Ботническаго залива чуть солоноваты, то въ этихъ рѣчныхъ устьяхъ нельзя замѣтить того контраста, какой можно наблюдать, на другомъ скатѣ Скандинавскаго полуострова, при впаденіи въ море рѣкъ Гота-эльфъ и Гломмена. Подъ слоемъ прѣсныхъ водъ рѣки Гота-эльфъ, струю которыхъ можно прослѣдить въ Каттегатѣ на большое разстояніе отъ берега, вода залива течетъ въ обратномъ направленіи: въ нѣсколькихъ километрахъ выше города Гетеборга собираютъ

---

[1]) Elv по-норвежски, Elf по-шведски означаетъ большую или главную рѣку. Обычай требуетъ, чтобы къ имени нѣкоторыхъ рѣкъ и рѣчекъ, большею частію маловажныхъ, прибавлялась частица en. Такъ, двѣ рѣки въ Христіаніи называются Акеръ-эльвенъ и Ло-эльвенъ. Въ Швеціи рѣка Кларъ обыкновенно означается именемъ Кларъ-эльфвенъ. Также говорятъ и пишутъ безразлично: Далъ-эльфъ и Далъ-эльфвенъ.

[2]) O. J. Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

[1]) Törnebohm, „Рукописныя замѣтки".

[2]) Пишутъ также Уме-Эльфъ, Скеллефте-Эльфъ, Луле-Эльфъ, Торне-Эльфъ

еще соленую воду моря на днѣ рѣчнаго ложа [1]).

Рѣки Скандинавіи по большей части лучше урегулированы самой природой въ отношеніи расхода воды или перемѣнъ уровня, чѣмъ рѣки континентальной Европы, благодаря озерамъ, черезъ которыя онѣ протекаютъ и которыя уравниваютъ ихъ разливы. Въ концѣ апрѣля и въ маѣ снѣга, начинающіе таять при первыхъ теплыхъ лучахъ весенняго солнца, затѣмъ осенью большіе дожди, приносимые западными вѣтрами, повышаютъ уровень озеръ; но, принимая въ себя излишекъ водъ, эти резервуары уравниваютъ или регулируютъ стокъ вытекающихъ изъ нихъ рѣкъ, уменьшая его въ періодъ разлива, чтобы потомъ поддерживать его во время лѣтнихъ засухъ. Годовая разность уровня въ озерныхъ бассейнахъ колеблется отъ одного до четырехъ метровъ; но бывали случаи, что разливы подымались гораздо выше, вслѣдствіе обваловъ, запруживавшихъ истоки озера: такъ, напримѣръ, въ 1795 году рѣка Ворменъ, которая уноситъ излишекъ водъ озера Мьезенъ, въ Норвегіи, была совершенно заперта упавшими съ горы каменными глыбами; въ теченіе всей зимы можно было переходить черезъ рѣку по сухимъ камнямъ ея ложа, а уровень въ озерѣ Мьезенъ повысился на цѣлыхъ семь метровъ [2]). Съуженіе большей части долинъ при входѣ озеръ позволило устроить во многихъ мѣстахъ запруды, которыя вполнѣ регулируютъ стокъ рѣкъ, давая ему въ каждое время года тотъ объемъ, какой требуется для фабричныхъ заведеній или для цѣлей рѣчнаго судоходства. Такъ же, какъ разливы, и вскрытіе рѣкъ весной рѣдко сопровождается опасными послѣдствіями, благодаря тому обстоятельству, что всѣ многоводныя рѣки Скандинавіи текутъ въ южномъ направленіи: когда ледяная кора, служившая всю зиму сухопутной дорогой, начинаетъ ломаться, то прежде всего отдѣляются льды, ближайшіе къ устью, а затѣмъ вскрытіе происходитъ послѣдовательно все выше и выше по направленію отъ юга къ сѣверу, что устраняетъ образованіе заторовъ въ узкихъ мѣстахъ рѣкъ.

Несмотря, однако, на эту относительную правильность режима, рѣки Скандинавіи пригодны для судоходства только въ немногихъ мѣстахъ: или около ихъ устьевъ, или въ сосѣдствѣ озеръ, черезъ которыя онѣ протекаютъ. Первобытная форма рѣчныхъ долинъ, еще расположенныхъ уступами, благопріятна для заводской промышленности, которая ищетъ движущихъ силъ, но она не соотвѣтствуетъ интересамъ торговыхъ сношеній; при каждой естественной запрудѣ суда должны останавливаться, и если иной разъ смѣлые гребцы отваживаются пускаться внизъ по стремнинамъ, то они дѣлаютъ это съ опасностью собственной жизни. Иная рѣка, текущая по цѣлому ряду уступовъ и перерѣзанная озерами на каждой изъ своихъ террасъ, повидимому, еще не завоевала своей индивидуальности, не выработалась въ самостоятельный потокъ, или даже смѣшивается съ другими бассейнами. Такъ, Торнео-эльфъ принадлежитъ въ дѣйствительности къ двумъ рѣчнымъ бассейнамъ: однимъ изъ своихъ рукавовъ, Таранде, который течетъ извилисто по болотистой низменности, она соединяется съ р. Каликсъ-эльфъ; другимъ она сливается съ Муоніоэльфъ, главнымъ стволомъ рѣки, которая, подъ именемъ Торнео, служитъ до самаго моря общею границей Швеціи и Россіи. Наконецъ, многія изъ этихъ рѣкъ передъ самымъ впаденіемъ въ море дѣлятся на два рукава (бифуркація), но не вокругъ аллювіальныхъ островковъ, а вокругъ скалистыхъ возвышенностей: ихъ вѣтви суть не что иное, какъ древніе морскіе проливы, превратившіеся въ каналы проточной воды. Въ видѣ примѣра, можно указать на рѣку Гота-эльфъ, окружающую своимъ двойнымъ устьемъ большой островъ Гизингенъ.

Главную красу проточныхъ водъ Скандинавіи составляютъ ихъ безчисленные водопады, стремнины и пороги. Можно сказать, что на норвежскомъ скатѣ всѣ ручьи и рѣки скорѣе низвергаются, чѣмъ спускаются къ морю: во многихъ мѣстахъ водяные снопы, падающіе съ высоты снѣжныхъ утесовъ, соединяютъ свои струйки въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ ниже въ долинахъ; даже нѣкоторыя обильныя рѣки Норвегіи ниспадаютъ съ высоты ста слишкомъ метровъ. Недалеко отъ города Трондгьема, водопадъ Ворингсъ-фосъ (fos, fossen, по-норвежски, означаетъ стремнину или водопадъ; шведское слово fors примѣняется только къ стремнинамъ) низвергается въ пропасть одной широкой скатертью въ 144 метра высоты, такъ что созерцать это величественное паденіе воды во всемъ его объемѣ могутъ только смѣлые путешественники, которые наклоняются надъ головокружительными карнизами пропасти, или свѣшиваются на выступахъ скалъ; но уже съ далекаго разстоянія можно видѣть паръ, вылетающій изъ бездны клубами, и отливъ увлекаемаго воздуха производитъ грохотъ, напоминающій непрерывные раскаты грома. Водопадъ Рюканъ-фосъ, образуемый однимъ притокомъ рѣки Скіенъ-эльвъ, въ южной области Норвегіи, называемой Телемаркенъ, имѣетъ 245 метровъ вертикальной высоты; съ вершины утесовъ, лежащихъ напротивъ Рюканъ-фоса, можно созерцать громадное клокотаніе ударяющихся одна о другую волнъ и облака брызгъ, которыя подымаются высоко въ циркѣ, закрывая до половины основаніе двухъ широкихъ льющихся полосъ каскада; островообразная скала, ровная на поверхности, поросшая травой и усаженная

[1]) Ekmann, „On the general causes of the ocean currents".

[2]) Ed. Erslev, „Geografi"

кое-гдѣ деревцами, нависла надъ этою вѣчно пѣнящеюся котловиной. Водопадъ рѣки Гломменъ, Сарпсъ-фосъ, много уступаетъ предъидущимъ по высотѣ паденія (такъ какъ разстояніе отъ вершины его до основанія всего только 21 метръ), но далеко превосходитъ ихъ по объему своихъ водъ; здѣсь даже зимой масса воды, вырывающаяся изъ-подъ ледяной плиты, постоянно трясущейся, низвергается нѣсколькими каскадами и затѣмъ, ниже стремнинъ, снова пропадаетъ подъ ледянымъ слоемъ; среднимъ числомъ, вода, падающая на Сарпсъ-фосѣ, въ секунду времени представляетъ объемъ въ 800 кубич. метровъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ въ два раза превышаетъ количество воды, которое уноситъ Рейнъ ниже Шафгаузена: съ высоты желѣзнодорожнаго моста, недавно построеннаго, можно обозрѣвать всѣ водопады Сарпсъ-фоса, съ боковыми каскадами и съ водоворотами, показывающимися тамъ и сямъ подъ облаками пара. Несмотря на довольно близкое разстояніе отъ Христіаніи, катарактъ рѣки Гломменъ, самый большой, по массѣ падающей воды, изъ всѣхъ европейскихъ водопадовъ, менѣе извѣстенъ, чѣмъ каскадъ рѣки Гота-эльфъ, посѣщаемый всѣми путешественниками, которые отправляются изъ г. Готеборга па озеро Венернъ: это—знаменитый водопадъ Тролльгетанъ (что̀ значитъ «шапка чародѣя»), который низвергается съ высоты 34 метровъ тремя послѣдовательными скачками, запирая зеленѣющіе утесы между своими бѣгущими водами. Движущая сила этого водопада, исчисляемая механиками въ 225.000 паровыхъ лошадей, отчасти утилизируется промышленностью; но фабричныя заведенія почти нисколько не мѣшаютъ подходить къ самому каскаду и не заслоняютъ грандіознаго зрѣлища, какъ и на берегахъ Сарпсъ-фоса, и дикая природа окрестностей сохранила свою красу.

На томъ склонѣ Скандинавскаго полуострова, который обращенъ къ Балтійскому морю, болѣе длинная и пологая покатость почвы не позволила рѣкамъ падать каскадами столь же высокими, какъ на западномъ склонѣ; тѣмъ не менѣе и тамъ существуютъ паденія воды очень внушительнаго вида. Такъ, величественный Далъ-эльфъ, который во всей нижней части своего теченія представляетъ рядъ озеръ, вдругъ съуживается у Эльфъ-Карлеби и, раздѣленный на два рукава, скатывается стремнинами съ общей высоты около 15 метровъ, послѣ чего вскорѣ вступаетъ въ море. Рѣки Скеллефтео и Лулео также имѣютъ могучіе вовопады и стремнины. У такъ называемаго Ньоммельсаскасъ («скачекъ зайца»), воды послѣдней изъ этихъ рѣкъ падаютъ одною струей съ отвѣсной стѣны въ 80 слишкомъ метровъ высоты, при ширинѣ въ нѣсколько сотъ метровъ; выше этого водопада озеро, отдѣленное отъ другаго резервуара простымъ порогомъ, низвергается съ шумомъ въ видѣ катаракта около 42 метровъ высотою; лапландцы дали этому падающему озеру названіе Аднамуоркекортье, что̀ значитъ «Большой дымящійся водопадъ».

VII.

Главное морское теченіе у норвежскихъ береговъ несется, какъ извѣстно, по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Теплыя воды, текущія изъ тропическихъ морей, ударяются о внѣшнія мели Скандинавскаго полуострова, принося ему иногда лѣсъ съ Антильскихъ острововъ и сѣмена растеній, которыя лапландцы старательно собираютъ, чтобы дѣлать себѣ изъ нихъ амулеты [1]). Движеніе морскихъ водъ къ сѣверной Норвегіи—явленіе дотого извѣстное, что когда какая-нибудь вещь упадаетъ съ судна, то моряки обыкновенно говорятъ шутя, что надо идти «искать ее въ Берлевагѣ», то-есть у крайняго восточнаго мыса Лапландіи. Это теплое теченіе даетъ Норвегіи ея климатъ, а норвежскому народу—его торговлю и промышленность, его хлѣбъ насущный; вообще, можно сказать безъ преувеличенія, даетъ ему жизнь, потому что безъ постояннаго притока тропическихъ водъ берега фьордовъ оставались бы необитаемыми, загроможденными льдомъ. Скандинавскій полуостровъ составляетъ вмѣстѣ съ Гренландіей морскія ворота, черезъ которыя Атлантическій океанъ сообщается съ Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ; но, при равной широтѣ, какой поразительный контрастъ въ климатѣ между этими двумя соотвѣтственными странами! Съ одной стороны—льды и снѣга; съ другой—преимущественно туманы и дожди. На огромномъ западномъ островѣ—ни одного дерева; на восточномъ полуостровѣ—высокіе лѣса, плодовые сады, засаженные яблонями, грушами, сливами, вишневыми деревьями,—сады, гдѣ растетъ даже виноградъ, разводимый шпалерами на грядкахъ, покрытыхъ удобреніемъ! А между тѣмъ часть Скандинавіи, площадь которой можно исчислять въ 155.000 квадр. километровъ, лежитъ уже въ предѣлахъ полярнаго пояса, и зимой въ этой области ночь прибавляется къ ночи въ видѣ непрерывнаго мрака. Лѣтомъ, напротивъ, угасающій день сливается тамъ съ днемъ нарождающимся. Съ горъ Финмарка можно любоваться удивительнымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ полночное солнце, спускающееся до черты горизонта и затѣмъ снова поднимающееся въ небеса. Съ вершины горы Авазакса, которая господствуетъ надъ теченіемъ рѣки Торнео, недалеко отъ полярнаго круга, можно видѣть, какъ дневное свѣтило описываетъ пятнадцать разъ сряду, съ 16 по 30 іюня, полный кругъ въ небесномъ пространствѣ; въ то время,

[1]) Schübeler, „Pflanzenwelt Norwegens“.

какъ самъ зритель остается освѣщеннымъ лучами вечерняго солнца, онъ видитъ у себя подъ ногами всѣ южныя области покрытыми широкимъ плащемъ ночи; снѣжныя горы, вмѣсто того, чтобы отражать бѣлый свѣтъ, блистаютъ яркими цвѣтами, гдѣ пурпурныя краски вечерней зари перемѣшиваются съ нѣжными зеленоватыми тонами утренней Авроры. Вмѣстѣ съ большими озерами, безконечными торфяными болотами, вѣчно покрытыми снѣгомъ горами, бурями и метелями, съ разстилающимся вокругъ безпредѣльнымъ моремъ, эти длинные дни, чередующіеся съ такими же длинными ночами, придаютъ жизни страны суровое и грандіозное выраженіе, за которое ее такъ любятъ ея обитатели.

Форма норвежскаго прибрежья въ значительной мѣрѣ способствуетъ нагрѣванію страны. Температура воды въ фьордахъ, до самаго дна ихъ бассейна, выше температуры окружающаго воздуха, если разсматривать средніе выводы за цѣлый годъ, какъ показываетъ слѣдующая сравнительная таблица.

Температура фьордовъ и окружающаго воздуха:

	Глубокая вода.	Воздухъ. Годъ.	Воздухъ. Январь.
Скагерракъ	5°	7°,2	0°,5
Ерстрандъ-фьордъ	6°	6°	0°,9
Хардангеръ-фьордъ	6°,2	7°,1	0°
Остеръ-фьордъ..........	6°,3	6°,8	0°
Согне-фьордъ	6°,2	7°	− 0°,5
Нордъ-фьордъ	6°,6	6°	−1°,2
Трондгьемъ-фьордъ.	6°,5	5°	−2°,8
Раненъ-фьордъ	4°,8	3°,3	−2°,5
Вестъ-фьордъ (при входѣ)	6°	4°	−1°,2
„ (внутри) ..	6°,2	3°	−4°
Офотенъ-фьордъ.........	6°,1	2°	−6°
Тьернъ-зундъ...........	4°,2	1°,5	−6°
Альтенъ-фьордъ	3°,2	0°,9	7°,7
Варангеръ-фьордъ.......	3°,1	−1°	−10°.

Можно бы было думать, что въ глубокихъ водахъ фьордовъ, какъ и въ пучинахъ моря, опускаемый термометръ долженъ проходить черезъ тяжелые и холодные слои, приближающіеся къ точкѣ замерзанія, но изслѣдованія, произведенныя профессоромъ Мономъ, показали, что эти бассейны наполнены водой относительно теплою: въ январѣ разность между температурой воздуха на поверхности земли и температурой жидкой массы въ глубинахъ доходитъ до 13 градусовъ. Эта высокая температура фьордовъ обусловливается расположеніемъ ихъ бассейновъ. Сообщаясь съ открытымъ моремъ только поверхъ подводныхъ пороговъ, лежащихъ поперегъ ихъ входа, они получаютъ изъ океана лишь теплую воду, приносимую юго-западными морскими теченіями. Непосредственно на западѣ, подъ тѣми же широтами, въ моряхъ, окружающихъ Ферерскіе острова и Исландію, глубокія воды имѣютъ температуру ниже точки замерзанія; но эти холодные жидкіе слои не могутъ проникать въ фьорды, защищенные закраинами изъ подводныхъ скалъ, и потому эти бассейны никогда не замерзаютъ, кромѣ какъ по краямъ береговъ, наиболѣе удаленныхъ отъ открытаго моря. Такимъ образомъ, все прибрежье Норвегіи, такъ сказать, снабжено громаднымъ нагрѣвательнымъ аппаратомъ въ видѣ этихъ внѣшнихъ резервуаровъ, наполненныхъ водой, температура которой на нѣсколько градусовъ выше нормальной. Если бы пороги, расположенные у входа въ фьорды, вдругъ исчезли, и нижнія холодныя воды моря получили, вслѣдствіе того, свободный доступъ въ заливы Скандинавіи, то въ климатѣ страны тотчасъ же произошла бы большая перемѣна, какъ будто бы весь полуостровъ перемѣстился на нѣсколько градусовъ широты по направленію къ сѣверному полюсу [1]).

Термометрическій режимъ водъ норвежскаго прибрежья представляетъ замѣчательный контрастъ, смотря по временамъ года. Лѣтомъ и осенью температура уменьшается отъ поверхности ко дну, тогда какъ зимой теплота воды постепенно возрастаетъ пропорціонально глубинѣ. Этотъ обратный порядокъ измѣненія температуръ отъ одной половины года къ другой зависитъ отъ вліянія окружающей атмосферы. Въ теплое время года воздухъ имѣетъ болѣе высокую температуру, чѣмъ вода, на которой онъ покоится; слѣдовательно, онъ нагрѣваетъ поверхностные слои океана, и эта теплота передается сверху внизъ, но очень медленно, тогда какъ слои болѣе холодные и болѣе тяжелые держатся въ глубинахъ. Зимой вода на поверхности, находясь въ соприкосновеніи съ воздухомъ, имѣющимъ болѣе низкую температуру, быстро охлаждается, между тѣмъ какъ глубокіе слои остаются безъ перемѣны; но въ вертикальномъ направленіи, отъ поверхности ко дну, естественное нисхожденіе холодныхъ водъ производитъ обмѣнъ жидкихъ слоевъ, регулирующій рядъ температуръ. Термическія кривыя каждаго времени года, изображенныя метеорогомъ Мономъ въ остроумныхъ графическихъ таблицахъ, представляютъ изгибы въ томъ и другомъ направленіи, по обѣ стороны неизмѣнной точки температуры, которая встрѣчается въ глубинѣ около 180 метровъ отъ поверхности.

Вліяніе теплыхъ водъ норвежскаго прибрежья на температуру полуострова было бы, однако, весьма незначительно, если бы вѣтры не приносили на материкъ морскую атмосферу. Изъ воздушныхъ теченій на берегахъ Норвегіи преобладаютъ вѣтры юго-западные и южные, то-есть самые теплые: они-то своимъ дуновеніемъ отклоняютъ къ сѣверу изотермическія линіи Скандинавіи и заставляютъ ихъ слѣдовать вдоль морскаго берега почти въ обратную сторону отъ ихъ нормальнаго направленія.

Однако, въ общемъ движеніи воздушныхъ

---

[1]) Mohn, „Petermann's Mittheilungen“, XI, 1876.

массъ происходитъ нѣкоторое чередованіе. Господствующими вѣтрами зимой, даже весною и осенью являются горныя бризы, устремляющіяся изъ всѣхъ выходовъ долинъ и изъ отверстія фьордовъ къ поверхности моря, температура которой всегда выше точки замерзанія. Лѣтомъ замѣчается обратное явленіе: вѣтры дуютъ съ океана къ болѣе нагрѣтымъ внутреннимъ областямъ материка. Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ то же самое явленіе, какое представляютъ муссоны на берегахъ Индостана, съ нѣкоторыми отличіями, зависящими отъ неодинаковости климатическихъ условій обѣихъ странъ. Это чередованіе прибрежныхъ вѣтровъ Норвегіи влечетъ за собой, какъ необходимое слѣдствіе, измѣненіе изъ мѣсяца въ мѣсяцъ температуры морской поверхности и температуры прибрежья. Такъ какъ теплыя воды, приносимыя юго-западными морскими теченіями, ударяются о берега Скандинавіи, то, казалось бы, всего естественнѣе ожидать, что самая высокая температура моря обнаружится именно на берегу, и что вода должна постепенно охлаждаться по мѣрѣ удаленія отъ прибрежья, по направленію отъ востока къ западу. Но въ дѣйствительности такъ бываетъ только въ продолженіе короткаго періода лѣта; во все же остальное время года ось наивысшей температуры проходитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, параллельно ихъ направленію. Изотермическія линіи всѣ загибаются остроконечно къ сѣверо-востоку, въ разстояніи отъ одного до пяти градусовъ на западѣ отъ твердой земли. Вѣтры, пронесшіеся передъ тѣмъ надъ снѣгами внутренней части материка, охлаждаютъ весь прибрежный поясъ водъ, и только начиная съ того мѣста, гдѣ угасаетъ ихъ сила и прекращается охлаждающее дѣйствіе, вода открытаго моря сохраняетъ свою нормальную температуру [1]). Въ своемъ попеременномъ движеніи, мѣняющемъ направленіе съ переходомъ отъ зимы къ лѣту и отъ лѣта къ зимѣ, вѣтры изгибаются правильно такимъ образомъ, чтобы слѣдовать параллельно морскому берегу. Зимой они дуютъ вдоль материка, поднимаясь къ сѣверу, и, слѣдовательно, помогаютъ плыть судамъ, держащимъ курсъ отъ мыса Линдеснесъ къ Нордъ-Капу; лѣтомъ они слѣдуютъ противоположному направленію и тогда благопріятствуютъ судоходству, которое направляется отъ Гаммерфеста къ Христіаніи [2]). Впрочемъ, сила вѣтра всегда значительнѣе въ сосѣдствѣ западныхъ береговъ, чѣмъ внутри полуострова, и бури, частыя зимой, очень рѣдкія лѣтомъ, свирѣпствуютъ съ большою яростью въ долинахъ горъ, обращенныхъ къ Атлантическому океану. Грозы, которыя обыкновенно разражаются въ періодъ жаровъ, немногочисленны и рѣдко сопровождаются градомъ. При входѣ въ Лизе-фьордъ, недалеко отъ Ставангера, иногда, но только тогда, когда дуетъ юго-восточный вѣтеръ, наблюдаютъ молнію, сопровождаемую ударами грома, которая вылетаетъ изъ стѣны утесовъ, на высотѣ около 900 метровъ надъ уровнемъ воды [1]). Метеорологи еще не объяснили съ точностью, въ какихъ атмосферическихъ условіяхъ происходитъ это странное явленіе.

Благодаря теплымъ вѣтрамъ, приносящимъ странѣ довольно высокую температуру, Скандинавія получаетъ также большое обиліе дождей; но распредѣленіе послѣднихъ на двухъ скатахъ полуострова очень неравномѣрное. На внѣшнихъ островахъ, особенно на Лофотенскихъ, среднимъ числомъ на каждые два дня приходится одинъ съ дождемъ; въ Бергенѣ и на всей части морскаго прибрежья, которое простирается на сѣверъ къ мысу Стадтъ, годовое выпаденіе дождя представляетъ слой не менѣе 2 метровъ высотою; но по ту сторону ледниковъ и фирновыхъ полей, каковы, напримѣръ, Юстедальсбре и Свартизенъ, которые получаютъ такое большое количество атмосферной влаги въ формѣ снѣга, средняя величина падающей изъ облаковъ воды не превышаетъ уже одного метра; во многихъ мѣстахъ норвежской равнины, защищенной отъ дождливыхъ вѣтровъ, — напримѣръ, въ Тромсе и въ Христіаніи, — выпаденіе дождя составляетъ только полметра; указываютъ даже одну часть хребта Доврефьельдъ, гдѣ вѣтеръ, теряющій большую часть своей влажности при прохожденіи надъ фирновыми пространствами, приноситъ въ теченіе цѣлаго года всего только треть метра воды въ видѣ дождя. На всемъ протяженіи Швеціи, которая защищена съ запада хребтомъ Скандинавскихъ горъ и плоскогорій, среднее количество выпадающей дождевой воды равняется 523 миллиметрамъ; слѣдовательно, оно меньше, чѣмъ во Франціи и на Британскихъ островахъ. Слѣдующая таблица показываетъ среднее выпаденіе дождей въ разныхъ пунктахъ Скандинавскаго полуострова.

Норвегія: Флере, близъ Бергена — 2.300 миллиметровъ; Бергенъ—1.800 миллим.; Ставангеръ—1.088 миллим.; Линдеснесъ—1.140 миллиметровъ; Тенсбергъ — 588 миллим.; Христіанія—538 миллим.

Швеція: Берега Каттегата — 716 миллим.; внутри Готланда — 545 миллим.; берега Свеаланда—514 миллим.; юго-восточные берега — 428 миллим.; южная часть Норрланда — 508 миллим.; Норботтенъ—406 миллим.

По странному контрасту, граница постоянныхъ снѣговъ спускается гораздо ниже на западныхъ скатахъ горъ Фольгефонденъ и Юстедаль, нагрѣваемыхъ теплыми морскими вѣт-

[1]) Mohn, „Petermann's Mittheilungen", XI, 1876.

[2]) O. J. Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

[1]) Krefting; — Vibe, „Die Küsten Norwegens, Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen".

рами, чѣмъ на покатостяхъ, обращенныхъ къ холодному востоку; причину этого явленія надо искать въ обиліи влажности, приносимой западными и юго-западными воздушными теченіями. Но по направленію отъ юга къ сѣверу граница снѣговъ понижается правильно, отъ 1.230 или отъ 1.500 метровъ на одномъ или другомъ склонѣ хребта Фольгефонденъ, до 900 или даже до 730 метровъ на горахъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ мысомъ Нордъ-Капъ.

Изотермическія линіи, начерченныя на картахъ Скандинавскаго полуострова, благодаря правильнымъ наблюденіямъ, производимымъ на 53 метеорологическихъ станціяхъ Норвегіи и на 29 станціяхъ Швеціи, представляютъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой одну и ту же общую форму: онѣ развертываются почти параллельно западному берегу, затѣмъ описываютъ свою главную кривую въ юго западномъ направленіи, какъ и само норвежское прибрежье, отъ Трондгьема къ Христіаніи. Даже зимой, во время самаго холоднаго мѣсяца въ году, нѣкоторыя части морскихъ береговъ сохраняютъ температору выше точки замерзанія; въ Христіансзундѣ, на мысѣ Линдеснесъ, въ среднемъ, не бываетъ ни одного дня въ году, температура котораго была бы ниже нуля; въ Бергенѣ, же менѣе нагрѣваемомъ юго-западными вѣтрами, среднимъ числомъ, насчитывается двадцать четыре холодныхъ дня въ году [1]); даже въ Гаммерфестѣ, благодаря термической аномаліи, одинъ ручей не перестаетъ течь круглый годъ, и жители черпаютъ изъ него воду всю зиму [2]). Но вдали отъ береговъ моря вся остальная часть полуострова бываетъ тогда заключена въ предѣлахъ изохимены нуля. Вычисленная для цѣлаго года, линія замерзанія обнимаетъ внутреннюю часть норвежскаго Финмаркена и шведскаго Норботтена и, далѣе на югѣ, плоскогорье Доврефьельдъ и нѣкоторыя другія горныя группы вокругъ города Реноса. Всѣ эти области почти необитаемы: въ Норвегіи, гдѣ онѣ занимаютъ около одной пятой всей территоріи, общее населеніе ихъ не составляетъ даже одной сотой доли всего населенія государства. Жители естественно группируются въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ средняя температура самая высокая. На скатахъ горъ очень мало жилищъ, лежащихъ выше 600 метровъ, и даже риги, сараи или лѣтніе пастушьи шалаши не встрѣчаются на высотахъ болѣе 900 метровъ; однако тамъ и сямъ группы крестьянъ живутъ въ долинахъ, которыя въ другихъ странахъ показались бы совершенно необитаемыми. Есть деревни на южной плоской возвышенности, гдѣ ждутъ свѣта солнца по цѣлымъ мѣсяцамъ, даже по полугоду и болѣе. Деревня Соллейса, то-есть «безъ солнца», въ Бергенскомъ округѣ, получила это названіе потому, что она никогда не освѣщается прямо солнечными лучами [1]). Тогда какъ средняя годовая температура всей Норвегіи только 2°,5 стоградуснаго термометра, средняя температура обитаемыхъ мѣстъ можетъ быть опредѣлена въ 5 градусовъ. Въ Швеціи эта температура на одинъ градусъ выше [2]).

По направленію отъ запада къ востоку, отъ изрѣзаннаго, зубчатаго берега фьордовъ къ равнинамъ Швеціи и Лапландіи, аномалія, которую представляетъ климатъ морскаго прибрежья, быстро уменьшается: тогда какъ на берегахъ Норвегіи средняя годовая температура превышаетъ на 20 градусовъ нормальную температуру, соотвѣтствующую ея широтѣ, аномалія на сѣверѣ отъ Христіаніи и Упсалы составляетъ уже только 10 градусовъ. Климатъ измѣняется: изъ морскаго онъ дѣлается континентальнымъ, и крайности тепла и холода, или наибольшія разности температуры, суточныя, мѣсячныя, годовыя, становятся все болѣе и болѣе значительными: въ то время, какъ на морскомъ берегу разность среднихъ температуръ іюля и января равна 10 градусамъ, въ Шведской Лапландіи она достигаетъ 30 градусовъ. На пространствѣ отъ мыса Стадтъ до Лофотенскихъ островов измѣненіе температуры между различными мѣсяцами года составляетъ только отъ 12 до 13 градусовъ, тогда какъ въ Гапарандѣ, на оконечности Ботническаго залива, это измѣненіе, т. е. разность крайнихъ температуръ, достигаетъ 32 градусовъ. Слѣдующая таблица показываетъ среднія и крайнія температуры нѣкоторыхъ пунктовъ Скандинавскаго полуострова.

Норвегія.

	Широта.	Средняя темпер.	Январь.	Іюль.	Разность.
Гаммерфестъ .	70° 7'	1°, 8	— 5°,1	11°,3	16°,4
Варде . . .	70° 4'	0°, 8	— 6°	8°,8	14°,8
Тромсе. .	69° 6'	2°, 2	— 4°,2	11°,5	15°,7
Бергенъ .	60° 4'	7°	0°,4	14°,5	14°,1
Христіанія .	59°54'	5°, 2	— 5°,1	16°,5	21°,6

Швеція.

	Широта.	Средняя темпер.	Январь.	Іюль.	Разность.
Іокмокъ . .	66°36'	—1°, 9	—17°,1	13°,8	20°,6
Гапаранда	65°51'	—0°, 2	—12°,9	14°,9	27°,8
Питео . .	65°19'	1°,01			
Умео. . . .	63°50'	1°, 3	— 9°,3	14°,7	24°
Герпезандъ .	62°38'	2°, 8			
Фалунъ . .	60°40'	3°, 6	— 6°,5	15°,6	22°,1
Упсала	59°52'	4°, 6	— 4°,5	16°,1	20°,6
Стокгольмъ .	59°20'	5°, 1	— 3°,5	15°,8	19°,3
Гетерборгъ .	57°42'	6°, 7	— 1°,4	16°,1	17°,5
Висби . . .	57°39'	6°, 2	— 0°,8	15°,4	16°,2
Карлсгамнъ .	56°10'	6°, 8	— 0°,6	15°,9	16°,5

Въ областяхъ, лежащихъ на крайнемъ сѣверѣ, лѣто имѣетъ почти такую же среднюю

[1]) Schübeler, „Pflanzenwelt Norwegens".
[2]) I. von Buch, „Reise durch Norwegen und Lappland".

[1]) Schübeler, „Pflanzenwelt Norwegens".
[2]) O. J. Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

температуру, какъ и въ южной Швеціи, но зимы тамъ гораздо холоднѣе, и морозы доходятъ до 50 градусовъ. Толстый слой льда, образующійся зимой въ торфяниковыхъ болотахъ Лапландіи, иногда держится впродолженіи всего года; онъ не успѣваетъ растаять въ теченіе короткаго лѣта, тогда какъ ячмень и картофель растутъ и вызрѣваютъ на поверхности.

VIII.

Изотермическія линіи года, зимы и лѣта изгибаются различнымъ образомъ, смотря по положенію мѣстностей, черезъ которыя онѣ проходятъ, и въ соединеніи съ другими климатическими кривыми, указывающими обиліе дождей, силу и направленіе вѣтровъ, могутъ обозначать въ общихъ чертахъ поясы растительности. Однако, замѣчаются нѣкоторыя кажущіяся аномаліи. Хотя средняя годовая температура для всѣхъ градусовъ широты выше на берегахъ Норвегіи, чѣмъ на восточной покатости плоскогорья, но многія древесныя породы распространены гораздо далѣе на сѣверъ въ Швеціи, чѣмъ въ Норвегіи. Такъ, ель перестаетъ образовывать лѣса въ Норвегіи, начиная отъ границъ Норрланда, около полярнаго круга; въ Швеціи же мы встрѣчаемъ еловые лѣса гораздо сѣвернѣе той же широты. Подобное же явленіе представляетъ и береза, которая останавливается на высотѣ 320 метровъ на норвежскихъ скатахъ горъ, въ группѣ Сулительма, тогда какъ на шведской покатости она поднимается вдвое выше [1].

Болѣе двухъ тысячъ европейскихъ растеній имѣютъ сѣверный предѣлъ своего распространенія въ Скандинавіи: карта, которая была выставлена Шюбелеромъ на географическомъ съѣздѣ въ Парижѣ, указываетъ извѣстныя въ настоящее время полярныя границы 1.900 растительныхъ видовъ, культурныхъ и дикихъ, на норвежскихъ берегахъ. Путешествуя съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ, мы увидимъ, какъ исчезаютъ послѣдовательно растенія умѣренной Европы: живописные, привѣтливые пейзажи постепенно смѣняются суровыми картинами природы. Сначала мы проѣзжаемъ черезъ область бука и грабины, которая обнимаетъ южную Сканію, поясъ прибрежья на Каттегатѣ и даже юго-западный берегъ Норвегіи, такъ какъ существуетъ еще одинъ лѣсъ дикаго бука немного сѣвернѣе г. Бергена: это—самый сѣверный буковый лѣсъ на всемъ земномъ шарѣ. Смѣшеніе этихъ древесныхъ породъ, имѣющихъ зеленую листву, съ хвойными деревьями придаетъ большую прелесть берегамъ Христіаніа-фьорда, особенно въ проливахъ, которые защищены на югѣ крѣпостью Оскарсборгъ. На берегахъ залива Листеръ-фьордъ есть лѣсъ, состоящій изъ ильма ил[и] вяза. Область дуба обнимаетъ болѣе значительную часть Скандинавіи: эта древесная порода распространена по всей средней Швеціи д[о] рѣки Далъ-эльфъ и по всему норвежскому берегу до 63-го градуса широты, недалеко отъ Христіансзунда. Бѣловатая ольха, сосна, ел[ь], береза проникаютъ гораздо далѣе въ сѣверную часть полуострова и поднимаются выш[е] по бокамъ холмовъ и горъ: береза растетъ да[же] на плоскогорьѣ Финмаркена; у подножі[я] высокихъ отвѣсныхъ, какъ стѣна, утесовъ, господствующихъ надъ фьордами на сѣверѣ [и] отражающихъ горячіе лучи полуденнаго солнца, путешественникъ съ удивленіемъ встр[ѣ]чаетъ растенія, которыя, казалось бы, должн[ы] принадлежать землямъ болѣе близкимъ к[ъ] тропикамъ на десять или пятнадцать градусов[ъ] широты, а между тѣмъ остатки лавинъ и гр[у]ды обвалившихся камней, покрытыя альпі[й]скими мхами, виднѣются рядомъ съ этими юж[]ными растительными видами [1]. Граница др[е]весной растительности пересѣкаетъ лишь вес[ь]ма незначительную часть Норвегіи, на сѣве[р]ныхъ берегахъ Варангеръ-фьорда: южный б[е]регъ послѣдняго покрытъ настоящими лѣсам[и] сосенъ, елей, березъ, осинъ, рябины и бузин[ы], но на сѣверѣ этого залива, гдѣ обширныя то[р]фяныя болота заключаютъ въ своихъ нѣдрах[ъ] древніе лѣса, теперь остались только водоро[с]ли и лишаи, да кое-гдѣ изрѣдка встрѣтишь ка[]кое-нибудь растеніе, едва заслуживающее на[]званіе деревца: по выраженію Линнея, здѣсь «послѣднія изъ растеній покрываютъ послѣд[]нюю изъ земель» [2].

Всѣ растительные виды Скандинавіи—чуж[е]земнаго происхожденія, и населили страну уж[е] послѣ исчезновенія покрывавшихъ ее нѣкогд[а] льдовъ; однако, листва деревьевъ здѣсь дотол[ѣ] темная и цвѣты имѣютъ такія яркія краски, что большинство ботаниковъ, увидя эти растенія въ первый разъ, подумали бы, что передъ ними какія-нибудь новыя разновидности. Замѣчено также, что ароматъ всѣхъ видовъ растеній постепенно усиливается къ сѣверу [3], тогда какъ содержаніе сахара въ той же пропорціи уменьшается. Дикія ягоды гораздо лучше въ Скандинавіи, чѣмъ въ болѣе южныхъ странахъ, и тамошнія хозяйки приготовляютъ изъ нихъ варенья и компоты, подаваемые къ столу во всякомъ норвежскомъ домѣ. Городъ Трондгъемъ славится превосходнымъ качествомъ своихъ садовыхъ плодовъ—яблоковъ, грушъ, вишенъ; даже грецкіе орѣхи созрѣваютъ недалеко отъ этого города, въ деревнѣ Фростенъ. Особенныя качества плодовъ страны

---

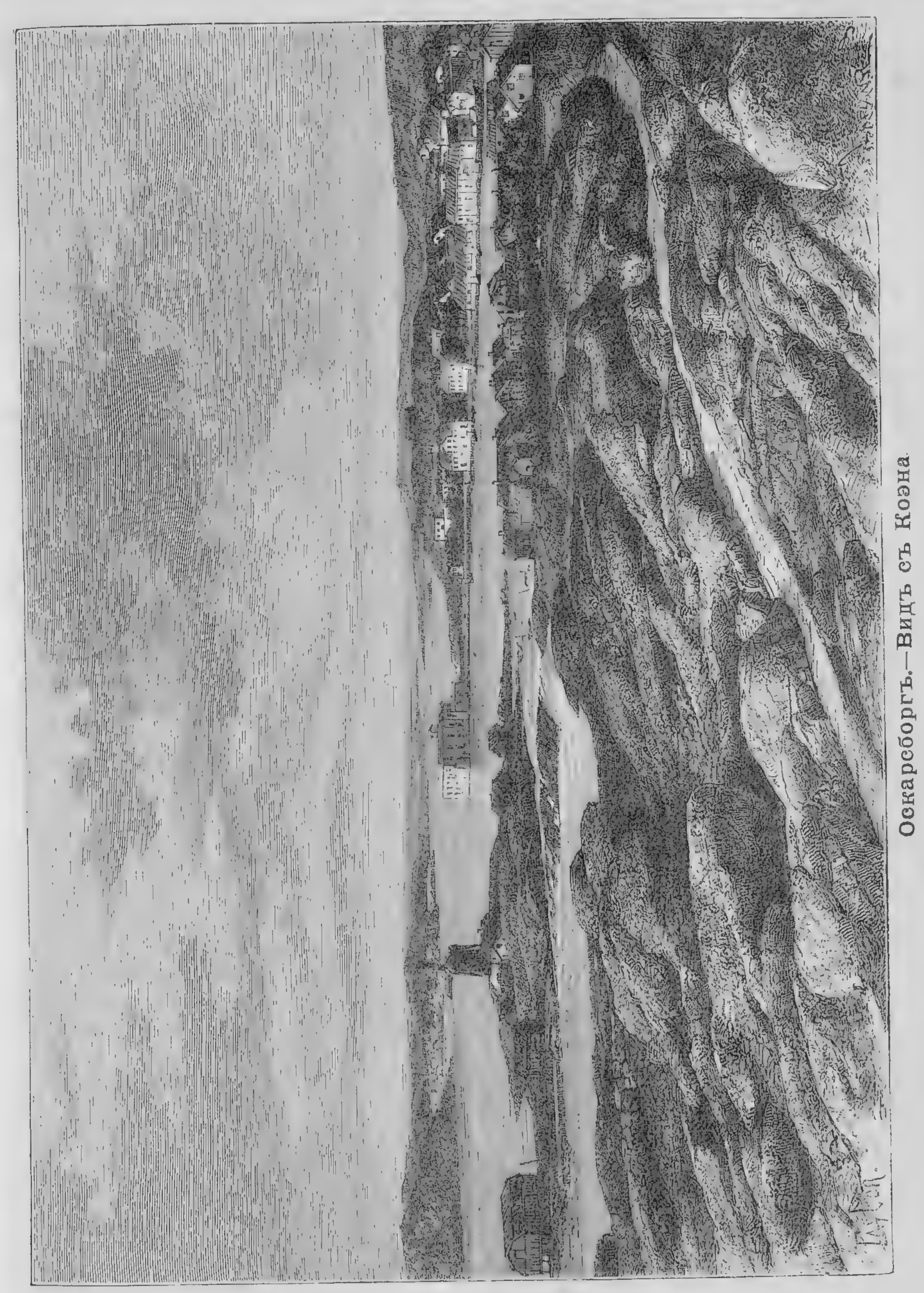
[1] Wahlenberg; — P. g. Lorenz, „Mittheilungen von Petermann", IX, 1869.

[1] A. Blytt. „On Vegetationsotrholdene ved Segnefjorden".

[2] Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara".

[3] Schübeler, „Pflanzenwelt Norwegens"

зависятъ также отъ быстроты ихъ роста. Благодаря умѣренности средней температуры и почти непрерывному дѣйствію солнечнаго свѣта въ лѣтніе мѣсяцы, хлѣбныя растенія,



Оскарсборгъ.—Видъ съ Коэна

воздѣлываемыя на норвежскихъ берегахъ, вызрѣваютъ въ тотъ же промежутокъ времени, какъ и подъ болѣе южными широтами. Такъ, подъ 70° сѣверной широты, въ Альтенѣ, ячмень достигаетъ полной зрѣлости въ 90 дней, то-есть ровно во столько же времени, сколько нужно тому же растенію въ Христіаніи, въ Эльзасѣ, на берегахъ Нила. Что могутъ сдѣлать искусство и трудолюбіе человѣка—показываетъ тотъ любопытный фактъ, что жители острова Гиндс часто отправляютъ на продажу въ Христіанію ячмень и картофель [1]). Однако, въ

[1]) „Mittheilungen von Peterman", 1861, № 6.

Шведской Лапландіи есть мѣстности, гдѣ ячмень, хотя и воздѣлывается, но никогда не достигаетъ полной зрѣлости, даже въ тѣ годы, когда лѣто было наиболѣе благопріятно: въ концѣ августа начинаются заморозки или, какъ ихъ называютъ мѣстные жители, «желѣзныя ночи» (jernnätterna), которыя не позволяютъ растенію доканчивать циклъ своего произрастанія. Прежде чѣмъ убирать сжатый хлѣбъ въ гумно, надобно сушить его. Земледѣльцы тщательно дѣлятъ ячмень на маленькіе снопы и развѣшиваютъ ихъ одни надъ другими при помощи жердей, или раскладываютъ на крышахъ хижинъ, печи которыхъ распространяютъ густой дымъ [1]). Часто случается также, что ячмень въ Емтландѣ не успѣваетъ созрѣть, и крестьяне косятъ его, какъ кормовую траву; они говорятъ тогда: «ныньче годъ зеленый» [2]).

Лѣсъ, покрывающій гладкія равнины Швеціи или правильные скаты возвышенностей, не отличается отъ обыкновенныхъ лѣсовъ умѣренной Европы: это lund, высокоствольный лѣсъ, легко доступный, который земледѣлецъ расчищаетъ и превращаетъ въ поля, засѣваемыя хлѣбными растеніями. Но skog, дикій лѣсъ имѣетъ совершенно особенный характеръ: это въ одно и то же время хаосъ скалъ и чаща деревьевъ и кустарника. Глыбы гранита или порфира, нагроможденныя въ безпорядкѣ, высовываютъ тамъ и сямъ свои голыя верхушки и острые углы; почти вездѣ густой слой мха и травы покрываетъ ихъ точно ковромъ; бузина, малинникъ, черничные кусты растутъ въ углубленіяхъ между каменными массами; могучіе стволы соценъ, елей, ольхи, березы пускаютъ свои корни между камнями. Всякая тропинка теряется въ этомъ лабиринтѣ деревьевъ и скалъ. Это—страшная пустыня, по которой въ былыя времена бродилъ troll, лѣшій, гдѣ заблудившійся путникъ встрѣчалъ skogfru, свирѣпую «лѣсную женщину».

Въ Швеціи незначительная средняя высота почвы позволила древесной растительности покрыть весьма большую часть территоріи, и общая площадь лѣсовъ составляетъ никакъ не менѣе двухъ пятыхъ пространства страны. Норвегія, въ цѣломъ болѣе возвышенная, гораздо менѣе богата лѣсами: только пятая часть почвы покрыта тамъ крупнымъ лѣсомъ. Съ давнихъ поръ сосны изъ лѣсовъ вокругъ Гефле, на берегахъ рѣки Далъ-эльфъ, пользуются особеннымъ предпочтеніемъ со стороны кораблестроителей и доставляютъ европейскимъ флотамъ лучшій мачтовый лѣсъ. Своими исключительными качествами эти деревья обязаны равномѣрной толщинѣ ихъ слоевъ древесины, имѣющихъ около одного миллиметра въ ширину. Въ болѣе холодномъ климатѣ слои древесины въ обыкновенной соснѣ слишкомъ тонки, слишкомъ плотны и не обладаютъ необходимою эластичностью: въ климатѣ же болѣе теплом деревья, питаемыя сокомъ въ продолженіе всего года, имѣютъ слои слишкомъ широкіе и слишкомъ мягкіе. Истинная средняя величина сопротивленія, гибкости и равномѣрности дается соснѣ именно климатомъ центральной Швеціи, соотвѣтствующимъ климату Вогезскихъ горъ между 800 и 1.200 метров высоты, и французскихъ Альпъ между высотами 1.300 и 1.700 метровъ: это и есть, въ этихъ горахъ, тотъ поясъ возвышенія, гдѣ кораблестроители должны искать нужный имъ мачтовый лѣсъ [1]).

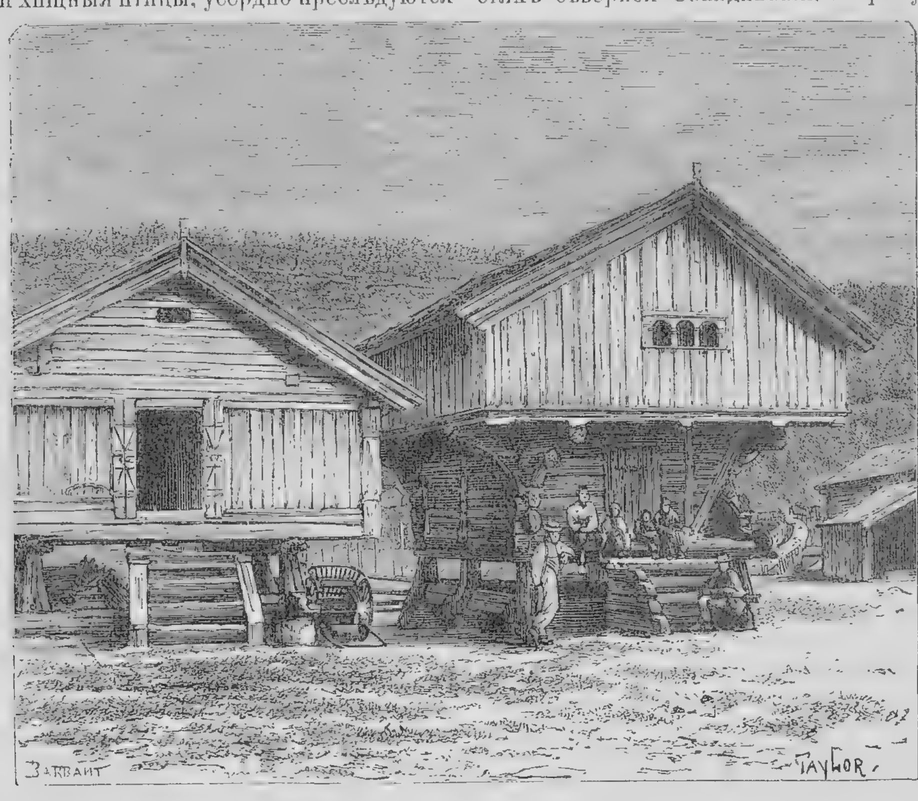
Огромное протяженіе скандинавскихъ лѣсовъ пріучило въ прежнее время жителей страны къ большой расточительности въ употребленіи лѣса для отопленія, построекъ, для надобностей промышленности и для вывоза за границу, вслѣдствіе чего обширныя пространства лишились покрывавшихъ ихъ прежде лѣсныхъ богатствъ. Въ настоящее время отъ Мальме до Стокгольма, на всемъ протяженіи желѣзной дороги, мы вездѣ увидимъ лѣса, перерѣзанные водами и воздѣланными землями, но уже не встрѣтимъ группъ большихъ деревьевъ, которыя годились бы для постройки кораблей, а между тѣмъ древнія саги разсказываютъ, что вся эта страна нѣкогда представляла одинъ громадный сплошной лѣсъ дубовъ и буковъ; стада дикихъ свиней бродили въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, подобно тому, какъ они бродятъ въ наши дни въ дубовыхъ лѣсахъ Сербіи и Хорватіи [2]). Въ южной Норвегіи лѣса, достойные этого названія по высотѣ деревьевъ, остались теперь только вдали отъ дорогъ, и уже очень многіе изъ металлургическихъ заводовъ пришлось покинуть, по причинѣ недостатка топлива, необходимаго для плавленія желѣзной руды. Въ этихъ холодныхъ областяхъ ростъ деревьевъ идетъ очень медленно, и потому истребленіе лѣсовъ дѣлается тамъ причиной продолжительнаго обѣдненія страны. Въ то время, какъ норвежцы употребляютъ, пропорціонально цифрѣ населенія, можетъ быть, въ пять разъ больше лѣса, чѣмъ французы, только для мѣстныхъ нуждъ, почва ихъ производитъ, на одинаковомъ пространствѣ, въ пять разъ менѣе, по причинѣ незначительной толщины годовыхъ слоевъ древесины, скудно питаемой промерзлою почвой; на скатахъ многихъ горъ [3]) такъ много вырублено деревьевъ, что верхняя граница пояса лѣсовъ понизилась уже метровъ на сто. Въ новѣйшее время законодательство признало

[1]) Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara“.
[2]) Forsell, „Statistik von Schweden“.

[1]) Mémoires de Bravais, Charles Martins, Charles Grad, etc.
[2]) L. v. Buch, „Reise durch Norwegen und Lappland“.
[3]) O. J. Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien“.

нужнымъ принять мѣры предосторожности въ видахъ охраненія на будущее время лѣсныхъ богатствъ страны отъ чрезмѣрнаго истребленія: въ силу закона 1875 года, землевладѣльцы сѣверныхъ провинцій Швеціи должны щадить молодыя деревья, имѣющія менѣе 25 сантиметровъ толщины на высотѣ роста человѣка. На островѣ Готландѣ принуждены были совершенно воспретить эксплоатацію лѣса для продажи.

Дикія животныя, населявшія прежде лѣса Скандинавіи, въ наши дни сдѣлались рѣдки. Медвѣди, волки, рыси, россомахи, такъ же, какъ лисицы и хищныя птицы, усердно преслѣдуются въ лѣсахъ Норвегіи, и нѣкоторые острова въ окрестностяхъ городовъ Бергена и Трондгьема служатъ охотничьими парками для ихъ владѣльцевъ. Первобытный быкъ (туръ) жилъ въ Сканіи въ эпоху каменнаго вѣка; въ лундскомъ музеѣ есть одинъ экземпляръ этого животнаго, сохранившій еще знакъ раны, сдѣланной кремневою стрѣлой [1]. Тамъ и сямъ попадается еще бобръ, нѣкогда столь обыкновенный, а въ наши дни столь рѣдкій въ Европѣ. Заяцъ, не очень боязливый зимою, когда шерсть его по бѣлизнѣ цвѣта смѣшивается съ окружающими снѣгами, водится во множествѣ въ гористыхъ мѣстностяхъ сѣверной Скандинавіи, а грызуны лем-



Амбары, близъ Гиттердаля.

охотниками, получающими за каждаго убитаго звѣря денежную награду, и потому встрѣчаются теперь только въ глухихъ, уединенныхъ мѣстностяхъ. Количество дикихъ животныхъ, убитыхъ въ Швеціи [1]):

	Медвѣдей.	Волковъ.	Рысей.	Россомахъ.
Съ 1856 по 1860 г.	618	8[illegible]5	873	611
Съ 1876 по 1880 г.	299	183	334	651:

лисицъ—58.749; хищныхъ птицъ—72.755.

Лось еще не исчезъ изъ горъ Норвегіи; на сѣверѣ отъ Христіаніи существуетъ даже цѣлое стадо лосей, которое, конечно, давно бы уже истребили, если бы не было запрещено охотиться на этихъ рѣдкихъ животныхъ. Козуля, благородный олень также встрѣчаются мииги или пеструшки (Lemnus norvegicus) спускаются безчисленными стаями съ норвежскихъ нагорныхъ равнинъ къ морю. Что касается сѣвернаго оленя, то его уже не встрѣчаютъ болѣе въ дикомъ состояніи въ шведскихъ долинахъ; еще недавно онъ жилъ большими стадами на всѣхъ возвышенностяхъ южной Норвегіи, отъ горъ Телемаркена до плоскогорья Доврефьельдъ; но число его сильно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ охотники стали употреблять скорострѣльныя и дальнобойныя ружья. Въ сѣверной Скандинавіи дикій сѣверный олень совершенно вывелся; теперь тамъ можно увидѣть его только какъ домашнее животное лапландцевъ. Сѣверный олень, который

[1]) „Statistisk Tidskrift“, 1883, I.

[1]) Nilsson, „Les habitants de la Scandinavie“.

прежде жилъ въ Сканіи и скелеты котораго находятъ тамъ и сямъ въ торфяныхъ болотахъ, принадлежалъ къ другой породѣ, отличной отъ лапландской: это, вѣроятно, было то самое животное, о которомъ упоминаетъ Юлій Цезарь и которое населяло обширный Герцинскій лѣсъ. Что сѣверный олень не переселился изъ Сканіи въ Лапландію—это доказывается совершеннымъ отсутствіемъ какихъ-либо остатковъ этого четвероногаго во всей обширной области Скандинавскаго полуострова, раздѣляющей двѣ названныя провинціи [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что кочевые переселенцы пришли со своими стадами домашнихъ сѣверныхъ оленей изъ сѣверныхъ областей Россіи.

Почти всѣ виды птицъ, которые живутъ на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, встрѣчаются также и на Скандинавскомъ полуостровѣ, но въ гораздо меньшемъ числѣ: лѣса Швеціи менѣе оглашаются пѣніемъ птицъ, чѣмъ лѣски и рощи Германіи; однако, замѣчено, что съ распространеніемъ земледѣлія въ Сканіи и въ центральной Швеціи число видовъ пѣвчихъ птицъ въ странѣ увеличилось. Что касается морскихъ птицъ, то онѣ кружатся вокругъ утесовъ норвежскаго прибрежья въ такомъ же несмѣтномъ множествѣ, какъ и вокругъ «столбовъ» моря на Шетландскихъ и Фарерскихъ островахъ, или на подводныхъ скалахъ Исландіи. Нѣкоторые острова Лофотенскаго и Вестеръ-Ааленскаго архипелаговъ получили даже особое названіе nyker, то-есть «птичьихъ горъ», по причинѣ громаднаго множества пингвиновъ, тупиковъ, кайръ, чаекъ, которые гнѣздятся подъ кусками дерна на береговыхъ террасахъ. Издали эти никеры, окруженные непрерывно летающими стаями птицъ-самцовъ, кажутся погруженными въ волнующійся паръ или туманъ. Шумъ, производимый размахами крыльевъ, слышенъ за нѣсколько верстъ, а вблизи походитъ на свистъ бури. По причинѣ отсутствія гаваней или хорошо защищенныхъ бухточекъ, эти острова трудно доступны для человѣка; но онъ все-таки пристаетъ къ нимъ въ дни штиля на морѣ и дѣлаетъ запасъ яицъ и птицы при помощи собакъ изъ породы таксъ, которыя проникаютъ въ подземныя галлереи гнѣздъ. Гага, довольно рѣдкая въ южныхъ фьордахъ Норвегіи, очень обыкновенна на островахъ Финмарка, такъ же, какъ въ архипелагѣ острововъ Вестеръ-Ааленъ и Лофотенскихъ: составляя главное богатство мѣстнаго населенія, эта птица защищена отъ пріѣзжихъ охотниковъ строгимъ закономъ 1860 года.

Моря, омывающія норвежское прибрежье, также очень богаты животною жизнью, гораздо богаче, чѣмъ балтійскія воды шведскихъ береговъ. Гнѣздилище баснословнаго «морскаго змѣя», Мольде-фьордъ, лежащій между проливами Аалезундъ и Христіансзундъ, изъ всѣхъ заливовъ и бухтъ Скандинавіи наиболѣе изобилуетъ морскими организмами [1]). Ни въ одномъ европейскомъ морѣ, исключая развѣ береговъ Португаліи, рыболовы не закидываютъ свои сѣти на болѣе значительныя глубины, чѣмъ въ водахъ норвежскаго прибрежья. На глубинахъ въ 200, даже въ 400 метровъ они ловятъ особую породу трески, налима (lota) морскихъ пучинъ, а также морскаго лосося (Coregonus silus), акулу страннаго вида (Spinax niger, иглоспинникъ черный), кожа которой кажется усаженной кристаллическими иглами, и «чудовищную химеру», уродливую и прожорливую рыбу, которую норвежцы называютъ «морскимъ царемъ». Въ 1853 году знаменитый Асбьернсонъ, поэтъ-натуралистъ, изслѣдуя драгой дно Гардангеръ-фьорда, на глубинѣ 360 метровъ, вытащилъ изъ этихъ пучинъ великолѣпное иглокожее въ формѣ звѣзды, совершенно отличное отъ извѣстныхъ уже видовъ, и, въ восторгѣ отъ этой находки, далъ ей миѳологическое имя «Бризинга», какъ будто онъ отыскалъ священный brising, украшеніе богини Фрей, брошенное въ море Локомъ, злымъ богомъ [2]). Благодаря этимъ ловлямъ въ глубокой водѣ, оба Сарса, отецъ и сынъ, и другіе норвежскіе естествоиспытатели сдѣлали свои важныя открытія въ океанической фаунѣ; въ нѣсколько лѣтъ Сарсъ Старшій констатировалъ существованіе 427 новыхъ видовъ морскихъ животныхъ (не считая рыбъ), которые почти всѣ были извлечены изъ скравенскихъ водъ, на Лофотенскихъ островахъ, съ глубины отъ 360 до 480 метровъ. Китъ, за которымъ голландскіе рыболовы гонялись, лѣтъ двѣсти тому назадъ, на берегахъ Финмарка, исчезъ совершенно изъ скандинавскихъ морей: бухта Бозекопъ нынѣ уже не заслуживаетъ названія «Китовой бухты», и жители страны тщательно сохраняютъ, какъ какую-нибудь чужеземную диковинку, ребра китовъ, нѣкогда оставленныя на берегахъ. Когда Леопольдъ фонъ-Бухъ посѣтилъ Лапландію въ началѣ нынѣшняго столѣтія, кладбище въ Гасвикѣ было почти все окружено барьеромъ, сдѣланнымъ изъ этихъ китовыхъ костей.

Извѣстно, какое важное экономическое значеніе имѣетъ рыболовный промыселъ въ нѣкоторыхъ частяхъ морей, омывающихъ скандинавское прибрежье. Шведскіе берега вокругъ Готеборга, Галланда, Богуслена доставляютъ мѣстнымъ жителямъ значительную часть ихъ пропитанія, и тысячи судовъ, занимаются ловлей сельди, трески и другой рыбы, на всемъ пространствѣ отъ Каттегата до Нордъ-Капа. Десятая часть норвежскаго населенія—ихтіо-

[1]) Nilsson, выше цитированное сочиненіе; — Worsaae, „La colonisation de la Russie et du Nord skandinave“.

[1]) Sars; — Карлъ-Фогтъ, „Путешествіе на сѣверъ“.
[2]) Sars, „On some remarkable forms of animal life“.

фаги; но промыселъ ихъ подверженъ случайностямъ и недочетамъ по причинѣ перемѣщенія стай рыбы. Сельди, которыя лѣтъ сто тому назадъ кишмя кишѣли въ моряхъ около города Гетеборга, вдругъ исчезли въ началѣ этого столѣтія, и прибрежное населеніе, лишенное самаго обильнаго источника своего пропитанія, впало въ крайнюю нужду. Только въ недавнее время рыба эта опять вернулась къ берегамъ Гетеборга, сначала въ гораздо меньшемъ, противъ прежняго, числѣ, затѣмъ въ громадныхъ количествахъ, въ зиму съ 1878 на 1879 годъ. Точно также на норвежскомъ берегу, заключающемся между мысомъ Линдеснесъ и мысомъ Стадъ, сельди появлялись зимой очень неправильно, то на одномъ, то на другомъ пунктѣ, и часто даже совсѣмъ не приходили: съ 1567 по 1644 годъ, въ теченіе чуть не цѣлаго столѣтія, ихъ ни разу не встрѣчали у этихъ береговъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онѣ вернулись, потомъ снова удалились, чтобы опять появиться въ концѣ семнадцатаго вѣка. Съ 1808 по 1835 годъ рыбу эту можно было ловить въ изобиліи въ окрестностяхъ Бергена и къ югу отъ этого города, затѣмъ она перемѣстилась постепенно къ мысу Линдеснесъ, послѣ чего появлялась то тамъ, то сямъ. По объясненію О. Сарса, перемѣщеніе стай сельди происходитъ отъ большаго или меньшаго обилія креветокъ, аннелидъ и моллюсковъ, и, въ меньшей мѣрѣ, отъ вліянія вѣтровъ и теченій. Нынѣ «зимній ловъ» сельди производится между мысами Линдеснесъ и Стадъ и въ водахъ Гетеборга. Что касается лѣтняго лова этой рыбы, то онъ еще болѣе измѣнчивъ, чѣмъ зимній, и рыбопромышленники принуждены направлять свои суда въ различные пункты берега, на пространствѣ отъ Линдеснеса до Лофотенскихъ островов. Въ сѣверныхъ областяхъ моря рыболовы также очень хорошо знаютъ изъ продолжительнаго опыта, что стаи трески переходятъ періодически съ одной на другую сторону Лофотенскихъ острововъ. Большой весенній ловъ трески привлекаетъ все населеніе острововъ и массу чужихъ рыболововъ. Сушеная треска идетъ въ Швецію, Россію, Голландію, Италію, тогда какъ соленая распространяется въ Германіи, въ Испаніи, въ Португаліи, на островѣ Кубѣ; изъ печени ея приготовляется ворвань, и отъ 10 до 27 милліоновъ головъ преобразуются въ удобреніе. Послѣ метанія икры, треска поднимается къ Финмаркену, куда за ней слѣдуютъ и рыболовы, устраивающіе лѣтомъ своего рода отаву. Макрель, омаръ, котораго бѣдняки ловятъ корзинами, лосось, которымъ изобилуютъ устья рѣкъ, морской налимъ и нѣкоторыя другія породы рыбы дополняютъ ресурсы норвежскаго населенія. Теперь придумали употребить телеграфъ на служеніе рыболовству, и какъ только стая сельдей, трески, макрелей или акулъ показывается въ сосѣдствѣ береговъ или острововъ, тотчасъ же подается вѣсть прибрежнымъ морякамъ. Въ 1877 г. было уже около 4.000 километровъ этихъ «сельдяныхъ телеграфовъ на морскихъ берегахъ и во фьордахъ». Какой контрастъ между быстрымъ, какъ молнія, языкомъ электрическихъ проволокъ и чарами, изобрѣтенными нѣкогда рыболовами, чтобы заставить рыбу направляться къ разставленнымъ ей сѣтямъ! Еще недавно между обитателями береговъ Норвегіи было распространено повѣрье, что морскіе духи не могутъ выносить понятную человѣческую рѣчь. Вслѣдствіе этого, моряки и рыболовы изобрѣли особый, образный языкъ, съ самыми странными сравненіями и оборотами, для того, чтобы чудовищамъ, населяющимъ морскія пучины, не удалось проникнуть въ тайну ихъ заговоровъ. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ и теперь еще существуетъ этотъ оригинальный морской жаргонъ съ нашептываніями и колдованіями.

Ловля трески составляетъ, можно сказать, необходимое условіе жизни прибрежныхъ населеній Финмаркена, норвежцевъ, финновъ и русскихъ, такъ же, какъ и лопарей. Когда моря доставляютъ обильный уловъ рыбы, смертность между прибрежными жителями уменьшается, населеніе возрастаетъ, довольство становится всеобщимъ. Если сельдь появляется во множествѣ къ концу лѣта въ фьордахъ Лапландіи, то это вызываетъ общую печаль, ибо рыболовы знаютъ изъ продолжительнаго опыта, что сельдь и треска не посѣщаютъ два раза кряду тѣ же самыя воды въ одинъ и тотъ же годъ; многочисленныя стаи первыхъ предвѣщаютъ очень скудный уловъ будущей весной. Но когда сельдь приходитъ подъ осень въ маломъ числѣ, во всѣхъ гаваняхъ прибрежья весело принимаются за приготовленіе къ веснѣ рыболовныхъ снарядовъ; начинаютъ строить новыя барки и лады, составляются многочисленныя артели рыболововъ; всѣ напередъ знаютъ, что желанная рыба придетъ во множествѣ. Въ годы хорошаго улова не одни только рыболовы по ремеслу, норвежцы, финны, русскіе и лапландцы, принимаютъ участіе въ рыбномъ промыслѣ: кромѣ нихъ, тогда сбѣгаются къ морскому берегу цѣлые караваны мужчинъ, женщинъ, дѣтей, собакъ и сѣверныхъ оленей. Лѣсные лопари, привлекаемые къ морю въ періодъ лова, появляются на берегахъ, затѣмъ уходятъ обратно въ свои лѣса, точно перелетныя птицы.

IX.

Населеніе Скандинавіи имѣетъ писаную исторію, начинающуюся не ранѣе, какъ десятка за два поколѣній до нашего времени. Первыя лѣтописи, относящіяся къ концу одиннадцатаго столѣтія, почти совершенно утеряны: отъ этой эпохи и отъ предшествовавшихъ ей вѣковъ съ

половины девятаго столѣтія остались только смутныя преданія, передаваемыя сагами. Восходя далѣе, въ мракъ временъ, мы находимъ одни только свидѣтельства, оставленныя на почвѣ или въ землѣ древнѣйшими обитателями полуострова.

По своимъ археологическимъ остаткамъ, южная Швеція представляетъ большое сходство съ датскими островами и, повидимому, была населена въ древнія времена людьми той же расы и такихъ же нравовъ; но на сѣверъ отъ этой части полуострова простирается другая, отличная отъ предъидущей, область. Сѣверная Швеція и Норвегія не имѣютъ кухонныхъ кучъ каменнаго вѣка, подобныхъ датскимъ, исключая одной, найденной близъ береговъ Трондгьемскаго фьорда, въ Стенкьерѣ; но и эта груда мусора заключаетъ лишь предметы человѣческаго искусства, относящіеся ко временамъ шлифованнаго камня. До сихъ поръ ни орудія изъ кости, ни орудія изъ камня, просто расколотаго или грубо отесаннаго, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются въ датскихъ кухонныхъ кучахъ или въ костяныхъ пещерахъ Бельгіи и Франціи, нигдѣ не были открыты въ областяхъ Скандинавіи, лежащихъ на югъ отъ пролива, образуемаго большими озерами. Изъ этого заключаютъ, что сѣверная Скандинавія была въ ту эпоху еще безлюдною пустыней: первые поселенцы, вѣроятно, проникли туда не ранѣе, какъ въ періодъ шлифованнаго камня; предметы, относящіеся къ этому вѣку, суть самые древніе остатки старины, какіе до сихъ поръ найдены въ этой области [1]). Мамонты, носороги, остатки которыхъ встрѣчаются въ пещерахъ Франціи смѣшанные съ предметами палеолитическаго (т. е. относящагося къ древнѣйшей эпохѣ каменнаго вѣка) искусства человѣка, также не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ на Скандинавскомъ полуостровѣ: очевидно, съ эпохи отступленія льдовъ, эти большія млекопитающія не имѣли достаточно времени овладѣть страной.

Неизвѣстно съ точностью, къ какой именно эпохѣ должны быть отнесены остатки первыхъ скандинавовъ и остатки ихъ искусства, но нѣкоторые геологическіе признаки указываютъ, что этотъ вѣкъ уже очень удаленъ отъ насъ: онъ восходитъ, безъ сомнѣнія, къ тѣмъ временамъ, когда льды, покрывавшіе прежде всю страну, мало-по-малу растаяли. Но кажется, что Нильсонъ приписываетъ первымъ обитателямъ края слишкомъ глубокую древность: доказательства, приводимыя имъ въ подкрѣпленіе своихъ гипотезъ, быть можетъ, не имѣютъ всей той цѣны, которую онъ имъ придавалъ и которую у нихъ оспариваетъ другой изслѣдователь, Торелль. Вдоль береговъ Балтійскаго моря тянется, по направленію отъ востока къ западу, отъ города Истадъ до Треллеборга и до мыса Фальстербо, родъ широкаго вала, состоящаго изъ гравія и песку, прерывающійся тамъ и сямъ и раздѣленный на отрывки неравной длины, образовавшіеся, вѣроятно, въ различныя эпохи; мѣстные жители дали ему названіе Іеравалъ, то-есть «холмъ Іера». Подъ этимъ гравіемъ Нильсонъ [1]) открылъ наконечники стрѣлъ и копій, лежавшіе на днѣ древнихъ торфяныхъ болотъ, находящихся нынѣ на 2 слишкомъ метра ниже уровня моря. Но Іеравалъ, которому прежде приписывали древнее происхожденіе, есть, повидимому, прибрежный кордонъ новѣйшаго образованія. Что касается человѣческихъ скелетовъ, найденныхъ въ разныя времена на берегахъ Богуслена, въ раковистыхъ меляхъ, поднятыхъ теперь высоко надъ поверхностью моря, то останковъ этихъ не видѣлъ и не изслѣдовалъ никто изъ ученыхъ, къ критическому духу которыхъ можно бы было питать довѣріе. Въ 1843 году нашли два такихъ скелета на полуостровѣ Стенгенесъ, недалеко отъ Бро, скрытые еще подъ горизонтальными слоями морскихъ раковинъ, нынѣ поднятыми на 30 метровъ выше уровня моря; но ничто не доказываетъ, что эти слои раковинъ находятся въ ихъ первоначальномъ положеніи, и неизвѣстно въ точности, принадлежатъ или нѣтъ найденные скелеты къ каменному вѣку [2]).

Могилы, относящіяся къ эпохѣ шлифованнаго камня, очень многочисленныя въ Сканіи, въ Готландіи и въ Богусленѣ, то-есть въ полуденной Скандинавіи, отсутствуютъ, какъ и кухонныя кучи, въ сѣверной части полуострова. Эти могилы представляются въ различныхъ формахъ: долмены, или stendösar, воздвигнутые по большей части на могильныхъ курганахъ; hällkistor, нѣчто въ родѣ большихъ гробницъ, сложенныхъ изъ камней и окруженныхъ земляными насыпями; ganggrifter, склепы съ подземными галлереями, называемые также jättestugor, или «палатами великановъ». Эти погребальницы, достаточно обширныя, чтобы вмѣщать до двадцати тѣлъ и болѣе, образуютъ по большей части продолговатый квадратъ, иногда кругъ, и покрыты плоскою крышей изъ толстыхъ гранитныхъ плитъ, на которыхъ возвышаются горки изъ земли или груды каменьевъ: длинная и узкая галлерея ведетъ снаружи въ подземную погребальную залу, и почти всѣ онѣ имѣютъ отверстіе съ южной или съ восточной стороны. Каменныя глыбы нигдѣ не отесаны, а оружіе и разныя орудія, находимыя подлѣ труповъ, по большей части съ черепами типа длинноголовыхъ, всѣ принадлежатъ къ

---

[1]) Worsaae, „La colonisation de la Russie et du Nord skandinave"; — Nilsson, „Les habitants primitifs de la Skandinavie"; — Kuch, „Congrès d'Anthropologie de Stockholm", 1874.

[1]) Nilsson, „Les habitants primitifs de la Skandinavie".
[2]) Hildebrand, „Рукописныя замѣтки".

неолитовымъ вѣкамъ. Въ эту эпоху почти всѣ погребальницы заключали, между прочимъ, янтарныя бусы, нанизанныя въ видѣ ожерельевъ или расположенныя въ видѣ украшеній; ихъ находятъ даже въ могилахъ внутренней части полуострова, куда янтарь, безъ сомнѣнія, привозился съ береговъ Балтики. Скандинавы временъ долменовъ любили также украшать себя, подобно краснокожимъ индѣйцамъ, ожерельями и серьгами изъ костей и зубовъ дикихъ животныхъ [1]). Не къ тому ли же вѣку относятся, по времени происхожденія, многочисленные камни, въ которыхъ были выдолблены чаши и которые обыкновенно извѣстны подъ именемъ «камней эльфовъ», elfstenar? Крестьяне и до сихъ поръ еще приносятъ въ этихъ камняхъ жертвы земнымъ духамъ, кладя въ чаши иголки, монеты, серебро, бумагу, или обмазывая ихъ топленымъ свинымъ саломъ, чтобы получить исцѣленіе отъ извѣстныхъ болѣзней [2]): обычай этотъ еще недавно существовалъ также въ Помераніи, и, кромѣ того, мы находимъ его въ Индіи; вообще онъ былъ распространенъ во всѣхъ странахъ, гдѣ воздвигались долмены.

Изъ тридцати шести тысячъ разнаго рода предметовъ, относящихся къ каменному періоду, которые были найдены до 1874 года на территоріи Швеціи, тридцать четыре тысячи открыты въ южныхъ провинціяхъ, то есть въ Готландіи. Изъ этого нужно заключить, что сѣверныя области полуострова оставались очень слабо населенными въ эпоху шлифованнаго камня; но топоры и стрѣлы этого вѣка, которые находятъ на берегахъ Норвегіи, точно такого же типа, какъ и каменное оружіе, встрѣчающееся въ Сканіи; далѣе на сѣверѣ, въ нынѣшней Лапландіи, раскопки также открыли оружіе и орудія, но сдѣланныя изъ сланца или изъ кости, и отличающіяся оригинальной формой [3]). Когда каменный періодъ смѣнился въ Скандинавіи бронзовымъ вѣкомъ, и въ этомъ вѣкѣ тоже, въ особенности въ Готландіи, развивалась цивилизація, проникавшая туда двумя путями: съ одной стороны, съ Дуная и изъ средней Германіи, съ другой — по рѣкамъ, текущимъ изъ славянской земли въ Балтійское море [4]). Къ этой же эпохѣ относятся іероглифическія письмена или такъ называемыя «изваянія на скалахъ» (hällristningar), встрѣчающіяся въ Сканіи, Готландіи, шведской области Богусленъ и въ норвежской провинціи Смааленене и изображающія флотиліи, большія ладьи съ драконовыми головами, колесницы, телѣги, быковъ и другихъ животныхъ, воиновъ, звѣролововъ и мореплавателей [1]). Прекрасныя вазы, различныя украшенія, бронзовыя діадемы, такъ же, какъ ткани съ вышивкой тонкой работы, свидѣтельствуютъ объ артистической оригинальности туземцевъ бронзовыхъ вѣковъ; однако, многіе археологи полагаютъ, что вліяніе этрусковъ было преобладающимъ въ этомъ періодѣ скандинавскаго искусства; впрочемъ, большинство найденныхъ до сихъ поръ шведскихъ древностей двухъ эпохъ бронзоваго вѣка были, безъ всякаго сомнѣнія, отлиты въ самомъ краѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ каменныя литейныя формы, находимыя тамъ и сямъ, но бронза несомнѣнно была привозима изъ другихъ странъ въ видѣ сплава, такъ какъ она содержитъ около одной десятой доли олова, а этотъ металлъ не встрѣчается въ Скандинавіи; можетъ быть также, какъ предполагаютъ Батальяръ и Мортилье, фабрикація бронзовыхъ издѣлій составляла спеціальное ремесло какихъ-нибудь бродячихъ племенъ, въ родѣ нынѣшнихъ цыганъ. Нильсонъ полагаетъ, что имъ открыты въ странѣ многочисленные слѣды финикійскаго искусства: онъ приписываетъ этимъ семитамъ надгробные камни, на которыхъ изображены корабли, лодки, топоры, мечи; но это мнѣніе ученаго археолога не всѣми принято, въ виду отсутствія надписей на этихъ камняхъ: въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, допуская гипотезу Нильсона, отчего финикіяне воздерживались отъ вырѣзыванія письменъ именно на памятникахъ, оставленныхъ ими въ Скандинавіи [2]). Что касается греческой цивилизаціи, то положительно извѣстно, что она не представлена никакими произведеніями въ Скандинавіи, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣсколькихъ находокъ, совершенно единичныхъ, сдѣланныхъ на восточныхъ берегахъ Швеціи [3]).

Но вліяніе Рима дѣйствовало могущественно, хотя и косвеннымъ образомъ, на населенія сѣвернаго полуострова. Даже внѣ предѣловъ римской имперіи варварскіе народы слѣдовали тому импульсивному движенію, которое было дано имъ завоевателями тогдашняго цивилизованнаго міра; они научились пользоваться желѣзомъ и начали употреблять рядъ буквъ, родственный съ алфавитомъ латинянъ и произведенный отъ азбуки кельтскихъ племенъ, населявшихъ сѣверную Италію. Впрочемъ, этотъ рядъ рунъ или «тайнъ» (runar или runir), различающійся у кельтовъ и германцевъ, значительно видоизмѣнился въ теченіе вѣковъ: на различныхъ памятникахъ надписи должны быть читаемы справа налѣво, тогда какъ обыкновенно онѣ читаются слѣва направо, какъ ла-

[1]) Oscar Montelius, „La Suède préhistorique“.
[2]) Desor, „Les pierres à ecueiles.
[3]) Righ, — Montelius, „Congrès d'Anthropologie et l'Archéologie préhistorique, section de Stockholm“, 1874.
[4]) Oscar Montelius, „La Suède préhistorique“.

[1]) Oscar Montelius, то же сочиненіе.
[2]) Майновъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, 1877 г., № 6.
[3]) Worsaae, „La colonisation de la Russie et du Nord scandinave.

тинскія буквы; многія надписи состоятъ изъ такъ называемаго бустрофедона, или бороздообразнаго письма, гдѣ строки должны быть читаемы поперемѣнно то отъ лѣвой руки къ правой, то отъ правой къ лѣвой; есть, наконецъ, и такія, которыя нужно читать сверху внизъ. Начертанія знаковъ или буквъ измѣняются, смотря по времени и мѣсту; въ особенности на сѣверѣ, вдали отъ странъ, откуда были первоначально заимствованы, они отличаются оригинальностью формъ; въ Скандинавіи же число ихъ, въ началѣ двадцать четыре, уменьшилось до шестнадцати [1]). Руны гравировались на камняхъ и костяхъ, высѣкались на деревѣ, на рогѣ, вырѣзывались на украшеніяхъ и на оружіи: музеи Скандинавіи заключаютъ многочисленныя коллекціи этихъ письменъ, которыя, если и не доставили свѣдѣній о спеціальной исторіи скандинавской расы, то, по крайней мѣрѣ, познакомили насъ съ ея языкомъ и съ его послѣдовательными измѣненіями. Въ средніе вѣка писали даже цѣлыя книги руническими буквами: такъ, напримѣръ, сборникъ законовъ Сканіи (Skånelagen), относящійся къ тринадцатому столѣтію, написанъ этимъ алфавитомъ [2]). Золотыя украшенія, извѣстныя подъ именемъ брактеатовъ, которыя находятъ въ Скандинавіи въ количествѣ въ девять разъ большемъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, взятыхъ вмѣстѣ, по большей части покрыты руническими знаками; фигуры богатырей, лошадей, птицъ, драконовъ, которыя тогдашніе художники гравировали на этихъ украшеніяхъ, какъ кажется, всѣ безъ исключенія, по мнѣнію Ворсе, имѣютъ отношеніе къ легендамъ сѣвера Европы.

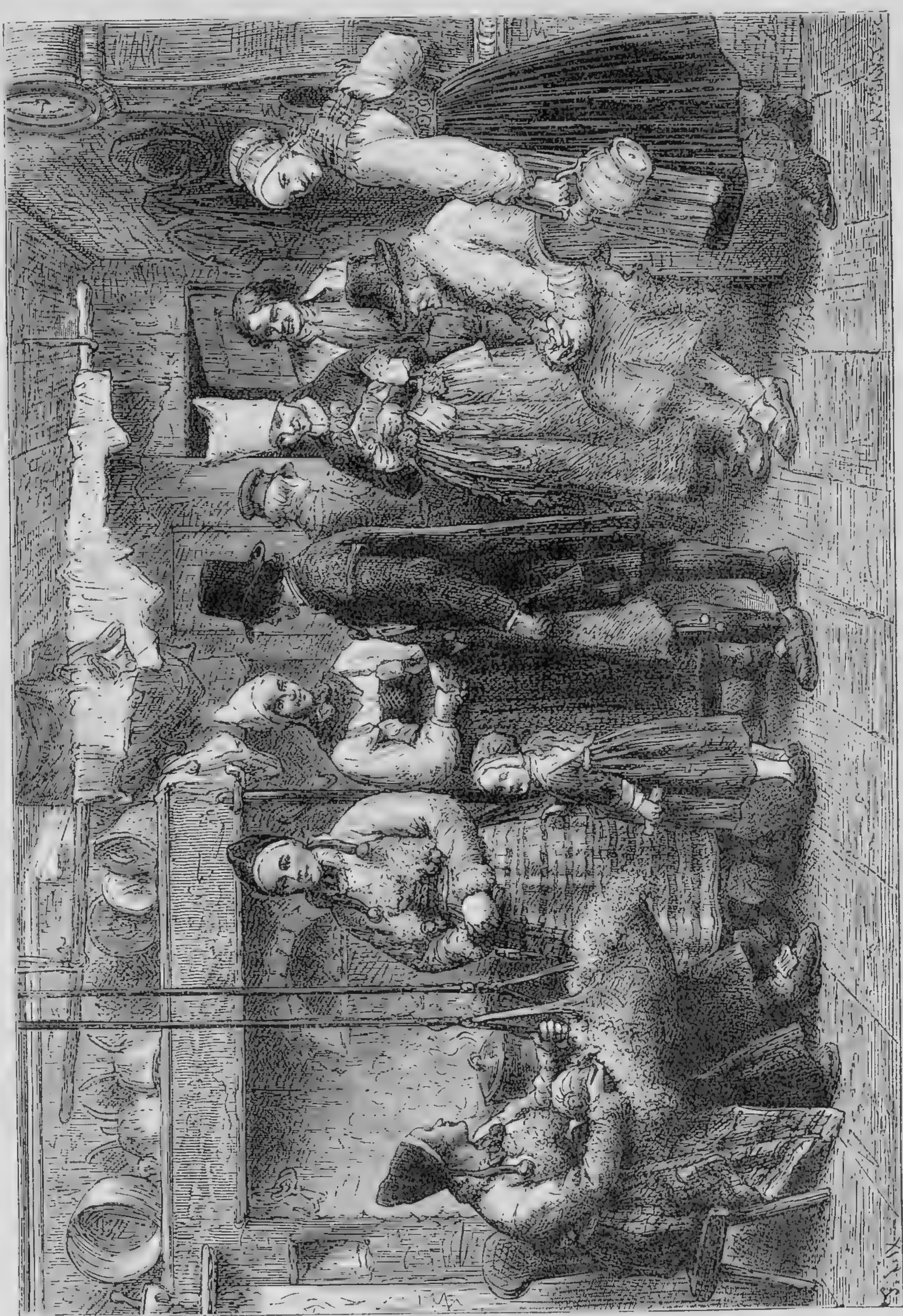
Желѣзный вѣкъ, во время котораго посвященные въ «тайны», то-есть въ искусство руническаго письма, вырѣзывали свои священныя буквы, смѣшивается мало-по-малу съ историческими вѣками около эпохи большихъ норманскихъ экспедицій; но можно ли разграничивать такимъ образомъ различные вѣка? Во времена римскаго владычества, когда скандинавы уже обмѣнивали свои товары на италійскія монеты, развѣ они не имѣли въ то же время желѣзнаго оружія, украшеній изъ бронзы и золота, и даже каменныхъ орудій? Развѣ руническія письмена не были употребляемы жителями острова Готланда до шестнадцатаго столѣтія, то-есть до эпохи позднѣйшей, чѣмъ изобрѣтеніе книгопечатанія, и развѣ руническіе календари не оставались въ употребленіи въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ округахъ Скандинавіи,—и даже Англіи [3]),—до эпохи еще болѣе близкой къ намъ? Развѣ сланцевый періодъ не продолжался въ Лапландіи до конца прошлаго столѣтія [1])? Каждая новая цивилизація смѣняетъ предшествующія степени культуры постепенно, а не уничтожаетъ ихъ разомъ. Религіозные обряды и вѣрованія древнихъ культовъ, сохраняющіеся подъ именемъ суевѣрій, свидѣтельствуютъ объ этомъ смѣшеніи вѣковъ, которое можно уподобить сліянію водъ, въ началѣ еще явственно различающихся, нѣсколькихъ рѣкъ, текущихъ въ одномъ руслѣ. Такъ, напримѣръ, четвергъ или день Тора (Thorsdag по-шведски) еще не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ считался священнымъ днемъ въ различныхъ частяхъ полуострова, въ особенности на скандинавскихъ Альпахъ и въ Готландіи. Даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣкоторыя старухи никогда не пряли и не сбивали масла въ четвергъ; большая часть работъ трудныхъ или важныхъ была строго воспрещена обычаемъ въ этотъ день: «старая рыжая борода», какъ называли Тора, не позволяла осквернить трудомъ посвященный ему день. Съ другой стороны, всякое колдованіе, всякія чары и заклинанія, чтобы быть дѣйствительными, должны были имѣть мѣсто въ день Тора, и тотъ, кто родился въ четвергъ, получалъ даръ видѣть духовъ и привидѣнія. Еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи никакая церемонія крестинъ, свадьбы или похоронъ не практикуется въ четвергъ. Крестьяне не знаютъ причины этого обычая, но день древняго бога Грома до сихъ поръ остается для нихъ языческимъ днемъ, въ который по ихъ понятіямъ, не долженъ быть совершаемъ никакой обрядъ христіанской религіи [2]). Финнъ Магнусенъ разсказываетъ [3]), что между поселянами нѣкоторыхъ нагорныхъ долинъ Норвегіи до конца прошлаго столѣтія существовалъ обычай святить четвергъ камнями круглой формы, которые они обмазывали коровьимъ масломъ и клали въ свѣжую солому на почетномъ мѣстѣ въ верхнемъ концѣ стола; въ извѣстные праздники ихъ обмывали сывороткой, а на Рождество обливали пивомъ, въ надеждѣ обезпечить этимъ способомъ счастіе домашнему очагу. Еще и въ наши дни шлифованный камень неолитоваго вѣка употребляется въ глухихъ деревняхъ какъ талисманъ противъ болѣзней.

Пришедшіе съ береговъ Чернаго моря и съ Дуная готы и свевы, извѣстные нынѣ подъ общимъ именемъ скандинавовъ, должны были пройти цѣлую половину Европы, чтобы добраться до своего новаго отечества. Часто высказывали предположеніе, что эти переселенцы проникли на сѣверный полуостровъ, пройдя черезъ всю сѣверную Россію и Финляндію; но сравненія древняго оружія и орудій, найденныхъ въ

[1]) Wimmer, „Ueber den Ursprung und die Entwickelung der Runenschrift im Norden".
[2]) Oscar Montelius, „La Suède préhistorique".
[3]) Ashmolean Museum, въ Оксфордѣ.

[1]) Скандинавскій этнографическій музей Газеліуса, въ Стокгольмѣ.
[2]) Nilsson, „Les habitants primitifs de la Scandinavie".
[3]) „Annaler for Nordisk Oldkyndighed", 1838—1839.

различныхъ странахъ, не подтверждаютъ этой гипотезы. Скандинавы, какъ кажется, пришли съ юго-востока и съ юга въ Данію, и уже оттуда проникли сначала въ Сканію, потомъ въ сѣверную Швецію и въ Норвегію. Финны и лопари вступили съ сѣверной стороны, скандинавы же вошли черезъ противоположную оконечность полуострова. Готы, или Gotar, были первые, по времени, завоеватели. Свевы, или Svear, потомки «блаженныхъ азовъ», пришли послѣ; они прошли черезъ южныя части полуострова, гдѣ поселились готы, овладѣли мало-по-малу всею страной, и ихъ столица, Асгардъ,



Типы и костюмы. Внутренность шведскаго дома.

которая переносилась съ мѣста на мѣсто при каждомъ ихъ переселеніи, утвердилась, наконецъ, въ центрѣ завоеваннаго края. Различіе, существующее между двумя скандинавскими группами, готовъ и свевовъ, и теперь еще

очень замѣтно не только въ языкѣ, но также въ нравахъ и обычаяхъ. Что касается формы черепа и физическаго типа, то они не представляютъ достаточно опредѣленныхъ контрастовъ [1]): въ этой странѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, главныя различія типовъ и физіономій обусловливаются родомъ занятія и образомъ жизни, а не племеннымъ происхожденіемъ. Типическая голова шведовъ, такая, какою ее описываютъ Нильсонъ и Рециусъ, имѣетъ форму продолговатаго овала, нѣсколько болѣе широкаго назади, чѣмъ напереди, но округленнаго съ обѣихъ сторонъ; наибольшая длина ея относится къ наибольшей ширинѣ, какъ 4 къ 3, или какъ 9 къ 7.

Далекарліецъ, то-есть житель области Даларне, въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Даль-эльфъ, признается обыкновенно представителемъ наиболѣе чистаго національнаго типа свевовъ, которые передали свое имя шведамъ, или Svenskar нашихъ дней. Вообще онъ отличается высокимъ ростомъ (по Беддоэ, средній ростъ шведовъ 1,70 метровъ), гибкостью стана, стройностью формъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнымъ тѣлосложеніемъ; лицо у него гордое, оживляемое прекрасными темносиними глазами, доминируемое широкимъ, открытымъ челомъ; онъ предупредителенъ безъ нескромности, веселъ безъ увлеченія, рѣшителенъ безъ буйности. Безукоризненная честность составляетъ, такъ сказать, капиталъ эмигрантовъ изъ Далекарліи, которые приходятъ тысячами въ Стокгольмъ, гдѣ ихъ употребляютъ на всѣ работы, требующія силы или ловкости; ихъ вездѣ можно узнать издали, благодаря ихъ національному костюму яркихъ цвѣтовъ. Изъ другихъ шведовъ всего болѣе отличаются отъ далекарлійца жители равнинъ, которые очень часто имѣютъ серьезное, почти суровое выраженіе лица.

Смѣшеніе населеній совершается постепенно, благодаря постоянному развитію торговыхъ сношеній и распространенію колонизаціи во внутренности края: въ странѣ, гдѣ, какъ въ Скандинавіи, жители разсѣяны на столь обширныхъ пространствахъ, мѣстная промышленность, какъ бы она ни была развита, не могла удовлетворять всѣ нужды населенія, служба торговаго обмѣна требовала весьма большаго числа лицъ, и поѣздки должны были быть очень часты, даже поѣздки за границу. И дѣйствительно, находки, сдѣланныя въ почвѣ, доказываютъ, что послѣ паденія западной римской имперіи шведы находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ; острова Эландъ и Готландъ, въ особенности послѣдній, доставили антикваріямъ множество византійскихъ монетъ, которыя свидѣтельствуютъ о большомъ движеніи торговаго обмѣна. Впослѣдствіи, около конца девятаго столѣтія, Готландъ сдѣлался также рынкомъ отпускной торговли съ Востокомъ въ собственномъ смыслѣ, доказательствомъ чего служатъ находимые на этомъ островѣ цѣлые клады, состоящіе изъ арабскихъ или куфическихъ монетъ, привезенныхъ изъ Багдада или изъ Хорассана. Города, которые предшествовали Стокгольму, какъ складочные пункты области Меларскаго озера, также участвовали въ этой восточной торговлѣ. Коммерческія сношенія съ Востокомъ продолжались до двѣнадцатаго столѣтія, когда они прекратились вслѣдствіе войнъ, театромъ которыхъ была южная Россія. Какъ доказалъ Ріанъ, опираясь на письменные памятники, найденные въ стокгольмскихъ архивахъ, скандинавы принимали также очень дѣятельное участіе въ крестовыхъ походахъ. Вообще скандинавы вступали въ торговыя сношенія съ другими странами главнымъ образомъ посредствомъ вооруженныхъ набѣговъ. Правда, шведскіе пираты, за исключеніемъ тѣхъ, которые направлялись на западъ вмѣстѣ съ норманнами, не оставили по себѣ въ исторіи столь глубокихъ слѣдовъ, какъ викинги Даніи и Норвегіи; но причину этого нужно искать въ томъ направленіи, которое приняли ихъ воинственныя экспедиціи. Въ своихъ нашествіяхъ и битвахъ они не приходили въ соприкосновеніе съ народами, достигшими относительно высокой степени цивилизаціи, каковы были, напримѣръ, французы или прибрежные жители Средиземнаго моря; финны, латыши, венды и славянскія племена обширной страны Gardarike, извѣстной нынѣ подъ именемъ Россіи, одни могли разсказать о подвигахъ этихъ завоевателей, приходившихъ съ запада [1]).

Чужеземцы могли имѣть лишь весьма слабое прямое вліяніе на скандинавское населеніе, ибо съ наступленія историческихъ временъ полуостровъ этотъ никогда не подвергался нашествію побѣдоносныхъ армій, если не считать походовъ русскихъ войскъ въ 1719 и въ 1809 годахъ; да и мирные переселенцы вступали въ эту страну лишь въ небольшомъ числѣ. Наиболѣе значительное колонизаціонное движеніе шло изъ Финляндіи. Начиная съ конца семнадцатаго столѣтія, финляндскіе крестьяне переправлялись черезъ Ботническій заливъ, чтобы селиться въ верхнемъ Іемтландѣ, на норвежской границѣ, гдѣ потомки ихъ живутъ и теперь, смѣшанные съ шведскими земледѣльцами. Другія колоніи финляндцевъ поселились въ сѣверныхъ провинціяхъ. Религіозныя преслѣдованія также способствовали въ нѣкоторой степени заселенію страны. Съ конца шестнадцатаго столѣтія, сотни валлонскихъ рабочихъ, приглашенныхъ однимъ голландцемъ, сдѣлавшимся обладателемъ рудниковъ, удалялись съ

[1]) Nilsson, „Les habitants primitifs de la Scandinavie".

[1]) Wattenbach, „Ein Blick auf Schwedens Hauptstadt und Schwedens Geschichte".

родины въ Швецію и селились преимущественно въ горнозаводскомъ мѣстечкѣ Эстерби, въ сосѣдствѣ съ даннеморскими рудниками. Потомки этихъ колонистовъ, почти всѣ брюнеты, сохранили до нашихъ дней слѣды своего происхожденія и ревниво удерживаютъ правописаніе своихъ французскихъ именъ и фамилій; всѣ кузнецы въ провинціи Даннемора тоже валлонскаго происхожденія. Съ той эпохи много другихъ изгнанниковъ искали убѣжища въ Швеціи, но, конечно, не ихъ вліянію, чисто-мѣстному, а естественной симпатіи шведовъ къ французамъ, должна быть приписана та ревность, съ которою изучали языкъ Расина и подражали парижскимъ нравамъ на берегахъ Балтійскаго моря. Шведамъ нравилось, что ихъ называли «сѣверными французами», и, безъ сомнѣнія, они имѣютъ право на это названіе по своей общительности, вѣжливости и хорошему вкусу. Что касается норвежцевъ, то ихъ, напротивъ, прозвали «англичанами Скандинавіи», и этотъ эпитетъ также не лишенъ основанія: отечество ихъ обращено лицомъ къ лежащей черезъ море Великобританіи, съ которою производится главная ихъ торговля и откуда всего болѣе пріѣзжаетъ къ нимъ посѣтителей, моряковъ и путешественниковъ для собственнаго удовольствія. Норвежцы не отличаются, вообще говоря, ни подвижностью, ни гибкостью, но силой и настойчивостью. Они размышляютъ прежде, чѣмъ отвѣчать, рѣшаются на что-нибудь не вдругъ, хорошо обдумавши, но чего захотятъ, то умѣютъ привести въ исполненіе. Мистики между ними, какъ кажется, гораздо многочисленнѣе, нежели въ Швеціи, хотя послѣдняя была родиной Сведенборга.

Жители Скандинавскаго полуострова говорятъ не однимъ и тѣмъ же языкомъ; но ихъ нарѣчія, происшедшія всѣ одинаково отъ древняго сѣвернаго діалекта, называемаго norroena, на которомъ написаны руны, настолько похожи одно на другое, что соединены между собою нечувствительными переходами. Такъ, сканійское нарѣчіе служитъ посредствующимъ звеномъ между шведскимъ и датскимъ языками, и смотря по столицѣ, отъ которой политически зависѣла страна, жители классифицировались послѣдовательно то какъ говорящіе копенгагенскимъ, то какъ говорящіе стокгольмскимъ нарѣчіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, преобладающимъ діалектомъ въ Швеціи сдѣлался тотъ, которымъ говорятъ въ метрополіи и въ сосѣднихъ съ нею округахъ: это говоръ звучный, съ полнымъ согласіемъ звуковъ, и болѣе оригинальный, чѣмъ датскій, благодаря древней сокровищницѣ словъ, которыя онъ сохранилъ; но между шведскими нарѣчіями есть еще болѣе любопытныя по ихъ древнимъ формамъ, именно далекарлійское, готландское и областныя нарѣчія, которыми говорятъ за предѣлами нынѣшней Швеціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Финляндіи и на островахъ эстляндскаго прибрежья. Что касается литературнаго норвежскаго языка, то это тотъ же датскій языкъ, къ которому только прибавилось нѣсколько мѣстныхъ словъ и оборотовъ рѣчи. Въ нѣкоторыхъ уединенныхъ долинахъ сохранилось древне-норвежское нарѣчіе (norse), любопытный языкъ, очень близкій къ исландскому и составляющій вмѣстѣ съ нимъ отдѣльную глоттологическую группу. Нѣкоторые норвежскіе патріоты хотѣли бы доставить главенство говору ихъ предковъ и создать такимъ образомъ новый литературный языкъ: съ этою цѣлью были основаны спеціальныя общества, издавались журналы и книги на древнемъ норвежскомъ діалектѣ; но эти попытки не встрѣтили поддержки со стороны общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны, многіе писатели пытались сблизить различныя скандинавскія нарѣчія, придать имъ единство норвежскаго языка девятаго столѣтія. Въ 1869 году ученые датскіе, шведскіе и норвежскіе собрались въ Стокгольмъ съ цѣлью принятія однообразнаго правописанія для всѣхъ скандинавскихъ языковъ, но національное соперничество помѣшало и до сихъ поръ мѣшаетъ окончательному соглашенію между филологами.

Рядомъ съ этими скандинавскими народностями, которыя принадлежатъ къ наиболѣе однороднымъ въ Европѣ, живутъ племена еще почти азіатскія, правда, немногочисленныя, но въ высшей степени интересныя по ихъ физическому виду, происхожденію и образу жизни: это—лапландцы или лопари. Эти народцы, отчасти кочевые, какъ цыгане или «румыны» (Rouminisäl), которыхъ можно встрѣтить въ разныхъ частяхъ Швеціи, занимаютъ на сѣверной оконечности Скандинавскаго полуострова, въ верхнихъ бассейнахъ шведскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ботническій заливъ, на финляндской территоріи, уступленной Швеціею Россіи, наконецъ, на Кольскомъ полуостровѣ, огромное пространство, исчисляемое слишкомъ въ 200.000 квадр. километровъ, но очень рѣдко населенное: на всемъ этомъ пространствѣ насчитываютъ около 25.000 жителей, то-есть по одному человѣку на каждую площадь въ шестьсотъ или семьсотъ гектаровъ.

Число лопарей: въ Норвегіи—14.645; въ Швеціи—6.800; въ Россіи—2.400 и въ Финляндіи—960.

Достовѣрно извѣстно, что кочевые лопари, бродя на просторѣ по равнинамъ, почти пустыннымъ, Скандинавскаго полуострова, располагались своими становищами гораздо южнѣе своей нынѣшней области, въ странахъ, которыя теперь населены скандинавами. Слѣды ихъ рѣчи встрѣчаются въ шведскомъ языкѣ, и различныя названія мѣстъ можно объяснить словами ихъ идіома. Еще въ наши дни цѣлыя семьи

лапландцевъ живутъ даже въ самомъ сердцѣ Іемтланда, около 63 градуса сѣверной широты, гдѣ область ихъ ясно ограничена исчезновеніемъ оленьяго мха, составляющаго пищу ихъ стадъ; но постоянное давленіе шведскихъ и норвежскихъ иммигрантовъ не переставало, на обоихъ берегахъ, оттѣснять этихъ первоначальныхъ поселенцевъ внутрь земель. Легенды, относящіяся къ карликамъ (dvergar), къ чародѣямъ (troll), къ горнымъ людямъ (bergfolk), разсказываютъ, въ миѳической формѣ, объ истребительныхъ битвахъ, которыя скандинавскіе колонисты вели съ лапландцами, древнѣйшими обитателями страны.

Извѣстные нынѣ подъ ихъ шведскимъ именемъ лапландцевъ или лопарей, которое означаетъ, по однимъ, «кочевниковъ», по другимъ—«пещерныхъ жителей», эти инородцы, называющіе себя «самами», «саме» или «самелатами», говорятъ финскимъ нарѣчіемъ, которое, какъ утверждаютъ изслѣдователи, имѣетъ больше сходства съ языкомъ мордвы, чѣмъ со всякимъ другимъ діалектомъ урало-алтайской группы, и которое заключаетъ нѣкоторыя древнія формы и корни словъ, не существующія теперь въ финляндскомъ языкѣ; но хотя лопарямъ оффиціально даютъ названіе финновъ (Fin) въ норвежскомъ Финмаркенѣ, они ясно отличаются отъ финляндцевъ въ собственномъ смыслѣ, не только тѣми контрастами, которые производитъ различіе цивилизаціи, но также физическимъ видомъ, ростомъ, формой черепа. По Рециусу, средняя вмѣстимость череповъ у лопарей—1.321 куб. сант.; средній головной указатель у лопарей—83,50.

Многіе антропологи усматривали въ различныхъ группахъ народностей расы совершенно отдѣльныя, принявшія языкъ финскихъ завоевателей, но неимѣвшія съ ними никакого кровнаго родства. Между тѣмъ какъ Вирховъ считаетъ лапландцевъ вѣтвью финскаго племени, Шафгаузенъ видитъ въ нихъ потомковъ монгольскихъ народцевъ, оттѣсненныхъ на сѣверъ и подвигавшихся къ западу вдоль береговъ Ледовитаго океана. Недавно думали также, что лопари отличаются отъ всѣхъ другихъ людей совершеннымъ незнаніемъ пѣнія: «Лапландцы, говоритъ Фетисъ,—единственный народъ, который не поетъ»; но это мнѣніе оказалось ошибочнымъ. Лопари, очень болтливые по природѣ, умѣютъ, если не пѣть такъ, чтобы выходило пріятно для шведскихъ ушей, то по крайней мѣрѣ очень хорошо модулировать нѣкоторые музыкальные звуки, и теперь уже собрано довольно много ихъ пѣсенъ [1]). Впрочемъ, старинныя родовыя прозвища, между которыми встрѣчается много именъ шведскихъ, норвежскихъ, финляндскихъ, даже русскихъ, свидѣтельствуютъ, что это племя не однородное въ этнографическомъ смыслѣ: лопари — смѣшанный народъ.

Вообще говоря, внутренніе, то-есть живущіе вдали отъ моря, лапландцы, которые, вѣроятно, могутъ считаться наиболѣе чистыми представителями своей расы, люди очень низенькіе, приземистые, въ сравненіи съ ихъ сосѣдями, сѣверными шведами, отличающимися почти исполинскимъ ростомъ. Однако, въ среднемъ, они вовсе не такъ малы, какими ихъ воображали прежде изъ любви къ чудесному. Въ прежнее время любили указывать на контрастъ патагонскихъ великановъ и лапландскихъ карликовъ, живущихъ на двухъ оконечностяхъ обитаемаго міра; но подобно тому, какъ пришлось значительно убавить воображаемый гигантскій ростъ индѣйцевъ Магеллановыхъ земель, такъ же точно нужно увеличить ростъ, обыкновенно приписываемый лапландцамъ. По словамъ Дулька, средній ростъ туземцевъ, кочующихъ съ оленями (оленьихъ лопарей), равняется одному метру шестидесяти сантиметрамъ, и даже попадаются между ними такіе, которыхъ во всякой странѣ можно было бы считать рослыми людьми; фонъ-Дюбенъ, ученый, очень близко и тщательно изучившій инородцевъ крайняго Сѣвера, полагаетъ, что этотъ средній ростъ никакъ не менѣе полутора метра: это почти та же мѣра, которую даетъ Мантегацца (152,4 сантим.). Бюстъ у лопарей довольно длинный, но ноги почти у всѣхъ, за рѣдкими исключеніями, нѣсколько кривыя, выгнутыя дугой [1]). Замѣчено также, что лопари-рыболовы, постоянно сидящіе въ своихъ лодкахъ и дѣйствующіе веслами, имѣютъ слабыя ноги, въ сравненіи съ ихъ сильными руками и крѣпкою, мускулистою грудью. Крайнее безобразіе лица, приписываемое этимъ сѣвернымъ народцамъ, также существуетъ лишь въ воображеніи ихъ сосѣдей. Правда, лопари, по большей части, имѣютъ выдающіяся скулы, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, треугольный обликъ, рѣдкую бороду, кожу часто желтоватую у мужчинъ, но черепъ у нихъ очень широкій, лобъ высокій, благородный и вообще болѣе широкій, чѣмъ лобъ скандинавовъ [2]); ротъ улыбающійся, взглядъ живой и добродушный. Глаза у лопарей обыкновенно черные, но цвѣтъ волосъ бываетъ различный: большинство имѣютъ темнорусые волосы, у другихъ они совершенно черные, у нѣкоторыхъ, напротивъ, совершенно бѣлокурые. Голосъ у нихъ не такой металлическій и звучный, какъ у шведовъ; однако, слабый и глухой голосъ бываетъ только у горькихъ пьяницъ, которые, впрочемъ, теперь встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ прежде, осо-

[1]) Gustaf von Düben, „Om Lappland och Lapparne“.

[1]) Georg Hartung, Albert Dulk, „Fahrten durch Norwegen und die Lappmark“.

[2]) Gustaf von Düben, „Om Lappland och Lapparne“;—„La Laponie et les Lapons, Congrès intern. des Sciences géograph“. Paris, 1878.

бенно въ Швеціи, вслѣдствіе безусловнаго запрещенія въ краѣ продажи и мѣны спиртныхъ напитковъ съ 1839 года. Въ настоящее время кофе замѣняетъ водку, какъ общеупотребительный напитокъ лапландцевъ; тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ средства, пьютъ кофе почти весь день съ утра до вечера, прибавляя къ нему соли, иногда также сыру, крови или жира [1]). Благодаря необыкновенно здоровому климату страны и несмотря на отталкивающую грязь и вонючій воздухъ ихъ жилищъ, лопари пользуются вообще превосходнымъ здоровьемъ и достигаютъ глубокой старости; смертность между ними меньше, нежели между цивилизованными поселенцами морскаго прибрежья; но, какъ это замѣтилъ уже Ачерби въ прошломъ столѣтіи, глаза у нихъ часто бываютъ красные и больные, по причинѣ ѣдкаго дыма, наполняющаго ихъ палатки, или вѣжи, и ихъ постоянныхъ странствованій среди ослѣпительныхъ снѣжныхъ равнинъ.

Смотря по образу ихъ жизни, лапландцы дѣлятся на лѣсныхъ и поморскихъ, на оленныхъ и на рыболововъ. Очень небольшое число изъ нихъ, поселившіеся въ равнинахъ вокругъ Ботническаго залива, занимаются земледѣліемъ, но и тѣ разсчитываютъ главнымъ образомъ на продукты рыбной ловли въ озерахъ и рѣкахъ. Палатки лопарей состоятъ изъ жердей и досокъ, поставленныхъ въ формѣ конуса, обложенныхъ хворостомъ или дерномъ и покрытыхъ сверху холстинами или кусками шерстяной ткани, съ отверстіемъ на верхушкѣ, черезъ которое выходитъ дымъ отъ огня, разводимаго по серединѣ чума. Иногда хижины устраиваются на вбитыхъ въ землю кольяхъ; нѣкоторыя семьи живутъ въ вѣжахъ, стѣны которыхъ наклонены наружу, такъ что фасадъ имѣетъ видъ ромба, стоящаго на одномъ изъ своихъ угловъ. Хозяйствомъ въ этихъ тѣсныхъ, дымныхъ жилищахъ занимаются обыкновенно мужчины [2]): не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ обычаѣ остатокъ гинекократіи, или «власти матери семейства», которая преобладала у многихъ древнихъ народовъ?

Лапландцы, живущіе на берегахъ Ледовитаго океана, болѣе многочисленные, чѣмъ ихъ единоплеменники, кочующіе внутри страны (въ 1875 году въ Норвегіи насчитывали инородцевъ этого племени: осѣдлыхъ—14.645, кочевыхъ—1.073), принуждены въ морскихъ водахъ искать источникъ пропитанія, который лѣсные лапландцы находятъ въ содержаніи стадъ сѣвернаго оленя. Эти послѣдніе по необходимости должны вести кочевую жизнь, но они не странствуютъ цѣлыми родами, какъ бродячіе народцы теплыхъ странъ, каковы, напримѣръ, бедуины или туркмены; напротивъ, каждая лопарская семья живетъ особнякомъ въ лѣсу. Но если лопари такимъ образомъ отдѣляются отъ себѣ подобныхъ, то дѣлаютъ это вовсе не по недостатку общительности. Имъ нужны обширныя пространства для прокормленія ихъ многочисленныхъ стадъ сѣвернаго оленя, ибо каждый лопарь, для поддержанія своего существованія, долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ двадцать пять головъ скота, а олений мохъ (ягель), разъ выщипанный, наростаетъ вновь очень медленно. Стада возвращаются пастись на то же самое мѣсто только по прошествіи десяти лѣтъ. Правда, лѣтомъ олени питаются травой и листьями деревьевъ: если бы мохъ составлялъ единственный кормъ сѣвернаго оленя, то громадное пространство, занимаемое Лапландіей, было бы слишкомъ тѣсно для нѣсколькихъ тысячъ кочевниковъ, которые бродятъ тамъ со своими стадами, такъ какъ олень прокармливаетъ кочующія лопарскія семьи, давая имъ молоко, къ сожалѣнію, далеко не обильное; даже зимой лопарь «грызетъ» оленье молоко, которое онъ сохранилъ замороженнымъ въ видѣ кружковъ. Но, кромѣ молока, мясо и кровь оленя тоже служатъ пищей этимъ дикарямъ. Обыкновенная, главная трапеза дня состоитъ изъ «кровяной похлебки», приготовляемой изъ муки и крови, которую лопарскія хозяйки умѣютъ сохранять въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ въ жидкомъ состояніи въ боченкахъ или въ мѣхахъ, сдѣланныхъ изъ оленьихъ желудковъ [1]). Находясь такимъ образомъ, какъ въ отношеніи насущнаго пропитанія, такъ и въ отношеніи одежды и жилища, въ полной зависимости отъ своего стада, лопарь, имѣющій не болѣе сотни оленей, можетъ прокармливать себя и семью лишь самымъ скуднымъ образомъ и безъ увѣренности насчетъ средствъ существованія; онъ считается бѣднымъ и долженъ присоединиться, въ качествѣ кліента, къ какому-нибудь болѣе зажиточному владѣльцу стадъ. По исчисленію фонъ-Дюбена, среднее число оленей на каждаго лапландца, со включеніемъ рыболововъ и земледѣльцевъ, не превышаетъ тринадцати или четырнадцати головъ; да и это число стремится къ уменьшенію по мѣрѣ того, какъ кочевой образъ жизни смѣняется осѣдлымъ. Владѣющій стадомъ въ триста оленей почитается уже богатымъ, и указываютъ между лопарями настоящихъ магнатовъ, имѣющихъ до 2.000 головъ скота, которыя представляютъ цѣнность по меньшей мѣрѣ въ 60.000 фр. и составляютъ, можетъ быть, двухсотую часть всѣхъ стадъ домашнихъ оленей. Общее число домашнихъ оленей во всей Лапландіи, лежащей въ предѣлахъ трехъ сѣверныхъ государствъ, опредѣляли слѣдующимъ образомъ:

Въ шведской Лапландіи (1870 г.)—220.800,

---

[1]) Gustaf von Düben, выше цитированное сочиненіе.
[2]) Gustaf von Düben, „Om Lappland och Lapparne".

[1]) G Hartung und A. Dulk, „Fahrten durch Nerwegen und die Lappmark".

т.-е., при 6.072 лоп., по 165 оленей на каждую семью; въ норвежской Лапландіи (1875 г.)—97.570, т.-е., при 21.500 лопарей, по 22 оленя на каждую семью; въ финляндской Лапландіи (1865 г.) – 40.300, т.-е. при 615 лоп., по 325 оленей на каждую семью; въ русской Лапландіи (1859 г.)—230 (?). Всего—357.900.

Эти богачи, обладатели большихъ стадъ, хорошо знаютъ дорогу къ рынкамъ поморья, куда они сбываютъ оленьи шкуры и сыръ и гдѣ помѣщаютъ свои капиталы на крупные проценты. Уже у лопарей, какъ и у ихъ сосѣдей скандинавовъ, можно видѣть контрастъ богатства и бѣдности. Но жилища, принадлежатъ ли они богатымъ или бѣднымъ «самамъ», содержатъ ли въ шкафу нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ или только грубую деревянную посуду,—всѣ они одинаково представляютъ тѣсные, сырые, смрадные шалаши, гдѣ непривычному человѣку не вынести и двухъ минутъ. Впрочемъ, несмотря на ужасную грязь, насѣкомыхъ въ лопарской вѣжѣ нѣтъ никакихъ. Блоха не водится въ Лапландіи; взамѣнъ того, комары и мошки лѣтомъ составляютъ страшный бичъ для иностранцевъ, если не для самихъ лопарей, которые вымазываются жиромъ, чтобы защитить открытыя части тѣла отъ жалъ назойливыхъ насѣкомыхъ, и которые на лѣтніе мѣсяцы переселяются въ прибрежныя мѣстности, гдѣ морской вѣтеръ разсѣеваетъ крылатыя тучи.

Съ половины семнадцатаго столѣтія жители всей Лапландіи называютъ себя крещеными христіанами, они обладаютъ, благодаря миссіонерамъ, маленькою духовною литературой и, смотря по территоріи, которую занимаютъ, соблюдаютъ религіозные обряды, предписываемые мѣстнымъ правительствомъ: въ Скандинавіи—они протестанты и даже имѣютъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, написанныхъ на ихъ языкѣ; въ русскихъ владѣніяхъ они принадлежатъ къ православной церкви. Священнослужители обоихъ вѣроисповѣданій безъ труда могли, во многихъ случаяхъ, экзальтировать страсти этого, по выраженію Ампера, «легко приходящаго въ экстазъ» племени [1]); однако, и до сихъ поръ у лопарей осталось еще много слѣдовъ древнихъ языческихъ обычаевъ, имѣющихъ большое сходство съ шаманствомъ монголовъ. Волшебный бубенъ игралъ важную роль во всѣхъ ихъ обрядахъ и церемоніяхъ, такъ же, какъ кора сосны и березы, на которой чародѣи или шаманы нацарапывали изображенія разныхъ орудій, животныхъ, людей и боговъ. Эта кора, называемая норвежцами «деревомъ рунъ», была вопрошаема, какъ оракулъ, лопарями во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни: толкованіе таинственныхъ знаковъ, начертанныхъ на корѣ, составляло великое искусство и высшую мудрость. Говорятъ, что послѣднее «руническое дерево» было уничтожено около половины настоящаго столѣтія; сейте, или камни какой-нибудь странной формы, иногда грубо изваянные, вокругъ которыхъ совершались языческіе обряды, были брошены въ озера самими лопарями, или сохраняются въ музеяхъ Швеціи; но если фетиши исчезли, то многія церемоніи, которыя могутъ быть объяснены только древнимъ языческимъ культомъ, удержались до сего дня. Такъ, собаки, лучшіе друзья лопаря, безъ помощи которыхъ этотъ кочевникъ не могъ бы управлять своимъ табуномъ оленей, нынѣ уже не погребаются, какъ это дѣлалось прежде, со своими умершими хозяевами, и тѣло покойника не завертываютъ болѣе въ бересту, гдѣ вырѣзаны изображенія медвѣдей, волковъ, оленей, но и теперь еще въ могилу бросаютъ одинъ видъ раковинъ, называемыхъ по-лопарски «собачья душа»: лопарь, обращенный въ христіанство, не смѣетъ болѣе отправляться въ лѣса того свѣта въ сопровожденіи своего вѣрнаго пса; зато по крайней мѣрѣ беретъ съ собой символъ, напоминающій его товарища по охотѣ. Такъ же, какъ во всѣхъ странахъ Европы, въ Лапландіи празднуютъ день солнцестоянія огнями, зажигаемыми на высотахъ; но въ какой странѣ солнце могло бы по справедливости пользоваться бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ подъ этими полярными широтами, гдѣ оно впродолженіи нѣсколькихъ недѣль освободило землю отъ снѣжнаго савана и снова украсило ее листьями и цвѣтами?

Обыкновенно думаютъ, что число лапландцевъ уменьшается съ каждымъ годомъ, и что этотъ элементъ населенія обреченъ на постепенное вымираніе и долженъ скоро исчезнуть, какъ исчезали многія племена краснокожихъ индѣйцевъ въ Америкѣ или различные народцы въ Океаніи. Но это мнѣніе, кажется, ошибочно. По крайней мѣрѣ въ Финмаркенѣ, то-есть въ части Лапландіи, принадлежащей къ Норвегіи, число этихъ иностранцевъ не только не убавилось, но даже возросло: сравнивая податные списки за 1567, 1799 и 1815 годы, нашли, что количество кочевниковъ утроилось въ послѣднія три столѣтія; въ одной Норвегіи оно увеличилось въ семь разъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1799 г.) лопарей насчитывали:

Въ Швеціи и Финляндіи—5.113; въ Норвегіи—3.000; въ Россіи—1.000; всего—9.113.

Если такимъ образомъ населеніе поморья возрастаетъ, то это происходитъ въ значительной мѣрѣ вслѣдствіе давленія такъ называемыхъ «новыхъ крестьянъ» или «новоселовъ» (Nybyggare), то-есть шведскихъ и финляндскихъ колонистовъ, которые постепенно подвигаются все ближе къ морю, съуживая территорію номадовъ и заставляя ихъ мало-по-малу приближаться къ морскимъ берегамъ; въ концѣ восемнадцатаго столѣтія эти пришлые поселен-

[1]) Ampère, „Esquisses du Nord“.

цы были уже многочисленнѣе, чѣмъ лопари въ шведской провинціи Норрботтенъ. Вообще шведскіе лапландцы, вѣроятно, уменьшились

постепеннаго оттѣсненія кочевниковъ за шведскія границы: область лѣсовъ, присвоиваемая поселенцами, скандинавскими и финляндскими,

Лапландскіе типы и костюмы.

числомъ съ начала нынѣшняго столѣтія, что бы ни говорили противорѣчивыя статистики: единогласное свидѣтельство колонистовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно факта

все болѣе и болѣе замыкается для временныхъ иммиграцій лопарей. Точно также русскіе лопари и квены, потомки древнихъ финскихъ переселенцевъ, появившихся въ первый разъ

на западѣ отъ рѣки Торнео во время войнъ Карла XII, покидаютъ въ большомъ числѣ свои становища, чтобы идти селиться на норвежскіе берега.

Прежде переселенія совершались попеременно то въ одномъ направленіи, то въ противоположномъ, смотря по временамъ года: норвежскіе лопари имѣли привычку перекочевывать на финляндскую территорію съ наступленіемъ холоднаго времени года, чтобы перезимовать тамъ съ своими стадами оленей; съ своей стороны, финляндскіе лопари переселялись на лѣто къ норвежскому поморью; это былъ, такъ сказать, взаимный обмѣнъ услугъ между населеніями двухъ странъ. Петербургскіе бюрократы увидѣли въ этихъ періодическихъ переселеніяхъ недостатокъ уваженія къ неприкосновенности границы, и съ 1852 года скандинавскимъ кочевникамъ было запрещено переходить границу безъ стѣснительныхъ формальностей. Но русскіе подданные, находя въ Норвегіи больше промысловыхъ и коммерческихъ выгодъ, чѣмъ у себя дома, уходили тысячами искать средствъ существованія у своихъ сосѣдей, жителей скандинавской Лапландіи; открытые круглый годъ для рыбной ловли и судоходства, портъ Вадсе и другія гавани норвежскаго морскаго берега являются необходимыми сборными мѣстами для сопредѣльныхъ населеній, запираемыхъ зимой льдами Бѣлаго моря. Съ половины прошлаго столѣтія русскіе рыболовы стали пускаться на своихъ утлыхъ ладьяхъ въ воды Финмаркена или норвежской Лапландіи; объ этихъ промышленникахъ разсказываютъ какъ о людяхъ еще болѣе смѣлыхъ и неустрашимыхъ, чѣмъ квены и норвежцы [1]). Въ прежнее время эти послѣдніе были по большей части потомки изгнанниковъ, пришедшихъ изъ полуденной Норвегіи.

Если нѣтъ причины опасаться исчезновенія лопарей съ лица земли, то по крайней мѣрѣ нельзя не видѣть того факта, что они все болѣе и болѣе приближаются нравами и цивилизаціей къ тѣмъ народностямъ, съ которыми они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, и не можетъ быть сомнѣнія, что мало-по-малу эти инородцы составятъ съ ними одну націю. Это сліяніе подготовлялось уже цѣлые вѣка, такъ какъ лапландцы получили свою культуру отъ скандинавовъ; отъ нихъ они научились искусству разводить домашнихъ животныхъ: въ лопарскомъ языкѣ одна только собака имѣетъ оригинальное, незаимствованное названіе; лошадей и коровъ, овецъ и козъ, кошекъ, свиней лопари знаютъ лишь подъ ихъ скандинавскими наименованіями. Сѣверный олень былъ имъ извѣстенъ, но только какъ дикое животное, за которымъ они охотились: уменьшеніе звѣря въ лѣсахъ заставило дикарей подражать своимъ сосѣдямъ, приручая оленя, ставя его подъ ярмо. Въ настоящее время тѣже скандинавы, въ особенности норвежцы, научаютъ лопарей искусству рыбной ловли въ большихъ размѣрахъ, разнымъ промысламъ и работамъ осѣдлой жизни и прививаютъ имъ мало-по-малу нравы цивилизованныхъ народовъ Европы. Съ другой стороны, нельзя отрицать того факта, что если лопарь внутреннихъ лѣсовъ мало-по-малу приблизился къ шведу по понятіямъ и образу жизни, то и квенскій или скандинавскій поселенецъ, въ свою очередь, сильно «облопарился»: онъ сдѣлался меньше ростомъ, но зато выносливѣе, чѣмъ его южные соотечественники, и лицо его носитъ очевидные знаки смѣшенія его расы съ племенемъ первобытныхъ жителей страны. Подобно лопарю, онъ умѣетъ ловить, запрягать оленей и править ими на ѣздѣ; какъ и у лопаря, національное его блюдо состоитъ изъ «кровяной похлебки»; одежда его тоже мало чѣмъ разнится отъ костюма лопаря, и не только онъ умѣетъ разговаривать съ туземцемъ на финскомъ языкѣ, но даже употребляетъ часто этотъ языкъ въ своей собственной семьѣ. Впрочемъ, эти двѣ различныя расы живутъ одна подлѣ другой въ совершеннѣйшемъ согласіи. Хотя нѣкоторые писатели говорятъ о смѣшеніяхъ между различными народностями, какъ о рѣдкомъ явленіи, но статистика Норвегіи констатируетъ тотъ фактъ, что между уграми Финмаркена болѣе чѣмъ одна пятая состоитъ изъ людей смѣшанной крови. Въ 1885 году въ этой провинціи насчитывали:

Финновъ и лопарей, почитаемыхъ чистокровными—23.312; потомковъ финновъ и лопарей—1.089; потомковъ норвежцевъ и финновъ или лопарей—4.372.

Въ Швеціи также нѣсколько сотенъ индивидуумовъ принадлежатъ по происхожденію къ двумъ расамъ, при чемъ скрещиванія въ большинствѣ случаевъ происходятъ между лопарями и шведскими женщинами. Въ 1870 году въ этой странѣ насчитывали слѣдующее число лопарей смѣшанной крови:

12 рожденныхъ отъ отца лопаря и матери финки; 151 рожденныхъ отъ лопаря и матери шведки; 41 рожденныхъ отъ отца шведа и матери лопарки; 52 рожденныхъ отъ отца финна и матери лопарки.

Нужно прибавить, что школы въ значительной степени содѣйствуютъ уничтоженію лопарской національности. Въ самомъ дѣлѣ, лопарскія дѣти, обязанныя ходить въ школу, находящуюся по большей части далеко отъ родительскаго стойбища, незамѣтно пріобрѣтаютъ привычки, отъ которыхъ имъ впослѣдствіи трудно отдѣлаться. Не всѣ они возвращаются къ кочевой жизни своихъ отцовъ, и тѣ изъ нихъ, которыя остаются въ шведскихъ деревняхъ,

[1]) Leopold von Buch, „Reise durch Norwegen und Lappland“.

кончаютъ тѣмъ, что сами считаютъ себя шведами, и потомство ихъ смѣшивается съ потомствомъ господствующей расы [1]).

X.

Въ Норвегіи самый рельефъ почвы и климатъ рѣшили, гдѣ слѣдовало выбирать мѣста для основанія городовъ. За исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые разработка рудныхъ мѣсторожденій вызвала къ жизни внутри страны, всѣ города естественно должны были возникнуть у самаго моря, на берегахъ небольшихъ заливовъ, хорошо защищенныхъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ и легко доступныхъ для судоходства. Даже деревни почти нигдѣ не встрѣчаются вдали отъ морскихъ береговъ. Крестьяне каждый имѣютъ свой gaard, группу деревянныхъ построекъ, служащихъ для различныхъ надобностей сельскаго хозяйства, а церкви, муниципальныя зданія, почтовыя конторы возвышаются въ сторонѣ, на какомъ-нибудь мѣстѣ, видномъ издалека, или въ точкѣ пересѣченія дорогъ. Кромѣ того, населеніе естественно должно было группироваться и основывать свои торговые города преимущественно въ полуденной части страны, тамъ, гдѣ климатъ менѣе суровъ и гдѣ солнце появляется на горизонтѣ во всѣ дни года. Въ первыя времена норвежской исторіи, когда германскіе моряки обращали взоры въ особенности къ Великобританіи и другимъ странамъ Западной Европы, чтобы дѣлать туда разбойничьи набѣги или основывать тамъ завоевательныя колоніи, западные заливы Норвегіи, Трондгьемскій и Бергенскій, представляли по своему положенію наибольшія удобства для этой цѣли, и съ этой-то стороны полуострова поселились отважные мореплаватели. Но съ того времени, какъ завоеванія и морское разбойничество перестали быть главнымъ промысломъ норвежцевъ, съ той поры, какъ посредствомъ колонизаціи внутреннихъ мѣстностей страны они прибавили къ рыбной ловлѣ и торговымъ сношеніямъ другіе роды промышленности—разработку рудниковъ и воздѣлываніе почвы въ долинахъ, полуденный скатъ горъ, обращенный къ заливу Христіанія и къ берегамъ Даніи, Сканіи, Германіи, долженъ былъ пріобрѣсти первенствующее значеніе. Изъ 21 города, имѣющихъ свыше 4.000 жителей, 14, то-есть двѣ трети, находятся въ этой части Норвежскаго королевства, очень маленькой въ сравненіи съ территоріей, обращенной къ Атлантическому океану. Впрочемъ, за исключеніемъ Христіаніи, города относительно новаго, и Бергена, стараго ганзейскаго рынка, всѣ города норвежскаго прибрежья похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Расположенные каждый у оконечности фьорда, на полукругломъ песчаномъ берегу, подлѣ глубокой воды, гдѣ могутъ приставать большіе корабли, эти приморскіе города поднимаются въ видѣ амфитеатра по скатамъ холма и состоятъ однообразно изъ деревянныхъ домовъ, большихъ и маленькихъ, выкрашенныхъ въ бѣлый, въ сѣрый, въ желтый, въ розовый, большею же частью въ кроваво-красный цвѣтъ. Никакой рѣзьбы, никакихъ наружныхъ украшеній, какъ на швейцарскихъ домикахъ или шалэ; только окна окружены рамкой съ вырѣзками. Дома норвежскихъ городовъ—не что иное, какъ большіе деревянные ящики, поставленные на каменномъ фундаментѣ; но внутренность ихъ болѣе богата украшеніями, и окна уставлены горшками съ розой, вербеной, геранью. Церкви, всѣ увѣнчанныя шпилемъ, куполомъ или башенками, отличаются нѣсколько тяжелой архитектурой: массивныя глыбы гранита, поддерживающія зданіе, и бревна, составляющія его срубъ, не поддаются фантазіи художника; чтобы придать хотя сколько-нибудь движенія и жизни цѣлому, архитекторъ долженъ былъ воздвигать корпусъ на корпусъ, унизывать ихъ колоколенками и вырѣзными деревянными крестами, открывающимися въ видѣ пасти дракона. Иныя церкви, какъ напримѣръ, церкви города Боргунда, на одномъ изъ притоковъ Согнефьорда, и города Гиттердаля, въ Телемаркенѣ, представляютъ нѣкоторое сходство съ храмами Китая и Тибета.

Первый городъ норвежскаго прибрежья, на его полуденной границѣ, — Фредериксгальдъ, надъ которымъ господствуетъ на югѣ, съ вершины высокой скалы, крѣпость Фредерикстенъ, нѣкогда защищавшая Норвегію отъ нападеній шведовъ; обелискъ указываетъ мѣсто, гдѣ палъ Карлъ XII въ 1718 г.; другой обелискъ воздвигнутъ въ честь Кольбіернсена, защитника крѣпости. Въ настоящее время Фредериксгальдъ не имѣетъ уже надобности заботиться о защитѣ территоріи; онъ занимается главнымъ образомъ отправкой за границу лѣса, сплавляемаго по рѣкѣ Тистедальсъ-эльвъ (въ 1891 г. вывезено этого товара на 3.500.000 кронъ). Такова же главная промышленность другаго города, Фредерикстада, лежащаго при устьѣ рѣки Гломменъ и покрывающаго огромное пространство своими раскиданными кварталами, своими отдѣльно-стоящими домами, своими складами лѣснаго товара и большими фабричными заведеніями (въ 1892 г. вывезено 240.000 куб. метр. строганаго лѣса). Точно также Сарпсборгъ, хотя простое мѣстечко, занимаетъ не меньше мѣста, чѣмъ иная столица, и тянется на нѣсколько километровъ къ западу отъ мануфактуръ и лѣсопильныхъ заводовъ, колеса которыхъ приводятся въ движеніе водопадами рѣки Сарпъ. Лѣсной же торговлей занимается и хорошенькій городокъ

[1]) Törnebohm, „Рукописныя замѣтки".

Моссъ, лежащій на перешейкѣ между двумя заливами и двумя портами и, такимъ образомъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи два торговыхъ пути, одинъ къ Христіаніи, другой—къ открытому морю. Въ этомъ городѣ былъ подписанъ въ 1814 году трактатъ о соединеніи между двумя королевствами Швеціей и Норвегіей. Торговое движеніе трехъ главныхъ портовъ восточнаго берега фьорда Христіаніи въ 1882 году выразилось слѣдующими цифрами, по приходу и отходу судовъ:

Фредериксгальдъ—1.190 судовъ въ 122.590 тоннъ; Фредрикстадъ—3.558 суд. въ 343.400 тон.; Моссъ—416 суд. въ 73.210 тоннъ.

Коммерческій флотъ Фредериксгальда (1891 г.)—89 судовъ въ 24.470 тоннъ; Фредерикстада (1891 г.)—195 суд. въ 57.600 тоннъ.

Христіанія, или Кристіанія, столица Норвегіи и второй городъ Скандинавіи по числу жителей, занимаетъ положеніе, которое, такъ сказать, было напередъ указано географическими условіями страны. Онъ расположенъ у оконечности залива, раздѣляющаго два второстепенныхъ полуострова полуденной Норвегіи и Готландіи, вырѣзанные на южной сторонѣ большаго Скандинавскаго полуострова. Этотъ заливъ, Кристіаніа-фьордъ, легко можетъ быть защищаемъ, потому что берега его противъ Гвидстена и Дребака сходятся такъ близко, что остается только узкій каналъ, командуемый теперь пушками крѣпости Оскарсборгъ; внутри материка онъ оканчивается обширнымъ бассейномъ въ формѣ полумѣсяца, гдѣ порты могутъ быть устроены подъ защитой каждой косы. Христіанія имѣетъ два главныхъ порта: Пипервиксбугтенъ—на западѣ и Бьервикенъ—на востокѣ; послѣдній изъ нихъ наиболѣе посѣщаемый, и вдоль его набережныхъ постоянно тѣснятся суда, хорошо защищенныя отъ вѣтровъ; но, къ сожалѣнію, бухта бываетъ заперта льдами, среднимъ числомъ, около четырехъ мѣсяцевъ въ году.

Большое морское озеро, при которомъ лежитъ Христіанія, въ старину было извѣстно подъ именемъ Viken или «Залива» по преимуществу; это была одна изъ лучшихъ между тѣми гаванями засады и убѣжища, гдѣ норманскіе викинги снаряжали свои флотиліи, и гдѣ они ихъ прятали, по возвращеніи изъ воинственныхъ экспедицій. Въ настоящее время бассейнъ Кристіаніа-фьорда обязанъ своимъ важнымъ торговымъ значеніемъ преимущественно плодородію земель, которыми онъ окаймленъ, и которыя расположены, такъ сказать, въ формѣ шпалерника, такимъ образомъ, что получаютъ всю силу солнечныхъ лучей. Округъ Акерсгусъ, окружающій норвежскую столицу, одинъ заключаетъ болѣе половины воздѣлываемыхъ земель королевства, и вывозомъ его сельскохозяйственныхъ произведеній занимаются, разумѣется, моряки Христіаніи. Кромѣ того, лучшіе лѣса Норвегіи, теперь уже большею частію вырубленные, росли на скатѣ холмовъ и горъ, обращенныхъ къ этому фьорду; наконецъ, тамъ же находятся самыя значительныя мѣсторожденія рудъ и минераловъ.

При томъ же долины, спускающіяся къ заливу Христіаніи, расположены такимъ образомъ, что придаютъ очень обширные размѣры торговому бассейну норвежской столицы. Самое обширное озеро Норвегіи, Мьезенъ, тянется далеко на сѣверъ, являясь какъ-бы продолженіемъ морскаго залива, часть котораго оно нѣкогда составляло. Гломменъ, Драмсъ-эльвъ и другія рѣки изливаютъ свои воды въ фьордъ, и хотя ихъ устья не находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ Христіаніи, но не трудно было построить дороги въ низменныхъ равнинахъ ихъ бассейновъ, и такимъ образомъ столица сдѣлалась центромъ, въ которомъ сходятся всѣ торговые пути, спускающіеся изъ окружающихъ долинъ. Мало того, черезъ пониженія въ Опландской плоской возвышенности, такъ же, какъ черезъ долину Гудбрандсдаль, Христіанія имѣетъ удобное сообщеніе съ атлантическими берегами Норвегіи, въ особенности съ Трондгьемсъ-фьордомъ и съ Мольде-фьордомъ, и преимущественно по историческомъ пути изъ города Трондгьема въ Христіанію, по которому теперь пролегаетъ желѣзная дорога, совершились почти всѣ важнѣйшія событія многовѣковой борьбы, раздѣлявшей населенія противоположныхъ скатовъ полуострова на два враждебныхъ лагеря. Равнымъ образомъ, Христіанія, лежащія почти подъ той же широтой, какъ и Стокгольмъ, соединена съ этимъ городомъ естественнымъ путемъ, проходящимъ на сѣверѣ отъ большихъ озеръ, и, слѣдовательно, образуетъ вершину треугольника, котораго два другіе угла занимаютъ прежняя метрополія Норвегіи и нынѣшняя столица Швеціи [1]). По своимъ морскимъ сношеніямъ, удлиненный заливъ Христіаніи точнымъ образомъ соотвѣтствуетъ остроконечному выступу полуострова Ютландіи и тоже помѣщается въ вершинѣ треугольника: суда, выходящія изъ фьорда, видятъ передъ собой открывающіеся два пути—путь Скагеррака, ведущій къ Гамбургу, Дюнкирхену или Лондону, и путь Каттегата, по которому они могутъ направляться къ Копенгагену или къ портамъ Балтійскаго моря.

Уже съ половины одиннадцатаго столѣтія городъ Осло, или Опсло, существовалъ на мѣстѣ, занимаемомъ въ наши дни восточнымъ предмѣстьемъ Христіаніи, которое носитъ то же названіе; а двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя была сооружена крѣпость Акерсгусъ на сосѣдней скалѣ, господствующей надъ частью ны-

---

[1]) J. G. Kohl, „Die geographische Lage der Hauptstädte Europa's".

нѣшняго города и надъ устьями двухъ рѣчекъ, Акерсъ-эльвенъ и Ло-эльвенъ. Наконецъ, въ 1624 году, послѣ сильнаго пожара, возникъ новый городъ, которому дано было имя Христіаніи, въ честь царствовавшаго тогда датскаго короля Христіана IV. Онъ почти весь вновь выстроенъ изъ камня и кирпича послѣ пожара 1858 года; ломки сіенита и гранита, окаймляющія фьордъ, а также сосѣдніе пласты глетчерной глины, доставляютъ всѣ матеріалы, которые ему нужны для постройки его дворцовъ. Какъ всякая столица, Христіанія имѣетъ многочисленныя публичныя зданія и служитъ мѣстопребываніемъ парламента, высшихъ судебныхъ учрежденій и главныхъ учебныхъ заведеній. Университетъ королевства, основанный въ 1811 году и обыкновенно извѣстный подъ именемъ Фридриховскаго (Fredericiana), насчитываетъ около 1.500 студентовъ. Съ университетомъ соединены естественно-историческіе музеи, минц-кабинетъ, музей скандинавскихъ древностей, этнографическій музей и библіотека въ 330.000 томовъ. Кромѣ того, подъ вѣдѣніемъ университета состоятъ ботаническій садъ, астрономическая и магнитная обсерваторіи, а также метеорологическая обсерваторія, прославленная трудами профессора Мона.

Христіанія, главный торговый и промышленный центръ королевства, обогащается дѣятельностью ея прядильныхъ и ткацкихъ мануфактуръ, строительныхъ мастерскихъ и многочисленныхъ винокуренныхъ и водочныхъ заводовъ. По цѣнности торговыхъ оборотовъ она—самый оживленный рынокъ Норвегіи, и по размѣрамъ отпускной торговли нынѣ превосходитъ Бергенъ, который недавно равнялся съ ней въ этомъ отношеніи.

Движеніе судоходства въ портѣ Христіаніи по заграничной торговлѣ въ 1891 г.:

Въ приходѣ 2.300 судовъ, вмѣстимостью 936.829 тоннъ; въ отходѣ 1.452 судна, вмѣстимостью 628.412 тоннъ.

Торговый флотъ, принадлежащій судовладѣльцамъ Христіаніи:

Парусныхъ судовъ 297, вмѣстимостью 166.302 тоннъ; паровыхъ 104, вмѣстимостью 37.341 т.

Цѣнность привоза въ 1892 г.: 107.825.700 кронъ; цѣнность вывоза: 31.449.000 кронъ.

Правильное пароходное сообщеніе соединяетъ Христіанію со всѣми городами скандинавскаго прибрежья, съ главными портами Западной Европы и даже съ Нью-Іоркомъ; кромѣ того, сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая уже доходитъ до Трондгьема на сѣверѣ, до Гефле на сѣверо-востокѣ, до Стокгольма на востокѣ, до Гетеборга и Мальме на югѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возвышаетъ важность Христіаніи, какъ торговаго и промышленнаго центра, а населеніе ея, которое еще въ началѣ текущаго столѣтія едва превышало 8.000 душъ, увеличилось слишкомъ въ двадцать разъ съ того времени: въ среднемъ, оно возрастаетъ слишкомъ на тысячу человѣкъ въ годъ. Къ тому же столица Норвегіи, если принять во вниманіе ея высокую широту, есть одинъ изъ самыхъ пріятныхъ для жительства городовъ Скандинавскаго полуострова, благодаря чистотѣ ея воздуха, относительно высокой средней температурѣ и теплому климату, красотѣ ея окрестностей. Съ вершины скалы Акерсгусъ, выдвинувшейся въ заливъ въ формѣ острія копья, открывается прекрасный видъ, обнимающій большую часть города, суда, стоящія на рейдѣ, и зеленѣющіе острова, разсѣянные по поверхности фьорда: на западѣ, полуостровъ Ладегардсъ, соединенный съ материкомъ узкимъ перешейкомъ, отражаетъ въ бухтѣ огромныя вѣковыя деревья своего парка, свои виллы, свой загородный дворецъ; далѣе виднѣются многочисленные островки, всѣ правильной формы, расположенные параллельными линіями и похожіе на бусы ожерелья, нить котораго только-что порвалась. На сѣверной сторонѣ равнины, гдѣ тянутся по бокамъ дорогъ предмѣстья Христіаніи, поднимаются холмы высотою въ 300 и даже въ 400 метровъ, откуда можно созерцать весь географическій планъ фьорда черезъ мысы, перешейки и архипелаги.

Бассейнъ рѣки Гломменъ, хотя самый значительный изъ рѣчныхъ бассейновъ Норвегіи, не имѣетъ сколько-нибудь важныхъ городовъ въ верхней своей части, за исключеніемъ горнозаводскаго города Реросъ, который находится, благодаря близости Трондгьема, болѣе въ кругѣ притяженія этой древней столицы, чѣмъ въ кругѣ притяженія Христіаніи. Городъ Эйдсвольдъ, лежащій на судоходномъ истокѣ озера Мьезенъ, все-еще сохранилъ довольно важное значеніе, какъ исходный пунктъ для путешественниковъ, отправляющихся къ Реросу и Трондгьему, ибо у этого города останавливается желѣзная дорога изъ Христіаніи и начинается судоходство по озеру Мьезенъ до города Гамара. Въ историческомъ отношеніи, Эйдсвольдъ замѣчателенъ какъ мѣсто, гдѣ собрался, въ 1814 году, первый стортингъ (сеймъ) Норвегіи, послѣ заключенія трактата о соединеніи королевства съ Швеціей; кромѣ того, этотъ городъ уже съ давнихъ временъ былъ общимъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ опплендеровъ или горцевъ, и здѣсь же Олафъ Святый былъ выбранъ, въ 1020 году, королемъ Норвегіи. Гамаръ, на восточномъ берегу озера Мьезенъ, былъ духовной метрополіей страны, и тамъ до сихъ поръ еще видны величественныя развалины каѳедральнаго собора. Городъ этотъ былъ разрушенъ шведами въ 1569 году; жители его бѣжали въ Опсло и такимъ образомъ содѣйствовали процвѣтанію мѣстечка, которому суждено было впослѣдствіи возвыситься на степень столицы Норвегіи.

Всѣ приморскіе города на югѣ и на западѣ отъ Христіаніи ведутъ оживленную торговлю, отправляя за границу доски и руды, какъ Драмменъ, или рыбу, какъ Ставангеръ; многочисленныя парусныя суда тѣснятся у входа фьордовъ и безпрестанно разсѣкаютъ волны вдоль береговъ; по низкому небу стелятся длинныя полосы пара. Во всемъ Скагерракѣ и за мысомъ Линдеснесъ до города Ставангера господствуетъ кипучая морская дѣятельность, которую можно сравнить съ дѣятельностью, какую мы видимъ въ большихъ англійскихъ портахъ: въ 1882 г. коммерческіе флоты норвежскихъ портовъ Скагеррака и Ставангерскаго залива, въ округахъ Христіаніи и Христіансзанда, заключали болѣе пяти тысячъ ста судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась одному милліону тремъ стамъ сорока тысячамъ тоннъ, а экипажъ состоялъ изъ сорока-шести тысячъ человѣкъ [1]). Такимъ образомъ страна «сѣверныхъ финикіянъ», какъ называютъ норвежцевъ, узкая береговая полоса, идущая у подножія необитаемыхъ горъ и плоскихъ возвышенностей, обладаетъ болѣе могущественнымъ флотомъ, чѣмъ иныя обширныя государства, имѣющія десятки милліоновъ жителей, какъ Франція, Испанія или Россія.

Драмменъ, одинъ изъ большихъ городовъ Норвегіи, принадлежитъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ портовъ этой торговой страны. Расположенный въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Драмсъэльвъ, вытекающая изъ обширнаго озера Тирифьордъ, расширяется въ лиманъ, Драмменъ состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ длинныхъ и узкихъ городовъ, которые выстроились вдоль расходящихся береговъ рѣчнаго устья; одинъ изъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ этотъ заливъ, имѣетъ болѣе 300 метровъ въ длину. Драмменскій портъ, соединенный съ моремъ посредствомъ узкаго канала, гдѣ проходитъ Свельвигенское теченіе, есть какъ-бы замкнутый бассейнъ, представляющій тѣ же выгоды, какъ рейдъ Христіаніи; еще не такъ давно онъ имѣлъ больше судовъ, чѣмъ самая столица, хотя движеніе судоходства въ немъ далеко не такъ значительно (въ 1891 г. прибыло изъ заграницы: 397 парусныхъ судовъ въ 79.012 тон. и 46 пароходовъ въ 19.629 т.; вышло: 493 парусныхъ судна въ 102.303 т. и 126 паровыхъ въ 47.302 т.; цѣнность ввоза — 4.557.100, вывоза—8.138.300 кронъ; собственный торговый флотъ: 159 парусныхъ судовъ въ 65.370 т. и 15 пароходовъ въ 977 т.). Мѣстная промышленность состоитъ главнымъ образомъ въ отправкѣ за границу досокъ; но негоціанты этого города съумѣли воспользоваться своими богатствами въ лѣсѣ и посылаютъ его въ видѣ мебели, паркета, разнаго рода украшеній. Кромѣ того, Драмменъ служитъ экспедиціоннымъ или отправочнымъ портомъ для горнозаводскаго города Конгсберга (то-есть «Королевской горы»), лежащаго на юго-западѣ, при рѣкѣ Лаугенъ. Рудныя мѣсторожденія серебра, открытыя въ 1623 году, разработывались съ того времени постоянно, исключая нѣсколькихъ лѣтъ перерыва въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и доставляютъ среднимъ числомъ чистаго металла на сумму свыше полмилліона франковъ; но относительная цѣнность серебра понизилась, рудники обѣднѣли, и самый городъ пришелъ въ упадокъ: въ періодъ съ 1815 до 1830 года рудники эксплоатировались въ убытокъ [1]). Въ цвѣтущую эпоху своей исторіи Конгсбергъ имѣлъ больше 10.000 жителей и былъ, послѣ Бергена, первымъ городомъ Норвегіи; въ настоящее же время въ немъ насчитается лишь около половины его прежняго населенія. Въ этомъ городѣ существовалъ монетный дворъ Норвегіи. Въ одной долинѣ, параллельной той, гдѣ лежитъ Конгсбергъ, въ 25 километрахъ къ западу отъ этого города, находится замѣчательная своей архитектурой деревянная гиттердальская церковь, представляющая пирамидальную массу изъ поставленныхъ ярусами одинъ на другой конусовъ, увѣнчанную колоколенками.

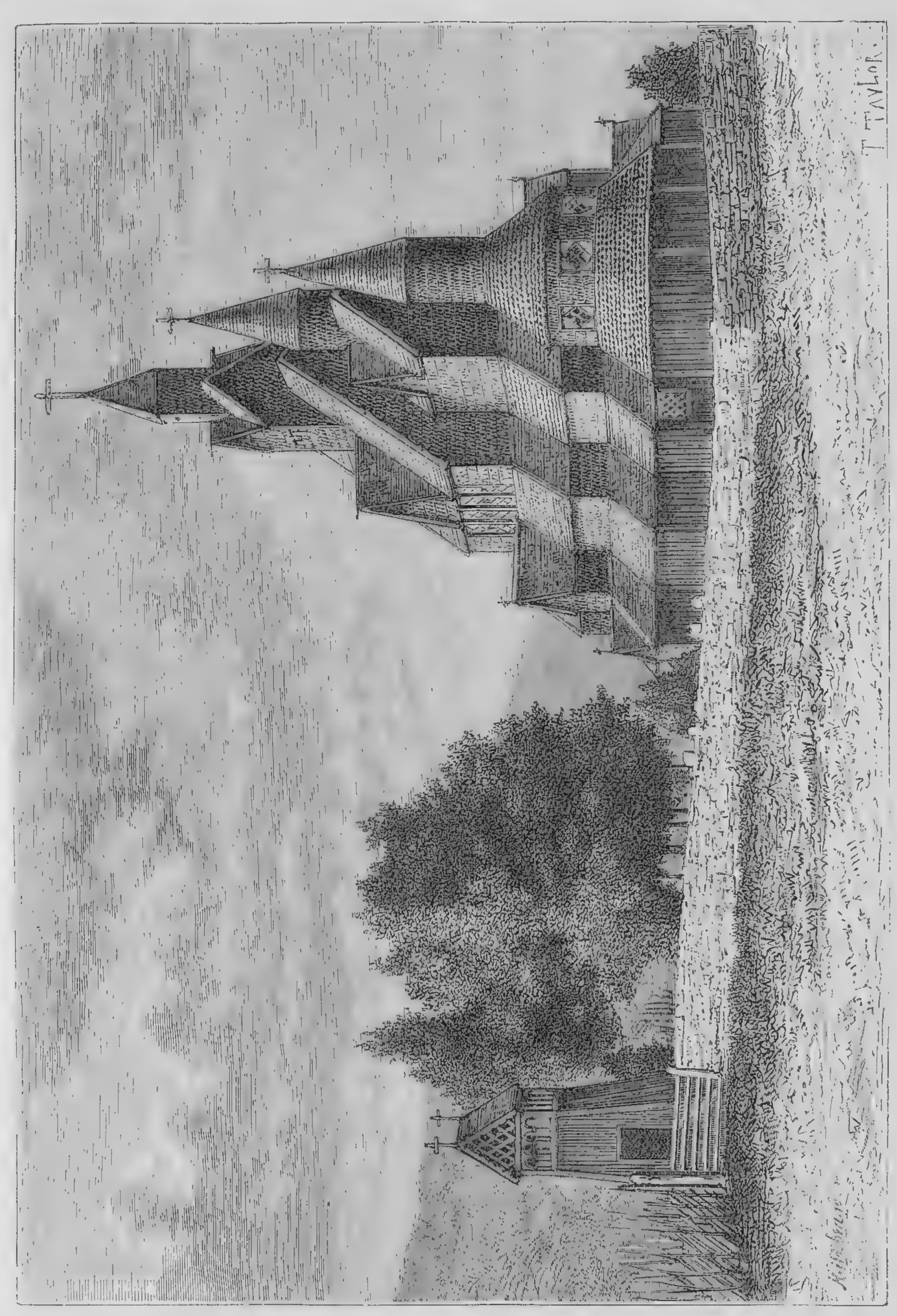
На западныхъ берегахъ фьорда Христіаніи слѣдуютъ одинъ за другимъ порты Гольместрандъ, Гортенъ, Тенсбергъ, Сандефьордъ; далѣе, при устьѣ рѣки Лаугенъ, стоитъ городъ Лаурвикъ. Гортенъ, недавно бывшій простою деревней, сдѣлался значительнымъ и оживленнымъ городомъ съ той поры, какъ бухта его была выбрана мѣстомъ главной стоянки военнаго флота королевства. По свидѣтельству средневѣковыхъ хроникъ, Тенсбергъ, который былъ однимъ изъ четырехъ «муниципальныхъ городовъ» королевства, есть древнѣйшій портъ Норвегіи, такъ какъ лѣтописцы съ конца девятаго столѣтія говорятъ о немъ, какъ о цвѣтущемъ городѣ, куда приходили въ большомъ числѣ корабли изъ Даніи и изъ «Саксонской земли»; но уже въ тѣ времена мѣсто, гдѣ въ наши дни расположенъ городъ Лаурвикъ, пользовалось громкой извѣстностью, потому что тамъ находились храмъ Скирингозаль, привлекавшій толпы народа, и дворецъ короля Гаральда. На западѣ отъ Лаурвикскаго фьорда открывается другой заливъ, гдѣ небольшой портъ Порсгрундъ служитъ передовой пристанью городу Скіенъ, главному рынку земледѣльческихъ произведеній провинціи Телемаркенъ.

На берегу Скагеррака каждое мѣстечко— торговый портъ, и между ними, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, расположены

[1]) A. N. Kiær, „Tabeller vedkommende Norges Skibsfart i Aaret 1876“.

[1]) Daubrée; — G. Leonahrd, „Scandinawische Erzlager-Stätten“

болѣе или менѣе значительные города, присутствіе которыхъ обнаруживается, со стороны моря, большимъ числомъ судовъ, тѣснящихся у входа въ бухты, ведущія къ этимъ городамъ.



Церковь въ Гиттердалѣ.

Таковы: Крагерс, защищенный съ восточной стороны мелями Іомфруландъ, которыя моряки шутя называютъ «кускомъ Даніи, прибитымъ волнами къ берегу Норвегіи»; Эстерризеръ; Тведестрандъ; Арендаль, богатѣйшій портъ всей Скандинавіи по количеству каботажныхъ судовъ и городъ, откуда часто отправляются путешественники, предпринимающіе поѣздку къ озерамъ и водопадамъ Телемаркена. Далѣе слѣдуютъ города: Гримстадъ, Лиллезандъ, Христіансзандъ, городъ моряковъ, судостроителей, спасателей (команды спасательныхъ лодокъ), корабельныхъ плотниковъ и пр., который при томъ обладаетъ превосходными культурными

землями, образовавшимися путемъ отложенія въ морѣ рѣчныхъ наносовъ; Мандаль, ближайшій портъ къ мысу Линдеснесъ, хорошо извѣстному мореплавателямъ. За этимъ мысомъ морской берегъ загибается къ сѣверу, и на одномъ узкомъ перешейкѣ, на оконечности Іедеренскаго берега, населеннаго стадами барановъ, представляется горделивый Ставангеръ, одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Норвегіи и четвертый городъ королевства по числу жителей, а между тѣмъ населеніе его не достигало и тысячи душъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія: даже въ 1800 году онъ имѣлъ всего только 2.400 жителей. Ловля сельдей, фабрикація шерстяныхъ издѣлій и торговля были главными источниками процвѣтанія этого древняго мѣстечка. Ставангеръ, бывшій нѣкогда мѣстопребываніемъ епископа, до сихъ поръ сохранилъ прекрасный соборъ, построенный въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ въ англійскомъ готическомъ стилѣ.

Городъ Гаугезундъ охраняетъ сѣверный входъ въ заливъ Букке-фьордъ, надъ которымъ съ южной стороны господствуетъ Ставангеръ; но по размѣрамъ своей торговой дѣятельности онъ много уступаетъ послѣднему.

Движеніе судоходства и численный составъ торговаго флота главныхъ портовъ южнаго берега Норвегіи, между Драмменомъ и Гаугезундомъ (1882 г.):

	Движеніе судоходства.		Торговый флотъ.	
	судовъ.	вмѣст. тоннъ	судовъ.	вмѣст. тоннъ
Гольместрандъ.	175	25.320	41	9.812
Тенсбергъ. . .	512	72.190	155	56.515
Сандефьордъ .	211	33.750	85	21.735
Лаурвикъ . . .	1.022	165.610	84	26.168
Скіенъ.	341	61.020	46	16.123
Порсгрундъ .	759	151.650	96	33.566
Крагере. . . .	1.018	166.520	166	55.587
Эстерризеръ. .	376	76.380	85	29.022
Тведестрандъ .	165	34.640	110	41.660
Арендаль . . .	899	204.030	411	173.690
Гримстадъ. . .	272	54.530	125	45.647
Лиллезандъ . .	274	22.220	59	23.135
Христіансзандъ	1.358	156.830	118	36.236
Мандаль. . .	571	42.140	99	27.490
Ставангеръ . .	781	158.910	678	122.660
Гаугезундъ. . .	654	90.350	262	23.945

Важнѣйшій городъ всей части морскаго прибрежья, заключающейся между мысами Линдеснесъ и Кепъ-Стадтъ, есть древній Бергенъ (прежде Бьоргвинъ, то-есть «Горный лугъ»), основанный во второй половинѣ одиннадцатаго столѣтія среди лабиринта островов, островковъ и полуостровов разной величины; вокругъ него поднимаются амфитеатромъ семь большихъ горъ, не считая второстепенныхъ высотъ. Бергенъ, родина поэта Гольберга и натуралиста Михаила Сарса, былъ долгое время самымъ многолюднымъ городомъ Норвегіи; и теперь еще онъ значительно превосходитъ числомъ жителей всѣ другіе города королевства, кромѣ столицы. Въ средніе вѣка онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ рынковъ Ганзейскаго союза, и германскіе купцы имѣли тамъ, такъ сказать, городъ въ городѣ, состоявшій изъ амбаровъ и магазиновъ, построенныхъ среди воды на сваяхъ и соединенный съ твердой землей посредствомъ живыхъ мостовъ, тоже на сваяхъ; настоящіе гарнизоны приказчиковъ и служителей, число который простиралось до 3.000 человѣкъ, защищали этотъ кварталъ ганзеатовъ; только въ 1763 году былъ проданъ послѣдній домъ, принадлежавшій нѣмецкой торговой колоніи, но множество сохранившихся между жителями нѣмецкихъ фамилій и теперь еще напоминаютъ негоціантовъ, которые почти исключительно монополизировали, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, всю торговлю Бергена, и ганзеатическая архитектура домовъ придаетъ еще нѣкоторымъ кварталамъ физіономію, какой не встрѣтишь въ другихъ городахъ Норвегіи. Еще ранѣе этого времени одна торговая монополія, предоставленная бергенскимъ купцамъ, была причиной окончательнаго прекращенія сообщеній Скандинавіи съ американскимъ континентомъ. Королевскія концессіи не успѣли сохранить того, что было сдѣлано иниціативой частныхъ лицъ и свободной торговлей: такъ какъ Гренландія составляла собственность королевской казны, то правительствомъ было запрещено посѣщать эту землю какимъ бы то ни было мореплавателямъ, исландскимъ, норвежскимъ или иностраннымъ; только бергенскіе кормчіе имѣли право направлять свои суда въ гренландскія воды, но они были умерщвлены въ 1484 году ганзейскими коммерсантами, и секретъ плаванія въ американскія моря былъ потерянъ для норвежцевъ [1]. Главный предметъ отпускной торговли Бергена составляетъ рыба, которую норвежцы обмѣниваютъ на колоніальныя произведенія, хлѣбъ, фрукты, вина, мануфактурные товары, привозимые иностранными кораблями, преимущественно англійскими. Въ прежнее время всѣ рыболовы сѣверной части страны, даже съ береговъ Лапландіи и Лофотенскихъ островов, везли свою рыбу на продажу въ Бергенъ; чтобы сбыть свой уловъ, они совершали огромное странствованіе въ тысячу верстъ и болѣе, подъ дождемъ, въ бури и непогоды; въ іюлѣ, затѣмъ осенью, здѣсь собирались сотни или тысячи барокъ, и бергенскіе купцы могли, смотря по количеству привезенной рыбы, устанавливать покупную цѣну. Основаніе Боде, Тромсе, Гаммерфеста и другихъ рынковъ на сѣверѣ королевства сдѣлало отнынѣ ненужными эти періодическія странствованія рыболововъ ради сбыта добычи. Въ Бергенскій портъ ежегодно приходитъ около 800 судовъ, съ средней вмѣстимостью 370.000 тоннъ; соб-

[1]) Rafn, „Mémoires de la Soc. des Ant. du Nord", 1845—1849;—Girli Brynjulffson, „Globus", 1871.

ственный коммерческій флотъ этого порта въ 1891 г. состоялъ изъ 192 паровыхъ и 178 парусныхъ судовъ, общей вмѣстимостью 123.064 тонны. Цѣнность ввоза—42.399.200, вывоза—20.039.000 кронъ.

Бергенъ, какъ извѣстно, есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, пребываніе въ которыхъ не особенно пріятно путешественникамъ, по причинѣ частыхъ дождей. Въ окружающей его мѣстности все-еще свирѣпствуетъ проказа, отвратительная болѣзнь, къ счастію, неизвѣстная въ большей части умѣренныхъ странъ; и теперь еще тамъ насчитываютъ болѣе двухъ тысячъ прокаженныхъ, видъ которыхъ не менѣе ужасенъ, чѣмъ видъ несчастныхъ жителей Востока, страдающихъ тѣмъ же недугомъ. Замѣчательно, что проказа никогда не поражаетъ земледѣльцевъ удаленныхъ отъ моря долинъ; развитіе ея у рыболововъ морскаго прибрежья приписываютъ употребляемой ими пищѣ, которая почти исключительно состоитъ изъ жирной рыбы. По оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число прокаженныхъ уменьшается съ каждымъ годомъ, благодаря постепенному улучшенію гигіеническихъ условій.

На сѣверѣ отъ Бергена находимъ рядъ другихъ рыболовныхъ гаваней, торговля которыхъ настолько дѣятельна, что вызвала къ жизни настоящіе города на голыхъ скалахъ морскаго берега; таковы города Алезундъ и Христіансзундъ, оба построенные на островахъ, при входѣ въ фьорды, которые развѣтвляются далеко внутрь метерика. Въ Христіанзундскомъ портѣ въ 1891 году было въ приходѣ изъ-за границы 69 судовъ въ 21.928 тоннъ, въ отходѣ 68 судовъ въ 18.963 т.; торговый флотъ состоялъ изъ 140 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 14.578 тоннамъ. Но къ востоку отъ острова Гиттеренъ открывается другой фьордъ, Трондгьемскій, представляющій для судоходства болѣе удобствъ, чѣмъ всѣ сосѣдніе заливы, ибо если онъ сообщается съ океаномъ лишь посредствомъ узкаго канала, впрочемъ, хорошо прикрытаго и куда не проникаетъ волненіе отрытаго моря, то внутри материка онъ развертывается обширными бассейнами, въ которые впадаютъ многія большія рѣки: территорія огромнаго протяженія спускается къ этому фьорду и къ его морскому устью. Кромѣ того, какъ разъ передъ Трондгьемскимъ фьордомъ находится самая вогнутая, наиболѣе вдающаяся въ глубь материка, часть морскаго прибрежья, между мысомъ Капъ-Стадтъ и Лофотенскими островами: она образуетъ въ этомъ мѣстѣ родъ большаго залива, къ которому охотно направляются суда, чтобы проникнуть возможно далѣе внутрь твердой земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ городъ Трондгьемъ имѣетъ то важное преимущество, что онъ расположенъ на оконечности естественнаго пониженія почвы, отдѣляющаго хребетъ Кьеленъ отъ плоскогорій южной Норвегіи, и теперь онъ, единственный между городами западнаго побережья Скандинавскаго полуострова, соединенъ желѣзными дорогами, съ одной стороны, съ Христіаніей, съ другой—съ берегами Ботническаго залива; это преимущество обѣщаетъ быстро увеличить торговыя сношенія Трондгьема (въ 1891 г. въ его портѣ было въ приходѣ изъ-за границы 328 судовъ, въ 182.538 т.; собственный торговый флотъ въ 1892 г.: 32 парусныхъ судна въ 4.452 т. и 37 паровыхъ въ 11.198 т.). Хотя Трондгьемъ лежитъ между 63 и 64 градусами сѣверной широты, климатъ въ немъ не слишкомъ суровый, благодаря теплымъ вѣтрамъ, дующимъ съ Атлантическаго океана, и жители съ гордостью показываютъ, какъ достопримѣчательность ихъ города, одну липу, самое существованіе которой говоритъ уже въ пользу климата; даже на сѣверѣ отъ Трондгьема, близъ деревни Фрестенъ, растутъ орѣховыя деревья, плоды которыхъ иногда достигаютъ зрѣлости. Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что этотъ городъ находится уже на рубежѣ области, удобной къ заселенію: далѣе климатъ становится слишкомъ суровымъ, земля слишкомъ скупой. Вотъ причина, почему древній Нидаросъ, нынѣшній Трондгьемъ, не могъ удержаться на степени столицы государства, несмотря на всѣ выгоды его географическаго положенія; однако, изъ уваженія къ прошлому, за нимъ оставлена роль духовной метрополіи, и до сихъ поръ короли пріѣзжаютъ короноваться въ его древнемъ соборѣ. Этотъ готическій памятникъ, прекраснѣйшій во всей Норвегіи, относится, по времени постройки, къ различнымъ эпохамъ, съ конца одиннадцатаго до начала четырнадцатаго столѣтія, и въ новѣйшія времена пришлось отстроить заново часть зданія, разрушенную пожарами. На скалахъ, нагроможденныхъ одна на другую, которыя господствуютъ надъ городомъ, возвышался нѣкогда, по преданію, замокъ Гакона Ярла, послѣдняго языческаго князя Норвегіи, который, какъ говоритъ сага, принесъ въ жертву богамъ своего собственнаго сына.

Въ окрестностяхъ Трондгьема есть нѣсколько значительныхъ мѣстечекъ, которыя утилизируютъ часть громадной движущей силы, доставляемой водопадами и стремнинами горныхъ потоковъ; сплавной лѣсъ привозится въ изобиліи по рѣкамъ и рѣчкамъ; сосѣдній рудникъ доставляетъ лучшую руду хромистаго желѣза, какая существуетъ въ свѣтѣ [1]), и въ томъ же самомъ округѣ, хотя на рѣкѣ Гломменъ, находится горнопромышленный городъ Реросъ, гдѣ разработываются съ половины шестнадцатаго столѣтія, отчасти рудокопами нѣмецкаго происхожденія, залежи мѣдной руды, содержащей отъ

[1]) Карлъ Фохтъ, „Путешествіе на сѣверъ, въ сопровожденіи Гресли, Гассельта и Герцена".

*

4 до 8 процентовъ чистаго металла; эти рудники примѣтны издалека по окружающимъ ихъ огромнымъ грудамъ шлаковъ. Жители этого городка, лежащаго на высотѣ слишкомъ 600 метровъ, въ очень суровомъ климатѣ, должны смотрѣть на него, какъ на печальное мѣсто ссылки: рудокопы только лѣтомъ могутъ заниматься отборкой руды подъ открытымъ небомъ, зимой же, то-есть впродолженіи девяти мѣсяцевъ въ году, они принуждены все время работать подъ землей. Точно также на сѣверѣ отъ Трондгьема маленькіе города, основанные для эксплоатаціи рыбныхъ промысловъ, могли возникнуть лишь на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго. Такъ, первый городъ, заслуживающій этого имени, Тромсе, столица сѣверной провинціи, находится не менѣе какъ въ 800 километрахъ по прямой линіи къ сѣверовостоку отъ Трондгьема; съ обходами же въ такъ называемыхъ leden, или проливахъ между шкерами, нужно считать по меньшей мѣрѣ тысячу километровъ, то-есть четыре дня быстраго плаванія на пароходѣ. Обыкновенно же этотъ переѣздъ продолжается цѣлую недѣлю.

Города: Тромсе, при узкомъ проливѣ, черезъ который проходитъ очень быстрое теченіе, Гаммерфестъ, лежащій еще гораздо далѣе на сѣверѣ, Варде или Вардегусъ, построенный на островѣ, оконечности Варяжскаго полуострова (Varjag-Njarg), и Вадсе, на берегахъ Варангеръ-фьорда, важны какъ мѣста снаряженія рыболовныхъ судовъ, отправляющихся на промыселъ въ воды Шпицбергена и въ другія области Ледовитаго океана. Это—передовые посты Европы въ направленіи къ полюсу. Природа въ этихъ странахъ крайняго Сѣвера прекрасна, но имѣетъ суровой характеръ, а когда наступаетъ длинная зимняя ночь, часто освѣщаемая безмолвнымъ фейерверкомъ полярнаго сіянія, видъ этой природы внушаетъ непривычному человѣку какой-то безотчетный страхъ. Несмотря на то, жизнь въ этихъ городкахъ идетъ очень весело; балы, танцовальные вечера, театральныя представленія слѣдуютъ одни за другими непрерывной чередой; заѣзжаго иностранца принимаютъ тамъ съ величайшимъ радушіемъ, и каждый день для него устраиваются званые обѣды то въ одномъ, то въ другомъ домѣ. Подобно богатымъ негоціантамъ Генуи и Марсели, тромсенскіе купцы также имѣютъ свои загородные дома или дачи, разсѣянныя по окрестнымъ террасамъ и холмамъ, среди березовыхъ лѣсовъ. Гаммерфестъ обозначаетъ собою сѣверную оконечность дуги меридіана, которая продолжается до Дуная, проходя черезъ Скандинавію, Финляндію, прибалтійскія губерніи, Польшу, Австро-Венгрію, на протяженіи слишкомъ 26 градусовъ широты. Поставленная въ городѣ колонна изъ финляндскаго гранита напоминаетъ счастливое окончаніе, подъ руководствомъ директора Пулковской обсерваторіи Струве, работъ этой обширной тріангуляціи [1]). Гаммерфестъ лежитъ въ сосѣдствѣ Альтенъ-фьорда, хорошо извѣстнаго по изслѣдованіямъ Лоттена, Браве, Мартена, членовъ французской экспедиціи, совершенной на кораблѣ «la Recherche» въ 1838 и 1839 годахъ.

Города Норвегіи, имѣющіе болѣе 4.000 жителей по переписи 1891 года: Христіанія или Криστіанія (1895 г.)—168.000 жит.; Бергенъ—53.690 жит.; Трондгьемъ (1893 г.)—28.79[illegible] жит.; Ставангеръ—23.930 жит.; Драмменъ—20.440 жит.; Христіансзандъ—12.545 жит., Фредериксгальдъ — 11.220 жит.; Фредерикстадъ—12.465 жит.; Лаурвикъ—11.260 жит.; Христіансзундъ — 10.390 жит.; Аалезундъ — 8.000 жит.; Скіенъ—8.960 жит.; Гортенъ—6.540 жит.; Тромсе—6.070 жит.; Тенсбергъ—6.820 жит.: Крагере—5.755 жит.; Моссъ—8.040 жит.; Гаугезундъ — 5.380 жит.; Конгсбергъ—5.240 жит.; Арендаль—4.610 жит.; Мандаль—3.620 жит.

XI.

Въ Швеціи для основанія городовъ было больше простора, чѣмъ въ Норвегіи; они не были вынуждены, какъ въ послѣдней изъ этихъ странъ, лѣпиться у подошвы горъ или захватывать непосредственные берега моря: имъ открыты тамъ внутреннія равнины, и многіе изъ нихъ выстроились вдали отъ Балтики или отъ Каттегата, на берегу большихъ озеръ, или даже среди равнины, на пересѣченіи дорогъ. Только на сѣверѣ отъ долины рѣки Даль-эльфъ малочисленное населеніе края принуждено было группироваться въ сосѣдствѣ рѣчныхъ устьевъ—единственныхъ мѣстъ, гдѣ жители могутъ пользоваться удобными сообщеніями съ остальнымъ міромъ. Почти всѣ города Швеціи, располагая большимъ пространствомъ, гдѣ можно было строиться на просторѣ, занимаютъ столь же значительную площадь, какъ большіе города во Франціи или въ Италіи: улицы ихъ были бы въ другихъ мѣстахъ широкими проспектами или площадями; дома, стоящіе отдѣльно одинъ отъ другаго, по крайней мѣрѣ въ предмѣстьяхъ, не высоки, но просторны. Они отличаются образцовой чистотой, выкрашены въ желтый, въ зеленый, всего чаще въ темнокрасный цвѣтъ и снабжены наружной лѣстницей, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы облегчить спасеніе живущимъ въ домѣ въ случаѣ пожара.

Важнѣйшій городъ на всей покатости Швеціи, обращенной къ Каттегату, — Гетеборгъ, то-есть «городъ на Гетѣ», названный такъ потому, что онъ лежитъ на одномъ изъ устьевъ

---

[1]) Ch. Martins, „Un tour de naturaliste dans l'extrême nord". „Revue des Deux Mondes", 11 août 1863.

этой замѣчательной рѣки, которая дѣлится на два рукава (бифуркація) не вокругъ полуострова, образовавшагося изъ рѣчныхъ наносовъ, но среди каменистой территоріи. Процвѣтаніе Гетеборга, какъ торговаго города, объясняется его счастливымъ географическимъ положеніемъ. Этотъ городъ, второй въ Швеціи и третій на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ по числу жителей, расположенъ на берегу большой рѣки, судоходной въ нижней ея части, и по которой уже болѣе полустолѣтія суда могутъ подниматься выше пороговъ и водопадовъ, чтобы идти оттуда прямо въ озеро Венернъ. Многія другія мѣстности морскаго прибрежья также обладаютъ хорошей гаванью и пользуются удобными сообщеніями съ внутренними областями; но положеніе Гетеборга представляетъ ту особенную выгоду, что онъ служитъ промежуточной станціей между портами Балтики и заливомъ полуденной Норвегіи, между Копенгагеномъ и Христіаніей; къ этому присоединяется еще то преимущество, что онъ находится на томъ пунктѣ прибрежья, который лежитъ напротивъ сѣверной оконечности Даніи, такъ что товары, идущіе изъ Стокгольма и изъ остальной Швеціи, могутъ складываться въ Гетеборгѣ, чтобы быть отправляемыми либо на западъ черезъ Скагерракъ, либо на югъ черезъ Каттегатъ. Этому-то положенію въ точкѣ пересѣченія торговыхъ путей городъ и обязанъ своимъ важнымъ значеніемъ, благодаря которому онъ, несмотря на относительно недавнее свое происхожденіе, выросъ гораздо быстрѣе, чѣмъ другіе, болѣе древніе города, также благопріятствуемые природой. Впрочемъ, Данія и Швеція цѣлые вѣка оспаривали другъ у друга обладаніе устьемъ Гета-эльфа, и укрѣпленные торговые пункты, Гамла-Ледесе, Конгельфъ, Ніа-Эльфсборгъ, перемѣщаясь туда и сюда по рѣкѣ, слѣдовали одинъ за другимъ выше и ниже положенія, занимаемаго нынѣшнимъ городомъ. Въ настоящее время Гетеборгъ, который часто приходилось вновь отстраивать послѣ опустошительныхъ пожаровъ, представляетъ большой и красивый городъ, состоящій изъ каменныхъ домовъ, съ улицами, отличающимися истинно-голландской чистотой, изрѣзанный каналами, надъ которыми поворачиваются подвижные мосты, окруженный широкимъ поясомъ бульваровъ, замѣнившихъ прежнія укрѣпленія, и гдѣ недавно устроенъ ботаническій садъ, одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ; мостъ черезъ Гета-эльфъ соединяетъ городъ съ низменнымъ берегомъ острова Гизингенъ, образуемаго двумя рукавами. На рѣкѣ, почти никогда незамерзающей, на набережныхъ и въ улицахъ города всегда царствуетъ оживленная дѣятельность, ибо если Гетеборгъ уступаетъ столицѣ по числу жителей, то онъ превосходитъ ее по размѣрамъ промышленности и развитію торговли съ иностранными портами. Вода и паръ приводятъ въ движеніе въ предмѣстьяхъ и окрестностяхъ города веретена многочисленныхъ бумагопрядильныхъ мануфактуръ и единственной существующей въ Швеціи механической льнопрядильни [1]); кромѣ того, здѣсь есть сахаро-рафинадные заводы, табачныя фабрики, лѣсопильные заводы, мастерскія столярныхъ издѣлій наборной работы, кораблестроительныя верфи и всякаго рода фабричныя заведенія, гдѣ приготовляются предметы, необходимые для снаряженія и продовольствованія судовъ. Движеніе заграничной торговли Гетеборга выразилось въ 1893 г. слѣдующими цифрами:

Въ приходѣ—2.436 судовъ, вмѣстимостью 1.012.175 тоннъ; въ отходѣ—2.444 судна, вмѣстимостью 1.070.744.

Торговый флотъ Гетеборга въ 1894 г. состоялъ изъ 219 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 91.228 тоннамъ.

Рыбаки и матросы изъ Гетеборга и изъ всей области Богусленъ славятся неустрашимостью, физической силой и мужественною гордостью; ихъ охотно вербуютъ на суда всѣхъ сѣверныхъ флотовъ въ Норвегіи, въ Германіи, въ Англіи и даже въ Америкѣ. Въ Гетеборгѣ и главнымъ образомъ на средства одного изъ его негоціантовъ, Оскара Диксона, были организованы: въ 1872 году—полярная экспедиція профессора Норденшельда, состоявшая изъ четырехъ судовъ; далѣе, въ 1875 и въ 1876 годахъ, экспедиціи, доказавшія возможность плаванія въ моряхъ между Норвегіей и устьями Енисея; наконецъ, въ 1878 году, экспедиція, которая недавно обогнула мысъ Челюскинъ, на сѣверѣ Сибири. Благодаря той же инипіативѣ, этотъ торговый и промышленный городъ обладаетъ нѣсколькими драгоцѣнными коллекціями и художественными памятниками, между прочимъ, статуей его основателя, короля Густава-Адольфа.

Къ сѣверу отъ Гетеборга морское прибрежье усѣяно маленькими городками, пріютившимися въ углубленіяхъ между скалами въ области шкеръ, каковы: Марстрандъ, Уддевалла, Лизекиль, Фьельбакка, Стремстадъ. Морскія купальни Марстранда и Лизекиля привлекаютъ лѣтомъ тысячи посѣтителей, пріѣзжающихъ изъ Гетеборга, а городокъ Стремстадъ славится ловлей омаровъ.

Въ бассейнѣ озера Венернъ и рѣки Гета-эльфъ, выходъ котораго занимаетъ Гетеборгъ, находятся нѣсколько другихъ городовъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Противъ впаденія рѣки Кларъ-эльфъ въ Венернъ, среди озера, на островкѣ, соединенномъ съ твердой землей двумя мостами, стоитъ Карлстадтъ, главный городъ провинціи Вермландъ; другой городъ Христинегамнъ, или Кристинегамнъ, также ле-

---

[1]) Elis Sidenbladh, „Le royaume de Suède".

жащій въ томъ мѣстѣ, гдѣ одна рѣка вступаетъ въ озеро Венернъ, образуя своимъ устьемъ гавань, доступную судамъ, въ эти послѣдніе годы сталъ быстро подниматься, благодаря своей пристани, своему положенію въ точкѣ пересѣченія двухъ важныхъ желѣзнодорожныхъ линій и дѣятельной торговлѣ желѣзомъ въ сыромъ видѣ и въ издѣліяхъ, которое выходитъ съ заводовъ Филипстада и рудниковъ Персберга, важнѣйшихъ во всей Швеціи по количеству добываемой въ нихъ желѣзной руды (добыча изъ персбергскихъ рудниковъ въ 1881 г. составляла 36.754 тонны); города Маріестадъ и Лидкепингъ, слѣдующіе одинъ за другимъ на юго-восточномъ берегу озера, также замѣчательны какъ оживленныя пристани; городъ Венерсборгъ, построенный на полуостровѣ, у южной оконечности Венернскаго озера, находится при истокѣ рѣки Гета-эльфъ, которая тотчасъ же по выходѣ изъ этого озера падаетъ каскадомъ съ большой высоты; затѣмъ, успокоившись въ тихомъ бассейнѣ, усѣянномъ островками, опять низвергается всей массой въ ревущее отъ паденія воды ущелье Трольгеттанъ. На западѣ отъ Венерсборга гавань его открываетъ входъ въ каналъ, позволяющій судамъ обходить первый водопадъ, а ниже, на лѣвомъ берегу рѣки, ниспадающей стремнинами, проведенъ знаменитый Трольгеттанскій каналъ, гдѣ суда поднимаются или спускаются по шлюзамъ, расположеннымъ ярусами на скатѣ горы, словно ступени исполинской лѣстницы. Венерсборгъ, который сообщается съ Гетеборгомъ посредствомъ этого канала и посредствомъ рѣки Гета-эльфъ, соединенъ также желѣзной дорогой съ портомъ Уддевалла, гораздо болѣе близкимъ къ нему, тогда какъ на юго-востокѣ онъ связанъ съ общей желѣзнодорожной сѣтью Швеціи рельсовымъ путемъ, который пролегаетъ черезъ ущелье странной формы, открывающееся между высотами Галлеборгскими и Гуннеборгскими.

Конгсбакка, Варбергъ, Фалькенбергъ суть важнѣйшіе порты, слѣдующіе одинъ за другимъ на югѣ отъ Гетеборга, вдоль берега Каттегата. Гальмстадтъ, главный городъ Галланда, лежащій при устьѣ рѣки Ниссанъ, берега которой продолжаются въ море двумя жете, былъ нѣкогда однимъ изъ укрѣпленныхъ городовъ, защищавшихъ шведскіе берега противъ датчанъ. Далѣе, за мысами Галландсасъ и Кулленъ, открываются уже ворота Зунда, и городъ Гельзингборгъ, часто подвергавшійся непріятельскимъ нападеніямъ и осадамъ, часто дѣлавшійся добычей скандинавскихъ армій, которыя оспаривали его другъ у друга, лежитъ какъ разъ противъ датскаго города Гельзингера, построеннаго на другомъ берегу пролива. Эта древняя крѣпость, превратившаяся теперь въ мирный торговый городъ, надъ которымъ, однако, все еще господствуетъ башня стариннаго зáмка, похожая издали на громадную глыбу краснаго песчаника, имѣетъ въ сосѣдствѣ, на югѣ отъ мыса Кулленъ, залежи каменнаго угля, называемыя Геганасъ, изъ которыхъ уже добыто по сіе время болѣе 9 милліоновъ тоннъ минеральнаго топлива; недавно открыты еще другіе, гораздо болѣе мощные, каменноугольные пласты, на глубинѣ 150 метровъ, къ югу отъ города, въ одномъ пунктѣ морскаго берега, очень удобномъ для подхода судовъ. Торговое движеніе въ портахъ Варберга, Гальмстада и Гельсингборга, по приходу и отходу судовъ:

Варбергъ (1877 г.)—1.674 судна, вмѣстимостью 141.763 тонны; Гальмстадъ (1893 г.): прибыло изъ-за границы 1.082 судна въ 117.13[illegible] тоннъ, вышло 1.239 судовъ въ 117.353 т. Гельсингборгъ (1891 г.): прибыло 4.375 судовъ въ 630.544 тонны (3.741 съ баластомъ), вышло 3.977 судовъ (2.447 съ баластомъ) въ 557.833 т.

Недалеко отъ Гельсингборга, въ усадьбѣ дворянскаго рода Кнутсторпъ, родился извѣстный Тихо-Браге, въ 1546 году. Островокъ Гвенъ, лежащій на югѣ, въ водахъ Зунда, и ближе къ берегамъ Швеціи, къ которой онъ и принадлежитъ политически, есть то знаменитое имѣніе, гдѣ возвышалась обсерваторія Ураниборгъ, срытая впослѣдствіи по желанію одной фаворитки датскаго короля Христіана IV. Въ этой обсерваторіи Тихо-Браге занимался въ продолженіе двадцати лѣтъ изученіемъ звѣзднаго неба и составилъ свой каталогъ, обнимавшій 777 неподвижныхъ звѣздъ и изданный въ свѣтъ уже послѣ его смерти. Метеорологическія наблюденія знаменитаго астронома были сравнены съ наблюденіями, сдѣланными въ эти послѣдніе годы въ Копенгагенѣ, и доказываютъ, что общее состояніе атмосферы, отнесенное къ тому же календарю, не измѣнилось въ послѣднія три столѣтія [1]).

Гельсинборгъ составляетъ уже часть той области юго-западной Сканіи, гдѣ населеніе скучено въ многочисленныхъ городахъ и мѣстечкахъ и гдѣ средняя густота населенія превышаетъ даже густоту его во Франціи. Плодородіе почвы и относительная умѣренность климата способствовали въ значительной степени исключительному заселенію этого края; но главной причиной этого большаго скопленія людей въ западной Сканіи была притягательная сила торговли. Прибрежные города имѣютъ, какъ и ихъ сосѣдъ Копенгагенъ, ту выгоду, что они лежатъ на Зундѣ, и хотя фарватеры большаго судоходства идутъ вдали отъ нихъ, вдоль противоположнаго берега, они, тѣмъ не менѣе, пользуются значительной долей торговыхъ сношеній, которыя постоянно производится черезъ этотъ проливъ; кромѣ того, два изъ этихъ

[1]) Holten, „Bulletin de l'Académie danoise", 1876.

городовъ, Ландскрона и Мальме, изъ которыхъ хорошо видна, черезъ проливъ, столица Даніи, могутъ быть разсматриваемы какъ шведскія предмѣстья Копенгагена: они пользуются всѣми его успѣхами и принимаютъ участіе въ его экономическомъ благоденствіи (въ портѣ Ландскроны въ 1891 году было въ приходѣ 2.763 судна, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 173.309 тоннамъ). Ландскрона замѣчательна въ особенности какъ крѣпость, и городъ въ собственномъ смыслѣ очень стѣсненъ между обширной цитаделью, окруженной рвами, и фортомъ Гроэнъ, который занимаетъ сосѣдній островокъ страннаго вида, разрѣзанный на геометрически-правильныя фигуры бассейнами и рвами, изсѣченными въ гранитѣ. Мальме, напротивъ, чисто-торговый городъ, хотя подступы къ нему довольно опасны для судовъ и заграждены песчаными мелями; но въ новѣйшее время произведены были значительныя работы, имѣвшія цѣлью устройство удобной гавани, гдѣ глубина воды болѣе 6 метровъ, и на земляхъ, прибавленныхъ къ материку, выстроился цѣлый городъ, съ пристанями, складочными амбарами, фабриками, кораблестроительными верфями. Самое красивое зданіе Мальме находится въ старомъ городѣ: это—прелестная ратуша въ стилѣ эпохи Возрожденія, украшенная въ центрѣ трибуной, сдѣланной въ видѣ выступа въ стѣнѣ. Благодаря новому порту, Мальме возвысился на степень третьяго города Швеціи; движеніе судоходства въ этомъ портѣ, откуда отправляютъ за границу преимущественно земледѣльческія произведенія, представляло въ 1894 году (со включеніемъ сосѣднихъ пристаней Ломма и Лимгамнъ) слѣдующія цифры:

Въ приходѣ изъ-за границы—5.758 судовъ; въ отходѣ туда — 5.414 судовъ; къ гавани Мальме принадлежало 56 судовъ, съ общей вмѣстимостью въ 19.409 тоннъ.

Мальме далеко опередилъ своего прежняго соперника, университетскій городъ Лундъ, лежащій на сѣверо-востокѣ, среди плодороднѣйшихъ равнинъ Сканіи. До реформаціи этотъ послѣдній городъ былъ резиденціей архіепископа-примаса Скандинавіи; онъ гордо величалъ себя духовной метрополіей Даніи, и короли, по вступленіи на престолъ, пріѣзжали сюда приносить присягу на вѣрность основнымъ законамъ государства; мѣстомъ совершенія церемоніи коронованія былъ одинъ курганъ въ окрестностяхъ города, извѣстный подъ именемъ пригорка св. Либорія. Лишенный своихъ привилегій, затѣмъ разоренный войнами, Лундъ быстро пришелъ въ упадокъ, и къ концу прошлаго столѣтія населеніе его не превышало тысячи душъ. Впослѣдствіи онъ мало по малу опять поднялся, благодаря своему университету, основанному въ 1668 году королемъ Карломъ X, который преслѣдовалъ при этомъ политическую цѣль, состоявшую въ томъ, чтобы посредствомъ употребленія шведскаго языка какъ можно скорѣе ассимилировать недавно завоеванныя провинціи (въ 1892 г. въ Лундскомъ университетѣ числилось 683 студента, а библіотека его содержала около 120.000 томовъ и 2.000 рукописей). Въ настоящее время этотъ городъ имѣетъ много красивыхъ зданій, прекрасные сады, парки и различныя коллекціи; между прочимъ, археологическій музей, основанный Нильсономъ; бронзовая статуя поэта Тегнера, который долгое время былъ профессоромъ университета, украшаетъ одну изъ городскихъ площадей. Каѳедральный соборъ Лунда, византійское зданіе одиннадцатаго столѣтія, есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ Швеціи.

Юго-западный выступъ Швеціи оканчивается песчаной косой, на оконечности которой стоятъ два городка, Сканоръ и Фальстербо, составляющіе вмѣстѣ одно городское общество; нѣкогда очень богатый, именно въ тѣ времена, когда сельди собирались массами въ сосѣднихъ моряхъ, этотъ двойной городъ съ прекращеніемъ главнаго источника его благосостоянія пришелъ въ упадокъ, и такъ какъ Фальстербо сдѣлался слишкомъ бѣденъ, чтобы бороться противъ постояннаго нашествія песковъ, то часть его территоріи исчезла подъ дюнами. На востокѣ, Треллеборгъ и болѣе дѣятельный по торговлѣ городъ Истадъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на южномъ берегу Сканіи (движеніе судоходства въ этихъ двухъ портахъ въ 1877 году по приходу и отходу: Треллеборгъ—1.326 судовъ, вмѣстимостью 91.060 тоннъ; Истадъ—1.896 судовъ, вмѣстимостью 219.150 тоннъ).

Христіанстадъ, или Кристіанстадъ, главный городъ одной изъ областей (län) Сканіи, построенъ недалеко отъ внутренняго угла залива, называемаго шведами «бухтой Гане», въ болотистой равнинѣ, которая нѣкогда была фьордомъ и которую осушали, углубивъ рѣку Гельге и сдѣлавъ ее судоходной для небольшихъ пароходовъ (въ 1877 году къ Христіанстадскому порту прибыло и вышло изъ него 421 судно, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 59.572 тоннамъ). Далѣе слѣдуютъ порты Сельвесборгъ и Карлсгамнъ, изъ которыхъ послѣдній служитъ мѣстомъ отправки земледѣльческихъ произведеній области Вексіо, лежащей далеко внутри материка, среди лабиринта озеръ и лѣсовъ. Реннеби, мѣстечко, расположенное при устьѣ рѣки того же имени, славится своими минеральными водами, самыми модными и наиболѣе посѣщаемыми изъ шведскихъ водъ; его цѣлебные ключи превосходятъ всѣ извѣстные минеральные источники по содержанію сѣрнокислаго желѣза и сѣрнокислаго глинозема [1]).

[1]) Elis Sidenbladh, „Le royaume de Suède“.

Когда была основана Карлскрона, жители Реннеби получили приказъ переселиться въ новый городъ, который скрывается на востокѣ, близъ юго-восточнаго мыса Скандинавіи, за валомъ изъ укрѣпленныхъ островковъ. Карлскрона, главный городъ области Блекинге, названный такъ въ честь короля Карла XI, есть главная морская станція Швеціи. Это городъ, построенный на гранитномъ островкѣ, который окруженъ полукругомъ другихъ островковъ и соединенъ посредствомъ жете и плотинъ съ береговыми скалами и твердой землей; доки, бассейны для починки судовъ вырыты въ живой скалѣ, форты высятся тамъ и сямъ внѣ рейда, гдѣ корабли стоятъ на якорѣ, совершенно защищенные отъ вѣтра и волненія. Водопроводъ длиною около 8 километровъ приноситъ въ городъ и въ арсеналъ превосходную ключевую воду. Движеніе судоходства въ портахъ Блекингскаго округа по приходу и отходу судовъ:

Сельвесборгъ (1877 г.)—492 судна, вмѣстимостью 77.600 тоннъ; Карлсгамнъ (1891 г.)—1.773 судна, вмѣстимостью 135.267 тоннъ; Реннеби (1877 г.)—1.393 судна, вмѣстимостью 113.460 тоннъ; Карлскрона (1893 г.)—936 судовъ, вмѣстимостью 186.572 тонны.

Кальмаръ, главный административный пунктъ области (län), какъ и Карлскрона,—старинный городъ, пріобрѣтшій важное значеніе, благодаря своему положенію на самомъ порогѣ пролива, отдѣляющаго городъ Борггольмъ и равнины острова Эланда отъ твердой земли; но исторической извѣстностью своего имени онъ обязанъ договору о соединеніи, заключенному въ 1397 году между тремя скандинавскими государствами (такъ называемая Кальмарская унія) и, къ несчастію, сопровождавшемуся кровопролитными войнами. За Кальмаромъ на томъ же берегу идетъ рядъ портовыхъ городовъ, какъ-то: Менстерасъ; Оскарсгамнъ, поддерживающій правильное судоходное сообщеніе, даже зимой, съ городомъ Висби, на островѣ Готландѣ; Фигегольмъ, Вестервикъ, Гамлеби. Движеніе судоходства въ портахъ Кальмарской области:

Кальмаръ (1891 г., въ приходѣ) — 854 судна, вмѣстимостью 109.667 тоннъ; Борггольмъ (1877 г.)—1.720 суд., вмѣстимостью 161.440 тоннъ; Оскарсгамнъ (1891 г., въ приходѣ)—690 судовъ, вмѣстимостью 71.951 тонна; Вестервикъ (1877 г.)—995 судовъ, вмѣстимостью 144.210 тоннъ; торговый флотъ Кальмара (1893 г.) — 133 судна, вмѣстимостью 12.867 тоннъ.

Далѣе на сѣверѣ одинъ изъ фьордовъ, которыми изрѣзано побережье, ведетъ къ Норркепингу или «Сѣверному рынку», о которомъ лѣтописи упоминаютъ уже въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, какъ о соперникѣ Седеркепинга, или «Южнаго рынка», лежащаго при оконечности другаго, болѣе полуденнаго фьорда. Норркепингъ покрываетъ пространство въ нѣсколько квадратныхъ километровъ на обоихъ берегахъ рѣки Моталы, широкаго потока, уносящаго въ море излишекъ водъ озера Веттернъ и многихъ другихъ озерныхъ бассейновъ меньшихъ размѣровъ. Въ самомъ городѣ эти воды ниспадаютъ каскадами и быстринами, которые даютъ движущую силу, приводящую въ движеніе колеса и турбины многочисленныхъ мануфактуръ Норркепинга, который шведы часто называютъ съ гордостью «Манчестеромъ Скандинавіи». Фабрикація суконъ получила въ этомъ городѣ столь значительное развитіе, что въ 1876 году его 33 суконныя фабрики доставили двѣ трети всѣхъ шерстяныхъ матерій, приготовленныхъ въ королевствѣ [1]). Кромѣ суконныхъ фабрикъ (производство въ 1892 г.: 6 милліоновъ кронъ), Норркепингъ имѣетъ также бумагопрядильныя и ткацкія мануфактуры (производство въ 1892 г.: 7 милліоновъ кронъ), заводы для приготовленія крупичатой муки, для рафинировки сахара; во всѣхъ этихъ фабричныхъ заведеніяхъ насчитывается болѣе шести тысячъ рабочихъ; кромѣ того, его кораблестроительныя верфи изготовляютъ для военнаго флота канонирки и броненосныя суда. Торговля Норркепинга съ иностранными рынками состоитъ преимущественно въ привозѣ сырья и каменнаго угля; главные предметы отпуска составляютъ овесъ, лѣсъ, желѣзо, химическія спички и мраморы изъ сосѣднихъ каменоломенъ. Движеніе судоходства въ Норркепингскомъ портѣ въ 1891 году: прибыло 249 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 84.650 тоннамъ. На югѣ мѣдные рудники горы Атвидабергъ, которые по важности соперничали съ Фалунскими рудниками, и гдѣ были вырыты самыя глубокія въ Швеціи подземныя галлереи, теперь не разрабатываются болѣе. На сѣверо-западѣ отъ Норркепинга находится знаменитый Финспангскій пушечно-литейный заводъ, расположенный въ очень живописной мѣстности, замѣчательной въ особенности своими утесами, которые круто обрываются надъ Норркепингской равниной: въ немногихъ странахъ древнія перемѣщенія почвы обнаруживаются болѣе отчетливымъ образомъ.

Городъ Мотала, лежащій въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка того же имени вытекаетъ изъ озера Веттернъ, — также фабричный центръ; однако, онъ, какъ и другіе города бассейна Моталы, не можетъ равняться съ Норркепингомъ по важности своей промышленности. Въ этой области самые замѣчательные города — Линкепингъ и Іенкепингъ. Линкепингъ, въ окрестностяхъ котораго родился знаменитый химикъ Берцеліусъ, имѣетъ теперь сообщеніе съ моремъ посредствомъ канала со шлюзами; это—древній городъ, бывшій резиденціей епископа; соборъ его часто былъ опустошаемъ пожарами,

[1]) Elis Sidenbladh, „Royaume de Suède“.

такъ что отъ первоначальнаго зданія уцѣлѣли только хоры въ готическомъ стилѣ. Іенкепингъ, построенный у полуденной оконечности озера Веттернъ, между этимъ обширнымъ бассейномъ и живописнымъ «озеромъ монаховъ» или Мунксъ-іенъ, и пересѣкаемый каналомъ, въ водахъ котораго отражаются густолистыя деревья городскаго гульбища, замѣчателенъ въ особенности какъ промышленный центръ. На востокѣ, близъ высокихъ водопадовъ Гускварна, низвергающихся къ озеру Веттернъ, находится между другими фабричными заведеніями, сгруппированными въ видѣ большаго села, одинъ изъ главнѣйшихъ металлургическихъ заводовъ Швеціи, на которомъ выдѣлываются ружья, швейныя машины, стальные инструменты всякаго рода; на юго-востокѣ устроены большія доменныя печи, гдѣ плавятъ руду, добываемую изъ знаменитой горы Табергъ; наконецъ, въ южной части города, на берегахъ «озера монаховъ», расположена самая обширная въ свѣтѣ фабрика химическихъ спичекъ, произведенія которой извѣстны даже на островахъ антиподовъ и во внутреннихъ провинціяхъ Китая. Въ 1876 году рабочіе этой мануфактуры, въ числѣ 1.800 человѣкъ, изъ которыхъ половина была занята на дому, сфабриковали 200 милліоновъ коробокъ, или около 20 милліардовъ спичекъ, на сумму почти 4 милліона франковъ [1]); годовое потребленіе дерева для приготовленія этой массы спичекъ представляетъ цѣлое лѣса. На сѣверѣ отъ Іенкепинга, на одномъ изъ острововъ озера Веттернъ, находится древняя королевская резиденція Визингъ. Скара, величающій себя старѣйшимъ городомъ Швеціи, лежитъ на сѣверо-западѣ, между двумя большими озерами.

Стокгольмъ, столица Швеціи и самый многолюдный городъ Скандинавскаго полуострова, занимаетъ наиболѣе благопріятное географическое положеніе между шведскими городами балтійской покатости. Построенный почти на серединѣ восточнаго берега полуострова, онъ расположенъ на обоихъ берегахъ пролива, соединяющаго одинъ изъ фьордовъ прибрежья съ большимъ Меларскимъ озеромъ, развѣтвляющимся въ видѣ многочисленныхъ заливовъ и бухтъ верстъ на сто во внутрь земель и судоходнымъ для мелкихъ судовъ на всемъ его протяженіи. Область, омываемая Меларскимъ озеромъ, есть одна изъ тѣхъ, гдѣ земли наиболѣе плодородны и наиболѣе удобны для воздѣлыванія; лѣса тутъ обширные и высокоствольные; къ богатствамъ, находящимся на поверхности земли, присоединяются сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ почвы,—мѣсторожденія желѣза и другихъ металловъ; повсюду представляются мѣстности, благопріятныя для постройки городовъ и удобныя для торговыхъ сношеній съ иностранными государствами. Въ первыя времена скандинавской исторіи для столицы свевскаго царства были выбираемы другія мѣстоположенія,—не тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Стокгольмъ, и всѣ эти города достигали цвѣтущаго состоянія. Первая по времени столица, Бьерке (первоначально Бирка), построенная съ оборонительной цѣлью на одномъ островѣ, лежащемъ среди Меларскаго озера, верстахъ въ сорока отъ Стокгольма, и теперь еще представляетъ обширный некрополь, гдѣ насчитываютъ болѣе 2.000 могилъ, изъ которыхъ многія были тщательно изслѣдованы, и въ нихъ найдены различные денежные знаки, относящіеся къ эпохѣ отъ восьмаго до одиннадцатаго столѣтія и свидѣтельствующія о дѣятельной и обширной торговлѣ съ чужими краями,—между прочимъ, монеты византійскія, куфическія и даже африканскія каури. Кухонныя кучи этого древняго города, отчасти подвергшіяся разложенію и превратившіяся въ черноземъ, доставляютъ нынѣ на стокгольмскій рынокъ лучшій картофель. За Бьерке или Биркой слѣдовали, въ качествѣ столицы, Сигтуна, Упсала и другіе города, которые до сихъ поръ еще принадлежатъ къ числу важныхъ городовъ страны; но около половины тринадцатаго столѣтія тогдашній правитель Швеціи, Биргеръ-Ярлъ, утомленный набѣгами, которые пираты дѣлали даже во внутреннюю часть Меларскаго озера, возымѣлъ счастливую мысль укрѣпить рыбацкій островокъ, находящійся по серединѣ узкаго морскаго пролива у выхода изъ озера: здѣсь-то, въ этой позиціи, единственной въ Швеціи по выгодамъ географическаго положенія, и возникъ стольный градъ Стокгольмъ, уже пятьсотъ лѣтъ неимѣющій себѣ соперника на Скандинавскомъ полуостровѣ, и одинъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Европы.

Выступъ морскаго прибрежья, гдѣ фьордъ, сообщающійся съ Меларскимъ бассейномъ, соединяется съ Балтійскимъ моремъ, составляетъ естественный центръ для всей Швеціи: въ этомъ пунктѣ сходятся, какъ на оси колеса, отъ котораго осталась только половина, радіусы, образуемые пересѣкающими страну дорогами, по которымъ слѣдовали во всѣ времена колонисты и арміи завоевателей. Изъ этихъ историческихъ путей главный тотъ, который идетъ черезъ низменность большихъ озеръ, отъ Меларскаго озера до устьевъ рѣки Гота-эльфъ. Посредствомъ этой дороги, западную оконечность которой охраняетъ городъ Гетеборгъ, Стокгольмъ располагаетъ портами Каттегата, и даже въ зимнее время, когда берега Балтійскаго моря скованы льдами, онъ можетъ отправлять свои произведенія на западъ и получать заграничные товары черезъ Атлантическій океанъ, никогда незамерзающій. Наконецъ, самая форма Балтики обезпечиваетъ столицѣ Швеціи, какъ приморскому городу, неоцѣненныя выгоды. Въ

[1]) Elis Sidenbladh, „Royaume de Suède“.

самомъ дѣлѣ, это внутреннее море образуетъ напротивъ Стокгольмскаго выступа родъ перекрестка морскихъ путей: на сѣверѣ продолжается Ботническій заливъ; на югѣ главный бассейнъ Балтики открывается къ берегамъ Германіи; на юго-востокѣ Рижскій заливъ, отчасти запертый со стороны моря островами, проникаетъ внутрь Курляндіи и Лифляндіи, тогда какъ прямо въ восточномъ направленіи Финскій заливъ вдается въ материкъ, какъ-бы идя на встрѣчу большимъ озерамъ Россіи [1]). По этому-то пути Швеція, въ то время относительно болѣе могущественная, чѣмъ нынѣ, посылала свои военныя экспедиціи въ страну, которая у скандинавовъ извѣстна была подъ именемъ Гардарике: Стокгольмъ занималъ позицію какъ разъ напротивъ, и долгое время можно было думать, что онъ возьметъ верхъ въ этой борьбѣ; но, въ свою очередь, и Россія построила свою столицу при устьѣ Невы и свои передовыя укрѣпленія на Аландскихъ островахъ, откуда она зорко сторожитъ сосѣдній берегъ. Стокгольмъ сохранилъ и развилъ всѣ свои коммерческія выгоды; но важность его позиціи, какъ стратегическаго пункта, совершенно уничтожена громадностью наступательныхъ силъ, которыми располагаетъ славянская держава.

Стокгольмъ—одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, особенно въ лѣтній вечеръ, когда заходящее солнце позлащаетъ фасады его дворцовъ и отражается длинной, постоянно волнующей полосой свѣта въ быстрыхъ водахъ потока. Шведская столица воздвигла свои зданія и развернула свои набережныя на такомъ множествѣ острововъ и полуострововъ, что она представляетъ, смотря по мѣсту наблюденія, безконечное разнообразіе видовъ; но, откуда бы мы ни смотрѣли, она вездѣ является прекрасной, благодаря обрамляющему ее горизонту холмовъ и большихъ озеръ, благодаря длиннымъ перспективамъ водъ, усѣянныхъ судами и безпрестанно снующими лодками, — перспективамъ, которыя теряются вдали, съ одной стороны,—по направленію къ морю, съ другой—по направленію къ Меларскому озеру. Въ центрѣ помѣщается старый городъ, омываемый водами пролива, и къ берегамъ котораго примыкаютъ два островка, словно двѣ барки, привязанныя по бокамъ корабля; но этотъ узкій островъ, гдѣ находились крѣпость и дворецъ Биргеръ-Ярла, давно уже пересталъ вмѣщать жителей разростающагося города: на сѣверѣ теперь простирается обширный кварталъ Норрмальмъ, который выдвигаетъ свои улицы и аллеи все далѣе и далѣе на твердую землю и на островъ Кунгсгольмъ, на югѣ другая половина города, мало-аристократическій кварталъ

[1]) J. G. Kohl, „Die geographische Lage der Hauptstädte Europa's".

Седермальмъ, подъ которымъ проходитъ по туннелю желѣзная дорога, занимаетъ большую часть острова, окруженнаго неглубокими водами, и соединяется посредствомъ мостовъ съ внѣшними предмѣстьями, расположенными на материкѣ. Путеводы и широкія шоссе пересѣкаютъ всѣ проливы Стокгольма, и даже со стороны моря, на востокѣ отъ города въ собственномъ смыслѣ, разсѣянные островки соединены съ твердой землей молами: нѣкоторые кварталы шведской столицы напоминаютъ чудный городъ адріатическихъ лагунъ.

Самое величественное зданіе Стокгольма—королевскій дворецъ, громадный каменный кубъ, воздвигнутый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ основатель города построилъ свою крѣпость; онъ заключаетъ болѣе восьми сотъ комнатъ, изъ которыхъ иныя напоминаютъ историческія сцены, тогда какъ другія представляютъ интересъ только своими картинами или обоями; съ террасы дворца открывается обширный видъ, обнимающій гавань, острова и большую часть города. Недалеко отъ дворца возвышается древнѣйшій памятникъ Стокгольма—Сторкирка, или «Большая церковь», построенная Биргеръ-Ярломъ въ 1264 году, но съ той поры много разъ поправленная: здѣсь вѣнчаются на царство короли шведскіе. На «островѣ рыцарей», или Риддаргольмѣ, который соединенъ на западной сторонѣ съ островомъ стараго города, стоитъ другая королевская церковь, вся украшанная внутри знаменами и военными трофеями; тамъ же находятся, между многими другими гробницами, гробницы Густава-Адольфа, Карла XII и гробница Карла-Іоанна Бернадотта, высокій саркофагъ изъ краснаго порфира. Передъ этой церковью стоитъ горделивая статуя рыцаря, представляющая основателя Стокгольма, Биргеръ-Ярла. На островкѣ Риддаргольмъ совсѣмъ нѣтъ частныхъ жилищъ,—весь онъ застроенъ національными памятниками. Точно также стрѣлка стараго города, соединенная теперь съ Норрмальмомъ прекраснымъ мостомъ, лучшимъ изъ стокгольмскихъ мостовъ, заключаетъ только публичныя зданія, между которыми первое мѣсто занимаетъ пышный «дворецъ дворянства», Риддаргузетъ, гдѣ прежде происходили собранія представителей дворянскаго сословія. Почти всѣ площади столицы украшены бронзовыми статуями, представляющими по большей части государей; одна изъ нихъ, окруженная зеленью, изображаетъ Берцеліуса, который долго жилъ въ Стокгольмѣ, былъ тамъ профессоромъ и тамъ же скончался.

Напротивъ королевскаго дворца, на полуостровѣ Норрмальмъ, выдвинутомъ къ острову Шепсгольменъ («корабельный островъ»), возвышается національный музей. Это обширное собраніе различныхъ коллекцій заключаетъ въ себѣ, нѣсколько замѣчательныхъ произведеній скульптуры, между прочимъ, ан-

тики, принадлежавшіе королю Густаву III; затѣмъ, въ отдѣленіи живописи онъ содержитъ около 1.500 картинъ, между которыми всего лучше представлены произведенія школъ фламандской и голландской; но особенно выгодно отличается Стокгольмскій музей между европейскими собраніями этого рода своими залами «доисторической» галлереи, посвященной вѣкамъ, предшествовавшимъ исторіи и наполненной предметами глубокой древности, превосходно классифицированными Гильдебрандомъ. Недавно Газеліусъ основалъ этнографическій музей, спеціально-скандинавскій, который въ

Стокгольмъ.— Видъ изъ Сальтсьена.

нѣсколько лѣтъ обогатился многочисленными дарами, и который, безъ сомнѣнія, сдѣлается современемъ однимъ изъ важнѣйшихъ національныхъ учрежденій: здѣсь собрано все, что имѣетъ отношеніе къ образу жизни, одеждѣ,

промысламъ и искусствамъ скандинавовъ и лапландцевъ. Дворецъ академіи наукъ также заключаетъ драгоцѣнный музей, сокровища котораго состоятъ главнымъ образомъ изъ предметовъ, относящихся къ естественной исторіи; въ особенности заслуживаетъ вниманія знаменитая глыба желѣза, метеорнаго или земнаго, вѣсомъ въ 20 тоннъ, привезенная съ острова Диско профессоромъ Норденшельдомъ и подавшая поводъ къ оживленнымъ спорамъ между учеными. Библіотека академіи наукъ очень богата драгоцѣнными памятниками, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны гербарій Линнея и всѣ рукописныя сочиненія Сведенборга; но главная національная библіотека находится въ другомъ мѣстѣ города, въ паркѣ, называемомъ Гумлегарденъ, и дворецъ, въ которомъ она помѣщается, построенъ такимъ образомъ, что можетъ быть увеличиваемъ сколько угодно по мѣрѣ того, какъ будутъ возрастать богатства книгохранилища. Въ настоящее время библіотека эта содержитъ около 250.000 томовъ, между которыми особенно замѣчательны латинскій переводъ четырехъ евангелистовъ, извѣстныхъ подъ именъ Codex aureus (золотой кодексъ), и знаменитая «Чортова библія», сборникъ формулъ, частію относящихся къ магіи, въ которомъ нѣкоторые листки, какъ полагаютъ, восходятъ къ девятому столѣтію. Кромѣ того, государственная библіотека обладаетъ большимъ числомъ манускриптовъ (около 8.000), коллекціями историческихъ автографовъ и другими подлинными документами, представляющими драгоцѣнные архивы, гдѣ многіе ученые, между прочимъ, Жоффруа и Ріанъ, нашли весьма важныя данныя для историческихъ изслѣдованій. Въ Стокгольмѣ просвѣщеніе въ большомъ почетѣ; изъ учебныхъ заведеній его особенно замѣчательны академія художествъ и музыкальная академія, откуда выходятъ превосходные воспитанники. Вольный университетъ, постепенно расширяющійся, насчитывалъ въ 1878 году 340 слушателей обоего пола. Однимъ изъ профессоровъ высшей математики въ этомъ университетѣ была съ 1884 года до самой своей смерти (1891 года) Софья Ковалевская.

Промышленность Стокгольма очень дѣятельна и разнообразна: здѣсь есть фабричныя заведенія всякаго рода—литейные, рафинадные заводы, прядильныя и ткацкія мануфактуры, кораблестроительныя верфи; въ окрестностяхъ существуетъ даже фабрика фарфоровой и тонкой фаянсовой посуды (въ 1893 году насчитывалось 408 фабричныхъ заведеній въ дѣйствіи, съ 13.740 рабочими, общее производство которыхъ представляло цѣнность въ 47 милліоновъ кронъ). Торговля шведской столицы также весьма обширна; чтобы составить понятіе о размѣрахъ ея, достаточно посмотрѣть на оживленное движеніе, господствующее въ гавани, и на толпы народа, которыя часто стремятся къ громадному зданію центральной желѣзнодорожной станціи, расположенной къ сѣверу отъ острова Риддаргольмъ, въ сѣверной части города (Норрмальмъ), тамъ, гдѣ недавно разстилалось озеро Кларасье.

Движеніе торговаго судоходства въ стокгольмскомъ портѣ въ 1895 г.: въ приходѣ— 1.822 судна, вмѣстимостью въ 707.524 тонны; въ отходѣ — 1.833 судна, вмѣстимостью в 714.931 тонну.

Коммерческій флотъ Стокгольма въ 1893 . состоялъ изъ 281 судна, въ томъ числѣ 2.. пароходовъ въ 39.882 тонны. Маленькая вое. ная флотилія держится въ сосѣдствѣ арсен.. ловъ и верфей Корабельнаго острова, а .. всѣхъ бухточкахъ, вдоль всѣхъ набережных. стоятъ длинными рядами купеческія суд. Но такъ какъ портъ каждый годъ бываетъ з. пертъ льдами въ продолженіе отъ трехъ .. пяти мѣсяцевъ, то пришли къ мысли устрои. внѣшнюю гавань въ Нюнасѣ, на самомъ бере. Балтійскаго моря, который предположено с. единить съ городомъ посредствомъ желѣзн. дороги, чтобы сократить для судоходства п. ріодъ бездѣйствія. Въ началѣ 1879 года инж. неры приступили къ постройкѣ набережных. и амбаровъ на сѣверо-восточной сторонѣ . рода, имѣя въ виду преобразовать морской р. кавъ или проливъ, называемый Лилла-Вертан. въ большой складочный портъ для громоз. кихъ товаровъ—лѣса, желѣза, каменнаго угл. Мостъ, пересѣкающій этотъ проливъ, будет. переведенъ далѣе на сѣверъ и поставленъ н. противъ Лидинге [1]). Стокгольмъ не довольство. вался находящимися въ его распоряженіи, дл. сообщенія съ моремъ, тремя естественным. каналами, которые извиваются между остр. вами прибрежья,—онъ еще вырылъ себѣ че. резъ одинъ изъ холмовъ искусственный ка. налъ, соединяющій непосредственно фьордъ Гиммерсье съ главнымъ бассейномъ Меларскаго озера; такимъ образомъ суда изъ Стокгольма могутъ достигнуть моря двумя путями: или направляясь на западъ къ каналу, или плывя на востокъ по теченію. Въ 1879 году портъ Меларскаго озера былъ исходнымъ пунктомъ 97 различныхъ путей для пароходовъ.

Столица Швеціи, сама по себѣ занимающая такое прекрасное мѣстоположеніе, окружена къ тому же живописными окрестностями, среди которыхъ разсѣяны замки и загородные дома. Подлѣ самаго Стокгольма, на островѣ, носящемъ названіе «Парка» или Дьюргарденъ («зоологическій садъ»), находятся вилла скульптора Бистрема, который самъ выстроилъ ее и обогатилъ произведеніями искусства, павильонъ Розендаль и Бельведерская башня,

[1]) Carl Rosenberg, „Рукописныя замѣтки“.

откуда открывается обширный видъ, обнимающій лабиринтъ острововъ и великолѣпную панораму города, съ его безчисленными «пароходами мухами», безпрестанно снующими по всѣмъ направленіямъ. На сѣверѣ находятся замки Гага, Ульриксдаль, окруженные тѣнистыми парками. На западѣ тянутся безчисленные острова Меларскаго озера, съ ихъ развалинами и современными постройками, съ ихъ лѣсками, рощами и лужайками; на одномъ изъ этихъ тысячи трехъ сотъ острововъ стоитъ колоссальный Дротнингсгольмскій дворецъ, заключающій, между прочимъ, интересную коллекцію картинъ, хотя уже лишенную лучшихъ ея полотенъ, которыми завладѣлъ стокгольмскій національный музей. Далѣе на западѣ, на одномъ изъ мысовъ полуденнаго берега, высится Грипсгольмскій за̀мокъ, съ его круглыми башнями, которыя были свидѣтелями многихъ царственныхъ драмъ. Въ этомъ за̀мкѣ особенно заслуживаетъ вниманія историческій музей, который можно сравнить съ версальскимъ, но который, подобно картинной галлереѣ Дротнингсгольмскаго дворца, долженъ былъ уступить свои лучшія картины національному музею.

При входѣ въ Стекетъ-Зундъ видны развалины крѣпости, которая защищала подступы къ двумъ древнимъ городамъ—Сигтунѣ и Упсалѣ, подобно тому, какъ крѣпость Ваксгольмъ охраняетъ теперь подходы къ столицѣ. На сѣверѣ одинъ домъ обозначаетъ мѣстоположеніе древней Сигтуны, гдѣ, по преданію, вождь Сигге провозгласилъ себя богомъ и велѣлъ воздвигнуть себѣ храмъ; это былъ первый храмъ, который построили свевы, проникнувъ въ страну. По другую сторону фьорда, на мысѣ, расположена деревня, занимающая мѣсто, гдѣ стоялъ второй, позднѣйшій Сигтуна, который, въ свою очередь, сдѣлался могущественнымъ городомъ и стѣны котораго имѣли шесть миль въ окружности; но этотъ городъ также былъ разрушенъ, какъ и первый, и разграбившіе его морскіе разбойники, по сказанію лѣтописцевъ, унесли съ собой его серебряныя ворота. Далѣе на сѣверѣ встрѣчаемъ за̀мокъ Скоклостеръ, недоконченное, но величественное зданіе, съ широкими фасадами, съ четырьмя башнями по угламъ, и заключающее прекрасныя коллекціи оружія и книгъ. Затѣмъ, рукавъ фьорда, извивающійся на протяженіи 50 километровъ, описываетъ, наконецъ, свою послѣднюю излучину, и взорамъ путешественника представляются расположенныя на берегу рѣки Фирисъ зданія Упсалы, которая до Стокгольма была столицей шведовъ. Не означаетъ ли имя ея «Высокой залы»—Валгаллы, гдѣ возсѣдали на престолахъ скандинавскіе боги?

Но нынѣшній городъ Упсала не тотъ, гдѣ имѣлъ резиденцію богъ Одинъ; онъ былъ лишь его рынкомъ, портомъ, гдѣ производилась мѣновая торговля съ чужеземцами. Древній городъ, Гамла-Упсала, лежалъ сѣвернѣе, въ равнинѣ, у подошвы небольшой цѣпи песчаныхъ холмовъ, или такъ называемаго аса. Недавно отъ «Старой Упсалы» оставалось лишь нѣсколько бѣдныхъ лачугъ, да маленькая церковь, стоящая какъ говорятъ, на подземномъ строеніи храма, гдѣ приносились человѣческія жертвы; но теперь мало-по-малу возрождается новая деревня вокругъ желѣзнодорожной станціи, и мѣстность утратила свой священный характеръ. Неподалеку отъ древней церкви возвышаются три горки, насыпанныя рукой человѣка, гдѣ, по преданію, погребены боги Одинъ, Торъ и Фрейя. Другой бугоръ, пониже, извѣстный подъ именемъ Тингсгега, служилъ трибуной королямъ, когда они держали рѣчь къ народу. Съ вершины этихъ холмовъ видны въ пустынной равнинѣ тысячи другихъ возвышеній, отчасти искусственныхъ, большинство которыхъ, вѣроятно, могильные курганы.

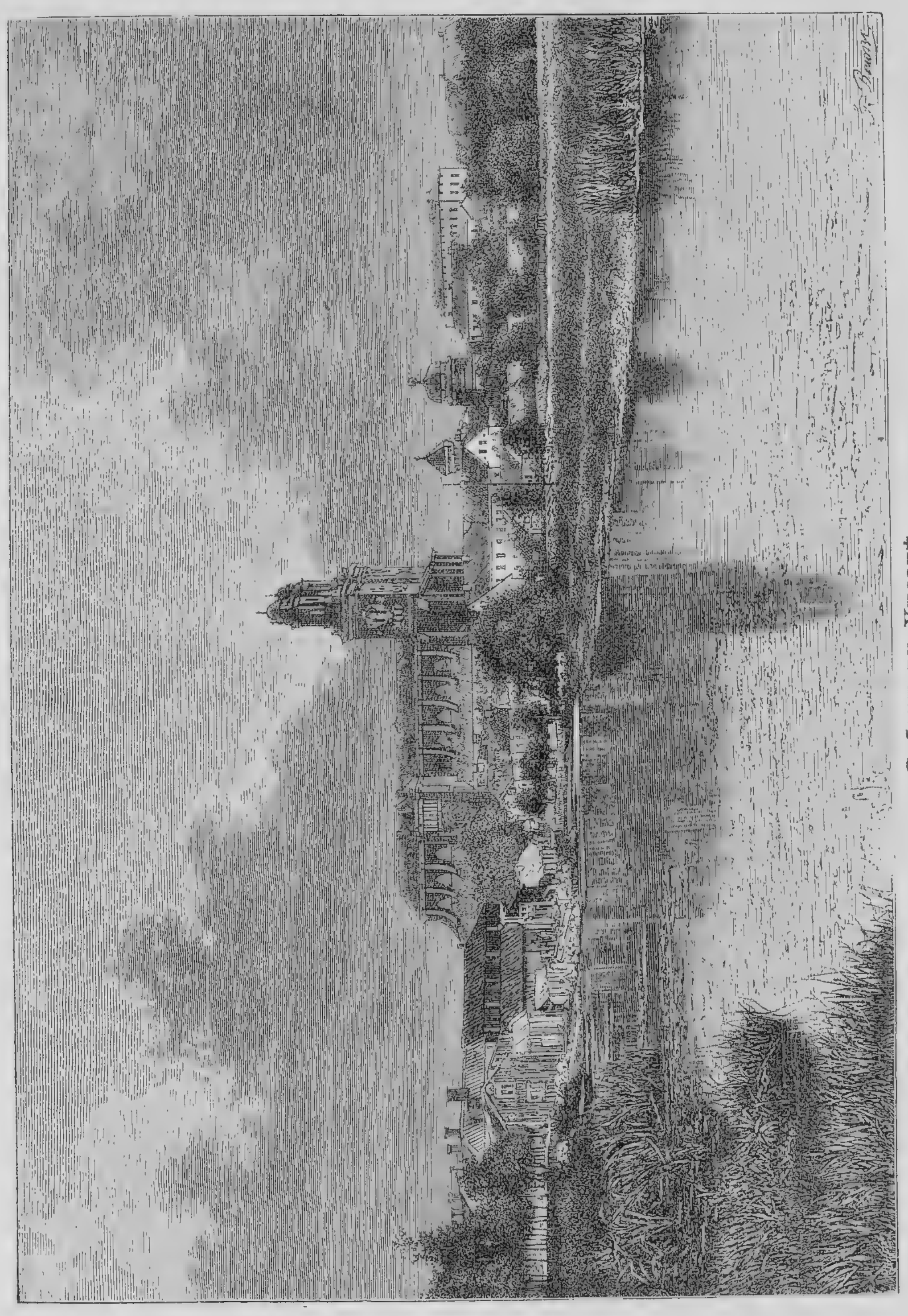
На вершинѣ и на скатахъ холма, занимаемаго городомъ Упсалой, который смѣнилъ, какъ столица государства, «Старую Упсалу» (Гамла-Упсала), возвышаются три знаменитѣйшія зданія Швеціи: за̀мокъ, университетъ, каѳедральный соборъ. Послѣ Трондгьемской церкви, Упсальскій соборъ, безспорно,—прекраснѣйшій религіозный памятникъ готической эпохи во всей Скандинавіи; но передъ норвежскимъ храмомъ онъ имѣетъ то преимущество, что корпусъ его сохранился въ цѣлости, несмотря на пять пожаровъ, опустошавшихъ зданіе. Издали его двѣ башни, оканчивающіяся на верху куполами въ формѣ тіаръ, представляютъ странный видъ, кажутся неимѣющими связи съ архитектурой зданія; вблизи фасадъ, опирающійся на четыре массивные контръ-форса и почти голый, безъ всякихъ украшеній, импонируетъ строгимъ благородствомъ своихъ линій: онъ, вѣроятно, является такимъ, какимъ былъ проектированъ архитекторомъ, который началъ его постройку въ 1287 году,—французомъ Этьеномъ де-Боннейль. Во внутренности собора находятся гробницы Густава-Вазы, Оксеншерны, Линнея, а въ ризницѣ, между многими другими древностями, обращаетъ на себя вниманіе идолъ бога Тора. Упсальскій за̀мокъ, громадная масса краснаго кирпича, обставленная по бокамъ круглыми башнями, возвышается на вершинѣ холма (асъ) и господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Менѣе древній, сравнительно съ соборомъ, кремль этотъ также напоминаетъ имя Густава-Вазы, который воздвигъ эту крѣпостцу, чтобы держать подъ огнемъ ея пушекъ дворецъ архіепископа; недалеко оттуда происходилъ знаменитый духовный соборъ или синодъ, который отобралъ въ казну всѣ имущества церквей и монастырей и даже воспретилъ исповѣданіе католическаго культа, дабы, какъ сказано въ соборномъ постановленіи, «шведы, ставшіе однимъ человѣкомъ», имѣли «только одного Бога».

Съ террасъ за̀мка виденъ, какъ на ладони, весь городъ, и съ перваго же взгляда можно замѣтить, что онъ принадлежитъ студентамъ, потому что самыя большія строенія, заключающіяся въ полѣ зрѣнія, все университетскія зданія; во время отсутствія «тринадцати націй» или «землячествъ», на которыя дѣлятся слушатели университета по провинціямъ, городъ кажется мертвымъ. Эта знаменитая высшая школа, праздновавшая въ 1877 году четырехсотлѣтній юбилей своего основанія, обязана своимъ именемъ Carolina королю Карлу IX и прозвищемъ Rediviva Карлу Іоанну Бернадоту, по повелѣнію котораго, для нея былъ построенъ дворецъ, который въ недавнее время (съ 1886 г.) замѣненъ новымъ, болѣе обширнымъ зданіемъ. Въ Упсальскомъ университетѣ, состоящемъ изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго (филологическія, математическія и естественныя науки) въ 1894 г. было 1.448 студентовъ. Университетское зданіе заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, обширную библіотеку, драгоцѣннѣйшее книгохранилище Швеціи, состоящее изъ 250.000 томовъ и 8.000 рукописей, между которыми находится древнѣйшій памятникъ скандинавской письменности, знаменитый Codex argenteus (серебряный кодексъ), или переводъ евангелій на готскій языкъ, сдѣланный епископомъ Ульфилой. Позади за̀мка, на восточной сторонѣ города, раскинутъ ботаническій садъ, гдѣ, несмотря на суровость климата, не взирая на губительный сѣверный вѣтеръ, собрана, подъ открытымъ небомъ и въ теплицахъ, превосходная коллекція представителей растительнаго царства, достойная знаменитаго упсальскаго профессора, который открылъ такъ много тайнъ изъ жизни растеній; современный посѣтитель съ чувствомъ истиннаго умиленія встрѣчаетъ въ оранжереяхъ, между деревьями умѣреннаго пояса и деревцами изъ странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, миртъ, насажденный рукою Линнея. Прекрасная мраморная статуя, работы скульптора Бистрема, представляющая Линнея сидящимъ и погруженнымъ въ размышленіе, возвышается подъ куполомъ ботаническаго амфитеатра, и садъ, продолжающій новыя насажденія у подножія за̀мка, остался въ томъ самомъ видѣ, какъ его расположилъ основатель. Въ окрестностяхъ города, на юго-востокѣ, недалеко отъ Мора-Стеноръ, то-есть «Камней Мора», сложенныхъ на такъ называемомъ «Королевскомъ лугу», гдѣ происходили выборы королей, сохранился загородный домъ Линнея, Гаммарби, который также посѣщается ботаниками, какъ священное мѣсто. Мѣсто рожденія знаменитаго естествоиспытателя, близъ Вексіо, въ полуденной Швеціи, отмѣчено обелискомъ, возвышающимся надъ желѣзной дорогой изъ Стокгольма въ Мальме. Цельзій, товарищъ и другъ Линнея, родился и умеръ въ Упсалѣ.

Въ этомъ городѣ есть нѣсколько промышленныхъ заведеній; ванны утилизируютъ источникъ, нѣкогда священный, неизсякаемая вода котораго, по преданію, вытекаетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была пролита кровь Эрика, покровителя Швеціи. Упсальская губернія (Län) обладаетъ большими минеральными богатствами, которыя находятся около деревни Даннемора, лежащей въ области лѣсовъ и озеръ, на сѣверо-востокѣ отъ главнаго города губерніи. Знаменитыя мѣсторожденія желѣзной руды, вся добыча которыхъ отправляется къ бирмингемскимъ фабрикантамъ, разрабатываются въ видѣ каменоломни, и рудники, изъ которыхъ иные еще сохранили валлонскія названія, открываются прямо на поверхности земли, какъ кратеры вулкановъ или цирки, образовавшіеся вслѣдствіе провала почвы. Главная каменоломня, неправильной эллиптической формы, длиною до 270, шириною около шестидесяти метровъ, представляетъ пропасть въ 130 метр. глубины съ вертикальными стѣнами, изъ которыхъ однако тамъ и сямъ выдаются выступы скалы; даже контръ-форсъ, оставленный как подпора на днѣ рудника, закругляется въ видѣ огромной арки, перекинутой отъ одной стѣны къ другой. Съ высоты помостовъ, выступающихъ надъ жерломъ, посѣтитель старается разглядѣть подробности зіяющей подъ его ногами огромной бездны, и часто взоръ теряется въ массѣ пара, гдѣ туманъ смѣшивается съ газами, выдѣляющимися вслѣдствіе взрывовъ: снѣгъ и ледъ держатся на днѣ рудника до середины лѣта, и ледяныя сосульки, висящія на стѣнахъ, составляютъ поразительный контрастъ съ черной скалой; но осенью и даже въ началѣ зимы въ глубинахъ шахты продолжается остатокъ лѣта. Рудокопы, одни стоя на лѣстницахъ, другіе свѣсившись на веревкахъ, отбиваютъ куски изъ черныхъ стѣнъ руды, содержащей среднимъ числомъ отъ 40 до 50 процентовъ чистаго металла, или работаютъ въ боковыхъ галлереяхъ или въ шахтахъ, открытыхъ на днѣ каменоломни. Въ Эстерби и на другихъ горныхъ заводахъ, въ окрестностяхъ Даннеморы, добытая порода немедленно обработывается безъ прибавки плавня (средняя ежегодная добыча въ даннеморскихъ рудникахъ отъ 60.000 до 70.000 тоннъ). Нѣкоторые владѣльцы рудниковъ—наслѣдники старинннаго товарищества рудокоповъ, давно уже разбогатѣвшаго и состоящаго теперь по большей части изъ лицъ, пользующихся почетомъ въ краѣ.

Кромѣ двухъ столицъ, Стокгольма и Упсалы, нѣкоторые другіе, довольно важные, города сообщаются непосредственно съ моремъ благодаря фьордамъ Меларскаго озера. Одинъ изъ этихъ фьордовъ почти на западной оконечно-

сти озера, омываетъ стѣны древняго епископскаго города Вестерасъ, тогда какъ послѣдняя бухта вдается въ землю до городка Кепингъ (то-есть «Рынокъ»), бывшаго мѣстопребыванія Стокгольмъ хлѣбъ—продуктъ его равнинъ, дерево—продуктъ его лѣсовъ и желѣзо, привозимое съ рудниковъ Нора. Недалеко отъ этого города впадаетъ въ рѣку Арбога каналъ, про-



Соборъ въ Упсалѣ.

химика Шеле. Далѣе, на судоходной рѣкѣ Арбога, которая течетъ вдоль основанія одного изъ любопытнѣйшихъ кряжей Швеціи, свидѣтельствующаго о разрывѣ почвы, стоитъ промышленный городъ Арбога, отправляющій въ веденный изъ озера Гьельмаръ или Гьельмаренъ, тогда какъ естественный истокъ этого озера проходитъ далѣе на западѣ и приводитъ въ движеніе эскильстунскія фабрики и заводы, снабжающіе стокгольмскій рынокъ мебелью,

орудіями и машинами. Эребро, лежащій у западной оконечности озера Гьельмаренъ, тоже очень оживленный торговый городъ, гордящійся своей готической ратушей; благодаря своему центральному положенію, онъ встарину часто былъ выбираемъ какъ мѣсто собранія для сеймовъ и духовныхъ соборовъ.

На сѣверѣ отъ Стокгольма слѣдуютъ одни за другими нѣсколько портовъ, защищенныхъ лабиринтомъ островковъ. Городъ Эльфъ-Карлеби, стоящій при устьѣ рѣки Далъ-эльфъ, обладаетъ важнѣйшимъ въ Швеціи мѣстомъ ловли лососей и посылаетъ продуктъ лова въ Стокгольмъ и за границу, преимущественно въ Германію. Самый значительный городъ морскаго прибрежья—Гефле, внѣшній видъ котораго напоминаетъ американскіе города необыкновенной правильностью улицъ и кварталовъ, построенныхъ на обоихъ берегахъ канализованной рѣки; изъ порта его вывозятся всѣ произведенія долины Далъ-эльфа, главнымъ образомъ лѣсъ, а также желѣзо и мѣдь изъ рудниковъ даннеморскихъ и фалунскихъ, а въ окрестностяхъ его есть значительныя фабричныя заведенія, машины которыхъ приводятся въ движеніе водами. Въ портъ Гефле въ 1891 г. прибыло съ грузомъ 266 судовъ въ 104.788 тоннъ, вышло изъ порта 614 судовъ въ 300.075 тоннъ. Городъ Фалунъ, почернѣвшій отъ дыма его многочисленныхъ заводовъ, выстроился внутри материка, благодаря находящимся въ сосѣдствѣ его мѣсторожденіямъ мѣдной руды. Эти мѣсторожденія, очень неравной цѣнности, такъ какъ нѣкоторыя части ихъ содержатъ всего только двѣ сотыхъ чистаго металла, тогда какъ другія даютъ его до одной пятой, составляютъ уже въ теченіе пятисотъ слишкомъ лѣтъ источникъ богатства для жителей Фалуна; однако производство его рудниковъ замѣчательно уменьшилось въ послѣдніе годы: подобно корнваллійскимъ мѣднымъ рудникамъ въ Англіи, и фалунскіе не могутъ болѣе выдерживать конкуренціи богатыхъ рудниковъ Южной Америки и Австраліи. Въ прежнее время годовая добыча ихъ доходила до 5.000 тоннъ, нынѣ же она почти въ десять разъ меньше. Видъ фалунскихъ рудниковъ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ предусмотрительности у первыхъ рудокоповъ. Входъ въ эти рудники похожъ на кратеръ вулкана: это—пропасть около 360 метровъ длиною, 120 метр. шириною и 60 метровъ глубиною, образовавшаяся вслѣдствіе провала галлерей въ 1678 году. Въ сосѣдствѣ Фалуна, на высокомъ скалистомъ мысѣ, вдающемся въ озеро Рунненъ, стоитъ домъ, пользующійся большимъ уваженіемъ у шведовъ, какъ историческій памятникъ: въ этомъ домѣ Густавъ Эрихсонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи королемъ подъ именемъ Густава I, нашелъ убѣжище во время борьбы съ датчанами въ 1520 году; внутренность дома заключаетъ нѣсколько любопытныхъ предметовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательно старинное оружіе.

На сѣверо-западѣ отъ Фалуна, разсѣянные по берегамъ озера Сильянъ далекарлійскіе городки: Лександъ, Ретвикъ, Орса, Вамгусъ, Мора, который поднялся первымъ на призывъ Густава,—замѣчательны какъ главные пункты огромныхъ сельскихъ общинъ, куда въ праздничные дни крестьяне тысячами приплываютъ на лодкахъ слушать въ церквахъ проповѣдь. Эти мѣстечки не имѣютъ собственной промышленности: молодые люди изъ Далекарліи обыкновенно уходятъ на заработки въ Стокгольмъ, гдѣ они занимаются ремесломъ часовщиковъ, куафёровъ, или продажей точильныхъ камней и другихъ мелкихъ товаровъ. Въ сѣверномъ направленіи, Эстерзундъ, стоящій на берегахъ Сторсьена, или «Большаго озера», есть въ внутренней части страны послѣдняя группа жилищъ, носящая титулъ города: онъ имѣетъ нѣкоторую важность, какъ промежуточная станція между городомъ Трондгьемъ и Ботническимъ заливомъ, и его пристань посѣщается многочисленными гоэлетами и пароходами, совершающими рейсы отъ одного берега озера къ другому (движеніе судоходства въ Эстерзундскомъ портѣ въ 1877 году: прибыло и вышло 1.525 судовъ, поднимавшихъ вмѣстѣ груза 516.476 тоннъ). За этимъ городомъ далѣе на сѣверѣ встрѣчаются только маленькія деревушки, да становища лопарей. Наиболѣе посѣщаемое изъ этихъ поселеній крайняго сѣвера—такъ называемый «Рай Лапландіи» циркъ Квикьоккъ, надъ которымъ съ западной стороны господствуетъ вѣчно покрытая снѣгомъ вершина Сулительмы.

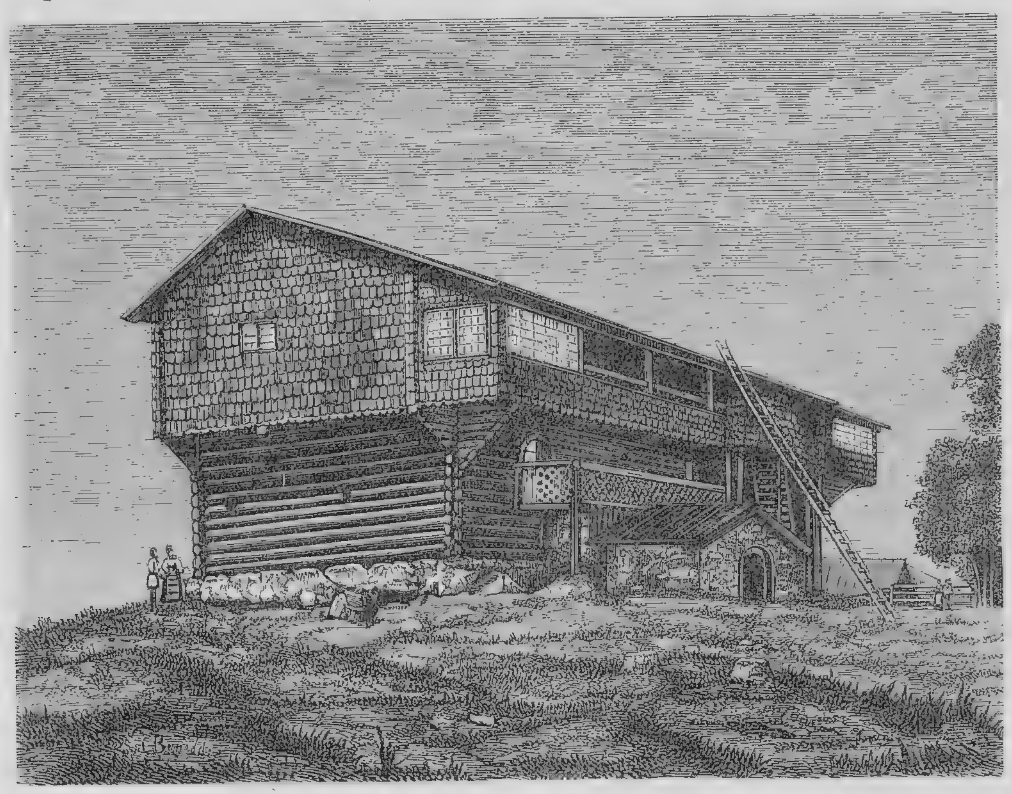
Порты, слѣдующіе одинъ за другимъ на сѣверѣ отъ Гефле, при устьяхъ рѣкъ, всѣ похожи другъ на друга внѣшнимъ видомъ, характеромъ построекъ и родомъ торговли. Седергамнъ, Гудиксваль, Сундсваль, Гернезандъ, Умео, Шеллефтео, Питео, Лулео, Рапео, Недеръ-Каликсъ—всѣ одинаково ведутъ отпускную торговлю лѣсомъ въ видѣ бревенъ и досокъ, дегтемъ, смолой и имѣютъ правильное пароходное сообщеніе со Стокгольмомъ. Движеніе судоходства въ главныхъ шведскихъ портахъ Ботническаго залива, къ сѣверу отъ г. Гефле:

Седергамнъ (1877 г.)—2.078 судовъ, вмѣстим. 770.934 тонны; Гудиксваль (1877 г.)—916 суд., вмѣстим. 200.015 тон.; Сундсваль (1895 г.)—1.805 суд., вмѣстим. 881.835 тон.; Гернезандъ (1892 г., въ отходѣ)—1.050 судовъ, вмѣстим. 459.717 тон.; Умео (1877 г.)—1.097 судовъ, вмѣстим. 52.782 тон.; Шеллефтео (1894 г.)—498 суд., вмѣстим. 227.676 т.; Питео (1877 г.)—560 судовъ вмѣстим. 175.676 тоннъ; Лулео (1877 г.)—1.367 суд. вмѣстим. 193.091 тон; Рапео (1877 г.)—200 суд., вмѣстим. 63.166 т.; Недеръ-Каликсъ (1877 г.)—338 суд., вмѣстим.

111.660 тон.; Гапаранда (1891 г., прибыло)—149 суд., вмѣстим. 63.859 тоннъ.

Послѣдній городъ въ этомъ направленіи, или, вѣрнѣе сказать, послѣднее мѣстечко, такъ какъ жителей въ немъ, по послѣдней переписи, всего только 1.250,—есть Гапаранда, или Гаапаранта, то-есть «городъ осинъ», основанный подъ именемъ «города короля Карла-Іоанна» (Бернадота) послѣ уступки Торнео Россіи. По буквальному смыслу трактатовъ, этотъ послѣдній городъ долженъ бы былъ остаться во владѣніи Швеціи, такъ какъ онъ стоитъ на островѣ, лежащемъ ближе къ правому, чѣмъ къ лѣвому берегу рѣки, и такъ какъ западный рукавъ Торнео часто пересыхаетъ лѣтомъ; тѣмъ не менѣе, однако, онъ перешелъ подъ власть болѣе могущественной державы. Гапаранда не находится еще въ предѣлахъ полярнаго пояса, но оттуда путешественники отправляются провести на горѣ Авазакса «ночь на Ивановъ день», безъ перерыва освѣщаемую лучами солнца. Далѣе на сѣверо-востокѣ, на русской территоріи, отдѣленной отъ Швеціи только рѣкой Торнео, деревня Пелло обозначаетъ сѣверную оконечность дуги, измѣренной французскимъ геометромъ Мопертюи, для опредѣленія фигуры земли.

Висби, столица острова Готланда, есть единственный важный городъ на шведскихъ островахъ Балтики. Это—очень древній городъ, основаніе котораго приписываютъ славянамъ изъ поморской Винеты (въ нынѣшней Помераніи), спасавшимся отъ наводненій, которымъ часто подвергались ихъ родимыя мѣста; городъ этихъ эмигрантовъ-поморянъ былъ построенъ на краю террасы изъ обрушившихся скалъ, откуда бьютъ ключи чистой воды, которые, очевидно, и были причиной выбора этого мѣста для поселенія [1]). Вступивъ въ союзъ съ другими ганзейскими городами, Висби быстро поднялся на степень цвѣтущаго города и насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ до 12.000 гражданъ; кромѣ того, тысячи рабочихъ, ремесленниковъ и моряковъ жили за оградой, въ пригородныхъ слободахъ. Нѣмцы, очень многочисленные, назначали половину членовъ городскаго совѣта и выстроили много церквей, изъ которыхъ самая красивая, основанная эмигрантами изъ Любека въ 1190 г., и до сихъ поръ остается замѣчательнымъ памятникомъ Висби. Окрестности этого города и вообще весь островъ Готландъ—настоящая обѣтованная земля для археологовъ, которые то и дѣло открываютъ тамъ различные остатки древности и обогащаютъ своими находками стокгольмскій музей и другія коллекціи. Морскіе законы Висби служили кодексомъ для моряковъ сѣверной Европы, подобно тому, какъ



Домъ Густава Вазы.

[1]) Roderick Murchison, „Quartetly Journal of the Geol. Soc. of London“, vol. III, 1846.

морское право Олерона, изъ котораго частію заимствованы эти законы, было кодексомъ для западно европейскихъ моряковъ. Столица Готланда долго сохраняла свою республиканскую независимость; но въ 1361 году король датскій Вальдемаръ III разрушилъ ея укрѣпленный замокъ, разорилъ ея храмы, забралъ ея богатства. Разломанныя городскія стѣны, развалины церквей, отъ которыхъ остались только своды или столбы, прекрасные обломки норманской или готической архитектуры до сихъ поръ напоминаютъ объ этомъ погромѣ, отъ котораго городъ и теперь еще не вполнѣ оправился. Однако, его портъ, который можетъ принимать суда, имѣющія до 5 метровъ водоуглубленія, ведетъ еще значительную торговлю; моряки его занимаются рыбной ловлей, а его морскія купальни привлекаютъ лѣтомъ тысячи посѣтителей съ сосѣдняго континента. Черезъ островъ проведена желѣзная дорога, отъ Висби до одной деревни, лежащей въ сосѣдствѣ съ юго-восточнымъ берегомъ. Движеніе судоходства въ готландскихъ портахъ въ 1876 г.: прибыло 767, вышло 796 судовъ, всего 1.563 судна. Общее движеніе судоходства въ портѣ Висби въ 1877 г.: 846 судовъ, вмѣстимостью въ 139.627 тоннъ.

Города Швеціи съ населеніемъ свыше 4.500 душъ (въ концѣ 1896 г.):

Стокгольмъ—279.680 жителей; Гётеборгъ—(Гетеборгъ)—117.350; Мальме—53.869; Норркепингъ — 37.480; Гефле — 25.792; Карлскрона — 22.796; Іенкепингъ — 21.249; Упсала — 22.335; Лундъ—15.735; Эребро—17.639; Гельзингборъ—22.671; Кальмаръ—12.305; Ландскрона—13.519; Христіанстадъ—10.050; Линкепингъ—13.310; Сундсваль—13.941; Гальмстадъ — 13.697; Эскильстуна — 12.576; Борасъ—11.276; Фалунъ (1890 г.)—8.010; Исстадъ (1894 г.)—8.666; Карлстадъ (1890 г.)—8.720; Висби (1894 г.)—7.445; Удевалла (1893 г.)—7.970; Седергамнъ—10.544; Карлсгамнъ (1890 г.)—7.190; Вестерасъ (1894 г.)—8.660; Вестервикъ (1893 г.) — 6.810; Венерсборгъ (1893 г.) — 5.640; Гернезандъ (1890 г.) — 5.790; Оскарсгамнъ (1890 г.)—5.855; Нюкепингъ (1890 г.)—5.980; Кристинегамнъ (1890 г.)—5.935; Вексіо (1894 г.) — 6.960; Лидкепингъ (1890 г.)—5.180; Эстерзундъ (1891 г.) —5.335; Лулео (1890 г.)—4.755.

XII.

Народонаселеніе Скандинавіи, которому ведутся правильныя переписи съ 1751 года, быстро возрастаетъ; съ начала текущаго столѣтія оно болѣе чѣмъ удвоилось и въ Норвегіи, и въ Швеціи.

Населеніе двухъ государствъ Скандинавскаго полуострова въ различныя эпохи:

Норвегія: въ 1800 г. — 800.000 душъ; въ 1876 г.—1.864.000 душъ; въ 1891 г. (1 янв.) —2.002.000 душъ.

Швеція: въ 1800 г. — 2.347.000 душъ; въ 1876 г.—4.429.700 душъ; въ 1891 г. (1 янв.) —4.785.000 душъ.

Съ 1870 года число жителей не переставало увеличиваться во всѣхъ шведскихъ ленахъ (län), даже на островѣ Готландѣ, который посылаетъ на полуостровъ почти весь избытокъ своего населенія. Между тѣмъ какъ въ западномъ королевствѣ періодъ удвоенія населенія составляетъ около 62 лѣтъ, въ восточномъ онъ равняется приблизительно 72 годамъ [1]. Главная причина ежегоднаго приращенія населенія—перевѣсъ числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ; такъ, въ Норвегіи въ періодъ 1871—1880 гг. годовое превышеніе числа родившихся надъ числомъ умершихъ равнялось 20.467, а въ Швеціи въ періодъ 1886—1890 гг.—около 60.000; въ періодъ 1881—1890 гг. средній процентъ рождаемости составлялъ: въ Норвегіи—30,6, въ Швеціи—29,[illegible] на 1.000.

Но, кромѣ этой главной причины, на возрастаніе населенія вліяетъ также постоянное увеличеніе средней продолжительности жизни. Такъ, пропорція смертности въ Швеціи, составлявшая отъ 27 до 28 на 1.000 въ послѣдней половинѣ восемнадцатаго столѣтія, не превышала уже 18,3 на 1.000 въ періодъ, протекшій съ 1871 по 1875 годъ, а въ періодъ 1881—1890 гг. составляла и въ Швеціи, и въ Норвегіи всего только 17 на тысячу (въ 1893 г. въ Швеціи — 16,8 на тысячу); это — наименьшій процентъ смертности, какой представляетъ европейская страна; въ Швеціи и Норвегіи умираетъ почти вдвое меньше людей, чѣмъ въ Россіи. Изъ всѣхъ странъ нашего континента Скандинавія—самая счастливая въ томъ отношеніи, что она теряетъ наименьшее число дѣтей въ первомъ возрастѣ. Между тѣмъ какъ внѣ Скандинавскаго полуострова четверть дѣтей погибаетъ раньше достиженія пятилѣтняго возраста, молодое норвежское поколѣніе только къ восемнадцатому году уменьшается до трехъ четвертей своей первоначальной цифры, какъ показываютъ слѣдующіе выводы статистики [2]:

Число переживающихъ пятилѣтній возрастъ: Норвегія—811; Швеція—768; Англія—737; Швейцарія — 726; Бельгія—725; Франція — 710; Голландія—689; Баварія—596.

Въ самой Норвегіи наиболѣе здоровою мѣстностью, по Броху, слѣдуетъ считать долину Гульдбрандсдаленъ, на сѣверѣ отъ озера Мьезенъ. Въ Скандинавіи несомнѣнно существуетъ улучшеніе расы, составляющее счастливый контрастъ съ вырожденіемъ людской породы, происходящимъ въ другихъ странахъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе «военнаго подбора». Измѣренія, которымъ были подвергаемы рекруты

[1]) O. I. Broch. „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien“.

[2]) Ad. Quételet, „Patria Belgica“, II.

шведской милиціи, констатировали тотъ замѣчательный фактъ, что средній ростъ ихъ увеличился на 18 миллиметровъ за послѣднія тридцать пять лѣтъ [1]).

Такъ какъ два государства, занимающія Скандинавскій полуостровъ, пользовались глубокимъ миромъ съ 1815 года, то единственными причинами замедленія въ ростѣ народонаселенія были плохіе урожаи и общіе экономическіе кризисы, торговые и промышленные. Въ 1868 и 1869 годахъ произошло даже незначительное уменьшеніе въ числѣ жителей—не потому, что цифра умершихъ превышала цифру рожденій, а потому, что пропорція эмигрантовъ вдругъ возрасла до такой степени, что нѣкоторые округа почти совсѣмъ опустѣли. Тогда случалось, что въ одну недѣлю до 200 человѣкъ садились на корабль въ портѣ Гетеборгъ, отправляясь въ Англію и Америку; кромѣ того, сильное эмиграціонное движеніе направлялось въ Новый Свѣтъ черезъ порты континентальной Европы. Въ 1869 году болѣе 57.000 лицъ покинули два государства полуострова; слѣдовательно, на одинъ этотъ годъ приходится осьмая часть всѣхъ скандинавовъ, эмигрировавшихъ съ половины текущаго столѣтія, число которыхъ распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

Эмигрантовъ норвежскихъ съ 1836 по 1879 г.—206.600; эмигрантовъ шведскихъ съ 1851 по 1879 г.—240.000.

Даже многіе лапландцы, между которыми находилась одна семья оленныхъ лопарей, были увлечены общимъ потокомъ и отправились въ Америку [2]); но съ 1870 года выселеніе стало ослабѣвать, затѣмъ, послѣ многихъ колебаній, достигло наивысшей цифры — въ Норвегіи въ 1888 году: 21.452, въ Швеціи въ 1887 году: 50.786, —но съ этого времени опять значительно уменьшилось, и въ Норвегіи въ 1894 г. составило только 5.642, а въ Швеціи въ 1893 г. 40.869 лицъ. Наибольшую долю переселенцевъ всегда давали приморскія населенія. Скандинавы Соединенныхъ Штатовъ живутъ преимущественно въ сѣверныхъ областяхъ американской республики, въ штатахъ Иллинойсѣ, Висконсинѣ, Миннесотѣ, Айовѣ. Что касается колоніи, основанной ими въ 1638 году на берегахъ Делавара, то эта Новая Швеція, Nya Sverige, была уступлена Голландіи въ 1655 г., затѣмъ вмѣстѣ съ другими нидерландскими владѣніями, перешла подъ власть Англіи, и теперь ничто, кромѣ имени, не напоминаетъ о пребываніи скандинавовъ въ этой мѣстности.

Иммиграція, довольно малочисленная, далеко не уравновѣшиваетъ въ Скандинавіи эмиграціоннаго движенія жителей; при томъ она состоитъ главнымъ образомъ изъ бывшихъ колонистовъ или дѣтей колонистовъ, возвращающихся изъ Америки; другіе иммигранты, преимущественно датчане и нѣмцы, насчитываются только сотнями. Кромѣ того, англичане въ небольшомъ числѣ водворяются въ приморскихъ городахъ Норвегіи и въ Гетеборгѣ. Собственно въ Швеціи въ десятилѣтіе 1884—1893 гг. число иммигрантовъ поднялось съ 4.911 до 7.377. Въ сѣверныхъ областяхъ полуострова пустынныя пространства также постепенно заселяются отчасти финляндскими иммигрантами; но несравненно значительнѣе число скандинавовъ, направляющихся съ юга въ эти страны: даже въ Лапландіи они сдѣлались теперь преобладающимъ элементомъ населенія. Въ 1845 году въ Тромсе и въ Финмаркенѣ норвежцевъ насчитывалось только 16.500; въ 1865 г. число ихъ уже утроилось, а въ 1875 г. упятерилось.

Вообще говоря, густота населенія пропорціональна средней годовой температурѣ: число людей увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ полюсовъ и пониженія высоты мѣста надъ уровнемъ моря; но, кромѣ того, и торговля привлекаетъ жителей въ нѣкоторые округа, занимающіе особенно благопріятное для этой цѣли положеніе: такъ, на берегахъ Зунда, противъ Копенгагена, населеніе, относительно, болѣе значительно, чѣмъ во Франціи. Нѣкоторые сельскіе округа Сканіи, Блекинга, Галланда такъ давно заселены и воздѣлываются, что поля ихъ совершенно очищены отъ эрратическихъ камней: пахатная почва повсюду разстилается непрерывнымъ слоемъ.

Подобно тому какъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, число жителей возрастаетъ быстрѣе въ городахъ, чѣмъ въ сельскихъ округахъ Скандинавіи, особенно въ Норвегіи. Въ этой послѣдней странѣ увеличеніе цифры жителей приходится исключительно на поясы промышленные, приморскіе и рыболовные; населеніе же мѣстностей, занимающихся земледѣліемъ и скотоводствомъ, уменьшилось, а населеніе лѣсныхъ областей сохраняетъ приблизительно одну и ту же численную силу [1]). Норвежскіе города, къ которымъ нынѣ устремляется почти весь избытокъ народонаселенія, заключали въ себѣ въ 1665 году только 8 процентовъ общаго числа жителей; въ 1875 году населеніе ихъ составляло уже болѣе 18 процентовъ этого числа: загроможденные строительными матеріалами, они имѣютъ видъ только-что основанныхъ городовъ, — такъ много попадается въ нихъ новыхъ домовъ. Въ Швеціи только 18,8 процентовъ населенія живетъ въ городахъ. Это королевство, будучи гораздо богаче Норвегіи пригодными для культуры землями, могло сохранить въ своихъ деревняхъ населеніе относительно болѣе значительное.

[1]) Elis Sidenbladh, „Royaume de Suède", 1878.

[2]) Torell und Nordenskjöld, „Schwedische Expeditionen nach Spitzbergen".

[1]) O. J. Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

Скандинавское земледѣліе, сдѣлавшее большіе успѣхи съ половины текущаго столѣтія, имѣетъ передъ собой длинную перспективу развитія и усовершенствованія въ близкомъ будущемъ, благодаря значительному протяженію непроизводительной территоріи, которая можетъ быть еще утилизирована для цѣлей сельскаго хозяйства. Правда, большая часть полуострова не пригодна для обработки плугомъ. Озера, скалы, груды камней, фирновыя поля и ледники покрываютъ обширныя пространства, а въ сѣверныхъ областяхъ климатъ дотого суровъ, что человѣкъ по необходимости долженъ оставлять землѣ,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ хорошо защищенныхъ мѣстностей,—ея естественныя произведенія, состоящія изъ деревьевъ, кустарника или дикорастущихъ травъ. Между тѣмъ какъ въ Даніи собственно такъ называемыя культурныя земли простираются почти на половинѣ территоріи, въ Швеціи онѣ покрываютъ площадь не болѣе одной пятнадцатой части поверхности страны, уменьшаясь постепенно отъ юга къ сѣверу, отъ провинціи Мальме, гдѣ воздѣлываемые земельные участки занимаютъ болѣе двухъ третей территоріи, до пустынь Лапландіи, гдѣ нѣсколько маленькихъ полей въ лѣсныхъ прогалинахъ составляютъ единственныя завоеванія земледѣлія. Въ Норвегіи поясъ удобной для воздѣлыванія территоріи такъ узокъ, что обработанная почва не представляетъ даже сотой доли поверхности королевства [1]). Но какъ на восточномъ, такъ и на западномъ скатѣ скандинавскихъ Альпъ область земледѣлія постоянно распространяется на счетъ болотъ и лѣсовъ. Между тѣмъ какъ въ 1865 году площадь пахатныхъ земель исчислялась только въ 2.334.000 гектаровъ, она занимала пятнадцать лѣтъ спустя 2.920.000 гектаровъ; слѣдовательно, увеличеніе новыми культурными землями составляло болѣе 586.000 гектаровъ, или около 40.000 гектар. въ годъ. Значительная часть вновь пріобрѣтенной пахатной земли была завоевана непосредственно на водахъ болотъ и озеръ: такъ, въ періодъ съ 1841 по 1876 годъ шведское правительство содѣйствовало выдачей субсидій осушенію 198.000 гектаровъ затопленныхъ земель; кромѣ того, обширныя пространства были осушены частными лицами, безъ всякаго пособія со стороны государства. Точно также и норвежцы увеличиваютъ каждый годъ свою незначительную земледѣльческую территорію нѣсколькими тысячами гектаровъ, отвоеванныхъ у болотъ и фьордовъ [2]). Во всѣхъ возвышенныхъ долинахъ Скандинавіи, во всѣхъ равнинахъ, удаленныхъ отъ моря, колоніи земледѣльцевъ постепенно преобразовываютъ почву въ производительныя земли. Такъ, въ центральной Швеціи провинція Смаландъ получила свое названіе отъ «мелкихъ» землепашцевъ, которые колонизировали ея лѣса, нѣкогда пустынные: расчищая мало по малу одинъ участокъ за другимъ въ пустынѣ, усѣянной скалами и лѣсами, неустрашимые піонеры покрыли страну маленькими оазисами культурной земли, гдѣ они долгое время оставались почти неизвѣстными остальной Швеціи и жили въ независимости чисто-республиканской. Утилизируемая для цѣлей сельскаго хозяйства площадь земель распредѣляется въ Швеціи (1893 г.) слѣдующимъ образомъ: 3.371.754 гектара пашенъ, 35.434 гект. садовъ, 1.584.154 гект. естественныхъ луговъ; въ Норвегіи пашни составляютъ всего только 0,7 процента пространства.

Первональное земледѣліе страны не знало другихъ способовъ обработки почвы кромѣ подсѣчнаго или огневаго, состоящаго въ томъ, что часть лѣса или торфяника выжигаютъ и бросаютъ сѣмена въ золу отъ сгорѣвшихъ растеній. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, внутреннихъ округахъ и теперь еще употребляется этотъ первобытный способъ древнихъ лопарей, но, взятое въ цѣломъ, нынѣшнее шведское полеводство есть одно изъ тѣхъ, которыя отличаются хорошимъ распредѣленіемъ сѣвооборотовъ, правильнымъ употребленіемъ меліорацій и удобреній, разумнымъ примѣненіемъ машинъ. Швеція, которая въ прошломъ столѣтіи должна была ввозить иностранный хлѣбъ [1]), производитъ нынѣ болѣе зерновыхъ хлѣбовъ, чѣмъ сколько нужно для собственнаго потребленія, для содержанія домашнихъ животныхъ и для добыванія спиртныхъ напитковъ; она отправляетъ значительныя количества хлѣба за границу, но должна ввозить, однако, въ меньшихъ пропорціяхъ, муку ржаную и пшеничную. Что касается Норвегіи, то поля ея, получая больше теплоты и влажности, производятъ, при равной площади, больше хлѣба, чѣмъ нивы Швеціи; но протяженіе ихъ слишкомъ мало, чтобы прокармливать все населеніе: количество произведеній почвы, которое Норвегія должна ввозить изъ-за границы, составляетъ около трети ея годоваго потребленія. Даже холодный сѣверъ Россіи посылаетъ ей муку черезъ Архангельскій портъ.

Скотоводство Скандинавіи сдѣлало въ эти послѣдніе годы успѣхи, соотвѣтствующіе успѣхамъ земледѣлія: хотя домашнія животныя и не увеличились въ числѣ, но, благодаря гораздо болѣе заботливому уходу, они приносятъ своимъ владѣльцамъ несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ прежде. Великобританія, которая постоянно ищетъ вокругъ себя мѣстъ производства, могущихъ снабжать ея рынки предметами продовольствія, давно уже обратилась къ Швеціи, и эта послѣдняя посылаетъ ей живой скотъ,

[1]) Schübeler, „Pflanzenwelt Norwegens".
[2]) Frisch, „Mittheilungen von Petermann", XI, 1866.

[1]) Ljungberg, „La Suède, trad. par L. de Lilliehöök".

коровье масло, яйца, преимущественно черезъ Гетеборгскій портъ. Однако, оба королевства полуострова, особенно Швеція, далеко уступаютъ Даніи по развитію скотоводства; это объясняется тѣмъ, что почва тамъ менѣе пригодна для производства кормовыхъ травъ, чѣмъ въ Даніи. Количество домашнихъ животныхъ въ Скандинавіи представляетъ слѣдующія цифры:

	Норвегія въ 1891 г.	Швеція въ 1893 г.
Лошадей	150.898	495.443
Быковъ и коровъ	1.006.499	2.473.981
Овецъ	1.685.000	1.323.978
Козъ	272.458	77.984
Свиней	121.057	717.339
Сѣверныхъ оленей, прирученныхъ	170.134	100.000

Туземныя породы скота почти вездѣ были видоизмѣнены путемъ скрещиванія. Въ высокихъ долинахъ хребта Кьеленъ и на норвежскомъ поморьѣ сохранилась еще такъ называемая «горная порода» коровъ, некрасивая, маленькая, безрогая, но отличающаяся замѣчательной умѣренностью и неразборчивостью въ пищѣ; она довольствуется всякимъ кормомъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Норвегіи удалось даже пріучить ее питаться рыбой. Степные бараны, маленькіе, неуклюжіе, покрытые грубой шерстью, имѣющіе только волоса на ногахъ, на головѣ и иногда на хвостѣ, обладаютъ необыкновенной выносливостью: вдоль ставангерскихъ береговъ и далѣе къ сѣверу на всѣхъ островахъ морскаго прибрежья стада ихъ остаются въ продолженіе всей зимы подъ дождемъ, снѣгомъ и вѣтрами, и эти животныя, питаясь вереском и морскими водорослями, перебиваются до весны, безъ вреда для здоровья. На островѣ Готландѣ также существуетъ особенная порода лошадей—горячія, полудикія пони, которыя проводятъ почти весь годъ подъ открытымъ небомъ.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣютъ лѣса въ хозяйственной экономіи Скандинавіи: въ самомъ дѣлѣ, вывозъ лѣса за границу представляетъ, по цѣнности, половину всей отпускной торговли Швеціи; бревна, доски, балки, подпоры для рудниковъ отправляются изъ шведскихъ портовъ Ботническаго залива и изъ Гетеборга въ Бразилію, на Мысъ Доброй Надежды, въ Австралію, даже въ Новую Зеландію; но болѣе половины этого отпуска направляется въ Англію. Продажи лѣснаго матеріала, производимыя скандинавами, представляютъ каждый годъ сумму, превышающую 250 милліоновъ франковъ [1]; изъ этого числа одни шведы продаютъ на 150 милліоновъ. Несмотря на важность лѣсной промышленности и торговли, лѣсоводство въ собственномъ смыслѣ не пользуется тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ; до сихъ поръ ограничиваются эксплоатаціей естественныхъ лѣсовъ (площадь которыхъ въ 1893 г. составляла: въ Норвегіи—7.806.000, въ Швеціи—17.569.000 гектаровъ). Самыя значительныя рубки производятся вдали отъ населенныхъ мѣстностей; нанимающіеся на рубку рабочіе, которыхъ лѣсопромышленники держатъ въ своего рода крѣпостной зависимости, выдавая имъ впередъ, подъ большіе проценты, необходимыя суммы, должны сами строить въ лѣсу временныя избушки, чтобы провести тамъ сезонъ морозовъ и мрака, составляющій для нихъ время чрезмѣрнаго труда; что касается лошадей, то онѣ проводятъ всю зиму безъ крова, защищенныя отъ холода только шерстяными попонами. Срубленныя деревья перевозятся по снѣгу къ берегу рѣкъ, гдѣ они плывутъ отъ водопада къ водопаду, отъ озера къ озеру до лѣсопильнаго завода, который долженъ распилить ихъ на бревна и доски. Во многихъ внутреннихъ округахъ ложе рѣкъ и дно озеръ сплошь покрыты затонувшими древесными стволами, которые, не успѣвъ сдѣлать весь путь своего сплава въ одинъ годъ, сохли лѣтомъ на берегахъ; затѣмъ пропитавшись водой во время разливовъ, не могли уже плыть на поверхности [1]). При осушкѣ нѣкоторыхъ озерныхъ бассейновъ находили въ наносахъ дна по нѣскольку лежащихъ одинъ на другомъ слоевъ сгнившихъ деревьевъ.

Число жителей, занимающихся обработкой почвы и непосредственною эксплоатаціей ея произведеній, можно опредѣлить приблизительно въ 4 милліона, что равняется почти двумъ третямъ скандинавскаго населенія. Мелкіе земельные собственники составляютъ довольно большую пропорцію сельскаго населенія, и большинство арендаторовъ воздѣлываетъ свое временное владѣніе подъ гарантіей традиціонныхъ обычаевъ, которые даютъ имъ дѣйствительную независимость. Норвежскіе крестьяне, какъ и шведскіе, всегда сохраняли за собой право выбирать мѣсто жительства и пріобрѣтать земли: они не были крѣпостными, какъ крестьяне большей части европейскихъ странъ, и законы Даніи, обязывавшіе крестьянина оставаться въ мѣстѣ его рожденія до сорока лѣтъ отъ роду, никогда не были въ силѣ на сѣверѣ отъ Скагеррака. Общинное землевладѣніе было очень распространено въ Скандинавіи, да и теперь еще число общественныхъ земель довольно значительно: необработанныя пустоши, горныя пастбища и лѣса принадлежали, по большей части, многихъ главамъ семействъ, всему приходу, или даже нѣсколькимъ приходамъ вмѣстѣ. Во многихъ мѣстностяхъ прежнее коллективное землевладѣніе было замѣ-

[1]) O. J. Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

[1]) O. J. Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

нено правильнымъ распредѣленіемъ земель между различными общинниками на извѣстное число лѣтъ; каждая доля была предоставляема въ пользованіе послѣдовательно всѣмъ членамъ общины. Въ другихъ мѣстахъ земельная собственность была распредѣлена неравномѣрно, на основаніи обычаевъ и традицій, получившихъ силу закона. Большая часть лѣсовъ была раздѣлена по разнымъ породамъ деревъ: одинъ общинникъ владѣлъ соснами, другой елями, третій березами; трава, которую щипалъ скотъ, принадлежала четвертому, тогда какъ самая почва была присвоена особому владѣльцу. Теперь въ Норвегіи изданъ законъ, воспрещающій дѣленіе лѣса между двумя владѣльцами, изъ которыхъ одинъ, владѣющій почвой, и другой, владѣющій растущими на ней деревьями, неизбѣжно стали бы во враждебныя другъ къ другу отношенія. Порядокъ общиннаго землевладѣнія постоянно уменьшается въ размѣрахъ въ пользу частной земельной собственности: однако, въ 1876 г. почти седьмая часть почвы Норвегіи состояла еще изъ земель, находящихся въ общинномъ владѣніи, и даже въ западныхъ провинціяхъ, между мысомъ Линдеснесъ и Трондгьемскимъ фьордомъ, среднее количество этихъ земель составляло три десятыхъ страны.

Норвежскіе собственники сохранили старинное odelsret, или «аллодіальное» право вновь вступать во владѣніе проданнымъ земельнымъ имуществомъ; но сумма, которую долженъ уплатить въ этомъ случаѣ пріобрѣтатель, опредѣляется не первою продажною цѣной, а на основаніи новой оцѣнки; при томъ, odelsret принадлежитъ только семействамъ, пользовавшимся этимъ имуществомъ по меньшей мѣрѣ въ теченіе двадцати лѣтъ; кромѣ того, право это утрачивается, если имущество уже переходило въ послѣдніе три года отъ одного владѣльца къ другому. Права наслѣдованія, прежде различныя для сыновей и дочерей, изъ которыхъ послѣднія всегда получали вдвое меньшую долю теперь одинаковы для обоихъ половъ, и завѣщатель можетъ распорядиться, помимо своего прямаго потомства, не болѣе какъ одною четвертою частью своего имущества.

Понятно, что это послѣднее законоположеніе должно вести на практикѣ къ сильному дробленію земельной собственности. Если не принимать въ разсчетъ маленькихъ участковъ земли, лежащихъ въ городахъ и употребляемыхъ только для разведенія цвѣтниковъ и огородовъ вокругъ жилыхъ домовъ, то земледѣльческихъ имѣній въ собственномъ смыслѣ насчитывается около 430.000 во всей Скандинавіи, именно до 300.000 въ Швеціи и до 130.000 въ Норвегіи. Естественное стремленіе скандинавскаго населенія было бы увеличивать до безконечности число земельныхъ участковъ, такъ какъ каждый крестьянинъ желаетъ сдѣлаться хозяиномъ и собственникомъ, желаетъ пріобрѣсти во владѣніе участокъ земли, или mantal; но законодательство нашло нужнымъ установить извѣстныя ограниченія, чтобы воспрепятствовать чрезмѣрному дробленію страны; въ Швеціи оно воспрещаетъ раздѣлъ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда доля ея становится недостаточной для прокормленія ея произведеніями семейства, состоящаго по меньшей мѣрѣ изъ трехъ лицъ. Въ 1827 году былъ изданъ законъ (заимствованный впослѣдствіи законодательствомъ Германіи и Австро-Венгріи), которымъ дозволялось владѣльцу нѣсколькихъ черезполосныхъ участковъ земли требовать новаго распредѣленія земель, въ видахъ соединенія всѣхъ разбросанныхъ кусковъ; благодаря этой мѣрѣ имѣнія могли округлиться, что несомнѣнно принесло пользу земледѣлію [1]). Вообще говоря, имѣнія эти не велики по протяженію; въ Скандинавіи нѣтъ, какъ въ Великобританіи и Ирландіи, такихъ обширныхъ помѣстій, которыя по пространству могутъ быть названы провинціями; исключеніе составляетъ только Норрландъ, гдѣ, напримѣръ, извѣстный гетеборгскій негоціантъ Диксонъ могъ бы ѣхать нѣсколько дней черезъ свои владѣнія, не достигая ихъ границъ. По количеству владѣемой земли, шведскіе земельные собственники распредѣляются слѣдующимъ образомъ (1893 г.).

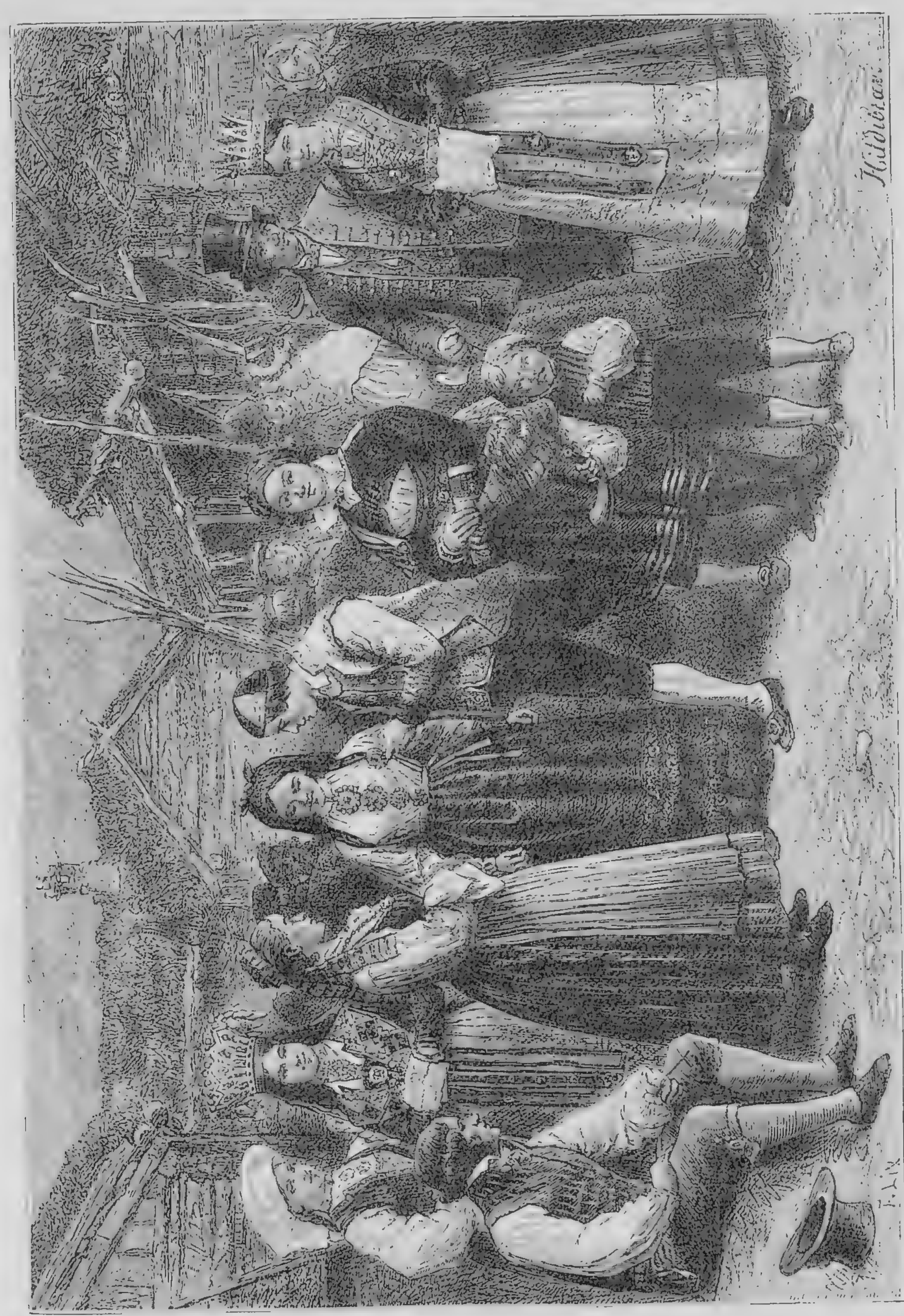
Землевладѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 2 гектаровъ—61.289; отъ 2 до 20 гектар.—185.56[illegible]; отъ 20 до 100 гектар.—22.802; болѣе 100 гектар.—2.034.

Фермеры или арендаторы, менѣе многочисленные, чѣмъ собственники, почти всѣ обезпечены долгосрочными арендными договорами; но нѣкоторые изъ нихъ, именно такъ называемые husmän или torpare, уплачиваютъ аренду не деньгами, а работами на земляхъ владѣльца или услугами въ лѣсахъ или въ рудникахъ. Есть между ними и такіе, которые, будучи собственниками одного участка земли, берутъ другой въ арендное содержаніе; наконецъ, многіе вынуждены своимъ необезпеченнымъ положеніемъ искать какого-либо вспомогательнаго средства существованія: они дѣлаются ремесленниками, дровосѣками или рыболовами. Въ 1865 году землевладѣльцы составляли въ Норвегіи 85%, въ Швеціи 62%; арендаторы въ Норвегіи 15%, въ Швеціи 38 процентовъ.

Извѣстно, какую важную отрасль народнаго хозяйства составляетъ рыболовство въ Скандинавіи, особенно въ Норвегіи: богатство моря рыбой, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ плодородіе почвы, способствовало заселенію прибрежныхъ странъ, да и теперь еще сѣверные округа, въ Финмаркенѣ и Нордландѣ, были бы совершенно пустынными, если бы рыбныя мели не привлекали туда цѣлыхъ флотилій рыболовныхъ судовъ.

[1]) C. E. Ljungberg, trad. par Lilliehöök.

Треска и сельдь, какъ мы видѣли выше, составляютъ главныя сокровища, которыя море держитъ въ запасѣ для прибрежныхъ жителей Норвегіи. На Лофотенскихъ островахъ и Финмаркенѣ ловлей трески занимаются около 70.000 лицъ (съ 16.000 судовъ), изъ которыхъ, можетъ быть, трети суждено найти смерть въ волнахъ моря, и средній годовой уловъ составляетъ отъ 40 до 60 милліоновъ.



Типы и костюмы жителей Гардангера и Сетердалена.

Островокъ Скравенъ, въ заливѣ Вестьфьордъ, и особенно воды около Геннингсвера— самыя оживленныя мѣста рыбной ловли, и многіе скалистые берега дѣлаются тамъ временно настоящими фабриками. Все идетъ на пользу изъ этого животнаго, которое ловится въ такихъ баснословныхъ количествахъ. Еще недавно рыболовы Лофотенскихъ острововъ утилизировали треску только для извлеченія

изъ нея печени, изъ которой приготовляли извѣстный тресковый или рыбій жиръ, получившій первостепенную важность въ современной медицинѣ; послѣ этой операціи, они выбрасывали остальную часть животнаго; но въ настоящее время, узнавъ лучше цѣну рыбѣ, они отправляютъ ее прямо за границу, или обмѣниваютъ у русскихъ торговцевъ на муку и матеріи; остатокъ, получаемый послѣ извлеченія жира изъ печени, посылаютъ въ Трондгьемъ, гдѣ онъ считается самымъ сильнымъ изъ искусственныхъ удобреній почвы; плавательный пузырь вывозится въ Гаванну, гдѣ его употребляютъ въ пищу, или для приготовленія клея; высушенное мясо трески растирается въ муку, изъ которой пекутъ очень вкусныя лепешки; наконецъ, икра, то-есть соленыя яички рыбы, употребляется, какъ приманка, и прежде продавалась главнымъ образомъ во Францію ловцамъ сардинокъ; однако, она много потеряла въ своей торговой цѣнѣ въ эти послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ какъ стали употреблять предпочтительно искусственную икру. Смотря по приготовленію, которому ее подвергаютъ, треска носитъ различныя названія: stockfisk, klepfisk, törfisk, rundfisk или rödskjaer; каждая изъ торговыхъ націй, которыя бергенскіе негоціанты снабжаютъ треской, имѣетъ свое излюбленное приготовленіе. До 1857 года правомъ рыболовнаго промысла пользовались только лица, получившія на то особую привилегію. Море было фиктивно раздѣлено между прибрежными землевладѣльцами, которые основывали на островахъ и мысахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи одну отъ другой, колоніи рыбаковъ и заставляли послѣднихъ платить имъ оброкъ за пользованіе сосѣдними водами. Теперь море свободно и открыто для всѣхъ, исключая только воскреснаго дня: всякая ловля воспрещена отъ вечера субботы до вечера воскресенья, отъ пяти часовъ по полудни до пяти часовъ по полудни [1]).

Ловля сельдей, менѣе вѣрная чѣмъ ловля трески, не уступаетъ ей въ важности. Общая добыча этой ловли достигаетъ въ Норвегіи въ благопріятные годы милліона боченковъ, заключающихъ около 300 милліоновъ селедокъ, и почти треть этого количества вывозится въ Россію. Сельдь, предназначенная для Россіи, укладывается обыкновенно въ еловые боченки, сообщающіе рыбѣ смолистый вкусъ, который нравится русскимъ потребителямъ; для другихъ странъ боченки дѣлаются изъ буковаго дерева. На берегахъ Норвегіи бываютъ два лова въ году: первый—лѣтомъ и осенью, когда рыба приближается къ берегу, отыскивая мелкихъ морскихъ раковъ (креветокъ), моллюсковъ, кольчецовъ, которые составляютъ ея пищу; второй, или зимній ловъ—съ конца января до марта мѣсяца, въ періодъ метанія икры, когда сельдь странствуетъ несмѣтными стаями; но эта послѣдняя ловля всегда была измѣнчива, и часто моряки тщетно ищутъ рыбу, тогда какъ въ другихъ случаяхъ сѣти, переполненныя рыбой, разрываются отъ тяжести. Обыкновенно рыбаки составляютъ ассоціацію или артель, снаряжаютъ суда на общія средства и дѣлятъ между собой барыши, при чемъ атаманъ лова или notebas (хозяинъ сѣти), получаетъ самую большую долю добычи, какъ главный владѣлецъ. Въ періодъ лова, на сосѣднихъ берегахъ, возникаютъ временныя селенія, учреждаются почтовыя и телеграфныя станціи и устраиваются живые мосты на сваяхъ для пароходовъ. Результаты зимняго лова сельди сильно колеблются по годамъ; такъ, напр., въ 1869 г. (годъ счастливый) уловъ составлялъ 945.200 гектол., а 1871 г. (годъ несчастливый)—всего только 104.250 гектол. Зимой въ послѣдніе годы производится немаловажный ловъ сельди передъ устьемъ Христіанія-фьорда (1893—94 гг.: 360.000 гектолитровъ, при 9.000 рыболововъ). Въ среднемъ, ловлей сельди занимается нынѣ въ Норвегіи 40.000 лицъ съ 8.000 судовъ.

Въ Швеціи ловля сельдей составляетъ важный промыселъ, имѣющій наибольшую цѣнность въ народномъ хозяйствѣ страны; однако онъ недостаточенъ для покрытія мѣстнаго потребленія, и шведы должны ввозить эту рыбу изъ Норвегіи. Годовой уловъ сельдей на балтійскихъ берегахъ Швеціи даетъ, въ среднемъ, свыше 200.000 тоннъ соленой рыбы; но къ этому нужно еще прибавить уловъ сельди въ области Богусленъ, на сѣверѣ отъ Гетеборга, часто посредственный, иногда очень обильный.

Кромѣ трески и сельди, скандинавскіе рыболовы охотятся и на другихъ рыбъ, которыя составляютъ немаловажный источникъ какъ для собственнаго ихъ продовольствія, такъ и для торговли ихъ портовъ. Среднимъ числомъ норвежскіе моряки налавливаютъ отъ 7 до 8 милліоновъ макрелей, представляющихъ цѣнность около милліона франковъ. Лосось, который для метанія икры поднимается вверхъ по теченію до истоковъ, почти во всѣхъ рѣкахъ полуострова, ловится въ огромныхъ количествахъ у подножія водопадовъ, которые онъ пытается перейти, перескакивая, при помощи ударовъ хвоста, через пороги и стремнины. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ западнаго прибрежья лососи цѣнятся не менѣе шотландскихъ; впрочемъ, весьма значительная часть улова этой рыбы предназначена для Англіи и Германіи, и многіе ручьи и рѣчки сѣверной Норвегіи сняты въ аренду богатыми англичанами, которые пріѣзжаютъ въ эти мѣста провести лѣтній сезонъ. Въ недавнее время норвежскіе мо-

[1]) Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

ряки гонялись также за странствующей акулой, самой большой изъ рыбъ, обитающихъ въ моряхъ Норвегіи, такъ какъ она имѣетъ отъ 12 до 15 метровъ въ длину; печень этой рыбы, единственная часть ея тѣла, цѣнимая рыболовомъ, даетъ до 7 гектолитровъ (до 57 ведеръ) жира. Но этотъ видъ акулы, убѣгая, какъ и китъ, отъ преслѣдованія рыболововъ, почти совершенно исчезъ съ береговъ Норвегіи, и теперь изъ большихъ рыбъ гоняются только, преимущественно въ водахъ Финмаркена, за гокьеррингомъ или скимномъ (Scymnus borealis) и еще за одной породой акулъ. Суда, принадлежащія тенсбергскимъ судовладѣльцамъ, ходятъ изъ залива Христіанія въ полярныя моря на ловлю тюленей и огромнаго гренландскаго кита, или рорквала, по которому издали стрѣляютъ изъ пушекъ, пуская въ него гарпуны, снабженные разрывными пулями. Въ 1874 году норвежскими моряками было убито 40.575 тюленей, общая цѣнность которыхъ равнялась 1.600.000 франк. Въ то время, какъ предпріимчивые моряки ходятъ на поиски новой добычи въ отдаленныя моря, рыболовы занимаются на самомъ полуостровѣ заселеніемъ вновь озеръ и рѣкъ, естественные обитатели которыхъ были истреблены. Съ этою цѣлью основано въ Гернезандѣ, на берегу Ботническаго залива, заведеніе рыболовства, а на берегахъ Норвегіи въ разныхъ пунктахъ разведены устричные садки. Въ 1893 году добыча разнаго рода морской ловли въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Норвегіи представляла, на мѣстѣ лова, цѣнность 23.700.000 кронъ. Конечныя бухты нѣкоторыхъ фьордовъ, естественно расположенныя въ формѣ резервуаровъ, были превращены въ садки, гдѣ разводятъ разныя породы рыбъ, которыя защищены рѣшетками отъ нападенія хищныхъ видовъ [1]).

Горная промышленность, такъ же, какъ и рыболовные промыслы, не имѣетъ уже, сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ, той важности, какую она имѣла прежде въ Скандинавіи. Конгсберскіе серебряные рудники, мѣдныя жилы Рероса и Фалуна не пользуются уже на рынкѣ металловъ такимъ большимъ вліяніемъ, какъ въ прежнее время, и даже далекарлійскія залежи желѣзной руды должны теперь выдерживать соперничество богатыхъ мѣсторожденій желѣза, открытыхъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Что касается золота, то добыча его въ Фалунскомъ горномъ округѣ самая ничтожная; арендальскіе золотые рудники, доставлявшіе нѣкогда матеріалъ для чеканки червонцевъ Христіана IV, давно уже оставлены разработкой, а лапландскія рѣки, содержащія золотоносный песокъ, текутъ въ климатѣ слишкомъ суровомъ, чтобы нашлось много охотниковъ, которые дали бы себѣ трудъ изслѣдовать ихъ берега и заняться промывкой песку; говорятъ, что изъ этихъ рѣкъ самыя богатыя золотомъ тѣ, которыя спускаются съ горъ Пельдоніеми, на границахъ Норвегіи и русской Финляндіи, около истоковъ рѣкъ Таны и Ивало; однако въ 1872 году искатели драгоцѣннаго металла, отправившіеся въ числѣ пяти сотъ человѣкъ въ это новое Эльдорадо, собрали всего только отъ 50 до 60 килограммовъ чистаго золота.

Нѣкоторыя рудныя мѣсторожденія, которыя въ болѣе умѣренномъ климатѣ и въ странѣ болѣе населенной были бы разработываемы тысячами рудокоповъ и окружены многочисленными горными заводами, остаются здѣсь безъ всякой экономической пользы, хотя мѣсто ихъ нахожденія давно уже указано геологами. Такъ, напримѣръ, мѣдныя жилы, содержащія половину чистаго металла [1]), которыя находятъ въ Каафьордѣ, на берегахъ Альтенъ-фьорда, могли быть серьезно эксплоатируемы только въ продолженіе довольно короткаго періода времени. Шерстадскія желѣзныя мѣсторожденія, на норвежскомъ берегу, близъ Боде, тоже не утилизируются, хотя эти залежи заключаютъ въ себѣ столько руды, что ея хватило бы на покрытіе потребленія всѣхъ металлургическихъ заводовъ земнаго шара. Точно также въ шведскомъ Норрботтенѣ ограничились развѣдкой желѣзныхъ мѣсторожденій Гелливары и—самое большее—поцарапали коегдѣ ихъ поверхность; это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что еще не построены линіи желѣзныхъ дорогъ, долженствующія соединить эту горную цѣпь: съ одной стороны—съ судоходной рѣкой Лулео, съ другой—съ Норвежскимъ моремъ черезъ одинъ изъ горныхъ проходовъ хребта Кьеленъ. А между тѣмъ желѣзныя мѣсторожденія этой части сѣверной Швеціи отличаются необыкновеннымъ богатствомъ. Руда, въ которой среднее содержаніе металла составляетъ отъ 50 до 70 процентовъ, расположена параллельными жилами, между скалами гнейса, вывѣтрившимися и распавшимися отъ времени. Благодаря своей большей твердости, желѣзо не поддалось разрушительному вліянію атмосферныхъ дѣятелей и возвышается въ видѣ выступовъ, черныхъ или красноватыхъ, округленныхъ или остроконечныхъ, которые тамъ и сямъ образуютъ настоящіе холмы. Нужно считать милліардами тоннъ массы желѣза, находящіяся въ этихъ рудныхъ жилахъ, которыми промышленность, безъ всякаго сомнѣнія, овладѣетъ рано или поздно, когда ея наступательныя средства сдѣлаются болѣе могущественными.

Но Швеція обладаетъ еще въ центральныхъ и южныхъ областяхъ желѣзными рудниками

[1]) G. Hetting, „Die Fisch-Cultur Norwegens“.

[1]) Charles Martins, „Du Spitzberg au Sahara“.

достаточно богатыми, чтобы удовлетворять потребности ея собственной промышленности и даже вывозить за границу значительныя количества руды и выплавленнаго металла. Рудники Далекарліи и сосѣднихъ провинцій доставляютъ каждый годъ отъ 700.000 до 900.000 тоннъ (въ 1876 году отпускъ шведской желѣзной руды простирался до 796.950 тоннъ), и изъ этой добычи приготовляется около 350.000 тоннъ чугуна, передѣлываемаго затѣмъ въ желѣзо, которое покупаютъ преимущественно англичане. Желѣзная промышленность Швеціи въ 1881 г. занимала слѣдующее число рабочихъ:

Въ рудникахъ—5.895 человѣкъ; на плавильныхъ заводахъ—4.300 челов.; на другихъ заводахъ—13.939 чел.; въ 1894 г. во всей Швеціи въ 326 рудникахъ было выломано 1.926.523 тонны желѣзной руды (въ пятилѣтіе 1886—90 г.г. средняя добыча: 930.037 тоннъ).

Если бы Швеція обладала, кромѣ каменноугольнаго бассейна окрестностей Гельзингборга, въ провинціи Сканіи, единственнаго до сихъ поръ открытаго, еще другими залежами минеральнаго топлива; если бы лѣса не были почти сплошь истреблены въ непосредственномъ сосѣдствѣ ея рудныхъ мѣсторожденій, и—главное — если бы горнопромышленники всѣхъ остальныхъ странъ не употребляли теперь усовершенствованныхъ способовъ, позволяющихъ имъ утилизировать ихъ руды посредственнаго качества, то производство превосходнаго шведскаго желѣза, нѣтъ сомнѣнія, быстро бы удвоилось. Добываніе мѣди, недавно вдвое болѣе значительное, чѣмъ нынѣ, не могло выдерживать конкурренціи мѣдныхъ рудъ Новаго Свѣта, и число рудокоповъ въ послѣдніе годы значительно уменьшилось.

Производство мѣди: въ Норвегіи (въ 1891 г.) —677 тоннъ; въ Швеціи (въ 1894 г.)—около 360 тон.; добыча мѣдной руды въ Швеціи (въ 1893 г., въ 13 рудникахъ)—22.033 тонны.

Что касается цинка, то Швеція имѣетъ нѣсколько рудниковъ этого металла. Тотъ изъ нихъ, откуда получается три четверти всей цинковой руды, добываемой въ этомъ королевствѣ, принадлежитъ бельгійской компаніи, Société belge de la Vieille Montagne, которая извлекаемую здѣсь руду отправляетъ на свои заводы въ Бельгіи: это—Аммебергскій рудникъ, находящійся у сѣверной оконечности озера Веттернъ. Общая добыча цинковой руды въ Швеціи въ 1893 году равнялась 46.623 тоннамъ.

Домашняя промышленность еще гораздо болѣе развита въ Швеціи, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ съ густымъ населеніемъ; понятно, что въ странѣ, гдѣ рынки находятся на такихъ большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, каждое семейство должно стараться насколько возможно удовлетворять непосредственно своимъ нуждамъ. Нѣкоторые способы труда, нѣкоторыя украшенія встрѣчаются только въ самой глуши, въ отдаленныхъ деревушкахъ Скандинавіи, и, по всей вѣроятности, составляютъ наслѣдіе вѣковъ, предшествовавшихъ исторіи. Газеліусъ, основатель скандинавскаго музея въ Стокгольмѣ, и другіе ученые археологи дѣятельно изучаютъ эту промышленность доисторическаго происхожденія; скоро будетъ уже поздно, когда мануфактурныя произведенія проникнутъ даже въ послѣднія поселенія горъ.

Главныя фабрики Скандинавіи утилизируютъ естественныя произведенія почвы и сосѣднихъ морей, рыбу, желѣзо и лѣсъ. Во всѣхъ портахъ полуострова занимаются постройкой и оснасткой рыболовныхъ судовъ, тканьемъ сѣтей и другихъ рыболовныхъ снарядовъ, соленіемъ и отправкой пойманной рыбы. Металлургическіе заводы, какъ извѣстно, перерабатываютъ руду въ такомъ большомъ количествѣ, что оказывается возможнымъ посылать за границу значительную часть ихъ продуктовъ, тогда какъ скандинавское дерево вывозится, въ формѣ досокъ или мебели, даже въ самыя отдаленныя европейскія колоніи. Большая часть механическихъ лѣсопильныхъ заводовъ расположена вдоль береговой области, около выхода рѣкъ, по которымъ сплавляютъ крупный лѣсъ въ города Гефле, Седергамнъ, Гудиксваль, Зундсваль, Гернезандъ. Въ 1875 году всѣхъ механическихъ лѣсопильныхъ заводовъ въ Швеціи насчитывали 1.350. Прежде шведы продавали свой лѣсъ за границу исключительно въ видѣ бревенъ и досокъ и только недавно начали посылать его также въ формѣ паркета и издѣлій тонкой столярной работы. Эта отрасль промышленности получила особенно обширное развитіе въ Гетеборгѣ, а оттуда распространилась по всѣмъ шведскимъ городамъ, которые ведутъ заграничную лѣсную торговлю. Кромѣ того, шведское дерево вывозится расколотымъ на милліарды спичекъ. По этой отрасли промышленности Швеція теперь занимаетъ первое мѣсто между европейскими странами; осина, которая даетъ лучшія спички, сильно поднялась въ цѣнѣ съ той поры, какъ каждая спичечная фабрика употребляетъ тысячами стволы этой древесной породы. Производство спичекъ въ Швеціи представляло въ 1881 году слѣдующія цифры:

Фабрикъ—31, на нихъ рабочихъ 4.694; цѣнность выдѣланныхъ спичекъ—10.961.000 франк.; вывозъ за границу—10.500 тоннъ (въ 1892 году спичечныхъ фабрикъ 31, съ производствомъ около 8.700.000 кронъ).

Наконецъ, Швеція и вмѣстѣ съ нею Норвегія изъ всѣхъ странъ земнаго шара перерабатываютъ въ бумагу наибольшее количество дерева: уже съ 1857 года этотъ родъ промыш-

лепности введенъ былъ на одной бумажной фабрикѣ въ Трольгеттанѣ, и въ настоящее время около сорока другихъ фабрикъ въ обоихъ королевствахъ занимаются выдѣлкой бумаги изъ дерева; можно считать по меньшей мѣрѣ въ 30.000 тоннъ бумажную массу, которую скандинавскіе фабриканты получаютъ посредствомъ новѣйшихъ способовъ производства: груды опилокъ, возвышавшіяся прежде въ видѣ цѣлыхъ горъ вокругъ лѣсопильныхъ заводовъ, теперь превращаются въ оберточную бумагу, а также въ бумагу, употребляемую для печатанія книгъ и въ особенности газетъ.

Между отраслями промышленности, которыя Швеція и Норвегія должны были заимствовать у другихъ народовъ, самая важная—пряденіе и тканье хлопчатой бумаги. Первые опыты этого производства были сдѣланы только послѣ Наполеоновскихъ войнъ; въ настоящее же время оно уже достигло такого развитія, что обѣ страны должны ввозить для своихъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ мануфактуръ количество хлопка, исчисляемое въ 13—14 тысячъ тоннъ, и тысячи рабочихъ занимаются переработкой его въ ткани. Ввозъ хлопка въ 1882 г. составлялъ 2.434 тонны для Норвегіи и 10.500 тоннъ для Швеціи. Болѣе древняя, суконная промышленность, начавшаяся въ Ненкепингѣ и въ Упсалѣ съ первыхъ годовъ семнадцатаго столѣтія, тоже достигла значительнаго развитія, но производство ея все-еще недостаточно для покрытія даже половины того количества шерстяныхъ тканей, въ которомъ нуждается страна.

Суконныхъ фабрикъ въ Швеціи въ 1892 г. было 39, съ годовымъ производствомъ около 12 милліоновъ кронъ.

Кромѣ того, существуютъ мануфактуры, занимающіяся фабрикаціей тканей изъ льна, пеньки, джута и шелка. Въ Швеціи мануфактурная промышленность, не считая металлургическихъ заводовъ, имѣла въ 1892 г. 4.471 фабрику, всякаго рода, съ общимъ производствомъ въ 331.700.000 кронъ, и занимавшихъ 114.852 рабочихъ (въ томъ числѣ 27.564 женщины). Гетеборгъ, Стокгольмъ, Норркепингъ—главные фабричные центры страны; половина мануфактурныхъ произведеній Швеціи выходитъ изъ этихъ трехъ городовъ и ихъ округовъ. Норвегія, пропорціонально числу ея жителей, имѣетъ почти столько же фабричныхъ рабочихъ, какъ и Швеція, именно около 35.000 человѣкъ (въ 1891 г. въ Норвегіи въ промышленности вообще, считая тутъ и горные промыслы, было занято: 68.649 самостоятельныхъ промышленниковъ, 108.862 помощниковъ и рабочихъ). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она поставлена въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ сосѣдняя страна, для будущаго развитія ея промышленности; менѣе богатая желѣзомъ, она можетъ легче получать англійскій каменный уголь и ведетъ въ продолженіе цѣлаго года прямыя торговыя сношенія съ Великобританіей и съ континентальной Европой; кромѣ того, она располагаетъ, благодаря многочисленнымъ водопадамъ и порогамъ, еще болѣе значительными движущими силами,—и это почти вездѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ моремъ.

Если Норвегія уступаетъ Швеціи по размѣрамъ своей промышленности, то она превосходитъ ее по развитію своей торговой дѣятельности; въ этомъ отношеніи она какъ нельзя лучше воспользовалась выгодами, которыя даютъ ей многочисленные порты ея прибрежья и ея географическое положеніе относительно Великобританіи. Обороты внѣшней торговли этого маленькаго государства, которые въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія едва превышали 8 милліоновъ, простираются теперь до 400 или 450 милліоновъ каждый годъ; торговые обороты Швеціи, населеніе которой болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ число жителей Норвегіи, не достигаютъ даже милліарда франковъ въ годъ.

Торговое движеніе двухъ скандинавскихъ государствъ:

Въ Норвегіи въ 1896 г.—ввезено изъ-за границы товаровъ всего на сумму 240,218.000, вывезено за границу на сумму 147,771.000 кронъ; въ Швеціи въ 1895 г.—ввезено изъ-за границы на 344.290.000 вывезено на 311.434.000 кр.

Обѣ націи, норвежская и шведская, ведутъ торговлю главнымъ образомъ съ Англіей; затѣмъ идутъ по порядку: Германія, Данія, Франція. Главный предметъ вывоза, какъ изъ Швеціи, такъ и изъ Норвегіи, составляетъ лѣсъ; затѣмъ слѣдуютъ въ первой изъ этихъ странъ металлы и хлѣбъ, во второй—рыба. Цѣнность экспорта обѣихъ странъ, по главнымъ товарамъ, выразилась слѣдующими цифрами (въ милліонахъ кронъ):

Изъ Норвегіи въ 1893 г. вывезено—лѣса на 44,1, рыбы на 41; изъ Швеціи въ 1894 г. вывезено—лѣса на 128,5, хлѣба въ зернѣ и мукѣ на 13,4, металловъ не въ дѣлѣ на 26,7.

Важнѣйшими предметами привозной торговли являются, разумѣется, мануфактурныя произведенія; Скандинавія получаетъ переработанные продукты взамѣнъ отпускаемыхъ ею сырыхъ матеріаловъ. Только въ недавнее время, именно съ 1873 года, отмѣнены таможенныя пошлины между двумя скандинавскими королевствами за произведенія той или другой націи; да и эта таможенная свобода обставлена нѣкоторыми ограниченіями, и при переѣздѣ изъ одной страны въ другую путешественники все-еще подвергаются непріятности осмотра багажа.

Движеніе судоходства достигло въ Норвегіи изумительнаго развитія: относительно числа жителей, страна эта обладаетъ самымъ боль-

нимъ во всемъ свѣтѣ коммерческимъ флотомъ, и, какъ мы знаемъ, двѣ трети этого многочисленнаго флота, къ которому нужно еще прибавить тысячи рыболовныхъ судовъ, принадлежатъ полуденнымъ берегамъ Норвегіи, между заливомъ Христіанія и Ставангерскимъ фьордомъ, которые оба такъ удобно расположены, что могутъ вмѣщать цѣлые флоты. Въ портахъ королевства двѣ трети судоходства производится подъ норвежскимъ флагомъ, и во всѣхъ иностранныхъ портахъ можно встрѣтить эти сѣверные корабли, нагруженные лѣсомъ или рыбой. Движеніе судоходства въ норвежскихъ портахъ въ 1895 г. въ приходѣ—11.836 судовъ (въ томъ числѣ 6.179 норвежскихъ), вмѣстимостью въ 2.624.037 тоннъ; въ отходѣ—11.930 (въ томъ числѣ 6.293 норвежскихъ), вмѣстимостью въ 2.715.213 тоннъ.

Большинство бѣдныхъ жителей городовъ, вмѣсто того чтобы отдавать свои маленькія сбереженія въ сберегательныя кассы или въ банки, помѣщаютъ ихъ въ «долю» корабля; такимъ образомъ всѣ жители—судовладѣльцы прямо или косвенно, чѣмъ и объясняются тѣ чрезвычайные успѣхи, которые сдѣлало судоходство въ Норвегіи въ послѣдніе годы. Въ 1896 году (1 января) торговый флотъ Норвегіи состоялъ изъ 7.270 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 1.684.965 регистровымъ тоннамъ (въ томъ числѣ 915 пароходовъ въ 321.052 тонны). Тоннажъ норвежскихъ судовъ на цѣлую треть превосходитъ общую вмѣстимость всего французскаго флота.

Большое развитіе шведскаго прибрежья, относительно густое населеніе, занимающее полуденныя области страны, наконецъ, торговля грузными и громоздкими товарами, каковы лѣсъ и желѣзо,—все это привлекаетъ къ портамъ Швеціи весьма большое число купеческихъ кораблей; но большая часть этого торговаго флота принадлежитъ не шведскимъ судовладѣльцамъ: датскіе моряки изъ копенгагенскаго порта и норвежскіе судохозяева завладѣли весьма значительной долей перевозки грузовъ.

Движеніе судоходства въ шведскихъ портахъ въ 1895 г.:

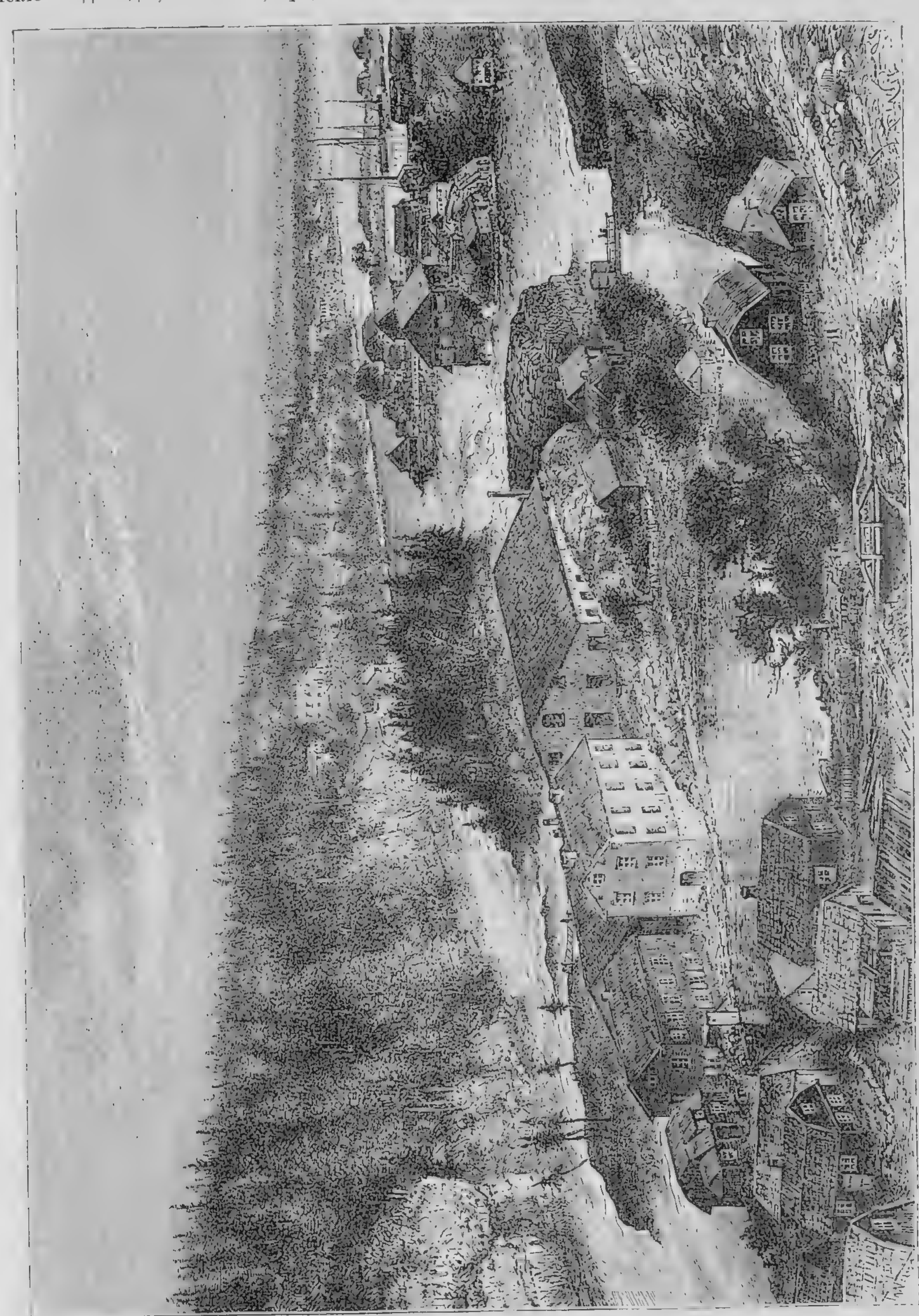
Прибыло груженыхъ судовъ: 7.193 шведскихъ въ 1.315.000 тоннъ, 757 норвежскихъ въ 217.000 тоннъ, 3.394 иностранныхъ въ 1.091.000 тон.,—всего 11.344 судна, вмѣстимостью въ 2.623.000 тоннъ. Вышло груженыхъ судовъ: 10.813 шведскихъ въ 1.828.000 тон., 1.509 норвежскихъ въ 544.000 т., 7.459 иностранныхъ въ 2.139.000 тоннъ, — всего: 19.781 судно, вмѣстимостью въ 4.691.000 тон. Всѣхъ судовъ съ грузомъ и съ балластомъ: прибыло—29.561 въ 6.117.000 тон. (въ томъ числѣ 13.451 пароходъ въ 4.796.000 т.), вышло—29.835 въ 6.267.000 тоннъ (въ томъ числѣ 13.605 паровыхъ въ 4.931.000 тоннъ).

Разность въ милліонъ слишкомъ тоннъ, которая держится изъ года въ годъ между привозомъ и отпускомъ, происходитъ отъ большой тяжести и громоздкости товаровъ, которые Швеція продаетъ иностраннымъ покупателямъ: оттого тысячи судовъ приходятъ безъ всякаго груза въ шведскіе порты. Взятый въ совокупности, торговый флотъ Швеціи представляетъ не болѣе трети флота, принадлежащаго норвежцамъ; но онъ все-таки, пропорціонально численности населенія, въ четыре раза превосходитъ коммерческій флотъ Франціи. Составъ шведскаго купеческаго флота, считая всѣ суд[illegible] вмѣстимостью свыше 10 тоннъ, 1 января 1895 г. [illegible] 2.914 парусныхъ судовъ въ 371.097 тоннъ [illegible] 1.248 паровыхъ въ 179.253 тонны, всего 4.16[illegible] судна въ 550.350 тоннъ; 1 января 1896 г.: 2.030 парусныхъ судовъ въ 301.727 тон. и 733 паровыхъ 181.276 тоннъ, всего 2.76[illegible] судна въ 483.003 тонны (кажущееся уменьшеніе этого флота произошло вслѣдствіе изданія новыхъ правилъ о регистраціи судовъ).

Внутренняя торговля по озерамъ и фьордамъ занимаетъ болѣе половины флота, если считать число судовъ, но она представляетъ только пятую часть тоннажа.

Въ Норвегіи гористый характеръ мѣстности не благопріятствовалъ прорытію каналовъ и потому ихъ тамъ очень мало, да и тѣ, которые проведены, представляютъ лишь простыя развѣтвленія горныхъ потоковъ; но Швеція, гдѣ рельефъ почвы ровнѣе, имѣла возможность открыть своимъ судамъ искусственные водные пути внутри равнинъ. Попытки канализаціи въ этой послѣдней странѣ, по словамъ Сиденблада, дѣлались уже съ начала пятнадцатаго столѣтія, но только двѣсти лѣтъ спустя былъ открытъ первый каналъ со шлюзами между истокомъ изъ озера Гвельмаренъ у Эскильстуны и Меларскимъ озеромъ. Съ той эпохи вся южная Швеція была превращена въ островъ проведеніемъ Готскихъ или Готландскихъ каналовъ, которые образуютъ непрерывную линію воднаго сообщенія, длиною въ 420 километровъ, между Балтійскимъ моремъ и Каттегатомъ. Бассейномъ раздѣла водъ служитъ озеро Викенъ, лежащее на высотѣ 93 метровъ надъ уровнемъ моря. Отъ этого водораздѣльнаго озера каналъ понижается на востокъ къ озеру Веттернъ, затѣмъ идетъ далѣе черезъ другія озера къ Балтійскому фьорду Седеркепингъ: съ этой стороны 39 шлюзовъ представляютъ послѣдовательныя ступени, по которымъ поднимаются или спускаются суда. Къ западу отъ озера Викенъ каналъ понижается черезъ 19 шлюзовъ до большаго озера Венернъ, откуда вытекаетъ рѣка Гота, составляющая естественное продолженіе канала. Но эта рѣка перерѣзана порогами и водопадами. Въ первыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія первые

водопады, именно Раннумскіе, находящіеся въ сосѣдствѣ города Венерсборгъ, были уже обойдены обходнымъ каналомъ; но ниже, Трольгеттанскіе водопады, казалось, представляли непреодолимое препятствіе. Сведенборгъ, кроткій мистикъ и смѣлый инженеръ, первый проектировалъ устройство канала; но это предпріятіе, пріостановленное послѣ смерти Карла XII, было окончено лишь въ 1800 году, и впослѣдствіи инженеръ Нильсъ Эриксонъ замѣнилъ его другимъ каналомъ, съ одиннадцатью монументальными шлюзами, изсѣченными въ голой скалѣ, которые понынѣ служатъ образцомъ для спеціалистовъ инженернаго искусства и составляютъ предметъ удивленія для всѣхъ. Суда имѣющія до 3 метровъ водоуглубленія, могутъ совершать плаваніе изъ одного моря въ другое по этой непрерывной цѣпи озеръ, рѣкъ, тран-



Трольгеттанскіе водопады.

шей и шлюзованныхъ уступовъ, которые составляютъ Готскій каналъ; кромѣ того, они могутъ, посредствомъ второстепенныхъ каналовъ, направляться въ сторону на большое разстояніе отъ главнаго воднаго пути и даже проникать въ Норвегію черезъ Далсландскій каналъ, вѣтвь судоходной сѣти, длиною около 255 километровъ, который начинается въ одной изъ бухтъ озера Венернъ, затѣмъ постепенно поднимается въ сѣверо-западномъ направленіи, пересѣкая нѣсколько озеръ, и переходитъ черезъ пороги рѣки по мосту-путеводу замѣчательной смѣлости, построенному упомянутымъ инженеромъ Нильсъ Эриксономъ, какъ и большая часть новѣйшихъ монументальныхъ сооруженій Швеціи. Движеніе барокъ и лодокъ весьма значительно на этомъ каналѣ, такъ же, какъ на каналахъ Готской системы и на шлюзахъ въ окрестностяхъ Стокгольма. Движеніе судоходства по каналамъ Швеціи (1867 г.): 23.198 парусныхъ судовъ, барокъ и лодокъ; 22.903 парохода.

Норвегія на два года опередила Швецію въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ: съ 1854 года она открыла первый рельсовый путь, изъ Христіаніи въ Эйдсвольдъ; однако, по причинѣ гористаго характера мѣстности, желѣзно-дорожная сѣть западнаго королевства не могла получить столь значительнаго развитія, какого достигла сѣть восточнаго государства. Вотъ относящіяся сюда числовыя данныя:

Сѣть желѣзныхъ дорогъ Скандинавіи въ 1896 г.: длина находящихся въ эксплоатаціи линій: въ Норвегіи—1.936, въ Швеціи—9.895 километровъ.

Изъ норвежскихъ линій самая большая та, которая перерѣзываетъ полуостровъ отъ Трондгьемскаго фьорда до залива Христіаніи и до шведской границы близъ Фредериксгальда; послѣдній ея участокъ, соединяющій Эйдсвольдъ съ Гамаромъ на берегахъ озера Мьезенъ, былъ оконченъ постройкой въ 1880 году. Изъ Трондгьема идетъ рельсовый путь къ Ботническому заливу; желѣзная дорога изъ г. Бергена останавливается у подошвы горъ, черезъ которыя она должна пройти по туннелю; затѣмъ, по выходѣ изъ туннеля, она будетъ постепенно спускаться на юго-востокъ къ Драммену; наконецъ, рельсовый путь вдоль морскаго прибрежья, долженствующій соединить Христіанію и Ставангеръ, состоитъ пока изъ двухъ конечныхъ участковъ. Что касается Швеціи, то благодаря своимъ равнинамъ, дешевизнѣ земель, большому количеству строительныхъ матеріаловъ—дерева, желѣза, камня, гальки, гравія и песку,—она имѣла возможность построить себѣ систему желѣзныхъ путей болѣе значительную пропорціонально числу жителей, чѣмъ желѣзнодорожная сѣть всякаго другаго государства Европы, не исключая даже Бельгіи. Швеція единственная страна Стараго Свѣта, которая имѣетъ почти 2.000 километровъ желѣзныхъ дорогъ на милліонъ жителей; правда, что постройка километра шведскаго рельсоваго пути обошлась, среднимъ числомъ, менѣе 100.000 франковъ, и что до сихъ поръ самый длинный туннель шведской сѣти тотъ, который проходитъ подъ южнымъ кварталомъ Стокгольма на протяженіи 427 метровъ.

Равнымъ образомъ почтовыя и телеграфныя сообщенія получили въ эти послѣдніе годы быстрое развитіе, хотя сравнительно далеко не столь значительное, какъ развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Не только всѣ рельсовые пути окаймлены телеграфными линіями, но, кромѣ того, станціи рыболовства и судоходства на морскихъ берегахъ соединены телеграфомъ съ Стокгольмомъ, и подводные кабели проложены по дну Ботническаго залива, южной Балтики, Зунда и Каттегата. Норвегія даже превосходитъ всѣ страны Европы и вообще цѣлаго свѣта, если не протяженіемъ, то по крайней мѣрѣ количествомъ подводныхъ телеграфовъ, такъ какъ безчисленныя изсѣченія ея береговъ прерываютъ въ тысячѣ мѣстъ сообщеніе по сухому пути. Переходя съ островка на островокъ, телеграфныя проволоки продолжаются до сѣверной оконечности полуострова, почти до самаго Нордъ-Капа. Приводимъ числовыя данныя, относящіяся къ почтовымъ и телеграфнымъ сообщеніямъ Скандинавіи.

Почта. Норвегія (1896 г.): переслано писемъ по внутренней корреспонденціи—28.345.800, по заграничной—10.285.000; печатныхъ произведеній: внутри государства — 39.848.400, за границу — 4.326.400; почтовый доходъ — 3.826.272, расходъ—3.701.721 крона. Швеція: переслано писемъ во внутреннемъ сообщеніи—60.272.000, въ международномъ—13.859.000; печатныхъ произведеній и образчиковъ — 81.532.000; доходъ — 8.548.268, расходъ — 7.717.080 кронъ.

Телеграфъ. Норвегія (1896 г.): длина линій государственныхъ—8.425, желѣзнодорожныхъ—1.723 километра; передано депешъ: внутреннихъ—1.229.008, международныхъ—663.703. Швеція (1895 г.): длина линій государственныхъ—8.715, желѣзнодорожныхъ—4.620 километровъ; передано депешъ: внутреннихъ—1.067.310, международныхъ—727.725.

Хотя число пересылаемыхъ по почтѣ писемъ относительно меньше, чѣмъ въ Англіи, во Франціи и въ центральной Европѣ, тѣмъ не менѣе, общее образованіе очень распространено въ Скандинавіи. Посѣщеніе школъ дѣтьми отъ семилѣтняго до четырнадцатилѣтняго возраста обязательно какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи. Всякая городская община, всякій сельскій приходъ должны имѣть по крайней мѣрѣ одну начальную школу и одного наставника, получившаго свой дипломъ въ одной изъ учительскихъ семинарій. Обученіе въ этихъ элементарныхъ школахъ совершенно безплатное;

но существуютъ также училища съ платой, основанныя государствомъ, общинами и частными лицами. Государство и господствующая (протестантская) церковь сохраняютъ за собой право надзора за вольными школами, и училищный совѣтъ, гдѣ главную роль играютъ епархіальный архіерей и консисторія, можетъ заставить родителей перевести ихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, если результатъ періодическихъ испытаній покажется имъ оправдывающимъ такую мѣру; родители, непосылающіе своихъ дѣтей въ школу въ указанные возрасты, подвергаются выговорамъ и наказаніямъ.

Въ Норвегіи еще недавно почти всѣ начальныя школы были передвижныя. Такъ какъ разбросанность населенія маленькими деревушками и большія разстоянія, которыя приходилось проходить черезъ скалы и снѣга, не дозволяли дѣтямъ посѣщать сельскія школы, то наставникъ долженъ былъ самъ передвигаться съ мѣста на мѣсто. Онъ объѣзжалъ свой округъ, останавливаясь послѣдовательно на извѣстное число недѣль въ какой-нибудь гостепріимной фермѣ, куда къ нему собирались дѣти изъ сосѣднихъ жилищъ и поселеній. Пріѣздъ школьнаго учителя составлялъ событіе; скоро большинство дѣтей знакомилось по крайней мѣрѣ съ азбукой, и наставникъ могъ продолжать свой путь, оставляя репетиторовъ изъ болѣе грамотныхъ учениковъ, которымъ поручалъ повторять съ дѣтьми уроки до новаго своего посѣщенія. Благодаря этимъ путешествующимъ учителямъ, охота къ ученью развилась даже въ самыхъ отдаленныхъ поселеніяхъ страны. Въ послѣднее время стараніями крестьянъ, мореходовъ, рудокоповъ, голосъ которыхъ пользуется преобладающимъ вліяніемъ въ совѣтахъ, основаны тысячи постоянныхъ школъ, гдѣ дѣти обучаются начаткамъ науки и музыки. Теперь странствующія школы составляютъ не болѣе какъ исключеніе въ полуденныхъ областяхъ Скандинавскаго полуострова; но, по силѣ обстоятельствъ, онѣ все-еще очень многочисленны въ сѣверныхъ округахъ, гдѣ рѣдкое населеніе состоитъ лишь изъ маленькихъ разбросанныхъ группъ.

Начальныя школы въ Скандинавіи:

Норвегія: въ 1837 г.—200 школъ постоянныхъ, 6.771 передвижныхъ; въ 1874 году—4.470 школъ постоянныхъ, 1.911 передвижныхъ.

Швеція: въ 1881 г.—6.127 школъ постоянныхъ, 3.422 передвижныхъ.

Часто на школьнаго учителя возлагается обязанность, на подобіе мировыхъ судей, разрѣшать путемъ примиренія сторонъ споры, возникающіе между сельскими жителями. Состояніе начальнаго образованія въ Скандинавіи представляется нынѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Норвегіи (1891 г.) низшихъ школъ: въ городахъ 134 и въ деревняхъ 6.198, съ 3.478 учителями и 429 учительницами; въ Швеціи (1893 г.): 12 высшихъ, 3.879 постоянныхъ и 742 передвижныхъ народныхъ школъ, 1.351 «меньшихъ» школъ (mindre skolor) и 4.095 школокъ, или школъ грамоты; кромѣ того, 25 народныхъ школъ для дальнѣйшаго образованія.

Система средняго образованія тоже болѣе развита на Скандинавскомъ полуостровѣ, чѣмъ въ большей части другихъ государствъ Европы, и нельзя не порадоваться при видѣ богатыхъ библіотекъ, изобилующихъ драгоцѣнными памятниками коллекцій по естественной исторіи и лабораторій, которыми обладаютъ многія среднія учебныя заведенія въ провинціи, вдали отъ столицъ Стокгольма и Христіаніи и отъ университетскихъ городовъ Упсалы и Лунда. Число воспитанниковъ въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Норвегіи 14.642 (1889 г.); въ Швеціи 17.000 (1892 г.). Литературное и научное движеніе очень дѣятельно, и въ одной только Швеціи каждый годъ выходитъ въ свѣтъ болѣе тысячи новыхъ сочиненій. Въ 1877 году число шведскихъ журналовъ и газетъ простиралось до 296, изъ которыхъ около трети выходили въ Стокгольмѣ. Въ Норвегіи въ 1895 году издавалось 350 журналовъ и газетъ (изъ этого числа 131 въ Христіаніи), тогда какъ въ 1854 году тамъ насчитывалось всего только 7 періодическихъ изданій [1]).

Но какое существуетъ въ Скандинавіи, какъ и въ другихъ странахъ, непосредственное отношеніе между успѣхами народнаго просвѣщенія и успѣхами общественной нравственности? Какъ распознать его ясно среди всѣхъ взаимно переплетающихся вліяній; какой причинѣ, какой совокупности различныхъ толчковъ нужно приписать, съ одной стороны, признаки прогресса, а съ другой—факты деморализаціи, которые мы наблюдаемъ въ движеніи націи, постоянно трудящейся? Можно по крайней мѣрѣ констатировать несомнѣнное вліяніе неурожаевъ и промышленныхъ кризисовъ на увеличеніе числа преступленій. Нищета и нравственная порча близко слѣдуютъ одна за другой.

Неумѣренность въ употребленіи опьяняющихъ напитковъ составляетъ обыкновенный порокъ сѣверныхъ народовъ, и скандинавскія саги разсказываютъ намъ, что въ собраніяхъ викинговъ медъ лился потоками. Около половины текущаго столѣтія пьянство сдѣлалось сущимъ бичемъ, грозившимъ окончательно развратить значительную часть населенія. Въ 1855 году болѣе сорока тысячъ водочныхъ заводовъ дѣйствовали въ одномъ только Шведскомъ королевствѣ и поставляли ежегодно

---

[1]) Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien".

огромныя количества brӓnvin (водки); нужно замѣтить, что въ ту эпоху фабрикація спиртныхъ напитковъ уже централизовалась, тогда какъ въ тридцатыхъ годахъ каждый землевладѣлецъ, каждый фермеръ былъ въ то же время винокуренный заводчикъ, и тогда насчитывали до 170.000 винокуренъ во всемъ королевствѣ. Но въ послѣднія десятилѣтія фабрикація водки, подчиненная правильному надзору и стѣсненная правилами, установленными фискомъ, замѣтно уменьшилась въ размѣрѣ, какъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры [1].

Производство водки въ Швеціи: съ 1830 по 1855 г.—отъ 78.000.000 до 130.000.000 литровъ; съ 1875 по 1880 г.—отъ 21.700.000 до 32.000.000 литровъ. На этой послѣдней цифрѣ (32 милліона литровъ) среднее годовое производство водки держится и понынѣ.

Въ городахъ образовались общества гражданъ, которыя одни только и имѣютъ право продавать водку раздробительно, съ условіемъ не извлекать никакихъ барышей отъ продажи и передавать весь чистый доходъ опредѣленными долями въ кассы городскаго общественнаго управленія, общаго муниципальнаго совѣта, земледѣльческихъ обществъ; эта система, извѣстная подъ названіемъ «гетеборгской», отъ имени города, который первый примѣнилъ ее на практикѣ, представляетъ ту большую выгоду, что приманка наживы не превращаетъ продавца водки въ совѣтника порока, въ искусителя, постоянно подстерегающаго свои жертвы. Питейныя заведенія гетеборгскихъ обществъ не gin-palaces, какъ таверны, къ которымъ устремляются толпы посѣтителей въ Англіи.

Швеція—одна изъ тѣхъ странъ Европы, гдѣ наибольшее число дѣтей родятся отъ браковъ, необлеченныхъ въ законную форму.

Процентъ незаконнорожденныхъ въ Швеціи, въ 1871—1875 г.: въ деревняхъ—$8,_9$ на 100; въ городахъ—$22,_2$ на 100; въ Стокгольмѣ—37 на 100; во всей странѣ—$10,_3$ на 100; въ 1892 г.: во всей странѣ $10,_5$ проц., въ столицѣ $28,_5$ проц.

Но было бы ошибочно видѣть въ этомъ фактѣ доказательство исключительной распущенности нравовъ. Дѣло въ томъ, что въ Швеціи, такъ сказать, не существуетъ подкидышей; тамъ всѣ матери сами воспитываютъ, или отдаютъ другимъ на воспитаніе, своихъ дѣтей. Кромѣ того, около десятой части новорожденныхъ, причисляемыхъ къ незаконнымъ дѣтямъ, родятся отъ родителей обрученныхъ и формально объявленныхъ женихомъ и невѣстой, и пользуются, послѣ вступленія въ бракъ ихъ родителей, всѣми преимуществами, присвоенными дѣтямъ законнымъ. Что касается столь значительнаго процента незаконныхъ рожденій, какой представляетъ Стокгольмъ, то этотъ процентъ получается главнымъ образомъ вслѣдствіе временной иммиграціи дѣвушекъ-матерей, которыя приходятъ изъ всѣхъ частей страны въ родовспомогательныя заведенія столицы, куда онѣ принимаются безъ всякихъ формальностей, не будучи даже обязаны сообщать своего имени [1]. Наконецъ, всѣ не-лютеране, исключая католиковъ, евреевъ и одного прихода баптистовъ, и по сіе время остаются внѣ закона въ отношеніи брака, вслѣдствіе чего ихъ дѣти тоже причисляются къ незаконнорожденнымъ.

XIII.

Правительство и администрація Норвегіи.

Независимое королевство Норвегія, соединенное съ Швеціей только особой короля, есть конституціонное государство, имѣющее, как почти всѣ европейскія государства, совѣщательныя собранія, представляющія націю предъ государемъ. Законодательная власть въ Норвегіи принадлежитъ стортингу (Storting)—собранію, которое состоитъ изъ 114 членовъ и дѣлится на двѣ палаты: одельстингъ (Odelsthing), соотвѣтствующій палатѣ депутатовъ и состоящій изъ 85 представителей, и лагтингъ (Lagthing), или «палата сенаторовъ», изъ 29 членовъ, избираемыхъ стортингомъ. Всякій законопроектъ долженъ быть принятъ обоими отдѣленіями стортинга; въ случаѣ несогласія одного изъ нихъ, законопроектъ разсматривается въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ, которыя рѣшаютъ вопросъ окончательно посредствомъ совмѣстнаго обсужденія, послѣ котораго принятіе закона должно быть санкціонировано большинствомъ двухъ третей голосовъ. Дѣйствіе вотированныхъ собраніемъ законовъ можетъ быть пріостановлено несогласіемъ короля, который можетъ возобновлять свое veto черезъ каждые три года послѣ каждаго новаго вотированія и до трехъ разъ. Послѣ этого срока, воля законодательнаго собранія одерживаетъ верхъ. Предложенія государя ожидаютъ своей очереди по списку дѣлъ, и стортингъ можетъ перейти къ очереднымъ дѣламъ, не входя въ обсужденіе королевскихъ предложеній.

Представители въ стортингъ выбираются на три года, двѣ трети—сельскими округами, одна треть—городами. Избирательнымъ правомъ пользуются норвежскіе граждане, которымъ двадцать пять лѣтъ отъ роду, лица, состоящія или состоявшія на государственной или общественной службѣ, владѣльцы кадастрированныхъ недвижимыхъ имуществъ, равно какъ лица, которыя, въ городахъ, платятъ патентный сборъ, какъ торговцы, ремесленники или

[1]) Elis Sidenbladhy, „Ler oyaume de Suède“.

[1]) Elis Sidenbladh, „Le royaume de Suède“.

капитаны купеческихъ судовъ, а въ деревняхъ владѣютъ долгосрочной арендой земель (заключенной на сроки свыше пяти лѣтъ). Выборы парламентскихъ депутатовъ производятся не по городамъ или по губерніямъ (amter); эти-то уполномоченные или избиратели второй степени и назначаютъ представителей націи, которыхъ они, впрочемъ, могутъ выбирать между

Гетеборгъ.—Видъ изъ ботаническаго сада

прямо, а во второй степени; оттого избиратели, вообще говоря, не особенно усердно пользуются своимъ правомъ. Собравшись, обыкновенно, въ церквахъ, они выбираютъ изъ своей среды опредѣленное число уполномоченныхъ, или всѣми избирателями, имѣющими болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Члены правительства входятъ въ составъ стортинга и присутствуютъ на его совѣщаніяхъ. Сессіи законодательнаго собранія бываютъ каждый годъ и не могутъ

продолжаться более двухъ мѣсяцевъ безъ согласія короля; по королю не предоставлено права распускать парламентъ. При составленіи основнаго закона Норвегіи, образцомъ служила, между прочимъ, французская конституція 1791 года [1]).

Король, который имѣетъ резиденцію въ Стокгольмѣ, долженъ, однако, по конституціи, жить часть года въ Норвегіи. Онъ управляетъ при содѣйствіи государственнаго совѣта (статсрадъ), составленнаго изъ двухъ министровъ и девяти совѣтниковъ, которые всѣ должны быть норвежскіе граждане. Одинъ изъ министровъ и два совѣтника находятся при королѣ, когда онъ имѣетъ пребываніе въ Швеціи; другой министръ и остальные семь членовъ государственнаго совѣта составляютъ правительство Норвегіи въ Христіаніи. По представленію этого кабинета, государь назначаетъ кандидатовъ на должности гражданскія, военныя и духовныя, но онъ не можетъ возводить въ дворянское достоинство или жаловать дворянскіе титулы, такъ какъ эти титулы давно уже отмѣнены стортингомъ, не взирая на королевское veto, заявленное тремя послѣдовательными отказами въ утвержденіи относящагося сюда закона; по этому рѣшенію парламента, всякій сынъ графа долженъ былъ носить лишь титулъ барона, а всякій сынъ барона становился простымъ гражданиномъ; такимъ образомъ, путемъ постепеннаго вымиранія, дворянство исчезло въ Норвегіи.

Въ прежнее время судебная власть, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ и властью законодательной, принадлежала исключительно народу, который приводилъ ее въ дѣйствіе чрезъ своихъ депутатовъ въ національныхъ собраніяхъ. И теперь еще избиратели назначаютъ двухъ судей мировой коммисіи, которые засѣдаютъ въ каждой общинѣ, и на разсмотрѣніе которыхъ поступаютъ всѣ гражданскія дѣла до начатія судебнаго преслѣдованія; въ дѣлахъ о нарушеніи устава благочинія или о полицейскихъ проступкахъ, влекущихъ за собой денежный штрафъ, судебная власть, прежде произнесенія приговора, должна предложить обвиняемому, не желаетъ ли онъ добровольно принять слѣдующую по закону пеню. Въ дѣлахъ уголовныхъ и касающихся правъ собственности, нація также имѣетъ непосредственное участіе въ отправленіи правосудія: представителями ея являются четверо присяжныхъ, засѣдающихъ рядомъ съ судьей и подающихъ голосъ на тѣхъ же правахъ, какъ и онъ, и часто противъ него. Впрочемъ, судьи всегда несутъ отвѣтственность за ошибку, совершенную ими по невѣжеству или по криводушію; преданные суду высшаго трибунала, они, если будутъ признаны виновными, подвергаются тяжкимъ наказаніямъ въ ихъ лицѣ или имуществѣ, а въ случаѣ ихъ смерти,—присужденное съ нихъ денежное взысканіе должно быть уплачено ихъ наслѣдниками.

Для отправленія правосудія въ Норвегіи существуетъ 116 судовъ первой степени—36 для городовъ и 80 для сельскихъ округовъ,—которые вѣдаютъ всѣ дѣла гражданскія и уголовныя. Въ каждомъ изъ этихъ трибуналовъ засѣдаетъ только одинъ судья (называемый byfoged въ городахъ, sorenscriver въ деревняхъ), исключая столичнаго суда первой инстанціи, состоящаго изъ 8 судей и предсѣдателя. Всѣ тяжебныя дѣла, касающіяся имущественныхъ правъ, разбираются съ участіемъ четырехъ присяжныхъ засѣдателей, назначаемыхъ для этой цѣли. Трибуналовъ второй инстанціи, или судебныхъ палатъ, во всемъ королевствѣ только пять, и каждая изъ нихъ состоитъ изъ предсѣдателя и одного, двухъ или трехъ членовъ. Кромѣ того, существуютъ спеціальныя судебныя установленія для лицъ духовнаго званія и для преподавателей, равно какъ для лицъ военнаго сословія. Высшій или кассаціонный судъ, состоящій изъ президента и десяти судей, разсматриваетъ и рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи дѣла по жалобамъ на приговоры, постановленные столичнымъ судомъ первой степени, судебными палатами, консисторіальными судами, полицейскими трибуналами и военными совѣтами. При разсмотрѣніи дѣлъ о лицахъ военнаго вѣдомства, къ членамъ главнаго суда присоединяются два высшихъ офицера. Наконецъ, члены высшаго суда, въ соединеніи съ 37 членами верхней палаты или сената (лагтинга), образуютъ трибуналъ, который, подъ именемъ верховнаго суда королевства (Rigsret), судитъ всѣ преступленія или проступки, совершенные членами стортинга, государственнаго совѣта или высшаго кассаціоннаго суда въ отправленіи ихъ служебныхъ обязанностей.

Лютеранская церковь, господствующая религія государства, пользуется въ Норвегіи значительной властью, такъ какъ она имѣетъ въ своемъ расположеніи весьма обширныя недвижимыя имущества и заправляетъ въ большой мѣрѣ воспитаніемъ дѣтей. Состоящія на службѣ духовныя лица, хотя и назначаются на должности королемъ, не получаютъ, однако, жалованья въ собственномъ смыслѣ; но имъ дается квартира и, въ сельскихъ приходахъ, предоставляется пользованіе обширными землями; кромѣ того, они получаютъ десятины и приношенія, минимумъ которыхъ опредѣленъ закономъ, и пользуются доходомъ отъ бенефицій. Среднее годовое содержаніе, переведенное на деньги, составляетъ не менѣе 4.700 франк. для каждаго священнослужителя. Духовенство въ Норвегіи относительно немногочисленно: въ концѣ 1877 года во всемъ королевствѣ на-

[1]) O. J. Broch, „Le royaume de Norvège et le peuple norvégien“.

считывалось только 637 духовныхъ лицъ; при томъ же численномъ отношеніи духовенства къ цифрѣ населенія во Франціи должно бы быть всего только 12.000 священниковъ. Страна дѣлится на 6 епархій или епископствъ (stifter), 83 деканства или благочинія (provstier), 441 приходъ (praestegjeld) и 909 пасторатовъ или настоятельствъ (sogne). Всѣ другія вѣроисповѣданія и обрядности пользуются совершенной вѣротерпимостью, но число ихъ послѣдователей очень незначительно; евреи живутъ въ краѣ въ числѣ съ небольшимъ двухсотъ душъ, но не составляютъ организованыхъ общинъ.

По вѣроисповѣданіямъ, народонаселеніе Норвегіи, по переписи 1891 г., распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: Лютеранъ государств. церкви—1.970.232, лютеранъ свободной церкви—8.804, католиковъ—1.004, методистовъ—.187, баптистовъ—4.228, другихъ христіанъ—.366, евреевъ—214, принадлежавшихъ къ различнымъ сектамъ—1.787, безъ религіи—.095.

По закону 16 іюня 1885 г., военная служба обязательна для всѣхъ норвежскихъ гражданъ, достигшихъ полныхъ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду (отъ исполненія ея освобождены только лица духовнаго сословія, лоцманы и жители провинціи Финмаркенъ) и продолжается 5 лѣтъ въ дѣйствующей арміи или линейныхъ войскахъ, 4 года въ ландверѣ и послѣдніе 4 года въ ландштурмѣ; кромѣ того, всякій норвежецъ въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ принадлежитъ къ территоріальному ландштурму. Въ дѣйствительности норвежская армія состоитъ лишь изъ кадровъ, учебныхъ баталіоновъ и военныхъ школъ. Всѣ новобранцы проходятъ черезъ рекрутскую школу, которая продолжается 40 дней для пѣхоты, 70 дней для полевой артиллеріи и кавалеріи, и послѣ которой непосредственно слѣдуетъ 12-ти дневное упражненіе вмѣстѣ съ первымъ годомъ ландвера; и затѣмъ должны въ продолженіе двухъ, трехъ или четырехъ лѣтъ являться для принятія участія въ ученьяхъ и маневрахъ, продолжающихся по 24 дня. Король можетъ держать въ Стокгольмѣ отрядъ гвардіи изъ норвежскихъ волонтеровъ, и кромѣ того, конституція предоставляетъ ему право перемѣщать до 3.000 человѣкъ войска изъ одного королевства въ другое для военныхъ упражненій; но во всѣхъ другихъ случаяхъ переходъ войскъ изъ Норвегіи въ Швецію или изъ Швеціи въ Норвегію не дозволяется. Численный составъ арміи по штатамъ мирнаго времени — около 12.000 чел., по штатамъ военнаго времени: линейное войско—около 24.000 чел., а вмѣстѣ съ ландверомъ и ландштурмомъ—около 60.000 чел.; такую же цифру, вѣроятно, дастъ и территоріальный ландштурмъ.

Военный флотъ Норвежскаго королевства относительно гораздо болѣе значителенъ, чѣмъ сухопутная армія; онъ состоялъ въ 1896 г. изъ 55 боевыхъ судовъ (въ томъ числѣ 2 башенныхъ броненосца и 4 монитора) въ 24.584 тонны и 35.560 индикаторн. силъ, съ 209 орудіями, не считая транспортовъ, авизо, учебныхъ судовъ и т. д. Входъ въ заливъ Христіанія, гдѣ находятся Гортенъ, главная станція военнаго флота, защищенъ укрѣпленіями; кромѣ того, нѣсколько другихъ фортовъ возвышаются на нѣкоторыхъ пунктахъ морскаго прибрежья, болѣе открытыхъ для непріятельскаго нападенія. Крѣпость Вардегусъ, на островѣ Варде, при входѣ въ Варангеръ-фьордъ, замѣчательна какъ самое сѣверное укрѣпленіе Норвегіи и всего свѣта: она лежитъ уже далеко за южнымъ предѣломъ полярнаго пояса, къ сѣверу отъ 70 градуса широты. Личный составъ военнаго флота въ 1897 г.: на дѣйствительной службѣ—95 офицеровъ, 65 кандидатовъ, 34 чиновника, 620 унтеръ-офицеровъ и матросовъ; въ запасѣ—53 офицера, 90 унтеръ-офицеровъ, кромѣ того, мужчины въ возрастѣ отъ 22 до 35 лѣтъ, бывавшіе въ заграничномъ плаваніи, занимающіеся каботажемъ или рыбной ловлей, или живущіе въ приморскихъ портахъ, внесены въ списки экипажа въ числѣ около 60.000 человѣкъ и могутъ быть призваны на службу, въ случаѣ грозящей отечеству опасности.

Государственный бюджетъ Норвегіи вообще представляетъ равновѣсіе доходовъ съ расходами. Бюджетъ финансоваго 1895—96 года выразился слѣдующими цифрами: доходы—71.932.500, расходы — 69.162.700 кронъ (крона = 52 копѣйк.). Почти половину обыкновенныхъ доходовъ доставляетъ таможенный сборъ. Самые значительные платежи не идутъ, какъ въ большей части другихъ государствъ, на покрытіе расходовъ военнаго вѣдомства, или на проценты и погашеніе старыхъ займовъ. Однако, въ новѣйшее время и Норвегія надѣлала долговъ,—главнымъ образомъ для постройки желѣзныхъ дорогъ. Состояніе норвежскаго національнаго долга 30 іюня 1896 г.: пассивъ—157.353.000, активъ—161.273.000 кронъ.

Въ административномъ отношеніи страна дѣлится на 517 общинъ или коммунъ, изъ нихъ 61 городская и 456 сельскихъ (herreder). Дѣлами муниципій управляютъ два выборныя собранія—распорядительный совѣтъ (formandskab), состоящій изъ 3 до 12 членовъ, и представительный совѣтъ (repraesentantskab), заключающій тройное число членовъ. Исполненіе ихъ рѣшеній возлагается, въ городскихъ общинахъ, на магистраты, состоящіе изъ бургомистра и ратмановъ, назначаемыхъ королемъ, а въ сельскихъ общинахъ—на областныхъ начальниковъ или губернаторовъ (amt-

mand) и на уѣздныхъ начальниковъ (foged), а также на полицейскихъ офицеровъ (lensmand), назначаемыхъ губернаторомъ.

Городскія общины, въ числѣ 61, состоятъ изъ 39 городовъ и 22 портовъ; сельскія общины образуютъ 58 округовъ или уѣздовъ (fogderier). Эти уѣзды раздѣлены между 18 префектурами или губерніями (amter); кромѣ того, столица Христіанія и городъ Бергенъ составляютъ 2 отдѣльныя префектуры. Каждая губернія управляется губернскимъ административнымъ совѣтомъ (amtsformandskab), состоящимъ изъ президентовъ общинныхъ совѣтовъ, подъ предсѣдательствомъ префекта или губернатора.

Губерніи.	Главные города.	Пространство (оффиціальн.) кв.кил.	Населеніе налицо 1 января 1891 г. жителей	На 1 кв.клм. приходится жит.
Смаленене	Фредериксгальдъ	4.143	120.864	29
Акерсгусъ	Эйдсвольдъ	5.321	100.427	19
Христіанія (городъ)	—	17	148.213	—
Гедемаркенъ	Конгсвингеръ	27.508	120.386	4
Христіансъ	Гамаръ	25.362	108.579	4
Бускерудъ	Драмменъ	14.997	102.203	7
Ярлсбергъ и Лаурвикъ	Лаурвикъ	2.321	95.745	42
Братсбергъ	Скіенъ	15.189	91.410	6
Неденесъ	Арендаль	9.348	77.352	8
Листеръ и Мандаль	Христіансзандъ	7.264	76.213	10
Ставангеръ	Ставангеръ	9.147	114.223	12
Южный Бергенгусъ	—	15.607	127 678	8
Бергенъ (городъ)	—	14	52.803	—
Сѣверный Бергенгусъ	—	18.472	87.839	5
Ромсдаль	Христіансзундъ	14 990	127.663	8
Южный Трондгьемъ	Трондгьемъ	18.606	123.750	6
Сѣверный Трондгьемъ	Левангеръ	22.768	81 529	3
Нордландъ	Боде	37.599	132.447	3
Тромсе	Тромсе	26.246	65.009	2
Финмаркенъ	Гаммерфестъ	47.385	29 341	$0{,}_6$
	Итого	322.304	1.988.674	6

XIV.

Правительство и администрація Швеціи.

Измѣненная конституція 6 іюня 1809 года, нынѣ дѣйствующая въ Швеціи, сдѣлала изъ этого государства парламентарную монархію. Тѣмъ не менѣе король почитается единоличнымъ правителемъ, и если при немъ состоитъ государственный совѣтъ, то только для того, чтобы спрашивать мнѣнія этого совѣта и получать отъ него свѣдѣнія, которыя могутъ понадобиться его величеству. Государственный совѣтъ состоитъ изъ десяти членовъ, одинъ изъ которыхъ называется первымъ министромъ. Семеро изъ этихъ членовъ управляютъ министерствами: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, военнымъ, морскимъ, духовныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія; изъ остальныхъ трехъ министровъ безъ портфеля два по крайней мѣрѣ должны быть бывшими гражданскіе чиновники. Всѣ дѣла административнаго характера представляются королю въ его совѣтѣ. Каждый членъ государственнаго совѣта высказываетъ свое мнѣніе, которое и заносится въ протоколъ засѣданія, послѣ чего король кладетъ резолюцію; если принятое имъ рѣшеніе признается противнымъ закону, членъ, докладывавшій дѣло, отказывается приложить свою подпись къ протоколу и подаетъ въ отставку, и вопросъ переносится на обсужденіе парламента. Члены государственныхъ совѣтовъ Швеціи и Норвегіи должны присутствовать въ соединенномъ засѣданіи каждый разъ, когда какое-либо дѣло, касающееся обоихъ королевствъ, обсуждается и рѣшается передъ королемъ. Во время своихъ путешествій за предѣлами Швеціи и Норвегіи государь не можетъ заниматься дѣлами правленія, которое тогда поручается наслѣдному принцу, а за неимѣніемъ его,—государственному совѣту. На содержаніе королевскаго двора отпускается ежегодно 1.320.000 кронъ изъ бюджета Швеціи и, кромѣ того, 345.4[illegible] кронъ, уплачиваемыхъ норвежскимъ народомъ. Въ 1873 году сеймъ отказался принять на счетъ націи расходы по коронаціи.

Прежде національное представительство Швеціи состояло изъ депутатовъ четырехъ сословій—дворянства, духовенства, мѣщанства и крестьянства; но въ 1866 году государственные чины сами, уступая требованію общественнаго мнѣнія, рѣшили преобразовать законодательное собраніе. По новому закону, представителемъ шведскаго народа является сеймъ или парламентъ (риксдагъ), состоящій изъ двухъ палатъ, соотвѣтствующихъ лордамъ и коммонерамъ Великобританіи, сенаторамъ и депутатамъ другихъ конституціонныхъ государствъ Европы. Члены первой палаты выбираются на девять лѣтъ генеральными совѣтами провинцій и муниципальными совѣтами большихъ городовъ въ пропорціи одного члена на каждыя 30.000 жителей. Могутъ быть избираемыми въ эту палату только граждане, имѣющіе по меньшей мѣрѣ тридцать пять лѣтъ отъ роду, владѣющіе недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ 112.000 франк. (80.000 кронъ) или платящіе налогъ съ годоваго дохода не менѣе 5.600 франк. (4.000 кронъ). Такъ какъ верхняя палата должна служить преимущественно представительницей богатаго класса, то всякій выборный, который въ теченіе срока своего полномочія приходитъ въ финансовое положеніе ниже той нормы имущественнаго ценза, какую законъ требуетъ отъ кандидатовъ, обязанъ отказаться отъ своего мѣста въ со

браніи. При томъ члены верхней палаты не получаютъ никакого вознагражденія. Число ихъ въ настоящее время 150.

Вторая палата шведскаго сейма состоитъ теперь изъ 230 депутатовъ, которые всѣ избираются на три года гражданами, платящими налоги. Каждый судебный округъ назначаетъ одного депутата на 12.000 до 40.000 жителей, каждый городъ выбираетъ одного депутата на 6.000—12.000 жителей, такъ что, слѣдовательно, городскія общины пользуются болѣе широкимъ правомъ представительства, чѣмъ сельскія. Хотя вторая или нижняя палата почитается призванной защищать главнымъ образомъ интересы народа, однако, кандидаты въ члены ея также должны удовлетворять условіямъ опредѣленнаго закономъ имущественнаго ценза; они не могутъ быть избраны, если не владѣютъ недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ 1.000 кронъ, или не имѣютъ въ арендномъ содержаніи земельной собственности цѣною въ 6.000 кронъ, или если ихъ годовой доходъ, подлежащій оплатѣ налогомъ, не достигаетъ по крайней мѣрѣ суммы 800 кронъ. Кромѣ того, они должны быть старше двадцати пяти лѣтъ и должны, по меньшей мѣрѣ въ теченіе года до дня выборовъ, пользоваться правомъ быть избираемыми въ той общинѣ, гдѣ они выступаютъ въ качествѣ кандидатовъ. Народные выборные получаютъ за каждую сессію, продолжительность которой назначена закономъ въ четыре мѣсяца, опредѣленную сумму 1.200 кронъ (1.680 франк.), не считая денегъ, выдаваемыхъ имъ на путевыя издержки. Президенты и вице-президенты обѣихъ палатъ выбираются королемъ между членами соотвѣтственной палаты. Всѣ дѣла, представляемыя на обсужденіе и рѣшеніе сейма, предварительно разработываются спеціальными комитетами, члены которыхъ назначаются въ половинномъ числѣ каждою изъ двухъ палатъ.

Сельскія общества или коммуны Швеціи, въ числѣ 2.354, равно какъ 110 городовъ и мѣстечекъ, пользуются правомъ самоуправленія въ отношеніи своихъ мѣстныхъ дѣлъ. Каждая община имѣетъ свой муниципальный совѣтъ, назначаемый различнымъ порядкомъ, смотря по рангу коммуны, и выбираетъ своего президента; только въ городѣ Стокгольмѣ генералъ-губернаторъ (öfver Stat-Hallaren) по праву своей должности предсѣдательствуетъ въ муниципальномъ собраніи. Губерніи (läns) также составляютъ общины высшаго порядка, и въ каждой изъ нихъ существуетъ выборный генеральный совѣтъ, который собирается разъ въ годъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и то на нѣсколько дней, подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго королемъ; въ дѣйствительности, срокъ засѣданій этихъ совѣтовъ слишкомъ коротокъ, чтобы они могли имѣть серьезное вліяніе на ходъ дѣлъ. Города, населеніе которыхъ превышаетъ 25.000 душъ, выдѣлены изъ округовъ губернскихъ генеральныхъ совѣтовъ и управляются каждый собственнымъ муниципальнымъ совѣтомъ.

Нынѣ дѣйствующій шведскій кодексъ въ меньшей степени подвергся вліянію римскаго права, чѣмъ законодательства другихъ народовъ Европы: происхожденіе его нужно искать главнымъ образомъ въ такъ называемыхъ законахъ обычнаго права, въ языческихъ обычаяхъ, видоизмѣнившихся подъ вліяніемъ христіанства. Полагаютъ, что эти законы, древнѣйшіе тексты которыхъ относятся къ началу тринадцатаго столѣтія, были вырѣзаны руническими буквами на balkar, или деревянныхъ табличкахъ, откуда и произошло названіе balk, даваемое и теперь еще различнымъ отдѣламъ гражданскаго кодекса. Многіе изъ этихъ сельскихъ сборниковъ законовъ были написаны въ стихахъ, въ формѣ поговорокъ, для того чтобы легче было удержать ихъ въ памяти. Къ традиціоннымъ законамъ деревень впослѣдствіи прибавились кодексы городовъ, составленные болѣе или менѣе по образцу законовъ Висби и другихъ ганзейскихъ городовъ [1]). Въ 1442 году законы и обычаи, древніе landskapslagar, были пересмотрѣны и соединены въ одинъ сводъ общихъ узаконеній, который получилъ названіе landslag (государственные законы). Въ 1734 году этотъ сводъ снова былъ измѣненъ, и съ той эпохи онъ еще нѣсколько разъ подвергался измѣненіямъ и дополненіямъ. Лица военнаго и духовнаго сословій подчинены спеціальнымъ законамъ.

Пресса пользуется большой свободой въ Швеціи, гдѣ, впрочемъ, рѣдко затрогиваются въ печати вопросы, опасные съ точки зрѣнія религіозной, политической или соціальной. Когда частное лицо считаетъ себя оскорбленнымъ газетой или журналомъ, то жалоба его разбирается особымъ жюри, или третейскимъ судомъ, составленнымъ, послѣ обыкновеннаго отвода, изъ девяти членовъ, изъ которыхъ три выбраны обвинителемъ, три обвиняемымъ и три назначены трибуналомъ. Для произнесенія обвинительнаго приговора требуется большинство шести голосовъ.

Суды первой инстанціи состоятъ, въ городахъ, изъ бургомистра и членовъ магистрата; въ 108 сельскихъ округахъ—изъ окружнаго судьи, разбирающаго дѣла при участіи двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей, выбираемыхъ изъ крестьянъ-собственниковъ. Судья одинъ рѣшаетъ дѣло; но если всѣ присяжные не согласны съ его рѣшеніемъ, то ихъ мнѣніе беретъ верхъ. Три королевскіе суда или палаты,—одна въ Стокгольмѣ для сѣверной Швеціи, другая въ Іенкепингѣ для Готланда, третья въ Христі-

[1]) Schlyter,—Sidenbladh, „La Suède"; Geffroy, „Académie des Sciences", 28 sept. 1878.

анстадѣ для провинцій Сканіи и Блекинге,— разсматриваютъ дѣла по апелляціямъ, провѣряютъ правильность смертныхъ приговоровъ, произнесенныхъ судьями первой степени, и разбираютъ всѣ дѣла о неправильныхъ дѣйствіяхъ и ошибкахъ, совершенныхъ судебными чинами или должностными лицами при отправленіи ими служебныхъ обязанностей. Высшій королевскій судъ, имѣющій мѣстопребываніе въ Стокгольмѣ, состоитъ изъ шестнадцати судей и дѣлится на двѣ палаты, между которыми и распредѣляются поступающія въ этотъ судъ дѣла; когда въ подлежащемъ разсмотрѣнію процессѣ замѣшаны лица военнаго сословія, къ составу суда присоединяются два высшихъ офицера; кромѣ того, король имѣетъ два голоса въ трибуналѣ каждый разъ, когда ему заблагоразсудится заняться какимъ-либо дѣломъ. Въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ учреждается верховный судъ королевства для сужденія членовъ государственнаго совѣта или высшаго суда.

Лютеранская вѣра есть государственная религія въ Швеціи. Если основываться на таблицахъ народной переписи, которыя, впрочемъ, несомнѣнно причисляютъ индифферентовъ къ вѣрующимъ послѣдователямъ оффиціальнаго культа, то шведская нація почти вся принадлежитъ къ лютеранской обрядности; но въ средѣ самой этой церкви существуютъ большія различія: такъ, напримѣръ, нѣкоторыя общины Норрланда, увлеченныя религіознымъ пыломъ, прибавляютъ священную пляску къ другимъ своимъ обрядамъ и скачутъ, кружатся или качаются въ экстазѣ до тѣхъ поръ, пока не упадутъ отъ изнеможенія [1]). Протестантскія секты, отдѣлившіяся отъ господствующей религіи, насчитываютъ въ своей средѣ лишь нѣсколько тысячъ послѣдователей; а евреи, которымъ только въ 1810 году дано было разрѣшеніе селиться въ краѣ, не имѣли еще времени основать въ торговыхъ городахъ значительныхъ общинъ. По вѣроисповѣданіямъ населеніе Швеціи 31 декабря 1890 г. было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: Лютеранъ— 4.735.218. Баптистовъ - 37.112. Методистовъ— 5.143. Римско - католиковъ — 1.390. Другихъ Христіанъ—2.482. Евреевъ - 3.402. Прочихъ— 234.

Только съ 1870 года доступъ на государственную службу открытъ всѣмъ шведамъ безъ различія, даже тѣмъ, которые не принадлежатъ къ лютеранскому исповѣданію.

Власть церкви, соединенной съ государствомъ, и теперь еще весьма значительна, несмотря на то, что она должна одновременно выдерживать нападеніе съ двухъ сторонъ—со стороны свободныхъ мыслителей и со стороны ревностныхъ диссидентовъ. Черезъ пасторовъ и консисторіи духовенство принимаетъ большо[е] участіе въ мѣстной администраціи. Оно ведетъ метрическія книги во всѣхъ общинахъ, кром[ѣ] города Стокгольма. Для членовъ шведской цер-кви только бракъ, получившій благословен[іе] священника, признается дѣйствительнымъ. Гражданскій брачный союзъ терпимъ лишь [в]ъ томъ случаѣ, если одинъ изъ супруговъ при-надлежитъ къ іудейской вѣрѣ или къ одной и[зъ] признаваемыхъ закономъ диссидентскихъ сек[тъ]; въ этомъ случаѣ бракъ можетъ быть соверш[енъ] законнымъ порядкомъ только послѣ троекр[ат]-наго оглашенія именъ жениха и невѣсты [в]ъ лютеранской церкви. Начальныя школы по-ставлены подъ непосредственный надзоръ па-сторовъ и консисторій: они наблюдаютъ за об[у]-ченіемъ катехизису Лютера, за соблюденіемъ религіозныхъ церемоній, за правильной конфи[р]-маціей всѣхъ дѣтей. Кромѣ того, церковь имѣ[етъ], какъ и нація, свои совѣщательныя собранія. [В]ъ 1863 году былъ учрежденъ синодъ съ цѣ[лью] получить согласіе на измѣненіе конститу[ціи], долженствовавшее упразднить духовенст[во], какъ одно изъ самостоятельныхъ сословій, со-ставлявшихъ прежній сословный сеймъ. [Это] собраніе состоитъ изъ 60 членовъ, 30 мірян[ъ и] 30 духовныхъ, между которыми находятся [вс]ѣ епископы королевства; архіепископъ упсальс[кій] по праву своего сана предсѣдательствуетъ [въ] синодѣ. Въ церковно-административномъ отно-шеніи страна раздѣлена на двѣнадцать епарх[ій]: архіепископство упсальское и епископства [въ] Линкепингѣ, Скарѣ, Стренгнесѣ, Вестерах[ѣ], Вексіо, Лундѣ, Гетеборгѣ, Кальмарѣ, Карлст[а]-дѣ, Гернезандѣ, Висби; къ этимъ епархіямъ нужно еще прибавить тринадцатую, стокгольм-скую консисторію, въ дѣйствительности неза[ви]-симую отъ упсальской архіепископальной епар-хіи. Епархіи подраздѣляются на деканства [и]ли благочинія, на пастораты или настоятельства и приходы; послѣднихъ теперь насчитывается около 2.500.

Два университета Швеціи, Упсальскій и Лун[д]-скій, имѣютъ независимое существованіе, которое ихъ дѣлаетъ какъ бы отдѣльными, самостоятельными корпораціями въ общемъ строѣ государства; однако, оффиціально они зависятъ отъ церкви, такъ какъ вице-канцлерами этихъ главныхъ школъ состоятъ: въ первой — архіепископъ упсальскій, во второй—епископъ лундскій. Въ каждомъ изъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній студентъ обязанъ быть членомъ какой-либо «націи» или корпораціи; тотчасъ же по вступленіи въ университетъ, онъ долженъ просить о внесеніи его фамиліи въ списокъ его земляковъ. Въ Упсалѣ такихъ «націй» или землячествъ тринадцать: большая часть ихъ называются по именамъ прежнихъ историческихъ провинцій; три носятъ названіе стокгольмской, гетеборгской, кальмарской. Каждая изъ этихъ группъ составляетъ маленькую рес-

[1]) W. von Feilitzen, „Рукописныя замѣтки".

публику, имѣющую собственное управленіе, пользующуюся особенными привилегіями и обладающую въ недвижимыхъ имуществахъ или въ деньгахъ довольно значительнымъ капиталомъ, доходы съ котораго употребляются главнымъ образомъ на вспомоществованіе бѣднымъ студентамъ. Они имѣютъ обширныя залы для общихъ собраній и празднествъ, свои библіотеки и кабинеты для чтенія. Между націями есть даже такія, которыя обладаютъ загородными домками. Автономія студенческихъ корпорацій не ограничивается управленіемъ своими дѣлами и имуществомъ: студенты должны обращаться къ своимъ «землякамъ», чтобы получить аттестаты и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, денежныя средства, которыя позволили бы имъ продолжать ученіе [1]). Университетская юрисдикція распространяется для студентовъ до разстоянія 50 километровъ вокругъ Упсалы.

Въ исторіи просвѣщенія два шведскіе университета представляютъ такой же контрастъ, какой нѣкогда представляли главныя школы Монпелье и Парижа. Традиціи стараго упсальскаго университета, проникнуты спиритуализмомъ; преданія Лундскаго университета относительно болѣе молодаго, такъ какъ онъ былъ основанъ двумя вѣками позже, имѣютъ позитивистскій характеръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дамы получили позволеніе слушать университетскіе курсы; многія изъ нихъ записаны въ числѣ слушателей Упсальскаго университета.

Военная служба въ Швеціи до недавняго времени была организована большею частію такъ же, какъ во времена Карла IX. Главный элементъ сухопутной арміи состоялъ изъ солдатъ, завербованныхъ на 3, 6 или 12 лѣтъ; другая часть, такъ называемая indelta, поставлялась владѣльцами нѣкоторыхъ феодальныхъ имѣній, или леновъ (torp), которые обязаны были давать государству или пѣхотинца, или всадника, во всякое время, или только во время войны, и которые должны были отчасти доставлять средства для его содержанія, давая ему занятіе во время отпусковъ; наконецъ, конскрипція увеличивала численность арміи нѣсколькими правильно организованными баталіонами. По закону 2-го декабря 1892 г. о реорганизаціи военныхъ силъ, всякій шведъ долженъ нести военную повинность отъ 21 до 40-лѣтняго возраста. Войско состоитъ изъ дѣйствующей арміи и bevӓring (ландверъ и ландстормъ). Дѣйствующую армію составляютъ индельта (войско, поставляемое и содержимое землевладѣльцами) и värfvade (навербованное войско). Индельта, по окончаніи рекрутской школы, отпускается и затѣмъ ежегодно призывается на мѣсяцъ къ своей части. Принадлежащіе къ värfvade служатъ отъ 2-хъ до 8-ми лѣтъ подъ знаменами, затѣмъ переходятъ въ bevӓring. Этотъ послѣдній состоитъ изъ 1-го класса (8 лѣтъ, отъ 21 до 29 года), 2-го класса (4 года) и ландсторма (8 лѣтъ). Первый классъ призывается для упражненій на 90 дней,—кавалерія въ первомъ году, прочіе роды оружія на 68 дней въ первомъ и на 22 дня во второмъ году,—и предназначенъ для усиленія дѣйствующей арміи до военнаго положенія. Второй классъ долженъ частію также пополнять дѣйствующую армію, частію образовать резервы, или отправлять этапную службу и т. д. На островѣ Готландѣ существуетъ особая военная сила, численностью около 8.000 человѣкъ; это мѣстное войско причисляется къ составу дѣйствующей арміи, но оно можетъ быть употребляемо на службу только внутри острова. Благодаря продолжительному миру, которымъ наслаждалась Швеція, благодаря малочисленности ея войска и совершенно мирному образу жизни солдатъ, населеніе не истощено, какъ въ большей части другихъ европейскихъ государствъ; въ то время, какъ въ другихъ странахъ принуждены были понизить нормальную мѣру молодыхъ людей, признаваемыхъ годными къ военной службѣ,—въ Швеціи, напротивъ, предлагаютъ увеличить ее: въ настоящее время требуется, чтобы ростъ новобранцевъ былъ не менѣе 1,60 метр. для вербуемаго войска.

Численность шведскаго сухопутнаго войска въ 1895 году:

По штатамъ мирнаго времени: дѣйствующая армія (indelta и värfvade)—2.348 офицеровъ, 49.741 нижнихъ чиновъ, 6.742 лошади; первый годовой классъ bevӓring'а — 24.500, второй классъ—21.500, всего—98.089 человѣкъ. По штатамъ военнаго времени: кадры (дѣйств. армія)—50.089 чел. (съ офицерами), bevӓring 1-го призыва — 185.526 чел., 2-го призыва—89.698 чел., ландстормъ—177.500 чел., всего—502.813 чел.

Главныя крѣпости Швеціи: Ваксгольмъ и Оскаръ-Фредриксборгъ, защищающіе, вмѣстѣ съ нѣсколькими отдѣльно стоящими верками, проходы къ Стокгольму; далѣе, Кунгсгольменъ, Дроттнингшеръ и другія укрѣпленія, расположенныя вдоль Карлскронскаго пролива; Карлсборгъ на западномъ берегу озера Веттернъ, при входѣ въ Готскій каналъ: эта послѣдняя крѣпость есть центральное военное депо королевства. Крѣпость Карлстенъ, на островкѣ у береговъ области Богусленъ, близъ Марстранда, къ сѣверу отъ Гетеборга, перестала быть важнымъ стратегическимъ пунктомъ, хотя тамъ все-еще держатъ гарнизонъ. Военное училище помѣщается тотчасъ же за городской чертой Стокгольма, въ замкѣ Карлбергъ. Другія спеціальныя военно-учебныя заведенія, училища инженерное, артиллерійское, генеральнаго штаба, на-

[1]) См. Georges Cogordan, „Revue des Deux Mondes", 15 mai 1875.

ходятся также въ столицѣ или въ ея окрестностяхъ.

Важнѣйшая морская станція Швеціи—военный портъ Карлскрона; но и Стокгольмъ имѣетъ, на востокѣ отъ главныхъ кварталовъ, на островѣ Шепсгольменъ (Корабельный), свой арсеналъ, свои корабельныя верфи, свои корветы на якорѣ. Военный флотъ комплектовался такимъ же образомъ, какъ и сухопутная армія: людьми, вербуемыми на опредѣленный срокъ, волонтерами и матросами индельты, боцманами, поставляемыми и содержимыми во время отпусковъ земельными собственниками приморскихъ мѣстностей. Около 400 юнговъ, принимаемыхъ на службу въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ, сгруппированы въ двѣ роты и распредѣлены между военными судами, стоящими въ Карлскронѣ. Кромѣ того, всѣ капитаны, помощники капитана, механики и матросы торговыхъ судовъ въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ обязаны служить въ военномъ флотѣ во время войны. Этотъ численный составъ экипажа, которымъ можетъ располагать правительство въ случаѣ войны, простирается до тысячи офицеровъ и до 6.000 матросовъ. Милиція прибрежныхъ округовъ, упражняемая въ мирное время вмѣстѣ съ милиціей сухопутной арміи, также должна во время войны занять мѣсто между морскими войсками. Спеціальное морское училище, которое нѣсколько разъ было преобразовано, находится теперь въ Стокгольмѣ.

Персоналъ военнаго флота въ 1897 году: 264 офицера, 273 унтеръ-офицера, 2.624 матроса; кромѣ того, 1.957 матросовъ индельты и 400 юнгъ; 123 офицера, 100 унтеръ-офицера резерва, морская артиллерія въ Карлскронѣ и около 20.000 чел. bevăring'а.

Военный флотъ состоялъ, въ 1897 году, изъ 64 судовъ (въ томъ числѣ 19 броненосныхъ) въ 43.560 тоннъ и 67.805 индикаторныхъ силъ, съ 310 орудіями, не считая бриговъ, траспортовъ и другихъ судовъ спеціальнаго назначенія.

Государственный бюджетъ Швеціи представляетъ очень рѣдкій въ Европѣ примѣръ финансовъ, гдѣ приходъ превышаетъ расходъ. Доходы въ годовыхъ балансахъ бюджета даютъ по большей части излишекъ надъ расходами,—излишекъ, который, напримѣръ, въ 1874 году простирался до 23 милліоновъ франк.

Бюджетъ Швеціи на 1898 г. сбалансированъ въ суммѣ 120.086.000 кронъ. Доходы: обыкновенные—21.082.000 кронъ (въ томъ числѣ чистый доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ—9 милл.), чрезвычайные—82.975.000 к. (таможенный—39 милл., питейный—15,5 милл.); остатки отъ прежнихъ лѣтъ—14.229.000 кронъ. Расходы: обыкновенные—80.358.773 кроны (на армію и флотъ — 33,4 милл.); чрезвычайные — 27.047.127 к. (на армію и флотъ — 12 милл.); расходы по государствен. долгу — 11.243.800 кронъ. До 1855 года Швеція не заключала никакихъ займовъ за границей, да и въ самой странѣ казна должна была лишь незначительную сумму государственному банку. Съ той эпохи она сдѣлала послѣдовательно нѣсколько займовъ, почти исключительно для постройки желѣзныхъ дорогъ; къ 1 января 1897 г. общая сумма государственнаго долга, внутренняго и внѣшняго, составляла 289.566.573 кроны. Но эти долги, годовые платежи по которымъ около 12 милліоновъ, вполнѣ обезпечены государственными имуществами. Одна только сѣть рельсовыхъ путей представляла, въ концѣ 1880 года, капиталъ, равный 294.500.000 фр., и ссуды, выданныя частнымъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ, простирались до сотни милліоновъ. Кромѣ того, государство обладаетъ сотней милліоновъ въ различныхъ фондахъ, доходными землями, сдаваемыми въ арендное содержаніе, и обширными лѣсными пространствами: общая площадь казенныхъ лѣсовъ и необработанныхъ земель исчислялась въ 1878 г. въ 5.221.500 гектаровъ, и это громадное имѣніе, номинальная цѣнность котораго около 45 милліоновъ франковъ, то-есть немногимъ болѣе 8—9 франковъ за гектаръ, и съ котораго чистый доходъ не достигалъ въ 1876 году даже 660.000 франковъ, еще увеличивается съ каждымъ годомъ покупкой пустошей и лѣсныхъ дачъ. Общее исчисленіе финансоваго положенія государственнаго хозяйства даетъ, какъ излишекъ актива надъ пассивомъ, сумму, равную 200 милліонамъ франковъ.

Что касается состоянія финансовъ общинъ, то они, особенно финансы городовъ, менѣе блестящи, чѣмъ государственные: многія общины имѣютъ долги; но въ цѣломъ, имущества, которыми онѣ владѣютъ, представляютъ цѣнность болѣе значительную, чѣмъ сумма ихъ пассива. Въ 1892 году бюджетъ общинъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

Доходы—64,5 милліоновъ кронъ (въ городахъ—37,6 милл.). Расходы—71,5 милл. кронъ (въ городахъ—43,3 милл.). Активъ въ недвижимостяхъ и въ долгахъ на другихъ—279,1 милл. (въ городахъ—208,7 милл.). Пассивъ—175,1 милл. кронъ (въ городахъ — 155,2 милліоновъ).

Поземельная собственность частныхъ лицъ, по оцѣнкѣ для обложенія налогомъ, исчислялась въ 1875 г.,—конечно, ниже ея дѣйствительной цѣнности,—въ 2.491 милліонъ франковъ; но къ этой суммѣ нужно еще прибавить 875 милліоновъ, представляющіе цѣнность другихъ недвижимыхъ имуществъ. Всѣ застрахованія, заключенныя исключительно въ шведскихъ страховыхъ обществахъ, простираются на сумму слишкомъ 2 милліардовъ 500 милліоновъ франковъ.

Швеція не имѣетъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта. Антильскій островъ св. Вареоло-

мея, который былъ ей уступленъ въ 1784 году, проданъ Франціи въ 1878 году.

Шведское королевство дѣлится на 24 провинціи или губерніи (län), пространство и населеніе которыхъ показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Провинціи.	Пространство.	Населеніе (по исчисленію 31 декабря 1896 года).	На 1 кв. кил. приходится.
A. Готская область (Götarike).	кв. кил.	жит.	жит.
1. Мальме (Мальмегусъ)	4 795	388.449	81
2. Христіанстадъ	6.512	219.602	34
3. Карлскрона (Блекинге)	3 011	143.842	47
4. Вексіо (Кронобергъ)	9 997	158.804	16
5. Іенкепингъ	11.575	197.005	17
6. Кальмаръ	11.493	227.963	20
7. Линкепингъ (Остерготландъ)	10.977	272 949	25
8. Гальмстадтъ (Галландъ)	4.913	139.707	28
9. Маріестадъ (Скараборгъ)	8.561	243.999	29
10. Венерсборгъ (Эльфсборгъ)	12.825	275.982	21
11. Гетеборгъ и Богусъ	5.101	318.348	62
12. Висби (Готландъ)	3.153	52.029	17
B. Шведская область (Svea-Rike).	кв. кил.	жит.	жит.
13. Стокгольмъ округъ	7 611	159.571	21
13. Стокгольмъ городъ	33	279.860	—
14. Упсала	5.314	123 733	23
15. Никепингъ (Седерманландъ)	6.841	163.035	24
16. Вестерасъ (Вестманландъ)	6.815	143 779	21
17. Эребро (Нерикс)	9.118	189.911	21
18. Карлстадъ (Вермландъ)	19 314	252.450	13
19. Фалунъ (Стора-Коппарбергъ)	30.041	208.437	7
C. Норландъ.			
20. Гефле (Гефлеборгъ)	19 816	222.144	11
21 Гернезандъ (Вестерноррландъ)	25.047	220.541	8
22. Остерзундъ (Іемтландъ)	52.219	105.958	2
23. Умео (Вестерботтенъ)	59.098	136.058	2
24. Лулео (Норрботтенъ)	106.818	118.412	1
Озера: Іельмаръ	511	—	—
Меларъ	1.168	—	—
Венернъ	5.975	—	—
Веттернъ	1.922	—	—
Итого	450.574	4.962.568	11

Глава VII

Острова европейскаго Ледовитаго океана.

Моря, простирающіяся на сѣверъ отъ Скандинавскаго полуострова и Россіи до не изслѣдованныхъ еще сосѣднихъ съ полюсомъ областей, имѣютъ, какъ и сѣверный Атлантическій океанъ, свои острова и архипелаги, часто соединенные одинъ съ другимъ ледяными континентами. Эти земли, изъ которыхъ иныя были наблюдаемы только издали, сквозь снѣгъ и туманъ, и къ которымъ, можетъ быть, прибавятся въ близкомъ будущемъ другіе острова, открытые на пути къ сѣверному полюсу, обыкновенно даже не причисляются географами къ Европѣ: вмѣстѣ съ сѣверной оконечностью Гренландіи и полярными архипелагами Сѣверной Америки, онѣ составляютъ отдѣльный міръ, который еще не принадлежитъ человѣку. Безъ сомнѣнія, европейскія государства могли предъявлять права на обладаніе Шпицбергеномъ, могли водружать тамъ свои флаги; но эти отдаленныя земли, тѣмъ не менѣе, остаются совершенно безлюдными пустынями, погруженными цѣлые мѣсяцы въ непроглядный мракъ длинной зимней ночи, затѣмъ освѣщаемыми солнцемъ, которое непрерывно, безъ заката, кружится по небесному своду, рѣдко указывая путь на волнахъ другимъ судамъ, кромѣ судовъ отважныхъ рыболововъ. Можетъ быть, натуралисты, изслѣдующіе острова полярнаго міра, когда-нибудь откроютъ тамъ естественныя богатства, которыя привлекутъ колонистовъ въ эти пустынныя области; но до настоящаго времени однимъ только ловцамъ моржей да потерпѣвшимъ крушеніе случалось жить тамъ въ зимнее время. Хотя эти негостепріимныя земли лежатъ за предѣлами обитаемаго міра, онѣ, однако, напоминаютъ намъ нѣкоторые факты, составляющіе прекраснѣйшую, самую чистую славу, какою только можетъ похвалиться человѣчество. Эти опасныя моря были пройдены во всѣхъ направленіяхъ безстрашными людьми, которые не искали ни битвъ, ни богатства, но единственно стреми-

лись принести пользу своими изслѣдованіями. Имена Баренца, Гемскерка и Бернарда, Уиллугби и Парри, Норденшельда, Пайера и Вайпрехта напоминаютъ высокіе подвиги мужества и настойчивости, которыми родъ человѣческій можетъ вѣчно гордиться, и не проходитъ ни одного года безъ того, чтобы другіе неустрашимые люди не пускались по слѣдамъ первыхъ изслѣдователей, руководимые желаніемъ расширить предѣлы извѣстнаго намъ міра и проникнуть далѣе въ тайны полюса.

Первая земля Ледовитаго океана, лежащая въ разстояніи около 450 километровъ къ сѣверо-западу отъ береговъ Финмаркена, совершенно отдѣлена отъ Скандинавскаго полуострова океаническими пучинами: въ этихъ областяхъ море имѣетъ не менѣе 540 метровъ глубины. Земля эта была открыта 1 іюля 1596 года голландцемъ Баренцомъ и названа имъ Beeren-Eyland, т. е. «Медвѣжьимъ островомъ», потому что люди его убили тамъ медвѣдя; черезъ семь лѣтъ послѣ того ее опять увидѣлъ англичанинъ Беннетъ, который далъ ей, въ честь своего патрона Черп, названіе Cherie или Cherry-Island, и теперь еще встрѣчающееся на очень многихъ картахъ. Въ наши дни она часто посѣщается норвежскими рыболовами, привлекаемыми богатой добычей, такъ какъ рыбы—акулы, треска, даже сельди—собираются во множествѣ вокругъ ея береговыхъ утесовъ, изрытыхъ пещерами; на берегахъ острова были основаны временные заводы для соленья рыбы; на берегу одной бухты, въ сѣверной части острова, выстроенъ даже настоящій домъ; но моржи, которые прежде водились здѣсь въ такомъ множествѣ, теперь почти совершенно исчезли: въ 1608 году экипажъ одного судна убилъ на Медвѣжьемъ островѣ, въ продолженіе семи часовъ охоты, около тысячи ластоногихъ этого вида [1]).

Недавно всѣ мореплаватели описывали этотъ островъ какъ землю, имѣющую весьма незначительное протяженіе: еще въ 1864 году проф. Норденшельдъ и Дунеръ опредѣляли площадь его всего только въ 66 квадр. километровъ. Но точныя съемки, произведенныя въ 1868 году шведскими изслѣдователями, въ числѣ которыхъ опять находился и Норденшельдъ, показали, что поверхность Медвѣжьяго острова ровно въ десять разъ больше, именно равна 670 квадр. километрамъ. Часть этого пространства усѣяна озерами и болотами, тогда какъ на юго-востокѣ почва поднимается въ видѣ холмовъ, изъ которыхъ одинъ, названный англичанами Mount-Misery, по причинѣ пустыннаго вида его скатовъ, возвышается, по Мону, на 455 метровъ надъ поверхностью

[1]) Torell und Nordenskjöld, „Die schwedischen Expeditionen nach Spitzbergen und Bären-Eiland", въ нѣмецкомъ переводѣ Пассарге.

обширныхъ фирновыхъ полей; но настоящихъ ледниковъ тамъ не видѣли. Горныя породы острова, заключающія, между прочимъ, зал... жи свинцоваго блеска, были въ первый ра... изслѣдованы геологомъ Кейльгау; онѣ состоят... изъ песчаниковъ и известняковъ каменно... угольной формаціи, и во многихъ мѣстах... тамъ находятъ мощные пласты каменнаго у... ля, носящіе отпечатки сигиллярій, каламитов... и другихъ ископаемыхъ растеній; нѣкоторы... изъ паровыхъ судовъ, проходившихъ ми... острова, утилизировали это минеральное то... ливо. Въ эпоху, когда отлагались эти пласт... Медвѣжій островъ составлялъ часть обшир... го континента, который простирался, вѣро... но, до Сѣверной Америки, судя по тождест... каменноугольной флоры на всѣхъ острова... Ледовитаго океана; впослѣдствіи этотъ кон... нентъ исчезъ весь подъ волнами моря, и остр... ва, которые мы теперь видимъ въ тѣхъ об... стяхъ, не что иное, какъ уцѣлѣвшіе его ... рывки, выступающіе изъ-подъ воды [1]). Ко... образовался каменный уголь, находимый ... Медвѣжьемъ островѣ, климатъ этой земли, ... въ настоящее время, можетъ быть, еще хол... нѣе, чѣмъ на Шпицбергенѣ [2]), походилъ ... климатъ центральной Европы: изъ 18 видо... растеній, собранныхъ Норденшельдомъ ... Мальмгреномъ въ каменныхъ угляхъ и въ го... ныхъ породахъ Медвѣжьяго острова, 15 то... дественны съ видами каменноугольной фло... Швейцаріи. Между тѣмъ, въ наши дни эт... островъ, постоянно подвергающійся дѣйств... влажныхъ вѣтровъ, представляется безплод... пустыней, и нѣтъ ничего удивительнаго, ... первый открывшій его мореплаватель, голла... децъ Баренцъ, далъ ему названіе Яммербер..., т. е. пустынной, наводящей уныніе горы. Н... нѣшняя его флора чрезвычайно бѣдна; он... заключаетъ всего только около тридцати видо... явнобрачныхъ, въ томъ числѣ одинъ видъ р... додендрона, и 80 видовъ мховъ, зелень которыхъ, видимая издалека, походитъ мѣстами на зелень луговъ. Между 12 видами существующихъ здѣсь насѣкомыхъ не встрѣчается ни одного жесткокрылаго; но почти всѣ виды, по словамъ Мальмгрена, отличаются особенными формами, какъ будто самый островъ былъ ихъ мѣстомъ происхожденія. Лѣтомъ Медвѣжій островъ бываетъ усѣянъ чайками и дикими утками, которыя отдыхаютъ здѣсь, прежде чѣмъ пуститься далѣе на сѣверъ; осенью перелетныя птицы снова останавливаются на этомъ пустынномъ островѣ, возвращаясь въ южныя страны.

Медвѣжій островъ есть южный мысъ подводнаго плоскогорья, которое простирается

[1]) Oswald Heer, „Ueber die neuesten Entdeckungen im hohen Norden".

[2]) O Torell und Nordenshjöld, выше цитированное сочиненіе.

далеко на сѣверъ и сѣверо-востокъ до неизвѣстныхъ еще областей Ледовитаго океана. Каналъ въ 200 километровъ ширины, отдѣляющій этотъ островъ отъ ближайшихъ острововъ, имѣетъ незначительныя глубины, варьирующія отъ 50 до 325 метровъ. Въ 1857 году сплошной ледяной островъ покрывалъ на всемъ пространствѣ этотъ широкій проливъ.

Архипелагъ Шпицбергенъ представляетъ группу, состоящую изъ пяти большихъ островъ и многочисленныхъ островковъ, простирающуюся отъ юга къ сѣверу на пространствѣ градусовъ широты: послѣдніе островки этой группы удалены отъ полюса не болѣе, какъ на 1.000 километровъ. Географы различно опредѣляютъ поверхность этихъ снѣжныхъ странъ; но, благодаря точнымъ наблюденіямъ, которыя были сдѣланы въ новѣйшее время на многихъ пунктахъ прибрежья, теперь можно дать для площади всей группы приблизительныя исчисленія. Уже Скоресби, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, опредѣлилъ астрономически положеніе нѣкоторыхъ пунктовъ на берегахъ архипелага, а англійскіе изслѣдователи—Букъ, Франклинъ, Бичи, Парри обслѣдовали сѣверные берега острова. Въ 1838 году морскіе офицеры французскаго корвета «Recherche» нанесли точнымъ образомъ на карту контуры большой южной бухты, называемый англичанами Бель-Саундъ; затѣмъ профессоръ Норденшельдъ во время пяти послѣдовательныхъ изслѣдованій, произведенныхъ подъ его руководствомъ, преимущественно во время экспедиціи 1864 года, опредѣлилъ, вмѣстѣ съ Дунеромъ, Хиденіусомъ, Линдгагеномъ, точное положеніе 80 различныхъ пунктовъ на Шпицбергенѣ. Въ 1870 году Гейглину и Цейлю удалось провѣрить въ общихъ чертахъ прежнія карты для значительной части восточныхъ береговъ, и, кромѣ того, они прибавили къ профилю береговъ большое число мысовъ и бухтъ, обозначили во внутренности острова горы и ледяныя поля; но они оставили своимъ будущимъ преемникамъ еще много работы въ видѣ провѣрки прежнихъ опредѣленій и нанесенія на карту новыхъ подробностей. Измѣреніе дуги меридіана отъ южной до сѣверной оконечности острова, операція, которая имѣла бы столь важное значеніе для изученія вопроса о сжатіи земнаго шара у полюсовъ, до сихъ поръ было еще только подготовляемо, хотя англійскій изслѣдователь Сабинъ уже слишкомъ полстолѣтія тому назадъ предлагалъ свои услуги, вызываясь быть руководителемъ исполненія этого предпріятія [1]). Въ 1865 году географъ Дебесъ приписывалъ совокупности архипелага пространство въ 58.800 квадр. километровъ [2]); но изслѣдованія экспедиціи, совершенной Ли-Смитомъ и Ульвомъ въ 1871 году, показали, что Сѣверо-Восточная земля имѣетъ протяженіе гораздо болѣе значительное, чѣмъ то, которое ей прежде приписывали; такимъ образомъ она увеличилась на востокѣ территоріей по крайней мѣрѣ въ 5.500 квадр. километровъ. Вотъ пространство отдѣльныхъ частей архипелага:

Сѣверо-Восточная земля и сосѣдніе острова—15.900 (?) кв. киломтр.; Западный Шпицбергенъ—39.260 кв. киломтр.; Острова Принца Карла—1.090 кв. киломтр.; Земля Баренца и сосѣдніе острова—1.530 кв. киломтр.; Эджесъ-Айлендъ или Стансъ-Форландъ (Земля Штатовъ) и сосѣдніе острова—6.510 кв. километр.; всего—64.290 кв. киломтр.

Обширныя пустыни Шпицбергена можно считать равными по пространству восьмой части Франціи.

Когда Баренцъ открылъ этотъ полярный архипелагъ въ 1596 гооу и даже достигъ его сѣвернаго берега, полагали, что Гренландія простирается гораздо далѣе на востокѣ. Нѣкоторые думали даже, что она соединяется съ континентомъ Азіи, и различныя легенды говорятъ объ этой землѣ, какъ о «Трольботенѣ» [1]) или «странѣ вѣдьмъ и колдуновъ», занимающей весь сѣверъ міра. Хотя одинъ изъ спутниковъ Баренца, Корнелисъ Рійпъ, совершилъ плаваніе вокругъ всего архипелага [2]), возобновленное въ первый разъ только въ 1863 году норвежскимъ капитаномъ Карлсеномъ, однако это важное путешествіе было совершенно забыто, и долго продолжали обозначать эти сѣверные острова подъ именемъ Гренландіи, различно воспроизводимымъ на картахъ; кромѣ того, ихъ называли также Ньюландомъ (Новой Землей), какъ множество другихъ вновь открытыхъ островковъ. Однако, названіе Шпицбергенъ, которое относится къ самой эпохѣ открытія этой островной группы, въ концѣ концовъ одержало верхъ. Выступающія изъ толстаго ледянаго покрова остроконечныя вершины (шпицы) южныхъ горъ доставили это имя всему архипелагу, какъ объясняетъ журналъ «escrit de la main de Guillaume Bernard» (написанный собственной рукой Гильома Бернара, спутника Гемскерка и Баренца), гдѣ говорится: «La terre estoit la plus part rompue, bien hault, et non autre que monts et montaignes agues, parquoy l'appellions Spitzbergen» (земля эта была большею частью разорванная,

---

[1]) Beechey, „Voyage of discovery towards the North Pole“.

[2]) „Mittheilungen von Petermann“, 1865;—Petermann, „Spitzbergen und die arktische Central-Region“, Ergänzungsheft, № 16;—Ch. Grad, „Esquisse physique des îles Spitzbergen“.

[1]) De Bas, „Doopregister van Spitzbergen, Tijdschrift van het aardrjkskundig Genootschap te Amsterdam“, 1877. № 3.

[2]) Cl. Markham, „Journal of the R. Geographical Society“, 1873;—Müller, „Geschiedenis der Noordsche Compagnie“;—Kan et Posthumus, „Congrès des Sciences géographiques“, Paris, 1875.

очень высокая и состояла сплошь изъ горъ и остроконечныхъ вершинъ, почему мы и назвали ее Шпицбергеномъ).

Еще и въ наши дни различныя карты Шпицбергена явно противорѣчатъ одна другой, вслѣдствіе совершенно произвольной номенклатуры, принятой большею частію картографовъ, принадлежащихъ къ различнымъ націямъ. Во многихъ случаяхъ названія, выбранныя первыми мореплавателями, были изъ ложнаго патріотизма замѣнены другими наименованіями, и такимъ образомъ слова голландскія, англійскія, шведскія перепутываются въ этой номенклатурѣ, что сильно затрудняетъ отыскиваніе мѣстъ на картѣ. Иной мысъ или заливъ имѣетъ до десяти разныхъ наименованій. Во избѣжаніе несправедливости и безвыходной путаницы, нужно возстановить первоначальное имя каждой горѣ, каждому мысу, каждому островку, исключая тѣхъ случаевъ, когда постоянное и общее употребленіе съ давнихъ поръ вытѣснило старинное названіе. На сѣверо-западѣ одинъ остроконечный мысъ, называемый Бискайерсъ-Гукъ, напоминаетъ древнихъ бискайцевъ или басковъ, но въ настоящее время одинъ только пунктъ на берегахъ Шпицбергена носитъ французское имя: это—бывшій Шонгавенъ или «Прекрасный портъ», превратившійся въ «Бухту изслѣдованія» (baie de la Recherche) съ той поры, какъ французскіе изслѣдователи: Мартенъ, Лоттенъ, Браве, Роберъ, участвовавшіе въ экспедиціи корвета «Recherche», производили тамъ свои научныя наблюденія [1]). Маленькая «бухточка Басковъ» (baie des Basques) или «Французское убѣжище» (Refuge Français), гдѣ бискайскій рыболовъ Жанъ Вроликъ устроилъ, въ 1633 году, главную сушильню своихъ тонь, окончательно утратила свое первоначальное названіе, хотя и теперь еще знаютъ мѣсто, гдѣ стояла эта сушильня, немного къ югу отъ залива Магдалины. Что касается «Baije des Franchoys» («бухта Французовъ»), гдѣ тоже производили рыбную ловлю баски изъ Сенъ-Жанъ-де-Люзъ [2]), то это, по всей вѣроятности, бухта Инвикъ первыхъ мореплавателей, Бель-Саундъ англичанъ. На западномъ берегу, который во всѣ времена былъ посѣщаемъ многочисленными рыболовными судами, почти всѣ сохранившіяся донынѣ старинныя географическія наименованія—англійскаго или нидерландскаго происхожденія: на сѣверѣ, на берегахъ пролива Гинлопенъ и въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Сѣверо-Восточной Земли, названія, данныя шведскими изслѣдователями, перемѣшаны преимущественно съ англійскими именами, тогда какъ на востокѣ германскіе путешественники Гейглинъ и Цейль покрыли карту своего пути нѣмецкими названіями. Наконецъ, на крайнемъ западномъ островѣ, извѣстномъ подъ именемъ острова Принца Карла (Prince Charles Foreland), встрѣчаемъ русское названіе: одинъ изъ мысовъ этого острова называется «мысъ Святой».

Архипелагъ «Островерхихъ горъ», или Шпицбергенъ, не имѣетъ очень высокихъ вершинъ. Самая высокая гора изъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ были измѣрены,—пикъ Горнъ-Саундъ, который рѣдко можно видѣть надъ постоянно заволакивающимъ его туманомъ. Говорятъ также, что остроконечныя вершины въ 1.500 метровъ высоты господствуютъ надъ дикой цѣпью острова Принца Карла, параллельнаго западному берегу Шпицбергена. Затѣмъ на земляхъ архипелага не существуетъ другихъ вершинъ, которыя достигали бы высоты километра; самая возвышенная точка, на которую до сихъ поръ взбирался человѣкъ,—это такъ называемая «Бѣлая гора», на восточной сторонѣ большаго острова, обсерваторія, откуда проф. Норденшельдъ, во время своего восхожденія въ 1865 году, любовался великолѣпной панорамой. Внутренность островов повсюду, гдѣ изслѣдователи могли окинуть ее взоромъ съ какой-нибудь горы, удобно расположенной для наблюденія, представляется въ видѣ волнистаго плато, среди котораго тамъ и сямъ торчатъ голыя скалы, испещренныя полосами снѣга, лежащаго въ углубленіяхъ, и составляющія своими черными верхушками и выступами рѣзкій контрастъ съ окружающей безпредѣльной бѣлой равниной. Въ среднемъ фирновыя поля острова Западный Шпицбергенъ разстилаются на высотѣ 500 или 600 метровъ; снѣжныя равнины Сѣверо-Восточнаго острова лежатъ выше на цѣлую сотню метровъ.

Вотъ различныя высоты архипелага:

О. Принца Карла: главная вершина — 1.500 (?) метр.

Большой островъ (Западный Шпицбергенъ): Пикъ Горнъ-Саундъ — 1.386 (?) метр.; гора Линдстремъ (Айсъ-Саундъ) — 1.200; Мидль-Гукъ (Бель-Саундъ) — 810 метр.; Бѣлая гора (восточная оконечность)—900 метровъ; мысъ Агардъ (бухта Агардъ)—570 метр.; гора Хиденіусъ (въ центрѣ)—600 метр.; гора Ловенъ (на сѣверѣ)—510 метр.

Сѣверо-Восточная Земля: Снеттеппенъ (м. Бердъ, на сѣверо-западѣ) — 570 метр.; мысъ Лингагенъ—240 метр.; Экстримъ-Гукъ — 360 метровъ.

Семь Острововъ: островъ Парри, главная вершина — 543 метр.; островъ Мартенсъ — 420 метр.; островъ Фипсъ—549 метр.

Земля Баренца: гора Фраасъ—600 метр.

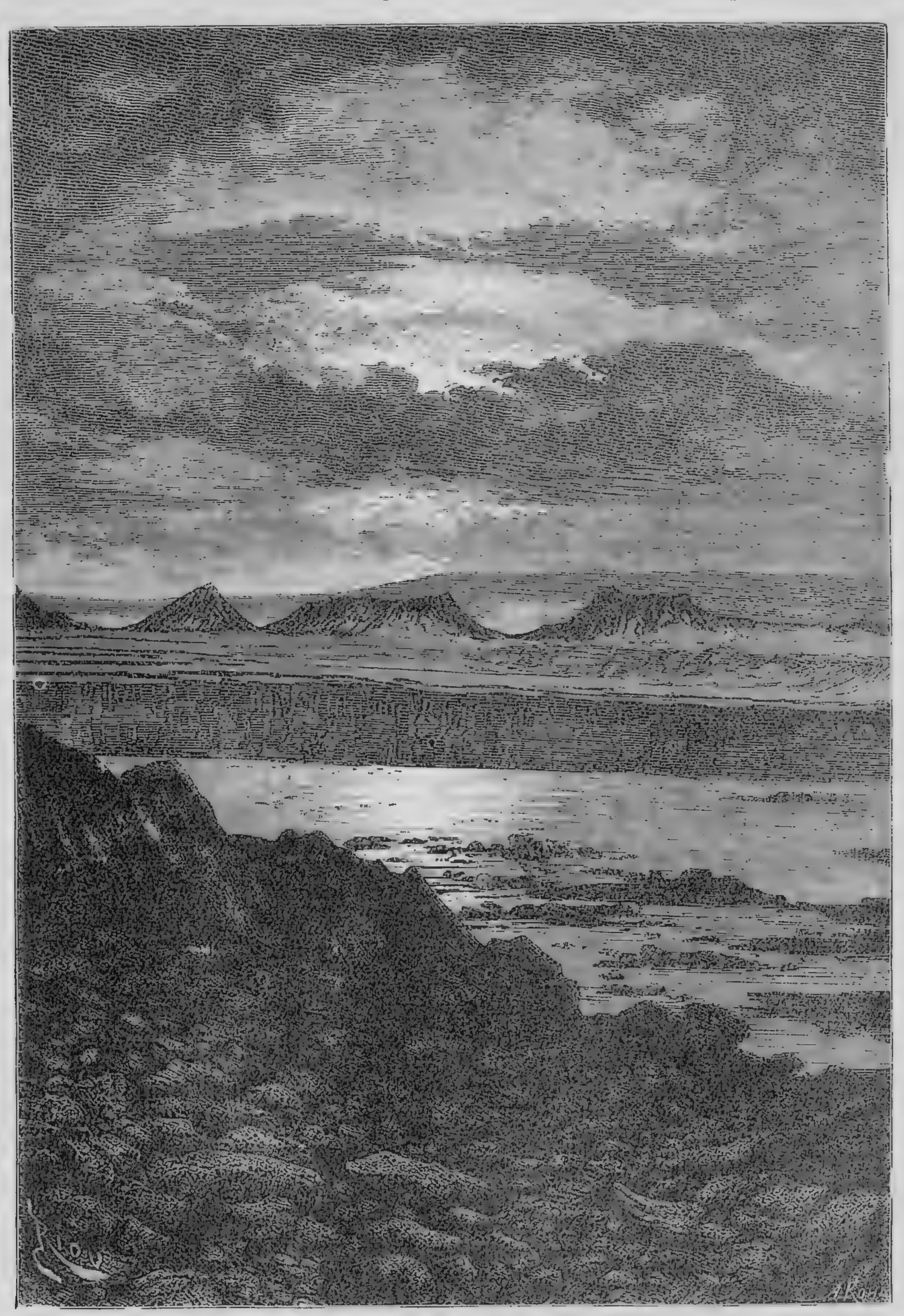
Хотя внутренность архипелага Шпицбергенъ почти совершенно неизвѣстна, однако огром-

---

[1]) „Voyage en Scandinavie et au Spitzberg de la corvette la Recherche", 4 vol. in-8, avec atlas.

[2]) Hessel Gerritsz, „Histoire du pays nommé Spitsberghe", 1612.

ныя количества обломковъ, нагроможденныя у оконечности ледниковъ, позволяютъ утверждать, что свойство почвы одинаково какъ въ середи-



Полуночное солнце на Шпицбергенѣ.—Видъ къ сѣверу отъ Горнъ-Саунда.

нѣ островов, такъ и на ихъ окружности. Изъ горныхъ породъ тамъ всего чаще находили гранитъ, гнейсъ, пласты палеозойской формаціи: возвышенный архипелагъ Семи островъ, лежащій къ сѣверу отъ Сѣверо-Восточной Земли, сплошь состоитъ изъ гнейса, и вообще вся сѣверная часть архипелага Шпицбергенъ древняго происхожденія; но въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются горныя породы, принадлежащія ко всему ряду вторичныхъ вѣковъ, въ особенности тріасъ и юра, и даже

къ третичной эпохѣ. Міоценовые пласты, близъ бухты Бель-Саундъ, заключаютъ въ себѣ цѣлую ископаемую растительность, остатки тополей, ольхи, орѣшины, платановъ и кипарисовъ, которые доказываютъ, что въ ту эпоху климатъ Шпицбергена долженъ былъ быть почти такой же, какъ климатъ Скандинавіи около 60 градуса широты [1]. Нѣкоторые изъ известковыхъ слоевъ, содержащіе прекрасные мраморы, могли бы быть разрабатываемы, если бы они находились въ другомъ, менѣе суровомъ климатѣ; залежи фосфатовъ по берегамъ Исъ-фьорда также очень богаты, и даже одна финансовая компанія пыталась эксплоатировать эти залежи; наконецъ, на западномъ берегу, къ сѣверу отъ залива Бель-Саундъ, ледники увлекаютъ въ своемъ движеніи, между прочимъ, куски каменнаго угля, о чемъ сообщалъ уже Скоресби. Геологъ Бломстрандъ, изслѣдуя берега залива Кингсъ-Бай, между Исъ-фьордомъ и бухтой Магдалины, нашелъ самые слои ископаемаго угля, на разстояніи 2.500 метровъ отъ морскаго берега, въ высохшемъ ложѣ одного глетчернаго ручья. Можетъ быть, этотъ уголь, горящій чрезвычайно легко и оставляющій мало золы, получитъ когда-нибудь довольно важное промышленное значеніе: подобно углямъ Медвѣжьяго острова, онъ очень богатъ ископаемыми деревьями, которыя принадлежатъ къ тѣмъ же самымъ видамъ, и этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что прежде на Шпицбергенѣ былъ такой же теплый климатъ [2].

Вулканическія породы также встрѣчаются на берегахъ архипелага и представляютъ тамъ и сямъ чрезвычайно живописный видъ. Эти эруптивныя массы, состоящія изъ гиперита, который проф. Норденшельдъ считаетъ вулканическимъ пепломъ, кристаллизовавшимся подъ сильнымъ давленіемъ, нигдѣ не возвышаются въ формѣ остроконечныхъ вершинъ или уединенныхъ конусовъ, но всегда являются въ видѣ чашъ и широкихъ площадей на крутизнахъ береговыхъ утесовъ и дѣлятся на неправильныя призмы, представляющія издали нѣкоторое сходство съ базальтовыми колоннадами. Во многихъ мѣстахъ онѣ кажутся разлившимися на подобіе лавы по пластамъ тріаса и юры. Гиперитовые утесы встрѣчаются въ большомъ числѣ на обоихъ берегахъ пролива Гинлопенъ, и многіе острова цѣликомъ состоятъ изъ этой вулканической породы. Архипелагъ, земли котораго разсѣяны на югѣ отъ острова Стансъ-Форлендъ, и который называютъ группой «Тысячи острововъ», хотя до сихъ поръ ихъ насчитывали только около сотни, также состоитъ изъ гиперитовыхъ лавъ, равно какъ различные мысы, которые отъ береговъ земли Баренца и главнаго (Западнаго) острова Шпицбергена

[1]) Oswald Heer, „Ueber die Polarländer“.
[2]) Nordenskjöld, „Geology of Spizbergen, Geological Magazine“, 1876 dec. II, vol. III.

вдаются въ заливъ Джиневра; у подошвы высокаго холма Мевенбергъ или «Горы чаекъ» колонны изъ лавъ стоятъ на слоистыхъ мергеляхъ, которые легко разрушаются водами моря; когда вода подточитъ ихъ основаніе, колонны эти продолжаютъ еще нѣкоторое время висѣть надъ моремъ, затѣмъ онѣ обрушиваются одна за другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣются группы гиперитовыхъ столбовъ, подобныхъ гигантскимъ обелискамъ и возвышающихся уединенно на краю пропасти. Почти вездѣ массы застывшей лавы торчатъ въ видѣ остроугольныхъ выступовъ, оставляя въ промежуткахъ овраги, наполненные снѣгомъ: это чередованіе бѣлыхъ полосъ снѣга, черныхъ обелисковъ и группъ колоннъ, вокругъ которыхъ кружатся стаи морскихъ чаекъ, образуетъ въ цѣломъ чрезвычайно оригинальную картину, которую первые ея наблюдатели, Гейглинъ и Цейль, сравниваютъ съ собраніемъ памятниковъ готической архитектуры [1]). Гипериты Шпицбергена содержатъ нѣкоторое количество желѣза и даже покрываются на воздухѣ тонкимъ слоемъ ржавчины. У подножія этихъ береговыхъ утесовъ магнитная стрѣлка испытываетъ колебанія и вводитъ въ заблужденіе мореплавателей, которые руководствуются ея показаніями.

Скалы Шпицбергена, имѣющія вообще незначительную покатость къ горизонту, почти круглый годъ остаются скрытыми подъ снѣгомъ: онѣ сбрасываютъ съ себя, въ началѣ лѣта, этотъ снѣжный покровъ только въ сосѣдствѣ моря, на нижнихъ скатахъ. Средняя граница постоянныхъ снѣговъ на островахъ архипелага была различно опредѣляема натуралистами; но можно сказать, что высота этой линіи варьируетъ до безконечности, смотря по свойству и наклону горныхъ породъ, положенію въ отношеніи дѣйствія солнца и вѣтровъ и тысячѣ другихъ климатическихъ условій [2]). Тамъ, гдѣ солнце и вѣтеръ соединенными усиліями трудились надъ обнаженіемъ скатовъ, скала можетъ быть совершенно освобождена отъ снѣжнаго покрова до высоты 400 и даже 500 метровъ; въ сѣверномъ архипелагѣ Семи Острововъ проф. Норденшельдъ и его спутники не видѣли ни одной полоски снѣга ниже 300 метровъ; на нѣкоторыхъ уединенныхъ скалахъ, откуда снѣгъ сваливается, растительность можетъ показываться до высоты 600 и болѣе метровъ надъ уровнемъ моря. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бури и лавины нагромоздили снѣжные сугробы, гдѣ тѣнь защищаетъ ихъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, они держатся въ продолженіе цѣлаго года, и предѣлъ постоянныхъ снѣговъ сливается такимъ образомъ съ линіей береговъ.

Въ такомъ суровомъ климатѣ ручьи могутъ

[1]) „Mittheilungen von Petermann“, V. 1871.
[2]) Karl Weypcecht, „Metamorphosen des Polareises“.

имѣть лишь временное существованіе: тамъ и сямъ маленькіе потоки образуются въ узкихъ проходахъ между лавинами, затѣмъ, достигнувъ низменныхъ земель морскаго прибрежья, стараются проложить себѣ дорогу черезъ гравій и гальку: во многихъ мѣстахъ теченіе ихъ запружено снѣжными мостами, состоящими изъ неправильныхъ арокъ, украшенныхъ прозрачными ледяными сосульками. Но большія долины, широко открывающіяся въ толщѣ плоскогорья, наполнены ледниками, которые почти всѣ спускаются до самаго моря, а нѣкоторые изъ нихъ даже выступаютъ за линію береговъ. Большинство этихъ ледяныхъ рѣкъ, которыя образовались изъ фирновъ, лежащихъ на небольшой высотѣ, имѣютъ незначительный скатъ, гораздо меньшій, чѣмъ паденіе альпійскихъ ледниковъ, и поверхность ихъ представляетъ ровную наклонную плоскость, безъ большихъ трещинъ, безъ обваловъ ледяныхъ массъ; во всемъ остальномъ явленія, наблюдаемыя на нихъ, тѣ же самыя, какъ и подъ умѣренными широтами. Заключенные въ фирнахъ своимъ обширнымъ питательнымъ бассейномъ, шпицбергенскіе глетчеры вообще довольно коротки сравнительно съ ихъ широтою, ибо многіе изъ нихъ занимаютъ отъ одного мыса до другаго все прибрежье обширныхъ бухтъ. Самый большой изъ этихъ глетчеровъ, безъ сомнѣнія, тотъ, который находится на восточномъ берегу Сѣверо-Восточной земли: полагаютъ, — хотя этого до сихъ поръ еще не могли констатировать точнымъ образомъ, — что онъ образуетъ ледяную стѣну, идущую на протяженіи слишкомъ 100 километровъ. Вблизи полуденной оконечности одинъ ледникъ представляетъ со стороны моря стѣну длиною въ 20 километровъ; глетчеръ въ заливѣ Горнъ-Саундъ имѣетъ не меньшую ширину, а на восточномъ берегу ледники Маркгама, Инглфильда, Негри, Гохштеттера прерываютъ линію береговъ на пространствахъ гораздо болѣе значительныхъ. Между ледяными потоками, спускающимися съ горъ Шпицбергена, есть и такіе, которые можно бы было назвать простыми водопадами, вдругъ скованными морозомъ: такъ, напримѣръ, одинъ изъ глетчеровъ, ниспадающихъ въ бухту Магдалины, имѣетъ всего только 240 метровъ ширины отъ одного берега до другаго.

Бо̀льшая часть шпицбергенскихъ ледниковъ оканчивается со стороны моря внезапными обрывами, которые даютъ возможность видѣть внутреннее строеніе замерзшей рѣки. Можно явственно различить полосы отвердѣвшаго снѣга, различающіяся степенью твердости, прозрачности, оттѣнками цвѣта бѣловатыми или лазуревыми; волнообразное расположеніе слоевъ указываетъ, въ какомъ направленіи происходило движеніе ледника; вся ледяная масса подвигается медленно надъ поверхностью водъ, обращая къ морю свою высокую стѣну, выгнутую около середины потокомъ, который ее увлекаетъ. Между тѣмъ какъ въ Швейцаріи разрѣзъ ледниковъ, въ мѣстѣ ихъ паденія, имѣетъ среднимъ числомъ только отъ 10 до 25 метровъ высоты [1]), вертикальная стѣна шпицбергенскихъ глетчеровъ возвышается на 60, на 80, на 100 метровъ, а высота конечной стѣны ледника въ заливѣ Горнъ-Саундъ, какъ показало измѣреніе, достигаетъ даже 121 метра. Омываемые теплыми водами, которыя приносятся къ берегамъ Шпицбергена морскими теченіями тропическаго происхожденія, и средняя температура которыхъ не менѣе 4 градусовъ стоградуснаго термометра, ледники западнаго берега не могутъ подвигаться впередъ по самому дну моря, внѣ выступающаго изъ воды ложа, которое ихъ обрамляетъ; вся часть ледяной массы, погружающаяся въ воду, быстро растаиваетъ, и нижній фасъ ледника обозначаетъ точную высоту, на которой останавливался уровень прилива. Во время же морскаго отлива вся выдающаяся масса остается безъ опоры; она долго сопротивляется, благодаря сцѣпленію своихъ частей; но вдругъ раздается трескъ, сопровождаемый гуломъ паденія, и вся часть ледяной стѣны низвергается въ море. Волны, оттѣсненныя обваломъ, набѣгаютъ снова въ видѣ клокочущей пѣнистой массы и ударяются о ледникъ; валы и льдины сталкиваются другъ съ другомъ, кружатся, и когда бушеваніе затихнетъ, на поверхности воды видны покачивающіяся глыбы, которыя плывутъ вмѣстѣ по одному направленію, словно какія-то фантастическія существа шествуютъ въ открытое море. Нѣкоторые изъ этихъ ледяныхъ обломковъ, погружающіеся на глубину, сохраняютъ огромные размѣры. Въ «Путешествіи къ сѣверному полюсу», предпринятому въ 1773 году, Фипсъ, находившійся въ это время у Смеренберга, въ сѣверо-западной части архипелага, описываетъ ледяную глыбу, которая, имѣя въ вышину 15 метровъ надъ уровнемъ моря, погружалась подъ водой на 40 метровъ. Въ стѣнѣ Фергавенскаго ледника, откуда обрушилась эта глыба, и которая имѣла не менѣе 91 метра высоты, открывалась арка, изъ-подъ которой сѣроватыя воды ручья ниспадали каскадомъ.

Восточный берегъ Шпицбергена и Сѣверо-Восточной Земли, омываемый полярнымъ теченіемъ, сравнительно съ западными берегами, гораздо менѣе доступенъ, и часто къ нему невозможно пристать. Это зависитъ отъ того, что на западѣ прибрежное ледяное поле вообще изсѣчено въ видѣ залива, и въ лѣтнее время суда могутъ подходить къ сѣвернымъ берегамъ архипелага, между тѣмъ какъ на востокѣ острова и мысы соединены между собой слоемъ непрерывнаго льда; всѣ заливы и проливы

[1]) Ch. Grad, „Esquisse physique des îles Spitzbergen".

скрыты, вслѣдствіе чего географическія очертанія этой части архипелага извѣстны гораздо менѣе и обозначены картографами далеко не такъ явственно, какъ западная береговая линія. По режиму своихъ ледниковъ восточный берегъ Шпицбергена имѣетъ сходство съ побережьемъ Гренландіи: тамъ льды, выдвигаясь далеко въ воду, уже холодную, и которую они еще болѣе охлаждаютъ своимъ прикосновеніемъ [1]), могутъ продолжать двигаться по дну моря, отбрасывая набѣгающія волны: поэтому тамъ бухточки, бухты, даже настоящіе фьорды совершенно заграждены. Такимъ образомъ, восточный берегъ Шпицбергена, уравниваемый движущимся фронтомъ льдовъ, кажется гораздо менѣе изрѣзаннымъ, нежели противоположный берегъ, изсѣченія котораго большею частью остаются открытыми морской волнѣ. Только со стороны моря мѣстами онѣ отдѣлены отъ него грудами обломковъ, сходныхъ съ «морскими мостами» норвежскихъ береговъ; эти подводныя морены извѣстны рыболовамъ Шпицбергена подъ именемъ «тюленьихъ мелей».

Ледники Шпицбергена, такъ же, какъ и ледники Швейцаріи, въ новую эпоху подвергались многочисленнымъ измѣненіямъ: они то увеличиваются, то уменьшаются. Въ настоящее время нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, находятся въ періодѣ роста, тогда какъ другіе идутъ на убыль. Еще въ 1858 году ледникъ Фритіофа, наклоненный къ Бель-Саунду, на сѣверномъ берегу этого залива, представлялъ небольшой ледяной потокъ, отдѣленный отъ воды широкимъ поясомъ болотистыхъ земель, пересѣкаемыхъ ручьями; на пригоркѣ стоялъ крестъ, указывавшій могилу похороненнаго тутъ матроса; видъ моренъ свидѣтельствовалъ объ отступленіи льдовъ. Но зимой съ 1860 на 1861 г. этотъ кристаллическій потокъ быстро увеличился въ размѣрѣ, покрылъ весь плоскій берегъ и выдвинулся далеко въ море, заваливъ лучшій портъ Шпицбергена, нѣкогда посѣщавшійся китоловами и охотниками за сѣвернымъ оленемъ. Теперь Фритіофскій ледникъ—одинъ изъ значительнѣйшихъ на Шпицбергенѣ, и матросы уже не рискуютъ подъѣзжать къ нему на баркахъ, по причинѣ обваливающихся съ него глыбъ. Ледники, которые были изслѣдованы французскими учеными въ 1838 году, въ бухтѣ la Recherche, также увеличились, и самый видъ бухты теперь совершенно иной, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ то время. Подобныя же перемѣны были наблюдаемы въ Сторъ-фьордѣ и другихъ большихъ заливахъ, гдѣ бывшіе острова исчезли въ выступившей изъ береговъ ледяной рѣкѣ. Зато ледяное море, наполнявшее Нордъ-Зундъ, сѣверную вырѣзку Исъ-Фіорда, кажется, отступило на значительное разстояніе. Сравненіе старинныхъ голландскихъ картъ съ новѣйшими необходимо приводитъ къ такому заключенію, тѣмъ болѣе, что мѣстность эту постоянно посѣщали нидерландскіе рыболовы, и нельзя допустить, чтобы они вовсе не знали о существованіи большой сѣверной бухты [1]).

Такъ же, какъ на берегахъ Скандинавіи, слѣды новѣйшихъ повышеній уровня почвы нерѣдко встрѣчаются и на побережьѣ Шпицбергена. Старые пляжи, свидѣтельствующіе о поднятіи архипелага, примѣтны на протяженіи всей почти окружности островов: прерываемые тамъ и сямъ ледниками и оврагами, они продолжаются на различныхъ высотахъ вдоль побережья. Самый высокій изъ видѣнныхъ Гейгиномъ пляжей находится на высотѣ 15 метровъ, и смотря по наклону почвы, тянется то непосредственно у самаго моря, то въ нѣсколькихъ километрахъ отъ него. Другіе наблюдатели видѣли кое-гдѣ эти старые берега поднятыми на высоту 45 метровъ. Множество пловучаго лѣса, выброшеннаго волнами на плоскіе берега и лежащаго гораздо выше линіи прибоя, а также китовыя кости и раковины, существующихъ понынѣ видовъ, даютъ возможность измѣрить глазомъ степень поднятія почвы въ теченіе современной эпохи. Слѣды этого повышенія уровня почвы всего явственнѣе замѣтны на сѣверо-западной оконечности Сѣверо Восточной Земли. Весь Низкій островъ (Low-Island), вѣроятно, есть новѣйшее образованіе: скалы его, усѣянныя озерами, кажутся едва обсохшими, а внутри острова встрѣчаются обломки судовъ, вмѣстѣ съ прибитымъ лѣсомъ и китовыми костями. Между большой землей и этимъ новымъ островомъ, величиною около 50 квадратныхъ километровъ, мало-по-малу обнажается рядъ рифовъ.

Климатъ архипелага Шпицбергенъ умѣряется морскими теченіями и юго-западными вѣтрами, подобно климату Скандинавіи и всей западной Европы. Правда, изотерма 0° проходитъ непосредственно къ сѣверу отъ Скандинавскаго полуострова, а южная оконечность Шпицбергена пересѣчена изотермическою линіею—5 градусовъ, и годовая температура сѣверо-восточныхъ береговъ его должна равняться—7° и—8°. Подобный климатъ соотвѣтствуетъ климату крайняго сѣвера Америки и Азіи, гдѣ населеніе уже очень рѣдкое, но гдѣ все-таки живутъ туземные народцы и многочисленные иммигранты или промышленники, канадцы, англичане или русскіе. Лѣтомъ климатъ Шпицбергена, если не изъ самыхъ пріятныхъ, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ самыхъ здоровыхъ въ свѣтѣ. Различные шведскіе изслѣ-

[1]) Ch. Martins, „Mémoire sur les temperatures de la mer Glaciale, à la surface, à de grandes profondeurs et dans le voisinage des glaciers du Spitzberg".

[1]) Nordenskjöld, „Geological Magazine", decade II, vol. III № 1.

дователи, посѣтившіе островъ въ эти послѣднія десятилѣтія, единогласно удостовѣряютъ, что тамъ дышется гораздо легче, чѣмъ на югѣ Скандинавіи: въ это время года экипажи пристающихъ къ острову судовъ не знаютъ ни насморка, ни катарра, ни кашля; невольно выкупавшіеся матросы сушатъ на себѣ свою одежду безъ вредныхъ послѣдствій для здоровья. По мнѣнію этихъ путешественниковъ, доктора должны бы рекомендовать Шпицбергенъ какъ прекрасное лѣтнее мѣстопребываніе многимъ больнымъ. Очень можетъ быть, что въ недалекомъ будущемъ по берегамъ небольшихъ бухтъ Шпицбергена, какъ на альпійскихъ вершинахъ, появятся гостинницы для охотниковъ и больныхъ изъ Англіи или съ континента [1]). Однако, этотъ здоровый климатъ всегда холоденъ, неровенъ, измѣнчивъ; никогда не бываетъ, чтобы впродолженіи цѣлаго дня небо оставалось яснымъ. Вѣтры, охлажденные сплошнымъ льдомъ или ледниками, быстро понижаютъ температуру атмосферы [2]); по словамъ Скоресби, случается нерѣдко видѣть, какъ различные вѣтры гонятъ суда по разнымъ направленіямъ [3]). Впрочемъ, въ проливѣ Гинлопенъ южный вѣтеръ дуетъ почти постоянно и не дозволяетъ паруснымъ судамъ входить въ этотъ морской рукавъ съ сѣверной стороны [4]); на это же въ прошедшемъ столѣтіи указывалъ Фридрихъ Мартенсъ. Во всякое время года, даже среди лѣта, выпадаетъ снѣгъ, и температура можетъ опуститься ниже нуля; по свидѣтельству Скоресби, въ іюнѣ 1810 г. термометръ показывалъ—9°,4, и до сихъ поръ самая высокая температура, какую случалось наблюдать, была 16° (15 іюля 1861 года).

Зимою ртуть нерѣдко падаетъ до точки своего замерзанія; впрочемъ, путешественники увѣряютъ, что средняя температура—относительно умѣренная, благодаря южному вѣтру, который въ это время года дуетъ съ большимъ постоянствомъ и часто съ необыкновенною силой, такъ что тамъ не холоднѣе, чѣмъ на равнинахъ Швеціи, лежащихъ на 20° южнѣе. Даже въ срединѣ января температура иногда поднимается выше точки замерзанія (по Норденшельду,+3°,6, въ 1873 г.). Но когда солнце появляется на горизонтѣ и начинаетъ описывать на сѣверномъ небѣ съ каждымъ днемъ увеличивающуюся кривую линію, въ атмосферѣ наступаетъ затишье, и въ это-то время бываютъ самые сильные морозы, гораздо суровѣе морозовъ астрономической зимы.

Уже южная оконечность Шпицбергена, лежащая подъ 76° 30′ широты, на столько удалена отъ экватора, что солнце, видимое изъ этой части страны, не поднимается надъ горизонтомъ выше 37 градусовъ; наблюдаемая же съ Сѣвернаго мыса, или съ Семи острововъ, высота дневнаго свѣтила всего только 33 градуса. Правда, впродолженіи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ, обращаясь непрестанно въ южной части небеснаго свода, солнце освѣщаетъ своими косыми лучами льды и скалы Шпицбергена и, вмѣстѣ съ дождями, туманами и теплыми вѣтрами, помогаетъ оттаиванію земли; но долгая зима здѣсь состоитъ изъ четырехъ мѣсяцевъ ночи, когда единственнымъ свѣтомъ бываетъ сѣверное сіяніе. Подъ вліяніемъ южныхъ вѣтровъ, дующихъ довольно правильно зимою, этотъ свѣтовой метеоръ здѣсь почти постоянное явленіе, но свѣтъ его гораздо слабѣе полярныхъ сіяній, видимыхъ изъ болѣе южныхъ странъ [1]). Грозы, пронизывающія воздухъ ослѣпительными молніями, совершенно неизвѣстны въ моряхъ Шпицбергена.

Приводимъ среднія температуры:

Средняя температура Шпицбергена подъ 77°30′ широты, по Ш. Мартену: январь:—18°,2, февраль:—27°,1, мартъ:—15°,6, апрѣль:—9°,9, май:—5°3, іюнь:−0°,3, іюль:+2°,8, августъ:+1°,4, сентябрь:—2°,5, октябрь:—8°,6, ноябрь:—14°,5, декабрь:—15°; годовая:—8°,22.

Средняя температура въ 1872 и 1873 гг., во время зимовки Норденшельда въ Моссельской бухтѣ (79°53′): январь:—9°,9, февраль:—22°,7, мартъ:−17°,6, апрѣль:—18°,12, май:−8°,3, іюнь:+1°,1, іюль:+4°,06, августъ:+2°,9 сентябрь:—3°,9, октябрь:—12°,6, ноябрь:—8°,1, декабрь:—14°,4; годовая:—8°,9.

Зимою всѣ острова соединены между собою сплошнымъ льдомъ, который, вслѣдствіе взаимнаго напиранія льдинъ, нагоняемыхъ теченіемъ и вѣтромъ другъ на друга, мѣстами вздымается въ видѣ грудъ и остроконечныхъ горокъ. Къ сѣверу и востоку этотъ ледяной материкъ тянется на огромныя пространства, тогда какъ на западѣ, какъ мы уже говорили, прибрежный ледъ, ограничиваемый теплымъ теченіемъ, выдвигается отъ береговъ въ море на небольшое разстояніе; впрочемъ, случается иногда, что даже въ началѣ лѣта Шпицбергенъ со всѣхъ сторонъ остается недоступенъ по причинѣ опоясывающихъ его ледяныхъ банокъ, и судамъ можно подойти къ берегу только по узкимъ каналамъ, образовавшимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между треснувшими ледяными плитами. Густые туманы, которые иногда совершенно застилаютъ и небо, и землю, происходятъ отъ неравномѣрности температуры въ разныхъ слояхъ воды, изъ которыхъ одни принесены морскими теченіями, а другіе образовались изъ тающихъ льдинъ. Въ августѣ 1873 г. Пайеръ и Вейпрехтъ пробыли среди тумана, превратившаго день въ настоящую ночь, 354 часа, т. е. болѣе четыр-

[1]) Torell et Nordenskjöld, „Mittheilungen von Petermann", III, 1872.
[2]) Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara".
[3]) „Account of the Arctic Regions", 1820.
[4]) „Spitzbergische oder Grönländische Reisebeschreibung".

[1]) Nordenskjöld, письмо отъ 23 февраля 1873 г.

надцати сутокъ. Особенно проливъ Гинлопенъ всего чаще бываетъ совершенно запертъ для кораблей какъ бы стѣной тумана: это зависитъ оттого, что вода, стекающая съ ледниковъ, и холодное полярное теченіе встрѣчаются здѣсь съ болѣе теплыми водами, приходящими изъ южныхъ морей [1]).

Флора, подъ блѣднымъ и сѣрымъ небомъ Шпицбергена, отличается крайнею бѣдностью, такъ что Новая Земля, сравнительно, можетъ назваться богатой въ этомъ отношеніи. Кромѣ пловучаго лѣса, выброшеннаго на побережье, особенно на островахъ и мысахъ сѣверной и южной части архипелага, другихъ деревьевъ здѣсь нѣтъ; даже кустарниковъ нигдѣ не видно на Шпицбергенѣ, хотя изъ древесныхъ породъ и встрѣчаются два вида карликовыхъ ивъ и Empetrum nigrum — единственныя растенія, напоминающія лѣса умѣренной Европы. Преобладающая растительность, которая, вмѣстѣ со скалами, снѣгами и льдами, придаетъ странѣ ея нормальную физіономію, состоитъ изъ мховъ, разбухшихъ отъ почвенной влаги, и лишаевъ, словно ржавчина облегающихъ камни: ихъ насчитываютъ болѣе 200 видовъ [2]). Впродолженіи короткаго лѣта явнобрачныя растенія торопятся цвѣсти, а вѣнчики ихъ, по яркости красокъ, напоминаютъ альпійскіе цвѣты. По свидѣтельству Гейглина, явнобрачныхъ на разныхъ островахъ архипелага—до 120 видовъ, значитъ, въ три-четыре раза болѣе, чѣмъ въ Исландіи. Естествоиспытатель Мальмгренъ, дольше другихъ занимавшійся изслѣдованіемъ архипелага, упоминаетъ лишь о 96 явнобрачныхъ растеніяхъ и о 4 папоротникахъ [3]). Флора Шпицбергена принадлежитъ и къ арктическому поясу, и къ Скандинавіи, такъ какъ заключаетъ въ себѣ 81 растеніе, встрѣчаемое въ Гренландіи, и 69, растущихъ на Скандинавскомъ полуостровѣ. Изъ всѣхъ этихъ видовъ только одинъ—съѣдобное растеніе, именно Cochlearia fenestrata: не столь горькое, какъ однородныя съ нимъ травы болѣе южныхъ странъ, растеніе это, употребляемое въ пищу въ видѣ салата, доставляетъ морякамъ драгоцѣнное предохранительное средство противъ цынги — самой опасной болѣзни во время полярныхъ экспедицій [4]).

Фауна Шпицбергена, причисляя сюда и китообразныхъ, содержитъ шестнадцать видовъ млекопитающихъ; но изъ нихъ только четыре водятся на твердой землѣ; притомъ бѣлый медвѣдь—скорѣе номадъ, путешествующій на движущихся льдинахъ съ одного острова на другой. Кромѣ него, на Шпицбергенѣ встрѣчаются слѣдующія сухопутныя млекопитающія: сѣверный олень, полевка, похожая на мышь съ береговъ Гудзонова залива, и голубая лисица, преслѣдуемая охотниками ради ея драгоцѣннаго мѣха. Предполагали, что сѣверный олень завезенъ былъ на архипелагъ русскими или скандинавами; а между тѣмъ уже въ 1610 г., прежде чѣмъ русскіе и скандинавы проникли на эти сѣверные острова, англичанинъ Джонасъ Пуль охотился здѣсь за сѣверными оленями и далъ Горнъ-Саунду это названіе, т.-е. «залива Рога», вслѣдствіе найденнаго имъ на этомъ мѣстѣ оленьяго рога. Еще въ періодъ съ 1860 по 1868 г. охотники истребляли ежегодно среднимъ числомъ отъ двухъ до трехъ тысячъ этихъ животныхъ, и Норденшельдъ, задаваясь вопросомъ, какимъ образомъ въ оленьихъ стадахъ могла пополняться столь значительная ежегодная убыль,—приводитъ мнѣніе (однако, не раздѣляя его) нѣкоторыхъ натуралистовъ, которые предполагаютъ, что сѣверный олень переходитъ сюда по сплошнымъ льдамъ съ Новой Земли. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что количество этихъ животныхъ уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе спортсмены пріѣзжаютъ сюда охотиться цѣлыми партіями. Моржи почти совсѣмъ исчезли на югѣ Шпицбергена. Въ 1829 г. экипажи шестнадцати судовъ убили еще въ сезонъ 130 моржей, что очень немного сравнительно съ истребленіемъ въ прошломъ столѣтіи. Только на сѣверныхъ берегахъ архипелага можно еще встрѣтить стада въ тридцать, сорокъ моржей. Стаи птицъ кружатся около пустынныхъ скалъ, куда лиса не можетъ пробраться для грабежа; но всѣ эти птицы, принадлежащія къ 27 или 28 различнымъ видамъ, перелетныя за исключеніемъ бѣлой куропатки, живущей здѣсь круглый годъ. Пресмыкающихся на Шпицбергенѣ нѣтъ, и долго думали, что въ сосѣднихъ моряхъ и рыба вовсе не живетъ; но въ 1861 г. уже извѣстно было болѣе двадцати видовъ рыбъ. Мальмгренъ нашелъ здѣсь только пятнадцать видовъ насѣкомыхъ. Бабочекъ прямокрылыхъ и жесткокрылыхъ здѣсь не существуетъ. На пляжахъ Шпицбергена, въ снѣгахъ, тающихъ отъ соприкосновенія съ морской водою, живутъ миріады фосфоресцирующихъ ракообразныхъ, похожихъ на голубыя блестки, и когда идешь по берегу среди этихъ крохотныхъ животныхъ, прыгающихъ изъ стороны въ сторону, то кажется, будто ступаешь по пламени [1]).

Какъ и перелетныя птицы, человѣкъ посѣщаетъ Шпицбергенъ только въ лѣтнее время. Впрочемъ, морякамъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, охотникамъ и ученымъ приходилось зимовать на его берегахъ, а Старостинъ, русскій, проживъ 23 года на западномъ берегу острова, въ Гринъ-Гарбурѣ, гавани одной изъ бухтъ

[1]) Fr. Martens; — Nordenskjöld; — Ch. Grad, „Esquisse physique des îles Spitzbergen“.

[2]) Fries, „Mittheilungen von Petermann“, № 2, 1868.

[3]) „Uebersicht der Phanerogamen-Flora Spitzbergens“,— „Die schwedischen Expeditionen nach Spitzbergen und Bären-Eiland“.

[4]) Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara“.

[1]) Nordenskjöld, письмо отъ 22 февраля 1873 г.

Исъ-фьорда, умеръ здѣсь отъ старости, въ 1826 г.; всѣ развалины хижинъ, встрѣчаемыхъ на берегахъ этого архипелага, кто бы ни былъ ихъ строителемъ, извѣстны подъ названіемъ «русскихъ избъ»; это какъ бы указываетъ на долгое пребываніе нѣсколькихъ русскихъ рыболововъ. Въ прошломъ столѣтіи Шпицбергенъ гораздо чаще посѣщался, чѣмъ теперь: въ то время крупныя китообразныя изобиловали въ сосѣднихъ моряхъ, и множество китолововъ, иногда въ количествѣ 12-ти тысячъ человѣкъ, пріѣзжали ежегодно на промыселъ. По берегамъ, большею частью на мысахъ, существовали цѣлыя селенія; временные рынки для торга между матросами разныхъ націй происходили подъ открытымъ небомъ; иногда возникали и драки между рыболовами соперничающихъ и даже враждебныхъ флотовъ. Лучшая изъ этихъ деревень, Смеренбергъ или Смеренбургъ, принадлежала, конечно, голландцамъ, самымъ многочисленнымъ и самымъ дѣятельнымъ рыбакамъ; тутъ у нихъ были Амстердамскіе трактиры, и цѣлый кварталъ—«Гарлемская Кухня»—былъ заселенъ вытопщиками жира [1]). Въ долгій періодъ китовой ловли, съ 1669 по 1778 г., 14.167 рыболовныхъ голландскихъ судовъ, разъѣзжавшихъ главнымъ образомъ по морямъ на западѣ и сѣверо-западѣ отъ Шпицбергена, убили 57.590 китовъ и получили 2.775.000 франковъ дохода [2]).

Въ 1878 году Смеренбургская гавань, лежащая въ сѣверо-западномъ углу большаго острова, была посѣщена голландскою шкуною «Willem Barents», и экипажъ ея воздвигнулъ, отъ имени своей родины, памятникъ морякамъ, открывшимъ архипелагъ, и тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые здѣсь умерли. Эта часть Шпицбергена—его историческая область по преимуществу: здѣсь баски, ганзейцы, датчане и норвежцы имѣли свои главные рыболовные склады; къ югу находится бухта Магдалины, изслѣдованная натуралистами подробнѣе другихъ мѣстъ; на сѣверо-востокѣ лежитъ Фульбей—наиболѣе посѣщаемый портъ; еще сѣвернѣе—норвежскіе острова, гдѣ Сабинъ производилъ свои магнитныя наблюденія, и это мѣсто сдѣлалось исходнымъ пунктомъ астрономическихъ наблюденій, произведенныхъ Норденшельдомъ и его сотрудниками. Этотъ пунктъ, или который-нибудь изъ сосѣднихъ мысовъ, не былъ ли бы наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для устройства одной изъ тѣхъ околополярныхъ обсерваторій, которыя Вейпрехтъ предлагалъ основать для обстоятельнаго и подробнаго изученія метеорологическихъ колебаній въ ледовитыхъ областяхъ? Предвидя въ будущемъ основаніе такой станціи, два правительства—шведское и русское—уже оспаривали другъ у друга право на территоріальное владѣніе; но откуда бы ни были присланы инструменты—изъ Стокгольма или изъ С.-Петербурга,—это въ сущности не важно, лишь бы только производились наблюденія. Устройство метеорологической станціи на Шпицбергенѣ было бы тѣмъ болѣе полезно, что этотъ архипелагъ, какъ кажется, лежитъ въ точкѣ соприкосновенія американскаго и азіятскаго поясовъ вѣтровъ. Зимою сибирскій полюсъ холода, лѣтомъ такой же полюсъ американскаго ледовитаго архипелага оказываютъ, повидимому, наибольшее вліяніе на климатъ Шпицбергена [1]).

Къ сѣверу отъ Шпицбергена твердой земли нѣтъ, по крайней мѣрѣ до 83° широты: Парри доходилъ до 82°44′, не замѣтивъ ни малѣйшаго признака островов или материка по направленію къ полюсу. Пустынность горизонта, гдѣ не было видно ни одной птицы, и отсутствіе плавающихъ ледяныхъ горъ въ моряхъ, пройденныхъ Парри,—ибо глыбы въ 10—12 метровъ вышиною, виднѣвшіяся на сплошномъ льду, нельзя было принять за грани ледниковъ,—доказываютъ, что земель нѣтъ на обширныхъ пространствахъ по направленію къ полюсу, и натурально въ этихъ именно областяхъ океана, гдѣ еще ощутительно вліяніе теплыхъ южныхъ теченій, многіе мореплаватели пытались пробиться черезъ сплошной ледъ, чтобы достигнуть сѣвернаго полюса. Преданіе, не подтверждаемое, впрочемъ, никакими достовѣрными документами, гласитъ, будто въ эпоху большихъ китобойныхъ плаваній нѣкоторымъ голландскимъ рыболовамъ, напримѣръ Корнелію Рулю, удалось проникнуть до 85° широты, т. е. быть въ 5° отъ полюса; но Парри принужденъ былъ оставить свое судно въ заливѣ Трейренбергъ, въ небольшой бухтѣ, которая до сихъ поръ носитъ названіе самого судна, Гекла-Ковэ, и отправиться далѣе на сѣверъ, взявъ съ собою лодки и сани. Путь его лежалъ по сплошнымъ ледянымъ площадямъ, которыя сталкивались между собою отъ дѣйствія вѣтровъ и теченій, вздымались въ видѣ грудъ, остроконечій и выступовъ всевозможныхъ формъ; было очень трудно подвигаться впередъ; наконецъ, пришлось остановиться и вернуться къ якорной стоянкѣ; въ то время какъ его упряжныя животныя съ трудомъ подвигались къ сѣверу, вся сплошная ледяная масса, гонимая полярнымъ теченіемъ, несла ихъ къ югу [2]). Въ 1872 и 1873 гг. одинъ изъ отважнѣйшихъ изслѣдователей, Норденшельдъ, тоже пытался пробраться къ сѣверу, но безуспѣшно. До 80 градусовъ широты ледъ не настолько крѣпокъ, чтобъ выдержать тяжесть саней, а дальше къ сѣверу

[1]) Ch. Martins, „Du Spitzberg au Sahara".
[2]) Scoresby, „Account of the Arctic Regions and decription of the northern whale fishery".

[1]) A. Wiykander, „Zeitschrift der Oesterreichischen Gesellschaft für Meteorologie". 1876, № 10.
[2]) William Edw. Parry, „Narrative of an attempt to reach the North pole".

онъ такъ неровенъ и растрескант, что подвигаться впередъ не было почти никакой возможности: капитанъ Паландеръ иногда не могъ сдѣлать на саняхъ и 800 метровъ въ день [1]).

Къ востоку отъ Шпицбергена, Ледовитое море не свободно отъ земель, какъ въ сѣверномъ направленіи: съ восточнаго берега этого острова, а также съ острововъ Баренца и Стансъ-Форланда, въ ясную погоду явственно видна, въ разстояніи 120—140 километровъ, длинная цѣпь высокихъ горъ одной, еще недавно таинственной, земли, которую мореплаватели описывали весьма разнорѣчиво. Это—«Земля Вича», «Wiche's Land». Въ 1617 г. англійскіе китоловы впервые замѣтили ее и назвали такъ въ честь купца Ричарда Вича (Wiche, Wyche или Wycke). Около двухъ съ половиною столѣтій спустя, именно въ 1864 г., ее снова видѣлъ другой англичанинъ [2]); а шесть лѣтъ спустя, Гейглинъ и Цейль, примѣтивъ тотъ же островъ, съ его блистающими снѣжными пиками, предположили, что онъ лежитъ сѣвернѣе Земли Вича, и назвали открытую ими страну именемъ своего короля, Карла Вюртембергскаго. Съ своей стороны, и шведскіе ученые, тоже видѣвшіе на восточной сторонѣ одну изъ этихъ отдаленныхъ горъ, назвали ее «Шведскимъ мысомъ». На картахъ, благодаря соперничеству націй и сбивчивымъ показаніямъ моряковъ, земля эта обозначалась очень неопредѣленно; до недавняго времени эти возвышенные берега, сосѣдніе съ Шпицбергеномъ, принимались шведами за «Землю Гиллиса», замѣченную голландскимъ капитаномъ Корнеліемъ Гиллисомъ, въ 1707 г. [3]). Наконецъ, въ 1872 году норвежецъ Альтманъ, благодаря отсутствію льдовъ, могъ совершить плаваніе вдоль береговъ Земли Вича; но, введенный въ заблужденіе формою мысовъ, которые далеко выдавались среди морскаго тумана, онъ принялъ ее за архипелагъ; въ томъ же году соотечественникъ его Іонсенъ убѣдился, что это одинъ островъ, длиною около 80 километровъ, покрытый на своихъ южныхъ плоскихъ берегахъ огромнымъ количествомъ пловучаго лѣса, который занималъ пространство въ нѣсколько сотенъ метровъ въ ширину. Третій норвежецъ, капитанъ Нильсенъ, въ 1872 году, тоже посѣтилъ «Землю Вича», и съ того времени она уже составляетъ достояніе географіи. «Шведскій мысъ», примѣченный Норденшельдомъ, вѣроятно, есть не что иное, какъ ея сѣверная оконечность. Земля эта вообще низменна, хотя и есть на ней горы, возвышающіяся въ видѣ массивовъ и цѣпей; съ вершины горы, лежащей въ сѣверо-восточной части острова, Іонсенъ могъ составить себѣ общее понятіе объ очертаніяхъ острова и примѣтилъ, на западной сторонѣ, самую высокую его гору, которую онъ назвалъ Гаарфагрегаугенъ. Вновь открытый островъ, какъ и Шпицбергенъ, населенъ медвѣдями, полярными лисицами и множествомъ сѣверныхъ оленей; изъ этого надо заключить, что растительность его, хотя состоящая только изъ лишаевъ и низкорослыхъ травъ, должна быть относительно обильна. Островъ этотъ также участвуетъ въ общемъ поднятіи суши, которое замѣчено учеными на берегахъ Шпицбергена: полусгнившіе стволы принесенныхъ волнами деревьевъ найдены были Іонсеномъ на высотѣ 6 метровъ надъ теперешнимъ морскимъ уровнемъ, что́ даетъ возможность судить о степени поднятія почвы за послѣднее время [1]).

Что касается двухъ острововъ, видѣнныхъ мореплавателями Андреасенъ (съ корабля «Вега») и Іоганнесенъ (съ корабля «Лена»), то они еще никѣмъ не были посѣщены.

Земля Гиллиса (Gillis-Land) была опять найдена въ послѣднее время, къ востоку отъ Сѣверо-Восточной Земли, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ указывалъ Гиллисъ, и гдѣ она показана на картѣ Ванъ-деръ-Кейлена, изданной, вѣроятно, въ 1710 г. [2]). Въ 1864 г. норвежецъ Тобизенъ и его спутники видѣли ее на юго-востокѣ, но добраться до нея не могли. Въ этой области моря существуютъ еще и другіе острова, ибо въ 1614 году мореплаватель Баффинъ видѣлъ землю къ сѣверо-востоку отъ Шпицбергена. На картахъ географа Петерманна, который изъ своего кабинета въ Готѣ такъ много способствовалъ обогащенію нашихъ свѣдѣній о полярныхъ областяхъ, Земля Гиллиса, какъ кажется, ошибочно обозначена въ разстояніи около 200 километровъ къ сѣверо-востоку отъ наиболѣе выдающихся береговъ Шпицбергена и какъ будто соединяется съ недавно открытымъ архипелагомъ Франца-Іосифа. Впрочемъ, землю эту никто еще не посѣщалъ, и не извѣстно, слѣдуетъ ли считать ее островомъ, архипелагомъ или просто мысомъ; во всякомъ случаѣ существованіе ея несомнѣнно. Зимовавшіе на сѣверѣ Шпицбергена рыболовы видѣли, какъ весною стаи перелетныхъ птицъ тянулись оттуда на сѣверъ и сѣверо-востокъ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ снова возвращались. Неизвѣстный островъ лежитъ какъ разъ на пути этихъ перелетовъ. По словамъ моржебоевъ, промышляющихъ въ водахъ Семи Острововъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Шпицбергена, моржи и бѣлые медвѣди, посѣщающіе во множествѣ этотъ маленькій архипелагъ, приплываютъ туда съ этой отдаленной земли [3]).

---

[1]) Нансенъ проникъ до 86°15' с. ш.

[2]) Cl. Markham, „The Geographical Review", february, 1874.

[3]) Cl. Markham, „Journal of the Geographical Sotiety", 1873.

[1]) La Tour de Pin, „Annales hydrographiques", 4-e trimestre 1874.

[2]) F. de Bas, „Het Doop Register van Spitzbergen, Tijdschrift van het aardr. Genoot. te Amsterdam", 1877. № 3.

[3]) „Mittheilungen von Petermann", 1872, № 4.

Съ 1874 г. стало извѣстно, что ледовитыя моря Европы окружаютъ сплошнымъ льдомъ группу острововъ, еще болѣе обширную, чѣмъ Шпицбергенъ, но еще менѣе доступную, такъ мовавшихъ тамъ мореплавателей, равнялась—16° [1]). Этотъ негостепріимный архипелагъ называется «Землей Франца - Іосифа» (Franz-Ioseph's Land). Честь его открытія принадле-

Шпицбергенъ. Фуль-Бей.

какъ почти всѣ они лежатъ къ сѣверу отъ 80° широты и имѣютъ среднюю температуру по крайней мѣрѣ въ 10—16 градусовъ ниже нуля; въ моряхъ къ югу оттуда, средняя годовая температура, въ 1873 г., по наблюденіямъ зи-

жить Австро-Венгріи, одной изъ морскихъ націй, повидимому, мало заинтересованныхъ не-

[1]) Julius Payer, „Expédition austro-hongroise au pôle nord".

посредственно въ изслѣдованіи полярныхъ областей, и эти земли крайняго сѣвера сдѣлались бы австрійскимъ владѣніемъ, если бы суровость климата и отдаленность не лишали ихъ всякаго экономическаго значенія. Не было экспедиціи болѣе знаменитой, чѣмъ экспедиція корабля «Tegetthoff», прославившая какъ экипажъ, состоявшій изъ итальянскихъ и далматинскихъ моряковъ, такъ и ихъ мужественныхъ начальниковъ, Пайера и Вейпрехта. Правда, по ихъ маршруту, имъ не было надобности держать курсъ въ тѣ области моря, гдѣ находится открытая ими земля, и они были увлечены туда теченіями вмѣстѣ съ державшимъ ихъ корабль ледянымъ островомъ; но впродолженіи своего двухлѣтняго плѣна въ ледовитыхъ моряхъ они не ограничивались, подобно многимъ другимъ мореплавателямъ, борьбой съ враждебною природою, они съумѣли вывѣдать многія ея тайны, и Вейпрехтъ привезъ оттуда свою драгоцѣнную книгу о «Метаморфозахъ полярнаго льда».

Отправившись съ цѣлью объѣхать вокругъ Стараго Свѣта по сѣвернымъ морямъ Сибири и возвратиться черезъ Берингов проливъ, смѣлые путешественники были окружены льдами; наконецъ, имъ удалось пристать къ небольшому острову, который, подъ впечатлѣніемъ радости, охватившей ихъ при вступленіи на твердую землю, былъ названъ ими островомъ Вильчека, въ честь главнаго дѣятеля въ снаряженіи экспедиціи. Съ острова виднѣлись, по направленію къ сѣверу, обширныя земли съ горами и ледниками. Пайеръ воспользовался немногими недѣлями, оставшимися до обратнаго плаванія: онъ проѣхалъ съ юга на сѣверъ бо́льшую часть архипелага, ознакомился съ главными географическими чертами и произвелъ много подробныхъ изслѣдованій.

«Зундъ Австрія», проливъ неправильной формы, развѣтвляющійся въ обѣ стороны въ видѣ фьордовъ, проходитъ отъ юга къ сѣверу между двумя большими островами: на западѣ—Землею Зичи, на востокѣ—Землею Вильчека, называющейся однимъ именемъ съ южнымъ островомъ этой группы [1]). По всему зунду разбросано множество острововъ, носящихъ разныя патріотическія названія и имена геологовъ и географовъ; съ высоты одного крутаго мыса, на самомъ крайнемъ изъ этихъ острововъ, Пайеръ и его товарищи увидѣли, на отдаленномъ краю свободнаго отъ льда моря, гористыя очертанія двухъ другихъ земель: на западѣ—Земли Короля Оскара, на сѣверѣ—Петерманна; лучшаго названія, какъ послѣднее, нельзя было и придумать для обозначенія ближайшей къ полюсу европейской земли, изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ: она простирается на сѣверъ далѣе 83 градуса широты.

[1]) Между землей Зичи и землей Вильчека лежитъ земля кронпринца Рудольфа.

Въ 1879 г. голландскій корабль «Willem Barents» опозналъ одинъ изъ южныхъ мысовъ архипелага, мысъ Баренца, а въ слѣдующемъ году англичанинъ Ли Смитъ (Leigh Smith) обслѣдовалъ всю западную область Земли Франца-Іосифа, вокругъ одной совершенно прикрытой гавани, которую онъ назвалъ Eira Harbour, по имени своего судна. Открытія Ли Смита показали, что архипелагъ Франца-Іосифа по величинѣ равенъ архипелагу Шпицбергенъ [1]).

Всѣ горы Земли Франца-Іосифа почти одинаковой высоты съ горами Шпицбергена: средняя высота ихъ колеблется между 600 и 900 метрами. Гора Рихтгофенъ, на югѣ Земли Зичи, какъ кажется,—самая высокая вершина: она достигаетъ 1.530 метровъ, т. е. на 150 метровъ выше Горнъ-Саунда на Шпицбергенѣ. Вообще горы архипелага Франца-Іосифа не представляютъ неприступныхъ вершинъ и пиковъ; ихъ верхніе хребты имѣютъ форму «столовъ» и тѣмъ придаютъ странѣ своеобразную физіономію; онѣ болѣе похожи на отрывки плоскогорій, чѣмъ на горы. Преобладающая горная порода—шпицбергенскій гиперитъ; мѣстами встрѣчаются также базальтовыя колонны: члены австро-венгерской экспедиціи похоронили своего умершаго товарища среди естественнаго перистиля одного изъ этихъ колоссальныхъ монументовъ изъ лавы. Похожая на Шпицбергенъ по своимъ вулканическимъ горнымъ породамъ, Земля Франца-Іосифа напоминаетъ его также и въ отношеніи поднятія почвы: на берегахъ Австрійскаго зунда мѣстами видны прежніе морскіе берега, усѣянные раковинами и идущіе параллельно надъ моремъ, точно гипсометрическія кривыя. Кромѣ вулканическихъ горныхъ породъ, указывающихъ на общность происхожденія съ большимъ западнымъ архипелагомъ, изслѣдователи нашли здѣсь и третичные песчаники, заключающіе пласты лигнита незначительной мощности; но въ подобной странѣ трудно дѣлать геологическія изысканія. Часто даже невозможно опредѣлить естественнаго цвѣта окружающихъ горныхъ породъ; не только горизонтальныя поверхности и пологіе скаты покрыты снѣгомъ и льдомъ, но даже крутые откосы обледенѣли, вслѣдствіе обильной влажности воздуха, которая сгущается отъ соприкосновенія съ гладкой поверхностью скалъ: «симметрическіе ряды горъ»,—говоритъ Пайеръ,—словно инкрустированы сахаромъ»; острова тоже совершенно покрыты ледяной корой. Всѣ промежутки между вершинами, всѣ углубленія, даже большая часть выдающихся покатостей наполнены ледниками, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ въ ширину болѣе 20 километровъ и возвышаются надъ моремъ на 30—60 метровъ; на западной сторонѣ Земли Вильчека находится глетчеръ Дове, ледъ котора-

[1]) „Petermann's Mittheilungen". 1880, № XII.

го, отдѣляя при каждомъ морскомъ отливѣ огромныя глыбы, тянется, въ видѣ вогнутаго полумѣсяца, на протяженіи болѣе 30 километровъ. Ледники Земли Франца-Іосифа отличаются отъ альпійскихъ обширностью своихъ фирновыхъ полей, сѣроватымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ льда, крупнымъ размѣромъ зеренъ, болѣе значительною толщиною ежегодныхъ слоевъ, рѣдкимъ присутствіемъ трещинъ, слабымъ развитіемъ моренъ и медленностью движенія.

Растительность этихъ земель, гдѣ лѣтняя теплота образуетъ лишь узкія проталины въ сплошномъ покровѣ снѣговъ и льдовъ, разумѣется, крайне скудная, такъ что флора Шпицбергена, сравнительно съ «лугами» Земли Франца-Іосифа, можетъ показаться роскошной. Нѣсколько злаковъ, камнеломки, Silene acaulis, мхи и лишаи составляютъ все растительное богатство страны. Сѣвернаго оленя Пайеръ здѣсь не видалъ: конечно, ему нечѣмъ бы было и питаться на этихъ пустынныхъ островахъ; но въ сѣверныхъ областяхъ архипелага, около «свободнаго моря», повсюду замѣтны были слѣды медвѣдя, зайца и лисицы, а на льду лежало множество тюленей. На пустынныхъ скалахъ, такъ же, какъ на берегахъ Фарерскихъ острововъ, Исландіи и Шпицбергена, живетъ огромное количество пингвиновъ и другихъ птицъ: при появленіи человѣка самцы черными тучами поднимаются въ воздухѣ, производя крыльями оглушительный шумъ [1]). Отчего происходитъ это болѣе значительное развитіе животной жизни въ сѣверныхъ частяхъ архипелага? Умѣренность температуры, которую Пайеръ нашелъ здѣсь, свободное море, разстилавшееся передъ нимъ на далекое пространство, были ли явленіемъ временнымъ, или же они зависятъ отъ болѣе благопріятнаго климата въ этой части острова? Быть можетъ, сравнительно съ южными областями этого архипелага, воды въ этихъ мѣстахъ глубже и доступнѣе теченіямъ открытаго моря. Между Шпицбергеномъ, Землей Франца-Іосифа и Новой Землей нигдѣ глубина не превышаетъ 500 метровъ: дно повсюду плоское и образуетъ небольшую впадину лишь на востокѣ отъ порога у Земли Вильчека, въ сибирскихъ водахъ [2]).

Глава VIII

Европейская Россія.

I. Общій обзоръ.

Вся восточная Европа, болѣе половины континента, составляетъ одно государство — Россію. Кромѣ этого огромнаго протяженія (4.242.697,2 квадр. верстъ), представляющаго поверхность, въ десять разъ превосходящую площадь Франціи, въ составъ Россійской имперіи входитъ еще болѣе трети Азіи. Въ совокупности вся территорія, подвластная русскому скипетру, составляетъ 18.990.735 кв. верстъ, то-есть немногимъ менѣе одной шестой части континентальныхъ пространствъ; къ этому можно бы было еще причислить нѣсколько странъ, которыя, не принадлежа оффиціально Россіи, находятся, однако, подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ. Правда, весьма большая часть обширной имперіи необитаема или даже неудобна для жительства; пропорціонально своему протяженію, Россія Европейская и Азіатская въ два раза менѣе населена, чѣмъ остальной свѣтъ, котораго она составляетъ столь значительную часть; она имѣетъ въ настоящее время около 129 милліоновъ жителей, что составитъ около пятнадцатой доли всего приблизительно опредѣляемаго числа людей на земномъ шарѣ.

Слѣдующая таблица содержитъ точныя цифры пространства и народонаселенія Россійской имперіи [пространство показано безъ значительныхъ внутреннихъ водъ и населеніе— по предварительному подсчету результатовъ первой всеобщей переписи, исполненной 28 января 1897 г.] [3]):

---

[1]) J. Payer, „Die Oesterreich.-Ungar. Nordpol Expedition in den Jahren 1872—1874". — „Mittheilungen von Petermann", VI, 1876, ets. — „Annales hydrographiques", 4-e trimestre, 1876.

[2]) Karl Weyprecht, „Die Metamorphosen des Polareises".

[3]) „Первая всеобщая перепись населенія Россійской имперіи 1897 г.", вып. I, изд. Центр. Статист. Комитета, С.-Петербургъ, 1898 г.

	Пространство кв. верстъ.	Населеніе душъ.	Населеніе на 1 кв. версту
Европейская Россія ..	4.242.697,3	94.215.415	22,2
Царство Польское	111.554,2	9.455.943	84,6
Кавказъ.	411.324,6	9.248.695	23,6
Сибирь..	10.922.479,7	5.727.090	0,5
Средняя Азія, степныя области	1.946.838,2	3.415.174	1,6
Туркестанъ и Закаспійская область	3.016.628,2	7.721.684	2,5
Русское населеніе, подлеж. переписи въ Финляндіи .. .	—	14.018	—
Русскія колоніи въ Бухарѣ	—	12.150	—
Русскіе подданные въ Хивѣ	—	3.937	—
Въ загран. плаваніи на военныхъ судахъ .	—	12.804	—
Итого, по переписи 1897 г.	—	126.411.736	—
Великое княжество Финляндское.	286.051,4	2.537.801	8,8
Общій итогъ ..	18.990.735.4	128.939.537	6,8

Истинная Россія состоитъ въ дѣйствительности только изъ части территоріальной Европейской Россіи, именно той части, гдѣ населеніе достаточно густо, чтобы образовать сплоченное тѣло націи,—той, гдѣ сконцентрированы значительные рессурсы въ людяхъ и богатствахъ и которая даетъ совокупности государства его наступательную и оборонительную силу. Эта область, занимающая по пространству около половины русскихъ владѣній по сю сторону Уральскаго хребта, ограничена на сѣверѣ и востокѣ приблизительно теченіемъ Волги; на югѣ границу ея составляютъ степи, прилегающія къ Черному морю, тогда какъ на западѣ она простирается до предѣловъ Румыніи, Буковины, Галиціи и присоединила къ себѣ Польшу; на сѣверо-западѣ она идетъ черезъ балтійскія провинціи до береговъ Финскаго залива и устья Невы. Остальная часть имперіи, то-есть около семи восьмыхъ всей русской территоріи, не даетъ еще государству того приращенія силы, которое, повидимому, должно бы вытекать изъ громадности страны; эта часть скорѣе составляетъ для него источникъ слабости, такъ какъ правительство должно содержать арміи солдатъ и чиновниковъ во всѣхъ этихъ странахъ, удаленныхъ отъ центра, прокладывать тамъ пути сообщенія, сооружать станціи, военные посты и укрѣпленія.

Съ географической точки зрѣнія Россія рѣзко отличается отъ остальной Европы: она однообразна, тогда какъ западныя страны, напротивъ, разнообразны по характеру мѣстности. Во всемъ громадномъ протяженіи, отъ обледенѣлыхъ береговъ Бѣлаго моря до степей, прилегающихъ къ Черному морю, она представляетъ поразительное сходство наружнаго вида. Извѣстно, что, между всѣми частями земного шара, Европа въ собственномъ смыслѣ, которую уже Страбонъ охарактеризовалъ «хорошо расчлененной», отличается развитіемъ своихъ береговъ, разнообразіемъ своихъ очертаній, относительной важностью своихъ полуострововъ; море здѣсь со всѣхъ сторонъ вдается въ сушу глубокими заливами, морской воздухъ переносится малѣйшимъ вѣтеркомъ къ горамъ внутренней части материка. Западная Европа кажется живой, одушевленной, она какъ будто волнуется на картѣ: видно, что она должна быть населена народами, тоже полными жизни и непрестанно обновляющимися, благодаря постоянному обмѣну отъ полуострова до полуострова и отъ одного морскаго ската до другаго. Напротивъ, восточная Европа, то-есть Россія, представляетъ неправильный, грубо очерченный четыреугольникъ, болѣе массивный, чѣмъ Азія, по совокупности его контуровъ, и этотъ контрастъ существуетъ не только во внѣшнихъ очертаніяхъ, — противоположность обнаруживается также во всемъ рельефѣ страны. Къ западу отъ Россіи европейскій континентъ являетъ изумительное разнообразіе мѣстности— сплошныя возвышенности, горныя цѣпи, холмы, долины и равнины; во внутренности главнаго ствола и каждой изъ вѣтвей, полуострововъ и острововъ, поднимается ясно обозначенный хребетъ страны, какъ бы конекъ кровли; явственно сформированныя покатости спускаются къ каждому морю. Въ сравненіи съ этими странами съ неровнымъ рельефомъ, состоящимъ изъ возвышеній и углубленій почвы, Россія представляется большой равниной: въ ней, правда, встрѣчаются плато, возвышенности въ нѣсколько сотъ футовъ, но эти высоты едва прерываютъ однообразіе обширныхъ пространствъ: можно проѣхать всю Россію изъ конца въ конецъ, отъ одного моря до другаго не покидая низменныхъ равнинъ, которыя кажутся столь же гладкими, какъ поверхность океана.

На востокѣ и юго-востокѣ Европейская Россія сливается съ Азіей, и обыкновенно даже не знаютъ въ точности, гдѣ провести раздѣльную линію. Смотря по важности, приписываемой той или другой чертѣ земной поверхности, географы различно проводятъ эту линію границъ между двумя континентами. Безъ сомнѣнія, слѣды, оставленные древними, нынѣ исчезнувшими морями, обозначаютъ, какъ естественную границу, ясно опредѣлившуюся Понто-Каспійскую впадину, гдѣ текутъ воды двухъ Манычей, и низменныя равнины, которыя нѣкогда были наполнены, на югѣ и на востокѣ отъ Уральскаго хребта, водами проливовъ, соединявшихъ Каспійское и Аральское моря съ Обской губой; но въ теченіе новѣйшихъ періодовъ жизни нашей планеты рельефъ почвы постепенно измѣнился, и теперь граница между Европой и Азіей можетъ быть лишь линіей идеальной или чисто условной. Такимъ

образомъ съ восточной стороны, въ особенности тамъ, гдѣ открывается большая брешь между Каспійскимъ моремъ и полуденными предгорьями Уральскаго хребта, Россія не имѣетъ опредѣленныхъ границъ: она и теперь еще является въ извѣстной мѣрѣ тѣмъ же, чѣмъ была во времена древнихъ грековъ,—однообразной страной, сливающейся вдали съ невѣдомыми пустынями. До тѣхъ поръ, пока движеніе всемірной исторіи имѣло театромъ лишь узкіе бассейны, небольшіе острова или полуострова, даже во все то время, пока цивилизованное человѣчество было сгруппировано по берегамъ внутренняго или Средиземнаго моря,—область, извѣстная нынѣ подъ именемъ Россіи, естественно должна была оставаться особымъ міромъ безъ опредѣленныхъ очертаній и границъ. Она могла, наконецъ, пріобрѣсти свою роль и мало-

Приднѣпровская степь.

по-малу съ точностью опредѣлить свои контуры только въ новѣйшія времена, благодаря тому, что всѣ берега Стараго Свѣта сдѣлались достояніемъ или подпали вліянію цивилизованныхъ народовъ Европы.

Горизонтальность русской почвы не ограничивается поверхностью земли: она продолжается и на глубинѣ, какъ въ этомъ убѣдились геологи, изслѣдуя посредствомъ буренія подземные пласты. Вмѣсто того, чтобы приподниматься и сгибаться на разные лады, образуя всевозможныя разновидности почвы, которыя отражаются въ контрастахъ растительности и культуръ, лежащія пластами одна на другой горныя породы восточно-европейской низменности сохраняютъ между собой правильную параллельность на огромныхъ протяженіяхъ, а разложеніе ихъ даетъ одного и того же рода и качества растительную почву, покрытую одними и тѣми же видами растеній. За гранитными и гнейсовыми скалами, образующими континентальный сводъ Скандинавскаго полуострова и которыя занимаютъ, переходя далеко за предѣлы Финляндіи, все пространство, заключающееся между Бѣлымъ моремъ и бассейномъ Невы, слѣдуютъ на югѣ и востокѣ, до самаго сердца центральной Азіи, палеозойскія (древнѣйшія) и каменноугольныя геологическія образованія; затѣмъ пласты новаго краснаго песчаника, заключающіе, между прочимъ, пермскія формаціи (получившія это названіе отъ обширной Пермской губерніи), простираются до основанія Уральскихъ горъ, между Прикаспійскими степями и берегами Ледовитаго океана. Юрскіе пласты тянутся на югѣ по окраинамъ пермскихъ площадей и покрываютъ ихъ въ серединѣ, образуя неправильный треугольникъ, который постепенно съуживается отъ тундръ крайняго сѣвера до береговъ Волги. Далѣе на югѣ формаціи мѣловыя, третичныя, новѣйшія отложились вокругъ гранитной плоской возвышенности или Каменной гряды, которая пересѣкаетъ наискось область полуденныхъ степей. Въ сравненіи съ этими, почти горизонтальными геологическими слоями, чуть приподнятыми тамъ и сямъ въ формѣ отлогихъ волнообразныхъ возвышеній почвы и простирающимися, безъ измѣненія наружнаго вида или внутренняго строенія, на пространствахъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ квадратныхъ верстъ, какое безконечное разнообразіе представляютъ всѣ микрокосмы западной Европы, Тироль и Швейцарія, Германія, Франція, Италія, Пиренейскій полуостровъ, Великобританія! Низменность, соединяющая Черное море съ Балтійскимъ посредствомъ бассейна Днѣпра и бассейна Одера, раздѣляетъ два геологическихъ міра: по обѣ стороны этой впадины все различно—форма очертаній, выступы рельефа поверхности, сгибъ напластованій. На западѣ почва свидѣтельствуетъ о частыхъ и сложныхъ геологическихъ переворотахъ; на востокѣ он[а], напротивъ, разсказываетъ лишь о медленных[ъ] и правильныхъ колебаніяхъ или измѣненіях[ъ] уровня. Между тѣмъ какъ западная Европ[а] приподнималась въ видѣ горныхъ цѣпей и ра[з]рывалась на глубокія долины, пространства п[о] Днѣпру и Волгѣ сохраняли почти неизмѣнным[ъ] свой уровень надъ поверхностью морских[ъ] водъ [1]).

По характеру поверхностной части почв[ы] Россія дѣлится на двѣ большія совершенн[о] различныя области: область, гдѣ движущіе[ся] льды оставили слѣды прохожденія, и област[ь], гдѣ не встрѣчаются ни эрратическіе камни, [ни] глетчерныя глины. Вся сѣверная Россія, [за] исключеніемъ равнинъ, простирающихся у о[с]нованія Уральскаго хребта, находилась, въ т[е]ченіе ледянаго періода, подъ вліяніемъ мас[съ] кристаллизованной воды, которыя изъ Ска[н]динавіи и Финляндіи двигались къ западу, ю[гу] и востоку, разсѣяваясь на пространствѣ о[тъ] Шотландіи до Польши и отъ Польши до бе[ре]говъ Карскаго моря, въ предѣлахъ огромна[го] круга, имѣющаго около 4.000 верстъ въ окру[ж]ности. Прежде допускали, какъ очень вѣроя[т]ную гипотезу, что эрратическіе камни этой о[б]ласти были перенесены по морю пловучим[и] льдами, но эта теорія должна быть окончател[ь]но оставлена, какъ не подтвержденная факт[а]ми. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ морскіе остатки н[е] сопровождаютъ эрратическихъ камней, тог[да] какъ часто находятъ, вмѣстѣ съ этими нано[с]ными почвами, кости прѣсноводныхъ млекоп[и]тающихъ и прѣсноводныя раковины [2]). Въ т[е]ченіе ледяной эпохи вся сѣверная Россія пре[д]ставляла страну подобную шведскимъ скатам[ъ] скандинавскаго хребта Кьеленъ, гдѣ ледяны[я] рѣки, попеременно то выступая изъ береговъ, то отодвигаясь вглубь долинъ, простираются по хаотическимъ пространствамъ, гдѣ морены и скалы перемѣшаны въ полнѣйшемъ безпорядкѣ съ озерами и торфяными болотами. Перенесеніе льдовъ и находившихся на нихъ обломковъ скалъ производилось большею частію этими озерами, которыя безконечнымъ лабиринтомъ покрывали почти всю страну, и большинство которыхъ съ той эпохи превратилось въ твердую землю.

Очень похожая на сѣверную Россію по незначительнымъ возвышеніямъ и углубленіямъ своей территоріи, по ровному характеру мѣстности, южная Россія явственно отличается отъ нея по геологической исторіи, такъ же, какъ по свойству почвы и по растительности. Къ югу отъ Тулы, Рязани, Казани мы не встрѣчаемъ болѣе эрратическихъ камней: тѣ, которые Мурчисонъ видѣлъ близъ Воронежа и ко-

[1]) Archibald Geikie, „Proceedings of the Geographical Society", 1879, № VI.

[2]) Барботъ-де-Марни, „Горный Журналъ", № 12, за 1875 г.

торые были приняты имъ за обломки скалъ, принесенные сѣверными льдами, разсматриваются русскими геологами какъ камни мѣстнаго происхожденія [1]). Вообще, гдѣ начинается южная черноземная полоса, тамъ прекращаются и слѣды древнихъ ледниковъ; точная линія разграничиваетъ низменныя области, усѣянныя озерами, болотами, торфяниками, эрратическими камнями, и территорію, гдѣ уже въ теченіе длинныхъ геологическихъ періодовъ образуется особая растительная земля (черноземъ), происходящая отъ разложенія травяного покрова степей. Въ отношеніи растительности эти двѣ области представляютъ совершенный контрастъ. Въ сѣверной Россіи преобладающія породы деревъ—ель и сосна, тогда какъ въ южной черноземной полосѣ характеристическое растеніе—серебристый ковыль, огромный злакъ, къ которому присоединяется много другихъ травъ съ такимъ же наружнымъ видомъ. Большое число растеній, принадлежащихъ южной растительной области, останавливается передъ границами области эрратическихъ камней, словно передъ огненнымъ барьеромъ, хотя они могутъ очень хорошо произрастать въ сѣверномъ климатѣ и хотя ихъ съ успѣхомъ разводятъ въ садахъ вокругъ Москвы и Петербурга. Губчатость почвы, которая, однако, успѣла уже отчасти осушиться со времени ледяного періода, не есть ли причина, задерживающая эти полуденныя растенія въ ихъ поступательномъ движеніи къ сѣверу [2])?

Та часть Россійской имперіи, гдѣ долго держались льды, то-есть Финляндія и смежныя съ нею равнины, остается до сихъ поръ покрытою озерами; во многихъ мѣстностяхъ этой сѣверной области, площади стоячихъ водъ еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ Швеціи; обсохшая страна, такъ сказать, состоитъ лишь изъ перешейковъ и узкихъ мысовъ: всѣ впадины и простыя углубленія почвы наполнены водой: ледяной періодъ смѣнился періодомъ озернымъ [3]). Въ этой-то территоріи, частію затопленной, находятся самыя обширныя, хотя и не самыя глубокія, прѣсноводныя озера европейскаго континента—Ладожское, Онежское, Сайма. Внѣ этой сѣверо-западной области озерные бассейны встрѣчаются еще тамъ и сямъ; но, имѣя гораздо менѣе значительные размѣры, эти бассейны по большей части превратились уже въ моховыя или торфяныя болота. Со времени исчезновенія льдовъ землистыя частицы, приносимыя рѣками, а съ другой стороны—мхи, постепенно завладѣвающіе водными площадями, успѣли уже наполнить почти всѣ впадины озеръ, что было сдѣлать тѣмъ легче, что геологическія формаціи этихъ странъ Россіи не отличаются такой твердостью, какъ граниты Финляндіи. Такимъ образомъ внутреннія моря, какъ, напримѣръ, то, которое нѣкогда простиралось тамъ, гдѣ въ наши дни находятся болота по рѣкѣ Припеть, мало-по-малу исчезли. Повсюду въ странѣ мы видимъ явленія, свидѣтельствующія о послѣдовательныхъ измѣненіяхъ поверхности: въ однихъ мѣстахъ озера только уменьшились въ окружности, охваченныя цѣлыми лѣсами тростника и камыша и болотистыми берегами; въ другихъ мѣстахъ на древнее существованіе ихъ указываютъ только небольшіе резервуары стоячей воды, въ родѣ колодцевъ, называемые «окошками» и окруженные мхомъ; иныя озера, превратившіяся въ торфяныя болота, уже обрамлены по краямъ лугами, которые постоянно расширяются, захватывая новыя части озерныхъ бассейновъ; даже лѣса во многихъ мѣстахъ подвигаются мало-по-малу на завоеваніе бывшихъ озеръ, посредствомъ приземистыхъ, кривыхъ березъ и сосенъ, которыя отваживаются укореняться въ болотистой почвѣ и постепенно осушаютъ ее.

Соотвѣтственно уменьшенію и даже полному исчезновенію озеръ, русскія рѣки пріобрѣли большую относительную важность въ географіи страны. За исключеніемъ рѣкъ Финляндіи, а также Невы и Наровы, всѣ большіе потоки русской территоріи опорожнили прежде существовавшія озера своего бассейна и, такъ сказать, выработали свою рѣчную индивидуальность. Благодаря обширному протяженію земель, которыя онѣ должны пройти прежде, чѣмъ достигнуть моря, эти рѣки, усиливаемыя по пути множествомъ притоковъ, катятъ значительную массу жидкой стихіи, и эта масса кажется тѣмъ больше, чѣмъ теченіе ея менѣе быстро: извѣстно, что вездѣ, гдѣ наклонъ почвы очень малъ, вода широко разливается въ своемъ ложѣ. Россія имѣетъ огромныя рѣки, между которыми первое мѣсто занимаетъ Волга, превосходящая по длинѣ всѣ другіе потоки Европы; но было бы ошибочно сказать, какъ это часто повторяютъ, что Волга превосходитъ ихъ также и обиліемъ своихъ водъ: въ этомъ отношеніи она уступаетъ Дунаю, который питаютъ Альпы, Шварцвальдъ, Богемскія горы и Карпаты. Дожди несравненно менѣе обильны въ Россіи, чѣмъ въ западной Европѣ, омываемой со всѣхъ сторонъ водами моря; среднимъ числомъ можно принять, что общее количество дождевой воды, выпадающее впродолженіи всего года, составляетъ слой не болѣе полметра толщиною; кромѣ того, въ нижнемъ своемъ теченіи, большія рѣки, спускающіяся къ морямъ Черному, Азовскому и Каспійскому, проходятъ черезъ области съ почвой сухой и безплодной, очень скудно орошаемой, безлѣсной, подверженной палящему зною солнца и

---

[1]) Мурчисонъ, де-Вернейль и Кейзерлингъ, „Geology of Russia and the Ural Mountains".

[2]) Акад. Рупрехтъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome VII, 1865.

[3]) Pierre Kropotkin, „Notes manuscrites".

неистовому разгулу вѣтровъ; испареніе весьма сильно въ этой полосѣ, и многія степныя рѣчки до капли выпиваются почвой и воздухомъ, прежде чѣмъ успѣютъ добраться до русла главной рѣки, которая должна бы была нести ихъ воду въ море. Въ десять разъ превосходя Францію пространствомъ, Россія, вѣроятно, не превосходитъ эту страну и въ три раза по объему текущей воды. При томъ вода длиннѣйшей изъ русскихъ рѣкъ, Волги, теряется въ бассейнѣ Каспійскаго моря, гдѣ она вся испаряется, не повышая нисколько уровня этого внутренняго моря, съ давняго времени разобщеннаго съ океаномъ.

Большія рѣки Россіи, которыя всѣ берутъ свое начало въ мѣстностяхъ, мало возвышающихся надъ уровнемъ моря, не отдѣлены одна отъ другой трудно переходимыми горными высями; истинными препятствіями въ безпредѣльныхъ пространствахъ русской равнины были не водораздѣльныя высоты, а болота, тундры, дремучіе лѣса, обширныя пустыни; сами рѣки, облегчая сообщенія отъ верховья къ низовьямъ, часто задерживали вражескія нашествія и мирныя торговыя сношенія отъ одного берега къ другому, тогда какъ между рѣчными бассейнами путешествія и обмѣнъ товаровъ производились безъ затрудненія. При томъ же большая часть важнѣйшихъ русскихъ рѣкъ, въ томъ числѣ и главная изъ нихъ, Волга, переплетаютъ свои истоки въ обширный лабиринтъ; онѣ соединяются болотами, гдѣ могли бы проходить барки во время разлива водъ отъ продолжительныхъ дождей: черезъ посредство многочисленныхъ притоковъ каждой большой рѣки легко устроить почти непрерывныя линіи судоходства между морями, омывающими Россію: уже Петръ Великій устройствомъ Вышневолоцкаго канала открылъ невскимъ судамъ дорогу къ Каспійскому морю. Но пока не существовало этихъ соединительныхъ каналовъ и пока хорошія торговыя дороги, обходящія болота и перерѣзывающія лѣса, не выровняли, такъ сказать, почву во всѣхъ направленіяхъ, до тѣхъ поръ пороги или водораздѣлы между судоходными рѣками служили естественными путями для экспедицій военныхъ и торговыхъ. Подобно тому, какъ нынѣ въ каменистыхъ равнинахъ Новой Британіи и въ льяносахъ Южной Америки, встарину и въ Россіи водораздѣлы были обычными мѣстами перехода, гдѣ племена при своихъ передвиженіяхъ и торговые люди при перевозкѣ товаровъ, чтобы попасть изъ одной рѣки въ другую, перетаскивали суда, почему такія мѣста и получили названіе волоковъ. Такимъ образомъ водораздѣльныя возвышенности, несмотря на ихъ маловажность для рельефа почвы, пріобрѣли значительную историческую роль; онѣ естественно были избираемы какъ границы между населеніями, занимавшими земли каждаго ската. Вся сѣверо-восточная область Россіи, нѣкогда платившая дань Новгородской республикѣ, носила названіе «Заволоцкой Чуди», то-есть «земель чуди по ту сторону волоковъ». Еще и въ наши дни волоки почитаются священными мѣстами, подобно нѣкоторымъ горнымъ проходамъ въ Пиренеяхъ, и на многихъ изъ нихъ прохожіе считаютъ долгомъ набрасывать въ кучку вѣтки деревьев.. траву или камни [1]).

Однообразная по виду своихъ обширны.. равнинъ, по правильности своихъ геологи..-скихъ формацій, по огромному протяженію с..-ихъ рѣчныхъ бассейновъ, Россія однообраз.. также и по климату: отъ сѣвера къ югу и о.. юга къ сѣверу атмосферныя теченія распрост..-няются въ ней быстро, нигдѣ не встрѣчая п..-пятствій. Когда дуютъ рѣзкіе полярные вѣтр.., они пробѣгаютъ всю Россію и поднимаютъ .. Черномъ морѣ тѣ страшныя бури, за котор.. оно получило свое первое прозвище «негос..-пріимнаго моря»; когда господствуютъ эква..-ріальные воздушные токи, вліяніе ихъ ощу..-тельно на всемъ пространствѣ русской равни.. до подножія Уральскихъ горъ и до берего.. арктическихъ морей. Безъ сомнѣнія, разли.. климата весьма значительны по направле.. отъ сѣвера къ югу, такъ какъ Европейск.. Россія, не считая даже острововъ Ледовита.. океана и Кавказскаго края, занимаетъ час.. поверхности земнаго шара, измѣряемую 26 гр..-дусами географической широты; отъ одной .. другой окраины этой громадной террито.. нормальная разница климата такъ велика, что средняя температура лѣта (+2°) на сѣверныхъ берегахъ, у Карскихъ воротъ, ниже средней температуры зимы (+2°,25) на берегахъ Черснаго моря, въ Севастополѣ. Однако, отъ холоднаго пояса до умѣреннаго переходъ совершается нечувствительно, и подобно тому, какъ водяныя волны распространяются съ большой правильностью по морскому дну безъ выступовъ, такъ и волны воздушныя пробѣгаютъ Россію во всѣхъ направленіяхъ, не уклоняясь въ сторону и не дѣлая круговоротовъ.

По своему общему режиму, климатъ Россіи, въ сравненіи съ климатомъ приморской западной Европы, является существенно континентальнымъ, то-есть неравномѣрнымъ, отличающимся крайностями температуры въ разныя времена года: по зимнимъ холодамъ, по лѣтнимъ жарамъ Россія можетъ быть названа уже страной азіатской. Москва, центральный городъ Европейской Россіи, лежитъ почти подъ той же широтой, какъ Копенгагенъ и Эдинбургъ; но средняя зимняя температура, которая въ столицѣ Шотландіи равна + 2°,8, а въ столицѣ Даніи—0°,5, въ древней русской столицѣ составляетъ уже 10 градусовъ ниже точки замерзанія. Зато средняя лѣтняя температура,

[1]) Максимовъ, „Древняя и Новая Россія", 1876 г., № 5.

которая въ Эдинбургѣ не доходитъ даже до 15 градусовъ, а въ Копенгагенѣ едва превышаетъ 17, достигаетъ въ Москвѣ почти 18 градусовъ; что касается мѣсячныхъ и суточныхъ разностей между зимнимъ холодомъ и лѣтнимъ тепломъ, то онѣ еще гораздо значительнѣе. Но если привести всѣ колебанія къ общей средней температурѣ всего года, то оказывается, что климатъ Москвы, такъ же, какъ и климатъ всей Россіи, на 4 или 5 градусовъ холоднѣе, чѣмъ климатъ странъ западной Европы, лежащихъ подъ той же географической широтою: въ то время, какъ океаническія области европейскаго континента, Пиренейскій полуостровъ, Франція, Британскіе острова, находятся преимущественно подъ вліяніемъ вѣтровъ западныхъ и юго-западныхъ, которые суть не что иное, какъ противотеченія пассатовъ, Россія подвержена главнымъ образомъ дѣйствію полярныхъ вѣтровъ. Когда западно-европейцы въ обыкновенной рѣчи даютъ Россіи названіе «сѣверной страны», хотя она занимаетъ восточную часть континента, то это выраженіе не совсѣмъ ошибочно, такъ какъ климатическія условія, такъ сказать, перемѣщаютъ Россію на нѣсколько градусовъ по направленію къ полюсу. Мѣсяцъ январь имѣетъ въ Одессѣ и Таганрогѣ такую же среднюю температуру, какъ и въ Христіаніи, которая лежитъ почти на 1,500 километровъ сѣвернѣе этихъ городовъ.

Среднія температуры въ разныхъ городахъ Россіи [1]):

	Широта.	Долгота.	Самый теплый мѣс. Іюль.	Самый холод. мѣс. Январь.	Средн. годовая.
Архангельскъ .	64°32′	40°33′	16°78	—13°41	0°38
Гельсингфорсъ.	60°10′	24°58′	17°11	— 7°21	4°02
Петербургъ....	59°50′	30°19′	17°33	— 8°97	3°75
Юрьевъ	58°23′	26°43′	17°59	— 8°22	4°24
Кострома	57°46′	40°56′	19°54	—13°65	3°25
Екатеринбургъ.	56°49′	60°35′	17°36	—16°34	0°43
Казань........	55°48′	49°26′	20°32	—13°59	2°89
Луганскій заводъ	48°35′	39°10′	23°11	— 9°05	7°72
Одесса........	46°28′	23°46′	22°63	— 4°93	9°11

Растительность, которую мы послѣдовательно встрѣчаемъ, проѣзжая русскую территорію по направленію меридіана, также можетъ служить къ опредѣленію климата, дѣлаетъ его, такъ сказать, видимымъ и разграничиваетъ его поясы. На крайнемъ сѣверѣ, по берегамъ Ледовитаго океана, тянутся на огромныхъ пространствахъ болота, голыя земли, гдѣ растутъ только олений мохъ (ягель), лишаи, да кое-гдѣ приземистыя, кривыя деревца или кустарники, менѣе высокіе, чѣмъ иныя травы на лугахъ: это—поясъ тундры, обширной, сырой и мерзлой пустыни. Къ югу отъ тундры начинается область низкихъ лѣсовъ: береза, лиственница, ель, пихта, растутъ тамъ довольно сильно и достигаютъ уже настолько значительныхъ размѣровъ, что заслуживаютъ названія деревьевъ. Еще далѣе въ южномъ направленіи лѣса покрываютъ почти всю страну и состоятъ изъ великолѣпныхъ стволовъ, преимущественно изъ березъ и хвойныхъ деревъ разныхъ породъ: тамъ и сямъ въ лѣсныхъ прогалинахъ или росчистяхъ попадаются уже пашни. Область лѣсовъ съ опадающими листьями, обнимающая наибольшую часть центральной Россіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ область самаго дѣятельнаго земледѣлія, область, гдѣ сѣютъ преимущественно рожь, ленъ, коноплю, главные земледѣльческіе продукты Россіи. Черноземная почва, занимающая широкую полосу территоріи, отъ долины Днѣпра до основанія Уральскаго хребта, составляетъ область пшеницы, фруктовыхъ деревьевъ, высокихъ травъ, тогда какъ къ югу отъ степей низины долинъ, побережье Чернаго моря, Крымъ и Бессарабія образуютъ послѣдній поясъ—поясъ кукурузы и винограда. Контрастъ между степью и лѣсомъ очень рѣзокъ; но вездѣ въ другихъ мѣстахъ общій видъ страны отличается большимъ однообразіемъ, особенно зимой, когда снѣжныя поля разстилаются на необозримое пространство, когда вѣтви, почти черныя, елей гнутся подъ тяжестью пирамидальныхъ массъ насѣвшаго на нихъ снѣга, а нѣжныя вѣтки березъ облѣплены пушистыми бѣлыми хлопьями. Даже лѣтомъ, вдали отъ большихъ лѣсовъ, воздѣланная равнина сохраняетъ свой монотонный видъ: она представляется взору однимъ непрерывнымъ полемъ, продолжающимся до безконечности; только изрѣдка кое-гдѣ увидишь живыя изгороди, купы зелени, уединенные хутора, обсаженные группой деревьевъ и окруженные садомъ. Путешественникъ пожираетъ пространство, сидя въ экипажѣ, запряженномъ быстрыми конями, но вокругъ него пейзажъ не измѣняется; только отъ времени до времени показываются вдали на горизонтѣ куполы сельскихъ церквей съ позлащенными крестами.

Вѣковыя измѣненія не могли не обнаружиться въ соотвѣтственныхъ границахъ поясовъ растительности: слѣды ледянаго періода еще достаточно замѣтны, чтобы свидѣтельствовать о колебаніяхъ климата. Однако, въ теченіе исторической эпохи эти явленія, какъ кажется, были весьма незначительны. Достовѣрно извѣстно, что съ шестнадцатаго столѣтія климатъ нисколько не измѣнился въ прибалтійскихъ губерніяхъ, изъ чего можно заключить, что онъ сохранился также безъ большихъ перемѣнъ и въ другихъ областяхъ Россіи. На Западной Двинѣ среднимъ днемъ вскрытія рѣки за сорокалѣтній періодъ шестнадцатаго вѣка было 9 апрѣля; въ теченіе девяносто одного года восемнадцатаго столѣтія онъ приходился на 7 число, а впродолженіи пятидесяти четырехъ

[1]) Акад. Вильдъ, „Die Temperaturverhältnisse des Russischen Reiches“.

лѣтъ настоящаго столѣтія на 8 число того же мѣсяца. Точно также средніе дни вскрытія Сѣверной Двины у Архангельска и Днѣпра у Кіева остались понынѣ почти совершенно тѣ же, какъ были въ старину [1]). Измѣненія климата, имѣвшія мѣсто со времени поселенія человѣка въ странѣ, были произведены не природой, а самими жителями, которые, истребляя лѣса во многихъ мѣстностяхъ Россіи, тѣмъ самымъ были причиной того, что почва на оголенныхъ пространствахъ высохла, источники изсякли, вѣтры получили больше простора и стали дуть съ бо́льшей силой, холода и жары сдѣлались сильнѣе и нестерпимѣе.

Соединенная съ Азіей, благодаря осушенію древнихъ морей, и сходная по климату съ восточнымъ континентомъ, Европейская Россія имѣетъ во многихъ отношеніяхъ азіатскій характеръ, точно такъ же, какъ Сибирь отчасти принадлежитъ къ европейскому міру. Такъ, въ отношеніи растительнаго царства, Сѣверцовъ находитъ, что граница Европы не на Уралѣ, ни даже въ долинѣ Оби, а въ долинѣ Енисея. Подобнымъ же образомъ области, занимаемыя различными видами животныхъ, переходятъ за естественныя границы континентовъ. Наконецъ, и населенія перемѣшиваются и проникаютъ изъ Европы въ Азію и изъ Азіи въ Европу. Каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе и отечество, арійскіе славяне различныхъ нарѣчій, которые занимаютъ сплоченными массами наибольшую часть Россіи, представляютъ европейскій элементъ; но сколько расъ чисто азіатскихъ по наружности, нравамъ и языку живутъ еще на русской территоріи, или особнякомъ, или разсѣянныя маленькими народцами, родами или семьями посреди славянъ! Въ то время, какъ славяне, опирающіеся на западныхъ европейцевъ, отъ которыхъ никакія естественныя преграды не отдѣляютъ ихъ, между Балтійскимъ моремъ и Карпатами, прочно группировались въ расу, господствующую во всей центральной Россіи, азіатскія племена проникали главнымъ образомъ черезъ сѣверные проходы Уральскаго хребта и черезъ широкое пространство, открытое между этими горами и берегами Каспійскаго моря. На сѣверѣ самоѣды, зыряне, лопари, слѣдуя по равнинамъ, прилегающимъ къ Ледовитому океану, одни населяютъ огромныя пространства, а послѣдніе изъ нихъ, лопари, проникли даже въ глубь Скандинавіи. На югѣ азіатскія орды могли продолжать свой путь въ Европу черезъ прибрежныя степи Каспійскаго и Чернаго морей, и часто эти дикія орды были достаточно многочисленны и могущественны, чтобы совершенно отдѣлить славянъ отъ всякаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ. Россіи въ тѣ времена грозила опасность сдѣлаться этнографически простой областью азіатскаго континента. Дважды она исчезала изъ исторіи: въ первый разъ—послѣ паденія Западной Римской имперіи; во второй—послѣ нашествія монголовъ: эти азіатскіе народы, устремляясь на Европу, прерывали связь, соединявшую равнины Днѣпра и Волги съ западными странами европейскаго континента. Каждый разъ западно-европейцамъ приходилось, такъ сказать, дѣлать новое открытіе Россіи. Генуэзцы отыскивали забытыя дороги къ Черному морю и вновь отстроили въ Крыму и на берегахъ Азовскаго моря и Дона города древнихъ грековъ; а впослѣдствіи на берегахъ крайняго сѣвера англійскіе мореплаватели Ченселлоръ, Борро, Дженкинсонъ снова завязали непосредственныя торговыя сношенія между Московскимъ государствомъ и западной Европой черезъ моря Бѣлое и Норвежское.

Этнографическая карта Россіи, особенно въ восточной ея части, понынѣ сохраняетъ многочисленные слѣды переворотовъ, которые произошли въ распредѣленіи расъ и племенъ до той эпохи, когда, наконецъ, великоруссы пріобрѣли преобладающее значеніе въ странѣ. Почти тотчасъ же на востокѣ отъ слiянія Волги и Оки разсѣяны, болѣе или менѣе значительными этнографическими островами, народности неславянскія—урало-финскія къ сѣверу, монголо-тюркскія къ югу. Въ западной половинѣ Россіи другіе финны, на сѣверѣ тавасты (ямь) и карелы, на югѣ эсты и ингры (ижора), занимаютъ даже побережье того залива, гдѣ основалась столица имперіи. Къ югу отъ эстовъ и ливовъ простирается область другой національности, арійской и родственной славянамъ, но тѣмъ не менѣе совершенно отличной отъ нихъ, именно литовско-латышской. Наконецъ, на югѣ, по берегамъ Чернаго моря, татары населяютъ отчасти Крымъ, тогда какъ румыны (молдаване и валахи), латинизованные даки, занимаютъ юго-западную часть Россіи, между Прутомъ и Днѣстромъ, по обоимъ берегамъ этой послѣдней рѣки и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до южнаго Буга. Кромѣ того, евреи основали свои торговыя колоніи во всѣхъ западныхъ городахъ государства. Англійскій писатель Латамъ [1]) даетъ Россіи названіе «имперіи сорока четырехъ народовъ» [2]).

Однако вся центральная область, заключающаяся между берегами Волги и Оки, большими озерами на сѣверѣ, Чернымъ моремъ на югѣ, населена славянами, которые выдвинулись на западѣ сплоченной массой, между литовско-латышскимъ населеніемъ береговъ Нѣмана и молдаванами Бессарабіи, далеко за черту гра-

---

[1]) Воейковъ, „Meteorologie in Russland", „Russische Revue", IV, № 8.

[1]) „Russia and Turkey", „Deutche Rundschau", №9, 1879.

[2]) Въ дѣйствительности эта цифра гораздо значительнѣе: въ Россіи насчитывается около 100 различныхъ народовъ и народцевъ, принадлежащихъ къ 12 различнымъ племенамъ. Ред.

ницъ Россійской имперіи. Тѣ изъ славянъ, которые образуютъ русскую семью и составляютъ самую многочисленную часть славянства, дѣлятся, въ свою очередь, на три группы, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ различныя народности: бѣлоруссы, жители покрытыхъ лѣсами равнинъ, которыя простираются отъ лѣваго берега Западной Двины до Пинскихъ болотъ; малороссы, или украинцы, которые занимаютъ огромную территорію, заключающуюся между рѣками Донецъ въ Россіи, Санъ въ Галиціи и истоками Тиссы, притока Дуная, въ Венгерскомъ королевствѣ; великоруссы, или великороссіяне, которые населяютъ центральную Россію, преимущественно всю центральную область. Это разнообразіе русскаго міра не выказалось ли и въ титулѣ государей, именуемыхъ «самодержцами всероссійскими»?

Двѣ западныя русскія народности связаны съ родственной національностью, тоже славянской, съ поляками, съ которыми впродолженіи большей части своей исторіи онѣ составляли одно государство. Многочисленные острова поляковъ, которые мы видимъ между Наревомъ и Днѣпромъ,—острова, такъ сказать, вознаграждающіе за островки нѣмцевъ, которые встрѣчаются въ самой Польшѣ,—суть очевидные слѣды этого древняго политическаго союза Польши съ Бѣлоруссіей и Малороссіей, которыя нынѣ всѣ соединены съ великороссійской имперіей.

Нѣкоторые польскіе патріоты, побѣжденные силой оружія на поляхъ битвъ, хотѣли было добавить себѣ этнологическій реваншъ, теоретически изгоняя своихъ побѣдителей изъ міра славянъ и даже вообще изъ міра арійцевъ; для нихъ и для ихъ восторженныхъ друзей на западѣ, двѣ западно-русскія народности суть не что иное, какъ областныя разновидности польскаго племени, тогда какъ московитяне—это монголы, татары, финны, замаскированные подъ заимствованнымъ именемъ: они, будто бы, только съ двѣнадцатаго столѣтія начали говорить языкомъ, до того времени имъ чуждымъ, и присвоили себѣ имя русскихъ по приказу Екатерины II, похитивъ, такъ сказать, мѣсто между народами Европы. Новѣйшія историческія и этнографическія изслѣдованія доказываютъ, что оба эти утвержденія равно невѣрны. Малороссы—несомнѣнно славяне, отличающіеся и отъ великоруссовъ, и отъ поляковъ своимъ языкомъ, пѣснями и всѣми своими національными памятниками [1]). Что касается бѣлоруссовъ, то большинство лингвистовъ помѣщаетъ ихъ языкъ между подъ-видами или нарѣчіями великорусскаго [2]); однако, нѣкоторыя фонетическія черты приближаютъ этотъ языкъ къ польскому, а по своему словарю онъ имѣетъ связь съ малороссійскимъ; истинное мѣсто бѣлорусскаго языка между родственными ему языками остается еще не достаточно выясненнымъ. Что касается разницы, якобы существовавшей между Россіей и «Московіей», то непровержимое свидѣтельство монетъ, грамотъ и другихъ документовъ удостовѣряетъ, что московитяне никогда не переставали называть сами себя и быть называемы русскими или русинами, или, по одной изъ латинскихъ транскрипцій, рутенами,—имя болѣе спеціально присвоенное нынѣ русинамъ австрійской Галиціи. Впрочемъ, имя москвитянъ или «московитовъ», которое въ западной Европѣ часто даютъ русскимъ и которое употребляли особенно во враждебномъ смыслѣ, какъ на западѣ отъ Нѣмана, такъ и къ югу отъ Балкановъ, имѣетъ лишь чисто-условное значеніе: исторически оно невѣрно даже по отношенію къ великоруссамъ, ибо послѣдніе существовали уже въ видѣ сплоченной націи ранѣе основанія Москвы и въ особенности ранѣе того времени, когда политическое могущество великорусскихъ князей познакомило Европу съ «Московскимъ царствомъ» [1]). Но великоруссы были бы неправы, если бы стали доказывать чистокровность своей арійской расы и претендовать на главенство именно на основаніи своего права первородства въ славянской семьѣ. Если есть нѣчто серьезное въ вопросѣ, поднятомъ польскими патріотами, такъ это только то, что великорусская народность образовалась изъ смѣшенія славянскихъ поселенцевъ, пришедшихъ съ запада и юго-запада, съ различными племенами финскими, монгольскими, тюркскими. Преданіе, сохраненное первымъ русскимъ лѣтописцемъ Несторомъ, называетъ радимичей и вятичей въ числѣ славянскихъ колонизаторовъ страны, сдѣлавшейся впослѣдствіи Московскимъ государствомъ, и, по странному совпаденію, эти иммигранты пришли, будто-бы, изъ Польши. За ними слѣдовали новгородскіе поселенцы, словены Нестора, поселенцы съ береговъ Западной Двины, Днѣпра, Днѣстра, то-есть изъ Бѣлой Руси и изъ Малой Руси. Лѣтописи разсказываютъ объ этой колонизаціи, о которой свидѣтельствуютъ также имена древнихъ городовъ въ центральной части Московскаго государства; въ нѣкоторыхъ случаяхъ имена эти суть простыя повторенія названій украинскихъ или галицкихъ, таковы: Переяславль, Перемышль (Przemyszl), Звенигородъ, Галичъ. Впрочемъ, русскіе этнологи никогда не отрицали смѣшаннаго происхожденія господствующей расы имперіи, и въ любопытныхъ статьяхъ Ешевскій, Кавелинъ, Кор-

[1]) Alfred Rambaud, „Histoire de la Russie“;—„La Russie épique“;—„La Petite Russie dans les traditions et l'art populaire“, „Revue politique et littéraire“ dec. 1876.—Hovelaque, „Linguistique“.

[2]) Hovelaque „Linguistique“;—Даль, „Толковый словарь великорусскаго языка“;—П. Житецкій, „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“. Кіевъ, 1876, г.

[1]) Alf. Rambaud, „Histoire de la Russie“;—Костомаровъ, „Двѣ русскія народности“.

саковъ и другіе разбирали этотъ важный вопросъ. Вообще, славяне Россіи представляютъ замѣчательно чистый типъ во всѣхъ частяхъ страны, куда иммигранты пришли земледѣльческими колоніями, вытѣсняя туземцевъ въ окрестные лѣса: хотя болѣе сильные, они не рѣшались брать себѣ женъ «изъ племени колдуновъ». Разнообразіе типовъ, произведенное скрещиваніями, имѣло мѣсто только на этнологическихъ границахъ [1]).

Въ вѣковой борьбѣ, составляющей ихъ исторію, славянскія населенія, изъ которыхъ образовались нынѣшніе русскіе, ассимилировали себѣ иноплеменные элементы именно благодаря своему преобладанію; они мало-по-малу распространили свое господство на туземные народы, по смѣшиваясь съ ними, принимая нѣкоторыя изъ ихъ физическихъ чертъ и ихъ обычаевъ, допуская даже небольшое число ихъ словъ въ свой природный языкъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что русскій типъ, особенно въ сосѣдствѣ финскихъ племенъ, не таковъ, какъ у другихъ славянъ, и что онъ замѣтно отличается отъ типа дунайскихъ и иллирійскихъ славянъ, говорящихъ языками того же происхожденія. Нерѣдко можно встрѣтить русскихъ, имѣющихъ плоское лицо и выдающіяся скулы финна; особенно женщины сохранили этотъ признакъ смѣшенія расъ. На югѣ другія скрещиванія выработали опять отличный типъ. Тамъ азіатскія племена, пришедшія въ эпоху великаго переселенія народовъ, затѣмъ монголы и турки, называемые татарами, смѣшиваясь различно съ славянами, либо какъ побѣжденные, либо какъ побѣдители, по-очередно то похищая туземныхъ женщинъ, то принужденные отдавать своихъ женщинъ побѣдителю, соединили свою кровь съ кровью славянъ. Большое число дворянскихъ фамилій Россіи ведутъ свой родъ отъ татарскихъ и монгольскихъ мурзъ, которые приняли крещеніе, чтобы удержать за собой власть. Казаки запорожскіе, такъ же, какъ донскіе, уральскіе (яицкіе), поволжскіе, имѣли обыкновеніе увозить татарскихъ женщинъ во время своихъ экспедицій, и такимъ образомъ самыя побѣды славянъ способствовали уменьшенію чистоты ихъ крови. Впрочемъ, какъ могло не быть смѣшенія племенъ? При началѣ писаной исторіи, то-есть около девятисотъ лѣтъ тому назадъ, славянскія народности, болѣе могущественныя въ центральной Европѣ, чѣмъ нынѣ, были взамѣнъ того гораздо менѣе многочисленны въ восточныхъ равнинахъ континента: онѣ занимали лишь одну пятую теперешней территоріи Россіи, а вся остальная страна принадлежала литовцамъ, финнамъ и различнымъ другимъ народцамъ, бродячимъ или осѣдлымъ, пришедшимъ изъ степей Азіи. Какую огромную перемѣну видимъ мы въ наши дни! Русскіе и другіе славяне населяютъ четыре-пятыхъ пространства имперіи и, подобно потоку, выступившему изъ береговъ, разливаются далеко, въ Сибирь, въ Туркестанъ, въ долины Кавказа. Такія обширныя этнографическія присоединенія могли ли совершаться въ теченіе девятисотъ лѣтъ безъ того, чтобы новые пришельцы не смѣшивались тѣсно съ прежними обитателями страны?

Въ эллинскую эпоху всѣ населенія равнинъ, образующихъ нынѣшнюю Россію, были смѣшиваемы подъ общимъ именемъ скиѳовъ и сарматовъ. Между этими первобытными жителями кто были родоначальники славянъ, названіе которыхъ производятъ отъ «слово»? Восходя въ глубь временъ такъ далеко, какъ это можно сдѣлать съ помощью рѣдкихъ памятниковъ, оставленныхъ греческими писателями, Оссолинскій, Шафарикъ и Ворцель отыскали первоначальную родину славянъ на Волыни и въ Бѣлой Руси. Тамъ же, какъ полагаютъ, славянская кровь наименѣе подвергалась смѣшенію съ иноплеменной; безплодіе почвы и многочисленныя болота отклоняли завоевателей или на сѣверъ, или на югъ отъ этой области. Впрочемъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ мнѣніи тѣхъ ученыхъ, которые видятъ также предковъ русскихъ въ нѣкоторыхъ народахъ полуденной Скиѳіи [1]). Человѣческія кости, найденныя подъ древними могилами, или курганами, и подъ городищами, въ губерніяхъ Черниговской, Кіевской, Псковской, Новгородской, даже Петербургской, вмѣстѣ съ предметами, указывающими на первобытную цивилизацію, по видимому, принадлежатъ, если судить по формѣ черепа, людямъ славянской расы. Древніе обряды погребенія существовали въ этихъ странахъ до десятаго и даже одиннадцатаго вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуютъ византійскія монеты, находимыя въ могильныхъ курганахъ, гдѣ воинъ почіетъ съ своимъ оружіемъ, гдѣ женщина покоится съ своими украшеніями. Иногда похороны сопровождались жертвоприношеніями, состоявшими изъ домашнихъ животныхъ или даже изъ людей, мужчинъ и женщинъ. Одна большая могила заключала остатки костра въ 14 слишкомъ саженъ въ окружности, гдѣ встрѣчались въ перемежку обгорѣлыя кости человѣческихъ существъ, лошадей, птицъ, рыбъ, оружіе, орудія и утварь, драгоцѣнныя украшенія. Родоначальникъ или глава племени хотѣлъ переселиться въ другой міръ не иначе, какъ со всѣми аттрибутами своего величія, со своей женой и царедворцами, со своими сокровищами и яствами, приготовленными для богатаго пиршества. Одну изъ такихъ обширныхъ могилъ представляетъ кур-

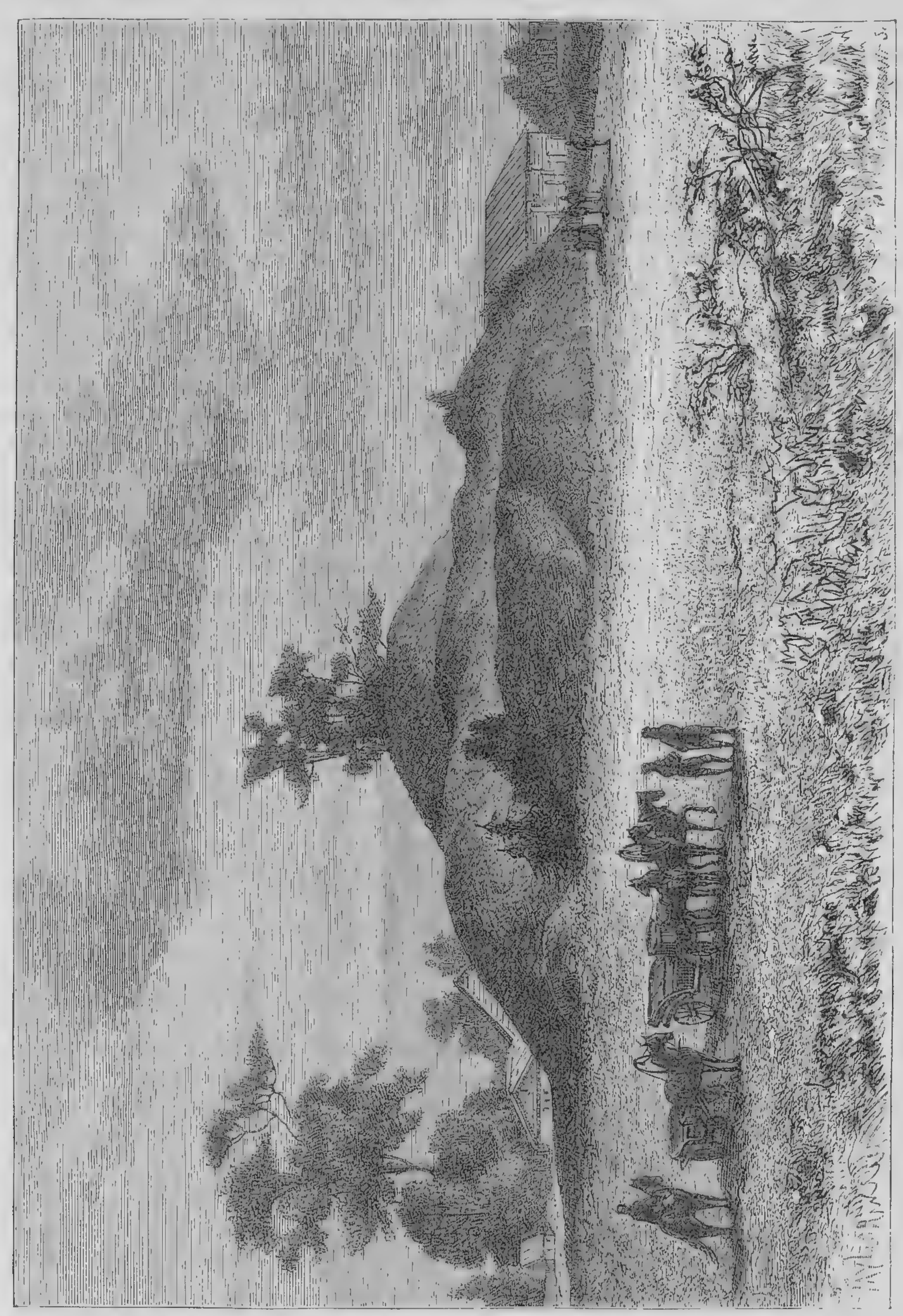
---

[1]) P. Kropotkin, „Notes manuscrites".

[1]) См. въ особенности Забѣлина: „Исторія русской жизни".

ганъ Черная Могила, близъ Чернигова, изслѣдованный Самоквасовымъ [1]).

Когда восточные славяне начинаютъ выступать изъ мрака среднихъ вѣковъ, около конца мана, Вислы, Днѣстра, и почти весь бассейнъ Днѣпра. За предѣлами этого обширнаго пространства показываются тамъ и сямъ острова и архипелаги русскаго населенія въ бассей-



Черная могила. Курганъ близъ Чернигова.

девятаго столѣтія, они занимаютъ всю область водораздѣла и верхнихъ притоковъ между бассейнами Волги, Волхова, Западной Двины, Нѣнахъ морей Азовскаго и Каспійскаго, между прочимъ, при устьѣ Кубани, гдѣ основалось русское поселеніе Тмутаракань, прославленное въ первоначальныхъ преданіяхъ націи. Эти славянскія племена представляли уже эле-

[1]) „Древняя и Новая Россія", 1876 г. № 4.

менты могущественной народности, и тогда-то они и принимаютъ окончательно въ исторіи имя Руси, или руссовъ.

Много спорили о происхожденіи этого названія, которое лѣтописцы связывали съ исторіей династіи. По преданію, записанному въ лѣтописи Нестора и которое долго преподавалось въ школахъ, какъ неоспоримая истина, славяне новгородскіе и ихъ сосѣди, чтобы положить конецъ внутреннимъ раздорамъ, рѣшили призвать князей изъ чужой земли, и съ этой цѣлью снарядили посольство «за море» къ варягамъ (такъ назывались норманны, т. е. народы сѣверной Европы, преимущественно скандинавы). Въ 852 или 862 году послы славянскіе отправились къ варяжскому племени Русь и сказали: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами». Три брата приняли это приглашеніе и явились «со всѣмъ русскимъ племенемъ». Старшій изъ нихъ Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, второй Синеусъ—на берегу Бѣлоозера, третій Труворъ—въ Изборскѣ, недалеко отъ Псковскаго озера. Преемникъ Рюрика, Олегъ, личность таинственная, родство которой съ Рюрикомъ недостачно выяснено, но которую легенда сдѣлала чѣмъ-то въ родѣ полубога (народъ прозвалъ его вѣщимъ, то-есть чародѣемъ), перенесъ столицу государства въ Кіевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имя руссовъ и Россіи. Кто были эти варяго-руссы, которымъ лѣтописное преданіе приписываетъ столь рѣшительно вліяніе на образованіе большой славянской народности? Въ шестнадцатомъ вѣкѣ родину ихъ искали на югѣ отъ Балтійскаго моря, у литовцевъ-пруссовъ или порусcовъ, которыхъ тогда производили отъ царственной римской расы по причинѣ ихъ имени Latvini, передѣланнаго въ Latini (латиняне), и названія ихъ священнаго мѣста, Ромове, о которомъ полагали, что это было нѣчто въ родѣ Рима (Roma). Но начиная съ восемнадцатаго столѣтія общее мнѣніе, особенно между нѣмецкими учеными петербургской академіи и между скандинавскими историками, стало искать отечество варяговъ въ Швеціи. Защитники этой теоріи, развитой первоначально Шлецеромъ, а впослѣдствій разработанной Куникомъ и Рафномъ, опираются на многочисленныя свидѣтельства, въ доказательство того, что имя, сдѣлавшееся національнымъ для славянской семьи, господствующей въ восточной Европѣ, произошло отъ норманскихъ воинственныхъ авантюристовъ, варяговъ, которые рыскали по свѣту въ поискахъ за славой и добычей. По Кунику, именемъ Рось или Русь (руссы) финны, населявшіе побережье Балтійскаго моря, называли свевовъ (Svear) или шведовъ западнаго берега Балтики. Еще и въ наши дни жители Упландскаго приморья извѣстны подъ названіемъ Родслагенъ или Рослагенъ, то-есть «корпораціи гребцовъ», и съ древнѣйшихъ временъ они были употребляемы на службу во флотахъ [1]). Оттуда-то, по мнѣнію норманистовъ, и вышли руссы, которые основали себѣ государства въ равнинахъ восточной Европы, совершая на Востокѣ то, что ихъ соплеменники, норманны, совершили на Западѣ; и тѣ, и другіе, обойдя Европу съ восточной и западной сторонъ, встрѣтились, наконецъ, на берегахъ Средиземнаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, воины норвежскіе, даже исландцы [2]), начиная съ девятаго столѣтія, поступали въ качествѣ наемниковъ въ гвардію константинопольскихъ императоровъ: «нанятые по контракту», на что вѣроятно, указываетъ самое имя варанговъ или варяговъ, они участвуютъ, какъ отборное войско, во всѣхъ византійскихъ военныхъ экспедиціяхъ той эпохи. Но другіе удальцы дѣлали нападенія на самую Византію; въ Швеціи есть по крайней мѣрѣ дюжина руническихъ камней, надписи которыхъ говорятъ о людяхъ, принимавшихъ участіе и частію погибшихъ въ походѣ Ингвара [3]) въ предѣлы Восточной Римской имперіи: это—Игорь русской исторіи, который пытался, но неудачно, завоевать Царьградъ. По толкованію защитниковъ гипотезы о скандинавскомъ происхожденіи, почти всѣ имена варяговъ, приводимыя въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, принадлежатъ скандинавскому или норманскому языку и встрѣчаются въ сагахъ и рунографическихъ памятникахъ сѣверной Европы: несмотря на искаженіе, которому они подверглись въ славянскомъ правописаніи, эти имена почти всѣ легко узнаваемы. Всѣ люди «русскаго племени», упоминаемаго преподобнымъ Несторомъ, были норманны. Наименованія «русскихъ» судовъ, передаваемыя византійскими писателями, также норманскіе термины; «русскія» названія Днѣпровскихъ пороговъ, приводимыя, рядомъ съ славянскими наименованіями, византійскимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, суть, очевидно, скандинавскія слова, хотя сильно искаженныя. Наконецъ, латинскій хронистъ Луитпрандъ, епископъ кремонскій, который два раза посѣтилъ Константинополь, въ качествѣ посланника, положительно утверждаетъ, что народы, которыхъ греки называли руссами. были тѣ же самые, что и норманны западныхъ писателей [4]). Впрочемъ, эта варяжская Русь была очень малочисленна въ сравненіи съ туземными населеніями, среди которыхъ она производила свои воинственные набѣги [5]); черезъ два-три поколѣнія скандинав-

---

[1]) Wottenbach, „Ein Blick auf Schwdens Haupstadt“.

[2]) Rafn, „Rapport des Normands avec l'Orient, Monuments runographiques“.

[3]) Rafn, „Antiquités russes“.

[4]) Rafn, „Rapports des Normands avec l'Orient“.

[5]) Worsaae, „La colonisation de la Russie et du nord Scandinave“.

ское происхожденіе пришедшихъ изъ-за моря варяжскихъ родовъ было забыто: германцы потерялись между славянами. Уже внукъ Рюрика, Святославъ, носитъ чисто-славянское имя [1]).

Какова бы, впрочемъ, ни была доля вліянія сѣверныхъ варяговъ на населенія восточной славянской земли, возраженія противъ теоріи чисто - скандинавскаго происхожденія имени Руси или Россіи не замедлили явиться и, становясь все болѣе и болѣе многочисленными, они представляются теперь уже съ большимъ авторитетомъ. Географическія имена, гдѣ виденъ корень рус или рос, встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ, въ особенности въ Померанія и на островѣ Рюгенѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, на берегахъ Днѣпра; такъ, между прочимъ, Рос есть литовское имя рѣки Нѣманъ,—откуда произошло наименованіе «порусы», то-есть «жители по берегамъ Руса», данное пруссамъ, нынѣшнимъ пруссакамъ. Вѣроятно, этотъ вопросъ о происхожденіи всегда останется темнымъ; однако, не безполезно будетъ припомнить, что Кіевскій край, который былъ въ то время Россіей по преимуществу, имѣлъ свою собственную легенду о трехъ братьяхъ, основателяхъ Кіева (Кій, Щекъ и Хоривъ), и что эта легенда связана съ преданіями дунайскими, а не балтійскими. Уже въ 864 году князья кіевскіе предпринимали походъ на Константинополь, и описаніе этой экспедиціи у древнихъ лѣтописцевъ мало согласуется съ теоріей, по которой «руссы» были недавніе пришельцы въ странѣ. Патріархъ Фотій говоритъ о руссахъ какъ о націи сильной и побѣдоносной, хорошо знакомой византійцамъ. Наконецъ, по свидѣтельству арабскихъ писателей конца девятаго и начала десятаго столѣтій [2]), современные имъ руссы были народъ славянскій, дѣлившійся на три группы: группу куябовъ или куявовъ (Кіевъ), группу славянъ новгородскихъ и группу Арцаніи, подъ которой, какъ полагаютъ, нужно понимать или жителей Рязанской области на Окѣ, или населеніе Ростова, въ нынѣшней Ярославской губерніи. Соединяя всѣ свидѣтельства, доставляемыя писателями византійскими, арабскими и еврейскими [3]), а также раскопками могильныхъ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи [4]), должно признать, что по крайней мѣрѣ съ конца девятаго столѣтія существовала въ бассейнѣ Днѣпра русская нація довольно сплоченная, имѣвшая нѣкоторую промышленность и даже письмена.

Пока сообщенія были еще очень затруднительны въ равнинахъ восточной Европы и пока населеніе, вообще немногочисленное, было останавливаемо со всѣхъ сторонъ дремучими лѣсами и обширными болотами, образованіе сильной славянской народности было, очевидно, невозможно. На этомъ огромномъ пространствѣ, которое простирается отъ Уральскаго хребта до горъ Богеміи и Иллиріи, центры независимой жизни могли образоваться въ тысячѣ разныхъ мѣстъ, могли различно группироваться и оказывать вліяніе другъ на друга, между тѣмъ какъ враждебные иноплеменные народы, проникая черезъ проходы, открытые съ востока и съ запада, безпрестанно разстраивали неокрѣпнувшее равновѣсіе всѣхъ этихъ славянскихъ государствъ съ измѣнчивыми границами. На западѣ угры или венгры, защищенные естественной твердыней, образуемой полукругомъ Карпатовъ, пробивали цѣпь славянъ съ западной, южной и восточной сторонъ, тогда какъ нѣмцы съ одиннадцатаго вѣка прочно утвердились на берегахъ Балтійскаго моря и, оттѣснивъ славянъ и литовцевъ внутрь страны, преградили имъ доступъ къ морю. На востокѣ, азіатскія орды, пришедшія изъ прикаспійскихъ степей и слѣдовавшія за своими стадами изъ долины въ долину, то и дѣло перемѣщали границы государствъ. Впрочемъ, та естественная связь, которая въ большой странѣ соединяетъ во-едино всѣхъ людей одного и того же языка и одинаковыхъ нравовъ, не могла еще сплотить въ одну націю разсѣянныхъ по огромному пространству жителей восточно-славянскаго міра: отечество вездѣ было ограничено тѣсными предѣлами группы, которую соединяли только общая опасность, да непосредственные интересы борьбы за существованіе.

По своему громадному протяженію, равно какъ по расположенію своихъ скатовъ, наклоненныхъ къ противоположнымъ морямъ, къ Бѣлому и Черному, къ Балтійскому и Японскому, Россія, казалось бы, должна была естественно раздѣлиться между многочисленными группами самостоятельныхъ населеній; но однообразіе ея рельефа, взаимное проникновеніе и сплетеніе ея рѣчныхъ бассейновъ облегчали завоеванія и централизаціонное движеніе. Какъ только какая-либо власть утверждалась въ томъ или другомъ пунктѣ обширныхъ сарматскихъ равнинъ, она тотчасъ же обнаруживала стремленіе присвоить себѣ и всю остальную территорію. Но изъ всѣхъ большихъ государствъ, основавшихся на нынѣшней территоріи Россійской имперіи, гдѣ съ девятаго столѣтія властвовали князья изъ династіи, именуемой Рюриковичами, которое же именно должно было взять верхъ надъ другими?

---

[1]) Alfred Rambaud, „Histoire de la Russie".

[2]) Д. А. Хвольсонъ, „Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссихъ", по Ибнъ-Даста";—А. Я. Гаркави, „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ" (Спб., 1870) и пр.

[3]) Хвольсонъ, „Сообщеніе на археологическомъ съѣздѣ въ Казани";— Alfred Rambaud, „Revue scientifique", 1879, № 44.

[4]) Самоквасовъ, „Древняя и Новая Россія", 1876 г., №№ 3 и 4.

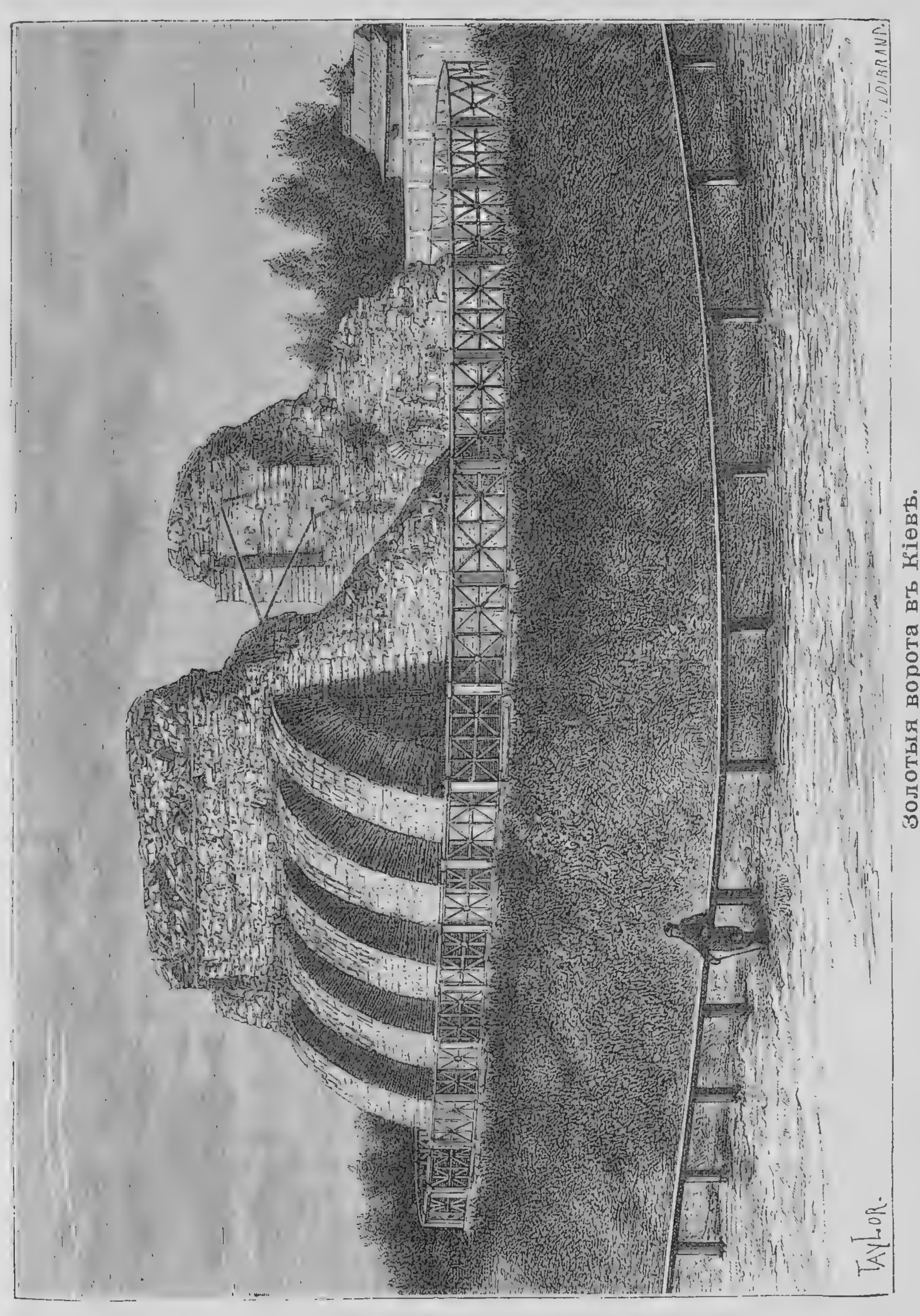
Среди всѣхъ славянскихъ племенъ, изъ которыхъ, по сказанію первыхъ лѣтописей, каждое имѣло свои собственные обычаи и свои учрежденія [1]), три мѣстные центра образуются въ самомъ началѣ: Новгородъ—въ землѣ волховскихъ славянъ; Полоцкъ, городъ кривичей-полочанъ на Западной Двинѣ; и Кіевъ, городъ полянъ или «жителей полей», въ бассейнѣ Днѣпра. Изъ всѣхъ областей, занятыхъ восточными славянами, наиболѣе благопріятствуемая природой и, вслѣдствіе этого, казалось бы, долженствовавшая пріобрѣсти и удержать за собою политическое преобладаніе;—была земля Кіевская. Большая рѣка, судоходная несмотря на ея пороги, протекаетъ черезъ эту страну и открываетъ, черезъ Черное море, путь къ Константинополю и къ Средиземному морю. Почва въ этой части Россіи одна изъ самыхъ плодородныхъ въ свѣтѣ; климатъ болѣе теплый и умѣренный, чѣмъ климатъ другихъ восточно-европейскихъ равнинъ. Слѣдовательно, казалось вполнѣ естественнымъ, что славянское населеніе должно было сгруппироваться преимущественно въ бассейнѣ Днѣпра, на тучныхъ черноземныхъ земляхъ, которыя производятъ въ изобиліи пшеницу; центръ политическаго могущества долженъ былъ находиться тамъ, куда устремлялась масса жителей и гдѣ сосредоточивались богатства. И дѣйствительно, Кіевъ, въ которомъ сохранились древнѣйшіе историческіе памятники Россіи, между прочимъ «Золотыя Ворота» (впрочемъ, по Лежеру—это и не ворота, и не золотыя), былъ въ одиннадцатомъ столѣтіи самымъ богатымъ и самымъ большимъ городомъ восточной Европы послѣ Константинополя и поднялся на степень «матери городовъ» въ измѣнчивой конфедераціи, обнимавшей малороссовъ и великороссовъ; но именно эти южныя области, представлявшія большія преимущества въ сравненіи съ сѣверными землями, всего болѣе и чаще подвергались нападенію вражескихъ народовъ, аваровъ, хозаръ или казаръ, мадьяръ, печенѣговъ, кумановъ, турокъ, монголовъ, которые вторгались въ ихъ предѣлы или для того, чтобы самимъ тамъ поселиться, или для того, чтобы открыть себѣ проходъ въ западныя страны. Въ то время, какъ на сѣверъ отъ Днѣпра русскіе поселенцы могли безпрепятственно вырубать просѣки въ лѣсахъ и встрѣчали передъ собой лишь племена безобидныхъ дикарей, на югѣ они могли подвигаться впередъ не иначе, какъ съ копьемъ въ рукѣ, и сколько неудачъ, сколько тяжелыхъ ударовъ пришлось имъ перенести! Сколько селъ и деревень выжженныхъ, сколько стадъ угнанныхъ непріятелями! Сколько цѣлыхъ населеній, уведенныхъ въ неволю! Русская колонизація съ этой стороны распространялась медленно, подъ защитою передовыхъ постовъ казаковъ. Число жителей всего болѣе возрастало въ направленіи къ сѣверу и сѣверо-востоку, а вмѣстѣ съ тѣмъ туда же перемѣщалось и средоточіе могущества.

Около конца двѣнадцатаго столѣтія два новые центра, лежащіе внѣ Днѣпровскаго бассейна, начинаютъ проявлять свою притягательную силу: на западѣ Владиміръ Волынскій,—столица Володимиріи или Волыни,—который вскорѣ былъ смѣненъ Галичемъ, главнымъ городомъ Галицкаго княжества; на востокѣ Суздаль, которому наслѣдовалъ его сосѣдъ Владиміръ Залѣсскій, политическій предшественникъ Москвы. Галиція, или Червонная Русь, съ одной стороны, Суздальское княжество, съ другой, старались постоянно увеличиваться и сближаться на счетъ Кіева, когда нашествіе монголовъ, которые сами овладѣли берегами Днѣпра, положило конецъ этому соперничеству. Галиція, однако, пыталась сохранить свою независимость борьбой противъ татаръ; но, принужденная постоянно обороняться отъ нападеній своихъ сосѣдей: поляковъ, литовцевъ, мадьяръ, она погубила себя въ своихъ обширныхъ воинственныхъ предпріятіяхъ и кончила тѣмъ, что въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія подпала подъ владычество Польши. Менѣе проникнутые рыцарскимъ духомъ, князья владимірскіе и московскіе стараются снискать себѣ благоволеніе татарскихъ завоевателей, управляютъ отъ ихъ имени, ѣздятъ съ дарами въ Орду за полученіемъ ханскаго утвержденія, чтобы обезпечить за собою обладаніе всей сѣверо-восточной Русью. Но въ то время, какъ князья московскіе все болѣе и болѣе усиливаются и увеличиваютъ свое военное могущество, вольныя вѣчевыя общины или республиканскіе города сѣверо-западной Руси, Псковъ и въ особенности Новгородъ, являются, въ періодъ съ тринадцатаго до начала шестнадцатаго столѣтія, представителями національной цивилизаціи и національныхъ преданій страны, которая получила въ то время названіе Великой Руси и сдѣлалась владѣніемъ единодержавнаго царя [1]). «Великій Новгородъ» былъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ восточной Россіей и даже съ Азіей; озеромъ Ильмень, рѣкою Ловатью и волоками онъ сообщался съ бассейнами Волги, Днѣстра, Днѣпра, а рѣкою Волховомъ и Ладожскимъ озеромъ—съ Финскимъ заливомъ; такимъ образомъ онъ въ одно и то же время господствовалъ надъ путями къ Черному и Балтійскому морямъ. Область его торговли и колонизаціи простиралась отъ лапландскихъ береговъ до Уральскихъ горъ. Но, занимая мѣстоположеніе благопріятное для обороны, безопасный отъ внезапнаго непріятельскаго нападенія,

[1]) „Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой правъ". (Лѣтопись Нестора). Ред.

[1]) Ѳ. Буслаевъ, „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства". Спб., 1861 г.

благодаря своему удаленію отъ моря, Новгородъ не могъ легко предпринимать наступательной войны: наибольшая часть принадлежавшей ему территоріи была безплодна и почти необитаема,



Золотыя ворота въ Кіевѣ.

вслѣдствіе чего, когда непріятель останавливалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ другихъ областей, городъ терпѣлъ голодъ. Внутреннія смуты, вражда богатыхъ, вліятельныхъ фамилій и соперничество торговыхъ людей раздирали

городъ, и эта борьба партій помогла великимъ князьямъ московскимъ установить въ Новгородѣ свою власть въ той же силѣ, какъ и вокругъ ихъ Кремля.

Только послѣ упадка Кіевскаго и Галицкаго княжествъ, Бѣлая Русь вышла изъ своего уединеннаго положенія, какъ центръ новаго славянскаго государства, подъ предводительствомъ литовскихъ князей, родственниковъ и наслѣд-

никовъ русской полоцкой династіи. Начиная съ половины тринадцатаго и особенно въ четырнадцатомъ столѣтіи литовскіе князья овладѣваютъ всей Бѣлой Русью, затѣмъ Волынью, Подоліей, Кіевской, Черниговской и Сѣверской областями, то силой, то съ согласія городовъ или посредствомъ благоразумно заключенныхъ брачныхъ союзовъ; съ этого времени государи Литвы носятъ титулъ великихъ князей литовскихъ и «русскихъ». По замѣчательному совпаденію, польскій король, послѣ завоеванія Галиціи, также принимаетъ названіе государя русскаго, тогда какъ московскій великій князь, какъ бы для того, чтобы энергически требовать обратно земель, которыя ускользаютъ изъ-подъ власти его династіи, титулуется «государемъ всея Россіи»; но въ началѣ онъ избѣгаетъ употреблять въ своихъ сношеніяхъ съ великими князьями литовскими этотъ титулъ, который только Іоанну III удалось заставить признать оффиціально, трактатомъ 1503 года. Въ четырнадцатомъ столѣтіи и до конца пятнадцатаго Литва была слишкомъ могущественна, чтобы великій князь московскій могъ не бояться оспаривать ея притязаній. Она присоединила къ себѣ весь бассейнъ Днѣпра и владѣла даже частью бассейна Оки, гдѣ рѣка Угра составляла, въ 140 верстахъ къ юго-западу отъ Москвы, границу ея владѣній. Татары отступили къ востоку въ началѣ пятнадцатаго столѣтія; степи, простирающіяся между Днѣпромъ и Днѣстромъ, открылись для колонизаціи, и прибрежные жители могли безпрепятственно отправлять свой хлѣбъ въ Константинополь черезъ маленькій черноморскій портъ Хаджи-Бей, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Одесса. Князья тверскіе, рязанскіе, даже Новгородъ Великій обращаются къ Литвѣ за союзомъ и помощью, изъ опасенія московскихъ властителей, и послѣдніе чувствуютъ, что ихъ могуществу грозитъ опасность. Литва, распространившая свое владычество на всѣ западныя области, становится въ полномъ смыслѣ западной Россіей, государствомъ русскимъ и европейскимъ въ одно и то же время; впрочемъ, имя, данное ихъ княжеству, примѣнялось лишь къ незначительной части литовскихъ владѣній; никогда законы страны не были составляемы на литовскомъ языкѣ; почти всѣ они написаны на русскомъ языкѣ, преимущественно на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Но одно важное событіе остановило нормальное развитіе Литвы: это ея политическая унія съ Польшей. Короли этой послѣдней страны, владѣвшіе въ то же время Галиціей или Червонной Русью, хотѣли оправдать на дѣлѣ принятый ими титулъ «русскихъ государей». Въ 1386 году польская королева Ядвига вступила въ бракъ съ великимъ княземъ литовскимъ Ягелло, который по этому случаю долженъ былъ принять римско-католическую вѣру. Въ началѣ чисто-личная, эта унія сдѣлалась съ теченіемъ времени политическимъ соединеніемъ двухъ государствъ, несмотря на протесты литовцевъ и бѣлоруссовъ, которые, чтобы сохранить независимость своего отечества, грозили даже присоединиться къ Москвѣ. Поддерживаемые мелкопомѣстнымъ дворянствомъ (шляхтой) юго-западныхъ областей, которое завидовало привилегіямъ крупныхъ литовскихъ вассаловъ или магнатовъ и стремилось къ пріобрѣтенію равныхъ правъ съ польскими дворянами, короли въ концѣ концовъ присоединили юго-западную Русь (Волынь и Кіевскую землю) непосредственно къ Польшѣ, и въ 1569 году послѣдовало окончательное соединеніе остальной Литвы съ Польскимъ королевствомъ. Внутренніе раздоры, бывшіе слѣдствіемъ этого недобровольнаго соединенія,—такова была причина слабости этого двойнаго государства, которое, повидимому, должно было, благодаря своему громадному протяженію, получить окончательную гегемонію, какъ славянская держава. Находясь ближе къ Европѣ въ собственномъ смыслѣ, пользуясь болѣе высокой степенью цивилизаціи и гражданственности, чѣмъ славянскія населенія Востока, располагая матеріальными рессурсами болѣе значительными, польско-литовское государство имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ и то преимущество, что оно занимало область, гдѣ проходитъ историческій путь между морями Чернымъ и Балтійскимъ. Оно владѣло той драгоцѣнной низменностью, которая дѣлитъ континентъ на двѣ половины, и гдѣ переплетаются истоки Вислы и ея притоковъ съ истоками Днѣстра и Днѣпра. Такое географическое положеніе, казалось, обезпечивало Польшѣ и Литвѣ первенствующую роль между славянскими націями; но элементы польско-литовско-русской конфедераціи слишкомъ разнились между собою, усилія польскихъ королей, направленныя къ утвержденію безусловнаго господства, проявлялись через-чуръ крутыми мѣрами и притѣсненіями, а процессъ естественной ассимиляціи былъ относительно слишкомъ слабъ и медленъ: вотъ почему политическая унія, установленная на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, и религіозная унія (соединеніе греко-россійской церкви съ римско-католической), провозглашенная на Брестскомъ соборѣ 1595 г., вызвали столкновеніе между элементами русскимъ и польскимъ. По римско-католической религіи, Польша примкнула къ западно-европейскому міру; по греко-восточной или православной вѣрѣ, введенной изъ Византіи, Россія составляла отдѣльный міръ: различіе вѣроисповѣданій и обрядностей, влекущее за собой различіе нравовъ, гражданственности, политики, союзовъ, начертало на востокѣ отъ Польши границу, черезъ которую она не могла перейти. Когда ко всѣмъ этимъ причинамъ внутреннихъ несогласій присоединились возмущенія и войны казаковъ и

русскихъ крестьянъ противъ ополячившихся дворянъ, участь Польши сдѣлалась неизбѣжной. При томъ даже съ географической точки зрѣнія это государство никогда не могло прочно сформироваться и укрѣпиться. Тѣснимые нѣмцами балтійскаго прибрежья, поляки могли лишь временно утвердиться на морскихъ берегахъ, которые, повидимому, должны были имъ принадлежать; а магометанское завоеваніе лишило ихъ береговъ Чернаго моря. Такимъ образомъ, обладая наибольшей частью территоріи, соединяющей западную Европу съ туловищемъ Стараго Свѣта, и которая уже во времена, предшествовавшія писаной исторіи, представляла столь важное значеніе для торговыхъ сношеній, поляки и литовцы не имѣли того, что именно и придаетъ цѣну этому великому пути народовъ, то-есть легко доступныхъ выходовъ въ два противоположныхъ моря, изъ которыхъ одно сообщается со Средиземнымъ моремъ, а другое съ Атлантическимъ океаномъ.

Въ то время, какъ Польша ослабѣла отъ войнъ и внутреннихъ раздоровъ, Москва, жившая въ дружбѣ съ южными мусульманами въ пятнадцатомъ столѣтіи, возрастала въ силѣ и могуществѣ. Тамъ былъ центръ, къ которому тяготѣло и вокругъ котораго собиралось великое славянское государство. Посредствомъ Волги и ея притоковъ, черезъ волоки и рѣки сѣвера и запада, государи московскіе могли постепенно распространять свою власть до самыхъ краинъ необъятной равнины, и единодержавіе утверждалось безъ труда. Когда предѣлы московскаго царства раздвинулись до четырехъ морей, омывающихъ его земли съ сѣверной и съ западной, съ южной и юго-восточной сторонъ, современная Россія была основана, и восточно-славянскіе народы выступаютъ на сцену исторіи соединенными въ одно государство.

Извѣстно, какими изумительно быстрыми шагами шло, въ теченіе этихъ послѣднихъ столѣтій, территоріальное возрастаніе русской имперіи. Нынѣшняя Россія обнимаетъ территорію, по малой мѣрѣ вдесятеро превосходящую протяженіемъ то государство, которое установилось послѣ пораженія татаръ и окончательнаго сверженія монгольскаго ига, и площадь котораго исчисляется приблизительно около 2 милліоновъ квадр. килом. (37.000 кв. мил.)[1]. Громадное пространство земель, пріобрѣтенныхъ съ того времени, измѣряется градусами долготы и широты, и пока еще можно только приблизительно опредѣлить поверхность его въ квадратныхъ миляхъ или верстахъ. Въ 1872 году геодезисты окончили большую международную тріангуляцію, которая была предпринята съ цѣлью измѣрить дугу параллели, заключающуюся между островомъ Валенція, на западномъ берегу Ирландіи, и городомъ Орскомъ, въ Оренбургской губерніи. Эта дуга длиною въ 5.335 километровъ, обнимающая 69 градусовъ долготы, то-есть около одной пятой всей окружности земнаго шара, пересѣкаетъ русскую территорію на протяженіи 40 градусовъ; но измѣренія, которыя теперь продолжаются черезъ всю Сибирь до Великаго океана и до полуострова Камчатки, прибавляютъ еще къ этой дугѣ линію въ 100 градусовъ, проходящую почти вездѣ по русской почвѣ или по русскимъ водамъ.

Территоріальное расширеніе Россіи иногда останавливалось на нѣкоторое время, и даже случалось, что громадныя владѣнія имперіи уменьшались въ нѣкоторыхъ частяхъ ея окружности. Такъ, Россія уступила въ 1732 году Персіи Астрабадъ и провинцію Мазандеранъ, которая, впрочемъ, принадлежала ей почти только фиктивно, и послѣ того она не считала нужнымъ брать обратно эту территорію, такъ какъ для ея интересовъ политическое вассальство Персіи выгоднѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе нѣсколькихъ клочковъ земли. Точно также въ 1867 году Россія добровольно ограничила свои предѣлы на дальнемъ востокѣ Беринговымъ проливомъ, уступивъ Соединеннымъ Штатамъ за 40 милліоновъ франковъ[1]) обширную страну Аляску (бывшія Русско-Американскія владѣнія), которая до сихъ поръ не имѣетъ почти никакой цѣны. Наконецъ, по Парижскому мирному трактату, подписанному въ 1856 году, часть Бессарабіи была уступлена румынамъ; но, двадцать два года спустя, Россія получила обратно эту территорію, въ силу Берлинскаго трактата, и, сверхъ того, она обезпечила за собой политическое преобладаніе на обоихъ берегахъ нижняго Дуная и даже по другую сторону Балканскаго хребта. За каждымъ изъ минутныхъ отступленій русской державы слѣдовало энергическое наступательное дѣйствіе, приносившее въ результатѣ приращеніе территоріи и усиленіе вліянія. Со времени восшествія на престолъ Петра Великаго, завоеванія и пріобрѣтенія Россійской имперіи простираются въ общей сложности до 6 милліоновъ квадр. верстъ, то-есть представляютъ поверхность, въ четырнадцать разъ превосходящую пространство Франціи; даже исчисляемое по-дневно, нормальное увеличеніе русскихъ владѣній составляетъ около 80 квадр. верстъ, и именно въ теченіе нынѣшняго столѣтія это движеніе ускорилось[2]).

---

[1]) Обручевъ, „Военно-статистическій Сборникъ“, 1871.

[1]) 7.200.000 долларовъ. Ред.

[2]) Наибольшія земельныя пріобрѣтенія въ XVIII столѣтіи были сдѣланы въ царствованіе Императрицы Екатерины II (всего 12.000 кв. мил.); но по обширности они значительно уступаютъ расширенію русской территоріи въ царствованіе Императора Александра II (съ 19 февраля 1855 г. по 1-го марта 1881 г.) За этотъ періодъ времени Россіею было пріобрѣтено 655.227,7 кв. верстъ=13.542,02 кв. мил., сюда не включены еще завоеванія у текинцевъ. („Земельныя пріобрѣтенія Россіи въ царствованіе Импера-

Россія находится теперь въ періодѣ возрастанія; она растетъ даже помимо воли правительства, такъ сказать, притягательнымъ дѣйствіемъ ея могущества: многочисленные азіатскіе народы, даже государства, тяготѣютъ къ ней и постепенно поступаютъ въ вассальную зависимость, прежде чѣмъ перейти въ полное подданство и окончательно слиться съ имперіей. На западѣ, то-есть со стороны Европы, Россійская имперія граничитъ съ другими имперіями и съ государствами, существованіе которыхъ поддерживается только взаимнымъ соперничествомъ великихъ державъ; но остается еще раздѣлить половину Турціи, и, можетъ быть, даже Австро-Венгрія когда-нибудь принуждена будетъ передвинуться въ пользу своихъ сосѣдей. Какъ бы то ни было, европейская граница Россіи, закрѣпленная двойнымъ кордономъ таможень и крѣпостей, имѣетъ такую же точно опредѣленность, какъ и граница другихъ государствъ континентальной Европы. Въ Азіи, напротивъ, границы ея далеко не такъ опредѣленны; несмотря на временные трактаты, опредѣляющіе границы имперіи такой-то рѣкой или такой-то цѣпью горъ, Россія должна безпрестанно присоединять къ своимъ владѣніямъ новыя территоріи до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ какую-либо группу населеній или какую-либо военную державу, достаточно сильную и представляющую серьезное препятствіе. Промежутокъ, отдѣляющій Сибирь отъ густо населенныхъ равнинъ Китая, еще значителенъ, но онъ уже порядочно съузился вслѣдствіе пріобрѣтенія Восточной Манчжуріи; точно также русскимъ арміямъ Туркестана предстоитъ еще сдѣлать много переходовъ, прежде чѣмъ онѣ достигнутъ ущелій Гинду-Куша; но слабость и дезорганизація промежуточныхъ государствъ ускоряетъ неизбѣжное столкновеніе, и рано или поздно Россія, уже сопредѣльная могущественной Германіи, сдѣлается также сосѣдкой Великобританіи. Вообще можно сказать: между тѣмъ какъ общее движеніе цивилизаціи направляется отъ востока къ западу, исторія Россіи движется въ противоположномъ направленіи, отъ запада къ востоку.

Правда, русская нація еще далеко не успѣла заполнить громадное пространство, присоединенное къ ея имперіи; дѣйствительные предѣлы русской національности еще далеко не совпадаютъ съ территоріальными границами, которыя начертаны на картѣ трактатами и завоеваніями. Безъ сомнѣнія, прежде чѣмъ будутъ заняты всѣ плодородныя земли, всѣ благопріятныя въ торговомъ или промышленномъ отношеніи позиціи, которыя находятся въ имперіи, нація можетъ испытать много перемѣнъ;

тора Александра II». Сост. И. Стрѣльбицкій, Спб., 1881 г.). Въ среднемъ, ежедневное приращеніе территоріи за указанный періодъ составляетъ почти 69 кв. верстъ. Ред.

но, каковы бы ни были превратности національной жизни, различныя группы славянъ останутся элементомъ цивилизующимъ по преимуществу. Хотя, по выраженію Уэллеса, ассимиляціонная сила русской народности не могла еще сравняться съ быстротою и обширностью земельнаго возрастанія государства [1]), тѣмъ не менѣе пространственное движеніе русскихъ въ присоединенной территоріи чрезвычайно велико. Со стороны Европы они не могутъ оттѣснить, ни поглотить финляндцевъ, шведовъ, нѣмцевъ, стоящихъ на одинаковой съ ними или болѣе высокой степени культуры; точно также на востокѣ и юго-востокѣ религія проводитъ демаркаціонныя линіи между господствующимъ народомъ и большинствомъ другихъ жителей страны, татарами, калмыками, курдами, туркменами; однако, и эти населенія азіатскихъ окраинъ и даже самой Азіи именно черезъ русскихъ вступаютъ мало-по-малу въ движеніе современной исторіи, и уже во многихъ частяхъ имперіи можно наблюдать быстрый процессъ обрусѣнія. Но всего болѣе внутреннія переселенія способствуютъ тому, что страна постепенно дѣлается русской до самаго сердца Азіи. Малороссъ колонизовалъ обширныя протяженія,—меньшія, однако, чѣмъ пространства, завоеванныя великорусской колонизацией. Великороссіянина по справедливости можно назвать образцовымъ колонизаторомъ. Привычка къ переселенію у него, такъ сказать, наслѣдственна; предки его уходили въ дремучіе лѣса, а внуки и правнуки ихъ, переходя послѣдовательно отъ просѣки къ просѣкѣ, отъ одной степи къ другой, захватили Сибирь, взобрались по скатамъ Кавказа и Алтая, спустились по теченію Амура до береговъ Тихаго океана. Даже внѣ предѣловъ русской имперіи существуютъ колоніи великоруссовъ, которыя путешественники открываютъ съ удивленіемъ затерянными посреди чуждыхъ народностей. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что, вообще говоря, русскаго крестьянина ничто особенно не привязываетъ къ мѣсту его рожденія, ничто не можетъ вызвать въ немъ сожалѣнія о покинутой почвѣ. Въ какую бы сторону онъ ни направилъ свой путь, онъ можетъ идти впередъ цѣлые дни и недѣли—и вездѣ встрѣтитъ ту же однообразную равнину, вездѣ опять найдетъ свою родину. Почва, растенія едва измѣнились; то же небо освѣщаетъ его, тѣ же вѣтры наклоняютъ кругомъ него лѣсныя деревья. Въ нѣсколько дней онъ можетъ выстроить точно такую же избу, какую оставилъ дома; новая земля, которую онъ распахиваетъ, дастъ ему тѣ же урожаи, да еще можетъ статься, ему посчастливится пользоваться ею болѣе вольготно [2]). Но даже

[1]) Mackensie Wallace, „Russia“.
[2]) Alfred Rambaud, „Histoire de la Russie“.

и тамъ, гдѣ все разнится отъ его родныхъ мѣстъ—климатъ, почва, растительность, онъ умѣетъ въ совершенствѣ приспособиться къ новой средѣ; онъ умѣетъ перенимать нравы и обычаи тѣхъ, съ кѣмъ столкнетъ его судьба: «очухонивается» съ карелами и дѣлается якутомъ среди якутовъ.

Имперія Россійская слишкомъ обширна, города ея слишкомъ малочисленны и слишкомъ разсѣяны, населеніе ея слишкомъ рѣдко, чтобы внѣшній врагъ могъ нанести ударъ въ сердце націи военной операціей: грозное французское нашествіе 1812 года, окончившееся катастрофой почти безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи, доказало, какъ велика сила сопротивленія Россіи вслѣдствіе одного только огромнаго протяженія ея территоріи. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что имперія не имѣетъ центра; даже Москва не составляетъ центральнаго пункта. Безъ сомнѣнія, граница имѣетъ чувствительныя точки, особенно въ Польшѣ, гдѣ непріятель могъ бы нанести наиболѣе тяжкія раны; но далѣе, въ этомъ обширномъ восточномъ мірѣ, гдѣ нанести смертельный ударъ? Славянскій міръ защищенъ отъ всякаго внѣшняго нападенія своей необъятностью.

Несмотря, однако, на свою громадность, Россія представляетъ менѣе выгодъ въ отношеніи легкости морскихъ сообщеній, чѣмъ маленькія государства, какъ, напримѣръ, Данія или Голландія. Обладая неизмѣримыми пространствами суши, располагая даже огромнымъ протяженіемъ морскихъ береговъ,—протяженіемъ по меньшей мѣрѣ равнымъ половинѣ окружности земнаго шара, она не имѣетъ свободныхъ выходовъ къ океану. Петръ Великій, который хотѣлъ во что бы ни стало сдѣлать Россію морской державой, хотя и основалъ свою столицу при Финскомъ заливѣ и построилъ Таганрогъ на берегу Азовскаго моря, имѣлъ тѣмъ не менѣе въ своемъ распоряженіи только замкнутые морскіе бассейны. Архангельскій портъ блокируется льдами въ продолженіе большей части года, а суда, которыя пользуются имъ, принуждены совершать плаваніе вокругъ всей Скандинавіи, прежде чѣмъ войти въ посѣщаемыя моря. Петербургъ и другіе порты русской Балтики также бываютъ заперты зимой; кромѣ того, выходъ изъ этого внутренняго моря охраняется крѣпостями, принадлежащими иностраннымъ государствамъ. Хотя Азовское море и Понтъ-Эвксинскій остаются почти круглый годъ открытыми для навигаціи, но ихъ выходной проливъ также замкнутъ двойными воротами, ключи отъ которыхъ въ рукахъ Константинополя. Въ Азіи берега Ледовитаго океана до такой степени трудно доступны судамъ, что они еще не были обслѣдованы на всемъ ихъ протяженіи. Порты Камчатки и Николаевскъ на Амурѣ могутъ служить только въ лѣтнее время, да при томъ они окружены обширными пустынями. Только въ недавнее время Россія обезпечила за собой на Японскомъ морѣ обладаніе портомъ, который открываетъ ей свободный доступъ къ океанскимъ путямъ. Но и этотъ портъ, Владивостокъ, благодаря которому русскіе ступили, наконецъ, твердой ногой на океанъ, бываетъ загражденъ льдами въ серединѣ зимы, и притомъ онъ еще не соединенъ удобными путями сообщенія съ многолюдными областями Россіи. Между двумя крайними портами, Кронштадтомъ и Владивостокомъ, разстояніе не менѣе семи тысячъ верстъ по прямой линіи [1]).

Такимъ образомъ, какъ государство, обладающее лишь замкнутыми морскими бассейнами и морями, загражденными льдомъ, Россія все еще остается, такъ сказать, запертой. Конечно, для населенія ея въ этомъ не было бы большой бѣды, если бы торговыя сношенія всегда могли производиться безпрепятственно по морямъ, прилегающимъ къ иностраннымъ государствамъ; но во время войны народы часто страдаютъ за свои правительства, и если проливы заперты для военныхъ кораблей русскаго флота, то они могутъ быть также заперты и для купеческихъ судовъ. Вотъ почему, пока Европа будетъ раздѣлена на военныя государства, совершенно естественно, что Россія дѣлаетъ усилія завоевать себѣ свободныя сообщенія съ моремъ, и что ея арміи изъ вѣка въ вѣкъ возобновляютъ походъ Игоря, чтобы овладѣть «городомъ цезарей», или Царьградомъ, прекраснымъ Константинополемъ, стоящимъ у воротъ Чернаго моря.

Къ этой причинѣ непрекращающагося соперничества и будущихъ войнъ присоединяется еще другая, не менѣе серьезная. Если Россія давно уже перешла за свои этнографическія границы со стороны Востока, то она полагаетъ, что еще не достигла этихъ границъ на Западѣ. За ея предѣлами съ западной стороны живутъ милліоны славянъ, и между ними есть даже такіе, именно русины, которыхъ имя тождественно съ именемъ русскихъ по своей этимологіи и которые принадлежатъ къ семьѣ малороссіянъ, давно уже живущихъ подъ владычествомъ всероссійскаго царя. Какъ бы ни были крѣпки узы дружбы между государями, какъ бы ни были торжественны трактаты о союзѣ, весьма естественно, что племенныя симпатіи зарождаются и развиваются съ каждой стороны оффиціальныхъ границъ, и политика можетъ воспользоваться для своихъ видовъ этими симпатіями, чтобы направлять по своему желанію общественное мнѣніе, чтобы возбуждать соперничество и войны. Сколько крови было уже пролито изъ-за «братьевъ-славянъ» и сколько ея еще будетъ пролито въ грядущемъ! Мы говоримъ: будетъ пролито, потому

[1]) Теперь Россіей пріобрѣтены Портъ-Артуръ и Таліенванъ, въ Печилійск. заливѣ. Ред.

что перемѣны въ политической географіи не дѣлаются еще по свободной волѣ народовъ, и, чтобы перемѣстить границы, государства всегда вмѣшиваются со своими арміями и флотами. При томъ же большинство русскихъ «панславистовъ» представляло себѣ до сихъ поръ соединеніе славянскихъ народовъ Европы не въ условіяхъ полной равноправности и свободы: большинство ихъ хотѣло, чтобы гегемонія или главенство принадлежало «Святой Руси», представляемой русской народностью, ея церковью и ея политическими учрежденіями; но какимъ образомъ могъ бы состояться подобный союзъ безъ того, чтобы не поставить въ подчиненное положеніе слабыхъ, чтобы не приготовить потомкамъ какого-нибудь великаго потрясенія и переворота? Россія—въ одно и то же время и государство новое, работающее на поприщѣ сельскаго хозяйства и индустріи для промышленнаго завоеванія половины континента, и имперія устарѣлая, стремящаяся оцѣпенѣть въ монгольскихъ и византійскихъ традиціяхъ. «Это—страна и старая, и новая (говоритъ публицистъ Леруа-Болье), азіатская монархія и европейская колонія; это—двуликій Янусъ, западный—по своему молодому, восточный—по своему старческому лицу» [1]).

Впрочемъ, каковы бы ни были перемѣны, могущія современемъ произойти въ обширномъ русскомъ мірѣ, во всякомъ случаѣ славяне предназначены самымъ положеніемъ своимъ, съ географической точки зрѣнія, играть одну изъ главныхъ ролей въ исторіи ближайшаго будущаго. Германія въ значительной мѣрѣ обязана своимъ важнымъ значеніемъ тому географическому положенію, которое она занимаетъ въ центрѣ Европы; но развѣ Россія не занимаетъ, въ центрѣ Стараго Свѣта, подобнаго же положенія и при томъ стратегически болѣе вѣрнаго и прочнаго? развѣ она не служитъ естественнымъ посредникомъ между западной Европой и Китайской имперіей, между этими двумя группами народовъ, которыя похожи другъ на друга своимъ постепеннымъ историческимъ развитіемъ и которыя представляютъ въ то же время столь многочисленные контрасты? Наконецъ, Россія, держава континентальная по преимуществу, не встрѣчаетъ ли вездѣ на своемъ пути, отъ Константинополя до Тянь-Цзина, великой морской державы? Своими флотами, своими военными станціями и постами, своими факторіями и колоніями Англія опоясываетъ весь Старый Свѣтъ, отъ Ирландіи до Сингапура, черезъ африканскій континентъ, и если она не составляетъ, какъ Россія, географическаго цѣлаго и не имѣетъ въ своей громадной имперіи крѣпкаго, сплоченнаго ядра населенія, въ которому естественно тяготѣютъ остальные жители, то, взамѣнъ того, у нея есть достаточно богатствъ и промышленности, она обладаетъ достаточной предпріимчивостью, энергіей и настойчивостью и господствуетъ достаточно твердо надъ подвластными народами, чтобы ее можно было считать по крайней мѣрѣ равною Россіи во всякой борьбѣ изъ-за вліяній или въ открытой войнѣ. Между этими двумя имперіями, которыя все болѣе и болѣе приближаются одна къ другой, и которыхъ «научныя» границы, безъ сомнѣнія, скоро сойдутся,—столкновеніе, повидимому, неизбѣжно. Судьбы міра могутъ въ близкомъ будущемъ рѣшиться у подножія горъ Центральной Азіи,—въ тѣхъ самыхъ странахъ, откуда многочисленныя преданія выводятъ родъ человѣческій, и гдѣ арійцы ищутъ первоначальную родину своихъ предковъ.

[1]) Anatole Leroy-Beaulieu, „L'Empire des Tsars".

II. Финляндія.

Великое княжество Финляндское, хотя и составляетъ часть обширныхъ территоріальныхъ владѣній Россійской Имперіи, но имѣетъ особенное устройство и управленіе, и потому образуетъ какъ-бы отдѣльное государство. Эта область также представляетъ, по крайней мѣрѣ въ южной своей половинѣ, страну, опредѣленно очерченную естественными границами и отличающуюся нѣкоторыми особенными физическими чертами. Заливы Ботническій и Финскій и Ладожское озеро окружаютъ ее съ западной, южной и юго-восточной стороны, тогда какъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ финляндская территорія, именно губернія Улеаборгская, продолжающаяся далеко къ Ледовитому океану, отдѣлена отъ Швеціи, Норвегіи и собственно Россіи только теченіемъ рѣкъ, или чисто-условными пограничными линіями. По своему населенію Финляндія—единственная, вмѣстѣ съ Венгріей, страна въ Европѣ, сохранившая донынѣ имя народа, непринадлежащаго къ арійской семьѣ,—тоже рѣзко отличается отъ всѣхъ сопредѣльныхъ или сосѣднихъ земель. Часть морскаго прибрежья населяютъ шведы, потомки древнихъ колонистовъ и завоевателей, но остальная территорія занята финнами, между которыми находятся, можетъ быть, самые чистокровные представители расы, которая нѣкогда господствовала на значительномъ протяженіи Стараго Свѣта. Оттѣсненное въ эту страну дикихъ гранитныхъ утесовъ, озеръ и болотъ, ограниченную съ южной стороны Финскимъ заливомъ, древнее племя имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи лишь весьма незначительную часть первоначальной области своего распространенія и давно уже утратило свою независимость. Сначала край подпалъ подъ владычество скандинавовъ, потомъ перешелъ подъ власть Россіи: уже Петръ Великій завоевалъ у шведовъ нынѣшнюю Выборгскую губернію, къ

которой впослѣдствіи прибавились другіе куски страны, а въ 1809 году, по Фридрихсгамскому миру, вся остальная часть Финляндіи до рѣки Торнео была присоединена къ имперіи, хотя подъ титуломъ великаго княжества, съ особенными законами и учрежденіями и со включеніемъ въ ея составъ предшествовавшихъ завоеваній Россіи. Финляндцы не утратили сознанія своей національной индивидуальности: они заботливо хранятъ свои преданія и свой языкъ, приготовляясь съ довѣріемъ къ будущему, въ которомъ имъ, можетъ быть, суждено играть болѣе видную роль, чѣмъ нынѣ. Но, живя на своей скупой, безплодной почвѣ, въ суровомъ сѣверномъ климатѣ, финляндцы не могутъ имѣть надежды сдѣлаться когда-либо народомъ сильнымъ численностью, промышленностью, богатствомъ: пространство, которое они занимаютъ, пропорціонально, въ двѣнадцать разъ менѣе населено, чѣмъ Франція, и въ три раза менѣе, чѣмъ Европейская Россія въ собственномъ смыслѣ.

Пространство Финляндіи: 373.604 кв. килом. (въ томъ числѣ 41.660 кв. килом. внутреннихъ водъ); населеніе въ 1897 г.: 2.527.801 жит.; населеніе на 1 кв. километръ: 7.

Финляндія, или Suomen-maa, то-есть «Земля озеръ», по своей природѣ и виду мѣстности, представляетъ переходную страну между Скандинавскимъ полуостровомъ и Россіей. Мы находимъ въ ней, какъ и въ Швеціи, гранитныя скалы, каменистые бассейны, наполненные прозрачной водой, безчисленныя морены, оставленныя древними ледниками на поляхъ; но она не имѣетъ гористой области, которая походила бы на плоскогорье Кьеленъ, и на ея территоріи уже начинаются большія равнины, которыя тянутся чрезъ всю Россію, съ одной стороны до подошвы Уральскаго хребта, съ другой—до основанія Кавказскихъ горъ. Въ землѣ финляндскихъ лопарей уединенные, покрытые снѣгомъ массивы возвышаются среди лѣсовъ, озеръ и болотъ; но ни въ одной части южной Финляндіи мы не встрѣчаемъ вершинъ, которыя можно бы было назвать настоящими горами: самые высокіе холмы представляютъ изъ себя простыя горбы или бугры, очевидно, притупленные пребываніемъ и проходомъ древнихъ ледниковъ. Водораздѣльныя возвышенности, раздѣляющія покатости Ботническаго и Финскаго заливовъ, Ладожскаго озера и Бѣлаго моря, достигаютъ, въ среднемъ, высоты отъ 150 до 200 метровъ. На югѣ финляндской Лапландіи, самая высокая вершина—гора Тейри-харью, лежащая въ бассейнѣ рѣки Улеа, къ сѣверо-востоку отъ большаго озера того же имени. Къ массиву, часть котораго составляетъ этотъ холмъ, примыкаютъ небольшія неправильныя цѣпи, носящія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собирательныя наименованія; таковы: Манселька или «Хребетъ страны», который отдѣляетъ бассейнъ Ботническаго залива отъ бассейна Бѣлаго моря, и Суоменъ-Сельке, или «Хребетъ Финляндіи», который тянется на юго-западъ отъ озера Улеа, параллельно берегамъ Балтійскаго моря, но въ разстояніи, среднимъ числомъ, около ста верстъ внутри страны. Юго-западный уголъ Финляндіи, который продолжается въ морѣ архипелагомъ Аландскихъ острововъ, представляетъ область неровную, почти гористую. Въ цѣломъ всѣ эти гранитныя горныя цѣпи могутъ быть разсматриваемы какъ плоская возвышенность, хребетъ которой, лежащій ближе къ Ботническому заливу, чѣмъ къ внутренней Финляндіи и къ Ладожскому озеру, оканчивается довольно круто на берегахъ Финскаго залива.

Главныя высоты Финляндіи: Въ Лапландіи: Гальдефьель—1.258 метр.; Палластунтури—858 м.; Пельдоаиви—666 м.; Унастунтури—644 м.

Въ центральной Финляндіи (по Гюльдену): Саукко-ваара — 650 м.; Йивакра — 585 м.; Тейри-харью—335 м.; Кивесъ-ваара—305 м.

Холмы южной Финляндіи въ прежнее время были, вѣроятно, гораздо выше, чѣмъ какими мы ихъ видимъ въ наши дни, потому что на скатахъ и на высшихъ вершинахъ Валдайской сплошной возвышенности, въ серединѣ Россіи, находили куски кварца и другихъ горныхъ породъ финляндскаго происхожденія на высотѣ болѣе значительной, чѣмъ та, которой достигаютъ нынѣ самыя высокія кручи горъ, бывшихъ мѣсторожденіемъ этихъ камней. Послѣ отступленія ледниковъ, нѣкогда покрывавшихъ всю страну и которые, разливаясь къ полуденнымъ областямъ, переносили туда груды камней и обломковъ, почва должна была постепенно опуститься и дать доступъ морю, которое мало-по-малу проникало въ восточномъ направленіи, гдѣ и образовало, наконецъ, Финскій заливъ [1]). Однако, ничто не доказываетъ, чтобы осѣданіе финляндской территоріи дошло до образованія пролива между морями Бѣлымъ и Балтійскимъ. Если свидѣтельства геологіи устанавливаютъ несомнѣннымъ образомъ существованіе въ древности рукава моря, соединявшаго Каттегатъ съ Меларскимъ озеромъ, то наука остается еще въ сомнѣніи относительно пролива, который, можетъ быть, отдѣлялъ нѣкогда Финляндію отъ страны, извѣстной нынѣ подъ именемъ Россіи. Нѣкоторыя озера, между прочимъ и Ладожское, заключаютъ въ своихъ водахъ виды рыбъ и ракообразныхъ морскаго происхожденія, изъ чего нужно заключить, что эти бассейны были прежде заливами Балтійскаго моря; но на окружающихъ ихъ земляхъ нигдѣ не встрѣчается, какъ на земляхъ шведскаго прибрежья, слоевъ соленоводныхъ раковинъ; нужно дойти до нижней долины Сѣверной Двины, чтобы встрѣтить выступившіе

[1]) Акад. Гельмерсенъ, „Wanderblöcke Russlands“.

изъ-подъ воды пласты ископаемыхъ животныхъ. Между финляндскими берегами и покатостью Бѣлаго моря водораздѣльныя высоты, усѣянныя озерами, нигдѣ не представляютъ, ниже высоты 35 метровъ, слѣдовъ прежняго пребыванія моря [1]).

За періодомъ осѣданія почвы слѣдовалъ періодъ обратнаго движенія, который продолжается до нашихъ дней. На морскомъ берегу и во внутренности материка повсюду видны признаки постепеннаго поднятія почвы: въ однихъ мѣстахъ груды камней, разрытыя рѣчными потоками, которые должны были углублять свои русла, по мѣрѣ того, какъ море отступало; въ другихъ—прежніе берега, оставленные далеко внутри материка, гавани, затерянныя теперь среди полей, острова, соединившіеся съ твердой землей, подводныя скалы, сдѣлавшіяся, въ свою очередь, островками и островами и окруженныя другими скалами или шхерами; дно моря постепенно повысилось. Явленіе поднятія суши не было наблюдаемо на берегахъ Финляндіи столь же продолжительно и систематически, какъ на противоположныхъ берегахъ Балтики; тѣмъ не менѣе, существуютъ элементы сравненія съ 1697 г., эпохи, въ которую были сдѣланы замѣтки на скалахъ Вазы. Повышеніе исчисляется въ этомъ мѣстѣ отъ 1 до 1,16 метра въ 100 лѣтъ; передъ Або, и для всего Финскаго залива, оно составляетъ 60 сантиметр. въ столѣтіе [2]).

Ни въ какой части Европы эрратическіе камни не встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ и такихъ крупныхъ размѣровъ, какъ въ Финляндіи. Многіе изъ нихъ дотого громадны, что крестьяне могутъ пріютиться со своими жилищами у основанія этихъ гранитныхъ массъ, нѣкогда двигавшихся. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно при выходѣ долинъ, валуны образуютъ цѣлыя «каменныя моря». Даже подъ слоемъ растительной земли находятъ въ огромномъ множествѣ обломки скалъ, составляющіе для мѣстныхъ жителей неисчерпаемыя каменоломни. Впрочемъ, перемѣщеніе эрратическихъ камней совершается съ одного берега Финскаго залива на другой, такъ какъ берега острововъ этого залива усѣяны валунами, а на упомянутомъ островѣ Сууръ-Титтерсъ даже нашли камни, изборожденные полосами [3]). Двѣ оконечности острова Гохланда, на сѣверѣ и на югѣ, покрыты такими массами кусковъ финляндскаго гранита, что суда часто ходятъ туда за грузами камня, и Петербургъ, такъ же, какъ и другіе приморскіе города, получали оттуда матеріалы для мощенія улицъ. На островкѣ Лавенсари, лежащемъ къ востоку отъ Гохланда, покойный академикъ Беръ видѣлъ глыбу гранита, вѣсъ которой онъ исчисляетъ приблизительно въ 6.000 пудовъ и которая, по его мнѣнію, была принесена льдами въ концѣ прошлаго столѣтія; однако, мало вѣроятно, чтобы эта каменная масса проникла туда въ недавнее время съ полуденнаго берега Финляндіи: скорѣе нужно предположить, что она была сдвинута со дна морскаго и перенесена на берегъ огромнымъ давленіемъ льдовъ, гонимыхъ сильными сѣверо-западными вѣтрами. Крапоткинъ видѣлъ на западномъ берегу о. Сууръ-Титтерсъ глыбу гранита еще болѣе значительныхъ размѣровъ, которую также прикатили льды и бурныя волны [1]). Камни посредственной величины каждый годъ выбрасываются морскими волнами на острова залива и на берега Эстляндіи; что же касается мелкихъ камней, то они прибываютъ въ такихъ огромныхъ количествахъ, что профиль бухточекъ и полуострововъ, куда они приносятся льдинами, иногда замѣтно измѣняется въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ. Сѣверо-западная часть островка Лавенсари, берега котораго были нанесены на карту Спафарьевымъ въ 1813 году, въ такой степени увеличилась въ продолженіе одной четверти столѣтія новыми полуостровами и рифами, что теперь едва можно узнать первоначальную форму побережья: съ каждымъ годомъ появляются новыя груды камней надъ поверхностью морскихъ водъ [2]). Впрочемъ, не надо забывать, что это постоянное приращеніе твердой земли на островахъ Балтики происходитъ отчасти также отъ общаго поднятія материка.

Слѣды прохожденія древнихъ ледниковъ еще очень явственно напечатлѣны въ почвѣ, и даже общій рельефъ страны обнаруживаетъ многими несомнѣнными признаками работу, сдѣланную этими могучими ледяными рѣками. Можно сказать, что на земномъ шарѣ мало найдется геологическихъ чертъ яснѣе обозначенныхъ, чѣмъ параллелизмъ рѣчныхъ долинъ, которыя съ той и съ другой стороны, на шведскомъ и на финляндскомъ берегу, выходятъ на Ботническій заливъ. Всѣ скандинавскія рѣки, спускающіяся къ этому заливу, текутъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; всѣ финляндскія рѣки, впадающія въ тотъ же бассейнъ, за исключеніемъ Торнео, текутъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу: онѣ движутся въ противоположномъ направленіи, но по линіямъ, составляющимъ точное продолженіе одна другой и расположеннымъ параллельно оси всѣхъ удлиненныхъ озеръ, занимающихъ гранитныя до-

[1]) П. Крапоткинъ, „Рукописныя замѣтки“.
[2]) „Oefversigt af Finska Vetenskaps Societäten Förhandlingar“, vol. XV. 1872.
[3]) Крапоткинъ, „Записки Русск. Географ. Общества“, т. XII, вып. 1-й.

[1]) Акад. Гельмерсенъ, „Wanderblöcke Russlands“; Крапоткинъ, „Die Eiswälle in der Revalschen Bucht“;—„Записки Импер. Русскаго Географ. Общества“, вышецитированный выпускъ.
[2]) Акад. Беръ, „Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg“, t. VI, 1863.

лины Финляндіи, словно исполинская борона была проведена по всему географическому бассейну отъ Скандинавскихъ Альпъ до Ладожскаго озера. Во многихъ частяхъ страны общее расположеніе линій рельефа отличается почти геометрической правильностью: холмы, озера, болота, цѣпи эрратическихъ камней тянутся параллельно, по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и всѣ человѣческія сооруженія, плотины, рвы, пути сообщенія, улицы селеній и городовъ, естественно должны были быть производимы въ томъ же направленіи. Вдоль морскихъ береговъ, тамъ, гдѣ общее поднятіе страны выдвинуло на поверхность подводныя мели,—мысы, полуострова и островки расположены во многихъ мѣстахъ съ такой же правильностью, какъ возвышенности и озера во внутренней Финляндіи, и также носятъ на себѣ слѣды однообразнаго дѣйствія древнихъ ледниковъ. Въ видѣ примѣра этого образованія морскихъ береговъ, можно указать на побережье Ботническаго залива, особенно между устьемъ рѣки Кумо и Нюстадскимъ рейдомъ, и на берега Финскаго залива, отъ порта Борго до острова Бьерке. Въ этомъ отношеніи форма Выборгскаго залива или фьорда, съ его полуостровами и вставленными между ними, точно въ футляръ, островами,—одна изъ самыхъ поучительныхъ. Полосы, проведенныя движущимися ледяными массами, были наблюдаемы на самыхъ высокихъ вершинахъ Финляндіи, на склонахъ горъ и даже на скалахъ морскаго ложа. Въ окрестностяхъ Гельсингфорса скалы, извлеченныя съ глубины 115 футовъ ниже поверхности моря, были явственно исчерчены глетчерными полосами [1]).

Такъ же, какъ въ Скандинавіи, въ Финляндіи встрѣчаются длинные кряжи—азары, называемые также финляндцами harju, и составляютъ въ низменныхъ мѣстностяхъ главныя черты пейзажа. Какъ и въ Швеціи, нѣкоторые изъ этихъ азаровъ пересѣкаютъ озера въ формѣ валовъ, мѣстами проломанныхъ; дороги, продолжаемыя гдѣ нужно мостами и паромами, идутъ по всей ихъ длинѣ. Въ видѣ примѣра, можно указать на замѣчательный Пунга-харью, естественный валъ высотою около 100 футовъ, соединяющій два противоположные берега одного изъ сѣверныхъ бассейновъ озера Сайма, къ югу отъ Нюшлота. Островъ, состоящій изъ глыбъ гнейса, послужилъ опорной точкой для обѣихъ половинъ естественнаго вала, имѣющаго около 7 верстъ въ длину. Пунга-харью, типъ многихъ другихъ азаровъ, несомнѣнно есть продольная морена, которая нѣкогда была покрыта озерными водами, доказательствомъ чего служатъ сохранившіеся донынѣ на его поверхности песокъ и другія осадочныя образованія [1]).

Узкія цѣпи холмовъ, совершенно другаго происхожденія, такъ какъ онѣ состоятъ изъ кристаллическихъ сланцевъ и изъ известняковъ, тянутся между озерными бассейнами съ сѣвера на югъ, тогда какъ на югѣ страны настоящая гранитная плотина, прозванная Salpau-Selkä (ограда, или барьеръ), образуетъ длинные валы, параллельные берегу залива и пробитые тамъ и сямъ напоромъ водъ: такъ, озеро Сайма ограничено съ южной стороны азаромъ, который прерывается только теченіемъ рѣки Вуоксы; но около середины его бассейна видны справа и слѣва остатки разорваннаго вала. Когда какое-либо верхнее озеро вытекаетъ въ нижележащее чрезъ проломъ азара, то берега указываютъ на обломкахъ пробитаго вала уровень бассейна, на половину опорожненнаго, а въ нижнемъ резервуарѣ слои, состоящіе изъ увлекаемаго водой песку, покрываютъ тонкій илъ ложа [2]); кромѣ того, аллювіальная дельта, болѣе или менѣе значительная, образуется въ томъ мѣстѣ, куда изливался истокъ верхняго озера. Иногда человѣкъ помогаетъ работѣ природы, чтобы пріобрѣсти себѣ такимъ образомъ новыя плодородныя земли. Очень искусные въ направленіи потоковъ сообразно предположенной цѣли, финляндцы каждый годъ увеличиваютъ свою область, такъ что отъ одного десятилѣтія до другаго карты представляютъ различный видъ.

Однако, можетъ случиться, что вычисленія инженеровъ относительно силы сопротивленія ихъ плотинъ оказываются ошибочными, и иногда истеченіе воды, вмѣсто того, чтобы совершиться съ желаемой правильностью, происходитъ со страшной стремительностью. Такъ именно случилось съ озеромъ Гейтіайненъ, на сѣверѣ отъ мѣстечка Іоенсу, въ восточной Финляндіи. Въ намѣреніи понизить мало-по-малу воды этого резервуара, уровень котораго находился на 21 метръ выше поверхности озера Пюхесельке, начали, въ 1854 году, копать ровъ шириною около 10 футовъ, который воды дождей и тающаго снѣга постепенно превратили въ извилистый ручей. Вдругъ, 3 августа 1859 года, плотины, долженствовавшія регулировать истеченіе излишка водъ озера Гейтіайненъ, уступили напору жидкой массы. Изъ Іоенсу, на 7 верстномъ разстояніи, слышенъ былъ шумъ, похожій на раскаты грома; камни съ грохотомъ ударялись другъ о друга; сломленныя деревья уносились стремительнымъ теченіемъ; цѣлые дома плавали на поверхности водъ; острова и песчаныя мели появлялись тамъ, гдѣ ихъ прежде не было, затѣмъ опять

---

[1]) Норденшельдъ, „Beitrag zur Kenntniss der Schrammen in Finland, Acten der Finnl. Societät der Wissenschaften".

[1]) Крапоткинъ, „Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общества", 1871 г., № 6;—„Записки Имп. Русск. Географ. Общества", томъ VII, 1875 г.

[2]) Норденшельдъ, выше цитированное сочиненіе.

исчезали. Потопъ продолжался три дня, и все это время поверхность озера Сайма, въ которое низвергались воды, была въ такомъ сильномъ волненіи, что суда съ трудомъ могли бороться противъ ярости бушевавшей стихіи. Массу воды, которая вытекла черезъ новое русло, исчисляли приблизительно въ 2.800 милліоновъ кубич. метровъ (288.000 милл. куб. саж.), что составитъ немногимъ болѣе 11.000 кубич. метровъ (1.134 куб. саж.) въ секунду: это — почти стокъ большой рѣки въ родѣ Дуная, къ которому нужно бы еще прибавить количество воды, протекающей въ Ронѣ. Сверхъ того, объемъ земли, унесенной разливомъ, представлялъ по меньшей мѣрѣ 35 милліоновъ кубич. метр. (3,6 милл. куб. саж.), такъ какъ долина, вырытая жидкой массой въ этотъ короткій промежутокъ времени, имѣетъ не менѣе 8 километровъ въ длину, при ширинѣ отъ 300 до 450 метровъ и глубинѣ отъ 10 до 25 метровъ [1]). Всѣ эти обломки и землистыя частицы, отложенныя въ озерѣ Пюхесельке, образовали въ немъ широкую дельту и уменьшили протяженіе его на нѣсколько квадратн. километровъ, между тѣмъ какъ верхнее озеро значительно убавилось въ размѣрахъ, особенно около сѣверной его оконечности, наименѣе глубокой; тамъ песчаныя мели и груды каменныхъ глыбъ вдругъ появились на поверхности въ видѣ острововъ, тогда какъ другіе острова соединились съ твердой землей. Замѣчательно, что, несмотря на страшную силу внезапнаго потока, большіе эрратическіе камни, имѣющіе около полутора аршина ширины, не были сдвинуты съ мѣста; до сихъ поръ видны ряды ихъ, расположенные поперекъ направленія потока. Правда, даже въ началѣ разлива, когда вода въ озерѣ Гейтіайненъ стояла еще на 21 метръ выше уровня нижняго резервуара, паденіе выходнаго потока не превышало 3 миллиметровъ на 1 метръ.

Впрочемъ, явленіе озерныхъ наводненій,— хотя они рѣдко принимаютъ такіе грозные размѣры, какъ сейчасъ описанный разливъ озера Гейтіайненъ,—должно часто возобновляться во всѣхъ частяхъ Финляндіи. Даже въ силу законовъ тяжести, всѣ возвышенные озерные бассейны страны должны стремиться вылиться въ нижележащіе резервуары; и дѣйствительно, мы вездѣ видимъ слѣды уменьшенія озеръ по протяженію, по мѣрѣ того, какъ будемъ послѣдовательно подниматься отъ низменныхъ мѣстностей Финляндіи, то-есть отъ береговъ Ладожскаго озера, къ прибрежнымъ высотамъ Ботническаго залива и къ хребту Суоменъ-Сельке. Повсюду прежнія линіи уровня, проходящія очень высоко надъ поверхностью нынѣшнихъ озеръ или прудовъ, свидѣтельствуютъ о пониженіи озерныхъ бассейновъ, которые постепенно опоражнивались, какъ вода верхняго резервуара, льющаяся со ступеньки на ступеньку по такъ называемой «Нептуновой лѣстницѣ». На сѣверномъ скатѣ водораздѣльнаго хребта Финляндіи можно наблюдать подобное же явленіе: такъ, напримѣръ, на высотѣ 56 метровъ надъ нынѣшней поверхностью озера Улеа-трескъ, видны слѣды уровня древняго озера [1]). Вообще разность уровня между прежними озерными бассейнами и нынѣшними возрастаетъ правильно отъ юга къ сѣверу Финляндіи.

Изъ всѣхъ странъ Европы Финляндія наименѣе освободилась отъ поверхностныхъ водъ озернаго періода, слѣдовавшаго за ледяною эпохой [2]): эта страна усѣяна бо́льшимъ числомъ озеръ, прудовъ и болотъ, чѣмъ даже Швеція; въ южной ея части, ограничиваемой на сѣверѣ рѣкою Улеа, около половины территоріи (по Веселовскому, 47%) покрыто озерами [3]). Съ той поры, какъ ледники удалились, оставивъ рѣкамъ и дождевымъ водамъ всѣ углубленія почвы,—наносы, образуемые обломками скалъ (аллювій), могли наполнить лишь незначительныя озерныя пространства; точно также и болотныя растенія успѣли захватить вполнѣ только небольшіе бассейны стоячей воды. Благодаря твердости ея каменныхъ породъ, состоящихъ изъ гранита, гнейса, порфира, и незначительной высотѣ ея горъ, на которыхъ дождевые потоки очень медленно образуютъ рытвины, Финляндія могла до настоящей минуты сохранить видъ суши, находящейся еще въ періодѣ образованія: она кажется еще неприспособленной для пребыванія человѣка. Во всей этой области полуденной Финляндіи озера образуютъ такой перепутанный лабиринтъ, что невозможно различить безъ сосредоточеннаго вниманія границы водораздѣла между покатостями Ботническаго залива, Финляндскаго моря, Ладожскаго озера; при томъ же во многихъ мѣстахъ эти границы чисто условны, и простыя болота, имѣющія стокъ къ тому и другому морю, обозначаютъ поясъ раздѣленія водъ. Что касается рѣкъ, то большинство ихъ состоитъ изъ цѣпи озеръ: по справедливому замѣчанію Пешеля, нигдѣ нельзя такъ хорошо изучить «эмбріогенію рѣкъ», какъ въ Финляндіи [4]).

Озеро, которое, вѣроятно, занимаетъ по величинѣ первое мѣсто между безчисленными бассейнами финляндской территоріи, находится внѣ области озерной по преимуществу: это —

---

[1]) Крапоткинъ, „Записки Имп. Русскаго Географич. Общества", томъ VII, 1875 г.

[1]) Крапоткинъ, „Извѣстія Имп. Русскаго Географич. Общества", 1871 г. № 7.

[2]) Крапоткинъ, тамъ же.

[3]) А во всей Финляндіи изъ общей площади на озера приходится свыше 13%. Ред.

[4]) Oscar Peschel, „Vergleichende Probleme der Erdkunde".

Энаре или Инара, лежащее внутри Лапландіи и имѣющее истокъ черезъ рѣку Пасвикъ въ Варангерскій заливъ (Варангеръ-фьордъ), но это озеро такъ мало извѣстно, что исчисленія его поверхности, сдѣланныя различными изслѣдователями, разнятся на цѣлую тысячу кв. верстъ. Сайма или Саймаа, самое обширное внутреннее море Финляндіи въ собственномъ смыслѣ, залегаетъ на пространствѣ меньшемъ площади озера Энаре, но оно значительно превосходитъ послѣднее, если считать всѣ озерные резервуары (Пилайя, Эновеси и другіе), которые сообщаются съ озеромъ Сайма посредствомъ широкихъ проливовъ. Эти соединенныя озера, которыхъ излишекъ водъ выливается въ Ладожское озеро, занимаютъ почти всю восточную Финляндію; узкій каменистый кряжъ, выдвинувшійся съ сѣвера, отдѣляетъ ихъ отъ другого лабиринта озеръ,—изъ которыхъ главное называется Пейенне, — изливающихся черезъ рѣку Кюмень (Kymmene-elf) въ Финскій заливъ. Посредствомъ отверстій, высѣченныхъ въ скалахъ, установили съ 1856 года непосредственное сообщеніе между озернымъ бассейномъ Сайма и водами Финскаго залива (Сайменскій каналъ), вслѣдствіе чего небольшія суда получили возможность грузить мѣстныя произведенія внутри Финляндіи.

Истоки, соединяющіе озера, еще очень мало измѣнили первоначальную форму своего русла,—развѣ только углубили его [1]). Рѣки находятся еще въ періодѣ образованія и сохраняютъ первоначальную форму fjärden, или широкихъ рукавовъ, которые то расширяются въ видѣ озера, то ниспадаютъ стремительнымъ потокомъ; однако, многіе водопады, или koski, могутъ сравниться съ каскадами Скандинавіи, если не по объему жидкой массы и вертикальной высотѣ низвергающейся водной скатерти, то по крайней мѣрѣ по суровости окружающихъ пейзажей. Одинъ водопадъ на рѣкѣ Улеа имѣетъ около 12 метровъ высоты. Наибольшей извѣстностью пользуются катаракты, прерывающіе теченіе Вуоксы, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже того мѣста, гдѣ эта рѣка выходитъ изъ озера Сайма. Заключенный въ ущельѣ шириною около 10 метровъ, потокъ спускается высокими пѣнящимися волнами по скату, представляющему уклонъ въ 21 метръ на 325 метровъ длины, затѣмъ, ниже пороговъ, кружится длинными водоворотами въ обширномъ бассейнѣ: это ревущее ущелье и есть знаменитый водопадъ Иматра. На высотѣ около 12 метровъ надъ нынѣшнимъ водопадомъ скалы носятъ на себѣ явственные слѣды, оставленные прежними быстринами.

Главныя озера Финляндіи:

	Высота. Метр.	Площадь. Кв. клм.
Энаре [1])	123	1.427
Сайма	78	1.760
„ съ озерами Каллавеси, Эновеси, Пилавеси	78	7.762
Пейенне	78	1.576
Пюхесельке-Оривеси	80	1.137
Піелисъ-ярви	90	1.095
Улеа-трескъ	115	1.086

Морскіе берега Финляндіи не менѣе шведскихъ изобилуютъ бухтами, бухточками и всякаго рода изсѣченіями, а архипелаги острововъ и островковъ тамъ гораздо многочисленнѣе. На широтѣ города Вазы архипелагъ Кваркенъ съ его тысячами подводныхъ скалъ съуживаютъ Ботническій заливъ и даже должны совершенно замкнуть его черезъ двѣ или три тысячи лѣтъ, если поднятіе материка будетъ продолжаться въ той же вѣковой пропорціи, какъ въ современномъ періодѣ. На углу заливовъ Ботническаго и Финскаго расположена многочисленная группа Аландскихъ острововъ, продолжающихся далеко по направленію къ берегамъ Швеціи и зимой почти всегда соединенныхъ непрерывной ледяной площадью; иногда даже каналъ, отдѣляющій этотъ архипелагъ отъ шведскихъ береговъ, замерзаетъ совершенно, какъ это было, напримѣръ, въ 1809 году (во время войны Россіи съ Швеціей), когда отрядъ казаковъ проскакалъ въ галопъ по льду, чтобы неожиданно напасть на шведскій городъ Грислегамнъ; точно также въ суровыя зимы волки переходятъ по льду черезъ проливы финляндскихъ водъ и опустошаютъ обитаемые острова, которыхъ насчитывается около восьмидесяти.

Полуденные берега Финляндіи также отдѣлены отъ глубокихъ водъ моря безчисленными островками, рифами и подводными камнями (шкеры, или шхеры), между которыми съ большимъ трудомъ лавируютъ суда; но, кромѣ того, нѣсколько утесовъ и даже два острова, Гохландъ или Сууръ-сари (Большой островъ) и Лавинъ-сари, возвышаются среди залива. Гохландъ лежитъ почти какъ разъ въ той части Финскаго залива, гдѣ вода начинаетъ принимать солоноватый вкусъ. Островитяне пьютъ еще воду, омывающую берега, но и то только на восточномъ побережьи острова, такъ какъ на западѣ соленость ея доходитъ уже до 4,7%, по Форхгаммеру. Однако, иностранцы не могутъ привыкнуть ко вкусу, уже очень горькому, жидкости, которую пьютъ туземцы, и пріѣзжіе, посѣщающіе Гохландъ, обыкновенно привозятъ съ собой рѣчную воду [2]). Этотъ гористый островъ, состоящій исключительно изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, гранита, діорита,

---

[1]) Крапоткинъ „Записки Имп. Русскаго Географ. Общества“, VII, 1875 г.

[1]) По Стрѣльбицкому, поверхность Энаре равна 1.249 кв. верстамъ, или 1.421½ кв. клм. Ред.

[2]) Акад. Беръ, „Bulletin de l'Académie des sciences de Saint Pétersbourg“, tome IV, 1862.

кварца, порфира, разсматривается нѣкоторыми геологами какъ новая земля, появившаяся въ относительно недавнюю эпоху. Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ точно такую же фауну лягушкообразныхъ гадовъ, какъ и сосѣдняя Финляндія, съ которою онъ, впрочемъ, бываетъ почти каждую зиму временно соединенъ ледянымъ мостомъ. Взбираясь на самую высокую вершину Гохланда, Гауккавуори или «Соколиную гору», Кеппенъ явственно слышалъ, какъ скалы вибрировали, вслѣдствіе расширенія воздуха въ трещинахъ, и издавали музыкальные звуки, похожіе на звуки органа: новый примѣръ того пѣнія камней, которое въ древности такъ восхищало поклонниковъ египетскаго Мемнона.

Сѣверная часть Финляндіи лежитъ за предѣлами полярнаго круга, да и полуденныя ея области уже такъ близки къ арктическому поясу, что дни зимой составляютъ лишь слабый просвѣтъ, продолжающійся всего нѣсколько часовъ, тогда какъ въ серединѣ лѣта они сливаются посредствомъ красноватыхъ отблесковъ солнца, проходящаго въ разстояніи нѣсколькихъ градусовъ подъ горизонтомъ. Въ лѣтнюю пору ночь здѣсь, по выраженію Тургенева, походитъ на больной день. Одна финская легенда разсказываетъ, что вечерняя и утренняя заря—это женихъ и невѣста, осужденные на долговременную разлуку; но они постоянно стремятся сойтись: съ наступленіемъ радостнаго времени года—лѣта, имъ удается, наконецъ, опять встрѣтиться среди неба, и тогда ихъ соединенные свѣтильники освѣщаютъ на далекое пространство равнины, горы и море.

Подъ этими высокими широтами климатъ суровъ: изотермы, которыя теченія, атмосферныя и морскія, отклоняютъ къ сѣверу на Скандинавскомъ полуостровѣ, изгибаются на финляндской территоріи къ югу, а сосѣдство обширныхъ восточныхъ равнинъ позволяетъ холоднымъ вѣтрамъ, восточнымъ и сѣверо-восточнымъ, быстро понижать температуру страны. Климатъ отличается крайностями тепла и холода: очень суровый зимою, жаркій лѣтомъ подъ вліяніемъ теплыхъ вѣтровъ, южныхъ и юго-западныхъ. Говорятъ, что воздѣлываніе почвы и особенно истребленіе лѣсовъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ смягчили среднюю температуру, но въ то же время сдѣлали атмосферныя перемѣны болѣе внезапными и болѣе частыми. Растительность въ Финляндіи однообразнѣе и бѣднѣе, нежели на Скандинавскомъ полуостровѣ, по причинѣ меньшаго протяженія страны и большей суровости зимъ: вмѣсто 2.330 различныхъ видовъ растеній, которыми обладаетъ Швеція, Финляндія имѣетъ ихъ только 1.800, при чемъ и область распространенія большинства этихъ видовъ гораздо меньше. Дубы, которые очень хорошо растутъ на норвежскомъ поморьи до Христіанзунда и Мольде и которые могутъ еще жить даже въ окрестностяхъ города Трондгьема, не переходятъ въ Финляндіи за черту полуденныхъ береговъ, между 60 и 61 градусами широты, и даже на восточной сторонѣ залива они не растутъ дико въ окрестностяхъ Петербурга. Вишневое дерево уже не приноситъ плодовъ сѣвернѣе города Вазы; также и яблоня только цвѣтетъ, не давая плодовъ, за 64 градусомъ широты, въ Улеаборгской губерніи. По направленію къ сѣверу растительность постепенно уменьшается, и на сѣверныхъ берегахъ озера Энара показываются послѣдніе хвойные лѣса, уже рѣдкіе и малорослые. Еще далѣе разстилается пустынная тундра; мхи и лишаи покрываютъ безплодную почву; только по скатамъ возвышенностей, хорошо расположеннымъ въ отношеніи солнца, хорошо защищеннымъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, растутъ кое-какія приземистыя, кривыя березки, бѣлая ольха да рябина—священное дерево древнихъ финновъ [1]. Но подъ суровымъ климатомъ сѣвера лѣтняя растительность проходитъ всѣ свои фазы съ такой быстротой, какая неизвѣстна даже въ странахъ умѣреннаго пояса. Такъ, напримѣръ, около Улеаборга жатва поспѣвшаго хлѣба слѣдовала за посѣвомъ черезъ короткій промежутокъ сорока-двухъ дней [2]. Кромѣ того, влажность воздуха и частые туманы поддерживаютъ постоянную свѣжесть въ растительности лѣсовъ и луговъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ Финляндіи, именно въ сосѣдствѣ Тавастгуса, крестьяне кроютъ свои дома не тесомъ или соломой, а кусками дерна совершенно гладко. Нѣтъ ничего привлекательнѣе этихъ воздушныхъ лужаекъ, поддерживаемыхъ съ величайшей заботливостью. Полосы бересты, подкладываемыя подъ слои дерновой земли, защищаютъ стропила и связи отъ сырости и предохраняютъ ихъ отъ гніенія.

Животное царство Финляндіи сходствуетъ съ фауной сосѣднихъ странъ, съ той только разницей, что оно бѣднѣе, и что нѣкоторые виды, прежде существовавшіе, теперь исчезли; медвѣди, волки, рыси, россомахи, лисицы еще очень многочисленны; куница почти вывелась.

Количество дикихъ животныхъ, убитыхъ въ Финляндіи съ 1871 по 1875 годъ:

Медвѣдей—421; волковъ—1.862; рысей—433; россомахъ—195; лисицъ—12.391; въ 1890 г.: медвѣдей—62; волковъ—26; рысей—138; лисицъ—3.657; россомахъ—42; выдръ—367; куницъ—114; горностаевъ—1.899; хищныхъ птицъ—4.786; въ 1894 г.: медвѣдей—63; волковъ—4; рысей—79; лисицъ—5.572; россомахъ—30; выдръ—557; куницъ—141;

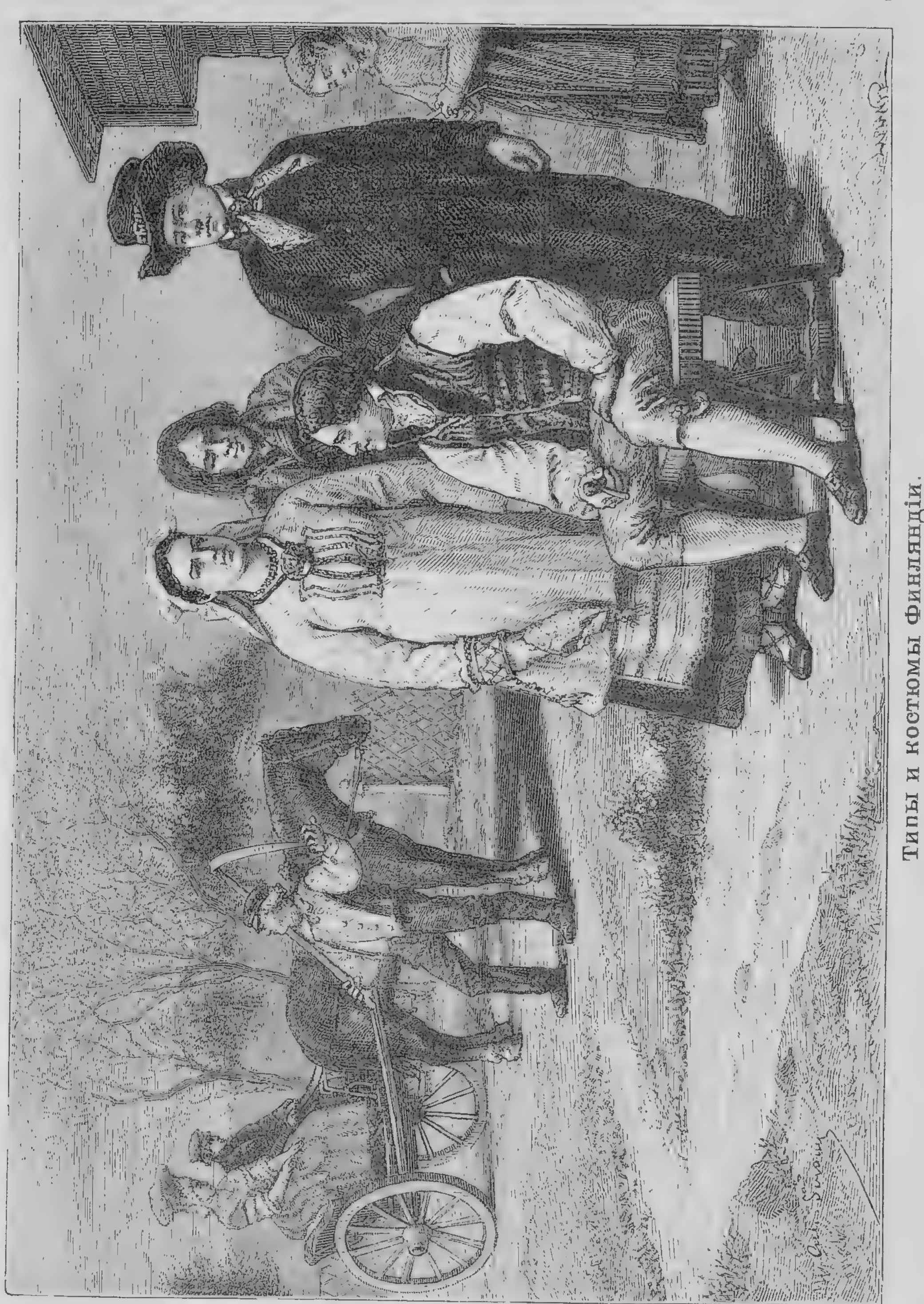
---

[1] Léouzon Le Duc, „L'Ours du Nord".
[2] Julin, цитируемый у Acerbi, „Voyage au cap Nord", tome I.

горностаевъ—1.229; хищныхъ птицъ—7.836; уплачено премій—8.744 марк. [1]).

Количество домашнихъ животныхъ, заѣденныхъ дикими звѣрями, съ 1866 по 1870 годъ: Лошадей — 1.802; рогатаго скота — 5.584; барановъ—14.061; сѣверныхъ оленей—2.714; свиней—1.400; въ 1894 г.: лошадей—22; рогатаго скота — 214 головъ; овецъ — 2.499; свиней—29; козъ—10; оленей—2.114; домашней птицы—4.289 [1]).

Въ гербѣ Аландскихъ острововъ изображенъ лось, прежде очень обыкновенный на этомъ архипелагѣ. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія



Типы и костюмы Финляндіи.

[1]) „Статист. Ежегодникъ Финляндіи", 1897 г.

[1]) „Статистич. Ежегодникъ Финляндіи", изд. Центр Статист. бюро, Гельсингфорсъ. 1897 г.

онъ сдѣлался уже болѣе рѣдкимъ, судя по тому, что король Густавъ-Адольфъ повелѣлъ издать законъ, грозившій смертной казнью «всякому, кто осмѣлится убить лося»; въ 1809 году, во время вторженія русскихъ войскъ, были истреблены послѣднія изъ этихъ животныхъ. Что касается бобровъ, которыхъ теперь можно встрѣтить только въ очень немногихъ мѣстахъ остальной Европы, то они, можетъ быть, и живутъ еще на берегахъ рѣкъ сѣверной Финляндіи; но эти грызуны сдѣлались такъ рѣдки, что самое существованіе ихъ подвержено сомнѣнію [1]).

Общераспространенное у иностранцевъ имя финляндцевъ — финны, вѣроятно германскаго происхожденія, есть, кажется, переводъ наименованія, которое даютъ сами себѣ коренные жители страны Суоми или Суоменмаа: въ немъ усматриваютъ близкое сходство съ англо-саксонскимъ словомъ fen (по-французски fagne, fange), которое означаетъ болото [2]); впрочемъ, эта этимологія оспаривается Шегреномъ [3]) и другими учеными: названіе, такъ же, какъ и происхожденіе финлянцевъ или финновъ, Fenni Тацита, до сихъ поръ остается однимъ изъ спорныхъ вопросовъ этнологіи. Однако, вообще можно сказать, что нынѣшніе коренные обитатели Финляндіи въ большинствѣ принадлежатъ къ урало-алтайской семьѣ, и что они близко родственны мадьярамъ (уграмъ или венграмъ), равно какъ народцамъ еще нецивилизованнымъ того же племени—черемисамъ, остякамъ, вогуламъ, самоѣдамъ. Они, очевидно, представляютъ теперь сильную помѣсь, такъ какъ страна, которую они населяютъ, и куда они пришли, какъ полагаютъ, около конца седьмаго или въ началѣ восьмаго столѣтія, часто подвергалась иноплеменному нашествію, и различныя племена, слѣдовавшія тамъ одно за другимъ, оставили своихъ потомковъ, смѣшавшихся съ нынѣшнимъ населеніемъ. Ранѣе эпохи полированнаго камня, страны, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Финляндіи, вѣроятно, были еще необитаемы и неудобны для обитанія, по причинѣ повсемѣстнаго распространенія льдовъ [4]). Съ первыхъ временъ колонизаціи края финляндскіе поселенцы всего чаще имѣли сношенія съ восточными племенами, населявшими сѣверъ Россіи, на что̀ указываетъ тотъ фактъ, что почти всѣ предметы человѣческаго искусства, находимые на востокѣ и на западѣ отъ Ладожскаго озера, сходствуютъ между собой по матеріалу и по работѣ. Впослѣдствіи, во времена бронзоваго вѣка, затѣмъ особенно въ первую эпоху желѣзнаго періода, скандинавское вліяніе становится преобладающимъ; послѣ того новая историческая волна приноситъ въ страну славянскую цивилизацію, и когда исторія въ собственномъ смыслѣ начинаетъ проливать свѣтъ на Финляндію, мы находимъ скандинавовъ, то-есть западно-европейцевъ, въ гораздо болѣе близкомъ соприкосновеніи, чѣмъ были русскіе, съ населеніемъ края [1]). Часто борьба между морскими завоевателями и тѣми, которые приходили съ востока черезъ область лѣсовъ и болотъ, превращается въ истребительную войну, и цѣлые округа подвергались опустошенію. Нельзя не удивляться, что среди такой ожесточенной борьбы между повелителями страны финляндцы сохранили такъ много національной самобытности.

Въ сѣверныхъ областяхъ Финляндіи вліяніе лопарей (лопь) было, вѣроятно, довольно значительно, посредствомъ смѣшенія племенъ, и финское населеніе, извѣстное подъ названіемъ эстерботнійцевъ и квеновъ (Kainuläiset); въ 1849 г. Андрей Варелiусъ (Andreas Warelius) насчитывалъ въ Улеаборгской губерніи большое число округовъ и поселковъ, гдѣ земледѣльческое населеніе было смѣшанной расы и частію употребляло еще языкъ лопарей. Что касается полуденной Финляндіи, то различные антропологи еще оспариваютъ предположеніе, что она нѣкогда тоже была населена лопарями. Правда, мѣстныя народныя преданія единогласно говорятъ въ пользу этой гипотезы, и названія Jaettiläiset, Hiidet, Jatulit, Jotunit могли бы быть примѣнены къ этимъ исчезнувшимъ первобытнымъ обитателямъ края. Баснословные разсказы сообщаютъ о войнѣ, которую первые финскіе иммигранты должны были вести противъ волшебниковъ, состоявшихъ въ союзѣ съ адскими силами [2]); но извѣстно, что въ Финляндіи, такъ же, какъ въ Россіи, лопарей, самоѣдовъ и вообще всѣхъ сѣверныхъ финновъ считаютъ чародѣями, колдунами, «чортовыми знахарями». Различныя названія мѣстъ также подтверждаютъ мнѣніе о переходѣ лопарей въ полуденную Финляндію [3]); но отсутствіе археологическихъ остатковъ лопарскаго происхожденія доказываетъ, что эти сѣверныя племена, если и приходили въ край, то не могли имѣть въ немъ долговременнаго пребыванія: можетъ быть, какія-нибудь немногочисленныя группы рыболововъ или бродячихъ земледѣльцевъ останавливались на время въ томъ или другомъ мѣстѣ; во всякомъ случаѣ, эти кочевники оставили, по себѣ гораздо меньше слѣдовъ, нежели германскіе мореходы, пріѣзжавшіе на берега залива, чтобы вести мѣновую торговлю съ фин-

1) Ignatius, „Le Grand Duché de Finland“.

2) G. Zeusz, „Die Deutschen und die Nachbarstämme“;—Oscar Peschel „Völkerkunde“;—Vanderkindere, „Recherches sur l'ethnologie de la Belgique“.

3) „Mémoires de l'Académie des sciences de Saint-Pètersbourg“, I, 303.

4) Worsaae, „La colonisation de la Russie et du nord Scandinave“.

1) Gustaf Retzius, „Finska Kranier“.

2) Andreas Walerius, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches“, vol. XIII.

3) Varelius;—Cestrèn;—Ujfalvi, „Mélanges altaïques“.

ляндцами. Томсенъ даже полагаетъ, основываясь на существованіи въ финскомъ языкѣ нѣкотораго числа очень древнихъ словъ германскаго происхожденія, что нѣмецкіе народцы въ давнія времена жили въ равнинахъ Россіи, сопредѣльныхъ Балтійскому морю [1]).

Финны южной, относительно многолюдной, области дѣлятся на двѣ различныя семьи, рѣзко отличающіяся одна отъ другой многими чертами характера,—тавастовъ и кареловъ. Первые населяютъ юго-западную часть Финляндіи, занимая треугольное пространство, ограниченное на западѣ и югѣ шведами морскаго прибрежья, при чемъ наибольшее вліяніе оказала на нихъ скандинавская цивилизація, тогда какъ карелы находились въ соприкосновеніи преимущественнно съ русскими. По мнѣнію ванъ-Гартмана, который первый изучалъ ихъ быть, тавасты, называющіе сами себя Hämäläiset [2]), что означаетъ, можетъ быть, — если основываться на сходствѣ съ однимъ эстонскимъ словомъ,—«жители сырой страны», должны быть разсматриваемы какъ типичные финны: они коренасты, широкоплечи, мускулисты, съ широкой головой, съ широкимъ лицемъ и носомъ; ротъ у нихъ большой, тогда какъ глаза маленькіе, съ узкими щелями и иногда немного косолежащіе; цвѣтъ радужной оболочки всегда синій, хотя бываетъ всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ блѣдно-голубаго до темно-синяго. Русскіе въ старину давали этимъ финнамъ, какъ вообще всѣмъ народамъ чудскаго или финскаго племени, прозвище «Чуди бѣлоглазой», по причинѣ ихъ свѣтлыхъ глазъ [3]). Волосы у тавастовъ свѣтлорусые, даже желтоватые или льнянаго цвѣта. «Бѣловолосый, какъ чухна», говоритъ русское присловье въ сопредѣльныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ брахицефалы (короткоголовые) центральной и западной Европы по большей части брюнеты, тѣ, которые живутъ въ Финляндіи, отличаются именно свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ [4]); но имъ несвойственны бѣлая кожа, прозрачный розовый цвѣтъ лица, характеризующіе бѣлокурыхъ германцевъ, скандинавовъ, нѣмцевъ или англо-саксовъ; кромѣ того, борода у нихъ почти всегда очень рѣдкая. Вообще между тавастами, какъ мужчинами, такъ и женщинами, не встрѣтишь лицъ, черты которыхъ соотвѣтствовали бы идеѣ красоты, какъ ее понимаютъ западные европейцы. Съ нравственной точки зрѣнія, тавасты медлительны, вялы, неповоротливы, часто угрюмы, подозрительны, злопамятны, скупы на слова, но честны, признательны за благодѣянія, выносливы и неутомимы, терпѣливы въ болѣзни и лишеніяхъ; фаталисты въ высшей степени, они представляютъ въ финляндской націи элементъ консервативный. Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ центръ могущества народа Hämäläiset, извѣстныхъ у русскихъ подъ именемъ ямь или ямъ, былъ, какъ кажется, гораздо далѣе на востокѣ, между Ладожскимъ озеромъ и Сѣверной Двиной; но, тѣснимые карелами съ сѣвера, русскими съ юга, они принуждены были переселиться въ другія мѣста; однако, и теперь еще, какъ говорятъ, существуютъ потомки племени ямъ, въ числѣ 20.000 душъ, въ восточныхъ округахъ около Петрозаводска и Бѣлозерска [1]).

По направленію отъ запада къ востоку въ Финляндіи можно наблюдать постепенный переходъ между тавастами и карелами: въ особенности саволаки, или Savoläiset, въ округѣ Нюшлотъ, могутъ быть разсматриваемы какъ естественный посредствующій членъ двухъ названныхъ расъ. Карелы, которые населяютъ восточную область великаго княжества Финляндскаго и, кромѣ того, обширныя сопредѣльныя территоріи Россійской имперіи до самыхъ береговъ Бѣлаго моря, тоже брахицефалы (короткоголовые), какъ и тавасты, но они не походятъ на послѣднихъ ни тѣлосложеніемъ, ни чертами лица, ни характеромъ. Большинство кареловъ выше средняго роста, и даже попадаются такіе, которыхъ можно бы причислить къ великанамъ; довольно тонкіе, стройные, пропорціонально сложенные, они имѣютъ, вообще говоря, правильныя черты лица, носъ прямой и длинный, лобъ широкій, ротъ отчетливо очерченный. Между ними очень рѣдко можно встрѣтить индивидуумовъ съ узкими, косолежащими глазами въ родѣ монгольскихъ; нѣтъ также между ними бѣлоглазыхъ и желтоволосыхъ, какъ тавасты: радужная оболочка, или раекъ, у нихъ темнаго сѣровато-синяго цвѣта, а ихъ густые темнорусые волосы ниспадаютъ локонами на плечи. Карелы вообще отличаются веселымъ, живымъ, дѣятельнымъ, увлекающимся характеромъ, но они не всегда обнаруживаютъ столько же послѣдовательности и настойчивости, сколько смѣлости и предпріимчивости. Они производятъ пріятное впечатлѣніе своимъ добродушіемъ, такъ же, какъ врожденнымъ изяществомъ манеръ и нерѣдко даже красотой. Исторія часто показываетъ ихъ намъ участвующими въ военныхъ экспедиціяхъ. Такъ, въ 1187 и 1188 годахъ они вторгались даже въ предѣлы Швеціи, проникали на берега Меларскаго озера, сожгли городъ Сигтуну, умертвили епископа упсальскаго. Три года спустя они истребили огнемъ городъ Або и разрушили всѣ шведскія поселенія въ Финляндіи; затѣмъ, хотя обра-

1) „Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen".

2) Herberg; — Н. П. Барсовъ, „Очерки русской исторической географіи". Варшава. 1873.

3) Майковъ, „Извѣстія Имп. Русскаго Геогр. Общества", ноябрь 1878 г

4) Virchow, „Berliner Gesellschaft für Anthropologie", 18 Oct. 1878.

1) Шегренъ; — Кастренъ; — Барсовъ.

*

щенные въ христіанство новгородцами въ началѣ тринадцатаго столѣтія, они часто поднимаютъ противъ нихъ оружіе, иногда же соединяются съ ними, чтобы вмѣстѣ воевать противъ шведовъ [1]). Равнымъ образомъ, съ помощью новгородцевъ, они прогнали тавастовъ съ береговъ Ладожскаго озера. Около 1850 года Кастренъ насчитывалъ болѣе милліона кареловъ, изъ этого числа до 830.000 въ предѣлахъ нынѣшней Финляндіи, т.-е. великаго княжества; въ настоящее время цифра ихъ тамъ, безъ сомнѣнія, простирается до одного милліона, благодаря естественному приращенію народонаселенія.

Въ эпоху своего прибытія въ страну, заключающуюся между великими озерами и Ботническимъ заливомъ, финны, кажется, не были болѣе цивилизованы, чѣмъ нынѣ живущіе угорскіе народы восточной Россіи и Сибири. Изученіемъ словъ финскаго языка, указывающихъ послѣдовательныя завоеванія промышленности и гражданственности, Альквистъ могъ констатировать тотъ фактъ, подтверждаемый, съ другой стороны, описаніями, содержащимися въ древнихъ сагахъ, что первоначальные обитатели Финляндіи прокармливали себя почти исключительно продуктами охоты и рыбной ловли; съ земледѣліемъ они были знакомы въ самой первобытной его формѣ, и даже не умѣли приготовлять ни масла, ни сыра изъ молока своихъ стадъ. Религія финновъ, сходная съ религіей лопарей и самоѣдовъ, была, повидимому, нѣчто въ родѣ фетишизма, смѣшаннаго съ обрядами, подобными тѣмъ, какіе практикуются шаманами монгольскихъ народцевъ. Всѣ русскія лѣтописи изображаютъ земли чуди, или финновъ, какъ отечество волхвовъ и кудесниковъ. Заклинанія этихъ чародѣевъ или колдуновъ, сопровождаемыя игрой на музыкальномъ инструментѣ въ родѣ арфы, называемомъ kantele, оканчивались изступленіемъ и конвульсіями, какъ это дѣлается у сибирскихъ шамановъ. Древній финляндецъ больше вѣрилъ въ могущество священнаго пѣнія, чѣмъ въ силу меча. У тѣхъ финновъ, которые живутъ во внутреннихъ пустыняхъ, поэтическія наклонности усиливаются необычайной нервной впечатлительностью, которая легко переходитъ въ экстазъ. Въ современной наукѣ финляндцы прилагаютъ свои умственныя способности преимущественно къ изученію математики; поэты ихъ всегда восторгаются гармоніей чиселъ. Но, кромѣ заклинаній, финны имѣли еще сокровищницу другихъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ въ Кареліи, такъ какъ тавасты не отличаются поэтическимъ духомъ: рѣдко можно услышать ихъ поющими [2]). Карельское племя, напротивъ, одно изъ тѣхъ, которыя въ высокой степени одарены наклонностью и любовью къ поэзіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ эпическія сказанія, переходившія въ народѣ изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію и сохранившіяся до нашихъ дней отдѣльными отрывками, посредствомъ соединенія которыхъ въ одно цѣлое успѣли, какъ полагаютъ, возстановить національный финскій эпосъ, извѣстный подъ именемъ Kalevala, что значитъ «страна Калевы», бога-великана.

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ Калевалы были впервые собраны Шретеромъ и Топеліусомъ, но только въ 1835 году онѣ были соединены въ «Эпопею» Эліасомъ Ленротомъ, который изъѣздилъ во всѣхъ направленіяхъ Финляндію и населенныя финскими племенами мѣстности въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской, чтобы собрать старинныя пѣсни; впослѣдствіи шведскій переводъ Калевалы, сдѣланный Кастреномъ, познакомилъ европейскій ученый міръ съ этими народными поэмами. Между тѣмъ изслѣдованія продолжались, и второе изданіе Ленрота, вышедшее въ свѣтъ въ 1849 году, болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ по объему первое: оно состоитъ изъ 50 рунъ или пѣсенъ и 22.800 стиховъ; всѣ эти пѣсни слышаны собирателями изъ устъ крестьянъ и относятся къ языческой эпохѣ, за исключеніемъ только одной руны, пятидесятой, которая, очевидно, была сложена уже послѣ введенія христіанства въ Финляндіи, то-есть около тринадцатаго столѣтія. Дошла ли до насъ поэма Калевалы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее распѣвали древніе суоми, или въ значительно измѣненномъ,—во всякомъ случаѣ, эта эпопея оказала рѣшительное вліяніе на финское литературное движеніе новѣйшаго времени. Поэтическій языкъ финляндцевъ отличается между всѣми языками мягкостью и звучностью; кромѣ того, онъ необычайно богатъ. Какъ велико въ немъ обиліе производныхъ словъ, можно судить по тому факту, что число вокабулъ, содержащихся въ словарѣ Эліаса Ленрота [1]), простирается до двухсотъ тысячъ.

«Туранцы» по языку и, вѣроятно, также по происхожденію, нынѣшніе финляндцы, безъ всякаго сомнѣнія, не ниже своихъ сосѣдей, и честолюбіе ихъ, вполнѣ законное, состоитъ въ томъ, чтобы имѣть равныхъ себѣ, но не высшихъ между народами Европы. Вопреки теоріи, признающей за арійцами всяческое превосходство, умственное и нравственное, надъ народностями другихъ расъ, невозможно отрицать того факта, что, взятые въ массѣ, суоми болѣе дѣятельны, болѣе бережливы и въ особенности болѣе честны, чѣмъ жители сопредѣльныхъ странъ. Русскіе писатели отзываются съ большой похвалой о нравственныхъ каче-

[1]) Ив. Д. Бѣляевъ, „Разсказы изъ русской исторіи". Москва. 1865 г.

[2]) Gustaf Retzius, „Finska Kranier".

[1]) „Suomalais-Ruotsalainen Sanakirja", Helsingfors, 1866—1874.

ствахъ финляндцевъ, о ихъ неутомимомъ трудолюбіи, добросовѣстности, скромности, исполненной достоинства, съ которою они избѣгаютъ выпрашиванья на водку или на чаекъ, избѣгаютъ даже малѣйшаго намека на это [1]). Впрочемъ, не одной только расѣ слѣдуетъ приписать эту привилегію финляндцевъ; въ то время какъ русскіе крестьяне, находившіеся въ крѣпостномъ состояніи, естественно должны были усвоить всѣ пороки рабовъ, поселяне Финляндіи пользовались относительной свободой. Впродолженіи всего періода шведскаго владычества жители края имѣли свою долю участія въ правахъ гражданскихъ и политическихъ, и большинство хлѣбопашцевъ оставались собственниками обработываемой ими земли. Въ настоящее время почти всѣ финляндцы знаютъ грамотѣ и могутъ называть себя образованными, въ сравненіи съ русскими крестьянами сосѣднихъ губерній. Но трудность воздѣлыванія неблагодарной почвы, суровость климата и неблагопріятныя условія землевладѣнія дѣлаютъ то, что бѣдность очень велика въ нѣкоторыхъ областяхъ страны, и часто голодовки производили страшныя опустошенія въ рядахъ населенія. Когда лѣто бываетъ холодное и дождливое, такъ что хлѣба не успѣваютъ созрѣть до наступленія осеннихъ заморозковъ, неурожай является неизбѣжнымъ, и жители деревень обречены на голоданіе: тогда часто случается, что бѣдный людъ принужденъ ѣсть солому, грызть древесную кору, примѣшивать къ хлѣбной мукѣ лишаи, а иногда и такъ называемую «горную муку», то-есть родъ трепела, состоящаго изъ остатковъ инфузорій, который собираютъ на днѣ бывшихъ озеръ [2]). Въ 1868 году въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отъ голода погибла цѣлая четверть населенія; число смертныхъ случаевъ было въ этомъ году втрое больше числа рожденій во всей Финляндіи. Слѣпые въ этомъ краѣ относительно многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, исключая Исландіи, которая тоже отличается холоднымъ климатомъ. Въ 1873 году въ Финляндіи насчитывали около 4.000 слѣпыхъ и, сверхъ того, болѣе 4.000 страдающихъ частной потерей зрѣнія. Столь значительный процентъ слѣпыхъ долженъ быть приписанъ отчасти ѣдкому дыму, почти всегда наполняющему лачуги сельскихъ жителей; но во внутреннихъ округахъ главной причиной, можетъ быть, слѣдуетъ считать паровыя бани и риги, гдѣ финляндскіе крестьяне сушатъ, молотятъ и вѣютъ хлѣбъ. Бани, наполненныя густымъ паромъ, образующимся, какъ и въ русской банѣ, отъ поливанія воды на раскаленные камни, были для финновъ чѣмъ-то въ родѣ священныхъ мѣстъ. По нѣскольку разъ въ недѣлю мужчины и женщины, старики и дѣти, всѣ вмѣстѣ, парились, стегая себя березовыми вѣниками и обливаясь холодной водой. Въ бани же водили и роженицъ, такъ что большинство финляндскихъ крестьянъ впервые увидѣли свѣтъ въ тусклой атмосферѣ паровой бани [1]). Впрочемъ, теперь ужъ не встрѣтишь общихъ бань, какія существовали прежде, ни въ губерніяхъ Абосской, Тавастгусской, Нюландской, ни въ южной части Выборгской губерніи.

Часть Финляндіи занята исключительно шведами, потомками древнихъ завоевателей страны: у финляндцевъ они извѣстны подъ именемъ Ruotsaläiset. Населеніе Аландскихъ острововъ, которыми скандинавы владѣли уже въ 1130 году, сплошь шведское, такъ же, какъ и населеніе нѣкоторыхъ острововъ у абоскаго берега и прибрежной области къ югу отъ Гамла-Карлебю: еще недавно финскій языкъ былъ въ этихъ мѣстностяхъ такъ же мало знакомъ, какъ и русскій. Шведская колонизація началась въ краѣ съ половины тринадцатаго столѣтія, вслѣдствіе завоеваній Биргеръ-Ярла, и въ слѣдующіе вѣка она не переставала усиливаться, благодаря торговымъ привилегіямъ и всякаго рода льготамъ и преимуществамъ, предоставленнымъ скандинавамъ. На протяженіи около 30 верстъ къ западу отъ рѣки Кюмень, притока Финскаго залива, населеніе также чисто-шведское: жители вступаютъ въ бракъ только между собой; они сохранили свои нравы, свой родной языкъ и такимъ образомъ до сихъ поръ остаются иностранцами въ отношеніи окружающаго финскаго населенія. Въ другихъ мѣстахъ шведы встрѣчаются лишь отдѣльными семействами или смѣшались посредствомъ браковъ съ туземнымъ населеніемъ; въ Нюландской губерніи большинство шведовъ говоритъ по-фински такъ же хорошо, какъ на языкѣ своихъ предковъ [2]). Въ прежнее время всѣ жители края, сдѣлавшіеся равными шведамъ по умственному развитію или по общественному положенію и которые говорили скандинавскимъ языкомъ, причисляли себя къ шведамъ: аристократія, каково бы ни было ея происхожденіе, принимала имя, которое казалось тогда наиболѣе почетнымъ. Финскій языкъ, сохранившійся только какъ народная рѣчь, считался чѣмъ-то въ родѣ простонароднаго языка. Однако, реформація дала финнамъ начатки письменности, въ видѣ перевода на ихъ языкъ книгъ Священнаго Писанія въ 1548 году; затѣмъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ, благодаря Абоскому университету, начались изслѣдованія о финскомъ языкѣ; наконецъ, въ теченіе настоящаго столѣтія, финляндская литература совершенно освободилась отъ скандинавской опеки, хотя, впрочемъ, большинство ея сочи-

[1]) Семеновъ, „Отечествовѣдѣніе", „Вѣстникъ Европы"; Корфъ, „Итоги народнаго образованія".
[2]) Ignatius, „Le Grand-Duché de Finlande".

[1]) Gustaf Retzius, „Finska Kranier".
[2]) Andreas Warelius, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", vol. XIII.

ній состоитъ изъ переводовъ съ шведскаго. Отнынѣ двѣ національности, два языка не имѣютъ болѣе причины завидовать другъ другу въ отношеніи какихъ-либо привилегій; сдѣлавшись совершенно равными своимъ прежнимъ господамъ, финны, получившіе образованіе или разбогатѣвшіе, не имѣютъ болѣе надобности рядиться въ шведское имя. Съ 1868 года всѣ вновь поступающіе на службу школьные учителя, а съ 1872 года—и всѣ чиновники обязаны знать финскій языкъ. Въ 1896 году на всемъ пространствѣ Финляндіи насчитывали 341.400 шведовъ.

Въ ту эпоху, когда пѣлись въ первый разъ поэмы финскаго народнаго эпоса Калевала, въ Финляндіи еще не было городовъ; существовали только кое-какія деревушки въ прогалинахъ лѣсовъ да по берегамъ изобилующихъ рыбой бухтъ. Жилища тогдашнихъ обитателей края состояли изъ землянокъ—ямъ, вырытыхъ въ землѣ и защищенныхъ крышей, или изъ kotas, то-есть коническихъ шалашей, сдѣланныхъ изъ жердей, кругообразно воткнутыхъ въ землю и припертыхъ верхними концами къ поставленному по серединѣ столбу. И теперь еще можно видѣть такіе kotas, но они давно уже служатъ только сараями. Строеніе, замѣнившее ихъ и называемое pörte, похоже на избу великорусскаго крестьянина: оно состоитъ изъ бревенчатаго сруба, безъ оконъ и безъ трубы, только съ слуховыми окошечками и съ отверстіемъ подъ крышей для выпуска дыма; печь, кое-какая утварь и посуда, да ясли или корыта для домашняго скота—такова была единственная мебель финскаго pörte, гдѣ люди и животныя жили вмѣстѣ. И теперь еще можно видѣть кое-гдѣ нѣкоторыя изъ этихъ жилищъ въ ихъ первобытномъ состояніи,—такія же, какими ихъ описываютъ карельскія пѣсни; но большею частью они увеличились, прикрасились, отдѣлены отъ скотнаго двора и гумна и уже болѣе походятъ на современные дома городовъ и мѣстечекъ.

Первые города Финляндіи, Або, Тавастгусъ, Выборгъ выстроились вокругъ крѣпкихъ замковъ, воздвигнутыхъ для обороны завоевателей и новообращенныхъ христіанъ. Въ сѣверныхъ областяхъ страна, еще и нынѣ почти пустынная, безъ всякаго стратегическаго значенія, была свободно колонизована, и маленькіе городки основались при устьяхъ рѣкъ единственно для торговаго обмѣна произведеній края. Торнео, стоящій напротивъ шведскаго города Гапаранда, отъ котораго онъ отдѣленъ рукавомъ рѣки Торнео, служитъ портомъ для лопарей, которые привозятъ туда на продажу рыбу и оленьи языки. Гораздо важнѣе городъ Улеаборгъ (Улю финновъ): ладьи, спускающіяся внизъ по рѣкѣ Улеа (по-фински Улюіоки), доставляютъ ему въ большомъ количествѣ смолу и деготь, и къ набережнымъ его прибываютъ большіе плоты сплавнаго лѣса; въ началѣ текущаго столѣтія улеаборгскій портъ былъ, благодаря эксплоатаціи окрестныхъ лѣсовъ, наиболѣе посѣщаемымъ во всей Финляндіи; но затѣмъ порты южной области, болѣе населенной, давно уже опередили его по развитію торговой дѣятельности. Движеніе судоходства въ улеаборгскомъ портѣ по приходу и отходу судовъ въ 1878 году: 423 нагруженн. судна, съ общею вмѣстимостью 98.555 тоннъ.

Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1875 г. —7.629.750 марокъ.

Точно также городъ Брагестадъ (Брагинъ по-фински) смѣнилъ, какъ торговый пунктъ, старинное шведское мѣстечко Гамле-Карлебю. Южнѣе, при устьѣ Лаппо-іоки, или «рѣки Лаппо», слѣдуютъ одинъ за другимъ Якобстадъ или Піетасари, мѣстечко Ню-Карлебю и городъ Ваза, ниже котораго на томъ же заливѣ или фьордѣ выстроился новый городокъ, который русскіе называютъ оффиціально Николайстадъ: тысячи подводныхъ камней или шхеръ угрожаютъ судамъ, вступающимъ въ этотъ рейдъ, но въ то же время защищаютъ ихъ отъ внѣшнихъ вѣтровъ. Движеніе судоходства въ портѣ Николайстадъ въ 1878 году:

587 судовъ съ грузомъ, поднимавшихъ 100.756 тоннъ.

Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1895 г.— 6.485.550 марокъ.

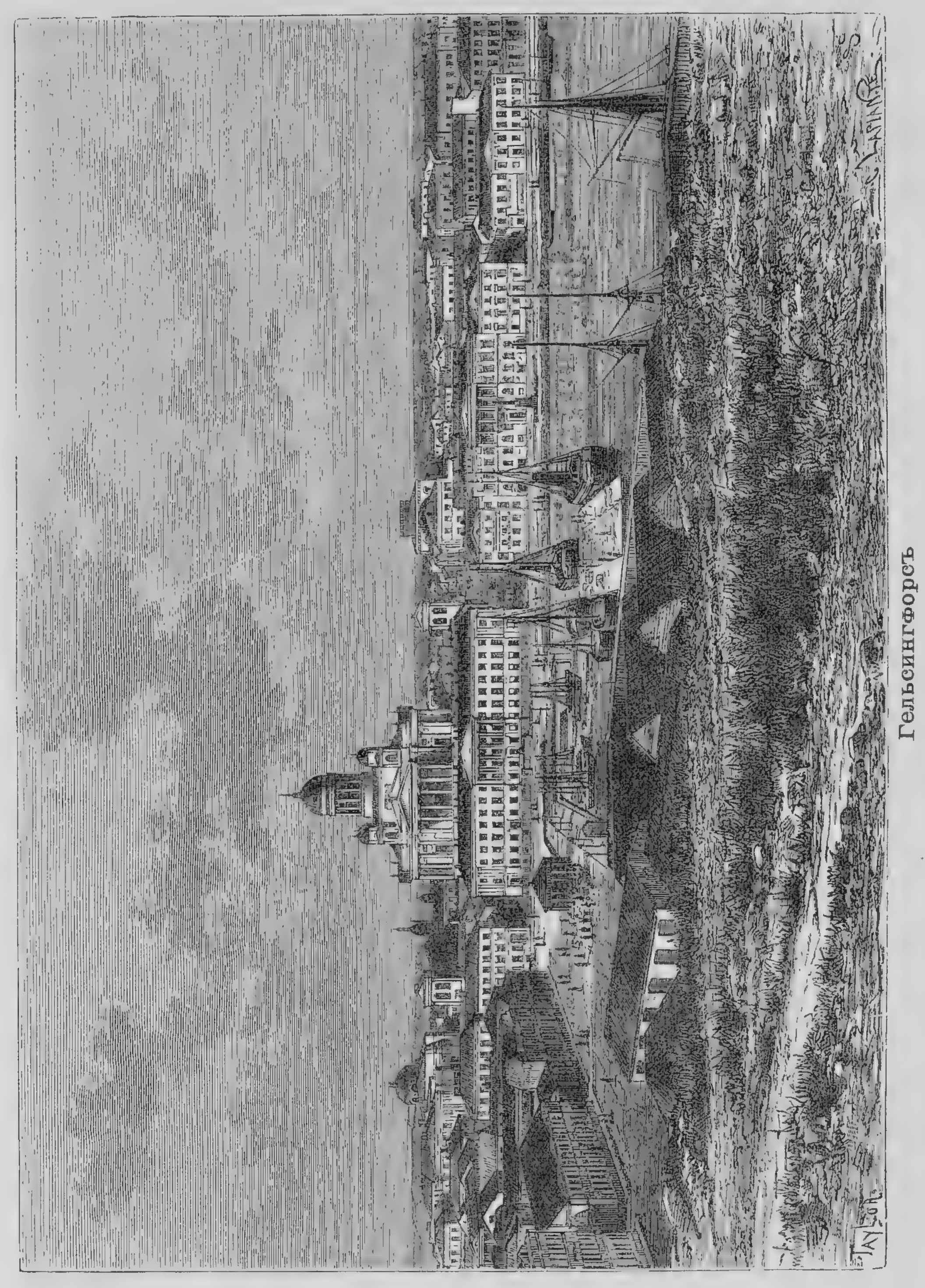
Слѣдуя далѣе въ томъ же направленіи къ югу, встрѣчаемъ другіе портовые города: Кристинестадъ (Ристіина), Бьернеборгъ (Пори), съ лѣсопильными заводами и фабриками, превосходно расположенный на берегу судоходной рѣки Кумо, и Нюстадъ, соединенный съ Швеціей подводнымъ телеграфомъ. Этотъ последній городъ обладалъ въ 1876 году торговымъ флотомъ, состоявшимъ изъ 24 большихъ судовъ и 11 бриговъ. Движеніе судоходства въ бьернеборгскомъ портѣ въ 1878 году:

Всего въ приходѣ и отходѣ—810 груженн. судовъ, вмѣстим. 212.732 тонны.

Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1875 г. —8.746.000 марокъ.

Або (по-фински Турку)—древнѣйшій городъ Финляндіи; въ теченіе многихъ столѣтій онъ былъ главнымъ оплотомъ шведскаго владычества на восточномъ берегу Балтики: здѣсь была воздвигнута первая крѣпость, Абогусъ, и теперь еще господствующая надъ устьемъ рѣки Аура-іоки, ниже города. Защищенный съ западной стороны противъ волнъ открытаго моря архипелагомъ, гдѣ островки и подводныя скалы разсѣяны тысячами и который продолжается, по направленію къ Швеціи, другимъ лабиринтомъ острововъ, Аландскимъ архипелагомъ, абоскій рейдъ мало удаленъ отъ угла финляндской территоріи, выступающаго между заливами Ботническимъ и Финскимъ; благо-

даря этому обстоятельству, онъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ для мореходовъ, посѣщающихъ оба моря, и однимъ изъ главныхъ рынковъ страны: самое имя Турку, которое жители внутренней области даютъ этому городу, указываетъ на исключительную важность Або для торговыхъ сношеній, ибо это названіе происходитъ отъ шведскаго слова torg, означающаго торгъ, рынокъ. Будучи вторымъ по числу жителей, Або занимаетъ, однако, третье мѣсто между торговыми городами Финляндіи; главные предметы его отпуска—лѣсъ и хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, тогда какъ изъ-за границы онъ получаетъ преимущественно мануфактурныя издѣлія, колоніальный товаръ и хлопокъ въ кипахъ для финляндскихъ бумагопрядиленъ. Кромѣ того, Або замѣчателенъ тѣмъ, что онъ впродолженіи безъ малаго двухъ столѣтій, съ



Гельсингфорсъ.

1640 по 1827 г., былъ мѣстопребываніемъ финляндскаго университета: здѣсь астрономъ Аргеландеръ составилъ свой драгоцѣнный каталогъ неподвижныхъ звѣздъ; но послѣ пожара, истребившаго университетскія зданія, вмѣстѣ съ библіотекой, состоявшей изъ 40.000 томовъ, высшее учебное заведеніе края было переведно въ Гельсингфорсъ. Однако и послѣ того Або долго еще оспаривалъ у финляндской столицы титулъ литературнаго центра, въ особенности по части шведскихъ изданій. Торговое движеніе Або въ 1891 г. выразилось слѣдующими цифрами:

Цѣнность привоза — 9,5 милліоновъ мар.; вывоза—около 24 милліоновъ марокъ.

Движеніе судоходства въ портѣ: прибыло—760 судовъ, вмѣстим. 220.234 тонны; вышло—833 судна.

Гельсингфорсъ (по-фински Гельсинки), родина Норденшельда, есть не только главный, но также и самый красивый городъ великаго княжества; онъ имѣетъ много прекрасныхъ зданій, церкви съ колоннадами и куполами, общественныя гульбища, паркъ, ботаническій садъ, теперь самый сѣверный во всемъ свѣтѣ, такъ какъ онъ на нѣсколько десятковъ верстъ ближе къ полюсу, чѣмъ ботаническіе сады Петербурга, Упсалы, Христіаніи. Гельсингфоргскій Александровскій университетъ, богатый письменными памятниками, относящимися къ Финляндіи, сдѣлался центромъ значительной научной дѣятельности; но онъ не имѣетъ въ дѣйствительности той важности, которую придаютъ ему оффиціальные отчеты: въ спискахъ его слушателей числятся сотни лицъ, живущихъ внѣ города или даже за границей; нерѣдко можно встрѣтить стариковъ, продолжающихъ носить званіе студентовъ. Въ весеннее полугодіе 1896 г. въ этомъ университетѣ было: преподавателей 110; учащихся, посѣщающихъ лекціи, 1.188, въ томъ числѣ 84 учащихся женскаго пола; всѣхъ слушателей числилось по спискамъ—2.010, въ томъ числѣ 158 лицъ женскаго пола [1]). Университетская библіотека въ 1893 г. состояла изъ 200.000 томовъ. Со стороны моря Гельсингфорсъ защищенъ грозными укрѣпленіями Свеаборга (Віапори), котораго стѣны, пробитыя амбразурами, возвышаются на гранитныхъ утесахъ семи острововъ, господствующихъ надъ фарватеромъ залива. Однако, Гельсингфорсъ—городъ по преимуществу торговый; онъ наслѣдовалъ городку, который былъ основанъ шведскимъ королемъ Густавомъ Вазой верстахъ въ семи далѣе на сѣверѣ, но воды котораго оказались недостаточно глубокими. Въ нынѣшнемъ портѣ судоходство весьма дѣятельно, и торговля ведется почти столько же съ Великобританіей, какъ и съ Россіей.

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“, изд. Центральнаго Статист. бюро, Гельсингфорсъ, 1897 г.

Торговое движеніе Гельсингфорса въ 1893 г.:

Цѣнность привоза—29.900.000 мар.; вывоза—8.000.000 мар.

Движеніе судоходства (по заграничному плаванію): 230 судовъ въ 93.397 тоннъ.

Морская торговля Гельсингфорса въ послѣднее время уменьшилась, по причинѣ постройки желѣзной дороги, которая направляется къ мысу Ганге, угловому выступу Финляндіи, при входѣ двухъ заливовъ: море въ этомъ мѣстѣ гораздо долѣе свободно отъ льдовъ, чѣмъ въ Гельсингфорсскомъ портѣ и въ другихъ портахъ прибрежья, фарватеры которыхъ замерзаютъ въ ноябрѣ или декабрѣ и снова открываются для навигаціи только въ маѣ мѣсяцѣ. Гельсингфорсъ служитъ главнымъ рынкомъ для двухъ внутреннихъ городовъ—Тавастгуса (Гименлинна), губернскаго города, и Таммерфорса (Тампере), который гиперболически можно назвать «финляндскимъ Манчестеромъ»: этотъ городъ, какъ показываетъ самое имя его, стоитъ на берегу горнаго потока, спускающагося стремнинами и водопадами, и воды этой быстрой рѣчки приводятъ въ движеніе колеса многочисленныхъ заводовъ, ткацкихъ, обойныхъ фабрикъ и другихъ мануфактуръ.

Къ востоку отъ Гельсингфорса, по берегу Финскаго залива, слѣдуютъ одинъ за другимъ маленькіе порты Борго, Ловиза, Фредериксгамнъ, близъ котораго находятся важныя гранитныя ломки Питерлакскія. На юго-западъ отъ Фредериксгамна, укрѣпленный островъ Котка (Руотсинсальми) также командуетъ рейдомъ, гдѣ производится кое-какая торговля и гдѣ стоитъ военная флотилія. Еще далѣе, уже близъ русской границы, открывается заливъ, или, вѣрнѣе сказать, фьордъ, у сѣверной оконечности котораго расположился Выборгъ (Віипури). Этотъ городъ, третій въ Финляндіи по числу жителей, занимаетъ второе мѣсто между финляндскими городами по размѣрамъ торговли и первое—по развитію судоходства, благодаря въ особенности сосѣдству Петербурга; но большія суда должны останавливаться верстахъ въ 12-ти къ югу отъ города, въ Транзундскомъ рейдѣ, который теперь защищенъ сильными укрѣпленіями. Сайменскій каналъ, по которому пароходы поднимаются до Куопіо, оканчивается въ Выборгѣ.

Движеніе внѣшней торговли и судоходства въ Выборгѣ въ 1878 году:

Привозъ моремъ—8.748.400 мар.; сухимъ путемъ—20.435.000 мар. Вывозъ моремъ—12.216.950 мар.; сухимъ путемъ—10.568.530 марокъ.

Прибыло—2.659 судовъ, вмѣстим. 210.000 тоннъ. Вышло—2.675 судовъ, вмѣстим. 211.367 тоннъ.

Внутри страны, на сѣверѣ отъ мѣстностей, относительно многолюдныхъ, побережья Финскаго залива, находимъ одинъ только значи-

тельный городъ: это—Куопіо, главный городъ губерніи того же имени, построенный въ 1776 г. на островѣ, посреди озера Калла, почти на половинѣ дороги отъ Ладожскаго озера въ Улеаборгскому порту; процвѣтаніемъ своимъ онъ обязанъ торговлѣ лѣсомъ и смолой. Нюшлотъ (Новый замокъ), или Савонлинна, маленькій островной городъ, расположенный между двумя озерами, Гаукивеси и Пилеявеси, замѣчателенъ своимъ живописнымъ шведскимъ замкомъ, высокія круглыя башни котораго отражаются въ водахъ озера; Кексгольмъ, на Ладожскомъ озерѣ,—старинная крѣпость, которую оспаривали другъ у друга новгородцы и карелы, а впо-

Финляндія одна изъ тѣхъ странъ Европы, гдѣ численность населенія возрастаетъ съ наибольшей быстротой, благодаря глубокому миру, которымъ пользуется этотъ край уже болѣе полустолѣтія, и развитію его земледѣлія, промышленности и торговли. Число жителей почти упятерилось съ половины восемнадцатаго вѣка, болѣе чѣмъ удвоилось съ 1815 года, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Населеніе Финляндіи: въ 1750 г.—555.000 душъ; въ 1815 г.—1.095.950; въ 1865 г.—1.843.245; въ 1870 г.—1.767.200; въ 1875 г.—1.912.650; въ 1880 г.—2.028.021; въ 1897 г.—2.527.801 душъ.

Нюшлотъ.

слѣдствіи шведы и русскіе. Этотъ послѣдній городъ ведетъ торговлю лѣсомъ и гранитомъ, такъ же, какъ Сердоболь или Сордавала, лежащій въ сѣверо-западномъ углу Ладожскаго озера.

Населеніе важнѣйшихъ городовъ Финляндіи 31 декабря 1894 г. [по церковнымъ книгамъ] [1]):

Гельсингфорсъ, со Свеаборгомъ—70.984 жит. (29.597 финн., 29.994 швед., и проч.); Або—33.763 жит. (17.834 финн., 11.930 швед., и пр.); Выборгъ—22.497 жит.; Улеаборгъ—13.597 жит.; Таммерфорсъ—24.233 жит.; Бьернеборгъ—10.981 жит.; Куопіо—9.489 жит.; Николайстадъ (Ваза)—11.821 жит.

Но въ этомъ постоянномъ приращеніи народонаселенія былъ періодъ остановки и даже обратнаго движенія, во время большаго голода 1868 года, когда около ста тысячъ жителей сдѣлались жертвой голоднаго тифа. Въ южныхъ округахъ, прилегающихъ къ Финскому заливу, населеніе уже составляетъ, въ среднемъ выводѣ, болѣе 10 жителей, а въ Нюландской губерніи—даже 24 жит. на квадр. километръ, тогда какъ для всей территоріи великаго княжества «километрическая густота населенія» въ три раза меньше; но нужно замѣтить, вмѣстѣ съ Игнаціусомъ, что изъ всѣхъ странъ, лежащихъ подъ тою же широтой, Финляндія есть самая населенная и наилучше обработанная. Хотя менѣе благопріятствуемая климатомъ, такъ какъ изотермы, проходя по ея территоріи, из-

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи", 1897.

гибаются къ югу, она, однако, имѣетъ на равномъ пространствѣ гораздо больше жителей, чѣмъ области Скандинавскаго полуострова, лежащія къ сѣверу отъ шестидесятаго градуса широты. Иммиграція составляетъ лишь весьма незначительную долю въ приростѣ народонаселенія Финляндіи. Въ Выборгской губерніи съ давняго времени поселились въ небольшомъ числѣ русскіе крестьяне, сохранившіе свою вѣру, которую исповѣдуютъ также тысячи кареловъ, окрещенныхъ уже новгородцами; но, за исключеніемъ военныхъ и чиновниковъ, въ предѣлахъ великаго княжества насчитывается всего только около семи тысячъ русскихъ, а нѣмцы, по большей части фабриканты, ремесленники и торговцы, представляютъ цифру еще гораздо меньшую (въ 1896 г.—1.790 душъ). Кромѣ того, насчитываютъ около тысячи цыганъ, которые бродятъ въ сосѣдствѣ русской границы. Но эмиграціонное движеніе финляндцевъ довольно значительно: уже въ 1864 году около 15.000 жителей Петербурга были родомъ изъ Финляндіи; точно также на берегахъ Ботническаго залива, на побережьи Ледовитаго океана, квены и финны постоянно смѣшиваются съ лопарями, шведами и норвежцами. Оттуда нѣкоторые эмигранты продолжали свой путь даже за океанъ, въ Америку; въ городѣ Ганкокъ, въ штатѣ Мичиганъ, существуетъ маленькая финская колонія, издающая журналъ на языкѣ своей родины [1]).

Финляндскій народъ только-что вступилъ въ промышленный періодъ, и четыре-пятыхъ жителей занимаются еще земледѣліемъ и скотоводствомъ. Однако, общая поверхность утилизируемыхъ земель составляетъ только сорокъ-четвертую часть территоріи: остальное пространство находится въ залежи, подъ лѣсами, пустырями, озерами и болотами. Въ 1875 году земледѣльческая территорія Финляндіи распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Лѣса—19.239.480 дес.; пашни—760.500 дес.; въ залежи—225.000 дес.; воды, скалы, пустыри—13.525.020 дес.

Производство зерноваго хлѣба недостаточно для мѣстнаго потребленія, и финляндцы принуждены каждый годъ ввозить муку изъ Россіи. Въ 1894 году [2]) сборъ хлѣбовъ далъ (въ гектолитрахъ):

Пшеницы—52.101; ржи—4.301.033; ячменя — 2.030.304; овса — 5.917.900; смѣшан. хлѣба—151.268; гречи—9.229; гороху и бобовъ—142.744; картофеля—6.066.032.

Число домашнихъ животныхъ въ Финляндіи въ 1894 г.:

Лошадей—267.388; жеребятъ—29.258; быковъ и воловъ—77.754; коровъ—987.732; молодаго скота—298.586; овецъ—1.028.425; свиней — 178.144; козъ — 14.240; оленей—127.594; куръ и индюковъ—352.102; прочей домашней птицы—4.297 [1]).

Взамѣнъ ввозимаго хлѣба, Финляндія отправляетъ за границу лошадей, бойный скотъ, молоко, масло, сыръ; кромѣ того, петербургскіе рынки значительную часть дичи и рыбы получаютъ изъ сопредѣльныхъ финляндскихъ округовъ. Однако, главная отпускная торговля Финляндіи состоитъ изъ лѣса и другихъ продуктовъ лѣсоводства, смолы и дегтя. Какъ и въ Швеціи, лѣсныя богатства тратятся неразумно, такъ что для самой пустой подѣлки, какой-нибудь ничтожной ограды или забора, здѣсь употребляютъ столько же лѣса, сколько въ западной Европѣ потребовалось бы для постройки цѣлаго зданія. Въ прежнее время, чтобы расчистить лѣсной участокъ подъ пашню, прибѣгали исключительно къ палу, то-есть къ истребленію деревьевъ огнемъ. Болѣе половины покрытаго лѣсами пространства территоріи принадлежитъ правительству; но казна доставляетъ торговлѣ количество лѣса меньше трехъ четвертей того, какое продаютъ частные лѣсовладѣльцы.

Наибольшая часть земли находится во владѣніи, если не тѣхъ, которые ее обрабатываютъ, то, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ класса крестьянъ. Болѣе половины земледѣльцевъ — еще и нынѣ мелкіе арендаторы или батраки, живущіе на жалованьи; но крѣпостное состояніе никогда не существовало въ шведской Финляндіи; только въ Выборгской губерніи, которая составляла часть собственно Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, помѣщики начали-было пріобрѣтать въ собственность крестьянъ вмѣстѣ съ землями, и теперь государство принуждено выкупать крестьянскіе надѣлы, чтобы перепродать ихъ землепашцамъ. Земельныхъ владѣній къ 1 января 1895 г. считалось въ Финляндіи 115.239; по владѣльцамъ, эти земли распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Число гектаровъ земли, принадлежащей: казнѣ — 14.348.376; дворянамъ — 343.680; пасторскимъ усадьбамъ —268.260; не состоящимъ въ финляндскомъ подданствѣ—90.767; прочимъ землевладѣльцамъ — 21.507.917; всего—36.559.000 [2]).

Многочисленныя дворянскія имѣнія пользуются въ Финляндіи важными привилегіями и не несутъ тѣхъ же налоговъ и повинностей, какъ земли крестьянъ. Что касается земель, принадлежащихъ казнѣ, то онѣ по большей части отдаются въ аренду наслѣдственнымъ арендаторамъ, которые имѣютъ право выкупать участки на заранѣе опредѣленныхъ условіяхъ: уплативъ арендную плату за три года,

[1]) Ignatius, „Le Grand-Duché de Finlande".
[2]) „Статист. Ежегодникъ Финляндіи", 1897 г.

[2]) „Статист. Ежегодникъ Финляндіи", 9897 г.
[1]) Тамъ же.

они становятся собственниками земли, на которой поселились.

Финляндія имѣетъ нѣсколько рудныхъ мѣсторожденій—золото и серебро, свинецъ, цинкъ, мѣдь, олово и желѣзо, но мѣсторожденія эти вообще бѣдныя, а недостатокъ дорогъ не позволяетъ эксплоатировать ихъ; ломки прекраснаго гранита, порфира и мрамора утилизируются только тамъ, гдѣ выломанные камни могутъ быть непосредственно нагружаемы на суда, для отправки въ приморскіе города. Изъ всѣхъ металловъ только желѣзо составляетъ предметъ дѣятельной разработки, но большинство желѣзо-плавильныхъ заводовъ или доменъ обработываетъ почти только иностранныя руды, а изъ мѣстныхъ—только болотную руду. Эта болотная или озерная руда собирается какъ песокъ со дна морскаго, или какъ илъ въ гаваняхъ, при помощи землечерпальныхъ машинъ; зернышки и кругляки углекислаго желѣзняка преобразуются мало-по-малу, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ заводчики предпринимаютъ новый сборъ руды. Желѣзодѣлательная промышленность Финляндіи представлялась въ 1895 г. въ слѣдующемъ видѣ [1]):

Добыто руды (въ тысячахъ килограммовъ): болотной — 1.906; озерной — 65.818; всего — 67.724.

Производство (въ тысячахъ килограммовъ): чугуна—23.220; полосоваго желѣза и стали—17.863; листоваго желѣза и пр.—772; мануфактурнаго желѣза—881; гвоздей—3.360.

Въ южныхъ областяхъ края большое число рудниковъ, разработываемыхъ въ живой скалѣ, нынѣ оставлено; вообще, горная промышленность все болѣе и болѣе переходитъ въ сѣверныя области [2]).

Кромѣ большихъ металлургическихъ заводовъ, Финляндія имѣетъ фабричныя заведенія для выдѣлки всякаго рода мануфактурныхъ предметовъ, сдѣлавшихся потребностью современныхъ народовъ; въ особенности она отличается по части пряденія и тканья матерій, а также производства писчей бумаги: подобно Швеціи, эта страна находитъ въ древесной массѣ важный сырой матеріалъ для своихъ бумажныхъ фабрикъ. Судостроеніе, преимущественно на берегахъ Ботническаго залива, также составляетъ прибыльный промыселъ, и торговый флотъ Финляндіи—одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Европѣ, пропорціонально числу жителей: если бы Франція была такъ же богата купеческими судами, то она обладала бы флотомъ въ 5 милліоновъ тоннъ вмѣстимости.

Коммерческій флотъ Финляндіи къ 31 декабря 1895 г.: парусныхъ судовъ—1.955, въ 236.928 регистр. тоннъ; паровыхъ—418, въ 28.770 тоннъ; всего—2.373 судна въ 265.698 тоннъ [1]).

Морская торговля Финляндіи весьма дѣятельна.

Движеніе судоходства въ финляндскихъ портахъ въ 1895 г.:

Пришло—7.776 судовъ, вмѣстимостью въ 1.581.330 тоннъ; отошло—7.842 судна, вмѣст. въ 1.595.842 тонны.

Въ 1896 г.: пришло—7.822 судна, вмѣст. въ 1.723.960 тоннъ; отошло—7.936 судовъ въ 1.718.109 тоннъ.

Цѣнность товарообмѣна Финляндіи съ разными странами, по морской и сухопутной торговлѣ, въ 1895 г. (въ тысячахъ марокъ): привозъ—150.346; вывозъ—142.935; въ 1896 г.: привозъ—172.600; вывозъ—158.900.

Къ торговлѣ приморскихъ портовъ нужно прибавить торговлю, которая ведется черезъ сухопутную границу между Финляндіей и Россіей, по Ладожскому озеру и въ особенности по желѣзной дорогѣ изъ Выборга въ Петербургъ. Этотъ рельсовый путь овладѣлъ перевозкой большаго числа товаровъ, которые прежде отправлялись на каботажныхъ судахъ. Наконецъ, произведенія нѣмецкихъ мануфактуръ проникаютъ въ большомъ количествѣ въ Россію посредствомъ контрабанды, которая ведется вдоль всей границы. Между старинными обычаями финляндской торговли можно указать на такъ называемый «нѣмой торгъ», который держится еще въ различныхъ мѣстахъ. Крестьяне, привозящіе масло на ладожскіе пароходы для петербургскаго рынка, сдаютъ свой товаръ, записываютъ свои имена и количество доставленнаго масла, затѣмъ, въ извѣстный срокъ, получаютъ слѣдующія имъ деньги, и впродолженіи всей этой операціи продавецъ и покупатель не обмѣниваются ни единымъ словомъ.

Въ южной Финляндіи желѣзная дорога, почти параллельная морскому берегу, проведена изъ Выборга въ Ганге, съ вѣтвями на Гельсингфорсъ, Або и Таммерфорсъ (общая длина финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ въ янв. 1897 г.: 2.424 километра). Желѣзнодорожная сѣть должна продолжиться изъ Таммерфорса на сѣверо-западъ до Вазы, затѣмъ она пройдетъ до Улеаборга, лежащаго подъ 65 градусомъ широты; сдѣланы даже изысканія пути, который долженъ слѣдовать вдоль морскаго берега до Торнео. Нѣтъ сомнѣнія, что въ непродолжительномъ времени Финляндія и Швеція соединятъ свои желѣзнодорожныя линіи на рѣкѣ Торнео, въ сосѣдствѣ полярнаго круга. Равнымъ образомъ на финляндскомъ побережьи и на внутреннихъ озерахъ товары и пассажиры перевозятся съ помощью всемогущаго пара. Быстрые пассажирскіе пароходы поддерживаютъ правильное сообщеніе между всѣми го-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Крапоткинъ, „Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго общества", 1871 г., № 5.

[1]) „Статист. Ежегодникъ Финляндіи", 1897 г.

родами морскаго берега, тогда какъ паровыя шлюпки и буксирные пароходы, проникая въ самое сердце Финляндіи черезъ двадцать восемь шлюзовъ Сайменскаго канала, ходятъ отъ Выборга до Куопіо и даже до Иденсальми, удаленнаго почти на 400 верстъ отъ моря по прямой линіи и на 500 слишкомъ верстъ, если считать повороты. Въ сравненіи съ работами того же рода, исполненными въ Россіи, финляндскія сооруженія замѣчательны своей прочностью и аккуратностью отдѣлки. Шоссейныя дороги Финляндіи, для которыхъ, впрочемъ, строители располагаютъ превосходными матеріалами, безспорно принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Европѣ. Недавно рѣшено приступить къ устройству судоходнаго канала, долженствующаго соединить оконечность Ботническаго залива съ Бѣлымъ моремъ; проектированный каналъ, длина котораго будетъ безъ малаго 500 верстъ, захватываетъ теченіе нѣсколькихъ рѣкъ, и, кромѣ того, въ составъ его войдетъ большое озеро Топъ (по-русски Топозеро).

Движеніе почтовой и телеграфной корреспонденціи въ Финляндіи, относительно, значительнѣе, чѣмъ въ Россіи, благодаря болѣе высокому уровню народнаго образованія. Въ 1894 году въ великомъ княжествѣ было переслано по почтѣ писемъ и разнаго рода отправленій—13.273.335; отправлено газетъ и журналовъ—9.641.935 номеровъ. Число учебныхъ заведеній относительно не велико: въ 1894-95 году было среднихъ учебныхъ заведеній: лицеевъ—38, съ 5.993 учащимися; элементарныхъ, реальныхъ и городскихъ училищъ—19, съ 653 учащимися; женскихъ и приготовительныхъ училищъ—69, съ 5.019 учащ.; учительскихъ семинарій — 4, съ 569 учащ.; народныхъ (высшихъ) училищъ: въ сельскихъ общинахъ—1.174, съ 51.467 учащ.; въ городахъ въ народныхъ училищахъ обучалось 24.245. Спеціальныя учебныя заведенія: Политехническій институтъ, въ Гельсингфорсѣ, въ 1895—96 г.—176 учащихся (въ томъ числѣ 3 женщины); навигаціонныя училища—7, съ 156 учащ.; коммерческіе институты и училища—8, съ 450 учащ. (въ томъ числѣ 209 женщ.); сельскохозяйственныя учебныя заведенія—399 учащ. (муж.) и молочнохозяйственныя—186 учащ. (женщ.). Кромѣ того, существуютъ ремесленныя и промышленныя училища.

Большинство дѣтей учится чтенію и пѣнію въ семействахъ и въ передвижныхъ амбулаторныхъ народныхъ школахъ, содержимыхъ сельскими обществами и временно пребывающихъ по два или по три мѣсяца въ каждой деревнѣ; но обученіе письму въ большомъ пренебреженіи у странствующихъ наставниковъ, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующій фактъ: между тѣмъ какъ почти всѣ дѣти сѣверной Улеаборгской губерніи умѣютъ читать, едва только одинъ изъ двадцати знаетъ писать [умѣющіе читать составляютъ 95,9 процент., а умѣющіе писать только 5,8 процентовъ [1]]. Даже въ нѣкоторыхъ южныхъ округахъ, гдѣ существуетъ много постоянныхъ народныхъ школъ, двѣ трети финскихъ дѣтей не обучены письму. Относительно своей численности, шведы Финляндіи все-еще образованнѣе финновъ, какъ о томъ можно судить по періодической печати края. Въ 1771 году появилась въ Финляндіи, именно въ городѣ Або, первая шведская газета, за которой пять лѣтъ спустя послѣдовало изданіе финской газеты. Въ настоящее время финская періодическая пресса, увеличеніе которой пропорціонально идетъ быстрѣе, превосходитъ числомъ изданій шведскую журналистику, но всего только на нѣсколько газетъ.

Періодическ. изд. Финляндіи въ 1836 г.: 6 на шведск., 4 на финск. яз.; въ 1872 г.: 21 на шведск., 16 на финск. яз.; въ 1878 г.: 25 на шведск., 30 на финск. яз.; въ 1896 г.: 73 шведскихъ, 99 финскихъ, 5 шведскихъ и финскихъ.

Административное вліяніе—съ одной стороны и вліяніе университета—съ другой даютъ въ печати преобладающую роль столицѣ: половина существующихъ въ краѣ повременныхъ изданій выходитъ въ Гельсингфорсѣ.

Великое княжество Финляндское соединено съ Россійской имперіей не только единствомъ верховной власти, но также общей солидарностью въ отношеніи иностранныхъ государствъ: управленіе внѣшними дѣлами одно и то же для обѣихъ странъ, и нѣкоторыя вѣдомства, какъ, напримѣръ, телеграфная часть, находятся въ завѣдываніи русскихъ чиновниковъ. Образъ правленія въ Финляндіи, сохранившей въ существенныхъ чертахъ свое шведское устройство, есть въ принципѣ неограниченная монархія, соотвѣтственно формамъ древней скандинавской монархіи; но эти формы были видоизмѣнены императоромъ Александромъ I, который присоединилъ этотъ край къ русскимъ владѣніямъ и далъ ему особое устройство въ 1809 г. Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій, согласно выраженіямъ статутовъ или конституціи, «властенъ управлять государствомъ, охранять, спасать и защищать оное; начинать войну, заключать миръ и союзы съ иностранными державами; раздавать милости, возвращать жизнь, честь и имущество; располагать по своему высокому усмотрѣнію всѣми должностями страны, которыя должны быть замѣщаемы природными финскими мужами, и соблюдать законъ и правосудіе». Лицо Великаго Князя представляетъ въ Гельсинг-

[1]) Бар. Корфъ, „Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ“.

форсѣ генералъ-губернаторъ, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ главный военный начальникъ (командующій войсками финляндскаго округа) и президентъ сената: кромѣ того, Государь назначаетъ въ своей резиденціи министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи, который долженъ быть финляндскимъ уроженцемъ и который докладываетъ всѣ касающіяся края дѣла, представляемыя на Высочайшее рѣшеніе. Финляндскій сенатъ, назначаемый во всемъ его составѣ Государемъ, имѣетъ пребываніе въ Гельсингфорсѣ и дѣлится на два департамента—департаментъ юстиціи и департаментъ экономіи, состоящіе каждый изъ девяти членовъ. Оберъ-прокуроръ, также назначаемый Высочайшею властію, присутствуетъ на засѣданіяхъ сената, чтобы контролировать его рѣшенія и чтобы указывать ему предѣлы его власти, ибо въ важныхъ случаяхъ дѣло должно быть представляемо на Высочайшее усмотрѣніе. Кромѣ того, генералъ-губернаторъ высказываетъ свое особое мнѣніе въ протоколѣ совѣщаній.

Національное представительство или «сеймъ», которому статуты предоставляютъ долю участія въ законодательствѣ, состоитъ изъ двухъ сотъ слишкомъ членовъ, принадлежащихъ къ четыремъ сословіямъ: дворянству, духовенству лютеранской церкви, горожанамъ и крестьянству, которыя, съ 1863 года, собираются, въ лицѣ своихъ представителей, по крайней мѣрѣ каждыя пять лѣтъ, въ обыкновенное или очередное собраніе, каждое сословіе въ отдѣльной залѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сословія могутъ соединяться для совмѣстнаго обсужденія какого-либо вопроса, но не имѣютъ права постановлять рѣшеній въ общемъ собраніи. Единогласіе всѣхъ четырехъ сословій необходимо для законовъ, касающихся государственнаго устройства, привилегій, налоговъ; распоряженіе о наборѣ войска также не можетъ быть сдѣлано безъ ихъ общаго согласія. Впрочемъ, сеймъ обсуждаетъ только тѣ дѣла, которыя предлагаются на его разсмотрѣніе правительствомъ; въ остальномъ онъ прежде пользовался лишь правомъ петиціи; но въ 1882 г. онъ получилъ также въ довольно широкой мѣрѣ, право парламентской инициативы. На русскую рѣчь генералъ-губернатора финны и шведы отвѣчаютъ на своихъ природныхъ языкахъ, и часто, чтобы не возбуждать зависти ни въ той, ни въ другой національности, обратные отвѣты дѣлаются по-французски,—на томъ языкѣ, на которомъ говорилъ Императоръ Александръ I предъ сеймомъ въ Борго. Всѣ дворянскія фамиліи представлены на сеймѣ своимъ главою или уполномоченнымъ, тогда какъ другія сословія, болѣе многочисленныя, должны избирать своихъ представителей. Составъ сейма, по сословіямъ, слѣдующій:

Дворянство—121 представ.; духовенство—36 представ.; городское сословіе—45 представ.; крестьянство—59 представ.; всего—261 представитель.

Профессора подаютъ голосъ въ сословіи духовенства. Судовладѣльцы, владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, именитые городскіе жители, фабриканты и лица, занимающіяся промыслами на основаніи особыхъ привилегій, причисляются къ классу городскихъ избирателей: они назначаютъ одного депутата на 6.000 жителей городскаго населенія. Къ классу крестьянскихъ избирателей принадлежатъ сельскіе земельные собственники и арендаторы казенныхъ земель. Каждый изъ 50 судебныхъ округовъ имѣетъ своего представителя на сеймѣ.

Въ отношеніи гражданскаго управленія великое княжество дѣлится на восемь губерній (по шведски län), подраздѣляющихся на уѣзды (härader) и на общины, которые сами управляютъ своими мѣстными дѣлами, подъ контролемъ губернатора и другихъ чиновъ администраціи. Общинные избиратели располагаютъ каждый числомъ голосовъ, пропорціональнымъ платимой имъ цифрѣ налоговъ. Города, составляющіе отдѣльные административные округи, имѣютъ муниципальный совѣтъ, избираемый на три года, нѣсколькихъ радмановъ, выборныхъ отъ торговаго сословія, и одного или двухъ бургомистровъ, назначаемыхъ сенатомъ, именемъ Великаго Князя, изъ трехъ кандидатовъ, которые получили на выборахъ наибольшее число голосовъ.

Въ Финляндіи дѣйствуетъ еще шведскій кодексъ 1734 года, измѣненный во многихъ его узаконеніяхъ. Окружные суды, для разбирательства дѣлъ въ первой инстанціи, существуютъ въ числѣ 59, но они часто переѣзжаютъ изъ деревни въ деревню, чтобы разбирать накопившіяся дѣла; суды эти состоятъ изъ одного судьи и по меньшей мѣрѣ изъ пяти крестьянскихъ засѣдателей, выбираемыхъ между людьми «благонадежными», по усмотрѣнію губернатора [1]). Въ городахъ существуютъ муниципальные суды или магистраты, въ которыхъ предсѣдательствуетъ бургомистръ. Вторую инстанцію составляютъ три судебныхъ палаты: въ Або, въ Николайстадтѣ и въ Выборгѣ, а высшее судебное учрежденіе—департаментъ юстиціи сената. Смертная казнь, легально еще существующая въ Финляндіи, уже болѣе полустолѣтія не была примѣняема на практикѣ.

Съ 1881 г. въ Финляндіи введена всеобщая воинская повинность (срокъ службы—3 года подъ знаменами и 2 года въ резервѣ). Финское войско состоитъ (1897 г.) изъ

---

[1]) „Благонадежными" (valfrajdad), т. е. людьми, которые не были наказаны, по приговору суда, за преступленія, позорящія честь или доброе имя. Губернаторы не имѣютъ никакого отношенія къ судамъ, зависящимъ лишь отъ судебныхъ палатъ (гофгерихтовъ). Ред.

1 гвардейскаго стрѣлковаго батальона, 8 линейныхъ стрѣлковыхъ батальоновъ и 1 драгунскаго полка,—всего по штатамъ мирнаго времени, 236 офицеровъ и 6.020 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, въ краѣ расположены русскія войска въ составѣ 1 стрѣлковой бригады, 2 батальоновъ пѣхоты, 4 батарей крѣпостной артиллеріи и саперовъ,—всего около 300 офицеровъ и 9.200 нижнихъ чиновъ.

Финляндія, какъ и Швеція, имѣетъ свою государственную религію,—евангелическо-лютеранскую; другія вѣроисповѣданія, за исключеніемъ православнаго, до сихъ поръ не получили еще разрѣшенія образовывать особенныя конгрегаціи. Даже евреи, которыхъ теперь насчитывается около 500 человѣкъ, живутъ въ краѣ лишь въ силу даннаго имъ дозволенія: они не могутъ натурализоваться. По вѣроисповѣданіямъ населеніе Финляндіи въ концѣ 1896 г. распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Лютеранъ — 2.473.441; православныхъ — 46.509; католиковъ—487.

Архіепископъ-примасъ евангелическо-лютеранской церкви имѣетъ пребываніе въ городѣ Або; вся страна раздѣлена на 3 епископства, 45 пріорствъ или благочиній, 286 приходовъ, 491 конгрегацію, священнослужителей—около 900. Управленіе православной церковью въ Финляндіи принадлежитъ архіепископу выборгскому. До 1866 года инспекція школъ принадлежала духовенству; въ настоящее время она предоставлена самимъ общинамъ, которыя для этой цѣли назначаютъ училищные совѣты.

Финляндскій бюджетъ въ 1897 г. выразился цифрой 65.601.746 марокъ (марка=0,37498 рубля). Подобно великимъ державамъ, это маленькое княжество имѣетъ свой государственный долгъ, который 1 января 1897 г. равнялся 86.364.815 маркамъ [1]).

Въ Финляндіи, какъ и въ Швеціи, города отличаются отъ мѣстечекъ и деревень не числомъ жителей, а привилегіями торговыми и политическими.

Слѣдующая таблица содержитъ списокъ губерній, съ показаніемъ ихъ пространства, цифры и густоты населенія.

Губерніи.	Пространство. кв. миль.	кв. верстъ.	кв. кил.	Города.	Мѣстечки.	Уѣзды.	Населеніе къ 1 янв. 1897 г.	Число жителей на кв. килом.
Нюландская	215,6	10.432	11.872	5	—	4	264.243	24
Або-Бьернеборгск.	438,9	21.239	24.171	6	2	10	419.369	18
Тавастгусская	392,0	18.967	21.584	2	—	6	276.010	15
Выборгская	636,4	30.791	35.041	6	—	9	379.115	9
Санктъ-Михельская	414,8	20 070	22.840	3	—	4	185.098	8
Куопіоская	776,0	37.548	42.730	2	2	6	300.291	8
Вазаская	756,3	36.592	41.711	7	1	6	435.548	11
Улеаборгская	3.008	145.552	165.641	5	1	6	260.763	1,7
Часть Ладоги, принадлеж. къ Финляндіи	—	—	8.014	—	—	—	—	—
Итого	6.638,0	321.191	373.604				2.520.437	7

III. Прибалтійскія губерніи.

Эстляндская, Лифляндская, Курляндская.

Три губерніи Россійской имперіи, обыкновенно называемыя «прибалтійскими», «Остзейскимъ краемъ», не отдѣлены отъ остальной Россіи никакой естественной границей; въ составъ ихъ не входитъ Петербургская губернія, хотя она и омывается тѣми же водами. Только на сѣверо-востокѣ два соединенныя озера, Псковское и Чудское (Пейпусъ), и вытекающая изъ послѣдняго рѣка Нарова служатъ общей границей: Петербургской губерніи—съ западной стороны, губерніямъ Эстляндской и Лифляндской—съ восточной стороны; но на юго-востокѣ и на югѣ разграничительныя линіи, которыя то слѣдуютъ по теченію какой-либо рѣки, то пересѣкаютъ лѣса или болота, всѣ чисто условны: отъ одной административной территоріи до другой продолжаются цѣпи холмовъ и равнины. Въ нижней части своего теченія, Западная Двина орошаетъ равнины Лифляндіи и Курляндіи; но эта рѣка лишь въ очень слабой степени способствовала связи и общности историческихъ судебъ Прибалтійскаго края: единство этихъ областей установилось главнымъ образомъ благодаря морю, благодаря Рижскому заливу, который далеко вдается въ твердую землю, омывая берега трехъ губерній. Черезъ море же вошли въ край иммигранты нѣмецкаго происхожденія, сдѣлавшіеся главными владѣльцами земли, коммерсантами и дворянами,—словомъ, обладателями всего національнаго богатства. Эти германскіе пришельцы уже перестали быть политическими властителями страны, но они все-еще сохраняютъ въ ней преобладающее вліяніе, благодаря своему богатству, образованію и пріобрѣтенному общественному положенію, и такимъ образомъ придаютъ особый характеръ той части Россійской имперіи, гдѣ они живутъ. По массѣ туземнаго населенія, Эстляндія, Лифляндія и Курляндія также отличаются, вообще говоря, отъ сопредѣльныхъ областей, хотя латыши живутъ

[1]) Финляндія имѣетъ право чеканить монету. Ред.

также въ губерніи Витебской, самогиты или жмудины—въ Ковенской, эсты – въ Петербургской: только перейдя черезъ границы земель, населенныхъ эстами и латышами, вступаешь въ Россію собственно. Однако, прибалтійскія губерніи не имѣютъ частной политической автономіи, какъ Финляндія, ни даже административнаго единства. Поэтому общая статистика съ давнихъ поръ уже соединяетъ эти губерніи съ остальными губерніями имперіи; онѣ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ областей не по протяженію, но по числу жителей и по торговому движенію. Пространство и населеніе Прибалтійскаго края:

Губернія.	Пространство (безъ значит. внутрен. водъ) кв. верстъ.	Населеніе въ 1897 г.	Число жителей на 1 кв. версту.
Эстляндская . .	17.306	413.724 ж.	23,9
Лифляндская .	40.002	1.300.640 „	32,5
Курляндская .	23.747	672.634 „	28,3

Въ цѣломъ губерніи балтійскаго прибрежья мало возвышаются надъ поверхностью моря, но мѣстами почва поднимается въ видѣ цѣпей или группъ холмовъ, которымъ контрастъ окружающихъ низменныхъ равнинъ придаетъ нѣкоторый рельефъ. Эти высоты, которыя въ общемъ своемъ образованіи похожи на холмистыя плоскія возвышенности Помераніи и Восточной Пруссіи, составляютъ также родъ водораздѣльного хребта между берегами Балтики и внутренними континентальными равнинами; но онѣ прерываются во многихъ мѣстахъ и даютъ проходъ текущимъ водамъ. Въ Эстляндіи почва повышается довольно круто надъ уровнемъ западнаго морскаго берега и образуетъ тамъ и самъ утесы, состоящіе изъ песчаника и древнихъ известняковъ и которые у мѣстныхъ нѣмцевъ извѣстны подъ именемъ Glinten; это, безъ всякаго сомнѣнія, есть слегка видоизмѣненное датское названіе скалистыхъ крутыхъ скатовъ (Klint). Далѣе въ восточномъ направленіи коегдѣ возвышаются бугры среди низменностей; въ видѣ настоящихъ холмовъ почва поднимается только въ сѣверо-восточной части края, гдѣ различныя вершины имѣютъ болѣе 330 футовъ высоты, а одна изъ нихъ, Эммо-Мегги, или «Гора-Мать», достигаетъ даже 500 слишкомъ футовъ; понятно, что въ глазахъ эстовъ такая возвышенность, господствующая надъ окружающими равнинами на далекое пространство, должна была казаться родительницей всей страны. Небольшія гряды эстляндскихъ высотъ постепенно понижаются на югѣ, къ границамъ Лифляндіи; но за равнинами, по которымъ протекаетъ рѣка Эмбахъ, или Эмба, мѣстность опять поднимается по обѣ стороны Вирцъ-Ярва, самаго большаго озера, лежащаго на всемъ его протяженіи въ предѣлахъ прибалтійскихъ губерній.

Къ востоку отъ этой водной площади, цѣпь холмовъ мало-по-малу поднимается и образуетъ широкое плато, надъ которымъ господствуетъ гора Мунна-Мегги, самая высокая вершина Лифляндіи. Изрѣзанная глубокими, поросшими лѣсомъ ущельями, которыя придаютъ скатамъ и вершинамъ величаво-суровый видъ, эта сплошная возвышенность продолжается на юго-востокъ къ «Чертовой горѣ» и далѣе этой высоты, проникая въ предѣлы губерній Псковской и Витебской, тогда какъ на юго-западѣ боковой кряжъ выдвигается между рѣками Аа и Западная Двина и образуетъ такъ называемую «Венденскую Швейцарію», живописную горнстую мѣстность, сплошь усѣянную маленькими озерами, которыхъ тамъ насчитываютъ цѣлыя сотни. На югъ отъ Двины, почва Курляндіи образуетъ другое плоскогорье, которое тянется вдоль этой рѣки до Митавской равнины, лежащей всего только на нѣсколько футовъ выше поверхности моря. Долина, по которой течетъ Курляндская Аа, отдѣляетъ эту равнину отъ треугольнаго полуострова, заключающагося между Рижскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Этотъ полуостровъ представляетъ другую «Швейцарію», похожую на Лифляндскую, то-есть лѣсистое плато, изрѣзанное по окружности въ видѣ многочленныхъ мысовъ и отражающее свои деревья въ водахъ маленькихъ озерныхъ бассейновъ. Эта плоская возвышенность оканчивается на сѣверѣ холмами, которымъ дали мало заслуженное названіе «Синихъ горъ», и высокимъ мысомъ Домеснесъ, основаніе котораго врѣзывается въ воды моря, какъ котватеръ корабля. На югѣ берегъ Балтійскаго моря, очень песчаный, окайменъ, на большей части своего протяженія, дюнами, которыя прежде часто передвигались внутрь страны, гонимыя западнымъ вѣтромъ, вслѣдствіе чего принуждены были закрѣпить ихъ палисадами и насажденіями деревъ.

Главныя высоты прибалтійскихъ губерній: Мунна-Мегги (Лифляндія)—1.065 фут. Гайзингъ-Кальнъ (Лифляндія) — 996 фут.; Чертова гора, или Тейфельсбергъ (Лифляндія) — 848 фут.; Эммо-Мегги (Эстляндія)—508 фут.; вершина курляндской «Швейцаріи»—442 фут.; Домесбергъ (Курляндія)—188 фут.

Территорія прибалтійскихъ губерній вся лежитъ въ области разсѣянія эрратическихъ камней, скандинавскихъ и финляндскихъ. Длинные бугры или валы, во всемъ сходные съ азарами Швеціи и Финляндіи, встрѣчаются во множествѣ на островѣ Эзелѣ и въ равнинахъ Эстляндіи. Тамъ видны также, до высоты 400 футовъ на холмахъ, полосы и полированныя грани на камняхъ, произведенныя льдами во время ихъ прохожденія; а подъ корнями деревьевъ, подъ дерномъ луговъ или подъ мохомъ болотъ, крестьяне часто находятъ груды гранитныхъ камней, принесенныхъ изъ Скандинавіи и смѣшанныхъ съ глетчерной глиной, сход-

ной съ till или boulder-clay Шотландіи и Англіи [1]). Эрратическіе камни встрѣчаются вездѣ, гдѣ почва еще не обращена въ пахатную землю и гдѣ еще не убраны разсѣянные на ней камни; валуны попадаются даже на вершинѣ Мунна-Мегги. Подобно тому какъ въ Финляндіи и въ Швеціи, холмы во многихъ мѣстахъ Остзейскаго края расположены правильно по прямой линіи въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку: поверхность земли имѣетъ такой видъ, какъ будто она была распахана исполинскимъ плугомъ, и озера наполняютъ параллельныя борозды или впадины, оставленныя между грядами и лѣсами; нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ частяхъ территоріи движущіеся льды также участвовали въ сообщеніи почвѣ этой, почти геометрически правильной, формы рельефа. Какъ на примѣръ этихъ цѣпей высотъ, правильно выструганныхъ и отшлифованныхъ въ одномъ и томъ же направленіи, можно указать на гряды холмовъ, которые возвышаются къ сѣверу отъ Дерпта (Юрьева).

На морскихъ берегахъ Восточной Пруссіи почва, какъ извѣстно, находится теперь въ періодѣ осѣданія; но въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ въ Эстляндіи, твердая земля движется въ обратномъ направленіи; по наблюденіямъ Рейнеке [2]), повышеніе почвы въ ревельскомъ портѣ составляло 62 миллиметра въ періодъ времени между годами 1822 и 1837; граница или шарниръ колебанія между осѣдающими мѣстностями и тѣми, которыя поднимаются, находится, быть можетъ, на берегахъ Рижскаго залива, древняго озера, западная стѣна котораго была разрушена размывами моря [3]). Во всякомъ случаѣ, если дѣйствительно Эстляндія и сосѣдніе острова постепенно поднимаются изъ водъ Балтики, какъ утверждаютъ мѣстные жители, то это движеніе происходитъ гораздо медленнѣе, нежели повышеніе шведскихъ береговъ Ботническаго залива: здѣсь, очевидно, останавливается волна поднятія, гребень которой находится въ Скандинавіи, въ сосѣдствѣ полярнаго круга [4]).

Прибалтійскія губерніи принадлежатъ къ нѣсколькимъ рѣчнымъ бассейнамъ. На сѣверо-востокѣ, проточныя воды спускаются къ большому озеру Пейпусъ и черезъ рѣку Нарову изливаются въ Финскій заливъ. Нѣкоторые рѣчки и ручьи, получающіе начало на сѣверномъ водоскатѣ Эстляндіи, также текутъ непосредственно въ этотъ заливъ. На западѣ Пернава, Лифляндская Аа, Западная Двина, Курляндская Аа впадаютъ въ Рижскій заливъ, тогда какъ Виндава и другіе менѣе важные потоки изливаются въ Балтійское море. Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ только одна, Западная Двина (по-латышски Даугава) катитъ значительную массу воды, которую можно считать равною почти 18.000 кубич. футовъ въ секунду, ибо бассейнъ этой рѣки обнимаетъ поверхность ра[в]ную около 68.000 квадр. верстъ, и годовая высо[т]а выпадающихъ на этомъ пространствѣ дожд[ей] составляетъ приблизительно 500 миллиметров[ъ]. Западная Двина образуется изъ ручьевъ, сп[у]скающихся изъ западныхъ и полуденныхъ д[о]линъ Валдайской сплошной возвышенности, [и] течетъ сначала на юго-западъ, затѣмъ, ни[же] Витебска, она принимаетъ направленіе на з[а]падъ и далѣе на сѣверо-западъ. Во многи[хъ] мѣстахъ ея берега, низменные и болотисты[е], сохранили слѣды прежнихъ ложъ: рѣка там[ъ] сямъ передвигалась среди равнинъ, отыскив[ая] наиболѣе благопріятный скатъ. По нынѣ[ш]нему рельефу почвы, Двина должна была [бы] совершенно безпрепятственно продолжать св[ой] путь къ югу и сдѣлалась бы притокомъ Днѣпр[а]; но колебанія уровня и размывы, произведе[н]ные водами въ теченіе вѣковъ, позволили е[й] открыть себѣ русло между силурійскими пл[ато]скими возвышенностями Лифляндіи и Курлянд[іи] и такимъ образомъ направить свои воды [въ] Балтійское море. Пороги, которыми усѣя[на] эта рѣка во всей скалистой области, составл[я]ютъ серьезное препятствіе судоходству; на пр[о]тяженіи 130 верстъ общее паденіе не превышаетъ 175 футовъ, но эта покатость очень н[е]равномѣрна, и на многихъ подводныхъ камняхъ нерѣдко случались крушенія судовъ.

Ниже Риги рѣка развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, извивающихся на древнемъ озерномъ бассейнѣ, отдѣленномъ нѣкогда отъ моря поясомъ дюнъ, которыя тщетно пытались закрѣпить: Малая Двина, Красная Двина, Старая Двина и другія подобныя названія напоминаютъ блужданія рѣки, а различныя сооруженія, форты, мельницы, плотины, появляются на картахъ то на сѣверѣ, то на югѣ отъ рукава, по которому слѣдуютъ суда [1]). Этотъ кордонъ дюнъ былъ прорванъ, но послѣ того образовался другой, который также былъ пробитъ водами; и между этими двумя цѣпями песчаныхъ горокъ протекаетъ Курляндская Аа, извѣстная въ нижнемъ своемъ теченіи подъ именемъ Больдеръ-Аа и соединяющаяся съ Двиной. Подойдя близко къ морю, у Шлока, Аа не могла открыть себѣ дороги черезъ груды песку, нанесенныя вѣтрами и волнами противъ ея устья; она должна была повернуть въ сторону, къ востоку, и течь параллельно морю, на протяженіи около 20 верстъ, до встрѣчи съ Западной Двиной. Но это только временное явленіе въ жизни

---

[1]) Schmidt, „Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg", tome VIII, 1865.

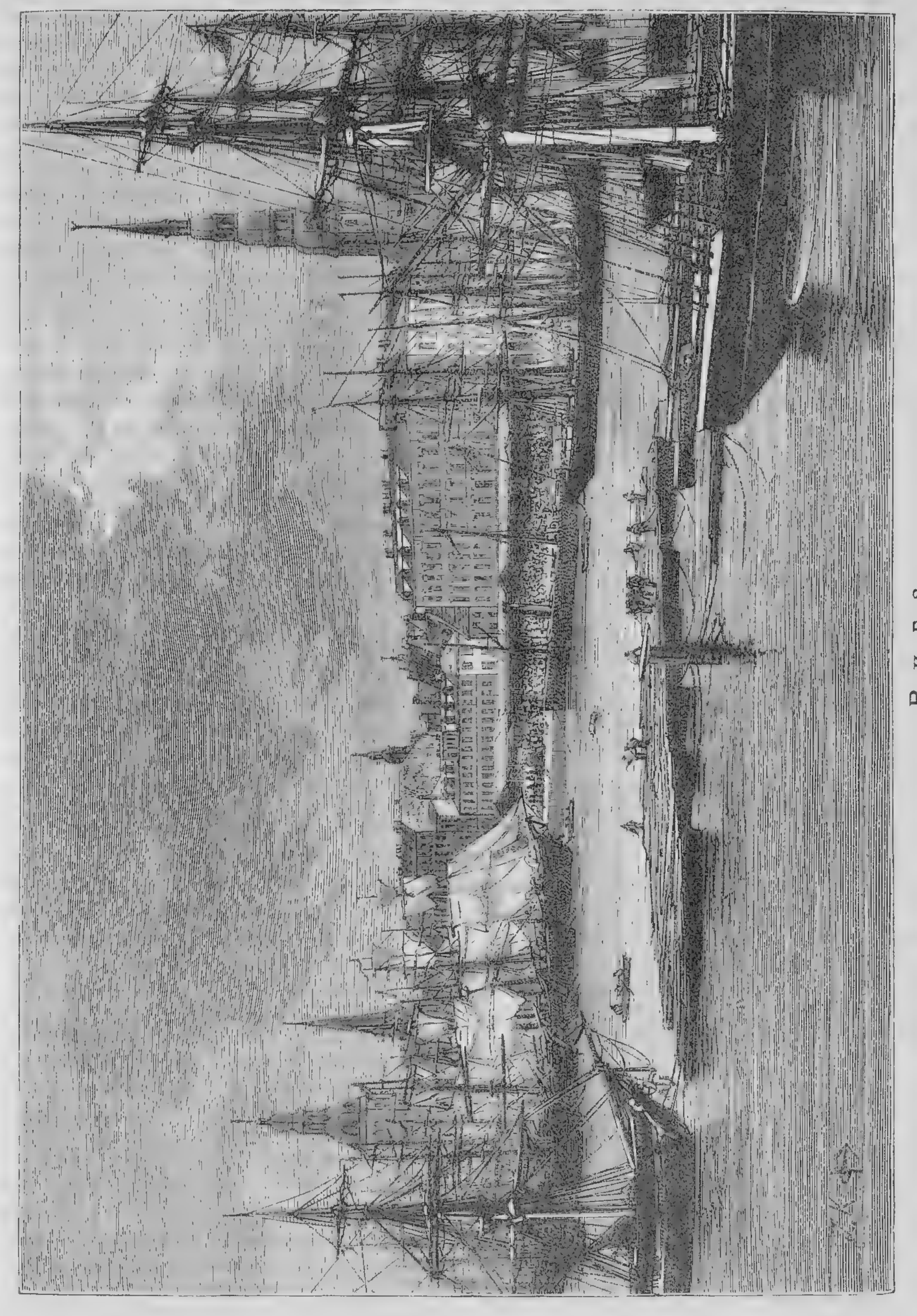
[2]) „Hydrographie des Russischen Reiches", v. Stuckenberg.

[3]) Бэръ и Гельмерсенъ, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", vol. IV.

[4]) Бэръ, „Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg", t. VI, 1863.

[1]) Stuckenberg, „Hydrographie des Russischen Reiches".

рѣки. Прежде Аа текла не между двумя поясами дюнъ, но на югѣ отъ самой полуденной цѣпи; длинный неглубокій прудъ или болото, нынѣ заросшее камышами, указываетъ прежнее ложе рѣки. На западѣ отъ Шлока потоки и нѣсколько небольшихъ озеръ показываютъ, что воды нѣкогда текли въ этомъ направленіи, прямо противоположномъ тому, по которому онѣ слѣдуютъ въ наши дни. Наконецъ, верстахъ въ шести отъ устья Западной Двины, Больдеръ-Аа открыла себѣ собственное устье въ прибрежномъ поясѣ дюнъ, и рано или поздно можетъ случиться, что она перестанетъ быть притокомъ рижской рѣки. Что касается Лифляндской Аа, то изслѣдованіе мѣстности, по которой она протекаетъ, раскрываетъ подобную же исторію. По выходѣ изъ «Венденской Швейцаріи», гдѣ она глубоко изрѣзала почву, вырывъ



Рига.

ущелье съ обрывистыми стѣнами, эта рѣка вступаетъ въ низменныя равнины и, описавъ дугу въ сѣверо-западномъ направленіи, изливается въ Рижскій заливъ черезъ независимое устье; но ложныя рѣки въ видѣ полумѣсяца и озера въ формѣ ожерельевъ, еще сообщающіяся отчасти съ Западной Двиной, свидѣтельствуютъ, что и Лифляндская Аа прежде соединялась съ главной рѣкой страны.

Сѣверная Лифляндія представляетъ другой замѣчательный примѣръ перемѣны, происшедшей въ теченіи водъ. Въ центрѣ низменности, которая ограничиваетъ на югѣ невысокое плоскогорье и холмы Эстляндіи, находится Вирцъ-Ярвъ или «Бѣлое озеро»—водная площадь, занимающая пространство около 240 квадр. верстъ. Въ сѣверо-восточномъ углу этого озернаго бассейна открывается долина, черезъ которую изъ него вытекаетъ рѣка Эмбахъ, одинъ изъ главныхъ притоковъ Пейпуса и (черезъ это озеро) рѣки Наровы, впадающей въ Финскій заливъ; но отъ сѣверо-западнаго угла оз. Вирцъ начинается другая долина, которая явственно составляетъ на западѣ продолженіе долины р. Эмбахъ, и которая соединяется съ низменностью, гдѣ течетъ теперь рѣка Феллинъ, притокъ Пернавы, впадающей въ Рижскій заливъ. Такимъ образомъ, прежде существовала непрерывная линія водъ, отдѣлявшая Эстляндію отъ континентальнаго ствола; но, вслѣдствіе поднятія почвы, прервалось сообщеніе водой между Рижскимъ заливомъ и озеромъ Вирцъ, которое нынѣ лежитъ на 112 футовъ выше уровня Балтійскаго моря. Безъ сомнѣнія, было время, когда Эстляндія была такимъ же островомъ, какъ Эзель, Даго, Вормсъ, Монъ, сгруппированные въ архипелагъ между рижскимъ заливомъ и Балтикой въ собственномъ смыслѣ. По своимъ контурамъ и рельефу почвы, равно какъ по свойству своихъ горныхъ породъ, эти острова и Эстляндія, очевидно, составляютъ части одной и той же земли: континентальная область осталась почти островной по глубокимъ долинамъ, перерѣзывающимъ ея поверхность, а острова—не что иное, какъ изрѣзанное водами продолженіе материка.

Прибалтійскимъ губерніямъ Россійской имперіи иногда даютъ названіе «нѣмецкихъ», но совершенно неправильно, потому что въ этой странѣ масса населенія вовсе не германскаго происхожденія: какъ въ первые дни нашествія, нѣмцы остаются до сихъ поръ тѣмъ же, чѣмъ они были семьсотъ лѣтъ тому назадъ,—чужеземцами. Остзейскій край по-прежнему принадлежитъ эстамъ и латышамъ по праву численнаго преобладанія.

Эсты,—таково обычное названіе коренныхъ жителей края,—народъ родственный финнамъ, живущимъ на сѣверѣ отъ Финскаго залива: это—тѣ же суоми, или финны, и по происхожденію, и по языку, какъ и населенія «страны озеръ и гранита». Имя ихъ встрѣчается въ очень многихъ древнихъ историческихъ памятникахъ, отъ Тацита и Птоломея до Іорнандеса и скандинавскихъ сагъ, подъ различными формами, какъ-то: Ostiones, Aesthieri, Istes, Aistones [1]); латыши называютъ ихъ Igaunas, то-есть «изгнанниками», сами же они именуютъ себя Talloроeg, то-есть «сынами земли», или также Marahwas, что значитъ «люди страны», и дѣйствительно, они достаточно многочисленны, чтобы имѣть право считать себя населеніемъ по-преимуществу въ обширной территоріи. Пространство, которое они занимаютъ, переходитъ далеко за предѣлы провинціи, называемой по ихъ имени Эстоніей или Эстляндіей; они даже живутъ болѣе компактными массами въ сѣверной части Лифляндіи, чѣмъ въ Эстляндской губерніи, и ниже Пейпуса до южной стороны Псковскаго озера; они имѣютъ колоніи въ губерніяхъ Петербургской, Псковской, Витебской. Въ 1870 году общее число эстовъ, по приблизительному исчисленію, простиралось почти до 800.000; по губерніямъ они были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ Эстляндской около 300.000, въ Лифляндской—400.000, въ Витебской около 12.000, въ Петербургской—10.000, въ Псковской около 10.000.

Нѣкоторыя группы эстовъ совершенно отдѣлены отъ сплошной массы ихъ націи. Такъ, на югѣ отъ цѣпи высотъ, въ которой господствуетъ Чертова гора, живетъ нѣсколько сотъ эстонскихъ семей, составляющихъ вмѣстѣ около 2.000 душъ; семейства эти частію сгруппированы въ селеніяхъ, частію разсѣяны отдѣльными дворами или хуторами. Открытые, такъ сказать, Шегреномъ въ 1841 году, эти эстонскіе поселенцы были съ той эпохи изучаемы другими филологами, и языкъ ихъ признанъ очень близкимъ къ языку сѣверныхъ эстовъ: однако, тѣ и другіе съ трудомъ понимаютъ другъ друга, что происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ множества латышскихъ выраженій, вошедшихъ въ языкъ лифляндскихъ эстовъ [2]).

Въ общихъ чертахъ, т. е. если не обращать вниманія на значительныя различія типа, которыя представляются тамъ и сямъ, эсты имѣютъ большое сходство съ финляндскими тавастами; вообще полагаютъ, что они принадлежатъ къ той же отрасли большаго финскаго племени [3]); однако, русскія лѣтописи называютъ ихъ чудью, какъ и обитателей покатости Сѣвернаго океана. Многіе изъ эстовъ имѣютъ плоское лицо, узкіе глаза, общій обликъ, немного напоминающій монгольскій типъ; какъ и у финновъ, глаза у нихъ голубые, волосы свѣт-

---

[1]) Richter, „Geschichte der Baltischen Provinzen".

[2]) Видеманъ, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, 1869.

[3]) Gustaf Retzius, „Finska Kranier".

лорусые, часто желтоватые. Говорятъ, что внутри края поселяне, жившіе въ тяжелой неволѣ у своихъ господъ во времена крѣпостнаго права и плохо вознаграждаемые за свой трудъ неблагодарной почвой, ниже ростомъ и слабѣе тѣлосложеніемъ, чѣмъ ихъ соотчичи въ приморскихъ мѣстностяхъ. Средній ростъ эстовъ, по Грубе, 1.642 метр.; средній указатель черепа: 77,26 по Грубе, 80,40 по Брока. Во время вѣковой борьбы съ датскими и нѣмецкими завоевателями, извѣстными въ странѣ подъ именемъ «саксадъ», или саксовъ, эсты выказали замѣчательную силу сопротивленія, и ожесточенныя битвы не разъ орошали кровью ихъ поля. Впрочемъ, овладѣвая финской землей, народы германской расы приносили также туземному населенію знакомство съ болѣе высокой степенью гражданственности. Судя по ихъ словарю, эсты были еще почти варвары въ ту эпоху, когда они въ первый разъ пришли въ соприкосновеніе со своими сосѣдями, нѣмецкими и славянскими, ибо названія почти всѣхъ ихъ домашнихъ животныхъ и большей части ихъ орудій и инструментовъ—иностраннаго происхожденія: они знали только собаку, лошадь да корову, а изъ хлѣбныхъ растеній имъ извѣстенъ былъ только ячмень; жилища ихъ были покрыты шкурами, въ родѣ самоѣдскаго чума [1]; но около одиннадцатаго столѣтія, въ эпоху, когда исторія уже ясно различаетъ ихъ, они строили дома и крѣпости изъ дерева; кромѣ того, они были въ то время страшные морскіе разбойники и умѣли строить лады для своихъ воинственныхъ экспедицій [2]). Однако, культура водворяется только номинально тамъ, гдѣ она сопровождается порабощеніемъ туземнаго населенія. До настоящей минуты эсты сохранили многіе изъ своихъ первобытныхъ обычаевъ, особенно въ церемоніяхъ брачнаго союза: и теперь еще невѣста прячется при прибытіи свадебнаго поѣзда, и ее силой приводятъ къ жениху; затѣмъ, едва успѣетъ она войти въ домъ, какъ свекровь даетъ ей ударъ по лицу,—символъ того, что ожидаетъ ее въ новой семьѣ [3]).

Еще недавно эсты, которые, благодаря своему уму, образованію или счастливому случаю, попадали въ городское или дворянское сословіе, чрезъ это самое становились нѣмцами; перемѣняя соціальное положеніе, они вмѣстѣ съ тѣмъ естественно перемѣняли и національность —до такой степени господствовало во всемъ обществѣ убѣжденіе, что эстъ обреченъ на рабство: было время, когда имя Deutsche (нѣмецъ) считалось синонимомъ господина и вообще свободнаго человѣка и когда рабы или крѣпостные, къ какому бы племени они ни

[1]) Ahlquist, Ausland, 1871, № 31; G. Haag, „Baltische Studien“.

[2]) Richter, „выше цитированное сочиненіе“.

[3]) „Народы Россіи“.

принадлежали, назывались Un-Deutschen (ненѣмцы) [1]). Теперь эти отношенія измѣнились къ лучшему, съ тѣхъ поръ, какъ языкъ эстовъ, такъ же, какъ и языкъ финскій, сдѣлался литературнымъ языкомъ, и уже не стыдятся говорить имъ. Очень сходные съ финляндскими тавастами по наружному виду, коренные жители Эстляндіи много отличаются отъ нихъ нравственными качествами, въ особенности сильно развитой у нихъ любовью къ поэзіи, способностью къ импровизаціямъ, постоянными пѣснями, даже во время работы. Ихъ звучный языкъ, очень богатый гласными и гармоническими двугласными, но бѣдный согласными, какъ нельзя болѣе пригоденъ для поэзіи; во многихъ лежащихъ въ глуши селеніяхъ можно еще услышать героическія пѣсни, прославляющія подвиги предковъ. Пользуясь этими пѣснями, Крейцвальдъ собралъ отрывки, изъ которыхъ составилъ народный эпосъ «Калевипоэгъ» (т. е. «Сыны Калеви»); но эта «эпопея» заключаетъ въ себѣ одни только преданія, переложенныя въ стихи новѣйшаго происхожденія; это—даже не сборникъ оригинальныхъ пѣсенъ, какъ карельскій эпосъ «Калевала» [2]). Теперь выходитъ отъ шести до восьми эстонскихъ періодическихъ изданій [3]) въ Ревелѣ, въ Дерптѣ, въ Петербургѣ, и писатели «молодой Эстоніи» обсуждаютъ на своемъ родномъ языкѣ вопросы соціальные и политическіе. Въ то же время это литературное эстонское движеніе сближается съ аналогичнымъ финскимъ движеніемъ въ Финляндіи—странѣ, гдѣ многіе памятники народнаго языка и поэзіи эстовъ находятъ издателей [4]). Это—начало «панфиннизма».

Народъ, давшій свое имя Ливоніи или Лифляндіи, почти совершенно исчезъ, и даже въ этой провинціи отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ нѣмецкіе завоеватели нашли ливовъ на обоихъ берегахъ Западной Двины, и географическія имена позволяютъ намъ распознать ихъ пребываніе на пространствѣ отъ моря до города Себежа въ Витебской губерніи [5]). Въ 1846 году съ трудомъ удалось, обращаясь къ воспоминаніямъ нѣсколькихъ старнковъ, собрать достаточно словъ и фразъ, чтобы составить словарь и грамматику: только такимъ образомъ ливскій языкъ, финскаго корня, какъ и языкъ эстовъ, былъ

[1]) Balbi, „Atlas etnographique“, Introduction, XXXI.

[2]) Шифнеръ, „Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg“, tome II.

[3]) Въ 1881 г. изъ 32 періодическихъ изданій Лифляндіи выходило на языкахъ: нѣмецкомъ—16 (въ Ригѣ 9, въ Феллинѣ 1, въ Перновѣ—1, въ Дерптѣ 5), эстонскомъ —7 (въ Дерптѣ 5, въ Феллинѣ 1, въ Перновѣ—1), латышскомъ—6 (всѣ въ Ригѣ), русскомъ 2 (въ Ригѣ), на русскомъ и нѣмецкомъ вмѣстѣ 1 (въ Ригѣ). Въ среднемъ, 1 газета приходилась на 32.000 жителей. Ред.

[4]) „Uebersicht der Literatur Finlands“, 1872—1874, „Russische Revue“, 1875.

[5]) Барсовъ, „Очерки русской исторической географіи“.

спасенъ для науки. Единственные ливы, живущіе еще въ видѣ національной группы, населяютъ нѣкоторые лѣса морскаго прибрежья, и то не въ Лифляндіи, а въ Курляндіи, на полуостровѣ, который оканчивается на сѣверѣ мысомъ Доместнесъ: этотъ остатокъ исчезающей народности состоитъ всего изъ какихъ-нибудь двухъ съ половиной тысячъ душъ, причисленныхъ къ эстамъ на этнографической картѣ Риттиха. Сами себя они называютъ рандалистъ. Скоро ихъ нужно будетъ помѣстить въ группу латышей, потому что къ языку ихъ такъ много примѣшано латышскихъ выраженій и оборотовъ, что теперь онъ не болѣе какъ жаргонъ; съ другой стороны, латышскій языкъ въ Лифляндіи показываетъ слѣды смѣшенія съ элементомъ финно-ливонскимъ [1]).

Въ той же Курляндской губерніи, другое финское нарѣчіе, кревское, которымъ говорило нѣсколько тысячъ человѣкъ близъ Бауске, на югъ отъ Митавы, совершенно исчезло съ начала нынѣшняго столѣтія, и наукѣ не удалось даже составить полнаго словаря этого нарѣчія. Въ 1846 году извѣстный лингвистъ Шегренъ нашелъ не болѣе десятка кревовъ, сохранившихъ еще смутное воспоминаніе о языкѣ своихъ предковъ. Такая же участь постигла куровъ (корсь русскихъ лѣтописей, Kuren нѣмцевъ),—народъ, который далъ свое имя Курляндіи, косѣ Курише-Неругъ и заливу Курише-Гафъ. Полагаютъ, что куры или корсь были финскаго происхожденія; но въ двѣнадцатомъ столѣтіи они уже «облатышились», подобно тому, какъ это случилось съ потомками почти всѣхъ ливовъ [2]). Въ наши дни существуетъ еще небольшое число семействъ,—между Гольдингеномъ и Газенпотомъ, на сѣверо-востокѣ отъ Либавы,—которыя выводятъ свой родъ отъ древнихъ «королей куровъ». Эти «короли», упоминаемые въ первый разъ подъ 1320 годомъ, были по-просту вольные крестьяне, избавленные отъ барщины, освобожденные отъ податей и отъ воинской повинности; кромѣ того, они имѣли право охотиться; общее мнѣніе считаетъ ихъ потомками родоначальниковъ этого племени, которые добровольно покорились нѣмцамъ. Они утратили свои привилегіи въ 1854 году; но въ 1865 году ихъ насчитывали еще болѣе четырехъ сотъ душъ въ семи деревняхъ. Они вступали въ бракъ только между собой.

Латыши, или летты, вытѣснившіе финскихъ ливовъ,—арійцы по языку, соплеменники литовцевъ и древнихъ боруссовъ или пруссовъ, слившихся нынѣ съ германцами Центральной Европы. Сами себя они называютъ Latvis, то-есть литовцами, а старинное русское наименованіе этого народа, летьгола, которое, очевидно, есть то же самое слово, что и Latwin-Galas, означаетъ «конецъ Литвы». Наименѣ... смѣшанное и нѣкогда самое воинственное из... ихъ племенъ, населяющее восточную част... Курляндіи (Семигалію), носитъ названіе семи... галовъ (въ русскихъ лѣтописяхъ «зимгола»... или Jeme-Galas, что значитъ—жители «конц... земли». Они занимаютъ очень обширную тер... риторію, обнимающую южную часть Лифляндіи... почти всю Курляндію, правый берегъ Западно... Двины, ниже Дриссы, въ Витебской губерніи... и небольшую часть Ковенской губерніи. Іордан... исчисляетъ латышское населеніе въ 1.100.00... душъ, и число ихъ быстро возрастаетъ отъ по... стояннаго избытка рожденій надъ числом... умирающихъ. По губерніямъ, латыши распре... дѣляются приблизительно слѣдующимъ обра... зомъ:

Въ Лифляндской—420.000 душъ; въ Кур... ляндской—490.000; въ Витебской—180.00... въ Ковенской—17.500 душъ.

Крѣпко привязанные къ родному мѣсту, з... мледѣльцы-латыши живутъ по большей част... особнякомъ, отдѣльными дворами: въ ихъ стран... еще мало сплоченныхъ селеній, какъ въ Эс... ляндіи. Сначала союзники нѣмцевъ проти... эстовъ и ливовъ, съ которыми они вели войн... летты потомъ обратили оружіе, но уже слиш... комъ поздно, противъ рыцарей ордена Меч... носцевъ и должны были раздѣлить рабство св... ихъ сосѣдей. Однако теперь для нихъ настал... періодъ пробужденія, и ихъ прекрасный язык... прежде мало развитый и обладавшій очень бѣ... ной литературой, все болѣе и болѣе оцѣнивает... тѣми, которые говорятъ имъ и которымъ еще недавно была неизвѣстна высокая степень, принадлежащая ему въ семьѣ арійскихъ языковъ: по мнѣнію Шлейхера, латышскій языкъ находится къ литовскому, который изъ всѣхъ европейскихъ языковъ наиболѣе близокъ къ санскритскому, въ такомъ же отношеніи, какъ итальянскій къ латинскому языку. Первыя серьезныя переводныя сочиненія относятся по времени къ эпохѣ реформаціи, и протестантская религіозная ревность побудила даже нѣкоторыхъ нѣмцевъ,—между прочимъ, Эйнгорна,—заняться изученіемъ вѣрованій и исторіи этихъ презираемыхъ туземцевъ. Первая научная грамматика латышскаго языка, составленная Стендеромъ, котораго называютъ «отцомъ латышской литературы», вышла въ свѣтъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ 1876 году существовало уже пять латышскихъ періодическихъ изданій, которыя всѣ вмѣстѣ имѣли около двадцати тысячъ подписчиковъ. Переводная литература у латышей довольно богата и заключаетъ уже произведенія Шиллера, Шекспира и другихъ великихъ европейскихъ писателей. Наконецъ, въ девятнадцатомъ столѣтіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ и въ Финляндіи, старались открыть сокровищницу народной поэзіи: уже Гердеръ собралъ нѣкоторые образцы

[1]) Риттихъ, „Прибалтійскій край".
[2]) Риттихъ, тамъ же.

этой поэзіи въ своей книгѣ «Голосъ народовъ». Первое обширное собраніе произведеній латышской народной поэзіи было составлено Бютнеромъ и издано въ 1844 году латышскимъ литературнымъ обществомъ; но, «изъ вниманія къ нѣмецкой публикѣ», всѣ пѣсни, свидѣтельствующія о ненависти латышскаго народа къ его поработителямъ, были тщательно устранены издателемъ, такъ что, читая этотъ сборникъ, можно подумать, что латышская поэзія имѣла чисто идиллическій характеръ [1]). Съ половины текущаго столѣтія латышскіе патріоты сами принялись за дѣло, и теперь можно видѣть, каковы были чувства и думы народа во времена продолжительнаго рабства; одинъ изъ самыхъ полныхъ сборниковъ латышскихъ пѣсенъ былъ изданъ Московскимъ антропологическимъ обществомъ.

Черта, которая всего болѣе поражаетъ въ задушевныхъ латышскихъ пѣсняхъ,—это ихъ первобытный характеръ. Вліяніе христіанской нѣмецкой культуры всегда и до настоящаго времени было очень слабо на этотъ народъ, который сохранялъ еще языческіе жертвенники въ восемнадцатомъ столѣтіи, даже до 1835 г. [2]). Онъ сохранилъ въ своихъ пѣсняхъ имена древнихъ боговъ: Перкунасъ, или Громъ, Лайме, или Фортуна, Лига, богиня Радости. Бракъ, такимъ онъ изображается въ ихъ пѣсняхъ, всегда имѣетъ форму похищенія: родные жениха называются «похитителями», а родные невѣсты «преслѣдователями»; можно даже отыскать въ этой народной латышской поэзіи слѣды эпохи, когда молодые парни, жившіе особнякомъ, бракъ съ родной сестрой предпочитали опасному похищенію дѣвушки изъ чужаго семейства [3]). Большихъ эпическихъ поэмъ или былинъ у латышей нѣтъ; но и въ простыхъ четверостишіяхъ ихъ пѣсенъ, или дзясмахъ, какъ они ихъ называютъ, ясно видны слѣды періода воинственнаго и даже побѣдоноснаго, во время котораго летты «сжигали крѣпостцы русскихъ», «возбраняли полякамъ входъ въ край» или «встрѣчали врага середи моря»; однако, ихъ сношенія съ нѣмцемъ или русскимъ описываются обыкновенно словами ненависти или отчаянія. «О Рига, Рига, ты красива, очень красива! (говоритъ одна латышская пѣсня). Но кто тебя сдѣлалъ такой красивой? Рабство ливонцевъ».—«О! если бы мнѣ достать тѣ деньги, что погребены на днѣ моря»,—говорится въ другой пѣснѣ,—«я купилъ бы Рижскій замокъ со всѣми нѣмцами, и тогда я сталъ бы поступать съ ними такъ же, какъ они со мной поступали; я заставилъ бы ихъ плясать на горячихъ камняхъ». Однако въ этихъ народныхъ пѣсняхъ господствуетъ уныніе, упадокъ духа: «О, Боже мой, Боже! куда мнѣ дѣться? Лѣса полны волковъ и медвѣдей; поля полны господъ. О, Боже! покарай моего отца, мою мать за то, что они воспитали меня въ порабощенной странѣ»! И при всемъ томъ, сколько свѣжести, сколько любви и нѣжности въ большей части латышскихъ пѣсенъ, какая глубокая мысль выражена, напримѣръ, въ слѣдующей дзясмѣ—мысль, которая должна была бы служить девизомъ для всего Прибалтійскаго края, какъ и вообще для всего свѣта: «Я не хочу, чтобы меня возносили надъ другими, не хочу также, чтобы меня ставили ниже другихъ; я хочу только жить равнымъ между равными людьми».

Шведы, которые были обладателями Финляндіи, утвердились также и на противоположномъ берегу Финскаго залива, въ Эстляндіи и въ Лифляндіи. На берегахъ послѣдней, около Рижскаго залива, во многихъ мѣстахъ найдены камни, сложенные такимъ образомъ, что они представляютъ фигуру корабля,—памятники, какъ извѣстно, спеціально скандинавскіе [1]); сооруженіе ихъ приписывается сканійскимъ или норманскимъ поселенцамъ, пришедшимъ въ край въ первыя времена средневѣковаго періода,—слѣдовательно, ранѣе датскихъ завоевателей, которые овладѣли Эстоніей въ началѣ тринадцатаго столѣтія. Кромѣ того, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ встрѣчаются древнія могилы, совершенно такія же, какъ въ Скандинавіи; наконецъ, многія имена мѣстъ, въ особенности названія острововъ, каковы: Даго, Вормсъ, Оденсгольмъ, Нукко, Мого, Кюно, Руно, также напоминаютъ о пребываніи этихъ переселенцевъ съ востока. Приливъ ихъ усилился еще гораздо болѣе, когда Эстонія, въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, а затѣмъ и Ливонія въ семнадцатомъ столѣтіи, сдѣлались на нѣкоторое время нераздѣльной частью шведской монархіи. Въ наши дни скандинавскіе поселенцы, число которыхъ теперь уже не увеличивается, какъ прежде, новыми выходцами изъ Швеціи, уменьшилось до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, живущихъ на Даго и на другихъ островахъ Эстонскаго архипелага; сами они называютъ себя Eibofolket, то-есть «островитянами». На островѣ Руно эти скандинавскіе колонисты остались свободными; всѣ они равные и всѣ владѣльцы земли и моря. Въ 1870 г. шведовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, по Риттиху, считалось: въ Лифляндской губерніи—366, въ Эстляндской—5.575, всего—5.941.

Славянскіе элементы составляютъ гораздо болѣе значительный процентъ въ населеніи Прибалтійскихъ губерній, нежели элементъ скандинавскій. Тысячи поляковъ поселились въ краѣ, особенно въ Курляндіи, когда она

[1]) J. G. Kohl, „Die Völker Europa's"; Lankenau und v. d. Oelsnitz, „Das Russische Reich".

[2]) Риттихъ, „Прибалтійскій край".

[3]) „Труды Антропол. Отд. Императ. Общ. Естеств. при Моск. Унив." II, №№ 345, 347, 348.

[1]) Grevingk; Worsaae, „Colonisation de la Russie et du nord Scandinave".

входила въ составъ польскаго государства (съ 1561 по 1795-й годъ). По статистическимъ даннымъ, насчитывается еще болѣе 15.000 поляковъ въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ; но, сверхъ того, большое число дворянъ, особенно въ Курляндіи, носятъ польскія фамиліи, хотя они теперь причисляются къ нѣмцамъ и говорятъ нѣмецкимъ языкомъ. Что касается русскихъ, то они начали свои нашествія въ прибалтійскія страны съ первой половины одиннадцатаго столѣтія и основали тамъ крѣпкій городъ Юрьевъ (Дерптъ) и другіе города. Нѣмецкое завоеваніе остановило военную колонизацію русскихъ, но оно способствовало развитію ихъ торговли въ краѣ. Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ религіозныя преслѣдованія побудили многихъ раскольниковъ переселиться изъ Московскаго государства въ Прибалтійскій край; въ настоящее время въ одномъ только форштадтѣ Риги ихъ насчитываютъ до 8.000 человѣкъ, а во всемъ Остзейскомъ краѣ число старовѣровъ простирается до 20.000 слишкомъ: это—почти треть всѣхъ живущихъ въ этой странѣ русскихъ, пребывающихъ по большей части въ городахъ, преимущественно въ Ригѣ. Кромѣ русскихъ, около 80.000 эстовъ и 50.000 латышей исповѣдуютъ православную греко-восточную вѣру. Обращеніе къ православіе усилилось въ особенности со времени большаго голода 1840—1841 гг.; крестьяне надѣялись, что имъ стоитъ только принять русскую вѣру, чтобы получить обратно земли, которыя были взяты у нихъ нѣмецкими дворянами. Въ два только года, 1845-мъ и 1846-мъ, 60.000 прибалтійскихъ крестьянъ перешли въ православіе [1]); но такъ какъ судьба ихъ отъ этого не измѣнилась, то и рвеніе постепенно остыло, и даже обнаружилось нѣкоторое движеніе въ обратномъ направленіи, въ противность законамъ имперіи. Латыши, пріобрѣвшіе земли цѣною перемѣны вѣры, получили ихъ далеко отъ своей родины—въ Симбирской губерніи, гдѣ они живутъ какъ-бы въ ссылкѣ. Въ послѣднее время обращеніе въ православіе опять усилилось; случалось, что цѣлыя деревни переходили изъ лютеранской вѣры въ православную.

Нѣмцы долгое время были политическими властителями края, и даже, когда они перестали быть господами силой меча, они все-таки остались классомъ господствующимъ силой денегъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ находятся земли и мѣста. Въ 1159 году, когда они явились въ первый разъ на устьяхъ Западной Двины, они прибыли туда въ видѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе мореходовъ, умоляющихъ о пріютѣ: хорошо принятые, они черезъ нѣкоторое время возвращаются въ видѣ купцовъ, затѣмъ въ качествѣ проповѣдниковъ христіанской религіи и, въ концѣ концовъ, утвердились, какъ хозяева края. Крѣпкіе замки, укрѣпленные монастыри монаховъ-рыцарей воздвиглись на холмахъ, на высокихъ крутыхъ берегахъ рѣкъ, откуда могли совершенно господствовать надъ страной; въ то же время торговые города основались на благопріятныхъ мѣстахъ, и всѣ торговыя сношенія, отъ береговъ моря до областей центральной Россіи, шли черезъ посредство германскихъ колонистовъ. Такъ образовалось, надъ порабощеннымъ туземнымъ населеніемъ, два класса почти исключительно германскіе—дворянство и высшее городское сословіе, состоящее изъ купцовъ и почетныхъ гражданъ; и теперь еще по прошествіи семи сотъ лѣтъ, эти два класса (ниже которыхъ стоятъ простые горожане, или мѣщане, составляя посредствующій классъ) сохранили свою силу и власть. Численность этихъ трехъ сословій въ Остзейскомъ краѣ опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

Дворянъ — 14.119; купцовъ и почетныхъ гражданъ—7.000; мѣщанъ—95.295.

Два первые, господствующіе класса построили города, устроили пути сообщенія; они обратили оффиціально латышей и эстовъ сначала въ римско-католическую вѣру, затѣмъ, послѣ реформаціи, въ евангелическо-лютеранскую; они взимали десятины и другіе налоги, но имъ никоимъ образомъ не удалось, какъ это утверждали нѣмецкіе писатели, германизировать народъ, и число ихъ, сообразно показаніямъ статистиковъ различныхъ національностей, не достигаетъ даже двѣнадцатой части всего населенія края; по всей вѣроятности, оно составляетъ не болѣе пятнадцатой или шестнадцатой доли, при чемъ процентъ ихъ уменьшается съ каждымъ годомъ, такъ какъ плодовитость городскаго населенія слабѣе плодовитости сельскихъ жителей. Разногласіе въ исчисленіяхъ статистиковъ происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что евреи, въ числѣ свыше 40.000 душъ, часто причисляются къ жителямъ нѣмецкаго происхожденія.

Число нѣмцевъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ:

	По Беку.	По Риттиху.
Въ Эстляндской	14.700	12.150
„ Лифляндской	63.300	64.120
„ Курляндской	77.100	44.150
Всего	155.200	120.420

Богатые горожане говорятъ нѣмецкимъ языкомъ, тогда какъ поселяне, рабочіе, даже ремесленники употребляютъ еще свои родные языки. Нѣмецкіе пролетаріи городовъ, извѣстные подъ именемъ «Kleindeutschen», считаются какъ-бы стоящими ниже туземцевъ ихъ собственными соотечественниками.

За періодомъ онѣмеченія слѣдовалъ періодъ руссификаціи или обрусѣнія,—выраженіе, употребленное уже болѣе столѣтія тому назадъ

[1]) Busch, „Beiträge zur Geschichte und Statistik des Kirchen-und Schulwesen der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland“.

императрицей Екатериной II [1]). Въ 1835 году въ Прибалтійскихъ губерніяхъ былъ введенъ сводъ русскихъ гражданскихъ законовъ, а въ 1850, затѣмъ въ 1867 году, издано повелѣніе объ употребленіи русскаго языка въ оффиціальной перепискѣ. Въ 1877 году, со введеніемъ Городоваго Положенія, привилегированныя нѣмецкія сословія или корпораціи должны были подчиниться новому порядку: избраніе должностныхъ лицъ общественнаго управленія предоставлено всѣмъ жителямъ, удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ ценза, имущественнаго или образовательнаго; переписка этихъ управленій производится еще, впредь до новаго распоряженія, на нѣмецкомъ языкѣ; послѣдній все еще сохраняетъ нѣкоторыя привилегіи надъ «мѣстными языками»; но со временемъ онъ долженъ быть замѣненъ русскимъ языкомъ. Въ начальныхъ школахъ,—которыя посѣщаются всѣми эстами лютеранами и большинствомъ принадлежащихъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ—обученіе по-прежнему ведется на туземныхъ языкахъ, тогда какъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ языкомъ преподаванія все-еще остается нѣмецкій. Но правительство принимаетъ уже предварительныя мѣры въ видахъ обрусѣнія школъ, и въ тѣхъ заведеніяхъ (учительскихъ семинаріяхъ), гдѣ приготовляются будущіе преподаватели, русскій языкъ сталъ уже господствующимъ. Точно также срокъ военной службы можетъ быть сокращаемъ только для тѣхъ солдатъ, которые выучились говорить языкомъ русскихъ офицеровъ [2]).

Участь туземнаго населенія прибалтійскаго края была самая плачевная въ продолженіе всего періода нѣмецкаго господства. Отнятіе ноги сдѣлалось законной карой для крѣпостнаго, убѣжавшаго отъ своего господина [3]), и даже въ наши дни мать-эстонка грозитъ своему ребенку приходомъ нѣмца: «саксъ идетъ!» (Saks tuleb). Мать-латышка подобнымъ же образомъ возвѣщаетъ своимъ дѣтямъ пришествіе Вацеша [4]), и это прозвище, означающее «нѣмецъ», составляетъ самое тяжкое оскорбленіе для латыша. При шведскомъ владычествѣ положеніе крѣпостнаго люда нѣсколько улучшилось; благодаря уменьшенію и урегулированію барщинныхъ работъ, оно начало приближаться къ положенію крестьянъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, и латышскій народъ до сихъ поръ сохраняетъ наилучшее воспоминаніе объ этой эпохѣ; но послѣ изгнанія шведовъ русскими, когда господство нѣмецкихъ помѣщиковъ было возстановлено и подтверждено граматами или хартіями, большая часть крестьянскихъ земель была конфискована. Крѣпостное право продолжалось до 1816 и 1819 годовъ: въ эту эпоху послѣдовало освобожденіе крестьянъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніямъ, но оно не дало земледѣльцамъ ни малѣйшаго права на землю и сохранило за землевладѣльцами мѣстное управленіе. Затѣмъ съ 1856 года прибѣгали въ коекакимъ палліативнымъ мѣрамъ въ этомъ направленіи: пользованіе нѣкоторыми землями было обезпечено крестьянамъ, хотя право собственности осталось за помѣщиками, и изданы законоположенія, дозволяющія выкупъ земледѣльцами арендуемыхъ участковъ земли по соглашенію съ владѣльцами. Распредѣленіе земельной собственности въ трехъ губерніяхъ Остзейскаго края представляется въ слѣдующемъ видѣ [1]):

	Курляндія.		Лифляндія.		Эстляндія	
		проц.		проц.		проц.
Госуд. крестьяне. влад.	15,8%	20,1	7,%	15,2	0,2%	1
Помѣщ. крестьяне. влад.	4,3%		8,%		0,8%	
Дворянство .		61,9		58,5		92,8
Казен. земли		15,6		6,4		0,2
Городскія и другія земли		2,4		19,8		6

Но если нѣкоторая пропорція «крестьянъ» въ собственномъ смыслѣ, Bauern, могла освободиться отъ крѣпостной зависимости, то батраки или работники, Knechte, которые въ началѣ настоящаго столѣтія составляли девять-десятыхъ [2]) сельскаго населенія, не исчезли еще какъ классъ и по-прежнему остаются въ бѣдственномъ положеніи; многіе крестьяне, гонимые нуждою, выселяются во внутреннія губерніи Россіи, даже въ Крымъ и на Кавказъ. Въ Курляндіи болѣе четверти земледѣльцевъ бродятъ изъ имѣнія въ имѣніе въ качествѣ работниковъ: у нихъ нѣтъ ни клочка земли, къ которому бы они были привязаны какъ арендаторы или собственники. Земледѣліе въ прибалтійскихъ губерніяхъ стоитъ на гораздо болѣе высокой степени развитія, нежели въ остальной Россіи, и плодоперемѣнное полеводство составляетъ тамъ общее правило; несмотря на то, жители бѣгутъ изъ этого края и идутъ селиться въ мѣстностяхъ съ мало плодородной почвой, каковы Новгородская или Витебская губерніи. Ни въ какой другой части имперіи крестьянинъ не имѣетъ меньшей доли въ земельной собственности, требуемой теперь «молодой Эстоніей» для прежнихъ владѣльцевъ почвы.

Средняя величина дворянскихъ имѣній [3]):

Въ Курляндской губ.—около 3.602 десятинъ,

---

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. XXVI.

[2]) Теперь русскій языкъ сталъ уже единственнымъ оффиціальнымъ языкомъ и введенъ, какъ языкъ преподаванія, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края.

[3]) „Чтенія московскаго общества любителей исторіи и древностей“, за 1866 г.

[4]) J. G. Kohl, „выше цитированное сочиненіе“.

[1]) Янсонъ, „Сравнительная статистика Россіи и пр.“, 1877 г.

[2]) Сиверсъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи прибалтійскихъ губерній“.

[3]) Кн. Васильчиковъ. „Землевладѣніе и земледѣліе“.

въ Лифляндской губ.—около 3.527 десятинъ, въ Эстляндской губ.—около 3.110 десятинъ, въ Минской губ.—2.356 десятинъ, въ Кіевской губ.—1.553 десят., въ Смоленской губ.—300 десятинъ, въ Рязанской губ.—191 десятина.

Три прибалтійскія губерніи еще не имѣютъ достаточно жителей въ своихъ деревняхъ, чтобы во внутренности края могло основаться большое число рынковъ, гдѣ населеніе скучивалось бы въ такой степени, что образовало бы настоящіе города. Въ значительномъ числѣ населеніе могло сконцентрироваться только на морскомъ берегу, въ мѣстахъ исключительно благопріятныхъ по своему положенію для торговыхъ сношеній съ заграницей.

Ревель,—Колывань древнихъ русскихъ,—столица Эстоніи, есть одинъ изъ такихъ привилегированныхъ по своему торговому положенію городовъ. Это—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россійской имперіи, такъ какъ онъ существовалъ уже въ то время, когда Вальдемаръ II, король датскій, построилъ здѣсь крѣпкій замокъ въ 1219 году. Городъ расположенъ на берегу глубокой бухты, защищенной островами; сверхъ того, онъ имѣетъ ту выгоду, что находится недалеко отъ сѣверо-западнаго угла Эстляндіи, между Балтійскимъ моремъ и Финскимъ заливомъ и, благодаря этому положенію, служитъ естественнымъ пунктомъ расхожденія и соединенія нѣсколькихъ морскихъ путей. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ между ганзейскими городами «Восточнаго моря». Въ эпоху шведскаго владычества, Ревель, который скандинавы называютъ Реваль, былъ въ одно и то же время ихъ военнымъ и торговымъ городомъ; здѣсь была ихъ сильнѣйшая крѣпость, и сюда же стекались товары къ ихъ складамъ. Въ наши дни это—самый полезный изъ передовыхъ портовъ, которыми располагаетъ на Балтикѣ столица Россіи: благодаря желѣзной дорогѣ, проведенной вдоль южнаго берега Финскаго залива, Петербургъ можетъ теперь ввозить впродолженіи части зимы много товаровъ, которые должны бы были останавливаться къ западу отъ Кронштадта по причинѣ замерзанія залива: суда выгружаютъ ихъ въ Ревелѣ, или въ его таможенномъ и военномъ аванпостѣ, Балтійскомъ Портѣ, который лежитъ западнѣе и омывается болѣе открытымъ и долѣе незамерзающимъ моремъ. Эта роль Ревеля, какъ передоваго порта Петербурга, объясняетъ значительную разницу, существующую между цѣнностью привоза и отпуска во внѣшней торговлѣ главнаго эстляндскаго города (въ 1894 году общая цѣнность привоза простиралась до 38,7 милліоновъ рублей, тогда какъ цѣнность вывоза моремъ составляла только 18,2 милліоновъ рублей). Движеніе судоходства въ Ревельскомъ портѣ: по заграничному плаванію (1896 г.): прибыло—549 судовъ чистой вмѣстимости въ 355.016 регистр. тоннъ, отошло—537 судовъ, въ 344.345 тоннъ; каботажъ (1895 г.): пришло—1.381 судно, въ 143.772 тоннъ; отошло—1.388 судовъ, въ 144.650 тоннъ [1]). Ревель, четвертый портъ имперіи по цѣнности его торговыхъ оборотовъ, обязанъ также частію своей торговой дѣятельности положенію, которое онъ занимаетъ какъ разъ напротивъ Гельсингфорса, столицы Финляндіи. Городъ очень живописный, частію еще окруженный старинными стѣнами и защищенный съ южной стороны болотами и озерами, Ревель заключаетъ нѣсколько памятниковъ ганзейской эпохи, именно дома старинныхъ корпорацій или цеховъ; на горѣ высятся замокъ и соборъ, гдѣ шведы могутъ видѣть гробницы многихъ знаменитыхъ людей ихъ исторіи; тамъ же погребенъ мореплаватель Крузенштернъ. Эсты составляютъ только половину населенія Ревеля: около трети его состоитъ изъ нѣмцевъ или лицъ германскаго происхожденія. Предъ этимъ городомъ, въ 1219 году, датскіе пираты, потерпѣвшіе пораженіе и обратившіеся въ бѣгство, увидѣли упавшее, по словамъ національной легенды, съ неба красное знамя съ бѣлымъ крестомъ—Данеброгъ, подъ которымъ они, снова вступивъ въ бой, одержали побѣду и которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось для нихъ священной хоругвью.

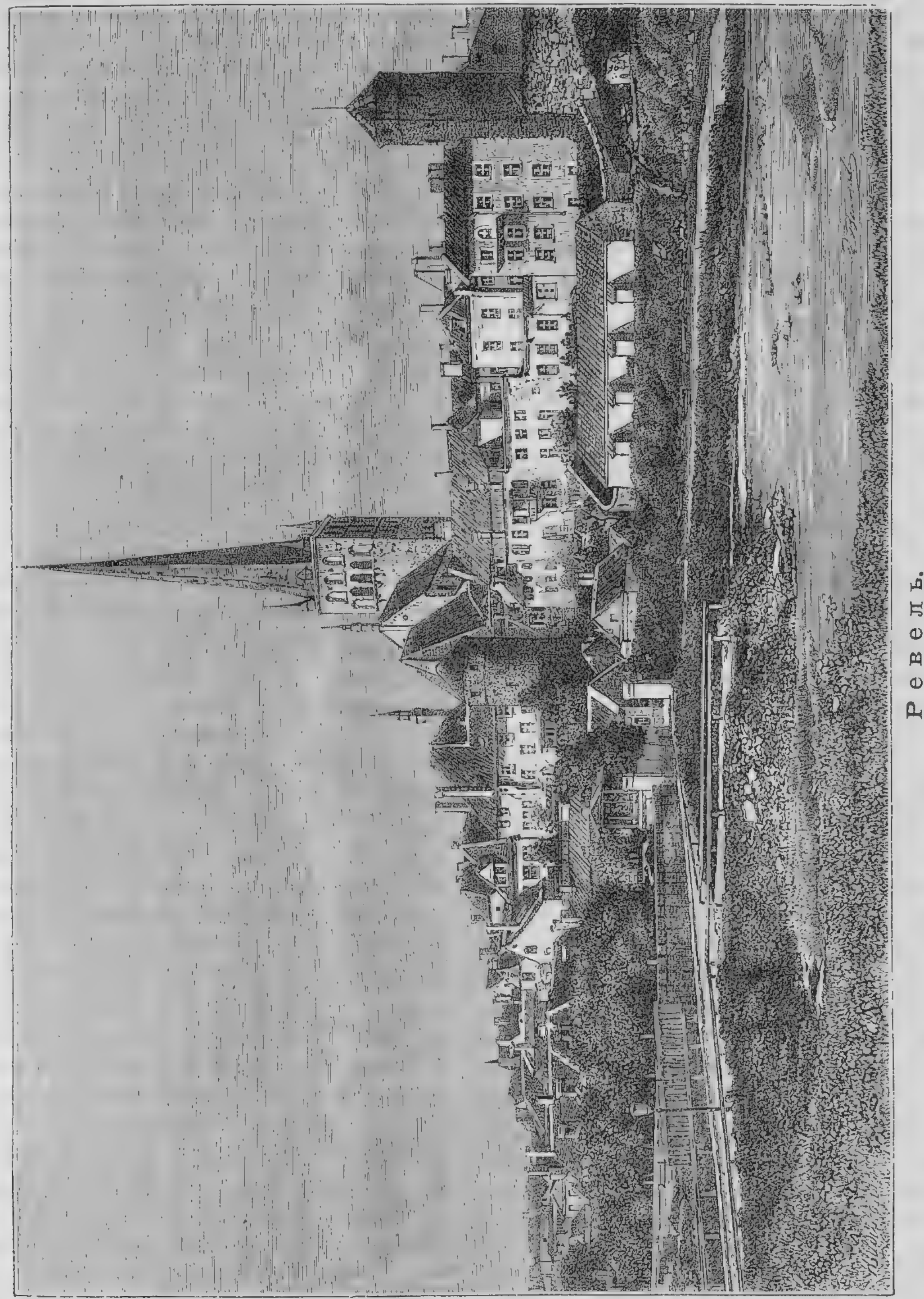
Два города, Перновъ и Юрьевъ, охраняютъ на югѣ Эстляндіи, входъ въ извилистую долину, соединяющую Рижскій заливъ съ Чудскимъ озеромъ. Перновъ (по-нѣмецки Pernau), лежащій при устьи р. Перновы,—довольно значительный портъ, съ морскими купальнями; такъ же какъ другой небольшой портъ, лежащій къ сѣверо-западу отъ него, Гапсаль, онъ отправляетъ за границу главнымъ образомъ ленъ, зерновой хлѣбъ, масличныя сѣмена; двѣ трети его отпуска идутъ въ Англію. Движеніе судоходства въ Перновскомъ портѣ въ 1895 г.: заграничное плаваніе: въ приходѣ—78 судовъ, чистой вмѣстимости 42.675 регистр. тоннъ; въ отходѣ—76 судовъ, вмѣстимостью 42.324 тоннъ; каботажъ: въ приходѣ—256 судовъ, въ 27.818 тоннъ, въ отходѣ—261 судно, въ 29.038 тоннъ [2]); Цѣнность вывоза (хлѣбъ и ленъ) въ 1894 году составляла 4.566.122, цѣнность ввоза только 97.324 рубля. Юрьевъ (по-нѣмецки Dorpat, по-эстонски Тарту),—построенный частію на высокомъ холмѣ, который на югѣ господствуетъ надъ теченіемъ рѣки Эмбахъ, извѣстенъ въ особенности какъ университетскій городъ. Въ 1632 году король шведскій Густавъ-Адольфъ, стоявшій тогда лагеремъ передъ Нюренбергомъ, издалъ повелѣніе объ основаніи этой высшей школы, которая впослѣдствіи должна была укрываться отъ наступавшихъ русскихъ войскъ, и изъ Пернова, куда она была переведена, при-

---

[1]) „Свѣдѣнія по внѣшней торговлѣ Россіи за 1896 г.“ и „Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1895 г.“, изд. Департ. таможенныхъ сборовъ, 1897 г.

[2]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1895 годъ“, изд. Департамента таможенныхъ сборовъ, 1897 г.

принуждена была отправить въ Швецію своихъ профессоровъ, свою библіотеку и музей. Въ 1802 году университетъ былъ возстановленъ на прежнемъ мѣстѣ; нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Россіи получили въ немъ высшее образованіе (въ 1890 г. въ Юрьевскомъ университетѣ числилось 1.694, въ 1894 г.—1.491 слушатель). По своимъ научнымъ сокровищамъ, Юрьевскій университетъ принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ высшихъ учебныхъ заведеній Европы: библіотека его содержитъ свыше 250.000 томовъ, и по всѣмъ наукамъ въ музеяхъ университета имѣются драгоцѣнныя коллекціи; обсерваторія, возвышающаяся на горѣ, рядомъ съ библіотекой и живописными развалинами древней готической церкви, есть та самая, гдѣ Струве и Медлеръ производили свои достопамятныя изслѣдованія въ области астро-



Ревель.

номіи. Въ Юрьевѣ существуетъ, кромѣ того, ветеринарный институтъ. Многія ученыя общества, непосредственно связанныя съ университетомъ, издаютъ мемуары и сборники, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ важное значеніе. Юрьевъ, стоящій какъ разъ въ точкѣ пересѣченія дорогъ изъ Риги, Пернова, Ревеля, Нарвы и Пскова, есть въ то же время торговый городъ, и нѣмцы, составляющіе большинство городскаго населенія, обогатились, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю экспедиціонную торговлю. Эсты, населяющіе городъ,—по большей части работники, чернорабочіе или домашняя прислуга.

Рига, важнѣйшій городъ прибалтійскихъ губерній и по числу жителей шестой городъ Россійской имперіи, также имѣетъ болѣе нѣмецкій, чѣмъ русскій характеръ, какъ по своей исторіи, такъ и по составу своего населенія (населеніе его въ 1881 г., по національностямъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: нѣмцевъ—40%; русскихъ—20%; латышей 30%; эстовъ и пр.—10%). Эта «контора» или «рига»—какъ различно объясняютъ значеніе имени, даннаго городу его нѣмецкими основателями—не могла быть построена въ мѣстѣ болѣе благопріятномъ для торговли; здѣсь заливъ, называемый тоже Рижскимъ, всего далѣе проникаетъ внутрь твердой земли, здѣсь же изливается въ море Западная Двина, большая судоходная рѣка, по которой въ старину должны были подниматься всѣ купеческіе караваны, направлявшіеся къ центральной Россіи или къ бассейну Днѣпра: два притока, Аа Лифляндская и Курляндская, соединяются съ главной рѣкой или, по крайней мѣрѣ, съ аллювіальной дельтой въ ближайшемъ сосѣдствѣ Риги, вслѣдствіе чего этотъ городъ сдѣлался естественнымъ центромъ равнинъ, черезъ которыя онѣ протекаютъ; наконецъ, съ проведеніемъ орловско-витебской желѣзной дороги, онъ сталъ также однимъ изъ главныхъ экспедиціонныхъ портовъ центральной Россіи. Рижскій портъ въ настоящее время занимаетъ третье мѣсто между портовыми городами имперіи по обширности своихъ торговыхъ оборотовъ; онъ слѣдуетъ непосредственно за Петербургомъ и Одессою; уступая Ревелю по цѣнности привоза, онъ значительно превосходитъ его по размѣрамъ отпуска.

Обороты внѣшней торговли Риги, въ тысячахъ рублей: за пятилѣтіе 1886—1890 г.г. (средній выводъ): привозъ—на 21.730, вывозъ—на 49.773; въ 1894 г.: привозъ—30.669, вывозъ—43.460.

Неудобства рижскаго порта происходятъ отъ продолжительности зимы, которая сковываетъ фарватеръ толстымъ слоемъ льда, и отъ силы весенняго ледохода, который наноситъ на городъ массы льда, уже разломавшагося въ верхнемъ теченіи Двины, тогда какъ нижняя часть рѣки еще покрыта сплошной кристаллической плитой. Съ другой стороны, входный баръ довольно мелокъ (средняя глубина его всего только около 14 футовъ), и потому суда большаго водоуглубленія не могутъ проникать съ полнымъ грузомъ въ устье Двины. Движеніе торговаго судоходства въ рижскомъ портѣ по заграничному плаванію въ (1896 г.):

Въ приходѣ—1.605 судовъ, вмѣстим. 958.064 тоннъ, въ отходѣ—1.631 суд., вмѣстим. 967.519 тоннъ; по каботажу (1895 г.): пришло—1.589 судовъ, въ 199.886 тоннъ; отошло—1.606 судовъ, въ 199.648 тоннъ [1]).

Не всѣ суда поднимаются до самаго города, который расположенъ верстахъ въ 10 отъ моря, на правомъ берегу рѣки; большое число ихъ останавливается передъ крѣпостью Дюнамюнде, названной такъ по причинѣ положенія ея на островѣ при устьи Западной Двины. Болѣе трети торговаго обмѣна Риги производится съ Англіей, которая посылаетъ соль, каменный уголь, табакъ, спиртные напитки, колоніальные продукты, мануфактурные товары, а беретъ взамѣнъ пеньку, ленъ, зерновой хлѣбъ, говяжье сало, доски. Названіе «рижскій лѣсъ», которое даютъ во Франціи бревнамъ, балкамъ и проч. изъ сосны и другихъ хвойныхъ древесныхъ породъ, привозимымъ изъ Россіи, свидѣтельствуетъ также о важности, которую получила въ этомъ портѣ отпускная торговля лѣсомъ; но нужно замѣтить, что лѣса по берегамъ Западной Двины уже истреблены въ значительной части. Рига—самый богатый землевладѣлецъ въ Лифляндіи.

Этотъ старинный ганзейскій городъ сохранилъ въ центральныхъ кварталахъ, то-есть въ собственно такъ называемомъ «городѣ», свою средневѣковую физіономію; тамъ еще видны нѣкоторые почтенные памятники древности,—между прочимъ, замокъ или бургъ тевтонскихъ рыцарей и дома корпорацій; но по ту сторону бульваровъ раскинулись предмѣстья или форштаты новѣйшей постройки, съ низкими домами, съ широкими и прямыми улицами. Между учебными заведеніями Риги, главное мѣсто занимаетъ политехническое училище (въ 1892 г. около 1.200 студентовъ). Черезъ Западную Двину недавно построенъ желѣзнодорожный мостъ длиною около трехъ четвертей версты, на восьми солидныхъ быкахъ, которые выдерживаютъ напоръ льда, скопляющагося во время вскрытія рѣки. Форты и другія укрѣпленія защищаютъ подступы къ Ригѣ; но городской валъ преобразованъ въ бульвары.

Кругъ второстепенныхъ городовъ опоясываетъ столицу прибалтійскихъ губерній. На сѣверо-востокѣ, на Аа, стоитъ городъ Венденъ, съ развалинами замка, который былъ резиденціей гроссмейстеровъ или великихъ магистровъ

[1]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1895 г.“ и „Свѣдѣнія по внѣшней торговлѣ Россіи за 1896 г.“, изд. Департ. таможен. сборовъ

ордена Меченосцевъ. На Западной Двинѣ Фридрихштадтъ и Якобштадтъ, изъ которыхъ послѣдній основанъ русскими переселенцами и теперь въ значительной части населенъ евреями, имѣютъ значеніе какъ пристани, гдѣ останавливаются пароходы, а также плоты и мелкія суда, спускающіеся внизъ по рѣкѣ. На югѣ Курляндская Аа, еще ручей при городкѣ Баускѣ, становится уже рѣкой у Митавы (по-нѣмецки Mitau, по-латышски Jelgawa), главнаго города курляндскихъ герцоговъ, имя котораго такъ часто повторялось во Франціи, въ эпоху первой революціи, когда Людовикъ XVIII держалъ здѣсь свой дворъ: обширный замокъ, окруженный рощами и прудами, былъ построенъ въ стилѣ версальскаго дворца. Митава, мѣстопребываніе аристократическихъ фамилій края, городъ школъ и пансіоновъ, имѣетъ почти совершенно нѣмецкій характеръ, хотя всѣ окружающія деревни населены латышами, которыхъ митавскіе горожане, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, называютъ «восточными людьми».

Рѣчка Виндава, протекающая черезъ городъ Гольдингенъ, впадаетъ въ Балтійское море у небольшаго порта Виндавы, мало посѣщаемаго судами по причинѣ опасностей, представляемыхъ его баромъ. Движеніе судоходства въ виндавскомъ портѣ въ 1895 г.: по заграничному плаванію: пришло—236 судовъ, въ 80.245 тоннъ; отошло—241 судно, въ 81.481 тонну; по каботажу: пришло—437 судовъ, въ 47.839 т.; вышло—430 судовъ, въ 46.751 т. Цѣнность вывоза моремъ въ 1894 г.—1.184.000, ввоза—[illegible].000 рубл. [1]). Самый дѣятельный портъ Курляндіи находится южнѣе, на узкой песчаной косѣ, отдѣляющей прибрежный прудъ отъ открытаго моря. Этотъ портъ, Либава (Libau по-нѣмецки, Leepaja по-латышски), образовался изъ пруда, или «Малаго моря», которое соединили съ Балтикой посредствомъ канала, окаймленнаго отчасти бонами, положенными на затопленныхъ плашкоутахъ, нагруженныхъ камнемъ. Лежащій южнѣе всѣхъ другихъ русскихъ портовъ Балтики, либавскій портъ освобождается отъ льдовъ тремя недѣлями ранѣе Риги, шестью недѣлями ранѣе Петербурга и соединенъ съ г. Вильно желѣзною дорогою; но баръ, черезъ который должны проходить суда, чтобы войти въ каналъ, имѣетъ всего только отъ 10 до $11\frac{1}{2}$ футовъ глубины, и при томъ онъ часто мѣнялъ положеніе и ширину послѣ сильныхъ ударовъ вѣтра, дующаго съ открытаго моря [2]). Эти опасности, представляемыя баромъ, объясняли меньшую важность Либавы въ сравненіи съ Ригой, съ Ревелемъ, съ Кенигсбергомъ, прусскимъ городомъ, который, однако, можно назвать русскимъ портомъ, по направленію его торговаго движенія; но въ послѣднее время исполнены были большія работы по углубленію прохода, и торговля Либавы быстро возрасла, къ невыгодѣ Кенигсберга. Движеніе судоходства въ либавскомъ портѣ: по заграничному плаванію (1896 г.): пришло—1.419 судовъ, въ 584.553 регистр. тоннъ чистой вмѣстимости; вышло—1.443 судна, въ 592.580 т.; по каботажу (1895 г.): пришло—652 судна, въ 64.282 тонна; вышло—653 судна, въ 65.708 тоннъ.

[1]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1895 г.", изд. Департ. тамож. сборовъ.

[2]) Le Gras, „Instructions nautiques sur la mer Baltique".

Цѣнность внѣшней торговли Либавы въ 1894 г. (въ тысячахъ рублей): вывозъ—40.497; привозъ—18.222 [1]). Къ югу отъ Либавы рыболовы собираютъ въ пескахъ ежегодно около 120 пудовъ янтаря, но на сѣверѣ отъ этого города онъ рѣдко встрѣчается.

Города Прибалтійскаго края, съ населеніемъ свыше 5.000 душъ (по переписи 28 января 1897 г.):

Эстляндская губернія: Ревель—65.036 жит. Везенбергъ—5.519 жит.

Лифляндская губернія: Рига—281.884 жит. Юрьевъ (Дерптъ)—41.627 жит. Перновъ—12.552 жит. Валкъ—10.208 жит. Феллинъ—7.706 жит. Вольмаръ—7.241 жит. Венденъ—6.300 жит.

Курляндская губернія: Митава—35.011 жит. Либава—64.500 жит. Якобштадтъ (1891 г.)—7.000 жит. Баускъ—6.641 жит. Гольдингенъ—9.729 жит. Виндава—8.724 жит. Фридрихштадтъ—11.289 жит. Туккумъ—7.514 жит.

IV. Польша.

Самое имя этой части Россійской имперіи сдѣлалось какъ-бы символомъ національнаго несчастія. Страна, извѣстная подъ названіемъ Польши, утратила свое самостоятельное существованіе, и все, что остается отъ ея прежней независимости,—это особый титулъ въ перечисленіи громадныхъ областей Монарха всѣхъ частей Россіи; да и то въ послѣдніе годы эту часть стали обозначать оффиціально подъ наименованіемъ «Привислинскаго края», и только изъ простой терпимости имя Польши, столь дорогое милліонамъ людей, сохранилось до нашихъ дней въ краѣ. Даже населеніе ея, связанное съ восточно-славянской державой, составляетъ лишь отрывокъ народа, отдѣленный отъ другихъ отрывковъ его, которые присоединили къ себѣ Пруссія и Австро-Венгрія. Слово Польша есть не болѣе, какъ историческій и этнографическій терминъ: въ политикѣ оно теперь не представляетъ ничего [2]).

[1]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1895 г.", изд. Департ. тамож. сборовъ, 1897 г.

[2]) Царство Польское вошло въ составъ Россійской Имперіи собственно только съ 1815 года. Предъ этимъ, послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1795 году, одна половина теперешняго Царства Польскаго съ г. Варшавой при-

А между тѣмъ было время, когда Польское королевство, обнимавшее также обширныя территоріи, которыя принадлежали ему или вслѣдствіе добровольной группировки населеній, или по праву завоеванія, или по праву наслѣдства, вытекавшаго изъ родственныхъ союзовъ государей, было одно изъ самыхъ могущественныхъ государствъ Европы. На всемъ пространствѣ отъ Будишина (Бауцена) въ Лузаціи и острова Рюгена до Смоленска и Днѣпровскихъ пороговъ, отъ Карпатовъ до рѣки Эмбахъ въ Ливоніи, нѣтъ ни одной территоріи, которая бы не была въ теченіе послѣднихъ восьми столѣтій занята поляками или постоянно, или временно. Послѣ соединенія съ Литвой, королевство Польское простиралось отъ Балтики до Понта Эвксинскаго черезъ всю ширину континента; но часто границы его перемѣщались, и когда Россія и Пруссія вступили въ эпоху территоріальныхъ завоеваній, со временъ Петра I и Екатерины II, стало очевиднымъ, что рано или поздно Польша должна задохнуться между своими могущественными сосѣдями. Въ 1772 г. первый раздѣлъ, который, какъ говорятъ, причинилъ столько угрызеній совѣсти императрицѣ Маріи-Терезіи и съ которымъ такъ легко примирились другіе европейскіе дворы, отрѣзалъ уже отъ Рѣчи Посполитой пространство земли свыше 200.000 кв. кил., съ населеніемъ около 5 милліоновъ; это—четвертая часть страны, болѣе трети населенія королевства, въ которомъ тогда было приблизительно около 12.500.000 жителей [1]). Двадцать одинъ годъ спустя Россія и Пруссія овладѣли, каждая, территоріей еще болѣе обширной, чѣмъ первая, и за этимъ вторымъ раздѣломъ въ скоромъ времени послѣдовалъ третій, къ участію въ которомъ была приглашена Австрія. Польша перестала существовать, какъ государство. Въ настоящемъ столѣтіи нѣкоторыя части бывшаго Польскаго королевства, герцогство Варшавское, республика Краковская, имѣли, правда, подобіе самостоятельной жизни или автономіи; но эта иллюзія должна была скоро разсѣяться, какъ дымъ предъ суровой дѣйствительностью. Варшава, укрѣпленное мѣсто, гдѣ сосредоточены русскія войска, имѣетъ теперь назначеніемъ держать поляковъ въ повиновеніи, а Краковъ обратился въ главный городъ австрійской провинціи. Губерніи, на которыя раздѣлено бывшее королевство, имѣютъ отнынѣ для русскаго правительства только административное и стратегическое значеніе: фискъ цѣнитъ Польшу, какъ область имперіи сравнительно самую многолюдную, наиболѣе промышленную, самую богатую и наиболѣе платящую налоговъ [2]), а главный штабъ

надлежала Пруссіи, а другая—Австріи, что оставило до настоящаго времени замѣтные слѣды въ языкѣ, правахъ и законодательствѣ этой страны. Въ составъ Пруссіи входили теперешнія губерніи: Сувалкская, Ломжинская, Плоцкая, Калишская, Петроковская и Варшавская, а также часть Гродненской губерніи, образуя двѣ прусскія провинціи: 1) Южную Пруссію и 2) Ново-Восточную Пруссію. Австрія же изъ теперешнихъ губерній Сѣдлецкой, Люблинской, Кѣлецкой и Радомской образовала особую австрійскую провинцію подъ названіемъ Западной Галиціи, въ противоположность Восточной, вошедшей въ составъ Австріи еще по первому раздѣлу въ 1772 году. Прусское господство въ первыхъ шести губерніяхъ прекратилось въ 1807 году, а австрійское въ четырехъ остальныхъ губерніяхъ—въ 1809 году образованіемъ изъ нихъ, съ присоединеніемъ Познани, самостоятельнаго Варшавскаго герцогства. Созданное исключительно волею Наполеона I-го послѣ побѣдоносно оконченныхъ имъ войнъ съ Пруссіей и Австріей, это герцогство естественно соединило всецѣло свою послѣдующую судьбу съ успѣхами его оружія. Послѣ изгнанія въ 1812 году изъ Россіи войскъ Наполеона I-го, въ первыхъ рядахъ которыхъ сражались польскіе легіоны, и занятія русскими войсками въ 1813 году всей территоріи Варшавскаго герцогства, Австрія и Пруссія, свергнувъ иго Наполеона и вступивъ въ союзъ съ Россіей, потребовали возвращенія имъ всѣхъ польскихъ провинцій, отнятыхъ у нихъ Наполеономъ I-мъ и включенныхъ въ составъ этого герцогства. Но населеніе этихъ провинцій въ адресахъ, поданныхъ Императору Александру I чрезъ государственнаго секретаря Шанявскаго и князя Ад. Чарторыйскаго, умоляло государя „управлять имъ какъ ему угодно, но только не допустить снова подпасть Польшу подъ власть нѣмцевъ, такъ какъ поляки составляютъ одно племя съ русскими". Созданное въ 1815 году императоромъ Александромъ I, Царство Польское, съ конституціей болѣе либеральной, чѣмъ конституція бывшаго Варшавскаго герцогства, съ самостоятельными законодательными палатами, потеряло свое политическое самоуправленіе вслѣдствіе революціи 1830—31 гг., продолжая сохранять, впрочемъ, отдѣльную отъ Россіи администрацію, которой лишилось послѣ политическихъ смутъ въ 1863 году. Одновременно съ образованіемъ въ 1815 году полусамостоятельнаго Царства Польскаго, г. Краковъ, древняя столица Польши, былъ признанъ на Вѣнскомъ конгрессѣ вольнымъ городомъ. Но, сдѣлавшись въ 1846 году центромъ революціоннаго движенія, направленнаго къ возстановленію политической независимости Польши, онъ послѣ подавленія этого движенія потерялъ свое самостоятельное политическое значеніе и включенъ въ составъ Австріи, какъ второстепенный городъ одной изъ ея провинцій. См. нѣсколько разъ цитируемую ниже авторомъ „Сравнительную статистику Царства Польскаго" Симоненко. Варшава, 1879, стр. 29, 35, 55, 438—447. Ред.

[1]) Ригеръ, „Словарь наукъ", ст. Польша, стр. 552 (по-чешски).

[2]) Заленскій, „Сравнительная статистика Царства Польскаго" (по-польски). Авт.

Авторъ, конечно говоритъ объ абсолютномъ податномъ обложеніи, а не объ относительномъ, такъ какъ въ сравненіи съ количествомъ населенія и производительными силами Царства Польскаго податная тягость, лежащая на немъ, нисколько не выше, чѣмъ на остальныхъ частяхъ Россіи. Болѣе раціональное, чѣмъ въ Россіи, распредѣленіе этой тягости, отсутствіе подушной подати и замѣна ея подоходной поземельной податью, безъ различія сословій, и менѣе обременительные выкупные платежи, лежащіе на земляхъ, которыми надѣлены крестьяне правительствомъ въ 1864 году—таковы главныя причины того, почему благосостояніе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ въ настоящее время гораздо выше положенія ихъ въ остальныхъ частяхъ Имперіи, даже такихъ, въ которыхъ средняя величина крестьянскихъ надѣловъ не меньше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. См. въ VI-мъ томѣ „Сборника Государственныхъ Знаній", издававшагося въ С.-Петербургѣ академикомъ Безобразовымъ, рецензію профессора Симоненко на „Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ" ген. Анучина. Ср. въ IV-мъ томѣ того же сборника рецензію на „Сравн. статистику" Заленскаго. Ред.

видитъ въ ней четыреугольникъ крѣпостей, самый грозный въ центральной Европѣ [1]).

Пространство и населеніе Царства Польскаго:

Поверхность—122.020 кв. кил. [2]).

Поверхность безъ значительныхъ внутреннихъ водъ — 111.554,2 кв. верстъ. Населеніе по переписи 28 января 1897 г. (предварительный подсчетъ)—9.455.943 д.; среднее населеніе на 1 кв. версту: 85 жит.

Оставляя въ сторонѣ безчисленныя превратности войнъ и политическихъ союзовъ, мы легко можемъ распознать общія причины, которыя привели польское государство къ паденію. Географическія условія территоріи, которую занимала польская нація, объясняютъ отчасти ея историческія судьбы. Природа не представляла полякамъ хорошо ограниченной рамки, ни естественнаго вала въ видѣ высотъ, который бы могъ имъ служить твердою опорою. Однако, страна, занимаемая главной массой польской народности, имѣетъ границы, довольно ясно очерченныя на большой части ея окружности: на югѣ цѣпь Карпатовъ служитъ естественнымъ барьеромъ, черезъ который поляки не переступали ни въ одной точкѣ, какъ это сдѣлали русские; на сѣверѣ сплошная возвышенность, усѣянная озерами, сѣверный скатъ которой населенъ нѣмцами и потомками древнихъ поруссовъ или пруссовъ, представляетъ другой хребетъ или валъ, за который поляки тоже не переходили [3]). Эти естественныя границы также должны были способствовать сообщенію польской національности нѣкоторой связи, опредѣленно отдѣляя ее отъ ея сосѣдей и соединяя ее въ обособленную группу. Кромѣ того, рѣка Висла, которая перерѣкаетъ Польшу съ юга на сѣверъ, принимая въ себя притоки справа и слѣва, дѣлаетъ изъ всей страны географическій бассейнъ довольно правильный и обладающій большой силой сопротивленія. Но на востокѣ и на западѣ страна открыта, исключая тѣхъ частей, гдѣ тянутся болота и обширные, почти непроходимые лѣса: обширная низменность, отъ которой обитатели бассейна Вислы получили свое имя поляковъ, то-есть «жителей полей», продолжается съ одной стороны въ Германію, съ другой—въ Россію; но именно въ этомъ направленіи, параллельно градусамъ широты, происходили народныя переселенія, и давленіе народовъ другъ на друга проявляется съ наибольшей энергіей. При существованіи этихъ двухъ широкихъ брешей, граница Польши необходимо должна была сдѣлаться подвижной, измѣнчивой, какъ со стороны германцевъ, такъ и со стороны восточныхъ славянъ: нашествія и войны безпрестанно перемѣщали равновѣсіе народностей, боровшихся между собой изъ-за преобладанія.

Нѣсколько разъ Польша была самымъ могущественнымъ изъ славянскихъ государствъ и почти имѣла право присвоить себѣ названіе всеславянской державы. Тѣмъ не менѣе можно различать въ исторіи этого государства два главныхъ періода территоріальнаго расширенія, изъ которыхъ каждый смѣнялся эпохой ослабленія и оканчивался раздѣлами. Въ одиннадцатомъ и въ двѣнадцатомъ столѣтіяхъ земельныя приращенія дѣлались преимущественно со стороны запада, и Польша была передовымъ стражемъ и бойцомъ славянскихъ народностей противъ нѣмцевъ; съ четырнадцатаго до шестнадцатаго вѣка присоединительное движеніе направлялось въ противоположную сторону, противъ восточныхъ славянъ. Въ первыя времена писанной исторіи польскаго народа, государство, обнимавшее Польшу въ собственномъ смыслѣ, то-есть «поля» по Вислѣ и Вартѣ, нынѣшнее Царство Польское и Познань, стремилось поглотить родственныя племена, которыя населяли территорію, простиравшуюся до Эльбы (Лабы). То вступая въ открытую вражду съ императорами Германіи, то поддаваясь обаянію «священной римской имперіи» и гордясь титуломъ ея вассала, короли польскіе успѣли овладѣть почти всѣми славянскими землями Запада. Въ началѣ одиннадцатаго столѣтія Болеславъ Храбрый или Великій, утвердившій единодержавіе въ Польшѣ и возстановившій независимость ея отъ германскаго императора, имѣлъ въ своемъ владѣніи Моравію, Силезію, Словакію, Лузацію, Червонную Русь или Галицію и даже Богемію въ теченіе короткаго періода [1]). Преемники этого государя скоро потеряли значительную часть его завоева-

---

[1]) Реклю, очевидно, говоритъ здѣсь только о той половинѣ Царства Польскаго, которая лежитъ на правой сторонѣ рѣки Вислы. Другая же половина съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ, состоящая изъ губерній Радомской, Кѣлецкой, Петроковской, Калишской и большей части Варшавской, не входитъ въ этотъ четыреугольникъ крѣпостей. Что эта вторая половина Царства Польскаго не имѣетъ никакого стратегическаго значенія въ глазахъ нашего главнаго штаба, видно, какъ изъ направленія проходящихъ чрезъ нее желѣзныхъ дорогъ, обезпечивающаго сосѣднимъ державамъ всѣ выгоды веденія наступательной войны, такъ и изъ самаго устройства этихъ дорогъ, которыя, какъ и всѣ иностранныя дороги,—узкоколейныя. Въ противоположность имъ Привислинская желѣзная дорога, идущая по правой сторонѣ рѣки Вислы, а равно примыкающія къ той же сторонѣ желѣзныя дороги Варшавско-Тереспольская и Варшавско-Петербургская, имѣютъ для Россіи стратегическое значеніе—и по своему направленію, и по устройству, имѣя одинаковую колею со всѣми русскими желѣзными дорогами. Ред.

[2]) По Стрѣльбицкому, 2.312 кв. м.=111.875 кв. в. Ред.

[3]) Впрочемъ, часть прибалтійской возвышенности, по обоимъ склонамъ ея, населена вѣтвью польскаго племени—кашубами, вплоть до морского берега. Самый г. Данцигъ (Гданскъ) и все нижнее теченіе рѣки Вислы находится всецѣло въ этнографической территоріи польскаго племени. Ред.

[1]) Лелевель, „Польша въ средніе вѣка“ (по-польски); Гильфердингъ, „Исторія балтійскихъ славянъ“, Москва, 1855; Успенскій, „Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ Европы“, Спб., 1872.

ній; но, спустя столѣтіе, Болеславъ III Кривоустый обратилъ въ христіанство и покорилъ своей власти поморянъ или жителей балтійскаго поморья (нынѣшняя Померанія), которые, будучи отдѣлены отъ Польши непроходимыми болотами рѣки Нотеци (Нетце), долгое время составляли какъ-бы особый міръ вокругъ Веллина или Винеты, балтійской Венеціи. Однако, раздоры славянъ между собою и германизація значительной части ихъ территоріи не позволили Польшѣ сохранить свое могущество со стороны запада, и начались раздѣлы. Къ концу тринадцатаго столѣтія королевство утратило половину земель, первоначально польскихъ, находящихся въ бассейнѣ Одры (Одера). Около того же времени рыцари Тевтонскаго ордена, призванные однимъ удѣльнымъ польскимъ княземъ (Конрадомъ Мазовецкимъ) на помощь противъ пруссовъ, сами утвердились въ углу Балтики, въ землѣ пруссо-литовцевъ, откуда они стратегически господствовали надъ землями по Нѣману и нижней Вислѣ. Такъ получилъ начало одинъ изъ элементовъ державы, которая впослѣдствіи должна была способствовать разрушенію польскаго государства.

Въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, со временъ Казиміра Великаго, который навсегда отказался отъ Польской Силезіи, Польша, повидимому, устремляетъ взоры исключительно на востокъ; посредствомъ религіозной пропаганды и черезъ бракъ королевы польской Ядвиги съ языческимъ княземъ Ягелло, она соединяется съ Литвой, и вся западная Россія стала открыта ея вліянію; границы ея переходятъ за Днѣпръ и Западную Двину; мало того, Сигизмундъ III, въ семнадцатомъ столѣтіи, стремился сдѣлаться монархомъ всего востока и сѣвера Европы: будучи въ одно и то же время королемъ Польши и претендентомъ на тронъ Швеціи, онъ пытался также взойти на престолъ Московскаго государства. Съ Яномъ Собѣскимъ, польскій народъ, геройскій и храбрый, казалось, сдѣлался окончательно бойцомъ запада въ борьбѣ противъ мусульманъ востока. Но тогда польское государство было уже близко къ распаденію. Въ видахъ достиженія политической централизаціи, Польша сдѣлалась защитницей римскаго католицизма противъ протестантовъ и противъ русской православной церкви; по мнѣнію польскаго историка Лелевеля, это и было причиной ея паденія [1]). Украинскіе казаки и крестьяне возмутились, и польское правительство употребило силу для ихъ усмиренія.

Уже въ 1661 году король Янъ Казиміръ предсказывалъ сейму, что Рѣчь Посполитая достанется въ удѣлъ чужеземцамъ: «Москва и казаки, говорилъ король, возьмутъ великое княжество Литовское, которое связано съ ними языкомъ и вѣрой; Великая Польша откроется бранденбуржцу (Пруссіи)..., а австрійскій домъ, вопреки всѣмъ его благимъ намѣреніямъ, не упуститъ прибрать къ рукамъ Краковское воеводство (Малую Польшу» [1]). Спустя столѣтіе предчувствія Яна Казиміра оправдались. Впрочемъ, если поляки были достаточно сильны, чтобы бороться противъ своихъ могущественныхъ сосѣдей въ эпоху феодальнаго безпорядка,—въ тѣ времена, когда народы, всецѣло принадлежа своимъ повелителямъ, вели войны другъ противъ друга по волѣ личныхъ честолюбій, то условія совершенно перемѣнились, когда націи Европы прочно сгруппировались въ централизованныя государства. Тогда Польша оказалась слишкомъ слабой, чтобы проявлять достаточное сопротивленіе, а ея открытыя границы оставляли свободный доступ внѣшнему врагу.

Однако, самая важная невыгода въ положеніи Польши была не въ отсутствіи естественныхъ границъ на востокѣ и западѣ государства, а въ недостаткѣ прочной связи между жителями, въ провинціяхъ спеціально польскихъ. Вслѣдствіе недостатка географическихъ границъ на западной и восточной окраинах воинственный элементъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или «шляхты», именуемой на пергаментахъ ordo equestris, развился до крайней степени и не имѣлъ болѣе никакой связи съ трудящимся народомъ. Евреи явились, чтобы пополнить пробѣлъ, существовавшій между общественными классами. Ни одна страна Европы не заключала въ себѣ, да и теперь еще не заключаетъ, столько евреевъ, и эти люди иной расы, какова бы, впрочемъ, ни была ихъ привязанность къ польской почвѣ, составляли въ дѣйствительности особый народъ, имѣющій собственные интересы, прямо противоположные интересамъ другихъ жителей, и тѣмъ не менѣе служащій посредникомъ всѣмъ и каждому, образующій, такъ сказать, буржуазію, или среднее сословіе страны. Они одни занимались торговлей; они одни распредѣляли произведенія страны, продавая ихъ и хлопамъ (холопамъ), и панамъ, мѣшая кореннымъ жителямъ вступать другъ съ другомъ въ непосредственныя торговыя сношенія: при ихъ посредствѣ совершался кругооборотъ экономической жизни во всей націи, и, однако, сами они были чужды этой націи; въ минуту опасности они держались въ сторонѣ, ни мало не заботясь о томъ, чтобы сближать различные классы и разъединенныя общины; народъ, состоявшій изъ людей, которые не знали другъ друга, оставался раздѣленнымъ и недоумѣвающимъ, что предпринять. Такимъ образомъ, эта причина внутренняго разстройства усиливала дезорганизацію, происходившую отъ раздѣленія Польши, съ одиннадцатаго и еще болѣе съ четырнадцатаго

[1]) Лелевель, „Польша и Испанія" (по-польски).

[1]) Коховскій, „Klimaktèr", II, 506.

столѣтія, на два враждебныхъ класса—классъ пановъ или дворянства и классъ холоповъ или порабощеннаго крестьянства. Польскую отчизну погубила не столько неурядица, какъ это часто повторяли, сколько привилегіи, такъ называемыя шляхетскія вольности. Крестьяне, которые прежде пользовались личной свободой и были собственниками земли на правахъ общиннаго владѣнія, съ теченіемъ времени лишились и того, и другаго—и земель, и свободы. Дворяне или помѣщики сдѣлались полновластными господами: овладѣвъ имѣніемъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ присвоили себѣ и самую жизнь закрѣпощеннаго земледѣльца. «Польша единственная страна, гдѣ народъ какъ бы лишенъ всѣхъ человѣческихъ правъ», говорилъ въ изданіи король польскій Станиславъ Лещинскій[1]). Государство, которое носило имя «республики», было на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ конфедерація многихъ тысячъ деспотическихъ монархій. Паны, поставленные, такъ сказать, внѣ націи, отказывались платить свою долю на покрытіе общественныхъ расходовъ: хотя существовала поголовная подать, отъ которой по закону никто не могъ быть освобожденъ, однако землевладѣльцы всегда находили способы уклоняться отъ исполненія этой повинности[2]); польское государство никогда не имѣло финансовъ въ собственномъ смыслѣ: ему невозможно было даже собрать сколько-нибудь цѣнныя свѣдѣнія по общей статистикѣ[3]); всѣ попытки въ этомъ направленіи разбивались о постоянное противодѣйствіе помѣщиковъ и шляхты.

Безспорно, мужество поляковъ достигало часто высокой степени энергіи въ минуты отчаянія. Ни одна нація не имѣла болѣе героевъ въ несчастіи: во время инсуррекціонныхъ войнъ мужчины, женщины обрекали себя на ссылку, на смерть въ простотѣ душевной, которая никогда не имѣла себѣ равной, и, однако, даже въ эти эпохи нравственнаго величія, польскій народъ всегда оставался раздѣленнымъ на двѣ враждебныхъ націи. Тѣ, которые ратовали за возстановленіе независимости Польши, не умѣли или не смѣли дать свободу самимъ полякамъ; несчастные крѣпостные остались согбенными надъ землей, которую они обработывали. Косцюшко, правда, желалъ отмѣны крѣпостнаго права; но крестьяне, послѣдовавшіе за диктаторомъ, пользовались свободой только во время войны, и его эманципаціонный декретъ былъ составленъ въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что не могъ имѣть никакого дѣйствія. Впослѣдствіи, во время образованія эфемернаго герцогства Варшавскаго, освобожденіе крестьянъ было провозглашено оффиціально, но земля не была имъ дана, и положеніе ихъ измѣнилось только по виду; для тысячъ изъ нихъ оно даже ухудшилось, потому что это формальное освобожденіе отнимало у нихъ всякое право воздѣлывать поле, на которомъ жили ихъ отцы и дѣды. Еще наканунѣ послѣдняго возстанія, крестьяне въ собственномъ смыслѣ были представлены всего только 22.000 лицами въ классѣ землевладѣльцевъ, тогда какъ число земледѣльцевъ, работавшихъ на господской землѣ, простиралось до двухъ милліоновъ; кромѣ того, насчитывали около 1.400.000 работниковъ, поденщиковъ и домашней прислуги[1]). Не таковъ, вѣроятно, былъ бы ходъ исторіи, если бы люди, боровшіеся за независимость Польши, могли опираться на свободное населеніе, владѣющее собственной землей и заботящееся о томъ, чтобы защитить ее. И даже послѣ паденія отечества это средство было, можетъ быть, единственное, которое могло бы подавать надежду достигнуть когда-нибудь его возстановленія. По крайней мѣрѣ русскіе не могли бы явиться въ качествѣ освободителей, какъ это они сдѣлали въ 1863 году, давъ крестьянину часть земли, которую онъ обработывалъ.

Самое большое несчастіе, которое можетъ постигнуть народъ, есть, безъ сомнѣнія, потеря его національной независимости. Въ политическомъ смыслѣ полякъ теперь можетъ считать себя полякомъ только по воспоминанію: онъ сдѣлался какъ бы чужеземцемъ на своей собственной почвѣ и, такъ сказать, остерегаясь говоритъ своимъ роднымъ языкомъ; мысль его не свободна; геній его болѣе не развивается сообразно своей природѣ. Это бѣдствіе для всего человѣчества, что жизнь одного изъ народовъ такъ стѣснена[2]), но она, безъ сомнѣ-

1) „Considérations sur le gouvernement de la Pologne“, 1733.

2) На существованіе общей для всѣхъ поголовной подати собственно нѣтъ указаній въ польскихъ volumina legum. О ней упоминаютъ только лѣтописцы не позже XVI вѣка, и то какъ о подати, взыскивавшейся въ случаѣ чрезвычайной опасности войны. Но позже существовала, въ смыслѣ общей для всѣхъ земель подати, сначала подымная, а потомъ подоходная поземельная, къ которымъ вполнѣ примѣнимо то, что говоритъ авторъ объ уклоненіи отъ платежа ихъ польскою шляхтою. См. I-ю главу цитированнаго сочиненія Симоненки, стр. 20—25. Ред.

3) Симоненко, выше цитированное сочиненіе.

1) Schnitzler, „L'Empire des Tzars“.

2) Авторъ говоритъ въ этомъ случаѣ, конечно, только о стѣсненіи жизни прежнихъ правящихъ классовъ польскаго общества, такъ какъ большинство населенія Польши во время ея политической независимости имѣло гораздо болѣе основаній чувствовать себя какъ бы чужеземцами на своей собственной почвѣ, чѣмъ теперь, потому что тогда оно было лишено не только политическихъ, но и общечеловѣческихъ правъ, чѣмъ и объясняется то безучастіе, съ которымъ оно относилось какъ къ потерѣ страною политической независимости, такъ и къ послѣдующимъ попыткамъ возстановить ее. Въ теченіе всего XIX вѣка, всякій разъ, какъ только представлялась возможность правящимъ классамъ польскаго общества имѣть непосредственное вліяніе на судьбу своей страны,—совершались даже бо̀льшія противъ прежняго посягательства на свободу и счастіе большинства населенія ея. Это признается и польскими учеными, какъ напр. Скарбекомъ въ его „Исторіи Варшавскаго герцогства“,

пія, проявится снова, хотя и уклоняясь отъ своего первоначальнаго пути, ибо поляки по своей промышленности, по своей цивилизаціи, по своему нравственному достоинству стоятъ, конечно, не ниже своихъ предковъ. Отнынѣ Польша, слишкомъ слабая, чтобы вернуть себѣ собственными силами самостоятельное существованіе, соединитъ свою судьбу съ судьбою Россіи и пойдетъ по пути прогресса вмѣстѣ съ русскими.

«Привислинскій край» въ тѣхъ предѣлахъ, которые ему нынѣ даны, можетъ быть разсматриваемъ какъ обширная, мѣстами прерываемая возвышеніями, равнина, средняя высота которой отъ 330 до 500 фут. (100—150 м.). На сѣверѣ, земли, по большей части покрытыя лѣсами, поднимаются въ видѣ широкаго хребта, который тянется отъ Вислы до Нѣмана по кривой, параллельной линіи балтійскаго прибрежья; но линія границы, начертанная довольно неправильно, не удерживается на оси водораздѣла: она идетъ вдоль южнаго основанія сплошной возвышенности, оставляя Германіи почти всю «Прусскую Швейцарію», съ ея безчисленными озерами. На югѣ, напротивъ, группа Сандомирскихъ горъ, или «Лысая Гора» (Лыса-Гура), принадлежитъ всей своей массой нынѣшней Польшѣ: она тянется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, то-есть параллельно сѣвернымъ Карпатамъ, представляя правильные гребни, одѣтые тамъ и сямъ зеленью, несмотря на данное ей прозвище «Лысой»; округленная вершина, извѣстная подъ именемъ «Сигнала Св. Екатерины», возвышается почти на 2.000 фут. (600 м.) около центра этой группы, выступая на подобіе острова изъ середины слегка волнистаго плоскогорья. Другія группы холмовъ, меньшей высоты, но расположенныя въ томъ же направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, параллельно Карпатамъ, наполняютъ южную часть Люблинской губерніи, между Вислой и Западнымъ Бугомъ, почему и носятъ названіе Люблинскихъ горъ; наконецъ, на юго-западѣ Польши водораздѣлы между Одеромъ и Вартою, между Вартою и Пилицею обозначены высотами такъ называемой Польской Швецаріи—гористой мѣстности, изрытой водами по всѣмъ направленіямъ, но которая первоначально составляла часть всей передовой области Карпатовъ.

Различныя высоты Царства Польскаго:

Сигналъ Св. Екатерины (Лысая гора)—603 метр. (1.980 фут.); холмъ между Пилицей и Краковомъ (въ Кѣлецкой губ.)—483 метр. (1.585 фут.); возвышенность на востокѣ отъ Янова (въ Люблинской губ.)—329 метровъ (1.080 фут.); городъ Ломжа—214 метр. (700 ф.); городъ Люблинъ—189 метр. (620 фут.); городъ Варшава—98 метр. (320 фут.).

Эти холмы южной Польши составляютъ контрастъ съ большой третичной равниной сѣвера по разнообразію ихъ геологическихъ формацій, гдѣ имѣются горныя породы мѣловыя, юрскія, тріасовыя, каменноугольныя, девонскія. Рудныя мѣсторожденія всякаго рода: мѣдь, олово, цинкъ, желѣзо, сѣра, каменный уголь, были открыты и частію разработываются въ этой гористой области; рудники, копи, каменоломни и сосѣдство промышленной Силезіи дали этимъ округамъ населеніе столь же густое, какъ и населеніе равнины.

По распредѣленію гидрографическихъ скатовъ, Польша только отчасти заслуживаетъ присвоенное ей оффиціальное названіе «Привислинскаго края». Весь западный поясъ страны, граничащій съ Силезіей и съ Познанью, принадлежитъ къ бассейну Варты, то-есть къ бассейну Одера, и Сувалкская губернія, въ сѣверо-восточной части Польши, лежитъ на водоскатѣ Нѣмана, который служитъ ей границею на востокѣ и на сѣверѣ; вся остальная территорія орошается Вислой, Наревомъ, Западнымъ Бугомъ или ихъ притоками. При своемъ вступленіи въ Царство Польское, которому она служитъ границей внизъ отъ Краковской области, Висла, только что передъ тѣмъ принявшая въ себя притокъ Санъ, представляетъ уже величественную рѣку, носящую суда большой вмѣстимости: она имѣетъ отъ 118 до 190 саженъ (250—400 метр.) ширины отъ берега до берега, въ низменныхъ равнинахъ, которыя она орошаетъ, по выходѣ изъ цѣпи холмовъ: на каждомъ изъ нихъ виднѣется монастырь, церковь, крѣпкій замокъ или средневѣковая развалина. Усиливаемая въ предѣлахъ Царства Польскаго многоводными рѣками, каковы: Вепрь, Пилица и Наревъ съ Западнымъ Бугомъ, Висла катитъ до вступленія на прусскую территорію жидкую массу, представляющую, среднимъ числомъ, по меньшей мѣрѣ 26.500 куб. фут. (750 куб. метр.) въ секунду; она уже имѣетъ весь свой объемъ, такъ какъ внизъ отъ прусской границы она не получаетъ другихъ притоковъ, кромѣ незначительныхъ ручьевъ. Благодаря этому движущемуся пути, поляки могутъ удобно отправлять въ Гданскъ (Данцигъ) свой лѣсъ, хлѣбъ и всякаго рода продукты и товары. Понятно, какую цѣну имѣло нѣкогда для Польши обладаніе устьями Вислы, и какъ бывало поколеблено ея

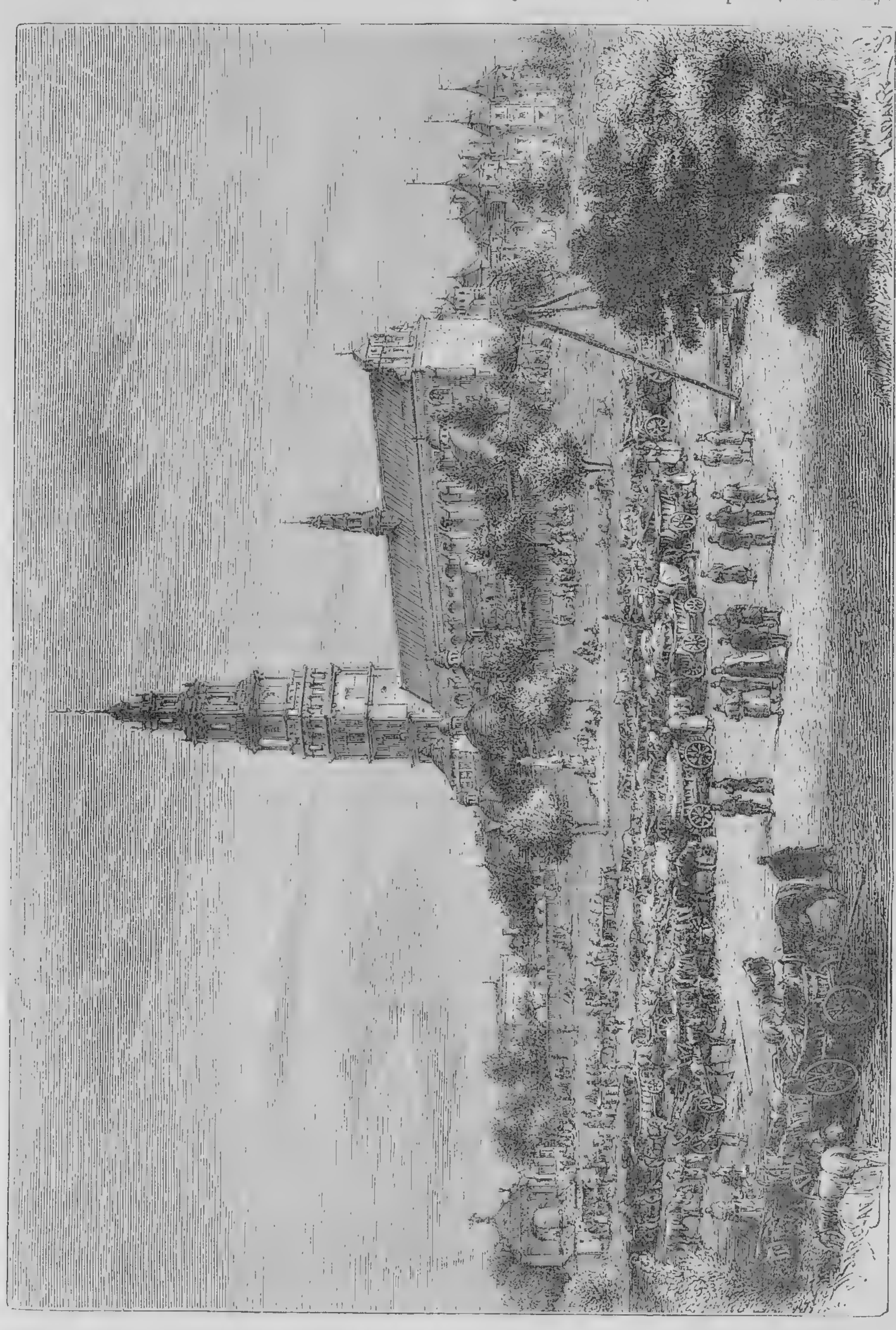
графомъ Лубеньскимъ и Кшистопоромъ въ ихъ изслѣдованіяхъ крестьянскаго быта въ теперешней Польшѣ, и выяснено съ особенной обстоятельностью многими изъ русскихъ ученыхъ, особенно Моллеромъ въ его сочиненіи „L'état actuel de la Pologne en 1865“ (Paris, 1866).

Что касается языка, то стѣсненія въ употребленіи его, о которыхъ говоритъ авторъ, выражаются собственно въ утратѣ польскимъ языкомъ прежняго оффиціальнаго, государственнаго значенія, такъ какъ въ качествѣ неоффиціальнаго языка въ губерніяхъ Царства Польскаго онъ продолжаетъ до сихъ поръ оставаться языкомъ изящной и ученой литературы, театральнаго искусства, всякаго рода общественныхъ и частныхъ сношеній.

Ред.

могущество, когда «добрый городъ» Гданскъ, по-нѣмецки Данцигъ, попадалъ въ руки какого-нибудь соперничавшаго государства, или добровольно отдѣлялся отъ польскаго союза.

торговые люди при своемъ движеніи между Понтомъ Эвксинскимъ и Балтійскимъ моремъ. «Прятки» въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаютъ странствующіе канадскіе торговцы въ пустыняхъ



Ченстоховскій монастырь.

Польша очень богата доисторическими остатками различныхъ эпохъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Долина Западнаго Буга и долина Вислы были частію того естественнаго пути, по которому слѣдавали переселенцы и

«дальнаго запада» (Far West) Сѣверной Америки, были открыты тамъ и сямъ въ мѣстахъ, служившихъ станціями, преимущественно на водораздѣльныхъ возвышенностяхъ между покатостями. Языческія могилы встрѣчаются

во множествѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ: такъ, нѣкоторые искусственные курганы въ долинѣ Вислы, которые относятся къ неолитовой эпохѣ, какъ показали произведенныя на нихъ раскопки, имѣютъ около полуверсты въ окружности [1]). Многочисленныя маленькія озера Польши, изъ которыхъ иныя были осушены, также сохранили слѣды древнихъ озерныхъ поселеній и свайныхъ построекъ, подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаются въ Швейцаріи. Кромѣ того, цѣлыми тысячами находили и теперь находятъ погребальныя урны, содержащія пепелъ и обуглившіяся кости, бронзовыя булавки, кольца, жемчугъ, шарики и другіе предметы; въ нѣкоторыхъ областяхъ Польши остатки глиняныхъ вазъ встрѣчаются такъ часто и въ такомъ множествѣ, что у мѣстныхъ жителей сложилось повѣрье, будто эти сосуды образовались сами собой во внутренности земли [2]). Между погребальными урнами, находимыми на днѣ могилъ, относящихся къ эпохѣ гораздо болѣе поздней, чѣмъ каменный вѣкъ, и содержащихъ предметы изъ металла, собрано много такихъ, которыя представляютъ профиль человѣческаго лица; нѣкоторые остатки римскаго происхожденія позволяютъ догадываться, что эти «урны въ формѣ лица» принадлежатъ къ первому столѣтію христіанской эры.

По мнѣнію Коперницкаго, древняя Польша была населена во времена бронзоваго и желѣзнаго періодовъ длинноголовой расой (долихоцефалами), совершенно отличной отъ современной короткоголовой расы (брахицефаловъ). Однако, съ того момента, какъ началась писаная исторія въ привислинскихъ областяхъ, мы застаемъ уже славянъ, предковъ нынѣшнихъ поляковъ, которые населяли какъ эту страну, такъ и сопредѣльныя земли, занятыя теперь нѣмцами и онѣмеченными славянами. Раздѣленные на многочисленные роды, которые иногда соединялись для военныхъ экспедицій, подъ предводительствомъ одного главы или вождя, ляхи или поляки явственно отличались отъ восточныхъ славянъ: они считали себя членами той же семьи, но, какъ говоритъ легенда, разсказанная въ первый разъ въ тринадцатомъ столѣтіи, три брата Лехъ, Чехъ и Русъ жили отдѣльно, слѣдуя каждый своей дорогой. Въ Польшѣ имя леховъ или ляховъ есть лишь литературное выраженіе, неупотребляемое народомъ; въ чешскихъ памятникахъ оно имѣетъ значеніе богатаго и благороднаго.

Изъ поляковъ самыми чистыми, наиболѣе сохранившими первоначальный типъ считаются обитатели «Великой Польши», жители нынѣшняго Царства Польскаго, по обоимъ берегамъ Вислы, и Познани—на Вартѣ. Бѣлокурые мазуры, то-есть, по литовски, «коренастые» [1]),—которые населяютъ главнымъ образомъ восточныя области, а также сѣверныя, на границѣ съ Пруссіей,—слывутъ самыми гордыми изъ поляковъ; они всего лучше сохранили старинные національные нравы. Смуглые краковяки, сандомирцы и люблинцы и всѣ южные поляки, болѣе впечатлительные, чѣмъ мазуры, часто вспыльчивые, кажется, также и болѣе тщеславны, если судить по ихъ національному костюму, щегольскому, но черезчуръ изукрашенному вышивками, бахромами и цѣпочками. Между другими народностями страны, не польскаго происхожденія, значительная часть объединилась съ массой націи нравами и языкомъ. Такъ, курпики или «копальщики», живущіе въ различныхъ округахъ сѣверной и сѣверо-восточной Польши, въ такой степени приблизились къ мазурамъ, что во многихъ мѣстахъ ихъ смѣшиваютъ съ послѣдними, хотя они происходятъ главнымъ образомъ отъ ятвяговъ или ядзвинговъ—народа, какъ полагаютъ, литовскаго племени и который отчасти былъ истребленъ поляками. Малороссы, сгруппированные въ общины въ юго-восточной Польшѣ, на западѣ отъ рѣки Бугъ, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ русскихъ сосѣдей, жителей Волыни; они населяютъ также восточную часть Полѣсья или Полѣсья, отдѣленнаго отъ долины Нѣмана обширными лѣсистыми пространствами, между которыми замѣчателенъ заповѣдный лѣсъ, извѣстный подъ именемъ Бѣловѣжской пущи. Литовцы или литвины, въ числѣ отъ 250.000 до 300.000 душъ (по разнымъ статистикамъ), занимаютъ большую часть Сувалкской губерніи, въ сѣверо-восточной Польшѣ. Наконецъ, нѣсколько тысячъ цыганъ и татаръ, пришедшихъ изъ Литвы, разсѣяны маленькими группами по территоріи Царства Польскаго.

Послѣ монгольскаго нашествія, польскіе князья, и въ особенности епископы и монастыри, призвали нѣмецкихъ колонистовъ, чтобы вновь заселить опустошенныя татарами земли, и даровали имъ большія привилегіи, между прочимъ, привилегію назначать собственныхъ шульцовъ или войтовъ (старшинъ) и пользоваться внутреннимъ самоуправленіемъ по такъ называемому «тевтонскому праву» [2]). Многіе города также были основаны нѣмецкими переселенцами, и большинство изъ нихъ управлялось по «магдебургскому праву», по законамъ одной изъ старѣйшихъ муниципій Сѣверной Германіи, архіепископы которой были нѣкогда примасами польской церкви. Это право, которое въ сущности было не что иное, какъ административная независимость общины, не помѣшало нѣмцамъ, жителямъ городовъ, «ополячиться» мало-по-малу, подобно тому, какъ опо-

[1]) Заборовскій, Сообщеніе на международномъ антропологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, въ 1878 г.
[2]) Albin Kohn und Mehlis, „Materialen zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa".

[1]) Кентржинскій, „Мазуры"(по-польски), Познань, 1872 г.
[2]) Rœpell, „Geschichte Polens".

лячились и нѣмцы, жившіе въ деревняхъ. Въ четырнадцатомъ столѣтіи «швабы» поселились въ Польшѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ; но этотъ первый германскій элементъ совершенно слился съ туземнымъ польскимъ и католическимъ. Изъ двухъ тысячъ протестантскихъ приходовъ, существовавшихъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, оставалось только два въ 1775 году. Всѣ протестанты, которые смѣшиваются съ иммигрантами, считаемыми нынѣ подъ общей рубрикой нѣмцевъ, пришли въ страну не далѣе какъ за сто лѣтъ предъ симъ; между ними число католиковъ не превышаетъ десяти тысячъ. Такимъ образомъ, въ «Привислинскомъ краѣ» поляки составляютъ огромное большинство населенія.

Народонаселеніе Царства Польскаго по національностямъ:

	По Галкину. Въ 1868 г.	По Риттиху. Въ 1873 г.		Проц.
Поляковъ	3.900.577	4.375 836	или	68,41
Евреевъ	767.947	860.327	„	13,45
Малороссовъ	428.380	505.962	„	8,52
Бѣлоруссовъ	33.517	28.865		
Великороссіянъ	11.065	12.153		
Нѣмцевъ	234.149	370.356	„	5,79
Литвиновъ	277.049	241.147	„	3,77

Въ Польскомъ королевствѣ, какимъ оно было наканунѣ раздѣла 1772 года, польскій элементъ составлялъ только треть населенія: таково, по крайней мѣрѣ, приблизительное исчисленіе, которое даетъ графъ Плятеръ, на основаніи статистики, составленной спустя полвѣка, именно въ 1821 году [1]. Народонаселеніе, въ 1821 г., территоріи бывшей Польши до перваго раздѣла: Бѣлоруссовъ и украинцевъ — 7.520.000; поляковъ — 6.770.000; евреевъ — 2.110.000; литвиновъ и латышей—1.900.000; нѣмцевъ—1.640.000; великороссіянъ — 180.000; румынъ—100.000, всего—20.220.000.

Поляки, о которыхъ западно-европейцы судятъ главнымъ образомъ по пышнымъ магнатамъ и разоренным шляхтичамъ этой націи, живущимъ на западѣ, представляютъ, какъ всѣ цивилизованные народы, безконечное разнообразіе характеровъ; но общій ихъ типъ, какимъ онъ обрисовывается въ исторіи, сходенъ съ типомъ, который описываютъ наблюдатели. Они имѣютъ вообще больше природныхъ дарованій, нежели глубокихъ качествъ, пріобрѣтенныхъ настойчивымъ трудомъ. Пылкіе, буйные, энтузіасты, привлекательные, умѣющіе подольститься, желающіе нравиться, они дѣйствительно нравятся, но не всегда заботятся о томъ, чтобы заслужить уваженіе своимъ поведеніемъ; они отдаются, но безъ самообладанія; они легче понимаютъ великія обязанности, чѣмъ обязанности повседневной жизни. У нихъ честолюбіе рѣдко поддерживается силой дѣйствія, любознательность въ области науки беретъ верхъ надъ постоянствомъ въ трудѣ, воображеніе преобладаетъ надъ волей, капризъ слѣдуетъ за капризомъ. Тѣмъ не менѣе у нихъ проявляются порывы энергіи, и тогда они бываютъ способны на величайшія дѣла, особенно въ возбужденіи на полѣ битвы или въ неожиданныхъ случайностяхъ войны, ибо они по природѣ игроки и расточительны; они охотно рискуютъ всѣмъ состояніемъ и даже жизнью. Въ несчастіи они, подобно французамъ, умѣютъ покоряться обстоятельствамъ и не ропщутъ, какъ трусы, на судьбу. Если первобытный типъ сохраняется всего лучше у женщины, какъ это утверждаютъ антропологи, то польки, развитыя образованіемъ, ясно показываютъ своими рѣдкими качествами высокое достоинство расы, къ которой онѣ принадлежатъ: онѣ не только отличаются изяществомъ манеръ, умомъ, постоянною веселостью, даромъ слова, но обладаютъ также силой самоотверженія, мужествомъ, быстрою рѣшимостью и ясностью мысли; онѣ хранятъ во всей чистотѣ и благородствѣ идеалъ націи [1]). Величайшій недостатокъ поляковъ въ томъ, что они не проникнуты въ должной мѣрѣ уваженіемъ къ труду: отцы ихъ, все равно, кто бы они ни были—господа или холопы, привыкли презирать или ненавидѣть матеріальную работу, и эти чувства продолжаютъ еще существовать, какъ прискорбное наслѣдіе, завѣщанное предками современному поколѣнію. Отсюда, быть можетъ, и происходитъ этотъ контрастъ между натурой поляка, которая такъ легко направляетъ его къ героизму, и его привычками, которыя иногда допускаютъ его до нравственнаго униженія. Когда вы читаете сборники произведеній народной поэзіи [2]), васъ поражаетъ недостатокъ оригинальности въ балладахъ, вульгарность и даже цинизмъ въ любовныхъ пѣсняхъ. Большинство современныхъ поэтовъ Польши должны были искать вдохно-

[1]) Ригеръ „Научный словарь“, 552.

[1]) Эти стороны характера польской женщины и ея бóльшее чѣмъ гдѣ либо вліяніе на общественную жизнь и нравы замѣчаются не только въ средѣ образованныхъ классовъ общества, но и въ простомъ народѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1863 года главные члены бывшаго Учредительнаго Комитета Царства Польскаго, предпринявъ поѣздку по этому краю для ознакомленія съ нуждами и потребностями сельскаго населенія его, были поражены какъ, съ одной стороны, пригнетеннымъ въ нравственномъ отношеніи положеніемъ крестьянъ, дававшихъ свои объясненія не иначе, какъ оглядываясь по сторонамъ —не подслушиваютъ ли ихъ управляющіе и прислуга помѣщиковъ, такъ въ то же время смѣлостью и находчивостью женщинъ, которыя на сельскихъ сходахъ обыкновенно ободряли своихъ мужей, а затѣмъ сами выходили впередъ и давали за нихъ правительственнымъ лицамъ всѣ требуемыя показанія. Оффиціальный отчетъ объ этой поѣздкѣ, разсказывая это, заключаетъ: „Въ сословіи польскихъ крестьянъ, какъ и въ другихъ высшихъ, явно обнаруживалось преобладаніе бойкой и живой инициативы женскаго ума“. (См. цитируемыя въ сочиненіи Шницлера „L'Empire des Tzars“ докладныя записки Н. А. Милютина). Ред.

[2]) Кольбергъ, „Народъ“ (по-польски); Петровъ, „Сборникъ Краковской академіи“.

веній не въ польскихъ народныхъ пѣсняхъ, а въ думахъ и преданіяхъ украинскихъ, литовскихъ и даже бѣлорусскихъ; это объясняется тѣмъ, что польскіе крестьяне уже съ одиннадцатаго вѣка были порабощены господами, тогда какъ въ Литвѣ періодъ угнетенія земледѣльческаго класса начинается только съ пятнадцатаго, а на Украйнѣ только съ восемнадцатаго столѣтія. Трудно было ожидать, чтобы при господствѣ шляхты, служившей въ качествѣ дворни у знатныхъ пановъ и угнетавшей бѣдный сельскій людъ, могла образоваться у крестьянъ Польши чистая и истинно-благородная поэзія. Народная польская литература отличается отъ другихъ славянскихъ литературъ въ особенности большимъ обиліемъ историческихъ пословицъ, которыя всѣ получили происхожденіе въ дворянствѣ, составлявшемъ, такъ сказать, политическій народъ Рѣчи Посполитой [1]).

При своей непредусмотрительности и великодушіи, составляющихъ ихъ врожденныя качества, поляки, хотя сами очень смѣтливые и ловкіе, легко даются въ обманъ, и въ самой странѣ нѣтъ недостатка въ эксплоататорахъ, іудейскихъ и христіанскихъ. Сыны Израиля, хотя относительно не столь многочисленные, какъ въ восточной Галиціи, гдѣ находится центръ ихъ, тѣмъ не менѣе скучены во множествѣ во всѣхъ польскихъ городахъ. При томъ, въ Польшѣ, такъ же, какъ въ Галиціи и въ Венгріи, нормальное годовое приращеніе ихъ племени превосходитъ соотвѣтственное приращеніе христіанъ: они лучше сберегаютъ своихъ дѣтей и живутъ до болѣе преклоннаго возраста, хотя большинство изъ нихъ, подобно польскимъ ремесленникамъ, впали въ пролетаріатъ: между евреями, какъ и между христіанами, большія дѣла, крупные гешефты дѣлаются въ пользу нѣсколькихъ счастливцевъ. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія въ Польшѣ численность еврейскаго населенія обыкновенно опредѣляли въ 200.000 душъ; между тѣмъ по переписи, произведенной для раскладки поголовной подати, отъ платежа которой многія тысячи успѣвали уклоняться, ихъ насчитывали всего только 16.589 душъ [2]). Около ста лѣтъ спустя, именно въ 1659 году, по переписи, сдѣланной съ той же цѣлью, т. е. для обложенія подушной податью, оказалось 100.000 евреевъ; а въ 1764 году, опять-таки по даннымъ податныхъ списковъ, ихъ насчитывалось 429.656 душъ; но историкъ Чацкій полагаетъ, что дѣйствительное число ихъ простиралось до 1.800.000 душъ. Въ настоящее время общая численность евреевъ въ Царствѣ Польскомъ свыше 850.000 душъ, хотя территорія Польши уменьшилась на пятьшестыхъ ея пространства со времени раздѣла 1772 года.

Бóльшая часть польскихъ евреевъ, происходя отъ переселенцевъ, пришедшихъ съ береговъ Рейна, говоритъ и теперь еще рейнско-франконскимъ нарѣчіемъ своихъ предковъ [1]). Такимъ образомъ, они увеличиваютъ въ значительной степени значеніе германскихъ колоній и во многихъ городахъ Польши жители, говорящіе нѣмецкимъ языкомъ, евреи и нѣмцы, составляютъ уже большинство. Лодзь, второй городъ «Привислинскаго края», имѣетъ болѣе нѣмецкій, чѣмъ польскій характеръ по языку населенія; даже Варшава, хотя нѣмцы составляли тамъ въ 1870 году только двадцать-пятую часть населенія, имѣла треть жителей, обыкновеннымъ говоромъ которыхъ былъ германскій діалектъ. Въ старой Польшѣ города, изъ которыхъ иные обязаны своимъ основаніемъ нѣмецкимъ поселенцамъ, были совершенно отдѣлены отъ народа, изолированы въ своихъ мѣстныхъ привилегіяхъ, безъ всякой дѣятельной роли въ шляхетской республикѣ, составлявшей Польское государство: оставаясь чуждыми истинной Польшѣ, они были, по выраженію одного писателя, «словно капли масла на поверхности пруда» [2]). Въ наши дни города уже не стоятъ, такъ сказать, особнякомъ, внѣ націи, напротивъ—они руководятъ ея дѣятельностью, и въ нихъ вырабатываются не только промышленныя богатства страны, но также ея учрежденія и законы. Но эти города теперь, какъ и въ средніе вѣка, служатъ мѣстами иммиграціи нѣмцевъ, и послѣдніе пріобрѣтаютъ такимъ образомъ въ краѣ значительную долю вліянія. Они въ Польшѣ гораздо многочисленнѣе, и относительно, и абсолютно, чѣмъ въ такъ называемыхъ «нѣмецкихъ» провинціяхъ береговъ Балтики. Правда, что русское правительство до сихъ поръ не считало нужнымъ принимать такія же предосторожности противъ распространенія и усиленія нѣмецкаго вліянія въ Польшѣ, какія принимало въ трехъ Остзейскихъ губерніяхъ—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Разсчитывая на естественное соперничество и даже ненависть, раздѣляющую нѣмцевъ и поляковъ, — чувство, которое выразилось, между прочимъ, въ слѣдующей народной поговоркѣ: «пока стоитъ свѣтъ, нѣмецъ никогда не будетъ братомъ поляку!»,—правительство часто поощряло нѣмецкую колонизацію въ Привислинскомъ краѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобы этимъ средствомъ ослабить національный элементъ. Но, быть можетъ, придется когда-нибудь, и даже въ болѣе близкомъ будущемъ, чѣмъ полагаютъ, совершенно измѣнить систему и опереться, напротивъ, на поляковъ, чтобы избѣгнуть быстрой

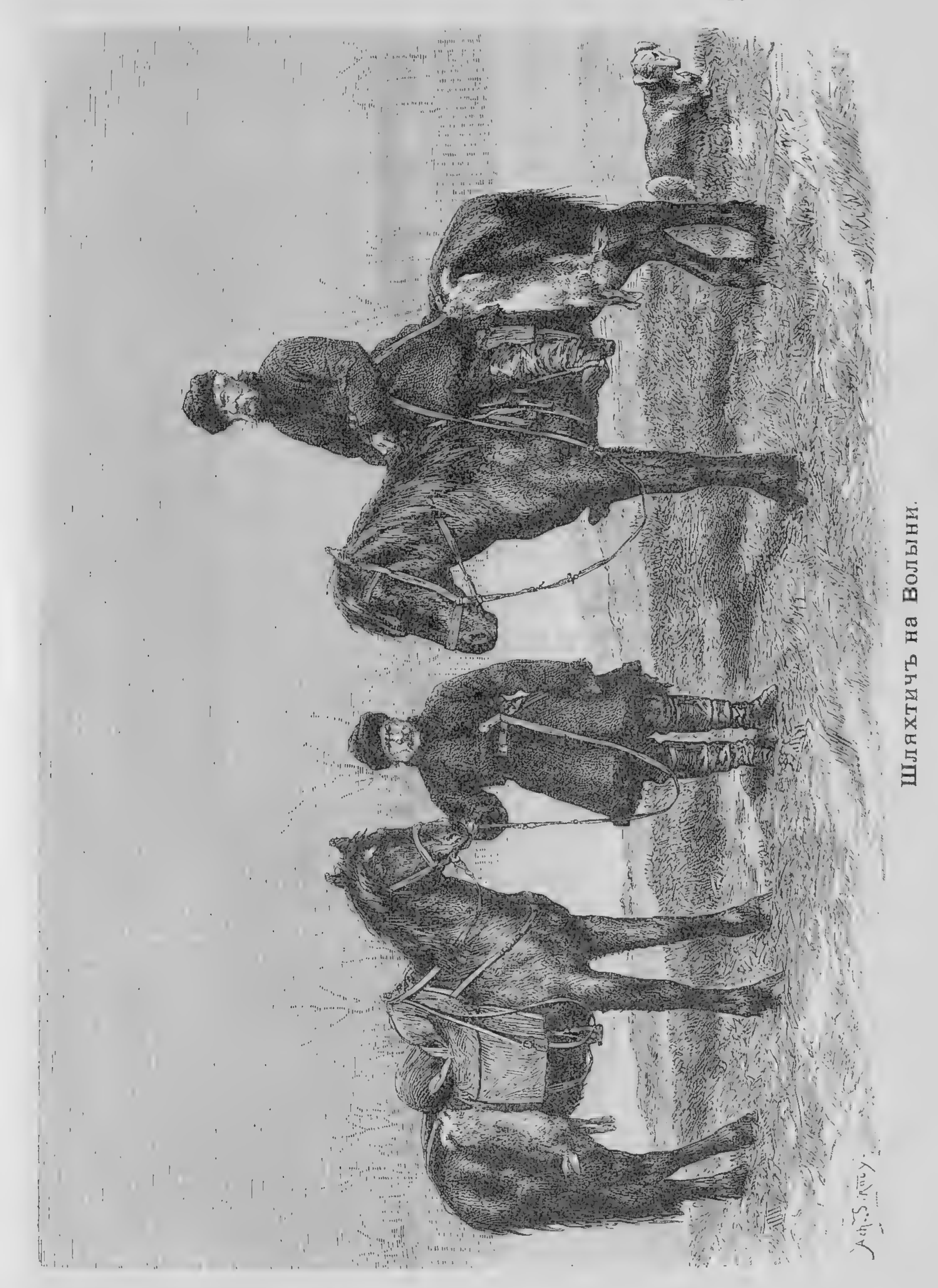
[1]) Сборникъ Даровскаго.

[2]) Malte-Brun, „Tableau de la Pologne ancienne et moderne"; Симоненко, „Сравнительная статистика Царства Польскаго".

[1]) Richard Böckh, „Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den Europäischen Staaten".

[2]) Hüppe, „Verfassung Polens"; A. Leroy-Beaulieu, „Revue des Deux Mondes", 1-er avril 1876.

германизаціи славянскихъ округовъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ границей[1]). Въ то время, какъ восточная Польша, была преобразована русскими въ обширную крѣпость противъ Гер-



Шляхтичъ на Волыни.

маніи[2]), нѣмцы мирно водворились въ сердцѣ этой твердыни, и пріобрѣтенная ими доля дѣйствительной силы, даваемой знаніемъ и промышленностью, несравненно значительнѣе силы, какою пользуются русскіе, литовскіе, малорусскіе жители Польши, поселявшіеся по боль

[1]) Драгомановъ, „Восточная политика Германіи и обрусѣніе“, „Вѣстникъ Европы“, 1872 г.

[2]) Уже было выше замѣчено, что вся западная полоса Царства Польскаго, лежащая по лѣвую сторону рѣки Вислы, какъ глубоко врѣзывающаяся въ предѣлы Пруссіи и Австріи, не имѣетъ никакого стратегическаго значенія для Россіи въ оборонительной войнѣ, а потому для укрѣпленія ея Россіей ничего и не сдѣлано. Слова автора отно-

шей части въ сосѣдствѣ съ восточной границей Царства.

Къ счастію, польскій народъ растетъ и развивается, онъ дѣлается все болѣе и болѣе сильнымъ и способнымъ бороться противъ внѣшнихъ вліяній. Хотя лишенный политической самостоятельности, онъ, безспорно, имѣетъ въ наши дни болѣе патріотическихъ чувствъ, болѣе нравственнаго достоинства, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, въ ту эпоху, когда магнаты продавали свое отечество тому, кто больше предлагалъ, и когда нація безучастно допускала состояться торгу, не выказывая съ своей стороны противодѣйствія. Несмотря на бѣдствія, которыми сопровождалось возстаніе 1863 года, и которыя поразили главнымъ образомъ богатые классы, отмѣна привилегій дворянства и духовенства, равно какъ преобразованія въ поземельномъ и общинномъ устройствѣ, давно уже требуемыя польской демократической партіей [1]), имѣли самыя благодѣтельныя послѣдствія. Съ матеріальной точки зрѣнія прогрессъ вполнѣ очевиденъ. Общее благосостояніе увеличилось, или, лучше сказать, бѣдность уменьшилась. Въ 1859 году число землевладѣльцевъ, большею частію дворянъ, едва превышало 218.000 и не представляло даже шестнадцатой доли всего населенія края. Масса земледѣльцевъ состояла изъ арендаторовъ, работниковъ и поденщиковъ. Но со времени изданія закона 1864 года арендаторы и нѣкоторые изъ работниковъ сдѣлались крестьянами-собственниками, а съ 1866 г. началось распредѣленіе казенныхъ и церковныхъ земель въ пользу тѣхъ, которые до этого еще ничего не получили. Подобныя же мѣры были приняты по отношенію къ маленькимъ городамъ и мѣстечкамъ. До 1864 года только тринадцать городовъ изъ 468 были построены на землѣ, принадлежащей городскому обществу; всѣ же остальные, по феодальнымъ обычаямъ, составляли собственность помѣщиковъ или короны [2]). Изъ этихъ такъ называемыхъ владѣльческихъ городовъ 377 были преобразованы въ земледѣльческія села и деревни [3]), а принадлежащія къ нимъ земли отведены въ надѣлъ крестьянамъ.

Послѣдствія этихъ аграрныхъ реформъ были значительны. Площадь подъ земледѣльческою культурою, возросшая исключительно въ пользу землепашцевъ, увеличилась въ теченіе восьми лѣтъ почти на полмилліона десятинъ [1]); въ 1872 году пахатныя земли, данныя въ надѣлъ крестьянамъ, обнимали въ совокупности пространство, составляющее около трети Царства Польскаго, и болѣе десятой части этого пространства состояло въ общинномъ владѣніи.

Владѣнія польскихъ крестьянъ въ 1872 г. [2]).

	Дымовъ.	Пространство десятинъ.
На земляхъ помѣщиковъ, монастырей и проч. .	424.735	2.727.61
На земляхъ городовъ . .	85.540	244.35
„ „ короны . .	147.360	114.61
Всего	657.635	3.086.58

Средняя величина земельнаго участка, принадлежащаго каждому семейству хлѣбопашцев составляетъ около 8 десятинъ [3]). Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, предшествовавших 1859 году, площадь обработываемыхъ земе на всемъ пространствѣ Царства увеличила только на 201.300 десятинъ [4]); между тѣм въ продолженіи десяти лѣтъ, слѣдовавших за надѣломъ крестьянъ свободными землям приращеніе культурной площади составля 503.250 десятинъ [5]); въ настоящее время свыш двухъ милліоновъ жителей, считая въ томъ чи слѣ и семейства, участвуютъ въ землевладѣні Производство зерновыхъ хлѣбовъ возвысило слишкомъ на треть, съ 12.960.000 до 20.640.00 четвертей (средній урожай за десятилѣті 1883—1892 гг.: 184.442 тыс. пуд., а сборъ за вычетомъ сѣмянъ—143.954 тыс. пуд.), а сбор картофеля болѣе чѣмъ удвоился. Количеств домашняго скота также увеличилось въ весьм

сятся исключительно къ восточной половинѣ Царства Польскаго, непосредственно прилегающей къ Россіи и въ которой живетъ большая часть русскаго и литовскаго населенія этого края. Ред.

[1]) Манифестъ демократическаго общества (Towarzystwo Demokratyczne) отъ 1832 г., подписанный 1.135 членами польской эмиграціи.

[2]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Полторацкимъ въ его „Географическихъ и статистическихъ очеркахъ Царства Польскаго" (Спб 1863 г.), изъ всѣхъ 453 городовъ и мѣстечекъ этого края 225 городовъ было казенныхъ и 228 принадлежало частнымъ лицамъ. Ред.

[3]) Заленскій, „Сравнительная статистика Царства Польскаго".

[1]) По свѣдѣніямъ за 1873 г., сообщаемымъ ген. Анучинымъ въ его „Очеркахъ экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго" (Радомъ, 1875 г.), владѣнія польскихъ крестьянъ увеличились за 9 лѣтъ на 1.916.355 морговъ, т. е. почти на одинъ милліонъ десятинъ, и на 266.998 усадьбъ. Ред.

[2]) По названному выше сочиненію Анучина, въ 1873 г. въ селеніяхъ частныхъ, институтскихъ и маіоратныхъ владѣльцевъ было 440.721 усадьбъ съ пространствомъ въ 5.561.931 м., въ казенныхъ селеніяхъ 160.088 усадьбъ съ пространствомъ въ 2.506.382 м., въ городахъ и посадахъ 83.938 усадьбъ съ пространствомъ въ 629.821 м. Ред.

[3]) По тому же сочиненію ген. Анучина, составленному на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, средняя величина крестьянскихъ усадьбъ въ Царствѣ Польскомъ—12 морговъ, т. е. около 6 десятинъ,—слѣдовательно, почти вдвое болѣе, чѣмъ во всей Россіи, гдѣ, по „Сравнительной Статистикѣ" проф. Янсона, средній надѣлъ только $3^1/_2$ десятины, и даже болѣе, чѣмъ въ сосѣдней австрійской Галиціи, гдѣ, по „Сравнительной Статистикѣ" Симоненко, средній надѣлъ 9 морговъ, т. е. около $4^1/_2$ десятинъ. Не удивительно, что уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства благосостояніе крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго должно быть значительно выше, чѣмъ въ остальной Россіи и Галиціи, помимо меньшихъ выкупныхъ платежей за земельные надѣлы. Ред.

[4]) Тенгоборскій, „Forces productives de la Russie" (Производительныя силы Россіи); Schnitzler, „L'Empire des Tzars".

[5]) Симоненко, выше цитированное сочиненіе.

значительной пропорціи, и статистическія данныя показываютъ, что это численное возрастаніе скота происходитъ главнымъ образомъ въ хозяйствахъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ-крестьянъ, а не въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Статистика домашняго скота въ Царствѣ Польскомъ (1892 г.):

Овецъ и козъ—3.124.000 головъ; крупнаго рогат. скота—2.759.000; лошадей—1.076.000; свиней—1.257.000 головъ.

Благодаря возрастанію земледѣльческихъ рессурсовъ края, и мануфактурная промышленность Польши болѣе чѣмъ удвоилась, по количеству произведеній, со времени изданія аграрныхъ законовъ 1864 года: въ 1857 году общая цѣнность промышленнаго производства исчислялась въ 42 милліона рублей, а въ 1892 году она простиралась до 188,3 милліоновъ руб. Впрочемъ, увеличеніе матеріальнаго благосостоянія наглядно доказывается движеніемъ народонаселенія, которое прежде такъ часто уменьшалось вслѣдствіе революцій, рѣзни, эпидемій; рождаемость не увеличилась, но смертность убавилась (въ 1889—91 гг. ежегодная рождаемость въ Царствѣ составляла 39,1, а смертность—23,1 на 1.000); средняя продолжительность жизни возрасла, при чемъ, какъ неожиданное явленіе, можно указать на тотъ фактъ, что теперь польскій элементъ беретъ перевѣсъ, въ отношеніи приращенія населенія, надъ элементомъ германскимъ. Таблицы, составленныя не по національностямъ, а по вѣроисповѣданіямъ, показываютъ, что въ періодъ съ 1863 по 1870 годъ число католиковъ, поляковъ въ огромномъ большинствѣ, увеличилось на 21 процентъ, тогда какъ протестанты, почти исключительно нѣмцы, возрасли въ числѣ только на 12 процентовъ. До установленія въ Польшѣ мелкой земельной собственности повторялось изъ году въ годъ какъ разъ обратное явленіе въ движеніи народонаселенія. Основаніе новыхъ школъ, устроенныхъ самими крестьянами и на собственныя средства, также служитъ наглядныиъ доказательствомъ достигнутаго въ послѣднее время прогресса. Вотъ относящіяся сюда числовыя данныя:

Начальныя школы въ Царствѣ Польскомъ: Въ 1865 г.—848 шк., съ 47.550 уч.; въ 1872 г.—2.020 шк., съ 110.550 уч.; въ 1876 г.—3.184 шк., съ 168.549 уч. или 1 на 37 жителей (въ московскомъ округѣ 1 на 51 жителя).

Въ 1893 г. собственно начальныхъ народныхъ школъ (не считая частныхъ, христіанскихъ и еврейскихъ, а также воскресно-ремесленныхъ и воскресно-коммерческихъ училищъ) въ Царствѣ было 2.920—въ томъ числѣ городскихъ 351, съ 29.454 учащ., и сельскихъ 2.569, съ 146.927 учащ.

Однако, обязательство говорить по-русски въ школахъ составляетъ большое препятствіе развитію народнаго образованія, такъ какъ воспитанники принуждены «заучивать слова прежде, чѣмъ могутъ понимать ихъ» [1]). Наконецъ, преступленія всякаго рода, и преимущественно тѣ, которыя извѣстны подъ названіемъ «преступленій противъ собственности», уменьшились въ изумительной пропорціи, на половину, даже на двѣ-трети, несмотря на то, что число жителей возрасло на полтора милліона въ тотъ же промежутокъ времени.

Нельзя не признать, что, разсматриваемая въ цѣломъ, мѣра предоставленія крестьянамъ участія въ землевладѣніи была осуществлена гораздо болѣе удачнымъ способомъ въ «Привислинскомъ краѣ», нежели въ прусской Польшѣ и въ австрійской Галиціи. Причину тому слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ общинномъ самоуправленіи, ограниченномъ, но не совершенно призрачномъ, которымъ пользуются польскіе крестьяне. Въ Царствѣ Польскомъ всѣ земледѣльцы, владѣющіе участкомъ земли въ три морга (отъ нѣмецкой мѣры моргенъ), могутъ обсуждать въ собраніи гмины (gmina, отъ нѣмецкаго Gemeinde, община) свои земледѣльческіе интересы, даже отчасти управлять ими, а противъ ростовщиковъ они обладаютъ силой, которую даетъ солидарность: тамъ, гдѣ отдѣльный человѣкъ долженъ бы былъ пасть въ неравной борьбѣ, община оказываетъ сопротивленіе и выходитъ побѣдительницею [2]). Въ прусской Польшѣ, гдѣ крестьяне остались подъ судебной властью и полицейскимъ надзоромъ ихъ бывшихъ господъ, половина крестьянскихъ земель въ нѣкоторыхъ округахъ была уже продана за безцѣнокъ тѣмъ лицамъ, которыя владѣли ими до 1848 года, сельскій пролетаріатъ увеличивается съ каждымъ годомъ, въ то же время возрастаетъ и число преступленій, и множеству бѣдняковъ не остается инаго выхода изъ гнетущей нужды, кромѣ эмиграціи [3]). Въ Галиціи положеніе крестьянъ еще хуже, и земля, которую хлѣбопашцы уже считали-было принадлежащею имъ на правѣ собственности, быстро переходитъ въ руки ростовщиковъ, какъ показываютъ слѣдующія статистическія данныя [4]):

Продажа крестьянскихъ участковъ въ Галиціи: въ 1867 г.—164 продажи съ публичнаго торга, въ 130 деревняхъ; въ 1873 г.—614 продажъ, въ 409 деревняхъ; въ 1877 г.—2.139 продажъ, въ 1.209 деревняхъ.

Сельскія общины Польши, осаждаемыя со всѣхъ сторонъ услужливыми ссужателями де-

---

[1]) „Педагогическій музей“, 1879 г., №№ 2-й и 3-й.

[2]) Около половины сельскихъ общинъ въ Царствѣ Польскомъ имѣютъ ссудосберегательныя кассы, хотя и неудовлетворительныя по своей организаціи. При томъ лицамъ не-крестьянскаго состоянія, слѣдовательно всѣмъ ростовщикамъ-евреямъ, воспрещено закономъ пріобрѣтать крестьянскія земли. Ред.

[3]) Engel, „Preussische Statistik“, Heft XXVI, 1874.

[4]) Сборникъ львовскаго статистическаго бюро.

негъ, отчасти уже эксплоатируемыя ловкими кулаками и ростовщиками, найдутъ ли въ себѣ достаточно умѣнья и энергіи, чтобы защитить свои поля? До сихъ поръ онѣ, повидимому, успѣвали въ этомъ.

Что касается дѣла «обрусѣнія», предпринятаго въ Польшѣ, впрочемъ безъ системы и послѣдовательности, то оно не могло привести къ предположенной цѣли, и нація остается болѣе польской, чѣмъ когда-либо [1]). Уже отдѣленная отъ русскихъ патріотическими преданіями, религіей, нравами, она продолжаетъ быть отдѣленной и языкомъ. Безъ сомнѣнія, молодые люди, воспитывающіеся въ гимназіяхъ, учатся русскому языку и умѣютъ выражаться на языкѣ своихъ побѣдителей; безъ сомнѣнія, также тайныя польскія школы были повсюду обнаруживаемы и закрываемы; въ настоящее время всѣ учебники, употребляемые въ начальныхъ школахъ, составлены на русскомъ языкѣ, и вопросы предлагаются наставникомъ на языкѣ чуждомъ ученику; но понимаютъ или нѣтъ дѣти даваемый имъ въ школѣ урокъ, польскій языкъ все-таки остается ихъ родным языкомъ—тѣмъ языкомъ, на которомъ они мыслятъ. Нивы польской литературы воздѣлываются все съ тѣмъ же рвеніемъ; каждый годъ она обогащается оригинальными сочиненіями и въ особенности многочисленными переводами. Въ 1877 году въ привислинскихъ губерніяхъ выходило 60 польскихъ періодическихъ изданій (нынѣ число ихъ увеличилось до 80).

Города очень многочисленны въ Польшѣ, этой промышленной области Россійской имперіи, и особенно въ территоріи, сопредѣльной съ Верхней Силезіей, съ ея каменноугольными бассейнами и съ ея копями и рудниками: по обѣ стороны границы возвышаются громадныя фабричныя зданія и копошатся массы рабочаго люда. Впрочемъ, залежи минеральнаго топлива простираются также подъ польской территоріей, гдѣ разработываются главнымъ образомъ Домбровскія копи каменнаго угля. Въ 1893 г. въ Домбровскомъ бассейнѣ было добыто 193.359.021 пудъ ископаемаго угля [2]).

Въ этой части Польши почти всѣ воды текутъ къ Одеру, за исключеніемъ нѣсколькихъ ручьевъ, которые спускаются къ югу и соединяются съ нарождающейся Вислой, выше Кракова; одинъ изъ этихъ ручьевъ протекаетъ черезъ городъ Бендинъ, главный пунктъ мануфактурной области. Надъ верхней долиной Варты господствуетъ древній, гордый своей славой городъ Ченстохово, къ западу отъ котораго, по другую сторону желѣзной дороги, разростается новый городъ. На востокѣ высится Ясная Гора (Ясна-Гура), на вершинѣ которой пріютился старинный монастырь, похожій на крѣпость, который дѣйствительно въ теченіе вѣковъ былъ однимъ изъ главныхъ крѣпкихъ замковъ Польши: въ 1704 году шведы безъ успѣха осаждали его. До 1765 года настоятель монастыря былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантомъ крѣпости. Благодаря иконѣ Божіей Матери, византійскаго происхожденія, подъ покровительство которой сеймъ 1656 года отдалъ Польское королевство и которую народъ почитаетъ какъ «царицу Польши», ченстоховскій монастырь, обогащаемый постоянными пожертвованіями и вкладами, сдѣлался съ теченіемъ времени обладателемъ громадныхъ имѣній, которыя простирались на пятнадцатой части старой Польши, обнимая около 5 милліоновъ десятинъ. Лишенный нынѣ этихъ земельныхъ владѣній, составлявшихъ цѣлое королевство, монастырь все-таки имѣетъ богатую казну, увеличиваемую каждый годъ приношеніями пятидесяти или шестидесяти тысячъ богомольцевъ, стекающихся сюда изъ всѣхъ католическихъ странъ трехъ имперій: на западѣ отъ Кіева, Ченстохово—наиболѣе посѣщаемое мѣсто паломничества во всемъ славянскомъ мірѣ. Какъ всѣ святыя мѣста, гдѣ сходятся массы богомольцевъ изъ разныхъ странъ, Ченстохово въ то же время значительный рынокъ и ведетъ торговлю скотомъ, сукнами, полотнами и разнымъ мелкимъ товаромъ.

Едва вступивъ въ предѣлы Калишской губерніи, Варта, усиливаемая многочисленными притоками, бѣжитъ въ широкой аллювіальной долинѣ, среди которой расположился городъ Сѣрадзъ; а неподалеку отъ него, на восточной плоской возвышенности, находится другой городъ, болѣе многолюдный, Здунская Воля. Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи рѣка омываетъ холмъ, гдѣ стоитъ городъ Варта, имя котораго она носитъ, или который отъ нея получилъ свое имя; затѣмъ, описавъ большую дугу въ западномъ направленіи, она окружаетъ островокъ, на которомъ былъ построенъ городъ Коло, далѣе омываетъ стѣны города Конина и проникаетъ въ прусскую Польшу при сліяніи съ Тросной. Эта послѣдняя рѣка служитъ границей между двумя имперіями, и на берегахъ ея, среди фруктовыхъ садовъ, раскинулся Калишъ, главный городъ губерніи того же имени. Этотъ историческій городъ, нынѣ важный торговый центръ, имѣющій также большія суконныя фабрики, считается древнѣйшимъ городскимъ поселеніемъ Польши; можетъ быть даже,

---

1) Большіе успѣхи польской литературы въ послѣднее время, указываемые самимъ авторомъ, никогда непрекращавшееся преподаваніе польскаго языка въ народныхъ училищахъ и гимназіяхъ, ежегодное чтеніе въ варшавской городской ратушѣ публичныхъ лекцій на польскомъ языкѣ, казенныя субсидіи, выдаваемыя варшавскому польскому театру и консерваторіи, и другіе тому подобные факты ясно указываютъ на то, что руссификація въ Царствѣ Польскомъ мало вредитъ польской національности. Ред.

2) „Производительныя силы Россіи", составл. подъ редакціей В. И. Ковалевскаго.

это—тотъ самый городъ, о которомъ упоминаетъ Птоломей подъ именемъ «Калисіа». Окружающая мѣстность усѣяна могильными курганами, въ которыхъ сдѣланы богатыя находки.

Многіе другіе польскіе города находятся также въ бассейнѣ Варты, хотя не на берегахъ и вообще не въ близкомъ сосѣдствѣ рѣки. Таковъ Турекъ, лежащій на сѣверо-востокѣ отъ Калиша; таковы же, на востокѣ отъ этой рѣки, Ленчица, бывшая резиденція воеводъ, и различные города съ прядильными и другими фабричными заведеніями,—Озорковъ, Пабіанице, Згержъ, Лодзь. Этотъ послѣдній бывшій еще въ 1821 году бѣдной деревней, съ населеніемъ менѣе 800 душъ, сдѣлался теперь вторымъ городомъ Царства Польскаго по численности населенія, какъ и по развитію промышленной дѣятельности. Но его нельзя назвать городомъ въ обыкновенномъ смыслѣ; это—скорѣе одна длинная улица, идущая на протяженіи десятка верстъ, по обѣ стороны которой тянутся непрерывнымъ рядомъ дома фабричныхъ рабочихъ, бумагопрядильни, суконныя фабрики, красильни и другія промышленныя заведенія, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, съ годовымъ производствомъ на сумму свыше 50 милліоновъ рублей. Большая часть этихъ мануфактуръ принадлежитъ нѣмцамъ.

Бассейнъ Пилицы, воды которой, берущія свое начало близъ города того же имени, соединяются съ Вислой выше Варшавы, далеко не имѣетъ такой важности въ промышленномъ отношеніи, какъ бассейнъ Варты. Пржедборжъ, гдѣ рѣка еще не судоходна, замѣчателенъ только какъ рынокъ для земледѣльческихъ произведеній. Городъ Петроковъ, лежащій недалеко отъ Пилицы, въ боковой долинѣ, впадающей въ главную съ западной стороны, если имѣетъ нѣкоторую важность, то обязанъ этимъ почти исключительно тому, что онъ административный центръ губерніи. Томашовъ имѣетъ нѣсколько суконныхъ фабрикъ; но ниже этого города въ долинѣ Пилицы встрѣчаются только мѣстечки съ малочисленнымъ населеніемъ. Радомъ, главный городъ губерніи того же имени, расположенъ въ южнѣе лежащей долинѣ, воды которой питаются ключами и снѣгами Лысой Горы. Это—старинный городъ, гдѣ происходитъ дѣятельная мѣновая торговля между горцами и жителями равнины. На полуденномъ скатѣ Лысой Горы также находимъ нѣсколько промышленныхъ городовъ, таковы: Кѣльце, административный центръ губерніи, городъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ и сахарныхъ фабрикъ, окруженный холмами, откуда прежде добывали мѣдную руду; Хенцины, въ окрестностяхъ котораго разрабатываютъ ломки мрамора; Хмѣльникъ; Пинчовъ, близъ котораго существуютъ рудники колчедана; Вислица, бывшая королевская резиденція, прославленная такъ называемымъ «Вислицкимъ статутомъ», изданнымъ Казиміромъ Великимъ въ 1347 году; Нове-Място (Новый городъ), стоящій также на рѣкѣ Нидѣ и, подобно Вислицѣ, разбогатѣвшій благодаря своимъ залежамъ сѣры; Сташовъ; Раковъ, теперь простое мѣстечко, который въ семнадцатомъ столѣтіи былъ умственнымъ центромъ социніанъ, «сарматскими Аѳинами», разрушенными по повелѣнію сената въ 1638 году, за двадцать лѣтъ до обнародованія закона, вотированнаго противъ этой секты. Горделивый Сандомиръ расположенъ на берегу Вислы подъ горой, на которой высится его древній замокъ или кремль. Этотъ городъ, одинъ съ тѣхъ, имя которыхъ всего чаще повторяется въ исторіи Польши, былъ столицей королевства въ теченіе тринадцатаго столѣтія, и одна изъ его церквей, построенная въ византійскомъ стилѣ, относится къ этой эпохѣ. Своей обширной торговлей онъ пріобрѣлъ большія богатства; но именно его цвѣтущее состояніе и его преобладающая роль въ государствѣ были причиной того, что онъ много разъ подвергался осадамъ и пожарамъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ важность только по сплаву лѣса и по рѣчному судоходству для перевозки хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ.

На востокѣ отъ Вислы, но все-таки въ ея бассейнѣ и въ бассейнѣ Западнаго Буга, Люблинская губернія занимаетъ юго-восточный уголъ нынѣшней Польши. Главный ея городъ, Люблинъ, который долго оспаривали другъ у друга поляки и галиційскіе русскіе, былъ, начиная съ шестнадцатаго столѣтія вплоть до необычайно быстраго развитія Лодзи, вторымъ городомъ Польши, и теперь еще онъ уступаетъ только Варшавѣ по величественному виду. Во времена королей изъ династіи Ягеллоновъ Люблинъ, говорятъ, насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ до 40.000 жителей, и ни одинъ городъ не могъ помѣрятся съ нимъ на всемъ пространствѣ между нижней Вислой и Днѣпромъ; но, часто опустошаемый татарами и казаками, онъ нѣсколько разъ нисходилъ на степень простаго мѣстечка: за предѣлами нынѣшняго города груды развалинъ покрываютъ еще большое пространство окружающихъ земель; отъ городскихъ стѣнъ остались только живописныя руины [1]). Люблинъ прославился въ исторіи бурнымъ сеймомъ 1568 и 1569 годовъ, на которомъ рѣшено было присоединеніе Литвы къ Польскому государству. Какъ крѣпость, онъ былъ замѣненъ городомъ Замостье (Замосць), который лежитъ на болотистомъ плато, на вы-

---

[1]) Изъ уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія древностей, не считая различныхъ старинныхъ костеловъ и церквей, наиболѣе замѣчателенъ стоящій на скалѣ „замокъ Люблинскихъ старостъ", поражающій красотою и древностью своей архитектуры. Теперь этотъ замокъ обращенъ въ тюрьму. См. Устимовича Географію Царства Польскаго, Варшава, 1864. Ред.

сотѣ 726 футовъ, недалеко отъ австрійской границы и отъ водораздѣльной возвышенности между бассейнами Вислы и Днѣстра. Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія графъ Замойскій выбралъ мѣстоположеніе для этого города въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и велѣлъ построить его улицы съ аркадами, по образцу городовъ Ломбардіи; онъ же основалъ въ немъ академію и другія общественныя учрежденія, которыя теперь уже не существуютъ. Но городъ и нынѣ все-еще ведетъ торговлю съ Волынью и Галиціей, такъ же, какъ два его сосѣда, Билгорай и Грубешовъ. Первый изъ нихъ имѣетъ спеціальный промыселъ—выдѣлку ситъ, которыхъ онъ продаетъ свыше милліона штукъ въ годъ. Близъ втораго находится мѣстечко Городля, на Бугѣ, напоминающее договоръ, заключенный въ первый разъ между католическимъ дворянствомъ Литвы и дворянствомъ Польши въ 1413 году. Вообще вся эта область одна изъ самыхъ важныхъ въ исторіи Польши и сосѣднихъ странъ. Одна изъ сосѣднихъ деревень, Чермо, древній Червень, дала свое имя группѣ городовъ «Червонной Руси», получившей впослѣдствіи названіе Галиціи.

Къ востоку отъ Люблина, на одномъ изъ притоковъ Западнаго Буга и уже въ мѣстности, населенной малороссіянами, стоитъ одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ—Холмъ (по-польски Хелмъ); онъ обязанъ своимъ именемъ горкѣ, на которой возвышался крѣпкій замокъ, всегда съ успѣхомъ отражавшій нападенія татаръ. Въ окрестностяхъ, на сѣверѣ и на югѣ, высятся двѣ старинныя четыреугольныя башни, безъ всякихъ отверстій и безъ пустоты во внутренности, въ которыхъ антикваріи усматриваютъ символы языческаго культа, тогда какъ другіе считаютъ ихъ просто пограничными знаками Галиціи въ тринадцатомъ столѣтіи. Какъ епископальный городъ уніатовъ, то-есть послѣдователей греко-восточнаго вѣроисповѣданія, соединенныхъ съ римско-католической церковью, Холмъ сдѣлался ихъ духовной столицей въ 1839 году, послѣ упраздненія уніи въ Россіи собственно; но въ Царствѣ Польскомъ осталось лишь небольшое число отъ 240.000 уніатовъ, бывшихъ тамъ въ 1864 году: уніатовъ возсоединили съ православной церковью.

Висла служитъ общей границей двумъ губерніямъ, Люблинской и Радомской, во всей части ея средняго теченія, направляющагося отъ юга къ сѣверу. Прежде чѣмъ повернуть на сѣверо-западъ, откуда теченіе направляется къ Варшавѣ, рѣка вступаетъ въ горное ущелье, надъ которымъ по обѣ стороны возвышаются историческія руины,—на западѣ Яновице, на востокѣ Казимержъ, — и проходитъ передъ великолѣпнымъ замкомъ и паркомъ Пулавы, бывшимъ княжескимъ имѣніемъ, которое нынѣ переименовано въ Ново-Александрію и которого всѣ сокровища, драгоцѣнныя книги, рукописи, произведенія искусства, были перевезены въ Петербургъ; во дворцѣ прежде помѣщался институтъ благородныхъ дѣвицъ, а нынѣ помѣщается институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Ниже, при сліяніи Вислы и Вепржа, стоитъ крѣпость Ивангородъ, прежде Демблинъ, прикрывающая съ юго-запада подступы къ Варшавѣ.

Варшава далеко превосходитъ всѣ другіе города Польши по числу жителей и значенію, а въ Россійской имперіи она занимаетъ третье мѣсто, слѣдуя непосредственно за Петербургомъ и Москвой. Однако, она не принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ страны: Гнѣзно, Краковъ существовали уже сотни лѣтъ, когда мѣстность, гдѣ въ наши дни расположена обширная и многолюдная Варшава, была еще дремучимъ лѣсомъ, наполненнымъ дикими звѣрями; имя этого города появляется въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ началѣ тринадцатаго столѣтія. Страна, по которой протекаетъ средняя Висла, была занята преимущественно мазурами, почти независимымъ народцемъ, который иногда вступалъ въ союзъ съ тевтонскими рыцарями противъ поляковъ, и который слился окончательно съ польской монархіей только по прекращеніи его княжескаго дома въ 1526 году. Когда состоялось политическое соединеніе Литвы съ Польшей, Варшава была выбрана мѣстомъ собранія сеймовъ, потому что она не была «ни польская, ни литовская, а находилась на нейтральной территоріи Мазовецкой области». Это было въ 1569 году. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, центромъ равновѣсія Польши и Литвы и избавившись отъ границъ неопредѣленныхъ, но стѣснительныхъ, происходившихъ отъ раздѣленія страны на нѣсколько государствъ, Варшава тотчасъ же воспользовалась географическими выгодами своего положенія. Она стоитъ на большой судоходной рѣкѣ, въ центрѣ плодоносной равнины, которая простирается отъ Восточной Пруссіи до массива Лысая Гора. Къ той части рѣчнаго теченія, середину которой занимаетъ Варшава, притоки сходятся въ наибольшемъ числѣ: выше города, рѣки Вепржъ и Пилица, текущія одна—съ юго-востока, другая—съ юго-запада, приносятъ Вислѣ воды почти всей полуденной Польши; ниже, обильная рѣка, въ которую, на недалекомъ разстояніи отъ мѣста ея впаденія, соединяются Западный Бугъ и Наревъ, прибавляетъ свою водную массу къ водамъ главной рѣки. Подобно тому, какъ Парижъ, построенный выше сліянія Уазы, тѣмъ не менѣе сдѣлался естественнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ продуктовъ и товаровъ, перевозимыхъ внизъ по притоку Сены, также точно и Варшава, лежащая выше соединенія Вислы и Нарева, представляетъ пунктъ, гдѣ сходятся торговые пути, открываемые до-

линами Нарева и Буга на востокѣ и сѣверо-востокѣ по направленію къ Литвѣ. Кромѣ того, столица Польши находится на описываемой теченіемъ Вислы кривой, развертывающейся къ востоку въ сторону Россіи, и какъ разъ напротивъ невысокаго порога, отдѣляющаго притоки Днѣпра отъ притоковъ Нѣмана и Западной Двины и продолжающагося далеко по направленію къ Москвѣ, какъ большая дорога для переселеній и торговыхъ сношеній [1]). Этотъ трактъ мирныхъ торговыхъ каравановъ служилъ также путемъ для армій, и поляки часто пользовались имъ во время своихъ походовъ въ Россію; въ свою очередь, и русскіе ходили этой же дорогой, чтобы вторгнуться въ предѣлы Польши и нести опустошеніе въ Варшаву. Немногіе города имѣли въ новѣйшія времена политическую исторію болѣе печальную, чѣмъ польская столица; несмотря на то, Варшава не переставала рости въ протяженіи и въ численности населенія [2]). Если бы не мѣшали укрѣпленія, стѣсняющія ея промышленное развитіе, и полукругъ таможенъ, развертывающійся вокругъ нея на разстояніи отъ 100 до [illegible]0 верстъ, то, нѣтъ сомнѣнія, этотъ городъ, [illegible]ный близкій къ геометрическому центру континента, занялъ бы мѣсто въ ряду первоклассныхъ городовъ Европы. Хотя черезъ Варшаву проходятъ два изъ главныхъ желѣзныхъ путей Европы, она не имѣетъ еще достаточнаго числа рельсовыхъ дорогъ для обслуживанія ея торговли. Кромѣ того ей часто грозитъ опасность наводненія при разливахъ Вислы, и нерѣдко случается, что зарѣчная часть, Прага, сады и виллы прибрежныхъ предмѣстій представляютъ печальное зрѣлище безпорядка и разрушенія.

Построенная полукругомъ на западномъ, нагорномъ берегу Вислы, Варшава возвышается футовъ на 100 надъ поверхностью водъ рѣки и ея лѣсистыхъ островов. Центромъ города можно считать бывшій королевскій дворецъ, окруженный садами въ видѣ террасъ, которыя поднимаются на самомъ берегу рѣки. Отъ этого дворца, въ которомъ теперь помѣщаются библіотека и собраніе произведеній искусства, расходятся, на подобіе радіусовъ, главные проспекты, обставленные отелями и публичными зданіями. Старый городъ, съ узкими улицами, тянется на сѣверѣ, замкнутый, такъ сказать, между многочисленными казармами, прилегающими къ замку и къ цитадели. На югѣ раскинулись новые кварталы, изрѣзанные широкими проспектами. Желѣзнодорожный путеводъ и великолѣпный мостъ о семи аркахъ пересѣкаютъ желтоватыя воды Вислы и соединяютъ городъ съ его предмѣстьемъ, Прагой, получившей въ исторіи печальную извѣстность кровопролитнымъ штурмомъ Суворова въ 1794 году и штурмомъ Паскевича въ 1831 г.

Варшава — университетскій городъ, и ея университетъ имѣетъ, кромѣ библіотеки, состоящей изъ 552.000 томовъ, научныя коллекціи всякаго рода, астрономическую обсерваторію, ботаническій садъ; университетъ, основанный въ 1816 году, былъ закрытъ послѣ возстанія 1830 и 1831 годовъ, и курсы возобновились въ немъ только въ 1861 г.; самое названіе университета дано лишь въ 1869 году (до этого времени онъ назывался главной школой), но преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ; университетъ не имѣетъ всѣхъ университетскихъ правъ, какими пользуются другія высшія учебныя заведенія имперіи [1]) (число слушателей въ Варшавскомъ университетѣ: въ 1885 г.—1.395, въ 1894 г.—1.152). Кромѣ университета, въ Варшавѣ существуютъ нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія, изъ которыхъ назовемъ училище искусствъ и ремеслъ и музыкальную консерваторію [2]). Между музеями главное мѣсто занимаетъ музей общества изящныхъ искусствъ; въ лучшихъ кварталахъ есть нѣсколько статуй, между прочимъ, статуя Коперника, воздвигнутая его согражданами на одной изъ прекрасныхъ площадей города [3]). Столица Польши отличается также своей промышленной и торговой дѣятельностью; ея многочисленныя фабричныя заведенія, прядильни и мануфактуры различныхъ матерій, табачныя фабрики, заводы винокуренные, водочные, пивоваренные, кожевенные, мыловаренные, литейные, фабрики обуви, машинъ, земледѣльческихъ орудій, инструментовъ, мебели, фортепіано, поставляютъ ежегодно произведеній на десятки милліоновъ (въ 1894 г. число фабрикъ въ Варшавѣ—368, при 17.250 рабочихъ, съ годовымъ производствомъ на 27,3

---

[1]) I. G. Kohl, „Die geographische Lage der Hauptstädte Europa's“.

[2]) Особенно съ тѣхъ поръ, когда она сдѣлалась узломъ 4-хъ желѣзнодорожныхъ линій, идущихъ въ различныхъ направленіяхъ. Ред.

[1]) Это ограниченіе заключается въ лишеніи университетскаго совѣта, и то только временномъ, права самому выбирать преподавателей на университетскія каѳедры. Ред.

[2]) Съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на польскомъ языкѣ. Ред.

[3]) Также статуя польскаго короля Сигизмунда III, перенесшаго столицу изъ Кракова въ Варшаву въ 1596 г., статуя эта поставлена въ 1644 году сыномъ Сигизмунда, королемъ Владиславомъ IV, на площади предъ стариннымъ королевскимъ замкомъ, первыя основанія котораго были заложены еще въ XIV вѣкѣ князьями мазовецкими. Статуя возвышается на мраморной колоннѣ въ 36 локтей вышины, высѣченной изъ одного куска мѣстнаго мрамора, взятаго подъ Хенцинами въ Кѣлецкомъ уѣздѣ. Изъ новѣйшихъ памятниковъ г. Варшавы, самый красивый—высокая пирамида на пьедесталѣ, съ 4-мя большими бронзовыми львами, поставленная въ честь поляковъ, павшихъ въ 1830 году въ рядахъ русскихъ войскъ. Памятникъ этотъ возвышается на Саксонской площади, напротивъ прекрасной колоннады, ведущей въ Саксонскій садъ, и прежняго дворца саксонскихъ королей, перестроеннаго за ветхостью въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. Ред.

милліоновъ руб.; кромѣ того, ремесленниковъ, вмѣстѣ съ учениками,—50.300, а годовая цѣнность ремесленнаго производства 46,4 милліона руб.). Жирардовская фабрика вблизи Варшавы, при одной изъ станцій варшавско-вѣнской желѣзной дороги, названная такъ въ честь Филиппа де-Жирарда, пользуется въ краѣ почти монополіею выдѣлки столоваго бѣлья, котораго она производитъ на четыре милліона въ годъ. Что касается дѣятельности торговаго обмѣна, то о размѣрахъ его можно составить понятіе, увидѣвъ толпу вѣчно занятыхъ, дѣловыхъ сыновъ Израиля, которые снуютъ, въ числѣ около ста тысячъ человѣкъ, по варшавскимъ улицамъ. Изъ всѣхъ городовъ земнаго шара, Варшава имѣетъ наиболѣе многочисленное еврейское населеніе, и это населеніе размножается въ ней съ наибольшею быстротою.

Число и процентное отношеніе евреевъ и христіанъ въ Варшавѣ:

Въ 1860 г.—118.000 христіанъ; 43.000 евреевъ, т. е. 38% населенія. Въ 1869 г.—118.000 христіанъ; 69,000 евреевъ, т. е. 36% населенія. Въ 1877 г.—206.300 христіанъ; 102.250 евреевъ, т. е. 33% населенія. Въ 1879 г.—239.880 христіанъ; 117.289 евреевъ, т. е. 32,7% населенія. Въ 1894 г. 364.757 христіанъ; 169.504 евреевъ, т. е. 31,7% населенія.

Варшавская шерстяная ярмарка—одна изъ самыхъ важныхъ въ центральной Европѣ. Какъ большая часть другихъ большихъ городовъ, польская столица, которая, впрочемъ, имѣетъ много нездоровыхъ кварталовъ, населенныхъ бѣднымъ людомъ, окружена увеселительными мѣстами, рощами, виллами, куда устремляется городское населеніе въ праздничные дни; въ особенности Лазенковскій дворецъ, построенный на южной сторонѣ города, на древнемъ берегу, гдѣ Висла оставила ложную рѣку, славится своимъ очаровательнымъ мѣстоположеніемъ, своими тѣнистыми парками и своими водами, въ зеркальной поверхности которыхъ отражаются статуи изъ бѣлаго мрамора и колоннады искусственной руины, которая служитъ сценой для театральныхъ представленій, даваемыхъ подъ открытымъ небомъ [1]). На западѣ отъ города разстилается равнина Воля, напоминающая бурные королевскіе выборы, гдѣ во время избирательнаго сейма располагались станомъ до 200.000 дворянъ, со своей свитой, иногда болѣе похожихъ на враговъ, готовыхъ схватиться другъ съ другомъ, нежели на гражданъ, собравшихся для мирнаго совѣщанія о дѣлахъ государства; далѣе слѣдуетъ Вилłановъ, съ замкомъ, служившимъ резиденціей королю Яну Собѣскому, и который нынѣ заключаетъ музей произведеній живописи, нумизматическую коллекцію, историческую библіотеку. Между именами знаменитыхъ людей, родившихся въ Варшавѣ, особенно заслуживаетъ упоминанія имя Лелевеля, историка, географа и болѣе всего—великаго гражданина. Шопенъ родился въ окрестностяхъ этого города.

Верстахъ въ тридцати съ небольшимъ ниже Варшавы, Наревъ, усиленный Западнымъ Бугомъ, соединяетъ свои воды съ водами Вислы, ограничивая вмѣстѣ съ нею удлиненный полуостровъ, на которомъ выстроился городъ Новый-Дворъ. Другія группы строеній, города и мѣстечки, расположились на обоихъ берегахъ главной рѣки ниже сліянія, тогда какъ на сѣверѣ, господствуя одновременно надъ обѣими рѣками, показываются укрѣпленія Ново-Георгіевска или Модлина, крѣпости, которую инженеры признаютъ образцовымъ произведеніемъ военнаго искусства: тридцать, даже сорокъ тысячъ солдатъ могутъ помѣститься въ модлинскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, чтобы служить опорой для движеній арміи въ полѣ.

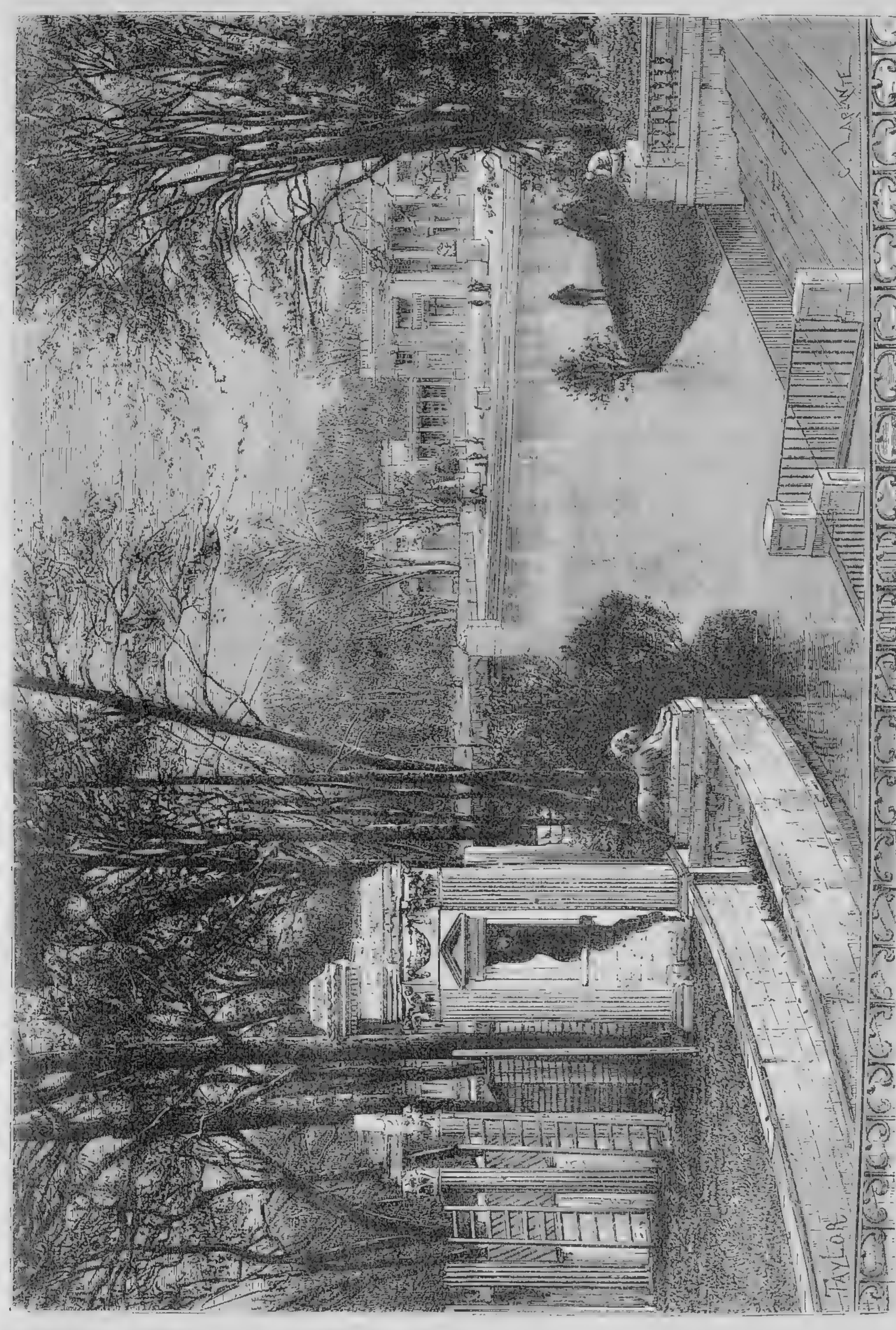
Почти всѣ города восточной части Царства Польскаго, въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Ломжинской, Варшавской, принадлежатъ къ бассейнамъ Нарева и Западнаго Буга. На дорогѣ изъ Варшавы къ крѣпости Брестъ слѣдуютъ одинъ

---

[1]) Сцена варшавскаго Лазенковскаго театра чуть ли не единственная въ мірѣ въ томъ отношеніи, что, расположенная на островѣ, отдѣлена отъ зрителей водою. Почти не нуждаясь въ искусственномъ украшеніи кулисами, она своими естественными деревьями и водою, окружающею ее, сливается со всѣмъ Лазенковскимъ паркомъ, съ его въ высшей степени изящнымъ лѣтнимъ дворцомъ, построеннымъ послѣднимъ польскимъ королемъ, и массами публики, гуляющей по аллеямъ, окаймляющимъ прудъ, такъ что принимаетъ во время представленій фантастическіе гигантскіе размѣры. Вообще Лазенковскій паркъ по своей красотѣ можетъ конкуррировать съ лучшими парками Европы. Кромѣ него, въ самомъ центрѣ города находятся два довольно обширныхъ сада для общественныхъ гуляній—Красинскій и Саксонскій, съ тѣнистыми аллеями изъ вѣковыхъ каштановъ. Особенно значителенъ послѣдній садъ съ лѣтнимъ большимъ театромъ, старинными статуями и прекраснымъ фонтаномъ, окруженнымъ клумбами цвѣтовъ. Примыкая къ лучшимъ улицамъ Варшавы, этотъ садъ служитъ въ настоящее время любимымъ мѣстомъ гуляній варшавской публики, подобно тому какъ Красинскій садъ служилъ моднымъ гуляньемъ варшавской аристократической публики въ началѣ текущаго столѣтія. Обиліе общественныхъ садовъ и скверовъ въ городѣ, пріѣздъ лѣтомъ въ Варшаву изъ провинціальныхъ польскихъ городовъ, а также заграничныхъ, множества театральныхъ труппъ, дающихъ на польскомъ и частію на нѣмецкомъ языкахъ представленія на открытомъ воздухѣ въ лѣтнихъ театрахъ небольшихъ частныхъ садовъ, отсутствіе большихъ жаровъ по самому климату страны, отличающемуся большою влажностью и частыми дождями—все это обусловливаетъ довольно большую оживленность жизни въ Варшавѣ и въ лѣтнее время и отсутствіе въ окрестностяхъ ея хорошо устроенныхъ дачъ. Только въ послѣдніе годы, съ большимъ приливомъ русскаго служилаго населенія изъ Петербурга и Москвы, привычки русскихъ столичныхъ жителей къ дачной жизни стали быстро прививаться и къ мѣстному населенію, вслѣдствіе чего въ короткое время окрестности Варшавы стали застраиваться загородными виллами.

Ред.

за другимъ, окруженные великолѣпнѣйшими полями, нивами и лугами, города Калушинъ, Сѣдльце, Мендзыржечъ, Бяла (Бѣла); Влодава, на литовской границѣ, составляетъ одинъ городъ съ предмѣстьемъ Влодавка, лежащимъ на противоположномъ берегу Буга; г. Островъ находится въ равнинахъ, которыя простираются на сѣверъ отъ этой рѣки; Тыкоцинъ отдѣленъ отъ Литвы только теченіемъ Нарева; Ломжа, губернскій городъ, омываемый той же рѣкой, долгое время былъ въ упадкѣ, и теперь еще тамъ видны развалины, оставленныя проходомъ шведскихъ войскъ; ниже, на той же рѣкѣ, находится Остроленка, гдѣ въ 1831 году произошла рѣшительная битва, открывшая русскимъ дорогу къ Варшавѣ; Пултускъ, гдѣ также встрѣчались воюющія арміи, шведы противъ саксонцевъ, французы противъ русскихъ, стоитъ



Варшава,- Дворецъ и садъ въ Лазенкахъ.

на той же рѣкѣ, преграждающей путь къ Варшавѣ. Изъ сосѣднихъ городовъ самые важные: Маковъ и Праснышъ на сѣверѣ и Насѣльскъ на юго-западѣ.

Къ западу отъ Варшавы и отъ сліянія Нарева съ Вислой бо̀льшая часть городовъ расположена вдали отъ главной рѣки, въ боковыхъ бассейнахъ Вислы. Значительнѣйшіе изъ этихъ городовъ: Рава и Бржезины, оба принадлежащіе къ промышленной области, главный центръ которой Лодзь; Скерневице, важная станція пересѣченія желѣзныхъ дорогъ [1]); Кутно, Ловичъ, Сохачевъ принадлежатъ къ водоскату рѣки Бзуры; Гомбинъ и Гостынинъ возвышаются на плоскогорьи, ограниченномъ съ сѣверной стороны теченіемъ Вислы; къ сѣверу отъ той же рѣки, на скатахъ Мазовецкаго водораздѣльнаго хребта, находимъ города Млаву, Плонскъ, Цѣхановъ, Серпце, Липно. Но два важнѣйшіе города этой страны занимаютъ выгодное положеніе на берегу главной рѣки и служатъ пристанями для барокъ и пароходовъ, плавающихъ вверхъ и внизъ по Вислѣ. Плоцкъ, нынѣ губернскій городъ, построенъ на высокомъ холмѣ, подымающемся надъ Вислой; это—старинный епископальный городъ, основанный въ десятомъ столѣтіи и бывшій долгое время резиденціей князей мазовецкихъ. Влоцлавекъ, менѣе древній и не столь живописный по мѣстоположенію, замѣчателенъ въ особенности какъ торговый городъ.

Сувалкская губернія, почти совершенно отдѣленная отъ остальной Польши обширными, еще не осушенными болотами, находится также въ другомъ гидрографическомъ бассейнѣ—въ бассейнѣ Нѣмана; населенная по большей части жителями литовскаго происхожденія, она принадлежала къ Литвѣ до послѣдняго раздѣла Польши. Однако, городъ Августовъ, или Августово, названный такъ въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, въ честь короля Августа I, стоитъ при ручьѣ, воды котораго, переходя изъ озера въ озеро и изъ рѣки въ рѣку, изливаются, наконецъ, въ Вислу; но судоходный каналъ, соединяющій маленькія озера, связываетъ этотъ городъ съ Нѣманомъ и, такъ сказать, помѣщаетъ его на водоскатѣ этой рѣки. Августовъ, бывшій прежде губернскимъ городомъ, замѣненъ нынѣ, какъ административный центръ губерніи, новымъ городомъ Сувалки, населеннымъ въ значительной части евреями, такъ же какъ и другіе города этой губерніи, Кальварія, Маріамполь, Вильковышки, Владиславовъ. Въ Сувалкской губерніи находится нѣсколько колоній великорусскихъ раскольниковъ, число которыхъ увеличилось недавно эмигрантами, вернувшимися изъ прусскихъ владѣній, гдѣ они до того времени жили. Въ 1864 году ихъ насчитывали здѣсь до одиннадцати тысячъ душъ.

Города Царства Польскаго, имѣющіе свыше 5.000 жителей:

Петроковская губернія: Лодзь (1897 г.)—314.780 жит.; Петроковъ (1897 г.)—30.37[illegible]; Ченстоховъ (1897 г.)—45.130; Згержъ 17.962; Томашовъ — 17.270; Пабіанице—18.251; Бржезины—8.462; Рава—7.278; Новородомскъ — 11.400; Бендинъ — 14.1[illegible]; Ласкъ—5.939.

Калишская губернія: жит. Калишъ (1897 г.)—20.752; Озорковъ—11.375; Здунская-Воля—10.523; Конинъ—7.546; Коло—9.230; Турекъ—8.237; Ленчица—9.060; Сѣрадзь—7.093 ж.

Кѣлецкая губернія: Кѣльце (1897 г.)—20.579; Пинчовъ—7.680; Хмѣльникъ—8.42[illegible]; Хенцины—7.824; Дзялошице—6.817 ж.

Радомская губернія: Радомъ (1897 г.)—28.749; Сташовъ—8.935; Пржедборжъ—6.41[illegible]; Конскъ—7.399; Сандомиръ—6.719; Козеницы—5.360; Опатовъ—6.300; Опочно—6.26[illegible]

Люблинская губернія: Люблинъ (1897 г.)—46.224; Грубешовъ—11.088; Холмъ—11.8[illegible]; Замостье—10.934; Билгорай—8.547; Яновъ 6.200; Любартовъ—5.702; Томашовъ—7.7[illegible]; Красноставъ—7.501 ж.

Варшавская губернія: Варшава (1897 г.)—614.752; Влоцлавскъ—22.470; Кутно—10.93[illegible]; Ловичъ—9.587; Калушинъ—10.090; Сохачевъ — 7.599; Гомбинъ — 6.735; Новый Дворъ — 6.153; Мщоновъ—6.788; Скерневице—7.6[illegible]; Гостынинъ—6.052; Гройцы—5.084; Плонскъ—9.113; Пултускъ—12.594 ж.

Сѣдлецкая губернія: Сѣдльце (1897 годъ)—23.502; Мендзыржечъ — 11.297; Влодава 8.798; Бѣла—14.157; Венгровъ—8.582; Луковъ—7.782; Соколовъ—7.824 ж.

Плоцкая губернія: Плоцкъ (1897 г.)—27.073; Праснышъ—8.482; Серпце—7.103; Млава—10.624; Липно—6.349; Цѣхановъ—8.047 ж.

Ломжинская губернія: Ломжа (1897 г.)—26.075; Кольно — 6.043; Маковъ — 6.865; Островъ — 9.588; Тыкоцинъ — 5.303; Остроленка—7.722; Щучинъ—5.229 ж.

Сувалкская губернія: Сувалки (1897 г.)—22.646; Августовъ—12.370; Кальварія—12.216; Владиславовъ—6.445; Маріамполь—6.562 ж.

V. Бассейны верховья Западной Двины и Нѣмана.

Литва, губерніи Гродненская и Витебская.

Названіе «Литва» такъ же, какъ имя «Польша», есть историческое наименованіе, значеніе и объемъ котораго постоянно измѣнялись, сообразно завоеваніямъ, политическимъ союзамъ

[1]) Въ г. Скерневицахъ находится дворецъ бывшей княгини Ловичской, построенный супругомъ ея Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія. При дворцѣ большой паркъ, служащій теперь мѣстомъ охоты на разводимыхъ въ немъ ланей. Ред.

и раздѣламъ, и которое не слѣдуетъ смѣшивать съ выраженіемъ «земли литовцевъ». Между тѣмъ какъ Литва въ собственномъ смыслѣ, то-есть страна, населенная литовцами или литвинами по происхожденію и языку, обнимаетъ нынѣ лишь незначительную часть западной Россіи въ бассейнахъ Нѣмана и Западной Двины, названіе Литвы или великаго княжества Литовскаго, съ исторической точки зрѣнія, примѣнялось къ пространству земель гораздо болѣе обширному. Подобно Польшѣ, Литва была государствомъ съ измѣнчивыми границами, властители котораго простирали свое честолюбіе до обладанія всей областью славянскихъ равнинъ между Балтійскимъ моремъ и Понтомъ Эвксинскимъ; господствуя надъ населеніемъ въ большинствѣ русскимъ, великіе князья литовскіе предъявляли, въ силу этого, притязанія на титулъ государей Россіи. До своего соединенія или уніи съ Польшей, государство литовское простиралось черезъ всю ширину континента отъ моря до моря, и его князья проникали даже въ Крымъ, откуда уводили плѣнниковъ; въ пятнадцатомъ столѣтіи названіе «Литвы» примѣнялось ко всей странѣ, простирающейся отъ Западной Двины до Чернаго моря и отъ Западнаго Буга до Оки. Для Москвы славяне минскіе, кіевскіе и смоленскіе были литовцами. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, послѣ окончательнаго соединенія съ Польшей, наименованіе «великаго княжества» Литовскаго было сохранено только для истинной Литвы, то-есть страны съ населеніемъ, говорящимъ литовскимъ языкомъ, и для Бѣлой Руси; даже теперь еще въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, «литвинами» обыкновенно называютъ бѣлорусскихъ славянъ бывшей политической Литвы, тогда какъ литовцамъ въ собственномъ смыслѣ даютъ названіе «жмудовъ» или «жмудиновъ». Послѣ раздѣла Польши, это имя Литвы осталось за губерніями Гродненскою и Виленскою, и, хотя при императорѣ Николаѣ I, въ 1840 году, оффиціальное употребленіе его было запрещено,—это наименованіе продолжаютъ употреблять и въ наши дни, хотя въ очень неопредѣленномъ смыслѣ, примѣняя его обыкновенно къ тремъ западнымъ губерніямъ: Ковенской, Виленской и Гродненской. Эта послѣдняя, нѣкогда населенная ятвягами, можетъ быть, единоплеменниками литовцевъ, этнографически не принадлежитъ болѣе къ Литвѣ; скорѣе въ ней слѣдуетъ видѣть «Черную Русь»—страну съ неопредѣленными очертаніями, населенную главнымъ образомъ бѣлоруссами и малоруссами. Но Витебская губернія съ бо́льшимъ основаніемъ могла бы быть причислена къ Литвѣ, такъ какъ она заключаетъ въ своихъ западныхъ уѣздахъ около 200.000 латышей-католиковъ; однако, большинство населенія этой губерніи состоитъ изъ бѣлоруссовъ.

Съ географической точки зрѣнія, эта часть Россійской имперіи тоже представляетъ довольно опредѣленно очерченное цѣлое, ибо бассейнъ Нѣмана такъ же, какъ бассейнъ Западной Двины, имѣетъ границами, со стороны Днѣпра, лѣса почти непроходимые, болота столь обширныя, какъ губерніи, тогда какъ съ востока возвышаются цѣпи холмовъ, служащія водораздѣленными высотами между притоками Нѣмана, Днѣпра и Западной Двины. Четыре названныя губерніи занимаютъ пространство, на цѣлую четверть превосходящее территорію «Привислинскаго края», но онѣ гораздо менѣе богаты, а населеніе ихъ далеко не такъ многочисленно, какъ въ Царствѣ Польскомъ.

Пространство (безъ значительныхъ внутреннихъ водъ) и населеніе (по переписи 1897 г.) этихъ губерній:

Ковенская—35.315,5 кв. верстъ, 1.549.444 жит., 43,9 жит. на 1 кв. версту; Виленская—36.825,3 кв. верстъ, 1.591.912 жит., 43,2 жит. на 1 кв. версту; Гродненская — 33.900,8 кв. верстъ, 1.617.859 жит., 47,7 на 1 кв. версту; Витебская—38.649,5 кв. верстъ, 1.502.916 ж., 39 на 1 кв. версту.

Подобно Польшѣ, эти губерніи отдѣлены отъ моря: на западныхъ предѣлахъ Ковенской губерніи, Курляндія граничитъ съ Пруссіей узкой полосой земли, которая тянется вдоль водъ Балтики.

Нѣманъ, рѣка литовская по преимуществу, беретъ начало въ Минской губерніи и обходитъ на югѣ вокругъ изрѣзаннаго плоскогорья, которое можно было бы назвать возвышенной или горной Литвой. У города Гродно, гдѣ Нѣманъ перемѣняетъ направленіе и поворачиваетъ къ сѣверу, онъ уже достаточно многоводенъ для движенія барокъ, и хотя теченіе его прерывается многочисленными порогами, однако отъ пристани до пристани, внизъ по рѣкѣ, постоянно увеличивается число судовъ, перевозящихъ произведенія, доставляемыя обоими берегами, польскимъ и литовскимъ. При вступленіи въ предѣлы Пруссіи, ниже мѣстечка Юрбурга, рѣка, принимающая названіе Мемеля, имѣетъ около 1.000 футовъ въ ширину и, вѣроятно, катитъ массу воды по меньшей мѣрѣ около 18.000 куб. футовъ въ секунду; но она развѣтвляется на нѣсколько измѣнчивыхъ рукавовъ въ своей дельтѣ, называемой Куришъ-Гафъ, и судоходство по рѣкѣ можетъ продолжаться до Мемельскаго порта лишь при помощи канала.

Озеръ въ Литвѣ очень много, но большинство изъ нихъ имѣютъ незначительное протяженіе: на сѣверѣ, въ восточной части Виленской губерніи, скалистыя плоскогорья изрыты многочисленными бассейнами, гдѣ скопились дождевыя воды и которыя тамъ и сямъ раздѣлены на второстепенные водоемы древними моренами и валами изъ эрратическихъ камней: эти резервуары образуютъ настоящій озерный лабиринтъ, подобный сѣти озеръ на Мазурской

плоской возвышенности, въ Восточной Пруссіи. Болота покрываютъ пространство несравненно болѣе значительное, особенно въ Гродненской губерніи; но населеніе, быстро возрастающее, постоянно дѣлаетъ новые захваты въ области водъ и посредствомъ осушенія превращаетъ болота въ пахатныя и луговыя земли. Древніе лѣса, которые тянулись на столь обширныхъ пространствахъ, что совершенно раздѣляли жителей, какъ океанъ или высокія цѣпи горъ, также исчезли въ большой части ихъ протяженія, и хижины дровосѣковъ, построенныя въ просѣкахъ, уступили мѣсто деревьямъ, даже городамъ, вокругъ которыхъ распашки очистили почву отъ лѣсной промышленности на разстояніи многихъ верстъ.

Однако, въ Гродненской губерніи остался еще очень обширный лѣсъ, такъ называемая Бѣловѣжская пуща, которая своимъ первобытнымъ видомъ и огромнымъ протяженіемъ напоминаетъ прежніе густые, дремучіе лѣса. Этотъ лѣсъ, названіе котораго произошло, вѣроятно, отъ замка Бѣлая Вѣжа (Башня), стоявшаго въ шестнадцатомъ столѣтіи при сліяніи двухъ притоковъ Западнаго Буга, покрываетъ своими тѣнистыми деревьями почти всю плоскую возвышеность, заключающуюся между истоками Нарева и теченіемъ Буга, на сѣверѣ отъ Брестъ-Литовска. Все пространство, извѣстное подъ именемъ Бѣловѣжской пущи, обнимаетъ около 1.930 квадр. верстъ; но нѣкоторыя части лѣса, на югѣ и юго-западѣ, представляютъ скорѣе степную область, гдѣ лѣса, состоящіе изъ кривыхъ малорослыхъ сосенъ, и поля, засѣянныя рожью, чередуются съ верещагами, посѣщаемыми пчелами. На сѣверѣ же другіе высокоствольные лѣса примыкаютъ къ чащамъ Бѣловѣжской пущи и продолжаютъ ее почти до самаго Нѣмана; средняя высота этого лѣсистаго плоскогорья около 600 футовъ. Въ то время, какъ въ сѣверной и отчасти средней Россіи огромные лѣса состоятъ обыкновенно изъ какой-либо одной древесной породы—сосны, ели или березы, Бѣловѣжская пуща представляетъ большое разнообразіе древесныхъ породъ: натуралистъ Эйхвальдъ, въ 1830 году, собралъ тамъ 1.205 видовъ различныхъ растеній. Сосна преобладаетъ; но рядомъ съ нею высятся исполинскія ели, пихты, дубы, березы, ясень, кленъ, ольха, липа, образуя своимъ смѣшеніемъ чрезвычайно живописныя группы. Ниже этихъ великановъ, деревья съ опадающими листьями, деревца и кустарники, ива, верба, орѣшникъ, гордовина, бузина составляютъ какъ-бы второй лѣсъ; кусты земляники, черники и мхи устилаютъ словно ковромъ почву, подъ тѣнью величественныхъ аллей изъ хвойныхъ деревьевъ. Сплавныя рѣки, окружающія этотъ обширный лѣсъ, дѣлаютъ эксплоатацію его довольно легкой; но правительство, которому принадлежитъ большая часть лѣсныхъ пространствъ, запретило вырубать деревья, и такимъ образомъ во многихъ мѣстахъ можно еще видѣть дѣвственную природу во всей ея первобытной красѣ.

Въ Бѣловѣжской пущѣ, подъ исполинами растительнаго міра, живутъ еще стадами, п... чти въ дикомъ состояніи, зубры, представите... почти исчезнувшей фауны, которые, по сл... вамъ преданій и лѣтописей, существовали ещ... во времена историческія на берегахъ Днѣпр... и въ центральной Россіи; уцѣлѣвшія на Ка... казѣ и въ Литвѣ животныя этой породы—еди... ственные остатки огромныхъ стадъ, нѣког... бродившихъ во всей восточной Европѣ. Тепе... запрещено, подъ страхомъ тяжелаго наказані... убивать или ловить бѣловѣжскихъ зубров...; только императоръ по временамъ дарилъ по н... сколько экземпляровъ этихъ рѣдкихъ живо... ныхъ государямъ, принцамъ или зоологич... скимъ садамъ. Въ началѣ текущаго столѣт... ихъ насчитывали около тысячи головъ; ... 1851 году число ихъ доходило до тысячи ч... тырехъ сотъ [1]), но съ той поры недостато... корма и зубъ волковъ уменьшили это число н... половину. Еслибы человѣкъ не помогалъ этим... животнымъ въ ихъ борьбѣ за существовані... открывая имъ зимой большіе склады сѣна, о... давно бы уже исчезли съ европейскаго конт... нента. Быть можетъ, Европа долѣе сохрани... эту породу жвачныхъ, чѣмъ Америка свои... бизоновъ, которые еще недавно бродили там... по травянымъ равнинамъ запада стадами ... сорокъ и пятьдесятъ тысячъ головъ. Лито... скихъ зубровъ часто смѣшиваютъ съ древни... дикимъ быкомъ (Bos urus); но это послѣдн... животное, которое охотники страны встрѣчал... еще значительными стадами лѣтъ триста тому назадъ [2]), теперь совершенно истреблено.

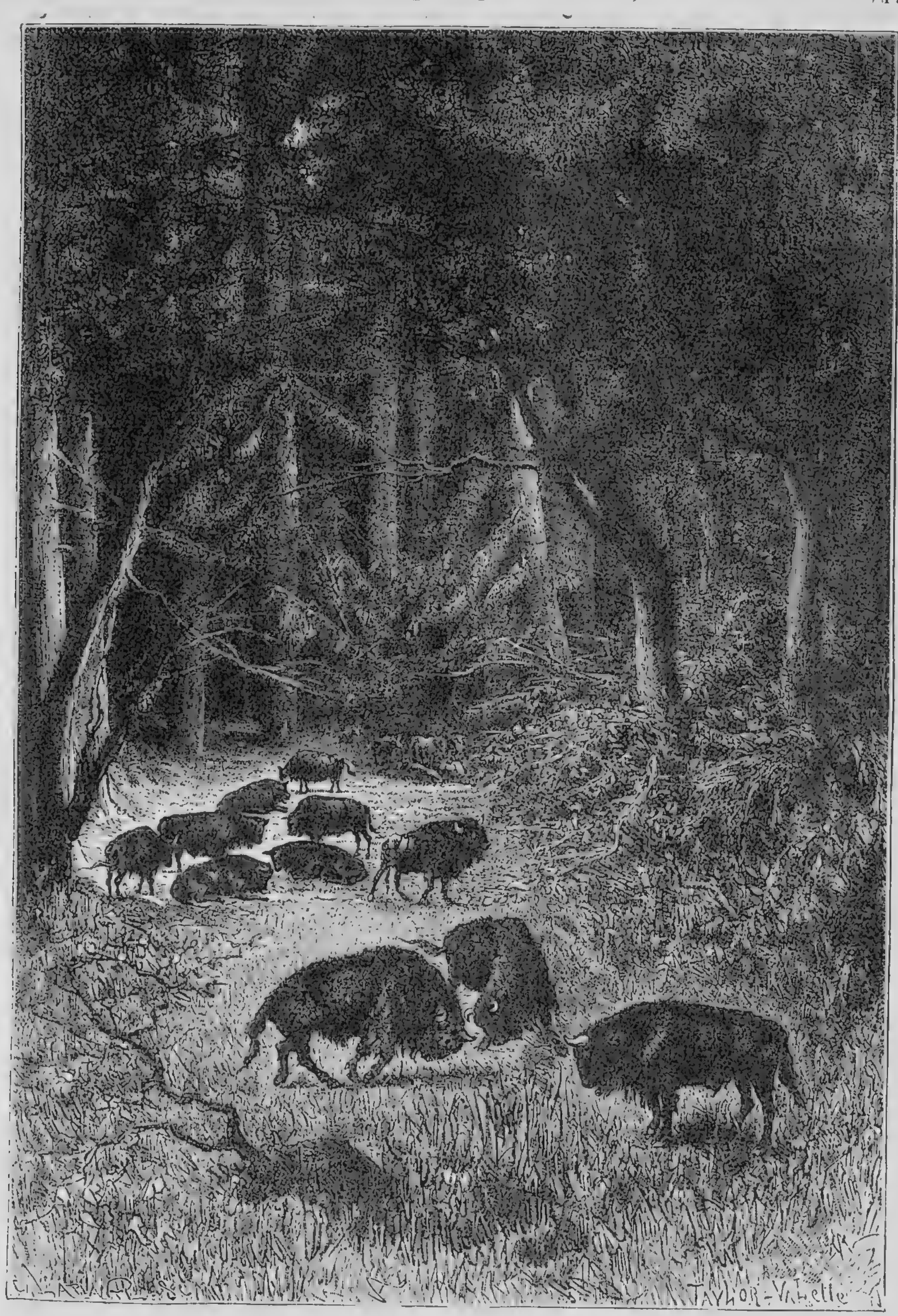
Литовцы, долго причислявшіеся къ семь... славянъ, съ которыми они сходствуютъ многими чертами, занимали нѣкогда, вмѣстѣ с... своими соплеменниками, пруссами и куронами, все прибрежье Балтійскаго моря, между Вислой и Западной Двиной. Они проникали далеко внутрь страны, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя литовскія названія мѣстъ, особенно въ Витебской губерніи, и одно изъ ихъ племенъ, голядь, жило даже на берегахъ рѣчки Поротвы, притока Москвы-рѣки, на западѣ отъ территоріи, гдѣ основался городъ Москва [3]); можетъ быть, оно было отдѣлено отъ главной массы литовской націи колоніями полочанъ. Полагаютъ также, что смоленскіе кривичи произошли отъ смѣшенія литовцевъ и славянъ, потому что имя ихъ напоминаетъ названіе главнаго литовскаго жреца, Криве-

[1]) Franz Müller. „Mittheilungen der Geograph. Gesellschaft in Wien“, 1859

[2]) Blaise de Vigener, „Description du royaume de Pologne et pays adjacents“. Paris, 1573.

[3]) Барсовъ, «Очерки русской исторической географіи».

Кривейто. Большинство славянскихъ писателей причисляютъ къ литвинамъ также ятвяговъ или ядзвинговъ, занимавшихъ страну по верхнему Нѣману и Западному Бугу, и которые были послѣдовательно истреблены русскими и поляками; но остатки ихъ, какъ говорятъ, существовали до шестнадцатаго столѣтія. Въ окрестностяхъ Скиделя, близъ Гродно, и до сихъ поръ еще нѣкоторые жители говорятъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, но съ литовскимъ произношеніемъ; они отличаются отъ другихъ бѣлоруссовъ смуглымъ цвѣтомъ лица, черной одеждой и нѣкоторыми особенностями нравовъ [1]): въ нихъ видятъ потомковъ ятвяговъ.



Зубры Бѣловѣжской пущи.

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи," томъ I.

хотя литвины почти всѣ бѣлокуры. Въ Гродненской губерніи нѣкоторыя названія деревень, напримѣръ, Ятвязь, Ятвескъ, напоминаютъ о пребываніи этого исчезнувшаго народца.

Впрочемъ, во время многочисленныхъ войнъ и нашествій, опустошавшихъ страну начиная съ тринадцатаго столѣтія, даже народъ, давшій свое имя Литвѣ, легко могъ исчезнуть, или по крайней мѣрѣ совершенно слиться съ побѣдителями, какъ это случилось съ нѣкоторыми литовскими племенами, напримѣръ, съ порусcами и ятвягами. Осаждаемые одновременно съ трехъ сторонъ болѣе могущественными и болѣе многочисленными народами, поляками, нѣмцами и русскими, литовцы, повидимому, осуждены были на гибель или утрату національной самобытности; тѣмъ не менѣе, они оказывали сопротивленіе, и если имъ пришлось отступить съ трехъ сторонъ, на западѣ, на югѣ и на востокѣ, то, взамѣнъ того, они, кажется, оттѣснили немного финскія или чудскія племена по направленію къ сѣверу. Кромѣ того, тѣснимые тевтонскими рыцарями, они должны были во многихъ мѣстахъ слиться съ бѣлоруссами; обмѣнъ колонизаціи происходилъ въ огромныхъ лѣсахъ и обширныхъ болотахъ страны. Смѣшеніе совершалось такъ полно, что литовскіе князья были принимаемы въ русскихъ городахъ какъ соотечественники. Вездѣ, гдѣ происходило смѣшеніе племенъ, помѣси пріобрѣтали славянскій характеръ.

Однако, число литовцевъ, сохранившихъ первоначальную чистоту своего племени, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Опираясь на сѣверѣ на своихъ единоплеменниковъ—леттовъ или латышей, которые сгруппированы въ сплоченную массу въ числѣ около 1.100.000 душъ, они занимаютъ обширное пространство треугольной формы, западная оконечность котораго прилегаетъ къ Балтійскому морю и которое ограничено съ юго-восточной стороны неровнымъ хребтомъ Виленской плоской возвышенности; на югѣ и юго-западѣ область литовскаго языка обнимаетъ за предѣлами Россіи собственно также нѣсколько кусковъ территоріи въ Царствѣ Польскомъ и въ Восточной Пруссіи; общее число литвиновъ простирается нынѣ до двухъ милліоновъ душъ.

Литовское населеніе въ 1863 году: въ Россіи: Губернія Ковенская—(жмуди 453.000; литвы 352.000) 805.000; губ. Виленская—210.000; губ. Гродненск. и Минская—67.000; губ. Волынская, Витебская и Могилевская—17.000. Итого—1.099.000 душъ.

Литовцевъ въ Польшѣ—250.000 душъ.

Литовцевъ въ Пруссіи—150.000 душъ.

Всего—1.499.000 душъ.

Литовское населеніе (вѣроятное) въ 1879 г.—1.9[illegible]0. душъ.

Вообще гов[illegible], границы религій совпадаютъ съ границами расъ или народностей: гдѣ католицизмъ перестаетъ господствовать и гдѣ начинаетъ преобладать православная вѣра, там[illegible] литвины, смѣшанные съ бѣлоруссами по языку, которые, можетъ быть, тоже литовцы по про[illegible]исхожденію, уступаютъ мѣсто русскимъ славя[illegible]намъ; тамъ же, гдѣ беретъ верхъ протестан[illegible]тизмъ,—населеніе въ большинствѣ германско[illegible] или латышское, ибо въ Лифляндіи, гдѣ живутъ летты или латыши, преобладало нѣмецкое вліяніе. вліяніе лютеранскихъ проповѣдников[illegible] христіанства; въ Литвѣ, напротивъ, преобла[illegible]дающее значеніе имѣли поляки, а слѣд. като[illegible]лики.

Литвины, или летувининкаи, дѣлятся на д[illegible] различныя національныя группы: литовце[illegible] въ собственномъ смыслѣ, которые населяют[illegible] восточную часть территоріи въ губерніяхъ К[illegible]венской и Виленской, и земалайевъ, самогито[illegible] или жмудиновъ, то-есть «людей, пришедши[illegible] съ моря», которые живутъ преимуществен[illegible] въ сосѣдствѣ съ прусской границей. Нарѣ[illegible] литовцевъ и самогитовъ различаются, такъ [illegible] какъ и обычаи ихъ; но общія отличительн[illegible] черты языка совершенно одинаковы у обѣи[illegible] группъ. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ л[illegible]товскій наиболѣе близокъ къ санскритском[illegible] онъ заключаетъ большое число словъ, гораз[illegible] менѣе удалившихся отъ арійскаго корня, [illegible]жели слова языковъ славянскихъ, латински[illegible] или германскихъ; сходство такъ велико, ч[illegible] ученые пробовали составлять санскритск[illegible] фразы, которыя были понятны крестьянамъ [illegible]реговъ Нѣмана [1]). Шлейхеръ, совершившій [illegible] 1852 году поѣздку по литовскимъ землямъ д[illegible] филологическихъ изслѣдованій, составилъ хор[illegible]шую грамматику этого любопытнаго языка, [illegible]торый по древности занимаетъ первое мѣст[illegible] между арійскими языками Европы. Однако, л[illegible]тература литовская очень бѣдна: въ ту эпоху, когда Литва была большимъ государствомъ, она не имѣла писателей на національномъ языкѣ, а духовенство преслѣдовало литовскихъ ба[illegible]довъ, или буртининковъ, распѣвавшихъ традиціонныя пѣсни. Одинъ лѣтописецъ шестнадцатаго столѣтія упоминаетъ объ эпическихъ поэмахъ [2]), но онѣ не сохранились въ памяти крестьянъ: единственныя большія поэмы, существующія въ литовскомъ языкѣ,—это «Времена Года», сочиненныя въ восемнадцатомъ столѣтіи нѣкіимъ Доналейтисомъ; но пѣсни, басни, идилліи довольно многочисленны, и всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о глубокомъ поэтическомъ чувствѣ народа. Въ эпоху реформаціи образовалась въ прусской Литвѣ небольшая духовная литература и вскорѣ послѣ того увеличилась нѣсколькими сочиненіями на литовскомъ и латышскомъ языкахъ, написанными іезуитами. Что касается современной литера-

---

[1]) J. G. Kohl, „Die Völker Europa's".

[2]) Caro, „Geschichte Polens", II.

туры, занимающейся вопросами нашего времени—вопросами политики, промышленности, науки или искусства, то можно сказать, что ея почти не существуетъ въ литовскомъ языкѣ; нѣсколько альманаховъ и единственный народный журналъ въ прусской Литвѣ, книги духовнаго и діалектическаго содержанія, кое-какіе переводы—вотъ и вся сокровищница литовской литературы, съ прибавкой грамматикъ, словарей и сборниковъ пѣсенъ. Для литовцевъ нарѣчія ихъ сосѣдей служатъ языкомъ цивилизаціи, дающимъ имъ умственное развитіе.

Глубокая древность этого арійскаго нарѣчія, который старше греческаго, латинскаго, кельтскаго, германскаго и славянскаго языковъ, заставляетъ ученыхъ думать, что народъ, говорящій имъ, пришелъ въ Европу ранѣе, чѣмъ другіе представители арійскаго племени. Литовцы опередили русскихъ въ своемъ переселеніи въ Европу: они занимаютъ территорію, лежащую къ западу отъ русскихъ равнинъ; но естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ ихъ поселеніе въ странѣ могло произойти въ эпоху, предшествовавшую прибытію германцевъ и кельтовъ, потомки которыхъ населяютъ нынѣ области центральной и западной Европы, находящіяся къ западу отъ Литвы [1]). Эту кажущуюся аномалію въ разселеніи націй, овладѣвшихъ Европой, можно объяснить боковымъ оттѣсненіемъ литовскихъ поселенцевъ: живя въ сторонѣ отъ большой дороги народныхъ переселеній, которая проходитъ гораздо южнѣе водораздѣльныхъ возвышенностей между бассейнами Днѣпра и Нѣмана, защищенные, кромѣ того, обширными болотами и дремучими, почти непроходимыми лѣсами, охраняемые справа и слѣва морскими заливами и могучими рѣками, впадающими въ эти заливы, литовцы могли пропускать мимо себя многочисленные народы во время ихъ передвиженій. Этому же уединенному положенію литовскаго племени слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, приписать большую продолжительность ихъ первобытной цивилизаціи и религіознаго устройства. Тѣмъ не менѣе имъ часто приходилось съ оружіемъ въ рукахъ защищать свой уголокъ земли, и въ этихъ случаяхъ они оборонялись съ той яростью, какую всегда выказываютъ мирные люди, потревоженные въ своемъ спокойствіи. Нужно замѣтить, что въ наше время литовскія губерніи, Виленская и Ковенская, представляютъ, при рекрутскихъ наборахъ, сравнительно наибольшее число уклоняющихся отъ исполненія воинской повинности.

Литовцы по большей части высокаго роста и хорошо сложены, но не отличаются природной гибкостью и стройностью, свойственной славянамъ; между ними рѣже встрѣтишь, чѣмъ между ихъ сосѣдями, русскими, плоскія лица, придающія физіономіи нѣчто монгольское. У нихъ овальный обликъ, носъ длинный и тонкій, губы тонкія, глаза голубые, кожа бѣлая, а общими чертами типа они походятъ больше на германцевъ, нежели на славянъ; литовскія женщины имѣютъ много свѣжести, глаза у нихъ кроткіе, съ трогательнымъ выраженіемъ; между ними нерѣдко можно встрѣтить настоящихъ красавицъ. Литовскіе крестьяне составляютъ совершенную противоположность полякамъ простотой своего костюма; они избѣгаютъ яркихъ цвѣтовъ, затѣйливыхъ покроевъ, галуновъ и бахромокъ; одежда ихъ, сероватаго цвѣта, безъ всякихъ вышивокъ, свидѣтельствуетъ о скромности ихъ характера; они не стараются обратить на себя вниманіе, пощеголять нарядомъ. Мишле, сравнивая литвиновъ съ поляками, «сынами солнца», называетъ ихъ «сынами тѣни» [1]). Пѣсни ихъ, или дайносъ, раскрываютъ ихъ душу во всей ея простотѣ и безъискусственности: они—тонкіе наблюдатели, слегка насмѣшливые иногда, нѣжные, меланхолическіе, полные любви къ природѣ. Этотъ добродушный народъ, хотя онъ часто вынужденъ былъ воевать и хотя у него тоже были свои великіе полководцы, не сохранилъ воспоминанія ни объ одномъ героѣ, не воспѣваетъ ни одного военнаго подвига, не хвастается ни одной одержанной побѣдой, ни одной выигранной битвой: онъ ограничивается тѣмъ, что оплакиваетъ павшихъ на полѣ сраженія [2]); въ этомъ отношеніи онъ, можетъ быть, представляетъ единственный примѣръ между европейскими народами. Литвины отличаются также отъ другихъ націй континента тою деликатною осторожностью, цѣломудренною скромностью, съ какою всѣ его народныя пѣсни говорятъ о любви: впродолженіи своихъ тринадцатилѣтнихъ изысканій въ Литвѣ, филологъ Реза не нашелъ въ любовныхъ пѣсняхъ ни одного литовскаго стиха, который не былъ бы чистъ и цѣломудренъ; нѣжность литвиновъ глубока, но она никогда не обнаруживается публично передъ посторонними ни однимъ неумѣстнымъ словомъ. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ литовскій, въ которомъ нѣтъ увеличительныхъ именъ, самый богатый по обилію именъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ; онъ болѣе богатъ ими, чѣмъ испанскій или итальянскій, богаче даже, чѣмъ русскій, и можетъ умножать ихъ почти до безконечности, примѣняя ихъ къ глаголамъ и нарѣчіямъ такъ же свободно, какъ къ прилагательнымъ и существительнымъ. Уменьшительныя-ласкательныя придаютъ особенный характеръ пѣснямъ литвиновъ; но эти поэмы въ то же время наполнены словами и формами, выражающими печаль, грусть, иногда даже отчаяніе: значитель-

[1]) R. Virchow, „Die Urvölker Europa's“.

[1]) „Légendes du Nord“.
[2]) Юркевичъ, „Литовскія народныя пѣсни“.

ная часть ихъ оригинальной литературы состоитъ изъ такъ называемыхъ raudas, то-есть изъ траурныхъ или прощальныхъ пѣсенъ, и изъ похоронныхъ ламентацій, подобныхъ vocerі корсиканцевъ, но безъ рѣзкихъ проявленій чувства, которыя примѣшиваются къ горести у жителей юга. Поэзія литовцевъ проникнута грустью, словно поэзія умирающаго народа. Но она возрождается подъ другой формой въ польской литературѣ. Мицкевичъ былъ литвинъ.

Если бы относительное достоинство данной націи въ общечеловѣческой семьѣ измѣрялось красотой ея языка, то самогитовъ и литвиновъ слѣдовало бы поставить на первое мѣсто между народами Европы; но обитатели при-нѣманскихъ лѣсовъ, испытавшіе продолжительное угнетеніе, не могутъ сравнивать свою долю вліянія съ тою, какую оказали на общечеловѣческое развитіе другіе цивилизованные народы континента. До Мицкевича, можно было съ удивленіемъ спросить, какимъ образомъ народъ, одаренный тонкимъ, наблюдательнымъ умомъ, богатымъ воображеніемъ и поэтическимъ чувствомъ, народъ, состоящій изъ людей, по выраженію Канта, «вѣрныхъ, прямодушныхъ, сильныхъ сознаніемъ своего личнаго достоинства» [1]), не произвелъ ни одного выдающагося генія въ мірѣ мысли [2]). Причина та, что этому маленькому народу, окруженному врагами, а потомъ покоренному ими, недоставало довѣрія къ собственнымъ силамъ; онъ не имѣлъ даже сознанія своего національнаго существованія. Его древняя религіозная организація, сохранившаяся до конца четырнадцатаго столѣтія, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ духѣ повиновенія. Раздѣленные на многочисленные роды или племена, литовцы, однако, имѣли духовнаго главу, верховнаго жреца, который установлялъ для всѣхъ религіозные обряды и догматы. Этотъ литовскій «папа», или Криве-Кривейто, о которомъ разсказываетъ нѣмецкій лѣтописецъ Петръ Дусбургъ, жилъ въ священномъ лѣсу Ромове, на территоріи прусской Литвы; окруженный жрецами-пѣвцами, или вайделотами, которые раздѣлялись на нѣсколько степеней, образуя іерархическую лѣстницу, онъ никогда не показывался простымъ мірянамъ и сообщался съ народомъ не иначе, какъ черезъ посредство пословъ или вѣстниковъ, снабженныхъ знаками отличія, при видѣ которыхъ всѣ падали ницъ. Прогнанный тевтонскими рыцарями, ромовскій папа удалился сначала въ лѣса близъ сліянія Нѣмана и Дубисы, ниже того мѣста, гдѣ нынѣ находится городъ Ковно, потомъ въ Вильно, въ мѣсто, которое до сихъ почитается христіанами какъ священное [3]). Еще въ прошломъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ домахъ можно было встрѣтить домашнихъ ужей—священныхъ животныхъ, которыя по утрамъ лакали молоко изъ одной чашки съ дѣтьми.

Народъ дровосѣковъ, возчиковъ и земледѣльцевъ, крѣпко привязанный къ старинѣ, литовцы охотно покоряются судьбѣ и не стараются заранѣе устроить ее по своей волѣ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ они дали Польшѣ королевскую династію, но только затѣмъ, чтобы мало-помалу отдаться во власть своихъ союзниковъ: они принимали ксендзовъ, которыхъ имъ посылали поляки, и сдѣлались католиками, хотя не безъ сопротивленія; приняли также помѣщиковъ и сдѣлались крѣпостными. Земельная собственность перешла почти вся въ руки дворянъ, пришедшихъ съ юга; при молчаніи порабощеннаго народа, можно было долгое время думать, что Литва составляетъ нераздѣльную часть Польскаго государства не только по ея политическимъ границамъ, но также по самому характеру націи. Флегма литвиновъ вошла въ пословицу: никакой другой народъ не покоряется превратностямъ жизни съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Многіе изъ нихъ, достигнувъ сорокалѣтняго или пятидесятилѣтняго возраста, слагаютъ съ себя всѣ заботы по дому и хозяйству, уступая свое имущество либо сыну, либо зятю, и такимъ образомъ становятся гостями, бывъ прежде полными хозяевами. Еще во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія литовцы, осужденные на смерть, вѣшали себя собственными руками [1]).

Кромѣ литовцевъ, въ составъ населенія трехъ сѣверо-западныхъ губерній: Ковенской, Виленской и Гродненской входятъ еще слѣдующія національности: нѣмцы и латыши—въ сосѣдствѣ балтійскаго поморья и Западной Двины; поляки—преимущественно въ Виленской губерніи; русскіе различныхъ наименованій—бѣлоруссы, чернoруссы и малоруссы; евреи [2]), сгруппированные въ городахъ, словно въ ульяхъ, откуда они безпрестанно ходятъ на поиски добычи въ окружающія деревни; наконецъ, нѣсколько общинъ татаръ, по ремеслу кожевниковъ и торговцевъ, сохранившихъ магометанскіе обычаи, но говорящихъ польскимъ языкомъ. По странному контрасту, въ то время, какъ татары позабыли свой родной языкъ и усвоили польскій, живущіе въ Литвѣ евреи-караимы и теперь еще говорятъ языкомъ крымскихъ татаръ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что и тѣ, и другіе пришли въ край или были приведены плѣнниками во времена литовскаго

---

[1]) Кантъ, „Предисловіе къ грамматикѣ литовскаго языка“, составленной Мильке.

[2]) J. G. Kohl, „Die Völker Europa's“.

[3]) Антоновичъ В. Б., „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до половины XV-го столѣтія“. Вып. I, Кіевъ, 1878.—Киркоръ, „Этнографическій очеркъ Виленской губерніи“, „Этнографическій Сборникъ“. III.

[1]) Blaise de Vigener, выше цитированное сочиненіе.

[2]) Въ 1880 г. въ губ. Ковенской, Гродненской и Виленской еврейскаго населенія было 624,000, т. е. около 16% всего населенія. Ред.

владычества, при чемъ татары вступили по большей части, какъ воины, въ ряды дворянства и естественно должны были ополячиться, вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія со своими польскими товарищами, тогда какъ караимы, напротивъ, ничего не измѣнили въ своихъ патріархальныхъ нравахъ и въ своихъ привычкахъ по части мелкой торговли.

Въ настоящее время самые цивилизованные изъ литовцевъ—самогиты или жмудины, то-есть та именно отрасль литовскаго племени, которой нѣкогда всего болѣе пришлось вытерпѣть отъ завоеваній, войнъ и угнетенія. Поля ихъ лучше обработаны, дома просторнѣе и опрятнѣе, чѣмъ у литвиновъ внутренней части страны. Впрочемъ, экономическій переворотъ, совпадающій съ насильственной политической перемѣной, совершился въ Литвѣ, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, съ того времени, какъ польскіе землевладѣльцы края принуждены были уступить, за извѣстный выкупъ, крестьянамъ, почти исключительно литовцамъ и русскимъ, часть своихъ имѣній. Положеніе литовскихъ земледѣльцевъ, уже плачевное при польскомъ господствѣ, еще болѣе ухудшилось съ той поры, какъ Екатерина II, послѣ раздѣла Польши, желая примирить съ новымъ порядкомъ вещей дворянство русское и польское, стала раздавать ему земли, еще принадлежавшія государству: такъ, напримѣръ, она подарила одному любимцу пространство, обнимающіе два нынѣшнихъ уѣзда, Россіенскій и Шавельскій, съ 13.000 крестьянъ [1]). Послѣ возстанія 1863 года, правительство издало законъ объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ земель, который, однако, долженъ былъ быть произведенъ на условіяхъ различныхъ, смотря по уѣздамъ и категоріямъ лицъ. Въ Ковенской губерніи, на 356.000 крестьянъ, 105.000, принадлежащихъ къ классу бывшихъ дворовыхъ людей и т. д., не получили ни клочка земли, а другимъ даны были земельные участки величиной отъ полдесятины до десятины съ небольшимъ. Что касается арендаторовъ, или чиншевиковъ, между которыми мелкіе дворяне изъ поляковъ и католиковъ очень многочисленны, то они не получили въ собственность обрабатываемую ими землю; и многіе изъ нихъ, не будучи въ состояніи вносить арендную плату, увеличенную помѣщиками, принуждены были добровольно или противъ воли покинуть земли, которыя ихъ предки занимали въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Такимъ образомъ католическій элементъ, уже ослабленный упраздненіемъ греко-уніатской церкви, въ значительной степени утратилъ свою важность въ Литвѣ. Кромѣ того, переходъ крестьянъ-уніатовъ въ православіе былъ облегченъ, въ Виленской губерніи, однимъ курьезнымъ обычаемъ, который, такъ сказать, сообщаетъ землѣ религію ея владѣльца. На еврейской землѣ христіанинъ не работаетъ въ день шабаша; а на землѣ, принадлежащей христіанину, еврей долженъ соблюдать христіанскіе праздники. А такъ какъ почти всѣ земли «русскія», то праздники и религіозныя церемоніи—тоже «русскіе» для всякаго, воздѣлывающаго эти земли, какова бы ни была его собственная вѣра [1]). Но въ цѣломъ, несмотря на разореніе отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлаго класса, общее улучшеніе матеріальнаго быта очевидно. Сдѣлавшись, въ свою очередь, собственниками земли, бывшіе крѣпостные измѣнились во многихъ отношеніяхъ; теперь имъ уже не приходится повторять старинную поговорку: «помѣщики—и пастухи, и волки!» Болѣе гордые, болѣе независимые, менѣе приверженные къ рутинѣ, они измѣняютъ пріемы веденія хозяйства, даже въ бѣдной Витебской губерніи, гдѣ почва очень неплодородна; благодаря этому, урожайность полей стала значительнѣе, чѣмъ была прежде. Но литовская нація къ труду земледѣльческому еще не прибавила труда промышленнаго. Города Литвы относительно немногочисленны, немноголюдны, и не литовцы занимаются въ нихъ ремеслами и торговлей.

Слѣдуя по теченію Западнаго Буга, на правомъ его берегу, принадлежащемъ къ Гродненской губерніи, первый городъ, который мы встрѣчаемъ, при сліяніи р. Мухавца, есть древнее русское поселеніе Берестье, извѣстное нынѣ подъ именемъ Бреста-Литовскаго, или просто Бреста (по-польски Бржесцъ). Это—одинъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ польскаго четыреxъугольника крѣпостей, второй по важности; но вмѣстѣ съ тѣмъ это—значительный торговый городъ и одна изъ первоклассныхъ станцій въ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Евреи, очень многочисленные, основали здѣсь академію или высшую школу, которая нѣкогда славилась на всемъ Востокѣ; здѣсь же была резиденція армянскихъ епископовъ. Брестъ—городъ историческій. Впродолженіи вѣковъ онъ былъ оспариваемъ другъ у друга русскими, поляками, литовцами, рыцарями Тевтонскаго ордена; въ 1563 году протестанты напечатали въ этомъ городѣ первую библію на польскомъ языкѣ; въ 1506 году церковный соборъ провозгласилъ соединеніе (унію) западно-русской церкви съ римской. Къ сѣверо-востоку отъ Бреста, близъ многолюднаго города Кобрина, Суворовъ одержалъ въ 1794 году большую побѣду надъ поляками.

Бѣлостокъ (по-польски Бялыстокъ), наиболѣе польскій изъ всѣхъ городовъ Литвы, находится въ бассейнѣ Нарева, недалеко отъ границы

[1]) Семевскій, В. И., „Отечественныя Записки", 1877 г., № 8.

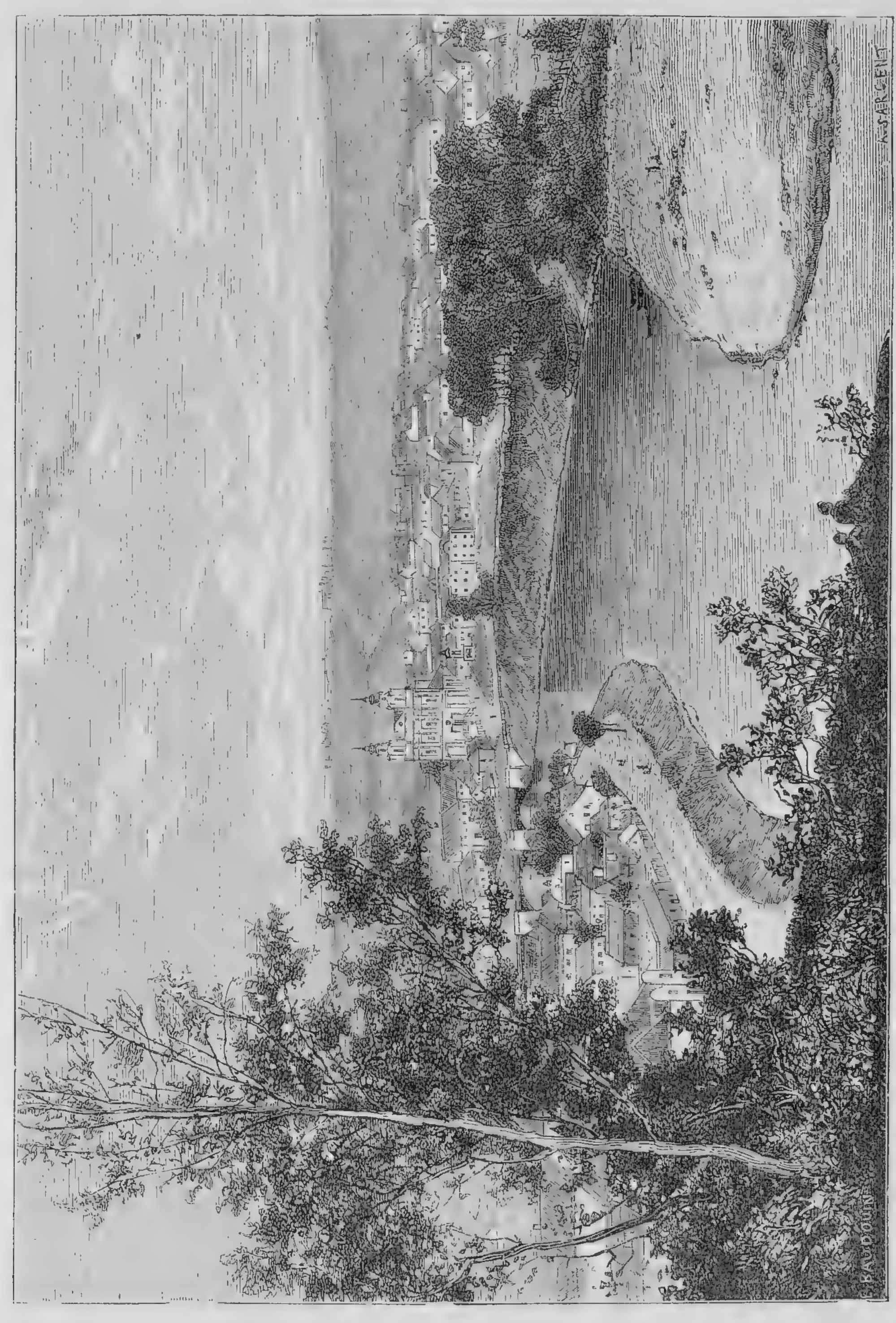
[1]) „Записки Русскаго Географическаго Общества", отдѣленіе Этнографіи. V.

«Привислинскаго края»; подобно Бресту, онъ ведетъ значительную торговлю, и многія промышленныя заведенія, между которыми главное мѣсто занимаютъ суконныя фабрики, устроены въ самомъ Бѣлостокѣ и въ окрестныхъ деревняхъ (въ 1890 г. всего около 150 фабричныхъ заведеній, съ производствомъ на 2 съ половиной милліона руб., при 4.000 рабочихъ; въ томъ числѣ 54 суконныхъ фабрики). Между городами верхняго бассейна Нѣмана, лежащими въ районѣ русскаго населенія, два принадлежатъ къ Минской губерніи—Несвижъ и Новогрудокъ. Несвижъ, бывшій главный городъ княжества Радзивилъ, служилъ въ шестнадцатомъ столѣтіи центромъ протестантской и социніанской пропаганды; Новогрудокъ, или Новгородъ Литовскій, родина Мицкевича, построенный на холмѣ, окруженномъ болотами, былъ нѣкогда однимъ изъ главныхъ городовъ Черной Руси: здѣсь получило начало Литовское государство и была резиденція князей до перенесенія столицы сначала въ Троки, затѣмъ въ Вильно. Эти города, такъ же, какъ Слонимъ и Волковыскъ, въ Гродненской губерніи, не представляютъ промышленной важности, какъ Бѣлостокъ; но Гродно, губернскій городъ, имѣетъ нѣсколько мануфактуръ. Гродно состоитъ по большей части изъ невзрачныхъ лачугъ и низенькихъ домиковъ, среди которыхъ тамъ и сямъ высятся большія зданія, казармы или дворцы. Гродно, древній Городня, расположенный на правомъ берегу Нѣмана, по дорогѣ изъ Варшавы въ Вильно,—одинъ изъ тѣхъ городовъ, имена которыхъ всего чаще упоминаются въ исторіи Польши и Литвы: съ 1673 года здѣсь собирался каждый третій польскій сеймъ, и одинъ изъ этихъ сеймовъ, созванный въ чрезвычайное собраніе въ 1793 году, принужденъ былъ подписаться подъ актомъ о раздѣлѣ отечества; здѣсь же послѣдній король, Станиславъ-Августъ, сложилъ съ себя корону въ 1795 году. Недалеко отъ Гродно находятся Друскеникскія минеральныя воды, привлекающія каждое лѣто большое число посѣтителей. Одинъ изъ кварталовъ Гродно населенъ татарами-магометанами; но главная община этихъ восточныхъ людей основалась въ Соколкѣ, на полдорогѣ изъ Бѣлостока въ Гродно. Въ Новогрудкѣ ихъ тоже насчитывается нѣсколько сотъ душъ.

Главный городъ Литвы, бывшій нѣкогда ея столицей и княжеской резиденціей, Вильно или Вильна (Vilniuya по-литовски), также лежитъ въ бассейнѣ Нѣмана, но не на главной рѣкѣ, а на притокѣ ея, Виліи. Въ ту эпоху, когда началась исторія страны, Вильно былъ священнымъ мѣстомъ языческаго населенія: тамъ возвышался храмъ Перкуна, бога молніи, чтимаго древними литовцами такъ же, какъ Торъ былъ чтимъ скандинавами, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло святилище языческаго культа, великій князь Ягелло воздвигъ новый алтарь, посвященный христіанскому Богу; каѳедральный соборъ, основанный этимъ княземъ и послѣ того нѣсколько разъ реставрированный, до сихъ поръ остается замѣчательнѣйшимъ зданіемъ Вильно. Историческіе замки бывшей столицы Литвы, воспѣваемые польскими поэтами, лежатъ въ развалинахъ со времени занятія ея Москвою въ половинѣ семнадцатаго столѣтія; осталась только одна башня верхняго замка, на которую всходятъ, чтобы полюбоваться видомъ города, его двухъ холмовъ и окружающе мѣстности. Нижній городъ заключаетъ въ себ много другихъ общественныхъ памятниковъ, храмовъ, дворцовъ, отелей; тамъ есть также татарская мечеть. Вильно, имѣвшій не менѣ 100.000 жителей въ шестнадцатомъ столѣтіи, до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей, былъ однимъ изъ центровъ образованност въ Бѣлой Руси; съ 1525 года тамъ существовала типографія, долго пользовавшаяся бол шой славой, — первая, которая печатала ки риллицею на русской территоріи. До прибыті въ край іезуитовъ, Вильно былъ также одним изъ главныхъ очаговъ протестантизма въ Лит вѣ. Для евреевъ этотъ городъ и теперь ещ есть нѣчто въ родѣ столицы, хотя въ Варшав и Бердичевѣ число ихъ значительно больш Число еврейскихъ книгъ, напечатанныхъ в Вильно въ 1871 году: на древне-еврейскомъ раввинскомъ языкахъ—63; на нѣмецко-еврей скомъ и на другихъ языкахъ—68; всего 13 Виленскій историческій музей все еще один изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Россіи, хот изъ него взяты, по политическимъ соображеніямъ, всѣ предметы, относящіеся къ польской эпохѣ. Вильно имѣетъ отдѣлъ географическаго общества, но онъ лишился университета, который былъ преобразованъ изъ академіи основанной іезуитами, и процвѣталъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Виленскій университетъ былъ упраздненъ въ 1832 году, послѣ польскаго возстанія, и большая часть его книгъ и научныхъ коллекцій была конфискована въ пользу университетовъ Петербургскаго, Кіевскаго и другихъ учебныхъ заведеній.

На сѣверо-востокѣ отъ Вильно петербурго-варшавская желѣзная дорога проходитъ мимо значительнаго города Свенцяны; на юго-западѣ, недалеко отъ мѣста раздвоенія двухъ желѣзнодорожныхъ линій, варшавской и кенигсбергской, находится мѣстечко Новые Троки, замѣчательное тѣмъ, что оно построено среди озера, и главная улица его тянется извилистой линіей вдоль острова, который соединенъ съ твердой землей двумя мостами. Неподалеку отъ этого островнаго городка, главнаго мѣстопребыванія евреевъ-караимовъ, переселившихся съ Таврическаго полуострова, видны развалины одного изъ историческихъ замковъ Литвы. Рѣка Вилія, текущая на сѣверо-западъ въ извилистой долинѣ, проходитъ подлѣ Кернова, ко-

торый былъ главнымъ городомъ Литовскаго княжества до перенесенія столицы въ Вильно, и куда удалился верховный литовскій жрецъ Криве-Кривейто, когда онъ принужденъ былъ бѣжать изъ этого послѣдняго города. Далѣе рѣка принимаетъ въ себя притокъ Свента (то-есть «Святую» рѣку), питаемый водами нѣсколькихъ сотенъ маленькихъ озеръ и который омываетъ набережныя важнаго города Вилькомира; затѣмъ Вилія, усиленная впадающими въ нее водами, спускается на югъ къ Нѣману.



Вильно. Предмѣстье Снипишки.

Ковно, Кауне литовцевъ, губернскій городъ, какъ и Вильно, стоитъ при соединенія двухъ рѣкъ и въ недалекомъ разстояніи выше сліянія другой рѣки, Нѣвяжи или Невежи. Такимъ образомъ, нѣсколько рѣчныхъ долинъ сходятся у Ковно и даютъ ему значительную важность въ торговомъ отношеніи; кромѣ того, сосѣдство

колѣна Нѣмана, который недалеко отъ этого города вдругъ перемѣняетъ направленіе, способствовало тому, что Ковно сдѣлался мѣстомъ пересѣченія дорогъ. Благодаря этимъ выгодамъ географическаго положенія, Ковно уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ былъ сборнымъ мѣстомъ для купцовъ нѣмецкихъ и даже англійскихъ; спустя два столѣтія онъ сдѣлался главнымъ складочнымъ пунктомъ Литвы, въ особенности по торговлѣ хлѣбомъ, и соперничалъ по важности съ Кролевцомъ (Кенигсбергомъ). Послѣ войны эта торговля пришла въ упадокъ, и теперь видны только развалины прежнихъ факторій; въ 1817 г. въ городѣ было всего только около 200 домовъ, но съ той поры онъ опять мало-по-малу поднялся. Болѣе половины населенія этого торговаго города состоитъ изъ евреевъ: синагоги тамъ такъ же многочисленны, какъ церкви въ какомъ-нибудь итальянскомъ городѣ. Въ Самогитіи, или западной Литвѣ, есть также нѣсколько довольно-многолюдныхъ городовъ, каковы: Россіены, который нѣкогда тоже былъ столицей Литовскаго княжества, Поневѣжъ, Шавли, Тельши.

Западная Двина, берущая свое начало на Алаунской возвышенности, неподалеку отъ истоковъ Волги, изъ маленькаго озера Двинца, въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, принимаетъ въ себя различныя рѣчки, текущія изъ уѣздовъ Торопецкаго, Псковской, и Бѣльскаго и Порѣчскаго, Смоленской губерніи. По вступленіи въ предѣлы Витебской губерніи, она проходитъ сначала черезъ городъ Велижъ, гдѣ является уже судоходной рѣкой; затѣмъ, имѣя уже около 50 саженъ въ ширину, принимаетъ въ себя рѣчку Витьбу, передъ стариннымъ городомъ Витебскомъ, который стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ древности горѣлъ священный огонь, и имя котораго упоминается впервые въ лѣтописяхъ одиннадцатаго столѣтія; впослѣдствіи онъ получилъ извѣстность какъ резиденція независимыхъ князей и по своимъ торговымъ сношеніямъ съ ганзейскими городами. Въ настоящее время Витебскъ ведетъ нѣкоторую торговлю земледѣльческими произведеніями, хотя окружающая его мѣстность принадлежитъ къ числу самыхъ неплодородныхъ и самыхъ бѣдныхъ во всей Россійской Имперіи. Прежде наиболѣе важнымъ и оживленнымъ городомъ этой страны былъ Полоцкъ, лежащій ниже, на Двинѣ, при впаденіи въ нее Полоты. Этотъ древній городъ, столица славянъ кривичей, соперникъ Кіева и Новгорода, долгое время сохранялъ свою независимость въ тринадцатомъ столѣтіи, включенный въ составъ Литовскаго княжества, онъ не утратилъ своего важнаго значенія и постоянно былъ предметомъ спора между Литвой Польшей и Москвой; какъ союзникъ Ганзы, онъ сдѣлался однимъ изъ передовыхъ складочныхъ рынковъ Любека и Висби во внутренней Россіи: самые значительные торговые обороты онъ производилъ с[illegible] Ригой. Во второй половинѣ восемнадцатаго сто[illegible]лѣтія іезуиты, изгнанные изъ другихъ европейскихъ государствъ, избрали Полоцкъ столицей своего ордена, и здѣсь имѣлъ пребываніе ихъ генералъ; основанная ими академія пользовалась университетскими привилегіями.

Ниже Полоцка слѣдуютъ: торговый город[illegible] Дисна, построенный на длинномъ полуостровѣ образуемомъ сліяніемъ рѣки того же имени с[illegible] Двиной, и Дрисса, расположенный также при сліяніи рѣки, притока Двины, и уже въ предѣлахъ Литовскаго края. Естественнымъ центромъ этой страны можно считать городъ Двинск[illegible] (прежде Динабургъ), который господствуетъ надъ среднимъ теченіемъ Западной Двины [illegible] стоитъ на мѣстѣ пересѣченія желѣзныхъ дорог[illegible] изъ Варшавы въ Петербургъ, изъ Риги и Либав[illegible] въ Москву и Самару. Рыцари-меченосцы п[illegible]строили тутъ крѣпкій замокъ въ концѣ тринадц[illegible]таго столѣтія; затѣмъ король польскій Стефан[illegible] Баторій воздвигъ въ 1582 году крѣпость ве[illegible]стахъ въ 20 выше этого замка. Въ настоящее вр[illegible]мя Двинская крѣпость, расположенная на пр[illegible]вомъ берегу Двины,—одинъ изъ важнѣйших[illegible] стратегическихъ пунктовъ западной Россіи. К[illegible] югу отъ Двинска расположенъ уѣздный город[illegible] Ковенской губерніи Ново-Александровск[illegible] главное населенное мѣсто области небольших[illegible] озеръ и прудовъ; тогда какъ на сѣверѣ и [illegible] сѣверо-востокѣ, въ области плоскихъ возвышен[illegible]ностей, находятся уѣздные города Витебско[illegible] губерніи: Невель, Себежъ, Люцинъ, Рѣжиц[illegible] (по-нѣмецки Rositten). Уѣзды Двинскій, Люцин[illegible]скій и Рѣжицкій населены преимущественн[illegible] латышами: они составляли польскую Ливоні[illegible] или Инфлянты. Латыши этой страны отлича[illegible]ются отъ латышей балтійскихъ провинцій вѣр[illegible]исповѣданіемъ: они католики. Послѣ разгрома тевтонскихъ рыцарей, инфлянтскіе латыши возстановили у себя языческую вѣру. Въ семнадцатомъ столѣтіи іезуиты снова окрестили ихъ въ христіанскую вѣру.

Города Литвы и верхнихъ бассейновъ Западной Двины и Нѣмана, имѣющіе свыше 5.000 жителей:

Ковенская губернія: Ковно (1897 г.) — 75.390; Шавли—20.488; Вилькомиръ—13.856; Поневѣжъ—12.987; Россіены—7.593; Тельши —6.160; Ново-Александровскъ—7.722 ж.

Виленская губернія: Вильно (1897 г.) — 158.876; Вилейка—6.032; Лида—8.759; Свѣнцяны — 6.264; Дисна — 11.539; Ошмяны— 6.549 ж.

Гродненская губернія: Гродно (1897 г.) — 47.613; Брестъ-Литовскъ — 47.757; Бѣлостокъ—63.927; Бѣльскъ—7.160; Волковыскъ— 7.435; Кобринъ — 10.436; Пружаны—7.714; Слонимъ—16.176; Сокольскъ—6.752 ж.

Витебская губернія: Витебскъ (1897 г.)— 66.143; Двинскъ — 72.636; Велижъ — 12.629;

Полоцкъ—20.705; Рѣжица—10.868; Невель—10.260; Лепель—6.192 жит.

VI. Бассейны Днѣпра и Днѣстра.

Бѣлоруссія, Малороссія и Новороссійскій край.

Почти двѣ трети обширной холмистой равнины, связывающей Россію съ западной Европой, принадлежатъ къ покатости Чернаго моря. Могучій Днѣпръ (третья рѣка Европы по обилію своей жидкой массы) и Днѣстръ (также значительная рѣка)—двѣ главныя водныя артеріи той покатости Понта Эвксинскаго, которая прежде составляла часть великаго княжества Литовскаго и которая нынѣ почти цѣликомъ занята русскими различнаго происхожденія. Здѣсь расположены страны, куда проникъ изъ Византіи первый лучъ свѣта; здѣсь началась, тысячу двѣсти лѣтъ спустя, исторія русскаго народа, и здѣсь былъ долгое время центръ тяжести восточно-славянскаго міра. До тѣхъ поръ, пока націи, населяющія страны по берегамъ Средиземнаго моря, играли первенствующую роль въ развитіи цивилизованнаго человечества, ихъ притягательная сила должна была давать въ Россіи культурное главенство той покатости, которая обращена къ Черному морю. Когда же, напротивъ, океаническая сторона европейскаго континента получила болѣе важное значеніе, чѣмъ страны, прилегающія къ Средиземному морю, то Россія тоже должна была перемѣстить свой историческій центръ, и главный потокъ государственной жизни направился къ Финскому заливу. Тѣмъ не менѣе, бассейны Днѣпра и Днѣстра, которыхъ населеніе, а также промышленность и торговля не переставали возростать, остаются одною изъ важнѣйшихъ частей Имперіи. Если Петербургъ стоитъ лицомъ къ западной Европѣ, то Одесса видитъ вдали образующійся надъ водами миражъ Константинополя и Эгейскаго моря.

Пространство и населеніе двѣнадцати губерній, предѣлы которыхъ совпадаютъ приблизительно съ границами бассейновъ Днѣпра и Днѣстра:

Названіе губерній.	Пространство, безъ значительныхъ внутреннихъ водъ, въ кв.верстахъ.	Населеніе по переписи 1897 г.	Среднее число жителей на одну квадратную версту.
Смоленская	49.212,2	1.551.068	31,5
Могилевская	42.134.6	1.708.041	40,5
Минская	80.152,3	2.156.123	26,9
Волынская	63.036,8	2.997.902	47,6
Черниговская	46.043,3	2.321.900	50,4
Курская	40.821,1	2.396.577	58,7
Кіевская	44.777,9	3.576.125	79,6
Полтавская	43.844	2.794.727	63,7
Екатеринославская	55.705,5	2.112.651	94,1
Херсонская	62 213,2	2.732.832	43,9
Подольская	36.921,7	3.031.513	82,1
Бессарабская	39.014,9	1.933.436	49,6

Эта обширная область юго-западной Россіи, въ два раза превосходящая по величинѣ Францію, не имѣетъ горъ на всемъ своемъ протяженіи; равнины ея разстилаются на значительныхъ пространствахъ, отъ одного горизонта до другаго, съ однообразіемъ поверхности моря. Въ сѣверной полосѣ Днѣпровскаго бассейна, на равномъ разстояніи отъ двухъ морей, Балтійскаго и Чернаго, поверхность края представляетъ наибольшую правильность; высокіе холмы показываются только въ южной части страны, около средняго теченія Днѣстра и Днѣпра. На сѣверо-востокѣ отъ Карпатовъ и отъ низменности, гдѣ беретъ начало Днѣстръ, Тарнопольская и Кременецкая плоская возвышенность продолжается хребтомъ мѣловыхъ холмовъ, которому Эйхвальдъ далъ названіе Авратынскихъ горъ и который тамъ и сямъ разрѣзанъ, вслѣдствіе сотрясеній почвы и размывовъ водъ, на горделивыя кручи, украшенныя зеленью окружающихъ лѣсовъ. Другіе холмы, принадлежащіе къ тому же хребту, но недостигающіе значительной высоты, поднимаются близъ Проскурова, къ сѣверу отъ Каменецъ-Подольска: эта цѣпь небольшихъ горъ, откуда Южный Бугъ получаетъ свои первыя воды, превосходитъ по высотѣ Валдайскую сплошную возвышенность нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ. Вотъ высшія ея точки:

Кременецкій замокъ — 399 метровъ (1.328 футовъ) (по Семенову); Александровская гора, близъ Проскурова,—360 метр. (1.185 фут.) (по Шмидту); Авратынскія горы, близъ Авратына,—335 метр. (1.100 фут.) (по Шмидту).

Этотъ гранитный хребетъ постепенно понижается къ востоку и къ юго-востоку, но онъ имѣетъ очень большое протяженіе въ ширину. Можно прослѣдить гряды этой полосы кристаллическихъ горныхъ породъ почти на всемъ пространствѣ, раздѣляющемъ, на югѣ отъ Житомира, Бугъ и верхній Днѣпръ; затѣмъ, по пересѣченіи этой послѣдней рѣкой, она приближается къ Азовскому морю, отъ котораго отдѣлена только узкой полосой моласса; кривая, описываемая Днѣпромъ въ восточномъ направленіи, огибаетъ именно выступъ этихъ горныхъ породъ, который воды, повидимому, не въ состояніи были разрушить. Къ востоку отъ Житомира, этотъ гранитный поясъ, общая длина котораго не менѣе 750 верстъ (800 кил.), не показывается болѣе на поверхности земли: геологи могутъ изучать его только мѣстами, преимущественно въ разрѣзахъ, гдѣ рыхлая почва была размыта проточными водами.

Рельефъ поверхности, конечно, имѣетъ огромную важность для распредѣленія растеній и животныхъ, такъ же, какъ и для исторіи населенія; но составъ почвы представляетъ еще болѣе важное значеніе, и этотъ-то факторъ, безъ сомнѣнія, всего болѣе вліялъ на историческія судьбы жителей. Большая часть бассейновъ

Днѣстра, Днѣпра и ихъ притоковъ принадлежитъ къ такъ называемой черноземной полосѣ. По обѣ стороны границы этой полосы во всемъ замѣтна рѣзкая разница: и въ физическомъ складѣ страны, и въ ея экономическихъ условіяхъ. На сѣверѣ простирается область эррахическихъ камней, обширныхъ лѣсовъ, озеръ, болотъ; на югѣ залегаетъ черноземъ, гдѣ деревья встрѣчаются только въ видѣ искусственныхъ насажденій, разводимыхъ человѣкомъ, и гдѣ природная растительность состояла исключительно изъ крупныхъ травъ.

Въ своемъ нормальномъ составѣ черная земля, или черноземъ, состоитъ изъ песку на три-четверти или четыре-пятыхъ и содержитъ, кромѣ эммiака, натра, кали, фосфорной кислоты, значительную долю органическихъ веществъ—около одной десятой въ верхнихъ слояхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Полтавской губерніи, пропорція органическихъ веществъ еще гораздо больше: она достигаетъ тамъ 17 процентовъ. Въ глубинахъ почвы количество перегноя меньше; оно уменьшается постепенно до 5 процентовъ. Это различное содержаніе перегнившихъ органическихъ веществъ объясняютъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при меньшей толщинѣ перегнойной земли растенія не могли бы развиваться съ достаточной силой; растительность становилась все болѣе и болѣе дѣятельной по мѣрѣ того, какъ возрастала мощность питающаго слоя. Какъ утверждалъ уже французскій путешественникъ Гюо [1]) и какъ окончательно доказалъ впослѣдствіи ботаникъ Рупрехтъ, черноземъ образовался всецѣло вслѣдствіе разложенія травъ: нигдѣ въ черноземной полосѣ не найдено прѣсноводныхъ или морскихъ раковинъ, которыя позволяли бы объяснить отложеніе ея аллювіальнаго слоя дѣйствіемъ водъ моря или озеръ. Отсутствуя почти вездѣ вдоль рѣкъ и озеръ, тамъ гдѣ почва недавняго образованія, черноземъ покрываетъ только плоскія возвышенности и холмы. Вокругъ Сѣднева, недалеко отъ Чернигова, возвышается около восьмисотъ могильныхъ кургановъ, состоящихъ изъ чистаго песку; но на поверхности они покрыты слоемъ черной земли отъ 6 до 8 дюймовъ; по преданію, эти бугры относятся къ эпохѣ разрушенія Чернигова полчищами Батыя, въ 1239 году; но раскопки доказали, что они древнѣе по крайней мѣрѣ на три столѣтія; такимъ образомъ выходитъ, что потребовалось болѣе девятисотъ лѣтъ для того, чтобы образовать на курганахъ этотъ тоненькій слой растительной земли. Допуская подобное же нарощеніе чернозема для растительности равнины, нужно заключить, что потребовалось отъ 3.600 до 6.000 лѣтъ для того, чтобы травы окружающихъ степныхъ пространствъ могли отложить слои чернозема толщиною отъ 3/4 до 2-хъ слишкомъ аршинъ. Какова бы ни была степень вѣрности этого вычисленія, несомнѣнно то, что черноземъ ясно ограниченъ на югѣ и на востокѣ древнимъ морскимъ дномъ, а въ сосѣдствѣ Азовскаго моря и Понта Эвксинскаго многіе признаки явственно указываютъ на тотъ фактъ, что толщина черноземнаго слоя прямо пропорціональна высотѣ почвы надъ уровнемъ морскихъ волнъ. Разложившійся растительный перегной тѣмъ толще, чѣмъ большее число вѣковъ протекло со времени поднятія бывшихъ береговъ. На юго-востокѣ и на востокѣ, берега степей, которые нѣкогда были затопляемы водами Каспійскаго моря, обозначаютъ окраину чернозема; во многихъ мѣстахъ они могутъ даже служить указателями высоты, до которой доходило море. Наконецъ, съ сѣверной стороны, какъ мы видѣли, границы черноземной полосы точно совпадаютъ съ предѣлами области озеръ и болотъ, гдѣ нѣкогда странствовали льды, роняя тамъ и сямъ глыбы гранита, свалившіяся съ горъ Финляндіи. Такимъ образомъ, въ своей совокупности поясъ чернозема простирается отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ перешеекъ между Карпатскими горами и Уральскимъ хребтомъ, и этимъ-то поясомъ западная Европа соединялась прежде съ Азіей: Рупрехтъ справедливо называетъ его «черноземнымъ континентомъ». На сѣверѣ нѣсколько небольшихъ островковъ черноземной почвы разсѣяно за предѣлами этого материка, въ губерніяхъ Вятской, Казанской, Владимірской, Черниговской.

Этотъ черноземный континентъ простирается почти на цѣлой трети поверхности Европейской Россіи и обнимаетъ пространство, исчисляемое приблизительно въ 87 милліоновъ десятинъ. Кромѣ того, черноземъ существуетъ въ Молдавіи, въ Венгріи и особенно въ Банатѣ; но нигдѣ онъ не встрѣчается на столь обширныхъ пространствахъ и столь толстыми слоями, какъ въ бассейнѣ Днѣпра [2]). Химикъ Германъ сравниваетъ эти залежи черной земли, въ отношеніи экономической важности, съ пластами каменнаго угля, которыми обладаетъ Англія; но эти слои плодородной почвы представляютъ то преимущество, что они находятся на поверхности: ихъ нѣтъ надобности искать въ глубинахъ земли, какъ каменный уголь. Вычисляя количество удобреній, какое потребовалось бы для того, чтобы доставить черноземной почвѣ количество азота, равное тому, какое она содержитъ, находимъ, что расходъ на этотъ предметъ составилъ бы по малой мѣ-

[1]) „Voyage dans la Russie méridionale", par Demidof; Huot et Malte-Brun, „Précis de Géographie universelle", 5-e édition, 1841.

¹) Ruprecht, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome VII, 1865; Delesse et de Lapparent, „Revue de Géologie pour les années 1874 et 1875".

[2]) Мурчисонъ, „Geology of Russia and the Ural Mountains".

рѣ шесть милліардовъ рублей [1]). При томъ, нужно бы было безпрестанно возобновлять это удобреніе, и еще неизвѣстно, сообщило ли бы оно землѣ ту степень рыхлости, которая дѣлаетъ ее во многихъ мѣстностяхъ столь удобной къ обработкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи земледѣльческой промышленности мало-по-малу придадутъ черноземнымъ пространствамъ видъ громаднаго воздѣланнаго поля. Черноземныя степи, конечно, навсегда сохранятъ красоту пейзажа, которую даетъ обширный кругозоръ, но онѣ утратятъ ту восхитительную прелесть, которую находишь въ безъискусственной природѣ, бродя, куда глаза глядятъ. Въ этихъ степяхъ, такъ же, какъ въ луговыхъ равнинахъ или «преріяхъ» Дальняго Запада (Far West) Сѣверной Америки, можно идти во всѣ стороны, среди травъ, достигающихъ такой высоты, что цвѣты, колосья и хохолки качаются вровень съ головой путника; среди этой безпредѣльной травяной равнины, путнику кажется иногда, что онъ заблудился въ зелени, которая отъ вѣтра волнуется словно поверхность водъ. Произведенія народной поэзіи разсказываютъ намъ, какую радость испытывалъ казакъ, когда онъ скакалъ на своемъ конѣ по этому морю травъ, руководимый въ направленіи дороги какимъ-нибудь бугромъ, рисующимся вдали на краю горизонта, или, какъ морякъ, теченіемъ солнца или движеніемъ звѣздъ.

По направленію отъ сѣвера къ югу видъ степей измѣняется постепенно, по мѣрѣ того, какъ уменьшается толщина слоя растительной земли и какъ пласты глинистые, гранитные или известковые подходятъ ближе къ поверхности почвы. Травянистыя равнины, которыя весною одѣваются богатѣйшей растительностью и которыя человѣкъ можетъ преобразовать въ пахатныя земли или въ лѣсныя насажденія, смѣняются полями, гдѣ почва въ естественномъ состояніи покрыта лишь мелкимъ кустарникомъ да грубой травой; далѣе слѣдуютъ равнины, совершенно голыя на обширныхъ пространствахъ, и гдѣ земледѣлецъ пробуетъ бороться противъ безплодія почвы только въ сосѣдствѣ большихъ городовъ или въ сырыхъ лощинахъ. Красивые, разрисованные дома, окруженные вишнями и сливами, смѣняются низенькими сѣрыми мазанками, часто неимѣющими даже сада: ростущіе кое-гдѣ чахлые тополи только свидѣтельствуютъ о трудностяхъ борьбы человѣка со скупой природой, но очень мало измѣняютъ печальный, въ высшей степени монотонный видъ страны [2]). Эти степи скорѣе походятъ на пустыню, и ихъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это часто дѣлали по незнанію, съ тѣми цвѣтущими степями, откуда получаютъ часть пищевыхъ продуктовъ народы Европы. Деревья съ трудомъ ростутъ въ этой малоплодородной области. Каждый городъ заботится о томъ, чтобы создать у себя дорогостоющій общественный садъ, гдѣ бы населеніе, лишенное настоящихъ лѣсовъ, могло пользоваться нѣкоторымъ подобіемъ свѣжести и находить хоть какую-нибудь тѣнь въ жаркіе лѣтніе дни. Каждый владѣлецъ хутора, въ окресностяхъ Одессы, старается украсить свой садъ деревьями, которыя напоминали бы ему сельскую природу; но все искусство садовниковъ едва успѣваетъ вызвать къ жизни болѣзненные, чахлые стволы, съ рѣдкой листвой и заранѣе обреченные на гибель по прошествіи какихъ-нибудь двадцати или тридцати лѣтъ: иногда случается, что вся зелень исчезаетъ въ нѣсколько часовъ, пожираемая тучами саранчи, которыя, застилая небо, порождаютъ сумерки среди бѣлаго дня, и прибытіе которыхъ возвѣщается гуломъ, подобнымъ раскатамъ отдаленнаго грома.

Травяныя степи, которыя ожидаешь увидѣть пустынными и безжизненными, оказываются, напротивъ, оживленными фауной одною изъ самыхъ богатыхъ, если не по числу видовъ, то, по крайней мѣрѣ, по числу недѣлимыхъ: при выходѣ изъ темнаго лѣса, эти ярко освѣщенныя пространства представляются шумной, полной жизни пустынею [1]). Зубры, буйволы, кабаны, дикія лошади и другія животныя, о которыхъ разсказываютъ Блезъ-де-Виженеръ [2]) и Бопланъ [3]), исчезли изъ малороссійскихъ степей, но почва ихъ и теперь сплошь изрыта подземными галлереями, гдѣ живутъ суслики (Cytillus vulgaris или Spermatophilus), или овражки, которые служатъ добычей всѣмъ мѣстнымъ охотникамъ—волку, дикой собакѣ, въ особенности же человѣку, но число которыхъ значительно убавилось съ той поры, какъ голова ихъ оцѣнена. Многочисленныя стаи птицъ-рыболововъ, цапель, аистовъ и красныхъ гусей, утокъ и чаекъ, разгуливаютъ въ болотахъ или плаваютъ въ озерахъ и прудахъ; жаворонки и другія пѣвчія птицы летаютъ среди травъ и кустарника, какъ въ лѣсахъ и на паровыхъ, незасѣянныхъ поляхъ западной Европы; орлы, коршуны и другіе крылатые хищники сидятъ на верстовыхъ столбахъ и не улетаютъ даже при проходѣ или проѣздѣ людей. Красивыя разноцвѣтныя бабочки летаютъ миріадами по безконечному лугу, испещренному цвѣтами, съ которыхъ массы пчелъ собираютъ обильную дань. Днѣпровскія и донскія степи особенно славятся своимъ пчеловодствомъ. До тѣхъ поръ, пока почва Украйны не подвергалась обработ-

[1]) Шмидтъ, „Херсонская губернія“ „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“.

[2]) Шмидтъ, выше цитированное сочиненіе.

[1]) Тургеневъ, „Записки охотника“; Захеръ-Мазохъ, „Въ Коломеѣ“.

[2]) „Description du royaume de Pologne et des pays adjacents“, Paris, 1575.

[3]) „Description de l'Ukraine“, Rouen, 1660.

кѣ, этотъ край, можетъ быть, болѣе всякой другой страны въ мірѣ заслуживалъ названія земли, «текущей медомъ»: въ то время медъ находили тамъ не только въ дуплахъ деревьевъ, но также въ ямахъ и углубленіяхъ почвы, всего чаще въ крутыхъ берегахъ рѣкъ и овраговъ. Какъ суслики и почти всѣ другія степныя животныя, не исключая и самого человѣка, пчела въ этихъ странахъ сдѣлалась троглодитомъ, пещернымъ жителемъ, благодаря свойству почвы. Въ искусственныхъ пчельникахъ пчелъ на зиму помѣщаютъ въ большіе омшаники, вырытые подъ землей.

Въ южной полосѣ Россіи, украинцы очень искусны въ задерживаніи водъ для поенія домашнихъ животныхъ и орошенія полей; но они утилизируютъ такимъ образомъ только ручьи и маленькія рѣчки, не умѣя извлекать пользу изъ воды большихъ рѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ необходимой влажности не будетъ недостатка, когда человѣкъ научится брать ее изъ верхнихъ бассейновъ, удалять изъ низменныхъ мѣстностей, гдѣ она пребываетъ въ видѣ стоячихъ водъ, портя атмосферу своими вредными болотистыми испареніями, и переливать ее въ сухія, лишенныя влаги, мѣстности. Почти все Полѣсье, верхній бассейнъ рѣки Припеть, одного изъ главныхъ притоковъ Днѣпра, есть одна изъ такихъ областей, полуозерныхъ, полуобсохшихъ, которыя перестали быть озерами въ собственномъ смыслѣ, но не сдѣлались еще настоящей твердой землей, и которыя трудъ человѣка можетъ преобразовать въ необычайно плодородныя поля, когда онъ избавитъ ихъ отъ чрезмѣрнаго излишка воды. Эта страна представляетъ настоящій лабиринтъ озеръ, болотъ, топей, торфяниковъ, лѣсовъ и выступившихъ изъ-подъ воды пороговъ, который извѣстенъ подъ общимъ именемъ Пинскихъ болотъ. Задерживаемыя съ южной стороны естественной преградой, образуемой гранитными кряжами Волыни, воды не могли стекать безпрепятственно въ бассейнъ Днѣпра, а скопились среди низменныхъ пространствъ, гдѣ онѣ прежде образовывали одно большое озеро, превратившееся съ теченіемъ времени въ медленно текущія рѣки, береговъ которыхъ невозможно различить на обширномъ протяженіи, покрытомъ камышами и водяными растеніями. Эти рѣки еще не достигли той фазы развитія, чтобы создать себѣ независимое, обособленное существованіе: почти тотчасъ по выходѣ изъ своей верхней долины, Припеть дѣлится между болотами и островами на безчисленное множество рукавовъ разной величины, которые взаимно переплетаются, теряются, снова встрѣчаются и, наконецъ, впадаютъ въ болотистое озеро Любяжъ. Ниже этого озера рѣка опять дѣлится на такое множество потоковъ, что теряетъ даже свое имя, которое получаетъ снова только верстахъ въ ста ниже, при сліяніи съ Ясельдой. Такъ какъ почти всѣ рѣки, общей артеріей которыхъ служитъ Припеть, соединяются въ одномъ и томъ же бассейнѣ, на небольшомъ разстояніи одна отъ другой, и одновременно выходятъ изъ береговъ послѣ большихъ дождей, то страна часто бываетъ затоплена на необозримое пространство. Въ этой области, частію покрытой водою, животное царство представляетъ особенный характеръ. Піявки, живущія въ болотахъ, составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ отпускной торговли края до суровой зимы 1840 г., когда почти всѣ онѣ погибли отъ сильныхъ морозовъ; бобръ и рѣчная выдра исчезли съ начала XIX столѣтія. Говорятъ, что заяцъ Пинскихъ болотъ отличается отъ зайцевъ окружающихъ равнинъ: шерсть у него имѣетъ слегка синеватый оттѣнокъ. Что касается человѣка, то легко представить себѣ, въ какой сильной степени его образъ жизни видоизмѣняется подъ вліяніемъ этихъ затопляемыхъ земель, гдѣ онъ часто бываетъ принужденъ, спасаясь отъ наводненія, искать убѣжища на какомъ-нибудь возвышенномъ бугрѣ и жить тамъ въ обществѣ лѣсныхъ звѣрей. Различныя болѣзни, происходящія отъ вредныхъ испареній или міазмовъ, господствуютъ въ этой болотистой странѣ, и одна изъ нихъ, извѣстная только на славянскомъ Востокѣ, есть такъ называемый колтунъ, или ковтунъ (plica polonica), въ которомъ хотѣли видѣть бичъ, спеціально свойственный полякамъ,—совершенно ошибочно, такъ какъ онъ свирѣпствуетъ преимущественно въ Бѣлоруссіи и въ Гродненской губерніи. Бопланъ въ своемъ «Описаніи Украйны» говоритъ, что эта болѣзнь поражаетъ только казаковъ.

Обширныя Пинскія болота скоро перейдутъ въ область воспоминаній. Какъ доказали частныя попытки осушки болотъ, предпринимавшіяся со второй половины текущаго столѣтія, завоеваніе почвы для земледѣлія представлялось дѣломъ возможнымъ, и потому въ 1873 г. приступили къ общему нивеллированію страны. Руководитель этихъ работъ, генералъ Жилинскій, и его сотрудники убѣдились, что скатъ поверхности Минской губерніи къ Днѣпру никакъ не менѣе $\frac{3}{10.000}$, что совершенно достаточно для того, чтобы обезпечить водамъ правильный стокъ. Уничтожая мельничныя и рыболовныя запруды, замедляющія теченіе водъ, и прокапывая спускные каналы по естественной покатости почвы, можно будетъ безъ труда опорожнить всѣ болота и превратить Минскую губернію, еще недавно одну изъ бѣднѣйшихъ областей Россіи, въ одну изъ самыхъ богатыхъ, по плодородію почвы, земель Европы. Впрочемъ, значительная часть дѣла уже сдѣлана, и при томъ за относительно ничтожную сумму, которая, безъ сомнѣнія, будетъ въ скоромъ

времени возвращена сторицей произведеніями земледѣльческой промышленности. Съ 1873 по 1880 годъ было достаточно милліона рублей, чтобы вырыть около 1.000 верстъ сточныхъ каналовъ, которые превратили въ луга болота и трясины и избавили лѣса отъ стоячихъ водъ. Одна казенная лѣсная дача, простирающаяся на пространствѣ слишкомъ 82.000 десятинъ, въ которой до сихъ поръ деревья сгнивали на мѣстѣ, теперь можетъ быть эксплоатируема съ выгодой, благодаря каналамъ, соединяющимъ ее со сплавными рѣками; сельскохозяйственныя произведенія края нынѣ могутъ быть отправляемы или въ бассейнъ Вислы, или въ бассейнъ Нѣмана по судоходнымъ каналамъ, подступы въ которымъ освобождены отъ стоячихъ водъ. Теченіе рѣкъ, еще недавно неопредѣленное, мало-по-малу входитъ въ правильное русло; дороги прокладываются въ равнинѣ, и селенія перестали быть островными горками, поднимающимися среди болотъ [1]). Вотъ физическій переворотъ, чисто поверхностный, такъ какъ онъ полученъ просто посредствомъ проведенія водосточныхъ каналовъ, вырываемыхъ въ почвѣ до глубины нѣсколькихъ аршинъ; но его результаты совершенно измѣнятъ видъ страны, поверхность которой обнимаетъ около восьми съ половиной милліоновъ десятинъ, т. е. равняется шестой части Франціи. О быстрыхъ перемѣнахъ, совершившихся недавно въ мѣстной географіи, можно судить по уменьшенію озера Князь или Жидъ, получившаго такое названіе, какъ говорятъ, оттого, что въ концѣ прошлаго вѣка какой-то князь-мизантропъ удалился въ эти пустынныя мѣста, гдѣ будто бы скрывался евреемъ, чтобы избѣжать всякихъ сношеній съ христіанами. Въ эту эпоху деревушка Князь-Озеро стояла на берегу озера; но болотныя растенія, постепенно распространяясь, уменьшили съ той поры на половину поверхность стоячихъ водъ. Еще недавно площадь этого озернаго бассейна равнялась почти 65 кв. верстамъ; насколько же уменьшилась она послѣ осушительныхъ работъ, которыми осушено болѣе 92.000 десятинъ вокругъ озера?

Во всемъ Днѣпровскомъ бассейнѣ Припеть есть единственная большая рѣка, долина которой еще не приняла окончательной формы: другіе верхніе притоки и самый Днѣпръ имѣютъ теченіе нормальное, такъ сказать, законченное. Истоки этой послѣдней рѣки, самой знаменитой въ исторіи изъ русскихъ рѣкъ, находятся гораздо ближе къ Финскому заливу, нежели къ Черному морю, въ области мало возвышенной, гдѣ зарождаются также притоки Западной Двины, Волги, Оки; водораздѣльныя линіи этой четверной покатости едва намѣчены. Заключенный въ началѣ между бассейнами водъ, спускающихся къ Балтійскому и Каспійскому морямъ, Днѣпръ получаетъ мало притоковъ въ верхней части своего теченія, до Смоленска и Могилева; но внизъ отъ Рогачева быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ большіе притоки: съ правой, западной, стороны въ него впадаетъ Березина, которая прежде, какъ говорятъ, считалась главной рѣкой и названіе которой, если вѣрить славистамъ, есть не что иное, какъ измѣненное древнее названіе Днѣпра—Борисоенъ (?); съ лѣвой, восточной, стороны вливается р. Сожъ; затѣмъ Днѣпръ соединяется съ Припетью, почти равной ему по массѣ водъ и величинѣ бассейна, который обнимаетъ почти всю Минскую губернію, половину Волынской и даже часть Гродненской. Далѣе, Тетеревъ приноситъ свою дань Днѣпру; еще ниже въ послѣдній впадаетъ Десна, или «Правая», названная такъ потому, что, если смотрѣть изъ Кіева, она течетъ вправо отъ главной рѣки; Десна бѣжитъ извилистой линіей по аллювіальной равнинѣ, гдѣ она повсюду оставила слѣды своего прохода въ видѣ кольцеобразныхъ озеръ и потоковъ, образовавшихся во время наводненія. Здѣсь оканчивается верхняя вѣтвь Днѣпра, и рѣка является уже вполнѣ сформированной. Это—знаменитый Борисѳенъ древнихъ грековъ и римлянъ, Узонъ турокъ, Эски или «Старикъ» татаръ, Луозенъ и Лерене въ итальянскихъ описаніяхъ береговъ и пристаней Понта Эвксинскаго.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ своего верхняго теченія Днѣпръ, обрамленный съ правой и съ лѣвой сторонъ высокими берегами, о которые ударяются его воды, имѣетъ мѣстами лѣвый берегъ выше праваго; но, по принятіи въ себя большихъ притоковъ, рѣка, правильно передвигаясь въ правую сторону, сообразно толчку, сообщаемому ея жидкой массѣ вращательнымъ движеніемъ земнаго шара, гложетъ и подтачиваетъ преимущественно свой западный берегъ. Развертываясь въ видѣ полукруговыхъ излучинъ, которыя выдаются попеременно то вправо, то влѣво, согласно закону соотвѣтствія рѣчныхъ извилинъ, Днѣпръ, однако, направляетъ массу своихъ водъ и, слѣдовательно, свою размывающую силу въ сторону праваго берега: съ этой-то стороны находятся крутые береговые утесы, возвышающіеся, среднимъ числомъ, отъ 300 до 430 футовъ (90—130 метр.), и изъ которыхъ одни еще омываются у самаго основанія струей теченія, тогда какъ другіе теперь покинуты рѣкой, которая, выточивъ ихъ въ формѣ амфитеатра, оставила только болота у ихъ подошвы, чтобы опять вернуться когда-нибудь и продолжать свое дѣло разрушенія. Восточный берегъ, цѣликомъ состоящій изъ наносовъ (аллювія), которые рѣка оставила послѣ себя, перемѣщая свое русло къ западу, почти вездѣ представляетъ низменную равнину, единственныя возвышенія которой — бывшіе

[1]) Всего осушено въ Полѣсьи до 2.670.000 десятинъ; общій расходъ казны на эти осушительныя работы составилъ около $3^1/_2$ милліоновъ рублей. Ред.

острова, постепенно повышаемые растительностью. Такимъ образомъ ложе, гдѣ прежде протекалъ Днѣпръ, можетъ быть утилизируемо теперь другими побочными рѣками, мѣсто слiянiя которыхъ постепенно передвигалось по направленiю къ низовьямъ, по мѣрѣ того какъ удалялась главная рѣка. На сѣверо-востокъ отъ Кiева, Десна, которую можно сравнить съ ребенкомъ въ кольчугѣ рыцаря, бѣжитъ въ долинѣ, которая прежде, вѣроятно, служила ложемъ Днѣпру и гдѣ еще можно узнать прежнiе высокiе берега, покинутые водами. Нынѣ главная рѣка, текущая верстахъ въ 15 далѣе на западѣ, проходитъ у подножiя изрытыхъ оврагами утесовъ, съ которыхъ каждый годъ обваливаются каменныя глыбы въ эпоху половодья, или подъ ударомъ льдинъ во время ледохода. Высота праваго берега, очевидно, была причиной того, что большая часть городовъ Днѣпровскаго бассейна основалась на крутомъ, западномъ берегу, и что главные пути сообщенiя проложены на той же сторонѣ рѣки. Дороги, проведенныя на лѣвомъ берегу, впродолженiи значительной части года обращаются почти въ непроходимыя болота. На притокахъ Днѣпра берега представляютъ тотъ же контрастъ: тамъ также города и мѣстечки по большей части выстроены на правомъ, возвышенномъ берегу [1]).

Весеннее вскрытiе рѣки рѣдко бываетъ опасно. Благодаря меридiональному направленiю Днѣпра, который течетъ съ сѣвера на югъ, ледяной покровъ отдѣляется сначала въ низовьяхъ и уже растаиваетъ или уносится къ устью въ то время, когда ледъ въ верхнихъ частяхъ ложа разламывается, въ свою очередь, и начинаетъ свое плаванiе внизъ по рѣкѣ. Такъ, въ Херсонѣ Днѣпръ бываетъ покрытъ ледяной корой среднимъ числомъ только 80 или 85 дней въ году, тогда какъ въ Екатеринославлѣ продолжительность перiода замерзанiя составляетъ уже 89 дней, а въ Кiевѣ, гдѣ начинается среднее теченiе, она доходитъ до 96 дней [2]). Однако иногда случается, что льды скопляются выше песчаныхъ мелей или островковъ и совершенно запруживаютъ рѣку: такъ, напримѣръ, въ 1865 году образовался настоящiй ледяной мостъ противъ Кременчуга, настолько толстый и крѣпкiй, что по нему могли переѣзжать обозы [3]).

По формѣ своего рѣчнаго развѣтвленiя, такъ же, какъ по свойству почвы, Днѣпръ, между европейскими рѣками,—одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыя должны представлять наиболѣе значичительныя разности въ объемѣ жидкой массы, наибольшiя неправильности или уклоненiя отъ нормальнаго режима водъ. Почти всѣ большiе притоки сливаются съ Днѣпромъ въ средней части его теченiя и въ небольшомъ разстоянiи одни отъ другихъ, такъ что ихъ частные разливы, за исключенiемъ разлива Припети, которая нѣсколько запаздываетъ въ болотахъ, окаймляющихъ ея берега, соединяются въ одинъ общiй потокъ и одновременно заставляютъ главную рѣку выступить изъ береговъ. Далѣе на югѣ, воды, струящiяся по поверхности трудно проницаемой почвы степей, тоже, съ своей стороны, содѣйствуютъ внезапному поднятiю уровня Днѣпра. Эта рѣка и нынѣ является въ томъ видѣ, какъ ее создала природа: мы не встрѣчаемъ на ней ни береговыхъ плотинъ, ни бечевниковъ; но прибрежные жители до извѣстной степени могутъ радоваться тому, что она еще не обведена, какъ По, Луара, Рона, Миссисипи, плотинами, якобы «незатопляемыми», которыя, однако, при необыкновенно высокихъ разливахъ, рѣка прорываетъ въ разныхъ мѣстахъ, и тогда поля, завоеванныя на бывшемъ рѣчномъ ложѣ, подвергаются наводненiю. Средняя ширина Днѣпра—отъ 280 до 400 саж. (600 — 850 метр.), но во время высокой воды онъ разливается во многихъ мѣстахъ верстъ на десять въ ширину: тогда онъ имѣетъ видъ моря въ движенiи; всѣ острова, всѣ песчаныя мели, вокругъ которыхъ рѣка дѣлилась на частные потоки, исчезаютъ подъ желтоватой водой; рукава мертвые, рукава живые, лужи, остающiяся обыкновенно послѣ спада воды въ прибрежныхъ равнинахъ,—все соединяется въ одну сплошную водную площадь, и воды, ненаходящiя мѣста въ долинѣ главной рѣки, уходятъ вправо и влѣво въ долины притоковъ, которыя также имѣютъ свои болота, свои наносныя мели, свои переплетающiяся сѣти рѣчекъ, текущихъ и стоячихъ. Желательно, чтобы украинцы, наученные бѣдствiями, которыя такъ часто случались на берегахъ большихъ рѣкъ во многихъ странахъ, съумѣли утилизировать аллювiальныя земли долины Днѣпра, не подвергая прибрежные города большей опасности, чѣмъ та, какой они подвержены въ настоящее время: чрезвычайный дебитъ рѣки, скорость теченiя, относительные размѣры рѣчнаго ложа при нормальномъ разливѣ и во время наводненiй — все должно быть заранѣе принято въ разсчетъ, чтобы избѣгнуть возможныхъ катастрофъ. Опасность наводненiй тѣмъ болѣе велика, что, вслѣдствiе истребленiя лѣсовъ, измѣненiя уровня воды въ Днѣпрѣ сдѣлались гораздо неправильнѣе, чѣмъ были прежде; перiоды маловодья стали продолжительнѣе, разливы выше и внезапнѣе.

Впрочемъ, низменныя равнины, затопляемыя широко разливающейся рѣкой, отличаются необычайнымъ плодородiемъ, и эти-то перiодически покрываемыя рѣчнымъ иломъ прибрежныя поля и подали Геродоту поводъ прославлять Борисѳенъ, какъ рѣку «самую полезную людямъ послѣ Нила». Плодородiе этихъ

---

[1]) Максимовъ, „Древняя и Новая Россiя", 1876 г., № 1.

[2]) Stuckenberg, „Hydrographie Russlands".

[3]) Шмидтъ, „Херсонская губернiя. Матерiалы для географiи и статистики Россiи".

наводняемыхъ низменностей зависитъ главнымъ образомъ отъ частицъ чернозема, приносимыхъ Днѣпромъ изъ вышележащихъ мѣстностей. Принося въ своемъ илѣ эти частицы плодородной земли, взятыя на сѣверныхъ берегахъ, Днѣпръ приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ область степей и растительность сѣвера: береза, любимое дерево русскихъ, ростетъ лѣсами и перелѣсками на берегахъ этой рѣки и на ея аллювіальныхъ островахъ, почти до самаго лимана. Но на обширныхъ пространствахъ эти затопленныя прибрежныя низменности, или плавни, которые могли бы прокармливать цѣлыя населенія, не производятъ нынѣ ничего, кромѣ жесткой травы, дающей грубое сѣно, да камыша, который прибрежные жители приходятъ рѣзать зимой, когда ледъ позволяетъ ходить по болотамъ, употребляя его какъ топливо и на постройки (крыши и изгородки); десятина хорошаго камыша даетъ въ настоящее время крестьянамъ столько же прибыли, какъ десятина лучшей пахатной земли. Плотно переплетающіеся, въ видѣ войлочной ткани, корни камышей, постепенно разростаясь, образуютъ, наконецъ, родъ ковра, который вода подмываетъ снизу, вырывая лежащій на днѣ песокъ; иногда островки тростника совершенно отдѣляются отъ нижней почвы и плывутъ по волѣ теченія, пока не остановятся на какой-нибудь отдаленной песчаной мели; въ 1845 году одинъ такой лѣсъ камышей, находившійся верстахъ въ 7 ниже Кременчуга, перемѣстился такимъ образомъ почти на 2 версты[1]).

Казалось бы, Днѣпръ, третья рѣка Европы по массѣ своихъ водъ, жизненная артерія района, населеннаго болѣе чѣмъ тринадцатью милліонами жителей, долженъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ водныхъ путей нашей части свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, онъ проходитъ послѣдовательно нѣсколько поясовъ различныхъ въ отношеніи климата, земледѣлія, гражданственности; изъ области лѣсовъ онъ переходитъ въ черноземную полосу, затѣмъ въ область голыхъ степей, соединяя такимъ образомъ населенія, различающіяся между собой нравами и нуждающіяся въ произведеніяхъ другъ друга. И дѣйствительно, со временъ древне-греческой колонизаціи Борисѳенъ былъ однимъ изъ главныхъ торговыхъ путей, исключая тѣхъ эпохъ, когда истребительныя войны останавливали всякое торговое движеніе; но важность этого естественнаго воднаго пути была во всѣ времена значительно умаляема существованіемъ пороговъ, которые прерываютъ во многихъ мѣстахъ теченіе рѣки и сильно затрудняютъ судоходство. Выше Кременчуга и впаденія большой рѣки Псёлъ, Днѣпръ имѣетъ уже болѣе 65 фут. (20 метр.) паденія на разстояніи 16 верстъ (17 кил.), и многіе пункты этой наклонной плоскости очень опасны для прохода судовъ. Но собственно пороги, тѣ знаменитые пороги, о которыхъ говорятъ византійскія и русскія хроники и пѣсни украинскихъ казаковъ, начинаются ниже Екатеринослава, у поворота, который Днѣпръ долженъ сдѣлать, чтобы прорѣзать гранитное плоскогорье, или такъ называемую Каменную гряду. Ряды гранитныхъ скалъ, образующіе эти пороги, тянутся по большей части черезъ всю рѣку, отъ одного берега до другаго, и вода, текущая по этимъ каменнымъ гребнямъ, имѣетъ въ лѣтнее время, среднимъ числомъ, не болѣе двухъ аршинъ ($1^1/_2$ метр.) толщины. Общій наклонъ рѣки въ области пороговъ, на протяженіи около 70 верстъ (75 кил.), составляетъ около 105 фут. (32 метр.), но нигдѣ нѣтъ водопада въ настоящемъ смыслѣ: самое сильное паденіе воды на порогахъ только немногимъ превышаетъ 6 сантиметровъ на 1 метръ (около 5 дюймовъ на 1 сажень). Тамъ и сямъ показываются побочные каскады; главная масса потока, скатывающаяся длинными волнами, гдѣ едва виднѣются полоски пѣны, также дѣлится на второстепенныя стремнины, которыя слѣдуютъ вдоль того или другаго берега. Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный упоминаетъ только о семи порогахъ, Бопланъ въ своей книгѣ «Description de l'Ukraine» описываетъ ихъ тринадцать, а въ наши дни мѣстные лоцманы насчитываютъ ихъ всего только девять[1]); но эти девять пороговъ, также какъ меньшіе, называемые заборами (ряды камней, пересѣкающіе большую или меньшую часть русла), состоятъ изъ сотенъ и тысячъ паденій воды. Видъ рѣки въ мѣстахъ пересѣченія ложа рядами гранитныхъ скалъ безпрестанно мѣняется: за наклонными плоскостями, по которымъ вода стремительно скатывается бурнымъ потокомъ, слѣдуютъ обширные, подобные озерамъ, бассейны, гдѣ успокоившаяся волна медленно кружится; промѣры дна въ этихъ бассейнахъ обнаружили глубины до 14 слишкомъ саженъ (30 м.). Ширина также сильно измѣняется: раздѣленная безчисленными подводными камнями, рѣка имѣетъ почти $1^2/_3$ версты (1.730 м.) въ ширину близъ самыхъ опасныхъ пороговъ, тогда какъ у «Волчьяго Горла», около конца пороговъ, берега сближаются до разстоянія 75 саж. (160 м.).

Небольшія суда спускаются черезъ пороги только весной во время половодья, которое продолжается, среднимъ числомъ, восемь недѣль; бываютъ даже такіе годы, когда судоходство оказывается совершенно невозможнымъ и въ періодъ весенняго разлива; что же касается судовъ большаго водоизмѣщенія, то всѣ они дол-

[1]) „Одесскій Вѣстникъ", № 72, за 1852 г.; Шмидтъ, выше цитированное сочиненіе.

[1]) Чужбинскій, „Поѣздка въ Южную Россію", I, Днѣпръ.

жны останавливаться въ Екатеринославѣ выше пороговъ и въ Александровскѣ ниже пороговъ. Прибрежныя деревни и въ особенности мѣстечко Лоцманская Каменка населены лодочниками и лоцманами, которые проводятъ суда и плоты въ поворотахъ фарватера; но какъ бы ни было велико искусство, хладнокровіе и опытность лоцмановъ, все-таки немалое число судовъ погибаетъ въ опасномъ переходѣ черезъ пороги. Изъ сотенъ барокъ, спускающихся по Днѣпру, ни одна не возвращается назадъ вверхъ по рѣкѣ: всѣ онѣ разбираются по прибытіи на мѣсто назначенія, въ Херсонѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ нижняго теченія, и продаются какъ строевой лѣсъ: въ этой-то формѣ мѣстности верхняго бассейна обыкновенно и доставляютъ строевой лѣсъ прибрежнымъ жителямъ низоваго Днѣпра; византійскіе писатели говорятъ, что кривичи примѣняли этотъ способъ лѣсной торговли съ самыхъ первыхъ временъ русской исторіи [1]). Уже болѣе ста лѣтъ, какъ стараются улучшить проходы черезъ Днѣпровскіе пороги при помощи взрыва подводныхъ скалъ, устройства каналовъ какъ среди самаго русла, такъ и обходныхъ; но всѣ эти работы до сихъ поръ не принесли почти никакой пользы, и пароходы, поднимающіеся изъ Екатеринослава вверхъ по рѣкѣ до Пинска на Припети, до Орши на верхнемъ Днѣпрѣ, до Брянска на Деснѣ, не могутъ еще переходить черезъ пороги, отдѣляющіе ихъ отъ нижняго Днѣпра и Чернаго моря. Другія рѣки полуденной Россіи, Южный Бугъ и Днѣстръ, равно какъ ихъ притоки, также имѣютъ пороги, въ мѣстѣ пересѣченія ими гранитнаго пояса или Каменной гряды; одинъ изъ малыхъ притоковъ Буга (черезъ р. Синюху) образуетъ даже вертикальный водопадъ высотою около 5 саженъ. Вообще нельзя не признать извѣстной доли правды въ замѣчаніи тѣхъ, которые утверждали, что рѣки степной полосы Россіи гораздо болѣе мѣшаютъ, чѣмъ благопріятствуютъ сообщеніямъ. Ихъ пороги и заборы задерживаютъ движенія судоходства изъ внутренности страны къ морю, тогда какъ ихъ широкое теченіе, высокіе, крутые скаты ихъ долинъ, грани ихъ береговъ препятствуютъ сухопутному сообщенію отъ востока къ западу, или отъ запада къ востоку, параллельно Черному морю [2]). Всѣ кочевые народы Азіи, для которыхъ степи служили естественной дорогой при движеніи въ Европу, были задерживаемы рѣками; близъ береговъ этихъ рѣкъ и происходили тѣ кровопролитныя столкновенія, которыя обращали всю страну въ обширную пустыню, въ «Дикое Поле».

Ниже пороговъ Днѣпръ, продолжая подтачивать основаніе утесовъ своего праваго берега, поворачиваетъ къ западу, оставляя влѣво бывшее озеро, «Великій Лугъ» запорожцевъ, гдѣ развѣтвляются воды во время наводненій и которое теперь представляетъ болото, разстилающееся на необозримое пространство. Здѣсь именно и на другихъ пунктахъ приморскаго Днѣпра ученые, истолковывая одно мѣсто у Геродота, хотѣли искать Геррусъ, древній рукавъ рѣки, который будто бы впадалъ въ Азовское море [1]); но до сихъ поръ не отыскано никакихъ слѣдовъ предполагаемаго рѣчнаго русла въ области степей, которыя возвышаются среднимъ числомъ отъ 328 до 656 фут. (100—200 м.) надъ уровнемъ моря. Днѣпръ не имѣетъ дельты, а лишь блуждающіе рукава, которые перемѣщаются въ рѣчномъ ложѣ, смотря по большему или меньшему обилію воды въ періодъ разлива, и которые изливаются въ лиманъ, или заливъ солоноватой воды, составляющій уже часть Понта Эвксинскаго, хотя песчаный баръ отдѣляетъ его на половину отъ открытаго моря: въ этомъ мѣстѣ съ большимъ трудомъ, при помощи землечерпательныхъ машинъ, поддерживаютъ судоходный фарватеръ для судовъ, имѣющихъ значительное водоуглубленіе. Лѣтомъ вода въ лиманѣ, который въ эту пору питается главнымъ образомъ морской волной, дѣлается до такой степени соленой, что прибрежные жители не могутъ употреблять ее; то же самое бываетъ и во время бурь; но обыкновенно, и особенно весной, вода изъ залива употребляется для всѣхъ домашнихъ надобностей, и скотъ пьетъ ее, повидимому, безъ всякаго вреда для здоровья. Впрочемъ, Днѣпръ — не единственный прѣсноводный потокъ, изливающійся въ лиманъ. Послѣдній принимаетъ въ себя, кромѣ того, Южный Бугъ (по-малороссійски Богъ), имя котораго, означающее «Богъ», вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ какому-нибудь забытому суевѣрію; это Гипанисъ древнихъ грековъ. Островъ Березань, который охраняетъ общій входъ въ лиманъ, куда впадаютъ Днѣпръ и Бугъ, имѣлъ въ старину важное значеніе. По прибытіи въ лиманъ, русскіе торговые люди, спустившіеся внизъ по рѣкѣ, не отваживались тотчасъ же пускаться въ открытое море на своихъ легкихъ баркахъ; утомленные продолжительнымъ путешествіемъ, они останавливались на этомъ островкѣ, чтобы починить свои суда и приготовить ихъ къ морскому плаванію.

Днѣстръ,—Тирасъ грековъ, Турла турокъ,— вообще говоря, можетъ быть разсматриваемъ въ среднемъ его теченіи какъ естественная этнографическая граница между русскими и румынами. Эта рѣка во многихъ отношеніяхъ имѣетъ сходство со своимъ могучимъ сосѣдомъ, Днѣпромъ. Подобно послѣднему, она беретъ свое начало въ области лѣсовъ, но выходѣ изъ

[1]) Карамзинъ, „Исторія Государства Россійскаго", т. 1.
[2]) Шмидтъ, „Херсонская губернія", выше цитированное сочиненіе.

[1]) Rennell, „Geography of Herodotus".

которой протекаетъ черезъ полосу чернозема, затѣмъ черезъ голыя степи и изливается въ лиманъ Чернаго моря; такъ же, какъ и Днѣпръ, она постепенно перемѣщается къ западу, подтачивая свой правый, высокій берегъ, и тоже прорѣзываетъ гранитные кряжи, образующіе на ней пороги; но русло ея, вообще говоря, гораздо глубже вырыто: оно почти вездѣ очень узко и покрыто очень толстымъ слоемъ воды, какъ и ложе Прута, рѣки параллельной Днѣстру и представляющей какъ бы воспроизведеніе послѣдняго въ нѣсколько уменьшенномъ размѣрѣ [1]). Разность высоты и объема жидкой массы между мелководьемъ и половодьемъ на Днѣстрѣ еще значительнѣе, чѣмъ на Днѣпрѣ: нѣкоторые изъ весеннихъ разливовъ перваго,

Днѣстръ. Видъ вблизи Могилева.

[1]) Kohl, „Reisen in Süd-Russland".

какъ, напримѣръ, разливы 1829, 1842, 1845 годовъ, были дотого сильны, что невѣжественные прибрежные жители обвиняли галиційскихъ австріяковъ, будто бы они спустили воды другой рѣки въ ту, которая затопила ихъ поля [1]. Днѣстръ развертываетъ нѣкоторыя части своей долины съ замѣчательной грандіозностью линій, а многочисленные притоки, соединяясь съ нимъ, какъ вѣтви со стволомъ дерева, придаютъ ему видъ развѣсистаго дуба; но въ цѣломъ Днѣстръ—одинъ изъ самыхъ извилистыхъ потоковъ земнаго шара: отъ устья Ягорлыка до моря разстояніе по прямой линіи всего только около 140 верстъ (147 кил.); съ извилинами же протяженіе рѣки въ этой части ея теченія достигаетъ 365 верстъ (390 кил.). Общая длина Днѣстра около 1.270 верстъ (1.350 кил.). Кромѣ того, рѣчное русло постоянно удлинняется на счетъ солоноватаго лимана, въ который изливаются его воды. Старый рукавъ, который соединялся съ лиманомъ у сѣверной оконечности этого залива, давно уже засорился, и теперь воды рѣки изливаются через боковой рукавъ, который впадаетъ въ заливъ на восточномъ его берегу, угрожая отдѣлить мало-по-малу отъ лимана сѣверную бухту, называемую по-татарски Кара-Голь, что́ значитъ «Черное озеро». Песчаные осадки, приносимые рѣкой, не могутъ быть увлекаемы теченіемъ въ море, потому что баръ, отдѣляющій Днѣстръ отъ Чернаго моря, очень близко подходитъ къ поверхности воды: только маленькія барки могутъ переходить черезъ этотъ порогъ, и всѣ товары, приходящіе изъ внутренности страны, должны быть перевозимы сухимъ путемъ въ Одессу.

Между рыбами Днѣстра, Днѣпра, Дуная есть много такихъ, которыя имѣютъ совершенно спеціальный характеръ и составляютъ особенную фауну, свойственную почти исключительно этимъ бассейнамъ. Чтобы объяснить ихъ происхожденіе, профессоръ Кесслеръ предполагаетъ, что цѣпь Балкановъ нѣкогда соединялась съ Таврическими горами и такимъ образомъ ограничивала обширный прѣсноводный бассейнъ, куда изливались рѣки полуденной Россіи. Изъ этихъ рыбъ днѣпровской фауны только двѣ встрѣчаются въ другихъ рѣкахъ, именно вершъ или Aspro vulgaris въ Ронѣ и Acerina rossica въ Дону [2].

Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ—единственныя судоходныя рѣки южной Россіи между Дунаемъ и Дономъ: только иногда, начиная съ половины апрѣля и въ маѣ мѣсяцѣ, низовые притоки этихъ рѣкъ бываютъ настолько многоводны, что по нимъ можно сплавлять бревна, гнать плоты и даже отправлять барки. Не такъ было двадцать-три столѣтія назадъ, если правда, что во времена Геродота эта страна, хотя «чрезвычайно бѣдная лѣсомъ [1]», была хорошо орошена, и что по ней протекали большія рѣки, «почти столь же многочисленныя, какъ каналы въ Египтѣ [2]». Въ наши дни степи южной Россіи обѣднѣли водами, высохли; даже если считать лиманы морскаго прибрежья, которые болѣе не питаются текучими водами, мы находимъ въ этой области лишь небольшое число рѣчныхъ руслъ. Геродотъ, самъ посѣтившій этотъ край, не могъ совершенно ошибаться относительно географіи страны; при томъ же, развѣ мы не видимъ слѣдовъ этихъ древнихъ, нынѣ высохшихъ рѣкъ, о которыхъ упоминаетъ греческій историкъ? Между Дунаемъ и Днѣстромъ, между Днѣстромъ и Южнымъ Бугомъ, рѣчныя долины слѣдуютъ одна за другой всѣ въ одномъ направленіи, оставаясь параллельными другъ другу, но эти рѣчныя долины не доходятъ уже до самаго моря: онѣ обсохли всецѣло или отчасти, и боковые овраги, впадающіе въ нихъ, наполняются водой только во время дождей.

Мѣстное преданіе повсюду указываетъ на обѣднѣніе страны въ отношеніи проточныхъ водъ. Существовавшія нѣкогда озера испарили свою воду до послѣдней капли, а солончаки постоянно увеличиваются, захватывая все болѣе и болѣе значительныя пространства. Во многихъ мѣстахъ жители говорятъ, что ихъ колодцы постепенно изсякли, и что вода въ нихъ сдѣлалась солоноватой: эти жители принуждены были забросить плодовые сады и огороды, прежде же они могли орошать ихъ чистой водой, имѣвшейся у нихъ къ изобиліи, и получали отличные урожаи. Рѣка Тилигулъ, воды которой нынѣ теряются въ лиманѣ того же имени, не будучи въ состояніи достигнуть моря, прежде приводила въ движеніе колеса пятнадцати мельницъ, большихъ и малыхъ, выше города Ананьева, а въ 1863 году изъ этихъ мельницъ существовала уже только одна, да и та обыкновенно должна была бездѣйствовать въпродолженіи части года. Самая рѣка утратила правильное теченіе и теперь представляетъ лишь неопредѣленный потокъ. Еще въ 1823 году Тилигулъ былъ изображенъ на одной военной картѣ какъ рѣка, соединяющіяся съ моремъ широкимъ устьемъ; теперь въ этомъ мѣстѣ проходитъ, по возвышенному перешейку, почтовая дорога изъ Николаева въ Одессу. Какъ объяснить эту увеличивающуюся соленость почвы степей? Истребленіе лѣсовъ на плоскихъ возвышенностяхъ, прибавляя обширныя, оголенныя простра́нства къ безлѣснымъ пространствамъ низменныхъ степей, не составляетъ ли, если не единственную, то по

[1] Шмидтъ, выше цитированное сочиненіе.

[2] Кесслеръ, „Russische Revue". № 4 1875; „Vergleichende Untersuchungen über die Fische des Schwarzen und des Kaspishen Meeres".

[1] Геродотъ, книга IV, стр. 61.

[2] Геродотъ, книга IV, стр. 47.

крайней мѣрѣ главную причину уменьшенія влажности и обсыханія равнинъ? Лишаясь деревьевъ, которыя служили ей кровомъ, земля стала быстро терять, путемъ испаренія, падающую изъ атмосферы дождевую и снѣговую воду; источники, питавшіе рѣки, иссякли, и текучія воды исчезли. Распашка полей, уничтожающая всякую растительность впродолженіи части года, еще болѣе усиливаетъ испареніе, выставляя оголенную почву дѣйствію солнечныхъ лучей и иссушающихъ вѣтровъ [1]). Какъ говоритъ одна мѣстная пословица: «когда приходитъ человѣкъ, вода уходитъ» [2]). Дожди приносятъ въ страну, среднимъ числомъ, отъ 35 до 40 сантиметровъ воды (количество выпадающей впродолженіи года дождевой воды составляетъ въ Одессѣ 0,365 метр., въ Николаевѣ 0,406 метр.); но такъ какъ эта вода не даетъ излишка, который бы стекалъ въ море, то изъ этого слѣдуетъ, что вся она цѣликомъ поглощается тощей растительностью почвы и теряется путемъ испаренія. Впрочемъ, это явленіе обѣдненія земли влажностью замѣчается на поясѣ гораздо болѣе обширномъ, чѣмъ степи полуденной Россіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія рѣчныя ложа Добруджи и Нижней Румыніи[3]), гдѣ теперь остались только лужи да маленькія озера. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что и Передняя Азія сдѣлалась болѣе сухой, болѣе бѣдной водами сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Въ наши дни источники вовсе не встрѣчаются на поверхности степей, сосѣднихъ съ Чернымъ моремъ; только тамъ и сямъ ихъ замѣнили лужи, гдѣ стоитъ вода въ дождливые мѣсяцы и гдѣ ростутъ камыши да болотныя травы. Въ другихъ мѣстахъ, извѣстныхъ въ краѣ подъ именемъ падовъ, вода не скопляется въ видѣ лужъ, но влажность почвы достаточна, чтобы постоянно поддерживать растительность, состоящую изъ густой травы; и когда лѣтняя жара выжжетъ весь дернъ равнинъ, эти низины, еще неспаленныя солнцемъ, пріятно ласкаютъ взоръ зеленью своихъ луговъ; колодцы, вырытые на глубинѣ отъ 7 до 10 саженъ въ самыхъ низкихъ мѣстахъ этихъ падовъ и примѣтные издалека своими вытянувшимися къ небу «журавлями», даютъ горькую воду, негодную для людей, но которую можетъ пить скотъ. Ближе къ морю тоже встрѣчается множество впадинъ почвы, гдѣ вода, находящаяся въ глубинахъ, образуетъ соляные налеты: кристаллы соли, смѣшанные съ грязью, покрываютъ поверхность этихъ бывшихъ лужъ и придаютъ ей сѣроватый оттѣнокъ [1]).

Такимъ образомъ, лишенные воды для себя и для скота, жители не могутъ селиться на возвышенной равнинѣ степей: они по необходимости должны были строить свои деревни по берегамъ маленькихъ озеръ или прудовъ, часто совершенно высыхающихъ, въ долинахъ, гдѣ еще просачивается хоть немного влаги и гдѣ дождевая вода скопляется въ видѣ временныхъ лужъ. Вотъ причина, почему селенія въ тѣхъ мѣстахъ имѣютъ такую странную форму; они представляютъ одну непрерывную улицу, которая тянется на нѣсколько верстъ въ длину, перемѣняя названіе черезъ извѣстные промежутки, тамъ, гдѣ кончается одна деревня и начинается другая. Путешественникъ, ѣдущій по степному плоскогорью, не видитъ этихъ деревень, пока не подъѣдетъ къ краю крутаго, голаго обрыва террасы; тутъ онъ вдругъ замѣчаетъ внизу, на глубинѣ отъ 12 до 25 саженъ, дома, деревья и пашни, наполняющіе родъ большаго извилистаго рва, который развертывается излучинами, какъ рѣка. При проливныхъ дождяхъ, пересохшія рѣчки возобновляютъ на-время свое теченіе и грозятъ снести деревни, построенныя на днѣ овраговъ. Въ этихъ случаяхъ и самое плоскогоріе быстро размывается водой, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно состоитъ изъ рыхлой земли. Овраги или, по мѣстному названію, балки расширяются и развѣтвляются съ той и другой стороны на второстепенные овраги, изъ которыхъ землистыя частицы уносятся дождевыми потоками далеко на берега рѣкъ или на берега лимановъ. Такимъ образомъ, дожди постепенно сносятъ съ поверхности слой почвы толщиною отъ 30 до 65 футовъ; милліоны кубическихъ аршинъ земли уносятся каждый годъ, и не дѣлается ни малѣйшаго усилія, чтобы остановить дѣло разрушенія. Случалось, что ливни, продолжающіеся всего какой-нибудь часъ, совершенно разрушали дороги на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ саженъ [2]). На западной сторонѣ Днѣпра, въ области гранитныхъ формацій, медленный процессъ размыванія почвы дождевыми водами также имѣлъ слѣдствіемъ образованіе овраговъ, въ которыхъ тоже пріютились селенія; но тамъ овраги обрывистѣе, не такъ широки и не такъ глубоко врѣзываются въ почву, какъ на восточной сторонѣ.

Изъ всѣхъ лимановъ, которые принимаютъ въ себя воды, стекающія изъ внутренности страны, и которые сами суть не что иное, какъ древніе овраги, вырытые текучими водами, на что указываетъ ихъ удлиненная и извилистая форма, только два, между Днѣстромъ и Дунаемъ, сохранили постоянное сообщеніе съ моремъ,

---

[1]) Многими изслѣдователями (особенно мюнхенскаго проф. Wollny) доказано, что голая почва (напр. подъ чернымъ паромъ) испаряетъ воды значительно меньше, чѣмъ почва, покрытая растительностью. Ред.

[2]) Шмидтъ, „Херсонская губернія“, выше цитированное сочиненіе.

[3]) Kanitz, „Donau-Bulgarien und die Balkanen“.

[1]) Шмидтъ, выше цитированное сочиненіе.

[2]) J. G. Kohl, „Beiträge zur Kenntniss des Inneren Russlands“.

именно: Березанскій, въ небольшомъ разстояніи къ западу отъ Очакова, и Днѣпровскій. Съ начала нынѣшняго столѣтія протоки, или гирла («гирло»—то же самое слово, что и «горло» у великоруссовъ) многихъ другихъ заливовъ замкнулись. Озеро Тилигулъ, которое уже въ семнадцатомъ столѣтіи было отдѣлено отъ моря [1]), впослѣдствіи опять сдѣлалось заливомъ; еще въ 1823 году оно было соединено съ моремъ широкимъ устьемъ, черезъ которое должны были построить мостъ для почтовой дороги. Точно также два лимана Аджалинскіе имѣли протоки, черезъ которые морская вода входила и выходила попеременно, смотря по направленію атмосферныхъ теченій. Наконецъ, хотя лиманъ Хаджи-Бей, бывшій портъ литовцевъ на Черномъ морѣ, остававшійся еще открытымъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, совершенно отдѣлился отъ одесскаго рейда въ 1823 году, однако и послѣ того два небольшія озера, лежащія на береговомъ песчаномъ поясѣ или пересыпи, еще сообщались свободно съ морскими водами. На юго-западѣ плоскій берегъ, длиною около 50 верстъ, ограничивающій соляныя озера: Бурнасъ, Алибей, Чаганы, Кундукъ, прорывается водами только въ одномъ пунктѣ, положеніе котораго мѣняется, смотря по обилію дождей и силѣ вѣтровъ.

Работы человѣка способствовали укрѣпленію нѣкоторой части этихъ естественныхъ плотинъ и замыканію протоковъ или гирлъ, въ особенности сооруженіе каменнаго вала для защиты шоссе изъ Николаева въ Одессу отъ морскихъ волнъ; но напоръ внутреннихъ водъ нигдѣ не возстановилъ прежнихъ каналовъ сообщенія. Нѣкоторые ученые полагали, что образованіе этихъ преградъ происходитъ вслѣдствіе общаго поднятія морскаго берега; однако, въ виду отсутствія точныхъ измѣреній на какихъ-либо опредѣленныхъ пунктахъ прибрежья, было бы безполезно вдаваться въ разборъ этой гипотезы, ибо если прѣсныя воды не имѣютъ болѣе силы открыть себѣ дорогу къ морю, то морскія волны легко могли воздвигнуть береговой кордонъ, который вѣтры впослѣдствіи постепенно подняли, наносомъ песку, до высоты сажени и даже двухъ саженъ. Тамъ и сямъ возвышаются дюны или, по-мѣстному, кучугуры, которыя морской вѣтеръ передвигаетъ съ мѣста на мѣсто, а иногда гонитъ даже на воздѣланныя земли, если жители не позаботились оградить растительность отъ нашествія этихъ песчаныхъ бугровъ и если скоту дозволяется свободно бродить по нимъ.

Послѣ засухъ, поверхность воды въ замкнутыхъ бассейнахъ лимановъ бываетъ ниже уровня Чернаго моря: тогда они представляютъ «мертвыя моря» въ миніатюрѣ. Весной уровень ихъ поднимается, и соленость уменьшается, по

[1]) Beauplan, „Description de l'Ukraine".

причинѣ прилива прѣсныхъ водъ; но во многихъ отношеніяхъ эти заливы все еще походятъ на море, отъ котораго они недавно отдѣлились. Ночью воды ихъ свѣтятся у береговъ фосфорическимъ блескомъ; красныя солянки (Salsola) и другія солончатыя растенія растутъ на окружающихъ меляхъ, а на выступившихъ изъ-подъ воды берегахъ жители собираютъ соль. Лиманъ Кундукъ, на Бессарабскомъ берегу, между устьями Дуная и Днѣстра, даетъ каждый годъ значительное количество соли; въ 1826 году, который считается однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ, на трехъ главныхъ лиманахъ Бессарабіи было добыто 96.000 тоннъ (600.000 пуд. соли [1]). Но на западѣ другіе лиманы: Катлабухъ, Ялпухъ, Кагулъ, которые прежде тоже были морскими заливами, давно уже перестали быть солеными бассейнами: вода въ нихъ сдѣлалась совершенно прѣсной. Происхожденіе этихъ прѣсноводныхъ лимановъ объясняется тѣмъ, что они уже цѣлыя тысячелѣтія отдѣлены отъ моря постоянно накоплявшимися наносами Дуная, и въ этотъ длинный періодъ могли избавиться мало-по-малу отъ всѣхъ своихъ соляныхъ частицъ; тѣмъ не менѣе, и эти бассейны представляютъ отрывки моря, такъ сказать, вкрапленные въ земли континента, какъ насѣкомыя вкраплены въ куски окаменѣлой смолы, называемой янтаремъ. Лиманы, какъ соленые, такъ и прѣсноводные, принадлежатъ къ одной и той же формаціи въ новѣйшей геологической исторіи. И тѣ, и другіе равно были заперты двойнымъ «валомъ Траяна», воздвигнутымъ римлянами къ сѣверу отъ дельты Дуная.

Нѣкоторые изъ прибрежныхъ бассейновъ соленой воды, какъ говорятъ, были прежде настолько глубоки, что по нимъ могли плавать даже линейные корабли; да и самое названіе «лиманъ», означающее по-татарски «гавань», повидимому, указываетъ на то, что эти бассейны еще въ эпоху довольно близкую къ намъ служили мѣстомъ убѣжища судамъ. Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія лиманъ Тилигулъ имѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 8 до 9 саженъ глубины. Но легко понять, что эти прибрежныя озера или лагуны, отдѣленныя отъ моря и постоянно получающія землистыя частицы, которыя приносятся вѣтромъ и теченіемъ впадающихъ въ нихъ ручьевъ, неизбѣжно должны въ концѣ-концовъ обмелѣть и засориться. И, дѣйствительно, между лиманами Тилигульскимъ и Березанскимъ можно видѣть одинъ изъ этихъ бывшихъ заливовъ, изъ котораго вода уже совершенно исчезла: теперь это не болѣе, какъ солончакъ, откуда и произошло его татарское названіе Тузла. Рыбы не могутъ жить въ лиманахъ по причинѣ частыхъ измѣненій въ степени солености и температурѣ водъ; но тамъ находятъ кольчатыхъ и кое-какихъ ракообраз-

[1]) I. G. Kohl, „Reisen in Süd-Russland".

ныхъ животныхъ, даже нѣкоторые особенные, исключительно имъ свойственные виды, описанные Нордманомъ и Мильнъ-Эдвардсомъ. Берега этихъ озеръ очень нездоровы осенью, такъ что иногда жители цѣлой деревни заболѣваютъ подъ вліяніемъ вѣтра, приносящаго міазмы; но въ другихъ мѣстахъ грязи лимановъ, испещренныя безчисленными водорослями, которыя распространяютъ пріятный запахъ, напоминающій запахъ фіалокъ, очень рекомендуются для леченія нѣкоторыхъ болѣзней: паціенты погружаются въ нихъ въ тѣ часы, когда эта тина разогрѣта лѣтнимъ солнцемъ. Чтобы довести эти цѣлебныя грязи до возможно высокой температуры, ихъ защищаютъ отъ вѣтра стеклянными стѣнами, черезъ которыя проходятъ солнечные лучи: въ этихъ клѣткахъ грязь достигаетъ иногда 35 и даже 38 градусовъ стоградуснаго термометра [1]).

Морскіе берега южной Россіи отличаются замѣчательной правильностью очертаній. Степь оканчивается на Черномъ морѣ крутымъ, обрывистымъ скатомъ, окаймленнымъ узкимъ плоскимъ берегомъ; эти крутизны соединяются одна съ другой, при выходѣ лимановъ, косами прямыми или слегка изогнутыми, форма которыхъ указываетъ точнымъ образомъ силу волнъ морской зыби и направленіе береговыхъ теченій. Въ особенности на югѣ Днѣпровскаго лимана плоскіе берега развертываются линіями изумительной правильности. Отъ Кинбурнской косы до Длиннаго острова морской берегъ, продолжаясь отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, оканчиваетъ твердую землю полуострова выгнутой кривой, тогда какъ напротивъ, по другую сторону мелководнаго залива, выступаетъ, въ формѣ крючка удочки, внѣшній берегъ Тендерской косы, возвышающейся надъ поверхностью морскихъ водъ на протяженіи около 125 верстъ, отъ Перекопскаго залива до Одесскаго. Разсматривая на картѣ очертаніе этихъ песчаныхъ береговъ, воздвигнутыхъ мало-помалу прибоемъ волнъ, видишь, такъ сказать, самое теченіе, которое слѣдуетъ вдоль береговаго пояса суши отъ востока къ западу, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверъ и загибается въ видѣ боковой струи, чтобы послѣ того снова продолжать свое движеніе по направленію къ западу и далѣе къ юго-западу до устьевъ Дуная и къ Босфору. Эта Тендерская коса, которая образуетъ какъ бы двойной берегъ континента, была по преимуществу «Ахилловымъ ристалищемъ»: тамъ, какъ на всѣхъ естественныхъ береговыхъ плотинахъ такого же образованія, греческіе мореходы нерѣдко воображали себѣ героя, скачущаго въ колесницѣ, запряженной быстроногими конями и обрызганнаго пѣной морскихъ волнъ. По берегамъ своего залива, или лимана, Борисѳенъ принадлежалъ уже къ эллинскому міру, слишкомъ за десять столѣтій до той эпохи, когда область его истоковъ вышла изъ мрака неизвѣстности. Въ эпическія времена безпрестанныхъ войнъ между казаками и турками эти берега были свидѣтелями многихъ ожесточенныхъ битвъ. Тамъ, близъ острова Тендра, останавливались запорожцы, на возвратномъ пути изъ своихъ морскихъ экспедицій; то была первая русская почва, на которую ступали освобожденные изъ неволи плѣнники [1]); но тамъ же, по близости, поджидали казаковъ мусульманскія галеры: боевыя схватки происходили на мелкихъ водахъ залива, волна окрашивалась человѣческой кровью, и пѣна проводила красныя полосы на желтомъ пескѣ.

¹) Шмидтъ, „Херсонская губернія", выше цитированное сочиненіе.

VII. Верхній Днѣпръ, бассейнъ Припети.

Бѣлоруссія, Полѣсье, Волынь.

Почти вся страна, гдѣ соединяются первые притоки Днѣпра, населена теперь бѣлоруссами, потомками древнихъ кривичей смоленскихъ и дреговичей, или «жителей трясинъ». Они занимаютъ почти все пространство, заключенное между рѣками Сожъ на востокѣ и Припеть на юго-западѣ, и населяютъ, кромѣ того, область водораздѣльныхъ возвышенностей на сѣверѣ и западѣ, съ верхними долинами Нѣмана и Западной Двины. Территорія ихъ обнимаетъ около 242.000 квадр. верстъ (275 т. кв. кил.), то-есть поверхность болѣе значительную, чѣмъ половина Франціи; но это пространство еще слабо населено: бѣлоруссовъ насчитывается всего только около 3.600.000 душъ [2]).

Прозвище «бѣлые», которое, впрочемъ, было примѣняемо также къ жителямъ Московскаго государства, въ смыслѣ «свободныхъ», въ эпоху, когда они освободились отъ монгольскаго ига, принадлежитъ спеціально верхнеднѣпровскимъ русскимъ только съ конца четырнадцатаго столѣтія. Это наименованіе, которое поляки употребляли для всѣхъ своихъ литовскихъ владѣній, завоеванныхъ у москвитянъ, было впослѣдствіи понимаемо въ смыслѣ гораздо болѣе ограниченномъ: Екатерина II дала названіе Бѣлоруссіи нынѣшнимъ губерніямъ Витебской и Могилевской, которыя достались Россіи по первому раздѣлу Польши, тогда какъ императоръ Николай I уничтожилъ названіе «бѣлорусскихъ» губерній и запретилъ употреблять его [3]). Лишенное нынѣ политическаго значенія, это наименованіе имѣетъ цѣну

¹) Антоновичъ и Драгомановъ, „Историческія пѣсни малорусскаго народа", I.

²) По Риттиху, число бѣлоруссовъ въ 1878 г. простиралось до 5.594.000 душъ. Ред.

³) „Города Россійской Имперіи"; III, Могилевъ. Изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

лишь съ этнологической точки зрѣнія. Бѣлоруссы, отличаясь по языку какъ отъ поляковъ, такъ отъ малороссіянъ и великороссіянъ, представляютъ, однако, поразительныя аналогіи съ тѣми и другими по нравамъ и языку; быть можетъ, у нихъ-то изслѣдователи скорѣе всего найдутъ черты, которыя позволятъ установить окончательно степени родства между различными народностями восточнаго славянства [1]). Что касается эпитета «бѣлые», который принадлежитъ имъ уже около пяти сотъ лѣтъ, то неизвѣстно, означало ли первоначально это наименованіе то, что нація, управляемая въ то время государями литовской династіи, стала свободна, «обѣлилась» отъ господства монголовъ, или, можетъ быть, въ немъ нужно видѣть намекъ на цвѣтъ ихъ костюма. Эта послѣдняя гипотеза, общепринятая, считается болѣе вѣроятной на томъ основаніи, что такъ называемые «черноруссы», жители Черной Руси (области между верхней Припетью и Нѣманомъ, обнимающей восточные уѣзды нынѣшней Гродненской губерніи и сосѣдніе Минской), которые составляютъ этнографическій переходъ отъ малороссовъ къ бѣлоруссамъ, отличаются отъ послѣднихъ именно темными цвѣтами ихъ одежды.

Съ перваго взгляда казалось бы, что центральная часть страны, населенной нынѣ бѣлоруссами, должна была получить огромную важность въ исторіи континента. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, между верхними притоками Нѣмана и верхними притоками Днѣпра, проходитъ кратчайшая дорога между морями Чернымъ и Балтійскимъ: нужно было бы ожидать, что большая торговая дорога пересѣчетъ въ этомъ мѣстѣ пути странствованія народовъ, переселявшихся съ востока на западъ, или шедшихъ въ обратномъ направленіи. Но эта область, столь привилегированная по своему географическому положенію, была нѣкогда защищена многочисленными болотами, озерами, наполовину затопленными лѣсами: въ этой-то странѣ грязь была «пятой стихіей», по выраженію Наполеона I. Вѣроятно, Бѣлая Русь въ древности была совершенно необитаема: большіе историческіе пути проходили вправо и влѣво отъ этихъ болотистыхъ, залитыхъ водою земель, съ одной стороны—черезъ Ловать и Волховъ, съ другой—черезъ Бугъ Западный и Южный, или черезъ Днѣстръ и Вислу. Этнографическая граница во многихъ мѣстахъ обозначена болотами: тамъ, гдѣ начинаются болотистыя пространства, останавливаются поселенія великоруссовъ и литовцевъ, чтобы уступить мѣсто земноводной народности—бѣлоруссамъ; однако, малоруссы проникли далеко въ глубь болотъ съ южной стороны. Когда бѣлоруссы поселились въ болотистыхъ пустыняхъ Припети и Березины, они не имѣли передъ собой другихъ враговъ, кромѣ самой природы, но эта борьба съ природой была тяжела, и мы знаемъ, что она продолжается понынѣ.

Могильные курганы и укрѣпленныя становища или городища, чрезвычайно многочисленны въ Бѣлоруссіи, вдоль Днѣпра и на естественныхъ путяхъ перехода, ведущихъ къ Балтійскому морю. Въ одномъ только Бобруйскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, насчитали 3.931 древнюю могилу; а во всей губерніи, ихъ наберется до 15.000 и болѣе 200 укрѣпленныхъ становищъ [1]). Различные предметы, найденные при раскопкахъ, свидѣтельствуютъ о древности этихъ могилъ, и даже утверждали—кажется, ошибочно—будто былъ открытъ одинъ памятникъ прохожденія древнихъ финикіянъ черезъ эти мѣста. На юго-западъ отъ Смоленска, по направленію къ Могилеву, возвышался каменный бугоръ, который мѣстные крестьяне частію разрушили, извлекая камень для хозяйственныхъ надобностей. Эта горка, сплошь состоящая изъ сложенныхъ эрратическихъ валуновъ, оканчивалась на верху камнемъ болѣе значительныхъ размѣровъ, чѣмъ другіе, на которомъ черезчуръ усердные археологи усмотрѣли финикійскую надпись въ честь бога Ваала [2]). Что касается туземцевъ, то они не забираются такъ далеко въ глубь прошедшихъ временъ; по ихъ словамъ, городища были еще обитаемы въ семнадцатомъ столѣтіи, и были покинуты только во время страшныхъ войнъ между поляками и Москвою, которыя опустошили тогда эту область.

Къ какой бы эпохѣ ни относилось сооруженіе могильныхъ кургановъ и городищъ Бѣлоруссіи, несомнѣнно то, что большая часть этой страны была слишкомъ мало доступна, чтобы могла быть обитаема въ давнія времена. Полагаютъ, что славянская колонизація распространялась постепенно вверхъ по Днѣпру и его притокамъ, и географическія имена подтверждаютъ эту гипотезу. Можно прослѣдить, въ направленіи съ юга на сѣверъ, слѣды славянскихъ поселенцевъ по наименованіямъ рѣкъ, которыя они должны были переходить, по именамъ деревень, которыя были ими основаны. Такъ, они дали Деснѣ названіе «Правой» (хотя эта рѣка—лѣвый притокъ Днѣпра), потому что она находилась по правую руку на пути ихъ переселенія; точно также нѣкоторыя рѣки, впадающія въ Днѣпръ съ правой стороны, получили отъ нихъ наименованіе Шуи или Шуйки, то-есть «Лѣвой». Кромѣ того, въ ихъ странѣ встрѣчается множество названій мѣстъ, какъ напримѣръ: Залучье (т. е. мѣстность за лукой рѣки), Заузье (за узкимъ проходомъ), Заозерье (за озеромъ), Забужье (за

[1]) Драгомановъ, „Рукописныя замѣтки".

[1]) Максимовъ, „Древняя и Новая Россія," за 1876 г., №7.
[2]) H. Wankel, „Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien," VI, №5.

р. Бугомъ), Заплавье (за потоками), Заполокъ (за нагорьемъ), Заболотье (за болотами); названія эти также указываютъ направленіе, по которому совершалось колонизаціонное движеніе [1]). Но въ то же время бѣлоруссы имѣютъ слишкомъ большое сходство со своими западными сосѣдями, поляками, чтобы не существовало также колонизаціоннаго движенія, направлявшагося съ запада на востокъ: хроника Нестора даже сохранила намъ преданіе объ этомъ движеніи населенія въ бассейнъ верхняго Днѣпра; потоки колонизаціи должны были встрѣчаться въ этихъ необитаемыхъ областяхъ, за исключеніемъ, можетъ быть, верхняго бассейна Западной Двины, гдѣ жили латышскія племена. Между деревнями есть много такихъ, названіе которыхъ доказываетъ, что онѣ первоначально служили мѣстопребываніемъ только одной семьѣ: въ огромномъ пространствѣ каждая группа могла выбрать себѣ для жительства особенный холмъ, особенную гряду эрратическихъ камней, или островную скалу. При томъ ни одного финскаго имени, которыхъ такъ много существуетъ на востокѣ и на сѣверѣ отъ Бѣлоруссіи, не встрѣчается между названіями мѣстъ этого края. Изъ этого факта заключаютъ, что бѣлоруссы истинные «аборигены» страны, и это одна изъ причинъ, которыя придаютъ такой интересъ нравамъ этого народа и его преданіямъ, сохранившимся до нашихъ дней.

Слѣды культа водъ еще многочисленны въ бѣлорусскомъ краѣ; нѣкоторые ключи до сихъ поръ посѣщаются поклонниками, которые приходятъ просить у нихъ здоровья, бросая копейки на дно родника. Деревья, особенно сосны и березы, все еще почитаются бѣлоруссами; въ честь ихъ совершаются даже празднества, которыми руководитъ самая молодая изъ мѣстныхъ дѣвушекъ. Щепки, оторванныя отъ дерева громомъ, тщательно хранятся въ жилищахъ, какъ талисманы; когда крестьяне переселяются изъ одного дома въ другой, они всегда переносятъ на новый очагъ головни со стараго пепелища. Бѣлоруссы не забываютъ своихъ покойниковъ и справляютъ по нимъ поминки [2]); они даже носятъ яства на могилки и на развалины разрушенныхъ церквей [3]). Въ то время, какъ держались языческія суевѣрія, еще неосвященныя обрядами христіанской церкви,—рутина земледѣлія, совершенно первобытнаго, не могла измѣниться. Хлѣбъ, бросаемый въ землю, родится среднимъ числомъ не болѣе самъ-третей, и нельзя достаточно надивиться безропотной покорности судьбѣ, обнаруживаемой бѣлорусскимъ крестьяниномъ; ему угрожаетъ голодъ, и онъ, несмотря на то, зарываетъ въ землю свои послѣдніе остатки пропитанія, повторяя поговорку: «жди смерти, но сѣй свое зерно!», и заклиная бога холода (Морозъ) какими-нибудь приношеніями: «приходи, ѣшь, только не трогай нашихъ хлѣбовъ» [1]). Употребляемый въ Бѣлоруссіи способъ молотьбы, вѣроятно, единственный въ Европѣ: молодая дѣвушка держитъ въ одной рукѣ пукъ сжатаго хлѣба, а другой выбиваетъ колосья надъ выдолбленнымъ бревномъ или колодой, потомъ подбираетъ зерно, разсыпавшееся по землѣ. Понятно, какъ часты должны быть неурожаи и голодовки, какъ велика должна быть бѣдность въ этомъ краѣ! Бѣлорусскія хаты, которыя по большей части сгруппированы не въ деревни, а въ маленькіе поселки, почти всегда въ такомъ же жалкомъ, полуразвалившемся видѣ, такъ же невзрачны и лишены всякихъ украшеній, какъ самыя убогія избушки въ лѣсахъ по берегамъ Бѣлаго моря; свиньи занимаютъ въ нихъ почетное мѣсто, какъ въ ирландскихъ лачугахъ. Крестьяне отдаютъ своихъ дѣтей изъ-за одного только хлѣба въ услуженіе къ шляхтичамъ или мелкопомѣстнымъ землевладѣльцамъ. Истощенные крайней бѣдностью, ослабленные, сверхъ того, нездоровымъ климатомъ, бѣлоруссы часто подверждены болѣзнямъ; процентъ немощныхъ весьма значителенъ между ними; они почти всегда старѣются раньше времени; тѣмъ не менѣе типъ ихъ едва-ли не самый правильный изъ всѣхъ типовъ русскаго населенія. Домашній скотъ ихъ отъ плохаго корма и ухода выродился, сдѣлался слабосильнымъ; исчисляютъ, что бѣлорусская рабочая лошадь можетъ везти не болѣе 10 пудовъ. Видя общую бѣдность бѣлоруссовъ, можно ли удивляться тому, что они имѣютъ вялый и унылый видъ, что они безпечны, скупы, негостепріимны?! Но въ семьѣ они очень нѣжны и ласковы; деспотизмъ отца проявляется у нихъ въ меньшей степени, чѣмъ въ Великороссіи. Пѣсни бѣлоруссовъ изобилуютъ выраженіями нѣжности [2]). Въ свадебныхъ пѣсняхъ, которыя у бѣлоруссовъ такъ же многочисленны, какъ и у ихъ сосѣдей, великороссіянъ и малороссіянъ, встрѣчаются обрядовыя формулы, доказывающія, что въ старину бракъ совершался путемъ похищенія или выкупа невѣсты, но теперь это не болѣе какъ слова, давно утратившія смыслъ или въ которыхъ нужно видѣть простую шутку. Ни въ одной изъ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсенъ невѣста не испытываетъ страха великорусской дѣвушки, отдаваемой государемъ-батюшкой и государыней - матушкой чужому, о которомъ она никогда не думала; а когда произносятъ старинныя формулы о плеткѣ, переходящей изъ рукъ отца въ руки мужа, бѣлорусскій сва-

---

[1]) Максимовъ, выше цитированное сочиненіе.
[2]) Мицкевичъ, поэма „Dziady“.
[3]) Киркоръ, „Этнографическій сборникъ“, III; Носовичъ, „Народныя пѣсни Бѣлоруссіи“.

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. I.
[2]) Шеннъ, „Бѣлорусскія пѣсни“.

дебный хоръ отвѣчаетъ насмѣшливой пѣсней. Видно, что свободный выборъ составляетъ довольно частое явленіе у бѣлоруссовъ и что приданое, приносимое невѣстой, не играетъ большой роли у этихъ бѣдняковъ. «Не бери въ жены ту, которая покрыта золотомъ, говорить хоръ,—бери ту, которая богата умомъразумомъ!» Народная поэзія бѣлоруссовъ, еще очень мало изученная, какъ кажется, представляетъ въ цѣломъ отличительныя черты поэзіи народа наивнаго, цѣломудреннаго, простосердечнаго, добродушнаго, но павшаго матеріально, обездоленнаго: въ періодъ съ четырнадцатаго столѣтія по шестнадцатое онъ имѣлъ цвѣтущіе города, производившіе обширную торговлю съ Ригой и съ другими балтійскими портами, и принималъ значительное участіе въ реформаціонномъ движеніи. Бѣлорусскій народъ видѣлъ на своемъ вѣку лучшіе дни. Идеи независимости не чужды ему, если судить по выраженіямъ враждебнаго чувства къ панамъ, которыя встрѣчаются въ его пѣсняхъ; человѣкъ, всего болѣе возбуждающій удивленіе бѣлорусса,—это вольный казакъ. Оттого-то болѣе трети бѣлорусскихъ пѣсенъ заимствованы у малороссіянъ, и только небольшое число ихъ перешло изъ Великороссіи, съ которою, однако, всего чаще бывалъ обмѣнъ колонизаціи.

Бѣлоруссы долгое время были крѣпостными на земляхъ крупныхъ помѣщиковъ и, естественно, должны были усвоить пороки, которые всегда прививаются рабствомъ. Польскій феодализмъ давилъ ихъ тяжелымъ гнетомъ, и на ихъ территоріи бывали самыя страшныя рѣзни и опустошенія всякаго рода; въ эпоху войнъ семнадцатаго столѣтія, казаки, москвитяне и русскіе проходили поочередно разрушителями по краю, выжигали каждый разъ деревни и посѣвы, грабя и разоряя зáмки и монастыри. Это было время всеобщаго разрушенія, «руины»,—слово латинское, которое перешло въ языкъ поляковъ и западныхъ русскихъ и которое теперь еще всё повторяютъ съ ужасомъ. Истребленныя огнемъ селенія скоро вновь отстраивались; но они—такія же убогія и неприглядныя, какими были до пожаровъ; города, соединенные отнынѣ одинъ съ другимъ удобными путями сообщенія, обогащаемые торговлей и промышленностью, опять сдѣлались многолюдными; на главныхъ улицахъ ихъ, въ центральныхъ кварталахъ, тамъ и сямъ высятся, среди деревянныхъ домиковъ, большія каменныя зданія; но большая часть старыхъ зáмковъ и другихъ обширныхъ строеній, которые служили коллегіями и академіями іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ, остались въ развалинахъ, украшая окружающую мѣстность своими живописными обломками. Во время совершавшихся въ ту эпоху политическихъ и соціальныхъ перемѣнъ евреи успѣли сдѣлаться единственными посредниками торговаго обмѣна: можно сказать, что сошедшее съ прежней дороги расшатанное общество снова пошло по жизненному пути при ихъ посредствѣ и къ ихъ личной выгодѣ. Таковъ былъ, со временъ «руины», капитальный фактъ исторіи Бѣлоруссіи. Въ теченіе нынѣшняго столѣтія большое число прежнихъ польскихъ землевладѣльцевъ было лишено ихъ имѣній и замѣнено русскими помѣщиками; крѣпостная зависимость, барщина, уступила мѣсто вольному труду, съ обязательствомъ выкупа земель; но переворотъ въ этомъ отношеніи далеко еще нельзя назвать полнымъ. Крупная земельная собственность все еще болѣе значительна въ этомъ краѣ, чѣмъ во всѣхъ губерніяхъ центральной Россіи (средняя величина дворянскихъ имѣній въ Минской губерніи 2.356, въ Волынской 1.595, въ Могилевской 1.142 десятины); помѣщики во всѣхъ западныхъ губерніяхъ владѣютъ 63 процентами пахатныхъ земель [1]), тогда какъ тысячи семей хлѣбопашцевъ не получили земли, или получили участки слишкомъ маленькіе или слишкомъ безплодные для своего прокормленія. Можно сказать, что въ среднемъ выводѣ надѣлы, доставшіеся крестьянамъ, достаточны только для того, чтобы доставить имъ строго необходимое пропитаніе; деньги же, потребныя для удовлетворенія другихъ ихъ нуждъ, могутъ быть пріобрѣтаемы не иначе, какъ работой, плохо оплачиваемой, на земляхъ помѣщиковъ [2]). Евреи по-прежнему остаются услужливыми заимодавцами всѣхъ и каждаго, господъ и освобожденныхъ крѣпостныхъ, горожанъ и поселянъ, и уже во многихъ мѣстностяхъ вся земля перешла въ ихъ руки. Какъ граборы или землекопы, для рытья канавъ и для земляныхъ работъ на желѣзныхъ дорогахъ, бѣлоруссы играютъ въ Россіи ту же роль, какъ ирландцы въ Англіи. Каждый годъ массы ихъ покидаютъ свой родной край и уходятъ въ разныя мѣста Россіи наниматься на тяжелый трудъ; никакой рабочій другой національности не могъ бы довольствоваться тѣмъ харчемъ и кровомъ, какіе даютъ имъ подрядчики. Можно сказать, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, что русскія желѣзныя дороги обложены костями бѣлоруссовъ.

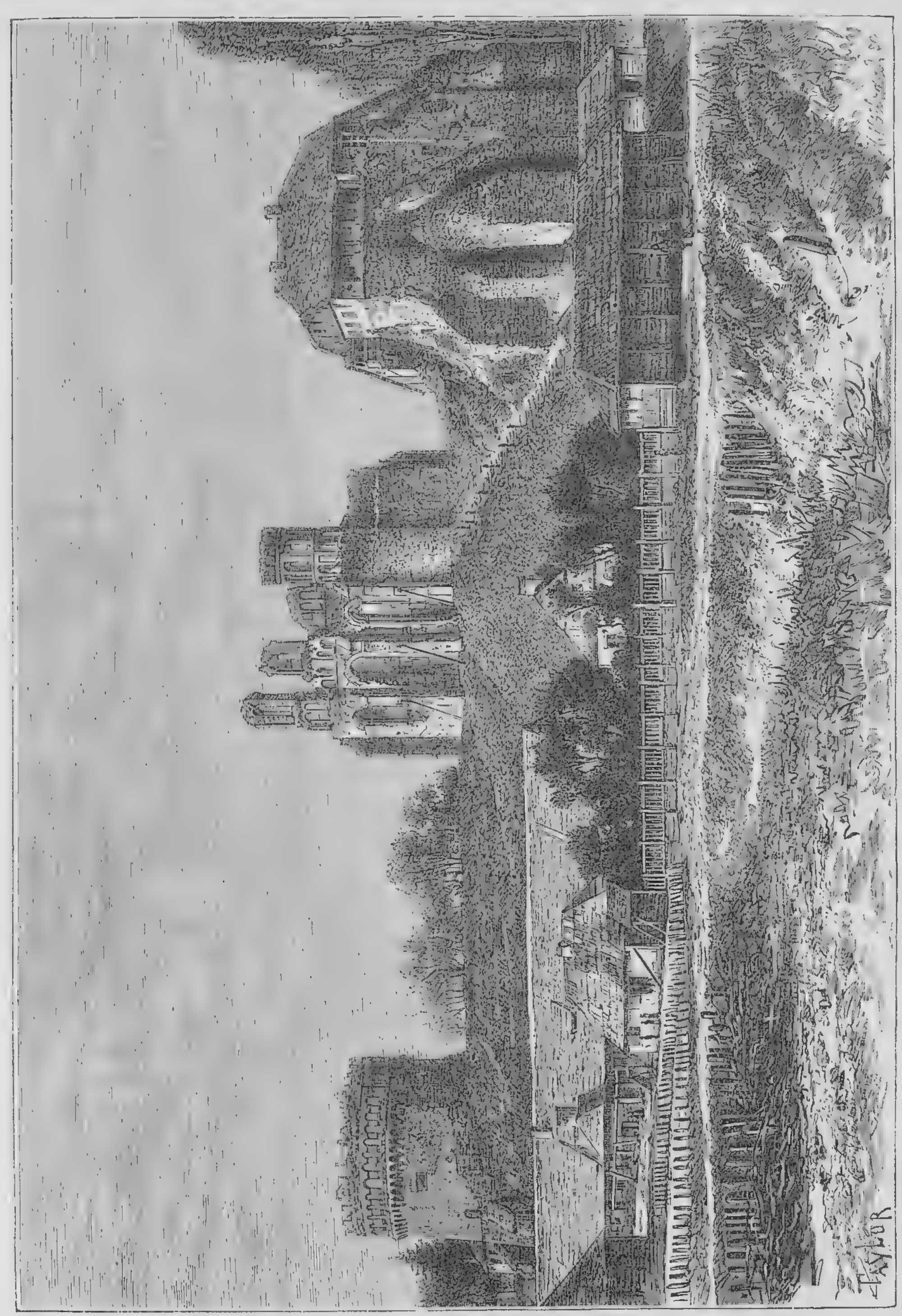
Самый высокій городъ Днѣпровскаго бассейна—Вязьма, лежащая на высотѣ 835 футовъ, при рѣкѣ того же имени, которая течетъ на сѣверо-западъ въ Днѣпръ, представляющій на этомъ мѣстѣ еще незначительную рѣку. Этотъ старинный городъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ съ первыхъ временъ русской исторіи, нынѣ лучшій изъ уѣздныхъ городовъ Смоленской губерніи, производитъ дѣятельную торговлю, благодаря своему положенію въ мѣстѣ соединенія дорогъ; но онъ очень часто былъ также мѣстомъ встрѣчи для воюющихъ армій, и въ

[1]) Князь Васильчиковъ, „Землевладѣніе и земледѣліе“.

[2]) Янсонъ, „Опытъ стат. изслѣдованій о крест. надѣлахъ и платежахъ“.

1812 г., вслѣдствіе происходившей здѣсь битвы между французами и русскими, почти весь городъ сдѣлался жертвой пламени: изъ древнихъ башенъ его уцѣлѣла только одна. Дорогобужъ, на юго-западѣ, стоящій на излучинѣ Днѣпра, имѣетъ менѣе оживленный видъ, нежели Вязьма; однако, и онъ ведетъ значительную торговлю земледѣльческими продуктами. Эти два города, принадлежащіе еще къ Великороссіи, находятся уже почти на этнографической границѣ.

Смоленскъ, губернскій городъ, занимаетъ обширное пространство, на обоихъ берегахъ Днѣпра, въ мѣстѣ пересѣченія многихъ дорогъ и двухъ желѣзнодорожныхъ линій, идущихъ изъ Риги къ Орлу и изъ Варшавы къ Москвѣ. Это — одинъ изъ жизненныхъ центровъ для торговли Имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ



Развалины замка въ Острогѣ.

ея важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ Смоленскъ [1]), одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ (лѣтопись Нестора упоминаетъ о немъ уже въ девятомъ столѣтіи, какъ о могущественномъ городѣ), былъ столицей кривичей и долгое время пользовался независимостью de facto, или, по крайней мѣрѣ, зависѣлъ отъ Литвы только въ силу феодальнаго права; говорятъ, что въ четырнадцатомъ столѣтіи число жителей его доходило до 100.000,—и дѣйствительно, въ старину это былъ очень многолюдный городъ, судя по тому, что однажды отъ чумы въ немъ погибло около 32.000 человѣкъ [2]). Крѣпость такой первостепенной важности, стоявшая на рубежѣ между Московскимъ царствомъ и Литвой, не могла, конечно, избѣгнуть войнъ и осадъ (особенно памятна двадцатимѣсячная осада польскимъ королемъ Сигизмундомъ въ 1609—1611 гг.), и даже въ нынѣшнемъ столѣтіи Смоленскъ былъ испепеленъ въ 1812 году, во время битвы 5 августа, открывшей «великой арміи» дорогу къ Москвѣ. Однако, городъ и теперь сохранилъ еще многіе остатки своихъ прежнихъ укрѣпленій [3]).

Орша, первый сколько-нибудь значительный городъ, который мы встрѣчаемъ на Днѣпрѣ ниже Смоленска, построенъ при впаденіи р. Оршицы; это — послѣдняя пристань пароходовъ, поднимающихся вверхъ по Днѣпру въ періодъ половодья; онъ ведетъ довольно значительную торговлю, благодаря своему положенію на одномъ изъ большихъ колѣнъ рѣки, въ мѣстѣ, гдѣ отдѣляется къ сѣверу дорога, ведущая въ Витебскъ и въ бассейнъ Западной Двины. Ниже по Днѣпру находимъ г. Шкловъ, съ пристанью, гдѣ выгружается почти весь хлѣбный товаръ, отправляемый вверхъ по этой рѣкѣ. Однако, главнымъ складочнымъ мѣстомъ для произведеній этой страны служитъ Могилевъ-Губернскій или Могилевъ-на-Днѣпрѣ, главный городъ губерніи того же имени. Гораздо менѣе древній, чѣмъ Смоленскъ, такъ какъ имя его упоминается въ первый разъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, этотъ городъ, построенный, безъ сомнѣнія, около какихъ-нибудь древнихъ могилъ, откуда и произошло его названіе, испыталъ много бѣдъ и напастей во время войнъ семнадцатаго столѣтія, а 1661-й годъ ознаменованъ въ его исторіи кровавой рѣзней, своего рода «сицилійской вечерней», когда былъ истребленъ весь московскій гарнизонъ, состоявшій изъ 7.000 человѣкъ; но въ 1706 г. москвитяне, съ помощью калмыковъ, отмстили за эту рѣзню, совершенно разрушивъ городъ. Въ настоящее время Могилевъ превосходитъ сосѣдній губернскій городъ какъ числомъ жителей, такъ и размѣрами торговой и промышленной дѣятельности; правда, двѣ трети его населенія состоятъ изъ евреевъ. Главный мѣстный промыселъ — кожевенное производство: болѣе сотни кожевенныхъ заводовъ, на которыхъ заняты около тысячи рабочихъ, выдѣлываютъ кожи, отправляемыя преимущественно въ Польшу и въ нижне-днѣпровскіе города. Могилевъ славится также своимъ огородничествомъ и садоводствомъ; переселившихся могилевскихъ огородниковъ можно встрѣтить во многихъ городахъ России. На сѣверо-востокѣ отъ Могилева, въ Оршанскомъ уѣздѣ, находится мѣстечко Горки, прежде игравшее важную роль между русскими городами, благодаря существовавшему въ немъ сельско-хозяйственному институту, который въ 1863 г. былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ изъ него образовался нынѣшній Лѣсной (прежде Земледѣльческій) институтъ. Ниже Могилева по теченію Днѣпра встрѣчаемъ Старый Быховъ, прежде укрѣпленный городъ, который оспаривали другъ у друга поляки, украинцы, великоруссы; далѣе слѣдуетъ Рогачевъ, окруженный многочисленными древними могилами. Въ этомъ послѣднемъ городѣ останавливается большая часть плотовъ лѣса, сплавляемыхъ внизъ по рѣкѣ.

Березина, впадающая въ Днѣпръ верстахъ въ ста ниже Рогачева и соединенная посредствомъ Березинскаго канала съ р. Уллой, притокомъ Западной Двины, заключаетъ только три города въ своемъ обширномъ бассейнѣ, большую часть котораго еще занимаютъ лѣса и болота. Губернскій городъ Минскъ, на р. Свислочь, притокѣ Березины, и въ сосѣдствѣ съ озеромъ, былъ первоначально построенъ на холмѣ, откуда разростающійся городъ мало по малу спустился подъ гору. Онъ былъ главнымъ мѣстомъ одного изъ самыхъ могущественныхъ княжествъ въ землѣ кривичей; имя его часто упоминается въ исторіи войнъ между поляками, литовцами, русскими и татарами; въ одномъ изъ его кварталовъ и теперь живетъ болѣе 500 татаръ, потомковъ татарскихъ плѣнниковъ, приведенныхъ изъ Крыма. Минскъ — самая важная по торговлѣ станція на желѣзной дорогѣ между Брестомъ и Смоленскомъ, которая проходитъ также черезъ уѣздный городъ Борисовъ, стоящій на Березинѣ. Верстахъ въ двадцати выше Борисова, у деревни Студянки, происходила, въ ноябрѣ 1812 года, гибельная переправа французовъ черезъ Березину,—самый страшный эпизодъ злополучнаго отступленія арміи Наполеона отъ Москвы: много лѣтъ послѣ того можно было видѣть въ тинѣ, на берегахъ рѣки, обломки оружія и остатки фурго-

---

[1]) Названіе свое Смоленскъ получилъ отъ „смолы“, которую въ изобиліи гнали въ окрестныхъ лѣсахъ, а на мѣстѣ Смоленска была главная пристань, откуда по Днѣпру сплавляли смолу на продажу. Пер.

[2]) Бережковъ, „О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца пятнадцатаго столѣтія“. Спб., 1879. 8°.

[3]) Городскія стѣны, построенныя при Борисѣ Годуновѣ, тянутся на пять верстъ въ окружности, съ 36 башнями, бойницами, зубцами, вышиною въ 7, толщиною въ 2½ сажени. Теперь эти стѣны полуразрушены, и изъ 36 башенъ уцѣлѣло только 17. Пер.

повъ. Бобруйскъ, крѣпость, на которую тогда опиралась русская армія, получила съ той поры большую стратегическую важность, и французы тщетно пытались овладѣть ею; въ настоящее время это — одна изъ первоклассныхъ крѣпостей Россіи. Городъ, производящій обширную торговлю, расположенъ на «высокомъ», т. е. на правомъ берегу Березины, при впаденіи въ нее Бобруйки, или «рѣки бобровъ»; почти вся его торговая дѣятельность сосредоточена въ рукахъ евреевъ, которые составляютъ половину его населенія.

Ниже небольшаго городка Рѣчицы, рѣка Сожъ, восточный притокъ, приноситъ Днѣпру излишнія воды части губерній Могилевской, Смоленской, Черниговской. Рославль, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ рѣки Сожъ, ведетъ торговлю пенькой и хлѣбомъ; Мстиславль, при другой маленькой рѣкѣ, впадающей въ Сожъ, тоже отправляетъ въ Ригу пеньку и муку, но онъ извѣстенъ въ особенности какъ бывшій главный городъ княжества, обнимавшаго почти всю восточную часть нынѣшней Могилевской губерніи, и которое сохраняло отдѣльное существованіе даже послѣ присоединенія Литвы къ Польшѣ, съ конца четырнадцатаго до половины семнадцатаго столѣтія. Чаусы, уѣздный городъ Могилевской губерніи, находится, въ томъ же бассейнѣ, въ сосѣдствѣ съ Могилевомъ; но лучшій и самый важный изъ уѣздныхъ городовъ этой губерніи — Гомель, лежащій ниже всѣхъ притоковъ Сожи и составляющій одинъ городъ со своимъ предмѣстьемъ Бѣлицей, построеннымъ на лѣвомъ берегу рѣки. Какъ пристань, Гомель уступаетъ по торговой дѣятельности только губернскому городу. Вся земля, занимаемая Гомелемъ, и вся окрестная мѣстность принадлежитъ одному русскому князю, который вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался нѣкоторыми значительными привилегіями феодальнаго происхожденія, между прочимъ, правомъ «пропинаціи», т. е. продажи водки; всѣ питейныя заведенія принадлежали князю, владѣвшему въ то же время большимъ сахарнымъ заводомъ [1]). Въ Гомелѣ же строятся самыя большія суда, ходящія по Днѣпру.

Рѣка Ипуть, впадающая въ Сожъ близъ Гомеля, орошаетъ равнины, окружающія два уѣздные города Черниговской губерніи, Мглинъ и Ново-Зыбковъ. Послѣдній изъ этихъ городовъ былъ основанъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія бѣжавшими изъ Московскаго государства раскольниками, которые образовали также много другихъ колоній, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «Стародубье», но получившихъ отъ самихъ же раскольниковъ странное названіе «малороссійской Азіи». Городъ Вѣтка, построенный на островѣ рѣки Сожъ, выше Гомеля, и находившійся въ то время за польской границей, сдѣлался главнымъ центромъ одной изъ группъ сектантовъ, отдѣлившихся отъ первыхъ колоній Стародубья, и недовольные нововведеніями эмигрировали туда изъ Московскаго государства въ большомъ числѣ. Въ 1735 году русское правительство выхлопотало у Польши дозволеніе ввести войска въ вѣткинскій повѣтъ, гдѣ и забрало около 40.000 старообрядцевъ, которые частію было отданы въ солдаты, частію сосланы въ Сибирь на поселеніе; въ 1764 году второе московское нашествіе окончилось захватомъ 20.000 другихъ раскольниковъ. Напротивъ того, стародубскіе выходцы, болѣе покорные, сохранили нѣкоторыя привилегіи въ награду за услуги, оказанныя противъ Карла XII и Мазепы. Въ настоящее время ихъ насчитывается свыше 60.000 душъ; въ посадѣ Клинцы и его предмѣстьи Ардонѣ, лежащихъ на сѣверо-востокѣ отъ Ново-Зыбкова, они имѣютъ около 120 фабрикъ и заводовъ, преимущественно суконныхъ, шерстяныхъ, кожевенныхъ; ихъ странствующіе торговцы (коробейники) ходятъ по всему югу Россіи, пробираются даже въ Бессарабію и за Донъ, на Кавказъ.

Пинскъ, который, безъ сомнѣнія, сдѣлается со временемъ важнымъ городомъ, когда будутъ осушены болота по Припети, и теперь уже довольно многолюденъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ перевозки товаровъ по водѣ, такъ какъ онъ составляетъ центръ транзитнаго судоходства, съ одной стороны—съ Припетью и Днѣпромъ, съ другой—съ Польшей и Германіей, посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго канала, съ Нѣманомъ и Балтійскимъ моремъ, — посредствомъ канала Огинскаго. Слуцкъ, древняя столица дреговичей или «жителей трясинъ», стоитъ на рѣкѣ Случъ, притокѣ Березины; онъ также ведетъ нѣкоторую торговлю, благодаря евреямъ, которые составляютъ почти единственное населеніе этого города и у которыхъ почти всѣ окрестные крестьяне въ долгу. Городъ Туровъ, на Припети, ниже впаденія въ нее р. Случи, былъ прежде, для всей страны болотъ, тѣмъ же, чѣмъ въ наши дни сдѣлался Пинскъ. Мозырь, на нижнемъ теченіи Припети, тоже принадлежитъ къ числу старинныхъ городовъ края.

Рѣки Припеть и Ясельда образуютъ этнографическую границу между бѣлорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ. Почти всѣ города Волыни находятся въ бассейнѣ Припети, на ея южныхъ притокахъ, но уже совершенно за предѣлами Бѣлоруссіи: они лежатъ среди малорусской территоріи. То же самое нужно сказать о древнемъ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ, который построенъ на рѣкѣ Лугъ, одномъ изъ притоковъ верхняго теченія Южнаго Буга. Упоминаемый уже въ лѣтописи преподобнаго Нестора, Владиміръ-Волынскій былъ однимъ изъ первыхъ центровъ славянской державы, но впослѣдствіи онъ былъ неоднократно разо-

[1]) Нынѣ закрытымъ. Ред.

ряемъ,—сначала монголами, потомъ ногайскими татарами и казаками, такъ что въ концѣ прошлаго столѣтія онъ пришелъ въ сильный упадокъ; въ настоящее время онъ опять немного поднялся, и евреи, составляющіе большую часть его населенія, ведутъ съ сосѣдней Галиціей дѣятельную торговлю, гораздо болѣе дѣятельную, чѣмъ показываютъ таможенные реестры. Кременецъ, на юго-востокъ отъ Владиміра-Волынскаго, расположенный въ возвышенной долинѣ, воды которой текутъ черезъ рѣки Икву и Стырь въ Припеть, походитъ на Владиміръ-Волынскій по своей исторіи. Основаніе его также относится къ первымъ временамъ исторіи страны, и живописныя развалины его замка, возвышающіяся на вершинѣ песчаниковой скалы съ крутыми стѣнами, повѣствуютъ о многихъ военныхъ событіяхъ. Батый безуспѣшно осаждалъ его, но казаки овладѣли имъ въ 1648 году, и съ той поры онъ утратилъ всю свою важность; въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ 1805 по 1832 годъ, этотъ городъ былъ центромъ высшаго образованія въ Западной Украйнѣ, благодаря существовавшему въ немъ польскому лицею, который перевели послѣ революціи въ Кіевъ, гдѣ изъ него образовался нынѣшній университетъ св. Владиміра. Въ настоящее время Кременецъ отличается только своей торговой дѣятельностью, въ которой евреи также принимаютъ большое участіе. Городъ Дубно, лежащій ниже, на полуостровѣ, который почти совершенно окруженъ теченіемъ р. Иквы, и при входѣ въ живописное ущелье цѣпи холмовъ, почти сплошь населенъ сынами Израиля. Послѣдніе также очень многочисленны и въ Луцкѣ, построенномъ при рѣкѣ Стырь, почти на полдорогѣ изъ Владиміра-Волынскаго въ Кременецъ; этотъ прежде укрѣпленный городъ тоже былъ столицей могущественнаго княжества; въ 1429 году здѣсь происходилъ конгрессъ государей восточной Европы, а въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія Луцкъ былъ однимъ изъ главныхъ городовъ славянскаго Востока. Луцкъ остался въ сторонѣ отъ желѣзной дороги изъ Бреста въ Бердичевъ, которая прошла черезъ другіе менѣе важные города, каковы Ковель и Ровно. Въ Кременецкомъ уѣздѣ находится старинный и знаменитый православный монастырь—Почаевская лавра, куда стекается множество богомольцевъ; въ 1675 году монастырь этотъ выдержалъ турецкую осаду. Нынѣ Почаевъ служитъ складочнымъ мѣстомъ контрабандной торговли. Въ этомъ отношеніи онъ, однако, уступаетъ Радзивилову—первоклассной таможнѣ на австрійской границѣ, напротивъ галиційскаго города Броды.

Два города, почти совершенно еврейскіе, Заславль и Острогъ, построены въ верхней долинѣ рѣки Горынь, которая соединяется съ Припетью ниже Пинска. Подобно Владиміру-Волынскому, Луцку, Кременцу, Острогъ—городъ историческій, бывшій нѣкогда столицей независимаго княжества (Острожскаго) и имѣвшій свои дни военной славы; кромѣ того, ему принадлежитъ честь быть однимъ изъ первыхъ городовъ восточно-славянскаго міра, воспользовавшихся искусствомъ книгопечатанія; съ 1581 г. здѣсь начали печатать первое полное изданіе Священнаго Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ. Въ ту эпоху Острогъ имѣлъ первую малороссійскую академію, которая впослѣдствіи была замѣнена польской іезуитской коллегіей. Многочисленныя развалины и остатки крѣпкаго замка донынѣ напоминаютъ о быломъ величіи Острога. Городъ Старо-Константиновъ, стоящій на р. Случъ, въ сосѣдствѣ съ австрійской границей, былъ основанъ въ шестнадцатомъ столѣтіи однимъ острожскимъ княземъ, который и далъ ему свое имя. Населенный почти исключительно евреями, этотъ городъ ведетъ довольно большую торговлю хлѣбомъ съ Галиціей и Одессой, лошадьми, баранами, свиньями—съ Австріей и Пруссіей; въ то же время онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ соли для сосѣднихъ уѣздовъ.

Изъ волынскихъ городовъ, кромѣ сейчасъ названныхъ, къ бассейну Припети принадлежатъ еще слѣдующіе два: Новоградъ-Волынскій (въ старину Звягель), на р. Случъ, и Овручъ, на р. Норынѣ. Оба эти города богаты болотной желѣзной рудой и фарфоровой глиной, которыя, впрочемъ, мало разработываются, и въ обоихъ еврейскій элементъ превосходитъ численностью христіанское населеніе. Мѣстность, гдѣ находятся эти два города, не принадлежитъ къ исторической Волыни, хотя нынѣ она включена въ составъ Волынской губерніи: это была Древлянская земля, сдѣлавшаяся впослѣдствіи частью Украйны, и границей которой служила рѣка Случъ. Деревня Икорость, при р. Ужъ, стоитъ на мѣстѣ древняго Коростеня, или Искоростеня, столицы древлянъ, прославившейся въ лѣтописяхъ убійствомъ князя Игоря и жестокимъ мщеніемъ вдовы его, св. Ольги.

Значительнѣйшіе города верхне-днѣпровскаго бассейна:

Въ Смоленской губерніи (по переписи 1897 г.): Смоленскъ — 45.564 жит.; Бѣльскъ — 6.936; Вязьма — 15.206; Гжатскъ — 6.243; Дорогобужъ—7.002; Рославль — 17.431; Порѣчье—5.593 жителя.

Въ Могилевской губерніи: Могилевъ (1897 г.)—43.106 жит.; Гомель (1897 г.)—41.231; Мстиславль — 8.796; Орша — 6.426; Старый Быховъ—5.683; Горки—6.585; Быховъ—6.797; Рогачевъ—8.080; Чаусы—5.888 жит.

Въ Минской губерніи: Минскъ (1897 г.)—97.113 жит.; Бобруйскъ—34.820; Пинскъ—27.691; Слуцкъ—17.832; Борисовъ—18.707; Мозырь—9.869; Новогрудокъ—12.688; Рѣчица—8.373 жителя.

Въ Черниговской губерніи: Ново-Зыбковъ—15.122 жит.; Мглинъ—7.403 жит.

Въ Волынской губерніи: Старо-Константиновъ—20.228 жит.; Луцкъ—15.217; Кременецъ—12.401; Новоградъ-Волынскій—14.853; Дубно—8.688; Острогъ—17.229; Заславль—11.454; Ровно—8.930; Владиміръ-Волынскій—8.541; Ковель—15.492; Овручъ—9.273 жит.

VIII. Средній Днѣпръ, нижній Днѣпръ, Южный Бугъ и Днѣстръ.

Украйна, Новороссійскій край.

Въ Россіи этнографическія области не совпадаютъ съ границами гидрографическихъ бассейновъ и еще гораздо менѣе—съ границами губерній, начертанными часто на-угадъ, безъ соображенія съ естественными условіями, или съ намѣреніемъ парализовать національное родство. Такъ, если мы возьмемъ малороссовъ, подвластныхъ русской державѣ, то оказывается, что область ихъ разселенія далеко не ограничивается однимъ только бассейномъ Днѣпра,—они проникаютъ на западъ въ бассейнъ Вислы и переходятъ за Бугъ, а на востокѣ занимаютъ значительную часть Донецкаго бассейна; они перешли даже за верхній Донъ, а по ту сторону Азовскаго моря распространились до Кубани и на Кавказѣ. Съ другой стороны, великоруссы утвердились на верхнемъ теченіи почти всѣхъ восточныхъ притоковъ Днѣпра, а румыны перешли за низовье Днѣстра. Такимъ образомъ, этимъ двумъ большимъ потокамъ, Днѣпру и Днѣстру, только въ общемъ смыслѣ можетъ быть присвоено названіе малороссійскихъ рѣкъ.

Наименованія—Малая Русь или Малороссія, Украйна, Рутенія—имѣютъ чисто условное значеніе, постоянно мѣнявшееся соотвѣтственно историческимъ превратностямъ и даже сообразно административнымъ дѣленіямъ. Ни одно изъ этихъ географическихъ названій не относится точнымъ образомъ къ странамъ, населеннымъ малорусскимъ племенемъ, ибо эта народность, сгруппированная первоначально въ измѣнчивую конфедерацію, никогда не имѣла политическаго единства; даже не считая закарпатскихъ руссиновъ, живущихъ въ предѣлахъ Венгерскаго королевства, другіе малороссы оставались, начиная съ четырнадцатаго столѣтія, долгое время раздѣленными между двумя государствами, Польшей и Литвой. Малороссы центральной области, по берегамъ Днѣпра, едва только успѣли, въ семнадцатомъ вѣкѣ, завоевать себѣ нѣкоторую автономію, въ формѣ казацкой вольной общины, какъ вскорѣ утратили свою самостоятельность, отдавшись подъ покровительство Московскаго царства, сдѣлавшагося, благодаря своимъ обширнымъ размѣрамъ, Россіей по преимуществу. Что касается населенія древнѣйшей Россіи, то-есть Кіевской Руси, то оно извѣстно подъ своимъ стариннымъ наименованіемъ—русиновъ или русняковъ—только на западныхъ его границахъ, тамъ, гдѣ этнографическія различія еще болѣе усиливались различіемъ религіозныхъ вѣрованій. Когда имя Малой Россіи въ первый разъ появилось въ византійскихъ хроникахъ въ концѣ тринадцатаго столѣтія, оно примѣнялось къ Галиціи и Волыни; затѣмъ оно сдѣлалось наименованіемъ страны по среднему Днѣпру, или Кіевской области, отличаемой такимъ образомъ отъ великаго княжества Московскаго, въ столицѣ котораго, Москвѣ, имѣлъ пребываніе первосвятитель русской церкви—митрополитъ, перенесшій туда свой престолъ въ XIV вѣкѣ. Точно также названіе Украйны, то-есть «окраины» или «пограничной области», соотвѣтствующее западно-европейскимъ «мархіямъ» или «маркамъ», не переставало перемѣщаться, сообразно всѣмъ измѣненіямъ границъ. Сначала его употребляли для обозначенія Подоліи, въ отличіе ея отъ Галицкой Руси, которой она принадлежала; потомъ, когда бассейнъ Днѣпра перешелъ подъ владычество Литвы, имя Украйны было присвоено ея южнымъ провинціямъ, между Днѣпромъ и Бугомъ. Въ Польскомъ государствѣ Украйной называлась преимущественно страна малороссійскихъ казаковъ. Но и Великая Россія тоже имѣла свои пограничныя области, свои окраины или «украйны», въ одной изъ которыхъ образовались, въ семнадцатомъ столѣтіи, малорусскія вольныя поселенія, или слободы (такъ называемая «Слободская Украйна»), раздѣленныя нынѣ между губерніями Харьковской, Курской и Воронежской. Какъ только извѣстная область заселялась, какъ только въ ней появлялись города, и жители устраивались мирными, хотя уже менѣе самостоятельными общинами, эта область переставала быть «украйной»; но вездѣ, гдѣ поселялся малороссъ относительно вольный, онъ приносилъ съ собой и названіе «украйны» для земли, по которой бродилъ.

Малороссы, или малороссіяне, сливаются нечувствительными переходами съ бѣлоруссами на сѣверѣ, а по ту сторону Карпатскихъ горъ—со словаками; но они ясно отличаются отъ поляковъ на западѣ и отъ великороссіянъ на востокѣ; смѣшенія очень рѣдки между малороссами и великороссами. Даже съ физической точки зрѣнія эти двѣ народности рѣзко различаются между собой. У малороссіянъ—голова вообще болѣе широкая и болѣе короткая, чѣмъ у великороссовъ, а задняя часть черепа у нихъ болѣе плоская (средній указатель черепа у галиційскихъ малороссовъ, по Маеру и Коперницкому, 84,3) [1]); они очень коротко-

[1]) Антропологическій Сборникъ, издаваемый Краковской академіей (на польскомъ языкѣ).

головы (брахицефалы). Около половины изъ нихъ имѣютъ темнорусые волосы и карія глаза; вообще говоря, малороссы—народъ рослый (средній ростъ галиційскихъ малороссовъ, по Маеру и Коперницкому, 164 сантим., $5^1/_2$ фут.), какъ показываютъ статистическія данныя относительно новобранцевъ; преимущественно изъ нихъ набираютъ гренадеровъ, вслѣдствіе ихъ высокаго роста и статнаго вида, а также кавалеристовъ—вслѣдствіе длинноты ихъ ногъ; но вообще они не имѣютъ столько мускульной силы, какъ великороссы; дифтеритъ, эндемическая болѣзнь въ краѣ, дѣлаетъ большія опустошенія между дѣтьми. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ малороссы и великороссы живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, безъ промежуточнаго населенія, можно явственно замѣтить физическое превосходство первыхъ въ отношеніи роста и красивой наружности. Малороссійскія женщины отличаются граціозной поступью, ласковымъ взглядомъ, пріятнымъ голосомъ; у нихъ также и болѣе красивый костюмъ, похожій на одежду румынокъ, валахскихъ и трансильванскихъ. Вышивки красными и синими нитками, украшающія рубашку, юбку, передникъ разными фигурами: косоугольниками и крестами, треугольниками, шашешницами и вѣтками, сочетаются самымъ удачнымъ образомъ, правда, по стародавнимъ правиламъ, но съ нѣкоторой свободой, всегда позволяющей располагать украшенія такъ, чтобы они гармонировали съ турнюрой и чертами лица данной особы [1]. Наконецъ, малороссіянки держатъ свои хаты въ гораздо бо̀льшемъ порядкѣ, въ бо̀льшей чистотѣ и опрятности, чѣмъ великорусскія женщины, какъ ни скромны эти жилища,—мазанки изъ глины, крытыя соломой и выбѣленныя известкой. Національное блюдо малороссовъ—борщъ [2].

Было бы слишкомъ смѣло произносить какое-либо общее сужденіе о цѣлыхъ народностяхъ, такъ какъ смѣшенія славянъ, какъ между собою, такъ и съ первобытными населеніями, произвели значительное разнообразіе типовъ; но въ цѣломъ, повидимому, можно указать ту разницу, что малоруссы превосходятъ великоруссовъ природнымъ умомъ, насмѣшливостью, проніею, природнымъ вкусомъ, воображеніемъ живымъ и въ то же время сдержаннымъ; они не впадаютъ въ преувеличенія, какія встрѣчаются въ произведеніяхъ народной поэзіи великорусской или финской [3]; но зато они не обладаютъ практическимъ смысломъ великорусса; они менѣе солидарны между собою, и хотя болѣе даровиты, но менѣе энергичны.

[1]) Ольга Косачева, „Украинскій народный орнаментъ“, Кіевъ, 1876 г.

[2]) С. Подолинскій, „Société Languedocienne“, t. IV, 1881.

[3]) Бѣлинскій, „Русская народная поэзія“.

Будучи исконными соперниками, малоруссы и великоруссы награждаютъ другъ друга насмѣшливыми прозвищами: великоруссъ далъ украинцу кличку хохолъ, вслѣдствіе пучка волосъ или чуба (оселедецъ), который тотъ прежде отращивалъ на макушкѣ и закладывалъ за ухо; въ свою очередь малороссъ прозвалъ великоросса, или «москаля», кацапомъ, то-есть козломъ, вслѣдствіе длинной бороды, которою онъ любитъ похвастать. Конечно, прозвища эти основаны только на наружныхъ отличіяхъ; но подъ этими странными названіями русскіе двухъ національностей представляютъ себѣ также контрастъ, существующій между народными характерами и нравами.

Переходя къ вопросу о родословной украинскаго народа, замѣтимъ, что при настоящемъ состояніи знаній возможны только болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы относительно степени родства или преемственности, прямой или косвенной, которая связываетъ малороссовъ съ древними обитателями, слѣды пребыванія которыхъ найдены, въ Полтавской губерніи, въ видѣ оружія и орудій изъ кости и кремня, рядомъ съ костями мамонтовъ и съ раковинами ледянаго періода. Могилы каменнаго вѣка, отрытыя въ окрестностяхъ города Острога въ Волыни, заключаютъ въ себѣ человѣческіе скелеты, совершенно непохожіе на скелеты славянскаго племени, отъ которыхъ они отличаются въ особенности очень длинной и узкой головой, а также берцовыми костями, сплющенными и изогнутыми въ формѣ сабельнаго клинка: эта первобытная раса, повидимому, довольно близко подходитъ къ той, которая жила на западѣ Европы въ эпоху дольменовъ [1]). Но за этими первыми, древнѣйшими могилами слѣдовали безчисленные курганы, разсѣянные по всей странѣ. Уже тысячи этихъ могильныхъ насыпей исчезли: однѣ изъ нихъ—въ городахъ и деревняхъ послужили матеріаломъ при возведеніи большихъ построекъ или укрѣпленій; другія, на поляхъ, были употреблены для улучшенія почвы на окрестныхъ земляхъ; нѣкоторыя, имѣвшія небольшіе размѣры, были сравнены плугомъ; тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ, особенно на водораздѣльныхъ высотахъ между рѣками, онѣ и теперь еще настолько многочисленны, что составляютъ, такъ сказать, господствующую черту края, ибо для сооруженія этихъ кургановъ обыкновенно выбирали мѣстоположенія видимыя издалека—высокіе, крутые берега рѣкъ, вершины естественныхъ горокъ, мысы, далеко выдвинувшіеся въ море. Однако, долина Днѣстра составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи: мы видимъ тамъ длинные ряды искусственныхъ бугровъ, расположенные именно у подножья высокихъ береговъ [2]). Самые замѣ-

[1]) Антропологическій Сборникъ Краковской академіи, I (на польскомъ языкѣ).

[2]) I. G. Kohl, „Reisen in Süd-Russland.“

чательные изъ могильныхъ кургановъ находятся въ области, сосѣдней съ Днѣпровскими порогами, особенно къ западу отъ нихъ: это — могилы «царственныхъ скиѳовъ», погребальные обряды которыхъ описаны Геродотомъ; всѣ эти курганы имѣютъ съ сѣверной стороны болѣе крутой скатъ, чѣмъ съ другихъ сторонъ, и многіе изъ нихъ обложены плитами; между ними встрѣчаются даже такіе, которые соединены одинъ съ другимъ аллеями изъ сложенныхъ камней, матеріалъ для которыхъ нужно было привозить изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Встрѣчаются могилы (какъ, напримѣръ, курганъ близъ Хвостова, въ Кіевской губерніи), которыя имѣютъ около 90 саженъ въ окружности и высятся среди другихъ меньшихъ горокъ, словно цари, окруженные своимъ дворомъ. На многихъ курганахъ прежде стояли грубо изваянныя статуи, въ которыхъ позднѣйшія поколѣнія видѣли подобіе старыхъ женщинъ, откуда и произошло названіе каменная баба, данное этимъ загадочнымъ истуканамъ, и которыя, по общему мнѣнію, напоминаютъ скорѣе монгольскій, чѣмъ славянскій типъ; можетъ быть, это и есть тѣ степныя статуи, съ которыми Амміанъ Марцеллинъ сравниваетъ гунновъ: почти у всѣхъ бабъ руки сложены на груди. Впрочемъ, теперь уже не встрѣтишь кургановъ, вершина которыхъ была бы увѣнчана такимъ изваяніемъ: почти всѣ каменныя бабы были разбиты или перенесены въ другія мѣста, чтобы служить межевыми знаками или украшеніями въ садахъ. Между тѣмъ, если вѣрить мѣстному преданію, баба очень крѣпко стояла на вершинѣ горки, точно вросла въ землю, такъ что требовалось не менѣе десятка сильныхъ воловъ, чтобы увезти ее, тогда какъ достаточно было одной упряжи, чтобы привезти обратно на прежнее мѣсто: казалось, она сама шла, чтобы опять подняться на могильный холмъ, съ котораго ее взяли.

Малороссійскій типъ. Крестьянинъ деревни Пановцы, Подольской губ.

Крестьяне чтутъ, какъ святыню, эти каменныя изваянія: матери приносятъ къ нимъ дѣтей, заболѣвшихъ лихорадкой, становятся на колѣни передъ истуканомъ, почтительно цѣлуютъ его и предлагаютъ ему хлѣба и мелкую монету [1]).

Многія тысячи могильныхъ кургановъ Малороссіи были уже раскопаны, и тайны ихъ, открытыя міру, позволили отчасти возстановить мысленно давно исчезнувшія поколѣнія, съ ихъ бытомъ, нравами и промыслами. Между этими памятниками представлены всѣ послѣдователь-

---

[1]) Забѣлинъ, „Исторія русской жизни." I; Чужбинскій, „Поѣздка въ Южную Россію".

ные вѣка цивилизаціи—каменный, бронзовый и желѣзный. Нѣкоторыя могилы принадлежатъ къ относительно новымъ временамъ, и даже есть такія, которыя, очевидно, были насыпаны послѣ введенія христіанства въ странѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ предметы византійскаго или русскаго происхожденія, находимые въ курганахъ; иныя заключаютъ въ себѣ одновременно древности, принадлежащія къ тремъ вѣкамъ—каменному, бронзовому и желѣзному. Многіе холмы содержатъ только скелеты лошадей. Наконецъ, есть много такихъ, гдѣ не находятъ ничего—ни костей, ни оружія. Великой эпохой искусства въ дѣлѣ погребенія слѣдуетъ считать эпоху скиѳской цивилизаціи. Раскопки, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ могилахъ Южной Россіи, между прочимъ, въ Александропольскомъ уѣздѣ, къ юго-западу отъ Екатеринослава, показали, что «скиѳы» той эпохи были въ частыхъ сношеніяхъ съ греками и покупали у нихъ самыя дорогія произведенія промышленности и искусства: оружіе, рѣзные сосуды [1]), драгоцѣнныя украшенія. Но рядомъ съ этими предметами, чисто эллинскими, въ курганахъ находятъ также оружіе и орудія изъ бронзы, указывающія на тотъ фактъ, что греческая образованность, при своемъ проникновеніи въ край, встрѣтила тамъ азіатскую цивилизацію совершенно инаго характера [2]). Мегалитическія могилы, разсѣянныя между Днѣстромъ и Днѣпромъ, къ сѣверу отъ Одессы, также принадлежатъ къ другой культурной эпохѣ или къ другой религіи. Изъ всѣхъ этихъ народовъ, кости которыхъ сокрыты подъ насыпями кургановъ, одни быстро проходили, какъ завоеватели или бѣглецы, другіе, напротивъ, подолгу оставались въ странѣ, и, безъ сомнѣнія, небольшая примѣсь ихъ крови сохранилась въ нынѣшнемъ населеніи Малороссіи.

Въ девятомъ столѣтіи населеніе южной, черноморской покатости, между Днѣпромъ и Дунаемъ, и преимущественно на берегахъ Днѣстра, состояло изъ славянъ-улучей (угличей) и тиверцевъ. Но эти славяне находились на пути угровъ (венгровъ), печенѣговъ, кумановъ, и столкновеніе всѣхъ этихъ народовъ оттѣснило ихъ къ сѣверу: въ эпоху съ десятаго до двѣнадцатаго вѣка рѣка Рось,—можетъ быть «рѣка Руси или Руссовъ»,—служила границей между русскими Кіевской области и южными кочевниками. Многія поселенія тюркскаго племени, торки, берендеи, «черно-шапошники», или кара-калпаки, поселились на югѣ отъ этой рѣки. Впослѣдствіи татары водворились около Канева [3]), въ значительной части Кіевской Руси; полагаютъ даже, что и Бердичевъ былъ первоначально татарской колоніей. Безъ сомнѣнія, эти пришельцы во многихъ мѣстахъ смѣшивались со славянскимъ населеніемъ, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что люди, которыхъ литовскій князь Ольгердъ вытѣснилъ изъ Подоліи въ 1366 году, были татары, говорившіе русскимъ языкомъ [1]). На всемъ юго-западѣ Россіи можно встрѣтить множество названій, напоминающихъ пребываніе въ краѣ мусульманскихъ поселенцевъ.

Въ наши дни малороссы—почти исключительно земледѣльцы, и люди самаго мирнаго нрава. Но въ прежнія времена, въ продолженіи многихъ столѣтій, война была постояннымъ явленіемъ въ равнинахъ, гдѣ протекаетъ Днѣпръ, и жители всегда должны были быть готовы или къ битвѣ, или къ бѣгству. Могучая рѣка, которая нынѣ мирно катитъ свои воды среди странъ, населенныхъ людьми одной народности и одного языка, есть одинъ изъ тѣхъ потоковъ, которые играли наиболѣе важную роль въ исторіи народовъ и берега которыхъ особенно упорно оспаривались другъ у друга двумя враждебными племенами. Послѣ вторженія турокъ въ Крымъ, въ 1475 году, татары сдѣлались поставщиками живаго товара для гаремовъ и каторжныхъ работъ въ Стамбулѣ, и вскорѣ южныя области славянскаго государства стали ареной для охоты на невольниковъ [2]). Мусульманскіе хищники, задумавъ набѣгъ, обыкновенно собирались зимой близъ Перекопскаго перешейка, при чемъ каждый изъ нихъ приводилъ двухъ или трехъ коней для будущихъ плѣнниковъ и ожидаемой добычи; отсюда они выступали въ походъ многочисленнымъ полчищемъ, иной разъ въ количествѣ шестидесяти или восьмидесяти тысячъ человѣкъ, переходили за Днѣпръ, являлись неожиданно въ какой-нибудь населенной мѣстности, грабили села, хуторы, господскіе замки и забирали въ плѣнъ всѣхъ жителей; затѣмъ, прежде чѣмъ успѣвали собрать войско для отраженія набѣга, лихіе наѣздники уже были въ безопасности въ своихъ степяхъ, по ту сторону Днѣпра. Для борьбы съ этими монгольскими отрядами грабителей выступали подобныя же военныя дружины, образовавшіяся изъ христіанскихъ элементовъ и стяжавшія себѣ громкую славу подъ именемъ казаковъ [3]). Главная масса ихъ арміи состояла изъ людей независимыхъ, искавшихъ свободнаго образа жизни и простора для своей удали на границахъ, въ то время оспариваемыхъ другъ у друга христіанами и

---

[1]) „Труды археологической коммисіи", 1864, 1872 гг. и т. д.

[2]) Worsaae, „La colonisation de la Russie et du Nord Scandinave".

[3]) „Путешествіе Плано Карпини въ 1251 году".

[1]) Симашкевичъ, „Описаніе Подоліи", 1.

[2]) Michalon Lithuanus, „Fragmenta;—Антоновичъ и Драгомановъ, „Историческія пѣсни малорусскаго народа", I ч.

[3]) Слово „казакъ"—безспорно не славянскаго корня; оно вѣроятнѣе всего турецкаго происхожденія. По мнѣнію однихъ, оно въ переводѣ означаетъ „вольный человѣкъ" и удержалось въ названіи „киргизъ-кайсакъ"; по мнѣнію другихъ, произошло отъ наименованія одного кавказскаго племени („касоги"), и т. д. Въ Ордѣ „казаками" называли низшій классъ войска. Ред.

магометанами,—изъ рыболововъ, укрывшихся подъ высокими лѣсистыми берегами Днѣпра,—изъ отважныхъ торговыхъ людей, странствовавшихъ караванами по широкой степи. Кромѣ того, паны польскіе и литовско-русскіе, находившіеся въ средѣ этого пограничнаго воинства и воспитанные болѣе или менѣе подъ вліяніемъ рыцарскихъ идей Запада, сдѣлали изъ казаковъ нѣчто въ родѣ «украиннаго рыцарства». Одинъ изъ первыхъ центровъ сопротивленія образовался близъ Переяслава (на берегу большаго колѣна Днѣпра), защищеннаго съ восточной и сѣверной сторонъ болотами, лѣсами, блуждающими рѣчками. Каневъ и Чигиринъ также принадлежатъ къ числу городовъ, имена которыхъ всего чаще упоминались въ первыя времена исторіи казачества; но самой большой извѣстностью пользовался городъ Черкасы, какъ

Староста, еврей и отставной солдатъ (Борисполь, Полтавской губ.).

центръ «низовыхъ казаковъ», то-есть рыболововъ и торговыхъ людей, и «городовыхъ казаковъ», то-есть уже населенной области по среднему теченію Днѣпра. Имя «Черкасы» даже сдѣлалось у татаръ и у москвитянъ національнымъ наименованіемъ для обозначенія малороссовъ, и его употребляютъ понынѣ въ южной части Великороссіи.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, въ эпоху великой борьбы между элементами польскимъ и украинскимъ, казаки перенесли далѣе на югъ свои главныя стратегическія позиціи и расположились укрѣпленными становищами ниже Самарскаго устья, на низменныхъ, покрытыхъ густымъ, высокимъ камышомъ, островахъ Днѣпра, среди пороговъ и на скалистыхъ берегахъ рѣки: отсюда и произошли названія «запорожцы» и «Запорожье»; здѣсь-то, вдвойнѣ защищенные утесами и болотами этой части Днѣпра, огражденные, сверхъ того, глубокими, хорошо охраняемыми окопами, они могли смѣло вызывать на бой татарскихъ хищниковъ и начали платить имъ за набѣги набѣгами то въ Крымъ, то на берега Чернаго или Азовскаго морей. Живя рыбной ловлей, охотой и войной, эта христіанская вольница скоро заставила трепетать мусульманскихъ разбойниковъ. Дикая свобода казаковъ привлекала къ нимъ постоянно увеличивавшуюся массу крестьянъ, уходившихъ отъ крѣпостной зависимости. Въ семнадцатомъ столѣтіи ряды ихъ состояли по меньшей мѣрѣ изъ «ста двадцати тысячъ человѣкъ, все людей привычныхъ къ войнѣ» [1]). Они выплывали на своихъ легкихъ челнахъ, называемыхъ «чайками», въ Черное море и грабили турецкіе берега; болѣе отважные переплывали даже море и однажды сожгли Синопъ, на малоазіатскомъ берегу, а въ одну изъ своихъ морскихъ экспедицій, въ 1624 году, они пробрались до самаго Константинополя и разграбили его предмѣстья. Укрѣпленные сторожевые посты были разставлены, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, по всему низовью Днѣпра, между Бугомъ и Азовскимъ моремъ, а около середины ихъ владѣній съ измѣнчивыми границами находилось главное убѣжище ихъ, имѣвшее видъ укрѣпленнаго лагеря и называвшееся «Січью», или «Сѣчью». Первая Сѣчь, по словамъ лѣтописей, была основана казаками въ шестнадцатомъ столѣтіи на островѣ Хортица, прежде Хортичъ—посреди Днѣпровскихъ пороговъ, близъ того мѣста, гдѣ печенѣги въ 972 году отсѣкли голову великому князю Святославу, этому истому казаку былыхъ временъ, и сдѣлали изъ его черепа чашу для своихъ пиршествъ. Но, вскорѣ послѣ того, самое извѣстное убѣжище ихъ было далѣе на югѣ, на одномъ изъ острововъ «Великаго Луга», при сліяніи Чертомлика и Днѣпра, и на противоположномъ полуостровѣ. Эта «Старая Сѣчь», существовавшая до 1709 г., была впослѣдствіи замѣнена другими, также расположенными вблизи лабиринта днѣпровскихъ острововъ, гдѣ турецкія лады, преслѣдовавшія запорожскихъ удальцовъ, сбивались съ пути въ безчисленныхъ протокахъ между островами и часто теряли всѣхъ своихъ гребцовъ: ихъ сражали мѣткія пули невидимыхъ враговъ, спрятавшихся въ густыхъ камышахъ.

Казаки не составляютъ особой семьи, которая бы, по языку или происхожденію, существенно отличалась отъ другихъ славянъ болѣе или менѣе смѣшанныхъ жителей равнинъ; если они разнились отъ своихъ единоплеменниковъ, то не кровью, а наслѣдственными чертами, которыя образовались у нихъ подъ вліяніемъ нравовъ бродячей жизни и чувства гордой независимости. Во всѣ времена малороссійскіе казаки принимали въ свое общество или военное братство только людей, умѣвшихъ креститься по-ихнему, то-есть всякаго врага нехристей-магометанъ и язычниковъ, такъ что, слѣдовательно, всѣ восточные славяне въ состояніи были выдержать этотъ вступительный экзаменъ. Случайное сходство имени казацкаго города Черкасы съ названіемъ кавказскаго племени черкесовъ подало поводъ совершенно ошибочно предполагать восточное происхожденіе казаковъ. Что касается ихъ названія, то оно дѣйствительно татарское, и элементы печенѣжскіе и хазарскіе, безъ всякаго сомнѣнія, встрѣчались между предками казаковъ, этихъ защитниковъ христіанскихъ обществъ; но это смѣшеніе, и въ особенности смѣшеніе съ племенемъ каракалпаковъ, или «черно-шапошниковъ», обозначаемыхъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ черкасовъ, произошло уже гораздо ранѣе образованія казацкихъ общинъ.

Запорожцы, этотъ авангардъ малороссійскаго казачества, могутъ быть разсматриваемы какъ казаки по-преимуществу, и потомки ихъ, сдѣлавшіеся мирными земледѣльцами, и теперь еще присвоиваютъ себѣ титулъ «добрыхъ козаків». Организованные въ курени [1]), то-есть военныя товарищества, жившія общимъ трудомъ, имѣвшія общее «куренное» имущество и сходившіеся обѣдать за общественные столы, они подчинялись только выбраннымъ изъ своей среды начальникамъ, куреннымъ атаманамъ, или «батькамъ», и каждый годъ собраніе, состоявшее изъ членовъ всѣхъ общинъ, сходилось на общій совѣтъ или сеймъ («кошъ») [2]), служившій представителемъ всего «низоваго

---

[1]) Бопланъ, „Описаніе Украйны“. Спб., 1832.

[1]) Курень—славянское слово, означающее „дымъ“, „хату“. По другому толкованію, курень—слово турецко-монгольское, означающее „укрѣпленный станъ“, „загородъ“. Куренемъ назывался также домъ, гдѣ жили казаки извѣстнаго куреня, неимѣвшіе собственной хаты.

[2]) Кошъ—отъ татарскаго слова, означающаго „артель пастуховъ“.

товариства». Это казацкое вѣче, или рада, распредѣляло по жребію рѣки, продукты которыхъ прокармливали всѣхъ запорожцевъ и служили имъ средствомъ торговаго обмѣна; въ то же время оно выбирало новаго главнаго (кошеваго) атамана и другую войсковую старшину, состоявшую изъ обознаго судьи, писаря, эсаула, хорунжаго, полковниковъ, для управленія дѣлами войска и разбора споровъ между казаками; горсть пыли, посыпанная на голову этимъ выборнымъ казацкимъ чинамъ, должна была всегда напоминать имъ, что они—не болѣе какъ слуги общества. Для военныхъ экспедицій они избирали диктатора, который назывался «гетманомъ»; слово это нѣмецкаго происхожденія (Hauptmann), или турецкаго — атаманъ. — Власть этого выборнаго предводителя была очень велика, хотя, впрочемъ, всегда согласовалась съ установившимся обычаемъ; гетманъ могъ казнить провинившихся, обезглавить и даже посадить на колъ, но не иначе, какъ спросивъ мнѣніе своего военнаго совѣта. Во время походовъ всякій пьяница изгонялся изъ войска; употребленіе «горилки» было запрещено. Слово, возглашенное или одобренное всѣми, становилось для нихъ закономъ, и всякая, даже малѣйшая группа, составлявшая уже общину, должна была заставить уважать его. Всякій, кто нарушалъ это слово, находилъ нелицепріятныхъ судей въ своихъ товарищахъ, даже среди степи, дали отъ остальнаго братства. «Тамъ, гдѣ есть только три казака», говаривалъ гетманъ Хмѣльницкій, «тотъ, кто сдѣлаетъ худое, судится двумя другими». Въ своихъ степныхъ походахъ они укрѣплялись таборами изъ телѣгъ [1])—«подвижными крѣпостцами на колесахъ», которыя они, быть можетъ, заимствовали, вмѣстѣ съ названіемъ, у чеховъ Жижки [2]), и которыя они иногда во время битвы пускали въ скачь противъ непріятеля, чтобы разорвать его ряды. Вольные въ своихъ воинственныхъ похожденіяхъ, такъ сказать, властители пространства, запорожцы сдѣлались почти неуловимыми: когда ихъ сплетенные изъ хвороста шалаши обращались въ пепелъ, или ихъ легкіе челны, «чайки», погибали въ волнахъ Чернаго моря, они скоро оправлялись отъ потерь, принимая въ свою среду стекавшихся со всѣхъ сторонъ новыхъ пришельцевъ. Запорожскихъ «братчиковъ» связывали въ одну семью, въ одинъ союзъ общая опасность и любовь къ степи, по которой они рыскали на своихъ быстрыхъ лошадкахъ. «Кто за вѣру христіанскую хочетъ быть посаженнымъ на колъ, колесованнымъ, четвертованнымъ, кто готовъ вынести всякія пытки, кому не страшна смерть, тотъ пусть идетъ съ нами!» таковы были воззванія запорожскихъ атамановъ [1]). Но, привыкнувъ смотрѣть на себя какъ на защитниковъ вѣры христіанской, они хотѣли также быть охранителями ихъ «матери», Украины малороссійской, и свободы народа. Такъ велика была любовь казаковъ къ родимой землѣ, что, покидая старую сѣчь, они уносили съ собой комки земли, которые служили имъ символомъ отечества на чужбинѣ [2]). Если они погибали въ морской экспедиціи, то исповѣдывались «синему морю» [3]).

Вся область по южной границѣ между славянами и татарами или турками была занята казаками, и эта «пограничная страна», Украйна, то расширялась, то съуживалась, смотря по превратностямъ войны и ходу военной колонизаціи. Бо́льшая часть пространства, заключеннаго между черноземными равнинами и морскимъ прибрежьемъ, обратилась, наконецъ, въ настоящую пустыню, черезъ которую отваживались переходить только бѣглецы; съ 1667 по 1686-й годъ было условлено даже, что вся страна поверхностью около 45.000 квадр. верстъ, заключающаяся между Днѣпромъ, Тясминомъ, Днѣстромъ и истоками Ингула и Ингульца, должна оставаться безлюдной, чтобы служить границей между двумя христіанскими государствами славянской Европы и мусульманской державой. Въ то время, какъ испанцы и португальцы уже колонизовали Америку и острова Вестъ-Индіи, южная степь еще ожидала новыхъ жителей, послѣ совершеннаго опустошенія, произведеннаго мусульманами и христіанами. Заселеніе, столько разъ начинавшееся со временъ «царственныхъ скиѳовъ», было дважды предпринимаемо—въ первый разъ послѣ турецкихъ нашествій, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, во второй—послѣ раздѣла степей между Польшей, Московскимъ государствомъ и Турціей. Каждый разъ колонизація состояла изъ двухъ различныхъ элементовъ: вольныхъ казаковъ и господскихъ поселенцевъ. Польскіе паны, которымъ были пожалованы обширныя земли въ этихъ пустынныхъ пространствахъ, старались заселить ихъ кѣмъ бы то ни было, обѣщая всѣмъ крестьянамъ, которые изъявили бы готовность поселиться въ этихъ страшныхъ мѣстахъ, полную льготу отъ всякихъ податей и повинностей, безнаказанность за всякое преступленіе или проступокъ. Графъ Замойскій приглашалъ всѣхъ, даже отцеубійцъ, даже людей, «обвиняемыхъ въ убійствѣ своего господина», и этотъ призывъ былъ услы-

[1]) „Казаки, говоритъ Бопланъ въ своемъ „Описаніи Украйны", переходятъ по степямъ таборомъ или караваномъ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же съ дротиками, пищалями и косами идутъ посреди табора; вокругъ его ѣдутъ лучшіе наѣздники. Кромѣ того, во всѣ четыре стороны посылаютъ по одному казаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель, стражи даютъ сигналъ, и таборъ останавливается".

[2]) Ernest Denis, „Huss et la guerre des Hussites".

[1]) Кулишъ, A. Rambaud, „Russie épique".

[2]) Скальковскій, „Исторія Новой Сѣчи".

[3]) Антоновичъ и Драгомановъ, выше цитированное сочиненіе.

*

шанъ. Привлекаемые обѣщаніемъ воли на земляхъ, къ тому же славившихся своимъ необыкновеннымъ плодородіемъ, которыя должны были принадлежать имъ нѣкоторое время, крѣпостные крестьяне литовскихъ мѣстностей устремились туда десятками и сотнями тысячъ; города, мѣстечки, деревни основались по берегамъ всѣхъ рѣчекъ и ручьевъ, на днѣ всѣхъ овраговъ, въ каждой изъ этихъ обширныхъ феодальныхъ концессій; степь быстро измѣнилась въ воздѣланную страну, подобнымъ же образомъ, какъ два столѣтія спустя дикія «преріи» Дальняго Запада Сѣверной Америки превратились въ пахатныя земли. Свобода совершила это чудо внезапнаго заселенія недавнихъ пустынь; но когда помѣщики захотѣли взять обратно свои земли, опять обратить крестьянъ въ крѣпостное состояніе и отдать ихъ на съѣденіе евреямъ-ростовщикамъ, то они столкнулись съ людьми, которые претендовали на титулъ казаковъ и желали остаться вольными. Эти попытки порабощенія, соединенныя съ религіозными преслѣдованіями, должны были имѣть окончательнымъ послѣдствіемъ, послѣ ряда смутъ и возстаній, паденіе самого Польскаго государства [1]). Въ 1649 году бо̀льшая часть украинцевъ, подъ предводительствомъ гетмана запорожскаго Богдана Хмѣльницкаго, успѣла добиться признанія автономіи малороссійскаго гетманства, затѣмъ въ 1654 году послѣднее отложилось отъ Польши и отдалось подъ покровительство Московскаго царства, по Переяславскому договору. Свобода его не долго была уважаема; московскіе бояре жаловались, что ихъ крѣпостные крестьяне уходили, ища убѣжища въ Украйнѣ, у воеводъ часто бывали столкновенія съ горожанами, а Петръ Великій требовалъ выдачи выходцевъ съ Дона, которымъ запорожцы оказывали гостепріимство. Малороссійскіе казаки являлись помѣхой московской централизаціи, и ихъ старинное устройство было уничтожено. При Петрѣ Великомъ тысячи казаковъ погибли на работахъ по сооруженію Ладожскаго канала; затѣмъ Екатерина II совершенно упразднила малороссійское гетманство, въ 1765 году, а десять лѣтъ спустя Сѣчь была занята русскимъ отрядомъ, и запорожское войско перестало существовать. Тѣ казаки, которые хотѣли остаться вольными, принуждены были удалиться за Дунай, къ туркамъ, своимъ исконнымъ врагамъ. Въ 1775 г., когда послѣдняя Запорожская Сѣчь, стоявшая на нижнемъ Днѣпрѣ, была взята генераломъ Текели, взрослые казаки «вольныхъ земель» были въ числѣ 13.000, изъ которыхъ почти 1.200 находилось въ самой Сѣчи; около 60.000 человѣкъ казаковъ и бѣглыхъ крестьянъ жили па окружающей территоріи, въ хуторахъ, которые были даны имъ во владѣніе казацкими общинами [1]).

Нѣкоторыя черты прежняго казацкаго характера должны, конечно, встрѣчаться и у современныхъ намъ украинцевъ. Крестьянскіе бунты всего чаще имѣли мѣсто именно на берегахъ Днѣпра, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жили самыя воинственныя казацкія товарищества, и по всей Малороссіи старинная преданность громадѣ (община, міръ) сохранилась въ силѣ до нашихъ дней, несмотря на политическія преобразованія. «Громада—великій чоловікъ», говоритъ украинская пословица. Малороссъ сохранилъ въ себѣ также нѣчто, напоминающее прежняго кочевника: онъ безъ труда переселяется на новыя мѣста, хотя и не обладаетъ колонизаторскимъ геніемъ великорусса. У него сложилась даже поговорка, очень часто оправдываемая дѣйствительностью,—въ ней выражается его страсть къ перемѣнѣ, происходящая главнымъ образомъ отъ любви къ вольной жизни: «хочъ гирше, та инше» (хоть хуже, да иное). Въ 1856 году по Украйнѣ пронесся слухъ, будто бы князь Константинъ отправился въ Бисову-Арабію (Бессарабію),—другіе говорили въ Крымъ,—и что тамъ онъ возсѣдаетъ подъ краснымъ шатромъ, предлагая волю и землю всѣмъ добрымъ украинцамъ; но что крѣпостные должны явиться на его призывъ непремѣнно въ этомъ году, по прошествіи же этого срока будетъ ужъ поздно. И вотъ цѣлыя поселенія вдругъ поднялись, не затѣмъ, чтобы возстать противъ помѣщиковъ, а чтобы удалиться съ миромъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Александровскомъ уѣздѣ, крестьяне продали за нѣсколько рублей все свое имущество евреямъ-ростовщикамъ, покинули свои родныя пепелища и отправились въ путь. «Много благодарны вамъ за хлѣбъ за соль», говорили они на прощаньи своимъ господамъ, «но мы не желаемъ болѣе быть панскими» [2]).

Казакъ-воинъ живетъ теперь только въ легендахъ, да въ пѣсняхъ народныхъ; также и чумакъ, другой оригинальный типъ Украйны привольной, долженъ скоро исчезнуть, вмѣстѣ со своимъ промысломъ: желѣзныя дороги, пароходы вытѣсняютъ его мало-по-малу; они уже заставили его измѣнить пріемы чумакованья и такимъ образомъ лишили его прежней физіономіи; однако, онъ борется противъ желѣзныхъ путей съ замѣчательной энергіей. Сидя въ быстро несущемся поѣздѣ, пассажиры часто замѣчаютъ по сторонамъ дороги длинныя вереницы телѣгъ и людей, въ вышитыхъ рубахахъ, запачканныхъ дегтемъ шароварахъ, съ длинными чупринами: это—караваны (таборы, или валки) чумаковъ. Ввѣряемые имъ

[1]) Alfred Rambaud, выше цитированное сочиненіе.

[1]) Щебальскій, „Сборникъ московскаго антропологическаго общества". I, 1868 г.

[2]) А. Шмидтъ, „Херсонская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи", 1863 г.

товары часто доставляются на корабли въ Одессу не только за болѣе дешевую плату, но и скорѣе, чѣмъ при отправкѣ ихъ по желѣзной дорогѣ, хотя путешествіе ихъ отъ береговъ Днѣпра до Одессы продолжается нѣсколько недѣль. Въ старину чумакъ тоже былъ герой, какъ и запорожецъ: чтобы съѣздить за солью и рыбой на берега Чернаго или Азовскаго моря, въ Крымъ или на Донъ, ему нужно было приготовиться ко всякимъ лишеніямъ и опасностямъ. Послѣ продолжительнаго странствованія по пыльнымъ равнинамъ, черезъ высохшія или выступившія изъ береговъ рѣки, подъ палящимъ солнцемъ, подъ проливнымъ дождемъ или снѣжнымъ бураномъ, онъ встрѣчался лицемъ къ лицу съ непріятелями, передъ которыми пропускной листъ не всегда былъ достаточной охраной. Разбойники могли поджи-

Малороссійскіе типы.– Кобзарь Остапъ Вересай и Лирникъ.

дать его въ трудныхъ проходахъ; помѣщики могли разорить его поборами; вся жизнь его проходила въ постоянномъ шествованіи впереди своего обоза, въ компаніи своего неразлучнаго товарища—сидѣвшаго на первомъ возу, бдительнаго пѣтуха, который замѣнялъ ему часы, возглашая каждое утро часъ отъѣзда. Если смерть застигала чумака въ дорогѣ, то надъ его могилой воздвигали маленькій курганъ. Еще въ прошломъ столѣтіи рядомъ съ покойникомъ клали бутылку горилки, подкрѣплявшей его силы во время послѣдняго путешествія [1]).

Пѣсни вольнаго казака, припѣвы вѣчно странствовавшаго чумака остались въ памяти малорусскаго народа; **кобзарь** или **бандуристъ**, распѣвающій подъ аккомпаниментъ своей большой лютни, называемой **кобзой** или **бандурой**, и **лирникъ**, играющій не на лирѣ, а на инструментѣ въ родѣ стариннаго «рылѣ», и теперь еще разсказываютъ на распѣвъ стихи, которые впервые раздавались на привольной степи. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, нынѣ распѣваемыхъ малороссійскими рапсодами на ярмаркахъ, имѣютъ исторический характеръ; но, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ пѣсенъ, есть такія, которыя, по вдохновенію мысли, по силѣ выраженія и богатству подробностей, составляютъ какъ бы отрывки эпопей; къ сожалѣнію, эти былины уже рѣдко услышишь изъ устъ народа, и, вѣроятно, ихъ скоро можно будетъ встрѣтить только въ письменной литературѣ. Это—думы, историческіе разсказы, которые живо рисуютъ намъ прошлое со всѣми надеждами и страхами, радостями и печалями, чувствами и страстями, волновавшими людей той эпохи: слушая эти думы, малороссу кажется, что онъ переносится въ славную старину, живетъ жизнью своихъ предковъ, казаковъ. Мало найдется языковъ, обладающихъ народной поэзіей, которая превосходила бы думы украинцевъ энергіей слова и глубиной чувства [2]). А ихъ любовныя пѣсни—какъ много въ нихъ въ одно и то же время нѣжности и силы, страсти и скромности! Между тысячами этихъ пѣсенъ относительно мало наберется такихъ, слова которыхъ могли бы оскорбить стыдливость молодой дѣвушки; но большинство ихъ вызоветъ слезы на ея глазахъ, потому что почти всѣ пѣсни малоросса проникнуты тихой грустью, меланхолическимъ настроеніемъ: это —пѣсни народа, которому пришлось много и долго страдать, и который любуется созерцаніемъ своей несчастливой доли. Однако, собраніе историческихъ пѣсенъ, сдѣланное различными изслѣдователями съ начала нынѣшняго столѣтія [3]), заключаетъ въ себѣ также нѣсколько пѣсенъ, дышащихъ гнѣвомъ и укоромъ. Такова, напримѣръ, пѣсня о **правдѣ**, сущность которой заимствована изъ псалмовъ [1]): «Правда нынче въ тюрьмѣ у пановъ; неправда же развязно возсѣдаетъ съ панами въ почетной залѣ».—«... Справедливость попрана панами, а несправедливости подливаютъ меду въ чаши..».—«О, наша мать, наша мать съ орлиными крыльями—гдѣ тебя найти?...».

Народныя малороссійскія пѣсни и думы, авторы которыхъ неизвѣстны и которыя передаютъ кобзари (по большей части слѣпые старики, какъ тѣ слѣпцы древней Эллады, которые распѣвали гомеровскія пѣсни) отъ поколѣнія къ поколѣнію, научая имъ другихъ бандуристовъ, уже сами по себѣ составляютъ очень драгоцѣнную литературу; но эти произведенія народной музы—не единственное сокровище Малороссіи, языкъ которой никогда не переставалъ быть языкомъ литературнымъ. Даже подъ церковно-славянскимъ, который сдѣлался письменнымъ языкомъ древней Россіи со времени введенія христіанства, не трудно узнать малорусскіе обороты въ первыхъ памятникахъ русской письменности, каковы «Повѣсть временныхъ лѣтъ» Нестора и «Слово о Полку Игоревѣ»; волынская хроника, наиболѣе поэтическая изъ всѣхъ лѣтописей, имѣетъ совершенно малороссійскій характеръ. Но особенно съ шестнадцатаго столѣтія, съ того времени, какъ «обыкновенный» или «казацко-русскій» языкъ, очищенный отъ церковныхъ или «болгарскихъ» формъ, сдѣлался свободнымъ, онъ получилъ важное литературное значеніе для полемики политической и религіозной, повѣстей, драмы, переводовъ. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, раздѣлъ Украйны, эмиграція большаго процента образованныхъ людей въ Москву и Петербургъ, затѣмъ, съ конца восемнадцатаго вѣка, запрещеніе народнаго языка въ школахъ,—все это задержало малорусское литературное движеніе; но оно опять ожило, благодаря поэтамъ и романистамъ, которые говорятъ теперь чистымъ малорусскимъ нарѣчіемъ безъ примѣси церковно-славянскаго или польскаго языка. Одинъ изъ этихъ писателей —великій поэтъ Тарасъ Шевченко, бывшій долго крѣпостнымъ и солдатомъ, несчастливецъ, пѣсни котораго разсказываютъ о бѣдствіяхъ его народа и говорятъ ему о будущей «правдѣ и волѣ».

Малороссіяне отличаются большой понятливостью и очень любознательны: статистика доказываетъ, что популярныя научныя сочиненія распространяются у нихъ быстрѣе, нежели у великоруссовъ. Въ былыя времена Московское государство получало своихъ препо-

---

[1]) Драгомановъ, „Рукописныя замѣтки".

[2]) Bodenstedt, „Die poetische Ukraine".

[3]) Максимовичъ, „Украинскія народныя пѣсни"; Антоновичъ и Драгомановъ, „Историческія пѣсни малорусскаго народа"; Ручепко, „Чумацкія народныя пѣсни"; Кулишъ, „Записки о Южной Россіи"; Alfred Rambaud „Russie épique".

[1]) Драгомановъ, „Рукописныя замѣтки".

давателей изъ Малой Россіи и даже изъ Бѣлоруссіи; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи академіи существовали въ Острогѣ (на Волыни), въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, тогда какъ Великая Россія не имѣла еще ни одного высшаго учебнаго заведенія; даже въ 1658 году, при заключеніи договора въ Гадячѣ, казаки ставили однимъ изъ условій возсоединенія Малороссіи съ Польшей учрежденіе двухъ университетовъ, которые бы пользовались такими же привилегіями, какъ Краковскій университетъ; далѣе, выговаривали себѣ право основывать гимназіи и свободу печати. Теперь же эти украинскія области, гдѣ въ старину образованіе было въ такомъ большомъ почетѣ, занимаютъ послѣднее мѣсто по степени развитія народнаго просвѣщенія; онѣ имѣютъ наименѣе школъ и учащихся по сравненію съ числомъ жителей.

Послѣ промежутка въ сто лѣтъ, число начальныхъ школъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину въ бывшей казацкой Украйнѣ; такъ, напримѣръ, на территоріи Черниговскаго казачьяго полка въ 1748 году существовало 143 школы, а въ 1875 году на томъ же пространствѣ ихъ насчитывалось только 52 [1]). Этотъ достойный сожалѣнія контрастъ между прошлымъ и настоящимъ долженъ быть приписанъ, главнымъ образомъ, употребленію въ школахъ языка, чуждаго дѣтямъ. Система централизаціи не оставила въ покоѣ и языка жителей. Литературныя попытки, которыя могли бы заставить цѣнить его, какъ онъ того заслуживаетъ, строго обуздывались. Цензура не разрѣшала никакихъ періодическихъ изданій на малороссійскомъ языкѣ; не дозволялось даже переводить сочиненія религіозныя или учебныя, давать театральныя представленія или читать публичныя бесѣды на этомъ нарѣчіи; даже текстъ музыкальныхъ сочиненій очищался цензорами отъ малороссійскихъ словъ [2]). Можно подумать, что имѣлось въ виду довести народъ до того, чтобы онъ относился съ презрѣніемъ къ своему родному языку, смотрѣлъ на него какъ на простонародную рѣчь, и почиталъ за честь употреблять лишь слова, такъ сказать, заклейменыя казеннымъ штемпелемъ. Сомнительно, однако, чтобы подобное предпріятіе могло увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ на малороссійскомъ языкѣ говорятъ двадцать милліоновъ людей, изъ которыхъ три милліона живутъ за предѣлами Россійской имперіи, въ Галиціи, въ Буковинѣ, въ Венгріи. Малорусскій языкъ имѣетъ даже четыре каѳедры во Львовскомъ университетѣ; тамъ переводятъ на малороссійскій языкъ Байрона, Шелли и творенія другихъ современныхъ писателей европейской литературы, и двѣнадцать періодическихъ изданій,—еще очень мало для всей націи,—выходятъ на этомъ языкѣ въ Галиціи и Буковинѣ. Можно ли порвать узы солидарности, связующія людей одного и то же языка по ту и другую сторону политической границы? Въ настоящее время самымъ чистымъ малорусскимъ языкомъ считается тотъ, которымъ говорятъ въ губерніяхъ Полтавской, Екатеринославской, на берегахъ Чернаго моря и въ южныхъ уѣздахъ Кіевской и Черниговской губерній. Въ сѣверной части Кіевской губерніи, и особенно на Волыни и въ Подоліи, къ малороссійскому нарѣчію, по Чужбинскому, примѣшано много польскихъ словъ и выраженій, тогда какъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи оно приближается къ бѣлорусскому, а въ губерніяхъ Курской и Харьковской, равно какъ въ области Войска Донскаго—къ великорусскому [1]). Однако, собранія народныхъ пѣсенъ, сдѣланныя во всѣхъ странахъ, населенныхъ малорусскимъ племенемъ, отъ верховьевъ Тиссы до низоваго Дона, доказываютъ, что на этомъ огромномъ пространствѣ малороссійскій языкъ представляетъ очень мало мѣстныхъ различій.

Аграрные вопросы имѣютъ капитальную важность во всей Россіи, но въ земляхъ украинскихъ казаковъ они тѣмъ важнѣе, что крупная земельная собственность появилась тамъ въ сравнительно недавнее время. Народъ помнитъ, что земля принадлежала ему, и въ періодъ крѣпостнаго права возмущенія крестьянъ составляли довольно частое явленіе. Уже до освобожденія крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ Украйнѣ праваго берега Днѣпра, правительство признало нужнымъ издать такъ называемыя инвентарныя положенія (приводившія въ извѣстность повинности крестьянъ и право владѣльцевъ на крѣпостную работу) и обезпечить крестьянамъ пользованіе землями, на которыя они имѣли право; затѣмъ, послѣ отмѣны крѣпостной зависимости, когда польское возстаніе 1863 года отразилось на малороссійскихъ областяхъ, вызвавъ среди украинскихъ крестьянъ праваго берега попытки къ бунту, цѣна выкупа земли, сдѣлавшагося обязательнымъ, была уменьшена на одну пятую, въ то же время величина надѣла была увеличена. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ надѣлъ составляетъ въ Кіевской губерніи двѣ съ половиной десятины, тогда какъ въ Полтавской онъ не достигаетъ даже 2 десятинъ. Однако, большое число украинскихъ крестьянъ совсѣмъ не получило земли и принуждено выселяться или работать у другихъ въ качествѣ батраковъ. Въ Новороссійскомъ краѣ положеніе крестьянъ лучше, потому что этотъ край еще сравнительно менѣе населенъ, вслѣдствіе чего крестьянскіе надѣлы тамъ значительно больше (величина ихъ колеб-

[1]) „Сборникъ черниговскаго земства“.

[2]) Dragomanov, „La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe“. „Rapports au congrès littéraire de Paris“, 1878.

[1]) А. Чужбинскій, „Поѣздка въ Южную Россію“.

лется, смотря по мѣстностямъ, отъ $2^1/_2$ до $6^2/_3$ десятинъ), отчасти и потому, что тамъ обработка почвы производится цѣлыми общинами.

Духъ общинной организаціи, который считали исчезнувшимъ изъ Малороссіи, проявляется тамъ, напротивъ, въ замѣчательной степени со времени освобожденія сельскаго сословія. Во всей странѣ существуютъ товарищества или артели рыболововъ, косарей, жнецовъ, напоминающія братства старыхъ запорожцевъ, съ тою разницею, что вмѣсто того, чтобы работать на самихъ себя, эти товарищества по большей части утилизируются предпринимателями или подрячиками: начало ассоціаціи, основанной на равенствѣ всѣхъ членовъ, обнаруживается тамъ лишь въ организаціи труда и распредѣленіи заработка [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне снимаютъ у помѣщиковъ земли, чтобы сообща воздѣлывать ихъ, и дѣлятъ между собой получаемый продуктъ: при этомъ способѣ, «работа, говорятъ они, идетъ спорѣе, лучше и веселѣе» [2]). Въ Черниговской губерніи, гдѣ подобныя товарищества всего лучше изучены, они существуютъ съ давнихъ поръ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ старинные письменные памятники. Трудъ міромъ, артелью такъ укоренился въ нравахъ населенія, что на табачныхъ плантаціяхъ молодыя дѣвушки тоже соединяются въ артель, чтобы исполнять всѣ работы—садку, полотье, отборку листьевъ, приготовленіе табаку для продажи. Владѣльцу остается только вспахать землю да построить дома для работницъ и сараи для склада табаку. Молодыя дѣвушки получаютъ половину сбора и всегда дѣлятъ ее между собой поровну [3]).

Если малороссы перешли далеко за предѣлы бассейновъ Днѣпра и Днѣстра, то и ихъ территорія получила представителей иноплеменной національности въ большомъ числѣ. Въ Малороссіи насчитываютъ, по меньшей мѣрѣ, до двадцати народностей, различающихся племеннымъ происхожденіемъ, нравами, языкомъ. Великоруссы врѣзываются тамъ и сямъ архипелагами во внутренность этой страны и образуютъ, кромѣ того, колоніи въ городахъ; поляки-католики, потомки бывшихъ властителей края и служители, составлявшіе у нихъ маленькіе дворы, сохранились группами во всей территоріи, которая составляла часть Польскаго королевства въ восемнадцатомъ столѣтіи; на югѣ—татары, также происходящіе отъ завоевателей, были тамъ и сямъ пощажены и теперь живутъ среди христіанскихъ населеній. Наконецъ, торговыя или кочевыя расы, евреи и караимы, армяне, греки, цыгане, разсѣяны по поверхности Малороссіи, одни—многочисленными группами, какъ евреи, другіе—рѣдкими колоніями или бродячими кучками. Одна только изъ неславянскихъ національностей населяетъ сплоченными массами цѣлую часть территоріи: это—румыны на юго-западной границѣ, происходящіе частію отъ тѣхъ даковъ, которые представлены на колоннѣ Траяна. Можно опредѣлить въ 22.000 квадр. верстъ ихъ этнографическую область, сопредѣльную съ независимой Румыніей.

Потомки колонистовъ, пришедшихъ въ край не по собственной инициативѣ, а по приглашенію правительства, составляютъ особенный элементъ въ общемъ составѣ населенія южной Россіи. Степнымъ пространствамъ черноморскаго прибрежья, которыя столько разъ были опустошаемы войнами или даже систематически обращаемы въ безлюдныя пустыни, чтобы обезпечить миръ на границахъ, грозила опасность потерять всѣхъ своихъ жителей-казаковъ послѣ уничтоженія автономіи запорожскаго войска. Необходимо было призвать поселенцевъ изъ другихъ мѣстъ, чтобы замѣнить убѣгавшее населеніе. Еще въ 1784 году, когда періодъ новаго заселенія страны уже начался за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, народная перепись, произведенная, въ самой оживленной и многолюдной области Украйны, то-есть на пространствѣ почти 1.000 верстъ, которое тянется вдоль обоихъ береговъ Днѣпра, отъ Кіева до Херсона, нашла всего только 45.500 душъ [1]). Только начиная съ этой эпохи населеніе южной Россіи сдѣлалось прочно осѣдлымъ, имѣющимъ постоянное пребываніе, и историкъ можетъ разсказывать его жизнь, не имѣя надобности гоняться за нимъ по степямъ.

Между тѣмъ какъ русское населеніе страны было водворено въ ней какъ крѣпостное, принадлежащее дворянству или казнѣ, иностранные поселенцы явились туда людьми привилегированными. Между иностранцами нѣмцы откликнулись въ наибольшемъ числѣ на призывъ предпринимателей колонизаціи въ этой обширной территоріи, извѣстной подъ именемъ «Новой Россіи». Въ 1789 году они основали нѣсколько поселеній въ Екатеринославской губерніи, на западъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ, и въ степяхъ, разстилающихся между большимъ изгибомъ Днѣпра и Азовскимъ моремъ. Большинство этихъ иммигрантовъ прибыло изъ юго-западной и западной Германіи, изъ Швабіи, Пфальца, Гессена; эльзасцы въ небольшомъ числѣ также примѣшались къ группамъ колонистовъ. Эмигранты, вышедшіе изъ Мекленбурга и Восточной Пруссіи въ голодные годы, тоже основали колоніи въ разныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, равно какъ нѣмцы, переселившіеся туда изъ Польши и Венгерскаго королевства. Имена многихъ колоній напоми-

---

[1]) Щербина, „Южнорусскія артели", „Недѣля", 1877, 1878 гг.

[2]) „Матеріалы для оцѣнки земель въ Черниговской губерніи", I.

[3]) „Сборникъ свѣдѣній объ артеляхъ", II.

[1]) Русовъ, „Нѣкоторыя свѣдѣнія о Днѣпрѣ".

наютъ первоначальную родину жителей, и путешественникъ, проѣзжая черезъ этотъ край, съ удивленіемъ встрѣчаетъ деревни, носящія громкое названіе Мюнхена, Штутгарта, Дармштадта, Гейдельберга, Карлсруэ, Мангейма, Вормса, Страсбурга. Въ 1876 году число нѣмецкихъ колоній, сгруппированныхъ или разсѣянныхъ въ четырехъ губерніяхъ южной Россіи: Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской, простиралось до 370, а жителей въ нихъ насчитывали свыше 200.000 душъ, что составляло немного менѣе двадцатой

Подольскій румынъ.

части всего населенія этихъ губерній [1]). Вообще говоря, эти нѣмецкія колоніи находятся въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря льготамъ, которыми пользовались иностранные поселенцы впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній, благодаря также хорошимъ способамъ обработки земли и веденія сельскаго хозяйства, благодаря, наконецъ, трудолюбію и настойчивости крестьянъ германскаго происхожденія. Поля меннонитовъ на рѣкѣ Молочной, текущей къ Азовскому морю, даже славятся въ Россіи и во всей Европѣ тѣмъ необыкновеннымъ стараніемъ, съ которымъ они обработываются, орошаются и очищаются отъ сорныхъ травъ, красотой фруктовыхъ деревьевъ, которыми обсажены эти нивы, комфортомъ жилищъ колонистовъ. Правда, различныя русскія секты, какъ напримѣръ, молокане (получившіе свое названіе отъ р. Молочной), имѣли тамъ и сямъ колоніи такъ же хорошо содержимыя, какъ и поселенія меннонитовъ; но, какъ отщепенцы господствующей русской церкви, они часто подвергались преслѣдованію, тогда какъ меннониты, эти нѣмецкіе молокане, пришедшіе съ береговъ германской Вислы, пользовались покровительствомъ до самаго послѣдняго времени: имъ дали нераздѣльными участками пространство, представляющее не менѣе 65 десятинъ земли на каждое семейство, а впослѣдствіи прибавили еще и тѣ земли, которыя обработывали русскіе сектанты, духоборцы и молокане, переселенные на Кавказъ [1]). Однако, нѣмецкіе колонисты скоро раздѣлились на два класса, изъ которыхъ одинъ, зажиточный, сдѣлался богаче, чѣмъ были первые переселенцы, тогда какъ другой потерялъ землю и состоитъ теперь изъ

[1]) Peter Diehl, „Geograph. und Statist. Verein zu Frankfurt“, 1875.

[1]) Скальковскій, „Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края“, томъ I.

безземельныхъ батраковъ. Почти исключительно эти-то меннонитскіе пролетаріи выселялись недавно тысячами за океанъ, въ Бразилію, въ Соединенные Штаты, чтобы избѣгнуть воинской повинности, хотя имъ предоставлено было право отбывать срокъ службы, если пожелаютъ, на верфяхъ или въ строительныхъ мастерскихъ, въ обозѣ или въ бригадахъ лѣсной стражи; однако, этимъ эмигрантамъ-меннонитамъ не повезло въ Новомъ Свѣтѣ, и большинство ихъ опять вернулось въ южную Россію. Что касается другихъ нѣмцевъ Новороссійскаго края, то большое число ихъ тоже эмигрировало, такъ что въ 1874 году, въ самый разгаръ этого великаго переселенія нѣмецкихъ колонистовъ, земли, предлагаемыя въ продажу, не находили покупателей [1]). Отнынѣ швабы Новой Россіи уравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ другими русскими подданными. Въ силу принципа централизаціи, они должны употреблять въ оффиціальныхъ сношеніяхъ русскій языкъ; впрочемъ, нѣкоторое число славянскихъ словъ и фразъ и безъ того уже проникло въ ихъ обычную рѣчь. Нѣмецкій языкъ, употребляемый теперь колонистами, представляется болѣе литературнымъ, чѣмъ былъ языкъ ихъ швабскихъ предковъ, благодаря вліянію школъ и маленькихъ сельскихъ библіотекъ. Но въ этихъ школахъ царствуетъ строго консервативный духъ: онѣ неизмѣнно остаются тѣмъ же, чѣмъ были въ восемнадцатомъ столѣтіи, и новые методы вводятся тамъ гораздо труднѣе, нежели въ русскихъ школахъ [2]). Ни одинъ меннонитъ не поступаетъ въ университетъ, ни даже въ гимназію.

Извѣстно, что около 1864 года секта штундистовъ, получившая такое названіе отъ «часовъ» (Stunden), которые нѣмецкіе протестанты и меннониты посвящали религіозному бдѣнію, возникла по близости отъ этихъ германскихъ колоній, между малороссіянами, живущими въ окрестностяхъ Одессы. Эта секта быстро распространилась, притомъ съ характеромъ гораздо болѣе радикальнымъ; она отличается въ особенности нерасположеніемъ къ духовенству и отверженіемъ св. таинствъ. Штунда уже не просто религіозная секта: это—«братство», члены котораго обращаются другъ съ другомъ какъ съ братьями въ повседневной жизни. Новая секта, которая появилась, какъ бы въ силу атавизма, въ странахъ западной Россіи, гдѣ нѣкогда развивалось протестантское движеніе и гдѣ образовались православныя братства [3]), пытавшіяся подчинить церковь мірянамъ, сдѣлала столь быстрые успѣхи, что цѣлыя деревни пристали къ штундѣ. Новыхъ «братьевъ», послѣдователей штундизма, можно встрѣтить даже въ Гомелѣ, въ Бѣлоруссіи [1]).

Нѣмецкія колоніи другаго происхожденія, отличныя отъ новороссійскихъ, устроились недавно на Волыни, особенно въ окрестностяхъ городовъ Луцка и Новоградъ-Волынска. Новые поселенцы, по большей части очень бѣдные и почти всѣ земледѣльцы, гонимые голодомъ изъ Помераніи и Восточной Пруссіи, приходятъ снимать въ аренду у крупныхъ помѣщиковъ невоздѣланныя земли, или расчищать лѣсъ подъ пашни, и принуждены, какъ и ихъ сосѣди, русскіе крестьяне, занимать деньги у ростовщиковъ-евреевъ. Болѣе счастливы въ своихъ предпріятіяхъ, но не болѣе любимы мѣстнымъ населеніемъ—чешскіе крестьяне, которые почти всѣ пришли въ край съ 1868 года; обладая маленькими капиталами, они соединили ихъ, чтобы купить гуртомъ большія имѣнія, раздѣленныя впослѣдствіи на сотни мелкихъ участковъ. Благодаря панславистской пропагандѣ, эти славянскіе братья встрѣтили благосклонный пріемъ со стороны администраціи, и ни одно изъ преимуществъ, которыя были даны имъ, какъ и другимъ колонистамъ, не утрачено ими до сихъ поръ; кромѣ того, они объявили себя гусситами и призвали къ себѣ женатыхъ священниковъ, дабы такимъ образомъ избѣгнуть господства польскихъ католическихъ ксендзовъ, также какъ и господства русскаго православнаго духовенства. Въ числѣ около семи тысячъ, чехи поселились по большей части на линіи изъ Брестъ-Литовска въ Луцкъ; небольшія группы ихъ встрѣчаются также въ окрестностяхъ Бердичева.

Послѣ нѣмцевъ, наиболѣе значительныя группы между иностранными колонистами Новороссійскаго края составляютъ болгары. Болгарскія колоніи основывались въ разныя эпохи. Послѣ каждой войны съ Турціей, возвращавшаяся изъ похода русская армія приводила съ собой болгарскихъ бѣглецовъ, которымъ давали невоздѣланныя земли въ степяхъ, или тѣ земли, откуда были прогнаны мусульмане. Послѣ Крымской войны тысячи болгарскихъ эмигрантовъ получили въ собственность поля, оставшіяся свободными послѣ ухода татаръ-ногайцевъ. Деревни ихъ отличаются замѣчательной чистотой; ихъ сады и поля, состоящіе въ общинномъ владѣніи, свидѣтельствуютъ о хорошей земледѣльческой культурѣ; но тоска по ро-

[1]) „Mittheilungen von Petermann“, 1878, № 11.

[2]) Бар. Корфъ, „Отчетъ о школахъ Александровскаго уѣзда“.

[3]) Такъ назывались издавна существовавшія въ западной Россіи общества, основанныя съ цѣлями благотворительными и религіозными. Они составлялись преимущественно горожанами, а во второй половинѣ XVI ст. получили опредѣленное устройство. Въ церковномъ отношеніи восточные патріархи предоставляли имъ многія права, и привилегіи (даже право отлучать отъ церкви). Они заводили на свой счетъ школы для православныхъ дѣтей, больницы и типографіи для печатанія книгъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ. Ред.

[1]) „Малороссійская штунда“, „Недѣля“, за 1877 г., „Раціонализмъ на югѣ Россіи“, „Отечественныя Записки“ за 1878 г.

днѣ похитила много жертвъ между этими болгарами. Новые колонисты жалѣли о своемъ балканскомъ отечествѣ, болѣе плодородномъ и болѣе прекрасномъ, и съ той поры, какъ Болгарія организовалась въ независимое княжество, много образованныхъ молодыхъ людей изъ болгарскихъ общинъ Новороссіи отправилось на Иллирійскій полуостровъ. Значительная часть территоріи, недавно уступленной Россіи Румыніей, также населена болгарскими земледѣльцами. При турецкомъ владычествѣ, населеніе этого края, какъ и населеніе Крыма и степей низоваго Днѣпра, состояло изъ ногайскихъ татаръ; но еще прежде, чѣмъ лѣвый берегъ Дуная перешелъ подъ власть русскаго правительства, эти татары переселились къ Азовскому морю. Тогда ихъ замѣнили болгарами. Главная иммиграція имѣла мѣсто послѣ Андріанопольскаго мира 1829 года. Новые пришельцы, поселившіеся преимущественно въ Буджакѣ, или южномъ «углу» Бессарабіи, между Дунаемъ, Прутомъ и такъ-называемымъ «Трояновымъ Валомъ», скоро придали занятому ими краю печать благосостоянія, котораго онъ прежде никогда не имѣлъ. Ихъ земли лучше обработаны, чѣмъ поля ихъ сосѣдей-молдаванъ; ихъ дороги лучше содержатся; ихъ деревни, по большей части сохранившія прежнія свои татарскія названія, составляютъ совершенный контрастъ съ селеніями другихъ народностей по правильности планировки, опрятности, довольству и комфорту, по прекраснымъ виноградникамъ, которыми онѣ окружены. Однако, эти болгары, такъ блистательно оправдывающіе репутацію ихъ племени относительно трудолюбія, воздержнаго образа жизни, бережливости, смѣшаны въ большей или меньшей степени съ молдаванами, русскими, греками, цыганами, съ которыми они переговариваются на всѣхъ жаргонахъ Востока.

Кромѣ колоній нѣмцевъ и болгаръ, есть еще нѣсколько поселеній, гораздо менѣе многочисленныхъ, принадлежащихъ другимъ національностямъ. Такъ, близъ Бериславля существуетъ еще старѣйшая колонія, основанная Екатериной II, въ 1782 году; она состоитъ изъ шведовъ, которые добровольно или противъ воли должны были покинуть островъ Даго, уступивъ земли, составлявшія предметъ ихъ тяжбы съ нѣмецкими помѣщиками; но число этихъ колонистовъ, которое первоначально превышало тысячу душъ, сильно уменьшилось, такъ что въ 1863 году ихъ насчитывали только 322, и всѣ они занимались рыболовнымъ промысломъ; они говорили еще шведскимъ языкомъ и до этого времени оказывали отчасти успѣшное сопротивленіе усиліямъ ихъ сосѣдей, нѣмцевъ, которые стараются «германизировать» ихъ. Вѣроятнѣе, что употребленіе, почти неизбѣжное, русскаго языка поведетъ въ концѣ концовъ къ обрусѣнію этихъ шведскихъ колонистовъ [1]. Что касается сербскихъ колоній, основаніе которыхъ относится къ царствованію Елизаветы Петровны, когда нѣсколько тысячъ славянскихъ семействъ, преимущественно сербовъ, изъ турецкихъ и австрійскихъ владѣній, перешло въ русское подданство, и которыя были разселены русскимъ правительствомъ по всей сѣверной окраинѣ области запорожцевъ, съ цѣлью отдѣлить ее такимъ образомъ отъ центра Малороссіи, то эти колоніи почти совершенно слились съ туземнымъ населеніемъ, хотя при Екатеринѣ II онѣ были такъ многочисленны вокругъ городовъ Ново-Миргорода, Бахмута, Славянска, Славяносербска, что доставляли нѣсколько полковъ солдатъ, а населенная ими часть южной Россіи носила названіе «Новой Сербіи». Греки и албанцы, или арнауты, разсѣянные въ различныхъ земледѣльческихъ колоніяхъ или бывшихъ военныхъ поселеніяхъ, по большей части перебрались въ города, гдѣ они занимаются торговлей. Изъ всѣхъ колоній, основанныхъ въ послѣднее столѣтіе, наименѣе благоденствующими оказались поселенія, гдѣ были водворены несчастные евреи, которыхъ хотѣли пріурочить къ земледѣльческому труду. Тѣ самые люди, которые обогатились бы въ городахъ какъ торговцы или ростовщики, впадали въ глубокую нищету какъ хлѣбопашцы: исхудалые, едва прикрытые лохмотьями, живущіе въ полуразвалившихся лачугахъ, они не умѣютъ даже обрабатывать свои поля и сдаютъ половину ихъ въ аренду колонистамъ другой расы [2]. Однако, между этими еврейскими «колонистами» встрѣчаются и очень зажиточные, но они не пашутъ сами своихъ полей. «На що я буду ходить за плугомъ? Про те е мужикъ,—я ёму заплачу, вінъ и зробить, що мині треба», говорилъ одинъ колонистъ-еврей Чубинскому [3]).

Еврейскій міръ, обнимающій Румынію, Венгрію, Галицію, Польшу, Литву, оканчивается на востокѣ въ Украйнѣ: къ востоку отъ губерній Полтавской и Черниговской начинается территорія, которая, не будучи безусловно воспрещена евреямъ для жительства, доступна только воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній и лицамъ, получившимъ ученую степень, купцамъ первой гильдіи и цеховымъ ремесленникамъ, имѣющимъ надлежащія свидѣтельства. Поэтому все еврейское населеніе скучено въ западныхъ провинціяхъ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, въ числѣ по малой мѣрѣ трехъ съ половиной милліоновъ душъ. Нормальный приростъ, происходящій вслѣдствіе избытка числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, у нихъ значительнѣе, чѣмъ у

---

[1]) Чубинскій, „Поѣздка въ Южную Россію“.
[2]) Mackenzie Wallace, „Russia“, t. II.
[3]) П. П. Чубинскій, „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“. (Юго-западный отдѣлъ).

христіанъ. Размноженіе сыновъ Израиля въ приднѣпровскихъ областяхъ было по истинѣ изумительно: въ концѣ восемнадцатаго столѣтія только нѣсколько еврейскихъ семействъ жило въ Херсонской губерніи, а въ 1870 году еврейское населеніе простиралось тамъ уже до 131.900 душъ. Всѣ эти евреи—потомки польскихъ евреевъ, которые, въ свою очередь, первоначально вышли изъ Германіи. До запрещенія, состоявшагося въ царствованіе императора Николая I, всѣ евреи носили свой старый польскій костюмъ—длинный до пятъ сюртукъ и шапку съ околышемъ изъ лисьяго мѣха; всѣ они говорятъ испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, съ примѣсью еврейскихъ словъ и выраженій условнаго жаргона, очень обѣднѣвшаго въ грамматическихъ формахъ и сильно ославянившагося, вслѣдствіе введенія всѣхъ русскихъ названій деревьевъ и большаго числа глаголовъ[1]): этотъ языкъ называется идышъ (испорченное нѣмецкое слово jüdisch, еврейскій), или ивритейцъ; но, кромѣ того, раввинскій языкъ, смѣсь древнееврейскаго съ халдейскимъ, употребляется для важныхъ документовъ, въ оффиціальной перепискѣ и даже въ большомъ числѣ частныхъ писемъ, особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Организованные въ братства и соединенные прежде въ кагалы или общины, которыя имѣли въ одно и то же время и религіозный, и гражданскій характеръ, евреи западной Россіи могли, въ большинствѣ, предаваться тѣмъ профессіямъ посредниковъ, которыя такъ хорошо согласуются съ ихъ національнымъ геніемъ; большая часть ихъ—купцы или мелкіе торговцы, подрядчики, коммисіонеры, факторы; болѣе седьмой части изъ нихъ шинкари, кабатчики, и такимъ образомъ собираютъ по копѣйкамъ маленькую деньгу крестьянина; но есть между ними и такіе, которые впадаютъ въ крайнюю бѣдность: въ западной Украйнѣ насчитывается свыше 20.000 евреевъ нищихъ. Средній доходъ каждаго еврейскаго семейства въ Украйнѣ, по исчисленію г. Чубинскаго, не превышаетъ 290 рублей въ годъ.

Извѣстно, что въ 1882 г. имѣла мѣсто вспышнародной ненависти противъ евреевъ: сотни ихъ были убиты; нѣкоторые даже погибли въ пыткахъ; болѣе ста тысячъ евреевъ должны были бѣжать въ Австрію и въ Германію, и цѣлыя партіи бѣглецовъ отправились искать убѣжища въ Америкѣ. Теперь большинство этихъ добровольныхъ изгнанниковъ вернулись, но они должны подчиняться строгимъ полицейскимъ правиламъ, и многіе города закрыты для нихъ.

Тетеревъ, первый притокъ Днѣпра, впадающій въ эту рѣку ниже Припети, собираетъ свои первыя воды на плоской возвышенности, гдѣ находится городъ Бердичевъ, часто называемый «русскимъ Іерусалимомъ». Въ самомъ дѣлѣ, это—важнѣйшій центръ, такъ сказать, главная квартира всего еврейскаго міра Волыни, Подоліи, Кіевской губерніи. По переписи 1865 года, въ этомъ городѣ оказалось 47.200 израильтянъ на 51.000 съ небольшимъ всѣхъ жителей; но, по общему мнѣнію, весьма значительный процентъ бердичевскихъ евреевъ, часто отлучающихся изъ города въ качествѣ странствующихъ торговцевъ, ускользаетъ отъ всякаго оффиціальнаго исчисленія: вѣроятно, въ Бердичевѣ иногда собирается одновременно до 100.000 сыновъ Израиля. Притягательная сила, которую этотъ городъ, непредставляющій другихъ естественныхъ выгодъ, кромѣ своего центральнаго положенія между расходящимися рѣками, оказываетъ на евреевъ, происходитъ оттого, что король польскій Станиславъ-Августъ учредилъ здѣсь десять ярмарокъ, по ходатайству владѣльца, къ владѣніямъ котораго принадлежалъ Бердичевъ. Жители этого еврейскаго города занимаются разными промыслами: фабрикаціей табаку, приготовленіемъ галантерейныхъ и косметическихъ издѣлій; но всѣ эти произведенія предназначаются для мелочной разносной торговли, которая даетъ занятіе тысячамъ коробейниковъ, отправляемыхъ по всѣмъ окружающимъ губерніямъ и даже за границу, въ Румынію и въ Австро-Венгрію. Цѣнность товаровъ, продаваемыхъ ежегодно бердичевскими купцами, опредѣляютъ въ 60 милліоновъ рублей. Товары эти складываются по большей части въ подземныхъ гротахъ; послѣдніе идутъ по всѣмъ направленіямъ подъ городомъ, и происхожденіе ихъ относится, вѣроятно, ко временамъ доисторическимъ; общую длину этихъ пещеръ исчисляютъ въ 400 верстъ[1]).

По выходѣ изъ Кіевской губерніи, рѣчка Бердичевъ соединяется съ Тетеревомъ, который вскорѣ послѣ того встрѣчаетъ на своемъ теченіи Житоміръ, губернскій городъ Волынской губерніи. Этотъ городъ стоитъ на рубежѣ области лѣсовъ и области безлѣсныхъ пространствъ, — рубежѣ, который продолжается далеко на западъ, до самой Галиціи, и который въ то же время служитъ этнографической границей между полищуками (т. е. «лѣсовиками», жителями лѣсовъ) и степовиками (т. е. «степняками», жителями степей), какъ называютъ другъ друга малороссы, живущіе по обѣ стороны раздѣльной линіи. По словамъ Житецкаго[2]), первые, т. е. полищуки, сохранили наиболѣе архаическія формы въ своемъ говорѣ, также какъ въ нравахъ и обычаяхъ. Житоміръ ведетъ большую торговлю, преимущественно хлѣбомъ; но почти всѣ выгоды отъ этой торговли идутъ въ пользу евреевъ, которые составляютъ около трети городскаго населенія.

---

[1]) Чубинскій, выше цитированное сочиненіе.

[1]) Копанскій,— A. Kohn und Mehlis, „Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlich. Europa“.

[2]) Житецкій, „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, Кіевъ, 1876.

Много еврейскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Россіи, выходитъ изъ Житоміра. Городъ Радомысль, стоящій также на Тетеревѣ, принадлежитъ уже къ Кіевской губерніи.

лучившій это названіе отъ окружавшихъ его нѣкогда дремучихъ лѣсовъ, дебрей, о которыхъ теперь сохранились только преданія, расположенъ въ мѣстѣ соединенія двухъ верхнихъ вѣт-

Типы и костюмы Орловской губерніи.

Много важныхъ городовъ расположено въ бассейнѣ Десны. Одинъ уѣздный городъ Орловской губерніи, Брянскъ, прежде Дебрянскъ, по-

вей этой рѣки, у подошвы высокихъ утесовъ, огибаемыхъ теченіемъ Десны; это — городъ большой торговли, гдѣ желѣзная дорога, иду-

щая изъ Смоленска въ Орелъ, пересѣкаетъ рѣку, уже судоходную, и гдѣ находится пристань для сплава хлѣба, пеньки, сала; здѣсь даже была основана судостроительная верфь; въ настоящее время въ Брянскѣ существуетъ казенный пушечно-литейный заводъ и арсеналъ. Брянскіе купцы скупаютъ много земледѣльческихъ произведеній въ губерніи и скота въ южныхъ уѣздахъ для отправки ихъ въ Москву, Петербургъ или южные порты Балтійскаго моря. Трубчевскъ, стоящій ниже на Деснѣ, занимается такой же промышленностью, какъ Брянскъ, и продаетъ хлѣбъ, доставляемый ему по рѣкамъ Неруса и Сѣвъ, изъ уѣздовъ Дмитровскаго и Сѣвскаго. Городъ Сѣвскъ получилъ извѣстность въ исторіи смутнаго времени: здѣсь расположился станомъ и укрѣпился, въ 1604 году, первый Лжедимитрій, среди своихъ приверженцевъ, изгнанниковъ и казаковъ, чтобы идти потомъ на завоеваніе Москвы. Къ западу отъ Трубчевска, древній городъ Стародубъ, находящійся уже въ Малороссіи (въ Черниговской губерніи), также напоминаетъ многія событія изъ войнъ между русскими, поляками, казаками и татарами; здѣсь явился второй самозванецъ, Лжедимитрій II, извѣстный подъ именемъ «Тушинскаго вора»; въ Стародубскомъ уѣздѣ находятся нѣкоторыя изъ главныхъ колоній раскольниковъ. Въ этомъ городѣ сохранились остатки прежнихъ укрѣпленій, также какъ въ Погарѣ, стоящемъ на томъ же западномъ притокѣ Десны. Далѣе къ югу, на самомъ берегу этой рѣки, построенъ Новгородъ-Сѣверскъ, бывшая столица древняго Сѣверскаго княжества, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ имени города. Ниже, Коропъ и Сосница, другіе города сѣверянъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ долинѣ Десны, объемъ которой почти вдвое увеличивается послѣ сліянія съ важнѣйшимъ ея притокомъ, рѣкой Сеймомъ.

Половина Курской губерніи принадлежитъ къ бассейну Десны, и главный городъ ея расположенъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ рѣка становится сплавной, при соединеніи двухъ изъ ея притоковъ. Курскъ—великорусскій городъ, имѣющій довольно важное торговое значеніе, какъ узловая станція желѣзныхъ дорогъ, направляющихся къ Кіеву, Москвѣ, Харькову, Ростову. Курская ярмарка, извѣстная подъ именемъ «Коренной» [1]), была прежде главнѣйшимъ годовымъ рынкомъ на югѣ Россіи, да и теперь еще обороты ея простираются до 4 милліоновъ рублей (прежде доходили до 15 милл.); но она значительно упала съ той поры, какъ центръ торговаго обмѣна между промышленной областью средней Россіи и земледѣльческими губерніями южной полосы перемѣстился къ югу, въ Харьковъ. Сосѣдніе города, Щигры, Тимъ, Фатежъ, суть простые рынки для земледѣльческихъ произведеній окрестной мѣстности, также какъ и лежащіе ниже на Сеймѣ — Льговъ, Рыльскъ, Путивль (древній городъ). Рыльскъ замѣчателенъ еще какъ главный складочный пунктъ для привозимыхъ изъ Штиріи косъ, которыя отсюда разсылаются по всей Европейской и Азіатской Россіи. Недалеко оттуда, въ Черниговской губерніи, и уже въ Малороссіи, находятся важные города Глуховъ, большой хлѣбный рынокъ, Кролевецъ (съ ярмаркой), Конотопъ, бывшій крѣпостью въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, Борзна, Березна. Конотопъ, лежащій при пересѣченіи желѣзнодорожныхъ линій, быстро увеличиваетъ размѣры своей торговой дѣятельности. Прежде важнымъ городомъ этой страны былъ Батуринъ, названный такъ въ честь его основателя, польскаго короля Стефана Баторія, который сдѣлалъ его резиденціей малороссійскихъ гетмановъ; Меншиковъ разрушилъ этотъ городъ въ 1708 г., но живописныя развалины гетманскаго замка, вновь отстроеннаго, потомъ опять разрушеннаго, еще возвышаются надъ домами новѣйшей постройки, на южномъ берегу Сейма. Въ Глуховскомъ уѣздѣ находится Шостенскій пороховой заводъ, гдѣ приготовляется селитра для всѣхъ другихъ заводовъ Россіи.

Исторія Чернигова, нынѣ губернскаго города, сливается съ исторіей страны. Этотъ городъ, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, принадлежалъ сѣверянамъ, и въ немъ до сихъ поръ можно видѣть соборную церковь, гдѣ нѣкоторыя части зданія относятся къ одиннадцатому столѣтію. Долго оспариваемый другъ у друга литовцами, поляками и москвитянами, онъ присоединился окончательно къ Московскому государству въ 1654 году, вмѣстѣ со всей казацкой Украйной; въ настоящее время онъ принимаетъ участіе въ обширной торговлѣ хлѣбомъ, пенькой и другими земледѣльческими произведеніями, которая обогащаетъ бассейнъ Десны. Несмотря на свое привилегированное положеніе въ качествѣ административнаго центра, Черниговъ лишь немногимъ превосходитъ по числу жителей (по переписи 1897 г.) Нѣжинъ, другой городъ губерніи, расположенный на обоихъ берегахъ Остера, небольшаго канализованнаго притока Десны, и при желѣзной дорогѣ изъ Кіева въ Москву. Въ семнадцатомъ столѣтіи въ Нѣжинѣ поселилась колонія грековъ, которая долгое время пользовалась особенными привилегіями; впрочемъ, это была скорѣе каста, чѣмъ колонія въ обыкновенномъ смыслѣ, такъ какъ и другіе иностранные выходцы, преимущественно болгары, неумѣвшіе даже говорить по-гречески, вступали въ эту группу, съ цѣлью возвысить свое общественное положеніе. Прежде нѣжинскіе гре-

[1]) Эта ярмарка прежде находилась въ 27 верст. отъ Курска, при Богородицо-Знаменскомъ монастырѣ, называемомъ „Коренной пустынью", откуда и названіе ярмарки. Пер.

ки вели значительную торговлю шелкомъ, посылая этотъ продуктъ въ Турцію, Италію и Австрію; но теченія торговаго обмѣна перемѣстились, и греческая колонія пришла въ упадокъ. Съ 1820 года въ Нѣжинѣ существуетъ высшее учебное заведеніе, основанное на средства частнаго лица (графа Безбородко), подъ именемъ лицея, и преобразованное съ 1875 года въ филологическій институтъ; со времени преобразованія, число студентовъ уменьшилось (студентовъ лицея въ 1871 году—180; студентовъ института въ 1877 году — 31; въ 1894 году—55). Промышленность этого края имѣетъ важность только по значительному производству табака, составляющаго одну изъ главныхъ мѣстныхъ культуръ. Городъ Козелецъ, лежащій къ западу отъ Нѣжина, также на р. Остеръ, населенъ отчасти ремесленниками, которые уходятъ на заработки въ другіе города.

Кіевъ, «священный городъ», «мать городовъ русскихъ» («Кіоава» или «Самватасъ» Константина Багрянороднаго, «Куява» арабовъ, «Манъ-Керманъ» татаръ), есть одинъ изъ тѣхъ городовъ Европы, которые самымъ положеніемъ своимъ напередъ были предназначены сдѣлаться однимъ изъ центровъ тяжести въ ходѣ исторіи. Онъ стоитъ почти на серединѣ Днѣпровскаго бассейна, въ равномъ разстояніи отъ области истоковъ и морскаго прибрежья, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ верхніе притоки, уже соединившись съ главной рѣкой, приносятъ ей свои воды и свое торговое движеніе. Географическіе поясы лѣсовъ, черноземныхъ пространствъ, степей, очень сближенные въ этомъ мѣстѣ, соединяются одинъ съ другимъ теченіемъ Днѣпра, надъ которымъ Кіевъ господствуетъ съ высоты своихъ горъ. Столь выгодное мѣстоположеніе не могло не быть оцѣнено съ тѣхъ поръ, какъ мирныя торговыя сношенія направились изъ Византіи и отъ береговъ Понта Евксинскаго внутрь материка, къ центральной Россіи; по всей вѣроятности, городъ существовалъ задолго до того времени, когда имя его впервые упоминается въ лѣтописяхъ: эпоха, въ которую три легендарные брата [1]), или три народа основали его, теряется въ мракѣ временъ, предшествовавшихъ русской исторіи. Одинъ лѣтописецъ одиннадцатаго вѣка, епископъ Дитмаръ, говоритъ о его четырехъ стахъ церквахъ; а во время пожара 1124 года пламя, по сказанію лѣтописи, истребило шестьсотъ храмовъ. Черезъ Кіевъ проникло и христіанство въ Россію, именно потому, что этотъ городъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ южной Европой. Но самыя его богатства служили опасной приманкой и привлекали со всѣхъ сторонъ враговъ; онъ былъ четыре раза разграбленъ и разрушенъ: въ 1171 г.—войсками Андрея Боголюбскаго, князя суздальскаго, въ 1240 г.—монгольскими полчищами Батыя, затѣмъ 1416 году татарами и, наконецъ, въ 1584 г.—татарами Крымской Орды, союзниками Ивана III Московскаго; впродолженіи десяти лѣтъ, какъ говорятъ, холмъ, гдѣ былъ построенъ гордый городъ, оставался пустыннымъ. Но онъ поднялся изъ своихъ развалинъ, и хотя Кіевъ давно пересталъ быть центромъ славянскихъ княжествъ, хотя онъ такимъ образомъ утратилъ притягательную силу, обыкновенно оказываемую столицами, хотя онъ часто былъ отрѣзываемъ отъ своихъ прямыхъ сообщеній съ моремъ и опустошаемъ войнами, онъ все-таки сохранилъ одно изъ первыхъ мѣстъ между славянскими городами: теперь онъ седьмой городъ Россійской Имперіи по численности населенія. (Въ 1889 г. изъ общаго числа жителей, 186.041, было: 144.070 православныхъ, 18.871 католиковъ, 2.375 протестантовъ, 1.135 сектантовъ и 16.691 евреевъ).

Пространство, занимаемое Кіевомъ, на террасѣ, которая возвышается на 330—430 фут. надъ поверхностью рѣки, на скатахъ холмовъ и на поясѣ земли, который тянется у ихъ основанія, составляетъ около 47 кв. верстъ. Дома слѣдуютъ длиннымъ рядомъ вдоль рѣки, или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея водъ, на протяженіи около десяти верстъ; не вездѣ соединенные въ сплошные кварталы, они, по крайней мѣрѣ, достаточно сближены одни съ другими, чтобы различныя части города образовали связное цѣлое. Однако, обширныя пространства еще не заняты постройками, или на нихъ не встрѣчается другихъ жилищъ, кромѣ настоящихъ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ, или мазанокъ изъ глины. Въ 1874 г. въ Кіевѣ насчитывалось 9.867 строеній; изъ нихъ:

Строеній изъ дерева—64,68%; изъ дерева и камня — 14,75%; изъ камня — 12%; изъ глины—8,57%.

Нѣкоторыя улицы Кіева по ширинѣ похожи на площади; группы и аллеи высокихъ пирамидальныхъ тополей, ростущихъ тамъ и сямъ по скатамъ холмовъ, своей зеленью составляютъ яркій контрастъ съ позолотой куполовъ многочисленныхъ церквей. Не разростаясь наружу, Кіевъ можетъ вмѣстить еще двойное, даже тройное количество своего теперешняго населенія, покрывая домами пустопорожнія или малозастроенныя пространства. Городъ дѣлится на три части: Старый Кіевъ, Печерскъ и Подолъ, и каждая изъ этихъ частей имѣетъ свою особенную физіономію. Внизу, Подолъ, раскинувшійся въ сосѣдствѣ съ рѣкой, служитъ средоточіемъ торговли и промышленности; онъ занимаетъ въ обширной выемкѣ плоскогорья, полуденную часть равнины, въ которой рѣка Почайна соединяется съ Днѣпромъ, и надъ которой съ сѣверной стороны господствуетъ холмъ

[1]) Баснословное преданіе приписывало основаніе города тремъ братьямъ: Кію, Щеку и Хореву, имена которыхъ будто бы сохранились въ названіи Кіева и двухъ сосѣднихъ холмовъ: Щековицы и Хоревицы. Перев.

Вышгородъ,—село св. Ольги, гдѣ жили жены Владиміра-язычника. Къ югу отъ Подола, нагорье, разрѣзанное тремя глубокими оврагами, перпендикулярными къ направленію рѣки, приближается къ высокимъ берегамъ Днѣпра, и крутые скаты его сливаются, наконецъ, съ этими берегами. Овраги дѣлятъ городъ на особенные кварталы.

Изъ всѣхъ этихъ высокихъ мысовъ нагорнаго берега, слѣдующихъ одинъ за другимъ по направленію отъ сѣвера къ югу, третій оканчивается наиболѣе величественнымъ выступомъ

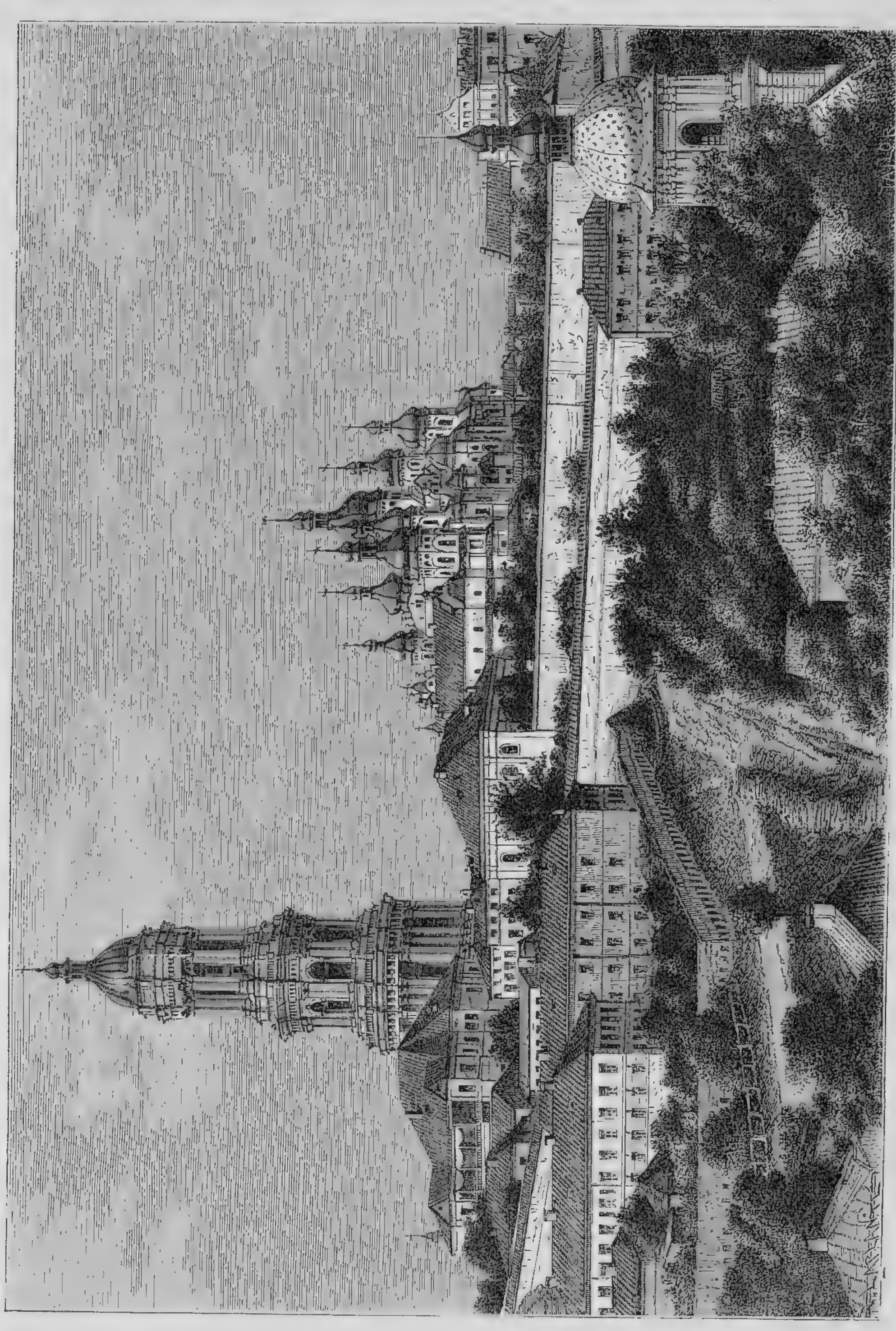
Кіевскій богомолецъ.

надъ рѣкой, а на самой оконечности его высится одно изъ славнѣйшихъ религіозныхъ зданій Кіева, одна изъ главныхъ его святынь—храмъ Андрея Первозваннаго [1]). Соборъ св. Софіи или Премудрости Божіей (съ гробомъ основателя храма, князя Ярослава), стоящій на томъ же отрывкѣ плоскогорья, но въ центрѣ Стараго Кіева, есть, вмѣстѣ съ сосѣдними «Золотыми Воротами», одинъ изъ древнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ Россіи въ нѣкоторыхъ его частяхъ, пощаженныхъ огнемъ въ эпоху нашествія Батыя: тутъ видны еще уцѣлѣвшіе отъ временъ глубокой древности ряды кирпичей и камней, нѣсколько мозаичныхъ и фресковыхъ изображеній (греческой работы), но большая часть украшающихъ его произведеній иконной живописи была реставрирована или, вѣрнѣе сказать, передѣлана. Прекрасная улица Крещатикъ, одна изъ красивѣйшихъ улицъ Кіева, занимаетъ оврагъ, отдѣляющій Софійскую террасу отъ террасы Липки; далѣе слѣдуетъ Печерскъ, южный выступъ горъ, на которомъ расположенъ Печерскій монастырь и группа церквей Лавры [1]), почитаемые главнѣйшей святыней Россіи; они возвышаются надъ

[1]) Храмъ этотъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, св. апостолъ Андрей водрузилъ крестъ и предсказалъ, что здѣсь будетъ великій городъ и на горахъ благодать Господня возсіяетъ. Перев.

[1]) Основаніе Печерскаго монастыря положено, въ 1062 г., преп. Антоніемъ, который поселился въ пещерѣ на берегу Днѣпра (ископанной Иларіономъ); когда слава о его подвижничествѣ привлекла къ нему нѣсколькихъ послѣдователей, онъ образовалъ изъ нихъ общину, поставилъ имъ игумена, а самъ затворился въ пещерѣ и не выходилъ изъ нея 40 лѣтъ. Настоящимъ устроителемъ этого монастыря, которому Изяславъ I отдалъ всю сосѣднюю гору, явился второй его игуменъ, св. Ѳеодосій. Впослѣдствіи вблизи монастыря была выстроена такъ называемая Кіево-Печерская лавра, съ главной ея святыней - иконой Успенія Богоматери. Перев.

тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были крещены первые русскіе. При входѣ въ ограду Лавры величественно представляется, посреди широкаго монастырскаго двора, семиглавая соборная церковь ніемъ другихъ пещеръ, лежащихъ на сѣверѣ, гдѣ найдены остатки, относящіеся къ каменному вѣку [1]); однако, онѣ были, по крайней мѣрѣ отчасти, ископаны св. Иларіономъ и другими



Кіево-Печерская лавра.

Успенія Божіей Матери и за нею высокая, четырехъ-ярусная колокольня. Во внутренности горы идутъ многочисленныя пещеры, извилистыя подземныя галлереи, происхожденіе которыхъ, можетъ быть, одинаково съ происхожденіемъ отшельниками и превращены уже много вѣковъ тому назадъ въ часовни, въ подземныя церкви

1) Антоновичъ, „Отчетъ Историческаго общества Нестора-Лѣтописца".

(между ними особенно чествуется церковь св. Антонія и церковь св. Ѳеодосія), въ нишп, въ углубленіяхъ которыхъ стоятъ гробницы; песчаные слои, залегающіе въ толщѣ плоскогорья между двумя пластами глины, и въ которыхъ открываются всѣ эти подземелья, хранятъ мощи подвизавшихся въ пещерахъ св. угодниковъ. Есть отдѣльныя кельи съ однимъ узкимъ отверстіемъ надъ наглухо заложеннымъ входомъ; въ нихъ спасались затворники; только разъ или два въ недѣлю у отверстія клали просфору, и если она оставалась нетронутою впродолженіи недѣли или двухъ, заключали, что святой затворникъ скончался; тогда его отпѣвали въ той же самой пещерѣ, гдѣ онъ похоронилъ себя заживо. Въ одной изъ гробницъ покоится «Преподобный Несторъ Лѣтописецъ», который жилъ въ Печерскомъ монастырѣ и, безъ сомнѣнія, написалъ тамъ часть лѣтописей, которыя ему приписываются. Лавра съ ея святынями привлекаетъ массы богомольцевъ, какъ малороссовъ, такъ и великороссовъ: каждый годъ до 300.000 человѣкъ приходитъ со всѣхъ концовъ Россіи поклониться св. мощамъ и иконамъ, а въ большіе праздники, особенно въ Троицу и въ день Успенія, тысячи богомольцевъ толпятся у воротъ монастыря. Такъ какъ огромныя комнаты монастырскихъ гостиницъ не могутъ вмѣстить всей этой массы гостей, то множество странниковъ располагаются на ночлегъ во дворахъ и на дорогахъ: въ ночь на 15 августа 1872 года было насчитано около 72.000 богомольцевъ, расположившихся на голой землѣ. При появленіи эпидеміи въ краѣ, она заносится богомольцами и въ Кіевъ; тамъ она производитъ такія же опустошенія, какъ холера между мусульманскими хаджи, стекающимися въ Мекку, и оттуда разносится во всѣ части Россіи. Въ голодные годы число странниковъ увеличивается: путешествіе къ кіевскимъ святымъ мѣстамъ даетъ имъ право выпрашивать въ видѣ подаянія хлѣбъ, котораго имъ негдѣ было бы взять дома.

Старинныя укрѣпленія, защищавшія Лавру, были въ новѣйшія времена расширены и увеличены правильными крѣпостными верками, которые окружаютъ весь холмъ. Самый городъ Печерскъ былъ почти совершенно разрушенъ, чтобы дать мѣсто крѣпостнымъ сооруженіямъ. Напротивъ, ограда Стараго Кіева была снесена; въ этой-то части и развивается новый городъ; по выработаннымъ недавно проектамъ, еще неполучившимъ осуществленія, новые форты должны быть воздвигнуты въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся университетъ, обсерваторія и другія большія зданія; пока же форты сооружены на высотахъ, господствующихъ надъ линіей желѣзной дороги и надъ долиной Лыбеди. Кіевскій университетъ, переведенный сюда изъ Вильно, послѣ польскаго возстанія 1831 года, можетъ принимать въ число своихъ слушателей не болѣе $^1/_5$ студентовъ католическаго вѣроисповѣданія. Это третій университетъ Россіи, хотя онъ много потерялъ—въ первый разъ во время послѣдняго польскаго возстанія, въ которомъ приняли участіе студенты-поляки, а потомъ въ 1878 году, когда 140 студентовъ были высланы. Нѣкоторыя изъ коллекцій университета, особенно естественно-историческія, очень богаты и прекрасно систематизированы; библіотека его—одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ, благодаря наслѣдству, полученному отъ Виленскаго университета и Кременецкаго лицея, которые были обогащены подарками польскихъ магнатовъ: по исторіи Возрожденія, реформаціи и религіозныхъ войнъ тутъ есть рѣдкія и весьма цѣнныя сочиненія; архивы также заключаютъ единственные въ своемъ родѣ документы по исторіи Малороссіи. Кіевскій университетъ въ 1894 г. имѣлъ 2.453 слушателя. Въ 187[illegible] году въ Кіевѣ были основаны профессорами высшіе женскіе курсы. До открытія университета, высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ городѣ была духовная академія, также имѣющая свою библіотеку и музей; она расположена близъ рѣки, въ началѣ Подола: въ число ея студентовъ до сихъ поръ поступаютъ молодые люди изъ всего южнаго славянскаго міра, изъ Сербіи и Болгаріи.

Кромѣ церквей и школъ, въ Кіевѣ заслуживаютъ вниманія также памятникъ Владиміру Святому и колонна въ память крещенія русскаго народа въ 988 году въ водахъ Почайны. Въ ту эпоху Днѣпръ протекалъ не у подножія кіевскихъ холмовъ,—его теченіе имѣло гораздо болѣе восточное направленіе, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится «Чертовъ ровъ», и Днѣпръ соединялся съ Почайной только при началѣ Печерскаго мыса. Въ послѣднее время Днѣпръ снова стремится войти въ свое прежнее русло, и уже много лѣтъ инженеры работаютъ надъ тѣмъ, чтобы, помощью плотинъ, поставить преграду такому перемѣщенію. Во что бы то ни стало нужно сохранить русло рѣки вблизи промышленнаго и торговаго Подола, съ его складами лѣса, хлѣба, сахара и разнообразными мануфактурами. Два моста черезъ Днѣпръ построены ниже Кіева. Первый, висячій, имѣющій мало равныхъ себѣ въ Европѣ, начинается отъ крутаго берега у подножія Лавры: онъ состоитъ изъ шести пролетовъ, имѣющихъ въ суммѣ 375 саж. длины. Желѣзнодорожный мостъ находится въ 3 верстахъ къ югу отъ перваго. Какъ пунктъ по торговлѣ хлѣбомъ, Кіевъ имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ сосѣднее съ нимъ село Ржищево, получившее свое названіе отъ слова «рожь» и расположенное на томъ же берегу, но нѣсколько ниже по теченію рѣки.

Ближайшій къ Кіеву городъ, Васильковъ, лежитъ въ 40 верстахъ къ юго-западу, на небольшомъ западномъ притокѣ Днѣпра—Стугнѣ. Это также одинъ изъ древнихъ городовъ, основанный еще въ десятомъ вѣкѣ. Третья часть его

жителей—евреи, — процентъ еще небольшой сравнительно съ другими городами Кіевской губерніи къ западу отъ Днѣпра. Въ Сквирѣ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Роси, они составляютъ половину населенія; въ г. Таращѣ, находящемся въ бассейнѣ той же рѣки, евреевъ болѣе третьей части; нѣкоторые роды промышленности находятся совершенно въ ихъ рукахъ, какъ, напр., сапожное и портняжное ремесло, постройка домовъ. Бѣлая Церковь, на Роси, бывшая однимъ изъ главныхъ казацкихъ городовъ, замѣчательна еще тѣмъ, что тутъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій подписалъ въ 1651 году вторичный договоръ съ Польшею, по которому послѣдняя признала автономію Украйны. Будучи торговымъ городомъ, гдѣ выдѣлываются также земледѣльческія машины, Бѣлая Церковь есть вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіе обширныхъ помѣстій; въ замкѣ, находящемся тамъ, есть драгоцѣнные историческіе документы. Равнина между Стугной и Росью славна въ исторіи тѣми битвами, которыя происходили здѣсь между русскими и куманами, между христіанами и магометанами, между татарами и поляками; русскіе князья, начиная съ Владиміра Святаго, поселяли здѣсь побѣжденныя тюркскія и даже чудскія племена; о существованіи этихъ колоній свидѣтельствуютъ географическія имена. Сотни кургановъ, насыпанныхъ на холмахъ, вздымающихся по берегамъ Роси, напоминаютъ о вождяхъ, павшихъ здѣсь на поляхъ битвы. Къ югу отъ Стугны видны остатки древнихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ противъ половцевъ или кумановъ. Эти окопы извѣстны подъ именемъ Зміева Вала: согласно легендѣ, драконъ, запряженный въ плугъ какого-то героя или святаго, прорылъ ровъ вдоль вала. Вездѣ, гдѣ производятся раскопки въ этихъ мѣстахъ, именно въ Корсунѣ и Каневѣ, находятъ человѣческія кости, оставшіяся тамъ послѣ осадъ и сѣчъ. Немного ниже Канева, на холмѣ, возвышающемся надъ Днѣпромъ, находится могила поэта Шевченко, родина котораго недалеко отсюда.

По другую сторону Днѣпра, въ Полтавской губерніи, рѣка Трубежъ прорѣзываетъ одну изъ самыхъ славныхъ въ исторіи частей Малороссіи. Переяславль, лежащій при сліяніи Трубежа съ Альтою, основанъ, какъ говорятъ, еще Владиміромъ Равноапостольнымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ побѣдилъ печенѣговъ, и съ того времени городъ этотъ сдѣлался аванпостомъ Кіева, куда собирались княжескія дружины для отраженія набѣговъ южныхъ кочевниковъ. Во время казацкихъ войнъ, Переяславль былъ также однимъ изъ главныхъ пунктовъ военныхъ дѣйствій, и въ немъ Богданъ Хмѣльницкій и казацкая рада, въ 1654 году, рѣшили отдаться подъ покровительство царя Алексѣя Михайловича. Въ прежнее время Трубежъ былъ судоходенъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, якорь, найденный въ береговыхъ наносахъ этой рѣки; теперь же пристань находится въ 7 верстахъ къ западу отъ города, въ деревнѣ Андруши, лежащей на одной изъ излучинъ Днѣпра. Золотоноша, лежащая къ югу, также удалена отъ рѣки и принуждена перевозить свои продукты до Днѣпра гужемъ. Главная пристань этой части Днѣпра—древнія Черкасы, по мѣстному преданію основанная «черкесами» и передавшая это названіе также днѣпровскимъ казакамъ. Городъ этотъ расположенъ на правомъ берегу рѣки, на мысѣ, размываемомъ водою. Чигиринъ на Тясминѣ, расположенный у подошвы холма, доставляющаго жерновой камень, также одинъ изъ бывшихъ главныхъ городовъ казаковъ; онъ былъ защищенъ еще лучше Черкасъ обширными окружавшими его болотами. Къ востоку, Тясминъ соединяется съ Днѣпромъ цѣлою сѣтью блуждающихъ рѣчекъ, впадавшихъ когда-то въ исчезнувшее теперь озеро, на мѣстѣ котораго были находимы обломки погибшихъ судовъ [1]). Полузатопленные лѣса этихъ низинъ служили, можетъ быть, убѣжищемъ для нѣкоторыхъ мелкихъ племенъ мордвы и хазаръ, на что до нѣкоторой степени указываютъ названія деревень; а во времена историческія, какъ это достовѣрно извѣстно, они же давали пріютъ казакамъ, и преслѣдованіе ихъ тамъ было сопряжено съ большимъ трудомъ. Въ церкви одной изъ деревень этой мѣстности, въ Суботовѣ, находилась гробница Богдана Хмѣльницкаго, разрушенная поляками.

Одинъ изъ менѣе неудобныхъ путей чрезъ эту болотистую мѣстность пролегалъ вблизи устья Тясмина, въ томъ мѣстѣ, гдѣ частыя наводненія Днѣпра нѣсколько возвысили мѣстность наносами песка и глины, и здѣсь происходили постоянныя битвы между поляками, казаками и татарами изъ-за обладанія этимъ стратегическимъ пунктомъ. Поляки построили тутъ крѣпость Крыловъ, которая потомъ была перенесена нѣсколько дальше, и съ 1821 года получила названіе Ново-Георгіевска; но городъ и до сихъ поръ извѣстенъ въ народѣ подъ своимъ прежнимъ названіемъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра, какъ разъ противъ Ново-Георгіевска и тясминскихъ болотъ, лежитъ Градижскъ (Городище), пристань котораго, также, какъ и пристань Крылова, ведетъ значительную торговлю лѣсомъ и скотомъ. Отъ Василькова до Чигирина почти нѣтъ деревни, которая не упоминалась бы въ исторіи народныхъ возстаній семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ. А теперь тутъ широко раскинуты громадныя помѣстья польской и русской аристократіи, съ дворцами и свеклосахарными заводами. Отдѣльная желѣзная дорога съ вѣтвями до Днѣпра связы-

[1]) Шмидтъ, „Матеріалы для географіи и статистики Россіи". „Херсонская губ."

ваетъ эти фабрики съ главными складочными пунктами.

Въ бассейнѣ рѣки Сулы, который занимаетъ большую часть западной половины Полтавской губерніи, есть нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ городовъ; большая часть ихъ окружена фруктовыми деревьями и табачными плантаціями. Недригайловъ или Дригайловъ, близъ верховья рѣки, основанъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія, бѣглыми украинцами. Ромны, также въ верхней долинѣ,—важный торговый пунктъ: на его ярмаркахъ, извѣстныхъ съ прошлаго столѣтія, продается товаровъ на сумму до 2 милліоновъ рублей; сотни его жителей ежегодно уходятъ въ сосѣднія губерніи для мелкой розничной торговли. Лохвица, лежащая ниже по теченію Сулы, Прилуки и Пирятинъ на Удаѣ, западномъ притокѣ Сулы, также, какъ и Ромны, занимаются преимущественно культурой табака; г. Лубны, лежащій ниже впаденія р. Удай,—богатый городъ, съ кожевенными заводами и фруктовыми садами.

Псёлъ, впадающій въ Днѣпръ немного ниже Кременчуга, многоводнѣе Сулы и протекаетъ по тремъ губерніямъ: Курской, Харьковской и Полтавской, всего на протяженіи 435 верстъ. Ольшанка, недалеко отъ его верховья, имѣетъ винокуренный заводъ и производитъ большое количество сапогъ; Обоянь имѣетъ нѣкоторое значеніе какъ земледѣльческій рынокъ, отправляющій зерновой хлѣбъ и скотъ въ Москву, Херсонъ и Одессу. Ниже по теченію, въ небольшомъ разстояніи отъ рѣки къ сѣверу, лежитъ Суджа, а также Мирополье и Сумы; городъ Сумы—одинъ изъ торговыхъ въ Украйнѣ, съ ежегоднымъ оборотомъ на ярмаркахъ до $2^1/_2$ милл. рублей. Еще ниже по рѣкѣ стоитъ Лебединъ, въ которомъ Петръ Великій дѣлалъ приготовленія передъ Полтавской битвой, и гдѣ другъ царя, Меншиковъ, умертвилъ, какъ говорятъ, 900 человѣкъ; еще до сихъ поръ тамъ можно видѣть высокій холмъ, называемый могилою гетманцевъ. Далѣе слѣдуетъ Гадячъ, довольно древній укрѣпленный городъ, въ которомъ въ 1658 году былъ заключенъ договоръ о федеральномъ союзѣ между Украйною и Польшею. Ниже по теченію находится Рашевка, главный пунктъ артелей малороссійскихъ прасоловъ, а недалеко отъ нея Сорочинцы — родина Гоголя. На притокахъ Псёла находится къ востоку Зеньковъ, а въ западу Хороль и Миргородъ, населеніе котораго частію состоитъ изъ чумаковъ.

Главнымъ рынкомъ нижняго теченія Псёла и торговымъ центромъ всей Малороссіи считается Кременчугъ, одинъ изъ главныхъ пунктовъ судоходства по Днѣпру, соперничающій по числу жителей съ Полтавою; весною населеніе его удвоивается: тамъ производится перегрузка товаровъ; въ городѣ и въ его предмѣстьи, Крюковѣ, лежащемъ на правомъ берегу Днѣпра, насчитываютъ въ это время до 70.000 человѣкъ. Большіе соляные магазины, принадлежащіе казнѣ, склады лѣса и дровяные дворы занимаютъ большую часть берега въ Крюковѣ. Промышленныя заведенія Кременчуга питаютъ отчасти и мѣстную торговлю: телѣжныя мастерскія, заведеніе земледѣльческихъ машинъ, кожевенныя, паровыя лѣсопильни и табачныя фабрики ежегодно вырабатываютъ продуктовъ на очень большую сумму. Въ Кременчугѣ и теперь еще видны остатки крѣпости, построенной въ 1635 году Бопланомъ; но самое замѣчательное сооруженіе города и въ то же время одно изъ чудесъ техническаго искусства въ Европѣ—крытый мостъ длиною въ 450 саж., по которому ходятъ желѣзнодорожные поѣзда изъ Харькова на Балту. Кромѣ этого моста, есть еще другой, плашкоутный, соединяющій городъ съ предмѣстьемъ. Весной городъ иногда бываетъ совершенно затопленъ; пожары также опустошаютъ его довольно часто; онъ постоянно строится, съ каждымъ годомъ разростается, но отъ этого не дѣлается красивѣе.

Рѣка Воркла, близко напоминающая своими извилинами Псёлъ, немного короче его, но также, какъ и онъ, протекаетъ по тремъ губерніямъ—Курской, Харьковской и Полтавской. Въ верхней части на ней стоитъ Грайворонъ, ниже его,—Ахтырка, посѣщаемая богомольцами; затѣмъ въ нее впадаетъ Мерль, орошающій поля уѣздовъ Богодуховскаго и Краснокутскаго. Полтава, губернскій городъ, расположена на правомъ берегу Ворсклы, при впаденіи въ нее рѣчки Полтавки, около мѣста соединенія всѣхъ выше лежащихъ по теченію рѣки долинъ. Упоминаемый уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, городъ этотъ, какъ и всѣ другіе степные города, былъ свидѣтелемъ битвъ и сѣчъ; но имя его прогремѣло въ Европѣ только послѣ кровопролитнаго сраженія 1709 года, когда Карлъ XII, этотъ «послѣдній изъ варяговъ», закончилъ свое метеорное движеніе, и когда Россія, переставши, такъ сказать, быть азіатскимъ государствомъ, заняла мѣсто среди европейскихъ державъ. Различные памятники, воздвигнутые въ городѣ и на полѣ битвы, напоминаютъ о пораженіи шведовъ. До половины настоящаго столѣтія Полтава возрастала весьма медленно; только съ тѣхъ поръ, когда перенесена была въ городъ весьма важная ярмарка, онъ сталъ быстро развиваться, и обширныя пространства, нѣкогда занятыя садами, начали покрываться зданіями. На Ильинской ярмаркѣ торговые обороты достигаютъ, среднимъ числомъ, 12—15 милліоновъ рублей; торговля ведется преимущественно шерстью; великъ также торгъ лошадями, табуны которыхъ пригоняются съ береговъ Дона. Промышленность и торговля Полтавы находятся большею частью въ рукахъ евреевъ. Нѣмецкіе ко-

лонисты ввели въ этой мѣстности производство суконъ и одѣялъ. Нѣкоторое значеніе пріобрѣло также изготовленіе простыхъ тканей въ Кобелякахъ—городѣ, лежащемъ ниже Полтавы, почти на половинѣ дороги отъ Днѣпра. Нѣмецкіе колонисты, живущіе по деревнямъ въ окрестностяхъ недавно основаннаго города Константинограда, въ долинѣ рѣчки Орель, также занимаются выдѣлкой суконъ для арміи.

Другой недавно основанный городъ, Екатеринославъ, только въ настоящемъ столѣтіи пріобрѣлъ нѣкоторую важность, будучи возведенъ на степень губернскаго города. Близъ того мѣста, гдѣ находится теперь городъ, въ 1635 году инженеромъ Бопланомъ была основана для Польши крѣпость Койдакъ, разрушенная потомъ казаками. Деревня Ново-Койдакъ заняла мѣсто бывшей крѣпости; въ 1784 г. населеніе ея не достигало и 450 душъ. Вблизи этого-то мѣста, верстахъ въ 6 ниже, Потемкинъ основалъ, спустя два года, въ честь Екатерины II, городъ, который онъ хотѣлъ сдѣлать столицею Новороссіи. Положеніе Екатеринослава при большомъ поворотѣ Днѣпра, выше пороговъ, было весьма благопріятно: на небольшомъ разстояніи къ югу, въ Лоцманской Каменкѣ, должны останавливаться всѣ барки и лодки, чтобы взять лоцмановъ, или для перегрузки товаровъ. Почти противъ самаго города находится устье рѣки Самары; гранитные пороги превратили ее въ обширное болото въ нижнемъ теченіи—между Павлоградомъ и Новомосковскомъ (Самарчикъ запорожцевъ). Эти города, столь же недавніе, какъ и Екатеринославъ, тоже замѣнили прежнія казацкія станицы. Въ 1785 г., Павлоградъ далъ убѣжище корсиканскимъ солдатамъ, послѣ сдачи ими испанцамъ, за три года предъ тѣмъ, порта Магона.

Ниже пороговъ лежитъ пристань Александровскъ (городъ основанъ въ 1770 году на лѣвомъ берегу Днѣпра, какъ разъ противъ славнаго острова Хортицы), гдѣ останавливаются суда послѣ перехода, иногда очень опаснаго, черезъ пороги, и откуда отправляется извозомъ зерновой хлѣбъ въ Бердянскъ—портъ на Азовскомъ морѣ; въ ближайшемъ будущемъ желѣзная дорога должна замѣнить перевозку гужемъ по степямъ. Ниже Александровска Днѣпръ поворачиваетъ мало-по-малу къ западу; рѣка Конская, берущая начало у Орѣхова, впадаетъ въ этомъ мѣстѣ въ Днѣпръ; она въ теченіе долгаго времени служила границею между владѣніями запорожцевъ и татаръ. Обширныя болота, песчаныя мели и измѣнчивыя излучины рѣки, часто заливаемыя, весьма затрудняютъ переправу черезъ Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ его теченія; поэтому, городъ Никополь, нѣкогда извѣстный подъ именемъ Микитина Перевоза, издавна получилъ нѣкоторое значеніе, благодаря своему положенію на мысѣ праваго берега, выше мѣста съуженія рѣчной долины; но городъ долженъ постоянно отодвигаться въ степь, такъ какъ теченіе рѣки размываетъ ежегодно часть крутаго берега, на которомъ онъ расположенъ [1], и могилы кладбища низринулись въ рѣку, вмѣстѣ съ находящимися въ нихъ костями. Къ Никополю направлялись и направляются дороги, ведущія къ переправѣ черезъ рѣку, въ Знаменку—на другомъ берегу; здѣсь пролегалъ чумацкій трактъ, по немъ ѣздили чумаки въ Крымъ за солью, и маленькія каботажныя суда поднимаются вверхъ по Днѣпру до этого мѣста. Немного ниже, на сѣверномъ берегу Днѣпра, виднѣются два мѣста, гдѣ нѣкогда была Запорожская Сѣчь; въ самой же Старой Сѣчѣ, существовавшей съ шестнадцатаго столѣтія и разрушенной по приказанію Петра Великаго, крутой берегъ подмытъ теченіемъ; сосѣдніе острова, уменьшаясь съ одной стороны, увеличивались съ другой, такъ что они какъ будто перемѣщались по рѣкѣ [2]. Изъ Никополя обыкновенно посѣщаютъ лежащую къ сѣверу «Толстую Могилу» скиѳовъ, въ которой была найдена драгоцѣнная ваза почти греческой работы, съ рисункомъ, изображающимъ ловлю дикихъ лошадей. Бериславъ, или Борисдавъ, расположенный на томъ же берегу Днѣпра, какъ и Никополь, имѣетъ подобное же преимущество: когда пароходы еще не перевозили чумаковъ и ихъ обозы, 70 большихъ баркасовъ служили для переправы между Бериславомъ и его предмѣстьемъ, Каховкой. Во время Крымской войны въ этомъ мѣстѣ переправилась большая часть войска и обозы съ провіантомъ. Нѣкогда Бериславъ былъ татарской крѣпостцой, носившей названіе Кизы-Керманъ, и, говорятъ, желѣзныя цѣпи были протянуты черезъ рѣку, достигающую въ этомъ мѣстѣ во время разливовъ 4 верстъ въ ширину. Въ 1696 г. крѣпость эта была взята Петромъ Великимъ.

Рѣка Ингулецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ «Геррусъ» Геродота, впадаетъ въ Днѣпръ выше Херсона и издавна имѣла важное торговое и стратегическое значеніе, такъ какъ течетъ почти по прямой линіи съ сѣвера на югъ, отъ мѣста впаденія Тясмина до Днѣпровскаго лимана, и такимъ образомъ даетъ возможность миновать длинный изгибъ Днѣпра съ его порогами и болотистыми мелями нижняго теченія. Только одинъ пунктъ, съ населеніемъ въ 10.000 человѣкъ, существуетъ въ этомъ бассейнѣ, большая часть котораго была обращена въ пустыню, чтобы избѣжать татарскихъ набѣговъ. Пунктъ этотъ—городъ Александрія, основанный въ восемнадцатомъ столѣтіи подъ именемъ Беча, въ верхней части Ингульца. Около середины теченія этой рѣки,

[1] Чубинскій. „Поѣздка въ Южную Россію“.
[2] Чубинскій, тамъ же.

въ мѣстѣ сліянія ея съ Саксаганой, извѣстномъ подъ именемъ «Криваго Рога», недавно открыты богатыя мѣсторожденія желѣзной руды, которая, при содержаніи отъ 48 до 70 процентовъ чистаго металла, заключаетъ въ себѣ лишь незначительныя количества сѣры и фосфора. По мнѣнію инженера Конткевича, эта руда можетъ считаться лучшей во всей Россіи, лучше даже уральской. Запасы руды въ извѣстныхъ уже залежахъ исчислены по меньшей мѣрѣ въ 130 милл. тоннъ (свыше 8 милліардовъ пудовъ).

Алешки, на южномъ берегу рѣки, въ прежнія времена былъ морскимъ портомъ для нижняго теченія Днѣпра: съ десятаго вѣка онъ служилъ складочнымъ мѣстомъ торговли грековъ съ «варягами», чрезъ Кіевъ. То былъ городъ Олешп; это названіе генуэзцы превратили въ Эличе (Elice), а это послѣднее постепенно измѣнилось въ Алешки; но слово это въ первоначальномъ своемъ значеніи выражаетъ то же, что и Гилеа (Hylea) Геродота, т. е. «Лѣсной». Однако, всякіе слѣды лѣса давно исчезли въ этой мѣстности. Прогнанные въ 1711 году изъ своего стана, находившагося при впаденіи Каменки въ Днѣпръ, запорожскіе казаки поселились близъ Алешекъ, входившихъ тогда въ составъ владѣній крымскихъ татаръ; но въ 1733 году, по достиженіи соглашенія съ русскимъ правительствомъ, которое сначала приказало вѣшать всякаго запорожца, захваченнаго въ русскихъ владѣніяхъ, казаки оставили «землю невѣрныхъ», чтобы основать «новую сѣчь». Алешки—торговое предмѣстье Херсона, лежащаго почти напротивъ, на правомъ берегу Днѣпра, въ 10 верстномъ разстояніи. Отсюда доставляется въ Херсонъ скотъ, зерновый хлѣбъ, кожи, фрукты и арбузы, очень цѣнимые на всемъ югѣ Россіи.

Херсонъ, главный городъ одной изъ самыхъ населенныхъ губерній Россіи, по числу жителей и торговлѣ стоитъ гораздо ниже Одессы; онъ уступаетъ даже Николаеву—порту при устьѣ Буга; но, какъ сторожевой пунктъ при входѣ въ Днѣпръ, онъ не могъ не удержать за собой значительную часть торговли южной Россіи. Однако, мели, острова и песчаные наносы не позволяютъ большимъ судамъ подниматься до города,—они должны останавливаться въ 35 верстахъ къ западу отъ Херсона, въ лиманѣ. Основывая Херсонъ на мѣстѣ небольшаго укрѣпленія Александръ-Шанца (по-нѣмецки Alexander-Schantze) и давая ему прекрасное греческое имя, Потемкинъ разсчитывалъ на болѣе славное и болѣе счастливое будущее для этого города; въ настоящее время въ Херсонѣ осталось только небольшое число грековъ, хотя первоначальное населеніе его состояло почти исключительно изъ переселенцевъ этой національности. Хотя Херсонъ ведетъ довольно большую отпускную торговлю, въ особенности лѣсомъ, зерновымъ хлѣбомъ и кожами, но все-таки значительная часть его торговой дѣятельности состоитъ въ каботажной отправкѣ товаровъ въ Одессу, откуда онъ получаетъ иностранные товары. Часть старинныхъ укрѣпленій Херсона существуетъ еще и до сихъ поръ. Припомнимъ надпись, которую Екатерина II могла прочесть на воротахъ одного строившагося зданія: «Здѣсь дорога въ Константинополь».

Перечень городовъ съ населеніемъ свыше 5.000 душъ, въ бассейнѣ Днѣпра, ниже впаденія въ него Припети (число жителей губернскихъ и другихъ значительныхъ городовъ показано по предварительнымъ результатамъ переписи 28 января 1897 г.):

Волынская губернія: Житоміръ—64.452 жителя.

Орловская губернія: Брянскъ—20.592 жит.; Сѣвскъ — 8.604; Дмитровскъ — 6.990; Трубчевскъ—5.443.

Курская губернія: Курскъ — 52.908 жит.; Рыльскъ—16.912; Путивль—12.579; Обоянь—10.830; Фатежъ—6.116.

Черниговская губернія: Нѣжинъ—31.892 жит.; Стародубъ—25.195; Черниговъ — 25.580; Конотопъ—22.834; Глуховъ—17.622; Борзна—11.892; Березна — 10.790; Новгородъ Сѣверскъ —8.389; Кролевецъ—13.330.

Кіевская губернія: Кіевъ—248.750 жителей; Бердичевъ—53.728; Бѣлая Церковь—20.700; Васильковъ—19.720; Черкасы—29.620; Таращa—25.002; Сквира—17.317; Чигиринъ—17.954; Каневъ—9.843; Радомысль—8.126.

Полтавская губернія: Полтава—53.060 жит.; Кременчугъ — 57.879; Кобеляки — 15.932; Прилуки—17.291; Зеньковъ—14.945; Переяславль—13.795; Гадячъ—10.579; Лохвица—10.742; Золотоноша — 9.900; Миргородъ—13.055; Градижскъ—10.805; Ромны—20.925; Хороль — 7.225; Лубны—10.910; Пирятинъ—6.812.

Харьковская губернія: Ахтырка—27.085 жителей; Лебединъ—16.160; Сумы—26.622; Бѣлополье—17.241; Богодуховъ—12.149; Недригайловъ—6.098; Краснокутскъ—5.641.

Екатеринославская губернія: Екатеринославъ — 121.216 жит.; Павлоградъ—32.528; Новомосковскъ—23.275; Никополь —8.144.

Херсонская губерніи: Херсонъ—69.219 жит.; Александрія — 13.310; Ново-Георгіевскъ — 9.042; Бериславъ—11.789.

Таврическая губернія: Алешки—10.525 жителе; Орѣховъ—5.161.

Подолія принадлежитъ всецѣло къ бассейнамъ Буга и Днѣстра, и большая часть ея городовъ лежитъ или по теченію, или въ сосѣдствѣ этихъ рѣкъ. Городъ Проскуровъ, окруженный высокими холмами, лежитъ среди болотистой равнины, гдѣ берутъ начало нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ нарождающійся Бугъ; тамъ же находятся поселенія поляковъ,

извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «мазуровъ». Меджибожъ, или Междубужье, названный такъ потому, что находится между Бугомъ и притокомъ его, Бужкомъ, также частію защищенъ болотами, что и побудило избрать эту стратегическую мѣстность сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ близъ австрійской границы. Ниже по Бугу слѣдуетъ Летичевъ, одинъ изъ городовъ Подоліи, часто подвергавшихся опустошеніямъ отъ поляковъ и казаковъ. Хмѣльникъ окруженъ дѣйствительно полями хмѣля, а ниже въ долинѣ Буга лежатъ богатая Винница (въ семнадцатомъ столѣтіи она была главнымъ пунктомъ одного изъ казацкихъ полковъ, горячо отстаивавшихъ свою свободу), и еврейскій Брацлавъ—нѣкогда главный городъ большой польской провинціи. Къ западу отъ рѣки, при подошвѣ большаго холма, стоитъ Литинъ, а дальше на юго-западъ, въ долинѣ Рова, находится пріобрѣвшій извѣстность въ исторіи городъ Баръ, въ которомъ, въ 1768 году, образовалась конфедерація, заявившая протестъ противъ уступокъ, сдѣланныхъ диссидентамъ [1]), и тѣмъ самымъ приведшая Польшу къ окончательному паденію. Небольшой городокъ Кіевской губерніи Липовецъ, лежащій къ востоку, напоминаетъ о татарахъ-липанахъ, давно жившихъ въ этой мѣстности. Собъ, протекающій около Липовца, впадаетъ въ Бугъ и нижнимъ своимъ теченіемъ орошаетъ окрестности болѣе населеннаго города—Гайсина или Хайсина. Синюха, главный изъ притоковъ Буга и нѣкогда граница «запорожской вольницы», начинается въ Кіевской губерніи и получаетъ свои воды изъ Звенигородскаго и Уманскаго уѣздовъ. Умань—значительный торговый городъ, въ которомъ казаки и малороссійскіе крестьяне въ 1768 году, желая отмстить «Барскимъ конфедератамъ», произвели всеобщую рѣзню поляковъ и евреевъ, укрывавшихся въ этомъ мѣстѣ; въ настоящее время евреи тамъ болѣе многочисленны, чѣмъ когда-либо. Ново-Миргородъ, сначала колонія миргородскихъ казаковъ, а затѣмъ центръ Новой-Сербіи, лежитъ на восточномъ притокѣ Синюхи.

Балта, лежащая почти на половинѣ разстоянія между Днѣстромъ и Бугомъ, но на притокѣ послѣдняго, пріобрѣла большое значеніе въ послѣдніе годы, какъ пунктъ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ изъ Одессы въ Бреславль и изъ Одессы въ Москву. Въ Балтѣ производится обширная торговля скотомъ и земледѣльческими произведеніями, въ которой участвуютъ также сосѣдніе города Ольгополь и Ананьевъ и которая направляется почти исключительно къ Одесскому порту.

Вступая въ Херсонскую губернію, Бугъ, соединенный съ Синюхой, омываетъ Ольвіополь, затѣмъ змѣеобразно извивается по степи. Городъ Вознесенскъ, въ окрестностяхъ котораго бываютъ большіе кавалерійскіе маневры, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки, при впаденіи въ нее Мертвой воды. Бугъ, расширяясь мало-по-малу, переходитъ въ лиманъ гораздо раньше, чѣмъ въ него впадаетъ его главный притокъ, Ингулъ, въ бассейнѣ котораго расположены два важныхъ города—Елисаветградъ и Бобринецъ. Елисаветградъ въ прошломъ столѣтіи былъ не больше, какъ простая крѣпостца и маленькая колонія бѣглыхъ раскольниковъ; но, подобно Ингульцу, Ингулъ представляетъ въ торговомъ отношеніи ту выгоду, что по немъ могутъ спускаться товары съ сѣвера на югъ почти по прямой линіи, укорачивая такимъ образомъ разстояніе между среднимъ Днѣпромъ и лиманомъ рѣки; этимъ и объясняется, почему Елисаветградъ, сдѣлавшись главнымъ средоточіемъ торговли между Кременчугомъ и Одессой, развился съ чисто американской быстротой. Въ послѣдніе годы въ окрестностяхъ города разработываются залежи лигнита.

Николаевъ расположенъ немного выше слiянія Буга и Ингула, на обоихъ берегахъ рѣки, уже превратившейся въ этомъ мѣстѣ въ лиманъ подъ вліяніемъ морскихъ водъ. Это также одинъ изъ быстро ростущихъ городовъ; но своимъ цвѣтущимъ состояніемъ онъ обязанъ преимущественно правительству. Съ 1789 года Николаевъ превращенъ въ главную морскую станцію на Черномъ морѣ. Между тѣмъ какъ главныя дѣйствующія морскія силы были сосредоточены въ Севастополѣ, Николаевъ, построенный внутри страны, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прибрежья, получилъ болѣе важное назначеніе—строить и снаряжать корабли и заготовлять провіантъ; но онъ имѣетъ и нѣкоторыя невыгоды—особенно ту, что большіе корабли могутъ приставать къ нему не иначе, какъ облегченные отъ своего вооруженія; фарватеръ на барѣ имѣетъ глубину лишь въ 6—7 метровъ (20—23 фут.). Этотъ обширный городъ, съ широкими, пыльными и уходящими далеко въ степь улицами, застроенными низкими домами, состоитъ изъ центральнаго квартала, вокругъ котораго группируются многочисленныя военныя предмѣстья. Николаевъ, русскій Тулонъ, имѣетъ, кромѣ казармъ, обширныя сооруженія, замѣчательныя какъ по своей величинѣ, такъ и по своимъ механическимъ приспособленіямъ. Молы, пристани, доки, верфи тянутся вдоль Ингула; тысячи рабочихъ населяютъ мастерскія, въ которыхъ приготовляются щиты для брони, колеса, лафеты, пушки, паровые котлы и вообще всѣ желѣзные или деревянные предметы, необходимые для снаряженія и вооруженія кораблей; пловучій докъ, стоящій на якорѣ, принимаетъ броненосныя суда. Укрѣпленія возвышаются со всѣхъ сторонъ въ окрестностяхъ города и по обоимъ берегамъ Буга, ниже слiянія. Хотя Николаевъ

[1]) Православнымъ и протестантамъ. Ред.

предназначенъ спеціально для военныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и для мирнаго торговаго обмѣна; онъ является наслѣдникомъ милетской Ольвіи, находившейся нѣсколько ниже, близъ сліянія обоихъ лимановъ—Днѣпровскаго и Бугскаго, у «Ста Могилъ». Николаевъ не можетъ соперничать съ Одессой по части непосредственнаго импорта, но онъ отпускаетъ довольно значительное количество зерноваго хлѣба, особенно въ урожайные годы, и нѣсколько пароходныхъ линій имѣютъ здѣсь свою пристань. Движеніе Николаевскаго порта въ 1895 г.: по заграничному плаванію: пришло — 515 судовъ, въ 710.182 тон.; отошло—523 судна, въ 724.966 тоннъ; каботажъ: пришло—777 судовъ, въ 264.078 тоннъ; отошло—608 судовъ, вмѣстимостью въ 242.520 тоннъ. Цѣнность вывоза въ 1895 г. выразилась цифрой 47.168.604 руб.

Городъ Очаковъ, или Кара-Керманъ, т. е. «Черная крѣпость», расположенъ на сѣверномъ берегу морскаго лимана, въ который впадаютъ Бугъ и Днѣпръ, и можетъ быть разсматриваемъ какъ передовой портъ Николаева. Нѣкогда, благодаря своему стратегическому и торговому положенію, онъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ на Черномъ морѣ. Основанный въ 1492 году однимъ изъ татарскихъ хановъ на мѣстѣ греческой крѣпости, онъ часто былъ оспариваемъ другъ у друга русскими и магометанами во время многочисленныхъ войнъ и, наконецъ, окончательно перешелъ подъ власть Россіи въ 1788 г., послѣ кровопролитнѣйшей осады, окончившейся избіеніемъ турецкаго гарнизона. Въ 1854 году, во время Крымской войны, Очаковъ и крѣпость Кинбурнъ, на южной оконечности при входѣ въ лиманъ, подверглись нападенію эскадры союзниковъ.

Одесса, самый значительный торговый портъ южной Россіи, не лежитъ, подобно Херсону, Николаеву и Очакову, при устьѣ рѣки, которая давала бы доступъ внутрь страны; лиманъ Хаджи-Бей, нѣкогда сообщавшійся съ моремъ, давно уже представляетъ изъ себя лагуну съ солоноватой водой, и при томъ онъ питается лишь временными водами, спускающимися изъ степи. Несмотря на это, Одесса можетъ считаться истиннымъ портомъ Днѣпра и Днѣстра, подобно тому какъ Марсель является гаванью Роны, а Венеція—гаванью рѣки По. Трудности входа въ устье обѣихъ главныхъ рѣкъ Малороссіи заставили моряковъ избрать приморскимъ центромъ береговой пунктъ съ болѣе легкимъ доступомъ, и Одесскій заливъ дѣйствительно представляетъ всѣ необходимыя для этого условія. Суда могутъ подходить сюда безопасно, а гладкія степныя дороги дозволяютъ безъ труда подвозить товары къ дорогамъ, идущимъ вдоль рѣкъ. Кромѣ того, изъ всего западнаго бассейна Чернаго моря Одесскій заливъ наиболѣе глубоко вдается въ материкъ, а берегъ въ этомъ мѣстѣ измѣняетъ направленіе—съ одной стороны къ югу, а съ другой къ востоку, вслѣдствіе чего естественные пути страны направляются къ Одессѣ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ къ какому-либо другому пункту морскаго берега. Значеніе Одессы быстро возростало, особенно съ тѣхъ поръ, когда къ преимуществамъ географическаго положенія присоединились еще выгоды, доставляемыя молами, складами, желѣзными дорогами и установившимися сношеніями. Съ основанія Одессы прошло всего только около ста лѣтъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ раскинулись теперь ея дворцы, еще въ 1789 году находилась татарская деревня, вокругъ крѣпости Хаджи-Бей. Въ 1794 году Одесса получила свое настоящее имя отъ греческой колоніи, основанной нѣкогда на этой части морскаго побережья въ память славнаго Улисса. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія Одесса имѣла уже населеніе въ 8.000 человѣкъ, въ 1850 году—около 100.000, а теперь въ ней насчитывается свыше 400.000 жителей. По численности своего населенія Одесса—четвертый городъ Россійской Имперіи и, вмѣстѣ съ Петербургомъ, болѣе всѣхъ русскихъ городовъ имѣетъ европейскую физіономію; это ужъ не огромная деревня, какъ большая часть городскихъ поселеній внутренней Россіи.

Съ моря Одесса представляетъ очень красивый видъ. Она лежитъ на 47 метр. (155 фут.) надъ уровнемъ моря, въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ степной террасы, которая понижается мало-по-малу, съ одной стороны—по направленію къ Днѣпровскому лиману, а съ другой—къ Днѣстровскому, и круто обрывается у моря. Вдоль ряда величественныхъ домовъ, по скалистому берегу тянется Приморскій бульваръ, съ центральной площадки котораго, украшенной статуей герцога Ришелье, спускается къ морю монументальная лѣстница, возвышающаяся надъ набережными и портами, тогда какъ «балки», когда-то безлюдныя, а теперь густо застроенныя, врѣзываются въ глубь степнаго нагорья. Центральный кварталъ—роскошный городъ съ домами въ итальянскомъ стилѣ, съ широкими улицами, окаймленными тротуарами, и съ изящными магазинами; но отъ этого квартала тянутся во всѣ стороны, по направленію къ степи, обширныя предмѣстья, гдѣ вѣтеръ вздымаетъ облака пыли — сущій бичъ Одессы. Почва, на которой расположенъ городъ, состоитъ изъ раковистаго песчаника; онъ употребляется для постройки зданій, но легко вывѣтривается, и черезъ очень короткое время дома, построенные изъ него, имѣютъ видъ развалинъ; этимъ и объясняется то обстоятельство, что греческіе города, стоявшіе на этомъ морскомъ берегу, совершенно исчезли, оставивъ послѣ себя лишь кучи мусора. Одесскій песчаникъ, добываемый въ расположенныхъ подъ самымъ городомъ галлереяхъ или катакомбахъ, изъ кото-

рыхъ нѣкоторыя недавно обрушились, по своей хрупкости негоденъ для мощенія улицъ, и необходимый для мостовыхъ матеріалъ привозится въ Одессу съ острова Мальты и изъ Италіи на корабляхъ. Въ проточной водѣ тоже чувствуется

Одесскій портъ.

недостатокъ: кромѣ двухъ ключей, въ городѣ есть лишь колодцы съ плохой водой и цистерны; въ сухое время года прежде платили дорого за воду, привозимую изъ Крыма; теперь же вода доставляется по водопроводу изъ Маяковъ, лежащихъ на нижнемъ теченіи Днѣпра, въ 40-верстномъ разстояніи. Резервуары вмѣщаютъ 27 милліоновъ литровъ воды (около 2.200.000 вед.).

Будучи одновременно и русскимъ городомъ, и городомъ Средиземнаго моря, Одесса принадлежитъ къ числу центровъ Европы съ наиболѣе смѣшаннымъ населеніемъ. Главные одесскіе

коммерсанты—евреи, итальянцы, греки, нѣмцы, французы. Татары и румыны, турки и болгары встрѣчаются на улицахъ съ лазами изъ Малой Азіи и грузинами съ Кавказа. Французское вліяніе значительно въ этомъ городѣ, основанномъ генераломъ де-Рибасомъ, построенномъ отчасти инженеромъ Воланомъ, украшенномъ и дотированномъ герцогомъ де-Ришелье; но впослѣдствіи, изъ иностранцевъ, преобладающее значеніе имѣли итальянцы; еще недавно названія улицъ были написаны на двухъ языкахъ—итальянскомъ и русскомъ, и много итальянскихъ словъ вошло въ языкъ одесситовъ. Впрочемъ, физіономія города измѣняется подъ вліяніемъ хода торговли, а послѣдняя представляетъ весьма значительныя колебанія, такъ какъ главный предметъ отпуска изъ Одессы—зерновый хлѣбъ, сравнительно съ прочими товарами, чрезвычайно сильно колеблется изъ года въ годъ, въ зависимости отъ урожаевъ, потребностей и богатства странъ, ввозящихъ этотъ продуктъ. Обширные магазины, изъ которыхъ нѣкоторые походятъ на дворцы, служатъ для ссыпки зерноваго хлѣба и даютъ понятіе о важности этой торговли. Въ 1866 г. изъ Одессы было вывезено—3.143.000 четвертей хлѣба, въ 1870 г.—5.264.000 четв.; за трехлѣтіе, съ 1878 по 1880 годъ, въ среднемъ,—6.800.000 четв.; въ 1895 г. вывезено—122.120.546 пудовъ. Изъ трехъ своихъ гаваней Одесса отпускаетъ также значительныя количества шерсти, сала, льна и получаетъ взамѣнъ колоніальные и мануфактурные товары, вино, а также предметы роскоши. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Одессы въ 1895 году:

По ввозу — 54.128.552 р.; по вывозу — 89.312.422 р.

Движеніе Одесскаго порта въ 1895 г.:

По заграничному плаванію: пришло 1.274 судна, вмѣстимостью въ 1.823.951 тонну; отошло: 1.276 судовъ въ 1.825.901 тонну.

Каботажъ: пришло—4.093 судна, въ 1.154.178 тоннъ; отошло—4.185 судовъ въ 1.182.240 тоннъ.

Наибольшая часть одесской торговли ведется посредствомъ пароходовъ, и самъ городъ владѣетъ значительною частью флота, обслуживающаго эту торговлю (Русское общество пароходства и торговли имѣетъ 74 парохода, 6 паровыхъ катеровъ и 67 желѣзныхъ паровыхъ баржъ; Черноморско-Дунайское—10 пароходовъ, и Добровольный флотъ—9 пароходовъ). Что касается мѣстной промышленности, то она лишь въ слабой степени питаетъ торговлю; только въ 1830 году въ Одессѣ появился первый настоящій заводъ, но теперь тамъ имѣются паровыя мукомольни, мыловаренные заводы, табачныя фабрики, винокуренные заводы, пивоварни, солеварни, лѣсные склады всякаго рода. Въ 1891 г. фабрикъ и заводовъ въ Одессѣ было 442, при 9.515 рабочихъ, съ годовымъ производствомъ на сумму 28,7 милліоновъ рублей. Окрестныя солеварни доставляютъ отъ 4.000 до 5.000 тоннъ соли (2.480.000 до 3.100 000 пудовъ) въ годъ. Съ 1857 года Одесса перестала быть порто-франко; но вскорѣ послѣ этого она получила выгоду другаго рода, сдѣлавшись мѣстопребываніемъ одного изъ русскихъ университетовъ, впрочемъ, самаго малочисленнаго по числу профессоровъ и студентовъ. Въ 1885 г. въ Одесскомъ (Новороссійскомъ) университетѣ было—610, въ 1894 г.—506 слушателей.

По берегу моря къ югу отъ Одессы нѣтъ городовъ, а встрѣчаются мѣстами лишь хутора, или дачи, которыя богатые негоціанты съ большимъ трудомъ обсадили деревьями и цвѣтами. Деревни въ этой мѣстности большею частію населены нѣмецкими колонистами и расположены по берегамъ стоячихъ водъ, образовавшихся вслѣдствіе задержки теченія степныхъ рѣчекъ.

Города бассейновъ Буга, Тилигула и Херсонскаго побережья, съ населеніемъ свыше 5.000 душъ (число жителей губернскихъ и другихъ значительныхъ городовъ показано по даннымъ переписи 1897 г.):

Кіевская губернія: Умань—28.628 жителей; Звенигородка—13.667; Липовецъ—9.825 жит.

Подольская губернія: Балта—32.558 жителей; Винница—24.989; Проскуровъ—20.489; Гайсинъ—10.782; Баръ—13.434; Хмѣльникъ—12.228; Литинъ—10.511; Ольгополь—9.71?; Брацлавъ—8.317 жителей.

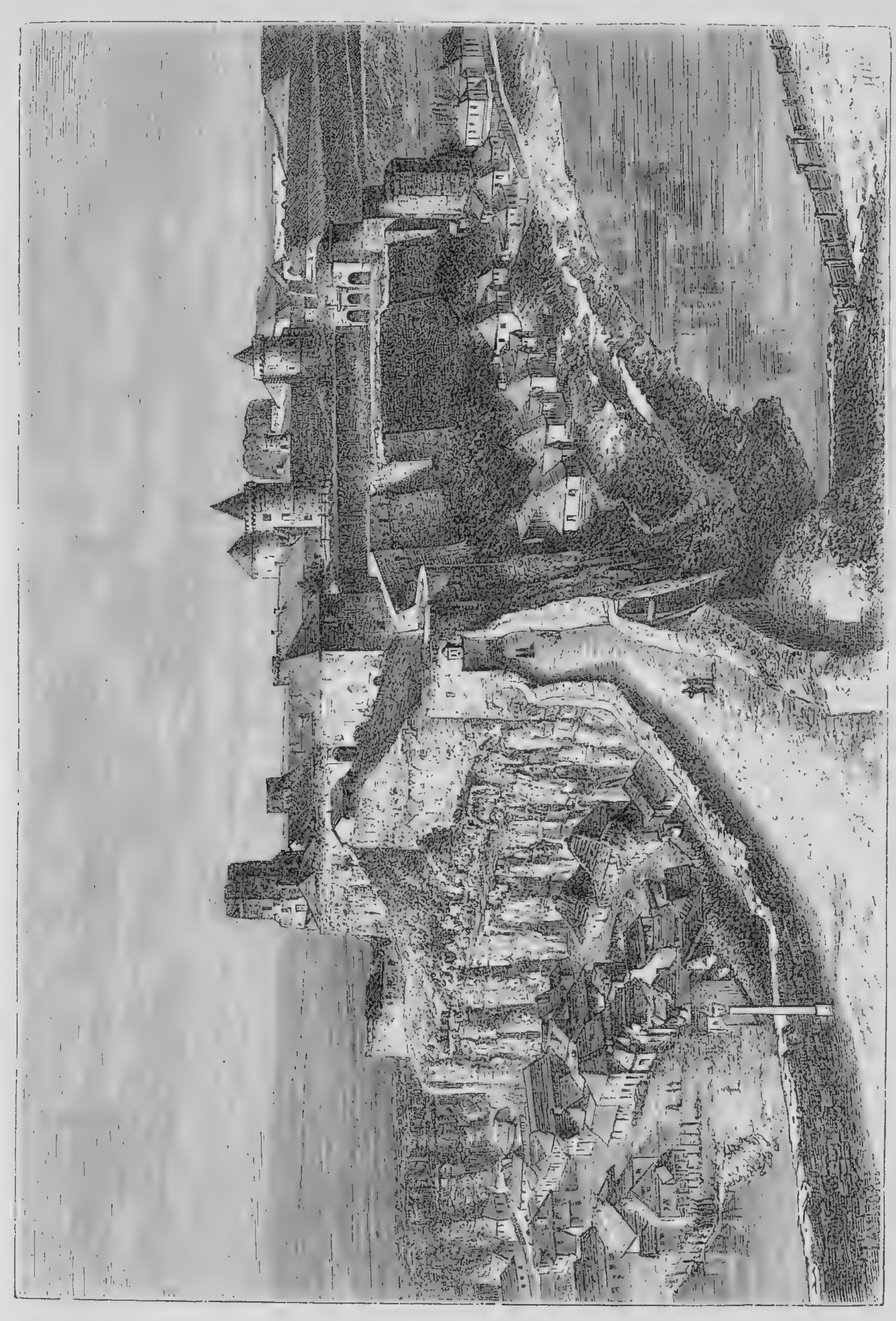
Херсонская губернія: Одесса—404.651 жителей; Николаевъ—92.060; Елизаветградъ—61.841; Ананьевъ — 13.646; Вознесенскъ — 12.259; Бобринецъ — 10.764; Ново - Миргородъ—6.852; Очаковъ—6.984 жителей.

Вступая на русскую территорію, Днѣстръ орошаетъ окрестности Хотина (Хоцима), нѣкогда бывшаго самой сѣверной генуэзской колоніей: еще и теперь видны здѣсь нѣкоторые остатки итальянской крѣпости [1]). Хотинъ служилъ также туркамъ пунктомъ для наблюденія за польскимъ городомъ Каменецъ-Подольскомъ, расположеннымъ сѣвернѣе на высокой террасѣ, окруженной глубокимъ оврагомъ. Этотъ городъ, похожій по мѣстоположенію на Люксембургъ, соединенъ, какъ и послѣдній, съ кварталами на противоположномъ крутобережьи великолѣпнымъ віадукомъ. Другой мостъ, построенный въ 1627 году турками, въ періодъ кратковременнаго ихъ владѣнія, соединяетъ Каменецъ съ древней крѣпостцой, которая придавала этому мѣсту, какія-нибудь сто лѣтъ назадъ, важное стратегическое значеніе; круглыя башни крѣпости съ остроконечными крышами имѣютъ живописный видъ. Каменецкіе армяне, которымъ польскіе короли предоставили большія привилегіи, почти всѣ эмигрировали [2]). Теперь

---

[1]) Чужбинскій, см. выше цитированное сочиненіе.
[2]) Чужбинскій, выше цитированное сочиненіе.

Каменецъ, населенный на половину евреями, соперничаетъ съ Хотиномъ въ контрабандной торговлѣ, нѣкогда весьма значительной, съ галицiйскими деревнями по ту сторону границы.



Старинная крѣпость въ Каменцѣ.

Новая Ушица, на берегу одного изъ овраговъ, прорѣзывающихъ сѣверную часть плоскогорья, и прелестный Могилевъ-Подольскій, окруженный фруктовыми садами и виноградниками— вотъ остальные города этой мѣстности по верхнему Днѣстру.

Ниже Могилева слѣдуютъ по рѣкѣ города: Ямполь, Сороки, Дубоссары, Григоріополь. Сороки, нынѣ уѣздный городъ, населенный евреями и молдаванами, окруженъ табачными плантаціями; въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ онъ былъ одною изъ генуэзскихъ ко-

лоній, основанныхъ въ долинѣ Днѣстра для торговли съ населеніемъ Галиціи и Венгріи. Къ западу, на одномъ изъ притоковъ рѣки, расположены два города, часто утопающіе въ грязи: Бѣльцы, извѣстный по торговлѣ скотомъ, и Оргѣевъ; но торговля ихъ находится въ зависимости отъ двухъ большихъ сосѣднихъ городовъ: Яссъ, столицы Молдавіи, и Кишинева—главнаго города Бессарабіи; послѣдняя носила нѣкогда имя болѣе вѣрное въ этнографическомъ отношеніи — Россо-Валахіи. Кишиневъ, или Киссину на языкѣ его обитателей—румынъ, не что иное, какъ громадная деревня, населенная сотнею тысячъ жителей, съ широкими улицами, грязными или пыльными, смотря по времени года; почти на семь тысячъ жилищъ, въ 1878 году въ немъ было едва пятьдесятъ домовъ болѣе чѣмъ въ одинъ этажъ; главное зданіе города—громадная тюрьма съ четырьмя зубчатыми башнями, возвышающимися надъ низкими домами. Городъ окруженъ садами, которые воздѣлываются болгарами. Къ сѣверу, нѣсколько холмовъ покрыты частымъ кустарникомъ, который кишиневцы называютъ «лѣсомъ».

Бендеры, прежній Тагинъ казаковъ, по населенію и торговлѣ далеко не имѣетъ того значенія, какимъ пользуется Кишиневъ, но зато онъ славенъ въ другомъ отношеніи. Въ этотъ городъ, на правомъ берегу Днѣстра, бѣжалъ Карлъ XII послѣ Полтавской битвы и здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ пользовался гостепріимствомъ султана; потомъ онъ устроилъ свой лагерь въ трехъ верстахъ отсюда, близъ деревни Варницы, гдѣ также прожилъ два года. Городъ Бендеры, трижды занимаемый русскими войсками, лишь въ 1812 году былъ окончательно присоединенъ къ Россіи. Немного ниже по теченію, на лѣвомъ берегу Днѣстра и на другой его излучинѣ, лежитъ Тирасполь, издали дающій о себѣ знать рядомъ вѣтряныхъ мельницъ; названіемъ своимъ этотъ городъ напоминаетъ древнюю греческую колонію Тирасъ, которая, впрочемъ, существовала не на этомъ мѣстѣ; въ теченіе послѣдняго столѣтія городъ этотъ далъ пріютъ большому числу великорусскихъ раскольниковъ; они сохранили свои обычаи до настоящаго времени и отличаются вообще, особенно женщины, красотой лица [1]). Южнѣе, на Днѣстрѣ же, расположена деревня Олонешти, напоминающая аленовъ, бывшихъ нѣкогда, вмѣстѣ съ ногайцами, обитателями этой страны. Бѣдный Овидіополь, расположенный однако совершенно не на томъ мѣстѣ, куда былъ сосланъ римскій поэтъ, какъ можно было подумать, судя по имени города,—лежитъ на восточномъ берегу Днѣстровскаго лимана; нѣкогда онъ пользовался значеніемъ какъ сторожевой пунктъ на русской границѣ противъ турецкой крѣпости Аккермана, построеннаго на противоположномъ берегу лимана и окруженнаго обширными предмѣстьями, изъ которыхъ главное—Турлаки. Въ этомъ-то мѣстѣ, вѣроятно, и находился древній Тирасъ, или Офіусъ, превратившійся впослѣдствіи въ Альба-Юлію латинизованныхъ даковъ, Лейкополисъ и Аспро-Кастронъ византійцевъ, Аклиба—кумановъ, Фегеръ-Варъ—венгровъ, Цитате-Альба — румынъ, Бѣлъ-Городъ—славонцевъ, Акъ-Керманъ—турокъ; городъ, носившій эти различныя названія, имѣющія одно и то же значеніе—именно «Бѣлый городъ» или «Бѣлая крѣпость», былъ предназначенъ защищать входъ въ Днѣстръ, подобно тому какъ «Черная крѣпость» защищала входъ въ Днѣпръ; въ окрестностяхъ города до сихъ поръ еще видны остатки генуэзской крѣпости и стѣны, построенныя румынами и турками. Рыбныя ловли въ лиманѣ и земледѣльческіе продукты, добываемые въ окрестностяхъ этихъ мѣстъ, придаютъ городу нѣкоторое торговое значеніе. Населеніе города состоитъ въ значительной степени изъ потомковъ крѣпостныхъ, бѣжавшихъ изъ Малороссіи; имъ даны были права мѣщанъ, и ихъ записывали подъ именами уже умершихъ; вотъ почему «безсмертіе» аккерманскихъ мѣщанъ вошло въ пословицу. Въ 6 верстахъ къ югу находится колонія Шабо, населенная французскими и нѣмецкими швейцарцами.

Значительнѣйшіе города въ бассейнѣ Днѣстра:

Подольская губернія. Каменецъ-Подольскъ (97 г.)—34.483 жит.; Могилевъ-на-Днѣстрѣ—29.000.

Херсонская губернія. Тирасполь (97 г.)—27,585; Дубоссары — 10.651; Григоріополь—6.575.

Бессарабская губернія. Кишиневъ (97 г.)—108.506; Аккерманъ — 28.365; Бендеры—32.934; Хотинъ—20.283; Сороки—12.118; Оргѣевъ—7.340; Турлаки—5.202.

Послѣдняя война доставила Россіи богатыя мѣстности Буджака, или Молдавской Бессарабіи, и нѣкоторые изъ многолюдныхъ городовъ въ бассейнахъ Прута и нижняго Дуная. Кагулу (по-русски Кагулъ) или Фрумоза, румынскій городъ, лежитъ въ сосѣдствѣ съ Прутомъ, а Болградъ расположенъ на сѣверной сторонѣ Дунайскаго лимана. Болградъ — столица болгарскихъ колоній въ Дунайской Бессарабіи—очень промышленный и оживленной городъ, отличающійся также превосходнымъ устройствомъ и содержаніемъ своихъ низшихъ и среднихъ школъ. Въ 1877 году Молдавская Бессарабія имѣла 154 школы, въ томъ числѣ 10 гимназій, между тѣмъ какъ во всей Русской Бессарабіи, съ населеніемъ въ девять разъ большимъ, было только 220 школъ [1]).

[1]) Чужбинскій, выше цитированное сочиненіе.

[1]) „Педагогическій Музей“, „1879 г. №№ 1-й и 2-й“.

На Дунаѣ самый населенный пунктъ — двойной городъ Измаилъ и Тучковъ, славный въ исторіи дунайскихъ войнъ. Три раза, въ 1770, 1790 и 1791 годахъ, Измаилъ былъ взятъ русскими; въ 1810 году, когда былъ основанъ Тучковъ, Измаилъ представлялъ изъ себя лишь кучу развалинъ. Хотя Тучковъ лежитъ на Килійскомъ рукавѣ, рѣже другихъ посѣщаемомъ судами, но все-таки ведетъ довольно большую торговлю зерновымъ хлѣбомъ и другими земледѣльческими продуктами; въ одинъ годъ было вывезено почти 600.000 четвертей пшеницы. Торговое движеніе Измаильскаго порта въ 1895 году: пришло 198 судовъ, вмѣстимостью въ 68.509 тоннъ, отошло 197 судовъ въ 68.449 т.; привозъ—на 75.115 р., вывозъ—на 2.286.498 руб. Выше Тучкова по теченію лежитъ пристань Рени (близъ этого мѣста Дарій перешелъ Дунай [1]), ниже—Килія, городъ населенный раскольниками-липованами, давшій свое имя сѣверному Дунайскому рукаву, и Вилковъ, населенный рыбаками; но въ обоихъ торговля менѣе значительна, чѣмъ въ предъидущемъ. Нынѣ обладательница Килійскаго рукава, самаго значительнаго изъ рукавовъ Дуная, Россія занимается углубленіемъ его входа, чтобы сдѣлать этотъ рукавъ истиннымъ устьемъ рѣки, въ ущербъ Сулинскому рукаву.

Города Дунайской Бессарабіи имѣютъ жителей:

Измаилъ и Тучковъ (1889 г.)—34.310; Болградъ—8.179; Кагулъ—5.980; Килія—8.014; Рени—6.079.

IX. Область великихъ озеръ.

Ингрія и Карелія, губерніи Новгородская и С.-Петербургская.

Начало исторической Руси было положено въ бассейнѣ Днѣпра, подъ вліяніемъ цивилизаціи государствъ по берегамъ Средиземнаго моря; другая Русь должна была развиться по направленію къ Балтійскому морю, въ странахъ, обращенныхъ къ балтійскимъ славянамъ, скандинавамъ и германцамъ. Группировкѣ народовъ, центромъ которыхъ былъ Кіевъ, долженъ былъ соотвѣтствовать также на большомъ пути «изъ Варягь въ Греки» другой жизненный центръ торговли и культуры, и такимъ центромъ сдѣлался Новгородъ. Область, окружающая Новгородъ и простирающаяся къ сѣверу, со включеніемъ большихъ озеръ, не принадлежитъ, собственно говоря, во всемъ своемъ объемѣ къ славянскимъ землямъ: по происхожденію жителей, а равно и по исторіи, бассейны Наровы, Волхова и Невы представляютъ переходную полосу между различными племенами финновъ и восточныхъ славянъ; тѣмъ не менѣе географическое значеніе этой области столь важно, что русскіе во всѣ времена стремились устроить тутъ свои рынки; наконецъ, имъ удалось основать здѣсь даже свою столицу, избравъ для этого мѣсто, лежащее почти внѣ материка и окруженное чуждыми народностями. Однако, огромный городъ, построенный при устьѣ Невы, привлекалъ и привлекаетъ значительное населеніе только въ свои предѣлы; холодныя же земли Сѣвера, среди которыхъ онъ расположенъ, до сихъ поръ почти совершенно пустынны въ сравненіи съ любою мѣстностью умѣренной полосы Европы. Даже въ виду его куполовъ разстилаются безлюдныя пространства.

Губернія Псковская, Новгородская, Петербургская и Олонецкая:

Поверхность: 324.311 кв. верстъ=369.073 кв. мил. Населеніе въ 1897 г. 5.066.879 душъ. На 1 кв. версту: 1.565 жит.

Если принять въ разсчетъ всю поверхность Ладожскаго озера, часть котораго оффиціально отнесена къ Финляндіи, то область великихъ русскихъ озеръ покрыта водою на пространствѣ болѣе чѣмъ 35.000 квадр. верстъ (40.000 квадр. килом.). Область эта не представляетъ, подобно нѣкоторымъ частямъ Швеціи и Финляндіи, лабиринта излучистыхъ водъ, которыя заставляютъ путешественниковъ дѣлать столь длинные объѣзды, слѣдуя съ перешейка на перешеекъ; находящіяся здѣсь озера самыя обширныя въ Россіи послѣ Каспійскаго, которое представляетъ остатокъ океаническаго залива. Три большія прѣсноводныя озера, изъ которыхъ избытокъ водъ стекаетъ въ Финскій заливъ черезъ Нарову и Неву, занимаютъ большее пространство, чѣмъ всѣ остальные водные бассейны Имперіи, вмѣстѣ взятые, а одно изъ этихъ озеръ, Ладожское, превосходитъ величиной поверхности и обиліемъ воды всѣ озерныя водовмѣстилища Скандинавіи или Альпъ.

Причина такого изобилія стоячей воды заключается въ общей горизонтальности территоріи: каменистыхъ пороговъ незначительной высоты достаточно было, чтобы остановить теченіе рѣкъ и заставить ихъ разливаться въ ширину до того, что онѣ образовали, выше этихъ преградъ, настоящія прѣсноводныя моря. На югѣ и на востокѣ самыя границы этой озерной области очень мало возвышенны, и наибольшее протяженіе ея занимаютъ еще озера, топи, болота, поверхность которыхъ постоянно наростающими слоями мховъ поднята до высоты 40—50 футовъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ, а также не вполнѣ обсохшія низины и впадины. Какъ на примѣръ этихъ полузатопленныхъ земель, можно указать на пространство, служащее водораздѣломъ между бассейнами Волхова и Западной Двины.

Къ востоку отъ страны латышей и эстовъ,

[1] Брунъ, Ф., „Древняя топографія Новороссійскаго края и Бессарабіи."

одна изъ этихъ обширныхъ водныхъ площадей, питаемая водами рѣкъ Великой, Эмбаха и другихъ значительныхъ притоковъ, продолжается съ юга на сѣверъ на протяженіи 130 верстъ: у эстовъ она извѣстна подъ именемъ Пейпуса, а русскіе прозвали ее Чудскимъ озеромъ, потому что кругомъ сидѣли финскія или чудскія племена. Это озеро, средняя глубина котораго около 5 саженъ, состоитъ изъ двухъ бассейновъ, изъ которыхъ меньшій носитъ названіе Псковскаго озера, и которые соединены проливомъ, имѣющимъ около двухъ верстъ ширины въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода и текущимъ на подобіе рѣки: здѣсь-то и находится самая глубокая часть озера. У селенія Меггикормъ ложе, расчищенное теченіемъ, имѣетъ до 13 саженъ глубины; отсюда, можетъ быть, и произошло названіе «Теплое озеро», даваемое этому проливу, потому что быстрыя воды его бываютъ покрыты льдомъ менѣе продолжительное время, нежели воды тихихъ бассейновъ, сѣвернаго и южнаго. Зимой на льду появляются временныя деревни въ мѣстахъ лова рыбы; онѣ состоятъ изъ деревянныхъ домиковъ, которые на лѣтнее время переносятся жителями въ лѣсъ [1]). Прежде Пейпусъ былъ гораздо обширнѣе; по всей вѣроятности, это—остатокъ морскаго пролива, соединявшаго восточную оконечность Финскаго залива съ Рижскимъ и отдѣлившагося отъ Балтики вслѣдствіе постепеннаго поднятія дна. Постоянное обновленіе его жидкой массы дождями и впадающими въ него рѣками превратило его въ прѣсноводное озеро; но во многихъ мѣстахъ можно распознать древніе морскіе береговые утесы, совершенно подобные скаламъ, о которые теперь, на берегахъ Эстляндіи, ударяются волны Балтики. Впрочемъ, между животными, населяющими Чудское озеро, встрѣчаются еще бывшіе представители морской фауны: такъ, напримѣръ, тюлени, происходящіе отъ предковъ, которые живутъ въ соленой водѣ, должны были постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, приспособиться къ своей новой средѣ. Въ 1852 году академикъ Беръ велѣлъ бросить въ Пейпусъ нѣкоторое число лососей, и эти рыбы расплодились въ замкнутомъ бассейнѣ, хотя онѣ не могутъ совершать ежегодныхъ путешествій въ Балтійское море, по причинѣ водопада, прерывающаго теченіе выходящей изъ озера рѣки Наровы [2]). Съ 1844 года, который прибрежные жители называютъ «годомъ потопа», уровень Чудскаго озера сталъ гораздо выше, чѣмъ былъ прежде, нѣкоторые острова исчезли, на берегахъ образовались новые заливы; лѣса, омываемые поднимающейся волной, совершенно погибли, и топкіе луга или трясины (luchten) по берегамъ, дававшіе прежде

[1]) Von Helmersen, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches". B. XXIV.

[2]) „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", 1862, tome IV.

большое количество сѣна, превратились въ болота. Это повышеніе уровня и набѣги озера на свои берега были, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ обширныхъ осушительныхъ работъ, произведенныхъ въ послѣднее время на поляхъ его бассейна; начиная съ 1864 года тамъ выкопано около 2.000 верстъ канавъ, по которымъ вода быстро уходитъ въ Пейпусъ, откуда не находитъ достаточно быстраго истеченія черезъ Нарову; нужно бы было открыть каналъ для спуска всѣхъ этихъ излишнихъ водъ прямо въ море или въ низовую Нарову. Распространеніе озера вдоль сѣвернаго берега идетъ очень быстро: тамъ поднимается гряда подвижныхъ дюнъ, средняя высота которыхъ отъ 23 до 30 футовъ и которыя перемѣщаются отъ юга къ сѣверу: по мѣрѣ того, какъ песчаные бугры подвигаются впередъ, покидаемый ими берегъ подтачивается и размывается водами озера. Это перемѣщеніе дюнъ въ сѣверномъ направленіи объясняется тѣмъ, что онѣ выставлены дѣйствію только южныхъ вѣтровъ; съ другой стороны онѣ защищены толщей лѣса [1]).

Средняя поверхность Чудскаго озера на 95 футовъ выше уровня моря; понятно, что при такой значительной разности уровня истока его, рѣка Нарова, долженъ спускаться къ Финскому заливу очень наклоннымъ теченіемъ или водопадами. И дѣйствительно, эта рѣка, выходящая изъ сѣверо-восточнаго угла озера и текущая вдоль основанія высокихъ крутыхъ откосовъ своего праваго берега, вступаетъ, наконецъ, въ скалистое ущелье, откуда спускается по уступамъ. Выше Нарвы она дѣлится на два рукава вокругъ острова Кренгольма и падаетъ съ высоты отъ 16 до 20 футовъ въ нижнее ложе, вырытое межъ обрывистыхъ утесовъ, известковыхъ и песчаниковыхъ. Въ то время какъ западная часть рѣки спускается многочисленными небольшими каскадами, перемѣшивающими свои льющіяся пелены зеленоватой воды и свои пѣнящіяся волны, восточный потокъ, болѣе обильный, падаетъ одной сплошной массой, какъ бы для того, чтобы низвергнуться въ узкую трещину почвы: такъ какъ правый берегъ возвышается крутой стѣной передъ водопадомъ, то воды, замкнутыя въ тѣсной воронкѣ, отскакиваютъ вкось и соединяются съ другимъ рукавомъ Наровы.

Въ нижней части своего теченія, ниже водопадовъ, а также фабрикъ, расположенныхъ на ихъ берегахъ, и города Нарвы, Нарова является блуждающей рѣкой, неоднократно мѣнявшей свое русло въ теченіе настоящаго періода. Двойной рядъ дюнъ, высотою около 10 саженъ, окаймляющій на востокѣ Нарвскую бухту, представляетъ естественную преграду, которая прежде не позволяла рѣкѣ изливаться прямо въ море: она принуждена была продол-

[1]) Von Helmersen, выше цитированное сочиненіе.

жать свой путь на сѣверъ, идя вдоль цѣпи песчаныхъ горокъ той долиной, по которой теперь слѣдуетъ рѣка Луга. Проломъ, образовавшійся въ поясѣ дюнъ въ неизвѣстную намъ эпоху, позволилъ Наровѣ изливать свои воды на западѣ, въ Нарвскую бухту; но выше ея устья до сихъ поръ видны многія излучины долины и даже одно извилистое озеро, свидѣтельствующія о постоянныхъ блужданіяхъ этой рѣки. Впрочемъ, долины Луги и Наровы и теперь еще гидрографически соединены между собой, ибо вѣтвь Луги, Россона (одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыя позволяютъ искать происхожденія русскихъ на берегахъ Финскаго залива), поворачиваетъ къ западу, чтобы броситься въ Нарову близъ впаденія послѣдней въ бухту. Россона менѣе обильна водой, нежели Нарова, но представляетъ гораздо большія неправильности въ порядкѣ измѣненія уровня жидкой массы; отъ ея-то наносовъ и происходятъ рѣзкія перемѣны глубины на барѣ, столь затрудняющія судоходство. Выходя изъ озера, которое регулируетъ ея теченіе, Нарова несетъ чистую воду, несодержащую землистыхъ частицъ, и разность уровня между высокой и низкой водой не превышаетъ въ ней полутора аршина, тогда какъ Россона во время половодья поднимается на 5, на 6, даже на 7 аршинъ выше нормальнаго уровня и, размывая свои берега, уноситъ въ море большія количества песку. Въ иныхъ мѣстахъ пришлось сломать стоявшія на берегу зданія, такъ какъ имъ грозила опасность быть унесенными вмѣстѣ съ дюнами, на которыхъ они были построены; на одномъ кладбищѣ берегъ, подтачиваемый водой, обвалился, и гробы, наполовину высунувшіеся изъ земли, падали одинъ за другимъ въ рѣку [1]). Полагаютъ, что, для поддержанія на входномъ порогѣ Наровы постоянной глубины въ 10 футовъ, необходимо отвести Россону прямо въ море посредствомъ независимаго устья. Послѣ разливовъ Россоны иногда случается, что баръ имѣетъ всего только 5 или 6½ футовъ глубины, и тогда даже мелкія суда не отваживаются переходить порогъ, чтобы войти въ Нарову,—рѣку, глубина которой выше бара не менѣе 6 саж.; вода при входѣ становится глубже только по окончаніи разлива Россоны, благодаря сѣверо-западнымъ вѣтрамъ и производимому ими волненію, которое постепенно разсѣеваетъ далеко осадки, приносимые этимъ притокомъ. Съ 1764 года пытались-было дать извѣстное направленіе рѣчному теченію и увеличить его размывающую силу при помощи рядовъ свай и фашинника, но это средство не привело къ желанной цѣли, и Нарвская бухта осталась до сего дня однимъ изъ самыхъ опасныхъ пристанищъ въ этой части морскаго берега: случалось, что здѣсь погибало болѣе двадцати судовъ въ одну только бурю. А между тѣмъ было бы весьма важно улучшить Нарвскій портъ, который представляетъ большія выгоды, какъ передовой портъ Петербурга, съ которымъ онъ соединенъ желѣзной дорогой. По наблюденіямъ, обнимающимъ 70-лѣтній періодъ, Нарова бываетъ свободна отъ льда среднимъ числомъ на одиннадцать дней больше Невы.

Къ востоку отъ Пейпуса встрѣчаемъ другое большое озеро—Ильмень, въ старину Моискъ, поверхность котораго около 807 кв. верстъ = 919 кв. кил. (40 верстъ длины и 30 ширины). Бассейнъ этотъ въ дѣйствительности есть не что иное, какъ постоянное наводненіе, образуемое большимъ числомъ рѣкъ, которыя, соединяясь всѣ въ одномъ мѣстѣ, не находятъ достаточно быстраго истеченія. Съ юго-запада въ Ильмень впадаетъ рѣка Шелонь, съ юга вливается рѣка Ловать, выходящая съ озернаго плато, которое господствуетъ надъ долиной Западной Двины; она образуетъ въ озерѣ, вмѣстѣ съ рѣками Полисть и Полометь, аллювіальную дельту, постоянно растущую вслѣдствіе отложенія новыхъ наносовъ, гдѣ текучія воды мѣняютъ русло при каждомъ новомъ наводненіи; наконецъ, съ сѣверо-восточной стороны въ Ильмень изливается другая значительная рѣка, Мста, берущая начало, какъ и Полометь, въ Валдайской сплошной возвышенности, но на восточномъ скатѣ этихъ высотъ, въ болотистой мѣстности, откуда выходятъ также притоки Волги. Понятно, что всѣ эти рѣки, соединяясь въ одномъ бассейнѣ и принося туда всѣ обломки и землистыя частицы, увлекаемые съ окружающихъ холмовъ, быстро повышаютъ дно озера и измѣняютъ очертанія его береговъ. Воды Ильменя почти всегда мутны, и глубина ихъ не велика, всего только отъ 1 до 4 саженъ, смотря по мѣстамъ: въ сравненіи съ большими швейцарскими озерами, много уступающими ему по величинѣ площади, этотъ резервуаръ заключаетъ въ себѣ относительно незначительный объемъ жидкой массы. Рѣка Волховъ, черезъ которую вытекаетъ излишекъ водъ этого озера съ тинистымъ дномъ, носила въ старину названіе «Мутной», и даже по впаденіи въ Ладожское озеро, котораго она главный притокъ, эта рѣка продолжаетъ течь въ видѣ мутной полосы. Въ своемъ теченіи на пространствѣ около 176 верстъ, отъ Ильменя до Ладоги, Волховъ долженъ спуститься съ высоты около 60 футовъ, и при переходѣ черезъ послѣднюю преграду или каменистую гряду онъ, подобно Наровѣ, образуетъ водопады и пороги: общая высота Гостинопольскихъ пороговъ около 30 футовъ, и только плоты да барки особеннаго устройства могутъ пускаться черезъ это мѣсто рѣки [1]).

[1]) Von Helmersen, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg," tome III, 1861.

[1]) Андреевъ, „Ладожское озеро".

Рѣка Свирь, главный притокъ Ладоги съ восточной стороны, представленная въ одной поэтической легендѣ «сестрой» Волхова, несетъ въ нижнее озеро излишнія воды выше лежащаго резервуара, Онежскаго озера, которое, въ свою очередь, принимаетъ излишекъ жидкой массы изъ нѣкоторыхъ другихъ озерныхъ бассейновъ; нѣкоторые изъ этихъ резервуаровъ считались бы во всякой другой европейской странѣ маленькими средиземными морями; но рядомъ съ такими обширными водными пространствами, каковы озера Ладожское и Онежское, гдѣ волны часто бушуютъ, какъ въ бурномъ морѣ, и гдѣ опасныя мѣста должны быть издалека указываемы пловцамъ маяками, подобными тѣмъ, какіе воздвигнуты въ открытомъ морѣ, второстепенные озерные бассейны теряютъ свою важность, и самыя очертанія ихъ, еще не вполнѣ изслѣдованныя, различно изображаются на картахъ. Онежское озеро очень опасно для плаванія судовъ, по причинѣ многочисленныхъ скалъ и подводныхъ камней, находящихся въ сосѣдствѣ береговъ: говорятъ, что до работъ по расчисткѣ фарватера, предпринятыхъ въ 1874 году, ежегодныя крушенія судовъ сопровождались гибелью, среднимъ числомъ, восьмидесяти человѣкъ. Однако, это озеро очень глубоко въ большой части его бассейна, и около середины его протяженія, вдали отъ береговъ, лотъ, какъ говорятъ, досталъ дно только на разстояніи 200 саженъ отъ поверхности. Во всей своей сѣверной половинѣ Онежское озеро развѣтвляется на множество бухтъ, которыя всѣ расположены по линіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу и продолжаются далеко въ сторону Лапландіи продолговатыми озерами и рѣками, слѣдующими въ томъ же направленіи, также, какъ и промежуточные холмы, возвышающіеся футовъ на 800 — 1.000. Эти складки почвы, попеременныя возвышенія и пониженія, отчасти наполненныя водой, параллельны озерамъ Финляндіи, и ось ихъ оріентирована въ томъ же самомъ направленіи, какъ и вся юго-западная часть Бѣлаго моря, отъ губы Онежской до Кандалакской. Новѣйшія геологическія изслѣдованія констатировали существованіе въ этой области глетчерныхъ полосъ, начертанныхъ также отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и естественные валы, азары, или по-мѣстному сельги, именно въ окрестностяхъ озера Сегъ, тянутся почти въ томъ же направленіи. Однако, нѣкоторыя перемѣщенныя морены развѣтвляются и пересѣкаются такъ, что образуютъ на поверхности равнинъ настоящія ячеи изъ камней [1]).

На западѣ, Сайма, самое большое изъ финскихъ озеръ, тоже можетъ быть разсматриваемо какъ притокъ Ладожскаго озера, которому оно посылаетъ свои воды, какъ и Онежское, посредствомъ рѣки, имѣющей около 200 футовъ общаго паденія: это—Wuoxen финляндцевъ и шведовъ, Вуокса или Вокса русскихъ; она образуетъ, вскорѣ по выходѣ изъ Саймы, знаменитые водопады Иматра, самые величественные во всемъ бассейнѣ Невы. Даже въ теченіе настоящаго столѣтія Вуокса перемѣнила русло въ нижней своей части, и теперешнее ея устье находится верстахъ въ сорока къ югу отъ прежняго. До 1818 года она изливалась въ Ладогу у города Кексгольма, которому это сосѣдство рѣки придавало нѣкоторую торговую важность; но большія дожди прорвали, близъ деревни Тайпала, перешеекъ, отдѣлявшій Ладогу отъ другаго озернаго бассейна, продолговатой формы, называемаго Сувандо, который уже сообщался съ р. Вуоксой посредствомъ маленькаго канала, прорытаго по распоряженію финляндскаго правительства. Эта внезапно открывшаяся брешь, подобно тому, какъ случилось съ озеромъ Гейтіайненъ, тотчасъ же понизила уровень воды въ озерѣ Сувандо; его затопленные берега обсохли настолько, что крестьяне окрестныхъ селеній получили возможность утилизировать ихъ въ видѣ луговъ и пашенъ; озеро превратилось въ рѣку, и воды Вуоксы, почти совершенно покинувъ сѣверное ложе, потекли на юго-востокъ по новому руслу. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что въ предшествовавшую геологическую эпоху озеро Сувандо было уже устьемъ Вуоксы, такъ какъ бассейнъ его имѣетъ форму древняго рѣчнаго потока [1]).

Ладожское озеро, одинъ изъ наилучше изученныхъ прѣсноводныхъ бассейновъ въ Россіи и даже во всей Европѣ, прежде было, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ Онежское [2]) и Чудское, гораздо обширнѣе, чѣмъ въ наши дни, ибо полуденные его берега, низменные и почти безлѣсные, состоятъ изъ перемѣщенныхъ земель, глины, песку и гравія, которые содержатъ въ огромномъ множествѣ эрратическіе камни всевозможной величины—отъ большихъ глыбъ до мелкаго булыжника. Отъ этихъ низменныхъ южныхъ береговъ ложе Ладоги спускается нечувствительнымъ скатомъ къ глубокимъ водамъ, надъ которыми высятся гранитные утесы сѣвернаго берега. Такимъ образомъ, общая форма бассейна вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію, которое о немъ составилъ бы морякъ при первомъ взглядѣ, по общему виду береговъ. Въ сосѣдствѣ нѣкоторыхъ скалистыхъ острововъ лотъ находитъ дно лишь на глубинахъ 50 или 70 саж. Самая значительная глубина, къ западу отъ Валаамскихъ острововъ, равна 122 саженямъ; но среднимъ числомъ толщину слоя

[1]) Проф. Иностранцевъ, „Геологическій очеркъ Повѣнецкаго уѣзда".

[1]) Андреевъ, выше цитированное сочиненіе.

[2]) Поляковъ, „Этнограф. наблюденія на юго-востокѣ Олон. губ.", „Записки Имп. Русск. Географ. Общества", по отдѣл. этнографіи, III;—П. Крапоткинъ, „Рукописныя замѣтки".

воды опредѣляютъ только въ 50 саженъ, что дало бы для всего бассейна приблизительный объемъ, въ 24 раза превосходящій вмѣстимость Женевскаго озера. Вотъ числовыя данныя, относящіяся къ главнымъ озерамъ, воды которыхъ изливаются въ Финскій заливъ [1]).

Озера	Высота положенія.	Площадь кв. кил.	Площадь кв. в.	Глубина. наиб. саженъ.	Глубина. средн. саженъ.	Приблизительный объемъ въ куб. саж.
Ладожское.	59 ф.	18.130	15.923	122	50	200.000 м.
Онежское.	237 „	9.752	8.569	200	80	172.000 „
Чудское. .	95 „	3.513	3 087	10	4½	3.500 „
Ильмень .	158 „	919	807	4	1(?)	—

Впрочемъ, количество воды въ Ладожскомъ озерѣ значительно измѣняется по временамъ года и по годамъ, ибо впродолженіи четырнадцати лѣтъ, въ которыя производились наблюденія, разность между высокими и низкими водами достигала 7,3 фут., что представляетъ объемъ въ 33 куб. версты. Валаамскіе монахи утверждаютъ, на основаніи мѣстнаго преданія, которое, впрочемъ, не опирается ни на какое цѣнное свидѣтельство, что уровень водъ въ Ладогѣ попеременно повышается и понижается изъ вѣка въ вѣкъ.

Хотя въ Ладожскій бассейнъ изливаются также и мутныя воды, каковы, напримѣръ, воды главнаго его притока, Волхова, однако, вода этого озера вообще такъ чиста и прозрачна, что на глубинѣ 2 или 3 саженъ можно совершенно отчетливо различать самые мелкіе предметы, лежащіе на днѣ. Вода эта очень холодна во всякое время года, исключая только августа: въ этомъ мѣсяцѣ температура верхняго слоя можетъ подняться въ исключительныхъ случаяхъ до 10 или 12 градусовъ стоградуснаго термометра; но даже въ іюлѣ вода еще такъ холодна, что никто не рѣшается пить ее. Въ половинѣ мая, когда ледъ только что растаетъ, вода на поверхности бываетъ среднимъ числомъ не болѣе какъ на 2 градуса выше точки замерзанія; обыкновенно разность температуры между поверхностной водой и нижними слоями не достигаетъ даже одного градуса: вода на глубинахъ даже нѣсколько менѣе студена зимой, когда ледъ разстилается по озеру сплошной необозримой плитой. Занимая положеніе немного южнѣе, а главное—далѣе къ западу, гдѣ сильнѣе проявляется вліяніе морскаго климата, Ладога не бываетъ скована льдомъ впродолженіи столь значительной части года, какъ Онежское озеро. Средняя продолжительность пребыванія подъ льдомъ для послѣдняго изъ этихъ резервуаровъ исчисляется въ 156 дней, тогда какъ глубокія воды сѣвернаго бассейна Ладоги бываютъ обыкновенно покрыты льдомъ только четыре мѣсяца; онѣ никогда не облекаются твердой корой ранѣе половины декабря, хотя южная часть озера, болѣе мелководная и усѣянная песчаными мелями, покрывается льдомъ иногда уже съ конца октября. Въ нѣкоторые годы, середина озера совсѣмъ не замерзаетъ. Ледяная кора бываетъ тѣмъ толще, чѣмъ многочисленнѣе были перемѣны зимней погоды. морозы, чередующіеся съ оттепелями, сообщаютъ льду большую толщину, чѣмъ долгая стужа, продолжающаяся однообразно черезъ всю зиму. Это явленіе происходитъ оттого, что льды перемѣнчивыхъ зимъ состоятъ изъ неравныхъ кусковъ, которые были разорваны вѣтромъ и затѣмъ снова слѣпились въ неправильныя массы, въ причудливыя скопленія, особенно въ сосѣдствѣ подводныхъ скалъ. Близъ острова Валаама наблюдали груды нагроможденныхъ въ безпорядкѣ льдинъ, поднимавшіяся на высоту отъ 10 до 11 саженъ и представлявшія издали видъ холмовъ изъ вывѣтрившихся сланцевъ [1]). Понятно, что обломки, примерзшіе ко льду около береговъ, песокъ или булыжникъ, переносятся такимъ образомъ на большія разстоянія и отлагаются на берегу въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ выше первоначальнаго ихъ мѣстонахожденія.

Несмотря на ледяной покровъ, разстилающійся каждый годъ надъ Ладожскимъ озеромъ, глубины его водъ содержатъ еще достаточно воздуха, чтобы сохранить свое населеніе, состоящее изъ разныхъ породъ рыбъ и другихъ животныхъ. Одинъ видъ тюленя,—впрочемъ, тотъ же самый, который водится въ озерахъ Онежскомъ и Чудскомъ,—живетъ также въ Ладогѣ и появляется зимой на отдѣльно плавающихъ льдинахъ или на краяхъ трещинъ, образующихся въ кристаллической корѣ: этимъ-то случаемъ и пользуются охотники, чтобы бить звѣря, изъ котораго они вытапливаютъ сало, и кожа котораго идетъ на выдѣлку чемодановъ и ранцевъ; въ зимнюю пору за тюленями гоняются также голодные волки, которые смѣло пускаются на льдинахъ до самой середины озера. Нѣкоторые изъ мелкихъ животныхъ видовъ, обитающихъ въ глубинахъ Ладоги, напоминаютъ, какъ и тюлень, о существованіи въ древности соединительнаго пролива между открытымъ моремъ и заливомъ соленой воды, который впослѣдствіи сдѣлался большимъ прѣсноводнымъ моремъ Россіи. Одинъ изъ этихъ микроскопическихъ организмовъ Ладоги (Compylodiscus radiosus) до сихъ поръ

[1]) Эта таблица составлена взамѣнъ помѣщенной въ соч. Реклю. Поправки заключаются въ слѣдующемъ: 1) Высота положенія Ильменя 92 ф. замѣнены 158 ф. (по „Списку тригоном. и астроном. пунктовъ“). 2) Глубина озеръ: Ладожскаго – наивысшая, вмѣсто 732 ф., взята въ 122 саж., а средняя вмѣсто 300 ф.—50 саж.; Онежскаго—200 саж. (вмѣсто 742 ф.) наивысшая и 80 с. средняя (вовсе не показана въ соч. Реклю); Чудскаго озера—10 саж. (вмѣсто 92 ф.) наибольшая. Поправки относительно озеръ сдѣланы на основаніи слѣд. источниковъ: „Пам. кн. С.-Петерб. губ.“ Елачича, „Ладожское озеро“ Андреева, „Списка нас. мѣстъ Олонецкой губ.“ и Карты гидрографическ. департ. Ред.

[1]) Андреевъ, „Ладожское озеро“.

найденъ только въ этомъ озерѣ и въ водахъ Мексиканскаго залива, близъ Вера-Круца [1]).

Вѣтры, дующіе на Ладожскомъ озерѣ, поднимаютъ иногда бури, сопровождаемыя, какъ бури на морѣ, пересѣченіями встрѣчныхъ валовъ, движеніями зыби,—волнами, идущими со дна. Но это не единственныя перемѣщенія озерныхъ водъ: жидкая масса Ладоги во всемъ ея объемѣ, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ рѣкъ, впадающихъ въ бассейнъ, испытываетъ постоянное круговращеніе, слѣдуя отъ юга къ сѣверу у восточныхъ береговъ и отъ сѣвера къ югу у береговъ западныхъ. Кромѣ того, пониженіе уровня водъ происходитъ во всей области, сосѣдней съ каналомъ, черезъ который онѣ вытекаютъ къ морю, ибо уровень Ладожскаго озера, какъ показали измѣренія, произведенныя зимой астрономомъ Шубертомъ, среднимъ числомъ, на 60 слишкомъ футовъ выше уровня моря, и рѣка, уносящая излишнюю воду въ Балтику, проходитъ лишь незначительное протяженіе до впаденія въ Финскій заливъ. Безъ сомнѣнія, это—настоящая рѣка, если сравнить ее съ истокомъ Меларскаго озера, который находится напротивъ нея, по другую сторону Балтійскаго моря, и на берегахъ котораго также построена столица государства: по выходѣ изъ Меларскаго озера, стокгольмскій потокъ пробѣгаетъ всего лишь нѣсколько сотъ метровъ до вступленія въ заливъ моря, тогда какъ Нева имѣетъ около 53 верстъ длины, отъ Ладожскаго озера до Кронштадской губы. Тѣмъ не менѣе, Нева, какъ рѣка, находится еще въ періодѣ образова нія;въ сравненіи съ озеромъ, изъ котораго она вытекаетъ, и съ озерами, посылающими ей черезъ Свирь и Вуоксу излишекъ своей жидкой массы, она является, по количеству воды, маловажной рѣкой; ей нужны еще многія тысячи вѣковъ, чтобы образовать правильныя долины на всемъ протяженіи бассейна, отъ сѣверныхъ истоковъ, въ Валдайскихъ горахъ и сосѣднихъ плоскихъ возвышенностяхъ, до устьевъ, впадающихъ въ Кронштадскую губу. Почва этой области Россіи, въ большой части каменистая, доставляетъ водамъ рѣкъ лишь незначительную пропорцію обломковъ и землистыхъ частицъ; за исключеніемъ области Ильменя, почти всѣ рѣки этого басейна имѣютъ чистую воду, благодаря своимъ каменистымъ русламъ и многочисленнымъ озернымъ резервуарамъ, черезъ которые онѣ протекаютъ.

Нева, имя которой произошло отъ Нево, древняго названія Ладожскаго озера, по объему воды принадлежитъ къ числу большихъ рѣкъ Европы: средній стокъ ея, или количество воды, протекающей въ секунду, исчисляютъ въ 102.550 или 103.250 куб. футовъ, такъ что, слѣдовательно, она превосходитъ Рону и Рейнъ по массѣ своихъ водъ и внѣ Россіи уступаетъ въ этомъ отношеніи только одной европейской рѣкѣ—Дунаю: потокъ ея настолько многоводенъ, что измѣняетъ въ прѣсноводный бассейнъ всю восточную часть Финскаго залива, простирающуюся далѣе острова Котлина. Ширина Невы различна, отъ 120 до 600 саж., и пароходы, поднимающіеся и спускающіеся по теченію рѣки, находятъ обыкновенно отъ 6 до 10 фут. воды на выступахъ дна; однако, подобно другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Финскій заливъ, она образуетъ пороги, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по ней могутъ проходить только плоскодонныя суда. Въ той части теченія, которая проходитъ черезъ Петербургъ, рѣка имѣетъ отъ 3 до 7 саженъ глубины, тогда какъ впереди дельты, при впаденіи въ заливъ, каждый изъ рукавовъ, Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невка, отдѣленъ отъ моря барами и песчаными мелями, черезъ которые не могутъ переходить суда, имѣющія болѣе $6^1/_2$ футовъ водоуглубленія. Впрочемъ, такъ какъ рѣка несетъ лишь весьма незначительное количество мути, то отлагающіеся въ устьяхъ осадки очень медленно распространяются по водамъ моря, и фарватеры долгое время сохраняются въ одномъ и томъ же направленіи: съ 1718 по 1834 г. общее приращеніе дельты вслѣдствіе отложенія рѣчныхъ наносовъ составляло только 585 десятинъ, такъ что, значитъ, среднее годовое увеличеніе представляетъ только около 5 десятинъ, или поясъ шириною въ $6^1/_2$ футъ для всего фронта дельты [1]). Толщина слоя аллювіальныхъ земель всего только съ небольшимъ 11 саженъ, какъ доказало буреніе артезіанскаго колодца, нисходящаго на 93 сажени, до слоя воды, которая течетъ подъ землей на пластахъ финляндскаго гранита [2]). Вода этого колодца, вытекающая въ видѣ столба въ 30 футовъ высоты, содержитъ примѣсь минеральныхъ веществъ, подобныхъ тѣмъ, какія находятся въ крейцнахскихъ источникахъ.

Благодаря Ладожскому озеру, которое служитъ регуляторомъ рѣкѣ, разность уровня между высокими и низкими водами незначительна: разливы Невы не были бы опасны, если бы западный вѣтеръ, дующій прямо противъ ея устьевъ, не задерживалъ и не гналъ иногда воду обратно, образуя родъ подвижной запруды, которая могла бы потопить весь Петербургъ, если бы этотъ вѣтеръ продолжался съ одинаковой силой нѣсколько дней сряду; во время наводненія 7 ноября 1824 г. вода въ рѣкѣ поднялась слишкомъ на 2 сажени выше уровня моря и залила почти всѣ части столицы; въ 1879 году, воды Невы, задержанныя запад-

[1]) Ульскій и Вейсе;—Андреевъ, выше цитированное сочиненіе.

[1]) Семеновъ, „Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи".

[2]) Von Helmersen, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome VII, 1865.

нымъ вѣтромъ, опять поднимались почти до такой же высоты. Обыкновенно поверхность рѣки возвышается надъ поверхностью залива не болѣе, какъ на 1 футъ (30 сантим.); въ апрѣлѣ,

С.-Петербургъ.— Нева

общее паденіе, на пространствѣ отъ Петербурга до Кронштадтскихъ водъ, составляетъ только $1^1/_2$ д. (4 сантим.). Подобно западнымъ вѣтрамъ, вскрытіе рѣки и ледоходъ тоже иногда бываютъ опасны для прибрежныхъ жителей Невы; однако, опасность въ этомъ случаѣ происходитъ не отъ льдовъ, сравнительно не очень толстыхъ, которые образуются на быстрыхъ водахъ рѣки, а отъ ледяныхъ массъ Ладоги: ихъ ломающіеся куски тѣснятся въ руслѣ рѣки, громоздятся другъ на друга, скопляются на поворотахъ, ударяясь о берега, и разрушаютъ набережныя. По среднему выводу изъ наблюденій за 150 лѣтъ, Нева бываетъ покрыта

льдомъ 138 дней въ году [1]); но колебанія этого періода весьма значительны: между тѣмъ, какъ въ 1822 г. рѣка оставалась подъ ледянымъ покровомъ только 87 дней, въ 1852 г. періодъ пребыванія подъ льдомъ продолжался 194 дня.

Бассейнъ Невы, черезъ который проходитъ, въ самомъ Петербургѣ, шестидесятый градусъ широты, то-есть идеальная линія, вдвое болѣе удаленная отъ экватора, чѣмъ отъ полюса, находится частію въ холодныхъ областяхъ, гдѣ жизнь природы кажется почти совершенно прекращающейся впродолженіи цѣлой половины года. Изотермическая линія 3 градусовъ, которая слѣдуетъ параллельно морскому прибрежью Финляндіи, на небольшомъ разстояніи внутри страны, пересѣкаетъ Ладожское озеро на востокѣ отъ столицы, затѣмъ направляется на юго-востокъ къ центральной Россіи и Туркестану; точно также изохимена, или линія равной зимней температуры, показывающая 7 градусовъ ниже точки замерзанія, проходитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ Петербурга, послѣ чего заворачиваетъ почти прямо на югъ, къ степямъ, прилегающимъ къ Черному морю.

Въ этомъ суровомъ климатѣ большое число растеній умѣреннаго пояса можетъ родиться и развиваться только благодаря исключительному уходу; туземная растительность, состоящая единственно изъ видовъ, выносящихъ зимніе морозы, весенніе заморозки и оттепели, представляетъ крайне однообразную и скудную флору, исключая теплицъ, гдѣ растенія прозябаютъ въ искусственномъ климатѣ, создаваемомъ садовникомъ. Дубъ, который мы находимъ въ Швеціи даже подъ широтой города Гефле и который растетъ въ прибрежномъ поясѣ полуденной Финляндіи, не встрѣчается, въ дикомъ состояніи, въ лѣсахъ Ингріи и растетъ естественно лишь къ востоку отъ озера Ильмень, на берегахъ рѣки Мсты [2]). Точно также тамъ только въ садахъ городовъ, загородныхъ дворцовъ, богатыхъ имѣній или монастырей можно видѣть деревья, придающія лѣсамъ умѣренной Европы ихъ своеобразную физіономію: тополь, вязъ, кленъ, ясень. Пихта и лиственница также не встрѣчаются въ дикомъ состояніи [3]); вообще здѣсь не увидишь другихъ древесныхъ породъ, кромѣ березы, ольхи, осины, ивъ и рябины, да двухъ хвойныхъ — ели и сосны. Что касается культурныхъ растеній, то между озерами Ладожскимъ и Онежскимъ проходитъ сѣверный предѣлъ самаго важнаго, для пропитанія человѣка, хлѣбнаго злака — пшеницы.

Понятно, что эти негостепріимныя области, поставленныя въ столь неблагопріятныя климатическія условія, не могутъ быть густо населенными, и нельзя не признать однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной исторіи тотъ фактъ, что городъ, основанный среди этихъ пустынь, въ такомъ же разстояніи отъ полюса, какъ Лабрадоръ и оконечность Гренландіи или Камчатка, могъ, однако, благодаря выгодамъ торговли и политической централизаціи, привлечь въ свои стѣны сотни тысячъ жителей. Но пока туземцы должны были довольствоваться мѣстными источниками пропитанія, какъ звѣроловы, рыболовы или земледѣльцы, въ области великихъ озеръ не могли возникнуть города, а жившія въ ней племена оставались безъ національной связи, почти невѣдомыми другъ другу. Извѣстно, однако, что эти страны были обитаемы уже со временъ очень отдаленной древности, какъ о томъ свидѣтельствуютъ остатки человѣческаго искусства, относящіеся къ каменному вѣку и которые открыты даже на берегахъ Онежскаго и сосѣднихъ съ нимъ озеръ. Каменный валъ, сложенный изъ большихъ, грубообтесанныхъ камней, близъ маленькаго озера Лужандъ, на юго-востокѣ отъ Онежскаго озера, тянется слишкомъ на двѣ съ половиной версты въ длину; но пока еще неизвѣстно, къ какой національности принадлежалъ народъ, построившій эту стѣну, такъ какъ въ сосѣднихъ могилахъ не нашли человѣческихъ костей [1]). Могильные курганы, встрѣчающіеся на юго-западѣ отъ Онежскаго озера, въ сосѣдствѣ рѣки Свирь, заключаютъ въ себѣ скелеты двухъ различныхъ типовъ — одинъ короткоголовый, другой чисто-африканскій, длинноголовый и косочелюстный [2]).

Великоруссы, постепенно распространяющіеся въ краѣ, занимаютъ теперь почти весь бассейнъ Волхова и уже на многихъ пунктахъ переступили за свои предѣлы первыхъ историческихъ временъ—озеро Пейпусъ и рѣки Нарову, Неву, Свирь. Однако, въ ихъ этнографической территоріи остаются еще островки и архипелаги финскаго населенія. Въ бассейнѣ Мсты, также, какъ на возвышенностяхъ, надъ которыми съ восточной стороны господствуютъ вершины Валдайскаго плоскогорья, живутъ финны, карелы, потомки инородцевъ, переселенныхъ туда Петромъ Великимъ; имъ, вѣроятно, предшествовала «бѣлоглазая Чудь» — «чудные люди», «чудица», «чужіе», останки которыхъ находятъ въ могильныхъ холмахъ страны. Къ востоку отъ Нарвы другіе инородцы сохранили финское названіе «Вотъ» или «вотены»; оно нѣкогда принадлежало цѣлому народу, занимавшему обширную область (Вотскую землю) и стоявшему уже около девятаго столѣтія на довольно высокой степени гражданственности [3]): Ивановскій изслѣдовалъ въ тѣхъ мѣстностяхъ болѣе 8.000 кургановъ, по боль-

[1]) Семеновъ, выше цитированное сочиненіе.
[2]) Гульденштедтъ, Леопольдъ ф.-Бухъ.
[3]) Андреевъ, выше цитированное сочиненіе.

[1]) Поляковъ, выше цитированная статья.
[2]) Европеусъ, „Голосъ", августъ 1879 г.
[3]) Ch. Ujfalvy, „Voyage d'exploration scientifique".

шей части маленькихъ и бѣдныхъ остатками древности; двѣ тысячи череповъ, извлеченныхъ изъ этихъ могилъ, повидимому, принадлежали людямъ урало-алтайской расы [1]). На западномъ берегу Онежскаго озера, равно какъ и далѣе на югъ, между Ладогой и Бѣлоозеромъ, живетъ племя Весь или сѣверная Чудь, образующее тамъ и сямъ отдѣльныя группы и общая численность котораго опредѣляется различно, отъ 12.000 до 25.000 душъ. Языкъ ихъ очень любопытенъ по своимъ архаическимъ формамъ [2]). Впрочемъ, они быстро обрусѣваютъ; во многихъ изъ селеній русскій языкъ преобладаетъ, или по крайней мѣрѣ, къ мѣстному нарѣчію примѣшано множество славянскихъ словъ. Большинство женщинъ этой страны лучше сохранило свой родной языкъ, чѣмъ финскій типъ; по словамъ Майнова, между ними мало встрѣтишь такихъ, которые имѣли бы косо лежащіе глаза, свойственные монгольскому типу, и многія изъ нихъ отличаются красотой чисто «новгородской». Почти всѣ представители племени Весь—брахицефалы (короткоголовые), а ростъ ихъ выше средняго роста жителей Россіи собственно. Судя по названіямъ домашнихъ животныхъ, по словамъ, относящимся къ земледѣлію, и терминамъ, употребляемымъ для обозначенія желѣза, золота и цинка, просвѣтителями Веси были русскіе, шведы и литовцы. Финскіе туземцы вѣрятъ еще въ домашнихъ боговъ; при переселеніи въ новый домъ, они приносятъ головню со стараго очага и кладутъ потихоньку кусокъ хлѣба подъ печку: если пѣтухъ не поетъ при входѣ въ новое жилище, это считается знакомъ, что жертвоприношеніе не принято, и что домовой относится враждебно. Любимый напитокъ Веси — отваръ изъ свеклы, очень приторный и непріятный для непривыкшаго вкуса: цынга производитъ между туземцами этого племени большія опустошенія, что́ приписываютъ отсутствію капусты и луку на ихъ столахъ [3]), но что́ объясняется гораздо проще недостаточностью ихъ пищи.

Что касается финновъ-ингаровъ или ингровъ, которые дали свое имя Ингріи или Ингерманландіи (Ижорская земля), гдѣ находится столица, то они перестали существовать, какъ отдѣльная народность; но потомки финновъ, болѣе или менѣе смѣшанные, населяютъ еще въ значительной части поясъ прибрежья, заключенный между дельтами Наровы и Невы, и всю территорію, окружающую съ запада, съ сѣвера и съ сѣверо-востока воды Ладожскаго моря. Туземные жители окрестностей Петербурга, среди которыхъ находятся колоніи шведовъ, потомковъ прежнихъ завоевателей края, и нѣмецкихъ земледѣльцевъ, призванныхъ русскимъ правительствомъ,—по происхожденію, какъ кажется, довольно близко подходятъ къ тавастамъ. или западнымъ финляндцамъ; они извѣстны подъ общимъ именемъ чухонъ или чухонцевъ. Подобно своимъ сосѣдямъ, ижорцамъ, живущимъ по рѣчкѣ Ижорѣ, небольшому притоку Невы, они отличаются отъ большей части другихъ финновъ маленькимъ ростомъ, коренастымъ тѣлосложеніемъ и почти всѣ — отталкивающею нечистоплотностью. На берегахъ Ладожскаго озера населеніе совершенно карельское. Здѣсь мы уже въ самой Финляндіи, даже на тѣхъ берегахъ озера, которые находятся по сю сторону административныхъ границъ нынѣшняго великаго княжества. Острова этого внутренняго моря населены финнами и русскими; но послѣдніе еще недавно до такой степени утрачивали свою національность, что почти совершенно забыли свой родной языкъ [1]): въ этомъ случаѣ мы видимъ примѣръ того, что арійцы мало-по-малу ассимилируются урало-алтайцами. Впрочемъ, многіе изъ такъ называемыхъ русскихъ въ странѣ вокругъ великихъ озеръ, можетъ быть, суть не что иное, какъ карелы: по наблюденіямъ Кастрена, черты лица у нихъ рѣзче обрисованы, кожа бѣлѣе, глаза и волосы свѣтлѣе, чѣмъ у настоящихъ славянъ; очевидно, въ тѣхъ мѣстахъ, куда русскіе приходили по-одиночкѣ, а не сплоченными группами, происходило смѣшеніе племенъ [2]). Большая часть обычаевъ тоже финскаго происхожденія [3]), и нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ о живучести языческихъ обрядовъ и нравовъ. Упрямые характеромъ, упорные въ понятіяхъ, карелы измѣняются очень медленно, такъ что про нихъ сложилась даже поговорка: зажги карела, онъ и въ три года не сгоритъ! [4]). Финны Олонецкой губерніи еще въ семнадцатомъ столѣтіи переживали свой каменный вѣкъ: они закалывали животныхъ ножами, сдѣланными изъ камня, которые, послѣ употребленія, становились для нихъ предметомъ обожанія, святыней [5]). Въ сѣверной части Ладожскаго озера, на островѣ Маншинъ-Сари, на холмѣ стоитъ часовня пророка Иліи, къ которой крестьяне (впрочемъ, всѣ ревностные православные) собираются каждый годъ въ первое воскресенье послѣ Ильина дня, чтобы совершать жертвоприношенія, какъ въ древнія, языческія времена. Предки ихъ закалывали для этой цѣли лося или краснаго оленя; но такъ какъ эти животныя перевелись въ странѣ, то нынѣ ихъ замѣнили быкомъ, котораго крестьяне и убиваютъ на разсвѣтѣ дня, посвященнаго празднеству. Мясо заколотаго животнаго разрѣзывается на куски, варится въ большихъ котлахъ, затѣмъ

---

[1]) Майновъ, „Russische Revue", 1877, № 9.
[2]) Ch. de Ujfalvy, „Lettre à la Société de Géographie de Paris", 1-er février 1877.
[3]) Майновъ, „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № 5.

[1]) Голицынъ, „Путешествіе въ Финляндію".
[2]) Поляковъ; П. Ефименко, „Заволоцкая Чудь".
[3]) Ch. de Ujfalvy, „Mélanges altaïques".
[4]) Майновъ, „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № 5
[5]) Поляковъ, см. выше цитированную статью.

съѣдается вѣрующими: благодаря такой священной трапезѣ, пророкъ, по ихъ убѣжденію, будетъ охранять стада отъ всякой заразы. Карелы береговъ Ладожскаго озера также стараются отвратить эту бѣду, то-есть болѣзни на скотѣ, прибѣгая къ окуриваніямъ при помощи костра, зажигаемаго треніемъ двухъ кусковъ дерева, или бросая въ яму живыхъ животныхъ, лошадь, собаку, кошку и пѣтуха [1]).

Славяне Олонецкой губерніи, подобно малороссамъ, сохранили большое число эпическихъ пѣсенъ, извѣстныхъ въ краѣ подъ названіемъ «старинъ», и русскіе ученые сдѣлали въ тѣхъ мѣстахъ находки не менѣе важныя, какъ и находки рунъ, сдѣланныя Кастреномъ и Ленротомъ у финновъ той же страны: въ два мѣсяца акад. Гильфердингъ собралъ семьдесятъ такихъ разсказовъ въ Олонецкой губерніи. Разсказчики этихъ былинъ встрѣчаются во всѣхъ профессіяхъ; нѣкоторыя женщины тоже разсказываютъ нараспѣвъ эти «старины», но большинство знаетъ ихъ гораздо менѣе, нежели мужчины, а въ южной части края обычай позволяетъ имъ пѣть только спеціально «женскія старины». Впрочемъ, и нынѣ образуются новыя «старины»; а въ одной былинѣ признали сербскую пѣсню, которую грамотные разсказчики приспособили къ употребленію своихъ слушателей [2]). Любовь къ печальнымъ пѣснямъ болѣе развита въ этомъ краѣ и на покатости Бѣлаго моря, чѣмъ во всякой другой части Россіи, и невѣста, хотя жизнь ея въ родительскомъ домѣ далеко не сладкая, передъ свадьбою по цѣлымъ недѣлямъ вопитъ и поетъ жалобныя пѣсни. Старыя повѣрья и обряды, очевидно, въ значительной степени карельскаго происхожденія, сохранились до сихъ поръ въ сельскомъ населеніи Олонецкой губерніи. Тамъ еще почитаютъ священныя деревья; на крестахъ могилъ вѣшаютъ приношенія, преимущественно куски холста или какой-нибудь матеріи, и покойники приглашаются принять участіе въ трапезѣ; даже приготовляютъ попрежнему въ избѣ постель для переселившагося въ вѣчность. Когда у крестьянъ выходитъ споръ изъ-за границъ ихъ полей, они выбираютъ посредника или третейскаго судью, который покрываетъ себѣ голову землей и идетъ по полю: его шаги и проводятъ межу: такъ рѣшила «мать-сыра земля», говорятъ спорящіе [3]). Въ отношеніи промышлености, олонецкое населеніе одно изъ самыхъ отсталыхъ во всей Россіи. Для обработки полей оно до сихъ поръ употребляетъ самыя первобытныя орудія—доски и палки, различно прикрѣпленныя одна къ другой. Впрочемъ, и то сказать—хлѣбопашество никогда не можетъ быть сколько-нибудь вѣрнымъ источникомъ пропитанія въ странѣ, гдѣ «весенніе» холода продолжаются иногда до іюля, а «осенніе» заморозки начинаются уже въ августѣ [1]). Въ послѣдніи времена сибирская язва, свирѣпствующая во всѣхъ болотистыхъ мѣстностяхъ [2]), истребила большую часть скота этихъ несчастныхъ жителей. Звѣриный промыселъ, прежде очень прибыльный, даетъ нынѣ скудную добычу, потому что боберъ и соболь исчезли изъ этой страны, да и рябчикъ, еще недавно водившійся въ большомъ количествѣ, теперь съ каждымъ годомъ становится все рѣже и рѣже. На ярмаркѣ въ Шунгѣ, близъ Повѣнца, въ 1862 году, было продано разнаго пушнаго товара на сумму 138.000 руб., а въ 1869 г. уже только на сумму 31.000 руб. Изъ большихъ дикихъ животныхъ остался только медвѣдь, опасный сосѣдъ, который пожираетъ домашній скотъ и опустошаетъ поля, засѣянныя овсомъ: въ концѣ лѣта и осенью крестьяне боятся даже послать стадо въ поле. Вдобавокъ все, что мужики могли бы заработать, принадлежитъ заранѣе купцамъ, которые платятъ за нихъ подати, доставляютъ имъ за огромные проценты порохъ для охоты, снаряды для рыбной ловли и хлѣбъ для дневнаго пропитанія. «Тамъ, гдѣ я поселился (говорилъ одинъ лѣсопромышленникъ), мужикъ пѣсни не запоетъ [3])».

Съ самаго начала русской исторіи мы видимъ попытки славянъ основать въ бассейнахъ Наровы и Невы большіе рынки для торговли съ прибалтійскими странами. Изборскъ, куда, по словамъ лѣтописи Нестора, въ 862 году пришелъ княжить варягъ Труворъ, братъ Рюрика, и который вскорѣ долженъ былъ уступить свою роль Пскову, былъ однимъ изъ этихъ складочныхъ пунктовъ славянскихъ народностей: однако жители его, кривичи, слишкомъ слабые, чтобы отвоевать у эстовъ, скандинавовъ или рыцарей Меченосцевъ устья Наровы, никогда не могли придать первостепеннаго значенія своему городу. Теперь это—простое село, гдѣ только кое-какія развалины напоминаютъ о древнемъ городѣ, разрушенномъ Меченосцами. Верстахъ въ тридцати къ востоку отъ Изборска лежитъ Псковъ, прежде Плесковъ (отъ слова плесъ), сдѣлавшійся независимымъ отъ Новгорода Великаго въ четырнадцатомъ столѣтіи; въ началѣ это былъ только пригородъ и посредникъ этого города въ его торговлѣ съ нѣмецкими портами, но впослѣдствіи ему удалось завязать непосредственныя сношенія съ западными рынками, съ Ганзейскимъ союзомъ и завести собственныя конторы на берегахъ Балтики для продажи лѣснаго матеріала, зер-

---

[1]) Андреевъ, „Ладожское озеро“.

[2]) Гильфердингъ, „Олонецкая губернія и ея народные рапсоды,“ „Вѣстникъ Европы“, мартъ 1872 года.

[3]) Е. Барсовъ, Майковъ, Гильфердингъ — „Записки Имп. Р. Географич. Общества“, по отдѣл. этнографіи, VII.

[1]) Поляковъ выше цитированная статья.

[2]) Андреевъ, „Ладожское озеро“.

[3]) Поляковъ выше цитированная статья.

новыхъ хлѣбовъ, льна, сала, дегтя и другихъ произведеній Россіи. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ Псковская республика достигла высшей степени своего торговаго процвѣтанія, и говорятъ, что въ то время она имѣла до восьмидесяти тысячъ жителей; сохранившаяся ограда свидѣтельстуетъ о тогдашнемъ величіи города. Но въ 1510 году, при Василіи III, самостоятельность этой вольной общины была уничтожена, и вѣчевой колоколъ, созывавшій народъ на собранія, пересталъ звонить въ ея башнѣ у собора св. Троицы: онъ былъ снятъ и увезенъ къ московскому царю. Подпавъ подъ владычество москвитянъ, Псковъ, лишенный лучшихъ, наиболѣе дѣятельныхъ и богатыхъ гражданъ, которые были высланы сотнями семействъ [1]) въ другіе московскіе города, утратилъ свое важное торговое значеніе и пришелъ въ упадокъ, запустѣніе воцарилось въ его прежде многолюдныхъ стѣнахъ; въ началѣ настоящаго столѣтія, въ 1803 году, населеніе его не достигало даже 6.000 душъ. Съ той поры городъ опять поднялся мало-по-малу, не только благодаря своей роли административнаго центра губерніи, но главнымъ образомъ по причинѣ своего счастливаго положенія на рѣкѣ Великой, въ нѣсколькихъ верстахъ выше впаденія ея въ Псковское озеро, южную оконечность Пейпуса. Это географическое положеніе дѣлаетъ его естественнымъ складочнымъ мѣстомъ всей верхней области до водораздѣла Западной Двины. Къ достопримѣчательностямъ города принадлежитъ соборъ св. Троицы, старинные дома и остатки каменныхъ стѣнъ съ башнями, которыя выдержали двадцать шесть осадъ [2]).

Ниже Пейпуса, Нарва занимаетъ мѣстоположеніе, соотвѣтствующее положенію Пскова выше этого озера. Рѣка Нарова, вытекающая изъ Чудскаго озера, образуетъ близъ этого города водопадъ: въ этомъ мѣстѣ естественно находился порогъ между рѣчнымъ и морскимъ судоходствомъ; но, благодаря своимъ высокимъ, крутымъ берегамъ, это мѣсто было болѣе всякаго другаго удобно для основанія крѣпости, и нерѣдко война разоряла городъ, уничтожая богатства, накопленныя торговлей. Нарва часто подвергалась осадамъ, часто доставалась въ руки непріятеля; подъ ея стѣнами Карлъ XII одержалъ побѣду надъ русской арміей, вдесятеро превосходившей числомъ его войска. Находясь въ сосѣдствѣ такихъ сильныхъ крѣпостей, какъ Свеаборгъ и Кронштадтъ, Нарва имѣетъ нынѣ лишь весьма второстепенную стратегическую важность, и ея укрѣпленія, такъ же, какъ укрѣпленія Ивангорода, лежащаго напротивъ, на правомъ берегу рѣки, были упразднены, но не разрушены. Нѣкоторыя старинныя зданія Нарвы, старая биржа, базаръ, теперь пустынный, свидѣтельствуютъ о торговой дѣятельности, которая нѣкогда господствовала въ этомъ городѣ, сохранившемъ средневѣковой характеръ; но, по всей вѣроятности, въ ту эпоху баръ рѣки, находящійся верстахъ въ 12 ниже города, представлялъ судамъ болѣе глубокій и болѣе удобный проходъ, нежели въ наши дни [1]); теперь онъ покрытъ слоемъ воды толщиною отъ 8 до 10 футовъ и часто перемѣняетъ мѣсто. Однако и нынѣ еще населеніе Нарвы, состоящее наполовину изъ нѣмцевъ, ведетъ довольно значительную торговлю (цѣнность ввоза въ 1894 г.—$6^1/_4$, вывоза—1 милліон. руб.). Выше города, мельницы и обширная суконная и хлопчато-бумажная фабрика (Кренгольмская мануфактура) пользуются, посредствомъ вырытыхъ въ скалѣ каналовъ, движущею силою водопадовъ. Псковская губернія изъ всѣхъ губерній Россіи производитъ наибольшее количество льна (отъ $1^3/_4$ до $2^1/_3$ милліоновъ пудовъ).

Города и мѣстечки бассейна Невы сгруппированы преимущественно въ южной части страны, гдѣ климатъ сравнительно теплѣе и гдѣ почва не отказываетъ человѣку въ пропитаніи. Тамъ находятся: Торопецъ, на плоской возвышенности, усѣянной озерами и лѣсами; Великія-Луки, на Ловати, въ томъ мѣстѣ еще маленькой рѣчкѣ; Холмъ, гдѣ Ловать уже является значительной рѣкой, и, въ долинѣ рѣки Шелонь, посадъ Сольцы, производившій оживленную торговлю льномъ до открытія желѣзной дороги. Во всей этой области часто находятъ въ землѣ древнія монеты, арабскія, англо-саксонскія и франкскія, относящіяся къ седьмому и до одиннадцатаго вѣка,—доказательство значительной торговли съ Востокомъ и Западомъ; но византійскія деньги встрѣчаются очень рѣдко [2]). Въ особенности Торопецъ, лежащій на историческомъ пути изъ Новгорода въ Смоленскъ и Кіевъ, игралъ важную роль въ древней русской конфедераціи; даже до конца восемнадцатаго столѣтія этотъ городъ велъ значительную торговлю съ Германіей, вѣроятно по причинѣ его положенія на границѣ съ Литвой, входившей въ то время въ составъ Польскаго государства. Къ югу отъ озера Ильмень, на послѣднихъ возвышеніяхъ мѣстности, господствующихъ надъ аллювіальной равниной, гдѣ соединяются Ловать, Полисть и нѣкоторыя другія рѣки, стоитъ цвѣтущій городъ Старая-Русса, городъ дѣйствительно древняго происхожденія, хотя, впрочемъ, никогда не игравшій большой политической роли. Во времена могущественнаго новгородскаго народоправства онъ обязанъ былъ своимъ важнымъ значеніемъ главнымъ обра-

[1]) Костомаровъ, „Сѣверно-русскія народоправства“.
[2]) Устиновъ, „Древняя и Новая Россія“, XI, 1876 г.

[1]) Von Helmersen, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, III, 1861.
[2]) Бережковъ, „Торговля Россіи съ Ганзой“

зомъ обильному соляному источнику, который позволялъ ему снабжать солью многолюдный Новгородъ. Когда послѣдній утратилъ свою самостоятельность и торговлю, то вмѣстѣ съ нимъ пришли въ упадокъ и всѣ окружающіе его города; разработка старорусской солеварни прекратилась, и только въ прошломъ столѣтіи стали опять утилизировать ее: источникъ и артезіанскій колодецъ, пробуренный въ сосѣдствѣ его, давали (до 1870 г.) казнѣ ежегодно около 150.000 пудовъ соли. Старая-Русса, соединенная нынѣ рельсовымъ путемъ съ Николаевской желѣзной дорогой, пріобрѣла въ послѣднее время значеніе преимущественно благодаря своимъ цѣлебнымъ источникамъ, и больные изъ Петербурга и другихъ мѣстъ пріѣзжаютъ тысячами лечиться ея минеральными водами.

Новгородъ, нынѣ второстепенный губернскій городъ, былъ нѣкогда могущественнымъ и многолюднымъ городомъ, который называлъ себя «Господинъ Великій Новгородъ», и владѣнія котораго простирались за Уральскія горы. Онъ былъ для Россіи, какъ мы видѣли, если не столицей, какъ Москва или Петербургъ, то по крайней мѣрѣ главнымъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ западноевропейскимъ міромъ. Построенный на обоихъ берегахъ Волхова, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже выхода рѣки изъ озера Ильмень, этотъ городъ есть не только естественное складочное мѣсто всей верхней области, но былъ также въ прежнее время, когда еще искусственныя дороги не замѣнили рѣчныхъ путей, одною изъ главныхъ станцій великаго воднаго пути, ведущаго изъ Балтики въ Черное море: онъ лежалъ, по выраженію русскихъ лѣтописей, на дорогѣ «изъ Варяги въ Греки» и вмѣстѣ съ тѣмъ на пути изъ Азіи въ Европу черезъ Волгу и Балтійское море. Въ эпоху постоянныхъ войнъ, для торговаго города было, конечно, немаловажной выгодой занимать географическое положеніе, избавлявшее его отъ набѣговъ скандинавскихъ или германскихъ пиратовъ; съ другой стороны, и татары, опустошавшіе всю восточную и южную Русь, не могли добраться до этого города. Окруженный густыми лѣсами и топкими болотами, Новгородъ былъ гораздо болѣе безопасенъ отъ всякихъ нападеній, чѣмъ города морскаго прибрежья. Кажется, впрочемъ, что мѣстоположеніе, гдѣ нынѣ находится Новая Ладога—при впаденіи Волхова въ прѣсноводное внутреннее море, представляло не меньшія удобства, чѣмъ мѣстоположеніе Новгорода; но рынокъ славянъ естественно долженъ былъ основаться на славянской землѣ, а окружность Ладожскаго озера во все продолженіе среднихъ вѣковъ была населена карелами и другими чудскими племенами.

Старый или первоначальный городъ, которому впослѣдствіи наслѣдовалъ «Новый Городъ», находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ озера Ильмень, на террасѣ, высотою около 65 футовъ, окруженной со всѣхъ сторонъ текучими водами и болотами: онъ и до сихъ поръ извѣстенъ подъ именемъ Городища, или «Древняго Города». Эта терраса представляла естественную крѣпость, и легенда, которая, впрочемъ, была выдумана учеными историками новѣйшаго времени, утверждаетъ, что замокъ Рюрика возвышался на этомъ мѣстѣ. Но плато Городища не было достаточно обширно, чтобы вмѣстить значительное населеніе, и «Новый Городъ» выстроился верстахъ въ двухъ ниже, на другомъ возвышенномъ берегу Волхова. Это и есть тотъ городъ, который сдѣлался центромъ политическаго могущества въ сѣверной Россіи, и который оспариваетъ у Кіева право называться «колыбелью русской державы». Ведя непосредственно торговлю съ ганзейскими городами, онъ сначала имѣлъ свои конторы въ Висби, столицѣ Готланда, потомъ главныя его сношенія установились съ Любекомъ, а черезъ этотъ городъ и со всей ганзейской линіей. Мало-по-малу нѣмцы сдѣлались черезъ Новгородъ господами всего внѣшняго торговаго обмѣна тогдашней Россіи; самъ же Новгородъ завладѣлъ всей внутренней торговлей, и черезъ посредство своихъ многочисленныхъ колоній, посылаемыхъ на сѣверо-востокъ, въ «заволоцкія земли», на берега Бѣлаго моря и даже въ Западную Сибирь, сдѣлался сюзереномъ обширной территоріи, равнявшейся по пространству всей Западной Европѣ. Кромѣ того, онъ былъ, вмѣстѣ съ Псковомъ, главнымъ средоточіемъ ремеслъ, искусствъ, образованности, религіозныхъ раціоналистическихъ сектъ. «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» повторяла хорошо извѣстная поговорка. Новгородцы выбирали себѣ князей, главная обязанность которыхъ состояла въ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ; но какъ только народное собраніе, или вѣче, было недовольно человѣкомъ, которому оно ввѣрило власть, оно «кланялось ему и показывало путь» изъ Новгорода, говоря: «мы не хотимъ тебя! ступай отъ насъ добромъ, а не то прогонимъ тебя» [1]). Сильный грамотою Ярослава Мудраго, которая дала ему независимость и самоуправленіе и которую онъ хранилъ, какъ драгоцѣннѣйшее свое достояніе; сильный въ особенности матеріальной независимостью, которую давали ему его богатства и его вооруженные граждане,—Новгородъ долго жилъ какъ самостоятельная республика, свободная политически, но безпокойная внутри и часто раздѣленная на соперничествующія партіи. Граждане не были равны, и въ то время, какъ «бѣлые»

[1]) Костомаровъ, „Сѣверно-русскія народоправства"; Alf. Rambaud, „Histoire de la Russie"; Mackenzie Wallace, „Russia".

или «вящшіе люди», то-есть привилегированные (бояре и богатые купцы), постоянно враждовали между собою, такъ называемые «черные люди», или простой народъ, работали на всѣхъ. Въ половинѣ пятнадцатаго вѣка, когда нужно было защищаться противъ Московскаго государства, уже могущественнаго, Новгородъ быстро потерялъ свои сѣверо-восточныя колоніи, слишкомъ отдаленныя, чтобы можно было своевременно подать имъ помощь, и соединенныя тогда уже съ Московскимъ государствомъ черезъ Устюгъ и теченіе Вычегды; затѣмъ палъ и самъ Новгородъ, и дальнѣйшая исторія его представляетъ лишь рядъ пораженій и бѣдствій. Въ 1471 году войска его были побѣждены русскими и татарскими силами Москвы, къ которымъ присоединился и завистливый Псковъ, возставшій, по приказу великаго князя, противъ своего старшаго брата; въ 1478 году вѣче было уничтожено, вѣчевой колоколъ и посадница Мароа Борецкая отвезены въ Москву, новгородцы должны были принести присягу самодержавному великому князю, какъ своему полновластному государю, и доносъ сдѣланъ обязательнымъ. Въ слѣдующемъ году подозрѣваемые граждане были казнены, и тысячи семействъ отправлены въ московскія земли. Въ 1497 году казни возобновились, и опять болѣе тысячи семействъ были осуждены на изгнаніе. Въ шестнадцатомъ столѣтіи новгородское населеніе было уже почти все истреблено и частью замѣнено поселенцами изъ московскихъ областей; однако, Иванъ IV заподозрилъ вѣрность новгородцевъ, и нигдѣ онъ въ такой мѣрѣ не заслужилъ данное ему прозвище «Грознаго», какъ въ Новгородѣ, во время совершеннаго имъ тамъ страшнаго разгрома. Если вѣрить свидѣтельству лѣтописца, «благочестивѣйшій царь» лишилъ жизни въ Новгородѣ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ: каждый день, впродолженіи пяти недѣль, бросали въ Волховъ по нѣскольку сотъ гражданъ съ женами и дѣтьми, и чтобы никто не могъ спастись, ратные люди ѣздили въ лодкахъ и кололи тѣхъ, которые всплывали наверхъ; рѣка была запружена трупами, и съ той поры, какъ говоритъ преданіе, вода болѣе не замерзаетъ въ мѣстѣ, гдѣ производилось это поголовное утопленіе [1]).

Церковь, построенная при Иванѣ Грозномъ, близъ Новгорода.

Однако, истребитель Новгорода, желая продолжать торговую дѣятельность новгородцевъ, хотѣлъ вступить въ прямыя сношенія съ Европой; но, уничтожая населеніе старыхъ торговыхъ городовъ, опустошая ихъ области, гдѣ двѣ-трети селъ и деревень перестали существовать, москвитяне сами себя лишили элементовъ, необходимыхъ для непосредственной торговли съ Западомъ. Московское царство должно было съ радостью принять англичанъ, которые приходили со своими товарами отдаленнымъ пу-

[1]) Н. Костомаровъ, „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, II.

демъ черезъ Ледовитый океанъ въ Бѣлое море, и которымъ Иванъ Грозный даровалъ грамоту на свободную, безпошлинную торговлю въ своемъ государствѣ; даже позднѣе, Густавъ Адольфъ, король шведскій, воскликнулъ однажды: «Россія теперь окончательно отрѣзана отъ Балтійскаго моря». Въ семнадцатомъ столѣтіи Новгородъ еще разъ подалъ признакъ жизни: онъ возсталъ, но вскорѣ былъ приведенъ въ повиновеніе, и теперь не осталось ничего отъ древняго національнаго духа, кромѣ народныхъ поговорокъ, направленныхъ противъ москвитянъ. Въ наши дни этотъ городъ уже не лежитъ на великомъ пути международнаго обмѣна, какъ въ старину; онъ былъ оставленъ далеко въ сторонѣ отъ главной русской желѣзной дороги, идущей изъ Петербурга въ Москву, и соединенъ лишь вѣтвью съ желѣзнодорожной сѣтью: такимъ образомъ онъ остается внѣ торговаго движенія современной Россіи. Тѣ изъ его купцовъ и ремесленниковъ, которые еще оставались въ семнадцатомъ вѣкѣ, были однимъ изъ первыхъ элементовъ населенія новой столицы, основанной на устьяхъ Невы.

Новгородъ, гдѣ нѣкогда было скучено по меньшей мѣрѣ 50.000 или 60.000 жителей,—четыреста тысячъ, если вѣрить преданію,—занимаетъ нынѣ гораздо меньше мѣста, чѣмъ въ старину, и монастыри, стоявшіе прежде внутри городской черты, находятся теперь далеко за городомъ, въ окрестностяхъ. Но двѣ главныя части древняго города—стороны: Торговая и Софійская, или Кремль, раздѣленныя Волховомъ, существуютъ и до сихъ поръ. На Софійской сторонѣ находятся памятники древности и величія Новгорода. Кремль, крѣпость, нѣкогда столь обширная, что заключала въ себѣ 18 церквей, 150 домовъ, 40 купеческихъ конторъ, есть древній Дѣтинецъ, первый камень котораго,—на это указываютъ самое названіе и примѣръ сербскаго Дѣтинца [1],—былъ, можетъ быть, положенъ на живаго младенца, согласно религіозному обычаю, практиковавшемуся многими средневѣковыми архитекторами. Соборъ св. Софіи, или Премудрости Божіей, возвышающійся въ акрополѣ Кремля, сохранилъ нѣсколько гробницъ новгородскихъ святыхъ и героевъ, свои интересныя фрески двѣнадцатаго столѣтія, свидѣтельствующія о болѣе свободномъ искусствѣ сравнительно съ церковной живописью восточной Россіи, и свои многочисленныя иконы стариннаго письма, которое въ отношеніи изображенія священныхъ лицъ и событій согласуется съ обрядностью «староверовъ». Подобно церквамъ общинъ Франціи и Бельгіи, Софійскій храмъ содержитъ, между своими сокровищами, также приношенія старинныхъ ремесленныхъ корпорацій. На площади передъ соборомъ стоитъ памятникъ, напоминающій легенду о Рюрикѣ, гранитная масса въ формѣ шара (изображающая Россійскую державу), на верху котораго представленъ ангелъ, осѣняющій крестомъ колѣнопреклоненную Россію, а внизу, на подножі[illegible] расположены, вылитыя изъ бронзы, фигуры важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной жизни, начиная съ Рюрика. Этотъ памятникъ воздвигнутъ [illegible] сентября 1862 г., въ память «совершившагося тысячелѣтія Всероссійскаго государства».

Къ востоку отъ Новгорода, на верхней Мст[illegible], которая въ этомъ мѣстѣ огибаетъ Валдайску[illegible] возвышенность, расположенъ городъ Боровичи, служащій съ самыхъ первыхъ временъ ру[illegible]ской исторіи естественнымъ посредникомъ рѣ[illegible]ной торговли между бассейнами Волхова [illegible] Волги. Близъ этого города, Мста образуе[illegible] рядъ пороговъ, общая высота которыхъ око[illegible] 200 футовъ на разстояніи 30 верстъ; онъ [illegible] части населенъ лоцманами, которые проводя[illegible] барки и плоты черезъ опасныя мѣста; несм[illegible]тря на то, здѣсь каждый годъ бываетъ мно[illegible] несчастныхъ случаевъ: такъ, въ 1857 го[illegible] шестьдесятъ судовъ разбились о подводн[illegible] камни. Боровицкіе пороги сдѣлали этотъ горо[illegible] складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, перевоз[illegible]мыхъ по Вышневолоцкому пути, съ очень ож[illegible]вленными ярмарками, и быстрины приводя[illegible] въ движеніе колеса нѣсколькихъ фабрикъ. Кр[illegible]мѣ того, г. Боровичи извѣстной долей свое[illegible] благосостоянія обязанъ также находящим[illegible] въ его окрестностяхъ каменоломнямъ, залежа[illegible] землянаго угля и въ особенности рудника[illegible] желѣзнаго колчедана, продуктъ которыхъ [illegible] время Крымской войны замѣнялъ сицилійску[illegible] сѣру, для приготовленія сѣрной кислоты. [illegible] сѣверъ отъ Боровичей, другой уѣздный городъ Новгородской губерніи играетъ подобную же роль въ отношеніи рѣчной торговли: это—Тихвинъ, состоящій на р. Тихвинкѣ, притокѣ Ладоги черезъ рѣку Сясь, и при началѣ канала, оконченнаго въ 1811 году, который соединяетъ систему Волги съ системой Ладожскаго озера; Петербургъ ежегодно получаетъ по этому судоходному пути около 1.250.000 пудовъ хлѣбнаго товара и лѣсныхъ матеріаловъ. Тихвинскій монастырь замѣчателенъ чудотворной иконой Божіей Матери, одной изъ наиболѣе чтимыхъ въ Россіи; прежде этотъ монастырь былъ владѣльцемъ 4.500 «душъ», принесенныхъ ему въ даръ царями и благочестивыми помѣщиками.

Только одинъ городъ пріобрѣлъ нѣкоторую торговую важность во всемъ почти пустынномъ бассейнѣ, воды котораго изливаются въ Неву и въ Финскій заливъ: это—Петрозаводскъ, лежащій на одной изъ западныхъ бухтъ Онежскаго озера, въ горнозаводской области, гдѣ находятся золотые рудники, теперь заброшенные, мѣсторожденія мѣдной руды и жилы ма-

[1] Andrée, „Ethnographische Parallelen und Vergleiche“.

гнитнаго желѣзняка, содержащія до 96 процентовъ чистаго металла [1]). Основанный въ 1704 году Петромъ Великимъ, на мѣстѣ, гдѣ въ то время не было ничего, кромѣ одной мельницы, этотъ городъ обязанъ своимъ названіемъ пушечно-литейному заводу и оружейной фабрикѣ, которые царь устроилъ здѣсь, чтобы можно было утилизировать находящуюся въ окрестностяхъ руду. Эти металлургическія заведенія исчезли послѣ смерти Петра, но на мѣсто ихъ впослѣдствіи явились другія, и въ 1879 году на нынѣшнемъ Александровскомъ пушечномъ заводѣ была отлита сорока тысячная пушка. Кромѣ того, Петрозаводскъ, сдѣлавшійся промежуточной станціей между Финскимъ заливомъ и Бѣлымъ моремъ, поднялся мало-по-малу, благодаря развитію торговой дѣятельности. Будучи въ то же время административнымъ центромъ Олонецкой губерніи, онъ далеко опередилъ по многолюдству и богатству старинный городокъ Олонецъ, стоящій на маленькой рѣкѣ Олонкѣ, восточномъ притокѣ Ладожскаго озера. До основанія кораблестроительныхъ верфей въ Петербургѣ, Петръ Великій устроилъ верфь въ Лодейномъ Полѣ (къ югу отъ Олонца), на берегу Свири: построенныя тамъ суда были употреблены имъ въ дѣло при завоеваніи шведской крѣпости Нотебурга (Шлиссельбурга), а впослѣдствіи онъ имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ плавающими даже на водахъ Балтики. Въ 1830 году эта верфь была упразднена. Точно такъ же, какъ Олонецъ, городъ Бѣлозерскъ, на южномъ берегу Бѣлоозера, утратилъ свою относительную важность. Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи (лѣтописецъ называетъ его резиденціей брата Рюрика, Синеуса), Бѣлозерскъ въ наши дни имѣетъ значеніе только какъ пристань для барокъ, плывущихъ по обводному Бѣлозерскому каналу. Прилегающія къ этому озеру земли, такъ же, какъ многія другія въ бывшей Новгородской области, были раздѣлены между нѣсколькими монастырями, изъ которыхъ самымъ знаменитымъ былъ Кирилловъ-Бѣлозерскій, близъ нынѣшняго города Кириллова. Этотъ монастырь, гдѣ Иванъ Грозный хотѣлъ постричься въ монахи, служилъ мѣстомъ ссылки для многихъ знатныхъ особъ Московскаго царства; онъ имѣетъ библіотеку и очень любопытныя коллекціи, относящіяся къ исторіи Россіи.

На берегахъ «Ладожскаго моря» двумя самыми многолюдными городами являются, конечно, тѣ, которые находятся на рѣчномъ пути изъ Новгорода въ Петербургъ, именно: Новая Ладога, при устьѣ Волхова, и Шлиссельбургъ, при выходѣ изъ озера водъ, образующихъ Неву. Новая Ладога, построенная также Петромъ Великимъ въ 1704 году, расположена на лѣвомъ берегу Волхова, тамъ, гдѣ прежде находился монастырь, верстахъ въ 12 ниже Старой Ладоги или Альдейгаборга, бывшаго складочнаго пункта новгородцевъ, гдѣ видны еще остатки замка, называемаго Рюриковымъ, а въ одной изъ старинныхъ церквей сохранились фрески двѣнадцатаго вѣка, очень дурно поправленныя. Городъ лоцмановъ и судовщиковъ, Новая Ладога сообщается съ Шлиссельбургомъ не только черезъ воды, часто бурныя, Ладожскаго озера, но также посредствомъ двухъ обходныхъ каналовъ, идущихъ вдоль берега, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ озера: стараго, устроеннаго еще при Петрѣ Великомъ, и новаго, недавно прорытаго, болѣе широкаго, болѣе глубокаго и безъ шлюзовъ. Путиловская гора, господствующая надъ этими каналами съ южной стороны, состоитъ изъ пластовъ песчаника, которые доставляютъ Петербургу значительную часть камня, необходимаго для постройки зданій и устройства дорогъ. Всѣ суда, плывущія съ озера или съ каналовъ, должны проходить подъ пушкой крѣпости Шлиссельбургъ, бывшаго Орѣшка или Орѣховца, основаннаго въ 1323 году новгородцами, для защиты ихъ торговаго пути отъ нападеній шведовъ. Послѣдніе, однако, овладѣли этимъ укрѣпленнымъ островомъ и удерживали его за собой до 1702 г., когда они должны были, въ свою очередь, уступить Петру Великому этотъ «ключъ» Невы и Финскаго залива: отсюда и нѣмецкое названіе Schlüsselburg, данное этой старинной крѣпости, превращенной впослѣдствіи въ тюрьму для государственныхъ преступниковъ. Городъ, расположенный на лѣвой сторонѣ Невы, при выходѣ каналовъ, есть, такъ сказать, передовой—на берегу Ладожскаго озера—пригородъ столицы. Однако хотя это внутреннее море находится въ сосѣдствѣ Петербурга, судоходство на немъ все еще въ томъ же состояніи, какъ во времена Великаго Новгорода. За исключеніемъ пароходовъ, суда, плавающія по этому водному пути, тѣ же самыя, какія были до временъ Петра Великаго,—тяжелые трешкоты, плохо устроенные и оснащенные, но снабженные на кормѣ огромной печью, вокругъ которой судорабочіе очень часто лежатъ растянувшись по цѣлымъ часамъ [1]).

Ни одинъ завоеватель не выказалъ больше смѣлости, чѣмъ Петръ Великій, основывая новую столицу Россіи въ разстояніи 600 слишкомъ верстъ отъ древней метрополіи, въ мѣстности почти пустынной и отдаленной отъ середины государства, на топкой, болотистой почвѣ, которую сначала надобно было укрѣплять руками цѣлыхъ армій, прежде чѣмъ класть на нее строительные матеріалы,—на почвѣ, которую нѣсколько разъ приходилось поднимать

[1]) Проф. Иностранцевъ, „Геологическій очеркъ Повѣнецкаго уѣзда“.

[1]) Андреевъ, „Ладожское озеро“.

насыпями, потому что вода затопляла нарождающійся городъ. Основаніе этой столицы, которую Петръ хотѣлъ сдѣлать своимъ «земнымъ раемъ», открыло собой для всей Россіи эру своего рода каторжныхъ работъ. Работники набирались во всѣхъ провинціяхъ, какъ солдаты: въ четыре года, съ 1712 до 1716, болѣе 150.000 рабочихъ были такимъ образомъ согнаны на невскія болота, и большинство ихъ погибло тутъ отъ изнурительныхъ трудовъ, отъ лихорадки, отъ голода или различныхъ эпидемій. Чтобы заставить всѣхъ каменщиковъ искать работы въ Петербургѣ, царь иногда воспрещалъ постройку всякихъ зданій изъ камня или кирпича въ остальной Россіи, пріостанавливалъ всякія каменныя работы во всемъ государствѣ, подъ страхомъ конфискаціи и ссылки. Кромѣ того, всѣ дворяне, имѣвшіе по крайней мѣрѣ тридцать тяглъ крестьянъ, получили приказаніе явиться на берега Невы и построить себѣ въ новой столицѣ домъ, форма и размѣры котораго были точно опредѣлены для каждой категоріи помѣщиковъ [1]). Неопредѣленные, болотистые берега, на которыхъ преобразователь Россіи воздвигалъ городъ, такъ сказать, наперекоръ природѣ и людямъ, были только-что вырваны у непріятеля. Водворяясь, такимъ образомъ, среди иностранной территоріи, въ виду шведовъ и нѣмцевъ, онъ тѣмъ самымъ налагалъ на себя обязанность вести постоянную наступательную борьбу: онъ не ограничивался тѣмъ, что «прорубилъ окно въ Европу», но овладѣвалъ также пространствами, которыя разстилаются передъ новымъ зданіемъ. Чтобы измѣнить искусственное равновѣсіе, созданное Петромъ Великимъ, въ равновѣсіе естественное, завоеваніе Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи, Литвы, Польши становилось государственной необходимостью: вотъ причина, по которой политика Петра нашла столь вѣрныхъ продолжателей въ его преемникахъ. Замѣчательно, что царь, давъ свое имя новой столицѣ Имперіи, употреблялъ это имя въ голландской формѣ—«Питербургъ». Въ Россіи и за границей обычай доставилъ перевѣсъ нѣмецкому наименованію Петрограда—Petersburg; но въ обыкновенномъ языкѣ городъ и теперь еще называютъ просто Питеромъ.

Помимо политическихъ соображеній, Петербургъ несомнѣнно былъ городомъ необходимымъ въ организмѣ Россіи и въ другихъ отношеніяхъ: это былъ, такъ сказать, Новгородъ, перенесенный къ устьямъ Невы [2]); но, за исключеніемъ климата, очень суроваго подъ шестидесятымъ градусомъ широты, новая столица пользовалась несравненно болѣе важными естественными преимуществами, чѣмъ древній городъ на Ильменѣ. Она имѣетъ въ своемъ распоряженіи море, которое подходитъ къ ней удлиненнымъ заливомъ, вдающимся верстъ на 400 внутрь материка, и господствуетъ надъ устьемъ значительной рѣки, доступной небольшимъ морскимъ судамъ. Не только Нева открываетъ Петербургу всѣ дороги, сходящіяся къ Новгороду, т. е. къ долинѣ Волхова, но и другіе ея притоки—рѣки, впадающія въ Ладожское озеро, также служатъ естественными торговыми путями, которые продолжаются на югъ, на юго-востокъ и на востокъ низкими водораздѣльными порогами, ограничивающими бассейнъ верхнихъ притоковъ Волги: нигдѣ сообщенія отъ одной покатости къ другой не представляли непреодолимыхъ трудностей для торговыхъ каравановъ, даже въ то время, когда еще не были устроены хорошія дороги и прорыты каналы. Изъ всѣхъ жизненныхъ пунктовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ на приморской окраинѣ огромнаго тѣла Россіи, ни одинъ не занимаетъ столь счастливаго положенія, какъ городъ при устьяхъ Невы, ибо это—пунктъ наиболѣе близкій къ центру русскаго населенія и доставляетъ ему, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, быстрѣе, чѣмъ всякій другой портъ, произведенія Западной Европы. Дѣло Петра Великаго согласовалось съ географическими потребностями страны, и оттого-то оно вышло прочнымъ. Если важный городъ не возникъ ранѣе на томъ мѣстѣ, гдѣ въ наши дни существуетъ столица Россіи, то причиной тому были постоянныя войны, опустошавшія прибрежныя области Финскаго залива и которыя удерживали до временъ Петра большіе торговые города внутри страны, далеко отъ моря. Однако, шведы дважды пытались овладѣть устьями Невы—посредствомъ военнаго и торговаго города: около 1300 г. они основали тутъ Ландскрону; потомъ, когда этотъ укрѣпленный городъ былъ разрушенъ русскими, они построили другую крѣпость, Ніеншанцъ, которая, въ свою очередь, была уничтожена Петромъ Великимъ, а потомъ замѣнена, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, нынѣшнимъ городомъ. Сильно укрѣпленный Кронштадтъ, который защищаетъ съ западной стороны Петербургскую бухту, останавливаетъ нынѣ всякую враждебную попытку и позволяетъ столицѣ безопасно увеличивать и развивать свою торговлю и промышленность.

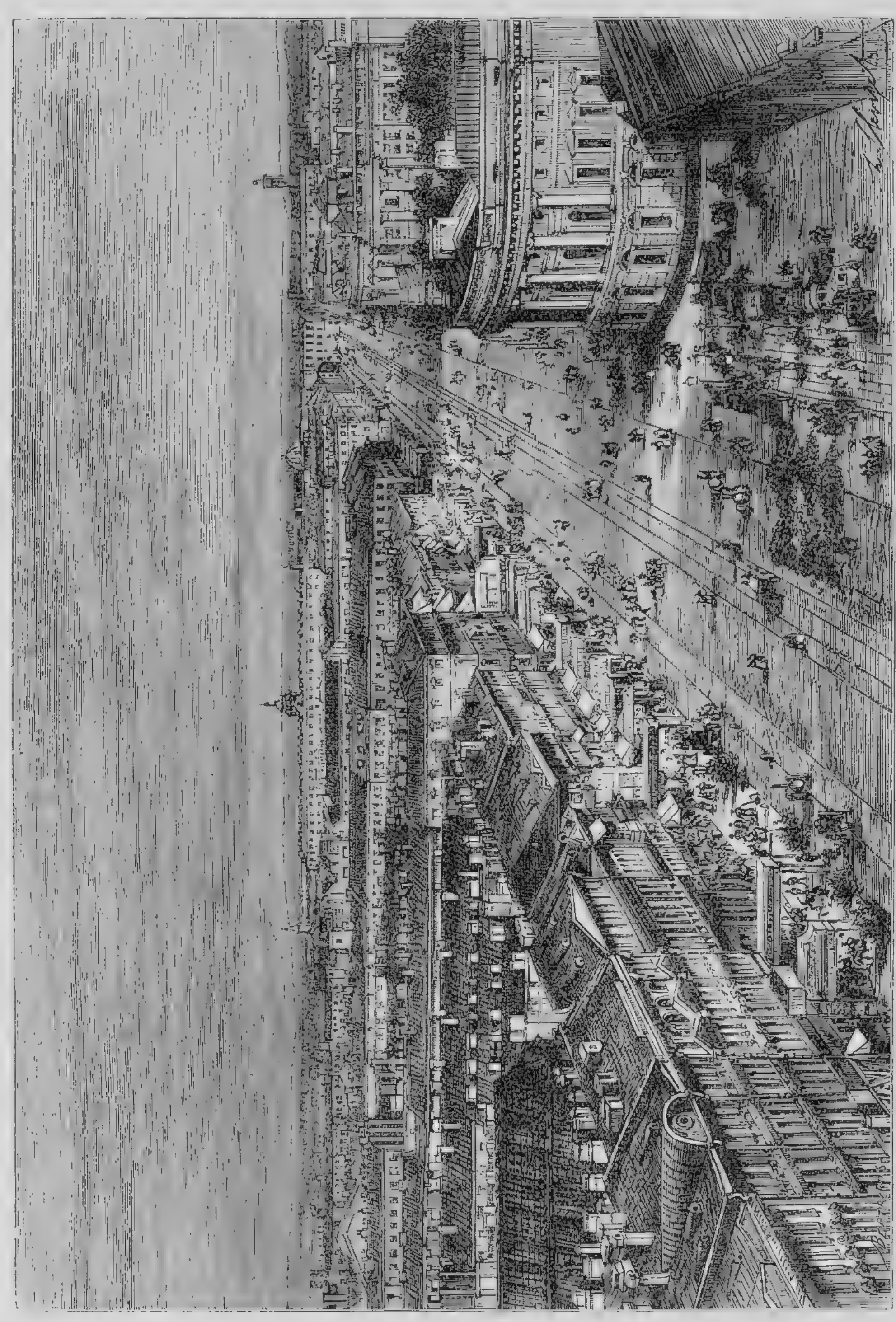
Пятый городъ Европы по числу жителей, Санктъ-Петербургъ занимаетъ весьма обширную площадь, около 100 квадр. верстъ, включая сюда и пространсто, покрытое водами рѣки, но не считая предмѣстій фабричныхъ и дачныхъ, которыя продолжаются далеко въ боковыхъ долинахъ Невы. Городъ, расположенный вѣерообразно вдоль развѣтвляющихся рукавовъ рѣки, покрываетъ своими строеніями шесть большихъ естественныхъ острововъ, нѣсколько островковъ, искусственный островъ, ограничи-

---

[1]) Костомаровъ, „Исторія Россіи въ біографіяхъ" и т. д., VI.—„Городскія поселенія въ Россійской Имперіи", VII.

[2]) J. G. Kohl, „Die Geographische Lage der Hauptstädte Europa's".

ваемый съ южной стороны каналомъ Фонтанкой; на сѣверѣ и на югѣ его внѣшніе кварталы раздвигаются все далѣе и далѣе внутрь твердой земли.



С.-Петербургъ. Невскій проспектъ.

Первый островокъ, гдѣ Петръ Великій заложилъ, въ маѣ 1703 г., свою будущую столицу и гдѣ онъ жилъ въ деревянномъ домикѣ, до сихъ поръ носитъ еще названіе Петербургской Стороны: здѣсь находится Петропавловская крѣпость, гдѣ содержалось столько государственныхъ преступниковъ, и соборъ св. апостоловъ Петра и Павла, служащій мѣстомъ погребенія членовъ Императорской фамиліи. Но настоящій центръ города теперь на югѣ отъ этого острова, на лѣвомъ берегу Невы; въ этой главной части Петербурга, называемой Адмиралтейской, сосредоточены царскіе дворцы, величественные храмы, лучшія правительствен-

ныя зданія и частные дома, обширная продолговатая масса Адмиралтейства, надъ которой поднимается башня съ высокимъ позолоченнымъ шпицемъ; соборъ св. Исаакія Далматскаго—величественный храмъ, съ огромнымъ куполомъ, весь построенный изъ мрамора и гранита, блистающій золотомъ, малахитомъ, драгоцѣнными мозаиками; Казанскій соборъ, съ красивой колоннадой; обширный Зимній дворецъ, возвышающійся своимъ длиннымъ, украшеннымъ изваяніями, фасадомъ надъ широкой Невой; другіе дворцы: Мраморный, Аничковъ, Михайловскій и пр. Рядомъ съ Адмиралтействомъ противъ зданія Сената и Синода, стоитъ памятникъ Петру I, знаменитая конная статуя (работы Фальконета) на высокой скалѣ: всадникъ правой рукой, простертой впередъ, указываетъ на Неву, корабли, крѣпость, которую онъ воздвигъ среди болотъ. Каменная глыба, поддерживающая статую вѣситъ около 9.150 пудовъ: это самый тяжелый камень, какой когда-либо былъ перенесенъ людьми; онъ превосходитъ по объему камни Бальбека и египетскіе обелиски. Недалеко оттуда, передъ Зимнимъ дворцомъ, возвышается Александровская колонна, монолитъ почти въ 11 саженъ вышины изъ финляндскаго гранита, раппакиви; но этотъ монументъ, замѣчательный памятникъ человѣческаго искусства, уже далъ трещины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и не можетъ долго существовать безъ желѣзныхъ скобъ, связывающихъ расколовшійся камень [1]. Въ скверѣ на площади у Александринскаго театра поставленъ памятникъ Екатеринѣ II, представляющій наглядно исторію ея царствованія.

Съ высоты башни Адмиралтейства, съ террасъ дворцовъ или, еще лучше, съ колокольни Исаакія, взоръ обнимаетъ весь городъ, отъ восточныхъ полей до моря. На югѣ видны расходящіеся радіусы, образуемые длинными улицами, или такъ-называемыми «проспектами». Главная улица, знаменитый Невскій проспектъ, обставленный высокими домами, съ блестящими магазинами, храмами и общественными зданіями (Казанскій соборъ, Публичная библіотека, Александринскій театръ и пр.), постоянно наполненъ движущейся толпой пѣшеходовъ и экипажами; лучшая часть его тянется версты на три въ длину и оканчивается у вокзала Николаевской желѣзной дороги. На востокѣ, на сѣверѣ, на западѣ извивается бѣлой лентой красивая Нева, обрамленная гранитными набережными и ударяющая своими чистыми водами о массивные быки мостовъ Александровскаго и Николаевскаго. Почти напротивъ Адмиралтейства рѣка дѣлится на два главные рукава, Большую и Малую Неву, охватывающіе Васильевскій островъ, гдѣ находятся биржа, таможня, и главныя ученыя и учебныя заведенія Петербурга, университетъ, академія наукъ, академія художествъ, историко-филологическій институтъ, физическая обсерваторія и пр. Наконецъ за линіей построекъ виднѣются на сѣверо-западѣ сады и парки невскихъ острововъ, съ ихъ извилистыми аллеями, загородными дворцами, дачами, легкими пароходами, катерами, лодками, весело скользящими по водамъ. Обозрѣваемый такимъ образомъ съ высоты, какъ панорама, городъ представляетъ красивую картину; но въ немъ мало такихъ мѣстъ, которыя производили бы пріятное впечатлѣніе на иностранца: Петербургъ можно назвать «городомъ съ великолѣпными разстояніями», какъ кто-то охарактеризовалъ сѣвероамериканскую столицу, Вашингтонъ; улицы широкія, правильныя, уходящія далеко, очень далеко, всѣ похожи одна на другую: вездѣ видишь тѣ же казармы, тѣ же дома каменные или деревянные, не отличающіеся ни красотой, ни оригинальностью архитектуры. Бюджетъ с.-петербургскаго городскаго управленія простирается до 11 милліоновъ рублей.

Что касается санитарныхъ и гигіеническихъ условій, то нельзя сказать, чтобы Перербургъ принадлежалъ къ числу здоровыхъ столицъ Европы. Подобно тому какъ въ Одессѣ, смертность здѣсь ежегодно превышаетъ число рожденій, и городъ можетъ пополнять происходящую отсюда убыль населенія только путемъ иммиграціи, постояннаго прилива жителей изъ другихъ мѣстъ: предоставленный самому себѣ, онъ неминуемо вернулся бы въ первобытное состояніе, т. е. опять сдѣлался бы тѣмъ, чѣмъ былъ до Петра Великаго. Такъ, напримѣръ, въ періодъ съ 1852 до 1869 года, статистика Петербурга представляла слѣдующія цифры:

Рожденій 135.084, смертныхъ случаевъ 172.069, средняя годовая убыль [1]) 2.158.

Но иммиграція, состоящая преимущественно изъ мужчинъ молодыхъ и въ силѣ возраста, до того значительна, что Петерургъ отличается отъ всѣхъ городовъ Западной Европы большимъ численнымъ превосходствомъ своего мужскаго населенія: на семь жителей въ немъ насчитываютъ среднимъ числомъ четырехъ мужчинъ и только трехъ женщинъ; ранѣе же, до половины текущаго столѣтія, если можно дать вѣру свѣдѣніямъ городской статистики, отношеніе мужскаго пола къ женскому было болѣе, чѣмъ 2 къ 1.

Отношеніе половъ въ 1837 г.: на 100 мужчинъ—42 женщины; въ 1869 г.: на 100 мужчинъ (377.380)—77 женщинъ (289.827); въ

[1]) Von Helmersen, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome V, 1863.

[1]) За 12 лѣтній періодъ, съ 1869 г. по 1880 г., естественная убыль столичнаго населенія исчислена въ 30.000 чел., т. е. составляла $4^1/_2$% населенія 1869 г., или въ средній годъ 0,35%; но съ 1885 г., рождаемость стала превышать смертность (въ среднемъ за 1884—93 г. г., первая составляла 31,2, а вторая 27,4, на тысячу). Ред.

1881 г. на 100 мужчинъ (475.138)—81 женщина (386.782).

По переписи 28 января 1897 г., въ Петербургѣ, съ предмѣстьями: на 100 мужчинъ (693.907)—82,6 женщинъ (573.116).

А между тѣмъ большинство совершеннолѣтнихъ мужчинъ, живущихъ въ Петербургѣ, люди женатые; но половина изъ нихъ—пришельцы, оставившіе въ провинціи жену и дѣтей; такимъ образомъ, брачные союзы временно прекращаются на многіе годы. Всѣ области, всѣ расы и народности Имперіи, славяне и финны, участвуютъ въ доставленія контингента пришлаго населенія столицы. Даже татары довольно многочисленны въ Петербургѣ, гдѣ они занимаются по большей части мелкими промыслами: такъ они ходятъ по дворамъ, продавая халаты и скупая старое платье, и служатъ въ первоклассныхъ ресторанахъ; мечетей у нихъ нѣтъ, а мѣстомъ молитвы служатъ большія залы, нарочно нанимаемыя для этой цѣли. Нѣмцы, которые встрѣчаются между коммерсантами и банкирами, также, какъ между ремесленниками и людьми всякой профессіи и промышленности, дозволенной закономъ или двусмысленной, очень многочисленны въ столицѣ Россіи: общее число ихъ около 50.000 чел., (въ 1870 г. нѣмцевъ въ Петербургѣ было: мужч. 7,6, женщ. 8,5 процентовъ). Кромѣ того, одинъ лютеранскій приходъ состоитъ изъ обрусѣвшихъ потомковъ нѣмцевъ, неумѣющихъ уже говорить по-нѣмецки. Понятно, насколько это постоянное нашествіе въ столицу пришлаго люда, разлученнаго со своими семьями, пагубно какъ для общественнаго здравія, такъ и для общественной нравственности. Пропорція незаконнорожденныхъ дѣтей весьма значительна (напримѣръ, въ періодъ съ 1856 до 1865 года дѣти этой категоріи составляли въ среднемъ, 30 процентовъ (въ періодъ съ 1869 по 1880 г. почти —26%; въ періодъ 1884—93 г. г. —28% всѣхъ рожденій), и Воспитательный Домъ каждый годъ поглощаетъ тысячи маленькихъ существъ, которыя отчасти содержатся въ самомъ заведеніи, отчасти отсылаются на воспитаніе въ деревни, въ Петербургскую и даже Новгородскую губерніи; но тѣхъ и другихъ смерть поражаетъ съ неумолимой жесткостью: эпидеміи уносятъ въ нѣсколько дней пятую часть питомцевъ, и петербургскіе гигіенисты, какъ и парижскіе, до сей поры безуспѣшно возвышали голосъ противъ этихъ дѣтоубійствъ en masse, происходящихъ отъ общественной безпечности. Въ 1876 году въ петербургскій Воспитательный Домъ поступило 7.578 дѣтей, изъ нихъ 7.190 незаконнорожденныхъ. Общая смертность подкинутыхъ дѣтей, въ Воспитательномъ Домѣ и въ деревнѣ: 6.088, или 80 процентовъ.

Столица Россіи, гдѣ военные и чиновники всякаго ранга составляютъ значительную часть населенія, есть городъ роскоши. Поэтому Петербургъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ классъ прислуги представленъ наибольшимъ числомъ индивидуумовъ. Для сравненія приводимъ процентное отношеніе военныхъ, лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и придворныхъ въ Петербургѣ и въ Берлинѣ въ 1869 году, по Янсону:

	Петербургъ.	Берлинъ.
Военныхъ	1 на 17	1 на 59
Чиновниковъ . .	1 „ 59	1 „ 117
Придворныхъ . .	1 „ 226	1 „ 2.623.

Процентное отношеніе прислуги въ Петербургѣ и въ Берлинѣ въ 1869 г.:

	Берлинъ.	Петербургъ.
Хозяйства безъ прислуги	81 проц.	49 проц.
Хозяйства съ 1 прислугой	13 „	27 „
Хозяйства съ 2 прислугами	4 „	12 „
Хозяйства съ 3 прислугами и болѣе	3 „	12 „
Хозяйства съ 11 прислугами	0 „	1 „

Богатство и бѣдность живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ въ обширномъ городѣ. Наряду съ убожествомъ пришлаго деревенскаго люда, фабричный и ремесленный пролетаріатъ составляетъ уже весьма значительную долю населенія Петербурга, перваго мануфактурнаго города Имперіи. Нѣкоторыя большія фабричныя заведенія принадлежатъ казнѣ, напримѣръ, стеклянный и фарфоровый заводъ, шпалерная фабрика; но главная дѣятельность сосредоточена преимущественно на частныхъ фабрикахъ и заводахъ, каковы: литейные, механическіе, сахаро-рафинадные, кожевенные заводы, прядильныя и ткацкія мануфактуры шерстяныхъ и бумажныхъ матерій, пивоваренные и водочные заводы, табачныя фабрики и т. д. Общее число частныхъ фабрикъ и заводовъ въ столицѣ, безъ пригородовъ (1892 г.): 504, съ 66.287 рабочими и съ годовымъ производствомъ свыше 142 миллион. рублей; болѣе крупныхъ ремесленныхъ заведеній, платящихъ государственный сборъ — 3.179, съ производствомъ около 43 съ половиной милліоновъ рубл. Однако, не столько промышленность, сколько доходы съ большихъ имѣній и крупные оклады, платимые государственнымъ бюджетомъ, доставляютъ богатому классу петербургскаго общества средства поддерживать роскошь своихъ туалетовъ и экипажей въ Лѣтнемъ саду и на Невскомъ. Одна только мелкая торговля, нѣкогда монополизированная выходцами изъ Новгорода, находится отчасти въ рукахъ русскихъ; крупныя же коммерческія дѣла ведутся въ большинствѣ случаевъ за счетъ негоціантовъ нѣмецкихъ и англійскихъ, или еврейскихъ банкировъ (крупныхъ торговыхъ заведеній и предпріятій въ 1892 г.: 12.006, съ годовымъ оборотомъ въ 1.787.578.600 рублей; общее число

промышленныхъ и торговыхъ заведеній въ 1894 г.: 24.632). Торговое движеніе Петербурга весьма значительно: на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на рѣчныхъ пристаняхъ, наконецъ, въ приморскихъ гаваняхъ столицы и въ купеческой гавани Кронштадта совокупная цѣнность обмѣна простирается, смотря по годамъ, до четверти и даже до трети всѣхъ торговыхъ оборотовъ Имперіи. Обороты внѣшней торговли Петербурга въ 1894 году простирались до 188 милліоновъ рублей. Движеніе судоходства по Петербургско-Кронштадскому порту въ томъ же году выразилось слѣдующими цифрами: всего было въ приходѣ—1.824 судна въ 1.285.626 тоннъ, въ отходѣ — 1.792 судна въ 1.271.388 тоннъ.

Съ 1885 г. открытъ устроенный при помощи землечерпательныхъ снарядовъ Морской каналъ, глубиною въ 16 футовъ, между Кронштадтомъ и Петербургомъ, на разстояніи около 30 в. Наибольшая доля судоходства въ портахъ столицы принадлежитъ не отечественнымъ судовладѣльцамъ: иностранные флаги, преимущественно англійскій, нѣмецкій и норвежскій, развѣваются на бо́льшемъ числѣ купеческихъ судовъ, чѣмъ русскій (въ 1894 году только 13% судовъ были подъ русскимъ флагомъ).

По степени развитія народнаго образованія Петербургъ еще стоитъ позади бо́льшей части городовъ Западной Европы, такъ какъ въ немъ еще насчитываютъ свыше 300.000 лицъ совершенно неграмотныхъ; въ 1870 году состояніе начальнаго образованія было таково, что на 1.000 жителей приходилось 555,3 умѣющихъ читать и писать и 444,7 неграмотныхъ. Тѣмъ не менѣе, его высшія учебныя заведенія и его ученыя учрежденія и общества принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя наиболѣе содѣйствуютъ движенію науки въ Европѣ. Въ отношеніи высшей литературы, искусствъ и наукъ Петербургъ есть главный центръ Россіи, тогда какъ Москва превосходитъ его по части народныхъ изданій. Изъ Петербургскаго университета, который по числу слушателей немного уступаетъ Московскому, потому что въ немъ нѣтъ медицинскаго факультета, выходятъ лучшіе воспитанники по отдѣлу наукъ физическихъ и математическихъ. Въ Петербургскомъ университетѣ къ 1 января 1898 г. было 218 преподавателей и 3.615 студентовъ и 85 постороннихъ слушателей, которые по факультетамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ—163, на физико-математическомъ—1.226 (въ томъ числѣ на естественномъ разрядѣ—705 и на математическомъ—521), на юридическомъ—2.085, на факультетѣ восточныхъ языковъ — 141; университетская библіотека содержитъ (1896 г.) около 240.000 томовъ. Медико - хирургическая академія, преобразованная въ военно-медицинскую, имѣла въ 1896 году 760 учащихся. Для женщинъ существуютъ высшіе курсы, бестужевскіе и педагогическіе, и медицинскій институтъ. Въ Петербургѣ же находятся всѣ высшія специальныя учебныя заведенія, подвѣдомственныя различнымъ министерствамъ. Академія наукъ и нѣкоторыя другія ученыя общества публикуютъ мемуары и записки, изъ которыхъ многіе составили эпоху въ наукѣ. Императорское русское географическое общество, располагающее значительными суммами и составляющее нѣчто въ родѣ министерства по части ге графическихъ изслѣдованій и открытій, давал направленіе ученымъ этнографическимъ изслѣдованіямъ внутри Россіи и руководитъ издалека многочисленными экспедиціями въ Сибир въ Китаѣ, въ Центральной Азіи. Нѣкоторы библіотеки университета и академіи наукъ заключаютъ въ себѣ рѣдкія книги и драгоцѣнныя коллекціи; но самое важное книгохранилище столицы, занимающее первое мѣсто в Европѣ послѣ библіотекъ Лондона и Парижа это—Публичная библіотека, гдѣ собрано окол 1.200.000 томовъ и болѣе 40.000 рукописе въ числѣ которыхъ много очень рѣдкихъ и даже единственныхъ, около 86.000 картъ, эстамповъ и т. д.; между прочимъ, тамъ есть «библіотека Вольтера», заключающая около 7.00 томовъ. Библіотека увеличивается ежегодно н 20.000—25.000 сочиненій и каждый годъ издаетъ драгоцѣнные каталоги и перепечатк рѣдкихъ книгъ; специальный отдѣлъ «Rossica» содержащій иностранныя сочиненія, касающіяся Россіи, состоитъ изъ 40.000 томовъ. Музеи Петербурга также принадлежатъ къ числ замѣчательнѣйшихъ учрежденій этого рода н континентѣ Европы. При академіи наукъ находится превосходная азіатская галлерея коллекціи зоологическаго музея, гдѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе знаменитый скелетъ мамонта, привезенный Палласомъ изъ Сибири въ 1803 году [1]). Наконецъ, Эрмитажъ, какъ бы составляющій продолженіе Зимняго дворца, представляетъ, по нѣкоторымъ изъ хранящихся въ немъ художественныхъ сокровищъ, первоклассный музей. Въ залахъ Эрмитажа собраны картоны, содержащіе 12.000 оригинальныхъ рисунковъ, 200.000 эстамповъ, прекрасныя картины великихъ художниковъ и

---

[1]) Музеи академіи наукъ образовались изъ „кунсткамеры" Петра Великаго, которая первоначально состояла изъ анатомическаго театра, пріобрѣтеннаго отъ профессора Рюйша, и въ которой потомъ хранились разныя драгоцѣнности и произведенія искусствъ. Въ 1718 году царь издалъ указъ о доставленіи въ кунсткамеру со всѣхъ концовъ Россіи диковинъ (монстровъ) и уродовъ „какъ человѣческихъ, такъ и скотскихъ, звѣриныхъ и птичьихъ". При Петрѣ въ кунсткамерѣ можно было видѣть, кромѣ уродовъ въ спирту, также и „живыхъ монструмовъ", каковы, напримѣръ, карликъ Ѳома, великанъ Буржуа и пр. Въ кунсткамерѣ же хранился огромный глобусъ, внутренность котораго составляла цѣлую комнату, со столомъ для 12 человѣкъ. Перев.

особенно полная серія всѣхъ фламандскихъ мастеровъ; кромѣ того, здѣсь можно видѣть нѣкоторыя изъ произведеній русской школы; но что составляетъ его славу — это остатки лучшей эпохи греческаго искусства и скиѳскія древности, найденныя на Таврическомъ полуостровѣ и въ южной Россіи: по этимъ произведеніямъ искусства музей Эрмитажа есть безспорно единственный въ мірѣ. Кромѣ картинной галлереи, въ многочисленныхъ, великолѣпныхъ залахъ Эрмитажа размѣщены коллекціи скульптурныхъ произведеній, драгоцѣнныхъ вещей, расписанныхъ сосудовъ, рѣдкихъ камней и пр.

Дворецъ и садъ въ Петергофѣ.

Здѣсь же находится галлерея Петра Великаго. Библіотека заключаетъ, между многими другими богатствами, драгоцѣнныя коллекціи автографовъ Вольтера, д'Аламбера, Дидро. Картинная галлерея академіи художествъ еще богаче

галлереи Эрмитажа произведеніями русской школы.

Городъ пышныхъ дворцовъ, Петербургъ дополняется снаружи парками и загородными замками въ окрестностяхъ. Петергофъ («Петровъ Дворъ»), на полуденномъ берегу бухты, отдѣляющей Кронштадтъ отъ устьевъ Невы, есть второй «Версальскій дворецъ», окруженный со всѣхъ сторонъ садами, цвѣтниками, великолѣпнѣйшими многочисленными фонтанами и каскадами; съ его террасъ, спускающихся уступами къ морю, виденъ обширный рейдъ, весь усѣянный кораблями, а далѣе—лѣсистый берегъ Финляндіи. Къ западу отъ Петергофа, который былъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Петра Великаго, другой загородный дворецъ, Ораніенбаумъ, окруженный павильонами и виллами, расположенъ на высокомъ берегу, напротивъ острова Котлина и города Кронштадта, грозныя укрѣпленія котораго и темныя гранитныя стѣны, поднимающіяся изъ сѣрой массы водъ, составляютъ поразительный контрастъ съ тѣнистыми парками и цвѣтниками Ораніенбаума. До вступленія на престолъ императора Александра II уже было израсходовано болѣе 50 милл. руб. на Кронштадтскую крѣпость, затѣмъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе нужно считать десятками милліоновъ суммы, употребленныя на содержаніе этого оплота Петербурга. Два изъ фортовъ, обшитыхъ броней изъ желѣза и тековаго дерева, снабжены вращающимися блиндированными башнями. Кронштадтъ — по преимуществу военный городъ, и большинство его жителей служатъ при арсеналахъ, фортахъ, докахъ и другихъ заведеніяхъ военнаго флота. Другая часть занимается перегрузкой товаровъ между большими судами и лихтерами, приходящими изъ Петербурга. Лѣтомъ пассажиры, постоянно переѣзжающіе въ большомъ числѣ между столицей и Кронштадтомъ, перевозятся на пароходахъ или по Ораніенбаумской желѣзной дорогѣ. Зимой же сообщеніе производится прямо по льду; тогда на половинѣ дороги устраивается временная гостинница, и на извѣстныхъ разстояніяхъ учреждаются посты для поданія помощи путникамъ, застигнутымъ туманомъ или задержаннымъ трещиной расколовшагося льда. Отъ Морскаго канала проведенъ рельсовый путь, соединяющій внѣшній портъ со станціями желѣзныхъ дорогъ.

Внутри страны, въ окрестностяхъ Петербурга, находятся другіе города,—такъ сказать, спутники столицы, представляющіе группы загородныхъ дворцовъ, дачъ, вокзаловъ или увеселительныхъ мѣстъ, куда устремляется петербургская публика во время лѣтняго сезона. Царское Село, лежащее въ 21 верстѣ къ югу отъ Петербурга, было первоначально простой деревней изъ нѣсколькихъ домовъ, разсѣянныхъ вокругъ загороднаго дворца, построеннаго въ 1744 году императрицей Елизаветой Петровной, увеличеннаго и богато украшеннаго Екатериной II, которая сдѣлала его своей любимой лѣтней резиденціей. Теперь Царское Село значительный городъ, имѣющій даже нѣкоторую промышленность. Къ сѣверо-западу отъ Царскаго Села, на холмѣ высотою около 240 футовъ, возвышается Пулковская астрономическая обсерваторія, черезъ которую проходитъ главный меридіанъ Россіи и которая прославлена изслѣдованіями Струве; телескопъ, приготовленный для этой обсерваторіи Клproducts Кляркомъ въ Кембриджѣ, близъ Бостона (въ Америкѣ), есть величайшій въ свѣтѣ рефракторъ; объективъ его имѣетъ отверстіе въ 76 сантиметровъ. Вотъ точное географическое положеніе Пулкова:

Долгота: отъ Парижа—27°59′20″; отъ Гринвича—30°19′36″. Широта—59°46′18,7″.

Вблизи Павловска, который также составляетъ какъ бы предмѣстье столицы, состоящее изъ дачъ, и гдѣ находится загородный дворецъ великаго князя Константина Николаевича, недавно выстроена другая обсерваторія, спеціально предназначенная для изученія явленій метеорологическихъ и магнитныхъ.

Гатчина, болѣе удаленная отъ Петербурга, чѣмъ Царское Село, имѣла подобное же происхожденіе: этотъ городъ выросъ мало-по-малу вокругъ загороднаго дворца (гдѣ жилъ императоръ Павелъ, когда былъ великимъ княземъ) и садовъ съ живописными озерами и островками. Положеніе при перекресткѣ желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ придаетъ Гатчинѣ нѣкоторую торговую важность.

Значительнѣйшіе города бассейновъ Наровы и Невы въ губерніяхъ: Псковской, Новгородской, Петербургской и Олонецкой.

Псковская губернія: Псковъ (1897 годъ)—29.555; Холмъ—5.639; Великія-Луки—7.632; Торопецъ — 6.896; Сольцы, посадъ, — 5.527; Опочка—4.947 жителей.

Новгородская губернія: Новгородъ (1897 г.)—22.515 жителей; Старая-Русса—17.185; Боровичи—11.568; Тихвинъ—6.850; Бѣлозерскъ—4.746 жителей.

С.-Петербургская губернія: С.-Петербургъ (1897 г.)—1.267.023 жителей [1]); Кронштадтъ—59.539; Царское Село — 20.500; Гатчина—11.557; Шлиссельбургъ—4.020; Петергофъ—9.516; Нарва—11.706; Новая Ладога—4.600 жителей.

Олонецкая губернія: Петрозаводскъ (1897 г.)—12.524 жителей.

---

[1]) Возрастаніе населенія С.-Петербурга: въ 1765 г.—150.000, въ 1789 г.—218.000, въ 1812 г.—308.500, въ 1825 г. 424.700, въ 1850 г.—487.000, въ 1858 г.—495.000, въ 1865 г.—539.000, въ 1869 г.—668.000, въ 1881 г., съ пригородами—928.000, въ 1890 г.—1.033.613 жит. Ред.

X. Покатость Ледовитаго океана, русская Лапландія, сѣверный Уралъ, Новая земля.

Губерніи Архангельская и Вологодская.

Вся сѣверная часть Европейской Россіи, воды которой текутъ въ Ледовитый океанъ, совпадаетъ довольно точно, въ своихъ общихъ границахъ, съ обширными губерніями, почти необитаемыми въ сравненіи съ ихъ огромнымъ протяженіемъ,—именно губ. Архангельской и Вологодской. Это громадное пространство, которое, такъ сказать, лежитъ за предѣлами живой Европы и которое, по своему климату, равно какъ и по значительной части своего населенія, представляетъ чисто сибирскій характеръ, имѣетъ на квадратную версту немногимъ болѣе одного жителя. Одна только Архангельская губернія почти столь же обширна, какъ Франція и Великобританія, взятыя вмѣстѣ, а между тѣмъ тамъ находится меньше человѣческихъ существъ, чѣмъ въ одномъ какомъ-нибудь второстепенномъ городѣ этихъ государствъ, каковы, напримѣръ, Ліонъ, Лидсъ или Бирмингамъ. Въ сравненіи со всею Европейскою Россіею, покатость, наклоненная къ Ледовитому морю, представляетъ почти четверть территоріи, тогда какъ общее населеніе двухъ сѣверныхъ губерній составляетъ только шестидесятую часть населенія Имперіи.

Пространство и населеніе сѣверной покатости Россіи:

Губерніи.	Пространство (безъ значител. внутрен. водъ) квадр. верстъ.	Населеніе по переписи 1897 г. душъ.	Густота населенія: на 1 кв. версту жит.
Архангельская..	742.050,7	347.560	0,5
Вологодская....	353.349,4	1.365.313	3,9

Однако, эта пустынная область есть одна изъ самыхъ любопытныхъ странъ Восточной Европы, не только по интереснымъ явленіямъ почвы, гидрографическимъ и климатическимъ, но также по исторіи ея жителей. Поморы Ледовитаго океана тоже имѣли свою особенную, хотя и скромную, роль въ развитіи европейской цивилизаціи, и едва три вѣка прошло съ той эпохи, когда дорога черезъ Бѣлое море была единственнымъ путемъ изъ Московскаго государства въ Западную Европу.

Почти вся страна, заключающаяся между границами Финляндіи и Уральскими горами, наклоняется ровнымъ, почти нечувствительнымъ скатомъ къ Бѣлому морю и Ледовитому океану; рѣки текутъ тамъ медленно, описывая длинныя извилины. Полуостровъ Кольскій, соединенный политически съ Россіей, именно съ Архангельской губерніей, долженъ бы быть скорѣе, по формѣ его рельефа, разсматриваемъ какъ простое восточное продолженіе Скандинавскаго полуострова. Бѣлое море и Ботническій заливъ, выдвигающіеся на встрѣчу другъ-другу, ограничиваютъ отчасти территорію русской Лапландіи; при томъ же всѣ формаціи, простирающіяся на западъ отъ Бѣлаго моря, именно въ Швеціи и Финляндіи, принадлежатъ къ граниту и вообще древнимъ горнымъ породамъ, тогда какъ къ востоку отъ этого моря, вплоть до Уральскаго хребта, геологическія образованія болѣе новаго происхожденія.

Внутренняя часть русской Лапландіи мало извѣстна, хотя сѣть путей, по которымъ слѣдуютъ путешественники, пересѣкаетъ ее уже во всѣхъ направленіяхъ. Финляндскій хребетъ Мансельке продолжается въ восточномъ направленіи, на русской территоріи, плоскогорьями, изрытыми оврагами; тамъ и сямъ, какъ въ норвежскомъ Финмаркенѣ, возвышаются горныя массы, вершины которыхъ достигаютъ слишкомъ полверсты въ вышину; въ небольшой цѣпи Умбдекъ, которая начинается на сѣверѣ Кандалакской губы, западной оконечности Бѣлаго моря, высшія точки поднимаются даже на 2.950 фут. (900 метр.). На востокѣ же, возвышенности въ 300 фут. встрѣчаются лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ; почти вся поверхность страны покрыта громаднымъ моховымъ болотомъ, скрывающимъ возвышенія почвы; только на окраинахъ гранитный остовъ и его торфяной покровъ глубоко изрѣзаны оврагами, наполненными въ углубленіяхъ никогда нетающимъ снѣгомъ [1]). По Кудрявцеву, ледниковыя явленія тамъ очень явственны. Скалы всѣ исчерчены параллельными полосами въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и гребни до самой вершины одѣты обломками, принадлежащими моренамъ. На морскихъ берегахъ слѣды поднятія почвы также ясно видны.

Къ востоку отъ рѣки Мезень, цѣпь высотъ, примыкающая на югѣ къ пармѣ, т. е. лѣсистому плоскогорью, около расходящихся въ разныя стороны истоковъ Сѣверной Двины, Печоры и Камы, слѣдуетъ довольно правильно въ сѣверо-западномъ направленіи, прерываемая тамъ и сямъ брешами или долинами, гдѣ проходятъ извилистыя рѣки, изъ которыхъ однѣ спускаются къ Мезени, а другія—къ Печорѣ. Этотъ рядъ возвышенностей, которому иногда даютъ названіе Тиманскихъ «горъ», достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 650 и 820 фут. (200 и 250 м.), и даже, близъ сѣверной его оконечности, одна вершина поднимается, какъ говорятъ, почти на 900 фут. (272 м.) надъ уровнемъ моря. Но тамъ хребетъ, разрѣзанный многочисленными рѣчными долинами, уже развѣтвляется въ формѣ вѣера и оканчивается въ водахъ Ледовитаго океана нѣсколькими парал-

---

[1]) Семеновъ, выше цитированное сочиненіе.

*

лельными полуостровами, изъ которыхъ одинъ выступаетъ верстъ на тридцать за правильную линію морскаго берега: это — Святой Носъ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ «священныхъ мысовъ», которые мореходы огибаютъ съ безпокойствомъ, задавая себѣ вопросъ, не ожидаетъ ли ихъ за выступомъ твердой земли бурный вѣтеръ или сильное волненіе, или не суждено ли имъ погибнуть тамъ въ непроглядномъ туманѣ или среди плавающихъ льдовъ. Большой островъ Колгуевъ, отдѣленный отъ материка проливомъ въ 100 верстъ ширины, можетъ быть разсматриваемъ какъ продолженіе Тиманскаго хребта, ибо промежуточныя морскія воды не имѣютъ даже 20 саженъ глубины, а пучины въ 50 саженъ и болѣе начинаются уже за этимъ островомъ. Колгуевъ, поверхность котораго исчисляютъ приблизительно въ 3.072 кв. верстъ (3.496 кв. кил.), окруженъ отмелями, и доступъ къ нему затруднителенъ; только нѣсколько десятковъ звѣролововъ пристаютъ каждый годъ къ этому необитаемому острову, чтобы поохотиться у береговъ на тюленя, моржа, бѣлаго медвѣдя, но въ особенности на птицъ—гусей, утокъ, лебедей; иногда охотники пускаются во внутренность острова преслѣдовать, въ болотахъ и на болотистыхъ холмахъ, песцовъ и сѣверныхъ оленей. Всѣ попытки постоянной колонизаціи имѣли до сихъ поръ печальный исходъ. Въ 1767 году человѣкъ семьдесятъ раскольниковъ, убѣгая отъ религіознаго преслѣдованія, поселились на островѣ, гдѣ никто не могъ препятствовать имъ совершать обряды и наслаждать свободу совѣсти; но въ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ они сдѣлались жертвой цынги [1]).

Можетъ быть, и полуостровъ Канинъ долженъ быть разсматриваемъ какъ западное продолженіе второстепеннаго отрога Тиманскаго хребта. Вся сѣверная часть этого полуострова, очертаніе котораго напоминаетъ форму молота, занята, отъ мыса Микулкина до мыса Канинъ, плоскогорьемъ, образованнымъ изъ кристаллическихъ сланцевъ; оно составляетъ точное продолженіе каменистаго пояса, начинающагося на твердой землѣ; высшія вершины этого плато, которое иногда называютъ Тіунскимъ Камнемъ, поднимаются на 330 футовъ надъ уровнемъ моря. Эти сланцы конечнаго полуострова отдѣлены отъ массы материка юрскими пластами, гдѣ, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бьютъ изъ земли нефтяные ключи; пласты эти заключаютъ въ себѣ также залежи колчедана и мѣдной руды. Прежде Канинъ былъ островомъ. Лѣтъ сто тому назадъ рѣка Чижа, текущая на западъ къ Мезенской губѣ, и рѣка Чеща, впадающая на востокѣ въ Чесскую губу, выходили изъ одного и того же озера, и барки легко могли ходить отъ одного берега къ другому. Теперь это озеро представляетъ изъ себя простое болото, и всякое судоходство между двумя противоположными бухтами давно уже прекратилось [1]). Эта перемѣна произошла, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ общаго вертикальнаго движенія материковыхъ массъ, поднимающаго всѣ сѣверные берега Россіи: существовавшій тутъ нѣкогда морской проливъ мало-по-малу измѣнился въ озеро, въ двумя истоками, а впослѣдствіи и озеро, въ свою очередь, превратилось въ болото между двумя рѣками. На берегахъ русской Лапландіи Кудрявцевъ нашелъ морскія раковины на высотѣ около 262 фут. (80 м.); то же самое явленіе было наблюдаемо многими геологами на морскихъ берегахъ Финмаркена и западной Норвегіи.

Кромѣ холмовъ Тиманскаго хребта, обширныя пространства Архангельской губерніи заключаютъ нѣсколько цѣпей высотъ, которыя соединяются съ Уральскими горами; но, исключая тѣхъ, которыя находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими горами, эти уральскія развѣтвленія имѣютъ весьма незначительный рельефъ, достигая только немногими изъ своихъ вершинъ высоты 656 фут. (200 м.). При томъ же контрастъ возвышенностей и равнинъ не рѣзко обозначенъ въ этой странѣ: бо́льшую часть года снѣга покрываютъ своимъ однообразнымъ слоемъ озера и болота, ровныя и холмистыя пространства; въ продолженіи короткаго лѣта растительность низменныхъ мѣстъ мало отличается отъ растительности высотъ, и послѣднія такъ же усѣяны по скатамъ моховыми болотами, какъ и низменности. Почти вся страна, до 66-го градуса широты, еще покрыта лѣсами, относительная цѣнность которыхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ обезлѣсиваются центральныя области Россіи. Девять десятыхъ [2]) поверхности Вологодской губерніи покрыты деревьями [3]), хвойными и лиственными (береза); приблизительно такая же пропорція лѣсовъ существуетъ и въ южной части Архангельской губерніи: всѣ возвышенныя мѣстности поросли лѣсомъ, такъ что зырянское названіе парма означаетъ безразлично «гору» или «лѣсъ» [4]), подобно тому какъ въ Южной Америкѣ выраженія monte и montaña, или какъ слово Wald во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Но на крайнемъ Сѣверѣ климатъ уже такъ суровъ, что древесная растительность не можетъ свободно развиваться; деревья тамъ смѣняются приземистыми кривыми деревцами, кустами, а еще далѣе и эти послѣдніе уступаютъ мѣсто ползучимъ корнямъ съ нѣсколькими листиками,

[1]) Максимовъ, „Годъ на Сѣверѣ“.

[1]) Reinicke, „Hydrographie“; Максимовъ, выше цитированное сочиненіе.

[2]) По даннымъ 1879—80 г. „лѣсная площадь“ составляетъ 90% всей площади Вологодской губ., а въ Архангельской—почти 65%. Ред.

[3]) Ruprecht, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, 1855, т. VII.

[4]) Максимовъ, „Годъ на Сѣверѣ“.

которые прячутся подъ космами густо растущаго бѣлаго ягеля (оленій мохъ), или красновато-ржаваго кукушкина льна: передъ нами разстилаются на необозримое пространство пустынныя тундры [или правильнѣе трундры, что значитъ по-зырянски «безлѣсныя земли»] [1]), подобныя мерзлымъ пустынямъ сѣверной Сибири. Однако, средняя температура почвы русскихъ тундръ превышаетъ на нѣсколько градусовъ среднюю температуру ледяныхъ равнинъ сибирскаго Востока: даже въ Лапландіи не находили слоевъ никогда нетающаго льда на днѣ болотъ, кое-гдѣ даже бьютъ изъ земли ключи, вода которыхъ не замерзаетъ и въ серединѣ зимы. Повсюду, гдѣ почва не слишкомъ сыра и гдѣ она хорошо озарена солнечными лучами, нѣкоторыя растенія болѣе умѣреннаго климата находятъ достаточно благопріятныя условія, чтобы развиваться и цвѣсти. На такъ-называемыхъ «Зимнихъ Горахъ» [холмы изъ зеленоватой глины и песку, поднимающіеся футовъ на 250 или 330 (80 или 100 м.) на восточномъ берегу пролива, ведущаго изъ Бѣлаго моря въ Ледовитый океанъ], которыя лежатъ еще въ поясѣ древесной растительности, полуденные скаты лѣтомъ усѣяны голубыми цвѣтками лютика и алыми—марьина корня; эти цвѣтки одинъ путешественникъ называетъ «послѣдней улыбкой природы» на крайнемъ Сѣверѣ [2]). Корни деревъ, находимые въ разныхъ мѣстахъ тундры, доказываютъ, что лѣсная растительность прежде распространялась гораздо далѣе къ сѣверу: нерѣдко находятъ толстые пни хвойныхъ деревьевъ тамъ, гдѣ теперь не могла бы расти даже скромная ива [3]).

Съ геологической точки зрѣнія Уралъ, часть котораго ограничиваетъ на востокѣ Архангельскую губернію и отдѣляетъ ее отъ Сибири, представляетъ несомнѣнно одну сплошную цѣпь горъ; по всей длинѣ, съ сѣвера на югъ, онъ состоитъ изъ однѣхъ и тѣхъ же кристаллическихъ горныхъ породъ, покрытыхъ съ той и другой стороны одинаковыми пластами, расположенными правильно и составляющими контрастъ съ однообразіемъ равнинъ Европейской и Азіатской Россіи. Но съ географической точки зрѣнія «Великій Каменный Поясъ», или «Земной Поясъ» [4]),—какъ прежде русскіе называли Уральскія горы,—не имѣетъ того же единства: онъ дѣлится на нѣсколько отрывковъ, раздѣленныхъ широкими впадинами, соединяющими Европу съ Сибирью; но въ цѣломъ, онъ сохраняетъ характеръ водораздѣльнаго хребта, какъ на то, повидимому, указываетъ и его нынѣшнее названіе, угорскаго происхожденія.

[1]) O. Finsch, „Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876“.
[2]) Максимовъ, „Годъ на Сѣверѣ“.
[3]) Gustav v. Düben, „Lappland och Lapparne“.
[4]) Полагаютъ, что Уральскія горы (въ древности Рифейскія и Гиперборейскія) получили свое названіе отъ татарскаго слова уралъ, означающаго поясъ. Ред.

Южный Уралъ—самая важная часть хребта, по заключающимся въ немъ минеральнымъ богатствамъ,—отдѣленъ отъ Сѣвернаго глубокими пониженіями или впадинами, гдѣ цѣпь какъ будто совсѣмъ исчезаетъ. Точно также и Сѣверный Уралъ, подраздѣляющійся по направленію отъ юга къ сѣверу на Уралы «Вогульскій», «Остяцкій», «Самоѣдскій», отдѣленъ невысокими горными проходами отъ Карскаго Урала, извѣстнаго у туземцевъ подъ именемъ «Пай-Хой», который тянется въ сѣверо-западномъ направленіи, подъ прямымъ угломъ къ главному хребту. Островъ Вайгачъ также представляетъ собою отрывокъ Урала, да и параллельныя гранитныя цѣпи Новой Земли суть не что иное, какъ прерываемое моремъ продолженіе Уральскаго хребта, который тянется на пространствѣ 3.000 верстъ, не считая извилинъ гребня.

Сѣверный Уралъ, по принятому дѣленію, начинается около 63 градуса широты, на сѣверѣ отъ горъ, гдѣ получаетъ начало Печора, текущая въ Ледовитый океанъ, и гдѣ, на другомъ склонѣ, вытекаютъ рѣки, впадающія въ Обь. Между высотами, дающими начало Печорѣ, и сѣверными горами нѣтъ цѣпи въ собственномъ смыслѣ, а только отдѣльныя горныя массы не равной величины и не параллельныя по направленію, которыя сообщаютъ линіи раздѣла водъ весьма неправильную форму: одна изъ этихъ боковыхъ вѣтвей есть знаменитая «Гора Идоловъ» (по-зырянски «Болвано-Исъ»), на которой одна изъ вершинъ, иззубренная временемъ, дѣлится на скалы причудливыхъ формъ, похожія издали на гигантскія статуи: самый высокій изъ этихъ естественныхъ истукановъ (около 15 саженъ высотою) былъ прежде почитаемъ туземцами за бога, да и теперь, можетъ быть, онъ имѣетъ еще поклонниковъ [1]).

Цѣпь, начинающаяся пирамидой Тель-Посъ-Исъ, или Непуби-Ніоръ, измѣняетъ направленіе и поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, но выдѣляетъ изъ себя къ западу многочисленные отроги и, такимъ образомъ, примыкаетъ къ отдѣльной горной массѣ, надъ которой господствуютъ стѣны, обвалы и крутой зубчатый гребень вершины, носящей названіе Сабли. Горы этой цѣпи покрыты деревьями только при основаніи, но ихъ гранитные утесы лишены всякой растительности, кромѣ мховъ и лишаевъ. Голый видъ и отсутствіе всякой зелени были причиной того, что ихъ прозвали «Камнями», или «Большими Камнями» [Уджидъ-Исъ—по-зырянски, Арка-Пай—по-самоѣдски, Ке-Онъ—по-остяцки] [2]). Постоянные снѣга наполняютъ овраги этихъ горъ въ мѣстахъ, обращенныхъ къ сѣверу, и даже встрѣчаются въ циркахъ

[1]) Keyserling, „Reise in den Petschora-Gegenden“.
[2]) O. Finch, выше цитированное сочиненіе.

или котловинахъ обширныя фирновыя поля, издали имѣющія видъ ледниковъ; но самыя высокія вершины иногда являются совершенно освобожденными отъ снѣжнаго покрова [1]).

Однако, настоящихъ ледниковъ не существуетъ на этихъ горахъ, лежащихъ частію за полярнымъ кругомъ. Влажность, которую онѣ получаютъ изъ атмосферы въ видѣ снѣга, не довольно значительна; къ тому же и средняя высота ихъ, недостигающая версты, недостаточна для того, чтобы ледяныя рѣки имѣли пространство, необходимое для ихъ развитія. Вотъ высота главныхъ вершинъ Сѣвернаго Урала [2]):

Тель-Посъ (64° с. ш.)—около 5.000 фут.; Пай-Іеръ (66°40′ с. ш.)—около 4.658 фут.; Чайнди-Пай (67°40′ с. ш.)—около 4.500 фут.; Константиновскій Камень (68°20′ с. ш.)—около 1.492 фут.

Но если на Уралѣ нѣтъ ледниковъ, то выступы или мысы хребта Пай-Хой и боковыхъ или параллельныхъ отроговъ, которые оканчиваются на сѣверѣ Уральскихъ горъ, или въ Карскомъ заливѣ, или въ океанѣ, бываютъ окаймлены другаго рода ледянымъ поясомъ: это—воды моря, замерзающія зимой вокругъ береговыхъ утесовъ и ломаемыя время отъ времени волненіемъ или плавающими ледяными массами, приходящими съ открытаго моря [3]).

Еще недавно полагали, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ древнихъ ледниковъ на бокахъ Уральскихъ горъ, потому что изъ прежнихъ изслѣдователей никто не видѣлъ тамъ ни глетчерныхъ полосъ, ни «шлифовокъ», произведенныхъ треніемъ ледяныхъ массъ, ни даже эрратическихъ камней въ собственномъ смыслѣ [4]); но въ новѣйшее время Поляковъ констатировалъ существованіе на Уралѣ многочисленныхъ моренъ и наблюдалъ явственныя глетчерныя полосы и черты, направляющіяся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, параллельно полосамъ, которыя мы видимъ на скалахъ Финляндіи и Олонецкой губерніи. Удивительный контрастъ между горами Сѣвернаго Урала и горами Финляндіи и Скандинавіи, лежащими подъ менѣе холодными широтами, на который указывали прежде, казался непонятнымъ съ перваго взгляда; но нужно сказать, что въ странахъ крайняго Сѣвера слѣды пребыванія древнихъ ледниковъ, полосы, шлифовки и камни моренъ быстро покрываются густыми слоями мха, и что, вслѣдствіе этого, теперь невозможно отыскать поверхность, подвергавшуюся нѣкогда дѣйствію льдовъ, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ воды, вмѣсто того, чтобы отлагать новые обломки поверхъ моренъ, способствовали, напротивъ, своимъ размывающимъ дѣйствіемъ обнаженію этихъ каменныхъ валовъ. Но всѣ равнины, разстилающіяся у подножія Урала, представляютъ собою тундры, одѣтыя густымъ мхомъ, или аллювіальныя земли, гдѣ первоначальная почва покрыта новыми наносами. По этой же причинѣ въ сѣверной Финляндіи, которая именно, вмѣстѣ со Скандинавіей, можетъ считаться классической страной Европы для изученія явленій разсѣянія льдовъ, мы нигдѣ не видимъ вокругъ вершинъ, окруженныхъ обломками, этихъ слѣдовъ глетчернаго дѣйствія, столь многочисленныхъ и столь явственныхъ въ низменной области, на изгрызенномъ водою морскомъ прибрежьи полуденной Финляндіи [1]). При томъ же, работа тренія, очевидно, должна быть гораздо слабѣе подъ массой фирновъ, почти неподвижной, чѣмъ подъ ледниками съ быстрымъ истеченіемъ; а окристаллизовавшіяся воды, покрывавшія нѣкогда Уралъ, такъ же, какъ высоты Финляндіи и Сибири, должны были представляться преимущественно въ формѣ фирновыхъ скопленій.

Конечная или крайняя сѣверная цѣпь Урала, на берегахъ Карскаго моря, посѣщается только бродячими туземцами, самоѣдами и остяками, и путешествія для изслѣдованія страны очень затруднительны въ тундрахъ, усѣянныхъ озерами и болотами, гдѣ единственныя мѣста, представляющія хоть какую-нибудь защиту отъ гуляющихъ на просторѣ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, это—крутые берега ручьевъ, да высокія, обросшія мхомъ, каменныя глыбы. Зуевъ былъ первый ученый путешественникъ, посѣтившій этотъ суровый, пустынный край въ 1771 году. Кастренъ тоже прошелъ эту часть Урала, которую послѣ него изучали, съ 1847 по 1850 годъ, Гофманъ и Ковальскій, затѣмъ въ 1876 году—Финшъ, Бремъ и Вальдбургъ-Цейль; но картографія страны еще далеко не окончена; бо́льшая часть горъ измѣрена лишь приблизительно, теченіе многихъ рѣкъ обозначено неопредѣленно, и даже не знаютъ положительно, вытекаютъ ли рѣки Кара, на западной покатости, и Щучья, на восточной, изъ одного и того же озера, въ пониженіи или долинѣ горной цѣпи. «Большіе Камни» не составляютъ границы растительности между Европой и Азіей: на югѣ, въ поясѣ лѣсовъ, нижніе скаты принадлежатъ также къ области, характеризуемой елями [2]); на сѣверѣ тѣ же бѣлые и рыжіе мхи, тѣ же лишаи, тѣ же ползучія деревянистыя растенія застилаютъ и европейскую, и азіатскую тундру. Хотя, вообще говоря, Сибирь, на одинаковыхъ широтахъ,

[1]) Ковальскій, „Der nördliche Ural und das Küstengebirge Paï-Choi“.

[2]) „Зап. И. Р. Г. Общ.“, 1852, VI; Гофманъ,—„Сѣв. Уралъ и хр. Пай Хой“.

[3]) Гофманъ, „Der nördliche Ural und das Küstengebirge Paï-Choi“.

[4]) Мурчисонъ; де-Вернейль; Кейзерлингъ; Гельмерсенъ и др.

[1]) Кропоткинъ, „Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общества“, 1887 г., № 7.

[2]) Ruprecht, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, 1865, tome III.

холоднѣе Европейской Россіи, однако разность температуръ оказывается въ пользу восточной стороны на Самоѣдскомъ Уралѣ. Деревья выдвигаются гораздо далѣе къ сѣверу въ бассейнѣ Оби, чѣмъ въ бассейнѣ Печоры [1]); зимній снѣгъ выпадаетъ тамъ въ несравненно меньшемъ количествѣ; слой его рѣдко достигаетъ такой толщины, чтобы оленямъ трудно было откапывать изъ-подъ снѣга мохъ. Подъ 66 градусомъ широты, Ковальскій проѣзжалъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ серединѣ зимы, по голой землѣ [2]). Грозы, частыя на западномъ скатѣ, чрезвычайно рѣдки на восточномъ. Съ обѣихъ сторонъ поясъ лѣсовъ ограничивается довольно рѣзко не простыми чащами приземистыхъ ползучихъ деревцевъ, но настоящимъ густымъ и высокимъ кустарникомъ, гдѣ еще попадаются прекрасныя ели въ 3 и 4 сажени вышины, только наклоненныя къ югу отъ дѣйствія вѣтровъ, дующихъ съ Ледовитаго моря. Тамъ и сямъ бродятъ дикіе сѣверные олени, еще довольно многочисленные въ области уральскихъ лѣсовъ, но рѣдкіе въ безлѣсныхъ пространствахъ тундры. Что касается лемминговъ, или «норвежскихъ кроликовъ», то они водятся въ этой области Урала въ такомъ же множествѣ, какъ и въ Скандинавіи, и странствуютъ тамъ также безчисленными стадами. Съ конца мая до половины іюня эти мышеобразные грызуны переваливаютъ черезъ Уральскія горы, идя съ востока, и направляются къ берегамъ Ледовитаго океана; осенью они опять возвращаются тѣмъ же путемъ на сибирскій склонъ [3]). Какъ во всѣхъ болотистыхъ мѣстностяхъ Сѣвера, поднимающіяся съ лужъ и всякихъ стоячихъ водъ тучи комаровъ и мошекъ, столь же жестокихъ, какъ москиты тропическихъ странъ, составляютъ истинный бичъ для путешественниковъ.

Область возвышенныхъ земель, отдѣляющихъ бассейнъ Волги отъ скатовъ, обращенныхъ къ Бѣлому морю, носитъ на себѣ слѣды пребыванія покрывавшихъ ее нѣкогда ледяныхъ слоевъ. Растаявъ, эти ледники образовали прѣсноводныя озера, которыя и нынѣ еще наполняютъ впадины страны и воды которыхъ поднимались прежде до гораздо болѣе значительнаго уровня, такъ какъ во многихъ мѣстахъ видны старые берега, лежащіе саженъ на десять и болѣе надъ водной поверхностью нынѣшнихъ озеръ. Изслѣдованіе геологическаго состава мѣстности доказываетъ, что морскія воды не покрывали этой области и что, слѣдовательно, никакого сообщенія не существовало, въ новѣйшія эпохи, между Балтійскимъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, какъ это допускали многіе геологи, когда еще не была достаточно изучена природа почвы. Соединеніе двухъ морей совершалось косвенно чрезъ посредство лабиринта озеръ и рѣкъ, которыя вытекали изъ этихъ бассейновъ въ разныхъ направленіяхъ, или смотря по колебаніямъ уровня почвы, медленнымъ поднятіямъ и осѣданіямъ моховыхъ болотъ, спускались въ своемъ теченіи то къ югу, то къ сѣверу. Только этимъ способомъ и можно объяснить обмѣны рыбъ и ракообразныхъ, происходившіе между двумя противоположными покатостями; тѣмъ же путемъ, безъ сомнѣнія, и тюлень vitulina—видъ, живущій нынѣ какъ въ Бѣломъ морѣ, такъ и въ большихъ озерахъ Ладожскомъ и Онежскомъ,—могъ колонизовать эти внутреннія воды. Озеро Лача или Лаче, лежащее къ востоку отъ Онежскаго, также было населено прежде тюленями, какъ о томъ свидѣтельствуютъ кости этого вида ластоногихъ, находимыя на его берегахъ. Нужно замѣтить, что вся сѣверная область, отъ водъ Волги до Бѣлоозера и до Шексны, представляютъ фауну существенно арктическую: только на Шекснѣ начинается животное царство, свойственное спеціально бассейну великой рѣки. Отчего происходитъ этотъ контрастъ, если не отъ измѣненія въ формѣ бассейновъ? Прежде, въ относительно недавнее время, озерная система верхней Волги отдавала излишекъ своихъ водъ Бѣлому морю; въ наши дни она посылаетъ его въ Каспійское. Въ этой области озера и рѣки переплетаются въ видѣ лабиринта; однако, тамъ встрѣчаются также и озерные бассейны, совершенно уединенные, самостоятельные. Всѣ они заключаютъ въ себѣ прѣсную воду, можетъ быть, потому, что окружающая почва не содержитъ соляныхъ частицъ, но вѣрнѣе потому, что различныя колебанія почвы часто смѣшивали воды озеръ, давая имъ такимъ образомъ временное истеченіе [1]).

Въ настоящее время озерные бассейны, лежащіе на покатости Бѣлаго моря, значительно уступаютъ по размѣрамъ большимъ озерамъ бывшей Ингріи, Онежскому и Ладожскому: однако и теперь еще тамъ насчитываютъ семь резервуаровъ, имѣющихъ площадь болѣе 450 квадр. верстъ. Приводимъ главныя озера бѣломорской покатости, съ указаніемъ ихъ площади, по Стрѣльбицкому:

	Кв. миль.	Кв. миль.	Кв. миль.
Сегъ (въ Олонецкой губерніи)	22,6	1.095	1.246
Топъ (въ Архангельской)	19,3	936	1,065
Выгъ (въ Олонецкой)	15,6	757	861
Имандра (въ Лапландіи), по Кудрявцеву	35,8	1.756	2.000
Кутно Среднее и Нижнее (въ Архангельской)	13,3	642	730
Ковдо (въ губ. Архангельской)	10,6	513	584
Пявъ или Пее (въ губ. Архангельской)	10,2	492	560

[1]) Шренкъ, Ковальскій, Гофманъ, Финшъ.
[2]) Ковальскій, цитированное сочиненіе.
[3]) Гофманъ и Шренкъ; Финшъ и др.

[1]) Schilling, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin" 1875, № 60.

Впрочемъ, нужно сказать, что поверхности тѣхъ бассейновъ, даваемыя географами, далеко не могутъ считаться достовѣрными или, по крайней мѣрѣ, очень близкими къ истинѣ. Карты большей части озеръ, ихъ мысовъ, острововъ, которыми они усѣяны, рѣкъ, которыя въ нихъ впадаютъ, уже своимъ видомъ и характеромъ очертаній изобличаютъ малое знакомство съ изображаемой мѣстностью. Даже на лучшихъ изъ нихъ совершенно недостаетъ той опредѣленности, отчетливости контуровъ, которыя характеризуютъ черты природы, изваянной геологическими дѣятелями. Всякому бросается въ глаза рѣзкій контрастъ, который представляютъ въ этомъ отношеніи карта Финляндіи и карта сосѣдней Архангельской губерніи. Съ финляндской стороны всѣ географическія линіи начерчены съ почти математической точностью: вы видите передъ собой вѣрное изображеніе, на которое любо смотрѣть и которое вполнѣ удовлетворяетъ геолога. Но какъ только перенесешь взоръ за пограничную линію, всѣ очертанія становятся неясными, неопредѣленными, расплывчатыми: природа здѣсь, такъ сказать, только предугадывается; она еще не разоблачена, съ нея еще не приподнята завѣса.

Рѣки, впадающія въ западную часть Бѣлаго моря, принадлежатъ географически къ Скандинавіи и Финляндіи: даже Кемь и Выгъ суть не что иное, какъ истоки уступообразныхъ озеръ, наполняющихъ гранитные водоемы страны. Первый потокъ, представляющій законченную рѣку, Онега, носитъ то же имя [означающее, по Европеусу [1]), «шумящій», отъ финскаго слова Aänis], какъ и большое озеро Невскаго бассейна, словно въ воспоминаніе того, что она беретъ начало во впадинѣ, нѣкогда бывшей общимъ вмѣстилищемъ всѣхъ этихъ внутреннихъ водъ. Озеро Лаче или Лача, изъ котораго вытекаетъ рѣка Онега, вѣроятно, сообщалось прежде съ Онежскимъ озеромъ и отдѣлено отъ него только низменными землями, частію затопляемыми водой: само оно, наполовину наполненное отложеніями осадковъ, имѣетъ теперь только отъ 6 до 13 футовъ глубины, несмотря на его большое протяженіе, исчисляемое Стрѣльбицкимъ въ 321 кв. версту (361 кв. кил.). Каменистые пороги, на которыхъ лѣтомъ бываетъ мало воды, прерываютъ теченіе р. Онеги во многихъ мѣстахъ, даже въ небольшомъ разстояніи отъ устья, и дѣлаютъ плаваніе по ней затруднительнымъ.

Главная рѣка сѣверной Россіи—Двина, то-есть «рѣка» по преимуществу, какъ Донъ или Дунай, называемая «Сѣверною» въ отличіе отъ Западной Двины. Это могучая рѣка, бассейнъ которой равняется по пространству двумъ третямъ Франціи, и общая длина которой, считаемая отъ истоковъ Вычегды до моря, превышаетъ полторы тысячи верстъ (1700 кил.) [1]). Самая многоводная рѣка, получающая начало въ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ, питается двумя большими притоками: на югѣ—Сысолой, а на сѣверѣ—Вымью, сообщающейся черезъ волокъ съ гидрографической системой Печоры. Одинъ изъ притоковъ Выми, Ворыква или Верква, частію течетъ подъ землей: верстахъ въ ста отъ своего истока эта рѣка, уже значительная, низвергается въ колодецъ, послѣ чего, верстахъ въ двадцати ниже, снова появляется на поверхности въ видѣ многочисленныхъ ручейковъ, которые и наполняютъ ея русло, имѣющее около 28 саженъ ширины; поверхностное теченіе продолжается безъ перерыва только во время весенняго разлива [2]). Главной вѣтвью считается, однако, не Вычегда: Двина получаетъ свое названіе при сліяніи Сухоны и Юга, притоковъ западнаго и южнаго, слѣдующихъ въ томъ же направленіи, какъ пути эмиграціоннаго движенія, по которымъ нѣкогда шли колонисты новгородскіе и московскіе. У мыса, образуемаго устьемъ Вычегды, Двина, судоходная для большихъ судовъ, имѣетъ уже около версты въ ширину; ниже, усиливаемая водами Ваги, Пинеги и множества другихъ рѣкъ, она разливается во многихъ мѣстахъ, особенно вверхъ отъ сѣти боковыхъ потоковъ, на обширное пространство, съ разстояніемъ между противоположными берегами отъ 3 до 7 верстъ. Въ самомъ Архангельскѣ ширина Двины не болѣе версты, но за то глубина передъ этимъ городомъ отъ 5 до 10 саженъ. Лѣтомъ, въ свѣтлыя ночи, когда вечерняя заря сливается съ утренней, мало найдется зрѣлищъ болѣе величественныхъ, чѣмъ видъ этой широкой рѣки, созерцаемой съ плота, который тихо движется, увлекаемый безмолвнымъ потокомъ; вдали на горизонтѣ чуть виднѣется длинная полоса лѣсовъ, и громадный сводъ красноватаго неба отражается въ подернутой мелкой рябью поверхности воды.

Дельта Сѣверной Двины, которую наносы рѣки образовали въ Архангельской бухтѣ или губѣ, раскинулась на пространствѣ, соотвѣтствующемъ важности потока: она обнимаетъ площадь слишкомъ въ 1.000 квадратн. верстъ; ложныя рѣки, озера, болота, разсѣянныя среди земель, еще болѣе увеличиваютъ это огромное протяженіе. Четыре главные рукава, соединенные другъ съ другомъ боковыми потоками, перерѣзываютъ эти низменныя земли, мѣняя иногда направленіе и поочередно то увеличиваясь, то уменьшаясь во время столкновеній рѣчнаго теченія и морскаго прилива. Было время, когда западная вѣтвь имѣла наибольшую глубину; теперь она обмелѣла, и суда должны

[1]) Europäus, „Ueber das ugrische Volk“.

[1]) По Стрѣльбицкому („Superficie de l'Europe)“, длина Сѣв. Двины 576 кил. = 540 в., а длина Вычегды 800 кил.=750 в.; итого 1.376 кил.=1.290 в. Ред.

[2]) Поповъ, „Зыряне и Зырянскій край“. „Знаніе“, № 6.

проходить другимъ фарватеромъ, гдѣ они находятъ, во время отлива, глубину отъ 8 до 12 футовъ. Значительныя перемѣны въ контурахъ острововъ и направленіи фарватеровъ происходятъ во время вскрытія рѣки, когда ледъ, уже разломанный въ верхнихъ частяхъ теченія, гдѣ весенняя температура выше и воды быстрѣе, скопляется большими массами у береговъ и на плитахъ еще нетронувшагося льда, которыя задерживаютъ плывущія льдины. Вслѣдствіе разрыва льда, крѣпко примерзшаго къ высокимъ каменистымъ берегамъ, куски известняка отрываются отъ скалы, поднимаются и отбрасываются на берега; во всю длину берега, возвышаются валы изъ обломковъ, которые не могли имѣть другаго происхожденія [1]). Ледоходъ еще уменьшаетъ и безъ того короткій промежутокъ времени, оставляемый зимою судоходству: среднимъ числомъ, Двина у Архангельска бываетъ скована льдомъ 191 день въ году; въ послѣднія два столѣтія среднимъ днемъ замерзанія рѣки было 23 октября, а среднимъ днемъ вскрытія—2 мая [2]). Сѣверная Двина, несмотря на то, что воды ея болѣе полгода покрыты ледяной корой, очень богата рыбой: между прочимъ, въ ней водится одна порода, близко подходящая къ трескѣ—навага, которая исключительно свойственна этой рѣкѣ или, по крайней мѣрѣ, не была еще до сихъ поръ находима въ другихъ рѣкахъ. Стерлядь, прежде невстрѣчавшаяся въ Двинѣ, появилась впервые въ водахъ Архангельска около 1865 года, очевидно, благодаря Екатерининскому каналу, который соединяетъ впродолженіи значительной части года систему Камы-Волги съ системой Двины. Простой народъ, дивившійся при видѣ этой неслыханной рыбы, сначала пренебрегалъ ея мясомъ; но примѣръ русскихъ изъ болѣе южныхъ мѣстностей вскорѣ побудилъ туземцовъ-рыбаковъ ловить стерлядь, ее стали употреблять въ пищу, и она быстро поднялась въ цѣнѣ [3]).

Мезень, бассейнъ которой всецѣло заключенъ въ обширномъ полукругѣ, образуемомъ Сѣверною Двиною и ея восточными притоками, кажется незначительной рѣкой въ сравненіи съ главнымъ данникомъ Бѣлаго моря; однако, по своей длинѣ, протяженію своего бассейна и массѣ своихъ водъ, она равна Сенѣ: болѣе широкая, чѣмъ французская рѣка, она имѣетъ около версты въ ширину передъ впаденіемъ въ морской заливъ, усѣянный песчаными мелями, который открывается въ формѣ воронки къ сѣверо-западу. Подобно Сенской бухтѣ, Мезенская губа отличается ненормальными явленіями своихъ приливовъ. Среднимъ числомъ, приливъ длится только 4 часа, тогда какъ періодъ отлива вдвое продолжительнѣе; но приливъ сопровождается столь быстрымъ теченіемъ, что суда, стоящія на рейдѣ, съ трудомъ удерживаются на своихъ якоряхъ.

[1]) Murchison, „Russia and the Ural Mountains".

[2]) Семеновъ, „Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи".

[3]) Максимовъ, „Годъ на Сѣверѣ".

Что касается главной рѣки восточныхъ пустынь, Печоры, то она своею длиною превосходитъ Сѣверную Двину, хотя бассейнъ ея обнимаетъ менѣе значительное пространство. Въ началѣ она течетъ въ сѣверномъ направленіи, вдоль основанія западныхъ отроговъ Урала, усиливаясь при выходѣ каждой боковой долины другими рѣками, изъ которыхъ назовемъ р. Щугоръ, берущую начало въ снѣгахъ горы Тель-Посъ-Исъ. Этотъ притокъ Печоры замѣчателенъ водопадомъ, который онъ образуетъ въ верхней своей долинѣ, и тремя ущельями, извѣстными подъ именемъ «Желѣзныхъ Воротъ», гдѣ утесы, разрѣзанные на громадные столбы вертикальными трещинами, отличаются поразительной бѣлизной. Послѣ принятія въ себя рѣки Усы, также питаемой снѣгами Уральскихъ горъ, Печора поворачиваетъ на западъ и течетъ извилистой линіей въ низменности, которая тянется немного южнѣе полярнаго круга, отъ Урала до Мезенской губы; затѣмъ она опять дѣлаетъ не менѣе крутой поворотъ, направляется къ сѣверу и впадаетъ въ Ледовитый океанъ, образуя обширную дельту длиною около 200 верстъ, гдѣ рукава рѣки переплетаются въ видѣ безконечнаго лабиринта вокругъ острововъ, островковъ и песчаныхъ мелей, мѣняющихъ форму и очертанія при каждомъ новомъ ледоходѣ. Песчаный баръ при входѣ въ судоходный фарватеръ даетъ доступъ въ рѣку только небольшимъ судамъ, имѣющимъ менѣе 13 футовъ водоуглубленія. Въ области дельты рѣка бываетъ свободна отъ льдовъ, среднимъ числомъ, только 127 дней въ году, съ 25 мая по 1 октября. Нельзя не удивляться значительной торговлѣ (лѣсомъ, хлѣбомъ, пушниной), которая производится по этой рѣкѣ полярныхъ странъ, такъ долго скованной льдомъ и прерываемой порогами въ нѣкоторой части своего теченія. Малочисленное населеніе Печорскаго края, состоящее изъ русскихъ, зырянъ, самоѣдовъ, все сосредоточено на берегахъ рѣки, въ маленькихъ деревушкахъ и поселкахъ, лежащихъ въ большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго. Земли, принадлежащія различнымъ рыболовнымъ товариществамъ, тянутся, въ каждомъ такомъ владѣніи, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ, вдоль Печоры и на островахъ Ледовитаго океана. Русскіе промышленники, образовавшіе товарищество для ловли бѣлаго дельфина, какъ разсказываетъ извѣстный путешественникъ проф. Норденшельдъ, удѣляютъ десятую долю улова св. угоднику Николѣ Пустозерскому, подъ покровительство котораго они отдаютъ свое предпріятіе [1]).

[1]) Баронъ Норденшельдъ, „Письма къ Оскару Диксону", 7 августа 1878 г.

Главныя рѣки покатости Ледовитаго океана (длина теченія по Тилло, площадь бассейна по Стрѣльбицкому):

	Длина кил.	Площадь бассейна кв. кил.	кв. верстъ.
Онега	650	59.343	52.146
Сѣверная Двина	1.725	365.373	321.061
Мезень	815	78.759	69.206
Печора	1.650	329.497	289.535

Море, омывающее берега Архангельской губерніи, глубоко врѣзывается въ материкъ многочисленными бухтами, даже внутренними заливами, съуженными при входѣ выступающими съ обѣихъ сторонъ высокими мысами. Какъ на одинъ изъ заливовъ, наилучше отдѣленныхъ отъ моря, можно указать на Печорскую губу. Низменная коса развертываетъ свою правильную кривую на сѣверо-западѣ залива и продолжается цѣпью острововъ, которая выступаетъ на встрѣчу другому береговому кордону, подобному lidi Адріатическаго моря и Nehrungen прусскаго побережья. При входѣ въ Бѣлое море, въ островѣ Моржовецъ также легко узнать остатокъ морскаго прибрежья, составлявшаго продолженіе правильной линіи, образуемой по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку берегомъ Лапландіи и берегомъ, окаймляющимъ Мезенкую губу. Впрочемъ, теченіе Мезени, Сѣверной Двины, Онеги, наконецъ, вся часть Бѣлаго моря, простирающаяся отъ Онежской губы до Кандалакской, оріентированы въ одномъ и томъ же направленіи: эта параллельность направленія составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей географіи сѣверной Россіи.

Бѣлое море, это обширное внутреннее море, поверхность котораго (съ островами) исчислена Стрѣльбицкимъ въ 84.100 кв. кил. = 1.527,4 кв. м. = 73.901 квадр. верстъ, должно быть во многихъ отношеніяхъ разсматриваемо какъ озеро или какъ совокупность озеръ, соединенныхъ съ Ледовитымъ океаномъ: узкій проходъ или «корридоръ», огибающій Лапландскій берегъ, сдѣлалъ этотъ бассейнъ заливомъ соленой воды, сохранивъ за нимъ, однако, независимый характеръ по виду и формѣ его береговъ, такъ же, какъ по рельефу его дна. Такъ, напримѣръ, Бѣлое море глубже открытаго океана, съ которымъ воды его теперь сообщаются. Глубина его при входѣ не превышаетъ 20 или 25 саженъ, тогда какъ на западной оконечности, близъ внутренняго угла Кандалакской губы, лотъ касается дна только на разстояніи слишкомъ 140 саженъ отъ поверхности. Заливъ, который можно бы было назвать Онежскимъ «озеромъ», подобно озеру этого имени, принадлежащему къ бассейну Невы, имѣетъ незначительную глубину (она нигдѣ не достигаетъ 37 саженъ) и отдѣленъ отъ главнаго бассейна группой Соловецкихъ острововъ; кромѣ того, нѣсколько острововъ и множество островковъ выступаютъ изъ воды въ этомъ внутреннемъ заливѣ. Возможно, что современемъ Бѣлое море сдѣлается озеромъ, подобнымъ Ладожскому и Онежскому, и будетъ выливать свои излишнія воды въ Ледовитый океанъ чрезъ рѣку, составляющую продолженіе Сѣверной Двины. Движеніе, приподнимающее берега Лапландіи и, безъ сомнѣнія, также ложе моря, можетъ превратить заливъ въ озерный бассейнъ. Высота входнаго порога не позволяетъ теченію уносить илъ и песокъ въ открытое море, вслѣдствіе чего внутренняя впадина залива постоянно наполняется новыми отложеніями землистыхъ осадковъ: какъ ни глубоко нынѣ Бѣлое море, но прежде бассейнъ его былъ гораздо глубже. Что касается степени солености воды, то она менѣе значительна, чѣмъ въ открытомъ океанѣ: дожди, снѣга и въ особенности массы прѣсной воды и льдовъ, приносимыя Двиной, Онегой, Мезенью и другими притоками, уменьшили на треть, на четверть или на пятую часть, смотря по отдаленности отъ Ледовитаго океана, содержаніе соляныхъ частицъ въ водахъ Бѣлаго моря [1]). Однако и теперь еще добываютъ немного соли на туманныхъ берегахъ этого внутренняго моря, при чемъ теплота огня замѣняетъ солнечную теплоту для выпариванія соленой воды; впрочемъ, правительство дозволяетъ прибрежнымъ жителямъ пользоваться лишь въ ограниченномъ размѣрѣ топливомъ изъ казенныхъ лѣсовъ. Въ 1875 году производство соли на берегахъ Бѣлаго моря дало около 80.000 пудовъ.

По круговращенію своихъ водъ, Бѣлое море также принадлежитъ къ океану, и теченія его должны быть разсматриваемы какъ боковыя струи. Широкій потокъ океанской воды безпрестанно проникаетъ въ это внутреннее море, слѣдуя вдоль западныхъ береговъ входнаго пролива и достигая иногда скорости слишкомъ четырехъ верстъ въ часъ [2]). Академикъ Миддендорфъ приписываетъ этимъ водамъ, приходящимъ изъ океана, значительное вліяніе на среднюю температуру бассейна Бѣлаго моря; онѣ принадлежатъ, по его мнѣнію, къ теплому теченію, которое движется изъ тропическихъ морей въ полярныя страны; иногда можно наблюдать разность въ 12 градусовъ стоградуснаго термометра между температурой этого теченія и температурой окружающихъ водъ. Теплая вода, текущая съ сѣвера и гонимая въ заливъ вѣтрами, дующими изъ полярныхъ областей, объясняетъ, между прочимъ, одно странное явленіе, которое прежде оставалось загадкой для всякаго, кому случалось купаться на Суземскомъ берегу, къ западу отъ Архангельска. Лѣтомъ, когда вѣтеръ дуетъ съ сѣвера, сѣверо-востока или сѣверо-запада, температура воды у береговъ быстро повышается и доходитъ иной

[1]) Knauss, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", II, 1860.

[2]) Литке, „Четырекратное путешествіе въ Ледовитый океанъ".

разъ до 21° Цельзія; напротивъ, подъ вліяніемъ теплыхъ южныхъ вѣтровъ вода охлаждается до такой степени, что термометръ показываетъ тамъ только 5 градусовъ. Это же теплое теченіе, отъ сковывающей ее ледяной коры. Въ заливѣ Варангеръ-фьордъ, на границахъ Норвегіи и Россіи, замѣчаются явленія того же рода, только въ меньшемъ размѣрѣ: тамъ боковой потокъ,

Сѣверная Двина. Видъ вблизи Архангельска.

идущее отъ такъ называемаго «Зимняго берега», растопляетъ весной ледъ въ Архангельской бухтѣ гораздо ранѣе, чѣмъ Онежская губа, лежащая, однако, гораздо южнѣе, освободится отдѣляющійся отъ площади теплыхъ водъ, проникаетъ въ заливъ, слѣдуя вдоль восточнаго берега, тогда какъ холодное теченіе, выходящее изъ фьорда, направляется къ открытому

морю, двигаясь параллельно западному берегу [1]). Впрочемъ, изслѣдованіе теченій Бѣлаго моря едва только началось, и потому противорѣчащія одна другой теоріи, предложенныя для объясненія ихъ, могли основываться на отдѣльныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ въ разное время года. Одинъ изъ фактовъ, окончательно установленныхъ — это низкая температура воды въ глубокихъ слояхъ. На глубинѣ свыше 650 футовъ вода круглый годъ держится на точкѣ замерзанія [2]).

Но каково бы ни было вліяніе тропическаго теченія въ полузамкнутомъ бассейнѣ Бѣлаго моря, оно во всякомъ случаѣ незначительно въ сравненіи съ вліяніемъ, обнаруживающимся на сѣверныхъ берегахъ русской Лапландіи, граничащихъ съ норвежскимъ Финмаркеномъ. Между тѣмъ, какъ заливы Архангельскій и Онежскій бываютъ заперты сплошнымъ или плавающимъ льдомъ впродолженіи двухъ третей года; между тѣмъ, какъ сторожа маяка на островѣ Моржовецъ, между Мезенской губой и проливомъ Бѣлаго моря, остаются отрѣзанными отъ всякаго сообщенія съ твердой землей съ октября до мая, — многіе фьорды и порты Лапландскаго берега цѣлый годъ свободны отъ всякихъ льдовъ. Русскимъ нѣтъ надобности домогаться расширенія владѣній на счетъ Норвегіи, чтобы обезпечить рыболовамъ постоянно открытыя, никогда незамерзающія гавани: по крайней мѣрѣ одна изъ этихъ гаваней, защищенная на сѣверѣ полуостровомъ Рыбачьимъ, находится на русской территоріи. Рыба въ огромномъ количествѣ посѣщаетъ эти берега, не менѣе богатые животною жизнью, чѣмъ норвежскіе фьорды; треска ловится десятками тысячъ тоннъ (1 тонна метр.=61 пуд.) въ русскихъ водахъ; вообще рыба водится тамъ въ такомъ изобиліи, что ея достаточно было бы для прокормленія всего населенія Европы. Бѣлое море также участвуетъ въ обладаніи этимъ богатствомъ, и множество морскихъ животныхъ, преимущественно тюлени, странствуютъ, смотря по времени года, изъ океана во внутреннее море, или изъ этого моря обратно въ океанъ. Это благодаря рыбному промыслу мореходы и освоились съ опасностями плаванія въ Бѣломъ морѣ, нѣкогда столь страшномъ для норвежцевъ, которые прозвали его Gandvik, что̀ значитъ «Заливъ Чудесъ». Самыя имена всѣхъ сѣверныхъ странъ, прилегающихъ къ морю, свидѣтельствуютъ, что образъ жизни туземнаго населенія имѣетъ существенно морской характеръ: вездѣ мѣстности называются не по имени городовъ, холмовъ, рѣкъ или озеръ, а по имени ихъ морскихъ береговъ, какъ будто ихъ видѣли только со стороны моря. На сѣверѣ отъ Архангельска, берегъ называемый «Зимнимъ», продолжается до пролива, соединяющаго Бѣлое море съ океаномъ, а на западѣ обрисовывается «Лѣтній берегъ». Далѣе слѣдуютъ берега: Поморскій и Карельскій. Терскій берегъ составляетъ восточную часть полуострова Лапландіи, тогда какъ весь поясъ земель, обращенный къ Арктическому океану, извѣстенъ у прибрежныхъ жителей подъ именемъ Мурманскаго берега (то есть Норманскаго), названнаго такъ въ память первыхъ посѣтившихъ его мореходовъ. При входѣ въ одну маленькую бухту этого берега, находится островокъ Нокуевъ, пріобрѣвшій печальную извѣстность съ 1554 года, вслѣдствіе гибели на немъ Уиллугби и его спутниковъ [1]). Другой островокъ, Сосновецъ, лежащій въ «коридорѣ» (проливѣ, соединяющемъ Бѣлое море съ океаномъ), у Терскаго берега, противъ послѣдняго лѣса Лапландіи [2]), замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь была станція союзнаго англо-французскаго флота во время Крымской войны. Въ Кандалакской губѣ островъ, называемый «Медвѣжьимъ», имѣлъ въ прошломъ столѣтіи довольно важное значеніе, благодаря своимъ серебрянымъ рудникамъ, разработка которыхъ вдругъ прекратилась, когда саксонецъ Шомбергъ, управлявшій работами, былъ арестованъ по приказанію императрицы Елизаветы Петровны [3]). Елисѣевъ открылъ въ русской Лапландіи долмены, такіе же, какъ находимые въ Бретани.

Большой полуостровъ массивной формы, ограничиваемый съ южной стороны Кандалакской губой, принадлежитъ этнографически къ области финской расы. Славяне представлены тамъ лишь нѣсколькими группами рыболововъ, да и финны въ собственномъ смыслѣ,—всѣ карельской отрасли этого племени,—поселились только на отдѣльныхъ пунктахъ южнаго прибрежья, по берегамъ Кандалакской губы. Впрочемъ, высокій ростъ нѣкоторыхъ лопарей, ихъ густая рыжая борода, ихъ нравы и обычаи и даже многія слова ихъ языка ясно показываютъ, что славяне также были въ числѣ предковъ восточныхъ лапландцевъ. Послѣдніе въ общихъ чертахъ похожи на «самовъ» (лапландцевъ) Швеціи и Норвегіи; однако, они стоятъ на болѣе низкой ступени цивилизаціи, и путе-

---

[1]) Von Middendorff, „Der Golfstrom ostwärts vom Nordcap“, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, 1871.

[2]) Григорьевъ, „Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества“, 1879 г.

[1]) Три англійскіе корабля, отправленные въ Ледовитый океанъ для отысканія новаго пути въ Индію, были застигнуты бурей и разлучены; два изъ нихъ у Мурманскаго берега замерзли со всѣмъ экипажемъ и съ начальникомъ экспедиціи, Уиллугби. Лапландскіе рыбаки нашли мертваго Уиллугби сидящимъ въ палаткѣ за своимъ журналомъ. Третій корабль, подъ командой Ченслера, вошелъ въ Бѣлое море и присталъ къ устью Двины. Перев.

[2]) Академ. Беръ; Миддендорфъ, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches“.

[3]) Goepel; von Helmersen, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, 1868. № XI.

шественники говорятъ, что умственныя способности у нихъ менѣе дѣятельны, чѣмъ у ихъ земляковъ, живущихъ на западъ отъ рѣкъ Танаэльфъ и Муоніо-эльфъ: можетъ быть, эту вялость ума слѣдуетъ отчасти приписать продолжительнымъ постамъ, налагаемыхъ православной церковью, равно какъ и вынужденному воздержанію въ періоды безхлѣбицы. Такъ, напримѣръ, лопари становища Поной, при устьѣ рѣки того же имени, и близъ восточной оконечности полуострова, собираютъ родъ мучнистой земли, состоящей сплошь изъ пластинокъ слюды, и примѣшиваютъ эту землю къ тѣсту, не для того, конечно, чтобы увеличить питательность хлѣба, а для того, чтобы обмануть голодный желудокъ [1]). Впрочемъ, во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ у русскихъ, такъ же, какъ у лопарей и самоѣдовъ, вездѣ, гдѣ суровость климата мѣшаетъ созрѣвать хлѣбамъ, обычная пища крестьянъ въ зимнее время состоитъ въ значительной части изъ мха, древесной коры и лебеды, горькой и нездоровой травы. О климатѣ этихъ странъ можно судить по языку лопарей, который содержитъ цѣлыхъ 20 словъ для означенія льда, 11 словъ для выраженія разныхъ степеней холода, 41 слово съ производными—для снѣга, 26 глаголовъ для обозначенія явленій мороза и оттепели [2]).

Лопари полуострова сдѣлались христіанами въ томъ смыслѣ, что они были крещены въ шестнадцатомъ столѣтіи русскими монахами, которые въ то же время ввели крѣпостное право въ Лапландіи, такъ какъ, по ихъ ходатайству, къ монастырямъ были приписаны населенія цѣлыхъ округовъ. Нынѣ православные, лопари принятіемъ христіанства только увеличили число своихъ боговъ, прибавивъ къ нимъ одно «милостивое божество», Іисуса Христа, и одну «страшную силу», дьявола, «царя преисподней». Были даже напечатаны русскими буквами книги духовнаго содержанія, и лопари нѣкоторыхъ становищъ выучились читать ихъ. Однако, туземцы до сихъ поръ еще имѣютъ у себя волшебниковъ или шамановъ и почитаютъ груды камней, кости, ископаемыя, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, обитаютъ духи [3]). Бракъ, какъ у многихъ туранскихъ народцевъ, сохранилъ формы первобытнаго похищенія, со всѣмъ его грубымъ насиліемъ: обычай требуетъ, чтобы невѣста отбивалась, испускала раздирающіе крики. Затѣмъ, когда ее окончательно уводятъ изъ родительскаго дома, отецъ передаетъ жениху свои права неограниченной власти, въ томъ числѣ и право даже, въ случаѣ надобности, «выжечь глаза жертвѣ». Новобрачную привязываютъ въ новомъ домѣ, какъ «дикаго оленя»; но, послѣ нѣсколькихъ притворныхъ ударовъ, мужъ развязываетъ ей путы и посвящаетъ ее въ званіе «хозяйки» и «матери хлѣба» [1]). Жена командуетъ дѣтьми и рѣшаетъ браки [2]), почти всегда внушаемые корыстолюбимымъ разсчетомъ: часто случается, что молодые парни 18 или 20 лѣтъ женятся на 60-ти лѣтнихъ старухахъ. Каждый лопарь имѣетъ свой особенный знакъ, свой штемпель, подобный т о т е м у краснокожихъ индѣйцевъ: при его рожденіи, этимъ знакомъ отмѣчаютъ оленя, который предназначается ему въ собственность, и тѣмъ же знакомъ онъ будетъ клеймить впослѣдствіи, когда выростетъ, всѣ принадлежащія ему вещи [3]). Вообще, лопари очень смирный народъ; взглядъ лопаря имѣетъ печальное выраженіе, какъ взглядъ побѣжденнаго человѣка, но они остались добродушными: они очень любятъ миръ, несмотря на то, что у нихъ сохранились преданія о войнахъ, которыя вели ихъ предки съ карелами. Продолжается ли миръ на землѣ?—таковъ первый вопросъ, съ которымъ лопари обращаются ко всякому заѣзжему человѣку. Русскіе путешественники говорятъ, что эти инородцы стоятъ гораздо выше своихъ сосѣдей по чистотѣ нравовъ, деликатности чувствъ, честности жизни, хотя сношенія съ русскими и «норманнами» уже порядкомъ испортили ихъ. Лопари походятъ на своихъ сосѣдей, русскихъ мужиковъ, только одеждой да склонностью къ пьянству. Они очень заботятся о своей особѣ и наружности, довольно чистоплотны и тщательно моются даже зимой. Хотя вся территорія раздѣлена на отдѣльные участки, и хотя каждая семья или каждый родъ отлично знаетъ земли, рѣки, лѣса, которые ему отведены и которые онъ посѣщаетъ поочередно, смотря по надобностямъ охоты и рыбной ловли,—однако богатые лопари охотно принимаютъ въ свое становище обѣднѣвшихъ членовъ семейства, друзей и даже чужихъ, такъ какъ гостепріимство составляетъ одну изъ главныхъ нравственныхъ обязанностей лопаря.

Вплоть до самыхъ береговъ Ледовитаго океана между лопарями, становища которыхъ разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ морскаго прибрежья, всѣ мужчины умѣютъ говорить по-русски; но женщины, почти всегда занятыя по хозяйству внутри своихъ вѣжъ, едва знаютъ нѣсколько словъ на этомъ чужомъ для нихъ языкѣ. Правда, лопари-рыболовы почти всѣ живутъ въ работникахъ у русскихъ промышленниковъ, которые держатъ ихъ въ постоянной кабалѣ, въ состояніи зависимости, граничащей съ рабствомъ; русскихъ купцовъ въ

[1]) C. Schmidt, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", vol. XVI, 1871.
[2]) Gust. v. Düben, „Lappland och Lapparne".
[3]) Castrèn, „Reise-Erinnerungen aus den Jahren 1838—1844".

[1]) Немировичъ-Данченко, В. И. „У океана. Жизнь на крайнемъ Сѣверѣ".
[2]) Gustav v. Düben, выше цитированное сочиненіе.
[3]) Александра Ефименко, „Записки Имп. Русскаго Географ. Общества, по отдѣленію этнографіи", VIII.

краѣ обыкновенно такъ и называютъ «хозяевами». Эти-то хозяева платятъ подати за лопарскія общества и доставляютъ имъ въ кредитъ все, въ чемъ они нуждаются; но эти долги становятся наслѣдственными, и все, что принадлежитъ лопарямъ, напередъ уже составляетъ собственность купца. «Самы» внутренней Лапландіи, которые живутъ по берегамъ озеръ, въ подземныхъ убѣжищахъ, отстоящихъ одно отъ другаго верстъ на 50 или даже на 100 и защищенныхъ обширнымъ протяженіемъ пустынныхъ тундръ, еще не попали въ непосредственную кабалу къ русскимъ купцамъ, но они сдѣлались подданными, какъ всѣ другіе обитатели Имперіи; они платятъ подати и должны выкупать своихъ сыновей отъ воинской повинности. Одинъ древній письменный памятникъ свидѣтельствуетъ, что народъ лопь былъ уже данникомъ Великаго Новгорода въ началѣ одиннадцатаго столѣтія.

Извѣстно, что лопари прежде занимали большую часть сѣверныхъ равнинъ Россіи на югѣ и на востокѣ отъ полуострова, на который они теперь оттѣснены. Лѣтописи упоминаютъ ихъ племена или роды на берегахъ Онежскаго озера, уже за семьсотъ лѣтъ до нашей эпохи. Въ бассейнѣ Сѣверной Двины нѣкоторыя имена мѣстъ, гдѣ встрѣчаются лопарскія названія, означающія «рѣку» «ручей», «островъ», «лѣсъ» и другіе географическіе предметы, также свидѣтельствуютъ, что лопари обитали нѣкогда въ этой странѣ, прежде чѣмъ удалились на западъ отъ Бѣлаго моря. Самое названіе «самоѣды» (самоядь), гдѣ сохранился корень «самъ», который есть наименованіе лопарей, указываетъ, можетъ быть, на то, что нынѣшніе жители восточныхъ равнинъ считаются наслѣдниками лопарей [1]). Карелы, нынѣ очень малочисленные въ сосѣдствѣ съ берегомъ Бѣлаго моря, носящимъ ихъ имя, тоже были въ числѣ преемникомъ народа лопь, и слѣды ихъ находятъ почти на всей сѣверной покатости. Русскій языкъ жителей Архангельской губерніи содержитъ множество словъ и даже оборотовъ, заимствованныхъ изъ финскаго [2]). По всей вѣроятности, финны-карелы нѣкогда были, вмѣстѣ съ зырянами, извѣстны подъ общимъ именемъ біармійцевъ (пермь), о которыхъ упоминаютъ средневѣковыя хроники и скандинавскія саги, и о которыхъ норманскіе мореходы, вступавшіе съ ними въ торговыя сношенія, говорятъ,—вѣроятно, съ преувеличеніемъ,—какъ о народѣ богатомъ, могущественномъ, цивилизованномъ, знакомомъ съ земледѣліемъ и промышленными искусствами.

Артели или товарищества рыболовныя и звѣроловныя, существующія въ большей части общинъ поморовъ, великорусскихъ жителей Архангельской губерніи, употребляютъ преимущественно промысловые термины карельскаго происхожденія, изъ чего можно заключить, что населявшіе страну финны соединялись въ подобныя ассоціаціи уже до прибытія русскихъ въ край. Форма этихъ артелей разнится, смотря по роду труда и тысячи различныхъ обстоятельствъ среды, но почти вездѣ дѣлежъ производится равными долями между всѣми членами артели. Въ многихъ мѣстахъ вся община организуетъ рыбную ловлю и распредѣляетъ группы работниковъ вдоль моря или рѣки такъ, чтобы для всѣхъ уравнять шансы; тѣ, которые остаются въ деревняхъ для исправленія домашнихъ работъ, получаютъ одинаковую долю съ рыболовами. Но долги, въ которые впали общины и отдѣльныя семьи, дѣлая займы сначала у монастырей и епископовъ холмогорскихъ, потомъ у мірянъ-купцовъ, ввели разстройство въ эти поморскія артели, и въ среду ихъ мало-по-малу прокрадывается неравенство между членами [1]).

На востокѣ отъ Бѣлаго моря самоѣды представляютъ, какъ лопари на западѣ, древнее финское племя, поставленное лицомъ къ лицу съ постепенно распространяющимися славянами; но во многихъ отношеніяхъ они рѣзко отличаются отъ своихъ соплеменниковъ. По наружности, самоѣды ближе подходятъ къ монгольскому типу: лицо у нихъ болѣе широкое и болѣе плоское, лобъ менѣе высокій. Антропологъ Зографъ помѣщаетъ ихъ между коротко-головыми монголами [2]), тогда какъ Кастренъ видитъ въ нихъ народъ, происшедшій отъ смѣшенія финновъ и монголовъ [3]). Сами себя они называютъ «непецъ» (въ множественномъ числѣ «неца»), что значитъ «люди», или «хассовъ» («хассова»), то-есть «мужчины». Русское наименованіе ихъ «самоядь» или «самоѣды» подало поводъ къ многочисленнымъ баснямъ; во многихъ старинныхъ письменныхъ памятникахъ ихъ называютъ, какъ и лопарей, «сыроѣдами» или «сыроядцами»,—безъ сомнѣнія, потому, что они ѣдятъ сырое мясо. Это названіе имѣетъ почти тотъ же смыслъ, какъ и наименованіе «эксимосы», принадлежащее обитателямъ крайняго сѣвера въ Новомъ Свѣтѣ, которые, находясь въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, естественно должны были усвоить подобный же образъ жизни.

Какъ настоящіе азіатскіе номады, самоѣды ведутъ еще болѣе бродячую жизнь, чѣмъ оленные лопари, и охотно перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто при малѣйшей оказіи; ихъ ча-

---

[1]) Ch. de Ujfalvy, „Mélanges altaïques".

[2]) Кастренъ, выше цитированное сочиненіе; Europäus, „Ueber das ugrische Volk".

[1]) П. Ефименко, „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи".—„Сборникъ свѣдѣній объ артеляхъ", I, II.—Калачевъ, „Артели въ древней и новой Россіи".

[2]) Московск. Антропол. выставка 1879 г. Въ „Изв. Имп. общ. естеств., антропологіи и этнографіи".

[3]) Кастренъ, выше цитированное сочиненіе.

сто можно встрѣтить даже въ русскихъ городахъ и селахъ; но они съ трудомъ выучиваются языку господствующей народности; оставаясь еще азіатами по нравамъ, они гораздо менѣе, нежели лопари, приспособились къ средѣ, создаваемой вокругъ нихъ торговыми сношеніями. Русскіе давно уже крестятъ самоѣдовъ, начавъ съ самыхъ богатыхъ, и строятъ имъ церкви—постоянныя тамъ, гдѣ эти инородцы сидятъ попрочнѣе (напримѣръ, на устьяхъ Печоры, на о. Колгуевѣ), и вывозятъ въ тундру походныя церкви; на ихъ языкъ даже переведенъ Новый Завѣтъ. Самоѣды называютъ себя христіанами и очень любятъ звонить на колокольнѣ; но старый фетишизмъ съ примѣсью обрядовъ шаманства еще далеко не исчезъ между ними: на шеѣ они, говоритъ г. Максимовъ, носятъ крестъ, чтобы показывать начальству, а за пазухой держатъ деревянныя чурочки боговъ, грубо сдѣланныя на подобіе человѣка; такихъ же божковъ они становятъ у спастей, настороженныхъ на пушнаго звѣря, и при счастливомъ ловѣ тычутъ имъ въ ротъ кусочки оленьяго мяса, а при неудачѣ—бьютъ и сѣкутъ прутьями. Въ отдаленныхъ округахъ, именно въ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ, они еще обожаютъ хеги, камни причудливой формы, грубо сдѣланныхъ идоловъ, вѣрятъ въ духовъ (тадебціи) и въ главныхъ боговъ, добраго Нума, который охраняетъ скотъ и даетъ жизнь, и злаго Весако, мужа земли Хадако, «могучей матери». Приношенія состоятъ изъ оружія и различныхъ орудій; вокругъ жертвенника навалены кучи стараго желѣза, негодныхъ, иззубренныхъ топоровъ, даже старыхъ дудокъ. Иногда богамъ приносятъ въ жертву медвѣдей, но чаще всего закланіе совершается надъ оленями, которыхъ жрецы, или тадибеи, удавливаютъ передъ идоломъ и мясо которыхъ они съѣдаютъ въ компаніи съ народомъ; головы жертвенныхъ животныхъ выставляются на воткнутыхъ въ землю шестахъ, вокругъ истукана, и обращены лицомъ къ востоку, когда онѣ посвящены доброму богу, и къ западу—если жертва приносится въ честь злаго бога. Чтобы умилостивить и задобрить божество, самоѣды не только даютъ ему отвѣдать крови жертвъ, но даже вливаютъ ему въ ротъ водку [1]). Тадибеи или шаманы выдаютъ себя за посредниковъ между богами и людьми и, при помощи бубна и чародѣйской палки, вступаютъ въ бесѣду съ духами. Шаманъ долго ударяетъ въ бубенъ, дико кричитъ, кружится, колотитъ себя по головѣ, чтобы придти въ экстазъ, и, наконецъ, падаетъ въ изнеможеніи, корчится, валяясь по полу, тяжело дышетъ: въ это время, по понятіямъ всѣхъ бродячихъ народцевъ, на землѣ появляются невидимые духи, чтобы выслушать какую-нибудь просьбу дикарей. Нѣкоторые шаманы въ изступленіи доходятъ до того, что бьютъ себя въ мягкія части какимъ-нибудь оружіемъ, напримѣръ ножемъ.

Самоѣдъ, лоцманъ.

Когда англійскій мореплаватель Борро посѣтилъ въ 1556 году Вайгачъ, священный островъ самоѣдовъ, онъ видѣлъ тамъ, на сѣверной оконечности, четыреста-двадцать идоловъ,

[1]) Nordenskjöld, „Expédition polaire suédoise“, 1878; „Этнографическій Сборникъ“. IV.

представлявшихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сгруппированныхъ вокругъ большаго истукана Весако съ семью лицами. Въ 1594 году голландецъ Най опять видѣлъ этотъ «мысъ идоловъ» (Afgoden Hoek), одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ мысовъ, которые получили отъ русскихъ прозвище «Болванскій Носъ»; затѣмъ, мореплаватель Ивановъ, приставшій къ острову въ 1824 году, тоже отыскалъ чудовищныя изваянія, описанныя у Борро. Послѣ того они были повалены и сожжены ревностными миссіонерами, и теперь на высшей точкѣ мыса водруженъ крестъ; но русскіе торговцы поморья говорятъ, что обломки этихъ священныхъ изображеній были сохранены, и мѣсто жертвоприношеній находится нынѣ въ одной сосѣдней пещерѣ, посѣщенной проф. Норденшельдомъ. Жертвенники и сто идоловъ, существовавшіе въ Козьминскомъ стойбищѣ самоѣдовъ, верстахъ въ двадцати отъ города Мезени, тоже были сожжены [1]), но, не смѣя болѣе, изъ боязни русскихъ, воздвигать большихъ идоловъ, видимыхъ издалека, самоѣды дѣлаютъ себѣ уродливыя куклы и чурки, которыя они прячутъ въ своихъ чумахъ, или подъ одеждой, подобно тому, какъ въ другихъ странахъ амулеты и медали, носимые на тѣлѣ, замѣняютъ изображенія боговъ и святыхъ.

Отечество «самояди», этого бѣднаго остатка нѣкогда могущественнаго племени, обнимаетъ обширнѣйшую территорію: отъ Бѣлаго моря до пространствъ, лежащихъ за Енисеемъ, и отъ береговъ Ледовитаго океана до основанія Алтайскихъ горъ, откуда пришли ихъ предки, мы находимъ самоѣдскія семейства. Оттѣсненные, вѣроятно, побѣдителями тюркскаго племени, они спустились къ сѣверу, слѣдуя по теченію рѣкъ, и поселились на берегахъ Полярнаго моря; далеко на югѣ отъ нынѣшней территоріи, средній Уралъ еще носитъ самоѣдскія названія [2]). Семья юраковъ, къ которой принадлежатъ самоѣды Европейской Россіи, населяетъ теперь всю область тундръ по обѣ стороны Уральскаго хребта; съ самаго начала русской исторіи самоѣды, упоминаемые лѣтописцемъ въ первый разъ около конца одиннадцатаго столѣтія, бродили уже въ этой странѣ, которая простирается за поясомъ лѣсовъ, гдѣ ягель, или олений мохъ, доставляетъ необходимый ихъ стадамъ кормъ. Но весьма вѣроятно, что они должны были завоевать эти гиперборейскія земли, лежащія въ царствѣ вѣчной стужи и ночи, у другихъ финновъ, болѣе, чѣмъ они, близкихъ къ финляндской отрасли. Многія названія мѣстъ, объясненіе которымъ можно найти только въ языкѣ кареловъ, доказываютъ, что послѣдніе были древними обитателями страны. Эти-то финны и были, безъ сомнѣнія, тотъ таинственный народъ, прозванный русскими «чудью» бѣлоглазой, а самоѣдами «сыртью», который, по словамъ преданія, провалился сквозь землю, ушелъ во внутренность земли, гдѣ онъ владѣетъ громадными территоріями для охоты и пастьбы, изобилующими мамонтами, лисицами и бобрами [1]). У лопарей, которымъ тоже, вѣроятно, пришлось вести борьбу съ этимъ чудскимъ народомъ, сохранились подобныя же преданія. Имя предшествовавшаго имъ населенія края соединено у нихъ съ именемъ злыхъ духовъ, обитающихъ въ воздушныхъ и подземныхъ пространствахъ [2]). Въ свою очередь, и самоѣды обречены на быстрое исчезновеніе: и они тоже скоро всѣ «уйдутъ подъ землю», какъ древняя чудь. Дѣти русскихъ жителей края въ своихъ играхъ повторяютъ слова, смыслъ которыхъ потерянъ для нихъ, но которыя нѣкогда были жестокой истиной: «Пойдемъ Самоядь искать, Самоядочку трепать. Ужъ мы Самоядь найдемъ, пополамъ разорвемъ» [3]).

Въ прежнія времена это племя занимало гораздо болѣе обширную область; нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ нему народцевъ обитали по берегамъ Онежскаго озера, другіе кочевали на восточныхъ берегахъ Бѣлаго моря. Теперь эти страны ускользнули изъ ихъ рукъ,—предки ихъ были тамъ истреблены новгородцами и москвитянами [4]). На нынѣшней ихъ территоріи всѣ пространства, сколько-нибудь цѣнныя для рыбной и звѣриной ловли или для хлѣбопашества, переходятъ постепенно въ руки зырянъ и русскихъ, хотя по закону 1835 года всякое земельное владѣніе русскихъ было ограничено 60 десятинами на семью, и имъ запрещено дѣлать новые захваты на землѣ самоѣдовъ [5]), составлявшей прежде общую собственность. Раса, которая въ Европѣ раздѣлена между тремя округами или тундрами — Канинской, Тиманской и Большеземельской, состоитъ теперь, какъ полагаютъ, всего только изъ пяти съ небольшимъ тысячъ человѣкъ (въ Европейской Россіи насчитываютъ 5.370 самоѣдовъ), и между тѣмъ какъ число рождающихся уменьшается, смертность между самоѣдами постоянно возрастаетъ. Кромѣ того, самоѣды быстро утрачиваютъ свою національность и сливаются съ окружающимъ населеніемъ. Такъ, Кастренъ констатировалъ тотъ фактъ, что многіе изъ ихъ родовъ въ южной Сибири теперь почти ничѣмъ не отличаются отъ окружающихъ инородцевъ тюркскаго пле-

[1]) Максимовъ, „Годъ на Сѣверѣ".
[2]) Гофманъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Alex. Castrén, „Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen, Fjerde argangen, 1845.—„Vorlesungen über die altaischen Völker".
[2]) Немировичъ-Данченко, см. выше.
[3]) П. Ефименко, „Матеріалы по этнографіи русскаго населенія въ Архангельской губерніи, I".
[4]) Костомаровъ, „Сѣверно-русскія народоправства", I.
[5]) Александра Ефименко, „Народные юридическіе обычаи лопарей, кареловъ и самоѣдовъ Архангельской губ."; „Этнографическій Сборникъ", IV.

мени; точно также самоѣды сѣверной Россіи обрусѣли въ сосѣдствѣ городовъ и теряются мало-по-малу въ классѣ крестьянъ. Мѣстные торговцы не переставали обирать и развращать простодушныхъ дикарей: они скупали у нихъ стада, давая имъ въ долгъ муку и водку, и несчастные должники, не будучи въ состояніи избавиться отъ лежащихъ на нихъ обязательствъ посредствомъ прямой уплаты, осуждены на безконечную работу, на кабалу, которая низводитъ ихъ на степень невольниковъ, безъ всякой надежды на освобожденіе. Болѣе половины изъ нихъ уже лишились своихъ стадъ сѣвернаго оленя: по приблизительному разсчету, въ настоящее время среднее число этихъ животныхъ, которымъ владѣетъ каждый самоѣдинъ, не превышаетъ семнадцати головъ [1]). Существовавшая прежде между самоѣдами «нѣмая» торговля оставлена ими, потому что она всецѣло была основана на честности, а русскіе купцы не обладаютъ этой добродѣтелью: когда, бывало, самоѣду понадобятся шкурки пушнаго звѣря или какіе-нибудь другіе продукты, онъ отправлялся въ чумъ другаго туземца, обитателя тундры, бралъ нужныя ему вещи и оставлялъ взамѣнъ ихъ кусокъ дерева со своей мѣткой [2]); русскій же забираетъ все и не оставляетъ въ обмѣнъ ничего. Рано или поздно, и вѣроятно даже въ недалекомъ будущемъ, отъ самоѣдовъ не останется ничего, кромѣ воспоминанія, кое-какихъ предметовъ ихъ немудраго искусства, да ихъ героическихъ пѣсенъ, ибо самоѣды, подобно своимъ сосѣдямъ-кареламъ, обладаютъ даромъ поэзіи, и нѣкоторые изъ ихъ поэтическихъ произведеній, повидимому, были плодомъ такого же вдохновенія, какъ финскій эпосъ Калевала. Почти всѣ самоѣды умѣютъ слагать пѣсни, но между ними мало такихъ, которые умѣли бы декламировать. Эти немногіе «мастера слова» пользуются большимъ почетомъ, и самоѣды проводятъ цѣлыя ночи, слушая своихъ рапсодовъ, которые обыкновенно сидятъ въ серединѣ кружка, закрывъ одной рукой глаза, а другою помахивая стрѣлой, обращенной острымъ концомъ къ землѣ.

Другой народъ урало-алтайскаго племени, но весьма отличающійся отъ финляндцевъ,— зыряне; это именно тѣ туземцы, которые, вза-пуски съ русскими, спаивали простодушныхъ дикарей-самоѣдовъ, мало-по-малу отняли у нихъ стада оленей и доселѣ продолжаютъ грабить ихъ чумы въ тундрахъ. Изъ древнихъ туземныхъ народцевъ сѣвера Россіи одинъ порабощенъ, а другой обогатился и занялъ мѣсто въ классѣ купцовъ и хозяевъ. Зыряне, поселившіеся исключительно по берегамъ судоходныхъ рѣкъ и на волокахъ между большими рѣками, въ бассейнахъ Печоры, Мезени и верхней Двины, занимаются торговымъ обмѣномъ съ незапамятныхъ временъ, и въ ихъ рукахъ находится теперь значительная часть торговли сѣверной Россіи, не только съ сопредѣльными губерніями, но даже съ Норвегіей и Англіей; коробейники и странствующіе торговцы изъ Зырянскаго края посѣщаютъ всѣ ярмарки и рынки—отъ Архангельска до Москвы и Нижняго Новгорода, продавая мѣха, рога, рыбу, и приносятъ довольство въ свои деревни.

Зыряне, сами себя называющіе «коми» или «коми-вонтыръ», то-есть «выходцами изъ сѣверной области Камы», не были обозначаемы подъ нынѣшнимъ ихъ именемъ древними лѣтописцами, которые смѣшивали ихъ съ «коми», или «коминами», камскими пермяками, ихъ родичами по происхожденію, языку и нравамъ [1]). Однако, изъ всѣхъ народцевъ Біарміи, о которыхъ говорятъ скандинавскія саги, зыряне наиболѣе дѣятельно предавались торговлѣ: они служили посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Запада съ Сибирью, Туркестаномъ, Персіей и даже Индостаномъ. Торговые пути, пролегающіе черезъ Уральскія горы, до сихъ поръ извѣстны у остяковъ [2]) подъ именемъ «зырянскихъ дорогъ». По всей вѣроятности, зырянское племя прежде занимало гораздо болѣе обширную область и жило даже на южной сторонѣ Волги, судя по тому, что большое число географическихъ именъ между этой рѣкой и Окой объясняются языкомъ зырянъ. Такъ, между прочимъ, Москва по-зырянски значитъ «вода коровъ» (Мос-к-ва) [3]).

Съ конца четырнадцатаго вѣка эти торговые народцы покатости Ледовитаго океана перестали поклоняться солнцу, огню, водѣ, деревьямъ и «золотой бабѣ»; епископъ Стефанъ Пермскій, проповѣдывавшій Евангеліе въ этомъ краю, разрушилъ кумировъ, срубилъ священную березу и научилъ туземцевъ нѣкоторымъ христіанскимъ молитвамъ, а также употребленію особенной, нарочно для нихъ составленной азбуки, знаки которой еще не вполнѣ объяснены и которая давно уже замѣнена русскимъ письмомъ; единственные видимые остатки древняго языческаго культа—это жертвоприношенія животныхъ, совершаемыя донынѣ передъ церквами [4]). Впрочемъ, сами зыряне по большей части уже обрусѣли и мало-по-малу сливают-

[1]) Александра Ефименко, тамъ же.
[2]) Александра Ефименко, тамъ же.

[1]) Костомаровъ, выше цитированное сочиненіе.
[2]) Alex. Castrèn, „Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker".
[3]) Поповъ, К. А., „Зыряне и Зырянскій край". „Знаніе", № 6.
[4]) Такъ, наприм., во многихъ мѣстахъ есть часовни, въ которыхъ служатъ молебны св. Власію и Модесту. Въ праздники въ жертву этимъ святымъ, какъ покровителямъ скота, крестьяне приносятъ телячьи головы, ноги, грудинки, иногда даже цѣлыхъ телятъ. Всѣ эти приношенія, разумѣется, идутъ въ пользу причта. Перев.

ся съ господствующимъ населеніемъ: всѣ они, по крайней мѣрѣ мужчины, знаютъ по-русски и любятъ пѣть русскія пѣсни, даже когда не понимаютъ ихъ смысла; издалека слышишь, какъ раздаются въ лѣсахъ пѣсни волжскихъ бурлаковъ, распѣваемыя зырянами, мужчинами и женщинами, которымъ нравится правильный размѣръ этихъ пѣсенъ [1]). Зырянскій типъ мало отличается отъ славянскаго, исключая того, что цвѣтъ кожи у этихъ туземцевъ финскаго происхожденія гораздо смуглѣе [2]). Зыряне—не высокаго роста, но мускулисты, крѣпки, коренасты; волосы у нихъ большею частію темнорусые или черные; женщины всѣ румянятся. Дѣти этого племени очень понятливы и способны; въ школахъ удивляются легкости, съ которою они выучиваются русскому языку и ариѳметикѣ; въ Вологодской духовной семинаріи сыновья зырянскихъ поповъ всегда оказываются лучшими воспитанниками. Подобно финляндцамъ, эти восточные финны очень любятъ паровыя бани, до такой степени, что на охотѣ и зимой они парятся даже подъ открытымъ небомъ, поливая воду на сильный огонь; въ деревняхъ баня составляетъ неизбѣжную принадлежность каждой избы. Наиболѣе чистыми представителями племени считаются зыряне, живущіе въ Вологодской губерніи, на верхнихъ притокахъ Сѣверной Двины: они всего лучше сохранили старые обычаи, между прочимъ, нѣкоторыя привычки общежитія. Это по большей части отличные охотники, смѣло нападающіе на медвѣдя. Часто всѣ мужчины уходятъ осенью и зимой на охоту (по-мѣстному «лѣсованье»), но обыкновенно въ качествѣ простыхъ работниковъ, состоящихъ на жалованьи у хозяевъ и получающихъ всего какихъ-нибудь 13 или 14 рублей за пять мѣсяцевъ службы [3]). Въ это время женщины должны исполнять всѣ повинности, обыкновенно возлагаемыя на мужчинъ: такъ, онѣ возятъ почту и исправляютъ должность курьеровъ. Про зырянъ разсказываютъ, что они смирны, кротки и рѣшительны, и тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ лѣсахъ, сохранили ту любовь къ правдѣ, то прямодушіе, которыя обыкновенно отличаютъ свободныхъ людей. Напротивъ, зыряне Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, которые поселились среди самоѣдовъ и эксплоатируютъ ихъ, сдѣлались, подъ деморализующимъ вліяніемъ собственной тираніи, плутоватыми, способными обмануть, жадными къ наживѣ. Всѣ они питаютъ необыкновенное уваженіе къ властямъ, даже на сборщика податей взираютъ со страхомъ и трепетомъ.

Недавно число чистокровныхъ зырянъ опредѣляли въ 30.000 душъ, но Поповъ насчитывалъ ихъ въ 1874 году до 91.000 въ двухъ губерніяхъ, Вологодской и Архангельской [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что они составляютъ значительную долю населенія сѣверныхъ странъ, ибо зырянскія семьи очень плодовиты, и когда вы входите въ ихъ сельскія церкви, васъ поражаетъ множество бѣлокурыхъ дѣтскихъ головокъ, волнующихся среди собравшагося народа. При томъ же зырянское племя несомнѣнно имѣетъ весьма большое число представителей между жителями, которые носятъ имя русскихъ. Извѣстно, что, по общему закону, обитатели какой-либо страны все болѣе и болѣе группируются вокругъ расы или народности, которая оказываетъ наибольшую притягательную силу либо гражданственностью, либо могуществомъ, и потомки біармійцевъ теперь присвоиваютъ себѣ честь происхожденія отъ новгородскихъ выходцевъ, поселившихся въ краѣ въ періодъ съ двѣнадцатаго до пятнадцатаго столѣтія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что новгородская колонизація сталкивалась съ колонизаціей суздальцевъ, которые поднимались вверхъ по Шекснѣ или Унжѣ и проникали черезъ волоки въ бассейнъ Сѣверной Двины. Цѣлая группа деревень на берегахъ р. Ваги носитъ названіе «Ростовщины», потому что она населена потомками выходцевъ изъ Ростова [2]). Нѣкоторые старинные роды изъ Новгорода Великаго донынѣ сохранились во всей чистотѣ на берегахъ Сѣверной Двины и Печоры и пользуются еще нѣкотораго рода патріархальной властью надъ всѣмъ окрестнымъ населеніемъ [3]).

Поморы, то-есть «жители приморья», какъ называютъ всѣхъ великоруссовъ сѣверной покатости вплоть до Вологодской губерніи, составляютъ преобладающій элементъ населенія въ большей части мѣстностей этого края. Живя, такъ сказать, въ сторонѣ отъ остальной Россіи, отъ которой ихъ отдѣляютъ громадныя пустынныя пространства, они остались во многихъ отношеніяхъ великоруссами по преимуществу, хотя развитіе независимыхъ религіозныхъ сектъ придало имъ также нѣкоторыя особенныя черты. Нигдѣ семейная жизнь не имѣетъ болѣе деспотическаго характера, по крайней мѣрѣ въ теоріи; въ дѣйствительности же у поморовъ, которые всѣ раскольники, женщина пользуется бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ у великороссіянъ. Невѣста называетъ своего будущаго мужа остудничокъ, въ томъ смыслѣ, что онъ заставляетъ дрожать отъ страха, и мужъ, прежде чѣмъ дать новобрачной обычный поцѣлуй, деретъ ее за косы и напѣваетъ ей пѣсню, гдѣ говорится, что подъ периной брачнаго ло-

[1]) Гофманъ, см. цитированное сочиненіе.
[2]) Максимовъ, „Годъ на Сѣверѣ“.
[3]) Вологдинъ, „Лѣсное царство“, въ журн. „Слово“, 1878 г., №№ X, XI.

[1]) См. „Зыряне и Зырянскій край“.
[2]) Поповъ, „Записки Имп. Русскаго Географ. Общества“, по отдѣленію статистики, II.
[3]) Графъ Вильчекъ, „Mittheilungen von Petermann“, 1874.

жа спрятана шелковая плетка о трехъ концахъ, которая стегаетъ больно, до крови [1]). Оттого бѣдная дѣвушка съ грустью и слезами разстается со своей «божеской волей»; она трижды падаетъ на колѣни передъ образами, приговаривая: первый поклонъ кладу за Царя-батюшку, второй поклонъ за Царицу-матушку, а третій поклонъ за себя, молодешеньку, чтобы Спаситель сжалился надо мной въ чужой семьѣ [2]). Царь, за котораго молится невѣста, есть, въ народномъ понятіи поморовъ, не столько повелитель, сколько «земскій царь», представитель и блюститель всѣхъ интересовъ земли, «тотъ, который служитъ землѣ», какъ выражаются мѣстныя пѣсни. Тяжелая доля крѣпостной зависимости была неизвѣстна большинству поморовъ. Едва только совершилось въ Московскомъ государствѣ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ пріобрѣтеніе Малороссіи и Запорожья привлекло вниманіе дворянства на югъ, и съ этой-то стороны началась раздача земель и людей, тогда какъ непроходимые хвойные лѣса и мерзлыя тундры сѣвера Россіи оставались въ совершенномъ пренебреженіи. Въ 1866 году въ Архангельской губерніи насчитывали всего только 476 крестьянъ, принадлежавшихъ при крѣпостномъ правѣ помѣщикамъ [3]).

Главный городъ лапландскаго полуострова, Кола, не имѣлъ даже восьми сотъ жителей во время послѣдней народной переписи. А между тѣмъ, несмотря на суровый климатъ, это поселеніе представляетъ, по своему географическому положенію, большія удобства для торговли и, безъ сомнѣнія, могло бы сдѣлаться значительнымъ городомъ. Кола занимаетъ, при сліяніи двухъ рѣкъ, оконечность лимана, вдающагося далеко внутрь материка, и этотъ заливъ продолжается на югѣ впадиной, наполненной озерами, которая соединяетъ Кандалакскую губу съ океаномъ: здѣсь естественно долженъ проходить торговый путь между двумя морями. Поэтому положеніе, занимаемое Колой, было оцѣнено купцами съ того самаго времени, какъ только началась исторія для этихъ сѣверныхъ странъ: въ 1264 году Кола уже упоминается лѣтописцемъ, какъ складочное мѣсто рыболовства и мѣновой торговли для новгородскихъ купцовъ. Но выгоды мѣстоположенія не были достаточны, чтобы привлечь населеніе къ этимъ мерзлымъ, пустыннымъ берегамъ океана, и городъ представлялъ лишь кучку деревянныхъ домишекъ, когда англичане бомбардировали и наполовину выжгли его во время Крымской войны. Главный промыселъ мѣстнаго населенія составляетъ рыболовство, преимущественно ловля акулы,—промыселъ очень опасный, по причинѣ тумановъ и бурь на Ледовитомъ морѣ: случалось также, говорятъ, что стаи акулъ нападали на рыбачьи суда, опрокидывали ихъ и пожирали рыболововъ.

На Карельскомъ берегу, омываемомъ западными водами Бѣлаго моря, Кемь, другой городокъ, который въ многолюдной странѣ показался бы незначительнымъ, служитъ главнымъ складочнымъ пунктомъ рыболовства и торговаго обмѣна. Также какъ и Кола, Кемь есть древняя новгородская колонія, занимающая очень выгодное торговое положеніе, при устьѣ судоходной рѣки и въ мѣстѣ наиболѣе удобнаго сообщенія съ Ботническимъ заливомъ и Скандинавскимъ полуостровомъ. Но нынѣшнимъ своимъ важнымъ значеніемъ этотъ городъ обязанъ главнымъ образомъ сосѣдству Соловецкихъ острововъ и знаменитаго монастыря, основаннаго въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія. Соловецкіе монахи, зависящіе непосредственно отъ синода, долго сохраняли первоначальные обряды, несмотря на реформы патріарха Никона. Они сопротивлялись даже силой и, благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, цѣлыя восемь лѣтъ выдерживали осаду; монастырь былъ взятъ (въ 1676 году) только вслѣдствіе измѣны одного монаха, указавшаго осаждавшимъ одинъ подземный проходъ. Большинство защитниковъ, монаховъ и крестьянъ, были переколоты, перевѣшаны или засѣчены до смерти. Однако, и послѣ того духъ религіозной независимости не совсѣмъ исчезъ въ Соловкахъ, чему способствовало въ особенности то обстоятельство, что составъ братіи пополняется большею частію изъ жителей края, еще сохранившихъ новгородскія традиціи.

Обширныя строенія Соловецкаго монастыря, увѣнчанныя куполами, окруженныя сильно укрѣпленными стѣнами, импонируютъ своимъ видомъ, тѣмъ болѣе, что не ожидаешь увидѣть такія громады въ этомъ суровомъ, враждебномъ человѣку, климатѣ. Внутри монастырь поражаетъ своимъ богатствомъ, и сосѣдняя гавань всегда наполнена судами, рыболовными и купеческими; монахи имѣютъ даже собственную флотилію пароходовъ; вдоль берега выстроились длиннымъ рядомъ магазины и амбары, а доки настолько велики, что правительство посылаетъ туда для починки военные корабли, стоящіе въ Архангельскомъ портѣ. Вообще Соловки представляютъ на сѣверѣ Россіи важнѣйшую общину, около которой, какъ около центра, сосредоточивается наибольшее количество интересовъ торговыхъ и промышленныхъ. Владѣнія монастыря раскинулись на островахъ и на континентѣ, на пространствѣ 650 квадр. верстъ; на этой обширной территоріи монахи собираютъ въ изобиліи земные плоды, получаютъ всѣ нужные имъ продукты сельскаго хозяйства, за исключеніемъ пшеницы, ячменя и вина; на

---

[1]) Е. Барсовъ; П. Ефименко.

[2]) „Изв. Имп. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи", т. XXX, вып. 1 и 2; П. Ефименко, „Матеріалы и пр."

[3]) Янсонъ, „Сравнительная статистика Россіи" и проч.

одномъ островѣ содержатся стада барановъ, на другомъ—лошади, на третьемъ—дойныя коровы. Всѣ мануфактурные предметы, употребляемые монахами, до драгоцѣнныхъ вещей изъ золота и серебра включительно, выдѣлываются въ самомъ монастырѣ, который такимъ образомъ составляетъ замкнутое общество, удовлетворяющее собственными средствами всѣ свои потребности. До изданія манифеста 19 февраля 1861 г. объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія, Соловецкій монастырь владѣлъ пятью тысячами крестьянъ, которыхъ теперь замѣнили богомольцы, приходящіе ежегодно въ числѣ многихъ тысячъ и обыкновенно остающіеся по нѣскольку мѣсяцевъ въ услуженіи при монастырѣ, въ качествѣ домашней прислуги, дровосѣковъ, пастуховъ, землепашцевъ или матросовъ: иной разъ за большой столъ монастырской трапезы садится одновременно до тысячи человѣкъ. Между этими богомольцами бываютъ даже такіе, которые, во исполненіе даннаго обѣта, несутъ добровольную службу при обители въ теченіе трехъ или пяти лѣтъ. Кромѣ того, богомольцы дѣлаютъ приношенія, цѣнность которыхъ колеблется между 10.000 и 35.000 рублей въ годъ, смотря по обилію урожая. Все населеніе составляетъ большую демократическую общину, управляемую монахами-крестьянами [1]).

Городъ Онега, который тоже первоначально былъ колоніей новгородскихъ купцовъ, носитъ имя рѣки, омывающей его набережья, и сосѣдней губы, самаго южнаго залива Бѣлаго моря. Въ водахъ Онеги и около Соловецкихъ острововъ сельди часто появляются въ такомъ множествѣ, что ихъ буквально можно черпать ведрами: когда стаи ихъ исчезаютъ, рыбаки должны очищать берега отъ грудъ гніющей рыбы, которыя остаются въ сосѣдствѣ жилищъ, заражая воздухъ. Почти вся рыба, ловимая въ морѣ и въ рѣкахъ,—сельдь, лосось, треска, окунь, щука,—сохраняется въ состояніи замороженной массы: коптится только незначительная часть улова, а соль мѣстнаго производства такого дурнаго качества, что ее невозможно употреблять на соленіе рыбы, какъ то дѣлаютъ голландскіе рыболовы. По причинѣ трудности сохраненія и отдаленной перевозки въ мѣста сбыта, прибрежные жители принуждены сами потреблять и скармливать своимъ животнымъ почти всю добычу рыболовства. На всѣхъ берегахъ Онежской губы скотъ кормятъ большею частію копчеными селедками; точно также селедками откармливаютъ свиней, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ климатъ позволяетъ имъ жить, потому что внутри материка крайнимъ предѣломъ ихъ распространенія служатъ сѣверные берега Онежскаго озера [2]).

[1]) Максимовъ, „Годъ на Сѣверѣ;—Немировичъ-Данченко, „Мужицкое царство".

[2]) Майновъ, „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № 5.

На всемъ своемъ громадномъ протяженіи, превосходящемъ площадь Италіи, бассейнъ Сѣверной Двины заключаетъ только три города, населеніе которыхъ превышаетъ пять тысячъ душъ, да и то два изъ этихъ городовъ, Вологда и Архангельскъ, обязаны отчасти своимъ важнымъ значеніемъ присвоенному имъ рангу—административныхъ центровъ губерніи.

Вологда, которая замѣнила древнюю русскую колонію, существовавшую уже въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка, покрываетъ обширное пространство своими церквами и низенькими домиками. Она лежитъ близъ юго-западной оконечности бассейна, при рѣкѣ, которая въ этомъ мѣстѣ становится судоходной и которая соединяется немного ниже города съ Сухоной, одною изъ главныхъ вѣтвей Сѣверной Двины; на западѣ простирается область водораздѣла между бассейнами Волги и Невы. Такимъ образомъ этотъ городъ по своему положенію представляетъ всѣ условія, чтобы служить складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, отправляемыхъ съ одной покатости на другую. И дѣйствительно, когда Россія вступила въ прямыя торговыя сношенія съ Англіей черезъ Бѣлое море, Вологда была выбрана какъ промежуточный складочный пунктъ на пути между Москвой и Архангельскомъ; въ то же время она служила исходной точкой для торговли съ Сибирью, пока южная дорога черезъ Казань была небезопасна со стороны башкиръ. Вологда и теперь продолжаетъ отправлять на нижнюю Двину, въ Архангельскій портъ, ленъ, овесъ и другіе земледѣльческіе продукты на сумму свыше милліона рублей, тогда какъ въ Петербургъ она посылаетъ коровье масло, яйца и холстъ. На пути сообщенія Вологды съ Костромой и средней Волгой главной станціей является уѣздный городъ Грязовецъ, лежащій на водораздѣльномъ хребтѣ, на высотѣ 720 футовъ, и получившій это названіе, вѣроятно, отъ окружающихъ его болотъ.

Тотьма, уѣздный городъ Вологодской губерніи, на Сухонѣ, имѣетъ нѣкоторое значеніе благодаря своимъ солянымъ источникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—главная станція судоходства между Вологдой и Великимъ Устюгомъ, который, какъ показываетъ самое названіе, находится при сліяніи Юга съ Сухоной: суда и плоты, спускающіеся по обѣимъ этимъ рѣкамъ, собираются на Устюжской пристани. Устюгъ Великій, замѣнившій болѣе древній городъ, сожженный приволжскими болгарами въ 1218 году, и остатки котораго видны на холмѣ верстахъ въ четырехъ ниже по р. Югу, былъ нѣкогда точкой пересѣченія важныхъ торговыхъ путей и предметомъ ожесточенной борьбы между Новгородомъ, Москвой и приволжскими болгарами. Жители его были отважные рѣчные разбойники: они хаживали въ своихъ экспедиціяхъ почти до береговъ Каспія и играли вид-

ную роль между первыми завоевателями Сибири. Уже нѣсколько столѣтій Устюгъ пользуется нѣкоторымъ значеніемъ какъ мѣсто обработывающей промышленности, откуда выходятъ, въ обмѣнъ на шкуры пушнаго звѣря и мамонтовую кость, различныя мануфактурныя издѣлія, употребляемыя инородцами Сибири и сѣверной Россіи; кромѣ того, онъ отправляетъ къ Архангельскому порту зерновой хлѣбъ, привозимый изъ Вятской губерніи по быстрой Лузѣ. Наконецъ, Устюгъ, какъ и Вологда, славится спеціальною отраслью промышленности, занесенной изъ древняго Новгорода нѣмецкой колоніею: это—выдѣлка серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ и другихъ вещей съ рѣзными украшеніями на черномъ фонѣ (работа съ чернью).

Общій видъ Архангельска.

Ниже Устюга Великаго вплоть до самаго Архангельска, на разстояніи около 800 верстъ,

нѣтъ ни одного города въ собственномъ смыслѣ; городовъ не встрѣчается также и на притокахъ Сѣверной Двины, исключая бассейна могучей Вычегды, въ Зырянскомъ краю, гдѣ находится, тоже при сліяніи двухъ рѣкъ, торговый городъ Усть-Сысольскъ (устье р. Сысолы), зырянская столица. Сольвычегодскъ, на Вычегдѣ, недалеко отъ сліянія ея съ Сухоной, утратилъ важное значеніе, которое онъ имѣлъ прежде, благодаря своимъ солеварнямъ, какъ одна изъ главныхъ торговыхъ станцій между Новгородомъ и странами по верхней Камѣ. Въ бассейнѣ Ваги, большаго западнаго притока Двины, главнымъ центромъ населенія является другой, пришедшій въ упадокъ, городъ—Шенкурскъ, мѣсто ссылки, которое водворенные на жительство на берегахъ Бѣлаго моря называютъ съ ироніей, нелишенной зависти,« Италіей» Архангельской губерніи. Въ эпоху новгородскаго могущества, складочнымъ пунктомъ торговли по нижней Двинѣ былъ городъ Холмогоры, который скандинавскіе мореходы называли Гольмгордомъ: черезъ этотъ пунктъ отправлялись, въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ, товары Востока, привозимые пермяками изъ приволжскихъ странъ. Городокъ, наслѣдовавшій древнему торговому городу, расположенъ не на островѣ, а на аллювіальной равнинѣ, которую Двина, раздѣленная на нѣсколько рукавовъ, пересѣкаетъ на востокѣ и на сѣверѣ, принявъ передъ тѣмъ воды Пинеги. Находясь такимъ образомъ при сліяніи двухъ рѣкъ и недалеко отъ моря, г. Холмогоры пользовался счастливымъ торговымъ положеніемъ. Торговля солью, предоставленная этому городу въ видѣ монополіи московскими великимя князьями, еще болѣе увеличила его важность; но затѣмъ основаніе въ сосѣдствѣ его другаго города, Архангельска, разорило старый рынокъ, который теперь сдѣлался однимъ изъ бѣднѣйшихъ городковъ сѣверной Россіи. Въ этихъ странахъ, близкихъ къ полярному поясу, населеніе слишкомъ малочисленно, чтобы могли одновременно существовать и развиваться два города, если они не удалены одинъ отъ другаго на нѣсколько сотъ верстъ. Недалеко отъ Холмогоръ, въ деревнѣ Денисовкѣ, родился въ 1711 году, въ крестьянской семьѣ, Ломоносовъ, первый національный ученый Россіи, и, быть можетъ, первый ученый во всемъ свѣтѣ, ясно формулировавшій механическую теорію теплоты [1].

Архангельскъ, «городъ Михаила Архангела», расположенъ на правомъ берегу Сѣверной Двины, въ самомъ верху рѣчной дельты. Онъ растянулся въ длину на нѣсколько верстъ, занимая не болѣе полверсты въ ширину. Нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ поднимаются тамъ и сямъ надъ кучками деревянныхъ домиковъ, а около центра города высокія развалившіяся стѣны, разрушить которыя до основанія не удалось по причинѣ необыкновенной твердости цемента, указываютъ на остатки «нѣмецкаго замка», составлявшаго часть крѣпости. Уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ на мѣстѣ нынѣшняго города находился монастырь; но «Новыя Холмогоры» пріобрѣли нѣкоторую важность только въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, послѣ прибытія англійскихъ мореплавателей, которые сдѣлали изъ Бѣлаго моря ворота для сообщенія Московскаго государства съ западнымъ міромъ. Періодъ процвѣтанія этого города предшествовалъ основанію Петербурга, которое дало болѣе удобный путь торговлѣ Россіи съ остальной Европой. При томъ Петръ Великій, хотя и основавшій въ Архангельскѣ арсеналъ, крѣпость, кораблестроительныя верфи, способствовалъ въ то же время упадку города ограниченіемъ количества привозимыхъ изъ-за границы товаровъ, запрещеніемъ вывозить ленъ, пеньку, сало и болѣе трети другихъ русскихъ продуктовъ, и, наконецъ, призывомъ архангельскихъ моряковъ и негоціантовъ въ новую столицу. Однако, выгодное положеніе Архангельскаго порта, при единственномъ рѣчномъ выходѣ громадной территоріи, населеніе которой, хотя и малочисленное, быстро увеличивается, не могло не сообщить нѣкоторой дѣятельности этой гавани Бѣлаго моря, «четвертой столицѣ имперіи». Несмотря на ледъ, совершенно останавливающій навигацію почти въ теченіе семи мѣсяцевъ въ году, Архангельскъ вывозитъ за границу, преимущественно въ Англію, въ Голландію, въ Норвегію, ленъ и пеньку, овесъ и другой зерновой хлѣбъ, лѣсъ, смолу, рыбій жиръ, сало. Среднимъ числомъ, отпускъ его вдесятеро превышаетъ цѣнность привоза, который состоитъ главнымъ образомъ изъ норвежской рыбы, виноградныхъ винъ и колоніальныхъ товаровъ. Женщины, работающія на пристаняхъ, соединяются въ артели для нагрузки судовъ хлѣбомъ и другими продуктами. «Шкиппдорка», или распорядительница работъ, обыкновенно выбирается изъ такихъ, которыя умѣютъ объясняться на англо-русскомъ жаргонѣ, употребляемомъ въ портѣ.

Движеніе судоходства въ Архангельскомъ портѣ въ 1895 году [1]):

Прибыло—907 судовъ, вмѣстимостью 228.508 тоннъ; вышло—944 судна, вмѣстим. 229.721 тонна.

Цѣнность привоза въ 1895 г.—1.416.871 руб.; цѣнность вывоза—6.967.120 рублей.

Обороты внѣшней торговли въ портахъ Бѣлаго моря въ 1895 году:

Привозъ [2])—1.485.357 рублей; вывозъ—8.632.150 рублей.

---

[1]) П. Крапоткинъ, рукописныя замѣтки.

[1]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1895 г.“ изд. Департ. таможен. сборовъ

[2]) „Оозоръ внѣшней торговли Россіи за 1895 годъ“, изд. Департамента таможен. сборовъ.

Городъ представляетъ оживленную дѣятельность во время годовой ярмарки, когда собирается до пятидесяти тысячъ жителей въ Архангельскѣ и, сѣвернѣе, въ его островномъ предмѣстьи, слободѣ Соломбалѣ, гдѣ находится адмиралтейство. Но постоянное населеніе, кажется, уменьшилось съ половины текущаго столѣтія. Между тѣмъ, какъ въ 1860 году, по переписи, оказалось 33.675 жителей въ городѣ и его предмѣстьяхъ (Соломбала и Кузнечиха), слѣдующая перепись, произведенная двадцать лѣтъ спустя,—правда, въ серединѣ зимы,—не насчитала даже 20.000 человѣкъ (по переписи 28 января 1897 года—20.335 жит.). Пропорціонально числу жителей, Архангельскъ есть одинъ изъ тѣхъ городовъ Россіи, гдѣ всего болѣе читается книгъ и гдѣ періодическія изданія имѣютъ наибольшее количество подписчиковъ: это объясняется тѣмъ, что чтеніе тамъ необходимо, какъ единственное препровожденіе времени въ длинныя зимнія ночи. Въ окрестностяхъ Архангельска, вокругъ большихъ лѣсопильныхъ заводовъ, поселилась англійская колонія.

Мезень, къ сѣверо-востоку отъ Архангельска, имѣетъ для бассейна своей рѣки такое же значеніе, какъ главный городъ губерніи для бассейна Сѣверной Двины; но, находясь въ болѣе суровомъ климатѣ, даже за предѣлами древесной растительности, Мезень не могла подняться на степень настоящаго города и до сихъ поръ остается бѣдной деревней; торговля ея въ значительной части перешла въ портъ Русанова, лежащій верстъ на двадцать ближе къ устью залива (Мезенской губы) и лучше защищенный, чѣмъ Мезень, благодаря высокому мысу, который заслоняетъ его отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Мезень—одно изъ самыхъ печальныхъ мѣстъ ссылки: также какъ Кола, Кемь, Онега и Пустозерскъ (главный торговый пунктъ въ бассейнѣ Печоры, но, несмотря на то, незначительный городишко, замѣчательный только тѣмъ, что здѣсь были зажжены первые костры для раскольниковъ въ семнадцатомъ столѣтіи), Мезень—одна изъ тѣхъ Сибирей по сю сторону Урала, гдѣ ссыльные умираютъ отъ нравственнаго страданія и тоски среди непрогляднаго мрака и леденящей стужи полярной ночи. Впрочемъ, и коренные жители, особенно женщины, во множествѣ уносятся въ могилу нервными болѣзнями, приписываемыми «дурному глазу» [1]), но происходящими, вѣроятно, отъ лишеній всякаго рода. Кресты, содержимые въ большомъ почитаніи жителями Мезени, напоминаютъ одну страшную зиму первой половины восемнадцатаго столѣтія,—зиму, въ которую едва не погибло отъ холода и голода все населеніе города.

[1]) Максимовъ, „Годъ на Сѣверѣ".

Города и мѣстечки сѣверной покатости Европейской Россіи:

Архангельская губ.: Архангельскъ (1897 г.)—20.335 жит.; Онега—2.758; Мезень—1.836; Кемь—2.172 жителей.

Вологодская губернія: Вологда (1897 г.)—27.855 жит.; Устюгъ-Великій—8.480; Усть-сысольскъ—4.548; Тотьма—3.504; Грязовецъ—2.344 жителей.

Новая Земля.

Двойной островъ Новая Земля составляетъ восточную границу моря, которое простирается на сѣверѣ отъ лапландскихъ береговъ и которое иногда называютъ «моремъ Баренца», въ память знаменитаго голландскаго мореплавателя, посѣтившаго эти воды въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. По всей вѣроятности, новгородскіе купцы уже ранѣе слышали о Новой Землѣ, потому что она, вмѣстѣ съ островомъ Вайгачъ, можетъ быть разсматриваема какъ простое продолженіе сѣвернаго полуострова Россіи, и когда англійскіе мореплаватели шестнадцатаго вѣка въ первый разъ проникли въ эти области Ледовитаго океана, русскіе рыболовы уже съ давнихъ поръ посѣщали берега Новой Земли. Но народы Западной Европы узнали о существованіи этого большаго двойнаго острова только послѣ путешествія Уиллугби, въ 1553 году. Болѣе счастливый, чѣмъ его предшественникъ, который погибъ съ своимъ кораблемъ на Мурманскомъ берегу Лапландіи, англичанинъ Стифенъ Борро присталъ первый изъ западно-европейскихъ мореплавателей, въ 1556 году, къ берегамъ Новой Земли и объѣхалъ вокругъ острова Вайгачъ черезъ два пролива: Югорскій, который отдѣляетъ этотъ островъ отъ русскаго материка, и Карскій, который омываетъ южную оконечность Новой Земли. Баренцъ тоже былъ одинъ изъ первыхъ путешественниковъ Запада, предпринимавшихъ плаваніе къ этой отдаленной землѣ; но онъ умеръ тамъ во время тягостной зимовки 1597 года и былъ похороненъ своими спутниками на берегу острова. Въ 1871 г., норвежскій капитанъ Карльсенъ отыскалъ, близъ сѣверо-восточной оконечности сѣвернаго острова, подъ 76°7′ широты, домъ, въ которомъ Баренцъ и Гемскеркъ провели зиму за 300 лѣтъ до нашего времени. Всѣ находившіяся въ этомъ домѣ вещи были собраны, какъ святыня, и перевезены въ Голландію, и скоро памятникъ, сооружаемый стараніями амстердамскаго географическаго общества, будетъ воздвигнутъ на одномъ изъ мысовъ острова въ честь знаменитаго морехода.

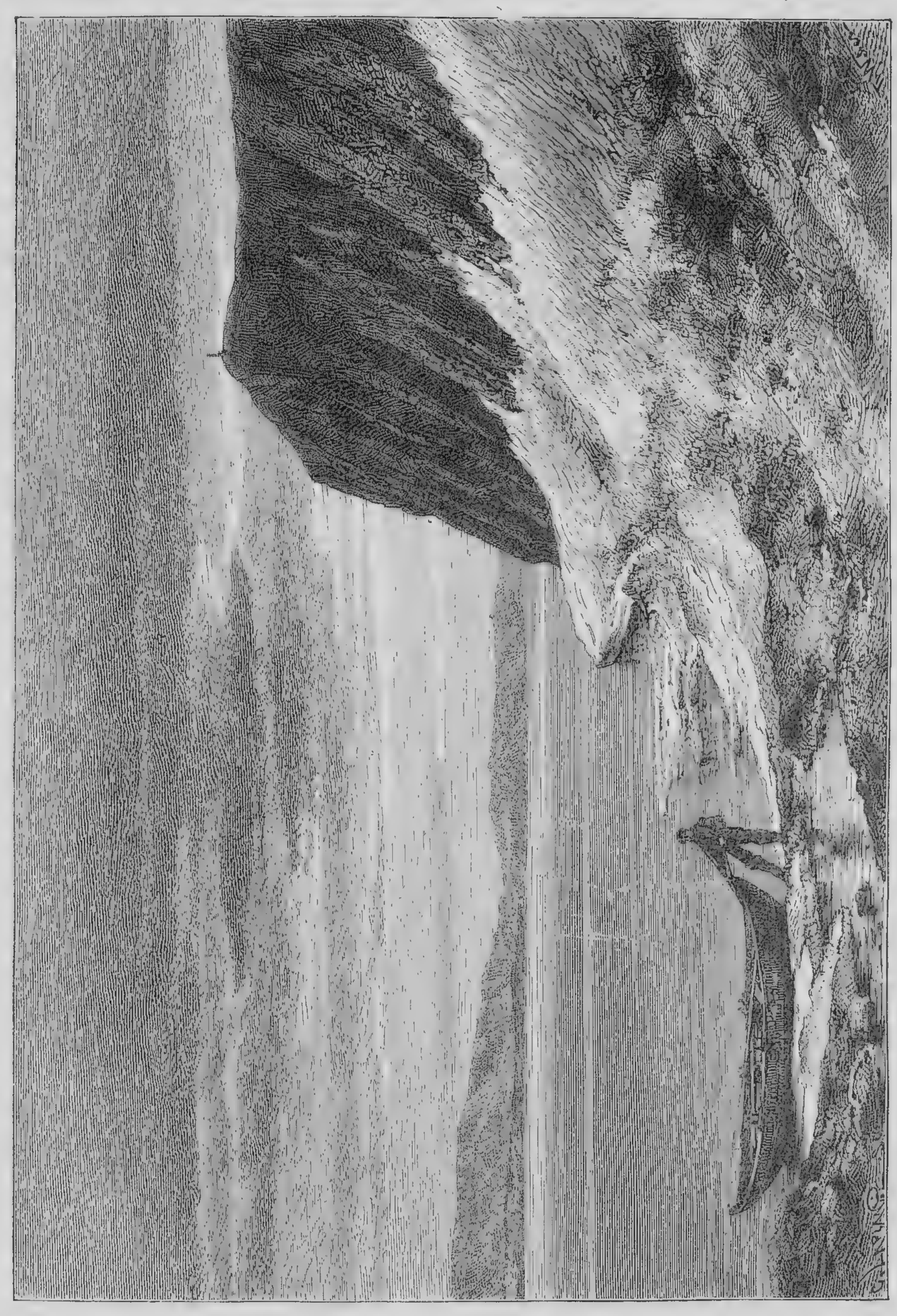
Въ своей совокупности Новая Земля можетъ быть разсматриваема какъ морское продолженіе цѣпи Пай-Хой. Правда, эта островная группа протянулась гораздо далѣе къ западу; но «Каменный Поясъ» имѣетъ форму извилистаго

хребта, который дважды дѣлаетъ изгибъ, обращая свою выпуклость сначала къ сторонѣ Европейской Россіи, затѣмъ къ сторонѣ Сибири. Подходя къ Ледовитому морю, онъ понижается за Константиновскимъ Камнемъ; но хребетъ Пай-Хой и холмы острова Вайгачъ геологически, очевидно, составляютъ продолженіе Урала: Югорскій проливъ есть не что иное, какъ поперечная долина, наполненная морскими водами, черезъ которую олени самоѣдовъ переходятъ по льду весной и перебираются вплавь въ концѣ осени. Карскій проливъ (Карскія Ворота), болѣе широкій, образуетъ перерывъ въ системѣ Уральскихъ горъ, но не уничтожаетъ ее. Высоты снова начинаются на сѣверномъ берегу этого пролива, чтобы развернуться въ Полярномъ океанѣ въ видѣ дуги круга, длиною около 850 верстъ, обращая свой выпуклый берегъ къ Шпицбергену. Южные отроги, въ 1.740 фут. средней высоты, состоятъ изъ гнейса и глинистыхъ сланцевъ. Воды пролива Маточкинъ Шаръ, разрѣзывающія Новую Землю на двѣ неравныя половины, наполняютъ также поперечную долину горной цѣпи, открывающуюся какъ разъ въ сосѣдствѣ самыхъ высокихъ горъ острова: порогъ этихъ морскихъ воротъ лежитъ всего только на 33 фута ниже уровня моря. Вся центральная и сѣверная область Новой Земли представляетъ собой альпійскую страну, съ глубокими долинами и небольшими цѣпями изъ гранитовъ и древнихъ сланцевъ, прикрытыхъ глетчерными формаціями. Изслѣдованія Гефера доказали, что горнокаменныя породы Новой Земли, подобныя въ этомъ отношеніи формаціямъ Урала, наклонены полого съ западной стороны и круто обрываются къ востоку. Такая же разница рельефа замѣчается и подъ водой: въ то время какъ западныя пространства морскаго дна продолжаются пологимъ скатомъ, на востокѣ море быстро понижается, и линія стосаженной глубины идетъ тамъ на небольшомъ разстояніи отъ берега.

Хотя Новая Земля очень близко лежитъ отъ материка и часто посѣщается звѣроловами, но внутренность ея еще очень мало извѣстна. Нѣкоторые ученые изслѣдователи, какъ графъ Литке, академикъ Беръ, Гейглинъ, графъ Вильчекъ, посѣтили оба главные острова; однако систематическое изученіе этой островной группы еще далеко не окончено; Гриневецкій прошелъ Новую Землю насквозь; до сихъ поръ главное вниманіе было обращаемо на форму береговъ, чтобы дать морякамъ вѣрныя карты, съ помощью которыхъ они могли бы избѣгать опасностей. Благодаря этой съемкѣ береговъ, можно было измѣрить поверхность Новой Земли, исчисляемую приблизительно въ 80.025 квадр. верстъ (91.070 кв. кил.). Но еще неизвѣстна въ точности высота большей части горныхъ вершинъ, хотя мореплаватели могутъ ясно различать ихъ изъ того или другаго моря. Среднее ихъ возвышеніе почти такое же, какъ среднее возвышеніе горъ Шпицбергена и архипелага Франца-Іосифа. Съ высоты горы Вильчекъ (1.264 метр., или 4.155 фут.), поднимающейся на сѣверномъ берегу пролива Маточкинъ Шаръ, путешественники Геферъ и графъ Вильчекъ различали на обѣихъ сторонахъ пролива нѣсколько вершинъ, имѣющихъ по меньшей мѣрѣ 3.950 фут. (1.200 метр.), а одна изъ нихъ, поднимающаяся на сѣверо-востокѣ, верстахъ въ 40, показалась имъ достигающей высоты 4.600 фут. (1.400 метр.); другая, на югѣ отъ восточнаго входа въ проливъ, повидимому, переходитъ за 5.000 фут. (1.500 метр.). Одна изъ главныхъ вершинъ, Митюшевъ Камень, лежащая къ западу отъ мыса Вильчекъ, образована изъ протогина, какъ Монъ-Бланъ, высочайшая вершина Альпъ; но бо̀льшая часть новоземельскихъ горъ состоитъ изъ силурійскихъ сланцевъ и девонскихъ формацій: нѣкоторые изъ слоевъ шифера до такой степени черны, даже тамъ, гдѣ цвѣтъ ихъ не усиливается контрастомъ окружающихъ снѣговъ, что ихъ часто принимали за пласты каменнаго угля, и даже геологи не разъ ошибались на этотъ счетъ. Прежде Новая Земля слыла очень богатой металлами; разсказывали чудеса про серебряныя жилы, будто бы видѣнныя мореходами въ стѣнахъ ея береговыхъ утесовъ. Разсказы были такъ обстоятельны, что русское правительство сочло нужнымъ послать на мѣсто спеціальную коммисію изслѣдователей. Однако, геологъ Лудловъ, подъ руководствомъ котораго производились изысканія, нашелъ только, и то въ небольшомъ количествѣ, сереброносный свинцовый блескъ и коекакіе слѣды сѣрнистыхъ соединеній желѣза и мѣди. Это было еще въ 1809 году, и съ той поры ни одному путешественнику не случалось находить признаковъ, которые позволили бы возвратить Новой Землѣ ея прежнюю репутацію.

Также какъ русское прибрежье и всѣ европейскіе архипелаги ледовитыхъ морей, Новая Земля постепенно поднимается изъ-подъ поверхности водъ, и на окраинахъ этого острова, именно на западѣ, можно видѣть замѣчательные примѣры поднявшихся береговъ. По обѣ стороны пролива Маточкинъ Шаръ, видны до высоты 300 фут. террасы, содержащія раковины видовъ, еще живущихъ въ Ледовитомъ океанѣ, хотя онѣ уже исчезли изъ ближайшихъ областей моря: это—остатки диллювіальной фауны. Многіе низменные и плоскіе острова, разсѣянные вдоль берега, походятъ на бывшее морское дно, и, по всей вѣроятности, они дѣйствительно появились въ недалекую эпоху. Въ другихъ мѣстахъ гористые острова соединены съ большой землей выступившими изъ-подъ воды перешейками и песчаными мелями, которые при незначительномъ осѣданіи почвы сно-

ва погрузились бы въ море. Въ большой бухтѣ, развертывающейся въ видѣ дуги круга на сѣверо-западной сторонѣ сѣвернаго острова Новой Земли, между мысомъ Нассау и мысомъ Льдовъ, норвежскій путешественникъ Макъ открылъ недавно архипелагъ, состоящій изъ двухъ острововъ и множества островковъ, которому онъ далъ названіе «островъ Гольфстрема»: по его мнѣнію, эта група острововъ несомнѣнно новѣйшаго происхожденія, такъ какъ именно въ этомъ мѣстѣ голландскія экспедиціи конца шестнадцатаго столѣтія находили лишь песчаную мель, залегавшую на 105 фут. ниже уровня моря. Эти выступившіе на поверхность острова, покрытые пескомъ и слоями морскихъ раковинъ, совершенно лишены растительности, какъ будто они только-что вышли изъ воды. Такимъ образомъ, подводная мель или



Видъ близъ Маточкина Шара.

дно моря поднялось по крайней мѣрѣ на 130 фут. въ сравнительно короткій періодъ времени—менѣе, чѣмъ въ 300 лѣтъ; это едва-ли не единственное явленіе въ современной исторіи земнаго шара.

Ледники Новой Земли спускаются во многихъ мѣстахъ до самаго моря, и полагаютъ даже, что прежде они выступали за линію береговъ, такъ какъ нѣкоторые изслѣдователи видѣли глетчерныя изборожденія и шлифовки на островкахъ бухты Рогачевъ, къ югу отъ мыса, называемаго Гусиный Носъ [1]). Хотя этотъ двойной островъ почти всѣмъ своимъ протяженіемъ лежитъ подъ болѣе южной широтой, чѣмъ архипелахъ Шпицбергенъ, однако онъ весь находится въ поясѣ средней годовой температуры меньшей 5 градусовъ. Новая Земля принадлежитъ къ континентальному климату сѣверной Россіи и Сибири; въ одной маленькой бухтѣ залива Моллеръ, называемой «Малыя Кармакули» и лежащей подъ 72°30′ с. ш., непосредственно на сѣверѣ отъ Гусинаго Носа, норвежскій капитанъ Бьерканъ, который провелъ тамъ зиму 1876—77 гг., констатировалъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ термометръ никогда не поднимался выше—30,°4 стоградусной скалы и даже опускался до—39° на другой день послѣ Новаго года [2]). Замѣчательно, что температура въ этомъ мѣстѣ, зимой и лѣтомъ, выше, чѣмъ въ Карскомъ проливѣ, лежащемъ верстахъ въ 280 къ юго-востоку. Академикъ Вильдъ изъ наблюденій, произведенныхъ въ разное время, вывелъ, что средняя годовая температура въ проливѣ Маточкинъ Шаръ равна—8°,33 Ц. [3]). Въ Мелкой губѣ, лежащей сѣвернѣе, средняя температура равняется—6°,90, тогда какъ въ губѣ Каменкѣ, въ 240 верстахъ ближе къ экватору, средняя температура ниже, именно—9°46.

Причину этого контраста климатовъ должно искать, вѣроятно, во вліяніи теченій, еще не совершенно охладившихся, которыя идутъ изъ тропическихъ морей въ полярныя области океана и направляются къ западнымъ берегамъ Новой Земли, не достигая, однако, этихъ береговъ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ передъ южнымъ островомъ, берегъ окруженъ холодными водами [4]). Самая значительная масса теплаго теченія, образующая верхній слой Норвежскаго моря, проходитъ надъ глубокимъ порогомъ, отдѣляющимъ Медвѣжьи острова отъ скандинавскихъ береговъ, и направляется на востокъ въ море Баренца. Движеніе этого теченія не изъ тѣхъ нечувствительныхъ перемѣщеній жидкой массы, которыя по своей медленности ускользаютъ отъ наблюденія мореплавателей: на южной сторонѣ острова Гопъ-Айлендъ, который можетъ быть разсматриваемъ какъ самый передовой юго-восточный постъ архипелага Шпицбергенъ, оно иногда бываетъ такъ сильно, вода бѣжитъ съ такой быстротой, что корабли не могутъ держаться на якоряхъ [1]). Въ проливѣ Маточкинъ Шаръ теченіе изъ одного моря въ другое тоже очень чувствительно, особенно въ сосѣдствѣ западныхъ береговъ большаго сѣвернаго острова. Точно также суда, обращенныя носомъ къ Европѣ, не безъ труда преодолѣваютъ теченіе, огибая сѣверную оконечность Новой Земли. Въ этихъ движущихся водахъ, температура которыхъ выше точки замерзанія, льдины растаиваютъ въ короткое время: рѣдко можно увидѣть плавающій отрывокъ сплошнаго ледянаго пространства или ледяную гору южнѣе 75-го градуса широты во всѣхъ частяхъ моря Баренца, находящихся къ сѣверу отъ лапландскаго берега.

Многочисленные обломки всякаго рода, выбрасываемые на берега Новой Земли, также свидѣтельствуютъ о существованіи этого теплаго теченія, получающаго начало въ тропическихъ моряхъ. Такъ, напримѣръ, на этихъ берегахъ случалось собирать «морскіе каштаны», то-есть плоды дерева Entada gigalobium, растущаго на Антильскихъ островахъ; далѣе, тамъ часто находятъ стеклянные шары, употребляемые рыболовами Лофотенскихъ острововъ для своихъ сѣтей, а морскіе выкидки и обломки разбившихся кораблей встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ, что происхожденіе ихъ невозможно приписать крушеніямъ, имѣвшимъ мѣсто въ сосѣдствѣ: это—по большей части остатки судовъ, сѣвшихъ на мель далеко оттуда, въ западныхъ областяхъ моря; вышеуказанное обстоятельство было причиной того, что Новую Землю прозвали «кладбищемъ Норвежскаго моря» [2]). Дѣйствіе тропическаго теченія обнаруживается также на берегахъ двухъ большихъ островов и всѣхъ сосѣднихъ островковъ—расплавленіемъ береговыхъ льдовъ. Подъ снѣгомъ лавинъ вода мало-по-малу вырываетъ себѣ глубокіе гроты; во многихъ мѣстахъ можно видѣть скалы съ бахромой изъ отвердѣлаго фирна, оканчивающейся нависшими пластами, нижній фасъ которыхъ, подмываемый водой, медленно таетъ.

Какъ на Шпицбергенѣ, въ Гренландіи, на островахъ архипелага Франца-Іосифа, такъ и на Новой Землѣ льды скопились въ наибольшемъ количествѣ вдоль восточныхъ береговъ. Чѣмъ объяснить это общее явленіе? Относительно болѣе низкая температура морскихъ водъ на восточныхъ берегахъ есть, конечно,

[1]) Höfer, „Mittheilungen von Petermann", 1874, № 8.
[2]) „Mittheilungen von Petermann", II, 1878.
[3]) „Die Temperatur-Verhältnisse des Russischen Reiches".
[4]) Von Middendorf, „Der Golfstrom ostwärts vom Nordcap", „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", 1861.

[1]) Karl Weyprecht, „Die Metamorphosen des Polareises".
[2]) Karl Weyprecht, то же сочиненіе.

одна изъ причинъ этого контраста; но, кромѣ того, нужно принять въ разсчетъ преобладающее вліяніе восточныхъ вѣтровъ, которые гонятъ передъ собой льдины и накопляютъ ихъ противъ береговъ, представляющихъ преграду на пути ихъ слѣдованія; наконецъ, движеніе естественнаго относа, которое, увлекая льды къ югу, всегда заставляетъ ихъ уклоняться вправо, въ направленіи противоположномъ вращательному движенію нашей планеты, также должно способствовать этому нагроможденію полярнаго льда у восточныхъ береговъ земель и архипелаговъ [1]).

Впрочемъ, состояніе льдовъ и протяженіе сплошныхъ ледяныхъ пространствъ чрезвычайно разнятся въ различные годы. Лѣтомъ 1871 года сплошной полярный ледъ тянулся почти по линіи 78-го градуса широты на востокѣ отъ Шпицбергена, и австрійскіе путешественники Пайеръ и Вейпрехтъ не видѣли ни одной льдины на разстояніи 170 верстъ къ сѣверу отъ Новой Земли. Въ слѣдующемъ году, напротивъ, ледяной барьеръ подвинулся къ югу среднимъ числомъ на 280 до 320 верстъ и даже окаймлялъ входъ въ Карскія Ворота, близъ русскаго континента. Эта разница въ положеніи льдовъ должна быть приписана лишь въ очень незначительной степени годовымъ колебаніямъ температуры; она происходитъ главнымъ образомъ отъ дѣйствія вѣтровъ: въ промежутокъ одного года сплошныя ледяныя пространства могутъ перемѣститься съ одной стороны Ледовитаго океана на другую. Если, напримѣръ, въ маѣ мѣсяцѣ постоянные юго-западные вѣтры задержатъ плавающіе льды между Гренландіей и Шпицбергеномъ, то внутри полярныхъ морей обширное пространство, по крайней мѣрѣ въ 50.000 квадр. верстъ, будетъ покрыто сплошными ледяными массами, которыя, подъ вліяніемъ сѣверныхъ вѣтровъ, могли бы спуститься въ болѣе низкія широты и растаяли бы въ южныхъ водахъ. Въ 1871 году, въ то время какъ моря сѣверной Европы очистились отъ льдовъ, послѣдніе ушли, гонимые вѣтромъ, въ сторону полярныхъ острововъ Новаго Свѣта, и цѣлый флотъ американскихъ китолововъ, болѣе тридцати судовъ, былъ затертъ между плавающими ледяными горами [2]). Вотъ почему весьма важно, чтобы на сѣверной оконечности Новой Земли была какъ можно скорѣе учреждена метеорологическая станція (подобная существующей уже на западномъ берегу, въ Малыхъ Кармакуляхъ), для того, чтобы мореплаватели могли заранѣе знать географію льдовъ во всемъ полярномъ бассейнѣ и, сообразно ихъ положенію, составлять свой маршрутъ. Благодаря перемѣщенію льдовъ, полярныя моря иногда являются совершенно свободными на протяженіи многихъ тысячъ верстъ. Въ 1870 году, когда норвежецъ Іоганнесенъ совершилъ первое выполненное до сихъ поръ плаваніе вокругъ Новой Земли, онъ не встрѣтилъ на своемъ пути ни одной льдины. Точно также лѣтомъ 1878 года поверхность водъ была совершенно открыта во всѣхъ моряхъ этихъ областей, такъ что, по мнѣнію Іоганнесена, пароходу легко можно бы было пройти на сѣверъ отъ архипелага Франца-Іосифа. Извѣстно, что болѣе близкое знакомство съ полярными водами и съ мѣсячными колебаніями мѣстнаго климата разсѣяло страхъ, который нѣкогда внушало Карское море, то-есть заливъ, простирающійся отъ Новой Земли до устьевъ или губъ Оби и Енисея: прежде это море называли «Ледникомъ Европы» и считали его совершенно непроходимымъ для судовъ, хотя оно было пройдено въ разное время многими купцами. Одна грамата Бориса Годунова, относящаяся къ 1600 году, опредѣленно говоритъ, что пинежскіе и мезенскіе торговые люди ходатайствовали о дозволеніи имъ ходить по морю и черезъ Обскую губу на Тазъ, Пуръ и Енисей, что имъ и было разрѣшено. Однако, уже въ 1616 году тобольскій воевода вошелъ съ представленіемъ къ высшему правительству, прося его воспретить всякое судоходство по Карскому морю, дабы голландскіе «нѣмцы» не провѣдали дорогу къ сѣвернымъ берегамъ Сибири, и дабы государева казна не лишалась чрезъ то пошлинъ съ привозныхъ товаровъ. Дѣйствительно, царь запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, пользоваться морскимъ путемъ черезъ Карскій проливъ, и одинъ холмогорскій житель, Савинъ, виновный въ томъ, что высказалъ надежду на прибытіе «нѣмецкихъ» мореходовъ къ берегамъ Карскаго моря, былъ нещадно битъ батогами, дабы другимъ не повадно было вносить смуту въ умы. Такимъ-то образомъ Карское море административнымъ порядкомъ было превращено въ «неприступный ледникъ». Въ 1844 году генералъ-губернаторъ не далъ разрѣшенія на основаніе въ Архангельскѣ банка, предназначавшагося для поощренія судоходства въ полярныхъ моряхъ, и даже приказалъ арестовать купца Сидорова, заподозрѣннаго въ томъ, что ему принадлежалъ почииъ этого предпріятія. Еще позднѣе мѣстное начальство перестало заботиться о поддержаніи бакеновъ и маяковъ, устроенныхъ частными лицами по берегамъ Печоры. Иностранцамъ выпала честь вновь открыть эти моря, на которыя фискъ наложилъ запрещеніе [1]). Въ 1869 году норвежецъ Карлсенъ прошелъ эти воды и достигъ устья Оби, откуда вернулся въ Норвегію черезъ Маточкинъ Шаръ. Со времени этого достопамятнаго путешествія не проходило года безъ того, чтобы,

[1]) Karl Weyprecht, выше цитированное сочиненіе.
[2]) Karl Weyprecht, тамъ же.

[1]) „Отечественныя Записки", 1877 г., №№ 10 и 11.

вопреки первому совѣту, данному русскимъ географическимъ обществомъ, Карское море, очень богатое рыбными мелями, не было посѣщаемо норвежскими рыболовами или торговыми людьми: въ началѣ августа суда почти всегда находятъ тамъ свободныя отъ льда воды; но очень часто они бываютъ окружены льдами.

Хотя Новая Земля иногда освобождается отъ окружающаго ее пояса сплошныхъ льдовъ, тѣмъ не менѣе это страна совершенно полярная. Издали скалы ея, съ которыхъ солнце, туманъ или вѣтеръ согнали снѣгъ, кажутся совершенно голыми и безплодными; только когда разсматриваешь ихъ вблизи, замѣчаешь на поверхности камня желтоватую или ржаво-рыжеватую окраску, обнаруживающую присутствіе лишаевъ. Въ равнинахъ, кое-какія лиственныя растенія разстилаются на подобіе дерноваго ковра и распускаютъ въ уровень съ землей свои цвѣты и плоды. По Квельману, флора этихъ острововъ состоитъ изъ 185 явнобрачныхъ и еще большаго числа тайнобрачныхъ. Страна имѣетъ и лѣса, но ея лѣса сливаются съ мхомъ: тамъ встрѣчаются приземистыя, ползучія березки, бузинные кустики, елочки, деревца, похожія на пучки травы. Самое обыкновенное дерево Новой Земли—особый видъ ивы (Salix polaris), которая поднимается не болѣе какъ на сантиметръ (менѣе полудюйма) надъ ковромъ изъ лишаевъ. Исполиномъ растительнаго царства является другой видъ ивы (Salix lanata), лучшіе экземпляры котораго имѣютъ не менѣе 15 сантим. (1/2 фута) въ высоту. Вообще деревья здѣсь развиваются не въ стволъ, а въ корни, такъ что лѣса Новой Земли, какъ и лѣса Сѣвернаго Урала, можно бы было назвать подземными.

Животное царство двойнаго острова богаче фауны Шпицбергена: кромѣ китообразныхъ, обитающихъ въ бухтахъ, къ нему принадлежатъ: медвѣдь, волкъ, двѣ породы лисицы, сѣверный олень, тоже двухъ видовъ, заяцъ, мышь обыкновенная и полевая. Впрочемъ, нѣкоторые виды животныхъ сосѣдняго материка могутъ пользоваться весеннимъ льдомъ и посѣщать временно острова. Гейглинъ нашелъ тамъ 45 видовъ птицъ, тогда какъ прежніе путешественники видѣли ихъ только 28. Мошки и комары, этотъ бичъ области тундръ Европейской Россіи и Сибири, не преслѣдуютъ звѣролововъ на островѣ Вайгачъ [1]) и довольно малочисленны на Новой Землѣ [2]).

Прежде въ южной части Новой Земли жили самоѣды, какъ свидѣтельствуетъ англійскій путешественникъ Стифенъ Борро, узнавшій о томъ отъ русскихъ, которыхъ онъ встрѣтилъ на о. Вайгачъ [3]); но эти туземцы давно уже

[1]) Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.
[2]) Von Baer; Toeppen, „Die Doppelinsel Nowaja Semlja“.
[3]) Lütke, „Viermalige Reise durch das nördliche Eismeer in den Jahren 1821 bis 1824“.

исчезли или удалились на материкъ; едва нѣсколько европейцевъ кавказскаго племени зимуютъ тамъ, въ постоянной спасательной станціи, основанной въ 1877 году въ Малыхъ Кармакуляхъ, на берегу бухты Моллеръ, да въ нѣсколькихъ пристанищахъ для рыбной и звѣриной ловли [1]). Хотя присоединенная къ громаднымъ владѣніямъ Россійской Имперіи, эта приморская провинція остается еще въ совершенно первобытномъ состояніи, и охотники могутъ бродить по ея пустыннымъ пространствамъ, не встрѣчая никакого пограничнаго знака, который напоминалъ бы о всемогуществѣ сѣвернаго колосса.

XI. Бассейны Волги и Урала, Великороссія.

Могучая рѣка, пересѣкающая наискось Европейскую Россію, почти отъ береговъ Балтики до Каспійскаго моря и принимающая въ себя воды обширной территоріи, въ три раза превосходящей по величинѣ Францію, способствовала въ значительной степени образованію Руси, какъ націи, и опредѣленію ея политической роли. Днѣпръ указывалъ малоруссамъ дорогу къ Царьграду; Висла, Нѣманъ, Западная Двина увлекали на западъ барки бѣлоруссовъ и литовцевъ и манили нѣмцевъ селиться на ихъ берегахъ; даже Волховъ и Нева, приводя Новгородъ Великій въ сообщеніе съ германской Ганзой, удаляли его, такъ сказать, отъ центра Россіи. Напротивъ того, Волга и обширная сѣть ея судоходныхъ притоковъ заставляли жителей края развиваться и создавать свою гражданственность на мѣстѣ ихъ пребыванія. Хотя многочисленныя судоходныя рѣки облегчали сообщенія во всѣхъ направленіяхъ между различными мѣстностями Великой Руси, однако лишь очень небольшое число колонистовъ направлялось на юго-востокъ, къ безплоднымъ степямъ, солончаковымъ пустынямъ и замкнутому бассейну Каспія: масса населенія должна была оставаться въ странѣ и мало-по-малу приспособлять ее посредствомъ культуры къ потребностямъ осѣдлой жизни. Соприкасаясь въ тысячѣ мѣстъ своей обширной колонизаціонной территоріи съ азіатскими племенами, пришедшими въ Европу черезъ юго-восточныя степи, великоруссы смѣшивались съ ними, частію претворяли ихъ въ славянъ, частію сами сливались съ уральскими народцами, и этимъ-то путемъ, чрезъ постоянное смѣшеніе племенъ, образовалась та сильная раса, которая постепенно пріобрѣла преобладающее значеніе

[1]) Въ 1882 г. на Новой Землѣ учреждена метеорологическая станція, а въ 1888 г. г. Носиловымъ основаны двѣ самоѣдскія колоніи—одна въ бухтѣ Моллера, другая въ серединѣ Маточкина Шара. Ред.

между всѣми народностями восточно-славянскаго міра. Освобожденная нынѣ, благодаря распространенію земледѣлія, устройству каналовъ, большихъ дорогъ, желѣзныхъ путей, отъ древнихъ границъ, начертанныхъ болотами и лѣсами, эта раса могла разлиться далеко за предѣлы бассейна Волги; направивъ потокъ колонизаціоннаго движенія на Азію, она протянула его черезъ всю Сибирь и выдвинула группы своихъ поселенцевъ до береговъ Тихаго океана; она, такъ сказать, осаждаетъ Китайское царство, и черезъ нее великій восточный континентъ все болѣе и болѣе подчиняется европейскому вліянію. Но главная масса великорусской національности и теперь, какъ и прежде, сосредоточена на Волгѣ и ея верхнихъ притокахъ: тамъ дѣти ея сгруппированы въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, а въ нѣкоторыхъ центральныхъ частяхъ густота населенія не менѣе той, какая существуетъ во многихъ странахъ Западной Европы.

Пространство и населеніе двадцати губерній, великорусскихъ вполнѣ или отчасти, границы которыхъ совпадаютъ приблизительно съ предѣлами бассейновъ Волги и Урала, показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Губерніи и области.	Пространство въ кв. верст., безъ значительныхъ внутреннихъ водъ.	Населеніе по переписи 1897 года.	Среднее число жит. на одну кв. версту.
Тверская	56.837	1.812.825	31
Калужская	21.177,9	1.118.726	43,4
Московская. . . .	29.236.4	2.433.356	83,2
Тульская	27.204,4	1.432.743	52,6
Орловская	41.057,7	2.054.749	50
Рязанская.	36.844,7	1.827.539	49,6
Тамбовская	58.511	2.715.453	46,4
Ярославская. . .	31.230,7	1.072.478	34,4
Костромская. . .	73.809,1	1.429.228	19,4
Владимірская . . .	42.831,8	1.570.733	36,7
Нижегородская . . .	45.036,7	1.600.304	35,6
Пензенская	34.129,1	1.491.215	43,5
Казанская.	55.945,8	2.191.058	39,1
Вятская.	135.019,7	3.082.788	22,8
Пермская.	290.168,7	3.003.208	10,4
Уфимская. . . .	107.209,7	2.220.497	20,7
Симбирская	43.491	1.549.461	35,6
Самарская.	136.713,5	2.763.478	20,2
Саратовская. . . .	74 244,8	2 419 884	32,6
Астраханская. . .	207.193,1	994.775	4,8
Оренбургская	166.710,9	1.609.388	9,7
Уральская Область (въ Европейск. и Азіатской Россіи). . . .	313.328,2	644.001	1,9

Ручей, принимающій у своего истока названіе Волги, получаетъ начало не въ горахъ; только нѣсколько незначительныхъ холмовъ поднимаются своими лѣсистыми вершинами надъ озерами и болотами, откуда вытекаютъ первыя воды, которыя, пройдя около 1.500 верстъ (считая по прямой линіи), изливаются въ Каспійское море. Впрочемъ, пересѣченное плато Волконскаго Лѣса и Валдая также посылаетъ изъ своихъ восточныхъ долинъ источники и ручьи въ нарождающуюся Волгу, и потому эта волнистая возвышенность можетъ быть разсматриваема какъ мѣсто происхожденія великой рѣки.

Самые высокіе холмы Валдайской возвышенности поднимаются не болѣе какъ на 210 фут. (65 м.) надъ уровнемъ плато, хотя главная вершина, Попова гора (у станціи Зимогорье), имѣетъ около 1.150 фут. (351 м.) высоты. Общая высота этой страны настолько значительна, что сообщаетъ ей гораздо болѣе суровый характеръ, чѣмъ какой имѣютъ равнины рѣки Ловать и озера Ильмень, на западѣ и на сѣверо-западѣ; при видѣ ея моховыхъ болотъ, озеръ, еловыхъ лѣсовъ можно подумать, что находишься верстъ на 500 сѣвернѣе, гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ Онежскаго озера; средняя годовая температура тамъ тоже почти на 2 градуса ниже, чѣмъ въ окружающихъ равнинахъ, и поясы многихъ растительныхъ видовъ обходятъ Валдайскія высоты на югѣ, чтобы направиться на юго-востокъ къ бассейну Дона [1]). Однако, въ цѣломъ флора Валдая не отличается отъ флоры сосѣднихъ равнинъ, простирающихся къ великимъ озерамъ, изъ чего заключаютъ, что эти высоты относительно недавняго происхожденія въ исторіи земнаго шара; онѣ не имѣютъ растеній, исключительно имъ свойственныхъ, и ихъ растительный покровъ всецѣло происходитъ изъ области, которая освободилась отъ льдовъ послѣ длинной геологической зимы. Плоскогорье, нынѣ изрытое дождями и снѣгами, составляло въ ту эпоху продолженіе однообразныхъ скатовъ этой области и, также какъ она, было покрыто моремъ финляндскихъ льдовъ; холмы его усѣяны эрратическими камнями всевозможной величины, принесенными, безъ сомнѣнія, плавающими льдами изъ сѣверныхъ странъ [2]). По своей ихтіологической фаунѣ, Валдай тоже принадлежитъ къ области финляндско-скандинавской. Рыбы его озеръ, даже рыбы верхней Волги, не принадлежатъ къ Волжскому бассейну въ собственномъ смыслѣ: верхніе валдайскіе притоки этой рѣки составляютъ часть ея какъ будто случайно и какъ будто присоединились къ ея бассейну только съ недавняго времени; судя по фаунѣ водъ, истинное происхожденіе Волги слѣдуетъ искать не на Валдайскихъ высотахъ, а въ Бѣломъ озерѣ, на востокѣ отъ Ладоги: стерляди и осетры живутъ въ Шекснѣ, вытекающей изъ этого озера, какъ и въ средней Волгѣ [3]).

Область, въ которой беретъ свое начало рѣка, извѣстная нынѣ подъ именемъ Волги, есть одна изъ самыхъ болотистыхъ мѣстностей западной Россіи: можно подумать, что она зани-

---

[1]) Хр. Гоби, „О вліяніи Валдайской возвышенности на географ. распростр. растеній". Спб., 1876.

[2]) Рупрехтъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome IX, 1866.

[3]) Поляковъ, „Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго Общества", 1874 г., № 8

маетъ низину, а не хребетъ страны. Отдѣленный простымъ торфянымъ болотомъ отъ одного изъ притоковъ Волхова, ручеекъ, изъ котораго образуется Волга, вытекаетъ изъ родника въ Волгиномъ Верховьѣ (въ Осташковскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи); родникъ этотъ, обдѣланный въ колодезь и называемый иногда Іорданомъ, какъ бы въ знакъ святости его водъ, былъ прежде прикрытъ часовней, остатки которой видны еще и теперь [1]). Ручеекъ въ началѣ скорѣе просачивается, нежели течетъ, изъ болота въ болото, затѣмъ, на разстояніи около 35 верстъ, проходитъ послѣдовательно черезъ три лежащія одно надъ другимъ озера (Стержъ, Веслугъ, Пено), уровень которыхъ разнится всего только на нѣсколько дециметровъ (1 дец.= 4 дюйм.). Часто случается, что притокъ, приходящій съ юга, рѣчка Жукопа, заставляетъ Волгу течь назадъ къ ея истоку, отбрасывая ее въ озеро Пено, изъ котораго она только-что вышла: естественное паденіе воды такъ слабо, что толчка, производимаго боковымъ потокомъ, достаточно, чтобы измѣнить ея направленіе. По выходѣ изъ озера Пено, лежащаго въ сосѣдствѣ съ маленькимъ озеромъ Двинецъ, откуда вытекаетъ Западная Двина, Волга принимаетъ восточное направленіе, котораго она придерживается до Казани, проходитъ черезъ четвертое озеро, носящее почти такое же названіе, какъ и рѣка: это озеро—Волго. Въ этомъ мѣстѣ Волга является уже порядочной рѣкой, катящей отъ 350 до 4.200 кубич. футовъ воды въ секунду, смотря по времени года [2]). Верстахъ въ пяти ниже рѣка съуживается и образуетъ свои первые пороги: инженеры воспользовались этимъ скалистымъ ущельемъ и построили для задерживанія водъ бейшлотъ или плотину, при помощи которой, въ дождливое время года, вся верхняя долина съ ея озерами превращается въ резервуаръ длиною около 75 верстъ и шириною въ 2 версты. Въ этомъ Верхневолжскомъ водохранилищѣ накопляется до 19 милліоновъ кубич. саженей воды, которая выпускается по мѣрѣ надобности и возвышаетъ горизонтъ рѣки. Барки и плоты могутъ спускаться внизъ изъ области озеръ, благодаря запрудѣ, и выше ея рѣка, уровень которой возвышается на 6½—7 дюймовъ въ періодъ засухи, становится правильно судоходной. Недалеко оттуда, ниже озера Волго, рѣчка Селижаровка, вытекающая изъ большаго извилистаго озера Селигеръ (гдѣ на островѣ находится знаменитый монастырь, Нилова Пустынь, посѣщаемый и теперь еще 20.000 богомольцевъ), соединяется съ Волгой и увеличиваетъ вдвое ея объемъ. Можно сказать, что съ точки зрѣнія судоходства и торговли здѣсь собственно и начинается рѣка Ра (Rha, Rhas или Rhos) древнихъ писателей и у мордвы, Юлъ черемисовъ, Атель, Этиль или Итиль татаръ, Тамаръ армянъ; всѣ эти названія означаютъ одно и то же—«Рѣка» по-преимуществу; финское названіе ея—Волга—значитъ «Священная рѣка».

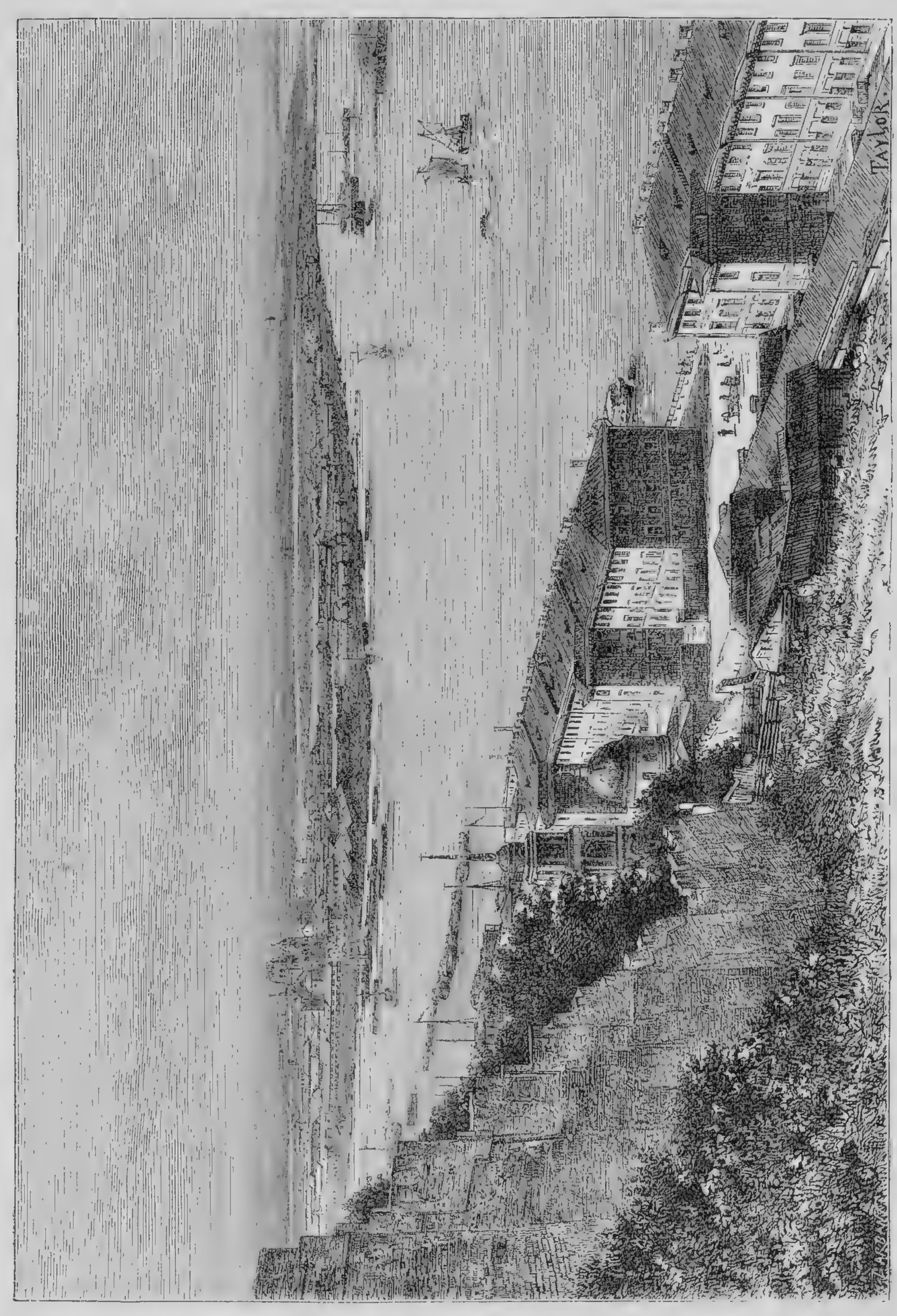
Ниже Селижаровки, Волгѣ остается только спуститься по скатамъ Валдайской сплошной возвышенности черезъ рядъ пороговъ (числомъ 33), которые, впрочемъ, не препятствуютъ судоходству; а далѣе рѣка, извиваясь въ великой русской равнинѣ, принимаетъ въ себя притоки судоходные, сообщающіеся посредствомъ каналовъ съ покатостью Балтійскаго моря. Многолюдные города, Тверь, Рыбинскъ, Ярославль, Кострома, отражаются въ ея водахъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ Волга, которая уже заслуживаетъ данное ей прозвище «матушки», матери между русскими рѣками, и которая, по массѣ воды, превосходитъ Днѣпръ-«батюшку» («Днипро батько», какъ его называютъ малороссы), соединяется съ другой рѣкой, почти равною ей по мощи и болѣе важною въ историческомъ отношеніи: это—Ока. Она долгое время служила границей между татарами и москвитянами и протекаетъ черезъ центральную область нынѣшней Россіи: получая начало въ области чернозема, эта рѣка, длиною 1.065 верстъ (1.136 кил.), орошаетъ плодороднѣйшія равнины Великой Россіи и несетъ на Нижегородскую ярмарку произведенія земледѣльческой и фабрично-заводской промышленности центральныхъ густо-населенныхъ губерній: Орловской, Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Владимірской и Московской. Имѣя около версты съ четвертью въ ширину, она сливается, какъ морской заливъ, съ Волгой, которая только немногимъ шире ея въ этомъ мѣстѣ.

Другіе притоки, величиной съ Сену, теряются въ Волгѣ къ востоку отъ Нижняго Новгорода; но всѣ они кажутся незначительными въ сравненіи съ могучей Камой, которая соединяется съ главной рѣкой ниже Казани, принося Волгѣ дожди и тающіе снѣга съ Уральскихъ горъ и изъ обширныхъ странъ, населенныхъ пермяками и зырянами. Въ то время, какъ бассейнъ Оки обнимаетъ пространство почти столь же обширное, какъ Италія, Кама получаетъ излишекъ влаги съ территоріи, почти равняющейся протяженіямъ всей Франціи. По направленію теченія. Каму можно считать главной рѣкой, такъ какъ ниже сліянія двѣ рѣки, соединенныя въ одномъ и томъ же руслѣ, но еще долго различающіяся цвѣтомъ своихъ водъ (камская вода чистая, тогда какъ волжская имѣетъ сѣрый цвѣтъ), текутъ къ югу и юго-западу, слѣдовательно по линіи, составляющей продолженіе верхней долины Камы. У Симбирска средній объемъ протекающей воды, можетъ быть, уже столь же значителенъ, какъ и при устьяхъ Волги, потому что во всемъ среднемъ теченіи

[1]) Albin Kohn, „Die Volga und Kama". Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik", oct. 1879.

[2]) Stjernwall; Köppen, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches"; ф.-Беръ и ф.-Гельмерсенъ.

притоки немногочисленны и приносятъ незначительное количество воды: дожди тамъ рѣдки, а испареніе очень сильно, такъ что у крестьянъ низовыхъ приволжскихъ мѣстностей сложилась



Мѣсто сліянія Оки съ Волгою.

даже поговорка: «не земля насъ кормитъ, а небо».

Ниже сліянія Волги и Камы прежде существовалъ обширный озерный бассейнъ, цѣлое прѣсноводное море, которое съ теченіемъ времени было постепенно заполнено наносами двухъ соединившихся рѣкъ. Почти въ этомъ мѣстѣ находится граница области торфяныхъ болотъ и начинается область степей. Въ направленіи съ сѣвера на югъ атмосфера становится менѣе влажной, почва болѣе крѣпкой. Внизъ отъ Симбирска нигдѣ уже не встрѣтишь большихъ трясинъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ мховъ, который плаваетъ на болотистой, по-

лужицкой тинѣ и въ которомъ корни деревъ переплетаются на подобіе веревочныхъ сѣтей. Впрочемъ, даже въ области моховыхъ болотъ, такіе растущіе на трясинахъ лѣса должны постепенно исчезать съ распространеніемъ земледѣлія и съ проложеніемъ дорогъ [1]).

Ниже древняго Симбирскаго озера, Волга ударяется о крутыя стѣны известковыхъ горъ, которыя она не въ состояніи была пробить напоромъ воды, и потому должна слѣдовать вдоль ихъ основанія въ восточномъ направленіи—до слабаго мѣста, позволяющаго водамъ открыть себѣ выходъ и продолжать свой путь на югъ. Но, пройдя эту горную массу, черезъ проломъ у Самары, рѣка тотчасъ же поворачиваетъ къ западу, слѣдуя вдоль полуденнаго склона холмовъ, въ направленіи противоположномъ ея предъидущему ходу, и такимъ образомъ ограничиваетъ, съ замѣчательной правильностью очертанія, узкій и длинный полуостровъ, соединенный основаніемъ съ западнымъ плато. Въ этомъ изгибѣ, называемомъ Самарской лукой (длина ея дуги около 150 верстъ, а хорды—менѣе 20 верстъ), берега Волги необыкновенно живописны. Крутыя, лѣсистыя горы, оканчивающіяся на верху пирамидами и иглами причудливой формы, возвышаются надъ рѣкой мѣстами саженъ на сто, и съ вершинъ ихъ можно окинуть взоромъ развертывающіяся извилины Волги на разстояніи сотни верстъ. На нѣкоторыхъ, почти неприступныхъ, вершинахъ (Жегули или Жегулевскія горы) нѣсколько кургановъ носятъ названіе «Стенькиныхъ», въ память Степана Разина, предводителя возмутившихся казаковъ и крестьянъ, который со своей вольницей имѣлъ притонъ въ этой естественной волжской крѣпости [2]). Около входа въ проломъ, на сѣверъ отъ Самары, тамъ, гдѣ притокъ Сокъ впадаетъ въ главную рѣку, возвышается на лѣвомъ берегу Волги отдѣльный холмъ, который нѣкогда былъ островомъ среди существовавшаго тутъ обширнаго озера. Это—такъ называемый Царевъ Курганъ, известковая гора, содержащая въ большомъ количествѣ ископаемыя раковины (Fusulina cylindrica), которыя похожи на зерна хлѣба, вслѣдствіе чего мѣстные крестьяне обыкновенно называютъ ихъ «окаменѣлой рожью» [3]).

Холмы, вдоль основанія которыхъ течетъ Волга, поднимаются во многихъ мѣстахъ саженъ на 50—60, даже на 100 и болѣе надъ поверхностью воды, принимая почти видъ настоящихъ горъ. Гора Бѣлый Ключъ, на юго-западъ отъ города Сызрани, имѣетъ не менѣе 1.158 фут. высоты, то-есть 1.115 фут. надъ среднимъ уровнемъ рѣки; другія вершины, достигающія 100 и 120 саженъ, представляютъ внушительныя высоты въ сравненіи съ едва примѣтными буграми, которые поднимаются тамъ и сямъ на равнинахъ центральной Россіи. Эти холмы западнаго берега Волги составляютъ замѣчательный контрастъ съ гладкими равнинами ея восточной стороны. И контрастъ этотъ—не только во внѣшней формѣ: онъ проявляется также и въ геологической природѣ почвы. Выше Самарскаго пролома, высоты праваго берега принадлежатъ къ формаціямъ каменноугольной, юрской, мѣловой, тогда какъ восточныя равнины діазическаго происхожденія; ниже пролома Волга раздѣляетъ пермскіе холмы отъ аллювіальныхъ земель, наполнившихъ древнія озера и морскіе заливы. Рѣка образуетъ геологическую границу,—но границу, которая мало-по-малу передвигается.

Въ самомъ дѣлѣ, Волга можетъ быть разсматриваема какъ типъ рѣкъ, которыя постоянно размываютъ все далѣе и далѣе свой правый берегъ, отлагая наносы на лѣвомъ берегу. Основываясь на изученіи этого могучаго потока, академикъ Беръ могъ окончательно доказать и формулировать законъ (изслѣдованіемъ его занимался уже Солтковъ въ 1844 году), приводящій постепенныя перемѣщенія этихъ рѣкъ въ связь съ вращательнымъ движеніемъ земнаго шара. Текущая жидкая масса, переходя послѣдовательно, какъ въ данномъ случаѣ, изъ географическихъ широтъ съ меньшею угловою скоростью въ широты съ большею скоростью, должна отставать отъ движенія земли и уклоняться къ западу, т. е. въ сторону праваго берега. По выходѣ изъ области плоскихъ возвышенностей, Волга не перестаетъ подтачивать свой высокій или «нагорный» берегъ и удаляться съ лѣваго или «луговаго» берега. Подобное же явленіе можно наблюдать на Окѣ, Камѣ и другихъ большихъ притокахъ рѣки. Городъ Казань, стоявшій прежде на самомъ мысѣ, образуемомъ сліяніемъ Казанки и Волги, теперь удаленъ верстъ на пять или на шесть отъ этой послѣдней рѣки: можно подумать, что онъ самъ отодвинулся къ востоку.

Но особенно въ той части теченія, которая заключается между Самарой и Царицынымъ, захваты Волги представляютъ замѣчательнѣйшее зрѣлище. На востокѣ, то-есть на лѣвомъ берегу, мы видимъ острова, наполовину обсохшіе рукава, болота, затѣмъ, въ отдаленіи, степь, выровненную водами, которыя нѣкогда покрывали ее. Рѣка устремляетъ всю силу своего теченія на западный берегъ, почти вездѣ изсѣченный въ видѣ крутаго утеса и состоящій изъ слоя глины, лежащаго на песчаномъ откосѣ. Во время разливовъ, вода Волги ударяется объ основаніе береговыхъ горъ; она уноситъ песокъ, вырываетъ ямы и пещеры подъ стѣнами изъ глины, затѣмъ смываетъ однѣ за другими огромныя глыбы, которыя отдѣляются отъ верх-

[1]) R. Ludwig, „Reise durch Russland und den Ural."

[2]) Кучинъ, „Путеводитель по Волгѣ между Нижнимъ и Астраханью".

[3]) Акад. Гельмерсенъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", vol, XI, 1867.

нихъ пластовъ: такимъ образомъ рѣка неустанно подтачиваетъ и разрушаетъ эти громадныя глинистыя стѣны, которыя издали похожи на скалы, и уноситъ ихъ въ море, вмѣстѣ съ прибрежными городами и деревьями. Почти всѣ двадцать-три города, построенные на западномъ берегу Волги, разрушаются дѣйствіемъ водъ по частямъ, домъ за домомъ, улица за улицей, и, подтачиваемые съ одной стороны, они вынуждены отодвигаться все далѣе и далѣе въ степь. Даже ниже Царицынскаго поворота и его береговыхъ утесовъ, крутой берегъ, на которомъ стоитъ Черный-Яръ и который возвышается саженъ на 14, отступаетъ каждый годъ почти на столько же саженъ, и дорога, по которой спускаются изъ города къ рѣкѣ, должна быть передѣлываема ежегодно. Кладбище, такъ же, какъ старый городъ, поглощены рѣкой, и долгое время видны были черепа и скелеты, высовывавшіеся изъ красноватой стѣны береговаго утеса. Съ высоты нагорнаго праваго берега можно окинуть взоромъ всю сѣть рукавовъ, которые извиваются среди лабиринта зеленыхъ острововъ до рѣки Ахтубы, прежняго русла Волги, отстоящаго нынѣ среднимъ числомъ верстъ на 20 отъ главнаго потока. Далѣе разстилается необозримая степь, которая походитъ на сѣроватое море, и дѣйствительно превращается въ море, во время разливовъ Волги, на значительное протяженіе въ ширину. Во избѣжаніе этихъ наводненій, почти всѣ города были построены на высокомъ правомъ берегу, гдѣ они, если и разрушаются, то по крайней мѣрѣ разрушаются постепенно и не рискуютъ исчезнуть въ одинъ разъ [1]). Безъ сомнѣнія, придетъ время, когда долина Свіяги, параллельная долинѣ Волги на протяженіи почти 400 верстъ и отдѣленная отъ нея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пространствомъ не болѣе 3 верстъ, сдѣлается долиной главной рѣки. Промежуточныя возвышенности годъ отъ году уменьшаются въ ширину.

Область Волжской дельты начинается уже отъ Царицынскаго поворота, въ разстояніи около 500 верстъ отъ Каспійскаго моря, такъ какъ рѣка дѣлится тутъ на безчисленное множество рукавовъ или каналовъ, извивающихся между ложами Волги и Ахтубы, изъ которыхъ послѣдняя вблизи моря носитъ названіе Берекетъ; однако, дельта въ собственномъ смыслѣ образуется лишь верстахъ въ пятидесяти выше Астрахани въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ главнаго русла выдѣляется рукавъ Бузань. Затѣмъ, въ сосѣдствѣ Астрахани, отдѣляются рукава Балда, Кутумъ, а еще ниже—Церевскій, Цаганъ, Бирюль и другіе. На обширномъ аллювіальномъ полуостровѣ, который вдается далеко во внутренность Каспія и, не считая безчисленныхъ неправильностей прибрежья, имѣетъ не менѣе 170 верстъ въ окружности, насчитываютъ среднимъ числомъ около двухъ сотъ рѣчныхъ устьевъ, большинство которыхъ, правда, состоитъ изъ непостоянныхъ и тинистыхъ протоковъ. Лѣтопись Преподобнаго Нестора говоритъ о «семидесяти устьяхъ»: то было священное число; въ настоящее время около пятидесяти рукавовъ этого воднаго лабиринта представляютъ правильные потоки [1]). Весной, въ періодъ наводненія, вся поверхность дельты, такъ же, какъ все нижнее теченіе, начиная отъ Царицына, обращается въ сплошную массу движущейся воды, среди которой тамъ и сямъ высовываются островки; въ это время, можно сказать, прѣсноводное море спускается къ соленому морю. Но послѣ каждаго изъ этихъ ежегодныхъ потоковъ образовывались новыя русла, а изъ старыхъ нѣкоторыя заносились иломъ или пескомъ, такъ что географію Волжской дельты постоянно приходится передѣлывать. Даже главныя русла мѣняютъ мѣсто. Двѣсти лѣтъ тому назадъ устье, по которому слѣдовали суда, текло прямо отъ Астрахани къ востоку; затѣмъ главный потокъ послѣдовательно пролагалъ себѣ другія русла, уклоняясь все далѣе и далѣе въ правую сторону, и теперь протокъ, по которому обыкновенно производится судоходство, направляется къ юго-юго-западу. Протокъ Балда, сообщающійся посредствомъ боковаго рукава съ Ахтубой, также получилъ въ это послѣднее время значительную важность и увеличился на счетъ своихъ сосѣдей: подтачивая и затопляя земли, онъ даже смылъ до послѣднихъ слѣдовъ древній и знаменитый монастырь, носившій названіе Балдинскаго. Въ то время, какъ русла перемѣщаются, бары или пороги, черезъ которые должны переходить суда, чтобы войти изъ рѣки въ Каспійское море или проникнуть изъ моря въ рѣку, тоже мѣняютъ положеніе и глубину: ни одинъ проходъ не имѣетъ на барѣ болѣе 3 аршинъ глубины, а второй по важности не имѣлъ лѣтомъ 1852 года даже 18 дюймовъ, такъ что для судоходства рѣка была почти совершенно отдѣлена отъ моря [2]). Если бы южные и юго-западные вѣтры не дули часто съ такой силой, что аллювіальная грязь уносится обратно вверхъ по теченію, въ глубокія мѣста рѣчнаго ложа, то баръ Волги былъ бы совершенно недоступенъ. Пытались-было удалять осадки, отлагающіеся въ главномъ рукавѣ, но успѣли только перенести ихъ далѣе въ море, вслѣдствіе чего образовался новый порогъ, столь же высокій, какъ и прежній; затѣмъ Мрочковскій предлагалъ устроить запруду выше входнаго фарватера, чтобы такимъ образомъ задерживать наибольшую часть рѣчныхъ наносовъ. Теперь инженеръ Даниловъ предлагаетъ обойти дельту, проведя каналъ отъ Астрахани

[1]) Акад. Беръ, „Kaspische Studien“.

[1]) Mroczkowski, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1872.

[2]) Семеновъ. „Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи“.

до Серебряковской гавани, отстоящей отъ этого города на 180 верстъ къ юго-западу: тутъ именно находится первая глубокая бухта морскаго прибрежья, на югѣ отъ Волги.

Такъ оканчивается эта могучая рѣка, длина которой, не считая небольшихъ извилинъ, около—3.500 верстъ [1], а судоходная сѣть (судоходные притоки ея имѣютъ около—8.500 в.), неуступающая по обширности судоходной линіи большихъ американскихъ рѣкъ, составляетъ около—12.000 верстъ. Отъ истоковъ Камы до Астраханской дельты, воды проходятъ 16 градусовъ географической широты и 9 изотермическихъ градусовъ: въ то время, какъ климатъ верхней рѣчной области имѣетъ среднюю температуру, равную температурѣ точки замерзанія, годовая степень тепла въ области Волжской дельты колеблется около 9 градусовъ. У Астрахани рѣка замерзаетъ, среднимъ числомъ, только на 98 дней, и толщина льда тамъ иной разъ не превышаетъ 10 дюйм. [2]; близъ Казани Волга бываетъ скована льдомъ 152 дня въ году; выше Перми, при впаденіи Чусовой, Кама остается подъ ледянымъ покровомъ въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ. Можно считать въ 40 сантиметровъ количество дождевой воды, выпадающей въ Волжскомъ бассейнѣ, что давало бы около 700.000 кубич. футовъ воды въ секунду, если бы вся падающая изъ атмосферы влага стекала черезъ русло Волги; но въ области лѣсовъ и луговъ растительность поглощаетъ значительную часть выпадающей атмосферной воды; а въ области степей непосредственное испареніе можетъ уносить болѣе полутора аршина воды въ мѣстахъ выставленныхъ сильному дѣйствію вѣтровъ [3]. Около трехъ-четвертей выпадающей воды теряется по дорогѣ. По первымъ, впрочемъ еще приблизительнымъ, исчисленіямъ, среднее количество протекающей въ Волгѣ воды оказалось 5.780 кубич. метровъ въ секунду: это не составляетъ даже двухъ-третей средняго расхода Дуная, который, между тѣмъ, уноситъ въ море воды бассейна вдвое меньшаго, чѣмъ бассейнъ великой русской рѣки. Подобно тому, какъ это замѣчено на рѣкахъ Сѣверной Германіи, Волга, говорятъ, стала менѣе обильна, чѣмъ прежде: суда, отправляемыя изъ нижней части рѣки съ солью, предназначенной для рынковъ сѣверной Россіи и Сибири, брали въ началѣ прошлаго столѣтія, среднимъ числомъ, около—18.000 пудовъ груза; въ наши дни они никогда не перевозятъ болѣе половины этого вѣса [4]. Между тѣмъ точныя измѣренія, произведенныя въ Астрахани, доказали, что съ половины настоящаго столѣтія, весенній разливъ Волги начинается раньше, продолжается дольше и поднимается выше. По среднимъ выводамъ за десятилѣтніе періоды, характеръ разливовъ у Астрахани представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Ускореніе разлива.	Продолжительность половодья.	Наибольшая высота.
1839—48	—	120,3 дней	8,2 фут.
1849—58	2,4 дня	147,3 „	9,9 „
1858—67	9,4 „	191,7 „	9,9 „

Причину этого явленія, т. е. усиленія разливовъ, слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ уменьшеніи лѣсовъ, которое имѣетъ слѣдствіемъ гораздо болѣе быстрое таяніе снѣга, незащищаемаго деревьями, а съ другой—въ осушкѣ болотъ при помощи канавъ, уносящихъ въ рѣки воду, которая оставалась прежде въ мхахъ торфяниковъ [1].

Количество приносимой Волгою воды, по меньшей мѣрѣ равное объему жидкой массы, изливаемому всѣми другими притоками Каспія, настолько значительно, что оказываетъ весьма чувствительное вліяніе на уровень этого моря. Такъ, напримѣръ, разливъ 1867 года, превосходившій всѣ разливы за предшествовавшія сорокъ лѣтъ, повысилъ морскую поверхность на 25 дюймовъ; прошло безъ малаго три года прежде, чѣмъ вода вернулась къ своему нормальному уровню. Эта добавочная жидкая масса въ бассейнѣ Каспія представляла 274 милліарда кубич. метровъ, то-есть въ три раза превышала объемъ Женевскаго озера. Что касается годоваго приращенія дельты со стороны моря, то до сихъ поръ его не могли опредѣлить даже приблизительно, по причинѣ чрезвычайной трудности дѣлать измѣренія на такомъ растянутомъ фронтѣ, форма котораго, при томъ, безпрестанно измѣняется подъ вліяніемъ процессовъ размыва и наноса, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи. Можно только сказать, что это приращеніе должно быть весьма значительно, такъ какъ вода Волги, въ которую каждый дождь приноситъ массу песку и глины изъ безчисленныхъ овраговъ, похожа на грязь во всей дельтѣ: тамошніе рыбаки не имѣютъ въ своемъ языкѣ никакого выраженія для обозначенія ея прозрачности; эта жидкая тина бываетъ для нихъ либо «красной», либо «бѣлой», смотря по большему или меньшему содержанію въ ней глинистыхъ или мѣловыхъ частицъ. Всѣ эти постороннія вещества, составляющія, по исчисленію Мрочковскаго, двѣ-тысячныхъ части воды, отлагаются по всей окружности дельты въ видѣ островов, островковъ, тинистыхъ мелей. Когда геологическія изслѣдованія позволятъ опредѣлить эпоху, въ которую Каспій отдѣлился отъ Понта Эвксинскаго, вѣковое уве-

---

[1]) По Стрѣльбицкому, длина Волги 2.983 в.=3.183 кил., а площадь бассейна 1.281.959 кв. верстъ=1.458.894 кв. кил. Ред.

[2]) „Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго Общества", 1870 г., № 1.

[3]) Herbert Wood, рукописныя замѣтки.

[4]) A. de Gasparin, „Cours d'Agriculture", tome II, 1844.

[1]) „Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго Общества", томъ VII, № 1, 1871 г.

личеніе дельты можетъ быть вычислено съ точностью, потому что вся дельта — новѣйшаго происхожденія, и образованіе ея, тамъ, гдѣ она теперь находится, началось только со времени обособленія морскаго бассейна, въ который изливаются воды рѣки [1]).

Волга очень богата рыбой, и огромное множество рыбаковъ живутъ ея ловомъ. Въ особенности низовая Волга является для ея прибрежныхъ жителей и для всей Россіи громаднымъ питательнымъ резервуаромъ. Каждое время года имѣетъ свой особый родъ рыбной ловли: сѣти и неводы всякаго рода, крючки, багры, остроги и западни—таковы снаряды, которые употребляются для этой ловли, смотря по времени года и ловимой рыбѣ; даже зимой, когда ледъ покрываетъ Волгу своей толстой плитой, рыболовы пробиваютъ на извѣстныхъ разстояніяхъ одна отъ другой проруби и успѣваютъ овладѣвать рыбой, благодаря своему знакомству съ ея обычаями и повадками [2]). На нѣкоторыхъ рѣкахъ въ окрестностяхъ Самары рыбаки открываютъ траншею во льду, отъ одного берега до другаго; затѣмъ удаляются вверхъ по рѣкѣ за нѣсколько верстъ, и оттуда, верхомъ на коняхъ, скачутъ назадъ во весь галопъ, съ страшнымъ шумомъ и крикомъ, сгоняя такимъ образомъ рыбу къ запрудамъ траншеи. Самые странные по виду рыболовныя приспособленія на Волгѣ,—впрочемъ, совершенно похожія на тѣ, какія употребляются въ Босфорѣ и на берегахъ Адріатическаго моря,—это лѣса изъ жердей, плахъ, качающихся кровель, которые воздвигнуты надъ водой и на которыхъ сторожитъ рыбакъ, словно цапля, покачивающаяся на своихъ длинныхъ ногахъ и высматривающая добычу въ волнахъ. На островкахъ дельты устроены многочисленные заводы, гдѣ рыбу, привозимую цѣлыми барками, разрѣзаютъ, чтобы отдѣлить самыя нѣжныя части мяса и въ особенности яички, изъ которыхъ приготовляется поступающая въ продажу икра свѣжая или соленая (называемая также паюсной или салфеточной). Бѣлуга, осетръ, стерлядь, принадлежащіе къ семейству осетровыхъ, наиболѣе цѣнятся изъ всѣхъ гостей Волги и достигаютъ наибольшихъ размѣровъ. Они поднимаются вверхъ по рѣкѣ, приходя съ Каспійскаго моря, ихъ родины; но обиліе рыбы, кажется, уменьшилось въ послѣднія десятилѣтія [3]), съ тѣхъ поръ, какъ пароходы часто мутятъ воды и пугаютъ рыбу. До постройки желѣзныхъ дорогъ бѣлая и красная рыба, ловимая въ водахъ Волги, была отправляема московскимъ и петербургскимъ лакомкамъ въ большихъ чанахъ, наполненныхъ водой, которая каждый день перемѣнялась руками большаго числа мужиковъ, сопровождавшихъ обозъ съ рыбой. Послѣдняя такимъ образомъ приходила на мѣсто назначенія свѣжею, но расходы по перевозкѣ возвышали цѣну каждой стерляди до нѣсколькихъ сотенъ рублей. Въ Астраханскомъ уѣздѣ рѣчныхъ рыбаковъ въ 1872 году было: мужчинъ—10.418, женщинъ—5.816, дѣтей—511; всего—16.745 человѣкъ.

Къ западу отъ Волжской дельты, и даже далеко за предѣлами этихъ аллювіальныхъ земель, съ одной стороны—по направленію къ устью Кумы, а съ другой—по направленію къ устью Урала, на протяженіи около 400 верстъ, мы замѣчаемъ странную бахрому изъ узкихъ полуострововъ и продолговатыхъ острововъ, средняя высота которыхъ не болѣе 3 или 5 саженъ и которые отдѣлены одинъ отъ другаго неглубокими каналами, вдающимися во внутренность материка верстъ на 20 и даже на 50. Эти полуострова, извѣстные подъ именемъ бугровъ, продолжаются внутри материка барханами, которые прежде принимали, ошибочно, за подвижныя дюны. Ни въ какой другой части земнаго шара морскіе берега не представляютъ подобнаго образованія, или, по крайней мѣрѣ, нигдѣ это образованіе не отличается такой замѣчательной правильностью. Обозрѣваемая съ высоты, совокупность бугровъ и промежуточныхъ лимановъ показалась бы безконечнымъ рядомъ параллельныхъ стѣнъ, чередующихся съ рвами одинаковой ширины. Различныя вѣтви Волги смыли многія изъ этихъ горокъ, но ихъ осталось еще большое число, даже въ самой дельтѣ; всѣ рыболовныя станціи, разсѣянныя по берегамъ рѣки, и городъ Астрахань были построены на холмахъ этого рода. Тысячи каналовъ, раздѣляющихъ эти узкія земляныя насыпи, представляютъ обширнѣйшій лабиринтъ, неизслѣдованный еще даже рыболовами; только самыя подробныя карты могутъ дать понятіе объ этомъ странномъ скопленіи острововъ, островковъ, каналовъ и бухтъ. Непосредственно на западѣ отъ Волги, лиманы, раздѣляющіе бугры, всегда превращаются въ рѣки. Во время разливовъ Волги, рѣка изливаетъ въ эти каналы излишекъ своихъ водъ, смѣшанныхъ съ глиной; затѣмъ, по окончаніи разлива, море, въ свою очередь, проникаетъ въ лиманы: такимъ образомъ происходитъ поперемѣнное движеніе водъ между Волгой и Каспіемъ. Вдали отъ дельты, лиманы, не будучи наполняемы выступающими изъ береговъ водами рѣки, не образуютъ, вообще говоря, сплошной водной площади, а только цѣпь озеръ, отдѣленныхъ одно отъ другаго песчаными перешейками и превращающихся въ естественныя скопленія соли, вслѣдствіе быстраго лѣтняго испаренія. Чтобы образовать соляной бассейнъ, достаточно устроить

[1]) „Bulletin de la Société de Geographie de Paris“, 1872.

[2]) Von Baer, „Kaspische Studien“; Сабанѣевъ, „Рыбы Россіи“; A. Legrele, „La Volga, Notes sur la Russie“.

[3]) Убыль рыбы замѣчается только въ верхнемъ и отчасти въ среднемъ теченіяхъ Волги; низовье же этой рѣки представляетъ первобытное богатство рыбою. Ред.

плотины, которыя не позволяли бы водамъ Волги проникать въ лиманъ: тогда этотъ последній, будучи наполняемъ морской водой, насыщается мало-по-малу и обращается въ резервуаръ соли. Даже внутри степей, вдали отъ нынѣшнихъ береговъ моря, можно встрѣтить тамъ и сямъ соляные лиманы, раздѣленные параллельными буграми.

По мнѣнію Бера, который первый далъ подробное описаніе каспійскихъ бугровъ, всѣ эти горки состоятъ изъ слоевъ, расположенныхъ въ формѣ концентрическихъ сводовъ. Слои, содержащіе наибольшее количество глины, составляютъ, такъ сказать, ядро, вокругъ котораго отложились земли, болѣе смѣшанныя съ пескомъ. Такое расположеніе слоевъ свидѣтельствуетъ о дѣйствіи теченій, которыя проходили по всей странѣ, отлагая пески на плотныя, трудно размываемыя массы глины. Общее направленіе бугровъ также повѣствуетъ о совершившемся геолическомъ переворотѣ. Расположенные на подобіе вѣера, съ одной стороны концами къ сѣверу, съ другой—къ югу, эти холмы представляютъ собою оконечности радіусовъ, выходящихъ изъ общаго центра, который, по всей вѣроятности, находился около середины Понто-Каспійскаго перешейка. Подобное расположеніе можно объяснить только внезапнымъ пониженіемъ уровня водъ въ направленіи отъ запада къ востоку, и причиной этого быстраго спада воды было, безъ сомнѣнія, отдѣленіе Каспійскаго моря отъ бассейна Понта Эвксинскаго. Когда, вслѣдствіе прорыва Босфора, или уменьшенія дождей, раздѣльный порогъ высунулся изъ воды, водная площадь Каспія, въ то время имѣвшая вдвое большую поверхность, чѣмъ въ наши дни, вдругъ лишилась части воды, которая питала ее вмѣстѣ съ Чернымъ моремъ. Такъ какъ воды, приносимой Волгою и другими ея притоками, было недостаточно, чтобы пополнять убыль, производимую испареніемъ, то море, безъ сомнѣнія, уменьшилось, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, до половины своего прежняго бассейна, и отливъ водъ вырылъ на нынѣшнемъ берегу эти узкіе лиманы, сохранившіеся до сихъ поръ въ дельтѣ Волги [1]). Однако представляется другая гипотеза, повидимому, болѣе простая. Бугры и промежуточные рвы—не есть ли это остатокъ прежней дельты Волги, которая нѣкогда текла на югъ отъ Царицына, старымъ русломъ, которое видно еще у подошвы Эргенисскихъ холмовъ? [2]).

Какъ бы, слѣдовательно, ни были значительны перемѣны, которыя Волга, Терекъ и другіе притоки Каспія производятъ своими наносами въ контурахъ этого русскаго Средиземнаго моря, во всякомъ случаѣ эти перемѣны ничтожны въ сравненіи съ настоящими переворотами, которые нѣкогда совершились въ формѣ и очертаніяхъ великаго морскаго бассейна. Правда, эти геологическіе перевороты извѣстны намъ не по свидѣтельству исторіи, ибо первая карта, дающая въ общихъ чертахъ довольно точное изображеніе каспійскихъ береговъ, была составлена только въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія; но общій видъ выступившихъ изъ-подъ воды земель, раковины, оставленныя на почвѣ, животныя океаническаго происхожденія, обитающія въ Каспійскомъ морѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно прежняго, гораздо болѣе обширнаго протяженія морскихъ водъ. Отнынѣ можно считать неоспоримымъ фактомъ, что Каспійское море со времени четвертичной эпохи сообщалось съ Понтомъ Эвксинскимъ черезъ порогъ Манычა и простиралось на сѣверъ до Самары и Симбирска. Хотя теперь оно превратилось въ замкнутое со всѣхъ сторонъ озеро, его слѣдуетъ разсматривать геологически какъ часть существовавшаго нѣкогда огромнаго пролива между двумя континентами, европейскимъ и азіатскимъ.

Раздѣльный порогъ между двумя морями обозначенъ самой природой съ совершенной точностью. Рѣка Калаусъ, выходящая изъ мѣловыхъ пластовъ, простирающихся у сѣвернаго основанія Кавказскихъ горъ, почти на-половинѣ разстоянія между двумя морями, течетъ въ началѣ съ юга на сѣверъ, по направленію къ впадинѣ, оставленной бывшимъ Понто-Каспійскимъ проливомъ; затѣмъ, достигнувъ равнинъ, почти горизонтальныхъ, неимѣющихъ видимаго ската, она дѣлится на большое число рукавовъ, изъ которыхъ многіе теряются въ пескахъ, тогда какъ другіе направляются на востокъ, къ Кумѣ и Каспійскому морю. Весной, во время таянія снѣговъ, и въ концѣ осени, послѣ большихъ дождей, Калаусъ, катящій тогда значительное количество воды, ищетъ себѣ другихъ выходовъ и изливаетъ на западѣ часть своей излишней жидкой массы; эта вода спускается въ озеро Манычъ, находящееся на покатости Азовскаго моря, и, пройдя послѣдовательно черезъ рядъ прудовъ, вступаетъ, наконецъ, въ бассейнъ Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, два главные рукава Калауса, изъ которыхъ одинъ носитъ названіе Восточнаго Маныча, а другой—Западнаго Маныча, составляютъ отъ моря до моря временный каналъ, замѣняющій древній соединительный проливъ. Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, во время возмущенія казаковъ, предводитель ихъ, Стенька Разинъ, говорятъ, имѣлъ намѣреніе пустить флотилію по Манычу, чтобы плавать между двумя морями, и донскіе казаки, будтобы, толпой слѣдовали за своимъ атаманомъ по этому судоходному пути. Если письменныя свидѣтельства, на основаніи которыхъ Бергштрес-

[1]) Акад. Беръ, выше цитированное сочиненіе.
[2]) П. Кропоткинъ, Рукописныя замѣтки.

серъ сообщаетъ эти факты, достовѣрны, то нужно заключить, что количество воды, несомой Калаусомъ, сильно уменьшилось въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, ибо въ наши дни навигація изъ моря въ море могла бы быть производима лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, и самъ Бергштрессеръ тщетно пытался совершить это плаваніе. Кромѣ того, раздѣльный порогъ въ послѣднія два столѣтія увеличился въ высоту всѣми наносами Калауса и продолжаетъ повышаться до сего дня; въ то же время онъ постепенно перемѣщается вмѣстѣ съ бифуркаціоннымъ полуостровомъ; прежде онъ долженъ былъ находиться гораздо южнѣе [1]).

Сообщеніе, нѣкогда существовавшее между двумя морями, можетъ ли быть возстановлено, и можно ли надѣяться, что современемъ большія суда будутъ безпрепятственно ходить отъ Гибралтара до Астрабадскаго порта, или даже, черезъ возстановленное прежнее теченіе Аму-Дарьи, до подножія высокихъ горъ Централь-Азіи? Если бы Петръ Великій узналъ о существованіи этой цѣпи озеръ и лѣниво текущихъ водъ, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ не преминулъ бы отправить инженеровъ для возстановленія древняго соединительнаго канала: припомнимъ, что онъ дѣлалъ попытки установить водное сообщеніе между Волгой и Дономъ и приказалъ произвести изысканія въ долинахъ Ріона и Куры, на югѣ Кавказа, въ видахъ проведенія канала. Палласъ, какъ извѣстно, открылъ впадину Маныча, а Парротъ первый предложилъ воспользоваться двоякимъ скатомъ этой впадины для проложенія судоходнаго пути; затѣмъ различные изслѣдователи, въ особенности Бергштрессеръ, изучали страну, дабы ускорить начало этого предпріятія. Во всякомъ случаѣ, нечего и думать о прорытіи морскаго канала безъ шлюзовъ черезъ Понто-Каспійскій перешеекъ. Чтобы заставить спускаться по отлогому скату воды Азовскаго моря къ Каспійскому, нужно бы было исполнить работу гораздо болѣе колоссальную, чѣмъ прорытіе Суэзскаго перешейка, въ виду результата несравненно менѣе важнаго. Такъ какъ порогъ лежитъ на высотѣ слишкомъ 31 метра надъ уровнемъ Чернаго моря—24 метр. по Данилову—и, слѣдовательно, на 57 метр. выше поверхности Каспія, то траншеи, которыя пришлось бы вырыть для канала глубиною только въ 10 фут., были бы однѣ изъ самыхъ глубокихъ, какія существуютъ въ свѣтѣ; ровъ, выкопанный въ глинистой почвѣ степей и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже черезъ пласты песчаника, имѣлъ бы глубину по меньшей мѣрѣ около 20 саженъ на разстояніи цѣлыхъ 50 верстъ. Но каналъ со шлюзованными уступами, предназначенный для мелкаго судоходства, былъ бы дѣломъ относительно легко осуществимымъ, если не довольствоваться водой Калауса, ни даже водой Кумы, какъ предлагалъ инженеръ де-Воланъ: нужно бы было взять питательную воду въ Терекѣ и къ Кубани, на большой высотѣ надъ впадиной Маныча. Планы инженера Данилова, исполненіе которыхъ стоило бы отъ сорока до пятидесяти милліоновъ рублей, позволили бы астраханскимъ пароходамъ обходить устья Волги боковымъ каналомъ, проведеннымъ въ Каспійское море, откуда они могли бы проникать въ Манычъ, затѣмъ огибать полуостровъ Тамань и такимъ образомъ прямо вступать въ Черное море.

Пространство, которые нѣкогда покрывали воды Каспійскаго моря, въ моментъ отдѣленія его отъ Понта Эвксинскаго, обнимало въ Европѣ и въ Азіи всю область озеръ, соляныхъ болотъ и степей, простирающуюся у основанія плоскихъ возвышенностей. На югъ отъ Царицына еще видны крутые утесы, которые возвышались надъ древнимъ моремъ и которые составляли бы продолженіе нагорнаго берега Волги, если бы теченіе рѣки, подтачивая свой высокій берегъ, не заставило его мало-по-малу отступать къ западу. Немного впереди южныхъ береговыхъ утесовъ, цѣпь озеръ и прудовъ, очевидный остатокъ рѣки, есть, можетъ быть, продолженіе древней Волги, изливавшейся въ Манычскій проливъ. Вслѣдствіе постепеннаго испаренія воды, поверхность Каспійскаго моря въ настоящее время уменьшилась до 385.000 квадр. верстъ (439.420 кв. кил.), что составляетъ почти четыре пятыхъ поверхности Франціи. Эта поверхность, какъ мы знаемъ, не перестаетъ уменьшаться, по причинѣ отложенія землистыхъ частицъ, приносимыхъ рѣками, но, кажется, количество воды остается приблизительно то же самое: повидимому, установилось равновѣсіе между приходомъ и расходомъ, или по крайней мѣрѣ колебанія уровня заключены въ тѣсные предѣлы.

Въ 1830 г. Ленцомъ сдѣлана была нарѣзка въ одной скалѣ близъ Баку, и съ той поры постоянно наблюдали измѣненія уровня, но не извѣстно—слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ измѣненіяхъ лишь мѣстное колебаніе, или явленіе общее для всего бассейна. Наблюденія эти дали слѣдующіе результаты: уровень Ленца въ 1830 г.: нуль; въ 1837 г.: —0,48 метр. (Воскобойниковъ); въ 1847 г.: + 0,23 м. (Абихъ); въ 1848 г.:—0,40 м. (Абихъ); въ 1852 г.; —0,88 м. (Абихъ); въ 1853 г.:—0,73 м. (Ханыковъ); въ 1861 г.: —1,20 м. (Абихъ).

Однако, до сихъ поръ еще не опредѣленъ годовой балансъ водъ посредствомъ высчисленія приносимаго рѣками объема жидкой массы и точнаго измѣренія средняго испаренія. Признакомъ, который, за недостаткомъ непосред-

---

[1]) Bergstraesser, „Verbindung des Kaspischen mit dem Schwarzen Meere", „Mittheilungen von Petermann, 1869".

ственныхъ наблюденій, позволяетъ утверждать, что въ теченіе настоящаго геологическаго періода уровень Каспія держался приблизительно на одинаковой высотѣ, служатъ песчаныя стрѣлки или косы, встрѣчающіяся во многихъ мѣстахъ впереди линіи морскаго прибрежья, преимущественно вдоль береговъ Персіи и Туркестана. Воды открытаго моря не могли бы воздвигнуть подобныхъ береговыхъ кордоновъ, при быстромъ пониженіи ихъ уровня: тогда, напротивъ, образовались бы борозды перпендикулярно къ берегу.

Въ наши дни уровень Каспія на 12 слишкомъ саженъ (26 метровъ) ниже уровня Чернаго моря [на 26,04 метр.—по Савичу, Фуссу и Саблеру, въ 1836 г.; на 26,09 метр.—по Абиху (кавказская тріангуляція, въ 1861 г.); на 27,38 метр.—по Вронченко и Васильеву]. Въ своемъ отступательномъ движеніи, воды оставили среди степей нѣкоторое число соляныхъ болотъ, какъ, напримѣръ, озеро Элтонъ; но наибольшая часть нѣкогда покрытаго водой пространства была совершенно покинута моремъ, и даже нѣкоторыя впадины, болѣе низменныя, чѣмъ нынѣшній уровень Каспія, были до послѣдней капли опорожнены испареніемъ: напримѣръ, между Элтонскимъ озеромъ и рѣкой Ураломъ указываютъ одну такую впадину, лежащую почти на 22 сажени (46 метр.) ниже уровня Чернаго моря. Общая покатость равнинъ, простирающихся на сѣверѣ отъ каспійской впадины, продолжается подъ поверхностью водъ почти нечувствительнымъ уклономъ: можно идти по морю на нѣсколько верстъ, даже миль отъ берега, не рискуя быть поглощеннымъ волнами. Противъ устьевъ Волги большіе пароходы принуждены бросать якорь такъ далеко отъ берега, что съ якорной стоянки, называемой «Девяти-футовой», нельзя разглядѣть береговъ. Во всей этой части своего бассейна море представляетъ собою настоящую потопленную степь, которая, въ случаѣ внезапнаго пониженія уровня, превратилась бы въ равнины, подобныя астраханскимъ. Къ сѣверу отъ устьевъ Терека и полуострова Мангышлакъ, глубина Каспія не превышаетъ 7 или $7^1/_2$ саженъ, и многочисленныя песчаныя мели сильно затрудняютъ судоходство въ этихъ водахъ. Почти вся сѣверная треть бассейна занята этимъ степнымъ болотомъ. Эта часть моря такъ низменна и мелководна, что при сѣверныхъ вѣтрахъ воды иногда отступаютъ отъ береговъ верстъ на 30 къ югу. Зимой, когда вся сѣверная полоса Каспія покрыта слоемъ льда, часто случается, что сильный сѣверный вѣтеръ, гонящій воды въ южномъ направленіи, совершенно опоражниваетъ цѣлые заливы, скрытые подъ ледяной корой. Потерявъ опору, ледъ тогда весь опускается на дно, и миріады рыбъ бываютъ раздавлены подъ обрушившимися ледяными массами [1]). Восточные берега моря тоже представляютъ длинный поясъ отмелей и бухтъ, усѣянныхъ песчаными банками. Однако, двѣ подводныя пропасти, напоминающія пучины океана, открываются въ азіатскомъ бассейнѣ Каспійскаго моря до глубины слишкомъ 326 и 420 саженъ: какъ во всѣхъ почти моряхъ, наибольшая глубина воды въ Каспіѣ указывается сосѣдствомъ самыхъ высокихъ горъ берега; эти двѣ глубокія впадины, обнаруженныя промѣрами дна, находятся именно на сѣверѣ и на югѣ отъ восточнаго Кавказа, у основанія его подводныхъ склоновъ.

Воды Каспійскаго моря имѣютъ самую сильную соленость не въ тѣхъ областяхъ, гдѣ это озеро по глубинѣ представляетъ наиболѣе морской характеръ. Восточныя бухты, особенно заливъ «Чернаго Устья», или Карабугазъ, и родъ фьорда, называемый «Черной Водой», или Карасу, который изгибается на сѣверо-восточной сторонѣ моря, между двухъ высокихъ скалистыхъ береговъ, гораздо богаче другихъ частей Каспія соляными веществами. Въ этихъ почти замкнутыхъ водныхъ пространствахъ жидкая масса обновляется чрезвычайно медленно, а между тѣмъ поверхностный слой ея быстро испаряется подъ вліяніемъ вѣтра и солнечной теплоты: слѣдствіемъ этого является сильная концентрація соли, которая отлагается на низменныхъ берегахъ плитами, похожими на мраморную мостовую. Соленость залива Карасу, превосходящая даже соленость Суэзскаго рейда, самаго соленаго изъ всѣхъ бассейновъ, сообщающихся съ океаномъ, такъ велика, что животная жизнь тамъ должна была совершенно или почти совершенно прекратиться. Взамѣнъ того, поверхностная вода въ областяхъ моря, сосѣднихъ съ дельтами Терека, Волги, Урала, почти прѣсна, такъ что во многихъ рыболовныхъ станціяхъ, гдѣ нѣтъ ключей, пьютъ морскую воду безъ отвращенія и безъ вреда для здоровья.

Это различіе солености давало поводъ прежнимъ путешественникамъ и географамъ высказывать самыя разнорѣчивыя мнѣнія о степени насыщенности каспійскихъ водъ. Наконецъ, опредѣленія количества составныхъ частей этихъ водъ, сдѣланныя академикомъ Беромъ и другими натуралистами, дали въ среднемъ выводѣ содержаніе морской соли—около 9 тысячныхъ (соленость воды въ глубокихъ мѣстахъ Каспія: отъ 1,0085 до 1,0114). Это—немного менѣе, чѣмъ соленость Чернаго моря, исчисляемая среднимъ числомъ въ 11 тысячныхъ. Такимъ образомъ, съ того времени, когда эти два морскіе бассейна отдѣлились одинъ отъ другаго, совершившіяся перемѣны были настолько значительны, что вызвали разность на

[1]) „Aus allen Welttheilen", August 1873.

одну пятую въ относительной солености разъединенныхъ морей. Какая причина этой разности? Понтъ ли Эвксинскій сдѣлался болѣе соленымъ, вступивъ въ сообщеніе со Средиземнымъ моремъ черезъ Босфоръ, или Каспій частію утратилъ свою первоначальную соленость? Первое объясненіе кажется весьма вѣроятнымъ, ибо всѣ рыбы Гирканскаго моря принадлежатъ либо къ странствующимъ видамъ, либо къ видамъ, которые живутъ въ мало соленыхъ водахъ или довольно индифферентны къ степени солености моря. Напротивъ, въ Понтѣ Эвксинскомъ рыбы, свойственныя сильно соленымъ водамъ и пришедшія первоначально изъ Средиземнаго моря, составляютъ по численности преобладающій элементъ [1]). Впрочемъ, могло быть также и то, что даже въ эпоху, когда два моря, Каспійское и Черное, составляли часть одного и того же бассейна, первое было наполнено менѣе соленой водой, по причинѣ обилія впадающихъ въ него рѣкъ, жидкая масса которыхъ не смѣшивалась совершенно съ водами восточнаго резервуара: вѣдь, въ наше время Азовское море далеко не имѣетъ такой солености, какъ Понтъ Эвксинскій. Какъ бы то ни было, разобщеніе Каспія должно было произойти уже въ очень отдаленную эпоху, такъ какъ фауна этого моря отличается отъ всѣхъ другихъ нѣкоторымъ числомъ видовъ. Изслѣдованія проф. Кесслера установили тотъ фактъ, что Каспійское море заключаетъ по крайней мѣрѣ 54 вида рыбъ, которые не встрѣчаются нигдѣ въ другихъ моряхъ [2]). Только шесть видовъ свойственны въ одно и то же время морямъ Аральскому, Каспійскому и Черному, но двадцать пять другихъ видовъ населяютъ воды двухъ главныхъ бассейновъ. Относительно раковинъ сдѣланы подобныя же наблюденія; изъ 18 видовъ, найденныхъ Рудольфомъ Лудвигомъ въ каспійскихъ водахъ, нѣкоторые встрѣчаются только въ этомъ бассейнѣ, другіе общи ему съ Чернымъ моремъ, иные же—съ полярными морями. Эта часть морской фауны мало имѣетъ представителей въ Каспіѣ, по причинѣ слабой солености его водъ.

Животная жизнь необычайно богата въ морѣ у Астрахани, не только среди поверхностныхъ водъ, но также на глубинахъ нѣсколькихъ сотъ саженъ. Огромное количество рыбы, населяющей Каспій, приписывается чрезвычайному обилію растительной пищи, которую эти животныя находятъ въ мелкихъ водахъ сѣверныхъ областей моря и въ безконечныхъ камышахъ Волги и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ этотъ морской бассейнъ. По нѣкоторымъ разсказамъ древнихъ путешественниковъ и даже современныхъ писателей, уловъ рыбы въ Каспійскомъ морѣ достигаетъ почти баснословныхъ размѣровъ: часто бываетъ, что рыбу ловятъ тысячами и десятками тысячъ штукъ. Вѣроятный годовой уловъ около 25 милліоновъ пуд., представляющихъ цѣнность отъ 30 до 37 милліоновъ рублей; но оффиціальная статистика, не принимающая въ разсчетъ мелкихъ рыболовныхъ станцій, даетъ гораздо менѣе высокія исчисленія [1]). Въ 1872 году въ Астраханскомъ уѣздѣ на морскомъ рыбномъ промыслѣ было: рыбаковъ 23.000; простыхъ судовъ 2.780, рыболовныхъ пароходовъ 19; цѣнность улова—18.490.500 рублей. Прежде дороговизна соли, обложенной высокимъ акцизомъ, не позволяла рыболовамъ солить мелкую рыбу и отправлять ее въ другія мѣстности Россіи.

За предѣлами нынѣшняго бассейна Каспія, многочисленныя соленыя озера, находящіяся въ уѣздахъ Новоузенскомъ и Николаевскомъ, должны быть разсматриваемы тоже какъ остатки моря. Свойственныя морскому бассейну раковины были находимы даже въ сосѣдствѣ Сызрани и Самары, близъ большаго изгиба Волги (Самарской луки), и даже гораздо далѣе на сѣверъ, въ Болгарской равнинѣ, къ югу отъ сліянія Камы съ Волгой. Геологъ Языковъ, открывшій эти раковины, полагаетъ, что Сызранская равнина нѣкогда была заливомъ Каспія, сообщавшагося, можетъ быть, съ другимъ, болѣе сѣвернымъ моремъ, по бывшему ложу котораго теперь протекаютъ Волга, Кама и ихъ притоки [2]). Относительно степей, уровень которыхъ нынѣ ниже поверхности Средиземнаго моря и уровня Манычскаго порога, не можетъ быть никакого сомнѣнія: это, очевидно, остатки древняго морскаго дна, усѣянные Каспіями въ миніатюрѣ и пересѣкаемые рѣчками и ручьями или, вѣрнѣе, потоками новѣйшаго образованія; таковы, напримѣръ, рѣчки Большая и Малая Узень, текущія отъ сѣверо-запада къ юго-востоку съ замѣчательнымъ параллелизмомъ и въ томъ же направленіи, какъ и низовая Волга. Это, безъ сомнѣнія, потоки, вырывшіе себѣ русло въ аллювіальной почвѣ тотчасъ же послѣ отступленія водъ Каспійскаго моря [3]).

Изъ безчисленныхъ маленькихъ Каспіевъ, разсѣянныхъ по степи, самый знаменитый тотъ, гдѣ находится соляное озеро Элтонъ, прежде

[1]) Ульскій; A. Goebel, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, 1863, tome V.

[2]) Проф. Кесслеръ, „Russische Revue“, 1875, 4 вып.; „Ausland,“ 1877, № 2.

[1]) По оффиц. источникамъ, въ 1880 г. изъ Астрахани и ближайшихъ пристаней было вывезено 14 милл. пуд., на сумму 25 милл. руб., а общій вывозъ рыбныхъ грузовъ изъ губ Астраханской опредѣленъ въ 30 милл. р. По болѣе точнымъ и новѣйшимъ свѣдѣніямъ (Хлѣбниковъ), изъ Астрахани идетъ рыбныхъ грузовъ, добытыхъ въ дельтѣ Волги, въ рѣкахъ Уралѣ, Сефидрудѣ, Курѣ, Терекѣ и въ Каспійскомъ морѣ—до 18 милл. пуд Ред.

[2]) Ruprecht, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, tome VII, 1865.

[3]) Von Helmersen, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, tome XI, 1867.

называвшееся у калмыковъ Ялтонъ-Норъ, то-есть «Золотое Озеро»: оно было такъ названо, безъ сомнѣнія, по причинѣ блестящаго отраженія его поверхности подъ лучами вечерняго солнца. Но обыкновенно эта пустынная мѣстность, гдѣ живутъ только несчастные рабочіе, привлекаемые соляными промыслами, представляетъ очень печальное зрѣлище. Нигдѣ зелень не являетъ пріятнаго контраста однообразной глинѣ, бурой или желтоватой, на которой тамъ и сямъ показываются полосы бѣлой соли: домики рабочихъ, складочные амбары компаніи, пирамиды соли, разставленныя рядами, точно палатки арміи, большія фуры съ солью, запряженныя волами, которыя тянутся обозами по дорогѣ къ Волгѣ,—вотъ единственные предметы, на которыхъ можетъ остановиться взоръ среди безпредѣльной равнины. Озеро Элтонъ, воды котораго, блистающія на солнцѣ, кажутся красно-фіолетовыми, покрываетъ пространство въ 200 кв. километровъ, но глубина его, почти вездѣ одинаковая, не превышаетъ 1 фута (3 дециметра); только когда вѣтеръ дуетъ съ большой силой изъ одной и той же точки горизонта, вся масса озера перемѣщается: резервуаръ, осушенный съ одной стороны, выступаетъ изъ береговъ съ другой, и воды, приносимыя волненіемъ, скопляются въ видѣ слоя толщиною около аршина. Ложе озера сплошь состоитъ изъ соляныхъ пластовъ чрезвычайной твердости, которые до сихъ поръ еще не измѣрены до большой глубины. Рабочіе не добираются до этой твердой соляной скалы; они ограничиваются разработкой новыхъ слоевъ, которые образуются каждый годъ на окружности озера, во время таянія снѣговъ, когда глинистыя воды, содержащія соляныя частицы, стекаютъ изъ окружающей степи. Количество соли, на которое ежегодно увеличивается пластъ, отложившійся въ Элтонскомъ бассейнѣ, исчислено приблизительно въ 120—125 милліоновъ пудовъ. Насыщенная солью вода до такой степени густа, что рабочіе съ трудомъ ходятъ въ ней; она никогда не замерзаетъ, даже когда температура опускается до 30 градусовъ ниже точки тающаго снѣга; но въ сильные морозы опасно погрузить обнаженные члены въ этотъ густой разсолъ: кожа тотчасъ же чернѣетъ, и иногда появляется антоновъ-огонь[1]). Есть преданіе, будто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ среди озера бьютъ ключи чистой и холодной воды. Нѣсколько каналовъ, вырытыхъ противъ промысловыхъ строеній, позволяютъ плоскодоннымъ баркамъ ходить отъ берега къ затопленнымъ ломкамъ; но эти канализаціонныя работы составляютъ почти все, что сдѣлано до сихъ поръ промышленностью для утилизаціи громаднаго солянаго бассейна. Добыча соли на Элтонѣ значительно увеличилась со времени передачи казною эксплоатаціи этого промысла частной компаніи; теперь эта послѣдняя разработываетъ главнымъ образомъ озеро Баскунчакъ, более близкое къ Волгѣ [1]).

Большая часть солонцоватыхъ степей простирается на сѣверъ отъ Каспійскаго моря, между теченіемъ Волги и теченіемъ Урала. Къ западу отъ Каспія поясъ солончаковъ гораздо менѣе широкъ; степи тамъ почти всѣ состоятъ изъ глинистыхъ равнинъ, усѣянныхъ озерами, изъ которыхъ иныя имѣютъ прѣсную воду. На сѣверѣ, тянутся степи, песчаныя почти на всемъ ихъ протяженіи, и прерываются только болотами да двумя тріасовыми островками, Большимъ и Малымъ Богдо, изъ которыхъ первый изрытъ пещерами; кое-гдѣ пески нагромоздились въ видѣ дюнъ, которыя передвигаются съ мѣста на мѣсто, по волѣ вѣтра. Что касается каменистыхъ степей, то ихъ совсѣмъ нѣтъ на европейскомъ берегу Каспія, тогда какъ онѣ занимаютъ почти всю азіатскую сторону этого моря, сторону угрюмую и пустынную. Всѣ эти степи, солончаковыя, глинистыя или каменистыя, нисколько не похожи на днѣпровскія травяныя степи, и скудныя пастбища, съ рѣдкой травой, показываются лишь тамъ и сямъ въ низинахъ, на довольно большомъ разстояніи отъ нынѣшняго берега моря. Послѣ нашествія саранчи, что случается довольно часто, на этихъ пастбищахъ не остается ни одной былинки, и даже камыши на болотахъ пожираются до самаго уровня воды, наполненной хлопьями грязи [2]). А между тѣмъ и въ этихъ негостепріимныхъ пустыняхъ живутъ тамъ и сямъ не только кочевники, киргизы и башкиры, но также смѣлые колонисты, великорусскіе казаки, составляющіе какъ бы авангардъ племени, которое населяетъ всю центральную Россію.

Къ востоку отъ рѣки Урала, каменистыя плоскія возвышенности, прерывающія однообразную поверхность степей, суть первые отроги или предгорья длиннаго хребта Уральскихъ горъ, которыя теряются на крайнемъ сѣверѣ въ Арктическомъ океанѣ, пройдя 28 градусовъ широты, черезъ четыре пояса—степей, лѣсовъ, тундръ и плавающихъ полярныхъ льдовъ.

---

[1]) Th. von Lengenfeldt, „Aus allen Welttheilen", April 1877.

[1]) Мощность Элтонскаго озера (въ у. Царевскомъ, въ 275 в. отъ Саратова) еще не опредѣлена. Площадь его—около 200 кв. верстъ; въ теченіе 140 лѣтъ, т. е. съ начала разработки, добыто 540 милл. пуд. соли. Баскунчакское озеро расположено въ у. Черноярскомъ и имѣетъ 112 кв. верстъ; толщина залежи соли у береговъ—болѣе $1^1/_2$ арш., а въ срединѣ она значительно больше; запасъ соли опредѣляется болѣе чѣмъ въ 11 милліардовъ пудовъ. Съ исправленіемъ солевознаго тракта до Волги и съ открытіемъ Грязе-Царицынской жел. дороги, добыча соли на Баскунчакскомъ озерѣ начала быстро возрастать, а на Элтонскомъ она упала. Такъ, въ срединѣ 50-хъ годовъ Элтонское озеро доставляло болѣе 13 мил. пуд., въ 1880 же году изъ него было получено менѣе полумилліона пудовъ. Нынѣ на Баскунчакскомъ озерѣ добыча достигаетъ 14 милліоновъ пуд. Ред.

[2]) Von Baer, „Kaspische Studien".

Часть Уральскаго хребта, начинающаяся около истоковъ Печоры и ограничивающая на востокѣ бассейнъ Волги, не сопровождается побочными параллельными цѣпями или отрогами, какъ Уралъ Вогульскій, Остяцкій и Самоѣдскій; только нѣсколько массивовъ поднимаются на востокѣ, съ сибирской стороны, достигая нѣкоторыми своими точками болѣе значительной высоты, чѣмъ другія вершины Урала: такова, напримѣръ, гора Денежкинъ-Камень. Къ югу отъ Конжакова-Камня, Уралъ теряетъ видъ гряды горъ: это уже не болѣе какъ рядъ хребтовъ, поднимающихся среднимъ числомъ отъ 650 до 1.000 футовъ надъ сосѣдними низменными пространствами; при томъ основаніе этой незначительной выпуклости земнаго рельефа такъ широко, что оба склона ея имѣютъ едва замѣтный скатъ. Поднимаясь со стороны Европы къ верхушкѣ хребта, которая находится всего только на 1.180 футахъ абсолютной высоты, думаешь, что все еще ѣдешь по равнинамъ; горы показываются только вдали въ формѣ невысокой зубчатой полосы, подернутой синеватой дымкой. На азіатскомъ склонѣ покатость еще болѣе отлога и постепенна: не приходится спускаться даже на 50 саженъ до Екатеринбурга; это—не перевалъ, не горный проходъ, соединяющій два низменныя пространства, а просто невысокій порогъ. При томъ же голая скала показывается лишь въ очень немногихъ мѣстахъ: она почти вездѣ покрыта мхомъ или даже торфяниками; цѣлыя озера скрыты, говоритъ геологъ Лудвигъ, подъ слоями торфа, до того толстыми, что черезъ нихъ проложены колесныя дороги, и безопасно совершается ѣзда. Большіе лѣса простираются на скатахъ горъ и въ долинахъ, удаленныхъ отъ дорогъ; но въ сосѣдствѣ рудниковъ и горныхъ заводовъ всѣ высоты уже оголены отъ прежняго древеснаго покрова; много лѣса потрачено также на постройку судовъ. Каждый годъ сотни барокъ и другихъ мелкихъ судовъ выходятъ изъ верфей, чтобы везти руду въ нижележащія мѣстности, и ни одно изъ этихъ судовъ не возвращается назадъ: всѣ они, по приходѣ въ мѣсто назначенія, разбираются, и матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, продается за безцѣнокъ [1]). Въ большихъ лѣсахъ, которые еще существуютъ, медвѣди довольно многочисленны, но человѣкъ не боится ихъ; ягоды, которыми питается звѣрь, вездѣ находятся въ изобиліи; въ лѣсу часто встрѣчаешь искалѣченныя рябины, у которыхъ медвѣдь обломалъ вѣтви, чтобы легче достать гроздья ягодъ.

Средняя область Урала, которую атмосферные дѣятели всего болѣе понизили въ теченіе ряда вѣковъ, пріобрѣла особенно важное значеніе, благодаря своему богатству драгоцѣнными металлами. Тамъ добываютъ, съ 1815 года, золото въ соединеніи съ платиной и находятъ въ то же время другіе металлы, особенно мѣдь, почти всегда сопровождаемую породами пермской формаціи, а также желѣзо, которое образуетъ цѣлыя горы. Однако, не въ самыхъ горныхъ породахъ, гранитѣ или серпентинѣ, рудокопъ ищетъ золотоносныя жилы: природа уже растерла, измельчила горы, вѣроятно, дѣйствіемъ древнихъ ледниковъ [1]), и обломки ихъ покрываютъ значительное пространство. Съ каждой стороны горной цѣпи, равнины, Пермская и Оренбургская, также какъ равнины Азіи, состоятъ изъ обломковъ, залегающихъ поясомъ около 300 верстъ средней ширины, при глубинѣ почти въ 70 саженъ: это—горныя породы, раздробленныя, оторванныя отъ Урала, затѣмъ унесенныя водами съ той и другой стороны горъ и разсѣянныя по низменнымъ землямъ. Если бы всѣ эти обломки были обратно перенесены на хребетъ, то они увеличили бы его высоту по малой мѣрѣ на 2.000 футовъ [2]). Въ этихъ-то грудахъ обломковъ, выровненныхъ на поверхности торфомъ, мхомъ или дерномъ, рудокопы находятъ, часто рядомъ съ ископаемыми костями большихъ жвачныхъ, руду, извлеченную изъ ея первоначальнаго мѣсторожденія льдами или водами. Восточный склонъ Урала богаче западнаго металлами: въ Азіи сосредоточены главные рудники и самые дѣятельные металлургическіе заводы; тамъ даже въ сплошной скалѣ находятъ древнія подземныя галлереи, прозванныя «чудскими рудниками», гдѣ собрали множество орудій изъ мѣди, но не нашли ни одного, которое было бы сдѣлано изъ бронзы, изъ чего можно заключить, что раса древнихъ рудокоповъ исчезла до наступленія бронзоваго вѣка въ собственномъ смыслѣ [3]). По преданію, старые, очень богатые, рудники будто бы еще извѣстны нѣкоторымъ туземцамъ; но послѣдніе всегда упорно отказывались показать входъ въ эти рудники изъ опасенія, чтобы ихъ не заставили участвовать въ тяжелыхъ работахъ эксплоатаціи. Это напоминаетъ намъ южно-американскихъ квичуасовъ, которые много разъ съ умысломъ заваливали входъ въ самые обильные металломъ золотые рудники.

Въ одной изъ большихъ горнозаводскихъ областей, немного сѣвернѣе Златоуста, Уральскій хребетъ, постепенно поднявшійся передъ тѣмъ на болѣе значительную высоту, дѣлится на двѣ вѣтви, направляющіяся къ югу на подобіе опахала и расходящіяся другъ отъ друга, чтобы образовать широкія долины, въ которыхъ берутъ начало рѣка Уралъ и ея при-

---

[1]) Акад. Гельмерсенъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, 1867, № XI.

[1]) Eichwald, „Ueber das Seifengebirge des Urals“. „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches“, Band VIII.

[2]) Rudolph Ludwig, „Geologische Beobachtungen im Ural“.

[3]) Albin Kohn, „Sibirien“; Садовскій, „Handelsstrassen der Griechen und der Römer“.

токъ Сакмара. Западная вѣтвь достигаетъ версты въ вышину нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ, каковы: Юрма, Таганай, Уренга; горою Иремель она поднимается почти на полторы версты надъ уровнемъ моря и, слѣдовательно, по высотѣ равна большимъ горнымъ массамъ Сѣвернаго Урала. Двѣ другія цѣпи: средняя, которая продолжаетъ собою главную ось горъ, и восточная, которая сливается съ плоскогорьями, прилегающими къ Аральскому морю, менѣе возвышены, чѣмъ западная вѣтвь, послѣдніе отроги которой тянутся на сѣверѣ, параллельно теченію рѣки Уралъ. На южной своей оконечности система Уральскихъ горъ имѣетъ не менѣе 300 верстъ въ ширину.

Различныя высоты Средняго и Южнаго Урала [1]).

Средній Уралъ.	Метр.	Фут.	Южный Уралъ.	Метр	Фут.
Денежкинъ-Камень . .	1.630	5.300	Иремель .	1 530	5 060
Конжаковъ-Камень . .	1.460	4.800	Юрма . . .	1.050	3.450
Гора Благодать . .	460	1.500	Таганай . .	1.050	3.440
Екатеринбургскій порогъ. .	360	1.180	Ахтуба . .	790	2.660

Рѣка Уралъ, теченіе которой продолжаетъ Уральскія горы, какъ оффиціальная граница Европы и Азіи, въ старину называлась Яикомъ. При имп. Екатеринѣ II это названіе было запрещено и какъ бы предано проклятію, по причинѣ печальной извѣстности, которую доставило ему возмущеніе Яицкаго казацкаго войска, подъ предводительствомъ Пугачева; но, можетъ быть, самая эта причина помѣшаетъ забвенію прежняго наименованія. По длинѣ своего теченія, Уралъ принадлежитъ къ числу большихъ рѣкъ Европы, но не по обилію своихъ водъ. Онъ беретъ начало на азіатскомъ скатѣ горъ, въ ущельяхъ Калгантау, и получаетъ свои первые притоки изъ долинъ, защищенныхъ отъ дождевыхъ вѣтровъ: среднее количество влаги, выпадающей въ формѣ дождей и снѣга въ верхнемъ бассейнѣ Урала, не достигаетъ, вѣроятно, нигдѣ 40 сантиметровъ въ годъ и даже постепенно уменьшается отъ сѣвера къ югу; при входѣ въ равнины рѣка протекаетъ черезъ страны, гдѣ годовое выпаденіе дождя менѣе 25 сантиметровъ, и при томъ испареніе отнимаетъ у нея значительную часть этой воды. Русло рѣки, состоящее изъ глинистыхъ слоевъ, почти вездѣ имѣетъ не менѣе 50 саженъ въ ширину, а мѣстами достигаетъ даже 80 саженъ; но воды рѣки не глубоки, и торговый городъ Оренбургъ, главный складочный пунктъ для товаровъ, идущихъ изъ Европы въ Азію и изъ Азіи въ Европу, не можетъ пользоваться Ураломъ для судоходства, хотя среднее теченіе рѣки, отклоняемое къ западу плоскогорьями полуденной степи, слѣдуетъ въ направленіи съ востока на западъ, то-есть въ направленіи наиболѣе благопріятномъ для транзита между Россіей и Туркестаномъ. Въ среднемъ своемъ теченіи Уралъ имѣетъ только два сколько-нибудь значительныхъ притока: на сѣверѣ—Сакмару, на югѣ—Илекъ; ниже онъ получаетъ только простые ручьи, затѣмъ внизъ отъ Уральска, тамъ, гдѣ рѣка снова принимаетъ южное направленіе, притоки рѣдко достигаютъ ложа главнаго потока: по большей части они теряются въ пескахъ или разливаются большими лужами, которыя иногда перемѣщаются, уступая давленію подвижныхъ песчаныхъ бугровъ, или бархановъ, перегоняемыхъ вѣтромъ по равнинѣ [1]). По принятіи въ себя рѣчки Солянки, которая приноситъ ему солоноватую воду, Уралъ не питается болѣе никакими текучими водами: на протяженіи около 475 верстъ, то-есть почти четверти всей его длины, онъ извивается медленно по степи, не получая ни одной капли воды; всѣ рѣки, направляющіяся къ его долинѣ, какъ, напримѣръ, Большая и Малая Узень, останавливаются на пути, не достигая главной рѣки. Объемъ жидкой массы, текущей въ руслѣ Урала, уменьшается мало-по-малу въ направленіи отъ сѣвера къ югу: при началѣ своей дельты Уралъ, уменьшенный испареніемъ, не имѣетъ даже половины того количества воды, которое онъ несетъ у города Уральска.

Положительно извѣстно, что въ послѣднія сто лѣтъ эта рѣка стала гораздо мелководнѣе; отчасти, безъ сомнѣнія, потому, что лѣса на среднемъ ея теченіи были истреблены, сначала калмыками, потомъ киргизами, но главнымъ образомъ вслѣдствіе общаго уменьшенія дождей во всемъ поясѣ, обнимающемъ полуденную Россію и Туркестанъ. Въ 1769 году, когда Палласъ путешествовалъ по этой странѣ [2]), Уралъ соединялся съ моремъ девятнадцатью устьями, и рѣчная дельта обнимала пространство почти въ 2.700 квадр. верстъ. Въ 1821 году дельта, уменьшившаяся болѣе чѣмъ наполовину, состояла уже только изъ девяти вѣтвей, изъ которыхъ четыре были достаточно глубоки для судоходства. Съ 1846 года обыкновенно существуетъ только три рукава Урала, и прежніе протоки наполняются, цѣликомъ или отчасти, только въ исключительныхъ случахъ, во время весеннихъ разливовъ; самыя названія ихъ, Мокрый Баксай, Черный Ручеекъ, обсохшій Ерикъ и другія, подобныя имъ, свидѣтельствуютъ о маломъ количествѣ воды, которую несутъ нынѣ эти рѣчныя русла. Въ 1866 году, одна изъ трехъ еще существую-

---

[1]) По Гофману, высота Денежкина-Камня 5.027 ф.; Конжакова-Камня 5.235 ф.; горы Благодати, въ среднемъ изъ наблюденій Гофмана, Гельмерсена и Гумбольдта, — 1.258 ф. Ред.

[1]) Эверсманъ, „Естественная исторія Оренбургскаго края“.
[2]) „Путешествія Палласа“, томъ I.

щихъ рѣкъ, глубиною въ $2^1/_2$ фута, была доступна мелкимъ судамъ во всякое время; двѣ другія имѣли соотвѣтственно только 2 и 1 футъ средней глубиней [1]). Изъ этого видно, что по объему жидкой массы Уралъ—одна изъ маленькихъ рѣкъ Европы; онъ меньше Шаранты или Шельды. Вычислено, что если обмелѣніе будетъ продолжаться въ такой же пропорціи, какъ въ теченіе прошлаго столѣтія, то рѣка не будетъ достигать моря: она высохнетъ въ нижней своей части, подобно тому, какъ это случилось, около половины настоящаго столѣтія, съ ея восточной сосѣдкой—Эмбой[1]). Вотъ чи-

Великорусскіе типы и костюмы. Нижегородская губ.

[1]) Даниленскій, „Описаніе Уральскаго рыболовства".

[1]) Рябининъ, „Матеріалы для географіи и статистики Россіи". „Уральское казачье войско".

словыя данныя, относящіяся къ рѣкѣ Уралу: Длина рѣки (по Тилло) 2.230 верстъ (2.380 кил.), площадь рѣчнаго бассейна 219.279 квадр. в. (250.000 кв. кил.), среднее количество протекающей воды въ секунду 50 куб. метр. (?)

Вся низовая равнина Урала усѣяна такъ называемыми старицами, или ложными рѣками, бывшими рукавами, отрѣзанными теперь отъ главнаго ствола, какъ сучья подрѣзаннаго дерева; а съ восточной стороны тянется цѣлая сѣть старыхъ озерныхъ бассейновъ, раздѣленныхъ параллельными буграми, совершенно похожими на бугры нижней Волги.

Великоруссы составляютъ болѣе половины населенія Россійской Имперіи. Они не только занимаютъ почти всю центральную Россію, равно какъ наибольшую часть бассейна Невы, но также выдвинулись сплоченными массами къ сѣверу, востоку и югу, а съ западной стороны имѣютъ многочисленныя колоніи въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Малороссіи. Изъ нихъ состоитъ большинство жителей у сѣвернаго основанія Кавказскихъ горъ; точно также и въ Сибири обширныя пространства, превосходящія величиной Францію, имѣютъ населеніе сплошь великорусское. Великоруссы сдѣлались господствующимъ племенемъ въ государствѣ; они распространили свои политическія формы на всю остальную Имперію; языкъ ихъ первенствуетъ между другими языками и нарѣчіями—и какъ языкъ оффиціальный, и какъ языкъ литературный. Въ сравненіи съ другими національностями восточно-славянской державы, великоруссы имѣютъ то преимущество, какое даютъ имъ матеріальная связь и сплоченное единство. Во всей Великой Россіи народъ представляетъ такое же однообразіе по внѣшнему виду, какъ и сама природа; повсюду города, деревни и нивы похожи какъ двѣ капли воды; почти вездѣ одинъ и тотъ же типъ лица, одни и тѣ же костюмы, исключая женскихъ нарядовъ; образъ жизни вездѣ одинъ и тотъ же; языкъ представляетъ легкія мѣстныя различія; областныхъ контрастовъ между населеніемъ совсѣмъ не существуетъ.

Вообще говоря, великоруссы немного ниже ростомъ, но за то коренастѣе малороссовъ и бѣлоруссовъ; правда, между жителями центральныхъ губерній оказывается при рекрутскихъ наборахъ всего больше молодыхъ людей неспособныхъ къ военной службѣ; но это зависитъ, можетъ быть, отъ частнаго захирѣнія (étiolement partiel) расы въ прядильныхъ, ткацкихъ и другихъ фабричныхъ заведеніяхъ средней Россіи. Тамъ, гдѣ крайняя бѣдность, нечистый воздухъ, тяжелый, непосильный трудъ не ослабили огранизма, великорусскіе крестьяне замѣчательны своимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, широкимъ лицомъ, высокимъ челомъ; они любятъ носить длинную и густую бороду, и имъ удалось сохранить это украшеніе, несмотря на гоненія Петра Великаго, который хотѣлъ обрить своихъ подданныхъ, чтобы сдѣлать ихъ похожими на голландцевъ: за свои бородатыя лица они до сихъ поръ заслуживаютъ прозвища кацаповъ или «козловъ», которое дали имъ малороссы. Но на этихъ широкихъ, бородатыхъ физіономіяхъ, между которыми многія съ истинно благороднымъ выраженіемъ, блеститъ живой взглядъ и свѣтится добродушная улыбка. Воспитаніе быстро сглаживаетъ природную грубость у великороссійскаго крестьянина; черты лица у него дѣлаются болѣе тонкими, болѣе живыми и осмысленными. «Человѣкъ въ Россіи,—замѣчаетъ Мишле [1]), говоря преимущественно объ образованныхъ славянахъ,—не похожъ на сѣвернаго жителя: у него нѣтъ ни дикой энергіи, ни угрюмой важности, характеризующихъ послѣдняго. Русскіе скорѣе похожи на южанъ; это видно съ перваго взгляда по ихъ манерамъ и поступи, по ихъ проворству и подвижности». Ихъ природное краснорѣчіе, такъ сказать, бьетъ ключемъ не только въ словахъ, но и въ жестахъ, и мимика ихъ имѣетъ предъ мимикой итальянцевъ то преимущество, что она всѣмъ легко понятна [2]).

Мизантропы изъ русскихъ, говоря о своихъ соотечественникахъ, рисуютъ ихъ такими темными красками, что внушили иностранцамъ нѣкоторое предубѣжденіе. «Остерегайтесь русскаго, говорятъ они, у него больше воображенія, чѣмъ ума и больше ума, чѣмъ нравственности». Можетъ быть, это и вѣрно относительно тѣхъ русскихъ, очень многочисленныхъ, которые живутъ чисто искусственной жизнью и которымъ болѣе важна внѣшность цивилизаціи, чѣмъ самая цивилизація: хитрые, льстивые, недовѣрчивые, честолюбивые, люди этого рода дѣйствительно таковы, что ихъ нужно опасаться; но истинные русскіе, то-есть тѣ, у которыхъ правильный трудъ поддерживаетъ равновѣсіе ихъ натуры, отличаются именно твердостью характера и послѣдовательностью убѣжденій и правилъ. Великоруссъ не изъ тѣхъ, къ которымъ можно бы было справедливо примѣнить прозвище Slavus Saltans, данное нѣкогда западнымъ славянамъ. Долгимъ терпѣніемъ, сочетаніемъ отваги и покорности судьбѣ онъ съумѣлъ колонизовать постепенно весь бассейнъ Волги, бассейнъ Дона и многія другія страны; не мало помогло ему въ этомъ и его природное добродушіе. Если онъ является отличнымъ колонизаторомъ, то обязанъ этимъ не только своему быстрому, смѣтливому уму, своей промышленности, постоянству въ трудѣ, мужеству въ несчастіи, но также своей доброжелательности въ отношеніи

---

[1]) „Légendes du Nord".
[2]) J. G. Kohl, „Reisen in Süd-Russland".

всѣхъ, своему духу примиренія и справедливости. Онъ пережилъ продолжительную и тяжелую неволю, но не усвоилъ всѣхъ пороковъ рабскаго состоянія, и свобода мало-по-малу возвратитъ великоруссу всѣ присущія ему отъ природы хорошія черты. Безъ сомнѣнія, онъ еще подверженъ паникамъ, внезапнымъ страхамъ: чрезвычайно довѣрчивый, онъ дрожитъ часто передъ воображаемыми опасностями; но онъ остается спокойнымъ и сохраняетъ самообладаніе предъ дѣйствительной бѣдой.

Типъ великороссіянки (Ардатовскаго уѣзда, Нижегородск. губ.).

Очень кроткіе и мягкіе нравомъ, любящіе по-своему своихъ близкихъ, откровенные и поспѣшные въ сердечныхъ изліяніяхъ, великоруссы, однако, склонны поклоняться силѣ, и въ крестьянскихъ семействахъ власть отца, власть мужа еще пользуются неоспоримымъ правомъ. Какая-то странная смѣсь насилія и дѣйствительной доброты часто встрѣчается въ ихъ семьяхъ. Еще въ семнадцатомъ столѣтіи отецъ, выдавая дочь замужъ, покупалъ новую плеть, чтобы напутствовать свое дѣтище послѣдними ударами, дозволенными родительской власти, и передавалъ это орудіе новому господину, съ совѣтомъ пользоваться имъ почаще и безъ пощады. Входя въ брачный покой, супругъ дѣйствительно ударялъ свою жену по спинѣ и по плечамъ, приговаривая: «забудь волю родимаго батюшки, исполняй теперь мою волю!» Однако, свадебная пѣсня рекомендуетъ ему взять «шелковую плетку» [1]). Бракъ по любви, какъ въ Малой Россіи,—составляетъ въ Великороссіи исключеніе: всѣ условія брачнаго союза заранѣе опредѣляются главами семейства; ни женихъ, ни невѣста не имѣютъ права заниматься этимъ вопросомъ, и отецъ никогда не уронитъ своего достоинства, не снизойдетъ до того, чтобы совѣтоваться или спрашивать ихъ мнѣнія въ этомъ дѣлѣ. Народныя пѣсни, особенно тѣ, которыя мы находимъ въ сборникѣ Шеина, а также комедіи и драмы Островскаго, могутъ дать понятіе о томъ, какова внутренняя, домашняя жизнь, это «темное царство» великорусскаго быта [2]). Деспотизмъ, но деспотизмъ доброжелательный—таковъ былъ непреложный

[1]) Grosspietsch, „Hochzeits Gebräuche des russischen Landvolks“, „Russische Revue“, 1878 г., № 3.

[2]) Добролюбовъ, „Темное царство“.

законъ въ семейной жизни: «люблю какъ душу, а трясу какъ грушу», говоритъ одна пословица великорусскихъ крестьянъ.

На общину или государство всѣ смотрѣли какъ на большую семью: неограниченная власть, безапелляціонная воля, предписываемая всѣмъ членамъ однимъ общимъ отцомъ,—таковъ былъ идеалъ, который каждый составлялъ себѣ объ обществѣ. Въ этомъ отношеніи Малороссія и Великороссія представляютъ замѣчательный контрастъ. Каждый малорусскій городъ развивался независимо отъ другихъ; ни одинъ не пытался поработить своего сосѣда; побудительными причинами войны между общинами были либо борьба за существованіе, либо жажда славы и страсть къ приключеніямъ, но онѣ никогда не руководились властолюбіемъ, стремленіемъ къ господству, или, по крайней мѣрѣ, никогда не преслѣдовали своихъ завоевательныхъ предпріятій съ тѣмъ постоянствомъ плана, съ той вѣковой неуклонностью и настойчивостью, которыя отличали политику великорусскихъ князей. Народное выборное право всегда было сохраняемо въ городахъ Кіевской земли, также какъ въ Новгородѣ и въ другихъ автономныхъ городахъ западнаго славянскаго міра. Также было въ древнихъ вѣчевыхъ городахъ Великой Руси, и такова причина, почему суздальскіе князья поселились въ деревнѣ Москвѣ, а не въ какомъ-нибудь старомъ городѣ, сильномъ своими общинными вольностями. Но преобладаніе Москвы на сѣверѣ произвело большой контрастъ учрежденій. Каково бы ни было происхожденіе, еще очень темное, древняго первенства Кіева,—это первенство не имѣло ничего похожаго на главенство Москвы. Кіевъ былъ только «первый между равными»; политическій союзъ поддерживался свободной федераціей въ теченіе всего перваго періода русской исторіи; впослѣдствіи, въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, такимъ же образомъ организовались вольныя казацкія общины или товарищества: даже начальники ихъ, «войсковая старшина», возвращались въ ряды толпы, по окончаніи службы, на которую они были временно выбраны своими товарищами—такими же казаками, какъ и они сами. Впрочемъ, идеи и формы быта запорожцевъ не были ограничены тѣснымъ кругомъ Сѣчи: вся Малая Россія хотѣла быть казацкой общиной. Ничего подобнаго не было въ Московіи. Тамъ власть, достигнутая однимъ родомъ, была благоговѣйно почитаема народомъ и продолжалась, какъ божественное установленіе, изъ поколѣнія въ поколѣніе: «не Москва даетъ законъ князю, а князь даетъ законъ Москвѣ», говоритъ пословица. Священный характеръ династіи переносился даже на стольный городъ, и Москва, преемница византійскаго духа, сдѣлалась «третьимъ и самымъ святымъ Римомъ, царству котораго не будетъ конца». Господство татаръ способствовало въ сильной степени укрѣпленію могущества великихъ князей восточно-славянскаго государства: монгольскіе ханы, заботившіеся прежде всего и больше всего объ исправномъ полученіи дани, имѣли прямой интересъ собирать ее чрезъ посредство одного князя, отвѣтственнаго передъ ними, хотя свободнаго отъ всякихъ обязанностей въ отношеніи своего народа. Но самодержавіе московскихъ царей существовало въ зародышѣ уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ княжествѣ Владимірскомъ [1]). Можно объяснить самодержавную форму московскаго общества исторіей русской колонизаціи въ этой странѣ, населенной первоначально финнами и татарами. Князья кіевской династіи отправились туда какъ предводители воиновъ и поселенцевъ,—подобно тому какъ это было въ Пруссіи, гдѣ нѣмцы колонизовали славянскую землю,—и раса или народность, образовавшаяся въ Московіи, сдѣлалась самой живучей изъ всѣхъ, но въ то же время и самой послушной. Съ успѣхами великорусской централизаціи, политическія формы и идеи Москвы все болѣе и болѣе принимали національный характеръ и въ концѣ концовъ заглушили традиціи новгородскія и казацкія. Въ своихъ общинахъ и различныхъ товариществахъ или артеляхъ великоруссъ такой же поборникъ начала равноправности, какъ и другіе славяне,—можетъ быть, даже больше; но въ пониманіи политическаго устройства онъ является наиболѣе послѣдовательнымъ изъ монархистовъ. «Государь—батька, земля—матка»; «народъ—тѣло, Царь—голова»; «безъ Царя земля вдова»; «безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Царя земля не правится», говорятъ старинныя великорусскія пословицы [2]). Даже религіозныя секты Великой Россіи, образовавшіяся съ конца семнадцатаго столѣтія и которыя считаютъ нынѣшнее государство «царствомъ звѣринымъ», а на главу его, Петра Великаго, смотрѣли какъ на «антихриста», отвергаютъ только титулъ «императора», какъ чужеземный; тѣмъ не менѣе онѣ фанатически стоятъ за царскую власть и сверху ждутъ своего Мессію. Въ западныхъ странахъ, столь часто волнуемыхъ революціями, даже фанатическіе приверженцы стараго порядка не могутъ составить себѣ понятія о томъ, что такое горячая любовь, смѣшанная съ трепетомъ, которую испытываютъ образцовые подданные, думая о своемъ повелителѣ; для нихъ онъ—земной Богъ. Такое благоговѣйное обожаніе государя нерѣдко встрѣчается въ Россіи. Встарину подданные боялись царя, и самое имя его произносили не иначе, какъ со страхомъ и трепетомъ: если онъ былъ капризный и жестокій, они падали ницъ передъ нимъ съ тѣмъ большимъ благоговѣніемъ: онъ казался имъ тѣмъ величавѣе. Регулятора своихъ собст-

[1]) Костомаровъ, „Двѣ русскія народности“.
[2]) Даль, „Пословицы русскаго народа“.

венныхъ поступковъ они искали не въ самихъ себѣ, а въ волѣ властителя, непреклонной или измѣнчивой. Ни одинъ государь не былъ болѣе популяренъ на Руси, чѣмъ Иванъ Грозный: онъ казался своимъ подданнымъ великимъ, какъ сама судьба. Народъ, забывшій столькихъ другихъ героевъ, еще помнитъ Ивана IV; точно также Владиміръ, котораго онъ прославляетъ въ своихъ пѣсняхъ, все еще является въ его глазахъ княземъ «милосердымъ и грознымъ». Съ тѣхъ поръ, какъ великіе князья московскіе сдѣлались властителями Великой Россіи, всѣ народныя волненія въ этой странѣ были проникнуты духомъ вѣрности царю. Послѣ длиннаго ряда Лжедимитріевъ и Лжепетровъ, донской казакъ Степанъ Разинъ поднялъ въ семнадцатомъ вѣкѣ населеніе южной Московіи «противъ бояръ, за царя»; а когда, въ слѣдующемъ столѣтіи, другой донской казакъ, Емельянъ Пугачевъ, увлекъ за собой Яицкое казачье войско и крестьянъ волжскаго понизовья на послѣднюю большую войну крѣпостнаго люда, ему удалось поднять народъ только выдавая себя за истиннаго государя Петра III, обвиняя Екатерину II, «царицу дворянъ», въ похищеніи престола. Многочисленныя частныя возмущенія, происходившія въ теченіе этого столѣтія, всѣ отличались подобнымъ же характеромъ. Бунтовщики никогда не сомнѣвались, что дѣло ихъ—царево дѣло, и что чиновники подкуплены помѣщиками, врагами государя. И если русскіе крестьяне надѣялись еще на общій передѣлъ земель, то они ожидали рѣшительнаго слова отъ верховной власти, несмотря на всѣ объявленія правительства объ ошибочности такихъ ожиданій.

Языкъ великоруссовъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ всей Россіи, съ исключеніемъ другихъ славянскихъ нарѣчій Имперіи; въ хорошей разговорной рѣчи принято употреблять московскій выговоръ. Такимъ образомъ, преобладающее значеніе окончательно завоевано славянскою рѣчью, которая стала языкомъ большинства народа и преемниковъ московскаго престола. Всѣ національности восточно-славянской державы, родная рѣчь которыхъ—не великорусскій языкъ, принуждены послѣдовательно усвоивать его вполнѣ или отчасти; одни, какъ напр. поляки, остзейскіе нѣмцы, эсты, латыши, литовцы, выучиваются языку господствующей народности въ школѣ, въ военной службѣ или повседневной жизни; другіе, бѣлоруссы и малоруссы, естественно склонны, вступая въ міръ мысли, употреблять языкъ, легкій для нихъ, которымъ говоритъ большинство ихъ соотечественниковъ, и который болѣе развитъ, болѣе богатъ литературными произведеніями, чѣмъ ихъ собственный. Что касается инородцевъ, финновъ, монголовъ, татаръ и т. д., то для нихъ великорусская рѣчь есть языкъ самой цивилизаціи; а евреи, вѣрные своему нѣмецкому жаргону, умѣютъ производить гандель, дѣлать гешефты на всякихъ языкахъ, и особенно на томъ, который всего болѣе употребителенъ на базарахъ и ярмаркахъ. Національная русская литература, хотя очень богатая былинами и «старинами», или эпическими пѣснями, и представляемая въ послѣднія сто лѣтъ писателями большаго таланта, все же не имѣетъ такихъ сокровищъ, которыя могли бы сравниться съ богатствами западныхъ литературъ; кромѣ того, она должна была заимствовать изъ нѣмецкаго, голландскаго, французскаго и англійскаго языковъ множество терминовъ, относящихся къ ремесламъ, искусствамъ, наукамъ, и многочисленные французскіе обороты, духъ которыхъ не согласуется съ духомъ славянскаго языка, вошли въ разговорную рѣчь; тѣмъ не менѣе русскій языкъ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ выразительныхъ и самыхъ гибкихъ между арійскими языками. Онъ составляетъ свои сложныя слова съ такой же легкостью, какъ и языкъ нѣмецкій, не имѣя тяжеловѣсности послѣдняго, и его гортанныя ноты сочетаются съ интонаціями ласкающей мягкости. Разнообразіе звуковъ русскаго языка—одна изъ главныхъ причинъ, и едва-ли не важнѣйшая, той легкости, которую русскіе обнаруживаютъ въ изученіи иностранныхъ языковъ. Ихъ гибкій органъ произноситъ легко и изящно почти всѣ звуки, которые, въ европейскихъ языкахъ, наиболѣе отличаются отъ славянскихъ нарѣчій. Впрочемъ, нужно также принять въ разсчетъ вліяніе наслѣдственности, ибо уже впродолженіи большаго числа поколѣній русскіе достаточныхъ классовъ держатся обыкновенія обучать своихъ дѣтей по крайней мѣрѣ французскому языку. При томъ, русскіе любятъ нравиться; а чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ чужеземцами, нужно умѣть бесѣдовать съ ними на ихъ собственномъ языкѣ, какъ говаривалъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи уже Владиміръ Мономахъ, отецъ котораго объяснялся на пяти языкахъ. Число лицъ, говорящихъ болѣе или менѣе по-французски, къ востоку отъ Вислы, простирается до 300.000 слишкомъ.

Если всѣ образованные русскіе имѣютъ къ своимъ услугамъ одинъ или нѣсколько языковъ Западной Европы, то европейцы, наоборотъ, мало изучаютъ русскій языкъ, который, между тѣмъ, пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ все большую важность во всемъ славянскомъ мірѣ и въ Азіи. Если присчитать болгаръ, сербовъ и другихъ южныхъ славянъ, которые находятся съ Россіей въ отношеніяхъ племеннаго родства и нѣкоторой зависимости, то число людей, подвластныхъ славянской державѣ или живущихъ въ предѣлахъ ея орбиты, простирается до сотни милліоновъ. Слѣдовательно, русскій языкъ не можетъ не сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ языковъ, которые современемъ будутъ имѣть наибольшее вліяніе на развитіе человѣчества. Но для этого, конечно, нужно, чтобы самъ народъ, путемъ матеріальнаго благосостоянія,

образованія и свободы, достигъ возможности занять мѣсто, которое должно бы принадлежать ему въ ряду другихъ націй. Между тѣмъ соціальное состояніе великоруссовъ, также какъ ихъ соотечественниковъ, жителей Малороссіи и Бѣлоруссіи, все еще крайне жалкое и бѣдственное.

Лачуга крестьянина зимою наполнена нечистымъ, почти негоднымъ для дыханія воздухомъ. Снаружи изба, для бо́льшаго тепла, окружена завалиной изъ навоза. Окна, плотно запертыя, иногда прикрытыя соломой, препятствуютъ доступу внѣшняго воздуха; смѣшанное дыханіе всѣхъ членовъ семьи, спящихъ на печи и на полатяхъ, заражаетъ атмосферу тѣснаго и душнаго убѣжища; наружный воздухъ проникаетъ черезъ двери, быстро отворяемыя, только въ тотъ моментъ, когда обитатели выходятъ, чтобы справить какое-нибудь дѣло. Насѣкомыя размножаются на печи и въ деревянныхъ стѣнахъ великорусской избы такими массами, что существованіе становится иногда совершенно невыносимымъ. Чтобы вывести таракановъ, есть только одно средство—выморозить ихъ, для чего нужно покинуть домъ и оставить открытыми всѣ выходы въ самые холодные зимніе дни. Крестьяне часто прибѣгаютъ къ этому героическому средству; когда на дворѣ трещитъ морозъ, ихъ можно иногда видѣть бродящими въ лѣсу по близости своего жилья, въ которомъ свободно разгуливаетъ вѣтеръ.

Великороссійскія села и деревни представляютъ собою группы бѣдныхъ хижинъ, тѣсно скученныхъ и неотдѣленныхъ одна отъ другой садами; даже большинство городовъ суть не что иное, какъ скопленіе деревянныхъ построекъ, всегда пребывающее во власти пожара. Избушки изъ смолистаго сосноваго или еловаго дерева, съ соломенными, растрепанными кровлями, окруженныя кучами соломы и сѣна, грудами хвороста и щепокъ, — настоящіе костры, вполнѣ приготовленные для пожара, который можетъ вспыхнуть отъ первой искры. Пожаръ—таковъ естественный конецъ всякаго крестьянскаго жилища. Подобно тому какъ, по ученію схоластической медицины, человѣческое тѣло должно обновляться во всѣхъ своихъ частяхъ черезъ каждыя семь лѣтъ, Россія, какъ утверждали, тоже имѣетъ свой семилѣтній климатерическій періодъ, въ теченіе котораго она обновляется посредствомъ пламени во всѣхъ безчисленныхъ весяхъ; но въ губерніяхъ центральной Россіи это «возрожденіе изъ-подъ пепла» часто совершается еще быстрѣе: указываютъ на уѣзды, гдѣ, случалось, цѣлая четверть домовъ выгорала въ теченіе только одного года. Годовые убытки, причиняемые пожарами въ Россіи, представляютъ приблизительно слѣдующія цифры:

Средняя цифра въ періодъ 1842—46 гг. — 14.897.000 руб.; 1861—64 гг. — 30.163.830 руб.; 1872—77 гг.—65.000.000 руб.

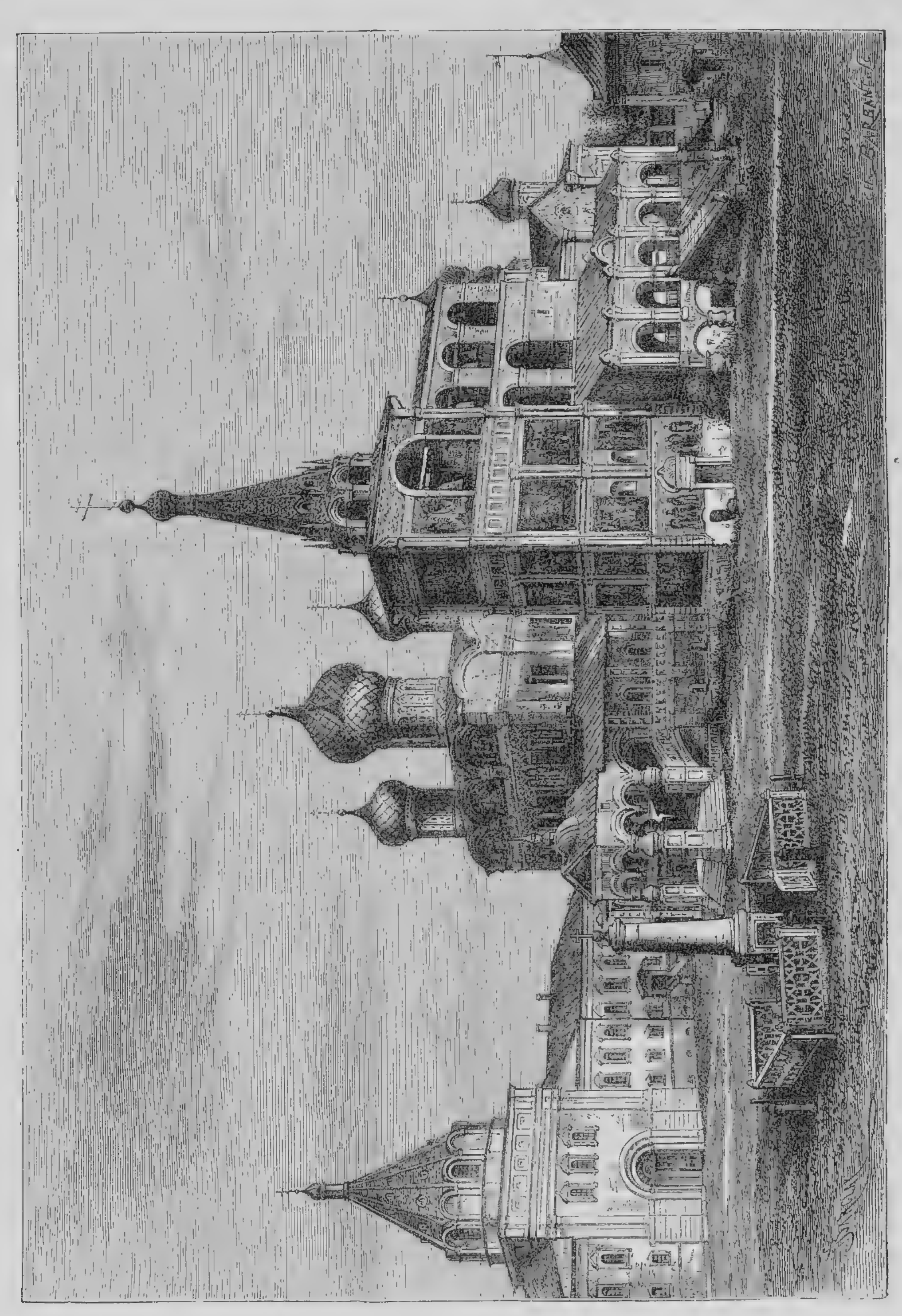
Число оффиціально извѣстныхъ пожарныхъ случаевъ въ 1880 г.—32.961 руб.; общій убытокъ отъ пожарныхъ случаевъ въ 1880 г. — 68.100.343 руб.

Въ провинціальныхъ городахъ дома большею частію тоже деревянные, за исключеніемъ правительственныхъ зданій, господскихъ палатъ да церквей, которыя почти всѣ построены по однообразнымъ планамъ, по типу, предписанному петербургскими чиновниками. Истинное искусство отсутствуетъ въ архитектурѣ этихъ зданій, ибо оно живетъ единственно свободой, тогда какъ традиціонный символизмъ убиваетъ его; оно замѣнено въ храмахъ богатствами—золотомъ, серебромъ, мраморомъ, драгоцѣнными камнями [1])

Будучи переходной страной между Европой и Азіей, Россія представляетъ также переходный характеръ по своимъ религіямъ—въ не меньшей степени, какъ и по своимъ нравамъ. На западѣ Имперіи католики и протестанты, такъ сказать, продолжаютъ Западную Европу, на востокѣ же язычники, буддисты и мусульмане, составляютъ значительную часть населенія. Но между этими двумя поясами, западнымъ и восточнымъ, Великороссія почти всецѣло принадлежитъ къ православной греко-восточной церкви. Однако, несмотря на существованіе господствующей, государственной религіи, въ Россійской Имперіи, этой странѣ послушанія, религіозныя секты появляются, вѣроятно, въ наибольшемъ количествѣ сравнительно съ прочими государствами Европы, и почти всѣ эти новые культы великорусскаго происхожденія. Сама Великобританія, столь богатая реформаторами вѣры, едва-ли не уступаетъ Россіи числомъ апостоловъ и не можетъ выдержать сравненія съ послѣднею по странности новыхъ вѣроученій. Склонный къ мистицизму и резонерству складъ ума, такъ часто встрѣчающійся у великоруссовъ; строгость, болѣе чѣмъ византійская, религіозныхъ обрядовъ, предписываемыхъ духовенствомъ; древнія языческія суевѣрія, обнаруживающіяся подъ другой формой; самыя качества народа, его смиреніе и добродушіе, которое такъ легко извратить фанатизмомъ; наконецъ, рабство, столь долго тяготѣвшее надъ массой населенія и заставлявшее искать убѣжища въ сверхъ-естественномъ мірѣ,—всѣ эти причины способствовали возникновенію многочисленныхъ религій. Секты родятся, умираютъ и смѣняютъ одна другую, какъ дикая растительность: въ настоящее время ихъ насчитываютъ отъ ста до ста тридцати. Какъ гласитъ одна поговорка православныхъ: «у каждаго мужика своя особая вѣра, у каждой бабы свои уставы». Не было ни одного важнаго національнаго

[1]) Viollet-le-Duc, „L'Art Russe“.

событія, которое не вызвало бы къ жизни новыхъ сектъ; всѣ онѣ различаются названіемъ, содержаніемъ молитвъ, формой символовъ и обрядовъ, но въ сущности всегда сходны между собою по нравственнымъ явленіямъ, а также по страстямъ, которыя онѣ возбуждаютъ. Изъ вѣка въ вѣкъ на Руси появляются новые Мессіи, Сыны Божіи или даже самъ Богъ; сектанты благоговѣйно почитаютъ государей Петра III и Александра I, отказываясь вѣрить ихъ кончинѣ, потому что они обнаруживали вѣротерпимость; самъ Наполеонъ имѣлъ фанатическихъ поклонниковъ въ Псковѣ, въ Бѣлостокѣ и даже въ той самой Москвѣ, которая была обязана



Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ.

ему своимъ разореніемъ [1]). При томъ состояніи духа, въ которомъ находятся сектанты, апостоламъ достаточно вооружиться какимъ-нибудь текстомъ Св. Писанія, какимъ-нибудь древнимъ пророчествомъ, чтобы увлечь вѣрующихъ на самые страшные пути — на пути самоизуродованія, самоубійства и убійства. При томъ, такъ какъ всякое мнѣніе въ дѣлахъ вѣры, несогласное съ мнѣніемъ духовенства, признавалось властями какъ преступленіе, какъ бунтъ, то большинство сектъ должно было преобразоваться въ тайныя общества; необходимость сохраненія тайны, странныя церемоніи посвященія новыхъ членовъ, чарующая прелесть опасности еще болѣе воспламеняютъ воображеніе сектанта и толкаютъ его къ безумію и изувѣрству.

Число отпавшихъ отъ господствующей церкви невозможно опредѣлить даже приблизительнымъ образомъ, и, безъ сомнѣнія, мы никогда не узнаемъ его съ точностью, пока не будетъ дарована свобода вѣроисповѣданія. Въ 1850 году оффиціальная статистика утверждала, что русскихъ не-православныхъ только 830.000; но министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, что дѣйствительное число ихъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ превосходитъ эту цифру: онъ насчитывалъ ихъ до 9 милліоновъ. Мельниковъ, опредѣливъ, на основаніи церковныхъ книгъ, число вѣрующихъ въ 1859 году, насчиталъ болѣе 9.450.000 раскольниковъ. Если мы остановимся на этой послѣдней цифрѣ и примемъ въ разсчетъ нормальный приростъ народонаселенія, то въ настоящее время число религіозныхъ отщепенцевъ должно простираться по меньшей мѣрѣ до 12 милліоновъ [2]). Если сравнивать ихъ съ образованными классами, въ которыхъ свободные мыслители и индифференты довольно многочисленны, то раскольники справедливо обвиняются въ фанатизмѣ и невѣжествѣ; но, разсматриваемые въ совокупности, они безспорно болѣе любознательны и болѣе образованы, чѣмъ другіе русскіе; женщина пользуется у нихъ гораздо большимъ уваженіемъ, она нерѣдко занимаетъ мѣсто наставницы, а въ нѣкоторыхъ сектахъ—даже проповѣдника и священнослужителя. Вообще говоря, раскольники гораздо зажиточнѣе, пользуются гораздо большимъ довольствомъ, нежели другіе русскіе, потому что они болѣе воздержны, болѣе привычны къ порядку и поддерживаютъ другъ друга съ замѣчательнымъ духомъ солидарности; значительная часть великорусскихъ коммерсантовъ и промышленниковъ принадлежитъ къ раскольничьимъ сектамъ.

[1]) Липранди; Кельсіевъ, „Собраніе матеріаловъ по расколу".

[2]) См. статистическія данныя о раскольникахъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1868 г., II.

Различныя секты (согласія или толки) раскола, разсматриваемыя съ общей точки зрѣнія, могутъ быть раздѣлены на три главныя группы: поповцевъ, то-есть секты, пріемлющія священство, безпоповцевъ, или секты, непріемлющія священства, и духовныхъ христіанъ. Оппозиція, чисто обрядовая, тѣхъ вѣрующихъ, которые хотѣли сообразоваться съ обрядами національной церкви въ томъ видѣ, какъ они существовали до семнадцатаго вѣка, то-есть до преобразованій патріарха Никона, совпадаетъ съ недовольствомъ. Вліяніе, болѣе или менѣе прямое, протестантизма присоединилось къ этимъ элементамъ религіозныхъ несогласій; такимъ образомъ, въ результатѣ сложныя причины привели къ расколу. Въ глазахъ религіозныхъ отщепенцевъ, гербовая бумага и паспорты сдѣлались «печатью антихриста», ревизскія сказки были «списками дьявола», а подушная подать — «цѣной за душу». Такимъ образомъ, раскольники представляютъ собою въ одно и то же время духъ крайняго консерватизма въ православной церкви и духъ реформы, даже духъ относительной политической свободы.

Поповцы, которые продолжаютъ преданія древней церкви, суть истинные приверженцы «старыхъ обрядовъ» (старообрядцы), «старой вѣры» (старовѣры). Возмущенные исправленіями, которыя патріархъ Никонъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, греческихъ и малороссійскихъ, произвелъ въ богослужебныхъ книгахъ, и пренебрегая анаѳемой людей, которыхъ они называли иноземцами, старовѣры упорно держались за религіозные обычаи древнихъ временъ; изъ уваженія къ прежнимъ символамъ, они отвергаютъ оффиціальный культъ церкви; но сами они, незамѣтно для себя, значительно измѣняли свои обрядности, соотвѣтственно средѣ, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать, и преслѣдованіямъ, которымъ они подвергались. Петръ I, на жизнь котораго покушались мятежные стрѣльцы, имѣвшіе въ своей средѣ множество раскольниковъ, строго преслѣдовалъ всѣхъ, кто не возвращался по приказу въ лоно установленной церкви (онъ велѣлъ переписать раскольниковъ и обложить ихъ двойными податями, не допускать къ общественнымъ должностямъ, обязать ихъ носить особое платье, за бороду брать съ нихъ особую пошлину и проч.); но, несмотря на эти гоненія, секты только увеличивались и становились все болѣе и болѣе непримиримыми. Раскольники, негодуя на царя, какъ на друга иноземцевъ, который расторгъ брачный союзъ съ своей первой супругой, подвергалъ своего сына пыткамъ, а своими войнами, постройками, каналами, своими безпощадными налогами и принудитель-

ными работами отягощалъ народъ, считали его антихристомъ, видѣли въ немъ чудовище, предсказанное Св. Писаніемъ; поэтому, къ проклятіямъ, направленнымъ противъ «нечистой» церкви, они прибавили еще проклятіе императору, который приказывалъ «брить бороды и усы, носить латинскую одежду и курить треклятое зелье». Но гоненія были еще не самое жестокое, что пришлось выносить послѣдователямъ поповщины: раскольничьи попы, поставленные до Московскаго собора 1667 года, одобрившаго исправленія Никона, съ теченіемъ времени всѣ перемерли; затѣмъ скончался и единственный ихъ епископъ, и слѣдовательно ни одинъ новый попъ не могъ быть посвященъ, чтобы совершать для нихъ богослуженіе. Поповцы прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы остаться въ мирѣ со своей совѣстью; они замѣшивали свой хлѣбъ съ кусочкомъ освященной просфоры, сманивали, при помощи денегъ, никоніанскихъ священниковъ, пытались даже похитить руку св. Петра, московскаго митрополита, съ той цѣлью, чтобы этими мощами посвящать своихъ поповъ и такимъ образомъ замѣнять живыхъ епископовъ [1]). Іерархія была возстановлена только въ 1844 году, благодаря одному болгарскому епископу, посвященному въ Константинополѣ и согласившемуся учредить свою резиденцію въ одной раскольничьей колоніи—въ Бѣлой Криницѣ, въ Буковинѣ. Теперь раскольники имѣютъ собственныхъ епископовъ и устраиваютъ свои духовные соборы въ Москвѣ, не имѣя надобности слишкомъ скрываться; они домогаются только совершенной свободы ихъ вѣроисповѣданія. Кромѣ того, нѣкоторое число поповцевъ,—можетъ быть, около милліона,—возсоединились косвенно съ православной церковью, принявъ отъ нея священнослужителей, съ условіемъ сохранить свои старыя богослужебныя книги и старые образа. Это—такъ называемые единовѣрцы.

Самые энергическіе изъ старовѣровъ, твердо рѣшившіеся не входить ни въ какія сдѣлки со служителями антихриста, правившаго въ Москвѣ, этомъ новомъ Вавилонѣ, бѣжали по большей части въ глухіе, непроходимые лѣса олонецкіе и сѣвернаго Поморья, гдѣ основали на рѣкѣ Выгъ знаменитые въ исторіи раскола общежительные скиты, извѣстные подъ именемъ «Выговской пустыни», которая долгое время была ихъ главнымъ центромъ. Это—«безпоповцы», т. е. раскольники, непріемлющіе священства, «овцы, умѣющія пастись безъ пастыря». Различные сектанты этой группы отвергаютъ всякія таинства; они не имѣютъ другихъ священнослужителей, кромѣ ангеловъ Божіихъ, есть даже такіе, которые во все продолженіе моленія или бдѣнія остаются съ открытымъ ртомъ, въ ожиданіи, что божественная пища, совсѣмъ готовая, спустится къ нимъ съ неба. Благодаря своей независимости (такъ какъ они жили въ пустынныхъ мѣстахъ, мало доступныхъ правительственному надзору) и, вѣроятно, также подъ вліяніемъ новгородскихъ раціоналистическихъ сектъ, остатки которыхъ существовали еще въ томъ краю (бывшія новгородскія области), безпоповцы нѣкоторыми своими ученіями примыкали къ западному протестантизму и раздѣлились на гораздо большее число сектъ, чѣмъ поповцы: каждый скитъ бѣглыхъ приверженцевъ старины, каждый старовѣрческій пророкъ образовалъ центръ новой группы, новаго толка. Самая многочисленная секта—согласіе ѳедосеевцевъ, отдѣлившееся отъ скитниковъ Выговской пустыни; самое извѣстное, можетъ быть,—согласіе филипповцевъ, названное такъ по имени его основателя, Филиппа; члены его, удалившіеся за границу, основали общины въ Восточной Пруссіи, въ Молдавіи и даже въ Добруджѣ, извѣстныя подъ названіемъ общинъ липовановъ; это названіе иногда распространяютъ на раскольниковъ различныхъ сектъ. Они проповѣдывали, что лучше умереть, чѣмъ произносить въ молитвахъ имя царя, а нѣкоторые изъ нихъ доходили въ своемъ фанатизмѣ до того, что отказывались брать монету съ изображеніемъ государя; но за границей они мало-по-малу измѣнились, и иные изъ нихъ теперь принадлежатъ къ числу самыхъ горячихъ московскихъ патріотовъ. Многіе изъ нихъ оказали услуги никоніанскому царю, не только противъ нехристей турокъ или польскихъ католиковъ, но и противъ малороссіянъ, «соотечественниковъ измѣнника Мазепы».

Филипповцы были самыми горячими апостолами самозакланія вѣрующихъ, въ эпоху преслѣдованій, направленныхъ противъ раскола и отличавшихся особенною строгостью въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго столѣтій, бывали примѣры, что безпоповцы сами сожигались или топились; впрочемъ, часто они не имѣли другаго средства избѣгнуть пытокъ, какъ лишивъ себя жизни, и первые костры были зажжены никоніанскими палачами. Съ 1687 по 1693 годъ около 9.000 старовѣровъ сожгли сами себя въ области, лежащей между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ. Одно только поголовное самосожженіе на островѣ Онежскаго озера (Палеостровъ) уничтожило 2.700 человѣкъ [1]). Понятно, что подобныя потрясающія зрѣлища приводятъ къ безумію, и если не цѣлыя секты, то, по крайней мѣрѣ,

[1]) Іоанновъ, „Замѣтка о расколѣ“, II.

[1]) Филипповъ, „Исторія Выговской Старообрядческой Пустыни“; Нильскій, „Семейная жизнь въ расколѣ“; Mackenzie Wallace „Russia“.

нѣкоторые изъ ихъ членовъ доходили до того, что проповѣдывали самоубійство посредствомъ костра, зарыванія живьемъ въ землю или голодной смерти. Не разъ случалось, даже въ настоящемъ столѣтіи, что родители умерщвляли своихъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ будущихъ грѣховъ и ввести ихъ тотчасъ же въ лоно Божіе, въ царствіе небесное. До сего дня въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ общинахъ можно услышать священныя пѣсни, оканчивающіяся такими страшными словами: «Возвѣсти мою волю моимъ людямъ, всѣмъ христіанамъ православнымъ—пусть они бросаются за меня въ огонь и пусть бросаютъ туда своихъ безгрѣшныхъ младенцевъ!» [1]) Нѣтъ такого преступленія, нѣтъ такого безумнаго поступка, котораго не могли бы совершить несчастные галлюцинаты, руководимые своими видѣніями или таинственными голосами. Но само собой разумѣется, народная молва преувеличиваетъ изувѣрства, происходящія въ лонѣ тайныхъ религій.

Другая замѣчательная секта безпоповщины—секта «бѣгуновъ» или «странниковъ», основанная около конца восемнадцатаго столѣтія дезертиромъ Евфиміемъ. Въ глазахъ этихъ сектантовъ, всякій правительственный чиновникъ есть не что иное, какъ помощникъ и служитель сатаны, и, слѣдовательно, повиноваться ему было бы великимъ грѣхомъ. Всѣ повелѣнія того, кто установилъ «ревизію (перепись), различіе сословій и раздѣленіе земель и водъ», по ихъ мнѣнію противорѣчатъ Божескому закону, и нарушать ихъ—священнѣйшій долгъ каждаго. Всякая оффиціальная печать въ глазахъ ихъ есть «звѣриный знакъ», и когда какой-либо документъ съ казенной печатью попадаетъ къ нимъ въ руки, они немедленно уничтожаютъ его. При такомъ взглядѣ на вещи, имъ пришлось бы проводить свой вѣкъ въ тюрьмахъ или рудникахъ Сибири, если бы они заблаговременно не уходили изъ новаго «Вавилона, дабы не участвовать въ его грѣхахъ»; они предпочитаютъ странствовать по деревнямъ, пропагандируя свое ученіе, или жить, какъ волки, въ лѣсахъ [2]). Тамъ они могутъ безпрепятственно проклинать антихриста и его лжепророковъ, и, благодаря природному добродушію и набожному уваженію крестьянъ, которые видятъ въ нихъ святыхъ людей, гонимыхъ за вѣру, они почти всегда ускользаютъ отъ преслѣдованія закона. Впрочемъ, бѣгуны также, какъ и другіе сектанты, не опасны для государственнаго порядка; ихъ экзальтація, чисто религіозная, не превращается въ политическую страсть, и не изъ ихъ рядовъ выходятъ заговорщики. При томъ же между богатыми купцами, принадлежащими къ той или другой сектѣ старовѣровъ, есть много такихъ, которые придерживаются своей формы культа только въ силу преданія.

Спиритуалисты, или духовные христіане, которые встрѣчаются повсюду на югѣ Великороссіи, тогда какъ поповцы живутъ преимущественно въ центральныхъ губерніяхъ, а безпоповцы сосредоточены въ сѣверныхъ областяхъ и на Поморьи, суть наиболѣе преслѣдуемые изъ всѣхъ отщепенцевъ, вслѣдствіе чего организація ихъ окружена большей тайной, и изученіе ея представляетъ гораздо большія трудности сравнительно съ изученіемъ другихъ раскольничьихъ сектъ. Мистики, какъ и ихъ единомышленники на западѣ Европы, съ которыми они имѣли частыя сношенія чрезъ нѣмецкихъ миссіонеровъ и англійскихъ купцовъ, а въ царствованіе Александра I даже черезъ дворъ, эти сектанты говорятъ, что въ нихъ пребываетъ божественный духъ, и даже называютъ себя «Божіими людьми», «Христами». По ихъ ученію, Богъ-Отецъ снова сходилъ на землю въ семнадцатомъ столѣтіи со Своимъ Сыномъ, чтобы совершить божественную жертву, и Духъ Святый еще глаголетъ устами апостоловъ и пророчицъ. Главная изъ ихъ сектъ носитъ названіе хлыстовцевъ,—названіе, которое публика передѣлала въ хлысты, въ насмѣшку надъ ихъ обычаями. Хлысты не подвергаютъ себя самозакланію, самосожженію, но они пляшутъ, по примѣру Давида, прыгаютъ и кружатся до изнеможенія; иные хлещутъ, истязаютъ другъ друга; а молва говоритъ, будто бы бывали случаи, когда они, справляя праздникъ Пасхи, зарѣзывали, тотчасъ послѣ крещенія, новорожденнаго младенца и съѣдали его сочащееся кровью сердце съ приправой меда: то было ихъ святое причастіе.

Странная, хотя логическая секта скопцовъ или кастратовъ, образовавшаяся около половины восемнадцатаго столѣтія, непосредственно примыкаетъ къ согласію хлыстовъ; она раздѣляетъ всѣ ихъ вѣрованія и ученія, символизируемыя и утверждаемыя внѣшнимъ знакомъ. Между этими несчастными, которые сами себя именуютъ «бѣлыми голубями», одни кастрируютъ себя въ молодости, другіе—послѣ того, какъ сдѣлаются отцами; есть и такіе, которые ограничиваются чисто духовной церемоніей. Для того ли, чтобы избѣгать преслѣдованія со стороны властей, или во исполненіе какого-нибудь предписанія ихъ вѣры, всѣ скопцы стараются обогатиться, накопить какъ можно больше денегъ. Очень многочисленные въ губерніяхъ Орловской и Тамбовской, они охотнѣе всего избираютъ ремесло ювелировъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. п., а въ обѣихъ столицахъ они, какъ говорятъ, почти монопо-

[1]) Варенцовъ, „Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ“
[2]) Розовъ, „Секта странниковъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1872 г., №№ 11—12, и 1873 г., № 1.

лизировали профессію мѣнялъ. Благодаря своимъ рублямъ, скопцы могутъ дѣятельно вербовать прозелитовъ въ свою секту и покупать цѣною денегъ многія совѣсти. Хотя ихъ легко узнать съ перваго взгляда по тонкому, пронзительному голосу, по гладкому, безволосому лицу, по узкимъ плечамъ, но лишь весьма немногіе изъ нихъ попадаютъ въ ссылку. Главная масса скопческой секты остается въ большихъ городахъ и тяготѣетъ, къ своей выгодѣ, надъ всѣми коммерческими дѣлами. Скопцы имѣютъ приверженцевъ, хотя и немногочисленныхъ, внѣ Великороссіи, между финнами и малороссами (въ Полтавской губерніи); среди послѣднихъ секта хлыстовъ, извѣстная тамъ подъ именемъ шалопутовъ, также получила значительное развитіе въ эти послѣдніе годы; впрочемъ, малороссійскіе хлысты нѣкоторыхъ уѣздовъ приближаются къ штундистамъ. Изъ всѣхъ великорусскихъ раскольничьихъ сектъ секта хлыстовъ единственная, которой удавалось вербовать прозелитовъ въ высшихъ классахъ общества [1]).

Въ настоящее время, къ сектамъ Великой Россіи, наиболѣе удаляющимся отъ православной греко-восточной церкви, должно отнести духоборцевъ [2]) и молоканъ, которые прежде близко подходили къ «Божьимъ людямъ» по ихъ мистическимъ идеямъ и по глубокому уваженію къ своимъ пророкамъ. Къ духоборамъ непосредственно примыкаютъ субботники, отправляющіе культъ субботы со строгостью истинно-еврейской и происхожденіе которыхъ остается загадкой: неизвѣстно въ точности, слѣдуетъ ли считать ихъ христіанами, принявшими еврейскіе обряды, или потомками евреевъ, насильно обращенныхъ въ православіе и передающихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ болѣе или менѣе сбивчивой формѣ, обрядности древней религіи. Нѣкоторые писатели утверждаютъ существованіе у этихъ іудействующихъ сектантовъ физическаго сходства съ русскими евреями; другіе полагаютъ, что они связаны непрерывной преемственностью съ новгородской сектой «жидовствующихъ» [3]). Изъ рядовъ субботниковъ преимущественно выходятъ и другіе сектанты—«прыгуны», которые походятъ на шекеровъ (shakers) Англіи и Соединенныхъ Штатовъ и которые, по выселеніи въ Закавказскій край, навербовали тамъ приверженцевъ своего ученія между армянами. Вообще, молокане и духоборы походятъ по своимъ идеямъ на англійскихъ квакеровъ; также, какъ квакеры, они прошли послѣдовательно процессъ нравственнаго развитія, который изъ горячихъ сектантовъ сдѣлалъ ихъ мало-по-малу спокойными гражданами [1]), сообразующимися уже безъ прежняго рвенія съ традиціонными формами. Часто отправляемые въ ссылку на опасныя границы государства, они вездѣ достигали цвѣтущаго состоянія, въ Новороссійскомъ краѣ, на Кавказѣ. Общее движеніе раскольничьихъ сектъ увлекаетъ ихъ все болѣе и болѣе къ раціонализму въ религіи, къ радикальнымъ идеямъ въ политикѣ. Штундисты Украйны—почти протестанты. Поповцы массами присоединяются къ ученіямъ безпоповцевъ, а эти послѣдніе начинаютъ отвергать титулъ «старовѣровъ», примѣняя его къ православнымъ офиціальной церкви, которыхъ они упрекаютъ въ формализмѣ. Появляются новыя секты, какъ, напримѣръ, немоляки (отвергающіе молитву) и неплательщики (отказывающіеся платить подати). Однако, старыя привычки ритуализма такъ глубоко укоренились, что даже между спиритуалистическими сектами образовался толкъ «воздыхателей», которые на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ постоянно вздыхаютъ, будучи убѣждены, что «дыханіе» есть «духъ» [2]).

XII. Верхняя Волга до Нижняго Новгорода.

Губерніи Тверская, Ярославская, Костромская.

Эта страна населена великоруссами и финнами, большею частію обрусѣвшими. Только на западѣ, въ самой гористой области, гдѣ сообщенія во всѣ времена были затруднительны, могъ удержаться до нашихъ дней цѣлый архипелагъ карельскихъ населеній. Тамъ эти финны сохранились со своимъ языкомъ, нравами и обычаями; но, окруженные со всѣхъ сторонъ постоянно возрастающими въ числѣ славянами, принужденные работать на великоруссовъ, въ качествѣ рыбаковъ, лодочниковъ, дровосѣковъ или землепашцевъ, научаясь русскому языку въ школѣ, въ церкви, на базарахъ городовъ, они постепенно утрачиваютъ свои національныя особенности и сливаются съ господствующей народностью. Извѣстно, что за десять вѣковъ до нашей эпохи, край, сдѣлавшійся нынѣ Ярославской губерніей, былъ еще населенъ въ большой части чудскимъ племенемъ, а между тѣмъ мѣстное населеніе считается теперь состоящимъ изъ чистыхъ великоруссовъ. Такъ какъ эта чудь, насколько извѣстно, никогда не была изгоняема изъ страны, то этнографиче-

---

[1]) Н. П. Барсовъ, „Русскій простонародный мистицизмъ"; Мельниковъ, „Тайныя секты", „Бѣлые Голуби"; Реуцкій, „Божіи Люди и Скопцы"; Левитскій, „Кіевскій Телеграфъ", 1885 г. №№ отъ 41 до 43.

[2]) Всѣ таинства и церковные обряды они толкуютъ въ духовномъ смыслѣ; такъ, они говорятъ, что они духомъ крестятся, духомъ исповѣдуются и духомъ причащаются. Перев.

[3]) Anat. Leroy-Beaulieu, „Revue des Deux Mondes", 1 juin 1875; Костомаровъ, „Молокане и Духоборцы въ Саратовской губерніи".

[1]) „Прыгуны", „Отечественныя Записки", 1878 г. №№ 10-й и 11-й.

[2]) Юсовъ, „Старовѣріе", „Слово", 1878 г.

ское преобразованіе, очевидно, должно было совершаться постепенно, назамѣтно, и обѣ расы совмѣстно представлены въ нынѣшнихъ обитателяхъ этого края, хотя только одна изъ нихъ сохранила имя и языкъ. Города и деревни носятъ по большей части славянскія наименованія, въ честь святыхъ или праздниковъ.

Города, которые первоначально почти всѣ были простыми селеніями рыболововъ и судовщиковъ, довольно многочисленны на берегахъ главной рѣки и ея притоковъ. Уже въ области истоковъ Волги, среди лѣсовъ и болотъ, Осташковъ, лежащій на высотѣ 750 футовъ, значительной для Россіи, и на полуостровѣ озера Селигеръ, населенъ преимущественно рыбаками и плотовщиками; но, удаленный отъ центровъ, онъ долженъ былъ прибавить къ своей промышленности кожевенное производство и приготовленіе обуви, а также выдѣлку топоровъ, косъ, серповъ и другихъ рѣзальныхъ орудій. Ржевъ, хлѣбная пристань и значительный рынокъ для торговли льномъ и пенькой, затѣмъ Зубцовъ и Старица слѣдуютъ одинъ за другимъ по теченію Волги, тогда какъ на югѣ отъ этой рѣки городъ Гжатскъ, въ Смоленской губерніи, находится во главѣ судоходства по одному изъ волжскихъ притоковъ, истоки котораго переплетаются съ истоками Днѣпра.

Тверь, бывшая столица великаго княжества Тверскаго и могущественнѣйшій соперникъ Москвы, нынѣ губернскій городъ и главная пристань на верховьяхъ Волги, занимаетъ выгодное мѣстоположеніе, при самомъ впаденіи въ Волгу Тверцы, спускающейся съ сѣверныхъ высотъ, и которая во всѣ времена представляла дорогу къ бассейну Невы и Финскому заливу. Въ старину товары нужно было перевозить сухимъ путемъ съ Тверцы на Мсту, и хотя каналъ (Вышневолоцкій), прорытый черезъ гранитный порогъ и соединяющій эти двѣ рѣки, уже около ста лѣтъ тому назадъ открылъ прямое судоходное сообщеніе изъ Твери въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе городъ, построенный на бывшемъ волокѣ, до сихъ поръ сохранилъ названіе Вышняго-Волочка. Нынѣ это хорошенькій, дѣятельный городокъ, обязанный своей богатой торговлей тому, что онъ стоитъ на перекресткѣ двухъ важнѣйшихъ путей сообщенія: Николаевской желѣзной дороги и воднаго Вышневолоцкаго пути. Барки, нагруженныя хлѣбомъ и другими продуктами, останавливаются тамъ сотнями и тысячами въ періодъ навигаціи, также какъ въ промышленномъ городѣ Торжкѣ (названіе отъ «торгъ», «торжище»), который стоитъ ниже на Тверцѣ и уже во времена новгородцевъ былъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Число барокъ и другихъ мелкихъ судовъ, останавливающихся ежегодно у набережныхъ Твери, простирается до четырехъ тысячъ. Этотъ торговый городъ, самый многолюдный изъ трехъ городовъ, находящихся на желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, есть вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ на сѣверѣ Россіи; онъ имѣетъ многочисленныя мануфактуры, которыя занимаются преимущественно выдѣлкой бумажныхъ тканей и приготовленіемъ вышитыхъ кожаныхъ издѣлій. Эта послѣдняя промышленность (изготовленіе вышитыхъ башмаковъ и туфель), которую, какъ полагаютъ, занесли въ край монголы, хотя она, вѣроятно, существовала уже ранѣе монгольскаго нашествія, удивительно напоминаетъ китайскія украшенія [1]. Число фабрикъ въ Твери—44, съ 8.000 рабочихъ и годовымъ производствомъ на сумму около 10 съ половиной милліоновъ руб. Жители села Кимры, лежащаго ниже на Волгѣ, занимаются также отчасти упомянутой вышивкой, но преимущественно шитьемъ сапогъ, которые отправляются главнымъ образомъ въ Москву и Петербургъ [2]. Въ этой мѣстности, верстъ на 40 вокругъ села Кимры, всѣ полевыя работы, исключая косьбы травы, предоставлены женщинамъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Тверской губерніи значительная часть крестьянъ—плотники; они уходятъ на заработки въ большіе города, гдѣ и проводятъ болѣе половины года.

Рыбинскъ, въ Ярославской губерніи, есть вторая торговая станція на Волгѣ ниже Твери; но сравнительно съ этимъ послѣднимъ городомъ положеніе его представляетъ больше выгодъ, такъ какъ онъ находится, кромѣ того, при выходѣ двухъ системъ воднаго сообщенія, Тихвинской и Маріинской, которыя соединяютъ Волгу съ Петербургомъ: первая—черезъ рр. Мологу, Чагодощу, Тихвинскій каналъ, р. Сясь и Ладожское озеро; вторая—черезъ р. Шексну, Бѣлозерскій обходный каналъ, Маріинскій каналъ и два большія озера Невскаго бассейна по обходнымъ каналамъ: Свирскому, Сясьскому, Петра I и Александра II. Возрастаніе сѣверной столицы служитъ въ пользу Рыбинску, который можетъ быть разсматриваемъ какъ главный ея портъ на Волгѣ; кромѣ того, онъ соединенъ съ нею желѣзной дорогой. Въ Рыбинскѣ большія суда, приходящія снизу, въ количествѣ около двухъ тысячъ каждогодно, должны перегружать свои товары на мелкія барки, въ числѣ восьми тысячъ, приспособленныя для плаванія далѣе вверхъ по Волгѣ и по узкимъ каналамъ съ шлюзами. Въ 1893 году товарное движеніе въ Рыбинскѣ простиралось до 56,7 милл. пудовъ груза, цѣнностью около 24,2 милліоновъ рублей. Въ самый разгаръ торговаго сезона, разнообразныя суда запружаютъ Волгу, очень широкую здѣсь (230 саженъ), до того, что изъ нихъ образуется живой мостъ отъ одного бе-

[1]) Драгомановъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Въ Кимрскомъ районѣ сапожнымъ ремесломъ занято до 16.000 чел., ежегодное производство—$2^1/_2$ милл. паръ разной обуви, на 6 милл. р. (В. И. Покровскій, „Историко-статистическое описаніе Тверской губ.“).

рега рѣки до другаго. Лѣтомъ въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ городѣ собирается до ста тысячъ купцовъ и бурлаковъ и всякаго рода рабочихъ людей, приходящихъ для выгрузки и перегрузки товаровъ. Между промышленными заведеніями Рыбинска первое мѣсто занимаетъ большой канатный заводъ [1]). По числу жителей Рыбинскъ, важдѣйшая волжская пристань, «столица бурлаковъ», далеко превосходитъ всѣ другіе города, стоящіе ниже Твери на Волгѣ или на ея притокахъ въ этой части рѣчнаго теченія: Калязинъ, Угличъ, Кашинъ, Бѣжецкъ, Клинъ, Дмитровъ, Переяславль-Залѣсскій. Этотъ послѣдній городъ,— одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи и, вѣроятно, колонія другаго Переяславля «Русскаго», который находится въ долинѣ Днѣпра,— получилъ, благодаря своимъ бумагопрядильнямъ, нѣкоторую промышленную важность. Устюжна-Желѣзнопольская, на р. Мологѣ, есть, вмѣстѣ съ Череповцемъ, центръ кустарной промышленности, именно гвоздарной: болѣе 20.000 человѣкъ, въ уѣздахъ Устюженскомъ и Череповецкомъ, работаютъ въ тысячахъ маленькихъ кузницъ и производятъ всѣ вмѣстѣ свыше 600.000 пудовъ гвоздей [2]). Ниже Рыбинска двойной городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ окруженъ огородами, славящимися въ особенности лукомъ; уѣздъ того же имени извѣстенъ также романовскими овцами и дублеными полушубками.

Ярославль, губернскій городъ, есть, можетъ быть, самый древній славянскій городъ, основанный на Волгѣ: онъ былъ построенъ въ 1025г. сыномъ Владиміра Великаго, Ярославомъ Мудрымъ, и впослѣдствіи былъ соперникомъ Твери и Москвы, оспаривая у нихъ господство надъ сѣверной Русью. Въ настоящее время это очень красивый городъ, когда на него смотришь съ Волги: по высокому берегу тянется длинный бульваръ, усаженный липами, за бульваромъ видна передняя часть города съ красивыми строеніями, надъ которыми высятся блистающія на солнцѣ золотыя главы многочисленныхъ церквей; на крутомъ мысу, при впаденіи рѣчки Которосли въ Волгу, бѣлѣетъ въ зелени деревьевъ зданіе Демидовскаго лицея. Пароходъ черезъ Волгу соединяетъ два участка желѣзной дороги, идущей изъ Москвы въ Вологду; этотъ рельсовый путь, также какъ полотняныя и бумагопрядильныя фабрики, придаетъ городу нѣкоторую важность въ промышленномъ и торговомъ отношеніи. Въ окрестностяхъ жители пяти деревень, соединившись въ товарищество на артельныхъ началахъ, занимаются сообща выдѣлкой сундуковъ; вся артель распредѣляетъ работы между всѣми членами ассоціаціи. Недалеко отъ Ярославля, село Сопѣлки, на Волгѣ, служитъ центромъ секты странниковъ. Городъ Ростовъ, находящійся къ юго-западу отъ Ярославля, на дорогѣ въ Москву, на берегахъ озера, изъ котораго вытекаетъ р. Которосль, еще гораздо древнѣе нынѣшняго губернскаго города. Лѣтопись Нестора упоминаетъ о Ростовѣ какъ о городѣ, существовавшемъ уже во времена Рюрика, въ девятомъ столѣтіи, и говоритъ, что первыми обитателями его было племя меря; но съ той эпохи, къ которой относится начало писанной исторіи, этотъ народъ, занимавшій прежде обширную территорію, отъ нынѣшней Смоленской губерніи до нижняго теченія Оки, уже ославянился: имя его не встрѣчается болѣе въ лѣтописяхъ послѣ 907 года [1]). Однако, финскій элементъ оставилъ въ краѣ свои слѣды въ видѣ географическихъ названій и долго обнаруживался сильнымъ сопротивленіемъ христіанству, особенно въ самомъ Ростовѣ, которому впослѣдствіи суждено было сдѣлаться одною изъ митрополій Россіи. Благодаря этому высокому рангу (пребыванію митрополичьяго престола), онъ сталъ въ глазахъ народа священнымъ городомъ, и теперь еще иконная живопись, рисованіе образовъ на финифти—одинъ изъ главныхъ мѣстныхъ промысловъ; ростовскія иконы расходятся по всей Имперіи. Кромѣ того, въ Ростовъ приходитъ довольно много богомольцевъ, а ярмарки его, хотя менѣе посѣщаемыя сравнительно съ прежнимъ временемъ, все еще привлекаютъ торговыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ Великой Россіи и даже съ азіатскаго склона Уральскихъ горъ. Берега Ростовскаго озера (по-фински Неро) окружены огородами, гдѣ разводятъ преимущественно цикорій. Этой промышленностью (огородничествомъ) ростовцы славятся во всей Россіи. Ростовскіе огородники не только развозятъ далеко свои произведенія, цикорій, сушеный сахарный горошекъ, лукъ, кухонныя и медицинскія травы и пр., но снимаютъ огороды въ столицахъ и большихъ городахъ; петербургскіе огородники— большею частію ростовцы. Вообще жители Ярославской губерніи извѣстны по всей Россіи своею ловкостью, смѣтливостью, необыкновенной способностью къ промышленности и торговлѣ.

Кострома, губернскій городъ, стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, верстахъ въ 60 ниже Ярославля, которому онъ много уступаетъ по внѣшнему виду и красотѣ; онъ тоже, какъ и Ростовъ, древній городъ земли меря, и названіе его означаетъ имя одного финскаго бога. Въ самомъ городѣ игрища языческаго происхожденія, напоминавшія культъ Костромы или

---

[1]) „Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича отъ Петербурга до Крыма".

[2]) „Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи". Сост. кн. А. Мещерскимъ и Модзалевскимъ. Изданіе Имп. Русскаго Географ. Общества.

[1]) Н. П. Барсовъ, „Очерки русской исторической географіи"; Гр. Уваровъ, „Племя Меря".

Ярилы, были уничтожены; но по деревнямъ и теперь еще во многихъ мѣстахъ сохранился обычай совершать торжественное погребеніе соломенныхъ чучелъ, представляющихъ грубое изображеніе этого гиперборейскаго Адониса, бога, который «появляется и умираетъ», чтобы снова возродиться, умереть и воскреснуть [1]). Упоминаемая въ первый разъ въ тринадцатомъ столѣтіи, Кострома прославилась въ исторіи въ слѣдующихъ вѣкахъ, и кремль ея, съ его высокими башнями и куполами церквей, напоминаетъ пребываніе древнихъ князей; но, несмотря на эти памятники старины, городъ похожъ на большое село. Въ Костромѣ, въ 1613 году, посольство отъ великаго земскаго собора объявило Михаилу Θеодоровичу Романову объ избраніи его на русскій престолъ, послѣ изгнанія поляковъ: юный Михаилъ жилъ тогда съ своей матерью, инокиней Марθой, близъ города, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1330 году однимъ татарскимъ мурзой (предкомъ Бориса Годунова), который былъ обращенъ въ христіанство «чудеснымъ видѣніемъ»; но съ той эпохи монастырь, обнесенный крѣпкими стѣнами съ башнями и бойницами, былъ дважды перестроенъ, въ 1586 и въ 1650 годахъ. Въ Костромѣ есть нѣсколько фабрикъ, преимущественно полотняныхъ и бумагопрядильныхъ; но мы уже находимся въ сосѣдствѣ холодныхъ пустынь Сѣвера, гдѣ городки встрѣчаются очень рѣдко. Въ сѣверной части обширной Костромской губерніи существуетъ только два поселенія, заслуживающія названія города: Галичъ и Макарьевъ-на-Унжѣ. Первый, стоящій на берегу озера, въ области древняго города меря, вѣроятно, былъ основанъ выходцами изъ червонорусскаго Галича; впрочемъ, народное присловье называетъ жителей его «кривичами», именемъ древняго славянскаго племени, населявшаго Бѣлую Русь [2]). Въ Галичѣ нѣтъ никакихъ другихъ промысловъ, кромѣ рыболовства; въ уѣздѣ значительное кожевенное производство. Племя меря изчезло изъ этого края, или по крайней мѣрѣ носитъ нынѣ имя русскихъ, съ которыми оно слилось въ одну народность; но черты лица и многіе остатки старыхъ нравовъ свидѣтельствуютъ о смѣшанномъ происхожденіи жителей.

По принятіи въ себя судоходной Унжи, по которой сплавляютъ лѣсъ, смолу, деготь, Волга, поворачивая на югъ, направляетъ свое теченіе къ болѣе многолюднымъ южнымъ областямъ. Мы приближаемся къ Нижнему-Новгороду.

Значительнѣйшіе города въ бассейнѣ верхней Волги:

[1]) „Труды Имп. общ. люб. естеств., антр. и этнографіи", XXVIII, XXX; П. Ефименко, „Ярило", „Записки Русскаго Географич. Общества", по отдѣленію этнографіи, II.

[2]) Даль, „Пословицы русскаго народа".

Смоленская губернія: Гжатскъ—7.019 жит.

Тверская губернія: Тверь (1897 г.)—53.477 ж.; Ржевъ—30.605; Торжокъ—14.764; Вышній-Волочекъ—16.138; Осташковъ—12.104; Кашинъ—6.880; Калязинъ—8.243; Бѣжецкъ—7.237.

Московская губернія: Дмитровъ—9.351 жит.; Клинъ—5.465 ж.

Новгородская губернія: Устюжна—7.257 жит.

Владимірская губернія: Переяславль-Залѣсскій—8.943 жит.

Ярославская губернія: Ярославль (1897 г.)—70.610 жит.; Рыбинскъ (1897 г.)—25.223; Ростовъ—17.232; Угличъ—12.661; Романовъ-Борисоглѣбскъ—9.256 жит.

Костромская губернія: Кострома (1897 г.)—40.670 жит.; Галичъ—6.944; Макарьевъ-на-Унжѣ—6.227 жит.

XIII. Бассейнъ Оки.

Губерніи Орловская, Калужская, Тульская, Московская, Рязанская, Владимірская, Тамбовская, Нижегородская.

Бассейнъ этой важной рѣки составляетъ истинный центръ Европейской Россіи, не только по географическому положенію, но также по числу жителей и дѣятельности народнаго труда. Въ этомъ районѣ сосредоточено промышленное населеніе, здѣсь находится историческая столица Великой Россіи, сдѣлавшаяся столицей всей восточно-славянской Имперіи, сюда сходятся главныя линіи желѣзно-дорожной сѣти государства. Это—та область, которая доставляетъ, вмѣстѣ съ Польшей и Малороссіей, главные рессурсы государственному бюджету, а въ отношеніи наступательной силы можетъ быть разсматриваема какъ истинная Россія. За исключеніемъ мордвы, сохранившейся въ нѣсколькихъ селеніяхъ Тамбовской губерніи, населеніе здѣсь сплошь великорусское; финскіе народцы, которые были сторожилами въ восточной части страны, давно уже слились со славянами и составили съ ними одинъ народъ, а литовское племя голядь, обитавшее на западъ отъ Москвы, совсѣмъ исчезло, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, кромѣ названій нѣкоторыхъ деревень; татарскія же селенія, встрѣчающіяся въ губерніи Рязанской, составились изъ позднѣйшихъ переселенцевъ.

Уже на верховьяхъ Оки губернскій городъ Орелъ принадлежитъ къ числу важныхъ городовъ Россіи. Основанный въ 1564 году, послѣ завоеванія края отъ татаръ, онъ былъ переведенъ на другое мѣсто въ 1679 году, послѣ большаго пожара; такимъ образомъ, нынѣшній городъ существуетъ всего только двѣсти лѣтъ, и нѣкоторые обширные кварталы, состоящіе изъ

деревянныхъ домиковъ, имѣютъ еще видъ временнаго поселенія. Но, благодаря четыремъ желѣзнымъ дорогамъ, сходящимся на его станціи, и водамъ Оки, уже судоходной въ этомъ мѣстѣ, Орелъ сдѣлался очень дѣятельнымъ торговымъ центромъ, особенно по отпуску ржи, пшеницы, крупчатки, пеньки. Тѣми же продуктами земледѣльческой промышленности ведутъ торговлю два сосѣдніе города—Мценскъ и Болховъ, стоящіе на притокахъ Оки. Мценскія женщины занимаются главнымъ образомъ плетеньемъ кружевъ. Этотъ городъ окруженъ курганами, напоминающими битвы, происходившія въ его окрестностяхъ между татарами,

Типы и костюмы Тульской губерніи.

казаками, литовцами, поляками. Населеніе было окрещено только въ пятнадцатомъ столѣтіи.

На сѣверъ отъ Орла, постепенно увеличивающаяся Ока проходитъ послѣдовательно передъ городами: Бѣлевымъ, который важенъ какъ одинъ изъ рынковъ, регулирующихъ торговлю пенькой, Лихвиномъ, Перемышлемъ, который носитъ то же имя, какъ одинъ изъ галицкихъ городовъ. Затѣмъ, почти удвоенная въ объемѣ отъ принятія въ себя Угры (т. е. «Угорской рѣки»), Ока оставляетъ сѣверное направленіе и поворачиваетъ на востокъ; въ небольшомъ разстояніи ниже этого колѣна находится губернскій городъ Калуга, назначенный мѣстопребываніемъ мусульманскимъ князькамъ, водворяемымъ на жительство въ Россіи. Калуга лежитъ уже въ промышленномъ кругѣ Москвы и имѣетъ разнообразныя фабричныя заведенія, особенно кожевенныя и полотняныя (парусинныя); печенье, извѣстное подъ именемъ калужскаго тѣста, славится во всей Великороссіи; здѣсь находится артиллерійскій паркъ и казенный пороховой заводъ. Другіе многолюдные города Калужской губерніи, торговый городъ Жиздра, въ уѣздѣ котораго замѣчательны желѣзодѣлательные и хрустальные заводы Мальцева, Козельскъ, древній городокъ вятичей, съ важнѣйшими въ Россіи парусинными фабриками, посадъ Сухиничи, главный складочный пунктъ для сала, конопляннаго масла и пеньки, Мещовскъ, имя котораго напоминаетъ древнее племя мещеряковъ, Медынь, Малоярославецъ, Боровскъ—всѣ лежатъ къ западу отъ Оки, на притокахъ этой рѣки или Угры. До этой области Россіи доходили французы во время войны 1812 года. По выходѣ изъ Москвы, истребленной пожаромъ, они направились-было въ Австрію черезъ Кіевъ и Галицію, но встрѣтили русскія войска въ Тарутинѣ и Малоярославцѣ и, послѣ кровопролитныхъ сраженій, принуждены были отступить вправо на опустошенную Смоленскую дорогу. Въ окрестностяхъ Малоярославца три могильные холма покрываютъ кости павшихъ на полѣ битвы.

Тула, губернскій городъ, по числу жителей значительно превосходитъ два предъидущіе, Орелъ и Калугу: это — главная станція на желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Харьковъ. Занимая положеніе при небольшой рѣкѣ Упѣ, восточномъ притокѣ Оки, омывающемъ, кромѣ того, два уѣздные города: Богородицкъ выше и Одоевъ ниже, Тула обязана своимъ важнымъ значеніемъ не судоходству, а фабричной промышленности; она была выбрана въ 1712 году Петромъ Великимъ какъ мѣсто для основанія главнаго оружейнаго завода Имперіи, и эта обширная фабрика даетъ теперь занятіе нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ, выдѣлывающихъ ежегодно до 70.000 ружей, не считая холоднаго оружія и другихъ желѣзныхъ и стальныхъ орудій. Тула по справедливости можетъ быть названа русскимъ Люттихомъ. Она фабрикуетъ также ножи, математическіе инструменты, машины, разныя слесарныя издѣлія и тѣ позолоченныя и посеребренныя металлическія вещи, которыя принадлежатъ болѣе спеціально къ промышленности Устюга, Вологды и Грузіи; Тула поставляетъ ежегодно около 200.000 самоваровъ, составляющихъ неизбѣжную принадлежность всякаго сколь-нибудь зажиточнаго дома на Руси. Тульскія фабрики имѣютъ весьма важное преимущество, о которомъ никто не зналъ во время ихъ основанія: онѣ находятся въ обширномъ каменноугольномъ бассейнѣ, который современемъ будетъ доставлять имъ все необходимое топливо. Эти мѣсторожденія ископаемаго угля, открытыя еще Палласомъ въ концѣ прошлаго столѣтія, оставались въ совершенномъ пренебреженіи, пока окрестные лѣса могли доставлять заводамъ все нужное имъ количество древеснаго топлива. Теперь же, когда лѣса, аттакуемые со всѣхъ сторонъ, быстро рѣдѣютъ и скоро совсѣмъ исчезнутъ, начинаютъ обращать вниманіе на минеральное топливо, и нѣкоторые землевладѣльцы уже съ успѣхомъ разработываютъ земляной уголь. Въ 1879 году на 13 копяхъ Рязанской и Тульской губерніи было добыто 469.000 тоннъ угля; но легко было бы извлекать до милліона тоннъ [1]. Тульскій уголь, средняя толщина котораго около 10 футовъ, но который встрѣчается также слоями въ 25 фут. мощности, представляетъ, для разработки, ту немаловажную выгоду, что онъ залегаетъ горизонтальными пластами, на небольшой глубинѣ подъ поверхностью земли [2].

Между Тулой и Москвой, главная станція желѣзной дороги—Серпуховъ, уѣздный городъ Московской губерніи, который въ то же время ведетъ дѣятельную торговлю водянымъ путемъ, благодаря своему положенію въ сосѣдствѣ судоходной Оки. Вмѣстѣ съ тѣмъ это промышленный городъ; между фабричными заведеніями его первое мѣсто занимаютъ ситцевыя мануфактуры и кожевенные заводы. Къ сѣверу отъ Серпухова, Подольскъ находится уже, такъ сказать, въ предѣлахъ городскаго округа Москвы.

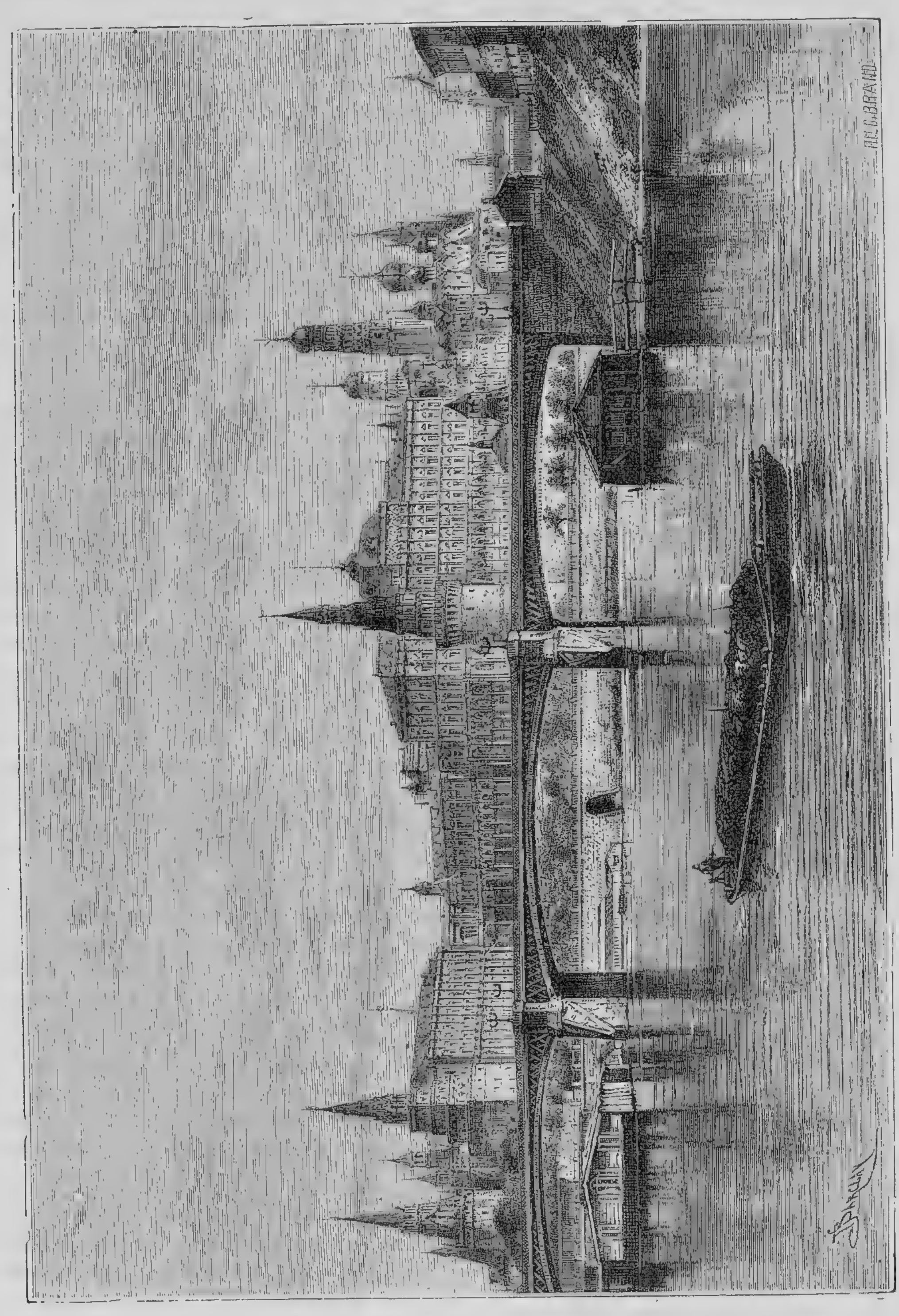
Вторая столица Россіи, — которая въ дѣйствительности есть первая, не по числу жителей, не по размѣрамъ торговли и промышленности, а по праву старшинства [3]), почему и

[1]) Въ 1894 г. во всемъ подмосковномъ бассейнѣ, обнимающемъ губерніи Калужскую, Тульскую и Рязанскую, было добыто только 11.846.850 пудовъ угля. Сокращеніе добычи произошло вслѣдствіе конкурренціи донецкаго угля, отличающагося лучшимъ качествомъ, и распространенія нефтяныхъ остатковъ въ Московскомъ фабричномъ районѣ и на желѣзныхъ дорогахъ. Ред.

[2]) Акад. Гельмерсенъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", vol. XII, 1868.

[3]) Москва основана въ XII вѣкѣ княземъ Суздальскимъ Юріемъ Долгорукимъ. Пр. перев.

называется «первопрестольной»,—занимаетъ почти какъ разъ географическій центръ Европейской Россіи. Она стоитъ не при большой рѣкѣ, и главная ея рѣка, Москва, пересѣкающая городъ извилистой линіей, пригодна лишь для мелкихъ судовъ; но, благодаря гладкой, слегка волнистой поверхности окружающихъ равнинъ, древняя русская столица имѣетъ удобное сообщеніе съ Волгой, Окой, Дономъ, Днѣпромъ. Какъ и всякій другой городъ центральной Россіи, который былъ бы избранъ царской резиденціей, Москва находится въ мѣстѣ благопріятномъ для соединенія въ ея стѣнахъ дорогъ, идущихъ со всѣхъ концовъ государства, отъ Бѣлаго моря и отъ Понта Эвксинскаго, отъ Балтики и отъ Каспія, отъ портовъ Сибири и отъ портовъ Западной Европы. Соединеніе главныхъ желѣзнодорожныхъ



Москва.—Кремль.

линій въ Москвѣ, какъ центрѣ, было необходимо столько же съ точки зрѣнія торговли и промышленности, сколько и ради стратегическихъ интересовъ страны, ибо если Москва стоитъ на дорогѣ непріятельскаго вторженія черезъ Витебскъ и Смоленскъ, то эта дорога есть въ то же время одинъ изъ тѣхъ путей, на которомъ мирное движеніе торговаго обмѣна наиболѣе дѣятельно [1]). До тѣхъ поръ, пока русскіе, принадлежащіе къ цивилизованному міру, занимали только бассейнъ Днѣпра, Кіевъ былъ естественной метрополіей; но когда восточно-славянское государство вошло въ составъ Европы, столица должна была перемѣститься въ Москву, Владиміръ или какой-нибудь другой городъ, близкій къ центру страны. Москва не довольно стара, чтобы быть «святой», какъ Кіевъ, но она «мать», по крайней мѣрѣ для Великой Россіи,—«матушка-Москва Бѣлокаменная», какъ ее прозвалъ народъ. При томъ, по самому составу своего разноплеменнаго населенія, по крайней мѣрѣ по большому числу семействъ господствующаго класса, имѣющихъ литовское, малорусское, татарское, финское, черкеское, даже цыганское происхожденіе, Москва принадлежитъ всей Россіи. Подобно латинскому Риму, славянскій Римъ, построенный на семи холмахъ, имѣлъ бѣглецовъ между своими первыми основателями, и эти выходцы, прибывшіе изъ всѣхъ окружающихъ странъ, пріобрѣли смѣшанный характеръ, совмѣщавшій особенности всѣхъ характеровъ разнороднаго пришлаго люда и не похожій ни на одинъ изъ нихъ исключительно: москвитяне развивались совершенно своеобразно, какъ древніе римляне. Московскіе властители нерѣдко прибѣгали къ перемѣщеніямъ населенія en masse, чтобы распредѣлить, по своему произволу, жителей въ подвластныхъ имъ земляхъ, и чтобы такимъ образомъ прочнѣе утвердить свое могущество. Многія народныя пословицы напоминаютъ озлобленіе, существовавшее въ различныхъ мѣстностяхъ, даже великорусскихъ, противъ Москвы и «московской вѣры» [2]).

Общій планъ Москвы представляетъ нѣкоторое сходство съ расположеніемъ Парижа: первопрестольная столица Россіи тоже состоитъ изъ центральнаго ядра, вокругъ котораго расположились кругообразно другія части города, и Москва-рѣка, хотя текущая въ противоположномъ направленіи съ Сеной, развертывается на западной сторонѣ столицы излучинами, почти подобными изгибамъ французской рѣки. Кремль (по-татарски «крѣпость»), окруженный высокой стѣной въ формѣ неправильнаго треугольника, занимаетъ, вмѣстѣ съ частью, называемой «Китай-городомъ», центръ города, на сѣверномъ берегу Москвы-рѣки, которая описываетъ въ этомъ мѣстѣ извилину, обнимающую между своими двумя рукавами продолговатый островъ. Вокругъ Кремля и Китай-города раскинулся концентрически «Бѣлый-городъ»; бульваръ, образующій три четверти окружности и опирающійся концами о лѣвый берегъ Москвы-рѣки, отдѣляетъ Бѣлый-городъ отъ «Землянаго-города», гдѣ встарину жили ремесленники и вообще бѣдный людъ; съ конца прошлаго столѣтія этотъ Земляной-городъ обведенъ широкой улицей, окаймленной садами и рощами, окружность которой, общимъ протяженіемъ около 15 верстъ, продолжается на правомъ берегу. За этимъ кругообразнымъ бульваромъ тянутся предмѣстья, тоже, въ свою очередь, окруженныя оградой съ остроугольными выступами, съ пирамидальными башнями, вдоль которой открываются тамъ и сямъ широкія улицы, отрывки будущаго бульвара. Площадь, занимаемая Москвою, не уступаетъ по величинѣ площади Парижа: она составляетъ около 90 квадр. верстъ; но на этомъ огромномъ пространствѣ живетъ населеніе почти въ три раза меньшее, чѣмъ въ столицѣ Франціи; многія части города походятъ на безпорядочно раскиданную деревню, гдѣ раскрашенные домики группируются вокругъ церкви или замка. Въ прошломъ столѣтіи Москва, по словамъ принца де-Линь, представляла собраніе барскихъ резиденцій, окруженныхъ парками и избами ихъ крѣпостныхъ. И теперь еще городъ, по выраженію поэта, вмѣстившій «въ свои концы и посады, и деревни, и палаты, и дворцы», сохранилъ нѣкоторые слѣды этого своеобразнаго происхожденія: сады, рощи, поля, пустопорожнія земли, усѣянныя прудами, подходятъ, между предмѣстьями, къ многолюднымъ кварталамъ Москвы; но, съ другой стороны, внѣшнія деревни тянутся непрерывнымъ рядомъ по бокамъ дорогъ верстъ на десять отъ центра столицы. Казалось бы, пространства вполнѣ достаточно, чтобы дать доступъ чистому воздуху во всѣ московскія жилища; однако, многое-множество «полу-этажныхъ» домовъ имѣютъ подвальный этажъ, лежащій ниже уровня улицы, и дождевая вода, просачиваясь сквозь почву, конечно, поддерживаетъ въ этихъ подземныхъ жильяхъ постоянную сырость. Число умирающихъ всегда превышаетъ, въ Москвѣ, число рожденій, и Бѣлокаменная, безъ сомнѣнія, вернулась бы въ первобытное состояніе деревни, если бы населеніе ея не пополнялось безпрестанно приливомъ пришлаго люда. Но когда смотришь издали или съ колокольни Ивана Великаго, исполинскій городъ является только въ своей величавой красѣ, и ничто не обнаруживаетъ его темныхъ сторонъ, тайнаго убожества, прячущагося въ грязныхъ закоулкахъ и сырыхъ подвалахъ: зеленѣющіе сады и рощи, сотни башенъ, тысяча колоколенъ съ шарообразными куполами, болѣе 400 златоглавыхъ

[1]) J. Kohl, „Geographische Lage der Hauptstädte Europa's".
[2]) В. Даль, „Пословицы русскаго народа."

церквей («сорокъ сороковъ», говоритъ народная пословица)—вотъ все, что показываетъ древняя столица Россіи. Съ Воробьевыхъ горъ, поднимающихся длинными кряжами на западной сторонѣ города, Москва, въ центрѣ которой возвышается Кремль, представляетъ истинно величественную панораму при лучахъ заходящаго солнца: кажется, что созерцаешь одинъ изъ обширныхъ, великолѣпныхъ городовъ Индіи. Такою представилась Москва въ двѣнадцатомъ году взорамъ солдатъ «великой арміи».

Кремль, сердце Москвы, въ одно и то же время крѣпость и средоточіе храмовъ и монастырей, дворцовъ, палатъ и казармъ, есть громаднѣйшій историческій памятникъ, памятникъ по преимуществу русской монархіи: отсюда исходили повелѣнія московскихъ царей, здѣсь церковь, въ лицѣ своихъ первосвятителей и духовныхъ соборовъ, постановляла рѣшенія въ дѣлахъ вѣры. Проникая въ ограду этого священнаго мѣста черезъ Спасскія ворота, всякій долженъ благоговѣйно обнажить голову. Колокольня Ивана-Великаго, построенная въ 1600 году Борисомъ Годуновымъ, во время большаго голода и возвышающаяся на $46^1/_2$ саженъ, въ центрѣ Кремля, также составляетъ предметъ своего рода почитанія, и многіе, примѣтивъ ее издали, при приближеніи къ Москвѣ, падаютъ ницъ, какъ если бы увидѣли самый символъ отечества. У подножья этой гигантской башни покоится на пьедесталѣ громадный «царь-колоколъ» съ отбитымъ краемъ, вѣсящій 12.000 пудовъ. Въ сосѣдствѣ съ «Иваномъ-Великимъ» стоитъ Успенскій соборъ, гдѣ коронуются государи и гдѣ погребены московскіе первосвятители, митрополиты и патріархи; другой соборъ, Архангельскій, не менѣе богато украшенный фресками, мозаиками, мраморомъ и драгоцѣнными камнями, заключаетъ гробницы великихъ князей и царей до Петра I. На самомъ возвышенномъ пунктѣ Кремля, подлѣ царскаго дворца, стоитъ небольшой старинный храмъ Спаса на-Бору, который своимъ именемъ напоминаетъ, что это мѣсто нѣкогда было покрыто густымъ лѣсомъ. Нѣкоторыя строенія царской резиденціи также очень замѣчательны и напоминаютъ своей архитектурой въ одно и то же время палаццо Венеціи и дворцы Индостана: куполы, колоколенки, галлереи съ колоннами, орнаменты, окрашенные въ зеленый, красный, желтый цвѣта, перемѣшиваются въ безпорядкѣ. Большой Кремлевскій дворецъ, съ знаменитымъ Краснымъ (т. е. красивымъ, парааднымъ) крыльцомъ, соединяется со старинными теремами и Грановитой палатой, соотвѣтствовавшей нынѣшней Тронной залѣ. Въ Оружейной палатѣ хранится старинное оружіе, царскія короны, порфиры, шапка Мономаха и пр. Въ Патріаршей ризницѣ богатое книгохранилище содержитъ нѣсколько единственныхъ въ своемъ родѣ документовъ и неоцѣненно дорогія рукописи. Арсеналъ, гдѣ собрано оружія для 100.000 человѣкъ, тоже имѣетъ спеціальный музей, но главная его достопримѣчательность—чудовищная пушка, прозванная «царь-пушкой»: «Москва особенно знаменита, сказалъ Герценъ въ шутку, своимъ царь-колоколомъ, который не звонитъ, и своей царь-пушкой, которая не палитъ». У Воскресенскихъ или Иверскихъ воротъ (въ сѣверной стѣнѣ, окружающей Китай-городъ) стоитъ знаменитая часовня съ чудотворною иконой Иверской Божіей Матери; часовнѣ нѣкогда принадлежали земли съ тысячами крестьянъ. Часовня эта съ ранняго утра до вечера полна молящихся; св. икону носятъ, по желанію, въ дома, но это стоитъ очень дорого, и люди небогатые должны довольствоваться ея копіею.

Китай-городъ, торговый центръ Москвы, съ Гостинымъ Дворомъ и биржей, также заключаетъ много любопытныхъ памятниковъ старины, какъ, напримѣръ, палата бояръ Романовыхъ [1]) и древніе монастыри; но самое интересное зданіе этой части города и вообще Москвы возвышается подлѣ самаго Кремля, на одной изъ сторонъ Красной площади: это—соборъ Покрова Пресв. Богородицы, извѣстный въ народѣ болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго. Этотъ памятникъ, сооруженный въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, при Иванѣ Грозномъ (въ память завоеванія Казани), итальянскимъ зодчимъ, есть, безспорно, единственный въ своемъ родѣ: очевидно, онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому же духу старой московской гордости, который побудилъ воздвигнуть колокольню Ивана Великаго, отлить царь-колоколъ, поставить передъ арсеналомъ царь-пушку. Храмъ Василія Блаженнаго носитъ печать византійскаго стиля въ деталяхъ своей архитектуры, какъ того требуетъ религіозная традиція, но въ цѣломъ онъ являетъ своеобразный, чисто московскій характеръ. Строившій его итальянецъ соблюдалъ требованія науки въ отношеніи укладки камней, степени сопротивленія матеріала, размѣровъ свода, но онъ съумѣлъ въ то же время сохранить символическія формы русскихъ зодчихъ, и странный памятникъ, хотя построенный иноземными руками, остается, тѣмъ не менѣе, зданіемъ греко-православнымъ по преимуществу. Галлереи и портики окружности храма, болѣе новаго происхожденія, чѣмъ корпуса и башни, свидѣтельствуютъ, правда, объ итальянскомъ вліяніи, хотя они и обезображены пирамидальными колоколенками; но надъ этимъ перистилемъ виднѣется старая постройка, являющаяся во всей ея причудливой оригинальности. Колокольни, всѣ разной формы и величины, выступаютъ каждая

[1]) Въ этомъ домѣ, реставрированномъ въ 1858 году, родился 12 іюня 1596 года Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, родоначальникъ нынѣ царствующей династіи.

Прим. перев.

изъ хаоса изваяній и орнаментовъ, похожихъ на черепицевидные листья, на чешуйки сосновыхъ шишекъ, на влагалище распускающихся цвѣтковъ. Главы, увѣнчанныя крестомъ съ позолоченными цѣпочками, всѣ отличаются одна отъ другой размѣрами, профилемъ, узорами, цвѣтами: одинъ куполъ вырѣзанъ въ видѣ выдающихся реберъ, другой кажется вышитымъ арабесками въ формѣ ромбовъ, третій изсѣченъ на подобіе остроконечныхъ граней алмаза, четвертый походитъ на чешуйчатый плодъ, иные исполосованы выпуклыми извивающимися линіями; затѣмъ, на вершинѣ, главная башня, пирамидальной формы, выступающая изъ многочисленной группы окружающихъ ее меньшихъ куполовъ, оканчивается главой, фигура которой напоминаетъ лампаду. И все это украшено изразцами, испещрено разнообразными колерами; при первомъ взглядѣ невозможно распознать господствующія линіи въ этомъ сплетеніи выступовъ, узоровъ и красокъ; зритель въ недоумѣніи спрашиваетъ себя, что это такое—зданіе или какой-то чудовищный растительный продуктъ? [1]). «Этотъ невозможный храмъ, говоритъ Теофиль Готье, заставляетъ умъ сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельства глазъ» [2]). А между тѣмъ невозможно оторвать взоръ отъ этого храма; онъ нравится именно своей странностью, вычурностью своей архитектуры. Недалеко отъ Василія Блаженнаго, тоже на Красной площади, противъ Спасскихъ воротъ и вблизи Гостинаго Двора, заключающаго тысячи лавокъ, стоитъ памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому (группа изъ бронзы), воздвигнутый въ память избавленія ими Москвы отъ польскаго владычества, въ 1613 году.

За стѣнами Кремля и Китай-города историческіе памятники встрѣчаются все рѣже, по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ центра столицы; но почти всѣ важнѣйшія ученыя и университетскія заведенія сосредоточены въ Бѣломъ-городѣ. Тамъ находится университетъ, основанный въ 1755 году (старѣйшій изъ русскихъ университетовъ),—обширное зданіе съ колоннадами; по числу слушателей онъ занимаетъ первое мѣсто между русскими университетами (къ 1 января 1898 г., въ Московскомъ университетѣ было: профессоровъ, преподавателей и приватъ-доцентовъ—240; слушателей—4.782); онъ обладаетъ цѣнными сокровищами въ своемъ книгохранилищѣ и въ своихъ коллекціяхъ; въ вѣдѣніи этого высшаго учебнаго заведенія состоятъ: астрономическая обсерваторія, ботаническій и зоологическій сады. Московскій университетъ имѣлъ значительное вліяніе на философское и литературное движеніе Россіи, особенно въ періодъ съ 1830 до 1848 года, когда онъ еще не былъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ петербургской бюрократіи; въ этой alma mater получили образованіе нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ людей новой Россіи. Недалеко отъ университета находится зданіе музея, который заключаетъ въ себѣ произведенія живописи старинной и новой, произведенія скульптуры, книгохранилище—единственное въ Европѣ по его памятникамъ китайской и манджурской письменности, и знаменитая этнографическая галлерея Дашкова, въ которой костюмированныя фигуры представляютъ типы всѣхъ племенъ, населяющихъ Россійскую Имперію. Замѣчательны также историческій и политехническій музеи. Многія другія коллекціи, менѣе важныя, тоже обогащаютъ Москву своими сокровищами, между прочимъ, частныя картинныя галлереи, состоящія изъ произведеній русскихъ художниковъ. Москва не имѣетъ столько высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, какъ Петербургъ, но все-таки она имѣетъ ихъ болѣе, чѣмъ всякій другой губернскій городъ; изъ этихъ заведеній назовемъ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, Петровскій сельско-хозяйственный институтъ, межевой институтъ, инженерное училище, техническое училище. Москва, главный центръ народной (т. е. простонародной) печати въ Россіи, ежегодно выпускаетъ въ свѣтъ милліоны книжекъ и эстамповъ, и эта масса лубочныхъ изданій расходится по всѣмъ провинціямъ обширнаго государства, даже по самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ и глухимъ захолустьямъ, при посредствѣ странствующихъ торговцевъ (коробейниковъ или офеней), которые ходятъ по городамъ и деревнямъ, продавая свой товаръ на деньги, или обмѣнивая его на сельскіе продукты. Для сравненія, приводимъ количество изданій, вышедшихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1877 году:

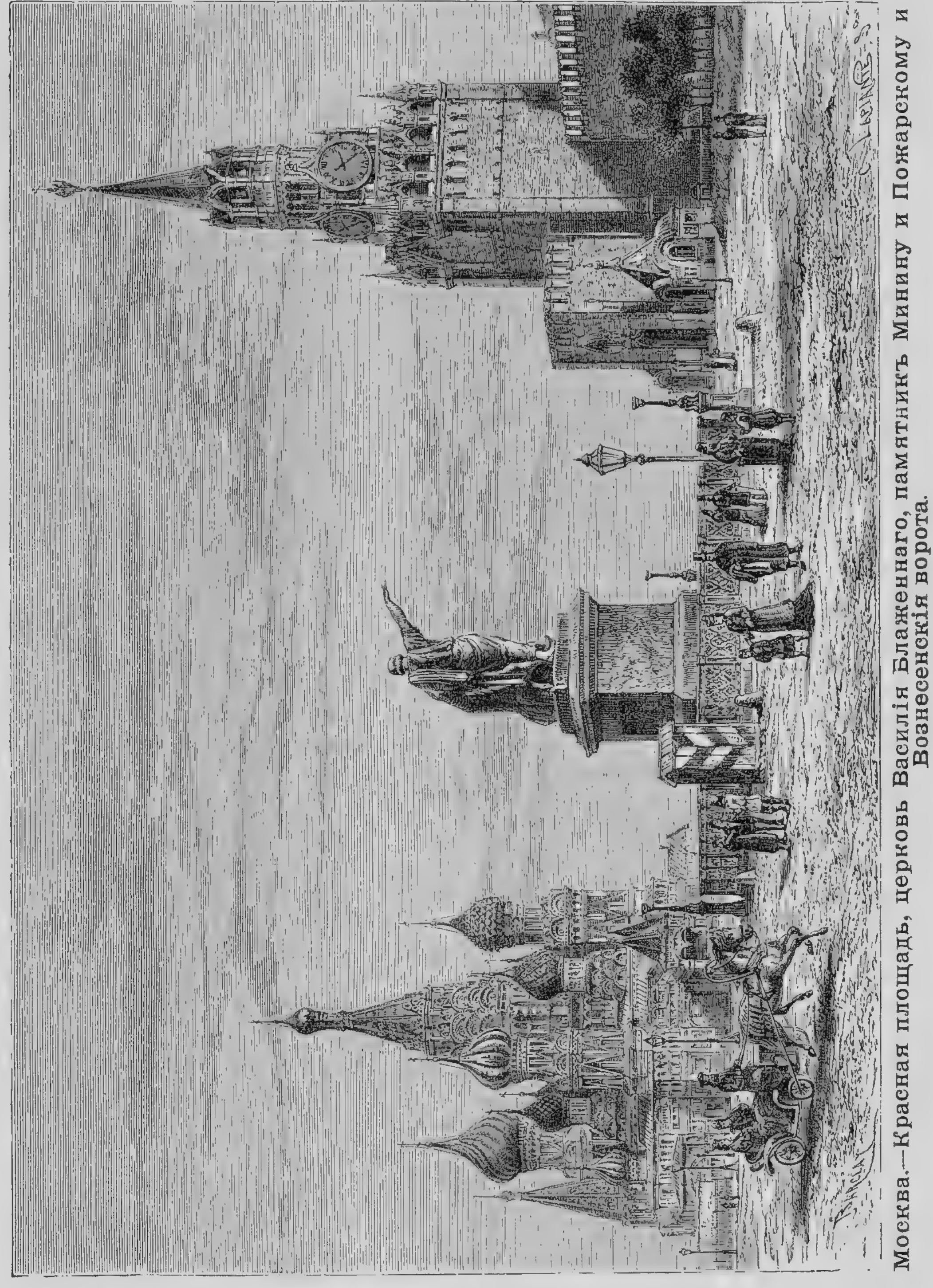
Петербургъ—6.925.853 экземпляр., 600.407 букварей и т. п., 2.092.233 эстамповъ. Москва, соотвѣтственно—8.342.685; 2.056.280; 2.495.800.

Москва, дѣйствительная столица Великороссіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ столица «старовѣровъ», поповцевъ и безпоповцевъ. Центрами ихъ служатъ два кладбища—Рогожское и Преображенское, съ принадлежащими къ нимъ заведеніями, богадѣльнями и пр. До сихъ поръ раскольники поповщинскаго согласія, впрочемъ, пользующіеся почти полной свободой вѣроисповѣданія, безуспѣшно ходатайствовали о разрѣшеніи имъ основать собственную частную гимназію, но безпоповцы, число которыхъ быстро возрастало съ начала нынѣшняго столѣтія, получили позволеніе снова открыть свои моленные дома, которые были закрыты, по распоряженію администраціи, въ 1853 г. Москва—мѣсто рожденія Пушкина, которому теперь поставленъ памятникъ, Лермонтова, Грибоѣдова, Островскаго, Достоевскаго, Герцена.

[1]) Blasius, „Reise im Europäischen Russland"; Забѣлинъ, „Древняя и новая Россія", 1878 г., № 3.

[2]) Théophile Gautier, „Voyage en Russie".

Москва есть въ то же время центръ промышленности и торговли. Въ настоящее время въ ней насчитывается до 650 фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ вмѣстѣ около 40.000 рабочихъ и производящихъ ежегодно болѣе, чѣмъ на тридцать милліоновъ рубл.; ежегодный привозъ товаровъ представляетъ сумму, далеко превышающую сотню милліоновъ руб. Главныя промышленныя заведенія—прядильныя и ткацкія фабрики для выдѣлки бумажныхъ и смѣшанныхъ тканей, красильныя заведенія, мануфактуры шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, кожевенные и водочные заводы. Почти всѣ эти фабричныя заведенія находятся въ предмѣстьяхъ или въ подгородныхъ селеніяхъ, и тѣнистые парки въ окрестностяхъ столицы часто смѣняются группами фабричныхъ строеній съ ихъ высокими, вѣчно дымящимися трубами. Пре-



Москва.—Красная площадь, церковь Василія Блаженнаго, памятникъ Минину и Пожарскому и Вознесенскія ворота.

краснѣйшій изъ этихъ парковъ, Сокольники, на сѣверо-восточной сторонѣ города, есть остатокъ старинныхъ лѣсовъ, разбитый на аллеи и застроенный дачами; другой лѣсъ (роща и большой паркъ), тоже любимое мѣсто гулянья во время лѣтняго сезона, расположенъ на сѣверо-западной сторонѣ и окружаетъ своими аллеями сады и колоннады Петровскаго дворца.

Въ 60 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Москвы, по Ярославской желѣзной дорогѣ, въ луговой мѣстности, усѣянной лѣсками и рощами, находится Троицко-Сергіевская лавра, знаменитая обитель [1]), которую не преминетъ посѣтить ни одинъ путешественникъ, пріѣзжающій въ древнюю столицу. Этотъ старинный монастырь, который поляки, въ Смутную эпоху, тщетно осаждали цѣлые шестнадцать мѣсяцевъ, въ 1609 и 1610 годахъ, дѣйствительно походитъ на средневѣковую крѣпость съ высокими стѣнами, надъ которыми поднимаются башни и колокольни. Это—настоящій городъ церквей, часовень, усыпальницъ; главная святыня лавры, Троицкій соборъ, построенный на мѣстѣ первой деревянной церкви, срубленной руками св. Сергія, поражаетъ своимъ богатствомъ. Троицкая лавра, хотя уступающая по степени Кіево-Печерской, привлекаетъ столь же многочисленную толпу поклонниковъ и богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Россіи, и, благодаря милостямъ царей, она сдѣлалась болѣе могущественной: прежде къ этому монастырю было приписано до 120.000 душъ крѣпостнаго населенія; въ ризницѣ его множество драгоцѣнной старинной утвари, облаченій, тканныхъ изъ золота и унизанныхъ драгоцѣнными камнями, цѣлые сундуки жемчуга; вѣроятные доходы монастыря въ 1872 году: 800.000 рублей [2]). Въ Троицкой лаврѣ помѣщается московская духовная академія. Сергіевскій посадъ, дома котораго сгруппированы вокругъ монастыря, по числу жителей превосходитъ всѣ другіе уѣздные города Московской губерніи. Между этими городами, Воскресенскъ, на сѣверо-западѣ отъ столицы и на сѣверѣ отъ Звенигорода, бывшаго стольнаго города княжества, также обязанъ своимъ происхожденіемъ монастырю [3]); главный мѣстный промыселъ—выдѣлка мебели. Городъ Верея, на юго-западѣ, былъ разрушенъ французами въ 1812 году и еще не совершенно оправился отъ этого разгрома; здѣсь фабрикуютъ преимущественно издѣлія изъ накладнаго серебра. Недалеко отъ города Можайска, около верховьевъ Москвы-рѣки, находится знаменитое Бородинское поле, гдѣ 26 августа 1812 года происходило сраженіе между русской и французской арміями, одно изъ самыхъ ожесточенныхъ и кровопролитныхъ во всей новой исторіи [1]).

По выходѣ изъ Бѣлокаменной, Москва-рѣка, текущая на юго-востокъ, соединяется съ Окой, близъ торговаго города Коломны и на сѣверѣ отъ Зарайска, въ которомъ еще существуетъ древняя крѣпость, перестроенная при Иванѣ Грозномъ. Главная рѣка, извивающаяся многочисленными излучинами, продолжаетъ слѣдовать въ юго-восточномъ направленіи до Рязани и далѣе, принимая по дорогѣ нѣсколько небольшихъ притоковъ,—между прочимъ, рѣчку, текущую отъ города Егорьевска. Рязань, нынѣ губернскій городъ, прежде столица княжества, сохранилъ еще свой живописный кремль, господствующій съ горы надъ городомъ своими церквами и старинными палатами; онъ былъ основанъ колоніей выходцевъ изъ Южной Руси, и полное имя его, Переяславль-Рязанскій, напоминаетъ украинскій городъ на берегахъ Днѣпра. Въ Рязани есть кое-какія фабрики, но онъ важенъ главнымъ образомъ какъ торговый городъ, благодаря сосѣдству судоходной Оки, которая протекаетъ верстахъ въ двухъ отъ него, и желѣзной дорогѣ, идущей изъ Москвы въ Саратовъ; послѣ Козлова, Рязань—главная промежуточная станція на этой дорогѣ. Къ югу отъ Рязани, уѣздный городъ Скопинъ, окруженный обширными хлѣбными полями, также замѣчателенъ какъ очень оживленный рынокъ. Но самый промышленный городъ въ Рязанской губерніи—Касимовъ, древній Городецъ, стоящій близъ того мѣста, гдѣ Ока вступаетъ въ предѣлы Тамбовской губерніи. Главныя мануфактуры Касимова—кожевенные и канатные заводы. Сосѣдство Азіи уже даетъ о себѣ знать: сотни татаръ-магометанъ, потомки тѣхъ татаръ, которымъ Касимовъ былъ отведенъ для жительства московскимъ великимъ княземъ, населяютъ еще цѣлую часть города, и минаретъ ихъ мечети высоко поднимается надъ домами. Вообще, славянскій элементъ и христіанство одержали побѣду, во всей странѣ, простирающейся къ югу отъ Оки, только съ семнадцатаго столѣтія: расколы, которые еще происходятъ иногда въ этомъ краю, должны быть приписаны, по крайней мѣрѣ отчасти, явленію возврата къ прошлому.

Ниже Касимова въ Оку впадаетъ, съ правой стороны, Цна, главная рѣка Тамбовской губерніи. Губернскій городъ Тамбовъ, стоящій недалеко отъ истоковъ этой рѣки, имѣетъ значеніе только какъ административный центръ и какъ станція на желѣзной дорогѣ изъ Москвы

---

[1]) Основана св. Сергіемъ Радонежскимъ. Подлѣ собора стоитъ памятникъ, на которомъ изображены событія, когда Троицкая лавра оказала важныя услуги отечеству: благословеніе св. Сергіемъ Димитрія Донскаго на битву съ Мамаемъ, отраженіе поляковъ и пр. Прим. перев.

[2]) Ростиславовъ, „Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей".

[3]) Воскресенскій монастырь основанъ патріархомъ Никономъ и называется Новымъ Іерусалимомъ. Прим. перев.

[1]) „Въ этой битвѣ пало болѣе 80.000 человѣкъ. На полѣ, близъ села Бородина, поставленъ чугунный памятникъ въ формѣ высокой пирамидальной колонны. Ред.

въ Саратовъ. Моршанскъ, уѣздный городъ, построенный ниже на Цнѣ, уже судоходной, занимаетъ положеніе гораздо болѣе благопріятное для торговли и служитъ внутреннимъ портомъ, откуда вывозятся земледѣльческія произведенія обширной области; главная его промышленность—салотопенные заводы и фабричная переработка сала. Моршанскъ—одинъ изъ центровъ скопческой секты. Далѣе на сѣверѣ встрѣчаемъ другой уѣздный городъ той же губерніи, Шацкъ, стоящій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, на одномъ маленькомъ западномъ притокѣ. Бассейнъ Мокши, соединяющій свои воды съ бассейномъ Цны, обнимаетъ часть Пензенской губерніи, гдѣ находятся города: Верхній Ломовъ, Троицкъ, Шишкѣевъ, русскія колоніи, основанныя среди финскаго народа—мордвы; Темниковъ и Кадомъ, при той же рѣкѣ, принадлежатъ къ Тамбовской губерніи. Ниже Темникова, Саровская Пустынь, одинъ изъ знаменитѣйшихъ монастырей въ Мордовской землѣ, еще окружена большими лѣсами, населенными медвѣдями, которые, впрочемъ, привыкли къ человѣку и принимаютъ пищу отъ монастырской братіи [1]).

Соединенная съ Мокшей, Цна сливается съ Окой и вмѣстѣ съ ней вступаетъ въ каменистое ущелье, открывающееся съ юга на сѣверъ. Городъ Елатьма стоитъ на западномъ берегу этого ущелья, продолжающагося на сѣверъ долиной одной побочной рѣки; въ долинѣ находится уѣзный городъ Владимірской губерніи—Меленки, гдѣ выдѣлываютъ поярокъ и рѣзныя работы изъ дерева. Нѣсколько другихъ разсѣлинъ въ горныхъ породахъ этой страны слѣдуютъ въ томъ же направленіи съ юга на сѣверъ и придаютъ мѣстной топографіи большое однообразіе рельефа.

Муромъ, на лѣвомъ берегу Оки, въ небольшомъ разстояніи выше впаденія въ нее рѣки Теши, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ восточной Россіи и упоминается уже въ лѣтописи Нестора; подобно промышленному городу Арзамасу, который обязанъ своимъ именемъ финскому племени арза, Муромъ носитъ названіе народца «мурома», жившаго въ девятомъ столѣтіи на обоихъ берегахъ Оки. Въ теченіе слишкомъ двухсотъ лѣтъ Муромъ былъ главнымъ рынкомъ русскихъ въ Мордовской землѣ, и волжскіе болгары каждое лѣто являлись туда обмѣнивать свои произведенія на товары славянскихъ и греческихъ торговцевъ; онъ былъ сосредоточіемъ замѣчательнаго культурнаго движенія. Муромъ, бывшій долгое время главнымъ городомъ отдѣльнаго княжества и сохранившій еще слѣды кремля, остается до сихъ поръ чѣмъ-то въ родѣ столицы для окрестныхъ финскихъ инородцевъ; но онъ особенно важенъ по своей торговлѣ съ Нижнимъ Новгородомъ и съ остальной Россіей: онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для земледѣльческихъ произведеній всего низовья Оки. Илья-Муромецъ, богатырь-крестьянинъ, одинъ изъ славнѣйшихъ героевъ русской народной поэзіи, родился, по словамъ былинъ, близъ деревни Карачарово, въ нынѣшнемъ Муромскомъ уѣздѣ; недалеко отъ этого селенія Поляковъ открылъ въ аллювіальной почвѣ одного древняго озера слѣды озернаго города, подобнаго тѣмъ свайнымъ постройкамъ, какія находятъ въ озерахъ Швейцаріи. Вообще этотъ край есть, вмѣстѣ съ бывшей Суздальской областью, одна изъ классическихъ мѣстностей Россіи въ отношеніи доисторическихъ древностей. Археологъ гр. Уваровъ открылъ тамъ огромное количество каменныхъ орудій, вмѣстѣ съ костями мамонтовъ, носороговъ, кабановъ, бобровъ и дикихъ быковъ, не живущихъ нынѣ въ этой странѣ. Въ четыре только года гр. Уваровъ и Савельевъ изслѣдовали въ бывшей землѣ народа меря 7.729 кургановъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ, отъ временъ доисторическихъ до одиннадцатаго вѣка христіанской эры.

Село Павлово, расположенное на правомъ берегу Оки, почти на полдорогѣ изъ Мурома въ Нижній Новгородъ, не создало себѣ имени въ исторіи страны; упоминаемое въ первый разъ въ семнадцатомъ столѣтіи, оно до сихъ поръ остается на степени простой деревни, хотя его высокіе, близко другъ къ другу стоящіе дома, придаютъ ему совершенно городской видъ, котораго не имѣютъ многіе людные города Имперіи. Павлово—одинъ изъ главныхъ центровъ желѣзодѣлательной промышленности: тысячи мастеровъ и рабочихъ выдѣлываютъ тамъ ежегодно однихъ замковъ до 300.000 штукъ, не считая ножей, ножницъ, хирургическихъ инструментовъ, всякаго рода орудій изъ желѣза, стали, мѣди; все село есть не что иное, какъ собраніе кузницъ и слесарныхъ мастерскихъ. Произведенія павловской промышленности, изъ которыхъ многія носятъ на себѣ англійское клеймо, продаются на всѣхъ ярмаркахъ Европейской и Азіатской Россіи, отъ Кіева до Иркутска, и даже въ Афганистанѣ; но главная торговля ими производится на Нижегородской ярмаркѣ. Въ окрестностяхъ Павлова около сорока деревень (почти всѣ въ Горбатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ.) участвуютъ въ металлургической промышленности, и произведенія ихъ, особенно ножи и замки, расходятся по всей Россіи подъ именемъ павловскихъ. Самая знаменитая изъ этихъ деревень—село Ворсма, имѣющее въ своемъ промышленномъ округѣ болѣе 20.000 жителей, на пространствѣ величиною съ Лондонъ. Большая часть рабочихъ имѣетъ собственныя избы и работаетъ на дому; однако, положеніе ихъ все болѣе и болѣе приближается къ положенію западно-европейскихъ пролетаріевъ.

[1]) Майновъ, „Древняя и Новая Россія", 1877, № 10.

Клязьма, которая соединяется съ Окой въ сосѣдствѣ города Горбатова,—главная рѣка Владимірской губерніи. Эта рѣка беретъ свое начало на сѣверѣ отъ Москвы и получаетъ первые свои притоки, незначительные ручьи, изъ равнинъ, окружающихъ Троицко-Сергіевскую лавру и изъ окрестностей уѣзднаго города Александрова, славящагося своими обширными красильнями. У Владиміра, Клязьма уже судоходна для мелкихъ барокъ въ теченіе всей навигаціи, а весной, въ половодье, по ней могутъ проходить и большія суда. Губернскій городъ Владиміръ-на-Клязьмѣ, или Владиміръ-Залѣсскій, бывшая столица великаго княжества, изъ котораго впослѣдствіи образовалось Московское государство, основанъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи и обязанъ своимъ именемъ Владиміру Мономаху, кіевскому князю. Въ періодъ своего господства, которое продолжалось до начала четырнадцатаго столѣтія, Владиміръ, бывшій главою сѣверо-восточной Руси, имѣлъ населеніе болѣе значительное, чѣмъ въ наши дни. Онъ сохранилъ отъ этой эпохи кое-какіе остатки скульптурныхъ украшеній въ своихъ церквахъ и «Золотыя ворота» своего кремля, почти совершенно разрушеннаго. Промышленность во Владимірѣ слабо развита, и пристань его на Клязьмѣ производитъ незначительную торговлю; огородныя овощи и вишни окрестныхъ садовъ—вотъ главные предметы отпускной торговли бывшаго первопрестольнаго города.

Что касается Суздаля, древняго Суждаля, который существовалъ съ самыхъ первыхъ временъ русской исторіи и по имени котораго вся страна по Клязьмѣ и нижней Окѣ называлась Суздальской землей, или Суздальскимъ княжествомъ, то онъ еще болѣе, чѣмъ Владиміръ, пришелъ въ упадокъ (хотя кремль его довольно хорошо сохранился) и при томъ не пользуется такой выгодой положенія, какъ его губернскій городъ, стоящій на судоходной рѣкѣ; онъ даже не связанъ еще съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Россіи. Благодаря болотистому грунту своихъ окрестностей, постепенно улучшенному культурой, Суздаль сдѣлался городомъ огородниковъ: по количеству и превосходному качеству овощей, особенно огурцовъ, лука, редиски, немногіе города Россіи могутъ сравняться съ нимъ. Искони вѣковъ странствующіе торговцы изъ Суздаля, или, вѣрнѣе, изъ бывшей Суздальской области, ходятъ во всей Россіи, и нерѣдко названіе «суздальцевъ» дается вообще коробейникамъ, какъ будто всѣ они происходятъ изъ этого города. Наконецъ, образа, которые пишутся преимущественно въ слободѣ Холуй и во многихъ другихъ деревняхъ уѣздовъ Вязниковскаго и Гороховецкаго, на нижней Окѣ, гдѣ встарину находились монастыри, зависѣвшіе отъ Суздаля, извѣстны обыкновенно подъ именемъ «суздальскихъ иконъ»; ихъ приготовляютъ въ этой области, среднимъ числомъ, отъ двухъ до трехъ милліоновъ въ годъ. Одинъ иконописецъ можетъ нарисовать до шести сотъ образовъ въ недѣлю [1]), получая по два рубля за сотню, и «суздальцы» или «вязниковцы» разносятъ ихъ по всей Россіи и даже ходятъ на Иллирійскій полуостровъ. Иконописное искусство представляетъ чрезвычайно любопытный промыселъ, по причинѣ крайняго раздѣленія труда, въ которомъ участвуютъ даже малые ребята: одинъ работникъ спеціально пишетъ лики, другой занятъ исключительно рисованіемъ рукъ, третій—ризъ и т. д., такъ что надъ одной иконой иногда работаетъ пять или шесть человѣкъ. Между деревнями, занимающимися иконописью, одна, именно Мстера, приготовляетъ образа спеціально для раскольниковъ. Суздальская область занимается также живописью на бумагѣ и тисненіемъ рисунковъ при помощи липовыхъ досокъ. Произведенія этого грубаго искусства очень распространены во всей Россіи. Слово «суздальщина», «суздальская живопись» стало синонимомъ дурнаго вкуса, аляповатости; однако, нѣкоторыя гравюры, вышедшія изъ этихъ примитивныхъ типографій, сдѣлались драгоцѣнными, благодаря ихъ наивной сатирѣ противъ поповъ и чиновниковъ: многія изъ нихъ напоминаютъ ксилографическія гравюры пятнадцатаго вѣка на западѣ Европы. Изданіе такого рода картинъ не разъ было запрещаемо цензурой [2]).

Современная фабричная промышленность имѣетъ во Владимірской губерніи своихъ представителей въ селѣ Ивановѣ, Вознесенскомъ посадѣ и городѣ Шуѣ. Эти промышленные центры, изъ которыхъ первый въ административномъ отношеніи до сихъ поръ остается на степени простой деревни, находятся на сѣверныхъ притокахъ Клязьмы. Съ половины восемнадцатаго столѣтія здѣсь введена была ткацкая промышленность, а теперь мы видимъ въ этихъ центрахъ и въ окружающихъ ихъ селеніяхъ сотни фабрикъ, прядильныхъ, ткацкихъ, ситцевыхъ, миткальныхъ, механическихъ и литейныхъ заводовъ; болѣе восьмидесяти тысячъ рабочихъ заняты на фабрикахъ и заводахъ этой части Россіи, производящихъ ежегодно товаровъ на сумму свыше 250 милліоновъ руб. [3]); по обширности производства бумажныхъ издѣлій Шую справедливо называютъ «русскимъ Манчестеромъ». До освобожденія крестьянъ все населеніе села Иванова принадлежало одному дворянскому роду, и нѣкоторые изъ богатыхъ фабрикантовъ должны были платить до 20.000 рублей за душу, чтобы выкупиться на волю.

—

[1]) В. Де-Ливронъ, „Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи".

[2]) Буслаевъ, „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства".

[3]) Въ 1893 г. во Владимірской губ. насчитывалось 1.137 фабрикъ, съ 115.538 рабочими и производствомъ на 145 милл. руб. Ред.

Фабричные работники, по большей части уже сильно испорченные, въ презрѣніи у мѣстныхъ крестьянъ; точно также странствующіе торговцы изъ слободы Холуй и другихъ мѣстностей

Нижній Новгородъ.—Ярмарочное поле. Видъ съ праваго берега Оки.

нижней Клязьмы пользуются дурной славой во всей Россіи; имъ приписываютъ пословицу: «не надуешь—не продашь!» Подъ именемъ офеней, этимологія котораго еще не объяснена, они разъѣзжаютъ по всей Имперіи, обмѣнивая всякаго рода товары и образа (обычай не дозволяетъ продавать иконы) на произведенія сельскихъ жителей и получая на этомъ обмѣнѣ хорошіе барыши [1]); многіе изъ такихъ торговцевъ начинаютъ свой промыселъ разноскою и промѣномъ иконъ, а потомъ дѣлаются

[1]) Максимовъ, „Бродячая Русь"; Семеновъ, „Отечествовѣдѣніе".

большими капиталистами. Во время своихъ разъѣздовъ офени говорятъ между собой особымъ условнымъ жаргономъ, въ которомъ можно встрѣтить термины всѣхъ языковъ торговыхъ народовъ Восточной Европы. Нѣкоторые ученые указывали на близкое сходство этихъ промышленниковъ съ древними греческими ходебщиками въ Херсонесѣ Таврическомъ.

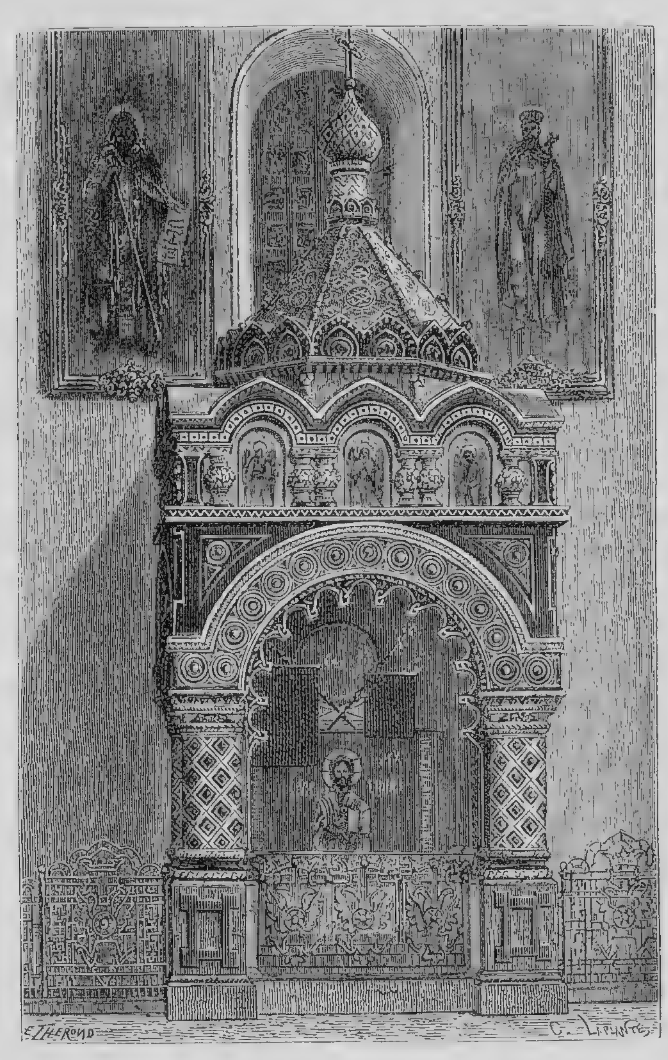
Торговля, — болѣе, чѣмъ оружіе, — придала нѣкоторую связь разноплеменнымъ населеніямъ, занимающимъ среднюю область Поволжья; именно по причинѣ смѣшенія различныхъ народностей, жившихъ каждая особнякомъ и не имѣющихъ одна съ другой постоянныхъ сношеній, нужно было найти общую почву, такое мѣсто, гдѣ онѣ могли бы собраться для взаимнаго обмѣна своихъ произведеній. Знаменитая ярмарка, происходящая нынѣ въ Нижнемъ Новгородѣ и важнѣйшая во всей Россіи и даже въ цѣломъ свѣтѣ, часто мѣняла мѣсто своего пребыванія: она была такимъ же кочевникомъ, какъ многіе изъ народовъ, приходившихъ на нее обмѣнивать свои товары. Народныя преданія и лѣтописи говорятъ намъ, что при началѣ русской исторіи главнымъ мѣстомъ собранія торговыхъ людей была столица Болгарскаго царства, на берегахъ Волги, ниже впаденія въ нее Камы: въ половинѣ девятаго столѣтія арабы, персы, армяне, даже индусы встрѣчались тамъ, для торговаго обмѣна, съ жителями Запада. Разрушеніе Болгарскаго царства перемѣстило центръ ярмарочной торговли, и Казань, резиденція татарскихъ князей, сдѣлалась сборнымъ пунктомъ европейскихъ и азіатскихъ купцовъ: казанскіе татары-разносчики, продающіе мыло и халаты, до сихъ поръ извѣстны въ Россіи подъ именемъ «бухарцевъ». Перемѣна власти вызвала въ третій разъ перемѣщеніе главнаго рынка: послѣ завоеванія Казанскаго царства при Иванѣ Грозномъ, сборище для торга образовалось близъ Макарьева монастыря, расположеннаго на лѣвомъ берегу Волги, верстахъ въ 70 ниже Нижняго Новгорода. Сначала сюда стекалось лѣтомъ, въ день св. Макарія, большое число богомольцевъ; окрестные жители завели торговлю мелочами, которая постепенно расширялась; выгодный сбытъ товаровъ привлекъ сюда, съ первой половины семнадцатаго вѣка, много купцовъ русскихъ и азіатскихъ, и такимъ образомъ устроилась Макарьевская ярмарка, обороты которой постоянно увеличивались; до Петра Великаго всѣ доходы отъ сбора за помѣщеніе и торговой пошлины поступали въ пользу монастыря. Однако, ярмарочное поле, удаленное отъ большихъ городовъ, расположенное въ мѣстности, затопляемой водою и окруженной сыпучими песками, затруднявшими подвозъ товаровъ, представляло большія неудобства, и когда въ 1816 году ярмарочныя строенія были истреблены пожаромъ, правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы перевести ярмарку въ Нижній Новгородъ, занимающій столь выгодное положеніе при сліяніи Волги и Оки, въ точкѣ пересѣченія торговыхъ трактовъ прикаспійской Россіи. Это, такъ сказать, авангардъ западнаго міра, стоящій въ виду азіатскихъ населеній.

Мѣстоположеніе, выбранное для этого города (сначала называвшагося «Новгородомъ Низовскія земли»), достигаетъ въ высшей своей точкѣ 300 футовъ надъ уровнемъ Волги. Старинный Кремль, вокругъ котораго сгруппировались первые дома верхняго города, окружаетъ своими стѣнами и многочисленными красивыми башнями вершину горы, откуда открывается обширный и великолѣпный видъ на Волгу и ея безконечную луговую сторону; у подошвы горы сливаются двѣ большія, многоводныя рѣки, а на лѣвомъ берегу Оки раскинулся, на низменной песчаной косѣ, нижній ярмарочный городъ, съ своими правильными строеніями и дорогами, поднимающимися по оврагамъ на гору къ верхнему городу. Часть Кремля занята садами, а далѣе на востокѣ по крутому высокому берегу Волги, тянутся аллеи парка. На главной рѣкѣ еще нѣтъ моста, да и черезъ Оку существуетъ только пловучій мостъ, длиною около версты съ четвертью, который на зиму разводится.

Ярмарочный кварталъ, построенный весь въ нынѣшнемъ столѣтіи, отличается чисто американской правильностью. Въ центрѣ этого западнаго города расположенъ огромный базаръ длиною слишкомъ въ полторы версты, шириною болѣе версты, раздѣленный бульваромъ и состоящій изъ 60 каменныхъ корпусовъ съ безчисленными рядами лавокъ, гдѣ товары разложены по роду ихъ и по мѣсту происхожденія: прогуливаясь въ этомъ обширномъ кварталѣ, переходишь послѣдовательно изъ желѣзнаго или шерстянаго ряда въ мѣховой, панскій, суровскій, москательный, китайскій рядъ; изъ линіи павловскихъ слесарныхъ фабрикантовъ попадаешь въ линіи, гдѣ продаются александровскія или тульскія издѣлія. Большое зданіе, гдѣ даются парадные банкеты, православный соборъ, армянская церковь, татарская мечеть возвышаются въ ярмарочномъ кварталѣ, который дополняютъ на востокѣ обширные амбары для склада рыбы, желѣза, зерновыхъ хлѣбовъ, наполняющіе продолговатый островъ Оки. Для безопасности отъ пожара, вся постройка обведена каналомъ въ формѣ подковы. Но такъ какъ каменныхъ корпусовъ съ ихъ 3.000 лавокъ оказалось недостаточно для вмѣщенія громаднаго количества товаровъ, привозимыхъ на Макарьевскую ярмарку, то за каналомъ, на ярмарочной площади, возведены еще деревянные ряды, въ которыхъ заключается до 4.000 лавокъ и балагановъ. Во время ярмарки около 200.000 пріѣзжихъ прибавляется къ постоянному населенію Нижняго-Новгорода. Въ этой массѣ

продавцовъ, покупателей и посѣтителей азіаты являются нынѣ въ меньшемъ числѣ противъ прежняго времени, такъ какъ теперь почти всѣ торговыя сдѣлки производятся чрезъ посредство коммисіонеровъ; однако, все еще пріѣзжаетъ много грузинъ, персіянъ, бухарцевъ и т. д.

Между разнообразными товарами, привозимыми на Нижегородскую ярмарку, первое мѣсто, по количеству и цѣнности, занимають произведенія подмосковныхъ ткацкихъ фабрикъ: ситцы и другія бумажныя ткани, а также шерстяныя, пеньковыя, льняныя; затѣмъ слѣдуютъ металлы и металлическія издѣлія; мѣховъ и кожъ, галантерейныхъ товаровъ также продается на много милліоновъ рублей; но привозъ китайскихъ чаевъ сухимъ путемъ черезъ Кяхту, все еще весьма значительный (около ста тысячъ цибиковъ), сильно уменьшился въ эти послѣдніе годы, по причинѣ большихъ удобствъ, которыя представляетъ доставка чая моремъ изъ Шанхая и Кантона въ Одессу. На долю азіатскихъ товаровъ, въ общемъ количествѣ привозимыхъ на Нижегородскую ярмарку, въ среднемъ приходится цѣнность около 20 милліоновъ рублей, и эта сумма съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Въ цѣломъ, торговые обороты этого годоваго рынка постоянно увеличивались съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія сумма проданнаго товара на Макарьевской ярмаркѣ составляла всего только около полумилліона рублей; въ 1817 году, на первой Нижегородской ярмаркѣ, общая цѣнность продажъ поднялась уже до 15 милліоновъ рублей; теперь она далеко переходитъ за сто милліоновъ (въ 1890 году изъ всего привезеннаго количества товаровъ было продано на 174 милліона; въ 1895 году—на 155 съ половиной милліоновъ рублей), и количество непроданныхъ товаровъ не превышаетъ цифры, какая существовала пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Однако, ярмарка, вообще говоря, становится



Гробница Минина въ склепѣ Спасо-Преображенскаго собора.

менѣе оживленной, чѣмъ бывала въ прежніе годы. Дѣла на ней совершаются теперь быстрѣе, и всего чаще чрезъ посредниковъ; но она попрежнему остается рынкомъ-регуляторомъ для всей Европейской Россіи и даже для части Сибири [1]). Когда Нижній-Новгородъ перестанетъ быть передовой станціей на сѣверо-востокѣ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, когда онъ утратитъ свою роль обязательнаго сборнаго пункта на торговой границѣ Европы и Азіи, ему, вѣроятно, придется измѣнить свои привычки, и, чтобы сохранить свое важное значеніе, онъ долженъ будетъ позаботиться о развитіи у себя промышленной дѣятельности, очень незначительной въ настоящее время; впрочемъ, и теперь уже онъ имѣетъ судостроительныя верфи и металлургическіе заводы. Нижній-Новгородъ — главное сборное мѣсто «низовыхъ» бурлаковъ, какъ Рыбинскъ центръ «верховыхъ», т. е. ходящихъ вверхъ по Волгѣ. Бурлаками (слово это значитъ «бродячіе люди») называютъ работниковъ, которые тянутъ суда бечевой вверхъ по теченію. Они составляютъ между собой артели, что, однако, не мѣшаетъ имъ быть въ полной зависимости отъ судохозяина, который дѣлаетъ артель отвѣтственною за каждаго ея члена, и приказчикъ котораго часто выбирается въ старосты артели. Заработная плата бурлака за трудъ, продолжающійся отъ 8 до 16 недѣль, при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, отъ Астрахани до Нижняго, колеблется между 28 и 40 рублями.

Памятникъ въ видѣ колонны, воздвигнутый на Кремлевской площади, на вершинѣ высокаго мыса, господствующаго надъ сліяніемъ Волги и Оки, и богато украшенная гробница въ склепѣ древняго Спасо-Преображенскаго собора напоминаютъ нижегородскаго мясника Кузьму Минина, который призвалъ въ 1611 году отечество на освобожденіе Москвы, находившейся во власти поляковъ. Нижній есть также родина критика Добролюбова и механика Кулибина.

Города, посады и села бассейна Оки, имѣющіе свыше 5.000 жителей (населеніе губ. городовъ показано по переписи 28 января 1897 г.):

Орловская губернія: Орелъ — 68.575 жит.; Болховъ—27.774; Мценскъ—16.294 жит.

Калужская губернія: Калуга — 49.727 жит.; Жиздра—11.792; Боровскъ—10.419; Медынь—8.140; Козельскъ — 6.894; Сухиничи — 6.563; Мещовскъ—5.059 жит.

Тульская губернія: Тула—111.048 жит.; Бѣлевъ — 9.920; Богородицкъ — 8.086; Ефремовъ—11.242; Одоевъ—5.638 жит.

Московская губернія: Москва (1897 г.) — 988.610 жит.; Сергіевскій пос. — 31.413; Коломна—27.439; Серпуховъ—23.280; Подольскъ—10.919; Дмитріевъ—9.531; Клинъ—5.465; Верея—6.191 жит.

[1]) Лѣтомъ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ происходила всероссійская промышленная выставка.

Рязанская губернія: Рязань—33.110 жит.; Касимовъ—15.914; Скопинъ—11.025; Егорьевскъ—7.088; Зарайскъ—6.169 жит.

Тамбовская губернія: Тамбовъ—48.134 жит.; Моршанскъ—22.050; Шацкъ—7.793; Елатьма—8.471; Кадомъ—7.388; Темниковъ—6.995; Спасскъ—7.264 жит.

Пензенская губернія: Мокшанъ—13.076 жит.; Керенскъ — 12.737; Нижній-Ломовъ — 8.279; Краснослободскъ — 8.418; Верхній-Ломовъ — 7.181; Троицкъ — 6.510; Наровчатъ — 5.157 жит.

Владимірская губернія: Владиміръ на Клязьмѣ 28.286 жит.; Муромъ—14.293; Шуя—20.400; Иваново-Вознесенскъ (97 г.)—35.930; Переяславль Залѣсскій—8.943; Суздаль—8.845; Александровъ—6.509; Меленки—6.346 жит.

Нижегородская губернія: Нижній-Новгородъ—98.503 жит.; Арзамасъ—9.918; Павлово—7.414 жит.

XIV. Средняя Волга и Кама.

Губерніи Казанская, Вятская, Пермская, Уфимская.

Въ этой части Волжскаго бассейна Европа и Азія уже переплетаются своими населеніями: рядомъ съ славянами великоруссами живутъ татары въ городахъ и окрестныхъ селеніяхъ, тогда какъ финскія племена занимаютъ наибольшее протяженіе лѣсистыхъ пространствъ. Расы, слившіяся уже въ верхнемъ бассейнѣ Волги въ одну націю, являются здѣсь еще разрозненными, отличающимися одна отъ другой или наружностью, языкомъ и образомъ жизни, или, по крайней мѣрѣ, преданіями и нѣкоторыми особенными чертами. Эти иноплеменные народцы, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, инородцы, не успѣли, какъ западные финны, соединиться въ сплоченную націю. Разсѣянные на обширныхъ равнинахъ, отдѣленные другъ отъ друга великоруссами, безъ всякой національной связи, безъ общихъ надеждъ и стремленій, они обречены на полное уединеніе нравственное и политическое. Единственно черезъ посредство славянскаго элемента эти остатки старыхъ расъ, финновъ, угровъ, тюрковъ, могутъ вступать во взаимныя сношенія и идти впередъ по пути цивилизаціи.

Изслѣдованія историковъ выяснили тотъ замѣчательный фактъ, что русское вліяніе на эти азіатскія населенія имѣло двѣ главныя исходныя точки, на югѣ и на сѣверѣ. Съ южной стороны, русскіе торговые люди, спускаясь по Окѣ, собирались въ большомъ числѣ въ столицѣ Великихъ Болгарахъ, которую арабскіе писатели причисляютъ даже въ десятомъ столѣтіи къ городамъ восточно-славянскаго государства. Различные предметы китайскаго и индійскаго

происхожденія, открываемые тамъ и сямъ въ древней Біарміи, также какъ монеты пятаго, шестаго и седьмаго вѣка, сассанидскія, индобактрійскія, арабскія, византійскія, англо-саксонскія, находимыя вокругъ древнихъ торговыхъ городовъ, свидѣтельствуютъ объ обширной торговлѣ, которая производилась тогда въ этихъ странахъ. Постоянныя посѣщенія славянскихъ купцовъ, а также экспедиціи русскихъ разбойниковъ, которые пробирались по Волгѣ до Каспійскаго моря [1]), естественно должны были внести нѣкоторые славянскіе элементы въ этотъ восточный міръ; но это вліяніе прекратилось въ тринадцатомъ столѣтіи, въ эпоху татарскихъ нашествій, которыя оттѣснили русскихъ къ западу. Съ сѣверной стороны, этнографическое давленіе русскихъ не останавливалось. Новгородцы, колонизовавшіе берега Сѣверной Двины и ея верхнихъ притоковъ, проникли затѣмъ этимъ же путемъ въ бассейнъ верхней Камы и въ долины Урала, куда они ходили на поиски соли, шкуръ, пушныхъ звѣрей, «закамскаго» серебра. Даже когда москвитяне овладѣли рѣками и волоками, которыми слѣдовали новгородскіе купцы, они должны были дѣлать большой обходъ черезъ Великій Устюгъ и по теченію рѣки Вычегды, чтобы попасть въ бассейнъ верхней Камы; до временъ Петра Великаго дѣла Пермской области были поручены «Новгородскому приказу», учрежденному въ Москвѣ, и военные походы производились либо черезъ долину Вычегды, либо даже черезъ долину Печоры: нижняя Кама катила свои воды по землямъ, занятымъ чувашами и башкирами. Обрусѣніе туземныхъ племенъ въ этихъ странахъ началось лишь послѣ взятія Казани, во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія; но еще и въ наши дни русскій элементъ гораздо сильнѣе представленъ въ бассейнѣ верхней Камы. Такимъ образомъ, финно-татарскіе народцы окружены кольцомъ русскихъ, которое окончательно сомкнулось въ восемнадцатомъ столѣтіи, когда славяне овладѣли также юго-восточными степями и тѣмъ положили конецъ иммиграціи изъ степныхъ пространствъ, усиливавшей татарскій элементъ. Впрочемъ, обмѣны вѣрованій и нравовъ между русскими и инородцами были очень многочисленны, и многіе обычаи восточныхъ славянъ не могутъ быть объяснены ни чѣмъ инымъ, какъ только примѣромъ ихъ сосѣдей, магометанскихъ и буддистскихъ [2]).

Мордва, или мордвины, можетъ быть, даже составляютъ остатокъ одного изъ древнихъ историческихъ народцевъ Россіи, если позволительно видѣть въ нихъ аорзовъ Птоломея, союзниковъ царя Митридата: по крайней мѣрѣ, одно изъ ихъ главныхъ племенъ до сихъ поръ сохранило это названіе («эрзянъ»). Подъ нынѣшнимъ ихъ наименованіемъ, мордвины упоминаются византійскими писателями, какъ многочисленный и независимый народъ, и они часто одерживали верхъ надъ русскими, даже въ правильныхъ сраженіяхъ. Покоренные отчасти съ четырнадцатаго вѣка, они послѣ того часто подвергались нападеніямъ со стороны ногайцевъ и калмыковъ, какъ подданные Московскаго государства, и были окончательно подчинены русскому господству только за триста лѣтъ до нашей эпохи. Мордва занимаетъ еще, не сплошными массами, а островами и архипелагами, весь средній бассейнъ Волги отъ склоновъ Уральскаго хребта до истоковъ Оки; судя по географическимъ названіямъ мѣстъ, нужно заключить, что въ старину это племя владѣло всей этой обширной территоріей; но въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ мордвины составляютъ не болѣе двадцатой или даже сотой доли населенія; они образуютъ одинъ изъ значительныхъ элементовъ сельскаго населенія только въ сосѣдствѣ Волги, преимущественно въ губерніяхъ Симбирской, Пензенской, Самарской и Нижегородской. Кеппенъ насчитывалъ всей мордвы только 400.000 душъ [1]), но можно безошибочно исчислить общее количество этого финскаго народца въ 800.000 душъ, даже въ милліонъ душъ, по Майнову [2]), особенно если причитать тѣхъ, весьма многочисленныхъ представителей этого племени, которые по языку, религіи, нравамъ совершенно отатарились. Такъ, напримѣръ, мордвины, которыхъ называютъ тюркскимъ именемъ «каратай», сдѣлались настоящими татарами, ничѣмъ неотличающимися отъ коренныхъ татаръ. По Семенову [3]), мордва распредѣлена по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Симбирской — 140.000 душъ; въ Пензенской — 125.000 душъ; въ Самарской — 140.000 душъ; въ Нижегородской — 110.000 душъ; въ Саратовской — 94.000 душъ; въ Оренбургской — 100.000 душъ; въ Тамбовской — 50.000; въ Казанской — 15.000 душъ.

Между восточными финнами Россіи мордва наидалѣе выдвинулась къ западу, гдѣ она перемѣшана съ русскимъ населеніемъ; оттого она во многихъ мѣстахъ почти совершенно обрусѣла. Почти всѣ мордвины сдѣлались «православными»: въ прежнія времена правительство раздавало ихъ въ крѣпостное состояніе помѣщикамъ, которые обязывались обращать этихъ инородцевъ въ христіанскую вѣру. Глав-

[1]) Забѣлинъ, „Исторія русской жизни“.
[2]) „Пермскій Сборникъ“, I; Мозель, „Матеріалы для статистики и географіи Россіи. Пермская губернія“; С. В. Ешевскій, „Русская колонизація Сѣверовосточнаго края“, „Вѣстникъ Европы“, 1866 г., I.

[1]) „Russlands gesammte Bevölkerung“, 1838“.
[2]) „Слово“, 1879 г., № VI; — Майновъ, „Результаты антропологическихъ изслѣдованій у мордвы-ерзи“ 1883.
[3]) Выше цитированное сочиненіе.

ная масса мордвиновъ приняла крещеніе въ царствованіе Елизаветы Петровны, которая велѣла выдавать каждому новообращенному по рублю деньгами и по три образа и, если вѣрить самимъ мордвинамъ, даровала имъ, сверхъ того, свободу отъ податей и воинской повинности. Съ начала нынѣшняго столѣтія большое число мордвиновъ разучилось говорить на своемъ родномъ языкѣ [1]); есть между ними даже такіе, которые нисколько не отличаются по одеждѣ, и мужчинъ легко можно смѣшать съ русскими мужиками; но женщины лучше сохраняютъ первоначальный типъ и костюмъ. Западная мордва или мокша, мокшаны, отличные земледѣльцы, все болѣе и болѣе теряется въ массѣ славянской народности, подобно тому, какъ потерялась меря, жившая въ нынѣшнихъ губерніяхъ Владимірской и Московской; всего лучше сохранило свой типъ племя «эрзя», въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ. Въ смѣшанныхъ селеніяхъ русскія дѣти говорятъ по-мордовски съ своими финскими товарищами; но, выростая, они привыкаютъ мало-по-малу говорить природнымъ языкомъ, который есть въ то же время языкъ цивилизаціи [2]). Смертность между мордовскими дѣтьми очень велика; но превышаетъ ли она смертность въ русскихъ семьяхъ окружающаго ихъ населенія?

Мордвины имѣютъ вообще черные или темнорусые волосы, но глаза у нихъ голубые, маленькіе, наискось прорѣзанные. Роста они высокаго, тѣлосложенія сильнаго, мускулистаго, средній вѣсъ тѣла безъ малаго пять пудовъ [3]). Растительность на подбородкѣ довольно скудная, и всегда можно узнать съ перваго взгляда по густотѣ и длинѣ бороды, до какой степени туземцы уже обрусѣли отъ смѣшенія со славянской расой. Что касается одежды, то она чрезвычайно разнообразна, смотря по мѣстностямъ; но большое число представителей этого племени живетъ еще, такъ сказать, въ бронзовомъ вѣкѣ, если судить по мѣднымъ украшеніямъ, которыя они носятъ по обѣ стороны лица и на груди. Мордовки покрываютъ себѣ голову, уши, шею, руки всякаго рода украшеніями до заячьихъ хвостовъ и медвѣжьихъ зубовъ включительно, но все-таки преобладаютъ монеты. Повязки, поясы, нагрудники, украшенные, подобно мордовскимъ уборамъ, медалями, бронзовыми пуговицами, монетами, встрѣчаются также у крестьянъ западныхъ уѣздовъ Орловской губерніи, на границѣ Черниговской, почти въ 600 верстахъ отъ Мордовской земли: въ этомъ сходствѣ костюма усматриваютъ признакъ общности племеннаго происхожденія.

Крещеніе не помѣшало мордвѣ сохранить свою древнюю языческую миѳологію, которую она прилаживаетъ, какъ умѣетъ, къ ученіямъ и обрядамъ христіанской вѣры. Главный мордовскій богъ, Пасъ, или «богъ боговъ», который въ то же время означаетъ солнце, имѣетъ сына, называемаго Иничи (культъ послѣдняго смѣшивается мордвинами съ поклоненіемъ Іисусу Христу), и мать Озаку (въ ней они видятъ Пресвятую Дѣву Марію); затѣмъ слѣдуютъ другія, второстепенныя божества, «мать-земля», Николай-угодникъ и всѣ специальные святые, управляющіе полевыми работами, пекущіеся объ урожаяхъ и о домашнихъ животныхъ. «Мордвины лучше насъ умѣютъ молиться», говорятъ русскіе, «ихъ боги лучше внимаютъ ихъ молитвамъ». На самомъ дѣлѣ это происходитъ оттого, что мордовскіе крестьяне обработываютъ поля и ухаживаютъ за скотомъ съ большими заботливостью и стараніемъ, чѣмъ ихъ славянскіе сосѣди [1]). Когда Никола-угодникъ исполнилъ свою обязанность, ниспославъ хорошій урожай, мордвины награждаютъ его, помазавъ ему ротъ коровьимъ масломъ или сметаной; если же они недовольны угодникомъ, то запираютъ его въ гумно или повертываютъ лицомъ къ стѣнѣ [2]). Отъ язычества же остались у нихъ нѣкоторые годовые праздники, называемые «молянами».

Можетъ быть, во всемъ свѣтѣ нѣтъ народа, который бы символизировалъ болѣе драматическимъ образомъ свою вѣру въ продолженіе жизни за гробомъ и въ то же время свой страхъ злыхъ дѣлъ со стороны усопшаго. У племени мокша существуетъ повѣрье, что покойникъ, тѣло котораго они кладутъ на землю, въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ вырыта его могила, посѣщаетъ свой домъ въ продолженіе сорока дней; онъ приходитъ всегда въ одинъ и тотъ же часъ и моется подъ окномъ изъ посуды, которую нарочно ставятъ для него съ чистой водой. Въ сороковой день семья покойнаго отправляется на могилу и зоветъ его: «Останься еще съ нами! Приходи ѣсть пищу, которую мы тебѣ приготовили. Потомъ ты можешь упокоиться». И мертвецъ дѣйствительно приходитъ; по крайней мѣрѣ, является тотъ изъ его друзей, который всего болѣе походитъ на него и который одѣлся въ его платье, принимаетъ выраженіе его лица, старается подражать его голосу. Онъ входитъ въ домъ. «Не ѣшь насъ!» вопятъ домочадцы; «возьми, что мы тебѣ дадимъ». Онъ принимаетъ хлѣбъ-соль и пьетъ, вмѣстѣ съ присутствующими, кровь барана, недавно зарѣзаннаго. Только вечеромъ покойникъ возвращается на кладбище, въ сопро-

[1]) У русскихъ существуетъ поговорка: „у мордвы двѣ морды (т. е. два языка), а шкура одна“.
Прим. перев.

[2]) Липинскій, „Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Симбирская губернія“.

[3]) Майновъ, „Извѣстія Русскаго Географ. Общества“, 1878 г., № 1.

[1]) Липинскій, „Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Симбирская губернія“.

[2]) Липинскій, цитированное сочиненіе; Майновъ, „Древняя и Новая Россія“, 1878 г. № 10.

вожденіи своихъ родныхъ, которые несутъ зажженныя восковыя свѣчи; онъ опять наполняетъ ротъ бараньей кровью, произноситъ таинственныя слова благословенія на домашнихъ животныхъ и ложится на могилу. Его покрываютъ бѣлымъ саваномъ, который тотчасъ же снимается: мистерія совершилась, душа умершаго схвачена въ кусокъ тѣста, и съ этой минуты покойникъ можетъ войти въ «пчельникъ матери-земли», одинъ изъ трехъ «пчельниковъ», на которые раздѣлена вселенная [1]). Идеалъ мордвы—міръ пчелъ, гдѣ все дѣлается въ опредѣленномъ порядкѣ.

Черемисы, число которыхъ опредѣляютъ различно, отъ 200.000 до 260.000 душъ, извѣстны только подъ этимъ оскорбительнымъ наименованіемъ, татарскаго происхожденія, означающимъ «злые» или «негодяи», можетъ быть, также «воины». Сами себя они называютъ «мори» или «мари», то-есть «люди»: можетъ быть, таково же значеніе имени древняго суздальскаго народа «меря» [2]). Въ отдаленныя времена черемисы занимали большую часть территоріи, простирающейся по обѣ стороны Волги и Камы, между низовьемъ Суры и устьемъ Вятки, и, вѣроятно, составляли часть большой болгарской націи [3]). Но уже въ тринадцатомъ столѣтіи новгородцы основали въ ихъ странѣ укрѣпленную факторію, и это начало колонизаціи послужило исходной точкой постоянныхъ войнъ между аборигенами и завоевателями различной расы, съ одной стороны—славянами, съ другой—татарами. Черемисы не всегда бывали побѣжденными въ этой вѣковой борьбѣ; даже въ половинѣ семнадцатаго столѣтія они успѣли прервать всякое сообщеніе между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью [4]). Въ настоящее время эти инородцы, раздѣленные славянскими поселенцами на острова различнаго населенія, послѣ того, какъ они были окончательно покорены въ концѣ семнадцатаго вѣка, не имѣютъ болѣе этнографической связи, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ на лѣвомъ берегу Волги, ниже Ветлуги, до окрестностей Казани. «Луговые» черемисы (обитающіе на луговой сторонѣ Поволжья) легче могли сохранить свои древніе нравы и обычаи, чѣмъ ихъ единоплеменники противоположнаго берега, «горные» черемисы, названные такъ потому, что земля ихъ ограничена нагорнымъ берегомъ Волги. Эти послѣдніе, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, почти вездѣ утратили свою національную индивидуальность и все болѣе и болѣе сливаются съ расой ихъ новыхъ властителей: они вообще благообразны, сложены стройно и крѣпко, честны, трудолюбивы. Женщины больше мужчинъ противятся перемѣнѣ; но когда переворотъ, наконецъ, совершается, то онъ обыкновенно бываетъ внезапенъ; отъ традиціоннаго костюма онѣ вдругъ переходятъ къ одеждѣ русскихъ женщинъ [1]).

У луговыхъ черемисъ финскій типъ отличается еще довольно явственно отъ типа русскихъ: они темнѣе кожей, смуглѣе лицомъ; носъ у нихъ вздернутый или приплюснутый, скулы сильно выдающіяся, глаза узкіе и косолежащіе, борода рѣдкая. Вообще, черемиски, уже и безъ того очень некрасивыя на взглядъ ихъ русскихъ сосѣдей, еще обезображены, какъ и суоми, жители Финляндіи, болѣзнью глазъ, подслѣповатостью, причиняемой дымомъ печей (печи у черемисовъ безъ трубъ, такъ что дымъ выходитъ черезъ двери и окна, покрывая стѣны избы толстымъ слоемъ сажи). Черемисы плохіе земледѣльцы: находясь въ переходномъ состояніи—между кочевымъ и осѣдлымъ образомъ жизни, они предпочитаютъ добывать себѣ пропитаніе охотой, рыбной ловлей, скотоводствомъ; впрочемъ, ихъ оригинальная цивилизація совершенно утрачена: теперь они если научаются чему-нибудь, то не иначе, какъ черезъ посредство русскихъ. Встарину знаки, дѣлаемые на палкахъ, нѣчто въ родѣ грубыхъ рунъ, служили имъ письменами; они увѣряютъ, кромѣ того, что будто бы у нихъ существовали нѣкогда писаныя книги, «которыя были сожраны большой коровой» (?) [2]). Но они сохранили нѣкоторыя изъ своихъ искусствъ, по части тканья, окраски и орнаментаціи тканей, и все еще носятъ свой костюмъ, замѣчательный въ особенности обиліемъ мѣдныхъ и серебряныхъ бляхъ и кожаныхъ бахромокъ; женщины надѣваютъ на голову высокую остроконечную кичку, вышитую крупнымъ бисеромъ съ кистями и оканчивающуюся сзади шлыкомъ съ украшеніями изъ кожи и металла; кромѣ того, онѣ носятъ нагрудникъ, простой или двойной, увѣшанный монетами, побрякушками, мѣдными бляхами, которыя составляютъ въ одно и то же время украшенія и амулеты; «нумизматъ,—замѣчаетъ А. Рамбо по поводу этого наряда,—сдѣлалъ бы, можетъ быть, немаловажныя открытія въ этихъ ходячихъ мюнцкабинетахъ».

Бракъ у черемисъ—дѣйствительное похищеніе жены, а не одно только подобіе увоза, какъ у другихъ ихъ родичей; женихъ по-настоящему воруетъ невѣсту, и родители почти всегда не знаютъ о томъ, что замышляется; часто даже сама дѣвушка не бываетъ предувѣдомлена молодымъ человѣкомъ о предположенномъ похищеніи. Поэтому, свадьба справляется сначала только въ семьѣ мужа; уговоръ на счетъ приданаго и общія для обоихъ семействъ празд-

[1]) Майновъ, тамъ же.
[2]) Кастренъ, „Die Altaischen Völker".
[3]) Кастренъ, цитированное сочиненіе.
[4]) Народы Россіи, „Мордва и Черемисы".

[1]) Mackenzie Wallace, „Russia".
[2]) Paris, „Traduction de la Chronique de Nestor".

шества дѣлаются лишь черезъ нѣсколько недѣль послѣ бѣгства. Впрочемъ, рѣдко случается, чтобы стороны не поладили; Кузнецовъ говоритъ, что въ Вятской губерніи ему извѣстенъ только одинъ случай, когда отецъ-черемисъ, возмущенный похищеніемъ его дочери, протестовалъ судебнымъ порядкомъ противъ этого насилія [1]). У черемисъ-язычниковъ разводъ устраивается очень легко, послѣ очень простой церемоніи. Несогласныхъ супруговъ приводятъ предъ лицо старѣйшинъ общины и связываютъ ихъ спиной къ спинѣ, при помощи крѣпкой веревки; одинъ изъ стариковъ беретъ ножъ, разсѣкаетъ брачныя узы, и освобожденные супруги убѣгаютъ въ разныя стороны.

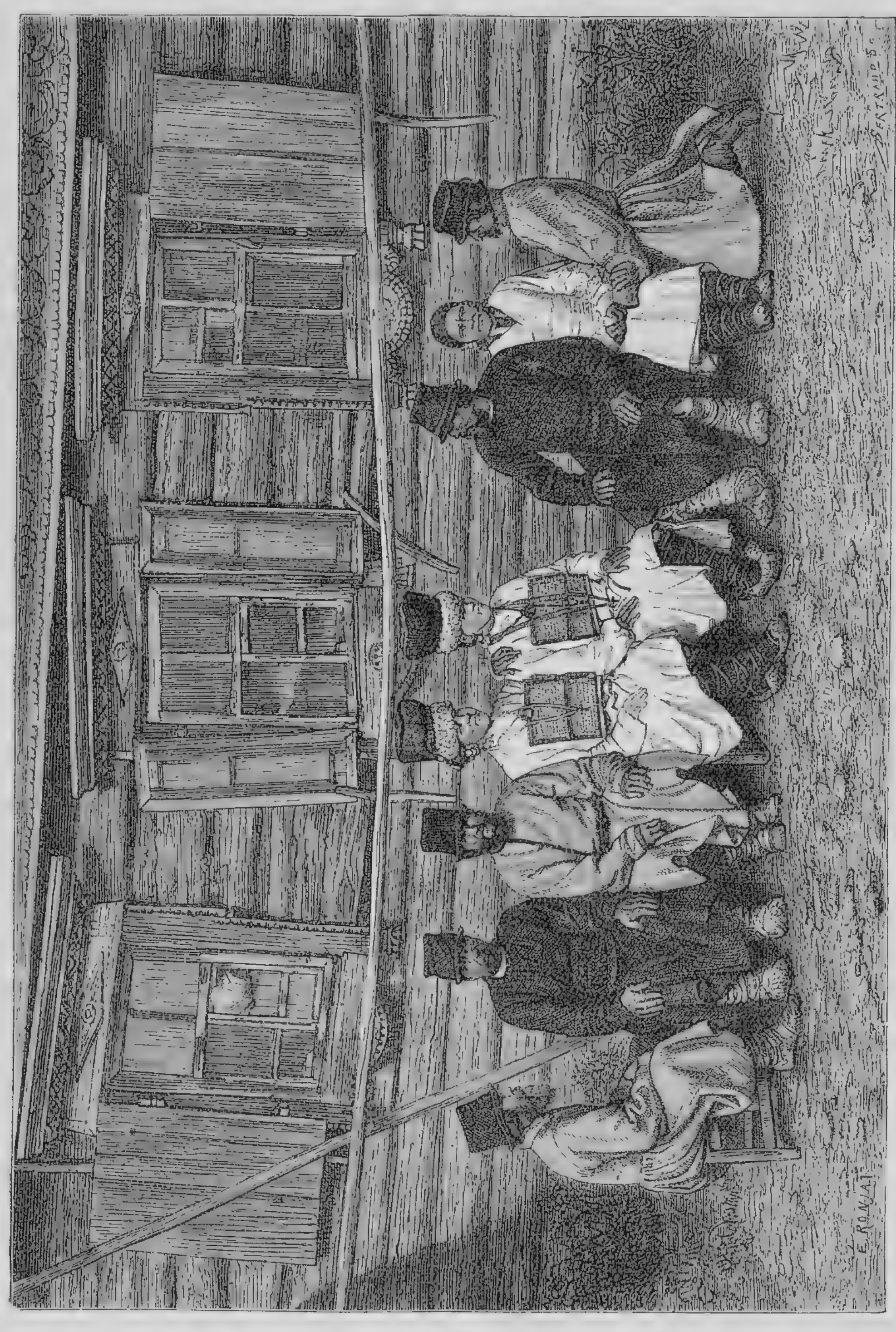
Черемисы, убѣжденные, что умершій переходитъ въ лучшую жизнь, никогда не оплакиваютъ своихъ близкихъ, похищенныхъ смертью. Зарывая покойника въ могилу, они всовываютъ ему въ одну руку палку, чтобы ему было чѣмъ на томъ свѣтѣ отгонять змѣй, а въ другую—нѣсколько монетъ, чтобы онъ могъ заплатить за «мать сыру землю»; кромѣ того, они кладутъ съ покойникомъ тютюнъ и оставляютъ въ гробу маленькое отверстіе, для того, чтобы усопшій могъ по временамъ бросить взглядъ на покинутый имъ міръ. Въ сороковой день послѣ похоронъ дѣлаютъ визитъ покойнику, и всѣ пляшутъ вокругъ могилы [2]). Впрочемъ, нужно сказать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ и русскіе, почти такіе же язычники, какъ черемисы, сохранили нѣкоторые древніе погребальные обряды; такъ, напримѣръ, они пекутъ въ честь своихъ покойниковъ маленькіе пирожки въ формѣ лѣсенокъ, служащіе символическимъ образомъ ступеней, по которымъ душа должна восходить, чтобы подняться на небо. Въ прежнее время бросали въ могилу настоящія лѣстницы и когти животныхъ, чтобы такимъ образомъ облегчить усопшему трудную работу восхожденія на небо. До сего дня у нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ существуетъ обычай оставлять отверстія въ могилахъ, чтобы можно было класть туда приношенія умершему, состоящія изъ разныхъ яствъ; углубленія въ формѣ чашъ, выдолбленныя въ могильныхъ камняхъ Скандинавіи и Индіи, имѣли, вѣроятно, подобное же назначеніе [3]).

Религія черемисъ очень любопытна, такъ какъ первоначальная основа ихъ вѣрованій подверглась троякому вліянію: русскаго христіанства, татарскаго магометанства и монгольскаго шаманства; для нихъ, по выраженію Лаптева, «семьдесятъ-семь религій семидесяти-семи народовъ» Россійской Имперіи одинаково хороши [1]). Они называютъ себя «православными», хотя православіе ихъ ограничивается тѣмъ, что они справляютъ русскіе праздники приличными попойками, почитаютъ Николая-угодника и другихъ святыхъ подъ именемъ Юмы или «бога», даже дѣлаютъ приношенія Казанской Божіей Матери [2]); но если бы властителями страны были татары, то черемисы съ такимъ же правомъ могли бы именовать себя мусульманами, такъ какъ Магометъ у нихъ тоже считается пророкомъ. И дѣйствительно, бывали случаи, что черемисы цѣлыми селеніями переходили въ магометанство, не пугаясь строгой кары закона, который грозитъ каторжными работами за отпаденіе отъ православной вѣры. Однако, древнія языческія божества все еще сохраняются: великій Юма, богъ неба, и боги вѣтровъ, рѣкъ, льда, скота и даже деревьевъ. Въ Костромской губерніи, близъ деревни Адошнуръ, существовала священная береза, на поклоненіе которой черемисы ходили толпой еще въ 1843 году. Когда вѣтеръ обламывалъ вѣтку съ верхушки этого дерева и переносилъ ее на сосѣднее поле, то владѣлецъ послѣдняго обязанъ былъ уродившійся на нивѣ хлѣбъ оставлять на съѣденіе птицамъ небеснымъ [3]). Черемисы, особенно некрещеные, живущіе въ Пермской губерніи, покланяются также огню и просятъ его перенести ихъ молитвы Всевышнему: такимъ образомъ, мы находимъ у нихъ религіозные обряды первыхъ арійцевъ. Главное мѣсто въ ихъ молитвахъ занимаетъ божество, котораго они всего болѣе боятся,—Кереметь, самый злой духъ, виновникъ всѣхъ бѣдъ, какія съ ними случаются: ему-то предназначаются отборныя домашнія животныя при жертвоприношеніяхъ, ибо чтобы отвратить гнѣвъ этого грознаго божества, чтобы умилостивить его, надо, по ихъ понятіямъ, давать ему въ изобиліи все нужное для утоленія его голода и жажды, а также доставлять ему коней для его путешествій. Во время торжественныхъ жертвоприношеній, карты, или наслѣдственные жрецы, иногда закалываютъ по 80 лошадей, 50 коровъ, 100 другихъ головъ крупнаго рогатаго скота, 150 барановъ, 300 утокъ[4]). Бѣлыхъ коней приносятъ въ жертву также на могилахъ людей богатыхъ или пользовавшихся уваженіемъ за ихъ добродѣтели [5]). Для жертвоприношеній выбираютъ какую-нибудь липовую или березовую рощу, удаленную отъ славянскихъ поселеній: въ этомъ священномъ мѣстѣ ни одинъ вѣрующій не можетъ явиться въ русской одеждѣ и

[1]) Ст. Кузнецовъ, „Очерки изъ быта черемисъ" „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № 8.
[2]) Мозель, „Пермская губернія".
[3]) Майновъ, „Слово", 1879 года, № 10.

[1]) Лаптевъ, „Казанская губернія".
[2]) Makenzie, Wallace, „Russia"; Кузнецовъ, выше цитированная статья.
[3]) Максимовъ, „Древняя и Новая Россія", 1876 г. № 6.
[4]) „Народы Россіи", живописный альбомъ. Изданіе Картографическаго Заведенія А. А. Ильина.
[5]) Николай Тургеневъ, „La Russie et les Russes".

не должно быть произнесено ни одно слово изъ языка господствующаго народа. Женщины не допускаются въ священную ограду, но онѣ стараются подсмотрѣть издали, сквозь чащу



Черемисы Симбирской губерніи

деревьевъ, обряды жертвоприношенія, совершаемаго среди волнующейся толпы. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ праздниковъ у черемисъ—это такъ называемый Сорокъ-іолъ, или праздникъ «овечьей ноги», соотвѣтствующій святкамъ и представляющій праздество и религіозное, и общественное. Возсѣдая за столомъ, уставленнымъ яствами и питіями, картъ олицетворяетъ собою въ одно и то же время народъ, вѣрующихъ и божество, выслушивающее его просьбы. Онъ молитъ о дарованіи здоровья, объ изобиліи пива, хлѣба, пчелъ, скота, денегъ, а также благополучнаго сбыта продуктовъ,—такого, чтобы «удалось продать

ихъ въ три-дорога»; затѣмъ, въ качествѣ бога, онъ удовлетворяетъ всѣ эти молитвы: «даю! даю!» восклицаетъ жрецъ. Послѣ того собравшіеся на празднество осмѣиваютъ русскихъ оффиціальныхъ лицъ, чиновниковъ, поповъ, судей, офицеровъ [1]).

Самые ближніе сосѣди черемисскаго народа—чуваши. Это племя, названіе котораго означаетъ, какъ говорятъ, «жителей водъ», довольно многочисленно въ Казанской губерніи, гдѣ оно составляетъ почти четверть населенія; кромѣ того, оно разсѣяно небольшими группами въ сосѣднихъ губерніяхъ, Симбирской, Самарской, Саратовской, Оренбургской, Пермской. Общее число этихъ инородцевъ опредѣляютъ различно—отъ полумилліона до семисотъ тысячъ. Это, можетъ быть, тотъ самый народъ, который упоминается у арабскихъ географовъ подъ именемъ «буртасовъ», оттѣсненныхъ на сѣверъ татарско-монгольскимъ нашествіемъ тринадцатаго вѣка; впрочемъ, различные ученые признаютъ ихъ за мордву. По внѣшнему ихъ виду (всѣ чуваши средняго роста, со смуглыми лицами, немного выдающимися скулами, темными волосами, черными глазами, глядящими изъ узко прорѣзанныхъ рѣсницъ и изъ-подъ узенькаго лба), а также по небольшой части ихъ словаря, исчисляемой въ тысячу словъ, и по нѣкоторымъ ихъ обычаямъ, они должны быть причислены къ финскому племени, но по языку большое число изъ нихъ сдѣлались татарами, и эти послѣдніе называютъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ «братьями» [2]); тѣмъ не менѣе они еще имѣютъ свой собственный языкъ, и съ 1839 г. правительство, слѣдуя въ отношеніи восточныхъ инородческихъ населеній иной политикѣ, чѣмъ въ отношеніи западныхъ подданныхъ, дозволило преподаваніе чувашскаго языка въ мѣстныхъ школахъ; даже ранѣе этой эпохи для нихъ была напечатана, на ихъ языкѣ, цѣлая духовная литература. Племя это подвергалось смѣшенію съ различными народами, послѣдовательно покорявшими край, и, вѣроятно, приняло въ себя остатки болгаръ, побѣжденныхъ татарами въ тринадцатомъ столѣтіи. Чуваши—смышленые, трудолюбивые, отличные земледѣльцы и гораздо лучше обрабатываютъ свои поля, чѣмъ всѣ ихъ сосѣди, черемисы, татары, мордва и русскіе. Большинство чувашей одѣвается по-русски, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотъ душъ, всѣ они обращены въ христіанство уже слишкомъ полтораста лѣтъ тому назадъ; но, подобно черемисамъ, они сохранили еще многіе магометанскіе и языческіе обряды и повѣрья; напримѣръ, они не ѣдятъ свинаго мяса и еще недавно приносили своему древнему богу Тору жертвы, состоящія, впрочемъ, не изъ живыхъ лошадей, какъ у черемисъ, а изъ грубо сдѣланныхъ глиняныхъ изображеній этого животнаго: такъ измельчало древнее язычество. Чуваши, ростомъ ниже татаръ и по большей части жалкія на видъ, голодныя существа, такъ сказать, убѣгаютъ передъ русскимъ; они живутъ среди лѣсовъ, въ самыхъ глухихъ, удаленныхъ деревушкахъ. Пѣсни ихъ проникнуты тихой грустью, какъ пѣсни народа умирающаго. Еще недавно чувашинъ, желая отомстить сосѣду за какую-нибудь кровную обиду, не задумывался повѣситься у него на воротахъ [1]), чтобы своей смертью накликать на него то, что они называютъ «сухой бѣдой», то-есть посѣщеніе слѣдователей,—заставить соперника тягаться съ судомъ и посидѣть въ тюрьмѣ. Говорятъ также, будто чуваши не упускаютъ случая надуть русскаго—не изъ алчности, а просто, чтобы насолить своимъ исконнымъ врагамъ [2]).

Изъ всѣхъ не-славянскихъ расъ, населяющихъ оба берега средней Волги, татарамъ удалось лучше прочихъ сохранить свое существованіе. Они не боятся жить въ городахъ рядомъ съ русскими, и во многихъ селеніяхъ составляютъ съ русскими крестьянами одну мирную общину, имѣющую одного и того же старосту и обсуждающую дѣла на одномъ и томъ же сходѣ, хотя обѣ народности раздѣлены непереходимой преградой религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ. Если бы культъ Магомета занималъ въ русскомъ государствѣ такое же привилегированное положеніе, какъ религія Христа, финскія населенія страны, вѣроятно, обратились бы по большей части въ магометанство, какъ это и сдѣлали многіе чуваши. Случалось, что татарскія деревни, которыя оффиціально считались христіанскими со времени насильственныхъ обращеній, примѣнявшихся въ восемнадцатомъ столѣтіи, отпадали отъ церкви или отказывались принимать русскихъ священниковъ: благодаря своему религіозному образованію, которое, пожалуй, не уступаетъ образованію православныхъ миссіонеровъ, они съ упорствомъ противятся христіанской пропагандѣ [3]). Впрочемъ, татары не стараются создавать прозелитовъ: они держатся только въ оборонительномъ положеніи, и дѣти ихъ всѣ безъ исключенія посѣщаютъ школы, гдѣ имъ преподаютъ предписанія Корана. До недавняго времени эти школы (медрессе), помѣщающіяся обыкновенно рядомъ съ мечетью, имѣли почти исключительно религіозный характеръ; дѣти, хотя говорящія дома нечистымъ турецкимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ татарами, учились въ школѣ читать и декламировать на арабскомъ языкѣ, болѣе или менѣе классическомъ, на которомъ составлены ихъ молитвы и учебники: только въ 1772 году Радловъ ввелъ въ казанскихъ школахъ руководства и

[1]) Кузнецовъ, см. выше.
[2]) J. G. Kohl, „Die Völker Europa's".

[1]) Alfred Rambaud; Лаптевъ, „Казанская губернія".
[2]) Лаптевъ, то же сочиненіе.
[3]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1875 годъ.

элементарныя книги, написанныя имъ на мѣстномъ татарскомъ нарѣчіи [1]).

Казанскіе татары, пришедшіе въ началѣ тринадцатаго столѣтія съ монгольскими ханами, но очень мало смѣшанные съ племенами ихъ вождей, судя по чистотѣ ихъ типа, происходятъ отъ кипчаковъ Золотой Орды. Со времени ихъ прибытія въ край они несомнѣнно увеличились въ числѣ: въ 1870 году ихъ было болѣе милліона, въ настоящее же время ихъ насчитываютъ по меньшей мѣрѣ до милліона двухъ сотъ тысячъ душъ, и изъ этого числа около половины приходится на Казанскую губернію. Въ 1870 году общее число казанскихъ татаръ (1.050.000 душъ) по губерніямъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

Въ Казанской—450.000 душъ; въ Уфимской—101.000; въ Самарской—100.000; въ Вятской—94.000; въ Саратовской—55.000; въ Пензенской—55.000; въ Нижегородской—34.000; въ Пермской—24.000; въ Оренбургской—20.000; въ Тамбовской—19.000; въ другихъ губерніяхъ—10.000 душъ.

Казанскіе татары приняли въ себя нѣкоторое число древнихъ болгаръ и донынѣ часто называютъ сами себя «булгарлыками». Отличаясь отъ татаръ астраханскихъ, крымскихъ и литовскихъ, которые принадлежатъ къ другимъ отраслямъ тюркской расы, они вообще средняго роста, широкоплечи, крѣпкаго тѣлосложенія; лицо у нихъ красивой овальной формы, носъ прямой, тонкій, красиво выгнутый, глаза черные, живые, острые, скулы немного выдающіяся, борода черная, рѣдкая, шея толстая и короткая; голову они всегда брѣютъ, отчего ихъ прямыя уши кажутся болѣе длинными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Женщины имѣютъ обыкновеніе бѣлиться и румяниться, но онѣ все болѣе и болѣе принимаютъ русскія моды. Татарки бѣдныхъ семействъ свободно выходятъ на улицу, съ полуоткрытымъ лицомъ, а жены богатыхъ татаръ ѣздятъ иногда въ русскій театръ, въ Нижній на ярмарку и въ столицы, присутствуютъ на публичныхъ увеселеніяхъ. Многоженство все еще существуетъ, бракъ не перестаъ быть покупкой жены, и въ брачныхъ договорахъ, въ составленіи которыхъ женихъ и невѣста не участвуютъ, постоянно упоминается цифра калыма, уплачиваемаго за молодую дѣвушку. Однако, число татаръ-многоженцевъ по-немногу уменьшается: если религіи остаются разныя, то, по крайней мѣрѣ, нравы постепенно сближаются. По роду занятій, татары все болѣе и болѣе уподобляются русскимъ, хотя они отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что лучше обращаются со своими женами; послѣднія не занимаются тяжелыми полевыми работами [2]). Многіе татары имѣютъ въ Казани значительныя фабрики (казанскіе мыльные заводы извѣстны цѣлой Россіи; татарскія мануфактуры кумачей и бумажныхъ тканей производятъ большіе обороты); другіе дѣлаются ремесленниками, половыми въ гостиницахъ и ресторанахъ; еще гораздо большее число занимается торговлей, въ особенности разносной, и извознымъ промысломъ (перевозкой товаровъ). Нѣкоторыя отрасли отпускной торговли, напримѣръ, торговля хлѣбомъ, солью, кожами (выдѣлка кожъ—тоже любимый татарскій промыселъ), соленой рыбой были почти монополизированы ими; въ качествѣ толмачей, они служатъ естественными посредниками между русскими промышленниками и магометанскими покупателями, пріѣзжающими въ Казань и Нижній-Новгородъ изъ Бухары, Хивы, Персіи [1]).

Въ бассейнѣ Камы населеніе не менѣе разнообразно, чѣмъ на берегахъ средней Волги. Въ одной только Вятской губерніи, которую мѣстами ограничиваетъ на западѣ рѣка Вятка, притокъ Камы, насчитываютъ съ десятокъ различныхъ народностей, не считая евреевъ-торговцевъ, цыганъ и колонистовъ польскихъ и нѣмецкихъ. Правда, великорусскій элементъ много превышаетъ численностью всѣ другіе; но этимъ превосходствомъ онъ, безъ сомнѣнія, обязанъ отчасти обрусѣнію туземцевъ, которые становятся «русскими» вслѣдствіе постепенной культуры.

Зыряне или «отверженные» (?), преобладающій этнографическій элементъ въ верхнихъ бассейнахъ Печоры и Вычегды, также представляютъ многочисленныя группы на берегахъ верхней Камы и ея притоковъ; но главную основу туземнаго населенія этихъ странъ составляютъ ихъ единоплеменники, пермяки. Зыряне и пермяки, говорящіе почти однимъ и тѣмъ же языкомъ и совершенно сходные по наружному виду, суть потомки древнихъ біармійцевъ, которые вели торговлю съ норманнами черезъ Бѣлое море. Они тоже называютъ себя «Коми-Мортъ» [2]), то-есть «камскимъ народомъ», и образуютъ, вмѣстѣ съ вотяками, особую группу между финскими племенами. Ихъ названіе «пермяки» означаетъ, какъ говорятъ, «горцы» и происходитъ отъ слова «парма», примѣняемаго, на всей сѣверной покатости, къ лѣсистымъ горамъ и плоскогорьямъ. Опредѣленія ихъ численности представляютъ большое разногласіе, зависящее главнымъ образомъ оттого, что племя это почти совершенно обрусѣло, такъ что очень трудно провести точную разграничительную линію между пермякомъ и русскимъ; впрочемъ, можно составить себѣ понятіе о невѣдѣніи, въ которомъ еще пребываетъ сама администрація относительно тѣхъ и другихъ, по тому курьезному факту, что соликамское

[1]) L. Leger, „Etudes slaves“.
[2]) Лаптевъ, цитированное сочиненіе.

[1]) L. Léger, „Études slaves“.
[2]) Кастренъ, „Die altaischen Völker“.

земство недавно открыло въ краѣ цѣлую мѣстность, жители которой оставались до сихъ поръ совершенно неизвѣстными правительству и никогда не были ничьими подданными [1]. По исчисленію Риттиха, финскихъ инородцевъ, принадлежащихъ къ біармійской или пермской расѣ, судя по крайней мѣрѣ по ихъ обыденному языку, было немногимъ болѣе 66.000 въ 1875 году, на обоихъ склонахъ Уральскаго хребта; число ихъ, вѣроятно, увеличилось нѣсколькими тысячами съ половины текущаго столѣтія. Словарь ихъ очень бѣденъ, и для близкихъ между собою понятій они принуждены употреблять одно и то же выраженіе. По этой причинѣ они заимствовали много словъ изъ русскаго языка, но передѣлавъ ихъ на свой ладъ, такъ какъ въ ихъ азбукѣ недостаетъ многихъ буквъ, нужныхъ для передачи русскихъ звуковъ. Впрочемъ, всѣ пермяки говорятъ порусски, хотя и плохо; по языку, такъ же, какъ по нравамъ, обычаямъ, образу жизни, пріемамъ земледѣлія, они все болѣе и болѣе приближаются къ великорусскимъ поселенцамъ. Что касается ихъ религіи, то оффиціально она та же самая, какъ и у ихъ сосѣдей, русскихъ, уже съ конца четырнадцатаго столѣтія (просвѣтителемъ ихъ былъ св. Стефанъ, епископъ пермскій, умершій въ 1396 г.); они даже соблюдаютъ строго посты и читаютъ молитву Господню. Пермяки совершенно оставили свой древній культъ «Золотой бабы», божества, вѣроятно, подобнаго тому, которому, по разсказу барона Герберштейна, покланялись нѣкогда вогулы на берегахъ Оби; но они раздѣляютъ всѣ суевѣрія русскихъ на счетъ духовъ и привидѣній; пуще всего боятся они злыхъ продѣлокъ домовыхъ и чертей, порчи, дурнаго глаза, колдовства, священныхъ фразъ, приносимыхъ вѣтромъ, проклятыхъ комковъ земли, бросаемыхъ на ихъ дорогѣ [2]. Культъ печки, столь же естественный въ холодныхъ областяхъ Сѣвера, какъ культъ солнца въ южныхъ странахъ, сохранился до сего дня у пермяковъ: пріятная теплота, испускаемая печью и поддерживающая жизнь обитателей избы впродолженіи длинной, суровой зимы, осталась для нихъ, какъ она была встарину для всего населенія страны, однимъ изъ главныхъ божествъ. Пермякъ, которому выпалъ жребій идти въ солдаты и который отправляется на службу въ армію, на прощаньи, обнявъ всѣхъ родныхъ, отвѣшиваетъ низкій поклонъ домашнему очагу. Въ дни поминокъ пермяки приносятъ на могилки горячія яства, потому что покойники, говорятъ они, любятъ вкушать парныя блюда; кромѣ того, имъ льютъ пиво черезъ трещины въ землѣ и потчуютъ ихъ, какъ потчивали при жизни. Говорятъ, что недавно такой же обычай существовалъ и у тамошнихъ русскихъ [1]. До освобожденія крестьянъ, почти всѣ пермяки были крѣпостные Строгоновыхъ и другихъ богатыхъ уральскихъ помѣщиковъ купеческаго происхожденія; только небольшое число ихъ принадлежало коронѣ. Можетъ быть, этой продолжительной крѣпостной зависимости и слѣдуетъ приписать крайнюю безпорядочность ихъ нравовъ.

Гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ пермяки, ихъ родичи вотяки, или вотъ, живущіе главнымъ образомъ въ бассейнѣ рѣки Вятки, которая, вѣроятно, имъ обязана и своимъ именемъ; Флоринскій насчитывалъ ихъ болѣе 250.000 душъ въ 1874 году. Число ихъ, повидимому, не уменьшилось съ той эпохи, когда въ край прибыли первые русскіе поселенцы; но, по ихъ преданіямъ, они когда-то давно были оттѣснены къ сѣверу. Искусные и неутомимые земледѣльцы, вотяки распахиваютъ плодородныя и хорошо защищенныя лощины по берегамъ рѣкъ, занимаются разведеніемъ скота, содержатъ многочисленные ульи пчелъ (вотяцкія борти даютъ отличный медъ, извѣстный въ цѣлой Россіи); вотяки главнымъ образомъ и доставили Вятскому краю прозвище «крестьянской губерніи». Вотяки въ меньшей степени обрусѣли, чѣмъ пермяки, несмотря на то, что первые живутъ ближе къ большимъ приволжскимъ городамъ: это зависѣло, можетъ быть, отъ болѣе крѣпкой этнографической связи ихъ племени, а также и отъ сосѣдства татаръ; многоженство у нихъ не запрещается. Христіане по имени, какъ черемисы, съ которыми перемѣшаны многія изъ ихъ группъ, они сохранили, подобно своимъ родичамъ, различные обряды шаманства и стараются подобнымъ же образомъ умилостивить злаго духа Кереметь. Переходя черезъ ручей, они всегда бросаютъ въ воду пучекъ травы, приговаривая: «не держи меня!» Это—скромная жертва, приносимая злому богу [2]. Финляндскій ученый Альквистъ издалъ, въ 1856 году, грамматику вотяцкаго языка, очень близкаго къ зырянскому парѣчію.

Между другими инородческими племенами бассейна Камы есть много такихъ, которыя различно классифицируются этнографами, причисляющими ихъ то къ финнамъ, то къ тюркамъ, и которыя, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ обѣимъ этимъ расамъ вмѣстѣ, вслѣдствіе смѣшеній, вызванныхъ въ теченіе вѣковъ переселеніями цѣлыхъ народовъ, завоеваніями и обращеніями изъ одной вѣры въ другую. Такъ, мещеряки кочевали прежде въ бассейнѣ Оки, преимущественно въ областяхъ, изъ которыхъ образовались нынѣшнія губерніи Рязанская, Тамбовская, Нижегородская. До настоящаго времени часть финской мордвы

[1]) „Russische Zemstwo und Baltische Selbsverwaltung".
[2]) В. Лядовъ, „Европейская Россія въ физическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ".

[1]) Мозель, „Пермская губернія".
[2]) Лаптевъ, выше цитированное сочиненіе.

сохранила названіе мещеряковъ [1]). Когда этотъ народецъ былъ побѣжденъ и разсѣянъ москвитянами, часть его перешла Волгу и удалилась на востокъ, на берега Камы и Бѣлой и въ долины Уральскихъ горъ. Тѣ же, которые остались въ Московскомъ государствѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, ославянились мало-по-малу, утративъ свою религію, языкъ и нравы. Въ наши дни мещеряки Пензенской губерніи, извѣстные подъ этимъ именемъ только у татаръ, тогда какъ русскіе называютъ ихъ чувашами, а чуваши—татарами, въ дѣйствительности сдѣлались совсѣмъ русскими, отъ которыхъ они отличаются только преданіемъ объ иноплеменномъ происхожденіи да трудностью въ произношеніи звука ч, замѣняемаго у нихъ звукомъ ц; впрочемъ, нѣкоторые находятъ въ ихъ обликѣ черты, свойственныя типу другихъ финскихъ племенъ, еще необрусѣвшихъ. Мещеряки, поселившіеся на башкирскихъ земляхъ, теперь и сами превратились въ настоящихъ башкиръ по языку, по религіи и даже по физическому типу: вмѣстѣ съ башкирами они, по крайней мѣрѣ часть ихъ, бунтовали противъ русскихъ, вмѣстѣ съ башкирами были побѣждены, сдѣлались подданными, какъ другіе инородцы, и обязаны отбывать воинскую повинность. Подобно вотякамъ, они отличные, рачительные земледѣльцы, и семьи ихъ постоянно возрастаютъ. По Риттиху, общее число этихъ отатарившихся мещеряковъ простиралось, въ 1875 году, до 138.000 душъ. Что касается вогуловъ, нѣкогда многочисленнаго и сильнаго племени, упорнѣе другихъ противившагося русской власти и введенію христіанской вѣры, то почти всѣ они были оттѣснены на азіатскую сторону Уральскаго хребта, гдѣ живутъ дикарями и занимаются звѣроловствомъ.

На европейскомъ скатѣ Урала, въ губерніяхъ Вятской, Пермской и Оренбургской, живутъ особыми деревнями тептяри (въ количествѣ около 128.000 душъ), тоже потомки бѣглецовъ разнаго рода и племени—татаръ, черемисъ, чувашей, вотяковъ,—которые прежде обитали на средней Волгѣ, а послѣ взятія Казанскаго царства должны были искать убѣжища на востокѣ между башкирами; въ началѣ они платили послѣднимъ поземельное, но когда башкиры взбунтовались, то, въ награду за помощь, оказанную ими русскимъ противъ своихъ хозяевъ, занятыя тептярями земли были отданы имъ въ полную собственность [2]). Самое названіе ихъ, какъ говорятъ, означаетъ «поселенцы», или «новопришельцы». Тептяри, всѣ смѣшанной крови [3]) (оттого и теперь каждое тептярское колѣно говоритъ своимъ нарѣчіемъ),—тоже

[1]) Майковъ, „Древняя и Новая Россія", 1870 г., № 10.

[2]) Кеппенъ, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", von v. Baer und v. Helmersen, Bd. XIII.

[3]) Уйфальви, письмо къ Майкову, „Russische Revue", 1877, № 11.

мусульмане; они должны быть причислены къ народамъ отатарившейся расы, между которыми главное мѣсто занимаютъ башкиры.

Эти послѣдніе, которымъ приписываютъ угорское происхожденіе, одинаковое съ мадьярами, и которые смѣшивались также съ финскими племенами, принадлежатъ тѣмъ не менѣе къ тюркской расѣ по языку, религіи и нравамъ: они говорятъ нарѣчіемъ довольно близкимъ къ діалекту казанскихъ татаръ и считаютъ себя потомками ногайцевъ [1]); на ногайцевъ они дѣйствительно походятъ нѣкоторыми физическими чертами. Однако, киргизы называютъ ихъ остяками и смотрятъ на нихъ, какъ на соплеменниковъ этихъ сибирскихъ инородцевъ, смѣшанныхъ съ татарями. У горныхъ башкиръ, вѣроятно, сохранившихъ первоначальный типъ въ наибольшей чистотѣ, голова маленькая, но относительно очень широкая; между ними встрѣчаются рослые и сильные индивидуумы съ правильными чертами лица, представляющіе замѣчательное сходство съ трансильванскими секлерами [2]). Въ венгерскую войну 1849 года уральскіе казаки, увидѣвъ въ первый разъ мадьяръ, тотчасъ же прозвали ихъ башкирами и не переставали называть ихъ этимъ именемъ въпродолженіи всей кампаніи [3]). У большинства башкиръ лицо плоское, кругловатое, носъ немного вздернутый, глаза маленькіе, сѣрые или каріе, уши большія, борода рѣдкая, физіономія добрая и пріятная. Въ самомъ дѣлѣ, они очень добродушны, доброжелательны, привѣтливы и принимаютъ иноземцевъ съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, которое часто употребляли во зло. Медленные въ работѣ, они далеко превосходятъ русскихъ аккуратностью и исправностью. Подобно татарамъ, они должны покупать своихъ женъ, но платежъ калыма можетъ быть разсроченъ на нѣсколько лѣтъ, и часто бываетъ такъ, что мужъ уводитъ свою живую собственность по уплатѣ лишь половины вѣна. Въ теченіе перваго года молодая жена не имѣетъ права разговаривать со свекромъ и свекровью: такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ недалеко отъ полярнаго круга обычаи, о которыхъ можно подумать, что они заимствованы у какого-нибудь чернокожаго племени полуденной Африки.

Башкиры находятся теперь въ періодѣ перехода отъ пастушескаго состоянія къ земледѣльческому образу жизни. Бо́льшая часть рудниковъ игорныхъ заводовъ въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской находятся на земляхъ, принадлежавшихъ прежде башкирамъ и уступленныхъ ими за безцѣнокъ: такъ, напримѣръ, вся территорія Кыштымскаго горнозаводскаго округа, пространствомъ около 150.000 деся-

[1]) А. Кастренъ, „Ethnologische Vorlesungen, Die altaischen Völker".

[2]) Ujfalvy, письмо къ Майкову.

[3]) Драгомановъ, Рукописныя замѣтки.

тинъ, была продана, въ 1756 году, за 150 рублей! Тщетно башкиры возставали восемь разъ въ теченіе семнадцатаго вѣка, четыре раза въ теченіе прошлаго столѣтія; тщетно разоряли и выжигали они русскія селенія, выкапывали даже русскихъ покойниковъ изъ могилъ, чтобы не оставалось ни одного московскаго человѣка, ни живаго, ни мертваго, въ ихъ землѣ [1]. Послѣ каждаго возмущенія, русскіе опять приходили въ бо̀льшемъ противъ прежняго числѣ, основывая города и деревни, разработывая рудники, завладѣвая землями. Въ настоящее время башкиры имѣютъ въ своемъ владѣніи не болѣе трети прежнихъ земель, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ правительство даже принуждено было дать имъ новые земельные участки, съ воспрещеніемъ отчуждать ихъ какимъ бы то ни было способомъ [2]. Постепенное уменьшеніе пастбищъ заставило башкиръ прибѣгать къ земледѣльческому промыслу, сначала въ качествѣ землевладѣльцевъ, отдающихъ свои земли, за извѣстную ежегодную или единовременную плату, въ аренду русскимъ хлѣбопашцамъ, такъ называемымъ припущенникамъ, а затѣмъ они сами начали прилагать къ жалкой сохѣ или неуклюжему сабану свои руки, привыкшія до того только къ пастушьему посоху [3]. Но во многихъ степныхъ мѣстностяхъ старыя привычки еще сохранились, и даже башкиры-земледѣльцы продолжаютъ отчасти вести пастушескій и кочевой образъ жизни; они развели породу борзыхъ собакъ, отлично выдрессированныхъ для погони за лѣснымъ звѣремъ, и, подобно исландцамъ, пользуются на охотѣ содѣйствіемъ сокола. Башкиры владѣютъ большими стадами барановъ, рогатаго скота и въ особенности табунами лошадей, которыя служатъ имъ въ одно и то же время верховыми конями, упряжными и ломовыми животными; стада даютъ имъ мясо, молоко (изъ кобыльяго молока приготовляется кумысъ) и кожи, изъ которыхъ они дѣлаютъ себѣ одежду, кибитки, покрывала, ремни, мѣшки (турсуки). Въ прежнее время не рѣдкость было встрѣтить башкиръ, считающихъ свое состояніе сотнями, даже тысячами лошадей: зажиточный человѣкъ имѣлъ по меньшей мѣрѣ до тридцати верховыхъ коней; но теперь народъ сильно обѣднѣлъ, и бывали случаи, какъ, напримѣръ, въ тяжелую зиму 1865—66 годовъ, что смертность поднималась до 26, даже до 44 процентовъ населенія [4]; тогда видѣли матерей, продающихъ своихъ дѣтей. Башкиры—необыкновенно ловкіе наѣздники; любимое изъ ихъ воинскихъ упражненій—конскія скачки, представляющія такое зрѣлище, какимъ рѣдко гдѣ можно любоваться. Пчеловодство также одно изъ любимыхъ занятій этихъ инородцевъ, и нѣкоторые этнографы старались перевести самое названіе ихъ — Башъ-Куртъ — словомъ «пчеловоды»; другіе, напротивъ, полагаютъ, что это названіе означаетъ буквально «волчьи головы». До 1865 года башкиры и мещеряки обязаны были нести военную службу на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ казаки, и каждая семья обязана была поставлять по одному человѣку: на оффиціальномъ военномъ языкѣ они носили названіе Оренбургскаго казачьяго войска. Башкиры были въ числѣ тѣхъ казаковъ, которые поили своихъ коней въ Сенѣ, въ 1814 и 1815 годахъ. Численность башкирскаго народа, который живетъ почти исключительно на западныхъ скатахъ и на южной сторонѣ Уральскихъ горъ, опредѣлена Риттихомъ приблизительно въ 750.000 душъ, въ 1875 году. Если же считать вмѣстѣ съ ними тептярей и мещеряковъ, то общая цифра этихъ инородцевъ превышаетъ милліонъ.

По религіи, инородческія племена бассейновъ Камы и средней Волги распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

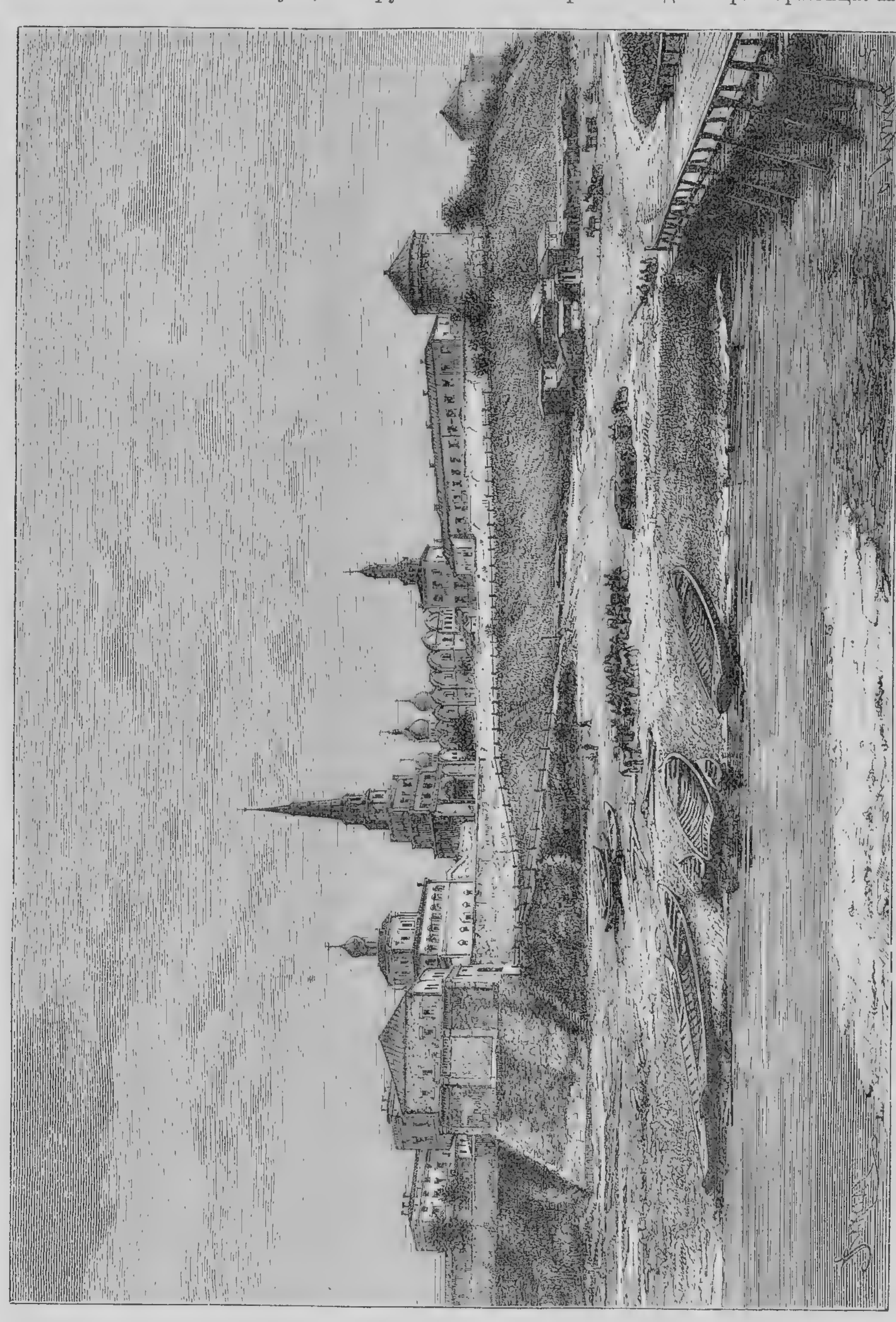
	Крещеныхъ.		Некрещеныхъ.	
Вотяковъ	213.678	душъ.	37.555	душъ.
Пермяковъ	68.763	„	—	
Мордвы	687.988	„	1.563	„
Чувашей	542.145	„	14.928	„
Черемисъ	201.585	„	67.048	„
Татаръ казанскихъ, мещеряковъ, тептярей	122 538	„	970.649	„
Башкиръ	827	„	999.818	„

За Нижнимъ Новгородомъ главный притокъ Волги съ правой стороны—Сура, которая въ своемъ извилистомъ теченіи пересѣкаетъ съ юга на сѣверъ землю мордвы и чувашей. Самый большой городъ въ бассейнѣ этой рѣки, Пенза, нынѣ административный центръ губерніи, былъ основанъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія, въ видахъ утвержденія русскаго господства среди финскихъ населеній; но его выгодное стратегическое положеніе, при сліяніи рѣкъ Пензы и судоходной Суры, оказалось въ то же время благопріятнымъ для торговли, и городъ Пенза сталъ быстро возрастать. Саранскъ и Починки (въ Лукояновскомъ уѣздѣ), города, находящіеся къ западу отъ Суры, на боковыхъ ея притокахъ, были въ началѣ семнадцатаго вѣка просто мордовскія становища; но Алатырь, уѣздный городъ Симбирской губерніи, при впаденіи рѣки того же имени въ Суру, былъ построенъ уже въ 1552 году, для сдерживанія набѣговъ казанскихъ татаръ.

Область, простирающаяся къ сѣверу отъ Волги, между рѣками Унжей и Камой, извѣстна подъ именемъ «Лѣсной»; и дѣйствительно, наибольшая часть ея еще покрыта лѣсами. Крестьяне многихъ деревень проводятъ въ этихъ лѣсныхъ чащахъ всю зиму, занимаясь

[1] Игнатьевъ, „Congrès archéologique de Kazan“, „Revue scientifique“ 17 mai 1879.
[2] Кн. Васильчиковъ, „Землевладѣніе и земледѣліе“, II.
[3] Флоринскій, „Башкирія и башкиры“, „Вѣстникъ Европы“, 1874 г., № 12.
[4] Флоринскій, тамъ же.

рубкой деревъ, а весной дерутъ съ молодыхъ липокъ лубъ, изъ котораго выходитъ лубье для коробокъ и лыко, употребляемое на выдѣлку рогожъ, мочала, лаптей—обуви, которую носятъ почти всѣ великорусскіе крестьяне; липовое дерево идетъ главнымъ образомъ на доски для иконъ и на стулья, называемые «черемисскими». Одинъ изъ главныхъ рынковъ этой промышленности и въ то же время одна изъ важнѣйшихъ приволжскихъ пристаней—обширное село Лысково, расположенное на правомъ берегу Волги, почти напротивъ Макарьевскаго монастыря и впаденія р. Керженца. На берегахъ Керженца прежде существовали многочисленные раскольничьи скиты, пользовавшіеся у поповцевъ такой же славой, какъ скиты Выговской пустыни у сектантовъ безпоповщины; но въ 1853 году населеніе большей части этихъ



Кремль въ Казани.

монастырей было разогнано или возсоединено съ православной церковью на началахъ единовѣрія; только нѣкоторыя мѣста остались священными для старообрядцевъ этого края. Самымъ священнымъ мѣстомъ въ области лѣсовъ почитается у нихъ озеро Свѣтлое, или Свѣтлояръ, бассейнъ около 2 верстъ въ окружности, находящійся къ западу отъ села Воскресенскаго, на р. Ветлугѣ. По народному повѣрью, воды этого озера покрываютъ городъ «Большой Китежъ», который, по волѣ Всевышняго, исчезъ во время татарскаго нашествія, чтобы избавиться отъ разоренія: но обитатели его живутъ понынѣ въ глубинахъ. Истинно вѣрующіе люди могутъ видѣть дома и колокольни этого города подъ водами озера, и раскольники убѣждены, что черемисы и теперь продолжаютъ тамъ торговать. Сюда стекается много народа на поклоненіе этой святынѣ: въ ночь съ 22 на 23 іюля толпа раскольниковъ, молящихся на берегу съ зажженными свѣчами въ рукахъ, затѣмъ совершающихъ крестный ходъ, окружаетъ Свѣтлое озеро кольцомъ свѣта, который отражается въ волнующейся поверхности водъ [1]). Впрочемъ, въ этой области, болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ центральной Россіи, сохранились древніе обычаи и повѣрья. Такъ, во время скотскихъ падежей деревенскія бабы вечеромъ выходятъ голыя на улицу и бѣгаютъ вокругъ домовъ, какъ античныя вакханки; если имъ въ это время встрѣтится кто-нибудь, онѣ преслѣдуютъ его съ дикими криками, называя встрѣченнаго «смертью», и бьютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ подъ ихъ ударами. Эта церемонія, напоминающая на Западѣ англійскую легенду о леди Годивѣ, извѣстна подъ именемъ «опахиванья» [2]). Въ сѣверныхъ лѣсахъ Поволжья деревенскія дѣвушки устраиваютъ каждый годъ такое же чародѣйское бѣганье вокругъ засѣянныхъ полей, чтобы предохранить ихъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и отъ засухи [3]).

Въ болѣе тепломъ климатѣ и въ гуще населенной странѣ мѣстоположеніе, гдѣ стоитъ Козьмодемьянскъ (названный такъ въ честь св. угодниковъ Косьмы и Даміана), на излучинѣ Волги и ниже впаденія въ нее двухъ многоводныхъ рѣкъ, Суры и Ветлуги, было бы, безъ сомнѣнія, занято значительнымъ городомъ; но только въ 200 верстахъ ниже, въ сѣверо-восточномъ углу всей московской территоріи, ограничиваемой теченіемъ Волги, основался главный городъ страны, Казань, бывшая столица татарскаго царства. Она наслѣдовала, какъ важный рынокъ между Европой и Азіей, древнему городу Болгарамъ, занимавшему еще болѣе выгодное положеніе, такъ какъ онъ находился ниже сліянія двухъ могучихъ рѣкъ—Волги и Камы. Но въ этихъ областяхъ, еще почти пустынныхъ, два могущественные города не могли бы, какъ въ Бельгіи или въ Англіи, вырости въ такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго; Казань смѣнила столицу Болгарскаго царства, и теперь у подножія ея кремля сходятся, если не воды, то по крайней мѣрѣ торговые пути Волги и Камы.

Казань упоминается въ первый разъ въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 1376 годомъ. Перенесенный въ пятнадцатомъ столѣтіи ближе къ Волгѣ,—ибо «Старая Казань» (по-татарски Иски-Казань) существуетъ еще донынѣ верстахъ въ пятидесяти выше по Казанкѣ,—этотъ городъ бываетъ на берегу великой русской рѣки только въ періодъ половодья: тогда Волга разливается по луговой сторонѣ до основанія небольшаго холма, на которомъ расположена Казань; но обыкновенно лѣвый берегъ Волги удаленъ отъ города слишкомъ на пять верстъ [1]). Подтачивая постоянно свой правый берегъ, рѣка не перестаетъ медленно перемѣщаться къ юго-западу. Городъ могъ сохранить сообщеніе со своей волжской пристанью только благодаря рѣчкѣ Казанкѣ, которая постепенно удлинняласъ, по мѣрѣ того какъ отступало теченіе Волги. Одно изъ городскихъ предмѣстій, все болѣе и болѣе удаляющееся отъ Казани, такъ сказать, идетъ слѣдомъ за убѣгающимъ берегомъ. Но самый городъ не можетъ перемѣщаться: главная его улица тянется вдоль вершины холмовъ, по скатамъ которыхъ расположены ряды домовъ, группирующихся вокругъ кремля, похожаго на московскій. Въ татарскую эпоху эта цитадель была обнесена деревянными стѣнами; на каменной оградѣ, воздвигнутой при Иванѣ Грозномъ, послѣ взятія города, уцѣлѣли только двѣ башни, остальныя же были разрушены въ 1774 году во время занятія Казани Пугачевымъ. Впрочемъ, почти всѣ постройки принадлежатъ новѣйшему времени. Только одно изъ старинныхъ казанскихъ зданій, можетъ быть, относится къ эпохѣ, предшествовавшей завоеванію города москвитянами: это—башня царицы Сумбеки, построенная изъ краснаго кирпича и состоящая изъ четырехъ ярусовъ въ видѣ уступовъ; но и этотъ памятникъ, судя по его архитектурѣ, сооруженъ, вѣроятно, въ позднѣйшую эпоху, то-есть послѣ паденія Казанскаго царства (въ 1552 году). Татары-мусульмане, составляющіе и теперь еще значительную часть городскаго населенія, чтутъ, какъ святыню, эту древнюю башню, въ которой будто бы похороненъ одинъ ихъ святой, выбрасывающій нынѣ изъ своего полураскрытаго че-

---

[1]) Мельниковъ, „Въ лѣсахъ", т. IV; Гацисскій, „Древняя и Новая Россія", 1877 г., № XI; Эльсницъ, Рукописныя замѣтки.

[2]) Якушкинъ, „Обычное право", I.

[3]) Мельниковъ, цитированное сочиненіе, т. III.

[1]) На дорогѣ отъ Волги къ Казани стоитъ памятникъ, въ видѣ каменной пирамиды, надъ костями убитыхъ при взятіи города Иваномъ IV. Прим. перев.

репа источникъ живой воды [1]). Центральные кварталы города населены исключительно русскими, такъ какъ татары были изгнаны оттуда въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, по царскому указу, повелѣвавшему въ то же время сжечь всѣ ихъ мечети.

Казань—университетскій городъ. Университетъ его, основанный въ 1804 году, имѣетъ богатую библіотеку, астрономическую обсерваторію, анатомическій амфитеатръ, физическій кабинетъ, химическую лабораторію, естественно-историческія коллекціи, между которыми особенно замѣчательно собраніе волжскихъ рыбъ. Число слушателей въ Казанскомъ университетѣ къ 1 января 1894 года: студентовъ—781, постороннихъ слушателей—35, всего—816; библіотека: около 100.000 томовъ, 12.000 брошюръ, 800 рукописей. Съ 1802 года въ Казани существуетъ татарская типографія, изъ которой выходитъ большое число книгъ; кромѣ того, православное Гурьевское братство, основанное въ 1867 году для обращенія въ христіанство инородческихъ населеній восточной Россіи, издаетъ руководства и книги доховнаго содержанія на разныхъ нарѣчіяхъ тюркскихъ, финскихъ, угорскихъ. Казанская духовная академія, учрежденная въ 1846 году, получила библіотеку Соловецкаго монастыря, содержащую много письменныхъ памятниковъ, единственныхъ по исторіи русскаго раскола. Казань есть въ то же время очень важный торговый и промышленный центръ: занимая выгодное положеніе въ мѣстѣ пересѣченія большихъ трактовъ сибирскаго, каспійскаго и балтійскаго, она старается отправлять товары по этимъ тремъ направленіямъ безъ посредства Нижняго-Новгорода. Около половины населенія Казани живетъ промышленностью и торговлей. Кромѣ неизбѣжныхъ винокуренныхъ и водочныхъ заводовъ, здѣсь существуютъ большіе кожевенные заводы и сафьянныя фабрики, приготовляющіе лучшій кожаный товаръ, далѣе—полотняныя и кумачныя мануфактуры, заводы салотопенные, свѣчные, мыловаренные, альбуминные. Въ 1879 г. въ Казани было болѣе 100 фабрикъ; общая цѣнность ихъ производства простиралась до 7.700.000 рублей. Общій доходъ Казани по производству и распредѣленію исчисляется Соловьевымъ въ 87 милліоновъ рублей.

Въ наши дни существуетъ лишь бѣдная деревушка на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ большой, цвѣтущій городъ Болгаръ, или Великіе Болгары, древняя столица Болгарскаго царства и центръ торговли между Европой и Азіей. Развалины этого города, разрушеннаго Тамерланомъ въ 1391 году, раскинуты къ югу отъ деревни на значительномъ пространствѣ; валы и рвы городской ограды, остатки крѣпости, башни мечетей, фундаменты дворцовъ—все арабскаго стиля: зданія Болгаръ были воздвигнуты въ періодъ съ десятаго по четырнадцатое столѣтіе, но преимущественно въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ. Лѣтъ сто тому назадъ, Палласъ видѣлъ еще болѣе сотни этихъ зданій; теперь ихъ осталось только десятая часть. Въ грудахъ обломковъ окрестные крестьяне часто находятъ глиняную посуду, монеты, драгоцѣнности; нищенствующіе странники, бродя среди мусора руинъ, преклоняютъ колѣна на могилахъ своихъ святыхъ, можетъ быть, даже своихъ предковъ. Въ эпоху своего процвѣтанія, городъ Болгары стоялъ на самомъ берегу Волги, которая теперь течетъ въ шести верстахъ западнѣе. Очевидно, рѣка отошла отъ своего лѣваго берега у Болгаръ, также какъ и у Казани. Есть преданіе, что Кама тоже передвинулась къ западу, и до сихъ поръ показываютъ мѣсто, называемое Старой Камой, верстахъ въ десяти отъ нынѣшняго русла этой рѣки, изъ чего нужно заключить, что сліяніе двухъ рѣкъ перемѣстилось по направленію къ верховью [1]). Если это такъ, то возможно, что Болгары были построены въ мѣстѣ соединенія Волги и Камы.

Города бассейна средней Волги, между устьями Оки и Камы, имѣющіе болѣе 5.000 жителей:

Нижегородская губернія: Починки—7.894 ж.
Пензенская губернія: Пенза (1896 г.)—55.680 ж. Саранскъ—14.148 ж.
Симбирская губернія: Алатырь—13.466 ж.
Казанская губернія: Казань (1897 г.)—131.508 жит.

Въ холодныхъ, снѣжныхъ пространствахъ бассейна Камы, изъ-за которыхъ, однако, не разъ велась борьба и проливалась кровь человѣческая, города и большія села, образовавшіеся изъ прежнихъ крѣпостей, торговые пункты и горнозаводскіе центры раскиданы на разстояніи сотенъ верстъ одинъ отъ другаго. Чердынь, первая, по времени основанія, изъ этихъ колоній, извѣстная у лѣтописцевъ подъ именемъ «Великой Перми», занимаетъ необходимое положеніе на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Камы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается судоходство по этой рѣкѣ и начинаются волоки къ Печорѣ, черезъ которые еще не такъ давно существовалъ каналъ, впрочемъ слишкомъ мелкій для того, чтобы приносить какую-нибудь практическую пользу. Этимъ каналомъ можно было пользоваться только во время по-

[1]) Alfred Rambaud, „Revue littéraire et scientifique", 19 avril 1879.

[1]) С. М. Шпилевскій, „Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи"; М. Мальцевъ, „Краткое сообщеніе IV-му Археолог. съѣзду въ Казани объ одной мѣстности Казанской губ., Лаишскаго уѣзда—„Старой Камѣ"; Alfred Rambaud, „Revue scientifique", 3 mai 1879.

*

ловодья; но казна продала его шлюзы, а мѣстные жители уничтожили остальное, чтобы присвоить себѣ монополію перевозки кладей сухимъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, Чердынь продолжаетъ отправлять хлѣбъ въ Архангельскъ, хлѣбные магазины котораго иногда бываютъ наполнены доверху, тогда какъ въ бассейнѣ верхней Камы свирѣпствуетъ голодъ. Городъ Соликамскъ, стоящій на Камѣ, ниже главныхъ сѣверныхъ притоковъ этой рѣки, получилъ весьма важное значеніе, благодаря своимъ солеварнямъ, которыя, впрочемъ, менѣе производительны, чѣмъ соляные источники сосѣднихъ мѣстъ, Дедюхина, Ленвы, Новаго-Усолья; камскіе пароходы могутъ подниматься до этого пункта. Въ 1878 году добыча соли въ названныхъ мѣстахъ представляла слѣдующія цифры:

Соляныя варницы Соликамска—1.486.000 пуд.; соляныя варницы Дедюхина—1.934.000 пуд.; соляныя варницы Новаго-Усолья — 4.164.000 пуд.; соляныя варницы Ленвы—2,626.000 пуд.; соляныя варницы Березняковъ—1.521.000 пуд.

Пермь, губернскій городъ, на правомъ берегу Камы, немного ниже впаденія въ нее судоходной рѣки Чусовой, была бѣдной деревушкой въ 1721 году, когда здѣсь основали мѣдноплавильный заводъ. Благодаря своему счастливому географическому положенію, городъ быстро выросъ: онъ не только имѣетъ въ своемъ распоряженіи прекрасный рѣчной путь, Каму и даже Чусовую, по которой во время весенняго разлива водъ, впродолженіи семи или десяти дней, могутъ ходить большія барки, нагруженныя рудой, но, сверхъ того, находится на главномъ сибирскомъ трактѣ, напротивъ удобнаго перевала черезъ Уральскія горы, который во всѣ времена былъ избираемъ какъ мѣсто прохода между Европой и Азіей. Теперь Пермь исходный пунктъ Уральской желѣзной дороги, которая, съ 1879 года, пересѣкаетъ часть горнозаводской области Урала, изъ бассейна Волги въ бассейнъ Оби; въ предвидѣніи продолженія рельсоваго пути на востокъ отъ Нижняго Новгорода торговые экспедиторы уже открыли свою дѣятельность въ Перми. Хотя западная часть Пермской губерніи гораздо менѣе богата рудными мѣсторожденіями, чѣмъ восточные округа, лежащіе на азіатскомъ скатѣ Урала, однако губернскій городъ тоже принимаетъ значительное участіе въ металлургической промышленности; въ 2 верстахъ выше по теченію Камы, въ Мотовилинскомъ посадѣ, устроенъ, въ 1863 году, пушечно-литейный заводъ, гдѣ большая наковальня арсенала, отлитая съ одного раза, вѣситъ не менѣе 40.000 пудовъ. Въ окрестностяхъ уже около ста лѣтъ разработываютъ мѣдные рудники, продукты которыхъ отправляются на монетный дворъ въ Екатеринбургъ (Ekaterinenburg); но по странному контрасту, происходящему отъ младенческаго состоянія русской промышленности, до сихъ поръ еще не утилизируютъ каменноугольныя залежи, толщиною до 6 саженъ, которыя находятся въ бассейнѣ верхней Камы, тогда какъ англійскій уголь, привозимый для Пермскаго арсенала, обходится въ 45 рублей за тонну. На юго-востокѣ, на одномъ изъ притоковъ Чусовой, Кунгуръ, бывшая крѣпость, построенная противъ башкиръ, также получилъ довольно важное значеніе по сбыту своихъ мануфактурныхъ произведеній въ горнозаводскіе округи: онъ посылаетъ рудокопамъ восточныхъ мѣстностей сапоги и другой кожаный товаръ, желѣзные и стальные инструменты, замки и разныя металлическія издѣлія. Сарапулъ, одинъ изъ главныхъ городовъ на берегахъ Камы, соперничаетъ съ Кунгуромъ промышленной дѣятельностью, особенно по производству сапожнаго товара, а въ уѣздѣ его существуютъ обширные заводы (Камско-Воткинскій механическій, Ижевскій оружейный), на которыхъ строятся суда, машины, выдѣлывается оружіе. На Ижевскомъ заводѣ, принадлежащемъ казнѣ, всегда работаютъ тысячи рабочихъ. Большая часть Пермскаго края составляла прежде собственность новгородскихъ купцовъ Строгоновыхъ. Въ 1558 году одинъ торговый человѣкъ этой фамиліи получилъ отъ царя Ивана IV грамату на «пустыя земли, черные лѣса, дикія рѣки и озера, не давшія никакого дохода государевой казнѣ». Въ семнадцатомъ столѣтіи Строгоновы владѣли пространствомъ земель, равнымъ Богеміи, и 120.000 душъ крестьянъ: великоруссы, плѣнные литовцы, татары жили на ихъ земляхъ, но большинство ихъ крестьянъ состояло изъ потомковъ новгородскихъ поселенцевъ [1]).

Рѣка Бѣлая, впадающая въ Каму на югѣ отъ Сарапула, есть главный притокъ послѣдней и пересѣкаетъ почти всю обширную Уфимскую губернію, еще болѣе богатую рудными мѣсторожденіями, чѣмъ другія уральскія области западнаго склона. Златоустъ (Золотоустъ, т. е. «золотое устье»), на высотѣ 1.280 футовъ, въ самой живописной долинѣ Уральскихъ горъ [2]), орошаемой рѣкой Ай, притокомъ Уфы, также имѣетъ большой заводъ для приготовленія бѣлаго оружія, охотничьихъ и боевыхъ ружей, орудій изъ литой стали, а въ окрестностяхъ находятся богатыя золотыя розсыпи и желѣзные рудники; рудокопы и рабочіе, выписанные изъ Золингена и Клингенталя, положили здѣсь основаніе многочисленной нѣмецкой колоніи. Уфа, стоящая при сліяніи рѣки того же имени съ Бѣлой, нѣкогда башкирская деревня, теперь цвѣтущій городъ, благодаря дѣятельной

---

[1]) Мозель, „Матеріалы для географіи и статистики Россіи, Пермская губернія"; Карповичъ, „Замѣчательныя богатства Россіи".

[2]) Акад. Гельмерсенъ, „Reise nach dem Ural und der Kirgisen-Steppe".

торговлѣ съ горнозаводскими округами обоихъ склоновъ Урала, въ особенности съ своимъ сосѣдомъ Благовѣщенскомъ, находящимся вблизи рудниковъ, изъ которыхъ каждый годъ добываютъ около 1.600.000 пудовъ мѣдной руды. Уфа, административный центръ губерніи, заключающей больше магометанъ, нежели христіанъ, есть мѣстопребываніе главнаго муфтія русскихъ мусульманъ. На югѣ отъ Уфы, городъ Стерлитамакъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Бѣлой, пріобрѣлъ довольно важное значеніе, какъ складочное мѣсто для соли и руды. Наконецъ, другой уѣздный городъ Уфимской губерніи, Мензелинскъ, стоящій на небольшомъ южномъ притокѣ Камы, замѣчателенъ своей ярмаркой, на которую, съ 1864 года, ежегодно привозится разнаго товара на сумму около 5 милліоновъ рублей (въ 1868—72 г. г.—на 6,3, въ 1894 г.—на 4,3 милл. рубл.).

Вятка, губернскій городъ, есть одно изъ древнѣйшихъ городскихъ поселеній въ бассейнѣ Камы, о существованіи которыхъ упоминаютъ лѣтописи. Онъ былъ основанъ въ 1181 году новгородскими колонистами, на холмѣ, или высокомъ берегу, господствующемъ надъ сліяніемъ рѣкъ Вятки и Хлыновицы, и его дома, построенные первоначально по плану, имѣвшему въ виду наиболѣе удобную оборону, до сихъ поръ еще расположены такимъ образомъ, что внѣшними своими фасадами составляютъ непрерывную ограду. Сначала этому городу дано было названіе «Хлыновъ», по имени одной изъ двухъ соединяющихся здѣсь рѣкъ, а впослѣдствіи онъ получилъ наименованіе другой рѣки; но татары постоянно называли его Ноуградомъ, то-есть «городомъ новгородцевъ». Это поселеніе составляло особую общину, которая имѣла новгородское устройство и управлялась собственнымъ вѣчемъ; самостоятельность Вятской общины продолжалась около 300 лѣтъ. Въ торговомъ и промышленномъ отношеніи не менѣе важное значеніе имѣетъ восточный сосѣдъ Вятки, уѣздный городъ Слободской (также пристань на р. Вяткѣ), гдѣ существуютъ кожевенные и винокуренные заводы и выдѣлываются полушубки и мѣховыя рукавицы, отправляемые сотнями тысячъ на Нижегородскую ярмарку и въ Архангельскъ. Главный рынокъ Вятской губерніи по торговлѣ хлѣбомъ—Елабуга, городъ, построенный на маленькомъ боковомъ притокѣ Камы, недалеко отъ мѣста соединенія долины р. Вятки съ долиной р. Лѣсной-Зай, гдѣ находится городъ Бугульма. Въ 3 верстахъ отъ Елабуги, на берегу Камы, стоитъ высокая башня съ куполомъ, указывающая издали мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ расположенъ болгарскій городъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ «Чертова-Городища». Немного выше по рѣкѣ виденъ такъ называемый Ананьинскій курганъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ остатками бронзоваго вѣка; при раскопкахъ его нашли множество замѣчательныхъ предметовъ, между прочимъ, могильный камень съ изваяніями, изображающими одѣтаго воина, съ конусообразной каской и короткимъ мечемъ. Чистополь—главная пристань на нижней Камѣ: это—первая важная станція пароходовъ и другихъ судовъ (въ числѣ около 800), которые должны подниматься вверхъ по Камѣ и ея притокамъ, Вяткѣ, Бѣлой, Чусовой.

Значительнѣйшіе города и горнозаводскія селенія въ бассейнѣ Камы (число жителей губернскихъ городовъ показано по переписи 1897 г.):

Пермская губернія: Пермь—45.403 жит.; Кунгуръ—12.368 жит.

Уфимская губернія: Уфа — 50.576 жит.; Златоустъ — 21.104; Стерлитамакъ — 10.820; Бирскъ—9.253; Мензелинскъ—6.630; Благовѣщенскъ (Горный заводъ)—6.000 жит.

Вятская губернія: Вятка — 24.894 жит.; Ижевскъ — 21.500; Сарапулъ — 15.866; Елабуга—11.255; Слободской—7.650 жит.

Казанская губернія: Чистополь—26.336 жит.; Лаишевъ—5.478 жит.

Самарская губернія: Бугульма—12.985 жит.

XV. Низовая Волга.

Губерніи Пензенская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская.

Въ нижней части своего бассейна Волга не омываетъ земель столь многочисленныхъ народовъ, какъ народы, населяющіе область Камы. Почва въ низовомъ Поволжьи менѣе холмиста, имѣетъ болѣе ровный характеръ, и различныя населенія занимаютъ тамъ болѣе обширныя пространства. Населенія эти не представляютъ, какъ на сѣверѣ, хаоса народностей славянскихъ, финскихъ, татарскихъ, имѣющихъ смѣшанное происхожденіе.

Чуваши, мордва, татары — вотъ единственные не-славянскіе жители на югѣ отъ Казани и Чистополя до устья рѣки Большой Иргизъ, въ Самарской губерніи; но далѣе начинаются нѣмецкія колоніи, занимающія, на обоихъ берегахъ Волги, пространство около 18.000 квадр. верстъ. Въ 1763 г., императрица Екатерина II, желая противопоставить живой оплотъ кочевымъ населеніямъ низоваго Поволжья и заселить плодородныя, но пустынныя земли на востокѣ и югѣ Имперіи, призвала колонистовъ съ запада Европы; это приглашеніе имѣло успѣхъ и привлекло нѣсколько десятковъ тысячъ иностранцевъ, почти исключительно нѣмцевъ и швейцарцевъ; особенно много поселилось ихъ въ теперешней Самарской губерніи. Между прибывшими было также нѣсколько группъ французовъ и шведовъ, но они давно уже затерялись въ массѣ иммигрантовъ. Иностранные

переселенцы получили пособія на первое хозяйственное обзаведеніе (продовольствіе, сѣмена, земледѣльческія орудія, скотъ) и разныя льготы, между прочимъ, свободу отъ податей и поземельнаго налога на десять лѣтъ [1]). Менѣе богато одаренныя, чѣмъ нѣмецкія колоніи Новороссійскаго края, иностранныя поселенія береговъ Волги достигли, однако, болѣе цвѣтущаго состоянія, благодаря системѣ общиннаго землевладѣнія, которое они ввели у себя, по примѣру своихъ сосѣдей, русскихъ крестьянъ [2]). Первоначальныя колоніи (числомъ 102) съ теченіемъ времени расплодились, какъ пчелиные рои, и теперь нѣмцы распространены по всей странѣ и держатся тамъ съ замѣчательной связью, не утративъ своихъ національныхъ особенностей, не забывъ роднаго языка; они говорятъ имъ даже лучше, чѣмъ ихъ предки, благодаря школамъ, которыя они всегда содержали съ большой заботливостью; но общее образованіе у нихъ вообще очень неудовлетворительно. Въ послѣднее время, съ распространеніемъ на нихъ всеобщей воинской повинности, они стали заводить высшія училища, чтобы обезпечить своимъ дѣтямъ преимущества, предоставленныя тѣмъ изъ поступающихъ въ военную службу, которые умѣютъ говорить по-русски и получили извѣстное образованіе. Теперь нѣмецкихъ колонистовъ въ двухъ губерніяхъ Саратовской и Самарской наберется, вѣроятно, свыше трехсотъ тысячъ душъ, ибо численность ихъ довольно быстро увеличивается, вслѣдствіе перевѣса числа рождающихся надъ числомъ умирающихъ.

Почти всѣ промежутки, оставшіеся между нѣмецкими колоніями, заняты поселеніями малороссіянъ; мужчины въ этихъ послѣднихъ занимаются преимущественно, какъ и украинскіе чумаки, перевозкой соли.

На югѣ и на востокѣ отъ большаго Царицынскаго изгиба, русскіе живутъ только по берегамъ рѣки, тогда какъ область голыхъ степей, простирающихся вправо и влѣво отъ Волги, принадлежитъ еще кочевымъ населеніямъ: это явленіе объясняется свойствомъ почвы, совершенно непригодной для земледѣлія. Даже русскіе чиновники, назначенные для надзора за инородцами, принуждены переѣзжать съ мѣста на мѣсто, вмѣстѣ съ бродячими деревнями. Самый южный изъ этихъ кочевыхъ народцевъ, калмыки, называемые также элютами и ойратами, занимаетъ пространство около 70.000 квадр. верстъ между Волгой и Кумой, въ солончаковой низменности, которая нѣкогда была покрыта водами Каспійскаго моря; кромѣ того, они кочуютъ по степямъ, прилегающимъ къ лѣвому берегу Дона, а нѣкоторые изъ ихъ родовъ живутъ въ сосѣдствѣ киргизовъ, на востокѣ

[1]) Legrelle, „Le Volga", „Notes sur la Russie".
[2]) Клаусъ, „Наши колоніи".

отъ Ахтубы. Ихъ насчитываютъ около ста пятидесяти тысячъ душъ на этой обширной территоріи безплодныхъ степей и пастбищъ: военная служба и переселеніе въ города нѣсколько уменьшили ихъ число съ половины текущаго столѣтія. Впрочемъ, переписи, произведенныя въ разныя времена, повидимому, не вполнѣ заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ женщины и особенно дѣвочки часто не вносятся въ списки. Въ противоположность общему факту, констатированному по отношенію ко всѣмъ другимъ народамъ Европы, у калмыковъ, если вѣрить переписямъ, мужчины гораздо многочисленнѣе женщинъ, именно превышаютъ ихъ на цѣлую четверть (число калмыковъ въ Астраханской губ. въ 1869 году: 68.329 мужчинъ, женщинъ 51.267 (?); всего 119.956 душъ). Подобное демографическое явленіе мало вѣроятно, но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что у этого племени дѣйствительно существуетъ численный перевѣсъ мужскаго пола надъ женскимъ. Очень немногіе изъ калмыковъ достигаютъ глубокой старости, и смертность между дѣтьми громадна, особенно въ восточной части занимаемой ими территоріи, гдѣ большинство этихъ инородцевъ служатъ работниками у рыбопромышленниковъ [1]).

Калмыки, представители монгольской расы, къ которымъ, можетъ быть, примѣшались нѣкоторыя племена тюркскаго происхожденія, суть новые пришельцы въ Европѣ [2]). Первые отряды, такъ сказать, развѣдчики калмыцкаго народа, вышедшаго съ Алтайскихъ горъ, появились въ первый разъ въ 1630 году, и только шесть лѣтъ спустя главная масса эмигрировавшаго народа перенесла свои пятьдесятъ тысячъ кибитокъ на западные берега Каспійскаго моря. Въ первые годы ихъ пребыванія каждое возвращеніе весны ознаменовывалось набѣгомъ въ восточную Россію; поля были опустошаемы, деревни разоряемы, жители уводимы въ неволю. Но не прошло еще періода одного поколѣнія, какъ калмыки, сдерживаемые русскимъ населеніемъ, должны были признать себя подданными московскаго царя, не переставая, впрочемъ, поддерживать сношенія съ своими азіатскими соплеменниками, даже съ тѣми, которые жили въ Тибетѣ. Однако, вмѣшательство русскихъ, становившееся все болѣе и болѣе тягостнымъ, сдѣлало жизнь этимъ сынамъ вольной степи совершенно невыносимой; раздраженные притѣсненіями чиновниковъ, они, наконецъ, рѣшили вернуться въ отечество своихъ предковъ, на берега озера Балхашъ, къ подножію Алтая,—тѣхъ горъ, которыя преданіе описывало имъ какъ страну чудесъ. Почти весь

[1]) Илья Мечниковъ, „Записки Имп. Русскаго Географ. Общества", 1873 г., № 10, „Russische Revue", 1874 г.
[2]) На тюркскихъ нарѣчіяхъ, „калма", „калмакъ", „калмаклыкъ" означаетъ „отсталый", „отдѣлившійся". Ред.

кочевавшій въ Россіи калмыцкій народъ, исчисляемый различно — отъ 120.000 до 300.000 душъ, тронулся въ путь зимою 1770—71 года, переходя со своими многочисленными стадами по льду черезъ Волгу, Яикъ, Эмбу и направляясь за Уралъ, въ привольныя степи Джунгаріи. Дефилированіе этого громаднаго каравана продолжалось цѣлыя недѣли, но арьергардъ не имѣлъ времени перебраться, ледъ на Волгѣ сломался, киргизы и казаки, собравшіеся массами, чтобы воспрепятствовать переходу эмигрантовъ, успѣли разорвать шествіе на многихъ пунктахъ. Нѣсколько тысячъ калмыковъ достигли, говорятъ, береговъ желаннаго озера, но почти всѣ инородцы этого племени, жившіе въ степяхъ на Дону, Кумѣ, Манычѣ, принуждены были вернуться въ покинутыя стойбища. Слѣдствіемъ этого великаго исхода было то, что русское правительство окончательно утвердило свою власть надъ кочевьями калмыковъ, и даже тысячи этихъ инородцевъ, обращенные въ христіанскую вѣру, были переведены въ Ставропольскую колонію, между Симбирскомъ и Самарой, а потомъ зачислены въ Уральское казачье войско. Что касается другихъ калмыковъ, оставшихся противъ воли русскими подданными, то территорія, которую они занимали, была съ того времени точно ограничена Волгой, Каспійскимъ моремъ, Кумой и Дономъ. Въ 1839 году сдѣлано распоряженіе о воспрещеніи русскимъ крестьянамъ селиться на земляхъ калмыковъ; но послѣ того смѣшанныя колоніи, основанныя въ Калмыцкой степи, сдѣлались постоянными населенными мѣстами и, такъ сказать, русскими островками среди кочующихъ азіатскихъ населеній. Впослѣдствіи приступили къ раздѣлу степи, обширной пажити, которую, разумѣется, можно дѣлить только фиктивно; но этотъ раздѣлъ земли между калмыцкими «душами» произведенъ былъ весьма неравномѣрными долями, съ тою цѣлью, чтобы такимъ образомъ создать взаимно противодѣйствующіе интересы и ослабить коллективное могущество кочевниковъ: въ то время, какъ начальники, возведенные правительствомъ въ дворянское достоинство, получали отъ 200 до 1.500 десятинъ, простымъ калмыкамъ роздали доли въ 30 десятинъ [1]). Изъ всей территоріи калмыцкаго народа, составляющей около 7 съ половиной милліоновъ десятинъ, десятая часть сдѣлалась частной собственностью. Тѣ изъ калмыковъ, которые находятся въ области Донскаго Войска, обязаны нести службу наравнѣ съ казаками, но они не составляютъ особыхъ полковъ: въ войскѣ ихъ употребляютъ преимущественно для надзора за стадами и лошадьми [1]).

До сихъ поръ калмыки лишь въ очень слабой степени поддались ассимилирующему вліянію славянскаго элемента, очень мало обрусѣли. Нѣкоторые начальники калмыцкихъ родовъ, возведенные въ достоинство наслѣдственныхъ князьковъ или султановъ, правда, выстроили себѣ богатыя палаты, омеблировали ихъ по-европейски, для воспитанія своихъ дѣтей приглашаютъ русскихъ учителей, но этимъ почти и ограничивается все ихъ общеніе съ цивилизаціей. Большинство калмыковъ не понимаетъ русскаго языка; они сохранили свой костюмъ, бурку, баранью шапку, длинную косу, заплетенную на затылкѣ на китайскій ладъ; всѣ калмыцкія лица, съ приплюснутымъ носомъ, высокими и выдающимися скулами, маленькими, узенькими глазами, съ желтоватымъ цвѣтомъ кожи, свидѣтельствуютъ о чистотѣ монгольской крови. Калмыки очень неприхотливы и неразборчивы на пищу: «въ степи и навозный жукъ идетъ за дичину», говоритъ пословица, относящаяся къ ихъ образу жизни. Но баранину они предпочитаютъ всякому другому мясу, и зажаренная баранья нога составляетъ обычное и главное блюдо на свадебномъ пиршествѣ: кость, оставшаяся отъ этой первой трапезы, хранится, какъ святыня, въ кибиткѣ новобрачныхъ. Въ семьѣ у калмыковъ деспотизмъ не такъ великъ, какъ у магометанъ; обычай даже предписываетъ нѣкоторые рыцарскіе пріемы въ обхожденіи съ прекраснымъ поломъ. Такъ, напримѣръ, когда кавалеръ приглашаетъ даму плясать, онъ долженъ стать передъ нею на колѣни; но говорятъ, что внутри кибитки правила супружеской вѣжливости часто забываются. Въ политическомъ отношеніи, въ ихъ средѣ господствуетъ полный деспотизмъ, но духъ прежней независимости сохранился въ нѣкоторыхъ пословицахъ: «кипарисъ ломится, но не гнется; храбрецъ скорѣе умретъ, чѣмъ унизится» [2]).

Калмыки до сихъ поръ остаются буддистами. Тамъ и сямъ на территоріи ихъ кочевьевъ возвышаются пагоды, а въ ихъ жилищахъ всегда можно найти этажерку съ «молельными мельницами», которыхъ постоянное скрипѣніе нѣсколько похоже на то, какъ будто бормочетъ человѣкъ. Правительство позаботилось о томъ, чтобы предупредить въ средѣ инородческихъ племенъ всякое религіозное уклоненіе, несовмѣстимое съ вѣрностью престолу и отечеству; сама Верховная власть, утверждая великаго

[1]) Авторъ, очевидно, говоритъ о попыткахъ (прибавимъ—почти совершенно неудавшихся) поселенія калмыковъ на 28 участкахъ, избранныхъ для этой цѣли въ губ. Астраханской, въ числѣ 50 семействъ на каждомъ, вмѣстѣ съ такимъ же числомъ семействъ русскихъ крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній. Никакого раздѣла степи не предполагалось; но, по инструкціи 1846 г., назначено было отводить желающимъ водвориться въ степи лицамъ привилегированныхъ калмыцкихъ сословій: нойонамъ-владѣльцамъ по 1.500 дес., зайсангамъ аймачнымъ по 400 д. и безаймачнымъ по 200 д. на каждое семейство; крестьянамъ же и калмыкамъ-простолюдинамъ по 30 дес. на каждую душу мужскаго пола. Ред.

[1]) Н. Красновъ, „Земля Войска Донскаго“.—Хорошкинъ и Штейнъ, „Die Russischen Kasakenheere“.

[2]) Лядовъ, „Европейская Россія въ физ. и этногр отношеніяхъ“; Небольсинъ, „Калмыки Хошоутовскаго улуса“.

ламу въ его достоинствѣ, тѣмъ самымъ является въ дѣйствительности истиннымъ представителемъ Будды на землѣ. Образъ жизни проводитъ между кочующими буддистами и осѣдлыми христіанами разграничительную линію, которая, безъ сомнѣнія, еще долго не будетъ перейдена. Едва нѣсколько сотенъ калмыковъ поселились, какъ постоянные земледѣльцы, на земляхъ астраханской степи; кромѣ того, болѣе тысячи калмыковъ живутъ хлѣбопашествомъ въ области Войска Донскаго [1]); всѣ же остальные инородцы этого племени — либо пастухи стадъ, либо рыболовы. Бродя съ пастбища на пастбище, отъ одной рыбной ватаги къ другой на безчисленныхъ рукавахъ Волги, калмыки едва-ли могли бы существовать, если бы у нихъ не было спутниковъ—домашнихъ животныхъ, особенно верблюдовъ, которые носятъ на себѣ ихъ дѣтей и походныя жилища, и на которыхъ они совершаютъ самыя трудныя перекочевки по безплоднымъ мѣстамъ (въ 1880 году у калмыковъ насчитывалось около 47.000 лошадей, 145.100 головъ крупнаго рогатаго скота, 15.900 верблюдовъ, 470.730 барановъ). Придя на мѣсто, выбранное для новаго становища, они въ нѣсколько часовъ сооружаютъ свои улусы, или временныя поселенія: прежде всего вбиваются жерди, составляющія остовъ палатки или кибитки; затѣмъ снаружи и внутри этого остова навѣшиваются рогожи и кошмы (войлоки), прикрѣпляемыя сѣтью веревокъ и тесемокъ; животныя привязываются къ воткнутымъ въ землю коламъ, и женщины живо приготовляютъ молочныя или мясныя кушанья. На разстояніи трехъ тысячъ верстъ и черезъ промежутокъ двухъ или трехъ столѣтій не произошло, кажется, никакой перемѣны между жизнью калмыковъ, обитавшихъ на берегахъ озера Балхашъ, и жизнью ихъ потомковъ, кочующихъ въ астраханскихъ степяхъ.

Киргизы — гораздо болѣе многочисленный народъ, чѣмъ калмыки, но главная масса ихъ находится еще въ Азіи; тѣ изъ киргизовъ, которые живутъ въ Европѣ, между Волгой и рѣкой Ураломъ, составляютъ, такъ сказать, лишь крайній авангардъ киргизскаго племени: это — не болѣе, какъ простой отдѣлъ Малой орды, или «Кичикъ-Юзъ»; ихъ называютъ также Внутренней или Букеевской ордой, по имени султана Букея, который въ 1801 году получилъ позволеніе перенести свои кочевья въ песчаныя равнины (Букеевская степь), опустѣвшія послѣ бѣгства калмыковъ. Въ 1875 году Риттихъ опредѣлилъ цифру населенія этой одры въ 162.700 душъ, тогда какъ Обручевъ насчитывалъ ихъ до 186.000 душъ. Киргизы Европейской Россіи, принадлежащіе къ тюркской расѣ, какъ татары и башкиры, и, подобно имъ, исповѣдывающіе Магометову религію, имѣютъ, благодаря своимъ сосѣдямъ и единовѣрцамъ, болѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ калмыки, съ господствующей расой, и во многихъ мѣстахъ уже можно наблюдать начало «обрусѣнія» номадовъ. Слишкомъ многочисленные для относительно тѣснаго пространства пастбищъ, которыми они владѣютъ, и лучшія изъ которыхъ находятся между рѣками Большой и Малой Узенью и Рынь-Песками, киргизы уже тысячами стали заниматься земледѣліемъ, — по крайней мѣрѣ, впродолженіи извѣстной части года; другіе нанимаются на работы къ русскимъ къ качествѣ пастуховъ, жнецовъ или золотопромывальщиковъ. Живя вдали отъ родной кибитки, они выучиваются русскому языку, носятъ такую же одежду, какъ хозяева, а дѣти ихъ воспитываются среди русскихъ. Съ другой стороны, уральскіе казаки легко привыкаютъ къ нравамъ киргизовъ, съ которыми имъ приходится имѣть постоянныя сношенія, и часто трудно бываетъ различить, къ какой расѣ принадлежатъ группы кочевниковъ. Нерѣдко можно встрѣтить казаковъ, одѣтыхъ совершенно по-киргизски и говорящихъ тюркскимъ діалектомъ лучше, чѣмъ русскимъ. По свидѣтельству Радлова, само киргизское нарѣчіе все болѣе и болѣе приближается къ татарскому, смѣшанному съ арабскимъ, который употребляется въ мечетяхъ и училищахъ (медресе): слова корана быстро проникаютъ въ живую рѣчь и постепенно измѣняютъ ее.

На берегахъ нижняго теченія Волги возвышаются многолюдные города, почти всѣ сравнительно новаго происхожденія, и изъ которыхъ иные, безъ сомнѣнія, займутъ рано или поздно видное мѣсто между важнѣйшими городами Европы.

Самый сѣверный изъ этихъ городовъ, Симбирскъ, нынѣ административный центръ губерніи, есть, можетъ быть, древній Симбиръ, упоминаемый въ татарскихъ лѣтописяхъ, но существованіе его какъ русскаго города начинается лишь съ половины шестнадцатаго столѣтія. Это—городъ замѣчательный по своему мѣстоположенію, такъ какъ онъ господствуетъ съ одной стороны надъ Волгой, съ другой надъ Свіягой, двумя параллельными рѣками, которыя текутъ въ противоположномъ направленіи на протяженіи около 375 верстъ: въ Симбирскѣ Свіяга проходитъ саженъ на 20 слишкомъ выше уровня Волги, такъ что очень легко было бы заставить ее низвергаться водопадомъ въ главную рѣку черезъ пліоценововыя формаціи, нѣкогда отложенныя текучими водами. Съ Волги едва виденъ городъ, расположенный на высотѣ 560 футовъ, на вершинѣ плато, которое спускается къ западу пологимъ скатомъ. Симбирская крѣпость остановила въ 1670 году побѣдоносное шествіе Степана Разина, предводи-

[1]) К. Костенковъ, „Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ“, Спб., 1870.

тельствовавшаго донскими казаками и возмутившимися крестьянами: отсюда началось его бѣгство. Симбирскъ—родина Карамзина.

Самара, тоже губернскій городъ, занимаетъ выгодное положеніе на оконечности извилины Волги, такъ называемой Самарской луки, въ точкѣ естественнаго соединенія дорогъ и при впаденіи рѣки, отъ которой она получила свое имя. Это сліяніе двухъ рѣкъ и было причиной появленія значительнаго центра населенія на низменной, луговой сторонѣ Волги, тогда какъ почти всѣ другіе города выстроились на правомъ, нагорномъ берегу. Впрочемъ, нѣсколько холмовъ, поднимающихся въ этомъ мѣстѣ на лѣвомъ берегу, послужили Самарѣ опорной точкой, лежащей выше уровня наводненій въ періодъ разлива; городъ, состоящій еще изъ деревянныхъ домовъ, построенъ, такъ сказать, только наполовину: по обѣимъ сторонамъ его пыльныхъ улицъ еще встрѣчаются обширныя незастроенныя пространства. Въ первый разъ Самара упоминается въ концѣ шестнадцатаго вѣка; но въ слѣдующемъ столѣтіи она уже пріобрѣла большую стратегическую важность, какъ оплотъ Московскаго государства противъ кочеваго населенія степей; она имѣла въ то время такое же значеніе, какое впослѣдствіи получила Оренбургская крѣпость; кое-какіе остатки стариннаго укрѣпленія, которое послѣдовательно было занято Стенькой Разинымъ и Пугачевымъ, существуютъ до сихъ поръ. Въ наши дни Самара важна преимущественно какъ торговый городъ, и дѣятельность ея пристани не перестаетъ возрастать, особенно по отправкѣ хлѣба (главнымъ образомъ пшеницы), табаку, сала, мыла и кожъ (въ 1879 году съ Самарской пристани отправлено было этихъ продуктовъ около 20.375.000 пудовъ, на сумму 17.500.000 р.). Желѣзная дорога изъ Петербурга въ Оренбургъ (Оренбургская), которая со временемъ продолжится до центра Азіи, проходитъ черезъ Самару и поднимается вверхъ по долинѣ рѣки того же имени черезъ городъ Бузулукъ. Другой уѣздный городъ, Бугурусланъ, находится въ боковой долинѣ, по которой течетъ рѣка Кинель, тогда какъ городъ Сергіевскъ, пріобрѣвшій извѣстность благодаря цѣлебнымъ минеральнымъ водамъ (холодные сѣрные ключи) сосѣдняго заведенія, омывается рѣкой Сокъ, впадающей въ Волгу у сѣверо-восточнаго угла Самарской луки. Сергіевскъ, также какъ Самара и другіе города этого края, хорошо извѣстенъ въ медицинскомъ мірѣ, какъ одинъ изъ пунктовъ, гдѣ страдающіе грудными болѣзнями лечатся, по калмыцкой и киргизской методѣ, кумысомъ—напиткомъ, приготовляемымъ изъ кобыльяго молока. Весь Самарскій край получилъ печальную извѣстность по голоду 1873 года, отъ котораго погибло множество деревенскаго люда, въ неизвѣстномъ числѣ.

Городъ Сызрань занимаетъ у юго-западнаго угла Самарской луки и при устьѣ рѣки того же имени почти такое же положеніе, какъ и Самара, вслѣдствіе чего онъ тоже сдѣлался очень оживленнымъ мѣстомъ. Недавно здѣсь построенъ желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу (длиною около 1 версты 175 саженъ), самый длинный во всей континентальной Европѣ и первое сооруженіе этого рода на всемъ среднемъ и нижнемъ теченіи великой русской рѣки; до постройки этого путевода, въ Твери (то-есть за 2.000 верстъ выше) былъ послѣдній постоянный мостъ на Волгѣ. Нефтяные источники и залежи церезина, или минеральнаго воска, довольно обыкновенны въ этомъ краѣ; въ окрестностяхъ Сызрани, верстахъ въ 17 къ сѣверо-востоку отъ нея, пласты, открытые Воейковымъ, имѣютъ отъ 37 до 47 саженъ толщины и продолжаются на пространствѣ около 18 верстъ. Полагаютъ, что эти минеральныя сокровища сдѣлаютъ современемъ промышленный центръ изъ Сызрани, которая теперь имѣетъ значеніе только какъ рынокъ для земледѣльческихъ произведеній. Точно также города Хвалынскъ и Вольскъ, или Волжскъ, изъ которыхъ первый построенъ на высокой известковой скалѣ праваго берега Волги, а второй при выходѣ оврага между зеленѣющими холмами, представляютъ важность только какъ пристани, отправляющія въ большомъ количествѣ сельскіе продукты. Вольскъ окруженъ фруктовыми садами; почти противъ него въ Волгу впадаетъ рѣка Большой Иргизъ, близъ которой начинаются нѣмецкія колоніи; въ долинѣ его расположенъ городъ Николаевскъ, славящійся своими табачными плантаціями. Долина Иргиза была прежде мѣстомъ убѣжища старовѣровъ; здѣсь возникли и долго существовали нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ раскольничьихъ скитовъ, гдѣ въ восемнадцатомъ столѣтіи собирались казаки Пугачева, которые замышляли «тряхнуть Москвой» и ниспровергнуть русское государство. Тамъ же былъ посвященъ на царство самозванецъ. Въ періодъ съ 1827 по 1837 г. эти скиты были обращены въ единовѣріе.

Ниже, на правомъ берегу, встрѣчаемъ Саратовъ, административный центръ губерніи и самый большой городъ на Волгѣ: теперешняя цифра его населенія около 135 тысячъ. Основаніе его относится къ концу шестнадцатаго столѣтія (если только это не Сари-тау, древній городъ, упоминаемый татарскими лѣтописцами); сначала онъ находился не на томъ мѣстѣ, которое занимаетъ въ наши дни: онъ былъ расположенъ верстахъ въ десяти выше, и притомъ на лѣвомъ берегу Волги, тамъ, гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Саратовка. Политическая роль его состояла въ наблюденіи за кочевыми инородцами и казацкой вольницей, но самъ онъ не разъ попадалъ въ руки мятежныхъ шаекъ Стеньки Разина, Некрасова и, наконецъ, Пугачева. Саратовъ, несмотря на то, что окру-

женъ амфитеатромъ холмовъ, одинъ изъ наименѣе живописныхъ городовъ на берегахъ Волги: физіономія его имѣетъ тотъ вульгарный характеръ, какимъ отличается большинство торговыхъ и промышленныхъ городовъ. Съ 1865 года количество грузовъ, отправляемыхъ ежегодно съ Саратовской пристани, простиралось до 9.000.000 пудовъ, но торговое движеніе еще более возрасло съ той поры, какъ для Саратова открылось прямое сообщеніе съ Москвой и Петербургомъ посредствомъ желѣзной дороги. Саратовъ служитъ средоточіемъ торговаго обмѣна для нѣмецкихъ колоній и имѣетъ фабрики и заводы всякаго рода, хотя, впрочемъ, не отличается отъ другихъ городовъ Россіи какою-нибудь спеціальной промышленностью. Давно уже поговариваютъ объ основаніи университета въ этомъ главномъ центрѣ населенія низоваго Поволжья. Противъ города, на другой сторонѣ рѣки, находится важное малороссійское поселеніе—слобода Покровская.

На югъ отъ Саратова слѣдуютъ одинъ за другимъ по высокимъ утесамъ праваго берега Волги: Камышинъ, Дубовка, Царицынъ. Дубовка, неимѣющая даже титула города (Дубовскій посадъ), была прежде главнымъ мѣстомъ волжскихъ казаковъ; но послѣдніе за участіе въ возстаніи Пугачева были въ 1771 г. сосланы въ долины Кавказа и замѣнены въ Дубовкѣ малороссійскими поселенцами и бѣглыми изъ всѣхъ провинцій. Около половины настоящаго столѣтія Дубовскій посадъ пользовался большимъ торговымъ благосостояніемъ, благодаря близости Дона, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ двѣ рѣки подходятъ одна къ другой на разстояніе менѣе 60 верстъ. Въ 1860 году многія сотни судовъ выгрузили въ Дубовкѣ около 6.200.000 пудовъ разнаго товара, а по дорогѣ, ведущей къ колѣну Дона, по такъ называемому Дубовскому волоку, безпрестанно тянулись обозы съ кладью. Но это торговое движеніе почти совершенно прекратилось съ того времени, какъ построена Волго-Донская желѣзная дорога, исходнымъ пунктомъ которой служитъ Царицынъ. Немного ниже этого послѣдняго города, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга, текущая передъ тѣмъ вдоль крутыхъ холмовъ Эргени, поворачиваетъ къ востоку и вступаетъ въ астраханскую степь, основалась въ 1765 г. нѣмецкая колонія Сарепта, населенная «моравскими братьями», которымъ даны были очень большія льготы. Сарепта, окруженная фруктовыми садами, огородами, хорошо орошаемыми полями, представляетъ настоящій оазисъ среди пустыни; главная ея промышленность—разведеніе и приготовленіе горчицы и табаку.

Къ востоку отъ Царицына, то-есть «города царицы», на восточномъ берегу Ахтубы стоитъ городъ новаго происхожденія, Царевъ, также напоминающій своимъ именемъ о господствѣ монгольскихъ царей. Нѣсколько искусственныхъ возвышеній почвы, земляныхъ насыпей, могильные курганы, груды глазированныхъ кирпичей, обломки разной глиняной посуды—все это, вѣроятно, остатки древняго Сарая, который былъ столицей обширнаго монгольскаго царства (Золотой орды) и въ то же время мѣстопребываніемъ русскаго епископа),—развалины города, опустошеннаго Тамерланомъ и разореннаго московскимъ воеводой въ 1480 году. Другіе, вмѣстѣ съ Загоскинымъ, ищутъ городъ Сарай въ Селитряномъ-Городкѣ, стоящемъ верстахъ въ 150 ниже, на Ахтубѣ; но возможно, что было два Сарая, которые оба служили резиденціей хановъ. По направленію отъ востока къ западу городъ, существовавшій подлѣ нынѣшняго Царева, занималъ съ своими предмѣстьями пространство болѣе 20 верстъ на лѣвомъ берегу Ахтубы: всѣ окрестныя деревни построены изъ кирпича, взятаго съ развалинъ [1]). Царевъ—одна изъ пристаней, гдѣ грузится на суда соль, добываемая изъ озера Элтонъ. Другая пристань, Владиміровка, находится южнѣе, тоже на берегу Ахтубы; съ этой пристани отправляютъ соль, извлекаемую изъ озера Баскунчакъ, которое нынѣ разрабатывается дѣятельнѣе, чѣмъ Элтонскіе промыслы, по причинѣ большей близости его отъ береговъ Волги (добыча соли на Баскунчакскихъ промыслахъ въ 1889 г.: 13.534.700 пудовъ). До Владиміровки въ 1878 году распространялась, къ ужасу всей Европы, чума, появившая первоначально на правомъ берегу Волги, въ станицѣ Ветлянкѣ. Въ половинѣ декабря многія селенія были охвачены эпидеміей, истребившей въ нихъ почти все населеніе. Смертность, составлявшая при началѣ появленія заразы около половины числа заболѣвающихъ, скоро стала поражать девять больныхъ изъ десяти; въ нѣсколько дней одно мѣстечко потеряло 520 жителей изъ 850 [2]).

Астрахань, административный центръ обширной губерніи, обнимающей прикаспійскія степи, и торговый городъ при устьяхъ Волги, не играетъ той важной роли, какая, казалось бы, должна принадлежать ему, какъ исходному порту бассейна, въ три раза превосходящаго пространствомъ Францію и населеннаго слишкомъ пятьюдесятью милліонами жителей. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Астрахань даже пришла въ упадокъ: прежде она держала въ своихъ рукахъ монополію русской торговли съ закаспійскими странами и получала драгоцѣнные товары изъ Персіи и Индіи; но въ наши дни сухопутныя дороги, съ одной стороны на Оренбургъ, съ другой—на Тифлисъ, предпочитаются коммерсантами морскому пути: меж-

[1]) Лопатинъ, „Казанскій съѣздъ"; Alfred Rambaud, „Revue scientifique", 3 mai 1879

[2]) Д-ръ Допперъ; „Lancet", 10 fevr. 1879; „Progrès médical", 8 fevr. 1879

дународная торговля все болѣе и болѣе обѣгаетъ опасные бары Волги, и когда Оренбургская желѣзная дорога будетъ продолжена до городовъ Туркестана, торговое движеніе, производимое отъ одного до другаго берега Каспія черезъ Астрахань, вѣроятно, прекратится, — развѣ только прокопаютъ боковой каналъ изъ Волги въ море, предлагаемый Даниловымъ. И теперь уже конечный портъ Волги перестать быть главнымъ портомъ каспійскихъ береговъ: Баку превосходитъ его по важности. Судоходство, столь дѣятельное на средней Волгѣ, въ Рыбинскѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и до Саратова, постепенно уменьшается внизъ отъ этого послѣдняго города; а ниже Астрахани оно уже такъ незначительно, что не можетъ идти въ сравненіе съ судоходствомъ многихъ маленькихъ портовъ Западной Европы, имя которыхъ извѣстно только сосѣднимъ морякамъ.

Внѣшняя торговля Астрахани въ 1884: цѣнность привоза—9, вывоза—5 милліоновъ рубл. Движеніе судоходства въ 1882 г: 1.215.546 тон. Торговля съ Персіей—115 судовъ, вмѣстим. 17.200 тоннъ. Каботажъ—2.443 судна, вмѣстим. 362.440 тоннъ.

Главное движеніе торговаго обмѣна Астрахани производится съ Кавказскимъ краемъ по прибрежному пути; кромѣ того, этотъ городъ служитъ рынкомъ для разноплеменныхъ народностей, русскихъ, татаръ, киргизовъ, калмыковъ, которые населяютъ окружающія области и представители которыхъ, вмѣстѣ съ хивинцами, персіянами, армянами, всѣ въ своей національной одеждѣ, придаютъ городу восточную физіономію. Армянская колонія, очень многочисленная, такъ какъ она состоитъ приблизительно изъ пяти тысячъ лицъ, въ дѣйствительности сдѣлалась русской по языку и нравамъ. Пріѣзжаго поражаетъ почти совершенное отсутствіе женщинъ на астраханскихъ улицахъ; и въ этомъ отношеніи русскій городъ сохранилъ еще восточный отпечатокъ. [1]).

Астрахань, въ самомъ дѣлѣ, старинный городъ, ибо онъ занимаетъ у расходящихся рукавовъ дельты одно изъ тѣхъ господствующихъ положеній, гдѣ необходимо долженъ былъ возникнуть складочный пунктъ. Правда, этотъ торговый пунктъ часто перемѣщался, вслѣдствіе войнъ, пожаровъ, измѣненій теченія Волги. На вершинѣ волжской дельты нѣкогда находился, какъ полагаютъ, Атель или Итиль (у русскихъ Балангіаръ), одинъ изъ главныхъ городовъ могущественнаго хазарскаго царства, который дѣйствительно долгое время означался въ грузинскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Хазара; тамъ же стоялъ и городъ Цитрахань, сдѣлавшійся столицей татарскаго царства, которое было завоевано москвитянами въ 1557 году. Городъ Хаджи-Тархань, стоявшій на правомъ берегу Волги, предшествовалъ Астрахани, построенной на островѣ этой рѣки, между главнымъ рукавомъ и нѣсколькими второстепенными потоками, каковы Кутумъ, Скаржинка, Царевка, Луковка. Первоначально Астрахань была построена на «семи холмахъ», или, вѣрнѣе сказать, на семи естественныхъ горкахъ или буграхъ; но впослѣдствіи прибрежная почва мало-по-малу окрѣпла, и большая часть домовъ выстроилась на берегу Волги, надъ которой возвышаются зданія кремля, каѳедральный соборъ, дворецъ, монастырь, казармы; послѣ взятія города Стенькой Разинымъ, съ одной изъ кремлевскихъ колоколенъ былъ сброшенъ, по приказанію Васьки Уса, астраханскій митрополитъ Іосифъ. Минареты татарскихъ мечетей, возвышающіеся тамъ и сямъ недалеко отъ христіанскихъ храмомъ, перемѣшиваются съ позлащенными главами и куполами, и каналы, усѣянные судами, придаютъ Астрахани болѣе разнообразный видъ, чѣмъ какимъ отличается большинство другихъ русскихъ городовъ.

[1]) Legrelle, „Le Volga, Notes sur la Russie".

Значительнѣйшіе города и слободы по нижнему теченію Волги:

Симбирская губернія. Симбирскъ (1897 г.)—41.702 ж.; Сызрань (1897 г.)—32.377 ж.

Самарская губернія. Самара (1897 г.)—91.650 ж.; Бугурусланъ—12.293 ж.; Покровская слобода—20.000 ж.; Бузулукъ—13.700 ж.; Николаевскъ—15.071 ж.

Саратовская губернія Саратовъ (1897 г.)—133.116 ж.; Вольскъ или Волжскъ (1897 г.)—27.039 ж.; Царицынъ (1897 г.)—55.914 ж.; Хвалынскъ—16.345 ж.; Камышинъ—21.589 ж.; Дубовка (посадъ)—16.853 ж.

Астраханская губернія. Астрахань (1897 г.)—113.075 жит.

XVI. Юго-восточныя степи, бассейнъ Урала.

Губернія Оренбургская, Земля Уральскаго казачьяго войска.

Бассейны двухъ Узеней, Большой и Малой, между Волгой и Ураломъ, также имѣютъ свою торговую метрополію — городъ Новоузенскъ, окруженный табачными плантаціями; но главный рынокъ русскаго Востока, счастливый соперникъ Астрахани, стоитъ на рѣкѣ Уралѣ, почти около середины ея теченія и при впаденіи въ нее Сакмары: это—городъ Оренбургъ. Основаніе его восходитъ не далѣе 1742 года. Уже въ 1735 году русскіе воздвигли, при сліяніи рѣкъ Оры и Урала, крѣпость этого имени (Орскую), которая имѣла назначеніе сторо-

жить киргизовъ и башкирцевъ, сдерживаемыхъ на сѣверѣ укрѣпленнымъ городомъ Верхне-Уральскомъ, стоящимъ около истоковъ Урала; но такъ какъ основаніе «Орскаго городка» показалось туземцамъ угрозой противъ нихъ, то вспыхнула война, и русскіе сочли за лучшее перемѣнить мѣсто положенія крѣпости: покинувъ сляніе двухъ названныхъ рѣкъ, гдѣ нынѣ находится городъ Орскъ, они выстроили новую цитадель въ 175 верстахъ, потомъ въ 70 верстахъ далѣе къ западу, оставивъ ей прежнее имя (передѣланное на нѣмецкій ладъ въ Оренбургъ), хотя оно уже не имѣло никакого смысла. Крѣпость, построенная на высокомъ, тоесть правомъ берегу Урала, утратила свою стратегическую важность съ того времени, какъ граница Россіи передвинулась за Туркестанъ, къ высокимъ нагорьямъ Центральной Азіи: зато Оренбургъ пріобрѣлъ болѣе дѣятельную торговую роль; съ 1826 года караваны, общимъ числомъ въ десять и болѣе тысячъ верблюдовъ, приходившіе изъ Ташкента и другихъ городовъ Туркестана, ежегодно привозили въ Оренбургъ большое количество хлопка и другихъ продуктовъ, а взамѣнъ ихъ увозили въ Среднюю Азію мануфактурныя произведенія. Въ Оренбургѣ находится теперь крайній пунктъ всей европейской сѣти желѣзныхъ дорогъ; на всемъ протяженіи до Лиссабона и Кадикса въ настоящую минуту (со времени постройки недавно оконченнаго самарскаго моста черезъ Волгу) идетъ сплошная, нигдѣ непрерывающаяся линія рельсоваго пути длиною около 6.500 верстъ,—линія, которая въ скоромъ времени имѣетъ быть продолжена на востокъ большой средне-азіатской дорогой: направленіе этой проектированной дороги пока еще не опредѣлено окончательно на востокѣ отъ Орска, бывшаго Оренбурга. Одно изъ главныхъ естественныхъ богатствъ Оренбургской губерніи составляетъ соль: близъ Илецкой Защиты, или Илецкаго городка, стоящаго верстахъ въ 68 къ югу отъ губернскаго города, на одномъ изъ притоковъ Урала, находится богатѣйшій пластъ каменной соли, залегающій сплошною массою на пространствѣ слишкомъ 3 квадр. верстъ (глубина его изслѣдована на 70 саженъ, дальнѣйшая же развѣдка оставлена по причинѣ твердости массы). Илецкіе соляные промыслы даютъ среднимъ числомъ слишкомъ 1.240.000 пудовъ въ годъ; но они могли бы доставлять въ двадцать разъ больше, то-есть количество, достаточное для покрытія потребленія всей Россіи, такъ какъ мощность слоя самородной соли исчисляютъ приблизительно въ 100 милліардовъ пудовъ [1]).

Уральскъ, расположенный на крутомъ углѣ, образуемомъ рѣкой Ураломъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она поворачиваетъ прямо на югъ,—главный городъ уральскихъ казаковъ, область которыхъ простирается далеко на востокъ отъ рѣки, въ азіатскія страны. Этотъ городъ на рубежѣ Азіи, разсматриваемый административно какъ лежащій внѣ Европы, хотя онъ находится на правомъ берегу Урала, отличается отъ другихъ частей Россіи въ собственномъ смыслѣ нравами своихъ жителей и традиціями военнаго устройства и быта. Главные промыслы тамошнихъ казаковъ—скотоводство и рыболовство. Ниже Уральска они устраиваютъ каждый годъ поперегъ рѣки Урала такъ называемый учугъ, то-есть загородку изъ толстыхъ кольевъ, которая не позволяетъ рыбѣ, идущей изъ Каспійскаго моря, подниматься дальше вверхъ по рѣкѣ: этотъ учугъ служитъ границей между верхними вольными водами, гдѣ всѣ могутъ ловить рыбу, казаки, башкирцы или киргизы, и нижней частью, воды которой предоставлены въ исключительное пользованіе казачьяго войска; вдоль рѣки разставлены на извѣстныхъ разстояніяхъ военные посты, обязанные удалять браконьеровъ и дѣтей, крики которыхъ могли бы испугать рыбу. Атаманъ назначаетъ дни и мѣста лова, и когда наступитъ назначенный моментъ, рѣка вдругъ покрывается казаками, вооруженными острогами (двуконечными вилами съ зазубринами) и другими рыболовными снарядами: тогда начинается бой рыбы, который долженъ доставить войску годовое продовольствіе.

Значительнѣйшіе города бассейна Урала и степей.

Оренбургская губернія. Оренбургъ (1897 г.)—72.740 ж.; Орскъ—20.990 ж.

Самарская губернія. Новоузенскъ—12.924 ж.

Земля Уральскаго казачьяго войска. Уральскъ (1897 г.)—36.597 ж.

Уральскіе казаки пришли изъ Великороссіи по теченію Волги. Послѣ разрушенія татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, низовая Волга сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ людей всякаго рода и племени, хотя преобладали русскіе, которые называли себя «вольными казаками» и которыхъ московское правительство именовало «казацкими разбойниками», «вольницей». Мало-по-малу воеводы прогнали ихъ съ береговъ Волги, и въ то время, какъ одни изъ нихъ поднялись на сѣверъ и пробрались въ Сибирь по Камѣ и ея притокамъ, другіе отправились на своихъ стругахъ въ Каспійское море и тамъ пристали въ устьяхъ Яика. Они разрушили, въ 1580 году, нагайскій городъ Сарайчикъ, старинный складочный пунктъ генуэзскихъ товаровъ, направлявшихся изъ Таны въ Центральную Азію, и основали выше на Яикѣ свой городокъ, Яицкъ, остатки котораго Палласъ видѣлъ еще въ 1769 году. Не признавая надъ собой никакой посторонней власти, они, однако, вели войны

[1]) Мурчисонъ; Небольсинъ; Семеновъ, „Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи"; Кеппенъ, Горная и соляная промышленность Россіи".

именемъ московскаго царя и часто побѣждали своихъ враговъ; однажды они даже овладѣли городомъ Хивой и занимали его нѣсколько дней, опередивъ такимъ образомъ нынѣшнихъ русскихъ [1]). Въ половинѣ семнадцатаго вѣка московское правительство, желая обуздать и подчинить своей власти безпокойныхъ казаковъ, велѣло построить близъ главнаго устья Яика городъ Усть-Яицкъ, который вскорѣ послѣ того переименовали въ Гурьевъ, по фамиліи купца, которому были предоставлены въ пользованіе рыбные промыслы, и мало-по-малу казаки утратили свою гордую независимость; изъ номинальныхъ подданныхъ они сдѣлались дѣйствительными подданными. «Вольные люди» познакомились съ батогами и кнутомъ, оренбургское правленіе дошло въ своемъ усердіи до того, что запретило имъ носить бороду, и даже употребляемому ими крестному знаменію (между ними было очень много раскольниковъ) угрожала опасность преслѣдованія. Оттого-то яицкіе казаки одни изъ первыхъ откликнулись на призывъ Пугачева, лжецаря «Петра III», обѣщавшаго пожаловать ихъ «крестомъ и бородой, рѣками и лугами, деньгами и съѣстными припасами, свинцомъ и порохомъ и вѣчной волей». Побѣжденные, они утратили даже свое имя, и на мѣстѣ главнаго ихъ города Яицка теперь стоитъ Уральскъ; у нихъ отняли право выбирать своего войсковаго старшину; ихъ старинное устройство, ихъ кругъ, или вѣче, были уничтожены, и они получили назначеннаго правительствомъ наказнаго атамана, который съ 1833 года даже не выбирается изъ среды войска, какъ дѣлалось сначала; власть начальниковъ была увеличена на счетъ вольностей простыхъ казаковъ. Съ 1874 года, введена была обязательная военная служба на общемъ основаніи, тогда какъ прежде община посылала казаковъ по добровольному ихъ согласію; недовольные этимъ преобразованіемъ были сосланы въ Сибирь и въ Среднюю Азію.

Въ прежнее время воды и земли считались общей и нераздѣльной собственностью всего войска, но этотъ первобытный коммунизмъ, еще существующій въ теоріи, на дѣлѣ уже сильно измѣнился подъ вліяніемъ сословныхъ различій. Офицеры имѣютъ право накашивать для своихъ стадъ количество сѣна большее того, какое получаютъ простые казаки, и ихъ доля труда можетъ быть исполняема чрезъ посредство извѣстнаго числа наемныхъ работниковъ; въ то же время они присвоиваютъ себѣ весьма значительную часть улова рыбы и получаютъ отъ 30 до 40 десятинъ земли, тогда какъ другимъ казакамъ отводится только половина этого пространства [2]). Въ царствованіе императора Николая I, около половины уральскихъ казаковъ-старовѣровъ, уступая административному давленію, возсоединились съ православной церковью на началахъ единовѣрія; но между ними до сихъ поръ осталось не мало раскольниковъ, магометанъ и даже буддистовъ. Эта смѣсь религіи указываетъ также на разноплеменный составъ уральскаго казачества.

[1]) А. Рябининъ, „Уральское казачье войско" Спб. 1866.
[2]) Рябининъ, цитированное сочиненіе; І. Желѣзновъ, „Уральцы". Москва, 1859 г.

Населеніе Уральской области въ 1895 г. исчислялось въ 548.284 души, въ томъ числѣ слишкомъ 400.000 киргизовъ, свыше 110.000 русскихъ (казаковъ), остальные—татары, калмыки, башкиры. По религіямъ это населеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: около 430.000 магометанъ, 56.000 православныхъ, 54.000 раскольниковъ, 1.300 ламаитовъ (буддистовъ) и пр. По переписи 28 января 1897 г., число жителей области опредѣлилось въ 644.001.

XVII. Бассейнъ Дона, Азовское море.

Губерніи Воронежская, Харьковская, область войска Донскаго.

Покатость Азовскаго моря не представляетъ особенной географической и этнографической области, ясно очерченной естественными границами и отличающейся отъ другихъ покатостей языкомъ или происхожденіемъ своего населенія. Истоки Дона и его верхнихъ притоковъ переплетаются съ истоками данниковъ Волги и Днѣпра; даже Медвѣдица и другія рѣки, впадающія въ Донъ, слѣдуютъ параллельно Волгѣ на близкомъ разстояніи, представляя въ своемъ теченіи тѣ же самыя геологическія свойства мѣстности. Въ долинѣ Дона черноземныя пространства смѣняются голыми степями по направленію съ сѣвера на югъ, какъ и въ долинѣ Днѣпра и Днѣстра; населеніе въ первой распредѣлилось подобнымъ же образомъ, становясь все болѣе и болѣе рѣдкимъ, по мѣрѣ уменьшенія плодородія почвы. На сѣверѣ и востокѣ великоруссы, на западѣ малоруссы, на югѣ колонисты всякой расы и языка, какъ въ Новороссіи, населяютъ покатость Азовскаго моря и дѣлаютъ эту страну общей территоріей, гдѣ всѣ жители Россіи, за исключеніемъ финновъ, могутъ найти своихъ соплеменниковъ. Населеніе въ бассейнѣ Дона рѣже, чѣмъ въ бассейнѣ Днѣпра и въ центральной Россіи, по причинѣ большаго протяженія, которое занимаютъ тамъ степи, но численность его быстро возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Три названныя губерніи, предѣлы которыхъ приблизительно совпадаютъ съ границами бассейна Дона, имѣютъ:

	Пространство. безъ значит. внутр. водъ, въ кв. верстъ.	Населеніе по переписи 1897 г.		Сред. число жителей на 1 кв. вер.
Воронежск.	57.902	2.546.255	душъ.	44,0
Харьковск.	47.875	2.509.811	„	52,4
Обл. войска Донскаго	144.586	2.575.818	„	17,9.

Различныя геологическія формаціи центральной Россіи, эоценовыя, мѣловыя, девонскія, продолжаются правильно въ бассейнѣ Дона; точно также поясъ гранита, или Каменная гряда, образующая пороги на Бугѣ и Днѣпрѣ, продолжается на юго-востокъ почти до самаго Азовскаго моря; но, кромѣ того, эта страна обладаетъ обширными каменноугольными формаціями, которыя придаютъ ей исключительную важность въ промышленномъ отношеніи и, безъ всякаго сомнѣнія, привлекутъ на берега Донца значительное населеніе.

Донъ, въ наименованіи котораго, вѣроятно, находится корень греческаго названія Танаисъ, принадлежитъ, если не по обилію водъ, то по крайней мѣрѣ по длинѣ теченія, къ числу большихъ рѣкъ Европы: съ извилинами онъ имѣетъ 1.500 верстъ въ длину [1]). Онъ получаетъ начало въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, изъ небольшаго озера Ивановскаго, и течетъ сначала на югъ, затѣмъ, по принятіи въ себя почти параллельнаго притока, Воронежа, извивается къ юго-востоку и даже къ востоку, какъ будто идя на соединеніе съ Волгой. Усиленный многоводными рѣками, Хопромъ и Медвѣдицей, онъ подходитъ на разстояніе почти 60 верстъ къ могучему даннику Каспія, при чемъ средній уровень его почти на 20 саженъ стоитъ выше поверхности Волги. Оба берега его имѣютъ, подобно берегамъ Волги, нормальную форму, то-есть, правый—высокій нагорный, тогда какъ на лѣвомъ разстилаются пространства, уже выровненныя водами. Такимъ образомъ, Донъ течетъ, такъ сказать, на террасѣ, подобной ступенькѣ лѣстницы, и возвышающіеся съ западной его стороны береговые утесы, казалось бы, должны отбрасывать его къ нижней рѣкѣ; однако, онъ дѣлаетъ крутой поворотъ и направляется на югъ, потомъ на юго-западъ и, наконецъ, на западъ къ Азовскому морю. Съ торговой точки зрѣнія можно сказать, что Донъ продолжаетъ собою теченіе Волги. Спускаясь къ морю, которое, посредствомъ четырехъ проливовъ: Еникальскаго, Константинопольскаго, Дарданельскаго и Гибралтарскаго, соединяется съ Атлантическимъ океаномъ, Донъ имѣетъ надъ Волгой то громадное преимущество, что онъ не теряется, какъ эта послѣдняя, въ замкнутомъ бессейнѣ. Оттого большая часть товаровъ, идущихъ внизъ по Волгѣ, выгружается на ближайшемъ къ послѣдней колѣнѣ Дона и направляется на эту рѣку. Уже султанъ Селимъ II, осаждая Астрахань, пытался прорыть каналъ между двумя сосѣдними рѣками, чтобы удобнѣе доставлять на Каспій военные матеріалы; Петръ Великій возобновилъ попытку устроить каналъ для соединенія этихъ важныхъ рѣкъ, но предпріятіе было оставлено, какъ трудно осуществимое, и до половины настоящаго столѣтія перевозка товаровъ производилась обозами по Дубовскому волоку до Качалинской пристани. Съ 1861 года Волга продолжается къ Дону желѣзной дорогой, построенной на протяженіи 75 верстъ отъ Царицына до Калачевскаго затона. Первоначальная конно-желѣзная дорога была впослѣдствіи замѣнена двумя путями съ паровой тягой.

Неравенства уровня водъ Дона были одною изъ главныхъ причинъ, мѣшавшихъ до сихъ поръ прорытію большаго судоходнаго канала черезъ перешеекъ, раздѣляющій двѣ рѣки. Безъ сомнѣнія, масса воды, которую катитъ Донъ, довольно значительна, въ среднемъ, чтобы питать каналъ, такъ какъ она исчисляется проф. Бѣлелюбскимъ въ 8.575 кубич. фут. въ секунду; но дѣло въ томъ, что разность уровня между половодьемъ и мелководьемъ весьма велика (въ Ростовѣ количество протекающей въ секунду воды составляетъ 366.275 кубич. фут.). Свободный отъ льда впродолженіи около 240 дней у своей восточной излучины, Донъ иногда бываетъ такъ мелокъ и усѣянъ песчаными мелями, что судоходство по нему производится съ большимъ трудомъ посредствомъ маленькихъ плоскодонныхъ судовъ; во время двухъ разливовъ,—«холоднаго», сопровождающаго ледоходъ, и «теплаго», имѣющаго мѣсто во время лѣтнихъ дождей,—нижній Донъ поднимается аршинъ на 7, на 8 и болѣе противъ своего средняго уровня и покрываетъ водою всѣ низины, всѣ лощины своей долины; во многихъ мѣстахъ онъ разливается тогда верстъ на 30 въ ширину: это—настоящее море въ движеніи, и съ середины его не видно береговъ [1]). По сильнымъ колебаніямъ своего уровня и объема водъ, Донъ походитъ скорѣе на горный потокъ: онъ попеременно то выступаетъ изъ береговъ, то мелѣетъ не въ мѣру. Нѣкоторые изъ его притоковъ даже совершенно пересыхаютъ лѣтомъ. Хотя на европейскомъ континентѣ долины и овраги этой части полуденной Россіи представляютъ совершенно тотъ же характеръ, какъ уадисы нѣкоторыхъ сухихъ странъ Азіи и Африки,—рѣки этихъ овраговъ дѣлятся на «сухія» и «мокрыя», и даже послѣднія по большой части суть не что иное, какъ ручьи, вода которыхъ съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу въ глинистой почвѣ. Тѣмъ не менѣе, колодцы, выкапываемые на глубинѣ отъ 25 до 37 саженъ, вездѣ даютъ въ изобиліи воду хорошаго качества [2]). Съ того времени, какъ центральная Россія и лѣсистыя области южной Россіи были оголены на обширныхъ пространствахъ и лишились своихъ лѣсовъ, регулировавшихъ теченіе рѣкъ, эти уклоненія въ объемѣ водъ Дона еще болѣе усилились; можетъ быть также, что

[1]) По Стрѣльбицкому („Superficie de l'Europe").

[1]) Павловичъ, „Матеріалы для географіи и статистики Россіи, Екатеринославская губернія".

[2]) Акад. Гельмерсенъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome VIII, 1865 г.

и климатъ сталъ суше, какъ это замѣчено далѣе на западѣ, въ бассейнахъ Днѣпра и Дуная, и на востокѣ—въ бассейнахъ Урала, Эмбы, Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Достовѣрно извѣстно,

Старая волжско-донская конно-желѣзная дорога

что Донецъ, который течетъ параллельно главной рѣкѣ съ западной и южной сторонъ, былъ судоходной рѣкой въ семнадцатомъ и въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія; суда поднимались вверхъ по его теченію на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ; теперь же судоходство можетъ быть совершаемо только въ низовьяхъ рѣки, и то только въ періодъ разливовъ; въ обыкновенное время ширина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превышаетъ 9 или 10 саженъ, а между тѣмъ Донецъ протекаетъ не менѣе 735 верстъ. Его называютъ Сѣвернымъ Донцомъ, хотя не существуетъ никакого Южнаго Донца, если не считать одного рукава нижняго Дона,

въ области дельты. На югъ отъ Донца степь является во всей ея безотрадной наготѣ: тамъ не только нѣтъ лѣсовъ, но даже не увидишь рощицъ изъ мелкаго дуба и дикой груши, какія растутъ на сѣверѣ въ защищенныхъ мѣстахъ. Луговъ въ собственномъ смыслѣ тоже нѣтъ: трава здѣсь не разстилается сплошнымъ дерновымъ ковромъ, а торчитъ пучками, разсѣянными по землѣ. Въ этихъ гладкихъ и голыхъ равнинахъ б у р а н ы, или зимнія вьюги, не встрѣчая никакого препятствія, дуютъ со всей яростью; это въ полномъ смыслѣ метели, названіе которыхъ, происходящее отъ слова «мести», какъ нельзя лучше выражаетъ страшную силу степнаго вѣтра, который, словно метлой, очищаетъ поверхность степи и часто загонялъ цѣлыя стада въ воды Азовскаго моря или Сиваша.

Самая важная, но не самая обширная каменноугольная область Россіи залегаетъ, на пространствѣ около 25.000 квадр. верстъ, въ Донецкомъ бассейнѣ и преимущественно въ южной его части. Съ 1865 года въ этомъ бассейнѣ открыли на небольшой глубинѣ до 650 слоевъ ископаемаго угля, имѣющихъ среднимъ числомъ 30 сантиметровъ [1]) толщины, но мѣстами достигающихъ 10 аршинъ мощности, и состоящихъ изъ минеральнаго топлива всевозможнаго качества, отъ антрацита почти чистаго до жирнаго угля. Безчисленные овраги, которыми изрѣзана вся эта мѣстность, позволяютъ изучать образованіе и расположеніе этихъ пластовъ и облегчаютъ работы рудокоповъ. Указанныя въ первый разъ инженеромъ Оливьери въ 1827 г., затѣмъ тщательно изслѣдованныя Лепле [2]) въ 1837 году, мѣсторожденія Донецкаго угля долго оставались безъ всякаго употребленія; во время Крымской войны русскіе, лишенные англійскаго минеральнаго топлива, не имѣли даже необходимыхъ снарядовъ, чтобы добывать себѣ уголь, въ изобиліи находящійся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Азовскимъ моремъ. Мало того: хотя желѣзная руда существуетъ въ большомъ количествѣ въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ, металлургическіе заводы обработывали тамъ единственно уральскую руду, и артиллерійскія орудія и снаряды доставлялись изъ Петрозаводска, изъ Перми, съ границъ сѣверныхъ пустынь. Еще и въ наши дни крестьяне каменноугольной области продолжаютъ топить свои хаты скотскимъ каломъ (кизякомъ) и соломой, вмѣсто того чтобы употреблять уголь, который земля заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ вокругъ ихъ деревень. Со временъ Крымской войны, добываніе каменнаго угля, равно какъ и желѣзной руды, въ Донецкомъ бассейнѣ постояно увеличивалось: въ 1839 году оно не превышало 870.000 пудовъ, тогда какъ въ наши дни одна только группа копей, Грушевская, доставляетъ этого продукта количество въ пятнадцать разъ болѣе значительное, благодаря желѣзной дорогѣ, пересѣкающей округъ, и сосѣдству городовъ Новочеркаска, Ростова-на-Дону, Таганрога. Добыча на Донецкихъ каменноугольныхъ копяхъ въ 1893 году простиралась до 240 милліоновъ пудовъ. Пароходы Дона, Азовскаго и Чернаго морей употребляютъ донецкій уголь и тѣмъ самымъ способствуютъ косвенно промышленному прогрессу и заселенію страны.

Уменьшенная въ протяженіи геологическими переворотами, отдѣлившими ее отъ Каспія, водная площадь, извѣстная подъ именемъ Азовскаго «моря», съузилась еще въ теченіе историческихъ временъ,—гораздо менѣе, впрочемъ, чѣмъ можно бы было думать, основываясь на преданіяхъ. Геродотъ, правда, говоритъ, что Palus Maeotis (древнее названіе Азовскаго моря) имѣло поверхность почти равную поверхности Понта-Эвксинскаго; но съ тѣхъ поръ, какъ эллинскіе мореплаватели обошли все это внутреннее море и основали колоніи на его берегахъ, они убѣдились въ незначительномъ протяженіи залива въ сравненіи съ открытымъ моремъ, и даже, кажется, большинство греческихъ писателей преувеличивали болотистый характеръ одной части этого бассейна. Такъ, напримѣръ, говоря о нашествіи варваровъ въ предѣлы Европы, разсказывали, будто гунны перешли это море въ бродъ, идя слѣдомъ за ланью, которая пристала къ крымскимъ берегамъ, затѣмъ перебрались вплавь черезъ узкій каналъ. Даже византійскій историкъ Зосима утверждаетъ, что въ ту эпоху Босфоръ Киммерійскій, нынѣ проливъ Керченскій, сдѣлался твердой землей. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что полторы тысячи лѣтъ тому назадъ Меотійское море было немного обширнѣе и глубже, чѣмъ оно есть въ наши дни: наносы Дона постепенно съузили его бассейнъ и возвысили его дно. Профиль дельты совершенно измѣнился, и описанія, которыя намъ даетъ Страбонъ, нисколько не соотвѣтствуютъ нынѣшней формѣ береговъ [1]).

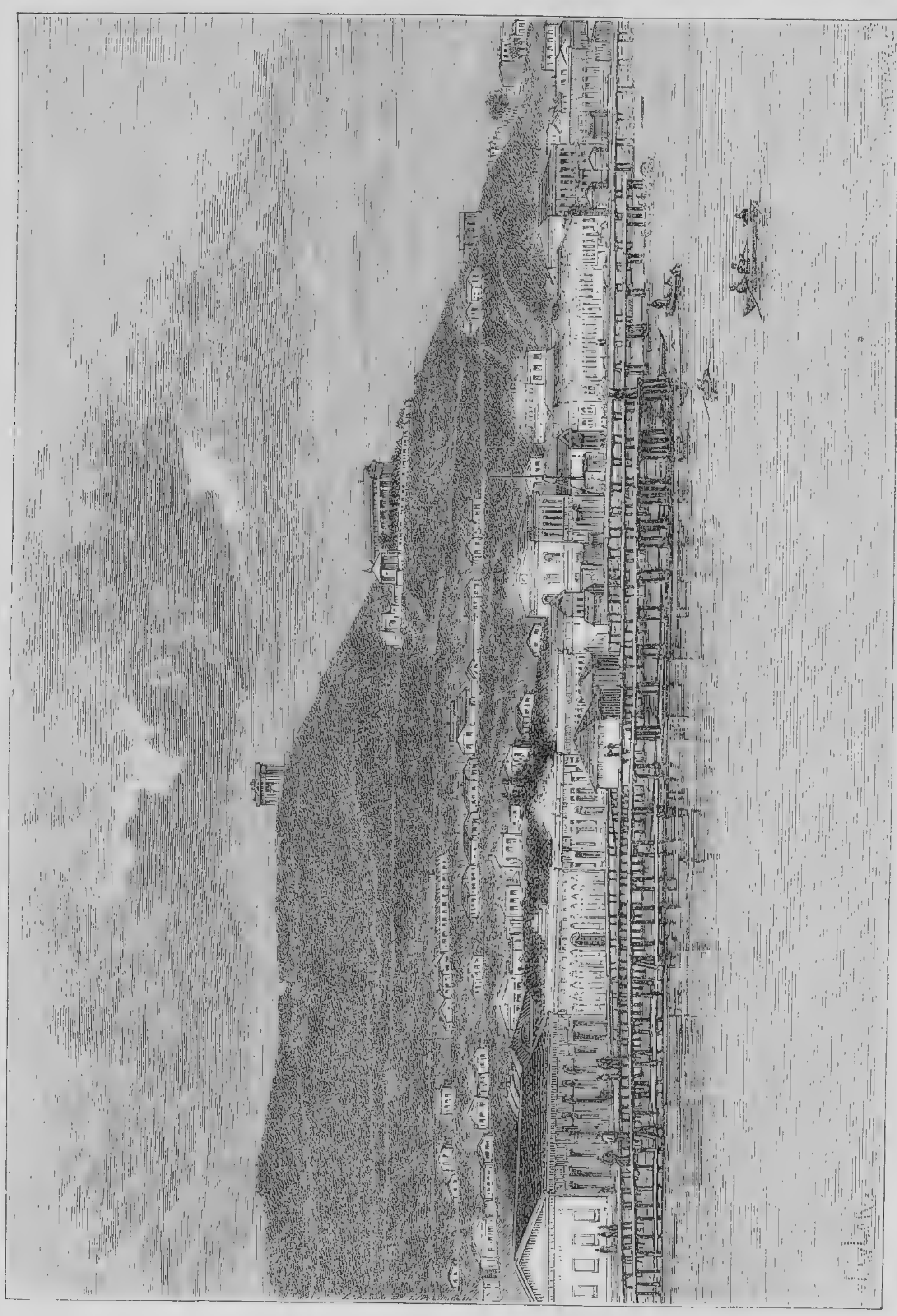
Городъ Танаисъ, который греки основали у самаго устья Дона и который во времена Птоломея находился уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, давно уже пересталъ существовать; но, благодаря архитектурнымъ обломкамъ и надписямъ, Леонтьеву удалось отыскать, между Синявкой и деревней Недвиговкой или «хуторомъ Недвиговскимъ», мѣстоположеніе, занимаемое нѣкогда этимъ торговымъ городомъ: мѣсто это отстоитъ теперь почти на десять верстъ отъ древняго устья большаго Дона, превратившагося въ мертвый рукавъ («Мертвый Донецъ»). Главное теченіе рѣки перешло къ

[1]) Акад. Гельмерсенъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Le Play, „Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée“, tome IV.

[1]) А. Сухомлинъ, „Лоція Азовскаго моря и Керчь-Еник. пролива“, 1854 г.;—Борисякъ, „Геологическо-гидрографическое изслѣдованіе нижняго Дона“.

югу, и на берегу этого новаго потока стоитъ городъ Азовъ, бывшій нѣкогда преемникомъ Танаиса по важности стратегической и торговой. Тамъ, гдѣ воды текутъ въ наибольшемъ обиліи, и рѣчные наносы отлагаются у береговъ моря въ наиболѣе значительныхъ количествахъ. Можно даже удивляться, что струя Дона, постоянно несущая песокъ степей, среднее содержаніе котораго составляетъ $^{1}/_{1200}$ воды, не удлиняетъ дельту въ болѣе быстрой прогрессіи (годовое количество наносовъ исчисляется въ 6.517.000 куб. метровъ): эту относительную медленность процесса засоренія моря рѣчными осадками приписываютъ бурнымъ вѣтрамъ, дующимъ впродолженіи столь значительной части года изъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ областей [1]). Зыбь образуется въ



Керчь и гора Митридата.

[1]) К. Веселовскій, „О климатѣ Россіи“.

самомъ сосѣдствѣ береговъ, и твердыя частицы, еще носящіяся въ водѣ, даже кусочки земли, уже отложившіеся, и обширныя тинистыя мели, увлекаются волненіемъ въ открытое море и разносятся далеко по берегамъ. Такимъ образомъ, геологическая работа Дона состоитъ гораздо болѣе въ повышеніи дна морскаго, чѣмъ въ образованіи острововъ и въ удлинненіи полуострововъ. По Гельмерсену, годовое приращеніе морской дельты составляетъ, въ среднемъ, не болѣе 9,38 аршинъ [1]).

Восточная оконечность Азовскаго моря, то-есть заливъ длиною около 120 верстъ, который спеціально называютъ Таганрогскимъ рейдомъ, можетъ быть разсматриваемъ во всемъ его объемѣ какъ простое продолженіе Дона, по прѣсному вкусу его водъ, по его теченію, по извилинамъ его судоходнаго фарватера, напоминающимъ излучины рѣки. Совокупность этого залива, гдѣ наибольшая глубина $10\frac{1}{2}$ аршинъ, но который, въ среднемъ, представляетъ судамъ не болѣе 10—13 футъ глубины, повидимому, уменьшилась почти на полтора фута съ того времени, какъ были составлены первыя морскія карты, въ царствованіе Петра Великаго; но очень трудно сравнивать промѣры дна, произведенные въ разныя эпохи въ главномъ бассейнѣ Азовскаго моря, потому что измѣрительные приборы были бросаемы не въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и даже не извѣстно въ точности, какую именно единицу длины употребляли первые измѣрители. При томъ, они должны были бы отмѣчать точнымъ образомъ состояніе погоды и особенно направленіе вѣтра во время операцій, такъ какъ уровень моря измѣняется иногда на нѣсколько аршинъ подъ вліяніемъ воздушнаго теченія и атмосфернаго давленія, а также вслѣдствіе неправильныхъ качаній жидкой массы, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ на Женевскомъ озерѣ, гдѣ они извѣстны подъ именемъ «seiches». Въ сентябрѣ 1850 года одинъ морякъ, Сухомлинъ, констатировалъ пониженіе уровня на 10 футовъ у восточныхъ береговъ, и множество судовъ, которыя плавали въ полной безопасности вдали отъ берега, вдругъ очутились на мели, стали неподвижно на днѣ; въ подобныхъ случаяхъ уровень Дона можетъ оказаться болѣе низкимъ, чѣмъ уровень моря [2]). Въ ноябрѣ предъидущаго года было наблюдаемо передъ Таганрогомъ обратное явленіе: тамъ, подъ вліяніемъ бѣшенаго юго-западнаго вѣтра, вода въ морѣ поднялась на двѣ съ половиной сажени. Дно Азовскаго моря, безъ сомнѣнія, должно было нѣсколько повыситься со временъ грековъ, хотя измѣренія, данныя Полибіемъ, почти соотвѣтствуютъ недавнимъ промѣрамъ для большей части протяженія бассейна: средняя глубина Азовскаго моря—около 33 футовъ, что, при поверхности равной 33.000 квад. верстъ, дастъ приблизительный объемъ 13.340 милліардовъ кубич. футовъ или 311 кубич. верстъ, почти въ четыре раза превосходящій объемъ Женевскаго озера. Самая значительная глубина, найденная лотомъ въ Азовскомъ морѣ, въ 1854 году, была 44 фута, тогда какъ въ 1803 году она была 48 футовъ. Эта разница происходитъ, можетъ быть, отъ какихъ-нибудь мѣстныхъ или временныхъ обстоятельствъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы засореніе бассейна рѣчными осадками могло совершиться съ подобной быстротой въ теченіе полувѣка. Дно моря, состоящее изъ песка, смѣшаннаго съ глиной, какъ и почва степей, и несодержащее ни одного камня, покрывается чрезвычайно медленно новыми тоненькими слоями, гдѣ органическія вещества смѣшиваются съ песчаными обломками береговъ. Если бы наносы Дона не были отчасти увлекаемы теченіемъ въ Черное море, то Азовскій бассейнъ совершенно засорился бы въ 56.500 лѣтъ.

Если трудно констатировать отложеніе наносовъ на днѣ Азовскаго моря, то это возможно было сдѣлать безъ труда вокругъ такъ называемыхъ косъ, то-есть узкихъ и длинныхъ полуострововъ въ формѣ изогнутаго рога, которые опираются основаніемъ объ известковый, богатый ископаемыми берегъ и выдвигаются далеко въ море. Многіе мысы оканчиваются этими странными стрѣлками изъ подвижныхъ песковъ и поломанныхъ раковинъ [1]), различно наклоненными, смотря по среднему направленію вѣтровъ и теченій; но на сѣверномъ берегу моря можно видѣть слѣдующіе одинъ за другимъ съ замѣчательной правильностью пять такихъ продолговатыхъ и остроконечныхъ мысковъ, которые всѣ изогнуты къ юго-западу съ ритмической волнистостью, всѣ вооружены на западной ихъ сторонѣ маленькими боковыми крючками [2]) и расположены отъ востока къ западу по порядку величины; за исключеніемъ одной, гдѣ теченіе рѣки нарушаетъ правильный порядокъ отложеній. косы сѣвернаго прибрежья имѣютъ также гораздо болѣе крутой скатъ на восточномъ ихъ берегу, тогда какъ съ западной стороны онѣ опираются на обширныя отмели: воды, ударяющіяся о морской берегъ, вездѣ производятъ одинаковое полукруговое волненіе, распространяющееся отъ одной косы до другой, при чемъ кругъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ бо̀льшую ширину имѣетъ морской бассейнъ и чѣмъ значительнѣе сила толчка, получаемаго волнами. Именно въ сосѣдствѣ этихъ косъ, гдѣ отлагаются землистыя

[1]) Акад. Гельмерсенъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", XI № 4.

[2]) Борисякъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Акад. Гельмерсенъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome VII, 1864.

[2]) Акад. Гельмерсенъ, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg", tome XI, 1867.

частицы, содержащіяся въ водахъ теченія, констатированы наиболѣе быстрыя измѣненія рельефа: всѣ стрѣлки удлиннились, и окружающія пространства морскаго дна правильно повысились на нѣсколько дециметровъ (1 дец.= 4 дюйм.) или даже на цѣлый метръ (3,28 фут.) съ начала настоящаго столѣтія [1]). Такимъ образомъ, засореніе пескомъ и обмелѣніе Азовскаго моря, которое уже Страбонъ разсматривалъ какъ простое расширеніе Дона, продолжается изъ вѣка въ вѣкъ замѣтнымъ образомъ, но, однако, не настолько быстро, чтобы можно было вычислить вѣроятную долговѣчность этого внутренняго моря, предполагая, что мѣстныя колебанія почвы не измѣнятъ относительнаго уровня береговъ и водъ. Какъ справедливо сказалъ Аристотель, говоря именно объ этомъ будущемъ засореніи «Меотійскаго болота» (Palus Maeotis), «всѣ народы, можетъ быть, исчезнутъ съ лица земли прежде, чѣмъ эта перемѣна совершится до конца».

Жидкая масса, приносимая Дономъ, гораздо больше, по объему, той, которую Азовское море теряетъ путемъ испаренія; оттого весь этотъ заливъ можетъ быть разсматриваемъ какъ морское продолженіе рѣки, да и самъ онъ есть не что иное, какъ притокъ Понта Эвксинскаго: его мутныя воды, цвѣтъ которыхъ, можетъ быть, и подалъ поводъ дать ему названіе «Синяго моря», подъ каковымъ онъ былъ извѣстенъ арабамъ и древнимъ русскимъ, изливаются черезъ Керченскій проливъ съ значительной силой, такъ что суда иногда съ трудомъ преодолѣваютъ быстроту теченія. По свойству своихъ водъ, Меотійскій заливъ есть въ одно и то же время и рѣка и море. Въ Таганрогскомъ рейдѣ вода совершенно прѣсная, и моряки запасаются ею для своихъ судовъ—все равно какъ рѣчной водой; на всемъ западномъ берегу скотъ ходитъ на водопой къ морю, тогда какъ около середины бассейна вода уже соленая, хотя и въ меньшей степени, нежели вода Чернаго моря. По Гебелю [2]), удѣльный вѣсъ воды Азовскаго моря—1.0097, а Чернаго моря—1.01365.

На западѣ Азовскаго моря разстилаются, между плоской возвышенностью южныхъ степей и Таврическимъ полуостровомъ, обширныя болота Сивашъ, вода которыхъ сильно испаряется отъ дѣйствія солнца и вѣтровъ, и которыя лѣтомъ и осенью дѣйствительно заслуживаютъ это названіе, означающее «Гнилое море». Эти болота, или мелкія озера, получающія прѣсную воду только изъ атмосферы, въ видѣ дождей, содержатъ, среднимъ числомъ, гораздо большее количество соли, чѣмъ Азовское море, и даже нѣкоторыя боковыя лужи, пересыхающія лѣтомъ въ пескахъ, оставляютъ на мѣстѣ своего пребыванія слои кристаллической соли. Сивашъ доступенъ лишь плоскодоннымъ судамъ, да и то только въ сѣверной своей части: въ этомъ отношеніи онъ нисколько не измѣнился со временъ Страбона. Вѣтры, дующіе съ той и другой стороны, безпрестанно измѣняютъ очертаніе прудовъ, опоражнивая одни, засыпая другіе пескомъ; насыпь желѣзной дороги, которую недавно проложили черезъ всю эту область неопредѣленныхъ пространствъ, послужила опорной линіей для многочисленныхъ наносовъ земли, на которыхъ основались очень производительные соляные промыслы, доставляющіе почти половину всего потребляемаго въ Имперіи количества соли [1]); смотря по надобностямъ продажи, изъ этихъ озеръ извлекалось отъ 6.000.000 до 24.000.000 пудовъ соли.

Добыча на Крымскихъ соляныхъ промыслахъ (въ милліонахъ пудовъ): въ 1873 г.—24; въ 1874 г.—15; въ 1875 г.—5; въ 1876 г.—12; въ 1879 г.—12. Въ 1893 г. значительнѣйшіе изъ Крымскихъ промысловъ (озера Сакское и Сасыкъ-Сиваское и Чонгарскій промыселъ) дали 6.552.000 пуд. соли.

Сивашъ, столь мало правильный въ своихъ очертаніяхъ, отдѣленъ отъ Азовскаго моря косой замѣчательной правильности, профиль которой отличается не меньшей отчетливостью, чѣмъ контуры упомянутыхъ выше образованій этого рода. Эта коса, называемая Арабатской по имени маленькаго порта, стоящаго на южной ея оконечности, тянется въ длину на сто слишкомъ верстъ (106 в.), имѣя въ ширину отъ полутора до пяти верстъ, и почти сплошь состоитъ изъ песку, который вѣтеръ и волны распредѣлили по правильнымъ линіямъ, но она заключаетъ также, преимущественно на сѣверѣ, кряжи изъ глины и известковаго камня, которые послужили столбами для песчаной насыпи, отложившейся отъ одного берега до другаго. Въ настоящее время Гнилое море сообщается съ Азовскимъ посредствомъ одного только протока, который открывается у сѣверной оконечности Арабатской косы передъ мѣстечкомъ Генически, и ширина котораго мѣняется, смотря по направленію вѣтровъ и намыву песковъ, приносимыхъ то съ Азовскаго моря, то съ Сиваша, сообразно ходу теченій. Въ 1860 году ширина канала въ Геническомъ протокѣ была только 65 саженъ. Между тѣмъ Страбонъ говоритъ о широкомъ отверстіи, соединяющемъ Гнилое море съ Азовскимъ: очевидно, форма Арабатской косы измѣнилась со временъ древняго географа.

Можно сказать, что рѣка, выходящая изъ Азовскаго моря черезъ Еникальскій проливъ, имѣетъ свой баръ, какъ всѣ вообще рѣчные потоки, воды которыхъ сталкиваются съ водами открытаго моря. На порогѣ этого пролива тол-

[1]) Акад. Беръ, „Bulletin de l'Ac. des Sc. de S.-Pét.", т. V. 1863 г.

[2]) „Reisen in den Steppen des südlichen Russlands".

[1]) „Russische Revue, № II".

*

щина слоя воды не болѣе двухъ саженъ, среднимъ числомъ; но къ югу отъ этого бара морское ложе, принадлежащее уже къ Черноморскому бассейну, быстро углубляется: лотъ находитъ около $9^1/_3$ саженъ на продолженіи линіи, образуемой полуденнымъ берегомъ Крыма. На югѣ отъ этихъ воротъ пролива, глубины увеличиваются очень правильно до рва глубиною въ одну версту 370 саженъ, который нашли между Керчью и Сухумъ-Кале, изслѣдуя морское дно для проложенія подводнаго телеграфнаго кабеля [1]). Потокъ, выходящій изъ Азовскаго моря, теряется въ общемъ движеніи водъ Чернаго моря, направляющемся правильно вдоль береговъ. На западѣ отъ Керченскаго пролива и Крымскаго прибрежья, это теченіе Понта Эвксинскаго увеличивается водами, которыя ему приносятъ его притоки: Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ, Дунай. Облегченная отъ части жидкой массы теченіемъ, выливающимся черезъ Босфоръ, морская рѣка поворачиваетъ къ востоку, чтобы слѣдовать вдоль береговъ Анатоліи и снова начать за Батумомъ круговоротъ Чернаго моря. Скорость этого теченія варьируетъ отъ 420 саженъ до двухъ верстъ 285 саженъ въ часъ, и увеличивается или уменьшается, смотря по направленію вѣтровъ [2]).

Фауна Азовскаго моря и Понта Эвксинскаго, также какъ изслѣдованіе выступившихъ изъ-подъ воды пространствъ, даетъ доказательство прежняго соединенія двухъ бассейновъ—Чернаго моря и Каспія, составлявшихъ нѣкогда одну непрерывную морскую площадь. Въ самомъ дѣлѣ, странствующія рыбы, равно какъ рыбы, которыя обыкновенно водятся въ солоноватыхъ водахъ, и наконецъ, тѣ, которыя живутъ безразлично въ солоноватой или соленой водѣ, представляютъ въ обоихъ этихъ бассейнахъ почти совершенное тождество. Весьма вѣроятно, что отдѣленіе Чернаго моря отъ Каспія совершилось задолго до того времени, когда открылся соединительный проливъ между Понтомъ Эвксинскимъ и Средиземнымъ моремъ. Тогда какъ, вслѣдствіе продолжительнаго различія среды, рыбы одного и того же происхожденія, обитающія въ двухъ моряхъ, раздѣленныхъ понто-каспійскимъ перешейкомъ, уже дифференцировались нѣсколько въ разновидности и виды, рыбы Средиземнаго моря, проникшія въ Черное, сохранили свой типъ. Нужно замѣтить, что это переселеніе видовъ Средиземнаго моря по дорогѣ, которую имъ открываютъ Дарданеллы и Босфоръ, продолжается и понынѣ, ибо теперь доказано существованіе у береговъ Россіи различныхъ видовъ рыбы, свойственныхъ Средиземному морю, которые ускользали отъ прежнихъ изслѣдователей. Впрочемъ, виды распредѣляются естественно по степени солености водъ. Въ главномъ бассейнѣ Понта Эвксинскаго животное царство состоитъ преимущественно изъ видовъ, свойственныхъ Средиземному морю; напротивъ, въ Одесскомъ заливѣ, около устьевъ Дуная, Днѣпра и Днѣстра, въ Азовскомъ морѣ, гдѣ воды менѣе солены, почти всѣ виды принадлежатъ къ каспійской фаунѣ [1]).

Между населеніемъ покатости Азовскаго моря особенно замѣчательно, по своей исторіи, правамъ, обычаямъ и политической организаціи, донское казачество, которое происходитъ по большей части отъ великорусскихъ бѣглецовъ; однако, къ этому главному элементу несомнѣнно были примѣшаны также татарскіе казаки изъ Азова: первый начальникъ или атаманъ донскихъ казаковъ, о которомъ упоминаютъ въ 1549 году, носитъ именно татарское прозвище Сарыазманъ [2]), и только сто слишкомъ лѣтъ спустя, въ 1653 году, они построили свою первую церковь; до восемнадцатаго столѣтія церемонія брачнаго обряда ограничивалась простымъ словеснымъ заявленіемъ супруговъ передъ собраніемъ казаковъ [3]). Крестьяне и посадскіе люди, обиженные помѣщиками и воеводами, несчастные, угрожаемые какимъ-нибудь поголовнымъ истребленіемъ, и впослѣдствіи раскольники, преслѣдуемые за приверженность къ старой вѣрѣ, обыкновенно искали убѣжища въ привольныхъ степяхъ: спасшись бѣгствомъ отъ своихъ притѣснителей, они селились въ какой-нибудь луговой низинѣ, гдѣ-нибудь въ глухомъ, отдаленномъ оврагѣ, и, живя постоянно насторожѣ, готовы были во всякое время бѣжать снова или сопротивляться вооруженной рукой, смотря по силѣ и численности враговъ, мусульманъ или христіанъ, которые нападали на ихъ пристанища; такимъ-то образомъ заселилось мало-по-малу все пространство, залегающее между сліяніемъ Дона съ Медвѣдицей и Азовскимъ моремъ,—область, бывшая еще пустынной въ 1521 году. Уже въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка московскіе поселенцы на нижнемъ Дону стали настолько многочисленны, что образовали могущественную конфедерацію, платившую татарамъ набѣгомъ за набѣгъ; при этомъ, однако, было условлено между двумя націями грабителей, чтобы никогда не выжигать травы въ степяхъ, которая прокармливала стада тѣхъ и другихъ [4]). Впослѣдствіи запорожскіе казаки и другіе малороссіяне присоединялись, въ качествѣ равныхъ, къ казакамъ великорусскаго происхожденія и селились по

---

[1]) „Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества", 1870 г., томъ V, № 8.

[2]) Шмитъ, „Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губернія".

---

[1]) Проф. Кесслеръ, „Russische Revue", 1875 г., 4-й вып.

[2]) А. П. Соколовскій, „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ".

[3]) Е. И. Якушкинъ, „Обычное право". Ярославль 1875 г.

[4]) Н. Красновъ, „Земля Войска Донскаго". Спб., 1863 г.

большей части на берегахъ нижняго Дона; даже въ наши дни малороссійскіе казаки, которымъ случается во время своего странствованія просить гостепріимства у казаковъ этой области, всегда встрѣчаются послѣдними какъ братья, тогда какъ великорусскихъ крестьянъ донцы принимаютъ только какъ гостей. Любопытно, что великоруссы, поселившіеся въ низовьяхъ Дона, отдѣлены отъ главной массы своего племени пространствами, которыя оставались пустынными до прибытія въ край малорусскихъ колонистовъ въ семнадцатомъ столѣтіи; эта этнографическая странность объясняется тѣмъ, что каждая шайка холопей и крестьянъ, бѣжавшихъ отъ притѣсненія помѣщиковъ, старалась поселиться какъ можно дальше отъ своего отечества. Бѣглецы всякаго рода и племени изъ восточной Европы и съ береговъ Чернаго моря искали убѣжища у этихъ удальцовъ, въ одно и то же время разбойниковъ и героевъ: всѣ пришельцы охотно принимались, съ условіемъ носить имя казаковъ. Не безъ удивленія встрѣчаешь между прибрежными жителями Дона большое число нѣмецкихъ фамилій [1]): переселяясь изъ страны въ страну, саксонцы и швабы кончали тѣмъ, что становились вольными казаками русскихъ степей. Только въ 1810 году правительствующій сенатъ запретилъ казакамъ принимать въ свою среду польскихъ шляхтичей.

Едва организовавшись въ правильную общину, донскіе казаки признали надъ собой верховную власть московскаго царя: въ 1570 году они отдали себя подъ покровительство Ивана Грознаго, но еще долго послѣ того повторяли свою поговорку «царь царствуетъ въ Москвѣ, а казакъ на Дону». Донскіе казаки принимали участіе во всѣхъ превратностяхъ судьбы Московскаго государства, во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ его исторіи: такъ, между прочимъ, они завоевали, подъ покровительствомъ Ермака Тимоѳеевича, Сибирское царство; они же служили оплотомъ противъ турецкаго могущества во всей юго-восточной области. Подобно днѣпровскимъ запорожцамъ, донскіе казаки, сгруппированные тамъ и сямъ въ станицы, выбирали для своихъ сборныхъ и оборонительныхъ притоновъ преимущественно глухіе острова, окруженные мелями, камышами, лѣсными чащами, гдѣ ихъ трудно было преслѣдовать. Но турецкая крѣпость Азовъ сильно стѣсняла ихъ въ отношеніи свободнаго обладанія островами Дона; они успѣли овладѣть ею на нѣкоторое время въ 1574 году, потомъ, въ союзѣ съ запорожцами, въ 1637 году; но когда они опять взяли Азовъ въ 1696 году, то это уже было при помощи инженеровъ и пушекъ Петра Великаго, который долженъ былъ снова потерять ее. Однако, этотъ укрѣпленный пунктъ и устья Дона, столь важныя въ стратегическомъ и торговомъ отношеніяхъ, не были оставлены въ ихъ рукахъ. Правительство, всегда смотрѣвшее съ недовѣріемъ на казачество, основало, въ 1731 г., крѣпость Ростовъ. Но уже ранѣе основанія Ростова донскіе казаки утратили свою независимость. Петръ Великій, недовольный тѣмъ, что они принимали къ себѣ и не выдавали бѣглецовъ изъ центральной Россіи (тяглыхъ людей, спасавшихся отъ рекрутчины и новыхъ налоговъ), подавилъ казацкое возмущеніе (подъ начальствомъ Булавина) съ крайней строгостью. Начальникъ царскихъ войскъ, кн. Василій Долгорукій разрушилъ до основанія непокорныя станицы и перевѣшалъ множество мятежниковъ (по рѣкамъ пущены были плоты съ повѣшенными на нихъ казаками); семь тысячъ казаковъ погибло при этомъ усмиреніи, и большое число ихъ ушло искать убѣжища въ Кубанской области, а оттуда въ Турцію [1]).

Нравы и образъ жизни разныхъ группъ донскихъ казаковъ зависятъ болѣе отъ различія мѣстности и климата, нежели отъ различія происхожденія. Сѣверные казаки, живущіе выше сліянія Дона и Медвѣдицы, почти всѣ осѣдлые земледѣльцы. Еще въ началѣ восемнадцаго столѣтія казакъ-пахарь презирался своими собратами; а нѣсколько ранѣе, въ 1690 году, казацкое вѣче (кругъ), узнавъ, что на берегахъ Хопра и Медвѣдицы сѣютъ хлѣбъ, запретило этотъ промыселъ подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества [2]). Однако, сила вещей взяла свое и заставила мало-по-малу приняться за плугъ. Казаки ближайшіе къ центральной Россіи научились у своихъ сосѣдей утилизировать плодородный черноземъ степей, которыя сдѣлались ихъ отечествомъ. Казаки нижняго бассейна, гдѣ земли менѣе плодоносны, ограничиваются по большей части воздѣлываніемъ виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, баштановъ (полей, засѣянныхъ арбузами); кромѣ того, они занимаются рыболовствомъ, коневодствомъ, разработкой соляныхъ озеръ, мелкой торговлей, городскими промыслами и ремеслами. У южныхъ казаковъ, также какъ и у сѣверныхъ, чисто военное устройство все менѣе и менѣе соотвѣтствуетъ ихъ гражданской жизни, ихъ земледѣльческой и торговой дѣятельности. По положенію о землѣ Войска Донскаго, они раздѣлены на полки. Всѣ молодые люди казачьяго сословія, по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, дѣлаются солдатами или поступаютъ на службу въ войсковую администрацію, сообразно военнымъ уставамъ; начальники

[1]) „Письма о путешествіи Государя Наслѣдн. Цесаревича отъ Петербурга до Крыма“.

[1]) Одинъ изъ предводителей возстанія, Некрасовъ, ушелъ сначала на Кубань, потомъ съ частью своихъ казаковъ перебрался въ Добруджу, на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ потомки этихъ казаковъ извѣстны теперь подъ именемъ некрасовцевъ. Прим. перев.

[2]) Соколовскій, цитированное сочиненіе.

ихъ, за исключеніемъ станичныхъ, назначаются правительствомъ; войсковой атаманъ всегда выбирается между сановниками Имперіи, непринадлежащими къ казачьему сословію, а титулъ казачьяго атамана присвоенъ Наслѣднику престола. Однако, самый жизненный интересъ для казаковъ представляетъ теперь не вопросъ о рангахъ и повышеніяхъ, а вопросъ о землевладѣніи. Правительство рѣшило его, учредивъ земельную аристократію: уже въ 1775 году, по желанію Потемкина, дарованы были казачьимъ офицерамъ права дворянства, что позволило имъ имѣть крѣпостныхъ; послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, каждый начальникъ получилъ на свою долю отъ 100 до 1.500 десятинъ земли, смотря по чину, тогда какъ простые казаки сдѣлались собственниками участковъ, все-таки весьма значительныхъ,—въ 30 десятинъ. Въ прежнее время вся территорія донскихъ казаковъ составляла коллективную собственность, и даже сами станицы, то-есть военныя общины, не имѣли права овладѣвать тѣмъ или другимъ земельнымъ участкомъ для цѣлой группы. Нынѣ земля вездѣ раздѣлена, станицы, бывшія первоначально сторожевыми постами, превращаются въ города и неказацкое населеніе все болѣе и болѣе примѣшивается къ потомкамъ стараго казачества, которые составляютъ нынѣ около двухъ третей общаго числа жителей области [1]). Донскіе казаки еще помнятъ и воспѣваютъ въ своихъ пѣсняхъ подвиги предковъ, войны съ татарами, взятіе Азова, возмущеніе Степана Разина, который, по словамъ легенды, леталъ по воздуху на волшебномъ войлокѣ и обращался въ рыбу, когда надо было переплыть Волгу; но сами они сдѣлались такими же русскими подданными, какъ ихъ сосѣди, хотя подчиненными болѣе сложному управленію; отъ прежней вольности ихъ теперь осталось только воспоминаніе. Во времена политическихъ смутъ правительство, для усиленія наружной полиціи, употребляло преимущественно донскихъ казаковъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи.

Большая часть территоріи, простирающейся на сѣверо-западъ отъ области Войска Донскаго, также имѣла прежде казацкое устройство. Эта область обнимала нынѣшнюю Харьковскую губернію, съ сосѣдними частями губерній Курской и Воронежской. Принадлежа съ давнихъ поръ къ Московскому государству, эти земли оставались еще почти безлюдными, когда онѣ были назначены, какъ мѣсто убѣжища, малороссійскимъ крестьянамъ, убѣгавшимъ отъ своихъ польскихъ помѣщиковъ. Эти переселенцы основали казацкія слободы, извѣстныя въ тогдашнемъ Московскомъ царствѣ подъ именемъ «черкасскихъ», употребляемымъ еще и нынѣ; они также пользовались нѣкоторой автономіей и были раздѣлены на полки, но не имѣли федеральной связи. Ихъ самостоятельное устройство было уничтожено въ 1765 году, одновременно съ упраздненіемъ малороссійскаго гетманства; но казаки Слободской Украины не сохранили своего имени, какъ казаки губерній Полтавской и Черниговской; очень многіе изъ нихъ даже были обращены въ крѣпостное состояніе и соединены съ великорусскими холопами, приведенными въ край московскими помѣщиками. Можно, однако, сказать вообще, что жители мѣстностей, составлявшихъ нѣкогда Слободскую Украину, менѣе бѣдны, нежели жители центральной Россіи; эти малороссы, потомки вольныхъ казаковъ, имѣютъ въ своей средѣ очень большое число купцовъ и промышленниковъ и отличаются въ наибольшей степени «великорусскими» качествами—дѣятельностью и предпріимчивостью [1]). Во многихъ деревняхъ двѣ народности, малорусская и великорусская, живутъ одна подлѣ другой, и двѣ части селенія, раздѣленныя рѣчкой или оврагомъ, представляютъ рѣзкій контрастъ: съ одной стороны вы видите раскиданныя поодиночкѣ хаты малороссіянъ, деревянные домики, обмазанные снаружи глиной и выбѣленные мѣломъ, окруженные садами и цвѣтниками; съ другой—длинные ряды русскихъ избъ, голыхъ бревенчатыхъ построекъ, безъ всякой зелени, придающей жилью болѣе веселый видъ.

Поселенцы прилегающихъ къ Азовскому морю степей принадлежатъ, какъ и колонисты, заселившіе Новороссійскій край, къ самымъ разнообразнымъ расамъ и національностямъ. Существуютъ также колоніи евреевъ-земледѣльцевъ; да и татары по берегамъ моря не были совершенно вытѣснены христіанами. Затѣмъ здѣсь мы находимъ кавказцевъ различныхъ племенъ, которые были переселены на сѣверъ Азовскаго моря и такимъ образомъ сдѣлались противъ воли обитателями этой страны. Наконецъ, въ сосѣдствѣ Маріуполя живутъ греки, вѣроятно, очень смѣшанные, которые почти совсѣмъ позабыли языкъ своихъ предковъ, но сохранили православное вѣроисповѣданіе. Они происходятъ отъ жителей Таврическаго полуострова, которые переселились въ Россію при Екатеринѣ II и съ той поры приняли языкъ, а отчасти и нравы своихъ господъ, татаръ. Эти греки вообще слывутъ безпечными и лѣнивыми; они такъ сильно отличаются отъ другихъ эллиновъ по характеру, что ихъ можно считать какъ бы выродившимися или утратившими основныя черты своей расы [2]). Сербы и калмыки, тоже поселенные въ краѣ въ восемнадцатомъ столѣтіи, совершенно слились съ массой русскаго населенія.

---

[1]) Въ 1880 г., изъ общаго числа жителей (около 1.405.000 душъ), на долю лицъ военнаго сословія приходилось, круглымъ числомъ, 950.000 душъ. Ред.

[1]) В. Михалевичъ, „Воронежская губернія". Спб., 1862 г.

[2]) Mackenzie Wallace, „Russia".

Въ верхнемъ бассейнѣ Дона одно изъ первыхъ мѣстечекъ—Куликовка, подлѣ которой находится знаменитое Куликово поле, гдѣ союзныя русскія войска Москвы и Литвы, подъ предводительствомъ великаго князя Дмитрія Донскаго, одержали въ 1380 году блистательную побѣду надъ полчищами Мамая [1]). Въ этой области, одной изъ самыхъ плодородныхъ въ черноземной полосѣ, города многочисленны и ведутъ большую торговлю земледѣльческими произведеніями: Ефремовъ, Лебедянь, Ливны, Елецъ, Задонскъ, Землянскъ—значительные рынки, хорошо извѣстные таганрогскимъ и одесскимъ купцамъ, по производимымъ ими от-

Воронежъ.

[1]) На Куликовомъ полѣ воздвигнутъ памятникъ, открытый въ день пятисотлѣтней годовщины событія, 8 сентября 1880 г. Прим. перев.

правкамъ хлѣба и гуртовъ скота. Самый важный изъ этихъ городовъ и одинъ изъ наиболѣе славящихся производствомъ муки—Елецъ, на р. Соснѣ, западномъ притокѣ Дона. Народныя пословицы говорятъ объ елецкихъ «ворахъ» и «конокрадахъ». Эта дурная слава про жителей Ельца и другихъ сосѣднихъ городовъ, находящихся въ восточной части Орловской губерніи, произошла, вѣроятно, отъ положенія этого края на бывшей «украйнѣ», долго оспариваемой, гдѣ конокрадство могло быть совершаемо гораздо легче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Воронежъ, рѣка-близнецъ верхняго Дона, также проходитъ черезъ густо населенную область, гдѣ есть нѣсколько важныхъ городовъ, какъ, напримѣръ, Козловъ и Липецкъ, изъ которыхъ послѣдній извѣстенъ своими минеральными (желѣзистыми) водами. Губернскій городъ Воронежъ обязанъ своимъ важнымъ торговымъ значеніемъ преимущественно выгодному положенію на рѣкѣ того же имени, въ небольшомъ разстояніи отъ слiянія ея съ Дономъ. Онъ имѣлъ уже до 5.000 жителей въ концѣ семнадцатаго столѣтія, когда Петръ Великій учредилъ въ немъ адмиралтейство, велѣлъ построить крѣпость, арсеналъ, верфи и соорудить цѣлую флотилію изъ 55 судовъ, вооруженную слишкомъ 2.500 пушекъ и имѣвшую до 4.000 человѣкъ обыкновеннаго экипажа. Тысячи рубщиковъ лѣса должны были переселиться съ береговъ Сѣверной Двины на берега Воронежа, чтобы помогать при постройкѣ кораблей въ этомъ рѣчномъ портѣ, очень бѣдномъ водой. Впрочемъ, вскорѣ пришлось перевести кораблестроительную верфь на Донъ, ниже впаденія Воронежа. Въ наши дни по этой послѣдней рѣкѣ ходятъ только барки. Городъ Воронежъ принадлежитъ къ числу наиболѣе посѣщаемыхъ богомольцами мѣстъ въ Россіи и отличается своей литературной дѣятельностью между всѣми великорусскими городами, неимѣющими университета. На востокѣ, въ обширныхъ степяхъ, по которымъ протекаетъ рѣка Битюгъ, маловодный притокъ Дона, находятся важнѣйшіе въ Россіи казенные конскіе заводы; здѣсь разводится знаменитая порода орловскихъ рысаковъ.

Усмань (уѣздный городъ Тамбовской губ.), на сѣверо-востокѣ отъ Воронежа, находится въ сравнительно небольшомъ разстояніи отъ административнаго центра губерніи. На югѣ Коротоякъ, на правомъ берегу Дона, и Острогожскъ, на высокомъ крутоярѣ одного притока, называемаго Тихой Сосной, были прежде казацкими крѣпостями, защищавшими край отъ татарскихъ набѣговъ. Ниже Острогожска, на той же рѣкѣ, стоитъ богатая и многолюдная слобода Алексѣевка, жители которой занимаются главнымъ образомъ культурой подсолнечника и приготовленіемъ подсолнечнаго масла. Здѣсь существуютъ артели народныхъ живописцевъ, которые изображаютъ событія изъ священной исторіи съ большей свободой, чѣмъ другіе иконописцы Россіи, и малюютъ также комическія сцены на стѣнахъ и въ домахъ. Алексѣевскіе живописцы по характеру письма имѣютъ отдаленную связь съ національной школой живописи, существовавшей въ Кіевѣ въ семнадцатомъ столѣтіи.

Павловскъ, при сліяніи Дона и Осереды, также былъ первоначально колоніей «черкасскихъ» казаковъ, гдѣ Петръ Великій основалъ кораблестроительныя верфи для своей флотиліи Азовскаго моря. Бутурлиновка, или Петровская, мѣстечко, растянувшееся верстъ на 12 по р. Осередѣ, представляетъ, подобно Алексѣевкѣ, промышленную слободу, жители которой занимаются преимущественно кожевеннымъ и сапожнымъ производствомъ; между ремесленниками ея есть также много живописцевъ. Въ 1842 году крѣпостное населеніе Бутурлиновки выкупилось на волю, обязавшись заплатить, въ тридцати-семилѣтній срокъ, московскому опекунскому совѣту долгъ своего помѣщика, составлявшій 2.114.000 рублей съ процентами; послѣдній платежъ внесенъ былъ въ 1879 году,—слѣдовательно, шестнадцать лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ. Богучаръ, татарское названіе котораго напоминаетъ постоянныя войны, опустошавшія страну, и Калачъ, славящійся своими ярмарками (торговля скотомъ), тоже были слободами, которыя нѣсколько разъ заселялись московскими и черкасскими иммигрантами. Ниже, по теченію Дона, слѣдуетъ рядъ станицъ, имѣвшихъ такое же происхожденіе: каждая изъ нихъ была первоначально военнымъ становищемъ, которое было, такъ сказать, временно поставлено на почву его основателями, но затѣмъ мало-по-малу, благодаря земледѣлію, пустило корни и сдѣлалось постояннымъ поселеніемъ. Что касается городовъ по верхнему Хопру и его притокамъ, какъ-то: Чембара, гдѣ родился Бѣлинскій, Кирсанова, Сердобска, Балашова, Борисоглѣбска, то всѣ они, по причинѣ отдаленности ихъ отъ южныхъ степей, могли возникать и рости болѣе мирно. Новохоперскъ, расположенный въ болотистой области, въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ соединеніе Хопра съ другими рѣками и рѣчками почти всего его верхняго бассейна,—одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые были основаны Петромъ Великимъ для устройства кораблестроительныхъ верфей; ярмарки его въ послѣднее время получили важное значеніе (въ 1868 году торговые обороты Новохоперской ярмарки простирались до 7.667.000 рублей). Ярмарка въ станицѣ Урюпинской, стоящей на Дону ниже Новохоперска, производитъ почти столь же значительную торговлю. Въ бассейнѣ р. Медвѣдицы, притока Дона, городъ Петровскъ обязанъ своимъ названіемъ Петру I, тогда какъ

Аткарскъ, бывшая татарская колонія, сохранилъ наименованіе, данное ему первоначальными жителями. Близъ большаго колѣна Дона видны груды обломковъ, которыя считаютъ остатками Саркела, укрѣпленнаго города хазаръ, построеннаго византійскими инженерами. На юго-западѣ, тамъ, гдѣ Донъ уже принялъ западное направленіе, сохраняемое имъ до самаго впаденія въ море, замѣчательна станица Цымлянская, центръ винодѣлія и фабрикаціи шипучаго «шампанскаго».

Въ долинѣ Донца находится Харьковъ, самый большой городъ того района, воды котораго изливаются въ Азовское море. Этотъ многолюдный губернскій городъ, бывшій простой деревней въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, обязанъ своимъ важнымъ торговымъ значеніемъ счастливому географическому положенію, дѣлающему его естественнымъ посредникомъ торговаго обмѣна между Дономъ и Днѣпромъ, между Одессой и Таганрогомъ. Онъ стоитъ почти въ геометрическомъ центрѣ всей области степей, между рѣкой Сеймомъ и плоскими возвышенностями, прилегающими къ Азовскому морю: въ этомъ мѣстѣ, или въ окрестностяхъ, пересѣкались главныя дороги чумаковъ, отчасти замѣненныя нынѣ желѣзнодорожными линіями. Харьковскія ярмарки (четыре въ году) принадлежатъ къ самымъ дѣятельнымъ въ Россіи; особенно важны Троицкая шерстяная, и Крещенская; сбытъ товаровъ на послѣдней простирается нынѣ до 14 милліоновъ рублей; эта ярмарка привлекаетъ массу посѣтителей, негоціантовъ, земледѣльцевъ, евреевъ, собирающихся десятками тысячъ. Населеніе города въ это время удвоивается; до восьмидесяти тысячъ саней пріѣзжаютъ сюда изъ всѣхъ точекъ горизонта. Харьковскіе промышленники фабрикуютъ или приготовляютъ сами большую часть товаровъ, продаваемыхъ на ярмаркѣ, въ особенности полотна, мыло, свѣчи, войлоки, сахаръ, водку, табакъ. Съ точки зрѣнія матеріальныхъ удобствъ, городъ всего болѣе терпитъ недостатокъ въ водѣ для питья: хотя онъ окруженъ маленькими рѣчками, впадающими въ Донецъ, однако жители его принуждены были добывать себѣ, съ большими затратами капитала, ключевую воду, все-таки недостаточную для покрытія потребленія. Очень дѣятельный по своей торговлѣ и промышленности, Харьковъ есть въ то же время одинъ изъ тѣхъ городовъ Россіи, которые стоятъ во главѣ умственнаго движенія. Его высшая школа сдѣлалась въ 1804 г., благодаря щедротамъ дворянства и купечества, цвѣтущимъ университетомъ, куда хотѣли привлечь грековъ и южныхъ славянъ; для занятія его каѳедръ приглашали даже такихъ европейскихъ знаменитостей, какъ Лапласъ и Фихте. Несмотря на послѣдовавшую затѣмъ реакцію, Харьковскій университетъ много содѣйствовалъ пробужденію въ Россіи изученія славянскихъ литературъ. Онъ обогатился книгами, научными коллекціями, и теперь около тысячи студентовъ посѣщаютъ его лекціи (число слушателей въ 1894 г.—1.090).

На сѣверѣ и востокѣ отъ Харькова, въ губерніяхъ Курской и Воронежской, первыя воды Донца и его верхнихъ притоковъ орошаютъ уже территоріи нѣсколькихъ городовъ, каковы: Золочевъ, напоминающій городъ того же имени въ Галиціи (Злочевъ), Короча, Старый Осколъ, дѣйствительно заслуживающій названіе «Стараго», такъ какъ лѣтописи упоминаютъ о немъ уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи; Волчанскъ, Валуйки, Уразова, главная хлѣбная пристань въ Харьковской губерніи, Бѣлгородъ, получившій это названіе отъ мѣловой горы, изъ которой ломаютъ мѣлъ. Ближайшіе сосѣди Харькова—на западѣ Валки, а на востокѣ, въ мѣстѣ удобнаго перехода черезъ Донецъ, Чугуевъ,—городъ, исторія котораго представляетъ тѣ же превратности, какъ и исторія всей этой страны. Въ окрестностяхъ встрѣчаются остатки многочисленныхъ городищъ, гдѣ часто находили римскія монеты, изъ чего можно заключить, что край этотъ нѣкогда былъ довольно густо населенъ. Однако, онъ снова сталъ пустыннымъ въ шестнадцатомъ столѣтіи и оставался безлюднымъ даже въ началѣ семнадцатаго; Чугуевъ былъ въ то время не что иное, какъ городище, груда развалинъ. Малороссійскіе колонисты, поселившіеся тутъ добровольно, равно какъ солдаты и каторжники, посылаемые московскимъ правительствомъ, могли работать на поляхъ не иначе, какъ раздѣлившись на двѣ партіи, изъ которыхъ одна должна была стоять на стражѣ противъ татаръ. Чугуевъ утратилъ свое торговое значеніе, которое перешло къ Харькову.

Ниже города Изюма, вокругъ котораго уже встрѣчаются виноградники, Донецъ принимаетъ въ себя рѣку Осколъ; затѣмъ, продолжая слѣдовать вдоль крутыхъ, изрытыхъ пещерами, мѣловыхъ высотъ, которыя образуютъ его правый берегъ и на одной изъ которыхъ пріютился живописный Святогорскій монастырь, онъ соединяется съ рѣкой Торецъ. При входѣ въ долину, гдѣ течетъ эта рѣка, стоитъ городъ Славянскъ, построенный на мѣстѣ расположенія Торскаго-Городища, которое, можетъ быть, было основано торками или турками и которое впослѣдствіи стали называть сокращенно Торъ; нынѣшнее наименованіе было дано ему въ честь славянскаго братства, такъ какъ колонисты, поселенные здѣсь въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, принадлежали къ сербской національности. Главный мѣстный промыселъ съ давнихъ поръ составляютъ разработки маленькихъ соляныхъ озеръ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ, особенно того изъ нихъ, которое носитъ названіе Лимана; но до оконча-

тельной побѣды русскихъ надъ ногайскими татарами часто приходилось прерывать работы по добыванію соли; озеро Лиманъ, которое, судя по его названію, нѣкогда соединялось съ Донцомъ, теперь наполовину занесено пескомъ [1]. Городъ Бахмутъ, стоящій, какъ и Славянскъ, въ боковой долинѣ Донца и на той же самой геологической формаціи, извлекалъ прежде изъ своихъ соляныхъ озеръ ежегодно до 600.000 пудовъ соли; но этотъ промыселъ теперь почти совсѣмъ оставленъ. Русское имя Бахмутъ есть не что иное, какъ турецкое наименованіе Махмудъ или Магометъ: такъ измѣнилось въ языкѣ москвитянъ имя мусульманскаго пророка.

Славяносербскъ, построенный на мертвомъ рукавѣ Донца, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ чистой воды, былъ первоначально, какъ и Славянскъ, колоніей сербовъ, переселившихся изъ австрійскихъ владѣній въ 1753 г. Этотъ городъ расположенъ уже въ каменноугольномъ бассейнѣ нижняго Донца, минеральное топливо котораго утилизируется далѣе на западѣ въ металлургическихъ заводахъ Лугани или Луганска, основанныхъ въ 1795 г. англичаниномъ Гаскойномъ для русскаго правительства. Это обширное заведеніе, хотя очень удаленное отъ моря, должно было поставлять для флота пушки, артиллерійскіе снаряды и различныя машины; теперь тысячи рабочихъ, служащихъ на заводѣ, занимаются преимущественно приготовленіемъ паровыхъ машинъ и локомобилей. Однако, Луганскъ обязанъ своимъ важнымъ значеніемъ еще болѣе торговлѣ скотомъ и хлѣбомъ, чѣмъ промышленной дѣятельности: это—главная торговая станція между Харьковомъ и городами низоваго Дона и Азовскаго моря. На сѣверѣ отъ Лугани, Айдарская долина, гдѣ находится городъ Старобѣльскъ, соединяется съ Донцомъ.

Главный городъ области Войска Донскаго, Новочеркаскъ, господствуетъ съ высоты своего крутояра надъ теченіемъ рѣки Аксай, сѣвернаго рукава Дона, и надъ обширной равниной, гдѣ измѣнчивые потоки, выдѣляемые главной рѣкой, извиваются между островами и песчаными мелями. На югѣ отъ этихъ неопредѣленныхъ пространствъ, періодически затопляемыхъ разливами водъ, и на берегахъ главнаго теченія рѣки, находится Старо-Черкаскъ, бывшій до 1806 года столицей донскихъ казаковъ; но въ этомъ году большинство его жителей должно было, по приказанію своего атамана, переселиться въ новый городъ. Этотъ послѣдній, состоящій изъ трехъ станицъ, занимающихъ вмѣстѣ пространство почти въ 10 квадр. верстъ, не подверженъ наводненіямъ, такъ какъ онъ расположенъ на высокомъ мѣстѣ, почти на 50 саженъ выше уровня водъ во время разлива; но мѣстоположеніе его представляло одно важное неудобство, именно отсутствіе по близости годной для питья воды: на югѣ Аксай катитъ болотистую воду; на сѣверѣ течетъ солоноватая рѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самое имя ея, Тузловъ, происходящее отъ татарскаго корня, означающаго разсолъ; на сѣверо-востокѣ оврагъ, служащій русломъ рѣчки Кадамовки, почти всегда бываетъ сухой. По этой причинѣ городскіе казаки собирались было предпринять второе переселеніе, чтобы выбрать гдѣ-нибудь болѣе удобное мѣсто жительства; но императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ въ 1837 году оставить городъ на прежнемъ мѣстѣ, на Новочеркасскомъ крутоярѣ; вслѣдствіе этого, были выкопаны цистерны, пробовали рыть артезіанскій колодезь, затѣмъ построили водопроводъ, длиною около 27 верстъ; вода берется на юго-западѣ, близъ станицы Александровской и въ оврагѣ Большой Логъ, и поднимается посредствомъ паровыхъ машинъ: такимъ способомъ ежедневно доставляется въ Новочеркаскъ отъ 42.000 до 53.000 кубич. футовъ воды. Благодаря этому обилію чистой воды, благодаря каменному углю, привозимому по желѣзной дорогѣ изъ Грушевки, или станицы Грушевской, столица Войска Донскаго быстро разрослась, и многочисленныя зданія придали ей видъ настоящаго города. Предмѣстья далеко продолжаются на западной сторонѣ Новочеркаска, вдоль крутыхъ береговъ, отдѣленныя одно отъ другаго безводными оврагами, перерѣзывающими плоскую возвышенность степей, окраины которой вездѣ усѣяны древними курганами.

Выше Донской дельты въ собственномъ смыслѣ, расположены рядомъ два города-близнеца Нахичевань и Ростовъ, составляющіе въ дѣйствительности одинъ городъ и служащіе какъ бы продолженіемъ длиннаго предмѣстья Новочеркаска. Нахичевань, или просто Качевань, названная такъ ея армянскими колонистами въ память закавказской Нахичевани, стоитъ всего въ двухъ верстахъ отъ Ростова, который отдѣленъ отъ нея старой крѣпостью (фортъ св. Дмитрія), воздвигнутой въ одно и то же время противъ турокъ и противъ казаковъ. Нахичевань, долго пользовавшаяся особыми привилегіями, раскинута на значительномъ пространствѣ, большая часть котораго занята садами. Населеніе этого города и теперь еще состоитъ почти исключительно изъ армянъ, какъ въ то время, когда основалась эта колонія, около ста лѣтъ тому назадъ. Напротивъ, Ростовъ населенъ людьми всякой расы и національности, великоруссами и малороссами, греками, армянами, татарами, евреями, западно-европейцами: итальянцами, французами, нѣмцами. Это—городъ обширной и дѣятельной торговли, куда ежегодно приходитъ отъ трехъ до четы-

[1] „Congrès archéologique de Kazan", 1877, par K. Léger.

рехъ тысячъ каботажныхъ судовъ за грузами хлѣба, льна, шерсти, сала и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Цѣнность вывоза изъ Ростова въ 1895 г. выразилась цифрой 36.739.019 руб.; цѣнность привоза составляла 645.600 рублей.

Движеніе судоходства въ Ростовскомъ портѣ въ 1895 г.: пришло—4.087 суд. въ 827.160 т.; отошло—4.033 судна въ 8.242.218 тоннъ [1]).

Однако, Ростовъ представляетъ въ торговомъ отношеніи то неудобство, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь рѣчной портъ, до котораго суда не всегда могутъ подниматься съ моря. Многочисленныя промышленныя заведенія (особенно табачныя фабрики) даютъ занятіе нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ. Рыбный промыселъ, и теперь еще весьма важный въ водахъ дельты, значительно уменьшился противъ прежняго времени, и описанія древнихъ авторовъ относительно обилія рыбы, которая нѣкогда массами кишѣла въ устьяхъ Дона, перестали соотвѣтствовать дѣйствительности съ начала нынѣшняго столѣтія [2]). Ростовъ служитъ сборнымъ мѣстомъ для жнецовъ, косцовъ, виноградарей, которые являются сюда предлагать свои услуги земледѣльцамъ окрестныхъ мѣстностей и даже долинъ Кавказа. Лѣтомъ населеніе города увеличивается на нѣсколько десятковъ тысячъ. Этотъ пришлый людъ ночуетъ въ грязныхъ кабакахъ, а тысячи рабочихъ спятъ на голой землѣ, на улицахъ или на берегу рѣки. Тифъ производитъ между ними страшныя опустошенія.

Старинный и знаменитый городъ Азовъ, стоящій на южномъ рукавѣ Дона, верстахъ въ 14 отъ впаденія его въ море, утратилъ свое прежнее значеніе и даже свой рангъ: онъ не пользуется болѣе титуломъ города; съ конца прошлаго столѣтія онъ низведенъ на степень простаго мѣстечка, хотя по числу жителей превосходитъ многія поселенія, носящія названіе городовъ. Остатки крѣпости, имѣвшей нѣкогда столь важное стратегическое значеніе, видны еще въ центрѣ мѣстечка; но не осталось никакихъ слѣдовъ отъ древней Таны венеціанцовъ, наслѣдницы греческаго Танаиса. Тана была складочнымъ мѣстомъ товаровъ Персіи и Индіи и невольничьимъ рынкомъ южныхъ степей.

Значительнѣйшіе города и слободы въ бассейнѣ Дона:

Тульская губернія: Ефремовъ—11.242 жит.;

Тамбовская губернія: Козловъ (1897 г.)—28.062 жит.; Липецкъ—15.133; Борисоглѣбскъ—26.355; Усмань—8.170; Кирсановъ—8.088; Лебедянь—6.462 жит..

Саратовская губернія: Аткарскъ—8.356 жит.; Сердобскъ—8.505; Петровскъ—15.611; Балашовъ—10.415 жит..

Воронежская губернія: Воронежъ (97 г.)—84.015 жит.; Бутурлиновка (слобода)—21.694; Алексѣевка (слоб.)—14.069; Калачъ (слоб.)—12.928; Острогожскъ—7.707; Задонскъ—6.907; Новохоперскъ — 5.985; Павловскъ — 5.835; Уразова (слоб.)—5.600 жит.

Курская губернія: Бѣлгородъ — 24.869 жит.; Старый Осколъ—9.857; Короча—9.795 жит..

Харьковская губернія: Харьковъ (97 г.)—170.682 жит.; Изюмъ—24.294; Старобѣльскъ—12.060; Славянскъ — 20.340; Волчанскъ — 9.424; Чугуевъ—12.664; Валки—8.240, Золочевъ—6.543 жит..

Екатеринославская губернія: Бахмутъ — 17.211 жит.; Луганскъ—22.918.

Область Войска Донскаго: Новочеркаскъ (97 г.)—52.005 жит.; Ростовъ-на-Дону (97 г.)—119.889; Нахичевань (97 г.)—29.312; Азовъ—25.488 жит.

Орловская губернія: Елецъ (97 г.)—37.455 ж.; Ливны—25.161 жит.

Въ наши дни главный торговый пунктъ Дона находится внѣ дельты: мелководный баръ не позволилъ новому Танаису основаться на берегу рѣки, и суда проникаютъ нынѣ съ большимъ трудомъ даже въ восточный заливъ Азовскаго моря, къ Таганрогскому порту, гдѣ во времена Петра Великаго могли свободно плавать до 200 судовъ. Теперь только маленькія суда подходятъ близко къ Таганрогу; суда же, имѣющія отъ 16 до 20 футовъ водоуглубленія, должны бросать якорь верстахъ въ 15 отъ берега, среди рейда, а самые большіе корабли останавливаются даже верстахъ въ 40 отъ таганрогскихъ набережныхъ. Уже въ тринадцатомъ столѣтіи пизанскіе купцы основали факторію на мысѣ, которому впослѣдствіи было дано названіе «Мысъ Таганъ» или Таганъ-рогъ. На этомъ береговомъ утесѣ, возвышающемся на 200 футовъ надъ уровнемъ моря, существовала лишь сигнальная башня, когда Петръ Великій основалъ тутъ, въ 1698 году, крѣпость, которую пришлось потомъ покинуть, послѣ громадныхъ работъ, стоившихъ жизни рабочимъ, пригнаннымъ изъ центральной Россіи десятками тысячъ. Только въ 1769 году городъ основался окончательно. Онъ быстро достигъ цвѣтущаго состоянія и, поднявшись на степень главнаго города юго-восточной Россіи, является нынѣ, благодаря своей желѣзной дорогѣ, экспедиціоннымъ портомъ, ближайшимъ къ черноземнымъ степямъ Харьковской губерніи и области Войска Донскаго. Между коммерсантами, толпящимися на его улицахъ, встрѣтишь, какъ и въ Ростовѣ-на-Дону, много иностранцевъ,—грековъ, итальянцевъ, нѣмцевъ. Таганрогъ получилъ также нѣкоторую важность какъ промышленный центръ. Въ административномъ отношеніи онъ не зависитъ, отъ управленія

[1]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи", за 1895 г.

[2]) Борисякъ, „Геологическо-гидрографическое изслѣдованіе нижняго Дона".

Екатеринославской губерніи: городъ, вмѣстѣ со своимъ округомъ, образуетъ, подобно Одессѣ и Керчи, особое градоначальство. Движеніе судоходства и торговли въ Таганрогскомъ портѣ въ 1895 году выразилось слѣдующими цифрами [1]):

Пришло — 3.005 судовъ, вмѣстимостью 1.272.709 тоннъ, вышло 3.001 судно въ 1.273.305 тоннъ.

Цѣнность отпуска въ 1895 г. —15.181.739 р.; привоза—1.552.738 р.

Маріуполь, колонія, основанная въ 1779 г., имѣетъ большія преимущества передъ Таганрогомъ, такъ какъ рейдъ его удобнѣе для судоходства, такъ что большія суда могутъ бросать якорь въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ берега; онъ еще долго будетъ доступенъ для судовъ, послѣ того, какъ Таганрогскій портъ окончательно обмелѣетъ и останется далеко внутри материка. Двѣ рѣки соединяются въ небольшомъ разстояніи выше города—Калміусъ и Калчикъ, знаменитая Калка, на берегахъ которой монголы одержали, весной 1223 года, свою первую побѣду надъ русскими [2]). Несмотря на свои естественныя преимущества, Маріуполь далеко не отличается такой обширной торговой дѣятельностью, какъ Таганрогъ, и цѣнность его привоза совершенно незначительна (отпускная торговля Маріупольскаго порта въ 1895 году—на 9.970.789 рублей; движеніе судоходства въ 1895 году: въ приходѣ—2.013 судовъ въ 721.522 тонны; въ отходѣ—2.034 судна въ 722.092 тонны). Что касается жителей Маріуполя, то обыкновенно говорятъ, что онъ населенъ преимущественно греками; но эти греки, пришедшіе съ Таврическаго полуострова, не всѣ владѣютъ эллинскимъ діалектомъ. Базаряне, переселившіеся въ Маріуполь изъ Херсонеса, говорятъ татарскимъ языкомъ: по мнѣнію Григоровича, ихъ слѣдуетъ считать потомками отатарившихся алановъ [3]).

Бердянскъ, построенный при основаніи одной изъ самыхъ правильныхъ и красивыхъ по очертанію песчаныхъ косъ Азовскаго моря и у подножія крутыхъ береговыхъ утесовъ,—городъ болѣе новый, чѣмъ оба его соперника въ Меотійскихъ водахъ: основаніе его относится къ 1830 году. Несмотря на то, что еще не устроены желѣзнодорожныя сообщенія съ внутренностью страны, этотъ городъ получаетъ большое количество хлѣба, который онъ отправляетъ заграницу. Хорошее состояніе рейда, значительная глубина гавани въ сравненіи съ Маріупольскимъ и особенно съ Таганрогскимъ портами, наконецъ, сосѣдство большаго восточнаго колѣна Днѣпра обезпечиваютъ Бердянску постоянное торговое движеніе. Этотъ городъ можетъ быть разсматриваемъ какъ портъ Днѣпра на Азовскомъ морѣ: здѣсь оканчивается кратчайшая дорога, начинающаяся въ Александровскѣ, ниже Днѣпровскихъ пороговъ. Цѣнность отпускной торговли Бердянска въ 1878 году:—20.471.200 руб.; въ 1895 году:—8.701.734 руб.; движеніе судоходства въ 1895 году: пришло—1.376 судовъ, вмѣстимостью въ 418.566 тоннъ; отошло—1.385 судовъ, вмѣстимостью въ 419.640 тоннъ.

На западѣ отъ Бердянска, Ногайскъ, стоящій близъ рѣки Обиточной и при основаніи косы того же имени, не оправдалъ, въ отношеніи развитія торговли, надеждъ своего патрона, герцога Ришелье, который возвелъ его на степень города, въ 1814 году. Ногайскіе татары, отъ которыхъ этотъ городъ получилъ свое названіе, не существуютъ болѣе въ странѣ. Мелитополь, на рѣкѣ Молочной, имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе, какъ средоточіе торговаго обмѣна многочисленныхъ нѣмецкихъ колоній, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ. Центръ колоніальнаго управленія находится въ Гальбштадтѣ, населенномъ меннонитами.

Значительнѣйшіе города сѣвернаго берега Азовскаго моря:

Екатеринославская губернія: Маріуполь (1897 г.)—31.772 жит.

Таврическая губернія: Бердянскъ (1897 г.)—27.249 жит.; Мелитополь—14.666 жит.

Земля Войска Донскаго: Таганрогъ (1897 г.)—51.748 жит.

XVIII. Крымъ.

По очертанію своихъ береговъ, Крымскій полуостровъ кажется почти независимымъ отъ Россіи, такъ какъ онъ соединенъ съ материкомъ лишь узкой полосой земли, Перекопскимъ перешейкомъ. Однако, свойство формацій и почти совершенная горизонтальность почвы, которая продолжается подъ поверхностной площадью водъ, доказываютъ, что степи сѣвернаго Крыма составляютъ непосредственное продолженіе равнинъ Новороссіи и образуютъ вмѣстѣ съ нею одну и ту же геологическую область. Истинный Крымъ, т. е. тотъ, который по своимъ географическимъ условіямъ явственно отличается отъ остальной части славянской Имперіи, обнимаетъ только южную, гористую оконечность полуострова, которая тянется отъ мыса Херсонесъ до Керченскаго пролива, и ось которой пересѣкаетъ ось Кавказа на вулканическихъ полуостровахъ Керченскомъ и Таманскомъ. Эта страна, особенно полуденный скатъ Таврическихъ горъ, находится, такъ сказать, совершенно внѣ Россіи, какъ по своимъ горнымъ породамъ и климатическимъ условіямъ,

[1]) „Обзоръ внѣшней торговли за 1895 г.“, изд. Департам. Тамож. Сборовъ.

[2]) Акад. Куникъ, „Mémoires de l'Académie des Sciences“, 2-e vol. Ф. Брунъ, „Матеріалы для исторіи Сугдеи“.

[3]) „Записки антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ“. Одесса, 1874 г.

такъ и по своимъ историческимъ судьбамъ. Крымъ былъ уже связанъ своими легендами съ греческимъ міромъ за много вѣковъ до той эпохи, когда обширная страна скиѳовъ стала выступать изъ мрака временъ, да и впослѣдствіи онъ не переставалъ принимать участіе въ великихъ историческихъ движеніяхъ цивилизованныхъ народовъ, сгруппированныхъ на берегахъ Средиземнаго моря. На Таврическомъ полуостровѣ находилась столица Босфорскаго царства, основаннаго Митридатомъ, которому оно служило одною изъ главныхъ опорныхъ точекъ въ его борьбѣ противъ Рима; тамъ же возникли впослѣдствіи колоніи византійскія, затѣмъ колоніи пизанцевъ и генуэзцевъ, служившія посредниками между образованными націями южной Европы и еще варварскими народами, населявшими область Волги. Въ новѣйшее время на этомъ же полуостровѣ происходило страшное, кровопролитное столкновеніе армій между Россіей и двумя могущественнѣйшими государствами Западной Европы. Для самихъ русскихъ, еще недавно менѣе многочисленныхъ въ Крыму, чѣмъ потомки расъ азіатскихъ и расъ средиземноморскихъ, этотъ полуостровъ составляетъ, такъ сказать, внѣшнюю землю, колоніальное владѣніе: они отправляются туда какъ будто заграницу. Полуденный склонъ горъ Тавриды, воспѣтый Пушкинымъ въ его поэмѣ «Бахчисарайскій фонтанъ», является для жителей остальной Россіи какъ бы второй Италіей по его растительности, по климату, по виду земли и неба; Крымъ—одинъ изъ тѣхъ благодатныхъ уголковъ, которые наиболѣе способствовали развитію у современныхъ русскихъ любви къ природѣ. Впрочемъ, это пространство, если его сравнивать съ огромной массой Россіи, имѣетъ очень маленькіе размѣры. Гористая область составляетъ лишь пятую часть полуострова, да и весь Крымъ, приморскій кусокъ Таврической губерніи, въ остальной ея части континентальной, не занимаетъ даже такого протяженія, какъ одна изъ большихъ водныхъ площадей сѣверной Россіи, каково Ладожское озеро, а число его жителей не достигаетъ даже цифры населенія одного изъ главныхъ городовъ Имперіи, каковы: Петербургъ и Москва. Вотъ пространство и населеніе Крыма и всей Таврической губерніи (населеніе по переписи 28 января 1897 г.):

Крымъ—467 кв. миль (22.607 кв. верстъ==25.727 кв. клм.); 538.893 жит. Таврическая губернія—1.154 кв. миль (55.845 кв. верстъ==63.554 кв. клм.); 1.443.566 жителей.

Цѣпь известковыхъ горъ, которая развертывается на южной оконечности Таврическаго полуострова, на протяженіи около 170 верстъ, отъ мыса Херсонесъ до Ѳеодосійской бухты, представляетъ неправильную и извилистую линію. Въ цѣломъ эта горная цѣпь имѣетъ видъ груды обломковъ: она повсюду носитъ на себѣ слѣды глубокихъ размывовъ; скалы ея—это только развалины, горы—только обрывки нѣкогда существовавшаго обширнаго плато, разрѣзаннаго атмосферными дѣятелями. Однако, этотъ сохранившійся остатокъ древняго нагорья даетъ нѣкоторое понятіе объ его первоначальной архитектурѣ: очень пологій съ сѣверной стороны, онъ постепенно понижается и, наконецъ, сливается съ голою почвою степей, тогда какъ на югѣ онъ спускается къ морю обрывистыми крутизнами. Только съ этой стороны вершины известковаго хребта представляютъ видъ настоящихъ горъ; очень близко придвинутыя къ морскому берегу, такъ какъ ось, соединяющая высшія выдающіяся точки гребня, удалена среднимъ числомъ не болѣе какъ на 6—11 верстъ отъ береговъ,—онѣ кажутся тѣмъ болѣе высокими, что въ этомъ узкомъ пространствѣ слѣдуютъ другъ за другомъ неправильные уступы предгорій и мысовъ, а у подножія ихъ разстилается синее море, безъ подводныхъ камней или песчаныхъ мелей, почти безъ водорослей и раковинъ: уже на небольшомъ разстояніи отъ берега веревка лота сматывается до глубины около 50 саженъ.

Известковыя скалы Крымскихъ горъ чередуются во многихъ мѣстахъ со слоями жирной глины и глинистыхъ сланцевъ; такое расположеніе пластовъ имѣетъ слѣдствіемъ ускореніе обвала скатовъ, обращенныхъ къ морю. Нѣкоторыя изъ этихъ залежей глинистыхъ породъ, постепенно размытыя ключевыми водами, оставили послѣ себя большія пустоты въ горной цѣпи, и цѣлые пласты обрушились, обнаруживая еще живой изломъ надъ хаотическими грудами камней. На берегахъ морскія волны размыли скалы повсюду, гдѣ онѣ представляютъ слой глины, и многіе утесы, лишенные опоры, нависли надъ поверхностью моря, ежеминутно угрожая паденіемъ: каждый дождь отрываетъ отъ нихъ большія глыбы или даже цѣлыя стѣны. Иной разъ ливень, падающій въ горахъ, производитъ внезапный потокъ, который приводитъ въ движеніе всѣ каменныя поля долины: однажды отрядъ русскихъ солдатъ, расположившійся на ночлегъ въ ложѣ Альмы, былъ такимъ образомъ унесенъ потоками воды и камней [1]). Иногда случается также, что верхніе пласты сползаютъ по смоченнымъ, скользкимъ слоямъ глины, увлекая за собой дома и сады и образуя въ морѣ новый мысъ. Когда Палласъ путешествовалъ по Крыму, въ 1794 году, ему показывали два мыса этого рода, образовавшіеся вслѣдствіе обваловъ, которые случились за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слои жирной глины находятся даже въ сосѣдствѣ горныхъ вершинъ, и присутствіе ихъ обнаруживается солеными водами, вокругъ

[1]) Евг. Марковъ, „Пещерные города Крыма", „Вѣстникъ Европы", 1872 г., № VI, VII.

которыхъ почва покрыта растеніями, обыкновенно встрѣчающимися на берегу океана [1]). Известковые ключи, бьющіе изъ земли и окруженные сростками отлагающагося камня, также очень многочисленны въ этой гористой области.

Самая высокая гора Таврическаго полуострова, которой русскіе оставили ея татарское названіе — Чатыръ-Дагъ, или «Шатеръ-гора», можетъ быть взята за примѣръ общаго образованія этой приморской известковой стѣны, изрѣзанной въ видѣ зубцовъ старой крѣпости. Издали правильныя, бѣлыя стѣны Шатеръ-горы дѣйствительно придаютъ ей видъ палатки; но если смотрѣть на нее съ вершины, то она скорѣе заслуживаетъ наименованіе «Стола» или Трапецосъ, которое ей дали греки. Уединенный со всѣхъ сторонъ (на востокѣ и западѣ—пропастями почти вертикальными, на сѣверѣ и югѣ—цирками и образовавшимися путемъ размыва оврагами), Чатыръ-Дагъ имѣетъ форму четыреугольной массы, удлиненной въ направленіи меридіана, и обнимаетъ поверхность около 20 квадр. верстъ. Эта обширная нагорная площадь, если не совершенно горизонтальна, то по крайней мѣрѣ очень полого наклонена къ южному краю «стола»; только тамъ и сямъ образовались на ровной поверхности воронкообразныя углубленія, гдѣ теряются дождевыя воды [2]). Горныя пастбища или яйлы Чатыръ-Дага и его сосѣдей напоминаютъ альмы (alpages) швейцарской Юры; но время оставило болѣе глубокіе слѣды разрушенія на берегахъ Чернаго моря, чѣмъ надъ Невшательскимъ озеромъ: ни одна горная вершина гельветійской Юры не была обнажена атмосферными дѣятелями въ такой сильной степени, какъ Шатеръ-гора. Проломъ Ангаръ или Ангаръ-Богазъ, открывающійся на восточной сторонѣ Чатыръ-Дага, даетъ начало Салгиру, притоку Сиваша и самой многоводной рѣкѣ Крымскаго полуострова. Ангарскій перевалъ, лежащій ниже, чѣмъ всѣ другіе проходы горной цѣпи въ собственномъ смыслѣ, и черезъ который съ давнихъ поръ существуетъ колесная дорога, во всѣ времена облегчалъ сообщенія между сѣверными степями и южнымъ побережьемъ; такимъ образомъ, это мѣсто является однимъ изъ жизненныхъ пунктовъ полуострова. Вотъ высота главныхъ вершинъ Крымскихъ горъ, по Парроту и Энгельгардту:

Чатыръ-Дагъ — 5.450 фут. (1.661 метр.); Бабуганъ-Яйла, на югѣ,—5.430 фут. (1.655 метр.); Ай-Васнлемъ — 5.340 фут. (1.627 метр.).

Подобно большей части морскихъ береговъ, состоящихъ изъ известковыхъ формацій, южное побережье Крыма развертывается въ видѣ кривыхъ, отличающихся замѣчательной отчетливостью контуровъ: нѣкоторыя изъ линій закруглены такъ правильно, какъ будто онѣ начерчены циркулемъ. Старые, выступившіе изъ-подъ воды берега, которые видны во многихъ мѣстахъ на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ нынѣшней поверхностью моря, свидѣтельствуютъ или о поднятіи страны, или о быстромъ пониженіи уровня водъ Понта-Эвксинскаго въ ту эпоху, когда это море, открывъ себѣ выходъ черезъ Босфоръ, вылилось частію въ бассейнъ Средиземнаго моря и отдѣлилось отъ Каспія. Спеціальныя изслѣдованія, произведенныя въ текущемъ столѣтіи, доказали, что эти вышедшіе изъ воды берега, состоящіе по большей части изъ песку, смѣшаннаго съ раковинами, имѣютъ различную высоту, отъ 13 до 20 футовъ, и что они окружаютъ всю полуденную часть Крыма, продолжаясь на востокѣ вдоль полуостровов Керченскаго и Таманскаго. Находимыя въ ихъ почвѣ раковины принадлежатъ всѣ безъ исключенія къ видамъ, еще существующимъ въ Черномъ морѣ [1]).

На обоихъ скатахъ известковой горной цѣпи и около обѣихъ ея оконечностей, тамъ и сямъ выступаютъ на поверхность почвы эруптивныя породы; прежде эти формаціи принимали за офиты древняго происхожденія, но потомъ, благодаря химическому анализу, убѣдились, что это базальты новѣйшаго образованія [2]): мысъ св. Георгія, на юго-западной оконечности полуострова, есть одна изъ такихъ бальзатовыхъ площадей, выдвинувшихся далеко въ море. Подземная дѣятельность, обнаруживающаяся время отъ времени изверженіями, по обѣимъ сторонамъ Керченскаго пролива, проявляется именно на оси соединенія Крымскихъ и Кавказскихъ горъ: безъ всякаго сомнѣнія, разрыву этой линіи морской долиной и должно быть приписано вулканическое состояніе глубокихъ слоевъ почвы. Горячіе минеральные ключи, нефтяные источники, грязевые вулканы, подобные сицилійскимъ маккалубамъ (Джирдженти), до сихъ поръ еще встрѣчаются тамъ и сямъ въ гористой области окрестностей Керчи; но мощныя залежи глины эруптивнаго происхожденія доказываютъ, что изліянія грязи происходили прежде съ гораздо большей силой, чѣмъ въ наши дни. На Керченскомъ полуостровѣ изъ многочисленныхъ грязевыхъ вулкановъ всего чаще бываютъ въ дѣйствіи Булганакскіе, находящіеся верстахъ въ 6 къ сѣверу отъ города Керчи: когда грязь позволяетъ подойти близко къ этимъ вулканамъ, можно видѣть внутри кратеровъ, какъ пузыри газа вздуваются и лопаются, выбрасывая грязь на высоту нѣсколькихъ дюймовъ. Смотря по сте-

[1]) Ант. Палласъ, „Краткое физическое и топографическое описаніе Таврической области".
[2]) J. G Kohl, „Reisen in Süd-Russland".

[1]) Hermann Abich, „Ein Blick auf die Halbinseln Kertsch und Taman".
[2]) Фонъ Штукенбергъ, „Матеріалы для геологіи Россіи". Изданіе Русскаго Геологическаго Общества, томъ V.

пени жидкости веществъ, вылетающихъ изъ отверстій почвы, эруптивные конусы бываютъ болѣе или менѣе высоки и остроконечны: между ними есть и такіе, которые имѣютъ скорѣе форму плоскостей, слегка вздутыхъ по срединѣ. Температура жидкой грязи лѣтомъ гораздо ниже температуры внѣшняго воздуха. По разсказамъ татаръ, мѣстныхъ жителей, изверженія газа и грязи бываютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ спокойнѣе море. Когда море бушуетъ, вулканы утихаютъ.

Утесъ и монастырь св. Георгія.

По своимъ береговымъ утесамъ, по высокимъ кручамъ, островъ горъ полуденнаго Крыма, которые уже Плиній характеризовалъ какъ островной массивъ, рѣзко отличается отъ остальной Россіи, почти вездѣ представляющей низменность или немного бугроватую равнину; но въ особенности по характеру своей раститель-

ности Таврическія горы могутъ быть разсматриваемы какъ особый міръ. Въ Крымскихъ степяхъ, залегающихъ по берегамъ Гнилаго моря, глинистая почва производитъ лишь отдѣльно торчащіе пучки травы, да и тѣ послѣ двухмѣсячнаго произбанія разсыпаются въ пыль, спаленные солнцемъ: можно подумать, что находишься среди безплодной пустыни [1]. Но уже на первыхъ косогорахъ сѣвернаго склона горъ, обращеннаго къ голой степи, зеленѣющіе луга, кучки тополей, фруктовые сады, рощицы различныхъ древесныхъ породъ украшаютъ скаты, и въ каждой долинѣ журчатъ свѣжія воды, которыя сосѣдніе жители отводятъ въ свои сады, гдѣ онѣ питаютъ великолѣпную растительность. Лѣса на высотахъ еще не всѣ истреблены, и еще можно увидѣть тамъ и сямъ группы прекрасныхъ буковъ, напоминающія лѣса центральной Европы и Нормандіи. Всѣ большія деревья умѣренной Европы растутъ здѣсь смѣшанно, дубъ, букъ, грабина, липа, вязъ, ясень, рябина, осина, ива, боярышникъ, черешня, слива, дикая яблоня. На полуденномъ склонѣ самое обыкновенное дерево—приморская сосна (Pinus maritima); но на нижнихъ скатахъ растительность напоминаетъ Италію: перейдя черезъ горы, какъ бы переносишься на нѣсколько градусовъ къ югу. Тамъ ростутъ лавръ, фиговое дерево, каркасъ (желѣзное дерево), гранатовое, маслиничное и земляничное деревья, а дикій виноградъ обвиваетъ стволы большихъ деревьевъ. Число растеній, встрѣчающихся на горахъ Тавриды, превышаетъ на нѣсколько сотъ цифру растительныхъ видовъ, населяющихъ всю остальную Россію [2]. Усаженный шпалерами деревьевъ, склонъ хребта Яйлы образуетъ какъ бы обширный ботаническій садъ, и въ великолѣпныхъ паркахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ у подножія крутыхъ утесовъ, стоило только прибавить къ растеніямъ окружающихъ природныхъ лѣсовъ искусственно разводимые цвѣты, чтобы сдѣлать ихъ подобными чудеснымъ садамъ Сициліи и Лигуріи.

Слишкомъ тѣсный, чтобы дать пріютъ значительной фаунѣ, Крымскій полуостровъ гораздо менѣе богатъ животными, чѣмъ растительными видами. За исключеніемъ зайца, лисицы да мелкихъ грызуновъ, дикія четвероногія тамъ вообще рѣдки; а нѣкоторые изъ видовъ, свойственныхъ остальной Россіи, совершенно отсутствуютъ въ Крыму: они были задержаны, въ своихъ переселеніяхъ, голой степью. Олень, козуля, куница, встрѣчающіеся въ Крыму,—кавказскаго происхожденія; они, вѣроятно пробрались сюда зимой, по льдамъ; но бѣлка, проводящая зиму въ спячкѣ, не могла иммигрировать этимъ способомъ [1]). Но всѣ домашнія животныя русскихъ степей разведены и на полуостровѣ, и двугорбый верблюдъ странствуетъ по солончаковымъ равнинамъ береговъ Сиваша, какъ по песчанымъ пустынямъ своей азіатской родины. Осенью перепела собираются массами на южномъ берегу Крыма, чтобы отправиться въ компаніи за Черное море, затѣмъ слѣдующей весной они опять прилетаютъ сюда съ береговъ Анатоліи; извѣстно, что такимъ же образомъ совершаются періодическія странствованія перепеловъ между Провансомъ и Мавританіей, черезъ западный бассейнъ Средиземнаго моря. Таврида относительно бѣдна водяными птицами, пресмыкающимися, насѣкомыми, морскими моллюсками. Крымскія устрицы, маленькія и треугольныя, отличаются превосходнымъ вкусомъ: академикъ Беръ видитъ въ нихъ измельчавшую разновидность обыкновеннаго вида устрицъ; пропорція соли въ водѣ Чернаго моря, именно отъ 17 до 18 частей на 1000, есть наименьшая, при которой можетъ развиваться этотъ моллюскъ. Раковина шашень-древоточецъ составляетъ истинный бичъ крымскихъ портовъ, такъ что, напримѣръ, въ Севастопольскомъ портѣ среднюю продолжительность службы деревяннаго военнаго корабля считаютъ всего только въ восемь лѣтъ. Объ обиліи животной жизни, кишащей у береговъ Крыма, можно судить по тому факту, что въ декабрѣ 1869 года Балаклавская бухта почти вся наполнилась несмѣтной стаей анчоусовъ, которыхъ преслѣдовали дельфины. Не находя выхода, черезъ который можно бы было пробраться въ открытое море, и безпрестанно увеличиваемая новыми кучами рыбы, эта стая, наконецъ, образовала какъ бы сплошную твердую массу, которая во многихъ мѣстахъ выступала выше поверхности воды. Все населеніе Балаклавы только тѣмъ и занималось, что наполняло рыбой лодки, суда, бочки. Но вскорѣ пришлось также подумать объ удаленіи изъ бассейна мертвой рыбы, которая накопилась въ немъ миріадами: тысячи людей, присланныхъ изъ Севастополя, долго работали надъ очисткой береговъ отъ загромождавшихъ ихъ гніющихъ веществъ; въ то же время прибѣгали даже къ помощи пушекъ, чтобы прогнать дельфиновъ, которые блокировали входъ въ бухту, препятствуя такимъ образомъ бѣгству живыхъ анчоусовъ. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ атмосфера была заражена; часть жителей Балаклавы принуждена была бѣжать изъ города отъ нестерпимой вони, распространившейся въ воздухѣ. Впрочемъ, значительная масса рыбы, вмѣсто того, чтобы подвергнуться гніенію, превратилась въ какое-то мѣловое

[1]) Köppen, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches“.

[2]) Палласъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Köppen, „Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reishes“. 2 Folge, Petersb., 1882.

вещество, бѣлое и жирное на ощупь, какъ мыло, и вещество это постепенно отложилось на берегахъ въ видѣ геологическаго пласта [1]).

По своимъ климатическимъ условіямъ, Крымъ принадлежитъ къ теплымъ странамъ, и средняя зимняя температура на полуостровѣ очень рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, опускается ниже точки замерзанія даже въ городахъ сѣверной покатости. Въ Симферополѣ средняя температура: весны 11°,14 Ц.; лѣта 19°,85; осени 8°,46; зимы 0°,70; цѣлаго года 11°,65; средняя температура въ Никитскомъ саду (на Южномъ берегу) 12°,55 Ц.

Теплый климатъ и богатая растительность долинъ, естественно, должны были уже въ самыя отдаленныя времена привлекать поселенцевъ къ Таврическому полуострову; но географическое положеніе этой страны обезпечивало, сверхъ того, жителямъ особенныя выгоды. Расположенный внѣ континента, сохраняя, однако, свободное сообщеніе съ внутренними равнинами, Крымъ, такъ сказать, идетъ на встрѣчу всѣмъ торговымъ путямъ и открываетъ имъ свои гавани. Будучи стражемъ Азовскаго моря и западныхъ заливовъ Понта Эвксинскаго, онъ пользуется въ одно и то же время выгодами торговаго обмѣна между заморскими краями и бассейнами Дона и Днѣпра. Въ отношеніи нападенія и обороны, Крымъ также занимаетъ исключительно благопріятное положеніе, въ центрѣ Чернаго моря; заперевъ ворота перешейка, который соединяетъ его съ материкомъ, онъ можетъ даже превратиться въ настоящую крѣпость: таковъ именно и былъ, по мнѣнію Форстера и Кеппена [2]), смыслъ имени «крымъ», которое ему дали татары около конца тринадцатаго столѣтія [3]), и которое осталось за нимъ до нашихъ дней, вмѣстѣ съ болѣе древнимъ наименованіемъ Тавриды или Таврическаго полуострова. Хартахай (по происхожденію, принадлежащій къ крымскимъ татарамъ) полагаетъ, что это названіе близко подходитъ къ монгольскому слову керемъ, которое означаетъ стѣну.

Мы очень мало знаемъ о киммерійскихъ ѳракіянахъ [4]), которые населяли полуостровъ въ эпоху, когда начинается заря всемірной исторіи, и которые были прогнаны скиѳскимъ народомъ (таврами) и ушли опустошать Малую Азію. Можетъ быть, этимъ-то первоначальнымъ жителямъ, ѳракіянамъ, и были обязаны своимъ происхожденіемъ обширныя пещеры, вырытыя въ видѣ настоящихъ подземныхъ городовъ, въ известковыхъ стѣнахъ горъ, и заключающія тысячи комнатъ [1]), гдѣ нѣкогда обитали цѣлыя поколѣнія бѣглецовъ и отшельниковъ. Нѣсколько менгировъ и многочисленные долмены, встрѣчающіеся на высотахъ [2]), особенно въ горахъ юго-западной части полуострова, и похожіе на древнія могилы Галліи [3]), тоже, можетъ быть, должны быть приписаны этимъ аборигенамъ, въ которыхъ многіе писатели хотѣли видѣть кельтовъ, единоплеменниковъ тѣхъ кельтовъ, которые вторглись въ страны Западной Европы. Весьма вѣроятно, что населеніе Тавриды въ своей совокупности имѣло родственную связь съ племенами Кавказа. По мнѣнію Кеппена, жители мѣстностей Крыма, заключающихъ долмены, похожи на людей, жившихъ въ краѣ въ эпоху, къ которой относится сооруженіе этихъ могилъ и должны быть разсматриваемы въ большей части какъ ихъ потомки [4]).

Въ эпоху, когда эллинская цивилизація ввела народы Тавриды въ кругъ древняго міра, господствующая раса страны, извѣстная у грековъ подъ именемъ скиѳовъ, какъ всѣ жители сѣверныхъ равнинъ Европы, принадлежала къ арійской семьѣ: скелеты, найденные въ древнихъ могилахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Благодаря своимъ эллинскимъ наставникамъ, скиѳы Таврическаго полуострова сдѣлали удивительные успѣхи въ искусствахъ, и нѣкоторыя изъ ихъ издѣлій мало уступаютъ замѣчательнѣйшимъ по благородству вкуса греческимъ произведеніямъ, которыя были найдены въ тѣхъ же самыхъ могилахъ, и которыя теперь составляютъ славу музеевъ. Холмы, господствующіе надъ Керчью, древней Пантикапеей милетійцевъ, содержали недавно въ своихъ древнихъ могилахъ и катакомбахъ огромныя сокровища, большая часть которыхъ была перенесена въ музей Эрмитажа, въ Петербургѣ, и въ нѣкоторыя частныя коллекціи. Уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ эти могилы, особенно могилы женщинъ, какъ самыя богатыя драгоцѣнными металлами, эксплоатировались искателями кладовъ, и недавнія раскопки привели даже къ открытію двухъ изъ этихъ рудокоповъ, еще держащихъ лопаты въ рукахъ въ тотъ моментъ, когда они были засыпаны обваломъ земли. По разсказамъ туземцевъ, генуэзскіе купцы были особенно искусны въ раскапываніи древнихъ могилъ, и именно во времена ихъ господства была обобрана бо́льшая часть царскихъ могилъ въ окрестностяхъ Керчи. Однако, оставалось еще много цѣльныхъ, непрофанированныхъ могилъ, и съ 1816 года французъ Поль Дюбрю началъ съ успѣхомъ рядъ раскопокъ въ керченскихъ могилкахъ;

[1]) Fritsche;—Brandt, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg“, tome III, 1861.
[2]) „Крымскій Сборникъ“.
[3]) Гаркави, „Russische Revue“, 1866, X.
[4]) D'Arbois de Jubainville, „Les premiers habitants de l'Europe“.

[1]) Евг. Марковъ, „Пещерные города Крыма“.
[2]) Dubois de Montpéreux, „Voyage en Crimée et au Caucase“.
[3]) C. de Mortillet, „Races humaines et chirurgie religieuse à l'époque des dolmens“.
[4]) „Russische Revue“, 1874, № 12.

по капитальнымъ археологическимъ событіемъ было открытіе, въ 1831 году, обширной усыпальницы, скрытой внутри Куль-Обы, или «Горы Пепла», стоящей на сѣверѣ отъ Керчи: тамъ нашли вокругъ двухъ скелетовъ, царя и царицы, цѣлый музей драгоцѣнныхъ предметовъ—вазы, статуэтки, монеты, камни съ рѣзьбой, разное оружіе, браслеты, всякаго рода орудія и утварь, такъ какъ было въ обычаѣ класть съ покойникомъ въ могилу все, что ему нравилось при жизни. Къ несчастію, эта гробница, также какъ нижній склепъ, который, говорятъ, былъ еще богаче, были разграблены ночью сотнями людей, которыхъ привлекъ слухъ о чудесныхъ находкахъ. Несмотря на оффиціально объявленное общее прощеніе расхитителямъ и предложеніе заплатить на вѣсъ за всѣ взятыя изъ могилы вещи, большая часть этихъ сокровищъ, переплавленныхъ тайкомъ въ горнилѣ, была потеряна для науки [1]). Но оставшіяся статуэтки, равно какъ скелеты, достаточно доказываютъ, что скиѳы, населявшіе берега Босфора Киммерійскаго, принадлежали къ арійской расѣ: нѣкоторые даже хотѣли признать въ нихъ «истыхъ казаковъ» [2]). Различные предметы, собранные въ керченскихъ могилахъ, повидимому, принадлежатъ къ двумъ эпохамъ, соотвѣтствующимъ одна—царствованію Александра Македонскаго, другая—установленію римскаго владычества; но за этими вѣками эллинскаго вліянія, продолжавшагося во все время царствованія древней династіи, слѣдовалъ другой періодъ, свидѣтельствующій о преобладаніи азіатскаго стиля. Фрески, открытыя въ 1871 году Стасовымъ въ одной керченской катакомбѣ, доказываютъ, что въ эпоху Митридата въ Тавридѣ произошла реакція противъ западнаго искусства, въ пользу искусства восточнаго [3]). Эта реакція продолжалась до четвертаго столѣтія христіанской эры; но тогда общее потрясеніе народовъ, извѣстное подъ именемъ великаго переселенія, которое совершалось въ направленіи отъ востока къ западу, измѣнило, по крайней мѣрѣ отчасти, населеніе Тавриды, и сообщенія жителей полуострова съ племенами сѣверной Россіи были прерваны на цѣлый рядъ вѣковъ. Именно благодаря этимъ сношеніямъ, пантикапейскіе скиѳы имѣли возможность доставать тѣ огромныя количества золота, уральскаго и даже алтайскаго происхожденія, которыя были погребены ими въ своихъ могильныхъ курганахъ.

Въ то время, какъ въ области степей пришедшіе въ движеніе народы, сталкиваясь другъ съ другомъ, нигдѣ не останавливались и должны были безпрестанно перемѣщаться подъ напоромъ своихъ сосѣдей, племена, которыя были отброшены боковымъ потокомъ этого общаго переселенія на Крымскій полуостровъ, нашли тамъ точку опоры въ горахъ и могли долго сопротивляться, запертые въ высокихъ долинахъ. Такъ, аланы, впрочемъ въ небольшомъ числѣ, удерживались тамъ болѣе шести столѣтій подъ именемъ асовъ, асіасовъ, акасовъ или ясовъ, при томъ не какъ покоренный народецъ, а какъ люди «бѣлые», то-есть вольные [1]). Марино Санудо упоминаетъ еще объ этихъ аланахъ въ 1334 г., въ эпоху, когда они уже давнымъ-давно исчезли изъ всей остальной Европы, исключая прибрежныхъ болотистыхъ пространствъ Чернаго моря. Громадная имперія готовъ, обнимавшая половину Европы, исчезла, какъ утекающая вода; напротивъ, маленькій отрядъ этихъ самыхъ готовъ, поселившійся въ Крымскихъ горахъ, держался болѣе тысячи лѣтъ, сохраняя свой языкъ и національность. Въ половинѣ тринадцатаго вѣка, фламандецъ Рубруквисъ говоритъ опредѣленно, что готы живутъ въ большомъ числѣ на южномъ берегу Тавриды, называемомъ Готіей, и что языкъ ихъ тевтонскаго происхожденія; многія слова этого языка, дѣйствительно, очень близкаго къ нѣмецкому, приведены въ описаніи путешествія одного австрійца, посѣтившаго Крымъ въ 1565 году. Еще въ семнадцатомъ столѣтіи одна изъ группъ этого народа, жившая въ западной части Крымскихъ горъ, вокругъ старинной крѣпости Мангупъ-Кале, отличалась своимъ германскимъ языкомъ отъ всѣхъ окружающихъ населеній [2]). Одно кладбище въ сосѣдствѣ Бахчисарая и теперь еще извѣстно у окрестныхъ крестьянъ подъ именемъ готскаго или «готвейскаго» [3]). Могилы этого кладбища принадлежатъ къ двумъ эпохамъ—языческой и христіанской.

Въ средніе вѣка нѣсколько колоній русскихъ поселенцевъ, удаленныхъ отъ главной массы своего племени, также были однимъ изъ наиболѣе прочно водворившихся населеній Крыма, такъ что арабскіе писатели дали этой землѣ названіе «Русскаго полуострова» [4]). Равнымъ образомъ и крымскіе татары могли держаться гораздо долѣе въ естественной твердынѣ, представляемой горами Тавриды, чѣмъ ихъ соплеменники, жившіе на континентѣ, въ оврагахъ степей. Эти тюрки обязаны своимъ наименованіемъ «ногайцевъ» хану Ногаю, изъ Золотой, или Кипчакской Орды, который отпалъ отъ

[1]) К. Герцъ, „Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ“. Изд. Дашковымъ, т. I.

[2]) Beulé, „Fouilles et découvertes“; „Antiquités du Bosphore cimmérien“.

[3]) Albin Kohn und C. Mehlis, „Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa“.

[1]) Ф. Брунъ, „Матеріалы для исторіи Сугдеи“.

[2]) Ф. Брунъ, „Черноморскіе готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи“ („Записки Имп. Акад. Наукъ“)—Alfred Rambaud, „La Russie épique“.

[3]) Марковъ, „Пещерные города Крыма“, „Вѣстникъ Европы“, 1872 г., №№ 6 и 7.

[4]) Проф. Иловайскій; Гаркави, „Сообщеніе, читанное на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ“.

монгольской имперіи около конца тринадцатаго столѣтія и поселился между Терекомъ и Кумой со своими разноплеменными подданными—хазарами, печенѣгами, куманами и монголами [1]). Въ тринадцатомъ вѣкѣ ногайцы овладѣли Крымомъ, изъ котораго они сдѣлали складочный пунктъ для торговли съ Европой чрезъ посредство итальянскихъ колоній, основанныхъ преимущественно генуэзцами на берегахъ полуострова. Царство ногайскихъ или крымскихъ татаръ организовалось окончательно, когда Тамерланъ разрушилъ Золотую Орду на Волгѣ; для стамбульскихъ султановъ: это было начало тѣхъ безпрестанныхъ войнъ и набѣговъ, которые долго опустошали южную Россію и обратили нѣкоторыя области ея въ безлюдныя пустыни. Наконецъ, Екатерина II, въ 1774 году, по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату, заставила Турцію признать независимость Крымскаго ханства, которое, вслѣдствіе этого сдѣлалось вассаломъ петербургскаго правительства; въ 1783 году послѣдній изъ династіи Гиреевъ, Шагинъ-Гирей, убѣжденный агентами Екатерины, отказался отъ престола въ пользу импе-

Гробница скиѳскихъ царей, близъ Керчи.

затѣмъ оно достигло высшей степени могущества и славы при династіи Гиреевъ, которая царствовала на полуостровѣ болѣе трехъ столѣтій, съ начала пятнадцатаго вѣка. Первыя времена правленія этой династіи были самой счастливой эпохой для Крыма, благодаря полной терпимости, съ которой дозволялось всѣмъ безъ исключенія чужеземцамъ, русскимъ или итальянцамъ, къ какой бы расѣ, народности и религіи они ни принадлежали, селиться и вести торговлю въ краѣ [2]). Но все это измѣнилось съ той поры, какъ турки овладѣли Каффой, и крымскіе ханы, ставшіе ихъ вассалами, принуждены были сдѣлаться поставщиками невольниковъ ратрицы всероссійской и былъ отправленъ на житье въ Калугу.

Съ того времени, какъ полуостровъ долженъ былъ принять чуждыхъ властителей, населеніе его начало уменьшаться: многія мѣстности обратились въ пустыню, зато у побѣдителей явились обширныя имѣнія. Въ 1736 году одинъ венгерскій резидентъ, французскій консулъ Эворка, исчислялъ въ 150.000 человѣкъ ратныя силы Перекопской орды и, сверхъ того, насчитывалъ 40.000 семействъ ногайскихъ татаръ въ странѣ [1]). Въ 1804 году оффиціальные документы опредѣляли только въ 140.000 человѣкъ населеніе Крыма, которое прежде превышало цифру полмилліона [2]), то-есть было вдвое

[1]) Castren, „Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker“.

[2]) Ѳ. Хартахай, „Историческая судьба крымскихъ татаръ“, „Вѣстникъ Европы“, 1866 г., II, и 1867 г., II.

[1]) Ф. Брунъ, „Крымъ въ половинѣ XVIII столѣтія“.

[2]) В. А. Дашковъ, „Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи“.

*

многочисленнѣе, чѣмъ въ наши дни. Вслѣдствіе войны, извѣстной подъ именемъ «Крымской», въ 1854 и 1855 г., потомъ съ 1860 до 1863 года, татары массами эмигрировали, отправляясь искать убѣжища во владѣніяхъ турецкаго султана: болѣе пятисотъ деревень и поселковъ совершенно опустѣли до послѣдняго жителя, въ этотъ періодъ татарскаго исхода. При этомъ образовались два встрѣчные потока переселенія: въ то время, какъ крымскіе магометане уходили селиться на оттоманской почвѣ, болгары и другіе христіане, подвластные Турціи, приходили брать земли, покинутыя на полуостровѣ. Указъ отъ 13 января 1874 года, обязывающій татаръ къ военной службѣ, обученіе русскому языку въ школахъ [1]), частое вмѣшательство чиновниковъ, регламентація—всѣ эти причины способствуютъ ослабленію татарскаго элемента: въ то время, какъ другія расы, входящія въ составъ населенія Крыма, увеличиваются въ числѣ, татары, напротивъ, уменьшаются. Въ 1864 году они были многочисленнѣе, чѣмъ всѣ другіе обитатели Тавриды; въ наши же дни пропорція измѣнилась въ ущербъ ихъ народности: нынѣ они не составляютъ даже трети общаго числа жителей полуострова.

Приблизительное населеніе Крыма (по Риттиху):

Татары въ 1864 г.—100.000; въ 1874 г.—80.000. Русскіе (великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы) въ 1864 г.—55.700; въ 1874 г.—130.000. Другія народности (греки, евреи, болгары и проч.) въ 1864 г.—39.200; въ 1874 г.—38.000.

Во время прибытія на полуостровъ татары были далеко не чистой тюркской расы; въ Крыму они смѣшивались все болѣе и болѣе, съ одной стороны, съ туземнымъ населеніемъ, съ другой—съ плѣнниками, которые иногда приводились тысячами изъ Россіи. Во многихъ мѣстностяхъ гористой области татары принадлежатъ къ азіатскому племени только по имени и по религіи: ихъ прекрасный эллинскій профиль сразу обличаетъ въ нихъ грековъ и итальянцевъ по происхожденію; это—принявшіе исламъ и отатарившіеся потомки древнихъ населеній Тавриды и генуэзцевъ Каффы [2]); по другому мнѣнію, это—украинцы, потомки средневѣковыхъ колонистовъ. Множество совершенно исчезло изъ ихъ общинъ. Впрочемъ, какова бы ни была доля участія различныхъ этнографическихъ элементовъ, соединенныхъ въ ихъ расѣ, всѣ ихъ сосѣди—русскіе, греки, нѣмцы или евреи—единогласно хвалятъ ихъ прямодушіе, честность и добросовѣстность, любовь къ труду и порядку, трезвость, ихъ уваженіе къ человѣческому достоинству. Теряя татаръ, Крымъ лишается своихъ лучшихъ гражданъ.

Крымскіе евреи, принадлежащіе къ особенной сектѣ, извѣстной подъ именемъ караитовъ или караимовъ, также пользуются общимъ уваженіемъ за ихъ честность, простоту нравовъ, трудолюбіе, настойчивость въ начатыхъ дѣлахъ; однако, про нихъ говорятъ, что они медлительны и лишены иниціативы; женщины ихъ отличаются обыкновенно большимъ обиліемъ драгоцѣнныхъ украшеній въ нарядѣ. Самое названіе ихъ караимы, или караиты, которое означаетъ «чтецы», начетчики, свидѣтельствуетъ о постоянномъ чтеніи и изученіи ими древнихъ книгъ; но они отвергаютъ толкованія или талмудъ, столь важный въ глазахъ другихъ евреевъ. Они вообще не сближаются съ послѣдними, которые, можетъ быть, и не соплеменны имъ; тѣмъ не менѣе караимы очень цѣнятся образованными евреями Западной Европы, по причинѣ заботливости, съ которою они сохранили древнія вѣроученія, и денежныя пожертвованія богатыхъ французскихъ евреевъ способствовали основанію и содержанію синагогъ и еврейскихъ школъ въ Крыму [1]). Многіе писатели видятъ въ караимахъ потомковъ тѣхъ хазаръ, частію обращенныхъ въ іудейскую вѣру, которые нѣкогда жили на обоихъ берегахъ Волги, въ Крыму и у подножія Кавказскихъ горъ. Возможно также, что караимы смѣшались съ крымскими татарами, судя по тому, что они носятъ татарскій костюмъ и говорятъ татарскимъ языкомъ. Вообще, они больше походятъ на татаръ, чѣмъ на евреевъ въ собственномъ смыслѣ; впрочемъ, нѣкоторый іудейскій элементъ несомнѣнно существовалъ въ Крыму, такъ какъ на полуостровѣ найдены древне-еврейскія надписи, изъ которыхъ иныя относятся даже къ первому вѣку христіанскаго лѣтосчисленія [2]).

Большое число караимовъ занимается земледѣліемъ; однако, большинство ихъ посвящаетъ себя коммерческой дѣятельности, но не разносному торгу подержанными вещами: главная ихъ спеціальность—торговля колоніальными товарами, и она производится преимущественно съ Балканскимъ полуостровомъ и областями Кавказа, гдѣ находятся ихъ единовѣрцы. Евреи кіевскіе и новгородскіе, о которыхъ идетъ рѣчь въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ, главнымъ образомъ по поводу секты «жидовствующихъ», существовавшей въ Новгородѣ и въ Москвѣ, въ пятнадцатомъ столѣтіи, были, вѣроятно, караимы [3]). Ихъ маленькія общины разсѣяны въ разныхъ странахъ міра, отъ Галиціи до Палестины; но главная масса караимовъ, болѣе половины всего ихъ числа, именно около четырехъ тысячъ душъ, живетъ въ Крыму, гдѣ находится мѣстечко Чуфутъ-Кале, которое можно назвать

[1]) „Недѣля“, 1874 г., № 16.

[2]) Mackenzie Wallace, „Russia“;—Alfred Rambaud,—„Городскія пос. въ Росс. Имп.“, IV.

[1]) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

[2]) Григоровичъ, „Записки антиквара о поѣздкѣ на Калку и Калміусъ“.

[3]) Брунъ, „Записки Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей“.

Іерусалимомъ ихъ секты. Однако, караимы не живутъ теперь въ этой метрополіи; въ 1876 году де-Мели видѣлъ тамъ только два еврейскихъ семейства [1]). Торговля и промышленность влекутъ караимовъ въ большіе, оживленные города; но они считаютъ священнымъ долгомъ часто посѣщать свою историческую столицу и полагаютъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы по смерти кости ихъ покоились на сосѣднемъ кладбищѣ. Одна долина въ окрестностяхъ Чуфутъ-Кале, окруженная скалами, почти безъ деревьевъ, усѣяна надгробными камнями: это ихъ «долина Іосафата». Въ краѣ есть также колоніи цыганъ, оставившихъ бродячій образъ жизни и занимающихся кузнечнымъ или котельнымъ ремесломъ.

Гроты Чуфутъ-Кале.

[1]) „Tour du Monde“, 1878, liv. 910.

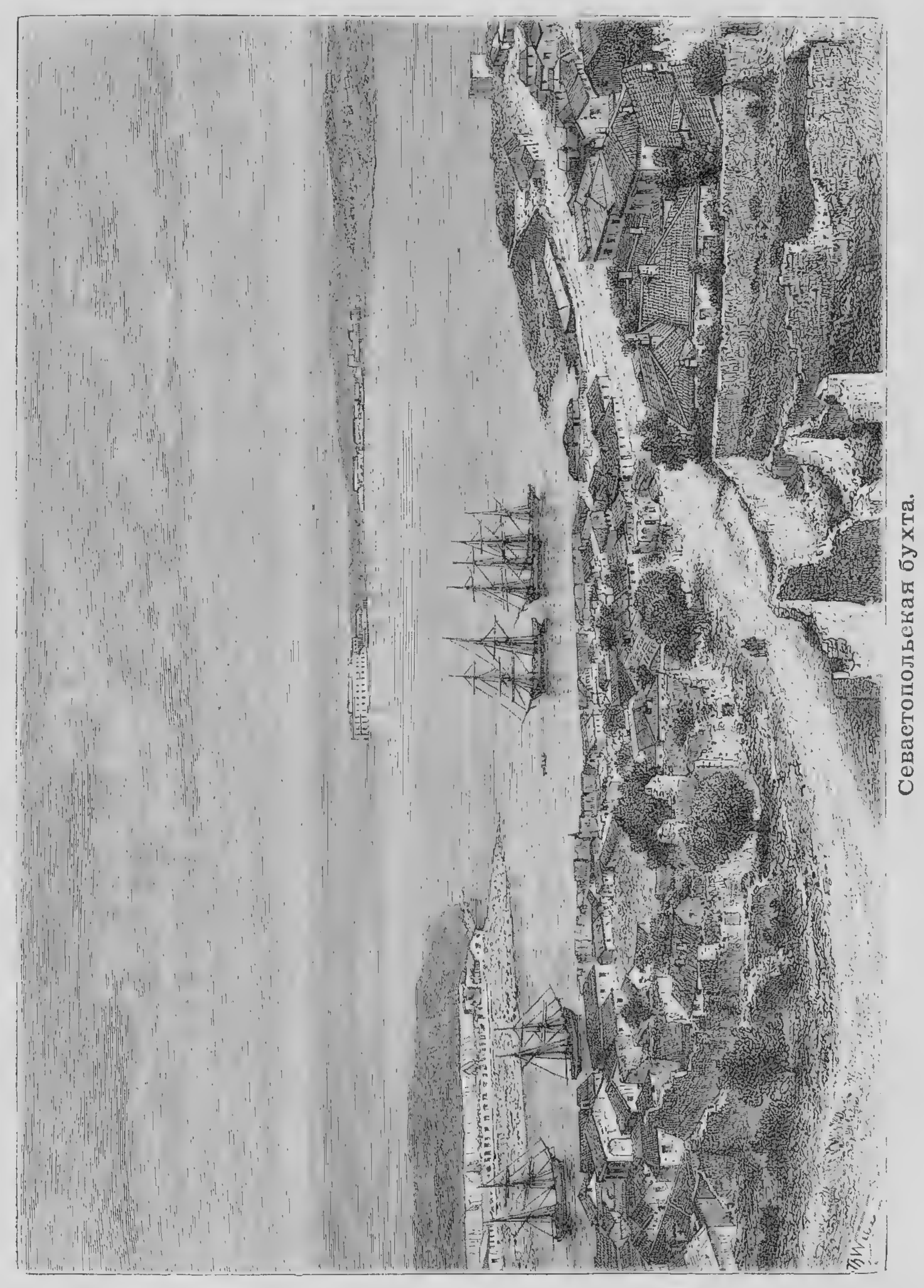
Перекопъ (по-татарски Оръ или Уръ), городъ, охраняющій входъ въ Крымъ, если самъ не древняго происхожденія, то, по крайней мѣрѣ, стоитъ на мѣстѣ расположенія предшествовавшаго ему города, такъ какъ никакой другой пунктъ не могъ быть выбранъ, чтобы сдѣлать разрѣзъ (перекопъ) черезъ перешеекъ, соединяющій полуостровъ съ материкомъ: здѣсь находится самая узкая часть перешейка, и плато крымскихъ степей сливается съ глинистой почвой равнины. Въ пятнадцатомъ столѣтіи ровъ Тафросъ, отдѣлявшій Крымъ отъ континента, давно уже былъ засоренъ и древнія укрѣпленія заросли кустарникомъ, когда ханъ Менгли-Гирей воздвигъ новую крѣпостную стѣну и велѣлъ возстановить ровъ. Слѣды этихъ сооруженій еще видны, но старыя укрѣпленія замѣнены новыми фортами и редутами, построенными во время Крымской войны. Встарину русскіе и поляки вообще называли «Перекопской ордой» и «перекопскимъ царемъ» татаръ и хановъ всего Крыма. Торговля перешейка сосредоточена не въ городѣ Перекопѣ, а верстахъ въ пяти южнѣе, въ многолюдномъ мѣстечкѣ Армянскѣ, или Армянскомъ Базарѣ, основанномъ, какъ показываетъ самое имя его, армянскими купцами.

Къ югу отъ перешейка нѣтъ ни одного города ни въ области степей, ни на берегахъ двухъ морей—«Мертваго моря» на западѣ и «Гнилаго моря» на востокѣ. Нужно обогнуть портъ Тарканъ-Кутъ и дойти на югъ до первыхъ предгорій Таврическихъ горъ, чтобы встрѣтить значительную группу населенія: это —древняя Евпаторія, городъ мусульманскій, армянскій, еврейскій, менѣе всего русскій, который получилъ свое имя отъ древней крѣпости, основанной въ честь Митридата-Евпатора, но находившейся гораздо южнѣе, можетъ быть, на нынѣшнемъ мѣстоположеніи Севастополя [1]). Часто опустошаемая нападеніями непріятелей, Евпаторія должна была нѣсколько разъ перестраиваться. Въ пятнадцатомъ столѣтіи она имѣла весьма важное торговое значеніе, да и теперь еще нѣкоторое число судовъ каждый годъ приходитъ бросить якорь въ ея открытомъ рейдѣ (въ 1895 г. было въ приходѣ—698 судовъ въ 419.405 тоннъ, въ отходѣ—701 судно въ 423.862 тонны). Прежнее ея названіе—Гезлевъ (передѣланное русскими въ Козловъ), или «Сто-Глазъ», было дано ей, какъ говорятъ, по причинѣ множества свѣтящихся въ ея домахъ огней, которые ночью видны издалека въ голой степи. Соляныя озера близъ Евпаторіи дѣятельно разработываются, и на берегу одного изъ нихъ (Сакскаго) находится заведеніе цѣлительныхъ грязей, посѣщаемое больными въ сезонъ жаровъ. Извѣстно, что на евпаторійскомъ берегу, хорошо защищенномъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, высадились въ 1854 году союзныя войска, и оттуда направились къ Севастополю, перейдя долину рѣки Альмы и обогнувъ Инкерманскія высоты.

Главный городъ полуострова и всей Таврической губерніи, Симферополь, находится не на этой дорогѣ морскаго прибрежья. Онъ занимаетъ центральное положеніе въ плодоносной долинѣ Салгира, самаго большаго ручья на полуостровѣ, и у сѣверной оконечности прохода, представляющаго наиболѣе удобное сообщеніе съ Южнымъ берегомъ, на востокъ отъ горы Чатыръ-Дагъ. Такимъ выгоднымъ положеніемъ, естественно, должны были давно уже воспользоваться,—и дѣйствительно, въ окрестностяхъ находятъ остатки древнихъ развалинъ. Татарскіе ханы основали въ этомъ мѣстѣ городъ Акъ-Мечеть, то-есть «Бѣлая Мечеть», который былъ сожженъ русскими въ 1736 году, затѣмъ вновь выстроенъ въ 1784 году подъ греческимъ именемъ Симферополисъ, или Симферополь: нѣкоторые ученые видятъ въ немъ наслѣдника тавро-скиѳскаго города, носившаго названіе Неаполисъ, или Неаполь. Въ Симферополѣ видны еще кое-какія татарскія постройки, уцѣлѣвшія отъ общаго пожара; но только одинъ изъ крымскимъ городовъ почти вполнѣ сохранилъ свою восточную физіономію—Бахчисарай, или «Дворецъ Садовъ». Это—длинная извилистая улица, расположенная къ юго-западу отъ Симферополя, въ узкой лощинѣ между двухъ высокихъ, скалистыхъ известковыхъ горъ, на берегахъ ручья, который изливается въ Черное море верстахъ въ тридцати къ западу. Бахчисарай—это русская Гранада; онъ тоже имѣетъ свою Альгамбру, дворецъ хановъ, съ его изящными воротами, украшенными арабесками и рѣзными надписями, съ его комнатами, обтянутыми драгоцѣнными матеріями, съ его верандами, гдѣ цвѣтущія южныя растенія качаются гирляндами, съ его внутренними дворами и двориками, гдѣ вода фонтановъ непрерывно журчитъ и льется на мраморный полъ. Бѣлые минареты все еще возвышаются надъ городомъ, поднимаясь выше верхушекъ раинъ или пирамидальныхъ тополей, растущихъ группами въ садахъ. Населеніе Бахчисарая тоже по-прежнему гармонируетъ съ окружающей средой: оно состоитъ главнымъ образомъ изъ татаръ, грековъ, караимовъ, которые всѣ очень трудолюбивы, дѣятельны, и большинство которыхъ по профессіи шорники, золотыхъ дѣлъ мастера, садовники, виноградари; лавки наполнены цвѣтными матеріями, сафьянными издѣліями, различными предметами, напоминающими товары, какіе обыкновенно раскладываются на базарахъ Смирны или Константинополя; одно изъ предмѣстій населено цыганами-кузнецами. Надъ городомъ, съ юго-восточной стороны, возвышается гора, отвѣсныя стѣны которой всѣ

[1]) Брунъ, „Замѣтки, относящіяся къ древней топографіи Новороссійскаго края и Бессарабіи“.

изрыты гротами, гдѣ насчитываютъ около тысячи комнатъ. Въ былыя времена караимскіе торговцы города обязаны были съ наступленіемъ сумерокъ удаляться изъ Бахчисарая и идти на ночлегъ въ свой пещерный городъ: отсюда и произошло наименованіе Джуфутъ-Кале, или «Жидовская крѣпость», данное этой горѣ, которую сами караимы называютъ Киркъ-іеръ, или горой «Сорока человѣкъ». Теперь въ эти пещеры только загоняютъ на ночь скотъ. Надписи доказываютъ, что Джуфутъ-Кале существовалъ уже съ шестаго столѣтія христіанской эры. На юго-востокѣ стоитъ почти уединенно скала Тепе-Керманъ, или Тобе-Керманъ, господствующая надъ «готскимъ» кладбищемъ, стѣны которой изрыты восемнадцатью ярусами



Севастопольская бухта.

галлерей, содержащихъ около десяти тысячъ комнатъ [1]). Что касается знаменитой Мангупъ-Кале, крутой горы, расположенной полукругомъ и представляющей форму стѣны, то теперь там видны лишь груды развалинъ, безформенные остатки греческихъ храмовъ и готическихъ замковъ, отъ которыхъ Палласъ видѣлъ еще хорошо сохранившіяся части. Эта крѣпость нѣкогда господствовала надъ всей страной къ востоку отъ Севастополя.

Юго-западная оконечность Крыма замѣчательна какъ мѣстность, которая первая появляется въ эпоху миѳовъ и которая въ то же время была театромъ, гдѣ происходило одно изъ самыхъ кровопролитныхъ столкновеній новѣйшей исторіи. Эта часть полуострова, почти отдѣленная отъ остальнаго Крыма глубокой вырѣзкой прибрежья, извѣстна нынѣ подъ именемъ мыса Херсонесъ; недалеко оттуда колонисты изъ понтійской Гераклеи построили городъ Херсонъ, имя котораго русскіе передѣлали въ Корсунь, а татары называли его Сары-Керманъ, но уже въ то время когда, онъ былъ переведенъ на другое мѣсто, къ сѣверо-востоку, въ сосѣдство нынѣшняго Севастополя, свѣжія развалины котораго смѣшались съ древнѣйшими руинами, скиѳскими и греческими. На мысѣ Херсонесъ, говорятъ, скиѳы соорудили храмъ Діаны, въ честь которой жрица Ифигенія должна была приносить въ жертву чужеземцевъ, выброшенныхъ бурей на берега «Негостепріимнаго моря». Однако, многіе археологи указываютъ на мысъ, извѣстный у средневѣковыхъ итальянцевъ подъ именемъ Фіоравенти и лежащій южнѣе Херсонеса, какъ на Парѳеніонъ эллиновъ, и полагаютъ, что тутъ именно происходила сцена Ифигеніи и Ореста, воспѣтая древними поэтами; по мнѣнію этихъ археологовъ, монастырь св. Георгія, возвышающійся на мысу, стоитъ тамъ, гдѣ въ древности былъ храмъ Артемиды. Это мѣсто прославилось въ русской исторіи крещеніемъ Кіевскаго князя Владиміра, который во время войны съ греками осаждалъ Корсунь и, по взятіи этого города, принялъ крещеніе, вмѣстѣ со своими сыновьями и дружиной (988 г.) [2]). Далѣе на востокѣ — Балаклавскій портъ (Балаклава—это «Палакіонъ» Страбона, «Чембало» генуэзцевъ), имѣющій въ длину около версты, при ширинѣ около 100 саженъ, открывается внутри береговыхъ утесовъ, точно искусственный докъ, вырытый рукою человѣка. Каменная стѣна, длиною около девяти верстъ, отдѣлявшая отъ остальной Тавриды весь Гераклейскій полуостровъ и защищавшая также городъ Херсонесъ и его территорію отъ нападеній скиѳовъ, начиналась отъ порта Палакіонъ и направлялась на сѣверъ къ восточной оконечности бухты, на берегахъ которой теперь построенъ городъ Севастополь. Балаклава еще населена греками.

Всѣмъ извѣстна форма этой знаменитой въ исторіи нашего времени бухты, обладаніе которою русскіе и союзники оспаривали другъ у друга съ такимъ ожесточеніемъ. Она представляетъ морское ущелье, открывающееся между известковыми горами, выдѣляющее изъ себя меньшія боковыя ущелья и продолжающееся на востокъ земнымъ ущельемъ, надъ которомъ господствуютъ крутыя, почти вертикальныя стѣны Инкерманскихъ высотъ. Севастопольская бухта, имѣющая, въ среднемъ, около версты въ ширину и вдающаяся на 7 верстъ внутрь твердой земли (глубина ея отъ 9 до 11 саженъ), представляетъ превосходный портъ, очень удобный для защиты, благодаря узкому входу и окружающимъ ее крутымъ возвышенностямъ; кромѣ того, боковые заливчики ея извилистыхъ береговъ образуютъ маленькіе порты, скрытые отъ взоровъ непріятеля, стоящаго на морѣ передъ входомъ въ бухту. Въ эпоху знаменитой 11-мѣсячной осады, стоившей многихъ тысячъ людей участникамъ этой кровопролитной борьбы, русскимъ, французамъ, англичанамъ, туркамъ, итальянцамъ, различные кварталы Севастополя, расположенные на полуденномъ берегу бухты, были окружены поясомъ фортовъ и внѣшнихъ укрѣпленій; надъ сѣвернымъ берегомъ возвышались бастіоны главной цитадели. Извѣстно, что послѣ войны бывшій Ахтіаръ ногайцевъ, «Августѣйшій городъ» [1]), выдержавшій шесть страшныхъ, опустошительныхъ бомбардировокъ и три общихъ штурма, и въ который было брошено врагами слишкомъ 1.500.000 большихъ метательныхъ снарядовъ, представлялъ однѣ развалины, окруженныя кладбищами. Населеніе, простиравшееся до 40.000 душъ въ половинѣ текущаго столѣтія, уменьшилось до того, что въ 1864 году не достигало и 6.000, и городъ не имѣлъ даже той важности, какую онъ пріобрѣлъ въ первые годы послѣ своего основанія, какъ морская станція и военный арсеналъ. Въ новѣйшее время постройка желѣзной дороги, которая соединяетъ Севастополь съ континентальной сѣтью рельсовыхъ путей посредствомъ мо-

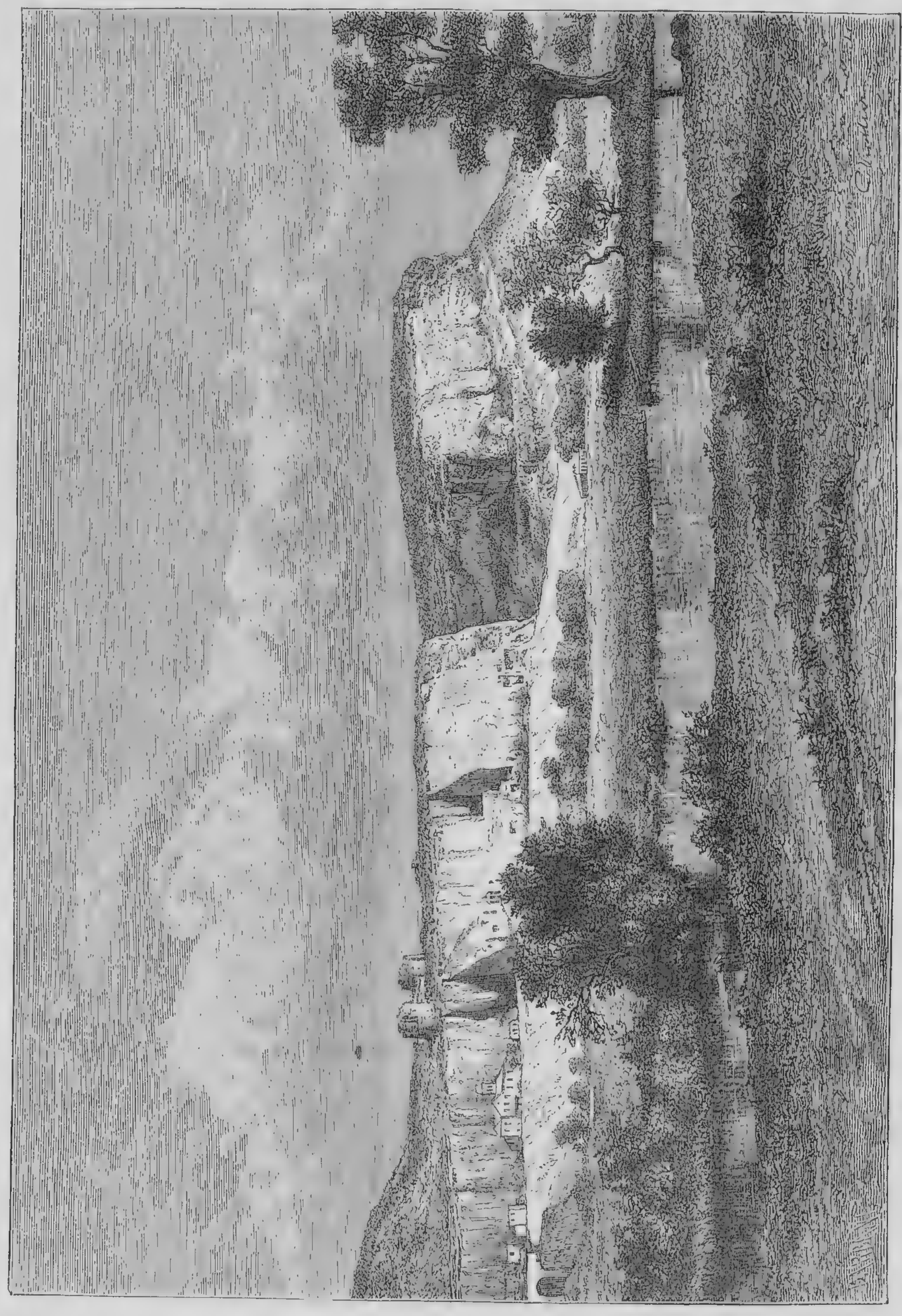
---

[1]) В. Н. Майновъ, „Первая антропол. выставка и конгрессъ въ Москвѣ", „Слово", 1879 г., № X.

[2]) Отъ Корсуня, съ его величественными храмами, дворцами, высокими стѣнами, остались засыпанныя землею развалины, въ которыхъ открыли три церкви. Одну изъ этихъ церквей признали за тотъ самый храмъ, гдѣ совершилось крещеніе Владиміра, и надъ развалинами ея теперь построенъ великолѣпный храмъ изъ инкерманскаго бѣлаго камня во имя Равноапостольнаго князя Владиміра. Прим. перев.

[1]) До присоединенія Крыма къ Россіи на мѣстѣ Севастополя стояла татарская деревушка Ахтіаръ. Въ 1783 г. Екатерина II повелѣла „на мѣстѣ деревни основать военный портъ съ адмиралтействомъ, верфью и крѣпостью" и назвала вновь основанный портъ Севастополемъ, именемъ, которымъ, при господствѣ римлянъ, была названа, въ честь Августа, древняя греческая колонія Херсонесъ. Прим. перев.

ста, перекинутаго черезъ Сивашъ, измѣнила положеніе дѣлъ, и Севастополь возрождается изъ развалинъ; теперь берега бухты окаймлены набережными, въ сосѣдствѣ гавани воздвигнуты обширные амбары для склада хлѣба, на мѣстѣ бывшаго редута устроенъ монументальный желѣзнодорожный вокзалъ, а прославившіяся въ исторіи осады возвышенности, Малаховъ курганъ, Реданъ—обращены въ общественныя гульбища. Севастополь по-прежнему является грозной крѣпостью, но успѣхи артиллеріи и фортификаціи заставили измѣнить положеніе оборонительныхъ укрѣпленій: теперь южныя плато обставлены редутами, а мысъ Херсонесъ вооруженъ батареями, защищающими подступы рейда. Что касается высотъ Инкермана (древняя Каламита), находящихся къ востоку отъ Севастополя, по другую сторо-



Инкерманскіе утесы.

ну болотистой долины, на днѣ которой струится Черная рѣчка. то эти скалы постоянно аттакуются массами каменеломщиковъ, привлекаемыхъ превосходнымъ качествомъ извлекаемаго здѣсь бѣлаго камня, который легко распиливается на плиты и отвердѣваетъ на воздухѣ. Подъ ударами этихъ каменеломщиковъ, вѣроятно, скоро исчезнетъ подземный городъ древнихъ троглодитовъ, галлереи котораго образовали настоящій лабиринтъ во внутренности холма: нѣкоторыя изъ подземныхъ залъ такъ обширны, что въ нихъ свободно можетъ помѣститься до пятисотъ человѣкъ.

Торговое движеніе Севастополя въ 1895 г. (по заграничному плаванію и каботажу): пришло—1.278 судовъ, въ 1.145.651 тонну; отошло — 1.282 судна въ 1.151.809 тоннъ. Цѣнность вывоза — 12.081.114 руб., ввоза — 1.189.928 руб. [1]).

Вдоль дороги, отлично содержимой, которая слѣдуетъ по южному берегу Крыма на востокъ отъ Балаклавы, разсѣяны прелестнѣйшія виллы, среди необыкновенно живописныхъ мѣстностей. Эта дорога—«Карнизъ» Тавриды, почти столь же очаровательный, какъ «Карнизъ» Лигуріи. То взбираясь на высокій мысъ, то спускаясь на плоскій морской берегъ, она вьется змѣйкой изъ оврага въ оврагъ, и путешественникъ все время видитъ кругомъ себя горы, лѣса, море, все время созерцаетъ обширную и грандіозную картину, которая быстро измѣняется при малѣйшемъ поворотѣ дороги. Близъ мыса Ай-Тодоръ (Агіосъ-Теодоросъ), или св. Ѳеодора, расположены великолѣпныя дачи, Алупка, Оріанда, императорскій дворецъ Ливадія, Никитскій Садъ, окруженные роскошными парками, гдѣ собраны самыя рѣдкія растенія, богато украшенные малахитами, драгоцѣнными мраморами, статуями, произведеніями искусства; здѣсь не разъ объявлялись войны и заключались политическіе союзы. Маленькій городъ Ялта, пріютившійся у подножія амфитеатра покрытыхъ лѣсомъ горъ, господствуетъ надъ рейдомъ, впрочемъ, не совсѣмъ удобнымъ, гдѣ останавливаются военные корабли и яхты. (Движеніе судовъ въ Ялтинскомъ портѣ въ 1895 г.: пришло—803 судна въ 609.235 тон.; отошло—801 судно въ 608.793 тон.)

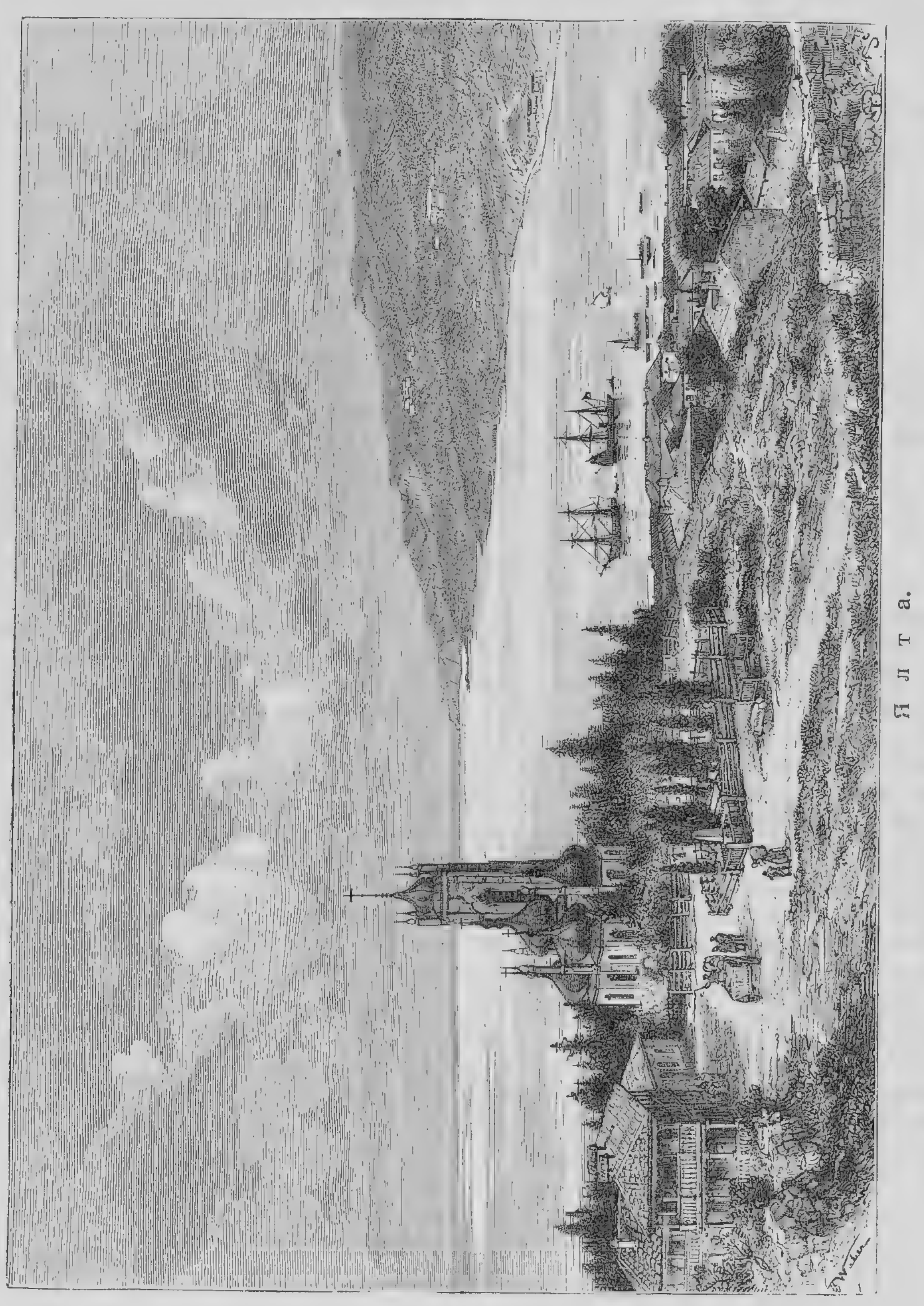
На юго-востокѣ отъ Чатыръ-Дага, бывшая генуэзская колонія Алушта, окруженная виноградниками, которые производятъ лучшіе сорты крымскихъ винъ, можетъ быть разсматриваема какъ гавань Симферополя, отъ котораго она удалена всего на сорокъ съ небольшимъ верстъ. Несмотря на то, Алушта теперь не болѣе какъ деревня, также какъ стоящій далѣе на востокѣ Судакъ, нѣкогда могущественный и цвѣтущій городъ, извѣстный у грековъ подъ именемъ Сугдеи, у итальянцевъ—подъ именемъ Сольдаи; въ русскихъ лѣтописяхъ онъ назывался Сурожъ. Этотъ городъ, византійскаго происхожденія (можетъ быть, даже еще болѣе древняго), занималъ очень выгодное положеніе, на берегу полукруглой бухты, при выходѣ широкой и плодоносной долины (Судакской), въ мѣстности, имѣющей удобное сообщеніе, черезъ пониженіе въ горной цѣпи, съ сѣвернымъ скатомъ полуострова. Въ тринадцатомъ столѣтіи венеціанцы основали тутъ факторію, консулъ которой былъ въ то же время консуломъ всей Хазаріи или «Хазарской земли», то-есть всѣхъ областей, прилегающихъ къ Черному морю съ сѣверной и сѣверо-восточной стороны. Фамилія Марко-Поло (къ которой принадлежалъ знаменитый путешественникъ этого имени) имѣла въ Сольдаѣ торговый домъ, служившій ей посредникомъ въ сношеніяхъ со всѣми азіатскими странами. Впослѣдствіи венеціанцы были прогнаны изъ Сольдаи, но вмѣсто нихъ пришли генуэзцы, которымъ татары уступили, въ 1365 году, всю территорію города и окрестныя селенія. Двойная стѣна ограды, которую они воздвигли вокругъ города и сосѣдняго холма, существуетъ еще до сихъ поръ, съ ея готическими воротами, обставленными по бокамъ двумя зубчатыми башнями; этотъ памятникъ генуэзской архитектуры сохранился вполнѣ: глядя на него, можно подумать, что видишь передъ собой какой-нибудь лигурійскій городъ средневѣковой эпохи. Въ четырнадцатомъ столѣтіи торговое значеніе Сольдаи было такъ велико, что, по свидѣтельству арабскаго писателя Абульфеды, она не уступала въ этомъ отношеніи даже Каффѣ; весь Крымъ назывался по ея имени, да и Понтъ-Эвксинскій извѣстенъ былъ у арабовъ подъ названіемъ «Судакскаго моря» [1]); точно также и русскіе называли «Сурожскимъ моремъ» Palus Maeotides (Азовское море), а иногда и Понтъ-Эвксинскій. Разоренный турками въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, портъ Сольдая или Судакъ утратилъ всю свою торговлю; теперь высокія городскія стѣны защищаютъ однѣ убогія лачуги, и нѣмецкіе колонисты, занимающіеся виноградарствомъ, замѣнили итальянскихъ негоціантовъ. Что касается древняго города «Старый Крымъ», или по-татарски «Эски-Крымъ», стоящаго далѣе на востокѣ, то онъ уже нѣсколько вѣковъ пересталъ быть столицей полуострова, и зданія его лежатъ въ развалинахъ. Почти все населеніе его состоитъ изъ армянскихъ поселенцевъ.

Каффа по крайней мѣрѣ не потеряла свой рангъ—города. Милезійцы, которые основали ее подъ именемъ Ѳеодосіи, очень удачно выбрали мѣстоположеніе для своей колоніи. Она расположена на берегу бухты, защищенной высокимъ мысомъ отъ вѣтровъ, какъ южныхъ,

[1]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1895 г.“

[1]) Брунъ, „Матеріалы для исторіи Сугдеи“.

такъ и западныхъ; цѣпь Таврическихъ горъ оканчивается въ этомъ мѣстѣ, такъ что городъ командуетъ, въ одно и то же время, со стороны моря—торговлей южнаго берега Крыма, а со



Ялта.

стороны суши—торговлей сѣверной покатости полуострова. Вдобавокъ Ѳеодосія занимаетъ положеніе почти на самомъ перешейкѣ, соединяющемъ Керченскій полуостровъ съ Крымскимъ: находясь въ сосѣдствѣ съ Азовскимъ моремъ и съ Сивашемъ, этотъ городъ, стоящій на берегу Понта-Эвксинскаго, имѣлъ въ своемъ распоряженіи рыбу и соль, доставляемую двумя названными внутренними морями. Опустошенная нѣсколько разъ вражескими нашествіями, Ѳеодосія,—уже около семисотъ лѣтъ извѣстная подъ именемъ крѣпости Каффы,—была куплена въ тринадцатомъ вѣкѣ генуэзцами, которые сдѣлали изъ нея главный рынокъ Чер-

наго моря; одно письмо, адресованное къ папѣ Каликсту III, въ 1455 году, говоритъ, что Ѳеодосія «превосходитъ Константинополь—не по протяженію городскихъ стѣнъ, но по числу жителей» [1]); она въ то время была складочнымъ пунктомъ всей торговли «туранскаго» Востока. Каффа пала черезъ двадцать-два года послѣ взятія Магометомъ II ея соперника, Константинополя: завоеванный османлисами, этотъ «Крымъ-Стамбулъ» былъ преданъ разграбленію и обращенъ въ груду развалинъ. Однако, городъ потомъ опять поднялся, главнымъ образомъ благодаря торговлѣ невольниками [2]), и сдѣлался базаромъ для продажи плѣнниковъ, захваченныхъ татарами въ Малороссіи: иногда на этомъ рынкѣ скоплялось разомъ до 30.000 невольниковъ, мужчинъ и женщинъ, предлагаемыхъ торговцами человѣческимъ мясомъ. Когда русскіе, въ свою очередь, овладѣли Каффой, вмѣстѣ со всѣмъ Крымомъ, въ 1783 году, населеніе ея, менѣе многочисленное, чѣмъ оно было въ эпоху генуэзскаго господства, простиралось до 85.000 душъ. Но послѣ того эмиграція турокъ, затѣмъ выселеніе татаръ уменьшили это число на девять-десятыхъ; однако и теперь лѣтомъ этотъ городъ, которому русскіе возвратили древнее его наименованіе Ѳеодосіи, дѣлается временнымъ мѣстопребываніемъ большаго числа иногородныхъ посѣтителей, пріѣзжающихъ сюда для купанья въ морѣ, изъ всѣхъ частей Крыма и изъ континентальной Россіи. Старая Каффа предлагаетъ имъ свои генуэзскія стѣны, свои улицы, обставленныя домами съ аркадами, свои мечети, свой татарскій кварталъ, а на морѣ они находятъ отлогіе, покрытые мелкимъ пескомъ берега, удобные для купанья. Торговля Ѳеодосіи не имѣетъ большой важности (въ 1895 году вывозъ за границу, по цѣнности,—4.487.143 рубл.), хотя этотъ городъ служитъ экспедиціоннымъ портомъ для окружающихъ поселеній, между которыми главное мѣсто занимаетъ промышленный Карасубазаръ.

Керчь, стоящая при западной бухтѣ Еникальскаго пролива, или «Босфора Киммерійскаго», еще древнѣе, чѣмъ Ѳеодосія, и ея историческая роль была еще важнѣе. Это—Пантикапея, основанная милезійцами за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до нашего времени,—городъ, возвысившійся на степень столицы Босфорскаго царства, послѣ пораженія Митридата; въ древности она была извѣстна также подъ именемъ Боспора (Bosporus). «Городъ Босфора Киммерійскаго», разоренный въ эпоху великаго переселенія народовъ, не скоро оправился отъ погрома; но во времена генуэзскаго господства онъ снова пріобрѣлъ обширную торговую дѣятельность, которая потомъ была имъ утрачена вслѣдствіе покоренія страны турками и которую онъ опять успѣлъ возвратить себѣ только спустя полстолѣтія послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. Керчь, естественный стражъ пролива, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ, занимаетъ столь благопріятное для обороны положеніе, что городъ этотъ необходимо должны были выбрать какъ стратегическій пунктъ, какъ крѣпость, охраняющую входъ въ проливъ; при военномъ характерѣ города торговля, понятно, могла развиваться лишь очень медленно (въ 1895 г. цѣнность вывоза по заграничной торговлѣ—1.530.507 рубл.); сверхъ того, землевладѣніе тамъ было подчинено особымъ правиламъ, и до 1830 года никто, кромѣ греческихъ колонистовъ, не могъ селиться на земляхъ этого округа. Во время Крымской войны Керчь, сожженная союзниками, была временно покинута; но, вновь отстроенная вскорѣ послѣ того, она быстро разрослась, и въ 1870-мъ году была самымъ многолюднымъ и первымъ торговымъ городомъ Таврическаго полуострова. Теперь бухта защищена по всей ширинѣ запрудой въ уровень съ поверхностью воды, и единственное отверстіе этой запруды находится подъ выстрѣлами крѣпостныхъ орудій. Гордая своимъ прошлымъ, Керчь имѣетъ музей древностей на скатѣ Митридатовой горы, на которую поднимаются по монументальной лѣстницѣ; въ этой коллекціи хранятся нѣкоторые изъ драгоцѣнныхъ остатковъ старины, находимыхъ въ такомъ множествѣ въ сосѣднихъ могильныхъ курганахъ и катакомбахъ. На верхней площадкѣ горы Митридата естественныя возвышенія почвы и земляныя насыпи кургановъ до такой степени похожи между собою, что издали невозможно отличить горки, возведенныя рукой человѣка, отъ бугровъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ самой природѣ. На вершинѣ горы, гдѣ находился акрополь Пантикапеи, возвышается одинъ изъ такихъ округленныхъ холмовъ, называемый «могилой Митридата»; по словамъ легенды, на одинъ изъ утесовъ, о которые опирается этотъ надгробный курганъ, нерѣдко садился могущественный понтійскій царь, чтобы обозрѣвать свои безчисленные корабли [1]). Съ мыса Акъ-Бурунъ можно разглядѣть на дальнемъ горизонтѣ подернутыя синеватой дымкой вершины Кавказа.

Городъ Еникале (по-турецки «Новая Крѣпость») въ административномъ отношеніи составляетъ часть Керчи, но онъ удаленъ отъ послѣдней верстъ на 12 къ востоку и господствуетъ надъ самой узкой частью Босфора Киммерійскаго; весь этотъ городъ представляетъ собраніе крѣпостныхъ сооруженій, казармъ и другихъ казенныхъ зданій. Въ древности здѣсь находился Парѳеніонъ грековъ.

---

[1]) Броунъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Michalon Lithuanus, „Fragmenta"; Хартахай, цитированное сочиненіе.

[1]) A. Demidoff, „La Crimée".

Значительнѣйшіе города Крымскаго полуострова, съ цифрой населенія по переписи 28 янв. 1897 г.:

Керчь и Еникале—43.726 жит.; Симферополь—48.821 ж.; Севастополь—54.442 ж.; Карасубазаръ (1892 г.)—15.282 ж.; Бахчисарай (1892 г.)—14.749 ж.; Ѳеодосія—26.943 ж.; Евпаторія (1892 г.)—17.757 ж.

XIX. Матеріальное и соціальное состояніе Россіи.

Нынѣшнее народонаселеніе Россійской Имперіи исчисляется, какъ мы знаемъ, въ 100 слишкомъ милліоновъ душъ (по первой всеобщей переписи 28 января 1897 г., свыше 129 милліоновъ), изъ которыхъ 86 милліоновъ (по переписи, свыше 106 милл.) находятся въ Европѣ: это немного болѣе общаго числа людей, живущихъ въ этой части свѣта (теперь болѣе трети). Россія, вмѣстѣ съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, занимаетъ поверхность, нѣсколько превосходящую половину Европы; слѣдовательно, населенность ея (отношеніе числа жителей къ пространству) сравнительно рѣдкая, именно русскіе подданные почти вдвое рѣже размѣщены на территоріи, чѣмъ другіе европейцы вообще, и въ четыре до пяти разъ болѣе рѣдко, чѣмъ французы. Отъ Царства Польскаго до сліянія двухъ великихъ рѣкъ, Волги и Камы, тянется поясъ плотной населенности, который можно разсматривать какъ восточное продолженіе густо населенной Европы. Простираясь въ ширину среднимъ числомъ безъ малаго на 400 верстъ, поясъ этотъ обнимаетъ Волынь и Подолію, бассейнъ Днѣпра между Кіевомъ и порогами, Великороссію отъ Твери до Воронежа и, съуживаясь мало-по-малу къ востоку, развѣтвляется на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна переходитъ за Казань, тогда какъ другая достигаетъ Волги въ Саратовѣ. Къ сѣверу, къ югу и къ востоку отъ этого пояса жители все менѣе и менѣе сконцентрированы, населенность становится все рѣже и рѣже: съ этихъ трехъ сторонъ населеніе уменьшается въ числѣ, въ прямой зависимости отъ суровости климата, неплодородія почвы и меньшей продолжительности періода, протекшаго со времени включенія данной мѣстности въ составъ Имперіи. Плодоносныя земли Новороссійскаго края, береговъ Азовскаго моря и страны по сю сторону Кавказскихъ горъ еще очень слабо населены; притомъ же затрудненія, поставляемыя передвиженію внутри государства подушной податью и паспортной системой, не позволяли крестьянамъ селиться въ значительномъ числѣ на этихъ новыхъ земляхъ [1]).

[1]) Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, „Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ“ Вѣстникъ „Европы“, 1876 г., № 1.

Приращеніе народонаселенія идетъ очень быстро въ большей части Россійской Имперіи. Въ 1722 году, т. е. въ эпоху, когда Европейская Россія по пространству была только на одну пятую меньше нынѣшней Россіи, общее число подданныхъ исчисляли приблизительно въ 14 милліоновъ [1]).

Шестьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1782 г., Имперія,—впрочемъ, увеличенная территоріальными присоединеніями съ западной стороны,—имѣла уже вдвое большее населеніе. Около 1830 года, оно опять удвоилось, а нынѣ число жителей въ девять разъ превышаетъ ту цифру населенія, которая оказалась при первой народной переписи. Судя по размѣру возрастанія, совершившагося съ начала настоящаго столѣтія, періодъ удвоенія числа жителей Россіи составляетъ около 65 лѣтъ. Ежегодный естественный прирость народонаселенія, происходящій отъ перевѣса числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, превышаетъ теперь милліонъ; въ первое десятилѣтіе девятнадцатаго вѣка онъ равнялся 500.000 душъ [2]). Если прирость народонаселенія будетъ продолжаться въ той же пропорціи, или даже въ нѣсколько меньшей, то нынѣшняя территорія одной только Европейской Россіи, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть сотню милліоновъ жителей до конца текущаго столѣтія. Впрочемъ, движеніе народонаселенія сильно разнится по губерніямъ, смотря по различіямъ расы, климата, матеріальнаго благосостоянія, соціальныхъ условій. Такъ, оказывается, что браки наиболѣе многочисленны въ южныхъ губерніяхъ государства; на востокѣ, въ бассейнахъ Камы и низовой Волги, рождаемость наиболѣе сильна; въ губерніи Олонецкой, также какъ и въ Московской, процентъ смертности достигаетъ наибольшей величины. Средній выводъ изъ отдѣльныхъ демографическихъ фактовъ даетъ нормальное приращеніе народонаселенія во всѣхъ губерніяхъ вообще; но переселенія изъ провинціи въ провинцію уменьшали иногда, въ несчастные годы, численность населенія бѣдныхъ губерній, какова, напримѣръ, Витебская, и тѣхъ областей, гдѣ уже существуетъ промышленный пролетаріатъ, каковы губерніи: Московская, Калужская, Тульская, Рязанская [3]). Въ Польшѣ, на прибрежьи Чернаго моря и въ Поволжьи, между Казанью и Саратовомъ, постоянно и быстро увеличивается численность населенія.

[1]) По первой народной переписи, произведенной въ 1722 г., оказалось 5.794.928 душъ мужскаго пола податнаго званія; съ присоединеніемъ же лицъ женскаго пола, привилегированныхъ сословій и населенія нѣкоторыхъ областей, не вошедшихъ въ ревизію, все народонаселеніе, вѣроятно, простиралось до 14 милліоновъ.

Прим. перев.

[2]) В. де-Ливронъ, „Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи“.

[3]) А. А. Ильинъ, „Опытъ статистическаго атласа Россійской Имперіи“.

Русскіе вступаютъ въ бракъ, вообще говоря, тотчасъ по выходѣ изъ юношескаго возраста; число лицъ, остающихся холостяками, относительно очень не велико. Статистическія таблицы обнаруживаютъ замѣчательный контрастъ, который представляютъ въ этомъ отношеніи восточные славяне въ сравненіи съ другими европейскими народами, особенно съ баварцами, которые женятся поздно, въ ущербъ общественной нравственности.

Процентное распредѣленіе браковъ по возрастамъ [1]):

Мужчины:	Баварія. (1870—1880).	Франція. (1871—1879).	Европ. Россія. (1867—1875).
Ранѣе 20 лѣтъ . . .	0,12%	2,32%	37,34%
Отъ 20 до 25 лѣтъ .	17,06 „	24,64 „	30,97 „
Отъ 25 до 30 „ .	37,03 „	36,82 „	11,82 „
Отъ 30 до 40 „ .	30,93 „	25,68 „	12,21 „
Отъ 40 до 60 и ст. .	14,68 „	10,54 „	7,36 „
Женщины.			
Ранѣе 20 лѣтъ . . .	5,70%	20,81%	57,27%
Отъ 20 до 25 лѣтъ .	34,26 „	38,67 „	26,31 „
Отъ 25 до 30 „ .	30,15 „	20,74 „	7,10 „
Отъ 30 до 40 „ .	21,42 „	14,09 „	6,39 „
Отъ 40 до 60 и ст. .	8,47 „	5,69 „	2,93 „

Причину этихъ раннихъ браковъ въ Россіи слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ богатствѣ страны удобными для культуры землями, которыя ждутъ только рукъ, чтобы сдѣлаться производительными: семьи землепашцевъ пользуются тѣмъ большимъ достаткомъ, чѣмъ онѣ многочисленнѣе. Но если браки у русскихъ болѣе ранни, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, то, съ другой стороны, изъ всѣхъ странъ Европы въ Россіи смертность дѣтей наиболѣе значительна; безхлѣбицы и голодовки вслѣдствіе неурожая, эпидемическія болѣзни и отсутствіе мало-мальски удовлетворительныхъ гигіеническихъ условій уносятъ въ могилу болѣе четверти дѣтей на первомъ году жизни.

Изъ 100 родившихся среднимъ числомъ умираетъ [2]):

	Въ возрастѣ одного года. %	Въ возрастѣ 1—5 лѣтъ. %
Норвегія	10,74	18,3
Шотландія	12,36	25,3
Швеція	13,69	22,2
Англія	15,11	24,9
Бельгія	17,35	28,3
Швейцарія	18,94	26,2
Италія	21,35	38,1
Пруссія	21,77	33,4
Австрія	25,58	38,9
Европ. Россія	26,54	42,5

[1]) Бодіо. „Popolazione. Movimento dello stato civile. Anno XIX. 1880. Confronti internazionali per gli anni 1865—1880“. Roma. 1882.

[2]) Таблица составлена по Бодіо: „Popolazione. Movimento dello stato civile. Confronti internazionali“, Roma, 1882.

Слѣдовательно, въ Россіи пятилѣтняго возраста не доживаютъ даже три пятыхъ изъ общаго числа рождающихся дѣтей. Точно также вѣроятная продолжительность жизни въ Россіи гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ цивилизованной Европы: она равна 24 годамъ [1]).

Такъ какъ Россія еще страна по преимуществу земледѣльческая, то города въ ней сравнительно менѣе населены, чѣмъ города Западной Европы: городское населеніе Россійской Имперіи (безъ Финляндіи), по предварительнымъ результатамъ переписи 1897 г., опредѣлилось въ 16.289.181, при общей цифрѣ населенія 126.411.736 душъ; но въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, по мѣрѣ устройства болѣе удобныхъ путей сообщенія и по мѣрѣ развитія промышленной и торговой дѣятельности увеличивается и число горожанъ. Къ шести городамъ, которые двадцать лѣтъ тому назадъ имѣли свыше 100.000 жителей,—именно: Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Кишиневъ, Рига,—теперь нужно прибавить еще слѣдующіе города: Кіевъ, Харьковъ, Саратовъ, Казань, Лодзь, Тифлисъ, Вильно, Ташкентъ, Екатеринославъ, Ростовъ, Астрахань, Баку и Тулу. Въ 1880 году насчитывалось уже 225 русскихъ городовъ, имѣвшихъ болѣе 10.000 жителей; но можно судить о контрастѣ, существующемъ между Россіей и Западной Европой въ распредѣленіи городовъ по территоріи, изъ того факта, что въ Польшѣ они удалены одинъ отъ другаго среднимъ числомъ верстъ на 16 или 17, тогда какъ въ остальной Россіи среднее разстояніе отъ города до города около 90 верстъ; кромѣ того, большое число административныхъ центровъ, получившихъ названіе «уѣздныхъ городовъ», населены исключительно крестьянами. Большая часть русскихъ городовъ состоитъ изъ центральнаго ядра, которое есть не что иное, какъ первоначальной городъ, административный и военный центръ, и изъ окружающихъ его предмѣстій, или слободъ; таковы слободы «кузнецовъ», «плотниковъ», каменщиковъ»—крестьянъ, поселившихся въ непосредственномъ сосѣдствѣ города и теперь составляющихъ часть городскаго населенія; названія нѣкоторыхъ слободъ, каковы: «Стрѣлецкая», «Казацкая», Солдатская», «Канонерская» и даже «Ямская», напоминаютъ времена не очень отдаленныя, когда прибытіе новыхъ поселенцевъ въ города было не всегда добровольное. Города нѣкоторыхъ губерній представляютъ весьма значительную несоразмѣрность между численнымъ отношеніемъ половъ. Въ Россіи, какъ и во всѣхъ тѣхъ странахъ умѣреннаго пояса, гдѣ исчисленіе народонаселенія производилось болѣе или менѣе тщательно, оказывается, что число жен-

[1]) В. де-Ливронъ, цитированное сочиненіе.

щинъ вообще превышаетъ число мужчинъ. Рабочіе и прислуга мужскаго пола устремляются къ большимъ центрамъ, особенно къ Петербургу и Москвѣ, въ столь значительномъ количествѣ, что тамъ числовая разность между полами, въ пользу мужчинъ, достигаетъ одной пятой или даже цѣлой четверти. То же самое и въ южныхъ степныхъ губерніяхъ, къ которымъ постоянно направляются въ большомъ числѣ новые колонисты. Въ губерніяхъ же, изъ которыхъ происходитъ отливъ переселенцевъ, замѣчается обратное отношеніе: тамъ женщины многочисленнѣе мужчинъ.

Числовое отношеніе женскаго пола къ мужскому, по предварительнымъ результатамъ переписи 1897 г.:

Въ всей имперіи (кромѣ Финляндіи)—99,9 женщ. на 100 мужч.

Ярославская губернія (максимумъ)—133 ж. на 100 мужч. Петербургская губернія (минимумъ)—87,4 женщ. на 100 мужч. Бессарабская губернія—89,8 женщ. на 100 мужч.

Русскіе, какъ извѣстно, отличаются любовью къ путешествіямъ, и тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ достаточными средствами, почти никогда не отказываютъ себѣ въ удовольствіи побывать и пожить нѣкоторое время за границей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ заграничный паспортъ не стоитъ огромной суммы—500 руб., какъ это было до 1857 года.

Движеніе путешественниковъ на границѣ:

	Выбыло.	Прибыло.
1857 г. . . .	116.952 лицъ.	113.815 лицъ.
1880 г. . . .	805.282 лицъ.	830.348 лицъ
1894 г. . . .	2.048.776 лицъ.	2.043.760 лицъ.

Въ 1895 году, черезъ европейскую и азіатскую границу, выбыло: по паспортамъ—344.437, по легитимаціоннымъ билетамъ—2.618.595; прибыло: по паспортамъ—347.862, по легитимаціоннымъ билетамъ—2.628.464 [1]).

Но между русскими мало такихъ, которые эмигрируютъ навсегда, исключая того случая, когда эмиграція бываетъ вынужденной: Россія такъ обширна, что и земледѣльцы, и промышленники всегда могутъ найти въ собственномъ отечествѣ благопріятное мѣсто для переселенія. Въ цѣломъ Россія получаетъ болѣе значительное число иностранцевъ, чѣмъ сколько посылаетъ своихъ уроженцевъ въ другія страны.

Пассажирское движеніе путешественниковъ по европейской границѣ въ періодъ съ 1857 по 1880 годъ:

	Пріѣхало.	Выѣхало.		Излишекъ.
Русскихъ .	3.560.443	4.185.437	уѣхавш.	624.994
Иностранцевъ. . .	9.158.836	7.956.126	пріѣхав.	1.202.710

[1]) „Обзоръ внѣшней торговли Россіи" за 1895 г.

Въ 1895 г. прибыло (по паспортамъ): русскихъ—109.322, иностранцевъ—198.251; выбыло: русскихъ — 136.932, иностранцевъ—181.185 [1]).

Изъ иностранцевъ, нѣмцы въ наибольшемъ числѣ пріѣзжаютъ въ Россію попытать счастья и поселяются въ ней на постоянное жительство. Въ періодъ съ 1872 по 1881 годъ:

Общее число германцевъ и австрійцевъ прибывшихъ въ Россію—5.176.805 лицъ; выбывшихъ изъ Россіи—4.515.025 лицъ; излишекъ прибывшихъ—661.780 лицъ.

Австрійскіе подданные, между которыми значительный процентъ тоже состоитъ изъ германскихъ элементовъ, представляютъ почти половину нѣмецкой эмиграціи; въ двадцатичетырехлѣтній періодъ, съ 1857 по 1880 годъ, число германцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію, превышало болѣе чѣмъ на 600.000 число эмигрантовъ изъ Россіи, принадлежащихъ къ той же націи. Въ 1880 году, насчитывали всего только 178 французовъ, иммигрировавшихъ въ Россію впродолженіи года, тогда какъ въ тотъ же годовой промежутокъ времени 18.000 германцевъ и 30.000 австрійцевъ прочно водворились въ ней, увеличивая собою число своихъ соотечественниковъ, которое въ славянской имперіи уже переходитъ за милліонъ. Число выбывшихъ изъ имперіи за европейскую границу, по паспортамъ, въ 1894 г. (въ тысячахъ человѣкъ): германцевъ—76,9; австрійцевъ—74,9; французовъ—6,3; число прибывшихъ: германцевъ—74,3; австрійцевъ—76,9; французовъ—6,8.

Безъ сомнѣнія, финны гораздо многочисленнѣе нѣмцевъ, но болѣе половины этого племени состоитъ изъ народцевъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга и тяготѣющихъ къ русскимъ въ отношеніи своей торговли и умственнаго развитія. Что касается финляндской націи въ собственномъ смыслѣ, то два съ половиной милліона человѣкъ, которые ее составляютъ, живутъ какъ бы изолированные въ мірѣ и не могутъ опереться ни на какую сосѣднюю расу, ни на какой родственный народъ. Татары, или по крайней мѣрѣ инородцы различныхъ языковъ и разнаго происхожденія, обозначаемые этимъ общимъ именемъ, численно тоже превосходятъ нѣмцевъ, но, какъ и финны, они разсѣяны на окраинахъ Россіи, внѣ національнаго тѣла великорусскаго племени, и связаны лишь ордами кочевниковъ, бродящихъ по обширной территоріи, со своими азіатскими единоплеменниками, покоренными, какъ и они сами. Латыши и литовцы, окруженные славянами, финнами, нѣмцами, точно также состоятъ въ естественной зависимости отъ своихъ политическихъ властителей, а поляки—впрочемъ, такіе же славяне, какъ и русскіе, великоруссы, малороссы, бѣлоруссы—были побѣждены и поставлены въ

[1]) Тамъ же.

общія условія. Нѣмцы чувствуютъ себя нравственно поддерживаемыми 60 милліонами своихъ единоплеменниковъ въ двухъ сосѣднихъ имперіяхъ—Германской и Австрійской; кромѣ того, они имѣютъ въ самой Россіи около четырехъ милліоновъ союзниковъ, которыхъ даетъ имъ еврейская раса, благодаря общности языка: это—великая сила и опора для нихъ, составляющая одну изъ причинъ, благодаря которымъ они занимаютъ положеніе болѣе независимое, чѣмъ то, какимъ пользуются другія не-славянскія народности Имперіи. Какъ землевладѣльцы, нѣмцы, правда, раздѣлены на нѣсколько группъ, стоящихъ особнякомъ отъ массы русской націи. Они владѣютъ обширными имѣніями въ прибалтійскихъ губерніяхъ и сгруппированы многочисленными земледѣльческими колоніями на низовомъ Поволжьи, на нижнемъ теченіи Дона, въ Крыму, въ Новороссійскомъ краѣ; но, какъ ремесленники, мастера и подмастерья, какъ профессора, учителя и чиновники, они встрѣчаются вездѣ въ Россіи. Впрочемъ, нѣкоторыя историческія причины много способствовали усиленію вліянія, пріобрѣтеннаго германцами, во вредъ самимъ русскимъ. Дворянство прибалтійскихъ губерній, пополняемое отчасти эмигрантами, приходящими изъ Германіи, всегда пользовалось особеннымъ покровительствомъ и во многихъ случаяхъ присвоило себѣ почти исключительную монополію нѣкоторыхъ должностей государственной службы. При дворѣ, въ арміи, въ разныхъ вѣдомствахъ на долю лицъ нѣмецкаго происхожденія приходится отъ одной пятой до половины и даже до трехъ-пятыхъ, тогда какъ, соотвѣтственно ихъ численности въ составѣ народонаселенія, нѣмцы должны бы были имѣть не болѣе какъ одно мѣсто на восемьдесятъ. Впрочемъ, какъ бы ни была сильна реакція славянскаго духа противъ германскаго вліянія, послѣднее не можетъ не быть весьма значительнымъ, пока просвѣщеніе въ Россіи будетъ распространяться столь медленно, какъ по настоящее время.

Вѣроятное число жителей Европейской Россіи, вмѣстѣ съ Финляндіей, въ 1879 году, по расамъ:

Славяне. Русскіе: Великоруссы—40.000.000; Малороссы--16.370.000; Бѣлоруссы--3.600.000. Болгары и сербы—150.000; Поляки—5.000.000.

Литовцы — 1.900.000; Латыши—1.100.000; Румыны—750.000; Греки—75.000; Цыгане—15.000.

Германцы: Нѣмцы—1.000.000; Шведы—286.000.

Монголы: Калмыки—120.000; Самоѣды—4.000.

Евреи—3.000.000.

Армяне—36.000.

Финны, Лопари, Угры: Финляндскіе финны—1.840.000; Карелы (въ Россіи)—300.000; Эсты и ливы—800.000; Лопари—4.000; Пермяки и Зыряне—150.000; Мордвины—1.000.000; Чуваши—700.000; Черемисы—260.000; Вотяки—240.000; Мещеряки и Тептяри—270.000; Вогулы—2.000; Весь и друг.—28.000.

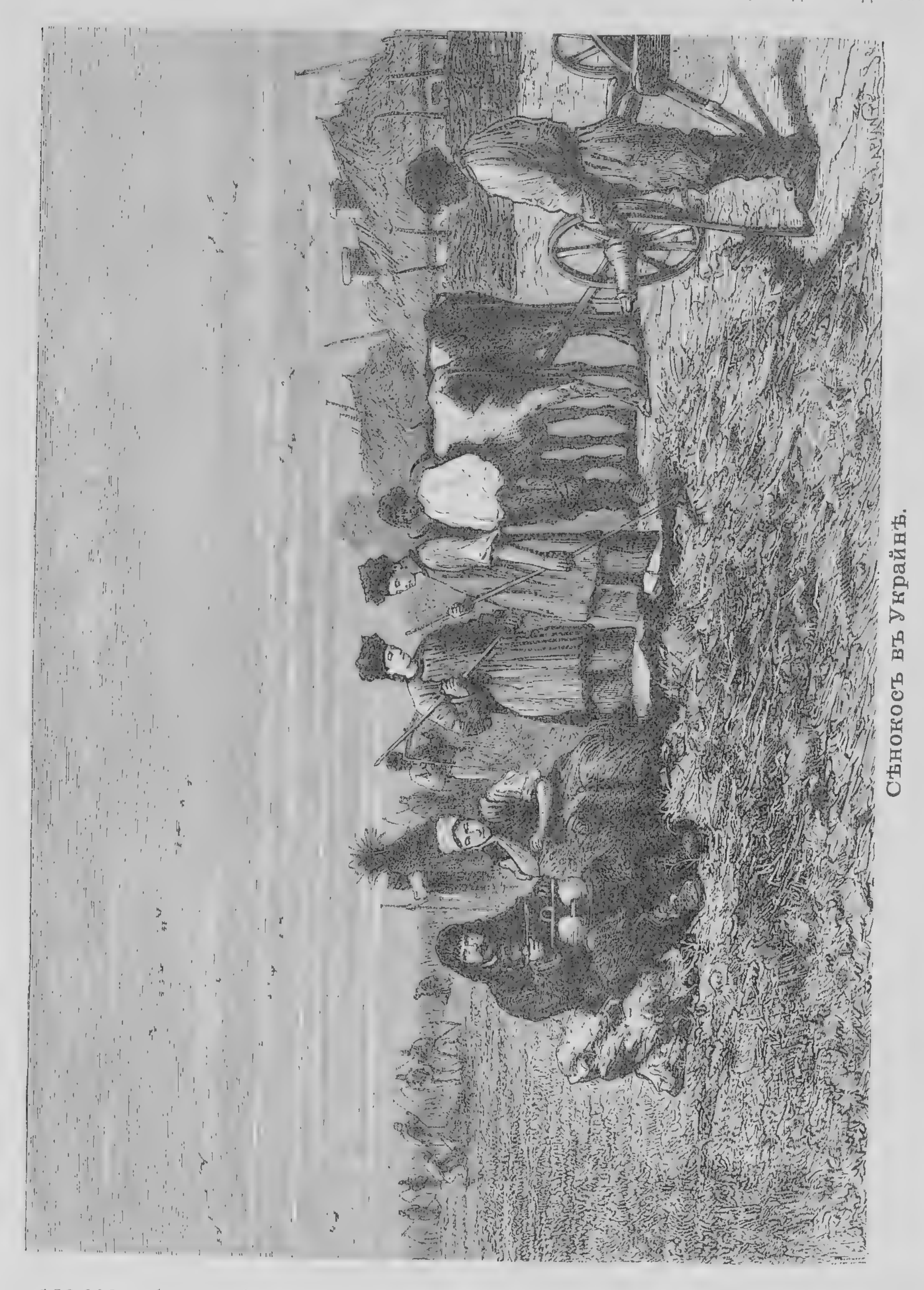
Тюрки: Татары казанскіе—1.050.000; Башкиры—750.000; Татары крымскіе—80.000; Киргизы—180.000.

Въ Россіи промышленность обработывающая поглощаетъ еще лишь незначительную часть народнаго труда; почти всѣ свои источники существованія, свои экономическіе рессурсы страна добываетъ либо звѣроловствомъ и рыболовствомъ, непосредственной эксплоатаціей богатствъ природы, либо отъ земледѣлія и скотоводства. Большія группы населенія Россійской Имперіи, исключительно состоящія изъ рыболововъ, звѣролововъ или кочующихъ скотоводовъ, пребываютъ еще на первыхъ стадіяхъ промышленной цивилизаціи. Сотни тысячъ людей: черемисы, зыряне, лопари, самоѣды, башкиры, киргизы, калмыки, отчасти казаки уральскіе и донскіе, живутъ совершенно такъ же, какъ жили древніе обитатели страны: въ поискахъ за ежедневнымъ пропитаніемъ, одни плаваютъ по рѣкамъ, другіе пускаются въ море, третьи бродятъ по лѣсамъ и тундрамъ. По размѣрамъ улова рыбы, Россія занимаетъ первое мѣсто во всей Европѣ, хотя, пропорціонально числу жителей, она стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо ниже Норвегіи. Общій уловъ въ водахъ Европейской Россіи можно считать въ 70 милліоновъ пудовъ.

Добыча отъ рыбныхъ промысловъ въ одномъ только Каспійскомъ морѣ по меньшей мѣрѣ въ два раза превышаетъ количество рыбы, которое извлекаютъ флотиліи французская, англійская и американская на меляхъ Нью-Фаундленда [1]. Что касается звѣроловства, то оно имѣетъ важность только въ лѣсистыхъ, рѣдко населенныхъ областяхъ сѣвера Россіи; въ послѣднія два столѣтія оно значительно уменьшилось; нѣкоторые виды дикихъ животныхъ, шкуры которыхъ были въ большой цѣнѣ, совершенно исчезли; но и теперь еще въ одной только Вологодской губерніи зыряне продаютъ каждый годъ по меньшей мѣрѣ 400.000 штукъ дешевыхъ мѣховъ. Хищные звѣри, оспаривающіе лѣсную дичь у охотниковъ, еще очень многочислены въ различныхъ областяхъ Россіи. Смирный, безобидный медвѣдь водится во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, тогда какъ волкъ, неутомимый въ своихъ походахъ, рыскаетъ по лѣсамъ, луговымъ равнинамъ и голымъ степямъ, охотясь на стада, часто также, во время зимнихъ холодовъ, гоняясь за перепуганными путниками и лошадьми. По опустошеніямъ, производимымъ волками, высчитали приблизительно

[1] Данилевскій; акад. Беръ; де-Ливронъ.

въ 175.000 недѣлимыхъ число этихъ хищниковъ, которые еще рыскаютъ въ лѣсахъ и поляхъ Россіи; они ежегодно пожираютъ 180.000 головъ крупнаго скота, 560.000 овецъ и барановъ, 100.000 собакъ,—общая цѣнность которыхъ простирается до 15 милліоновъ рублей: такимъ образомъ, каждый волкъ истребляетъ ежегодно на 80 рублей! Сверхъ того, число людей, поѣдаемыхъ волками, составляетъ въ среднемъ выводѣ, 125 въ годъ; въ 1875 году оно достигло цифры 161. Теперь земства, въ видахъ истребленія волка, выдаютъ денежную премію охотникамъ, приносящимъ хвостъ и уши этого хищника [1]).



Сѣнокосъ въ Украйнѣ.

[1]) Субботинъ, „Курсъ промышленной, экономической и коммерческой географіи въ связи съ торговопромыш-

Земледѣльцы сѣверныхъ областей Россіи не всѣ еще перешли къ совершенно осѣдлому образу жизни: старинные пріемы переложнаго (подсѣчнаго, ляднаго) хозяйства сохранились повсюду, гдѣ имѣющіеся запасы свободной, пустующей земли дозволяютъ покидать истощенныя земли и приниматься за новыя, подсѣкая и выжигая растущій на нихъ кустарникъ и даже лѣсъ. Понятно, что такая система земледѣлія, столь естественная въ странѣ почти безлюдной, становится невозможною, какъ только населеніе достигаетъ извѣстной плотности. Земледѣльцы одни за другими научаются прочно водворяться на воздѣлываемой почвѣ и съ этого времени стараются увеличивать урожаи лучшими способами культуры, а не распашкой дѣвственныхъ земель. Однако, даже въ Бессарабіи болгарскіе колонисты, очень богатые землями, держатся переложной системы полеводства, т. е. изъ года въ годъ часть земли оставляютъ въ залогѣ, а посѣвъ производятъ на участкахъ, уже побывавшихъ въ залежи.

Въ настоящее время площадь, находящаяся подъ сельскохозяйственною культурою въ Европейской Россіи, составляетъ болѣе одной пятой части всей поверхности ея, тогда какъ земли совершенно неудобныя и безплодныя: песчаныя степи, скалы или тундры,—занимаютъ болѣе 25% всей территоріи. Еще недавно лѣса покрывали болѣе половины Россіи; но распространеніе земледѣлія, расчистка лѣсныхъ участковъ подъ пашни, пожары, безпорядочная эксплоатація значительно сократили лѣсную площадь; въ наши дни она составляетъ не болѣе двухъ пятыхъ: многіе большіе лѣса исчезли безслѣдно, и на мѣстѣ ихъ образовалась голая степь. По берегамъ почти всѣхъ сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ уже нѣтъ высокоствольныхъ лѣсовъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ въ обѣ стороны: тамъ лѣса сплошь изведены, тогда какъ въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ водяныхъ путей и вообще лишенныхъ удобныхъ средствъ перевозки, великолѣпнѣйшій строевой лѣсъ безъ пользы гніетъ на мѣстѣ. Объ эксплоатаціи лѣсовъ въ Россіи и о совершенномъ почти отсутствіи правильнаго лѣсоразведенія можно судить по тому факту, что правительство получаетъ съ казенныхъ лѣсовъ, среднимъ числомъ, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, чистаго дохода 5 съ небольшимъ копѣекъ на десятину. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ сосредоточено наибольшее количество казенныхъ лѣсовъ, покрывающихъ громадныя пространства, годовой доходъ отъ казенныхъ дачъ едва превышаетъ копѣйку съ десятины [1]). Во Франціи онъ превышаетъ 30 франковъ съ гектара (около 8 мет. рублей съ десятины) въ государственныхъ лѣсахъ, а въ лѣсахъ частныхъ, при раціональномъ способѣ эксплоатаціи ихъ, этотъ доходъ значительно больше. Пора уже положить конецъ расхищенію лѣсныхъ богатствъ Россіи неразумнымъ хозяйничаньемъ. Въ началѣ текущаго столѣтія на каждаго жителя, по валовому учету, приходилось лѣса около 14 десятинъ; теперь же—только 2 десятины, хотя, безъ сомнѣнія, все еще гораздо больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, за исключеніемъ Норвегіи и Швеціи [1]); но если обезлѣсеніе будетъ продолжаться по-прежнему, то, при возрастаніи населенія, Россія черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ сдѣлается одною изъ самыхъ бѣдныхъ лѣсомъ странъ нашей части свѣта.

Распредѣленіе по угодьямъ общей площади территоріи Европейской Россіи, безъ Финляндіи, показано въ слѣдующей таблицѣ [2]):

	По Янсону. тыс. дес.		По Ермолову. тыс. дес.	
Пахатной земли....	97.178, или	22,6%	95.000, или	21,58%
Подъ лугами и пастбищами....	53.119	„ 12,4%	55.000	„ 12,49%
Подъ лѣсомъ.....	117.252	„ 27,3%	177.160	„ 40,23%
Подъ непроизводител. площадью.	162.004	„ 37,7%	113.140	„ 25,70%

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ Россія производитъ наибольшее количество зерновыхъ хлѣбовъ. Недавно она производила ихъ больше даже, чѣмъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, но въ эти послѣдніе годы положеніе дѣлъ измѣнилось, и теперь она занимаетъ только второе мѣсто въ свѣтѣ по размѣрамъ производства хлѣба.

ленной статистикой Россіи и другихъ странъ". Спб. 1875 г.—Лазаревскій, „Объ истребленіи волкомъ домашняго скота и дичи и объ истребленіи волка". Спб. 1876 г.—Brückner, „Russische Revue".—Мордовцевъ, „Десятилѣтіе русскаго земства".

[1]) Проф. Янсонъ, цитированное сочиненіе.

[1]) На 1 жителя приходится лѣсной почвы (см. ст. проф. А. Рудзкаго въ „Историко-стат. Обзорѣ пром. Россіи"):

Въ Норвегіи.....	11 дес.	Въ Австріи.....	0,47 дес.
„ Швеціи.....	2,7 „	„ Германіи....	0,33 „
„ Россіи......	2 „	„ Франціи....	0,2 „

Если же принять во вниманіе лишь лѣсную площадь въ лѣсномъ управленіи, то въ сѣверномъ, лѣсномъ краѣ на 1 жит. окажется $7^1/_3$ дес. лѣса, въ Поволжьи—столько же, сколько въ Германіи, а въ остальныхъ районахъ—менѣе, чѣмъ во Франціи; спеціально же въ промышленномъ центрѣ Россіи—всего 0,09 дес. на душу, т. е. болѣе чѣмъ вдвое меньше, нежели во Франціи. Ред.

[2]) Данныя о распредѣленіи общей площади по угодьямъ весьма не точны. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ, площадь пахатныхъ земель возросла до 100 милл. дес., а общая лѣсная площадь должна быть увеличена, по свѣдѣніямъ 1879—1881 г., сравнительно болѣе точнымъ,—до 183.701.000 дес., въ томъ числѣ въ лѣсномъ управленіи 123.318.670 дес.; „удобной лѣсной почвы" считается 146.461.000 дес., или 79,7%. (См. „Историко-стат. Обзоръ пром. Россіи", ст. проф. А. Рудзкаго и Н. Левитскаго). Ред.

Средній сборъ зерновыхъ хлѣбовъ въ главнѣйшихъ государствахъ:

	Общій сборъ въ четвертяхъ.	На жителя четвертей.
Соединенные Штаты...	318.000.000	6,3
Европ. Россія, безъ Финляндіи	270.000.000	3,5
Франція	120.000.000	3,2
Германія	128.000.000	2,8
Австро-Венгрія	81.000.000	2,2
Соединенное Королев.	60.000.000 [1])	1,7

Въ 60 губерніяхъ Европ. Россіи средній сборъ хлѣбовъ за пятилѣтіе 1892—96 г.г. составлялъ 2.891.976,6 тыс. пудовъ. Общій сборъ зерновыхъ хлѣбовъ, кромѣ бобовъ и чечевицы, въ 71 губерніяхъ и областяхъ Европ. и Азіатск. Россіи въ 1897 г. простирался до 2.761.915,4 тыс. пуд. [2]).

Въ Россіи подъ культурою состоитъ земли гораздо больше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и значительная часть ея территоріи, именно черноземная полоса, кажется, предназначена сдѣлаться сплошнымъ хлѣбнымъ полемъ; но способы обработки почвы и земледѣльческія орудія еще весьма неудовлетворительны. На большей части земель южной Россіи культура ведется не постоянно,—тамъ существуетъ залежная система хозяйства; «кулаки» нерѣдко снимаютъ въ аренду у казны и у частныхъ владѣльцевъ земельные участки и на нихъ ведутъ хищническую культуру: собираютъ 2—3 жатвы пшеницы, послѣ чего сѣютъ два года кряду ленъ, какъ извѣстно, сильно истощающій почву. Еще въ 1872 году Мекензи Уоллесъ проѣзжалъ, въ Самарской губерніи, по обширнымъ имѣніямъ, принадлежащимъ казнѣ, земли которыхъ, очень плодородныя отъ природы, отдавались въ аренду частнымъ лицамъ по 30 копѣекъ за десятину [3]). Если бы сборъ съ каждой десятины хлѣба былъ въ Россіи такой же, какъ въ Великобританіи [4]), то жатва давала бы, въ среднемъ, ежегодно не 300 милл. четвертей, какъ въ настоящее время (урожай 1895 г. въ Европейской Россіи, близкій къ среднему, далъ 330,4 милліона четвертей), а простиралась бы до одного милліарда четвертей, и, слѣдовательно, собраннаго хлѣба достало бы для прокормленія 500 милліоновъ людей. Урожаи въ разныхъ частяхъ Имперіи различны и даютъ среднимъ числомъ отъ трехъ до пяти зеренъ на одно посѣянное, смотря по мѣстностямъ, а между тѣмъ каждый годъ цѣлая треть (на югѣ—даже значительно большая часть) пахатныхъ земель остается подъ паромъ (или въ залежи). Когда въ одной губерніи случится неурожай, либо вслѣдствіе засухи или чрезмѣрнаго обилія дождей, либо по причинѣ появленія вредныхъ насѣкомыхъ, производящихъ иногда страшныя опустошенія на поляхъ, особенно въ Малороссіи и южной Россіи, нужда, а иногда и настоящій голодъ вскорѣ проявляются съ полною силою, тогда какъ губерніи съ обильнымъ урожаемъ продолжаютъ отправлять свой хлѣбъ къ иностраннымъ портамъ; нерѣдко и постигнутыя неурожаемъ губерніи все-таки отпускаютъ хлѣбъ: примѣръ тому мы видѣли въ 1873 и въ 1884 г.г., во время самарскаго и пермскаго голода. Причина этого страннаго явленія—бѣдность крестьянъ: они вынуждены продавать свой хлѣбъ осенью для уплаты податей и не имѣютъ возможности покупать его весной, по недостатку средствъ. Между различными зерновыми хлѣбами, воздѣлываемыми въ Россіи, первое мѣсто принадлежитъ не пшеницѣ; этотъ родъ хлѣба занимаетъ лишь третье мѣсто—послѣ ржи и овса; въ сѣверныхъ областяхъ пшеницу замѣняютъ рожь и ячмень, требующіе для своего развитія меньшей суммы теплоты сравнительно съ пшеницей.

Зерновыми хлѣбами въ Европейской и Азіатской Россіи въ 1897 г. было засѣяно слѣдующее количество десятинъ [1]):

Пшеницею, яровою и озимою—17.310.516 д.; Рожью—26.096.720д.; Ячменемъ—7.503.985д.; Овсомъ—15.638.034д.; Гречихою—2.336.710д.; Просомъ—2.749.993 д.; Кукурузой—961.691 д.; Горохомъ—1.159.742 д.; Полбой—438.514 д.; Всего—74.195.905 десятинъ.

Если Россія теперь занимаетъ только второе мѣсто въ свѣтѣ по производству и отпуску зерновыхъ хлѣбовъ, то она все еще сохраняетъ первенствующее значеніе по воздѣлыванію льна и конопли. Подъ льноводствомъ въ Россіи состоитъ бо́льшая площадь, нежели во всей остальной Европѣ, а средній ежегодный сборъ льнянаго волокна составляетъ почти половину производства его на всемъ европейскомъ континентѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Подъ культурою льна на волокно, дес.	Средній ежегодный сборъ, пудовъ.
Европейская Россія.	800.000	20.000.000
Прочія государства Европы............	580.000	11.700.000

За пятилѣтіе 1890—94 гг. въ Россіи собиралось, въ среднемъ, ежегодно—18.630.000 пуд. волокна и 2.500.000 четвертей сѣмени. Губерніи: Псковская производитъ около—2.600.000 пуд., а Вятская около—1.000.000 пуд. волокна. Въ южныхъ губерніяхъ ленъ воздѣлываютъ не

---

[1]) Въ томъ числѣ почти половина овса Ред.

[2]) „Статистика Россійск. имперіи. Урожай 1897 г.“, изд. Центр. Статистич. Комитета.

[3]) Mackenzie Wallace, „Russie“, t. II.

[4]) Въ Россіи средній урожай зерна на десятинѣ равняется 4 четв., въ Англіи 15 и свыше. На счетъ продуктовъ, получаемыхъ со 100 дес. утилизируемой въ сельско-хозяйственномъ отношеніи земли, въ Россіи могутъ существовать всего 60 душъ, во Франціи и Германіи 120, въ Бельгіи 210 челов. (А. Ермоловъ, „Организація полеваго хозяйства“, I). Ред.

[1]) „Урожай 1897 г.“, изд. Центр. Статист. Комитета.

*

для волокна, а на сѣмя. Общая цѣнность производимаго льна (волокна и сѣмянъ) исчисляется приблизительно въ 100 милліоновъ рублей. Конопля имѣетъ менѣе важное значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи; средняя цѣнность ежегоднаго сбора этого растенія, какъ въ видѣ волокна (пеньки), такъ и въ видѣ сѣмянъ, опредѣляется въ 40.000.000 рублей (средній годовой сборъ за пятилѣтіе 1890—94 гг. 10.050.000 пуд. волокна и 2.109.000 пуд. сѣмени).

Культура свекловицы, имѣющая чисто промышленный характеръ (для переработки на сахаръ), тоже получила въ Россіи обширное развитіе, и ежегодное производство этого корнеплода представляетъ почти пятую часть сбора его во всей Европѣ; одна Кіевская губернія доставляетъ $^{1}/_{3}$ всего количества, которое получается въ Европейской Россіи, со включеніемъ Царства Польскаго. По даннымъ за пятилѣтіе 1890—95 гг., подъ культурой этого растенія было занято ежегодно, въ среднемъ, 285.293 десятины и перерабатывалось на сахаръ 29.263.429 берковцевъ свекловицы. По размѣру производства сахарной свеклы, Россія не отстаетъ отъ Австро-Венгріи и въ этомъ отношеніи уступаетъ только Франціи и Германіи. Цѣнность ежегоднаго сбора свекловицы составляетъ приблизительно 15—20 милліоновъ рублей. Воздѣлываніе картофеля тоже значительно увеличилось въ Россіи съ половины настоящаго столѣтія, и сборъ его, въ среднемъ, за послѣднее десятилѣтіе составлялъ 60.900.000 четвертей; въ 1897 г. подъ этимъ корнеплодомъ было занято въ Европейской Россіи, съ Царствомъ Польскимъ, 3.053.660 десятинъ, а сборъ опредѣлился въ 1.338.358,1 тыс. пудовъ; во всей имперіи (кромѣ Финляндіи) площадь подъ картофелемъ: 3.177.674 дес., давшихъ сборъ въ 1.381.159.600 пуд. [1]). Въ губерніяхъ Западныхъ, Привислянскихъ и Прибалтійскихъ картофель идетъ на винокуреніе, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Имперіи для этой цѣли употребляется преимущественно ржаная мука. Въ общемъ, изъ картофеля выкуривается около четверти всего получаемаго въ Европейской Россіи количества водки; но въ послѣдніе годы винокуреніе изъ картофеля стало особенно возростать. Табаководство также въ общемъ значительно усилилось въ послѣднее время; сборъ табаку въ 1894 г. составлялъ 4.327 тыс. пуд.

Мы перечислили важнѣйшія отрасли земледѣлія въ Россіи. Что касается виноградарства, то оно имѣетъ хозяйственное значеніе только въ южной части страны, при чемъ почти три-четверти всего винограда, собираемаго въ Имперіи, получается внѣ предѣловъ Европейской Россіи, именно въ бассейнахъ Терека и Кубани, преимущественно же въ Кахетіи, на полуденномъ склонѣ Кавказа. Въ Европейской Россіи

[1]) „Урожай 1897 г.", изд. Центр. Статист. Комитета.

виноградники встрѣчаются только въ Бессарабіи, главнѣйше въ окрестностяхъ Аккермана, на берегахъ Днѣпровскаго лимана, въ Крыму, на берегахъ нижняго Дона и кое-гдѣ въ Херсонской губерніи. Границы культуры виноградниковъ несомнѣнно отодвинулись далеко къ югу въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій: прежде крестьяне собирали виноградъ въ Подоліи почти въ разстояніи 300 верстъ къ сѣверу отъ тѣхъ виноградниковъ Россіи, которые нынѣ составляютъ крайній сѣверный предѣлъ виноградарства [1]). Виноградная лоза и теперь еще растетъ въ садахъ Подольской и Кіевской губерній, но плоды ея слишкомъ кислы, чтобы можно было приготовлять изъ нихъ вино [2]). Астраханскій виноградъ, о которомъ Александръ Гумбольдтъ говоритъ во многихъ изъ своихъ сочиненій, тоже очень близокъ къ исчезновенію: виноградарство сдѣлалось уже простымъ садоводствомъ въ этой части Волжскаго бассейна, и площадь виноградниковъ занимаетъ незначительное пространство, всего около—90 десятинъ, а сборъ въ нормальномъ 1870 году едва достигалъ 1.500 ведеръ [3]). Общее количество виноградного вина, производимаго во всей Европейской Россіи, составляетъ только около—8.000.000 ведеръ; но промышленность умѣетъ умножать это количество и превращать простое вино въ шампанское и другія знаменитыя иностранныя вина. Въ 1880 году въ крымскихъ виноградникахъ появилась филлоксера; но благодаря принятымъ мѣрамъ, дальнѣйшее распространеніе ея было прекращено.

Россія очень богата домашними животными; она обладаетъ гораздо бо́льшимъ абсолютнымъ количествомъ скота, чѣмъ всякое другое изъ европейскихъ государствъ, и по числу лошадей на 100 жителей превосходитъ всѣ страны.

Число домашнихъ животныхъ въ различныхъ странахъ Европы (въ тысячахъ головъ):

Лошадей: Россія Европейская (92—94 гг.)—22.044; Германія (1892 г.)—3.837; Франція (95 г.)—3.382; Австро-Венгрія (90—95 гг.)—4.033; Соединенное Королевство (1896 г.)—2.116.

Рогатаго скота: Россія—33.520; Германія—17.556; Франція—13.234; Австро-Венгрія—15.987; Соединенное Королевство—10.942.

Овецъ и козъ: Россія—59.455; Германія—16.681; Франція—22.673; Австро-Венгрія—15.098; Соединенное Королевство—30.854.

Свиней: Россія—11.706; Германія—12.174; Франція — 6.306; Австро-Венгрія — 11.437; Соединенное Королевство—4.301.

[1]) Blaise de Vigener, „Description du royaume de Pologne".

[2]) А. Баталинъ, основываясь на удачныхъ опытахъ культуры винограда, проводитъ предѣльную линію винограда чрезъ средину Волынской губ., далѣе на востокъ южнѣе Чернигова, на Курскъ, Воронежъ и до Камышина на Волгѣ. Ред.

[3]) Bock, „Russische Revue", 1878 г., № X.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что превосходство Россіи въ отношеніи численности лошадей происходитъ именно вслѣдствіе сравнительно малаго распространенія въ странѣ собственно земледѣльческой промышленности. Тамъ, гдѣ населенность наиболѣе рѣдка, гдѣ города и мѣстечки наиболѣе удалены другъ отъ друга, табуны лошадей пасутся въ наибольшемъ количествѣ; въ области степей, на югѣ и особенно на востокѣ они находятъ еще огромныя травяныя пространства, по которымъ бродятъ на волѣ. Въ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи число лошадей превышаетъ число людей; въ Европейской Россіи, со включеніемъ Царства Польскаго, недавно насчитывали одну лошадь на каждыхъ четырехъ жителей; теперь отношеніе уменьшилось, такъ что нужно считать только одну лошадь на пять человѣкъ, и по всей вѣроятности, уже не далеко то время, когда Россія будетъ имѣть, какъ это мы видимъ въ странахъ Западной Европы, не болѣе одной лошади на десять или пятнадцать жителей. Благодаря успѣхамъ земледѣлія, рогатый скотъ увеличивается въ числѣ, но не такъ быстро, какъ человѣческое населеніе; то же замѣчается и относительно овецъ.

Объ измѣненіи численности скота во времени можно судить изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ Европейской Россіи (безъ Финляндіи и Царства Польскаго):

	Лошадей.	Кр. рог. скота.	Овецъ.
	Тысячъ	головъ.	
1861 г.	15.190	20.638	42.379
1880 „	15.756	21.652	45.662

Слѣдовательно, увеличеніе числа лошадей составляло 0,37%, рогатаго скота 4,9%, овецъ 7,7%; цифра же населенія за тотъ же періодъ времени увеличилась на 25%.

Впрочемъ, сравнивая количество скота въ Россіи и въ Западной Европѣ, нужно принимать въ соображеніе и то, что вѣсъ русскаго скота, получающаго относительно плохой кормъ и обремененнаго непосильною работою, болѣе чѣмъ на половину меньше вѣса скота англійскаго или швейцарскаго. Точно также стада овецъ состоятъ главнымъ образомъ изъ простыхъ породъ, еще необлагороженныхъ путемъ скрещиванія съ усовершенствованными породами. Однако, сдѣланы уже большіе успѣхи въ разведеніи домашнихъ животныхъ, и успѣхи эти должны постоянно увеличиваться, въ виду постояннаго возрастанія цѣнъ на мясо и шерсть. Общее количество производимой Россіею шерсти исчисляется приблизительно въ 12 милл. пудовъ, которые представляютъ цѣнность около 50 милліон. рублей. Совокупность продуктовъ земледѣлія и скотоводства въ Европейской Россіи не можетъ быть оцѣниваема менѣе, какъ въ 2.000 милліоновъ рублей.

Извѣстно, что съ 1861 года производители этихъ богатствъ освобождены отъ крѣпостной зависимости и получили во владѣніе часть обрабатываемыхъ ими земель.

Распредѣленіе земельной собственности въ Россіи:

	До освобожденія.	Послѣ освобожденія.
	Процентъ.	
Государственныя земли	64,6	45,6
Земли помѣщичьи и проч.	30,6	22,6
Земли удѣльнаго вѣдомства	3,3	1,8
Земли крестьянъ и колонистовъ	1,7	30 (выкупленныя и невыкупленныя).

Число крестьянъ мужскаго пола около эпохи отмѣны крѣпостнаго права: въ 1857 году—9.765.163 на государственныхъ земляхъ; въ 1863 году—1.624.799 на земляхъ удѣльнаго вѣдомства; въ 1857 году—10.696.139 на земляхъ помѣщичьихъ.

Государственные крестьяне, которые пользовались относительно бо́льшей свободой, чѣмъ крестьяне частныхъ землевладѣльцевъ, получили земельные участки, за которые они должны были платить оброчную подать, преобразованную впослѣдствіи въ выкупные платежи. Что касается бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или крѣпостныхъ, то правительство, въ видахъ содѣйствія крестьянамъ по выкупу ихъ надѣловъ, выдаетъ имъ долгосрочныя ссуды (на 49 лѣтъ). Помѣщикъ получаетъ эту ссуду процентными бумагами, при чемъ размѣръ ея опредѣляется капитализаціею (изъ 6%) установленнаго для разныхъ мѣстностей душеваго оброка, съ вычетомъ изъ общей, такимъ образомъ исчисленной капитальной суммы 1/5 части, если выкупается полный надѣлъ, и 1/4 части—въ случаѣ выкупа надѣла уменьшеннаго; крестьяне въ теченіе 49 лѣтъ обязаны выплачивать 6% съ полученной ими ссуды. Обязательный выкупъ земель былъ установленъ только въ западныхъ губерніяхъ, которыя были въ 1863 году охвачены польскимъ возстаніемъ. Къ 1 января 1882 года, по 49 губерніямъ, поступило выкупныхъ сдѣлокъ 73.880, изъ коихъ утверждено 71.624; по этимъ сдѣлкамъ, 5.618.425 ревизскихъ душъ выкупили 19.639.170 дес. земли, получивъ выкупную ссуду въ 603.484.763 р. Сверхъ того, въ 9 западныхъ губерніяхъ утверждено 23.453 выкупныя сдѣлки, при чемъ 2.493.065 ревизскихъ душъ приступили къ выкупу 9.325.344 дес., на что имъ выдано въ ссуду 160.839.290 р. Слѣдовательно, къ названному сроку всего было утверждено 97.334 сдѣлокъ и актовъ, 8.111.490 ревизскихъ душъ приступили къ выкупу своихъ надѣловъ и получили въ ссуду 764.324.053 р. Въ 37 собственно русскихъ губерніяхъ, къ 1 января 1882 г., 5.999.187 душъ, или 80,83% бывшаго крѣпостнаго населенія, перешли въ разрядъ собственниковъ; слѣдовательно, въ обязатель-

ныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ осталось 1.422.012 душъ, или около 19%. По указу 28 декабря 1881 г., и эти крестьяне (съ 1 января 1883 г.) были переведены съ оброчной повинности на выкупные платежи, т. е. сдѣлались собственниками. По исчисленію г. Троицкаго, 723.725 душъ, записанныхъ дворовыми, вовсе не получили своей доли земли. Въ имѣніяхъ удѣльнаго вѣдомства болѣе 860.000 ревизскихъ душъ получили земельные надѣлы. Въ южныхъ степныхъ и въ черноземныхъ нестепныхъ губерніяхъ большинство крестьянъ въ состояніи были платить за свое освобожденіе, выкупить свои земельные участки, величина которыхъ по губерніямъ различна (наименьшая величина надѣла—$1^3/_4$ десятины, наибольшая—10 дес.), и окончательно организовать мелкую земельную собственность; но нельзя того же сказать о губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ, которыя часто были постигаемы неурожаемъ. Вычислено, что въ сѣверныхъ губерніяхъ, по верхнему теченію Волги, крестьяне должны были бы имѣть не менѣе 8 десятинъ на душу (т. е. вдвое или втрое больше противъ того, сколько они имѣютъ теперь среднимъ числомъ),—чтобы жить въ нѣкоторомъ довольствѣ и платить исправно подати и другіе сборы. Въ этой части Россіи сельскія общества, не будучи въ состояніи заплатить выкупъ непосредственно землевладѣльцамъ, оказываются слишкомъ бѣдными и для того, чтобы исправно вносить въ казну выкупные платежи, они принуждены заключать займы подъ большіе проценты, продавать хлѣбъ на корню и снова закрѣпощаться—на этотъ разъ уже не помѣщику, а ростовщику. Есть почти цѣлые уѣзды, гдѣ крестьяне сдѣлались неспособными къ платежу податей, иногда превышающихъ весь получаемый ими доходъ. Указываютъ на деревни, покинутыя жителями: всѣ до одного ушли они искать себѣ заработковъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ крестьянскаго бюджета не хватаетъ на покрытіе издержекъ существованія. Земледѣльческій пролетаріатъ уже появился въ Россіи, тогда какъ въ городахъ развивается въ то же время пролетаріатъ промышленный или фабричный [1]. Въ губерніяхъ низоваго Поволжья, часть крестьянъ нанимается на продолжительные сроки въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; такіе долгосрочные договоры о личномъ наймѣ обыкновенно называютъ кабалой, то-есть тѣмъ самымъ именемъ, которое употребляли для обозначенія рабскаго состоянія въ ту эпоху, когда почти все сельское населеніе Россіи было прикрѣплено къ землѣ и обращено въ крѣпостное состояніе [2].

Трудъ въ Россіи, не только на поприщѣ земледѣлія, но отчасти также въ области обработывающей промышленности и торговли, проявляется еще въ такихъ формахъ, которыя ясно отражаютъ въ себѣ вліяніе стариннаго общиннаго устройства. Однако, общинная организація, преобразовываясь съ теченіемъ времени, сохранилась преимущественно по отношенію къ обработкѣ почвы, къ земледѣлію. Этой группой въ Великороссіи является міръ, въ Малороссіи—громада; подобную же организацію, только подъ другими именами, мы находимъ у финно-татарскихъ народцевъ, каковы мордвины, черемисы и чуваши [1], и даже нѣмецкіе колонисты на берегахъ Волги, хотя получили земли отдѣльно для каждой семьи, соединили ихъ въ общинныя владѣнія. Такимъ образомъ «міръ» составляетъ общее учрежденіе въ Имперіи, хотя наиболѣе оригинальныя и всего лучше изученныя формы его встрѣчаются главнымъ образомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Только въ этой части Имперіи мы встрѣчаемъ даже города, сохранившіе старинный порядокъ распредѣленія земель между своими членами. Такъ, напримѣръ, жители города Мологи раздѣлены на одиннадцать сотенъ; соотвѣтственно тому, и окружающіе луга разбиваются на одиннадцать участковъ, такъ что каждая сотня выкашиваетъ свой участокъ, а собираемое сѣно распредѣляется между всѣми членами, соразмѣрно количеству платимыхъ каждымъ налогомъ [2].

Не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это часто дѣлаютъ, слово «міръ» со словомъ «община» (commune): эти два понятія не вполнѣ тождественны [3], ибо трудъ сообща практикуется только въ нѣкоторыхъ временныхъ земледѣльческихъ товариществахъ, или артеляхъ, какова такъ называемая себерщина на низовой Волгѣ [4]) и въ Малороссіи. Въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ общинахъ и именно у «общихъ» или общинниковъ, одной изъ сектъ духоборцевъ, не существуетъ раздѣла земли; принадлежащая общинѣ земля обработывается сообща всѣми, и жатва распредѣляется между членами пропор-

---

[1]) Кн. Васильчиковъ, „Землевладѣніе и земледѣліе", II.

[2]) В. И. Гиляранскій, „Общественно-экономическія отношенія къ юго-восточной Россіи". „Слово", 1878 г., №№ 3 и 4.

---

[1]) И. Ефименко, „Программа для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи", „Слово", 1878 г., № 6.— Статьи Н. Г. Ч—го въ „Современникѣ" „О поземельной собственности и общинномъ землевладѣніи". — П. А. Соколовскій, „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи".

[2]) Е. И. Якушкинъ, „Обычное право".

[3]) Но еще чаще смѣшиваютъ два понятія — общинное землевладѣніе и общинное пользованіе землею у крестьянъ, забывая, что общинныя земли иногда сдаются въ частное пользованіе, а частныя земли, снимаемыя крестьянскими обществами, поступаютъ нерѣдко въ пользованіе общества на общинномъ началѣ; наконецъ, имѣются селенія съ надѣленной въ подворную, частную собственность землей и со всѣми порядками общиннаго, черезполоснаго хозяйства. (И. Стебутъ. „Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ", 1883 г.). Ред.

[4]) Гиляранскій, „Общественно-экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи", „Слово", за 1878 г.

ціонально числу работниковъ въ каждой семьѣ [1]). Вообще трудъ сообща и равномѣрный раздѣлъ продуктовъ наблюдается чаще въ отношеніи луговъ, чѣмъ въ отношеніи пахотныхъ земель, и на арендуемыхъ земляхъ чаще, чѣмъ на земляхъ, составляющихъ собственность общинъ. Слово «міръ», означающее деревню и свѣтъ, отличается лишь правописаніемъ отъ слова «миръ» — покой и согласіе. Въ самомъ дѣлѣ, сельскій міръ есть общее соглашеніе семей деревни насчетъ распредѣленія земель. Когда земельная территорія обширна, какъ, напримѣръ, въ сѣверныхъ губерніяхъ, земля принадлежитъ сообща нѣсколькимъ деревнямъ, соединеннымъ въ волость; такъ, въ Олонецкомъ уѣздѣ около 600 деревень сгруппированы въ 30 сельскихъ обществъ. Одна только общинаволость обнимаетъ болѣе ста деревень, и территорія ея, около 201.300 десятинъ, тянется по берегамъ Свири почти на 60 верстъ [2]). Тамъ, если и ощущается въ чемъ-либо недостатокъ, то, конечно, не въ землѣ; напротивъ, семьи хлѣбопашцевъ въ этой многоземельной сторонѣ могутъ свободно перемѣщаться вправо и влѣво, чтобы выбрать себѣ наиболѣе подходящее мѣсто; имъ стоитъ только сдѣлать знакъ, вырѣсать свою мѣтку на деревьяхъ, которыя служатъ имъ временными границами; но необходимо соглашеніе между деревнями, чтобъ ввести нѣкоторый порядокъ въ это кочевое земледѣліе, равно какъ въ эксплоатацію рѣкъ. Земля Уральскаго казачьяго войска также составляетъ огромную волость, гдѣ еще недавно каждый способный къ труду человѣкъ воленъ былъ занимать гулящую землю для веденія на ней полеваго хозяйства; но теперь и тамъ начинаетъ мало-по-малу устанавливаться частная земельная собственность — послѣдствіе привилегій, вытекающихъ изъ военной іерархіи [3]). Изученіе историческихъ документовъ доказало, что соединеніе деревень въ волость для пользованія землей было общимъ явленіемъ въ древней Руси [4]).

Феодальные нравы, съ одной стороны, и вліяніе римскаго законодательства — съ другой уничтожили во многихъ мѣстахъ эту форму коллективнаго землевладѣнія и замѣнили ее собственностью личной или частной. Это совершилось преимущественно въ западной Россіи, подъ литовскимъ и польскимъ владычествомъ; то же самое происходитъ теперь и у казаковъ Уральскаго войска; но почти во всей Великороссіи «волость» естественнымъ порядкомъ раздробилась на отдѣльные «міры», или общины, вслѣдствіе возрастанія числа хлѣбопашцевъ и уменьшенія количества свободныхъ земель; какъ только поселокъ дѣлается деревней, сосѣднія земельныя угодья присвоиваются этою вновь образовавшеюся общиною и въ концѣ концовъ переходятъ въ ея исключительную собственность: раздѣлъ земли долженъ производиться уже между ея членами [1]).

[1]) Кельсіевъ, „Матеріалы по расколу", IV; „Прыгуны", „Отечественныя Записки", 1878 г., №№ X, XI; „Em. de Laveleye, „De la propiété et de ses formes primitives".
[2]) П. А. Соколовскій, „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи". Ср. „Сел. поз. община Арханг. губ.", 1882 г., изд. Арх. Стат. Ком.
[3]) Рябининъ, „Уральское Казачье Войско".
[4]) Соколовскій, цитированное сочиненіе.

Совокупность жителей деревни составляетъ міръ или общину. Міръ, пользующійся самоуправленіемъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, есть собственникъ принадлежащей деревнѣ земли, но въ то же время несетъ отвѣтственность за благосостояніе всѣхъ членовъ общины; онъ долженъ обезпечить участокъ земли каждому способному работать. Часто лѣса и почти всегда выгоны и пастбища остаются въ общемъ, нераздѣльномъ пользованіи. Домъ съ землей, на которой онъ построенъ, и прилегающій къ нему огородъ или садъ, другими словами — то, что называется усадьбой, составляютъ частную собственность; но пока владѣлецъ не выкупилъ окончательно своего земельнаго надѣла у бывшаго помѣщика, усадьба принадлежитъ общинѣ, и онъ не можетъ продать ни избы, ни огорода постороннему, не принадлежащему къ міру, лицу, безъ согласія своихъ односельчанъ. Въ принципѣ, раздѣлъ земли долженъ производиться соразмѣрно числу работниковъ мужскаго пола въ каждой семьѣ, и такъ какъ земля обложена податью по количеству душъ мужскаго населенія, то передѣлъ земли становится обязательнымъ послѣ каждой ревизіи (народной переписи). Но колебанія въ числѣ членовъ, происходящія въ каждой сельской общинѣ, вслѣдствіе накопленія мертвыхъ душъ, нарожденія новыхъ, переселеній, — заставляютъ деревни прибѣгать къ болѣе частымъ передѣламъ, при чемъ каждая деревня имѣетъ свои обычаи и распорядки. Въ одной и той же губерніи, въ одномъ и томъ же уѣздѣ нѣкоторыя сельскія общины приступаютъ къ раздѣлу каждый годъ, тогда какъ другія производятъ новые передѣлы только черезъ два-три или большее число (до 10 — 12) лѣтъ, или ждутъ передѣла въ теченіе цѣлыхъ поколѣній. Для примѣра приводимъ сроки передѣловъ въ 278 сельскихъ обществахъ Саратовской губерніи:

Передѣлъ: каждый годъ — у 128 деревень; черезъ каждые два года — у 22; черезъ каждые три года — у 13; черезъ каждыя пять лѣтъ — у 21; черезъ каждыя шесть лѣтъ — у 20; черезъ каждыя восемь лѣтъ — у 2; черезъ каждыя десять лѣтъ — у 11; не было передѣла съ 1858 г. — у 32; не было передѣла съ 1862 г. — у 23 деревень.

Передѣлъ отмѣненъ въ принципѣ у 1 дер.

Замѣчено, что общины, наиболѣе богатыя и лучше другихъ ведущія свое хозяйство, повто-

[1]) Соколовскій, цитированное сочиненіе и „Экон. бытъ землед. населенія Россіи предъ крѣпостнымъ правомъ".

ряютъ передѣлы земли менѣе часто, чѣмъ бѣдныя общины [1]).

Чтобы каждый членъ общины получилъ равную долю, землю обыкновенно дѣлятъ на нѣсколько участковъ, смотря по качеству почвы и удобствамъ обработки. При этомъ все берется въ соображеніе—свойство почвы, расположеніе и наклонъ мѣстности, близость или отдаленность отъ усадебъ, дорогъ и ручьевъ; раздѣльныя линіи между участками проводятся такимъ образомъ, чтобы послѣдніе представляли возможно больше сходства между собою. Затѣмъ жребій рѣшаетъ, какія доли крестьянинъ получитъ въ земляхъ различныхъ категорій, изъ «первой шапки», изъ «второй» и изъ «третьей» [2]).

Вопреки предсказаніямъ многихъ публицистовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, со времени освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, русскій сельскій міръ сохранился, и теперь, какъ прежде, согласуясь съ интересами и убѣжденіями крестьянъ. Законъ дозволяетъ сельскимъ общинамъ производить окончательный раздѣлъ земель на отдѣльные участки, съ отводомъ ихъ въ частную собственность, и такимъ образомъ упразднять общинное землевладѣніе; но деревни, воспользовавшіяся этимъ разрѣшеніемъ, очень немногочисленны, и почти всѣ онѣ находились въ особенныхъ, исключительныхъ условіяхъ, при которыхъ сохраненіе старой общины оказывалось очень стѣснительнымъ. Въ теченіе первыхъ четырнадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за изданіемъ Положенія объ освобожденіи крестьянъ, извѣстно только около сотни примѣровъ такихъ сельскихъ обществъ, которыя оставили порядокъ общиннаго землевладѣнія и перешли къ системѣ частной земельной собственности; съ другой стороны, указываютъ случаи, когда распавшіяся общины вновь организовались меньшими группами, но болѣе выгоднымъ образомъ; нѣкоторыя же общины увеличились, соединяя въ одинъ, болѣе обширный, міръ земли, выкупленныя ими и пріобрѣтенныя въ полную собственность [3]). Старинный духъ солидарности между членами одной и той же общины не исчезъ и понынѣ. «Міръ жалѣетъ всѣхъ», говоритъ крестьянинъ, и хотя государство, предъ которымъ коллективная единица отвѣтствуетъ круговой порукой за исправный взносъ податей, облагаетъ безъ исключенія всѣ «ревизскія души», то-есть все мужское населеніе, однако община избавляетъ отъ платежа стариковъ и дѣтей въ семьяхъ «безъ души», то-есть неимѣющихъ ни одного способнаго къ труду работника и неполучающихъ душеваго надѣла; она даетъ содержаніе вдовѣ, и во всякомъ случаѣ каждый общинникъ можетъ держать корову и овцу на общественномъ выгонѣ; иногда община оставляетъ надѣлъ земли «ослабѣвшей» семьѣ, и обработка этого участка производится всѣми сосѣдями. Такъ сохраняются обычаи взаимнаго доброжелательства и круговой помощи, которыми искони отличались восточные славяне и которые поражаютъ наблюдателей другихъ національностей [1]).

Тѣмъ не менѣе можно положительно сказать, что русскій сельскій міръ мало-по-малу преобразуется, и что общинная жизнь ослабѣваетъ и приходитъ въ упадокъ подъ вліяніемъ тѣхъ соціальныхъ и фискальныхъ условій, въ которыя поставлено крестьянство. Дѣло въ томъ, что распредѣленіе земли дѣлается не только для того, чтобы дать пропитаніе всѣмъ членамъ общины, но имѣетъ въ виду еще другую цѣль—обезпечить платежъ податей, и всѣ семьи раздѣляются самимъ міромъ на сильныя, средственныя, маломощныя, или слабыя, и семьи «безъ души», а быть «безъ души» — значитъ быть «безъ земли». Обыкновенно способный къ работѣ мужикъ, обладатель пары лошадей, считается за двѣ души; но какой-нибудь несчастный случай, напр. скотскій падежъ, можетъ лишить его половины души, и тогда земельный надѣлъ его уменьшается на столько же [2]). Ростовщичество развилось въ большомъ числѣ сельскихъ общинъ; такихъ ростовщиковъ малороссы называютъ «дуками» (отъ стариннаго казацкаго слова), а великороссіяне дали имъ болѣе выразительное прозвище—«міроѣдовъ»; эти же міроѣды, между прочимъ, берутъ на себя земли семей ослабѣвшихъ или «безъ души», съ условіемъ платить падающее на нихъ количество податей и сборовъ. Обремененные долгами и должающіе все болѣе и болѣе, чтобы уплачивать подати, многіе члены общины кончаютъ тѣмъ, что «продаютъ свои души», или владѣютъ ими только фиктивно, и снова впадаютъ въ своего рода крѣпостную зависимость [3]). Такова главная и самая опасная для міра причина дезорганизаціи сельской общины. Точно также артели или промышленныя товарищества, занимающіяся рыболовствомъ, производствомъ грубыхъ издѣлій, кустарной промышленностью, тягой судовъ или бурлачествомъ, нагрузкой, извозомъ,—сильно рискуютъ погибнуть отъ забора впередъ денегъ, которыя потомъ нужно

[1]) В. Т. Трироговъ. „Податная десятина“, „Вѣстникъ Европы“, за 1878 г., № 11. Впрочемъ, значеніе приведенныхъ цифръ не вполнѣ ясно: не сдѣлано различія между коренными передѣлами и жеребьевками, при которыхъ общинники лишь мѣняются полосами, не измѣняя ихъ числа. См. „Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поз. общины“. Программа. Ред.

[2]) А. С. Постниковъ, „Общинное землевладѣніе“, II; Потанинъ, „Никольскій уѣздъ Вологодской губерніи“, „Древняя и Новая Россія“, 1876 г., № 10; В. Трироговъ, „Наши общины“ (въ губерн. Саратовской и Астраханской), „Отечественныя Записки“, 1878 г., № 11 и 1879 г., № 3.

[3]) Кн. Васильчиковъ, „Землевладѣніе и земледѣліе“.

[1]) П. С. Ефименко, „Программа для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи“.

[2]) Трироговъ, цитированная статья, а также „Общинатипъ“, см. „Отечественныя Записки“, 1879 г., № IX.

[3]) Гиляранскій, цитированное сочиненіе.

уплатить десятериццей, и отъ порабощенія, являющагося роковымъ слѣдствіемъ этой кабалы.

Добываніе металловъ и другихъ минеральныхъ продуктовъ, которое имѣло столь важное значеніе, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ странахъ древней Скиѳіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ металлическія украшенія и орудія, собранныя во множествѣ въ могильныхъ курганахъ, никогда совершенно не прекращалось въ Россіи; но только въ настоящемъ столѣтіи горнозаводская промышленность снова получила большое значеніе въ экономіи русскаго народнаго хозяйства. Позолоченная пирамида, фигурировавшая въ Петербургѣ на всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 года, наглядно представляла количество чистаго золота, добытаго на Уралѣ со времени первыхъ развѣдокъ, сдѣланныхъ въ 1754 году: эта масса драгоцѣннаго металла, которая почти вся была извлечена изъ золотоносныхъ песковъ и рудъ съ 1816 года, представляетъ вѣсъ около 44.000 пудовъ и цѣнность въ 615 милліоновъ рублей. Добыто въ Россійской Имперіи (съ Финляндіей) и отдѣльно на Уралѣ:

	Золота		Платины.	Мѣди.	
	Всего.	На Уралѣ.	На Уралѣ.	Всего.	На Уралѣ.
	Пудовъ.				
1860 г....	1.491	329	61½	317.147	283.691
1870 г...	2.162½	387½	119	308.440	175.189
1880 г....	2.641½	576½	180	195 518	101.632

Къ этимъ сокровищамъ Урала нужно прибавить драгоцѣнную платину, мѣдь, желѣзо, драгоцѣнные камни и горныя породы (малахитъ, яшма, топазъ). Въ 1895 г. добыча шлиховаго золота въ Россіи составляла 2.509¼ пудовъ, платины—269½ пуд., выплавка мѣди — 340.050 пуд. [1]). Въ Азіатской Россіи, въ долинахъ Алтая и Забайкалья, сосредоточены главныя мѣсторожденія свинцовой руды, содержащей серебро, и самыя обширныя залежи каменнаго угля; самые обильные источники нефти находятся на обѣихъ оконечностяхъ Кавказа, на берегахъ Чернаго моря и еще болѣе—у береговъ Каспійскаго моря. Главныя минеральныя богатства собственно Европейской Россіи состоятъ въ желѣзѣ, ископаемомъ углѣ и соли; эти вещества находятся въ нѣдрахъ земли въ количествахъ, такъ сказать, неисчерпаемыхъ, но промышленность еще далеко не извлекаетъ изъ нихъ той пользы, какую извлекала бы изъ нихъ, будь эти богатства въ Западной Европѣ. Въ 1860 г. желѣза и стали было добыто всего въ Россіи 12.942.190 п., въ 1870 г.—15.707.392 п.; въ 1880 году—35.591,929 пуд.; въ 1893 г.: желѣза — 30.384.610 п., стали—38.626.551 пуд.

Производство чугуна (выплавка ведется главнѣйше на древесномъ углѣ) во всей Россійской Имперіи: въ 1860 г.—20.467.526 п.; въ 1870 г.—21.949.417 п.; въ 1880 г.—27.375.370 п.; въ 1895 г.—87.000.000 пуд.

Сотни мѣсторожденій желѣзной руды были открыты въ сѣверной озерной области, въ бассейнѣ Камы, въ бассейнѣ Дона, и желѣзо, которое было извлечено со дна болотъ (такъ называемая болотная руда), въ Олонецкой губерніи, на Волыни, снова образуется мало-по малу въ тѣхъ же мѣстахъ.

Протяженіе каменноугольныхъ формацій, въ Польшѣ, въ центральной Россіи, въ области Донецкаго кряжа, еще не вполнѣ изслѣдовано, но, безъ всякаго сомнѣнія, оно гораздо значительнѣе площади каменноугольныхъ бассейновъ всякой другой европейской страны. Однако, эти залежи минеральнаго топлива даютъ въ настоящее время отечественной промышленности едва 1/45-ую часть того количества, которое извлекается изъ каменноугольныхъ копей Великобританіи, и Петербургъ получаетъ еще изъ Англіи почти весь нужный ему каменный уголь. Точно также изъ-за границы, именно изъ Галиціи, благодаря ея сосѣдству, привозится часть соли, употребляемой въ Россіи; но лиманы Бессарабіи, озера астраханскихъ степей (особенно Элтонское и Баскунчакское), соляные ключи въ губерніяхъ Пермской и Вологодской, ломки каменной соли (самыя богатыя около Илецкаго-Городка) и въ особенности крымскія соляныя озера содержатъ въ огромномъ изобиліи соль и съ излишкомъ могутъ покрывать потребности въ этомъ продуктѣ, какъ для продовольствія, такъ и для промышленныхъ цѣлей.

Добыча ископаемаго угля въ Россійской Имперіи: въ 1893 г.—всего 464.818.290 пуд.; изъ этого числа добыто въ бассейнахъ: донецкомъ — 239.832 тыс. пуд., домбровскомъ—193.359 т. п., подмосковномъ—10.941 т. пуд., на Уралѣ—15.899 т. п.

Въ 1895 г. общая добыча минеральнаго угля составляла свыше 550 милліон. пуд.

Привозъ каменнаго угля, кокса и т. п. въ Россію: въ 1871 г.—на 11.303.610 руб.; въ 1880 г.—на 17.604.580 руб. (117.300.000 пуд.); въ 1894 г.—на 15.718.000 руб.

Добыча соли въ Россійской Имперіи:

	Каменной.	Выварочной.	Самоосадочной.	Всего.
	Пудовъ			
Въ 1860 г.	1.352.182	7.723.157	17.157.162	26.232.500
„ 1870 г.	2.887.319	12.164.892	13.961.247	29.013.458
„ 1880 г.	2.875.356	15.232.580	29.463.980	47.571.918
„ 1893 г.	17.910.507	22.184.800	42 386.730	82.482.037

Въ 1895 было добыто соли всего 94.500.000 пудовъ.

Привозъ поваренной соли въ Россію: въ 1876 г. — 17.250.000 пуд.; въ 1881 г. — 11.600.000 пуд.; въ 1893 г. 422.000 пуд.

Что касается фабричной и заводской про-

[1]) „Отчетъ Горнаго Д-та за 1895 годъ“.

мышленности, то главныя мануфактуры Россіи обработываютъ сырой матеріалъ, добываемый не въ самой странѣ, а получаемый изъ заграницы, и продукты ихъ не могутъ соперничать, ни по количеству, ни по цѣнности, съ произведеніями промышленныхъ странъ Европы. На долю производства по обработкѣ хлопка приходится около трети общей суммы производства крупной русской промышленности. Россія, хотя и самое обширное государство въ свѣтѣ, занимаетъ, по размѣрамъ важнѣйшей отрасли своей фабричной промышленности—хлопчатобужной, лишь пятое мѣсто, слѣдуя послѣ Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Германіи, какъ показываютъ слѣдующія сравнительныя данныя о положеніи хлопчатобумажнаго производства: Британскіе острова (1890 годъ)—44.504.819 веретенъ и 615.714 механ. ткацк. станковъ; Соединенные Штаты (1890 годъ)—14.088.103 вер. и 324.866 ткацк. станковъ; Франція (1890 г.)—4.376.155 верет. и 103.189 ткацк. станковъ; Германія (1891 г.)—5.500.000 верет. и 300.000 ткацк. станковъ; Россія (1892 г.)—4.331.508 верет. и 100.634 ткацк. станковъ.

Главныя бумагопрядильныя мануфактуры сосредоточены въ центральной области Россіи, вокругъ Москвы, Владиміра-на-Клязьмѣ, Костромы; Петербургъ, разумѣется, принимаетъ немаловажное участіе въ этой отрасли народнаго труда, благодаря удобствамъ торговаго сообщенія. Вторую по степени важности мануфактурную промышленность Россіи составляетъ фабрикація суконъ и шерстяныхъ матерій; главныя мануфактуры этого рода тоже сгруппированы преимущественно на верхней Волгѣ и въ бассейнѣ Оки. Москва фабрикуетъ тонкія сукна и, кромѣ того, выдѣлываетъ грубыя шерстяныя матеріи, отправляемыя въ Китай и въ Среднюю Азію; Польша, Лифляндія, Гродненская и Черниговская губерніи также производятъ превосходныя шерстяныя ткани; далѣе, всѣ губерніи малороссійскія, бассейна Дона и средней Волги участвуютъ въ этой промышленности производствомъ простыхъ матерій. Болѣе сотни тысячъ человѣкъ заняты переработкою шерсти въ различныхъ частяхъ Имперіи. Фабрикація бумажныхъ и шерстяныхъ матерій въ значительной мѣрѣ замѣнила собою прежнюю національную промышленность, фабрикацію льняныхъ тканей, которая въ прошломъ столѣтіи и до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго была первою по важности отраслью русской обрабатывающей промышленности, и произведенія которой, кромѣ внутренняго потребленія, составляли предметъ весьма значительнаго заграничнаго отпуска: русскія полотна вывозились въ большомъ количествѣ въ Западную Европу, особенно въ Великобританію, и даже въ Америку. Но теперь во всѣхъ промышленныхъ странахъ существуютъ собственныя полотняныя фабрики, и Россія должна довольствоваться вывозомъ за границу сырыхъ матеріаловъ, льна и пеньки. Для внутренняго рынка, главныя мануфактуры (производства льнопрядильное, полотняное, пенькопрядильное и т. д.) находятся въ бассейнѣ верхней Волги, въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Владимірской; простыя же льняныя ткани, служащія для домашняго обихода, выдѣлываются почти во всей Россіи.

Во всѣ времена кожевенное производство было однимъ изъ важнѣйшихъ въ Россіи; какъ извѣстно, березовая кора, употребляемая русскими кожевниками, имѣетъ надъ большей частью другихъ родовъ коры, которыми пользуются за границей при дубленіи, то преимущество, что она сообщаетъ кожѣ особенный, цѣнимый запахъ. Несмотря на то, что Россія ежегодно располагаетъ бо̀льшимъ числомъ сырыхъ кожъ, чѣмъ другія европейскія государства, ея кожевенное производство стоитъ ниже сравнительно съ тѣмъ же производствомъ въ большихъ промышленныхъ странахъ Западной Европы; большинство кожевенныхъ заводовъ представляютъ собою маленькія заведенія, произведенія которыхъ обыкновенно находятъ сбытъ только въ окрестностяхъ, и этихъ заведеній не включаютъ въ общіе списки фабрикъ и заводовъ. Такъ, центральный статистическій комитетъ опредѣлилъ число кожевенныхъ заводовъ лишь въ 2.860, въ 1868 году; по болѣе же подробнымъ статистическимъ даннымъ, въ 1872 году насчитывалось около 13.000 заведеній этого рода, съ производствомъ болѣе десяти милліоновъ выдѣланныхъ кожъ [1]). Въ 1889 г. кожевенныхъ заводовъ насчитывалось 2.604, а общая сумма кожевеннаго производства, заводскаго и кустарнаго, опредѣлялась въ 104 милліона руб. [2]). Салотопленіе—одна изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ отраслей русской промышленности. Салотопенные заводы, которые еще не такъ давно по большей части были не что иное, какъ разсѣянные въ степяхъ зловонные сараи, послужили, подобно незатѣйливымъ дубильнымъ ямамъ въ лѣсныхъ прогалинахъ, началомъ большой промышленности, которая развилась быстрѣе, чѣмъ кожевенное производство. Въ 1892 г. въ Европейской Россіи было 298 салотопенныхъ заводовъ, изготовившихъ 1.233.230 пуд. сала, на 4.745.500 руб. Въ томъ же году насчитывалось мыловаренныхъ заводовъ—445, съ производствомъ на 8.308 тыс. руб.; стеариновыхъ—12, съ производствомъ на 9.284 т. руб.; свѣчносальныхъ—48, съ производствомъ на 372 т. руб.

Техническая переработка зерна и заводское приготовленіе питательныхъ веществъ въ та-

[1]) Киттары, „Leder-Industrie in Russland", „Russiche Revue", № 10, 1875. Авт.

[2]) „Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи", изд. Д—та Торговли и Мануфактуръ.

кой странѣ, какъ Россія, имѣетъ, конечно, огромное экономическое значеніе. Мукомольное производство еще мало преобразовалось: паровыя мукомольни относительно не многочислены, зато существуетъ около 100.000 маленькихъ водяныхъ мельницъ на запрудахъ въ ручьяхъ и рѣчкахъ и на каналахъ, отведенныхъ изъ рѣкъ, и, кромѣ того, очень много вѣтряныхъ мельницъ. Въ 1890 г. насчитывали въ имперіи крупныхъ мельницъ 7.003, съ 9.623 водяными и 862 паровыми двигателями и общимъ производствомъ около 150 милл. пуд. Винокуренные заводы, которые доставляютъ казнѣ самый вѣрный доходъ, также были очень многочисленны, но акцизныя правила, очень стѣснительныя для мелкихъ заводчиковъ, благопріятствовали развитію крупныхъ, коммерческихъ заводовъ, принадлежащихъ богатымъ спекулянтамъ, и исчезновенію мелкихъ, хозяйственныхъ; въ 1880—81 г. въ Россіи было 3.877 винокуренныхъ заводовъ, съ производствомъ въ общей сложности около $35^1/_2$ мил. ведеръ спирта, превращаемыхъ въ 89 милл. ведеръ водки 40° крѣпости.

Въ кампанію 1895—96 г. дѣйствовало 2.056 винокуренныхъ заводовъ, на которыхъ было выкурено 30.337 тыс. ведеръ безводнаго спирта.

Что касается выработки свекловичнаго сахара, которая требуетъ большихъ капиталовъ, то она можетъ быть производима лишь на большихъ заводахъ. Въ 1896 г. сахарныхъ заводовъ насчитывали: въ юго-западномъ районѣ—122, въ центральномъ—68, въ Царствѣ Польскомъ—234. Въ 1895 г. всѣми дѣйствовавшими заводами было выпущено разнаго рода сахарныхъ продуктовъ 22.033.365 пуд.

Изъ этого бѣглаго обзора видно, что Россія въ отношеніи обработывающей промышленности вовсе не такъ далеко отстала отъ странъ Западной Европы, какъ это обыкновенно думаютъ; даже по части производства сложныхъ машинъ она все болѣе начинаетъ обходиться безъ содѣйствія Западной Европы. Уже въ 1877 г. изъ общаго числа 4.170 желѣзнодорожныхъ паровозовъ было 932 построенныхъ въ Россіи.

Современное состояніе болѣе крупной заводско-фабричной промышленности въ имперіи можетъ быть охарактеризовано приблизительно слѣдующими цифрами: общее число фабрикъ и заводовъ (1892 г.)—около 22.000; число рабочихъ—около полутора милліона; общая сумма годоваго производства—около 1850 милліоновъ рубл. [1]).

Распредѣленіе фабрично-заводско промышленности по главнымъ производствамъ, въ 1893 г.:

	Фабрикъ или заводовъ.	Сумма производства въ тыс. рубл.
Производства по обработкѣ хлопчатой бумаги (ватное, бумагопрядильное, бумаготкацкое и т. п.)	1.063	323.607
Производства по обработкѣ шерсти (шерстопрядильное, ковровое, войлочное, суконное и др.)	1.278	123.775
Производства по обработкѣ льна	217	33.491
Производства по обработкѣ шелка	420	15.644
Производства по обработкѣ бумаги (писчебумажное, обойное и разныхъ издѣлій)	436	26.995
Производство химическихъ продуктовъ	1.227	40.944
Производство стеклянное, фарфоровое и фаянсовое	307	16.099
Производства красильное, набивное и отдѣлочное	542	124.310
По обработкѣ дерева	1.373	15.666
Производство салотопенное и сальносвѣчное	1.138	35.229
Кожевенное	2.815	39.571
Машиностроительное	635	66.021
Чугунно литейное	339	44.976
Желѣзопередѣл. и стальное	465	121.847
Мѣдно-бронзовое	401	15.345
Производство пищевыхъ продуктовъ	13.345	500.525

Сборъ табаку въ Европейской Россіи, съ Царствомъ Польскимъ и Закавказскимъ краемъ, въ 1895 г. далъ 3.918.349 пудовъ. Число табачныхъ фабрикъ въ 1894 г.—291, рабочихъ на нихъ—32,894. Цифры, относящіяся къ производствамъ по обработкѣ дерева, по всей вѣроятности, ниже дѣйствительныхъ, даже если не принимать весьма распространенныхъ кустарныхъ лѣсотехническихъ и древодѣльныхъ промысловъ.

Почти всѣ успѣхи русской обработывающей промышленности ведутъ начало съ эпохи освобожденія крестьянъ. Въ первое время послѣ отмѣны крѣпостнаго права производство понизилось, вслѣдствіе общаго кризиса на рынкѣ труда; но съ 1865 года снова замѣчается прогрессъ во всѣхъ отросляхъ промышленности, и съ этой эпохи размѣръ производства значительно увеличился (по нѣкоторымъ отраслямъ не менѣе какъ въ пять разъ).

Очень трудно сдѣлать оцѣнку производительности мелкой русской промышленности, которую обыкновенно называютъ «кустарной»; предположительно, сумма ежегоднаго производства кустарныхъ издѣлій опредѣляется въ 200—300 милл. рублей. Общее число «кустарей» исчисляютъ приблизительно въ шесть съ половиною милліоновъ, изъ которыхъ около

[1]) „Фабрично-заводск. промышленность и торговля Россія“, изд. Д—та Торговли и Мануфактуръ, 1896 г.

шести милліоновъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ они въ то же время большею частью занимаются и хлѣбопашествомъ: они работаютъ за своими станками или верстаками, въ своихъ домашнихъ мастерскихъ только во время длинныхъ зимъ, когда поля покрыты снѣгомъ. Нѣкоторыми русскими писателями высказывалось мнѣніе, что эта кустарная промышленность предохранитъ націю отъ пролетаріата, но эта надежда не оправдывается дѣйствительностью: централизація труда происходитъ также и въ средѣ этихъ маленькихъ мастерскихъ. Такъ, напримѣръ, число работниковъ, занимающихся на дому, въ Шуйскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ 1842 году въ пять разъ превышало количество рабочихъ крупной фабричной и заводской промышленности; въ 1862 году оно уже только вдвое превышало послѣднее; а въ 1872 году обѣ категоріи работниковъ сравнялись въ числѣ [1]).

Общая цѣнность оборотовъ по внѣшней торговлѣ Россіи за десятилѣтіе 1885—95 г.г. по европейской и азіатской границѣ возрасла съ 972 (въ 1885 г.) до 1.228 милліоновъ рублей (1895 г.), при чемъ привозъ съ 434 (1885 г.) увеличился до 538,5 милл., а вывозъ—съ 537,9 (1885 г.)—до 689 милл. руб. (1895 г.). Общій оборотъ внѣшней торговли въ 1896 г. по европейской границѣ, со включеніемъ черноморской границы и Кавказскаго края, а также торговли съ Финляндіей, простирался до 1.209.043.000 руб. (отпускъ—668.776.000 рублей, ввозъ—540.207.000 руб.).

Германская имперія, сопредѣльная Россіи на весьма значительномъ протяженіи границы, занимаетъ, естественно, первое мѣсто въ ряду иностранныхъ государствъ по размѣрамъ своей сухопутной торговли съ восточной имперіей; но самая большая часть морской торговли Россіи приходится на долю Великобританіи, которая въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою всѣ другія страны. Франціи принадлежитъ третье мѣсто: она нѣсколько превосходитъ даже Австро-Венгрію, хотя Царство Польское, Волынь, Подолія соприкасаются съ австрійскими владѣніями пограничной линіей, имѣющей болѣе 600 верстъ длины. Точно также Голландія, эта маленькая страна, при томъ очень отдаленная отъ Россіи, продаетъ ей и покупаетъ у нея гораздо больше, чѣмъ сосѣдняя Турція, больше даже, чѣмъ громадная Китайская имперія, граничащая съ Сибирью на пространствѣ около семи съ половиной тысячъ верстъ.

По отношенію къ общему обороту внѣшней торговли Россіи торгующія съ нею государства за 1894 г. слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ (цѣнность показана въ милліонахъ рубл.):

	По вывозу.	По привозу.	Сумма общаго оборота.
Великобританія	175,30	132,77	308,06
Германія	147,87	142,98	290,85
Франція	56,16	28,12	84,28
Австро-Венгрія	39,80	27,04	66,84
Голландія	53,01	5,93	58,94
Соединные Штаты	1,67	45,71	47,38
Бельгія	26,76	17,02	43,78
Китай	4,49	38,50	42,99
Италія	26,91	14,49	41,40
Персія	12,22	11,27	23,49
Персія и Сред-Аз. ханств.	0,25	6,46	6,71
Средне-Азіятскія ханств.	3,29	1,36	4,65
Турція	16,09	7,19	23,28
Египетъ	1,91	21,12	23,03
Данія	12,35	1,60	13,95
Румынія	7,73	1,93	9,66
Швеція	4,15	5,34	9,49
Швейцарія	0,18	8,48	8,66
Норвегія	4,77	3,48	8,25
Испанія	5,77	1,49	7,26
Греція	0,69	2,41	7,10
Португалія	4,23	2,39	2,62
Бразилія	0,00	2,49	2,49
Прочія государства	47,85	11,13	58,98
Финляндія	15,30	18,88	34,18
Всего	668,75	559,57	1.228,32

Отпускная торговля Россіи, указывающая, по статьямъ своимъ, на меньшее развитіе ея промышленности сравнительно съ остальной Европой, состоитъ почти исключительно изъ вывоза земледѣльческихъ произведеній, сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, тогда какъ въ привозной торговлѣ главнѣйшее мѣсто занимаютъ мануфактурныя издѣлія. Такъ, въ 1895 году привозъ и отпускъ представляли слѣдующія цифры (въ тысяч. руб.):

Вывезено жизненныхъ припасовъ на 391.154 руб.; ввезено на 98.914 руб.; вывезено сырыхъ и полуобраб. матеріаловъ на 261.078 руб., ввезено на 292.726 р.; вывезено животныхъ на 15.556 р., ввезено на 5.186 р., вывезено издѣлій на 21.294 р., ввезено на 141.683 р.

Вывозъ хлѣба изъ Россіи въ 1895 году:—574.710.641 пуд. на 335.898.083 руб.

Въ общемъ оборотѣ заграничной торговли Россіи экспортъ нынѣ постоянно превышаетъ привозъ. Раздѣленная на цифру народонаселенія, общая цѣнность оборотовъ внѣшней торговли (по отпуску и ввозу), составляетъ только около 10 рублей на каждаго жителя; слѣдовательно, она относительно въ 3—4 раза меньше, чѣмъ цѣнность торговаго обмѣна Франціи.

По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, отпускная торговля Россіи, производимая моремъ, въ два-три раза значительнѣе производимой сухимъ путемъ; но въ привозной торговлѣ равновѣсіе въ отношеніи путей возстановляется почти вполнѣ; эта разница происходитъ оттого, что европейскія мануфактурныя издѣлія, ввозимыя Россіей, представляютъ, вообще говоря, болѣе цѣнный и менѣе тяжелый и объемистый товаръ, чѣмъ продукты, продаваемые въ обмѣнъ ихъ: они посылаются

[1]) Субботинъ, „Курсъ промышленной, экономической и коммерческой географіи“.

большею частію прямо по желѣзнымъ дорогамъ, тогда какъ громоздкіе отпускные товары отправляются преимущественно изъ приморскихъ портовъ. Для сравненія приводимъ обороты, по вѣсу и цѣнности, внѣшней торговли Европейской Россіи за 1880 годъ:

Привозъ моремъ: вѣсъ—162.745.000 пуд.; цѣнность—280.540.000 руб.

Вывозъ моремъ: вѣсъ—297.134.000 пуд.; цѣнность—345.828.000 руб.

Привозъ сухимъ путемъ: вѣсъ—74.309.000 пуд.; цѣнность—297.794.000 руб.

Вывозъ сухимъ путемъ: вѣсъ—101.069.000 пуд.; цѣнность—130.537.000 руб.

Общій оборотъ: по вѣсу—635.257.000 пуд.; по цѣнности—1.054.700.000 руб.

Самая значительная часть морской торговли Россіи производится, конечно, черезъ Балтійское море: во-первыхъ, столица стоитъ на берегу этого моря; во-вторыхъ, самая многолюдная область Имперіи, центральныя губерніи, пользуется, для отправки своихъ произведеній, портами при этомъ морѣ, наиболѣе близкими къ цивилизованной Европѣ. Торговля, производимая черезъ моря Черное и Азовское, гораздо менѣе значительна сравнительно съ торговымъ движеніемъ на русской Балтикѣ; однако, она представляетъ около одной пятой всѣхъ оборотовъ внѣшняго торговаго обмѣна имперіи. Что касается морей Бѣлаго и Каспійскаго, то совокупность ихъ торговыхъ оборотовъ едва равняется торговлѣ какого-нибудь третьестепеннаго порта. Обороты внѣшней торговли по отдѣльнымъ морямъ выразились въ 1894 г. слѣдующими цифрами, по цѣнности (въ милліонахъ рубл.).

Балтійское—361,2; Черное съ Азовскимъ—345; Бѣлое—9,8.

Перевозка продуктовъ и товаровъ между русскими портами и портовыми городами другихъ приморскихъ государствъ производится преимущественно на иностранныхъ корабляхъ; при томъ между черноморскими судами, плавающими подъ русскимъ флагомъ, есть много такихъ, которыя въ дѣйствительности принадлежатъ грекамъ и, по-настоящему, должны бы быть причисляемы не къ русскому, а къ эллинскому торговому флоту. Затѣмъ въ Балтійскомъ морѣ финляндскія суда, поднимающія свой собственный флагъ, также служатъ очень дѣятельными посредниками въ морской торговлѣ Россіи. Если не принимать въ разсчетъ коммерческій флотъ Финляндіи, который часто причисляютъ, хотя и ошибочно, къ русскому торговому флоту, то оказывается, что Россія занимаетъ девятое мѣсто между европейскими государствами по грузовмѣстимости своихъ морскихъ судовъ: хотя у нея нѣтъ недостатка ни въ желѣзѣ, ни въ деревѣ, и хотя ея береговая линія имѣетъ большую длину, тѣмъ не менѣе она уступаетъ, въ отношеніи важности торговаго флота, не только главнымъ приморскимъ державамъ Европы, но также Испаніи, Голландіи и Швеціи; даже въ Балтійскомъ морѣ, на берегахъ котораго находятся такіе первоклассные порты, какъ Кронштадтскій, Рижскій, Ревельскій, Россія имѣетъ лишь незначительный, по грузовмѣстимости, торговый флотъ. Къ 1 января 1896 года коммерческій флотъ Россіи представлялъ слѣдующій численный составъ по морямъ:

Бѣлое: 28 паров. судовъ въ 3.137 тон. и 344 парусныхъ въ 19.074 тон.; Балтійское: 85 паров. судовъ въ 17.672 тон. и 530 парусныхъ въ 73.115 тон.; Черное и Азовское: 280 паров. судовъ въ 108.173 тон. и 754 парусныхъ въ 54.950 тон.; Каспійское: 181 паров. судовъ въ 76.667 тон. и 507 парусн. въ 176.199 тон.; всего 522 паров. судовъ въ 205.649 тоннъ и 2.135 парусныхъ въ 323.339 тоннъ.

Внутреннее судоходство, которое до постройки желѣзныхъ дорогъ составляло главное средство сообщенія и перевозки товаровъ, и теперь еще сохранило большую важность въ бассейнѣ Волги и на другихъ большихъ рѣкахъ Россіи. Въ среднемъ за пятилѣтіе 1887—91 г. г. строилось ежегодно 72 парохода и 6.102 другихъ судовъ, цѣнностью около 7,7 милліоновъ рубл. Суда эти носятъ разнообразнѣйшія названія, смотря по ихъ формѣ или матеріалу, изъ котораго они построены, по мѣсту происхожденія гребцовъ и т. д. (мокшаны, тихвинки, сомины, суряки, гусянки, коломенки, барки, полубарки, досчаники и пр.). На Волгѣ нѣкоторыя суда поднимаютъ болѣе 120.000 пудовъ груза; но средняя ихъ грузовмѣстимость исчисляется только въ 9.000 или 10.000 пудовъ; на Днѣпрѣ они не могутъ, даже во время высокаго стоянія воды, поднимать болѣе 12.000 пудовъ, а на Сѣверной Двинѣ и на Дону—болѣе 24.000 пудовъ груза. Почти всѣ мелкія суда строятся только на одну путину и не возвращаются назадъ: по прибытіи на мѣсто назначенія, они разбираются и продаются какъ строевой лѣсъ или на дрова.

Число рѣчныхъ судовъ, построенныхъ въ періодъ съ 1875 по 1880 годъ по бассейнамъ [1]):

Бассейны: Каспійскаго моря—19.543 судна; Балтійскаго моря—9.610; Чернаго моря—1.202; Азовскаго моря—1.267; Бѣлаго моря—1.576 судовъ.

По количеству пароходовъ, какъ и по количеству обыкновенныхъ судовъ (баржей), Волга далеко превосходитъ другія большія рѣки Россіи: двѣ трети всѣхъ паровыхъ судовъ плаваютъ на этой рѣкѣ, и ихъ коллективная сила представляетъ три четверти общей паровой силы всего русскаго торговаго флота. По переписи 1884 г., рѣчной паровой флотъ Европейской Россіи состоялъ изъ 1.246 пароходовъ

[1]) „Стат. Сборн. Мин. Путей Сообщ."

довъ въ 72.105 номинальн. силъ и въ 6.099.581 пудовъ подъема; съ 1885 по 1895 г. во внутреннихъ водахъ Европ. Россіи прибавилось 600 пароходовъ и къ 1 января 1895 г. всего было 1.846 паровыхъ судовъ.

Замѣчательно, что Днѣпръ, могучій Борисѳенъ, славянская рѣка, которая первая служила воднымъ путемъ для торговыхъ сношеній Востока со скандинавскими странами, въ настоящее время имѣетъ менѣе важности въ отношеніи перевозки товаровъ, чѣмъ иная маленькая рѣчка, какъ Молога, Шексна, Волховъ. Правда, эти рѣки составляютъ часть линій судоходства между Петербургомъ и Астраханью, идущихъ черезъ всю Россію отъ Балтійскаго моря до Каспійскаго.

Общее протяженіе внутреннихъ водныхъ путей Европ. Россіи (безъ Финляндіи) исчисляется въ 102.689 верстъ, въ томъ числѣ судоходныхъ: вообще — 45.831 верстъ, пароходныхъ—21.045 верстъ. По бассейнамъ, судоходные пути распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Бассейны: Бѣлаго моря—5.612 верстъ; Каспійскаго моря—13.865; Чернаго и Азовскаго моря — 8.267; Балтійскаго моря — 6.875 верстъ.

Каналовъ и вообще искусственныхъ водныхъ путей (канализованныхъ рѣкъ) въ Европ. Россіи всего — 1.733 верстъ, что́ составляетъ одну версту на 40 в. естественныхъ путей, но въ числѣ каналовъ есть такіе, которые по своей торговой важности равняются или даже превосходятъ нѣкоторыя большія рѣки. Впрочемъ, прорытіе каналовъ было дѣломъ довольно легкимъ, такъ какъ верхнія теченія рѣкъ близко соприкасаются въ области озеръ и болотъ. Прорѣзы почвы, соединяющіе Волгу и Сѣверную Двину посредствомъ ихъ верхнихъ притоковъ, имѣютъ всего только около 13 верстъ въ длину; точно также Тихвинскій каналъ, принадлежащій къ кратчайшему изъ трехъ водныхъ путей, соединяющихъ Петербургъ съ Волгой, проходитъ черезъ водораздѣльную возвышенность, или волокъ, рвомъ, имѣющимъ не болѣе 15 в. длины. Несмотря на всѣ удобства, представляемыя свойствомъ почвы для прорытія каналовъ, Волга еще до сихъ поръ не соединена съ Западной Двиной, съ Нѣманомъ, съ Днѣпромъ; она все еще остается отдѣленной отъ Дона, да и этотъ послѣдній не соединенъ еще съ Днѣпромъ; наконецъ, всѣ каналы устроены со шлюзами, и наибольшая глубина ихъ всего только 2 съ половиной аршина; нѣкоторые каналы, менѣе глубокіе, перерѣзанные водопадами, сдѣлались почти безполезными. Сѣть русской канализаціи еще весьма незначительна въ сравненіи съ тѣми размѣрами, которые хотѣлъ придать ей Петръ Великій, восхищавшійся голландскими каналами; какъ извѣстно, нѣкоторыя изъ задуманныхъ имъ предпріятій этого рода и понынѣ еще не приведены въ исполненіе. Впрочемъ, перевозка грузовъ водой производится съ величайшей медленностью, и всѣ товары, имѣющіе большую цѣнность при незначительномъ вѣсѣ, должны быть отправляемы по желѣзной дорогѣ, чтобы поспѣть во̀-время. Изъ Петербурга въ Астрахань, внизъ по Волгѣ, перевозка продолжается отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. При томъ рѣчное судоходство въ Россіи пріостанавливается, среднимъ числомъ, на 126 дней, то-есть слишкомъ на четыре мѣсяца: на шесть мѣсяцевъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, на два мѣсяца въ южныхъ областяхъ. Даже послѣ того, какъ рѣки очистились отъ льда, соединяющіе ихъ каналы остаются запертыми впродолженіи нѣсколькихъ дней или даже недѣль, по причинѣ недостаточно сильнаго теченія. Въ то время, какъ Шексна бываетъ открыта для судоходства отъ 211 до 220 дней въ году, сосѣдніе обходные каналы Онежскаго и Бѣлаго озеръ даютъ проходъ судамъ только впродолженіи 189 и 178 дней [1]).

Сѣть желѣзныхъ дорогъ получила гораздо большее развитіе, чѣмъ сѣть каналовъ. Правда, въ прежнее время косо и недоброжелательно смотрѣли на желѣзнодорожное дѣло, считая его однимъ изъ тѣхъ революціонныхъ изобрѣтеній Запада, къ которымъ слѣдуетъ относиться съ недовѣріемъ; однако, императоръ Николай Павловичъ, уступая желанію общественнаго мнѣнія, повелѣлъ построить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву, и собственноручно начертилъ на бумагѣ неуклонно прямую линію, проектъ рельсоваго пути, непосредственно соединяющаго двѣ столицы черезъ лѣса и болота. При кончинѣ императора Николая I, въ 1855 году, громадная русская Имперія имѣла очень незначительную сѣть, недостигавшую даже 1.000 въ верстъ въ длину. Но, какъ доказали огромныя затрудненія въ передвиженіи и продовольствіи войскъ во время Крымской войны, стратегическіе интересы Россіи настоятельно требовали постройки магистральныхъ линій между крѣпостями, большими городами, главными земледѣльческими областями и горнозаводскими округами, и эти военные интересы, еще болѣе, чѣмъ потребности торговли и промышленности, ускорили сооруженіе рельсовыхъ путей, которыми теперь исполосована вся Европейская Россія. Въ два только года, 1870 и 1871, въ то время, какъ Франція вела свою страшную борьбу съ Германіей, русское правительство, всецѣло занятое большими стратегическими приготовленіями, открыло одновременно торговлѣ и своимъ арміямъ около пяти съ половиной тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ.

Къ 1 января 1897 г. общее протяженіе рус-

[1]) В. де-Ливронъ, цитированное сочиненіе.

ской желѣзнодорожной сѣти составляло 38.848 верстъ, въ томъ числѣ казенныхъ—24.155 в., принадлежащихъ 17 частнымъ обществамъ—12.449 в. и въ Финляндіи—2.244 верстъ. Къ этому надо прибавить еще тѣ дороги или участки, по которымъ было открыто движеніе только временно, всего 1.795 в., такъ что къ началу 1897 г. общая длина открытой для движенія сѣти рельсовыхъ путей съ Россіи равнялась 40.643 верстъ. Капиталъ, затраченный на устройство этихъ дорогъ, составлялъ въ 1895 г. (при длинѣ сѣти въ 32.816 в.) около 3.660 милліоновъ рубл. Постройка желѣзныхъ путей оказалась въ Россіи гораздо болѣе дорогостоющей, чѣмъ можно было предполагать, принимая во вниманіе почти совершенную горизонтальность мѣстности, дешевизну земель, изобиліе лѣса: единственныя большія работы инженернаго и строительнаго искусствъ на русскихъ дорогахъ —это мосты через рѣки и земляныя насыпи на болотахъ; большая часть желѣзнодорожныхъ компаній, поддерживаемыхъ данной имъ со стороны правительства гарантіей, то-есть обязательствомъ, въ случаѣ недополученія прибылей, доплачивать ихъ изъ доходовъ государства, могла щедро расходовать капиталы; такъ наприм. въ 1880 г., правительство уплатило по гарантіямъ и т. д. болѣе 53 милл. рублей. Въ настоящее время русская желѣзнодорожная сѣть, по общей длинѣ, занимаетъ пятое мѣсто во всемъ свѣтѣ (послѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Германіи, Соединеннаго Королевства и Франціи); но, пропорціонально пространству территоріи или числу жителей, Россія въ этомъ отношеніи стоитъ еще на довольно низкой ступени: по относительному развитію рельсовыхъ путей ее превосходятъ даже такія маленькія страны, какъ Португалія и Румынія. Русскія желѣзныя дороги, въ сравненіи съ дорогами большей части другихъ государствъ континентальной Европы, представляютъ ту невыгоду, что не всѣ онѣ имѣютъ одинаковое разстояніе между рельсами; но это неудобство для торговаго движенія есть въ то же время преимущество въ военномъ отношеніи, такъ какъ разность въ ширинѣ колеи не позволяетъ нѣмецкимъ вагонамъ проникать въ Россію. На главныхъ русскихъ линіяхъ ширина колеи равна 1,52 метр. Доходность русскихъ желѣзныхъ дорогъ и движеніе на нихъ грузовъ и пассажировъ выразились въ 1895 г. слѣдующими цифрами [1]):

Валовая выручка—390,6 милліоновъ рубл.; на версту—12.437 руб.; общая сумма расходовъ—226,1 милл. руб.; на версту—7.199 р.; сумма годовой платы на капиталъ сооруженія—149,6 милл. руб.; чистый доходъ—164,5 милл. руб.

Перевезено пассажировъ—59.282.000, грузовъ малой скорости—5.544 милліон. пудовъ. Количество пассажиро-верстъ – 8.012 миліон.: количество пудо-верстъ грузовъ—1.283 милліоновъ.

Число ежегодныхъ несчастныхъ случаевъ въ среднемъ за пятилѣтіе 1876—81 г.: убито 455, ранено 979, итого 1.434.

Центральной станціей желѣзныхъ путей Россіи является ея первопрестольная столица: шесть главныхъ линій, соединяющихся въ Москвѣ, дѣлаютъ этотъ городъ необходимымъ средоточіемъ Имперіи и такимъ образомъ исправляютъ, съ точки зрѣнія централизаціи, старыя естественныя дороги, которыя слѣдовали по рѣкамъ и потому давали жителямъ страны нѣкоторое стремленіе къ децентрализаціи. По движенію товаровъ и пассажировъ, Москва имѣетъ первенствующее значеніе и далеко превосходитъ всѣ другіе города Россіи, не исключая и Петербурга.

Съ береговъ Москвы-рѣки желѣзныя дороги продолжаются на западъ до соединенія со всѣми главными линіями Центральной Европы; на югѣ онѣ достигаютъ моря въ Одессѣ, Севастополѣ, Таганрогѣ, и проникаютъ въ первыя долины Кавказа, за который онѣ со временемъ перевалятъ черезъ Дарьялъ. На Востокѣ другіе рельсовые пути достигаютъ Волги въ Царицынѣ, Саратовѣ, Сызрани и переходятъ на другую сторону рѣки, гдѣ продолжаются до Оренбурга, и Уральска, но не доходятъ до Каспійскаго моря; Самаро-Златоустовская линія соединяется въ Челябинскѣ съ Западно-Сибирской желѣзной дорогой. На сѣверѣ рельсовый путь проведенъ до Архангельска. Нѣкоторыя изъ главныхъ русскихъ линій пересѣкаютъ страну, минуя города, не только маленькіе, но даже губернскіе и представляющіе значительную важность, каковы Тверь, Орелъ, Курскъ, оставленные далеко въ сторонѣ отъ станціи (верстахъ въ 5—10 и болѣе), къ большому стѣсненію купцовъ и пассажировъ

По странному контрасту, желѣзные пути получили въ Россіи болѣе обширное развитіе, нежели обыкновенныя большія дороги. Также какъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Аргентинской республикѣ, рельсовый путь, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россійской имперіи, смѣнилъ непосредственно не правильныя, хорошо устроенныя дороги, а первобытныя колеи и непостоянные грунтовые пути. Оттого-то нерѣдко бываетъ, что путешественникъ, только-что проѣхавшій, благодаря пару, быстро и удобно нѣсколько градусовъ широты, употребляетъ цѣлые дни, чтобы добраться через топи и болота до деревни, которую онъ видитъ въ нѣсколькихъ верстахъ разстоянія. Такимъ образомъ, Россія въ отношеніи путей сообщенія вступаетъ прямо въ современную индустріальную эру, минуя предшествующія стадіи; то же самое мож-

[1]) „Стат. Сборникъ Министерства Путей Сообщенія".

но сказать вообще о настоящемъ ея развитіи: въ то время, какъ часть народа коснѣетъ въ первобытномъ варварствѣ, высшій классъ стремится стать впереди европейскихъ обществъ. Достигнетъ ли русская нація того же прогресса, какъ западные народы, не испытавъ тѣхъ же страданій? Во всякомъ случаѣ движенія ея будутъ быстрѣе; исторія ускоритъ для нея свой ходъ.

Въ области народнаго просвѣщенія мы опять находимъ такой же точно контрастъ, какъ въ сферѣ промышленности. Высшія учебныя заведенія были уже организованы, и полные курсы наукъ преподавались во всѣхъ университетахъ, въ то время какъ собственно народное образованіе почти совершенно отсутствовало. До тѣхъ поръ, пока слишкомъ двадцать милліоновъ жителей оставались въ порабощенномъ состояніи, распространеніе образованія въ массѣ должно было считаться опаснымъ.

Въ настоящее время состояніе начальнаго образованія представляется въ слѣдующемъ видѣ [1]): всѣхъ начальныхъ училищъ въ Россіи, безъ Финляндіи, насчитывается (къ 1 янв. 1894 г.)—69.052, съ общимъ числомъ учащихся 327.138. По районамъ училища эти распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Районы	Число Школъ.	Число Учащихся.	1 Школа на жителей.
Земскія губерн.	39.435	2.061.404	1.675
Сѣв. западн. край	7.424	310.812	1.236
Юго-западн. „	5.894	246.149	1.423
Царство Польское	6.428	257.295	1.382
Прибалтійск.	3.070	141.544	782
Остальн. губерніи	2.565	114.148	2.193
Кавказъ	4.236	143.786	1.968
Всего . .	69.052	3.275.138	1.580

Слѣд. въ Евр. Россіи получаетъ начальное образованіе около 3% населенія.

Такимъ образомъ, процентъ учащихся въ начальныхъ школахъ, вмѣсто того, чтобы составлялъ одну седьмую или даже одну шестую населенія, какъ это мы видимъ въ Голландіи, въ Вюртембергѣ и въ другихъ странахъ, въ Россіи не превышалъ тридцать третьей части общаго числа жителей. Однако, обученіе грамотѣ обязательно для всѣхъ солдатъ, въ полковыхъ школахъ, и можно сказать, что воинская повинность сдѣлала для образованія народа болѣе, нежели министерство народнаго просвѣщенія.

Среднія учебныя заведенія, гимназіи и прогимназіи, реальныя училища, военные корпуса, духовныя семинаріи и пансіоны, были посѣщаемы въ 1877 году 88.400 воспитанниковъ; сверхъ того, 41.630 молодыхъ людей воспитывались въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ министерствъ. Въ 1894 г. въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія (798 изъ общаго ихъ числа 878) насчитывалось 162.120 учащихся обоего пола. Съ конца восемнадцатаго столѣтія были основаны такъ называемые «институты благородныхъ дѣвицъ»; но эти заведенія оставались закрытыми для молодыхъ дѣвушекъ неаристократическихъ семействъ. Въ 1857 году обнаружилось движеніе общественнаго мнѣнія въ пользу болѣе широкаго женскаго образованія, и къ 1876 году въ Россіи было уже 320 среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, съ 55.620 воспитанницами; въ 1894 г. насчитывалось женскихъ гимназій—193, съ 45.544 учащихся, прогимназій—150, съ 18.819 учениць, институтовъ—27, съ 7.426 воспитанницъ, и епархіальныхъ училищъ—61, съ 13.080 учащихся. Въ то же время у молодыхъ дѣвушекъ развивалось стремленіе къ высшему образованію, и съ 1861 года онѣ находили доступъ въ аудиторіи университетовъ и медико-хирургической академіи: одна изъ первыхъ, получившихъ медицинскій дипломъ, воспитывалась въ академіи на стипендію, назначенную отъ башкирской націи. Молодыя дѣвушки подвергались, наравнѣ съ юношами, экзаменамъ для поступленія на частные университетскіе курсы или женскіе медицинскіе курсы. Съ 1863 года былъ прекращенъ женщинамъ доступъ въ университеты; теперь для женщинъ существуютъ отдѣльные высшіе курсы, бестужевскіе и педагогическіе, и медицинскій институтъ. Въ промежуточный періодъ много молодыхъ дѣвушекъ обучалось въ заграничныхъ университетахъ, преимущественно въ швейцарскихъ—въ Цюрихѣ, Бернѣ и Женевѣ, а также въ Парижѣ.

Восемь университетовъ Европ. Россіи (безъ Финляндіи), организованные по образцу нѣмецкихъ, имѣютъ, сравнительно съ этими послѣдними, весьма незначительное число студентовъ. Въ 1894 г. общее число слушателей въ этихъ университетахъ было 13.944; кромѣ того, въ Томскомъ—387. Распредѣленіе слушателей по факультетамъ: на медицинскомъ—37%, на юридическомъ—36,9%, на физико-математическомъ—20,3%, историко-филологическомъ—5,2%, восточныхъ языковъ—0,6%, богословскомъ (въ Юрьевскомъ унив.)—1,6% общаго числа слушателей. Сумма расходовъ на содержаніе университетовъ составляла въ 1894 г. 4.544.081 руб., въ томъ числѣ изъ казны—3.507.667 руб. Кромѣ того, существуютъ высшія спеціальныя учебныя заведенія: 2 технологическихъ института, горный, путей сообщенія, гражданскихъ инженеровъ, электро-техническій, лѣсной, сельско-хозяйственный, политехническій (въ Ригѣ), духовныя академіи, военныя академіи, военно-медицинская академія и пр. Желаніе учиться такъ велико между молодыми людьми, что, не взирая на трудность поступленія, воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній не перестаютъ толпиться у университе-

[1]) „Производ. силы Россіи", изд. подъ редакц. В. И. Ковалевскаго.

товъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эта дѣйствительная любовь къ наукѣ, отличающая русскихъ, проявляется еще и въ томъ, что серьезные сборники и сочиненія по исторіи, этнографіи, вообще книги научнаго содержанія читаются пропорціонально гораздо болѣе, нежели произведенія такъ-называемой легкой литературы.

Число періодическихъ изданій въ Россіи и нынѣ еще гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ Западной Европы. Въ 1895 г., въ Россіи выходило всего 802 періодическихъ изданія; въ томъ числѣ въ С.-Петербургѣ 247, въ Москвѣ 95, остальныя 460 въ провинціи; 642 изданія выходило на русскомъ языкѣ, 160—на другихъ языкахъ; типографій и литографій было 706. По почтѣ было переслано період. изданій въ 1894 году: по внутренней корреспонденціи—151.963.645 экземпляровъ. Ни одна изъ русскихъ газетъ не считаетъ своихъ подписчиковъ сотнями тысячъ, какъ нѣкоторыя народныя газеты Западной Европы и Америки; но журналы, имѣющіе дѣйствительное достоинство, усердно читаются тысячами подписчиковъ. По странному контрасту, въ то время какъ Россія еще невѣжественная по массѣ своего народонаселенія, едва пользуется услугами своей телеграфной сѣти и почтоваго сообщенія, въ сравненіи съ другими европейскими народами, книгъ въ ней выходитъ болѣе, чѣмъ въ Австро-Венгріи, болѣе даже, чѣмъ въ Англіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ слѣдующія статистическія данныя:

Число телеграммъ и писемъ на 100 жителей въ 1895 г.:

	Телеграммъ.	Писемъ.
Соединенное Королевство . . .	207	5.528
Германія	67	3.475
Франція.	106	2.340
Европейск. Россія	20	191

Количество книгъ, изданныхъ въ различныхъ странахъ Европы:

Франція (1893 г.) — 16.000; Германія (1893 г.)—16.000; Россія (1892 г.), безъ Финляндіи,—9.588; Англія (1893 г.)—6.382.

Между произведеніями печати, выходящими въ Россійской имперіи, сочиненія, посвященныя богословскимъ вопросамъ, составляютъ незначительный процентъ, исключая, развѣ, католической Варшавы.

Изъ этого видно, что противоположности, характеризующія русскій народъ, въ сравненіи съ западными народами, встрѣчаются во всей его жизни. Масса населенія остается невѣжественной и суевѣрной, но въ то же время нигдѣ образованные люди націи не отдѣлались болѣе совершенно отъ предразсудковъ и не приносятъ въ сферу научнаго изслѣдованія умъ болѣе свободный отъ предвзятыхъ идей. Въ Россіи преданія семейнаго быта оправдываютъ безусловно порабощеніе женщины, и въ то же время ни въ одной странѣ равенство половъ въ практической жизни не было требуемо болѣе смѣло и признаваемо болѣе охотно общественнымъ мнѣніемъ. Еще очень недавно двѣ трети жителей государства были жалкими рабами, а между тѣмъ въ той же самой Россіи, у казаковъ: днѣпровскихъ, донскихъ, уральскихъ, у крестьянъ-поморовъ, долѣе, чѣмъ гдѣ-либо, господствовали обычаи полнаго равенства между товарищами по труду и оружію, и теперь еще въ русскихъ сельскихъ общинахъ равноправность всѣхъ общинниковъ въ отношеніи владѣнія и пользованія землею находитъ наиболѣе полное и дѣйствительное признаніе. Внѣшняя рамка Россіи остается неизмѣнной, тогда какъ внутреннее ея развитіе совершается съ большей быстротой, нежели развитіе всякой другой націи, безпрестанно измѣняя идеи и нравы и такимъ образомъ подготовляя для болѣе или менѣе близкаго будущаго неизбѣжныя преобразованія.

По религіямъ, народонаселеніе Европейской Россіи распредѣляется приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Православныхъ — 71,0%; римско-католиковъ — 9,0%; протестантовъ — 5,2%; армянъ—0,8%; евреевъ—3,6%; магометанъ—9,0%; язычниковъ и буддистовъ—0,7%.

Для обращенія язычниковъ, магометанъ, евреевъ и сектантовъ въ православную вѣру существуетъ учрежденное въ Москвѣ миссіонерское общество, годовые расходы котораго колеблются отъ 100 до 120 тысячъ рублей; кромѣ того, имѣется 8 миссій. Большинство принимающихъ господствующую религію обыкновенно состоитъ изъ язычниковъ, исключая 1875 года—эпохи, когда происходило возсоединеніе массами польскихъ уніатовъ съ православіемъ. Число обращенныхъ въ православную вѣру въ періодъ съ 1872 по 1877 годъ представляло слѣдующія цифры:

Въ 1872 г.—10.538 лицъ; въ 1873 г.—8.272; въ 1874 г.—7.481; въ 1875 г.—257.009; въ 1876 г.—12.340; въ 1877 г.—11.299 лицъ.

Русская армія была совершенно преобразована послѣ франко-прусской войны. До 1874 г. войско пополнялось посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, производимыхъ между крестьянами и мѣщанами, вообще лицами податныхъ сословій, къ которымъ присоединялись вольноопредѣляющіеся и солдатскіе сыновья, или кантонисты. По новому закону, установившему всеобщую воинскую повинность, всѣ молодые люди на двадцать первомъ году обязаны нести военную службу. Поступленіе на службу рѣшается жребіемъ. Замѣстительство не допускается. Тѣлесное наказаніе въ войскахъ отмѣнено, исключая исправительныхъ ротъ, гдѣ оно оставлено по-прежнему. Нормальный срокъ службы опредѣленъ въ восемнадцать лѣтъ, изъ кото-

рыхъ пять лѣтъ дѣйствительной службы и 13 лѣтъ въ запасѣ. Для лицъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ 1, 2 и 3-го разрядовъ, установлены сокращенные сроки службы и дается отсрочка для скончанія образованія. Однако, народонаселеніе Россіи слишкомъ многочисленно, чтобы можно было содержать армію, которую оно могло бы поставить; поэтому около двухъ-третей рекрутовъ непосредственно зачисляются въ ополченіе, которое принадлежитъ къ арміи лишь въ силу возможности его созыва въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ ополченіе также зачисляются молодые люди, пользующіеся разъ на всегда опредѣленными льготами: по семейному положенію и тѣлеснымъ недостаткамъ; другіе молодые люди, опредѣляемые жребіемъ, остаются на дѣйствительной службѣ только въ теченіе времени, необходимаго для того, чтобы пополнить кадры арміи, и затѣмъ поступаютъ въ запасъ. По вступленіи въ запасъ, они обязаны служить лишь въ военное время. Молодые люди, пользующіеся привилегіей по своему воспитанію (окончившіе курсъ высшаго или 6 классовъ средняго учебнаго заведенія), могутъ, въ силу этого преимущества, освободиться отъ принудительнаго призыва къ вынутію жребія, поступая въ армію добровольно, въ качествѣ такъ называемыхъ вольноопредѣляющихся, начиная съ семнадцатилѣтняго возраста и оставаясь на службѣ въ теченіе одного года. Затѣмъ, они поступаютъ въ запасъ, если не пожелаютъ сдѣлаться офицерами въ дѣйствующей арміи или въ запасныхъ войскахъ; въ послѣднемъ случаѣ они должны пройти спеціальный курсъ ученія, чтобы получить офицерскій чинъ. Въ Европейской Россіи общее число молодыхъ людей, вынимавшихъ жребій для исполненія воинской повинности, колебалось около 700.000, а было назначаемо на службу около 200.000 (въ 1897 г. контингентъ рекрутъ 282.900). Казаки донскіе, уральскіе, кубанскіе, терскіе и сибирскіе сохранили свою спеціально военную организацію. Каждое изъ этихъ казачьихъ войскъ обязано выставлять извѣстное число полковъ, совершенно экипированныхъ и долженствующихъ всегда быть въ боевой готовности: мобилизація ихъ должна быть окончена въ десятидневный срокъ. Къ первому января 1880 года въ Европейской Россіи казаковъ, отправляющихъ военную службу, числилось около 40.000; но эта цифра могла бы быть увеличена до 100.000 чел. по первому призыву.

Численность русской арміи измѣняется въ весьма значительной степени, смотря по мирному или военному положенію ея, смотря по ходу политики и отношеніямъ державъ, по состоянію государственнаго бюджета.

Изъ числа 812.484 нижнихъ чиновъ, состоявшихъ по спискамъ къ 1-му января 1882 г., находилось: въ пѣхотѣ—612.082 чел., въ кавалеріи—70.064 чел., въ артиллеріи—107.601 чел., въ инженерныхъ войскахъ—22.737 чел. Въ томъ числѣ: дѣйствующихъ войскъ — 583.557 чел., резервныхъ—71.696 чел., мѣстныхъ—93.173 чел., запасныхъ—22.048 чел. Собственно дѣйствующія и резервныя войска по роду оружія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Пѣхота:			
934 батальона	507.714 чел.,	или	77,49%
Кавалерія:			
234 эскадрона	49.681 „	„	7,59%
Артиллерія:			
1.604 орудія 57½ парковъ	78.117 „	„	11,91%
Инженерныя войска:			
28½ батальоновъ 14 парковъ 1 рота	19.741 „	„	3,01%
	655.253 чел.,	или	100,00%

Кромѣ того, къ 1-му января 1882 г. состояло въ запасѣ—1.161.498 чел.; наконецъ, къ тому же сроку въ населеніи находилось 1.985.639 чел. ратниковъ, которые, на основаніи устава о воинской повинности, могутъ быть призваны, въ случаѣ мобилизаціи, на пополненіе частей войскъ.

Наличный составъ арміи въ мирное время, включая сюда казаковъ, войско Финляндіи и туземное войско Кавказа, но кромѣ пограничной стражи, конвойныхъ командъ, жандармовъ и морскаго войска, исчисляется (1897 г.) въ 3.600 офицеровъ и 860.000 нижнихъ чиновъ; по штатамъ военнаго времени—61.100 офицеровъ и 3.400.000 нижнихъ чиновъ.

Смертность въ русской арміи еще недавно была чрезвычайно велика; но въ послѣднее время, именно съ 1872 года, въ этомъ отношеніи, благодаря введенію въ войскахъ болѣе правильной гигіены и установленію болѣе дѣйствительнаго контроля надъ поставщиками предметовъ продовольствія, произошло весьма значительное улучшеніе, какъ показываютъ слѣдующія статистическія данныя. Смертность въ русской арміи:

Въ 1871 г.—17,60 на 1.000; въ 1872 г.—16,66; въ 1873 г.—12,49; въ 1874 г.—10,19; въ 1875 г.—10,03; въ 1876 г.—9,47.

Въ мирное время теперь умираетъ не болѣе одного русскаго солдата на сто, что, однако, еще слишкомъ высокій процентъ для отборной части молодежи; благодаря преданности сестеръ и братьевъ милосердія и улучшенію санитарной части, самая война нынѣ пожираетъ гораздо меньше жертвъ, чѣмъ бывало прежде.

Нѣкоторыя изъ русскихъ крѣпостей, какъ извѣстно, принадлежатъ къ самымъ сильнымъ твердынямъ Европы. Кронштадтъ, постепенно снабженный, такъ сказать, на глазахъ русскихъ государей, всѣми возможными средствами обороны, сдѣланъ поистинѣ неприступнымъ; точно также Свеаборгъ и Выборгская бухта едва-ли

могутъ быть атакованы непріятельскимъ флотомъ, какъ бы ни былъ онъ могущественъ, съ нѣкоторымъ шансомъ успѣха. Изъ сухопутныхъ крѣпостей Модлинъ, или Ново-Георгіевскъ, и Варшава, въ четыреугольникѣ Царства Польскаго, могутъ служить укрѣпленными лагерями для цѣлыхъ армій, и въ скоромъ времени новыя крѣпости должны, вмѣстѣ съ существующими уже крѣпостями: Брестъ-Литовскомъ, Бобруйскомъ, Двинскомъ и Кіевомъ, служить имъ опорной точкой на западной границѣ Россіи. На берегахъ Чернаго моря Севастополь, Керчь и въ особенности Николаевъ составляютъ цѣпь укрѣпленныхъ пунктовъ со стороны юга. Въ Николаевѣ находятся кораблестроительныя верфи, арсеналы и большая часть Черноморскаго военнаго флота. Кромѣ крѣпостей въ собственномъ смыслѣ, правительствомъ устроены въ разныхъ частяхъ Россіи обширные лагери для лѣтнихъ занятій войскъ. Таковъ Вознесенскъ, при Южномъ Бугѣ, гдѣ происходятъ большіе кавалерійскіе маневры; затѣмъ, Меджибожъ, недалеко отъ границъ австрійской Буковины и Румыніи, Красное Село подъ Петербургомъ и другіе.

Что касается морскихъ силъ, то Россія не имѣетъ возможности, какъ Англія, соединять свои корабли въ одномъ мѣстѣ; она принуждена содержать спеціальныя эскадры въ каждомъ изъ омывающихъ ее морей, и при томъ два главные ея флота, балтійскій и черноморскій, не могутъ выходить изъ своихъ замкнутыхъ морей иначе, какъ черезъ проливы, принадлежащіе другимъ державамъ. Тѣмъ не менѣе Россія обладаетъ первоклассным военнымъ флотомъ, по числу судовъ и по силѣ вооруженія; около двухъ третей ея кораблей, и при томъ самые могущественные, сосредоточены въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ они прикрываютъ Петербургъ и Кронштадтъ и угрожаютъ берегамъ Швеціи, Даніи и Пруссіи. Въ Черномъ морѣ въ числѣ военныхъ судовъ находятся двѣ поповки, которыя, впрочемъ, не принесли никакой пользы въ послѣднюю турецкую войну. Морскія военныя силы, численность которыхъ простирается до 38.000 человѣкъ (при 1.277 офицерахъ), пополняются, какъ и сухопутная армія, посредствомъ рекрутскихъ наборовъ; срокъ службы, продолжавшійся прежде 22 года, со введеніемъ всеобщей воинской повинности, сокращенъ до 9-ти лѣтъ, изъ которыхъ 7 лѣтъ на дѣйствительной службѣ и 2 года въ запасѣ.

Численность военныхъ судовъ въ Европейской Россіи въ 1897 г. (не считая портовыхъ, транспортныхъ, таможенныхъ и т. п. судовъ):

Балтійскій флотъ — 208 судовъ, съ 1.462 пушками (въ томъ числѣ 53 броненосныхъ судна, эскадренныхъ и береговой обороны). Черноморскій флотъ—63 судна, съ 429 пушками (въ томъ числѣ 10 броненосныхъ, изъ нихъ 2 поповки).

Эти грозныя вооруженія и содержаніе войскъ поглощаютъ, вмѣстѣ съ процентами и погашеніемъ займовъ, заключенныхъ для прежнихъ войнъ, около половины общей суммы государственныхъ доходовъ, хотя эти доходы значительно увеличились съ половины текущаго столѣтія. Первые правильные бюджеты Россіи, перечисляющіе въ подробности всѣ статьи доходовъ и расходовъ, равно какъ отчеты государственнаго контроля по исполненію росписи, публикуются только съ 1866 года. Каждый годъ министерство финансовъ составляетъ приблизительную смѣту доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ. Въ большей части этихъ государственныхъ росписей, составляемыхъ впередъ, доходы превышаютъ расходы, или по крайней мѣрѣ получается равновѣсіе между двумя частями бюджета; но въ дѣйствительности съ 1832 года до послѣдняго десятилѣтія оказывалось, что непредвидѣнные, сверхсмѣтные расходы или недоборы въ доходахъ почти всегда заставляли склоняться балансъ въ сторону дефицита, и что государственный долгъ постоянно возрасталъ. Слѣдующія цифры показываютъ увеличеніе бюджета Имперіи со времени Крымской войны:

	Поступило доходовъ. Рубли.	Произведено расходовъ. Рубли.
1855 г. (Крымская война)	264.120.000	525.969.000
1865 г.	371.267.000	396.678.000
1875 г.	576.493.000	543.221.500
1876 г.	559.262.700	624.105.000
1877 г. (восточная война)	548.830.830	1.014.373.000
1878 г.	625.973.000	1.008.654.000
1888 г.	873.560.748	836.922.477
1895 г.	1.244.362.202	1.129.439.236

Главный источникъ государственнаго дохода составляютъ косвенные налоги, и между этими неокладными сборами всего правильнѣе поступаетъ питейный доходъ. Количество чистаго спирта, выдѣлываемое на винокуренныхъ заводахъ и выпускаемое въ продажу въ продолженіи года, оставалось приблизительно одно и то же со времени финансовыхъ реформъ 1865 года, и только съ 1878 года оно значительно увеличилось; доходъ, получаемый казною отъ питейнаго акциза, увеличился съ той эпохи болѣе чѣмъ на 110 милл. руб., т. е. около 8 милліон. руб. въ годъ. Въ 1895 году казна получила по этой статьѣ доходовъ сумму свыше 298 милліоновъ руб., тогда какъ акцизъ съ табаку далъ 34.545.000 руб. Изъ другихъ косвенныхъ налоговъ таможенный сборъ въ 1895 г. принесъ казнѣ 167.711.809 руб.; гербовый сборъ—около 30.000.000 руб. Прямые налоги, менѣе важные, такъ какъ они, среднимъ числомъ, составляютъ не болѣе $^1/_{10}$ части государственныхъ доходовъ, состоятъ преимущественно изъ податей, поземельнаго и лѣснаго налоговъ и налога съ недвижимыхъ имуществъ, патентнаго сбора и

5% налога на доходы отъ капиталовъ. Доходы, извѣстные подъ именемъ «правительственныхъ регалій», а именно: горныя подати, монетный доходъ, почтовый и телеграфный, дали въ 1895 г. въ сложности около 43 милліоновъ руб., а доходъ отъ государственныхъ имуществъ и капиталовъ (оброчныхъ статей, лѣсовъ, казенныхъ заводовъ, желѣзныхъ дорогъ) составлялъ въ 1895 г. 267.506.403 руб. Теперь къ этимъ регаліямъ прибавилась еще винная монополія, т. е. казенная продажа питей.

Питейный доходъ приносилъ сумму почти вполнѣ достаточную на покрытіе расходовъ по военному вѣдомству, но только въ мирное время. Въ 1876 году, предшествовавшемъ послѣдней войнѣ, военное министерство потребовало свыше 190 милліоновъ руб., а расходы морскаго министерства въ томъ же году простирались до 27 милліоновъ слишкомъ. Въ 1895 г. на военно-сухопутныя силы израсходовано 285.229.599 руб., а на морскія—57.135.732 р.; но каждая большая война удвоиваетъ или утроиваетъ сумму нормальнаго военнаго бюджета. По росписямъ 1876—1879 гг., общая сумма чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ послѣднею турецкою войною, составляетъ 1.020.578.490 милл. руб., и проценты по сдѣланнымъ для этой войны займамъ придется уплачивать русскимъ, можетъ быть, въ продолженіи многихъ поколѣній. Годовые расходы на проценты по національнымъ займамъ, заключеннымъ главнымъ образомъ на покрытіе издержекъ по разнымъ внѣшнимъ войнамъ, потребовали отъ націи въ 1882 году сумму около 108 милліоновъ руб.,—бремя, постоянно увеличивавшееся съ того времени. По министерству Императорскаго Двора въ 1895 г. израсходовано 12.678.056 р. Совокупность доходовъ отъ удѣльныхъ имѣній, лѣсовъ, земель, рудниковъ и пр. превышаетъ пятнадцать милліоновъ рублей. Также, какъ во всѣхъ неограниченныхъ монархіяхъ, состоящія на государственной службѣ лица, кромѣ жалованья, получаютъ значительныя суммы въ видѣ пенсій, вспомоществованій, арендъ и т. п.

Государственный бюджетъ Россіи выше бюджетовъ Великобританіи, Франціи и Германіи. Что касается государственнаго долга Имперіи, то онъ меньше долговъ двухъ западно-европейскихъ державъ, Англіи и Франціи. Къ 1 января 1897 г. государственный долгъ Россіи простирался до 6.050.770.092 руб. Въ 1895 г. по государственному долгу было израсходовано 284.898.447 руб. На 1898 г. на этотъ предметъ, по росписи, назначено 272.092.732 руб. Выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ въ концѣ 1897 г. [1]) было 999 милліоновъ руб.; золотая наличность государственнаго банка и государственнаго казначейства въ то же время простиралась до 1.315 милліоновъ рублей.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ губерній и уѣздовъ:

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Остзейскій край.				
Эстляндская.				
Ревельскій ...	79 060	78.849	157.909	65.036
Везенбергскій.	58.623	60.982	119.605	5.519
Вейсенштейнскій........	26.074	27.063	53.137	2.546
Гапсальскій..	39.768	43.305	83.073	3.214
	203.525	210.199	413.724	76.315
Лифляндская.				
Рижскій......	197.778	195.416	393.194	281.884
Валкскій.	57.483	63.101	120.584	10.208
Венденскій...	60.024	65.336	125.360	6.300
Верросскій ...	46.689	52.217	98.906	4.179
Вольмарскій..	53.576	59.413	112.989	7.241
Перновскій...	47.032	50.828	97.860	12.552
Юрьевскій ...	91.918	98.829	190.747	41.627
Эзельскій.....	28.469	32.743	61.212	4.343
Феллинскій ..	47.633	52.155	99.788	7.706
	630.602	670.038	1.300.640	376.040
Курляндская.				
Доббленскій....	49.827	51.143	100.970	34.913
Бauскій.......	24.020	26.406	50.426	6.641
Виндавскій ...	22.954	25.297	48 251	8.724
Газенпотскій..	25.641	27.873	53.514	3.322
Гольдингенскій..... ...	31.408	35.319	66.727	9.729
Гробинскій ...	56.007	52.795	108.802	66.002
Иллукстскій ...	32.832	33.865	66.697	—
Тальсенскій...	28.931	32.580	61.511	—
Туккумскій ..	24.245	26.701	50.946	7.514
Фридрихштадтскій ..	31.013	33.777	64.790	11.289
	326.878	345.756	672.634	148.134
Царство Польское.				
Варшавская.				
Варшавскій ..	417.579	402.678	820.257	631.440
Блонскій	50.846	54.148	105.012	8.173
Влоцлавскій ..	47 646	49.137	96.783	25.926
Гостынскій...	40.828	40.413	81.241	12.029
Гроецкій	53.675	53.872	107.547	10.216
Кутновскій ...	40.945	41.986	82.931	11.128
Ловичскій	42.815	40.362	83.177	12.853
Нешавскій....	40.319	41.368	81.687	2.568
Новоминскій..	47.842	46.082	93.924	15.698
Плонскій	55.329	41.799	97.128	12.129
Пултусскій....	54.774	48.800	103.574	20.023
Радиминскій .	31.885	31.930	63.815	3.661
Скерневицкій.	27.392	24.871	52.263	9.872
Сохачевскій ..	32.002	32.348	64 350	6.030
	983.895	948.794	1.933.689	791.746

[1]) Всеподдан. докладъ министра финансовъ о государств. росписи на 1898 годъ.

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Калишская.				
Калишскій....	61.541	63.649	125.190	25.682
Велюнскій...	71.749	72.706	144.455	7.543
Кольскій......	47.267	48.995	96.262	12.539
Конинскій....	42.074	42.860	84.934	8.538
Ленчицкій....	50.289	50.796	101.085	20.489
Слупецкій....	41.244	42.629	83.873	3.998
Сѣрадзскій....	61.517	62.436	123.953	26.746
Турекскій....	43.060	43.907	86.967	8.074
	418.741	427.978	846.719	113.609
Кѣлецкая.				
Кѣлецкій ..	71.017	71.537	142.554	29.505
Андреевскій..	38.744	40.209	78.953	—
Влощовскій ..	36.721	38.094	74.815	—
Мѣховскій....	56.257	58.166	114.423	4.077
Олькушскій...	55.654	58.188	113.842	3.397
Пинчовскій ..	52.819	55.319	108.138	13.790
Стопницкій...	62.163	66.858	131.021	7.045
	375.375	388.371	763.746	57.814
Ломжинская.				
Ломжинскій..	65.623	53.370	118.993	26.600
Кольненскій.	36.603	37.602	74.205	5.048
Мазовецкій...	36.690	36.811	73.501	4.319
Маковскій ...	32.059	31.234	63.293	7.500
Островскій ...	52.973	46.534	99.507	11.631
Остроленскій.	48.139	40.851	88.990	8.832
Щучинскій...	34.415	32.877	67.292	5.904
	306.502	279.279	585.781	69.834
Люблинская.				
Люблинскій ..	77.991	77.901	155.892	49.358
Бѣлгорайскій	48.152	48.687	96.839	6.266
Грубешовскій	50.820	51.032	101.852	15.175
Замостскій....	61.455	58.312	119.767	16.979
Красноставскій........	51.276	49.669	100.945	9.243
Томашовскій.	48.873	49.745	98.618	6.218
Ново-Александрійскій....	77.328	65.930	143.168	—
Любартовскій	43.477	43.464	86.941	9.411
Холмскій.....	71.306	66.452	137.758	19.424
Яновскій	59.819	57.864	117.683	16.122
	590.407	569.056	1.159.463	148.196
Петроковская.				
Петроковскій.	77.615	76.950	154.565	30.984
Бендинскій ...	124.716	118.603	243.319	20.573
Брезинскій ...	49.882	50.235	100.117	28.694
Ласкій......	58.383	59.506	117.889	31.084
Лодзинскій ...	212.644	220.804	433.448	333.883
Новорадомскій	63.908	66.523	130.431	12.544
Равскій.......	34.407	35.124	69.531	6.634
Ченстоховскій	80.217	79.527	159.744	45.303
	701.772	707.272	1.409.044	509.699

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Плоцкая.				
Плоцкій......	50.965	49.433	100.398	31.368
Липновскій...	42.569	45.335	87.904	9.257
Млавскій. ...	45.568	44.881	90.449	13.755
Праснышскій.	33.961	33.265	67.226	9.261
Рыпинскій....	34.405	35.701	70.106	6.289
Серпецкій....	33.833	34.802	68.635	8.674
Цѣхановскій..	37.472	34.687	72.159	11.217
	278.773	278.104	556.877	89.821
Радомская.				
Радомскій....	75.104	72.456	147.560	30.329
Илжецкій.....	55.507	56.150	111.657	—
Козеницкій...	57.097	54.433	111.530	5.309
Конскій......	59.220	59.936	119.156	21.296
Опатовскій....	63.269	64.866	128.135	16.195
Опоченскій...	49 892	51.577	101.469	6 037
Сандомирскій.	50.650	50.206	100.856	15.152
	410.739	409.624	820.363	94.318
Сувалкская.				
Сувалкскій....	51.468	47.493	98.961	22.983
Августовскій.	42.569	39.171	81.740	13.332
Владиславовскій	33.951	35.373	69.324	6.275
Волковышскій	39.692	40.400	80.092	9.543
Кальварійскій	37.081	36.138	73.219	8.386
Маріампольскій..	57.749	57.458	115.207	8.913
Сейнскій	42.873	43.529	86.402	3.876
	305.383	299.562	604.945	73.308
Сѣдлецкая.				
Сѣдлецкій	44.906	40.126	85.032	24.408
Бѣльскій	39.761	37.235	76.996	17.265
Венгровскій...	36.267	36.559	72.826	8.800
Влодавскій....	49.083	48.504	97.587	13.647
Гарволинскій.	61.505	60.383	121.888	12.194
Константиновскій........	30.402	31.169	61.571	—
Луковскій.....	51.799	51.907	103.706	8.409
Радинскій	44.769	42.933	87.702	19.021
Соколовскій ..	33.928	34.080	68.008	7.251
	392.420	382.896	775.316	110.995

Литва, Гродненская и Витебская губ.

Губерніи и уѣзды.	Муж.	Жен.	Всего.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Ковенская.				
Ковенскій....	124.403	108.401	232.804	75.390
Вилькомирскій	113.957	116.527	230.484	13.856
Новоалександровскій....	103.378	107.311	210.689	11.604
Поневѣжскій..	107.915	115.587	223.502	12.987
Россіенскій...	110.546	118.578	229.124	7.393
Тельшевскій ..	86.761	96.261	183.022	6.160
Шавельскій...	114.382	125.437	239.819	20.488
	761.342	788.102	1.549.444	147.878

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Виленская.				
Виленскій.....	180.223	175.632	355.855	158.876
Вилейскій	103.489	105.355	208.844	6.032
Дисненскій ...	103.349	104.913	208.262	11 539
Лидскій.......	103.719	102.618	206.337	8.759
Ошмянскій....	115.369	117.505	232.874	6 549
Свѣнцянскій ..	86.205	89.695	175.900	6.264
Трокскій	101.882	101.958	203.840	3.428
	794 236	797.676	1.591.912	201.447
Гродненская.				
Гродненскій ..	107.223	99.547	206.770	47.613
Брестскій.....	115.385	104.378	219.763	46.961
Бѣлостокскій .	110 523	99.609	210.132	74.436
Бѣльскій.	82.566	82.826	165 392	18.286
Волковыскій..	75.988	73.690	149.678	10.415
Кобринскій...	94.583	90.819	185.402	10.486
Пружанскій ..	30.892	68.987	139.879	7.714
Слонимскій...	114.930	114.574	229.504	16.174
Сокольскій....	55.968	55.371	111.339	23.861
	828.058	789.801	1.617.859	255.946
Витебская.				
Витебскій.....	88.919	88.147	177.066	68.788
Велижскій....	49.901	51.606	101.507	12.629
Городокскій...	56.095	56.484	112.579	5.555
Двинскій	123.674	115.574	239.248	72.636
Дриссенскій...	48.869	49.203	98.072	4.279
Лепельскій ..	79.351	79.606	158.957	6.192
Люцинскій....	63.613	64.984	128.597	3.972
Невельскій ...	54.487	58 096	112.583	10.260
Полоцкій......	70.472	71.618	142.090	20.705
Рѣжицкій.....	67.481	70 391	137.872	10.868
Себежскій	46.156	48.189	94 345	4.285
	749.018	753.898	1.502.916	220.170

Бѣлоруссія, Малороссія и Новороссія.

Губерніи и уѣзды.	Муж.	Жен.	Всего.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Смоленская.				
Смоленскій ...	74.519	71.089	145.608	45.564
Бѣльскій......	80.136	86.806	166.941	6.936
Вяземскій	49.896	56.715	106.611	15.206
Гжатскій	44.582	57.808	102.390	6.243
Дорогобужскій	50.608	56.357	106.965	7.002
Духовщинскій	61.943	64.543	126.486	3.038
Ельнинскій...	68.256	73.969	142.225	2.332
Краснинскій..	50.271	52 931	103.202	2.752
Порѣчскій....	65.437	68.356	133.793	5 593
Рославльскій..	92.971	97.025	189.996	14.431
Сычевскій....	46.388	56.192	102.580	4.300
Юхновскій....	57.163	67.108	124.271	1.989
	742.170	808.898	1.551.068	118.386
Могилевская.				
Могилевскій ..	78.267	78.407	156.674	42.846
Быховскій....	61.999	63 586	125.585	6.411
Гомельскій....	112.754	115.485	228 239	36.332
Горецкій......	61.157	62.436	123.593	10.018
Климовенскій .	72.231	74.283	146.514	4.765
Мстиславскій .	51.301	53.052	104.353	8.297
Оршанскій....	94.142	94.805	188.947	14.278
Рогачевскій...	114.931	116.039	230.970	9.151
Сѣнненскій ...	81.241	81.205	162.446	3 994
Чаусскій......	43.897	44.876	88.773	5.515
Чериковскій ..	74.986	76.961	151.947	5.145
	846.906	861.135	1.708.041	146.752
Минская.				
Минскій	139.837	138.390	278 227	91.472
Бобруйскій ...	129.931	125.910	255.841	35.631
Борисовскій ..	121.021	119.743	240.764	18.707
Игуменскій...	117.248	118.411	235.659	4.545
Мозырскій....	89.790	90.957	180.747	10.486
Новогрудскій .	124.196	126.367	250.563	7.724
Пинскій	115.878	114.860	230.738	27.691
Рѣчицкій.....	109.961	112.576	222.537	9.379
Слуцкій.. ...	129.795	131.252	261.047	23.187
	1.077.657	1.078.466	2.156 123	228.822
Волынская.				
Житомірскій..	219.928	214.797	434.725	65.424
Влад.-Волынскій........	136.963	137.860	274.823	9.576
Дубенскій	98.966	96.265	195.231	13.605
Заславскій....	104.624	106.146	210.770	12.763
Ковельскій ...	109.153	103.984	213.137	17.640
Кременецкій..	112.901	108.498	221.399	18.002
Луцкій	128.472	123.532	252.004	15.671
Новоград.-Волынскій....	175.428	174.753	350.181	16.888
Овручскій....	102.242	103.395	205.637	6.105
Острожскій ..	85.520	84.427	169.947	14.580
Ровенскій.....	139.904	134.903	274 807	24.593
Староконстантиновскій...	98.340	96.901	195.241	16.236
	1.512.441	1.485.461	2.997.902	231.083
Черниговская.				
Черниговскій.	80.504	81.191	161.695	35.590
Борзенскій....	72.099	74.678	146.777	12.417
Глуховскій ...	70.084	72.282	142.366	14.720
Городнянскій.	76.162	78 657	154.819	4.146
Козелецкій. ..	67.144	68.878	136.022	5.037
Конотопскій .	78.254	79.005	157.259	19.272
Кролевецкій...	64.880	67.292	132.172	16.714
Мглинскій....	69.031	71.789	140.820	7.742
Новгородсѣверскій.....	72.440	74.872	147.312	9.000
Новозыбковскій........	83.040	90.085	173.125	16.452
Нѣжинскій ...	82.506	86.478	168.984	32.135
Остерскій... .	75.764	77.415	153 179	5.545
Сосницкій	84.247	86.859	171.106	7.801
Стародубскій..	71.421	76.247	147.668	17.609
Суражскій	92.529	96.067	188.596	3.930
	1.140.105	1.181.795	2.321.900	207.390

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Курская.				
Курскій	113.293	112.550	225.843	52.955
Бѣлгородскій	89.016	87.745	176.761	21.806
Грайворонскій	89.314	89.607	178.921	9.547
Дмитріевскій	62.878	65.409	128.287	7.172
Корочанскій	80.417	80.296	160.713	14.437
Льговскій	65.328	66.557	131.885	5.426
Новооскольскій	79.873	79.482	159.355	2.672
Обоянскій	91.001	92.560	183.561	12.273
Путивльскій	81.773	83.090	164.863	8.888
Рыльскій	81.713	84.595	166.308	11.326
Старооскольскій	72.993	75.051	148.044	16.539
Суджанскій	76.119	76.072	152.191	20.862
Тимскій	68.976	72.924	141.900	7.480
Фатежскій	62.121	64.966	127.087	4.924
Щигровскій	73.274	77.584	150.858	3.369
	1 188.089	1.208.488	2.396.577	199.676
Кіевская.				
Кіевскій	285.488	259.655	545.143	240.503
Бердичевскій	138.556	141.746	280.302	53.134
Васильковскій	156.925	160.773	317.698	18.083
Звенигородскій	137.587	139.582	277.169	17.201
Каневскій	132.386	138.372	270.758	8 688
Липовецкій	104.943	107.530	212.473	5 960
Радомысльскій	158.912	160.104	319.016	11.094
Сквирскій	123.643	125.630	249.273	16.505
Таращанскій	121.813	124.210	246.023	11.398
Уманскій	160.119	162.519	322.638	28.192
Черкасскій	152.175	156.245	308.420	28.895
Чигиринскій	112.075	115.137	227.212	9.986
	1.784.622	1.791.503	3.576.125	449.639
Полтавская.				
Полтавскій	113.913	113.657	227.570	51.965
Гадячскій	72.750	73.153	145.903	7.515
Зеньковскій	69.622	71.617	141.239	10.573
Золотоношскій	112.367	115.944	228.311	8.781
Кобелякскій	110.394	110.509	220 903	12.114
Константиноградскій	116.066	114.816	230 882	6.371
Кременчугскій	124.259	122.817	247.076	68.914
Лохвицкій	74.829	77.315	152.144	8.996
Лубенскій	68.160	69.267	137.427	9.872
Миргородскій	78.645	80.516	159.161	9.895
Переяславскій	91.421	94.000	185.421	14.672
Пирятинскій	81.303	83.126	164.429	8.449
Прилукскій	94.419	98.367	192.786	19.038
Роменскій	93.032	94.498	187.530	25.713
Хорольскій	86.811	87.134	173.945	8.591
	1.387.991	1.406.736	2.794 727	271.459
Екатеринославская.				
Екатеринославскій	181.933	170.200	352.133	119.716
Александровскій	137.772	133.622	271.394	16.354
Бахмутскій	176.558	153.317	329.875	19.080
Верхнеднѣпровскій	107.632	104.523	212.155	11.529
Маріупольскій	129.199	122.611	251.810	29.777
Новомосковскій	133.800	131.943	265.743	12.678
Павлоградскій	129.028	124.101	253.129	16.991
Славяносербскій	92.638	83.774	176.412	23.566
	1.088.560	1.024.091	2.112.651	249.691
Херсонская.				
Херсонскій	300.005	285 852	585.857	171.799
Александрійскій	211.589	208.416	420.005	25.431
Ананьевскій	135.271	131.122	266.393	16.546
Елисаветградскій	309.539	304.096	613.635	103.941
Одесскій	320.521	285.556	606.077	419.112
Тираспольскій	123.732	117.133	240.865	48.265
	1.400.657	1.332.175	2.732.832	785.094
Подольская.				
Каменецъ-Подольскій	133.811	133.374	267.185	34.520
Балтскій	196.148	194.371	390.519	23.365
Брацлавскій	121.384	122.062	243.446	8.054
Винницкій	127.604	121.229	248.833	29.029
Гайсинскій	123.698	124.936	248.634	9.391
Летичевскій	93.462	91.703	185.165	8.821
Литинскій	104 558	106.201	210.759	24 367
Могилевскій	113.858	114.913	228.771	32.622
Ольгопольскій	143.576	145.712	289.288	8.212
Проскуровскій	114.812	112.349	227.161	22.682
Ушицкій	111.787	112.644	224.431	12.799
Ямпольскій	132.062	135.259	267.321	6.753
	1.516.760	1.514.753	3.031.513	220.615
Бессарабская.				
Кишиневскій	145 165	134.936	280.101	108.874
Аккерманскій	134.356	131.656	266.012	28.365
Бендерскій	99.286	93.579	192.865	32.120
Бѣлецкій	109.008	101.679	210.687	18.341
Измаильскій	126.126	118.008	244.134	69.199
Оргѣевскій	108.459	104.597	213.056	12.188
Сорокскій	111.979	106.643	218.622	15.584
Хотинскій	156.878	151.081	307.959	18 181
	991.257	942.179	1.933.436	302.852

Область великихъ озеръ.

Губерніи и уѣзды.	Муж.	Жен.	Всего.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Псковская.				
Псковскій	113.513	116.009	229.522	29.582
Великолуцкій	60.356	65.966	126.322	8.223
Новоржевскій	55 774	59.793	115.567	2.719

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Опочецкій....	67.137	70.247	137.384	5 637
Островскій...	79.577	83.498	163.075	6.193
Порховской .	84.728	91.664	176.392	5.347
Торопецкій..	47.134	50.706	97.840	7.432
Холмскій.....	43 390	47.048	90.438	5.803
	551 609	584.931	1.136.54(	70.936
Новгородская.				
Новгородскій..	99.187	92.670	191.857	26.237
Боровичскій..	71.714	77.504	149.218	8.947
Бѣлозерскій...	42.548	47.083	89.631	4.857
Валдайскій....	45.737	49.948	95.685	3.353
Демянскій ...	38·851	42.754	81.605	1.668
Кирилловскій.	58.924	64.951	123.875	4.330
Крестецкій...	49.602	53.617	103.219	2.502
Старорусскій .	93.333	102.904	195.937	15.204
Тихвинскій...	49.488	53.539	103.027	6.350
Устюженскій.	47.165	51.903	99.068	4.754
Череповецкій..	76.147	83.664	159.811	6.745
	672.696	720.237	1.392.933	84.947
С.-Петербургская				
С.-Петербургскій	705.777	584.163	1.289.940	1.234.648
Гдовскій......	68.854	78.989	147.843	2.017
Лужскій.....	66.110	70.276	136.386	5.676
Новоладожскій	43.651	48.284	91.935	4.122
Петергофскій.	90.481	58.453	148.934	80.968
Царскосельскій........	78.654	72.416	151.070	41.773
Шлиссельбургскій........	27.535	27.556	55.091	5.094
Ямбургскій...	44.057	42.435	86.492	20.849
	1.125.119	982.572	2.107.691	1.395.147
Олонецкая.				
Петрозаводскій........	37.434	42.887	80.321	12.238
Вытегорскій..	26.525	29.189	55.714	4.411
Каргопольскій	38.774	42.905	81.679	2.421
Лодейнопольскій........	22.093	24.282	46.375	1.476
Олонецкій....	19.847	21.392	41.239	1.158
Повѣнецкій...	12.379	13.878	26.257	1.293
Пудожскій....	16 662	18.468	35.130	1.415
	173.714	193.001	366.715	24.412

Сѣверная покатость.

Губерніи и уѣзды.	Муж.	Жен.	Всего.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Архангельская.				
Архангельскій	29.167	30.423	59.590	20.335
Кемскій......	17.194	19.174	36.368	1.673
Кольскій......	4 562	4.578	9.110	611
Мезенскій....	12.639	12.980	25.619	2.015
Онежскій.....	17.247	21.306	38.553	2.396
Печерскій....	17.032	18.264	35.296	—
Пинежскій....	14.363	14 980	29.343	932
Холмогорскій.	16.074	19.405	35.479	1.124
Шенкурскій..	36.391	41.720	78.111	1.283
Новая земля..	45	45	90	—
	164.714	182.875	347 589	30.369
Вологодская.				
Вологодскій ..	81.453	90.542	171.995	24.753
Вельскій......	51.101	54.725	105.826	1.843
Грязовецкій...	49.515	58.516	108.031	3.108
Кадниковскій.	90.958	99.487	190.445	2.244
Никольскій...	110.808	117.382	228.190	2.361
Сольвычегодскій........	58.308	61.930	120.238	2.316
Тотемскій....	72.549	78.163	150.712	3.704
Устьсысольскій........	46.085	49.295	95.380	4.602
Велико-Устюгскій........	71.306	76.426	147.732	11.427
Яренскій.....	22.574	24.464	47.038	1.049
	654.657	710.930	1.365.587	57.407

Бассейнъ Волги.

Губерніи и уѣзды.	Муж.	Жен.	Всего.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Тверская.				
Тверской.....	79.391	89.295	168.686	52.275
Бѣжецкій.....	118.349	136.947	255.296	8.991
Весьегонскій..	72.033	85.831	157.864	5.492
Вышневолоцкій.........	85.595	97.260	182.855	16.436
Зубцовскій....	47.726	57.009	104.735	2.828
Калязинскій..	51.580	67.292	117.872	5.458
Кашинскій....	50.286	70.568	120.854	7.417
Корчевскій...	52.420	67.514	119.934	2.182
Новоторжскій.	66.937	83.232	150.169	12.188
Осташковскій.	63.707	72.372	136.079	10.348
Ржевскій.....	70.416	77.634	148.050	21.074
Старицкій....	67.815	81.616	149.431	5.073
	826.255	986.570	1.812 825	149.762
Калужская.				
Калужскій....	55.703	58.963	114.666	47.611
Боровской...	23.360	31.556	54.916	8.319
Жиздринскій.	123.859	131.598	255.457	5.783
Козельскій....	60.682	67.630	128.312	11.412
Лихвинскій...	42.030	47.152	89.182	1.745
Малоярославецкій......	16.092	29.909	42.001	2.347
Медынскій....	53.782	63.585	117.367	4 257
Мещовскій....	45.318	55.624	100.942	4.655
Мосальскій...	77.284	85.999	163.283	2.503
Перемышльскій........	27.192	34.629	61.821	4.347
Тарусскій	23.168	34.611	57.779	1.876
	548.470	637.256	1.185.726	94.853

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Московская.				
Московскій...	661.622	518.111	1.179.733	1.009.264
Богородскій...	108.703	114.658	223.361	10.937
Бронницкій...	57.070	75.006	132.076	3.747
Верейскій ...	25.247	32.469	57.716	3.708
Волоколамскій	36.451	46.338	82.789	2.800
Дмитровскій..	56.597	67.590	124.187	4.295
Звенигородскій........	39.346	47.463	86.809	4.165
Клинскій.....	53.403	65.675	119.078	4.955
Коломенскій..	50.918	61.731	112.649	20.893
Можайскій...	24.924	34.161	59.085	4.715
Подольскій...	37.241	49.177	86.418	3.610
Рузскій......	22.591	34.512	57.103	2.438
Серпуховскій.	50.460	61.892	112.352	24.077
	1.224.573	1 208.783	2.433.356	1.099.604
Тульская.				
Тульскій......	107.969	101.963	209.932	109.836
Алексинскій..	32.484	42.845	75.329	2.249
Богородицкій.	74.936	82.223	157.159	4 793
Бѣлевскій....	35.582	43.175	78.757	9.538
Веневскій.....	48.437	57.292	105.729	5.185
Епифанскій...	54 475	61.164	115.639	4.010
Ефремовскій..	82.476	89.196	171.672	8 975
Каширскій....	29.391	37.964	67.355	3.997
Крапивенскій.	49.320	55.215	104 535	6.879
Новосильскій.	68.970	75.134	144.104	2.838
Одоевскій....	42.670	51.077	93.747	4.354
Чернскій.....	51.213	57.572	108.785	3.696
	677.623	754.820	1.432.743	166.350
Орловская.				
Орловскій.....	102.935	106.320	209.255	69.132
Болховскій....	66.157	72.987	139.144	20.883
Брянскій.....	106.188	99.804	205.992	22.927
Дмитровскій..	52.071	55.221	107.292	5.291
Елецкій......	137.749	146.177	283.926	36.873
Карачевскій..	66.937	69.376	136.313	15.126
Кромскій.....	51.469	59.391	110.860	5.407
Ливенскій....	142.556	150.914	293.470	20.395
Малоархангельскій....	85.284	91.761	177.045	7.580
Мценскій.....	49.570	55.129	104.699	9.238
Сѣвскій.......	75.647	78.807	154.454	9.064
Трубчевскій..	65.421	66.778	132.299	6.702
	1.001.984	1.052.765	2.054.749	228.618
Рязанская.				
Рязанскій....	104.226	111.315	215.541	44.264
Данковскій...	50.207	55.924	106.131	8.959
Егорьевскій..	74.539	82.874	157.413	18.849
Зарайскій....	51.673	63.621	115.294	7.857
Касимовскій..	80.519	93.143	173.662	13.308
Михайловскій.	71.200	82.382	153.582	9.127
Пронскій.....	53.192	60.123	113.315	7.887
Раненбургскій	74.661	79.048	153.709	15.109
Ряжскій......	67.315	72.291	139.606	12.750
Сапожковскій.	70.031	84.820	164.851	8.696
Скопинскій...	87.785	92.047	179.832	14.714
Спасскій.....	70.106	84.497	154.603	4.602
	865.454	962.085	1.827.539	166.122
Тамбовская.				
Тамбовскій ..	210.297	215.477	425.774	47.291
Борисоглѣбскій..	153.592	155.097	308.689	21.480
Елатомскій...	66.307	76.108	142.415	4.407
Кирсановскій.	130.220	134.433	264.653	10.336
Козловскій..	166.372	172.255	338.627	39.523
Лебедянскій	70.977	75.087	146.064	12.538
Липецкій ..	81.928	84.586	166.514	20.098
Моршанскій.	135.579	140.189	275.768	26.990
Спасскій.. . .	60.247	63.829	124.076	5.895
Темниковскій.	68.311	73.382	141.693	12.357
Усманскій...	103.973	107.556	211.529	9.950
Шацкій	82.550	87.101	169.651	13.832
	1.330.353	1.385.100	2.715.453	224.697
Ярославская.				
Ярославскій .	101.040	109.336	210.376	69.973
Даниловскій .	27.127	41.806	68.833	3.999
Любимскій....	25 491	38.981	64.472	2.908
Мологскій .	51.646	67.544	119.190	4.118
Мышкинскій.	34.748	51.636	86.384	2.271
Пошехонскій..	50.956	63.413	114.369	3.639
Романово-Борисоглѣбскій	28.996	45.059	74.055	6.196
Ростовскій...	65.748	83.868	149.616	14.342
Рыбинскій...	39.096	51.651	90.747	25 031
Угличскій... .	35.385	58.951	94.336	9 964
	460.233	612.245	1.072.478	142.441
Костромская.				
Костромскій..	86.272	98.039	184.311	41.611
Буйскій	33.319	49.983	73.302	2.643
Варнавинскій.	61.290	66.844	128.134	1.403
Ветлужскій	60.890	66.073	126.963	5.175
Галичскій... .	48.524	62.301	110.825	6.184
Кинешемскій	70 868	77.417	148.285	7.203
Кологривскій	51.889	60.406	112.295	2.354
Макарьевскій	71.711	79.787	151.498	9.059
Нерехтскій...	69.333	83.811	153.144	6 372
Солигаличскій.	24.923	35.729	60.652	3.264
Чухломскій..	19.615	31.367	50.982	2.062
Юрьевецкій..	59.614	69.223	128.837	6.558
	658.248	770.980	1.429.228	93.888
Владимірская.				
Владимірскій .	78.669	85.142	163.811	27.969
Александровскій	49.270	56.441	105.711	6.521

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Вязниковскій	42.675	49.076	91.751	7.187
Гороховецкій	44.074	54.215	98.289	2.726
Ковровскій	52.316	62.125	114.441	14.205
Меленковскій	69.142	77.862	147.304	8.824
Муромскій	57.576	67.031	124.607	12 407
Переславль-Залѣскій	41.531	50.487	92.018	8.135
Покровскій	76.517	86.546	163.063	7 527
Судогодскій	48.055	53.581	101.636	3.370
Суздальскій	51.579	59.179	110 758	7.872
Шуйскій	78.740	83.269	163.009	72 127
Юрьевъ-Польскій	42.777	52.558	95.335	4.895
	733 221	837.512	1.570.733	183.783
Нижегородская.				
Нижегородскій	108 303	114.015	222.318	91.878
Ардатовскій	68.545	76.689	145.234	3.396
Арзамасскій	65.008	77.147	142.155	10.631
Балахнинскій	67.518	70 307	137.825	4.736
Васильсурскій	61.459	69.286	130.745	3.498
Горбатовскій	64.724	72.064	136.788	3.814
Княгининскій	48.742	58.688	107.430	3.737
Лукояновскій	94.059	101 649	195.708	11.668
Макарьевскій	52.301	57.558	109.859	1.576
Семеновскій	52.668	57.964	110.632	3.703
Сергачскій	75.732	85.878	161.610	1.710
	759.059	841.245	1 600.304	140.347
Пензенская.				
Пензенскій	78.753	82.212	160.965	60.902
Городищенскій	84.654	90.070	174.724	3.885
Инсарскій	88.464	92.726	181.190	8.063
Керенскій	51.342	56.121	107.463	4.115
Краснослободскій	87.615	91.964	179.579	11.407
Мокшанскій	53.493	58.099	111.592	10.087
Наровчатскій	58.057	61.311	119.368	4.559
Нижне-Ломовскій	75.165	79.848	155.013	16.087
Саранскій	70.922	75.800	146.722	13.143
Чембарскій	75.359	79.240	154.599	5.312
	738.824	767.391	1.491.215	137.560
Казанская.				
Казанскій	173.548	175.669	349.217	125.104
Козьмодемьянскій	51.465	53.418	104.883	5.177
Лаишевскій	85.924	90.264	176.188	3.751
Мамадышскій	96.985	99 775	196.760	4.010
Свіяжскій	61.681	67.880	129.561	2.221
Спасскій	86.153	89.307	175.469	2.656
Тетюшскій	92.183	95.270	187.453	4.442
Царевококшайскій	55.001	58.240	113.241	1.477
Цивильскій	82.263	83.612	165.905	2.270
Чебоксарскій	63.869	65.240	129.109	4.435
Чистопольскій	151.145	156.079	307.224	18.379
Ядринскій	77.286	78.771	156.057	2.474
	1.077.503	1.113.555	2.191.058	176.396

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Вятская.				
Вятскій	94.507	103.983	198.490	24.089
Глазовскій	181.993	191.955	373.948	3.220
Елабужскій	118.063	124.136	242 199	9.384
Котельничскій	134.407	147.561	281.968	4.055
Малмыжскій	137.128	146.918	284.046	3 303
Нолинскій	88.777	102.435	191 212	4.148
Орловскій	101.366	118.214	219.580	2.932
Сарапульскій	199.482	208.743	408.225	20.696
Слободской	104.636	113.610	218.246	9.151
Уржумскій	138.154	153.314	291.468	4.190
Яранскій	175.281	198.125	373.406	5.737
	1.473 794	1 608.994	3.082.788	90.905
Пермская (Европ. скатъ).				
Пермскій	128.173	137.031	265.204	43.363
Верхотурскій	130.013	133.942	263.955	10.827
Екатеринбургскій	202.431	216.474	418.905	54.459
Ирбитскій	74.232	78.702	152.934	6.851
Камышловскій	122.852	131.871	254.723	7.137
Красноуфимскій	127.242	133.764	261.006	6 209
Кунгурскій	66.474	72.308	138.782	13.909
Осинскій	157.436	166.831	324.267	4.795
Оханскій	127.199	141.952	269.151	1.835
Соликамскій	109.597	120.471	230.068	7.321
Чердынскій	51.067	53.860	104.927	3.581
Шадринскій	153.941	165.345	319.286	15.968
	1.450.657	1.552.551	3.003.208	176.225
Уфимская.				
Уфимскій	187.072	188.646	375.718	48.584
Белебеевскій	219.489	215.880	435.369	5.749
Бирскій	253.247	251.198	504.445	8.354
Златоустовскій	93.319	95.326	188.645	20.092
Мензелинскій	192 066	192.305	384.371	7.316
Стерлитамакскій	166 987	164.962	331.949	15.572
	1.112.180	1.108.317	2.220.497	105.667
Симбирская.				
Симбирскій	110.222	116.274	226.496	42.132
Алатырскій	76.952	85.383	162.335	10.897
Ардатовскій	92.707	99.021	191.728	5.113
Буинскій	92.008	93.200	185.208	4.448
Корсунскій	107.323	114 612	221.935	3.926
Курмышскій	78.855	85.670	164.525	3.314
Сенгилеевскій	75.343	80.787	156.130	5.561
Сызранскій	116.391	124.713	241.104	31.488
	749.801	799.660	1.549.461	106.882

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего.	
Самарская.				
Самарскій	175.393	181.970	347.363	89 453
Бугульминскій	150.232	152.982	303.214	7.276
Бугурусланскій	200.491	208.309	408 800	14.489
Бузулукскій	244.753	250.488	495.241	14.531
Николаевскій	246.135	252.260	498.395	13.414
Новоузенскій	210.715	205.741	416.456	15.586
Ставропольскій	137.469	146.513	284.009	5.688
	1.365.215	1.398.263	2.763.478	160 437
Саратовская.				
Саратовскій	164.200	166.953	331.153	134.112
Аткарскій	143.530	146.946	290.476	9.190
Балашовскій	154.321	156.903	311.224	11.600
Вольскій	90.466	96.865	187.331	26.543
Камышинскій	153.239	156.080	309.319	15.270
Кузнецкій	88.793	93.123	181.916	20.093
Петровскій	109.328	115.647	224.975	12.949
Сердобскій	109.252	115.742	224.994	12.781
Хвалынскій	96.301	101.170	197.471	15.312
Царицынскій	79.497	81.528	161.025	54.754
	1.188.927	1.230.957	2.419.884	312.604
Астраханская.				
Астраханскій	111.569	102.344	213.913	111.066
Енотаевскій	37.510	37.698	75.208	2.789
Красноярскій	34.221	32.187	66.408	4.637
Царевскій	98.614	99.588	198.202	8.947
Черноярскій	49.964	50.158	100.122	4.944
Калмыцкая степь	66.342	61.434	127.776	—
Внутр. Киргизская Орда	111.038	102.108	213.146	—
	509.258	485.517	994.775	132.383

Бассейнъ Урала.

Губерніи и уѣзды.	Муж.	Жен.	Всего.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Оренбургская.				
Оренбургскій	277.362	278.090	555.452	82.343
Верхнеуральскій	113.205	111.534	224.739	11.354
Орскій	106.587	101.974	208.561	14.017
Троицкій	101.482	102.117	203 599	23.205
Челябинскій	204.300	212.737	417.037	18.454
	802.936	806 452	1.609.388	149.373
Уральск. область (европ. стор.).				
Уральскій	151.258	140.117	291.375	40.901
Гурьевскій	44.882	42.494	87.376	9.200
Калмыковскій	89.226	80.906	170 132	2.973
Темирскій	48.993	46.125	95.118	640
	334.359	309.642	644.001	53 714

Бассейнъ Дона.

Губерніи и уѣзды.	Населеніе по переписи 28 янв. 1897 года.			Въ томъ числѣ въ городахъ.
	Муж.	Жен.	Всего	
Воронежская.				
Воронежскій	134.948	137.456	272.404	82.307
Бирюченскій	102.361	100.808	203.169	13.193
Бобровскій	143.227	144.952	288.179	3.772
Богучарскій	155.566	155.235	310.801	6.451
Валуйскій	94.894	93.069	187.963	6.844
Задонскій	60.896	64.100	124.996	8.389
Землянскій	99.800	103.889	203.689	6.156
Коротоякскій	78.085	79.762	157.847	9.152
Нижнедѣвицкій	83.338	85.244	168.582	2.358
Новохоперскій	97.026	97.513	194.539	6.146
Острогожскій	137.748	136 398	274.146	21.945
Павловскій	79.170	80.770	159.940	7.194
	1.267.059	1.279.196	2.546.255	173.907
Харьковская.				
Харьковскій	176.223	167.758	343.981	175.173
Ахтырскій	81.237	79.754	160.991	23.511
Богодуховскій	80.650	79.980	160.630	18.694
Валковскій	72.962	72.660	145.622	8.891
Волчанскій	84.855	82.901	167.756	11.221
Изюмскій	144.966	142.143	287.109	28.543
Зміевскій	118.919	114.863	233.782	16.543
Купянскій	119.544	118.639	238.183	7.807
Лебединскій	89.052	89.607	178.659	21.383
Старобѣльскій	182.365	180.619	362.984	13.222
Сумскій	116.146	113.968	230.114	42.615
	1.266.919	1.242.892	2.509.811	367.602
Область Войска Донскаго.				
Черкасск. окр.	122.368	116.818	23.9186	67.220
Донецкій окр.	230.339	230 658	46.0997	—
Первый Донской окр.	134.490	138.194	272 684	—
Второй Донской окр.	118.674	121.029	239.703	—
Ростовск. окр.	189.055	179.917	368.972	147.219
Таганрог. окр.	217.179	200.147	417.326	51.557
Усть-Мѣдвѣд. округъ	122.452	125.368	247.820	—
Хоперскій. окр.	125.503	127.552	253.055	—
Сальскій окр.	40.282	35.793	76.075	—
	1.300.342	1.275.476	2.575.818	265.896

Крымъ и континентальная Таврида.

Губерніи и уѣзды.	Муж.	Жен.	Всего	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Таврическая.				
Симферопольскій	116.903	84.767	201.670	130.760
Бердянскій	155.728	150.208	305.936	34.068
Днѣпровскій	108.147	104.504	212.651	9.076
Евпаторійскій	33 360	29.081	62.441	17.621
Мелитопольскій	195.971	190.115	386.086	14.803
Перекопскій	24.323	22.112	46.435	5.132
Ялтинскій	38.923	31.305	70.228	12.055
Ѳеодосійскій	87.037	71.082	158.119	60.092
	760.392	683.174	1.443.566	283.607

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ пятый.

Сѣверо-Атлантическій океанъ, Бельгія, Нидерланды, Люксембургъ.

А.

Б.

В.

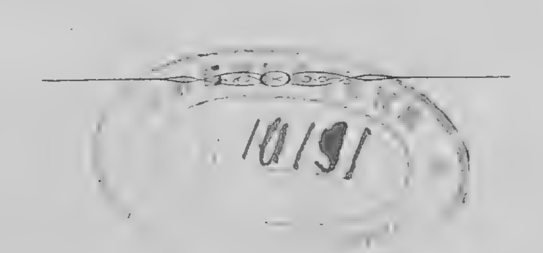
Г.

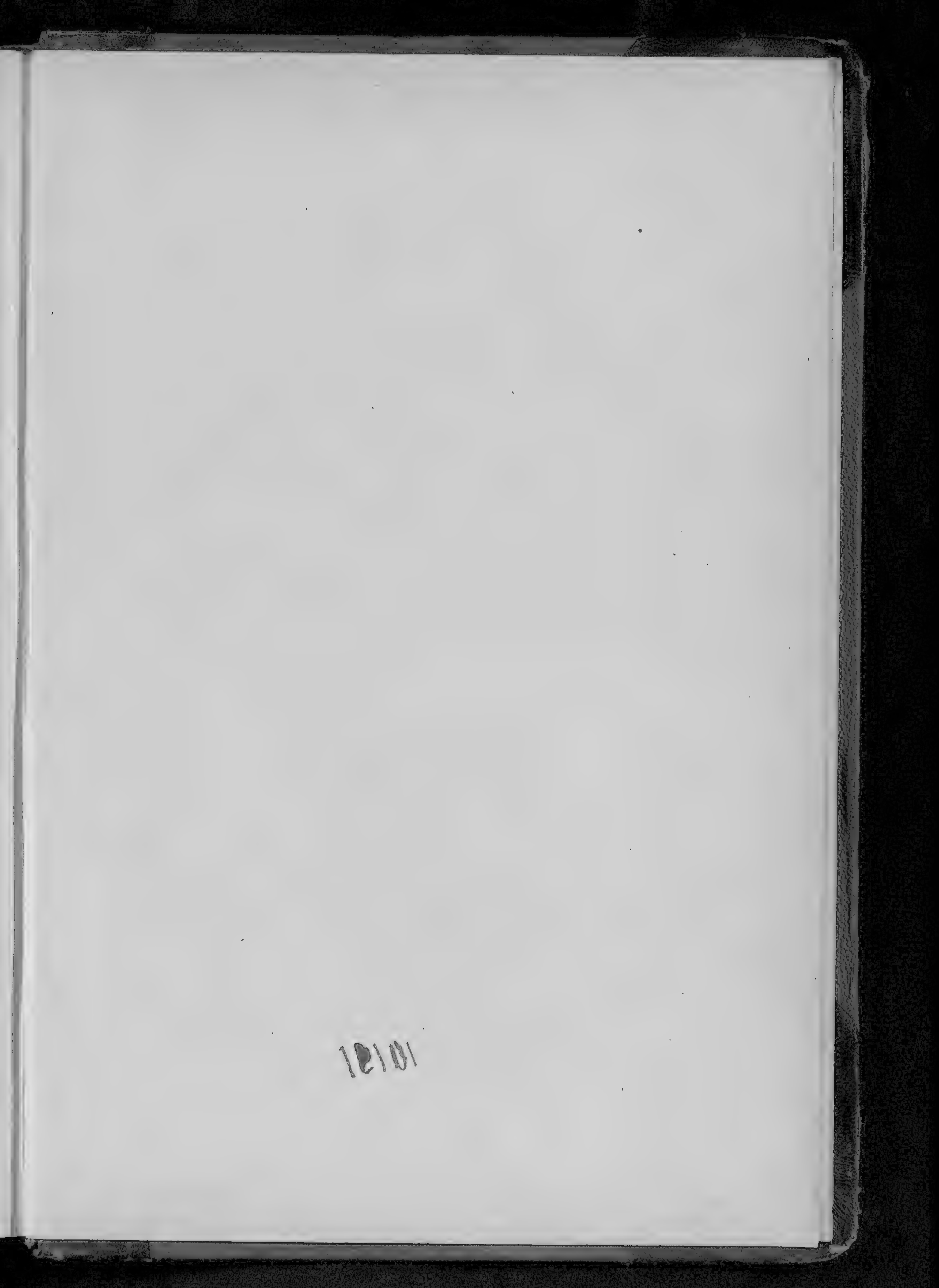
Данія, Швеція, Норвегія, острова Ледовитаго океана.

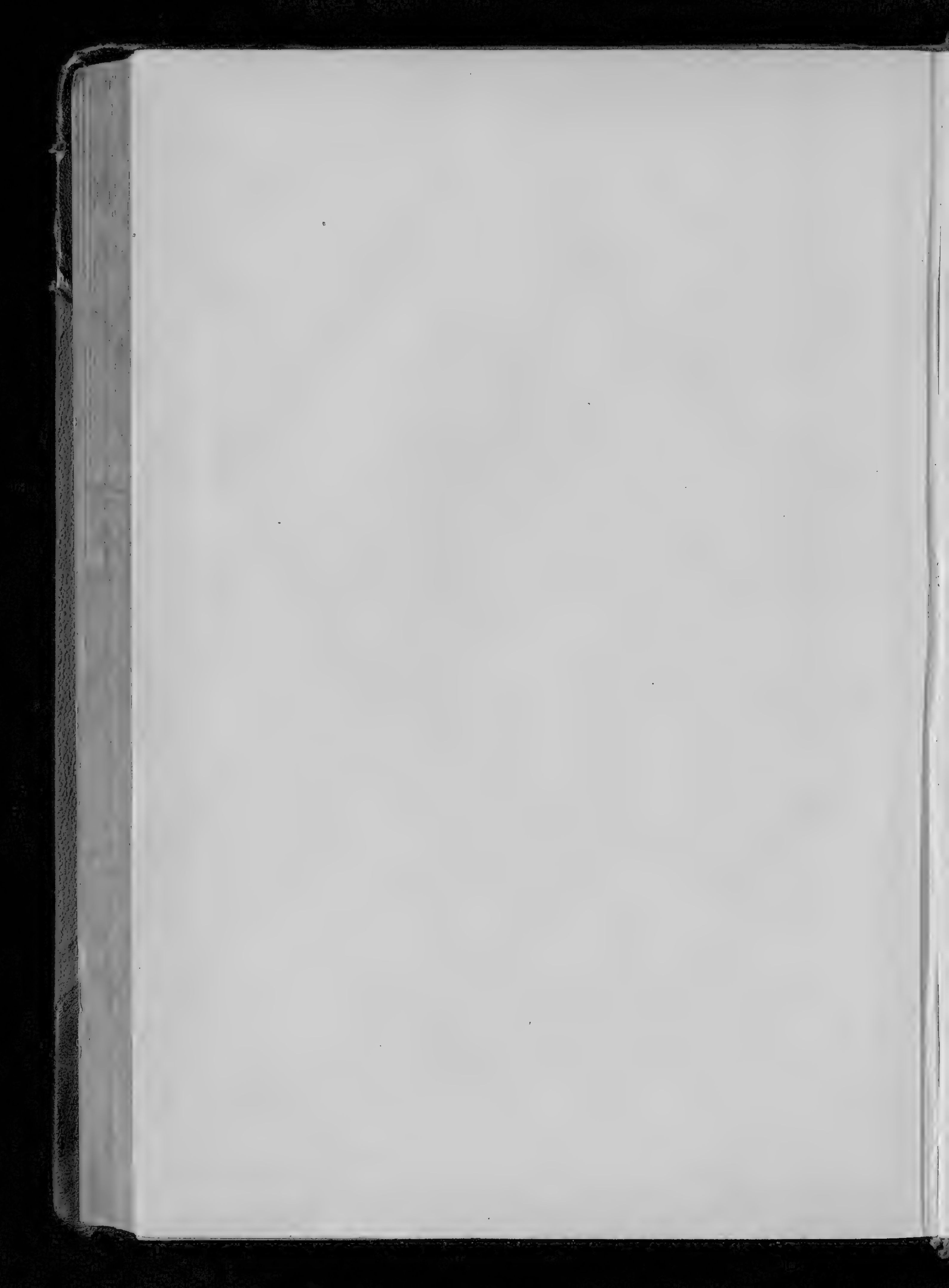
Европейская Россія.

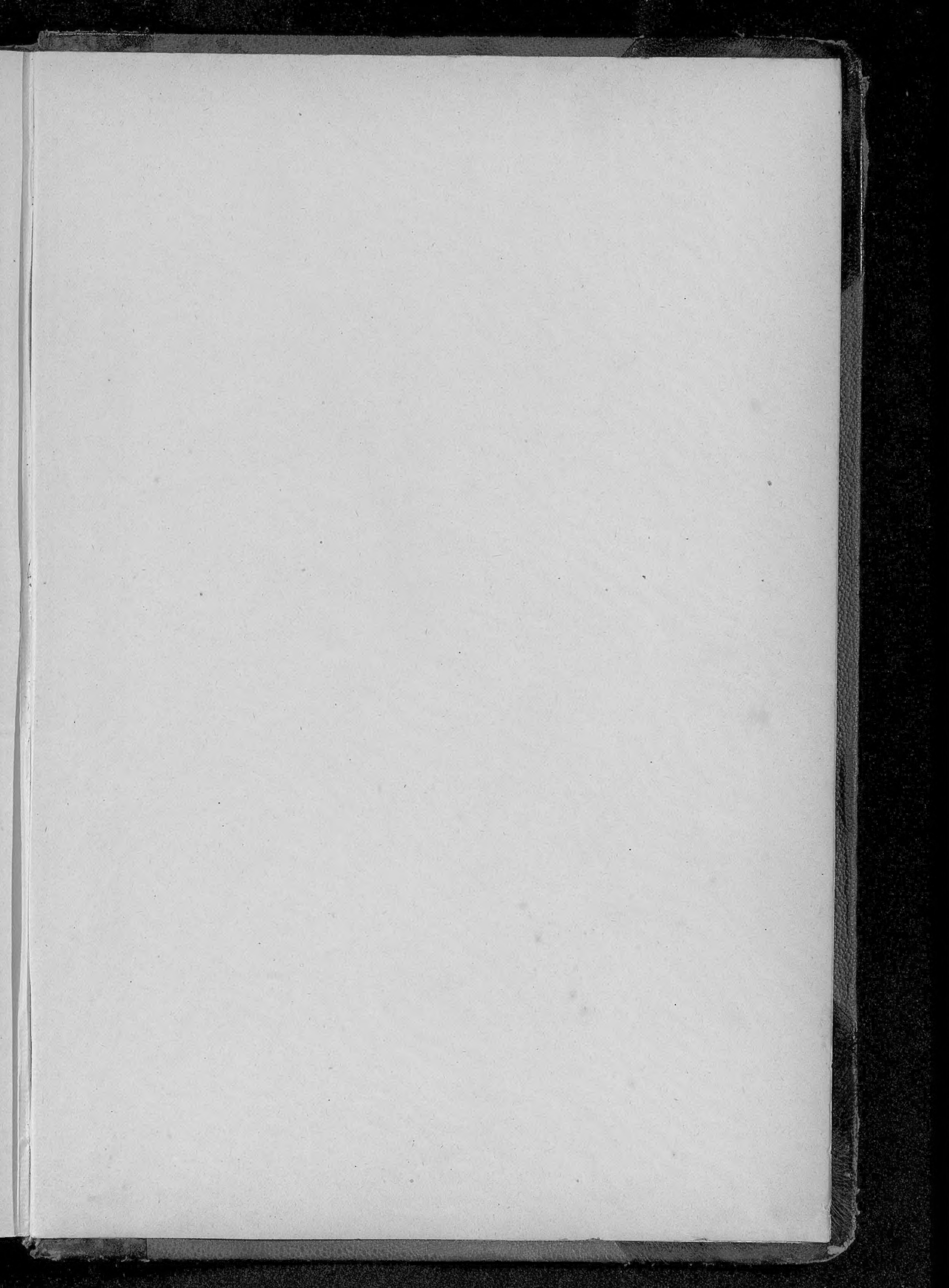
Т.

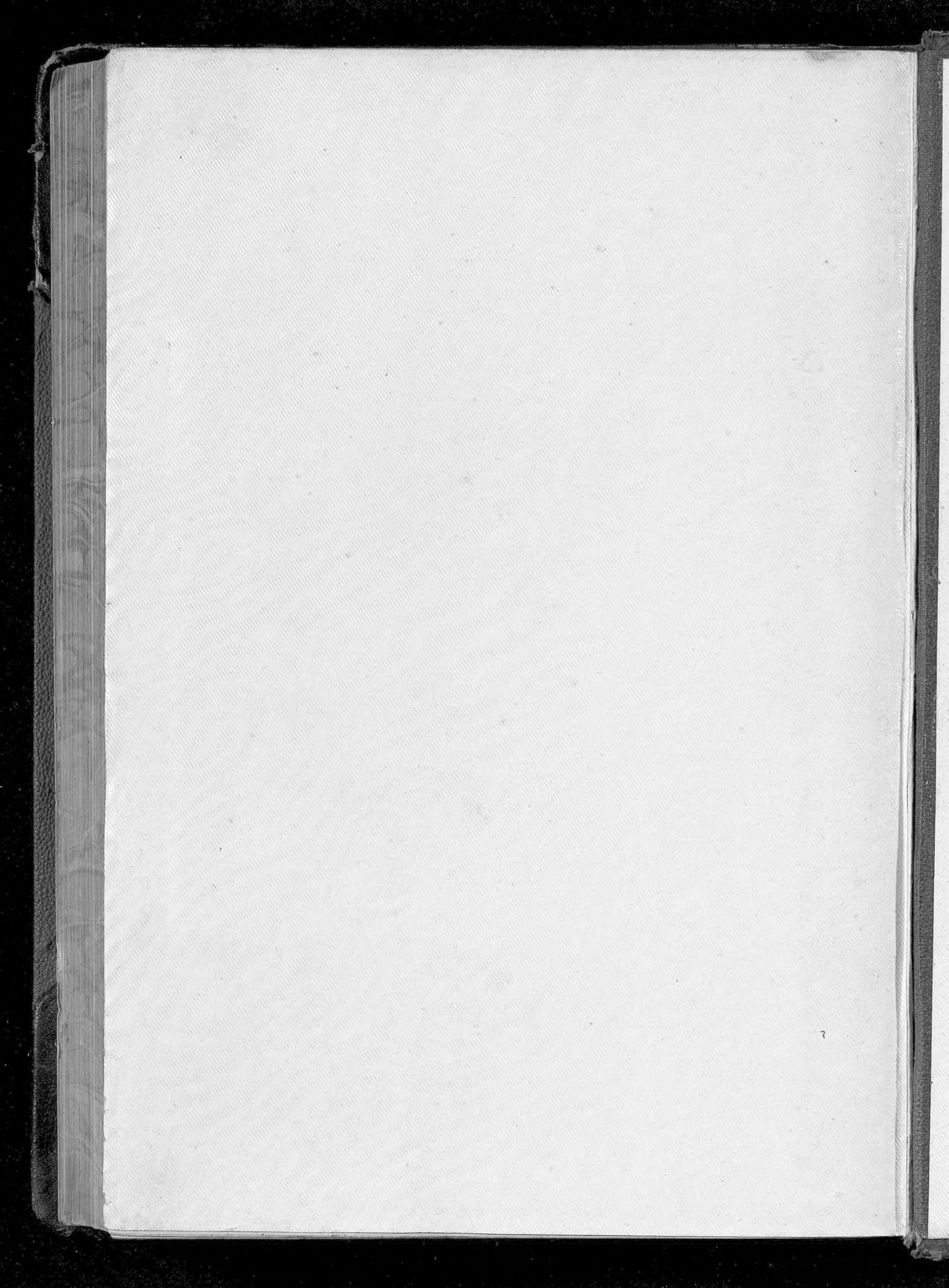
У.

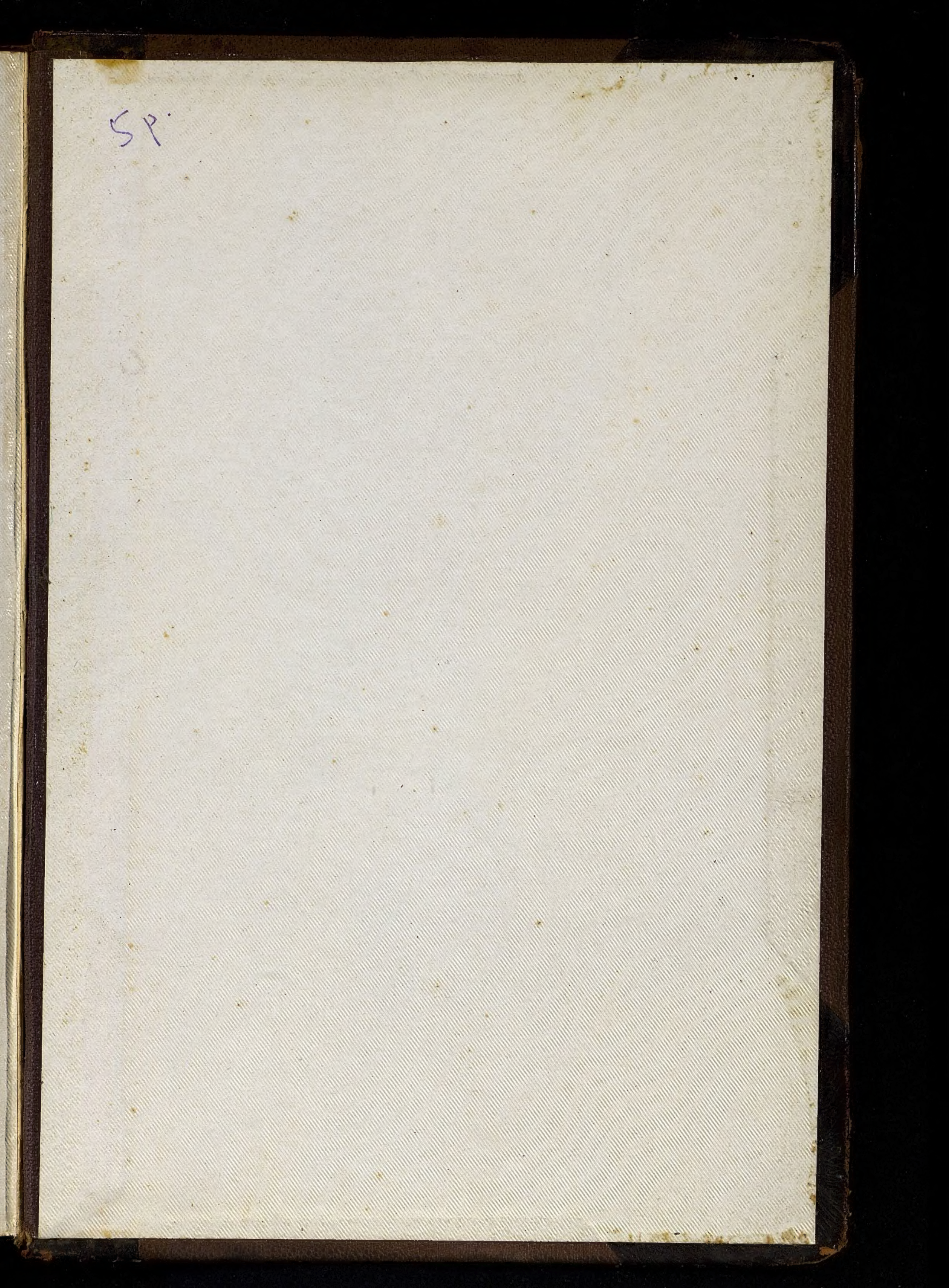

10191










5p.